ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СО РАН

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories

Volume XXVIII
2022

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXVIII
2022

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2022

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году
Выходит один раз в год

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *М.С. Нестерова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *Н.А. Берсенева*, д-р ист. наук *С.А. Васильев*, канд. ист. наук *А.Г. Марочкин*,
д-р ист. наук *П.Ю. Павлов*, канд. ист. наук *В.И. Ташак*, канд. ист. наук *С.Г. Скобелев*,
д-р ист. наук *Н.М. Чаиркина*, д-р ист. наук *М.П. Черная*

П781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – 1068 с.

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories / Min. of Science and Higher Education of the Russ. Federation, Inst. of Archaeology and Ethnography, Siber. Branch, Russ. Acad. of Sciences. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. – Vol. XXVIII. – 1068 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2022
© Авторы статей, 2022

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0007-0012
УДК 569+903.32

А.К. Агаджанян[1]✉, М.В. Шуньков[2], М.Б. Козликин[2]✉

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aagadj@paleo.ru; kmb777@yandex.ru

Динамика сообществ мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры

В статье представлены результаты исследования коллекции костных остатков мелких позвоночных из южной галереи Денисовой пещеры на Алтае. Фаунистические материалы были собраны в ходе изучения плейстоценовых отложений в центральной части галереи в 2019 и 2020 гг. Всего проанализировано более 30 000 костных остатков из литологических слоев 19.1–11. Структура сообществ установлена по 21 489 костям мелких позвоночных. Диагностика видов и родов выполнена по 19 638 образцам. Идентифицировано более 40 видов мелких млекопитающих, а также кости птиц, рыб, амфибий и рептилий. По предварительным результатам абсолютного датирования, данным литологии, биостратиграфии и археологии формирование отложений слоев 19.1–11 проходило в интервале от эпохи МИС 9 до первой половины МИС 3. Состав мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи свидетельствует о том, что на протяжении осадконакопления слоев 19.1–11 в долине Ануя сохранялась высокая мозаичность ландшафтов. Светлохвойные и темнохвойные леса чередовались с луговой, степной и пустынной растительностью. Постоянно сохранялись скальные биотопы. Установлено присутствие ряда новых для пещеры таксонов. Впервые обнаружены остатки курганчиковой мыши Mus musculus и слепушонки Ellobius tancrei. Показано, что некоторые виды имеют архаичные морфологические признаки, соответствующие таксонам второй половины среднего плейстоцена. Найдено большое количество скорлупы птичьих яиц. Дальнейшее изучение этих материалов позволит уточнить видовую принадлежность некоторых таксонов, биостратиграфическую позицию вмещающих отложений и природные условия их формирования.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, мелкие позвоночные, тафоценоз, таксономический состав.*

A.K. Agadjanian[1]✉, M.V. Shunkov[2], M.B. Kozlikin[2]✉

[1]A.A. Borissiak Paleontological Institute of the RAS
Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: aagadj@paleo.ru; kmb777@yandex.ru

Dynamics of Small Vertebrate Communities from the Pleistocene Deposits of the Denisova Cave South Chamber

The article provides the results of a study of the small vertebrates bone remains collection from the South Chamber of Denisova Cave in Altai Mountains. Faunal materials were collected in 2019 and 2020 during the study of the Pleistocene deposits in the central part of the chamber. In total, more than 30,000 bone remains from lithological layers 19.1–11 were analyzed. The structure of communities was established from 21,489 bones of small vertebrates. Diagnosis of species and genera was made on 19,638 samples. More than 40 species of small mammals were identified, as well as bones of birds, fish, amphibians, and reptiles. Based on the preliminary absolute dating results, lithology, biostratigraphy, and archeology, the layers 19.1–11 deposits were formed in MIS 9 to the first half of MIS 3. The composition of small vertebrates from the Pleistocene deposits of the South Chamber indicates that during the sedimentation of layers 19.1–11 in the Anui River Valley a high mosaic of landscapes was preserved. Light coniferous and dark coniferous forests alternated with meadow, steppe, and desert vegetation. Rock biotopes were constantly preserved. The presence of a number of taxa new to the cave were

established. For the first time, the remains of Mus musculus and Ellobius tancrei were found. Some species were shown to have archaic morphological features corresponding to the taxa of the second half of the Middle Pleistocene. A large number of bird egg shells were found. Further study of these materials will allow to clarify the species affiliation of some taxa, the biostratigraphic position of the host deposits, and the natural conditions of their formation.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, small vertebrates, taphocoenosis, taxonomic composition.*

Исследования плейстоценовых отложений в центральной части южной галереи Денисовой пещеры в 2019 и 2020 гг. позволили собрать представительную коллекцию костных остатков мелких позвоночных. Фаунистические материалы из верхней и средней части разреза частично уже введены в научный оборот [Агаджанян, Шуньков, Козликин, 2021]. В ходе дальнейшего изучения коллекции определены дополнительные образцы по всему разрезу плейстоценовой толщи – всего более 30 000 экз. из слоев 19.1–11. Структура сообществ установлена по 21 489 костям мелких позвоночных. Диагностика видов и родов выполнена по 19 638 образцам (см. *таблицу*).

Слой 19.1. Из отложений слоя получено 2 157 определимых костных остатков. Среди них 22,7 % принадлежат летучим мышам. На долю землероек приходится 0,6 %, крота *Asioscalops* – 1,9 % тафоценоза. Древесные беличьи представлены бурундуком – 0,2 % и летягой – 0,05 %. Наземные беличьи – суслики *Spermophilus* составляют 0,7 %, сурок *Marmota* – 0,2 %. Интересна первая находка курганчиковой мыши *Mus musculus*. Она существенно расширяет представления об истории расселения этой средиземноморской группы. В средней части слоя найден хомяк обыкновенный – 0,1 % и хомяк Эверсманна – 0,4 %. Доля рыжих полевок *Clethrionomys* составляет 5,7 %. Значительно выше численность скальных полевок *Alticola* – 14,8 %. Степные пеструшки *Lagurus* найдены в небольшом количестве – 0,2 %. Ее моляр M_1 имеет архаичный облик, близкий среднеплейстоценовой *L. transiens*. Найдены лемминги трибы *Lemmini* – 0,3 %. Доля представителей рода *Microtus* равна 14,9 %. Среди них большинство принадлежит узкочерепной полевке *Stenocranius gregalis* – 2,2 %, а северо-сибирской полевке – 0,7 %. Представлена также полевка-экономка – 0,6 %. Найден моляр архаичной водяной полевки *Arvicola sapidus*. На всех уровнях слоя присутствуют остатки цокора – 1,1 %. Доля пищух равна 9,6 %. Среди них определен вид *Ochotona hyperborea*. К хищникам относятся мелкие куньи родов *Mustela* – 0,2 % и *Martes* – 0,1 %. Найдены молочные зубы крупных хищников – 1,6 %. Обнаружен зуб барсука *Meles*. На всех уровнях слоя обнаружены кости птиц и их скорлупа – 4,6 %, а также кости лягушек – 1,4 % и рыб – 15,1 %.

Слой 18. Коллекция определимых костей из этого слоя включает 1 259 экз. Доля остатков летучих мышей снижается до 20,2 %. Уменьшается и доля землероек до 0,4 %. Численность крота возрастает до 2,1 %. Остатки древесных беличьих не отмечены. Снижается доля сусликов до 0,6 %. Зарегистрированы барабинский хомячок – 0,1 % и хомяк Эверсманна – 0,3 %. Впервые в отложениях южной галереи пещеры появляются кости слепушонки *Ellobius* – 0,1 %. Доля полевок *Clethrionomys* – 4 %. Численность скальных полевок *Alticola* падает до 9,5 %, а степных пеструшек равна 0,7 %. Доля серых полевок составляет 17,9 %, узкочерепной полевки – 2,9 %, полевки-экономки – 0,6 %, *M. hyperboreus* – 1,4 %. По всему слою встречен цокор – 2,1 %. На долю пищух приходится 1,8 %, зайца – 0,2 %. Отряд Carnivora представлен отдельными зубами куньих рода *Mustela* – 0,3 %. Возрастает численность птиц – 10,5 %, лягушек – 5 % и рыб – 18,9 %.

Слой 17. Коллекция диагностируемых образцов из слоя состоит из 12 051 экз. Для оценки количественного соотношения таксонов использовано 11 495 экз. Численность летучих мышей снижается до 6,3 %, землероек до 0,4 %. Найдены кости белозубки *Crocidura,* отмечена кутора *Neomys.* Остатки крота в составе тафоценоза составляют 1,7 %. Древесные беличьи редки, их доля менее 0,1 %. Число наземных беличьих достигает 0,5 %, реже встречается сурок – 0,13 %. Обнаружен зуб тушканчика рода *Allactaga*. Присутствует лесная мышь *Apodemus* (*Alsomys*) – 0,1 %. Хомяки представлены тремя видами: *Crisetulus barabensis* – 0,2 %, *C. crisetus* – 0,04 % и *Allocricetulus eversmanni* – 0,4 %. В верхней части слоя обнаружена слепушонка – 0,03 %. Численность *Clethrionomys* возрастает до 3,8 %. Доля *Alticola* снижается до 7,5 %, а степных пеструшек до 0,6 %. Необходимо отметить, что M_1 *Lagurus* имеют черты среднеплейстоценовой *L. transiens*. Численность полевок *Microtus* составляет 13,6 %. Доля *Stenocranius gregalis* практически не меняется – 2,5 %, полевки-экономки снижается до 0,4 %, а *Microtus hyperboreus* – до 0,9 %. Водяная полевка *Arvicola* по размерам и структуре эмали близка *A. sapidus*. Численность цокора увеличивается до 2,7 %. Участие пищухи в составе тафоценоза равно 0,8 %. На долю Carnivora приходится 0,7 %, в том числе представителей рода *Mustela* – 0,1 %, куницы – 0,1 %, молочных зубов медведей – 0,5 %. Численность птиц составляет 7,6 %, лягушек – 7,0 %, рыб – 43,7 %.

Таксономический состав костных остатков мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры

Таксоны	Слой 19.1		Слой 18		Слой 17		Слой 16.2		Слой 16.1		Слой 15		Слой 14		Слой 13		Слой 12		Слой 11	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Chiroptera	490	22,7	254	20,2	726	6,3	411	13,6	159	12,6	107	7,6	115	5,6	58	3,7	48	1,6	87	2,7
Crocidura sp.	–	–	–	–	1	0,1	1	0,1	1	0,1	–	–	1	0,1	2	0,1	2	0,1	–	–
Sorex roboratus	–	–	–	–	2	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sorex minutus	–	–	–	–	5	0,1	2	0,1	1	0,1	–	–	2	0,1	–	–	–	–	2	0,1
Sorex araneus	–	–	–	–	2	0,1	10	0,3	1	0,1	3	0,2	10	0,5	–	–	–	–	5	0,2
Sorex sp.	14	0,6	5	0,4	32	0,3	18	0,6	22	1,7	16	1,1	21	1,0	20	1,3	10	0,3	12	0,4
Neomys sp.	–	–	–	–	3	0,1	–	–	1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Asioscalops	42	1,9	26	2,1	195	1,7	44	1,5	27	2,1	70	5,0	48	2,4	44	2,8	92	3,1	71	2,2
Eutamias	4	0,2	–	–	4	0,1	1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sciurus	–	–	–	–	–	–	1	0,1	–	–	2	0,1	2	0,1	–	–	–	–	2	0,1
Pteromys	1	0,1	–	–	1	0,1	–	–	2	0,2	1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–
Spermophilus undulatus	–	–	2	0,2	4	0,1	–	–	–	–	4	0,3	–	–	13	0,8	–	–	13	0,4
Spermophilus sp.	16	0,7	5	0,4	49	0,4	11	0,4	9	0,7	10	0,7	9	0,4	21	1,3	61	2,1	23	0,7
Marmota sp.	5	0,2	–	–	11	0,1	2	0,1	–	–	6	0,4	1	0,1	–	–	5	0,2	3	0,1
Sicista	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Allactaga	–	–	–	–	1	0,1	1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Apodemus (Alsomys)	–	–	–	–	7	0,1	1	0,1	1	0,1	–	–	1	0,1	1	0,1	–	–	–	–
Mus musculus	1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Cricetus crisetus	2	0,1	–	–	5	0,1	1	0,1	–	–	–	–	1	0,1	–	–	–	–	–	–
Crisetulus barabensis	–	–	1	0,1	22	0,2	5	0,2	2	0,2	2	0,1	9	0,4	13	0,8	14	0,5	8	0,3
Allocricetulus eversmanni	8	0,4	4	0,3	48	0,4	11	0,4	–	–	2	0,1	5	0,2	9	0,6	13	0,4	31	1,0
Ellobius	–	–	1	0,1	4	0,1	3	0,1	2	0,2	2	0,1	9	0,4	18	1,2	8	0,3	–	–
Clethrionomys rutilus	58	2,7	10	0,8	117	1,0	14	0,5	21	1,7	24	1,7	29	1,4	27	1,7	9	0,3	6	0,2
Clethrionomys rufocanus	24	1,1	–	–	10	0,1	7	0,2	34	2,7	31	2,2	65	3,2	37	2,4	17	0,6	6	0,2
Clethrionomys sp.	40	1,9	40	3,2	313	2,7	67	2,2	30	2,4	39	2,8	15	0,7	26	1,7	32	1,1	19	0,6
Alticola strelzovi	88	4,1	34	2,7	276	2,4	103	3,4	76	6,0	60	4,2	54	2,6	66	4,2	162	5,5	170	5,3
Alticola sp.	232	10,8	85	6,8	582	5,1	211	7,0	136	10,8	104	7,4	106	5,2	97	6,2	279	9,5	352	11,1
Lagurus lagurus	–	–	3	0,2	13	0,1	28	0,9	3	0,2	3	0,2	2	0,1	2	0,1	17	0,6	118	3,7

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Lagurus transiens	1	0,1	–	–	17	0,1	4	0,1	5	0,4	6	0,4	–	–	1	0,1	2	0,1	3	0,1
Lagurus sp.	4	0,2	6	0,5	38	0,3	60	2,0	7	0,6	7	0,5	2	0,1	7	0,4	20	0,7	144	4,5
Lemmus sp.	7	0,3	–	–	–	–	1	0,1	1	0,1	7	0,5	4	0,2	1	0,1	–	–	–	–
Stenocranius gregalis	47	2,2	37	2,9	282	2,5	87	2,9	71	5,6	70	5,0	107	5,2	98	6,3	102	3,5	112	3,5
Microtus oeconomus	12	0,6	7	0,6	42	0,4	12	0,4	21	1,7	27	1,9	28	1,4	30	1,9	11	0,4	16	0,5
Microtus hyperboreus	16	0,7	17	1,4	101	0,9	31	1,0	37	2,9	36	2,5	89	4,4	75	4,8	74	2,5	98	3,1
Microtus agrestis	2	0,1	–	–	–	–	2	0,1	5	0,4	13	0,9	12	0,6	4	0,3	–	–	–	–
Microtus arvalis	4	0,2	–	–	3	0,1	2	0,1	4	0,3	6	0,4	5	0,2	9	0,6	4	0,1	12	0,4
Microtus sp.	240	11,1	135	10,7	918	8,0	319	10,5	163	12,9	168	11,9	324	15,9	194	12,4	258	8,8	515	16,2
Microtinae gen.	71	3,3	91	7,2	469	4,1	246	8,1	102	8,1	115	8,1	357	17,5	214	13,7	205	7,0	287	9,0
Arvicola cf. *sapidus*	1	0,1	–	–	7	0,1	4	0,1	4	0,3	1	0,1	2	0,1	1	0,1	3	0,1	5	0,2
Myospalax myospalax	24	1,1	27	2,1	309	2,7	62	2,1	24	1,9	62	4,4	113	5,5	81	5,2	127	4,3	100	3,1
Ochotona hyperborea	19	0,9	–	–	8	0,1	–	–	–	–	2	0,1	2	0,1	–	–	2	0,1	4	0,1
Ochotona pusilla	–	–	–	–	5	0,1	1	0,1	–	–	–	–	–	–	1	0,1	–	–	–	–
Ochotona sp.	189	8,8	23	1,8	62	0,5	36	1,2	5	0,4	26	1,8	35	1,7	29	1,9	38	1,3	35	1,1
Lepus	1	0,1	3	0,2	6	0,1	2	0,1	1	0,1	4	0,3	1	0,0	2	0,1	13	0,4	5	0,2
Mustela	5	0,2	4	0,3	11	0,1	3	0,1	4	0,3	3	0,2	7	0,3	5	0,3	1	0,1	9	0,3
Martes	2	0,1	–	–	7	0,1	–	–	–	–	–	–	2	0,1	–	–	1	0,1	8	0,3
Carnivora	34	1,6	6	0,5	47	0,4	14	0,5	13	1,0	12	0,8	4	0,2	10	0,6	11	0,4	11	0,3
Aves	99	4,6	132	10,5	878	7,6	265	8,8	160	12,6	230	16,3	312	15,3	231	14,8	419	14,3	606	19,0
Reptilia	–	–	–	–	15	0,1	–	–	–	–	2	0,1	–	–	1	0,1	1	0,1	15	0,5
Amphibia	29	1,3	63	5,0	810	7,0	245	8,1	39	3,1	72	5,1	28	1,4	21	1,3	10	0,3	6	0,2
Pisces	325	15,1	238	18,9	5027	43,7	675	22,3	70	5,5	59	4,2	103	5,0	95	6,1	851	29,1	266	8,4
Всего	2157	100	1259	100	11495	100	3024	100	1265	100	1414	100	2042	100	1564	100	2922	100	3185	100

Слой 16.2. Из отложений слоя определено 3 324 кости мелких позвоночных. Для оценки таксономического разнообразия использовано 3 024 образца. Доля летучих мышей в тафоценозе возрастает до 13,6 %. Численность землероек увеличивается до 1 %, а крота составляет 1,5 %. Древесные беличьи представлены единичными зубами бурундука и белки – 0,1 %. Численность сусликов составляет 0,4 %, а сурка – 0,1 %. Найден зуб тушканчика *Allactaga*, присутствуют слепушонка *Ellobius* и лесная мышь. На долю хомяков приходится 0,6 %. Среди них *Cricetus crisetus* составляет 0,04 %, *C. barabensis* – 0,2 % и *A. eversmanni* – 0,4 %. Доля *Clethrionomys* снижается до 2,9 %, в том числе *C. rutilus* составляет 0,5 %, а *C. rufocanus* – 0,2 %. Численность *Alticola* равна 10,4 %, а *Lagurus* – 3 %. Найден моляр *Lemmus*. Доля *Microtus* возрастает до 15 %. В их составе преобладает *Stenocranius gregalis* – 2,9 %, численность *Microtus oeconomus* – 0,4 %, *M. hyperboreus* – 1 %. Среди M_1 полевок отмечен морфотип *M. arvalis*. Найдена *Arvicola* – 0,1 %. Численность цокора снижается до 2,1 %. Участие пищухи в тафоценозе равно 1,2 %. Найдены фрагменты моляров зайца – 0,1 %. Доля представителей рода *Mustela* – 0,1 %, молочных зубов медведей – 0,5 %. Численность птиц составляет 8,8 %, лягушек – 8,1 %, рыб – 22,3 %.

Слой 16.1. Коллекция остатков мелкой фауны включает 1 452 экз. Оценка таксономического разнообразия выполнена по 1 265 образцам. Доля костей летучих мышей снижается до 12,6 % тафоценоза, а землероек увеличивается до 2 %. Найден моляр белозубки *Crocidura*. Численность крота *Asioscalops* составляет 2,1 %. На долю древесных беличьих приходится 0,2 %. Они представлены молярами *Pteromys*, что предполагает наличие участков светлохвойной тайги. Число сусликов составляет 0,7 %. Найден моляр мышовки рода *Sicista,* присутствие которой свидетельствует о развитии высокотравных и кустарниковых биотопов. Отмечены *Apodemus* (*Alsomys*) – 0,1 %, *Crisetulus barabensis* – 0,2 % и *Ellobius* – 0,2 %. Численность полевок *Clethrionomys* увеличивается до 6,7 %. Среди них моляры *C. rutilus* составляют 1,7 %, а *C. rufocanus* – 2,7 %. Подобное соотношение лесных полевок характерно для преобладания биотопов темнохвойной тайги. Доля *Alticola* возрастает до 16,8 %, а *Lagurus* сокращается до 1,2 %. Найден моляр лемминга рода *Lemmus*. Общая численность серых полевок *Microtus* увеличивается до 23,8 %. В их составе преобладает *Stenocranius gregalis* – 5,6 %, доля *M. oeconomus* составляет 1,7 %, *M. hyperboreus* – 2,9 %, *M. agrestis* – 0,4 %. Найдены моляры *Arvicola*, соответствующие *A. sapidus*. Численность цокора снижается до 1,9 %, пищух – до 0,4 %. На остатки хищников приходится 1,3 %; они представлены родом *Mustela* – 0,3 % и молочными зубами медведей –1 %. Доля остатков птиц в тафоценозе составляет 12,6 %, лягушек – 3,1 %, рыб – 5,5 %.

Слой 15. В пределах слоя обнаружено 1 414 определимых зубов и костей. На долю Chiroptera приходится 7,6 % состава тафоценоза. Численность землероек снижается до 1,3 %, а крота увеличивается до 4,9 %. Древесные беличьи представлены белкой и летягой – 0,2 %. Доля сусликов возрастает до 1 %. Один моляр M_3 принадлежит *Citellus erythrogenys palaeosibiricus*, отмечены также *Crisetulus barabensis* – 0,1 %, хомяк Эверсманна – 0,1 % и *Ellobius* – 0,1 %, зуб которой по морфологии близок *E. tancrei*. Численность *Clethrionomys* остается на уровне 6,7 %. Среди них *C. rutilus* составляют 1,7 %, а *C. rufocanus* – 2,1 %. Доля скальных полевок *Alticola* снижается до 11,6 %, а *Lagurus* – до 1,1 %. Моляры *Lemmus* составляют 0,5 % тафоценоза. Среди серых полевок (22,6 %) преобладает *Stenocranius gregalis* – 5,0 %. Численность полевки-экономки увеличивается до 1,9 %, *M. hyperboreus* снижается до 2,5 %, а *M. agrestis* составляет 0,9 %. На долю *Arvicola* приходится 0,1 %, цокора – 4,4 %, пищух – 1,9 %. Отмечен вид *Ochotona hyperborea*. Число костей хищников снижается до 1 %, среди них остатки *Mustela* составляют 0,2 %, а молочных зубов медведя – 0,8 %. На долю остатков птиц приходится 16,3 %, лягушек – 5,1 %, рыб – 4,2 %.

Слой 14. Из отложений слоя определено 2 042 костных остатка. На долю летучих мышей приходится 5,6 % тафоценоза, что отражает дальнейшее сокращение популяции Chiroptera. Численность землероек увеличивается до 1,6 %, а крота снижается до 2,4 %. Древесные беличьи представлены остатками белки обыкновенной – 0,1 %. Численность сусликов сокращается до 0,4 %. Сурок представлен одним моляром. Определены остатки хомяка обыкновенного – 0,1 %, барабинского хомячка – 0,4 % и хомяка Эверсманна – 0,2 %. Доля слепушонки возрастает до 0,4 %, а *Alticola* снижается до 7,8 %. Численность *Clethrionomys* составляет 5,3 %, в том числе *C. rutilus* – 1,4 % и *C. rufocanus* – 3,2 %. Найдены остатки *Lagurus* – 0,2 % и моляры *Lemmus* – 0,2 %. Среди *Microtus* (27,7 %) преобладает *Stenocranius gregalis* – 5,2 %, *M. oeconomus* составляет 1,4 %, *M. hyperboreus* – 4,4 %. На долю *Arvicola* приходится 0,1 %. Численность цокора составляет 5,5 %, а пищух – 1,8 %. Определена *Ochotona hyperborea*. В составе хищников установлены до рода *Mustela* – 0,3 % и *Martes* – 0,1 %. Численность птиц составляет 15,3 %, лягушек – 1,4 %, рыб – 5 %.

Слой 13. Коллекция из этого слоя включает 1 815 костей мелких позвоночных. Для диагностики было использовано 1 564 экз. Численность Chiroptera со-

кращается до 3,7 %, а землероек – до 1,4 %. Доля крота составляет 2,8 %, сусликов – 2,1 %. Среди хомяков (1,4 %) преобладает *Crisetulus barabensis* – 0,8 %, а на долю хомяка Эверсманна приходится 0,6 %. Численность *Ellobius* возрастает до 1,2 %, а *Clethrionomys* – до 5,8 %, при этом доля *C. rutilus* увеличивается до 1,7 %, а *C. rufocanus* сокращается до 2,4 %. Доля *Alticola* возрастает до 10,4 %, а *Lagurus* – до 0,6 %. Найден один моляр *Lemmus*. Численность *Microtus* составляет 26,2 %, при этом преобладает узкочерепная полевка – 6,3 %, на долю полевки-экономки приходится 1,9 %, *M. hyperboreus* – 4,8 %, *M. agrestis* – 0,3 %. Определены остатки *Arvicola* – 0,1 %, цокора – 5,2 %, пищух – 1,9 %, в том числе степной пищухи. Доля остатков мелких куньих и молочных зубов крупных хищников не превышает 0,9 %. Численность птиц составляет 14,8 %, лягушек – 1,3 %, рыб – 6,1 %.

Слой 12. В отложениях этого слоя обнаружено 3 776 костей мелких позвоночных. Для диагностики использовано 2 922 экз. Численность Chiroptera снижается до 1,6 %, землероек – до 0,4 %, крота – до 3,1 %, а сусликов – до 2,1 %. Отмечены кости сурка – 0,2 %. На долю хомяков приходится 0,9 %, в том числе *Crisetulus barabensis* – 0,5 % и хомяка Эверсманна – 0,4 %. Численность *Ellobius* снижается до 0,3 %, *Lagurus* увеличивается до 1,3 %, а *Alticola* – до 15,1 %. В составе *Clethrionomys* (2 %) доля *C. rutilus* падает до 0,3 %, а *C. rufocanus* – до 0,6 %. Среди *Microtus* (15,4 %) доля *Stenocranius gregalis* сокращается до 3,5 %, *M. oeconomus* – до 0,4 %, а *M. hyperboreus* – до 2,5 %. Численность *Arvicola* составляет 0,1 %, цокора – 4,3 %, пищух – 1,4 %. Определены остатки *Ochotona hyperborea*. Среди хищников отмечены кости *Mustela* – 0,03 %, *Martes* – 0,03 % и молочные зубы медведей – 0,4 %. На долю костей птиц приходится 14,3 %, лягушек – 0,3 %, рыб – 29,1 %.

Слой 11. Совокупность костных остатков из этого слоя включает 3 737 экз. Количественное сопоставление родов и видов выполнено по 3 185 образцам. Численность летучих мышей в тафоценозе увеличивается до 2,7 %, землероек – до 0,6 %, а крота *Asioscalops* снижается до 2,2 %. Доля древесных Sciuridae, представленных белкой, составляет 0,1 %, сусликов – 1,1 %, сурка – 0,1 %. Численность хомяков увеличивается до 1,3 %, в том числе на долю *Crisetulus barabensis* приходится 0,3 %, а *A. eversmanni* – 1 %. Доля *Clethrionomys* снижается до 1 %, при этом остатки *C. rutilus* и *C. rufocanus* представлены в равном количестве, что свидетельствует о значительном сокращении таежных массивов. Численность *Alticola* достигает 16,4 %, а *Lagurus* возрастает до 8,3 %. На долю *Microtus* приходится 23,6 %, в том числе *Stenocranius gregalis* – 3,5 %, *M. oeconomus* – 0,5 %, *M. hyperboreus* – 3,1 %. Численность Arvicola равна 0,2 %, цокора – 3,1 %, пищух – 1,2 %. Найдено несколько зубов зайца – 0,2 %. Среди хищников (0,9 %) доли *Mustela, Martes* и молочных зубов крупных животных составляют по 0,3 %. Численность птиц увеличивается до 19 %, лягушек – до 0,7 %, а рыб снижается до 8,4 %.

Состав мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры свидетельствует о том, что в период формирования слоев 19–11 в долине Ануя сохранялась высокая мозаичность ландшафтов. Светлохвойные и темнохвойные леса чередовались с участками луговой, степной и пустынной растительности. Постоянно сохранялись скальные биотопы. Установлены новые таксоны – впервые обнаружены остатки курганчиковой мыши *Mus musculus* и слепушонки *Ellobius tancrei*. У некоторых таксонов отмечены архаичные морфологические признаки, сопоставимые с таковыми у видов второй половины среднего плейстоцена. Обнаружено большое количество скорлупы птичьих яиц. Дальнейшее изучение этих материалов позволит уточнить видовую принадлежность некоторых таксонов, биостратиграфическую позицию вмещающих отложений и природные условия их формирования.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Агаджанян А.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Таксономический состав мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 7–11. – doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0007-0011

References

Agadjanian A.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Taxonomic Composition of Small Vertebrates from the Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 7–11. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0007-0011

Агаджанян А.К. https://orcid.org/0000-0003-4652-7580
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0013-0020
УДК 902.01

С. Алишер кызы[1]✉, З. Рахманов[2], Х. Хошимов[3], С.В. Шнайдер[1]

[1]Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований – Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный центр археологии АН РУз
Ташкент, Узбекистан
[3]Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова Агентство культурного наследия при Министерстве туризма и культурного наследия РУз
Самарканд, Узбекистан
E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Степень сохранности памятников неолита на территории Центральной Ферганы (результаты археологической разведки в 2022 году)

На территории Центральной Ферганы известно несколько десяток памятников, материалы которых в середине XX в. на основе технико-типологических характеристик каменного инвентаря были отнесены к периоду неолита. После 1980-х гг. изучение неолитических памятников в регионе приостановилось, а информация о расположении многих ранее известных памятников была утрачена. До недавнего времени неолит Ферганской долины оставался белым пятном в вопросе изучения перехода к производящему типу экономики. Однако в результате новых исследований получены данные, которые указывают на изменение экономической основы древнего человека в период раннего неолита. Данный факт актуализирует изучение неолитических комплексов Центральной Ферганы. В данной статье представлены результаты проведенных разведок в 2022 г. в рамках работ российско-узбекской экспедиции с целью уточнения местоположения неолитических памятников Центральной Ферганы и отбора образцов для проведения междисциплинарных исследований на современном методологическом уровне. Определение наиболее перспективных районов для полевых разведок сделаны с помощью анализа старых карт расположения памятников и топографической карты региона в программе QGIS. На основе полученных данных обследована площадь ок. 300 км^2 песков Центральной Ферганы. В результате установлено, что все ранее известные местоположения с неолитическими материалами утрачены вследствие переработки земельных участков в регионе с целью развития сельского и рыбного хозяйства. Также было обнаружено два местонахождения Шоркуль и Улукнар. Согласно типологическим характеристикам, Шоркуль интерпретируется как неолитический комплекс, а малочисленность и невыразительность коллекции Улукнара позволяет интерпретировать его в широких хронологических рамках – от верхнего палеолита до неолита.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Ферганская долина, неолит, карты, ГИС.*

S. Alisher kyzy[1]✉, Z. Rakhmanov[2], K. Khoshimov[3], S. V. Schneider[1]

[1]ArchaeoZoology in Siberia and Central Asia – ZooSCAn, IRL 2013, National Research Center, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Center of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
[3] Y. Gulyamov Samarkand Archaeological Institute of the Cultural Heritage Agency under the Ministry of Tourism and Cultural Heritage of the Republic of Uzbekistan
Samarkand, Uzbekistan
E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Preservation of Neolithic Sites in Central Fergana: Results of Archaeological Survey 2022

Several dozens of archeological sites with Early Neolithic attribution are known in Central Fergana from the mid-20th century. After the 1980s, archaeological study of Neolithic sites was suspended, and information on the location of many sites was lost. Until recently, the Neolithic of the Fergana Valley remained a blank spot in the issue of the transition to producing economy. However, the research results obtained in 2021 suggest that there was a change in the economic basis of the ancient man, i.e. the transition from hunting and gathering to producing economy in the Early Neolithic. This fact updates the study of the Neolithic complexes from Central Fergana. The present article provides the results of the archaeological survey carried out in 2022 as a part of the work of the Russian-Uzbek expedition in order to clarify the location of the Neolithic sites in Central Fergana and perform sampling for interdisciplinary research at the modern methodology level. Promising areas for the field survey were determined by analyzing old maps showing sites location and a topographic map of the region in the QGIS software. Based on the obtained data, the area about 300 km^2 of the Central Fergana sands was surveyed. As a result, it was found that all previously known Neolithic locations had been lost, since all of this territory is now being used for agriculture and fishing development. Moreover, two new locations were identified: Shorkul and Uluknar. Based on typological characteristics, we can date Shorkul back to the Neolithic period, while Uluknar can be attributed to the Upper Paleolithic to Neolithic period.

Keywords: *Central Asia, Fergana Valley, Neolithic, maps, GIS.*

Введение

Ферганская долина является глубокой депрессией, окруженной горными хребтами, которая расположена между Чаткальским хребтом и его западным отрогом Моголтау на севере, Алайским и Туркестанским хребтами на юге и Ферганским хребтом на востоке (рис. 1, *1*). Несмотря на замкнутость своего географического положения, на протяжении многих тысячелетий эта территория с разнообразным ландшафтом являлась оживленным цивилизационным перекрестком для народов, заселявших различные регионы Центральной Азии, начиная с эпохи палеолита вплоть до неолита и более позднего времени [Рахманов, 2016; 2021; Krivoshapkin et al., 2020; Шнайдер и др., 2021]. Особый интерес представляет эпоха неолита, когда происходит кардинальное изменение экономической основы древнего человека – переход от охоты и собирательства к производящему хозяйству.

На настоящем этапе на территории Ферганской долины известны десятки археологических памятников, которые на основе технико-типологических характеристик каменного инвентаря были отнесены к периоду финального мезолита и раннего неолита. Их интенсивное изучение проводилось в 1950–1970 гг. [Заднепровский, 1966; Исламов, Тимофеев, 1986; Окладников, 1959]. Большая часть памятников является поверхностными сборами, но при этом выделяется несколько неолитических памятников с разрушенным культурным слоем – Тайпак-1, -2, -4, -6, -8–12, Янги-Кадам-1–35, Замбар-1, -3–6, Узун-Куль, Янги-Сув, Аччик-Куль, Шоркуль и группа мадьярких памятников (рис. 1, *2*). В целом каменная индустрия данных комплексов характеризуется микропластинчатой технологией, в орудийном наборе отмечается преобладание микропластин с вентральной ретушью, концевых скребков, также выделяются пластинки с притупленным краем, долотовидные и выемчатые орудия [Коробкова, 1975, 1996; Исламов, Тимофеев, 1986]. Г.Ф. Коробковой при проведении трасологического анализа отмечалось наличие на части ретушированных пластинок следов в виде с косой заполировки, которые служили вкладышами жатвенных ножей [Коробкова, 1996]. Также в данных материалах выделяется представительная серия подвесок из мраморовидного известняка [Исламов, Тимофеев, 1986]. В 1980-х гг. изучение неолитических памятников Центральной Ферганы прекратилось.

В результате возобновленных работ на памятнике Обишир-5 на юге Ферганы получены данные, которые свидетельствуют о том, что в Ферганской долине произошел переход от охоты и собирательства к производящему хозяйству в период раннего неолита. Об этом свидетельствуют как выявленные изменения в технологиях обработки камня, появление орудий для растирания злаков, так и зооархеологические и палеогенетические данные, указывающие на наличие скотоводства 8 тыс. л.н. [Taylor et al., 2021; Shnaider et al., 2017]. При этом вопрос об использовавшихся экономических стратегиях в неолитических комплексах Центральной Ферганы до сих пор остается спорным [Коробкова, 1969, 1966; Максудов, 2016]. К сожалению, на настоящий момент расположение многих ранее известных памятников не ясно, что затрудняет проведение междисциплинарных исследований для уточнения характера хозяйственного уклада неолити-

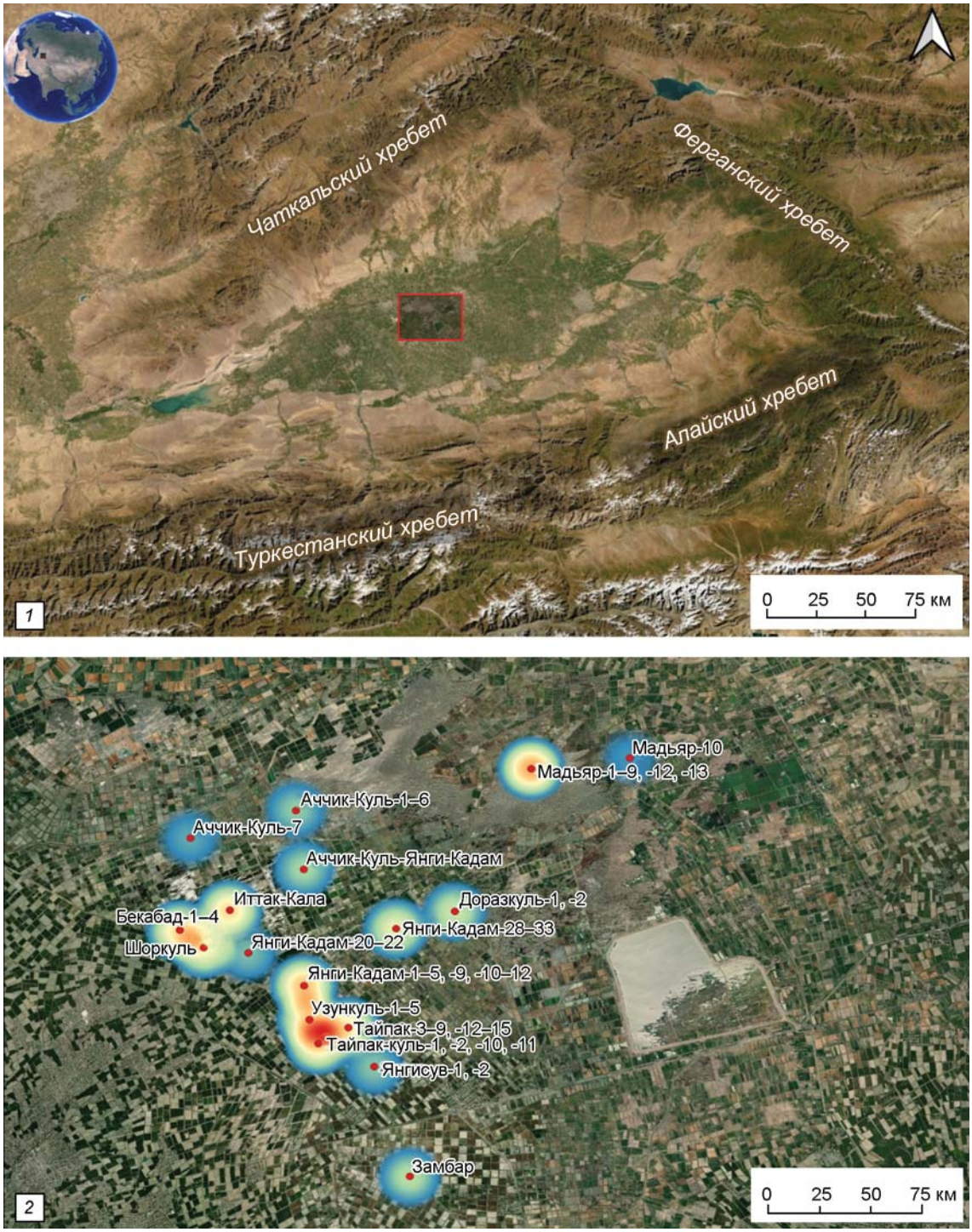


Рис. 1. Расположение основных неолитических памятников Ферганской долины.

1 – карта расположения Ферганской долины, серым квадратов обозначен исследованный район; *2* – тепловая карта по количеству обнаруженных артефактов на памятниках неолита Центральной Ферганы (по данным [Исламов, Тимофеев, 1986]).

ческой популяции Центральной Ферганы. Для решения данного вопроса были проведены полевые выезды с целью уточнения расположения объектов, проведения зачисток и отбора образцов для междисциплинарных исследований для выявления свидетельств производящего хозяйства.

Материалы и методы

С целью уточнения месторасположения ранее известных неолитических памятников Центральной Ферганы нами проанализированы карты, составленные У.И. Исламовым и В.И. Тимофеевым

[Исламов, Тимофеев, 1986, с. 8, рис. 2]. Первым этапом археологических разведок стала визуализация расположения памятников на картографической основе, с помощью ГИС технологий в программе QGIS (версия 3.18 Hannover). Таким образом, нам удалось найти предположительный район расположения памятников. Анализ составленных карт и космоснимков района из Google Earth показал, что территория, на которой расположены все неолитические памятники Центральной Ферганы, сильно переработана под сельскохозяйственные нужды (рис. 2, *1–3*), это сильно затрудняло обнаружение памятников. В связи с этим нам пришлось изменить подход, основанный на случайной разведке района, и найти способ определения местоположения потенциально наиболее перспективных участков для поверхностной разведки. Так, следующим этапом было создание тепловых карт (Heatmap) с учетом количества найденных артефактов из подъемных объектов и памятников с переотложенными материалами. Данные о количестве материалов из разных памятников нами взяты из монографии У.И. Исламова и В.И. Тимофеева [1986, с. 281–299, табл. 1–3]. С помощью созданной тепловой карты мы выявили наиболее перспективные районы для полевых разведок (рис. 1, *2*). Второй ориентир для определения районов исследования были барханы, которые не подверглись переработке. Таким образом, с помощью ГИС продуктов нами были составлены маршруты разведок для полевых изысканий. Все совершенные маршруты записывались с помощью программы Locus map. Данная программа позволяет записывать весь маршрут, также фиксировать координаты найденный артефактов и их фотографии, и в дальнейшем загрузить данные в ГИС проекты.

Рис. 2. Космоснимки на территории исследованного участка Центральной Ферганы в разные периоды (Google Earth).

1 – от 30.12.2020 г., с указаниями местонахождений Шоркуль и Улуқнар; *2* – от 30.12.2001 г.; *3* – от 30.12.1985 г.

Результаты

В результате проведенных разведок обследовано ок. 300 км^2 барханов на территории Центральной Ферганы. По природным условиям центральноферганские барханы неоднородны, здесь выделяется четыре типа песчаных комплексов, имеющих в своем составе незакрепленные и полузакрепленные пески: 1) развеваемые мелкогрядовые пески на засоленной супесчаной равнине с разреженным растительным покровом из галофитов, янтака и дерезы; 2) подвижные (барханные) пески с травянисто-кустарниковой растительностью в понижениях; 3) развеваемые грядово-лунковые пески с травянисто-кустарниковой растительностью; 4) полузакрепленные и закрепленные грядово-лунковые пески с травянисто-кустарниковой растительностью; 5) обводненные (затопленные) полузакрепленные грядово-лунковые пески с травянисто-кустарниковой растительностью [Бондаренко, 2020]. В большей части обследованного участка преобладают грядово-лунковые пески, иногда именуемые грядово-бугристыми. Однако археологические артефакты были обнаружены только в мелкогрядовых песках (первый тип). Всего обнаружено два местонахождения с подъемным материалом. Самая многочисленная коллекция каменных орудий собрана на местонахождении Шоркуль.

Шоркуль (40°39′57.98 с.ш.; 71°14′21.54 в.д.) расположен на границе Андижанской и Ферганской областей на северо-востоке д. Янгикадам (рис. 2, *1*). Местонахождение представляет собой небольшую вытянутую гряду длиной 570 м, ширина в самой широкой части достигает 117 м, высота ок. 1 м. Здесь на поверхности обнаружено 105 экз. каменных артефактов (табл. 1), которые преимущественно за-

легали на склонах холма. Большая часть собранной коллекции изготовлена из кремня (85 экз.), также есть изделия из халцедона (17 экз.), 66,7 % коллекции составляют отходы производства (обломки, чешуйки и осколки). В коллекции имеется один карандашевидный нуклеус и два фрагмента нуклеусов для микропластин (рис. 3, *14–16*), технические сколы представлены краевыми сколами, латеральным сколом и «таблеткой». Из морфологически определимых сколов представлены отщепы (17 экз.), пластинки (4 экз.) и микропластины (9 экз.). Отщепы представлены в основном в целом виде, они имеют овальную и угловатую форму в плане. Дорсальная

Таблица 1. **Состав каменной индустрии из памятников Шоркуль и Улукнар**

Состав каменных артефактов	Шоркуль	Улукнар
	экз.	экз.
Нуклевидные изделия	2	1
Технические сколы	4	1
Отщепы	17	4
Пластинки	4	–
Микропластины	9	–
Без учета отходов производства	36	6
Отходы производства	69	5
Всего	105	11

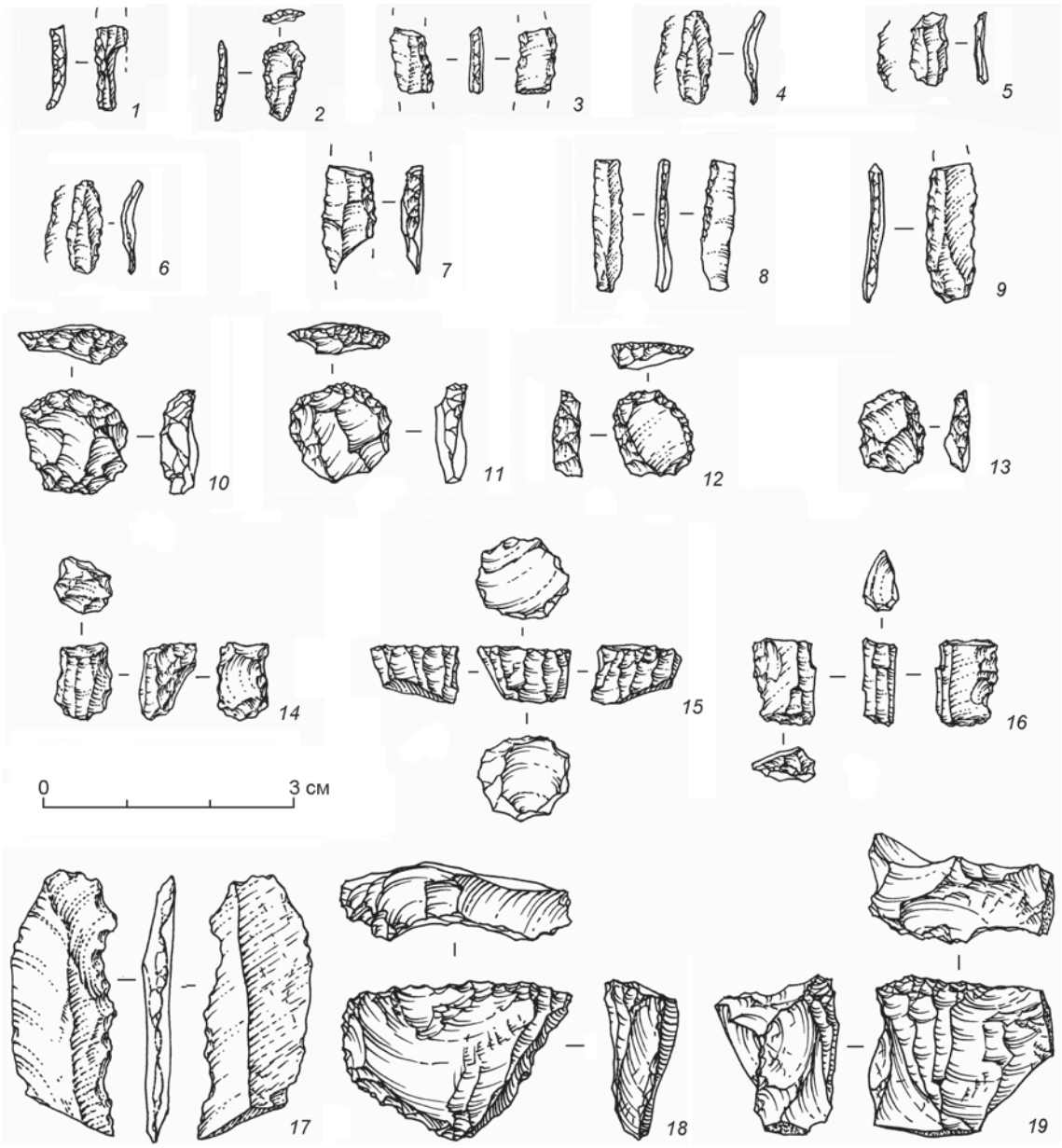


Рис. 3. Каменная индустрия местонахождения Шоркуль (*1–13*; *17–19*) и Улукнар (*14–16*).

1, *7*, *9* – микропластины с притупленным краем; *2* – треугольник; *3*, *8* – микропластины с вентральной ретушью; *10*, *11* – концевые скребки; *12*, *13* микроскребки; *14–16* – нуклеусы; *17* – пластинка с ретушью; *18*, *19* – нуклеусы.

поверхность большей части отщепов продольная и продольно-встречная, латеральный профиль прямой. Ударная площадка гладкая прямая, линейная и двухгранная, только у нескольких отщепов отмечается редукция карниза. Длина отщепов варьируется от 10 мм до 30 мм, ширина от 11 мм до 25 мм, и толщина от 3 мм до 8 мм.

Пластинки и микропластины представлены только во фрагментированном состоянии, среди них преобладают медиальные части. Для пластинчатых сколов характерны прямой латеральный профиль, продольная дорсальная огранка, треугольное и трапециевидное поперечное сечение. У сколов с проксимальной частью отмечаются точечные ударные площадки со следами абразивной обработки. Ширина пластин составляет 8–10 мм, толщина – 1–3 мм, ширина микропластин – 4–6 мм, толщина – 1–2 мм. Орудия в коллекции представлены 15 экз. (табл. 2): встречаются микропластины с притупленным краем (4 экз., рис. 3, *1*, *7*, *9*), концевые скребки (3 экз., рис. 3, *10*, *11*) и микроскребки (3 экз., рис. 3, *12*, *13*), изготовленные на отщепах, также микропластины с вентральной ретушью (2 экз., рис. 3, *3*, *8*) и альтернативной ретушью (1 экз.). В единичных экземплярах представлены неравносторонний треугольник (рис. 3, *2*) и двухлезвийное долотовидное орудие.

На участках с наиболее высокой концентрацией находок заложено 4 проверочных шурфа, которые оказались стерильными в археологическом отношении.

Второе местонахождение – *Улукнар* – расположено на карьерной дороге недалеко от с. Улукнар (40°47′33.99 с.ш., 71°43′01.74 в.д., см. рис. 2, *1*). Административно местонахождение находится на территории Андижанской области, 5 км к северу от кишлака Сары-Су, по дороге Сарык-Су – Мингбулак. Здесь сохранилась часть песков на территории 2 × 0,35 км, однако данная местность осваивается под рыбное хозяйство. На карьерной дороге на песках собрано всего 12 кремневых артефактов, 5 экз. из которых – обломки. В коллекции выделен продольный нуклеус и латеральный скол (рис. 3, *18, 19*). В категории сколов представлены отщепы (5 экз.), они имеют угловатую форму в плане, продольную дорсальную огранку. Длина отщепов составляет ок. 25 мм, ширина колеблется от 20 мм до 30 мм, толщина – от 4 мм до 6 мм. Орудия представлены одним концевым скребком.

Таблица 2. **Состав орудийного набора памятников Шоркуль и Улукнар**

Типологический состав орудий	Шоркуль	Улукнар
	экз.	экз.
Концевые скребки	3	1
Микроскребки	3	–
Микропластины с вентральной ретушью	2	–
Микропластина с альтернативной ретушью	1	–
Микропластины с притупленным краем	4	–
Треугольник	1	–
Долотовидное орудие	1	–
Всего	15	1

На территории Улукнара других пунктов с артефактами не обнаружено, а все найденные каменные артефакты залегали скоплением среди мелких галечников, которые встречаются на карьерной дороге. Этот факт позволяет нам предположить, что данные скопления были перенесены из неизвестной части песков.

Дискуссия

Полученная коллекция каменных артефактов, несмотря на малочисленность, позволяет проследить параллели с центрально-ферганскими комплексами. Данные индустрии также выполнены на кремневом сырье, отмечается использование микропластинчатого расщепления, присутствие в орудийном наборе пластинок с вентральной ретушью [Исламов, Тимофеев, 1986; Коробкова, 1996]. Асимметричные треугольники ранее не отмечались в материалах Центральной Ферганы, но в целом в регионе они представлены и характерны для материалов кульбулакской верхнепалеолитической культуры и кельтеминарской неолитической [Колобова, 2014; Szumchak, Khujanazarov, 2006]. На основе одного изделия сложно сказать, к каким именно изделиям треугольник из Шоркуля может быть ближе. В целом местонахождение Шоркуль вписывается в вариабельность неолитических комплексов Центральной Ферганы. Малочисленность и невыразительность коллекции Улукнар не позволяет провести его культурной атрибуции, в целом типология каменных артефактов (концевого скребка, латерального скола и продольного нуклеуса) может свидетельствовать о том, что объект может интерпретироваться в широких хронологических рамках – от верхнего палеолита вплоть до неолита.

В результате проведенных полевых разведок выяснилось, что все неолитические местонахождения Центральный Ферганы разрушены, на современном этапе невозможно установить их месторасположение. Это связано в первую очередь с тем, что Ферганская долина является наиболее густонаселенным регионом Узбекистана, и большая часть территории освоена под сельскохозяйственную де-

ятельность. В 2018 г. правительство Республики Узбекистан приняло решение о развитии и поддержке рыбоводства в Ферганской долине. Эти планы были отражены в постановлении президента о мерах по ускоренному развитию рыбной отрасли (от 06.04.2018 г. № ПП-3657). В связи с этим, значительная часть барханов Центральной Ферганы отведена под рыбные хозяйства, что в свою очередь очень сильно влияет как на изменение ландшафта в регионе, так и на флору и фауну. Например, на сегодня территория Язъявана представлена 13 изолированными участками, и за 36 лет (1984–2020 гг.) от нетронутых барханов осталась лишь десятая часть территории (участок уменьшился с 235 до 23,27 км^2) (см., напр.: [Язъяванские пески…]).

Выводы

Площадь, занимаемая пустынными массивами, где ранее располагались неолитические памятники Центральной Ферганы, сильно сократилась. Из-за сокращения территорий невозможно определить местонахождение ранее известных памятников, а также данный факт создает реальную угрозу разрушения еще неизвестных нам памятников не только каменного века, но и других этапов человеческой истории. Стоит отметить, что охрана объектов археологического наследия урегулируется законом Республики Узбекистан «Об охране и использовании объектов археологического наследия» от 13.10.2009 г. (№ ЗРУ-229). Согласно ст. 8 данного Закона, органы государственной власти местного управления в пределах своих территорий обязываются обеспечивать сохранения археологических объектов при проектировании земельных участков под земляные, землеустроительные, строительные, мелиоративные, хозяйственные, дорожные и иные работы. Однако на сегодняшний день мы можем наблюдать, что все памятники неолита Центральный Ферганы разрушены, что в свою очередь затрудняет дальнейшее их изучения на современном методологическом уровне.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-01958 «Пересмотр перехода к производящей экономике в Центральной Азии: Новый междисциплинарный подход к вопросу неолитизации в Ферганской долине».

Список литературы

Бондаренко Д.А. Население пресмыкающихся песчаных местообитаний Ферганской долины (Узбекистан) и проблема сохранения эндемичных видов // Современная герпетология. – 2020. – Т. 20. – Вып. 12. – С. 3–15.

Заднепровский Ю.А. Неолит Центральной Ферганы // КСИА. – 1966. – Вып. 7. – С. 35–38.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: ФАН, 1986. – 304 с.

Окладников А.П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы // Мат-лы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.; Л.: Наука, 1959. – С. 4.

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. – Л.: Наука, 1969. – 216 с.

Коробкова Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии: (По материалам каменной индустрии) // СА. – 1975. – № 3. – С. 8–28.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии (Археология СССР). – М., 1996. – С. 87–135.

Максудов Ф.А. К проблеме сложения производящего хозяйства в Ферганской долине // История и археология Турана. – 2016. – № 3. – С. 44–58.

Рахманов З.О. Место и роль минеральных и рудных ресурсов Ферганской долины в сложении и развитии культур на ее территории // Chronos: общественные науки. – 2021. – № 1 (21). – С. 4–8.

Рахманов З.О. Некоторые вопросы хронологии памятников первых веков нашей эры Ферганы // Евразийский Союз Ученых. Исторические науки. – 2016. – № 31. – Ч. 1. – С. 7–11.

Шнайдер С.В., Жилич С.В., Федорченко А.Ю., Рендю В., Пархомчук Е.В., Алишер кызы С., Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Сердюк Н.В., Зеленков Н.В., Чаргынов Т.Т., Кривошапкин А.И. Сурунгур – новый памятник раннего голоцена в Ферганской долине // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2021. – № 2. – С. 319–337.

Язъяванские пески продолжают разбирать под сельхоздеятельность. Почему важно это остановить? // Газета. uz: [сайт]. – URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/06/22/fergana/

Krivoshapkin A.I., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Olsen J.W. Current research on prehistoric Central Asia // Quatern. Intern. – 2020. – № 559. – P. 1–3. – doi: 10.1016/j.quaint.2020.08.043

Shnaider S.V., Viola T.B., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Krivoshapkin A.I., Alisher kyzy S., Krajcarz M.T., Abdykanova A. New investigations of the Epipalaeolithic in Western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – T. 91. – № 360. – P. 1–7.

Szumchak K., Khujanazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums Ajakagytma “the site” and other collection. Warshawa university, 2006. – 252 p.

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behavior. – 2021. – Vol. 5. – N 9. – P. 1169–1179.

References

Bondarebko D.A. Community of Reptiles in the Sandy Habitats of the Ferghana Valley (Uzbekistan) and the Endemic Species Conservation Problem. *Current Studies in Herpetology*, 2020. Vol. 20. Iss. 1–2. P. 3–15. (In Russ.). doi: 10.18500/1814-6090-2020-20-1-2-3-15

Islamov U.I., Timofeev V.I. Kul'tura kamennogo veka Tsentral'noi Fergany. Tashkent: FAN, 1986. 304 p. (In Russ.).

Krivoshapkin, A.I., Khatsenovich, A.M., Rybin, E.P., & Olsen, J.W. Current research on prehistoric Central Asia. *Quatern. Intern.*, 2020. N 559. P. 1–3.

Kolobova K.A. Verkhnii paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014. 38 p. (In Russ.).

Korobkova G.F. Orudiya truda i khozyaistvo neoliticheskikh plemen Srednei Azii. In AN SSSR. LOIA. Leningrad: Nauka. 1969. 216 p. (In Russ.).

Korobkova G.F. Kul'tury i lokal'nye varianty mezolita i neolita Srednei Azii: (Po materialam kamennoi industrii). *Soviet Archaeology*, 1975. N 3. P. 8–28. (In Russ.).

Korobkova G.F. Srednyaya Aziya i Kazakhstan. In *Neolit Severnoi Evrazii (Arkheologiya SSSR)*. Moscow: Nauka, 1996. P. 87–135. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Kamennyi vek Tadzhikistana. Itogi i problemy. In *Materialy II soveshchaniya arkheologov i etnografov Srednei Azii*. Moscow. Leningrad: Nauka, 1959. P. 4. (In Russ.).

Rakhmonov Z.O. Mesto i rol' mineral'nykh i rudnykh resursov Ferganskoi doliny v slozhenii i razvitii kul'tur na ee territorii. *Chronos: obshchestvennye nauki*, 2021. N 1 (21). P. 4–8. (In Russ.).

Rakhmonov Z.O. Nekotorye voprosy khronologii pamyatnikov pervykh vekov nashei ery Fergany. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh. Istoricheskie nauki*, 2016. N 10 (31). Chap. 1. P. 7–11. (In Russ.).

Shnaider S.V., Viola T.B., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Krivoshapkin A.I., Alisher kyzy S., Krajcarz M.T., Abdykanova A. New investigations of the Epipalaeolithic in Western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity,* 2017. Vol. 91. N 360. P. 1–7.

Shnaider S.V., Zhilich S;, Fedorchenko A. Yu., Rendu W., Parkhomchuk E V, Alisher kyzy S., Olechenko V.V., Tsibizov L.V., Serdyuk N.V. Zelenkov N.V. Chargynov T.T., Krivoshapkin A.I. Surungur – new early holocene archaeological site in Fergana Valley. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2021. P. 319–337. (In Russ.).

Szumchak K., Khujanazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums Ajakagytma "the site" and other collection. Warshawa university, 2006. P. 252.

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behavior,* 2021. Vol. 5. N 9. P. 1169–1179.

Yaz»yavanskie peski prodolzhayut razbirat' pod sel'khozdeyatel'nost'. Pochemu vazhno eto ostanovit'?. *Gazeta. uz:* [site]. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/06/22/fergana/

Zadneprovskii Yu. A. Neolit Tsentral'noi Fergany. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 1966. Iss. 7. P. 35–38. (In Russ.).

Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Хошимов Х. https://orcid.org/0000-0001-6746-545X

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0021-0028
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, А.А. Зейналов[2], С.А. Кулаков[1, 3], А.К. Очередной[1, 3], И.А. Идрисов[1, 4], Р.Н. Курбанов[5, 6], Т.М. Эйбатов[7]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА
Баку, Азербайджан
[3]Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
[4]Институт геологии ДНЦ РАН
Махачкала, Россия
[5]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[6]Институт географии РАН
Москва, Россия
[7]Музей естественной истории НАНА
Баку, Азербайджан
E-mail: anui1@yandex.ru

Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2022 году

В 2022 г. совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедицией проводились работы на территории Азербайджанской Республики. Исследовалась береговая зона Мингячевирского водохранилища, в пределах местонахождении Гараджа, где была собрана представительная коллекция каменных артефактов и остатков плейстоценовой фауны. Среди ядрищ основная часть представлена простейшими одноплощадочными однофронтальными нуклеусами параллельного принципа скалывания, остальные – радиальные. Сколы в основном крупные и средние, среди них значительную часть составляют первичные. В орудийном наборе есть чопперы, рубила, одно-лезвийные скребла. Впервые на памятнике найдены пики и нож типа Бокштайн. В целом материалы, полученные на памятнике в 2022 г., не выделяются из технокомплекса Гараджи, особенности которого были установлены на основании работ предыдущих лет (финальный ранний палеолит), и, согласно естественно-научным данным, относящегося к поздней стадии бакинского времени (~0,5–0,4 млн л.н.). По окончании работ на памятнике проведен отбор серии образцов на OSL и космогенное датирование. В ходе разведочных работ на территории Агстафинского и Газахского р-нов Азербайджана было обнаружено два пункта концентрации подъемного материала палеолитического облика и один с индустрией финального этапа каменного века. Проведен мониторинг пещерных стоянок Азых и Таглар (Ходжавендского р-н) с целью оценки их текущего состояния и перспектив возобновления археологических работ. На объектах установлены сохранившиеся участки плейстоценовых отложений, определены возможности их исследования: отбор образцов для абсолютного датирования (OSL, ^{14}C) и ряда естественно-научных методов (палинология, DNA-анализ и др.) на гроте Таглар и стационарные раскопки на значительной площади в пещере Азых.

Ключевые слова: *Азербайджан, палеолит, палеонтология, стратиграфия, абсолютное датирование.*

A.A. Anoikin[1]✉, A.A. Zeynalov[2], S.A. Kulakov[1, 3], A.K. Ocherednoy[1, 3], I.A. Idrisov[1, 4], R.N. Kurbanov[5, 6], T.M. Eibatov[7]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the ANAS
Baku, Azerbaijan

[3]*Institute for the History of Material Culture of the RAS*
Sankt-Petersburg, Russia
[3]*Institute of Geology of the DSC RAS*
Makhachkala, Russia
[5]*Lomonosov Moscow State University*
Moscow, Russia
[6]*Institute of Geography of the RAS*
Moscow, Russia
[7]*Museum of Natural History of the ANAS*
Baku, Azerbaijan
E-mail: anui1@yandex.ru

Geoarchaeological Survey in Azerbaijan in 2022

In 2022, a joint Russian-Azerbaijani archaeological expedition carried out the work in the Republic of Azerbaijan. The coastal zone of the Mingachevir Reservoir was investigated within the Garaja location, where a representative collection of stone artifacts (55 pieces) and remains of the Pleistocene fauna (18 pieces) was made. Among the cores, primitive single-platform and single-front cores of parallel knapping are mostly represented, and the rest of them are radial. Flakes are mostly large and medium, with primary flakes being a significant part among them. The toolset (15 pieces) includes choppers, hand axes, and single-blade scrapers. For the first time, peaks and a Keilmesser knife of the Bockstein type were found in Garaja. In general, the materials obtained from the site in 2022 do not stand out from the Garaja technocomplex, the features of which were established on the basis of the previous work (final Early Paleolithic), and, according to the natural-science data, relate to the late stage of the Baku time (~0.5–0.4 million years ago). Upon the completion of work at the site, a series of samples for OSL and cosmogenic nuclide dating was taken. In the course of exploratory work in the Aghstafa and Gazakh districts of Azerbaijan, two concentrated locations of surface material of the Paleolithic appearance and one location with the industry of the final stage of the Stone Age were discovered. The Azykh and Taglar Cave sites (Khojavendsky district) were monitored to assess their current state and prospects for the resumption of the archaeological work. Preserved areas of Pleistocene deposits were identified at the sites, and the areas of their research were determined: sampling for absolute dating (OSL, 14C), a number of natural-science methods (palynology, DNA testing, etc.) in the Taglar grot, and stationary excavations in the Azykh Cave.

Keywords: *Azerbaijan, Paleolithic, paleontology, stratigraphy, absolute dating.*

В октябре 2022 г. участники совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы в среднем течении р. Куры, а также в юго-восточной части Карабахского нагорья, на территории городского округа Мингячевир и Агстафинского, Газахского, Ходжавендского р-нов Азербайджанской Республики (рис. 1, *1*). В задачи экспедиции входили мониторинг состояния уже известных и поиск новых памятников палеолита, а также отбор образцов для оптико-люминисцентного и космогенного датирования.

Основным районом работ в 2022 г. была береговая зона в юго-восточной части Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища, в пределах ранее выявленных границ местонахождения Гараджа, исследования которого ведутся с 2012 г. [Зейналов и др., 2013; Анойкин и др., 2021]. Памятник находится в северо-западной части хребта Гараджа, в зоне размыва водохранилищем средне- и раннечетвертичных отложений, на участке, начинающемся примерно в 1,0 км к востоку от плотины и имеющем протяженность ок. 0,7 км, высота над ур. м. ок. 80 м. Четвертичные отложения на этом участке представляют собой выходы залегающих под очень большим углом (до 60°–70°) пород, простирающихся с запада на восток. Выделяется несколько основных пачек, имеющих сложное строение и представляющих собой переслаивающиеся толщи морского и континентального генезиса [Анойкин и др., 2021]. Согласно комплексу естественно-научных данных, вся толща отложений на этом участке соответствует значительному временному интервалу, скорее всего, в пределах финала бакинского этапа истории Каспийского моря (ок. 0,5–0,4 млн л.н.).

Археологический материал связан с песчано-галечными прослоями в континентальных толщах и залегает на их размывах, как правило, с незначительным горизонтальным смещением. В ходе работ предыдущих лет на памятнике было выделено три зоны концентрации каменных артефактов: «нижний» уровень, связанный с наиболее древней континентальной толщей; «средний» – залегающий в более молодых континентальных отложениях, и «верхний» уровень, находки из которого происходят из кровли этой же молодой толщи, но фиксируются только при максимально низких

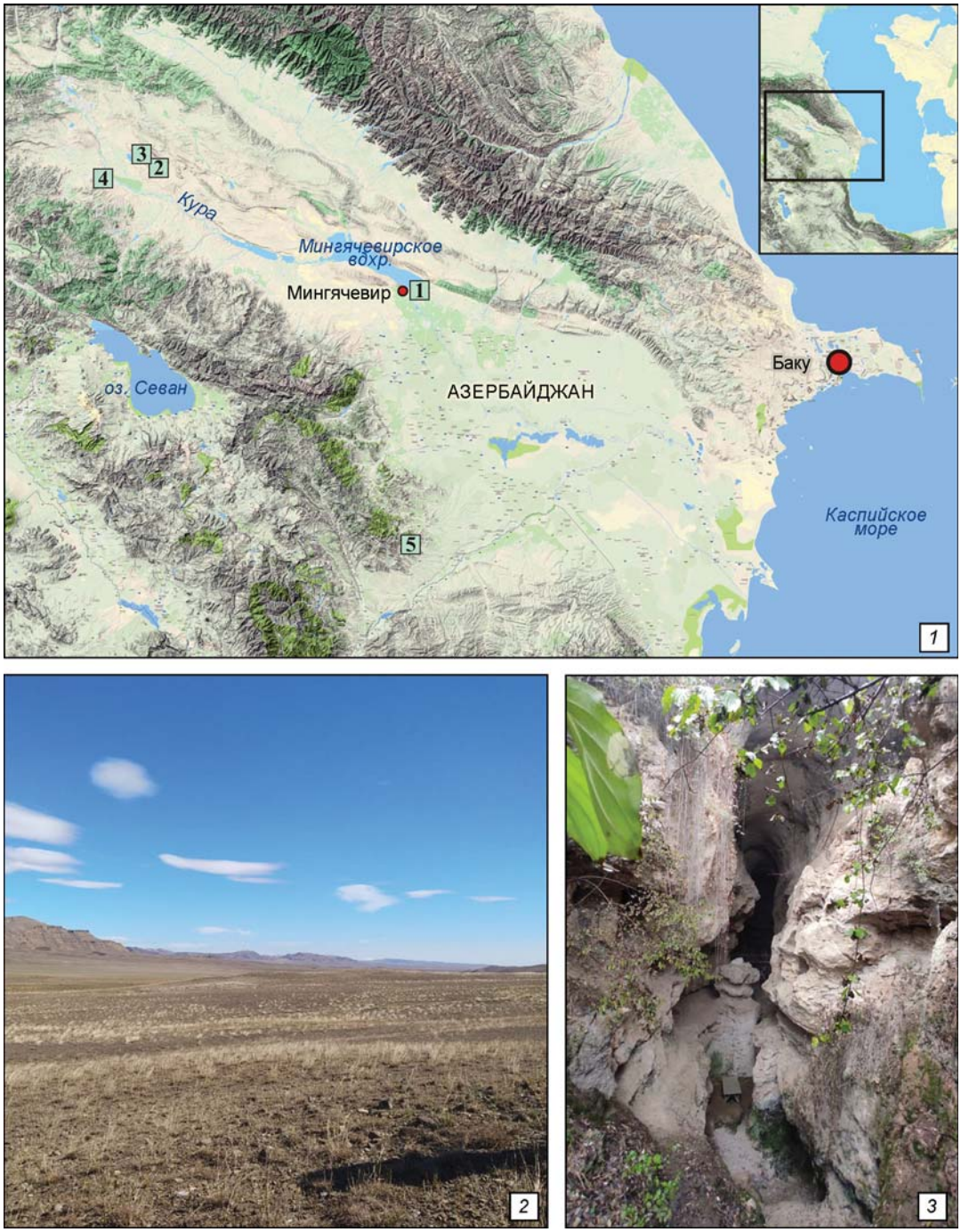


Рис. 1. Карта-схема района работ (*1*), пункт сбора подъемного материала в урочище Калтан (*2*) и входовая галерея пещеры Азых (*3*).

1 – местонахождение Гараджа; *2* – пункт сбора подъемного материала в урочище Калтан; *3* – пункт сбора подъемного материала у горы Гарабых; *4* – пункт сбора подъемного материала у с. Шыхлы-2; *5* – пещерные стоянки Таглар и Азых.

уровнях стояния воды. Практически все артефакты были обнаружены на дневной поверхности, однако несколько предметов были извлечены при разборе сцементированных участков песка, т.е. залегали *in situ*.

В текущем году из-за высокого уровня воды в водохранилище площадь памятника, доступная для визуального осмотра, оказалась почти вдвое меньшей, чем в 2021 г., а участок распространения «верхнего» уровня залегания находок был практически недоступным. Тем не менее в результате проведенных работ 2022 г. удалось собрать представительную коллекцию как каменных артефактов (55 экз.), так и остатков плейстоценовой фауны (18 экз.). Среди фаунистических остатков присутствуют зуб, хвостовые позвонки,

фрагменты лопатки и трубчатых костей ископаемого слона (*Archidiskodon sp.*), зуб лесного слона (*Palaeoloxodon antiquus*), рог и астрагал древнего быка (*Bos sp.*), трубчатая кость и основание рога гигантского оленя (*Megaloceros giganteus*), трубчатая и берцовая кости благородного оленя (*Cervus sf. elaphus*), а также несколько неопределимых фрагментов трубчатых костей.

Археологическая коллекция 2022 г. представлена следующими категориями изделий: колотые гальки – 15 экз., нуклевидные формы – 16 экз., технические сколы – 15 экз., отщепы – 9 экз.; 16 предметов вторичной обработкой преобразованы в орудия.

В качестве сырья в основном использовались окремненные алевритистые породы или слабоокремненный песчаник. Существенно реже – эффузивы, в единичных случаях фиксируется утилизация кварцита и высококачественного кремня.

Среди нуклевидных форм половину составляют бессистемно обколотые гальки, возможно, отражающие этап тестирования сырья. Среди 8 типологически выраженных ядрищ основная часть (5 экз.) представлена простейшими одноплощадочными однофронтальными нуклеусами параллельного принципа скалывания, с минимальной предварительной подготовкой или без таковой. Еще одно изделие утилизировано в той же системе, но имеет две противолежащие площадки с общим фронтом, используемые поэтапно. Остальные ядрища (2 экз.) демонстрируют радиальную технику расщепления. Среди сколов (24 экз.) значительную часть (~45 %) составляют технические, отражающие начальную стадию процесса декортикации. Такие первичные сколы, как правило, имеют крупные размеры и округлые очертания. Также среди продуктов контроля процессов расщепления в единичных экземплярах есть краевой и продольный сколы, и, впервые зафиксированный на памятнике, выразительный скол утончения, характеристики которого свидетельствуют о его принадлежности к сколам формирования бифасиальных изделий. Это крупный широкий, относительно тонкий отщеп, с короткими негативами ступенчатых снятий на дорсале, угол наклона ударной площадки ~30 градусов (рис. 2, *2*; 3, *4*).

Среди отщепов в равных долях представлены крупные и средние сколы, мелкий один. «Дольки» отсутствуют. Остаточные ударные площадки естественные или гладкие. Огранка дорсалов в основном продольно-поперечная, реже – субпараллельная. Один небольшой скол, выполненный из кремня, имеет слабовыпуклую фасетированную ударную площадке и огранку дорсала, близкую радиальной.

В орудийном наборе основными категориями являются галечные рубящие формы (чопперы, 5 экз.) и различные формы крупных двухсторонне обработанных изделий (6 экз.). Также в коллекции присутствуют два однолезвийных скребла на первичных отщепах (продольное (рис. 2, *5*) и поперечное (рис. 2, *3*; 3, *2*)), крупное скребловидное орудие, выполненное на гальке, изделие с коротким массивным шипом и отщеп с ретушью.

Три чоппера выполнены в «классической» технике, когда слабо выпуклое или прямое лезвие оформляется на коротком торце гальки серией односторонних сколов. У двух изделий лезвие оформлено по более длинному краю серией бифасиальных сколов и имеет зубчатый контур.

Из группы орудий с двухсторонней обработкой три относятся к категории рубил (рис. 2, *6*; 3, *3, 5, 7*), а одно по своим характеристикам соответствует ножам типа Бокштайн (рис. 2, *4*) и является первым изделием такого типа на памятнике.

Еще одним новым типом, неизвестным здесь ранее, являются пики. В 2022 г. было обнаружено два предмета, отличающиеся по характеру обработки, но, безусловно, относящиеся к этой категории. Первое (147 × 64 × 58 мм), выполнено на брусковидной удлиненной гальке, копьевидное, сильно удлиненное (рис. 2, *1*; 3, *6*). Сохранилась прямая галечная пятка. Разноразмерными, поперечными, сильно модифицирующими сколами обработана вся поверхность на $^2/_3$ протяженности заготовки, края дополнительно подправлялись мелкими широкими однорядными и двухрядными краевыми сколами. Мелкими снятиями оформлено трехгранное сильно удлиненное массивное острие с обломанным кончиком, в медиальной части заготовки имеющее слабо выраженные плечики, а в дистальной части становящееся линзовидным. Аналоги данному орудию есть в коллекции слоя 5 раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 в Южном Дагестане [Рыбалко, 2020]. Второе изделие (121 × 71 × 40 мм) имеет более простое и грубое оформление (рис. 3, *1*). Оно изготовлено на продольно расколотой крупной овальной гальке, на одном из торцов которой серией крупных модифицирующих сколов, выполненных с двух сторон по сохранившейся галечной широкой плоскости, оформлено длинное ($^1/_3$ заготовки), массивное трехгранное острие, обломанное в дистальной части.

В целом материалы, полученные на памятнике в 2022 г., не выделяются из технокомплекса Гараджи, особенности которого были установлены на основании работ предыдущих лет. В первичном расщеплении это доминирование простейших параллельных ядрищ, при эпизодическом использовании радиального и долечного расщепления. Для изготовления орудий в большинстве случа-

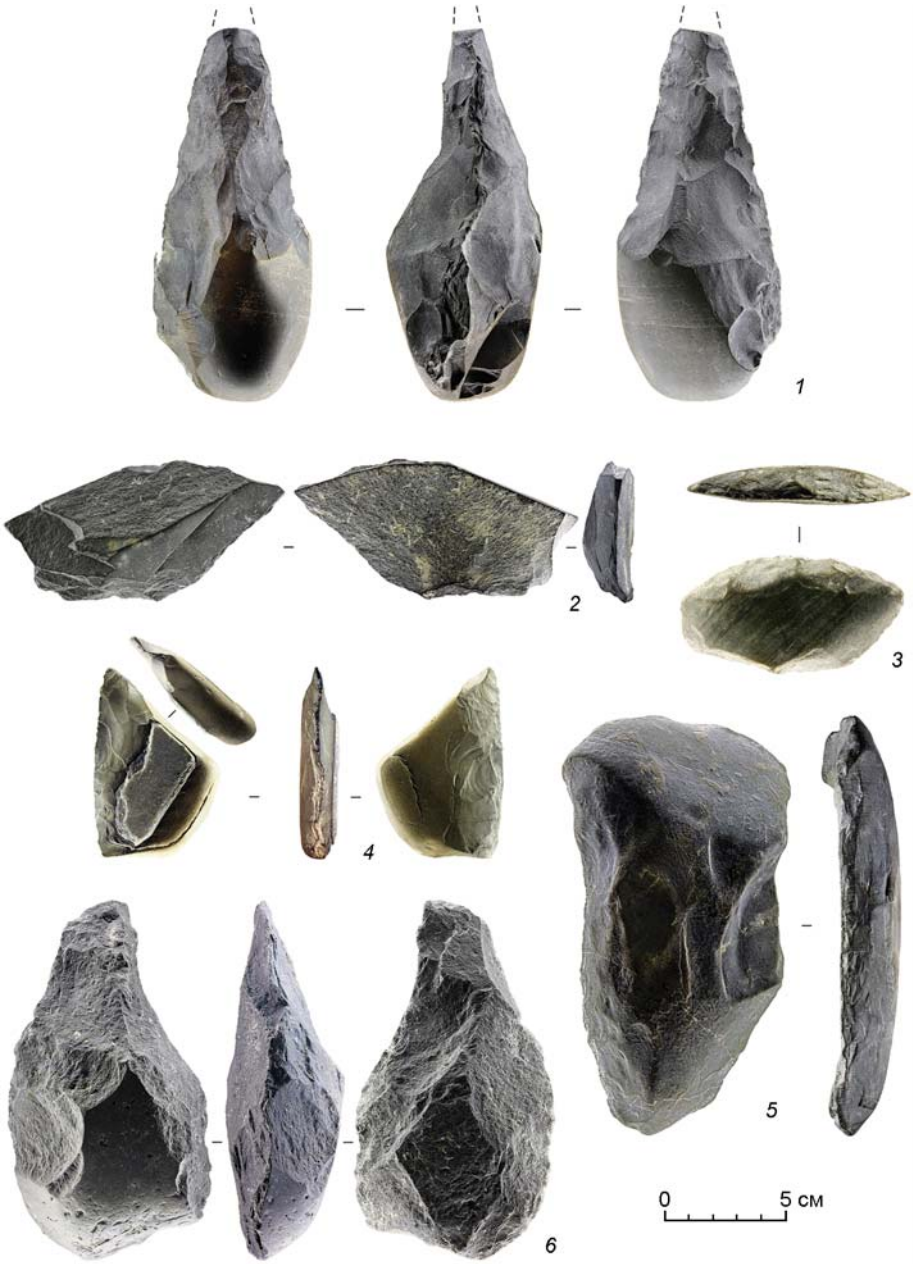


Рис. 2. Артефакты с местонахождение Гараджа (фотографии А.К. Очередного).
1 – пик; *2* – отщеп; *3*, *6* – скребла; *4* – нож типа Бокштайн; *5* – рубило.

ев использовались гальки или массивные первичные сколы с них. Вторичная обработка преимущественно сколовая. В орудийном наборе доминируют крупные формы (рубила, чопперы и др.). Орудия на сколах малочисленны и не имеют интенсивной обработки. Присутствие единичных леваллуазских ядрищ и интенсивно ретушированных скребел, а также сколов с леваллуазской морфологией, как правило изготовленных из высококачественного сырья, в том числе кремня, также не противоречит раннепалеолитической атрибуции этих материалов. В последнее время на Восточном и Южном Кавказе было открыто несколько раннепалеолитических объектов, технокомплексы которых включали как крупные двухсторонние орудия, так и изделия, полученные леваллуазской техникой, в том числе на уже упоминавшейся выше стоянке Дарвагчай-Залив-4 [Рыбалко, Кандыба, 2021]. Скорее всего, в материалах Гараджи фиксируются как минимум два разновременных, но технологически преемственных комплекса, существовавшие в рамках общей позднеашельской индустриальной традиции, что не противоречит и стратиграфической ситуации на местонахождении.

По окончанию работ на памятнике был проведен отбор дополнительной серии образцов на оптико-лю-

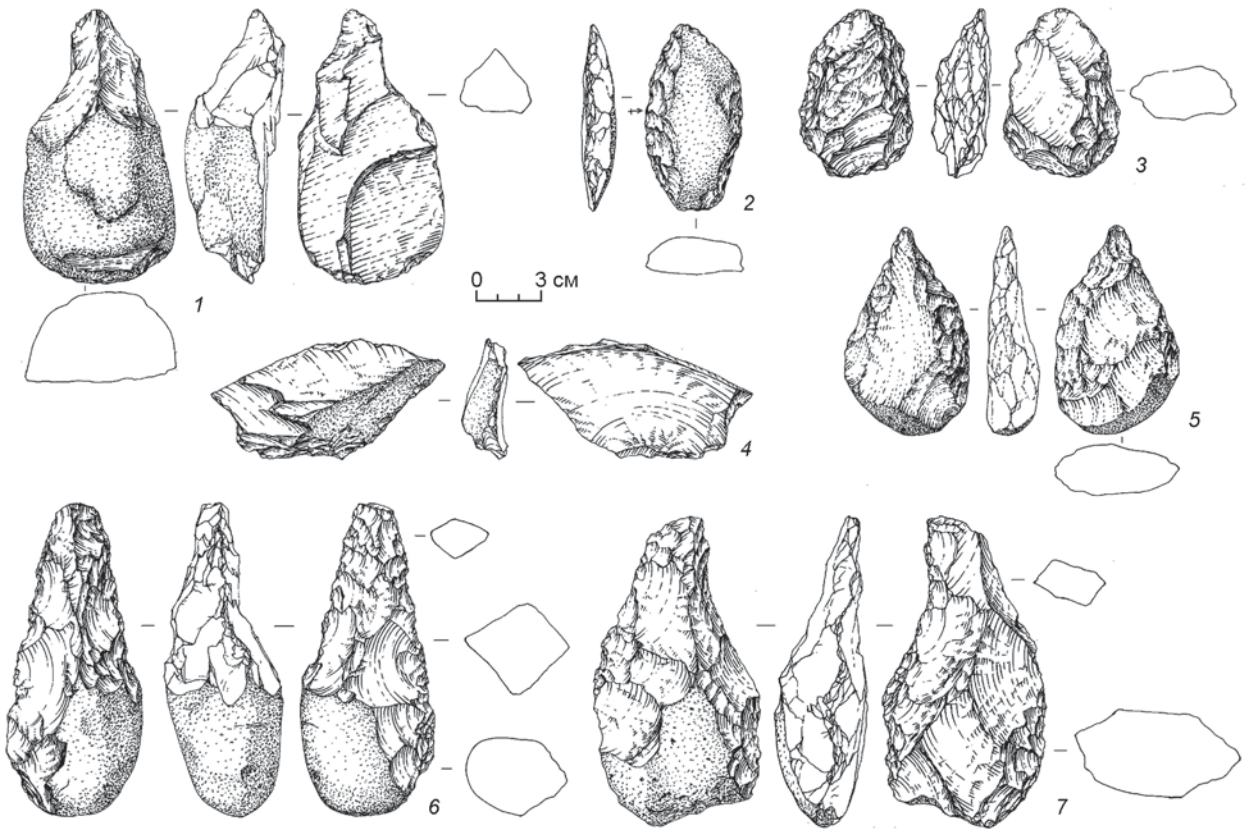


Рис. 3. Артефакты с местонахождение Гараджа (рисунки А.В. Абдульмановой).
1, 6 – пики; *2* – скребло; *3*, *5*, *7* – рубила; *4* – отщеп.

минесцентное и космогенное датирование с разных участков залегания археологического материала и из перекрывающих и подстилающих их отложений.

Еще одним участком работ 2022 г. на территории Куринской межгорной впадины являлся участок левобережья р. Кура между ее руслом и горами Карабых, Кешишдаг, Демир-Тапа и Саждаг. Административно этот участок относится к Агстафинскому р-ну Азербайджана. В 1986–1990 гг. во время разведочных работ сотрудником ИАЭА НАНА М.М. Мансуровым были проведены сборы археологического материала палеолитического облика [Azərbaycan arxeologiyası…, 2008, с. 308–311], однако какого-либо продолжения эти исследования не получили. Целью разведочного маршрута, проходившего по урочищам Калтан, Джейранчель и долине Джейрандюзи, в котором также принял участие М.М. Мансуров, было подтверждение факта заселения этой территории человеком в ранние этапы каменного века, точная фиксация участков концентрации археологического материала и оценка перспективности района в плане нахождения стратифицированных объектов палеолита. Первый пункт с подъемным комплексом артефактов был обнаружен на выровненном участке склона на правом берегу безымянного водотока в урочище Калтан, в 3 км к западу от горы Кешишдаг (41,421444° с.ш., 45, 353333° в.д.) (рис. 1, *2*). Рыхлые отложения здесь представляют собой размытые останцы слабовыраженных террас с маломощным песчано-галечниковым аллювием, перекрывающим разновозрастные породы неогена. В коллекции (11 экз.) представлены два нуклеуса – радиальный однофронтальный и простой одноплощадочный однофронтальный параллельного принципа скалывания. Оба ядрища использовались для получения коротких подпрямоугольных отщепов. Среди сколов (7 экз.): крупных – 4, средних – 3. Ударные площадки гладкие и естественные, огранка дорсалов – субпараллельная и продольно-поперечная, практически на всех присутствует желвачная корка. Также среди артефактов присутствует технический скол декортикации, на котором мелкой многорядной крутой и вертикальной дорсальной краевой ретушью оформлено тройное скребло. Все изделия выполнены из долерита/габбро-диабаза, вероятно, залегающего в виде вулканических бомб разных размеров. Поверхность предметов патинизирована, ребра сглажены.

Второй пункт сборов локализован в безымянном ущелье у южного склона горы Гарабых (41,436222° с.ш., 45, 29625° в.д.). Данный участок представля-

ет собой размытый борт речной террасы (вероятно р. Кура), высотой первые десятки метров, сложенной мощной толщей галечникового аллювия. Превышение над современным руслом реки более 300 м. В коллекции (11 экз.) представлены два простых одноплощадочных однофронтальных ядрища параллельного принципа скалывания для получения крупных и средних сколов. Четыре первичных скола, один пластинчатый и три обычных отщепа, все крупные, с гладкими или естественными ударными площадками, огранка дорсалов отщепов – продольно-поперечная, пластинчатого – субпараллельная. Почти все изделия выполнены из долерита/габбродиабаза. Один первичный скол сделан на песчанике, а пластинчатый отщеп – на окремненной осадочной породе. На продольно расколотой гальке (окремненная осадочная порода) выполнено выемчатое орудие с протяженной неглубокой выемкой, созданной серией коротких широких полукрутых дорсальных сколов. Поверхность всех предметов патинизирована, ребра сглажены в разной степени, наиболее сильно у выемчатого орудия.

Технико-типологический облик подъемного материала с обоих пунктов, с учетом состояния поверхности, позволяет относить их к палеолитическому времени, без более четкой культурно-хронологической атрибуции. При этом, наличие в пунктах сбора толщ рыхлых отложений мощностью от нескольких метров и более, позволяет рассматривать эти местонахождения как перспективные в плане дальнейших исследований.

На правобережье р. Куры, в продолжение выполненного маршрута, был проведен осмотр местности в районе с. Шыхлы, где в 1960-е гг. исследовались местонахождения Гаялы, Чахмахлы и Гадыр-дере, материалы которых были атрибутированы разными этапами палеолита, включая ашельскую эпоху [Мансуров, 2020]. Обследование показало, что в результате интенсивной хозяйственной деятельности часть местонахождений была разрушена, а часть находится вне зоны доступа. При проведении рекогносцировочных работ в окрестностях с. Шыхлы-2 на участке вспаханного поля и прилегающей к нему площадке с непотревоженным дерновым покровом был собран массовый археологический материал (41,292381° с.ш., 45, 148419° в.д.).

В коллекции (27 экз.) представлены нуклевидные обломки средних размеров (2 экз.), причем более крупный является бессистемно обколотой уплощенной конкрецией кремня; пластины (5 экз.), все фрагментированы, ширина 20–35 мм, дорсалы двухгранные; отщепы (18 экз.), из которых крупных – 8, средних – 7, мелких – 3. На 20 % отщепов присутствует желвачная корка; площадки гладкие, дорсалы – субпараллельные однонаправленные, у трех – продольно-поперечные. Также есть два мелких обломка сырья. Орудий и типологически выраженных ядрищ нет.

Практически все артефакты выполнены из желтовато-серого кремня, иногда с переходами в сильноокремненную осадочную породу. Два отщепа (средний и мелкий) сделаны на обсидиане, но не отличаются по каким-либо другим параметрам от остальных сколов. Состав каменной индустрии не позволяет точно определить культурно-хронологическую принадлежность материалов, могущих интерпретироваться как верхнепалеолитические, так и как раннеголоценовые, однако определенные аналогии в характеристиках сколов и в видах используемого сырья с комплексами навеса Гырмызы-Гая, отнесенных к финалу неолита [Анойкин и др., 2021], а также то, что собранные артефакты, скорее всего, происходят из отложений голоценового времени, позволяет предполагать, что они соответствуют финальной фазе каменного века.

На территории Ходжавендского р-на Азербайджана находятся известные пещерные стоянки Азых и Таглар, активно изучавшиеся в 1960–1980-х гг. [Джафаров, 1999; Гусейнов, 2010]. В 2022 г. участниками экспедиции был проведен мониторинг этих объектов с целью определения их текущего состояния и перспектив возобновления археологических работ. Визуальный осмотр показал, что в гроте Таглар (39,605722° с.ш., 46,959611° в.д.) частично сохранился участок рыхлых отложений площадью несколько м^2 в восточном секторе. Благодаря высокой карбонатизации грунта уцелела восточная стенка раскопа, высотой ~ 4 м, что позволяет в дальнейшем провести работы по отбору образцов для абсолютного датирования (OSL, ^{14}C) и ряда естественно-научных методов (палинология, DNA-анализ и др.).

В пещере Азых во входной галерее, несмотря на сильную карбонатизацию, частично разрушены стенки раскопа 1980-х гг. на уровне слоев 5–7 и сильно поврежден западный (в направлении входа) сектор раскопа нижней пачки слоев (слои 7–10) (рис. 1, *3*). В центральном зале верхняя и средняя часть отложений (слои 3–6) сохранились в хорошем состоянии, благодаря консервационным работам, а их площадь позволяет проводить масштабные исследования. Еще одним участком, перспективным для раскопок, может являться второй зал пещеры, соединенный с центральным узким, но легко проходимым лазом. Зал площадью более 100 м^2 имеет округлые очертания, куполообразную кровлю и заполнен рыхлыми отложениями, имеющими по предварительным оценкам мощность не менее 3–4 м. Он хорошо снабжается воздухом и имеет

стабильную положительную температуру, что могло делать это место привлекательным для обитания в холодные периоды.

Таким образом, в 2022 г основными результатами совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедиции стали комплексные исследования условий залегания и распространения артефактов на памятнике Гараджа, сопровождавшиеся отбором образцов для нескольких методов абсолютного датирования (оптико-люминесцентное, космогенное), обнаружение нескольких местонахождений с материалами палеолитического облика на левобережье р. Куры, а также анализ состояния опорных для региона пещерных стоянок Азых и Таглар, что позволит прервать многолетнюю паузу в их изучении и провести новые исследования на современном научном уровне. Дальнейшие работы на палеолитических памятниках Азербайджана позволят существенно расширить наши представления о ранних этапах истории Кавказа и скорректировать общую культурно-хронологическую схему изменений палеолитических индустрий в его восточной части.

Благодарности

Работы на археологических объектах плейстоценового времени выполнены при финансовой поддержке РНФ, грант № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды». Исследование материалов рубежа плейстоцена/голоцена и раннеголоценового времени – в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Анойкин А.А., Зейналов А.А., Кулаков С.А., Очередной А.К., Идрисов И.А., Курбанов Р.Н. Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 20–28.

Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку: Текнур, 2010. – 220 с.

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. – Баку: Елм, 1999. – 228 с.

Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И.Н., Мустафаев И.М., Сулейманов Т.Я. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // Azerbaycan Arxeologiyası va Etnoqrafiyası. – 2013. – № 1. – С. 4–22.

Мансуров М.М. Нижний палеолит Западного Азербайджана. – Баку: Apostrof-A, 2020. – 264 с.

Рыбалко А.Г. Основные типы макроорудий в ашельских комплексах Юго-Восточного Дагестана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 199–205.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования раннепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 228–232.

Azərbaycan arxeologiyası. Daş dövrü. T. 1. / Baş redaktor: Maisə Rəhimova. Bakı: Şərq-Qərb, 2008. – 445 c.

References

Anoikin A.A., Zeinalov A.A., Kulakov S.A., Otcherednoy A.K., Idrisov I.A., Kurbanov R.N. Geoarchaeological Investigation in Azerbaijan in 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 20–28. (In Russ.).

Dzhafarov A.G. Middle Paleolithic of Azerbaijan. Baku: Elm, 1999. 228 p. (In Russ.).

Guseinov M. Ancient Paleolithic of Azerbaijan. Baku: Teknur, 2010. 220 p. (In Russ.).

Mansurov M.M. Lower Paleolithic of Western Azerbaijan. Vol. 1. Baku: Apostrof-A, 2020. 264 p. (In Russ.).

Rahimova M. (ed.) Archaeology of Azerbaijan. Stone Age. Vol. 1. Baku: Şərq-Qərb, 2008. 445 p. (In Azer.).

Rybalko A.G. Main types of macrotools in the Acheulean complexes of southeastern In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 199–205 (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Research of the Darvagchai-zaliv-4 multi-layer site in 2021 In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 228–232. (In Russ.).

Zeinalov A.A., Kulakov S. A., Idrisov I.N., Mustafaev I.M., Suleimanov T.Ia. Novye pamiatneyki kamennogo veka v Giandzha-Gazakhskom regione Azerbaidzhana. *Azerbaycan Arxeologiyası va Etnoqrafiyası*, 2013. N 1. P. 4–22. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Зейналов А.А. https://orcid.org/0000-0002-2944-7127
Кулаков С.А. https://orcid.org/0000-0001-7156-1591
Очередной А.К. https://orcid.org/0000-0001-7616-5686
Идрисов И.А. https://orcid.org/0000-0002-7880-9016
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0029-0035
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, Е.А. Филатов[1], П.В. Чистяков[1], П.М. Сосин[2], А.Ф. Шарипов[3], О.А. Мещерякова[1, 4], О.А. Токарева[1, 5], Р.Н. Курбанов[1, 5, 6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Институт истории, археологии и этнографии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[4]Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН
Москва, Россия
[5]Институт географии РАН
Москва, Россия
[6]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование педокомплекса 5 стоянки Лахути IV (Южный Таджикистан) в 2022 году

В статье приводятся результаты работ совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции в среднем течении р. Оби-Мазар (Республика Таджикистан). В ходе полевых работ 2022 г. здесь были продолжены исследования педокомплекса 5 на стоянке раннего палеолита Лахути IV. Площадь раскопа составила 16 м^2, при глубине вскрытия 4,0 м. На разрезе было выделено 10 литологических слоев. Археологический материал (909 экз.) был зафиксирован на нескольких уровнях в слоях 4–9. В отличие от раскопа 2021 г., на данном участке наблюдается вдвое меньшая плотность находок (~ 55 на м^2) и менее четкое разделение их по горизонтам залегания. В первичном расщеплении фиксируется использование нескольких плоскостных техник – радиальной однофронтальной, долечной, параллельного принципа снятия, в наиболее простых ее формах. Доля сколов декортикации среди технических составляет ~ 85 %. Среди дебитажа значительную часть составляют отходы производства (~ 50 %). Среди отщепов значителен процент «долек» и «клиньев» разных размеров – ок. 25 %. В орудийном наборе наиболее многочисленной группой являются унифасы и их заготовки. Есть выемчатые орудия, простые скребла, атипичные скребки, крупные шиповидные изделия. В единичных экземплярах присутствует чоппер, зубчатое орудие и изделие с элементами бифасиальной обработки. Последнее является крайне редким типом для индустрий раннего палеолита региона. В целом технокомплекс, полученный на ПК5 в 2022 г., соответствует по своим характеристикам коллекции 2021 г. Основные отличия связаны с большим процентом в нем долечных нуклеусов и продуктов их утилизации («дольки» и «клинья»), а также унифасов.

Ключевые слова: *Таджикистан, ранний палеолит, технокомплекс, стратиграфия, лессы, палеопочвы.*

A.A. Anoikin[1]✉, E.A. Filatov[1], P.V. Chistiakov[1], P.M. Sosin[2], A.F. Sharipov[3], O.A. Meshcheryakova[1, 4], O.A. Tokareva[1, 5], R.N. Kurbanov[1, 5, 6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology of the NAS RT
Dushanbe, Tajikistan
[3]Institute of History, Archaeology and Ethnography of the NAS RT
Dushanbe, Tajikistan

[4]*Institute of Physics of the Earth of the RAS*
Moscow, Russia
[4]*Institute of Geography of the RAS*
Moscow, Russia
[5]*Lomonosov Moscow State University*
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Investigation of Pedocomplex 5 of Lakhuti IV Site (Southern Tajikistan) in 2022

The article presents the results of work of the Tajik geoarcheological expedition in the middle reaches of the Obi-Mazar River (Republic of Tajikistan). In the course of 2022 fieldwork, the studies of pedocomplex 5 at the Early Paleolithic site of Lakhuti IV were continued. The area of excavation was 16 sq. m with an opening depth of 4.0 m. Ten lithological layers were identified in the section. Archaeological material (909 pieces) was found at several levels in layers 4 to 9. Unlike 2021 excavation, a twice lower density of finds (~55 per 1 sq. m) and their less distinct distribution among the horizons. In the primary knapping, the use of several flat techniques was determined: radial unifrontal, slice, and parallel, in their simplest forms. The share of decortication flakes among technical ones is ~85 %. Among the debitage, a significant part is represented by production waste (~50 %). Among the flakes, the percentage of "slices" and "wedges" of different sizes is significant, ~25 %. In the toolset, the most numerous group is unifacial tools and their blanks. There are notched tools, simple side-scrapers, atypical side-scrapers, and large spurred tools. A single chopper, a serrated tool, and an item with the elements of bifacial processing are present in the collection. The latter is an extremely rare type for the Early Paleolithic industries of the region. In general, the characteristics of the technological complex obtained from PC-5 of the Lakhuti VI site in 2022 corresponds to the 2021 collection. The main differences are associated with a large percentage of "sliced" cores and their utilization products ("slices" and "wedges"), as well as unifacial tools.

Keywords: *Tajikistan, Early Paleolithic, technological complex, stratigraphy, loess, paleosols.*

Летом 2022 г. участники совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции продолжили работы на стоянке Лахути IV. С российской стороны в работах принимали участие сотрудники МГУ, ИГ РАН и ИФЗ РАН (Москва), ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), с таджикской - представители ИИАЭ НАН РТ и ИВПГЭ НАН РТ (Душанбе).

Стоянка локализована в среднем течении р. Оби-Мазар в окрестностях пос. Лахути (Ховалингский р-н, Хатлонская обл., Республика Таджикистан). На правом, противоположном от места расположения поселка, берегу реки находится протяженное обнажение, высотой до 130 м, составленное цепью нескольких оползневых цирков. В его центральной части хорошо читаются несколько палеопочв, в одной из которых (ПК 5) в 2021 г. был зафиксирован массовый археологический материал и открыта стоянка раннего палеолита, получившая название Лахути IV (рис. 1, *1*) [Анойкин и др., 2021].

Памятник расположен на высоте ~ 50 м над современным урезом воды в центральной части протяженного обнажения, в пределах которого известно еще несколько археологических объектов и опорных геологических разрезов. Здесь рекой подмывается мощная толща четвертичных отложений, имеющая двухчленное литологическое строение. Внизу находится древний аллювий переотложенных Дарвазских конгломератов (мощность 30–40 м), а вверху – лессово-почвенные серии. Таким образом, в основании разреза залегают галечники, мощность которых максимальна в юго-западной части, а кровля отложений падает к северо-востоку. Перекрывающий их субаэральный комплекс представлен мощными лессово-почвенными сериями (до 70 м), включающими до семи педокомплексов (ПК). В 2021 г. работы на стоянке Лахути IV проводились на ПК 5, имеющим здесь общую мощность до 2,7 м. Верхняя часть палеопочвы частично срезана оползнем. Участок исследовался раскопом-врезкой, площадь которого по основанию составила 6 м^2 [Там же]. Общая коллекция найденных при раскопках каменных артефактов составила 662 экз. Все они залегали субгоризонтально, согласно общему простиранию вмещающих отложений, на восьми уровнях, отделенных друг от друга стерильными в археологическом плане прослоями. Условия залегания и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря позволила отнести его к единой индустрии раннепалеолитического времени. Следует добавить, что в настоящее время комплекс естественно-научных данных позволяет определить возраст ПК5 в долине Оби-Мазара равным ~ 0,5 млн л.н. [Ранов, Шеффер, 2000; Додонов, 2002].

В 2022 г. на уровне ПК 5 в 5 м ниже по реке от участка работ 2021 г. был заложен Раскоп 2, общей площадью 16 (4 × 4) м^2 (по основанию). Раскопом общей глубиной до 4,0 м были вскрыты все отложения ПК 5 от кровли до уровня карбонатной корки, залегающей в его подошве и стерильной в археологическом плане. Расположение раскопа и его удаленность от места раскопок 2021 г. определялось крутизной склона, на отдельных участках имеющего угол близкий к вертикальному.

Раскопом 2 в 2022 г., сверху вниз, были вскрыты следующие отложения (рис. 1, *2*).

Слой 1 (Ln) – конкреционный горизонт, конкреции до 12 см, плотные, среднепористые, между ними лесс желтого цвета, слабопористый, средний суглинок, бесструктурный, $CaCO_3$ нет. Мощность – 30–35 см.

Слой 2 (Lz) – суглинок средний, палевый, увлажненный, тонкослабопористый, менее плотный, бесструктурный, редкие биолиты с ореолами $CaCO_3$. Мощность – 40–45 см.

Слой 3 (LBzn) – суглинок средний, темно-желтый, увлажненный, плотный, тонкослабопористый, глыбистый, много биолитов с ореолами $CaCO_3$, встречаются конкреции до 8 см, $CaCO_3$ мало в виде редких прожилок. Мощность – 50–55 см.

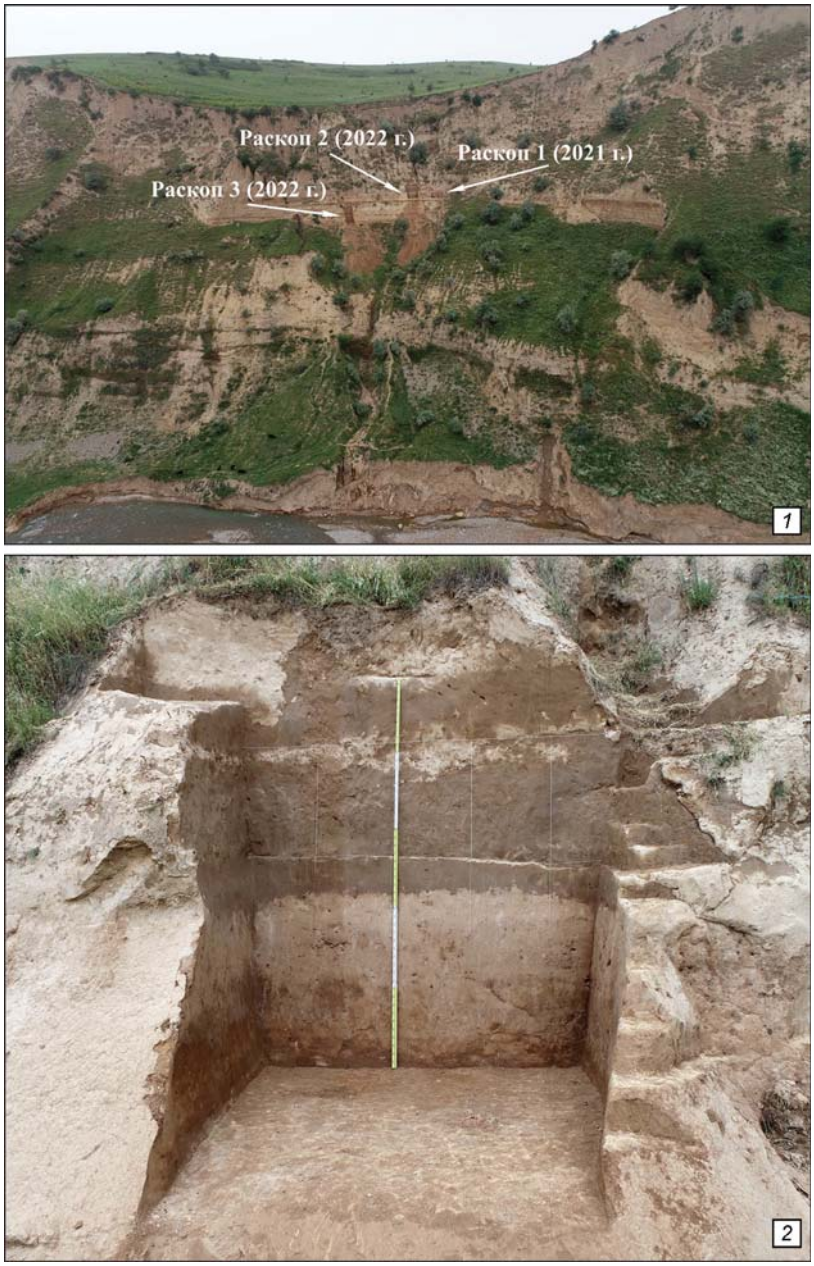


Рис. 1. Участки раскопочных работ на памятнике Лахути IV (*1*) и вид на раскоп 2 (2022 г.) после окончания работ (*2*).

Слой 4 (Bn) – суглинок средний, коричнево-желтоватый, увлажненный, тонкослабопористый, плотный, комковато-глыбистый, встречаются отдельные конкреции до 6 см в диаметре, $CaCO_3$ по порам до 1мм в диаметре, биолитов нет. Мощность – 40–45 см.

Слой 5 (Bm) – суглинок средне-тяжелый, коричневый, сухой, плотный, тонкослабопористый, зернисто-комковатый, $CaCO_3$ по мелким и средним порам (1 мм и 1,5 мм). Мощность – 50–55 см.

Слой 6 (Bt) – суглинок тяжелый, коричневый, сухой, плотный, ореховато-зернисто-комковатый, много мелких биолитов, $CaCO_3$ мало по редким порам. Мощность – 45–50 см.

Слой 7 (Bm) – суглинок средне-тяжелый, коричневый, сухой, плотный, тонкослабопористый, глыбисто-комковатый, есть орешки, с единичными пленками Fe-Mn, $CaCO_3$ нет. Мощность – 40–45 см.

Слой 8 (Bmt) – суглинок тяжелый, более темный и более оструктурен, плотный, тонкослабопористый, комковато-ореховатый, есть зерна и Fe-Mn пленки, $CaCO_3$ нет. Мощность – 25–30 см.

Слой 9 (B) – суглинок средне-тяжелый, коричневый, сухой, плотный, тонкослабопористый, глыбисто-комковатый, $CaCO_3$ нет. Мощность – 15–20 см.

Слой 10 (Bca) – суглинок средний, светло-коричневый, сухой, плотный, тонкослабопористый, комковато-глыбистый, много $CaCO_3$ по порам и корешкам. Мощность – 20–25 см.

Слой 11 (Sca) – карбонатная кора, плотная, среднесуглинистая среднепористая, состоит из двух слоев, разделенных коричневым биолитовым материалом мощностью 10 см, по простиранию не выдержан. Мощность – 35–40 см. Кора образовалась по начальной стадии почвообразования на подстилающих горизонтах LB и B. Обозначения генетических горизонтов почв приводится по: [Розанов, 1973].

Археологический материал (909 экз.) был зафиксирован на нескольких уровнях в слоях 4–10. В отличие от раскопа 2021 г., на данном участке наблюдается вдвое меньшая плотность находок (~ 55 на $м^2$) и менее четкое разделение их по горизонтам залегания. В верхней и нижней частях разреза можно выделить как минимум четыре субгоризонтальные зоны концентрации артефактов с разбросом находок в пределах 5–10 см, что позволяет считать их выраженными горизонтами обитания. При этом большая часть археологического материала залегает в слое 6 (средняя часть разреза), создавая плотное «облако» мощностью 30–40 см.

Условия залегания и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря позволяют рассматривать его в рамках единой индустрии, что не противоречит данным, полученным со стоянки в результате работ 2021 г. [Анойкин и др., 2021].

В сводной коллекции представлены следующие типы изделий: гальки – 33 экз., колотые гальки – 11 экз., нуклевидные формы – 42 экз., технические сколы – 39 экз., «дольки» и «клинья» – 94 экз., пластинчатые сколы – 7 экз., отщепы – 213 экз., мелкие сколы – 123 экз., обломки и осколки – 347 экз. Кроме того, было найдено 22 неопределимых фрагмента костей.

Нуклевидные формы включают 14 нуклевидно-обколотых галек, 8 нуклевидных обломков, 3 обломка со сколами, возможно являющимися фрагментами бессистемных ядрищ, и 17 нуклеусов. Среди ядрищ представлены изделия нескольких типов. Наиболее многочисленной категорией являются радиальные однофронтальные нуклеусы – 7 экз. (рис. 2, *1*; 3, *7*). Все изделия выполнены на гальках и их размер колеблется в пределах 8–5,5 см по длинной оси. Фронт, как правило, слабовыпуклый, с негативами центростремительных снятий, занимающих от $^2/_3$ до всего периметра. В основном сбивались заготовки среднего размера, широкие, подпрямоугольной или сегментовидной формы. Предварительное оформление ударных площадок сколами прослеживается только на одном предме-

Рис. 2. Каменные артефакты из ПК 5 стоянки Лахути IV (фотографии Е.Н. Бочаровой).
1 – нуклеус; *2* – унифас; *3* – скребло; *4* – чоппер; *5* – бифасиальное орудие.

те. Контрфронт выпуклый или слабовыпуклый, галечный.

Также хорошо представлены ядрища для получения долечных сколов («цитронов»), близкие радиальным (4 экз.). Они имеют более крупные размеры (9–10 см) и представляют собой усеченные по длинной оси большие гальки. Плоскость усечения, как правило, слабовыпуклая, с негативами сегментовидных крупных и средних центростремительных снятий, сбитых по периметру. Предварительная подготовка площадок не проводилась.

В технике параллельного расщепления выполнено пять нуклеусов, из которых четыре относятся к одноплощадочным однофронтальным, а один – к двуплощадочным двуфронтальным. Размеры изделий по длинной оси находятся в пределах 6–8 см. Выполнены на подпрямоугольных обломках или брусковидных гальках. Ядрища имеют минимальную подготовку. Ударные площадки прямые, либо естественные, либо подготовленные одним крупным сколом. Фронты скалывания слабовыпуклые, с негативами подпрямоугольных разноразмерных снятий, иногда занимающих всю плоскость раскалывания. Двуплощадочное ядрище имеет противолежащие площадки и несопряженные фронты, не составляющие общей системы расщепления. Перенос плоскости расщепления связан с невозможностью дальнейшего ее использования из-за заломов.

Еще один нуклеус небольших размеров (4 см) имеет сильную степень сработанности, что позволяет диагностировать его только как бессистемный.

Таким образом, первичное расщепление представлено несколькими плоскостными техниками – радиальной однофронтальной, близкой ей долечной, а также параллельного принципа снятия в наиболее примитивном варианте с использованием одной плоскости и одного направления скалывания. При этом на заключительных стадиях утилизации ядрищ параллельного типа расщепление могло носить бессистемный, ситуационный характер. Какая-либо предварительная подготовка на всех видах ядрищ не фиксируется или присутствует минимально (один-два скола). В качестве ударных площадок чаще всего использовались удобные естественные поверхности заготовок. Зона скалывания не подготавливалась, технических сколов оформления и подправки ударных площадок не зафиксировано.

Доля сколов разжелвачивания среди технических составляет ~ 85 %. Есть редкие краевые сколы и три предмета, которые по своим параметрам (размеры, огранка, угол остаточной площадки) могут быть продуктами оформления унифасов или скребел типа кина. Среди дебитажа значительную часть составляют отходы производства (~ 50 %), где кроме обломков и осколков присутствуют мелкие сколы (<1,5 см). Пластинчатых форм нет. Среди отщепов «дольки» и «клинья» разных размеров составляют ~ 25 %. «Клинья», как специфический тип сколов, был выделен В.А. Рановым, определявшим их как продольно фрагментированные долечные отщепы, имеющие треугольный профиль в продольном сечении и являющиеся, по его мнению, характерным продуктом «долечной» техники [Лазаренко, Ранов, 1977; Ранов, Жуков, 1982]. По размерности в коллекции доминируют сколы средних размеров (~ 55 %), крупные и небольшие присутствуют примерно в равных пропорциях. Огранка дорсалов преимущественно гладкая и субпараллельная, немного реже – продольно-поперечная. Около 75 % ударных площадок – галечные, остальные – гладкие. Также в коллекции есть две удлиненные гальки со следами забитостей на одном из торцов, возможно использовавшиеся в качестве отбойников.

В орудийном наборе (27 экз., ~ 7 % коллекции, без учета отходов производства и галек) наиболее многочисленной группой являются унифасы и их заготовки (8 экз.) (рис. 2, *2*; 3, *1, 3*). Все изделия имеют схожую размерность (6–4,5 см); овальную или близкую таковой форму; естественное покрытие одной из широких плоскостей, как правило, слабовыпуклой, и схожую обработку другой. В основном это средние и мелкие центростремительные сколы, не доходящие до центральной части выпуклой плоскости, снятые по всему периметру или большей его части. На нескольких изделиях негативы занимают всю обработанную плоскость. В целом по характеру отделки эти орудия близки радиальным ядрищам, но отличаются размерами, характером оформляющих снятий и углом схождения плоскостей. Следующими по количеству являются выемчатые орудия с клектонскими анкошами (4 экз.) и однолезвийные продольные скребла со слабоинтенсивной обработкой лезвий (3 экз.) (рис. 2, *3*; 3, *5*). В коллекции также есть атипичные скребки на массивных отщепах (рис. 3, *4*) и крупные шиповидные изделия (по 2 экз.). В единичных экземплярах присутствует чоппер (рис. 2, *4*; 3, *6*), зубчатое орудие и изделие с элементами бифасиальной обработки (рис. 2, *5*; 3, *2*). Последнее является крайне редким типом для индустрий раннего палеолита региона. Это крупное (5,5 см) изделие овальной формы, уплощенное, двояковыпуклое, поперечно фрагментированное. Сохранилось примерно $^{2}/_{3}$ орудия. Продольные края слабо выпуклые, обе плоскости прокрыты неполными негативами сколов, на одной из плоскостей продольные края имеют подправку мелкими полукрутыми короткими единичными снятиями, по другой плоскости геометрия края формируется за счет более

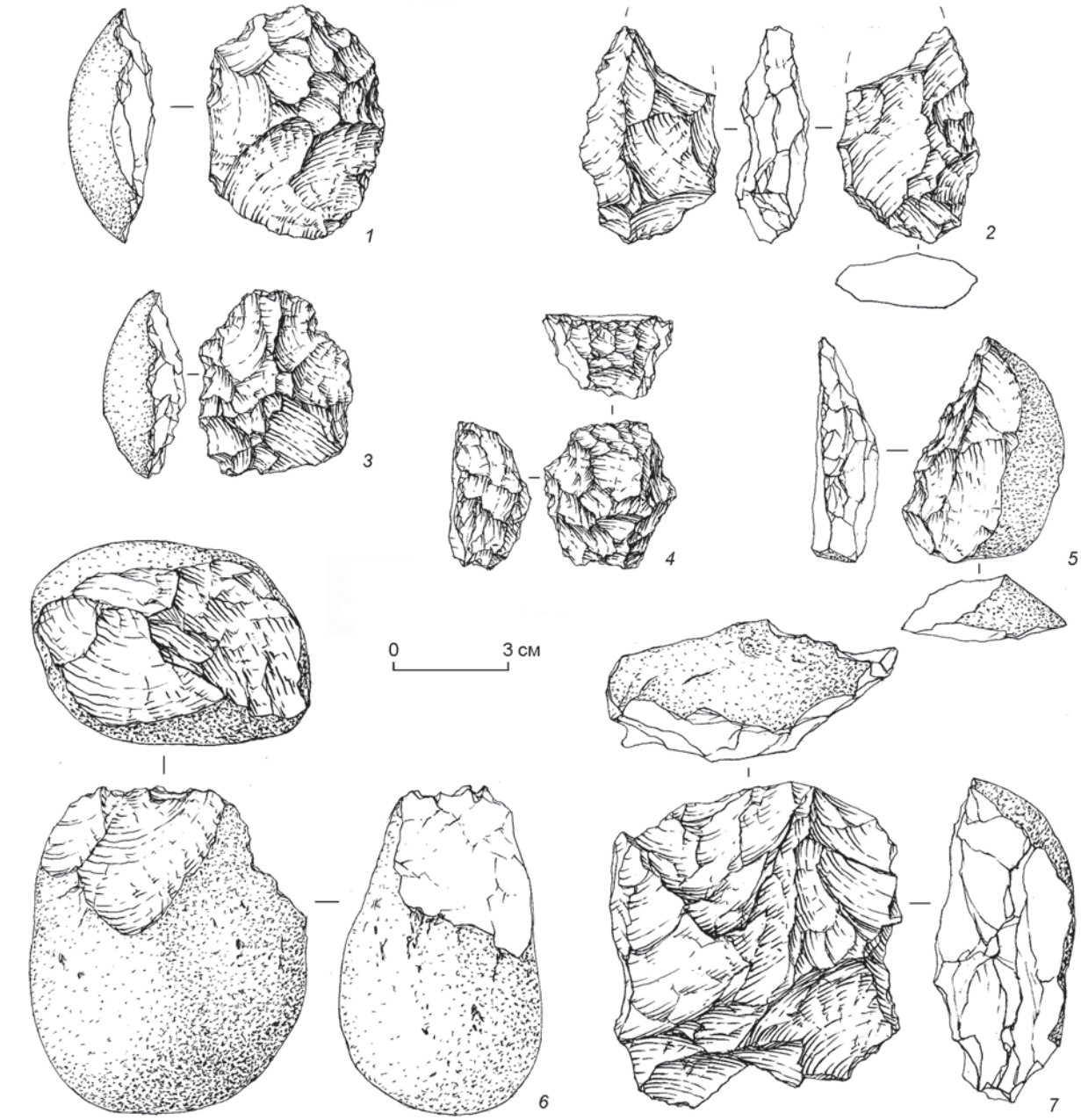


Рис. 3. Каменные артефакты из ПК 5 стоянки Лахути IV (рисунки А.В. Абдульмановой).
1, 3 – унифасы; *2* – бифасиальное орудие; *4*– атипичный скребок; *5* – скребло; *6* – чоппер; *7* – нуклеус.

ранних крупных сколов. Возможно, данный предмет является заготовкой бифасиального орудия на начальных стадиях оформления. Обломки и сколы с нерегулярной ретушью относительно немногочисленны (5 экз.).

В целом, технокомплекс, полученный на ПК 5 в 2022 г., соответствует по своим характеристикам коллекции 2021 г. Основные отличия связаны с большим процентом в нем долечных нуклеусов и продуктов их утилизации («дольки» и «клинья»), а также унифасов. Кроме того, следует отметить присутствие в нем орудия с двусторонней обработкой, не характерного для данной индустрии, но известного как единичная находка в синхронном комплексе из ПК 5 на стоянке Лахути I [Ранов, 1986].

Выполненные в 2022 г. геологические исследования были направлены на детальную характеристику особенностей строения палеопочв, формирующих ПК 5, для чего была отобрана серия образцов ненарушенной структуры для изучения микростроения в шлифах и материал для проведения геохимических анализов (определение содержания гумуса, элементного состава и характеристики глинистых минералов). Для стоянки Лахути IV было отобрано 10 ориентированных блоков для изучения магнитной текстуры отложений методом анизотропии

магнитной восприимчивости, направленной на реконструкцию особенностей седиментации и восстановление направления ветров, доминировавших в эпоху формирования ПК 5. Для определения возраста формирования педокомплекса была отобрана серия крупных карбонатных конкреций для датирования U/Th методом.

Таким образом, материалы Лахути IV, полученные в ходе работ как 2021 г., так и 2022 г., хорошо вписываются в общий контекст раннепалеолитических индустрий Таджикистана, в первую очередь стоянок, чьи ассамбляжи связаны с ПК 5 (Лахути I, Оби-Мазар) [Ранов, Шеффер, 2000]. С учетом высокой концентрации артефактов на памятнике, его дальнейшее изучение позволит существенно расширить наши представления о древнейших этапах истории Таджикистана и скорректировать общую культурно-хронологическую схему изменений индустрий «лессового палеолита».

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита».

Список литературы

Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Курбанов Р.Н. Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 29–37.

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау 1 – древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии // Бюллетень КИЧП. – 1977. – № 47. – С. 50–56.

Ранов В.А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути 1 в 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1986. – Вып. XIX. – С. 11–36.

Ранов В.А., Жуков В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1982. – Вып. XVI. – С. 9–30.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Розанов Б.Г. Морфология почв. – М.: Изд-во Моск. гос. у-та, 1973. – 320 с.

References

Anoikin A.A., Rybalko A.G., Hudzhageldiev T.U., Sosin P.M., Kurbanov R.N. Lakhuti IV – a New Site of the Early Paleolithic in the Obi-Mazar Valley (Southern Tajikistan). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 29–37. (In Russ.).

Dodonov A.E. Quaternary period of Central Asia: Stratigraphy, correlation, paleogeography. Moscow: GEOS, 2002. 250 p. (In Russ.).

Lazarenko A.A., Ranov V.A. Karatau 1 – drevneishii paleoliticheskii pamiatnik v lyossakh Srednei Azii. In *Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*, 1977. N 47. P. 50–56. (In Russ.).

Ranov V.A. Raskopki nizhnepaleoliticheskoi stoianki Lahuti 1 v 1979 godu. In *Archaeological research in Tajikistan.* Dushanbe, 1986. Vol. 19. P. 11–36. (In Russ.).

Ranov V.A., Zhukov V.A. Raboty otriada po izucheniiu kamennogo veka v 1976 godu. In *Archaeological research in Tajikistan.* Dushanbe, 1982. Vol. 16. P. 9–30. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. N 2. P. 20–32.

Rozanov B.G. Morphology of soils. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1973. 320 p. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Мещерякова О.А. https://orcid.org/0000-0002-6141-7171
Токарева О.А. https://orcid.org/0000-0002-9461-2168
Курбанов Р.Н. htts://orcid.org/0000-0001-6727-6202

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0036-0042
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, Е.А. Филатов[1], П.В. Чистяков[1], П.М. Сосин[2], А.Ф. Шарипов[3], О.А. Мещерякова[4], О.А. Токарева[5], Г.Д. Павленок[1], Р.Н. Курбанов[5, 6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Институт истории, археологии и этнографии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[4]Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН
Москва, Россия
[5]Институт географии РАН
Москва, Россия
[6]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование раннепалеолитических комплексов времени МИС 14–15 в долине р. Оби-Мазар (Таджикистан) в 2022 году

В статье приводятся результаты исследований совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции раннего палеолита в Южном Таджикистане. На стоянке Лахути IV был обнаружен новый участок концентрации археологического материала, связанный с педокомплексом 6. Для его изучения был заложен раскоп площадью 10,5 м^2, пройденный на глубину 7 м. В ходе работ были исследованы не только отложения ПК 6, но и перекрывающая их толща лессов (до ПК 5). На разрезе было выделено 17 литологических слоев, сгруппированных в три основные пачки: почвенные комплексы 6б (слои 17–12) и 6а (слои 10–7), а также лессовой комплекс (Л6), включающий несколько собственно лессовых уровней, а также слаборазвитых палеопочв (слои 6–1). Общая коллекция насчитывает 181 каменный артефакт и 48 неопределимых фрагментов костей. Основной археологический материал залегал в слоях 6 и 5, также отдельные предметы были зафиксированы на разных уровнях ПК 6а и ПК 6б. Археологический материал в лессах (157 экз.) также находился на нескольких уровнях. Условия залегания и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря позволяют рассматривать весь материал лессового комплекса в рамках единой индустрии. В ней использовалось несколько техник первичного расщепления – радиальная, долечная и параллельного принципа снятия, в наиболее простом варианте, с минимальной подготовкой ядрищ. В орудийном наборе представлены острие, выемчатое изделие с ретушированным анкошем и отщеп с ретушью. Исследованный лессовый комплекс, согласно имеющейся хроностратиграфической схеме, имеет возраст ~ 560–520 тыс. лет и соответствует МИС 14, а материалы из ПК 6 – МИС 15. Наиболее значимым результатом исследований, проведенных в 2022 г. на данном участке, является первое достоверное свидетельство присутствия массового археологического материала в лессовых отложениях.

Ключевые слова: *Таджикистан, ранний палеолит, стратиграфия, лессы, палеопочвы, каменная индустрия, МИС 14.*

A.A. Anoikin[1]✉, E.A. Filatov[1], P.V. Chistyakov[1], P.M. Sosin[2], A.F. Sharipov[3], O.A. Meshcheryakova[4], O.A. Tokareva[5], G.D. Pavlenok[1], R.N. Kurbanov[5, 6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia

[2]*Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology of the NAS RT*
Dushanbe, Tajikistan
[3]*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the NAS RT*
Dushanbe, Tajikistan
[4]*Institute of Physics of the Earth of the RAS*
Moscow, Russia
[4]*Institute of Geography of the RAS*
Moscow, Russia
[5]*Lomonosov Moscow State University*
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Study of Early Paleolithic Assemblages of MIS 14–15 in the Obi-Mazar River Valley (Tajikistan) in 2022

The article presents the results of 2022 excavations by the joint Russian-Tajik geoarchaeological expedition of the Early Paleolithic in Southern Tajikistan. At the Lakhuti IV site, a new area of concentration of archaeological materials was discovered in pedocomplex 6. Excavated area of 10.5 sq. m opened 7 m thick loess-paleosol sequence. In the course of the work, both PC-6 deposits and also the layer of overlapping loess (up to PC-5) were studied. In the studied section, 17 lithological layers were identified, grouped into three main units: paleosol PC-6b (layers 17–12), paleosol PC-6a (layers 10–7), and thick loess of L6 including several loess level and poorly developed paleosols (layers 6–1). The total archaeological collection includes 181 lithic artifacts and 48 non-identified bone fragments. The main archaeological material was obtained from layers 6 and 5; individual items were also found at different levels of PC-6a and PC-6b. Archaeological material in the loess (157 pieces) was also located at several levels. The conditions for occurrence as well as technical and typological characteristics of the stone assemblage allows considering the entire collection from the loess unit as a complex within single industry using several primary knapping techniques: radial, unifrontal, slice, and parallel, in their most primitive forms and with the minimum core processing. The toolkit includes a point, a notched tool, and a retouched flake. The studied loess unit, according to the available chronostratigraphic chart of the region, formed ~560–520 ka, and corresponds to MIS 14, while the collection from PC-6 corresponds to MIS 15. The most significant result of the 2022 study in this area is the first reliable evidence of the presence of massive archaeological material in loess deposits.

Keywords: *Tajikistan, Early Paleolithic, stratigraphy, loess, paleosol, lithic industry, MIS 14.*

В 2022 г. участники совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы в среднем течении р. Оби-Мазар, в районе пос. Лахути (рис. 1). Главным объектом изучения являлась стоянка Лахути IV, обнаруженная здесь в 2021 г. [Анойкин и др., 2021]. Основной комплекс археологических материалов на памятнике связан с педокомплексом 5 (ПК 5), исследовавшимся в 2021–2022 гг. двумя раскопами общей площадью ~ 22 м^2. В ходе работ была получена представительная коллекция каменных артефактов, насчитывающая более 1 500 изделий (см. статью Анойкин и др. «Исследование педокомплекса 5 стоянки Лахути IV (Южный Таджикистан) в 2022 г.» в данном сборнике), являющаяся в настоящее время самой многочисленной из известных на объектах лессового палеолита региона [Ранов, Шеффер, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. В ходе рекогносцировочных работ, в непосредственной близости от раскопов были выявлены новые участки концентрации археологического материала, залегающего на других высотных отметках и связанного с ПК 6 и ПК 4.

С целью определения их перспективности для дальнейших исследований, после завершения работ на ПК 5, было решено продолжить раскопки на новом участке, на уровне ПК 6, признанном на основе стратиграфической ситуации и собранной коллекции артефактов наиболее перспективным. Раскоп 3 был заложен в 20 м ниже по реке от юго-западного угла раскопа 2 2022 г. Выбор участка определялся границами зоны концентрации подъемного материала, а также профилем склона, на отдельных участках имеющего угол, близкий к вертикальному. Из-за крутого наклона стенки обнажения (~ 60º–70º) раскопанная площадь, составляющая 10,5 м^2 по дну раскопа (3 × 3,5 м), на верхних уровнях вскрытия была существенно меньше. Раскопочные работы велись ступенями, размеры которых определялись глубиной и площадью вскрываемых участков склона, раскопанного от подошвы карбонатной корки, лежащей в основании ПК 5 (см. статью Анойкин и др. «Исследование педокомплекса 5 стоянки Лахути IV (Южный Таджикистан) в 2022 г.» в данном сборнике) до основания ПК 6. Таким образом, в ходе работ были исследованы не только отложе-

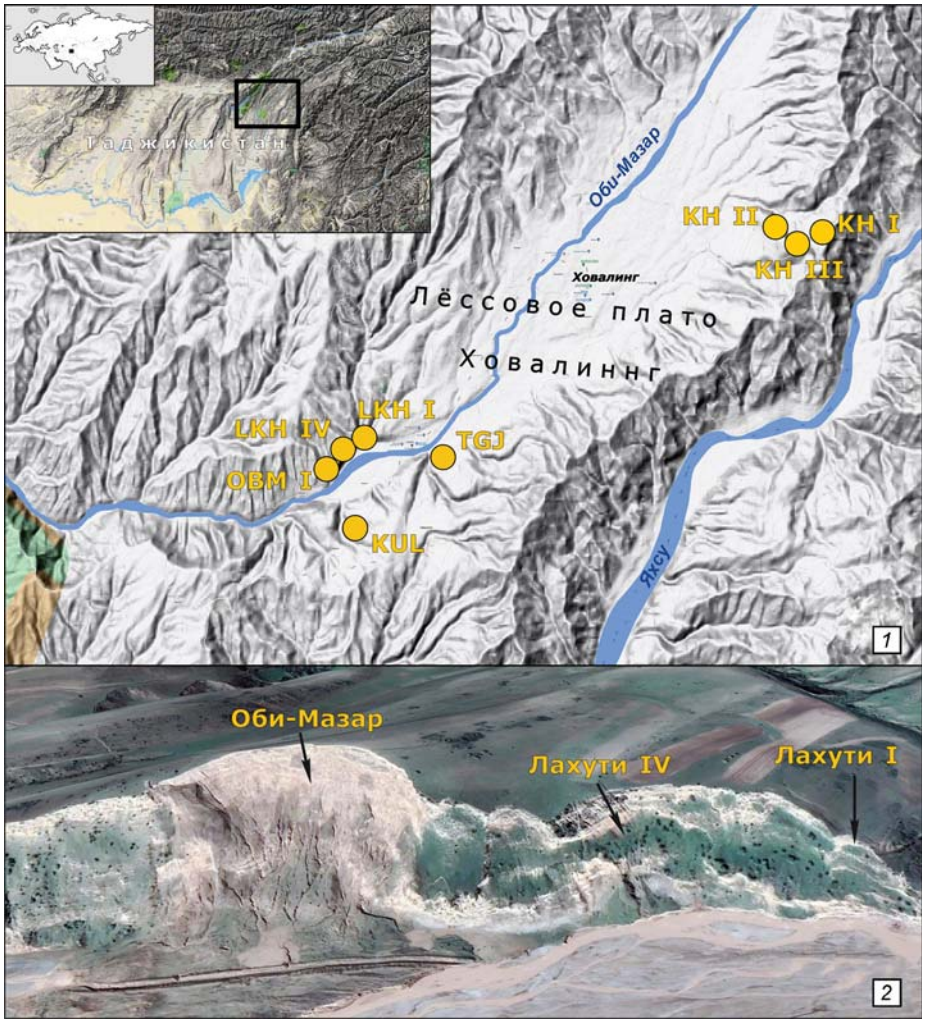


Рис. 1. Карта-схема расположения основных лессовых разрезов и памятников палеолита в долине р. Оби-Мазар (*1*) и расположение археологических памятников на обнажении Оби-Мазар (*2*).

KH I – Хонако I; KH II – Хонако II, KH III – Хонако III, KUL – Кульдара, LHT – Лахути I, II, LHT IV – Лахути IV, OBM – Оби-Мазар, TJR – Тагиджар.

ния ПК 6, но и перекрывающая их толща лессов. Общая глубина раскопа составила 7 м.

На исследованном участке раскопом 2 2022 г. были вскрыты следующие отложения (сверху вниз).

Слой 1 (LBzn) – суглинок средний, коричневато-желтый, плотный, комковато-глыбистый, слабопористый, много биолитов с ореолами $CaCO_3$. Мощность – 55–60 см.

Слой 2 (L) – суглинок средний, желтый, бесструктурный, менее плотный, тонкослабопористый, биолитов нет. Мощность – 35–40 см.

Слой 3 (LBn) – суглинок средний, коричневато-желтый, тонкослабопористый, плотный, комковато-глыбистый, $CaCO_3$ по тонким порам и слабым ореолам, крупные конкреции до 12 см. Мощность – 45–50 см.

Слой 4 (Bn) – суглинок средний, коричневый с желтым оттенком, тонкослабопористый, глыбисто-комковатый, менее плотный, относительно много крупных конкреций до 8 см. Мощность – 45–50 см.

Слой 5 (LBzn) – суглинок средний, темно-желтый с коричневым оттенком, плотный, тонкослабопористый, комковато-глыбистый, $CaCO_3$ по мелким порам, в подошве появляются редкие биолиты. Мощность – 45–50 см.

Слой 6 (Lz) – суглинок средний темно-желтый, бесструктурный, тонкослабопористый, биолитов больше, $CaCO_3$ меньше, Fe-Mn конкреции до 2 мм в диаметре. Мощность – 55–60 см.

Слой 7 (B) – суглинок средний коричневый, плотный, тонкослабопористый, комковато-глыбистый, относительно много конкреций до 10–15 см, $CaCO_3$ по мелким и крупным вертикальным порам до 2 мм толщиной. Мощность – 15–20 см. Заключительная фаза ПК 6а**.**

Слой 8 (Bmt) – суглинок средне-тяжелый, коричневый, зернисто-комковатый, менее плотный,

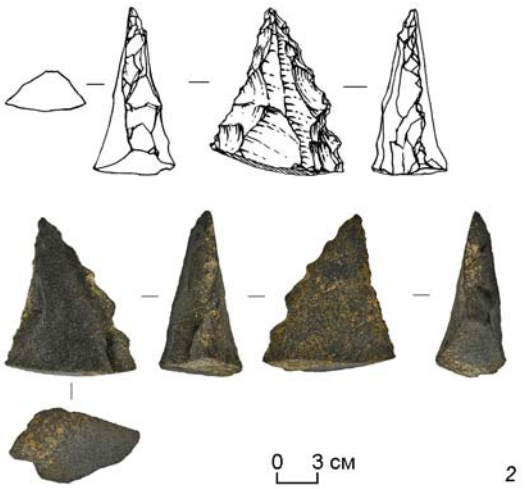


Рис. 2. Долина р. Оби-Мазар около памятника Лахути IV (*1*), острие из раскопа 3 (фотография Е.Н. Бочаровой, рисунок А.В. Абдульмановой) (*2*) и вид на раскоп 3 (2022 г.) после окончания работ (*3*).

Fe-Mn пленки на мелких биолитах (5 мм), $CaCO_3$ по мелким и крупным вертикальным порам, более окарбоначенный. Мощность – 45–50 см.

Слой 9 (Bm) – суглинок средне-тяжелый, светло-коричневый, более плотный, тонкослабопористый, комковатый, резкий переход в кору. Мощность – 40–45 см.

Слой 10 (Sca) – кора, состоит из отдельных конкреций по ходам землероев, могущих достигать до 20 см по простиранию, они не всегда сцементированы между собой, иногда между ними до 30 см материала горизонта LBz. Мощность – 7–15 см.

Слой 11 (LBz) – суглинок средний, темно-желтый с коричневым оттенком, тонкослабопористый, глыбистый, много биолитов с ореолами $CaCO_3$, $CaCO_3$ много по биолитам и прожилки до 1,5 мм толщиной. Мощность – 20–25 см.

Слой 12 (Bz) – суглинок средний, более темный, плотный, тонкослабопористый, комковато-глыбистый, меньше биолитов и $CaCO_3$. Мощность – 25–30 см. Заключительная фаза ПК 6б.

Слой 13 (Bm) – суглинок средне-тяжелый, коричневый, плотный, тонкослабопористый, комковато-глыбистый, много $CaCO_3$. Мощность – 5–10 см.

Слой 14 (Bmt) – суглинок тяжелый, темно-коричневый, плотный, зернисто-комковатый, тонкослабопористый, слабые пленки Fe-Mn по структурным граням, много $CaCO_3$. Мощность – 70–75 см.

Слой 15 (Bm) – суглинок средне-тяжелый, светло-коричневый, глыбисто-комковатый, тонкослабопористый, плотный, $CaCO_3$ меньше, в подошве появляются зерна и слабые пленки Fe-Mn. Мощность – 55–60 см.

Слой 16 (B(m?)) – суглинок средне-тяжелый, более темный, плотный, тонкослабопористый, глыбисто-комковатый, в кровле есть редкие пленки Fe-Mn. Мощность – 40–45 см.

Слой 17 (Sca) – кора плотная, состоит из конкреций и $CaCO_3$ пропитки, среднепористая. Мощность – 15–20 см. Кора сформировалась по начальной стадии почвообразования на подстилающем горизонте LBz. Обозначения генетических горизонтов почв приводится по: [Розанов, 1973].

В полученном разрезе выделено три основные пачки отложений: ПК 6, представленный двумя почвенными комплексами 6б (слои 17–12) и 6а (слои 10–7), и лессовой комплекс, залегающий между ПК 6 и ПК 5 и включающий несколько горизонтов как

собственно лессов, так и слаборазвитых палеопочв (слои 6–1).

Общая коллекция, полученная в ходе исследовательских работ на раскопе 2, насчитывает 181 каменный артефакт и 48 неопределимых фрагментов костей. Основной археологический материал залегал в слоях 6 и 5, также отдельные предметы были зафиксированы на разных уровнях ПК 6а и ПК 6б.

Четыре уровня залегания артефактов в ПК 6а и ПК 6б были связанны с кровлей и подошвой обоих педокомплексов и содержали очень небольшое количество находок. В ПК 6б – 12 экз., среди которых больше половины (7 экз.) составляют мелкие и средние гальки без следов антропогенного воздействия. Также наличествуют четыре небольших скола и крупный пластинчатый отщеп, не имеющие вторичной обработки. В ПК 6а также зафиксировано 12 каменных предметов. Это 10 галек разных размеров и два первичных отщепа, крупный и мелкий без следов дополнительной подработки. Крупная уплощенная галька имеет на одном из торцов следы забитости и, возможно, использовалась в качестве отбойника.

Археологический материал в лессовом комплексе (157 экз.) также был зафиксирован на нескольких уровнях. Четыре из них связаны со слоем 5 и один выделен в средней части слоя 6. Основная часть артефактов (~ 85 % коллекции) залегала на двух уровнях в кровле слоя 5. Условия залегания и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря позволяют рассматривать весь материал лессового комплекса в рамках единой индустрии.

В сводной коллекции представлены следующие типы изделий: гальки – 6 экз., колотые гальки – 1 экз., нуклевидные формы – 4 экз., технические сколы – 11 экз., «дольки» и «клинья» – 11 экз., отщепы – 31 экз., мелкие сколы – 25 экз., обломки и осколки – 68 экз. Кроме того, было найдено 48 неопределимых фрагментов костей.

Нуклевидные формы включают нуклевиднообколотую гальку и три небольших обломка, возможно являющихся фрагментами сильно истощенных или бессистемных ядрищ. Типологически выраженных нуклеусов нет.

Доля сколов разжелвачивания среди технических составляет 90 %. Есть один краевой скол. Он не имеет участков галечной корки и вторичной обработкой преобразован в выемчатое орудие. Среди дебитажа значительную часть составляют отходы производства (~ 60 %), где кроме обломков и осколков присутствуют мелкие сколы (<1,5 см). Пластинчатых форм нет. Среди отщепов «дольки» и «клинья» разных размеров составляют ~ 7 %. По метрическим параметрам в коллекции доминируют сколы средних размеров (~ 70 %), Небольших отщепов существенно меньше, крупные – единичны. Огранка дорсалов преимущественно субпараллельная и гладкая, немного реже – продольно-поперечная. Около 60 % ударных площадок – галечные, остальные – гладкие. Хотя типологически выраженные ядрища в коллекции отсутствуют, анализ продуктов первичного расщепления позволяет предполагать, что в индустрии использовалось несколько техник первичного расщепления – радиальная, близкая ей долечная, а также параллельного принципа снятия, скорее всего, в наиболее простом варианте с минимальной подготовкой ядрищ. О том, что предварительное оформление нуклеусов не проводилось, свидетельствует большой процент естественных площадок у сколов, а также значительная доля отщепов с участками галечной корки на дорсалах (~ 65 %). Видимо, в качестве ударных площадок использовались естественные плоскости галек. Зона скалывания также не подготавливалась, технических сколов оформления и подправки ударных площадок не зафиксировано.

В орудийном наборе (3 экз., ~ 5 % коллекции, без учета отходов производства и галек) представлены острие, выемчатое изделие с ретушированным анкошем и отщеп с ретушью. Острие представляет собой средних размеров треугольный массивный скол с прямым и скошенным продольными краями, которые подработаны в дистальной половине мелкими крутыми дорсальными сколами. Выемчатое орудие выполнено на среднем массивном удлиненном краевом техническом сколе подтреугольной формы. По правому краю заготовки серией разноразмерных вентральных сколов оформлена неглубокая протяженная выемка.

В целом коллекция археологического материала, полученная в ходе работ 2022 г. из лессового комплекса Л6, залегающего между ПК 6 и ПК 5, не очень выразительна, но тем не менее позволяет вписать этот технокомплекс в контекст раннепалеолитических индустрий лессового палеолита Таджикистана, а также определить его вероятные хронологические рамки. В настоящее время в долине Оби-Мазара, кроме Лахути IV, известно пять стратифицированных памятников, где был получен массовый археологический материал раннепалеолитического времени: Кульдара (ПК 12–11), Оби-Мазар VI (ПК 6), Лахути I (ПК 5), Оби-Мазар IV (ПК 4) и Хонако III (ПК 4). Возраст стоянок определялся на основе данных палеомагнитного анализа отложений и корреляции ПК с изотопно-кислородной шкалой, согласно чему ПК 12–11 имеют возраст ~ 900 тыс. лет (МИС 22–21); ПК 6 – ~ 600–560 тыс. лет (МИС 15), ПК 5 – ~ 520–480 тыс. лет (МИС 13), а ПК 4 – ~ 420–370 тыс. лет (МИС 11) [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. Та-

ким образом, исследованный лессовый комплекс, согласно имеющейся хроностратиграфической схеме, вероятно имеет возраст ~ 560–520 тыс. лет, что в целом соответствует МИС 14.

Этим данным не противоречит и технико-типологическая характеристика археологических материалов. Так, материалы ПК 6 наиболее полно представлены в индустрии стоянки Оби-Мазар VI [Ранов, Шефер, 2000; Худжагелдиев, 2007]. В коллекции (145 экз.) значительна доля манупортов и колотых галек (~ 15 %). Есть несколько ядрищ, относящихся к долечным и многофронтальным бессистемным, в рамках параллельной техники. Среди дебитажа много отходов производства (~ 30 %). Большое количество сколов декортикации (>40 %), есть «дольки» и «клинья». В орудийном наборе представлены скребла, чопперы, единичные выемчатые орудия и атипичные скребки [Там же].

Индустрии, залегающие в ПК 5, более многочисленны и лучше всего представлены в материалах стоянок Лахути I и Лахути IV [Ранов, 1986; Ранов, Шефер, 2000; Анойкин и др., 2021]. Общая коллекция этих памятников составляет в настоящее время ок. 3000 экз. В ней также значительную часть составляют манупорты и отходы производства. В первичном расщеплении фиксируется использование нескольких плоскостных техник – радиальной однофронтальной, долечной, а также параллельной, в наиболее простом однонаправленном варианте. Подготовка ядрищ не проводилась или осуществлялась минимально, есть единичные изделия с подготовленными площадками и сопряженными фронтами. Большинство сколов имеет размеры 3–5 см. Много сколов декортикации, значительное количество «долек» и «клиньев». В орудийном наборе основу составляют унифасы, чопперы, скребла на гальках или массивных сколах. Также есть изделия зубчато-выемчатой группы и отдельные остроконечные формы [Там же].

Таким образом, ассамбляж лессового комплекса по характеристикам первичного расщепления полностью соответствует тем параметрам, что имеют подстилающие и перекрывающие его археологические индустрии в ПК 6 и ПК 5 Лахути IV. Слабая представительность орудийного набора, связанная, видимо, со спецификой хозяйственной деятельности, осуществляемой на данном участке во время функционирования здесь стоянки древнего человека, не позволяет уверенно сравнивать эти комплексы, однако те немногочисленные формы орудий, что обнаружены в лессах, также присутствуют и в ассамбляжах из палеопочв. Возможно, со спецификой хозяйственной деятельности связано и аномально большое для памятников лессового палеолита присутствие фаунистических остатков. Можно с уверенностью утверждать, что на всех рассматриваемых объектах фиксируются индустрии единой традиции, относящиеся к каратауской раннепалеолитической культуре, выделенной в регионе В.А. Рановым [Ранов, Каримова, 2005].

Наиболее значимым результатом исследований, проведенных в 2022 г. на данном участке, является первое достоверное свидетельство присутствия массового археологического материала именно в лессовых отложениях. Ранее все известные в регионе палеолитические индустрии этого времени происходили из отложений почвенных комплексов. Единичные артефакты в лессах были отмечены только в трех случаях и на более молодых уровнях (от ПК 4 и выше) [Ранов, Шефер, 2000].

Обнаружение первой в истории палеолита Таджикистана индустрии, связанной именно с комплексом лессовых отложений, позволит коренным образом изменить продолжающуюся много лет дискуссию о природных условиях и принципах хозяйственного освоения человеком этой территории в среднем плейстоцене. Присутствие массового археологического материала, лежащего на одном участке на нескольких уровнях, свидетельствует об интенсивном заселении долины Оби-Мазара во время формирования здесь лессов. Ранее считалось, что в раннем и среднем палеолите в Средней Азии в зонах аккумуляции лессов «люди жили в межгляциальных климатических условиях на бурых лесных почвах, которые существовали в этот период» [Там же, с. 24]. Такие построения делались с учетом возможной специфики местного почвообразования. При этом не исключался полностью вариант, базирующийся на европейской модели эпигенетического генезиса почвы, согласно которому люди населяли эту территорию перед началом климатического оптимума, в степных условиях, при более низких температурах и большей аридности климата [Там же]. В любом случае подразумевалось, что человек заселял лессовые районы только в отдельные периоды, имеющие строго определенные климатические параметры. При их изменении в регионе либо происходила депопуляция, либо у древнего населения резко менялись предпочтительные ландшафты и локализация зон хозяйственной деятельности, что приводило к прерыванию «археологической летописи» на конкретных участках и позднейшему ее возобновлению при восстановлении «нужных» палеогеографических обстановок. Т.е. носители каратауской культуры жили или в степных условиях, или «окружающий их ландшафт имел характер саванны и лесов с опадающими листьями, чего было достаточно для формирования лесных бурых почв, поскольку почвы

климатических оптимумов всех ПК именно данного типа» [Там же].

Результаты работ 2022 г. позволяют устранить данную дихотомию и показывают, что территория региона интенсивно населялась в течение всего среднего плейстоцена, как в этапы аккумуляции лессов, так и в периоды формирования почв.

Дальнейшее изучение лессового комплекса в долине р. Оби-Мазар позволит существенно расширить наши представления о культурно-хронологической последовательности индустрий лессового палеолита Таджикистана, а также специфики природных условий и влияния климатических изменений на процессы начального освоения человеком этих территорий.

Благодарности

Работа выполнена в рамках исследований по программе НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Курбанов Р.Н. Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 29–37.

Ранов В.А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути 1 в 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1986. – Вып. XIX. – С. 11–36.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 248 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Розанов Б.Г. Морфология почв. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. – 320 с.

Худжагелдиев Т.У. Каменная индустрия из педокомплекса 6б разреза Обимазар (Южный Таджикистан) по раскопкам 1997 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2007. – Вып. XXXI. – С. 169–197.

References

Anoikin A.A., Rybalko A.G., Hudzhageldiev T.U., Sosin P.M., Kurbanov R.N. Lakhuti IV – a New Site of the Early Paleolithic in the Obi-Mazar Valley (Southern Tajikistan). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 29–37. (In Russ.).

Khudjageldiev T.U. Kamennaia industriia iz pedokompleksa 6b razreza Obimazar (Iuzhnyi Tadzhikistan) po raskopkam 1997 godu. In *Archaeological research in Tajikistan.* Dushanbe, 2007. Vol. 31. P. 169–197. (In Russ.).

Ranov V.A. Raskopki nizhnepaleoliticheskoi stoianki Lahuti 1 v 1979 godu. In *Archaeological research in Tajikistan.* Dushanbe, 1986. Vol. 19. P. 11–36. (In Russ.).

Ranov V.A., Karimova G.R. Stone Age of Afghan-Tajik Depression. Dushanbe: Devashtich, 2005. 248 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. N 2. P. 20–32.

Rozanov B.G. Morphology of soils. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1973. 320 p.

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Мещерякова О.А. https://orcid.org/0000-0002-6141-7171
Токарева О.А. https://orcid.org/0000-0002-9461-2168
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Курбанов Р.Н. htts://orcid.org/0000-0001-6727-6202

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0043-0050
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1], В.М. Харевич[1]✉, Е.Н. Бочарова[1], С.С. Макаров[2], А.Д. Папин[3], Ж.К. Таймагамбетов[4], Р.С. Дуванбеков[4], Е.А. Манскова[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Музей природы и человека
Ханты-Мансийск, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
[5]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: mihalich84@mail.ru

Исследование верхнепалеолитической стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2022 году

В статье представлены результаты нового этапа исследования археологических комплексов стоянки Ушбулак, начатого Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом в 2022 г. Работы включали сбор подъемного материала на территории памятника, шурфовку, а также отбор ОСЛ-образцов из нижней части отложений (слои 6–7) в раскопе 2. В статье приводятся информация по стратиграфии раскопанных участков, результаты технико-типологического анализа полученных в 2022 г. археологических материалов, а также их культурно-хронологическая интерпретация. Всего в ходе работ было получено 428 артефактов из подъемного комплекса, 37 артефактов из слоев 4 и 6 в раскопе 2 и 67 артефактов из шурфа 16. Основная часть подъемного материала демонстрирует черты, присущие индустриям начального верхнего палеолита (НВП) (слои 6–7), отдельные изделия, выпадающие из этого контекста, скорее всего, соответствуют поздним этапам верхнего палеолита и связаны со слоями 2–3. В шурфе 16 археологический материал залегал в пяти культурных горизонтах. Два верхних содержат материалы развитого верхнего палеолита, три нижних относятся к начальным этапам верхнего палеолита. Исходя из состава отложений и характера связанного с ними археологического материала, предположено, что шурф 16 вскрывает отложения, соответствующие отложениям раскопа 2, но лежащие на более высоком гипсометрическом уровне и не переработанные ручьем. Возможная корреляция отложений разных бортов ручья между собой и обнаружение не разрушенного водотоком наиболее древнего участка, связанного с начальным заселением этой территории человеком, являются наиболее значимыми результатами работ 2022 г. Большая серия ОСЛ-образцов, отобранная из раскопа 2 и шурфов 16 и 17, позволит после получения дат более полно и точно установить хронологические рамки ранней истории памятника.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, верхний палеолит, многослойная стоянка, шурфы, стратиграфия, каменная индустрия, орудия.*

A.A. Anoikin[1], V.M. Kharevich[1]✉, E.N. Bocharova[1], S.S. Makarov[2], A.D. Papin[3], Z.K. Taimagambetov[4], R.S. Duvanbekov[4], E.A. Manskova[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Museum of Nature and Man
Khanty-Mansiysk, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
E-mail: mihalich84@mail.ru

Study of the Ushbulak Upper Paleolithic Site, Eastern Kazakhstan, in 2022

The article presents the results of a new stage of research of the Ushbulak site archaeological complex, started by the East Kazakhstan Paleolithic team in 2022. The work included collection of artifacts from the surface, test pits excavation, and collection of samples from the lower part of deposits (layers 6-7) in excavation pit 2 for OSL. The article includes the stratigraphy of the excavated test pits and the results of the technical and typological analysis of the archaeological materials obtained in 2022, as well as their cultural and chronological interpretation. The total number of the artifacts recovered from the surface collection is 428 items; 37 artifacts from excavation pit 2 (layers 4 and 6), and 67 items from test pit 16. The features typical of the IUP industries (layers 6–7) characterize the major part of the surface collection. Individual artifacts, which do not match this context, most likely, correspond to the later stages of the Upper Paleolithic and are associated with layers 2–3. The archaeological material from test pit 16 was found in 5 cultural layers: cultural layers 1–2 were attributed to the Upper Paleolithic assemblage, and cultural layers 3–5 were associated with the IUP assemblage. Based on the composition of the deposits and assemblages of the archaeological material from test pit 16, we can suggest that its deposits correspond to the deposits found in excavation pit 2, although located at a higher hypsometric level that was not disturbed by a stream. The most significant results of the 2022 work include possible correlation of the deposits from different sides of the stream and discovery of the most ancient section not disturbed by a watercourse, associated with initial occupation of the area by humans. We believe that a large series of OSL samples taken from excavation pit 2 and test pits 16–17 will allow to more completely and accurately determine the chronological framework of the early history of the site.

Keywords*: Eastern Kazakhstan, Upper Paleolithic, multilayer site, test pits, stratigraphy, lithic industry, tools.*

В полевом сезоне 2022 г. Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом, работающим в рамках совместной Российско-Казахстанской экспедиции, были возобновлены исследования многослойной верхнепалеолитической стоянки Ушбулак, расположенной в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана [Anoikin et al., 2019]. Работы включали сбор подъемного материала на территории памятника; шурфовку нескольких участков правого берега ручья Восточный (рис. 1), в верхнем течении которого локализован объект; отбор дополнительных ОСЛ-образцов из нижней части отложений (слои 6–7) в раскопе 2.

Массовый подъемный археологический материал был, как и в предыдущие годы исследований [Шуньков и др., 2016], зафиксирован непосредственно в русле водотока, на отрезке ~50 м, начиная с истока. Каменные изделия были распределены относительно равномерно, без выраженных скоплений, с постепенным снижением концентрации вниз по течению. Сортировка артефактов по размерам не прослеживается. Подавляющее количество изделий залегало в горизонтальном положении без механических повреждений поверхности. Некоторые находки имели незначительную окатанность и сглаженность граней. В общей сложности, в 2022 г. в русле ручья Восточный было собрано 428 артефактов. В коллекции представлены все категории дебитажа, от преформ нуклеусов и блоков сырья со сколами апробации до законченных изделий с вторичной обработкой. В целом археологический материал с технологической и типологической точки зрения выглядит однородным, вместе с тем в нем присутствует ряд изделий, выпадающих из основного контекста индустрии – нуклеусы для микропластин (рис. 2, *9*) и небольшой овальный двояковыпуклый бифас. Относительное единообразие подъемного комплекса связано с тем, что подавляющая часть предметов попала в водоток в результате размыва им культуросодержащих слоев 7 и 6, имеющих очень высокую концентрацию находок. Кроме того, отдельные артефакты происходят из более молодых отложений и оказались на поверхности в результате эрозии склонов.

В целом подъемный комплекс полностью соответствует тем артефактам из нижней пачки отложений (слои 7 и 6), что изучались на памятнике в 2016–2019 гг. и относятся к индустриям начального верхнего палеолита сибирско-монгольского типа [Rybin, 2014; Anoikin et al., 2019]. Особенностью первичного расщепления в собранных в 2022 г. материалах является четкая направленность его на производство пластин, в основном, в рамках встречного параллельного раскалывания, на что указывает доминирование соответствующих ядрищ среди нуклевидных форм, что является обычным для НВП-индустрий. Остальные формы ядрищ единичны, исключая небольшую серию клиновидных микронуклеусов (табл. 1). Последние соответствуют поздним фазам верхнего палеолита и вероятнее всего происходят из верхних слоев (слои 3–2), где фиксируются материалы этого времени [Павленок и др., 2019].

С нуклеусами хорошо согласуются как основные типы технических сколов, включающие заныривающие и полуреберчатые пластины, так и морфология удлиненных сколов, где доминируют изделия с однонаправленной и встречной параллельной огранкой. Для них характерны гладкие ударные площадки,

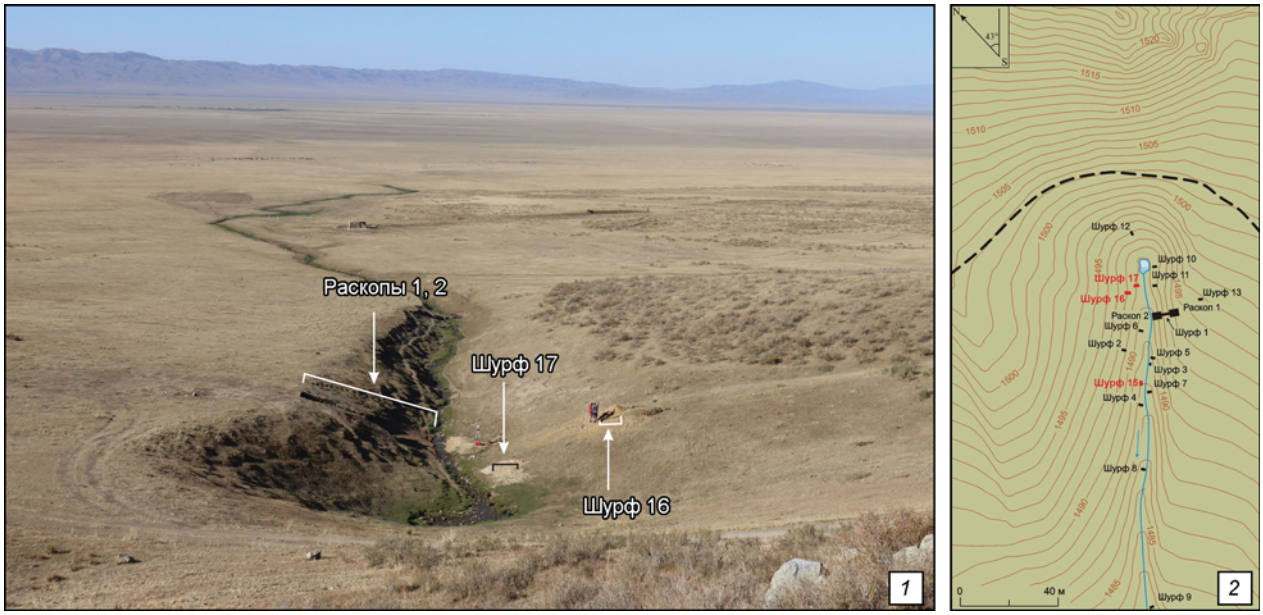


Рис. 1. Стоянка Ушбулак.

1 – вид на стоянку Ушбулак с запада; *2* – топоплан.

Рис. 2. Каменные артефакты из подъемного комплекса стоянки Ушбулак (фото Е.Н. Бочаровой).

1 – остроконечник; *2* – концевой скребок; *3* – частичный бифас; *4* – бифас; *5* – долотовидное орудие; *6* – угловой резец; *7* – нож; *8* – нуклеус-резец; *9* – нуклеус.

Таблица 1. **Состав каменной индустрии в коллекции подъемных сборов и из раскопа 2 стоянки Ушбулак (2022 г.)**

Категория/Изделия	Подъемный материал		Слой 6	Слой 4	Всего
	экз.	%	экз.	экз.	экз.
Колотые гальки/плитки	2	0,5	–	1	3
Нуклевидные	11	2,6	1	1	13
Нуклеусы	10	2,3	1	–	11
1 п. 1 фр. для пластинок	1	0,2	–	–	1
1 п. 1 фр. для отщепов	1	0,2	–	–	1
2 п. 1 фр. для пластин	5	1,2	–	–	5
Клиновидные для м/п	3	0,7	–	–	3
Нуклеусы-резцы	–	–	1	–	1
Нуклевидные обломки	1	0,2	–	1	2
Технические сколы	32	7,5	2	1	35
Первичные отщепы	–	–	–	1	1
Полуреберчатые	10	2,3	1	–	11
Естественно-краевые	6	1,4	–	3	9
Краевые пластины	2	0,5	1	–	3
Подправки площадки	13	3,0	–	1	14
Заныривающие	1	0,2	–	–	1
Пластины	171	40,0	10	2	183
Шир. 40–59 мм	14	3,3	1	1	16
Шир. 20–39 мм	98	22,9	6	–	104
Шир. 13–19 мм	49	11,4	3	1	53
Пластинки	10	2,3	–	–	10
Отщепы	211	49,3	4	10	225
Крупные (дл. ≥ 50 мм)	27	6,3	1	2	30
Средние (дл. 30–46 мм)	83	19,4	3	5	91
Мелкие (дл. ≤ 29 мм)	101	23,6	–	3	104
Неопределимые	1	0,2	1	–	2
Всего	428	100	18	19	465

часто имеющие интенсивную подработку кромки, в т.ч. и пикетажем. Орудийный набор включает 11 предметов (табл. 2). Общий фон инвентаря определяют тщательно оформленные орудия на пластинах – концевые скребки (рис. 2, *2*), угловые резцы (рис. 2, *6*) и остроконечники с ретушью (рис. 2, *1*). Их морфология и приемы оформления также позволяют отнести практически все находки к начальному этапу верхнего палеолита. Исключение составляет небольшой овальный двояковыпуклый бифас, имеющий правильную форму и тщательную отделку всей поверхности разноразмерной чешуйчатой стелящейся ретушью (рис. 2, *4*). По своей морфологии он также скорее соответствует комплексам поздних этапов верхнего палеолита, отличаясь от материалов слоев 7 и 6 и использованным для его производства каменным сырьем – песчанистым алевролитом, с твердостью 4 по шкале Мооса (определение канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик).

Таким образом, основная часть подъемного материала с Ушбулака демонстрирует черты, присущие НВП-индустриям, отдельные изделия, выпадающие из этого контекста, скорее всего, соответствуют поздним этапам верхнего палеолита и связаны со слоями 3–2.

Кроме подъемных материалов в 2022 г. на Ушбулаке, при проведении зачистки раскопа 2 для отбора серии ОСЛ-образцов, была получена небольшая коллекция артефактов, имеющих точную стратиграфическую привязку. Материалы представлены преимущественно сколами и связаны с отложениями слоев 6 и 4. Из находок стоит отметить нуклеус-резец (рис. 2, *8*) и частичный бифас из слоя 6 (рис. 2, *3*), а также крупное долотовидное орудие (рис. 2, *5*) и бифасиально обработанный нож с прямым обушком (частичный бифас) из слоя 4 (рис. 2, *7*). Все находки соответствуют ранее определенным характеристикам технокомплексов из этих слоев, относящихся к начальному и развитому верхнему палеолиту соответственно [Anoikin et al., 2019].

Также в 2022 г. на Ушбулаке проведен значительный объем шурфовочных работ, основной целью которых являлось уточнение стратиграфической ситуации на правом борту ручья Восточ-

Таблица 2. **Состав орудийного набора в коллекции подъемных сборов из раскопа 2 стоянки Ушбулак (2022 г.)**

Группы/Типы	Подъемный материал	Слой 6	Слой 4	Всего
Скребла	2	–	–	2
продольные	1	–	–	1
галечные	1	–	–	1
Скребки	2	–	–	2
концевые на пластинах	2	–	–	2
Остроконечники с ретушью	2	–	–	2
Долотовидные макро	–	–	1	1
Резцы	4	–	–	4
угловые	3	–	–	3
угловые двойные	1	–	–	1
Перфораторы/проколки	–	1	–	1
Ножи	–	1	–	1
Пластины с интенсивной ретушью	–	2	–	2
Бифасы	1	1	1	3
овальные	1	–	–	1
частичные	–	1	1	2
Всего	11	4	2	17

ный и возможная корреляция вскрытых отложений с принципиальной стратиграфической последовательностью, выявленной на левом берегу при работах на раскопах 1 и 2.

Наиболее интересные материалы были получены из шурфа 16. Шурф, размерами 2 × 1 м, заложен на правом берегу ручья и ориентирован по длинной оси поперек склона (см. рис. 1). В ходе работ был пройден на глубину до 3,6 м, в нем зафиксирован археологический материал палеолитического облика, залегающий на нескольких уровнях. В сводном стратиграфическом разрезе выделены семь основных литологических слоев, часть которых имеет более дробное деление (сверху вниз) (рис. 3, *1, 2*).

Слой 1. Гумус. Мощность 40–50 см.

Слой 2.1. Супесь светло-серая, на отдельных участках коричневая с охристым оттенком (более опесчанена), насыщена дресвой. Более 70 % видимой поверхности переработано грызунами. Мощность 40–70 см.

Слой 2.2. Щебнисто-дресвянистый горизонт с супесчаным заполнителем, с неравномерной пятнистой окраской: светло-серая, серо-коричневая, ржаво-охристая. В слое присутствуют отдельные мелкие сильно выветрелые обломки гранитных пород. Верхняя часть слоя примерно на 20 % переработана грызунами. Мощность слоя 15–20 см.

Слой 2.3. Супесь тяжелая светло-серая и светло-коричневая, цветовые переходы плавные; включает дресву и отдельные мелкие обломки выветрелого гранита; очень плотная. Мощность 15–40 см. Со слоем связан культурный горизонт (к.г.) 1.

Слой 2.4. Щебнисто-дресвянистый горизонт с супесчаным заполнителем. Близок по составу слою 2.2, но с большей долей обломочного материала. Очень плотный. Мощность слоя 15–25 см.

Слой 2.5. Супесь серо-коричневая, насыщена дресвой, есть отдельные мелкие обломки выветрелого гранита. Встречаются небольшие охристые пятна, не связанные с изменением состава отложений. Граница с подстилающими отложениями отбивается по исчезновению дресвянистой составляющей. Мощность 15–30 см.

Слой 3.1. Супесь средняя коричневая, плотная, включает очень незначительную примесь дресвы. В подошве слоя залегает тонкая (до 5 см) дресвянисто-щебнистая прослойка с минимальным количеством рыхлого заполнителя. Мощность 10–30 см.

Слой 3.2. Супесь средняя, аналогичная слою 3.1. В подошве слоя прослеживается тонкая (1–3 см) прерывистая дресвянисто-щебнистая прослойка с минимальным количеством рыхлого заполнителя. Мощность 15–25 см. Со слоями 3.1 и 3.2 связан к.г. 2.

Слой 4. Суглинок легкий коричневый, с включением дресвы и отдельных мелких сильно выветрелых обломков гранита и разноразмерных невыветрелых обломков осадочных пород. Плотный. Мощность 15–45 см. Со слоем связан к.г. 3.

Слой 5. Суглинки легкие, пестроцветные (красно-коричневые, серо-коричневые, охристые), с включением на отдельных участках большого количества щебнисто-обломочного материала, образующего линзы разной мощности и протяженности. Есть участки

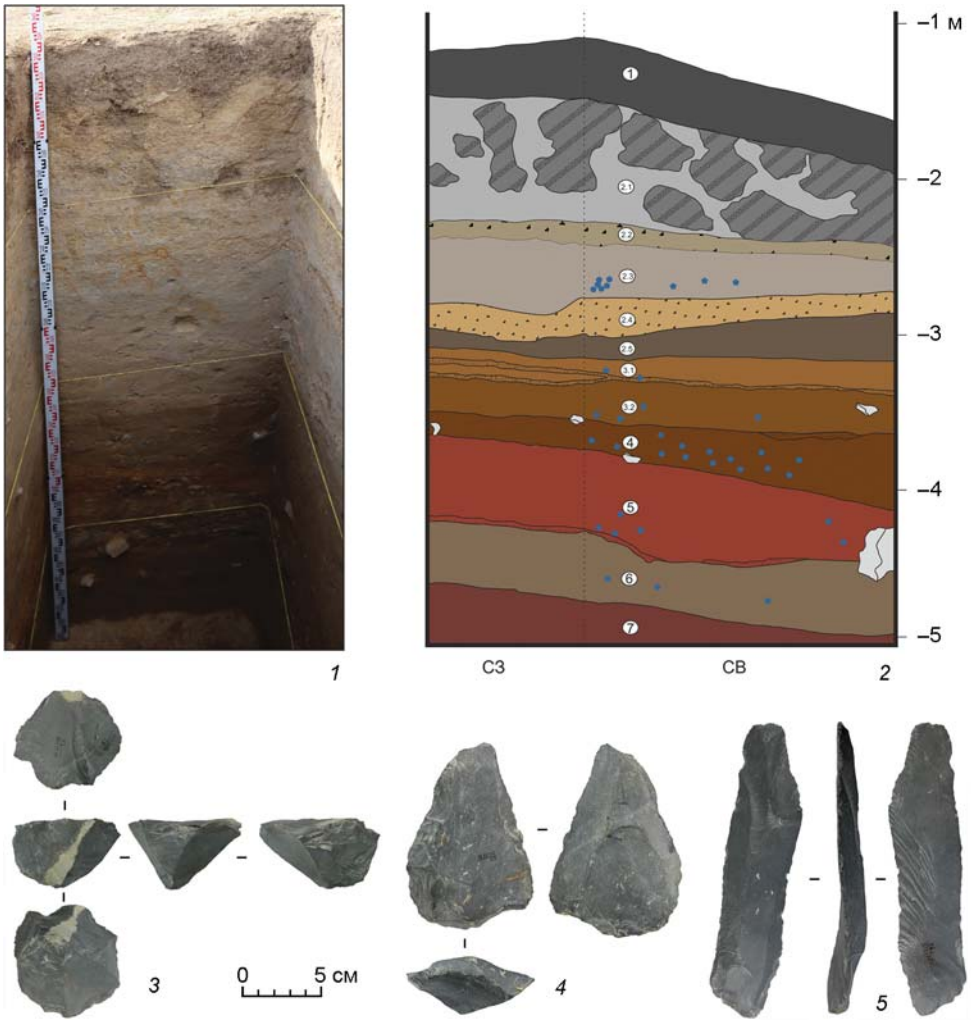


Рис. 3. Материалы шурфа 16 стоянки Ушбулак.

1 – фото северо-западной стенки; *2* – стратиграфический разрез северо-западной и северо-восточной стенок; *3* – нуклеус; *4* – скребло; *5* – пластина.

омарганцевания, связанные, как правило, с зонами концентрации обломочного материала, имеющими минимальный рыхлый заполнитель. В подошве прослеживается непротяженная тонкая (до 5 см) линза суглинков средних светло-серых, с зеленоватым оттенком. Мощность 30–60 см. Со слоем связан к.г. 4.

Слой 6. Супесь серо-коричневая и ржаво-охристая. Отложения насыщены дресвой, включают обломочный материал разного размера (до 40 см по длинной оси) и разной степени выветрелости (гранит – сильновыветрелый, осадочные породы – слабовыветрелые). Мощность 25–40 см. Со слоем связан к.г. 5.

Слой 7. Суглинки средние, красно-коричневые, обильно насыщены разноразмерным обломочным материалом разных горных пород (граниты – сильновыветрелые, осадочные и др. – слабовыветрелые). Кровля неровная (размывы?), имеет общее падение к восточному углу (к истоку ручья). Вскрытая мощность до 15 см.

Исходя из состава отложений и характера связанного с ними археологического материала, шурф 16 вскрывает отложения, соответствующие отложениям раскопа 2 [Там же], но лежащие на более высоком гипсометрическом уровне и не переработанные ручьем (высокий берег). Вероятно, слой 2 является аналогом слоя 4 (раскоп 1), что дополнительно подтверждается археологическим материалом, включающим подпирамидальный и торцовый нуклеусы для мелких пластин. Слой 3 – аналог слоя 5 (раскопы 1 и 2), также разбивающийся на два сходных по составу литологических тела. Слой 4 несколько более опесчанен, чем верхняя часть слоя 6 (раскоп 2), но включает ряд артефактов (крупные пластины), по всем параметрам соответствующих материалам НВП-комплекса из этого слоя. Слой 5 по составу, окрасу и присутствию пятен омарганцевания также схож со слоем 7 (раскоп 2), а линзу светло-серых суглинков в его подошве можно рассматривать как аналог слоя 7.3 (раскоп 2), имеющего сходный

состав и цвет. Слой 7 в шурфе по своему составу и другим характеристикам аналогичен слою 8 (раскоп 2) и, несомненно, является своеобразным «материком» для стоянки. Слой 6 шурфа не имеет аналогов в раскопе 2 и, вероятно, является отложениями, синхронными слою 7 (раскоп 2), но не переработанными ручьем, или же более древними, маркирующими первый этап заселения стоянки, но уничтоженными на левом борту водотоком.

Общая коллекция археологического материала из шурфа 16 насчитывает 67 каменных артефактов и 5 мелких неопределимых фрагментов костей. По культурным горизонтам артефакты распределены следующим образом.

К.г. 1. Всего – 19 экз., в т.ч.: плитки – 1; нуклевидные формы – 3; пластины – 2; пластинчатые отщепы – 2; отщепы – 7; технические сколы – 3 (разжелвачивания, краевой и подправки ударной площадки); обломки, осколки – 1. Орудийных форм нет.

Группа нуклевидных изделий представлена нуклевидным обломком и двумя ядрищами: подпирамидальным (рис. 3, *3*) и торцовым одноплощадочным монофронтальным, предназначенными для снятия мелких пластин.

К.г. 2. Всего – 15 экз., в т.ч.: пластины – 1; отщепы – 6; технические сколы – 2 (первичная пластина и краевой); обломки, осколки – 2. Нуклевидных и орудийных форм нет.

К.г. 3. Всего – 22 экз., в т.ч.: нуклевидные формы – 1; пластины – 4; пластинчатые отщепы – 1; отщепы – 9; технические сколы – 1 (разжелвачивания); скол леваллуа – 1; обломки, осколки – 5. Группа нуклевидных изделий представлена одноплощадочным монофронтальным параллельного типа ядрищем, предназначенным для снятия мелких пластин, сильно истощенным. Орудийные формы (3 экз.) включают скребло продольное вентральное, выполненное на подтреугольном сколе леваллуазской морфологией с измененной дорсальной поверхностью (рис. 3, *4*) и две пластины с эпизодической ретушью, в т.ч. одну очень крупную (рис. 3, *5*).

К.г. 4. Всего – 8 экз., в т.ч.: пластины – 2; пластинчатые отщепы – 1; отщепы – 4; технические сколы – 1 (разжелвачивания). Нуклевидных и орудийных форм нет.

К.г. 5. Всего – 3 экз., в т.ч.: пластины – 1; отщепы – 2. Нуклевидных и орудийных форм нет.

Наличие нескольких культурных горизонтов, имеющих существенно более низкую концентрацию, чем на раскопах 1 и 2 (слои 4–7), но синхронных им, свидетельствует, что основная жизнедеятельность во время функционирования стоянки велась на выположенном участке высокой поймы (низкий левый берег), периодически затапливаемом и заболачивающемся.

При этом основное русло ручья всегда имело стабильный и относительно быстрый сток воды, позволявший хорошо отмывать обломочный и песчанистый материал. Об этом свидетельствуют отложения в шурфе 17. Шурф размерами 2 × 1 м заложен на правом берегу ручья и ориентирован по длинной оси поперек склона (см. рис. 1). Расположен примерно в 6 м выше по ручью от шурфа 16, в 2 м по склону от русла ручья. Пройден на глубину 2,2 м, до уровня грунтовых вод, археологического материала не зафиксировано. Наиболее полный разрез представлен на северо-западной стенке, где выделены следующие стратиграфические подразделения (сверху вниз).

Слой 1. Гумус. Мощность 10–20 см.

Слой 2. Супесь серо-коричневая, с незначительным содержанием дресвы и мелкого обломочного материала. Мощность слоя 1–10 см.

Слой 3. Щебнисто-дресвянистый горизонт с супесчаным светло-серым заполнителем. Мощность 10–20 см.

Слой 4. Щебнистый горизонт с супесчаным коричневым заполнителем. Мощность 10–20 см.

Слой 5. Толща отмытых дресвяника и песка, на отдельных уровнях слоистая, цветовые переходы от красно-коричневого до сизо-серого и белесого. Видимая мощность до 1,3 м.

Слой 6. Суглинки легкие светло-зеленовато-серые, опесчаненные, с незначительным включением мелкого обломочного материала. Видимая мощность до 25 см. Выделен только в юго-восточном секторе шурфа. Возможно, аналог слоя 7.3 в раскопе 2.

Можно заключить, что в месте локализации шурфа 17 русловые отложения представляют собой монотонную пачку, мощность более 1,3 м, кровля которой находится выше современного уреза воды, а подошва залегает существенно ниже ее. Это может свидетельствовать о том, что современный родник наследует долину более мощного водотока. При этом русло последнего в истоковой части было явно смещено к северу относительно современного. Исходя из полученных результатов, бортами палеодолины можно считать участок шурфа 16 и юго-восточный сектор раскопа 2 2019 г. В последнем было выявлено резкое поднятие кровли слоя 8, с выклиниванием слоя 7, а также общее уменьшение мощности слоя 6. В этом случае ширина пойменной площадки ручья в верхнем течении составляла ок. 30 м. При этом сама пойма, видимо, имела в поперечном разрезе корытообразный профиль, возможно асимметричной формы, с относительно высоким (до 2–3 м) правым бортом, под которым и тек ручей, и обширной низкой ровной площадкой по левому берегу. Если исходить из характера отложений шурфов 4 и 15, расположенных ниже по течению от исследо-

ванного участка, то возможно в зоне их дислокации по правому берегу находился невысокий останец коренных пород. Это дополнительно ограничивало участок поймы в верхнем течении ручья, где была расположена стоянка, и, давая защиту от ветра, одновременно создавало предпосылки для регулярного подтопления пойменного участка (осыпи, ливневые смывы рыхлых отложений и т.д.).

Таким образом, работы на стоянке Ушбулак в 2022 г. позволили значительно увеличить коллекцию каменного инвентаря, включая редкие для памятника типы нуклеусов и орудий (клиновидные ядрища, бифасы) и существенно уточнить наши представления о структуре и генезисе отложений на стоянке, а также истории ее формирования в целом. Наиболее значимыми результатами являются возможная корреляция отложений правого и левого борта между собой и обнаружение не разрушенного водотоком наиболее древнего участка, связанного с пионерным освоением человеком территории стоянки. Большая серия ОСЛ-образцов, отобранная из раскопа 2 и шурфов 16 и 17, позволит после получения дат более полно и точно установить хронологические рамки ранней истории памятника.

Продолжение исследования стоянки Ушбулак, детальный анализ и подробная интерпретация ее археологических комплексов дадут возможность проследить основные направления индустриального развития на разных этапах верхнего палеолита в регионе и определить пути распространения технических инноваций как на территории Казахстана, так и всей Центральной Азии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 21-78-10146 «Верхнепалеолитическая мозаика – культурно-технологическая изменчивость каменных индустрий предгорных зон севера Центральной Азии во второй половине позднего плейстоцена».

Список литературы

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Бочарова Е.Н., Ульянов В.А., Гладышев С.А., Марковский Г.И., Таймагамбетов Ж.К. Изучение материалов финала верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 187–194.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Комплексы экспонированных артефактов со стоянок Ушбулак-1 и Ушбулак-2 (по результатам работ 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 203–207.

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019. – Vol. 47, N 4. – P. 16–29.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quatern. Intern. – 2014. – N 347. – P. 39–52.

References

Pavlenok G.D., Anoikin A.A., Bocharova E.N., Ulianov V.A., Gladyshev S.A., Markovsky G.I., Taimagambetov Zh.K. Study of Final Upper Paleolithic materials at Ushbulak site in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 187–194. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.187-194

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Assemblages of surface artifacts from Ushbulak-1 and Ushbulak-2 sites (based on research data 2016). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 203–207. (In Russ.).

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2019. Vol. 47. Iss. 4. P. 16–29. doi: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.016-029

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia. *Quatern. Intern*., 2014. Iss. 347. P. 39–52. doi: 10.1016/j.quaint.2014.04.031

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Харевич М.В. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Макаров С.С. https://orcid.org/0000-0002-2754-7685
Папин А.Д. https://orcid.org/0000-0002-7287-5928
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600
Дуванбеков Р.С. https://orcid.org/0000-0002-7596-8222
Манскова Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2962-2415

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0051-0057
УДК 902

Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: consacrer@yandex.ru

Мелкопластинчатое расщепление в индустрии горизонта *В* стоянки Ануй-2: отдельные акты производственной деятельности

В результате переосмысления хронологии и культурной последовательности опорной археологической стоянки Ануй-2, расположенной в Северо-Западном Алтае, был получен новый фактический материал для изучения культурных процессов и компонентов, определивших яркий и уникальный облик индустрий ранних этапов верхнего палеолита долины р. Ануй. Исследование стратегий производства и использования мелких пластинчатых сколов памятника Ануй-2 в данной работе представляет собой первый пример обращения к археологическим комплексам объекта с учетом новой схемы археологической стратификации и обновленного вещественного состава коллекций. Работа была направлена на определение специфики и структуры производственной деятельности, связанной с мелкими пластинчатыми сколами горизонта В и осуществлялась на основе изучения технологических, пространственных и временных аспектов отдельных актов расщепления камня. Результаты исследования указывают на то, что производство мелких пластинчатых сколов с прямым и изогнутым профилем занимало центральное место в индустрии горизонта и было основано на продольном параллельном и конвергентном скалывании заготовок по выраженной дуге простых торцовых и широкофронтальных объемных ядрищ на массивных сколах. Производственный цикл подразумевал транспортировку на стоянку готовых основ для нуклеусов, их расщепление и обработку сколов. Результаты исследования позволяют дать более глубокую оценку пространственному распределению находок горизонта, сохранности его структур, проследить направления и процессы трансформации отдельных блоков каменного сырья, связанных с производством и использованием мелких пластинчатых сколов. Результаты работы, дополненные данными радиоуглеродного датирования, создают предпосылку для пересмотра подходов к интерпретации природы сходства каменных индустрий стоянки Ануй-2 и комплексов усть-каракольской культурной традиции раннего верхнего палеолита Алтая. В свете новых реконструкций их следует рассматривать, скорее, как синхронные и принадлежащие одной культурной общности.

Ключевые слова: *Горный Алтай, ранний верхний палеолит, радиоуглеродная хронология, каменные индустрии, ремонтаж, производство микропластин.*

N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: consacrer@yandex.ru

Bladelet Knapping in the Industry of Anui-2 Site, Horizon *B*: Individual Acts of Production Activity

As a result of a fundamental reframing of the chronology and cultural sequence of the reference archaeological site Anui-2 located in the northwestern Altai, we have obtained new factual material for the study of cultural processes and components that determine the bright and unique appearance of the industries of the Early Upper Paleolithic of the Anui valley. The investigation of the production strategies and use of bladelets from the Anui-2 site provided herein is the first example of addressing the archaeological complexes of the site taking into account the new scheme of archaeological stratification and the updated composition of collections. Based on the study of technological, spatial, and temporal aspects of individual acts of stone knapping, we have determined the specifics and structure of the production activities associated with bladelets of horizon B. Our results indicate that the production of bladelets with a straight and curved profile was a central place in the

horizon industry and was based on longitudinal parallel and convergent knapping of blanks along a pronounced arc of simple end and wide-frontal volumetric cores on massive flakes. The production cycle involved transportation of ready-made bases for cores to the site, their knapping and processing of bladelets. The study results allow providing a deeper assessment of the spatial distribution of finds in the horizon, and preservation of horizon structures, to trace the directions and processes of transformation of individual blocks of stone raw material associated with the production and use of bladelets. The study results as supplemented by radiocarbon dating data create a prerequisite for revisiting approaches to interpreting the nature of similarity between the lithic industries of the Anui-2 site and the complexes of the Ust-Karakol cultural tradition of the Early Upper Paleolithic of Altai. In view of new reconstructions, they should be considered rather as synchronous and belonging to the same cultural tradition.

Keywords: *Gorny Altai, Early Upper Paleolithic, radiocarbon chronology, lithic industries, refitting, microblade production.*

Введение

Верхнепалеолитическая стоянка Ануй-2 была обнаружена в 1987 г. С.В. Николаевым на территории Солонешенского р-на Алтайского края. Местонахождение относится к объектам открытого типа и прямо соседствует с многослойной стоянкой Денисова пещера, расположенной на удалении 70 м. Оба объекта приурочены к правому борту долины р. Ануй и имеют выгодную юго-западную экспозицию. Река Ануй, сливаясь на расширенном участке долины с р. Каракол, ниже по течению в месте расположения стоянок переходит в узкий коридор между склонами гор Сосновая (1 112 м) и Каракол (1 315 м). Полевые археологические работы на памятнике Ануй-2 осуществлялись в два этапа: в 1988 г. на участке у дороги площадью 35 м^2 (1 037 каменных артефактов) и в 1990–1991 гг. на смежном участке выше по склону общей площадью 79 м^2 (15 023 каменных артефакта) [Археология…, 1990; Природная среда…, 2003].

В основу настоящей работы были положены археологические коллекции раскопа 2 1990–1991 гг. Согласно опубликованным данным, в литологических слоях 8–13 раскопа 2 было выявлено 12 горизонтов обитания, чаще определяемых исследователями как «археологические горизонты» (далее – арх. гор.) [Постнов, 1998; Природная среда…, 2003, с. 311]. Радиоуглеродный возраст комплексов в абсолютных значениях оценивался в пределах 27,9–21,2 тыс. л.н. на основе серии измерений по углю и гуминовым кислотам из археологических горизонтов 3, 4, 6, 8 и 12, сделанных в 1990-х гг. [Орлова, 1995, с. 216; Природная среда…, 2003, с. 309]. Данные геохронологии, биостратиграфии, анализа каменных индустрий стоянки стали основой для отнесения материалов памятника к среднему этапу верхнего палеолита. Новые результаты абсолютного датирования и исследования пространственной структуры культурных отложений стоянки, базирующиеся на данных ремонтажа и метода сырьевых групп, позволили скорректировать принятую ранее схему культурно-стратиграфического членения и предложить новую модель, включающую пять эпизодов заселения стоянки в раннем и, вероятно, начальном верхнем палеолите [Белоусова, 2022, в печати].

Исследование стратегий производства и использования мелких пластинчатых сколов памятника Ануй-2 в данной работе представляет собой первый пример обращения к археологическим комплексам объекта с учетом новой схемы археологической стратификации и обновленного вещественного состава коллекций. Предметом исследования в нашем случае выступали материалы *горизонта В*. Это археологическое подразделение, согласно пространственному анализу, отделено на всей площади раскопа относительно мощным прослоем от нижележащего горизонта С, выше него залегает пачка, практически лишенная культурных остатков [Там же]. Настоящее исследование было направлено на определение специфики и структуры производственной деятельности, связанной с мелкими пластинчатыми сколами и осуществлялось на основе изучения технологических, пространственных и временных аспектов отдельных актов расщепления камня. Результаты работы, на наш взгляд, позволят дать более глубокую оценку пространственному распределению находок горизонта, сохранности его структур, позволят проследить направления и процессы трансформации отдельных блоков каменного сырья, связанные с производством и использованием мелких пластинчатых сколов.

Материалы и методы исследования

Сырьевая группа, находящаяся в фокусе исследования, представляет собой совокупность продуктов расщепления одной галечной отдельности вулканического сырья (афировый эффузив), выделяющейся спецификой цвета и текстуры поверхности скалывания. Группа была сформирована на основе метода сырьевых единиц [Белоусова, Федорченко, Славинский, 2018] и ремонтажа [Аксенов, 2009]. Оба подхода позволяют вычленять из

широкого технологического контекста индустрии продукты расщепления отдельных блоков сырья, первый – на основе группирования артефактов с идентичными комбинациями макроскопически и микроскопически фиксируемых петрографических признаков – цвет, текстура, характеристики сколовой поверхности и др., второй – с помощью непосредственного аппликирования.

Выявленная совокупность дебитажа включает 125 элементов (рис. 1, 2). Благодаря специфике петрографических характеристик удалось аккумулировать все продукты расщепления сырьевой единицы, присутствующие на участке раскопа 2. Исследование типологического состава сырьевой группы и реконструкция операционных последовательностей ее утилизации базировались на технологическом и сравнительно-типологическом методах [Гиря, Брэдли, 1996; Гиря, 1997]. Согласно полученным данным, элементы дебитажа включают целые и фрагментированные вторичные (на сколах) нуклеусы для мелких пластинчатых заготовок (n = 4) (см. рис. 1, *1, 2*; 2, *9*), группу пластин, мелких пластинчатых сколов, реберчатых и полуреберчатых пластин (n = 71) (рис. 2, *1–8*), группу отщепов и технических сколов с пропорциями отщепов размером > 3 см (n = 25), мелкие отщепы размером 1–3 см (n = 11), а также неопределимые фрагменты сколов (n = 8). В качестве орудий использовалось шесть сколов коллекции.

Часть элементов группы вошла в аппликативные сборки (шесть сборок, содержащих от двух до пяти элементов), а из нескольких фрагментов были восстановлены целые сколы (шесть сколов, 12 элементов). Сборка № 1 включает объемный торцовый нуклеус на сколе и два фрагмента крупного скола подправки его ударной площадки (см. рис. 1, *1*); сборка № 2 состоит из торцового нуклеуса на отщепе и трех сколов с пластинчатыми пропорциями

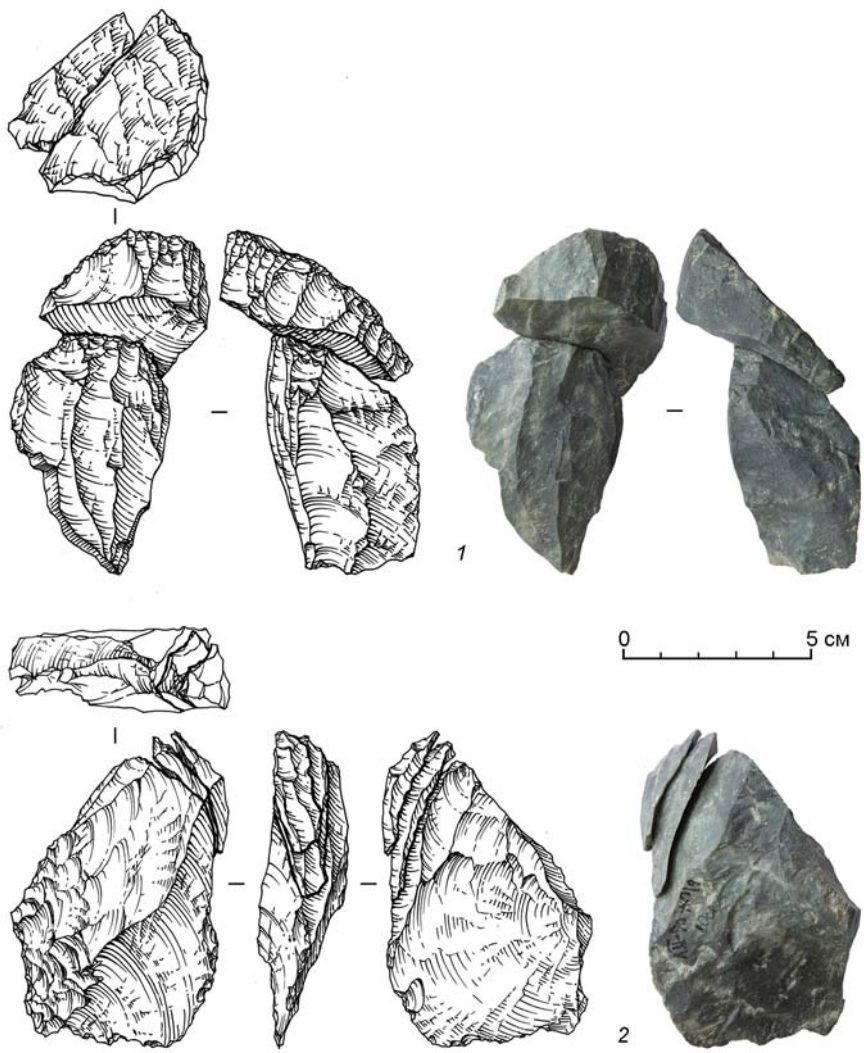


Рис. 1. Стоянка Ануй-2, горизонт *В*. Реконструкция последовательности производства мелких пластинчатых сколов на основе метода ремонтажа.

1 – сборка № 1; *2* – сборка № 2.

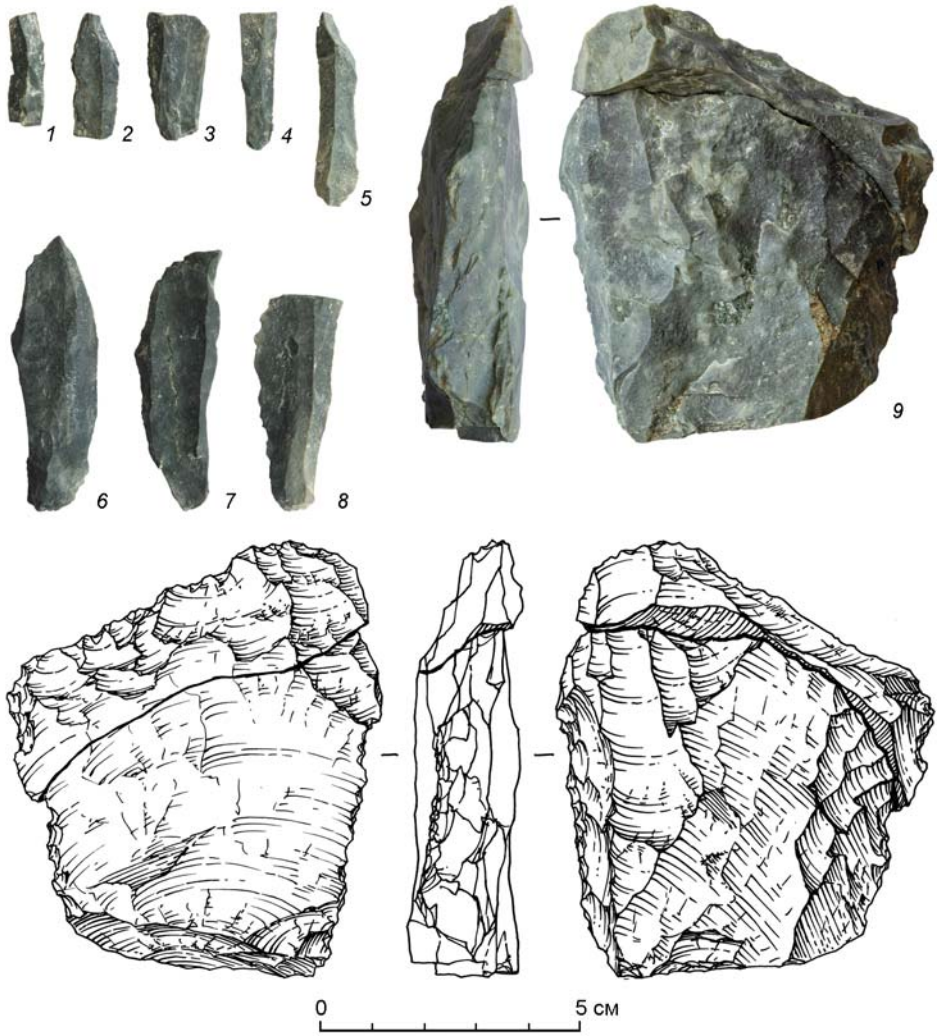


Рис. 2. Стоянка Ануй-2, горизонт *В*. Продукты и отходы производства мелких пластинчатых сколов, выявленные на основе метода сырьевых групп и ремонтажа.

1–8 – целевые заготовки; *9* – сборка № 3.

шириной 9–18 мм (включая торцовые и классические) (см. рис. 1, *2*); сборка № 3 включила торцовый нуклеус на отщепе и снятый полуреберчатый скол (рис. 2, *9*); сборки № 4 и 5 включили по паре торцовых пластинчатых сколов, реализованных продольно по латералям двух вторичных нуклеусов, и близки по своему технологическому содержанию; сборка № 6 составлена из двух сколов подправки терминала вторичного нуклеуса. Значимые различия в оттенках заготовок сырья, преобладание того или иного цвета на их поверхности (большая вариабельность текстур и цвета представляет собой обычное явление для галек афировых эффузивов р. Ануй) позволили в некоторых случаях выявить подгруппы внутри общей совокупности дебитажа, определить наличие или отсутствие связей между неаппли цирующимися сколами и конкретными сборками.

В своем исследовании мы уделили внимание общим аспектам пространственного распределения элементов сырьевой группы, положив в основу метод планиграфического анализа. Профили (по линиям шириной 1 м) и планы распределения находок выстраивались на базе возможностей программы Golden Software Surfer 15.5.382. Скопление основной части дебитажа рассматриваемой отдельности, судя по 82 артефактам с полной индивидуальной маркировкой, принадлежит участку квадратов Г–Д\7–8 и В-7 (ок. 85 %); на смежных квадратах и удаленных фиксируется от одной до двух находок. Уровень залегания материала на участке Г–8 (n = 22) соответствует уровню –418/–423 см, с единичными отклонениями до нивелировочных отметок –397, –415, –430 и –450 см; на участке Д–8 (n = 15) большинство артефактов тяготеют к уровню –416/–419 см, с существенными отклонениями (n = 6) до отметок –403/–409. На один метр ниже по склону на участке Г–7 (n = 14) большинство артефактов тяготеют к высотам –417/–432 см, с еди-

ничными отклонениями (n = 2) до нивелировочных отметок –407 и –408 см; на участке Д–7 (n = 12) артефакты концентрируются на уровне –413/–429 см, с отклонениями до –403, –438, –441, –445 см; на участке В–7 (n = 5) артефакты зафиксированы на отметках –409, –410, –423 и –435 см. В процессе полевых работ 1990–1991 гг. существенные перепады высот между связанными артефактами стали следствием их включения в коллекции разных культурных подразделений. Подавляющее большинство элементов группы зафиксированы на уровне арх. гор. 9 (n = 67), существенная часть на уровне арх. гор. 8 (n = 10) и 10 (n = 15), единичные находки в арх. гор. 7 (n = 1) и 11 (n = 4). Аппликативные связи подтверждают общие тенденции пространственного распределения дебитажа – отмечены связи между артефактами арх. гор. 9 (5 сборок), реже между элементами арх. гор. 8 и 10 (одна сборка), арх. гор. 9 и 10 (две сборки), арх. гор. 9 и 11 (одна сборка).

Результаты исследования

Первичное расщепление. Анализ состава сырьевой группы фиксирует практически полное отсутствие свидетельств декортикации отдельности: выявлено четыре крупных отщепа с галечной коркой, покрывающей 25–50 % площади дорсальной поверхности, один крупный скол – до 75 %, два нуклеуса – до 10 % поверхности контрфронта. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что первичная обработка сырьевой единицы происходила за пределами исследованной площади памятника или на берегу реки. Судя по качественному составу сборок и дебитажа в целом, на стоянку были принесены уже готовые крупные массивные отщепы (от шести до восьми сколов, в т.ч. первичные и вторичные сколы декортикации), послужившие в дальнейшем основами для производства мелких пластинчатых сколов и ставшие источником всей массы отходов производства. Два принесенных скола поменьше с пластинчатыми пропорциями предназначались для орудийной деятельности.

Несмотря на принадлежность заготовок нуклеусов к одной отдельности, их качество значительно варьирует по признакам, определяющим однородность породы и, соответственно, контролируемость и эффективность расщепления (трещиноватость, наличие включений, характеристики сколовой поверхности). Максимально продуктивная цепочка реализации целевых заготовок связана с отдельностью сборки № 1 (см. рис. 1, *1*); она характеризуется большим полезным объемом и наилучшим качеством. Морфология нуклеусов и продуктов расщепления, а также данные ремонтажа указывают на то, что все заготовки расщеплялись в рамках единого принципа. Имеющиеся сборки, как и не вошедшие в них нуклеусы, демонстрируют последовательное однонаправленное скалывание мелких пластинчатых заготовок с торцовой части крупного скола-основы. Подготовка к серийному скалыванию заключалась в формировании ударной площадки нуклеуса одним или двумя снятиями вдоль края скола-основы, подправке фронта и латералей преформы (сборки № 2–6), поперечной реберчатой и полуреберчатой обработке края основы (сборка № 3) (рис. 2, *9*). Одна из реконструированных последовательностей, состоящая из двух отщепов (№ 6), отражает процесс последовательного удаления галечной корки с дорсальной поверхности первичного скола-основы посредством латеральных снятий; реализованные сколы захватили терминал нуклеуса (или пренуклеуса) и вместе с тем часть предварительно оформленного инициального ребра узкого торцового фронта.

В процессе реализации заготовок форма фронта поддерживалась короткими встречными снятиями, сколами, формирующими киль (сборка № 1) (см. рис. 1, *1*), латеральными снятиями с ударной площадки и полуреберчатой подправкой. Ударная площадка поддерживалась дополнительными сколами (в т.ч. пластинчатыми); могла переоформляться путем снятия скола-«таблетки» (сборка № 1); отмечаются примеры, когда ситуативно плоскость скалывания заготовок переносилась на плоскость ударной площадки и обратно (сборка № 3) (рис. 2, *9*). Получению заготовок почти всегда предшествовала тонкая подправка карниза, будь то широкий объемный фронт или узкий. Морфология получаемых снятий существенно варьировала в зависимости от качества сырья, ширины фронта и возможностей серийного скалывания. Ширина пластинчатых сколов коллекции составляет от 25 до 6 мм, остаточные ударные площадки прямые, преимущественно линзовидной или треугольной формы. Огранка дорсальной поверхности в основном параллельная однонаправленная, в единичных случаях (n = 4) – параллельная бипродольная, слабо стандартизована. Целых пластинок и микропластин практически не сохранилось, однако имеющиеся, как и крупные фрагменты, демонстрируют значимый изгиб профиля, что вполне отвечает характеру организации скалывания. Анализ состава группы и морфологии пластинок указывает на импорт части целевых сколов и их частей.

Вторичная обработка. Анализируемая совокупность дебитажа включает шесть сколов со следами обработки и/или вероятного использования. К формальным типам можно отнести три изделия – нож с обушком на отщепе с функциональной ретушью по краю, угловой резец на пластине, рабо-

чая кромка которого оформлена несколькими резцовыми снятиями, фрагмент микропластины с притупленным краем. Три других формы на крупных отщепах несут по краю фасетки ретуши, которые можно рассматривать как следы утилизации. Все основы орудий, кроме двух, не имеют отношения к мелкопластинчатому расщеплению и, вероятно, были принесены на стоянку вместе с заготовками нуклеусов.

Хронология и пространственный контекст. Согласно данным пространственного распределения элементов сырьевой группы и ремонтажей, все ключевые компоненты (нуклеусы, орудия и статический дебитаж) приурочены к единой площадке на участке смежных кв. Г–Д\7–8 и В–7, что может указывать на временное и пространственное единство операций по производству и использованию заготовок. Состав группы свидетельствует о полном цикле утилизации – от транспортировки преформы до использования заготовки. Условно «материнским» уровнем залегания материала в зоне концентрации мы предлагаем считать отметки от –410 до –425 см; они в целом соответствуют уровню арх. гор. 9 по схеме 1990-х гг. Отдельные находки значительно отклоняются по своим нивелировочным отметкам (от –397 до –450 см) от основного диапазона, что может являться следствием постдепозиционных изменений слоя, генезис которых пока не установлен.

Часть статического дебитажа, орудий и мелких пластинчатых сколов коллекции (n = 13) в месте скопления несет следы термического воздействия, это читается в изменении цвета и характерном растрескивании материала (кв. Г–7\8, Д–8, В–7, Я–7; отметки –404/–410 см (n = 4), –417/–423 см (n = 9)). Данное обстоятельство является косвенным указанием на пространственную взаимосвязь нашей производственной площадки и одного из кострищ, зафиксированных на уровне арх. гор. 9 рядом с кв. Г\7–8.

На настоящий момент было проведено AMS-датирование одного из образцов костного материала *горизонта В*, отобранного в зоне обсуждаемого технологического скопления (Д–7, –412 см). В результате была получена дата 30 523 ± 180 некал. л.н. (GV-3601). Это определение требует подтверждения, однако полностью коррелирует с новой широкой и более древней серией абсолютных значений по культурным остаткам нижележащих горизонтов.

Заключение и обсуждение

В результате переосмысления хронологии и культурной последовательности стоянки Ануй-2, а также технико-типологического облика ее индустрий нами получен новый и обширный фактический материал для изучения процессов и компонентов, лежавших в основе динамики культурных изменений в регионе на ранних этапах верхнего палеолита.

Цепочка операций, реконструированная выше на основе анализа одной сырьевой группы, уникальна по своей полноте, однако не единожды повторялась в период формирования *горизонта В*. В северо-западной части стоянки, где была сосредоточена основная производственная деятельность по обработке камня, локализованы технологические скопления, в целом повторяющие описанные стратегии. Согласно предварительным данным анализа индустрии *горизонта В* основное место в ней как раз занимает производство мелких пластинчатых сколов с прямым и изогнутым профилем, базирующееся на продольном параллельном и конвергентном скалывании отщеповых заготовок по выраженной дуге простых торцовых (клиновидных) и широкофронтальных объемных ядрищ (изделия кареноидной морфологии, в т.ч. их специфические бифронтальные модификации). Орудийный набор комплекса представлен пластинками с притупленным краем, скребками высокой формы, концевыми на пластинах, микроскребками, резцами, пластинками с ретушью и притупленным краем, остриями на пластинках. Индустрия *горизонта В* находит сходство с материалами раннего верхнего палеолита Алтая и существенно контрастирует с мелкопластинчатым компонентом и орудийным набором нижележащих комплексов начального верхнего палеолита Ануй-2, а также другими проявлениями данной культурной общности в регионе (горизонт ВП 2 стоянки Кара-Бом, горизонты D и E раскопа 1986 г. стоянки Усть-Каракол-1 и др.).

Результаты исследования специфики и структуры производственной деятельности по обработке камня *горизонта В*, ее пространственных и временных аспектов, дополненные данными радиоуглеродного датирования, выступают предпосылкой для пересмотра подхода к интерпретации природы сходства каменных индустрий стоянки Ануй-2 и комплексов усть-каракольской культурной традиции раннего верхнего палеолита Алтая. Если ранее близкая хронология и сходство мелкопластинчатого и орудийного компонента Ануй-2 и ранневерхнепалеолитических индустрий стоянки Усть-Каракол-1 объяснялись преемственностью в развитии культур раннего и среднего этапов верхнего палеолита алтайского региона [Деревянко, Шуньков, 2004], то в свете новых данных их следует рассматривать скорее как синхронные и принадлежащие одной культурной общности.

Благодарности

Анализ материалов стоянки Ануй-2 выполнен в рамках проекта РНФ № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность». Региональные корреляционные исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии».

Список литературы

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит верхней Лены. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 370 с.

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачев, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – 158 с.

Белоусова Н.Е. Новая культурно-хронологическая последовательность стоянки Ануй-2: предварительные результаты // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): матер. Междунар. археолог. конф. мол. исслед. (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022 (в печати).

Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Славинский В.С. Анализ сырьевых единиц как способ изучения структуры культурных отложений и реконструкции систем мобильности и жизнеобеспечения // Stratum plus. Культурная антропология и археология. – 2018. – № 1. – С. 125–143.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро- макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Гиря Е.Ю., Брэдли Б.А. Словарь Кроу Каньон: концепция технологического анализа каменных индустрий // Археологический альманах. – 1996. – № 5. – С. 13–22.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. II / отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.П. Холюшкин. – Новосибирск, 1995. – С. 205–232.

Постнов А.В. Поздний палеолит бассейна р. Ануй: дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 250 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Aksenov M.P. Paleolit i mezolit verkhney Leny: monografiya. Irkutsk, 2009. 370 p. (In Russ.).

Belousova N.E. New Cultural and Chronological sequence of the Anui-2 site: preliminary results. In *Archaeological cultures of Siberia in the context of cross-cultural contacts in Eurasia: dedicated to the 300th anniversary of the first scientific archaeological excavations in Siberia (1722): proceedings of the International archaeological conference of young researchers*. (Novosibirsk, November 21–25, 2022). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. (In press). (In Russ.).

Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Slavinskiy V.S. Raw Material Unit Analysis as a Method of Studying the Structure of Cultural Deposits and Reconstruction of Mobility and Life Support Systems. *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, 2018. N 1. P. 125–143. (In Russ.).

Dereviyanko A.P., Grichan Yu.V., Dergachev M.I., Zenin A.N., Laukhin S.A., Levkovskaya G.M., Maloletko A.M., Markin S.V., Molodin V.I., Ovodov N.D., Petrin V.T., Shunkov M.V. Archaeology and paleoecology of the Palaeolithic of Gorny Altai. Novosibirsk: IIFF SB AS USSR Publ., 1990. 158 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Formation of the Upper Palaeolithic Traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004. N 3. P. 12–40. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadjanian A.K., Baryshnikov G.F., Malayeva E.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Girya E.Yu. Tekhnologicheskiy analiz kamennykh industriy: metodika mikro- makroanaliza drevnikh orudiy truda. Saint Petersburg: IHMC RAS, 1997. Part. 2. 198 p. (In Russ.).

Girya E.Yu., Bradley B.A. Slovar' Krou Kan'on: kontseptsiya tekhnologicheskogo analiza kamennykh industry. In *Arkheologicheskiy al'manakh*, 1996. N 5. P. 13–22. (In Russ.).

Orlova L.A. Radiouglerodnoye datirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov. In *Sibiri i Dal'nego Vostoka. Metody yestestvennykh nauk v arkheologicheskikh rekonstruktsiyakh*. Vol. 2. Eds. A.P. Derevianko, Yu.P. Kholyushkin. Novosibirsk, 1995. P. 205–232. (In Russ.).

Postnov A.V. The Upper Palaeolithic of the Anui river basin: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 1998. 250 p. (In Russ.).

Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0058-0065
УДК 903.01

Н.Е. Белоусова, М.В. Селецкий, А.Ю. Федорченко✉, А.В. Постнов, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Функции каменных ударно-абразивных орудий памятника Ануй-2: предварительные результаты

В работе представлены предварительные результаты исследования функций каменных ударно-абразивных орудий верхнепалеолитической стоянки Ануй-2. Для реализации исследования был применен экспериментально-трасологический метод, который позволяет установить морфометрические характеристики макро- и микроследов утилизации на поверхности артефактов. Фиксация и визуализация как самих изучаемых инструментов, так и рабочих зон проводилась с помощью методов трехмерного моделирования. По итогам проведенного экспериментально-трасологического изучения коллекция верхнепалеолитических инструментов стоянки Ануй-2 была увеличена вдвое. В настоящий момент комплекс ударно-абразивных орудий этого памятника можно рассматривать как наиболее многочисленную и значимую из зафиксированных в верхнем палеолите Алтая. Установлено, что изученные орудия применялись в рамках хозяйственно-бытовых операций ударного и абразивного характера. Основная часть коллекции представлена орудиями активного действия, посредством которых осуществлялась обработка каменного сырья путем ударного воздействия – расщепление, ретуширование, пикетаж. В меньшем количестве отмечены абразивы каменных изделий и наковальни. Согласно полученным данным, основами инструментов выступали целые гальки и их фрагменты, галечные отдельности со следами модификации, нуклевидные формы и сколы из осадочных и эффузивных пород. Численность и состав каменного инструментария отдельных археологических подразделений стоянки Ануй-2 коррелируют со свидетельствами активной первичной и вторичной обработки каменного сырья, фиксируемой на всех этапах заселения этого археологического объекта. Было установлено, что все выразительные инструменты для подготовки зоны расщепления нуклеусов пикетажем принадлежат пластинчатым комплексам двух нижних горизонтов, предварительно ассоциируемых с культурой начального верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Горный Алтай, начальный верхний палеолит, ранний верхний палеолит, экспериментально-трасологический анализ, расщепление камня, ударно-абразивные каменные орудия, отбойники, пикетаж.*

N.E. Belousova, M.V. Seletsky, A.Y. Fedorchenko✉, A.V. Postnov, M.V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Functions of Stone Percussion and Abrasive Tools from the Anui-2 Site: Preliminary Results

The study presents preliminary results of a functional analysis of percussive and abrasive stone tools from the Upper Paleolithic site of Anui-2. We have applied experimental traceological method to determine the morphometric characteristics of macro- and microwear traces on the artefact surfaces. Recording and visualization of both studied tools and working areas have been carried out using three-dimensional modelling methods. Based on the results of the experimental traceological analysis, the collection of the Upper Palaeolithic tools from the Anui-2 site has been doubled. Currently, the assemblage of percussion and abrasive tools from this site can be considered as the most numerous and significant from among those recorded in the Upper Paleolithic of Altai. We have found that the studied tools were used in household operations of a percussive and abrasive nature. The active-action tools, using which stone raw materials were processed by impact, such as knapping, retouching, and pecking, represent the main part of the collection. Abrasives of stone items and anvils have been

found in a lesser amount. According to the data obtained, the tools were based on whole pebbles and their fragments, pebble fragments with the traces of modification, core-shaped forms, and flakes from sedimentary and effusive rocks. The number and composition of the percussive and abrasive stone tools from archaeological units at the Anui-2 site correlate with the evidence of active primary and secondary processing of stone raw materials, noted at all stages of this archaeological site settlement. We have found out that all expressive tools for preparing the core splitting area by picketing belong to lamellar complexes of two lower horizons, tentatively associated with the culture of the early Upper Paleolithic.

Keywords: *Gorny Altai, Initial Upper Palaeolithic, Early Upper Paleolithic, experimental traceological analysis, stone knapping, percussive and abrasive stone tools, hammers, pecking.*

Введение

Изучение каменных ударно-абразивных орудий занимает особое место в современном палеолитоведении Алтая. Выявление и функциональная атрибуция каменного инструментария в индустриях среднего и верхнего палеолита региона обычно осуществляется на основе функционального, экспериментального и петрографического анализов, трехмерного моделирования [Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020; Белоусова и др., 2021; Селецкий и др., 2021]. Очень часто при работе с коллекциями палеолитических комплексов Алтайского региона предметом экспериментально-трасологических изысканий становятся лишь единичные выразительные находки или небольшие выборки артефактов [Деревянко, Рыбин, 2003; Белоусова и др., 2017]. На этом фоне обращение к широким сериям каменных ударно-абразивных орудий позволяет выйти на уровень более глубоких реконструкций производственной и хозяйственной деятельности средне- и верхнепалеолитических обитателей региона. В данной работе комплексному изучению была подвергнута одна из наиболее представительных и разнообразных коллекций ударно-абразивных инструментов из минерального сырья эпохи верхнего палеолита, известных на территории Алтая. Цель настоящего исследования заключалась в реконструкции хозяйственно-бытовых операций, осуществляемых древним человеком посредством применения каменного инструментария на верхнепалеолитической стоянке Ануй-2, расположенной в северо-западной части Горного Алтая.

Материалы и методы исследования

Археологический памятник Ануй-2 относится к объектам открытого типа и соседствует с многослойной стоянкой Денисова пещера, расположенной на удалении 70 м. Оба объекта приурочены к правому борту долины р. Ануй, опирающемуся на склон г. Сосновая (1112 м). В административном отношении они находятся в Солонешенском р-не Алтайского края. Археологические полевые работы на памятнике осуществлялись в два этапа: в 1989 г. на участке раскопа 1 площадью 35 м^2 (1037 каменных артефактов) и в 1990–1991 гг. на смежном участке раскопа 2 выше по склону общей площадью 79 м^2 (ок. 15 тыс. каменных артефактов) [Археология…, 1990; Постнов, 1998; Природная среда…, 2003].

Источниковой базой настоящей работы выступили археологические коллекции раскопа 1990–1991 гг. стоянки. В процессе полевых работ в пределах отложений литологических слоев 8–13 на данном участке памятника было отмечено несколько горизонтов обитания древнего человека и следы активной производственной деятельности по расщеплению каменного сырья, доставляемого на стоянку из галечника р. Ануй. Отложения содержали следы кострищ с размытыми контурами, скопления дебитажа и редких находок костного материала. По углю и гуминовым кислотам в 1990-х гг. была получена серия радиоуглеродных дат в диапазоне от 27125 до 21280 л.н.; облик каменных индустрий, данные биостратиграфии и геохронологии позволили отнести комплексы стоянки к среднему этапу верхнего палеолита [Орлова, 1995; Природная среда…, 2003].

Результаты нового этапа исследований, основанные на анализе пространственного распределения связей апплицирующихся артефактов и элементов сырьевых групп, подтвердили наличие на памятнике стратифицированных в археологическом отношении участков, а также позволили выявить более древние недатированные комплексы, по своим технико-типологическим характеристикам тяготеющие к начальному верхнему палеолиту (далее НВП) [Белоусова, 2022, в печати]. Согласно новым данным, заселение стоянки происходило как минимум в пять этапов. Наиболее древний горизонт E представлен пластинчатой индустрией, находящей аналогии в ранних комплексах кара-бомовской традиции НВП Алтая. Комплекс горизонта D предварительно может быть также отнесен к НВП с характерной пластинчатой индустрией. Горизонты B и C представлены двумя комплексами раннего верхнего палеолита, включая классический усть-каракольский этап, ассоциированный с ориньякоидными мелкопластинчатыми технологиями и типологически выразительными микролитами, а также чуть более ранний – с доминирующей от-

щеповой составляющей в первичном расщеплении и редуцированной мелкопластинчатостью.

В результате исследования коллекций стоянки было выявлено 35 каменных ударно-абразивных орудий и их фрагментов. Формально, согласно схеме археологической стратификации 1990-х гг. для раскопа 2, артефакты принадлежат археологическим горизонтам 8 (n = 3), 9 (n = 4), 10 (n = 10) и 11 (n = 14). Ряд предметов не имеет точной привязки к конкретному подразделению (n = 4). Одно орудие было восстановлено из фрагментов, обнаруженных при разборе археологического горизонта 10 раскопа 2 1990–1991 гг. и горизонта 2 раскопа 1 1989 г. Анализ данных о пространственной локализации ударно-абразивных инструментов коллекции позволил установить принадлежность артефактов с маркировкой к конкретным культурным горизонтам в соответствии с новой схемой археологической стратификации [Там же]. Была установлена принадлежность орудий к горизонтам B (n = 5), C (n = 7) и D (n = 14); часть инструментов находилась в условиях, не позволяющих однозначно установить контекст – горизонты C/D (n = 2), C/D/E (n = 1) и D/E (n = 2). Функциональные исследования инструментов опирались на работу с микроскопом Альтами CM0745-T с увеличением от ×7 до ×45. Для трехмерного моделирования инструментов использовался сканер структурированного подсвета RangeVision Spectrum. Полученные модели подвергались последующей обработке в программах RangeVision ScanCentre, Geomagic Wrap, Geomagic Desing X, KeyShot 11 (все – trial version) для визуализации поверхности орудий в нескольких проекциях, без контраста и с картой кривизны сетки. В процессе интерпретации полученных данных применялась собственная коллекция экспериментальных эталонов и опубликованные результаты анализа инструментария стоянок Южной Сибири с близкой сырьевой базой.

Результаты исследования

В соответствии с характером признаков износа, выявленных в результате трасологического исследования, были предварительно установлены функции изучаемых инструментов: отбойники для расщепления камня (n = 11) ретушеры (n = 7), наковальни (n = 1), абразивы (n = 7), инструменты для подготовки зон расщепления нуклеусов пикетажем (n = 9).

Согласно полученным данным, в качестве основ для *отбойников* выступали целые и поперечно-фрагментированные овальные и округлые гальки (n = 5), пренуклеусы и сработанные нуклевидные формы для отщепов (n = 2), отдельности сырья со следами целенаправленной и интенсивной (до ¾ поверхности) модификации, противопоставленными рабочей поверхности (n = 4) (рис. 1, *1*). Отбойники из галек и нуклевидных форм выполнены, преимущественно, из осадочных пород – песчаники и алевролито-песчаники; инструменты с признаками искусственной модификации – на окатанных отдельностях афировых и порфировых эффузивов. Рабочие зоны отбойников, как правило, приурочены к выступающим участкам с естественной поверхностью и сформированы крупными выбоинами и выщербинами, следами крупных механических повреждений и выкрошенностью. На боковых поверхностях отбойника на удлиненной гальке песчаника, восстановленного из двух частей, были выявлены протяженные участки с длинными тонкими линейными следами, сформированными до фрагментации, что позволяет рассматривать этот инструмент как полифункциональный.

Ретушерами для обработки каменных изделий служили поперечно и/или продольно фрагментированные (n = 2) и целые окатанные отдельности (n = 1), а также гальки с негативами целенаправленной и интенсивной (до ¾ поверхности) модификации (n = 4) из осадочных пород – песчаников и алевролито-песчаников (рис. 2). Рабочие поверхности инструментов локализованы на вершинах, узких (локально и по периметру) и широких сторонах основ. Для ретушеров коллекции характерны мелкие выбоины и выщербины, линейные следы и реже – мелкие механические повреждения в виде негативов сколов; фиксируемые следы направлены, преимущественно, к центру орудий. Рядом с основной рабочей зоной одного из ретушеров отмечены признаки истирания в виде штриховых субпараллельных линий, что указывает на возможность его использования в т.ч. и как абразива.

Наковальня представлена целой уплощенной галькой песчаника подковообразной формы (см. рис. 1, *2*). Рабочая зона инструмента со следами лунок, мелких выщерблин и линейных отметин расположена в центральной части на наиболее ровной поверхности основы. Размерность следов, их характеристика и выраженный износ поверхности позволяют предположить использование инструмента для расщепления каменного сырья.

Для *абразивной обработки* минерального и/или органического сырья использовались уплощенные, преимущественно целые окатанные отдельности (n = 5) и фрагменты (n = 2) галек осадочных пород – песчаников и алевролито-песчаников. Зоны утилизации, расположенные преимущественно на широких сторонах инструментов, сформированы штриховыми субпараллельными линиями со следами притертости, направленными

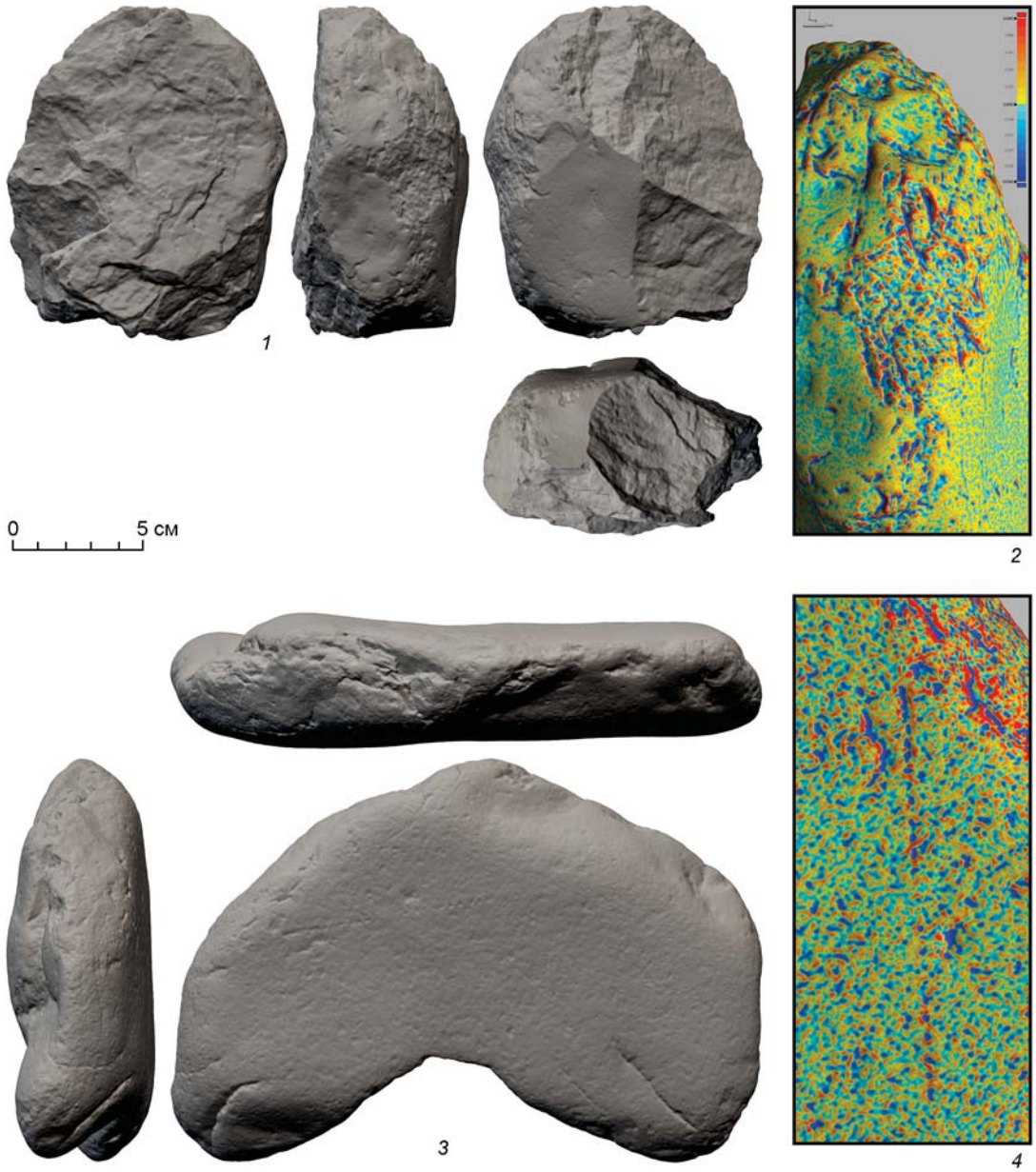


Рис. 1. Каменные ударно-абразивные орудия стоянки Ануй-2.

1 – отбойник для расщепления камня из горизонта C; *2* – рабочая зона со следами износа, возникшими от использования в качестве отбойника для расщепления каменного сырья; *3* – наковальня для расщепления камня из горизонта D; *4* – следы износа от расщепления.

как диагонально, так и параллельно продольным краям основ. Сильная деформация поверхности орудия и облик выявленных следов износа больше соответствуют использованию этих артефактов для обработки твердого минерального сырья, нежели охры и кости.

Инструменты для подготовки и/или подправки зон расщепления нуклеусов в технике пикетажа (рис. 3) выполнены на технических сколах (n = 1), сработанных нуклеусах (n = 2) и нуклевидных фрагментах галечного сырья (n = 2) из осадочных и вулканических пород – алевролитов, песчаников, алевролито-песчаников и афировых эффузивов. Кроме того, в качестве основ для подобного рода орудий выступали фрагменты галек (n = 1) и галечные отдельности (n = 4) осадочных пород со следами целенаправленной и интенсивной модификации, противопоставленными рабочей поверхности. Следы износа на инструментах, как правило, приурочены к выпуклым или узким участкам галечной поверхности, вершинам или ребрам поверхности скалывания. Рабочие зоны образованы забитостью, мелкими негативами сколов и линейными зарубками перпендикулярной и диагональной ориентации, неглубокими выщербинами и микротрещинами.

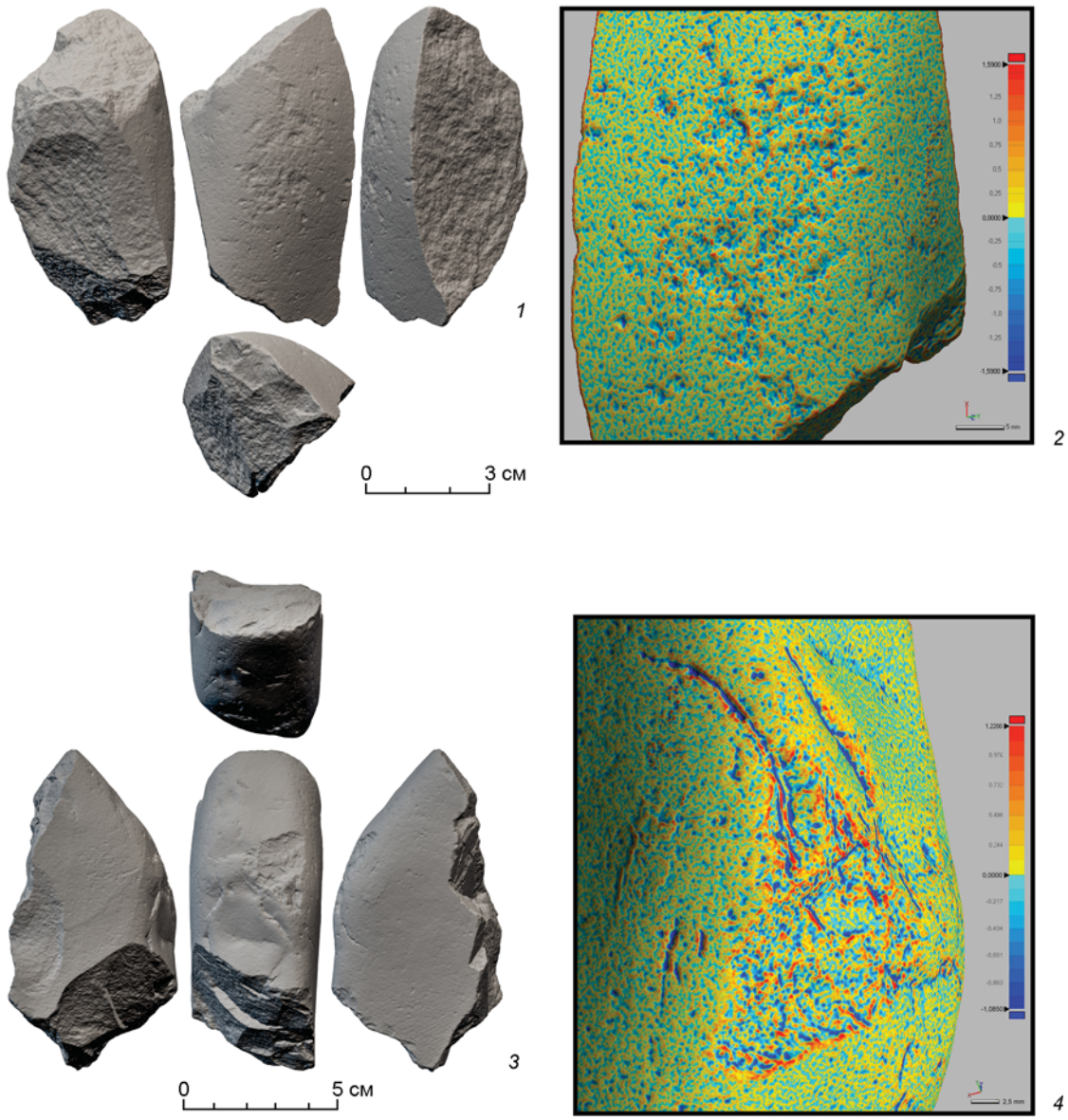


Рис. 2. Каменные ретушеры стоянки Ануй-2.

1 – ретушер из культурного горизонта D; *2*, *4* – визуализация рабочих зон ретушеров, выполненная посредством использования карты кривизны сетки; *3* – ретушер из культурного горизонта C.

Корреляция данных по пространственному залеганию выявленных ударно-абразивных инструментов и их функционального назначения позволяет сделать несколько выводов. В археологическом комплексе горизонта B отмечены исключительно ретушеры (n = 1) и отбойники (n = 3), включая отдельные оригинальные полифункциональные инструменты. Близкую тенденцию демонстрирует коллекция инструментов нижележащего горизонта C: она включает отбойники (n = 1), ретушеры (n = 2), при этом дополнена несколькими абразивами (n = 2), орудием с двойной функцией – абразив/ретушер (n = 1) и инструментом для подправки зоны расщепления (n = 1). Характер основ инструментов одинаково разнообразен в комплексах горизонтов B и C – это сработанные бессистемные нуклеусы, целые гальки и их фрагменты, а также модифицированные окатанные отдельности из осадочных и вулканических пород. Присутствие в обсуждаемом комплексе абразивных инструментов с выразительными следами износа от работы по каменному сырью коррелирует с находками украшений со следами шлифовки – подвесок из серпентинита и раковины пресноводного моллюска [Природная среда…, 2003].

Наиболее представительна по своему составу коллекция горизонта D, в нее вошли наковальня (n = 1), отбойник на целой гальке (n = 1) со следами интенсивного износа, отбойники на гальках со следами целенаправленной модификации, противопо-

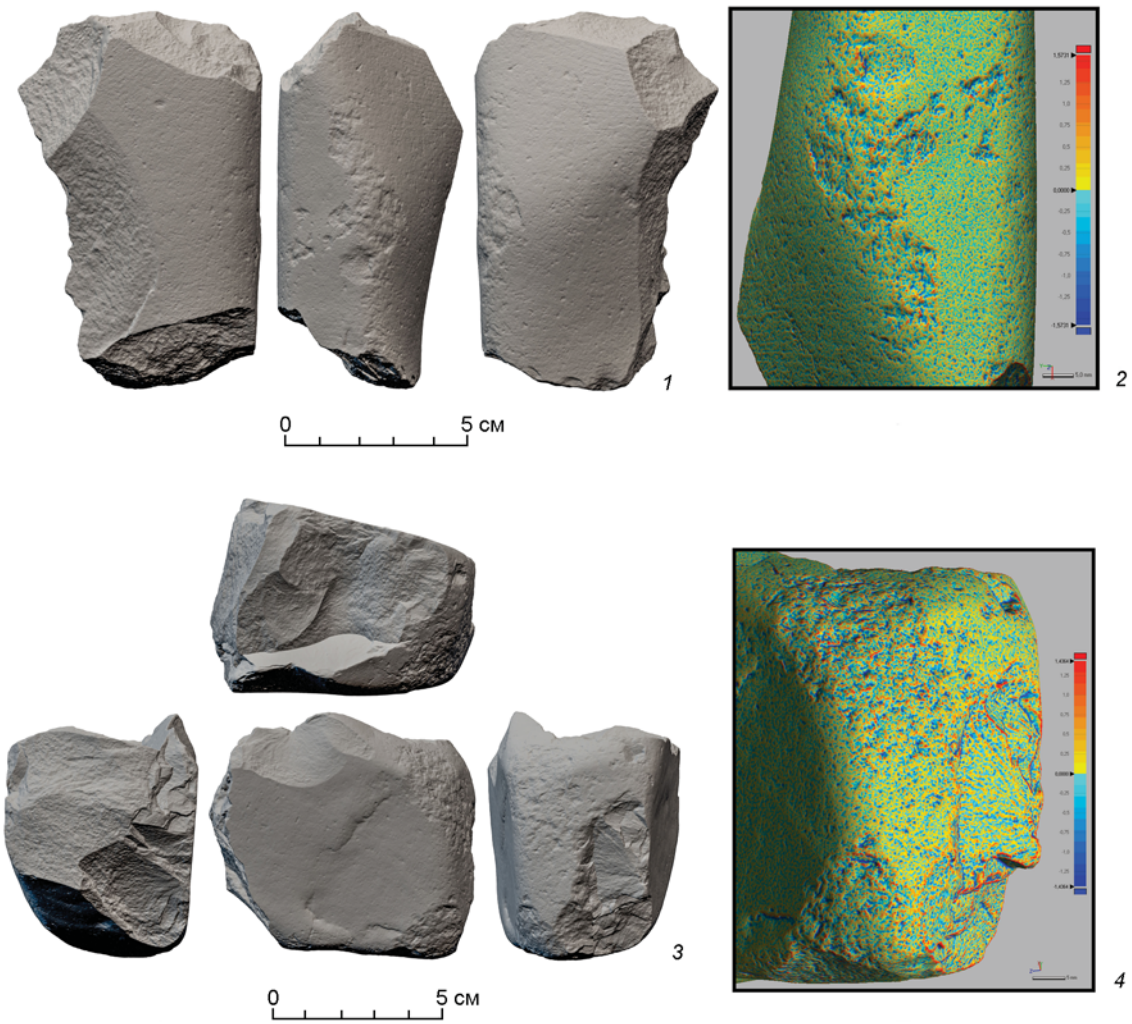


Рис. 3. Инструменты для подготовки и подправки зон расщепления нуклеусов стоянки Ануй-2.

1, 3 – орудия из культурного горизонта D; *2, 4* – визуализация рабочих зон артефактов, выполненная посредством использования карты кривизны сетки.

ставленными рабочей поверхности (n = 3), орудия для подправки зоны расщепления в технике пикетажа (n = 5) на аналогично модифицированных заготовках и нуклевидных фрагментах галек, абразивы (n = 3) на небольших целых уплощенных гальках, ретушеры на фрагментированных гальках и гальках со следами модификации сколами. Пространству одного из двух нижних горизонтов D или E принадлежат также два инструмента для подправки нуклеуса в технике пикетажа на фрагменте гальки и массивном техническом сколе.

Обсуждение и выводы

Результаты настоящего исследования позволили существенно скорректировать имеющиеся данные о численности и функциональной вариабельности ударно-абразивных орудий верхнего палеолита стоянки Ануй-2. Ранее в процессе первичного анализа материалов археологических горизонтов 9–12 исследователями было отмечено 17 находок каменных инструментов разных типов: отбойников, ретушеров и наковален [Природная среда…, 2003]. По итогам проведенного экспериментально-трасологического изучения коллекция верхнепалеолитических каменных инструментов была увеличена вдвое. Исходя из полученных данных, сегодня мы можем рассматривать коллекцию ударно-абразивных орудий стоянки Ануй-2 как наиболее многочисленную и значимую из зафиксированных в верхнем палеолите региона. В целом, описанная специфика инструментария отдельных археологических подразделений соответствует заранее ожидаемым тенденциям: во-первых, их численность и состав теперь коррелируют со свидетельствами активной первичной и вторичной обработки каменного сырья, фиксируемой на всех этапах заселения стоянки; во-вторых, все выразительные инструменты для пикетажа принадлежат пластинчатым комплексам двух нижних горизонтов, предварительно

ассоциируемых с культурой начального верхнего палеолита. В целом, стоит отметить, что аналогичный набор каменного инструментария характерен и для других верхнепалеолитических индустрий начального и раннего верхнего палеолита Алтайского региона, известных в Денисовой пещере, на стоянках открытого типа Усть-Каракол-1 и Кара-Бом [Белоусова и др., 2017; Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020; Белоусова и др., 2021].

В качестве относительно нового и яркого компонента проанализированной коллекции мы рассматриваем инструменты на гальках со следами интенсивной модификации – усекающей, притупляющей края, формирующей ребра или вогнутые края. Такие признаки несут более 50 % артефактов коллекции (n = 13), даже не учитывая инструменты на нуклевидных формах или фрагментированных гальках. Не углубляясь в специальное исследование орудий такого типа, мы можем предположить, что модификация в ряде случаев была связана с необходимостью придать используемой основе форму, удобную для удержания в руке. Этому предположению соответствует часто фиксируемая контрпозиция рабочих участков и зон модификации, равно как и характер подработки. Судя по всему, гальки вулканических пород чаще требовали модификации, чем гальки из осадочного сырья: все ударно-абразивные орудия из вулканических пород (n = 7) имеют признаки модификации основы. Как показывает опыт отбора каменного материала для экспериментальных исследований из русла р. Ануй, гальки вулканических пород имеют большую размерность и в целом хуже окатывались до удобной яйцевидной или подпрямоугольной формы. Детальные исследования коллекции в дальнейшем позволят более аргументированно судить о предпосылках фиксируемых модификаций, а также о позиции последних в цепочке операций по подготовке и использованию орудий.

В целом, мы приходим к выводу, что изучение ударно-абразивных инструментов, и в частности изделий с модификацией, является системно значимым для понимания структуры индустрий стоянки. Реконструкция стратегий расщепления, позиционирование того или иного скола в технологической последовательности далее должно производиться с учетом весомой доли в коллекции стоянки отщепов и других отходов модификации инструментов для расщепления.

Благодарности

Экспериментально-трасологический и технологический анализы ударно-абразивных орудий стоянки Ануй-2 выполнены в рамках проекта РНФ № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность». Исследование пространственного контекста находок выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачев, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – 158 с.

Белоусова Н.Е. Новая культурно-хронологическая последовательность стоянки Ануй-2: предварительные результаты // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): мат-лы Междунар. археолог. конф. мол. исслед. (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022 (в печати).

Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Рыбин Е.П., Козликин М.Б. Особенности технологии производства крупных пластин в индустриях начала верхнего палеолита Горного Алтая // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. – Т. I. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – С. 16–21.

Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Каменные ударно-абразивные орудия верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (по материалам раскопа 1986 г.) // Новые материалы и методы археологического исследования. Мат-лы VI конф. мол. ученых. – М.: Изд-во ИА РАН, 2021. – С. 9–11.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. II / отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.П. Холюшкин. – Новосибирск, 1995. – С. 205–232.

Постнов А.В. Поздний палеолит бассейна р. Ануй: дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 250 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Опыт функционального исследования ударно-абразив-

ных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая // Актуальная археология 5. Мат-лы междунар. науч. конф. мол. ученых. – СПб.: Невская Типография, 2020. – С. 161–164.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: Результаты функционального анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 2. – С. 23–31.

References

Belousova N.E. New Cultural and Chronological sequence of the Anui-2 site: preliminary results. In *Archaeological cultures of Siberia in the context of cross-cultural contacts in Eurasia: dedicated to the 300th anniversary of the first scientific archaeological excavations in Siberia (1722): proceedings of the International archaeological conference of young researchers*. (Novosibirsk, November 21–25, 2022). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. (In press). (In Russ.).

Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Rybin E.P., Kozlikin M.B. Osobennosti tekhnologii proizvodstva krupnykh plastin v industriyakh nachala verkhnego paleolita Gornogo Altaya. In *Trudy V (XXI) Vseros. arkheol. S'ezda v Barnaule – Belokurihe*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. Vol. 1. P. 16–21. (In Russ.).

Belousova N.E., Seletsky M.V., Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A. Kamennyye udarno-abrazivnyye orudiya verkhnego paleolita stoyanki Ust'-Karakol-1 (po materialam raskopa 1986 g.). In *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya*. Moscow: IA RAS Publ., 2021. P. 9–11. (In Russ.).

Derevianko A.P., Grichan Yu.V., Dergachev M.I., Zenin A.N., Laukhin S.A., Levkovskaya G.M., Maloletko A.M., Markin S.V., Molodin V.I., Ovodov N.D., Petrin V.T., Shunkov M.V. Archaeology and paleoecology of the Palaeolithic of Gorny Altai. Novosibirsk: IIFF SB AN USSR Publ., 1990. 158 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Rybin E.P. The earliest representations of symbolic behavior by Palaeolithic humans in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003. Vol. 3. P. 27–50. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadjanian A.K., Baryshnikov G.F., Malayeva E.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Orlova L.A. Radiouglerodnoye datirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov. In *Sibiri i Dal'nego Vostoka. Metody yestestvennykh nauk v arkheologicheskikh rekonstruktsiyakh*. Novosibirsk, 1995. Vol. 2. P. 205–232. (In Russ.).

Postnov A.V. The Upper Palaeolithic of the Anui river basin: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 1998. 250 p. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E. Opyt funktsional'nogo issledovaniya udarno-abrazivnykh orudiy paleoliticheskikh kompleksov Gornogo Altaya. In *Aktual'naya arkheologiya 5*. Saint Petersburg: Nevskaya Tipografiya, 2020. P. 161–164. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y., Chistyakov P.V., Markin S.V., Kolobova K.A. Percussive-abrasive stone tools from Chagyrskaya cave: results of functional analysis. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49. N 2. P. 23–31. (In Russ.).

Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Постнов А.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0066-0073
УДК 903.01 / 903.2

В.В. Бобров[1, 2], И.А. Вальков[1]✉

[1]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
[2]Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: valkov.i@outlook.com

Костяные предметы неолитического курганного могильника Автодром-1А

Данная работа посвящена результатам изучения костяных изделий, обнаруженных в ходе раскопок на могильнике неолитического времени Автодром-1А в 2015 г. Объект расположен на северо-западе Барабинской лесостепи и представляет собой один из древнейших курганных могильников Северной Азии, а выявленные на нем погребения соотносятся с древностями артынской археологической культуры позднего неолита. Выявленные в насыпи кург. 1 и расположенных под ней погребениях костяные предметы в функциональном отношении представлены украшениями (подвески из кости и зубов животных), проколками, наконечниками стрел, стамеской. Для выяснения назначения и особенностей технологии изготовления указанных артефактов использовался комплексный подход, сочетающий трасологический, технологический и типологический методы, а также методы зооархеологии. Особенное место среди находок занимают наконечник стрелы шигирского типа и фрагмент оправы вкладышевого ножа, переоформленный и вторично использовавшийся в качестве проколки. Эти предметы являются, в свою очередь, и хронологическими маркерами. Делается вывод о том, что все использованные в погребальном обряде могильника Автодром-1А артефакты из кости имели сугубо утилитарное назначение и несут на себе следы использования в хозяйственных процессах и повседневной жизни. Это указывает на отсутствие практики специального производства погребального инвентаря у носителей артынской археологической культуры. Полученные в процессе исследования сведения позволяют дополнить картину хозяйственной жизни и погребального обряда населения Барабинской лесостепи в позднем неолите, а также отражают некоторые аспекты технологических решений и мировоззрения.

Ключевые слова*: Барабинская лесостепь, поздний неолит, артынская культура, курганный могильник, изделия из кости.*

V.V. Bobrov[1, 2], I.A. Valkov[1]✉

[1]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of the Institute of Coal and Coal Chemistry of the SB RAS
Kemerovo, Russia
[2]Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: valkov.i@outlook.com

Bone Items from the Neolithic Burial Site Autodrom-1A

The article discusses the results of study of the bone items found during the excavations of the Neolithic burial site Avtodrom-1A in 2015. The site is located in the north-west of the Baraba forest-steppe and is one of the oldest kurgans in Northern Asia; the burials found there are associated with the items of the Late Neolithic Artyn culture. Bone items from the kurgan 1 mound and the tombs under it were jewelry (pendants made of animal bones and teeth), piercers, arrow points, and a chisel. To determine the purpose and technological features of these artifacts, we have used an integrated approach combining traceological, technological, and typological as well as zooarchaeological methods. Among those finds, a Shigir-type arrow point and a fragment of a knife case with the inserted cutting edge, which was reworked and reused as a piercer, have a particular importance. These items are also chronological markers. The conclusion is made that all items used in the burial rite at the Avtodrom-1A site were utilitarian and have traces of use in household and everyday life. It indicates the

absence of a special production of burial tools in the Artyn culture peoples. The information obtained in the course of the research allows us to supplement the picture of the economic life and funeral rite of the population of the Baraba forest-steppe in the late Neolithic, and also reflects some aspects of technological solutions and worldview.

Keywords: *Baraba forest-steppe, late Neolithic, Artyn culture, burial mound, bone items.*

Введение

В 2015 г. Кузбасским археологическим отрядом под руководством одного из авторов были продолжены раскопки на поселении Автодром-1 в окрестностях с. Венгерово Новосибирской обл. (северо-запад Барабинской лесостепи). Одним из объектов исследования стал кург. 1, на основании обнаруженных артефактов (характерной группы керамики, каменных орудий, украшений из зубов животных, биконического наконечника шигирского типа), а также специфики погребальных сооружений и обряда отнесенный к артынской культуре позднего неолита (V тыс. до н.э.) и в дальнейшем получивший наименование «Автодром-1А» [Бобров, Марочкин, Юракова, 2015; 2020]. Курган имел округлую форму, диаметр до 8 м и высоту относительно материка до 0,4 м. В нижнем горизонте насыпи, а также в трех из четырех расположенных под ней погребениях, были зафиксированы изделия из кости и зубов животных. Ввиду фрагментарности сведений о костяной индустрии населения Западной Сибири в эпоху неолита данные находки имеют высокое значение.

Материалы и методы исследования

Комплексное изучение коллекции осуществлялось с применением трасологического анализа, позволяющего установить особенности технологии изготовления и использования артефактов. Основные методические положения подобных исследований отражены в работах ряда отечественных и зарубежных авторов [Campana, 1989; Бородовский, 1997; Vitezović, 2016; и др.]. Для этих целей применялся стереоскопический микроскоп Ломо МСП-1 (вариант 2). Кроме того, нашли применение технологический и типологический методы, а также методы зооархеологии, позволяющие идентифицировать заготовки, из которых были выполнены изделия. Каждый из указанных методов имеет ограничения, связанные с особенностями состава и сохранности коллекции. На возможность выяснения видовой принадлежности кости влияла степень модификации исходной заготовки.

Проанализированный комплекс включал в себя 17 экз. украшений, охотничьего вооружения, орудий труда и костей без признаков модификации. В одном случае установление даже предположительного функционального назначения оказалось невозможным. Четыре предмета из указанного числа не выявили следов антропогенного воздействия и были отнесены к неартефактному материалу.

Результаты исследования и их обсуждение

Украшения. Данная категория костяных предметов является наиболее распространенным атрибутом неолитических погребений [Шмидт, 2020, с. 224]. В материалах рассматриваемого памятника представлена подвесками/нашивками из кости (3 экз.) и клыков (4 экз.) животных. Изделия из клыков следует рассматривать в качестве нашивок на элементы одежды. На ушках двух экземпляров была выявлена зона износа, позволяющая судить о способе их крепления (рис. 1, *1*). Очевидно, что подобным образом крепились и два других аналогичных изделия, утратившие части ушек. Такая интерпретация подтверждается экспериментальными данными [Osipowicz et al., 2020]. Исследователями высказывается мнение о том, что повседневное ношение украшенной нашивками одежды маловероятно [Вадецкая, 2015, с. 18; Шмидт, 2020, с. 225]. Тем не менее, в рассматриваемом случае они крайне малочисленны, а также явно имеют интенсивную и четко локализованную заполировку на ушке (в той части зуба, где она не может возникнуть при жизни животного). Таким образом, можно говорить о неоднократности использования одежды (или ее элементов) с нашивками: либо в особенных жизненных ситуациях [Шмидт, 2020, с. 225], либо в повседневной жизни.

Следы износа от закрепления на одежде присутствуют и на выступающих частях так называемых каплевидных подвесок. На одной из них выявлены интенсивные зоны заполированности и разнонаправленных линейных следов (рис. 1, *2–7*). Подобные подвески нередко встречаются в неолитических могильниках Барабинской лесостепи и сопредельных территориях (могильники Сопка-2, Венгерово-2А, Солонцы-5, Усть-Иша и др.) [Молодин, 2001, с. 22, рис. 10; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016, рис. 13; Кунгурова, 2005, с. 18, рис. 26, 32, 36; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 17, 18, рис. 24, 26]. Следует признать, что подобные украшения могли использоваться и как подвески [Молодин, 2001, рис. 10], и как нашивки [Кунгурова, 2005, рис. 45, 46]. Каплевидные

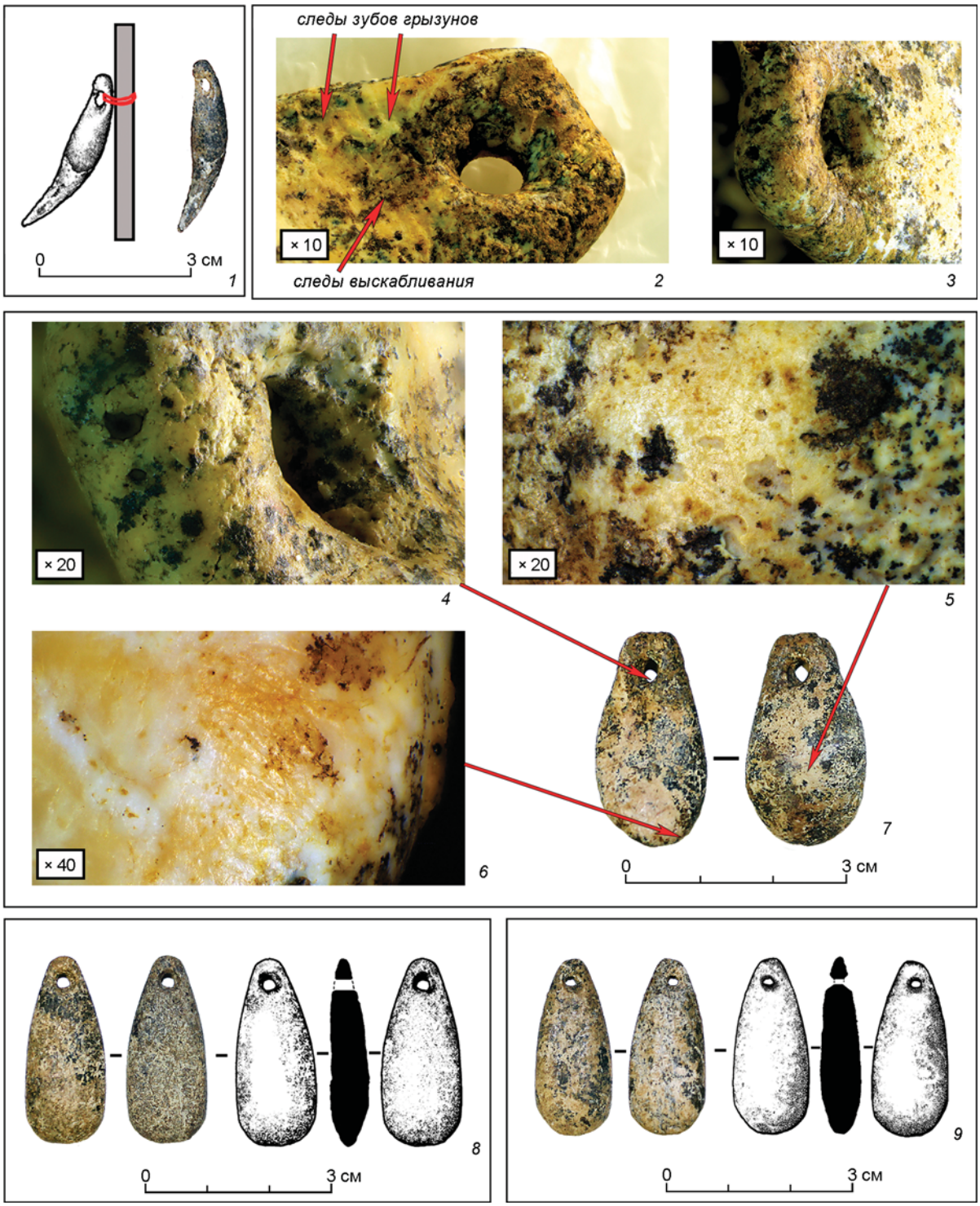


Рис. 1. Украшения из кости и зубов животных могильника Автодром-1А.

1– нашивка из клыка животного (фото и рисунок с реконструкцией способа крепления); *2–6* – видоизменения на поверхности костяных подвески; *7–9* – костяные подвески.

подвески-нашивки могут иметь некоторые морфологические различия. Например, верхняя часть изделий с памятников Сопка-2 и Солонцы-5 усечена и имеет прямой срез. Для рассматриваемых предметов с памятника Автодром-1А, как и коллекций могильников Венгерово-2А и Усть-Иша, мы имеем дело в основном со скругленным верхним краем разной степени (рис. 1, *7–9*). На краях отверстий каплевидных подвесок-нашивок сохранились технологические следы (рис. 1, *3–4*). Они отражают процесс проделывания отверстий, выполнявшийся с помощью ножа провертывающими движениями

с двух сторон (встречные отверстия не всегда точно сходятся). На одном предмете в расположенной под отверстием зоне имеются видоизменения, возникшие в результате выскабливания, направленного на уплощение поверхности вокруг отверстия (рис. 1, *2*). Таким образом, абсолютно все изученные украшения (нашивки и подвески), сохранность которых позволяет анализировать видоизменения поверхности, несут на себе признаки использования. Из этого следует, что они не являлись специальным погребальным подношением, а использовались как предметы повседневного обихода.

Проколки. Как и предыдущая категория инвентаря, проколки являются неотъемлемым атрибутом захоронений различных эпох, что очевидно связано с особой магической ролью в погребальной обрядности острых предметов [Гришин, 2002, с. 303]. Существует версия, что проколки и кочедыки из грифельных костей лося в эпоху неолита могли использоваться в качестве булавок для скрепления шкур животных, в которые могли быть завернуты умершие перед погребением [Костылева, 2018, с. 292]. Функционально к проколкам отнесены два предмета. Первая выполнена из грифельной кости лося (рис. 2, *2*). Удобство естественной формы этого сырья определило широкое хронологическое и территориальное бытование таких вещей. Ближайшими аналогиями являются проколки, обнаруженные в четырех неолитических погребениях Сопки-2 [Молодин, 2001, с. 22]. На проколке из грифельной кости с Автодрома-1А утрачен рабочий край. Сохранность поверхности в основном неудовлетворительная, однако на нескольких сохранившихся участках имеются заполированность и направленные близко к длинной оси, но пересекающиеся под разными углами линейные следы (рис. 2, *2*). Последние являются результатом обработки строганием. Близкая к острию область сохранила видоизменения, возникшие от обработки каменным инструментом. Там присутствуют плавно изогнутые канавки с линейными следами внутри, что является результатом микронеровностей на рабочем крае, использовавшегося при обработке каменного инструмента. Вторая проколка представляет собой переоформленную основу вкладышевого ножа (рис. 2, *1*). Предположительно, предмет был сломан на определенном этапе изготовления, после чего использовался в качестве проколки. Обращает на себя внимание малая глубина проработки паза. В то же время он был не просто вырезан, а, вероятно, тщательно выскабливался и оформлялся, в силу чего приобрел достаточно скругленный, а не V-образный профиль (рис. 2, *1*). В то же время, бесспорным является факт намеренного оформления и приострения обломленного края. Нам представляется, что как проколка/шило использовались два острых края инструмента. На них не образовалось значительного износа и скругления острия. Поэтому можно говорить о непродолжительном его использовании.

Наконечники стрел. Два обнаруженных костяных наконечника стрел представлены разными типами. В первом случае это иволистный черешковый наконечник (рис. 2, *3*). Он изготовлен из трубчатой кости и сохранил едва заметный естественный «желобок». Внешняя часть стенки кости обработана строганием с небольшими гранями. Следы обработки практически не фиксируются и сохранились лишь частично на поверхности насада. Кончик бойка обломлен, однако говорить о том, является ли это результатом его непосредственного применения, достаточно сложно. Имеется заполировка на ребрах и отдельных участках поверхности пера, что может быть результатом намеренной обработки или же длительного ношения в составе колчанного набора. В целом наконечник является достаточно типичным и широко распространенным для эпохи неолита – энеолита.

Наиболее интересен наконечник стрелы шигирского типа (рис. 2, *4*). Основной ареал распространения таких изделий – Зауралье и таежная зона Евразии. В последние два десятилетия ряд шигирских наконечников был обнаружен на территории Сибири, и в частности, в Барабинской лесостепи (Сопка-2/1, Венгерово-2А, Усть-Тартас-2, Васьковский могильник, Жигаловское захоронение) [Молодин, 2001, с. 21–22, рис. 10, *5, 6*; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016, с. 41, рис. 13, *9;* Молодин и др., 2020, с. 177, рис. 3, *4*; Бердникова, 2013, с. 165, рис. 2. *3*; Бородкин, 1967]. Хотя рассматриваемый наконечник могильника Автодром-1А близок указанным аналогиям, все же его крайне сложно назвать типологически идентичным. Во-первых, он имеет короткий редуцированный насад, что, хотя и свойственно наконечникам шигирского типа (тип I по С.Н. Савченко), все же не характерно для основной их массы, а также не тождественно обнаруженным в Сибири предметам [Савченко, 2007, с. 253]. Во-вторых, хотя наконечник биконический, по существу он является таковым только в одной плоскости, так как его конструкция включает глубокий желоб, сохранившийся от естественной формы сырья – трубчатой кости. Далеко не все наконечники шигирского типа составлены из двух идеальных конусов, но все же настолько явная выпуклая форма анализируемого предмета – явление нетипичное. Определенная конструктивная близость наконечника просматривается с ранненеолитическими находками Днепро-Двинского междуречья [Малютина, 2018, рис. 1, *3, 7*]. Они имеют такой же редуцированный насад и приплюснутую форму, но отличаются более выделенным острием.

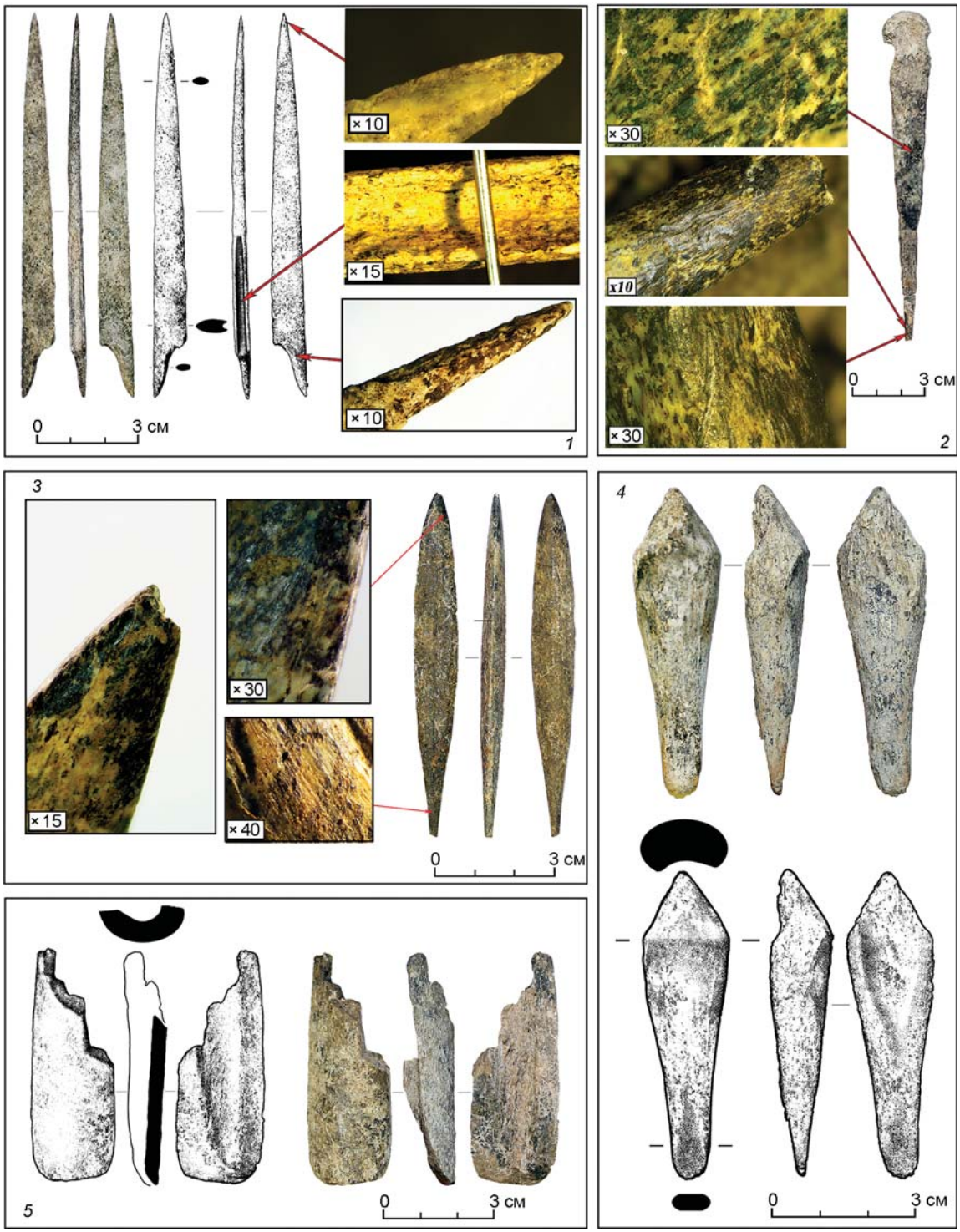


Рис. 2. Орудия и изделия из кости могильника Автодром-1А.

1 – оправа вкладышевого ножа/ проколка (рисунок и фото с увеличением отдельных частей); *2* – проколка со следами обработки и утилизации; *3* – наконечник стрелы со следами обработки и утилизации; *4* – наконечник шигирского типа (фото и рисунок); *5* – стамеска (фото и рисунок).

Обнаруженный на памятнике Автодром-1А наконечник слабо заострен, а верхний составной конус гораздо меньше нижнего (переходящего в насад), за счет чего образуется тупой угол. Возможно он выполнял роль томара, главной целью использования которого было не повредить шкуру зверя. Наличие подобных тупых наконечников прослеживается уже в снаряжении мезолитических охотников [Жилин, 2021, с. 31]. Каких-либо технологических следов на поверхности наконечника не выявлено.

Стамеска/долото. Предмет отнесен к данной категории типологически и имеет оформлен-

ный рабочий край (рис. 2, *5*). Микроповерхность полностью уничтожена в результате археологизации. Похожие по морфологическим характеристикам (вытянутых форм с клиновидным широким рабочим краем) предметы из мезолитических и неолитических памятников в случае наличия сохранившейся поверхности часто интерпретируются именно как стамески [Lisowski, Pyżewicz, Frankiewicz, 2017, p. 260, fig. 6] Тем не менее, прямой перенос их функции на анализируемый предмет некорректен, а сравнение лишь указывает на предположительное назначение.

Функцию еще одного артефакта (костяной пластины) столь же плохой сохранности установить невозможно.

Заключение

Представленные выше данные об обнаруженных в погребальных комплексах костяных изделиях дополняют картину погребального обряда и хозяйства населения Барабинской лесостепи в позднем неолите. Они свидетельствуют о том, что в погребальной практике находили отражение предметы повседневного обихода (персональные украшения и элементы декора одежды), орудия труда (проколки, стамеска), а также охотничье вооружение (наконечники стрел). Семантическая зеркальность образов «жилища» и «могилы» проявлялась не только в схожести организации пространства неолитических курганов и жилищ [Бобров, Марочкин, Юракова, 2020, с. 124–125], но и сопроводительном инвентаре. Последний, как свидетельствуют признаки износа на орудиях и украшениях, не изготавливался в ритуальных целях, а использовался владельцами при жизни. Обращает на себя внимание то, что украшения находятся в погребениях в «ситуациях использования». Подвески из кости и зубов в группе захоронений 1 и погр. 2 обнаружены в области груди или шеи погребенных. Наконечник шигирского типа в погр. 4 расположен у левого бедра бойком вверх, что тоже не исключает возможности «функционального» расположения. Некоторые исследователи на основании выявления износа сопроводительного инвентаря погребений конца каменного века отмечают, что он отражает типы убеждений сообщества: продолжение после смерти тех же видов деятельности, которые присущи социальному статусу погребенного [Mărgărit, Virag, 2019, p. 27]. Тем не менее из этого не обязательно следует вывод о том, что погребенный при жизни был владельцем сопровождавших его вещей. Стоит, очевидно, согласиться с тем, что в позднем неолите, и для территории Сибири в частности, не существовало специального производства погребального инвентаря, о чем свидетельствует то, что обнаруживаемые в погребениях орудия и изделия могут быть незавершенными, изношенными, сломанными, переоформленными и пр. [Sohn, 2008, p. 67]. Яркий пример – наконечник стрелы с обломленным бойком и проколка, переоформленная из оправы кинжала. Последнее может свидетельствовать об особом типе взаимодействия природы и человека, выражавшемся в бережном отношении к костному сырью, которое, как можно предположить, не было дефицитным в условиях охотничьего хозяйства. Важной является и роль костяных изделий в обосновании относительной хронологии погребальных комплексов (тип костяного наконечника, оправа вкладышевого ножа, характерные подвески и нашивки из кости и зубов). Таким образом, полученная в результате исследования информация достаточно многогранна, и демонстрирует перспективность для реконструкции хозяйства и технологических решений, социальной сферы и погребальной практики неолитического населения Западной Сибири.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Бердникова Н.Е. «Шигирский» наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 156–173.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 23–27.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Курганы в погребальной практике поздненеолитического населения Юга Западной Сибири // Тр. VI (XXII) Всерос. археологического съезда в Самаре: В 3-х т. Том I. – Самара: Самарск. гос. педагог. ун-т, 2020. – С. 124–125.

Бородкин Ю.М. Материалы неолитического погребения у с. Васьково // Изв. лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1967. – Вып. I. – С. 101–107.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Вадецкая Э.Б. Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2015. – № 8 (8). – С. 7–20.

Гришин А.Е. Использование костяных проколок и бронзовых шильев в погребальной практике кротовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 299–304.

Жилин М.Г. Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. – М.: ИА РАН, 2021. – 180 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул; Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. –117 с.

Костылева Е.Л. Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш IIа (Центральная Россия) // Historia Provinciae – Журн. региональной истории. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 286–324.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 128 с.

Малютина А.А. Костяной и роговой инвентарь памятников раннего неолита Днепро-Двинского междуречья: технологические и функциональные особенности, контекст // Самарский научн. вестн. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 240–247.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т.1. – 128 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 2. – С. 30–46.

Молодин В.И., Мыльникова, Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН , 2020. – Т. 26. – С. 172–180.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с уплощенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. – М.: Изд-во ИА РАН, 2007. – С. 253–273.

Шмидт А.В. Неолитическая одежда в ретроспективе погребальных комплексов Юга Западной Сибири // Тр. VI (XXII) Всерос. археологического съезда в Самаре: В 3-х т. Том I. – Самара: Самар. гос. педагог. ун-т, 2020. – С. 224–226.

Campana D.V. Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant. – Oxford: Arhaeopress, 1989. – 156 p. – (British Archaeological Reports, International Series. Vol. 494.).

Lisowski M., Pyżewicz K., Frankiewicz M. Multi-aspect analysis of neolithic bone tools from Kopydłowo, site 6, Poland // Cuadernos de prehistoria y arqueología de la Universidad de Granada. – 2017. – P. 245–267.

Mărgărit M., Virag C. Vânător i în lumea «de dincolo». Analiza inventarului funerar confecționat din materii osoase, provenind dintr-un mormânt din necropola eneolitică de la Urziceni (Vamă), (jud. Satu Mare) // Satu Mare. Studii şi comunicări. Seria arheologie. (2015–2016). – Satu Mare, 2019. – P. 23–34.

Osipowicz G., Piličiauskienė G., Orłowska J., Piličiauskas G. An occasional ornament, part of clothes or just a gift for ancestors? The results of traceological studies of teeth pendants from the Subneolithic sites in Šventoji, Lithuania // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2020. – Vol. 29 (102130). – P. 1–14.

Sohn M. Entre signe et symbole: les fonctions du mobilier des sepultures collectives d'Europe occidentale a la fin du Neolithique // La valeur fonctionnelle des objets sépulcraux, Actes de la table ronde d'Aix-en-Provence (25—27 oct. 2006). Aix-en-Provence: APPAM, 2008. – P. 53–71.

Vitezović S. Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. – Beograd, 2016. – 142 p.

References

Berdnikova N.E. «Shigirskii» nakonechnik na Verkhnei Lene (Pribaikal'e). *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2013. N 1 (2). P. 156–173. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neolithic settlement and burial complex research at the Avtodrom-1 site of Baraba forest-steppe in 2015. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 23–27. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Kurgany v pogrebal'noi praktike pozdneneoliticheskogo naseleniya Yuga Zapadnoi Sibiri. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s''ezda v Samare*. Samara: Samara State Univ. Press, 2020. Vol. 1. P. 124–125. (In Russ.).

Borodkin Yu.M. Materialy neoliticheskogo pogrebeniya u s. Vas'kovo. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovanii*. Kemerovo, 1967. Iss. 1. P. 101–107. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 224 p. (In Russ.).

Campana D.V. Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant. Oxford: Arhaeopress, 1989. 156 p. (British Archaeological Reports, International Series. Vol. 494.).

Grishin A.E. Ispol'zovanie kostyanykh prokolok i bronzovykh shil'ev v pogrebal'noi praktike krotovskoi kul'tury. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., Novosibirsk, 2002. Vol. 8. P. 299–304. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Kungurova N.Yu., Kadikov B.Kh. Drevneishie mogil'niki severnykh predgorii Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2000. 117 p. (In Russ.).

Kostyleva E.L. Artefakty iz organicheskikh materialov iz zakhoronenii i «svyatilishch» mogil'nika Sakhtysh IIa (Tsentral'naya Rossiya) // Historia Provinciae – Zhurnal regional'noi istorii, 2018. Vol. 2. N 4. P. 286–324. (In Russ.).

Kungurova N.Yu. Mogil'nik Solontsy-5. Kul'tura pogrebennykh neolita Altaya. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press, 2005. 128 p. (In Russ.).

Lisowski M., Pyżewicz K., Frankiewicz M. Multi-aspect analysis of neolithic bone tools from Kopydłowo, site 6, Poland. *Cuadernos de prehistoria y arqueología de la Universidad de Granada*, 2017. P. 245–267.

Malyutina A.A. Kostyanoi i rogovoi inventar' pamyatnikov rannego neolita Dnepro-Dvinskogo mezhdurech'ya: tekhnologicheskie i funktsional'nye osobennosti, kontekst. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2018. Vol. 7. N 3(24). P. 240–247. (In Russ.).

Mărgărit M., Virag C. Vânător i în lumea «de dincolo». Analiza inventarului funerar confecionat din materii osoase, provenind dintr-un mormânt din necropola eneolitică de la Urziceni (Vamă), (jud. Satu Mare). *Satu Mare. Studii şi comunicări. Seria arheologie. (2015–2016)*. Satu Mare, 2019. P. 23–34.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2016. Vol. 44. N 2. P. 30–46. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 1. 128 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova, L.N., Kobeleva L.S., Khansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Rainkhol'd S., Shvetsova E.S., Bobin D.N. Late neolithic burial complex at the Ust-Tartas-2 site (Vengerovsky district, Novosibirsk region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 172–180. (In Russ.).

Osipowicz G., Piličiauskienė G., Orłowska J., Piličiauskas G. An occasional ornament, part of clothes or just a gift for ancestors? The results of traceological studies of teeth pendants from the Subneolithic sites in Šventoji, Lithuania. *J. of Archaeological Sci.: Reports*, 2020. Vol. 29 (102130). P. 1–14.

Savchenko S.N. Kostyanye nakonechniki strel «shigirskogo tipa» s uploshchennoi golovkoi i dlinnym sterzhnem v sobranii Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoi zony Severnoi Evrazii v final'nom pleistotsene – rannem golotsene*. Moscow: IA RAS Publ., 2007. P. 253–273. (In Russ.).

Shmidt A.V. Neoliticheskaya odezhda v retrospektive pogrebal'nykh kompleksov Yuga Zapadnoi Sibiri. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s''ezda v Samare*. Samara: Samara State Univ. Press, 2020. Vol. 1. P. 224–226. (In Russ.).

Sohn M. Entre signe et symbole: les fonctions du mobilier des sepultures collectives d'Europe occidentale a la fin du Neolithique. *La valeur fonctionnelle des objets sépulcraux, Actes de la table ronde d'Aix-en-Provence (25—27 oct. 2006)*. Aix-en-Provence: APPAM, 2008. P. 53–71.

Vadetskaya E.B. Vyshivka iz zubov sobolya na pogrebal'nykh odezhdakh naseleniya okunevskoi kul'tury. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*. 2015. N 8. P. 7–20. (In Russ.).

Vitezović S. Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. Beograd, 2016. 142 p.

Zhilin M.G. Funktsional'naya klassifikatsiya predmetov vooruzheniya iz kosti i roga v mezolite lesnoi zony Vostochnoi Evropy. Moscow: IA RAS, 2021. 180 p. (In Russ.).

Бобров В.В. https://orcid.org/0000-0002-3272-0390
Вальков И.А. https://orcid.org/0000-0003-2104-5542

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0074-0081
УДК 569

С.К. Васильев[1]✉, К.И. Милютин[2], М.А. Середнёв[2]

[1]Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований – Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Новые находки остатков плейстоценовой мегафауны на аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья (Бибиха, Чумыш, Чик) в 2022 году

В 2022 г. на р. Чумыш Алтайского края было собрано 620 костных остатков от 9 видов позднеплейстоценовых крупных млекопитающих. Наиболее интересные находки – это нижняя челюсть и большая берцовая кость пещерного льва. Судя по размерам, обе кости принадлежали некрупным самкам. Всего с 2011 г. на Чумыше найдено 18 тыс. костей от 27 видов. На р. Чик (Новосибирская обл.) в основании берегового обрыва обнаружено инситное разрозненное скопление костей, принадлежащее двум особям мамонта. Рост в холке скелетов этих взрослых самцов, вычисленный по длине крупных трубчатых костей, составлял 259 и 284 см. Число остатков мегафауны, собранных на местонахождении Бибиха (Новосибирская обл., р. Обь) в 2022 г. – 580 костей от 17 видов. Впервые здесь были найдены целые пястные кости раннеплейстоценового преовибоса Praeovibos sp. и среднеплейстоценового овцебыка Ovibos pallantis. В обоих случаях пястные кости принадлежали крупным самцам. Уникальной находкой 2022 г. является диафиз бедренной кости человека Homo sp., не отличимый по своей сохранности от основной массы костей среднеплейстоценовых крупных млекопитающих, собранных на пляже. Общее количество находок с 2015 г. превысило 7,5 тыс. Подробно рассмотрены особенности формирования вторичного местонахождения переотложенных костных остатков на пляже Бибихи. Вероятный источник поступления костей – размываемая выше по течению в русле Оби толща среднеплейстоценового руслового аллювия. Дальность транспортировки костей, очевидно, не превышает нескольких сотен метров.

Ключевые слова: *Бибиха, Чумыш, Чик, плейстоцен, костные остатки, мегафауна, преовибос, овцебык, Homo sp.*

S.K. Vasiliev[1]✉, K.I. Milyutin[2], M.A. Serednyov[2]

[1]ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAn, CNRS, International Research Center, IRL 2013, Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

New Findings of Pleistocene Megafauna Remains at Alluvial Locations of the Upper Ob Region (Bibikha, Chumysh, Chik) in 2022

In 2022, 620 bone remains from 9 species of Late Pleistocene large mammals were collected on the Chumysh River in the Altai Territory. Most interesting finds include the lower jaw and tibia of a cave lion. Based on their size, both bones belonged to medium-sized females. In total, since 2011, 18 thousand bones from 27 species have been found on the Chumysh River. On the Chik River (Novosibirsk Region), at the base of the river cliff, an in situ scattered accumulation of bones assigned to two mammoths were found. The growth at the withers of the skeletons of these adult males, calculated from the size of their tubular

bones, is 259 and 284 cm. The number of megafauna remains collected at the Bibikha location (Novosibirsk Region, the Ob River) in 2022 is 580 bones from 17 species. For the first time, intact metacarpal bones of the Early Pleistocene Praeovibos sp. and the Middle Pleistocene muskox Ovibos pallantis were discovered. In both cases, metacarpal bones belonged to males. A unique find of 2022 is the human femoral diaphysis of Homo sp., which does not differ in its state of preservation from most bones of the Middle Pleistocene large mammals collected on the beach. The total number of finds since 2015 has exceeded 7.5 thousand. The features of the formation of a secondary location of redeposited bone remains on the Bibikha coast are considered in details. A probable source of admission of bones is the thickness of the Middle Pleistocene channel sand eroded downstream in the Ob riverbed. Obviously, the distance of bone transportation does not exceed several hundred meters.

Keywords: *Bibikha, Chumysh, Chik, Pleistocene, bone remains, megafauna, preovibos, muskox, Homo sp.*

Сплав по Чумышу проходил в начале июля на наиболее богатом костными остатками участке между с. Мартыново и Кытманово. Несмотря на благоприятный для сбора костей низкий уровень воды, он оказался мало результативным. Относительно слабый и непродолжительный весенний паводок привел к тому, что большая часть некогда продуктивных пляжей и отмелей оказалась перекрыта 10–15 см слоем пустого песка, под чехлом которого были погребены почти все вынесенные на первоначальном этапе паводка кости. Все же удалось собрать 619 костей крупных млекопитающих от 9 видов, что пополнило материалы, собранные в предыдущие годы (табл. 1). Из числа наиболее значимых находок можно отметить ветвь нижней челюсти с обломанной восходящей ветвью и целую

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из местонахождений на р. Чумыш и на р. Обь в районе пос. Бибиха**

Таксоны	Чумыш (2011–2022)		Бибиха (2015–2022)	
	Кости, экз.	%	Кости, экз.	%
Lepus sp.	7	0,04	–	–
Marmota sp.	1	0,006	–	–
Castor fiber	16	0,09	2	0,03
V. vulpes	2	0,01	–	–
Canis lupus	15	0,08	5	0,06
Cuon alpinus.	2	0,01	–	–
Ursus arctos	61	0,34	29	0,38
Ursus savini.	74	0,41	25	0,33
Gulo gulo	2	0,01	–	–
Crocuta crocuta spelaea	12	0,06	–	–
Panthera leo fossilis	–	–	1	0,02
Panthera leo spelaea	95	0,53	25	0,33
Mammuthus primigenius	1523	8,46	400	5,30
Equus ferus	4184	23,24	2095	27,75
Equus ovodovi.	9	0,05	2	0,03
Stephanorhinus kirchbergensis	19	0,10	5	0,06
Coelodonta antiquitatis	1730	9,61	431	5,71
Camelus knoblochi	2	0,01	1	0,02
Megaloceros giganteus	549	3,05	271	3,59
Cervus elaphus cf. *sibiricus*	875	4,86	276	3,66
Alces cf. *alces*	304	1,69	136	1,80
Cervalces latifrons	–	–	23	0,31
Capreolus pygargus	5	0,03	–	–
Rangifer tarandus	17	0,09	11	0,15
Bos primigenius.	1	0,006	–	–
Bison priscus	8487	47,15	3774	49,99
Saiga tatarica borealis	5	0,03	9	0,10
Ovis ammon	1	0,006	–	–
Ovibos pallantis	2	0,01	1	0,02
Praeovibos sp.	–	–	4	0,05
Soergelia cf. *elisabethae*	–	–	23	0,31
Всего костных остатков	18000	100	7549	100

Рис. 1. Остатки крупных млекопитающих с р. Чумыш (*1, 2*) и с р. Оби в районе пос. Бибиха (*3, 4*).

1 – большая берцовая кость *Panthera leo spelaea*; *2* – ветвь нижней челюсти *Panthera leo spelaea*; *3* – пястная кость *Praeovibos* sp.; *4* – пястная кость *Ovibos pallantis*; *5* – пястная кость *Ovibos moschatus*, современность.

большеберцовую кость пещерного льва (рис. 1). Tibia принадлежала очень мелкому льву, вероятно, самке. Длина кости составляет всего 306 мм. Для позднеплейстоценовых *Panthera leo spelaea* Верхнего Приобья этот показатель изменяется от 318,5 до 373,8 мм, 335,5 мм в среднем (n = 5). Ширина / поперечник верхнего, нижнего концов и диафиза составляют 78/82, 54/38 и 28,6/33,6 мм соответственно, что также находится на уровне минимальных значений промеров. Размеры ветви нижней челюсти находятся на уровне, либо ниже уровня минимальных значений промеров mandibula львов из данного региона [Васильев, Середнёв, Милютин, 2021].

Общее количество находок на р. Чик в 2022 г. сравнительно невелико (ок. 150), однако там было найдено скопление костей скелета от двух особей мамонта. Они залегали в основании 5-метрового берегового обрыва. Размытая и частично оплывшая в этом месте береговая терраса образует широкую (до 10 м) наклонную ступень, возвышающуюся на 1,5–2 м над урезом воды, задернованную и заросшую кустарником. В ее основании, несколько ниже уреза воды, в песчаной толще, подстилаемой плотными синевато-серыми суглинками, и были обнаружены кости мамонта. Они образовывали два небольших скопления, на расстоянии 6 м друг от друга. Судя по всему, кости находятся в положении *in situ*, хотя и не в анатомическом порядке. Перед окончательным захоронением кости скелета мамонта были перераспределены древним течением. Первое скопление включало целые правую бедренную и левую большеберцовую кости, два фрагмента таза и два несмежных грудных позвонка с длинными остистыми отростками. Второе скопление состояло из целой правой локтевой кости и нижней половины лучевой кости. В местах находок костей, а также выше и ниже по течению, были произведены зачистки и тщательное зондирование толщи костеносного слоя тонкими 1,5-метровыми стальными щупами, однако они не дали новых находок, за исключением плюсневой кости лошади. Возможно, другие кости скелета и череп мамонта еще залегают в глубине обрыва, под толщей береговых отложений. Не исключено также, что основная часть костей уже была смыта рекой.

Все кости мамонта из первого скопления имеют полностью приросшие эпифизы и относятся, судя по всему, к одной взрослой, либо старой особи. Вычисленная по длине бедренной и большеберцовой костей высота скелета данной особи в холке составила в среднем ок. 259 см. По размерам femur и tibia она оказалась наиболее близка к скелету самца мамонта из с. Козлово Пермской области [Гарутт, 1992]. Локтевая кость из второго скопления принадлежала к другой, явно более крупной особи мамонта сходного индивидуального возраста с ростом в холке около 284 см. Размеры костей мамонтов с Чика приведены в табл. 2.

Необычайно слабый и непродолжительный весенне-летний паводок на Оби стал причиной того, что на пляж-отмель в районе пос. Бибиха вынесло очень мало костей, а сама приповерхностная костеносная толща пляжа была перемыта лишь в незначительной степени. Тем не менее, за сезон удалось собрать 580 костных остатков, принадлежащих к 17 видам крупных млекопитающих. Среди них оказались три уникальные находки – целые пястные кости *Praeovibos* sp. и *Ovibos pallantis*,

Таблица 2. **Промеры крупных трубчатых костей *Mammuthus primigenius* с р.Чик**

Промеры, мм	Ulna	Femur	Tibia
Длина кости наибольшая	730	1013	570
Длина от края крючковидного отростка	708	–	–
Ширина верхнего конца	204	309	211
Поперечник верхнего конца	222	–	163
Ширина диафиза в середине	87	126	91
Поперечник диафиза там же	77	76	80
Ширина нижнего конца	165	208	156
Поперечник нижнего конца медиальный	149	238	124
Поперечник нижнего конца латеральный	–	195	–

а также диафиз бедра человека (*Homo* sp.) среднеплейстоценового типа сохранности.

Особенности формирования вторичного местонахождения переотложенных костных остатков в районе Бибихи уже были достаточно подробно рассмотрены в предыдущих статьях [Васильев, Середнёв, Милютин, 2018; 2019]. Экстраординарная находка кости палеолитического человека заставляет вернуться к этому вопросу еще раз.

До начала 70-х годов прошлого века вдоль правого берега Оби в районе пос. Бибиха проходил фарватер реки. Однако судоходство здесь затрудняли, особенно в малую воду, выходы скальных пород коренного ложа реки. Поэтому было принято решение перенести фарватер к противоположному, левому берегу. С этой целью на фарватере, выше по течению, были затоплены баржи с балластом, и произведен ряд других гидротехнических работ. В результате смещения фарватера к левому берегу гидродинамические условия на данном участке реки кардинально изменились. В русле реки стали интенсивно размываться новые толщи руслового аллювия, ранее не затронутые современной речной эрозией. Отмытый песчано-галечный материал постепенно заполнил все пространство былого фарватера. Общая ширина намытого пляжа составляет до 500–600 м, а длина более 1,5 км. Собственно костеносный песчано-галечный участок занимает значительно меньшую площадь вдоль русла реки в самой верхней, фронтальной части пляжа – ок. 200 м в ширину и 800 м по протяженности. Вся остальная часть пляжа представляет собой чисто песчаный нанос, где находки костных остатков крайне редки или вовсе отсутствуют.

Местонахождение переотложенных остатков плейстоценовой мегафауны в районе Бибихи исследуется нами с 2015 г. За прошедшие 8 сезонов здесь собрано более 7,5 тыс. костей от 21 вида крупных млекопитающих (табл. 1). Кости выносятся в период весенне-летних паводков, когда пляж бывает накрыт 2–3 метровым слоем воды, переносящая сила которой в это время наиболее велика. Костные остатки спорадически перемещаются по дну реки путем волочения или сальтации. После постепенного спада воды часть костей остается лежать на поверхности пляжа совершенно открыто, другая их часть полностью или частично замыта в приповерхностном слое песчано-галечной толщи. Неоднократные шурфовки глубиной до 1м в разных местах костеносного пляжа показали полное отсутствие в его толще даже фрагментов костей. Очевидно, остатки мегафауны проходят через пляж транзитом, постепенно перемещаясь вниз по течению, а их состав обновляется с каждым сильным паводком, в т.ч. и за счет костей, вымытых из приповерхностного слоя. Наибольшее количество самых крупных костей было собрано в верхней по течению части пляжа. Далее по течению песчаный нанос постепенно мельчает, и число находок соответственно с этим сходит на нет. Немалая часть костей была извлечена также из-под уреза воды, покрывающей отмелую часть пляжа. Гидродинамические условия на данном участке реки таковы, что наиболее крупные и тяжелые зубы и трубчатые кости мамонта, части черепа или роговые стержни самцов бизона до пляжа не доносятся, оставаясь, очевидно, где-то недалеко от места их первоначального подводного размыва.

Источник поступления костей достоверно не установлен. Выше по течению на 10–15 км отсутствуют разрезы высоких береговых террас с массовым скоплением остатков мегафауны. Остается предположить, что современной речной эрозией на одном из участков русла, ниже меженного уреза воды происходит интенсивный размыв костеносной толщи древнего руслового аллювия. Случай с Бибихой в этом смысле не является уникальным. Сходные условия поступления на пляж костей плейстоценовой мегафауны из размываемого непосредственно где-то в русле реки подводного слоя были отмечены, например, для Красного Яра на Оби в Томской области [Алексеева, 1980]. Судя по присутствию в сборах сохранившихся почти целиком крупных трубчатых костей, позвонков

с длинными остистыми отростками, лопаток, ребер, ветвей нижней челюсти бизонов, лошадей и оленей, транспортировка костных остатков от мест их первоначального подводного размыва до пляжа вряд ли превышает расстояние в несколько сотен метров. Преобладают слабо или средне окатанные кости. Основной массив находок составляют многочисленные метаподии, астрагалы, фаланги, кости запястья и заплюсны лошадей, бизонов и носорогов. В углублениях и полостях, а нередко и на поверхности части костей сохраняются остатки включавшей их породы в виде сцементированной охристо-ржавой песчано-галечной корки, отпадающей при полном высыхании кости. Это является прямым указанием на изначальное захоронение костей в русловом аллювии в свежем (не фоссилизованном) состоянии. Органические вещества, выделяющиеся из кости, способствуют цементации чехла из окружающей их породы [Очев, Янин, Барсков, 1994].

Помимо костей основной, среднеплейстоценовой группы сохранности, в сборах присутствуют в небольшом количестве (ок. 5–7 %) остатки раннеплейстоценовых видов. Скорее всего, эти остатки происходят из толщи все того же среднеплейстоценового аллювия, куда они попали в результате переотложения. Кости этой группы сохранности темно-серого или почти черного цвета, тяжелые, сильно минерализованные, окатанные и фрагментарные. Они принадлежат к индикаторным видам раннего плейстоцена, таким как *Panthera leo fossilis, Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis*), *Cervalces latifrons, Praeovibos* sp., *Soergelia* cf. *elisabethae.* К этой же группе сохранности относятся остатки *Mammuthus* sp.*, Coelodonta antiquitatis, Megaloceros giganteus, Cervus elaphus, Bison priscus.* На пляже Бибихи единично обнаружены также кости позднеплейстоценового и голоценового типа сохранности. Присутствие переотложенных, разновременных костных остатков типично для любого руслового аллювия [Верещагин, Громов, 1953]. Подобное явление особенно характерно для местонахождений в среднем течении Оби. Э.А. Вангенгейм [1977] объясняет это интенсивным врезанием долины Оби, сопровождавшимся массовым перемывом костных остатков из размываемых древних отложений в более молодые слои, что неоднократно имело здесь место на протяжении плейстоцена. К примеру, в казанцевском (R-W) 6 слое Красного Яра под Новосибирском, наряду с костями, синхронными слою, содержится до 26 % костных остатков ранне-среднеплейстоценового возраста [Васильев, 2021].

Среднеплейстоценовый возраст большинства костных остатков, собранных на пляже Бибихи, установлен исходя из видового состава териокомплекса, стадии эволюционного развития фоновых видов, а также сохранности самих костей. Незаменимым материалом, пригодным для целей биостратиграфии, послужили многочисленные метаподии лошадей. Анализ графических построений на основе промеров десятков пястных и плюсневых костей показал [Васильев, Середнёв, Милютин, 2019], что лошадь из Бибихи тождественна среднеплейстоценовой *Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis-germanicus*) Кузнецкой котловины [Форонова, 1990]. Индикаторными видами среднего плейстоцена, представленными в Бибихе, являются также верблюд Кноблоха и овцебык *Ovibos pallantis*, появляющийся в это время на смену раннеплейстоценовому *Praeovibos* sp. Среднеплейстоценовые лось и марал из Бибихи морфометрически почти идентичны *A.* cf. *alces* и *Cervus elaphus* cf. *sibiricus* из казанцевского слоя Красного Яра. [Васильев, 2021]. В раннем плейстоцене здесь обитали огромный широколобый лось и очень мелкий марал (существенно мельче современного) чьи остатки также отмечены на Бибихе.

В 2022 г. обнаружены две уникальные находки пястных костей раннеплейстоценового *Praeovibos* sp. и среднеплейстоценового *Ovibos pallantis*. Ранее с Бибихи были известны 3 остатка преовибоса – целая большеберцовая кость, ее неполная проксимальная треть и дистальный отдел лопатки. Остатки *Ovibos pallantis* обнаружены на Бибихе впервые. Обе кости слабо окатаны. Пястная *Praeovibos* sp. минерализована значительно сильнее, чем у *Ovibos pallantis,* которая по своей сохранности не выделяется из основной массы костей среднеплейстоценового возраста. Почти по всем промерам и индексам массивности metacarpale преовибоса превосходит небольшие (4 и 3 экз.) выборки пястных костей из раннеплейстоценовых местонахождений Италии и бассейна Колымы [De Giuli, Masini, 1983; Шер, 1971] (табл. 3). Пястная кость среднеплейстоценового овцебыка с Бибихи принадлежала, несомненно, крупному самцу. Размеры ее превышают средние значения достаточно представительной (13 экз.) выборки metacarpale позднеплейстоценового *Ovibos pallantis* с Большого Ляховского острова. При одинаковой длине еще более массивна пястная кость овцебыка из Красного Яра (Томская обл.), описанная Э.В. Алексеевой [1980] (табл. 3). Овцебыки рода *Praeovibos* считаются хорошим индикатором для раннеплейстоценовых отложений. Остатки овцебыков рода *Ovibos* известны со среднего плейстоцена [Тихонов, 1994]. Единичная находка *Ovibos pallantis*, которую на юге Западной Сибири можно связать только с максимумом очередного криохрона, входит в явный диссонанс с остальным комплексом среднеплейстоценовой териофауны

Таблица 3. **Промеры пястных костей овцебыков родов *Praeovibos* и *Ovibos***

Промеры, мм	*Praeovibos* sp.					*Ovibos pallantis*			
	Бибиха Q_1	Италия, Q_1 (n = 4) [De Giuli, Masini, 1983]		р. Колыма, Q_1 [Шер, 1971] (n = 3)		Бибиха Q_2	р. Обь, Q_3 [Алексеева, 1980]	о. Бол. Ляховский, Q_3 [Шер, 1971] (n = 13)	
		lim	M	lim	M			lim	M
1. Длина кости	198,2	172,0–194,5	184,1	172,0–185,5	180,7	164,5	164,0	157,5–175,0	166,8
2. Ширина верхнего конца	63,0	49,0–58,5	53,5	49,0–58,5	53,5	57,2	62,0	51,3–63,0	57,6
3. Поперечник верхнего конца	39,3	33,0–38,5	35,3	33,0–38,5	35,3	34,6	37,0	29,0–38,0	34,6
4. Ширина диафиза, min	43,0	35,3–46,0	39,4	35,3–38,7	37,1	44,2	44,0	31,4–46,7	39,8
5. Поперечник диафиза там же	25,9	22,8–23,8	23,4	22,8–23,8	23,4	23,7	24,0	19,3–25,4	22,2
6. Ширина нижнего конца	74,5	62,0–67,4	65,5	62,0–67,4	65,0	68,8	73,0	60,0–74,0	68,2
7. Поперечник нижнего конца	37,5	33,0–37,0	35,1	33,0–37,0	35,1	33,5	39,0	29,0–37,0	33,5
Индексы									
2:1	31,8	26,4–31,7	29,6	26,4–31,7	29,6	34,8	37,8	32,3–36,4	34,3
4:1	21,7	20,2–23,6	21,3	20,2–20,9	20,5	26,9	26,8	20,0–26,7	23,8
6:1	37,6	35,3–36,5	36,1	35,3–36,5	35,9	41,8	44,5	37,2–43,0	40,8

Бибихи. Соотношение фоновых видов свидетельствует об обитании ее в относительно теплых (межледниковых или интерстадиальных) условиях лесостепных ландшафтов. Очевидно, дело все в том же смешении разновозрастных костных остатков, которое может иметь место не только в случае с пляжными материалами, но также и в заведомо инситных слоях руслового аллювия.

Диафиз правого бедра *Homo* sp. был обнаружен в самую первую поездку на местонахождение. Кость лежала совершенно открыто на поверхности пляжа. От продолжительного экспонирования часть поверхностного слоя компакты кости местами (особенно на резко выступающем пилястре) отслоилась. Подобные же разрушения характерны и для костей других видов мегафауны, открыто пролежавших на пляже несколько недель или месяцев после ухода воды. Кость взрослого индивида, длинная и стройная, со слабым изгибом диафиза в передне-заднем направлении (рис. 2). Общая длина фрагмента 290 мм. Ширина / поперечник диафиза в середине – 25,8/27,5 мм. Ширина в верхней трети диафиз – 25,4 мм, в нижней трети – 28,2 мм. Гребень на внутренней стороне кости (пилястр) хорошо выражен, наибольший поперечник диафиза в нижней трети составляет 28,2 мм. Степень минерализации средняя, кость не окатана, следы погрызов отсутствуют. Поверхностный слой кости окрашен в темно-серый, почти черный цвет, с коричневатым оттенком. В распиле или в тех местах, где поверхностный слой компакты отслоился, цвет кости светло-коричневый. По всем визуальным

Рис. 2. Диафиз бедренной кости *Homo* sp. с р. Оби в районе пос. Бибиха. Вид с дорзальной (*1*), плантарной (*2*), медиальной (*3*) и латеральной (*4*) сторон.

и органолептическим признакам сохранности диафиз бедра человека ничем не отличается от основной массы костей среднеплейстоценового возраста, собранных здесь же.

Это первая находка костей человека плейстоценового возраста за 45 лет сборов остатков мегафауны на аллювиальных местонахождениях по Оби (Красный Яр, Тараданово, Бибиха) и ее притокам (Чумыш, Чик, Орда). В общей сложности за эти годы здесь было исследовано более 43 тыс. определимых костей крупных млекопитающих. До этого лишь в двух случаях на плечевой кости бизона и роге марала из казанцевского слоя Красного Яра были обнаружены несомненные следы обработки их палеолитическим человеком [Волков, Васильев, 2017]. Очевидно, что плотность популяции человека на юге Западной Сибири в среднем-позднем плейстоцене была ничтожно мала. Как минимум она на два порядка уступала численности наиболее редко представленного хищника – пещерной гиене, чьи остатки в русловом аллювии составляют в среднем лишь 0,06 % [Там же]. Таким образом, чтобы найти всего одну кость палеолитического человека в аллювиальных отложениях, нужна либо невероятная удача (как в случае с Усть-Ишимским человеком), либо методичные, из года в год сборы десятков тысяч костей, не гарантирующие, впрочем, обязательного достижения результата.

Из бедренной кости с Бибихи был взят образец на радиоуглеродное датирование. Кроме того, сохраняется надежда и на секвенирование древней ДНК. По крайней мере, известно, что для серии гораздо более древних, раннеплейстоценовых образцов костей широколобого лося, а также для пяточной кости среднеплейстоценового верблюда Кноблоха с Бибихи новосибирскими генетиками была успешно секвенирована митохондриальная ДНК (устное сообщение).

Благодарности

Авторы выражают признательность А.С. Колясниковой за участие в сплаве по р. Чумыш, А.А. Фурсенко – за обработку фотоснимков. Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007.

Список литературы

Алексеева Э.В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири. – М., Наука, 1980. – 188 с.

Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). – М.: Наука, 1977. – 172 с.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха на реке Оби (Новосибирская область) и с реки Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 59–67.

Васильев С.К. Крупные млекопитающие раннего, среднего и позднего плейстоцена Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 66–73.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Остатки плейстоценовой мегафауны из аллювиальных местонахождений Бибиха, Тараданово на р. Оби (Новосибирская область) и р. Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 47–51.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Новые находки остатков плейстоценовых крупных млекопитающих на вторичных аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 74–82.

Верещагин Н.К., Громов И.М. Сбор остатков высших позвоночных четвертичного периода. – Изд. АН СССР, 1953. – 37 с.

Волков П.В., Васильев С.К. Находки остатков мегафауны со следами воздействия палеолитического человека на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 66–73.

Гарутт В.Е. Скелет мамонта (*Mammuthus primigenius* Blumenbach, 1799) из окрестностей с. Козлово Чермезского района Пермской области // Волжская фауна плейстоценовых млекопитающих в Геолого-минералогическом музее Казанского университета. – Казань, 1992. – С. 31–54.

Очев В.Г., Янин Б.Т., Барсков И.С. Методическое руководство по тафономии позвоночных организмов. – М: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. – 144 с.

Тихонов А.Н. Плейстоценовый овцебык (Ovibos pallantis) Урала и Западной Сибири // Тр. Зоол. ин-та РАН, 1994. – Т. 256. – С. 92–110.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО АН СССР, 1990. – 131 с.

Шер А.В. Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена крайнего северо-востока СССР и Северной Америки. – М.: Наука, 1971. – 312 с.

De Giuli C., Masini F. A new element of the Late Villafranchian (Tasso Unit) faunas of Italy: occurence of Ovibovini (Bovidae, Artiodactyla, Mammalia) in the fauna of Casa Frata (Upper Valdarno, Tuscany) // Bollettino délia Società Geologica Italiana, 1983. – Iss. 22. – P. 271–280.

References

Alekseeva Je.V. Mlekopitajushhie plejstocena jugo-vostoka Zapadnoj Sibiri. Moscow: Nauka, 1980. 188 p. (In Russ.).

De Giuli C., Masini F. A new element of the Late Villafranchian (Tasso Unit) faunas of Italy: occurence of Ovibovini (Bovidae, Artiodactyla, Mammalia) in the fauna of Casa Frata (Upper Valdarno, Tuscany). Bollettino délia Società Geologica Italiana, 1983. Iss. 22. P. 271–280.

Foronova I.V. Iskopaemye loshadi Kuzneckoj kotloviny. Novosibirsk: IGiG SB AS USSR Publ., 1990. 131 p. (In Russ.).

Garutt V.E. Skelet mamonta (*Mammuthus primigenius* Blumenbach, 1799) iz okrestnostej s. Kozlovo Chermezskogo rajona Permskoj oblasti. In *Volzhskaja fauna plejstocenovyh mlekopitajushhih v Geologo-mineralogicheskom muzee Kazanskogo universiteta*. Kazan, 1992. P. 31–54. (In Russ.).

Ochev V.G., Janin B.T., Barskov I.S. Metodicheskoe rukovodstvo po tafonomii pozvonochnyh organizmov. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1994. 144 p. (In Russ.).

Sher A.V. Mlekopitajushhie i stratigrafija plejstocena krajnego severo-vostoka SSSR i Severnoj Ameriki. Moscow: Nauka, 1971. 312 p. (In Russ.).

Tihonov A.N. Plejstocenovyj ovcebyk (*Ovibos pallantis*) Urala i Zapadnoj Sibiri. *Trudy Zool. in-ta RAN*, 1994. Vol. 256. P. 92–110. (In Russ.).

Vangengejm Je.A. Paleontologicheskoe obosnovanie stratigrafii antropogena Severnoj Asii (po mlekopitajushhim). Moscow: Nauka, 1977. 172 p. (In Russ.).

Vasiliev S.K. Large mammals of the early, middle and late Pleistocene of the Novosibirsk Ob region**.** In *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021 Vol. 27. P. 66–73. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0066-0073

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. Middle and Late Pleistocene Large Mammals from the Alluvial Sites Bibikha at the Ob River (Novosibirsk oblast) and at the Chumysh River (Altai region)**.** In *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 59–67. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.059-067

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. The Pleistocene megafauna fossil remains from the alluvial sites Bibikha,Taradanovo at the Ob River (Novosibirsk oblast) and Chumysh River (Altai region). In *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 47–51. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.047-051

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. New finds of remains of Pleistocene large mammals from secondary alluvial locations in the Upper Ob region in 2021. In *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 74–82. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0074-0082

Vereshchagin N.K., Gromov I.M. Sbor ostatkov vysshih pozvonochnyh chetvertichnogo perioda. Moscow: AS USSR Publ., 1953. 37p. (In Russ.).

Volkov P.V., Vasiliev S.K. Nahodki ostatkov megafauny so sledami vozdejstvija paleoliticheskogo cheloveka na Jugo-Vostoke Zapadno-Sibirskoj ravniny. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*, 2017. Vol. 16. Iss. 7: Arheologija i Etnografija. P. 66–73. (In Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0082-0088
УДК 569+903.32

С.К. Васильев[1, 2]✉, М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии»
ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований –
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru; kmb777@yandex.ru

Новые данные по мегафауне позднего плейстоцена из Денисовой пещеры

В статье представлена фаунистическая коллекция из раскопок плейстоценовых отложений слоев 11 и 12 в дальней части южной галереи Денисовой пещеры в 2021 г. Всего проанализировано более 33 тыс. костных остатков. Среди них доля определимых костей составляет 9 %. Они принадлежат как минимум 37 видам млекопитающих, а также рыбам и птицам. Преобладают костные остатки мелкого размерного класса от 1–2 до 2–5 см, составляющие в сумме 96 % коллекции. В числе определимых остатков большинство является фрагментами зубов и костей дистальных отделов конечностей. Среди представителей мегафауны в тафоценозе наиболее многочисленны кости сибирского горного козла и архара (37,9 %), лошадей (10,9 %), бизона (7,6 %), шерстистого носорога (5,5 %), дзерена и сайгака (2,9 %). Несколькими фрагментами зубов и костей представлены мамонт и северный олень. Кяхтинскому винторогу принадлежат запястная 2+3 кость и фрагмент первой фаланги. Доля хищников в тафоценозе составляет 33,4 %. Среди них доминирует пещерная гиена (11,4 %), серый и красный волки (8,7 %), лисицы (7 %) и бурый медведь (5,5 %). Единичными находками представлены пещерный лев, снежный барс, рысь и манул. Животные обитали в условиях умеренно-аридных степных ландшафтов с глубиной снежного покрова не более 15–20 см. Лесные участки занимали ограниченную территорию. Многочисленные когтевые фаланги бурого медведя, костные остатки мамонта, часть позвоночного столба и целая бедренная кость сибирского горного козла связаны, скорее всего, с деятельностью палеолитического человека, также как и кости со следами обжига и порезов каменными орудиями.

Ключевые слова: *Денисова пещера, верхний плейстоцен, костные остатки, тафоценоз, мегафауна.*

S.K. Vasiliev[1, 2]✉, M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia –
ZooSCAn, CNRS, International Research Laboratory, IRL 2013,
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru; kmb777@yandex.ru

New Data on Late Pleistocene Megafauna from Denisova Cave

The article discusses the faunistic collection obtained during the study of the Pleistocene deposits of layers 11 and 12 in the farther part of the South Chamber of Denisova Cave in 2021. In total, more than 33,000 bone remains were analyzed. Of these, 9 % are identifiable, belonging to at least 37 species of mammals, as well as fish and birds. Bone remains of a small size class from 1–2 to 2–5 cm predominate, making up 96 % of the collection in total. Among the identifiable remains, the majority are fragments of teeth and bones of the distal extremities. Among the representatives of megafauna in the taphocenosis, the most numerous bones are represented by the Siberian ibex and argali (37.9 %), horses (10.9 %), bison (7.6 %), woolly rhinoceros (5.5 %), gazelle and saiga (2.9 %). Single fragments of teeth and bones are from mammoth and reindeer. The carpal 2+3 bone and a fragment of the first phalanx belong to Spirocerus kiakhtensis. The proportion of predators in the taphocenosis

is 33.4 %. The cave hyena (11.4 %), gray and red wolves (8.7 %), foxes (7 %) and brown bear (5.5 %) dominate. Separate finds include cave lion, snow leopard, lynx and manul cat. The theriofauna lived in moderately arid steppe landscapes with a snow depth of not more than 15–20 cm. Forest areas occupied a limited area. Numerous ungual phalanges of a brown bear, mammoth bone remains, a part of the spine, and a whole femur of a Siberian mountain goat are possibly associated with the activity of the Paleolithic humans, as well as individual bones with the traces of burning and cut marks by lithic tools.

Keywords: *Denisova Cave, Upper Pleistocene, bone remains, taphocenosis, megafauna.*

В ходе раскопок верхней части плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2021 г. были исследованы слои 11 и 12 на площади 12 м^2. Коллекция крупной териофауны из этих отложений содержит свыше 33 тыс. костных остатков, принадлежащих как минимум 37 видам млекопитающих, а также рыбам и птицам (табл. 1). Доля определимых костей достигает 9 %. Фаунистический материал раздроблен и представлен обломками костей и зубов размером от 1–2 до 2–5 см. Фрагменты костей 5–10 см составляют 3,8 %, а крупнее 10 см – менее 1 %. Степень фрагментации костных остатков в слоях 11 и 12 различается незначительно (табл. 2). Самые крупные образцы – обломок диафиза плюсневой кости лошади длиной 19,4 см, нижняя половина диафиза плечевой кости бурого медведя длиной 21,9 см и целая бедренная кость сибирского горного козла длиной 25,6 см. Среди определимых остатков преобладают фрагменты зубов и костей дистальных отделов конечностей. Чем крупнее животное, тем больше доля остатков его зубов или их обломков. Доля фрагментов зубов и костей дистальных отделов конечностей шерстистого носорога составляет 86 % и 11 % соответственно, бизона – 72 % и 22 %, лошадей *Equus ferus* и *E. ovodovi* – 89 % и 7 %, сибирского горного козла и архара – 53 % и 36 %, пещерной гиены – 65 % и 18 %, серого и красного волков – 51% и 26 %, лисиц – *Vulpes vulpes* и *V. corsak* – 41 % и 26 %.

Тафоценоз слоев 11 и 12 формировался во многом за счет пищевой активности пещерных гиен. Часть обломков костей и зубов несет следы кислотной коррозии, образовавшиеся при прохождении через желудочно-кишечный тракт этих хищников. На большинстве крупных фрагментов костей отмечены сильные погрызы. С деятельностью палеолитического человека связаны в основном обожженные кости из слоя 11, а также образцы со следами раскалывания и порезов каменными орудиями.

В тафоценозе среди копытных животных наиболее многочисленны кости сибирского горного козла и архара (37,9 %), лошадей (10,9 %), бизона (7,6 %), шерстистого носорога (5,5 %). Доля остатков дзерена и сайгака, а также мамонта составляет 2,9 % и 0,4 % соответственно. Доля хищников, как и в большинстве других пещерных комплексов, непропорционально велика – 33,4 %. Среди их остатков доминируют пещерная гиена (11,4 %), серый и красный волки (8,7 %), лисицы (7,0 %), бурый медведь (5,5 %). Единичные находки относятся к представителям семейств куньих и кошачьих (см. табл. 1).

Доля костей обитателей степных пространств из слоев 11 и 12 составляет 48,5 % и 55,0 % соответственно, лесостепных – 5,3 % и 4,6 %, лесных – 14,5 % и 5,1 %, скальных биотопов – 31,4 % и 34,9 %. Остатки северного оленя, как представителя условно тундровых биотопов, насчитывают 0,2 % и 0,5 % соответственно. По составу териофауны и соотношению доминантных видов материалы 2021 г. из слоев 11 и 12 практически не отличаются от изученных ранее коллекций из отложений южной галереи [Васильев, Шуньков, Козликин, 2021]. Отложения слоя 12, в которых доля видов степных и скальных ландшафтов больше, чем в слое 11, а лесостепных и лесных – заметно ниже, формировались, скорее всего, в относительно прохладной климатической обстановке. На формирование слоев 12 и 11 в условиях умеренно-аридных степных ландшафтов наглядно указывает также соотношение между костными остатками зайцев – донского и толая. Количество костей обитателя сухих степей и полупустынь *Lepus tolai* больше остатков *L. tanaiticus* в 3,5 раза (см. табл. 1). Небольшие участки лесной растительности, особенно в период накопления слоя 12, располагались, видимо, на части склонов северной экспозиции, в горных ущельях и в поймах по долинам рек.

В фаунистической коллекции из раскопа 2021 г. наибольший интерес представляют следующие виды.

Бобр *Castor fiber*. Неполный изолированный зуб найден в слое 12. Немногочисленные плейстоценовые и голоценовые остатки бобра присутствуют в большинстве пещерных комплексов Алтая.

Бурый медведь *Ursus arctos*. Доля его костей составляет 8,9 % от числа всех остатков мегафауны в слое 11, снижаясь до 3 % в слое 12, что связано с наличием в коллекции слоя 11 большого количества костей дистальных отделов конечностей, в первую очередь третьих фаланг. Большинство когтевых фаланг медведя (17 из 23 экз.) сохра-

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2021 г.**

Таксоны	Слои			
	12	11	12–11*	Всего
Asioscalops altaica	29	20	8	57
Chiropthera gen. indet.	–	55	9	64
Lepus tanaiticus	11	15	5	31
Lepus tolai	41	53	14	108
Ochotona sp.	10	8	4	22
Spermophilus sp.	81	37	26	144
Marmota baibacina	43	32	3	78
Castor fiber	1	–	–	1
M. myospalax	142	48	49	239
Arvicola terrestris	1	–	1	2
Rodentia gen. indet.	126	69	45	240
Canis lupus	33	87	16	136
Vulpes vulpes	35	73	10	118
Vulpes corsak	6	3	1	10
Cuon alpinus	3	13	7	23
Ursus arctos	24	70	6	100
Martes zibellina	1	–	–	1
Gulo gulo	–	1	–	1
Mustela erminea	1	1	–	2
Mustela sibirica	2	3	–	5
Mustela eversmanni	1	1	1	3
Crocuta spelaea	91	82	34	207
Panthera spelaea	1	–	–	1
Uncia uncia	1	1	–	1
Lynx lynx	–	–	1	1
Felis manul	–	1	–	1
Mammuthus primigenius	5	1	2	8
Equus (E.) ferus	15	12	4	31
Equus ovodovi	28	20	5	53
E. ovodovi / ferus	56	44	14	114
Coelodonta antiquitatis	41	46	13	100
Cervus elaphus sibiricus	9	2	1	12
Capreolus pygargus	5	4	–	9
Rangifer tarandus	3	–	–	4
Bison priscus	76	36	27	139
Spirocerus kiakhtensis	–	3	–	3
Procapra gutturosa	16	9	1	26
Saiga tatarica borealis	1	–	–	1
Procapra / Saiga	13	7	5	25
Capra sibirica	205	160	43	408
Ovis ammon	52	41	17	110
Capra / Ovis	84	68	20	172
Pisces	1	–	–	1
Aves	64	79	32	175
Неопределимые фрагменты	11743	14154	4326	30223
Всего костных остатков	13101	15359	4750	33210

*Нерасчлененные отложения на уровне слоев 12 и 11

нилось целиком, без следов погрызов, кислотной коррозии или других повреждений. Первые и вторые фаланги представлены в меньшей пропорции (10 экз., из них четыре неполных, со следами кислотной коррозии). Из 11 плюсневых и пястных костей шесть сохранились целиком, у двух отсутствуют дистальные концы. Такой своеобразный набор костей дистальных отделов ко-

Таблица 2. **Распределение по размеру фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2021 г.**

Слои	Размерный класс								Всего
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см		
	Кол–во	%	Кол–во	%	Кол–во	%	Кол–во	%	
12	6198	49,41	5834	46,51	465	3,71	48	0,38	12545
11	8107	54,03	6270	41,79	579	3,86	49	0,33	15005
12–11*	2294	50,36	2069	45,42	178	3,91	14	0,31	4555
Всего	16599	51,70	14173	44,15	1222	3,81	111	0,35	32105

*Нерасчлененные отложения на уровне слоев 12 и 11

нечностей (в первую очередь третьих фаланг) позволяет предположить, что они попали в пещеру, возможно, вместе с медвежьими шкурами, принесенными человеком. В слое 12 из костей дистальных отделов обнаружено только две вторые и две третьи фаланги, а также два фрагмента метаподий. Уникальными находками в этом слое являются две почти целые половые кости baculum бурого медведя (рис. 1, *7*), одна из которых имеет следы сросшегося перелома с сильным смещением (рис. 1, *5*). В число других остатков медведя из слоев 11 и 12 входят четыре целых зуба и 17 их фрагментов, два мелких обломка вторых шейных позвонков с зубовидным отростком, четыре фрагмента диафизов плечевых костей, две коленные чашки и еще три baculum – одна целая (рис. 1, *6*) и два проксимальных фрагмента. В общей коллекции из слоев 11 и 12 доля зубов медведей составляет 23 %, костей дистальных отделов конечностей – 65 %. В целом для плейстоценовых костей алтайского бурого медведя характерны крупные размеры. Большинство костей *Ursus arctos* из отложений Денисовой пещеры имеет размеры на уровне максимальных значений промеров костей голоценового бурого медведя юга Западной Сибири [Васильев, Гребнев, 2009].

Соболь *Martes zibellina.* Представлен дистальной половиной ветви нижней челюсти с утерянными зубами из слоя 12. Остатки соболя редко встречаются в плейстоценовых отложениях алтайских пещер, что свидетельствует, видимо, о территориальной ограниченности подходящих для его обитания таежно-лесных биотопов.

Росомаха *Gulo gulo*. Единственный небольшой фрагмент нижней челюсти с P_4 (судя по размеру зуба – 12,4/7,6 мм), принадлежащей крупной особи, найден в отложениях слоя 11. Остатки этого малочисленного вида единичны среди остатков териофауны из алтайских пещер.

Пещерная гиена *Crocuta spelaea*. Наиболее многочисленный вид среди хищных животных. На долю ее остатков приходится 11,4 % костей Carnivora из слоев 11 и 12. Среди них 83,6 % составляют целые зубы и их фрагменты, а также

Рис. 1. Костные остатки из слоев 12 (*1–3, 5, 7*) и 11 (*4, 6*) в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – первая фаланга *Uncia uncia*; *2* – диафиз второй фаланги *Panthera leo spelaea*; *3* – запястная 2+3 кость *Spirocerus kiakhtensis*; *4* – четвертая плюсневая кость *U. Uncia*, вид с медиальной стороны; *5–7* – baculum *Ursus arctos*.

кости дистальных отделов конечностей. На большинстве фрагментов черепов, нижних челюстей и крупных костей посткраниального скелета отмечены следы сильных погрызов. Благодаря пищевой активности пещерных гиен от частей туш животных целиком сохранялись только изолированные зубы, фаланги, кости запястья и заплюсны, обломки метаподий, нередко со следами кислотной коррозии. Пещерные гиены известны не только как падальщики, собиравшие в свое логово все доступные им остатки из ближайших окрестностей пещеры, но и как весьма эффективные коллективные охотники [Барышников, Верещагин, 1996]. Эти универсальные хищники во многом способствовали формированию плейстоценовых тафоценозов алтайских пещер.

Пещерный лев *Panthera leo spelaea*. Представлен диафизом второй фаланги, разъеденной кислотной коррозией, с образованием серии сквозных отверстий (рис. 1, *2*). В отличие от пещерных гиен, волков и бурых медведей, пещерные львы, видимо, крайне редко использовали алтайские пещеры в качестве долговременного убежища. Их остатки попадали в пещерные отложения, скорее всего, в результате пищевой активности пещерных гиен, приносивших останки павших львов для окончательной утилизации в свое логово. Многочисленные кости *Crocuta spelaea* в пещерах Алтая на фоне относительно редких остатков пещерного льва связаны с периодами длительного обитания кланов пещерных гиен в карстовых полостях. В аллювиальных отложениях Предалтайской равнины кости льва встречаются в среднем в 10 раз чаще, чем пещерной гиены – 0,6 и 0,06 % соответственно от числа остатков мегафауны. Вряд ли можно представить, что в горах Алтая в плейстоцене было иное соотношение количества этих двух доминантных видов хищников.

Снежный барс *Uncia uncia*. К этому виду кошачьих относятся две находки – верхняя половина четвертой плюсневой кости из слоя 11 (рис. 1, *4*) и первая фаланга из слоя 12 (рис. 1, *1*). Кости и зубы снежного барса в плейстоценовых отложениях алтайских пещер встречаются еще реже, чем пещерного льва. Присутствие остатков этого относительно редкого хищника тесно связано с обилием в плейстоценовой биоте Алтая его потенциальной добычи, в первую очередь сибирского горного козла и архара.

Рысь *Lynx lynx*. Представлена верхним хищническим зубом P^4 с обломанной передней третью, обнаруженным в нерасчлененной части отложений слоев 11 и 12.

Манул *Felis manul*. Единственной находкой этого вида является целая вторая фаланга из слоя 11. Остатки манула свидетельствуют о существовании сухих малоснежных степных пространств, поскольку для выживания этой кошки глубина сплошного снежного покрова более 15–20 см является критической [Гептнер, Слудский, 1972].

Мамонт *Mammuthus primigenius*. Представлен мелким (18 × 12 мм) обломком пластины бивня из отложений слоя 11, тремя небольшими (13–39 мм) фрагментами пластин зубов первых смен pd 3–4 и обломком pd 4, состоящим из трех пластин со следами кислотной коррозии из слоя 12. В слое 12 найден также продолговатый фрагмент крупной трубчатой кости взрослого мамонта. Этот обломок кости (178 × 61 мм, при толщине стенки диафиза 19 мм) не имеет следов погрызов или других повреждений. Находки в пещерных отложениях фрагментов крупных трубчатых костей мамонта связаны, скорее всего, с деятельностью человека. Пещерная гиена вряд ли стала бы приносить издалека в свое логово бесполезную для нее тяжелую трубчатую кость взрослого мамонта, толстостенный диафиз которой она не в состоянии разгрызть. Обломки пластин зубов мамонтят первых лет жизни со следами кислотной коррозии попадали в пещерные отложения, видимо, из распавшихся копролитов или отрыжек пещерных гиен.

Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*. В отложениях слоев 11 и 12 обнаружено 86 небольших обломков зубов. Среди них четыре зуба – три из верхней и один из нижней челюсти – сохранились относительно целыми. Кости дистальных отделов включают целую вторую пястную metacarpale II, две запястных, три вторые фаланги от боковых пальцев с кислотной коррозией, вторую фалангу от центрального пальца и две копытные фаланги от центральных пястной и плюсневой костей. Малоценные в пищевом отношении дистальные отделы конечностей крупных копытных, в том числе носорога, попадали в пещерные отложения, скорее всего, благодаря активности пещерных гиен. Крупные кости представлены фрагментами таза и второго шейного позвонка со следами сильных погрызов.

Северный олень *Rangifer tarandus*. К этому виду относятся крючковидный отросток локтевой кости, нижний суставной блок метаподии и третья фаланга от бокового II или V пальца из коллекции слоя 12. Остатки северного оленя в Денисовой пещере единичны и почти все они найдены в отложениях слоев 11 и 12.

Кяхтинский винторог *Spirocerus kiakhtensis*. Описание проксимальной трети рогового стержня кяхтинского винторога из материалов раскопок 2021 г. вместе с астрагалом и первой фалангой из раскопок 2019 г. были опубликованы ранее [Васи-

Рис. 2. Бедренная кость (*1*) и часть позвоночного столба (*2*) *Capra sibirica* из слоя 12 в южной галерее Денисовой пещеры.

льев, Шуньков, Козликин, 2021]. Среди других материалов коллекции 2021 г. к этой антилопе отнесены запястная 2+3 кость и неполный нижний конец первой фаланги. Carpi 2+3 (рис. 1, *3*) сильно вытянута в передне-заднем направлении, а по пропорциям и строению существенно отличается от аналогичных костей парнокопытных схожего размерного класса – архара, сибирского горного козла и северного оленя. Ширина кости в проекции – 26 мм, поперечник – 29,5 мм, наибольшая высота – 15,6 мм. Дистальный конец первой фаланги имеет ширину 16,5 мм. Следует отметить, что эти определения сделаны методом исключения, поскольку посткраниальный скелет кяхтинского винторога до сих пор почти неизвестен.

Сибирский горный козел *Capra sibirica*. В отложениях слоя 12 обнаружена часть позвоночного столба из восьми позвонков, в том числе четыре последних грудных и четыре первых поясничных (рис. 2, *2*). Кости принадлежали полувзрослому животному, пластины с головок и ямок тел позвонков отсутствуют, за исключением пластины caput vertebra четвертого поясничного позвонка, где уже произошел частичный синостоз. Остистые и поперечные отростки обломаны, а сами позвонки были обнаружены в разных квадратах. Следы погрызов или разделки каменными орудиями отсутствуют. Найдены также третий поясничный позвонок аналогичной сохранности от другой полувзрослой особи и целая бедренная кость с неприросшей головкой бедра и нижним эпифизом (рис. 2, *1*). Эта кость, несомненно, была захоронена еще в свежем состоянии. Отсутствие на костях следов погрызов позволяет предположить, что части туши сибирского козерога, включавшие бедренную кость и часть позвоночника, были намеренно закопаны человеком, но остались невостребованными. Затем, когда произошла полная мацерация костей и пластины самостоятельно отделились от тел позвонков, часть позвоночного столба была перемещена с места первоначального залегания, при этом почти все диски пластин позвонков (15 из 16) оказались утрачены. В то же время бедренная кость осталась непотревоженной. Остатки сибирского горного козла являются наиболее многочисленными среди костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры – их доля составляет около 25 % от числа всей мегафауны.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Барышников Г.Ф., Верещагин Н.К. Краткий обзор четвертичных гиен (семейство Hyaenidae) России и сопредельных территорий // Тр. Зоологического ин-та РАН. – 1996. – Т. 270. – С. 7–65.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (*Ursus arctos* L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Изд-во КККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 68–76.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Костные остатки из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры: новые данные // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопре-

дельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 83–90.

Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие Советского Союза. – Т.2, Ч. 2. Хищные (гиены и кошки). – М.: Высшая школа, 1972. – 552 с.

References

Baryshnikov G.F., Vereshchagin N.K. Kratkij obzor chetvertichnyh gien (semejstvo Hyaenidae) Rossii i sopredel'nyh territorij. *Trudy Zoologicheskogo instituta RAS*, 1996. Vol. 270. P. 7–65. (In Russ.).

Geptner V.G., Sludskij A.A. Mlekopitajushhie Sovetskogo Sojuza, vol. 2, pt. 2. Hishhnye (gieny i koshki). Moscow: Vysshaja shkola, 1972. 552 p. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Grebnev I.E. Morfologija kostej skeleta golocenovogo burogo medvedja (*Ursus arctos* L., 1758) Kuzneckogo Alatau. In *Enisejskaja provincija. Al'manah.* Krasnojarsk: KRMLL Publ., 2009. Iss. 4. P. 68–76. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Bone Remains from the Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 83–90. (In Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0089-0096
УДК 902.01

С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Эволюция нуклеусов на памятниках северного побережья Долины Озер (Монголия)

Долина Озер является обширной депрессией, расположенной между Хангаем и Гобийским Алтаем. Археологические объекты находятся на северном побережье долины главным образом в бассейнах рек Байдарик-Гол, Нарийн-Гол, Туин-Гол, Тацин-Гол и в окрестностях оз. Орок-Нор. На местонахождениях долины р. Нарийн-Гол (пункты 17а и 17б), Байдарик-Гол и стоянках в районе оз. Орок-Нор собрана наиболее представительная и многочисленная коллекция нуклеусов леваллуазского облика. На пунктах Нарийн-Гол 17а и 17б прослеживается более древняя, нежели мустьерская традиция раскалывания, оформления ядрищ и получения заготовок. Это крупные, сильно дефлированные многоплощадочные ортогональные нуклеусы. На этих же местонахождениях выделена мустьерская стадия, представленная леваллуазскими ядрищами для получения отщепов. И наконец, зарождается параллельная система раскалывания, более экономичная, позволяющая получать с одного ядрища максимальное число заготовок – пластин и отщепов. Ядрища с местонахождений в районе оз. Орок-Нор (Орок-Нор 1, 2) и вблизи сомона Гучин-Ус (Гучин-Ус 4) очень близки нарийнгольским находкам. Преобладают одноплощадочные и двуплощадочные подпризматические ядрища для получения укороченных пластинчатых заготовок и нуклеусы леваллуа для получения отщепов. Несмотря на доминирование в орокнорской коллекции леваллуазских нуклеусов, значительная часть заготовок представлена пластинчатыми формами, что заставляет предположить позднемустьерский возраст этих памятников. Материалы памятников северного побережья Долины Озер демонстрируют непрерывную технологическую цепочку эволюции палеолитических индустрий. Домустьерское время характеризуют комплексы стоянок Нарийн-Гол 17а, 17б, Байдарик 10 и Гучин-Ус 4. Леваллуазская техника подготовки нуклеусов и получения заготовок фиксируется на местонахождениях в долинах рек Нарийн-Гол и Байдарик-Гол, в окрестностях оз. Орок-Нор (Орок-Нор 1,2) и в районе Аргаланта. Верхнепалеолитическая техника расщепления и получения серийных пластинчатых заготовок обнаружена практически на всех местонахождениях северного побережья Долины Озер.

Ключевые слова: *Монголия, Долина Озер, поверхностный культурный слой, домустьерские нуклеусы, леваллуа, призматическая техника расщепления.*

S.A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Evolution of Cores at the Sites along the Northern Coast of the Valley of Lakes (Mongolia)

The Valley of Lakes is a vast depression located between Khangai and Gobi Altai. Archaeological sites are concentrated within the basins of Baidarik-Gol, Nariin-Gol, Tuin-Gol, Tatsin-Gol, and around Orok-Noor Lake. The most representative collection of Levallois-like cores was obtained for the locations of the Nariin-Gol valley (points 17a and 17b), Baidarik-Gol, and near Orok-Noor Lake. At Nariin-Gol, points 17a and 17b, pre-Mousterian tradition of percussion is traced. It is represented by large multi-platform orthogonal cores with high degree of deflation. At the same sites, the Mousterian complex with Levallois cores is also presented. There are also traces of the emergence of the parallel system of percussion. Cores from the sites near Orok-Noor Lake (Orok-Noor 1 and 2), and near Guchin-Us somon (Guchin-Us 4) are very similar to the finds from Nariin-Gol—single and double-platform subprismatic cores for shortened blade blanks and Levallois cores predominate. In spite of the presence of the majority of Levallois cores in the Orok-Noor collection, the majority of blanks is

represented by blade-like forms which could be the signal of the late Mousterian age of these sites. Materials from the sites of the Valley of Lakes demonstrate continuous chaîne opératoire of the Paleolithic industries evolution. Pre-Mousterian time is characterized by complexes at Nariin-Gol 17a, 17b, Baidarik 10, and Guchin-Us 5. The Levallois technique is found at the sites of Nariin-Gol and Baidarik-Gol Rivers, near Orok-Noor Lake (Orok-Noor 1 and 2), and near Argalant. In its turn, the Upper Paleolithic technique of percussion is known from almost all sites in the Valley of Lakes.

Keywords: *Mongolia, Valley of Lakes, surface cultural layer, pre-Mousterian cores, Levallois, prismatic technique of percussion.*

Введение

Своеобразие природно-климатических условий Монголии наложило специфический отпечаток на формирование и сохранность археологических объектов. Аридные условия на протяжении всего четвертичного периода препятствовали процессу активного осадконакопления. Это привело к образованию археологических объектов особого типа – памятников с поверхностным залеганием культурного слоя. Предметом настоящего исследования являются местонахождения каменного века, расположенные на северном фасе Долины Озер – обширной депрессии, лежащей между Хангаем и Гобийским Алтаем. Археологические объекты находятся, главным образом, в бассейнах рек Байдарик-Гол, Нарийн-Гол, Туин-Гол, Тацин-Гол и в окрестностях оз. Орок-Нор.

Геоморфология Долины Озер

Долина Озер – крупная впадина, вытянутая с северо-запада на юго-восток, которая разделяет поднятия Хангая и Гобийского Алтая. Внутреннее строение депрессии довольно сложное. Она имеет асимметричную конфигурацию: пологий северный борт и крутой южный. Ось впадины смещена к югу, к подножию Гобийского Алтая. Северное побережье Долины Озер представляет собой полого наклоненную к югу денудационную равнину края Южно-Хангайского плоскогорья. Она имеет ширину 15–20 км и на междолинных пространствах представлена мелкохолмистым, сглаженным рельефом с отдельными мелкосопочными массивами высотой до 100–150 м. Характернейшей особенностью рельефа северного побережья Долины Озер являются остатки древних базальтовых плато и вулканов. В плане они имеют довольно сложную конфигурацию, почти вертикальные склоны и очень ровную, слегка наклоненную к югу, столовую поверхность. Пологие вершины возвышаются над поверхностью денудационной равнины до 50–80 м, иногда более. Резкий контраст, по сравнению с этим древним рельефом, представляют собой прибортовые части долины рек Байдарик-Гол, Туин-Гол, Нарийн-Гол и Тацин-Гол, спускающихся в Долину Озер с севера, с Южно-Хангайского плато. Эти формирования имеют резко расчлененный, крутосклонный рельеф с острыми гребнями мелких хребтов и густой эрозионной сетью. В этих долинах имеется серия узких цокольных террас с галечным аллювием небольшой мощности. Относительные высоты наиболее древних (плиоценовых) террас достигают по долине р. Байдарик-Гол 100 м при ширине до 1–2,5 км. В долинах рек Туин-Гол и Тацин-Гол характерные высоты этих террас 70–80 м. Лучше всего плиоценовые террасы (до 140 м высотой) сохранились в долине р. Нарийн-Гол, ныне почти безводной [Девяткин, 1981]. Плейстоценовые аллювиальные отложения транзитных речных долин сформировали три уровня покровных террасовых комплексов с мощностью аллювия при выходе долин в депрессию до 15 м.

Анализ палеолитических комплексов Долины Озер

Особо важным является тот момент, что пункты, открытые в долинах упомянутых рек, удалось связать с террасовыми уровнями разной высоты. Изучение сборов с этих местонахождений позволяет расчленить на этапы культуры верхнего палеолита Монголии, уловить основные тенденции его эволюции. Наиболее значимым фактом было выявление памятников на высоких, превышающих стометровую отметку террасах рек Байдарик-Гол и Нарийн-Гол, находящихся на значительном удалении от русел современных рек и ранее не привлекавших внимание археологов. Необходимо при этом отметить, что на ряде местонахождений р. Нарийн-Гол условия залегания комплексов оказались такими, что реальной становится перспектива последующего расчленения палеолитического блока культур на отдельные этапы или стадии с выделением прежде гипотетического раздела нижнепалеолитических компонентов. Наиболее полно в коллекциях представлен этап первичного расщепления: это собственно нуклеусы, их заготовки и обломки, а также сколы оформления. Информативность коллекций с различных пунктов несопоставима друг с другом, поэтому анализ проводился не по отдельным памятникам, а по их локальным гнездам, сгруппи-

рованным по территориальному признаку. Исходя из этого, и для перекрестного сравнения брались пункты с более-менее представительными коллекциями. Оказалось, что из всех комплексов резко выбиваются памятники долины р. Нарийн-Гол (пункты 17а и 17б), Байдарик-Гол и местонахождения в районе оз. Орок-Нор. Именно здесь собрана наиболее представительная и многочисленная коллекция нуклеусов леваллуазского облика. Более того, на пунктах Нарийн-Гол 17а и 17б прослеживается более древняя, нежели мустьерская традиция раскалывания, оформления ядрищ и получения заготовок. Речь идет о многоплощадочных ортогональных нуклеусах, имеющих крупные размеры и сильно нарушенную дефляцией поверхность. В качестве сырья для их изготовления использовались гальки кремнистого песчаника. Эти изделия наглядно демонстрируют традицию т.н. «бессистемного» принципа получения заготовок. Они изготавливались из крупных овальных или близких к шарообразным галек. По мере отделения отщепов поверхность скола могла в дальнейшем служить как ударной площадкой, так и фронтом скалывания. В результате получались изделия с беспорядочной ориентацией снятий. Наибольшее количество вышеописанных изделий обнаружено на памятниках с бассейнов рек Байдарик-Гол (Байдарик-Гол 8–10) и Нарийн-Гол (Нарийн-Гол 17а–17д) (рис. 1, *1*, *6–9*).

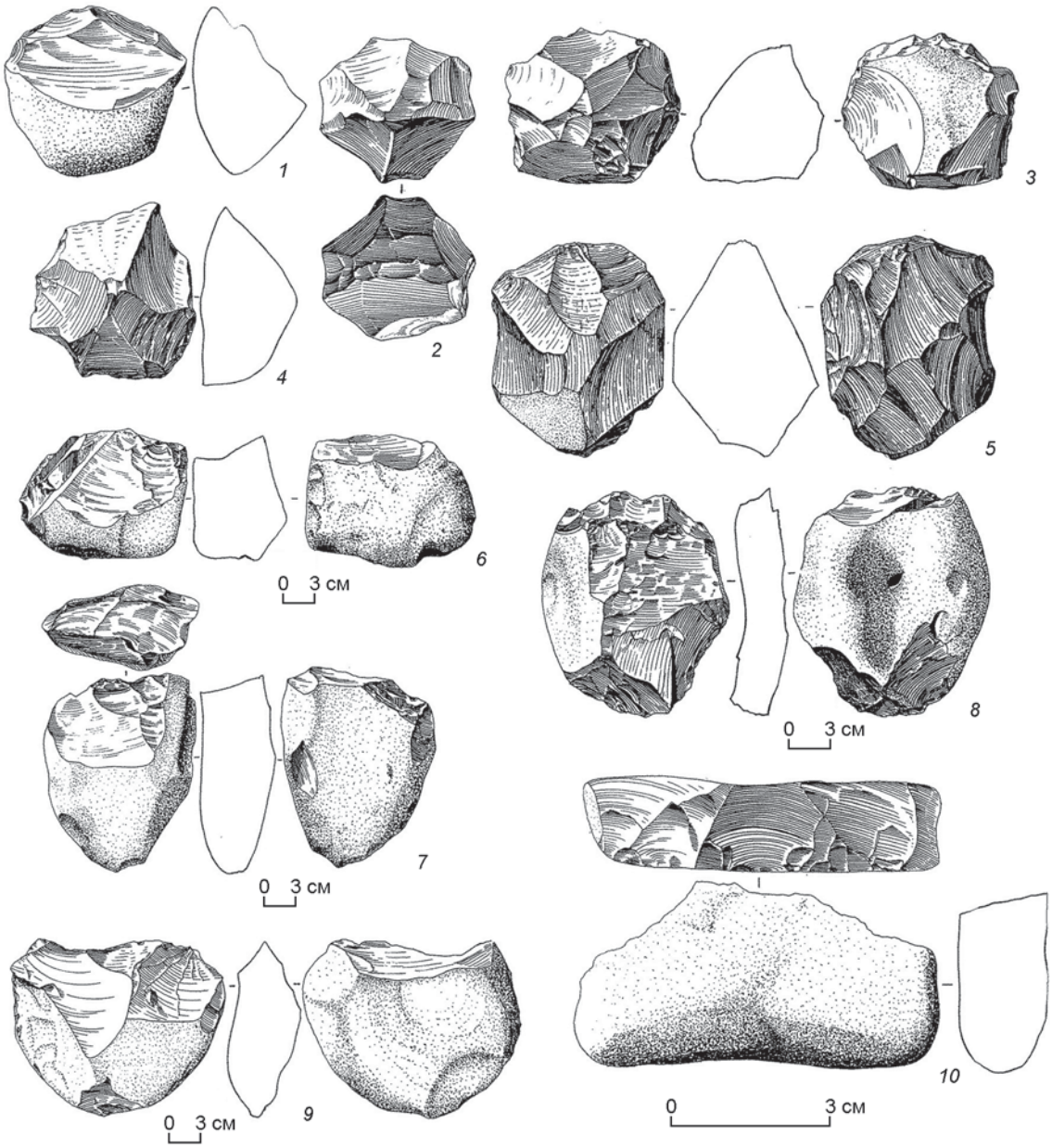


Рис. 1. Нуклеусы с местонахождений северного побережья Долины Озер.

1, 2 – Байдарик 9; *3* – Туин-Гол 15; *4, 6, 8, 9* – Нарийн Гол-17а; *7* – Нарийн гол-17б; *5, 10* – Байдарик (сборы 1977 г.).

Следующая группа дисковидных нуклеусов имеет хорошо выдержанные технико-типологические характеристики. Подавляющее большинство дисковидных нуклеусов обнаруживается в коллекциях памятников из окрестностей рек Байдарик-Гол и Нарийн-Гол, хотя единичные предметы встречаются и на местонахождениях р. Туин-Гол (рис. 1, *3*). Как правило, это изделия средних размеров, сильно или среднедефлированные. Форма в плане неправильно-овальная, одна плоскость выпуклая, вторая – уплощенная. Ударной площадкой служило ребро между фасом и арьерфасом нуклеуса. Отщепы заготовки скалывались с выпуклой поверхности, которая и служила фронтом снятия. Плоская сторона дисковидных нуклеусов также покрыта негативами снятий, возможно, это истощенный фронт скалывания (рис. 1, *2, 4, 5*). Но наиболее ярко на местонахождениях бассейна р. Нарийн-Гол представлена группа леваллуазских нуклеусов. Примечательно, что большинство леваллуазских ядрищ служили для получения отщепов. Они изготовлены из галек и имеют, как правило, средние размеры. Ударные площадки скошены от плоскости скалывания к контрфронту, сплошь обработаны сглаживающей мелко и среднефасеточной ретушью. Особое внимание уделялось оформлению точки удара [Derevianko et al., 1991]. Ведущими формами являются неправильно-овальные (рис. 2, *5*) и подтреугольные (рис. 2, *6, 9*). На большинстве нуклеусов прослеживается тщательная подготовка фронта скалывания радиально направленными сколами. Латерали леваллуазских ядрищ являются, по существу, ребром между фронтальной плоскостью и тыльной стороной и обработаны средне- и мелкофасеточной противолежащей ретушью. Хотя встречается вариант, когда одна из латералей представлена узкой плоскостью без обработки (рис. 2, *9*). Подобные нуклеусы служили только для получения треугольных острий и встречаются на памятниках из долины р. Байдарик-Гол, из района оз. Орок-Нор и вблизи Аргаланта. Кроме того, большая серия вышеописанных ядрищ выделена в комплексах местонахождений северо-восточного фаса Арц-Богдо [Деревянко, Петрин, Кривошапкин, 1998]. По сравнению с ортогональной группой, поверхность леваллуазских нуклеусов имеет лучшую сохранность, степень дефляции средняя, а в большинстве случаев – слабая. Параллельная система расщепления представлена на комплексах Нарийн-Гола различными модификациями: галечными нуклеусами, подпризматическими, ядрищами поперечного принципа раскалывания, торцовыми, клиновидными и конусовидными изделиями. Следует заметить, что нуклеусов, характерных для финального этапа верхнего палеолита – призматических, клиновидных и конусовидных – в коллекциях с рассматриваемой территории почти не обнаружено. Подавляющее большинство нуклеусов с параллельным принципом отделения заготовок составляют галечные, затем идут подпризматические, поперечные и торцовые ядрища (рис. 3, *9*). Галечные нуклеусы представлены предметами крупных и средних размеров неправильных, овально-вытянутых очертаний. На узком торцовом конце несколькими сколами оформлялась скошенная ударная площадка. Рабочий фронт снятия, как правило, не подготавливался, заготовки отделялись в параллельной, либо субпараллельной ориентации. Остальные детали нуклеусов зачастую не обрабатывались. На основаниях изделий фиксируется интенсивная забитость. Подпризматических нуклеусов в нарийнгольской коллекции немного – всего 20 экз., среди них можно выделить следующие варианты: одноплощадочные монофронтальные и двуплощадочные однофронтальные альтернативного принципа снятия. Суммируя вышесказанное, можно заметить, что в коллекции ядрищ с пунктов р. Нарийн-Гол хорошо вычленяется группа домустьерских изделий. Это сильнодефлированные ортогональные нуклеусы крупных размеров, изготовленные из кварцита. Затем фиксируется мустьерская стадия, характеризующаяся леваллуазской традицией изготовления ядрищ для получения отщепов заданной формы. И наконец, зарождается параллельная система раскалывания, более экономичная, позволяющая получать с одного ядрища максимальное число заготовок – пластин и отщепов.

Очень близка нарийнгольским нуклеусам и совокупность ядрищ с местонахождений в районе оз. Орок-Нор (Орок-Нор 1, 2) и вблизи сомона Гучин-Ус Убур-Хангайского аймака (Гучин-Ус 4). Пункты Орок-Нор 1 и 2 расположены на слегка наклоненном участке поверхности у основания возвышенности, окаймляющей относительно низкий перевал в хребтах гор на северном побережье Долины Озер. Находки на обоих памятниках имеют строгую локализацию, причем они не связаны с месторождениями исходного сырья или аллювиально-пролювиальными россыпями галечников. Инвентарь памятников как по технико-типологическим показателям, так и по морфопризнакам чрезвычайно близок друг другу. Анализ нуклеусов позволяет совершенно определенно говорить о технологическом единстве коллекции. Ортогональных и дисковидных нуклеусов насчитывается буквально единичные экземпляры. Основную массу составляют преимущественно одноплощадочные и двуплощадочные подпризматические ядрища для получения укороченных пластинчатых заготовок (см. рис. 2, *1*, *2*) и нуклеусы леваллуа для получения отщепов

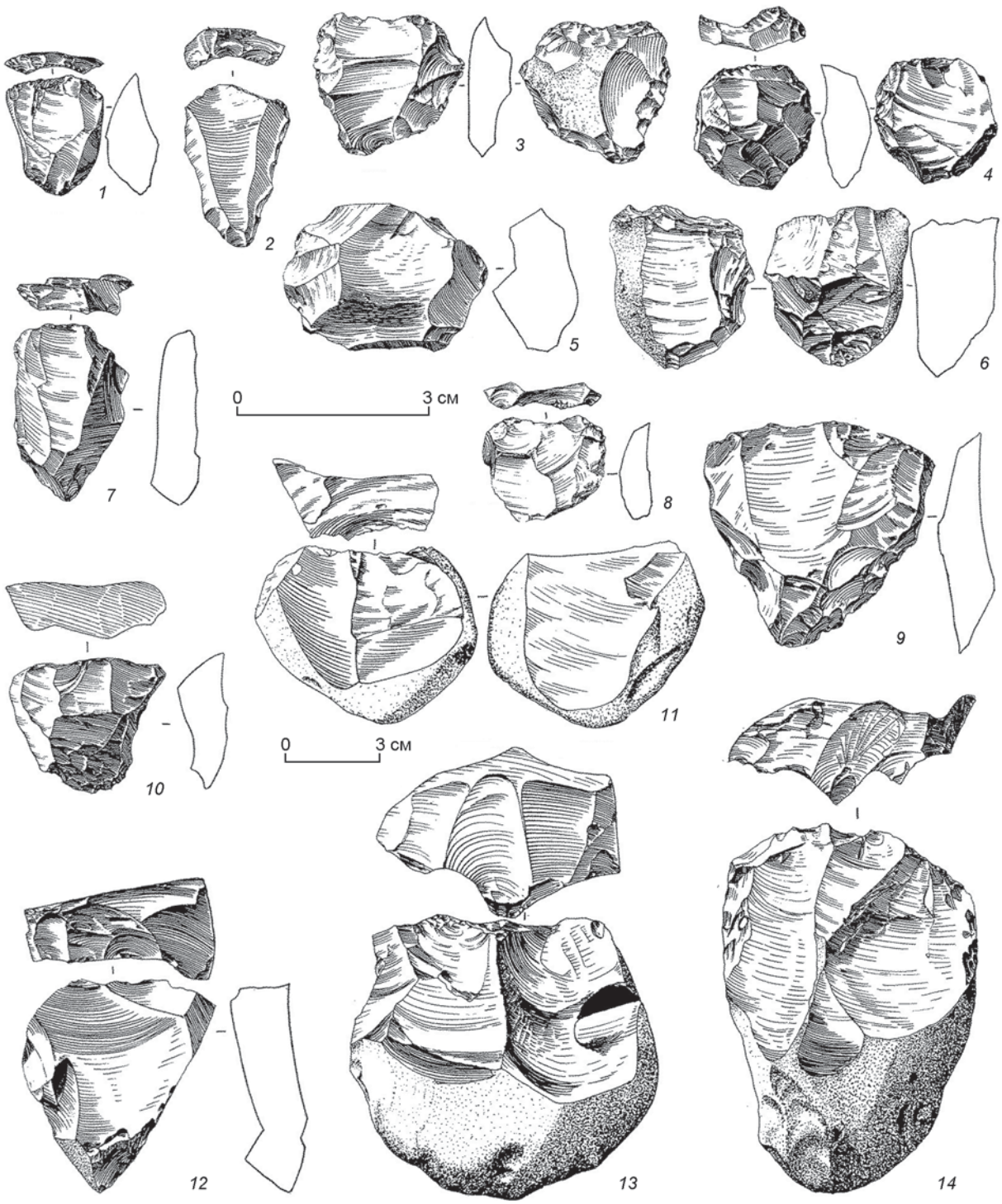


Рис. 2. Нуклеусы с местонахождений северного побережья Долины Озер.

1, 2 – Орок-Нор 1; *3, 4, 8* – Орок-Нор 2; *5* – Нарийн-Гол 17б; *6* – Нарийн-Гол 4; *7* – Байдарик 8; *9* – Нарийн-Гол 17а; *10, 12* – Байдарик 9; *11* – Байдарик 2; *13, 14* – Байдарик (сборы 1960 г.).

(см. рис. 2, *3*, *4*, *8*). Причем отдельные признаки, присущие протопризматическим нуклеусам, фиксируются и на леваллуазских ядрищах (имеется в виду оформление ударных площадок, контрфронта, латералей и т.д.). Зачастую даже отнесение конкретного изделия к тому или иному типу затруднительно, т.к. они имеют сочетание признаков, типичных для обеих групп нуклеусов. Такое техническое единство в сочетании с рядом других признаков: размер изделий, исходное сырье, сохранность поверхности, говорит об одновременности коллекции и принадлежности ее к одной технической традиции. Несмотря на преобладание в орокнорской коллекции леваллуазских нуклеусов, значительная часть заготовок

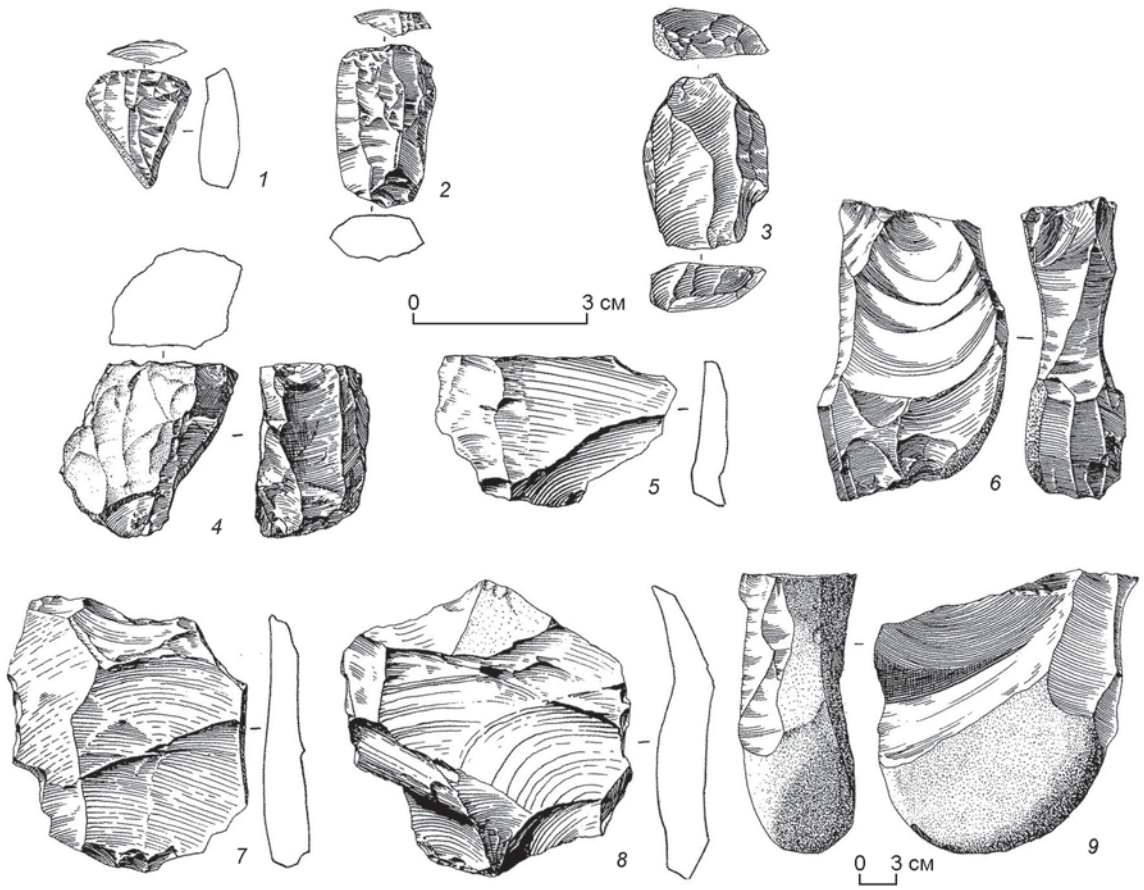


Рис. 3. Нуклеусы с местонахождений северного побережья Долины Озер.
1 – Гучин-Ус 5; *2* – Орок-Нор 1; *3* – Туин-Гол 7; *4* – Туин-Гол 12; *5, 7, 8* – Гучин-Ус 4; *6* – Байдарик 8; *9* – Нарийн-Гол 6.

представлена пластинчатыми формами, что, по традиционным воззрениям, заставляет предположить позднемустьерский возраст этих памятников [Деревянко, Петрин, 1990].

Следующим локальным археологическим районом северного побережья Долины Озер является группа местонахождений в окрестностях сомона Гучин-Ус. Наиболее выразительная и многочисленная коллекция была собрана на пункте Гучин-Ус 4. Памятник располагается на склоне возвышенности, обращенной на северо-запад. Находки начинаются с отметок 14–16 м над днищем котловины и лежат на делювиальных отложениях, сквозь которые проглядывают выходы коренных пород. Нуклеусов немного, всего 4 экз. Они имеют крупные размеры и относятся к группе ортогональных изделий, с которых сколы снимались в различных направлениях. Интересен тот факт, что морфометрические показатели вторичных заготовок совершенно определенно указывают на преобладание изделий, у которых ширина превышает длину (рис. 3, *5*, *7*, *8*). Индустрия Гучин-Ус 4 весьма своеобразна среди известных нам памятников из районов юга Монгольского, Гобийского Алтая и Хангайской горной системы. Подобные крупные укороченные сколы с радиальной огранкой и крупные ортогональные нуклеусы встречены лишь в комплексах древнепалеолитических памятников в долине р. Нарийн-Гол [Деревянко, Петрин, 1989]. На других местонахождениях в районе сомона Гучин-Ус встречены ядрища параллельного принципа расщепления: галечные, подпризматические (рис. 3, *1*, *2*), торцовые, а также клиновидные изделия.

Определенное сходство с рассматриваемыми комплексами имеют памятники в долине р. Байдарик-Гол. Особенно это относится к тем пунктам, которые расположены на высоких террасах. Наиболее выразительны в этом отношении три местонахождения Байдарик 8–10. Находки дислоцировались на трех террасовидных уровнях, расположенных на незначительном удалении друг от друга. На всех местонахождениях р. Байдарик-Гол отчетливо выделяется группа сильнодефлированных артефактов, которые по своим технико-типологическим характеристикам резко отличаются от изделий со слабодефлированной и недефлированной поверхностью.

На памятниках бассейна р. Байдарик-Гол преобладала система параллельного раскалывания ядрищ. Основную массу составляют галечные ну-

клеусы, служившие для получения укороченных отщепов. Ударные площадки у них скошенные, оформлены, как правило, одним сколом (см. рис. 1, *1*). Интересен тот факт, что на местонахождениях в долине р. Байдарик-Гол достаточно широко представлены нуклеусы поперечной системы раскалывания, у которых ось снятия заготовок перпендикулярна длинной оси самого артефакта (см. рис. 1, *10*). Аналогичная картина наблюдается только на памятниках в районе Аргаланта – Аргалант 4. Достаточно представительна и группа леваллуазских ядрищ, основная масса которых использовалась для скалывания отщепов (см. рис. 2, *7*, *10–14*). Причем большинство леваллуазских нуклеусов входят в совокупность артефактов со средней степенью дефляции. К среднедефлированным изделиям относятся и дисковидные ядрища, которые составляют довольно значительную серию в байдарикгольской коллекции (см. рис. 1, *2*, *5*). По своим технико-типологическим и морфологическим характеристикам эти предметы аналогичны дисковидным нуклеусам с других памятников северного побережья Долины Озер. Итак, на местонахождениях бассейна р. Байдарик-Гол фиксируются две технические традиции оформления и эксплуатации ядрищ – леваллуазская и параллельная. Крупные, сильнодефлированные галечные нуклеусы с параллельной ориентацией сколов, обнаруженные на высоких террасах с отметками до 90 м [Зенин, Дорж, 1990] иллюстрируют, на наш взгляд, достаточно раннюю, домустьерскую стадию пребывания древнего человека на рассматриваемой территории. Дальнейшее развитие техники расщепления и обработки ядрищ подтверждается наличием значительной доли подпризматических нуклеусов и ядрищ торцового принципа раскалывания (рис. 3, *6*). Это свидетельствует, вероятнее всего, о непрерывном освоении долины р. Байдарик-Гол, начиная с высоких террас и, по мере иссушения климата, вплоть до низких, верхнеплейстоценовых уровней.

Несколько иная картина наблюдается на местонахождениях, открытых в долине р. Туин-Гол, а также на других памятниках северного побережья Долины Озер: Богд 1–3, 5–7, 9, Тацин-Гол 1, 2 и Зодох-Гувших 1, 2. Принимая во внимание тот факт, что коллекции с пунктов в районе Богда, Тацин-Гола и Зодох-Гувшиха крайне малочисленны и малоинформативны, основное внимание уделим материалам туингольских комплексов. На вышеупомянутых местонахождениях в основном применялась параллельная система раскалывания. Большинство нуклеусов принадлежит к типу параллельных галечных и подпризматических (рис. 3, *3*, *4*), реже встречаются ядрища поперечного и торцового принципа расщепления. Но наряду с параллельной встречаются и другие техники получения заготовок. На туингольских местонахождениях найдено 14 нуклеусов радиальной системы раскалывания (см. рис. 1, *3*) и 5 ортогональных ядрищ. Леваллуазских нуклеусов крайне мало – всего 7 экз., пять для получения отщепов и два для снятия пластин. Вероятнее всего, долина р. Туин-Гол заселялась древними человеческими коллективами в позднеплейстоценовое время. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить и тот факт, что все туингольские местонахождения расположены на террасовидных уровнях с очень небольшими гипсометрическими отметками в 8–10 м.

Таким образом, материалы памятников северного побережья Долины Озер демонстрируют нам непрерывную технологическую цепочку эволюции палеолитических индустрий. Домустьерское время характеризуют комплексы стоянок Нарийн-Гол 17а, 17б, Байдарик 10 и Гучин-Ус 4. Леваллуазская техника подготовки нуклеусов и получения заготовок фиксируется на местонахождениях в долинах рек Нарийн-Гол и Байдарик-Гол, в окрестностях оз. Орок-Нор (Орок-Нор 1, 2) и в районе Аргаланта. Верхнепалеолитическая техника расщепления и получения серийных пластинчатых заготовок фиксируется практически на всех местонахождениях северного побережья Долины Озер.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)».

Список литературы

Девяткин Е.В. Кайнозой Внутренней Азии: (Стратиграфия, геохронология, корреляция). – М: Наука, 1981. – 196 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Комплекс каменной индустрии с севера Котловины Больших Озер // Изв. СО АН СССР. – 1989. – Вып. 1. – С. 37–43.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Своеобразная каменная индустрия с Северного побережья Долины Озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 3–39.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо. Южная Монголия // Палеоэкология плейстоцена и культура каменного

века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 256–264.

Зенин А.Н., Дорж Д. Комплексы каменного инвентаря из долины р. Байдарик-Гол // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 39–48.

Derevianko A.P., Deviatkin E.V., Petrin V.T., Semeihan T. New Discoveries of the Lower Paleolithic in Mongolia and its Geological–Geomorphological Position // The INQUA International Symposium on Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits on the Asian and Pacific Regions. Issued by CCOP Technical Secretariat, January. – Bangkok, 1991. – P. 119–132.

References

Deviatkin E.V. Kainozoi Vnutrennei Azii: (Stratigrafiya, geokhronologiya, korrelyatsiya). Moscow: Nauka, 1981. 196 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T. Kompleks kamennoi industrii s severa Kotloviny Bol'shikh Ozer. In *Izvestiya SO AN SSSR*, 1989. Iss. 1. P. 37–43. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T. Svoeobraznaya kamennaya industriya s Severnogo poberezh'ya Doliny Ozer. In *Arkheologicheskie, etnograficheskie i antropologicheskie issledovaniya v Mongolii*. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 3–39. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Krivoshapkin A.I. Variant levalluazskogo rekurrentnogo metoda dlya polucheniya treugol'nykh skolov v paleoliticheskikh kompleksakh severo-vostochnogo fasa Arts-Bogdo. Yuzhnaya Mongoliya. In *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tura kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. Vol. 2. P. 256–264. (In Russ.).

Zenin A.N., Dorzh D. Kompleksy kamennogo inventarya iz doliny r. Baidarik-Gol In *Arkheologicheskie, etnograficheskie i antropologicheskie issledovaniya v Mongolii*. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 39–48. (In Russ.).

Derevianko A.P., Deviatkin E.V., Petrin V.T., Semeihan T. New Discoveries of the Lower Paleolithic in Mongolia and its Geological–Geomorphological Position. In *The INQUA International Symposium on Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits on the Asian and Pacific Regions. Issued by CCOP Technical Secretariat, January*. Bangkok, 1991. P. 119–132.

Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0097-0103
УДК 902.21

И.Д. Зольников[1], А.А. Анойкин[2]✉, Е.А. Филатов[1], С.С. Макаров[3], П.С. Левицкая[1], Е.А. Бордюгова[1], С.С. Перфильев[4], А.Т. Джуманов[4], Выборнов А.В.[2]

[1]Институт геологии и минералогии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Музей природы и человека
Ханты-Мансийск, Россия
[4]Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы на Кушеватской протоке (правобережье Большой Оби) в 2022 году

Статья посвящена результатам работ 2022 г. на верхнепалеолитическом памятнике Кушеват (Шурышкарский р-н ЯНАО). Исследования на объекте ведутся с 2019 г. В 2022 г. здесь была заложена серия шурфов, общей площадью 106 м^2. Результаты работ подтвердили, что толща рыхлых отложений на памятнике состоит из четырех основных пачек: покровно-субаэральная, оплывневая (велофлюксий), овражно-балочные отложения, аллювий Большой Оби. Костеносный горизонт залегает на глубине от 1,5 до 3,5 м в зависимости от конкретного участка, однако всегда на контакте пачек: овражно-балочных отложений и Обского аллювия. Также установлено, что костеносный горизонт начинает выклиниваться вверх по склону, а концентрация фаунистических остатков в нем резко сокращается. При этом шурф, заложенный практически на водораздельной площадке, вскрыл на гипсометрическом уровне аллювиальной пачки старичные отложения. Полученные результаты позволяют предполагать, что стоянка была локализована не на водоразделе, а непосредственно у реки на более низких высотных отметках. В ходе работ была получена представительная коллекция плейстоценовой фауны, включающая остатки северного оленя, мамонта, шерстистого носорога, овцебыка, бизона и зайца. При этом на расколотой плечевой кости северного оленя были обнаружены следы антропогенного воздействия. Также в костеносном горизонте найдено несколько предметов из камня, также, возможно, являющихся артефактами. Имеющийся комплекс естественно-научных данных, а также предварительные результаты AMS- и OSL-датирования позволяют утверждать, что костеносный горизонт, скорее всего, сформировался в интервале 45–40 тыс. кал. л.н., что позволяет считать Кушеват наиболее древним и северным памятником палеолитического времени, известным в регионе в настоящее время.

Ключевые слова: *Нижняя Обь, поздний неоплейстоцен, верхний палеолит, палеонтология, палеогеография, стратиграфия.*

I.D. Zolnikov[1], A.A. Anoikin[2], E.A. Filatov[1], S.S. Makarov[3], P.S. Levitskaya[1], E.A. Bordyugova[1], S.S. Perfiliev[4], A.T. Dzhumanov[4], A.V. Vybornov[2]

[1]Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]Museum of Nature and Man
Khanty-Mansiysk, Russia
[4]Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey on the Kushevatskaya Channel (Right Bank of the Great Ob) in 2022

The article discusses the results of work performed in 2022 at the Upper Paleolithic site Kushevat (Shuryshkarsky District, YaNAO). In 2022, a series of pits was made with a total area of 106 sq. m. The results of the work confirmed that the stratum of loose deposits at the site consists of four main units: cover-subaerial, mudflow (veloflux), ravine-gully deposits, and alluvium of the Great Ob. The bone-bearing horizon lies at a depth of 1.5 to 3.5 m, but always at the interface of the units: gully deposits and the Ob alluvium. It was also established that the bone-bearing horizon begins to wedge out up the slope, and the concentration of faunal remains in it sharply decreases. At the same time, the pit made almost in the watershed area, uncovered oxbow deposits at the hypsometric level of the alluvial member. The results obtained suggest that the site was located directly near the river at lower elevations rather than on the watershed. During the work, a representative collection of the Pleistocene fauna was obtained. The traces of the anthropogenic impact on the split humerus of a reindeer were revealed. Moreover, several stone objects in the bone horizon, which may also be artifacts, were also found. The available complex of natural science data as well as the preliminary results of AMS and OSL dating confirm that the bone-bearing horizon was most likely formed in the range of 45–40 thousand cal. BC.

Keywords: *Lower Ob, Late Pleistocene, Upper Paleolithic, paleontology, paleogeography, stratigraphy.*

В 2022 г. Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены исследовательские работы в Кушеватской протоке на правобережье р. Большая Обь (Шурышкарский р-н Ямало-Ненецкого автономного округа), начатые в 2019 г. и проводящиеся до настоящего времени [Зольников и др., 2020а; 2021а, б]. В ходе разведочных работ предыдущих лет здесь, на территории нежилого пос. Кушеват, был выявлен памятник верхнего палеолита, получивший одноименное название (рис. 1). Основным критерием выбора участка обследования послужило наличие на этом отрезке протоки мысов южной экспозиции, образованных серией небольших безымянных речек, рассекающих берег широкими, но короткими долинами. В течение трех лет на береговых мысах левого и правого берега одного из таких водотоков, впадающего в протоку на территории поселка и делящего его на две части, проводились шурфовочные работы. На начальном этапе исследований в 2019–2020 гг. на этом участке была заложена серия из 14 шурфов, перекрывших территорию общей площадью ок. 10 тыс. м^2.

Рис. 1. Карта-схема района исследований.
1 – населенные пункты; *2* – участок исследовательских работ.

Места шурфовки определялись предварительным обследованием берега и локализацией на бечевнике компактного скопления обломков палеофауны. Было сделано предположение, что берегом речки на этом участке частично разрушен костеносный слой на границе субаэрального и аллювиального ярусов II надпойменной террасы, что подтвердили дальнейшие раскопочные работы. Общая мощность субаэрального комплекса на этом участке достигает 8,5 м. Под ним залегают аллювиальные отложения большой реки (ПалеоОби) и ее мелкого притока, четко различающиеся по текстурно-структурным признакам, что указывает на древний возраст последнего и на то, что здесь были вскрыты отложения палеоустья притока, т.е. этот участок представляется перспективным для поиска материалов палеолитического времени. В результате вскрышных работ 2020 г. в трех шурфах (№ 7, 10 и 12) был обнаружен костеносный горизонт, залегающий *in situ* под подошвой субаэрального покрова в отложениях, представленных переслаиванием аллювия речки и прибрежных склоновых отложений [Зольников и др., 2020а]. В 2021 г. работы на этом участке были продолжены. Итоговая общая площадь раскопок составила 76 м^2 (рис. 2, *1*). В результате было установлено, что слой с палеофауной имеет локальное распространение в пределах устьевой части по правому берегу современного лога (заполняется водой в весенний паводок и осушается

в осеннюю межень) Кушеватской курьи. Из этих отложений получена представительная коллекция остеологического материала позднеоплестоценового возраста (ок. 150 экз.), где были в основном представлены остатки северного оленя, а также присутствовали кости мамонта, шерстистого носорога, овцебыка, бизона и зайца [Зольников и др., 2021а]. При анализе полученного материала было выявлено два рога северного оленя со следами антропогенного воздействия (резка, рубка) [Зольников и др., 2021б]. Кроме того, в слое зафиксировано несколько предметов из камня: два небольших скола и мелкий истощенный нуклеус, сохранивший прямую ударную площадку, с которой в продольном направлении производились снятия удлиненных сколов прямоугольных очертаний. В качестве сырья использовались окремненные осадочные породы. По результатам работ этого этапа исследований было выдвинуто предположение, что

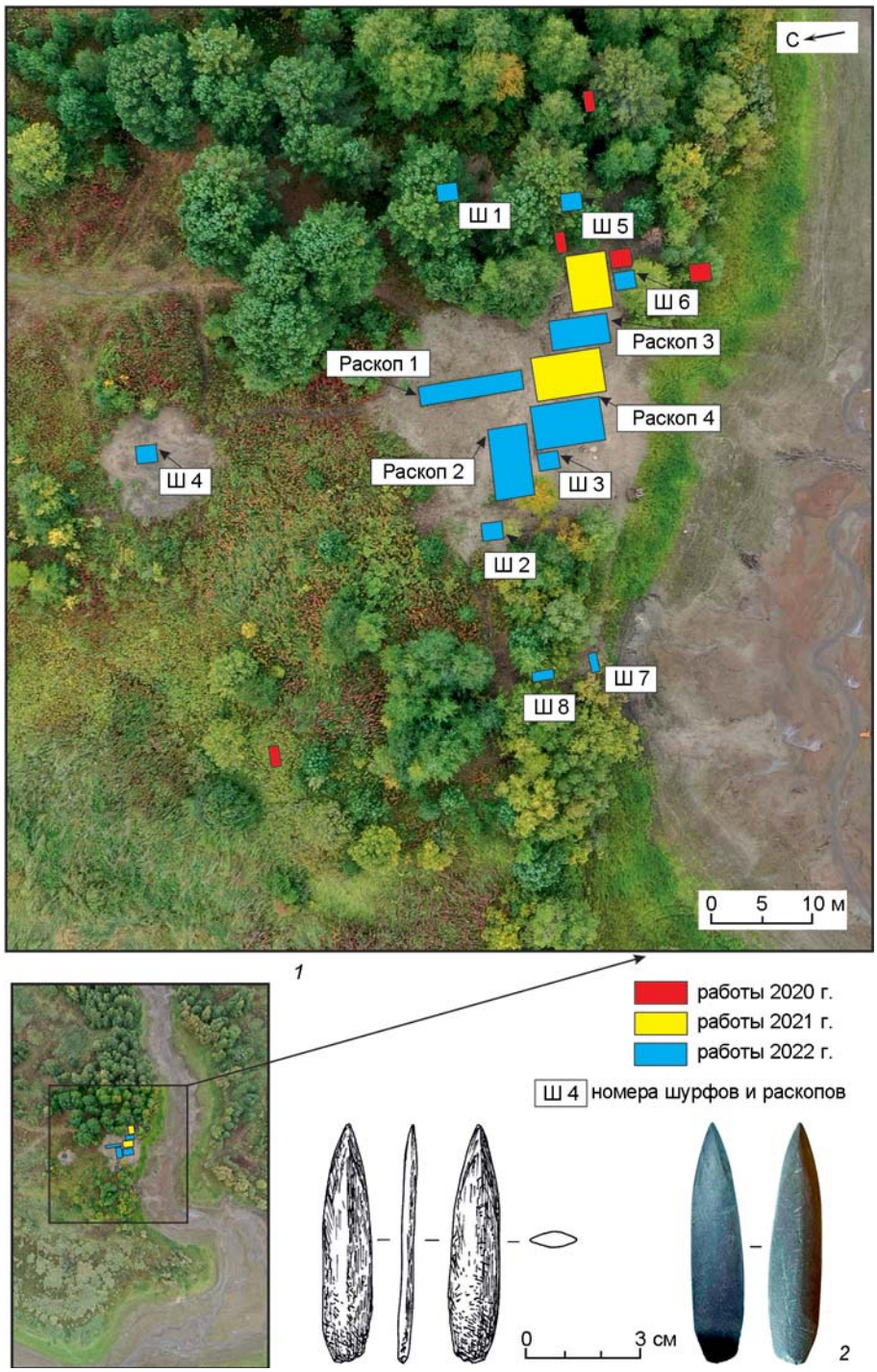


Рис. 2. План памятника Кушеват с указанием участков вскрышных работ (*1*) и наконечник из раскопа 2 (*2*) (рисунок А.В. Абдульмановой).

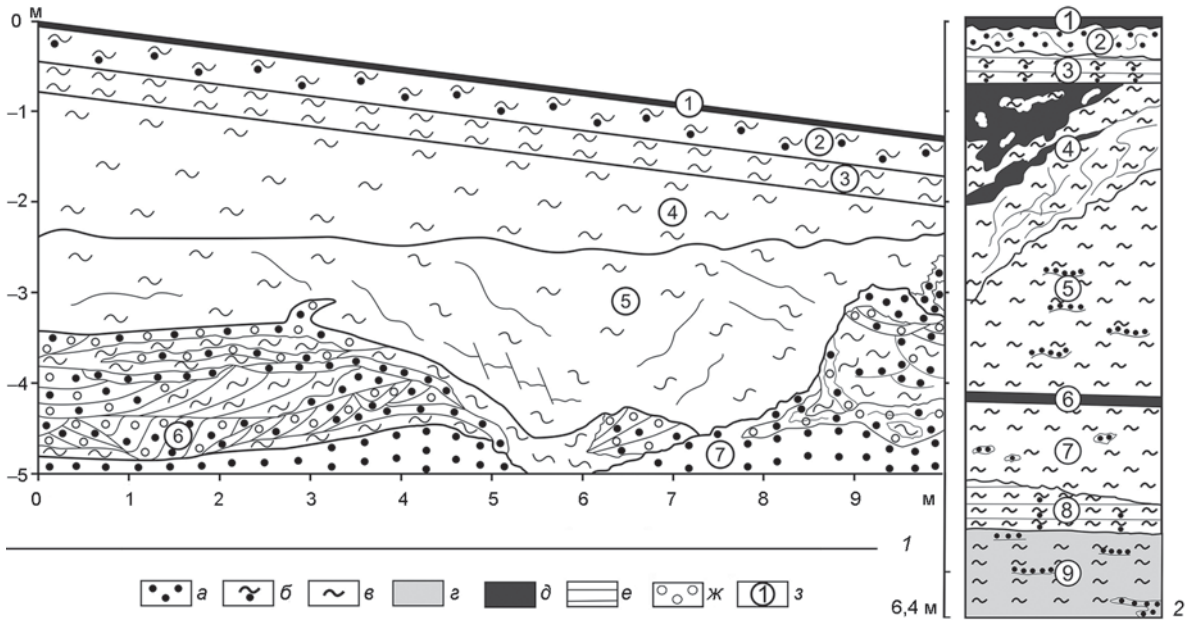


Рис. 3. Стратиграфический разрез западной стенки раскопа № 1 (*1*) и южной стенки шурфа № 4 (*2*) на памятнике Кушеват (работы 2022 г.).

а – песок; *б* – алевропесок; *в* – алеврит; *г* – гумусированные отложения до гитии; *д* –почвы; *е* – текстуры; *ж* – глиняные окатыши гравийной размерности; *з* – номера слоев.

шурфовкой вскрыты периферийные участки стоянки, где материал фиксируется в переотложенной позиции. Об этом свидетельствуют в т.ч. углистые примазки и обломки угля, которые фиксировались в естественных углублениях, сформированных, вероятно, в ходе аллювиального седиментогенеза. С этой точки зрения костеносный горизонт аккумулировал мусорные отходы со стоянки, которая должна быть расположена выше по склону относительно участка работ 2021 г. [Зольников и др., 2021а].

Для проверки этой гипотезы в 2022 г. на местонахождении с целью прослеживания границ распространения костеносного горизонта выше по склону от участка работ 2021 г. был заложен раскоп 1, имеющий вид траншеи (2 × 10 м).

Раскоп был пройден на глубину 4,7 м и вскрыл следующие отложения (сверху вниз) (рис. 3, *1*):

0,0–0,1 м. Слой 1. Современная лесная почва. Мощность 0,1 м;

0,1–0,5 м. Слой 2. Светло-серый с палевым оттенком алевритовый песок. Солифлюксий по перевеянному песку (солифлюкционные текстуры). Мощность 0,3–0,4 м;

0,5–0,8 м. Слой 3. Серый с табачным оттенком алеврит нечетко тонко-мелко параллельно слоистый пологонаклонно по палеосклону. Делювий. Мощность 0,3 м;

0,8–2,6 м. Слой 4. Серый с бурым оттенком пятнисто-полосчатый иногда опесчаненный до алевропеска, иногда пелитистый. Участками пескоалевропелит. Велофлюксий. Мощность 1,8 м;

2,6–3,8 м. Слой 5. Серый с табачным оттенком с мелкими линзами и пятнышками песка алеврит. Более однородный и менее опесчаненный, чем в вышележащем слое. Велофлюксий. Мощность 0,4–1,2 м;

3,8–4,35 м. Слой 6. Серые с коричневым оттенком мульдообразное переслаивание глиняных окатышей (гравий) и песка. За счет смятия и «скучивания» вышележащим велофлюксием мощность местами увеличивается в несколько раз. Овражно-балочные отложения. Мощность 0,8–1,9 м. Костеносный горизонт приурочен к приподошвенной части слоя;

4,35–4,65 м. Слой 7. Косослоистые серые, светло-серые пески с линзами параллельно (плоско)-косослойчатых песков. Русловый аллювий. Подошва не вскрыта. Видимая мощность 0,3 м;

В слое 6 зафиксирован редкий палеонтологический материал (5 экз.), а также мелкий (1,5 см) скол из интенсивно окремненной осадочной породы черного цвета. Весь фаунистический материал определимый и включает челюсть и плечевую кость северного оленя, бедренную кость сайгака, фалангу шерстистого носорога и ребро мамонта. Все кости фрагментированы.

По результатам предварительного осмотра палеонтологических материалов, канд. ист. наук Л.В. Зоткиной было сделано предварительное заключение о наличии возможных следов антропогенного воздействия на расколотой плечевой кости северного оленя. В настоящее время эти материалы находятся на стадии исследования.

Кроме раскопа 1 во время первого этапа работ, в месте предполагаемой стоянки на выположенной площадке, расположенной примерно в 30 м вверх по склону от участка работ 2021 г., был заложен шурф № 4 (2 × 2 м).

Шурф № 4 был пройден на глубину до 6,5 м. Полученный стратиграфический разрез имеет следующее строение (сверху вниз) (рис. 3, *2*):

0,0 – 0,1 м. Слой 1. Современная серая лесная почва. Мощность 0,1 м;

0,1–0,4 м. Слой 2. Светло-палевый алевритовый песок с пятнисто-полосчатой текстурой. Солифлюксий. Мощность 0,3 м;

0,4–0,8 м. Слой 3. Палевый алевропесок с полого-наклонной параллельной тонкой слоистостью. Делювий. Мощность от 2,5 см в западной стенке до 40 см в восточной;

0,8–1,7 (2,8) м. Слой 4. Криогенный клин, выполненный гумусом и светло-бурым алевритом. В юго-восточном углу мощность 1,9 м; в юго-западном углу 1 м;

1,7 (2,8) – 4,1 м. Слой 5. Палево-бурый, иногда с рыжеватым оттенком алеврит неслоистый. Вертикальные полоски светло-серые протяженностью до 7–8 см, толщиной до 1 см – корнеходы растений. Встречаются линзы и пятна светло-бурого с рыжеватым оттенком мелкозернистого песка с неправильными очертаниями (солифлюкционные включения). Субаэральный покров. Мощность 2,4 м;

4,1–4,25 м. Слой 6. Палеопочва эфемерная. Серо-бурый слой толщиной 5–6 см (гумусированный). Под ним светло-бурый опесчаненный слой толщиной ~10 см. Общая мощность 0,15 м;

4,25–5,2 м. Слой 7. Палево-темно-бурый алеврит песчанистый с редкими мелкими включениями неслоистый. Субаэральный покров. Мощность 0,95 м;

5,2–5,6 м. Слой 8. Бурый с рыжеватым оттенком алеврит (слойки 1–2 см) с прослоями рыжеватого песка (1–3 мм). Слоистость прерывистая параллельная. Генезис – старичный аллювий (заполнение поверх старичного болота). Мощность 0,4 м;

5,6–6,4 м. Слой 9. Серый гумусированный алеврит. Гития. Старичное болото. Включения светло-серого с рыжим оттенком песка мелкозернистого. Видимая мощность 0,8 м.

Палеонтологические остатки и каменные артефакты в шурфе не зафиксированы.

Первым этапом работ было установлено, что костеносный горизонт начинает выклиниваться вверх по склону, а концентрация фаунистических остатков в нем резко сокращается. Результаты шурфовки выположенной поверхности за бровкой склона, первоначально определяемой на основе современной геоморфологической ситуации как возможно сохранившаяся часть прибровочной зоны II террасы, показали, что стоянка на этом участке памятника не могла существовать в силу палеогеоморфологических факторов.

В связи с этим было принято решение изучить костеносный горизонт на максимально возможной площади и четко определить границы его распространения и особенности седиментогенеза на исследуемом участке.

Для реализации поставленной задачи было заложено несколько раскопов и шурфов, общей площадью 82 м^2. Наиболее представительный фаунистический, а также археологический материал получен из раскопа № 2 (7 × 3 м), заложенного в 5 м к западу от раскопа № 1, в нижней части склона и ориентированного поперек его.

Раскоп был пройден на глубину 3,5 м и вскрыл следующие отложения (сверху вниз):

0,0–0,1 м. Слой 1. Современная серая лесная почва. Мощность 0,1 м;

0,1–0,4 м. Слой 2. Серый с желтым оттенком алевропесок без четко выраженной слоистости, но с пологоволнистыми солифлюкционными текстурами. Солифлюксий по перевеянным пескам. Мощность 0,3 м;

0,4–1,0 м. Слой 3. Серый с табачным оттенком алеврит параллельно пологонаклонно слоистый мелко-тонко. Делювий. Мощность меняется от 0,2 до 0,6 м;

1,0–1,5 м. Слой 4. Серый, более светлый, чем выше лежащий слой, представленный мелким переслаиванием алеврита пелитового, алевропеска и серого с желтым оттенком мелкозернистого алевритового песка. Пойменно-застойные фации палеоручья. Мощность 0,5 м;

1,5–2,3 м. Слой 5. Серо-бурый алеврит с пятнисто-полосчатой текстурой за счет рыжеватых включений песка мелкозернистого и серого пелитового алеврита. Велофлюксий. Мощность меняется от 0,2 до 0,8 м;

2,3–3,2 м. Слой 6. Переслаивание рыжеватого песка с мульдообразной слоистостью, серого с буроватым оттенком алеврита, алевропеска. Овражно-балочный аллювий. Мощность 1,0 м;

3,2–3,5 м. Слой 7. Светло-серый среднезернистый хорошо промытый песок. Видимая мощность до 0,7 м.

В слое 3 был зафиксирован единичный артефакт – небольшой каменный наконечник, изготовленный из серого сланца. Наконечник листовидный симметричный двояковыпуклый, основание округлое, слегка повреждено. Вся поверхность изделия несет следы шлифования, в острийной части по обеим плоскостям выделены четыре узкие, четко читающиеся грани, формирующие сходящиеся режущие кромки и ромбовидные в поперечном сечении

(см. рис. 2, *2*). По форме и характеру обработки, вероятнее всего, наконечник относится к финальному этапу каменного века, а его прямые аналоги присутствуют в инвентаре энеолитической стоянки Горный Самотнел-1, расположенной на левобережье Нижней Оби в зоне перехода устья в Обскую губу [Тупахина, Тупахин, 2018]. Данную находку следует рассматривать как случайную, попавшую в отложения при их склоновом смещении и находящуюся в слое вне какого-либо археологического контекста.

В слое 6 присутствовал массовый фаунистический материал (23 экз.), включающий кости и зубы плейстоценовых млекопитающих. Большинство остатков (90 %) принадлежит северному оленю (фаланги, лопатки, лучевые и берцовые кости, позвонки). В единичных экземплярах представлены мамонт (ребро), шерстистый носорог (лучевая кость), лошадь (зуб) и донской заяц (большая берцовая кость). Все кости фрагментированы.

Кроме фаунистического материала в слое была обнаружена небольшая галечка окремненной осадочной породы желто-коричневого цвета с негативами бессистемных сколов, возможно имеющих антропогенное происхождение.

Также единичная находка палеофауны (фрагмент бедра северного оленя) была зафиксирована в шурфе № 2.

Помимо перечисленных точек вскрытия на Кушевате в 2022 г. было заложено еще два раскопа и пять разведочных шурфов, расположенных как в пределах предполагаемой границы залегания костеносного горизонта, так и по его периферии. Хотя каких-либо палеонтологических и археологических материалов в них зафиксировано не было, это позволило более четко оконтурить зону распространения остатков палеофауны, и дало дополнительный материал для реконструкции истории формирования плейстоценовых отложений на памятнике.

В результате работ 2022 г. культуросодержащий слой памятника был изучен на площадь 106 м^2, что, с учетом материалов раскопок предыдущих лет, позволило четко локализовать участки концентрации остатков промысловой фауны, включающей кости со следами антропогенного воздействия, а также сопровождающие их каменные изделия.

Анализ общей стратиграфической ситуации на памятнике, выполненный на основе всех полученных разрезов, подтверждает сделанное ранее заключение, что толща рыхлых отложений на объекте складывается из четырех основных пачек. Сверху вниз это: пачка № 1 – покровно-субаэральная; пачка № 2 – оплывневая (велофлюксий, т.е. быстрый солифлюксий); пачка № 3 – овражно-балочные отложения; пачка № 4 – аллювий Большой Оби. Костеносный горизонт залегает на глубине от 1,5 до 3,5 м, в зависимости от конкретного участка, однако всегда на контакте слоев пачек № 3 и № 4. При этом его мощность, в среднем, не превышает 0,20–0,25 м, а палеонтологические материалы и сопутствующие им единичные артефакты выдерживают горизонт рассеивания в пределах 0,10–0,15 м.

Исследования 2022 г. на Кушевате показали, что вверх по сколу от современного лога происходит постепенное выклинивание костеносного горизонта. При этом шурф, заложенный практически на водораздельной площадке, вскрыл на его гипсометрическом уровне старичные отложения. Таким образом, предположение, что формирование скоплений остатков палеофауны в этом слое связано с аккумуляцией отходов хозяйственной деятельности населения стоянки, расположенной выше по склону, не подтвердилось. Полученные результаты позволяют предполагать, что стоянка была локализована не на водоразделе, а непосредственно у реки на более низких высотных отметках. Анализ полученных разрезов показывает, что костеносный слой протягивается достаточно узкой (до 10 м) лентой вдоль правого борта Кушеватской курьи. Следовательно, дальнейшие археологические и палеонтологические находки следует ожидать именно в этой прибрежной полосе.

Работы 2022 г. на Кушевате позволили существенно уточнить границы распространения и особенностей залегание культуросодержащего слоя на памятнике, а также дополнительно подтвердили наличие на нем фаунистических остатков со следами антропогенного воздействия и единичных каменных артефактов.

Имеющийся комплекс естественно-научных данных, а также предварительные результаты AMS- и OSL-датирования позволяют утверждать, что костеносный горизонт, скорее всего, сформировался в интервале 45–40 тыс. кал. л.н., что позволяет считать Кушеват наиболее древним и северным памятником палеолитического времени, известным в регионе в настоящее время [Зольников и др., 2020б; 2021б].

По всей видимости, мы можем говорить о фиксации эпизода наиболее раннего, пионерного этапа заселения субарктических широт *Homo sapiens* во время МИС 3 [Зольников и др., 2021б].

С учетом имеющихся данных о раннем заселении северных районов Якутии и нижнего течения Печоры [Павлов, 2015; Питулько, 2016], факт обнаружения следов синхронного присутствия человека на Нижней Оби представляется вполне логичным.

К сожалению, в коллекции Кушевата нет пока выразительных изделий из камня, а наиболее вескими свидетельствами присутствия здесь человека служат следы антропогенного воздействия на костях. Показательным является и то, что это остатки северного оленя, основного промыслового живот-

ного в этих широтах, а состав фауны на памятнике также на 95 % представлен промысловыми видами копытных. Специфика стоянки определяется теми природным условиям, в рамках которых осуществлялась хозяйственная деятельность первых обитателей этих территорий. В первую очередь, это дефицит каменного сырья и, как следствие, малый объем использования литических ресурсов, их вынужденная экономия и, соответственно, предельная утилизация и редкость каменных артефактов.

Тем не менее, результаты работ в 2019–2022 гг. на Кушевате позволили значительно удревнить время начального заселения человеком приполярных областей Западно-Сибирской равнины и отодвинуть границу ее заселения в бассейне р. Обь далеко на север. Обь стала одной из последних крупных сибирских рек, где в северных широтах были обнаружены следы палеолитического населения. Хотя проблема пионерного освоения севера Западной Сибири все еще находится в начальной стадии изучения, обнаружение стратифицированного комплекса палеолитического времени на данной территории само по себе событие значимое для палеолитоведения как региона, так и севера Азии в целом, и позволяет надеяться на обнаружение здесь новых стратифицированных стоянок древнекаменного века.

Благодарности

Работы выполнены при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-17-00140 «Позднечетвертичная история магистральных долин Западной Сибири».

Список литературы

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Аржанников М.А., Чеха А.М. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020а. – Т. 26. – С. 82–88.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Перфильев С.С., Макаров С.С., Уткин М.В., Чеха А.М. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021а. – Т. 27. – С. 114–121.

Зольников, И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А, Выборнов А.В., Васильев А.В., Постнов А.В., Зоткина Л.В. Новые данные о заселении долины нижней Оби в позднем неоплейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021б. – № 1. – С. 9–20.

Зольников И.Д., Выборнов А.В., Анойкин А.А., Постнов А.В. Радиоуглеродные датировки палеонтологических образцов верхнего плейстоцена Нижней Оби // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2020б. – С. 33–34.

Павлов П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2. – С. 50–60.

Питулько В.В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики. – Калининград: РОСДОАФК, 2016. – Вып. 3. – С. 91–116.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования // Археология Арктики. – Салехард, 2018. – Вып. 5. – 149 с.

Reference

Pavlov P.Iu. On the Initial Colonization of the North of Ural. *Ural Historical J.*, 2015. N 2. P. 50–60. (In Russ.).

Pitulko V.V. Svidetelstva rannego rasseleniia cheloveka v Arkticheskoi oblasti Evrazii: novye nahodki i perspektivy issledovanii. *Archaeology of the Arctic*, Kaliningrad: ROSDOAFK, 2016. Vol. 3. P. 91–116. (In Russ.).

Tupahina O.S., Tupahin D.S. Poselenie epohi eneolita Gornyi Samotnel - 1: materialy i issledovaniia. *Archaeology of the Arctic*, Salehard, 2018. Vol. 5. 149 p. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Vasilev A.V., Arzhannikov M.A., Cheha A.M. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 82–88. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Vasiliev A.V., Perfilev S.S., Makarov C.S., Utkin M.V., Cheha A.M. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021a. Vol. 27. P. 114–121. (In Russ.).

Zolnikov, I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A, Vybornov A.V., Vasiliev A.V., Postnov A.V., Zotkina L.V. New Evidence of the Late Neopleistocene Peopling of the Lower Ob Valley. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021b. N 1. P. 9–20.

Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Макаров С.С. https://orcid.org/0000-0002-2754-7685
Левицкая П.С. https://orcid.org/0000-0001-8981-8498
Бордюгова Е.А. https://orcid.org/0000-0002-4464-2449
Перфильев С.С. https://orcid.org/0000-0003-1687-3183
Джуманов А.Т. https://orcid.org/0000-0002-7074-0106
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0104-0109
УДК 902.21

И.Д. Зольников[1], А.А. Анойкин[2]✉, Е.А. Филатов[1], С.С. Макаров[3], П.С. Левицкая[1], Е.А. Бордюгова[1], С.С. Перфильев[4], А.Т. Джуманов[4], А.В. Выборнов[2], Н.А. Кулик[2]

[1]Институт геологии и минералогии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Музей природы и человека
Ханты-Мансийск, Россия
[4]Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2022 году

Статья посвящена результатам разведочных работ в нижнем течении Оби (Шурышкарский р-н ЯНАО) в 2022 г. В ходе исследований на правобекежье Большой Оби была изучена линия бечевника на трех основных участках: на Золотом мысе, у пос. Хашгорт, а также в устье р. Пельяхъёган. Был собран массовый палеонтологический материал плейстоценового времени, получена небольшая коллекция каменных артефактов, а также сделано пять зачисток береговых уступов, вскрывших субаэральные и субаквальные отложения позднего неоплейстоцена. При работах на участке у пос. Хашгорт было выполнено три зачистки естественных обнажений, давших новую информацию о строении поздне- и среднечетвертичных отложений в этой части долины Оби. В устьевой части реки Пельяхъёган с поверхности бечевника на участке протяженностью ~ 1 км был собран массовый палеонтологический материал (90 экз.), а также найдено три каменных артефакта – отдельности сырья со сколами и крупное рубящее орудие. Фаунистический комплекс находок представлен остатками мамонта, шерстистого носорога, бизона, оленя и лошади. Более 65 % остатков принадлежит мамонту. На поверхности двух пластин бивня мамонта прослеживаются линии и бороздки, которые могут иметь антропогенное происхождение. Результаты работ позволяют утверждать о системности находок артефактов палеолитического облика на прибрежных отмелях от п. Казым-Мыс до п. Питляр. На этой же территории в значительном количестве встречаются остатки крупной фауны плейстоценового времени, иногда вместе с артефактами, на некоторых участках образуя зоны высокой концентрации практически ежегодно, что позволяет предполагать разрушение в этих местах костеносных горизонтов. Такие зоны концентрации являются хорошим маркирующим признаком при проведении разведочных работ.

Ключевые слова: *нижняя Обь, поздний неоплейстоцен, палеолит, палеонтология, археология, стратиграфия.*

I.D. Zolnikov[1], A.A. Anoikin[2]✉, E.A. Filatov[1], S.S. Makarov[3], P.S. Levitskaya[1], E.A. Bordyugova[1], S.S. Perfiliev[4], A.T. Dzhumanov[4], A.V. Vybornov[2], N.A. Kulik[2]

[1]Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]Museum of Nature and Man
Khanty-Mansiysk, Russia
[4]Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2022

The article discusses the results of exploration work performed in the lower reaches of the Ob River (Shuryshkarsky District, YaNAO) in 2022. In the course of research on the right bank of the Great Ob, it was studied in three main areas: on the Golden Cape, near the village of Khashgort as well as at the mouth of the Pelyakhyogan River. Massive Pleistocene paleontological material was collected, and a small collection of stone artifacts was obtained. Moreover, five strippings of coastal ledges, which revealed subaerial and subaqueous deposits of the Late Pleistocene were made. During the work near the village of Khashgort, three strippings of natural outcrops were made to provide new information on the composition of Late and Middle Quaternary deposits in this part of the Ob River valley. Massive paleontological material (90 items) from the surface of the riverbank in the mouth of the Pelyakhyogan River (about 1 km long) was collected, and three stone artifacts (separate cleaved pieces of raw materials and a large chopper) with were also found. The faunistic complex of finds is represented by the remains of a mammoth, a woolly rhinoceros, a bison, a deer, and a horse. Over 65 % remains are of mammoth. On the surface of two plates of the mammoth tusk, lines and grooves can be traced, which may be of anthropogenic origin. The results of the work allow to state that the finds of the Paleolithic appearance are systematic in the coastal shallows from the village of Kazym-Mys to the village of Pitlyar. In the same area, the remains of a large Pleistocene fauna are found, forming, in some areas, the zones of high concentration, sometimes with artefacts. This suggests the destruction of bone horizons in these locations. Such concentration zones are a good marker for exploration work.

Keywords: *Lower Ob, Late Pleistocene, Paleolithic, paleontology, archaeology, stratigraphy.*

В 2022 г. Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы с целью обнаружения археологических объектов палеолитического времени в бассейне нижней Оби. Основными районами исследований являлись участки коренного правого берега Большой Оби. Все разведочные работы проходили в пределах административных границ Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. 1).

В ходе исследований 2022 г. основное внимание, помимо раскопок памятника Кушеват [Зольников и др., 2021б], было уделено изучению отрезка реки между поселками Лопхари и Питляр.

Отправной точкой разведочного маршрута являлся Золотой мыс, расположенный в нескольких километрах выше по течению от п. Лопхари. Здесь в ходе разведок предыдущих лет в поверхностном залегании был зафиксирован массовый палеонтологический материал, а также разрозненные каменные артефакты [Зольников и др., 2019]. Осмотр бечевника велся пешими маршрутами, протяженностью 1–2 км, на отдельных участках между 528 км и 509 км реки (здесь и далее расстояние указывается от устья Оби, согласно лоции). Полосу бечевника, иногда имеющую ширину до 50–60 м, ограничивают береговые обрывы высотой около 12–15 м над урезом воды. В их основании вскрываются среднечетвертичная морена и перекрывающие ее ленточные глины. Выше залегают аллювиальные пески и суглинки с торфом. Еще выше – озерные суглинки с прослоями торфа, в свою очередь перекрывающиеся эоловыми песками, торфом и лессовидными суглинками. Помимо визуального осмотра береговой зоны в крайних точках маршрута были выполнены две зачистки естественных обнажений, с целью уточнения стратиграфии четвертичных отложений на этом участке реки.

Наиболее четко стратиграфическая последовательность представлена в зачистке на 528 км, имеющей общую высоту 25 м. Сверху вниз здесь были вскрыты следующие отложения:

0,0–9,0 м. Субаэральный покров. Мощность 9 м;

Рис. 1. Карта-схема района исследований.
1 – населенные пункты; *2* – участки исследовательских работ.

9,0–16,0 м. Ленточные глины. Казыммыский лимногляциал. Мощность 7 м;

16,0–18,4 м. Светло-серые косослоистые хорошо промытые пески. Мощность 4,6 м;

18,4–25 м. Серо-коричневый диамиктон. Мощность 6,5 м.

В ходе разведочных маршрутов на обследованном участке берега каких-либо фаунистических остатков или каменных артефактов обнаружено не было. Возможно, это связано с тем, что Золотой мыс хорошо известен местным жителям как зона концентрации палеонтологического материала, и они периодически проводят его сбор в коммерческих целях.

Следующим отрезком правого берега р. Большая Обь, где велись разведочные работы, являлась территория, прилегающая к п. Хашгорт, где также ранее неоднократно проводились сборы мегафауны и подъемного каменного материала [Зольников и др., 2020а; 2021а, б]. При этом в данном районе наблюдалось большое разнообразие разрезов, обнажающихся в береговых обрывах. Кроме того, этот район интересен тем, что на протяжении десятилетий нерешенным оставался вопрос – почему в однотипных косослоистых песках над мореной около п. Хашгорт, которые традиционно относили к верхнечетвертичным образованиям [Архипов, 1997], находится как среднечетвертичная (на 442 км), так и верхнечетвертичная (на 430 км) терриофауна [Смирнов, Большаков, Бородин, 1986; Бородин, Косинцев, 2001].

В текущем году был проведен визуальный осмотр бечевника на отрезке берега от 442 км до 430 км, включая окрестности п. Хашгорт. Осмотр велся отдельными пешими маршрутами протяженностью 1–2 км. При этом каких-либо каменных артефактов обнаружено не было, а найденные единичные фаунистические остатки представлены неопределимыми фрагментами трубчатых костей млекопитающих. Также на исследуемом участке было выполнено три зачистки естественных обнажений, давших новую информацию о строении поздне- и среднечетвертичных отложений в этой части долины Оби. Дальнейшее изучение полученных на этих разрезах материалов позволит согласовать палеонтологические данные по терриофауне среднечетвертичного возраста, имеющиеся по региону [Там же], и современные стратиграфо-палеогеографические построения в единую непротиворечивую картину.

Следующим районом работ, расположенным ниже по течению Большой Оби (416 км), являлась устьевая часть р. Пельяхъёган (Пельях-Юган). Ранее в этом районе из аллювиальных песков сниженной террасы (до 4 м от бровки бечевника) был получен верхненеоплейстоценовый комплекс палеофауны [Зольников и др., 2020б]. При визуальном осмотре прирусловых отмелей на правом берегу р. Пельяхъёган с поверхности бечевника на участке протяженностью ~1 км был собран массовый палеонтологический материал, образующий несколько зон концентрации, а также найдено три каменных предмета, имеющих признаки антропогенного воздействия (рис. 2, *2*).

Фаунистический комплекс находок, включающий 90 костей, зубов и фрагментов бивней крупных плейстоценовых млекопитающих, представлен остатками мамонта (*Mammuthus primigenius*), шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*), бизона (*Bison priscus*), оленя (*Rangifer sp.*) и лошади (*Equus sp.*). При этом для девяти фрагментов трубчатых костей, по причине их незначительных размеров и плохой сохранности, определить видовую принадлежность не удалось.

Более 65 % остатков принадлежит мамонту (53 экз.). Среди находок наиболее многочисленны отдельные пластины бивня, фрагменты ребер, костей таза, а также крупных трубчатых костей. Также представлены, но в существенно меньших количествах, позвонки, фрагменты лопаток, плечевых костей и части черепа. Зуб найден один. Следующими по численности (6 %) являются остатки бизона: фрагменты ребер, лопатки, локтевой и берцовой костей, диафиз плечевой кости и зуб. Также найдено три фрагмента рога северного оленя и остатки его лучевой кости. Плейстоценовая лошадь представлена фрагментами лучевой кости, шерстистый носорог – плечевой костью и зубом. Процентное соотношение палеонтологических находок по видам представлено на диаграмме (рис. 2, *1*).

На поверхности двух пластин бивня мамонта прослеживаются линии и бороздки, которые могут иметь антропогенное происхождение (рис. 3, *1, 2*). В настоящее время эти предметы находятся на стадии исследования.

Вместе с костными остатками залегало и три каменных артефакта: отдельности сырья со сколами и крупное рубящее орудие.

Нуклевидно оббитый валун. Размеры 340 × 200 × × 180 мм. Брусковидной формы. По периметру предмета прослеживаются негативы разнонаправленных крупных сколов, при этом одно из снятий полностью удаляет галечную корку с торцовой плоскости. Окремненная осадочная порода.

Нуклевидно оббитая галька (рис. 3, *4*). Размеры 50 × 24 × 10 мм. Овальная, уплощенная. По одной из широких плоскостей прослеживаются негативы нескольких мелких продольно-поперечных снятий. Окремненная осадочная порода.

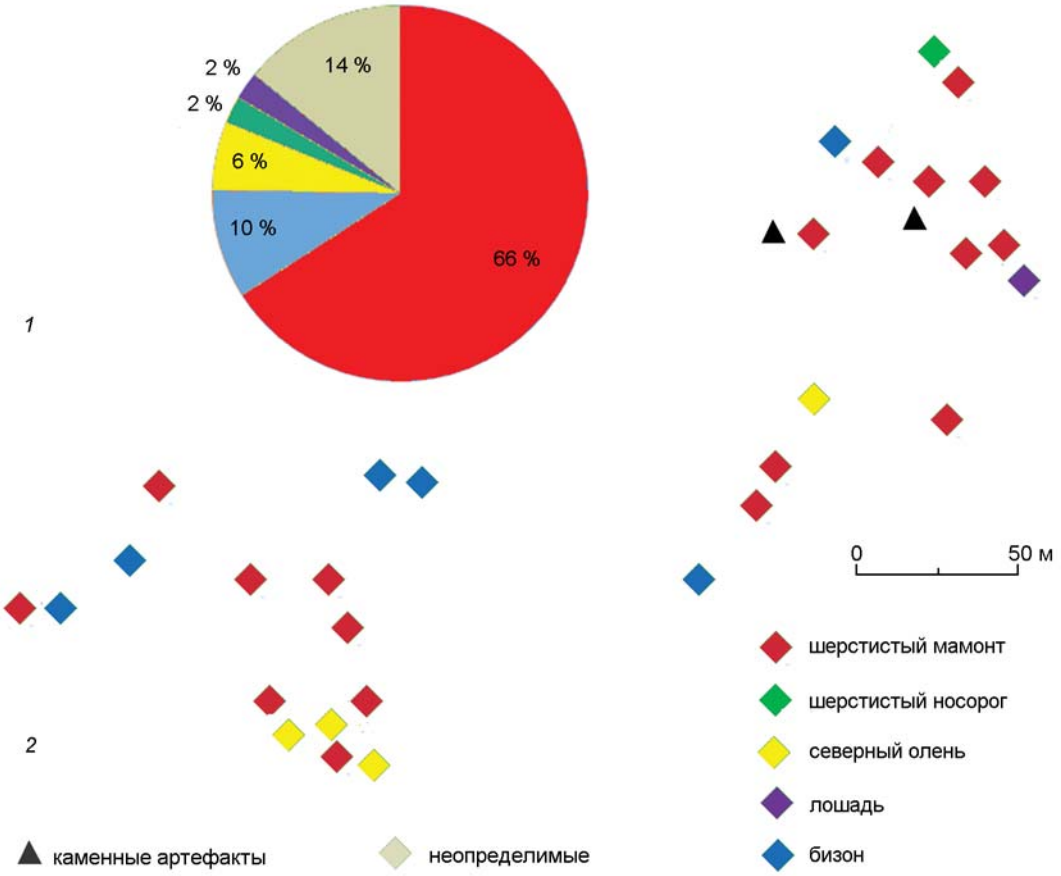


Рис. 2. Распределение фаунистических остатков, найденных при подъемных сборах около устья р. Пельяхъёган, по видам (*1*) и план основного скопления находок (*2*).

Рис. 3. Материалы подъемных сборов около устья р. Пельяхъёган.

1, 2 – пластинки бивня мамонта со следами антропогенного (?) воздействия; *3* – рубящее орудие; *4* – нуклевидно оббитая галька.

Рубящее орудие (рис. 3, *3*). Размеры 80 × 64 × × 25 мм. Выполнен на уплощенной подтреугольной гальке. На узком протяженном торце серией крупных продольно направленных сколов, нанесенных по одной из широких плоскостей, оформлено слабовыпуклое рубящее лезвие с углом схождения краев ~45°. Лезвийная кромка неровная, зубчатая. Кварцит.

Характер каменного инвентаря не позволяет сколько-нибудь достоверно определить его культурно-хронологическую принадлежность, но не исключает возможную синхронность позднеплейстоценовому фаунистическому комплексу, который он сопровождает.

Таким образом, по результатам полевых исследований низовьев Оби, проведенных отрядами ИАЭТ СО РАН в последние годы, можно с уверенностью говорить о системности находок артефактов палеолитического облика на прибрежных отмелях от п. Казым-Мыс до п. Питляр. На этой же территории в значительном количестве встречаются остатки крупной фауны плейстоценового времени, в основном находящиеся в поверхностном залегании, иногда вместе с единичным археологическим материалом. В некоторых участках фаунистические остатки образуют зоны высокой концентрации практически ежегодно, что позволяет предполагать разрушение в этих местах костеносных горизонтов [Зольников и др., 2021а]. Обнаружение и исследование в Кушеватской протоке верхнепалеолитической стоянки, связанной именно с таким горизонтом, содержащим палеофауну [Зольников и др., 2020б; 2021б], как и характер других стоянок древнекаменного века, известных в северных широтах на территории Сибири и Восточной Европы [Павлов, 2015; Питулько, 2016], указывает на прямую связь следов пребывания здесь человека и подобных скоплений животных остатков. Специфика территории нижней Оби определяется теми природными условиями, в рамках которых осуществлялась хозяйственная деятельность первых обитателей этих территорий. Одним из главных факторов, затрудняющим поиск здесь палеолитических объектов, является дефицит качественного каменного сырья и, как следствие, малый объем использования литических ресурсов древним населением, их вынужденная экономия и, соответственно, предельная утилизация и редкость каменных артефактов в целом. Таким образом, скопления остатков крупной палеофауны в настоящее время являются главным и сравнительно легко обнаруживаемым признаком возможного наличия археологического материала при проведении разведочных работ, особенно в специфических условиях, выявленных в нижнем течении Оби, когда залегание геологических тел не имеет четко выявленной закономерности и не может прогнозироваться только на основе геоморфологических данных (гипсометрические отметки, выраженные террасовидные уровни и т.д.).

Благодарности

Полевые работы и геологические исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-17-00140 «Позднечетвертичная история магистральных долин Западной Сибири». Анализ палеонтологических и археологических материалов проведен в рамках выполнения программы НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Архипов С.А. Хронология геологических событий позднего плейстоцена Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1997. – Т. 38, № 12. – С. 1836–1884.

Бородин А.В., Косинцев П.А. Млекопитающие плейстоцена севера Западной Сибири // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. – М.: Геос, 2001. – С. 244–252.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Постнов А.В., Выборнов А.В., Филатов Е.А., Васильев А.В., Пархомчук Е.В. Проблемы расчленения и корреляции аллювиальных отложений неоплейстоцена Нижнего Приобья // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2021а. – № 10с. – С. 18–27.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Аржанников М.А., Чеха А.М. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020а. – Т. 26. – С. 82–88.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Перфильев С.С., Макаров С.С., Уткин М.В., Чеха А.М. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021б. – Т. 27. – С. 114–121.

Зольников И.Д., Выборнов А.В., Анойкин А.А., Постнов А.В. Радиоуглеродные датировки палеонтологических образцов верхнего плейстоцена Нижней Оби // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2020б. – С. 33–34.

Зольников И.Д., Постнов А.В., Анойкин А.А., Резвый А.С., Макаров С.С., Выборнов А.В. О геолого-геоморфологических и палеонтологических поисковых признаках, определяющих перспективность обнаружения

памятников палеолита в Нижнем Приобье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 116–122.

Павлов П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2. – С. 50–60.

Питулько В.В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики. – Калининград: РОСДОАФК, 2016. – Вып. 3. – С. 91–116.

Смирнов Н.Г., Большаков В.Н., Бородин А.В. Плейстоценовые грызуны севера Западной Сибири. – М.: Наука, 1986. – 146 с.

Reference

Arkhipov S.A. Record of Late Pleistocene Geological Events in West Siberia. *Geology and Geophysics*, 1997. Vol. 38, N 12. P. 1836–1884. (In Russ.).

Borodin A.V., Kosintcev P.A. Mammals of the Pleistocene of Western Siberia. In *Mammoth and its environment: 200 years of study*, Moscow: Geos Publ., 2001. P. 244–252. (In Russ.).

Pavlov P.Iu. On the Initial Colonization of the North of Ural. *Ural Historical Journal*, 2015. N 2. P. 50–60. (In Russ.).

Pitulko V.V. Svidetelstva rannego rasseleniia cheloveka v Arkticheskoi oblasti Evrazii: novye nahodki i perspektivy issledovanii. *Archaeology of the Arctic*, Kaliningrad: ROSDOAFK, 2016. Vol. 3. P. 91–116. (In Russ.).

Smirnov N.G., Bolshakov V.N., Borodin A.V. Pleistocene rodents of northern Western Siberia. Moscow: Nauka, 1986. 146 p. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Vasilev A.V., Arzhannikov M.A., Cheha A.M. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020a. Vol. 26. P. 82–88. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Vasiliev A.V., Perfilev S.S., Makarov C.S., Utkin M.V., Cheha A.M. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021b. Vol. 27. P. 114–121. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Postnov A.V., Vybornov A.V., Filatov E.A., Vasilyev A.V., Parhomchuk E.V. Problems of Differentiation and Correlation of Alluvial Deposits of the Neo-Pleistocene in the Lower Ob Region. In *Geology and Mineral Resources of Siberia*, 2021a. N 10c. P. 18–27. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Postnov A.V., Anoikin A.A., Rezvyi A.S., Makarov C.S., Vybornov A.V. Geological, Geomorphological, and Paleontological Indicators for Detecting Paleolithic Sites in the Lower Ob Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 116–122. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Vybornov A.V., Anoikin A.A., Postnov A.V. Radiocarbon Dating of Paleontological Samples of the Upper Pleistocene in the Lower Ob. In *Radiocarbon in Archaeology and Paleoecology: Past, Present, Future,* St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 2020b. P. 33–34. (In Russ.).

Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Макаров С.С. https://orcid.org/0000-0002-2754-7685
Левицкая П.С. https://orcid.org/0000-0001-8981-8498
Бордюгова Е.А. https://orcid.org/0000-0002-4464-2449
Перфильев С.С. https://orcid.org/0000-0003-1687-3183
Джуманов А.Т. https://orcid.org/0000-0002-7074-0106
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Кулик Н.А. https://orcid.org/0000-0002-2641-5517

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0110-0115
УДК 551.4

И.Д. Зольников[1], В.М. Харевич[2]✉, П.С. Левицкая[1], А.А. Анойкин[2]

[1]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mihalich84@mail.ru

Особенности геолого-геоморфологического строения четвертичных отложений в береговых обрывах левобережья Красноярского водохранилища в окрестностях стоянок Сабаниха-3 и Сидориха

В статье представлены результаты геолого-геоморфологического изучения стоянок верхнего палеолита Сабаниха-3 и Сидориха, а также близлежащих обнажений левобережья р. Енисей в Боградском р-не республики Хакасия в 2022 г. Стоянка Сабаниха-3 относится к начальным этапам верхнего палеолита, стоянка Сидориха является памятником финального верхнего палеолита. Оба памятника приурочены к береговым обрывам внутри заливов Красноярского водохранилища, ограниченных с боков каменными мысами. Детальное изучение структуры отложений в профилях стоянок Сабаниха-3 и Сидориха позволило выделить три основных литотипа, формирующих данные разрезы. Два литотипа являются водокаменной и грязекаменной разновидностями селевых потоков. Выше залегают отложения третьего литотипа – параллельно слоистые хорошо промытые мелко-, средне-, крупнозернистые пески с прослоями дресвы. Структура отложений свидетельствует об участии в их формировании гляциальных суперпаводков, аналогичные результаты которых фиксируются на правобережье Оби, на Предалтайской равнине. Также суперпаводковые отложения установлены в Кызыльском расширении Верхнего Енисея и в Южно-Минусинской котловине. Все это свидетельствует о том, что непотревоженные стратифицированные палеолитические объекты следует искать в коричневых субаэральных покровах типично лессового литологического облика за пределами суперпаводковых заплесков. В опесчаненных субаэральных покровах поверх суперпаводковых отложений конца последнего ледникового максимума следует ожидать памятники финальной стадии верхнего палеолита (стоянка Сидориха). В свою очередь Сабаниха-3 является примером памятника, приуроченного к опесчаненному субаэральному покрову, который залегает на суперпаводковой толще первого оледенения верхнего неоплейстоцена. В целом, территория Красноярского водохранилища наиболее перспективна для поиска памятников финала верхнего палеолита, а более древние памятники могут быть обнаружены на тех участках, где субаэральные покровы времени МИС 3 уцелели от размыва.

Ключевые слова: *Средний Енисей, стратиграфический разрез, суперпаводки, палеолитические объекты.*

I.D. Zolnikov[1], V.M. Kharevich[2]✉, P.S. Levitskaya[1], A.A. Anoikin[2]

[1]V.S.Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: mihalich84@mail.ru

Specific Features of Geological and Geomorphological Structure of Quaternary Deposits in the Coastal Bluffs of the Left Bank of the Krasnoyarsk Reservoir Near the Sabanikha-3 and Sidorikha Sites

The article discusses the results of geological and geomorphological research of the Upper Paleolithic sites Sabanikha-3 and Sidorikha and nearby outcrops on the left bank of the Yenisei River in the Bogradsky District of the Republic of Khakassia

in 2022. Sabanikha-3 is classified as the Initial Upper Paleolithic site, while Sidorikha is the Final Upper Paleolithic site. Both are located on the coastal bluffs within the bays of the Kranoyarsk Reservoir bounded by rocks. A detailed analysis of the sediment structure of the Sabanikha-3 and Sidorikha sites allows distinguishing three main lithotypes that form these sections. Two lithotypes are water- and mud-stone varieties of debris flows. The deposits of the third lithotype—parallel layered well-washed fine-, medium-coarse-grained sands with interlayers of shingles are located. The deposit structure suggests the participation of glacial super-floods in their formation, and similar results have been recorded on the right bank of the Ob River, on the Pre-Altai plain. Superfluvial deposits are also identified in the Kyzyl extension of the Upper Yenisei and in the South Minusinsk Basin. All of these suggest that undisturbed stratified Paleolithic sites should be explored in brown subaerial covers of typical loess lithology outside the superfluous splashes. In the sandy subaerial covers, the sites of the final stage of the Upper Paleolithic (the Sidorikha site) should be expected on top of superfluous deposits of the end of the last glacial maximum. In its turn, Sabanikha-3 is an example of the site confined to the sandy subaerial cover, which lies on the superfluvial stratum of the first glaciation of the Upper Neopleistocene. In general, the Krasnoyarsk Reservoir area is the most promising for searching sites of the final Upper Paleolithic, and more ancient sites can be found in the areas where MIS-3 subaerial covers have survived erosion.

Keywords: *Middle Yenisei, stratigraphic section, superfalls, Paleolithic sites.*

Долина Среднего Енисея, в которой зафиксированы десятки палеолитических памятников [Абрамова и др., 1991; Акимова и др., 2018], имеет сложное геолого-геоморфологическое строение. В интересующем нас районе береговая линия Красноярского водохранилища находится в среднем на высоте ок. 65 м над меженным уровнем затопленного Енисея. Обычно сезонные колебания воды достигают 5–10 м (редко до 20 м). На этом гипсометрическом уровне осуществляется абразионная деятельность, что привело к формированию серии береговых обрывов, которые вскрыли отложения на отметках 50–80 м, фактически не изучавшихся до строительства Красноярской ГЭС и заполнения ложа водохранилища [Артемьев, Разгильдеева, Прилепская, 2019; Харевич, Акимова, Вашков, 2017]. Согласно имеющимся исследованиям [Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005], на бортах Среднего Енисея в зоне затопления развиты отложения 80–100-метровой и 50–60-метровой террас. О выделявшейся ранее [Горшков, 1966] среднеплейстоценовой террасе высотой 60–80 м с учетом новых данных было высказано мнение, что ее аллювий развит локально [Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005].

Волноприбойная деятельность постоянно приводит к вскрытию новых палеолитических объектов. При этом алевропесчаный материал размываемых разрезов уносится водой, а каменный материал щебневой размерности (в т.ч. и палеолитические артефакты) остается на прибрежных отмелях. Это позволяет прогнозировать локализацию стратифицированных памятников по скоплениям подъемного материала на прилегающих песчаных пляжах. Таким образом, изучение геологического строения четвертичных отложений береговых обрывов Красноярского водохранилища представляет интерес в связи с тем, что на этом гипсометрическом уровне вскрыта серия стратифицированных палеолитических памятников, часть которых уже разрушена или близка к этому из-за ежесезонного воздействия современных денудационных процессов.

Летом 2022 г. были осуществлены геолого-геоморфологические исследования на двух стратифицированных памятниках: Сабаниха-3 и Сидориха, расположенных в Боградском р-не Республики Хакасия [Харевич и др., 2020]. Послойное описание их геологических разрезов приведено в соответствующих статьях (см. статьи Харевич В.М. и др. «Археологические работы на стоянке...» и «Новый памятник финального верхнего палеолита…» в этом сборнике). Также были проведены рекогносцировочные работы на близлежащих обнажениях левобережья (выше по течению р. Енисей от стоянки Сабаниха-3), которые дополнили геолого-геоморфологические представления о строении четвертичных отложений в данном районе.

Прежде всего, обратимся к геолого-геоморфологическому контексту памятников с наиболее детально изученными разрезами. Оба памятника приурочены к береговым обрывам внутри заливов Красноярского водохранилища, ограниченных с боков каменными мысами, сложенными коричневыми литифицированными породами матаракской свиты девона (эффузивными, пирокластическими и вулканомиктовыми терригенными). Анализируя имеющиеся материалы по стратифицированным палеолитическим памятникам Среднего Енисея [Акимова и др., 2018; Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005; Абрамова и др., 1991; Васильев, 1996], стоянки Сабаниха-3 и Сидориха отражают два этапа заселения бассейна р. Енисей. Сидориха относится к кокоревской археологической культуре, существовавшей на исследуемой территории в финальном сартане. Сабаниха-3 входит в группу памятников (Малая Сыя, Дербина IV и V, Усть-Малтат II и др.), отражающих ранние этапы верхнего палеолита. Достоверные памятники среднего палеолита в изучаемом районе единичны (Куртак, Двуглазка). В связи с этим инте-

ресен тот факт, что на палеозойском цоколе долины очень редко встречаются четвертичные отложения более древние, чем верхний неоплейстоцен.

Культурные слои данных стоянок приурочены к субаэральным покровам, имеющим своеобразный литологический облик. Прежде всего обращает на себя внимание их опесчаненность. Неслоистые лессовидные отложения, которые держат вертикальные стенки и имеют светло-палевый цвет, сложены преимущественно алевропесками и алевритовыми песками (рис. 1). Участками проявлена параллельная пологому палеосклону тонко-мелкая слоистость делювиального типа. Встречаются прослои дресвы. Палеопочвы имеют небольшую толщину и не формируют полноценного профиля. В этом отношении особо показательны 6 гумусированных горизонтов, обнаженных в нижней части разреза Сабанихи. В верхней части обнажений палеопочвы преимущественно серые и темно-серые, а в нижней части некоторые из них приобретают бурый цвет. Эфемерность и многочисленность палеопочв, связаны с расщеплением палеопедокомплексов на склонах разной крутизны, а также с неоднократным проявлением в ходе педогенеза делювиального плоскостного смыва и дефляции.

Опесчаненный субаэральный покров редко ложится непосредственно на кору выветривания, перекрывающую палеозойский цоколь. Как правило, лессовидные отложения подстилаются флювиальными отложениями (разрезы № 1–4 на рис. 1), которые имеют специфические текстурно-структурные особенности, не позволяющие отнести их ни к типичному аллювию, ни к лимнию. Первая литофация представлена хорошо промытыми щебнями недалекого переотложения (местный петрографический состав), которые залегают на механической

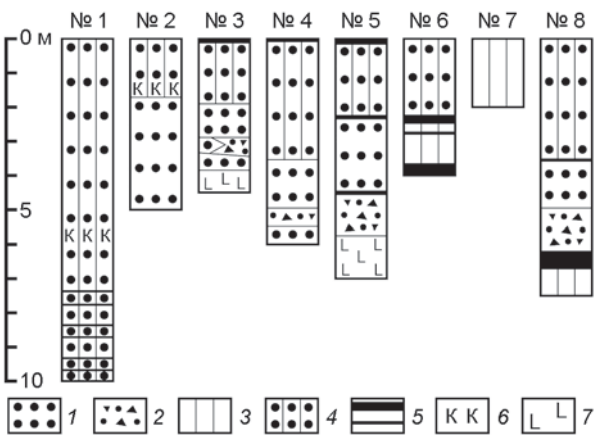


Рис. 1. Разрезы в обнажениях левобережья Енисея.

1 – флювиальные пески; *2* – щебнедресвяники и алевро-песчано-дресвяно-щебневые миктиты; *3* – субаэральные коричневые алевриты; *4* – опесчаненные лессовидные отложения; *5* – палеопочвы; *6* – культурные слои; *7* – палеозойские породы цоколя.

коре выветривания или (если кора размыта) непосредственно на палеозойском цоколе. Щебенники с дресвяно-песчаным заполнителем приурочены к подошве флювиальной пачки и образуют маломощные прослои, линзы и мульды с параллельной слабоволнистой слоистостью, местами с косой слойчатостью и рябью течения. При этом сколько-нибудь окатанных обломков не фиксируется, что не позволяет отнести этот литотип с водно-потоковыми текстурами влекомого наноса к русловой фации аллювия. В тесном пространственном контакте с флювиальными отложениями первого литотипа залегают не слоистые, но пятнисто-полосчатые алевропесчанодресвянощебневые миктиты (смеси) с лежаче пламеневидными текстурами и вытянуто-кляксообразными очертаниями (разрезы № 3–5, 8 на рис. 1). Данные текстуры являются ярко выраженными индикаторами жидко-пластичного грязекаменного течения.

Таким образом, охарактеризованные выше два литотипа являются водокаменной и грязекаменной разновидностями селевых потоков. Выше залегают отложения третьего литотипа – параллельно слоистые хорошо промытые мелко-, средне-, крупнозернистые пески с прослоями дресвы (разрезы № 2–5, 8 на рис. 1). Субгоризонтальная в сечениях вдоль долины слоистость прослеживается на многие десятки метров по простиранию. Флювиальный (водно-потоковый) генезис этих песков не вызывает сомнений. Фации пойменного, старичного и руслового аллювия не встречены.

Переход к вышележащим алевропескам субаэрального покрова местами переходный через слоистые алевропески, а местами четкий, резкий. Нет никакого сомнения в том, что опесчаненность субаэрального покрова обусловлена наличием подстилающего флювиального песка и алевропеска. Аналогичная ситуация прослеживается по правобережью Оби в районе Новосибирска, Барнаула, Бийска, где опесчаненный субаэральный покров фиксируется широкой полосой над IV и V террасами, которые сложены песчаными и алевропесчаными отложениями, сформировавшимися за счет выплеска гляциальных суперпаводков с Горного Алтая на Предалтайскую равнину [Зольников, 2009].

Насчитывается три разновозрастных генерации суперпаводков: среднечетвертичный, первый верхнечетвертичный – сальджарский (коррелируется с концом ермаковского времени) с возрастом ок. 90 тыс. лет и второй верхнечетвертичный, соответствующий времени конца последнего ледникового максимума ок. 17 тыс. л.н. При этом последний суперпаводок был как минимум на порядок менее полноводным, чем предшествующий и не сформировал «высокой террасы», аналогичной

бийской (60-метровой IV надпойменной) террасе Новосибирского Приобья. С ним, по-видимому, связаны гигантские русла (в 5–10 раз превышающие современные русла рек), проявленные на площадках низких надпойменных террас рек Обского бассейна [Сидорчук, Панин, Борисова, 2008].

В Кызыльском расширении Верхнего Енисея и в Южно-Минусинской котловине установлены суперпаводковые отложения [Аржанникова и др., 2014; Зольников и др., 2021], объединенные в верхнеенисейскую толщу, которая является стратогенетическим аналогом суперпаводковых отложений Верхнего Приобья. На рис. 2 показана принципиальная схема взаимоотношений четвертичных отложений в долине Среднего Енисея, которая представляет собой чередование сужений до 2 км шириной и расширений до 20 км. Количество и ширина надпойменных террас на разных участках различны. Многие исследователи четвертичного строения бортов Енисейской долины пришли к мнению о неадекватности представлений о лестнице циклоклиматических террас, врезанных друг в друга и разнесенных по высоте на многие десятки метров сверху вниз от древних к молодым. Так, А.Ф. Ямских противопоставлял традиционному представлению о циклоклиматических региональных террасах концепцию о полициклических террасах: «Накопление перигляциального аллювия повышенной мощности и подпрудно-бассейновых осадков связано с фазами высоких, вплоть до “катастрофических” уровней рек с периодическим возникновением подпрудных озер. В зависимости от конкретной геоморфологической и гидродинамической ситуаций в речных долинах во время высоких подъемов уровней рек одновременно происходили как грандиозные размывы с образованием широких ложбин, так и аккумуляция на разновысотных поверхностях» [Ямских, 1993, с. 21].

В соответствии с вышеизложенным, терраси-рованность бортов долины Среднего Енисея и разнесение террас по высоте более чем на 150 м обусловлены не эпохой катастрофического врезания реки на десятки метров в предпозднеоплейстоценовое время. Очевидно, что в условиях пересечения Енисеем низко- и среднегорного рельефа рельеф бортов долины предопределен тектоническими уступами, на площадках которых залегает пенеплен, подчеркнутый мел-палеогеновой корой выветривания. На многих таких площадках валуны, гальки и гравий отсутствуют, а в флювиальных отложениях в качестве крупнообломочного материала присутствует дресва и щебень местных пород недалекого переотложения. Неотектоническая ступенчатость формирует вдоль бортов долины своеобразные «карманы», в которых накапливались

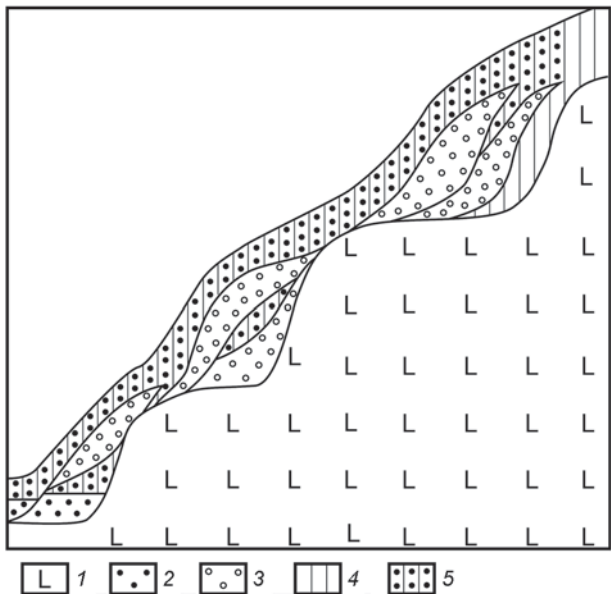


Рис. 2. Принципиальная схема взаимоотношений четвертичных отложений на левом борту Среднего Енисея в участках сужения долины.

1 – палеозойские породы цоколя; *2* – аллювий низких террас; *3* – суперпаводковые отложения; *4* – коричневый субаэральный покров, сложенный преимущественно типичными алевритовыми лессами; *5* – светло-палевый опесчаненный субаэральный покров, сложенный преимущественно лессовидными алевропесками.

отложения суперпаводковых заплесков вод, приходивших из Дархадской котловины Монголии при прорыве через ледники, запиравшие внутри котловинные ледниково-подпрудные бассейны.

Количество и ширина «террас» Среднего Енисея в каждом конкретном случае определяются шириной долины, зажатой в скальных бортах и наличием площадок тектонических блоков. Ненарушенные стратифицированные памятники палеолита в соответствии с вышеохарактеризованной концепцией следует ожидать прежде всего в коричневых субаэральных покровах типично лессового литологического облика за пределами суперпаводковых заплесков. В опесчаненных субаэральных покровах поверх суперпаводковых отложений конца последнего ледникового максимума следует ожидать памятники финальной стадии верхнего палеолита. Типичным примером является стоянка Сидориха. При этом, поскольку последний суперпаводок был менее полноводен, чем предыдущие, то он заплескивался в сужениях долины на гораздо меньшую высоту (рис. 2) и обладал гораздо меньшей разрушительной силой. Отсюда следует, что на гипсометрическом уровне современного берега Красноярского водохранилища достаточно высока вероятность обнаружения стратифицированных памятников всех этапов верхнепалеолитического времени, примером чего может служить стоянка

раннего верхнего палеолита Сабаниха-3, вскрытая современной абразионной деятельностью из-под отложений последнего суперпаводка. Этот памятник приурочен к опесчаненному субаэральному покрову, который, по всей видимости, залегает на суперпаводковой толще первого оледенения верхнего неоплейстоцена возрастом предположительно ок. 90 тыс. л.н. по аналогии с сальджарским суперпаводком Горного Алтая.

С учетом представлений о том, что верхнечетвертичным суперпаводкам предшествовал как минимум один среднечетвертичный, становится понятным фактическое отсутствие в долине Среднего Енисея отложений мезозоя, эоплейстоцена, нижнего неоплейстоцена, а также значительной части среднего неоплейстоцена. Находит свое объяснение и малочисленность древних палеолитических стоянок. Наиболее перспективна эта территория для поиска памятников финала верхнего палеолита, а более древние памятники могут быть обнаружены в тех участках, где субаэральные покровы времени МИС 3 уцелели от размыва. В палеогеографическом аспекте заливы береговой зоны Красноярского водохранилища являются участками потенциально привлекательными для поиска палеолитических объектов, поскольку в этих участках древние люди селились на опесчаненных грунтах с хорошим дренажом вдоль древних логов, выработанных в кровле палеозойских пород. Эти лога были транзитными путями для крупных млекопитающих на водопой к берегу древнего Енисея. Кроме того, эти линейные депрессии, перпендикулярные руслу Енисея, выполненные рыхлыми осадками и представлявшие собой череду выровненных пологих площадок, являлись основой для лесной и кустарниковой растительности, что повышало их ресурсную ценность.

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке проекта РНФ № 22-17-00140.

Список литературы

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Василев С.А., Ермолова Н.М., Лисицин Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 155 с.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М., Лаухин С.А., Мотузко А.Н., Санько А.Ф. Палеолит Дербинского залива – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Аржанникова АВ., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55. – № 10. – С. 1495–1508.

Артемьев Е.В., Разгильдеева И.И., Прилепская Н.Е. Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 года // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири, под ред. М.В. Константинова. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2019. – С. 34–55.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 224 с.

Горшков С.П. О стратиграфии антропогеновых отложений внеледниковой зоны Приенисейской Сибири // Четвертичный период Сибири. – М.: Наука, 1966. – С. 71–81.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – 112 с.

Зольников И.Д. Гляциогенно обусловленные суперпаводки неоплейстоцена Горного Алтая и их связь с историей формирования отложений и рельефа Западно-Сибирской равнины // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – М.: ГЕОС, 2009. – № 69. – С. 59–70.

Зольников И.Д., Новиков И.С., Деев Е.В., Шпанский А.В., Михаревич М.В. О фациальном составе и стратиграфическом положении четвертичной верхнеенисейской толщи в Тувинской и Минусинской впадинах // Геология и геофизика. – 2021. – Т. 62, № 10. – С. 137–139.

Сидорчук А.Ю., Панин А.В., Борисова О.К. Позднеледниковые палеорусла рек Западной Сибири // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2008. – № 2. – С. 67–75.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 418. – С. 182–190.

Харевич В.М., Харевич А.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В. Разведочные работы на Красноярском водохранилище в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 24 – С. 279–286.

Ямских А.Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1993. – 226 с.

References

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasilev S.A., Ermolova N.M., Lisitsin N.F. Paleolit Eniseya. Leningrad: Nauka, 1991. 155 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 180 p. (In Russ.).

Artemev E.V., Razgildeeva I.I., Prilepskaya N.E. Krutaya site – a new object in the archaeological complex of mount Afontova: preliminary results of surveys in 2017. In M.V. Konstantinov (ed.) *Preodolenie vremeni i prostranstva. Stat'i po aktual'nym problemam okhranno-spasatel'nykh rabot na pamyatnikakh arkheologii Srednei Sibiri*. Irkutsk: Institut geografii im. V.B. Sochavy: SB RAS Publ., 2019. P. 34–55. (In Russ.).

Arzhannikova A.V., Arzhannikov S.G., Akulova V.V., Danilova Yu.V., Danilov B.S. O proiskhozhdenii peschanykh otlozhenii v Yuzhno-Minusinskoi kotlovine. *Geologiya i geofizika*, 2014. Vol. 55. N 10. P. 1495–1508. (In Russ.).

Drozdov N.I., Chekha V.P., Khazarts P. Geomorfologiya i chetvertichnye otlozheniya Kurtakskogo geoarkheologicheskogo raiona (Severo-Minusinskaya vpadina). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Univ. Press, 2005. 112 p. (In Russ.).

Gorshkov S.P. O stratigrafii antropogenovyh otlozhenij vnelednikovoj zony Prienisejskoj Sibiri. In *Chetvertichnyj period Sibiri.* M.: Nauka, 1966. P. 71–81. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Vashkov A.A. The problem of the upper chronological border of the kokorevo culture during the Late Paleolithic of the Enisei (Troitskaya site). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017. N 418. P. 182–190. (In Russ.).

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Anoikin A.A., Akimova E.V. Archaeological Exploration at the Krasnoyarsk Reservoir in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 14. P. 279–286. (In Russ.).

Jamskih A.F. Osadkonakoplenie i terrasoobrazovanie v rechnyh dolinah Juzhnoj Sibiri. Krasnojarsk: Krasnojarsk State Univ. Press, 1993. 226 p. (In Russ.).

Rudoi A.N. Gigantskaya ryab' techeniya (istoriya issledovanii, diagnostika, paleogeograficheskoe znachenie). Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2005. 224 p. (In Russ.).

Sidorchuk A.Yu., Panin A.V., Borisova O.K. Pozdnelednikovye paleorusla rek Zapadnoi Sibiri. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya,* 2008. N 2. P. 67–75. (In Russ.).

Vasilev S.A. Pozdnii paleolit Verkhnego Eniseya (po materialam mnogosloinykh stoyanok raiona Mainy). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996. 224 p. (In Russ.).

Zolnikov I.D. Glyatsiogenno obuslovlennye superpavodki neopleistotsena Gornogo Altaya i ikh svyaz' s istoriei formirovaniya otlozhenii i rel'efa Zapadno-Sibirskoi ravniny. *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda,* Moscow: GEOS, 2009. N 69. P. 59–70. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Novikov I.S., Deev E.V., Shpanskii A.V., Mikharevich M.V. Facies composition and stratigraphic position of the quaternary Upper Yenisei sequence in the Tuva and Minusa depression. *Geologiya i geofizika*, 2021. Vol. 62. N 10. P. 137–139. (In Russ.).

Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Левицкая П.С. https://orcid.org/0000-0001-8981-8498
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0116-0121
УДК 902/904

А.В. Кандыба[1]✉, И.С. Павлов[2], Н.И. Павлова[3], А.В. Протопопов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Отдел изучения мамонтовой фауны Академии наук РС (Я)
Якутск, Россия
[3]Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Якутск, Россия
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2022 году

Реконструкция физико-географических условий в плейстоцене в Восточной Сибири с детальным изучением районов первоначального расселения и этапов освоения данной территории древними гомининами в рамках решения фундаментальной задачи проблемы освоения человечеством Евразии и проникновения на территорию Северной Америки является одной из важнейших задач палеолитоведения. Многие обнаруженные ранее археологические и палеонтологические находки изучены фрагментарно без учета литолого-стратиграфической ситуации. Определение палеоэкологической обстановки на обнаруженных объектах археологии и плейстоценовой фауны, характеристика взаимодействия палеопопуляций человека, природной среды и позднеплейстоценовой мегафауны обуславливают поиск новых археологических и палеонтологических объектов. Район разведочных работ 2022 г. был определен проведенными в 2021 г. исследованиями на берегу залива Неелова и является продолжением общего изучения п-ва Быковский в Булунском р-не, начатого в 2020 г. Обнаружение вмерзшего скелета мамонта позволило провести раскопочные работы с учетом оттайки мерзлого грунта. В разрозненном состоянии обнаружены кости, часть из которых была фрагментирована древним человеком. Было найдено примерно 20 % костных остатков от скелета молодого мамонта, индивидуальный возраст которого можно примерно определить от 15 до 20 лет. Таким образом, зафиксирован новый палеонтологический и археологический памятник на территории Булунского р-на, что говорит о несомненной перспективности данного региона для обнаружения новых свидетельств присутствия человека в период плейстоцена. Многочисленные археологические и палеонтологические материалы предоставляют исключительную возможность для восстановления путей миграции и определения ресурсной базы первобытного населения, и реконструкции культурных взаимодействий в пространстве и времени.

Ключевые слова: *Северная Якутия, Булунский р-н, плейстоцен, мамонтовая фауна, термоденудация.*

A.V. Kandyba[1]✉, I.S. Pavlov[2], N.I. Pavlova[3], A.V. Protopopov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Department for the Study of Mammoth Fauna,
Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russia
[3]M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Field Research in the Bulunsky District (the Republic of Sakha (Yakutia)) in 2022

Reconstruction of physical and geographical conditions in the Pleistocene in Eastern Siberia with a detailed study of the areas of initial settlement and the stages of development of this territory by ancient hominins as part of solving the fundamental task of the problem for the Eurasia development by mankind and penetration into the North America territory is one of the most important tasks of the Paleolithic. Many previously discovered archaeological and paleontological finds have been studied

in fragments without taking into account the lithological and stratigraphic situation. Determination of the paleoecological situation at the discovered sites of archeology and Pleistocene fauna, and characterization of the interaction between human paleopopulations, the natural environment, and the Late Pleistocene megafauna determines the search for new archaeological and paleontological objects. The exploratory study area in 2022 was determined by the studies carried out in 2021 on the coast of the Neelov Bay and is a continuation of the general study of the Bykovsky Peninsula in the Bulunsky District begun in 2020. The discovery of a frozen mammoth skeleton made it possible to carry out excavations while taking into account frozen soil thawing. Bones were found in a scattered state, and some were fragmented by an ancient man. About 20 % of the bone remains were found from the skeleton of a young mammoth, the individual age of which can be approximately determined to 15 to 20 years. Thus, a new paleontological and archaeological site was recorded in the Bulunsky District, which indicates the undoubted prospects for this region in terms of discovering new evidence of human presence during the Pleistocene period. Numerous archaeological and paleontological materials provide an exceptional opportunity to restore migration routes and determine the resource base of the primitive population and reconstruct cultural interactions in space and time.

Keywords: *Northern Yakutia, Bulunsky District, Pleistocene, mammoth fauna, thermodenudation.*

Исследование характера первоначального расселения и последовательности развития человеческих палеопопуляций в меняющихся экстремальных палеоэкологических условиях арктического севера Якутии в позднем плейстоцене и установление значения мамонтовой мегафауны в качестве ресурсной базы палеолитических охотников всегда было актуальной проблемой таких наук как археология, палеонтология и антропология. Быстрое распространение и относительное единообразие культуры древнего человека в Северо-Восточной Азии, а также ее существенная схожесть с синхронными комплексами Сибирской Арктики во многом делает феномен первого освоения данного региона почти глобальным примером адаптации человека к экстремальным арктическим условиям на территории Азии. Наиболее древние стоянки фиксируются на территории севера Якутии ок. 30 тыс. л.н., причем единичные свидетельства проникновения человека позволяют отодвинуть время проникновения на 10 тыс. лет раньше. Географическое распространение, хронологические интервалы существования древнего населения и морфологические особенности наземных млекопитающих тесно связаны с конкретными условиями среды, существовавшими в арктической зоне России. Поэтому одним из важнейших моментов является абсолютное датирование фаунистических комплексов Арктики. Мамонтовая фауна плейстоцена является особым фаунистическим сообществом, существовавшим в условиях, которые до настоящего времени остаются во многом не исследованными, и их изучение требует особых методологических подходов. Поиски археологических комплексов плейстоценового времени на территории полярной зоны севера Якутии ведутся давно. Но полученные данные для региона очень фрагментарны в силу географической локализованности и специфических климатических особенностей арктической криолитозоны. Одним из новых местонахождений, открытых в 2020 г., является участок мыса Муостах п-ова Быковский со стороны бухты Буор-Хайа и моря Лаптевых. Здесь на пляже у размываемой морем береговой линии с обрывистыми и частично сположенными берегами был собран палеонтологический материал, часть которого была фрагментирована древним человеком [Кандыба и др., 2020; 2022]. В 2021 г. был исследован западный участок Быковского п-ова со стороны залива Неелова, где был обнаружен палеонтологический материал со следами человеческого воздействия (строгание, расщепление и др.) [Кандыба и др., 2021]. В 2022 г. был обследован эрозионный берег Быковского п-ова, со стороны Нееловского залива в 3 км от Быковского перешейка и в 12 км на юг от прошлогодней экспедиционной локации. Мхово-лишайниковая тундра на этом месте ровная, без аласных низменностей, с мелкими озерцами, многочисленными глубокими оврагами, изрезанными на вечной мерзлоте с разной протяженностью. На северной стороне в 4 км низменность между Корякинским озером и Омулевой лагуной, с южной стороны в 3 км – перешеек Колычева. От берега залива Неелова на восток расположено урочище Ого-Алыта и далее, в 4 км, бухта Тикси. Работа ввелась в течение 20 дней. Кости мамонта (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)) были зафиксированы вмерзшими на берегу залива, рельеф которого представлен многочисленными буграми разной высоты от 7 до 12 м от уреза воды и на глубине 24 м от дневной поверхности. Один из поясничных позвонков был найден частично оттаявшим из мерзлого грунта, состоящего из нескольких слоев легкого суглинка и ледяных жил в одном из крупных оттаявших байджарахов, шириной 16 м и высотой 11,5 м. При дальнейших раскопочных работах на высоте 2,75 м от уреза воды были обнаружены левая бедренная и правая большая берцовая кости. Череп мамонта найден лежащим на затылке с наклоном на левую сторону в северо-западном направлении (рис. 1). Часть затылка и лобная поверхность находились под слоем льда. Остальные части черепа целые, но частично выветрены, име-

Рис. 1. Залив Неелова. Череп мамонта в мерзлоте.

ются трещины, и на макушке местами открыты воздушные полости внутренней части черепа. Альвиолы и носовая полость были забиты грунтом. Обе височные впадины на границе с глазной ямой и височной частью были забиты кустарниками и травой. Нижняя челюсть отсутствовала. Тазовые кости обнаружены в 3 м от черепа. Западнее от тазовых костей расположились четыре поясничных позвонка (рис. 2). Вместе с ними обнаружена кубовидная кость очень хорошей сохранности, на проксимальной части которой сохранилась хрящевая поверхность, где имеются следы порезов, оставленных, вероятно, древним человеком. Группа других позвонков также располагалась рядом с тазовыми костями. Были обнаружены с первого по четвертый грудные и шестой шейный позвонки, а также фрагмент седьмого или восьмого грудного позвонка с сохранившимся остистым отростком. Ребра были найдены в виде различных фрагментов. Последними были обнаружены правая бедренная, левая берцовая кости и фрагмент хвостового позвонка. Обнаружено примерно 20 % костных остатков от скелета молодого мамонта, индивидуальный возраст которого можно примерно определить от 15 до 20 лет.

Полученный грунт был просеян, в результате чего были обнаружены мелкие осколки костей, а также стружки и щепа от бивня мамонта, полученные предположительно от деятельности древнего человека рубящими орудиями. Следы рубящих воздействий на костях мамонта присутствуют на черепе в области альвеол и в височной части, по всему краю крыла тазовой кости и в лобковой части. На позвоночном столбе, а именно на шестом шейном позвонке и на грудных позвонках, имеются серии рубящих следов со стороны вентральной части, на остевых и правых поперечных отростках. На бедренной кости присутствуют следы выборки красного костного мозга с внутренней стороны проксимальной и с дистальной частей кости. Все обнаруженные фрагменты ребер несут на себе следы поперечных порезов.

Были обнаружены отдельные фрагменты останков плейстоценовых животных, такие как фрагмент верхней челюсти северного оленя (*Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758)) и неопределимые фрагменты трубчатых костей.

В изучении археологии арктического севера Якутии наиболее значительные открытия были сделаны в 1989–1990, 2000–2005 гг., когда была открыта и исследована Жоховская стоянка – один из самых северных археологических памятников в мире, датированный возрастом 8250–7800 л.н. [Питулько,

Рис. 2. Залив Неелова. Позвонки и тазовая кость в мерзлоте.

1998; Питулько, Павлова, 2015]. На стоянке были найдены каменные, костяные и роговые орудия, плетеные изделия, фаунистический и антропологический материал, ставшие ценным источником по реконструкции жизни людей в раннем голоцене в этой части Восточно-Сибирской Арктики, когда Новосибирские о-ва еще оставались частью материковой суши [Питулько, 2019]. Изучение Новосибирских о-вов продолжалось в 2000-х гг., когда были выявлены также разновременные следы пребывания древнего человека на о-вах Анжу. На о-ве Котельном была открыта стоянка Тугуттах возрастом 6,7 тыс. лет с микропризматической индустрией, а на о-ве Новая Сибирь подъемный материал из фрагментов нуклеусов из бивней мамонтов возрастом ок. 36 тыс. лет [Питулько и др., 2015]. Позднее, в 2019 г., на о-ве Котельный Новосибирского архипелага в ходе изыскательных работ палеонтологической экспедиции РГО в междуречье Кожевена – Воллосовича были обнаружены костные останки шерстистого мамонта, примерно 30–40 % от полного скелета возрастом 26 тыс. лет [Павлов, Suzuki, 2020]. На местонахождении были обнаружены фрагменты черепа, бивней, лопатка, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагмент крестца, фрагменты ребер, таза и костей конечностей. Также были обнаружены следы от орудий древнего человека (порезы, царапины) на черепе, позвонках и ребрах. Рядом со скелетными остатками были найдены и идентифицированы орудия труда древнего человека, предположительно, точило для ножа со следами интенсивного использования и что-то типа лопаточки. Новые открытия на Новосибирских о-вах стали известны в 2020 г., когда была открыта стоянка на о-ве Столбовом, единичный артефакт на п-ове Тас-Ары о-ва Котельный и единичный артефакт в центральной части о-ва Новая Сибирь [Дьяконов и др., 2020].

Также единичные находки плейстоценовой фауны со следами антропогенного воздействия были обнаружены в 2015 г. на о-ве Большой Ляховский в долине р. Зимовье, где было выявлено два местонахождения [Кандыба и др., 2015]. В 2017 г. на поверхности песчаной косы, составляющей южную оконечность небольшого острова Муостах, расположенного в море Лаптевых, в 40 км на восток-юго-восток от пос. Тикси, было обнаружено ножевидно-скребловидное изделие, относящееся, вероятно, к позднему палеолиту. Выявить культуросодержащий слой тогда не удалось.

Древнейший достоверно установленный на настоящий момент этап палеолита Северо-Востока

Азии представлен Янской стоянкой и относится к одному из заключительных интервалов каргинского времени, 27000–28500 л.н. [Питулько, Павлова, 2010]. Результаты серийного датирования материалов из Янской стоянки, радиоуглеродный возраст которой хорошо обоснован, все же не позволяют пока поставить вопрос об определении циклов обитания на стоянке. Имеющиеся датировки уверенно согласуются между собой, но не образуют отчетливых кластеров, которые могли бы свидетельствовать о наличии здесь в пределах одного горизонта циклов заселения, различимых на уровне разрешающей способности ^{14}C метода. Стоянка эксплуатировалась лишь как источник ценного сырья биогенного происхождения (бивней и длинных костей мамонта). Дальнейшее развитие янской культуры приводит, возможно, к появлению на приморских низменностях памятников типа Берелёха. Можно предполагать, что возраст культурного слоя стоянки Берелёх соответствует датировке 11450 ± 150 л.н. (Beta-190085), полученной по кости зайца [Питулько, Павлова, 2010]. Возраст костных остатков различных представителей мамонтовой фауны из костища и стоянки Берелёх, позволяют предполагать, что костеносный горизонт образовался в интервале примерно 14–11 тыс. л.н., с привнесением в него части древнего материала.

Полученные результаты изучения местонахождения на берегу залива Неелова имеют существенное значение для активно разрабатываемой в современном научном сообществе тематики путей заселения человеком современного антропологического типа территории Евразии и развития моделей палеоэкологических ситуаций в позднем плейстоцене. Точный возраст местонахождения на данный момент определить трудно. Обнаруженный видовой состав на берегу залива Неелова явно указывает на принадлежность костей к плейстоценовой фауне. Исследования сравнительно небольшого участка залива Неелова продемонстрировали перспективность подобных исследований, но в тоже время и трудоемкость данных работ. Следует также отметить, что активные термоденудационные процессы, происходящие в Сибирской Арктике, хотя относительно облегчают поисковую работу, в тоже время фактически уничтожают остатки фаунистического комплекса и свидетельства пребывания древнего человека на арктическом пространстве.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за исключительную помощь сотрудникам Государственного природного заповедника «Усть-Ленский» и лично директору Дьячковскому Александру Николаевичу, а также Стручкову Иннокентию Иннокентьевичу и другим жителям Булунского района в неоценимом содействии в организации полевых исследований.

Работа проведена в рамках выполнения плана НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Дьяконов В.М., Симокайтис Т.Б., Протопопов А.В., Павлов И.С., Плотников В.В., Хлахула И., Долакова Н. Новые местонахождения и объекты археологии на архипелаге Новосибирских островов // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: тез. Междунар. науч. конф. (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.) / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – С. 24–25.

Кандыба А.В., Григорьев С.Е., Тихонов А.Н., Никольский П.А., Обадэ Т.Ф., Чепрасов М.Ю., Макаров В.С., Новгородов Г.П. Полевые исследования на острове Большой Ляховский (Российская восточная Арктика) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. –Т. 21. – С. 82–85.

Кандыба А.В., Дьяконов В.М., Павлов И.С., Зоткина Л.В., Протопопов А.В., Симокайтис Т.Б. Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 107–112.

Кандыба А.В, Зоткина Л.В, Павлов И.С., Дьяконов В.М., Пархомчук В.В., Петрожицкий А.В., Кулешов Д.А., Павлова Н.И., Протопопов А.В. Комплексное изучение палеолитических объектов Арктической зоны (местонахождение Муостах, Булунский район, Республика Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестн. – 2022. – № 2. – С. 24–34.

Кандыба А.В., Павлов И.С., Бочкарев В.В., Гладышева М.Ю., Протопопов А.В. Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 128–133.

Павлов И.С., Suzuki N. Табаюряхский мамонт (Mmmuthus primigenius Blum, 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 56–66.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 186 с.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики //

Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – С. 103–136.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб.: Наука, 2010. – 264 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Записки ИИМК РАН. – 2015. – № 12. – С. 27–55.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В., Басилян А.Е., Анисимов М.А., Ремизов С.О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, 2015. – С. 152–176.

References

D'yakonov V.M., Simokaitis T.B., Protopopov A.V., Pavlov I.S., Plotnikov V.V., Khlakhula I., Dolakova N. New locations and objects of archeology on the archipelago of the Novosibirsk islands. In *Mezhdistsiplinarnye arkheologicheskie issledovaniya drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: tez. Mezhdunar. nauch. konf. (Krasnoyarsk, 20–22 oktyabrya 2020 g.)*. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 2020. P. 24–25. (In Russ.).

Kandyba A.V., Grigor'ev S.E., Tikhonov A.N., Nikol'skii P.A., Obade T.F., Cheprasov M.Yu., Makarov V.S., Novgorodov G.P. Field research on the Bolshoy Lyakhovskiy islend (Eastern Russian Arctic region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 82–85. (In Russ.).

Kandyba A.V., D'yakonov V.M., Pavlov I.S., Zotkina L.V., Protopopov A.V., Simokaitis T.B. Field research on the territory of Bulunsky district (Republic of Sakha (Yakutia)) in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 107–112. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26

Kandyba A.V, Zotkina L.V, Pavlov I.S., D'yakonov V.M., Parkhomchuk V.V., Petrozhitskii A.V., Kuleshov D.A., Pavlova N.I., Protopopov A.V. Comprehensive study of Paleolithic objects of the Arctic zone (Muostakh locality, Bulunsky district, Republic of Sakha (Yakutia). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2022. N 2. P. 24–34. (In Russ.). doi: 10.25693/SVGV.2022.39.2.002

Pavlov I.S., Suzuki N. Tabayuryakhsky mammoth (Mammuthus primigenius Blum., 1799) from the island of Kotelny, Novosibirskiy Archipelago. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki*. 2020. Vol. 25. N 2. P. 56–66. (In Russ.). doi: 10.31242/2618-9712-2020-25-2-4

Pitul'ko V.V. Zhokhovskaya stoyanka. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1998. 186 p. (In Russ.).

Pitul'ko V.V. Gonka so vremenem: v poiskakh nachal'nogo etapa osvoeniya chelovekom Sibirskoi Arktiki. In *Proshloe chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletii (K 100-letiyu sozdaniya rossiiskoi akademicheskoi arkheologii)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019. P. 103–136. (In Russ.).

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. Radiocarbon dating of culture-bearing deposits of the Zhokhov site (New Siberia archipelago, Siberian Arctic). *Zapiski IIMK RAN*. 2015. N 12. P. 27–55. (In Russ.).

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A., Ivanova V.V., Basilyan A.E., Anisimov M.A., Remizov S.O. Rasselenie cheloveka v Sibirskoi Arktike v pozdnem neopleistotsene i golotsene: novye materialy k arkheologicheskoi karte. In *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady. 19–23 oktyabrya 2015, g. Khanty-Mansiisk*. Yekaterinburg, 2015. P. 152–176. (In Russ.).

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Павлов И.С. https://orcid.org/0000-0002-4417-1800
Павлова Н.И. https://orcid.org/0000-0002-6335-4901
Протопопов А.В. http://orcid.org/0000-0001-6543-4596

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0122-0126
УДК 902

А.В. Кандыба, А.Г. Рыбалко✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Каменные индустрии ранних этапов среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-4 (исследования 2022 года)

В данной статье представлены результаты исследований, проведенных на стоянке Дарвагчай-Залив-4 в текущем полевом сезоне. Полученные археологические коллекции относятся к ранним этапам среднего палеолита и в определенной степени дополняют фактические материалы данного культурно-хронологического периода на территории Северо-Восточного Кавказа. В процессе раскопок на памятнике было обнаружено два комплекса каменных артефактов. Возраст геологических горизонтов, в которых они залегали, был установлен ранее по результатам естественно-научных данных и абсолютного датирования методом OSL. Каменная индустрия первого комплекса характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Артефакты залегали в горизонте палеопочвы (слой 1в), хронологически время его существования определено периодом рисс-вюрмского (микулинского, эемского) межледниковья, в интервале 120–110 тыс. л.н. (МИС 5е). Артефакты другого комплекса обнаружены в нижней части слоя 2. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли эолово-делювиальные процессы. Технико-типологические характеристики небольшой коллекции каменных изделий позволяют отнести ее к начальному периоду среднего палеолита. Возраст культуросодержащего горизонта установлен на основании серии OSL-дат в интервале 200–180 тыс. л.н. (МИС 7). Проведенные в 2022 г. полевые исследования позволили получить новые археологические материалы, что дает возможность на более высоком уровне подтвердить выводы, сделанные раннее, а также в полной мере представить общую картину развития каменных индустрий на данной территории в среднепалеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Ключевые слова: *Дагестан, ранний этап среднего палеолита, леваллуазская система расщепления, абсолютное датирование.*

A.V. Kandyba, A.G. Rybalko✉

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Stone Industries of the Early Stages of the Middle Paleolithic at the Darvagchay-Zaliv-4 Site (2022 Research)

This article discusses the results of research conducted at the Darvagchay-Zaliv-4 site in the current field season. The resulting archaeological collections belong to the early stages of the Middle Paleolithic and complement, to some extent, the actual materials of this cultural and chronological period in the Northeast Caucasus. During the excavations at the site, two artifact complexes were discovered, the age of the geological horizons where they occurred was established on the basis of the results of natural science data and absolute dating by OSL. The stone industry of the first complex is characterized by the Levallois splitting technique and a typical Middle Paleolithic toolset; artifacts were deposited in the paleosol horizon (layer 1c). Chronologically, the time of its existence is determined by the period of the Riess-Wurm (Eem, Mikulino) interglacial, i.e. within 120–110 ka (MIS 5e). Artifacts from another complex were found in the lower part of layer 2. Aeolian-deluvial processes had the leading role in sedimentations. The technical and typological characteristics of a small collection of stone products allow attributing it to the initial period of the Middle Paleolithic. The age of the cultural horizon was based on a series of OSL dates in the range of 200–180 ka (MIS 7). The field research conducted in 2022 made it possible to obtain new archaeological materials, which makes it possible to confirm the conclusions made earlier and also provide a general picture of the development of stone industries in the area in the Middle Paleolithic, starting from its earliest stages.

Keywords: *Dagestan, early Middle Paleolithic, Levallois reduction system, absolute dating.*

Проблема происхождения человека современного типа для археологической науки является одной из основных, поэтому вопросам изучения каменных индустрий, носителями которых являлись предшествующие современным популяциям гоминиды, уделяется пристальное внимание. Одним из регионов, где отмечено постоянное присутствие неандертальских популяций в древности, является Северо-Восточный Кавказ, а точнее – Дарвагчайский геоархеологический район (Юго-Восточный Дагестан). Об этом, прежде всего, свидетельствует большое количество среднепалеолитических памятников на относительно небольшой территории, обнаруженных и изученных в последнее десятилетие. Один из таких объектов – многослойная стоянка Дарвагчай-Залив-4 [Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, Кандыба, 2019].

Памятник Дарвагчай-Залив-4 обнаружен в 2010 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в ходе обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Местонахождение расположено на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (ок. 20 м) крутого склона древнекаспийской террасы. Комплексные исследования стоянки, проводившиеся в течение последнего десятилетия, позволили получить подробные сведения о стратиграфии и хронологии объекта, а также многочисленные коллекции каменных изделий. В процессе полевых исследований 2022 г. были обнаружены два комплекса артефактов, материалы которых относятся к ранним этапам среднего палеолита. Площадь раскопа составила 8 м^2, всего выделено 7 геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз).

Слой 1а. Гумусированный суглинок (современная почва). Мощность 0,15 м.

Слой 1б. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1 м.

Слой 1в. Буро-коричневый, тяжелый суглинок (палеопочва). Часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты. Мощность до 0,4 м.

Слой 2. Светло-коричневый, местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок. Генезис субаэральный. В нижней части слоя встречаются единичные среднепалеолитические артефакты. Мощность до 3,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений пролювиально-делювиальный. Слой содержит раннепалеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность до 0,45 см.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый песок с включением раковин морских моллюсков. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Общее количество артефактов, обнаруженных в процессе раскопок 2022 г. (слои 1в и 2), насчитывает 48 экз. Все каменные изделия, независимо от типа сырья, имеют одинаковую (очень хорошую) степень сохранности поверхности.

Артефакты первого комплекса залегали в слое 1в (ископаемая почва) в виде небольших скоплений. Верхняя часть культуросодержащего горизонта размыта и уничтожена в результате склоновых процессов. Текстура горизонта пятнистая из-за кротовин и карбонатных стяжений. Индустрия относится к типу моносырьевых. Основное количество каменных артефактов изготовлено из окремненного известняка (88 %), реже использовался кремень (10 %) и известняк (2 %). Окремненный известняк, встречающийся в виде галек крупных и средних размеров, представляет собой пластичную и твердую породу (5–6 по шкале Мооса), хорошо поддающуюся расщеплению. Кремень – сырье в основном мелкоразмерное с большим количеством внутренних дефектов (определение канд. геол.-минерал. наук Кулик Н.А.). Эти и другие породы в виде галек и обломков хорошо представлены в естественных обнажениях в центральной части склона и у основания террасы.

Археологическая коллекция слоя 1в состоит из 36 артефактов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклевидные формы (9 экз.), отщепы (18), пластины и пластинчатые сколы (4), обломки (5).

Нуклевидные изделия включают типологически выраженные ядрища (7) и нуклевидные обломки (2). Большая часть нуклеусов (5) демонстрирует леваллуазскую систему расщепления (рис. 1, *1, 2, 5*). Основные различия этой группы определяются размерами и степенью утилизации. Изделия имеют округлые или подпрямоугольные очертания, оформленные центростремительными сколами рабочие плоскости и слабовыпуклые площадки. Одно ядрище относится к типу радиальных односторонних, изделие сильно истощенно и по всей вероятности также относится к леваллуазской системе расщепления. Последний нуклеус двухплощадочный двухфронтальный, скалывание крупных отщепов в данном случае производилось с противолежащих плоскостей во встречном направлении.

Индустрия сколов включает 21 предмет. Пластины и пластинчатые отщепы (4 экз.) имеют субпараллельные однонаправленные огранки дорсалов, гладкие (2) и фасетированные (2) остаточные ударные площадки. Отщепы – 18 экз., из них: круп-

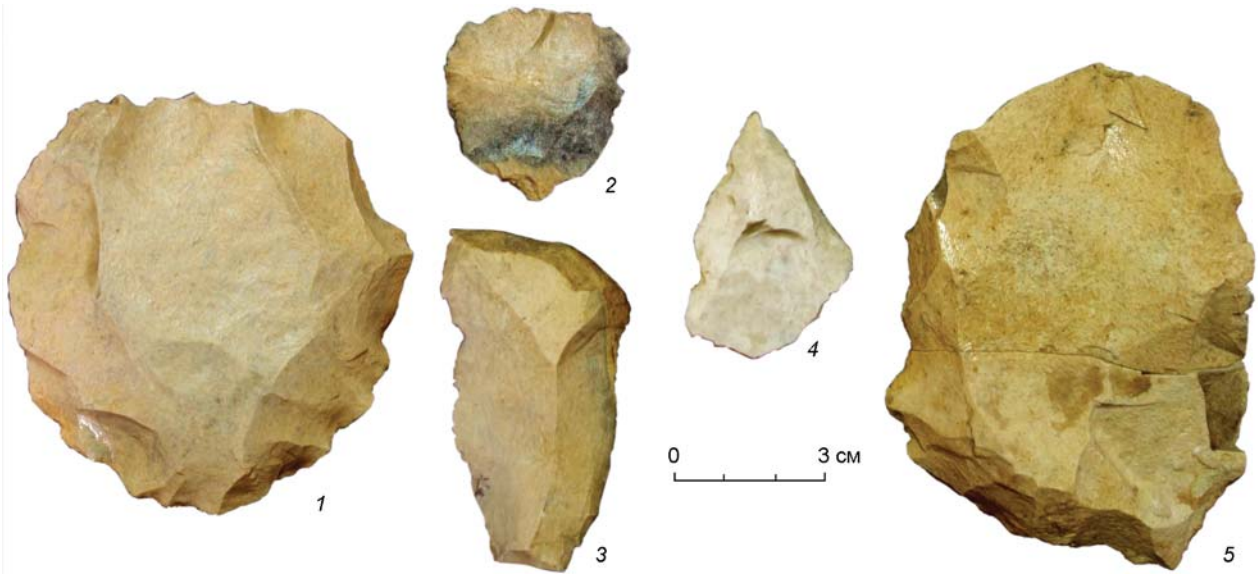


Рис. 1. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 1в).
1, *2*, *5* – нуклеусы; *3* – скол с ретушью; *4* – острие.

ные (2), средние (6) и мелкие (10). Определимые, остаточные ударные площадки в основном гладкие (62 %) или сохраняют естественную поверхность (16 %), двухгранные (6 %), фасетированные (12 %) и точечные (4 %) встречаются намного реже. Среди огранок дорсалов доминируют субпараллельные однонаправленные (46 %), бинаправленные (10 %) и продольно-поперечные (15 %), остальные представлены естественными (12 %), радиальными (8 %) и бессистемными (9 %) разновидностями.

Изделий со следами вторичной обработки 2 экз. Из них наиболее выразительно острие, выполненное на леваллуазском сколе средних размеров, подтреугольной формы, площадка изделия выпуклая фасетированная, продольные края тщательно оформлены лицевой ступенчатой, разнофасеточной ретушью (рис. 1, *4*). Другое орудие представлено сколом с ретушью (рис. 1, *3*).

Таким образом, первичное расщепление данной коллекции демонстрирует преобладание леваллуазской техники. Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками являлись отщепы крупных и средних размеров. Пластины и пластинчатые сколы малочисленны. Большинство сколов не несет на дорсалах желвачной корки, что, по всей видимости, свидетельствует о предварительном оформлении ядрищ за пределами стоянки. Вероятнее всего начальная стадия оформления нуклеусов происходила непосредственно на месте концентрации сырья. Основными видами остаточных ударных площадок являются гладкие и фасетированные. Это, наряду с сильно истощенными ядрищами, может характеризовать стоянку как место реализации заключительных этапов утилизации каменного сырья, а именно – получения целевых заготовок (сколы леваллуа). Орудийный набор коллекции представлен хорошо оформленным острием и отщепом с ретушью.

В целом представленная коллекция хорошо дополняет археологические материалы, полученные в ходе раскопок предыдущих лет, и дает возможность более обоснованно подтвердить выводы, сделанные ранее [Рыбалко, Кандыба 2019]. Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую стоянку-мастерскую. Комплексный анализ материалов дает возможность утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам они более всего соответствуют ранней поре среднего палеолита. Об этом свидетельствует типологический состав нуклевидных изделий (абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуа) и орудийного набора, в котором наблюдается сочетание леваллуазских и мустьерских форм и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы. Хронологические рамки индустрии – 120–110 тыс. л.н. (МИС 5e) – определены ранее на основании естественно-научных данных и абсолютного датирования методом OSL.

Каменные изделия другого комплекса залегали в нижней трети лессовидных суглинков (слой 2). Небольшая коллекция насчитывает 12 артефактов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклеусы (2), отщепы (8) и обломки (2).

Все нуклеусы представляют плоскостную, параллельную систему расщепления. Ударные площадки гладкие, на фронтах видны негативы снятий

крупных удлиненных заготовок (рис. 2, *2*). Продукты первичного расщепления включают отщепы (8) крупного и среднего размера, с гладкими площадками и ярко выраженными ударными бугорками и обломки (2).

Орудийный набор состоит из чоппера, скребла, леваллуазского скола (рис. 2, *3*) и обломка с ретушью (рис. 2, *4*). Наиболее выразителен чоппер, в качестве заготовки использовалась галька продолговатой формы, продольный край которой оформлен сколами, на лезвии видны следы утилизации (рис. 2, *5*). Скребло изготовлено на крупном отщепе, лезвие оформлено крупной и средней ретушью (рис. 2, *1*).

В целом представленный комплекс выглядит достаточно архаично и вероятнее всего представляет начальный этап среднего палеолита. Хронологические рамки коллекции – 200–180 тыс. л.н. (МИС 6) – установлены на основании дат, полученных методом OSL [Курбанов, Рыбалко, Янина, 2021, с. 161–166].

Аналогичные среднепалеолитические индустрии в районе Геджухского водохранилища хорошо представлены главным образом в материалах местонахождения Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2). Артефакты данного комплекса обнаружены на памятнике как в стратифицированном залегании, так и в подъемных сборах. Археологические материалы, залегавшие *in situ*, были получены при раскопках 2009–2011 гг. из разведочного шурфа и раскопа.

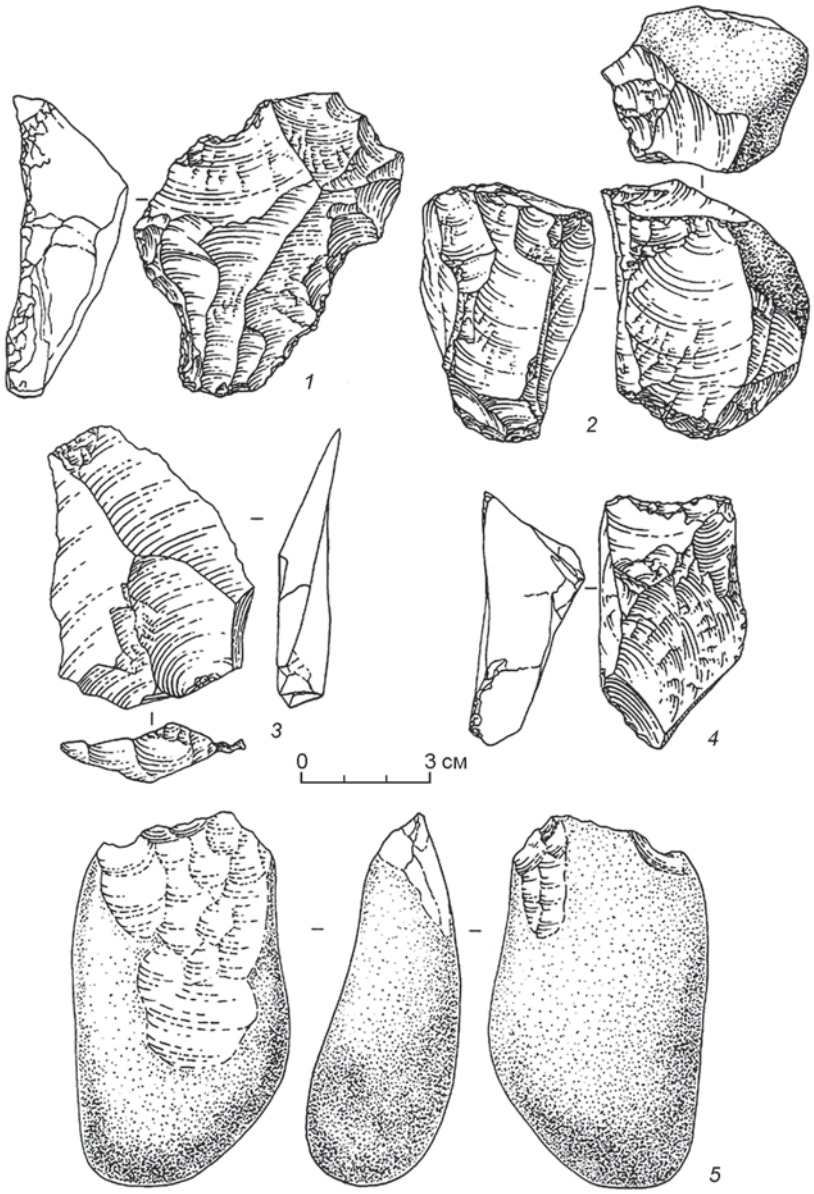


Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 2).
1 – скребло; *2* – нуклеус; *3* – скол леваллуа; *4* – обломок с ретушью; *5* – чоппер.

Основную часть нуклевидных изделий коллекции представляют плоскостные, параллельного способа расщепления монофронтальные одно- и двухплощадочные ядрища, часто в начальной стадии эксплуатации, при этом некоторые интенсивно оформленные нуклеусы могут интерпретироваться как леваллуазские. Последние, предназначавшиеся для снятия крупных, удлиненных заготовок, имеют прямоугольные очертания, оформленные слабовыпуклые рабочие плоскости и площадки. В орудийном наборе преобладают скребла преимущественно однолезвийные на плоских гальках, плитках и крупных, массивных сколах. Атипичные скребки выполнены, в основном, на мелких сколах и имеют поперечное расположение лезвия, оформлены, как правило, мелкой крутой однорядной ретушью. Шиповидные изделия средних размеров, шипы короткие, выделены мелкими сколами на узких торцах или углах заготовок. Стоит отметить наличие в коллекции небольшого количества галечных орудий, представленных чопперами и скребловидными изделиями. Общий анализ каменной индустрии местонахождения Дарвагчай-Залив-1 позволяет отнести ее к среднему палеолиту, наиболее вероятно, к начальным этапам. Об этом свидетельствует технико-типологический облик коллекции (неразвитость и слабая представленность леваллуазского

расщепления; наличие радиальных и бессистемных ядрищ; присутствие в коллекции галечных орудий при отсутствии среднепалеолитических остроконечных форм и верхнепалеолитических типов), а также стратиграфическая позиция археологических материалов [Рыбалко, 2014, с. 73–76].

В целом новый комплекс артефактов, обнаруженный на памятнике Дарвагчай-Залив-4 в слое 2, демонстрирует несомненное технологическое сходство с многочисленной коллекцией среднепалеолитических каменных изделий стоянки Дарвагчай-Залив-1. Данное обстоятельство крайне важно, прежде всего, в плане установления точной хронологической позиции для среднепалеолитических материалов памятника Дарвагчай-Залив-1, которые ранее имели только приблизительные рамки, основывающиеся в основном на геологических данных [Рыбалко, Девятова, 2015, с. 148–152].

Таким образом, проведенные в 2022 г. полевые исследования позволили получить новые археологические материалы, что дает возможность на более высоком уровне подтвердить выводы, сделанные раннее, а также в полной мере представить общую картину развития каменных индустрий на данной территории в среднепалеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2. – С. 210–214.

Курбанов Р.Н., Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 161–166.

Рыбалко А.Г., Девятова А.Ю. Корреляция стратиграфических разрезов памятника Дарвагчай-Залив-1 по геохимическим данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 148–152.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-1) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 5–10.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-Залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 73–76.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4). *Izvestiya Altaiskogo gos. uni-ta. Seriya. Istoriya, politologiya.* 2016. N 2. P. 210–214. (In Russ.). doi: 10.14258/izvasu(2016)4-41

Kurbanov R.N., Rybalko A.G., Yanina T.A. Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Evidence from the Darvagchai-zaliv-4 Site). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27I. P. 161–166. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0161-0166

Rybalko A.G., Devyatova A.Y. Correlation on Geochemical Evidence of the Stratigraphic Profiles at the Darvagchai-Zaliv-1 Site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 148–152. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle Palaeolithic Investigations in the Western Precaspian Region (on Materials of Darvagchai-Zaliv-1 Site). *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2019. Vol. 26. N 2. P. 5–10. (In Russ.). doi: 10.15372/HSS20190201

Rybalko A.G. Geochronological Study of Darvagchai-Bay-1 Site in the Republic of Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 73–76. (In Russ.).

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0127-0135
УДК 902

К.А. Колобова✉, И.Е. Тюгашев, А.В. Харевич, М.В. Селецкий, П.В. Чистяков, С.В. Маркин, А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Индустрия слоя 1 пещеры Окладникова в свете новых данных

В статье анализируются материалы раскопок слоя 1 пещеры Окладникова, исследовавшейся в 1984–1987 гг. Пещера известна как первый открытый памятник сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая, в комплексах которого были обнаружены остатки неандертальского подвида древнего человека. В результате применения новых для этого объекта методов (атрибутивный подход в рамках технико-типологического метода и трасологические исследования) становится возможным на современном уровне проводить комплексные сравнения как с уже известным объектом сибирячихинского варианта (пещерой Чагырская), так и с памятниками денисовского и карабомовского вариантов среднего палеолита Алтая. В результате проведенных исследований был представлен обновленный облик уже известной индустрии, характеризующейся нелеваллуазским отщепным расщеплением с радиальных, плоскостных и ортогональных нуклеусов; значительным по количеству артефактов орудийным набором, в котором доминируют конвергентные скребла, ретушированные остроконечники; представлены плоско-выпуклые бифасиальные орудия. Были определены разнообразные ударно-абразивные орудия: ретушеры и наковальни для ретуширования. В целом индустрия проявляет полное сходство с комплексами пещеры Чагырская, в сочетании с проявлением вариабельности, заключающейся в более экономном использовании каменного сырья. Это выражается в большей, по сравнению с комплексом пещеры Чагырская, доле конвергентных орудий, переоформленных бифасиальных изделий и технических сколов, свидетельствующих об интенсивных процессах ретуширования и переоформления орудий. Перечисленные технико-типологические характеристики и структура комплекса характерна исключительно для сибирячихинских индустрий, связанных с миграцией поздних европейских неандертальцев на территории Алтая.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский индустриальный вариант, поздние европейские неандертальцы.*

K.A. Kolobova✉, I.E. Tyugashev, A.V. Kharevich, M.V. Seletsky, P.V. Chistyakov, S.V. Markin, A.P. Derevianko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Industry of Okladnikov Cave Layer 1 in the Context of New Findings

The article discusses the materials of Okladnikov Cave layer 1, which was excavated in 1984–1987. The cave is known as the first discovered site of the Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic the complexes of which contained the first Neanderthal remains. As a result of application of new methods for this site (the attributive and traceological studies), it becomes possible to perform complex comparisons at the modern level both with the known object of the Sibiryachikha (Chagyrskaya Cave) and with the sites of Denisova and Kara-Bom variants of the Altai Middle Paleolithic. As a result of the conducted research, an updated characteristic of the known industry was presented, marked by non-Levallois knapping from radial, flat-faced, and orthogonal cores; a significant toolkit with dominating convergent scrapers and retouched points; planoconvex bifacial tools are represented. Varieties of percussion-abrasive tools were identified, such as retouchers and anvils for retouching. In general, the industry shows a complete similarity with the complexes of Chagyrskaya Cave combined with the manifestation of variability consisting in a more economical use of raw materials. This is indicated by a greater

proportion of convergent tools, re-shaped bifacial tools and technical spalls compared to the Chagyrskaya Cave complex, evidencing the intensive processes of tool retouching and re-shaping. The mentioned technical and typological characteristics and complex structure are exclusively characteristic of the Sibiryachikha industries associated with the migration of Late European Neanderthals to the Altai.

Keywords: *Northwest Altai, Middle Paleolithic, Sibiryachikha industrial variant, Late European Neanderthals.*

Введение

Результаты археологических и палеогенетических исследований комплексов среднего палеолита Алтая в последние годы привели к целой серии новых открытий, позволивших обосновать новую картину освоения этой территории древнейшими гомининами. Так, было установлено, что ансамбли Чагырской пещеры, принадлежащей сибирячихинскому индустриальному варианту, являются результатом миграции поздних европейских неандертальцев [Krause et al., 2007; Slon et al., 2018; Kolobova et al., 2019; Skov et al., 2022]. Первым памятником этого варианта на Алтае является пещера Окладникова, открытая в 1984 г. [Деревянко, Маркин, 1992]. Уникальные технико-типологические характеристики индустрий культурных слоев пещеры долгое время значительно отличались от синхронных комплексов региона. Только открытие пещеры Чагырская в 2007 г. позволило провести региональную культурную интерпретацию индустрий этой пещеры [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. В предлагаемой работе проводится полный технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода комплекса слоя 1 пещеры Окладникова с акцентом на специфические черты микокских комплексов: бифасиальное расщепление, набор технических сколов, конвергентные скребла и ретушированные остроконечники. Результаты проведенного исследования позволяют сопоставлять сибирячихинские комплексы по технико-типологическим, метрическим и морфологическим параметрам.

История изучения комплекса пещеры Окладникова

Пещера Окладникова была открыта А.П. Деревянко и В.И. Молодиным в 1984 г. и исследовалась в течение 4-х лет. В 1984 г. был раскопан навес, в 1985 г. – грот, галереи 1–3, в 1986 г. – зал 2 и галерея 4, в 1987 – зал 1. К 1992 г. памятник был «раскопан практически полностью», и в том же году осуществлена полная публикация материалов стоянки [Деревянко, Маркин, 1992, с. 4].

На памятнике было выделено 9 литологических слоев [Там же, с. 73–77], среди которых слои 7, 6, 3, 2 и 1 являются культуросодержащими. Во всех слоях было зафиксировано 3911 каменных артефактов [Там же, с. 208–209]. Здесь впервые на Алтае были обнаружены кости неандертальцев. Первые попытки радиоуглеродного датирования комплексов и антропологических останков дали серию спорных результатов [Там же, с. 4, 90].

По результатам первоначальных исследований был сделан вывод, что пещера Окладникова – это типичная мустьерская охотничья стоянка времени каргинского межледниковья и, возможно, сартанского оледенения с пластинчатой индустрией, леваллуазским технокомплексом для всех пяти культуросодержащих слоев. Слои 1 и 7 были определены как нефасетированное мустье, а слои 2–6 как фасетированное. Слой 7 отнесен к леваллуазской фации, как имеющий наибольшее значение по индексу IL (6,4), слои 6 и 1 – к нелеваллуазской фации, из-за минимального значения по индексу (0,7 и 1,9 соответственно). По подсчетам авторов, доля орудий составила 10–12 % (18–23 % без мелких сколов отделки). Преобладающим типом расщепления было радиальное, самыми многочисленными типами орудий – скребла и орудия типа déjeté. На общем фоне выделена группа скребел-ножей с обушком, составляющая от 2,5 % до 6,3 % от общего числа орудий. Авторы отметили, что бифасиальные орудия для пещеры Окладникова «малохарактерны». Всего было обнаружено 6 экз. бифасиальных орудий: 1 экз. в слое 7; 4 экз. в слое 3; 1 экз. в слое 2 [Там же, с. 206–216].

Сходство с материалами пещеры Окладникова авторы усмотрели в комплексах Ябруда I, Баракаевской пещеры, а наибольшее – в мустьерских памятниках Крыма: Заскальная VI и Пролом. Также к типичному мустье А.П. Деревянко и С.В. Маркин отнесли алтайские пещеры Усть-Канская, Денисова, Страшная и местонахождение Тюмечин II, что в целом совпадало с их предыдущей характеристикой. Таким образом, пещера Окладникова на момент 1992 г. предварительно была включена в круг типичных мустьерских памятников среднего палеолита Алтая и материалы из нее характеризовались как соответствующие леваллуа-мустьерскому, «европейскому облику» [Там же, с. 217–218].

В дальнейшем многие положения первоначальной работы были пересмотрены. В 2013 г. индустрия пещеры Окладникова совместно с материалами из Чагырской пещеры была отнесена

к особенному «мустьероидному» сибирячихинскому варианту среднего палеолита региона, технико-типологически отличающемуся от двух других вариантов – денисовского и карабомовского. Отличительными характеристиками сибиричихинского варианта были определены следующие.

1. Доминирование радиальной технологии расщепления, направленное на получение угловатых заготовок.

2. Интенсивная вторичная обработка, включающая ретушь типа кина.

3. В орудийных наборах преобладают скребла, орудия типа déjeté, скребла-ножи, остроконечники, зубчато-выемчатые изделия и бифасы.

4. Высокая доля орудий среди прочих каменных артефактов – от 13,4 % до 32 % без учета мелких сколов отделки. Количество леваллуазских сколов оценивается как незначительное [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013].

Результаты нового этапа AMS-датирования костей неандертальцев, совпавшие с результатами определения возраста отложений пещеры по урановым сериям, указывают на то, что пещера была заселена 44 тыс. л.н. и ранее [Skov et al., 2022].

Основным предметом нашего исследования является каменная индустрия из слоя 1. Отложения слоя были представлены темно-серым рыхлым или черным пористым гумусированным суглинком с включением обломков известняка и щебенки. В слое преобладали куски щебня с угловатыми очертаниями и куски с выветренной и светлой сторонами. Окатанные обломки встречались редко [Деревянко, Маркин, 1992, с. 13].

По подсчетам авторов раскопок первый слой содержал 395 изделий с учетом отходов производства, из них 87 экз. орудий, 125 экз. ретушных снятий (сколы размером менее 2 см в наибольшем измерении) и 3 экз. нуклеусов. Среди орудий было выделено 5 экз. леваллуазских сколов, 6 экз. скребков, 6 экз. зубчатых орудий, 1 экз. транкированного скола, 1 экз. отбойника, 1 экз. выемчатого орудия и 8 экз. сколов с непреднамеренной ретушью. Доля орудий среди всего комплекса составляла 22 %, без учета ретушных сколов – 32,2 %. Анализ технокомплекса слоя 1 позволил авторам сделать следующие выводы.

1. Каждая вторая заготовка превращалась в орудие путем снятия ретуши.

2. Производство заготовок происходило на стороне, на самой стоянке заготовки оформлялись в орудия.

3. Орудия использовались в качестве скребел, скребков, скобелей, пилок и ножей [Там же, с. 180–181, 183, 194–195, 207].

Материалы и методы

В ходе исследований каменной индустрии применялся атрибутивный подход в рамках технико-типологического метода. Технологически и типологически значимые признаки уже применялись для анализа комплексов Чагырской пещеры. Наиболее важными из них являются признаки, описывающие технические сколы бифасиального расщепления, специфический набор технических сколов первичного расщепления, а также типологическое разнообразие конвергентных скребел и ретушированных остроконечников [Kolobova et al., 2019].

Материалы исследования составляют артефакты из слоя 1, хранящиеся в ИАЭТ СО РАН, их принадлежность к литологическому слою контролировалась по шифрам и полевой документации. Археологические материалы, принадлежащие более поздним эпохам (неолит, бронзовый век), не привлекались к анализу.

Трехмерное моделирование каменных артефактов производилось при помощи сканеров структурированного подсвета Solutionix и RangeVision Spectrum. Постобработка полученных моделей осуществлялась в программах RangeVision ScanCentre, Geomagic Wrap, Geomagic Design X, KeyShot 11 (пробные версии). Визуализация полученных моделей проводилась в программе Artifact3D, разработанной исследователями Еврейского Университета (Израиль) [Grossman et al., 2022].

Для изучения ударно-абразивных орудий был применен экспериментально-трасологический метод. Наблюдение этих следов осуществилось при помощи микроскопа Альтами CM0745-T с увеличением ×7–45.

Результаты

В первом слое выявлено 687 экз. каменных артефактов. Нуклеусы составляют 0,44 % (1,02 % без учета отходов производства), доля сколов составляет 40,9 % (95,9 % без учета отходов производства) от общего числа находок (табл. 1). Орудия на сколах составляют 12,81 % (30,03 % без учета отходов производства) от всего комплекса (табл. 2). Обнаружено 6 экз. (0,87 % от общего числа находок) ударно-абразивных орудий.

Первичное расщепление было направлено на получение отщепов методами плоскостного параллельного и радиального расщепления. Радиальные нуклеусы в количестве 2 экз. имели по две или три ударные площадки, расположенные по периметру, с которых в центростремительных направлениях шло получение сколов (рис. 1, *1*). В единичном эк-

Таблица 1. **Распределение каменных артефактов из комплекса слоя 1 пещеры Окладникова по категориям**

Тип	Кол-во, экз.	Кол-во, %	Без отходов производства, %
Нуклеусы	3	0,44	1,02
Двусторонние орудия	3	0,44	1,02
Сколы	281	40,90	95,90
пластины	11	1,60	3,75
отщепы	179	26,06	61,09
скол леваллуа	1	0,15	0,34
технические сколы	82	11,94	27,99
неопределимые сколы	8	1,16	2,73
Орудия	88	12,81	30,03
ударно-абразивные	6	0,87	2,05
Обломки	58	8,44	–
Чешуйки	336	48,91	–
Всего	687	100	100

Таблица 2. **Типы орудий из комплекса слоя 1 пещеры Окладникова**

Типы	Кол-во, экз.	Кол-во, %	Без учета неопределимых сколов, %
1	2	3	4
Остроконечники	9	9,28	11,39
полулистовидный	1	1,03	1,27
подлистовидный	2	2,06	2,53
подтреугольный	5	5,15	6,33
леваллуазский	1	1,03	1,27
Скребла	57	58,76	72,15
Простые	12	12,37	15,19
поперечное	1	1,03	1,27
прямое	5	5,15	6,33
выпуклое	4	4,12	5,06
диагональное	2	2,06	2,53
Конвергентные	33	34,02	41,77
листовидное	1	1,03	1,27
сегментовидное	1	1,03	1,27
трапециевидное	1	1,03	1,27
полупрямоугольное	1	1,03	1,27
полусегментовидное	1	1,03	1,27
полутрапециевидное	5	5,15	6,33
полутреугольное	1	1,03	1,27
подлистовидное	5	5,15	6,33
подовальное	2	2,06	2,53
подсегментовидное	3	3,09	3,80
подтрапециевидное	11	11,34	13,92
подтреугольное	1	1,03	1,27
Неопределимые	12	12,37	15,19
Долотовидное орудие	1	1,03	1,27
Зубчатое орудие	1	1,03	1,27
Тронкированно-фасетированное орудие	2	2,06	2,53
Шиповидное орудие	1	1,03	1,27
Двусторонние орудия	2	2,06	2,53
листовидное	1	1,03	1,27
сегментовидное	1	1,03	1,27

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Ударно-абразивное орудие	6	6,19	7,59
Наковальня для ретуширования	2	2,06	2,53
Ретушер	3	3,09	3,80
Скол отбойника	1	1,03	1,27
Отщеп с ретушью	10	10,31	–
Неопределимое орудие	2	2,06	–
Неопределимая часть орудия	5	5,15	–
Неопределимая часть двустороннего орудия	1	1,03	–
Всего	97	100	100

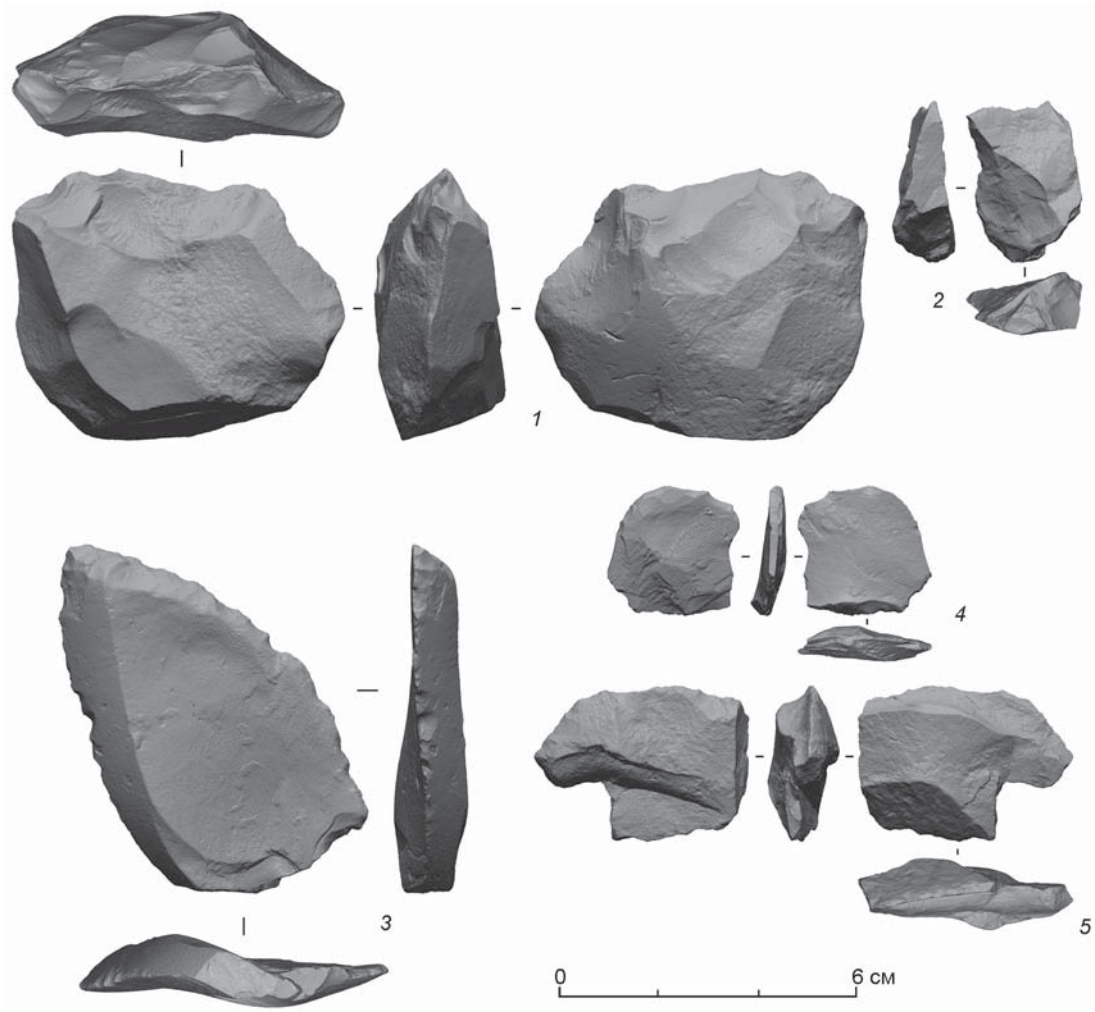


Рис. 1. Нуклеус и технические сколы из комплекса слоя 1 пещеры Окладникова.

1 – радиальный нуклеус; *2* – латеральный скол; *3* – краевой отщеп с коркой; *4* – скол утончения бифасиального орудия; *5* – скол переоформления бифасиального орудия.

земпляре найден плоскостной монофронтальный моноплощадочный нуклеус для отщепов. Все нуклеусы представлены в крайней степени истощения.

Технические сколы составляют 29,18 % всех определимых сколов, в их число входят краевые, долечные, реберчатые, технические сколы (Kantenabschläge), краевые пластины и сколы обработки двусторонних орудий. Среди технических сколов преобладают краевые сколы с радиальных нуклеусов (42,68 %), часто встречаются краевые крутолатеральные / кортикальные (рис. 1, *2, 3*; 30,49 %) и отщепы обработки двусторонних орудий (рис. 1, *4, 5*; 18,29 %), число технических снятий остальных категорий незначительно.

Кроме нуклеусов и сколов выделены отходы производства, состоящие из чешуек и обломков.

Их доля среди всех каменных артефактов составляет 57,35 %. Обломки составляют 14,72 % отходов и чешуйки (сколы менее 3 см в наибольшем измерении) – 85,28 %. Чешуйки определялись как: неопределимые (без проксимальных зон) – 55,95 %, простые – 32,74 % и чешуйки утоньшения бифасов – 11,31 %.

Больше двух третей сколов (68,33 %) не имеют кортикальной поверхности, 9,25 % сколов полностью покрыты галечной коркой. 9,25 % сколов покрыты коркой в латеральной части, 7,47 % – в дистальной, доля же сколов, покрытых коркой в остальных частях (проксимальная, дистально-латеральная и т.д.) – 5,69 %. Не имеют корки 73,17 % технических сколов, 17,07% технических сколов покрыты коркой в латеральной части.

Наиболее распространенными типами огранки дорсальных поверхностей являются продольный параллельный (24,56 %) и ортогональный (16,37 %). Также распространены поперечные (6,05 %) и подперекрестные/радиальные (11,03 %) огранки. Выделен только один скол с леваллуазской огранкой (рис. 2, *1*).

Большинство сколов имеют трапециевидную, прямоугольную или треугольную формы (включая удлиненные) – 35,94 %. Почти у половины сколов ось длины совпадает с осью скалывания (49,16 %). Доминирует прямой латеральный профиль (36,19 %), 20,62 % сколов с изогнутым профилем. Имеют перьевидное окончание 39,5 % сколов, что свидетельствует о высоком уровне контроля мастера над скалываемой поверхностью. Петлевидное окончание имеют 11,03 % сколов, тупое – 5,34 %. Преобладающий тип поперечного сечения сколов – треугольный (39,15 %), также распространены латерально-крутое и трапециевидное поперечные сечения (22,42 и 15,30 %). Поперечные сечения выпуклого, многогранного, аморфного и плоского типов немногочисленны – к каждой из этих категорий отнесено менее 10 %.

Почти половина ударных площадок гладкие – 44,84 %, у 26,69 % сколов ударная площадка отсутствует. Сколы с фасетированной прямой ударной площадкой составляют 11,03 %, с двугранной – 8,54 % от общего числа. Остальные типы ударных площадок представлены в небольшом количестве – меньше 10 % в совокупности.

Чуть меньше половины (41,99 %) сколов не имеют вентрального карниза. 22,78 % сколов имеют выраженный ударный бугорок, у 39,15 % сколов ударный бугорок расплывчатый. Практически все отщепы обработки двусторонних орудий не имеют выраженного ударного бугорка в сочетании с выраженным вентральным карнизом, что свидетельствует о преимущественном применении мягких отбойников.

В типологической структуре каменного комплекса слоя 1 пещеры Окладникова преобладают скребла (рис. 2, *2–4*), остроконечники (рис. 2, *5*), ударно-абразивные, тронкировано-фасетиро-

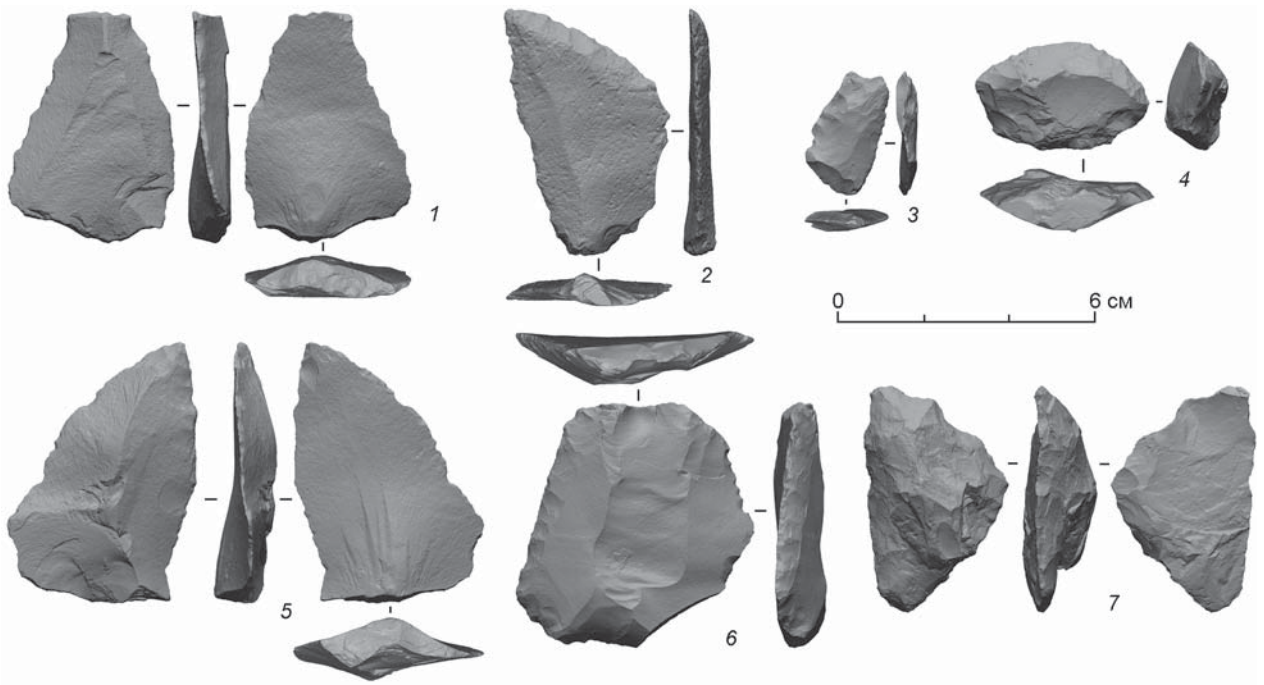


Рис. 2. Орудия из комплекса слоя 1 пещеры Окладникова.

1 – леваллуазский остроконечник; *2* – диагональное скребло; *3, 4* – подтрапецевидное скребло; *5* – ретушированный остроконечник; *6* – тронкированно-фасетированное орудие; *7* – бифасиальное сегментовидное скребло.

ванные орудия (рис. 2, *6*). Один из остроконечников был отнесен к леваллуазскому типу (рис. 2, *1*). В единичных экземплярах зафиксированы зубчатое и долотовидное орудия (табл. 2).

В ходе изучения коллекции слоя 1 пещеры Окладникова были выявлены 6 экз. каменных ударно-абразивных орудий: 3 ретушера каменных изделий; 2 наковальни для ретуширования каменных изделий (рис. 3); 1 скол, полученный в ходе контрударного расщепления отбойника.

В этом комплексе впервые были определены два бифасиальных орудия и один обломок. Первое представлено интенсивно сработанной сегментовидной формой на засурьинском яшмоиде с ретушью по периметру. Изделие выполнено в рамках характерного для сибирячихинской фации плоско-выпуклого метода оформления бифасиальных орудий [Kolobova et al., 2019]. Рабочие лезвия оформлены чешуйчатой, ступенчатой, разнофасеточной ретушью, нанесенной также в плоско-выпуклой манере. Одно лезвие прямое с прямым профилем, два противолежащих лезвия выпуклые с s-образным профилем. Изделие демонстрирует интенсивную сработанность. На нем фиксируются явные стадии дополнительной подработки и переоформления лезвий (см. рис. 2, *7*). Такая интенсивная обработка в целом характерна для бифасиальных орудий пещеры Окладникова. Орудия с рабочим лезвием по всему периметру составляют наиболее многочисленную типологическую группу в коллекции [Харевич, 2022]. Второе орудие – подсегментовидное двухстороннее скребло на халцедонолитовом отщепе, также изготовленное в рамках плоско-выпуклого метода.

Дискуссия и выводы

Место пещеры Окладникова в структуре среднепалеолитических памятников Алтая всегда было очень заметным в силу значительных отличий каменных коллекций от других комплексов региона и первого обнаружения антропологических находок неандертальского подвида [Деревянко, Маркин, 1992; Krause и др., 2007]. Последние генетические исследования продемонстрировали, что неандертальцы из пещер Чагырская и Окладникова с одной стороны, значительно ближе поздним европейским неандертальцам, чем ранним неандертальцам из пещеры Денисова [Mafessoni и др., 2020], а с другой стороны, проявляют значительное сходство между собой, которое интерпретируется как принадлежность к одной популяции [Skov, Peyrégne, Popli, 2022]. Генетические данные полностью согласуются с археологическими, согласно которым, пещеры Чагырская и Окладникова составляют сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая.

Учитывая, что слой 1 в карстовой полости подвержен различным постдипозиционным и антропогенным нарушениям, то наиболее правильным подходом к нему будет рассмотрение как неполной

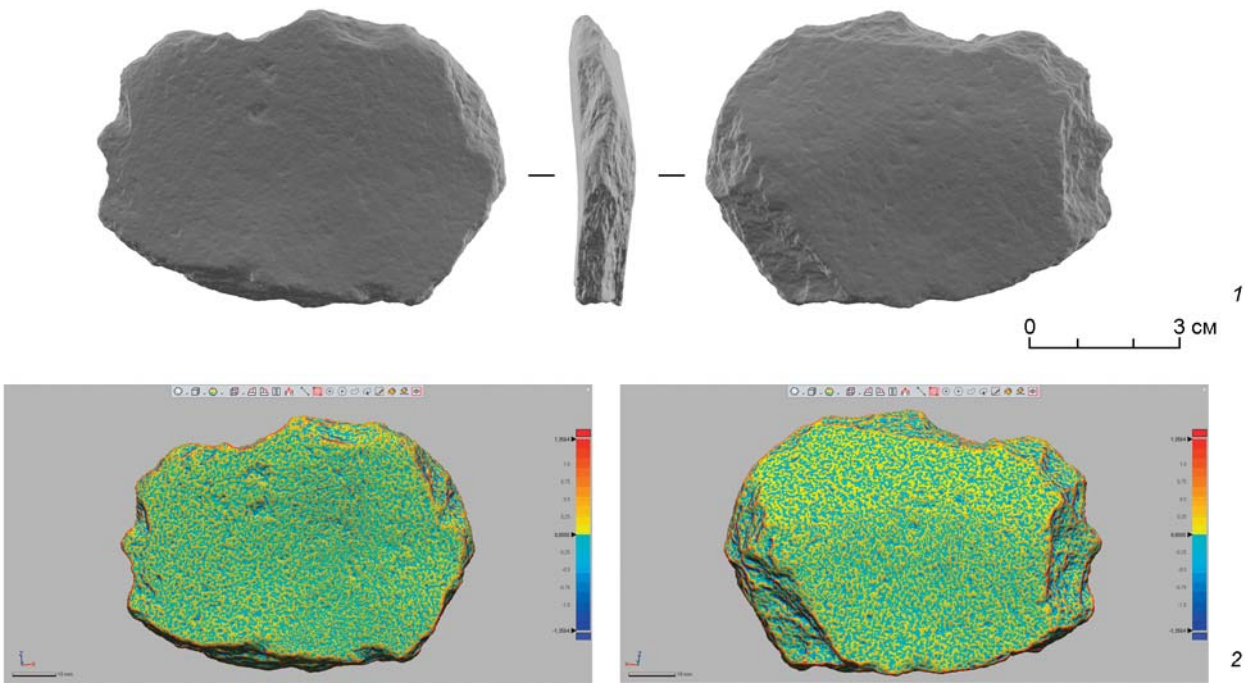


Рис. 3. Визуализация с помощью трехмерного моделирования наковальни для ретуширования каменных изделий из комплекса слоя 1 пещеры Окладникова.

1 – бестекстурные проекции артефакта; *2* – карты кривизны сетки.

музейной коллекции. Тем не менее, технико-типологические характеристики комплекса однозначно указывают на его однозначную культурную атрибуцию и не демонстрируют присутствия материалов других эпох или культурных подразделений среднего палеолита региона.

В целом индустрия слоя 1 характеризуется получением отщепов с радиальных и плоскостных нуклеусов. Типы дорсальных огранок соответствуют методам плоскостного параллельного и радиального расщепления. Встречающаяся часто ортогональная огранка (46 сколов, 16,37 %) свидетельствует о присутствии ортогонального расщепления, несмотря на то, что ортогональных нуклеусов в слое 1 не обнаружено.

В ансамбле выделено несколько псевдо-левалуазских сколов (у которых ось длины не совпадает с осью скалывания при наличии псевдо-леваллуазской огранки и фасетированной ударной площадки), которые являются следствием доминирования радиального расщепления (см. рис. 2, *5*). Подобные псевдо-леваллуазские сколы, полученные с радиальных нуклеусов, отмечались в комплексе Чагырской пещеры. При этом зафиксирован один левалуазский остроконечник (см. рис. 2, *1*).

Значительная доля сколов оформления бифасов свидетельствует об активных процессах ретуширования в пещере, оформления и переоформления скребел и бифасиальных изделий. Этап подживления двухсторонних скребел представлен сколом утончения бифаса с ретушированной ударной площадкой (см. рис. 1, *4*). Скол переоформления бифасиального орудия/скребла представлен сколом с крупной ударной площадкой, расположенной под острым углом к вентральной поверхности (см. рис. 1, *5*). Обнаружение таких сколов говорит об экономном использовании высококачественного сырья. Преобладание среди орудий конвергентных скребел над простыми и небольшой размер переоформленных бифасиальных изделий также свидетельствует о дефиците сырья, по сравнению с комплексами Чагырской пещеры. К тому же выводу привело комплексное исследование бифасиальных изделий из пещеры Окладникова и их сравнение с орудиями из Чагырской пещеры [Харевич, 2022].

В качестве одного из основных результатов нового этапа исследования комплекса пещеры Окладникова были обнаружены разнообразные ударно-абразивные орудия, благодаря качественному отбору материала при раскопках.

Структура сибирячихинских индустрий, характеризующаяся малым количеством нуклеусов (1–2 %), значительной долей орудий (до 25–30 %), среди которых преобладают многочисленные конвергентные скребла, остроконечники, тронкированно-фасетированные орудия и плоско-выпуклые бифасы. Так, в слое 6в/2 Чагырской пещеры было зафиксировано 1,88 % нуклеусов, 29,83 % орудий (конвергентные скребла и остроконечники), среди которых 6,75 % плоско-выпуклых бифасиальных изделий. В слое 1 пещеры Окладникова 1,02 % нуклеусов, 30,03 % орудий, среди которых 2,53 % плоско-выпуклых бифасов.

Такая структура ассамбляжей свойственна только сибирячихинским комплексам и совершенно отлична от комплексов денисовского и карабомовского вариантов среднего палеолита Алтая, не зависимо от их функциональной специфики [Рыбин, Колобова, 2009; Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013].

Исследование пещеры Окладникова позволяет изучать вариабельность комплексов сибирячихинского варианта. На настоящем этапе исследований фиксируется больший дефицит сырья в комплексе пещеры Окладникова, выражающийся в различных пропорциях интенсивно оформленных орудий и их размерах.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00376.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука. 1992. – 225 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2009. – № 1. – С. 33–78.

Харевич А.В. Бифасиальная технология в сибирячихинском варианте среднего палеолита Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2022. – 26 с.

Grosman L., Muller A., Dag I., Goldgeier H., Harush O., Herzlinger G., Nebenhaus K., Valetta F., Yashuv T., Dick N. Artifact3-D: New software for accurate, objective and efficient 3D analysis and documentation of archaeological artifacts // PLoS ONE. – 2022. – Vol. 17. – e0268401.

Kolobova K. A., Chabai V.P., Shalagina A.V, Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartar. – 2019. – Vol. 66. – P. 7–31.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P.,

Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449. – N 7164. – P. 902–904.

Mafessoni F., Grote S., de Filippo C., Slon V., Kolobova K.A., Viola B., Markin S.V., Chintalapati M., Peyrégne S., Skov L., Skoglund P., Krivoshapkin A.I., Derevianko A.P., Meyer M., Peter B., Prüfer K., Pääbo S. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 117. – N 26. – P. 15132–15136.

Skov L., Peyrégne S., Popli D., Lasi L.M.N., Devièse T., Slon V., Zavala E.I., Hajdinjak M., Sümer A.P., Grote S., Bossom A.M., López D.H., Nickel B., Nagel S., Richter J., Essel E., Gansauge M., Schmidt A., Korlevic P., Comeskey D., Derevianko A.P., Kharevich A., Markin S.V., Talamo S., Douka K., Krajcarz M.T., Roberts R.G., Higham T., Viola B., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kelso J., Meyer M., Pääbo S., Peter B.M. Genetic insights into the social organization of Neanderthals // Nature. – 2022. – Vol. 610. – P. 519–526.

Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C. de, Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V, Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father. // Nature. – 2018. – Iss. 561. – P. 113–116.

References

Derevianko A.P., Markin S.V. Must'e Gornogo Altaja. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1992. 225 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013. N 1. P. 89–103. (In Russ.).

Grosman L., Muller A., Dag I., Goldgeier H., Harush O., Herzlinger G., Nebenhaus K., Valetta F., Yashuv T., Dick N. Artifact3-D: New software for accurate, objective and efficient 3D analysis and documentation of archaeological artifacts. *PLoS ONE*, 2022. Vol. 17. e0268401. doi.: 10.1371/journal.pone.0268401

Kharevich A.V. Bifasial'naya tekhnologiya v sibiryachikhinskom variante srednego paleolita Gornogo Altaya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2022. 26 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai). *Quartar,* 2019. Vol. 66. P. 7–31. doi:10.7485/QU66_1

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia. *Nature*, 2007. Vol. 449. N 7164. P. 902–904.

Mafessoni F., Grote S., de Filippo C., Slon V., Kolobova K.A., Viola B., Markin S.V., Chintalapati M., Peyrégne S., Skov L., Skoglund P., Krivoshapkin A.I., Derevianko A.P., Meyer M., Peter B., Prüfer K., Pääbo S. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020. Vol. 117. N 26. P. 15132–15136. doi: 10.1073/pnas.2004944117

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Middle Paleolithic of Altai: variability and evolution. *Stratum plus. Arheologija i kul'turnaja antropologija*, 2009. N 1. P. 33–78. (In Russ.).

Skov L., Peyrégne S., Popli D., Lasi L.M.N., Devièse T., Slon V., Zavala E.I., Hajdinjak M., Sümer A.P., Grote S., Bossom A.M., López D.H., Nickel B., Nagel S., Richter J., Essel E., Gansauge M., Schmidt A., Korlevic P., Comeskey D., Derevianko A.P., Kharevich A., Markin S.V., Talamo S., Douka K., Krajcarz M.T., Roberts R.G., Higham T., Viola B., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kelso J., Meyer M., Pääbo S., Peter B.M. Genetic insights into the social organization of Neanderthals. *Nature*, 2022. Vol. 610. P. 519–526.

Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C. de, Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V, Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father. *Nature*, 2018. Iss. 561. P. 113–116. doi:10.1038/s41586-018-0455-x

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Тюгашев И.Е. https://orcid.org/0000-0001-5885-1535
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Маркин С.В. https://orcid.org/0000-0002-4528-8613
Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0136-0142
УДК 902

К.А. Колобова[1], А.В. Харевич[1], Е.Н. Бочарова[1]✉, Г.А. Мухтаров[2], А.И. Кривошапкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Новые данные о кареноидных нуклеусах-скребках в западной части Центральной Азии

В статье рассматриваются результаты анализа последовательности сколов нуклеусов-скребков из комплексов верхнепалеолитической кульбулакской культуры (западная часть Центральной Азии). В настоящее время кареноидные скребки, ранее являвшиеся артефактами-маркерами ориньякского технокомплекса, были обнаружены в различных культурных и хронологических контекстах. Как правило, такие изделия определяются как нуклеусы, но с сохранением орудийных типологических определений. В рамках данной работы для определения принадлежности кареноидных изделий к нуклеусам или орудиям был применен анализ последовательности сколов. Примененный метод позволяет восстанавливать процесс изготовления каменного артефакта посредством изучения всех имеющихся на его поверхностях негативов снятий и определения их взаимной последовательности. В ходе анализа было изучено 26 изделий со стоянок Кульбулак (слой 2.1), Шугноу (слои 2–3) и Додекатым-2 (слой 5). Проведенный анализ позволил установить, что кареноидные нуклеусы-скребки изготавливались не только на сколах, но и на отдельностях сырья. Процессу получения целевых сколов (пластинки с изогнутым профилем) всегда предшествовал этап подготовки фронта. Подготовка фронта осуществлялась с помощью технических сколов с параметрами отщепов. В последовательностях оформления изученных изделий было выделено до двух этапов получения целевых заготовок. Второму этапу реализации сколов с фронта также предшествовала дополнительная подправка фронта и/или подправка дуги ударной площадки. В результате исследования был получен однозначный вывод о том, что изученные кареноидные нуклеусы-скребки технологически являются нуклеусами. Об этом свидетельствует зафиксированный этап подготовки фронта расщепления путем снятия технических сколов с параметрами отщепов, один или несколько этапов реализации целевых сколов с определенными морфологическими характеристиками, а также предшествующий им этап подправки дуги ударной площадки.

Ключевые слова: *западная часть Центральной Азии, верхний палеолит, кареноидная технология, анализ последовательности сколов.*

K.A. Kolobova[1], A.V. Kharevich[1], E.N. Bocharova[1]✉, G.A. Mukhtarov[2], A.I. Krivoshapkin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Centre of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: bocharova.e@gmail.com

New Data on Carinated Cores/End-scrapers in West Central Asia

The article discusses the results of scar pattern analysis of carinated cores/end-scrapers from the Upper Paleolithic Kulbulak complexes (Western Central Asia). Currently, carinated end-scrapers, previously regarded as markers of Aurignacian, have been found in various cultural and chronological contexts. Typically, such items are defined as cores, although with typological tool definitions. In this article, a scar pattern analysis was applied to determine whether the artifacts belonged to cores or tools. The applied method allows reconstructing the process of stone artifact manufacture by studying all negatives

on its surfaces and determining their mutual sequence. The analysis included 26 items from Kulbulak (layer 2.1), Shugnou (layers 2-3) and Dodekatym-2 (layer 5). The analysis established that the carinated cores/end-scrapers were made also on the chunks rather than on the flakes only. The process of obtaining target spalls (bladelets with a curved profile) was always preceded by the front preparation stage. The front was prepared by removal of technical spalls with the flake parameters. In the sequences of studied carinated cores processing, up to two stages of obtaining the target blanks were distinguished. The second stage of flaking was also preceded by an additional front and/or striking platform preparation. As a result, it was unambiguously concluded that the studied carinated cores/end-scrapes are technologically cores. This is evidenced by the recorded stage of front preparation by removing technical flakes, one or more stages of implementation of target bladelets with certain morphological characteristics, as well as the preceding stage of overhang trimming.

Keywords: *Western Central Asia, Upper Paleolithic, carinated technology, scar pattern analysis.*

Введение

Дискуссия о принадлежности кареноидных нуклеусов-скребков к орудиям, либо нуклеусам имеет продолжительную историю. С середины XX в. они определялись как орудия [Sonneville-Bordes, Perrot, 1954; Tixier, Inizan, 1981; Bergman, 1987, p. 16–156], впоследствии как нуклеусы, но с сохранением орудийных типологических определений [Hays, Lucas, 2000; Le Brun-Ricalens, 2005; Dinnis, 2008].

Не смотря на то, что в ранних исследованиях кареноидные скребки считались орудием-маркером ориньякских комплексов, сейчас широкий хронологический и культурный контексты их распространения препятствуют такому определению. Так, данные изделия были обнаружены в среднепалеолитическом контексте [Кривошапкин и др., 2012] и различных ранневерхнепалеолитических комплексах (шательперрониан, богунисьен, улуциан, ориньяк) Европы, Ближнего Востока, Северной и Центральной Азии [Pelegrin, Soressi, 2007; Škrdla, 2017; Falcucci, Conard, Peresani, 2017; Aleo et al., 2021; Гиря и др., 2018].

Кареноидные нуклеусы и кареноидные нуклеусы-скребки в частности (концевые скребки, скребки с носиком, скребки с плечиками) ассоциируются с получением пластинок с изогнутым или закрученным профилем. Некоторые из полученных пластинок использовались в качестве орудийных основ.

В рамках данной дискуссии возможны три варианта определения кареноидных скребков: 1) скребки являются нуклеусами; 2) скребки являются орудиями; 3) скребки являются нуклеусами, которые впоследствии использовались как орудия. Для определения авторской позиции обычно используются различные методы: типологический, технологический, метрический (соответствие негативов пластинчатых снятий и орудийных основ), трасологический и т.д.

Мы предлагаем еще один вариант определения принадлежности кареноидных нуклеусов-скребков к орудиям или нуклеусам на основе анализа последовательности сколов (scar pattern analysis).

Материалы и методы

Исследовательская процедура анализа последовательности сколов (scar-pattern) заключается в восстановлении процесса оформления каменного изделия посредством изучения всех имеющихся на его поверхностях негативов снятий и определения их взаимной последовательности. Как самостоятельный исследовательский инструмент метод впервые был применен Ю. Рихтором и А. Пасторсом при изучении среднепалеолитических бифасиальных орудий [Richter, 1997]. Основные принципы метода были сформулированы и обоснованы в работах А. Пасторса [Pastoors, Schafer, 1999; Pastoors, 2000], Ю. Рихтера [Richter, 2001], Э. Боеды [Boëda, 2001], М. Кот [Kot, 2013].

Изначально данный метод был разработан и чаще всего применялся при изучении бифасиальных изделий [Richter, 2004; Kot 2013; Шалагина и др., 2020]. На сегодняшний день scar-pattern анализ используется для реконструкции технологических цепочек многих категорий каменных артефактов, в т.ч. нуклеусов [Soriano et al., 2015; Kharevich, Kolobova, Krivoshapkin, 2021] и различных типов орудий, выполненных на сколах [Lemorini et al., 2015]. Он не имеет ограничений по размерам изучаемых орудий и интенсивности их оформления и является эффективным как при изучении микролитов, так и различных орудий на сколах крупных размеров [Шалагина, Колобова, Кривошапкин, 2019].

Анализ предусматривает несколько этапов: 1 – определение направлений всех негативов сколов на поверхностях артефакта; 2 – оценка взаимной последовательности соседних негативов снятий; 3 – объединение негативов в технологические группы; 4 – определение очередности объединенных групп негативов; 5 – выделение в производственном процессе основных этапов.

В рамках данной статьи анализ последовательности сколов был применен к кареноидным нуклеусам-скребкам из комплексов кульбулакской культуры: Кульбулак, слой 2.1 – 19 экз., Шугноу, слои

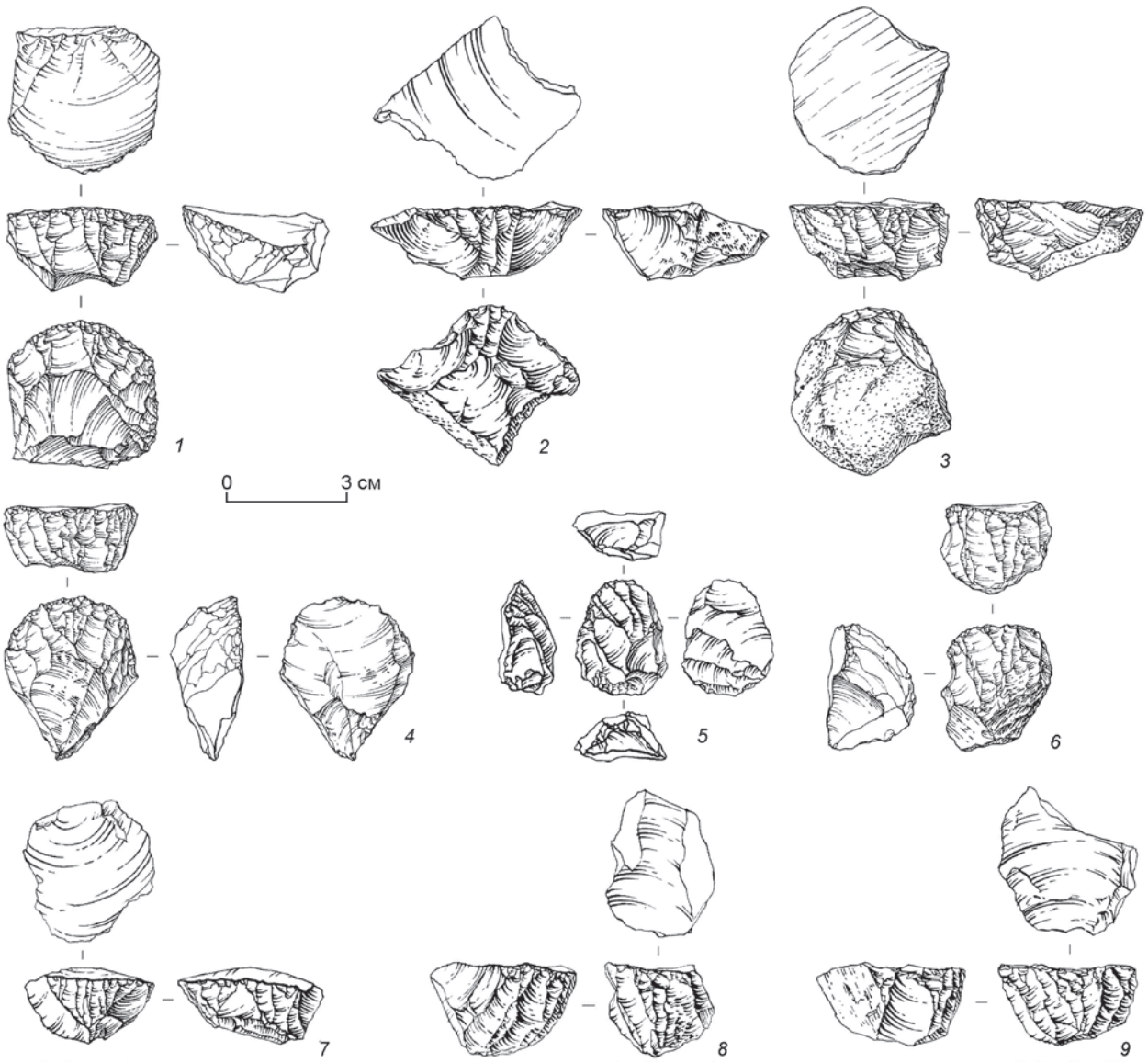


Рис. 1. Кареноидные скребки из комплексов кульбулакской культуры.
1, 3 – Шугноу, слой 1; *2, 5, 7* – Кульбулак, слой 2.1; *4, 6, 8, 9* – Додекатым, слой 5.

2–3 – 3 экз., Додекатым-2, слой 5 – 4 экз. (рис. 1) [Колобова, Кривошапкин, Павленок, 2014].

Результаты

В результате анализа последовательности сколов кареноидных нуклеусов-скребков из комплексов кульбулакской культуры были получены следующие результаты, которые суммированы на рисунке 2 и графически отображены на схеме (рис. 2, *4*).

В целом, в процессе утилизации кареноидных нуклеусов-скребков было выделено несколько основных этапов: выбор подходящей поверхности для ударной площадки; подготовка выпуклого фронта; реализация целевых сколов; подправка фронта или дуги ударной площадки; последующее рекуррентное получение целевых сколов.

Артефакты изготавливались не только на сколах, но и на подходящих отдельностях каменного сырья, например, на фрагментах галек, отслоившихся по внутренним трещинам (см. рис. 1, *3*). В качестве целевых сколов реализовывались пластинки, изогнутые в профиль (преимущественно в медиально-дистальных зонах). Целевые сколы (С) во всех проиллюстрированных случаях реализовывались после этапа подготовки фронта (В). При этом на этапе подготовки снимались технические сколы с параметрами отщепов (рис. 2, *1, 2*). После реализации целевых сколов одного этапа и перед следующим фиксируются мелкие сколы подправки дуги ударной площадки (overhang trimming). Если

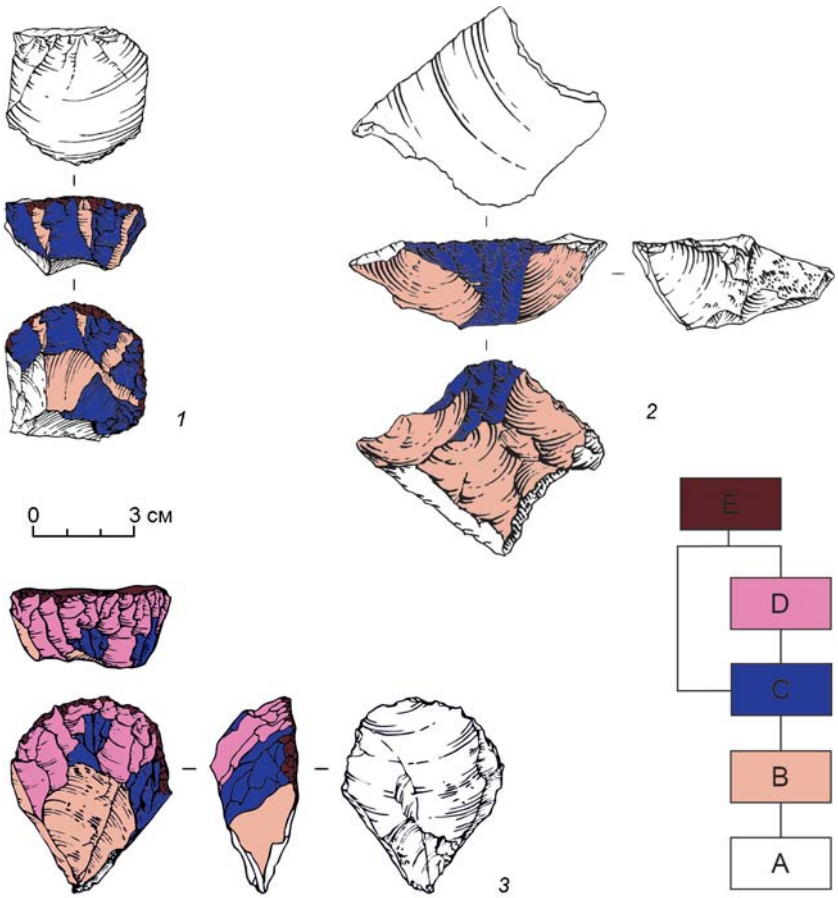


Рис. 2. Анализ последовательности сколов кареноидных скребков из комплексов кульбулакской культуры.
1, 2 – Шугноу, слой 1; *3* – Додекатым, слой 5.

требовалась подправка фронта, после первого этапа снятий, то также реализовывались латеральные сколы с параметрами отщепов (см. рис. 1, *3, 9*).

Были зафиксированы артефакты, находящиеся на разных стадиях утилизации: после первого этапа реализации мелкопластинчатых заготовок (рис. 2, *2*), после подправки ударной площадки и перед вторым этапом реализации заготовок (рис. 2, *1*), и после второго этапа реализации.

Дискуссия и выводы

Вопрос об атрибуции нуклеусов в целом и кареноидных нуклеусов-скребков в частности решается обычно исследователями с применением различных методов: типологического [Bergman, 1987; Belfer-Cohen, Grosman, 2007], технологического [Харевич и др., 2015; Bonilauri et al., 2021], технологического в сочетании с трасологическим [Hays, Lucas, 2000; Nowak, Wolski, 2015], анализа последовательности сколов как составной части технологического анализа [Soriano et al., 2015; Павленок, Козликин, Шуньков, 2021], анализа последовательности сколов в сочетании с трасологическим анализом [Aleo et al., 2021]. В этом контексте анализ последовательности сколов является одним из самых эффективных методов, особенно в тех случаях, когда невозможно применение аппликативного метода.

В результате применения анализа последовательности сколов к кареноидным нуклеусам-скребкам из комплексов кульбулакской верхнепалеолитической культуры было определено, что технологически данные изделия являются нуклеусами для получения пластинок с изогнутым профилем, находящимися на различных стадиях расщепления. В условиях, когда не было явного дефицита каменного сырья в кульбулакских комплексах, на нуклеусах-скребках фиксируется максимум два эпизода снятия пластинок. Их расщепление сопровождалось снятием технических сколов (морфологически отличных от целевых сколов) и подправкой дуги ударной площадки. Для определения вероятной функции этих нуклеусов в качестве скребков необходимо применение трасологического анализа.

Если бы исследуемые кареноидные нуклеусы были бы изготовлены как орудия, то они не несли бы следов первоначальной подготовки фронта

к расщеплению, а также не имели бы негативов снятия технических сколов. Оформление орудия предполагает вторичную обработку скола-заготовки после его реализации с нуклеуса. Таким образом, если ранее кареноидные нуклеусы-скребки интерпретировались как нуклеусы на основе типологического анализа, то сейчас их атрибуция получила технологическое подтверждение.

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 22-18-00649 «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего – верхнего палеолита: хронология миграционных процессов».

Список литературы

Гиря Е.Ю., Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I (юг Красноярского края) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 23. – С. 24–43.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К. Технологическая и типологическая вариабельность кареноидных изделий в верхнем палеолите Средней Азии // РА. – 2014. – № 4. – С. 5–18.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Белоусова Н.Е., Исламов У.И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 211–221.

Павленок Г.Д., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Мелкопластинчатое расщепление в индустриях раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры: данные анализа последовательности сколов // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1. – С. 123–128.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Технология производства пластин в каменной индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // Stratum plus. – 2015. – № 1 – С. 321–331.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Анализ последовательности сколов (scar-pattern) как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2019. – № 1. – С. 145–154.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 130–151.

Aleo A., Duches R., Falcucci A., Rots V., Peresani M. Scraping hide in the early Upper Paleolithic: Insights into the life and function of the Protoaurignacian endscrapers at Fumane Cave // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2021. – Vol. 13. – Iss. 8. – P. 137.

Belfer-Cohen A., Grosman L. Tools or Cores? Carinated Artifacts in Levantine Late Upper Paleolithic Assemblages and Why Does It Matter // Tools or Cores? The Identification and Study of Alternative Core Technology in Lithic Assemblages. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum Press, 2007. – P. 96–123.

Bergman C.A. Ksar Akil, Lebanon: a technological and typological analysis of the later Paleolithic levels of Ksar Akil. Vol. II: levels XIII–VI. – Oxford: BAR international series, 1987. – Vol. 2. – 329 p.

Boëda E. Determination des unités techno-fonctionnelles des pièces bifaciales provenant de la couche acheuléenne C'3 base du site de Barbas I // Les industries à outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale. – Liège, 2001. – P. 51–75.

Bonilauri S., Chevrier B., Asgari Khaneghah A., Abolfathi M., Ejlalipour R., Sadeghinegad R., Berillon G. Garm Roud 2, Iran: bladelet production and cultural features of a key Upper Palaeolithic site south of the Caspian Sea // Comptes Rendus Palevol. – 2021. – Vol. 40, № 20. – P. 823–837.

Dinnis R. On the technology of Late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin. // Lithics: The J. of the Lithic Studies Society. – 2008. –Vol. 29. – P. 18–35.

Falcucci A., Conard N.J., Peresani M. A critical assessment of the Protoaurignacian lithic technology at Fumane Cave and its implications for the definition of the earliest Aurignacian // PLoS ONE. – 2017. – Vol. 12, № 12. – e0189241.

Hays M.A., Lucas G. A technological and functional analysis of carinates from Le Flageolet I, Dordogne, France // J. of Field Archaeology. – 2000. – Vol. 27, № 4. – P. 1–11.

Kharevich A.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Advantages of Scar-Pattern Analysis in the Study of Paleolithic Cores // Theory and Practice of Archaeological Research. – 2021. – Vol. 33, № 3. – P. 68–80.

Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach. PhD Thesis. – Warsaw: Warsaw Univ. Press, 2013. – 731 p.

Lemorini C., Bourguignon L., Zupancich A., Gopher A., Barkai R.A. Scraper's life history: Morpho-techno-functional and use-wear analysis of Quina and demi-Quina scrapers from Qesem Cave, Israel // Quatern. Intern. – 2015. – № 398. – P. 1–8.

Le Brun-Ricalens F. Chronique d'une reconnaissance attendee. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nukléus à lamelles. Bilan aprés un siécle de recherches typologiques, technologues et tracéologies // Productons lamellaires

attribuées à l'Aurignacien. – Luxembourg: Musée national d' histoire d'art. – 2005. – P. 19–75.

Nowak A., Wolski D. Core-shaped forms: endscrapers, burins, cores? Analysis of Aurignacian artefacts from the Kraków, Spadzista site // Sprawozdania Archeologiczne. – 2015. – № 67. – P. 113–138.

Pastoors A. Standardization and individuality in the production process of bifacial tools – leaf-shaped scrapers from the middle Paleolithic open air site Sare Kaya I (Crimea) // Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P. – Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. – P. 243–255.

Pastoors A., Schafer J. Analyse des états techniques de transformation, d'utilisation et états post dépositionnels. Illustrée par un outil bifacial de Salzgitter-Lebenstedt (FRG) // Préhistoire Européenne. – 1999. – № 14. – P. 33–47.

Pelegrin J., Soressi M. Le Châtelperronien et ses rapports avec le Moustérien // Les Néandertaliens. Biologie et cultures. – Paris: CTHS, 2007. – P. 297–309.

Richter J. Copies of flakes: Operational Sequences of Foliate Pieces from Buran-Kaya III Level B1 // The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea 3. Eds. V.P. Chabai, K. Monigal and A.E. Marks – Liege: ERAUL 104, 2004. – P. 233–247.

Richter J. Sesselfelsgrotte III: der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrotte : zum Verständnis des Micoquien. – Saarbrücken : Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1997. – 473 p.

Richter J. Une analyse standarisée des chaines opératoires sur les pièces foliacées du Paleolithique moyen tardif // Préhistoire et approche expérimentale. Eds. L. Bourgignon, I. Ortega and M.-C. Frère-Sautot. – Montagnac: Préhistoires 5, 2001. – P. 77–78.

Škrdla P. Moravia at the onset of the Upper Paleolithic // The Dolní Věstonice Studies. – 2017. – Vol. 23. – 159 p.

Sonneville-Bordes D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outillage lithique: I Grattoirs–II Outils solutréens // Bulletin de la Société Préhistorique Française. – 1954. – Vol. 51. – P. 327–335.

Soriano S., Villa P., Delagnes A., Degano I., Pollarolo L., Lucejko J.J., Henshilwood Ch., Wadley L. The Still Bay and Howiesons Poort at Sibudu and Blombos: understanding Middle stone age technologies // PloS ONE. – 2015. – N 10 (7). – P. 1–46.

Tixier J., Inizan M.-L. Ksar'Aqil: Stratigraphie et ensembles lithiques dans le Paléolithique supérieur: Fouilles 1971–1975 // Préhistoire du Levant: Colloques Internationaux. – Lyon: CNRS, 1981. – P. 353–368.

References

Aleo A., Duches R., Falcucci A., Rots V., Peresani M. Scraping hide in the early Upper Paleolithic: Insights into the life and function of the Protoaurignacian endscrapers at Fumane Cave. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021. Vol. 13. Iss. 8. doi: 10.1007/s12520-021-01367-4

Belfer-Cohen A., Grosman L. Tools or Cores? Carinated Artifacts in Levantine Late Upper Paleolithic Assemblages and Why Does It Matter. In *Tools or Cores? The Identification and Study of Alternative Core Technology in Lithic Assemblages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum Press, 2007. P. 96–123.

Bergman C.A. Ksar Akil, Lebanon: a technological and typological analysis of the later Paleolithic levels of Ksar Akil. Vol. II: levels XIII–VI. Oxford: BAR international series, 1987. Vol. 2. 329 p.

Boëda E. Determination des unités techno-fonctionnelles des pièces bifaciales provenant de la couche acheuléenne C'3 base du site de Barbas I. In *Les industries à outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale.* Liège, 2001. P. 51–75.

Bonilauri S., Chevrier B., Asgari Khaneghah A., Abolfathi M., Ejlalipour R., Sadeghinegad R., Berillon G. Garm Roud 2, Iran: bladelet production and cultural features of a key Upper Palaeolithic site south of the Caspian Sea. *Comptes Rendus Palevol*, 2021. Vol. 40. N 20. P. 823–837. doi: 10.5852/cr-palevol2021v20a40

Dinnis R. On the technology of Late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin. *Lithics: The Journal of the Lithic Studies Society,* 2008. Vol. 29. P. 18–35.

Falcucci A., Conard N.J., Peresani M. A. critical assessment of the Protoaurignacian lithic technology at Fumane Cave and its implications for the definition of the earliest Aurignacian. *PLoS ONE,* 2017. Vol.12. N 12. e0189241. doi: 10.1371/journal.pone.0189241

Hays M.A., Lucas G. A technological and functional analysis of carinates from Le Flageolet I, Dordogne, France. *Journal of Field Archaeology*, 2000. Vol. 27. N 4. P. 1–11.

Kharevich A.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Advantages of Scar-Pattern Analysis in the Study of Paleolithic Cores. *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2021. Vol. 33. N 3. P. 68–80.

Kharevich V.M., Akimova E.V., Stasiuk I.V., Tomilova E.A. Blade Production Technology in the Industry of Layer 19 of the Listvenka Site. *Stratum plus*, 2015. N 1. P. 321–331. (In Russ.).

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K. Technological and typological variability of the carenoid works in the Upper Paleolithic in the Middle Asia. *Rossiyskaya arheologiya*, 2014. N 4. P. 5–18. (In Russ.).

Kolobova K.A., Krivoshapkin, A.I., Shnaider S.V. Early Geometric Microlith Technology in Central Asia. *Archaeological and Anthropological Sciences,* 2018. N 1. P. 1407–1419.

Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach: PhD (archaeology) dissertation. Warsaw, 2013. 731 p.

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Belousova N.E., Islamov U.I. The Early Technological Innovation in the Paleolithic Industries of Central Asia: Carinated Technology in Transition Industries of Uzbekistan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012. Vol. 11. N 3. P, 211–221. (In Russ.).

Lemorini C., Bourguignon L., Zupancich A., Gopher A., Barkai R.A Scraper's life history: Morpho-techno-functional and use-wear analysis of Quina and demi-Quina scrapers from Qesem Cave, Israel. *Quatern. Intern.*, 2015. N 398. P. 1–8.

Le Brun-Ricalens F. Chronique d'une reconnaissance attendee. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nukléus à lamelles. Bilan aprés un siécle de recherches typologiques, technologues et tracéologies. In *Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien.* Luxembourg: Musée national d' histoire d'art, 2005. P. 19–75.

Nowak A., Wolski D. Core-shaped forms: endscrapers, burins, cores? Analysis of Aurignacian artefacts from the Kraków, Spadzista site. *Sprawozdania Archeologiczne*, 2015. N 67. P. 113–138.

Pastoors A. Standardization and individuality in the production process of bifacial tools – leaf-shaped scrapers from the middle Paleolithic open air site Sare Kaya I (Crimea). In *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. P. 243–255.

Pastoors A., Schafer J. Analyse des états techniques de transformation, d'utilisation et états post dépositionnels. Illustrée par un outil bifacial de Salzgitter-Lebenstedt (FRG). *Préhistoire Européenne,* 1999. N 14. P. 33–47.

Pavlenok G.D., Kozlikin M.B., Shun'kov M.V. Small blade technology in the early upper paleolithic industries from Denisova cave: data from analysis of a lithic reduction sequence. *Ural Historical J.*, 2021. N 1. P. 123–128. (In Russ.).

Pelegrin J., Soressi M. Le Châtelperronien et ses rapports avec le Moustérien. In *Les Néandertaliens. Biologie et cultures*. Paris: CTHS, 2007. P. 297–309.

Richter J. Copies of flakes: Operational Sequences of Foliate Pieces from Buran-Kaya III Level B1. In *The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea 3.* Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liege: ERAUL 104, 2004. P. 233–247.

Richter J. Sesselfelsgrotte III: der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrotte: zum Verständnis des Micoquien. Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1997. 473 p.

Richter J. Une analyse standarisée des chaines opératoires sur les pièces foliacées du Paleolithique moyen tardif. In *Préhistoire et approche expérimentale.* Eds. L. Bourgignon, I. Ortega and M.-C. Frère-Sautot. Montagnac: Préhistoires 5, 2001, P. 77–78.

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Maury S., Baumann M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Reconstruction of the bifacial technological sequence in Chagyrskaya cave assemblage. *Siberian Historical Research,* 2020. N 3. P. 130–151. (In Russ.).

Shalagina A., Kolobova K., Krivoshapkin A. Scar pattern analysis as a method for the reconstruction of lithic artifacts production sequence. *Stratum Plus,* 2019. N 1. P. 145–154. (In Russ.).

Škrdla P. Moravia at the onset of the Upper Paleolithic. *The Dolní Věstonice Studies*, 2017. Vol. 23. 159 p.

Sonneville-Bordes D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outillage lithique: I Grattoirs–II Outils solutréens. *Bulletin de la Société Préhistorique Française*, 1954. Vol. 51. P. 327–335.

Soriano S., Villa P., Delagnes A., Degano I., Pollarolo L., Lucejko J.J., Henshilwood Ch., Wadley L. The Still Bay and Howiesons Poort at Sibudu and Blombos: understanding Middle stone age technologies. *PloS ONE,* 2015. N 10 (7). P. 1–46.

Tixier, J., Inizan M.-L. Ksar'Aqil: Stratigraphie et ensembles lithiques dans le Paléolithique supérieur: Fouilles 1971–1975. In *Préhistoire du Levant: Colloques Internationaux*. Lyon: CNRS, 1981. P. 353–368.

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Мухтаров Г.А. https://orcid.org/0000-0002-5405-0041
Кривошапкин А.И. https://orcid.org/0000-0002-5327-3438

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0143-0151
УДК 902/904

А.С. Колясникова [1]✉, П.В. Чистяков[1], А.С. Колясникова[1], С.П. Медведев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Научно-исследовательский институт им. Д.Н. Анучина и Музей антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: kns0471@gmail.com

Новые данные по костяной индустрии стоянки Староселье (раскопки А.А. Формозова)

Костяные ретушеры, использовавшиеся древним человеком для фасонажа и ретуширования каменных орудий, широко распространены во многих среднепалеолитических комплексах Европы и Ближнего Востока, в частности в индустриях восточного микока. В данной статье представлены результаты исследования 65 экз. костяных ретушеров из среднепалеолитических слоев стоянки-навеса Староселье в Крыму. Первое исследование ретушеров Староселья было проведено М.Д. Гвоздовер и А.А. Формозовым в 1960 году. В предлагаемой работе приводятся детальные морфометрические характеристики, базовый тафономический анализ, а также таксономическое и анатомическое определения ретушеров. В результате была выявлена взаимосвязь метрических показателей костяных ретушеров с количеством активных зон на орудиях. Орудия с бóльшим количеством активных зон в среднем длиннее ретушеров с меньшим количеством зон износа. Длина оказалась наиболее изменчивым показателем ретушеров, а значения их толщины и ширины однородны. Также были обнаружены следы подработки ретушеров по ширине, представляющие собой негативы последовательных снятий ударами с внешней и внутренней сторон по краю орудий. Неандертальцами стоянки вероятно подбирались костяные фрагменты, наиболее удобные для держания в руке (пальцах) и не имеющие острых выступов в области фиксации. Если фрагмент имел выступы, мешающие мастеру, его намеренно подрабатывали. Мы также измерили два типа следов использования на ретушерах – канавки и лунки. Считается, что канавки появляются в результате контакта ретушера с ровным краем каменного инструмента, а лунки – от контакта с зазубренным краем. Для проведения таких замеров был использован видеомикроскоп высокого разрешения Hirox RH-2000. Оказалось, что разнотипные следы отличаются друг от друга не только по форме, но и по размерам. Данные, приведенные в статье, планируется использовать для выявления культурных/функциональных сходств и различий костяных комплексов Староселья и других среднепалеолитических памятников.

Ключевые слова: *палеолит, костяные ретушеры, Староселье, Крым, трехмерное моделирование.*

A.S. Kolyasnikova[1]✉, P.V. Chistiakov[1], A.S. Kolyasnikova[1], S.P. Medvedev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]D.N. Anouchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: kns0471@gmail.com

New Data on Bone Industry from Staroselye Site (Formozov's Excavations)

Prehistoric man retouched and contoured lithic tools by using bone retouchers. These tools are common for many Middle Paleolithic assemblages throughout Europe and Near East, in particular, for the eastern Micoquian industries. This article discusses the study of 65 bone retouchers from the Middle Paleolithic layers of the Staroselye site in the Crimea. M.D.

Gvozdover and A.A. Formozov carried out the first study of Staroselye retouchers in 1960. This work presents more detailed morphometric characteristics, basic taphonomic analysis, as well as taxonomic and anatomical definitions of retouchers. As a result, the correlation between metric indicators of bone retouchers and the number of active zones on the tools was revealed. Retouchers with increased number of active zones are, on average, longer than retouchers with less number of active zones. The length turned out to be the most variable parameter of retouchers, and their thickness and width are homogeneous. We have also identified the shape modification traces across the width of retouchers, which are negatives of successive removals by knapping on the edge of the bone tool. The Staroselye Neanderthals probably selected bone fragments that were most convenient for gripping in the hand (by fingers) and did not have any spurs or spikes. And if their shape was not suitable, they were intentionally processed. Moreover, two types of traces on retouchers were measured, such as linear grooves and ovoid pits. The grooves are considered to appear as a result of the retoucher contact with the straight sharp edge of the lithic tool, while the pits are a result of the contact with the notched edge. A high-resolution video microscope Hirox RH-2000 was used to carry out such measurements. It occurred that they differ from each other both in shape and in size. The data provided in the article can be used to identify cultural/functional similarities and differences between Staroselye and other Middle Paleolithic sites.

Keywords: *Paleolithic, bone retouchers, Staroselye, the Crimea, 3D modeling.*

Введение

Ретушеры из кости относятся к категории самых многочисленных костяных орудий каменного века, которые использовались с ранних этапов палеолита. Этот тип орудий встречается в очень широких культурно-хронологических контекстах: их находят на палеолитических стоянках в Европе, Восточной Азии, Южной и Северной Африке и на Ближнем Востоке [Schwab, 2002; d'Errico, Henshilwood, 2007; Blasco et al., 2013].

Костяные ретушеры часто встречаются в среднепалеолитических индустриях *восточного микока*, для которых характерны плоско-выпуклые и плоско-выпуклые альтернативные двусторонние скребла, двусторонние острия, конвергентные скребла различных форм и ретушированные остроконечники [Чабай, 2004]. Костяные ретушеры широко распространены на микокских стоянках Кавказа [Филиппов, Любин, 1994; Голованова, 2017], Крыма [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993; Гвоздовер, Формозов, 1960] и Алтая [Baumann et al., 2020; Kolobova et al., 2020].

Среднепалеолитическая пещерная стоянка-навес Староселье находится на юге Бахчисарая. Впервые памятник исследовался экспедицией под руководством А.А. Формозова [Формозов, 1958]. Вторая кампания раскопок проводилась в рамках украинско-американского проекта «Средний палеолит Крыма» с 1993 по 1995 г. [Marks et al., 1997]. В Староселье обнаружено большое количество кремневых изделий и костей животных, а также остатки кострищ в виде зольных пятен [Формозов, 1958]. Наибольшая часть культурного материала относится к горизонту 3, датируемому 46 000 л.н. [Marks et al., 1997, p. 34–36]. Всего обнаружено 734 орудия преимущественно из черного кремня, в том числе 87 экз. с двусторонней обработкой [Формозов, 1958].

Стоянка получила особую известность благодаря находке погребения ребенка с архаичными чертами черепа. Находка стала причиной многолетней полемики. Большинство российских ученых поддержали мнение, что анатомически скелет ближе к человеку из Схул и мало похож на классического неандертальца [Рогинский, 1954]. Некоторые исследователи утверждали, что это переотложенное погребение современного человека [Marks et al., 1997]. В исследовании последних лет антропологи выявили ряд отличий черепа ребенка от черепов неандертальцев по нижней челюсти, при этом по размерам лицевого отдела есть сходство с неандертальцем [Харитонов, Бужилова, Сухова, 2013].

К 1960 г. на стоянке было обнаружено ок. 60 тыс. костей животных, из которых основную часть (ок. 50 тыс. костей) составляли кости европейского плейстоценового осла (*Equus hydruntinus*), обитавшего в западной части Евразии [Формозов, 1958]. В меньшем количестве в коллекции присутствуют сайгак (*Saiga tatarica*), олени (*Cervus elaphus, Cervus sp.*), хищники и некоторые птицы [Marks et al., 1997].

Археологическая коллекция среднепалеолитических комплексов Староселья содержит большое количество костяных орудий. Первое исследование костяных изделий Староселья провели М.Д. Гвоздовер и А.А. Формозов [1960]. Авторы, исследовав кости с выкрошенными площадками, пришли к выводу, что фрагменты служили ретушерами, уточняя, что неандертальцы ими надавливали на край каменного орудия. В этой работе были приведены минимальные и максимальные размерные значения артефактов, активных зон и следов на них, однако более подробные морфометрические данные об артефактах опубликованы не были.

Материалы и методы

Для данного исследования были отобраны 65 орудий из археологической коллекции Староселья, хранящейся сегодня в НИИ и музее антропологии

МГУ. Выборка была составлена случайным образом, однако предпочтение отдавалось целым орудиям.

Для измерений следов (лунки и канавки) на активных зонах ретушеров был использован видеомикроскоп высокого разрешения Hirox RH-2000, позволяющий на микроуровне анализировать следы на ретушерах. Были измерены длина, ширина и глубина четко различимых, не перекрывающих друг друга насечек и лунок.

Визуализация артефактов была выполнена путем создания бестекстурных трехмерных моделей. Модели были получены посредством применения сканера структурированного подсвета RangeVision Spectrum. После сканирования они обрабатывались с помощью RangeVisionScanCenter и RangeVisionScanMerge [Kolobova et al., 2019]. Постобработка моделей выполнялась в Autodesk Netfabb, Geomagic Design X и Geomagic Wrap (trial versions).

Для сравнения метрических данных были применены методы математической статистики, в частности, непараметрический критерий Манна-Уитни и Т-критерий Стьюдента [Гржибовский, 2008]. Вычисления проводились в программе PAST 3 [Hammer, Harper, Ryan, 2001]. На предварительном этапе обработки данных для определения нормальности распределения данных исследуемых выборок был применен тест Шапиро – Уилка.

Результаты

Сырье. Для заготовок орудий использовались преимущественно длинные трубчатые кости гидрунтинуса. Все ретушеры из выборки изготовлены из разных частей длинных трубчатых костей, чаще фрагментов диафизов, реже обломков эпифизов (например, нижний конец пястной/плюсневой кости). Были определены 16 костяных обломков, из которых 3 фрагмента плюсневой кости, 3 фрагмента метаподий (плюсневая/пястная кости), 3 обломка большой берцовой кости, 6 обломков плечевой, 1 осколок бедренной. На остальных артефактах признаки, позволяющие с точностью определить элемент скелета, не были обнаружены.

Тафономия. Все ретушеры выборки имеют хорошую сохранность, кортикальный слой практически не поврежден, поэтому следы сработанности четко видны. Фрагменты светлые, имеют желтоватый оттенок. На двух ретушерах зафиксированы следы погрызов (табл. 1). Некоторые орудия имеют незначительные свежие сломы, не касающиеся активных зон, вероятно появившиеся после извлечения из слоя.

Размер ретушеров. Длина всех ретушеров составляет от 52,8 до 156,5 мм, ее среднее значение

Таблица 1. **Виды следов на костяных ретушерах Староселья**

Вид повреждения	Ретушеры (экз.)	% от общего числа
Погрызы	2	3
Скобление	37	56,9
Порезы	6	9,2
Следы ударов отбойника	43	66,1
Оббивка	13	20
Всего	65	

Таблица 2. **Количество активных зон на ретушерах Староселья**

Активные зоны (экз.)	Ретушеры (экз.)	% от общего числа орудий
1	43	66,2
2	21	32,3
3	1	1,5
Всего	65	

79,2 мм. Ширина – от 15,8 до 41,6 мм со средним значением 27,3 мм. Показатели толщины варьируются в диапазоне от 4,1 до 10,7 мм, их среднее значение 7,6 мм.

Из размерных показателей наиболее высокое стандартное отклонение получилось у длины, оно составило 18,7, в то время как у ширины и толщины этот показатель равен 5,4 и 1,5 соответственно.

Активные зоны. Всего на 65 ретушерах Староселья обнаружено 88 активных зон. Орудия имеют по одной, две или три активных площадки разной степени утилизации (табл. 2). Большинство активных площадок расположены на выпуклой поверхности кости (60 %). Ориентация следов горизонтальна, она перпендикулярна вертикальной оси ретушера, в редких случаях – слегка наклонена из-за формы поверхности кости. Из 88 активных зон 44 (43 %) площадки определены как слабо сработанные, 38 (48,6 %) зон со средней степенью утилизации и лишь 6 (8,3 %) зон с высокой степенью утилизации. Построенные диаграммы размаха показали, что орудия с разной степенью утилизации не отличаются по размерам (рис. 1). Была выявлена статистическая разница в длине ретушеров с разным количеством активных зон (U = 293,5, p = 0,013 по U-критерию Манна-Уитни). Ретушеры с двумя активными площадками в среднем длиннее, чем инструменты с одной площадкой (рис. 1). По ширине, напротив, разница незначительная (t = 0,647, p = 0,519 по Т-критерию Стьюдента). Размеры активных зон в среднем 14,8 мм в длину и 9,7 в ширину. Большинство зон расположены по центру вертикальной оси, они составили 65 % от

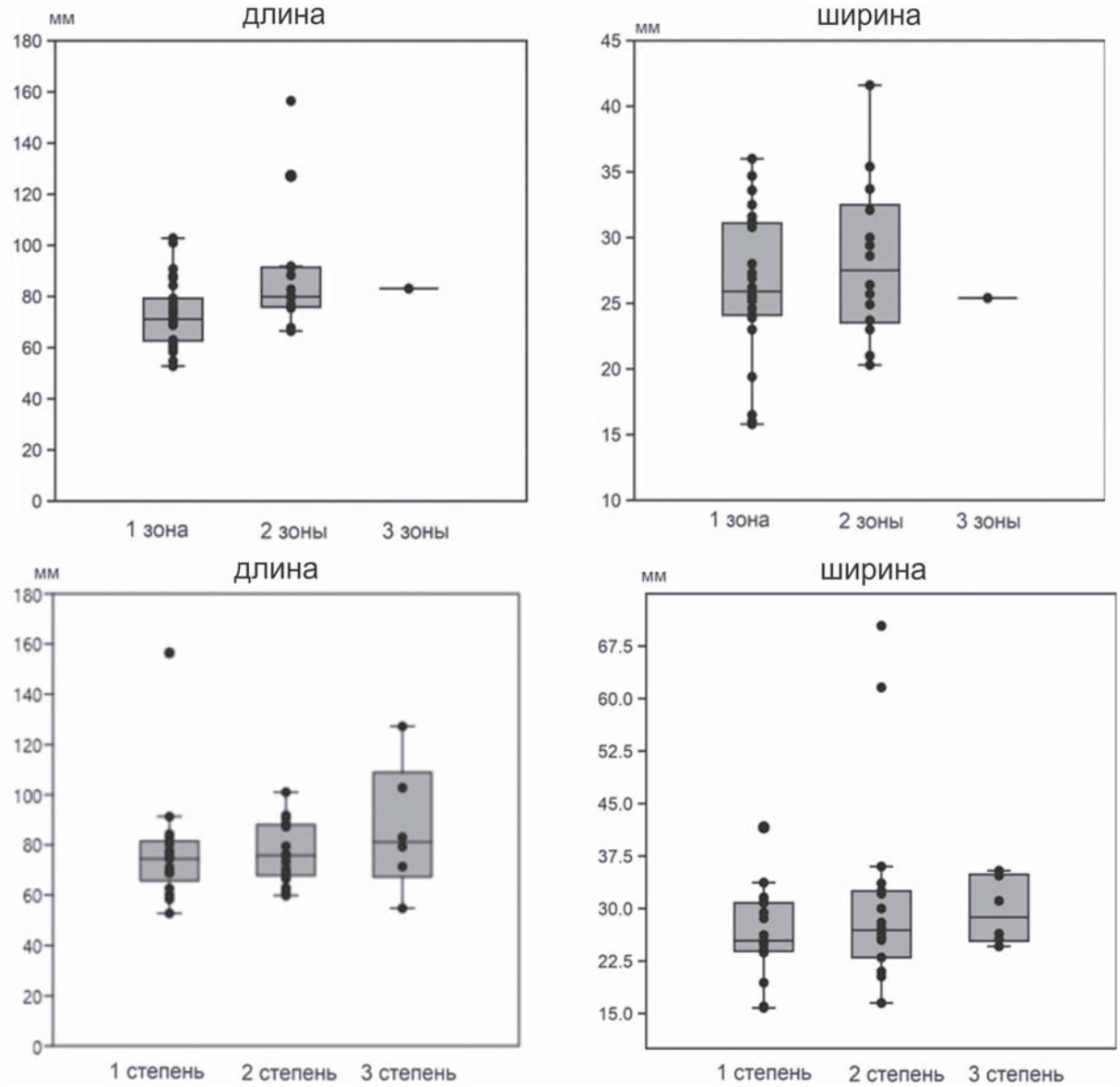


Рис. 1. Длина и ширина ретушеров Староселья в зависимости от количества активных зон и от степени модификации.

общего числа, остальные 35 % зон латерализованы. Количество зон, смещенных вправо и влево, практически одинаково (22 и 20 зон соответственно). Значимых различий в размерах активных зон, расположенных с краю или по центру, не зафиксировано ни по длине, ни по ширине (U = 568, p = 0,128, U = 674 p = 0,683 по U-критерию Манна – Уитни соответственно).

На ретушерах Староселья были зафиксированы следы расщепления кости каменным отбойником, они имеют округлую форму с углом раскрытия более 90˚ и располагаются по краям костяного обломка [Blumenshine, Selvaggio, 1988]. На некоторых ретушерах отмечены последовательные следы оббивки края, свидетельствующие о подправке формы мастером после первичного расщепления кости (рис. 2). На поверхности 37 артефактов (57 % от общего количества ретушеров) присутствуют длинные тонкие царапины – следы скобления (рис. 3). Обычно такие следы интерпретируются как результат снятия надкостницы [Auguste, 2002], но нельзя отвергать и другие варианты происхождения таких следов, связанные с ретушированием каменных орудий, так как мастер перед нанесением ретуши может намеренно сглаживать острый каменный край орудия ретушером, оставляя в результате царапины на последнем. На 6 ретушерах (9,2 %) отмечены порезы от разделки туши животного (табл. 1). Порезы короче, чем следы скобления и расположены относительно параллельно друг другу.

Размеры следов на активных зонах. Были определены метрические параметры 63 следов, которые делились на две категории – лунки (27 следов) и насечки/канавки (36 следов). Лунки имеют округлую

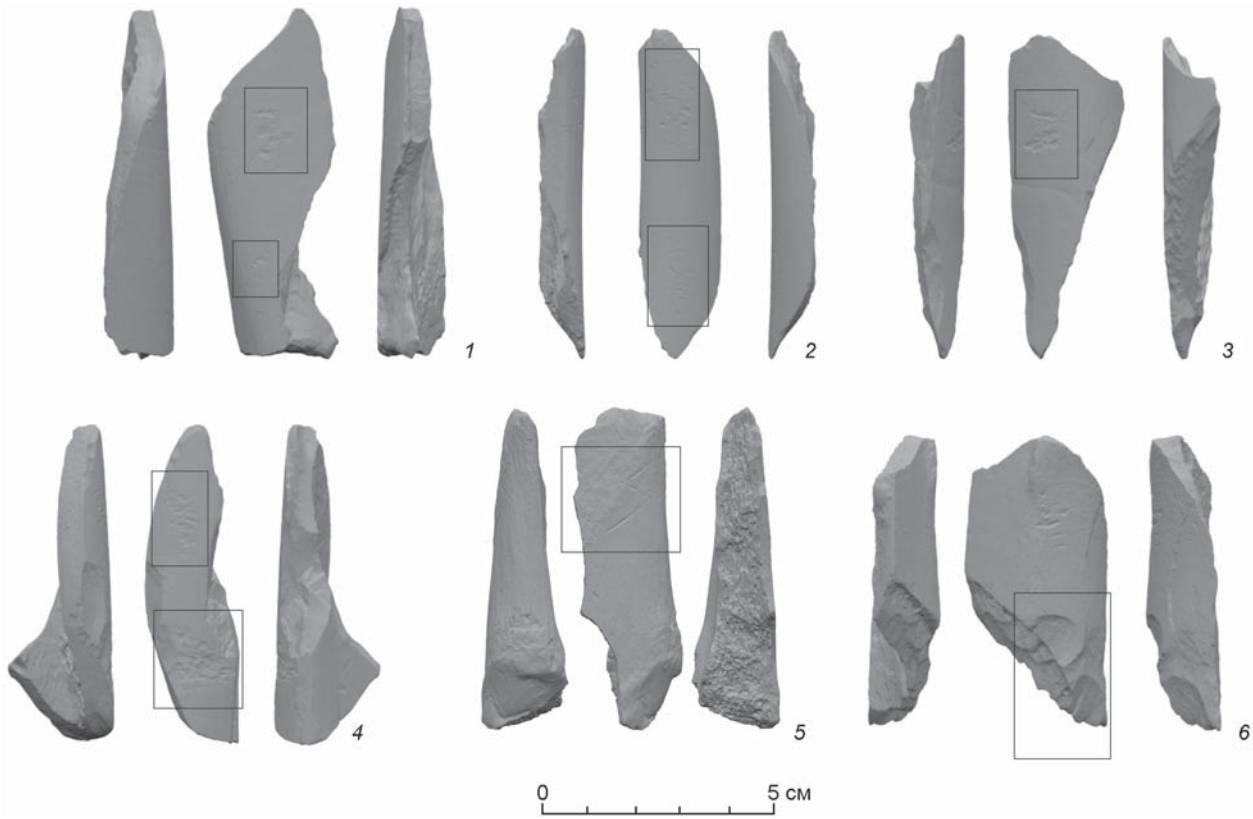


Рис. 2. Костяные ретушеры Староселья.

1, 2, 4 – ретушеры с двумя активными зонами; *3, 6* – ретушеры с одной активной зоной; *5* – пример порезов от разделки туши; *6* – пример следов обработки края ретушера.

форму, а насечки форму коротких штрихов (рис. 3). Длина следов на рабочих поверхностях ретушеров, отнесенных к категории «лунки», находится в диапазоне от 0,6 до 2,53 мм, среднее значение – 1,29 мм. Их ширина от 0,48 до 1,86 мм, ее среднее значение – 0,99 мм. Глубина лунок варьируется от 0,08 до 0,45 мм со средним значением 0,22 мм. Следы, определенные как насечки/канавки, имеют минимальную длину 0,12 мм, а максимальную – 6,33 мм, ее среднее значение – 2,44 мм. Самая узкая насечка из выборки 0,1 мм в ширину, а самая широкая – 1,43 мм, среднее значение ширины – 0,49 мм. Глубина насечек составляет от 0,06 до 3 мм, ее среднее значение – 0,23 мм. Стандартное отклонение по длине у насечек больше, чем у лунок, оно составило 1,43 и 0,56 соответственно. У показателей ширины стандартное отклонение, напротив, сильнее у лунок (0,37), чем у насечек (0,29). У глубины лунок этот показатель составил 0,1, а у глубины насечек 0,14 (рис. 4).

Выводы

Неандертальцы Староселья для изготовления ретушеров предпочитали исключительно кости животных, добытых на охоте, а именно – гидрунтинового осла. Они предпочитали обломки диафизов длинных трубчатых костей, при этом в коллекции также присутствуют единичные дистальные эпифизы.

Опираясь на стандартные отклонения метрических характеристик исследуемых орудий, можно заключить, что длина – это наиболее изменчивый показатель ретушеров Староселья, а значения их толщины и ширины однородны. Вероятно, подбирались костяные фрагменты, наиболее удобные для фиксации в руке в процессе работы и не имеющие острых выступов в той части, которая держалась рукой. Не исключено, что ретушеры специально подправлялись по размеру, на это указывают и следы оббивки на некоторых орудиях. Однако часто есть риск перепутать их со следами первичного расщепления кости. Сегодня вопросы о наличии преднамеренного производства ретушеров, соответственно, и об отнесении таких орудий к категории формальных или неформальных остаются открытыми [Kolobova et al., 2020].

По результатам настоящего исследования были выявлены взаимосвязи метрических показателей костяных ретушеров с количеством активных зон на орудиях. Ретушеры с бóльшим количеством активных зон в среднем длиннее орудий с меньшим количеством зон износа. Чем длиннее ретушер, тем

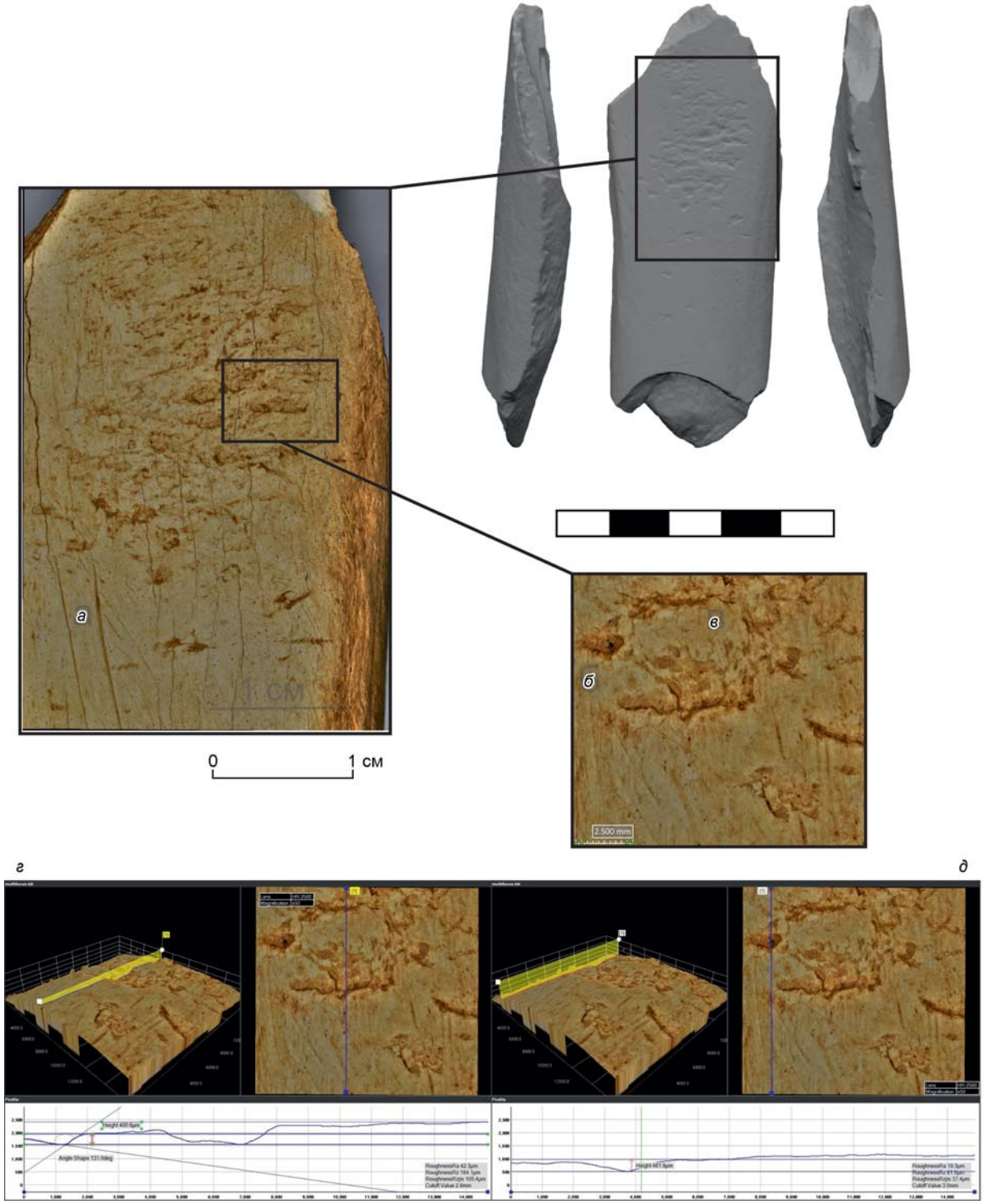


Рис. 3. Пример измерений следов (лунок и насечек) на ретушерах Староселья при помощи видеомикроскопа высокого разрешения Hirox RH-2000.

а – следы скобления; *б* – лунка; *в* – насечка; *г* – измерение глубины насечки; *д* – измерение глубины лунки.

больше потенциальных активных зон для мастера и тем легче переворачивать его в руке.

Анализ метрических характеристик канавок и лунок показал, что по длине и ширине они имеют очень высокую вариабельность и отличаются друг от друга не только по форме, но и по размерам: лунки в среднем короче и шире, чем насечки. Это доказывает обоснованность выделения этих следов в две разные категории. Принято считать, что канавки появляются в результате контакта ре-

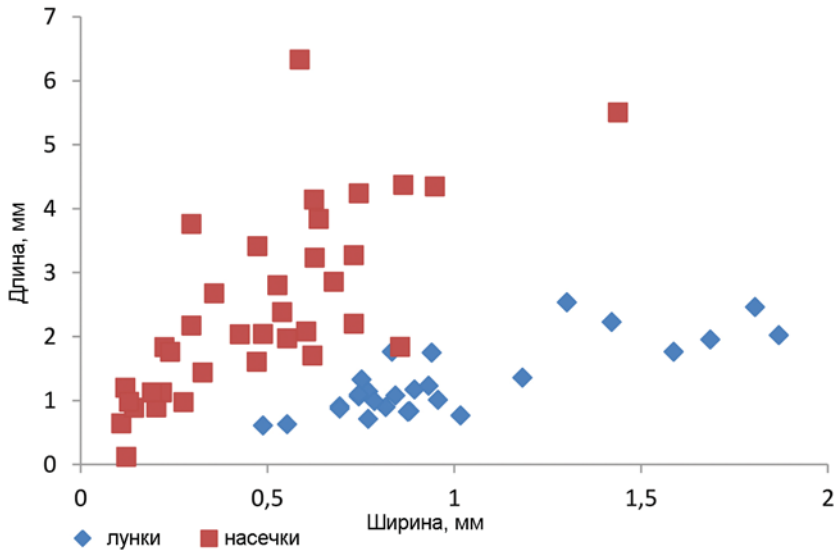


Рис. 4. Длина и ширина лунок и насечек на ретушерах Староселья.

тушера с прямым краем каменного инструмента, а лунки – от контакта с неровным краем [Mozota, 2018]. Большинство канавок на изученных ретушерах Староселья – 2–3 мм в длину. Если сравнивать их с размерами таких следов на ретушерах других памятников, то из наиболее близких можно отметить ретушеры крымской стоянки Кийк-Коба, на которых средняя длина канавок 3–4 мм, или Чагырской пещеры на Алтае, где их средняя длина 3 мм [Бонч-Осмоловский, 1940; Колясникова, Чистяков, Колясникова, 2021]. По длине они также близки со следами на ретушерах с памятников Ля Кина (Франция) и Фумане (Италия), где длина насечек находится в диапазоне от 2 до 6 мм [Malerba, Giacobini, 2002; Schwab, 2002; Auguste, 2002]. Интересно, что в работе М.Д. Гвоздовер и А.А. Формозова диапазон длины насечек на ретушерах Староселья вышел 7–8 мм, что сильно отличается от наших значений [1960]. Такая сильная разница могла получиться из-за разных выборок измеряемых следов или методов измерений. Измерения маленьких следов вручную без специального оборудования дают менее точную информацию, чем измерения, сделанные с помощью видеомикроскопа с высоким разрешением.

Применение видеомикроскопа высокого разрешения Hirox RH-2000 оказалось эффективным для построения поперечных профилей следов и проведения высокоточных измерений для изучения микросследов на ретушерах. В отличие от обычной фотографии на трехмерной модели более детально виден микрорельеф поверхности орудия. Значительным преимуществом микроскопа является возможность измерения глубины микро-следов орудий, что крайне сложно сделать вручную.

Результаты нашего исследования планируется в дальнейшем использовать для комплексного сравнения с морфометрическими характеристиками ретушеров из одно- и разнокультурных среднепалеолитических комплексов с целью определения их морфометрической вариабельности, возможно имеющей географический, биологический или антропологические контексты. С этой целью ретушеры стоянки Староселье необходимо сравнить с орудиями из самого восточного памятника европейского микока – Чагырской пещеры.

Благодарности

Трехмерное сканирование выполнено по гранту РНФ № 21-18-00376. Статистические исследования выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009.

Исследование проводилось с использованием оборудования ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», приобретенного МГУ по программе обновления приборной базы в рамках национального проекта «Наука». Авторы выражают благодарность Н.Я. Березиной и К.А. Колобовой за помощь в подготовке статьи.

Список литературы

Бонч-Осмоловский Г.А. Палеолит Крыма. Грот Кийк-Коба. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 1. – 203 с.

Гвоздовер М.Д., Формозов А.А. Использование кости на мустьерской стоянке Староселье в Крыму // Archeologicke Rozhledy. – Т. 12 (3). – Praha, 1960. – С. 390–403.

Голованова Л.В. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // КСИА. – 2017. – Вып. 246. – С. 169–184.

Гржибовский А.М. Типы данных, проверка распределения и описательная статистика // Экология человека. – 2008. – № 1. – С. 52–58.

Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. Ранний палеолит Крыма. – Киев: Наукова думка, 1993. – 221 с.

Колясникова А.С., Чистяков П.В., Колясникова А.С. Исследование следов на костяных ретушерах из Чагырской пещеры с использованием профилометра // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2021. – Т. 27. – С. 154–160.

Рогинский Я.Я. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье // СЭ. – 1954. – Вып. 1. – С. 27–41.

Филиппов А.К., Любин В.П. Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное распространение культурных остатков // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 142–147.

Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. – 1958. – № 71. – 124 с.

Харитонов В.М., Бужилова А.П., Сухова А.В. Опыт онтогенетического анализа на примере мустьерского ребенка из Староселья (Западный Крым) // Вестн. Моск. ун-та. – 2013. – Вып. 23, № 2. – С. 4–16.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 323 с.

Auguste P. Fiche éclats diaphysaires du Paléolithique moyen: Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Ca1ais) et Kulna (Moravie, République tchèque) // Industrie de l'os préhistorique: compresseurs, percuteurs, retouchoirs. Société préhistorique française / Patou-Mathis M. (ed.). – 2002. – P. 39–57.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai region, Russia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 68–88.

Blasco R., Rosell J., Cuartero F., Peris J., Gopher A., Barkai R. Using Bones to Shape Stones: MIS 9 Bone Retouchers at Both Edges of the Mediterranean Sea // PloS one. – 2013. N 8. – e76780.

Blumenschine R.J, Selvaggio M.M. Percussion marks on bone surfaces as a new diagnostic of hominid behavior // Nature. – 1988. – Vol. 333. – P. 763–765.

D'Errico F., Henshilwood C.S. Additional evidence for bone technology in the southern african middle stone age // J. Hum. Evol. – 2007. – N 52. – P. 142–163.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: paleontological statistics software package for educationand data analysis // Palaeontologia Electronica. – 2001. – Vol. 4 (1). – P. 1–9.

Kolobova K., Rendu W., Shalagina A., Chistyakov P., Baumann M., Koliasnikova A., Kovalev V., Krivoshapkin A. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to the Middle Paleolithic Retouchers from Altai // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 89–96.

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The use of 3d-modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian items (the case of anthropomorphic figurines from Tourist-2) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019. – Vol. 47, N 4. – P. 66–76.

Malerba G., Giacobini G. Fiche éclats diaphysaires avec marques transversales d'utilisation // Industrie de l'os préhistorique: compresseurs, percuteurs, retouchoirs. Société préhistorique française / Patou-Mathis M. (ed.). – 2002. – P. 29–38.

Marks A.E., Demidenko Yu., Monigal K., Usik V., Ferring C., Burke A., Rink W., Mckinney C. Starosele and the Starosele Child: New Excavations, New Results // Current Anthropology. – 1997. – Vol. 38, N 1. – P. 112–123.

Mozota M. Experimental programmes with retouchers: where do we stand and where do we go now? // The Origins of Bone Tool Technologies / Hutson J.M., García-Moreno A., Noack E.S., Turner E., Villaluenga A., GaudzinskiWindheuser S. (Eds.). – Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz. – 2018. – P. 15–33.

Schwab C. Fiche éclat diaphysaires du Paléolithique moyen et supérieur: la grotte d'Isturitz (PyrénéesAtlantiques) // Industrie de l'os préhistorique: compresseurs, percuteurs, retouchoirs. Société préhistorique française / Patou-Mathis M. (ed.). – 2002. – P. 59–73.

References

Auguste P. Fiche éclats diaphysaires du Paléolithique moyen: Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Ca1ais) et Kulna (Moravie, République tchèque). In *Retouchoirs, Compresseurs, Percuteurs...Os à Impressions et à Éraillures.* Société Préhistorique Française, Paris. 2002. P. 39–57.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia. *Quatern.y Intern.l*, 2020. Iss. 559. P. 68–88.

Blasco R., Rosell J., Cuartero F., Peris J., Gopher A., Barkai R. Using Bones to Shape Stones: MIS 9 Bone Retouchers at Both Edges of the Mediterranean Sea. *PloS one*. 2013. N 8. e76780.

Blumenschine R.J, Selvaggio M.M. Percussion marks on bone surfaces as a new diagnostic of hominid behavior. *Nature*, 1988. Vol. 333. P. 763–765.

Bonch-Osmolovskiy G.A. Paleolit Kryma. Grot KiikKoba. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1940. Vol. 1. P. 203. (In Russ.).

Chabaj V.P. Srednij paleolit Kryma. Simferopol': Shlyah, 2004. 323 p. (In Russ.).

D'Errico F., Henshilwood C.S. Additional evidence for bone technology in the southern african middle stone age, *J. Hum. Evol*., 2007. N 52. P. 142–163.

Filippov A.K., Lyubin V.P. Kostyanye retushery iz must'erskogo sloya i prostranstvennoe rasprostranenie kul'turnyh ostatkov. In *Neandertal'cy Guppskogo ushchel'ya na Severnom Kavkaze*. Majkop: Meoty, 1994. P. 142–147. (In Russ.).

Formozov A.A. Peshchernaya stoyanka Starosel'e i ee mesto v paleolite. *MIA*, 1958. N 71. 124 p. (In Russ.).

Golovanova L.V. Kostyanye izdeliya v srednem i verhnem paleolite Kavkaza. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 2017. Vol. 246. P. 169–184. (In Russ.).

Grzhibovskij A.M. Data types, control of distribution and descriptive statistics. *Ekologiya cheloveka*, 2008. N 1. P. 52–58. (In Russ.).

Gvozdover M.D., Formozov A.A. Ispol'zovanie kosti na must'erskoj stoyanke Starosel'e v Krymu. *Archeologicke Rozhledy*. Vol. 12 (3). – Praha, 1960. P. 390–403. (In Russ.).

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: paleontological statistics software package for educationand data analysis. *Palaeontologia Electronica*, 2001. Vol. 4 (1). P. 1–9.

Haritonov V.M., Buzhilova A.P., Suhova A.V. Opyt ontogeneticheskogo analiza na primere must'erskogo rebenka iz Starosel'ya (Zapadnyj Krym). *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2013. Vol. 23. N 2. P. 4–16. (In Russ.).

Koliasnikova A.S., Chistyakov P.V., Koliasnikova A.S. Morphometric study of traces on bone retouchers from the chagyrskaya cave using a profilometer. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 154–160. (In Russ.).

Kolobova K., Rendu W., Shalagina A., Chistyakov P., Baumann M., Koliasnikova A., Kovalev V., Krivoshapkin A. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to the Middle Paleolithic Retouchers from Altai, *Quatern. Intern.,* 2020. Vol. 559. P. 89–96.

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The use of 3d-modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian items (the case of anthropomorphic figurines from Tourist-2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. Vol. 47. N 4. P. 66–76.

Kolosov Yu.G., Stepanchuk V.N., Chabaj V.P. Rannij paleolit Kryma. Kiev: Naukova dumka, 1993. 221 p. (In Russ.).

Malerba G., Giacobini G. Fiche éclats diaphysaires avec marques transversales d'utilisation. In *Retouchoirs, Compresseurs, Percuteurs...Os à Impressions et à Éraillures.* Société Préhistorique Française, Paris, 2002. P. 29–38.

Marks, A.E., Demidenko Yu., Monigal K., Usik V., Ferring C., Burke A., Rink W., Mckinney C. Starosele and the Starosele Child: New Excavations, New Results. *Current Anthropology,* 1997. Vol. 38. N 1. P. 112–23.

Mozota M. Experimental programmes with retouchers: where do we stand and where do we go now? In *The Origins of Bone Tool Technologies*. Verlag des RömischGermanischen Zentralmuseums, Mainz, 2018. P. 15–33.

Roginskij Ya.Ya. Morfologicheskie osobennosti cherepa rebyonka iz pozdnemust'erskogo sloya peshchery Starosel'e. *Sovetskaya etnografiya,* 1954. Vol. 1. P. 27–41. (In Russ.).

Schwab C. Fiche éclat diaphysaires du Paléolithique moyen et supérieur: la grotte d'Isturitz (PyrénéesAtlantiques). In *Retouchoirs, Compresseurs, Percuteurs...Os à Impressions et à Éraillures.* Société Préhistorique Française, Paris, 2002. P**.** 59–73.

Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-373
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0003-2278-5948
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Медведев С.П. https://orcid.org/0000-0003-0916-184X

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0152-0156
УДК 552+903.01

Н.А. Кулик, М.Б. Козликин✉, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Каменное сырье индустрий раннего среднего палеолита из Денисовой пещеры

В статье на основе петрографического анализа артефактов дана характеристика каменного сырья индустрий ранней стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры. Для изучения была сделана выборка изделий с вторичной обработкой из слоев 14 и 15 в восточной галерее пещеры и слоев 17 и 18 в ее южной галерее. После исследования физических свойств под бинокулярной лупой породы определялись в шлифах. Применялись также рентгенофазовый анализ и сканирующая электронная микроскопия. Использованное каменное сырье по петрографическому составу на 88 % представлено осадочными породами – преимущественно кварцевыми и полевошпат-кварцевыми мелкозернистыми песчаниками, алевропесчаниками и алевролитами. У нескольких артефактов отмечены слабовыраженные контактовые изменения этих пород, обнаруженные только при микроскопии в петрографических шлифах. Вулканические породы представлены афировыми и порфировыми эффузивами. Тонкозернистость пород и их преимущественно массивная текстура позволяли производить скалывания в разных направлениях, что повышало универсальность материала для изготовления орудий. Установлено, что источником каменного сырья служили силурийские осадочные породы чинетинской и полатинской свит в верховьях р. Каракол, где они прорваны Бащелакским массивом девонских гранитоидов. Этот вывод подтверждается наличием изделий из ороговикованных разностей осадочных пород, а также преобладанием среди них алевролитов и алевропесчаников серого и темно-серого цвета, которые характерны только для отложений чинетинской и полатинской свит. Исследование показало, что древнейшие обитатели Денисовой пещеры были хорошо знакомы с петрофизическими свойствами галечного сырья из руслового аллювия р. Ануй и его притоков. Отбирались наиболее однородные отдельности твердостью 5–6,5 по шкале Мооса.

Ключевые слова: *Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия, петрография, галечное сырье, осадочные и эффузивные породы.*

N.A. Kulik, M.B. Kozlikin✉, M.V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Raw Materials of the Early Middle Paleolithic Industries from Denisova Cave

Based on the petrographic analysis of artifacts, the article characterizes the lithic raw materials of the Early Middle Paleolithic industries from Denisova Cave. For the study, a sample of objects with secondary treatment was taken from layers 14 and 15 in the East Chamber of the cave and layers 17 and 18 in its South Chamber. After studying physical properties under a binocular magnifying glass, the rocks were determined in thin sections. The X-ray phase analysis and scanning electron microscopy were also used. According to the petrographic composition, 88 % of the used raw materials are represented by sedimentary rocks, primarily quartz and feldspar-quartz fine-grained sandstones, silty sandstones, and siltstones. Several artefacts show weak contact alterations of these rocks detected only by microscopy in petrographic thin sections. Volcanic rocks are aphyric and porphyritic. The fine-grained rocks and their predominantly massive texture made it possible to split in different directions, which increased material versatility for making tools. It has been established that Silurian sedimentary rocks of the Chineta and Polatinskaya formations in the upper reaches of the Karakol River served as a source of raw materials, where they are intruded by the Bashchelak mass of Devonian granitoids. This is confirmed by the presence of products from hornfelsed sedimentary rocks, as well as the predominance of gray and dark gray siltstones and silty

sandstones among them, which are typical only for the deposits of the Chineta and Polatinskaya formations. The study has shown that the most ancient inhabitants of the Denisova Cave were well acquainted with petrophysical properties of pebble raw materials from the channel alluvium of the Anui River and its tributaries. The most homogeneous pebbles were selected with a hardness of 5–6.5 according to the Mohs hardness scale.

Keywords: *Denisova Cave, Middle Paleolithic, lithic industry, petrography, pebble raw materials, sedimentary and effusive rocks.*

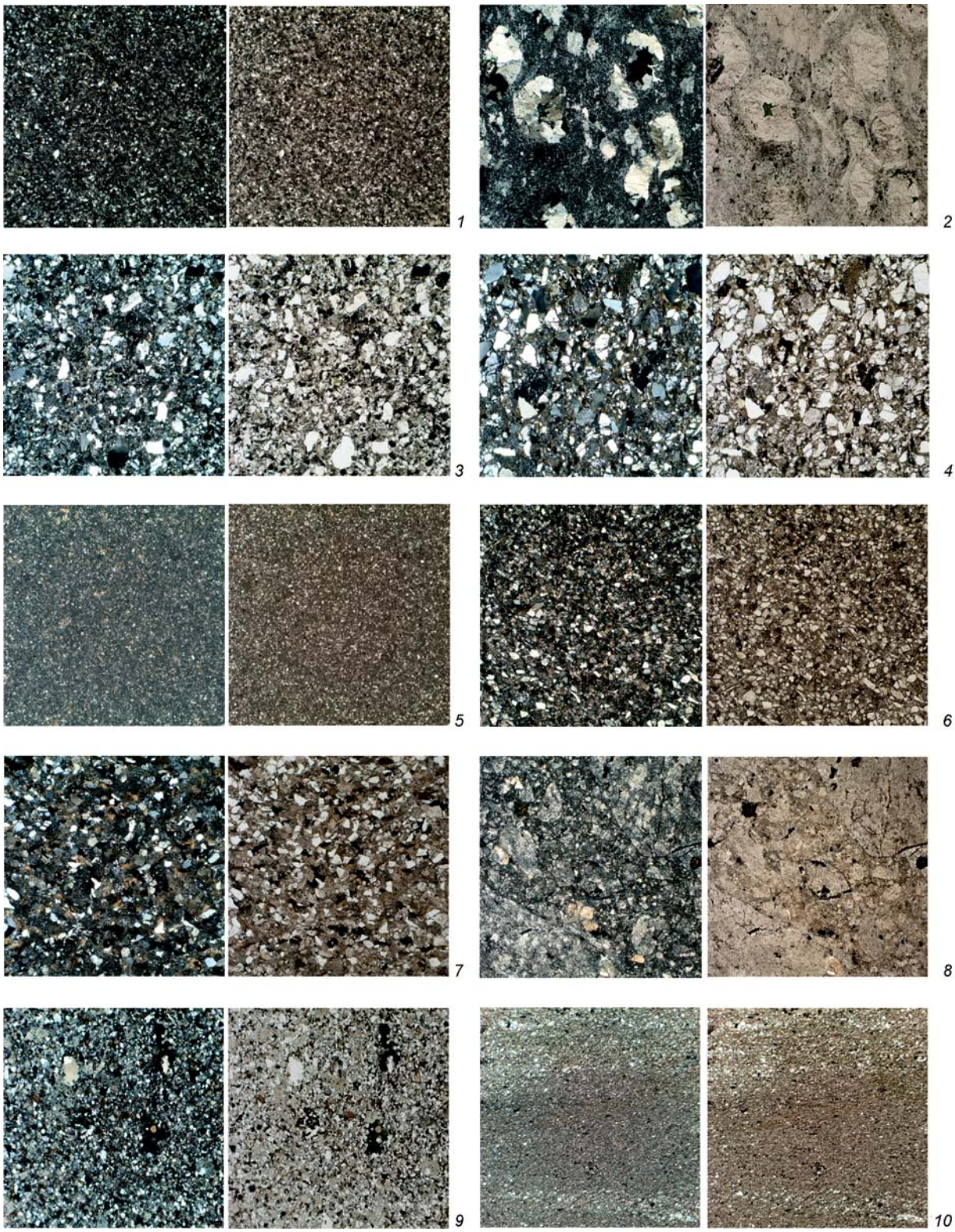
Первый этап активного заселения Денисовой пещеры человеком связан с периодом благоприятных природно-климатических условий МИС 7 во второй половине среднего плейстоцена. В отложениях этого времени обнаружены десятки тысяч каменных артефактов ранней стадии среднего палеолита. Для этих индустрий характерно радиальное, параллельное и в меньшей степени леваллуазское расщепление. Основным типом заготовок являлись крупные короткие или укороченные массивные отщепы. Среди изделий с вторичной обработкой преобладали различные типы скребел, вентрально-утонченных и базально-тронкированных изделий, а также зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия.

Ранее было установлено, что сырьевой базой каменных индустрий из Денисовой пещеры и других палеолитических стоянок долины р. Ануй служил русловой аллювий основного водотока и его притоков [Природная среда …, 2003]. Из всего петрографического разнообразия галечных отдельностей наиболее подходящими для расщепления являлись эффузивы – риолит-дацитовые порфиры Ануйского хребта, тонко-мелкозернистые осадочные породы – алевролиты, песчаники, распространенные в бассейне Ануя, а также роговики и яшмоиды. Петрографическая характеристика среднепалеолитических индустрий из Денисовой пещеры, проведенная по выборкам из коллекций предвходовой площадки, центрального зала и восточной галереи, свидетельствует о целенаправленном отборе каменного сырья [Кулик, Шуньков, Козликин, 2014]. Работы последних лет в пещере значительно расширили базу археологических источников по ранней стадии среднего палеолита, что обусловило необходимость дополнительных исследований сырьевых стратегий древнейших обитателей пещеры. Для этого были сделаны выборки изделий с вторичной обработкой из слоев 14 и 15 в восточной галерее и слоев 17 и 18 в южной галерее (см. *таблицу*).

Установлено, что петрографический состав каменного сырья на 88 % представлен осадочными породами – преимущественно кварцевыми и полевошпат-кварцевыми, нередко полимиктовыми разностями мелкозернистых песчаников, алевропесчаников и алевролитов. Они часто связаны взаимными переходами, затрудняющими макроскопическое определение преобладающей разности в едином осадочном комплексе. Для этих пород характерен аргиллитовый, преимущественно базальный цемент – кремнисто-глинистый, реже – кремнисто-глинисто-карбонатный. В артефактах контактовые изменения проявлены слабо и обнаруживаются только при микроскопии в петрографических шлифах, не меняя существенно облик и свойства каменного сырья. В ряде случаев, когда определение под бинокулярной лупой минерального состава образцов из-за их тонкозернистости оказывалось невозможным, а диагностика неоднозначной, для более точной диагностики пород были изготовлены шлифы. Применялись также метод рентгенофазового анализа (РФА) и сканирующая электронная микроскопия (СЭМ). С их помощью

Петрографический состав изделий ранней стадии среднего палеолита из Денисовой пещеры

Породы	Восточная галерея		Южная галерея		Всего	
	Сл. 15	Сл. 14	Сл. 18	Сл. 17	Кол-во	%
Песчаники	19	8	2	2	31	28,7
мелкозернистые	15	7	1	2	25	23,1
среднезернистые	4	1	1		*6*	*5,6*
Алевролиты, алевролито-песчаники	9	7	1	8	25	23,1
Скрытокристаллическиетонкозернистые алевролит-аргиллитового ряда	13	20	4	2	39	36,1
Эффузивы	6	7	–	–	13	12,0
порфировые	6	5	–	–	11	10,2
афировые	–	*2*	–	–	*2*	*1,9*
Всего	47	42	7	12	108	100



Микрофотографии петрографических шлифов образцов каменных артефактов из слоев 15 (*6*) и 14 (*1–5, 7–10*) восточной галереи Денисовой пещеры. Размер участка шлифа на фотографии 8 – 6 × 6 мм, на остальных – 3 × 3 мм. Для каждого образца приводится фотография в скрещенных николях (слева) и в проходящем свете (справа).

сделан анализ породы трех артефактов из слоя 15 и девяти изделий из слоя 14 в восточной галерее.

Образец 22 (см. *рисунок*, *1*). Однородно серая скрытокристаллическая тонкозернистая порода, твердостью 5,5. С помощью дополнительной СЭМ-диагностики определена как ороговикованный алевролит.

Образец 85 (см. *рисунок*, *2*). Почти черная порода, твердостью 7. Скалывания неровные, есть близкие к раковистым. Кислый раскристаллизованный эффузив с превращением в тонкозернистый кварцевый агрегат, определившим высокую твердость и сходство с кремнем.

Образец 130 (см. *рисунок*, *3*). Однородная темно-серая порода, твердостью 6. Мелкозернистый песчаник, переходящий в алевролит (алевропесчаник) с рассеянными зернами обломочного кварца средне-песчаной размерности.

Образец 244. Тонкозернистая серая порода с более светлыми просвечивающими заусенцами, твердостью 6,5–7. Мелкозернистый полимиктовый песчаник с содержанием кварца до 20 %, вкрапленниками эпидота с белой каймой, предположительно, сфена.

Образец 277 (см. *рисунок*, *4*). Темно-серая почти черная порода сложного минерального состава с массивной текстурой, твердостью от 5 до 6,5. Полимиктовый песчаник, преимущественно полевошпат-кварцевый с акцессориями, средне-мелкозернистый с алеврит-аргиллитовым хлорит-гидрослюдистым цементом.

Образец 311 (см. *рисунок*, *5*). Зеленовато-серая массивная порода, твердостью 6–6,5. Согласно результатам РФА, это скрытокристаллическая кварц-полевошпатовая осадочная порода – алевролит с тонкодисперсным кремнисто-глинисто-карбонатным цементом, испытавший контактово-метасоматическое изменение в зоне контакта с гранитоидным массивом верховьев р. Каракол, с образованием за счет кремнисто-глинисто-карбонатного цемента скарновой ассоциации, включающей диопсид, актинолит и хлорит. Является высококачественным сырьем для расщепления.

Образец 443 (см. *рисунок*, *6*). Серая и светло-серая порода с матовой шероховатой сколовой поверхностью, без выраженной слоистости, твердостью от 4 до 6. В шлифе определена как мелкозернистый песчаник с алеврит-аргиллитовым цементом, повышенное содержание которого снижает твердость породы.

Образец 544 (см. *рисунок*, *7*). Темно-серая с более светлыми круглыми пятнами порода, твердостью 6,5. Мелкозернистый кварцевый песчаник с алеврит-аргиллитовым цементом, со следами слабого ороговикования в виде появления каемки регенерации на обломочном кварце.

Образец 678 (см. *рисунок*, *8*). Темно-серая порода, тонкозернистая на свежем сколе, текстура массивная, без вкрапленников и слоистости, твердостью 6,5. Сильно измененный эффузив с тончайшей раскристаллизацией основной массы. Порода трещиноватая и пелитизированная – изломанные участки непрозрачные, мутные, на пересечении трещин в пустотах отмечено образование микродрузового агрегата кварца за счет раскристаллизованной части.

Образец 787. Темно-серая тонко-мелкозернистая порода с зернами кварца средних размеров, со скрытокристаллическими участками и единичными более крупными зернами кварца. Алевропесчаник, варьирующий от алевролита до мелкозернистого песчаника без резких границ, твердостью от 5,5 до 7.

Образец 843 (см. *рисунок*, *9*). Серая порода, неравномернозернистая, невыдержанной твердостью 5–5,5. Отмечены признаки контактового прогрева – регенерация наиболее крупных угловатых зерен кварца с появлением на сколовых линиях каемки мельчайших выступов в сторону аргиллитового агрегата. В шлифе отмечено, что аргиллитовый материал сильно раздроблен, с образованием обломков слоистой текстуры вследствие, видимо, внедрения Бащелакской интрузии. Образцы такого облика обнаружены в коренных выходах кембрийских пород в верховьях р. Мута, около контакта с Бащелакским массивом.

Образец 1093 (см. *рисунок*, *10*). Зеленовато-темно-серая тонкозернистая порода со слоистой текстурой, твердостью 4,5–5. Аргиллит с тонкими прослойками и линзами материала алевритовой размерности, формирующими слабую сланцеватость породы.

Анализ образцов показал, что скалывание производилось как вдоль слоистости, так и поперек. Определяющим фактором являлась форма гальки, которая зависела от текстуры (слоистая, массивная), связанной с генезисом породы, и от ее прочности (твердость, структура агрегата), зависящей от минерального состава и генезиса. Тонкозернистость и преимущественно массивная текстура осадочных пород позволяют производить скалывания в разных направлениях, что повышает их универсальность как каменного сырья для изготовления орудий. Твердость у этих осадочных пород составляет от 5 до 7 по шкале Мооса с преобладанием отдельностей с твердостью 5,5–6,5. Твердость эффузивных пород в основном 5 или 6.

Остатки галечной поверхности зафиксированы на 60 % образцов. На большинстве изделий эти участки слишком малы и не позволяют определить степень окатанности использованных галек.

У определимых образцов она соответствует ОК 2–3, в одном случае – ОК 4, что в условиях пересеченной местности свидетельствует о непродолжительном переносе обломков от коренного источника и местном происхождении аллювиального каменного сырья. Анализ дорсальной поверхности многочисленной выборки сколов крупнее 3 см из слоев 14 и 15 в восточной галерее (3 381 экз.) показал, что 22 % отщепов до 1/3 покрыты галечной коркой, 12 % – до 2/3 поверхности и 13 % являются первичными снятиями. У 23 % отщепов галечной коркой покрыты также остаточные ударные площадки.

Источником каменного сырья для изделий служили силурийские осадочные и эффузивные породы в верховьях р. Каракол, где они прорваны Бащелакским гранитоидным массивом. Этот вывод подтверждается преобладанием в коллекции тонкозернистых осадочных пород серого и темно-серого до черного цвета. Такие алевролиты и алевропесчаники характерны только для нижнесилурийских отложений чинетинской и полатинской свит. Последняя служит источником также светло-серых разностей тех же пород, отсутствующих в других осадочных свитах. Это заключение обосновано также наличием ороговикования в образцах, связанного с локализацией отложений чинетиской и полатинской свит в верховьях р. Каракол, где они подверглись контактовому воздействию одного из массивов Талицкого плутона.

Малочисленность образцов эффузивных пород не позволяет связать их с определенным источником. Гальки эффузивных пород могли поступать также с верховьев р. Каракол, один из истоков которого начинается в узкой полосе кислых эффузивов. Вместе с тем они могли происходить из местного речного аллювия, как например галька одного изделия из слоя 14 в восточной галерее, идентичная разности эффузивного или дайкового диабазового порфирита из руслового аллювия р. Ануй.

В целом исследование показало, что древнейшие обитатели Денисовой пещеры были хорошо знакомы с петрофизическими свойствами галечного сырья из руслового аллювия р. Ануй. Отбирались наиболее однородные отдельности, твердостью 5–6,5 по шкале Мооса. Для изготовления орудий использовались преимущественно осадочные породы, реже – отдельности вулканического происхождения.

Благодарности

Авторы признательны Л.В. Мирошниченко за проведение РФА анализа и А.В. Вишневскому за СЭМ диагностику и микрофотосъемку образцов. Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-78-00074, https://rscf.ru/project/21-78-00074/.

Список литературы

Кулик Н.А., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Петрография каменных артефактов из восточной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 57–59.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadganyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva V.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Kulik N.A., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Petrography of the lithic artifacts from the Denisova Cave East Chamber. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 57–59. (In Russ.).

Кулик Н.А. https://orcid.org/0000-0002-2641-5517
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0157-0163
УДК 902.01

Р.Н. Курбанов[1, 2, 3], А.А. Анойкин[1]✉, Т.Г. Филимонова[4], А.Ч. Караев[4], О.А. Мещерякова[1, 5], Е.П. Кулакова[1, 5], Е.А. Филатов[1], П.В. Чистяков[1], А.Ф. Шарипов[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[3]Институт географии РАН
Москва, Россия
[4]Институт истории, археологии и этнографии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[5]Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Геоархеологические исследования на памятнике Хонако III в Южном Таджикистане в 2022 году

В статье приводятся результаты работ совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции на памятнике Хонако III в Южном Таджикистане. Ранее памятник исследовался в 1996–2000 гг. В.А. Рановым и Й. Шефером. В 2022 г. работы велись на верхней части 70 м обнажения, на уровне педокомплексов (ПК) 1 и 2. Была выполнена склоновая врезка, пройденная на глубину до ~36 м от дневной поверхности до лессов под ПК 2, расширяющаяся на уровне педокомплексов до раскопов, площадью до 9 м^2. На разрезе выделено 17 основных пачек отложений, в т.ч. два развитых педокомплекса, причем оба представлены тремя хорошо выраженными палеопочвами. Проведены полевые измерения магнитной восприимчивости (МВ) отложений, что позволило уточнить хроностратиграфическое расчленение изученного разреза. Строение разреза и характер кривой МВ позволяют коррелировать ПК 1 с МИС 5, а ПК 2 с МИС 7. В ходе раскопочных работ было найдено 12 каменных артефактов: из ПК 1 – 5, из лессов между ПК 1 и ПК 2 – 2, из ПК 2 – 2, из лессов под ПК 2 – 1. Все находки представлены сколами разных размеров. Какой-либо динамики изменения признаков по уровням залегания не наблюдается. Можно сделать вывод о наличии на исследуемом участке археологических материалов не только в отложениях ПК, но и в разделяющих их лессовых толщах. Для решения проблемы установления точной хронологии отложений в верхней части обнажения Хонако III, на всех выделенных стратиграфических уровнях было отобрано 120 образцов на ОСЛ-датирование. Дополнительные естественно-научные данные позволят более детально реконструировать условия освоения древним человеком Таджикской депрессии за последний 200 тыс. лет.

Ключевые слова: *Таджикистан, средний палеолит, стратиграфия, лессы, палеопочвы, каменная индустрия.*

R.N. Kurbanov[1, 2, 3], A.A. Anoikin[1]✉, T.G. Filimonova[4], A.C. Karaev[4], O.A. Meshcheryakova[1, 5], E.P. Kulakova[1, 5], E.A. Filatov[1], P.V. Chistyakov[1], A.F. Sharipov[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[3]Institute of Geography of the RAS
Moscow, Russia
[4]Institute of History, Archaeology and Ethnography of the NAS RT
Dushanbe, Tajikistan
[5]Institute of Physics of the Earth of the RAS
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

2022 Geoarchaeological Study at Khonako III Site in Southern Tajikistan

The article discusses the results of excavations at the Khonako-III site in South Tajikistan carried out by the joint Russian-Tajik geoarcheological expedition. Previously, V.A. Ranov and J. Shefer studied the site in 1996–2000. In 2022, we studied the upper part of the 70 m outcrop, at the level of pedocomplexes (PC)1 and 2. During excavations, geological trench and archaeological pits covered a slope cut-in up to a depth of ~36 m, from the day surface to loess under PC-2, expanding at the level of pedocomplexes to an area of up to 9 sq. m. Within the studied section, 17 main sedimentary units were identified, including two developed pedocomplexes, both of which are represented by three well-defined paleosols. Field measurements of magnetic susceptibility (MS) of the deposits were carried out, which allowed clarifying the chronostratigraphic subdivision of the studied section. The structure of the section and the nature of the MS curve allow correlating PC-1 with MIS-5, and PC-2 with MIS-7. Twelve stone artifacts were found during excavations: 5 from PC-1, 2 from loess between PC-1 and PC-2, 2 from PC-2, and 1 from loess under PC-2. All finds are flakes of various sizes. No feature variation dynamics depending on the depth was observed. We can conclude on the presence in the studied area of archeological materials both in the PC deposits and in the loessic layers located between them. One hundred and twenty samples for OSL were collected from all mentioned units for high-resolution dating and establishing the reliable chronology of the upper part of the Khonako III outcrop. The additional natural science data will allow a detailed reconstruction of landscape and climate dynamics in the Tajik depression during the development by ancient humans in the last 200 ka.

Keywords: *Tajikistan, Middle Paleolithic, stratigraphy, loess, soil complex, lithic industry.*

Средняя Азия занимает особое положение на карте палеолитических памятников азиатского континента, представляя своего рода «транзитный мост» между территориями Ближнего Востока, Северной и Восточной Азии. Решение многих вопросов, являющихся наиболее актуальными для современного палеолитоведения, является невозможным без учета данных из этого региона.

В настоящее время Таджикистан, в контексте изучения древнейших этапов истории, известен как место распространения каратауской культуры, маркирующей начальные этапы освоения человеком Средней Азии, и связанной с таким явлением, как «лессовый палеолит» (рис. 1, *1*). Этот термин был предложен в конце прошлого века первооткрывателем и исследователем этих комплексов – В.А. Рановым. Под ним он понимал каменные индустрии раннего и среднего палеолита, залегающие в водораздельных лессах и погребенных в них почвах [Ранов, Шефер, 2000]. На территории региона типичные и наиболее представительные, в плане археологического материала, памятники этого типа известны сейчас в долине р. Оби-Мазар, в районе пос. Лахути (Ховалингский р-н Таджикистана), и относятся к раннему палеолиту – Кульдара, Оби-Мазар VI, Лахути I и др. Их возраст, на основании комплекса естественно-научных данных, в первую очередь палеомагнитных, определяется интервалом 0,9–0,4 млн л.н. [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005].

Материалы среднего палеолита в этом районе хорошо представлены на другом объекте – лессовом разрезе Хонако, также находящемся в долине р. Оби-Мазар, в ~15 км выше по течению от стоянок лахутинской группы (рис. 1, *3*). Наиболее активно эти комплексы изучались в 1996–2000 гг., когда таджикско-германская экспедиция, под руководством В.А. Ранова и Й. Шефера, проводила работы на нескольких участках этого протяженного обнажения. Основное внимание тогда было сосредоточено на изучении отложений педокомплексов 1 и 2 на памятнике Хонако III, также на основании естественно-научных данных относящихся к интервалу 240–80 тыс. л.н. [Ранов, Шефер, 2000; Schafer, Ranov, Sosin, 1998].

Обнажение Хонако находится в ~7 км к северо-востоку от г. Ховалинг и простирается на несколько километров от водораздела между реками Яхсу и Оби-Мазар до голоценовой террасы р. Оби-Мазар. В результате схода крупных блоков грунта здесь образовалось три цирка: западный, протяженностью 1 км, центральный, протяженностью ок. 350 м, и восточный, ок. 300 м, разделенные небольшими мысами. В восточном цирке А.Е. Додоновым был отработан разрез Хонако I, но этот участок в дальнейшем признан бесперспективным для стратиграфических описаний ввиду нарушения стенки повторным оползнем. Максимальную мощность отложения имеют в западном цирке, где вскрыта стенка лессово-почвенных серий высотой более 200 м. Здесь А.Е. Додоновым было выполнено описание разреза Хонако II [Додонов, 2002]. В центральном цирке видимая стенка составляет не более 70 м, в нижней части осложнена серией оползневых блоков. Цирк расположен на участке понижения, где уровень поверхности понижается на 15–20 м по сравнению с Хонако I и II. Здесь, в хорошо выраженной ложбине, в 1990-х гг. была заложена серия раскопов общей площадью ~100 м [Ранов, Шефер, 2000] – этот участок был впоследствии обозначен как Хона-

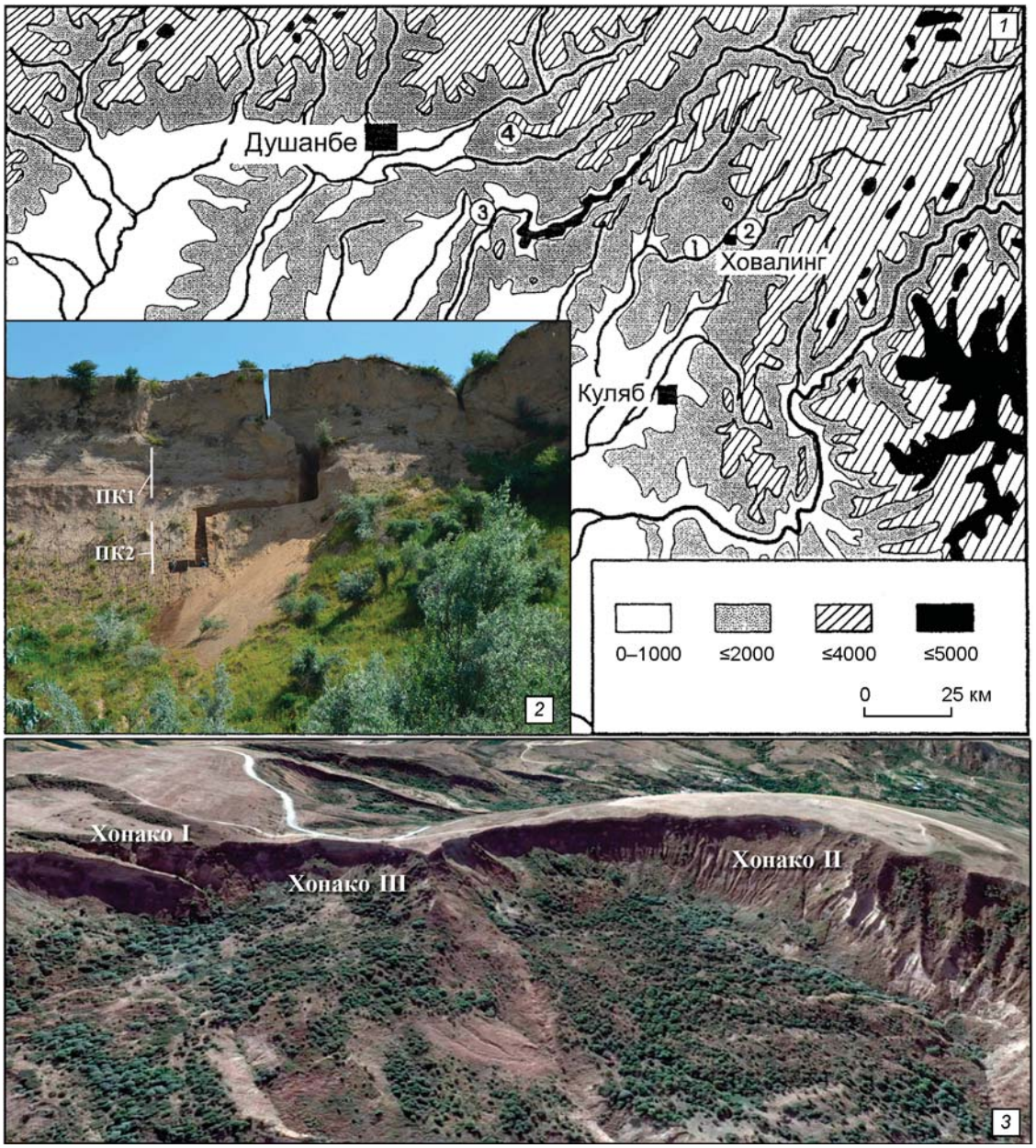


Рис. 1. Карта-схема расположения основных памятников лессового палеолита в Южном Таджикистане (по: [Ранов, Шефер, 2000]) (*1*), вид на участок работ 2022 г. на Хонако III с северо-запада (*2*) и общий вид обнажения Хонако (*3*).
1 – группа стоянок у пос. Лахути; 2 – группа стоянок на обнажении Хонако; 3 – Каратау; 4 – Карамайдан.

ко III. Раскопками была вскрыта верхняя часть отложений от дневной поверхности до кровли ПК 5. Археологические находки найдены во всех ПК, но в двух нижних педокомплексах присутствовали в очень незначительном количестве, от единичных артефактов в ПК 3 до нескольких десятков в ПК 4. Массовый материал присутствовал в верхних ПК (более 500 экз.) и радикально отличался по облику от раннепалеолитических индустрий, залегающих на уровнях ПК 6–4, как здесь, так и в районе пос. Лахути [Schafer, Ranov, Sosin, 1998].

Основная коллекция была связана с отложениями ПК 2, включающим не менее трех уровней залегания древних палеопочв. Обнаруженные в них технокомплексы имели схожий облик и рассматривались в рамках единой индустрии. Первичное расщепление было ориентировано на получение пластинчатых заготовок, в рамках параллельного однонаправленного расщепления. Нуклеусы в коллекции крайне редки (~1 %) и, как правило, сильно истощены. Тем не менее, здесь присутствует несколько типологически выраженных ядрищ, три из которых могут быть отнесены к категории протопризматических. Среди сколов пластины составляют ок. 45 %, изделия, в основном средние и крупные, длиной до 12 см, с правильной субпа-

раллельной огранкой дорсалов. На них выполнена большая часть орудий. Целевого производства отщепов не фиксируется, хотя отдельные экземпляры могут интерпретироваться, как полученные в рамках леваллуазской технологии. Процент отходов производства незначителен (~15 %). В орудийном наборе доминируют продольные однолезвийные скребла и ножи на пластинах. Есть один мустьерский остроконечник [Ранов, Шефер, 2000; Schafer, Ranov, Sosin, 1998].

Материалы из ПК 1, полученные в конце 1990-х гг. на Хонако III, были существенно менее многочисленны и представлены в основном сколами. Более информативна коллекция из ПК 1, зафиксированная тогда же на участке Хонако IV. Эти материалы опубликованы лишь предварительно, но данная индустрия характеризуется ее исследователями как мустьерская, со значительной долей леваллуазских элементов, преобладанием отщепов и в целом выглядит «архаичнее», чем ассамбляжи из ПК 2 [Schafer, Ranov, Sosin, 1998, с. 133].

Таким образом, материалы верхних ПК на обнажении Хонако являются основными при решении двух проблем в среднепалеолитической тематике региона. Первая – это появление здесь ранних пластинчатых технологий, которое может иметь как автохтонное происхождение и брать свое начало в поздних комплексах каратауской культуры, так и быть связано с миграцией носителей этих индустрий с Ближнего Востока. Последнее предположение В.А. Ранов рассматривал как одну из основных гипотез [Ранов, 1988; Ранов, Шефер, 2000]. Вторая – это вопрос о причинах «забегания вперед», которое видно при сравнении археологических материалов ПК 2 и ПК 1, когда более молодые индустрии строятся на «архаичных» элементах в первичном расщеплении (целевое производство отщепов, высокий процент использования леваллуазской техники) и в орудийных наборах [Ранов, Шефер, 2000; Schafer, Ranov, Sosin, 1998]. Является ли это отражением внутриндустриальной вариабельности, точно установить которую на настоящий момент не представляется возможным в виду недостаточной изученности этих комплексов и их относительной малочисленности, или здесь фиксируется чередование заселения этой территории разным населением со своими технологическими традициями, причем население могло принадлежать разным видам Homo. В этом случае в ПК 2, возможно, фиксируется пионерное заселение этой территории ранними *Homo sapiens*, не приведшее однако к их закреплению в регионе и, в дальнейшем, замещенными неандертальцами. Интересно, что наибольшее сходство археологические индустрии ПК 2 имеют с материалами стоянок Огзи-Кичик, Худжи и Дусти, относящихся к финальным фазам среднего и ранним стадиям верхнего палеолита. При этом их возраст предполагается в пределах 50–40 тыс. л.н. [Там же]. В целом, в настоящее время, эти комплексы, как и ассамбляжи из ПК 2 Хонако III, рассматриваются в рамках обирахматского варианта развития среднего палеолита, куда помимо перечисленных стоянок и самого грота Оби-Рахмат, входят индустрии Кульбулака (слой 23), Джаркутана и Ходжакента, находящиеся на территории Узбекистана [Кривошапкин, 2012].

Таким образом, изучение ПК 1 и ПК 2 обнажения Хонако и установление точной хронологии связанных с ними археологических комплексов имеет первостепенное значение для понимания процессов культурных изменений в регионе во время среднего палеолита и его смены верхнепалеолитическими индустриями.

В 2022 г. участники совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы в среднем течении р. Оби-Мазар. Главным объектом изучения являлась стоянка Лахути IV, обнаруженная здесь в 2021 г. [Анойкин и др., 2021]. Еще одним участком работ было выбрано обнажение Хонако, на участке памятника Хонако III. Основной целью междисциплинарных работ был, помимо установления уровней залегания артефактов в верхних ПК и расширения археологических коллекций, большой набор естественно-научных изысканий: палеомагнитный и петромагнитный анализы; абсолютное датирование четвертичных отложений люминесцентным и космогенным методами; анализ структуры залегания и состава палеопочв.

В ходе полевых работ 2022 г. на объекте была выполнена склоновая врезка, расположенная в 70 м к востоку от раскопа В.А. Ранова и пройденная на глубину до ~36 м от дневной поверхности (рис. 1, *2*). Выбор участка раскопок определялся задачей разработки детализированной хроностратиграфии разреза и характеристики условий осадконакопления в интервале от голоцена до подошвы ПК 2, т.е. наличием здесь ровной стенки, без осыпей и оползней, а также большей мощностью отложений для верхних ПК, чем в центральной части ложбины. Вскрышные работы велись серией ступенек-уступов, закладываемых на основных уровнях залегания палеопочв. Верхние 7 м разреза в вертикальной стенке были пройдены в виде геологической траншеи шириной 1,5 м и глубиной ~10 м, которая вскрыла мощную пачку лессов. Ниже был заложен раскоп-врезка площадью 3 × 3 м, в котором был пройден незначительный по мощности слой лесса на контакте с ПК 1 и 6,5 м отложений ПК 1. После входа на уровень подстилающих педо-

комплекс лессов, раскоп был сдвинут вдоль разреза на восток на 10 м. Далее вскрышные работы были продолжены в вертикальном направлении. Врезкой была пройдена оставшаяся мощность пачки лесса, ПК 2 (на его уровне врезка была расширена до раскопа 4 × 1,5 м), а также 1,5 м подстилающих ПК 2 лессов.

В стратиграфической последовательности были вскрыты следующие отложения (сверху вниз).

Пачка 1. 0–8,95 м. Суглинок легкий, светло-палевый, пористый, массивный, однородный, с редкими с карбонатными прожилками. Генезис: эоловые навеянные отложения, лесс Л1-1.

Пачка 2. 8,95–9,82 м. Суглинок средний-тяжелый, светло-коричневый, плотный, с редкими включениями мелких карбонатов, кутан и пятен омарганцевания. Слаборазвитая интерстадиальная палеопочва Л1-ПП1.

Пачка 3. 9,82–11,35 м. Суглинок средний, светло-палевый, пористый, плотный, однородный, с мелкими карбонатными конкрециями. Лесс Л1-2.

Пачка 4. 11,35–12,10 м. Суглинок средний, светло-коричневый, комковатый, пористый, увлажненный, многочисленные прожилки карбонатов и темные пятна биолитов. Начало ПК 1.

Пачка 5. 12,10–14,80 м. Суглинок тяжелый до глины, темно-коричневый, комковатый, с многочисленными биолитами, гумусированными пятнами, карбонатными прожилками и конкрециями (до 1 см). Палеопочва ПК1а.

Пачка 6. 14,80–15,20 м. Суглинок тяжелый, темно-коричневый, комковатый, насыщенный карбонатами в виде многочисленных стяжений, мелких конкреций, вертикальных прожилок по трещинам. В средней части выделяются горизонтальные прослои, насыщенные карбонатами, два наиболее выраженных выдержаны по латерали и имеют толщину до 1 см, более мелкие ветвятся в виде отдельных тонких пропластов, отмечается слабое падение этих прослоев на запад в направлении современной ложбины. Палеопочва ПК1б с возможными следами склоновых процессов и хиатусами (?).

Пачка 7. 15,20–15,55 м. Суглинок тяжелый, светло-коричневый, комковато-глыбистый, пористый, насыщен карбонатами, единичные кротовины. Лессовидный суглинок со следами почвенных процессов.

Пачка 8. 15,55–17,65 м. Суглинок тяжелый до глины, буровато-коричневый, комковатый, плотный, увлажненный, насыщен биолитами, многочисленные слабосцементированные карбонатные конкреции, карбонаты по затекам. Палеопочва ПК1в.

Пачка 9. 17,65–25,20 м. Суглинок средний, светло-палевый, однородный, пористый, сухой, в верхних 1,5 м с редкими мелкими карбонатными стяжениями кротовины. Лесс Л2-1.

Пачка 10. 25,20–25,80 м. Суглинок средний-тяжелый, светло-коричневый, плотный, увлажненный, редкие биолиты и карбонаты по затекам и в виде мелких конкреций. Слаборазвитая интерстадиальная палеопочва Л2-ПП1.

Пачка 11. 25,80–28,90 м. Лесс Л2-2. Суглинок легкий, светло-палевый, однородный, пористый, сухой. Лесс Л2-1.

Пачка 12. 28,90–29,85 м. Суглинок тяжелый, коричневый, комковатый, плотный, увлажненный, насыщен биолитами, редкие пятна карбонатов по затекам. Палеопочва ПК 2а.

Пачка 13. 29,85–30,30 м. Лесс. Суглинок средний, светло-коричневый, пористый, сухой, с многочисленными пятнами гумусирования, насыщен мелкими и средними пятнами карбонатов, а также заполнением $CaCO_3$ по затекам. Лесс Л2-1.

Пачка 14. 30,30–35,10 м. Суглинок тяжелый, глинистый, темно-коричневый с оливковым оттенком, комковатый, увлажненный, насыщен биолитами, пятна омарганцевания, карбонаты в виде редких пятнен и по затекам. Палеопочва ПК 2б. На интервале 31,55–33,30 м – суглинок средний, светло-коричневый, пористый, сухой, с мелкими пятнами $CaCO_3$ – лесс Л2-1. Ниже 33,30 – тяжелый суглинок до глины, темно-бурый, ореховатый, многочисленные биолиты и мелкие карбонатные конкреции. Палеопочва ПК 2с. Нижняя граница резкая по цвету и структуре.

Пачка 17. 35,10–36,40 м (видимая). Суглинок легкий, светло-коричневый, видимые верхние 30 см насыщены мелкими карбонатными конкрециями. Резкая граница с вышележащим слоем, по-видимому, указывает на размыв верхней части слоя. Лесс Л3.

В разрезе выделяется два развитых педокомплекса, оба представлены тремя хорошо выраженными палеопочвами. Интересной особенностью ПК 1 является наличие в его средней части серии карбонатных прослоев и следов деформации отложений. Это структуры, по-видимому, указывают на эпизоды делювиальных процессов и возможных хиатусов. В целом характеристики изученных отложений указывают на типичную субаэральную обстановку их накопления в пределах водоразделов западной части Средней Азии, а именно Таджикской депрессии.

Проведенные полевые измерения магнитной восприимчивости (МВ) при помощи портативного каппаметра позволили существенно уточнить хроностратиграфическое расчленение изученного разреза в Хонако III. Так, на кривой магнитной восприимчивости четко выделяются два пика, которые соотносятся с ПК 1 и ПК 2. В верхнем педокомплек-

се палеопочва ПК 1с имеет выраженный пик, а показатели МВ достигают максимальных значений для всего изученного интервала. Палеопочвы ПК 1а и ПК 1б имеют один общий пик. Для значительного по мощности ПК 2 выделяется один короткий пик в основании педокомплекса (палеопочва ПК 2с) и более продолжительный пик, соответствующий ПК 2а и ПК 2б. Эти два пика разделены интервалом с низкими значениями МВ. Интересными являются слабовыраженные пики МВ в пачках Л1 и Л2 на интервалах слаборазвитого почвообразования. В целом строение разреза, характер кривой МВ позволяют коррелировать ПК 1 с МИС 5, а ПК 2 с МИС 7. При чем, отмеченные в строении педокомплексов палеопочвы отражены и в магнитных свойствах отложений, а выявленные возможные хиатусы в средней части ПК 1 и в основании ПК 2 если и были, то имели непродолжительный характер. Таким образом, лессово-почвенная последовательность разреза Хонако III является детальной записью ландшафтно-климатических изменений интервала МИС 1 – МИС 7. Дополнительные естественнонаучные данные позволят более детально реконструировать условия освоения древним человеком Таджикской депрессии за последний 200 тыс. лет.

В ходе раскопочных работ было найдено 12 каменных артефактов, в т.ч. из ПК 1 – 5 экз. (рис. 2, *1, 5–8*), из лессов между ПК 1 и ПК 2 – 2 экз. (рис. 2, *9*), из ПК 2 – 2 экз. (рис. 2, *2, 3*) и из лессов под ПК 2 – 1 экз. (рис. 2, *4*).

Все находки представлены сколами разных размеров, но в основном мелкие, большинство фрагментировано. Нуклевидные и орудийные формы отсутствуют. Пластин нет. Огранка дорсалов у отщепов субпараллельная или продольно-поперечная. Сохранившиеся ударные площадки – гладкие. Остатки галечной корки присутствуют на одном изделии. Какой-либо динамики изменения признаков по уровням залегания не наблюдается.

Технико-типологический облик материалов из всех литологических подразделений не позволяет провести их четкую культурно-хронологическую атрибуцию. Принадлежность находок к какой-либо из зафиксированных в регионе палеолитических индустрий можно прогнозировать только исходя из стратиграфического контекста. Тем не менее, на основе проведенных работ можно сделать вывод о наличии на исследуемом участке археологических материалов не только в отложениях ПК, но и в разделяющих их лессовых толщах. С учетом того, что на этих уровнях вскрывалась очень небольшая площадь (до 2 м^2) обнаружение в них даже нескольких артефактов позволяет предполагать возможное наличие здесь достаточно представительного комплекса изделий. Косвенным подтверждением этому являются результаты работ 2022 г. на стоянке Лахути IV (см. статью Анойкин и др. «Исследование

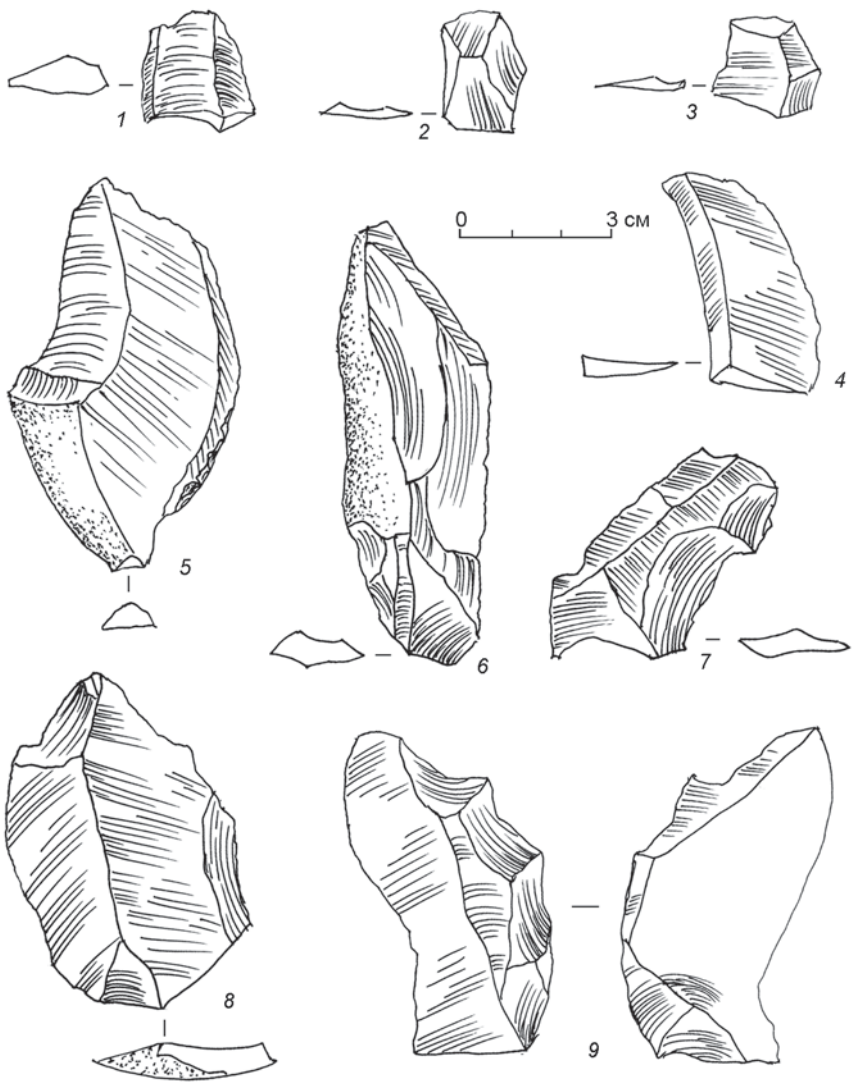


Рис. 2. Каменные артефакты (сколы) с памятника Хонако III (раскопки 2022 г.) (рисунки Т.Г. Филимоновой).

1, *5–8* – ПК 1; *2*, *3* – ПК 2; *4* – лессы под ПК 2; *9* – лессы между ПК 1 и ПК 2.

раннепалеолитических комплексов времени МИС 14–15 в долине р. Оби-Мазар (Таджикистан) в 2022 году» в данном сборнике).

Для решения проблемы установления точной хронологии отложений в верхней части обнажения Хонако III из разреза основной зачистки на всех выделенных стратиграфических уровнях было отобрано 120 образцов на ОСЛ-датирование и 120 парных образцов для гамма-спектрометрических исследований (определения естественного радиоактивного фона отложений). Также были проведены полевые измерения магнитной восприимчивости.

Результаты работ 2022 г. на участке Хонако III дают дополнительное подтверждение предположению, что территория региона интенсивно населялась в течение среднего и позднего плейстоцена как в этапы аккумуляции лессов, так и в периоды формирования почв. При этом, получение точной хронологии для разных технологических традиций, наблюдаемых здесь в среднепалеолитическое время, позволит существенно уточнить наши представления о процессах освоения этой территории ранними *Homo sapiens*, специфике культурного взаимодействия носителей разных техокомплексов во времени и пространстве, а также специфике природных условий и влиянии климатических изменений на процессы освоения человеком территории юга Средней Азии.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 22-18-00649 «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего – верхнего палеолита: хронология миграционных процессов».

Список литературы

Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Курбанов Р.Н. Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 29–37.

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 51 с.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005.– 248 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Schafer J.M., Ranov V.A., Sosin P.M. The “Cultural Evolution” of Man and the Chronostratigraphical Background of Changing Environments in the Loess Palaeosoil Sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan) // Anthropologie. – 1998. – T. XXXVI, N 1, 2. – P. 121–135.

References

Anoikin A.A., Rybalko A.G., Hudzhageldiev T.U., Sosin P.M., Kurbanov R.N. Lakhuti IV – a New Site of the Early Paleolithic in the Obi-Mazar Valley (Southern Tajikistan). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 29–37. (In Russ.).

Dodonov A.E. Quaternary period of Central Asia: Stratigraphy, correlation, paleogeography. M.: GEOS, 2002. 250 p. (In Russ.).

Krivoshapkin A.I. Obi-Rakhmatskii variant perehoda ot srednego k verkhnemu paleolitu v Centralnoi Azii: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012. 38 p. (In Russ.).

Ranov V.A. Kamennyi vek Iuzhnogo Tadzhikistana i Pamira: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1988. 51 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Karimova G.R. Stone Age of Afghan-Tajik Depression. Dushanbe: Devashtich, 2005, 248 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. N 2. P. 20–32.

Schäfer J.M., Ranov V.A., Sosin P.M. The “Cultural Evolution” of Man and the Chronostratigraphical Background of Changing Environments in the Loess Palaeosoil Sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan). *Anthropologie*, 1998, Vol. XXXVI. N 1–2. P. 121–135.

Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Кулакова Е.П. https://orcid.org/0000-0002-0827-8061
Мещерякова О.А. https://orcid.org/0000-0002-6141-7171

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0164-0168
УДК 902

С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Стоянки ньяпанской стадии верхнего плейстоцена Северо-Западного Алтая

В статье освещаются результаты комплексных исследований материалов, происходящих из осадков ньяпанской стадии сартанских (аккемских) отложений (MIS 2) Северо-Западного Алтая. Целью работы является представление разнообразных материалов по среде обитания и культуре ископаемого человека одного из этапов заключительной стадии верхнего палеолита Алтая. Разрезы объектов образованы суглинистыми осадками, зачастую обогащенные продуктами дезинтеграции коренных пород. Рассматриваются вопросы биостратиграфии, хронологии памятников, основанные на определениях абсолютного возраста и данных об относительном залегании литологических тел. Показано, что седиментация значительной части культуросодержащих осадков ньяпанской стадии региона осуществлялась в условиях разнообразных открытых ландшафтов, где доминировали сухие остепненные участки. Индустрии памятников ньяпанской стадии в ранге климато-стратиграфического подразделения сартанского оледенения содержат каменные серии артефактов заключительной стадии верхнего палеолита Алтае-Саянской горной области. Определены петрографические свойства каменного инвентаря, представлены типологические и технологические характеристики технокомплексов, основанные на параллельном и призматическом расщеплении пород, включая микропластинчатые технологии. В качестве заготовок использовались различные укороченные и удлиненные основы. В орудийных наборах характерно сочетание верхнепалеолитических и архаичных образцов артефактов. Здесь представлены различные разновидности скребел, зубчатые орудия, одинарные и ретушированные анкоши, редкие остроконечники, галечные артефакты, ножи с обушками, образованные различным способом. Значительные объемы набора орудий формируют ретушированные пластины и отщепы, скребки, долотовидные одинарные изделия, проколки, редкие бифасы. Выявленные материалы из осадков ньяпанской стадии ряда объектов Северо-Западного Алтая свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии более ранних региональных технокомплексов заключительной стадии верхнего палеолита сартанского времени.

Ключевые слова: *стратиграфия, биостратиграфия, заключительная стадия верхнего палеолита Северо-Западного Алтая, каменные индустрии, петрографический состав горных пород, типология артефактов.*

S.V. Markin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Nyapan Upper Pleistocene Sites in the Northwestern Altai

The article focuses on the results of comprehensive studies of the materials from the Nyapan stage sediments of the Sartan (Akkemian, MIS 2) period of the northwestern Altai. The article aims to present a variety of materials on the environment and culture of ancient population of a stage of the Final Upper Paleolithic in the Altai. The site sections are formed by loamy sediments, often filled with products of bedrock disintegration. The issues of biostratigraphy and site chronology based on absolute age dating and data on the relative position of lithological units are considered. The sedimentation of a significant part of the culture-bearing sediments of the Nyapan stage is shown to be carried out under conditions of diverse open landscapes, where dry steppe dominated. The Nyapan site industries in the context of the climatic-stratigraphic subdivision of the Sartan glaciation contain lithic artifacts of the Final Upper Paleolithic in the Altai-Sayan Mountains area. The petrographic properties of the raw material are defined, and the typological and technological characteristics of the technocomplexes are provided. They are based on parallel and prismatic flaking, including microblade technologies. Various flakes and blades were used as blanks. The toolsets are characterized by a combination of the Upper Paleolithic and archaic artifacts. Different

varieties of side-scrapers, denticulated tools, Clactonian and retouched notches, rare points, pebble artifacts, and backed knives made by different ways are present in the complex. Retouched blades and flakes, end-scrapers, splintered pieces with single edge, perforators, and rare bifaces represent a significant number of tools. The discovered materials from the Nyapan stage sediments from sites in the northwestern Altai indicate the continuity and consistent development of earlier regional technocomplexes of the final stage of the Upper Paleolithic of Sartan glaciation.

Keywords: *stratigraphy, biostratigraphy, final Upper Paleolithic of the northwestern Altai, lithic industries, petrographic composition, artifact typology.*

На Алтае представлено немало объектов заключительной стадии верхнего палеолита, большая часть которых лишена должного хронологического обоснования [Павленок, 2018]. Исключение составляют материалы северо-западной части региона, где установлена корреляция стоянок с различными климатостратиграфическими подразделениями сартанской (аккемской) эпохи. Это многослойные стоянки, организованные в условиях пещер (Денисова, Каминная, Искра) и открытых пространств (Усть-Каракол, Ануй-2), районированные в бассейне р. Ануй. Сартанские отложения в условиях карста – это легкие лессовидные или тяжелые пластичные суглинки с линзами дресвы и щебня – продуктами дезинтеграции коренных пород, в которых выработаны пещеры. Иногда заполнителем осадков выступает разнообразный по минералогическому составу материал, поступавший в пещеру с внешней поверхности [Археология…, 1998; Природная среда…, 2003]. Отложения открытых стоянок – это легкие лессовидные суглинки, незначительно обогащенные обломочным материалом, иногда образующие глыбово-щебнистые фрагменты разреза, демонстрирующие покровный комплекс 9–11-метровых террас [Природная среда..., 2003].

Археологические материалы ньяпанской стадии сартанского времени, выделенной между интерстадиалом и кокоревским потеплением, относящейся ко времени примерно 15–13 тыс. л.н. [Кинд, 1974], представлены прежде всего в пещере Каминной. Это датированные с помощью радиоуглеродных средств комплексы артефактов из отложений слоя 14а (14550 ± 230 л.н. (СОАН–3922)), 13 (14120 ± 95 л.н. (СОАН–3921)), 12 (13870 ± 390 л.н. (СОАН–3920)), 11г (13550 ± 140 л.н. (СОАН–3919)). Были определены крупные млекопитающие: лошадь, бизон, горный козел, баран-архар, благородный олень, шерстистый носорог, гиена, волк, реже лисица, медведь, пещерный лев и др. Среди них доминируют животные открытого лесостепного и степного ландшафтов (разреженных лесов, лугов и нагорных степей). В пещере найдено много костей сибирского горного козла – обитателя скальных биотопов. Немногочисленны кости представителей мегафауны – лося, марала, косули, которые предпочитали полуоткрытые лесостепные ландшафты. Заметное место в тафоценозе пещер занимали пещерная гиена и пещерный лев. Высокая степень раздробленности костей, наличие на их фрагментах погрызов, многочисленность костей и зубов со следами кислотной коррозии являются результатом пищевой активности пещерной гиены и других хищников. На ряде фрагментов трубчатых костей отмечены порезы, свидетельствующие об участии первобытного человека в пещерной аккумуляции остатков костей. Видимо, основными объектами охоты человека были массово представленные в отложениях виды животных, характерные для горных и предгорных ландшафтов – горные козлы, архары, сайгаки, лошади [Васильев, Деревянко, Маркин, 2006]. В составе фауны мелких животных большинство видов принадлежит представителям степной (степная пеструшка, узкочерепная полевка, цокор, сурок и др.) и горностепной (плоскочерепная и большеухая полевки, пищухи) адаптации в условиях разнообразных открытых ландшафтов, где доминировали сухие остепненные участки [Археология…, 1998; Проблемы…, 1998; Колобова и др., 2021]. В составе растительности доминируют ландшафты с преобладанием разнотравно-злаковых ценозов, по сравнению с предшествующей интерстадиальной стадией происходит незначительное сокращение площади кустарниковых сообществ [Болиховская и др., 2011]. Предварительно к ньяпанской стадии сартанского времени возможно отнести материалы слоев 4 и 3 стоянки Усть-Каракол. Косвенно на такую корреляцию может указывать, с одной стороны, установленный экскурс Гетеборг (11–13 тыс. лет) на уровне слоя 2, с другой – комплекс литологических, палеоботанических и фаунистических данных, указывающих на достаточно холодные условия седиментации этой части разреза стоянки [Природная среда..., 2003].

Сырьем для производства технокомплексов служил преимущественно местный материал из русловых галечников р. Ануй и его притоков. Литоресурсами для изготовления каменных артефактов из пещеры Каминной являлись вулканические, осадочные породы, роговики, выходы которых обнаружены вблизи карстовой полости. Встречено

небольшое количество изделий, выполненных на сургучных яшмоидах. Характерно значительное использование порфировых разностей вулканических пород [Кулик, Маркин, 2001]. В индустриях стоянки Усть-Каракол преобладают алевролиты и эффузивы. В подчиненном положении находятся роговики [Природная среда..., 2003].

В коллекции каменных артефактов из слоя 14а пещеры Каминная преобладают мелкие отщепы и чешуйки. Не так много пластинок и микропластинок. Судя по огранке снятий, в материале превалировали параллельные принципы расщепления пород. Подобная технология подчеркивается и характером технических сколов оживления рабочих плоскостей ядрищ, включая клиновидные формы. Площадки сколов преимущественно гладкие, линейные, редки двугранные, фасетированные и точечные. Вторичная обработка представлена преимущественно ретушью, как правило краевой, чешуйчатой, одно- и двурядной [Колобова, 2006]. Несколько образцов артефактов содержат подтеску нижней поверхности концов заготовок. Группа орудий включает ретушированные пластины с лицевой и брюшковой отделкой, покрывающей края или проксимальные концы заготовок, скребки концевые с выделенной активной частью и на округлых отщепах, обломки скребел, зубчатые орудия, фрагмент ножа с обушком, отщепы с ретушью.

Индустрия слоя 13, характеризующаяся сколами с параметрами отщепов и чешуек, включает также пластины, пластинки и микропластинки, а также технические снятия, яркие образцы ядрищ, их фрагментов и вторично преобразованные изделия. Среди нуклеусов представлены параллельные одноплощадочные формы с рабочей поверхностью, помещенной на торец остаточного продукта. Имеющиеся в коллекции технические (реберчатая пластина, скол оживления параллельного ядрища) снятия, нуклевидные обломки, один из которых с параллельной огранкой, и потенциальные заготовки также свидетельствуют о преобладании параллельной технологии при раскалывании сырья. Огранки сколов подчеркивают параллельные принципы расщепления. Как на укороченных, так и на удлиненных снятиях преобладают продольные и бипродольные, не так много дорсально гладких и ортогональных форм лицевой поверхности. Использование микропластинчатых технологий документируется наличием незначительных по размерам, правильных удлиненных двух- и трехгранных снятий. Площадки сколов преимущественно гладкие, линейные, редко линейно выпуклые с продольной подправкой, двугранные и точечные. Часть площадок повреждены вторичной отделкой. В группу орудий зачислены скребки (боковые и концевые на укороченных и удлиненных заготовках), угловые резцы, пластины и отщепы с лицевой регулярной и эпизодической ретушью, разнообразные зубчато-выемчатые орудия с продольной и поперечной ориентацией рабочих частей, ножи с обушковым утолщением, овальный бифас, поперечное скребло на гальке, проколка с вытянутым жальцем.

Индустрия, поступившая из осадка слоя 12, включает целые и фрагментированные отщепы, чешуйки, пластины и пластинки, микропластинки, половина которых находится в обломках, единичные ядрища и нуклевидные обломки, некоторые разновидности технических сколов и орудия, образованные ретушью, как правило, краевой, чешуйчатой, одно- и двурядной, чешуйчатой подтеской и резцовым сколом. Характеристика процессов расщепления горных пород затруднена в связи с малым количеством соответствующих материалов. Судя по единственному нуклеусу, расщепленному наполовину, и нуклевидным обломкам, а также лицевому огранению продуктов скалывания, среди которых преобладают продольные и продольно краевые снятия, в данной коллекции преобладают параллельные приемы обработки сырья. Микропластинчатые технологии представлены сколами оживления площадки микронуклеуса и его рабочей поверхности. Последняя разновидность технических снятий имеет вид крутоизогнутых естественно заостренных пластин. Площадки сколов преимущественно гладкие, линейные, единичные гладкие, линейно выпуклые, двугранные и прямые фасетированные. Среди артефактов, содержащих признаки вторичной обработки особенно показательны скребла (поперечное, продольное, диагональное, с ретушью с брюшка), выполненные на массивных заготовках. Кроме того, в индустрии слоя представлены разнообразные отщепы и сколы с лицевой и брюшковой ретушью, пластинка с утончением нижней поверхности, ретушированные пластины с лицевой и брюшковой обработкой краев, скребки концевые на пластинах и коротких отщепах, типичный и атипичный резцы на фрагментированных удлиненных сколах, долотовидное орудие, проколки, одна из которых принадлежит к асимметричным образцам изделий, и зубчато-выемчатые орудия.

Значительная доля инвентаря, полученного из слоя 11г, принадлежит мелким отщепам и чешуйкам. Кроме того, здесь документируются пластины и пластинки, которых не так много, микропластинки, половина которых с утраченными концами, технические сколы, нуклевидные обломки и орудия. Технологические характеристики индустрии основываются в первую очередь на продуктах скалывания. Так, наличие микропластинок свидетель-

ствует о применении древним населением микропризматических способов расщепления сырья, а присутствие удлиненных заготовок с параметрами пластин демонстрирует параллельную технику раскалывания горных пород. О возможном использовании радиальной технологии свидетельствуют угловатые сколы с несовпадающими осями снятия и самой заготовки. Среди отщепов большинство продуктов с дорсальной гладкой, продольной и бипродольной огранками. Есть сколы с бессистемным, ортогональным огранением, содержащие иногда небольшие по протяженности участки галечной корки. Удлиненные снятия демонстрируют продольную и бипродольную огранку. Площадки сколов гладкие, линейные и слегка выпуклые, редки двугранные, прямые и выпуклые фасетированные, точечные. Вторичная обработка является обычной для рассматриваемых индустрий. Выделяются те же разновидности ретуши, включая брюшковую отделку, и способы утончения нижней поверхности заготовок. Орудийный набор образован ретушированными пластинами, концевыми скребками, выемчатыми орудиями, сколами с лицевой, брюшковой и бифасиальной ретушью, разнообразными обушковыми ножами, единичными проколками на углу пластины, редкими резцами на углу заготовок, долотовидными орудиями, остроконечниками. Яркими образцами артефактов выглядят галечное изделие с продольно организованным рабочим краем и плосковыпуклый в сечении бифас.

В малочисленной индустрии слоя 4 стоянки Усть-Каракол выделяется нож на крупном продольно ограненном сколе с естественным обушком. Среди орудий слоя 3 наиболее яркими образцами выглядят пластины с ретушью, двухгранный симметричный резец, продольное выпуклое скребло, концевой скребок на сколе с ретушированными краями [Природная среда…, 2003, рис. 164].

Выявленные материалы из осадков ньяпанской стадии ряда объектов Северо-Западного Алтая свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии более ранних региональных технокомплексов заключительной стадии верхнего палеолита сартанского времени [Рыбин, Колобова, 2004; Маркин, Колобова, 2020]. Данная стадия, материалы которой распределены по различным этапам сартанской эпохи региона, характеризуется параллельным и призматическим расщеплением горных пород, включая микропластинчатые способы получения тонких удлиненных снятий. В качестве заготовок использовались различные укороченные и удлиненные сколы. В орудийных наборах характерно сочетание верхнепалеолитических и архаичных образцов артефактов. Здесь представлены различные разновидности скребел, зубчатые орудия, одинарные и ретушированные анкоши, редкие остроконечники, галечные артефакты, ножи с обушками, образованные различным способом. Значительные объемы набора орудий формируют ретушированные пластины и отщепы, скребки, долотовидные одинарные изделия, проколки, а также редкие бифасы и орудия с черенком. Для многих индустрий других ранних и поздних стадий сартана характерен микроинвентарь, прежде всего, в виде пластинок с притупленным прямым или слегка дугообразным краем, реже притупленным концом. На ряде памятников обнаружены изделия из кости. Подобные сочетания свойственны сартанскому палеолиту Южной Сибири и Центральной Азии.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Болиховская Н.С., Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В., Соболев В.М. Палеогеографические особенности развития плейстоценовой растительности и климата Алтая и Восточного Предкавказья в эпоху обитания древнего человека // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена. – М.: Географ. фак-т Моск. гос. ун-та, 2011. – С. 373–418.

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих сартанского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминная) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 2–22.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Колобова К.А., Зоткина Л.В., Маркин С.В., Васильев С.К., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Харевич А.В. Комплексное изучение персонального украшения из резца сурка в раннеголоценовом комплексе пещеры Каминная (Российский Алтай) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2021. – № 1. – С. 319–335.

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная

(Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 136–141.

Маркин С.В., Колобова К.А. Сартанские комплексы верхнего палеолита Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 1. – С. 29–40.

Павленок Г.Д. Методические подходы к изучению материалов заключительной стадии верхнего палеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – Вып. 4. – С. 7–19.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденева, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 310 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

References

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V., Sobolev V.M. Paleogeograficheskie osobennosti razvitiya pleistotsenovoi rastitel'nosti i klimata Altaya i Vostochnogo Predkavkaz'ya v epokhu obitaniya drevnego cheloveka. In *Problemy paleogeografii i stratigrafii pleistotsena*. Moscow: Geographical faculty of Lomonosov Moscow State Univ. Press, 2011. P. 373–418. (In Russ.).

Derevianko A.P., Agadjanian A.K., Baryshnikov G.F., Dergacheva M.I., Dupal T.A., Malaeva E.M., Markin S.V., Molodin V.I., Nikolaev S.V., Orlova L.A., Petrin V.T., Postnov A.V., Uliyanov V.A., Fedeneva I.K., Foronova I.V., Shunkov M.V. Arkheologiya, geologiya i paleogeografiya pleistotsena i golotsena Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 176 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Glinskiy S.V., Dergacheva M.I., Dupal T.A., Efremov S.A., Zenin A.N., Krivoshapkin A.I., Kulikov O.A., Malaeva E.M., Markin S.V., Nikolaev S.V., Nokhrina T.I., Petrin V.T., Pozdnyakov A.A., Popova S.M., Rybin E.P., Simonov Yu.G., Fedeneva I.N., Chevalkov L.M., Shunkov M.V. Problemy paleoekologii, geologii i arkheologii paleolita Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 310 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadjanian A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Uliyanov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoykin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Kind N.V. Geokhronologiya pozdnego antropogena po izotopnym dannym. Moscow: Nauka, 1974. 255 p. (In Russ.).

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. 135 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Zotkina L.V., Markin S.V., Vasiliev S.K., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Kharevich A.V. Complex Study of a Personal Ornament Made on a Marmot Incisor from the Early Holocene Complex of Kaminnaya Cave (Russian Altai). *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya,* 2021. N 1. P. 319–335. (In Russ.).

Kulik N.A., Markin S.V. K petrograficheskoi kharakteristike kamennoi industrii peshchery Kaminnaya (Gornyi Altai). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 7. P. 136–141. (In Russ.).

Markin S.V., Kolobova K.A. The Sartan Upper Paleolithic Assemblages of the Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48. N 1. P. 29–40. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.029-040

Pavlenok G.D. Metodicheskie podkhody k izucheniyu materialov zaklyuchitel'noi stadii verkhnego paleolita Altaya. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2018. Iss. 4. P. 7–19. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2018)4(24).-01

Rybin E.P., Kolobova K.A. Struktura kamennykh industrii i funktsional'nye osobennosti paleoliticheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004. N 4. P. 20–34. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Derevianko A.P., Markin S.V. Fauna krupnykh mlekopitayushchikh sartanskogo vremeni Severo-Zapadnogo Altaya (po materialam peshchery Kaminnaya). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006. N 2. P. 2–22. (In Russ.).

Маркин С.В. https: //orcid.org/0000-0002-4528-8613

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0169-0174
УДК 902.01

Г.И. Марковский[1]✉, С. Алишер кызы[1], А. Абдыканова[2], С.В. Шнайдер[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Американский университет Центральной Азии
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Использование трехмерных моделей в ходе морфометрического анализа нуклеусов стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)

Стоянка Обишир-5 является одним из ключевых памятников Центральной Азии для понимания процессов неолитизации и характеристики изменений в каменном производстве во время перехода к производящей экономике. В ходе многолетних работ на стоянке Обишир-5 собрана представительная коллекция артефактов, составлено подробное технико-типологическое описание значимых категорий каменной индустрии. Для большей части нуклеусов были предположительно определены техники скола, использовавшиеся при получении целевых пластинчатых заготовок – отжимная и ударная. Одним из основных критериев идентификации являлся угол между ударной площадкой и фронтом скалывания (отжим – близок к 90°, ударная техника – близок к 75°), также учитывались способы подправки дуги скалывания, форма негативов на фронте расщепления, их регулярность и ориентация. Определение угла между ударной площадкой и фронтом расщепления на нуклеусах из коллекции стоянки Обишир-5 при помощи угломера оказалось проблематично, поскольку большинство изделий сильно истощены, имеют следы финальных подправок и снятий. Однако использование высокоточных масштабируемых 3D-моделей позволило произвести необходимые измерения, а также посчитать объем предметов. В результате средний угол для нуклеусов с признаками отжимного расщепления составил 87,7°, с признаками ударного – 78,3°. Ядрища первой группы оказались в среднем почти в 4 раза миниатюрнее и более стандартизированы. Итоги работы с трехмерными моделями стали еще одним аргументом в пользу правильности предположения об использовании двух техник скола. В ходе данной работы была продемонстрирована эффективность использования трехмерного моделирования для изучения археологических коллекций. Примененная методика измерения будет скорректирована и дополнена в ходе дальнейших исследований. Запланирован подробный анализ 3D-моделей экспериментальных нуклеусов, новых находки со стоянки Обишир-5, а также артефактов из коллекций других археологических объектов Центральной Азии.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Обишир-5, техника скола, отжимная технология, трехмерная модель, 3D.*

G.I. Markovsky[1]✉, S. Alisher kyzy[1], A. Abdykanova[2], S.V. Schneider[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]American University in Central Asia
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Three-Dimensional Models in Morphometric Analysis of Cores from the Obishir-5 Site (Fergana Valley, Kyrgyzstan)

The Obishir-5 site is a key Central Asian site for understanding neolithization and characterizing changes in the lithic production during transition to producing economy. During the fieldwork at the Obishir-5 site, a representative collection of artifacts was obtained and a detailed technical and typological description of the main categories was provided. Knapping

techniques, such as pressure and percussion by soft hammer, were tentatively determined for the major part of cores. One of the main identification criteria included the angle between the striking platform and the core front (pressure—close to 90º, percussion technique—close to 75º). Moreover, reduction methods for the striking platform, the shape of the blank negatives, their regularity and orientation were also taken into account. Measurements, using a protractor, of the angle between the striking platform and the core front were problematic because most cores are severely depleted, with the traces of final adjustments and removals. However, the use of high-quality scalable 3D models allowed performing successful measurements and calculating the items' volumes. As a result, an average angle for the cores with pressure technique signs was 87.7º, and with signs of percussion—78.3º. Cores from the first group are, on average, nearly 4 times smaller and more standardized. The results of the analysis of three-dimensional models confirm our conclusion on the use of two types of knapping technologies made using the traditional morphological analysis. During the work, the efficiency of using three-dimensional modeling for studying the archaeological collection was shown. The employed technique measurement will be adjusted and updated in the course of further investigations. A detailed analysis of 3D models of experimental cores, new finds from the Obishir-5 site, as well as artifacts obtained from collections from other Central Asian sites has been planned.

Keywords: *Central Asia, Obishir-5, knapping technique, pressure knapping, three-dimensional model, 3D.*

Памятник Обишир-5 располагается в южной части Ферганской долины у подножия южного склона хребта Катрантау, в 4 км к западу от г. Айдаркен (Южный Кыргызстан, Баткенская обл.). Наряду с другими археологическими объектами из группы стоянок Обишир, выявленных вблизи Айдаркена, памятник Обишир-5 был открыт Ферганским палеолитическим отрядом Института Археологии АН УзбССР под руководством У.И. Исламова в 1965 г. [Исламов, 1980]. В 2015 г. в рамках работы международной российско-кыргызской экспедиции изучение объекта Обишир-5 было возобновлено. На новом этапе исследований внесены коррективы в стратиграфические характеристики отложений и культурно-хронологическую интерпретацию памятника [Шнайдер и др., 2016; 2019].

На данный момент на стоянке выявлены три культурных горизонта. Первый горизонт прослеживается в литологическом слое 1, сложенном суглинками с цветовым диапазоном от светло-серого до серо-коричневого. В хронологическом отношении первый горизонт определен в границах бронзового века – Средневековья. Второй культурный горизонт зафиксирован в литологических слоях 2 и 3, которые представлены суглинками коллювиального генезиса светло- и темно-коричневого оттенков. Согласно результатам радиоуглеродного AMS-датирования отложения имеют среднеголоценовый возраст, серия полученных датировок сгруппирована в промежутке 9–6,5 тыс. л.н. Третий культурный горизонт выявлен в отложениях литологических слоев 4 и 5, сформированных плотными суглинками от кремового до желтовато-коричневого цвета с малым количеством обломочного материала. По данным радиоуглеродного и термолюминесцентного датирования возраст последнего горизонта определен в границах 14–9,8 тыс. л.н [Шнайдер и др., 2017; Taylor et al., 2021].

Каменная индустрия культурного горизонта 2 в технико-технологическом плане однородна и направлена на получение пластинок и микропластин в качестве целевых заготовок для орудий. Первичное расщепление осуществлялось посредством утилизации призматических и торцовых нуклеусов. В орудийном наборе широко представлены микропластины с вентральной ретушью, проколки, выемчатые орудия на пластинках, концевые скребки, микродолотовидные орудия, а также единичные пластинки с притупленным краем и трапеции [Шнайдер и др., 2016; 2019]. Коллекцию каменных артефактов дополняют подвески, выполненные с использованием техники шлифовки и биконического сверления [Федорченко и др., 2018]. Для каменной индустрии горизонта 3 также характерна мелкопластинчатая направленность при бóльшей доле отщепов в категории сколов. Пластинчатые заготовки получали в процессе утилизации подпризматических и торцовых нуклеусов, заготовки отщеповых пропорций скалывали с плоскостных ядрищ в рамках продольного, бипродольного и радиального расщепления. В орудийном наборе представлены концевые скребки (в т.ч. концевые скребки на пластинах), выделяются пластинки с ретушью притупления, долотовидные изделия, острия на пластинах, оформленные ретушью притупления [Шнайдер и др., 2016; 2019].

Материалы и методы исследования

В ходе обработки археологической коллекции стоянки Обишир-5 в рамках атрибутивного подхода было составлено подробное технико-типологическое описание значимых категорий каменной индустрии [Павленок, Белоусова, Рыбин, 2011], для нуклевидных форм и показательных орудий были созданы трехмерные копии высокого разрешения при помощи 3D-сканера Range Vision Spectrum [Чистяков и др., 2019]. Применение методов 3D-моделирования в археологии на данный момент является одним из наиболее перспективных

и активно развивающихся направлений, поскольку обеспечивает быстрое и качественное документирование артефактов, частично либо полностью заменяя графический рисунок и фотографию [Колобова и др., 2020]. Трехмерные масштабируемые модели позволяют проводить морфологический анализ каменных артефактов, а также предоставляют доступ к широкому спектру измерений. Иллюстрации, метрические и статистические данные, полученные при использовании высокоточных 3D моделей, обладают высокой верификацией, что положительно сказывается на результатах любого исследования [Чистяков, Бочарова, Колобова, 2021].

В категории нуклеусов памятника Обишир-5 преимущественно присутствуют объемные призматические, цилиндрические и конические ядрища, направленные на получение пластинок и микропластин. Из общего числа нуклевидных форм (всего 48 экз.) в дальнейшее исследование были включены ядрища с сохранившимися ударными площадками и фронтами скалывания, имевшими серию снятий (41 экз.). Для выбранных артефактов на основе сочетания ряда признаков сделано предположение об использовавшихся техниках скола при получении заготовок, согласно которым сформировались две группы предметов. Группа 1 (25 экз.) имеет характеристики применения отжимной техники скола: угол между ударной площадкой и фронтом расщепления близок к 90º, присутствуют следы абразивной подработки на дуге скалывания, негативы на фронте расщепления имеют параллельную ориентацию, высокая регулярность снятий [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014]. Для группы 2 (16 экз.) характерны признаки ударной техники скола: расположение ударной площадки под углом менее 90º к фронту расщепления, подработка дуги скалывания мелкими сколами, субпараллельная и конвергентная ориентация негативов на поверхности снятия [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2013; Уиттакер, Алаев, Алаева, 2004]. Все учтенные морфологические признаки можно оценить визуально без специального дополнительного оборудования за исключением угла между ударной площадкой и фронтом скалывания. Однако использование классических механических измерительных инструментов (угломер, штангенциркуль) в конкретном случае оказалось проблематично, поскольку большинство нуклеусов обеих групп невелики (ок. 30–45 мм по длинной оси), а также находятся на финальной стадии утилизации (имеют заломы на фронте, участки с незавершенной или неудачной подработкой). На небольшом истощенном нуклеусе правильно расположить угломер крайне сложно, и тем более не представляется возможным провести серию замеров. В описанной ситуации требуемые измерения удалось произвести при использовании 3D-моделей предметов, также был измерен объем каждого ядрища.

Оценка угла между ударной площадкой нуклеуса и фронтом скалывания производились в программе Geomagic Design X по следующей схеме: 1) строилось сечение перпендикулярно касательной к дуге скалывания; 2) на плоскости с контуром сечения проводились прямые линии, соответствовавшие остаточной ударной площадке и фронту скалывания; 3) измерялся угол между линиями (рис. 1) [Чистяков и др., 2021; Valletta, Dag, Grosman, 2021]. При построении сечений учитывались следующие

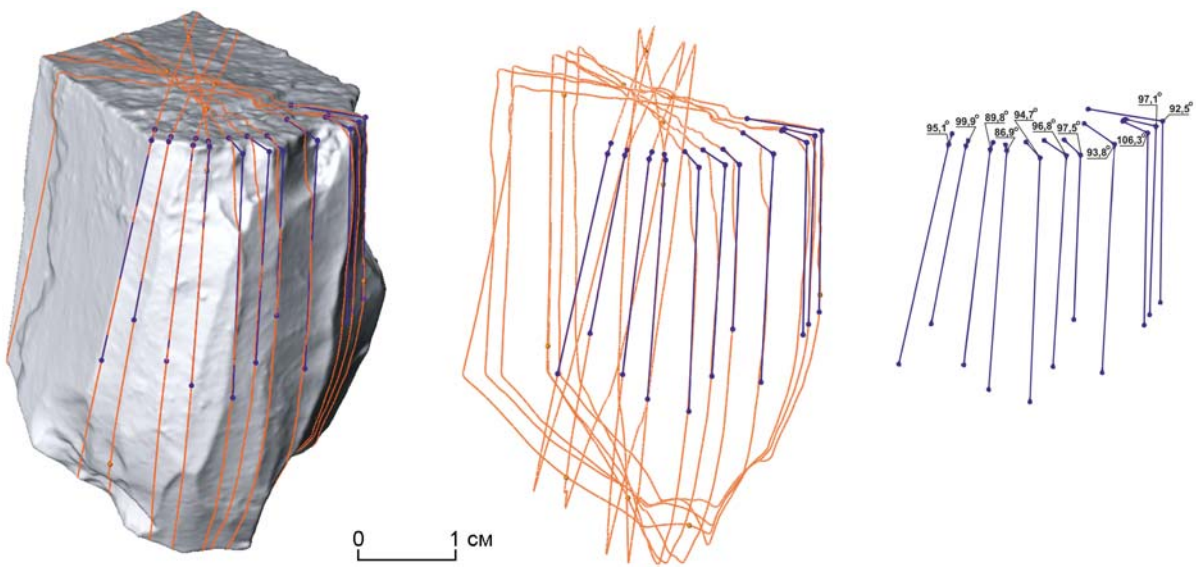


Рис. 1. Графические элементы, используемые в процессе измерений: трехмерное изображение поверхности нуклеуса; серия сечений; линии, соответствующие фронту и ударной площадке; значения углов между линиями соответствия.

параметры – локальные морфологические характеристики: а) на фронте для одного негатива снятия строилось 3 сечения (по центральной оси и ребрам), если скол имел ширину более 6 мм, количество сечений увеличивалось; б) сечения не строились через разрушенные участки ударной площадки или дуги скалывания, если повреждения не давали составить достоверное представление об искомом угле. На один нуклеус в среднем приходилось 11 сечений (минимально – 8, максимально – 16). Поскольку большинство ударных площадок относятся к гладким и имеют минимальную кривизну, то построение линий соответствия для них не вызывало особых сложностей. Однако морфология сколов на фронтах снятия весьма различалась, что обусловлено применением различных техник скола, а также истощенностью ядрищ. Профиль сколов в проксимальной части зачастую деформирован негативом ударного бугорка или финальной подправкой дуги скалывания, в дистальной части вероятно сильное изменение кривизны профиля из-за угасания ударной волны. Поэтому для построения линий соответствия фронта расщепления за основу брался самый стабильный участок профиля скола – медиальный (рис. 2). Таким образом, две линии образовывали искомый угол, который вычислялся программой моментально. При построении качественной трехмерной модели определение объема предмета не составляет труда, он высчитывался автоматически в программе Geomagic Wrap.

Рис. 2. Проведение линий, соответствующих ударной площадке и фронту скалывания на примере сечений нуклеусов из группы 1 и 2, с указанием среднего значения искомого угла для каждой из групп.

Результаты исследования и заключение

На основе произведенных измерений были вычислены средние значения углов между фронтом расщепления и ударной площадкой нуклеусов обеих групп: для группы 1 значение составило 87,7°, для группы 2 – 78,3° (рис. 3, *2*). На рисунке видно, что при схожей разнице между максимальными и минимальными значениями углов (ок. 30°), средние значения для группы 1 укладываются в меньший диапазон, чем значения группы 2. Это согласуется с озвученным предположением о техниках скола, т.к. при использовании отжима контроль за процессом получения заготовки выше, а значит больше вероятность получения серии снятий под тем же углом. В ударной технике расщепление менее стандартизировано, зависит от индивидуального подхода мастера даже при соблюдении традиционных технических приемов, что увеличивает вариабельность средних значений углов скалывания. Среднее значение объема нуклеусов группы 1 составило 2,7 см^3, группы 2 значительно больше – 11,15 см^3. Диапазоны распределения средних зна-

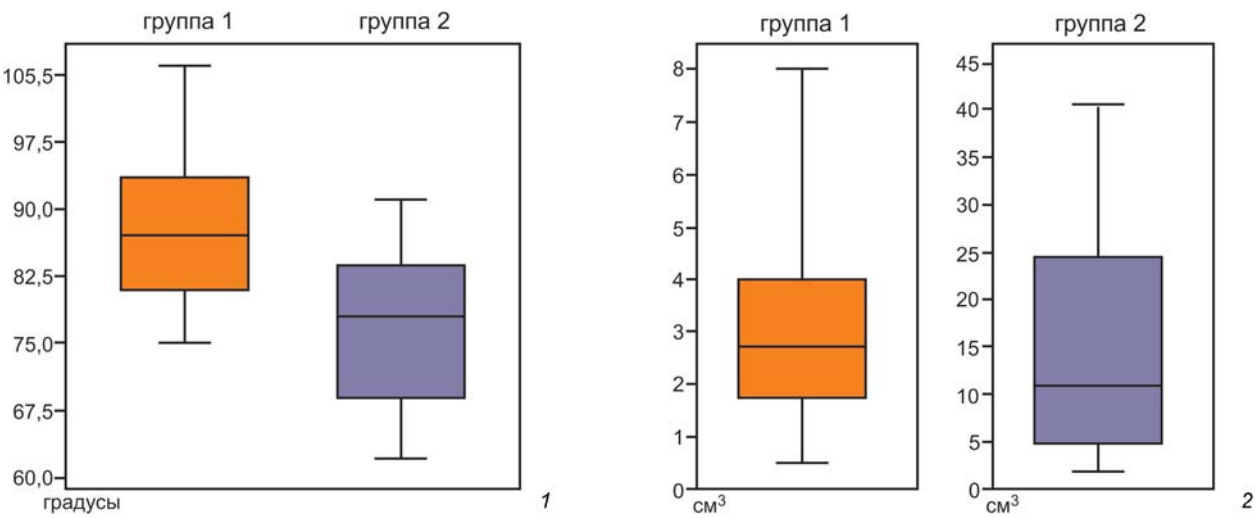


Рис. 3. Диаграмма диапазона распределения полученных значений угла между фронтом и площадкой (*1*) и показателей объема нуклеусов (*2*).

чений говорят в пользу значительно бóльшей стандартизации у ядрищ первой группы (рис. 3, *2*).

Таким образом, в ходе работы созданы высокоточные 3D модели нуклеусов из коллекции стоянки Обишир-5. Поскольку угол между ударной площадкой и фронтом скалывания является одним из основных критериев для определения техники скола, то для трехмерных моделей выбранных нуклеусов были произведены необходимые измерения по разработанной схеме, также вычислен объем артефактов. Результаты исследования с привлечением методов анализа 3D-моделей совпали с выдвинутым предположением об использовавшихся техниках скола. Нуклеусы с признаками отжимного расщепления имеют среднее значение угла между ударной площадкой и фронтом скалывания – 87,7°, а также в среднем почти в 4 раза миниатюрнее ядрищ с признаками применения ударной техники скола. Стоит отметить, что нуклеусы группы 1 более стандартизированы по объему. Вероятно, это связано с особенностями фиксации в процессе расщепления, которые в свою очередь задавали определенный стандарт размера ядрищ. В дальнейшем планируется провести подробный анализ 3D-моделей нуклеусов, полученных в результате экспериментов по реконструкции предполагаемых техник расщепления. С увеличением объема данных, на основе личных изысканий, а также опыта коллег протокол измерений будет скорректирован и доработан. В материальную базу исследования будут включены как новые находки со стоянки Обишир-5, так предметы из уже известных коллекций археологических объектов Центральной Азии.

Благодарности

Исследование проведено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды» (FWZG-2022-0008).

Список литературы

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: ФАН, 1980. – 178 с.

Колобова К.А., Шалагина А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Кривошапкин А.И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века // Сибирские исторические исследования. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. – № 3. – С. 240–260.

Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – С. 35–46.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2013. – Т. 12, Вып. 7: Археология и этнография. – С. 28–37.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 26–36.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – Т. 27, № 3. – С. 102–112.

Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Колобова К.А. Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2021. – Т. 20, № 7: Археология и этнография. – С. 48–61.

Уиттакер Дж. Ч., Алаев С.Н., Алаева Т.В. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент. – Иркутск: Оттиск, 2004. – 312 с.

Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Крайцаж М.Т., Романенко М.Е., Абдыканова А.К., Колобова К.А., Алишер кызы С., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Технология изготовления каменных украшений из раннеголоценовых комплексов западной части Центральной Азии (по материалам стоянки Обишир-5) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – № 1. – С. 3–15.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Романенко М.Е. Алишер-кызы С. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 194–198.

Шнайдер С.В., Адбыканова А., Романенко М.Е., Алишер-кызы С. Новые данные по мезолиту западной части Центральной Азии (по материалам памятника Обишир-5, Кыргызстан) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – № 6. – С. 178–185.

Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Селин Д.В., Рендю В., Абдыканова А., Бранкалеоне Г., Крайцарж М., Кривошапкин А.И. Результаты экспедиционных исследований памятника Обишир-5 в 2018–2019 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 286–292.

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. 2021. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behaviour. – 2021. – Vol. 5. – P. 1169–1179.

Valletta F., Dag I., Grosman L. Identifying Local Learning Communities During the Terminal Palaeolithic in the Southern Levant: Multi-scale 3-D Analysis of Flint Cores // J. of Computer Applications in Archaeology. – 2021. – Vol. 4(1). – P. 145–168.

References

Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Kolobova K.A. Processing three-dimensional models of archaeological artifacts. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20. N 7: Archaeology and Ethnography. P. 48–61. (In Russ.). doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61

Chistyakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I. 3D modeling of archaeological artifacts by structured light scanner. *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2019. Vol. 27. N 3. P. 102–112. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Islamov U.I. Obishirskaya kul'tura. Tashkent: FAN, 1980. 178 p.

Fedorchenko A.Y., Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Romanenko M.E., Abdykanova A.K., Kolobova K.A., Alisher kyzy S., Taylor W., Krivoshapkin A.I. Personal ornament production technology in the early Holocene complexes of Western Central Asia: insights from Obishir-5. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2018. N 1. P. 3–15. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.1

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Krivoshapkin A.I. Three-dimensional modelling application for studying stone age assemblages. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020. N 3. P. 240–260. (In Russ.). doi: 10.17223/2312461X/30/12

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Percussion flaking in the stone age: review of English and Russian published sources. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*, 2013. Vol. 12. N 7: Archaeology and Ethnography. P. 28–37. (In Russ.).

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Pressure technique in the stone age: review of English and Russian published sources. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*, 2014. Vol. 13. N 5: Archaeology and Ethnography. P. 26–36. (In Russ.).

Pavlenok K.K., Belousova N.E., Rybin E.P. Attributive approach to reconstruction of "Chaine operatoire" of knapped technology. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*, 2011. Vol. 10. N 3: Archaeology and Ethnography. P. 35–46. (In Russ.).

Shnaider S.V., Abdykanova A., Kraitsarzh M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Romanenko M.E., Alisher kyzy S. The results of archaeological excavations at the Obishir-5 site in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories – Novosibirsk: IAET Publ*, 2016. Vol. 22. P. 194–198. (In Russ.).

Shnaider S.V., Abdykanova A., Romanenko M.E., Alisher kyzy S. Recent data for the Mesolithic of western part of Central Asia (based on Obishir-5 site, Kyrgyzstan). *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures*, 2017. N 6. P. 178–185. (In Russ.).

Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Selin D.V., Rendu W., Abdykanova A., Brancaleoni G., Krajcarz M., Krivoshapkin A.I. Results of field studies at the Obishir-5 site in 2018–2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* – Novosibirsk: IAET Publ., 2019. Vol. 25. P. 286–292. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.286-292

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. 2021. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behaviour*, 2021. Vol. 5. P. 1169–1179. doi: 10.1038/s41562-021-01083-y

Valletta F., Dag I., Grosman L. Identifying Local Learning Communities During the Terminal Palaeolithic in the Southern Levant: Multi-scale 3-D Analysis of Flint Cores. *J. of Computer Applications in Archaeology*, 2021. Vol. 4(1). P. 145–168. doi: 10.5334/jcaa.74

Whittaker J.Ch., Alaev S.N., Alaeva T.V. Flintknapping: making and understanding stone tools. Irkutsk: Ottisk, 2004. 312 p. (In Russ.).

Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Абдыканова А. https://orcid.org/0000-0002-7238-9065
Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0175-0180
УДК 903.01

Д.В. Марченко[1]✉, Ц. Болорбат[2], А.М. Хаценович[1], А.М. Клементьев[1], П.С. Кравцова[1], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], Б. Гунчинсурэн[2], Е.П. Рыбин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Исследование углубления под археологическим горизонтом начального верхнего палеолита на стоянке Толбор-21 (Северная Монголия) в 2021–2022 годах

В статье рассматриваются результаты изучения углубления под археологическим горизонтом (АГ) начального верхнего палеолита на стоянке Толбор-21 в Северной Монголии. Подобные объекты, в заполнении которых в основном представлены фаунистические материалы, описаны на памятниках начального верхнего палеолита сопредельных районов Забайкалья. Однако в условиях сложного контекста вмещающих отложений (склон, колебания температуры и влажности) для интерпретации таких объектов необходимо детально изучить характер распределения находок и возможные постдепозиционные смещения. Целью статьи является характеристика углубленного объекта, исследованного на стоянке Толбор-21 в 2021–2022 гг., и рассмотрение его в контексте особенностей осадконакопления и поселенческой активности на стоянке. Распределение находок исследовано с помощью построения планов и вертикальных сечений АГ. Анализ направлений выполнен с целью определить постдепозиционные процессы, повлиявшие на распределение находок. Размер находок сравнивался между АГ с помощью U-критерия Манна – Уитни. В результате выявлено, что находки в углублении были захоронены сравнительно быстро и не подверглись влиянию солифлюкции, как вышележащий АГ 4. Находки в углублении отличаются от АГ 4 статистически значимо меньшими размерами, состав находок в этом объекте отличается высокой долей фаунистических остатков, среди которых присутствует рог благородного оленя, не известных в других горизонтах; высока доля орудий. Удлиненная форма углубления, вытянутая вдоль направления склона отложений, свидетельствует в пользу естественного происхождения углубления, что однако не исключает ее использования древними обитателями стоянки.

Ключевые слова: *Северная Монголия, начальный верхний палеолит, хозяйственная яма, планиграфия, анализ направлений.*

D.V. Marchenko[1]✉, T. Bolorbat[2], A.M. Khatsenovich[1], A.M. Klementiev[1], P.S. Kravtsova[1], G. Margad-Erdene[2], B. Gunchinsuren[2], E.P. Rybin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology of the MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Investigation of a Depression Under Initial Upper Paleolithic Archaeological Horizon at the Tolbor 21 Site (Northern Mongolia) in 2021-2022

The articles discusses the results of the study of a depression under the archaeological horizon (AH) of the Initial Upper Paleolithic at the Tolbor 21 site in northern Mongolia. Similar items primarily filled by faunistic materials have been described at the Initial Upper Paleolithic sites in the neighbouring regions of Transbaikalia. The complex context of deposits (slope,

temperature and humidity variations), however, necessitates the detailed study of distribution of finds and possible postdepositional displacements. The purpose of the article is to characterize the depression investigated at the Tolbor 21 site in 2021–2022 and to consider it in the context of sedimentation and settlement activity at the site. The distribution of finds was investigated by generating AH plans and vertical cross-sections. Fabric analysis was performed to determine postdepositional processes which influenced the distribution of finds. The size of finds was compared between AHs using the Mann-Whitney U-test. As a result, we found that finds in the depression were buried rather quickly and were not affected by solifluction like overlying AH 4. The finds in the depression differ from AH 4 in their statistically significantly smaller sizes, the composition of the finds at the site is characterized by a high proportion of faunistic remains, among which there are red deer antlers unknown from other horizons; the share of the tools is high. The elongated shape of the pit extended along the direction of the sediment slope is the evidence of the natural origin of the pit, which, however, does not rule out its use by the ancient inhabitants of the site.

Keywords: *northern Mongolia, Early Upper Paleolithic, utility pit, spatial analysis, fabric analysis.*

Введение

Группа палеолитических памятников в долине р. Толбор (правый приток р. Селенги) в Северной Монголии связана с выходами пригодного для расщепления сырья и содержит свидетельства заселения этой территории человеческими популяциями начиная со среднего палеолита [Рыбин и др., 2017]. Комплекс начального верхнего палеолита, обладающий не только чертами мастерской, но и некоторыми поселенческими признаками, исследуется на стоянке Толбор-21. На разных участках этого памятника были обнаружены такие свидетельства обживания территории как следы горения, с которыми планиграфически связаны сильномодифицированные орудия [Марченко, Рыбин, Хаценович, 2020] и фаунистические остатки, в т.ч. со следами модификации человеком [Рыбин и др., 2019]; каменная выкладка, служившая для хранения нуклеусов в стадии расщепления [Рыбин, Марченко, Хаценович, 2018]. В 2021 г. на стоянке, в 4 м от исследованных ранее пятен прокала, было обнаружено темное пятно вытянутой формы, находившееся ниже основного уровня залегания находок АГ 4. В нем концентрировались фаунистические остатки и присутствовали каменные артефакты. Так как объект находился в угловой части раскопа 2021 г., в полевом сезоне 2022 г. его исследование было продолжено, в результате чего вскрыта его основная часть (рис. 1).

Углубленные объекты широко известны на поселенческих локациях верхнего палеолита, в т.ч. на памятниках ранних этапов верхнего палеолита в соседнем с Северной Монголией регионе – Забайкалье [Окладников, Кириллов, 1980; Константинов, 1994; Лбова, 2000]. Данные углубления по характеру заполнения интерпретируются как хозяйственные ямы, содержавшие в основном фаунистические остатки, и во многих случаях связываются с существованием жилищ. В то же время необходимо отметить, что условия сохранности археологических горизонтов палеолитических памятников Северной Монголии, как и большинства памятников Западного Забайкалья, зачастую усложняют интерпретацию таких объектов. Археологический материал залегает на склонах в условиях значительных колебаний температуры и влажности, что неизбежно приводит к частичному смещению предметов с места их первоначального залегания [Rybin et al., 2020]. По этой причине интерпретировать подобные объекты возможно только при учете степени сохранности археологических горизонтов и характера распределения находок в них. Целью данного исследования является на основе полученных материалов дать интерпретацию данного углубления и рассмотреть его в контексте особенностей осадконакопления и поселенческой активности на стоянке начального верхнего палеолита.

Материалы и методы

Стоянка Толбор-21 находится на пологом веерообразном склоне, сформированном полигенетическими отложениями. На вершине склона расположены выходы каменного сырья, эксплуатировавшегося обитателями стоянки. В ламинарных иловатых отложениях в средней части разреза выделяется несколько литологических горизонтов. Археологический горизонт (АГ) 4 начального верхнего палеолита залегает в литологическом горизонте 3.4, мощностью 15–20 см. Ниже, в литологическом горизонте 3.6 выделяется АГ 5 с небольшим количеством находок [Рыбин и др., 2017]. Объект, исследованный в ходе раскопок 2021–2022 гг., находится под АГ 4, был выделен в отдельное стратиграфическое подразделение литологического горизонта 3.5 и представляет собой удлиненное углубление, заполненное ламинарными отложениями, образованными чередованием темно-коричневых и светло-коричневых суглинков с большим содержанием гравия. Верхнюю границу объекта маркируют находки зубов лошади и каменные глыбы, зафиксированные непосредственно перед появлением более темных седиментов заполнения ямы. По итогам исследования в полевом сезоне 2022 г. длина объекта составила 3,5 м (однако южное окончание уходит в стенку раскопа) при ширине от 0,2 до 1 м. Глубина от поверхности заполнения до дна

углубления колеблется от нескольких сантиметров на северной оконечности (кв. I 11–12) до 30 см в центральной части (кв. I 13–14). С центральной частью углубления связана концентрация каменных артефактов и фаунистических остатков, в северной части встречены единичные предметы; общая численность находок – 165 экз. Обращает на себя внимание то, что в отличие от перекрывающего археологического горизонта 4, где поверхность большинства артефактов несет, хотя и незначительные, следы карбонатной корки, артефакты из углубления проявлений карбонатов не имеют. Этот комплекс при раскопках обозначен как «археологический горизонт 4/5» (АГ 4/5).

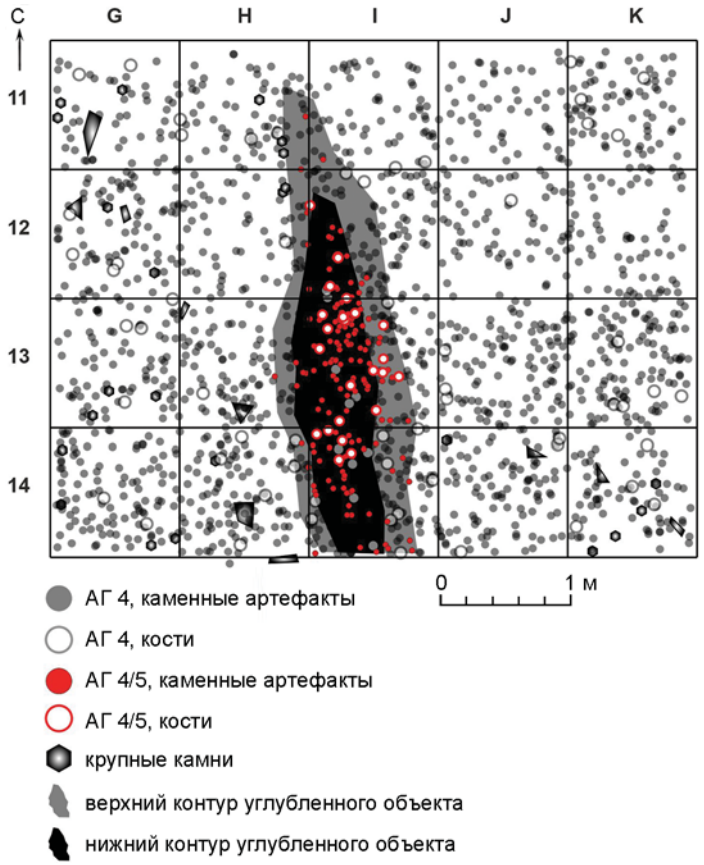


Рис. 1. Стоянка Толбор-21, план раскопа 2 (2021–2022 гг.) с обозначением контуров углубленного объекта

Распределение находок исследовалось нами с помощью построения планов и вертикальных сечений АГ. Для того, чтобы определить характер и степень смещения находок в АГ 4 и 5 по сравнению с содержанием углубления, был проведен анализ направлений [McPherron, 2018]. Данный метод изучает расположение длинных осей находок – отрезков между двумя крайними точками удлиненных артефактов (в данном случае – каменных, т.к. находки кости малочисленны). На основе направлений длинных осей (на север, юг, запад, восток) и их углов наклона (отклонения от горизонтальной оси) в определенной выборке (слое, горизонте, участке) вычисляются индексы изотропии и вытянутости. Индекс изотропии показывает, насколько случайно направления осей распределены в пространстве. Индекс вытянутости говорит о том, насколько параллельно друг другу расположены оси находок. По данным отложений в естественных средах, а также по материалам экспериментов установлено, какие сочетания индексов характерны для основных постдепозиционных нарушений [Bertran, Texier, 1995; Domínguez-Rodrigo et al., 2014; и др.].

Важным аспектом для определения происхождения углубления является состав находок в нем. При раскопках было замечено, что находки в углублении в основном имеют меньшие размеры, чем в вышележащем АГ 4. Данная тенденция была проверена нами с помощью U-критерия Манна – Уитни.

Результаты

Вертикальные сечения АГ 4, АГ 4/5, АГ 5 построены по линии I10 – I14 (рис. 2), где находится исследуемый объект. По сечениям хорошо видно, что содержание углубления частично соединено с вышележащим АГ 4 (часть кв. I13, кв. I14), а на остальной площади отделена от АГ 4 стерильной прослойкой мощностью от 10 до 30 см (рис. 2). В отличие от вышележащего АГ 4, залегающего под углом ок. 7°, сечение «ямы» показывает, что она вытянута горизонтально, без уклона.

Мы сравнили характер распределения находок в углублении и за его пределами с помощью анализа направлений. Результаты показывают, что распределение длинных осей находок в углублении и за его пределами значительно отличается (рис. 3, *1*). АГ 4 сформирован во влажных условиях при сезонных промерзаниях/протаиваниях грунта на хорошо освещаемом солнцем склоне и подвергся действию солифлюкции, приводившей к смещению культурного материала вниз по склону и расположению длинных осей находок параллельно друг другу и согласно общему уклону слоя (рис. 3, *2*). Удлиненные находки в углублении (рис. 3, *3*), расположенном под АГ 4 и врезающемся в АГ 5, не имеют выраженной доминирующей ориентации, хотя медианный угол наклона находок (5,4°) почти соответствует общему уклону АГ 4 (6,2°). В совокупности эти данные говорят о сравнительно быстром захоронении культурных остатков в углублении. Солифлюкция, существенно повлиявшая на распределение находок

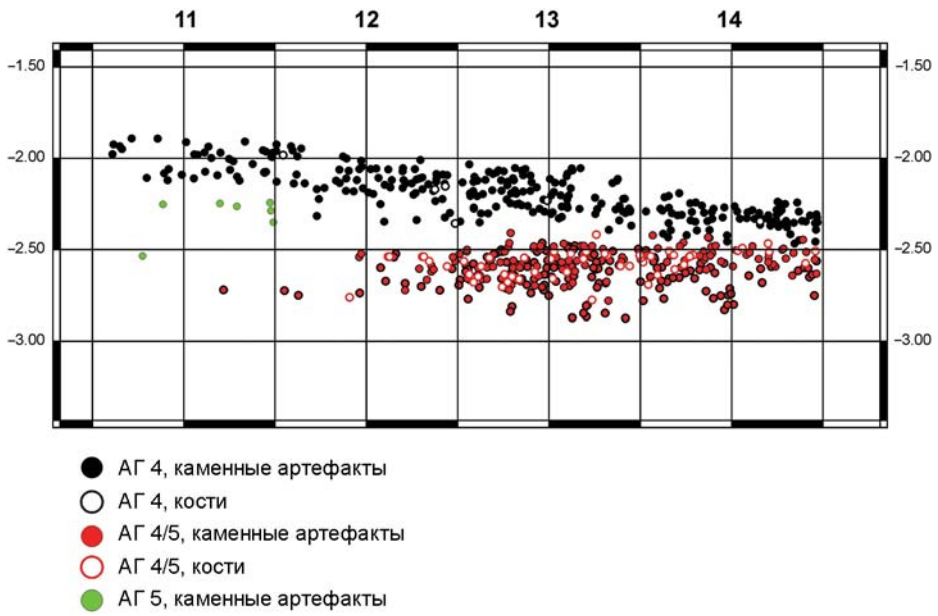


Рис. 2. Стоянка Толбор-21, вертикальное сечение археологических горизонтов 4, 4/5 и 5 по линии I.

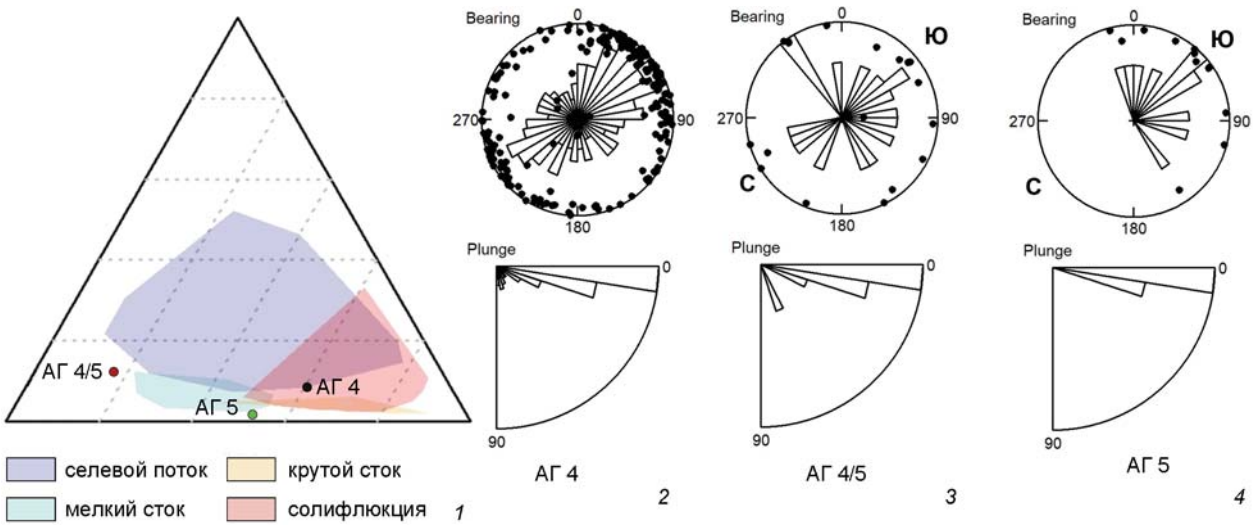


Рис. 3. Анализ направлений археологических горизонтов стоянки Толбор-21.

1 – треугольная диаграмма с обозначением результатов анализа, показывающих смещение находок археологических горизонтов 4 и 5 во влажных условиях; *2* – ориентация и углы наклона находок археологического горизонта 4; *3* – ориентация и углы наклона находок археологического горизонта 4/5; *4* – ориентация и углы наклона находок археологического горизонта 5.

в АГ 4, не затронула содержимое углубления. Эти выводы подтверждаются и сравнением степени патинизации поверхности артефактов. В углублении патина отсутствует на 94 % артефактов, в то время как в АГ 4 этот показатель составляет 80 %, в АГ 5 – 86 %. Результаты, полученные по небольшой выборке удлиненных находок, имеющейся для АГ 5, свидетельствуют о формировании данного АГ во влажных условиях (рис. 3, *4*).

Состав находок в углублении отличается от состава находок в АГ 4 и 5 высоким процентом фаунистических находок: они составляют 20 % находок в углублении (в АГ 4 и АГ 5 – 4 % и 6 % соответственно). В углублении неопределимые фаунистические фрагменты составляют 56 %, далее следуют кости крупных копытных, лошадей, а также рог благородного оленя, не представленного в других археологических горизонтах. Единичны костные останки других копытных, сусликов, грызунов. Фауна в АГ 4 несколько разнообразнее (представлены козлиные и бычьи, больше видов копытных, скорлупа яиц страуса), однако доля неопределимых фрагментов больше, чем в АГ 4/5 (62 %). Кроме того, в углублении высок удельный вес орудий и их фрагментов (составляют 19 % в АГ 4/5, 13 % – в АГ 4). Сравнение размеров артефактов (величины длины, ширины и толщины артефактов

сравнивались с помощью U-критерия Манна – Уитни с поправкой Бонферрони) показывает, что находки в углублении значительно короче (p = 0.00) и тоньше (p = 0.02), чем находки в АГ 4. Более мелкие размеры артефактов в углублении могут быть как результатом человеческой деятельности (например, утилизация отбросов), так и свидетельством естественных процессов (перемещение по склону артефактов небольшого размера и их последующее отложение в промоине естественного происхождения).

Выводы

Таким образом, предварительно получены аргументы как за, так и против антропогенного происхождения исследуемого объекта. О том, что углубление и его заполнение является результатом человеческой деятельности, могут свидетельствовать следующие факты. Само расположение ямы на участке со следами огня и интенсивной деятельности, включавшей использование сильномодифицированных орудий, повышает возможность обнаружения такого признака поселенческой активности, как хозяйственная яма. Состояние сохранности указывает на то, что к моменту начала воздействия солифлюкции на АГ 4, культурные остатки в углублении уже были перекрыты прослойкой отложений, воспрепятствовавшей их солифлюкционному смещению. Продольное сечение АГ 4 и углубления под ним показывает, что углубление расположено горизонтально, в отличие от АГ 4, наклоненного в южном направлении. Преобладание мелкоразмерного материала и высокая доля фаунистических остатков в углублении согласуется с имеющимися описаниями хозяйственных ям, для которых характерны концентрации костей животных [Шовкопляс, 1977]. Однако различия в размерности находок могут быть также и результатом естественной сортировки [Wood, Johnson, 1978] и отложения в углублении до начала формирования АГ 4. Удлиненная форма углубления, вытянутая почти параллельно направлению склона отложений, заставляет предполагать естественное происхождение этого объекта. Следует отметить, что для более поздних стадий верхнего палеолита доказано использование древними людьми естественного рельефа поверхности для создания хозяйственных объектов [Амирханов, Лев, 2004]. Поэтому само по себе естественное происхождение углубления нельзя считать однозначным свидетельством того, что оно не использовалось древним человеком. Так или иначе, как планиграфические признаки, так и характер седиментов и состояние поверхности артефактов из углубления свидетельствуют о вероятном хронологическом разрыве между процессами формирования – естественными или антропогенными – АГ 4/5, и вышележащих и подстилающих отложений. Дальнейшие исследования, в т.ч. радиоуглеродное датирование костей из горизонта 4/5, позволят сделать более однозначные выводы.

Благодарности

Полевые и аналитические исследования выполнены в рамках проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии».

Список литературы

Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Зарайская стоянка: новые данные о структуре поселения в свете раскопок последних лет // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. – 2004. – № 3 (36). – С. 208–217.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – 264 с.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Корреляция как инструмент определения функциональной вариабельности в пределах стоянки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 155–162.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Рендю В., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Гунчинсурен Б. Фаунистический набор и планиграфическая структура стоянки в начальном верхнем палеолите Северной Монголии (Толбор-21) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 231–237.

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Хаценович А.М. Каменная конструкция и ее интерпретация на стоянке Толбор-21 // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2018. – С. 144–151.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангарагдулгуун Г., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю. Новые результаты изучения стоянки Толбор 21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 198–201.

Шовкопляс И.Г. Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение // Бюллетень КИЧП. – 1977. – № 47. – С. 115–120.

Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites // J. of Archaeol. Sci. – 1995. – Vol. 22. – P. 521–535.

Domínguez-Rodrigo M., Uribelarrea D., Santonja M., Bunn H.T., García-Perez A., Perez-Gonzalez A., Panera J., Rubio-Jara S., Mabulla A., Baquedano E., Yravedra J., Diez-Martín F. Autochthonous anisotropy of archaeological materials by the action of water: experimental and archaeological reassessment of the orientation patterns at the Olduvai sites // J. Archaeol. Sci. – 2014. – Vol. 41. – P. 44–68.

McPherron S.J.P. Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13 (1) – e0190195.

Rybin E.P., Paine C.H., Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): Site formation, human behaviour and implications for the regional sequence // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 133–149.

Wood W.R., Johnson D.L. A Survey of Disturbance Processes in Archaeological Site Formation // Advances in Archaeological Method and Theory. – 1978. – P. 315–381.

References

Amirkhanov Kh.A., Lev S.Yu. Zaraiskaya stoyanka: novye dannye o strukture poseleniya v svete raskopok poslednikh let. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2004. N 3 (36). P. 208–217. (In Russ.).

Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites. *J. of Archaeological Sci.*, 1995. N 22. P. 521–535.

Domínguez-Rodrigo M., Uribelarrea D., Santonja M., Bunn H.T., García-P´erez A., P´erez-Gonz´alez A., Panera J., Rubio-Jara S., Mabulla A., Baquedano E., Yravedra J., Diez-Martín F. Autochthonous anisotropy of archaeological materials by the action of water: experimental and archaeological reassessment of the orientation patterns at the Olduvai sites. *J. of Archaeological Sci.*, 2014. Vol. 41. P. 44–68.

Konstantinov M.V. Stone Age of the eastern part of Baikal Asia For the world intercongress of the archaeologists (Zabaikalye, 1996). Ulan-Uda – Chita: Joint publication of the Institute of Social Sciences BNC CO RUN and Chita State pedagogical Institute named after N. G. Chernyshevsky, 1994. 264 p. (In Russ.).

Lbova L.V. Paleolit severnoi zony Zapadnogo Zabaikal'ya. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo nauchnogo tsentra SB RAS, 2000. 240 p. (In Russ.).

Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Rybin E.P. Correlation as a Tool for Establishing Functional Variability Within the Site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 155–162. (In Russ.).

McPherron S.J.P. Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations. *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13 (1), e0190195.

Okladnikov A.P., Kirillov I. I. Yugo-Vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i rannei bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zwyns N., Gunchinsuren B., Paine C., Bolorbat Ts., Odsuren D., Galfi J., Anoikin A.A., Margad-Erdene G., Marchenko D.V., Angaragdulguun G., Shelepaev R.A., Popov A.Yu. New Research Data from the Tolbor-21 Site (Northern Mongolia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 198–201. (In Russ.).

Rybin E.P., Klementiev A.M., Rendu W., KhatsenovichA.M., Marchenko D.V., Gunchinsuren B. Faunal Assemblage and Spatial Structure of the Initial Upper Paleolithic Site in Northern Mongolia (Tolbor-21). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 231–237. (In Russ.).

Rybin E.P., Marchenko D.V., Khatsenovich A.M. Stone Construction and its Interpretation on the Site Tolbor 21 (Northern Mongolia). In *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2018. Vol. 7. P. 126–133. (In Russ.).

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): Site formation, human behaviour and implications for the regional sequence. *Quatern. Intern.*, 2020. Vol. 559. P. 133–149.

Shovkoplyas I.G. Khozyaistvenno-bytovoi kompleks pozdnego paleolita. Ego sostav i naznachenie. In *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 1977. N 47. P. 115–120. (In Russ.).

Wood W.R., Johnson D.L. A Survey of Disturbance Processes in Archaeological Site Formation. *Advances in Archaeological Method and Theory*, 1978. P. 315–381.

Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Кравцова П.С. https://orcid.org/0000-0002-6171-6390
Маргад-Эрдэнэ Г. https://orcid.org/0000-0002-9416-7922
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0181-0191
УДК 903.2

Д.В. Марченко✉, А.М. Хаценович, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Пространственная организация стоянок у выходов каменного сырья: исследование с помощью кластерного анализа (на примере нижних археологических горизонтов памятника Толбор-4, Северная Монголия)

В статье даются результаты анализа распределения находок в археологических горизонтах 5 и 6 стоянки Толбор-4 (раскопки 2005 г.). Данная коллекция стала основной для выделения на территории Монголии технокомплекса начального верхнего палеолита. Вместе с тем склоновый контекст залегания археологического материала и низкие скорости осадконакопления затрудняют исследование планиграфии этих комплексов. Цель статьи – с учетом уровня сохранности выявить пространственную организацию археологических горизонтов 5 и 6, используя алгоритмы кластерного анализа. На основе оцифровки координат с планов на миллиметровках был получен набор данных для создания трехмерной модели и кластерного анализа распределения находок в раскопе 2005 г. По материалам новых раскопок с полной тахеометрической фиксацией были изучены ориентации удлиненных находок, показывающие, какие процессы повлияли на осадконакопление. Для находок с точной координатной привязкой использовался алгоритм k-средних, алгоритм неограниченной кластеризации применен для всех находок с привязкой по квадратным метрам. В результате определено, что археологические горизонты 5 и 6 минимально нарушены склоновыми процессами, доминировавшими при формировании вышележащего горизонта 4. Склоновое смещение затронуло часть горизонта 5 в раскопе 2005 г., что проявилось в специфических структурах смещения. Вытянутые поперек склона концентрации материала, чередующиеся с участками той же формы с разреженными находками, характерны для археологического горизонта 4, а также наблюдаются на других стоянках Толборской группы. На остальной части археологического горизонта 5 реконструируется наложение следов деятельности по первичному расщеплению и деятельности с использованием сильномодифицированных орудий. Археологический горизонт 6 определен как следы стоянки-мастерской на выходах сырья, сформированной кратковременным посещением. Данные пространственные структуры отражают часть системы жизнеобеспечения высокомобильного населения, связанную с первичной подготовкой каменного сырья к дальнейшей транспортировке.

Ключевые слова: *Северная Монголия, начальный верхний палеолит, планиграфия, анализ направлений, кластерный анализ.*

D.V. Marchenko✉, A.M. Khatsenovich, E.P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Spatial Arrangement of Sites Located Near Raw Material Outcrops: A Cluster Analysis Using Materials from Lower Archaeological Horizons at the Tolbor-4 Site, Northern Mongolia

The article provides the results of distribution analysis of the finds in archaeological horizons 5 and 6 at the Tolbor-4 site (2005 excavations) using a cluster analysis. This collection is the basis for the identification of the Initial Upper Paleolithic technocomplex in Mongolia. However, the site location on a slope and low sedimentation rates make it difficult to study the

spatial arrangement of these complexes. The article is aimed to determine archaeological horizons 5 and 6 spatial arrangement considering the condition via using the cluster analysis algorithms.Based on digitisation of coordinates from drawn plans, a dataset was obtained to generate a three-dimensional model and to perform a cluster analysis of the finds distribution from the 2005 excavation. Based on new excavations, which employed total tacheometric recording to determine and collect spatial coordinates, orientations of elongated finds were studied to reveal which processes influenced sedimentation. The k-means algorithm was used for finds with precise coordinate referencing, and the unconstrained clustering algorithm was used for all finds with only square-meter referencing. As a result, archaeological horizons 5 and 6 were determined as having been minimally disturbed by slope processes that dominated the formation of overlying archaeological horizon 4. Slope displacement affected a portion of AH 5 exposed during the 2005 excavation, which is revealed by specific displacement structures. Concentrations of material distributed perpendicular to the slope, alternating with areas of the same shape with only sparse finds, are characteristic of archaeological horizon 4 and were also observed at other sites in the Tolbor group. The remaining part of archaeological horizon 5 appears to reflect overlapping traces of primary reduction and activity using strongly modified tools. We have determined archaeological horizons 6 as a workshop-camp located near raw material outcrops formed by a short-term occupation. These spatial distributions reflect a part of subsistence strategy of highly mobile population, associated with the primary preparation of lithic raw materials for further transportation.

Keywords: *northern Mongolia, Initial Upper Paleolithic, spatial analysis, fabric analysis, cluster analysis.*

Введение

Свидетельством заселения территории Северной Монголии, начиная со среднего палеолита и вплоть до позднего верхнего палеолита, являются стоянки Толборской группы, компактно расположенные в долинах рек Их-Тулбурийн-гол и Харганын-гол, правых притоков р. Селенги. Идентифицируемый на этих памятниках культурный комплекс начального верхнего палеолита (НВП) датируется в пределах 46–45 – 39 тыс. л.н. [Рыбин, 2020]. Исследования этих стоянок, ведущиеся с 2000-х гг., позволили не только охарактеризовать и проследить развитие индустриальных комплексов ранних этапов верхнего палеолита в регионе, но также дали почву для первых в Северной Монголии исследований стратегий мобильности и организации пространства древним населением [Деревянко и др., 2007; Деревянко и др., 2013; Хаценович и др., 2015; Хаценович, 2018; Zwyns et al., 2019; Rybin et al., 2020]. Изучение планиграфии на стоянках Толборской группы, относящихся к НВП (Толбор-4, археологические горизонты 5, 6; Толбор-16, археологический горизонт 7; Толбор-21, археологический горизонт 4; Харганын-гол-5, археологический горизонт 5), затруднено условиями сохранности археологических горизонтов. Последние сформированы в условиях низких скоростей осадконакопления и залегают в ламинарных иловатых супесях, испытавших влияние солифлюкции и делювиально-пролювиальных процессов [Коломиец и др., 2009; Zwyns et al., 2019; Rybin et al., 2020]. Возможно, именно в силу этих условий на стоянках Толборской группы практически отсутствуют видимые планиграфические структуры, такие как скопления находок, выраженные следы очагов, ям и т.д. С другой стороны, стоянки-мастерские у выходов сырья в силу своей специфики могли и не обладать четкой пространственной структурой.

В данной статье ставится цель с помощью статистических методов, а именно алгоритмов кластеризации, выявить закономерности в распределении находок начального верхнего палеолита и определить, связаны ли они с деятельностью человека или являются результатом постдепозиционных процессов. Для этого приводятся результаты сравнительного анализа сохранности археологических горизонтов и пространственной кластеризации находок.

Материалы и методы

Стоянка Толбор-4 расположена на реке Их-Тулбурийн-гол (49° 17′ 23.9″ с.ш., 102° 57′ 55.3″ в.д.), на пологом склоне делювиального шлейфа юго-восточной экспозиции. Современная поверхность наклонена под углом 10–12° (рис. 1, *1*).

В результате нескольких циклов раскопок на памятнике (2004–2005 гг. – под руководством А.Н. Зенина, 2006 г. – под руководством С.А. Гладышева) получена богатая коллекция, послужившая основой для выделения на территории Монголии культурно-хронологического комплекса НВП [Деревянко и др., 2013; Kuhn, Zwyns, 2014]. В ходе этих работ распределение находок фиксировалось на планы, выполненные на миллиметровках. Оцифровка этих координат позволила создать трехмерные модели и профили распределения находок (рис. 1, *2*) и провести кластерный анализ. Наибольшая площадь – 37 м^2 – вскрыта раскопками 2005 г., материалы которых и были взяты для анализа. В 2017 и 2021 гг. под руководством Е.П. Рыбина произведены небольшие раскопочные работы и отбор образцов. Культурно-стратиграфическая последовательность, реконструированная Е.П. Рыбиным [2020] с учетом предшествующих исследований и опирающаяся на новейшие раскопки и анализ каменного инвентаря, включает следующие подразделения (рис.1, *3*).

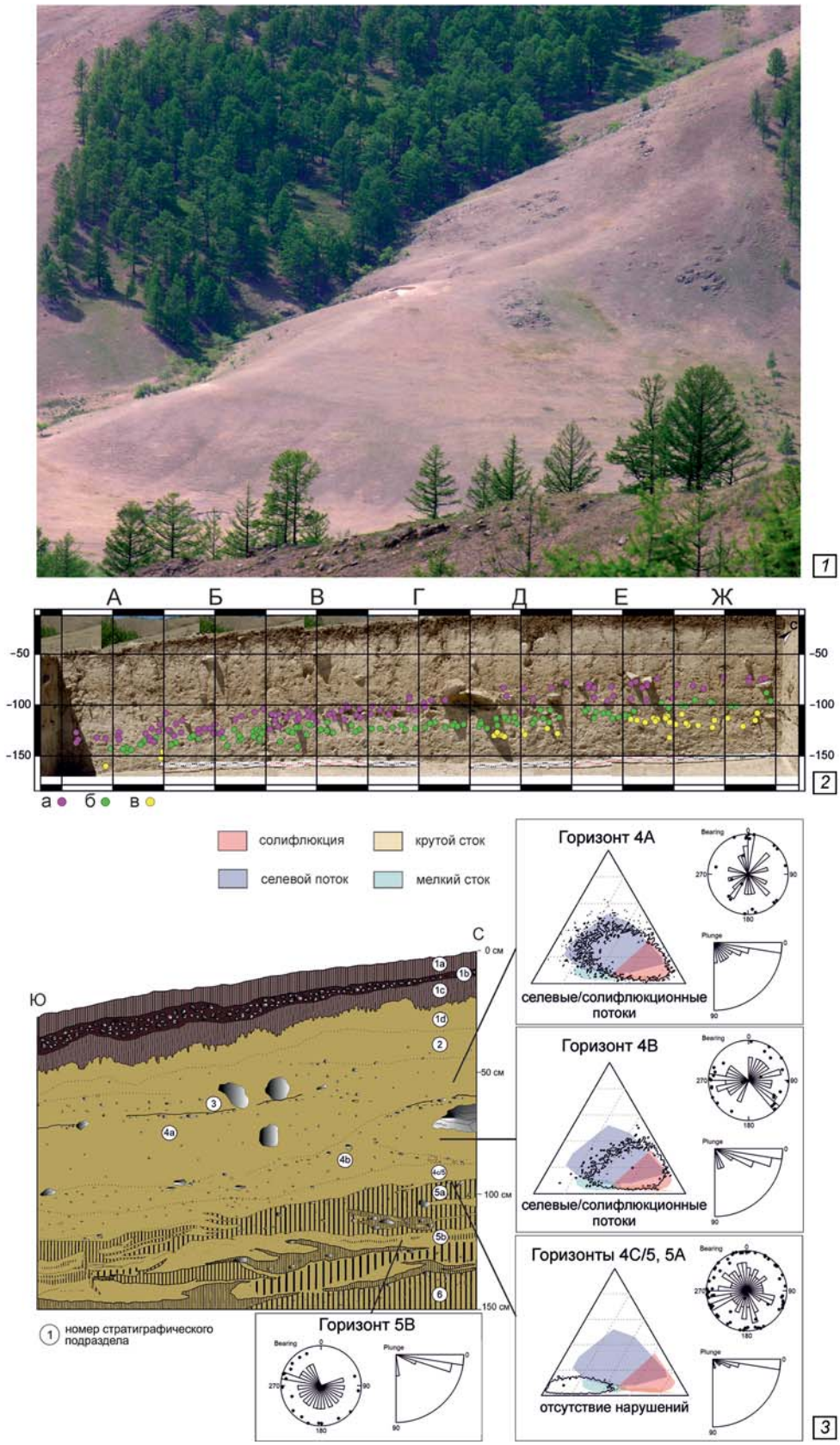


Рис. 1. Стоянка Толбор-4, геоморфологическая позиция и сохранность археологических горизонтов ранних этапов верхнего палеолита.

1 – вид на раскоп 2005 года с востока (фото – С.А. Гладышев); *2* – профиль распределения находок археологических горизонтов 4, 5 и 6 по линии 3’ 2005 года (фото разреза 2005 года – С.А. Гладышев): а – находки горизонт 4, б – находки горизонт 5, в – находки горизонт 6. *3* – результаты анализа направлений по материалам 2017, 2021 гг. раскопок.

Слой 1 (мощность 15–35 см) – комплекс голоценовых почв (1a–1d). Включает археологический горизонт 1.

Слой 2 (10–20 см) – лесс с включением гравия, доля которого возрастает вниз по слою. Включает археологический горизонт 2.

Слой 3 (5–20 см) – рыхлые иловатые супеси с легкой степенью гумусации. Включает археологический горизонт 3.

Слой 4 (до 50 см) – солифлюциированные лессовидные отложения, кровлю которых маркируют прослои глыб и плиток местных пород. Подразделяется на линзы 4A и 4B, содержащие одноименные археологические горизонты (соответствует горизонту 4 2005 г.). В основании слоя залегает прослой плотной супеси с горизонтально залегающим гравием (мощность – 5–7 см). Включает археологический горизонт 4C/5.

Слой 5 (до 40 см) – солифлюциированные иловатые отложения, залегающие плотными слойками с редкими включениями гравия и желваков. Включает подразделения 5A (вместе с археологическим горизонтом 4C/5 соответствует археологическому горизонту 5 2005 г.) и 5B (соответствует археологическому горизонту 6 2005 г.).

Слой 6 (видимая мощность 10 см) – рыхлые солифлюциированые иловатые супеси с гравием. Включает археологический горизонт 6.

Радиоуглеродные определения из этого разреза позволяют датировать самый нижний горизонт в пределах 42–44 тыс. кал. л.н., горизонт 5A – 46–42 тыс. кал. л.н., горизонт 4B – 35–34 тыс. кал. л.н., горизонт 4A – 29–30 тыс. кал. л.н. [Рыбин, 2020]. Учитывая влияние солифлюкции, а также наличие инверсии в ранее полученных датировках по археологическим горизонтам 5 и 6 [Деревянко и др., 2013], вопрос об уровне сохранности археологических горизонтов представляется актуальным. Мы провели сравнительное исследование археологических горизонтов с помощью анализа направлений [Bertran, Texier, 1995]. Данный метод изучает расположение длинных осей – отрезков между двумя крайними точками удлиненных находок. Положение осей в пространстве и относительно друг друга показывает, какие процессы происходили во время и после накопления отложений [McPherron, 2005; Domínguez-Rodrigo et al., 2014 и др.]. Наличие доминирующей ориентации проверяется статистическими тестами (Тест Рэлея, Критерий Кёйпера, тест фон Мизеса). Анализ направлений проведен нами на материалах раскопок 2017 и 2021 гг., в ходе которых удлиненные находки снимались по двум точкам.

Планиграфический анализ состоял из взаимодополняющих статистических процедур. По индивидуальным находкам (с отдельным шифром и координатами) для каждого археологического горизонта строились карты плотности точек (при значении сигмы = 20 [Ларионова, 2019]). Поквадратные карты строились с учетом находок, имеющих только привязку к квадрату. Все индивидуальные находки кластеризовались алгоритмом k-средних по трем координатам.

Далее анализировался состав находок. Мы сравнивали распределение следующих категорий: нуклеусы и их обломки, технические сколы, нецелевые сколы, целевые сколы, орудия. К целевым сколам на основе характера индустрии [Рыбин, 2020] отнесены все пластины шириной более 1,5 см. Орудия подразделялись по степени модификации, определенной по периметру нанесения ретуши и степени модификации первичного участка [Колобова, 2006; Рыбин, 2020] (табл. 1). Фаунистические остатки единичны [Деревянко и др., 2007]. Использовалось два алгоритма: k-средних – для кластеризации находок каждой категории по отдельности. С помощью данного анализа сравнивается расположение центроидов разных категорий находок для определения различия или сходства в их распределении [Kintigh, Ammerman, 1982]. Центроидом кластера является среднее арифметическое координат всех находок,

Таблица 1. **Ранжирование орудий стоянки Толбор-4 по степени модификации (археологические горизонты 5 и 6, раскопки 2005 года)**

Степень модификации орудия	Часть периметра орудия, обработанная ретушью	Степень модификации первичного участка	Кол-во орудий	
			АГ 5	АГ 6
Очень сильная	4/4, 3/4	Сильная	11	2
Сильная	2/4	Сильная	27	27
	1/4	Сильная		
Средняя	1/4	Средняя	185	80
	2/4	Средняя		
Слабая	1/4	Слабая	218	71
	2/4	Слабая		

относящихся к данному кластеру. Второй алгоритм – неограниченной кластеризации [Whallon, 1984] – выделяет кластеры на основе процентных соотношений находок. Так как алгоритм работает с заданными участками, точной координатной привязки находок не требуется. Использование этого метода позволило включить в анализ все находки, для которых имелась только информация о квадрате.

Все статистические процедуры выполнялись в свободно распространяемой программной среде R [R Core Team, 2020] с помощью пакетов Spatstat [Baddeley, Turner, 2005], Clustertend [YiLan, RuTong, 2015], NbClust [Charrad et al., 2014].

Результаты

По результатам анализа направлений распределение удлиненных находок в археологическом горизонте 4А соответствует показателям отложений селевых и солифлюкционных потоков (табл. 2, рис. 1, *3*). Археологический горизонт 4В также подвергся значительным постдепозиционным изменениям, но в более влажных условиях (табл. 2, рис. 1, *3*). Показатели нижележащего археологического горизонта 5А соответствуют непотревоженным отложениям с плоскостным залеганием находок и без доминирующей ориентации. Археологический горизонт 5В имеет близкие показатели, но количество наблюдений недостаточно для определения характера постдепозиционных процессов (табл. 2, рис. 1, *3*). Таким образом, наиболее высокая сохранность отложений наблюдается в нижней части последовательности. Археологические горизонты 5 и 6 2005 года являются наиболее перспективными для планиграфического анализа.

В археологическом горизонте 5 сравнение карты плотности, построенной по индивидуальным находкам (582 ед., рис. 2, *1*) с картой, учитывающей находки с поквадратной привязкой (всего – 1127 ед., рис. 2, *2*), показывает общие тенденции распределения: в обоих случаях наибольшая концентрация находок – в южной части раскопа. Карта плотности точек показывает отсутствие выраженных скоплений (рис. 2, *3*).

Общий кластерный анализ говорит о равномерном распределении находок (табл. 3) с оптимальным делением на 3 кластера с центрами в кв. Д2’, Д3 и Б2’ (рис. 2, *4*). Такое разделение обусловлено склоном в юго-восточном и юго-западном направлении и отсутствием выраженной планиграфической структуры. Все категории имеют низкую тенденцию к кластеризации (см. табл. 3) и в основном образуют кластеры с центрами поблизости от центров общих кластеров. Исключение составляет

Таблица 2. **Результаты анализа направлений удлиненных находок в археологических горизонтах ранних этапов верхнего палеолита стоянки Толбор-4**

Археологический горизонт	N	Ориентация						Угол наклона			
		Доминирующая ориентация	Тест Рэлея (R) 180	p	Критерий Кёйпера (V)	p	Тест фон Мизеса U2	p	Медианное значение	Стандартное отклонение	Критерий Колмогорова-Смирнова (D)	p
4А	21	нет	0.36	0.07	1.21	> 0.15	0.06	0.05 < p < 0.1	7.23	25.00	0.57	0.00
4В	28	С – Ю	**0.39**	**0.01**	1.30	> 0.15	**0.11**	**0**	10.84	17.62	0.68	0.00
5А	68	СВ, ЮВ	0.05	0.85	1.53	> 0.15	**0.32**	**0**	4.30	11.03	0.79	0.00
5В	19	Ю	0.27	0.26	1.37	> 0.15	**0.04**	**0.02 < p < 0.05**	8.02	17.87	0.84	0.00

Примечание. Жирным шрифтом выделены значения, свидетельствующие об отклонении гипотезы нормального распределения и наличии доминирующей ориентации удлиненных находок.

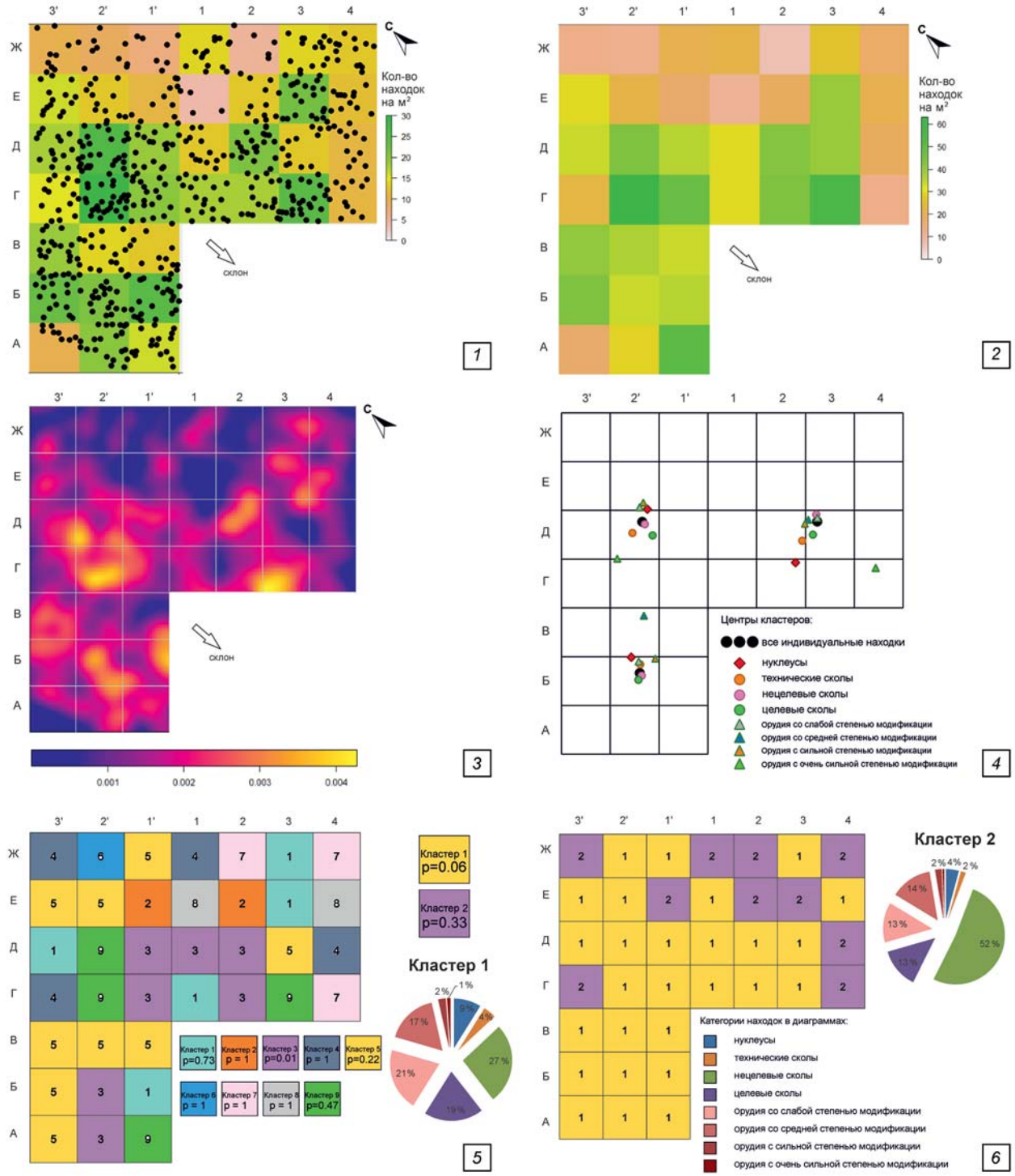


Рис. 2. Планиграфический анализ археологического горизонта 5 2005 года.

1 – находки, зафиксированные на планах (точками), плотность находок поквадратно (закрашенными квадратами); *2* – плотность находок поквадратно, с учетом находок без точной координатной привязки; *3* – карта плотности, построенная с помощью оценки плотности точек по находкам, зафиксированным на планах; *4* – план раскопа с обозначением центров кластеров всех категорий находок; *5* – результаты неограниченной кластеризации (9 кластеров); *6* – результаты неограниченной кластеризации (2 кластера).

один кластер нуклеусов, а также кластеры орудий со средней и очень сильной степенью модификации. Орудия с очень сильной степенью модификации сосредоточены в северо-западной части раскопа (рис. 2, *4*).

Неограниченная кластеризация дает оптимальные разбиения на 9 и на 2 кластера. 9 кластеров образуют дробное деление, при котором только кластер 3 обладает значимой смежностью (рис. 2, *5*). В его составе наибольший процент технических сколов, нет

Таблица 3. **Тенденция артефактов к кластеризации согласно статистике Хопкинса***

Археологический горизонт	Категория находок	Кол-во артефактов	Значение H
5	Все	582	0.28
	Нуклеусы	91	0.37
	Технические сколы	42	0.37
	Нецелевые	346	0.28
	Целевые	207	0.28
	Орудия слабомодифицированные	218	0.3
	Орудия среднемодифицированные	185	0.3
	Орудия сильномодифицированные	27	0.39
	Орудия очень сильно модифицированные	11	0.2
6	Все	353	0.2
	Нуклеусы	26	0.36
	Технические сколы	10	0.51
	Нецелевые	223	0.25
	Целевые	168	0.32
	Орудия слабомодифицированные	71	0.3
	Орудия среднемодифицированные	80	0.3
	Орудия сильномодифицированные	27	0.34

*Значения H около 0.5 свидетельствуют о том, что данные распределены равномерно и не имеют тенденции к кластеризации. Если значение H менее 0.3 – нулевая гипотеза о равномерности распределения данных отклоняется, данные имеют тенденцию к кластеризации.

орудий с очень сильной модификацией. Кластеры 5 и 6 фиксируют концентрации нуклеусов.

При делении на 2 кластера, основную часть раскопа образует кластер 1 (смежность значима на уровне статистической тенденции) (рис. 2, *6*). В нем высокий процент нуклеусов и орудий. Кластер 2 характеризуется низкой смежностью, более половины в нем составляют нецелевые сколы. Сравнив это кластерное деление с картой плотности, можно видеть, что кластер 2 формируется на участке с разреженными находками (рис. 2, *3*). В этой части раскопа находки группируются в вытянутые поперек склона концентрации, чередующиеся с пустыми участками. Важно отметить, что такое распределение характерно для вышележащего археологического горизонта 4, значительно деформированного склоновыми процессами (см. рис. 1, *3*).

Таким образом, несмотря на отсутствие выраженных скоплений находок, в археологическом горизонте 5 прослеживаются пространственные закономерности. Распределение сильномодифицированных орудий и части нуклеусов отличается от остальных категорий находок. Западная часть раскопа (кв. А-В-3’-2’-1’) с высокой долей нуклеусов и сильномодифицированных орудий и большей плотностью находок характеризует основную зону активности, связанную не только с производством заготовок, но и с другими хозяйственными операциями. В северо-западной части (кв. Г-Д-Е-Ж-2’, Д-Е-3’) сильномодифицированные орудия (в том числе бифасиально обработанные) сочетаются с нуклеусами в стадии расщепления (начальной и средней сработанности). Восточная часть раскопа (кв. Г-Д-Е-Ж-1’-1-2-3-4) наиболее деформирована склоновыми процессами. Здесь преобладают нецелевые сколы, нуклеусы находятся в различных стадиях сработанности.

В археологическом горизонте 6 общий кластерный анализ выполнен по 353 индивидуальным артефактам. Распределение этих находок неравномерно: основная часть сосредоточена в северо-восточной части раскопа (рис. 3, *1*). Та же тенденция в распределении находок прослеживается при добавлении данных о находках без точной координатной привязки (всего – 639 экз., рис. 3*, 2, 3*).

Общий кластерный анализ делит участок на два кластера (рис. 3*, 4*) согласно доминирующему уклону горизонта с северо-запада на юго-восток (см. рис. 1, *1*). Кластеризация по категориям находок показывает, что в западной части раскопа, где плотность находок очень низкая, представлены в основном нецелевые сколы и орудия со слабой модификацией: только они формируют кластеры с центрами на этом участке. Центры кластеров остальных категорий находок расположены поблизости от центров общих кластеров (рис. 3*, 4*).

Неограниченная кластеризация формирует три кластера со статистически значимой смежностью (рис. 3, *5*). В западной части раскопа кластеры не сформированы, так как количество находок на м^2 слишком мало. В кластере 1 нуклеусы составляют 30 % находок, равное соотношение целевых и нецелевых сколов, а также наименьший среди всех кла-

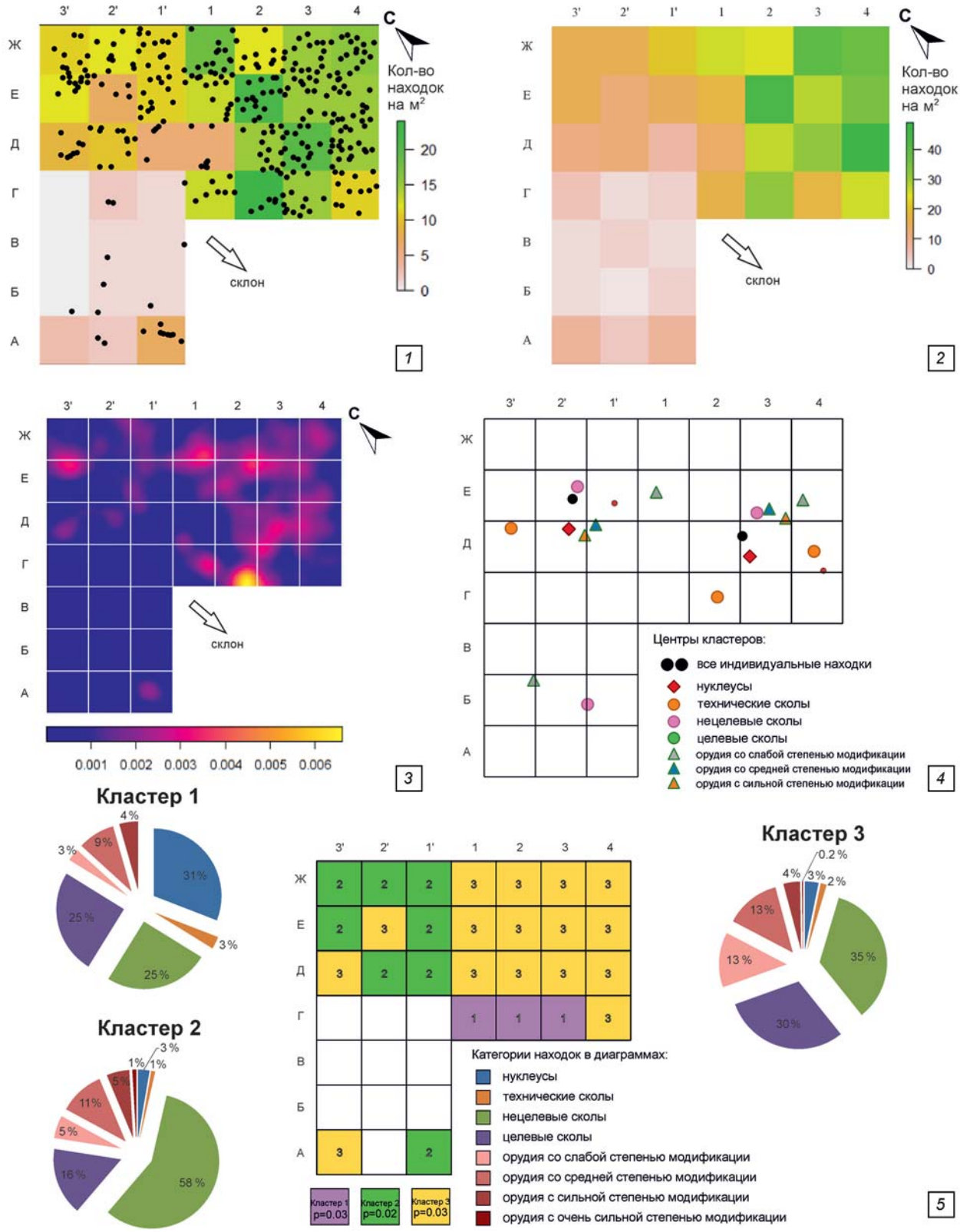


Рис. 3. Планиграфический анализ археологического горизонта 6 2005 года.

1 – находки, зафиксированные на планах (точками), плотность находок поквадратно (закрашенными квадратами); *2* – плотность находок поквадратно, с учетом находок без точной координатной привязки; *3* – карта плотности, построенная с помощью оценки плотности точек по находкам, зафиксированным на планах; *4* – план раскопа с обозначением центров кластеров всех категорий находок; *5* – результаты неограниченной кластеризации (3 кластера).

стеров процент орудий. На этом участке, помимо классических нуклевидных форм, были зафиксированы макронуклеусы, которые удалось собрать в единый блок. Блок был расколот на четыре очень крупных торцовых и подпризматических нуклеуса [Деревянко и др., 2007, рис. 14,15]. В остальных двух кластерах нуклеусы составляют около 3 %. В кластере 2 больше половины находок – нецелевые сколы. В кластере 3 наибольший процент орудий, большинство из которых слабо- и среднемодифицированы.

Согласно проведенному анализу, в археологическом горизонте 6 четко отделяются зоны с различным составом находок. Наибольшая хозяйственная активность связана с восточным участком раскопа (кв. Ж-Е-Д 2-3-4), где сосредоточено большинство находок, наибольшая доля орудий. Западная часть раскопа (кв. А-Б-В-1'-2'-3') составляет периферийный участок с единичными находками, в основном нецелевыми сколами. В кв. Г1-3, Б2' фиксируются следы подготовки блока сырья к транспортировке. Четкое планиграфическое зонирование позволяет предполагать сравнительно кратковременное посещение этого участка, в ходе которого следы различной деятельности не успели образовать палимпсест.

Выводы

Проведенный анализ выявил пространственные структуры, образованные склоновым смещением материала. Это скопления вытянутые перпендикулярно направлению склона, чередующиеся с участками меньшей плотности находок. Подобные структуры зафиксированы нами в вышележащем археологическом горизонте 4 2005 г., а также на другом памятнике Толборской группы, расположенном в сходных геоморфологических условиях (Толбор-21, горизонты 3, 4). Вероятно, процессы, приводившие к появлению таких структур смещения, были локальными, неодинаково проявляясь на разных участках. В случае археологического горизонта 5 Толбора-4 склоновые процессы затронули лишь часть раскопа 2005 г., на участке наиболее равномерного и крутого склона. На остальной площади раскопа, по нашим результатам, следы нескольких посещений или эпизодов деятельности наложены друг на друга. Этим объясняется отсутствие выраженных скоплений с одной стороны и неодинаковое распределение категорий находок – с другой.

Археологический горизонт 6 составляют следы кратковременного заселения с четким зонированием деятельности. Это не только пример участка с четкой планиграфической структурой, но и яркое свидетельство подготовки крупных блоков сырья к транспортировке. Наличие небольших и сильномодифицированных орудий, в свою очередь, оставляет возможность их приноса с других локаций.

В целом на стоянке Толбор-4 реконструируется организация пространства, отражающая сложную систему мобильности древнего населения. Стоянка у выходов сырья является лишь одним из элементов системы жизнеобеспечения древнего коллектива. Этот элемент связан с добычей и подготовкой к транспортировке каменного сырья. Однако, исследованная планиграфическая структура более комплексная и содержит не только следы первичной подготовки сырья, но и «поселенческие» участки, связанные с сильномодифицированными орудиями и нуклеусами в финальных стадиях расщепления. Все это свидетельствует в пользу неоднократного посещения людьми одних и тех же участков в ходе циклических перемещений.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Цыбанков А.А., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 21–37.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 136 с.

Коломиец В.Л., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А. Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 2–14.

Ларионова А.В. Планиграфический анализ среднепалеолитической стоянки Кетросы: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2019. – 165 с.

Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии. дис. ... д-р истор. наук. – Новосибирск, 2020. – 539 с.

Хаценович А.М. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии: дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 287 с.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Олсен Д. Кострища Стоянки Толбор-15: Планиграфия поселения и деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер.: История. Филология. – 2015. – Т. 14, № 7. – С. 38–49.

Baddeley A., Turner R. spatstat: An R Package for Analyzing Spatial Point Patterns // J. of Statistical Software. –2005. – N 12. – P. 1–42. doi: 10.18637/jss

Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites // J. of Archaeol. Sci. – 1995. – 22. – P. 521–535.

Charrad M., Ghazzali N., Boiteau V., Niknafs A. NbClust: An R Package for determining the relevant number of clusters in a data set // J. of Statistical Software. – 2014. – N 61. – P. 1–36.

Domínguez-Rodrigo M., Uribelarrea D., Santonja M., Bunn H. T., García-Pérez A., Pérez-González A., Panera J., Rubio-Jara S., Mabulla A., Baquedano E., Yravedra J., Diez-Martín F. Autochthonous anisotropy of archaeological materials by the action of water: Experimental and archaeological reassessment of the orientation patterns at the Olduvai sites // J. Archaeol. Sci. – 2014. – Vol. 41. – P. 44–68.

Kintigh K.W., Ammerman A.J. Heuristic approaches to spatial analysis in archaeology // American Antiquity. – 1982. – Vol. 47. – P. 31–63.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial upper Paleolithic // Quatern. Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 29–38.

McPherron S.J.P. Artifact orientations and site formation processes from total station proveniences // J. of Archaeological Science. – 2005. – Vol. 32. – P. 1003–1014.

R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing,Vienna, Austria. [Электронный ресурс]. URL https://www.R-project.org/ (дата обращения: 11.08.2022).

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): Site formation, human behaviour and implications for the regional sequence // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P.133–149.

Whallon R. Unconstrained clustering for the analysis of spatial distributions in archaeology // Intrasite Spatial Analysis in Archaeology. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. – P. 242–277.

YiLan L., RuTong Z. clustertend: Check the Clustering Tendency. R package version 1.4. [Электронный ресурс]. URL: https://CRAN.R-project.org/package=clustertend (дата обращения: 13.08.2022).

Zwyns N., Paine C., Bolorbat T., Talamo S., Fitzsimmons K., Gantumur A., Guunii L., Davakhuu O., Flas D., Dogandzic T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.C., Noyer J.B., Bakhtiary R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Hublin J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia // Scientific Reports 9. – 2019. – P. 11759.

References

Baddeley A., Turner R. spatstat: An R Package for Analyzing Spatial Point Patterns. *J. of Statistical Software*, 2005. N 12. P. 1–42. doi: 10.18637/jss

Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites. *J. of Archaeological Sci.*, 1995. N 22. P. 521–535.

Charrad M., Ghazzali N., Boiteau V., Niknafs A. NbClust: An R Package for determining the relevant number of clusters in a data set. *J. of Statistical Software*, 2014. N 61. P. 1–36.

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen J.W., Tseveendorzh D., Gunchinsuren B. Technology of Early Upper Paleolithic Lithic Reduction in northern Mongolia: the Tolbor-4 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007. N 1. P. 16–38. (In Russ.).

Derevianko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Tsybankov A.A., Olsen J.W. Early Upper Paleolithic Stone Tool Technologies of northern Mongolia: the Case of Tolbor-4 and Tolbor-15. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2013. N 4. P. 21–37. (In Russ.).

Domínguez-Rodrigo M., Uribelarrea D., Santonja M., Bunn H. T., García-Pérez A., Pérez-González A., Panera J., Rubio-Jara S., Mabulla A., Baquedano E., Yravedra J., Diez-Martín F. Autochthonous anisotropy of archaeological materials by the action of water: Experimental and archaeological reassessment of the orientation patterns at the Olduvai sites. *J. of Archaeological Sci.*, 2014. Vol. 41. P. 44–68.

Khatsenovich A.M. Rannie etapy verkhnego paleolita Severnoi Mongolii: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2018. 287 p. (In Russ.).

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J. The hearths of Tolbor-15 site: the planigraphy of settlement and human activity in early upper Paleolithic of Mongolia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015. Vol. 14. N 7. P. 38–49. (In Russ.).

Kintigh K.W., Ammerman A.J. Heuristic approaches to spatial analysis in archaeology. *American Antiquity*, 1982. Vol. 47. P. 31–63.

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2006. 136 p. (In Russ.).

Kolomiets V.L., Gladyshev S.A., Bezrukova E.V., Rybin E.P., Letunova P.P., Abzaeva A.A. Environment and Human Behavior in northern Mongolia During the Upper Pleistocene. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009. N 1. P. 2–14. (In Russ.).

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial upper Paleolithic. *Quatern. Intern.l*, 2014. Vol. 347. P. 29–38.

Larionova A.V. Planigraficheskii analiz srednepaleoliticheskoi stoyanki Ketrosy: cand. sc. (history) dissertation. St. Petersburg, 2019. 165 p. (In Russ.).

McPherron S.J.P. Artifact orientations and site formation processes from total station proveniences. *J.l of Archaeological Sci.*, 2005. Vol. 32. P. 1003–1014.

R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL https://www.R-project.org/ (Accessed: 11.08.2022).

Rybin E.P. Regional'naya variabel'nost' kamennykh industrii nachala verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii: doct. sc. (history) dissertation. Novosiborsk, 2020. 539 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): Site formation, human behaviour and implications for the regional sequence. *Quatern. Intern.* 2020. Vol. 559. P.133–149.

Whallon R. Unconstrained clustering for the analysis of spatial distributions in archaeology. In *Intrasite Spatial Analysis in Archaeology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 242–277.

YiLan L., RuTong Z. clustertend: Check the Clustering Tendency. R package version 1.4. URL: https://CRAN.R-project.org/package=clustertend (Accessed: 13.08.2022).

Zwyns N., Paine C., Bolorbat T., Talamo S., Fitzsimmons K., Gantumur A., Guunii L., Davakhuu O., Flas D., Dogandzic T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.C., Noyer J.B., Bakhtiary R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Hublin J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia. *Scientific Reports,* 2019. N 9. P. 11759.

Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0192-0199
УДК 903.12

В.Е. Медведев✉, Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Керамика раннего неолита памятника Шуанта (провинция Цзилинь, КНР) в контексте связей с материалами сопредельных территорий

Исследование имеет своей целью предварительный анализ керамического комплекса первого и второго этапов памятника Шуанта. На памятнике выделены два культурных горизонта. Ранняя посуда украшена скупо, кромка венчика может быть покрыта косыми насечками или встречаются вариации налепов, наличие которых является наиболее типичной чертой керамического комплекса Шуанта. Они позволяют провести некоторые сопоставления с материалами сопредельных регионов. В Цзилине и Хэйлунцзяне аналогии данному открытию носят эпизодический характер – в основном, это немногочисленные фрагменты керамики с налепами под венчиком. В отличие от раннего этапа, материалы второго этапа находят некоторые аналогии в культуре Хуншань. Керамика нижнего слоя Шуанта выделяется из схемы неолита региона как в силу достаточно ранних датировок (образцы древесины показали даты – 9150–8760 гг. до н.э., а анализ нагара – 9252–6745 гг. до н.э.), так и по причине малочисленности аналогий некоторым орнаментальным мотивам, поэтому поиск аналогий затронул и российское Приморье и Приамурье. Керамика первого этапа Шуанта с убористым расположением налепов с насечками под венчиком встречается на посуде громатухинской культуры. В новопетровской культуре среднего Амура известна орнаментация с рассеченным валиком под венчиком, а в позднеолитической осиноозерской культуре к характерной относится керамика с налепами под венчиком, образующими как сочетания прямых линий, так и волнообразные рисунки. В материалах Шуанта первого этапа были найдены три фрагмента керамики с антропоморфными личинами, напоминающими петроглифы из культового центра у сел Сикачи-Алян и Малышево. Таким образом, на раннем этапе аналогии в определенной степени прослеживаются не только на неолитической посуде памятников бассейна р. Нэньцзян, но и в материалах российского Приморья и Приамурья.

Ключевые слова: *Приамурье, Приморье, Северный Китай, неолит, памятник Шуанта, керамика, орнаментация, культурные связи.*

V.E. Medvedev✉, E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Early Neolithic Ceramics from the Shuangta Site (Jilin Province, China) and Its Relations with Materials from Adjacent Territories

This study is aimed at pre-analysis of the materials of the ceramic complex of the Shuangta site first and second stages. Two cultural layers have been distinguished at the site. Early stage pottery is sparingly decorated, the edge of the rim may be covered with oblique notches or there can be variations of molded rolls, which are the most typical feature of the Shuangta ceramic complex. This allows making some comparisons with the materials from the adjacent regions. In Jilin and Heilongjiang Provinces, parallels to this discovery are episodic; these are basically very few finds of ceramic fragments with the molded rolls under the rim. Unlike the early stage, pottery of the second stage has some clear parallels in the Hongshan culture. The finds from the lower layer of the Shuangta site stand out from the Neolithic scheme of the region due to rather early dating (wood samples showed dates 9150–8760 BC, and the analysis of the soot on ceramics—9252–6745 BC), but also because of the paucity of parallels to some ornamental patterns. Therefore, the search for parallels also included Russian Primorye and the Amur region. The Shuangta first-stage pottery with the notched molded rolls tightly arranged under the rim can also be

found on the Gromatukha vessels. In the materials of the Novopetrovka culture of the Middle Amur, pottery with a dissected roll under the rim is also known, and for the Late Neolithic Osinoozerka culture, the ceramics with the molded rolls under the rim, which form both combinations of straight lines and wavy patterns, is quite typical. Moreover, three fragments of pottery with anthropomorphic masks resembling petroglyphs from the cult center near the villages of Sikachi-Alyan and Malyshevo were found in the Shuangta site first-stage materials. Thus, at the early stage, parallels to a certain extent can be traced both on the Neolithic pottery of the Nenjiang River basin sites and also in the materials of Russian Primorye and the Amur region.

Keywords*: Amur region, Primorye, North China, Neolithic, Shuangta site, ceramics, ornamentation, cultural interactions.*

Поиск аналогий в материалах памятников неолита сопредельных территорий Северного Китая и российского Дальнего Востока, а также построение единой периодизационной колонки, включающей все выделенные очаги гончарства, является одним из приоритетных направлений археологии региона. Данное исследование имеет своей целью предварительный анализ керамического комплекса первого и второго этапов памятника Шуанта, открытого в 2007 г. в районе г. Байчэн провинции Цзилинь, КНР. На данный момент в Цзилине и Хэйлунцзяне аналогии данному открытию носят в большей степени эпизодический характер. Находки нижнего слоя Шуанта выделяются из схемы неолита региона как в силу своих достаточно ранних датировок, так и по причине отсутствия аналогий некоторым орнаментальным мотивам, поэтому их поиск затронул не только среднее и верхнее течение р. Нэньцзян, равнину Саньцзян, но и российское Приморье и Приамурье. Ранняя керамика памятника Шуанта достаточно рыхлая, толстостенная, орнаментирована только в районе венчика, реже по плечикам. Посуда характеризуется разнообразными модификациями налепов – именно они, а также вариации форм профиля позволяют провести некоторые сопоставления с материалами сопредельных регионов Китая и российского Дальнего Востока. Данное исследование имеет своей целью характеристику некоторых возможных примеров контактов этого района бассейна р. Нэньцзян и более северных территорий.

Активные археологические работы по изучению неолита среднего и нижнего течения р. Нэньцзян ведутся с 1930-х гг. и их начальный этап связан с именем знаменитого китайского археолога, академика Лян Сыюна, исследователя культуры энеолита Анъанси (V–IV тыс. до н.э.). В основном все открытые археологические объекты неолита сконцентрированы на левом берегу р. Нэньцзян, на правом берегу и в верхнем течении – открытия эпизодические. Наиболее полно исследованными являются могильники Аобаошань [Чжан Чжунбэй, 1990] и Башань [Ван Гофань, Чжан Чжили, 1988] в районе г. Байчэн, стоянки Хуанцзявэйцзы [Лю Цзинвэнь, Чэн Цзяньминь, Ван Хунфэн, 1988] и Цзюйбаошань [Ван Цзэ, 1998] в уезде Чжэньлай.

Памятник Шуанта локализован в монгольском автономном поселке Дэшунь в районе Таобэй городского округа Байчэн провинции Цзилинь КНР. В географическом отношении это запад равнины Суннэнь с преобладанием луговой и степной растительности, на севере и на востоке по границе уезда протекает р. Нэньцзян; на юг до г. Тунъюй простираются бывшие пастбища, а ныне пустыня Хорцинь; на западе – район Дашэнь Большого Хингана со смешанными хвойно-широколиственными лесами. Памятник довольно сильно распахан, сейчас это активно используемые сельскохозяйственные угодья, в древности в окрестностях находилось большое озеро.

На памятнике выделены два культурных горизонта. К раннему слою относятся шесть зольников, одно погребение, два жилища полуземляночного типа со рвами, вокруг которых зафиксированы 14 столбовых ям [Дуань Тяньцзин, Ван Лисянь, Тан Чжовэй, 2013, с. 59]. Проведенные анализы образцов древесины показали очень ранние даты (9150–8760 гг. до н.э.), анализ нагара на керамике – 9252–6745 гг. до н.э. [Там же, с. 68]. Из соотношения столбовых ям и рвов, опоясывающих жилища, можно составить предварительный план поселения. Так, один из рвов (имеющий в археологических отчетах шифр G2) в ширину составляет 1,2–2,1 м, в глубину – 0,4–0,96 м, другой ров (G3 в документации) шириной 2,4–3,1 м и глубиной 1,2–1,6 м. По форме эти два рва представляют собой вытянутые перевернутые трапеции, между ними зафиксирован «проход» шириной 3,2 м. G3 огибает этот участок с восточной стороны. G2 расположен с западной стороны, но сохранился лишь частично, его протяженность недостаточно понятна. Из 14 обнаруженных столбовых ямок 2 находятся между рвами, а 12 – к востоку от рва G3. С западной стороны ямки не найдены. Видно, что ямки D5, D6, D7 могут образовывать полукруг, а D8, D4, D11, D12, D10 – также в плане в виде полукруга. Восточное жилище представляло собой полуземлянку длиной ок. 6–7 м и шириной ок. 3,5 м. Глубина котлована ок. 1,2 м.

Орудийный набор представлен каменными, костяными изделиями, встречаются также предметы

из раковин. Наиболее типичны скребки, проколки, шилья, топоры, тесла, наконечники стрел, песты, ножи, грузила. Орудия выполнены из местных материалов и достаточно разнообразны – из сланца, кварца, обсидиана, гранита, базальта, известняка, опала и нефрита. Они изготовлены из микролитов методом отжимной техники, оббивки и шлифовки. Костяные орудия – шилья, рыболовные крючки, игольницы. Для их производства использовались кости крупных млекопитающих, таких как олени, косули, крупного рогатого скота, а также кости рыб и крупных птиц. Ножи из раковин сделаны из крупных двустворчатых раковин пресноводных моллюсков (коллекция памятника Шуанта является самой большой среди всех известных материалов бассейна р. Нэньцзян). Во всех шести зольниках были обнаружены раковины моллюсков и кости животных. В одном из зольников (в полевом отчете – Н2) найдены жаберные крышки, а дно было покрыто твердой серо-белой коркой, являющейся высохшим слоем соляно-щелочного происхождения. Это говорит о том, что данная яма в течение долгого времени была хранилищем рыбы. Встречаются керамические пряслица, грузила, редко – украшения из клыков животных, костяные шпильки, кольца из нефрита и раковин. Таким образом, рацион и хозяйственный уклад обитателей памятника Шуанта были довольно разнообразными, о чем говорит большой набор орудий, как более массивных земледельческих, так и небольших – для рыболовства, собирательства, обработки твердых поверхностей и шкур.

Тесто ранней керамики имеет искусственные примеси мелкозернистого песка, дробленой раковины и растительных включений. Посуда преимущественно толстостенная с шероховатой поверхностью, где читаются крупные включения песка и пустоты, оставшиеся от органики в тесте. Наиболее распространенным является рецепт «раковина + песок» (ок. 98 % всей коллекции). Зафиксирована разноцветность, что объясняется неоднородностью низкотемпературного обжига. Сосуды слабопрофилированные баночных форм или с широким туловом, сужающимся к плоскому днищу, формовались методом спиралевидного кругового налепа; немногочисленная часть изделий вытягивалась из цельного куска глины. Керамика крайне фрагментирована, удалось выделить наиболее типичные формы: сосуды баночной формы, горшки с широким туловом и устьем, кувшины; небольшие миски и чаши на поддоне единичны. Стоит отметить разнообразные типы венчиков – как прямые (без выраженного перехода к горлышку/тулову), так и слегка суженные по сравнению с туловом, с различным углом отгиба; кромка венчика может быть слегка волнообразной. Верхняя часть сосуда лишь в редких случаях уже тулова, в основном изделия имеют широкое устье и постепенно сужаются к плоскому дну.

У посуды первого этапа не орнаментировались $^2/_3$ поверхности. По типу орнаментации весь комплекс можно разделить на две группы. Первая группа украшена крайне скупо, кромка венчика может быть покрыта частыми косыми отпечатками гребенчатого штампа или насечками различных форм, как продолговатых, так и закругленных, оставленных разными по типу орудиями, в том числе в технике накалывания (рис. 1, *1–3*). Орнаменты на средней и преддонной частях тулова, а также на дне отсутствуют. Вторая группа характеризуется различными вариациями налепов, наличие которых является наиболее типичной чертой керамического комплекса (рис. 1, *4–5*, *7–8*, *10–11*): 1) горизонтальными одиночными или групповыми (не более четырех) налепами, сомкнутыми под венчиком; 2) горизонтальными тройными налепами, разомкнутыми под венчиком; 3) горизонтальными тройными налепами, разомкнутыми под венчиком с дополнительными вертикальными или косыми налепами под ними; 4) горизонтальными сомкнутыми налепами под венчиком, украшенными насечками (часто в сочетании с насечками по кромке венчика); 5) горизонтальными сомкнутыми налепами под венчиком, украшенными круглыми вдавлениями; 6) горизонтальными сомкнутыми налепами под венчиком, украшенными насечками в пространстве между ними; 7) горизонтальными налепами, образующими замкнутые прямоугольные фигуры; 8) горизонтальными сомкнутыми налепами под венчиком, украшенными насечками и с дополнительными косыми налепами; 9) налепами в виде волнообразных, отдельных косых линий с круглыми вдавлениями по ним; 10) волнообразными налепами по кромке венчика при отсутствии орнаментации тулова.

Подобная керамика нечасто встречается в среднем и нижнем течении р. Нэньцзян. Исследователи отмечают, что эволюция форм обычно происходит от прямого венчика к широкому отгибающемуся, а по форме тулова – от баночных к скругленным широким [Чжу Юнган, 2006], однако на памятнике Шуанта в раннем слое наблюдается сосуществование нескольких типов форм венчика и тулова с похожим орнаментом – можем выделить три доминирующих типа венчика (прямой, волнообразный, с отгибом) и два типа тулова (баночные и скругленные широкие).

В 1985 г. на правом берегу р. Нэньцзян в уезде Чжэньлай был открыт памятник Хуанцзявэйцзы. Среди всех неолитических объектов региона здесь можно выделить наиболее близкие аналогии для керамики Шуанта раннего этапа. Похожим являет-

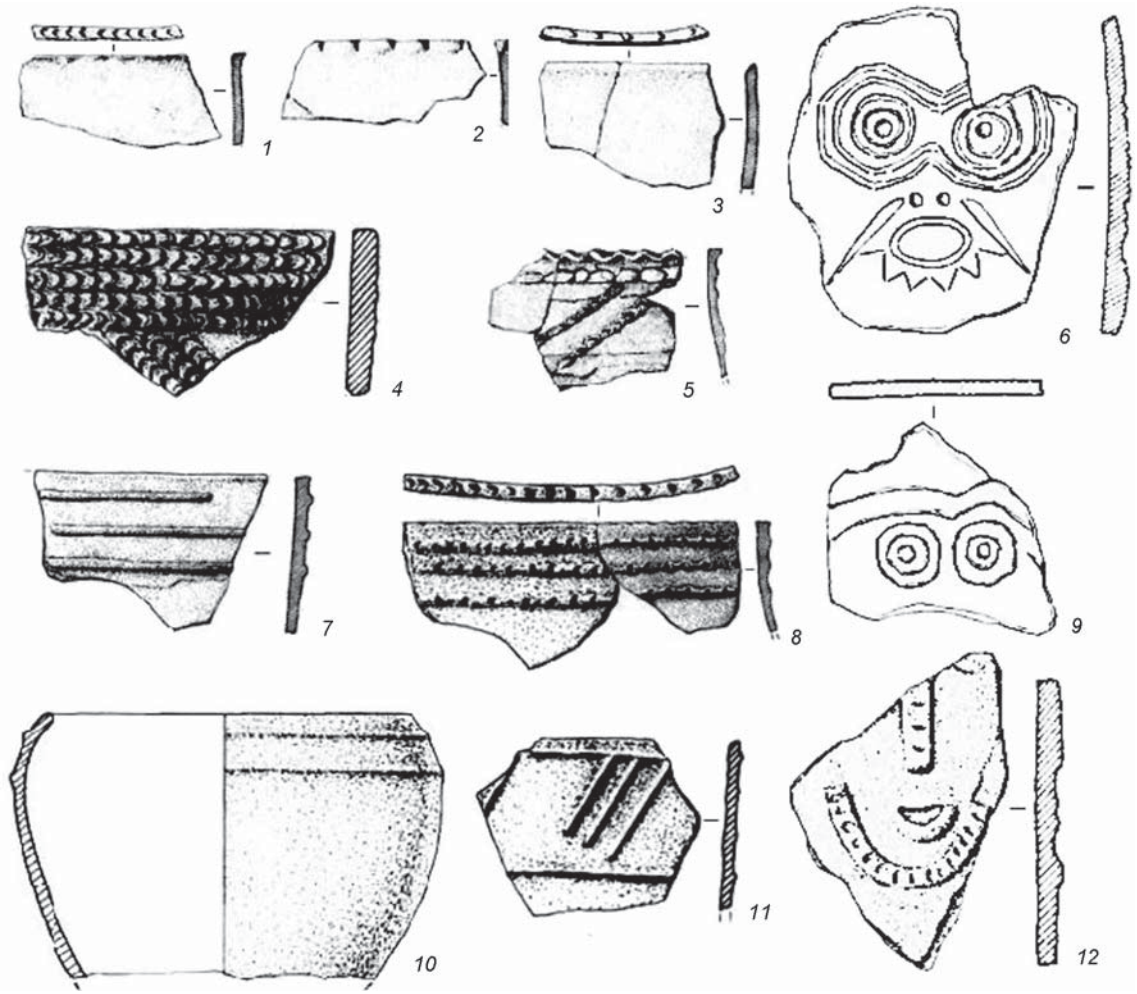


Рис. 1. Керамика раннего этапа и антропоморфные личины памятника Шуанта.

1–3 – орнаментация на керамике первой группы; *4*, *5*, *7–8*, *10–11* – орнаментация на керамике второй группы (по: [Дуань Тяньцзин, Ван Лисянь, Тан Чжовэй, 2013, с. 59– 61]).

ся состав теста, содержащий в себе включения песка и дробленой раковины. Типы венчиков и тулова также похожи на найденные в Шуанта. Встречаются как неорнаментированные сосуды, так и с дополнительными налепами под венчиком, в том числе и с насечками, однако при всем сходстве мотивов, все налепы у Хуанцзявэйцзы более острые и выпуклые, не встречаются вертикальные и косые налепы, а также налепы по кромке венчика (рис. 2, *1–2*). Находки очень малочисленны и радиоуглеродных дат по Хуанцзявэйцзы пока нет. Китайские археологи утверждают, что, судя по отпечаткам орнаментиров и большей тонкости рисунка, Хуанцзявэйцзы может быть немного более поздним по сравнению с Шуанта [Дуань Тяньцзин, Ван Лисянь, Тан Чжовэй, 2013, с. 62], но данное предположение требует большей аргументации.

Некоторые аналогии можно провести с материалами памятника Датоцзы в уезде Лаофу провинции Цзилинь. В Датоуцзы найден фрагмент керамики с обломанными вертикальными налепами, но данная находка единична и иных подтверждений не обнаружено (рис. 2, *4*, *9*) [Чжу Юнган, Чжэн Цзюньфу, 2008]. Другие памятники с похожими орнаментами, где фрагменты венчика украшены горизонтальными налепами – Уланьту бэйган в уезде Чжэньлай провинции Цзилинь (рис. 2, *6*), здесь налеп встречается и по самой кромке венчика, а также найден фрагмент с жемчужинами под венчиком; памятники Дунвэнгэньшань (рис. 2, *7*) и Наньдацунь (рис. 2, *5*) в уезде Тайлай провинции Хэйлунцзян, где венчики также оформлены налепами с насечками. В Цзилине еще один похожий объект – Таонань 4 (рис. 2, *8*), но там налепы очень плотно прилегают друг к другу. Все эти находки зачатую являются отдельными фрагментами тулова или венчика, они не позволяют полностью воссоздать археологически целый сосуд и с точностью говорить о наиболее типичных формах, но орнаментальные мотивы в целом сходны. Един-

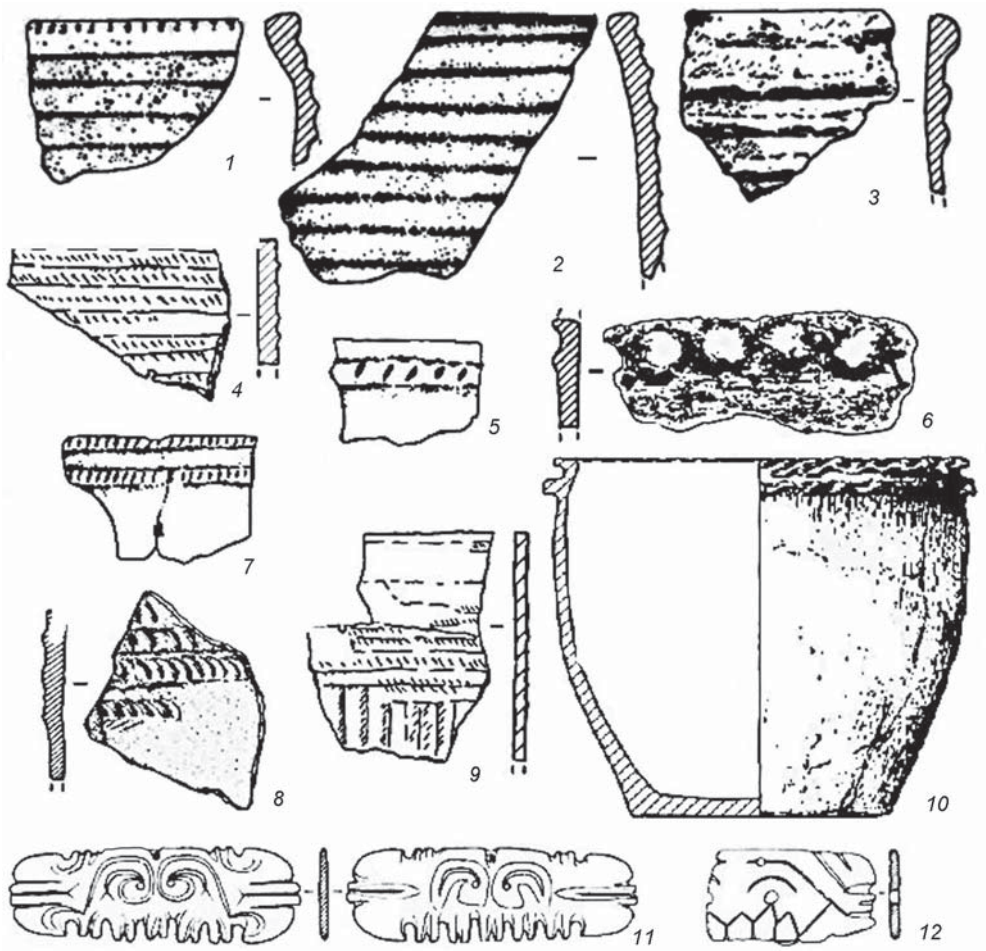


Рис. 2. Аналогии материалам памятника Шуанта на территории Северного Китая.

1, *2* – Хуанцзявэйцзы; *3* – Анъанси; *4*, *9* – Датоуцзы; *5* – Наньдацунь; *6* – Уланьту бэйган; *7* – Дунвэнгэньшань; *8* – Таонань 4; *10* – Аобаошань; *11* – пластина культуры Хуншань; *12* – пластина памятника Шуанта (по: [Дуань Тяньцзин, Ван Лисянь, Тан Чжовэй, 2013, с. 63–64, 67]).

ственным исключением в данном случае является сосуд с памятника Аобаошань уезда Лаофу провинции Цзилинь, где были найдены как венчик, так и тулово и днище (рис. 2, *10*). Это достаточно типичный для Шуанта горшок с идентичной орнаментацией однорядным налепом. Другой налеп создает волнообразную кромку венчика. Безусловно, определенные аналогии встречаются и в наиболее исследованной культуре региона Анъанси (рис. 2, *3*), но она датируется значительно более поздним временем, а именно V–IV тыс. до н.э., что позже на 2 тыс. лет. В бассейне р. Нэньцзян это наиболее поздний неолитический объект.

К верхнему культурному горизонту памятника Шуанта, расположенному под пахотным слоем современной поверхности, относятся 4 захоронения, три из них расположены концентрированно, а одно – в 35 м от группы. Это прямоугольные грунтовые могилы с трупоположением на спине, головой на северо-запад [Ван Лисинь и др., 2013].

Наибольший интерес представляет захоронение М7, где найдена нефритовая поясная нашивка (рис. 2, *12*), ближайшие аналогии которой можно встретить, например, в материалах памятника Нюхэлян (рис. 2, *11*), датируемым временем от сер. IV до рубежа III–II тыс. до н.э. (поздний период культуры Хуншань), хронологические рамки бытования которой могут свидетельствовать о некоторой преемственности. Это прямоугольная пластина из желтоватого нефрита с изображением половины личины, вторая половина отсутствует. В районе глаз и бровей – отверстия, как и на нюхэлянской находке. По краю пластины – зазубрины и канавки, по всей видимости имитирующие шкуру данного зооморфного существа.

Что касается керамики, то в верхнем слое были обнаружены несколько фрагментов плоскодонного сосуда, на поверхности которого как будто сохранились оттиски стеблей или корней (или легких линий, оставленных тупым предметом). Они располагаются хаотично и не образовывают никакой последовательности. Керамики в погребении Нюхэлян М 22, в которой была обнаружена нефритовая нашивка, найдено не было, однако данный па-

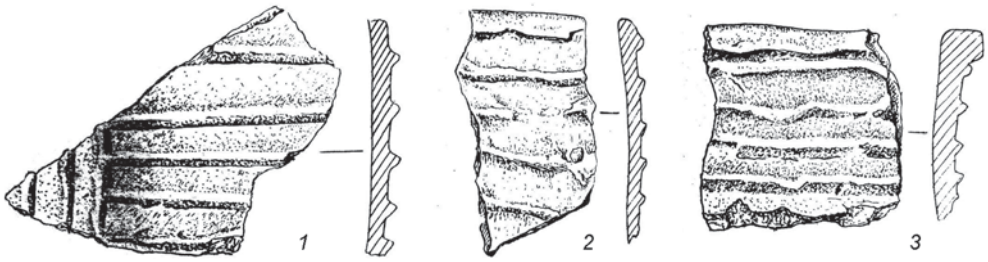


Рис. 3. Аналогии материалам памятника Шуанта в громатухинской культуре.
1–3 – памятник Сергеевка (по: [Окладников, Деревянко, 1977, табл. 92, 94]).

мятник в целом датируют периодом Дуншаньцзуй культуры Хуншань (соответствует 4 этапу Баньпо, то есть 3500–3000 гг. до н.э.), для которого характерна расписная керамика.

Аналогии в керамике для второго этапа Шуанта можно найти в материалах памятника Хаминьманха р-на Хорчин автономного р-на Внутренняя Монголия. Раскопки проводились в 2010 и 2011 гг., памятник принято также датировать периодом Дуншаньцзуй культуры Хуншань. Миска с растительным оттиском очень близка по составу теста и орнаментации найденному в захоронении М8 Шуанта горшку [Цзи Пин, Чжэн Цзюньфу, Ху Чуньбай, 2012, с. 19].

Памятник Шуанта находится севернее песков Хорциня и южнее гор Малого Хингана, западнее восточной части гор Большого Хингана, в среднем и нижнем течении р. Нэньцзян. Как видно из вышеприведенных аналогий, керамика Шуанта представляется нетипичной для среднего течения р. Нэньцзян, большинство аналогий являются эпизодическими или более поздними, поэтому единой культуры, в ареал которой входил бы памятник Шуанта, пока не выделено. В поисках аналогий можно обратиться к более северным территориям российского Дальнего Востока, поскольку р. Нэньцзян является крупнейшим притоком Сунгари, притока Амура.

Схожие орнаментальные мотивы наблюдаются в материалах памятника Сергеевка громатухинской культуры (ранние слои XIII–Vl тыс. до н.э. – датировки образцов с органикой в тесте) в западной части Приамурья (рис. 3, *1–3*). Сергеевская керамика поздних этапов датируется временем 6980–6640 гг. до н.э. и, возможно, соответствует финальному этапу развития громатухинской культуры [Деревянко и др., 2017, с. 10]. Некоторые образцы керамики поздних этапов памятника Сергеевка имеют сходство с материалами раннего слоя Шуанта. Она характеризуется утолщенным венчиком с орнаментом в виде налепных рассеченных валиков в три и более рядов [Окладников, Деревянко, 1977, с. 268, табл. 92, *3–5*, *7*, *10*, *11*]. В Сергеевке встречается вертикальный налепной валик, соединенный с горизонтальными полосами [Там же, с. 270, табл. 94, *1*]. Диагонально расположенный валик, соединенный с горизонтальными полосами, и отпечатки текстильного орнамента имеются и на керамике эпонимного памятника Громатуха [Деревянко и др., 2017, с. 10, рис. 4]. В новопетровской культуре раннего неолита среднего Амура (пер. пол. X – конец VI тыс. до н.э. [Медведев, Цетлин, Волкова, 2016, с. 123]) известна керамика с рассеченным валиком под венчиком (рис. 4, *1–3*) [Деревянко, 1970, с. 193–194]. В поздненеолитической осиноозерской культуре (IV–II тыс. до н.э. [Кузь-

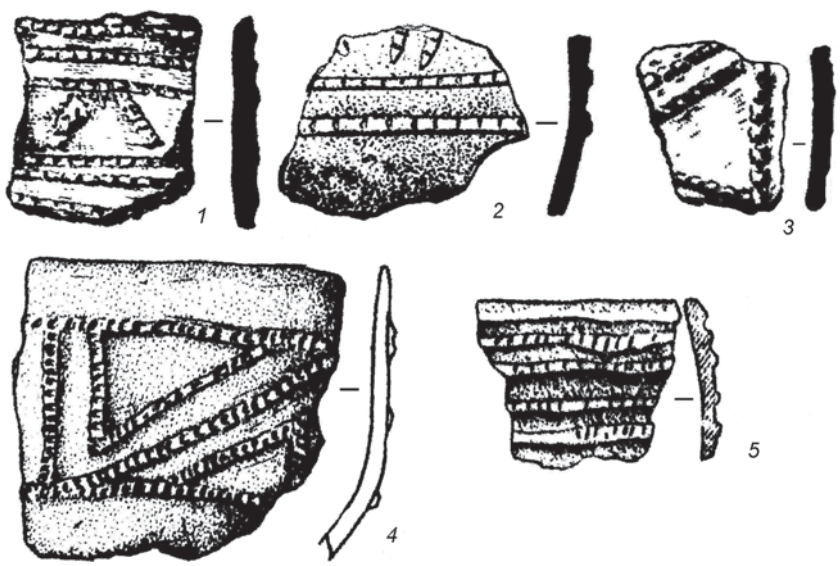


Рис. 4. Аналогии материалам памятника Шуанта в Среднем Приамурье.
1–3 – в новопетровской культуре (по: [Деревянко, 1970]); *4*, *5* – в осиноозерской культуре (по: [Деревянко, Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ и др., 2004, рис. 1, *2*; Окладников, Деревянко, 1977, табл. 99, *2*]).

мин, Нестеров, 2010, с. 105]) Западного Приамурья также к характерной относится керамика с налепами под венчиком, образующими как сочетания прямых линий, так и волнообразные рисунки (рис. 4, *4–5*) [Деревянко и др., 2004, рис. 1, *2*; Окладников, Деревянко, 1977, табл. 99, 2].

В материалах Шуанта первого этапа были найдены три фрагмента керамики с антропоморфными личинами (см. рис. 1, *6*, *9*, *12*). Два из них представляют собой оббитые по краям фрагменты тулова сосудов, у них в одинаковой манере в виде окружностей выполнены глаза. У одной обозначены нос, рот и, возможно, лабретки, второй черепок обломан в районе глаз. Изображения личин напоминают петроглифы на базальтовых валунах в культовом центре у сел Сикачи-Алян и Малышево на нижнем Амуре. Похожими являются V-образные фигуры у круглых глаз при отсутствии или меньшей площади для носа и рта, наличие лабреток [Окладников, 1971, с. 152, табл. 16; Медведев, 2005, с. 67]. Подобные петроглифы в Приамурье относятся, прежде всего, к малышевской культуре среднего неолита. Продолжением антропоморфной традиции в Амурском регионе служат личины и радиальные рисунки вознесеновской культуры позднего неолита.

Бассейн р. Нэньцзян – уникальный в географическом отношении регион, находящийся на пересечении основных речных магистралей, связанный со степями Монголии и предгорными районами Большого и Малого Хингана. В настоящее время датировки Шуанта являются одними из самых ранних на северо-востоке Китая, в то время как большинство изученных культур северо-востока Китая укладываются в диапазон 6000–5000 гг. до н.э. Керамика второго этапа Шуанта имеет очевидные связи с культурами Цзоцзяшань и Хуншань, а на ранних этапах в определенной степени аналогии прослеживаются в материалах российского Приморья и Приамурья, однако контакты населения двух регионов были по всей видимости довольно ограниченными и непостоянными.

В заключение хотелось бы отменить, что представленные в работе наблюдения и выводы носят в какой-то мере предварительный характер. Затронутые проблемы, касающиеся дальневосточного неолита, относятся к числу актуальных, заслуживающих дальнейшей разработки.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Ван Гофань, Чжан Чжили. Цзилинь Байчэн Башань муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Башань в Байчэне провинции Цзилинь) // Каогу. – 1988. – № 12. – С. 1072–1084 (на кит. яз.).

Ван Лисинь, Цзинь Сюйдун, Дуань Тяньцзин, Тан Чжовэй. Цзилинь Байчэн Шуанта ичжи синьшици шидай ицунь (Неолитический слой памятника Шуанта, Байчэн, провинция Цзилинь) // Каогу сюэбао. – 2013. – № 4. – С. 501–533 (на кит. яз.).

Ван Цзэ. Цзилинь Чжэньлай сянь Цзюйбаошань синьшици шидай ичжи (Памятник неолита Цзюйбаошань в уезде Чжэньлай провинции Цзилинь) // Каогу. – 1998. – № 6. – С. 39–41 (на кит. яз.).

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.

Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табарев А.В., Кадзунори Учида, Даи Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзаки. Новые радиоуглеродные даты громатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 4. – С. 3–12.

Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чжэ Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сёк, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хён. Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зее в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 82–86.

Дуань Тяньцзин, Ван Лисянь, Тан Чжовэй. Цзилинь Байчэн ши Шуанта ичжи и, эр ци ицунь дэ сянгуань вэньти (Слои первого и второго периодов памятника Шуанта в г. Байчэн провинции Цзилинь и связанные вопросы) // Каогу. – 2013. – № 12. – С. 58–70.

Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии: сб. статей. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – Вып. 6. – С. 103–110.

Лю Цзинвэнь, Чэн Цзяньминь, Ван Хунфэн. Цзилинь Чжэньцзэ сянь Хуанцзявэйцзы ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках пасятника Хуанцзявэйцзы в уезде Чжэньлай провинции Цзилинь) // Каогу. – 1988. – № 2. – С. 141–156 (на кит. яз.).

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. Предварительные результаты технико-технологического изучения керамики новопетровской и громатухинской культур Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 122–125.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 286 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Цзи Пин, Чжэн Цзюньфу, Ху Чуньбай. Нэй Мэнгу Кэцзочжун ци Хаминьманха синьшици шидай ичжи 2010 нянь фацзюэ цзяньбао (Раскопки неолитического памятника Хаминьманха в Левом среднем знамени Хорциня во Внутренней Монголии) // Каогу. – 2012. – № 3. – С. 3–19 (на кит. яз.).

Чжан Чжунбэй. Чжунго бэйфан каогу вэньцзи (Очерки археологии севера Китая). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1990. – 266 с. (на кит. яз.).

Чжу Юнган. Лунь Силян ицунь цзи ци сянгуань вэньти (О памятнике Силян и сопутстсующих вопросах) // Каогу. – 2006. – № 2. – С. 15–25 (на кит. яз.).

Чжу Юнган, Чжэн Цзюньфу. Тунъюй сянь саньчу шицянь ичжи дяоча юй ицунь фэньлэй (Исследование и периодизация трех доисторических памятников в уезде Тунъюй) // Бяньцзян каогу яньцзю (Исследования археологии окраин). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2008. – Вып. 7. – URL: https://www.doc88.com/p-3344685102967.html (дата обращения: 14.08.2022) (на кит. яз.).

References

Derevianko A.P. Novopetrovskaya kul'tura Srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1970. 204 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Derevianko Ye.I., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Kazunori Uchida, Dai Kunikita, Kazuki Morisaki, Hiroyuki Matsuzaki. New Data on the Chronology of the Initial Neolithic Gromatukha Culture, Western Amur Region. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2017. Vol. 45. N 4. P. 3–12. (In Russ.).

Derevyanko A. P., Kang Ch. H., Bang M. B., Ko J. W., Neste- rov S. P., Kang S. S., Kim J. Ch., Kang S. N., Volkov P. V., Komarova N. A., Savelova A. A., Kudrich O. S., Min J. H. Polevyye issledovaniya pamyatnika Gromatukha na reke Zeya v 2004 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2004. Vol. 10. P. 82–86. (In Russ.).

Duan Tianjing, Wang Lixian, Tang Zhuowei. Jilin Baicheng shi Shuangta yizhi yi, er qi yicun de xiangguan wenti [The Layers of the first and second periods of Shuangta site in Baicheng, Jilin Province and some related issues]. *Kaogu,* 2013. N 12. P. 58–70. (In Chin.).

Ji Ping, Zheng Junfu, Hu Chunbai. Nei Menggu Kezuozhong qi Haminmangha xinshiqi shidai yizhi 2010 nian fajue jianbao [Brief report on the excavation of the Neolithic site of Haminmangha in Kezuozhong Banner, Inner Mongolia in 2010]. Kaogu, 2012. N 3. P. 3–19. (In Chin.).

Kuzmin YA.V., Nesterov S.P. Khronologiya neoliticheskikh kul'tur Zapadnogo Priamur'ya. In *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Press, 2010. Vol. 6. P.103–110. (In Russ.).

Liu Jingwen, Cheng Jianmin, Wang Hongfeng. Jilin Zhenlai xian Huangjiaweizi yizhi fajue jianbao [Short report on excavations on Huangjiaweizi site in Zhenlai county Jilin province]. *Kaogu,* 1988. N 2. P. 141–156. (In Chin.).

Medvedev V.Ye. Neolithic Cult Centers in the Amur River Valley. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2005. N 4. P. 40–69. (In Russ.).

Medvedev V.Ye., Tsetlin YU.B., Volkova Ye.V. Preliminary Results of Technical and Technological Pottery Investigation of Novopetrovka and Gromatuha Cultures from Amur Basin. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2016. Vol. 22. P. 122–125. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. Leningrad: Nauka, 1971. 336 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Derevianko A.P. Gromatukhinskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1977. 286 p. (In Russ.).

Wang Guofan, Zhang Zhili. Jilin Baicheng Bashan mudi fajue jianbao [Short report on Bashan burial site excavations in Baicheng, Jilin province]. *Kaogu*, 1988. N 12. P. 39–41. (In Chin.).

Wang Lixin, Jin Xudong, Duan Tianjing, Tang Zhuowei. Jilin Baicheng Shuangta yizhi xinshiqi shidai yicun [Neolithic ruins of Shuangta site in Baicheng, Jilin]. *Kaogu xuebao,* 2013. N 4. P. 501–533. (In Chin.).

Wang Ze. Jilin Zhenlai xian Jubaoshan xinshiqi shidai yizhi [Neolithic Site Jubaoshan in Zhenlai county Jilin province]. *Kaogu,* 1998. N 6. P. 39–41. (In Chin.).

Zhang Zhongbei. Zhongguo beifang kaogu wenji [Essays on Archaeology of Northern China]. Beijing: Wenwu chubanshe, 1990. 266 p. (In Chin.).

Zhu Yonggang, Zheng Junfu. Tongyu xian sanchu shiqian yizhi diaocha yu yicun fenlei [Investigation and periodization of three prehistoric sites in Tongyu county]. In *Bianjiang kaogu yanjiu [Borders Archaeology Studies]*. Beijing: Kexue chubanshe, 2008. Vol. 7. URL: https://www.doc88.com/p-3344685102967.html (Accessed: 14.08.2022). (In Chin.).

Zhu Yonggang. Lun Xiliang yicun ji qi xiangguan wenti [Speaking about Xiliang site and corresponding issues]. *Kaogu,* 2006. N 2. P. 15–25. (In Chin.).

Медведев В.Е. https://orcid.org/0000-0002-4087-0364
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0200-0207
УДК 903.21; 903. 26

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова✉, Ю.Н. Ненахова, М.С. Нестерова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Костяное орудие из ранненеолитической стоянки памятника Тартас-1

При анализе материала из южной периферии ранненеолитического слоя на памятнике Тартас-1 были обнаружены фрагменты костяного орудия из лопатки лося. Полное подобное изделие выявлено в комплексе святилища эпохи раннего неолита на памятнике Усть-Тартас-1. В обоих случаях это режущие инструменты типа косы или серпа. Возможно их универсальное функциональное назначение. Отмечено, что фрагменты костяных предметов и полные изделия, выполненные из лопатки лося, широко встречаются в материалах уральских торфяников, на памятниках северных регионов европейской части России, в слоях эпохи мезолита – раннего неолита. Они определяются авторами раскопок как широкие ножи, или широкие ножи из лопаток, или широкие ножи из лопаток лося. Оба барабинских изделия представляли собой стилизованное изображение птицы, по определению авторов – лебедя. В статье представлено описание параметров изделия из Тартаса-1 и его морфологические особенности. Подчеркивается, что образ лебедя хорошо известен в мифотворчестве многих этносов. Для территории Северной Европы означенного времени лебедь-кликун (Cygnus cygnus) среди других представителей выступал индикатором животного тотемизма, что подтверждается находками костей этих птиц в погребениях и наличием наскальных рисунков. Но в произведениях пластического искусства этот образ фигурирует не так уж часто. Для барабинской культуры образ лебедя был воплощен в декоративно-прикладном искусстве, часть птицы (как в европейских погребениях) была использована в качестве приклада в яме святилища урочища Таи. Наряду с лосем и собакой, образ лебедя играл знаковую роль в обрядовой практике населения региона. Находка двух аналогичных изделий позволяет предполагать одновременное существование неолитической стоянки на Тартасе-1 и святилища на противоположной стороне урочища Таи.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, ранний неолит, изделия из лопаток лося, пластическое искусство.*

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova✉, Yu.N. Nenakhova, M.S. Nesterova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Bone Tool from the Early Neolithic Site of Tartas-1

Fragments of a tool made of elk's shoulder blade were found during analysis of bone evidence from the southern periphery of the Early Neolithic layer at the Tartas-1 site. An intact item of similar kind was discovered in the complex of the Early Neolithic sanctuary at the Ust-Tartas-1 site. In both cases, these were cutting tools such as scythe or sickle, although these tools might have been multifunctional. Fragments of bone objects and intact items made of elk's shoulder blade widely appear among the evidence from the Urals peatlands and layers of the Mesolithic–Early Neolithic sites in the northern regions of European Russia. The authors of the excavations identified them as wide knives, wide knives made of shoulder blades, or wide knives made of elk's shoulder blades. Both items from Baraba had a shape of stylized bird which was identified as swan by the authors. The article describes the parameters of the item from Tartas-1 and its morphological features. The image of swan is well known from the mythology of many ethnic groups. For Northern Europe of the Early Neolithic, whooper swan (Cygnus cygnus) along with other figures, serves as indicator of animal totemism, confirmed by finds of bones remaining from these birds in burials and its representations in rock art. However, swans do not often appear among the objects of plastic art. Along with elk and dog, images of swan played an important role in ritual practices of the Barabinskaya culture.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Early Neolithic, items of elk's shoulder blades, plastic art.*

Введение

При анализе в камеральных условиях костяного материала из южной периферии ранненеолитического слоя на памятнике Тартас-1 (Венгеровский р-н, Новосибирская обл.) [Молодин и др., 2003, 2004, 2005, 2007, 2008, 2009; и др.] были обнаружены фрагменты необычного орудия. Фрагменты найдены в непосредственной близости от ямы 305 (траншея 100, кв. М″/12), предназначенной для квашения и хранения рыбных запасов, расположенной на краю надпойменной террасы, достаточно далеко на юго-восток от эпицентра стоянки [Молодин и др., 2020; Molodin et al., 2021]. Орудие удалось почти полностью восстановить (рис. 1, *1*). Оно было изготовлено из массивной лопатки*. Размеры сохранившейся части изделия: длина – 27,3 см, ширина (район «грудной клети») – 3,5 см, (в «хвостовой» части) – 4 см, самая узкая часть «переход в хвост» – 1,4 см, толщина – 0,7–2 см. Предмет, даже после проведенной реставрации, возможно, еще долго оставался бы непонятым, если бы не абсолютно аналогичная находка, выявленная в комплексе святилища эпохи раннего неолита на памятнике Усть-Тартас-1, на противоположном берегу Урочища Таи [Молодин и др., 2022, рис. 7, *1*; 9].

Материалы и результаты исследования

В верхней части ямы для помещения прикладов (ямы 148, 149) на памятнике Усть-Тартас-1 было обнаружено костяное орудие, изготовленное из лопатки крупного лося. Предмет дошел до нас абсолютно целым [Там же], что дает возможность охарактеризовать и интерпретировать его аналог без каких-либо сомнений.

В обоих случаях это режущие инструменты типа косы или серпа. Не исключено, впрочем, что они могли использоваться и в качестве универсального орудия, служившего для обработки шкуры животного или ножа для чистки рыбы.

Целый предмет позволяет уверенно констатировать, что это стилизованное изображение птицы с массивной головой и выраженной шеей. Как раз эти атрибуты полностью или частично утрачены в орудии из Тартаса, однако их можно по аналогии легко реконструировать (рис. 2)**. В указанной выше работе [Молодин и др., 2022, с. 22] мы предполагали, что перед нами стилизованное изображение лебедя. Сопоставляемые предметы сближают и дополнительные украшения. Так, на стилизованной спинке изделия из святилища нанесены четыре выраженных зубчика, на предмете из Тартаса аналогичных зубцов было вырезано семь (рис. 1, *1, 4, 6, 7*). Кроме того, и на одной из сторон, сбоку, выполнена цепочка, состоящая из не менее 15 ритмично поставленных зубцов (рис. 1, *2, 4*). Таким образом, изделие из Тартаса было украшено еще более, чем предмет из святилища. Не следует исключать, что эти выраженные, по сути, гребенчатые цепочки могли также выполнять определенные рабочие функции и использоваться как какой-то специальный инструмент (нижняя часть изделия подточена, верхняя – подшлифована, зубцы – стерты) (рис. 1, *2, 3, 5*), о чем может говорить устойчивость формы.

В настоящее время предметов, о которых идет речь, известно только два, однако их несомненная технологическая и семантическая близость позволяет свидетельствовать, что такие изделия не только были характерны для барабинской ранненеолитической культуры, но более того, позволяет предполагать одновременное существование неолитической стоянки на Тартасе-1 и святилища на противоположной стороне урочища Таи (по понятным причинам, серия радиоуглеродных дат, полученных с одного памятника, дает определенный хронологический разброс [Молодин и др., 2019, 2018]). В таком случае можно сделать смелое предположение, что ранненеолитическое святилище на Усть-Тартасе-1 могло обслуживать население близлежащих стоянок. По-видимому, исследованный культовый комплекс [Молодин и др., 2022] мог являться крупным сакральным центром, постоянно привлекающим для проведения обрядовой практики носителей традиций барабинской культуры, как это мы наблюдаем на еще сохранившихся святилищах западносибирских аборигенов (см., напр.: [Гемуев, Сагалаев, 1986; Экспедиции Измаила Гемуева…, 2016]).

Что же касается сугубо функциональных параллелей, следует подчеркнуть, что фрагменты костяных предметов, выполненные из лопатки лося, с длинным режущим краем, достаточно широко встречаются в материалах уральских торфяников, в слоях эпохи мезолита – раннего неолита, а также на памятниках северных регионов европейской части России. Такие предметы определяются авторами раскопок как широкие ножи или широкие ножи из лопаток, или широкие ножи из лопаток лося [Жилин, 2001, рис. 43; 44; Жилин и др., 2007; Жилин, Савченко, 2010; Жилин и др., 2020, рис. 121;

*Определения выполнены кандидатом биологических наук С.К. Васильевым, за что авторы выражают искреннюю признательность.

**В противоположность лебедю-шипуну лебедь-кликун и малый лебедь держат шею обыкновенно не согнутой в виде буквы S, а вытянутой [Лебедь. Электронный ресурс].

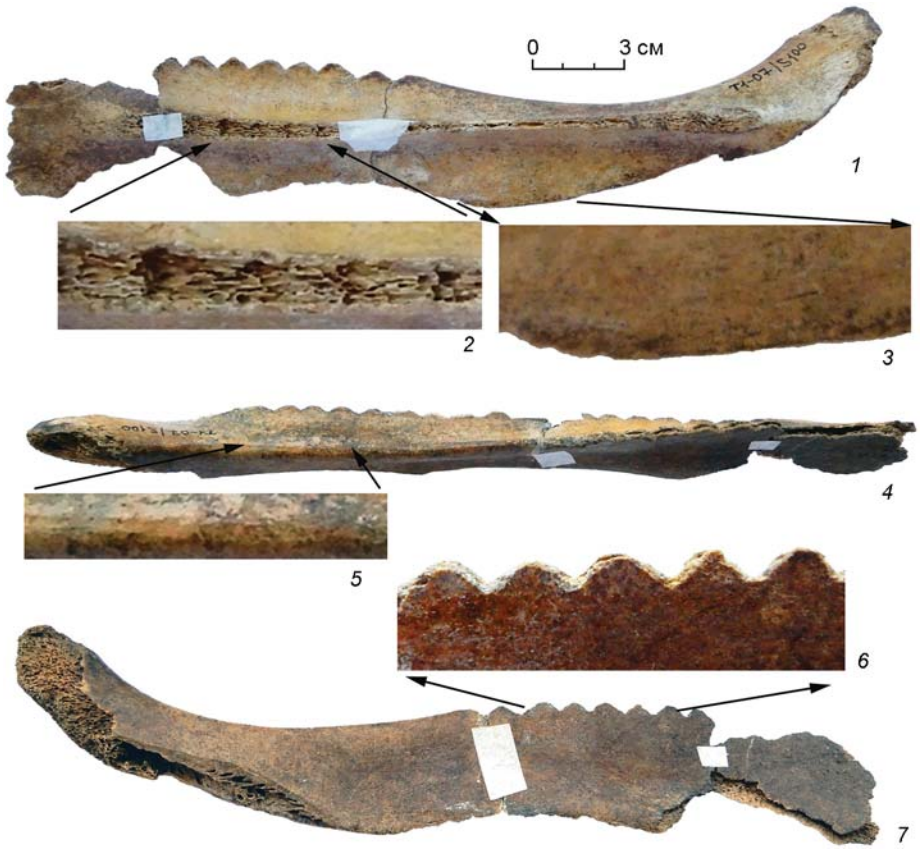
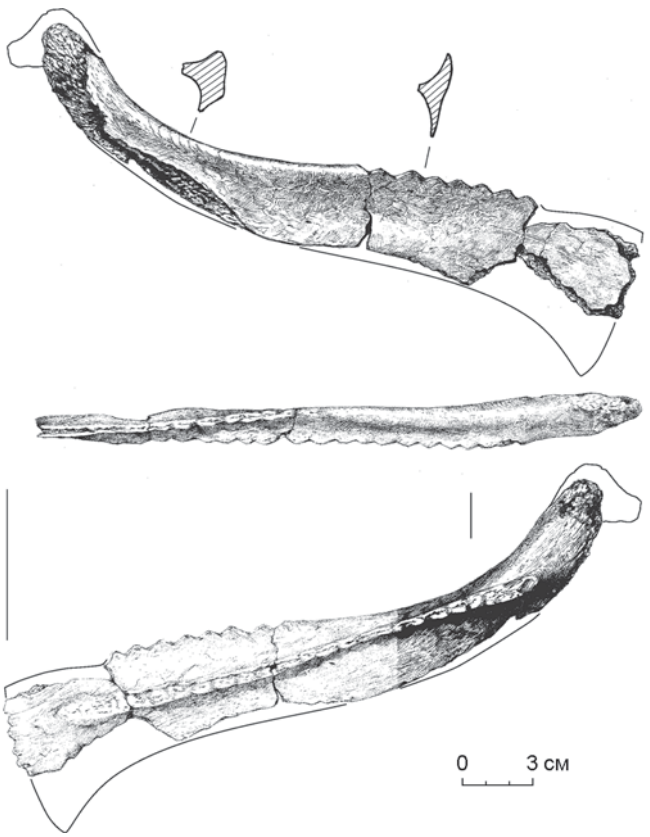


Рис. 1. Орудие в форме стилизованного изображения лебедя. Фото.

1 – вид справа; *2* – следы стертости боковой части; *3* – следы стертости нижней части, *4* – вид сверху; *5* – следы залощенности на верхней части; *6* – следы стертости зубцов; *7* – вид слева. *2, 3, 5, 6* – увеличение 300 %.



122; 160–162, 163, *3*; 164; 165; Жилин и др., 2012, рис. 43, *5*; Савченко, 2005; 2014, рис. 4, *5*; Савченко, Калинина, Жилин, 2010, с. 8; Савченко, Жилин, 2015, рис. 1, *2;* Ошибкина, 1992]. Ошибкина С.В. опубликовала ножи, среди которых имеется изделие с геометрическим орнаментом [2017, рис. 1, *1*; 6].

Навершие публикуемого предмета, к сожалению, не дошло до нашего времени, однако, ориентируясь опять-таки на аналогию из святилища, с большой долей вероятности можно предполагать, что и в данном случае мы имеем дело со стилизацией и воплощением в предмете образа лебедя. Надо сказать, что этот прием – изображение образов водоплавающих птиц, увенчивающих рукояти деревянных ковшей, – хорошо известен по материалам торфяниковых памятников Урала [Эдинг, 1940а, б; Чаиркина, 1998, 2005; Жульников, Кашина, 2010]. Вполне вероятно, что зарож-

Рис. 2. Орудие в форме стилизованного изображения лебедя. Реконструкция.

дение этой традиции связано на Урале и Западной Сибири с ранним голоценом. Очевидно, на неолитических памятниках той же Барабинской лесостепи подобных предметов было значительно больше, однако, поскольку дерево в условиях региона не сохраняется, до нашего времени могут дойти только предметы из кости или рога, что и наблюдается в отмеченных в данной работе случаях. Малое количество остатков этого вида в остеологических коллекциях с памятников мезолита – раннего железного века может объясняться и табу на добычу лебедя на протяжении всего голоцена [Mannermaa, 2006].

Заключение

В заключение, полагаем, будет уместно отметить еще одну немаловажную деталь, связанную с характеризуемыми находками. Образ лебедя хорошо известен в мифотворчестве многих, и не только сибирских этносов [Мифы …, 1994], однако в произведениях пластического искусства этот образ фигурирует не так уж часто. Наиболее древним проявлением этого образа в пластическом искусстве является фигурка «пасущегося лебедя» из Мальты [Герасимов, 1931; Абрамова, 1962], датируемая по последним данным от 19 до 21–24 тыс. некал. л.н. [Каменный век…, 2001]. Как уже отмечалось выше, образ водоплавающих птиц (уток, гусей) нередко воплощался в пластику и рисунок эпохи неолита и ранней бронзы, тогда как образ лебедя оставался довольно редким, например, известна фигурка лебедя из дерева из Веретье-1 [Ошибкина, 2017, с. 123, рис. 50].

К. Маннермаа, А.В. Пантелеев, М.В. Саблин сделали обзор проблемы «птицы в мезолитических и неолитических погребениях Европы» на примере погребений с Онежского озера [Mannermaa, Panteleyev, Sablin, 2008], где представили следующие данные. Для территории Северной Европы означенного времени лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*) среди других представителей выступал индикатором животного тотемизма [Маннермаа, Пантелеев, Саблин, 2008, с. 174]. В могильнике Vedbaek Bogebakken (Дания) обнаружено погребение молодой женщины с новорожденным ребенком. Они были уложены на крыло лебедя-кликуна [Albrethsen, Brinch Petersen, 1976]. В погребениях могильника Южный Олений Остров среди распространенных видов птиц отмечены кости лебедя-кликуна [Маннермаа, Пантелеев, Саблин, 2008, с. 175]. Все кости происходят от плечевого пояса и дистальной части крыла. В захоронении 61 дистальная крыловая часть, а в погр. 64, 65 пряжка (карпометакарпус, дистальная часть крыла) покрыты красной охрой [Там же, с. 178, 179]. Исследователи отмечают особое место лебедя-кликуна в древнейшей истории Онежского озера, что подтверждается не только находками костей этих птиц в погребениях, но и наличием наскальных рисунков [Poikalainen, 1999].

Мы далеки от мысли, что образ этой могучей и удивительно красивой птицы не находил отражения в обрядовой практике аборигенного населения Сибири, по-видимому, эти проявления были иными, чем скульптура или рисунок.

Иное дело – барабинская культура эпохи раннего неолита [Молодин и др., 2020]. Образ лебедя, как мы видим, не только был воплощен в декоративно-прикладном искусстве, но и кости этой птицы были использованы в качестве приклада в яме святилища урочища Таи [Молодин и др., 2022]. Очевидно, что, наряду с лосем и собакой, образ лебедя играл знаковую роль в обрядовой практике населения Барабинской лесостепи в ранненеолитическую эпоху.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006). Работа подготовлена при равнозначном участии авторов.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 85 с. – (САИ; вып. А4-3).

Герасимов М.М. Мальта. Палеолитическая стоянка. (Предварительные данные.) Результат работ 1928–1929 гг. – Иркутск: Ирк. краевой музей, 1931. – 34 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. Культовые места (XIX – нач. XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования). – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – 98 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах. – Ниж.

Тагил: Нижнетаг. гос. соц.-пед. акад., 2010. – Вып. 6. – С. 30–42.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л., Сериков Ю.Б., Косинцев П.А., Александровский А.Л., Лаптева Е.Г., Корона О.М. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 368 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. – М.: [б.и.], 2012. – 167 с.

Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. – 2010. – № 2. – С. 5–17.

Каменный век Южного Приангарья. Т. 2: Бельский геоархеологический район // Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии» (Иркутск, 1–9 августа 2001 г.) – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2001. – 242 с.

Лебедь // Энциклопедия знаков и символов. – URL: http://www.symbolarium.ru/index.php (дата обращения 31.08.2022).

Маннермаа К., Пантелеев А.В., Саблин М.В. Птицы в мезолитических и неолитических погребениях Северной Европы. Что говорят эти находки о людях и среде обитания? // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2008. – С. 173–188. – URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-02-0258283-7/ (дата обращения 15.08.2022).

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. – 728 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Барабинская культура раннего неолита // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология, 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 69–93.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В. Ранненеолитическое святилище в правобережном Прииртышье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 2. – С. 13–27.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас–1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 337–342.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Пархомчук Е.В., Калинкин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.Д. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использование установки «Ускоритель масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 1. – С. 15–22.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Казакова Е.А. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 329–333.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Марченко Ж.В., Новикова О.И., Гаркуша Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Рыбина Е.В., Чемякина М.А., Шатов А.Г. Полевые исследования на могильнике Тартас-1 в 2005 году (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч.1. – С. 412–417.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 358–364.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 202–207.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология, 2018. – Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. – С. 39–56.

Молодин В.И., Софейков О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 441–446.

Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (лесная зона восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – С. 44–67.

Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). – М.: ИА РАН, 2017. – 140 с.

Савченко С.Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в шигирской коллекции свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны восточной Европы и Зауралья: сб. статей к 70-летию Л.В. Кольцова. – М.: Academia, 2005. – С. 213–237.

Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. – 2014. – № 1. – С. 181–210.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Костяная индустрия ранненеолитических торфяниковых стоянок Варга 2 и Береговая II в среднем Зауралье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. – СПб., 2015. – С. 198–202.

Савченко С.Н., Калинина И.В., Жилин М.Г. Шигирские древности в собраниях Свердловского областного краеведческого музея и Государственного Эрмитажа // АСГЭ, СПб., 2010. – Вып. 38. – С. 8–23.

Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 81–104.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. – М.: Тип. Упр-ния делами СНК СССР, 1940а. – 104 с. – (Тр. ГИМ; вып. 10).

Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. – 1940б. – № 1. – С. 41–57.

Экспедиции Измаила Гемуева к манси. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 1: 1983–1985 гг. – 284 с.

Albrethsen S.E., Brinch Petersen E. Excavation of a Mesolithic cemetery at Vedbæk, Denmark // Acta Archaeologica. – 1976. – N 47. – P. 1–28.

Mannermaa K. Bird remains in the human burials at Zvejnieki, Latvia. Introduction to bird finds and a proposal for interpretation // Back to the Origin. New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia / L. Larsson, I. Zagorska (Eds.). – Almqvist & Wiksell. Stockholm, 2006. – P. 289–330. – (Acta Archaeologica Lundensia Series in 8; N 52).

Mannermaa Kristiina, Panteleyev Andrei & Sablin Mikhail. Birds in late mesolithic Burials at Yuzhniy Oleniy ostrov (lake Onega, Western Russia) – what do they tell about Humans and the Environment? // Fennoscandia archaeological, 2008. – Vol. XXV. – P. 3–25.

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova l. N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova J.N. Der frühneolithische siedlungskomplex im unterlauf des flusses Tartas im Süden der Westsibirischen Ebene // Eurasia antiqua. 2021. – Vol. 23. – 27 c.

Poikalainen V. The diffusion of swan and whale motifs in Karelian rock art // A. Gustafsson, H. Krlsson (eds.). Glyfer och arkeologiska rum–en vänbok till Jan Nordbladh. Gotarc Series A vol 3. – Göteborg, 1999. – P. 699–718.

Reference

Abramova Z.A. Paleoliticheskoe iskusstvo na territorii USSR. Moscow –Leningrad: Izdatel`stvo Akademii nauk Soyuda Sovetskix socialisticheskix respublik, 1962. Svod arheologicheskih istochnikov. Iss. A4-3. 85 p. (In Russ.).

Albrethsen S.E., Brinch Petersen E. Excavation of a Mesolithic cemetery at Vedbæk, Denmark. In *Acta Archaeologica*, 1976. N 47. P. 1–28.

Chairkina N.M. Antropo- i zoomorfnye obrazy jeneoliticheskih kompleksov srednego Zaural'ja. In *Voprosy arheologii Urala*. Ekaterinburg: Izdatel`stvo Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. Iss. 23. P. 81–104. (In Russ.).

Chairkina N.M. Jeneolit Srednego Zaural'ja. Ekaterinburg: Ural`skoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk, 2005. 312 p. (In Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaev A.M. Religija narodov mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nach. XX v.). Novosibirsk: Nauka, 1986. 192 p. (In Russ.).

Gerasimov M.M. Mal'ta. Paleoliticheskaja stojanka. (Predvaritel'nye dannye.) Rezul'tat rabot 1928–1929 gg. Irkutsk: Irkutskij kraevoj muzej, 1931. 34 p. (In Russ.).

Jeding D.N. Novye nahodki na Gorbunovskom torfjanike. In *Materialy` i issledovaniya po arxeologii,* 1940b. N 1. P. 41–57. (In Russ.).

Jeding D.N. Reznaja skul'ptura Urala: Iz istorii zverinogo stilja. Moscow, 1940a. 104 p. (Trudy` Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya; Iss. 10). (In Russ.).

Jekspedicii Izmaila Gemueva k mansi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 1: 1983–1985 gody. 284 p. (In Russ.).

Kamennyj vek Juzhnogo Priangar'ja. T. 2: Bel'skij geoarheologicheskij rajon. In *Putevoditel mezhdunarodnogo simpoziuma «Sovremennye problemy paleolitovedenija Evrazii» (Irkutsk, 1–9 avgusta 2001 g.),* Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2001. 242 p. (In Russ.).

**Lebed`** [E`lektronny`j resurs]. In *E`nciklopediya znakov i simvolov*. URL: http://www.symbolarium.ru/index.php (data obrashheniya 31.08.2022/). (In Russ.).

Mannermaa K. Bird remains in the human burials at Zvejnieki, Latvia. Introduction to bird finds and a proposal for interpretation. In *Back to the Origin. New Research in the Mesolithic-Neolithic Zvejnieki Cemetery and Environment, Northern Latvia.* Almqvist & Wiksell. Stockholm, 2006. P. 289–330. Acta Archaeologica Lundensia, Series in 8. N 52.

Mannermaa K., Panteleev A.V., Sablin M.V. Pticy v mezoliticheskih i neoliticheskih pogrebenijah Severnoj Evropy. Chto govorjat jeti nahodki o ljudjah i srede obitanija? In *Jelektronnaja biblioteka Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk*, 2008. P. 173–188. (In Russ.).

Mannermaa Kristiina, Panteleyev Andrei & Sablin Mikhail. Birds in late mesolithic Burials at Yuzhniy Oleniy ostrov (lake Onega, Western Russia) – what do they tell

about Humans and the Environment? In *Fennoscandia archaeological*, 2008. Vol. XXV. P. 3–25.

Tokarev S.A. (ed.) Mify narodov mira. Jenciklopedija v 2-h tomah. Moscow: Rossijskaja jenciklopedija, 1994. Vol. 2. 728 p. (In Russ.).

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Nenakhov D. A. Baraba Culture of Early Neolithic Period. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology,* 2020. Vol. 19, N 7: Archaeology and Ethnography. P. 69–93. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova l.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova J.N. Der frühneolithische siedlungskomplex im unterlauf des flusses Tartas im Süden der Westsibirischen Ebene. *Eurasia antiqua*, 2021. Vol. 23. 27 p.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., and Selin D.V. An Early Neolithic Sanctuary in the Eastern Irtysh Basin. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2022. Vol. 50. N 2. P. 13–27. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Novikova O.I., Solov'ev A.I., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Nenahov D.A. Jetnokul'turnye processy u naselenija central'noj Baraby v jepohu razvitoj bronzy (po materialam issledovanija mogil'nika Tartas–1 v 2009 godu). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2009. Vol. 15. P. 337–342. (In Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Mylnikova L.N., Reinhold S., Parkhomchuk E.V., Kalinkin P.N., Parkhomchuk V.V., and Rastigeev S.A. The Early Neolithic Complex on the Tartas-1 Site: Results of the AMS Radiocarbon Dating. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2021. Vol. 47. N 1. P. 15–22.

Molodin V.I., Parcinger G., Grishin A.E., Novikova O.I., Solov'ev A.I., Garkusha Ju.N., Marchenko Zh.V., Pieconka H., Kazakova E.A. Rezul'taty polevyh issledovanij pamjatnika Tartas–1 v 2007 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2007. Vol. 13. P. 329–333. (In Russ.).

Molodin V.I., Parcinger G., Grishin A.E., Pieconka H., Marchenko Zh.V., Novikova O.I., Garkusha Ju.N., Myl'nikova L.N., Rybina E.V., Chemjakina M.A., Shatov A.G. Polevye issledovanija na mogil'nike Tartas–1 v 2005 godu (Barabinskaja lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2005. Vol. 11. Pt.1. P. 412–417. (In Russ.).

Molodin V.I., Parcinger G., Grishin A.E., Pieconka H., Novikova O.I., Chemjakina M.A., Marchenko Zh.V., Garkusha Ju.N., Shatov A.G. Issledovanie mogil'nika bronzovogo veka Tartas–1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2004. Vol. 10. Pt. 1. P. 358–364. (In Russ.).

Molodin V.I., Parcinger G., Myl'nikova L.N., Novikova O.I., Solov'ev A.I., Nagler A., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Tartas–1. Nekotorye itogi polevyh issledovanij. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. Vol. 14. P. 202–207. (In Russ.).

Molodin V.I., Reinhold S., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Hansen S. Radiocarbon dates of the Tartas-1 neolithic Complex (early Neolithic in Baraba). In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology,* 2018. Vol. 17. N 3: Archaeology and Ethnography. P. 39–56. (In Russ.).

Molodin V.I., Sofejkov O.V., Dejch B.A., Grishin A.E., Chemjakina M.A., Manshtejn A.K., Balkov E.V., Shatov A.G. Novyj pamjatnik jepohi bronzy v Barabinskoj lesostepi (mogil'nik Tartas–1). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2003. Vol. 9. P. 441–446. (In Russ.).

Oshibkina S.V. Iskusstvo jepohi mezolita (po materialam kul'tury veret'e). Moscow: Institut archeologii Rossijskoj akademii nauk, 2017. 140 p. (In Russ.).

Oshibkina S.V. Sever Vostochnoj Evropy. In *Iskusstvo kamennogo veka (lesnaja zona vostochnoj Evropy)*, Moscow: Nauka, 1992. P. 44–67. (In Russ.).

Poikalainen V. The diffusion of swan and whale motifs in Karelian rock art. In *Glyfer och arkeologiska rum–en vänbok till Jan Nordbladh*, Gotarc Series A. Vol 3, Göteborg, 1999. P. 699–718.

Savchenko S.N. Kinzhaly i nozhi iz kosti i roga v shigirskoj kollekcii sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja. In *Kamennyj vek lesnoj zony vostochnoj Evropy i Zaural'ja,* Moscow: Academia, 2005. P. 213–237. (In Russ.).

Savchenko S.N. Preemstvennost' i innovacii v razvitii kostjanoj industrii mezolita gornolesnogo Zaural'ja. *Stratum plus,* 2014. N 1. P. 181–210. (In Russ.).

Savchenko S.N., Kalinina I.V., Zhilin M.G. Shigirskie drevnosti v sobranijah Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja i Gosudarstvennogo Jermitazha. In *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Jermitazha*, St. Petersburg, 2010. Vol. 38. P. 8–23. (In Russ.).

Savchenko S.N., Zhilin M.G. Kostjanaja industrija ranneneoliticheskih torfjanikovyh stojanok Varga 2 i Beregovaja II v srednem Zaural'e. In *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoj Evropy: hronologija, paleojekologija, tradicii*, St. Petersburg, 2015, P. 198–202. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-02-0258283-7/ (access date: 15.08.2022). (In Russ.).

Zhilin M.G. Kostjanaja industrija mezolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 328 p. (In Russ.).

Zhilin M.G., Antipina T.G., Zareckaja N.E., Kosinskaja L.L., Kosincev P.A., Panova N.K., Savchenko S.N., Uspenskaja O.N., Chairkina N.M. Varga 2. Ranneneoliticheskaja stojanka v Srednem Zaural'e (opyt kompleksnogo issledovanija). Ekaterinburg: Rezhevskoj pechatnyj dom, 2007. 98 p. (In Russ.).

Zhilin M.G., Savchenko S.N. Torfjanikovye pamjatniki mezolita i rannego neolita Zaural'ja: opyt i perspektivy kompleksnogo issledovanija. In *Tagil'skij vestnik: istoriko-kraevedcheskij al'manah*. Nizhnii Tagil: Nizhnetagil`skaya gosudarstvennaya social`no-pedagogicheskaya akademiya, 2010. Iss. 6. P. 30–42. (In Russ.).

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Kosinskaja L.L., Serikov Ju.B., Kosincev P.A., Aleksandrovskij A.L., Lapteva E.G., Korona O.M. Mezoliticheskie pamjatniki Gorbunovskogo torfjanika. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2020. 368 p. (In Russ.).

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Serikov Ju.B., Kosinskaja L.L., Kosincev P.A. Mezoliticheskie pamjatniki Koksharovskogo torfjanika. Moscow: s/n, 2012. 167 p. (In Russ.).

Zhul'nikov A.M., Kashina E.A. Obraz pticy v iskusstve neolita-jeneolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy. *Rossijskaja arheologija*, 2010. N. 2. P. 5–17. (In Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0208-0213
УДК 902.21/904

В.М. Новосельцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: novlm@mail.ru

Новые данные по палеолиту Осинско-Унгинского геоархеологического района в Южном Приангарье

Осинско-Унгинский (Южное Приангарье) геоархеологический район известен как локус сосредоточения палеолитических объектов. На южном берегу Осинского залива известно более 30 объектов палеолитического возраста, среди них и ставшие стратотипическими геоархеологические комплексы (Гора Игетей, Игетейский Лог-1, -3, Большой Нарын-1, -2). Среди палеолитических объектов на южном берегу залива самым восточным является «Тартахон», открытый в 1975 г. на правом борту пади Тартахон и обозначенный единичными находками. В 2002 г. во время рекогносцировочных работ на южном берегу Осинского залива был обнаружен новый археологический объект, получивший наименование Большой Нарын, расположенный по правому и левому бортам одноименной пади. В целом датировки комплекса Большого Нарына укладываются в хронологический диапазон 27–33 тыс. л.н. В 2022 г. в Осинско-Унгинском геоархеологическом районе открыт и частично обследован новый археологический объект «Падь Тартахон», расположенный на левом борту пади. Археологический материал был зафиксирован на глубине 130 см от современной дневной поверхности в погребенной почве, предположительно сартанского возраста. Находки залегали компактным пятном и представлены 55 изделиями из камня и 41 фрагментом трубчатых костей млекопитающих, а также несколькими манупортами в виде валунов, выложенных полукругом. Каменные артефакты представлены 2 нуклеусами, 42 отщепами, 4 пластинками, и различными обломками. Имеющийся немногочисленный артефактуальный состав позволяет сделать вывод об открытии нового объекта верхнепалеолитического возраста, по техноморфологическим характеристикам входящего в локус одновременных комплексов Осинско-Унгинского района.

Ключевые слова: *Осинско-Унгинский геоархеологический район, верхний палеолит, неоплейстоцен, Тартахон, артефакты.*

V.M. Novoseltseva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: novlm@mail.ru

New Data on the Paleolithic of the Osa-Unga Geoarchaeological Region

The Osa-Unga (Southern Angara region) geoarchaeological region is known as a locus of concentration of many Paleolithic objects. More than 30 objects of Paleolithic age are known on the southern coast of the Osa Bay, among which geoarchaeological complexes that have become stratotypic (Gora Igetey, Igeteisky Log 1, 3, Bolshoy Naryn 1, 2). The easternmost objects on the southern coast of the bay is the "Tartakhon" Paleolithic site discovered in 1975 on the right side of the Tartakhon ravine and marked by single finds. In 2002, during reconnaissance survey on the southern coast of the Osa Bay, a new archaeological object was discovered, which received the name of Bolshoy Naryn, located on the right and left sides of the ravine of the same name. In general, dating of the Bolshoy Naryn complex fits into the chronological range of 27–33 ka. In 2022, in the Osa-Unga geoarchaeological region, a new archaeological site "Pad Tartakhon" located on the left side of the ravine was discovered and partially surveyed. Archaeological material was recorded at a depth of 130 cm from the modern-day surface in the lavel of the buried soil, presumably of the Sartan age. The finds were located in a compact spot and are represented by 55 stone articles and 41 fragments of tubular mammal bones, as well as

several manuports placed in a semicircle. Stone artifacts are represented by two cores, forty-two flakes, four blades, and various fragments. The available small artifactual composition allows concluding that a new Upper Paleolithic object was discovered, which, according to the technomorphological characteristics, is included in the locus of complexes of the Osa-Unga region.

Keywords: *Osa-Unga geoarchaeological region, Upper Paleolithic, Neopleistocene, Tartakhon, artifacts.*

Осинско-Унгинский геоархеологический район, история археологического изучения которого насчитывает более 130 лет, является одним из ключевых локусов сосредоточения археологических объектов палеолита в Южной Сибири. Широкую известность получили Гора Игетей, Игетейский Лог-1, -3, Большой Нарын-1, -2. Собранные за несколько десятилетий исследований материалы представляют солидную источниковедческую базу [Стратиграфия…, 1990; Новосельцева, 2011]. На сегодняшний день в представленном районе известно 33 палеолитических геоархеологических объекта разного возраста [Новосельцева, 2011]. Самым восточным палеолитическим объектом из известных, на южном берегу Осинского залива (южный борт долины р. Оса) является Тартахон (рис. 1).

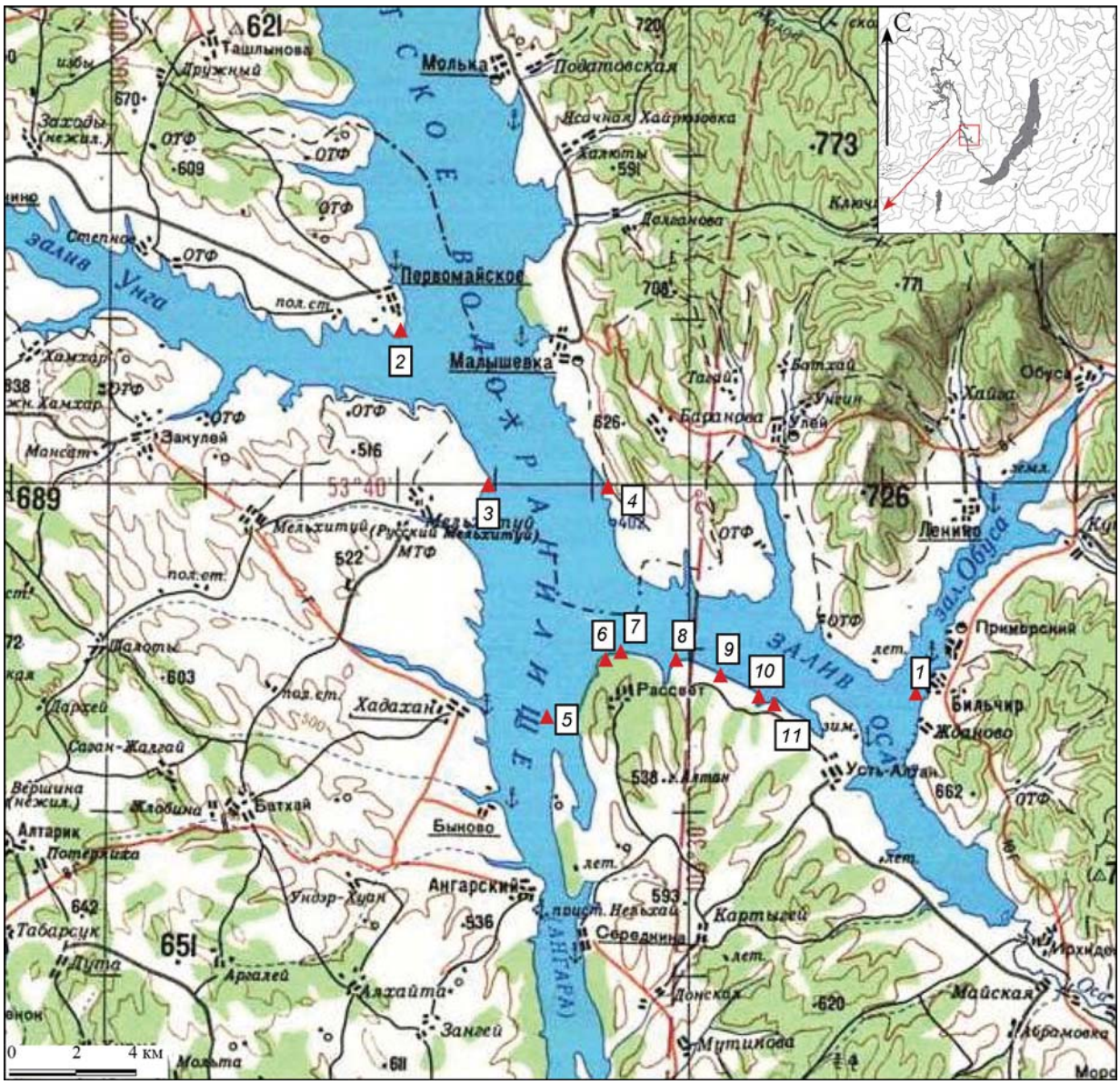


Рис. 1. Археологические позднепалеолитические комплексы Осинско-Унгинского геоархеологического района.

1– Бильчир; *2* – Первомайское; *3* – Мельхитуй-1–3; *4* – Красный Яр-1–3II; *5* – Хадахан; *6* – Гора Игетей; *7* – Игетейский Лог-1–3; *8* – Гора Малый Тарахай; *9* – Большой Нарын-1, -2I; *10* – Падь Тартахон; *11* – Тартахон.

Местонахождение «Тартахон» обозначено лишь единичными фактами сбора подъемного археологического материала, не позволяющими в полной мере определить их археологический возраст. Материал фиксировался на правом высоком борту пади Тартахон. Семь предметов, зафиксированные в 1975 г. в зачистке берегового обнажения, в отложениях финального сартана, позволили определить возраст объекта, как финальнопалеолитический [Лежненко, Кононова, 1976]. Последующие работы на территории носили эпизодический характер и фиксировали единичный материал в береговом обнажении, в кровле сартанских отложений.

В 2002 г. во время рекогносцировочных работ на южном берегу Осинского залива был обнаружен новый археологический объект, получивший наименование Большой Нарын, расположенный по правому и левому бортам одноименной пади. Были зафиксированы массовые высыпки археологического и фаунистического материала на техногенном пляже [Есида и др., 2007].

Плановые многолетние комплексные работы на Большом Нарыне начались с 2003 г. Первый шурф-

Рис. 2. Местонахождение «Падь Тартахон».

1 – общий вид с востока на место расположения «Пади Тартахон»; *2* – стратиграфия рыхлых отложений, вскрытая в шурфе, красным треугольником отмечено положение культуросодержащего горизонта; *3* – планиграфия археологического комплекса.

зачистка был заложен в обнажении стенки берегового размыва. В нем был зафиксирован скол в солифлюцированных палеоседиментах каргинского интерстадиала. За годы исследований на пляже, во врезках и раскопах было зафиксировано более 5 тыс. артефактов из камня и остатков плейстоценовой фауны. Было получено более 30 абсолютных датировок по костям и углю. В целом датировки объекта укладываются в хронологический диапазон 27–33 тыс. л.н. [Там же].

В 2022 г. во время выполнения разведочных археологических работ на южном берегу Осинского залива, по левому борту пади Тартахон, в 2 км восточнее пади Большой Нарын, был зафиксирован новый объект палеолитического возраста – Падь Тартахон (рис. 2, *1*). В шурфе, в отложениях сартанского возраста (рис. 2, *2*) был зафиксирован археологический материал, представленный каменными артефактами и фрагментами костей, а также манупортами в виде валунов.

В целом, вскрытая в шурфах на обследуемой территории стратиграфия демонстрирует делювиальный генезис отложений южного борта долины р. Оса. Голоценовая толща представлена техногенным горизонтом старой пашни, а отложения верхнего неоплейстоцена представлены толщей лессовидных суглинков эолово-делювиального характера. Всего на исследуемом участке трассировано 34 шурфа и лишь в одном из них, на глубине 130 см от современной дневной поверхности в погребенной почве, мощностью 25–30 см, был зафиксирован многочисленный археологический материал. Находки залегали компактным пятном и представлены 55 изделиями из камня и 41 фрагментом трубчатых костей млекопитающих, а также несколькими валунами, выложенными полукругом, уходящим в восточную стенку шурфа (рис. 2, *3*). Предполагаемый диаметр конструкции ок. 1,40 м. Ни внутри выложенного полукруга, ни снаружи не зафиксированы никакие золистые и углистые проявления. Данный факт позволяет предположить, что вскрытая конструкция не является кострищем.

Каменные артефакты представлены 2 нуклеусами, 42 отщепами, 4 пластинками и различными обломками (6 ед.). Из двух нуклеусов один – однофронтальный одноплощадочный, оформленный на небольшой кварцитовой гальке, предназначался для получения отщепов. Площадка оформлена одним покрывающим латерально направленным сколом (рис. 3, *1*). Второй нуклеус, оформленный на крупной кварцитовой гальке одноплощадочный однофронтальный. Фронт представлен одним негативом снятия пластины на «торце» гальки. Площадка подготовлена с фронтальной части (рис. 3, *2*).

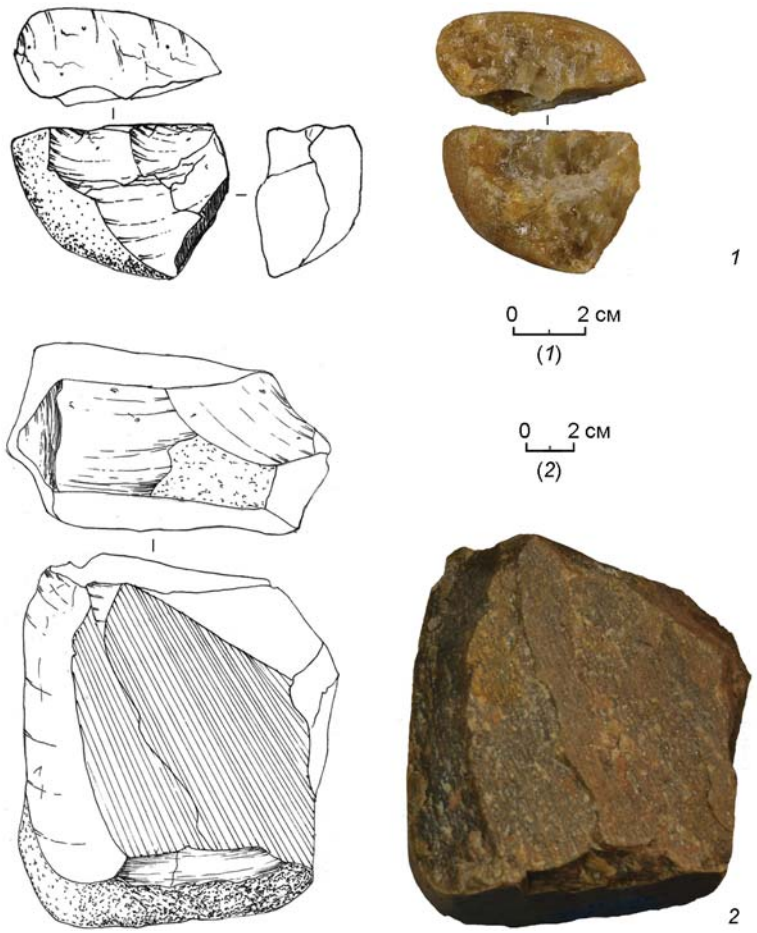


Рис. 3. Археологический материал.
1 – нуклеус 1; *2* – нуклеус 2.

Имеющийся немногочисленный артефактуальный состав позволяет сделать вывод об открытии нового объекта верхнепалеолитического возраста, по техноморфологическим характеристикам входящего в локус одновременных комплексов Осинско-Унгинского района. Такие качественные характеристики, как переход на торцевое (терминально-краевое) расщепление, наравне с существованием нуклеусов для отщепов свидетельствуют о принадлежности комплекса к общности верхнепалеолитических объектов Осинско-Унгинского района [Есида и др., 2007; Медведев и др., 1990; Новосельцева, 2011]. Спецификой Осинско-Унгинского района является использование для первичного расщепления галек вытянутой формы, оформле-

ние фронта на «торце» гальки без предварительной подработки площадки. Эта стратегия прослеживается и в комплексах позднекаргинского времени, и в комплексах сартанского времени, вплоть до финального палеолита.

Особенностью зафиксированного комплекса является обнаружение конструкции из валунов и крупных галек, выложенных полукругом на вскрытом участке. Отсутствие углистых проявлений вблизи конструкции, прокала и т.д., наличие только нуклеусов и продуктов нуклеарного расщепления в виде отщепов и пластин позволяет интерпретировать комплекс как место для первичного расщепления.

По территориальной близости, а также по составу артефактов предварительно комплекс «Пади Тартахон» возможно сравнивать с комплексами Большой Нарын-1, -2. Они имеют схожие территориальные, геоморфологические и техноморфологические характеристики. На современном этапе исследований известно, что в характеристиках литорасщепления в индустрии Большого Нарына 1, в составе продуктов нуклеарного расщепления характерно преобладание отщепов, среди орудий основную группу составляют скребла, острия, унифасы, выполненные на крупных отщепах [Есида и др., 2007].

Геоархеологические комплексы, в стратиграфии зафиксированные переотложенным материалом в геологических подразделениях позднекаргинского – раннесартанского солифлюксия (ранний этап верхнего «позднего» палеолита) Осинско-Унгинского района – Гора Игетей, Хадахан, Красный Яр-1, -2, Ункей характеризуются: преобладанием в качестве типов заготовок для изделий – отщепов, мелких и крупных, единичными пластинками и изделиями на пластинках, в их числе проколки и скребки; наличием долотовидных изделий типа piece esquillees; преобладанием нуклеусов плоскостных монофронтальных, поперечных для отщепов, единичны терминально-краевые (клиновидные нуклеусы); самые многочисленные типы орудий – скребла и скребки [Клементьев, Новосельцева, 2020].

Основные комплексы литоиндустрий позднекаргинского времени в Южном Приангарье характеризуются схожими свойствами: преобладанием отщепов над пластинами как типа заготовки для орудийного состава (только на Герасимова-1 преобладают кластические фракции); большинство изделий выполнены на отщепах (кроме Макарово-3, где в равной степени использовались пластины и отщепы); в числе орудий большинство составляют различные типы скребел и скребков; наличие на всех объектах обработанной кости.

Полученные результаты исследований открывают новые перспективы изучения позднепалеолитических комплексов в Осинско-Унгинском геоархеологическом районе. Продолжение изучения артефактуального состава, получение датировок по палеонтологическим образцам, а также дальнейшие палеонтологические определения видового состава фауны внесут значительный вклад в изучение позднепалелитических стояночных комплексов, уточнение сведений о времени и этапах формирования и развития позднепалеолитических культур Южного Приангарья.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов» (FWZG-2022-0007).

Список литературы

Есида К., Като Х., Когай С.А., Куникита Д., Липнина Е.А., Максименко К.М, Медведев Г.И., Новосельцева В.М, Ощепкова Е.Б., Попов А.А., Такао С. Некоторые итоги изучения палеолитического местонахождения Большой Нарын I, II. Осинский залив Братского водохранилища. Российско-японский геоархеологический проект // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М.М. Герасимова. – Иркутск: Оттиск, 2007. – С. 5–9.

Клементьев А.М., Новосельцева В.М. Ункей — новый палеолитический комплекс на Иркутско-Черемховской равнине // Археологические вести. – СПб., 2020. – Вып. 27. – С. 38–47.

Лежненко И.Л., Кононова Т.Н. Тартахон – новый памятник палеолитического возраста на Братском водохранилище // Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез. докл. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1976. – С. 8–9.

Медведев Г.И., Кононова Т.Н., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б. Игетейские палеолитические местонахождения // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: к XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1990. – С. 49–62.

Новосельцева В.М. Верхний палеолит Осинско-Унгинского геоархеологического района (Южное Приангарье): автореф. дис. …канд. ист. наук. – Иркутск, 2011. – 18 с.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: к XIII конгрессу ИНКВА (КНР, 1991) / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т 1990. – 165 с.

References

Esida K., Kato Kh., Kogai S.A., Kunikita D., Lipnina E.A., Maksimenko K.M., Medvedev G.I., Novoseltzeva V.M., Oshchepkova E.B., Popov A.A., Takao S. Nekotorye itogi izucheniya paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Bol'shoi Naryn I, II. Osinskii zaliv Bratskogo vodokhranilishcha. Rossiisko–yaponskii geoarkheologicheskii proekt. In *Severnaya Aziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. 100–letiyu M.M. Gerasimova. Irkutsk: Ottisk, 2007. P. 5–9. (In Russ.).

Klementyev A.M., **Novoseltzeva V.M.** Unkej — novyj paleoliticheskij kompleks na Irkutsko-Cheremhovskoj ravnine. In *Arheologicheskie vesti*. Sankt-Peterburg, 2020. Iss. 27. P. 38–47. (In Russ.). doi: 10.31600/1817-6976-2020-27-38-47

Lezhnenko I.L., Kononova T.N. Tartakhon – novyj pamjatnik paleoliticheskogo vozrasta na Bratskom vodohranilishhe. In *Nauchno-teoretitcheskaya konferencia. Sekcija arheologii: Tezisy dokladov*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1976. P. 8–9. (In Russ.).

Medvedev G.I., Kononova T.N., Perzhakov S.N., Fedorenko A.B. Igetejskie paleoliticheskie mestonahozhdenija. In *Stratigrafija, paleogeografija i arheologija juga Srednej Sibiri: K XIII Kongressu INKVA*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1990. P. 49–62. (In Russ.).

Novoseltzeva V.M. Verhnij paleolit Osinsko-Unginskogo geoarheologicheskogo rajona (Juzhnoe Priangar'e): cand. sc. (history) dissertation abstract. Irkutsk, 2011. 18 p. (In Russ.).

Medvedev G.I., Savel'ev N.A., Svinin V.V. Stratigrafija, paleogeografija i arheologija juga Srednej Sibiri: k XIII kongressu INKVA (KNR, 1991). Irkutsk State Univ. Press, 1990. 165 p. (In Russ.).

Новосельцева В.М. https://orcid.org/0000-0002-3950-0219

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0214-0221
УДК 902.01

А.К. Очередной[1, 2]✉, Т.А. Янина[3], Т.В. Романис[4], Р.Н. Курбанов[3], Н.В. Таратунина[1, 3], М.В. Ельцов[5], Н.В. Лаврентьев[3], Е.В. Казаков[1], Я.Д. Иванов[6], М.Д. Куприянова[6], П.Г. Клименко[7], С.О. Ремизов[8]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[4]Почвенный институт им. В.В. Докучаева
Москва, Россия
[5]Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
Пущино, Россия
[6]Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
[7]Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры
Волгоград, Россия
[8]Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»
Волгоград, Россия
E-mail: a.otcherednoy@gmail.com

Работы по обнаружению культурного слоя на среднепалеолитическом памятнике Сухая Мечётка в 2022 году

В 2022 г. Нижневолжским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН, в рамках комплексной Нижневолжской экспедиции, организованной ИИМК РАН, было продолжено изучение среднепалеолитического памятника Сухая Мечётка, расположенного на северной окраине Волгограда. Работа была направлена на поиск продолжения культурного слоя, который, по мнению первого исследователя стоянки С.Н. Замятнина, должен распространяться вглубь коренных отложений правого борта балки Сухая Мечётка. Исследования, проведенные в предыдущие годы, позволили получить подробные аналитические результаты по вещественному составу всех пачек отложений, формирующих правый борт балки на участке локализации памятника. В первую очередь это касается нижней части разреза, в которой выделяется серия из трех погребенных почв – культурный слой, изученный на памятнике экспедицией под руководством С.Н. Замятнина в 1952 и 1954 г., был приурочен к средней почве. Работы 2022 г., впервые на новом этапе изучения Сухой Мечётки, были нацелены на поиск участка памятника с сохранившимся культурным слоем. В результате работ был обнаружен непотревоженный участок культурного слоя в западной части стоянки, примыкающей к раскопу I 1954 г. Особенности сохранности каменных изделий, фаунистических остатков и других элементов культурного слоя полностью соответствует описаниям С.Н. Замятнина. Состояние обнаруженного участка культурного слоя позволяет планировать дальнейшие работы на Сухой Мечётке на новом методическом уровне, используя современные методы фиксации, и в целом возобновить полномасштабные комплексные исследования этой стоянки.

Ключевые слова: *Волгоград, Сухая Мечётка, средний палеолит, стратиграфия, культурный слой, погребенные почвы, абсолютное датирование.*

A.K. Ocherednoy[1, 2]✉, T.A. Yanina[3], T.V. Romanis[4], R.N. Kurbanov[3], N.V. Taratunina[1, 3], M.V. Yeltsov[5], N.V. Lavrentiev[3], E.V. Kazakov[1], Y.D. Ivanov[6], M.D. Kupriyanova[6], P.G. Klimenko[7], S.O. Remizov[8]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute for the History of Material Culture of the RAS
Saint Petersburg, Russia
[3]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[4]V.V. Dokuchaev Soil Science Institute
Moscow, Russia
[5]Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the RAS
Pushchino, Russia
[6]Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
[7] Volgograd Regional Research and Production Center f
or the Protection of Historical and Cultural Sites
Volgograd, Russia
[8] Historical, Ethnographic and Architectural
Museum-Preserve "Old Sarepta" Volgograd, Russia
E-mail: a.otcherednoy@gmail.com

Discovery of a Cultural Layer at the Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic Site in 2022

In 2022, the Lower Volga Paleolithic research team of the IAET SB RAS, participating in the integrated Lower Volga expedition organized by the IHMC RAS, the study of the Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site located at the northern outskirts of the city of Volgograd, was continued. The research was aimed at searching for the cultural layer of the site, which, according to the first researcher of the site, S.N. Zamyatnin, should extend deeply into the bedrock deposits of the right side of the Sukhaya Mechetka ravine. The studies conducted in previous years have allowed us to obtain the detailed analytical results on the material composition of all deposits of sediments forming the starboard side of the Sukhaya Mechetka ravine. This primarily concerns the lower part of the section, where a series of three buried soils is distinguished—the cultural layer studied at the site by the expedition led by S.N. Zamyatnin in 1952 and 1954 was confined to the middle buried soil. The 2022 work conducted for the first time at a new stage of studying the Sukhaya Mechetka site were aimed at searching for an area of the site with a well-preserved cultural layer. As a result of the work, an undisturbed section of the cultural layer was discovered in the western part of the site adjacent to Excavation I of 1954. The condition of lithic artifacts, faunistic remains, and other elements of the cultural layer completely conform to S.N. Zamyatnin's descriptions. The condition of the identified layer part allows planning further work for studying the Sukhaya Mechetka cultural layer at a new methodological level by using modern capturing methods and to resume full-scale comprehensive studies of the site in general.

Keywords: *Volgograd, Sukhaya Mechetka, Middle Paleolithic, stratigraphy, cultural layer, buried soils, absolute dating.*

Полевые работы на среднепалеолитическом памятнике Сухая Мечётка (Волгоградская стоянка, Сталинградская стоянка) были возобновлены в 2014 г. в рамках возвращения к комплексным исследованиям среднепалеолитических памятников Русской равнины. Культурный слой памятника, частично изученный экспедицией под руководством С.Н. Замятнина в 1952 и 1954 г. на площади в 650 м^2, перекрыт мощной 20-метровой пачкой континентальных ательских и морских хвалынских отложений, относящихся к MIS 4–2. Коллекция Сухой Мечётки, хранящаяся в МАЭ РАН, насчитывает ок. 8 тыс. единиц хранения и на сегодняшний день является одной из наиболее представительных и выразительных коллекций индустрий, относящихся к микокской общности среднего палеолита [Замятнин, 1961; Кузнецова, 2006; Праслов, Кузнецова, 2020; Колесник и др., 2020; Очередной и др., 2020; Bosinski, 1967].

Памятник расположен на правом берегу глубокой древней балки (по которой он и был назван), прорезающей правый берег долины Волги на северной окраине г. Волгограда (рис. 1, 2). Устьевая часть балки через 2,5 км после стоянки выходит к Волге и к плотине Волжской ГЭС. Стоянка расположена на небольшом мысу, прорезанном поздним овра-

Рис. 1. Расположение памятника Сухая Мечётка на северной окраине Тракторозаводского р-на Волгограда.

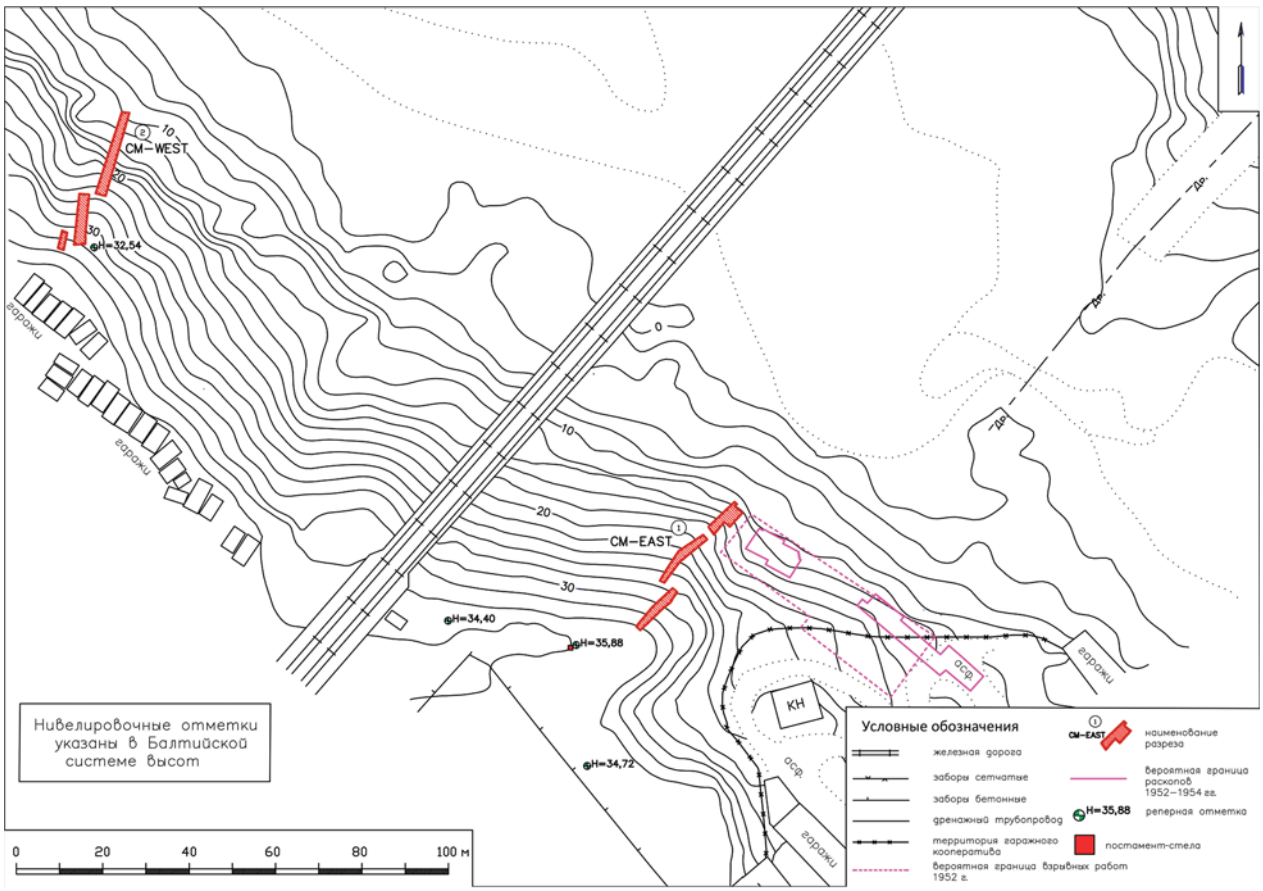


Рис. 2. Топографический план правого борта балки Сухая Мечётка с указанием расположения разрезов CM East и CM West относительно участка, исследованного С.Н. Замятниным в 1952 и 1954 гг. Съемка Е.К. Блохина и Е.В. Казакова.

гом, который разделил памятник на две примерно равные половины – западную и восточную. В 1952 и 1954 г. западная часть памятника была вскрыта раскопом I, а восточная раскопом II. Активные строительные работы второй половины прошлого века не только сильно изменили ближайшие окрестности стоянки, но и затронули сам памятник, восточная часть которого (изученная раскопом II) оказалась практически полностью застроена гаражным кооперативом.

Основные этапы истории изучения памятника уже были неоднократно опубликованы [Кузнецова, 2006; Праслов, Кузнецова, 2020; Очередной и др., 2020]. Начиная с 70-х гг. прошлого века, наиболее важным вопросом является оценка возраста культурного слоя Сухой Мечётки. Последние исследования, предпринятые нами, позволяют считать, что культурный слой относится к переходному этапу от микулинского межледниковья к калининскому оледенению [Янина и др., в печати]. Это позволяет не только сравнивать индустрию Сухой Мечётки с восточно-европейскими памятниками аналогичной хронологической группы, но и на новом уровне продолжить изучение крайне актуального вопроса распространения памятников микокской общности.

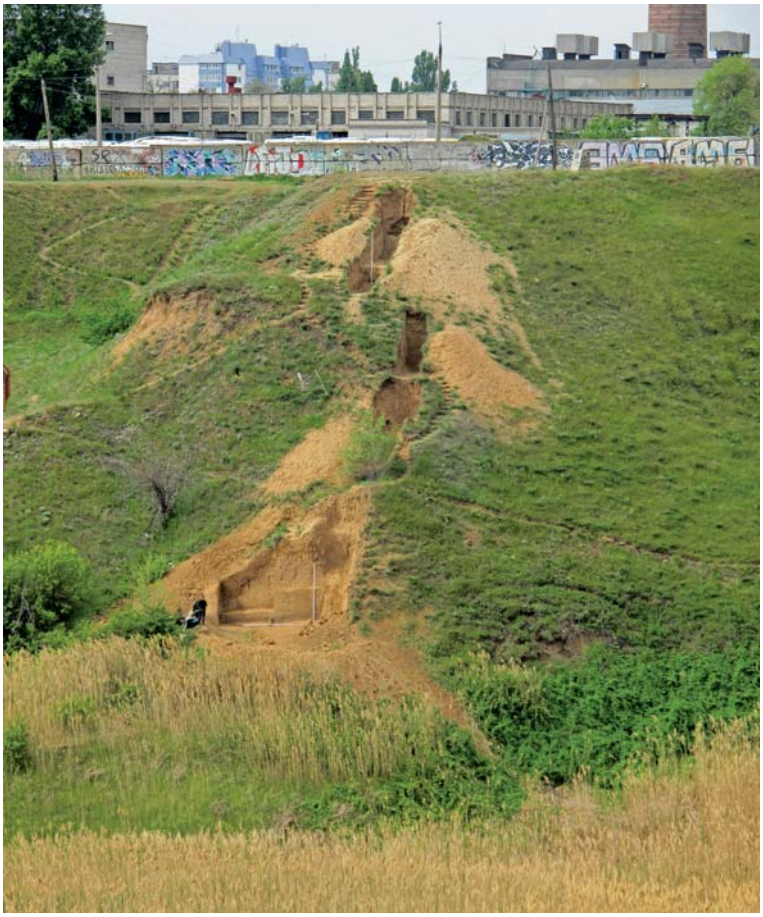


Рис. 3. Разрез СМ East и положение культурного слоя в «средней» почве, запечатанной в верхней части толщи хазарских отложений: сотрудники экспедиции стоят на уровне подошвы «средней» почвы, вид с противоположного, левого, борта балки. Фото С.О. Ремизова.

Для подробного изучения изменчивости осадконакопления на участках правого борта балки как в зоне локализации памятника, так и в непосредственной близости от нее, Нижневолжской экспедицией были заложены два сплошных разреза. Первый разрез был заложен рядом с западной стенкой раскопа I (западного раскопа) С.Н. Замятнина [Замятнин, 1961, с. 9, рис. 2; Праслов, Кузнецова, 2020, с. 92, рис. 8]. Суммарная мощность отложений, вскрытых разрезом, составляет 26 м при общей мощности отложений мыса в 36 м, и до сезона 2021 г. вся хроностратиграфическая информация о памятнике базировалась на изучении этого разреза (разрез СМ 14–18) (рис. 3), где сверху вниз зафиксированы отложения хвалынской трансгрессии Каспия, мощная пачка слоистых ательских суглинков и подстилающие ее пески хазарской трансгрессии Каспия.

Хвалынские отложения стоянки Сухая Мечётка (разрез СМ 14–18) расположены на абс. выс. 32 м. В 2022 г. при дополнительном обследовании противоположного (левого) борта балки были обнаружены хвалынские отложения на абс. выс. 31 м, в виде песчаных осадков с малакофауной *Dreissena polymorpha* и единичными раковинами *Dreissena rostriformis distincta*, указывающие на каспийское происхождение отложений (определение выполнено Т.А. Яниной). Раковинный материал датирован радиоуглеродным методом. Получена радиоуглеродная дата 13440 ± 130 л.н. (LU-10652), калиброванный возраст 16190 ± 200 лет. Этап отвечает временному интервалу МИС 2, эпохе деградации осташковского оледенения на Восточно-Европейской равнине [Янина и др., в печати]. Обнаруженные хвалынские отложения скорее всего, являются прибрежной фацией одной из трансгрессивные стадий раннехвалынской трансгрессии 35 м абс. выс.

В верхней части хазарских отложений залегает серия из трех различных по выразительности, но сходных по мощности погребенных почв. В средней почве был изучен культурный слой Сухой Мечётки. В течение сезона 2021 г. на правом борту

балки в 155 м к западу от первого разреза был заложен еще один сплошной разрез (западный разрез или разрез CM West) [Очередной и др., 2021], отложения в котором еще не изучены до конца, но, по предварительным данным, могут быть сходны со стратиграфической последовательностью, выявленной в первом, восточном (CM East), разрезе. Таким образом, на сегодняшний день памятник обеспечен двумя разрезами – один из которых вскрывает толщу отложений непосредственно в пределах распространения культурного слоя, а второй иллюстрирует стратиграфическую ситуацию выше по правому борту балки. Прямая корреляция разрезов будет проведена после завершения изучения образцов, отобранных на литолого-геохимические виды анализов и микроморфологию.

Сосредоточенность на изучении геологии и геоморфологии Сухой Мечётки на первом этапе возобновленных исследований этого памятника легко объяснима проблемами с датировкой стоянки. Несмотря на применение различных методов органогенного и неорганогенного датирования (^{14}C и OSL), вопрос о получении надежных хронометрических данных как для самого культурного слоя, так и для всей колонки отложений, крайне актуален.

Результаты первой партии OSL-дат, полученные для стратиграфической колонки разреза CM East в Институте Макса Планка, не совпадают с ранее полученными результатами радиоуглеродного датирования [Otcherednoy et al., 2019; Вишняцкий, Нехорошев, Очередной, 2019], удревняя памятник до границы MIS 4 и MIS 3 [Lauer, Otcherednoy, 2021]. Однако, несмотря на эту корректировку, результаты первого опыта применения OSL противоречат общей стратиграфической ситуации по разрезу, они демонстрируют их инверсию и нелогичность и значительно омолаживают уровень культурного слоя и всей толщи отложений нижней половины разреза, и в то же время удревняют его верхнюю часть, что следует из корреляции Сухой Мечётки с опорными разрезами Нижней Волги [Янина и др., в печати]. Первостепенное значение для изучения климатических условий обитания человека на стоянке имеет изучение серии погребенных почв. Эта работа также проводится на памятнике: в течение полевого сезона 2021 г. палеопочвы были выделены и описаны в обоих разрезах. В первом разрезе CM East в верхней части хазарских отложений выделено три древних педогенетических уровня. Наиболее выразительным является второй уровень (средняя погребенная почва), который представляет собой остатки легкосуглинистого срединного горизонта В мощностью 20–30 см. Характеристики этой почвы свидетельствуют о периоде стабилизации поверхности и достаточно сухих условиях, комфортных для почвенной мезофауны. Именно к этой почве приурочен до сих пор единственный культурный слой стоянки.

Обнаружение участков непотревоженного культурного слоя Сухой Мечётки составляло основную цель работ сезона 2022 г. По свидетельству С.Н. Замятнина, общая площадь памятника составляла примерно 1000–1200 м^2, «из которых около 100 м^2 были разрушены оврагом» [Замятнин, 1961, с. 12]. Таким образом, слой был распространен по довольно ограниченному участку правого борта балки, ориентированному практически четко по линии запад – восток: плотность находок резко падала как к западу от раскопа I, так и к востоку от раскопа II, где слой полностью заканчивался. Таким образом, перспективы изучения культурного слоя Сухой Мечётки связаны с расширением раскопов в южном направлении, что приводит к неизбежной проблеме удаления многометровой толщи перекрывающих отложений. Учитывая хорошее состояние слоя и его высокую информативность, неоднократно представленную в различных публикациях [Замятнин, 1961; Праслов, Кузнецова, 2020; Колесник и др., 2020; Ларионова, 2021], его обнаружение в непотревоженном виде фактически означает начало нового этапа изучения памятника. Первоначальные данные, которыми располагала Нижневолжская экспедиция, свидетельствовали о том, что культурный слой приурочен к нижней, наиболее интенсивно окрашенной, ископаемой почве [Очередной и др., 2020], однако по мере углубления и расширения нижней части разреза CM East и появления самой верхней, первой по разрезу, плейстоценовой почвы в течение сезона 2021–2022 гг., стало очевидно, что уровень культурного слоя стоянки должен быть приурочен к погребенной почве, перекрывающей нижнюю, т.е. к «средней» погребенной почве в полном соответствии с описаниями 50-х гг. прошлого века [Замятнин, 1961; Москвитин, 1962].

Поэтому в течение сезона 2022 г. нижний участок разреза CM East на уровне фиксации второй, «средней», погребенной почвы был расширен на юго-восток, согласно распространению борта цирка, оставшегося после работ С.Н. Замятнина (рис. 4, *1*). Практически сразу была обнаружена стенка борта раскопа 1954 г., ориентированная в целом по направлению север – юг. Общая площадь вскрытого участка памятника составила до 10 м^2, из которых половина пришлась на грунт отвала, заполняющий площадь, изученную С.Н. Замятниным. Первые находки (фрагменты хорошо сохранившегося позвоночного столба рыбы, частично в анатомической последовательности

Рис. 4. «Средняя» погребенная почва в нижней части разреза CM East, вмещающая культурный слой стоянки.
1 – крестец мелкого копытного в процессе расчистки и закрепления; *2* – хорошо сохранившийся фрагмент крупной трубчатой кости; *3* – расчистка изделия их кварцита (на фото С.О. Ремизов). Фото А.К. Очередного.

и несколько мелких неопределимых фрагментов костей) были сделаны в линзах песка, непосредственно перекрывающих «среднюю» погребенную почву и не связанных с культурным слоем. Начало культурного слоя маркировали первые крупные фрагменты толстостенных трубчатых костей, обнаруженные непосредственно в верхней части погребенной почвы. Сохранность костей различалась по мере углубления в тело почвы и продвижение к ее подошве – фрагмент крестца мелкого копытного (рис. 4, *2*), обнаруженный в нижней части почвы был, настолько плохой сохранности, что его не удалось снять со слоя несмотря на неоднократную пропитку раствором поливинилбутерали, кости в верхней и средней части почвы сохранились намного лучше (рис. 4, *3*). Определенное влияние на сохранность костей оказывает их толщина. Всего на площади ок. 6 м^2 на разных уровнях в теле «средней» погребенной почвы было обнаружено 16 фрагментов костей, один крупный кварцитовый обломок с несколькими мелкими негативами вторичной обработки или пробных снятий (что типично для кварцитовой части коллекции Сухой Мечётки) (рис. 4, *4*), мелкое, но хорошо читающееся на только что расчищенной поверхности охристое пятнышко (размеры ок. 20 × 10 см) и крупные древесные угольки в виде небольшой концентрации, зафиксированной в полуметре к юго-востоку от охристого пятна. Большинство фрагментов трубчатых костей и изделие из кварцита залегали субгоризонтально. Сохранность и плотность погребенной почвы, содержащей культурный слой, полностью соответствует описаниям С.Н. Замятнина, что предполагает поиск специальных решений, обеспечивающих адекватную разборку столь плотных отложений.

Появление возможности возобновления собственно археологических работ на стоянке с использованием современных методов фиксации, позволит получить качественно новую информацию не только об индустрии Сухой Мечётки, но в первую очередь дополнительные детальные данные о жизни этого коллектива охотников, организации ими пространства, особенностях хозяйствования, а также определить культурно-хронологическое положение стоянки в контексте среднепалеолитических комплексов Восточной и Центральной Европы.

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ, грант № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды», а также при помощи администрации Тракторозаводского района г. Волгограда, сотрудников ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры» и Историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта».

Список литературы

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Очередной А.К. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий: (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2019. – С. 69–82.

Замятнин С.Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. – 1961. – Вып. 82. – С. 5–37.

Колесник А.В., Очередной А.К., Степанова К.Н., Данильченко А.Ю. Технология первичного расщепления камня на стоянке Сухая Мечётка // Camera praehistorica. – 2020. – № 2. – С. 67–99.

Кузнецова Л.В. Сухая Мечётка // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1: Каменный век. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 18–22.

Ларионова А.В. Предварительные данные о степени сохранности культурного слоя среднепалеолитической стоянки Сухая Мечётка: раскоп 1 // Camera praehistorica. – 2021. – № 1. – С. 25–46.

Москвитин А.И. Плейстоцен Нижнего Поволжья // Тр. Геолог. ин-та АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып 64. – 263 с.

Очередной А.К., Ремизов С.О., Степанова К.Н., Ельцов М.В., Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Блохин Е.К., Титов В.В., Колесник А.В. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 230–253.

Очередной А.К., Янина Т.А., Романис Т.В., Курбанов Р.Н., Таратунина Н.В., Ельцов М.В., Казаков Е.В., Иванов Я.Д., Куприянова М.Д., Клименко П.Г., Ремизов С.О. Геоархеологические исследования на среднепалеолитическом памятнике Сухая Мечётка в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – с. 201–208. – doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0201-0208

Праслов Н.Д., Кузнецова Л.В. Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С.Н. Замятнина). – СПб.: Невская книжн. типогр., 2020. – 44 с.

Янина Т.А., Курбанов Р.Н., Таратунина Н.А., Романис Т.В., Ельцов М.В., Лаврентьев Н.В., Глушанкова Н.И., Ремизов С.О., Иванов Я.Д., Куприянова М.Д., Очередной А.К. Палеолитический памятник Сухая Мечётка (Волгоград) в контексте стратиграфии и палеогеографии Нижнего Поволжья // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 5: География. – 2023. – № 2 (в печати).

Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. – Köln: Verlag Böhlau, 1967. – 205 p.

Lauer T., **Otcherednoy A.K.** Luminescence dating of Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site (preliminary results) // Evolution of fluvial systems at different time scales. Fluvial Archives Group – FLAG. Online Meeting 2021. – Abstracts. September 20 Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta 21, 2021.– URL: http://eg.igras.ru/ru/4746-2/.

Otcherednoy A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Kolesnik A.V., Zaretskaya N.E., Larionova A.V., Blochin E.K. Etudes géoarchéologiques pluridisciplinaires des sites du paléolithique moyen de la Plaine Russe. // L'Anthropologie. – 2019. – T. 123, № 2. – C. 310–318.

References

Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen MitteleuropaKöln: Verlag Böhlau, 1967. 205 p.

Kolesnik A.V., Otcherednoy A.K., Stepanova K.N., Danilchenko A.Yu. Primary reduction technology in the Sukhaya Mechetka site assemblage. *Camera praehistorica*, 2020. N 2. P. 67–99. (In Russ.).

Kuznetsova L.V. Sukhaya Mechëtka site. In *The Archaeology of Lower Don Basin. Vol. 1. The Stone Age*. Volgograd, Volgogr. nauch. Publ., 2006. P. 18–22. (In Russ.).

Larionova A.V. Preliminary data on the degree of preservation of the cultural layer of the Middle Paleolithic site Sukhaya Mechetka: excavation 1. *Camera praehistorica*, 2021. N. 1. P. 25–46. (In Russ.).

Lauer T., **Otcherednoy A.K.** Luminescence dating of Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site (preliminary results) In *Evolution of fluvial systems at different time scales. Fluvial Archives Group*, FLAG. Online Meeting 2021, Abstracts, September 20–21, 2021. URL: http://eg.igras.ru/ru/4746-2/.

Ocherednoy A.K., Janina T.A., Romanis T.V., Kurbanov R.N., Taratunina N.V., El'cov M.V., Kazakov E.V., Ivanov Ja.D., Kuprijanova M.D., Klimenko P.G., Remizov S.O. Geoarheologicheskie issledovanija na srednepaleoliticheskom pamjatnike Suhaja Mechjotka v 2021 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021.

Vol. 27. P. 201–208. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0201-0208

Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Stepanova K.N., Eltsov M.V., Voskresenskaya E.V., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Blochin E.K., Titov V.V., Kolesnik A.V. Middle Paleolithic Site Sukhaya Mechëtka: the Renewal of Complex Investigations. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2020. Iss. 19. N 1. P. 230–253. (In Russ.).

Otcherednoy A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Kolesnik A.V., Zaretskaya N.E., Larionova A.V., Blochin E.K. Etudes géoarchéologiques pluridisciplinaires des sites du paléolithique moyen de la Plaine Russe. *L'Anthropologie*, 2019. Iss. 123. N 2. P. 310–318.

Praslov N.D., Kuznetsova L.V., Sukhaya Mechëtka, a Paleolithic Site (on the Data of S.N. Zamyatnin's Excavations). Saint Petersburg: Nevskaya knizhnaya tipografiya Publ, 2020. 144 p. (In Russ.).

Vishnyatskiy L.B., Nekhoroshev P.E., Ocherednoy A.K. New Data on the Chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (Based on the Results of Fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018) In *The Past of Humankind as Seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology)*. Saint Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2019. P. 69–82. (In Russ.).

Yanina T.A., Kurbanov R.N., Taratunina N.A., Romanis T.V., Eltsov M.V., Lavrentiev N.V., Glushankova N.I., Remizov S.O., Ivanov Ya.D., Kupriyanova M.D., Otcherednoy A.K. Paleolithic site Sukhaya Mechetka (Volgograd) in context of Lower Volga area stratigraphy and paleogeography. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 2023. N 2. (In press).

Zamyatnin S.N. Stalingradskaya paleoliticheskaya stoyanka. In *Brief Communications from the Institute of Archeology*, 1961. Iss. 82. P. 5–37. (In Russ.).

Очередной А.К. https://orcid.org/0000-0001-7616-5686
Янина Т.А. https://orcid.org/0000-0002-0367-3900
Романис Т.В. https://orcid.org/ 0000-0003-3846-5324
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Таратунина Н.В. https://orcid.org/0000-0002-1479-8805
Ельцов М.В. https://orcid.org/0000-0001-7886-8131
Казаков Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5874-5038
Куприянова М.Д. https://orcid.org/0000-0001-8160-7098
Клименко П.Г. https://orcid.org/0000-0003-2577-4144
Ремизов С.О. https://orcid.org/0000-0001-9892-8058
Иванов Я.Д. https://orcid.org/0000-0002-5582-693X
Лаврентьев Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3983-8201

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0222-0228
УДК 902.01

Г.Д. Павленок[1], Е.Н. Бочарова[1]✉, В.М. Харевич[1], С.С. Макаров[2], А.Д. Папин[3], Ж.К. Таймагамбетов[4], Р.С. Дуванбеков[4], Е.А. Манскова[5], А.А. Анойкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Музей природы и человека
Ханты-Мансийск, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
[5]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Разведочные работы в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан) в 2022 году

В статье представлены результаты продолжающихся разведочных работ, а также работ по изучению мезолитического комплекса Карасай в Восточном Казахстане в 2022 г. Текущий полевой сезон позволил дополнить коллекцию памятника Карасай как подъемным, так и стратифицированным археологическим материалом с разных участков левого берега ручья Западный, а также уточнить сведения о стратиграфии и границах культуросодержащего слоя стоянки. Подъемный комплекс артефактов, собранных около раскопа 2019 г., по своим характеристикам хорошо соответствует индустрии, выявленной ранее на памятнике в стратифицированном залегании, и также может быть отнесен к мезолитическому времени. В 50 м ниже раскопа 2019 г., на еще одном участке концентрации подъемного материала, был заложен шурф общей глубиной 2,7 м с площадью по дну – 4 м^2. Полученный стратиграфический профиль соотносится с разрезом раскопа 2019 г., но инвентарь как подъемного комплекса, так и шурфа в этой части памятника выглядит более древними и залегает в слое 2 на более низких уровнях. Эти материалы предварительно могут быть отнесены к развитому верхнему палеолиту, поскольку имеют определенное сходство с комплексами из слоев 5.1–4 стоянки Ушбулак. Рекогносцировочные исследования на севере Шиликтинской долины позволили выявить три новых пункта сбора экспонированного материала (Сарман, Сарытумыск и Кызыл). Эти пункты подтвердили предположение о перспективности поиска объектов каменного века в устьях и долинах небольших водотоков, связанных с нижним поясом горного обрамления хребта Саур. Новые местонахождения являются перспективными объектами для продолжения исследований, в том числе с проведением раскопочных работ.

Ключевые слова: *Казахстан, Шиликтинская долина, разведочные работы, верхний палеолит, мезолит.*

G.D. Pavlenok[1], E.N. Bocharova[1]✉, V.M. Kharevich[1], S.S. Makarov[2], A.D. Papin[3], Z.K. Taimagambetov[4], R.S. Duvanbekov[4], E.A. Manskova[5], A.A. Anoikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Museum of Nature and Man
Khanty-Mansiysk, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
[5]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

2022 Archaeological Survey at Shylikty Valley (Eastern Kazakhstan)

The article provides the results of ongoing exploration and research of the Karasai Mesolithic complex located in the Eastern Kazakhstan in 2022. During this season, we could expand the surface collection of the Karasai site by the artifacts from different locations of the Zapadny stream left bank. Moreover, we have improved our understanding of stratigraphy and boundaries of the culture-bearing layer of the site. Direct correlation between the artifacts found in the surface collection near the site in 2019 and the industry previously found at the Karasai site was revealed. These items can be attributed to the Mesolithic period as well. A new test pit 2.7 meters deep with a bottom area of 4 sq. m was excavated in the concentration area of the surface collection located 50 meters lower than the 2019 test pit. The obtained stratigraphic section correlates with the section of the 2019 test pit; however, the inventory of the surface collection as well as the test pit in this part of the site looks more ancient and is located in Layer 2 at lower levels. These materials can be tentatively attributed to the Upper Paleolithic, since they have a certain similarity with the assemblages from Layers 5.1–4 at the Ushbulak site. Three new sites were discovered in the north of the Shilikty Valley, Sarman, Sarytumysk, and Kyzyl. These locations confirmed the assumption on feasibility of searching for the Stone Age items in estuaries and valleys of small streams associated with the lower zone of the mountain around the Saur Ridge. These sites are promising for further research, including excavations.

Keywords: *Kazakhstan, Shilikty Valley, survey, Upper Paleolithic, Mesolithic.*

В 2022 г. после трехлетнего перерыва были возобновлены работы совместной Российско-Казахстанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан на территории Шиликтинской долины (Восточно-Казахстанская обл. РК). Основными задачами в текущем году были исследование многослойной стоянки Ушбулак (см. статью: Анойкин А.А. и др. «Исследование верхнепалеолитической стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2022 году» в данном сборнике); оценка состояния мезолитического памятника Карасай, а также проведение разведочных работ в северо-восточной части Шиликтинской долины с целью обнаружения стратифицированных объектов каменного века (рис. 1, *1*).

Стоянка Карасай локализована в среднем течении ручья Западный, на участке его выхода на предгорную равнину, на высоком обрывистом левом берегу. В 2019 г. в ходе полевых работ на памятнике был получен археологический материал на основе технико-типологических характеристик и серии абсолютных датировок, отнесенный к эпохе мезолита [Павленок и др., 2021; Pavlenok et al., 2021]. Визуальный осмотр территории объекта в 2022 г. показал хорошую в целом степень его сохранности, однако, поверхность склона, обращенного к ручью, была частично разрушена, вследствие интенсивного вытаптывания этого участка крупным и мелким рогатым скотом при передвижении на водопой. На склоне в границах памятника сформировалось несколько небольших осыпей, на поверхности которых был обнаружен нестратифицированный археологический материал. Основная концентрация каменных артефактов в поверхностном залегании зафиксирована на отрезке ~ 15 м в подошве склона около раскопа 2019 г. (рис. 2, *1*). В общей сложности коллекция подъемного материала составила 36 предметов, в том числе галька – 1; нуклевидные формы – 2 экз.; пластины – 4 экз.; пластинки – 5 экз.; пластинчатые отщепы – 5 экз.; отщепы – 11 экз.; технические сколы – 3 экз.; осколки – 5 экз. Два предмета вторичной обработкой преобразованы в орудия.

Нуклевидные изделия представлены ядрищем и небольшим нуклевидным обломком. Нуклеус торцовый для микропластин (2,9 × 2,7 × 1,4 см). Ударная площадка прямая, тщательно подготовлена серией мелких сколов с правой латерали (рис. 2, *6*). Сами латерали не обработаны, легкая ретушь присутствует по гребню изделия, который идет параллельно фронту. Общая морфология изделия и имеющиеся аналоги в коллекции 2019 г. позволяет предполагать использование техники отжима при его утилизации. Технические сколы представлены двумя полуреберчатыми крупными отщепами и сколом подправки ударной площадки (полу-«таблетка»). Как ядрище, так и имеющиеся сколы контроля процесса расщепления, хорошо соотносятся с каменной индустрией, выявленной на памятнике в результате работ предыдущих лет.

Характеристики остальных сколов также не выходят за рамки этого ассамбляжа. Среди пластинчатых сколов одна целая нерегулярная пластина, один медиально-дистальный фрагмент и один проксимально-медиальный фрагмент, имеющие правильную призматическую форму. Пластинки (ширина 6–11 мм) представлены медиальными (4 экз.) и одним дистальным фрагментами с правильным призматическим контуром (рис. 2, *9–10*).

Среди отщепов большую часть составляют изделия средних размеров (49–30 мм), крупные и мелкие присутствуют примерно в равных долях. Ударные площадки преимущественно гладкие, а огранки дорсалов – субпараллельные.

Орудийный набор включает пест-терочник выполненный из крупной гальки и концевой скребок на широкой пластине (рис. 2, *5*).

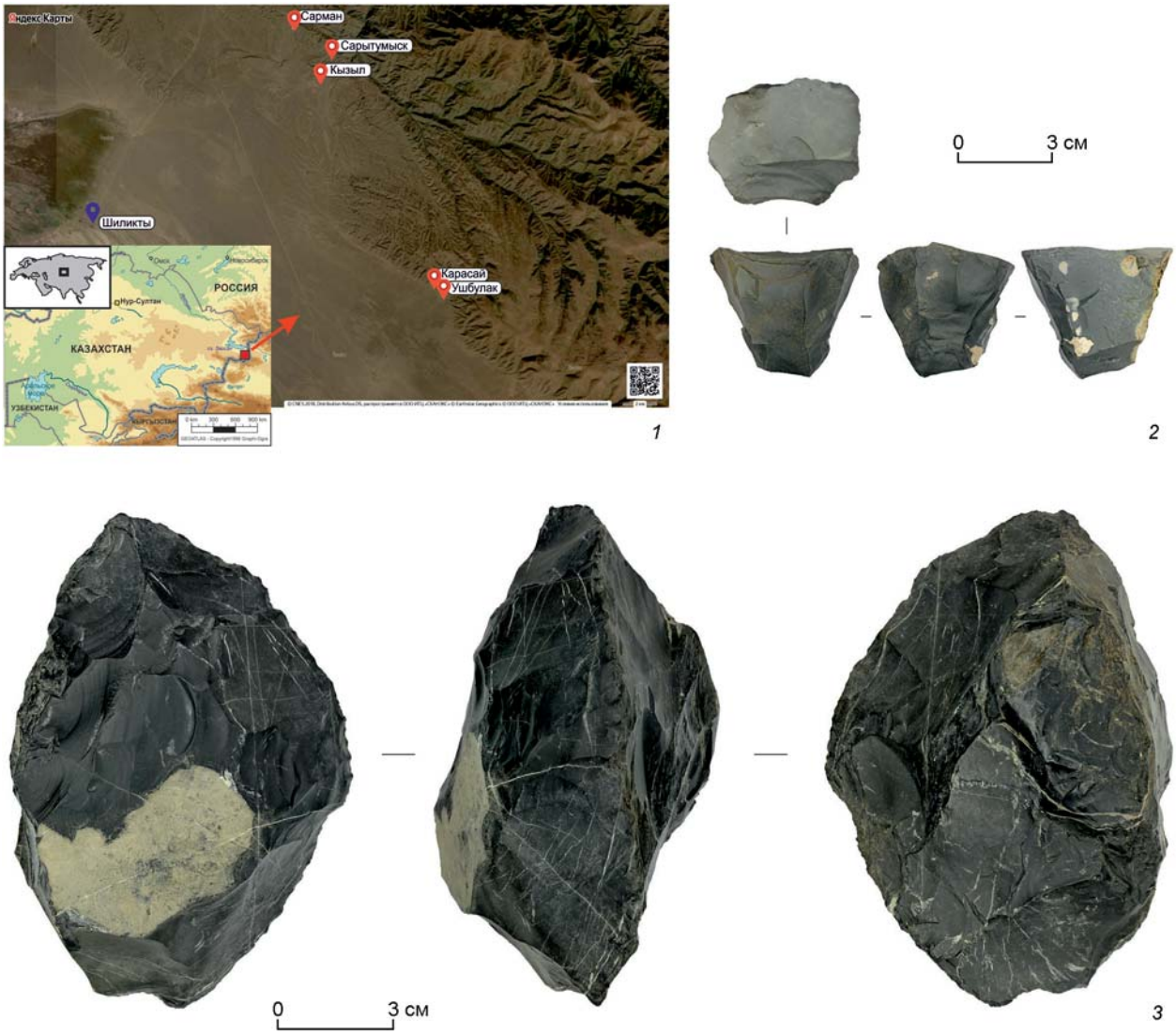


Рис. 1. Археологические объекты в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан).

1 – Карта расположения археологических объектов в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан); *2* – нуклеус с местонахождения Кызыл; *3* – преформа, случайная находка.

Как уже писалось выше, в целом комплекс подъемных артефактов хорошо коррелируется с археологическими материалами из слоя 2 стоянки Карасай, и может быть отнесен к мезолитическому времени в первую очередь на основе параметров продуктов первичного расщепления. При этом, предметы из орудийного набора не позволяют однозначно подтвердить данную атрибуцию, т.к. концевые скребки на пластинах являются фоновым типом изделий в ассамбляжах поздних стадий каменного века, начиная с начального верхнего палеолита, а пест-терочник, скорее всего, относится к эпохе палеометалла.

Еще один участок концентрации подъемного материала был выявлен в 50 м ниже по течению от раскопа 2019 г. (рис. 2, *1*) Материал лежал на склоновой поверхности в нижней части естественного обнажения по левому борту ручья. Коллекция насчитывает 10 артефактов: клиновидный нуклеус, оформленный на сколе подживления ударной площадки (рис. 2, *4*); две целые пластины (рис. 2, *2*) и три проксимальных фрагмента разных размеров; два средних отщепа; технический скол разжелвачивания и концевой скребок на фрагменте пластины (рис. 2, *8*). Практически все предметы были покрыты плотной карбонатной коркой.

Кроме сбора подъемного материала, в текущем году на Карасае были проведены рекогносцировочные раскопочные работы. С целью уточнения границ распространения культуросодержащих слоев, сравнения стратиграфической ситуации на разных участках памятника и отбора образцов на ОСЛ-датирование, на бровке левого борта ручья в зоне концентрации второго комплекса подъемного мате-

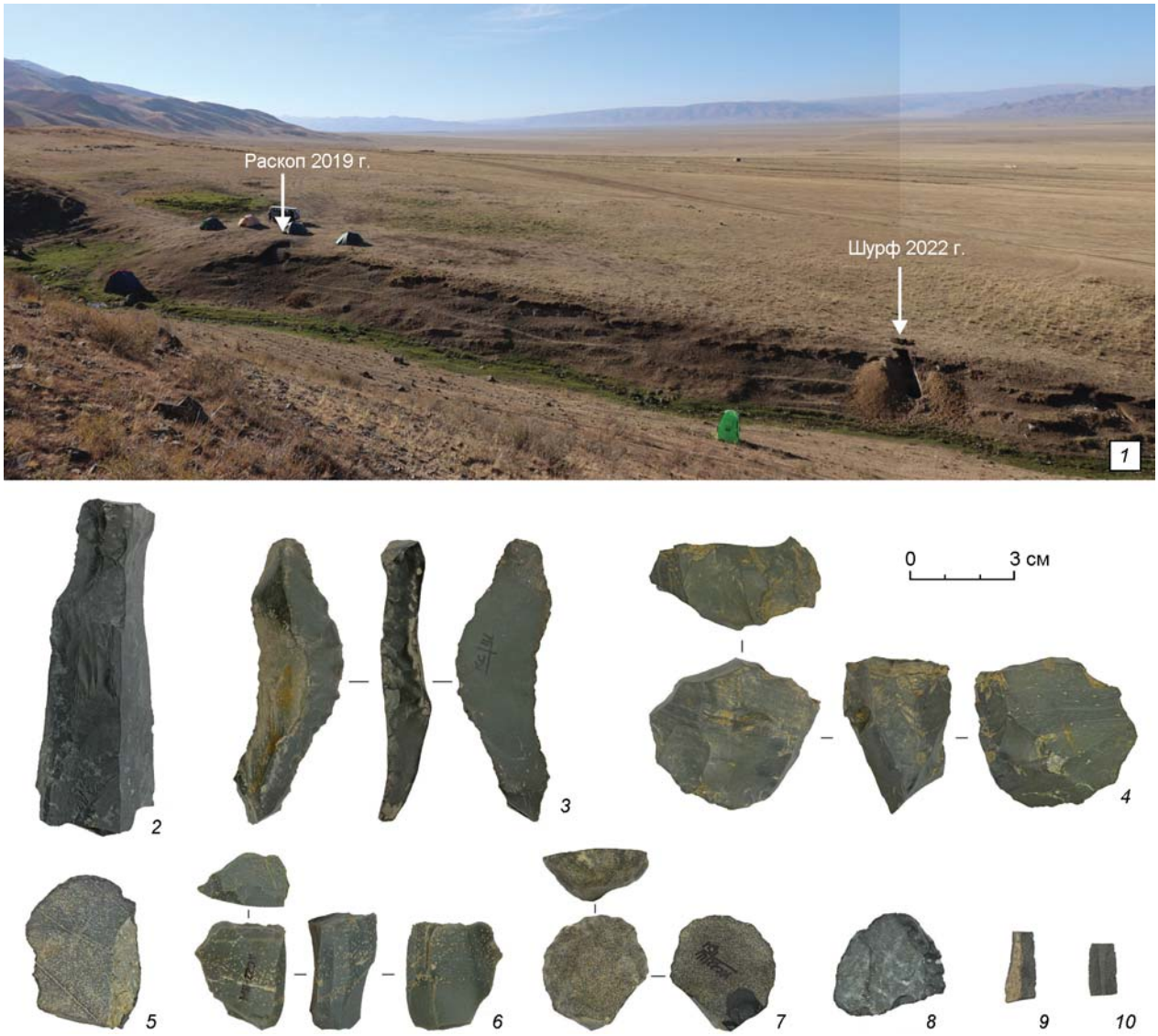


Рис. 2. Стоянка Карасай.

1 – вид на стоянку (вид с севера); *2* – пластина; *3* – скребло; *4, 6* – нуклеус; *5, 7, 8* – скребок; *9*, *10* – пластинки (фото Е.Н. Бочаровой).

риала, был заложен шурф-врезка 1 × 1,5 м. Место шурфовки определялось геоморфологической ситуацией на объекте и границами участков концентрации подъемного материала. Вскрышные работы велись ступенями, размеры которых определялись глубиной и площадью вскрываемых участков склона. Общая глубина шурфа составила 2,7 м, площадь по дну – 4 м^2.

Сводный стратиграфический разрез включает следующие подразделения (сверху вниз).

Слой 1. Современная почва. Площадь поражения деятельностью землероев – до 80 %. Мощность – 0,3 м.

Слой 2. Супесь средняя светло-серая (белесая), плотная, с вкраплениями карбонатов. Обломочный материал представлен в основном щебнем мелко- и среднезернистых кварцевых диоритов. Площадь поражения деятельностью землероев – до 50 %. Мощность – 0,6 м.

Слой 3. Супесь средняя коричная, плотная, однородная, с включением мелких валунов сапролитизированных крупнозернистых гранитов. Мощность – 1,7 м.

Слой 4. Щебнистый горизонт с супесчаным заполнителем коричнево-серого цвета. Вскрытая мощность – до 0,2 м.

В целом полученный стратиграфический профиль хорошо соотносится с разрезом южной стенки раскопа 2019 г. [Pavlenok et al., 2021]. Основные отличия касаются структуры слоя 2 – здесь отсутствуют линзовидные прослои мелкозернистого красновато-охристого песка и морозобойные трещины. Кроме того, в слое 3 шурфа отсутствует железисто-марганцевая цементация, которая в виде

темноцветных субгоризонтально простирающихся полос ржаво-охристого цвета хорошо представлена в этом слое на раскопе.

В шурфе зафиксировано несколько уровней залегания фаунистического и археологического материала. В слое 1 обнаружено четыре фрагмента трубчатых костей. В слое 2 – пять каменных артефактов: в кровле – концевой скребок на пластине; в средней части – простое продольное скребло на техническом сколе (рис. 2, *3*) и крупный отщеп; в подошве – скребок на отщепе и пластина с ретушью. Округлое лезвие скребка занимает ¾ периметра заготовки и оформлено крутой чешуйчатой дорсальной ретушью (рис.2, *7*). В средней части слоя 3 найден небольшой отщеп. По окончанию раскопочных работ из разных литологических тел в шурфе была отобрана серия образцов на ОСЛ-датирование.

Исходя из общего облика инвентаря подъемного комплекса и шурфа в этой части памятника, можно предполагать, что эти материалы не имеют прямых аналогий в индустрии слоя 2 стоянки Карасай, и в целом выглядят более древними. Исходя из характеристик продуктов первичного расщепления (тип ядрищ, параметры сколов и др.) предварительно эти материалы могут быть отнесены к развитому верхнему палеолиту, т.к. имеют определенное сходство с комплексами из слоев 5.1–4 стоянки Ушбулак [Anoikin et al., 2019]. Продолжение работ на этом участке, а также получение абсолютных дат из культуросодержащих слоев шурфа, позволит проводить такие аналогии более аргументировано.

Помимо работ на ручье Западный в 2022 г. рекогносцировочные исследования велись на севере Шиликтинской долины, в основном на территории примыкающей к р. Капитан (правый приток р. Уйдене) [Анойкин и др., 2018]. Маршрут разведки проходил по северо-восточному борту долины, вдоль подошвы ее горного обрамления (высотные отметки 1100–1300 м). Общая протяженность пеших переходов составила ~ 40 км, от г. Карашокы до ручья Западный. Выбор направлений и зон осмотра обусловливался задачами разведывательных работ. Основное внимание уделялось исследованию участков, геоморфологическая ситуация на которых близка таковой на уже известных археологических объектах каменного века – стоянках Ушбулак и Карасай. В первую очередь это были окрестности ключей и долины речек (реки Ащилы, Уйдене, Аккожа, ключи Сарман и Костаубулак), а также зона примыкания Шиликтинской котловины к долине р. Уйдене. Как показал опыт разведок предыдущих лет, такие места являются наиболее перспективными для поиска палеолитических объектов в этой части Казахстана [Деревянко и др., 2015; 2016; Шуньков и др., 2016; Анойкин и др., 2018].

В результате проведенных работ в этой части долины было зафиксировано три новых пункта залегания подъемного археологического материала.

Местонахождение Сарман. Расположено рядом с одноименным ключом, на его правом борту. Сборы материала проходили на склоне, по обе стороны от полевой дороги. Полученная коллекция (11 экз.) включает три крупных, два средних и четыре мелких отщепа, а также два мелких обломка сырья. Нуклевидных и орудийных форм нет. Подобный набор каменных предметов сложно отнести к какому-либо конкретному культурно-хронологическому этапу.

Местонахождение Сарытумыск. Расположено у зимовья Сарытумыск на выположенной площадке между левым берегом р. Аккожа и ее притоком – р. Ащилы. Сбор материала производился вдоль дороги, а также из выбросов грунта около нор, расположенных выше по склону. Общая коллекция включает один фрагмент неорнаментированного венчика керамического сосуда и 13 каменных артефактов: фрагменты пластины, пластинки и микропластины, а также два крупных, три средних и пять мелких отщепов. Нуклевидных и орудийных форм нет. В целом материал, видимо, носит смешанный характер и может быть датирован широким интервалом от финала верхнего палеолита до эпохи палеометалла.

Местонахождение Кызыл. Расположено рядом с одноименным зимовьем, на левом берегу р. Аккожа (1,5 км к ЮЗ от зимовья Сарытумыск) Всего здесь было найдено 7 каменных артефактов. Это подпризматический нуклеус для пластинок с гладкой ударной площадкой и дугой скалывания более 270° (рис.1, *2*), фрагмент пластины, а также два крупных и три средних отщепа. Сколы в собранной коллекции имеют среднюю степень патинизации и достаточно сильное нарушение краев ретушью вытаптывания. Часть граней ядрища тоже покрыто патиной. Находка подпризматического нуклеуса позволяет предварительно датировать этот материал поздним палеолитом, хотя нельзя исключать и его более молодой возраст.

Интересной находкой является крупный (13,7 × 7,1 × 9,5 см), массивный, двусторонне обработанный предмет, обнаруженный в поле, в ~ 2 км к ЮЗ от стоянки Карасай. Изделие имеет хорошо выраженное, протяженное, тщательно обработанное ребро. Противолежащая ему сторона покрыта галечной коркой, несет следы единичных сколов и намного массивнее участка с ребром (рис. 1, *3*). Изделие может быть интерпретировано как преформа нуклеуса параллельного принципа скалывания для удлиненных заготовок. Подобные формы характерны для нижних слоев стоянки Ушбулак

[Anoikin et al., 2019]. Данная интерпретация не является единственной и однозначной. Изделие может являться также и массивным рубящим орудием, но подобных находок в Шиликтинской долине пока сделано не было. Тщательный осмотр местности вблизи этой случайной находки не дал каких-либо дополнительных результатов.

Новые материалы, найденные на Карасае как в стратифицированном, так и в поверхностном залегании, демонстрируют неизвестный здесь ранее комплекс находок, не характерный для мезолитической индустрии памятника и, скорее всего, являющийся синхронным индустрии развитого верхнего палеолита стоянки Ушбулак [Ibid.]. Вместе с новыми ОСЛ-датами эти ассамбляжи не только помогут существенно уточнить хронологию заселения человеком Шиликтинской долины на разных этапах верхнего палеолита, но и позволят рассматривать стоянку Карасай как еще один многослойный стратифицированный объект, отражающий несколько этапов освоения этой территории, крайне редкий в региональном контексте. Обнаруженные новые пункты сбора подъемного материала также являются перспективными объектами для проведения раскопочных работ с целью выявления новых стратифицированных комплексов каменного века и могут содержать материалы тех периодов, которые не нашли отражение в индустриальных последовательностях уже известных стоянок Ушбулак и Карасай. Наряду с этим, разведочные работы 2022 г. в Шиликтинской долине также подтвердили ранее выдвинутое предположение о перспективности поиска объектов каменного века в устьях и долинах небольших водотоков, связанных с нижним поясом горного обрамления хребта Саур.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Чеха А.М., Козликин М.Б., Искаков Г.Т., Васильев С.К., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 18–24.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Дудко А.А., Кандыба А.В., Павленок К.К., Присекайло А.А., Харевич В.М., Искаков Г.Т., Мамиров Т.Б. Археологическая разведка на территории Северного Казахстана в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 75–77.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Мамиров Т.Б., Ульянов В.А., Павленок Г.Д. Археологическая разведка на территории Восточного Казахстана в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 76–80.

Павленок Г.Д., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Бочарова Е.Н., Курбанов Р.Н., Кулик Н.А., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А. Мезолит Восточного Казахстана (по материалам стоянки Карасай) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2021. – №. 1. – С. 301–318.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Мамиров Т.Б., Павленок Г.Д. Разведочные работы в Тарбагатайском районе Республики Казахстан в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 199–203.

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019. – № 4. – P. 16–29. – doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.4.016-029

Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev S., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Zh., Anoikin A. The Karasai site: The first stratified Mesolithic assemblage in eastern Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. – 2021. – Vol. 25. – Art. 100249. – doi: 10.1016/j.ara.2020.100249

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Shalagina A.V., E.V. Bocharova, Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Chekha A.M., Kozlikin M.B., Iskakov G.T., Vasiliev S.K., Shunkov M.V. The research of Initial Upper Paleolithic industry on the Ushbulak-1 site (Eastern Kazakhstan) in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, Publ., 2018. Vol. 24. P. 18–24. (In Russ.).

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. N 4. P. 16–29. doi. org/10.17746/1563-0110.2019.47.4.016-029

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A., Rybalko A.G., Dudko A.A., Kanbyba A.V., Pavlenok K.K., Prisekaylo A.A., Kharevich V.M., Iskakov G.T., Mamirov T.B. Archaeological survey at the territory of Northern Kazakhstan in 2015. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, Publ., 2015. Vol. 21. P. 75–77. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Mamirov T.B., Ulianov V.A., Pavlenok G.D. Archaeological Survey at the Territory of Eastern Kazakhstan in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, Publ., 2016. Vol. 22. P. 76–80. (In Russ.).

Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev S., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Zh., Anoikin A. The Karasai site: The first stratified Mesolithic assemblage in eastern Kazakhstan. *Archaeological Research in Asia*, 2021. Vol. 25. Art. 100249. doi: 10.1016/j.ara.2020.100249

Pavlenok G., Gladyshev S., Ulianov V., Bocharova E., Kurbanov R.N., Kulik N.A., Taimagambetov Zh., Anoikin A. The Mesolithic of the Eastern Kazakhstan (Based on the Karasai Site Materials). *Stratum Plus*, 2021. Vol.1. P. 301–318. (In Russ.).

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Mamirov T.B., Pavlenok G.D. Archaeological Survey in the Tarbagatai Region of the Republic of Kazakhstan in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, Publ., 2016. Vol. 22. P. 199–203. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Харевич М.В. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Макаров С.С. https://orcid.org/0000-0002-2754-7685
Папин А.Д. https://orcid.org/0000-0002-7287-5928
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600
Дуванбеков Р.С. https://orcid.org/0000-0002-7596-8222
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Манскова Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2962-2415

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0229-0237
УДК 902(575.1)″6323″

К.К. Павленок[1], С.А. Когай[1]✉, П.М. Сосин[2], А.С. Деревнина[3], Н.А. Таратунина[4, 5], Н.М. Петржик[5, 6], И.А. Юдин[3], Г.А. Мухтаров[7], С.С. Турсунов[7], В.М. Харевич[1], П.В. Чистяков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[5]Институт географии РАН
Москва, Россия
[6]Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН
Москва, Россия
[7]Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Открытие индустрии с сельунгурскими чертами на Западном Тянь-Шане: стоянка Куксарай-2 (раскоп 1)

В статье приводятся данные, полученные в ходе полевых раскопочных работ 2022 г. в восточном Узбекистане на стоянке Куксарай-2 (материалы раскопа 1). Во вскрытой седиментационной последовательности мощностью до 7 м была зафиксирована коллекция каменных артефактов (91 экз.) в восьми стратиграфических слоях. Слои 2, 3 являются иллювиальными горизонтами голоценовой почвы (Bcaz,Bz); 5 (Lcaz) – почвообразующей породой; 7 (Bz) - относится к погребенному почвенному горизонту. В них обнаружены комплексы, сочетающие в себе пластинчатую (в т.ч. мелкопластинчатую) и отщеповую (в центростремительном варианте плоскостного нуклеусного расщепления) направленность каменного производства. Подобные комплексы хорошо представлены в палеолите долины р. Ахангаран, в частности в среднепалеолитических материалах стоянки Кульбулак и серии местонахождений с поверхностным залеганием находок. При этом доля пластинчатого расщепления растет от нижних к верхним слоям. В четырех же нижних культуросодерщащих слоях (10 (Bm), 12(Bt), 14(Bmn) и 15(Bn)) – зафиксирован достаточно цельный технологический ансамбль, характеризующийся радиальной и простой плоскостной стратегий первичного расщепления, целью которого являлось получение заготовок с отщеповыми пропорциями, использованием двусторонней обработки при оформлении орудий, наличием специфической орудийной формы – тейякского остроконечника. Все эти признаки в комплексе в целом характерны для сельунгурской индустрии, комплексы которой вне Ферганской долины до настоящего времени известны не были. Имеющееся для вышележащего слоя 7 возрастное определение методом ОСЛ ~70 тыс. л.н. помещает обнаруженный комплекс в хронологию МИС 5, что соответствует верхней хронологической границе существования индустрии пещеры Сельунгур.

Ключевые слова: *верхний палеолит, средний палеолит, каменная индустрия, сельунгурский тип орудий, Западный Тянь-Шань*.

K.K. Pavlenok[1], S.A. Kogai[1]✉, P.M. Sosin[2], A.S. Derevnina[3], N.A. Taratunina[4, 5], N.M. Petrzhik[5, 6], I.A. Yudin[3], G.A. Mukhtarov[7], S.S. Tursunov[7], V.M. Kharevich[1], P.V. Chistyakov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia

[2]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology of the NAS RT
Dushanbe, Tajikistan
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[5]Institute of Geography of the RAS
Moscow, Russia
[6]A.V. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the RAS
Moscow, Russia
[7]National Center of Archaeology of the AS RU
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Discovery of the Sel'Ungur-Like Industry in Western Tien Shan: Kuksaray-2 Site (Excavation 1)

The article provides data obtained during 2022 field excavations at the Kuksaray-2 site (materials from excavation 1). A collection of lithic artifacts (91 pieces) was obtained from eight stratigraphic positions in a discovered sedimentation sequence up to 7 m thick. Four upper culture-bearing lithostratigraphic units—2, 3, 5, and 7—contained complexes combining blade (including bladelet) and flake (in the centripetal variant of plane core knapping) orientation of lithic production, which is well represented in the Paleolithic of the Akhangaran River valley, in particular in the Middle Paleolithic materials of the Kulbulak site and a series of locations with the surface finds deposition. Moreover, fraction of blade knapping grows bottom-up. A rather integral technological ensemble characterized by a radial and simple planar strategy of primary knapping aimed at obtaining flakes, using two-sided processing in the design of tools, the presence of a specific tool form, such as Teyak points, were observed in four lower culture-bearing layers: 10, 12, 14, and 15. All these features present in the complex are generally typical of the Sel'Ungur industry, whose complexes outside the Fergana Valley have not been known until present. The available age determination by OSL for overlying layer 7 being ~70 ka places the discovered complex in the MIS-5 stage, which corresponds to the upper chronological boundary of the existence of the Sel'Ungur cave industry.

Keywords: *Upper Paleolithic, Middle Paleolithic, lithic industry, Sel'Ungur toolkit, Western Tien Shan*.

Бассейн р. Ахангаран в Восточном Узбекистане является ключевым регионом для понимания культурных процессов, проистекавших на территории Западного Тянь-Шаня в каменном веке. Здесь сосредоточены многие палеолитические объекты, на основе которых выстроены актуальные культурно-хронологические схемы развития палеолита всего запада Центральной Азии [Павленок и др., 2019].

Новый цикл разведочных работ в бассейне р. Ахангаран был начат в ходе полевого сезона 2018 г., когда пешими маршрутами была обследована долина ее правого притока – р. Эрташсай. В результате планомерного поиска в последующие 2019–2021 гг., в долине р. Эрташсай было обнаружено 12 местонахождений с экспонированным залеганием археологического материала (Эрташ Сай-1–12) с технико-типологическими характеристиками, свойственными для индустрий среднего палеолита – заключительных этапов верхнего палеолита [Павленок и др., 2020]. Также в это время проводились разведки по соседним с Эрташсаем долинам – притокам р. Ахангаран. Местонахождение Куксарай-2, обнаруженное в результате археологической разведки 2021 г., расположено на хребте между падями Куксарай и Дзиблон, на правом борту долины р. Ахангаран. На водораздельной поверхности на поверхности голоценовой почвы и в техногенных обнажениях было обнаружено 455 каменных артефактов. Для выявления археологического материала в состоянии *in situ* на территории местонахождения была заложена серия разведочных шурфов. Каменные артефакты (43 экз.) были зафиксированы в четырех литологических подразделениях (слои 2, 3, 5 и 6). Немногочисленность коллекции позволила в общих чертах охарактеризовать облик индустрии и предварительно выявить два технологических компонента, среднепалеолитический и начальноверхнепалеолитический [Павленок и др., 2021; Pavlenok et al., 2022].

В 2022 г. для уточнения стратиграфического контекста и более четкого понимания технологических характеристик комплекса стоянки Куксарай-2 был трассирован раскоп 1 площадью 6 м^2 (3 × 2 м). Раскопом была вскрыта голоценовая почва, которая после небольшого горизонта лесса переходит

в погребенную почву, предположительно МИС 5. Общая мощность вскрытой толщи составила 6,7 м.

Стратиграфическое описание приводится по южной стенке раскопа 1 (рис. 1). Символы генетических горизонтов почв даны по Б.Г. Розанову [Розанов, 1983].

Слой 1, 0–22 см. Суглинок тяжелый, темно-серый, сухой, уплотнен, зернисто-комковатый, тонко среднепористый. Много ходов педофауны, дождевых червей и их копролитов. Корешки, кротовины 4 × 5 см с рыхлым материалом. Трещины усыхания до 10 см шириной, заполненные рыхлым материа-

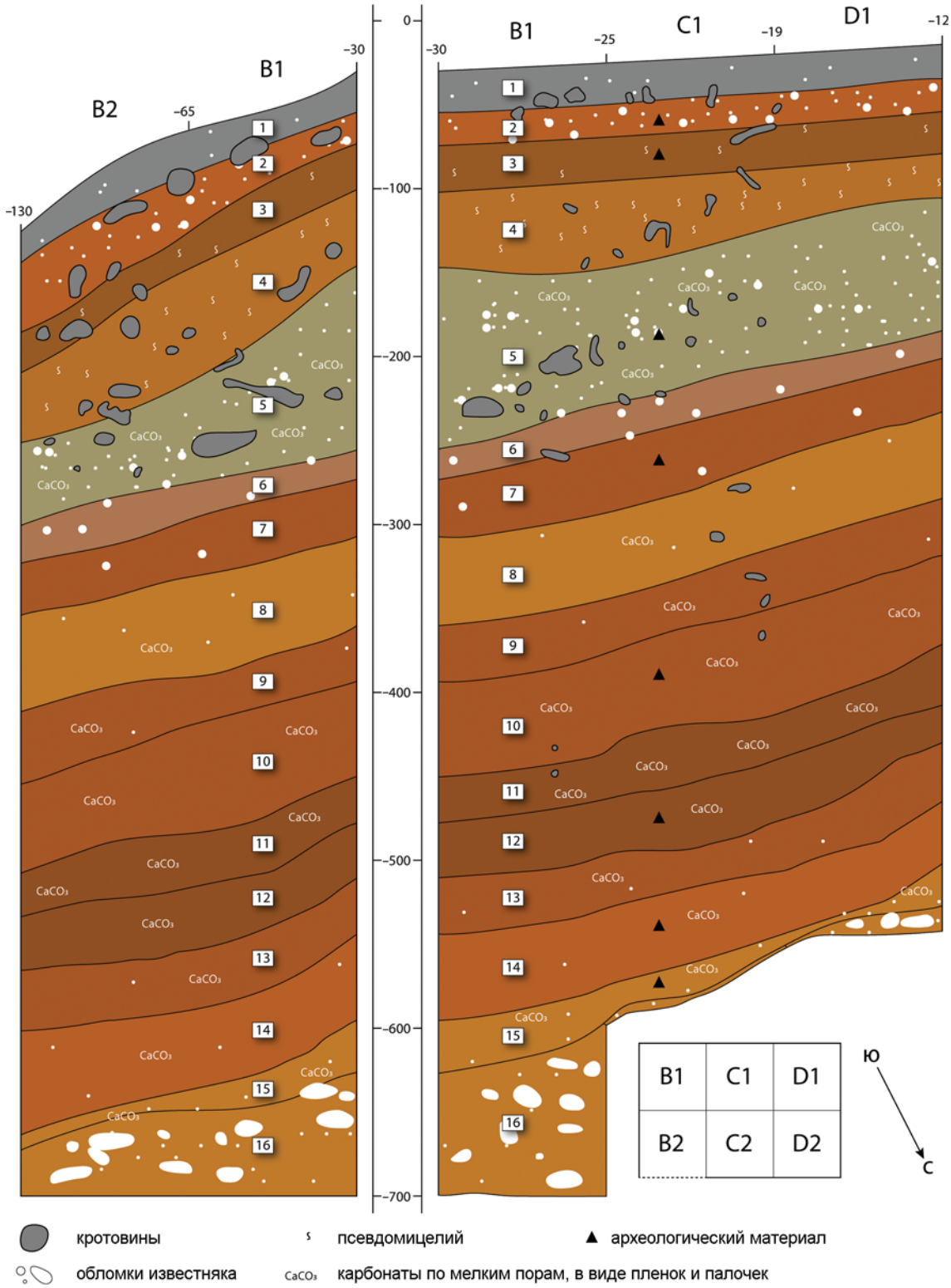


Рис. 1. Стратиграфический разрез раскопа 1 2022 г. стоянки Куксарай-2.

лом. Встречаются обломки известняка до 1 см. Горизонт Az современной почвы. Переход ясный по обломкам известняка.

Слой 2, 22–41 см. Суглинок тяжелый, светло-коричневый, сухой, более плотный, глыбисто-зернисто-комковатый, среднепористый. Ходы педофауны 0,3–0,5 см, много копролитов, кротовин. Много обломков известняка до 0,5 см и до 3–4 см. Трещины до 10 см шириной с рыхлым материалом без включений известняка. Горизонт Bcaz современной почвы. Переход ясный по известняку.

Слой 3, 41–70 см. Суглинок тяжелый, желтовато-коричневый, сухой, плотный, слабо пористый, глыбисто-комковатый. Много пустых ходов педофауны до 0,8 см, есть пустые ходы хрущей и чернотелок с копролитами. Включения корешков, отмечаются редкие кротовины, плотные камеры хрущей (биолиты) и продолжение трещин из вышележащего слоя. Карбонаты в виде псевдомицелия. Горизонт Bz. Переход постепенный.

Слой 4, 70–112 см. Суглинок средний-тяжелый, темно-желтый с коричневым оттенком, сухой, плотный, глыбисто-ореховато-комковатый. Много псевдомицелия, биолитов с твердыми стенками (в основном пустых), ходов педофауны до 0,8 см, кротовин. Горизонт BCcaz. Переход постепенный.

Слой 5, 112–221 см. Суглинок тяжелый, желтовато-белесый, сухой, плотный, слабо пористый. Много ходов педофауны 0,3–1,5 см, кротовин. Много $CaCO_3$ по порам и в виде пропитки, а также в виде обломков известняка 0,2–2 см. По простиранию скопления известняка не выдержаны (это свидетельствует о делювиальных процессах, образовавших локальные скопления известняка). В кротовинах рыхлый материал как с верхних горизонтов, так и с нижнего почвенного горизонта с коричневатым цветом и $CaCO_3$. Структура плохо выражена из-за сильной переработки педофауной и кротовинами. Горизонт Lcaz. Переход ясный по цвету.

Слой 6, 221–240 см. Суглинок тяжелый на грани с глиной серовато-коричневый, сухой, плотный, зернисто-ореховато-комковатый, слабо пористый. Много ходов педофауны до 0,8 см, единичные биолиты, есть кротовины (в основном с рыхлым материалом из нижележащих горизонтов) с $CaCO_3$. Обломки известняка до 2 см. Горизонт LBz. Переход заметный по цвету.

Слой 7, 240–272 см. Суглинок тяжелый на грани с глиной коричневый, свежий, плотный, слабо пористый, зернисто-комковатый. Кротовины с $CaCO_3$. Обломки известняка до 1–1,5 см. Ходов педофауны меньше, чем в вышележащем слое. Горизонт Bz. Переход заметный по цвету, структуре, плотности.

Слой 8, 272–337 см. Суглинок тяжелый, светло-коричневый с желтым оттенком, свежий, плотный, комковато-глыбистый, тонкослабопористый. Редкие точки $CaCO_3$, редкие конкреции до 0,6 см, есть кротовины до 5 см. Горизонт LBn. Переход постепенный.

Слой 9, 337–368 см. Суглинок тяжелый – глина, коричневый, плотный, глыбисто-комковатый, тонкослабопористый. Редкие точки $CaCO_3$, единичные конкреции до 0,5 см, есть кротовины. Горизонт Bn. Переход постепенный.

Слой 10, 368–428 см. Суглинок тяжелый – глина, коричневый, свежий, плотный, глыбисто-зернисто-комковатый, тонкослабопористый. $CaCO_3$ по мелким порам, конкреций нет. Горизонт Bm. Кротовины.

Слой 11, 428–456 см. Суглинок тяжелый, глинистый, темно-коричневый, увлажнен, менее плотный, тонкослабопористый, зернисто-комковатый. $CaCO_3$ по мелким порам больше, чем в вышележащем слое, конкреций нет. Кротовины. Горизонт Bmt. Переход постепенный.

Слой 12, 456–493 см. Суглинок тяжелый, глинистый, темно-коричневый, увлажнен, уплотнен, зернисто-комковатый, тонкослабопористый. $CaCO_3$ по мелким порам. Редкие радиолиты до 1–2 см, редкие кротовины. Горизонт Bt. Переход постепенный.

Слой 13, 493–530 см. Суглинок тяжелый, коричневый, увлажнен, уплотнен, тонкослабопористый, зернисто-комковатый. $CaCO_3$ по мелким порам, редкие конкреции до 0,6 см, редкие радиолиты до 2 см. Кротовины отсутствуют. Горизонт Bmtn. Переход постепенный.

Слой 14, 530–580 см. Суглинок тяжелый, светло-коричневый, увлажнен, уплотнен, тонкослабопористый, зернисто-комковатый. $CaCO_3$ по мелким порам и в виде редких конкреций до 1 см, радиолиты до 2 см. Горизонт Bmn. Переход заметный по цвету и $CaCO_3$.

Слой 15, 580–607 см. Суглинок тяжелый светло-коричневый с желтым оттенком, увлажнен, уплотнен, тонкослабопористый, зернисто-комковатый. $CaCO_3$ больше, чем в вышележащем слое, по порам и в виде мелких конкреций. Горизонт Bn. Переход резкий по крупным конкрециям до 30 см.

Слой 16, 607–670 см (вид.). Суглинок тяжелый, светло-коричневый с желтым оттенком, увлажнен, плотный, комковато-глыбистый, слабопористый. Обилие крупных, до 30 см длиной, и мелких, до 2 см, конкреций. Горизонт LBcan.

Археологический материал зафиксирован в восьми литостратиграфических позициях, общая численность коллекции – 91 предмет из кремнистых и не кремнистых пород.

Археологический материал зафиксирован в восьми литостратиграфических позициях, общая

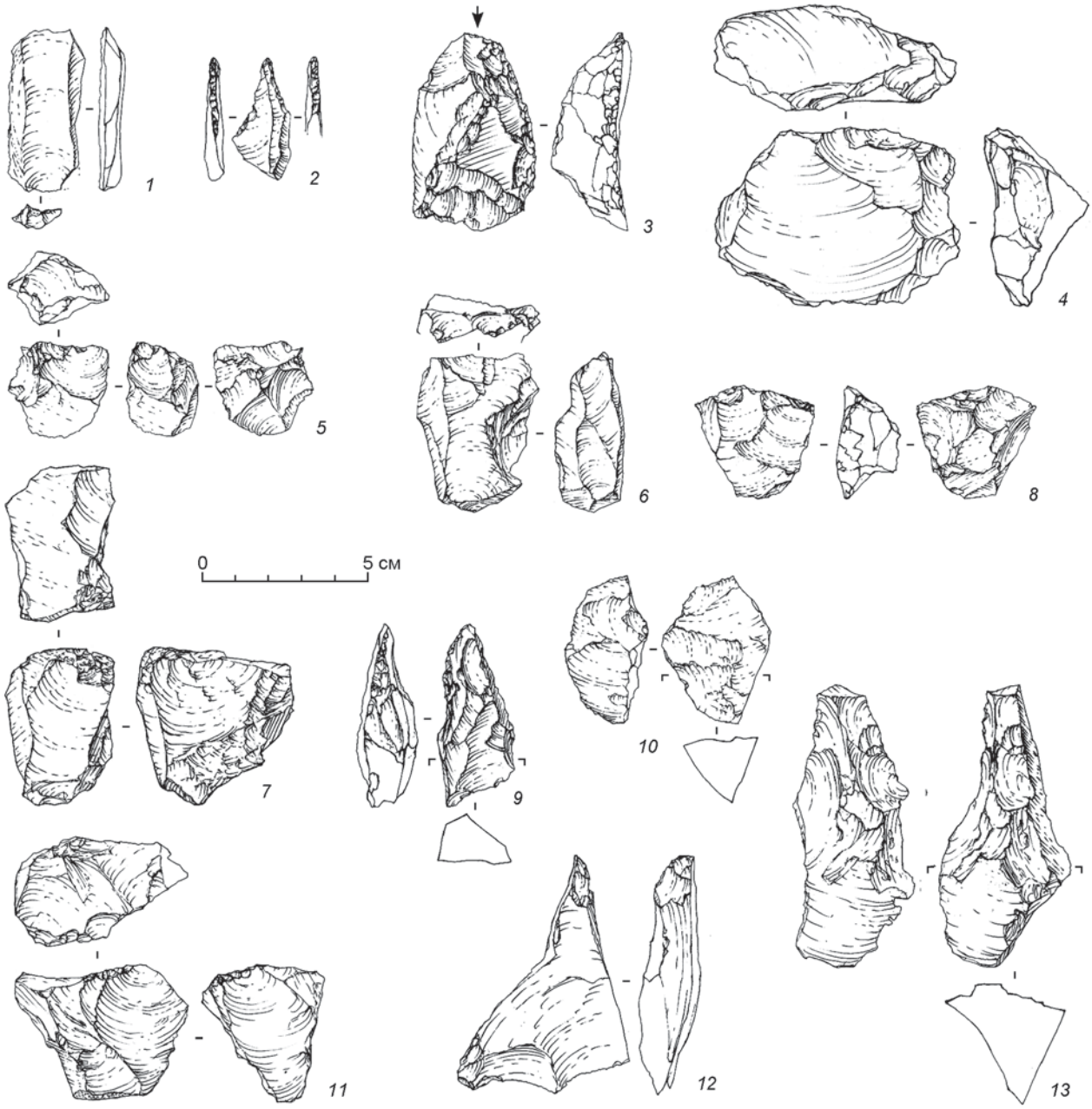


Рис. 2. Археологический материал стоянки Куксарай-2 из раскопа 1 2022 г.

1 – пластина; *2* – проколка; *3* – скребло (*1–3* – слой 2); *4* – радиальный нуклеус; *5* – дисковидный нуклеус (*4, 5* – слой 5); *6* – торцовый бипродольный нуклеус (слой 7); *7* – продольный смежный нуклеус; *8* – конвергентный нуклеус; *9* – остроконечник (*7–9* – слой 12); *10* – ортогональный смежный нуклеус; *11* – поперечный нуклеус; *12* – отщеп с ретушью; *13* – преформа орудия с двусторонней обработкой (*10–13* – слой 15).

численность коллекции – 91 предмет из кремнистых и не кремнистых пород.

Слой 2. Коллекция включает три предмета из кремня. Первый может быть определен как *debordant radial flake*. На его выпуклом крае, противолежащем обушку, имеется нерегулярная ретушь. Второе изделие представляет собой технический скол устранения дефектов на фронте радиального нуклеуса, третий предмет – чешуйка.

Слой 3. Коллекция насчитывает шесть изделий из кремня. Сколы-заготовки представлены правильно ограненной пластиной (рис. 2, *1*) и отщепом, полученным с радиального нуклеуса. Еще одна пластина с помощью мелкой крутой альтернативной ретуши была преобразована в проколку (рис. 2, *2*). Технический скол – *debordant radial flake* – выступил заготовкой для продольного выпуклого скребла, оформленного постоянной кру-

той дорсальной ретушью (рис. 2, *3*). Коллекцию дополняют два технологически неидентифицируемых отщепа (далее ТНО).

Слой 5. Было обнаружено 22 предмета. Два экземпляра нуклеусов представлены следующими разновидностями.

Радиальный нуклеус (рис. 2, *4*). Расщепление было организовано на вентральной поверхности массивного скола. Его остаточная ударная площадка была дополнительно подработана серией мелких поперечных сколов, вследствие чего приобрела слабовыпуклые очертания в плане. Аналогичным образом была подработана одна из боковых сторон. С этих поверхностей в центростремительном направлении была проведена серия мелких сколов. Так как вентральная поверхность скола изначально была уплощена, расщепление было прекращено в ранней стадии.

Дисковидный нуклеус в финальной стадии сработанности (рис. 2, *5*). Сколы с пропорциями мелких отщепов реализовывались в центростремительном направлении на каждой из сохранившихся поверхностей.

Центростремительная модель получения заготовок представлена также типичным сколом с радиального нуклеуса и характерным техническим сколом *debordant radial flake*.

В индустрии слоя также наличествует технологический компонент, связанный с пластинчатым и мелкопластинчатым производством: три фрагмента пластин с правильной однонаправленной огранкой; два краевых скола, один из которых имеет пропорции пластины; фрагмент полуреберчатого скола с пропорциями пластинки и фрагмент снятия этого типа.

Отходы производства представлены шестью ТНО, тремя обломками и двумя чешуйками.

Из всей коллекции только два предмета – ТНО и обломок – изготовлены из не кремневого сырья.

Слой 7. Коллекция слоя включает 24 каменных артефакта, которые отображают присутствие в индустрии тех же двух технологических компонентов: центростремительного и пластинчатого.

Первый представлен одним типичным целевым сколом с радиального нуклеуса и серией технических сколов: тремя снятиями типа *debordant radial flake* и одним сколом *technical flake*.

Пластинчатый компонент представлен двумя нуклеусами.

Торцовый продольный нуклеус. Заготовкой выступил массивный технический скол. С гладкой ударной площадки на торец изделия была проведена серия неудачных снятий. На неситуационный характер расщепления указывает тот факт, что основание нуклеуса было тщательно оформлено мелкими сколами на фронт и боковые стороны нуклеуса.

Торцовый бипродольный нуклеус (рис. 2, *6*). Снятие заготовок с пропорциями пластинок велось во встречном направлении с узкого торца заготовки. Перед тем, как нуклеус был оставлен, одна из площадок была преобразована в ребро мелкими поперечными сколами. Но так как угол противолежащей площадки с фронтом был тупым, с нее удалось реализовать только один скол, после чего расщепление было прекращено.

К этому компоненту относится и фрагмент правильно ограненной пластины.

Дополняют коллекцию первичный и вторичный сколы, семь ТНО (один из экземпляров отличается массивностью и Г-образной формой, его края несут следы нерегулярной функциональной ретуши), семь чешуек. Примечательно, что только два ТНО без следов ретуширования изготовлены из не кремневого сырья.

Слой 10. В общей сложности было обнаружено девять артефактов из кремня. Категория нуклевидных изделий представлена единственным малоинформативным фрагментом нуклеуса.

В индустрии сколов представлены формы, ассоциируемые с центростремительным расщеплением. В их числе типичный скол-заготовка с радиального нуклеуса и скол подправки фронта нуклеуса этого типа, который удалил значительную часть его поверхности. С этой стратегией традиционно соотносят и вторичные сколы, он наличествует в единственном экземпляре.

Пластинчатый компонент представлен единственным фрагментом пластинки.

Дополняют коллекцию три обломка.

Слой 12. Коллекция включает 11 экз. каменных изделий.

Нуклеусы представлены следующими типами.

Продольный смежный нуклеус (рис. 2, *7*). Выполнен из кремневого сырья. Заготовкой выступила брусковидная отдельность кремня. Снятие с пропорциями пластинчатого отщепа реализовано с узкой грани заготовки, с гладкой площадки. Второе снятие, ушедшее в залом, было реализовано с той же площадки по правой боковой стороне изделия.

Конвергентный нуклеус (рис. 2, *8*). Расщепление было организовано на вентральной поверхности массивного скола. Его остаточная ударная площадка была дополнительно подработана серией мелких поперечных сколов, вследствие чего она приобрела выпуклые очертания в плане. С площадки в конвергентном направлении было реализовано два скола с пропорциями отщепов.

В группе технологически информативных сколов присутствуют продукты центростремитель-

ного и пластинчатого расщепления: снятие типа *radial core debordant flake*, проксимальный фрагмент пластины.

Коллекцию дополняют вторичный отщеп из не кремневого сырья, два ТНО, два обломка и чешуйка.

Один из технологически неопределимых отщепов стал заготовкой для орудия, принципиально важного для понимания места индустрии Куксарая-2 в региональной шкале каменного века. Тейякский остроконечник (рис. 2, *9*) по расположению лезвия на протяженном дистальном окончании укороченного скола напоминает скребло сельунгурского типа [Krivoshapkin et al., 2020]. Однако в месте схождения лезвие с ударной площадкой образует острый кончик, на котором читается снятие, напоминающее резцовый скол. Оно могло возникнуть при ударе наконечника о твердую поверхность.

Слой 14. Коллекция слоя немногочисленна, насчитывает всего шесть предметов. Технологически значимые артефакты ассоциируются с центростремительной моделью расщепления: *radial core debordant flake*, *radial core debordant cortical flake*. Также в коллекцию входят первичный отщеп, два ТНО (один – из не кремневого сырья) и чешуйка.

Слой 15. Коллекция включает 10 артефактов из кремня, в их числе три нуклевидных изделия, одно из которых является неопределимым фрагментом. Также категория включает следующие предметы.

Ортогональный смежный нуклеус (рис. 2, *10*). Изделие в финальной стадии сработанности. На нем сохранились две независимые зоны расщепления. Сколы с морфологией округлых отщепов были реализованы со смежных поверхностей в ортогональном относительно друг друга направлении.

Поперечный нуклеус (рис. 2, *11*). Расщепление было организовано на дорсальной поверхности массивного скола. Одна из его боковых сторон мелкими поперечными сколами была преобразована в выпуклую ударную площадку, с которой в субпараллельном направлении реализовано несколько сколов с пропорциями отщепов.

В категории сколов представлен крупный скол подправки фронта радиального нуклеуса, три ТНО, два обломка и чешуйка.

Два технологически неопределимых отщепа имеют вторичную обработку.

Отщеп с ретушью (рис. 2, *12*). Острый кончик крупного фрагмента отщепа треугольной формы дополнительно приострен дорсальной чешуйчатой ретушью.

Фрагмент орудия. Вдоль продольного края скола сохранился небольшой участок регулярной крутой дорсальной ретуши.

Изделие, в соответствии с классификацией продуктов первичного расщепления определенное как обломок, является преформой орудия с двусторонней обработкой (рис. 2, *13*). Широкими чередующимися сколами на широкие поверхности было начато оформление лезвия орудия. Противоположная грань изделия представляет собой естественный обушок.

Несмотря на малочисленность коллекций, полученных в раскопе 1 стоянки Куксарай-2 в 2022 г., в большинстве случаев удалось определить основной технологический контекст каменных индустрий культурных слоев.

Коллекции слоев 14 и 15 в самом основании культурной последовательности стоянки представляются наиболее цельными в технологическом отношении за счет сочетания радиальной и простой плоскостной (с поперечной ориентацией ядрища) стратегий нуклеусного расщепления, направленного на получение отщепов, а также свидетельств использования двусторонней обработки при оформлении орудий.

К ним индустриально очень близки коллекции слоев 12 и 10, где однако найдены единичные пластинчатые снятия, явно выпадающие из общего контекста. Нельзя исключать, что их появление в этих слоях связано с деятельностью землероев. Присутствие в индустрии слоя 12 тейякского остроконечника, технология изготовления которого соответствует стандартам сельунгурской индустрии, задает направление для поиска аналогий индустриям всего объекта и особенно нижним его слоям.

В индустрии слоя 7 пластинчатый компонент представлен уже более явно как в категории нуклеусов, так и среди сколов. Учитывая компактное залегание артефактов в слое, сложно предположить, что серийное производство удлиненных заготовок не было изначальной составляющей технологического контекста индустрии. В вышележащих слоях 5 и 3 также прослеживается сочетание центростремительного и пластинчатого компонентов. Слой 2 не содержит продуктов пластинчатого производства, но это, видимо, связано с малой численностью коллекции.

Таким образом, установлено, что каменные индустрии из культурной последовательности стоянки Куксарай-2 демонстрируют сочетание центростремительного, простого плоскостного и пластинчатого расщепления в каменном производстве, с возрастающей ролью последнего от нижних культурных слоев к верхним. Ближайшим аналогом слоев 14 и 15, а также, с определенными оговорками, слоев 12 и 10, является выделенная на материалах пещеры Сельунгур одноименная инду-

стрия [Krivoshapkin et al., 2020], для которой свойственны следующие черты:

1) доминирование плоскостных нуклеусов, направленных на получение укороченных снятий в параллельном, радиальном и ортогональном направлениях, с соответствующим набором технических сколов;

2) ориентация на получение коротких массивных отщепов с крупными ударными площадками;

3) наличие бифасов, выполненных в плоско-выпуклой манере, и сколов их оформления;

4) наличие уникальных для региона орудийных типов (остриев типа тейяк, мустьерских стамесок, скребел сельунгурского типа).

Отличия заключаются в отсутствии выраженных бифасов и сколов их оформления, что, впрочем, в какой-то степени компенсируется наличием преформы орудия с двусторонней обработкой в слое 15.

Пластинчатый компонент индустрии Куксарая-2 не свойственен для технокомплекса Сельунгура. Он стабильно присутствует в культурной последовательности стоянки, начиная со слоя 7, и хорошо представлен в палеолите долины Ахангарана, в частности, в среднепалеолитических материалах стоянки Кульбулак и серии местонахождений с поверхностным залеганием находок [Павленок и др., 2018; Павленок и др., 2020]. Имеющееся для этого слоя возрастное определение: 68 ± 4,2 тыс. л.н. (GdTL-4171) [Pavlenok et al., 2022] помещает более ранние комплексы в хронологический контекст стадии МИС 5, что в целом коррелируется с оценкой верхней хронологической границы существования индустрии Сельунгура.

Перспектива обоснования нового для Западного Тянь-Шаня варианта среднепалеолитической индустрии, ранее не известного за пределами Ферганской долины, потребовала проведения в 2022 г. дополнительных полевых работ (см. статью Павленка К.К. и др. «Стоянка Куксарай-2 (раскоп 2): новые данные о индустрии с сельунгурскими чертами на Западном Тянь-Шане» в этом сборнике).

Благодарности

Раскопочные работы и стратиграфическое описание разрезов выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита»; технико-типологическое описание археологического материала выполнено при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Павленок Г.Д., Лелох М., Кот М., Павленок К.К., Когай С.А., Холматов А., Хужаназаров М., Шимчак К. Новые палеолитические местонахождения в долине Эрташсая (Западный Тянь-Шань) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 189–194.

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шимчак К., Хужиназаров М., Когай С.А. Поиски объектов палеолита в бассейне реки Ахангаран: история и современность // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2. – С. 153–166.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Лелох М., Якубчак М., Мухтаров Г., Холматов А., Кот М. Новые стратифицированные палеолитические местонахождения в долине р. Ахангаран (Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 209–215.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Хужаназаров М. Региональные истоки обирахматской традиции камнеобработки: новые материалы стоянки Кульбулак // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 24. – С. 3–22.

Розанов Б. Г. Морфология почв. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – 320 с.

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103.

Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Holmatov A., Szymczak K. New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan // Antiquity Project Gallery. – 2022. – Vol. 96. P. 1292–1300.

References

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quatern. Intern.,* 2020. Vol. 535. P. 88–103. doi: 10.1016/j.quaint.2018.09.051

Pavlenok G.D., Leloch M., Kot M., Pavlenok K.K., Kogai S.A., Kholmatov A., Khuzhanazarov M., Szymczak K. New Paleolithic sites in the Ertashsai Valley (Western Tien Shan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020.

Vol 26. P. 189–194. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.189-194

Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Holmatov A., Szymczak K. New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan. *Antiquity Project Gallery,* 2022. Vol. 96. P. 1292–1300. doi: 10.15184/aqy.2022.99

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shimchak K., Khuzhinazarov M., Kogai S.A. Searching of the Paleolithic sites in the Akhangaran river valley: history and our time. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2019. N 2. P. 153–166. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai (2019)2(26).-11

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Khuzhanazarov M. Regional sources of the Obirakhmatian: new data from Kulbulak site. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2018. Vol. 24. P. 3–22. (In Russ.). doi: 10.26516/2227-2380.2018.24.3

Pavlenok K., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Leloch M., Jakubczak M., Muhtarov G., Holmatov A., Kot M. New stratified Paleolithic sites in Akhangaran valley (Uzbekistan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol 27. P. 209–215. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0209-0215

Rozanov B.G. Morphology of soils. – M.: Moscow State Univ. Press, 1983. – 320 p.

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875
Таратунина Н.А. https://orcid.org/0000-0002-1479-8805
Петржик Н.М. https://orcid.org/0000-0003-4900-9236
Юдин И.А. https://orcid.org/0000-0003-2367-3315
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0238-0245
УДК 902(575.1)″6323″

К.К. Павленок[1], С.А. Когай[1]✉, П.М. Сосин[2], А.С. Деревнина[3], Н.А. Таратунина[4, 5], Н.М. Петржик[5, 6], И.А. Юдин[3], Г.А. Мухтаров[7], С.С. Турсунов[7]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[5]Институт географии РАН
Москва, Россия
[6]Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН
Москва, Россия
[7]Национальный центр археологии АН РУ
Ташкент, Узбекистан
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Стоянка Куксарай-2 (раскоп 2): новые данные об индустрии с сельунгурскими чертами в Западном Тянь-Шане

В статье приводятся данные, полученные в ходе полевых раскопочных работ 2022 г. в восточном Узбекистане на стоянке Куксарай-2 (материалы раскопа 2). Раскоп 2 был заложен на оползневом склоне восточной экспозиции, на вскрытой оползнем палеопочве, для верификации данных, полученных при исследовании культурной последовательности в раскопе 1. Во вскрытой последовательности почвенных горизонтов общей мощностью до 5 м была зафиксирована коллекция каменных артефактов (112 экз.) в шести стратиграфических позициях. Три нижних культуросодержащих слоя – 7, 8 и 9 – содержат в целом однородный комплекс, для которого характерны: доминирование плоскостной концепции расщепления камня, направленной на получение заготовок с пропорциями отщепов в параллельном и радиальном направлениях; орудия с двусторонней обработкой рабочего края; выемчатые орудия со специфической «сельунгурской» ретушью. В вышележащем культуросодержащем слое 6 появляется и преобладает пластинчатый компонент (торцовые нуклеусы, специфические технические сколы). Таким образом, получило принципиальное подтверждение наблюдение, сделанное на материалах раскопа 1, о сочетании в индустриях стоянки Куксарай-2 центростремительного, простого плоскостного («сельунгурского») и пластинчатого расщепления в каменном производстве, с возрастающей ролью последнего от нижних культурных слоев к верхним. Однако эта динамика не получила развития в индустрии слоя 4, что позволяет предложить поочередное присутствие носителей разных традиций камнеобработки на стоянке взамен «эволюционной» модели, в рамках которой предполагалось постепенное обогащение «сельунгурских» комплексов пластинчатым компонентом. Для корреляции стратиграфических разрезов раскопов 1 и 2 между собой, детальной реконструкции палеоэкологических обстановок в регионе в середине верхнего плейстоцена и полноценной корреляции обнаруженных материалов с индустрией пещеры Сельунгур были отобраны образцы для физико-химического, микроморфологического анализа и ОСЛ-датирования.

Ключевые слова: *верхний палеолит, средний палеолит, каменная индустрия, сельунгурский технокомплекс, Западный Тянь-Шань*.

K.K. Pavlenok[1], S.A. Kogai[1]✉, P.M. Sosin[2], A.S. Derevnina[3], N.A. Taratunina[4, 5], N.M. Petrzhik[5, 6], I.A. Yudin[3], G.A. Mukhtarov[7], S.S. Tursunov[7]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology of the NAS RT
Dushanbe, Tajikistan
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[5]Institute of Geography of the RAS
Moscow, Russia
[6]A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the RAS
Moscow, Russia
[7]National Center of Archaeology of the AS RU
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Kuksaray-2 Site (Excavation 2): New Data on Sel'Ungur-Like Industry in Western Tien Shan

The article provides data obtained during 2022 field excavations at the Kuksaray-2 site (materials from excavation 2) in the eastern Uzbekistan. Excavation 2 was made to verify data obtained during the study of the cultural sequence in excavation 1. A collection of lithic artifacts (112 pieces) was recorded in six stratigraphic positions in the sedimentation sequence up to 5 m thick. The three lower cultural layers—7, 8, and 9—contain a generally homogeneous complex characterized by: predominance of the planar concept of primary knapping aimed at obtaining flakes in parallel and radial directions; tools with double-sided processing of the working edge; notched tools with a specific Sel'Ungur retouch. In overlying layer 6, a blade component appears and predominates (narrow-faced cores, specific technical spalls). Thus, the observation made on the materials of excavation 1 on the combination of centripetal, simple planar (Sel'Ungur) and blade knapping in lithic production, with an increasing role of the latter from the lower cultural layers to the upper ones, received fundamental confirmation. However, such dynamics was not developed in the industry of layer 4, which allows suggesting the alternating presence of carriers of different lithic production traditions at the site instead of the "evolutionary" model, which assumed gradual enrichment of the Sel'Ungur complexes with a blade component. To correlate the stratigraphic cross-sections of excavations 1 and 2 with each other, to provide a detailed reconstruction of the paleoecological conditions in the region in the Middle Upper Pleistocene, and to correlate the discovered materials with the Sel'Ungur cave industry completely, samples were taken for micromorphological analysis and OSL dating.

Keywords: *Upper Paleolithic, Middle Paleolithic, lithic industry, Sel'Ungur technological complex, Western Tien Shan*.

В результате полевых раскопочных работ на стоянке Куксарай-2 (Западный Тянь-Шань, Узбекистан) в 2022 г. на базе раскопа 1 были выявлены два технологических варианта (см. статью Павленка К.К. и др. «Открытие индустрии с сельунгурскими чертами на Западном Тянь-Шане: стоянка Куксарай-2 (раскоп 1)» в этом сборнике). Первый, более древний, характеризуется радиальной и простой плоскостной стратегией первичного расщепления, направленного на получение отщепов, использованием двусторонней обработки при оформлении орудий, наличием специфических орудийных форм (тейякский остроконечник). Эти признаки присущи сельунгурской индустрии, которая до настоящего времени не фиксировалась в долине р. Ахангаран [Krivoshapkin et al., 2020]. Второй технологический вариант, содержащийся в вышележащих отложениях раскопа 1, сочетает в себе пластинчатую (в т.ч. мелкопластинчатую) и отщеповую (в центростремительном варианте плоскостного расщепления) направленность каменного производства, что широко представлено в палеолитических комплексах долины Ахангарана [Павленок и др., 2018; 2020]. Для верификации полученных при исследовании культурной последовательности в раскопе 1 данных, в 65 м на северо-запад от раскопа 1 был трассирован раскоп 2 площадью 21 м^2 (3 × 7 м). В результате была вскрыта толща палеопочвы (МИС 5) общей мощностью 5 м.

Стратиграфическое описание приводится по восточной стенке раскопа 2 (рис. 1).

Слой 1, 0–84 см. Это толща голоценовой сильно смытой почвы слабо дифференцирована на генетические горизонты. Низ почвы практически лежит на погребенной почве без лессового перехода. Это свидетельствует о том, что субаэральные отложения МИС 4–2, соответствующие последнему ледниковому периоду, смыты, и голоценовая почва формируется на остатках лесса МИС 4, перекрывающих первый педокомплекс МИС 5. Суглинок тяжелый, темно-серый, сухой, уплотнен, зернисто-комковатый, тонко среднепористый. Много ходов педофауны, дождевых червей и их копролитов. Корешки, кротовины 4 × 5 см с рыхлым материалом. Трещины усыхания до 10 см шириной, заполненные рыхлым материалом. Встречаются обломки известняка до 1 см. Условный горизонт А современной почвы. Переход ясный по карбонатным конкрециям.

Слой 2, 84–140 см. Это верхний горизонт палеопочвы (заключительная фаза перехода межледниковья к оледенению). На ней формировалась голоценовая почва (0–84 см). Суглинок тяжелый, светло-коричневый с желтым оттенком, сухой, уплотнен, тонкослабопористый, комковато-глыбистый. Редкие точки $CaCO_3$, твердые конкреции $CaCO_3$ по кротовинам. Горизонт LBn. Переход ясный.

Слой 3, 140–166 см. Суглинок тяжелый – глина, коричневый, свежий, тонкослабопористый, уплотнен, глыбисто-зернисто-комковатый. $CaCO_3$ по мелким порам и в конкрециях до 2 см. Кротовины. Горизонт Bn. Переход постепенный.

Слой 4, 166–229 см. Суглинок тяжелый – глина, темно-коричневый, увлажнен, более плотный, тонкослабопористый, зернисто-комковатый. Редкие точки $CaCO_3$, конкреции до 2 см. Радиолиты до 0,6 см. Кротовины. Горизонт Bmn. Переход постепенный.

Слой 5, 229–258 см. Глина, темно-коричневый, увлажнен, более плотный, тонкослабопористый, комковатый. Редкие конкреции $CaCO_3$ до 2 см. Кротовины с рыхлым материалом. Радиолиты до 1,5 см. Горизонт Bn. Переход ясный.

Слой 6, 258–290 см. Суглинок тяжелый – глина, светло-коричневый, плотный, тонкослабопористый, комковато-глыбистый. Много $CaCO_3$ по порам, относительно много конкреций до 5 см, редкие фито поры. Горизонт LBcan.

Слой 7, 290–330 см. Суглинок тяжелый – глина, коричневый, тусклый, свежий, плотный, тон-

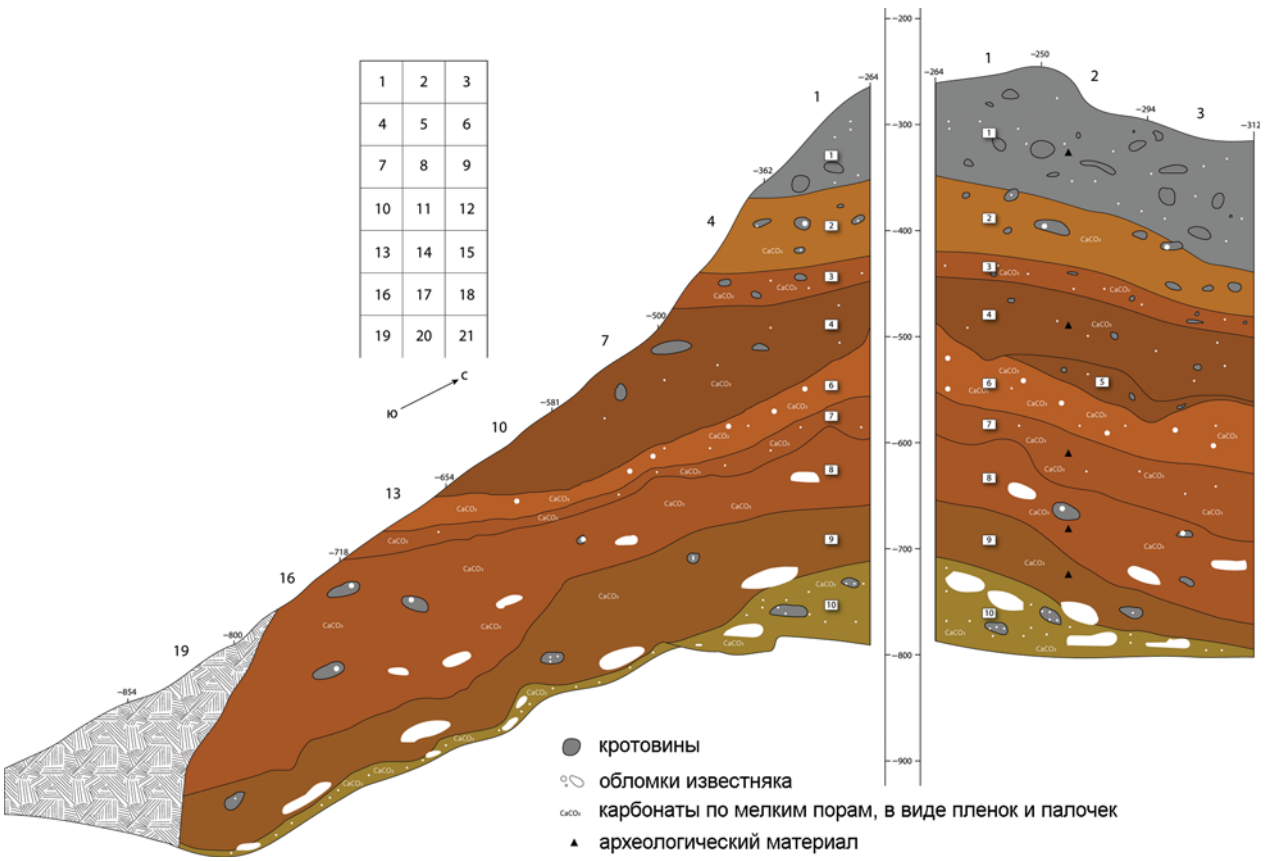


Рис. 1. Стратиграфический разрез раскопа 2 2022 г. стоянки Куксарай-2.

кослабопористый, комковато-глыбистый. Много $CaCO_3$ по мелким порам, мелкие конкреции до 1,0–1,5 см. Горизонт Bcan. Переход постепенный по цвету и ясный по конкрециям.

Слой 8, 330–405 см. Суглинок тяжелый, коричневый, тусклый, свежий, слабо опесчанен, глыбисто-комковатый, менее плотный. Много фитопор с бурыми стенками. Радиолиты до 2,5 см. $CaCO_3$ по мелким порам (меньше, чем в вышележащем слое), очень много конкреций до 5 см по кротовинам, много $CaCO_3$ в скоплениях землероев до 30 × 12 см белого цвета, не очень твердые. Горизонт B_2can. Переход постепенный.

Слой 9, 405–444 см. Суглинок тяжелый, коричневый с желтым оттенком, опесчанен, увлажнен, тонкослабопористый, менее плотный. Очень мало $CaCO_3$ по порам, но много по кротовинам и в камерах землероев до 30 см длиной. Горизонт B_3can. Переход постепенный по цвету.

Слой 10, 444–498 см (вид.). Суглинок тяжелый, темно-желтый, увлажнен, плотный, тонкослабопористый, глыбистый. Обилие мелких конкреций до 1,0–1,5 см, крупных конкреций до 30 см (как и в вышележащем слое). Много кротовин, в основном горизонтальных, с коричневым материалом сверху, в кротовинах встречаются мелкие, до 1 см, конкреции. $CaCO_3$ по порам. Горизонт LBcan.

Археологический материал зафиксирован в шести литостратиграфических позициях, общая численность коллекции – 112 предметов из кремнистых и не кремнистых пород.

Слой 1. Включает два предмета из кремня, которые возможно соотнести с центростремительной стратегией получения заготовок: *radial core debordant flake* и *technical flake*. Данные изделия определенно принадлежат эпохе палеолита и изначально они не были связаны с толщей отложений периода голоцена. Это указывает, что голоценовая почва формировалась уже на эродированной поверхности, которая является более древней и по возрасту не соотносится с возрастом начала голоцена.

Слой 4. Коллекция слоя насчитывает 17 предметов, ассоциируемых с центростремительным расщеплением. *Radial core debordant flake* (2 экз.) изготовлены на кремневом и не кремневом сырье. К категории технических сколов также принадлежат два первичных отщепа из кремня и пять вторичных сколов, из которых кремневый только один. Серией (4 экз.) представлены технологически неидентифицируемые отщепы (далее ТНО), два из которых выполнены на кремне.

Особенностью индустрии является использование в качестве преформ для орудий отдельностей породы, которые согласно классификации продуктов первичного расщепления были определены как обломки (3 экз.). В двух случаях процесс изготовления орудий был прекращен в самом начале – обломки, один из которых из кремня, несут единичные параллельные (1 экз.), либо ортогональные (1 экз.) оформляющие снятия. Третий обломок из кремневого сырья сильно модифицирующей отвесной двухрядной ретушью был преобразован в скребло *déjeté*.

Дополняет коллекцию единственная чешуйка из кремня.

Слой 6. Коллекция слоя включает девять артефактов. Она отражает присутствие в индустрии двух компонентов: центростремительного и пластинчатого.

В категории нуклевидных изделий представлены следующие предметы.

Торцовый продольный нуклеус (рис. 2, *1*). Фронт нуклеуса расположен на узкой боковой грани кремневого изделия, имеет подтреугольную форму, которая придана ему искусственно с помощью скола в основании. Ударная площадка двухгранная, один из сколов ее оформления реализован с боковой стороны нуклеуса. С нуклеуса снимались сколы с пропорциями мелких пластин и пластинок.

Торцовый бипродольный нуклеус (рис. 2, *2*). Фронт нуклеуса организован на узкой стороне брусковидной отдельности кремня. Снятие пластинчатых сколов велось во встречном направлении с двух гладких площадок. Их угол с фронтом близок к прямому. На тыльной поверхности нуклеуса односторонними поперечными сколами оформлено ребро.

Кремневая галька со сколом апробации.

К центростремительной стратегии расщепления камня были отнесены два изделия типа *radial core debordant flake* из кремня, а также скол удаления дефектов с фронта радиального нуклеуса из не кремневого сырья.

Два других технических скола из кремня соотносятся с пластинчатой технологией: продольный краевой скол и фрагмент вторичной пластины.

Слой 7. Было обнаружено всего пять артефактов. Заготовкой продольного выпуклого скребла выступил скол типа *radial core debordant flake* из не кремневого сырья (рис. 2, *3*). Лезвие орудия оформлено дорсальной крутой чешуйчатой ретушью. Второй скол этого типа выполнен из кремня и не имеет вторичной обработки. Вторичные сколы представлены отщепом из не кремневого сырья и кремневым снятием с пропорциями пластинки. Дополняет коллекцию обломок из не кремневого сырья.

Слой 8. В коллекции слоя 41 артефакт. Категория нуклевидных изделий включает пять предметов.

Дисковидный нуклеус (рис. 2, *4*). Изделие в финальной стадии сработанности, выполнено из кремня. Сколы с пропорциями мелких отщепов реализо-

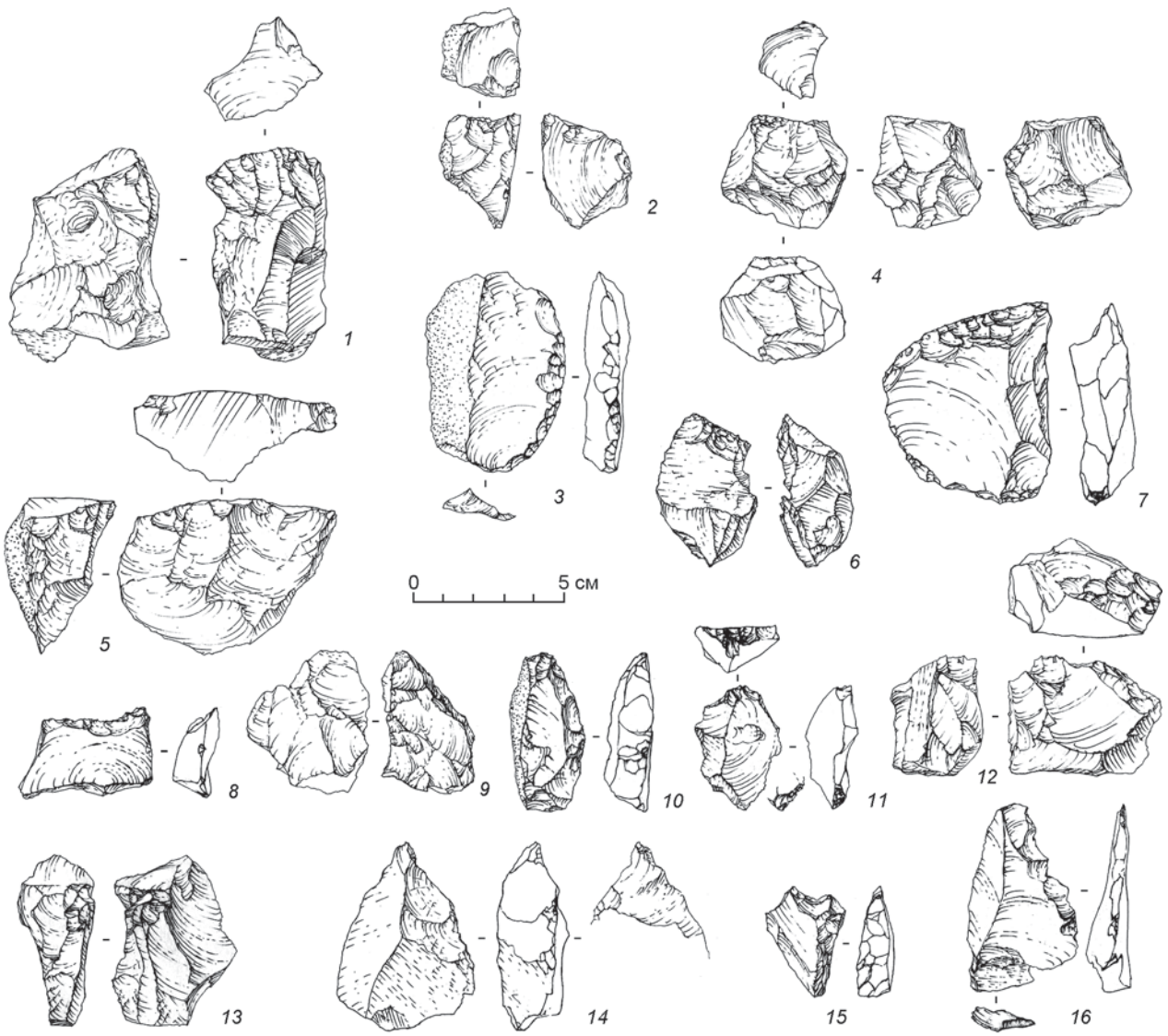


Рис. 2. Археологический материал стоянки Куксарай-2 из раскопа 2 2022 г.

1 – торцовый продольный нуклеус; *2* – торцовый бипродольный нуклеус (*1, 2* – слой 6); *3* – скребло (слой 7); *4* – дисковидный нуклеус; *5* – поперечный нуклеус; *6* – торцовый нуклеус для пластинок; *7* – скребло; *8* – скребло сельунгурского типа; *9* – скребло высокой формы; *10* – скребло; *11* – атипичный скребок (*4–11* – слой 8); *12* – поперечный нуклеус; *13* – нуклеус-резец; *14* – преформа орудия с двусторонней обработкой; *15* – выемчатое орудие; *16* – отщеп с ретушью.

вывались в центростремительном направлении на каждой из сохранившихся поверхностей.

Поперечный нуклеус (рис. 2, *5*). Получение отщепов велось вдоль короткой оси с вентральной поверхности массивного первичного скола из не кремневого сырья со стороны остаточной ударной площадки.

Торцовый нуклеус для пластинок (рис. 2, *6*). В основании кремневого изделия сохранился фрагмент основания фронта нуклеуса, приостренного боковыми сколами, с четкими негативами снятия правильных пластинок. После разрушения нуклеуса из-за внутреннего дефекта породы (каверна), он был переоформлен в скребло высокой формы. Ни по применяемым техническим приемам, ни по сырью (тонкий коричневый кремень) данный предмет не соответствует общему контексту индустрии.

Два оставшихся предмета этой категории представляют собой кремневую гальку с единичным сколом апробации и фрагмент кремневого нуклеуса.

Технологически определимые технические сколы типа *radial core debordant flake* из кремня и скол устранения дефектов на фронте радиального нуклеуса из не кремневого сырья принадлежит центростремительной модели расщепления камня.

Типичные целевые сколы с радиальных нуклеусов представлены семью экземплярами. Все, за исключением одного предмета, выполнены из кремня. Он послужил основой для поперечного

скребла, лезвие которого оформлено в дистальной части скола двухрядкой крутой дорсальной ретушью (рис. 2, *7*).

Еще одно орудие на целевом сколе с радиального нуклеуса является важным культурным маркером (рис. 2, *8*). Лезвие скребла оформлено регулярной среднеразмерной крутой вентральной ретушью на протяженном дистальном окончании укороченного скола. Такая манера оформления орудий в региональном палеолитоведении соотносится с сельунгурской традицией камнеобработки (одна из «неклассических» разновидностей скребел сельунгурского типа) [Krivoshapkin et al., 2020].

Из общего технологического контекста индустрии выпадает единственная пластина из не кремневого сырья, представленная проксимально-медиальным фрагментом.

В коллекции сколов группами представлены первичные и вторичные снятия с пропорциями отщепов. Первичных сколов – четыре экземпляра, три из которых выполнены из кремня. Два изделия были преобразованы в орудия.

Преформа орудия с двусторонней обработкой. Массивная естественная ударная площадка скола выполняет роль обушка. Дистальное окончание и одну из боковых сторон укороченного скола занимают фасетки крупной чередующейся ретуши, формирующие ломаный зигзагообразный контур рабочего края.

Скребло высокой формы (рис. 2, *9*). Лезвие организовано на массивной ударной площадке массивного скола серией снятий со стороны вентральной поверхности. В региональном контексте подобное оформление орудий является одной из устойчивых черт сельунгурской индустрии [Krivoshapkin et al., 2020].

Вторичных сколов также четыре, из них половина выполнена из кремня. Один из сколов является краевым и послужил заготовкой продольного выпуклого скребла, оформленного дорсальной крутой чешуйчатой ретушью (рис. 2, *10*).

Коллекцию дополняют шесть ТНО, четыре из которых изготовлены из кремня; пять обломков (три из кремня); три отдельности горных пород (одна кремневая) и три кремневые чешуйки.

Один из обломков с помощью мелкой заломистой ретуши преобразован в двойной альтернативный атипичный скребок с прямым и выпуклым рабочими краями (рис. 2, *11*).

Слой 9. Коллекция слоя включает 38 артефактов. В категорию нуклевидных изделий включены следующие предметы.

Ортогональный нуклеус. Изделие на обломке кремня. Площадки не демонстрируют специального оформления. Снятия, реализованные под прямым углом друг к другу, имеют пропорции отщепов. Вогнутый фронт стал препятствием дальнейшей утилизации нуклеуса.

Поперечный нуклеус (рис. 2, *12*). Получение отщепов велось вдоль короткой оси кремневого изделия с грубо оформленной зигзагообразной площадки.

Нуклеус-резец (рис. 2, *13*). С боковой стороны проксимально-медиального фрагмента массивной кремневой пластины со стороны гладкой остаточной ударной площадки снято два удлиненных скола. Нижняя часть противоположной стороны предмета дополнительно приострена поперечным сколом, видимо с аккомодационными целями. К этой категории также относятся две брусковидные отдельности не кремневого сырья с единичными сколами апробации.

В категории технических сколов сериями представлены изделия, связанные с центростремительной моделью расщепления камня. Единственным исключением является продольно-фрагментированная краевая кремневая пластина, которая, видимо, является одним из побочных продуктов при пластинчатом производстве. Изделия типа *radial core debordant cortical flake* представлены тремя экземплярами, только один из которых выполнен из кремня. Один из предметов несет легкую дорсальную ретушь по продольному краю. Таким же количеством изделий представлены сколы типа *radial core debordant flake*, два предмета изготовлены из кремневого сырья.

Единственный в коллекции *technical flake*, технологически связанный с оформлением ударной площадки радиального нуклеуса, выполнен не из кремня. Также представленный в одном экземпляре кремневый первичный скол выступил в роли преформы орудия с двусторонней обработкой. Широкими сколами на дорсальную и вентральную поверхность было начато оформление лезвия орудия. Противоположная грань изделия представляет собой естественный обушок. Из пяти вторичных сколов только два выполнены из кремня.

Единственное технологически определимое целевое снятие представляет собой кремневый скол с радиального нуклеуса. Остальные десять отщепов (все, кроме одного, выполнены из кремня) принадлежат к категории ТНО. Изделия этой категории чаще всего выступали заготовками для орудий.

Преформа орудия с двусторонней обработкой (рис. 2, *14*). Оформление лезвия орудия было начато широкими сколами на дорсальную и вентральную поверхность. Противоположная грань изделия представляет собой естественный обушок.

Фрагмент орудия с двусторонней обработкой. Основная обработка производилась на вентраль-

ной поверхности уплощающими сколами в комбинации с мелкой ретушью. На дорсальной поверхности читается единственный уплощающий скол, с которого и производилась мелкая подправка ретушированием.

Атипичный скребок высокой формы. Ломанный контур протяженного лезвия скребка сформирован дорсальной отвесной чешуйчатой ретушью.

Выемчатые орудия – два экземпляра. В одном случае выемки оформлены характерной для мустьерских стамесок уплощающей крупной двухрядной ретушью, но обработка распространена только на дорсальную сторону заготовки. На втором изделии выемка оформлена отвесной дорсальной ретушью в дистальной части скола (рис. 2, *15*).

Отщеп с ретушью (рис. 2, *16*). Уплощающие фасетки дорсальной ретуши вдоль правого продольного края сформировали зубчатый контур рабочего края.

Дополняют археологическую коллекцию слоя четыре обломка (три из них кремневые) и три кремневые чешуйки.

Предварительные результаты анализа коллекции раскопа 1 Куксарая-2 указали на присутствие в индустрии стоянки двух, видимо, разнокультурных компонентов – более раннего, схожего с индустрией пещеры Сельунгур (согласно опубликованным данным), прежде не известного в регионе, и более позднего пластинчатого, который может считаться автохтонным для долины р. Ахангаран. Анализ состава коллекций слоев раскопа 2 позволил детализировать эту картину.

Наиболее древний комплекс из слоя 9 демонстрирует доминирование плоскостной концепции расщепления камня, направленной на получение отщепов в параллельном и радиальном направлениях, с соответствующим набором технических сколов. Серийно представлены орудия с двусторонней обработкой рабочего края. Они не могут быть типологически определены как бифасы, но дают прямое указание на то, что прием двусторонней обработки входил в технологический репертуар обитателей стоянки во время формирования слоя. Типологический спектр орудий обогатился выемчатыми орудиями, в т.ч. со специфической «сельунгурской» ретушью [Krivoshapkin et al., 2020] и атипичным скребком высокой формы. Присутствующие нуклеус-резец и пластина не соответствуют общему контексту индустрии.

Состав коллекции слоя 8 показывает на продолжение бытования той же традиции камнеобработки (поперечное параллельное и дисковидное расщепление) с «мерцательным присутствием» пластинчатого компонента (торцовый нуклеус для пластинок, единственная пластина). Орудийный набор включает новые типы: разнообразные скребла, в т.ч. изделие сельунгурского типа и скребло высокой формы, двойной альтернативный атипичный скребок. Последнее изделие в силу альтернативного характера вторичной обработки представляется органичным элементом «сельунгурского» орудийного набора.

Немногочисленная коллекция слоя 7 в целом соответствует «не пластинчатому» контексту, если не принимать во внимание единственный скол с пропорциями пластинки.

Слой 6 демонстрирует присутствие в индустрии двух компонентов: центростремительного и пластинчатого, с заметным преобладанием последнего (торцовые нуклеусы, специфические технические сколы). В этом контексте примечательно, что вышележащий слой 4 отражает бытование плоскостной не пластинчатой традиции камнеобработки. Его яркой чертой является использование в качестве заготовок для орудий разнообразных обломков.

Таким образом, материалы из раскопа 2 стоянки Куксарай-2 в целом хорошо соотносятся с результатами, полученными ранее при изучении коллекции раскопа 1. Получило принципиальное подтверждение наблюдение о сочетании в индустриях объекта центростремительного, простого плоскостного («сельунгурского») и пластинчатого расщепления в каменном производстве, с возрастающей ролью последнего от нижних культурных слоев к верхним. Однако эта динамика не получила развития в индустрии слоя 4, что позволяет предложить поочередное присутствие носителей разных традиций камнеобработки на стоянке взамен «эволюционной» модели, в рамках которой предполагалось постепенное обогащение «сельунгурских» комплексов пластинчатым компонентом.

Дальнейшее прояснение этих ключевых вопросов станет возможным после получения серии определений абсолютного возраста отложений, корреляции стратиграфических разрезов между собой, детальной реконструкции палеоэкологических обстановок в регионе в середине верхнего плейстоцена и полноценной корреляции обнаруженных материалов с индустрией пещеры Сельунгур. Интеграция этих данных в существующие представления позволит совершенно по-иному оценить культурную динамику среднего палеолита в бассейне Ахангарана и в целом на западе Центральной Азии.

Благодарности

Раскопочные работы и стратиграфическое описание разрезов выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком

Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита»; технико-типологическое описание археологического материала выполнено при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Павленок Г.Д., Лелох М., Кот М., Павленок К.К., Когай С.А., Холматов А., Хужаназаров М., Шимчак К. Новые палеолитические местонахождения в долине Эрташсая (Западный Тянь-Шань) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.– 2020. – Т. 26. – С. 189–194.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Хужаназаров М. Региональные истоки обирахматской традиции камнеобработки: новые материалы стоянки Кульбулак // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 24. – С. 3–22.

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103.

References

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quatern. Intern.,* 2020. Vol. 535. P. 88–103. doi: 10.1016/j.quaint.2018.09.051

Pavlenok G.D., Leloch M., Kot M., Pavlenok K.K., Kogai S.A., Kholmatov A., Khuzhanazarov M., Szymczak K. New Paleolithic sites in the Ertashsai Valley (Western Tien Shan). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol 26, P. 189–194. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.189-194

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Khuzhanazarov M. Regional sources of the Obirakhmatian: new data from Kulbulak site. *Bulletin of the Irkutsk State Univ.. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2018. Vol. 24. P. 3–22. (In Russ.). doi: 10.26516/2227-2380.2018.24.3

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875
Таратунина Н.А. https://orcid.org/0000-0002-1479-8805
Петржик Н.М. https://orcid.org/0000-0003-4900-9236
Юдин И.А. https://orcid.org/0000-0003-2367-3315

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0246-0250
УДК 569.4+903.32

В.В. Росина[1]✉, А.К. Агаджанян[1], М.Б. Козликин[2]✉, М.В. Шуньков[2]

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rossina@mail.ru; kmb777@yandex.ru

Рукокрылые (Chiroptera, Mammalia) из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры

В статье представлены результаты изучения новой коллекции костных остатков рукокрылых из плейстоценовых слоев Денисовой пещеры на северо-западе Алтая. Определено более 1,5 тыс. костей летучих мышей из отложений восточной галереи пещеры. Установлено присутствие 10 видов рукокрылых из семейства Vespertilionidae. Среди них самыми многочисленными оказались Myotis blythii и Plecotus sp. Далее в порядке убывания по общей численности следуют кости M. aff. dasycneme и Eptesicus sp. (cf. nilsonii). Впервые в плейстоценовой толще пещеры были обнаружены остатки E. cf. serotinus, найденные в средней и нижней части плейстоценовых отложений восточной галереи. Представители этого вида в настоящее время не обитают на территории Алтая. Их остатки свидетельствуют, скорее всего, о благоприятных климатических условиях во времена накопления вмещающих осадков. В целом новые материалы по рукокрылым из Денисовой пещеры существенно дополняют имеющиеся данные по фаунистическому составу плейстоценовых сообществ летучих мышей Алтая, а также свидетельствуют о динамике в составе населения рукокрылых на протяжении второй половины среднего и в верхнем плейстоцене. Результаты анализа сообщества рукокрылых из восточной галереи хорошо согласуются с картиной развития природной среды в окрестностях пещеры, полученной по результатам палеоботанических исследований и данных изучения разных групп наземных мелких млекопитающих. Кроме того, новые данные о плейстоценовых летучих мышах важны для понимания закономерностей развития фауны и отдельных таксонов рукокрылых на Алтае в позднечетвертичное время.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, летучие мыши.*

V.V. Rosina[1]✉, A.K. Agadzhanian[1], M.B. Kozlikin[2]✉, M.V. Shunkov[2]

[1]Borisyak Paleontological Institute of the RAS
Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rossina@mail.ru; kmb777@yandex.ru

Bats (Chiroptera, Mammalia) from the Pleistocene Deposits of the East Chamber of the Denisova Cave

The article provides the results of studying a new collection of bats bone remains from the Pleistocene layers of the Denisova Cave in the northwest of the Altai Mountains. More than 1,500 bat bones have been identified from the deposits of the cave's East Chamber. The presence of 10 species of bats from the Vespertilionidae family was established. Among them, Myotis blythii and Plecotus sp. were the most numerous. The bones of M. aff. dasycneme and Eptesicus sp. (cf. nilsonii) were next in descending order in terms of total abundance. For the first time, remains of E. cf. serotinus were found in the middle and lower parts of the Pleistocene deposits in the East Chamber. Representatives of this species do not currently inhabit the territory of Altai. Their remains most likely testify to favorable climatic conditions during the accumulation of enclosing

sediments. In general, new materials on bats from the Denisova Cave significantly supplement the available data on the faunistic composition of the Pleistocene bat communities in Altai, and also indicate the dynamics in the composition of the bat population during the second half of the Middle and Upper Pleistocene. The results of analysis of the bat community from the East Chamber are in a good agreement with the picture of the development of the natural environment near the cave, obtained from the results of paleobotanical studies and data from the study of various groups of small terrestrial mammals. Moreover, new data on Pleistocene bats are important for understanding the patterns of fauna development and individual bats taxa in Altai Mountains in the Late Quaternary.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, bats.*

Изучение фауны мелких млекопитающих имеет особое значение для биостратиграфического расчленения плейстоценовых пещерных осадков и детальной реконструкции динамики природных условий, в которых обитал палеолитический человек. Одним из направлений исследований в рамках этой тематики является анализ ископаемых остатков летучих мышей. Основная часть костей мелких позвоночных накапливалась в отложениях пещер благодаря птицам-мышеедам и другим хищникам, отражая их охотничьи предпочтения. Летучие мыши использовали карстовую полость как место своего обитания. Концентрация их костей напрямую не связана с деятельностью хищников. Структура и состав остатков летучих мышей в тафоценозах, в отличие от других млекопитающих, более полно и точно отражает их таксономическое разнообразие в биоценозах прошлого и потому является важным источником информации для понимания динамики природных условий плейстоцена. Кроме того, летучие мыши являлись постоянными обитателями пещер и микроклимат внутри полости оказывал непосредственное воздействие на их популяцию.

В Денисовой пещере, расположенной в долине р. Ануй на северо-западе Алтая, костные остатки рукокрылых были изучены ранее в основном по материалам из отложений центрального зала [Росина, 2004а; Rossina, 2006]. В ходе многолетних исследований плейстоценовой толщи в восточной галерее пещеры получена многочисленная коллекция костей мелких млекопитающих, в том числе летучих мышей. Для сравнения ископаемых рукокрылых с современными видами были использованы сравнительно-анатомические коллекции Зоологического музея МГУ.

Всего изучено 2 808 костей летучих мышей из слоев 9, 11.1–11.4, 12–15 и 17.1 в восточной галерее. Накопление плейстоценовых отложений на этом участке пещеры происходило на протяжении четырех относительно холодных и трех относительно теплых климатических эпох интервала МИС 8–2 [Jacobs et al., 2019]. Костные образцы рукокрылых представлены в основном фрагментами челюстей, изолированными зубами, ушными костями *os petrosum*, эпифизами плечевых костей, предплечья и локтевых костей, фрагментами костей кисти и нижних конечностей – преимущественно бедренных костей. Более 57 % ископаемых остатков из всех слоев были определены до родового уровня. Доля определенных образцов по слоям примерно одинакова и составляет от 50 до 61 % от общего количества костных остатков рукокрылых.

В стратиграфической колонке плейстоценовых отложений восточной галереи от нижних слоев к верхним костные фрагменты рукокрылых меняют свой облик, выраженный в сохранности, окраске и таксономическом составе. Вверх по разрезу костный материал светлеет, приобретая цвет, близкий к естественной окраске современных костей. Если в нижней части разреза много фрагментов кирпично-красных тонов, то в верхних слоях преобладают кости белого цвета. Сохранность материала также меняется вверх по разрезу – в нижних слоях часто встречаются разрозненные зубы, а в челюстных фрагментах практически отсутствуют мелкие однокоренные зубы; в верхней толще обнаружены челюсти с большим количеством зубов, в том числе мелких однокоренных. В нижней толще больше вымерших видов и видов, нехарактерных для современной фауны рукокрылых, некоторые из них отличаются от современных аналогичных и родственных форм более крупными размерами.

Анализ морфологии показал, что в коллекции присутствуют костные остатки главным образом крупных и средних по размеру представителей палеарктической фауны рукокрылых семейства Vespertilionidae. Всего было определено 1 605 костей, принадлежащих 10 видам рукокрылых (табл. 1).

Все виды рукокрылых из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры являются типичными обитателями карстовых полостей. Накопление их костных остатков происходило, скорее всего, в результате естественной гибели из состава зимующих колоний. Исключением могут являться виды *E.* cf. *serotinus* и *Vespertilio murinus*, которые реже других встречаются в пещерных убежищах.

В сообществе рукокрылых из восточной галереи пещеры самыми многочисленными являются остат-

Таблица 1. **Рукокрылые из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры**

Таксоны	Слои										Всего	%
	17.1	15	14	13	12	11.4	11.3	11.2	11.1	9		
Myotis blythii	4	54	148	23	98	9	99	40	8	–	483	30,09
M. ikonnikovii	–	1	–	–	1	–	3	1	–	–	6	0,37
M. cf. *dasycneme*	4	52	97	9	53	–	83	26	4	–	328	20,44
M. cf. *petax*	–	–	–	–	–	–	5	3	1	–	9	0,56
Myotis sp.	–	4	11	3	2	1	9	2	1	–	33	2,06
Murina sp.	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	0,06
M. hilgendorfi	4	8	7	–	–	–	5	3	1	–	28	1,74
Eptesicus sp. (cf. *nilsonii*)	8	19	48	13	45	4	47	49	9	–	242	15,08
E. cf. *serotinus*	–	–	2	–	–	–	1	–	–	–	3	0,19
Vespertilio murinus	–	–	5	–	–	–	–	2	3	–	10	0,62
Plecotus sp.	9	53	140	19	71	7	100	55	8	–	462	28,79
Всего определенных	29	191	458	67	270	21	353	181	35	–	1605	100
Vespertilionidae sp.	27	153	329	47	229	14	226	138	35	5	1203	
Всего	56	344	787	114	499	35	579	319	70	5	2808	

Таблица 2. **Встречаемость ископаемых видов рукокрылых в плейстоценовых отложениях восточной галереи и центрального зала [Rossina, 2006] Денисовой пещеры, в голоценовых сообществах из пещер долины р. Ануй [Росина 2004в; Rossina, 2006] и их современных аналогичных форм [Росина, 2004б, 2005]**

Виды рукокрылых	Восточная галерея	Центральный зал	Голоценовые сообщества	Современные сообщества
Myotis blythii	+++	++	+	–
M. ikonnikovii	+	+	+	+
M. dasycmene	++	++	++	++
M. petax	+	+	+++	+++
M. brandtii	+	+	+++	+++
M. hilgendorfi	+	+	+	+
Eptesicus nilsonii s.str.	++	++	++	+
E. cf. *serotinus*	+	–	–	–
Vespertilio murinus	+	–	+	++
Plecotus s.str.	+++	++	+++	+++

+++ многочисленный, ++ обычный, + редко встречается, – не обнаружен или отсутствует.

ки *Myotis blythii* и *Plecotus* sp. – по 30 %. На долю *M.* aff. *dasycneme* приходится 20 % остатков, кости *Eptesicus* sp. (cf. *nilsonii*) составляют 15 %. Доля других видов не превышает 2 % от общего объема изученного материала. Несколькими костными образцами представлены мелкие виды ночниц *Myotis*. В современной фауне Алтая мелкие виды ночниц являются типичным элементом сообщества и населяют преимущественно карстовые полости [Росина, 2004б, 2005; Rossina, 2008].

В целом соотношение остатков разных видов рукокрылых из отложений восточной галереи и центрального зала [Rossina, 2006] схоже, однако имеются и некоторые существенные различия (табл. 2). Например, относительная доля остатков *M. blythii* в сообществе из центрального зала заметно ниже таковой из восточной галереи, где это самый многочисленный вид (табл. 1, 2). Доля остатков холодолюбивых видов *Plecotus* и *Eptesicus* cf. *nilsonii* существенна как в составе фауны из восточной галереи, так и из центрального зала. В то же время в сообществе из восточной галереи доля *Eptesicus* cf. *nilsonii* заметно ниже, чем в фауне из центрального зала.

Кроме того, видовой состав рукокрылых из восточной галереи отличается от сообщества из центрального зала. В слоях 11.3 и 14 восточной галереи были найдены верхние клыки крупного вида кожанов – *E.* cf. *serotinus*, остатки которого впервые обнаружены в плейстоценовых отложениях Денисовой пещеры. Следует отметь, что доля теплолюбивых видов в сообществе из восточной галереи несколько выше таковой из центрального зала. Эти отличия связаны, видимо, с относительно удаленным расположением восточной галереи от капельной линии пещеры, чем центрального зала,

и, соответственно, с более стабильным режимом температуры и влажности.

Плейстоценовый состав рукокрылых из Денисовой пещеры отличается от современного сообщества летучих мышей, обитающего в пещере и ее окрестностях (табл. 2). Например, в настоящее время здесь не обнаружена *M. blythii*, хотя в коллекциях из голоценовых и плейстоценовых отложений доля остатков этого вида существенна [Росина, 2004в; Rossina, 2006]. *M. blythii* – крупный теплолюбивый вид, формирующий большие скопления в период размножения в летнее время, и предпочитающий зимовать также группами. На Алтае единственная современная крупная колония *M. blythii* известна в бассейне р. Чарыш около с. Усть-Чагырка, обитающая в условиях более остепененного ландшафта, чем в долине Ануя [Стрелков, 1968; Rossina, 2006]. Судя по многочисленным ископаемым остаткам из восточной галереи, популяция этого вида активно населяла полость Денисовой пещеры в плейстоцене. Можно предположить, что сокращение ареала этого вида на Алтае в конце плейстоцена было связано с похолоданием климата.

Eptesicus serotinus в настоящее время не встречается на территории Алтая. Его ареал простирается от южной Англии и Центральной Европы через Средиземноморье до Нижнего Поволжья, Казахстана, Средней Азии, Кашмира, Гималаев и Юго-Восточного Китая. Костные остатки этого относительно теплолюбивого вида из слоя 14 свидетельствуют о более благоприятных, чем современные, климатических условиях во время накопления этих отложений.

Анализ плейстоценового сообщества рукокрылых хорошо согласуется с картиной развития биотопов Северо-Западного Алтая во второй половине среднего и в верхнем плейстоцене, реконструированной по результатам изучения костных остатков насекомоядных, зайцеобразных и грызунов из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры [Агаджанян и др., 2021]. Вместе с тем изучение остатков рукокрылых из плейстоценовой толщи пещеры, в том числе находок из восточной галереи, позволило провести детальный морфологический анализ ископаемых таксонов. В результате выявлено существенное отличие некоторых плейстоценовых видов, в особенности из древнейших пещерных отложений, от близких современных форм, в частности, по абсолютным размерам. Этим объясняется применение на данном этапе исследований открытой номенклатуры для видов *Plecotus sp., Eptesicus cf. nilsonii*, а также *Murina sp.*, которые отличаются от современных видов Алтая более крупными размерами и другими морфологическими особенностями. Дальнейшее детальное изучение костных остатков летучих мышей из отложений восточной галереи позволит уточнить их таксономический статус.

Новые сведения о рукокрылых из Денисовой пещеры существенно дополняют материалы о видовом составе плейстоценовых летучих мышей Алтая и динамике их сообществ на протяжении второй половины среднего и в верхнем плейстоцене. Результаты анализа колонии рукокрылых из восточной галереи пещеры хорошо сочетаются с динамикой природной среды, восстановленной по результатам палеоботанических исследований и данных изучения разных групп наземных мелких млекопитающих. Кроме того, новые данные о плейстоценовых летучих мышах важны для понимания закономерностей развития фауны и отдельных таксонов рукокрылых на Алтае в позднечетвертичное время.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Агаджанян А.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Мелкие позвоночные из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры, Северо-Западный Алтай // Палеонтологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 92–103.

Росина В.В. Динамика фауны рукокрылых (Chiroptera, Mammalia) Северо-Западного Алтая в плейстоцене и голоцене // Экологические механизмы динамики и устойчивости биоты. – Екатеринбург: Академкнига, 2004а. – С. 208–218.

Росина В.В. Летнее население летучих мышей (Chiroptera) пещер Северо-Западного Алтая // Plecotus et al. – 2004б. – № 7. – С. 63–71.

Росина В.В. Голоценовые рукокрылые (Chiroptera; Mammalia) и особенности их тафономии в условиях пещер Северо-Западного Алтая // Экосистемные перестройки и эволюция биосферы. – М.: ПИН РАН, 2004в. – Вып. 6. – С. 110–118.

Росина В.В. Зимовки рукокрылых (Chiroptera, Mammalia) в пещерах долины реки Ануй Северо-Западного Горного Алтая // Млекопитающие горных территорий. – М.: КМК, 2005. – С. 157–163.

Стрелков П.П. Остроухие ночницы на Алтае // Природа. – 1968. – № 2. – С. 59–61.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 594–599.

Rossina V.V. Bats as an indicator of human activity in the Paleolithic using the example of Denisova Cave, Northwestern Altai // Paleontological J.. – 2006. – Vol. 40, suppl. 4. – P. 494–500.

Rossina V.V. Bat hibernation in caves of Northwestern Altai (Russia) // The influence of environmental conditions on the bat hibernaculum choice. – Bytom: ZPW Plik Publ., 2008. – P. 117–128.

References

Agadzhanyan A.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Small Vertebrates from the Pleistocene Sediments of the East Chamber of Denisova Cave, Northwestern Altai Mountains. *Paleontological J.,* 2021. Vol. 55. N 3. P. 331–342. doi: 10.1134/S0031030121030035

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature,* 2019. Vol. 565. N 7741. P. 594–599. doi: 10.1038/s41586-018-0843-2

Rosina V.V. Dinamika fauny rukokrylykh (Chiroptera, Mammalia) Severo-Zapadnogo Altaya v pleistotsene i golotsene. In *Ekologicheskie mekhanizmy dinamiki i ustoichivosti bioty*. Ekaterinburg: Akademkniga, 2004a. P. 208–218. (In Russ.).

Rosina V.V. Golotsenovye rukokrylye (Chiroptera; Mammalia) i osobennosti ikh tafonomii v usloviyakh peshcher Severo-Zapadnogo Altaya. In *Ekosistemnye perestroiki i evolyutsiya biosfery.* Moscow: PIN RAS Publ., 2004в. Iss. 6. P. 110–118. (In Russ.).

Rosina V.V. Letnee naselenie letuchikh myshei (Chiroptera) peshcher Severo-Zapadnogo Altaya. *Plecotus et al,* 2004б. N 7. P. 63–71. (In Russ.).

Rosina V.V. Zimovki rukokrylykh (Chiroptera, Mammalia) v peshcherakh doliny reki Anui Severo-Zapadnogo Gornogo Altaya. In *Mlekopitayushchie gornykh territorii.* Moscow: KMK Publ., 2005. P. 157–163. (In Russ.).

Rossina V.V. Bat hibernation in caves of Northwestern Altai (Russia). In *The influence of environmental conditions on the bat hibernaculum choice*. Bytom: ZPW Plik Publ., 2008. P. 117–128.

Rossina V.V. Bats as an indicator of human activity in the Paleolithic using the example of Denisova Cave, Northwestern Altai. *Paleontological J.*, 2006. Vol. 40. Suppl. 4. P. 494–500.

Strelkov P.P. Ostroukhie nochnitsy na Altae. *Priroda*, 1968. N 2. P. 59–61. (In Russ.).

Росина В.В. https://orcid.org/0000-0002-4550-6705
Агаджанян А.К. https://orcid.org/0000-0003-4652-7580
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0251-0256
УДК 551.89

Н.А. Рудая

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nrudaya@gmail.com

Природные условия раннего голоцена Алтая (по данным из палеозаписей озер)

В статье рассматриваются результаты изучения раннеголоценовых палеозаписей из колонок донных отложений озер Алтая и прилегающих территорий. Среди изученных кернов донных отложений озер, раннеголоценовые осадки содержат озера Малое Яровое, Кучук, Канас, Хотон-Нур, Каракель-Нур и Хиндиктиг-Холь. В настоящей работе обсуждаются только данные из первых четырех озер. Отбор донных отложений проводился с использованием донных пробоотборников; датирование кернов выполнено радиоуглеродным методом. На основании результатов палинологического анализа рассчитаны индексы растительного биоразнообразия и среднегодовые количества осадков. Установлены основные закономерности изменения природных условий Алтая и сопредельных территорий в раннем голоцене. Выявлено, что низкие значения индексов альфа-разнообразия для всей изучаемой территории характерны для позднего дриаса (12,9–11,7 тыс. л.н.) и начала раннего голоцена. После 10 тыс. л.н. с началом развития лесов и с увеличением среднегодовых осадков фиторазнообразие также начинает возрастать. Отмечено заметное повышение временного бета-разнообразия, выраженное в половинной смене таксономического состава в степном Алтае для позднего дриаса и начала раннего голоцена (до 10,2 тыс. л.н.). В Монгольском Алтае изменения временного бета-разнообразия менее выражено, однако также заметно между 13,3 и 11,6 тыс. л.н. Сделано заключение, что рубеж плейстоцена и голоцена Алтая характеризовался частичной, вплоть до половины, сменой таксономического состава растительных сообществ. Показано, что ранний голоцен изучаемой территории был преимущественно аридным и даже в раннем голоцене климат Алтая не подвергался влиянию азиатского муссона. Этому свидетельствует заметное увеличение количества среднегодовых осадков не ранее 8 тыс. л.н. Полученные результаты вносят весомый вклад в дискуссию о времени и границах влияния азиатского муссона на климат Алтайских гор и в целом Центральной Азии в разные периоды голоцена.

Ключевые слова: *ранний голоцен, климат, биоразнообразие, растительность, Алтай.*

N.A. Rudaya

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nrudaya@gmail.com

Early Holocene Environments in Altai (Based on the Paleodata from Lake Sediments)

The article discusses the results of the study of Early Holocene paleorecords from lake sediment cores from Altai lakes and adjacent territories. Among the studied cores of the lake bottom sediments, the Early Holocene sediments contain lakes Maloye Yarovoye, Kuchuk, Kanas, Khoton-Nur, Karakel-Nur, and Khindiktig-Khol. This paper only considers data from the first four lakes. Bottom sediments were sampled using a bottom sampler. The cores were dated by a radiocarbon method. Based on the results of pollen analysis, indices of plant biodiversity and mean annual precipitation were calculated. The main patterns of changes in the environmental conditions of Altai and neighboring territories in the Early Holocene were revealed. It has been found that low values of alpha-diversity indices for the entire studied territory are typical of the Late Dryas (12.9–11.7 ka) and the beginning of the Early Holocene. After 10 ka, phytodiversity also began to increase with the spread of forest and with an increase in the mean annual precipitation. A marked increase in temporal beta diversity expressed in a half change in the taxonomic composition in the steppe Altai for the Late Dryas

and Early Holocene (up to 10.2 ka) was observed. In the Mongolian Altai, changes in temporal beta diversity were less pronounced, but also noticeable between 13.3 and 11.6 ka. We have made a conclusion that the Pleistocene-Holocene boundary in the Altai Mountains was characterized by a partial and up to half change in the taxonomic composition of plant communities. The Early Holocene of the study area was shown to be predominantly arid, and even in the Early Holocene, the Altai climate was not influenced by the Asian monsoon. This is evidenced by a marked increase in the mean annual precipitation no earlier than 8 ka. The obtained results make a great contribution to the discussion of the time and limits of the influence of the Asian monsoon on the climate of the Altai Mountains and Central Asia as a whole during different Holocene periods.

Keywords: *Early Holocene, climate, biodiversity, vegetation, Altai.*

Введение

Одним из дискуссионных вопросов естественной истории Алтайских гор и в целом Центральной Азии является вопрос о времени и границах влияния на климат этой территории азиатского муссона в разные периоды голоцена. По мнению ряда исследователей [Tarasov, Dorofeyuk, Metel'tseva, 2000; Wünnemann, Mischke, Chen, 2006; An et al., 2011], раннеголоценовые климатические флуктуации в Центральной Азии и даже в юго-западной Сибири обеспечивались активностью азиатского муссона. Однако, часть исследователей отрицает участие муссона в формировании климата раннего голоцена этой территории (обзор в: [Chen et al., 2010; 2016]).

Цель настоящей работы – исследовать палеозаписи донных отложений озер, относящиеся к раннему голоцену Алтая и выявить основные закономерности изменения природных условий Алтая и сопредельных территорий.

Объекты, материалы и методы исследования

Материалами настоящего исследования являются колонки донных отложений озер, отобранные в разных частях Алтая и сопредельных территорий. Среди изученных кернов донных отложений, раннеголоценовые осадки содержат озера Малое Яровое, Кучук, Канас, Хотон-Нур, Каракель-Нур и Хиндиктиг-Холь. В настоящей работе обсуждаются только данные из первых четырех озер.

Отбор донных отложений проводился с использованием донных пробоотборников. Датирование кернов выполнено радиоуглеродным методом. Образцы на палинологический анализ обработаны с применением стандартной методики. Изменение фиторазнообразия оценено в отношении трендов альфа- и бета-разнообразия [Chao et al., 2014]. Для расчета бета-разнообразия относительно времени использовался детрендированный канонический анализ соответствий [Birks, 2007]. Количество осадков рассчитывалось с применением трансферной функции и использованием базы данных поверхностных палинологических спектров для Центральной Азии и Западной Сибири [Cao et al., 2019].

Результаты исследования

Раннеголоценовые осадки оз. М. Яровое попадают в палинозоны PZIb и PZII. PZIb (12,3–10,6 тыс. л.н.) характеризуется высоким содержанием пыльцы Amaranthaceae. Резкое увеличение обилия пыльцы *Betula* наблюдается в PZIIa (10,6–10,2 тыс. л.н.). Процент Amaranthaceae, Poaceae и Cyperaceae значительно снижается. PZIIb (10,2–8,2 тыс. л.н.) отличается возросшим процентом пыльцы *Pinus sylvestris* и снижением обилия *Artemisia, Ephedra* и Amaranthaceae.

Раннеголоценовые осадки оз. Кучук характеризуют палинозоны PZI и PZII. PZI (13,1–10,8 тыс. л.н.). Пыльца *Betula* обильна. Среди травянистых доминирует пыльца *Artemisia*, Amaranthaceae и Poaceae; отмечен наибольший процент *Ephedra*. PZII (10,8–7,2 тыс. л.н.) выделяется резким увеличением обилия *Pinus sylvestris* и заметным снижением обилия пыльцы *Artemisia*, Amaranthaceae и *Ephedra*. PZIIa (10,8–9,9 тыс. л.н.) характеризуется доминированием пыльцы *Artemisia*, высоким процентом *Pinus sylvestris* и *Betula*, а также заметной долей *Ephedra*. В этой подзоне впервые появляется пыльца *Ulmus*. PZIIb (9,9–8,4 тыс. л.н.) показывает сокращение доли *Artemisia* и увеличение Amaranthaceae и Poaceae.

Ранний голоцен оз. Канас (11,7–8,5 тыс. л.н.; PZIII) отличается увеличением обилия пыльцы деревьев и кустарников (*Picea* и *Juniperus)* по сравнению с поздним плейстоценом. Процент пыльцы *Artemisia* постепенно сокращается; обилие Amaranthaceae остается на том же уровне. Пыльца *Ephedra* имеет максимальную представленность [Huang et al., 2018].

Раннеголоценовая палинозона оз. Хотон-Нур PZH4 (11,5–10,7 тыс. л.н.) характеризуется доминированием травянистых таксонов, включая Amaranthaceae и *Artemisia;* много пыльцы *Ephedra*. Среди древесных таксонов наиболее обильна пыльца *Picea obovata.* Встречается пыльца *Pinus sibirica* и *Larix sibirica*.

Реконструкция климата и растительности раннего голоцена Алтая (11,7–8,2 тыс. л.н.)

Постепенное увеличение среднегодовых осадков для степной части Алтая зафиксировано сразу же с начала голоцена, однако заметное увеличение осадков отмечается только к 10 тыс. л.н. (до 360–390 мм/год). После 10,9–10,6 тыс. л.н. распространение пустынных сообществ значительно сокращается, и после 10,8 тыс. л.н. палинозаписи показывают значительное увеличение площадей сосновых лесов [Rudaya et al., 2020]. Участие эфедры в растительном покрове степного Алтая сокращается после 8,4 тыс. л.н., а хвойные леса с примесью вяза по долинам рек расширяют свои площади. Климат становится более мягким и относительно влажным.

Палинологический анализ палеозаписи из оз. Канас для раннего голоцена (11,7–8,5 тыс. л.н.) также выявляет возрастание пыльцы темнохвойных пород *Picea* и *Abies* и сокращение пыльцы *Artemisia*. При этом обилие пыльцы растений-индикаторов аридных условий – маревых и эфедры, остается на прежнем уровне. Количество среднегодовых осадков невелико – ок. 290 мм/год. Это свидетельствует о существовании разнообразных ландшафтов в раннем голоцене на севере Монгольского Алтая – при преимущественном распространении степных и пустынных ландшафтов увеличиваются и площади темнохвойных лесов.

Похожую динамику развития климата и ландшафтов показывает и палеозапись из высокогорного оз. Хотон-Нур [Rudaya et al., 2009]. С начала голоцена количество осадков, хоть и с флуктуациями, но растет. Для интервала 11,5–10,7 тыс. л.н. оно составляет всего 250 мм/год, для интервала 10,7–7,9 тыс. л.н. – уже 270 мм/год. Начало голоцена характеризуется подавляющим господством пустынной и степной растительности, хотя и с участием древесных пород, в основном *Picea obovata.* Резкое изменение состава растительности, отраженное в значительном увеличении обилия пыльцы хвойных, зафиксировано после 10,7 тыс. л.н. В это же время сокращается количество пыльцы полыней и маревых, а вот обилие пыльцы карликовой березки возрастает. Такая перестройка свидетельствует о том, что даже незначительное увеличение осадков в высокогорьях Монгольского Алтая приводит к значительному изменению растительного покрова. После 10,7 тыс. л.н. в окрестностях Хотон-Нура можно реконструировать развитие темнохвойной и лиственничной горной тайги, а на более высоких гипсометрических уровнях – ерниковых тундр взамен степных и опустыненных ассоциаций.

По мнению Т.В. Бляхорчук с соавторами [Blyakharchuk et al., 2004], облесение Улаганского плато началось после 11,5 тыс. л.н., но только к 9,5 тыс. л.н. оно стало полностью залесенным. Самое начало голоцена в Курайской степи было сухим и безлесным с доминированием пустынных и степных полынных сообществ с участием эфедры [Blyakharchuk et al., 2008]. Формирование лесного пояса по склонам гор реконструируется только после 9 тыс. л.н.

Низкие значения индексов альфа-разнообразия для степного Алтая рассчитаны для позднего дриаса (12,9–11,7 тыс. л.н.) и начала раннего голоцена [Rudaya et al., 2020]. С началом развития лесов и с увеличением среднегодовых осадков на этой территории фиторазнообразие начинает возрастать. В северной части Монгольского Алтая наиболее низкое фиторазнообразие реконструировано для позднего ледниковья и позднего дриаса. Так же, как на юге Западной Сибири, растительное разнообразие севера Монгольского Алтая начинает повышаться с началом голоцена.

Заметное повышение временного бета-разнообразия, выраженное в половинной смене таксономического состава, отмечается в степном Алтае для позднего дриаса и начала раннего голоцена (до 10,2 тыс. л.н.). В Монгольском Алтае изменения временного бета-разнообразия менее выражено, однако также заметно между 13,3 и 11,6 тыс. л.н.

Таким образом, рубеж плейстоцена и голоцена Алтая характеризовался частичной, вплоть до половины, сменой таксономического состава сообществ.

В климатическом отношении среднеширотная Азия состоит из двух регионов – восточной, где современный климат в основном регулируется циркуляцией азиатского муссона, и центральной, где современный климат регулируется западным переносом воздушных масс. В юго-восточной Азии муссоны активизировались сразу после позднего дриаса, что выразилось в увеличении увлажнения, были наиболее сильными в раннем и начале среднего голоцена и ослабели в середине голоцена [Yuan et al., 2004]. Высокая инсоляция в раннем голоцене в Северном полушарии увеличивала градиенты давления и температуры между сушей и океаном, усиливая прибрежный поток влажного воздуха летом, что привело к усилению азиатского летнего муссона. Ослабление летнего азиатского муссона, начиная со среднего голоцена, было ответом на понижение летней инсоляции [Gupta, Anderson, Overpeck, 2003].

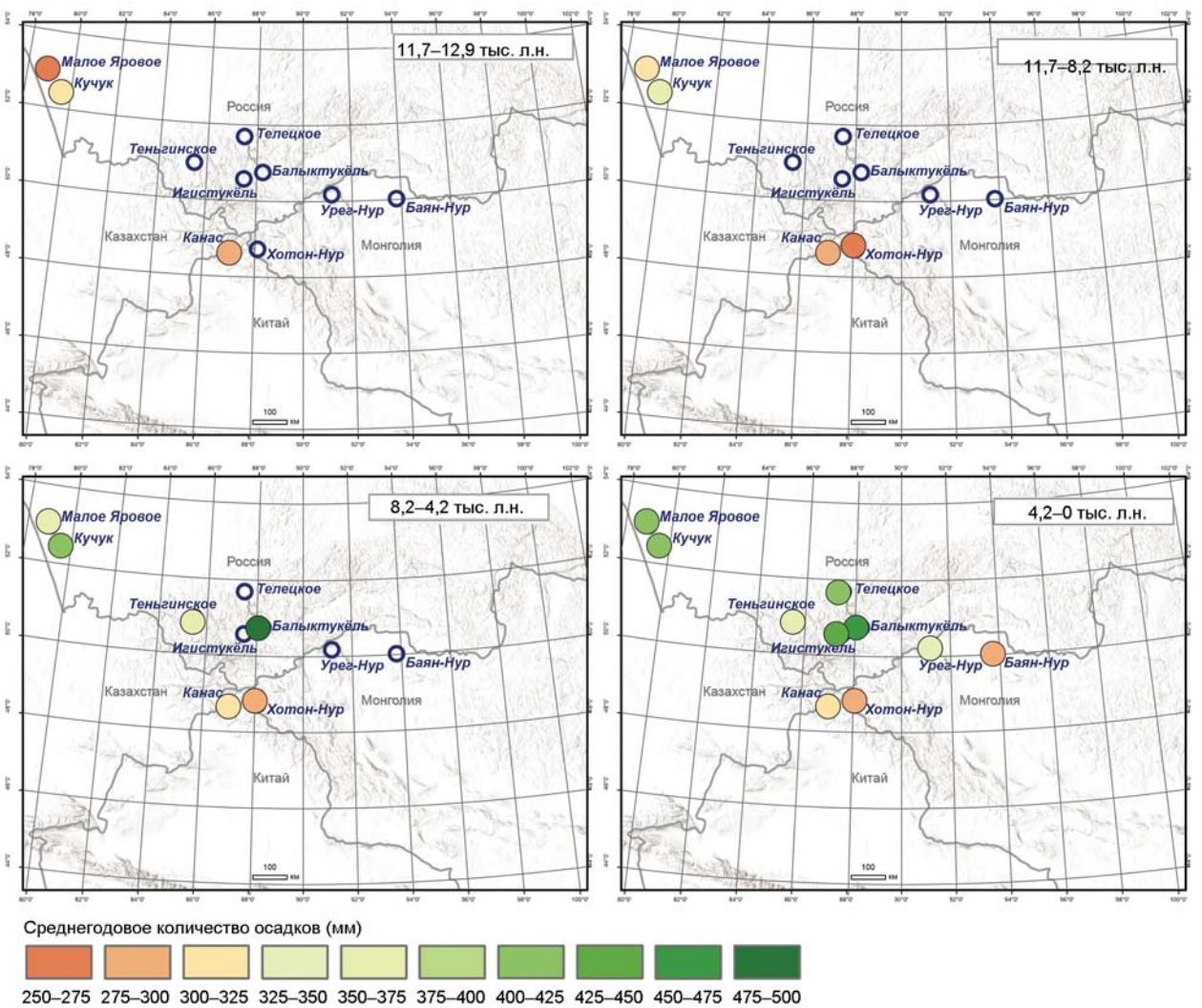
Однако согласно концепции Ф. Чэня [Chen et al., 2010; 2016], аридная Центральная Азия показывает другой сценарий развития климата в голоцене. Здесь ранний голоцен был относительно аридным,

гумидность повышается только после 8 тыс. л.н. Такая климатическая динамика отражает связь аридной Центральной Азии с событиями в Северной Атлантике: флуктуациями температур поверхностных вод океана и температур воздуха, которые приводили к изменениям в западном переносе влаги. В позднем дриасе и раннем голоцене ледниковый покров высоких широт был еще достаточно большим по сравнению со средним голоценом, что выражалось в низких температурах поверхностных океанических вод и воздуха, несмотря на возросшую инсоляцию. Большие массы талой холодной воды также понижали температуру поверхностных океанических вод в Северной Атлантике.

Усиление летнего азиатского муссона в юго-восточной Азии из-за увеличения летней инсоляции и холодные поверхностные океанические воды и температуры воздуха в Северной Атлантике создавали в раннем голоцене меридиональный температурный градиент. Этот градиент усиливал западный перенос воздушных масс в средних широтах и мог смешать западное высотное струйное течение к югу. Это выражалось в круглогодичных сильных ветрах на территории аридной Центральной Азии, которые, однако, приносили мало влаги, т.к. холодные североатлантические поверхностные воды характеризовались невысоким испарением.

Существование аридного раннего голоцена в Центральной Азии в районах, прилегающих к Алтайским горам, подтверждают палеозаписи из озер Синьзяна и Гансю [Li et al., 2009; Liu et al., 2008; Wünnemann, Mischke, Chen, 2006].

Проведенные нами исследования позволяют предположить, что описанный выше сценарий подходит и для Алтая, предполагая тем самым, что даже в раннем голоцене климат Алтая не подвергался влиянию азиатского муссона. Об этом свидетельствует заметное увеличение количества среднегодовых осадков не ранее 8 тыс. л.н., то есть относительно аридный ранний голоцен (см. *рисунок*).



Реконструированное по палинологическим данным среднегодовое количество осадков для позднего дриаса и разных периодов голоцена Алтая и сопредельных территорий.

Исключением из общей схемы развития природы раннего голоцена Алтая стала палеозапись из оз. Улан (юг Гобийского Алтая). Располагаясь сегодня далеко за пределами азиатского муссона, в раннем голоцене палеозапись озера выявляет гумидный период [Lee et al., 2013]. Это может быть свидетельством того, что азиатский муссон в раннем голоцене доходил до 44° с.ш.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0010.

Список литературы

An Ch.-B., Lu Y., Zhao J., Tao S., Dong W., Li H., Jin M., Wang Z. A high-resolution record of Holocene environmental and climatic changes from Lake Balikun (Xinjiang, China): Implications for central Asia // The Holocene. – 2011. – Vol. 22. N 1. – P. 43–52.

Birks H.J.B. Estimating the amount of compositional change in late-Quaternary pollen stratigraphical data // Vegetation History and Archaeobotany. – 2007. – Vol. 16. – P. 197–202.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – Vol. 209. – P. 259–279.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. The role of Pingos in the development of the Dzhangyskol lake-Pingo complex, central Altai Mountains, Southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2008. – Vol. 254, N 4. – P. 404–420.

Cao X., Tian F., Li F., Gaillard M.-J., Rudaya N., Xu Q., Herzschuh U. Pollen-based quantitative land-cover reconstruction for northern Asia covering the last 40 ka cal BP // Climate of the past. – 2019. – Vol. 15. – P. 1503–1536.

Chao, A., Gotelli, N.J., Hsieh, T.C., Sander, E., Ma, K.H., Colwell, R.K., Ellison M. Rarefaction and extrapolation with Hill numbers: a framework for sampling and estimation in species diversity studies // Ecological Monographs. – 2014. – Vol. 84, N 1. – P. 45–67.

Chen F.H., Jia J., Chen J., Li G., Zhang X., Xie H., Xia D., Huang W., An C. A persistent Holocene wetting trend in arid central Asia, with wettest conditions in the late Holocene, revealed by multi-proxy analyses of loess-paleosol sequences in Xinjiang, China // Quatern. Sci. Rev.. – 2016. – Vol. 146. – P. 134–146.

Chen, F.H., Chen, J.H., Holmes, J., Boomer, I., Austin P., Gates, J.B., Wang, N.L., Brooks, S.J., Zhang J.W. Moisture changes over the last millennium in arid central Asia: a review, synthesis and comparison with monsoon region // Quatern. Sci. Rev. – 2010. – Vol. 29. – P. 1055–1068.

Gupta A.K., Anderson D.M., Overpeck J.T. Abrupt changes in the Asian southwest monsoon during the Holocene and their links to the North Atlantic Ocean // Nature. – 2003. – Vol. 421. – P. 354–357.

Huang X., Peng W., Rudaya N., Grimm E.C., Chen X., Cao X., Zhang J., Pan X., Liu S., Chen C., Chen F. Holocene Vegetation and Climate Dynamics in the Altai Mountains and Surrounding Areas // Geophysical Research Letters. – 2018. – Vol. 45, N 13. – P. 6628–6636.

Lee M.K., Lee Y.I., Lim H.S., Lee J.I., Yoon H.I. Late Pleistocene-Holocene records from Lake Ulaan, southern Mongolia: implications for East Asian palaeomonsoonal climate changes // J. of Quatern. Sci. – 2013. – Vol. 28. – P. 370–378.

Li Y., Wang N., Morrill C., Cheng H., Long H., Zhao Q. Environmental change implied by the relationship between pollen assemblages and grain-size in N.W. Chinese lake sediments since the Late Glacial // Rev. Palaeobot. Palynol. – 2009. – Vol. 154, N 1–4. – P. 54–64.

Liu X., Herzschuh U., Shen J., Jiang Q., Xiao X. Holocene environmental and climatic changes inferred from Wulungu Lake in northern Xinjiang, China // Quatern. Research. – 2008. – Vol. 70, N 3. – P. 412–425.

Rudaya N., Krivonogov S., Słowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity // Quatern. Sci. Rev. – 2020. – Vol. 249. – P. 1–20.

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F., Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records : a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia // Quatern. Sci. Rev. – 2009. – Vol. 28. – P. 540–554.

Tarasov P., Dorofeyuk N., Metel'tseva E. Holocene vegetation and climate changes in Hoton-Nur basin, northwest Mongolia // Boreas. – 2000. – Vol. 29/2. – P. 117–126.

Wünnemann B., Mischke S., Chen F. A Holocene sedimentary record from Bosten Lake, China // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2006. – Vol. 234, N 2. – P. 223–238.

Yuan D.X., Cheng H., Edwards R.L., Dykoski C.A., Kelly M.J., Zhang M.L., Qing J.M., Lin Y.S., Wang Y.J., Wu J.Y., Dorale J.A., An Z.S., Cai Y.J. Timing, duration, and transitions of the Last Interglacial Asian monsoon // Sci. – 2004. – Vol. 304. – P. 575–578.

References

An Ch.-B., Lu Y., Zhao J., Tao S., Dong W., Li H., Jin M., Wang Z. A high-resolution record of Holocene

environmental and climatic changes from Lake Balikun (Xinjiang, China): Implications for central Asia. *The Holocene*, 2011. Vol. 22. N 1. P. 43–52.

Birks H.J.B. Estimating the amount of compositional change in late-Quaternary pollen stratigraphical data. *Vegetation History and Archaeobotany*, 2007. Vol. 16. P. 197–202.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. The role of Pingos in the development of the Dzhangyskol lake-Pingo complex, central Altai Mountains, Southern Siberia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2008. Vol. 254. N 4. P. 404–420.

Blyakharchuk, T.A., Wright, H.E., Borodavko, P.S., van der Knaap, W.O., Ammann, B. Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2004. Vol. 209. P. 259–279.

Cao X., Tian F., Li F., Gaillard M.-J., Rudaya N., Xu Q., Herzschuh U. Pollen-based quantitative land-cover reconstruction for northern Asia covering the last 40 ka cal BP. *Climate of the past*, 2019. Vol. 15. P. 1503–1536.

Chao, A., Gotelli, N.J., Hsieh, T.C., Sander, E., Ma, K.H., Colwell, R.K., Ellison M. Rarefaction and extrapolation with Hill numbers: a framework for sampling and estimation in species diversity studies. *Ecological Monographs*, 2014. Vol. 84. N 1. P. 45–67.

Chen, F.H., Chen, J.H., Holmes, J., Boomer, I., Austin P., Gates, J.B., Wang, N.L., Brooks, S.J., Zhang J.W. Moisture changes over the last millennium in arid central Asia: a review, synthesis and comparison with monsoon region. *Quatern. Sci. Rev.,* 2010. Vol. 29. P. 1055–1068.

Chen, F.H., Jia, J., Chen, J., Li, G., Zhang, X., Xie, H., Xia, D., Huang, W., An, C. A persistent Holocene wetting trend in arid central Asia, with wettest conditions in the late Holocene, revealed by multi-proxy analyses of loess-paleosol sequences in Xinjiang, China. *Quatern.y Sci. Rev.*, 2016. Vol. 146. P. 134–146.

Gupta A.K., Anderson D.M., Overpeck J.T. Abrupt changes in the Asian southwest monsoon during the Holocene and their links to the North Atlantic Ocean. *Nature*, 2003. Vol. 421. P. 354–357.

Huang X., Peng W., Rudaya N., Grimm E.C., Chen X., Cao X., Zhang J., Pan X., Liu S., Chen C., Chen F. Holocene Vegetation and Climate Dynamics in the Altai Mountains and Surrounding Areas. *Geophysical Research Letters*, 2018. Vol. 45. N 13. P. 6628–6636.

Lee M.K., Lee Y.I., Lim H.S., Lee J.I., Yoon H.I. Late Pleistocene-Holocene records from Lake Ulaan, southern Mongolia: implications for East Asian palaeomonsoonal climate changes. *J. of Quatern. Sci.*, 2013. Vol. 28. P. 370–378.

Li Y., Wang N., Morrill C., Cheng H., Long H., Zhao Q. Environmental change implied by the relationship between pollen assemblages and grain-size in N.W. Chinese lake sediments since the Late Glacial. *Rev. Palaeobot. Palynol.*, 2009. Vol. 154. N 1–4. P. 54–64.

Liu X., Herzschuh U., Shen J., Jiang Q., Xiao X. Holocene environmental and climatic changes inferred from Wulungu Lake in northern Xinjiang, China. *Quatern. Research*, 2008. Vol. 70 (3). P. 412–425.

Rudaya N., Krivonogov S., Słowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity. *Quatern. Sci. Rev.*, 2020. Vol. 249. P. 1–20.

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F., Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia. *Quatern. Sci. Rev.*, 2009. Vol. 28 P. 540–554.

Tarasov P., Dorofeyuk N., Metel'tseva E. Holocene vegetation and climate changes in Hoton-Nur basin, northwest Mongolia. *Boreas*, 2000. Vol. 29/2. P. 117–126.

Wünnemann B., Mischke S., Chen F. A Holocene sedimentary record from Bosten Lake, China. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2006. Vol. 234. N 2. P. 223–238.

Yuan D.X., Cheng H., Edwards R.L., Dykoski C.A., Kelly M.J., Zhang M.L., Qing J.M., Lin Y.S., Wang Y.J., Wu J.Y., Dorale J.A., An Z.S., Cai Y.J. Timing, duration, and transitions of the Last Interglacial Asian monsoon. *Sci.*, 2004. Vol. 304. P. 575–578.

Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0257-0263
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Каменные индустрии позднего этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана

Статья посвящена результатам исследований среднепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-1 и местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала Дарвагчай-Карьер-2, -3 и -4. Данные каменные индустрии в культурно-хронологическом аспекте представляют заключительный (финальный) этап среднего палеолита, время их существования приходится на интервал ~ 60–50 тыс. л. н. В работе проводится подробный всесторонний анализ коллекций каменных артефактов, а также их сопоставление с индустриями близких по возрасту памятников Дагестана и Кавказа. Определяется сырьевая база и хозяйственный тип стоянок. Каменные индустрии относятся к типу моносырьевых. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. На данный момент на территории Дарвагчайского геоархеологического района обнаружена целая серия однотипных местонахождений с каменными индустриями, относящихся к финальному этапу среднего палеолита. Особенности технико-типологического облика каменных индустрий с ярко выраженными леваллуазскими чертами и отсутствием верхнепалеолитических форм позволяют говорить о специфическом облике среднего палеолита Приморского Дагестана. Анализ всех имеющихся данных позволяет заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе, прямые аналогии с археологическими материалами исследуемых памятников отсутствуют. Данное обстоятельство в определенной степени можно объяснить узкой спецификой типа местонахождений (кратковременные стоянки-мастерские), палеоклиматическими условиями и особенностями сырьевой базы, а также имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической индустрии. Определенное сходство прослеживается у них с материалами некоторых стоянок Северо-Западного Кавказа, а также с предкавказским регионом.

Ключевые слова: *Дагестан, местонахождения, финальный средний палеолит, леваллуазская система расщепления.*

A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Lithic Industries of the Late Middle Paleolithic in Southeast Dagestan

The article discusses the results of studies at the Darvagchay-Zaliv-1 site and the Darvagchay-Karyer-2, 3, and 4 localities. In the cultural and chronological aspect, these lithic industries represent the final stage of the Middle Paleolithic, their existence time falls within the range of ~60–50 ka. The article provides a detailed comprehensive analysis of collections of stone artifacts, as well as their comparison with the industries of similar-age industries in Dagestan and the Caucasus. The raw material base and the economic type of the sites are determined. The stone inventory is characterized by the Levallois knapping technique and the Middle Paleolithic toolkit. Currently, a series of similar sites with stone industries belonging to the final stage of the Middle Paleolithic has been discovered in the Darvagchay geoarchaeological region. Features of the technical and typological appearance of lithic industries with Levallois features and the absence of the Upper Paleolithic forms allow to speak about the specific appearance of the Middle Paleolithic of seacoast Dagestan. An analysis of these data allows us to conclude that, despite the significant number of known Middle Paleolithic sites in the Caucasus, there are no direct parallels with the archaeological materials of the studied sites. This can be explained

by the narrow specificity of the type of localities, paleoclimatic conditions and features of the raw material base, as well as the cultural diversity that existed at that time, which does not preclude the original Middle Paleolithic industry from existing in the area. A certain similarity can be traced with the materials of some sites of the Northwestern Caucasus, as well as with the Ciscaucasian region.

Keywords: *Dagestan, localities, Final Middle Paleolithic, Levallois knapping system.*

Интенсивное изучение экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа в течение последнего десятилетия позволило обнаружить более двадцати палеолитических памятников [Деревянко и др., 2012]. Данные археологические изыскания позволили значительно увеличить объем информации о древнейших этапах истории данного региона. Заполнить в определенной мере имеющуюся лакуну в знаниях о палеолитической эпохе в этой части Кавказа позволяют данные, полученные в последние годы при исследовании археологических объектов Дарвагчайского геоархеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). Наиболее значимые результаты о времени позднего этапа среднего палеолита были получены при исследовании стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 1) и местонахождений с поверхностным залеганием артефактов Дарвагчай-Карьер-2, -3 и -4.

Место расположения стоянки Дарвагчай-Залив-1 соответствует переходу от предгорий к равнинной части территории Западного Прикаспия, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст. Первые каменные артефакты, относящиеся к среднему палеолиту, были обнаружены в 2009 г. в экспонированном состоянии на верхней, распаханной части террасы. Коллекция включает 109 артефактов, в том числе: нуклеусы – 29 экз., нуклевидные обломки – 3 экз., сколы – 72 экз., обломки и осколки – 5 экз. Орудийный набор насчитывает 16 изделий, из них шесть скребел, выемчатое орудие, зубчатое орудие, леваллуазское острие с ретушью, нож, шиповидное орудие, галечное орудие и пять сколов с ретушью.

В качестве сырья для изготовления орудий использовались окремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков, галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой. Преобладают изделия средних размеров, которые имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Первичное расщепление представлено леваллуазскими (рис. 1, *1*) и плоскостными ядрищами параллельного принципа расщепления (рис. 1, *3*). В небольшом количестве представлены удлиненные и леваллуазские сколы (рис. 1, *4*). Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор состоит из скребел (рис. 1, *5*, *6*), в том числе скребла-ножа (рис. 1, *2*), леваллуазского острия и сколов с ретушью. По совокупности характеристик возраст артефактов предварительно был определен в рамках финальной стадии среднего палеолита.

Дальнейшее изучение данного участка в 2012 г. позволило обнаружить аналогичные археологические материалы в стратифицированном состоянии. [Рыбалко, Кандыба, 2012]. В результате разведочных работ в шурфе, заложенном на небольшой площадке, на границе пашни, были обнаружены артефакты подобного облика. Впоследствии на месте шурфа был разбит раскоп общей площадью 70 м^2. В ходе раскопочных работ была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 0,5 м от дневной поверхности.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневый легкий суглинок рыхлый, пористый, с редкими карбонатными стяжениями (диаметром до 1 см), равномерно распределенными по всей толще горизонта. Кровля слоя до 0,04 м слабо гумусированная, имеет серый оттенок. Граница с нижележащим слоем четкая, относительно ровная, субгоризонтальная (падение в ЮЗ направлении). Мощность 0,3–0,4 м.

Слой 2. Желто-серая (в сухом состоянии белесая) лессовидная супесь. Слой сильно минерализованный, верхняя граница четкая неровная, имеет наклон параллельно склону. Мощность 0,3–0,4 м.

Археологические материалы залегали в нижней половине слоя 1 (серо-коричневый суглинок). Данный литологический горизонт ориентирован параллельно склону, генезис отложений делювиально-эоловый. Образование культуросодержащего слоя рассматривается как относительно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современной поверхности террасы. Все предметы имеют очень хорошую сохранность поверхности, полностью отсутствуют следы забитости и выкрошенности на краях артефактов. В процессе раскопок были обнаружены аплицирующиеся предметы.

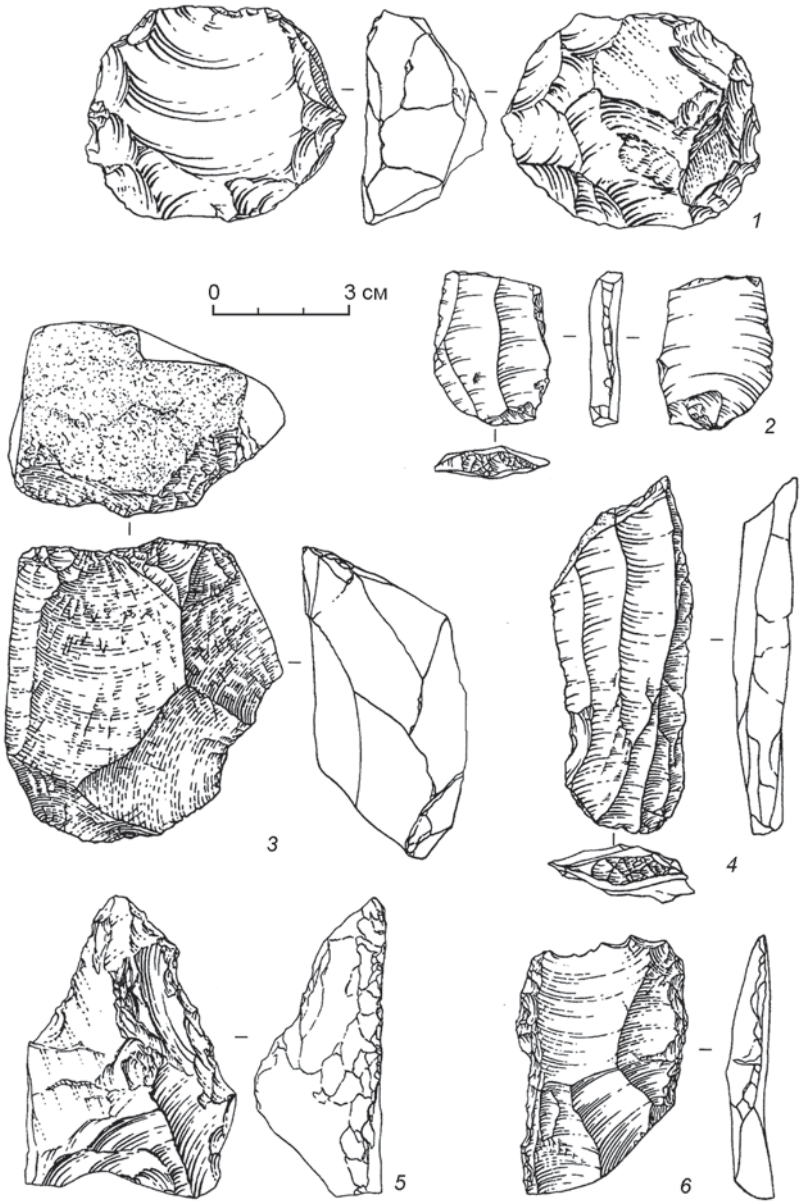


Рис. 1. Каменная индустрия поверхностных сборов местонахождения Дарвагчай-Залив-1.

1, *3* – нуклеусы; *2* – скребло-нож; *4* – скол леваллуа; *5*, *6* – скребла.

Полученная коллекция насчитывает 742 артефакта, в том числе: нуклеусы – 82 экз., нуклевидные обломки – 15 экз., технические сколы – 2 экз., пластинчатые сколы – 7 экз., пластины – 11 экз., отщепы – 439 экз., чешуйки – 42 экз., обломки и осколки – 144 экз. Орудийный набор – 44 экз., состоит из: выемчатых орудий (2), зубчатого орудия, ножей (3), скребел-ножей (4), леваллуазского острия (1), мустьерского удлиненного остроконечника (1), скребел (5), скребков (4), отщепов с ретушью (23).

Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов (82 экз. – 11 % от общего числа предметов). Стоит отметить несоответствие процентного соотношения нуклевидных изделий и отщепов, а также незначительное количество первичных и вторичных сколов. Подобная ситуация наблюдается и в подъемной коллекции артефактов, представленной выше. По всей вероятности, это свидетельство того, что на место стоянки приносили уже оформленные заготовки (пренуклеусы), где происходила их дальнейшая утилизация. В целом коллекция имеет ярко выраженный среднепалеолитический облик. Первичное расщепление представлено леваллуаскими (рис. 2, *1*, *2*, *4*) и одноплощадочными монофронтальными ядрищами параллельного принципа расщепления. Небольшими сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. В орудийном наборе в небольшом количестве представлены все основные среднепалеолитические типы изделий в виде разнообразных скребел (рис. 2, *5, 6*), леваллуазского острия (рис. 2, *3*) и мустьерского остроконечника; кроме этого, отмечается наличие атипичных скребков и сколов с ретушью. Особенности распределения каменного материала в геологическом горизонте, его качественные и количественные составляющие позволяют определить данный комплекс памятника Дарвагчай-Залив-1 как кратковременную стоянку-мастерскую.

В процессе раскопок на прилегающей территории были продолжены археологические изыскания с целью обнаружения новых синхронных по времени палеолитических местонахождений. Одним из таких объектов является памятник Дарвагчай-Карьер-2, обнаруженный в 2015 г. в результате визуального обследования техногенного участка кровли древнекаспийской террасы на сходных гипсометрических отметках рельефа [Кандыба, Рыбалко, 2015].

Археологический памятник Дарвагчай-Карьер-2 расположен на правом берегу р. Дарвагчай, в полукилометре восточнее плотины Геджухского водохранилища в 50 м к юго-востоку от ранее известного местонахождения Дарвагчай-Карьер. Каменные артефакты залегали на верхней части террасы,

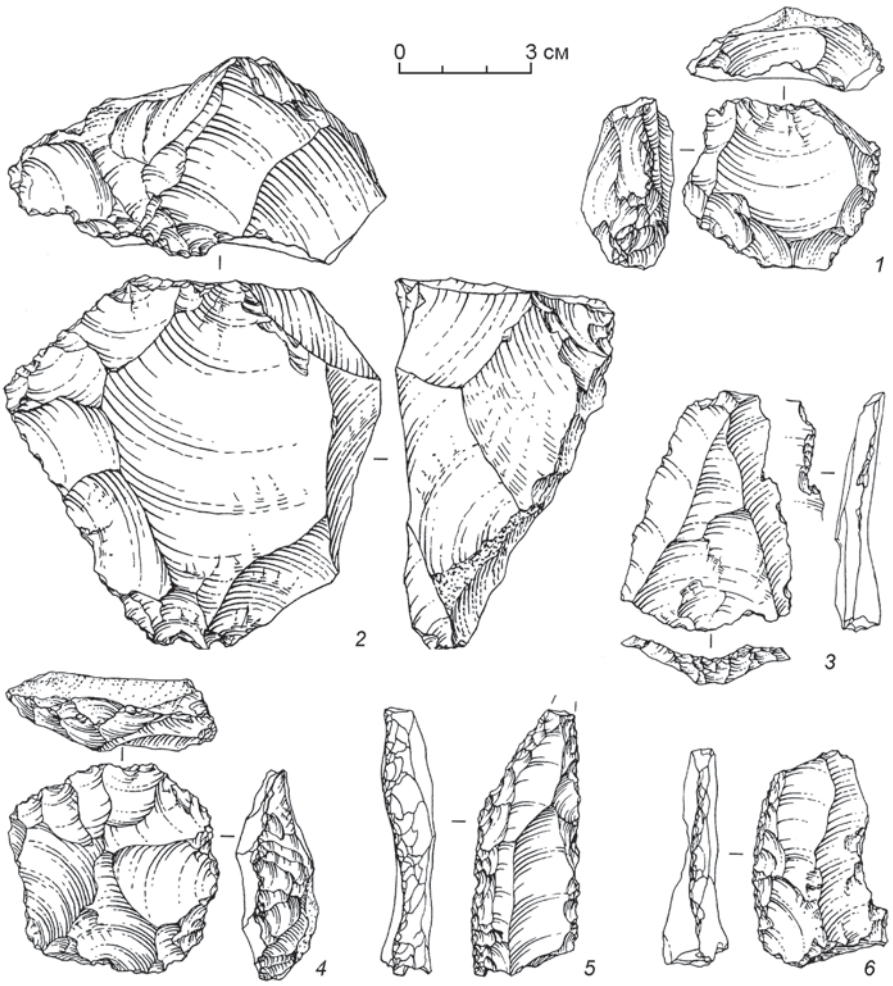


Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Дарвагчай-Залив-1.
1, *2*, *4* – леваллуазские нуклеусы; *3* – леваллуазское острие; *5*, *6* – скребла.

которая имеет неровную распаханную поверхность. Археологический материал был сконцентрирован на небольшой площадке размером около 500 м^2. В ходе обследования обнаружен 171 артефакт. Отбирались все нуклевидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты), имеющие определимые ударные площадки. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 90 % от всех экспонированных на поверхности предметов. В качестве сырья использовался кремень и окремненный известняк в виде окатанных желваков и галек. Поверхность изделий слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной.

Преобладают изделия средних размеров, отмечается значительное количество нуклевидных изделий. Индустрия комплекса Дарвагчай-Карьер-2 демонстрирует явное преобладание леваллуазской техники расщепления, что подтверждается наличием большого количества леваллуазских нуклеусов и леваллуазских сколов (в основном отщепов), а также достаточно весомым количеством фасетированных ударных площадок. Небольшая группа плоскостных нуклеусов параллельного принципа расщепления в большинстве своем также направлена на производство отщепов. В пользу среднепалеолитического облика индустрии говорит присутствие в орудийном наборе ножа-скребла и медиального фрагмента мустьерского удлиненного остроконечника. Помимо этого, отмечается наличие выемчатых и комбинированных (выемчатое-проколка) орудий, а также отщепов с ретушью.

В 2020–2021 гг. были проведены дополнительные разведочные работы в среднем течении реки Дарвагчай с целью обнаружения новых археологических объектов и увеличения количества эмпирического материала. В результате было обнаружено два новых местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала, получивших название Дарвагчай-Карьер-3 и Дарвагчай-Карьер-4.

Памятник Дарвагчай-Карьер-3 расположен на правом берегу р. Дарвагчай в 50 м к югу от плотины Геджухского водохранилища и в 900 м западнее обнаруженного ранее памятника Дарвагчай-Карьер-2

[Кандыба, Рыбалко, 2015; 2016]. Коллекция памятника Дарвагчай-карьер-3 насчитывает 137 артефактов. Нуклевидный набор состоит из 35 предметов, из них большая часть относится к леваллуазскому расщеплению (рис. 3, *1–3*, *6*). Орудийный набор насчитывает 9 предметов, из которых наиболее выразительными изделиями являются листовидный бифас, два мустьерских остроконечника и леваллуазские сколы с ретушью (рис. 3, *4*, *5*, *7–9*).

Местонахождение Дарвагчай-Карьер-4 расположено в 300–400 м южнее памятника Дарвагчай-Карьер-2 и 100–200 м восточнее дороги Геджух – Дюбек. Коллекция насчитывает 25 артефактов. Нуклевидный набор состоит из восьми нуклеусов, подавляющая часть которых относятся к леваллуазскому расщеплению. Орудийный набор включает два отщепа с краевой эпизодической ретушью.

Помимо сходных геолого-геоморфологических условий и сравнительно близкого расстояния между памятниками (~ 600–900 м), а также одинаковой сырьевой базы, обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. В группе нуклевидных изделий доминируют леваллуазские нуклеусы. Первичное расщепление в основном ориентировано на производство отщепов. Пластины и пластинчатые заготовки немногочисленны. В орудийном наборе присутствуют леваллуазские сколы, скребла и остроконечники. Также отмечается полное отсутствие верхнепалеолитических форм.

В результате проведенных полевых и камеральных исследований были получены неопровержимые свидетельства, что все представленные стратифицированные и подъемные археологические материалы имеют аналогичные технико-типологические характеристики, а по сути, являются единым археологическим комплексом. Следовательно, экспонированные на современной поверхности артефакты могут в полной мере использоваться для характеристики данной среднепалеолитической индустрии.

По совокупности признаков, данный комплекс наиболее близок каменному инвентарю нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1 (Та-

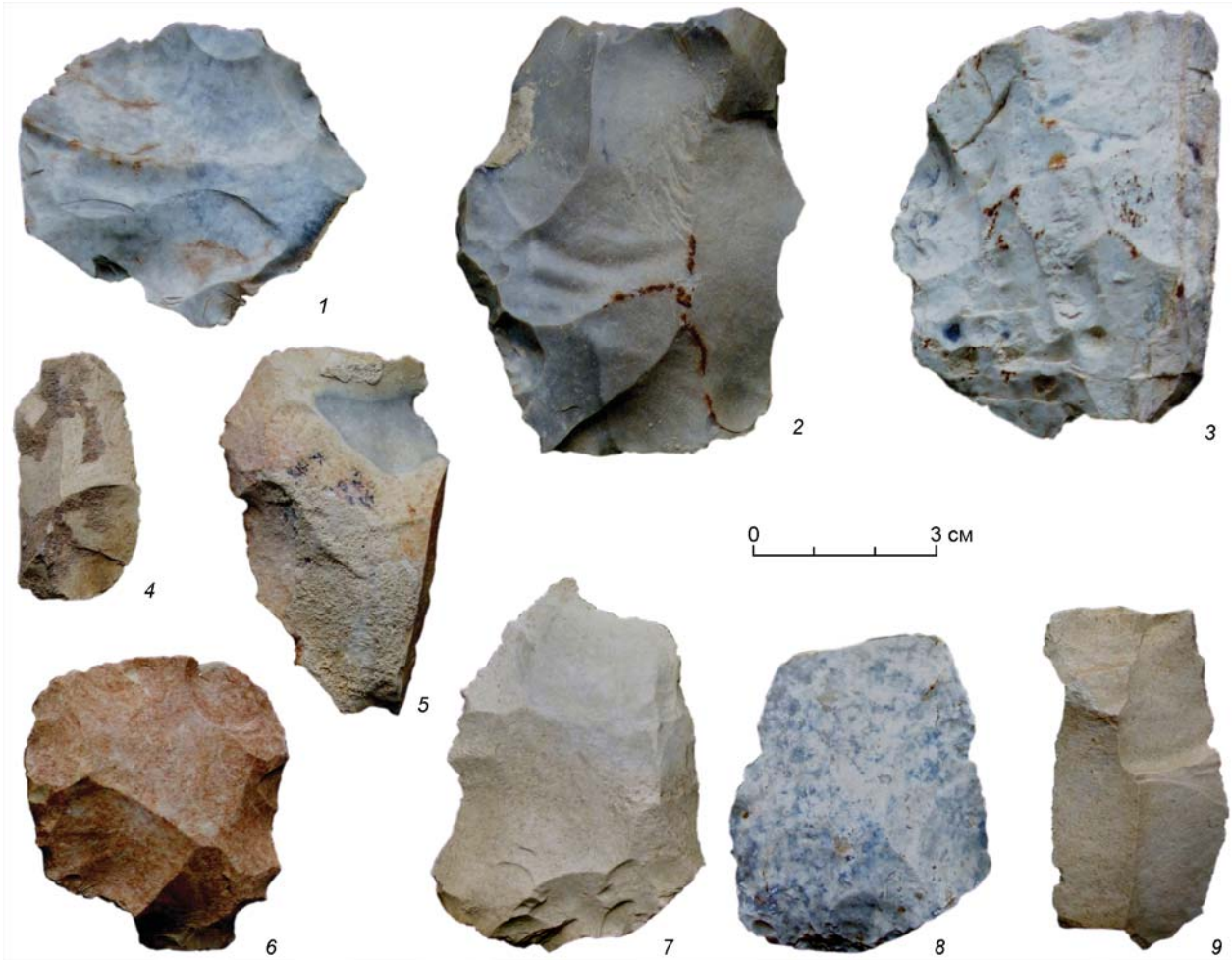


Рис. 3. Каменная индустрия местонахождения Дарвагчай-Карьер-3.
1–3, *6* – нуклеусы; *4*, *5*, *7*, *9* – сколы с ретушью; *8* – остроконечник.

басаранский р-н, Республики Дагестан), которые по данным абсолютного датирования имеют возраст 45–47 тыс. л.н. [Анойкин и др., 2013]. Первичное расщепление здесь представлено леваллуазской, параллельной и торцовой техниками скалывания. Индустрия Тинита-1 преимущественно была направлена на получение удлиненных заготовок, что обусловлено основной формой ядрищ. В орудийном наборе коллекций значительную часть (ок. 40 %) составляют сколы и обломки с ретушью, среди типологически выраженных орудий более половины составляют скребущие и режущие инструменты (скребла, атипичные скребки, скребла-ножи, ножи). Также присутствуют еще две представительные группы изделий – остроконечники (в основном леваллуазские) и зубчато-выемчатые формы. Существенно отличает данный комплекс от Дарвагчайского наличие верхнепалеолитических типов орудий (скребки и резцы), которые относительно немногочисленны и слабо выразительны. Данные свидетельства позволяют рассматривать индустрии памятников Дарвагчай-Залив-1 и Дарвагчай-Карьер-2, -3 и -4 как близкие, но не синхронные по времени материалам нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1. Учитывая характеристики каменного инвентаря среднепалеолитических индустрий Дарвагчайского геоархеологического района и возможные хронологические рамки их формирования (60–50 тыс. л.н.), наиболее вероятной представляется их промежуточная позиция между материалами стоянки Тинит-1 и более древними среднепалеолитическими комплексами.

На данный момент на территории Кавказа известно ок. 400 памятников, на которых зафиксированы каменные индустрии среднего палеолита, при этом основная часть этих объектов (ок. 90 %) относится к подъемным (или имеющим переотложенные и смешенные культуросодержащие горизонты) комплексам [Любин, 1977].

В настоящий момент не существует единой концепции культурно-хронологического разделения среднего палеолита Кавказа. Большей частью исследователей выделяется два периода его развития, разделенных довольно продолжительным периодом в пределах 60–75 тыс. л.н. (оледенение вюрм II). Ранний этап характеризуют, в первую очередь, леваллуазские пластинчатые индустрии, с большой долей удлиненных остроконечников, где также хорошо представлены продольные скребла, встречаются лимасы, ножи и зубчатые изделия. Специфическим приемом оформления остроконечников является вентральная подработка их оснований и острий плоской ретушью. В основном это стоянки южного и центрального Кавказа (кударско-джуракульская группа пещерных стоянок, пещера Мыштулагты-Лагат).

К поздним этапам среднепалеолитического времени относится более широкий круг стоянок, среди которых наблюдается значительное индустриальное разнообразие. Выделяются три основных ареала: Северо-Западный Кавказ, индустрии которого ряд исследователей относит к восточному микоку; Малый Кавказ, где существуют индустрии загросского мустье, а также юго-западные склоны Большого Кавказа, где выделяется зона, включающая различные мустьерские комплексы, сформировавшиеся на стыке восточного микока, левантийского мустье и мустье Загроса. Данное разделение поддерживается далеко не всеми исследователями. Вместе с тем все специалисты отмечают большое разнообразие среднепалеолитических индустрий на данной территории в это время [Любин, 1977; Любин, Беляева, 2006]. Все рассматриваемые археологические комплексы среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе и в Закавказье имеют четкую стратификацию и выраженный хозяйственный тип (стоянка-мастерская, базовый лагерь и т.д.), которые, по мнению исследователей, во многом определяют технико-типологический облик индустрий.

Наиболее близки к среднепалеолитическим индустриям долины р. Дарвагчай по территориальному расположению и, скорее всего, в возрастном плане комплексы Азербайджана (пещеры Таглар, Газма и др.), однако при общем сходстве в первичном расщеплении здесь наблюдается значительное расхождение в типологии орудийных наборов [Джафаров, 1999]. В дагестанских материалах отсутствуют такие специфические типы как остроконечники с утонченным основанием, транкированно-фасетированные изделия, лимасы, также незначителен процент остроконечников и конвергентных форм. Схожая картина наблюдается при сравнении материалов Дарвагчайского геоархеологического района с другими среднепалеолитическими комплексами Кавказа. Здесь основные различия наблюдаются, как правило, в отсутствии в дагестанских коллекциях бифасов, орудий с утончением и лимасов, крайне редким использованием вентральной подправки, небольшим процентом остроконечников. Определенное сходство в первичном расщеплении и орудийном наборе фиксируется с материалами Монашеской пещеры (гупская группа), которую исследователи на основе комплекса естественно-научных данных датируют средним вюрмом.

Таким образом, среди археологических комплексов второй половины вюрма (МИС 4–3) в кавказском регионе на настоящее время не выявлено прямых аналогов индустриям Юго-Восточного

Дагестана. Непрерывный хронологический интервал существования этих комплексов составляет ок. 10 тыс. лет (~ 60–50 тыс. л.н.), во время которого они демонстрируют плавный характер изменений в рамках единого направления. При этом в них не наблюдается каких-либо существенных технико-типологических изменений, а в более позднее время им на смену приходят в уже «готовом» виде верхнепалеолитические индустрии с развитым пластинчатым производством и принципиально иным орудийным набором. Судя по имеющимся данным, эти различные по облику каменные индустрии на территории Кавказа разделяют длительный временной интервал, это позволяет предполагать, что данный процесс, возможно, был связан со сменой населения.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего-верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 26–39.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск, 2012. – 292 с.

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. – Баку: Елм, 1999. – 228 с.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Исследования палеолитического местонахождения Дарвагчай-Карьер-2 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 80–83.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новый археологический объект среднего палеолита Дарвагчай-Карьер-2 (Республика Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 86–89.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 223 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 108 с.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 139–141.

References

Anojkin A.A., Slavinskij V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. New findings on lithic industries of the middle to upper paleolithic boundary in Dagestan. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2013. N 2. P. 26–39. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Amirhanov H.A., Zenin V.N., Anojkin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 292 p. (In Russ.).

Dzhafarov A.G. Srednij paleolit Azerbajdzhana. Baku: Elm, 1999. 228 p. (In Russ.).

Lyubin V.P. Musterskie kultury Kavkaza. Leningrad: Nauka, 1977. 223 p. (In Russ.).

Lyubin V.P., Belyaeva E.V. Rannyaya preistoriya Kavkaza. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 108 p. (In Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Issledovaniya paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Darvagchai-Kar'er-2 v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 80–83. (In Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novyi arkheologicheskii ob"ekt srednego paleolita Darvagchai-Kar'er-2 (Respublika Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 86–89. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Issledovanie finala srednego paleolita stoyanki Darvagchai-zaliv-1 v 2012 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. – T. 18. – P. 139–141. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0264-0270
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко✉, В.Н. Зенин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Начальный средний палеолит Юго-Восточного Дагестана

Территория Приморского Дагестана является одним из мест на Евразийском континенте, где отмечено постоянное и массовое присутствие неандертальских популяций в древности. Об этом, в частности, свидетельствует большое количество среднепалеолитических памятников на территории Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан), обнаруженных в последнее десятилетие. Данная статья главным образом посвящена результатам многолетних исследований археологического комплекса стоянки Дарвагчай-Залив-1, материалы которого относятся к начальным этапам среднего палеолита. В 2021 г. аналогичные артефакты были обнаружены на памятнике Дарвагчай-Залив-4, в средней части слоя 2. Технико-типологические характеристики небольшой коллекции каменных изделий позволяют отнести ее к начальному периоду среднего палеолита. Возраст культуросодержащего горизонта установлен на основании серии OSL-дат в интервале 200–180 тыс. л.н. (МИС 7). На территории Северо-Восточного Кавказа ранее каменные индустрии, соответствующие хронологическому интервалу МИС 6–7, были практически неизвестны. В целом эти технокомплексы можно охарактеризовать как не леваллуазские и не пластинчатые, с присутствием леваллуазского расщепления и низкими индексами фасетирования. Основу орудийного набора составляют скребла, зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. Леваллуазские и мустьерские остроконечники отсутствуют. Галечные орудия (чопперы, скребловидные) встречаются довольно часто. Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что в культурно-хронологической шкале среднего палеолита Кавказа нет аналогичных каменных индустрий. Их истоки, по-видимому, стоит искать в более древних местных комплексах, относящихся к финальному раннему палеолиту и датируемых МИС 7, а продолжение – в индустриях раннего среднего палеолита, представленных археологическими материалами этих же стоянок, относящихся к МИС 5.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, средний палеолит, скребла, галечные орудия.*

A.G. Rybalko✉, V.N. Zenin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Early Middle Paleolithic of Southeastern Dagestan

The territory of seacoast Dagestan is a location on the Eurasian continent where the constant and massive ancient presence of the Neanderthal populations was observed. This is evidenced by a large number of Middle Paleolithic sites in the Darvagchay geoarchaeological region (South-Eastern Dagestan) discovered in the last decade. This article primarily discusses the results of studies of the archaeological complex of the Darvagchay-Zaliv-1 site, with its materials belonging to the initial stages of the Middle Paleolithic. In 2021, similar artifacts were found at the Darvagchay-Zaliv-4 site, in the middle part of layer 2. The technical and typological characteristics of a small collection of stone articles allow attributing it to the initial period of the Middle Paleolithic. The age of the culture-bearing horizon was established on the basis of a series of OSL dates in the range of 200–180 ka (MIS 7). Previously, lithic industries corresponding to the chronological interval MIS 6–7 were almost unknown in the North-Eastern Caucasus. In general, such technological complexes can be characterized as non-Levallois and non-blade, with the presence of Levallois knapping and low faceting indices. Side-scrapers, notched-toothed and spike-shaped tools form the basis of the toolkit. Levallois and Mousterian points are absent. Pebble tools are lithic industries in the cultural and chronological scale of the Middle Paleolithic of the Caucasus. Probably, their origins should be sought in more ancient local complexes dating back to the final Early Paleolithic dated to MIS 7, and continuation in the industries of the Early Middle Paleolithic represented by archaeological materials from the same sites related to MIS 5.

Keywords: *Dagestan, lithic industries, Middle Paleolithic, scrapers, pebble tools.*

Каменные индустрии начального этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана хорошо представлены материалами памятников Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2) и Дарвагчай-Залив-4 (слой 2). Стоянка Дарвагчай-Залив-1 обнаружена в 2007 г. во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе селения (кутана) Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Памятник расположен на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет ~ 40 м. Склон местами задернован, покрыт луговой растительностью и редким кустарником. Артефакты данного комплекса были обнаружены у основания террасы, как в стратифицированном залегании, так и в подъемных сборах [Деревянко и др., 2012].

Основным сырьем для изготовления артефактов служил известняк (~ 85 %), намного реже использовался кремень. Данные виды сырья встречаются в виде галек, желваков и плитчатых обломков в естественных обнажениях в непосредственной близости от местонахождения. В разной степени окремненный известняк представляет собой плотную и достаточно твердую осадочную породу серого цвета, хорошо поддающуюся расщеплению и обработке, хотя и уступающей по твердости кремню.

В 2009 г. при обследовании территории, примыкающей к площади будущего раскопа, была получена коллекция каменных изделий, состоящая из 94 артефактов, в том числе: нуклеусы – 25 экз., нуклевидные обломки – 2 экз., сколы – 56 экз., обломки и осколки – 6 экз., гальки и плитки – 5 экз.

Нуклевидные формы представлены 25 ядрищами разных размеров. Среди них преобладают *одноплощадочные монофронтальные нуклеусы* (16). В качестве заготовок использовались гальки и обломки продолговатой формы. Фронты скалывания плоские, ударные площадки естественные (4), гладкие (8), в четырех других случаях оформлены сколами (рис. 1, *1*). Следующая по массовости группа – *двухплощадочные монофронтальные ядрища* (3) – изделия массивные прямоугольной формы, контрфронты покрыты желвачной коркой (рис. 1, *4*). *Двухплощадочные двусторонние нуклеусы* (2): первый предмет шаровидной формы крупных размеров, другой нуклеус средних размеров. Ударная площадка первого выпуклая, оформлена сколами, с прилегающей широкой плоскости производились снятия заготовок удлиненных пропорций. Ударная площадка второго срединно-выпуклая, фасетированная, расположена на правой латерали нуклеуса. Скалывание заготовок производилось по диагонали предмета. Данный нуклеус типологически имеет много общего с леваллуаз-

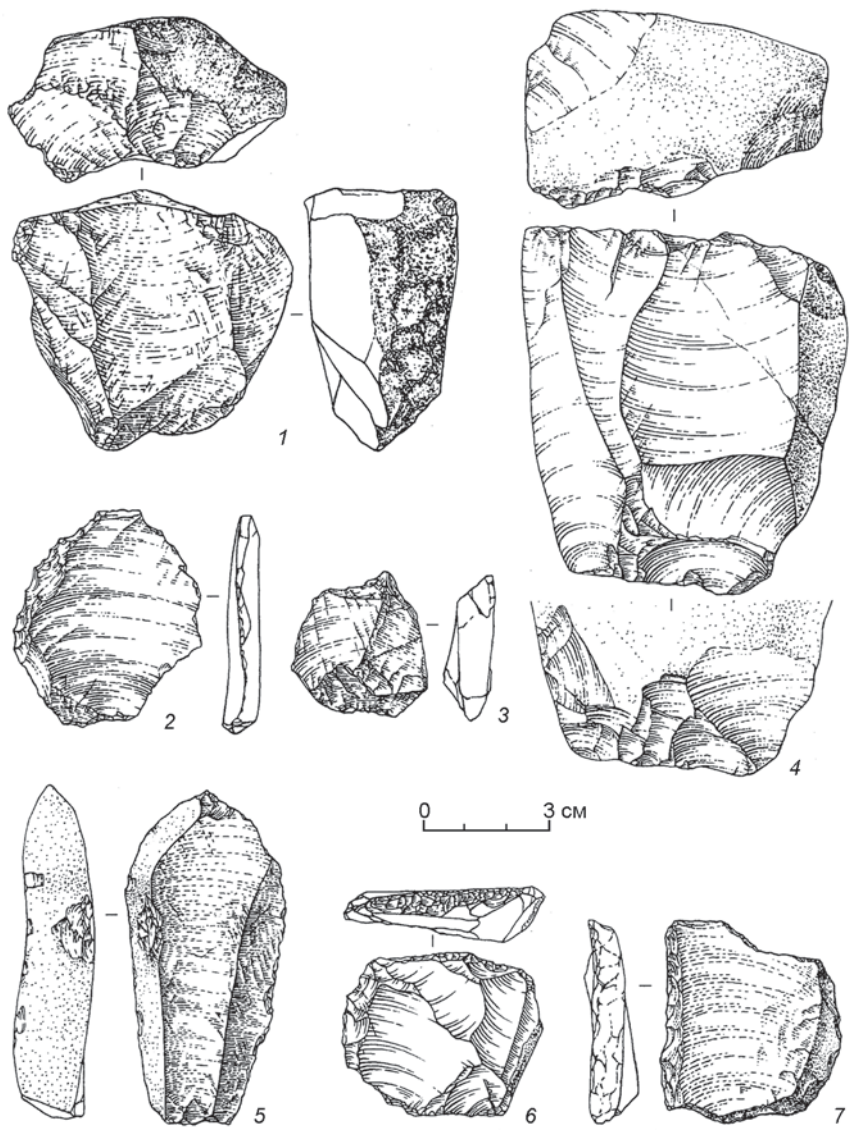


Рис. 1. Каменная индустрия поверхностных сборов местонахождения Дарвагчай-Залив-1.

1, 4, 6 – нуклеусы; *2, 7* – скребла; *3* – шиповидное орудие; *5* – нож.

ской традицией расщепления камня (рис. 1, *6*). *Нуклеусы чоппинговидные* (2) выполнены на гальках средних размеров. Продольный край изделий представлен в виде острого ребра, являющегося дугой скалывания; снятия укороченных сколов производились поочередно в обоих направлениях. *Многоплощадочные нуклеусы* (2) шаровидной формы, средних размеров.

Сколов в коллекции 56 экз. Отщепы с определимыми ударными площадками представлены следующими вариантами: естественные – 16, гладкие – 15, двугранные – 3. Пластинчатые сколы – 5 экз., из них целых – 3 (все крупные). Определимые ударные площадки гладкие – 3. Пластины – 3 экз., все целые крупного размера. Ударные площадки гладкие – 2 и одна фасетированная.

Гальки крупные и уплощенные, плитки имеют средние размеры, на всех предметах присутствует вторичная обработка. Обломки и осколки разных размеров и форм, на всех сохранились участки галечно-желвачной корки. Большая часть имеет следы вторичной обработки.

Орудийный набор – 22 экз. *Скребла* (4), все средних размеров. Одно изделие выполнено на сколе, выпуклое лезвие оформлено на продольном крае лицевой, полукрутой, разнофасеточной ретушью (рис. 1, *2*). Следующее скребло подготовлено на плитке, имеющей треугольное поперечное сечение, обушок покрыт желвачной коркой, лезвие оформлено полукрутой, разнонаправленной ретушью. Другое орудие выполнено на фрагменте скола, имеет два лезвия, расположенных на продольном и поперечном краях заготовки. В месте сопряжения лезвий выделен небольшой выступ, ретушь лицевая, крутая и полукрутая, средняя (рис. 1, *7*). В качестве заготовки для последнего скребла использовался сильно сработанный нуклеус, прямое лезвие тщательно оформлено крутой, однонаправленной ретушью (рис. 1, *6*). *Выемчатые орудия* (3). Рабочие элементы оформлены крутой, разнофасеточной ретушью. *Шиповидные орудия* (2), в качестве заготовок использовались плитка и скол (рис. 1, *3*). Рабочие элементы подготовлены крутой, односторонней ретушью. *Скребки* (2) атипичные, мелких размеров. *Нож* выполнен на пластине крупных размеров. Обушок покрыт галечной коркой, противолежащий край носит следы нерегулярной, краевой ретуши (рис. 1, *5*). *Сколы с ретушью* (10) – изделия крупных (3) и средних (7) размеров. Ретушь односторонняя, краевая, мелкая и средняя.

По технико-типологическим параметрам артефакты подъемных сборов хорошо соответствуют стратифицированной коллекции и могут рассматриваться, как дополнительные материалы, характеризующие данный комплекс.

Археологический материал, залегавший in situ, был получен в ходе полевых исследований 2009–2010 гг. из разведочного шурфа и раскопа (общей площадью 21 м^2). При раскопках была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 2-х м от дневной поверхности. Работы были прекращены после достижения толщи морских отложений. Ниже приводится описание разреза раскопа 2010 г. (сверху вниз), наиболее полно отражающего стратиграфическую ситуацию.

Слой 1. Современная почва отсутствует. Слой представлен светло-коричневым легким суглинком с примесью дресвы, мелкого щебня, гравия и хорошо окатанных галек. Верхняя часть слоя до 0,05 м слабо гумусированная, имеет серый оттенок, по трещинам рассыхания серый гумусированный окрас проникает до кровли нижележащего слоя. Состав обломков: известковистый и окремненный мелкозернистый песчаник и алевролит. Плоские гальки и щебень ориентированы параллельно склону. Мощность слоя 0,2–0,25 м. Подошва слоя нечеткая, слабоволнистая, падает параллельно современному склону, что указывает на преобладание делювиального процесса осадконакопления.

Слой 2а. Коричневый суглинок с большим содержанием обломочного материала: дресвы, щебня, полуокатанных и хорошо окатанных галек. Встречаются плоские глыбы ракушняка (до 0,8 м). Плоский щебень, галька и глыбы преимущественно ориентированы параллельно склону. В толще слоя много мелких карбонатных стяжений. Мощность 0,3–0,5 м. Генезис склоновый.

Слой 2б. Аналог слоя 2а. Отличается значительным осветлением и минерализацией заполнителя, прослеживается в виде большой линзы мощностью до 110 см. Ориентировка обломков отсутствует. В мокром состоянии слой рыхлый, в сухом приобретает свойства конгломерата. В подошве слоя крупных обломков значительно больше (особенно глыб ракушняка). Отложения с явным перерывом (размывом) перекрывают нижележащие.

Слой 3. Тонкозернистый желтовато-серый песок мощностью до 0,55 м. Непосредственно на поверхности слоя залегают очень крупные глыбы и плиты ракушняка что, по всей видимости, связано с неотектоническими процессами. В кровле слой местами сильно перемешен, контактная зона с перекрывающими отложениями до 0,2 м. В подошве залегают хорошо окатанные валуны эллипсоидных и уплощенных форм (до 0,4 м). Подошва слоя четкая, не всегда ровная – видны промоины в нижележащих отложениях.

Слой 4. Зеленовато-коричневый алеврит с большим содержанием солей Ca и Na. Текстура пятнистая, видимая мощность слоя до 1,3 м. Данный слой,

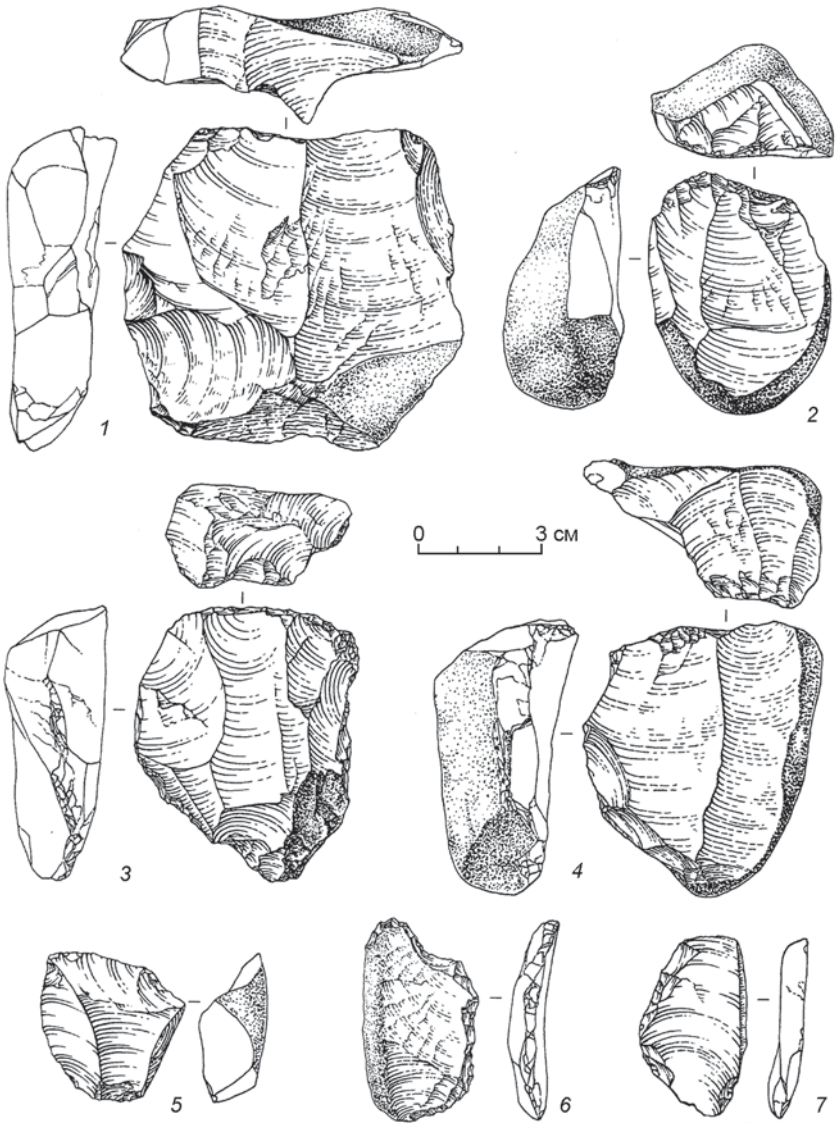


Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Дарвагчай-Залив-1.
1–4 – нуклеусы; *5* – зубчатое орудие; *6, 7* – скребла.

по всей видимости, является сильно размытым поверхностным горизонтом акчагыла, т.к. залегает на горизонтально слоистых отложениях глинистых алевритов зеленовато-коричневого цвета, которые относятся к акчагыльской трансгрессии.

В процессе полевых исследований выделено 5 литологических горизонтов, в трех верхних отмечено залегание археологического материала. Все отложения, залегающие ниже слоя 2б (слои 3 и 4), не содержат археологических артефактов и образовались, вероятно, намного ранее первого появления древнего человека на данной территории, следовательно, в данном разрезе зафиксирован большой стратиграфический перерыв (размыв) процесса осадконакопления. Археологические материалы равномерно расположены по всей мощности культуросодержащих горизонтов, по условиям залегания и технико-типологическим показателям хронологическое расчленение артефактов невозможно. Всю полученную коллекцию следует рассматривать как единую индустрию. Образование данных склоновых отложений представляется как довольно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современной поверхности склона террасы.

Общее количество артефактов коллекции – 800 экз., в том числе: колотые гальки и плитки – 19, нуклевидные формы – 75, пластины – 3, пластинчатые отщепы – 7, отщепы – 575, технические сколы – 4, обломки и осколки – 117. Все изделия не окатанные, состояние поверхности (независимо от сырья) очень хорошее.

Нуклевидные формы представлены преимущественно оформленными ядрищами (54) и значительно меньшим количеством нуклевидных обломков (21). Основную часть коллекции составляют плоскостные, параллельного способа расщепления монофронтальные одно- и двухплощадочные ядрища (рис. 3, *1*), часто в начальной стадии эксплуатации, при этом некоторые интенсивно оформленные нуклеусы этой категории могут интерпретироваться как леваллуазские (рис. 2, *1–4*). Последние имеют прямоугольные очертания, оформленные слабовыпуклые площадки, и предназначались они для снятия удлиненных заготовок. Четыре экземпляра относятся к двухфронтальным двухплощадочным. В незначительном количестве (3) также присутствуют радиальные монофронтальные и двухфронтальные ядрища.

Сколы в основном средних и мелких размеров, доля крупных ~ 10 %. Огранка дорсалов преимущественно субпараллельная или естественная, при этом более половины сколов полностью или частично покрыты галечной коркой. Остаточные ударные площадки, за редким исключением, гладкие и естественные примерно в равных пропорци-

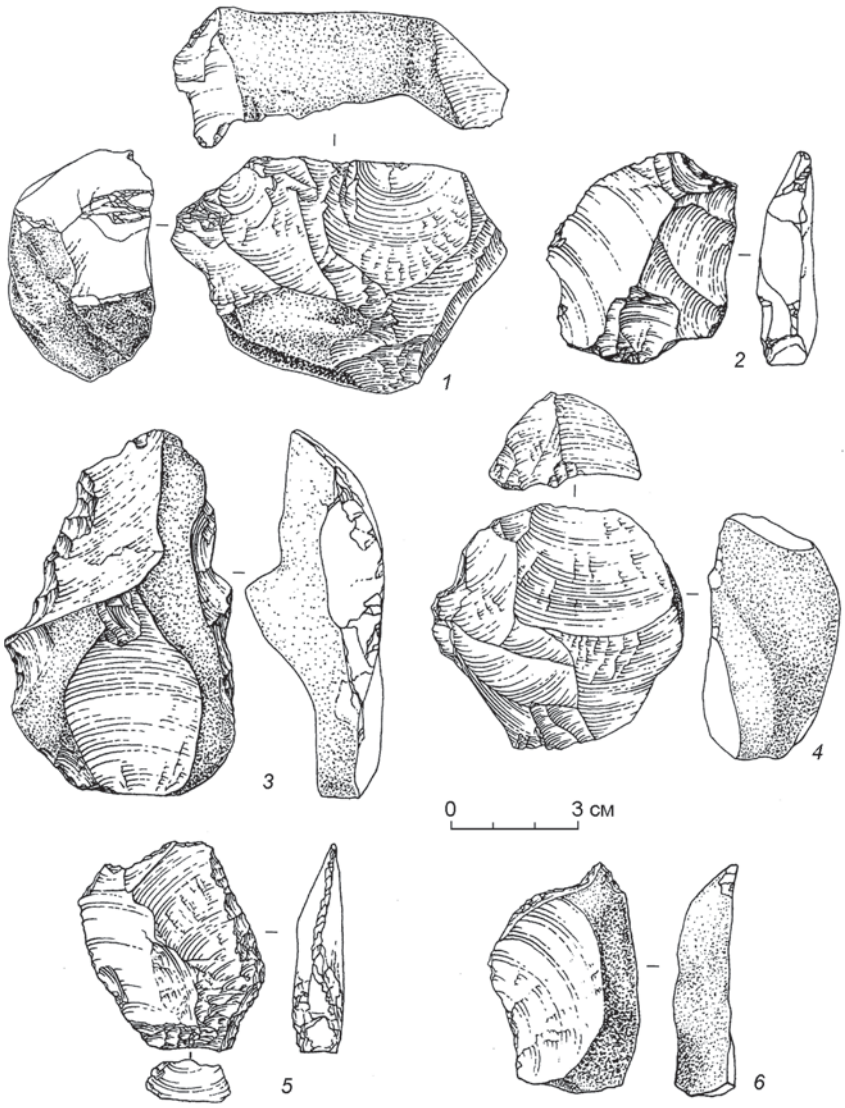


Рис. 3. Артефакты местонахождения Дарвагчай-Залив-1.
1, 4 – нуклеусы; *2, 6* – шиповидные орудия; *3, 5* – скребла.

мелкой крутой однорядной ретушью. Шиповидные изделия средних размеров, шипы короткие, трехгранные, выделены мелкими сколами на узких торцах или углах заготовок. Выемчатые орудия разных размеров, в основном средние, реже крупные, как на отщепах, так и на несколовых основах, выемки неглубокие, чаще протяженные, оформлены мелкими сколами и модифицирующей ретушью. Зубчатые орудия все на сколах, оформлены мелкой модифицирующей ретушью. Комбинированное орудие сочетает на продольном крае скребловидное лезвие и ретушированную выемку.

Общий анализ всей информации данного комплекса местонахождения Дарвагчай-Залив-1 позволяет отнести его к среднему палеолиту, наиболее вероятно, к начальным этапам. Кроме того, стратиграфическая позиция представленного комплекса, литология вмещающих отложений и характер подстилающей толщи позволяют утверждать, что время его формирования соответствует финалу среднего – началу позднего плейстоцена. Характер первичного расщепления в коллекции определяют однофронтальные нуклеусы параллельного способа раскалывания. В небольшом количестве присутствуют леваллуазские ядрища. Сколы представлены, в основном, отщепами разных размеров и пропорций, пластинчатые заготовки единичны. У сколов заметна доля сложно оформленных остаточных ударных площадок (двухгранные и фасетированные) – ок. 10 %. Кремень используется редко, сырьевую основу составляют окремненные песчаники и известняки. В орудийном наборе доминируют однолезвийные скребла и выемчатые ретушированные формы. Каких-либо изделий, близких верхнепалеолитической группе, нет, остроконечники также отсутствуют. Есть несколько крупных галечных рубящих и скребловидных орудий. Большое количество нуклевидных форм, а также относительно небольшой процент орудий, позволяет рассматривать данный комплекс как остатки

ях. Двухгранные и фасетированные вместе составляют ок. 10 %.

Категория орудий насчитывает 66 предметов, ~70 % которых выполнено на сколах, остальные примерно в равных пропорциях на гальках и плоских обломках. Орудийный набор включает: отбойник; скребла (9) (рис. 3, *3 ,5*); скребки атипичные (5) (рис. 2, *7*); нож; галечные орудия (5); шиповидные (2) (рис. 3, *2, 6*), зубчатые (5) (рис. 2, *5*), выемчатые (9) и комбинированное (1) (рис. 2, *6*) изделия; отщепы (20) и обломки с ретушью (8). Таким образом, в орудийном наборе преобладают скребловидные орудия на плоских гальках и скребла на плитках и крупных, массивных сколах, продольные, преимущественно однолезвийные. Атипичные скребки выполнены в основном на мелких сколах и имеют поперечное расположение лезвия, два относятся к боковым, оформлены, как правило,

нескольких относительно близких по времени стоянок-мастерских.

В 2021 г. аналогичные артефакты были обнаружены на памятнике Дарвагчай-Залив-4, в средней части слоя 2 (легкий суглинок, лесс).

Небольшая коллекция насчитывает 22 артефакта. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклеусы (4), отщепы (12), обломки (3) и чешуйки (3). Большая часть нуклеусов (3) представляет плоскостную, параллельную систему расщепления. Ударные площадки гладкие, на фронтах видны негативы снятий крупных удлиненных заготовок. Наиболее выразителен и тщательно оформлен последний нуклеус, демонстрирующий леваллуазский принцип скалывания. Изделие подтреугольной формы, площадка выпуклая, оформлена сколами и ретушью. Продукты первичного расщепления включают: сколы (12) – преимущественно удлиненные, крупного и среднего размера, с гладкими площадками и ярко выраженными ударными бугорками; обломки (3 экз.) – объемные угловатые куски породы и чешуйки (3). Орудийный набор состоит из чоппера и шиповидного изделия. В первом случае в качестве заготовки использовался плоский обломок подтреугольной формы, узкий продольный край которого оформлен сколами. Другое орудие изготовлено на отщепе, на остром естественном выступе ретушью оформлен крупный шип.

В целом представленный комплекс выглядит достаточно архаично и, вероятнее всего, представляет начальный этап среднего палеолита. Хронологические рамки коллекции (200–180 тыс. л.н. – МИС 7) установлены на основании дат, полученных методом OSL [Курбанов, Рыбалко, Янина, 2021, с. 161–166]. Представленная небольшая коллекция демонстрируют несомненное технологическое сходство с многочисленной коллекцией среднепалеолитических каменных изделий, обнаруженных раннее на стоянке Дарвагчай-Залив-1. Данное обстоятельство крайне важно, прежде всего, для установления точной хронологической позиции этих среднепалеолитических материалов, которые ранее имели только приблизительные рамки, основывающиеся в основном на геологических данных [Рыбалко, Девятова, 2015, с. 148–152].

В настоящее время на территории Кавказа известно ок. 400 памятников, на которых зафиксированы каменные индустрии среднего палеолита, при этом основная часть этих объектов относится к подъемным комплексам. Наиболее информативные стоянки, локализованные в южной и северо-западной частях Кавказа, связаны, как правило, со скальными убежищами. В настоящее время большую часть этих пещерных комплексов исследователи объединяют в кударо-джручульскую группу, включая в нее материалы Кударо I, Кударо III, Цоны, Джручулы, Мыштулагты-Лагат и др. [Любин, 1977]. В целом эти комплексы характеризуются как леваллуазские индустрии с большой долей пластинчатых заготовок и удлиненных остроконечников на пластинах, где также хорошо представлены продольные скребла, встречаются лимасы, ножи и зубчатые изделия. Специфическим приемом оформления остроконечников является вентральная подработка их оснований или острий плоской ретушью.

Наиболее близки среднепалеолитическим индустриям Приморского Дагестана по индустриальным особенностям, территориальному расположению и, возможно, хронологически, материалы слоя III пещеры Азых [Гусейнов, 2010], но при общем сходстве в первичном расщеплении здесь наблюдаются существенные расхождения в типологии орудийных наборов, хотя стоит отметить значительный процент однолезвийных скребел. Вместе с тем в дагестанских материалах очень мало конвергентных форм, отсутствуют остроконечники, изделия с вентральной подтеской.

Как уже указывалось, на территории Северо-Восточного Кавказа до последнего времени комплексы, соответствующие хронологическому интервалу МИС 6–7, были практически неизвестны. Материалы, полученные в ходе работ последних лет в Приморском Дагестане, в определенной степени закрывают имеющийся пробел. В целом эти технокомплексы можно охарактеризовать как не леваллуазские и не пластинчатые, с присутствием леваллуазского расщепления и низкими индексами фасетирования. Среди нуклеусов доминируют ядрища параллельного способа скалывания, в разных вариантах, радиальная и леваллуазская техники используются значительно реже. При этом леваллуазское расщепление направлено на производство как удлиненных заготовок, так и отщепов. Основу орудийного набора составляют скребла, зубчато-выемчатые и шиповидные орудия, заметно количество ножей и невыразительных атипичных скребков. Среди скребел очень небольшой процент составляют конвергентные формы. Леваллуазские и мустьерские остроконечники отсутствуют. Галечные орудия (чопперы, скребловидные) встречаются довольно часто.

Исходя из имеющихся данных можно заключить, что в культурно-хронологической шкале среднего палеолита Кавказа нет аналогичных каменных индустрий. Их истоки, по-видимому, стоит искать в более древних местных комплексах, относящихся к финальному раннему палеолиту и датируемых МИС 7: Дарвагчай-Залив-1 (комплекс IV, слой 2) и Дарвагчай-Залив-4 (слой 3), а продолжение –

в индустриях раннего среднего палеолита, представленных археологическими материалами этих же стоянок, относящихся к МИС 5. В целом данная индустрия хорошо согласуется с общей шкалой развития древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа, демонстрируя внутреннюю культурно-технологическую преемственность и все черты, характерные для начального этапа среднего палеолита.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку: ТекНур, 2010. – 247 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск, 2012. – 292 с.

Курбанов Р.Н., Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 161–166.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 223 с.

Рыбалко А.Г., Девятова А.Ю. Корреляция стратиграфических разрезов памятника Дарвагчай-Залив-1 по геохимическим данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 148–152.

References

Guseinov M. Drevnii paleolit Azerbaidzhana. Baku: TekNur, 2010. 247 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Amirhanov H.A., Zenin V.N., Anojkin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 292 p. (In Russ.).

Kurbanov R.N., Rybalko A.G., Yanina T.A. Chronology and periodization of paleolithic complexes of South-Eastern Dagestan (based on the evidence from the Darvagchai-zaliv-4 site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology ofSiberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 27. P. 161–166. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0161-0166

Lyubin V.P. Musterskie kultury Kavkaza. Leningrad: Nauka, 1977. 223 p. (In Russ.).

Rybalko A. G., Devyatova A. Y. Correlation on geochemical evidence of the stratigraphic profiles at the Darvagchai-zaliv-1 site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 148–152. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Зенин В.Н. https://orcid.org/0000-0002-2907-6266

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0271-0275
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко✉, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования раннепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2022 году

В статье представлены новейшие результаты, полученные в ходе исследований многослойной стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан). В процессе раскопок были обнаружены дополнительные археологические материалы, подтверждающие наличие на стоянке двух раннепалеолитических комплексов артефактов, хронологические рамки которых были установлены по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и абсолютного датирования методом OSL. Каменная индустрия первого комплекса, обнаруженная в слое 3 (галечно-гравийные отложения), относится к финальному ашелю. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Возраст культуросодержащего горизонта установлен в интервале 250–220 тыс. л.н. (МИС 7). Коллекция каменных изделий, раскопанная в слое 5 (морские галечники и пески), относится к позднему ашелю и является свидетельством самого раннего появления древнего человека на данной территории (380–330 тыс. л.н., МИС 11–10). Наиболее выразительной частью раннепалеолитических коллекций являются крупные галечные и бифасиально обработанные орудия, включающие чопперы, пики, рубила, нуклевидные скребки и кливеровидные изделия. Среди орудий на сколах выделяются небольшие серии скребловидных, шиповидных и выемчатых изделий, которые приобретают определенные признаки стандартизации. В первичном расщеплении более поздней финальноашельской индустрии отмечаются элементы, характерные для леваллуазского расщепления, такие как оформление у нуклеусов выпуклого фронта скалывания и специально подготовленной ударной площадки. В целом представленные комплексы, определенно, имеют ряд общих черт, демонстрирующих большое сходство в приемах оформления и типах каменных изделий.

Ключевые слова: *Дагестан, археологические стоянки, ашель, каменные индустрии, ранний палеолит.*

A.G. Rybalko✉, A.V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

2022 Studies of the Early Paleolithic Complexes at the Darvagchay-Zaliv-4 Site

The article discusses the latest results obtained during the studies of the multi-layered site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan). During the excavations, archaeological materials were found confirming the presence of two Early Paleolithic complexes of artifacts at the site, the chronological framework of which was established by the malacofauna analysis, paleomagnetic studies, and absolute dating by the OSL method. The lithic industry of the first complex found in layer 3 belongs to the final Acheulean period. The age of the cultural horizon was established in the range of 250–220 ka (MIS 7). The collection of stone artifacts excavated in layer 5 belongs to late Acheulian and is the evidence of the earliest appearance of the ancient man in the area (380–330 ka, MIS 11–10). The most expressive part of the Early Paleolithic collections are large pebble and bifacially processed tools, including choppers, pikes, and axes. Among the tools on the chips, a small series of side-scrapers, spike-like, and notched products can be identified. In primary knapping of the late industry, the elements characteristic of the Levallois knapping are observed. In general, the provided complexes demonstrate a great similarity in the methods of design and types of stone articles.

Keywords: *Dagestan, archaeological sites, Acheulean, lithic industries, Early Paleolithic.*

Стоянка Дарвагчай-Залив-4 обнаружена в 2010 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в ходе обследования правого берега реки Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Памятник расположен на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (ок. 20 м) крутого склона древнекаспийской террасы. Стационарные исследования стоянки, проводившиеся в течение последнего десятилетия, позволили установить точные хронологические позиции раннепалеолитических индустрий, получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, наиболее характерной чертой которого является наличие ашельских макроорудий [Рыбалко, 2014; Кандыба, Рыбалко, 2016].

В 2022 г. были сделаны две прирезки к основному раскопу в северо-восточном (4 × 2 м) и юго-восточном (4 × 2 м) направлениях, общая раскопанная площадь составила 16 м^2. Наиболее полно вскрытые отложения представлены на юго-восточной стенке раскопа, всего выделено 8 геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз).

Слой 1а. Гумусированный суглинок (современная почва). Мощность 0,15 м.

Слой 1б. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1 м.

Слой 1в. Буро-коричневый, тяжелый суглинок (палеопочва). Часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты. Мощность до 0,4 м.

Слой 2. Коричневый, местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок. Генезис субаэральный. В верхней трети слоя (контактная зона) встречаются единичные среднепалеолитические артефакты. Мощность до 3,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный, ведущую роль играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит раннепалеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность до 0,45 м.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый детритовый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Слой 6. Тонкослойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность до 1,5 м.

Обнаруженная в процессе раскопок сводная коллекция раннепалеолитических артефактов насчитывает 68 экз. каменных изделий.

Артефакты, обнаруженные в пролювиальном, галечно-гравийном горизонте (слой 3), имеют разную степень сохранности поверхности. Большая часть изделий средне- (25 %) и слабо- (35 %) окатанные. Сильно окатанных артефактов – 8 %. На оставшихся 32 % изделиях полностью отсутствуют какие-либо следы сглаживающего воздействия. Следов соударений в водной среде на поверхностях артефактов не наблюдается – это означает, что окатывание археологического материала происходило не в направленном водном потоке, а в среде, исключавшей резкие и сильные соударения. Вероятнее всего, данный процесс происходил в водно-песчаной взвеси в приливно-отливной пляжной зоне. Именно этим можно объяснить разную степень сохранности поверхности артефактов и резкое увеличение неокатанных и слабоокатанных каменных изделий по мере удаления от края террасы. Условия залегания и состояние изделий из камня свидетельствуют о незначительной, частичной переотложенности комплекса.

Представленная индустрия является моносырьевой, для изготовления каменных орудий использовались гальки и разной степени окатанные обломки преимущественно из кремня (90 %) и в значительно меньшей мере окремненного известняка (10 %). Данные горные породы в изобилии встречаются в естественных и искусственных обнажениях в центральной части склона и у основания древнекаспийской террасы, а также являются непосредственной составляющей культуросодержащего горизонта.

Археологическая коллекция из слоя 3 состоит их 54 артефактов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклеусы – 4; отщепы – 32; гальки – 6; обломки и осколки – 10; чешуйки – 2.

Три ядрища, одноплощадочные монофронтальные, относятся к простой плоскостной системе расщепления. В качестве заготовок использовались гальки, площадки скошенные, естественные, с рабочих плоскостей производились снятия крупных отщепов. Последний нуклеус имеет все признаки, характерные для леваллуазской системы расщепления. Выпуклая ударная площадка и правая латераль оформлены мелкими сколами и ретушью, на фронте скалывания видны негативы пластинчатых снятий (рис. 1, *2*).

Продукты первичного расщепления включают: сколы (32) преимущественно укороченные, крупного и среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком; обломки (10) – объемные угловатые куски породы разных размеров и форм и чешуйки (2).

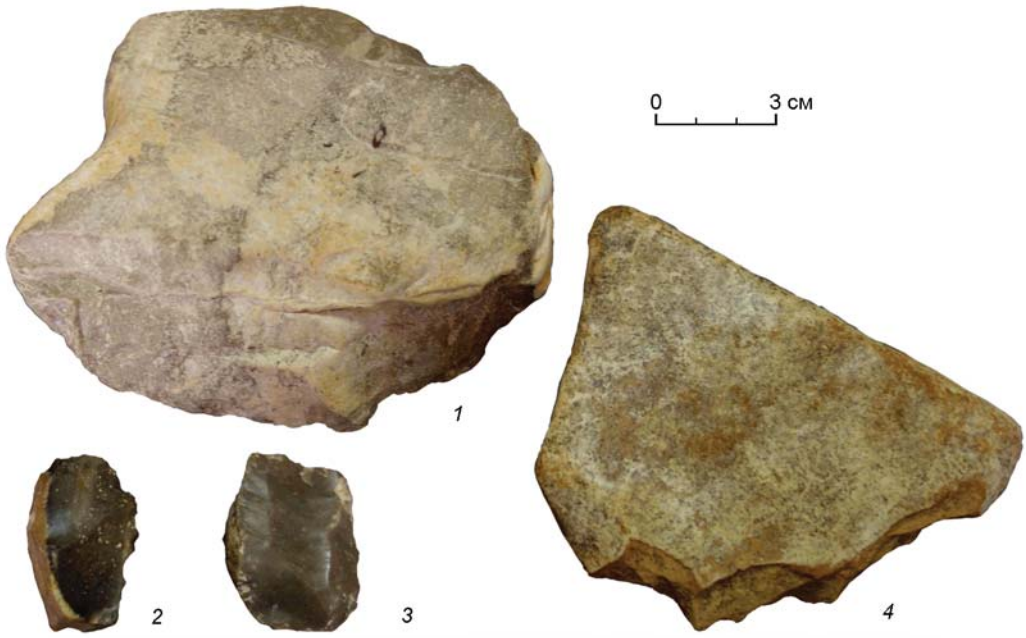


Рис. 1. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 3).
1 – чоппер; *2* – нуклеус; *3* – нож; *4* – скребло.

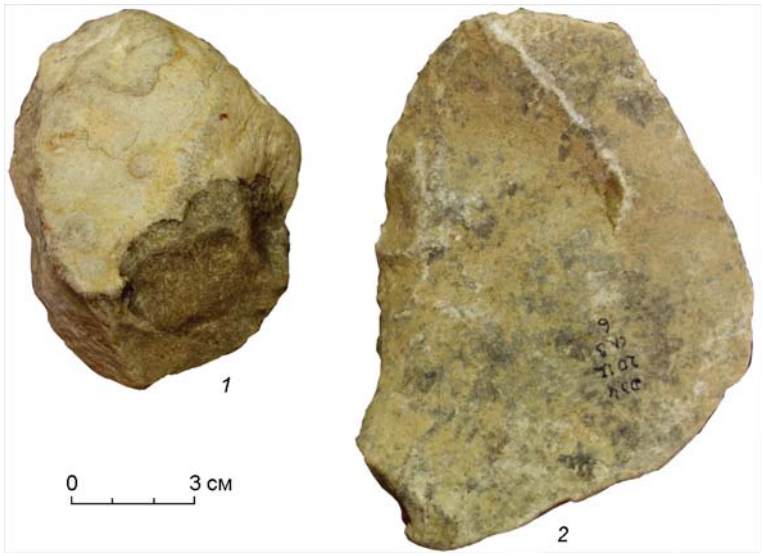


Рис. 2. Ашельские орудия стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 3).
1 – рубило; *2* – скребло.

Орудийный набор состоит из: рубила, чопперов (3), ножа (рис. 1, *3*), атипичных скребков (2), скребел (2) (рис. 1, *4*; 2, *2*), шиповидных (4) и выемчатых (6) изделий, отщепов (3) и обломка с ретушью. В качестве заготовок использовались сколы (13), обломки (4) и гальки (6).

Группа ашельских макроорудий включает чопперы и рубило. Наиболее выразительным орудием является частичное рубило. В качестве исходной формы использовалась крупная, массивная галька из кремня, обе стороны орудия оформлены крупными и средними сколами, основание галечное, острие округлое слабовыраженное (рис. 2, *1*). Все чопперы изготовлены на гальках, отличаются формой и расположением лезвий. В одном случае лезвие вогнутое, расположено на продольном крае. Два других орудия имеют выпуклые лезвия, из них более тщательно оформлено изделие подтреугольной формы, на рабочем крае, подготовленном средними и мелкими сколами отчетливо видны следы утилизации (см. рис. 1, *1*).

Группа орудий на отщепах и обломках состоит из типологически выраженных скребел, ножа, ши-

повидных и выемчатых изделий, которые имеют определенные признаки стандартизации, а также невыразительных отщепов и обломков с ретушью. Скребла представлены одинарными боковыми вариантами с прямыми и слабовыпуклыми лезвиями. Нож с естественным обушком, в качестве заготовки использовался пластинчатый отщеп. В категории выемчатых орудий встречаются как клектонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление. Шиповидные изделия подготавливались одной или двумя сопряженными выемками и ретушью. Отщепы и обломки с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая прерывистая.

Комплексный анализ материалов дает возможность утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам они более всего соответствуют финальному ашелю. Данному определению не противоречат и хронологические рамки индустрии (250–220 тыс. л.н., МИС 7), установленные ранее на основании серии OSL-дат. В целом представленная коллекция хорошо дополняет археологические материалы, полученные в ходе раскопок предыдущих лет, и дает возможность более обоснованно подтвердить выводы, сделанные ранее [Кандыба, Рыбалко, 2016, с. 210–214].

Коллекция из слоя 5 состоит из 14 артефактов. Материалы нижнего галечника демонстрируют близкое состояние сохранности поверхности. Большинство изделий имеет слабую степень окатанности (50 %) или сохраняет свежие грани (35 %). Если артефакты из слоя 3 в ряде случаев, помимо сглаженности граней, имеют следы забитостей, то на большинстве изделий данного комплекса подобных следов нет.

Единственный нуклеус, выполненный на крупной гальке из песчаника, наглядно демонстрирует долечную технику скалывания. Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (9 экз.), преимущественно укороченные, средних и крупных размеров, а также обломки (2 экз.) плоские, средних размеров, и чешуйки (2 экз.). Орудийный набор состоит из скребла и ножа. Основные приемы вторичной отделки орудий на сколах из слоя 5 не отличаются от тех, что были описаны выше для слоя 3.

Хронологические рамки культуросодержащего горизонта ранее основывались на палеонтологических данных (анализ малакофауны) и палеомагнитных исследованиях [Рыбалко, Янина, 2017, с. 190–194]. В 2019 г. для слоев 4 и 5 стоянки методом OSL была получена серия из трех дат, на основании которых было установлено, что время формирования этих геологических горизонтов соответствует периоду 380–350 тыс. л.н. (МИС 11–10).

Общий анализ археологических материалов раннепалеолитических комплексов (слои 3 и 5) позволяет сделать следующие выводы о характере индустрий стоянки. Обнаруженные артефакты отличает разная степень сохранности поверхности, варьирующая от изделий с несглаженными «свежими» ребрами до сильно «замытых» предметов. Анализ планиграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Данные каменные индустрии сформировались на местной сырьевой базе. В качестве исходного сырья использовался кремень, окремненный известняк и песчаник в виде галек, обломков и желваков. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории.

Набор орудийных типов и характер вторичной обработки практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям, наиболее выразительными изделиями являются макроорудия, представленные чопперами и рубилом. Основная причина существующих различий представленных коллекций заключается в их разной хронологической позиции. Однако, несмотря на существенный хронологический разрыв, представленные коллекции артефактов демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам. Анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой базе.

На памятнике представлены все циклы обработки камня. Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Есть свидетельства использования примитивных техник дробления и долечной. Отдельно стоит отметить, что в более поздней индустрии появляются элементы, характерные для леваллуазского расщепления, такие как оформление выпуклого фронта скалывания и специально подготовленной ударной площадки. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребла, шиповидные и выемчатые изделия. Наиболее выразительной частью орудийного набора являются ашельские макроорудия [Рыбалко, 2016, с. 152–155]. Все выше перечисленные данные позволяют

определить памятник как многократно посещаемую базовую стоянку-мастерскую, где осуществлялась деятельность, связанная с последовательным серийным изготовлением разнообразных орудий. Облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные комплексы к финальному и позднему ашелю.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-4) // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2. – С. 210–214.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 128–132.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 152–155.

Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 190–194.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4). *Izvestiya Altaiskogo gos. Univ. Ser.: Istoriya, politologiya.* 2016. N 2. P. 210–214. (In Russ.).

Rybalko A. G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda*. Kazan, 2014. Vol. I. P. 128–132. (In Russ.).

Rybalko A. G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 152–155. (In Russ.).

Rybalko A.G., Yanina T.A. Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 190–194. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0276-0281
УДК 903.01

Е.П. Рыбин[1]✉, Ц. Болорбат[2], Д.В. Марченко[1], А.М. Хаценович[1], П.С. Кравцова[1], А.М. Клементьев[1, 3], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], В.М. Харевич[1], Б. Гунчинсурэн[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

Исследование стоянки начального верхнего палеолита Харганын-гол-13 (Монголия) в 2022 году

В 2022 г. Российско-Монгольской археологической экспедицией были произведены раскопки стоянки Харганын-гол-13, расположенной в долине одноименной реки, к востоку от протекающей в параллельном направлении р. Их-Тулбурийн-гол, известной большой серией стратифицированных палеолитических памятников. Стоянка находится на сильно эродированном, рассеченном на несколько небольших площадок подгорном шлейфе, имеет юго-западную экспозицию. В результате исследования памятника Харганын-гол-13 в 2022 г. было установлено, что данный объект представляет собой однослойную стоянку начального верхнего палеолита. Несмотря на существенные биотурбации, в склоновых отложениях, содержащих данный ассамбляж, выделяется единственный компактно залегающий культурный слой, содержащий относительно немногочисленный комплекс артефактов. Индустрия является пластинчатой, преобладают пластины средней и крупной размерности с бипродольной огранкой, также отмечается присутствие некоторой доли мелких пластин и пластинок. Заметна доля реберчатых и краевых пластин. Единственный в комплексе нуклеус представлен подпризматической двуплощадочной разновидностью и находится в финальной стадии редукции. Доля орудийного набора составляет не менее 15 % коллекции, но тщательно обработанных, сильно редуцированных вторичной обработкой предметов нет. Наиболее широко представлены простые ретушированные сколы, выемчатые орудия, шиповидные орудия. Этот набор признаков характерен для кратковременных стоянок. Поселенческая ситуация, наблюдаемая на стоянке Харганын-гол-13 является исключительно редкой для Толборского палеолитического района. Очевидно, этот комплекс связан с перемещением небольших человеческих популяций, передвигавшихся вслед за животными – обитателями открытых пространств, бывшими основным объектом охоты населения бассейна Селенги в начале верхнего палеолита.

Ключевые слова: *верхний палеолит, Центральная Азия, Монголия, стратиграфия, поселенческие системы.*

E.P. Rybin[1]✉, T. Bolorbat[2], D.V. Marchenko[1], A.M. Khatsenovich[1], P.S. Kravtsova[1], A.M. Klementyev[1, 3], G. Margad-Erdene[2], V.M. Kharevich[1], B. Gunchinsuren[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology of the MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust of the SB RAS
Irkutsk, Russia
E-mail: rybep@yandex.ru

2022 Archaeological Investigation of Kharganyn-Gol-13 Initial Upper Paleolithic Site (Mongolia)

In 2022, the Russian-Mongolian archaeological expedition excavated the Kharganyn-Gol-13 site located in the valley of the Kharganyn-Gol River east of the Ikh-Tulburiyn-gol (Tolbor) River flowing in parallel direction, which is known for a large series of stratified Paleolithic sites. The site is located on a significantly eroded slope dissected into several small terraces and has a southwestern exposure. A study of the Kharganyn-Gol-13 site in 2022 determined that the site is the Initial Upper Paleolithic site with a single cultural layer. Despite substantial bioturbation, the slope sediments containing this assemblage reveal a single, compactly distributed cultural layer containing a relatively small set of artifacts. The industry appears to be blade-based, dominated by medium- and large-sized bidirectional blades, also noted the presence of some bladelet component. The amount of crested blades and side blades is noticeable. The only core in the complex is represented by a subprismatic bidirectional blade core, which is in the final reduction stage. The proportion of the toolkit is not less than 15 % of the collection. Heavily retouched tools are absent. Retouched blanks, notches, and perforators are the most widely represented. This set of features is characteristic of short-term sites. The settlement pattern observed at the Kharganyn-Gol-13 site is exceptionally rare in the Tolbor Paleolithic region. Obviously, this complex is associated with the movement of small human populations that followed the animals inhabiting the open spaces that were the main hunting targets for the populations of the Selenga River basin during the Initial Upper Paleolithic.

Keywords: *Upper Paleolithic, Central Asia, Mongolia, stratigraphy, settlement systems.*

Введение

В 2022 г. отрядом Российско-Монгольской археологической экспедиции были произведены раскопки стоянки Харганын-гол-13, расположенной в долине одноименной реки, к востоку от протекающей в параллельном направлении р. Их-Тулбурийн-гол, известной большой серией стратифицированных палеолитических памятников. Эти долины разделяет горный хребет Чагтагын Нуруу, через который проходит пологий и относительно легкодоступный перевал. Как перспективный археологический микрорайон долина Харганын-гол была идентифицирована в результате разведок совместной Российско-Монгольско-Американской экспедиции в 2012 г. Разведки производились в нижней части долины, было выявлено 7 местонахождений [Гладышев и др., 2012]. В этой долине находится многослойный археологический памятник Харганын-гол-5, содержащий археологическую последовательность от финального среднего палеолита до финального верхнего палеолита [Khatsenovich et al., 2017]. В 2014 г. К. Гилламом и А.В. Табаревым была предпринята разведка в среднем течении Харганын-гола, в ходе которой были обнаружены 10 пунктов сбора подъемного материала [Gillam et al., 2014]. Хотя шурфовки не проводилось, потенциально наиболее перспективной для изучения было признано местонахождение Харганын-гол-13 (или стоянка Эльдорадо, как неформально был назван этот объект), где был обнаружен очень обильный подъемный материал, включавший в себя среди прочего леваллуазский конвергентный нуклеус. На основании этого было предположено, что среди комплексов этой стоянки может присутствовать среднепалеолитический ассамбляж. В общей сложности в долине до момента разведки 2018 г., осуществленной отрядом Российско-Монгольской археологической экспедиции, было известно 17 местонахождений [Рыбин и др., 2018]. В результате этой разведки средней и верхней части долины р. Харганын-гол, ориентированной на тестирование как наиболее перспективных объектов, уже выявленных ранее, так и новых памятников, исследовались с помощью шурфовки два объекта, открытых в 2014 г. (Харганын-гол-12, -13), и два вновь обнаруженных памятника (Хараганын-гол-18, -19). Все памятники, за исключением местонахождения Харганын-гол-12, находились на левом борту долины реки и приурочены к подгорным шлейфам различной степени сохранности, все объекты имели южную экспозицию.

Геоморфологическая позиция стоянки Харганын-гол-13 (далее в тексте ХГ-13) необычна для долин притоков Селенги и находит некоторые аналогии только с памятником Толбор-15. Стоянка находится на сильно эродированном, рассеченном на несколько небольших площадок подгорном шлейфе, имеет юго-западную экспозицию (рис. 1, *а*). Выходы каменного сырья около стоянки не обнаружены. Расстояние до реки невелико, составляет ок. 200 м; высота над дном долины не превышает 10 м. В 2018 г. было заложено 4 шурфа, размеры всех вскрытий составили 1 × 2 м. Шурфы были ориентированы согласно наклона шлейфа по линии З – В и размещены на различных высотах относительно ровных площадок эрозионного склона. Наиболее богатый материал дал шурф 2. Раскопками было вскрыто 245 см отложений, при этом был достигнут уровень коры выветривания коренной породы. Было установлено, что на границе ламинарных суглинков, характерных

Рис. 1. Стоянка Харганын-гол-13.

а – общий вид стоянки с юга; *б* – каменные артефакты (фото С.А. Когая).

для склоновых седиментов Толборского района, и легкого суглинка, насыщенного обломочным материалом, на глубинах от 140 до 155 см от дневной поверхности в компактном вертикальном распределения залегает небольшой (6 артефактов; рис. 1, *б*), но выразительный ассамбляж, включающий подпризматический/асимметричный нуклеус и орудия на пластинах с бипродольной огранкой [Рыбин и др., 2018].

Результаты раскопок стоянки, характеристика стратиграфической ситуации и культурных особенностей комплекса

В 2022 г. было принято решение заложить раскоп с целью определения исследовательского потенциала местонахождения. К шурфу 2018 г. был прирезан раскоп 3 × 2 м, ориентированный длин-

ной осью по линии юго-запад – северо-восток поперек склона. С учетом частично докапывавшегося в 2022 г. первоначального шурфа 2018 г. общая площадь раскопа составила 8 м^2.

В результате раскопок были вскрыты отложения на глубину до 210 см; описание дается по северной стенке, ориентированной вдоль падения склона (рис. 2): слой 1 – современная почва, мощность 10–15 см; слой 2 – однородные белесовато-серые плотные лессовидные пылеватые супеси с включением мелкого гравия и щебня, мощность 40–50 см. Ниже этого слоя начинаются ламинарные отложения слоя 3, представляющие собой чередования слойков светло-серых, темно-серых и коричневатых рыхлых супесей и суглинков толщиной от 2 до 5 см, общей мощностью 70–80 см. Слой включает в себя четыре литологических горизонта. Горизонт 3.1 представляет собой ламинарные отложения, включающие в себя более темные коричневатые суглинки, чередующиеся с супесями, мощностью от 20 до 10 см. Горизонт 3.2, мощностью 20 см, представляет собой белесые плотные супеси с горизонтами ожелезнения и карбонатными стяжениями. Горизонт 3.3 включает в себя ламинарные седименты мощностью от 20 до 10 см. Горизонт 3.4 мощностью от 10 до 20 см близок по своему составу гор. 3.2, но характеризуется более рыхлой структурой. Слой 4 на глубинах от 140 до 170 см представляет собой плотные светлые суглинки, в средней части насыщенный мелким щебнем. Основная концентрация артефактов находится в верхней части слоя. Подстилающие седименты слоя 5 (видимая мощность 30 см) являются рыхлыми однородными желтоватыми суглинками с включениями глыб местной породы.

На сохранность седиментов стоянки значительный отпечаток наложила активная биотурбация. Освещаемый солнцем склон, очевидно, привлекал и привлекает землеройных животных, существенная часть отложений сохранила четко различимые (современные) и порой отличимые не по цветности, а только по рыхлости породы (более древние) ходы животных. Несмотря на высокую на фоне остальных памятников Толборского района поврежденность седиментов в результате биотурбации, а также солифлюкционных процессов, в отложениях стоянки четко читается компактный уровень залегания археологического и фаунистического материала, о чем свидетельствуют количественные характеристики распределения артефактов и костей. Практически все (крайне немногочисленные) предметы, оказавшиеся выше или ниже культурного горизонта в пределах верхней части литологического слоя 4 были связаны с понорами, что позволяет предполагать то же самое происхождение единичных артефактов, для которых уверенно идентифицировать их ассоциацию с ходами землероев оказалось затруднительно.

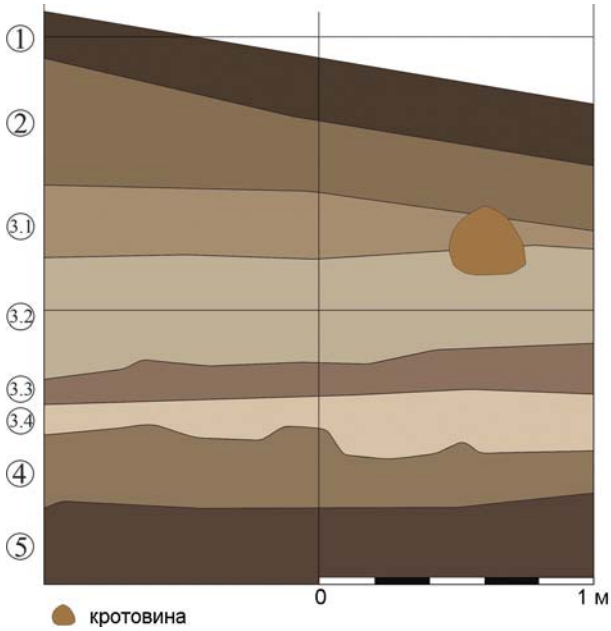


Рис. 2. Северная стенка раскопа. Схематический стратиграфический разрез литологических слоев стоянки Харганын-гол-13.

На данном объекте палеонтологический материал очень ограничен по количеству (11 экз.). Тем не менее, большая часть фрагментов оказалась таксономически определимой. В четвертом литологическом слое найдены остатки рога благородного оленя, сброшенного после периода гона. Также здесь были обнаружены остатки плечевой кости кулана. Эта кость является элементом мясной части туши. В пятом литологическом слое по фрагменту зуба установлено присутствие крупного быка.

Коллекция каменных артефактов (данные только по фиксируемым в слое артефактам, длина которых по одному из измерений составляет 2 см и больше; без учета артефактов, поступивших в результате просеивания отложений) составила 101 предмет. В литологическом слое 1 было обнаружено 2 артефакта; в слое 3 количество находок составило 9 экз.; в слое 4 – 84 экз.; в слое 5 – 3 экз. Все артефакты изготовлены из темно-серых и светло-серых силицитов, степень патинизации артефактов и их технико-морфологические особенности выглядят гомогенными. Индустрия является пластинчатой, преобладают пластины средней и крупной размерности с бипродольной огранкой, также отмечается присутствие некоторой доли мелких пластин и пластинок. Заметна доля реберчатых и краевых пластин. Един-

ственный в комплексе нуклеус представлен подпризматической двуплощадочной разновидностью и находится в финальной стадии редукции. Доля орудийного набора составляет не менее 15 % коллекции, но тщательно обработанных, сильно редуцированных вторичной обработкой предметов нет. Наиболее широко представлены простые ретушированные сколы, выемчатые орудия, шиповидные орудия. В коллекции имеется пластина с черешком. В целом, облик коллекции как в морфологическом, так и в технологическом отношении, без сомнений, позволяет отнести этот комплекс к начальному верхнему палеолиту.

Обсуждение

Стоянка ХГ-13 занимает особенное место в поселенческих системах Толборского палеолитического района. Все известные здесь местонахождения представляют собой мастерские на выходах сырья. Единственным исключением является стоянка Толбор-21, где помимо первичного расщепления принесенных на территорию стоянки нуклеусов заметную роль играла поселенческая деятельность. Кроме того, на подавляющем большинстве стоянок данного региона наблюдаются повторяющиеся посещения на протяжении очень длительного периода времени. В результате многократных посещений одних и тех же мест реконструируется следующая генеральная последовательность развития палеолита данного региона: финальный средний палеолит сменяется двумя комплексами начального верхнего палеолита (ранним и поздним), на его смену приходит ранний верхний палеолит, также представленный двумя последовательно залегающими индустриями. С начала последнего ледникового максимума и до 18 тыс. л.н. свидетельства заселения Толборского района отсутствуют; после этого становятся известны несколько технологических вариантов позднего верхнего палеолита. Стоянка ХГ-13 демонстрирует исключение из этих общих характеристик. Во-первых, вблизи ХГ-13 отсутствуют выходы сырья, и оба нуклеуса, найденные на вскрытой площади, находятся в финальной и продвинутой стадии утилизации. Очень высока доля орудийного набора, хотя и представленного преимущественно сколами с немодифицирующей ретушью; плотность распределения находок невелика, то же самое относится и к фаунистическому набору. Все указанные характеристики далеки от типичных для Толбора мастерских и поселений-мастерских и близки скорее к кратковременной стоянке [Рыбин и др., 2022]. Кроме того, на ХГ-13 надежно выявляется только один культурный слой, хотя и сильно биотурбированный, но, возможно, включающий свидетельства двух посещений. Все артефакты, найденные выше компактно залегающего культурного слоя, представляют собой предметы, перемещенные в результате деятельности норных животных. Таким образом, мы имеем дело с «чистым» комплексом начального верхнего палеолита, что на остальных памятниках Толборского района практически неизвестно, т.к. стерильные прослои между частично солифлюциированными слоями, как правило, отсутствуют.

Заключение

В результате исследования памятника Харганын-гол-13 в 2022 г. было установлено, что данный объект представляет собой однослойную стоянку начального верхнего палеолита. Несмотря на существенные биотурбации, в склоновых отложениях, содержащих данный ассамбляж, выделяется единственный, компактно залегающий культурный слой, содержащий относительно немногочисленный комплекс артефактов. Данная индустрия характеризуется бипродольной пластинчатой редукционной технологией. В состав ассамбляжа входят единичные нуклеусы и большое количество ситуационных, оформленных легкой ретушью орудий. Этот набор признаков характерен для кратковременных стоянок. Поселенческая ситуация, наблюдаемая на стоянке Харганын-гол-13 является исключительно редкой для Толборского палеолитического района. В то же время, она характерна для долин других притоков среднего течения Селенги. В ходе археологических разведок и петрографического изучения каменного сырья было установлено, что основная концентрация каменного сырья – высококачественных осадочных пород – силицитов – находится в транзитной для передвижений гоминин долине р. Их-Тулбурийн-гол, в то время как к востоку и западу от этого района наблюдается существенное сокращение доступных выходов. В долинах правых притоков Селенги ныне известны лишь эфемерные стоянки начального верхнего палеолита, характеризующиеся малым количеством или отсутствием нуклеусов, высокой долей орудийного набора [Рыбин и др., 2016]. Очевидно, эти комплексы связаны с передвижением небольших человеческих популяций, перемещавшихся вслед за животными – обитателями открытых пространств, бывшими основным объектом охоты населения бассейна Селенги в начале верхнего палеолита [Рыбин и др., 2022]. Именно с такой поведенческой ситуацией, вероятно, и связан культурный горизонт литологического слоя 4 стоянки Хараганын-гол-13.

Благодарности

Исследования стоянки Харганын-гол-13 проводились при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии».

Список литературы

Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Табарев А.В., Хаценович А.М. Археологические исследования в долине реки Харганын-гол (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 30–35.

Рыбин Е.П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: вариабельность каменной технологии, жизнеобеспечение и поселенческие системы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022 – Т. 1. – С. 285–328.

Рыбин Е.П., Когай С.А., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б., Ангарагдулгуун Г., Вольвах А.О. Разведка палеолитических памятников в среднем течении реки Харганын-гол (Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 155–159.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Шелепаев Р.А., Одсурэн Д., Болорбат Ц., Маргад-Эрдэнэ Г., Попов А.Ю. Роль специфического каменного сырья в освоении среднего течения реки Селенги палеолитическими популяциями // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 159–163.

Gillam C.J., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Tabarev A.V., Rybin E.P. Update on Paleolithic Research in Northern Mongolia // Legacy SCIAA. – 2014. – Vol. 18, N 2. – P. 22–23.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat T.S., Popov A.Yu, Odsuren D. New evidence for Paleolithic human behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site // Quatern. Intern. – 2017. – Vol. 442. – P. 78–94.

References

Gillam C.J., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Tabarev A.V., Rybin E.P. Update on Paleolithic Research in Northern Mongolia. *Legacy SCIAA*, 2014. Vol. 18. N 2. P. 22–23.

Gladyshev S.A., Gunchinsurehn B., Bolorbat C., Odsurehn D., Tabarev A.V., Khatsenovich A.M. Arheologicheskie issledovaniya v doline reki Harganyn-gol (Severnaya Mongoliya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 18. P. 30–35. (In Russ.).

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat T.S., Popov A.Yu, Odsuren D., 2017. New evidence for Paleolithic human behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site. *Quatern. Intern.*, 2017. Vol. 442. P. 78–94. doi:10.1016/j.quaint.2016.10.013

Rybin E.P., Antonova Yu.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Early Stages of the Upper Paleolithic in the Selenga River Basin: Technological Variability, Subsistence, Settlement Systems. *Stratum Plus Cultural archaeology and anthropology*, 2022. N 1. P. 285–328. (In Russ.). doi: 10.55086/sp221285328

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Shelepaev R.A., Odsuren D., Bolorbat T., Margad-Erdene G., Popov A.Yu. The Significance of the Specific Stone Raw Material in Occupation of Middle Selenga by the Paleolithic Population. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 159–163. (In Russ.).

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Кравцова П.С. https://orcid.org/0000-0002-6171-6390
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0282-0290
УДК 903.01

Е.П. Рыбин✉, П.С. Кравцова, В.М. Харевич, А.М. Хаценович, Д.В. Марченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

Подготовка и транспортировка каменного сырья в комплексах начального верхнего палеолита стоянки Толбор-4 (Монголия)

В статье рассматривается набор нуклеусов начальной стадии расщепления, относящихся к ситуации доставки каменного сырья на территорию, осваиваемую человеком. В результате раскопок археологического горизонта 6 начального верхнего палеолита стоянки Толбор-4 в Северной Монголии, датирующегося в пределах 42–45 тыс. л.н., были обнаружены свидетельства приноса на стоянку, в виде подготовленных очень крупных, от 20 до 30 см длиной, торцовых нуклеусов и преформ, значительного объема высококачественного каменного сырья. Также в экспонированном состоянии в нижней части склона, где была расположена стоянка, найдена серия крупных пренуклеусов и нуклеусов, оформлявшихся в типичном для начального верхнего палеолита подпризматическом объемном методе редукции. Представленная серия артефактов из двух различных локаций иллюстрирует различные вариации приобретения и доставки сырья на стоянку. Первичная отделка артефактов происходила не на территории стоянки, а на месте сбора сырья. Для обоих ассамбляжей нуклеусов ранней стадии расщепления фиксируется использование способов подготовки максимально адаптированных к объемной форме отдельностей сырья. Предварительное оформление было связано с образованием площадок на поперечных концах ядрища и снятием продольных сколов вдоль естественной или подготовленной грани нуклеуса. Декортикация сопровождалась снятием нескольких первичных отщепов, придававших, в случае необходимости, подпрямоугольную форму исходной заготовке. В ходе дальнейшего расщепления выпуклость фронта задавалась встречными снятиями пластин и скалыванием реберчатых и краевых пластин, осуществлявшихся с помощью подготовленных латералей.

Ключевые слова: *начальный верхний палеолит, Монголия, стоянка Толбор-4, каменная технология, транспортировка сырья.*

E.P. Rybin✉, P.S. Kravtsova, V.M. Kharevich, A.M. Khatsenovich, D.V. Marchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybep@yandex.ru

Preparation and Transportation of Stone Raw Materials in the Initial Upper Paleolithic in Mongolia: Tolbor-4 Site

The article discusses an assemblage of cores and preforms related to the situation of transportation of stone raw materials to the land developed by humans. As a result of excavations of the archaeological horizon 6 of the Tolbor-4 Initial Upper Paleolithic site in Northern Mongolia dating back to 42–45 ka, an evidence of transportation of a significant amount of high-quality raw materials to the site was discovered in the form of prepared, very large (20 to 30 cm long) narrow-faced cores and preforms. A series of large pre-cores and cores prepared by a typical Upper Paleolithic subprismatic volumetric core reduction method was also found in the lower part of the slope where the site was located. The provided series of artifacts from two different locations illustrates different variations of acquisition and on-site transportation of stone raw materials. The artifacts were primarily prepared at their acquisition location rather than at the site. For both assemblages of early knapping stage cores, the use of preparation methods adapted to the volumetric shape of raw material pieces is recorded.

Pre-processing was associated with the formation of transverse ends of the core, and the removal of longitudinal spalls along the cortical (or prepared) core edge. Decortication was accompanied by the removal of several primary flakes, providing, when necessary, subrectangular shape of the initial blank. During further knapping, the surface convexity was set by opposite flaking of blades and detachment of side and crested blades and was carried out by means of prepared laterals.

Keywords: *Initial Upper Paleolithic, Mongolia, Tolbor-4 site, lithic technology, transportation of raw materials.*

Введение

Одним из евразийских центров распространения технокомплекса начального верхнего палеолита (далее в тексте НВП) является Южная Сибирь и восточная часть Центральной Азии (далее в тексте ЮС и ЦА). Этот технокомплекс представлен пластинчатыми верхнепалеолитическими индустриями, в промежутке от 50 до 45 тыс. л.н. сменяющими ассамбляжи финального среднего палеолита. К основным регионам географического ядра распространения НВП относится Горный Алтай, Восточный Казахстан и Джунгария, Забайкалье и Северная Монголия. При анализе хронологии комплексов НВП отмечается пространственно-временное распределение индустрий по направлению с запада на восток с наиболее ранними радиоуглеродными датами для памятников на территории Горного Алтая [Рыбин, 2014].

Данные индустрии объединяет ведущая роль подпризматической бипродольной объемной концепции редукции нуклеусов, большой удельный вес крупных и средних пластин, регулярное получение маленьких пластин и пластинок со специализированных нуклеусов, характерные способы подправки ударной площадки, наличие орудий-маркеров, имеющих отчетливо своеобразную типологию и морфологию, а также присутствие стабильного набора фоновых орудий и развитый символизм [Brantingham et al., 2001; Zwyns, 2012; Рыбин, 2014; Lbova, 2021].

Редукция основного массива нуклеусов в НВП ЮС и ЦА происходила в рамках двух взаимосвязанных концепций объемного параллельного расщепления. Было два основных способа использования выпуклости нуклеуса – утилизация асимметрично-треугольного сечения заготовки и редукция симметрично-выпуклого фронта. При обоих способах расщепление перемещалось по фронту к латералям и обратно, в первом случае расщепление заходило и на латераль нуклеусов, образуя там торцовый фронт, формирующий асимметричное сечение нуклеуса. Периодический перенос снятий на торец и широкую плоскость обеспечивал объем нуклеуса, необходимый для расщепления. Также поддержание выпуклости осуществлялось с помощью краевых и реберчатых пластин; последние скалывались в продвинутой стадии расщепления нуклеусов. Чаще всего предварительное оформление сводилось к образованию площадок на поперечных концах ядрища и снятия продольного скола вдоль естественной грани нуклеуса. Противолежащие ударные площадки могли использоваться как для циклических, так и чередующихся снятий. Декортикация сопровождалась снятием нескольких первичных отщепов, придававших, в случае необходимости, подпрямоугольную форму исходной заготовке. В ходе дальнейшего расщепления выпуклость фронта задавалась встречными снятиями длинных и толстых пластин; подправка сводилась в основном к постоянным снятиям ударных площадок, и периодическими снятиями обозначенных выше латеральных или центральных технических сколов, при этом сохранялись одна или две приостренные латерали, при необходимости снимавшиеся для обеспечения выпуклости фронта.

Большая часть известных нам стоянок наиболее раннего этапа НВП являются либо мастерскими, связанными с доставкой значительного объема высококачественного каменного сырья (Ушбулак в Восточном Казахстане, Толбор-4 в Северной Монголии) [Anoikin et al., 2019; Деревянко и др., 2007], либо мастерскими – кратковременными поселениями, связанными с доставкой сырья (Кара-Бом в Горном Алтае, Толбор-21) [Деревянко и др., 1998; Рыбин и др., 2022]; в Забайкалье поселенческая составляющая более выражена и значительная часть сырья доставлялась с удаленного от 5 до 40 км от стоянки расстояния (Подзвонкая, Каменка) [Ташак, 2016; Лбова, 2000]. В каждой из этих поселенческих ситуаций подготовка сырья для последующей редукции могла быть связана с несколькими технологическими этапами, зависящими от геометрической формы и места подготовки исходной отдельности (выходы сырья, промежуточная между выходами и стоянкой локация, собственно стоянка).

В силу особенностей технологии НВП происходила значительная редукция размеров нуклеусов. Для пластинчатой технологии НВП характерны повторяющиеся снятия ударных площадок, расположенных перпендикулярно оси нуклеуса, по которой проводилось расщепление. Это приводило к последовательному уменьшению длины нуклеусов. Например, разделив массив нуклеусов по условной границе, соответствующей средним размерам пластинчатых сколов для комплекса гор. 6 Толбора-4, нами была определена граница в 100 мм длины, при

этом лишь 29,4 % нуклеусов превышают эту границу [Рыбин и др., 2022]. В связи с таким значительным уменьшением размеров, чаще всего начальные этапы подготовки нуклеусов и способы их доставки на территорию оказываются наиболее плохо документированными, что препятствует пониманию как технологических аспектов поведения человека НВП, так экономических и функциональных особенностей освоения поселенческих комплексов.

В данной статье на примере материалов, связанных со стратифицированными комплексами стоянки Толбор-4 (рис. 1) и подъемных сборов в непосредственной близости от данного объекта, производится идентификация подготовки нуклеусов и преформ, предназначенных для транспортировки на участок, где должен был реализовываться основной этап редукции нуклеуса.

Ассамбляж нуклеусов и пренуклеусов начальной стадии расщепления стоянки Толбор-4

Самая большая в ЮС и ЦА концентрация стоянок, содержащих культурные слои ранних стадий верхнего палеолита, была обнаружена в долинах правых притоков Селенги в Северной Монголии.

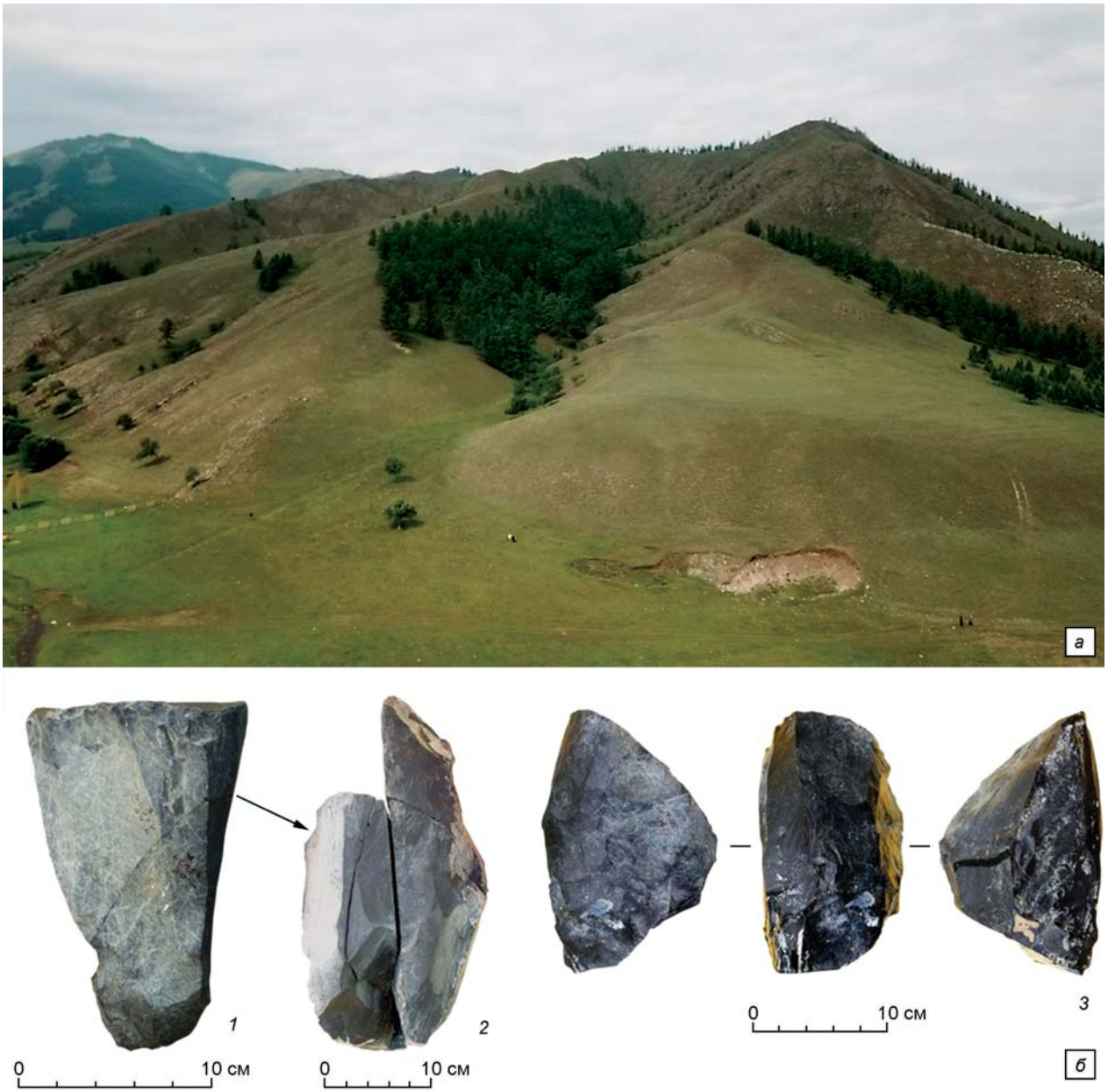


Рис. 1. Стоянка Толбор-4.

а – вид на стоянку с юга, внизу склона находится техногенная выемка; *б* – нуклеусы начальной стадии расщепления, археологический горизонт 6 (раскопки 2005 г.) (по: [Деревянко и др., 2007]).

Все известные на данный момент верхнепалеолитические стоянки в наиболее хорошо исследованных в археологическом отношении долинах рек Их-Тулбурийн-Гол и Харганын-Гол, находятся поблизости от выходов силицитов – осадочных кремнистых пород с криптокристаллической структурой халцедон-кварцевого состава, пояс которых тянется через долины притоков среднего течения Селенги [Рыбин, Шелепаев, Хаценович, 2014]. Структурные особенности силицитов указывают на направленную сегрегацию сырья, среди изделий преобладают тонкозернистые и микрозернистые разновидности пород. В современном состоянии сырье на выходах сильно фракционировано, размеры отдельностей не превышают 20 см по одному из измерений. Основной морфологической разновидностью сырья являются подпрямоугольные блоки со слегка закругленными краями, реже плитки. Судя по состоянию поверхности естественной корки на артефактах, часть блоков сырья скатывалась вниз по склону из выходов сырья, а также в ряде случаев находились непродолжительное время в руслах водотоков [Деревянко и др., 2007].

В седиментах стоянки Толбор-4 представлена последовательность развития каменных индустрий, начиная с ранних этапов начального верхнего палеолита (гор. 6, а также гор. 5а и 5б), раннего верхнего палеолита (гор. 4b и 4а), позднего верхнего палеолита (гор. 3–1) [Там же]. Толбор-4 находится в ситуации, типичной для палеолитических памятников долин притоков Селенги – стоянка расположена в средней части пологого склона юго-восточной экспозиции, при впадении ручья в р. Толбор. Наблюдаемые в настоящее время выходы сырья находятся выше в 50 м по склону относительно стоянки, а также в 400 м к западу от стоянки вверх по течению ручья Их-Булаг.

В ходе полевых работ 2022 г. в районе стоянки Толбор-4 соавторами данной статьи (Хаценович В.М. и Хаценович А.М.) производился отбор сырья для произведения серии экспериментов по реконструкции технологии расщепления. Непосредственно на первичных выходах сырья не было обнаружено крупных блоков, подходящих для расщепления. При осмотре подошвы склона, на котором расположена стоянка, была обнаружена недавняя техногенная выемка, вскрывшая часть покровного чехла отложений и обнажившая скальное основание склона. В основании выемки было обнаружено три крупных нуклеуса/преформы.

Первое изделие имеет длину 222 мм, ширину 147 мм, толщину 104 мм. Изготовлено на прямоугольном в плане и в сечении блоке темно-серых силицитов, соответствующих по своим характеристикам основному сырью комплексов НВП Толбора-4. Контрфронт частично покрыт естественной коркой, она слегка заглаженная, вероятно, несет следы кратковременного пребывания в русле водного потока. На противолежащих сторонах преформы образованы ударные площадки (рис. 2, *а*, сколы 1, 3 на схеме). Первая площадка скошена в сторону контрфронта, сколы с нее производились на широкой плоскости фронта расщепления. Вторая площадка наклонена в сторону латерали, сколы с нее производились в сторону торца – другой латерали заготовки. Вдоль длинной оси с помощью поперечных сколов были образованы ребра-латерали (рис. 2, *а*, сколы 2, 4 на схеме). На фронте расщепления фиксируются негативы снятий крупных отщепов, производившиеся сначала во встречном направлении (рис. 2, *а*, сколы 6, 5 на схеме). В середине фронта образовался крупный залом. С помощью снятий отщепов с противолежащей площадки произведены попытки удаления залома (рис. 2, *а*, сколы 7, 10, 11 на схеме). Эти попытки не имели успеха, и после переоформления второй ударной площадки произведена попытка организации нового фронта на торце нуклеуса (рис. 2, *а*, сколы 9, 12, 13 на схеме).

Второе изделие (308 × 160 × 142 мм) – прямоугольно-удлиненный в плане и в сечении предмет. На противоположных концах оформлены площадки, скалывание с которых на момент оставления осуществлялось на противолежащих плоскостях. По длинным сторонам преформы с помощью поперечных сколов крупных отщепов оформлены ребра-латерали. Также эти сколы с латералей формировали протяженное по всей длине предмета центральное ребро. Таким образом, после декортикации, формирования площадок, а также центральных и латеральных ребер, преформа была готова к транспортировке.

Нуклеус начальной стадии расщепления (208 × × 118 × 75 мм) – удлиненно-прямоугольный в плане и в сечении предмет, общие очертания брусковидные. Подготовка нуклеуса начинается с образования на противолежащих узких концах заготовки ударных площадок (рис. 2, *б*, сколы 1–3 на схеме). После этого с одной из более узких плоскостей происходит выравнивание плоскости заготовки для придания прямоугольной формы, одновременно образующее ребро (рис. 2, *б*, скол 4 на схеме). Вдоль этой латерали начинается расщепление нуклеуса в рамках подпризматической объемной концепции с помощью циклических встречных снятий пластин и отщепов (рис. 2, *б*, сколы 5–14 на схеме). Эти сколы уперлись в серию заломов, после чего поперечными сколами крупных отщепов было создано новое ребро и вновь задана брусковидная форма нуклеуса (рис. 2, *б*, сколы 15–16 на схеме).

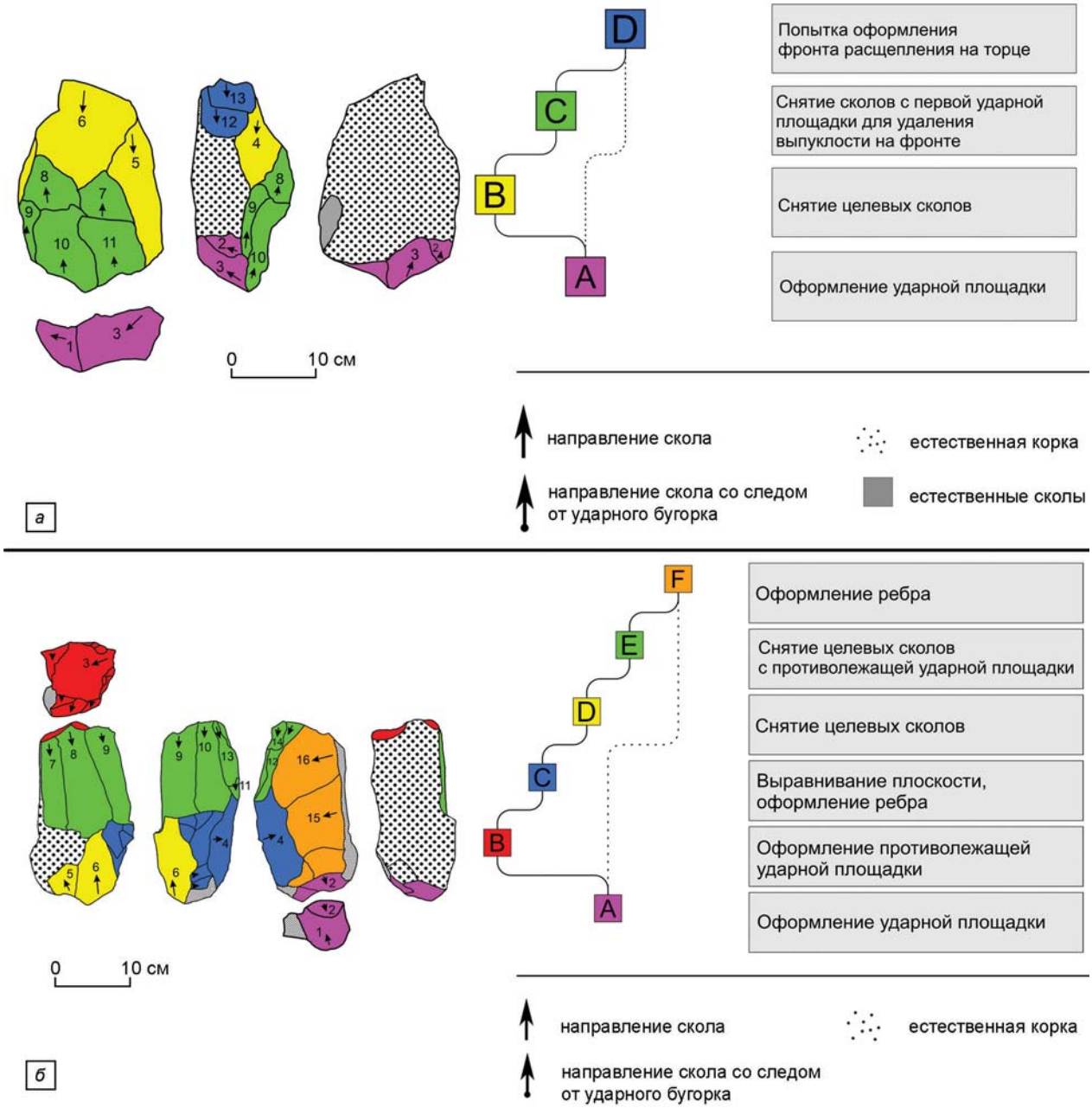


Рис. 2. Аналитические схемы последовательности сколов на нуклеусах и преформах. Номера негативов сколов обозначают последовательность, в которой они были получены.

а – стоянка Толбор-4, подъемные сборы; *б* – стоянка Толбор-4, подъемные сборы.

В 10 м выше по склону от техногенной выемки был обнаружен еще один нуклеус начальной стадии расщепления (204 × 75 × 88 мм). Предмет прямоугольно-удлиненной формы в плане и в сечении. Часть контрфронта и латераль покрыты естественной коркой, сохранившаяся естественная грань слегка окатана. На противоположных концах оформлены ударные площадки (рис. 3, *а*, сколы 1–3 на схеме). Одна отвесная латераль полностью покрыта коркой. Другая продольная латераль образована поперечными сколами в сторону фронта и в сторону контрфронта, формирующими брусковидные очертания предмета (рис. 3, *а*, сколы 4–7 на схеме). Фронт расположен на более узкой стороне желвака, на нем фиксируются негативы циклических снятий пластин. С одной ударной площадки снятия заходят в нижнюю треть ядрища (рис. 3, *а*, сколы 8–10 на схеме). В результате расщепления в нижней трети нуклеуса образовалась поперечная выпуклость, которую пытались удалить встречными сколами с нижней ударной площадки (рис. 3, *а*, сколы 11–15 на схеме).

В седиментах гор. 6 (раскопки 2005 г.) Толбора-4 в радиусе полутора метров были найдены три

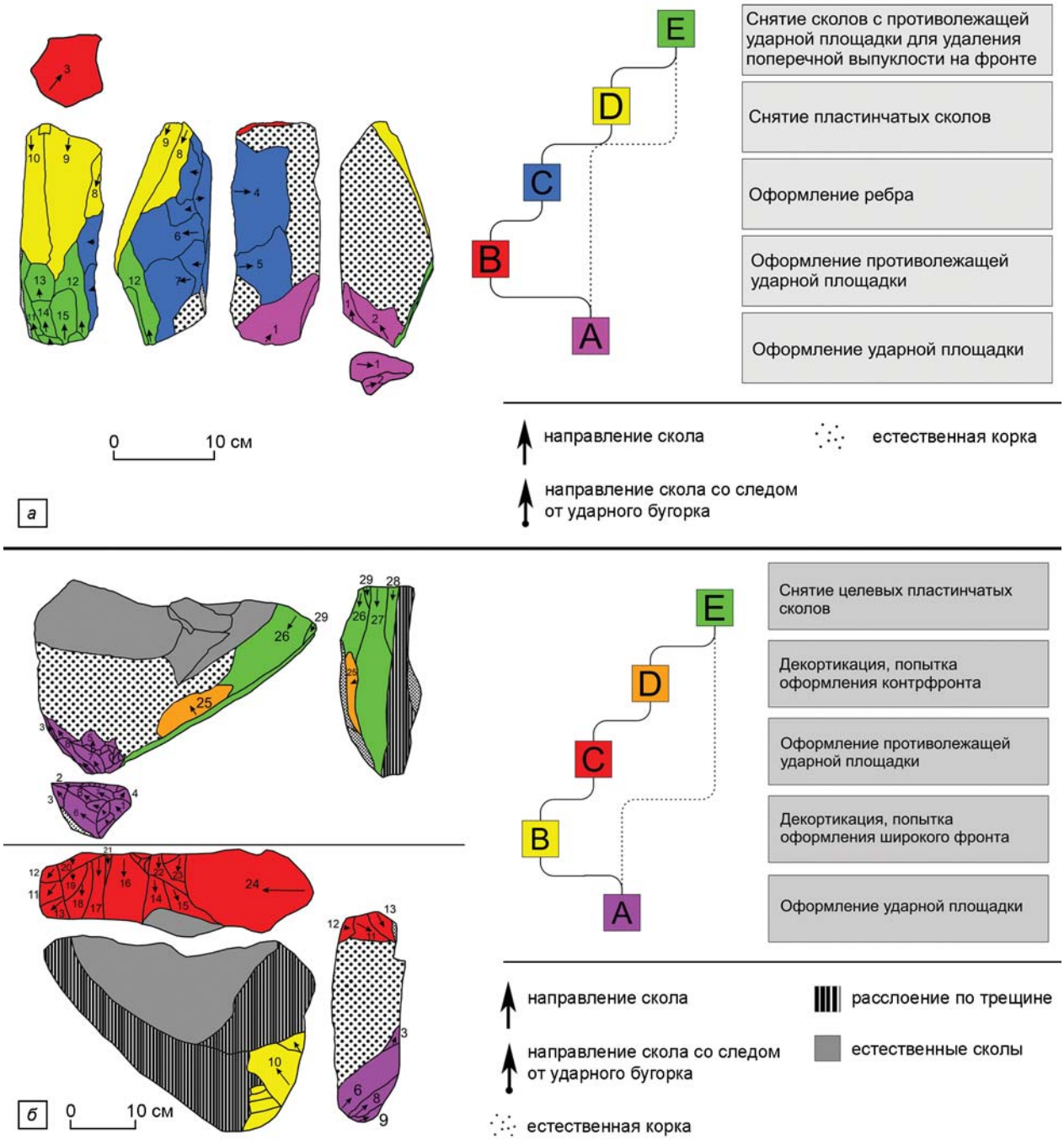


Рис. 3. Аналитические схемы последовательности сколов на нуклеусах и преформах.Номера негативов сколов обозначают последовательность, в которой они были получены.

а – стоянка Толбор-4, подъемные сборы; *б* – стоянка Толбор-4, археологический горизонт 6 (раскопки 2005 г.).

предмета, которые удалось аппликировать, и два артефакта, которые с большой долей вероятности могли относиться к ремонтажируемому блоку, высота и ширина которого составляет 288 × 128 мм [Деревянко и др., 2007]. По внутренним трещинам блок сырья был расколот на 4 макроторцовых нуклеуса для снятия крупных пластин и один массивный и длинный технический скол, обработанный по периметру ретушью с целью подготовки преформы (см. рис. 1, *б*). Предмет 1 удалось составить из двух частей. Его размеры составляют 288 × 128 × 75 мм (см. рис. 1, *б*, *2*). Это плосковыпуклый в сечении, удлиненно-овальный кусок породы. Нижняя плоскость представляет поверхность расслоения по внутренней трещине желвака. Кроме того, примерно по середине его протяженности этот артефакт слегка наискосок рассечен в результате сильного поперечного уда-

ра. По всей окружности края предмет 1 обработан интенсивной модифицирующей многорядной крупно-средне-мелко-фасеточной ступенчатой ретушью, наложенной поверх сколов по периметру заготовки. Продольные края заготовки играют роль будущих латералей-ребер нуклеуса. К плоскости расслоения предмета 1 удалось присоединить предмет 2, прилегающий к одному из узких концов нуклеуса. Это подпрямоугольный в плане, удлиненно прямоугольный в сечении нуклеус (152 × 82 × 145 мм) (рис. 1, *б*, *1*). Латераль нуклеуса, противоположная плоскости расслоения, несет негативы встречных сколов крупных пластин, снятых с гладкой ударной площадки. Исходя из особенностей породы и желвачной корки, из этого же блока происходит предмет 3 (210 × 199 × 66 мм). Перед инициализацией регулярного расщепления на торце было оформлено ребро. Оформление ребра происходило таким же способом, как и на предмете 1 – нанесением поперечных длинной оси латерали коротких сколов и дополнительной их подправкой краевой чешуйчатой ретушью (рис. 3, *б*, сколы 1–9 на схеме). Остатки ребра сохранились в нижней части фронта. Ударная площадка образована поперечными сколами (рис. 3, *б*, сколы 12–24 на схеме). Рабочий фронт расположен на торце нуклеуса. На нем фиксируются негативы снятий длинных пластин (максимальный негатив – 202 × 31 мм) (рис. 3, *б*, сколы 26–29 на схеме). Предмет 4 также представляет собой макроторцовый нуклеус, сегментовидный в плане, прямоугольный в сечении (210 × 98 × 48 мм). Одна из латералей представляет собой плоскость расслоения, другая латераль обработана направленными под прямым углом к торцу нуклеуса крупными прямоугольными сколами. На торце нуклеуса негативы снятий двух крупных удлиненных пластин (длина максимальная 176 мм, ширина максимальная 17 мм). Ребром (направляющей для снятия пластин) была ретушированная ступенчатой ретушью латераль нуклеуса, часть которой сохранилась на дистальном окончании фронта расщепления. Заготовкой для макронуклеуса стала рассеченная пополам заготовка, аналогичная предмету 1. Предмет 5 (17633) подтреугольный в плане, прямоугольно-удлиненный в сечении (191 × 81 × 99 мм) (см. рис. 1, *б*, 3). Одна из широких плоскостей обработана продольно-поперечными уплощающими снятиями отщепов, другая представляет собой плоскость снятия. Фронт расщепления образован на торце (узкой стороне) заготовки, несет негативы снятий как крупных пластин, так и узких длинных пластинок, сколы частично заходят на латерали нуклеуса. Максимальные размеры негатива скола составляет 146 × 39 мм. В нижней части фронта расщепления сохранился небольшой фрагмент ретушированной латерали, аналогичной той, которая была образована на предмете 1.

Обсуждение

Во всех НВП комплексах долины Толбора существенна доля нуклеусов, составляющая от 4 % до 6 % среди технологически значимых артефактов. В ассамбляже гор. 6 Толбора-4 в начальной стадии редукции находились 42 % ядрищ, к которым были отнесены нуклевидные формы, фронты которых на 50 % и более были покрыты естественной коркой. Эти данные позволяют предположить, что на территорию Толбора-4 приносились нуклеусы в основном с минимальной предварительной подготовкой. В целом следует отметить заметную долю нуклевидных форм со следами естественной корки на поверхности во всех рассматриваемых ассамбляжах – очевидно, редукция не приводила к полной декортикации рабочей поверхности.

Представленная серия артефактов из двух различных локаций иллюстрирует различные вариации приобретения и доставки сырья на стоянку. Прежде всего, сырье для тех артефактов, которые были обнаружены в основании склона, было отобрано не на выходах, а сначала подверглось естественной транспортировке – сначала гравитационной, вниз по склону, и далее на непродолжительное расстояние течением водного потока, о которой свидетельствует сохранность естественной корки артефактов. Такие отдельности сырья в ходе естественной транспортировки и фрагментации по внутренним трещинам теряли часть своего объема и приобретали более монолитную внутреннюю структуру, что фиксируется и на других памятниках НВП, в частности, стоянке Кара-Бом [Деревянко и др., 1998].

Первичная отделка артефактов происходила также не на территории стоянки, а, очевидно, на месте сбора их заготовок. Размеры всех артефактов как с территории стоянки, так и из-за пределов ее, существенно превышают максимальные размеры нуклеусов из НВП гор. 6 Толбора-4, длина которых составляет 160 см. Заметна вариативность в первичном оформлении нуклеусов, очевидно, приуроченная к изначальным особенностям исходной отдельности сырья. Редукция пренуклеусов из нестратифицированного комплекса происходила в рамках типичной для НВП подпризматической объемной концепции – ориентация происходила на подпрямоугольную брусковидную форму желвака. В случае необходимости эта форма задавалась серией поперечных снятий на широкой плоскости нуклеуса, создававшей латераль, которая

становилась направляющей при инициализации или возобновлении фронта. Перед началом расщепления создавались две противолежащие ударные площадки, с которых производились встречные циклические снятия пластин. Исходная форма желвака оказала сильное влияние на подготовку нуклеусов и преформ из стратифицированного контекста Толбора-4, где расслоившийся в ходе подготовки на крупные плитки желвак служил основой для 5 нуклеусов и преформ, подготавливавшихся в исключительно выдержанной и стандартизированной технологии. Получившиеся в ходе первичной подготовки плитки оббивались сколами и подготавливались ретушью по краям, создававшим латерали ребра, характерные для технологии НВП. Данные заготовки фрагментировались еще раз в результате поперечных ударов, и предварительно оформленные ребра служили направляющими для однонаправленного расщепления торцовых нуклеусов. Общий вес этих пяти предметов составлял ок. 10 кг, и, судя по компактному расположению предметов, они были принесены на стоянку в уже подготовленном виде, т.к. ни технических сколов, ни подходящих по размерам пластин на вскрытой территории памятника обнаружено не было.

Заключение

Комплексы раннего НВП Северной Монголии связаны с доставкой на территорию стоянки каменного сырья в расчете на будущее использование; на стоянках фиксируются четко очерчиваемые участки скопления нуклеусов [Рыбин и др., 2022; Марченко, Рыбин, Хаценович, 2019]. В результате обнаруженных при раскопках НВП слоя стоянки Толбор-4 в Северной Монголии были обнаружены свидетельства приноса на стоянку в виде подготовленных очень крупных торцовых нуклеусов и преформ большого количества высококачественного каменного сырья. Также в экспонированном состоянии была выявлена серия крупных преформ и нуклеусов, оформлявшихся в типичном для НВП подпризматическом объемном методе подготовки нуклеусов. Для обеих групп нуклеусов ранней стадии расщепления фиксируется использование способов подготовки максимально адаптированных к объемной форме отдельностей сырья.

Благодарности

Полевые исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии». Технологические исследования проводились в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 16–38.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2000. – 240 с.

Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Опыт применения кластерного анализа для изучения планиграфии верхнепалеолитических горизонтов стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 3. – С. 124–138. – doi: 10.14258/tpai(2019)3(27).-09

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Изв. Алт. гос. у-та. Сер.: История. Политология. – 2014. – № 4/1. – С. 188–198. doi: 10.14258/izvasu(2014)4.1-32

Рыбин Е. П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: вариабельность каменной технологии, жизнеобеспечение и поселенческие системы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022. – Т. 1. – С. 285–328. – doi: 10.55086/sp221285328

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Хаценович А.М. Исследования источников каменного сырья для палеолитических объектов в долинах рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2014 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 87–90.

Ташак В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. – Иркутск: Изд-во ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. – 185 с.

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V.

Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019. – N 4. – P. 16–29. – doi: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.016-029

Brantingham P.J., Krivoshapkin A.I., Jinzeng L., Tserendagva Y. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia // Current Anthropology. – 2001. – Vol. 42. – P. 735–746. – doi: 10.1086/323817

Lbova L. Personal ornaments as markers of social behavior, technological development and cultural phenomena in the Siberian Early Upper Paleolithic // Quatern. Intern. – 2021. – Vol. 573. – P. 4–13. – doi: 10.1016/j.quaint.2020.05.035

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution): Doctoral Thesis. – Leiden: Univ. Press, 2012. – 414 p.

References

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. N 4. P. 16–29. doi: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.016-029

Brantingham P.J., Krivoshapkin A.I., Jinzeng L., Tserendagva, Y. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia. *Current Anthropology*, 2001. N 42. P. 735–746. doi: 10.1086/323817

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen J., Tseveendorzh D., Gunchinsuren B. The Technology of Early Upper Paleolithic Lithic Reduction in Northern Mongolia: the Tolbor-4 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007. N 1. P. 16–38.

Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P., Chevalkov L.M. Paleolithic complexes of the stratified part of the Kara-Bom site (Mousterian/Upper Paleolithic). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 280 p. (In Russ.).

Lbova L.V. Paleolit severnoi zony Zapadnogo Zabaikalya. Ulan-Ude: Buryat Sci. Center SB RAS Publ., 2000. 240 p. (In Russ.).

Lbova, L. Personal ornaments as markers of social behavior, technological development and cultural phenomena in the Siberian Early Upper Paleolithic. *Quater. Intern.* 2021. N 573. P. 4–13. doi: 10.1016/j.quaint.2020.05.035

Marchenko D.V., Rybin E.P., Khatsenovich A.M. The experience of cluster analysis for studying the planigraphy of Upper Paleolithic horizons of Tolbor-21 site (Northern Mongolia). *Theory and practice of archaeological research*. 2019. N 3. P. 124–138. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2019)3(27).-09

Rybin E.P. Khronologiya i geograficheskoe rasprostranenie kul'turno znachimykh artefaktov v nachal'nom verkhnem paleolite Severnoi Azii i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo Universiteta*. Ser. History. Politology. 2014. N 4/1. P. 188–198. (In Russ.). doi: 10.14258/izvasu(2014)4.1-32

Rybin E.P., Antonova Yu.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Early Stages of the Upper Paleolithic in the Selenga River Basin: Technological Variability, Subsistence, Settlement Systems. *Stratum Plus Cultural archaeology and anthropology*, 2022. N 1. P. 285–328. (In Russ.). doi: 10.55086/sp221285328

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Khatsenovich A.M. Issledovaniya istochnikov kamennogo syr'ya dlya paleoliticheskikh ob"ektov v dolinakh rek Ikh-Tulberiin-Gol i Kharganyn-Gol v Severnoi Mongolii. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 87–90. (In Russ.).

Tashak V.I. Vostochnyi kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabaikal'e. Irkutsk: V.B.Sochava Institute of Geography SB RAS Publ., 2016. 185 p. (In Russ.).

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution): Doctoral Thesis. Leiden: Univ. Press, 2012. 414 p.

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Кравцова П.С. https://orcid.org/0000-0002-6171-6390
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0291-0297
УДК 903.01

Е.П. Рыбин[1]✉, Д.В. Марченко[1], Ц. Болорбат[2], А.М. Хаценович[1], П.С. Кравцова[1], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], В.М. Харевич[1] , А.М. Клементьев[1, 3], Б. Гунчинсурэн[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

Археологическое изучение стоянки Толбор-21 (Монголия) в 2022 году

В результате продолжающихся с 2014 г. исследований палеолитической стоянки Толбор-21 в Северной Монголии общая площадь раскопа 2, вскрытая в настоящее время, составляет 34 м^2. В разрезе отложений раскопа 2 2022 г. было выделено три литологических слоя, вскрытых на глубину до 200 см. В них было зафиксировано 5 культурных горизонтов, включающих семь уровней залегания археологического материала. В наиболее интенсивно заселенном горизонте 4 стоянки выделяются зоны различной активности древних популяций. Находка нового украшения в археологическом горизонте 4 позволяет очертить локальный участок стоянки с высокой концентрацией украшений, изготовленных из мягких пород камня и скорлупы яиц страуса. В комплексе горизонта 3.1, относящегося к поздней фазе раннего верхнего палеолита, была обнаружена геометрическая трапеция, что позволяет более надежно определить возраст этих артефактов, отнеся их к финалу МИС 3. Новую проблемную ситуацию ставит открытие в комплексе археологического горизонта 4, относящегося к финальной стадии начального верхнего палеолита – серии центростремительных леваллуазских нуклеусов, редуцировавшихся с помощью методов, аналогичных тем, которые были идентифицированы для среднепалеолитической индустрии слоя 3 стоянки Орхон-1. Варианты интерпретации этого явления включают в себя существование преемственности или взаимного влияния между популяциями гоминин финального среднего и начального верхнего палеолита Монголии, технологический импульс которого транслировался вплоть до начала раннего верхнего палеолита. Другим возможным объяснением феномена появления типичного леваллуазского компонента в верхнепалеолитическом контексте является повторная, независимая инвенция леваллуазской технологии.

Ключевые слова: *верхний палеолит, Центральная Азия, Монголия, стратиграфия, каменная технология.*

E.P. Rybin[1]✉, D.V. Marchenko[1], T. Bolorbat[2], A.M. Khatsenovich[1] , P.S. Kravtsova[1], G. Margad-Erdene[2], V.M. Kharevich[1], A.M. Klementyev[1, 3], B. Gunchinsuren[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology of the MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust of the SB RAS
Irkutsk, Russia
E-mail: rybep@yandex.ru

2022 Archaeological Investigation of Tolbor-21 Paleolithic Site (Mongolia)

As a result of ongoing studies of the Tolbor 21 Paleolithic site in Northern Mongolia since 2014, the total area of excavation pit 2 uncovered is presently 34 sq. m. Three lithological layers were identified in the sediments of excavation pit 2 (2022)

reaching to a depth of 200 cm. Five cultural horizons, including seven levels of archaeological material deposition were recorded there. In the most intensively inhabited horizon 4 at the site, areas of different activity of ancient populations can be identified. The discovery of new ornaments in archaeological horizon 4 allows delineating a local area of the site with a high concentration of ornaments made from soft stone and ostrich egg shells. In the complex of horizon 3.1 related to the late phase of the Early Upper Paleolithic, a geometric trapezoid was found, which allows a more reliable determination of the age of these artifacts, attributing them to the final MIS 3. The discovery of a series of centripetal Levallois cores in the complex of archaeological horizon 4, which is attributed to the final stage of the Early Upper Paleolithic width reduction methods similar to those identified for the Middle Paleolithic industry of layer 3 of the Orkhon-1 site, presents a new problem. Options for interpreting this phenomenon include the existence of continuity, or mutual influence, between the hominin populations of the Final Middle and Early Upper Paleolithic in Mongolia, whose technological impulse translated down to the beginning of the Early Upper Paleolithic. Another possible explanation for the phenomenon of the emergence of the typical Levallois component in the Upper Paleolithic context is an independent inventory of the Levallois technology.

Keywords: *Upper Paleolithic, Central Asia, Mongolia, stratigraphy, lithic technology.*

В 2022 г. были продолжены работы на стоянке Толбор-21 в Северной Монголии, возобновленные в 2021 г. после трехлетнего перерыва [Рыбин и др., 2021]. Первый этап исследования этого памятника проходил с 2014 по 2017 г. В результате была выявлена последовательность культурных комплексов, начиная с голоцена и заканчивая средним палеолитом. Было установлено, что эта стоянка представляет собой редкий для долины Толбора пример поселенческого комплекса, содержащего кострища, каменную конструкцию, места скопления артефактов и предметов неутилитарного назначения [Rybin et al., 2020; Рыбин и др., 2022а].

Памятник Толбор-21 находится на пологом склоне, сформированном полигенетическими седиментами в средней части долины реки Их-Тулбурийн-гол (Толбор) в 10 км от ее впадения в Селенгу. Высота над уровнем моря составляет 1 089 м. В 200 м от стоянки присутствуют выходы метаморфизованных осадочных пород – силицитов.

Здесь было заложено 4 раскопа, расположенных в различных частях обширной территории памятника. Жилое пространство археологического горизонта 4 начального верхнего палеолита (далее в тексте НВП) Толбора-21 (40000–42000 кал. л.н.) находилось в восточной части стоянки, вскрытой раскопом 2 в 2016–2017 гг. и в 2021 г. на площади 23 м^2. В археологическом горизонте 4 были выявлены два уровня залегания артефактов, связанных с кострищами, расположенными горизонтально относительно угла падения склона. На этой территории осуществлялись повторяющиеся циклы заселения, связанные с использованием огня, употреблением в пищу крупных копытных животных. Все четыре вида крупных млекопитающих (шерстистый носорог, лошадь, кулан, як), которые были определены на данном участке, относятся к группе степных обитателей [Rybin et al., 2020]. На территории раскопа 2 существовало зонирование территории, и помимо участков, связанных с использованием огня и разделки животных выделяются участки скопления нуклеусов, связанные с приносом сырья на стоянку [Рыбин и др., 2022а].

В 2022 г. с целью продолжения изучения планиграфической структуры данного участка стоянки было заложено продолжение раскопа 2 на площади 11 м^2. Раскоп был прирезан непосредственно к изученной в 2016–2017 гг. площади с запада и юга от нее в сторону центральной и нижней части склона (рис. 1).

В разрезе отложений раскопа 2 в 2022 г. было выделено три литологических слоя, вскрытых на глубину до 200 см. В них было зафиксировано 5 культурных горизонтов, включающих несколько уровней залегания материала (описание дается по южной стенке раскопа, видимая мощность которой достигает 150 см).

Слой 1 (мощность 20 см). Современная почва каштанового цвета. Включает в себя культурные остатки горизонта 1.

Слой 2 (мощность 50–55 см). Состоит из двух литологических горизонтов: верхний 2А имеет белесый цвет и сцементированную структуру, мощность составляет 20–25 см. Выделяется два уровня залегания материала: первый связан с кровлей слоя, второй, наиболее насыщенный археологическим материалом, находится в средней части слоя на глубинах от 20 до 25 см ниже границы со слоем 1. Эти отложения представляют собой светло-желтые лессовидные супеси с включениями слабоокатанного мелкого гравия. Артефакты, находящиеся в этом слое, с одной из плоскостей покрыты толстым слоем карбонатной корки.

Слой 3 (видимая мощность 60–75 см). Сложен ламинарными иловатыми и лессовидными седиментами, сформированными прослойками белесых иловатых отложений, представляющих собой переработанный карбонатизированный лесс, суглинков и песков, с различной долей содержания гравия и щебня. Границы слоев неровные, испытавшие на себе воздействие склоновых процессов – пло-

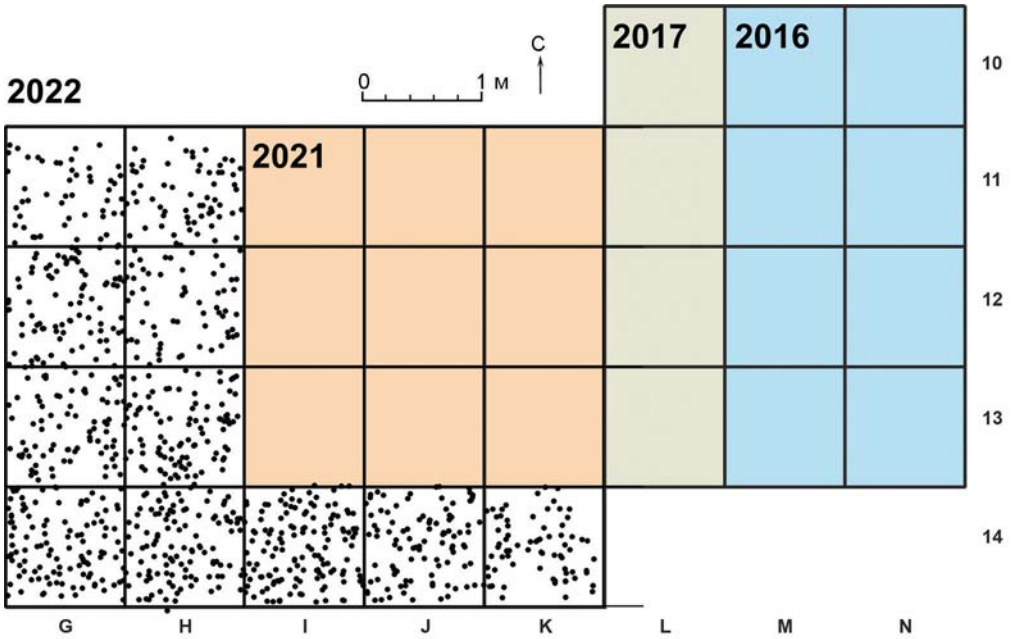


Рис. 1. Стоянка Толбор-21. План раскопа 2. План распределения находок в археологическом горизонте 4.

скостного смыва и низкоэнергетического гравитационного движения седиментов. Граница между слоями 2 и 3 связана с уровнем залегания обломков коренной породы, основание которых уже относится к слою 3.

В пределах литологического слоя 3 выделяется несколько литологических горизонтов.

Горизонты 3.1 и 3.2 (общая мощность ок. 15 см) представляют собой карбонатизированные коричневатые плотные ламинарные отложения (гор. 3.1) и более светлые, рыхлые, с более выраженной слойчатостью седименты гор. 3.2. С этими литологическими подразделениями связаны находки культурных горизонтов 3.1 и 3.2. Мощность верхнего, более насыщенного находками горизонта 3.1, составляет 7–10 см, мощность второго (3.2) составляет 5–7 см. Верхняя граница гор. 3.2 обозначена углистыми пятнами, встречающимися на части площади раскопа.

Горизонт 3.4 (мощность 25–30 см) представляет собой чередование светлых темно-коричневых солифлюциированных ламинарных иловатых отложений с включениями щебня и местного глыбовника, обозначающего верхнюю границу горизонта. Включает в себя культурные остатки археологического горизонта 4. В нем выделяется два уровня концентрации материала. Первый, уровень 4.1, связан с камнями, залегавшими в кровле слоя, имеет мощность ок. 10 см и маркируется более светлой ламинарностью и большим содержанием щебня, нежели уровень 4.2, где отмечается более темная ламинарность и меньшее количество находок.

Горизонт 3.5. Темно-коричневый со светлыми прослоями ламинарный суглинок с включениями мелкого гравия, мощностью до 20 см, локализован в юго-западном углу раскопа, врезается в седименты литологического горизонта 3.4 и 3.6 и уходит в южную стенку раскопа. Содержит комплекс археологического горизонта 4/5.

Горизонт 3.6 (видимая мощность 10–20 см). Опесчаненный слой с выраженными прослоями палевых и коричневатых седиментов. Включает находки археологического горизонта 5.

В раскопе 2022 г. ископаемый костный материал по горизонтам распределен крайне неравномерно. Общее количество фаунистических находок составило 90 экз. В горизонтах 1, 2, 3, 4/5 и 5 были найдены единичные костные фрагменты, в основном неопределимые. Среди этих горизонтов определимые остатки представлены фрагментом скорлупы яйца страуса (археологический горизонт 2) и нижним коренным зубом ископаемой лошади (археологических горизонт 3.1). Количество индивидуумов (MNI) для каждого вида не превышает одной особи. Наиболее массовый материал встречен в 4 горизонте, непосредственно в слое (54 экз.) и в выделенной яме (археологический горизонт 4/5, 12 экз.). Для слоя определены представители семейств лошадиных, бычьих, козлообразных. На одном из фрагментов имеются ясные следы порезов (cutmarks). В яме же найдены фрагменты рога благородного оленя из группы elaphus-canadensis. Основание рога показывает, что он был сброшен зверем после периода гона, и уже сброшенный был собран как сырьевой/неутилитарный ресурс.

Общее количество индивидуально зафиксированных каменных артефактов (размером больше 3 см) без артефактов, полученных в результате просева отложений, составляет 2 046 экз.

В это число входят артефакты из следующих подразделений: археологический горизонт 1 – количество находок составило 35 экз. артефактов. Данный ассамбляж, не имеющий диагностирующих признаков, относится к голоцену.

Комплекс археологического горизонта 2 представлен 535 экз. артефактов. Хронологически он относится к МИС 2 и включает в себя отщеповый/мелкопластинчатый комплекс позднего верхнего палеолита, имеющий свои аналоги в индустриях гор. 2 и 3 стоянки Толбор-4 [Деревянко и др., 2006].

Археологический горизонт 3.1 содержит 274 экз. фиксируемых артефактов, горизонт 3.2 – 174 экз. Горизонт 3.2 датируется в пределах 37–38 тыс. кал. л.н. Оба подразделения определяются как ранневерхнепалеолитические комплексы с преобладающей однонаправленной технологией, ориентированной на производство пластинчатых сколов средних и мелких размеров. При расщеплении прослеживается ориентация на параллельное расщепление плоских нуклеусов, высока доля ситуационных форм, негативы сколов на рабочих фронтах зачастую имеют аморфные очертания. В гор. 3.1 была обнаружена трапеция на тронкированной пластине – характерный для финала раннего верхнего палеолита тип орудий. Поперечные края пластины были преднамеренно фрагментированы и обработаны отвесной тронкирующей параллельной ретушью, такой же ретуши подвергнут более узкий продольный край, другой удлиненный продольный край не обработан. В результате такой системы вторичной обработки медиальная часть мелкой пластины приобрела трапециевидную форму. Первое радиоуглеродное определение, хотя и давшее только верхнюю хронологическую границу геометрических форм в 21 тыс. л.н. по углистой линзе в слое 4 стоянки Харганын-Гол-5, ниже которой залегала самая большая коллекция геометрических форм в Северной Монголии, дало возможность сузить возраст этих изделий до финала стадии МИС 3 [Хаценович и др., 2022]. Имеющиеся для слоя 4а Толбора-4 датировки позволяют более уверенно локализовать эти артефакты в пределах хронологического интервала 28–29 тыс. л.н., что делает возможным предположение о наиболее раннем в пределах Южной Сибири и Центральной Азии возрасте геометрических форм [Рыбин и др., 2022б].

Археологический горизонт 4 (937 артефактов) может быть определен как относящийся к финалу НВП – началу формирования раннего верхнего палеолита (40–42 тыс. кал. л.н.). Он характеризуется высокой плотностью распределения артефактов (рис. 1). В верхнем горизонте отмечается наличие значительной серии леваллуазских нуклеусов и пренуклеусов (7 предметов, рис. 2). Классическим примером леваллуазской индустрии в Монголии является гор. 3 финального среднего палеолита раскопов 1, 2 стоянки Орхон-1, залегающих ниже седиментов, датируемых возрастом ок. 4000 л.н. Здесь выделяется серия леваллуазских нуклеусов, отражающих использование типичного отщепового центростремительного метода (рис. 2, *1, 3*), а также специфического для этого комплекса комбинированного бипродольного параллельного и центростремительного метода расщепления, также направленного на производство леваллуазских отщепов (рис. 2, *2*) [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. В наиболее ранних комплексах НВП Северной Монголии, в частности гор. 6 стоянки Толбор-4, появляется серия бипродольных конвергентных нуклеусов для производства остроконечных сколов (рис. 2, *4*); также продолжает присутствовать центростремительное леваллуазское расщепление (рис. 2, *5, 6*) [Деревянко и др., 2006]. Серия леваллуазских нуклеусов из гор. 4 Толбора-21 наиболее близка по своей морфологии и составу технологическому набору из стоянки Орхон-1. Здесь представлены типичные центростремительные леваллуазские нуклеусы, представленные относительно небольшими изделиями (рис. 2, *7, 8*); также известен пример характерного для Орхона-1 комбинированного параллельного-центростремительного метода (рис. 2, *10*). Идентифицированную в 2022 г. серию дополняет бипродольно-конвергентный леваллуазский нуклеус, найденный в прежние годы раскопок стоянки (рис. 2, *9*).

Также в этом субгоризонте, в квадрате G12 была обнаружена бусина из скорлупы яйца страуса. При предыдущих раскопках на этом же уровне, на этом же участке раскопа площадью ок. 3 м^2 были обнаружены 5 подвесок, одна из которых была изготовлена из скорлупы яйца страуса, а четыре других – из мягкого камня – серпентенита, сепиолита и графита, таким образом, общее количество предметов неутилитарного назначения на этом участке памятника ныне составляет 6 предметов. На некотором расстоянии от находки бусины в 2022 г. также был обнаружен фрагмент подвески из серпентинита.

К археологическому горизонту 4/5 отнесен комплекс, происходящий из углубления длиной ок. 3 м и шириной ок. 0,5 м (см. статью Марченко и др. в настоящем издании).

Комплекс археологического горизонта 5, фиксирующего наиболее ранний этап заселения долины

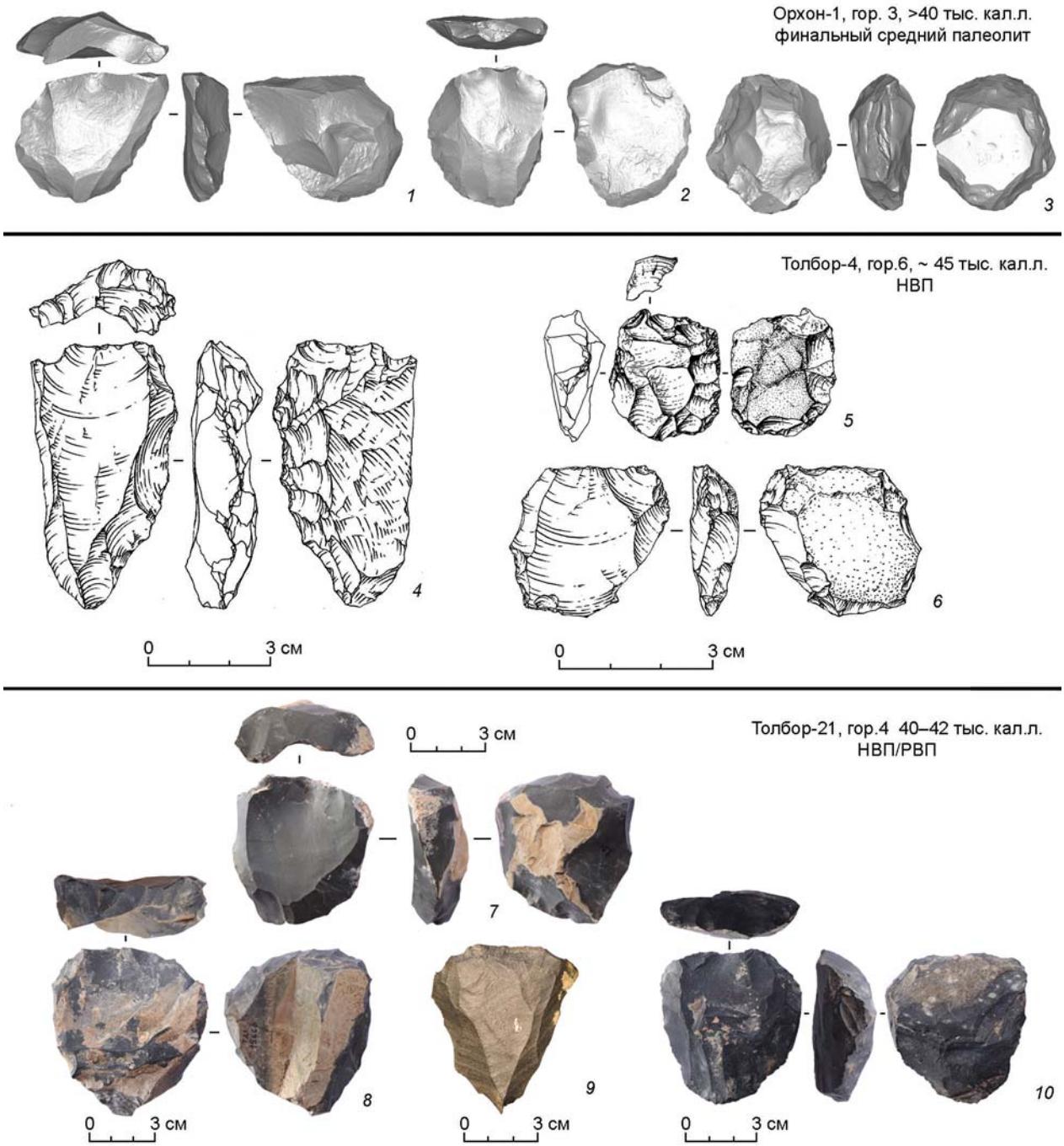


Рис. 2. Леваллуазские нуклеусы в среднем – раннем верхнем палеолите Монголии.

1–3 – гор. 3 стоянки Орхон-1; *4–6* – археологический горизонт 6 стоянки Толбор-4; *7–10* – археологический горизонт 4 стоянки Толбор-21.

Толбора в начале верхнего палеолита (ок. 45 тыс. кал. л.н.), представлен 29 фиксируемыми артефактами, включающих типологически выраженные нуклеусы и орудия.

Заключение

В результате продолжающихся с 2014 г. исследований палеолитической стоянки Толбор-21 в Северной Монголии были получены результаты, позволившие расширить представления о способах организации поселенческих систем и жизнедеятельности палеолитических популяций начала верхнего палеолита, а также хроностратиграфической последовательности развития комплексов верхнего палеолита этой территории. Общая площадь раскопа 2, вскрытая в настоящее время, составляет 34 м^2. В разрезе отложений раскопа 2 в 2022 г. было выделено три литологических слоя, вскрытых на глубину до 200 см. В них было зафик-

сировано 5 культурных горизонтов, включающих семь уровней залегания археологического материала. В наиболее интенсивно заселенном горизонте 4 стоянки выделяются зоны различной активности древних популяций. Находка нового украшения в археологическом горизонте 4 позволяет очертить локальный участок стоянки с высокой концентрацией украшений, изготовленных из мягких пород камня и скорлупы яиц страуса. В комплексе горизонта 3.1, относящегося к поздней фазе раннего верхнего палеолита, была обнаружена геометрическая трапеция, что позволяет более надежно определить возраст этих артефактов, отнеся их к финалу МИС 3. Новую проблемную ситуацию ставит открытие в комплексе археологического горизонта 4, относящегося к финальной стадии начального верхнего палеолита, серии центростремительных леваллуазских нуклеусов, редуцировавшихся с помощью методов, аналогичных тем, которые были идентифицированы для среднепалеолитической индустрии слоя 3 стоянки Орхон-1. Варианты интерпретации этого явления включают в себя существование преемственности или взаимного влияния между популяциями гоминин финального среднего и начального верхнего палеолита Монголии, технологический импульс которого транслировался вплоть до начала раннего верхнего палеолита. Другим возможным объяснением феномена появления типичного леваллуазского компонента в верхнепалеолитическом контексте является повторная, независимая инвенция этой технологии.

Благодарности

Исследования стоянки Толбор-21 проводились при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии».

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии: сб. ст. – Новосибирск Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 17–42.

Деревянко А.П., Кандыба А.Г., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Болорбат Ц., Хаценович А.М., Базаргур Д., Клементьев А.М., Кравцова П.С., Маргад-Эрдэнэ Г., Долгушин И.Д., Гунчинсурэн Б. Изучение палеолитических стоянок в долине р. Их-Тулбурийн-гол (Толбор) в Северной Монголии в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2021 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 238–245. – doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0238-0245

Рыбин Е.П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: вариабельность каменной технологии, жизнеобеспечение и поселенческие системы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022а. – Т. 1. – С. 285–328. – doi: 10.55086/sp221285328

Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Болорбат Ц. Финальная стадия раннего верхнего палеолита Северной Монголии: каменная технология и региональные аналогии: Толбор-4, слои 4a и 4b // Теория и практика археологических исследований. – 2022б. – Т. 34, № 2. – С. 186–206. – doi: 10.14258/tpai(2022)34(2).-11

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Пархомчук Е.В., Жилич С.В., Болорбат Ц., Петрожицкий А.В., Базаргур Д., Одсурэн Д., Цэрэндагва Я., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У. Хронология археологических комплексов с геометрическими микролитами в Северной Монголии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022. – Т. 1. – С. 255–370. – doi: 10.55086/sp221355369

Rybin E.P., Paine C.H., Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): site formation, human behavior and implications for the regional sequence // Quatern. Internl. – 2020. – Vol. 559. – P. 133–149. – doi: 10.1016/j.quaint.2020.06.022

References

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A. Razvitie kamennyh industrij verhnego paleolita Severnoj Mongolii (po dannym stojanki Tolbor).In *Chelovek i prostranstvo v kul'turah kamennogo veka Evrazii*. Novosibirsk, 2006. P. 17–42. (In Russ.).

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolithic of Orkhon. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. 384 p. (In Russ.).

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Parkhomchuk E.V., Zhilich, S.V., Bolorbat T., Petrozhitskii A.V., Bazargur D., Odsuren D., Tserendagva Ya., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Chronology of Archaeological Complexes with

Geometric Microliths in Northern Mongolia. *Stratum plus*. *Cultural archaeology and anthropology*, 2022. N 1. P. 255–370. (In Russ.). doi: 10.55086/sp221355369

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): site formation, human behavior and implications for the regional sequence. *Quatern. Intern.*, 2020. Vol. 559. P. 133–149. doi: 10.1016/j.quaint.2020.06.022

Rybin E.P., Antonova Yu.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Early Stages of the Upper Paleolithic in the Selenga River Basin: Technological Variability, Subsistence, Settlement Systems. *Stratum Plus Cultural archaeology and anthropology*, 2022. N 1. P. 285–328. (In Russ.).

Rybin E.P., Gunchinsuren B., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V., Bolorbat T. Final Phase of Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia: Lithic Technology and Regional Analogies: Tolbor-4 site, horizons 4a and 4b. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2022. Vol. 34. N 2. P. 186–206. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2022)34(2).-11

Rybin E.P. Marchenko D.V., Bolorbat T., Khatsenovich A.M., Bazargur D., Klementiev A.M., Kravtsova P.S., Margad-Erdene G., Dolgushin I.D., Gunchinsuren B. Studies of Paleolithic Sites in Ikh-Tulberiin-gol River Valley (Northern Mongolia) in 2021. In *Problems of Archeology, Etnography, Antropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 238–245. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0238-0245

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Кравцова П.С. https://orcid.org/0000-0002-6171-6390
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0298-0304
УДК 902/903.1

М.В. Селецкий, А.Ю. Федорченко✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Трехмерное моделирование экспериментальных эталонов каменных ударно-абразивных орудий: возможности и ограничения

В работе представлены результаты экспериментального моделирования по обработке минерального и органического сырья посредством расщепления, ретуширования и растирания с применением активных и пассивных ударно-абразивных инструментов. Все полученные эталоны были подвергнуты трехмерному моделированию сканером структурированного подсвета RangeVision Spectrum до и после проведенных экспериментов. В процессе исследования на этапе постобработки были исправлены все погрешности моделей, а также подготовлены иллюстрации профилей инструментов и их рабочих поверхностей, в т.ч. с построением карт кривизны сетки. По результатам работы были выявлены возможности и ограничения в применении методов трехмерной визуализации при изучении экспериментальной коллекции. В рамках экспериментального подхода при изучении каменных ударно-абразивных орудий целесообразно применение 3D-моделирования для изучения динамики и основных механик повреждения, поскольку визуализация полученных данных с возможностью измерения морфометрических характеристик предоставляет подробные результаты об изменении облика артефакта и его рабочей поверхности. Указанные преимущества характерны только для орудий с видимыми на макроуровне повреждениями. Для инструментов, которыми осуществлялись операции по абразивной обработке, трехмерная визуализация может быть полезна для отражения морфометрических характеристик изначальной заготовки. Вышеуказанный метод является эффективным при анализе наблюдаемых на макроуровне следов утилизации, тогда как повреждения, которые фиксируются только на микроуровне, слабо различимы на получаемых моделях. В целом, каменные ударно-абразивные орудия представляются перспективным источником для изучения методами трехмерной визуализации. Его использование позволяет с высокой точностью отобразить видимые изменения рельефа, предоставляя возможность создания доказательной базы функционального анализа изучаемых инструментов и их идентификации.

Ключевые слова: *Горный Алтай, средний палеолит, верхний палеолит*, *каменные ударно-абразивные орудия, 3D-моделирование, экспериментальное моделирование, функциональный анализ.*

M.V. Seletskiy, A.Yu. Fedorchenko✉

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

3D-modelling of Experimental Percussive-abrasive Stone Tools: Opportunities and Limitations

In this study, we present the results of experimental modelling for processing the mineral and organic raw materials through knapping, retouching and grinding using active and passive percussive-abrasive tools. All obtained standards were subjected to three-dimensional modelling by the RangeVision Spectrum structured illumination scanner before and after the experiments. During the research at the post-processing stage, we corrected all model errors and prepared illustrations of tool profiles and their working surfaces, including the construction of grid curvature maps. Based on the results of the work, we identified the possibilities and limitations in the use of three-dimensional visualization methods in the study of the experimental collection. As part of the experimental study of percussive-abrasive stone tools, it is advisable to use 3D-modelling to study the dynamics and main damage mechanics, since the visualization of the data with the ability to measure morphometric characteristics provides detailed results on the change in the appearance of the artefact and its working surface. These advantages are typical

only for tools with damage visible at the macro level. For instruments for abrasive treatment, 3D-visualization can be useful to reflect the morphometric characteristics of the original workpiece. This method is effective in the analysis of use-wear traces observed at the macro level when damages that are recorded only at the micro level are poorly distinguishable on the resulting models. In total, percussive-abrasive stone tools seem to be a promising source for studying by 3D-visualization methods. Its use makes it possible to display visible changes in the relief with high accuracy, providing an opportunity to create an evidence base for the functional analysis of the studied instruments and their identification.

Keywords: *Gorny Altai, Middle Palaeolithic, Upper Palaeolithic, percussive-abrasive stone tools, 3D-modelling, experimental modelling, functional analysis.*

Введение

Комплексный анализ производственного инструментария, применявшегося для обработки минерального и органического сырья путем расщепления, ретуширования, дробления, измельчения или истирания, занимает особое место в новейших исследованиях палеолитических комплексов Алтая [Селецкий и др., 2021]. Ввиду особой специфики подобных артефактов, связанных, прежде всего, с выбором в качестве исходных основ природных отдельностей зернистых пород и отсутствием или невыразительностью на них следов преднамеренного видоизменения поверхности, основным методом изучения ударно-абразивных орудий выступает экспериментально-трасологический анализ, направленный на изучение макро- и микроследов износа [Степанова, 2015]. На современном этапе исследований к изучаемым орудиям применяются методы статистики и трехмерного моделирования. Использование высокоточных вычислений и технологий позволяет на новом уровне производить фиксацию как метрических характеристик артефактов для выявления основных особенностей их размерности, так и неровностей рельефа, который может отображать следы утилизации и/или естественных повреждений сырьевой отдельности [Селецкий, Чистяков, Федорченко, 2020].

Важнейшим направлением комплексных изысканий ударно-абразивных инструментов палеолитических комплексов Алтая выступает экспериментальное моделирование, направленное как на реконструкцию различных древних технологий и производственных процессов, так и получение достоверных сведений о динамике формирования следов износа на экспериментальных орудиях. В результате недавних исследований усилиями нескольких научных коллективов были получены оригинальные коллекции экспериментальных эталонов, учитывающих специфику местных сырьевых ресурсов [Белоусова и др., 2017; Шалагина и др., 2019; Селецкий и др., 2021; Белоусова и др., 2022]. Цель настоящей работы заключалась в выявлении основных исследовательских возможностей, связанных с применением технологий 3D-моделирования при изучении экспериментальных эталонов ударно-абразивных инструментов.

Материалы и методы исследований

Проведенное исследование базировалось на данных экспериментального моделирования, функционального анализа и трехмерного моделирования. В рамках настоящей работы в 2022 г. на базе лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН была проведена серия экспериментов по расщеплению и ретушированию камня, а также обработке органического материала – зерен злаков. В результате экспериментального моделирования было получено четыре эталона каменных ударно-абразивных орудий, которые и послужили непосредственным предметом исследования: отбойник и ретушер для обработки минерального сырья, терочник и плита для растирания проса. Детальный анализ макро- и микроследов износа на эталонах ударно-абразивных инструментов осуществлялся посредством стереомикроскопа Альтами CM0745-T с увеличением ×7–45, фотофиксация – камеры Canon EOS 5D Mark IV с объективом EF 100mm f/2.8 Macro IS USM и штативом с ручной доводкой на резкость. Все эталоны были подвергнуты трехмерному сканированию с использованием сканера структурированного подсвета RangeVision Spectrum. Для постобработки полученных моделей, определения метрических характеристик и объема, построения карты кривизны сетки и фиксации макроследов утилизации нами использовались программы RangeVision ScanCentre, Geomagic Wrap, Geomagic Design X, Keyshot 10 (все – trial version) [Чистяков, Бочарова, Колобова, 2021]. В качестве единицы размерности эталонов был взят объем в кубических миллиметрах, поскольку, в отличие от массы, он отображает внешний облик орудий вне зависимости от плотности сырья.

Результаты исследований

Экспериментальный анализ. Первый из предпринятых нами экспериментов заключался в расщеплении уплощенной гальки мелкозернистого алевропесчаника со снятой естественной поверхностью прямым ударом твердого минерального отбойника (рис. 1). В качестве исходной основы отбойника выступила галька крупнозернистой осадочной по-

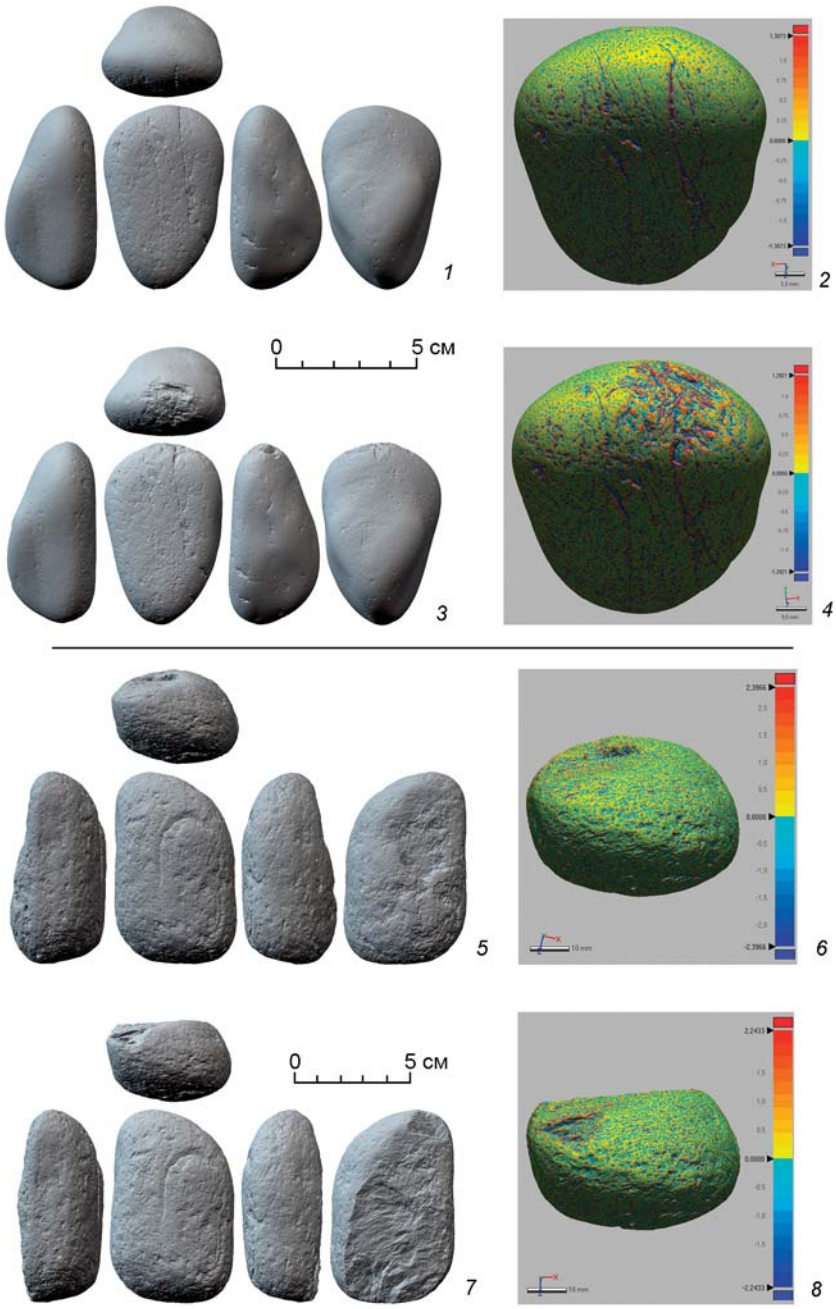


Рис. 1. Трехмерная визуализация экспериментальных эталонов – отбойника до (*1*, *2*) и после (*3*, *4*) использования, ретушера до (*5*, *6*) и после (*7*, *8*) использования.

1, *3*, *5*, *7* – бестекстурные профили; *2*, *4*, *6*, *8* – карты кривизны сетки.

роды вытянутой овальной формы. Рабочая зона инструмента располагалась на одной из вершин гальки, которой производилось движение сверху вниз; в процессе работы отбойник удерживался в руке за латерали. Цель эксперимента состояла в получении сколов-заготовок согласно параллельному принципу расщепления, общее время работы – один час. Размер эталона (43 739 мм^3) обусловлен проверкой гипотезы о формировании одинакового типа следов утилизации на отбойниках, если нуклеус больше орудия примерно в два раза. В процессе утилизации экспериментального инструмента на его рабочей зоне возникали следы мелкой деформации естественной галечной поверхности в виде выбоин, зарубок и выщербин. Использование орудия в течение 30 мин привело к появлению негатива мелкого скола путем контрудара. Спустя час на утилизированной поверхности инструмента практически полностью отсутствовала корка, из-за чего зона износа казалась выкрошенной и забитой. Последнее свидетельствует о нахождении орудия на крайней стадии утилизации. Облик полученных следов утилизации позволяет считать озвученную выше гипотезу подтвержденной.

Второй эксперимент предполагал ретуширование каменных сколов посредством нанесения прямого удара в течение одного часа (рис. 2). Целью этого процесса являлось формирование у заготовок ретушированного продольного края, находящегося под углом от 70 до 90° к плоской стороне. Заготовкой инструмента послужила галька крупнозернистого сырья осадочной породы яйцевидной формы. Использовалась вершина гальки, хват ретушера осуществлялся за латерали. В процессе эксперимента на рабочей поверхности эталона возникали мелкие выбоинки и выщербины, сопровождаемые линейными следами, что в комплексе приводило к формированию «кометообразных» следов. В целом, следы механических повреждений на ретушере имели меньшие размеры – в сравнении с отбойниками. Спустя полчаса работы контактная поверхность приобрела ячеистый вид, лунки от ударов располагались хаотично. Использование инструмента в течении часа привело к фрагментации рабочей зоны по трещине в результате контрудара. Соответственно, эталон находится на крайней стадии использования.

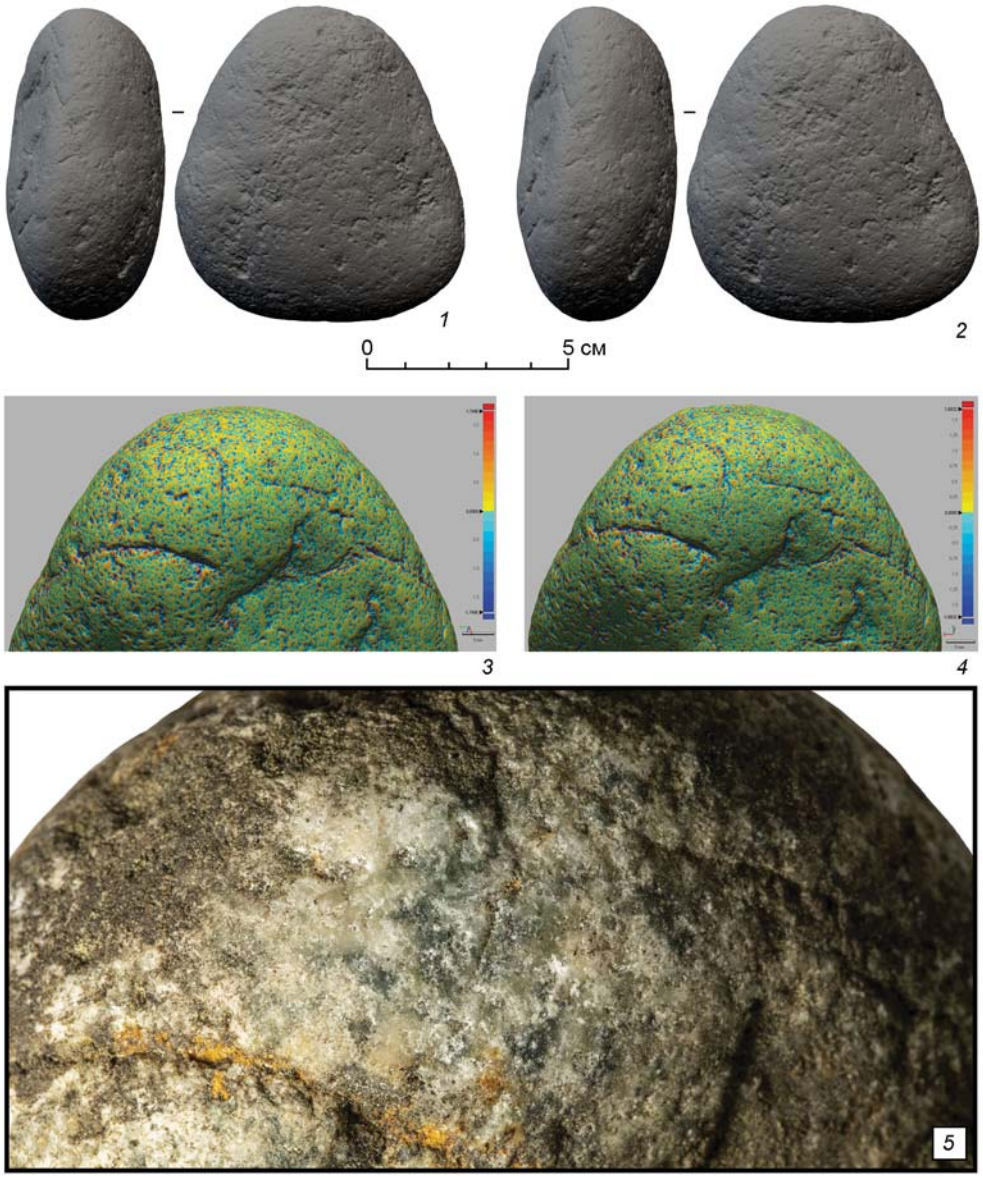


Рис. 2. Экспериментальный терочник до (*1*, *3*) и после (*2*, *4*, *5*) использования.
1, *2* – бестекстурные профили; *3*, *4* – карты кривизны сетки; *5* – макрофотография зоны износа.

Целью третьего эксперимента выступала обработка зерен проса растиранием между камнями для получения муки (рис. 2, 3). Подобная операция предполагает использование инструментов активного и пассивного характера. Основой первого орудия послужила крупнозернистая галька осадочной породы подтреугольной формы, рабочей зоной которого послужила вершина, второго – крупнозернистая плоская вытянутая галька осадочной породы с контактной поверхностью по центру одной из широких сторон. Хват экспериментального терочника происходил по латералям гальки, общее время работы составило один час. По мере использования экспериментального терочника было отмечено постепенное выкрашивание и выравнивание поверхности (рис. 2). На микроуровне прослеживались видимые линейные следы в виде борозд, направленных согласно кинематике инструмента. После часа работы орудия была отчетливо сформирована рабочая зона прямоугольной формы с признаками истирания и следами – остатками муки. Инструмент находится на средней стадии утилизации.

В течение 30 мин утилизации плита для растирания практически не носила визуально наблюдаемых следов износа на макроуровне (рис. 3). Тем не менее, при увеличении от ×40 были прослежены штриховые субпараллельные линейные следы. По мере дальнейшего использования поверхность становилась все более выровненной, но общий рельеф гальки не изменялся. Спустя час работы рабочий участок плиты приобрел более выраженные даже на макроуровне следы истирания с многочислен-

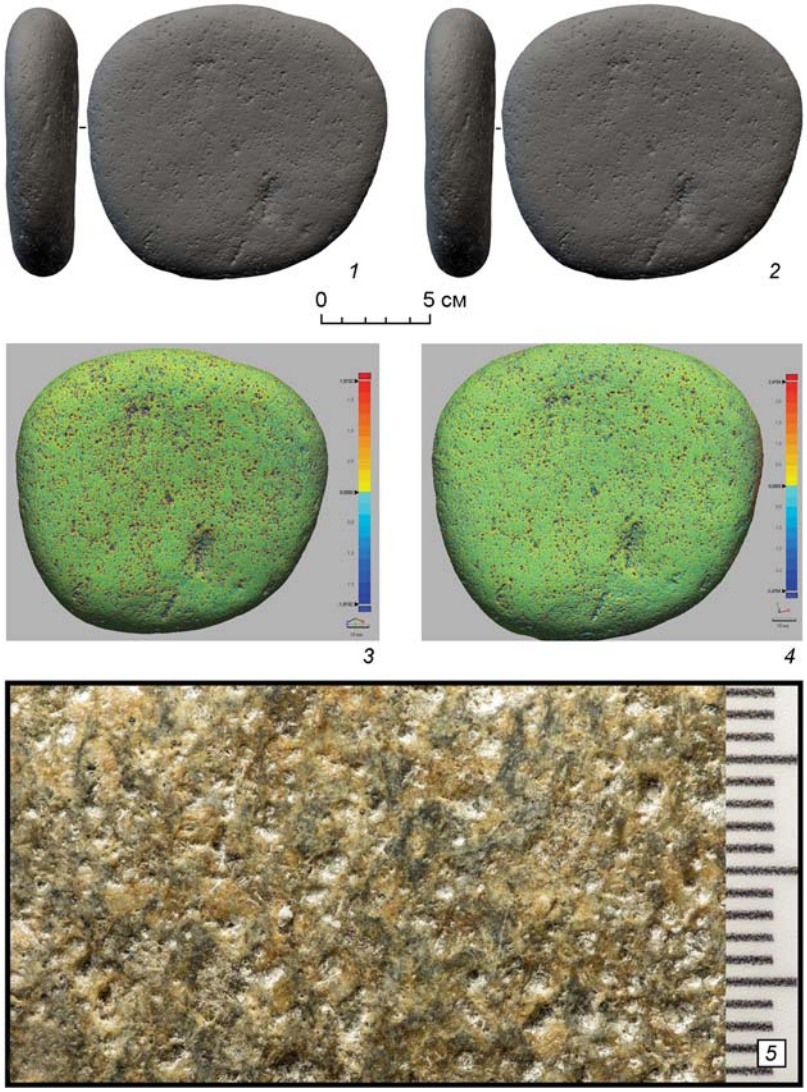


Рис. 3. Экспериментальная плита для растирания до (*1*, *3*) и после (*2*, *4*, *5*) использования.

1, *2* – бестекстурные профили; *3*, *4* – карты кривизны сетки; *5* – макрофотография зоны износа.

ными остатками муки. Инструмент находится на средней стадии утилизации, поскольку зона износа отчетливо сформирована, но общий рельеф поверхности не изменен, и галечная корка не повреждена в ходе использования.

Трехмерное моделирование. Основная цель применения 3D-моделирования в отношении полученных экспериментальных эталонов заключалась в определении механизмов и динамики образования следов утилизации в процессе обработки каменными инструментами минерального и органического сырья путем ударного и абразивного воздействия. С целью выявления различий были проанализированы метрические характеристики эталонных образцов и рельеф поверхности их рабочих зон до и после использования в той или иной функции.

Активные инструменты ударного воздействия претерпели большие изменения в ходе утилизации. Объем отбойника изменился на 189 мм^3 (с 43 739 до 43 550), его зона износа приобрела ячеистый характер, из-за фрагментации как в результате контрударного воздействия, так и расслаивания по трещинам (см. рис. 1). Схожие изменения произошли и с экспериментальным ретушером, его объем редуцировался на 8 940 мм^3 (с 104 379 до 95 439). Контактная поверхность инструмента сильно фрагментирована, из-за ее расслоения по трещине в процессе утилизации. Остаточная часть зоны имеет ячеистый характер, прослеживается наличие как лунок, так и зарубок (см. рис. 2). В целом, полученные в результате экспериментов отбойник и ретушер имеют схожую деформацию рабочей поверхности, но различную степень фрагментации (на 0,4 % и 8,6 %, соответственно), что обусловлено трещиноватостью второго орудия. Тем не менее, судя по облику приобретенных следов износа, фиксируемых на трехмерной модели и карте кривизны сетки, оба инструмента вполне успешно идентифицируются, что сказывается положительно на возможности визуализации характера износа на каменных ударно-абразивных орудиях ударного воздействия.

Изменения морфометрических характеристик *орудий абразивного воздействия* в результате использования трехмерного моделирования не зафиксированы. Объем терочника, как и плиты для растирания, практически не претерпел существенных изменений – с 168 344 до 168 336 мм^3 и с 231 453 до 231 447 мм^3, соответственно. Рельеф рабочих поверхностей остался примерно таким же, за исключением присутствия признаков сглаженности на макроуровне. Потеря объема рассматриваемых эталонов составила менее 0,01 %. Блоки следов на орудиях прослежены только на микроуровне, для их визуализации целесообразней всего использовать фотографию (рис. 2, *5*; 3, *5*). Полученные данные свидетельствует о нецелесообразности использования методов 3D-моделирования для идентификации функций орудий абразивного воздей-

ствия, находящихся на средней стадии утилизации. Исключением могут являться инструменты на отдельностях сырья, склонного к раскрашиванию и растрескиванию [Белоусова и др., 2021; Федорченко и др., 2022].

Обсуждение и выводы

Исследование каменных ударно-абразивных орудий нередко сопряжено с комплексом проблем, связанных с идентификацией этих артефактов. В качестве исходных основ для большинства ударно-абразивных инструментов, происходящих из материалов памятников среднего и верхнего палеолита Алтайского региона, обычно использовались окатанные отдельности низкокачественного крупнозернистого сырья крупных размеров, которые повсеместно встречались в русловом аллювии ближайших водотоков. Зачастую без использования специального оборудования и методик анализа исследователи способны выделить лишь следы крупных механических повреждений, испытывая определенные трудности при анализе более мелких, но в то же время нередко более диагностичных типов следов износа на рабочей поверхности артефактов. Отбойники и ретушеры, как наиболее простые для идентификации типы производственного инструментария чаще других выделяются в археологических коллекциях палеолитических комплексов Алтая [Природная среда…, 2003; Селецкий и др., 2021]. Из-за слабой выразительности следов износа, обычно заметных только при использовании микроскопа, и общей специфичности внешнего облика, орудия абразивного воздействия выделяются при массовых раскопках ключевых памятников значительно реже.

Использование 3D-моделирования посредством сканера структурированного подсвета в полевом или лабораторных форматах позволяет решать многие проблемы, связанные как с выявлением в археологических коллекциях ударно-абразивных орудий, так и анализом подобного рода инструментов, полученных в результате экспериментального моделирования. В результате проведенного исследования было установлено, что в рамках экспериментального подхода при изучении каменного инструментария применение трехмерного сканирования в наибольшей степени целесообразно для изучения основных механик повреждения, поскольку визуализация полученных данных с возможностью измерения морфометрических характеристик объекта дает подробные результаты об изменении облика артефакта и его рабочей поверхности. Тем не менее, вышеупомянутые преимущества характерны только для инструментов с прослеживаемыми на макроуровне следами износа. Для инструментов, которыми осуществлялись операции по абразивной обработке, 3D-визуализация сказывается положительно только для отражения морфометрических характеристик изначальной заготовки. Но и в этом случае существуют исключения – если сырьевая отдельность имеет шероховатую и/или трещиноватую структуру, то следы продолжительного использования могут быть обнаружены на карте кривизны сетки.

Каменные ударно-абразивные орудия являются перспективным источником для изучения методами трехмерного моделирования. Их применение позволяет с высокой точностью отобразить видимые изменения рельефа, что дает возможность как для создания доказательной базы функционального анализа изучаемых инструментов, так и осуществления их идентификации.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии». Авторы выражают признательность К.А. Колобовой и Н.Е. Белоусовой за помощь в проведении эксперимента.

Список литературы

Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Вишневский А.В., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Селецкий М.В. «Тонкие» листовидные бифасы начала верхнего палеолита Алтая: технология, формообразование и каменное сырье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022. – № 1. – С. 329–353.

Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Каменные ударно-абразивные орудия верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (по материалам раскопа 1986 г.) // Новые материалы и методы археологического исследования. Мат-лы VI конф. мол. ученых. – М.: Изд-во ИА РАН, 2021. – С. 9–11.

Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Рыбин Е.П., Козликин М.Б. Особенности технологии производства крупных пластин в индустриях начала верхнего палеолита Горного Алтая // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. I. – С. 16–21.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные камен-

ные орудия из Чагырской пещеры: результаты функционального анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 2. – С. 23–31.

Селецкий М.В., Чистяков П.В., Федорченко А.Ю. Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 231–237.

Степанова К.Н. Классификации ударно-абразивных орудий верхнего палеолита // Записки ИИМК. – 2015. – № 11. – С. 7–21.

Федорченко А.Ю., Селецкий М.В., Абдыканова А.К., Алишер Кызы С., Шнайдер С.В. Ударно-абразивные инструменты второго культурного горизонта стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2022.– Т. 21. – № 5. – С. 32–45.

Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Колобова К.А. Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20. – №7. – С. 48–61.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Экспериментальное моделирование бифасиального расщепления в сибирячихинском варианте среднего палеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 97–108.

References

Belousova N.E., Rodionov A.M., Vishnevskiy A.V., Fedorchenko A.Yu., Mikhienko V.A., Seletskiy M.V. Initial and Early Upper Palaeolithic «Thin» Leaf-shaped Bifaces: Technology, Shaping and Stone Raw Material. *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, 2022. N 1. P. 329–353. (In Russ.).

Belousova N.E., Seletsky M.V., Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A. Kamennyye udarno-abrazivnyye orudiya verkhnego paleolita stoyanki Ust'-Karakol-1 (po materialam raskopa 1986 g.). In *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya*. Moscow: IA RAS Publ., 2021. P. 9–11. (In Russ.).

Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Rybin E.P., Kozlikin M.B. Osobennosti tekhnologii proizvodstva krupnykh plastin v industriyakh nachala verkhnego paleolita Gornogo Altaya. In *Trudy V (XXI) Vseros. arkheol. S'ezda v Barnaule – Belokurihe*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. Vol. 1. P. 16–21. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadjanian A.K., Baryshnikov G.F., Malayeva E.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Seletskiy M.V., Chistyakov P.V., Fedorchenko A.Yu. 3D-moddeling of percussive-abrasive stone tools of Palaeolithic era: the research perspective. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 23. P. 231–237. (In Russ.).

Stepanova K.N. Classification of the percussive-abrasive tools from the Upper Palaeolithic sites of the Russian Plain. *Transactions of IHMC*, 2015. N 11. P. 7–21. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu., Seletskiy M.V., Abdykanova A., Alisher kyzy S., Shnaider S.V. Percussive-Abrasive Tools from Obishir-5 Site, Cultural Horizon 2 (Fergana Valley, Kyrgyzstan). *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History and Philology,* 2022. Vol. 21. N 5: Archaeology and Ethnography. P. 32–45. (In Russ.).

Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Kolobova K.A. Processing Three-Dimensional Models of Archaeological Artifacts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20. N 7: Archaeology and Ethnography. P. 48–61. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y., Chistyakov P.V., Markin S.V., Kolobova K.A. Percussive-abrasive stone tools from Chagyrskaya cave: results of functional analysis. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49. N 2. P. 23–31 (In Russ.).

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Experimental modelling of bifacial clipping in the Siberiachikha variant of the Middle Palaeolithic in Altai. *Theory and practice of archaeological research*, 2019. N 4 (28). P. 97–108. (In Russ.).

Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0305-0310
УДК 903.59

А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

История изучения каменного века Индонезии: раннеголоценовая микроиндустрия тоала (Toalean), Сулавеси

Каменный век Юго-Восточной Азии – континентальной и островной частей – одно из интереснейших направлений в евразийской археологии с целым рядом сюжетов, имеющих как региональное, так и глобальное значение. Настоящая публикация посвящена истории открытия и основным характеристикам одной из наиболее изученных локальных каменных индустрий – индустрии тоала (Toala), зафиксированной на серии пещерных и открытых стоянок в южной части острова Сулавеси и датируемой в достаточно широком хронологическом диапазоне – 8–1,5 тыс. л.н. Наибольший вклад в открытие памятников и их исследование в первой половине XX в. внесли европейские специалисты П. и Ф. Сарасен, П.В. ван Стейн Калленфелс и Х.Р. ван Геекерен, а в последующий период и в настоящее время – индонезийские археологи и их коллеги из Австралии и Франции. Орудийный набор тоала документирует культуру охотников-собирателей, появляется ранее 6 тыс. л.н., длительное время демонстрирует постоянство отщеповой техники на основе биполярного расщепления, изготовление костяных инструментов и скребков из раковин. Комплекс дополняют пластинчатые отщепы и пластинки с притупленной спинкой, часть из них соответствует геометрическим формам, что позволяет определять их как «микролиты», а индустрию в целом диагностировать как микролитическую. В промежутке от 6 до 4 тыс. л.н. комплекс дополняется специфическими мелкими наконечниками стрел и дротиков треугольной или подтреугольной формы с вогнутым основанием и зазубренными краями типа «марос» (Maros). В целом обращение к материалам индустрии тоала и других раннеголоценовых индустрий островной части Юго-Восточной Азии способствует не только пониманию особенностей и разнообразия культур охотников-собирателей-рыболовов, но и возможности вести предметную дискуссию по поводу определения этого периода термином «докерамический неолит».

Ключевые слова: *островная часть Юго-Восточной Азии, Индонезия, Сулавеси, каменный век, голоцен, каменная индустрия.*

A.V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

History of the Study of the Stone Age of Indonesia: Early Holocene Toalean Microindustry, Sulawesi Island

The Stone Age of Southeast Asia—its continental and insular parts—is one of the most intriguing trends in the Eurasian archaeology, with a number of subjects of both regional and global significance. This publication is devoted to the history of the discovery and the main characteristics of one of the most studied local stone industries, the Toala industry, recorded at a series of cave and open sites in the southern part of Sulawesi, and dated in a fairly wide chronological range—8000–1500 ka. The greatest contribution to the discovery of the sites and their research in the first half of the 20th century belong to the European scholars: P. and F. Sarasin, P.V. van Stein Callenfels, and H. R. van Heekeren, and in the subsequent period and presently—Indonesian archaeologists and their colleagues from Australia and France. The Toala toolkit documents the culture of hunters-gatherers, appears earlier than 8000 ka, demonstrates the continuity of flake technology based on bipolar splitting, the manufacture of bone tools and scrapers from shells for a long time. The complex is complemented by lamellar flakes and bladelets with a blunted back, some of them conforming to geometric shapes, which allows them to be defined as "microliths", and the industry as a whole to be determined as microlithic. In the period from 6000 to 4000 ka, the complex is supplemented

with specific small arrowheads and darts of triangular or subtriangular shape with a concave base and serrated edges of the Maros type. Generally, the appeal to the materials of the Toala industry and other Early Holocene industries of the island part of Southeast Asia contributes not only to understanding the peculiarities and diversity of hunter-gatherer-angler cultures, but also to the opportunity to hold a substantive discussion about definition of this period using the term "Pre-Ceramic Neolithic".

Keywords: *island part of the Southeast Asia, Indonesia, Sulawesi, Stone Age, Holocene, lithic industry.*

Каменный век Юго-Восточной Азии – континентальной и островной частей – одно из интереснейших направлений в евразийской археологии с целым рядом сюжетов (первоначальное заселение территории, особенности каменных индустрий, специфика неолитизации и др.), имеющих как региональное, так и глобальное значение.

Особое место занимает островное государство Индонезия, с территорией которой, начиная с конца XIX в., связаны важнейшие открытия останков представителей различных ветвей *Homo – Homo erectus* (о-в Ява), *Homo floresiensis* (о-в Флорес) и, недавно подтвержденных, ранних *Homo sapiens* (о-в Суматра) с возрастом 73–63 тыс. л.н. [Westaway et al., 2017]. Эти находки, как и все, что связано с проблемами антропогенеза, сегодня постоянно на слуху.

Гораздо реже в русскоязычной археологической литературе освещается время раннего и среднего голоцена – а именно оно наиболее ярко иллюстрирует региональные особенности культурогенеза. Так, ранее в обзорной публикации [Табарев, Патрушева, 2018] нами отмечалось, что период неолита (неолита с керамикой и производящим хозяйством) в островной части Юго-Восточной Азии носил кратковременный характер – в промежутке от 4 до 2,5 тыс. л.н. На этом фоне весьма перспективным является изучение ранне- и среднеголоценового времени (10–4 тыс. л.н.), а также возможности выделения докерамического или бескерамического неолита на базе отдельных культур и комплексов [Там же, с. 175]. Интенсификация научных контактов с индонезийскими коллегами, первые визиты для знакомства с памятниками и коллекциями позволяют положительно оценивать перспективы сотрудничества и более углубленного изучения археологических материалов комплексов раннего и среднего голоцена.

В настоящей работе мы обращаемся к истории открытия и основным характеристикам одной из наиболее изученных локальных каменных индустрий – индустрии *тоала* (Toala, Toalean), зафиксированной на серии пещерных и открытых стоянок в южной части о-ва Сулавеси (провинция Южный Сулавеси, п-ов Южный Сулавеси) (рис. 1, *1*) и датируемой в достаточно широком хронологическом диапазоне – 8–1,5 тыс. л.н.

Названии индустрии происходит от бугийского (язык местной этнической группы) слова «тоали» (дословно

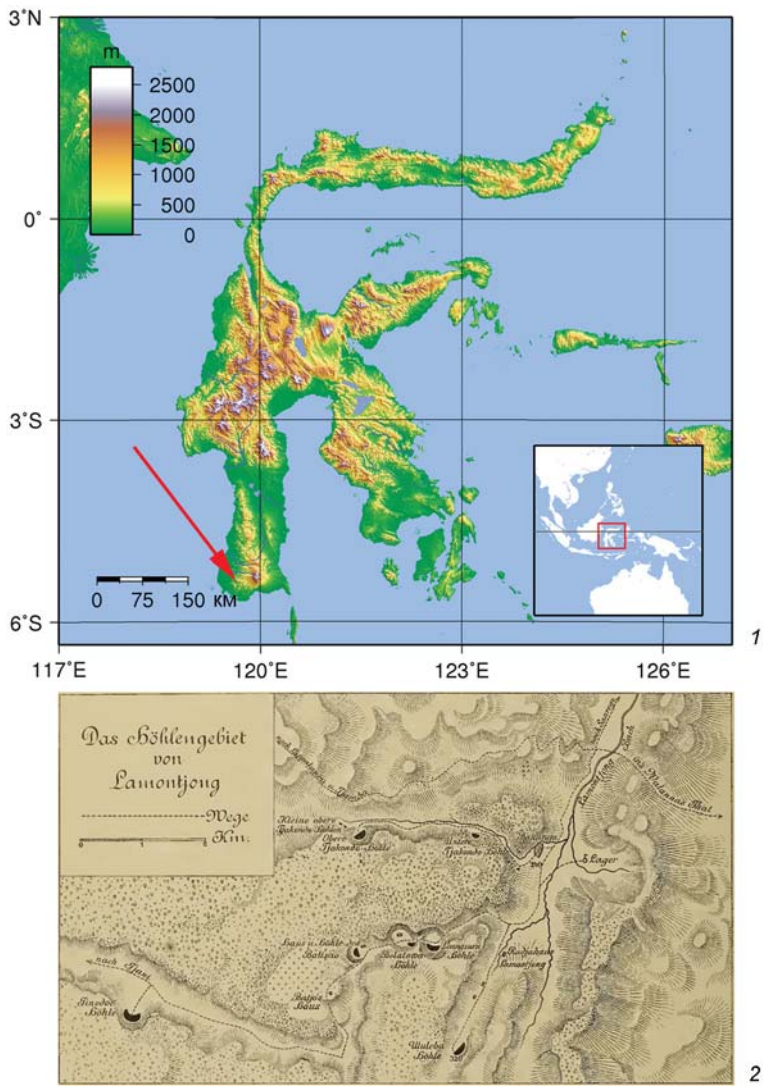


Рис. 1. Остров Сулавеси.

1 – карта острова с указанием концентрации памятников в южной части полуострова Южный Сулавеси; *2* – карта района Ламоконг с указанием пещерных памятников (по: [Sarasin, Sarasin, 1905, p. 4]).

«люди леса») [Bulbeck, Pasqua, Di Lello, 2001, p. 74] и впервые встречается в работе швейцарских натуралистов Поля и Фрица Сарасен. В 1902–1903 гг. в ходе экспедиции в гористой местности Ламоконг в южной части п-ва Сулавеси (рис. 1, *2*) они исследовали четыре пещеры (Leang)* (Лианг Тжакондо-верхняя, Лианг Тжакондо-нижняя, Лианг Улебаба и Лианг Балисао), в которых при раскопках на глубине 20–40 см обнаружили многочисленные каменные и костяные орудия (острия, проколки), фрагменты керамики с орнаментом. Каменный инвентарь (в основном из кремнистого сланца и халцедона) был представлен мелкими наконечниками с вогнутым основанием, а также отщепами и пластинками с прерывистой зубчатой ретушью по одному краю. На момент раскопок пещеры использовались в качестве временных укрытий местными жителями (тоали), которые уже имели металлические инструменты и керамическую посуду, выращивали рис и кукурузу. П. и Ф. Сарасен предположили, что современные обитатели являются прямыми потомками носителей каменной индустрии, которая, «…на первый взгляд, напоминает мадленскую, <…> но скорее, связана с культурой обработки камня у австралийских аборигенов…» [Sarasin, Sarasin, 1905, p. 25; Schär, 2015, p. 70–71].

Следующий этап открытия и изучения памятников с микроиндустрией тоала приходится на 1930-е гг. В ноябре-декабре 1933 г. этот район посетил один из ключевых персонажей археологии Индонезии того времени П.В. ван Стейн Калленфелс. Совместно с двумя коллегами (Г.Д. Нун и А.А. Сенс) он произвел небольшие раскопки в пещере Лианг Томатуа Катджиджанг («Пещера одинокого старца») и собрал коллекцию каменных наконечников стрел с зазубренными краями, мелких отщепов и пластинок с притупленной спинкой, а также обломки костяных орудий и фрагменты браслета из зеленого стекла. Отчетов или публикаций по данным раскопкам нет, но, по сведениям Х.Р. ван Геекерена, ван Стейн Калленфелс предварительно датировал комплекс временем III–II вв. до н.э. [Van Heekeren, 1957, p. 88].

Сам ван Геекерен впервые познакомился с материалами индустрии тоала в июле 1936 г., когда воспользовался приглашением А.А. Сенса посетить найденную еще в 1933 г. пещеру Лианг Ара. В коллекции им отмечены мелкие треугольные наконечники, несколько более крупных бифасиальных изделий, а также скребки, пластинки с притупленной спинкой и костяные орудия [Ibid., p. 89]. В том же году ван Геекерен провел раскопки в пещере Лианг Карассак, в обширном карстовом массиве недалеко от г. Марос. Несмотря на явно смешанный характер отложений, он отметил присутствие многочисленных отщепов, пластинок с ретушью, скребков и костяных орудий, а также фрагмента человеческой челюсти [Macknight, 2018, p. 11; Van Heekeren, 1957, p. 90].

В 1937 г. ван Геекерен продолжил работы в пещерных комплексах Лианг Панамеанреанга и Лианг Сарипа, а ван Калленфелс, в свою очередь, произвел раскопки в гротах Паниси Та'бутту, Лианг Тджаданг, Бату Иджая и Панганреанг Тудеа [Bulbeck, Pasqua, Di Lello, 2001, p. 75]. В последнем был зафиксирован слой с каменными артефактами, среди которых, наряду с уже хорошо известными изделиями микроиндустрии тоала, встретились и ранее не отмеченные – орудия с еле намеченным насадом (tanged implements) – что позволило ван Стейн Калленфелсу предположить существование комплекса «прото-тоала», а ван Геекерену сравнить их с каменными изделиями палеолита Японии и Кореи [Van Heekeren, 1957, p. 92]. Именно ван Геекерену принадлежит первая трехэтапная схема развития индустрии тоала: Тоала 1 (Верхняя Тоала) – мелкие наконечники стрел с зазубренными краями, двусторонние костяные острия, скребки из раковин и отдельные фрагменты керамики, что соответствовало «неолиту»; Тоала 2 (Средняя Тоала) – правильные пластинки, наконечники стрел с вогнутым основанием и геометрические микролиты «мезолитического облика»; Тоала 3 (Нижняя Тоала) – крупные грубые отщепы, отщепы с ретушью и выемками, отдельные пластинки, скребки и упомянутые выше изделия с насадом [Ibid., p. 92–93] (рис. 2, *1–3*).

Поиск и изучение новых памятников возобновились сразу после Второй мировой войны. Уже в 1947 г. ван Геекерен работал в пещере Бола Бату, в 1950 г. – в пещере Лианг Патта Е, а в 1957 г. опубликовал свой фундаментальный труд «Каменный век Индонезии» с большим разделом по истории открытия и интерпретации микроиндустрии тоала [Van Heekeren, 1957].

Важнейшая веха в последующих исследованиях – совместная австралийско-индонезийская экспедиция 1969 г. под руководством Р.П. Седжоно и Дж. Малвейни. Работы производились на двух участках – в пещере Бату Иджая (открытой еще ван Стейн Калленфелсом), а также в пещерах Лианг Бурунг 1, Улу Лианг 1 и Лианг Карассак. В 1973 г. Я. Гловер продолжил исследование пещер Лианг Бурунг 1 и 2. Результаты (с фотографиями и про-

*Leang – переводится с малайских языков как «пещера», «грот», «скальный навес». Здесь и далее по тексту названия пещер мы приводим согласно англоязычному написанию – например, Leang Ulebaba cave – пещера Лианг Улебаба.

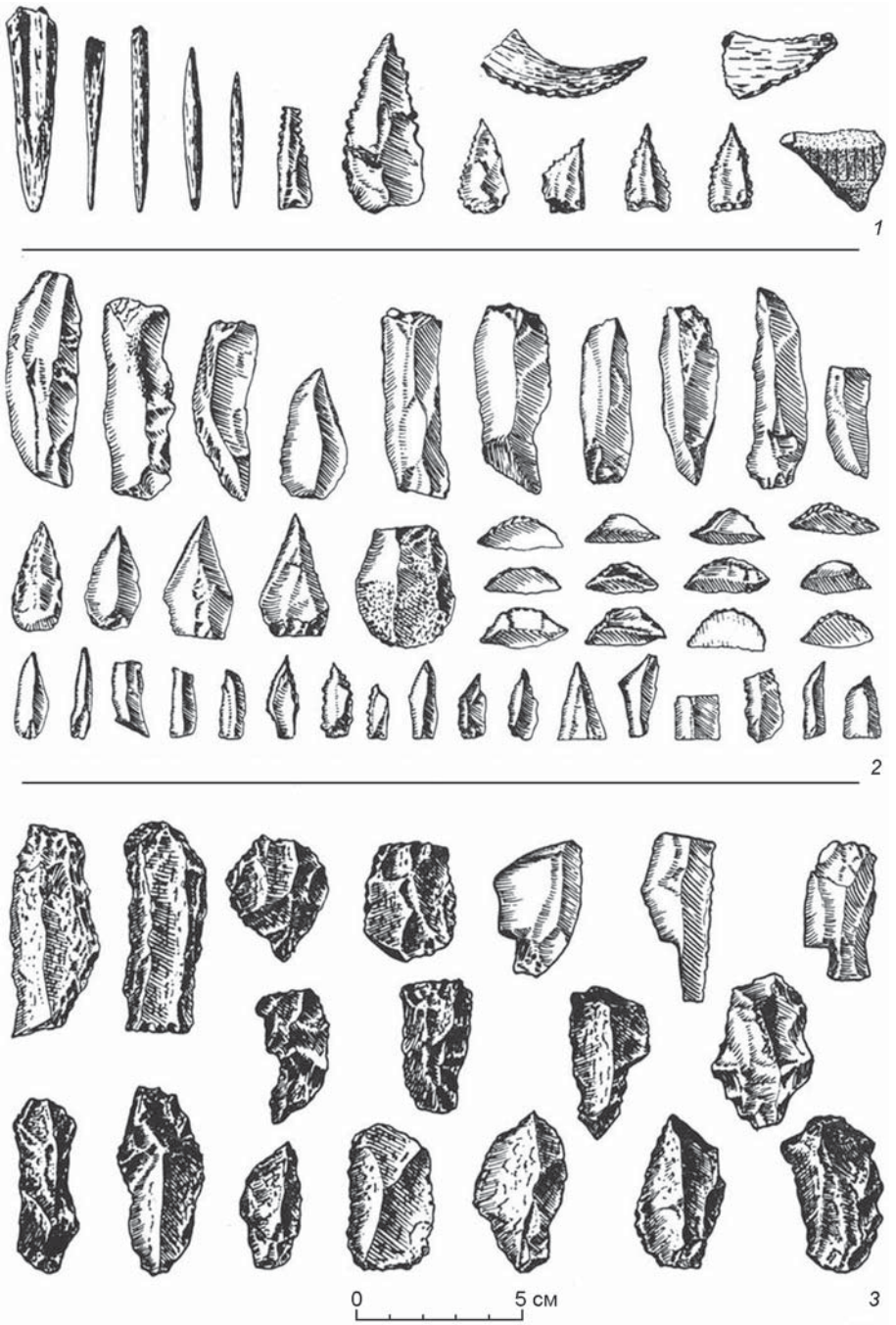


Рис. 2. Каменная индустрия тоала.

1–3 – трехэтапная модель эволюции по ван Геекерену (по: [Van Heekeren, 1957. P. 93]).

рисовками находок) были опубликованы в различных статьях и главах в коллективных монографиях [Glover, 1976; Macknight, 2018; Mulvaney, Soejono, 1970], наиболее подробный анализ каменной индустрии приводится в более поздней работе В. Чепмена [Chapman, 1986].

Еще один крупный проект – Археологический проект по истории и преистории Южного Сулавеси (SSPHAP), включавший поиск и картирование памятников, а также детальное геоморфологическое изучение ландшафта – выполнялся, начиная с 1986 г. командой под руководством австралийского специалиста Д. Балбека [Bulbeck, Pasqua, Di Lello, 2001, p. 72–73].

С конца 1960-х гг. началось и создание базы радиоуглеродных данных по памятникам с индустрией тоала, сегодня она насчитывает несколько десятков дат, которые позволяют определять время существования индустрии в рамках 8–1,5 тыс. л.н. Есть также мнение, что истоки индустрии начина-

ют прослеживаться ранее – например, нижние горизонты пещеры Улу Лианг 1 датируются возрастом 10–8 тыс. л.н. [Forestier et al., 2017, p. 38].

Современная трактовка индустрии тоала в наиболее концентрированном виде представлена П. Беллвудом в обобщающей работе по археологии Малайского архипелага. Автор указывает, что орудийный набор тоала документирует культуру охотников-собирателей, появляется ранее 6 тыс. л.н. и длительное время демонстрирует постоянство отщеповой техники на основе биполярного расщепления, изготовление костяных инструментов и скребков из раковин. Их дополняют пластинчатые отщепы и пластинки с притупленной спинкой, часть из них соответствует геометрическим формам, что позволяет определять их как «микролиты», а индустрию в целом диагностировать как микролитическую. В промежутке от 6 до 4 тыс. л.н. комплекс дополняется специфическими мелкими наконечниками стрел и дротиков треугольной или подтреугольной формы с вогнутым основанием и зазубренными краями типа «марос» (Maros) [Bellwood, 2007, p. 191–197].

Исследования последних лет позволяют специалистам детализировать классификацию каменных изделий индустрии тоала, в частности, выделять наряду с наконечниками типа «марос» еще три типа, а также новый тип орудий – «микропилки» – микролиты (1–4 см) с притупленной спинкой и зубчатым рабочим краем, выполненным тонким отжимником [Perston et al., 2021].

Среди множества вопросов, определяющих перспективы дальнейшего изучения раннеголоценовой истории южной части Сулавеси отметим два принципиальных: антропологический тип носителей индустрии тоала и характер их взаимоотношения с австронезийцами, миграция которых на остров прослеживается по археологическим материалам (в первую очередь, по керамике) не позднее 3,5 тыс. л.н. Судя по всему, эти отношения складывались довольно мирно, и охотники-собиратели, несмотря на принятие новых технологий (гончарство, шлифованные топоры из раковин), продолжали пользоваться традиционным каменным инвентарем вплоть до начала эпохи палеометалла [Bellwood, 2007, p. 197].

Ответ на первый вопрос был частично дан совсем недавно в ходе анализа ДНК останков молодой девушки (17–18 лет)*, чье погребение было обнаружено в 2015 г. в пещере Лианг Паннинг. Уложенный в скорченном положении скелет сопровождался каменными наконечниками типа «марос», следами охры и костями животных, а сверху был прикрыт крупными камнями. Оно датируется возрастом 7,3–7,2 кал. тыс. л.н., а генетический анализ указывает на композитность – часть соотносится с генотипами современных коренных жителей Австралии и Новой Гвинеи, а часть – с ранее неизвестным ответвлением с возрастом ок. 37 тыс. л.н. и с незначительным наследием *H. Denisova* [Carlhoff et al., 2021, p. 546].

В целом обращение к материалам индустрии тоала и других раннеголоценовых индустрий островной части Юго-Восточной Азии [Forestier, Patole-Edoumba, 2000; Forestier et al., 2017] способствует не только пониманию особенностей и разнообразия культур охотников-собирателей-рыболовов, но и возможности вести предметную дискуссию по поводу определения этого периода термином *докерамический неолит*.

*Она получила имя Бёссэ (Bessé) – согласно одному из наиболее распространенных женских имен у населяющих южную часть Сулавеси групп бугис.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Табарев А.В., Патрушева А.Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 165–179.

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. – Canberra: Australian National Univ. Press, 2007. – 385 p.

Bulbeck B., Pasqua M., Di Lello A. Culture History of the Toalean of South Sulawesi, Indonesia // Asian Perspectives. – 2001. – Vol. 39. – P. 71–108.

Carlhoff S., Duli A., Nägele K., Nur M., Skov L., Sumantri I., Oktaviana A.A., Hakim B., Burhan B., Syahdar F.A., McGahan D.P., Bulbeck D., Perston Y.L., Newman K., Saiful A. M., Ririmasse M., Chia S., Hasanuddin, Pulubuhu D.A.T., Suryatman, Supriadi, Jeong Ch., Peter B.M., Prüfer K., Powell A., Krause J., Posth C., Brumm A. Genome of a Middle Holocene Hunter-Gatherer from Wallacea // Nature. – 2021. – Vol. 596. – P. 543–547.

Chapman V. Inter-site Variability in Southwest Sulawesi: Results of the 1969 Australian–Indonesian Archaeological Expedition // Archaeology in Oceania. – 1986. – Vol. 21. – P. 76–84.

Forestier H., Patole-Edoumba E. Les industries lithiques du Paléolithique tardif et du début de l'Holocène en Insulinde // Aséanie. – 2000. – Vol. 6. – P. 13–56.

Forestier H., Grenet M., Bore A., Celiberti V. Les productions lithiques de l'Archipel indonésien // J. of Lithic Studies. – 2017. – Vol. 4. – N 2. – P. 231–303.

Glover I.C. Ulu Leang Cave, Maros: A Preliminary Sequence of post-Pleistocene Cultural Development in South Sulawesi // Archipel. – 1976. – Vol. 11. – P. 113–154**.**

Macknight C. The Joint Australian–Indonesian Archaeological Expedition to South Sulawesi in 1969 in Context // Terra Australis. – 2018. – Vol. 48. – P. 9–16.

Mulvaney D.J., Soejono R.P. The Australian–Indonesian Archaeological Expedition to Sulawesi // Asian Perspectives. – 1970. – Vol. 13. – P. 163–177.

Perston Y.L., Moore M., Suryatman, Langley M., Hakim B., Oktaviana A.A. Brumm A. A Standardized Classification Scheme for the Mid-Holocene Toalean Artefacts of South Sulawesi, Indonesia // PLoS ONE. – 2021. – Vol. 16. – N. 5: e0251138.

Sarasin P., Sarasin F. Die Toala-hoehlen von Lamontjong. – Wiesbaden: C. W. Kreidel's Verlag, 1905. – 163 p.

Schär B.C. Earth Scientists as Time Travelers and Agents of Colonial Conquest: Swiss naturalists in the Dutch East Indies // Historical Social Research. – 2015. – Vol. 40. – P. 67–80.

Van Heekeren H.R. The Stone Age of Indonesia // Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde. – 1957. – T. 21. – 141 p.

Westaway K.E., Louys J., Due Awe R., Morwood M.J., Price G.J., Zhao J.-x., Aubert M., Joannes-Boyau R., Smith T.M., Skinner M.M., Compton T., Bailey R.M., van den Bergh G.D., de Vos J., Pike A.W.G., Stringer C., Saptomo E.W., Rizal Y., Zaim J., Santoso W.D., Trihascaryo A., Kinsley L., Sulistyanto B. An Early Modern Human Presence in Sumatra 73,000–63,000 years ago // Nature. – 2017. – Vol. 548. – P. 322–325.

References

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. Canberra: Australian National Univ. Press, 2007. 385 p.

Bulbeck B., Pasqua M., Di Lello A. Culture History of the Toalean of South Sulawesi, Indonesia. *Asian Perspectives*, 2001. Vol. 39. P. 71–108.

Carlhoff S., Duli A., Nägele K., Nur M., Skov L., Sumantri I., Oktaviana A.A., Hakim B., Burhan B., Syahdar F.A., McGahan D.P., Bulbeck D., Perston Y.L., Newman K., Saiful A.M., Ririmasse M., Chia S., Hasanuddin, Pulubuhu D.A.T., Suryatman, Supriadi, Jeong Ch., Peter B.M., Prüfer K., Powell A., Krause J., Posth C., Brumm A. Genome of a middle Holocene hunter-gatherer from Wallacea. *Nature*, 2021. Vol. 596. P. 543–547.

Chapman V. Inter-site Variability in Southwest Sulawesi: Results of the 1969 Australian–Indonesian Archaeological Expedition. *Archaeology in Oceania,* 1986. Vol. 21. P. 6–84**.**

Forestier H., Patole-Edoumba E. Les industries lithiques du Paléolithique tardif et du début de l'Holocène en Insulinde, *Aséanie,* 2000. Vol. 6. P. 13–56.

Forestier H., Grenet M., Bore, A., Celiberti V. Les productions lithiques de l'Archipel indonésien. *J. of Lithic Studies*, 2017. Vol. 4. N 2. P. 231–303.

Glover I. C. Ulu Leang Cave, Maros: A Preliminary Sequence of post-Pleistocene Cultural Development in South Sulawesi. *Archipel,* 1976. Vol. 1. P. 113–154.

Macknight C. The Joint Australian–Indonesian Archaeological Expedition to South Sulawesi in 1969 in context. *Terra Australis*, 2018. Vol. 48. P. 9–16.

Mulvaney D.J., Soejono R.P. The Australian–Indonesian Archaeological Expedition to Sulawesi. *Asian Perspectives*, 1970. Vol. 13. P. 163–177.

Perston Y.L., Moore M., Suryatman, Langley M., Hakim B., Oktaviana A.A. Brumm A. A standardized classification scheme for the Mid-Holocene Toalean artefacts of South Sulawesi, Indonesia. *PLoS ONE*, 2021. Vol. 16. N 5. e0251138.

Sarasin P., Sarasin F. Die Toala-hoehlen von Lamontjong. Wiesbaden: C. W. Kreidel's Verlag, 1905. 163 p.

Schär B.C. Earth scientists as time travelers and agents of colonial conquest: Swiss naturalists in the Dutch East Indies. *Historical Social Research,* 2015. Vol. 40. P. 67–80.

Tabarev A.V., Patrusheva A.E. Neolithic of the Island Southeast Asia: Peculiarities, Hypothesis, Discussions. *Teorija i praktika arheologicheskih issledovanij*, 2018. N 1. P. 165–179. (In Russ.).

Van Heekeren, H.R. The Stone Age of Indonesia. *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde,* 1957. T. 21. 141 p.

Westaway K.E., Louys J., Due Awe R., Morwood M.J., Price G.J., Zhao J.-x., Aubert M., Joannes-Boyau R., Smith T.M., Skinner M.M., Compton T., Bailey R.M., van den Bergh G.D., de Vos J., Pike A.W.G., Stringer C., Saptomo E.W., Rizal Y., Zaim J., Santoso W.D., Trihascaryo A., Kinsley L., Sulistyanto B. An Early Modern Human Presence in Sumatra 73,000–63,000 years ago. *Nature*, 2017. Vol. 548. P. 322–325.

Табарев А.В. https://orcid.org/0000-0002-6249-8057

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0311-0316
УДК 902.01

В.И. Ташак [1]✉, Ю.Е. Антонова[2]

[1]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: tvi1960@mail.ru

Нижний комплекс Подзвонкой: новые исследования начального верхнего палеолита на юге Западного Забайкалья

В ходе исследований, проводившихся в начале 2000-х гг. на археологическом местонахождении Подзвонкая Нижний комплекс, было установлено, что здесь представлены археологические материалы начального этапа верхнего палеолита с радиоуглеродным возрастом ок. 44 000 л.н. Согласно результатам этих исследований на Нижнем комплексе было выделено два культурных горизонта. Первый культурный горизонт рассматривался как компрессионный с артефактами бронзового и раннего железного веков и с переотложенными палеолитическими артефактами. Исследования 2022 г. позволили пересмотреть вопрос о выделении культурных горизонтов и их связи с литологическими подразделениями. Четко выделился первый культурный горизонт с керамикой раннего железного века и единичными каменными артефактами, переотложенными из нижележащих горизонтов. Определено, что второй культурный горизонт связан со вторым литологическим слоем. Артефакты залегают компактно, наблюдается небольшой разрыв в вертикальном распространении артефактов как между первым и вторым, так и между вторым и третьим культурными горизонтами. Артефакты второго горизонта включают выразительный орудийный набор с ярко представленными тесловидными изделиями, концентрирующимися на данном участке, что позволяет предположить функциональное зонирование территории Нижнего комплекса в эпоху формирования второго горизонта. В третьем литологическом слое выявлен третий культурный горизонт. По наличию сохранившихся структурных элементов верхняя его часть рассматривается как уровень обитания. Таким образом, исследования 2022 г. позволили в значительной степени уточнить количество и характер распространения культуросодержащих горизонтов, выделить два палеолитических горизонта с сохранившимися элементами культурного слоя. По имеющимся радиоуглеродным датам оба палеолитических горизонта относятся к начальному верхнему палеолиту.

Ключевые слова: *археология, верхний палеолит, стратиграфия, планиграфия, культурный горизонт, каменная индустрия.*

V.I. Tashak[1]✉, Y.E. Antonova[2]

[1]Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: tvi1960@mail.ru

Podzvonkaya Lower Complex: New Studies of the Initial Upper Paleolithic in the Southwestern Transbaikalia

During the studies conducted in the beginning of 2000s at the Podzvonkaya Lower Complex archaeological location it was found that archaeological materials represented here date back to the Initial Upper Paleolithic with the radiocarbon age of 44 ka. According to the studies, two cultural horizons were identified at the Lower Complex. The first one was considered as compressed with artifacts of the Bronze and Early Iron Ages and with redeposited Paleolithic artifacts. Studies conducted

in 2022 allowed revisiting the issue of identifying cultural horizons and its relation with lithological layers. The first cultural horizon with pottery fragments belonged to the Early Iron Age and a few stone artifacts redeposited from underlying layers was clearly distinguished. The relation of the second cultural horizon with the second lithological layer was established. The artifacts are located in the layer densely, a short discontinuity in the artifacts' vertical distribution is observed both between the first and the second horizons and between the second and the third horizons. The artifacts of the second layer include the indicative toolkit with splintered pieces concentrated in the area studied in 2022, which suggests the functional zoning of the Lower Complex territory in the period of the second cultural horizon formation. The third cultural horizon was revealed in the third lithological layer. Based on the presence of structural elements, its upper part is considered as the habitation level. Therefore, the 2022 studies allowed considerably redefine the quantity and the deposition profile of culture-bearing horizons. Two "pure" Paleolithic horizons with preserved elements of the habitation level were identified. According to the previously obtained radiocarbon dates, both Paleolithic horizons are attributed to the Initial Upper Paleolithic.

Keywords: *archaeology, Upper Paleolithic, stratigraphy, spatial arrangement, cultural horizon, lithic industry.*

Введение

Изучение археологического местонахождения Подзвонкая Нижний комплекс (далее НК), расположенного на юго-востоке Западного Забайкалья (рис. 1, *А*), в 20 км севернее российско-монгольской границы, осуществлялось в 2000–2003 гг.; в результате были обнаружены археологические материалы железного и бронзового веков и артефакты эпохи палеолита. В 2022 г. здесь были предприняты дополнительные исследования, направленные на выявление динамики палеоклимата в позднем плейстоцене на юге Западного Забайкалья и корреляции новых данных с аналогичными данными сопредельных территорий. Например, на территории Северной Монголии, где активно изучаются палеолитические местонахождения, близкие по возрасту ансамблю палеолитических местонахождений в местности Подзвонкая [Рыбин и др., 2022]. С этой целью в 2022 г. производился отбор образцов грунта и останков костей животных из стратиграфических слоев Нижнего комплекса, а также изучался прилегающий к памятнику участок долины речки Тамир.

Наряду с естественно-научной направленностью изысканий 2022 г. на НК были получены новые данные, позволяющие уточнить стратиграфию и планиграфию местонахождения. Кроме этого получены данные, на основе которых реконструируется два уровня обитания в верхней части отложений, содержащих палеолитические материалы.

Стратиграфия местонахождения Подзвонкая Нижний комплекс

В начале 2000-х годов стратиграфия НК была изучена на глубину 320 см [Ташак, 2014, с. 152, 153]. В 2022 г. аналитические образцы брались из расконсервированных стенок раскопа. Дополнительное изучение стратиграфии и планиграфии НК осуществлялось вдоль восточной стенки раскопа при вскрытии только верхних уровней (рис. 1, *Б*).

Слой 1 – супесь темно-коричневого цвета, плотная, пылеватая. Слой содержит разнозернистый песок, отдельные щебни и камни. Верхняя часть слоя (5–8 см) плотно задернована. Мощность всего слоя 10–20 см.

Слой 2 – супесь светло-коричневого цвета, плотная, насыщена крупнозернистым песком и дресвой, в значительной степени насыщена карбонатами. Мощность слоя 5–20 см.

Слой 3 – суглинки желто-палевого цвета, которые при высыхании приобретают белесый цвет. В слое умеренное содержание песка и единичное содержание щебня и дресвы. Верхний уровень слоя характеризуется большим содержанием карбонатов. Мощность слоя 50–60 см.

Новые исследования не внесли каких-либо существенных изменений в прочтение стратиграфии НК, но позволили внести существенные изменения в понимание распределения артефактов в стратиграфических слоях.

Стратиграфическое и планиграфическое распределение артефактов

Артефакты в НК начинают фиксироваться на глубине от 5 до 8 см (рис. 1, *В*). В первом литологическом слое (далее л.с.) это обломки керамических сосудов, среди которых преобладают фрагменты керамики хуннской эпохи. В меньшем количестве встречаются мелкие фрагменты керамики, характерной для эпохи бронзового века. В этом же слое зафиксированы и каменные артефакты, перемещенные сюда из нижних слоев по норам, которые фиксируются в раскопе. Таким образом, 1-й л.с. является первым культурным горизонтом (далее к.г.), начало формирования которого приходится на финал бронзового и начало железного веков. На современном этапе исследований нижняя граница 1-го к.г. проходит по контактной зоне между 1-м и 2-м л.с., а не захватывает всю кровлю 2-го л.с., как предполагалось ранее.

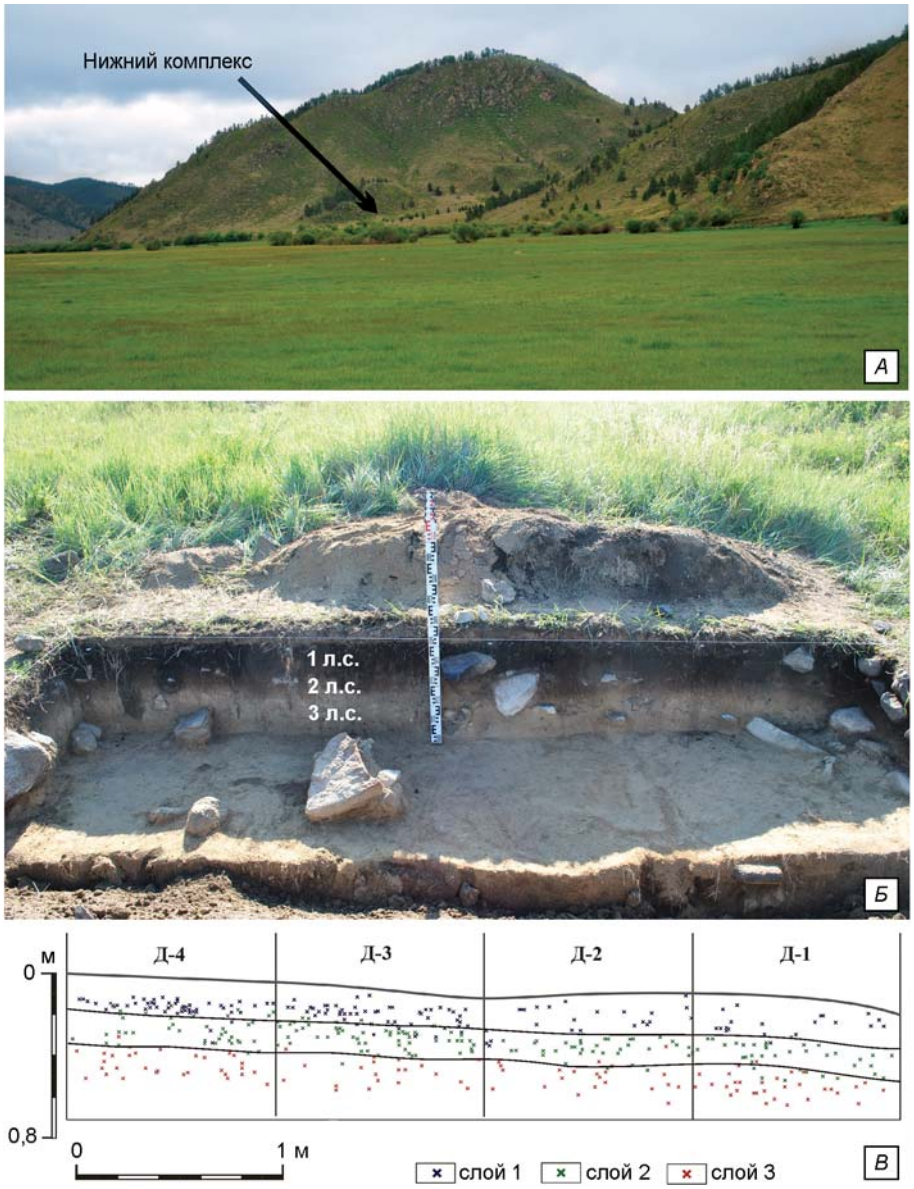


Рис. 1. Вид с юго-запада на местность Подзвонкая в долине р. Тамир (*А*). Стратиграфия верхних слоев Нижнего Комплекса (*Б*). Схема распределения артефактов по культурным горизонтам по результатам исследований 2022 г. (*В*).

Второй л.с., при сравнении с верхним и нижним слоями, содержит наибольшее количество каменных артефактов. В этом же слое встречается и керамика, но только в его кровле, где наблюдаются нарушения в виде мелких промоин и западин, а также в норах. На участках, где повреждений слоя нет, керамика отсутствует. Компактное залегание артефактов во 2-м л.с. позволяет его рассматривать как 2-й к.г. Именно выделение к.г. во 2-м л.с. является существенным результатом новейших исследований на территории НК, поскольку на основании работ начала 2000-х гг. 2-й к.г. рассматривался в весьма обширных рамках – от 2-го до кровли 5 -го л.с. Первоначально только в подошве 4-го и в кровле 5-го л.с. выделялся уровень обитания. Несколько позже был выделен уровень обитания в кровле слоя 3 [Ташак, 2014, с. 154, 155]. На современном этапе исследования уровень обитания в верхней части л.с. 3 подтверждается, но слой 2, как уже было обозначено, выделяется как отдельный к.г. На основе планиграфического анализа пространственного распределения артефактов во 2-м л.с. выявлена локальная концентрация однотипных каменных орудий. Например, в квадрате Д-1, согласно координатной сетке, принятой для раскопа НК в 2000 г., оказалось сосредоточено шесть тесловидных орудий (рис. 2, *1*, *2*, *4*, *5*). В периферийных квадратах количество тесловидных орудий сокращается до двух. На остальной площади такие орудия единичны и разрознены. Изделия вариатив-

Рис. 2. Артефакты Нижнего комплекса.

1, *2*, *4*, *5* – тесловидные изделия из слоя 2; *3* – острие, найденное в остатках носовой полости лошади, слой 3.

ны по размерам и форме, а также по наличию одного или двух обработанных краев. Можно предполагать, что указанная концентрация тесловидных орудий была обусловлена определенным производственным процессом, связанным с их эксплуатацией. Подобные изделия не найдены в 1-м к.г. (л.с. 1), а в 3-м л.с. встречаются единично.

Второй к.г. ранее не выделялся, в первую очередь в силу его фрагментарности на раскопанной площади, вызванной активной деятельностью населения бронзового века, возводившего здесь культовые сооружения и осуществлявшего погребения. Раскоп НК оказался в одном метре восточнее внешней оградки кургана-керексура бронзового века. Также в начале раскопочных работ на НК была вскрыта ритуальная каменная кладка раннего железного века, воздвигнутая непосредственно на поверхности 2-го л.с. Вполне вероятно, что при сооружении кургана маломощный дерн, перекрывавший поверхность л.с. 2 и частично сам слой 2, были повреждены. Поэтому артефакты бронзового века оказались на нижнем уровне второго литоло-

гического слоя. Такая фрагментарность л.с. 2 отсутствует в восточных квадратах, исследованных в настоящее время.

Также в 2022 г. получены новые данные, подтверждающие правильность выводов по результатам исследований 2002 г. о существовании уровня обитания в верхней части 3-го л.с. Каменные артефакты на этом уровне представлены в меньшем количестве, чем во 2-м л.с., но здесь четко выделяются некоторые структурные элементы древней поверхности обитания. Например, в квадрате Д-3 обнаружен плоский скальный обломок. На склонах горы, у подножия которой расположен НК Подзвонкой, такая горная порода отсутствует. Верхняя плоскость камня с максимальными размерами ок. 35 × 40 см, имеет выраженный красный цвет, вероятно, из-за охры, которую растирали на этой плоскости. Куски охры размерами от 2 до 5 см, не считая мелких обломков, расположены по периферии плиты, которая слегка наклонена в северо-западную сторону. В одном метре, на одном уровне с охрой, севернее плиты обнаружена верхняя челюсть лошади с остатками костей носовой полости, и острием на пластине, найденным в носовой полости (рис. 2, *3*).

Куски минерального красителя, обнаруженные рядом с каменной плитой, служат дополнительными данными о духовной составляющей культуры древнего населения на юге Западного Забайкалья. Именно на уровне контакта 2-го и 3-го л.с. ранее была обнаружена подвеска из скорлупы яйца страуса. Также в 3-м л.с. найден один из обломков сланцевой плитки с гравированными линиями. Охра могла иметь широкий спектр применения, но по материалам Восточного и Юго-Восточного комплексов зафиксировано ее нанесение на подвески, изготовленные из скорлупы яиц страусов, что указывает на ее связь и с неутилитарными предметами.

Обсуждение и заключение

Выделение отдельного к.г. во 2-м л.с. ставит вопрос о его соотношении с археологическими материалами, зафиксированными в 3-м и 4-м л.с. В этой связи следует отметить, что морфологически и типологически артефакты из 2-го слоя находят полные аналогии с артефактами из нижележащих слоев. Тесловиные орудия, представленные выразительной серией во 2-м к.г., соответствуют подобным изделиям в л.с. 3 и 4. Помимо этих орудий во 2-м к.г. обнаружены острия на пластинах, оформленных распространяющейся формообразующей дорсальной ретушью, что также присутствует во всех уровнях залегания артефактов на НК. Угловатые скребла, типичные для среднего палеолита, встречаются во всех слоях, но впервые были зафиксированы во 2-м л.с. Общность наблюдается и в характере первичного расщепления – во всех уровнях превалирует параллельное биполярное расщепление, для которого чаще всего нуклеусы оформлялись на уплощенных гальках или кусках горных пород с небольшим выступом на широкой поверхности. С этого реберчатого выступа начиналось расщепление.

Следует отметить также и тот факт, что для первого радиоуглеродного датирования культурных горизонтов НК Подзвонкой, осуществленного по кости: 43 900 ± 960 л.н. (СОАН–4445) [Ташак, 2011], обломки костей были получены из 2-го л.с. и кровли 3-го л.с.

Для всех уровней НК с палеолитическими материалами сохраняется общая тенденция по эксплуатации каменного сырья при производстве орудий. В качестве превалирующего вида сырья предстает литокристалловитрокластический туф серо-голубоватого цвета. Ранее была установлена тенденция на массовое внедрение другого типа сырья – витрокристаллолитокластического туфа черного цвета с белыми вкрапленниками, которая проявляется несколько позже и на других местонахождениях: Восточном и Юго-Восточном комплексах [Ташак, Антонова, 2009].

Таким образом, для всех палеолитических уровней НК Подзвонкой наблюдается единство: в морфологии и типологии каменных орудий; в характере первичного расщепления; в стратегии отбора каменного сырья. Поэтому археологические материалы из 2-го л.с. являются единым целым с материалами из литологических слоев 3 и 4, возраст которых также близок, при учете указанной даты, полученной по аналитическим образцам из 2-го л.с.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 19-18-00198).

Список литературы

Рыбин Е.П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: вариабельность культурного набора, жизнеобеспечение и поселенческие системы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022. – № 1. – С. 285–328. – doi: 10.55086/sp221285328

Ташак В.И. Хронология раннего этапа верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой) // Российский археологический ежегодник. – 2011. – № 1. – С. 100–110.

Ташак В.И. Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая) // STRATUM plus. – 2014. – № 1. – С. 149–164.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Изменение состава сырья в верхнем палеолите Забайкалья как отражение эволюции производства каменных орудий (по материалам Подзвонкой) // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2009. – Вып. 7. – С. 52–59.

References

Rybin E.P., Antonova Yu.E, Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Early Stages of the Upper Paleolithic in the Selenga River Basin: Technological Variability, Subsistence, Settlement Systems. *Stratum plus*, 2022. N 1. P. 285–328. (In Russ.). doi: 10.55086/sp221285328

Tashak V.I. Chronology of the Early Upper Paleolithic of Western Transbaikalian (with particular reference to the materials of Podzvonkaya). *Russian Archaeological Annual*, 2011. N 1. P. 100–110. (In Russ.).

Tashak V.I. Formation of the Early Upper Palaeolithic in Western Transbaikal (with particular reference to the Lower Complex of the Podzvonkaya site). *Stratum plus*, 2014. N 1. P. 149–164. (In Russ.).

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Changes in the Composition of Raw Materials in the Upper Paleolithic of Transbaikalia as a Reflection of the Evolution of the Production of Stone Tools (based on Podzvonkaya site). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies,* 2009. Iss. 7. P. 52–59. (In Russ.).

Антонова Ю.Е. https://orcid.org/0000-0001-6941-0305
Ташак В.И. https://orcid.org/0000-0003-1891-9915

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0317-0321
УДК 551.79+903.32

В.А. Ульянов[1], М.В. Шуньков[2], М.Б. Козликин[2]✉

[1]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Исследование плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2022 году

В статье представлены результаты литолого-стратиграфического изучения плейстоценовой толщи в средней части южной галереи Денисовой пещеры. В ходе работ было изучено стратиграфическое строение разреза, выявлены изменения в вещественном составе выделенных ранее стратиграфических подразделений и проведено их литологическое описание. Определены особенности залегания отдельных слоев, их генезис, уточнен характер проявления постседиментационных деформаций осадка по сравнению с исследованными ранее разрезами восточной галереи и центрального зала пещеры. Изученная толща в седиментационно-литологическом отношении сформирована двумя пачками, разделенными хорошо выраженными перерывами в осадконакоплении. Пачка слоев 11–18 сложена легкими и средними пестроцветными суглинками, обильно насыщенными глыбово-щебнистым материалом. Во включениях отмечены многочисленные фрагменты костей различной сохранности, копролиты животных, каменные артефакты, фрагменты древесного угля. Формирование этих осадков происходило после вскрытия карстовой полости в обстановке интенсивного биогенно-антропогенного воздействия на фоне резко усилившегося влияния региональных климатических факторов на процесс осадконакопления. Стратиграфические подразделения слоя 19 представлены суглинистыми отложениями преимущественно охристо-желтого цвета с включениями известняковых глыб и щебня. Как и в разрезах восточной галереи и центрального зала, в генетическом отношении она представляет собой характерный для закрытых карстовых полостей переотложенный материал пещерной терра росса. Важными диагностическими признаками таких осадков является некарбонатность и полное отсутствие костных остатков плейстоценовой фауны. Накопление данного материала соответствует наиболее древним этапам заполнения пещеры, когда карстовая полость была в основном изолирована от внешних воздействий.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, стратиграфия, литологический слой, условия осадконакопления.*

V.A. Ulyanov[1], M.V. Shunkov[2], M.B. Kozlikin[2]✉

[1]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

2022 Study of Pleistocene Deposits in the South Chamber of the Denisova Cave

The article discusses the results of a lithological and study investigation of the Pleistocene sequence in the middle part of the South Chamber of the Denisova Cave. During the work, the stratigraphic structure of the section was studied, the changes in the material composition of the previously distinguished stratigraphic units were identified, and their lithological description was made. The features of individual layers occurrence, their genesis were determined; the nature of manifestation of post-sedimentary deformations of the sediment was clarified compared to the previously studied sections of the East and Main Chambers of the cave. In terms of sedimentation and lithology, the studied sequence is formed by two units separated by well-defined sedimentation breaks. The unit of layers 11–18 is composed of light and medium variegated loams, abundantly

saturated with blocky-rubbly material. The inclusions contain numerous fragments of bones with various preservation degrees, animal coprolites, lithic artifacts, and charcoal fragments. The formation of these sediments occurred after the opening of the karst cavity in an environment of intense biogenic and anthropogenic impact with a sharply increased influence of regional climatic factors on the sedimentation process. Stratigraphic subdivisions of layer 19 are represented by loamy deposits of predominantly ocher-yellow color with inclusions of limestone blocks and rubble. As in sections in the East and Main Chambers, genetically, it represents the redeposited material of the cave terra rossa characteristic of closed karst cavities. Important diagnostic features of such sediments are the non-carbonate content and the complete absence of the Pleistocene fauna bone remains. The accumulation of this material corresponds to the most ancient stages of cave filling, when the karst cavity was mostly isolated from external influences.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, stratigraphy, lithological layer, sedimentation conditions.*

В процессе раскопочных работ 2022 г. в южной галерее Денисовой пещеры были изучены особенности строения разреза и седиментогенеза плейстоценовых отложений. Верхняя часть плейстоценовой толщи в пределах раскопа на площади кв. Ж/2–7 была вскрыта в предыдущие годы [Деревянко и др., 2018]. В раскопе 2022 г. наиболее полная последовательность плейстоценовых отложений представлена в разрезе юго-восточной стенки в пределах кв. Ж/2–4 (см. *рисунок*). В разрезе сверху вниз выделены следующие стратиграфические подразделения.

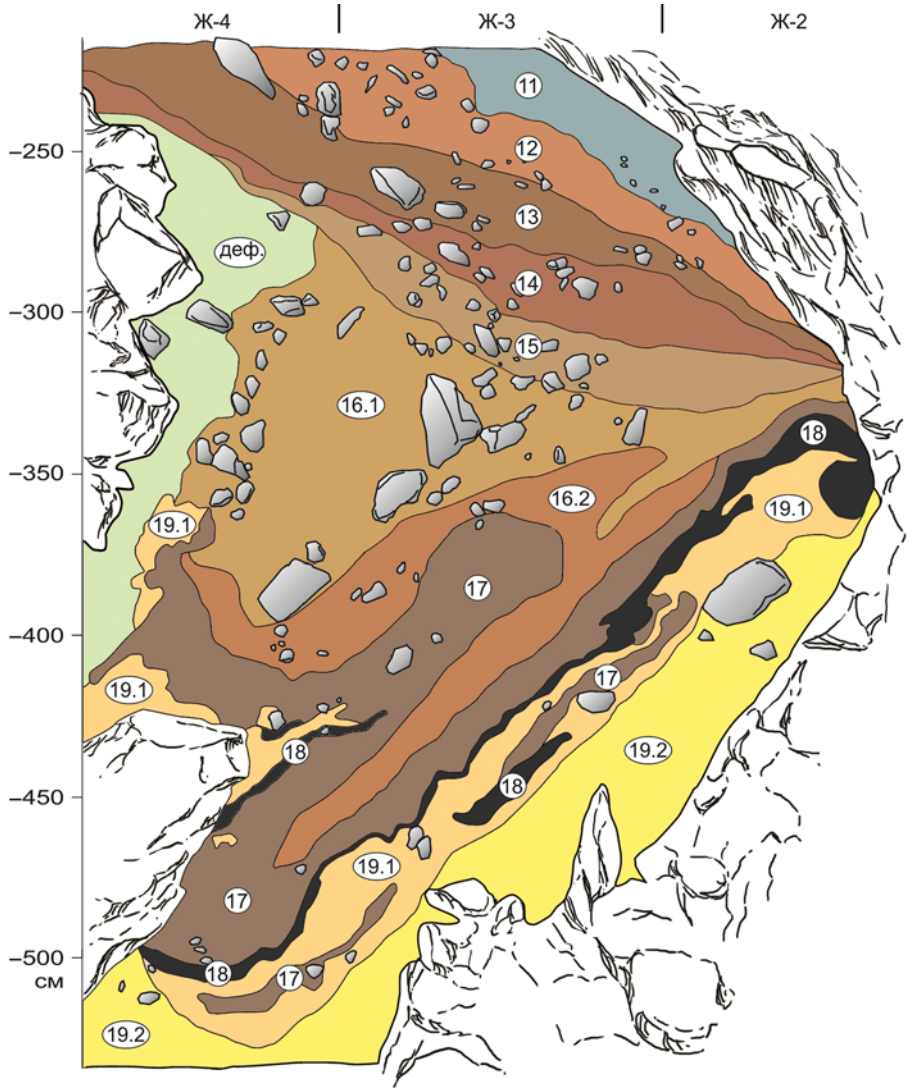
Слой 11. Суглинок серый с коричневым оттенком, легкий и средний, опесчаненный и одресвяненный, порового типа, активно реагирует с HCl, насыщен глыбово-щебнистым материалом. Щебень преимущественно мелкий и средний, с единичными включениями крупного, изометричной (кубовидной) и умеренно уплощенной формы, с острыми ребрами и вершинами, со слабо развитой реакционной каймой, ориентирован хаотически. Во включениях отмечены хорошо сохранившиеся прочные кости светло-серой окраски. Нижняя граница слоя четкая, проведена по изменению цвета заполнителя. Слой сохранился в виде фрагментов в пристенных зонах в кв. Ж-7 у северо-восточной скальной стенки и в кв. Ж-3 и Ж-2 у юго-западной стенки. Максимальная мощность сохранившихся фрагментов составляет ок. 0,45 м.

Слой 12. Супесь светло-коричневая, порового типа, с включением щебнисто-дресвянистого материала и единичных мелких глыб. В верхней части слоя отмечены линзовидные вложения различных генераций щебнисто-дресвянистого материала с легкосуглинистым заполнителем серо-коричневых и красновато-коричневых тонов. Щебень преимущественно острогранный, со слаборазвитой реакционной каймой или без нее. Во включениях отмечены фрагменты прочных костей светло-охристых или светло-коричневых оттенков, обломки костей дресвяно-песчанистой размерности с признаками переваривания крупными хищниками и мелкие фрагменты копролитов дресвянистой фракции. Нижняя граница слоя четкая, проведена по резкому потемнению подстилающих отложений. Мощность слоя – до 0,35 м.

Слой 13. Суглинок темно-коричневый, легкий, уплотненный, с непрочной мелкозернистой и пелитоморфной структурой, преимущественно порового типа, насыщен щебнисто-дресвянистым материалом. Щебень средний и мелкий, в нижней части слоя с примесью крупного, острогранный, невыветрелый, равномерно покрытый умеренно развитой белесой реакционной каймой мощностью 0,5–1 мм. Крупные обломки имеют слабоуплощенную форму, ориентированы согласно простиранию слоя. Характерны включения мелких обломков костей красновато-охристого цвета, умеренно выветрелых, со следами растворения в виде сглаженности ребер и проявления текстуры кости на поверхности. Нижняя граница слоя четкая, местами подчеркнута тонким прослоем темноцветного суглинка. Мощность слоя в кв. Ж-4 достигает 0,4 м, ближе к юго-западной стенке постепенно уменьшается в пристенной зоне кв. Ж-2 до 0,1–0,05 м.

Слой 14. Суглинок красно-коричневый, легкий, базального типа, с пелитоморфной пористой структурой, в переувлажненном состоянии тиксотропный, насыщен щебнисто-дресвянистым материалом. Щебень разноразмерный, с заметным преобладанием среднего и крупного, преимущественно изометричный с подчиненной долей слабо уплощенного, покрытый умеренно развитой белесой реакционной каймой мощностью до 1 мм, ориентирован согласно простиранию слоя. Преобладают разности со слабозаглаженными ребрами. Во включениях отмечены непрочные фрагменты костей и многочисленные ярко-охристые фрагменты крупных (до 2 см) копролитов, легко растирающихся в красно-охристый порошок. Некоторые копролиты деформированы в линзовидные прослойки. Нижняя граница слоя, как правило, четкая, ровная, подчеркнута горизонтом крупнощебнистой отмостки, ориентированной согласно простиранию слоя. Максимальная мощность слоя – 0,2 м.

Слой 15. Суглинок коричневый с красноватым оттенком, средний, плотный, с пелитоморфной структурой, преимущественно базального, местами порового типа, во влажном состоянии пластичный,



Стратиграфический разрез юго-восточной стенки плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры.

обогащен щебнисто-дресвянистым материалом. Щебень разноразмерный, со слабозаглаженными ребрами, покрыт белесой реакционной каймой и отличается сильной фрактолитизацией. Некоторые обломки имеют уплощенную форму и залегают согласно простиранию слоя. Отмечены включения мелких глыб изометричной формы. Наибольшая концентрация крупнощебнистого материала характерна для пристенных участков слоя в кв. Ж-2 и частично Ж-3, где мелкозем практически отсутствует, заполняя тонкие трещины в пачке плотно забутованного щебня. Ближе к осевой линии галереи содержание обломочного материала снижается, щебень приобретает преимущественно среднюю и мелкую размерность. Нижняя граница слоя проведена по изменению оттенка и структуры осадка и уменьшению содержания обломочного материала в подстилающих отложениях. Отмечено угловое несогласие, с которым слой ложится на подстилающие осадки. Мощность слоя составляет ок. 0,2 м.

Нижележащая толща слоев 16–19 залегает в виде сочетания опрокинутых складок, сформированных в результате высокоамплитудных постседиментационных деформаций и просадок вещества в межглыбовые промежутки и расщелины днища галереи.

Отложения слоя 16 представлены толщей суглинков красно-коричневых тонов с включением полигенетического глыбово-щебнистого материала, деформированной постседиментационными просадками. В толще выделены две генерации осадка – 16.1 и 16.2.

Слой 16.1. Суглинок коричневый с красным оттенком, легкий, пластичный, порового типа, умеренно тиксотропный, с разуплотненной мелкозернистой и крупночешуйчатой структурой, переходящей в крупнозернистую и деформированную чешуйчато-листоватую в подошве слоя, с включением обильного крупнощебнистого материала и единичных мелких (до 12–15 см в поперечнике)

глыб. Преобладает острогранный обломочный материал, неравномерно покрытый слаборазвитой белесой реакционной каймой. Глыбы призматической формы, с хорошо заглаженными ребрами, покрыты умеренно развитой белесой реакционной каймой. Слой слагает ядро синклинальной складки, срезанной сверху отложениями слоя 15. Для кровли слоя характерна сильная фрактолитизация обломков. Нижняя граница проведена по изменению оттенка заполнителя и подчеркнута отмосткой из щебня и мелких глыб, ориентированных согласно простиранию. Мощность слоя достигает 1,2 м.

Слой 16.2. Суглинок насыщенного коричневого цвета с красноватым оттенком, легкий, алевритистый, в увлажненном состоянии пластичный с умеренным проявлением тиксотропности, с мелкозернистой структурой, переходящей в мелкочешуйчатую в подошве слоя. Щебень преимущественно мелкий, удлиненный, со слабо оглаженными ребрами и реакционной каймой мощностью до 0,5 мм. Характерны многочисленные включения раздробленных костей и костного детрита красно-охристого цвета. Нижняя граница слоя четкая, местами с признаками денудационного перерыва, подчеркнута уплощенным щебнем, ориентированным согласно простиранию. Мощность слоя составляет 0,15–0,2 м.

Слой 17. Суглинок коричневато-серый и темно-серый с коричневым оттенком, легкий, алевритистый, одресвяненный и слабоопесчаненный, с плохо выраженной мелкозернистой местами чешуйчатой структурой и неявно слоистой текстурой, в увлажненном состоянии пластичный, с проявлением тиксотропности, неравномерно (от 30 до 50 % проективной площади) обогащен обломочным материалом. Обломки преимущественно мелкощебнистой и крупнодресвянистой размерности, как правило, с прочным невыветрелым ядром, оглаженными ребрами и гранями, равномерно покрыты белесой реакционной каймой мощностью до 0,5 мм. Для включений характерно обилие мелких непрочных обломков костей и костного детрита красновато-охристого цвета. Нижняя граница слоя четкая, в виде зоны постепенного цветового перехода мощностью 5–10 мм. Мощность слоя меняется в соответствии со степенью проявления постседиментационных просадочных деформаций от 0,1 до 0,3 м.

Слой 18. Суглинок насыщенного черного цвета с сероватым оттенком, легкий, алевритистый, слабоопесчаненный и сильно одресвяненный, с неясно выраженной мелкозернистой текстурой, при высыхании – непрочной ореховатой и мелкокомковатой, во влажном состоянии пластичен, с проявлением слабой тиксотропности, обильно (до 40–50 % проективной площади) обогащен щебнем, преимущественно мелким с единичными включениями среднего и крупного. Щебень разнообразной формы, с заметной долей слегка уплощенного, покрыт слаборазвитой (доли мм) мучнистой белесой реакционной каймой, с мощной (3–5 мм) зоной приповерхностного химического изменения. Во включениях отмечены фрагменты красновато-охристого костного детрита крупнодресвянистой размерности. Нижняя граница слоя четкая, проведена по изменению цвета и состава заполнителя. Мощность слоя составляет 0,02–0,03 м, местами увеличивается до 0,2 м.

Отложения слоя 19 включают две генерации осадка – 19.1 и 19.2.

Слой 19.1. Суглинок желто-охристый с коричневым оттенком, средний, алевритистый, с непрочной мелкозернистой пористой местами пелитоморфной структурой, насыщен (до 50 % проективной площади) щебнистым материалом. Щебень преимущественно мелкий, изредка средний, с разной степенью уплощенности, равномерно покрыт белесой реакционной каймой мощностью ок. 0,5 мм. Отмечены включения крупного щебня с заглаженными ребрами и фрагменты костей красноватых и желтоватых тонов. Нижняя граница визуально почти неразличима, определена по исчезновению реакции с HCl в подстилающих осадках. Мощность слоя – 0,2–0,3 м.

Слой 19.2. Суглинок охристо-желтый, местами светло-желтый с лимонным оттенком, средний, алевритистый, слабоодресвяненный, во влажном состоянии пластичный, с разнозернистой структурой – крупнозернистой и чешуйчатой в кровле слоя и мелкозернистой и пелитоморфной в его подошве и на контакте со скальными стенками, с флюидально-слоистой текстурой, ориентированной согласно простиранию слоя, как правило, конформно облекающей выступы коренного ложа и крупных глыб в днище галереи; умеренно (20–25 % проективной площади) обогащен обломочным материалом, преимущественно мелким щебнем с подчиненным количеством среднего и крупного. Во включениях отмечены участки обогащения мелкими (от 1 до 5 мм) фрагментами светло-желтых с зеленоватым оттенком оскольчатых тяжелых суглинков, характерных для наиболее древних отложений в центральном зале и в восточной галерее пещеры. Важными диагностическими признаками этих осадков являются некарбонатность и полное отсутствие остатков плейстоценовой фауны. Вскрытая мощность – 0,5 м.

В седиментационно-литологическом отношении толща плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры сформирована двумя пачками, разделенными хорошо выраженными перерывами в осадконакоплении. Пачка слоев 11–18 сложена

легкими и средними пестроцветными суглинками, обильно насыщенными глыбово-щебнистым материалом. Формирование этих осадков происходило после вскрытия карстовой полости в обстановке интенсивного антропогенного и биогенного воздействия на фоне резко усилившегося влияния региональных климатических факторов на процесс осадконакопления. Толща слоя 19 представлена суглинистыми отложениями преимущественно охристо-желтого цвета с включениями известняковых глыб и щебня. В генетическом отношении она является характерным для закрытых карстовых полостей переотложенным материалом пещерной *терра росса*. Накопление этого материала соответствует наиболее древним этапам заполнения пещеры, когда карстовая полость была в основном изолирована от внешних воздействий.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 82–86.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 82–86. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.082-086

Ульянов В.А. https://orcid.org/0000-0002-7798-0399
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0322-0329
УДК 903.01

А.Ю. Федорченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Планиграфический контекст каменных украшений из культурного слоя VI стоянки Ушки I

В работе представлены предварительные результаты реконструкции пространственных аспектов человеческой активности, связанных с производством и использованием каменных украшений из культурного слоя VI многослойной стоянки Ушки I (Камчатка). Сопоставление сведений, полученных на основе анализа археологических коллекций, опубликованных и архивных источников, позволило составить и проанализировать базу данных по контексту 56 изделий. Исследование пространственного контекста украшений, направленное на установление закономерностей их размещения в структуре обитаемого пространства, выявление связей артефактов между собой, различными объектами и структурами опиралось на данные технологического, функционального и планиграфического методов. Было установлено, что большинство законченных украшений, заготовок, отходов расщепления и необработанных отдельностей поделочного сырья связано с жилищными пространствами, в рамках которых, судя по всему, осуществлялось производство. Обнаружение целых изношенных или фрагментированных в процессе использования предметов личного декора внутри жилищных объектов может указывать на их утерю при повседневном использовании. Серия законченных подвесок и заготовок приурочена к пространству двух коллективных детских погребений культурного слоя. В составе погребальных комплексов готовые украшения и заготовки располагаются различным образом: единичные находки подвесок были отмечены в области грудной клетки и головы захороненных индивидов, заготовки уложены в своеобразные сумки вместе с абразивами и орудиями охоты. Предварительный анализ следов износа на украшениях из погребений и особенности их расположения позволяют предполагать их использование в качестве своеобразных амулетов, носимых на нитке или шнурке.

Ключевые слова: *Камчатка, верхний палеолит, каменные украшения, планиграфический анализ, погребения*.

A.Yu. Fedorchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Spatial Context of the Stone Personal Ornaments from Cultural Layer VI at the Ushki I Site

The article provides preliminary results of the spatial reconstruction of human activity associated with the production and use of stone ornamentations from cultural layer VI of the Ushki I (Kamchatka) multi-layered site. When comparing the information obtained on the basis of analysis of the archaeological collection, as well as published and archival sources, we could compos and analyze a database in the context of 56 items. The study of the spatial context of ornamentations was aimed at establishing the patterns of their placement in the structure of the inhabited space, identifying the links between artifacts among themselves, various objects and structures. To do this, we relied on the data obtained by technological, functional, and spatial methods. We have found that most of the finished ornamentations, blanks, debitage, and nodules are associated with living spaces, where the production took place. The discovery of entire pieces of personal décor with traces of wear or fragmentation from use inside residential facilities may suggest that they were lost in everyday use. A series of finished pendants and blanks are confined to two collective children's burials in the cultural layer. In the burial complexes, finished adornments and blanks are arranged differently: single finds of pendants were noted in the chest and head of buried individuals, and blanks were placed in original bags along with abrasives and hunting tools. Preliminary analysis of use-wear traces on pendants from burials and the features of their location suggest their use as a kind of amulets worn on a thread or cord.

Keywords: *Kamchatka, Upper Paleolithic, stone personal ornaments, spatial analysis, burials*.

Введение

Материалы верхнепалеолитических памятников Северо-Восточной Азии являются важным источником для изучения стратегий отбора, транспортировки и обработки редких видов минерального сырья для производства носимых предметов личного орнамента в эпоху верхнего плейстоцена [Питулько, Никольский, 2014; Федорченко, 2015; 2018]. Сырьевая, типологическая и функциональная вариабельность данных изделий указывает на существование в культуре древнейших обитателей региона устойчивых традиций изготовления и использования каменных украшений. Предметы персональной орнаментации из поделочного камня часто рассматриваются в русле дискуссий относительно культурно-хронологической и этнической интерпретации комплексов и культурных традиций верхнего палеолита Северо-Восточной Азии [Питулько, 2011].

В предыдущие годы исследований потенциал каменных украшений обсуждаемой территории как источника для научных реконструкций не был раскрыт в полной мере. Чаще всего эти изделия анализировались с позиций традиционного для палеолитоведения технико-типологического подхода, предоставляющего относительно общие данные о способах производства и использования изделий [Мочанов, 1977; Диков, 1979а; Слободин, 1999]. В отдельных работах предметом реконструкции выступали операционные последовательности производства каменных украшений [Федорченко, 2015], предпринимались попытки семантического анализа предметов персональной орнаментации [Дикова, 2011]. Изучение пространственного распределения палеолитических украшений – характера распределения находок, количественного и качественного соотношения фрагментов сырья и инструментов, заготовок, преформ и готовых изделий в контексте единого культурного слоя, – как правило, до сих пор оставалось за рамками специальных научных изысканий.

Настоящее исследование было направлено на реконструкцию пространственных аспектов человеческой активности, связанных с производством и использованием каменных украшений культурного слоя VI многослойной стоянки Ушки I – опорного археологического объекта каменного века Камчатки [Диков, 1977, 1979а]. В результате многолетних комплексных изысканий, проводимых археологической экспедицией СВКНИИ ДВО РАН под руководством Н.Н. Дикова, на памятнике было изучено свыше 5200 м^2 площади слоя VI [Федорченко, Белоусова, 2020]. Значимость и уникальность выявленного здесь верхнепалеолитического поселения подчеркивает наличие в его структуре двух погребений и более 40 жилищных объектов – остатков наземных и углубленных сооружений, представленных мощными спрессованными концентрациями углистой и обгоревшей костной массы, каменных орудий и дебитажа, костных остатков и минеральных пигментов; радиоуглеродный возраст поселения определялся в диапазоне 10800–10040 л.н. [Диков, 1977, с. 52–58]. Материалы культурного слоя (далее к.с.) VI содержат одну из наиболее представительных коллекций предметов персональной орнаментации в Северо-Восточной Азии, их изучение позволит существенно конкретизировать статус подобных артефактов в структуре обитаемого пространства и установить их значение как элементов символической или повседневной деятельности.

Материалы и методы исследования

В рамках настоящей работы основными источниками исследования пространственного распределения предметов персональной орнаментации к.с. VI памятника Ушки I послужили археологические материалы из фондов Лаборатории истории и экономики и экспозиции Музея естественной истории СВКНИИ ДВО РАН (Магадан). Для получения более полного представления об украшениях рассматриваемого комплекса помимо археологических коллекций нами привлекались опубликованные рисунки и фотографии, материалы полевой документации, представленные в фондах СВКНИИ, а также отчетах Н.Н. Дикова, хранящихся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН (Москва) [Диков, 1974, 1979б, 1993б]. Сопоставление сведений из шифров артефактов археологической коллекции, информации из публикаций, текстов, планов, иллюстраций и иных архивных источников позволило составить и проанализировать базу данных о контексте и характеристиках 56 изделий (см. *таблицу*).

Согласно полученным ранее данным, для производства украшений верхнепалеолитическими обитателями поселения к.с. VI на памятнике Ушки I использовалось минеральное сырье преимущественно вулканогенного и гидротермального происхождения: агальматолит, талькит и талькохлоритолит, в единичных случаях – янтарь [Федорченко, Кулик, Белоусова, 2019]. Операционная последовательность изготовления предметов персональной орнаментации включала подбор и транспортировку на стоянку поделочного сырья, получение заготовок, создание преформ путем шлифовки, сверление, нанесение орнамента – насечек или коротких линий [Федорченко, 2018]. Первые стадии производственного процесса представлены на памятнике импортными отдельностями мелких галек, пли-

Пространственное распределение персональных украшений в контексте культурного слоя VI стоянки Ушки I, экз.

Контекст	Подвески	Бляшки	Пронизки	Заготовки	Сырье	Сколы	Всего
Углубленное жилище № 1	2	–	–	–	–	–	2
» » № 2	–	–	–	–	1	–	1
» » № 8	–	–	–	1	–	–	1
» » № 9	2	–	–	–	–	–	2
» » № 11	1	–	–	1	–	3	5
» » № 12	3	–	–	–	–	–	3
» » № 17	–	–	1	–	–	–	1
» » № 21	–	–	–	1	–	–	1
» » № 23	–	1	–	1	–	–	2
» » № 25	–	–	1	–	–	–	1
Наземное жилище № III	–	–	–	–	1	–	1
» » № V	4	3	–	–	–	–	7
» » № VI	–	–	1	–	–	–	1
» » № IX	1	–	–	–	–	–	1
» » № XIII	3	–	–	–	–	–	3
» » № XIV	3	–	–	1	–	–	4
Погребение № 1	4	–	–	–	–	–	4
» № 2	8	1	–	–	2	–	11
Вне жилищ	2	–	–	3	–	–	5
Всего	33	5	3	8	4	4	56

ток или обломков (n = 4), а также сколами сырья (n = 3). Следующий этап операционной последовательности характеризуют заготовки изделий (n = 5). Наиболее массовым элементом коллекции к.с. VI выступают законченные формы: плоские и объемные подвески с перфорацией (n = 36), бляшки с двумя сверленными отверстиями (n = 5) и пронизки (n = 3) (рис. 1).

Исследование пространственного контекста украшений, направленное на установление закономерностей их размещения в структуре обитаемого пространства, выявление связей артефактов между собой, различными объектами и структурами (очагами, приочажными зонами, жилищами или межжилищными участками, погребениями), опиралось на данные технологического, функционального и планиграфического методов.

Результаты исследования

В результате проведенного анализа было установлено, что большинство каменных украшений, заготовок для их производства и отдельностей поделочного сырья к.с. VI происходит из пространства углистых площадок жилищ (n = 36, 64 %); их локализация связана преимущественно с уровнем пола основной части жилища, единично – с коридорообразным входом или центральным очагом (рис. 2). Элементы анализируемой коллекции отмечены в 16 постройках, среди которых десять являются углубленными (№ 1, 2, 8, 9, 11, 12, 17, 21, 23 и 25), шесть – более крупными по площади и целиком наземными (№ III, V, VI, IX, XIII, XIV). В девяти конструкциях присутствуют только готовые украшения со следами утилизации и фрагментации (n = 21), которые могли быть утеряны их владельцами в процессе повседневного использования. Из контекста четырех жилищ происходят только заготовки и отдельности мягкого камня (n = 4), из оставшихся трех – как завершенные формы предметов личного декора, так и их заготовки, сколы и фрагменты поделочного сырья (n = 11).

Данные планиграфического анализа указывают на то, что находки готовых украшений в жилищных конструкциях к.с. VI стоянки Ушки I не образуют скоплений или зон концентрации. Исключение составляют три лабретковидных бляшки (см. рис. 1, *4*, *7*, *10*), полученные при раскопках наземного жилища № V: два изделия отмечены на кв. е-20 в 15 см друг от друга, третий предмет – на кв. д-19 в 120 см от предыдущих [Диков, 1979б, с. 18, 85]. Близость расположения этих артефактов в рамках одного поселенческого объекта, идентичность сырья и специфичность их облика позволяют предполагать, что они могли являться частью единой композиции, сохранившейся до наших дней в потревоженном виде. Стоит отметить, что лишь небольшая доля заготовок (n = 3) и украшений (n = 2) была обнаружена на участках межжилищных пространств, непосредственно примыкающих к остаткам соору-

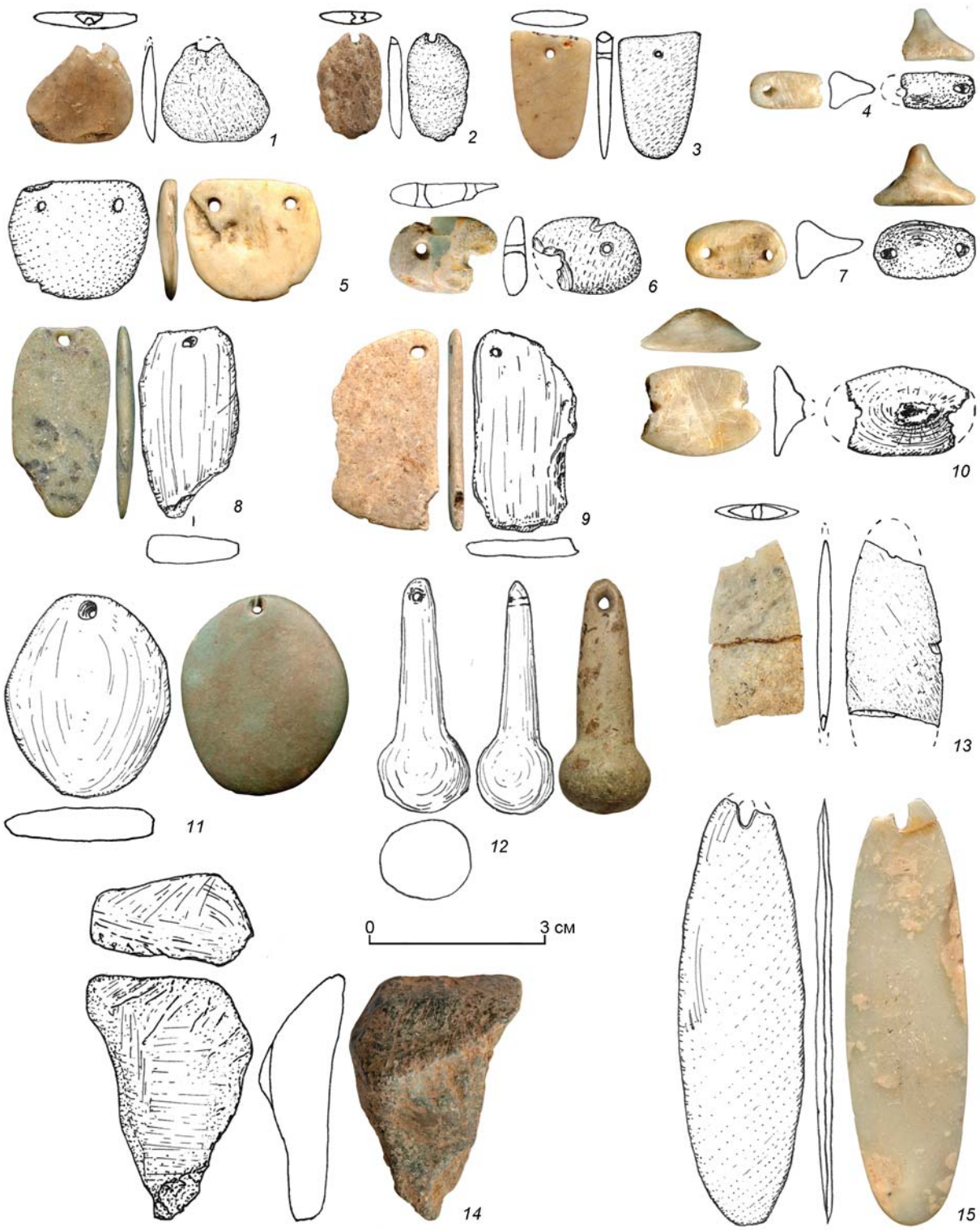


Рис. 1. Каменные украшения культурного слоя VI стоянки Ушки I, Камчатка.

1–3, *8*, *9*, *11–13*, *15* – подвески; *4*, *7*, *10* – лабретковидные бляшки; *5*, *6* – плоские бляшки с двумя отверстиями; *14* – заготовка.

жений (№ 1, 14 и 24). Четыре находки из пяти фиксируются на расстоянии 120–200 см от углистых пятен отдельно расположенных кострищ.

Серия украшений слоя VI (n = 15, 27 %) происходит из закрытых объектов ритуального характера – двух коллективных детских захоронений [Диков, 1974, 1993б]. Погребение № 1 представляет собой неглубокую округлую яму (d = 70 см, h = 20 см) в юго-западной части полуземлянки № 3, расположенную за очагом со смещенными в сторону очажными камнями – на участках кв. Б-1/2. По мнению Н.Н. Дикова, характер расположения

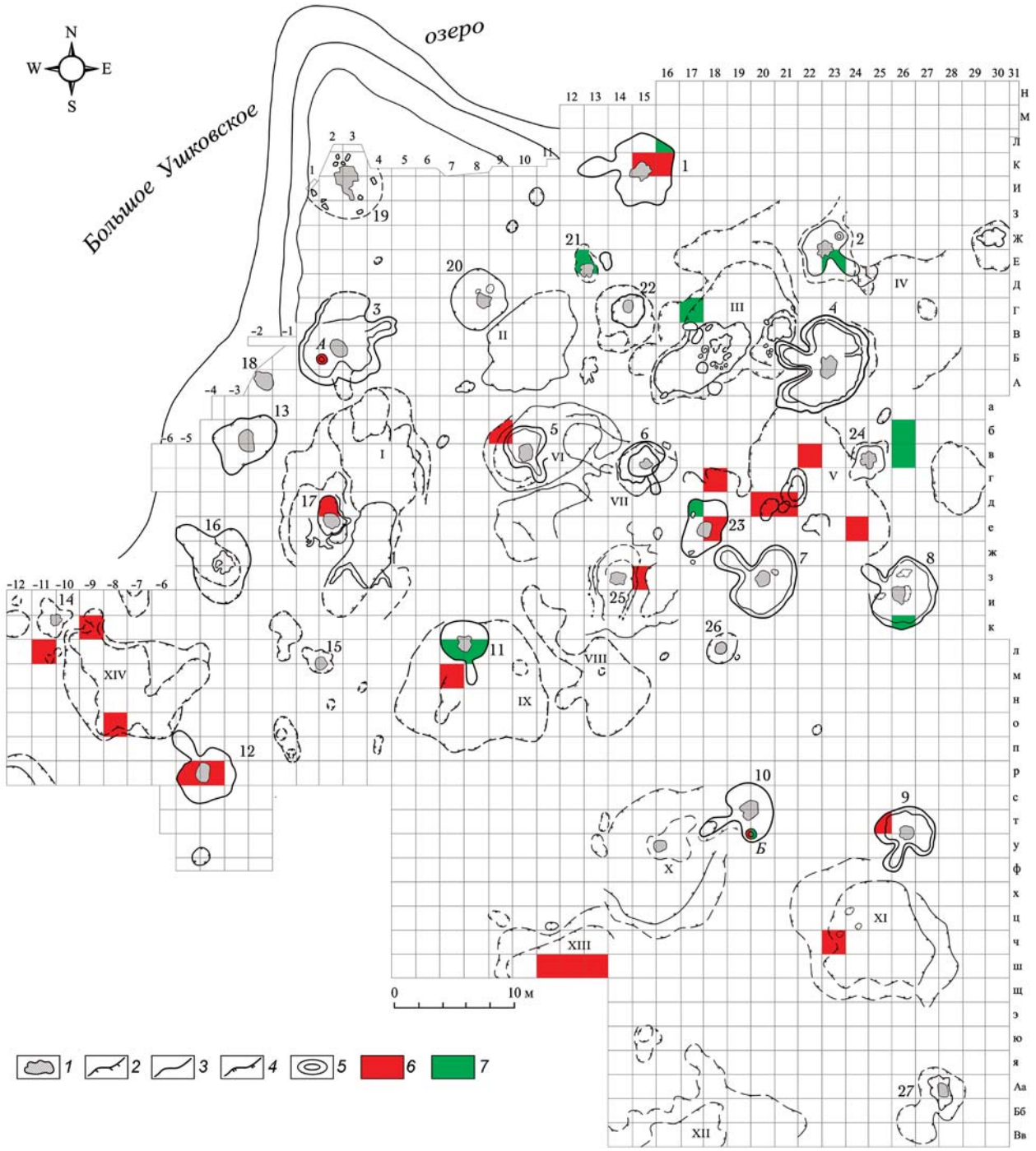


Рис. 2. Планиграфический контекст каменных украшений культурного слоя VI стоянки Ушки I, Камчатка (адаптировано по: [Диков, 1993б, рис. 8] с изменениями).

1, 2 – углистые пятна очагов и кострищ; *3* – контуры углубленных жилищ; *4* – пятна убывающей углистости, маркирующие остатки наземных жилищ; *5* – погребальные ямы; *6* – находки украшений; *7* – находки заготовок, сколов и отдельностей поделочных пород мягкого камня. I–XIV – номера наземных жилищных конструкций. 1–27 – номера углубленных построек. *А* – погребение № 1; *Б* – погребение № 2.

погребения и следы преднамеренного разрушения очага свидетельствуют об оставлении жилища его обитателями после совершения обряда захоронения [Диков, 1974, с. 27]. Кости двух фрагментированных скелетов малолетних детей неудовлетворительной сохранности располагались на дне могильной ямы в скорченном виде один к другому, головами на запад и север. Разрушенный череп погребенного индивида располагался в западной части могилы и был покрыт слоем красной охры, остатки посткраниального скелета в средней части могилы покоились на своеобразной подстилке

из плотно уложенных резцов нескольких десятков леммингов. Над головой погребенного располагались крупные зубы грызуна, прикрытые каменной плиткой, три листовидных наконечника и три каменные подвески (см. рис. 1, *8*, *9*, *11*), слева от головы – овальная плитка из зеленого глауконитового песчаника, рядом с челюстью – клиновидный микронуклеус с несколькими сколотыми с него микропластинами. Относительно компактное расположение артефактов в области черепа у западного борта могильной ямы может указывать на размещение предметов в специальной сумке [Диков, 1993а, с. 25]. Под ребрами захороненного располагалась четвертая подвеска из поделочного камня белого цвета. Среднюю часть могилы перекрывал своеобразный «пояс» из пяти слегка пришлифованных песчаниковых камней. На бортах ямы в южной и северной ее частях зафиксированы фрагменты челюстей животных со следами охры. По данным Н.Н. Дикова, на месте второго разрушенного черепа в северной части погребения, среди молочных зубов человека было обнаружено «до десятка зубов с корнями, подточенных, с очень тонко просверленными отверстиями для подвешивания» [Там же].

Коллективное погребение № 2 совершенно в более крупной и глубокой округлой яме (d = 95 см, h = 100 см) в южной части полуземлянки № 10, справа от входа в нее и на расстоянии 55 см от очага с кольцевой обкладкой. Анализ стратиграфии могильной ямы позволил соотнести ее с наиболее поздним горизонтом обитания слоя [Диков, 1993б]. Большая часть артефактов располагалась на дне могилы в виде одиночных находок и двух компактных скоплений; в последнем случае артефакты залегали очень плотно, в 2–3 слоя, что позволило интерпретировать подобные скопления как наполнение сумок [Диков, 1993а, с. 25]. Костные останки нескольких индивидов плохой сохранности и сопроводительный инвентарь были покрыты слоем охры мощностью до 3 см и погребены под толщей мешаной супеси с включением угольков. В центр могильной ямы на глубине 75 см была уложена лопаточная кость крупного млекопитающего, ориентированная с севера на юг. Два других локальных скопления артефактов располагались у западной стенки погребения № 2 стратиграфически выше антропологических остатков. Согласно наблюдениям Н.Н. Дикова, две «сумки» были положены при повторной копке ямы на глубину 25–30 см выше ее первоначального дна.

Находки нижней части погребения представлены целыми и поперечно расколотыми листовидными бифасами, изготовленными из обсидиана, кремня и халцедона, в т.ч. с использованием вторичного утончения, клиновидными микронуклеусами и микропластинами, сланцевыми ножами, сколами с краевой ретушью, абразивными инструментами из туфа и пемзы. Вместе с молочными зубами на месте полностью разложившегося черепа первого индивида в скоплении № 1 были обнаружены две сверленые подвески и одна массивная бляшка из янтаря, южнее этого скопления – две абразивные плитки, фрагмент бифаса и еще одна янтарная подвеска, а также шпатель для растирания охры, выполненный из брусковидной отдельности окаменелого дерева. В одной из «сумок», уложенной на дно погребения и прислоненной с некоторым наклоном на запад к ее южной стенке, наряду с находками абразивных инструментов, бифасов, ножей, скребел и других орудий, были отмечены сломанная на две части плитка и обломок породы мягкого камня зеленого цвета. Три крупных обломка аналогичного сырья были отмечены в другой «сумке», залегающей стратиграфически выше скопления молочных зубов № 5: один из них располагался под абразивом овальной формы, другие – между двумя листовидными наконечниками стрел.

Серия неучтенных украшений из погребения № 2 была выявлена в археологических фондах СВКНИИ ДВО РАН на современном этапе исследований. В результате проведенной ревизии в коллекции к.с. VI стоянки Ушки I были обнаружены образцы грунта, отобранные Н.Н. Диковым со дна могильной ямы и привезенные для дальнейшего изучения в Магадан. При разборе грунта помимо мелких костных фрагментов и молочных зубов погребенных было получено пять подвесок из янтаря и две мелкие гальки без следов обработки. Вероятней всего, указанные находки могут происходить из скопления зубов № 1, где отмечались другие образцы янтарных подвесок.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ позволил существенно уточнить и конкретизировать имеющиеся данные о пространственном распределении каменных украшений культурного слоя VI памятника Ушки I. Было установлено, что подавляющее большинство законченных предметов персональной орнаментации, заготовок, продуктов расщепления и отдельностей поделочного сырья происходит из жилищ этого слоя. Внутри остатков сооружений законченные формы украшений и другие элементы технологической последовательности их производства располагаются, как правило, в едином планиграфическом контексте с абразивными инструментами и остатками минеральных пигментов. Сочетание заготовок, продуктов расщепления и принесенных на памятник целых отдельностей сырья может указы-

вать на производство подвесок, бляшек и пронизок внутри жилищ. Обнаружение целых изношенных или фрагментированных в процессе использования предметов личного декора внутри многочисленных поселенческих объектов, вероятней всего, может указывать на их утерю при повседневном использовании.

Серия законченных украшений в виде целых сверленных подвесок простых геометрических форм, тщательно шлифованных или выполненных из мелких отдельностей сырья без использования абразивной обработки, а также заготовки таких изделий были выявлены в двух коллективных детских погребениях культурного слоя VI. В составе погребальных комплексов готовые украшения и заготовки располагаются различным образом: в каждом из отмеченных случаев единичные подвески были отмечены в области груди и головы индивидов, заготовки – уложены в своеобразные сумки вместе с абразивами и орудиями охоты. Предварительный анализ следов износа на целых формах и характер их размещения в погребениях позволяет предполагать, что они представляли собой остатки своеобразных амулетов, носимых на нитке или шнурке. Вместе с тем, фиксируется также присутствие нашивных украшений, из них наиболее яркими формами являются лабретковидные бляшки, отмеченные в остатках наземного жилища № V. Совместное залегание подвесок с выразительными формами нуклеусов и орудий в составе закрытых погребальных комплексов указывает на особый культурный статус украшений.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-28-02036 «Траектории культурного развития в верхнем палеолите Камчатки».

Список литературы

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979а. – 352 с.

Диков Н.Н. Отчет о полевых археологических исследованиях на Камчатке и Колыме в 1973 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 5287. – Магадан, 1974. – 70 с.

Диков Н.Н. Отчет о полевых исследованиях в бассейне р. Колыма, на Чукотке и Камчатке в 1978 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7182. – Магадан, 1979б. – 97 с.

Диков Н.Н. Отчет о полевых исследованиях на Колыме и Камчатке в 1991 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 17079. – Магадан, 1993б. – 35 с.

Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИИ, 1993а. – 68 с.

Дикова М.А. Символика в погребальной обрядности и искусстве Ушковского палеолита // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. – 2011. – № 1. – С. 88–100.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК РАН. – 2011. – № 6. – С. 85–103.

Питулько В.В., Никольский П.А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики: Замятнинский сборник. – Вып. 3. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 408–418.

Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене – раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.

Федорченко А.Ю. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. – 2015. – № 1. – С. 100–114.

Федорченко А.Ю. Палеолитические каменные украшения культурного слоя VI Ушковских стоянок: контекст, технология, функции // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 2 (59). – С. 115–123.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Верхний палеолит Камчатки: основные результаты исследований 1980-х – начала 1990-х годов и актуальные проблемы на современном этапе // Stratum plus: Археология и культурная антропология. – 2020. – № 1. – С. 305–339.

Федорченко А.Ю., Кулик Н.А., Белоусова Н.Е. Каменные украшения палеолитических комплексов Ушковских стоянок: технологии, функции, контекст // V Северный археологический конгресс. – Екатеринбург, Ханты-Мансийск: Альфа-Принт, 2019. – С. 391–394.

References

Dikov N.N. Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, Upper Kolyma. Moscow: Nauka, 1977. 319 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Ancient cultures of Northeast Asia. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na Kamchatke i Kolyme v 1973 godu. *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, N 5287, Magadan, 1974. 70 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Otchet o polevykh issledovaniyakh v basseyne r. Kolyma, na Chukotke i Kamchatke v 1978 godu. *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, N 7182, Magadan, 1979b. 97 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Otchet o polevykh issledovaniyakh na Kolyme i Kamchatke v 1991 godu. *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, N 17079, Magadan, 1993b. 97 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoy pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki. Magadan: NEISR FEB RAS Publ., 1993a. 68 p. (In Russ.).

Dikova M.A. Symbolism of the Funeral ceremonies and Art traditions of the Paleolithic Ushki Culture. *Bulletin of the NESC FEB RAS*, 2011. N 1. P. 88–100. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu. Paleolithic stone ornaments from cultural layer VI of Ushki sites: context, technology, functions. *Ural Historical J.*, 2018. N 2 (59). P. 115–123. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu. Stone ornaments of cultural layer 7 at the Ushki sites (Central Kamchatka): Technological analysis. *Bulletin of the NESC FEB RAS*, 2015. N 1. P. 100–114. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E. Upper Palaeolithic of Kamchatka: the main research results of the 1980s – early 1990s and current problems at the present stage. Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology, 2020. N 1. P. 305–339. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A., Belousova N.E. Kamennyye ukrasheniya paleoliticheskikh kompleksov Ushkovskikh stoyanok: tekhnologii, funktsii, kontekst. In *V Severnyy arkheologicheskiy kongress*. Yekaterinburg, Khanty-Mansiysk: Alfa-Print, 2019. P. 391–394. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. The earliest stages of Settlement by People of settlement in Northeast Asia. Novosibirsk: Nauka, 1977. 264 p. (In Russ.).

Pitulko V.V. Archaeological component of the Berelekh complex. *Transactions of the IHMC*, 2011. N 6. P. 85–103. (In Russ.).

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. Personal adornments (pendants) unearthed at Yana site: serial and specific types of artifacts. In *Kamennyy vek: ot Atlantiki do Patsifiki: Zamyatninskiy sbornik*, Vol. 3. Saint Petersburg, MAE RAN Publ., 2014. P. 408–418. (In Russ.).

Slobodin S.B. Archaeology of the Kolyma and Continental Priokhot'e in the late Pleistocene and early Holocene. Magadan: NEISRI FEB RAS, 1999. 234 p. (In Russ.).

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0330-0336
УДК 903.01, 902/904

А.Ю. Федорченко[1], Н.Е. Белоусова[1]✉, Д.Р. Плотников[2], Е.В. Левина[1, 3], А.В. Вишневский[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: consacrer@yandex.ru

Мастерская им. Б.Х. Кадикова – новый памятник каменного века в Горном Алтае

В работе представлены данные предварительного анализа археологической коллекции нового памятника каменного века Горного Алтая – мастерской им. Б.Х. Кадикова, рассмотрены история и обстоятельства обнаружения данного археологического объекта. Памятник был обнаружен известным алтайским исследователем Б.Х. Кадиковым в 1987 г., собранная им коллекция археологических находок долгое время хранилась в фондах Краеведческого музея в г. Бийске, при этом информация о стоянке не была опубликована. Благодаря проведенной ревизии археологических фондов музея, в 2022 г. указанная коллекция была обнаружена. Ориентируясь на данные из сопроводительной записки, иллюстрирующей местоположение объекта и обстоятельства обнаружения, была реализована попытка идентификации памятника на местности. В результате проведенных разведывательных работ было выявлено три пункта концентрации подъемного материала и несколько единичных находок; в коллекцию вошли 145 артефактов. Для каменной индустрии мастерской им. Б.Х. Кадикова характерно сочетание нескольких стратегий первичной обработки. В основе первичного расщепления лежали технологии получения пластин и мелких пластинчатых сколов, включая миниатюрные микропластины, с продольных, реже – бипродольных объемных нуклеусов. Значимое место в каменной индустрии занимает производство относительно крупных бифасов и мелких двустороннеобработанных наконечников с использованием приемов бифасиального утончения. Вещественный состав полученной археологической коллекции позволяет рассматривать объект как стоянку-мастерскую вблизи выходов кремневого сырья. На основании данных геоморфологии памятника и имеющихся аналогий предлагается рассматривать комплекс мастерской им. Б.Х. Кадикова как одно из проявлений культур мезолита – раннего неолита региона.

Ключевые слова: *Горный Алтай, мезолит, неолит, каменная индустрия, бифасы*.

A.Y. Fedorchenko[1], N.E. Belousova[1]✉, D.R. Plotnikov[2], E.V. Levina[1, 3], A.V. Vishnevsky[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University
Barnaul, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: consacrer@yandex.ru

B.K. Kadikov's Workshop: New Stone Age Site in Gorny Altai

The article provides data from a preliminary analysis of the archaeological collection from a new Stone Age site in the Altai Mountains, the B.K. Kadikov's workshop, studies the history and circumstances of the discovery of this archaeological object. The site was discovered by the famous Altai explorer B.K. Kadikov in 1987. His collection of archaeological finds was kept in the Museum of Local Lore in Biysk for a long time, although information about the site was not published. Thanks

to the revision of the archaeological funds of the museum, in 2022, the collection was found. Based on the data from the accompanying note, illustrating the location of the site and the circumstances of the discovery, we identified the site in the field. As a result of the exploration work, three points of concentration of surface findings and several single artifacts were identified. The collection includes 145 artifacts. A combination of several strategies for the primary processing of stone raw materials is characteristic of the lithic industry of the B.K. Kadikov's workshop. Primary knapping was based on the technologies for obtaining blades and bladelets, including miniature microblades, from longitudinal, less often bidirectional volumetric cores. A significant place in the lithic assemblage is occupied by the production of relatively large bifaces and small arrowheads using bifacial thinning techniques. The composition of the archaeological collection allowed us to consider the object as a workshop site near the outcrops of flint raw materials. Based on the data on geomorphology of the site and available parallels, we propose to consider the B.K. Kadikov's workshop as a manifestation of the Mesolithic–Early Neolithic cultures of the region.

Keywords: *Gorny Altai, Mesolithic, Neolithic, lithic assemblages, bifaces.*

Археологический памятник мастерская им. Б.Х. Кадикова расположен в северной части Алтая на правом берегу р. Катунь, между селами Чепош и Усть-Сема. Первые находки, в т.ч. нуклеусы, бифасы и отходы их производства, были собраны на памятнике летом 1987 г. Б.Х. Кадиковым. Материалы сборов после обнаружения были переданы на хранение в Краеведческий музей им. В.В. Бианки г. Бийска; информация о стоянке не публиковалась. Собранные артефакты по ряду обстоятельств оказались на десятилетия приписаны к коллекции стоянки Верх-Чепош (№ 245), сформированной из материалов разведок 1975–1976 гг. Благодаря музейной находке 2022 г., сделанной одним из соавторов статьи (Д.Р. Плотниковым), на коллекцию обратили внимание. К материалам памятника была приложена сопроводительная записка, схематично иллюстрирующая местоположение объекта, обстоятельства обнаружения и указания на расположенные рядом источники кремневого сырья. Текст записки:

«Кремень, собранный Кадиковым Б.Х. 25 июня 1987 года на правом берегу реки Катунь у северной окраины деревни Чепош (на Чемальском тракте в 6 км 200 м от села Усть-Сема).

Кремнеобрабатывающая мастерская.

1) Нуклеусов – 2, один – конический, длина ≈ 4,2 мм, темноцветный кремень; другой – левалуазского типа, длина ≈ 20 см, вес ≈ 4 кг, из светло-серой окремненной валунно-галечной породы.

2) ...».

Следуя сопроводительной информации, летом 2022 г. в рамках работы по поиску источников кремневого сырья в долине р. Катунь участниками Онгудайского археологического отряда ИАЭТ СО РАН была проведена работа по поиску памятника на местности. В предполагаемом месте расположения был проведен осмотр обнажений первой надпойменной террасы и прилегающей территории песчаного пляжа р. Катунь; там же был выявлен новый подъемный материал из кремневого сырья. Локализация новых находок полностью совпадает с местоположением мастерской, описанным Б.Х. Кадиковым в сопроводительной записке, – на правом берегу р. Катунь, в 480 м на северо-северо-запад от устья р. Чепош и в 5 850 м от современной окраины с. Усть-Сема по Чемальскому тракту (рис. 1). Поскольку ранее объект не получил названия, авторами настоящей работы было предложено именовать его в честь первооткрывателя – известного российского археолога Бориса Хатмиевича Кадикова (1932–2010).

В результате проведенных разведывательных работ было выявлено три пункта концентрации подъемного материала и несколько единичных находок; в коллекцию вошли 145 артефактов. Основной объем археологического материала был получен с трех пунктов непосредственно в осыпи террасы, единичные выразительные находки были отмечены на поверхности песчаного пляжа поймы р. Катунь. Подавляющее число артефактов коллекции выполнено из мелкозернистого и, зачастую, трещиноватого кремнистого сырья; часть крупных обломков и колотых отдельностей были изготовлены из местного галечного субстрата руслового аллювия р. Катунь. Настоящее исследование было направлено на первичный анализ материала, определение его технико-типологического облика и культурно-хронологической принадлежности.

Пункт 1. Наиболее насыщенное скопление находок было выявлено на участке пункта 1 (n = 110) (табл. 1). Выразительные нуклеарные формы в материалах данного пункта отсутствуют, а представленные в индустрии экземпляры галечных отдельностей со следами сколов апробации и декортикации не дают полного представления о характере первичного расщепления. Коллекция сколов включает целые и фрагментированные *пластины* (шириной 18,4–33,7 мм), *пластинки* (ширина 11,2 мм) с продольной параллельной огранкой дорсальной поверхности (рис. 2, *5*), слабо изогнутым или прямым профилем и прямыми остаточными ударными площадками; наиболее многочисленной категорией дебитажа являются мелкие отщепы (< 30 мм). Технические сколы представле-

Рис. 1. Вид на мастерскую им. Б.Х. Кадикова.

Таблица 1. **Каменная индустрия мастерской им. Б.Х. Кадикова, экз.**

Каменные изделия	Пункт 1	Пункт 2	Сборы	Всего
Нуклевидные формы	2	1	1	4
Нуклеусы	–	–	1	1
Колотые гальки	2	1	–	3
Технические сколы	6	2	–	8
Реберчатые	2	–	–	2
Подправки фронта	1	–	–	1
Бифасиального утончения	3	2	–	5
Пластины	3	–	–	3
Пластинки	1	–	1	2
Отщепы	68	8	1	77
Крупные (≥ 30 мм)	9	–	–	9
Средние (10–29 мм)	50	8	–	58
Мелкие (≤ 9 мм)	9	–	1	10
Обломки	22	4	–	26
Осколки	8	1	–	9
Всего	110	16	3	129

ны несколькими типами: крупные сколы подправки фронта с ныряющим дистальным окончанием (ширина 38,4 мм) (рис. 2, *4*), гладкой остаточной ударной площадкой, бипродольной параллельной огранкой дорсала и прямым профилем; сколы бифасиального утончения укороченных пропорций со слабо изогнутым профилем, выраженным вентральным карнизом и изъянцами, на их дорсальной поверхности читаются следы центростремительных снятий, отдельные сколы утончения захватили край бифаса; фрагменты реберчатых сколов. Индустрию сколов дополняют группа крупных или более мелких фрагментов расщепленного сырья – обломков и осколков.

Орудийный набор комплекса включает 13 артефактов (табл. 2). Наиболее многочисленны изде-

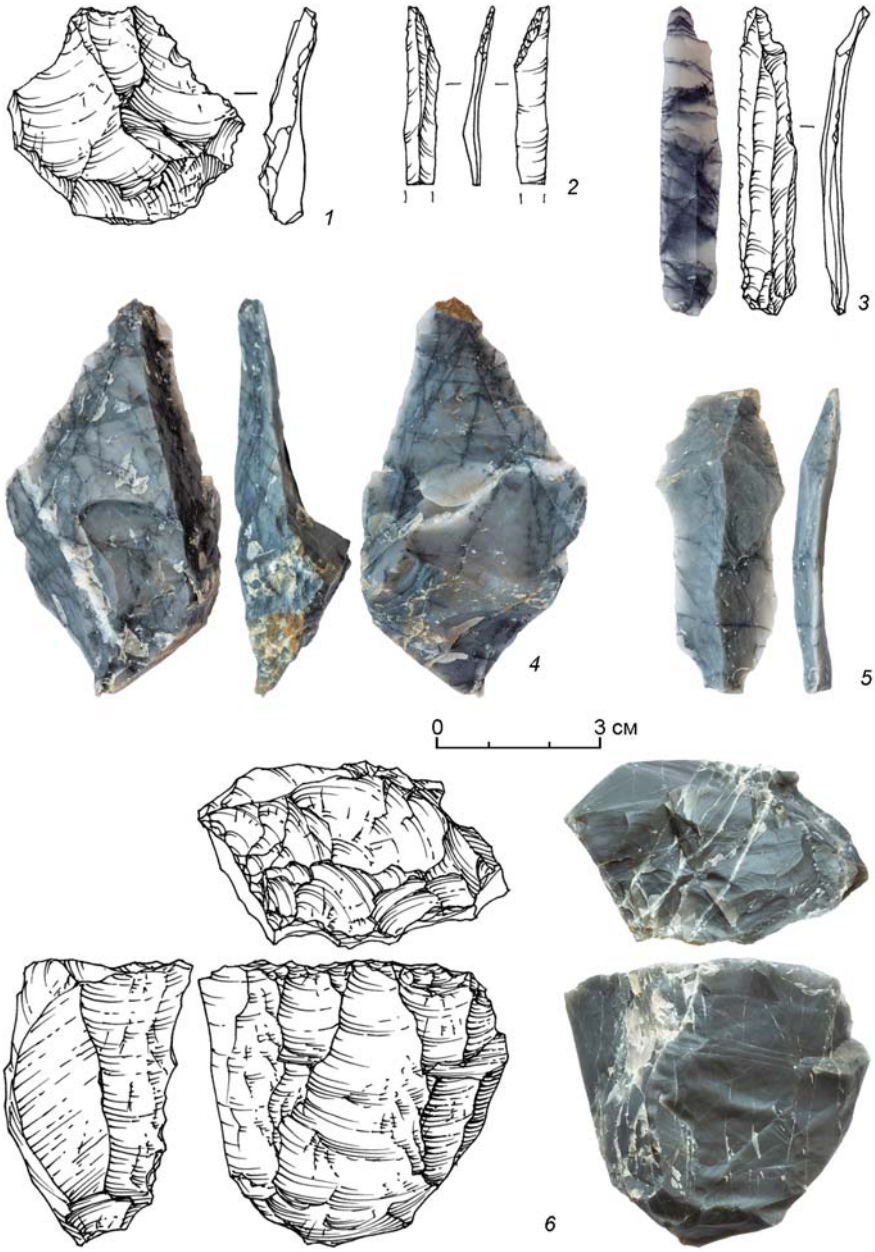


Рис. 2. Каменная индустрия мастерской им. Б.Х. Кадикова.

1 – скол бифасиального утончения; *2* – микропластина с ретушью; *3* – пластинка; *4* – технический скол; *5* – пластина; *6* – нуклеус.

Таблица 2. **Состав орудийных форм в материалах мастерской им. Б.Х. Кадикова, экз.**

Каменные изделия	Пункт 1	Пункт 2	Пункт 3	Всего
Бифасиальные изделия	6	1	–	7
Листовидные острия	2	–	–	2
Наконечники с выемкой в основании	2	–	–	2
Заготовки	2	–	1	3
Скребки	1	–	–	1
Концевые на отщепах	1	–	–	1
Долотовидные изделия	2	–	–	2
Пластины с ретушью	1	–	–	1
Микропластины с ретушью	–	1	–	1
Отщепы с ретушью	3	–	–	3
Всего	13	1	1	15

лия с двусторонней обработкой. Первая заготовка крупного бифасиального орудия или нуклеуса подпрямоугольной формы выполнена из фрагмента плитки (рис. 3, *6*); за исключением отдельных участков одной из широких сторон и одного продольного края артефакта, все его поверхности обработаны крупными двусторонними снятиями, достигающими центральной оси. Второй артефакт представляет собой базально-медиальный фрагмент заготовки удлиненного листовидного острия с негативами крупных двусторонних уплощающих сколов. Коллекция включает четыре законченных бифасиальных формы. Два базально-медиальных фрагмента удлиненных листовидных наконечников имеют прямое основание (рис. 3, *3*, *4*); для них характерен прямой профиль, двояковыпуклое линзовидное сечение, широкие стороны тщательно обработаны крупными уплощающими снятиями. Ширина орудий в средней части составляет 26 и 41,7 мм, индекс массивности – 2,67 и 2,5. Два других орудия с бифасиальной обработкой представлены базальными фрагментами наконечников с широкой выемкой в основании (рис. 3, *1*); характеризуются прямым профилем и уплощенно-линзовидным сечением. Выемка и продольные края орудий оформлены мелкой краевой двусторонней ретушью, широкие стороны уплощены крупными сколами. Значение индекса массивности (5,59 и 5,7) указывает на принадлежность орудий к категории тонких бифасов.

Двумя экземплярами в коллекции представлены долотовидные изделия на отщепах (рис. 3, *2*). На ударных площадках орудий отмечены следы забитости и негативы многорядной двусторон-

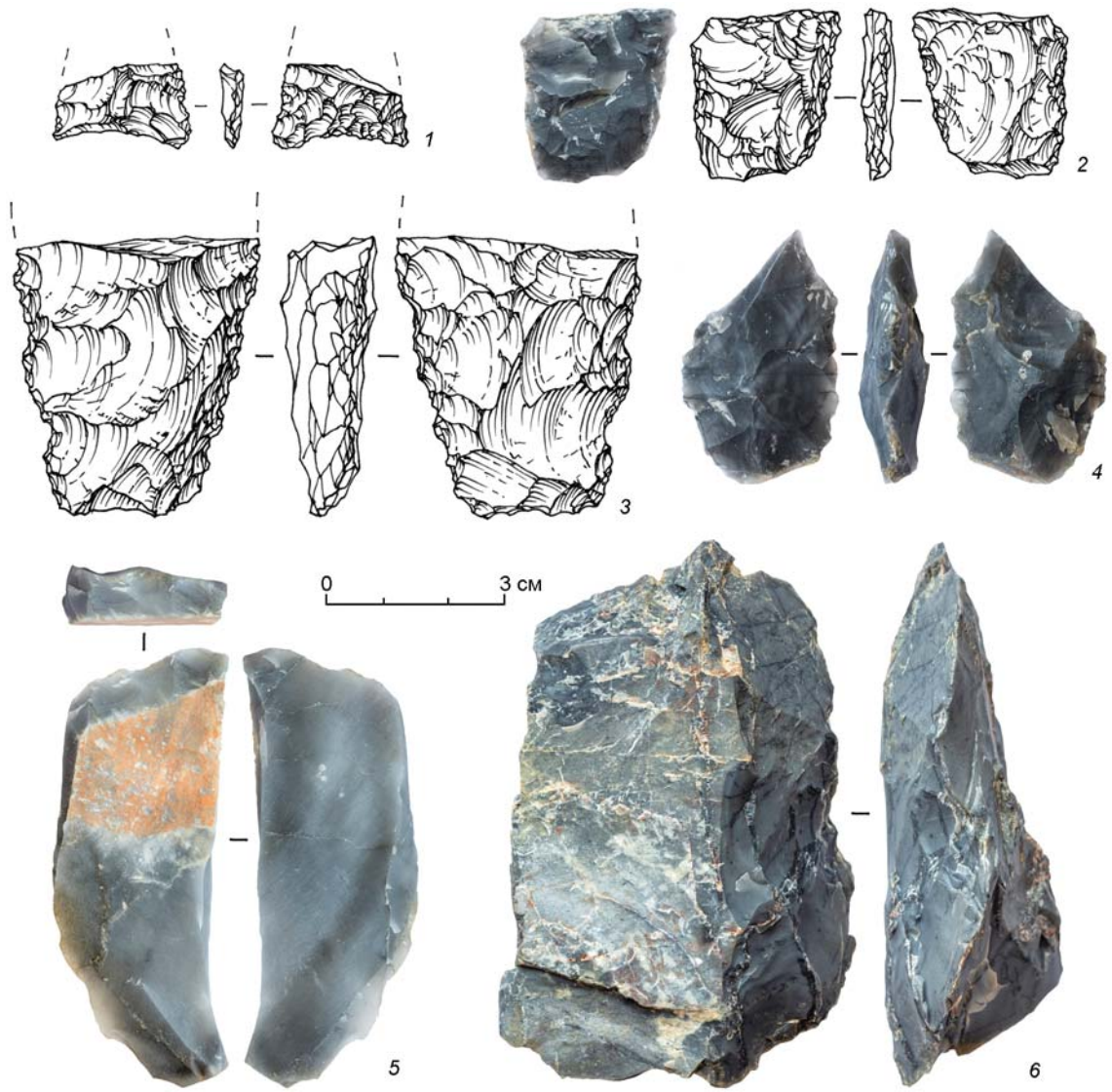


Рис. 3. Каменная индустрия мастерской им. Б.Х. Кадикова.

1 – наконечник с выемкой в основании; *2* – долотовидное изделие; *3*, *4* – бифасы; *5* – скребок; *6* – заготовка бифасиального изделия.

ней чешуйчатой краевой утилизационной ретуши с перообразными или ступенчатыми дистальными окончаниями. Для рабочих зон характерны единичные крупные короткие негативы односторонней ретуши, а также более массовые короткие мелкие сколы со ступенчатыми дистальными окончаниями, в одном случае – слом лезвия. Изделия отличаются миниатюрными размерами; ширина и длина не превышает 30 мм. Среди типологически значимых орудийных форм в коллекции также отмечен концевой скребок со скошенным лезвием на удлиненном фрагменте крупного полупервичного отщепа (рис. 3, *5*). Скошенное относительно длинной оси артефакта слабо выпуклое лезвие оформлено крутой захватывающей многорядной дорсальной ретушью. Орудийный набор дополняет проксимальный фрагмент пластины с вентральной краевой и захватывающей полукрутой ретушью по обоим продольным краям, а также три отщепа с мелкой краевой дорсальной или вентральной ретушью по одному поперечному или одному из продольных краев.

Пункт 2. Второй пункт сбора подъемного материала расположен в 4 м к юго-юго-востоку от предыдущего участка; в результате осмотра обнажения террасы было собрано 17 артефактов (см. табл. 1). Немногочисленная группа предметов, полученная с пункта 2 включает гальку со следами бессистемного раскалывания, отщепы, обломки и осколки. В коллекции представлены сколы бифасиального утончения (рис. 3, *1*), с гладкой или удаленной в результате расщепления ударной площадкой, слабоизогнутым профилем, радиальной огранкой и изъянцем на вентральной поверхности. Орудийный набор представлен микропластиной с ретушью (рис. 3, *2*). Заготовка характеризуется продольной параллельной огранкой, трехгранным сечением и слегка изогнутым профилем, остаточная ударная площадка фрагментирована. Двусторонняя мелкая краевая полукрутая ретушь отмечена в зоне дистального окончания микропластины.

Пункт 3. Третье местонахождение с подъемными находками локализовано в 7 м к северо-северо-западу от пункта 1; осмотр осыпи обнажения позволил зафиксировать два артефакта. Заготовка бифасиального орудия выполнена на плитке кремня, широкие стороны частично обработаны крупными уплощающими сколами, продольные края. Также обнаружен мелкий фрагмент неорнаментированной толстостенной керамики.

В результате осмотра песчаного пляжа поймы р. Катунь, примыкающего к краю террасы, зафиксировано три артефакта: нуклеус, пластинка и чешуйка. Наиболее выразительной находкой из этих сборов является подпризматический одноплощадочный нуклеус (см. рис. 2, *6*). Площадка ядрища оформлена уплощающими снятиями со стороны фронта, широкий фронт несет негативы нескольких мелких пластинчатых сколов. Пластинка сохранилась в целом виде (ширина – 10,8 мм), имеет продольную параллельную огранку дорсала и трапециевидное сечение; профиль артефакта слегка изогнут в зоне дистала, остаточная ударная площадка несет следы подправки мелкими сколами от фронта (см. рис. 2, *3*).

Анализ материалов, полученных в результате подъемных сборов в 2022 г., позволяет предварительно рассматривать коллекцию как гомогенную. Оценка однородности археологического материала может быть пересмотрена после проведения исследования стратиграфии памятника и получения данных радиоуглеродного датирования. Для каменной индустрии мастерской им. Б.Х. Кадикова характерно сочетание нескольких стратегий первичной обработки. В основе первичного расщепления лежали технологии получения пластин и мелких пластинчатых сколов, включая миниатюрные микропластины, с продольных, реже бипродольных объемных нуклеусов. Значимое место в каменной индустрии занимает производство относительно крупных бифасов и мелких двустороннеобработанных наконечников с использованием приемов бифасиального утончения. Вещественный состав археологической коллекции позволяет рассматривать объект как стоянку-мастерскую вблизи выходов кремневого сырья.

Материалы мастерской им. Б.Х. Кадикова находят многочисленные аналогии в других археологических комплексах каменного века долины р. Катунь, преимущественно – индустриях первой половины голоцена. В этой части Алтайского региона их объединяет общая направленность расщепления камня на получение пластинчатых заготовок различной размерности с нуклеусов параллельного принципа скалывания, с использованием в т.ч. техники отжима. Серия крупных заготовок листовидных бифасов мастерской Б.Х. Кадикова находит соответствие в материалах недатированного подъемного комплекса местонахождения Усть-Каралька, расположенного примерно в 7 км к востоку [Кунгуров, Шульга, 1999]. Схожие мелкие двусторонне обработанные наконечники с выемкой или прямым основанием отмечались ранее в материалах раскопок многослойных поселенческих объектов эпохи мезолита – неолита Усть-Сема и Тыткескень-2 (седьмой горизонт) [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2008, рис. 23; Кунгуров, 2019, рис. 1.22]. Исходя из данных о геоморфологическом положении объекта

и имеющихся аналогий, предварительно комплекс мастерской им. Б.Х. Кадикова следует рассматривать как одно из проявлений культур мезолита – раннего неолита региона.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.

Кунгуров А.Л. Мезолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // История Алтая. Т. I / под общ. ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – С. 30–51.

Кунгуров А.Л., Шульга П.И. Находки каменного века в устье р. Каралька (Средняя Катунь) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1999. – С. 13–24.

References

Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu. Kul’turno-khronologicheskiye kompleksy poseleniya Tytkesken’-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2008. 335 p. (In Russ.).

Kungurov A.L. Mezolit (ranniy, razvityy, pozdniy, final’nyy). In Istoriya Altaya. Vol. I. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2019. P. 30–51. (In Russ.).

Kungurov A.L., Shul’ga P.I. Nakhodki kamennogo veka v ust’ye r. Karal’ka (Srednyaya Katun’). In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*, No 4, Gorno-Altaysk: GANIIIYAL Press, 1999. P. 13–24. (In Russ.).

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Плотников Д.Р. https://orcid.org/0000-0002-6855-7011
Левина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-6616-5754
Вишневский А.В. https://orcid.org/0000-0002-1576-3188

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0337-0344
УДК 902/904

А.В. Харевич✉, С.В. Маркин, А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Бифасиальные орудия из пещеры Окладникова: технико-типологический анализ

В статье представлены результаты технико-типологического анализа бифасиальных орудий из ключевого памятника сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая – пещеры Окладникова. Пещера Окладникова расположена в низкогорном Алтае, на левом берегу р. Сибирячиха. Наличие плоско-выпуклых бифасиальных орудий является одной из характерных черт каменной индустрии пещеры Окладникова и сибирячихинской фации в целом, что выделяет ее на фоне других комплексов региона. Двусторонне обработанные орудия составляют 4,5 % орудийного набора пещеры (0,4 % коллекции без учета отходов производства). Все бифасиальные изделия (16 экз.) были проанализированы с помощью атрибутивного и типологического анализов, полученные результаты были дополнены краткими данными анализа последовательности сколов. Также изученные предметы были сопоставлены с бифасиальными орудиями из Чагырской пещеры. Бифасиальные орудия пещеры Окладникова представляют собой плоско-выпуклые двусторонне обработанные изделия трапециевидной, листовидной, сегментовидной формы с одним или двумя лезвиями. На одном из продольных краев изделия зачастую присутствует обушок. Некоторые из обушковых форм по своей морфологии схожи с европейскими обушковыми ножами типа Кайльмессер. Основные характеристики бифасиальных орудий из пещеры Окладникова соответствуют плоско-выпуклой бифасиальной технологии, реконструированной в Чагырской пещере и в целом бифасиальным орудиям микокского технокомплекса. Но при этом выделяется несколько отличий. В частности, более миниатюрные размеры, более интенсивная обработка продольных краев, отличия в размерах и характере обушков. Морфологические и технологические различия могут объясняться количеством и размерами подходящего первичного сырья в окрестностях пещеры Окладникова, типом используемой заготовки и функциональной спецификой стоянки.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский индустриальный вариант, бифасиальная технология.*

A.V. Kharevich✉, S.V. Markin, A.P. Derevianko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Bifacial Tools from Okladnikov Cave: Technical and Typological Analysis

The article discusses data of the technical-typological analysis on bifacial tools from the Okladnikov Cave, the key site of the Altai Middle Paleolithic Sibiryachikha variant. The Okladnikov Cave is located in the low Altai Mountains, on the left bank of the Sibiryachikha River. The presence of planoconvex bifacial tools is a characteristic feature of the Okladnikov Cave lithic industry and the Sibiryachikha variant in general, which distinguishes it from other industries in the region. Bifacial tools comprise 4.5 % of the toolkit (0.4 % of the assemblage, excluding wastes). All bifacial tools (16 items) were analyzed using attribute and typological analyses and, the results obtained were supplemented by the chip pattern analysis brief data. The studied tools were also compared with bifacial tools from the Chagyrskaya Cave. The bifacial tools from the Okladnikov Cave are planoconvex, bifacially treated tools. The tools are trapezoidal, leaf- and segment-like with one or two blades. There is often a back on one of longitudinal edges. Some of the asymmetrical backed bifacial tools are morphologically similar to the European knives of the Keilmesser type. The main characteristics of bifacial tools from the Okladnikov Cave correspond to the planoconvex bifacial technology reconstructed in the Chagyrskaya Cave and to the

bifacial tools of the Micoqian technocomplex. However, several differences are also distinguished. In particular, the smaller size, more intensive processing of the longitudinal edges, differences in the size and character of their backs. Morphological and technological differences can be explained by the amount and size of the raw material near the Okladnikov Cave, the type of blanks used, and the site function.

Keywords: *Northwestern Altai, Middle Paleolithic, Sibiryachikha industrial variant, bifacial technology.*

Введение

В последнее время памятники сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая находятся в фокусе комплексных междисциплинарных исследований, посвященных реконструкции процессов жизнедеятельности поздних неандертальцев [Kolobova et al., 2019a; Колобова и др., 2019а; Деревянко и др., 2018]. В результате изучения археологических комплексов и палеогенетических исследований было доказано, что неандертальцы, связанные с сибирячихинским индустриальным вариантом, пришли на территорию Алтая из Европы ок. 60 тыс. лет назад, сохранив свою материальную культуру и стратегии охоты [Kolobova et al., 2019b]. Прямые аналогии сибирячихинской фации были найдены в микокском технокомплексе Восточной и Центральной Европы / памятниках Кайльмессер группы (Keilmessergruppen) [Kolobova et al., 2020].

Ключевые памятники сибирячихинского варианта среднего палеолита – пещеры Чагырская и Окладникова. Одной из характерных черт данных индустрий, которая выделяет их на фоне других среднепалеолитических комплексов региона, является наличие плоско-выпуклой бифасиальной технологии [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013; Рыбин, Колобова, 2004]. Отдельные аспекты сибирячихинской бифасиальной технологии уже неоднократно освещались в научных публикациях [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013; Kolobova et al., 2019a; Шалагина и др., 2019; Kolobova et al., 2020], однако большинство выводов было сделано на основе детального анализа бифасиальных орудий из Чагырской пещеры [Деревянко и др., 2018; Колобова и др., 2019б; Шалагина и др., 2020]. В данной статье приводятся результаты технико-типологического анализа бифасиальных орудий из второго ключевого объекта сибирячихинской фации – пещеры Окладникова.

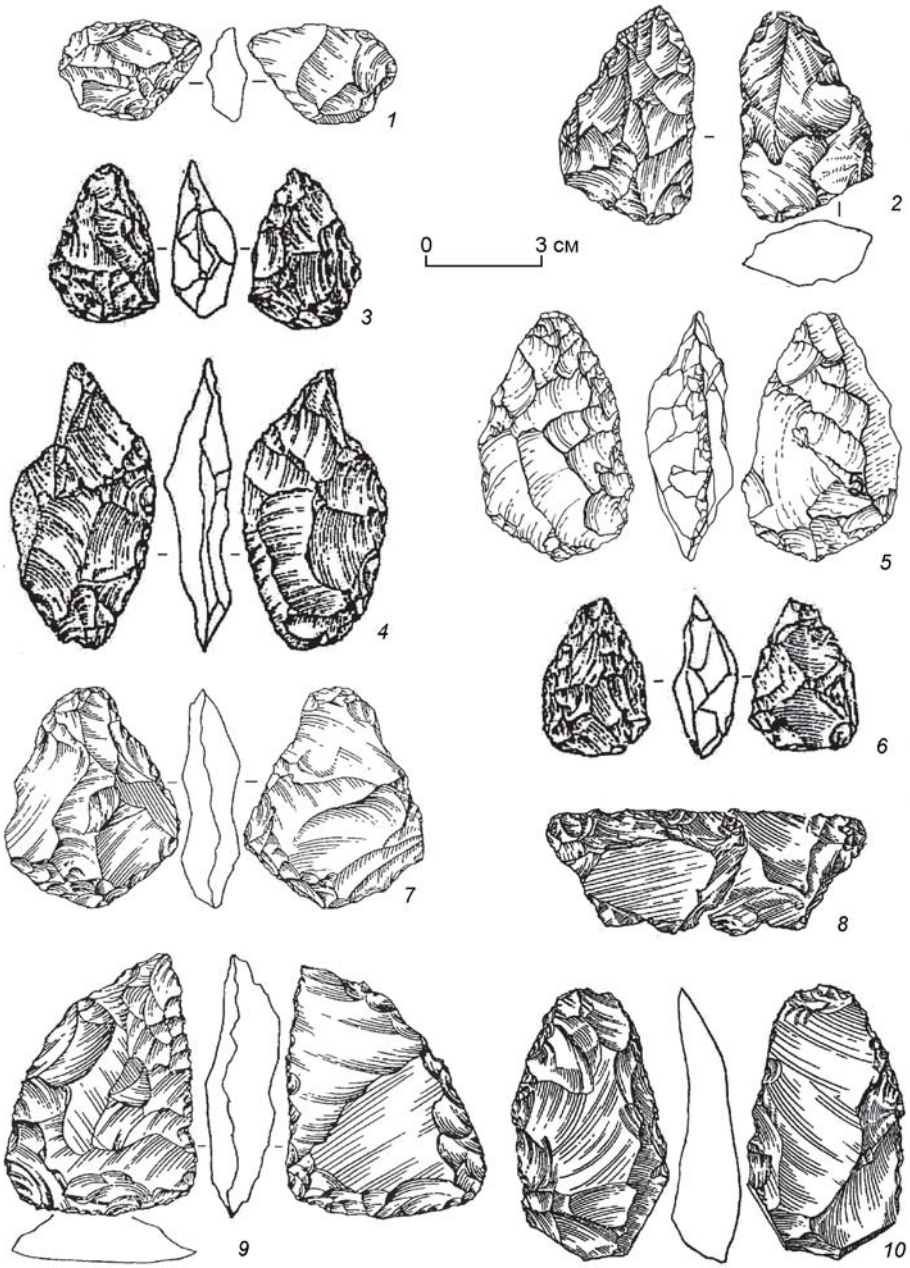
Материалы и методы

Пещера Окладникова расположена в низкогорном Алтае, в долине р. Ануй, на левом берегу р. Сибирячиха. Пещера имеет южную экспозицию и объединяет навес, грот, пять различных по протяженности галерей, а также три зала. Всего в пещере было выделено 9 литологических подразделений, среднепалеолитический археологический материал происходит из слоев 1–3, 6–7 [Деревянко, Маркин, 1992]. В культурных слоях памятника были обнаружены антропологические фрагменты, принадлежащие представителям неандертальского подвида древнего человека [Krause et al., 2007; Prüfer et al., 2014].

Среднепалеолитические комплексы пещеры Окладникова демонстрируют единые технико-типологические признаки, также как и комплексы Чагырской пещеры они характеризуются развитым радиальным расщеплением и многочисленными орудийными наборами, в которых доминируют конвергентные скребла различных модификаций, ретушированные остроконечники. Яркой чертой орудийного набора является наличие асимметричных бифасиальных орудий [Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. Исходя из опубликованных на сегодняшний день данных, хронологический интервал накопления культурных слоев пещеры укладывается в интервал 44–24 тыс. л.н., что соответствует MIS 3 [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013; Krause et al., 2007]. Однако в силу условий залегания материала, датируемого 38–24 тыс. л.н., верхняя граница заселения пещеры может быть слишком омоложена, и применение современной системы очистки образцов может показать более ранний возраст антропологических остатков [Skov et al., 2022, in press].

В соответствии с опубликованными материалами, доля бифасиальных орудий в индустрии пещеры Окладникова составляют 4,5 % орудийного набора или 0,4 % коллекции без учета отходов производства. Доля нуклевидных изделий составляет 0,7 % без учета отходов производства [Деревянко, Маркин, 1992]. Общее количество бифасиальных орудий насчитывает 15 экз., по слоям они распределены следующим образом: слой 7 – 1 экз., слой 3 – 5 экз., слой 2 – 6 экз., слой 1 – 3 экз. (см. *рисунок*).

Все бифасиальные изделия были проанализированы с помощью атрибутивного анализа с использованием признаков, учитывающих характеристики основных морфологических элементов сибирячихинских бифасиальных орудий. В рамках типологического анализа использовалась классификация, разработанная при изучении бифасиальной технологии Чагырской пещеры. Данная типология объединяет в себе принципы классификации бифасиальных орудий в микокских индустри-



Бифасиальные орудия из пещеры Окладникова.
1, 2, *5*, *9* – слой 2; *3, 4*, *6* – слой 3; *7* – слой 7; *8*, *10* – слой 1.

ях Центральной и Восточной Европы [Гладилин, 1976; Колосов, 1983; Чабай, 2015; Kulakovskaya, Kozlowski, Sobczyk, 1993; Jöris, 2006], а также наблюдения, сделанные при изучении бифасиальной технологии сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. В ее основе лежат следующие морфологические характеристики бифасиальных изделий: наличие обушка, количество лезвий и их взаимное расположение, форма орудий. Также в классификации учтено сходство с обушковыми ножами типа *Кайльмессер*, поскольку эта категория является культуромаркирующей, отражает определенную традицию изготовления и указывает на прямую связь с микокским технокомплексом. Среди обушковых двусторонних изделий, схожих по морфологии с *Кайльмессер*, в коллекциях сибирячихинского варианта были выделены типы *Кляузянише* и *Бохштайн* (см. *таблицу*). Также в статье приводятся краткие результаты анализа последовательности сколов бифасиальных орудий [Шалагина, Колобова, Кривошапкин, 2019].

Результаты

Технико-типологический анализ показал, что тип заготовки для бифасиальных орудий из пещеры

Типологическая структура бифасиальных орудий из пещеры Окладникова

Тип	Орудия без обушка		Орудия с обушком				Всего	
			Не относящиеся к группе Кайльмессер		Обушковые ножи Кайльмессер			
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Простые*:	2	15	–	–	1	8	3	23
однолезвийные	2	–	–	–	1	8	3	23
двулезвийные	–	–	–	–	–	–	–	–
Конвергентные**:	1	8	4	31	5	38	10	77
с лезвием до ½ периметра:	–	–	–	–	2	15	2	15
полутрапециевидные	–	–	–	–	1	8	1	8
полулистовидные	–	–	–	–	1	8	1	8
полусегментовидные	–	–	–	–	–	–	–	–
с лезвием до ¾ периметра:	–	–	–	–	3	23	3	23
подтрапециевидные	–	–	–	–	2	15	2	15
подлистовидные	–	–	–	–	1	8	1	8
подсегментовидные	–	–	–	–	–	–	–	–
подтреугольные	–	–	–	–	–	–	–	–
с лезвием по периметру:	1	8	4	31	0	0	5	39
листовидные	1	8	1	8	–	–	2	15
сегментовидные	–	–	1	8	–	–	1	8
треугольные	–	–	1	8	–	–	1	8
овальные	–	–	1	8	–	–	1	8
Итого	3	23	4	31	6	46	13	100

*В случае обушковых ножей группы Кайльмессер – тип Бохштайн.
**В случае обушковых ножей группы Кайльмессер – тип Кляузянише.

Окладникова в большинстве случаев неопределим, поскольку изделия подвергались интенсивной обработке. Треть орудий была выполнена на сколах, одно орудие сделано на плитке. Естественная корка фиксируется только на трех изделиях (10–30 %). Для изготовления бифасиальных орудий в пещере Окладникова использовались породы высокого качества из местного руслового аллювия, в частности большинство орудий выполнено из засурьинских яшмоидов.

По метрическим параметрам бифасиальные орудия пещеры Окладникова достаточно миниатюрные. В большинстве случаев их длина варьирует от 40 до 80 мм, а ширина от 25 до 55 мм. В коллекции выделяется только одно изделие, длина которого достигает 100 мм.

Все бифасиальные изделия выполнены в рамках плоско-выпуклого метода оформления. Среди целых орудий по форме преобладают листовидные изделия (38 %), трапециевидные (23 %) и сегментовидные (15 %), в единичных экземплярах присутствуют треугольное, овальное и изделие нерегулярной формы.

Меньше трети целых изделий в коллекции составляют бифасиальные орудия с одним ретушированным лезвием (23 %), больше изделий с двумя лезвиями – 38 %. Обращает на себя внимание высокая доля изделий с ретушью по всему периметру – 38 %. Режущие лезвия оформлены чешуйчатой ступенчатой разнофасеточной ретушью. Почти всегда ретушь, как и сколы фасоннажа, наносилась в плоско-выпуклой манере. По контуру режущего края фиксируются как прямые, так и s-образные в профиль лезвия. Все изделия с двумя и более лезвиями образуют остроконечное дистальное окончание. В некоторых случаях это окончание закруглено дополнительными снятиями.

На большей части бифасиальных изделий (77 %) фиксируется обушок. При этом только один обушок несет следы галечной корки. В остальных случаях в качестве обушка выступал слом, остаточная ударная площадка скола-заготовки, остатки площадки, созданной для уплощения изделия на стадии фасоннажа, а также в двух случаях обушок был оформлен специально притупляющими снятиями на финальных этапах оформления орудия. Наряду с этим обушки бифасиальных орудий миниатюрные и непротяженные, как правило, они занимают 0,2–0,4 длины изделия. Также нужно отметить, что в 80 % случаев обушок фиксируется у изделий с двумя и более лезвиями.

Дополнительная дистальная или базальная подработка фиксируется на 67 % орудий. Чаще всего

встречается базальная обработка (47 %), либо самостоятельно (27 %), либо в сочетании с дистальным утончением (20 %).

В соответствии с используемой классификацией бифасиальные изделия пещеры Окладникова делятся на четыре основных группы. Наиболее многочисленную типологическую группу составили конвергентные изделия с ретушью по всему периметру (группа 4) – 39 %. Среди них присутствуют конвергентные орудия без обушка (8 %) и конвергентные орудия с обушком, не относящиеся к *Кайльмессер* (31 %). В соответствии с формой выделяются листовидные, трапециевидные, треугольные и овальные бифасиальные изделия (см. *таблицу*).

К группе 3, изделия с ретушированным лезвием до ¾ периметра, было отнесено 23 % коллекции. Все они относятся к обушковым конвергентным изделиям типа *Кляузянише*. В соответствии с формой среди них присутствуют подтрапециевидные (15 %) и подлистовидные (8 %) изделия (см. *таблицу*).

Группа 2 – конвергентные бифасиальные орудия с двумя лезвиями протяженностью до ½ периметра – составляет в коллекции 15 %. Они относятся к обушковым конвергентным орудиям типа *Кайльмессер* полутрапециевидной и полулистовидной формы.

К первой группе простых бифасиальных орудий относится 23 % коллекции: два простых однолезвийных орудия без обушка и однолезвийное изделие с обушком типа *Бохштайн*.

Анализ последовательности сколов бифасиальных орудий из пещеры Окладникова показал, что в данной индустрии использовался плоско-выпуклый метод оформления бифасиальных орудий, в рамках которого реализовывались «длинная» и «короткая» технологические цепочки, характерные для бифасиального производства Чагырской пещеры [Шалагина и др., 2020; Kolobova et al., 2020]. Подобные технологические цепочки были выделены и описаны на материалах восточно-европейских комплексов, и в частности крымского микока, где их применение обусловлено рядом факторов, связанных, в первую очередь, с характеристиками первичных заготовок и продолжительностью утилизации орудия [Демиденко, 2003; Чабай, 2004; 2015].

Несмотря на то, что во многих случаях в качестве заготовки использовался скол, на большинстве изделий фиксируется интенсивная обработка обоих фасов в рамках «длинной» цепочки оформления. При этом вентральная поверхность скола обрабатывалась так же интенсивно, как и дорсальная. Во многих случаях одним из этапов «длинной» цепочки оформления являлось уплощение со специальной площадки, которая впоследствии служила обушком. Такие площадки создавались специально, либо для этого использовались остаточные ударные площадки заготовок или поверхность слома [Шалагина и др., 2020].

Дискуссия

В целом, бифасиальная технология пещеры Окладникова соответствует бифасиальной технологии из комплексов Чагырской пещеры, но наряду с этим выделяется несколько отличий. Распределение бифасиальных орудий пещеры Окладникова по группам демонстрирует полностью обратную зависимость по сравнению с Чагырской пещерой. В отличие от Чагырской пещеры, где почти 77 % коллекции составляют простые бифасиальные изделия с 1–2 лезвиями и конвергентные изделия с ретушью до ½ периметра (группы 1 и 2), в пещере Окладникова 62 % коллекции составляют изделия групп 3 и 4 с ретушью на ¾ периметра или обработанные по всему периметру. По численности эти две коллекции очень сильно отличаются, но даже на фоне малочисленности коллекции пещеры Окладникова видно, что интенсивно обработанные изделия с ретушью по всему периметру играют в этой индустрии значительную роль.

Наряду с этим в пещере Окладникова фиксируется большая доля изделий с обушком – 77 %, по сравнению с 50 % в Чагырской пещере. Но размеры обушков в коллекции пещеры Окладникова значительно меньше, они занимают 0,2–0,4 длины изделия, в то время как в Чагырской пещере они приходятся на 0,5–0,9 длины изделия. Помимо размеров фиксируются некоторые отличия в морфологии. В пещере Окладникова галечная корка фиксируется только на одном фрагментированном изделии с обушком, во всех остальных случаях – это остаточная ударная площадка, слом или специально оформленный притупляющими снятиями участок.

Отличия в характере обушков могут объясняться, в том числе, различиями в используемых заготовках. Технологический анализ коллекции бифасиальных орудий Чагырской пещеры и проведенные эксперименты показали, что важную роль в бифасиальном производстве стоянки играла последовательность оформления орудий из фрагментированной на наковальне гальки. Во многом такая последовательность оформления обеспечивала наличие массивного естественного обушка и минимизировала процесс оформления. Свидетельств использования данной последовательности в индустрии пещеры Окладникова обнаружено не было. В тех случаях, когда удалось установить заготовку, ею служили сколы и плитка. Также можно предположить, что в качестве заготовок использовались

сработанные нуклеусы или гальки, которые подвергались интенсивной обработке, в связи с чем на них отсутствует галечная поверхность.

Также отдельно нужно отметить, что в коллекции пещеры Окладникова в рамках основной типологии были выделены изделия, морфологически соответствующие европейским обушковым ножам типа *Кайльмессер*. Их доля составляет 46 % коллекции, что также превышает долю подобных орудий в Чагырской пещере (28 %). В большей степени они представлены орудиями типа *Кляузянише*. Тип *Бохштайн* представлен одним бифасиальным орудием.

Заключение

Технология изготовления бифасиальных орудий в пещере Окладникова соответствует плоско-выпуклой бифасиальной технологии, реконструированной в Чагырской пещере и в целом бифасиальным орудиям микокского технокомплекса. Некоторые морфологические и технологические различия могут объясняться количеством и размерами подходящего первичного сырья в окрестностях пещеры Окладникова, типом используемой заготовки и функциональной спецификой стоянки.

Меньшие размеры бифасиальных орудий пещеры Окладникова и большая степень их обработки по сравнению с такими же орудиями из Чагырской пещеры может свидетельствовать о меньшей доступности подходящего каменного сырья и его дефиците. Такая вариабельность в целом соответствует материалам крымского микока, где степень сработанности орудий определялась расстоянием до источников каменного сырья [Чабай, 2004]. В случае с комплексом пещеры Окладникова по меньшей мере часть засурьинских яшмоидов была локальной [Кулик, Маркин, 2003], но количество пригодных для расщепления галек меньше, чем в окрестностях Чагырской пещеры, что и обусловило большую степень сработанности, отразившуюся на метрических параметрах законченных орудий.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00376.

Список литературы

Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наукова Думка, 1976. – 229 с.

Демиденко Ю.Э. Сколы обработки орудий как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариабельности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. – 2003. – № 13. – С. 128–157.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З., Бо Ли. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Колобова К.А., Маркин С.В., Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Основные принципы отбора каменного сырья при производстве орудий в индустрии Чагырской пещеры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019а. – Т. 18. – № 3. – С. 53–61.

Колобова К.А., Шалагина А.В., Маркин С.В., Кривошапкин А.И. Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам Чагырской пещеры) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019б. – Т. 18, № 7. – С. 53–61.

Колосов Ю.Г. Мустьерские стоянки района Белогорска (к вопросу о периодизации раннего палеолита Крыма). – Киев: Наукова думка, 1983. – 208 с.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрография индустрии пещеры Окладникова (Северо–Западный Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9 – С.148–153.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

Чабай В.П. Морфологические особенности двусторонних орудий крымского микока // Методы изучения каменных артефактов. Мат-лы междунар. конф. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 138–143.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 323 с.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. – 2019. – № 1. – С. 145–154.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Экспериментальное моделирование бифасиального расщепления в сибирячихинском варианте среднего палеолита Алтая // Теория и практи-

ка археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 97–108.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 130–151.

Jöris O. Bifacially Backed Knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic // Axe Age: Acheulian Tool–Making from Quarry to Discard. Eds. N. Goren–Inbar, G. Sharon. – London, 2006. – P. 287–310.

Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoshapkin A. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // Anthropologie. – 2019a. – Vol. 123. – P. 276–288.

Kolobova K., Roberts R., Chabai V., Jacobs Z., Krajcarz M., Shalagina A., Krivoshapkin A., Li B., Uthmeier T., Markin S., Morley M., O'Gorman K., Rudaya N., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological Evidence for Two Separate Dispersals of Neanderthals into Southern Siberia // PNAS. – 2020. – Vol. 117 (6). – P. 2879–2885.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.K., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartär. – 2019b. – Vol. 66. – P. 7–31.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449 (7164). – P. 902–904.

Kulakovskaya L., Kozlowski J.K., Sobczyk K. Les couteaux micoquiens du Wurm ancien // Prehistoire Europeenee. – 1993. – Vol. 4. – P. 9–32.

Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meye, M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J. O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. – 2014. – Vol. 505 (7481). – P. 43–49.

Skov L., Peyrégne S., Popli D., Iasi L.N.M, Devièse Th., Slon V., Zavala E.I., Hajdinjak M., Sümer A.P., Grote S., Mesa A.B., López D.H., Nickel B., Nagel S., Richter J., Essel E., Gansauge M., Schmidt A., Korlevic P., Comeskey D., Derevianko A.P., Kharevich A., Markin S.V., Talamo S., Douka K., Krajcarz M.T., Roberts R.G., Higham Th.,Viola B., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kelso J., Meyer M., Pääbo S., Peter B.M. Genetic insights into the social organization of Neanderthals – 2022. (In press).

References

Chabai V.P. Srednii paleolit Kryma. Simferopol, 2004. 323 p. (In Russ.).

Chabai V.P. Morfologicheskie osobennosti dvustoronnikh orudii krymskogo mikoka. In *Metody izucheniya kamennykh artefaktov,* Saint Petersburg: IIMK RAS, 2015. P. 138–143. (In Russ.).

Demidenko Yu.E. Skoly obrabotki orudii, kak indicator osobennostei i intensivnosti processov kremneobrabotki i giznedeyatelnosti kollektivov neandertalcev na stoyankah srednego paleolita v kontekste variabelnosti industrii krymskoi mikokskoi tradicii. *Arheologichesky almanakh,* 2003. N 13. P.128–157. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V. Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2013. N 1. P. 89–103. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vasiliev S.K., Roberts R.G., Bo L., Jacobs Z. Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai. Novosibirsk, 2018. 468 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Markin S.V. Mustie Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikova). Novosibirsk: Nauka, 1992. 224 p. (In Russ.).

Gladilin V.N. Problemy rannego paleolita Vostochnoi Evropy. Kiev: Naukova Dumka, 1976. 229 p. (In Russ.).

Jöris O. Bifacially Backed Knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic. In *Axe Age: Acheulian Tool–Making from Quarry to Discard,* London, 2006. P. 287–310.

Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoshapkin A. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic. *Anthropologie,* 2019a. Vol. 123. P. 276–288.

Kolobova K., Roberts R., Chabai V., Jacobs Z., Krajcarz M., Shalagina A., Krivoshapkin A., Li B., Uthmeier T., Markin S., Morley M., O'Gorman K., Rudaya N., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological Evidence for Two Separate Dispersals of Neanderthals into Southern Siberia. *Proceedings of the National Academy of Sciences,* 2020. Vol. 117 (6). P. 2879–2885.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.K., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai). *Quartär,* 2019b. Vol. 66. P. 7–31.

Kolobova K.A., Markin S.V., Shalagina A.V., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. Basic principles of selecting stone raw materials in tool production in the industry of Chagyrskaya peshchera. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2019a. Vol. 18. N 3. P. 53–61. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Identification of bifacial components in Middle Paleolithic techno-complexes (based on the Chagyrskaya cave assemblages). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2019b. Vol. 18. N 7. P. 53–61. (In Russ.).

Kolosov Yu.G. Must'erskie stoyanki raiona Belogorska (k voprosu o periodizatsii rannego paleolita Kryma). Kiev: Naukova dumka, 1983. 208 p. (In Russ.).

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia. *Nature,* 2007. Vol. 449 (7164). P. 902–904.

Kulakovskaya L., Kozlowski J.K., Sobczyk K. Les couteaux micoquiens du Wurm ancien. *Prehistoire Europeenee,* 1993. Vol. 4. P. 9–32.

Kulik N.A., Markin S.V. Petrografiya industrii peshchery Okladnikova (Severo–Zapadnyi Gornyi Altai). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. 9. P.148–153. (In Russ.).

Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meye M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains. *Nature,* 2014. Vol. 505 (7481). P. 43–49.

Rybin E.P. Kolobova K.A. Structure of stone industries and functional features of paleolithic sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2004. Vol. 20. N 4. P. 20–34. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Experimental modelling of bifacial clipping in the Siberiachikha variant of the Middle Paleolithic in Altai. *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2019. N 4 (28). P. 97–108. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Mori S., Bomann M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Reconstruction of the bifacial technological sequence in Chagyrskaya cave assemblage. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2020. N 3. P. 130–151. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Scar pattern analysis as a method for the reconstruction of lithic artifacts production sequence. *Stratum plus*, 2019. N 1. P. 145–154. (In Russ.).

Skov L., Peyrégne S., Popli D., Iasi L.N.M, Devièse Th., Slon V., Zavala E.I., Hajdinjak M., Sümer A.P., Grote S., Mesa A.B., López D.H., Nickel B., Nagel S., Richter J., Essel E., Gansauge M., Schmidt A., Korlevic P., Comeskey D., Derevianko A.P., Kharevich A., Markin S.V., Talamo S., Douka K., Krajcarz M.T., Roberts R.G., Higham Th.,Viola B., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kelso J., Meyer M., Pääbo S., Peter B.M. Genetic insights into the social organization of Neanderthals. 2022. (In press).

Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Маркин С.В. https://orcid.org/0000-0002-4528-8613
Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0345-0350
УДК 902/904

А.В. Харевич, А.Г. Рыбалко✉, К.А. Колобова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Развитие форм и технологий изготовления ручных рубил в позднем ашеле на территории Юго-Восточного Дагестана

В статье рассматривается развитие форм рубил в позднеашельских индустриях Юго-Восточного Дагестана. Сводная коллекция каменных изделий состоит из орудий, полученных в результате раскопок последних десяти лет. Группа памятников, из которых происходит рассматриваемый материал, компактно расположена на границе равнины и предгорий на территории Дарвагчайского геоархеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). На основании технико-типологических характеристик орудий, абсолютной и относительной хронологии определены два культурно-хронологических комплекса, которые соответствуют определенным подразделениям местной стратиграфической схемы плейстоцена. Возраст раннего комплекса II определяется в пределах МИС 11–10 (380–330 тыс. л.н.). Поздний культурно-хронологический комплекс I датируются МИС 7 (250–220 тыс. л.н.). Помимо традиционных методов, для изучения морфологии ручных рубил был применен геометрико-морфометрический метод, а для реконструкции технологии оформления использован анализ последовательности сколов. Проведенный всесторонний анализ ручных рубил из двух позднеашельских комплексов Дарвагчайского р-на позволил зафиксировать несомненную преемственность в технологии их изготовления. Представленные индустрии, несомненно, имеют ряд общих черт. Прежде всего, это незначительное количество ручных рубил, а также обилие и разнообразие орудийных форм на отщепах. Состав каменного инвентаря стоянок отражал особенности хозяйственной деятельности, которая была обусловлена географическим положением и характером природных ресурсов данной территории. Помимо этого, они сходны по подавляющему количественному превосходству неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой. Все морфологические и технологические тенденции, которые проявляются в позднем комплексе, берут свое начало в комплексе II. Ручные рубила из позднеашельских индустрий Дарвагчайского р-на демонстрируют высокий уровень морфологической однородности. При этом орудия комплекса I демонстрируют более унифицированную форму, вместе с этим они подвергались более интенсивной и тщательной обработке по сравнению с орудиями из раннего комплекса.

Ключевые слова: *Дагестан, ашель, каменные изделия, ручные рубила, сколы, ретушь, двухсторонняя обработка.*

A.V. Kharevich, A.G. Rybalko✉, K.A. Kolobova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Development of Shapes and Production Technology for Hand Axes from the Late Acheulean in Southeastern Dagestan

The article discusses the development of shapes of hand axes in the late Acheulean industries of Southeastern Dagestan. The total collection of stone products consists of tools obtained from excavations conducted during the last ten years. The group of sites where the tools were obtained are located in the Darvagchay geoarchaeological region (middle reach of the Darvagchay River). Based on technical and typological characteristics of the tools, absolute and relative chronology, two cultural and chronological complexes have been identified. The age of the early complex II is determined within MIS 11–10 (380–330 ka). The late cultural-chronological complex I is dated to MIS 7 (250–220 ka). In addition to traditional methods, a geometric-morphometric method was used to study the morphology of hand axes, and the scar pattern analysis was used to reconstruct the design technology. The analysis of hand axes from two late Acheulean complexes of the Darvagchay region made it possible to record the technology continuity. The represented industries have a number of common features. This is

a small number of hand axes, as well as an abundance and variety of tools on flakes. The composition of the lithic inventory of the sites reflected the features of economic activity, which was determined by the geographical location and specifics of the natural resources in the area. Moreover, they are similar in overwhelming quantitative superiority of non-classic forms of bifacial tools with partial bilateral processing. All morphological and technological tendencies appearing in the late assemblage originate in complex II. Hand axes from the Late Acheulean industries of the Darvagchay region demonstrate a high level of morphological uniformity. At the same time, the tools from complex I demonstrate a more unified form; however, they were subjected to more intensive and thorough processing compared to tools from the early complex.

Keywords: *Dagestan, Acheulean, stone tools, hand axes, chips, retouch, bilateral processing.*

Около 1,7 млн л.н. в Африке появились каменные индустрии, в которых произошли значительные изменения в технологии обработки камня и формы орудий. Принципиальным их отличием от более древних олдованских индустрий является массовое появление группы специализированных макроорудий – ручных рубил, кливеров, пиков и др., а также более разнообразного набора мелких орудий (скребла, скребки, острия и т.п.). Данные индустрии, по месту их первого обнаружения в Сент-Ашеле (предместье города Амьена во Франции) были названных ашельскими.

Главным индикатором этих индустрий на протяжении всего существования являются ручные рубила или бифасы – крупные удлиненные орудия, изготовленные из отдельностей породы или сколов-заготовок путем полной или частичной двусторонней оббивки заготовки таким образом, что ее края на большей части периметра превращаются в лезвия, а дистальный конец в той или иной мере заостряется. Общая форма рубил в плане варьирует от овальной до подтреугольной, а поперечное сечение является, как правило, линзовидным. Термины ручное рубило (handaxe) или бифас (biface) часто рассматриваются как синонимы, в то же время очевидно, что каждый из них несет разную смысловую нагрузку, направленную на функциональное назначение или на технические признаки, связанные с характером обработки, тем не менее и тот и другой широко используются в археологической литературе. Термин бифас получил большое распространение благодаря широко известной методике классификации этих изделий одного из авторитетных представителей французской палеолитической школы Ф. Борда [Bordes, 1961]. Хотя этот термин, несомненно, охватывает намного более широкий круг изделий и помимо рубил, включает большое количество разнообразных двусторонне обработанных орудий. С другой стороны, крупные орудия с конвергентными рабочими краями и заостренным концом, иногда производились с минимальной и даже не всегда двусторонней обработкой (многообразные частичные рубила, унифасы). Именно такие изделия преобладают в ашельских индустриях Кавказа [Любин, Беляева, 2004] и в исследуемых комплексах Дагестана, в частности [Рыбалко, 2020].

В настоящее время на территории Дагестана известно ок. 10 ашельских местонахождений, однако четко стратифицированные комплексы с научно достоверными и многочисленными коллекциями артефактов единичны. В данной статье рассматривается развитие основных типов рубил в позднеашельских индустриях Дарвагчайского геоархеологического района. Здесь компактно расположена небольшая группа памятников, коллекции которых включают подобные типы орудий. Она состоит из двух стратифицированных многослойных стоянок, материалы которых положены в основу данных исследований: Дарвагчай-Залив-1 (комплекс IV, слои 2 и 3) и Дарвагчай-Залив-4 (слои 3 и 5), а также двух местонахождений с поверхностным залеганием артефактов Дарвагчай-Залив-2 и Дарвагчай-Карьер. Точные хронологические рамки культуросодержащих горизонтов установлены по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и серии OSL-дат [Рыбалко, Кандыба, 2019]. На основании технико-типологических характеристик археологических коллекций, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса.

Наиболее ранние свидетельства появления ручных рубил на рассматриваемой территории (комплекс II 380–330 тыс. л. н. (МИС 11–10)) обнаружены на памятниках Дарвагчай-Залив-1 (комплекс IV, слой 3), Дарвагчай-Залив-4 (слой 5) и Дарвагчай-Залив-2. Все названные пункты имеют в той или иной степени схожий геохронологический контекст, артефакты залегали в горизонтах, представленных галечниками и песками, имеющими прибрежно-морской генезис [Рыбалко, 2014]. В этом комплексе выделяются четыре небольшие группы, всего 12 экз.: частичные рубила подтреугольной формы (4), рубило с поперечным лезвием (1), частичные минирубила (рубильца) (5) и рубила односторонние (унифасы) (2). В целом комплекс II выглядит довольно архаично. Все ручные рубила представлены исключительно частичными бифасами и унифасами. Морфологические черты рассматриваемых орудий позволяют разделить их на несколько групп. Рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (наиболее многочисленные) (рис. 1, *2*; 2, *2*)

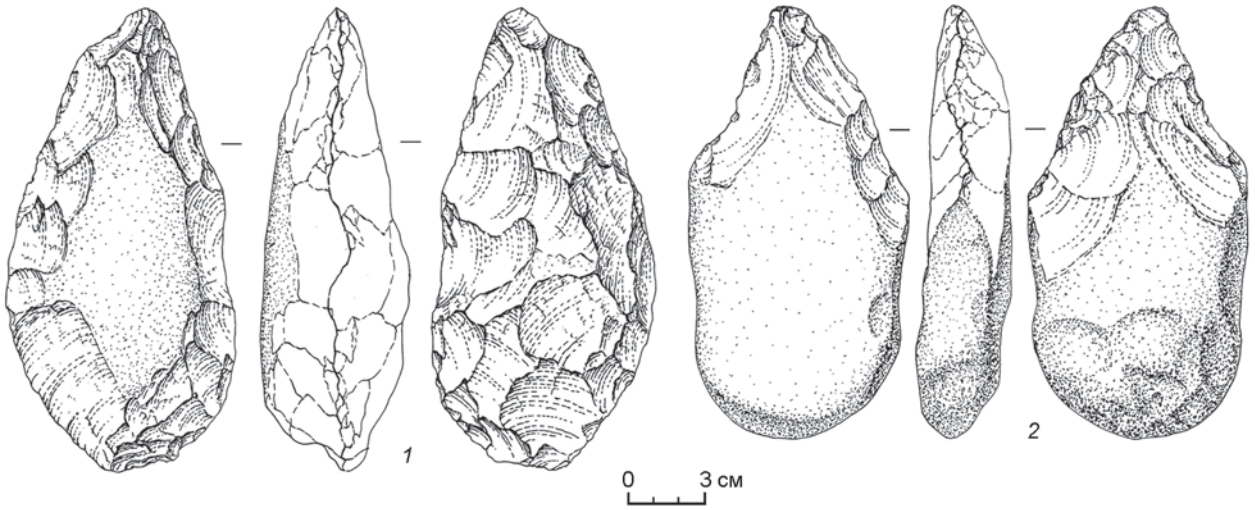


Рис. 1. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-1.
1, 2 – ручные рубила.

и рубила подпрямоугольных очертаний с прямым поперечным лезвием (единичные).

Рубила дополняются унифасами, которые по форме очень близки, но отличаются по технике изготовления (рис. 2, *3, 4*). Так как унифасы представлены единичными экземплярами и функционально образуют с ручными рубилами единую группу, представляется нецелесообразным выделять эти изделия в отдельный класс макроорудий. Тем не менее, данные изделия являются характерной отличительной чертой комплекса.

Культурно-хронологический комплекс I включает орудия, обнаруженные на местонахождениях в аналогичных стратиграфических условиях. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы [Рыбалко, 2014]. Хронологические рамки комплекса I, включающего стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс IV, слой 2), Дарвагчай-Залив-4 (слой 3) и местонахождение Дарвагчай-Карьер, определены в интервале 250–220 тыс. л.н. (МИС 7).

В этом комплексе четко выделяются три основные группы и несколько единичных изделий, всего 17: классические рубила (4), частичные рубила (3), частичные минирубила (рубильца) (6), рубила

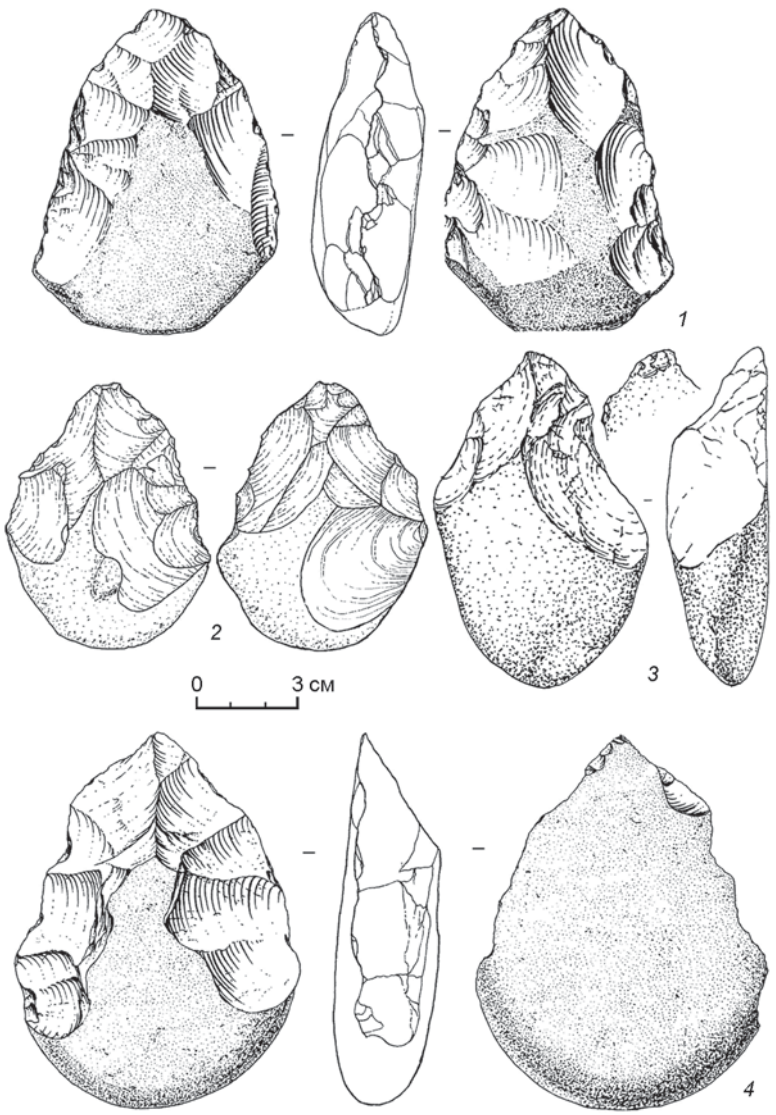


Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4.
1, 2 – частичные бифасы; *3, 4* – унифасы.

с обушком (2), рубила односторонние (унифасы) (2). Культурно-хронологический комплекс I выглядит более развитым и разнообразным как по технике оформления, так и форме орудий. Процесс совершенствования главных ашельских макроорудий (ручных рубил) особенно ярко проявился здесь с появлением «классических» ашельских бифасов. Немногочисленная, но выразительная группа состоит из миндалевидных (рис. 1, *1*), сердцевидных и удлиненно-копьевидных форм. Все эти орудия отличаются большими размерами, относятся к массивным бифасам, что объясняется, прежде всего, использованием галек. Базальные части представлены толстыми, закругленными основаниями. Они имеют двояковыпуклое поперечное сечение, хорошо выровненные прямые или слабоизвилистые продольные лезвия и приостренные или слабозакругленные дистальные концы. Поверхности рубил обработаны большим количеством достаточно крупных снятий, ретушная подправка более или менее волнистых лезвий, как правило, хорошо выражена. Это самые крупные и тщательно оформленные изделия в коллекции. В то же время основное количество рубил, как и в комплексе II, по-прежнему представлено частичными бифасами (рис. 2, *1*), унифасами и невыразительными мелкими рубильцами. Они имеют иные размеры, очертания и отделку. Некоторые общие черты этой небольшой серии обусловлены также, по всей видимости, особенностями местного сырья, которое представлено в основном разноразмерными, преимущественно массивными гальками подходящих очертаний из кремня и окремненного известняка, которые подвергались частичной бифасиальной оббивке средними и мелкими плоскими снятиями. Значительные участки галечной корки при этом сохранялись на пятках и сторонах орудий. Однако в целом все рассматриваемые рубила имеют позднеашельский облик.

Чтобы судить о степени сходства или различия каменных индустрий, следует выявлять специфические для них типы орудий, морфологические и технологические особенности. Технология производства ручных рубил, являющихся главным маркером ашельских индустрий, была основана здесь на обработке подходящих по размеру и форме морских и речных галек, при этом более уплощенные образцы использовались для изготовления унифасов, а другие, более массивные – для изготовления бифасов. Все орудия без исключения изготовлены из местного кремня, кремнистого известняка и песчаника; данные породы являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов и хорошо представлены в многочисленных обнажениях в близи стоянок. Фактор сырья играл очень важную роль. При всей вариабельности его можно разделить на два основных типа, обладающих разными физическими свойствами (прочность, пластичность, трещиноватость). Все крупные, тщательно оформленные рубила изготовлены исключительно из окремненного известняка и песчаника. Из кремня (сырье мелкоразмерное, трещиноватое) выполнены невыразительные, небольших размеров, плохо оформленные орудия (рубильца). Таким образом, размеры, приемы и интенсивность обработки данных изделий демонстрируют прямую зависимость от типа сырья.

Данные комплексы, несомненно, имеют ряд общих черт. Прежде всего, это незначительное количество ручных рубил, а также обилие и разнообразие орудийных форм на отщепах. Состав каменного инвентаря стоянок, по всей видимости, отражал особенности хозяйственной деятельности, которая, в свою очередь, могла быть обусловлена географическим положением и характером природных ресурсов этой территории. Помимо этого, они сходны по подавляющему количественному превосходству неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой. Принципиальное значение для сравнения этих индустрий также имеет тот факт, что они принадлежат к одной технологической традиции. В большинстве случаев заготовками для рубил были массивные и плоские гальки; в обоих комплексах полностью отсутствуют рубила, изготовленные на крупных отщепах. Технология производства крупных отщепов была известна в исследуемых индустриях, но они не использовались как основа для рубил, а применялись как готовые орудия с минимальной подработкой или без таковой.

В рамках исследований ашельских орудий представленных комплексов, помимо традиционных методов, для изучения морфологии ручных рубил был применен геометрико-морфометрический метод, а для реконструкции технологии оформления использован анализ последовательности сколов.

Идея геометрико-морфометрического анализа заключается в изучении формы предмета посредством многомерного анализа координат меток, фиксируемых на заданном расстоянии на его поверхности. Анализ последовательности сколов основан на детальном изучении всех негативов, фиксируемых на поверхности каменного артефакта, с целью восстановления процесса его оформления. В результате анализа для каждого изделия составляется блок-схема, которая представляет собой реконструкцию последовательной цепочки отдельных этапов оформления орудия.

Геометрико-морфометрический анализ контура орудий показал высокий уровень морфологической однородности выборки. Орудия из Дарвагчайских

комплексов демонстрируют единые морфологические тренды. Одной из задач применения метода было сопоставление морфологии унифасов и двустороннее обработанных изделий. Геометрико-морфометрический анализ показал, что морфология односторонних орудий полностью укладывается в вариабельность двусторонне обработанных рубил. То есть при изготовлении односторонних орудий мастера стремились к созданию такой же конвергентной формы, как и при оформлении двусторонних изделий. Данный факт позволяет нам рассматривать унифасы, частично обработанные рубила и классические двусторонние бифасы в рамках единой категории при изучении технологии изготовления ручных рубил в Дарвагчайских комплексах. Также с помощью геометрико-морфометрического анализа была проведена оценка морфологической вариабельности ручных рубил из двух культурно-хронологических комплексов. Результаты анализа позволяют зафиксировать разницу в морфологии рубил из комплексов I и II. В раннем комплексе форма ручных рубил более разнообразна по сравнению с поздним комплексом. Рубила из позднего комплекса демонстрируют более однородную морфологию, для них чаще характерна симметричная, как правило, подлистовидная форма. Также между ними фиксируется преемственность. Все основные морфологические тренды появляются в раннем комплексе.

Анализ последовательности сколов позволил выделить несколько основных тенденций в оформлении ручных рубил из культурно-хронологических комплексов I и II. На всех проанализированных изделиях фиксируется двояковыпуклый и плоско-выпуклый методы оформления. Использование того или иного способа оформления было обусловлено заготовкой. Заготовками для ручных рубил в Дарвагчайских комплексах в основном служили гальки различной морфологии, среди которых есть хорошо выраженные плоско-выпуклые образцы. Первобытные мастера стремились придать орудиям схожую форму. Основное внимание уделялось формированию конвергентных лезвий, сходящихся в остром или закругленном конце. Ширина и толщина дистальных окончаний орудий, выполненных в рамках разных технологических цепочек, в целом совпадают. Рабочие края и острие оформлялись, преимущественно, крупными сколами в процессе декортикации и значительно реже подвергались дополнительной обработке мелкими сколами и крупной ретушью. Как показывает анализ последовательности сколов, оба лезвия и конвергентная форма орудий изначально были конечной целью, а не становились технической необходимостью в процессе изготовления. Сопоставление технологии изготовления ручных рубил в двух разных комплексах показывает, что более сложная схема оформления орудий со стадиями декортикации, оформления лезвия и подправки дистального окончания фиксируется только в позднем комплексе I, здесь наглядно продемонстрированно усложнение технологической последовательности оформления ручных рубил.

Таким образом, проведенный анализ ручных рубил из двух позднеашельских комплексов Дарвагчайского р-на позволил зафиксировать несомненную преемственность в технологии их изготовления. Все морфологические и технологические тенденции, которые проявляются в позднем комплексе, берут свое начало в комплексе II. Ручные рубила из позднеашельских индустрий Дарвагчайского р-на демонстрируют высокий уровень морфологической однородности. При этом орудия комплекса I демонстрируют более унифицированную форму, вместе с этим они подвергались более интенсивной и тщательной обработке по сравнению с орудиями из раннего комплекса.

Ашельские индустрии Дарвагчайского р-на имеют ряд морфологических и типологических особенностей, для них характерна, прежде всего, немногочисленность и малая вариабельность бифасиальных форм. Представленные археологические материалы демонстрируют постепенный переход от позднеашельской индустрии исключительно с частичными рубилами и унифасами к финальноашельской, где появляются немногочисленные классические бифасы. Основная причина существующих различий представленных комплексов заключается в их хронологической позиции. На данных памятниках наглядно представлены разные хронологические этапы развития одной локальной традиции развития каменного производства. Для ашельских комплексов Дарвагчайского р-на характерно преобладание частичных рубил, «классические» рубила появляются здесь довольно поздно (МИС 7), но и в данных комплексах хорошо оформленных бифасов мало, преобладают т.н. частичные.

Благодарности

Статья написана при поддержке проекта НИР FWZG-2022-0009.

Список литературы

Любин. В.П., Беляева Е.В. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 272 с.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования Ашельских комплексов стоянки Дарвагчай-залив-4 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии

Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 225–230.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-Залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г. Основные типы макроорудий в ашельских комплексах Юго-Восточного Дагестана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020 – Т. 26. – С. 199–205.

Bordes F. Typologie du Paleolithique ancient et moyen. Bordeaux, 1961. – 103 p.

References

Bordes F. Typologie du Paleolithique ancient et moyen. Bordeaux: Imprimeries Delmas, 1961. 103 p.

Lyubin. V.P., Belyaeva E.V. Stoyanka Homo Erectus v peshehere Kudaro I St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. 272 p. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. The Study of Ashel Complexes of the Darvagchay-Zaliv-4 Site in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology ofSiberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 225–230. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.225-230

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv 1 v Respublike Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology ofSiberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 73–76. (In Russ.).

Rybalko A.G. Main Types of Macrotools in the Acheulean Complexes of Southeastern Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 199–205. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.199-205

Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0351-0358
УДК 902/904

А.В. Харевич✉, В.М. Харевич, К.А. Колобова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Сравнение экспериментальных коллекций нуклеусного и бифасиального дебитажа в контексте сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая

В статье представлены результаты сопоставления продуктов расщепления, полученных в рамках плоско-выпуклой бифасиальной технологии и радиального и ортогонального методов получения сколов-заготовок. Сравнительный анализ проводился на основе экспериментальных данных, полученных в результате реконструкции системы первичного расщепления и процесса производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры – ключевого памятника сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. Эксперименты проводились на местном галечном сырье. Основу системы расщепления сибирячихинских индустрий составляет получение отщепов в рамках ортогонального и радиального методов расщепления, а также производство асимметричных плоско-выпуклых бифасиальных орудий. Сочетание различных методов в индустрии порождает ряд проблем, связанных с идентификацией продуктов того или иного расщепления в коллекции. Проведенный анализ экспериментальных данных позволил выявить ряд характерных признаков, позволяющих отличить одно расщепление от другого. В первую очередь это размеры сколов, которые при бифасиальном расщеплении не превышают 4 см в наибольшем измерении, наличие типологически определимых сколов утончения бифасиальных орудий в коллекции, доля сколов с галечной коркой в категории сколов размером до 4 см, а также ряд характеристик проксимальных зон и общей морфологии сколов. К ним относятся изогнутый латеральный профиль, тупой, больше 120°, угол между вентральной плоскостью и остаточной ударной площадкой, наличие вентрального карниза, мелких негативов сколов, приуроченных к краю ударной площадки, миниатюрная ударная площадка. В основном все эти признаки характерны только для стадии ретуширования бифасиальных орудий. Также важным параметром при оценке доли нуклеусного и бифасиального расщепления является наличие первичных сколов до 4 см, доля которых при нуклеусном расщеплении крайне мала (1 %). Проведенный анализ показал, что высокие показатели по каждому из этих характерных признаков в коллекции сибирячихинских комплексов свидетельствуют о процессах оформления бифасиальных орудий непосредственно на стоянке.

Ключевые слова: *средний палеолит, сибирячихинский индустриальный вариант, эксперименты, бифасиальная технология, первичное расщепление.*

A.V. Kharevich✉, V.M. Kharevich, K.A. Kolobova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Comparing Experimental Core and Bifacial Debitage in the Context of Sibiryachikha Middle Paleolithic Variant in Altai

The article discusses the results of flaking debitage comparison obtained from the planoconvex bifacial technology and radial/orthogonal core production methods. The comparative analysis was based on the experimental data obtained from the experiments on core flaking and bifacial tools production in the industry of Chagyrskaya Cave, a key site of the Middle Paleolithic Sibiryachikha variant in Altai Mountains. The experiments were carried out on local pebble raw materials. The Sibiryachikha flaking based on flake manufacture within orthogonal and radial methods, as well as the production of asymmetric planoconvex bifacial tools. The combination of different methods in the assemblage causes a number of problems

related to the identification of flakes/chips from a flaking system in the collection. The analysis of experimental data allowed identifying a number of characteristic features allowing to distinguish core flaking from bifacial production. These are primarily flake size, which does not exceed 4 cm in the largest dimension, the presence of typologically identifiable bifacial thinning flakes in the collection, the portion of fakes with cortex among flakes under 4 cm, and a number of characteristics of the proximal zone and general morphology of the flakes. These include a curved lateral profile, oblique, greater than 120°, angle between the ventral surface and the striking platform, presence of a lip, overhang trimming, and the miniature striking platform. Our results suggest that high values of each of these characteristics in the Sibiryachikha complexes indicate the processes of bifacial tool production directly at the site.

Keywords: *Middle Paleolithic, Sibiryachikha industrial variant, experiments, bifacial technology, primary flaking*

Введение

Комплексы сибирячихинского индустриального варианта, который находит свои ближайшие параллели в микокском технокомплексе Восточной Европы, значительно выделяется на фоне других индустрий среднего палеолита Алтая. Отличия проявляются как в технологии первичного расщепления, так и в орудийном наборе [Kolobova et al., 2019]. Важной особенностью данных индустрий является сочетание нуклеусного расщепления и бифасиального производства, которое оказало значительное влияние на формирование облика индустрии.

Доля нуклевидных изделий в сибирячихинских комплексах зачастую соотносима с долей бифасиальных орудий. В Чагырской пещере, опорном памятнике сибирячихинской фации, на некоторых участках их доля практически одинакова и может достигать 1 % коллекции без учета отходов производства [Там же]. В другом ключевом памятнике – пещере Окладникова, количество бифасиальных орудий меньше, чем нуклеусов, тем не менее их доли близки по значениям, 0,4 и 0,7 % соответственно (от коллекции без учета отходов производства) [Деревянко, Маркин, 1992].

Как показали проведенные эксперименты по реконструкции бифасиального производства в Чагырской пещере, реализация плоско-выпуклой технологии на галечном сырье на первых этапах нередко напоминает нуклеусное расщепление [Шалагина и др., 2020]. При этом сколы бифасиального утончения (bifacial thinning flakes) наряду с целевыми сколами-заготовками могли также использоваться для изготовления односторонних орудий в индустрии Чагырской пещеры [Колобова и др., 2019б]. Соответственно, метрические параметры и качественные характеристики бифасиальных и нуклеусных сколов пересекаются, и в ходе анализа археологического материала возникают трудности с идентификацией того или иного расщепления среди продуктов дебитажа. Целью данной статьи было сопоставление экспериментальных коллекций нуклеусного и бифасиального дебитажа и выявление признаков, отличающих одно расщепление от другого в контексте индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая.

Материалы и методы

Первичное расщепление в сибирячихинских комплексах было направлено на получение отщепов в рамках ортогонального и радиального методов расщепления. Об этом свидетельствует наличие в коллекции радиальных и ортогональных нуклеусов, а также характерных технических сколов, среди которых преобладают круто-латеральные краевые сколы, краевые сколы, покрытые галечной коркой, и краевые сколы с радиальных нуклеусов [Деревянко, Маркин, 1992; Kolobova et al., 2019]. Бифасиальное производство было направлено на получение плоско-выпуклых двусторонне обработанных орудий трапециевидной, листовидной, сегментовидной формы с одним или двумя лезвиями и предусматривало три основных стадии: фасоннаж плоской стороны, фасоннаж выпуклой стороны и ретуширование. Зачастую на одном из продольных краев изделий создавался обушок.

В качестве первичного сырья для нуклеусного и бифасиального производства древние мастера использовали галечник (эффузивы, песчаники, роговики, яшмоиды и т.д) из местного аллювия рек Чарыш, Сибирячиха, Ануй, в долинах которых расположены стоянки [Kolobova et al., 2019; Кулик, Маркин, 2003]. Как правило, для изготовления бифасиальных орудий использовались наиболее качественные яшмоиды и халцедонолиты [Колобова и др., 2019а].

Одним из основных инструментов данного исследования является экспериментальный метод, который предусматривает проведение серии экспериментов и атрибутивный анализ полученной коллекции. Проведенные эксперименты были основаны на представлениях о процессе расщепления, сформированных в результате технико-типологического анализа коллекции Чагырской пещеры [Kolobova et al., 2019] и опубликованных данных по пещере Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992].

В качестве первичного сырья использовались гальки из руслового аллювия р. Чарыш. Расщепление производилось в технике прямого удара твердым отбойником.

Исходя из анализа продуктов бифасиального расщепления [Шалагина и др., 2019] и опираясь на исследовательскую литературу [Демиденко, 2003; Bourguignon, 1997], было установлено, что сколы меньше 1 см не демонстрируют устойчивого сочетания признаков, и все полученные бифасиальные сколы не превышают 4 см [Шалагина и др., 2019]. Соответственно основное внимание в рамках данной работы было сосредоточено на сколах до 4 см. Для анализа основных атрибутивных признаков была составлена выборка сколов, полученных при расщеплении семи нуклеусов, с параметрами от 1 до 4 см. Количество экспериментальной коллекции составило 365 экз. Результаты атрибутивного анализа были сопоставлены с результатами анализа бифасиальной экспериментальной коллекции, полученной в ходе оформления восьми орудий (480 экз. сколов) [Там же]. Сопоставление производилось как со всей коллекцией в целом, так и с отдельными стадиями производства бифасиальных орудий.

Результаты

Атрибутивный анализ показал, что типологический состав продуктов нуклеусного и бифасиального расщепления в целом совпадает. В выборке от 1 до 4 см представлены отщепы, первичные сколы, технические краевые сколы, определимые чешуйки и бифасиальные сколы (см. *таблицу*). Незначительные отличия фиксируются в соотношении количества отщепов и первичных сколов. Доля отщепов при нуклеусном расщеплении несколько выше (17 %), чем при бифасиальном (12 %), а доля первичных сколов, наоборот, выше при бифасиальном (5 %), а не при нуклеусном (1 %) расщеплении (см. *таблицу*).

Доля типологически определимых бифасиальных сколов/чешуек крайне мала при нуклеусном расщеплении и составляет 8 %, в то время как даже при плоском фасоннаже бифасиальных орудий их доля составляет 16 %, а на стадии ретуширования и подновления лезвия достигает 61 и 90 % соответственно (см. *таблицу*). Очевидные отличия фиксируются в соотношении бифасильных сколов/чешуек и всех остальных определимых чешуек. При нуклеусном расщеплении доля определимых чешуек составляет 89 %, а бифасиальных типов – 11 %, в то время как при бифасиальном расщеплении доля определимых чешуек – 58 %, а бифасиальных – 42 %.

Типологический состав экспериментальных коллекций бифасиального и нуклеусного расщепления

Тип скола	Бифасиальное расщепление												Нуклеусное расщепление	
	Раскалывание на наковальне		Плоский фасоннаж		Выпуклый фасоннаж		Ретуширование		Подновление лезвия		Стадия неопред.	%	Всего	%	экз.	%
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%						
Отщепы	–	–	41	33	16	9	–	–	–	–	1	2	58	12	61	16,7
Первичные сколы	6	86	2	1	15	8	–	–	–	–	1	2	24	5	4	1,2
Технические краевые сколы	1	14	13	10	12	7	–	–	–	–	1	2	27	7	22	6,0
Пластины/пластинки	–	–	–	–	3	2	1	–	–	–	1	2	5	1	5	1,4
Определимые чешуйки	–	–	51	40	84	47	43	39	1	10	32	68	211	44	243	66,7
Чешуйки, тип 0	–	–	7	6	19	11	22	20	2	20	4	9	54	11	8	2.00
Чешуйки, тип 1	–	–	6	5	7	4	6	5	1	10	–	–	20	4	1	0.30
Чешуйки, тип 2	–	–	2	2	8	4	15	14	1	10	3	6	29	6	11	3.00
Чешуйки, тип 3	–	–	4	3	15	8	24	22	5	50	4	9	52	10	10	2.70
Всего	7	100	126	100	179	100	111	100	10	100	47	100	480	100	365	100,0

Также фиксируются различия в распределении сколов по размерам в выборках от 1 до 4 см. В среднем сколы, полученные при бифасиальном расщеплении, меньше по наиболее длинной оси, чем полученные в результате расщепления нуклеусов. Доля сколов от 1 до 2 см составляет 66 % при бифасиальном расщеплении и 50 % при нуклеусном, соответствующие различия фиксируются и в группах от 2 до 3 см и от 3 до 4 см (рис. 1, *а*).

Наиболее показательным оказалось сопоставление основных характеристик проксимальной зоны продуктов нуклеусного и бифасиального расщепления. При этом сопоставление с общей коллекцией бифасиального дебитажа показало незначительные отличия двух выборок. Более эффективным оказалось сравнение нуклеусного расщепления с отдельными стадиями производства бифасиальных орудий.

По значению угла между вентральной поверхностью и ударной площадкой нуклеусный дебитаж сильно отличается от стадии ретуширования бифасиальных изделий, а также и от стадии выпуклого фасоннажа. Вентральный угол большинства сколов, полученных при расщеплении нуклеусов, не превышает 120° (70 %). Подобный показатель характерен только для стадии плоского фасоннажа (69 %). На стадии выпуклого фасоннажа и стадии ретуширования доля сколов с вентральным углом >120° выше, 42 и 65 % соответственно (рис. 1, *б*).

При описании ударных бугорков использовались такие морфологические признаки как выраженный, расплывчатый и отсутствующий. В исследовательской литературе часто этот признак рассматривается как отражение типа используемого отбойника [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2013; Inizan et al., 1999]. Для фасоннажа бифасиальных

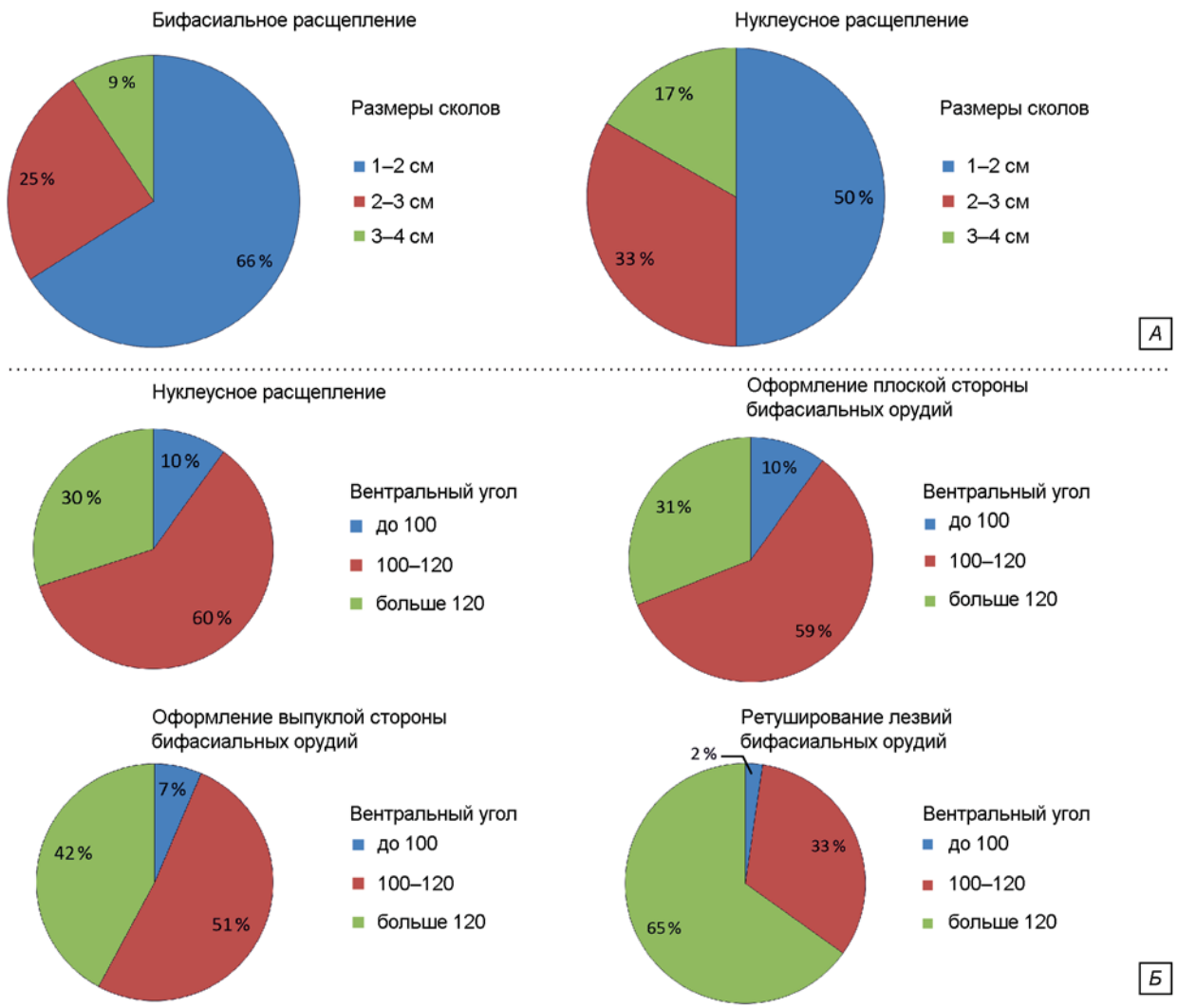


Рис. 1. Атрибутивные признаки экспериментальных сколов от 1 до 4 см нуклеусного и бифасиального расщепления.

А – распределение сколов в соответствии с размерами; *Б* – распределение сколов в соответствии со значениями вентрального угла.

орудий и нуклеусного расщепления применялся мягкий каменный отбойник, а для ретуширования бифасиальных орудий – мягкий органический (костяной ретушер) [Baumann et al., 2020; Kolobova et al., 2020]. Характеристика ударного бугорка на сколах с нуклеусов и бифасиальных орудий в целом совпадает. На большинстве сколов фиксируется расплывчатый или отсутствующий ударный бугорок. Каких-то принципиальных отличий между нуклеусным расщеплением, выполнявшимся каменными отбойниками, и стадией ретуширования бифасиальных орудий костяными ретушерами выявлено не было. Данный факт, вероятнее всего, объясняется тем, что на образование ударного бугорка прежде всего влияет сила и концентрация удара, а не тип отбойника.

Напротив, определенная зависимость, связанная, по всей видимости, с используемыми отбойниками, наблюдается в наличии или отсутствии вентрального карниза. По данному признаку сколы с нуклеусов лучше всего соотносятся со сколами фасоннажа бифасиальных изделий. На сколах с нуклеусов (77 %), как и на сколах фасоннажа (84 %) вентральный карниз чаще всего отсутствует. В то время как на половине (48 %) сколов ретуширования бифасиальных орудий слабо выраженный и выраженный вентральный карниз фиксируется, что соответствует использованию мягкого костяного ретушера.

Важной характеристикой является наличие мелких негативов сколов, приуроченных к краю ударной площадки (overhang trimming). По доле таких сколов (22 %) коллекция нуклеусного расщепления больше всего соответствует стадии плоского фасоннажа (20 %) бифасиальных изделий и сильно отличается от стадии ретуширования и подживления, где они составляют половину коллекции (рис. 2, *а*).

По метрическим параметрам ударных площадок сколы с нуклеусов соотносятся со сколами фасоннажа. Размеры ударных площадок фасеток ретуши значительно меньше по ширине и толщине. Их значения находятся в диапазоне от 3 до 17 мм для ширины и от 1 до 6 мм для толщины. В то время как для нуклеусного дебитажа и бифасиального фасоннажа эти значения достигают 40 и 15 мм соответственно. По форме и типу ударной площадки сколы, полученные при нуклеусном расщеплении, практически не отличаются от бифасиального дебитажа.

Определенные различия фиксируются в профиле полученных сколов. У продуктов нуклеусного расщепления абсолютно преобладает прямой профиль (56 %), что свойственно только продуктам плоского фасоннажа (61 %) бифасиальных изделий. Также по сравнению с продуктами бифасиального расщепления (5 %) у нуклеусного дебитажа чаще фиксируется выпуклый (12 %) профиль. При этом изогнутый профиль фиксируется гораздо реже (26 %), чем на различных стадиях бифасиального (32–54 %) расщепления.

Обсуждение

На первый взгляд сколы, полученные в результате нуклеусного расщепления, во многом схожи со сколами, полученными в результате оформления бифасиальных орудий. Это связано с тем, что процесс оформления нуклеуса и подготовительный процесс оформления бифасиального изделия во многом повторяют друг друга. В ходе сопоставительного анализа были выявлены признаки, по которым данные коллекции отличаются.

В первую очередь нуклеусная и бифасиальная коллекции отличаются по количеству типологически определимых сколов бифасиального расщепления. В бифасиальной коллекции они составляют как минимум третью часть, а в нуклеусной не превышают 8 %. Еще одним отличием является доля сколов, на которых присутствует галечная корка. Среди нуклеусного дебитажа до 4 см доля таких сколов невелика (18 %), а сколы, полностью покрытые галечной коркой, почти отсутствуют (1 %). При этом в коллекции бифасиального расщепления доля сколов с галечной коркой достигает 30 %.

Помимо этого продукты нуклеусного и бифасиального дебитажа отличаются по размерам. Основную часть бифасиальной коллекции составляют сколы от 1 до 2 см (66 %). В коллекции нуклеусного расщепления до 4 см на такие сколы приходится 50 %, при этом сколов 3–4 см почти в два раза больше, чем в бифасиальной коллекции. Данные по общему составу сколов (в т.ч. > 4 см) нуклеусного и бифасиального дебитажей показывают, что 97 % сколов бифасиальной коллекции укладывается в диапазон до 4 см, в свою очередь при нуклеусном расщеплении 40 % коллекции больше 4 см (рис. 2, *б*).

Сопоставление продуктов нуклеусного дебитажа до 4 см с различными стадиями оформления бифасиальных орудий показало, что по основным параметрам, характеризующим ту или иную стадию, продукты нуклеусного расщепления больше всего соответствуют стадии плоского фасоннажа. Близкое сходство со стадией плоского фасоннажа может объясняться тем, что при сопоставлении двух выборок до 4 см в случае с нуклеусным расщеплением мы имеем дело не с целевыми сколами, а зачастую со сколами оформления и подправки ударной площадки, что соответствует принципам оформления

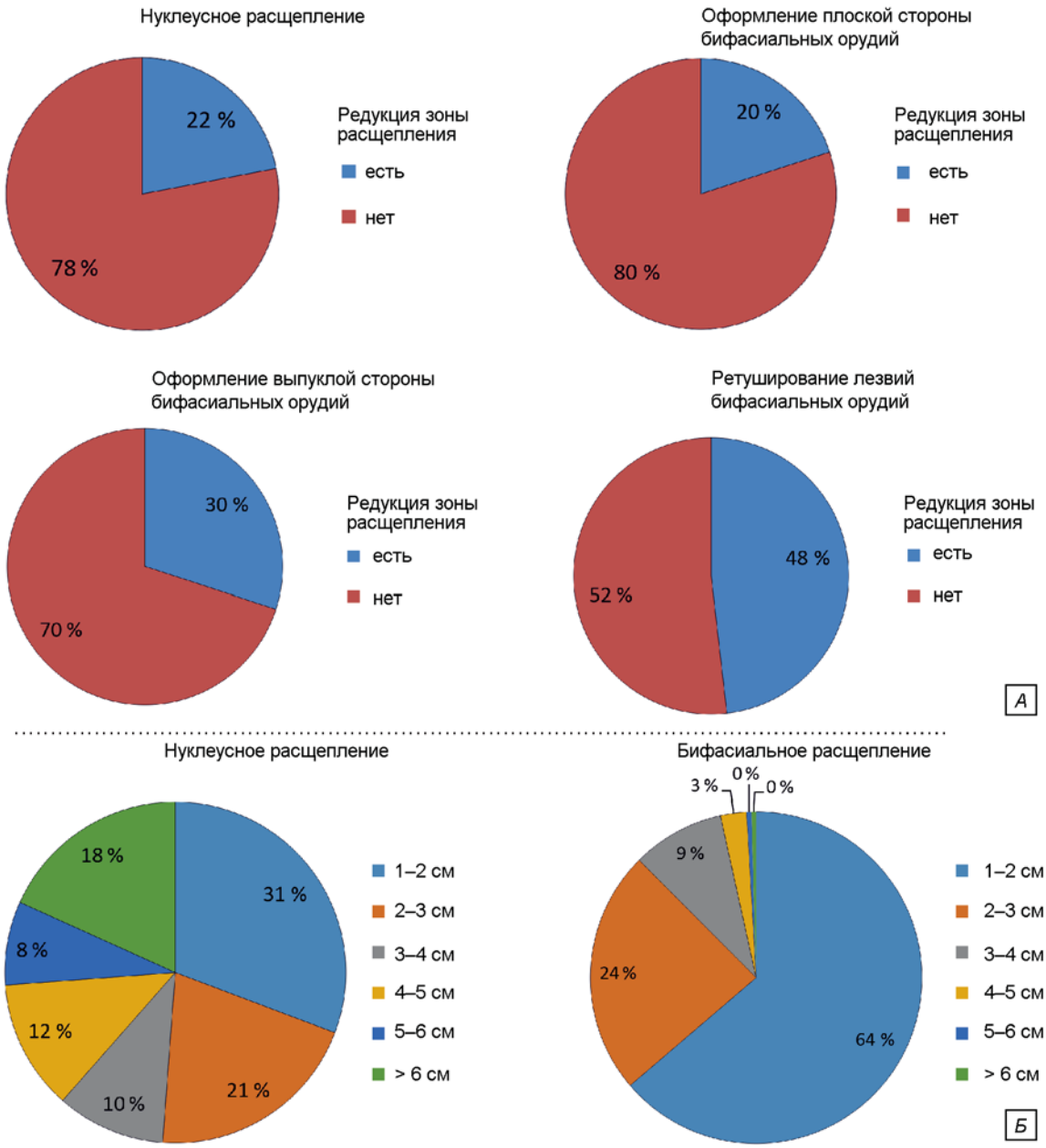


Рис. 2. Атрибутивные признаки экспериментальных сколов нуклеусного и бифасиального расщепления.

А – распределение сколов от 1 до 4 см в соответствии с наличием редукции зоны расщепления; *Б* – распределение общей коллекции экспериментальных сколов в соответствии с размерами.

плоского фаса, который служит ударной площадкой для снятий на выпуклую сторону.

Сколы, полученные на стадии ретуширования бифасиальных орудий, значительно от них отличаются. Как показывает анализ экспериментальной коллекции бифасиального дебитажа [Шалагина и др., 2019], такие сколы являются наиболее характерными и наиболее опознаваемыми. Как правило, они характеризуются признаками сколов оформления или утончения бифасов (bifacial thinning flakes), описанными в исследовательской литературе [Chabai, Demidenko, 1998; Демиденко, 2003]. В основном эти признаки сосредоточены в проксимальной зоне и могут проявляться либо самостоятельно, либо одновременно на одном сколе.

Все основные параметры сколов ретуширования, такие как изогнутый профиль, тупой, больше 120°, угол между вентральной плоскостью и ударной площадкой, наличие вентрального карниза, мелких негативов сколов, приуроченных к краю ударной площадки, миниатюрная ударная площадка, очень редко фиксируются на сколах от 1 до 4 см, полученных при нуклеусном расщеплении.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что, несмотря на тесную взаимосвязь продуктов нуклеусного и бифасиального расщепления в сибирячихинских индустриях, существует ряд параметров, позволяющих отличить их друг от друга. В первую очередь это размеры сколов, наличие типологически определимых бифасиальных сколов в коллекции, размеры сколов, покрытых галечной коркой, а также ряд характеристик проксимальной зоны. Наиболее отличительными признаками являются те, которые характерны для стадии ретуширования бифасиальных орудий, поскольку они практически не проявляются на нуклеусном дебитаже. К ним относятся изогнутый профиль, тупой, больше 120°, угол между вентральной плоскостью и ударной площадкой, наличие вентрального карниза, мелких негативов сколов, приуроченных к краю ударной площадки, миниатюрная ударная площадка. Также важной характеристикой при оценке доли нуклеусного и бифасиального расщепления является наличие первичных сколов до 4 см, доля которых при нуклеусном расщеплении крайне мала. Высокие показатели по каждому из этих параметров в коллекциях сибирячихинских индустрий указывают на процессы оформления бифасиальных орудий непосредственно на стоянке.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009.

Список литературы

Демиденко Ю.Э. Сколы обработки орудий как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариабельности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. – 2003. – № 13. – С. 128–157.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Колобова К.А., Маркин С.В., Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Основные принципы отбора каменного сырья при производстве орудий в индустрии Чагырской пещеры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019а. – Т. 18, № 3. – С. 53–61.

Колобова К.А., Шалагина А.В., Маркин С.В., Кривошапкин А.И. Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам Чагырской пещеры) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019б. – Т. 18, № 7. – С. 53–61.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрография индустрии пещеры им. Окладникова (Северо-Западный Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9 – С. 148–153.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 7. – С. 28–37.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Экспериментальное моделирование бифасиального расщепления в сибирячихинском варианте среднего палеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4. – С. 97–108.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 130–151.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya Cave, Altai region, Russia // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 68–88.

Bourguignon L. Le Moustérien de type Quina: nouvelle definition d'une entité technique. PhD dissertation. – Paris X–Nanterre, 1997. – 672 p.

Chabai V.P., Demidenko Yu.E. The Classification of Flint Artifacts. // The Middle Paleolithic of Western Crimea 1. Eds. A.E. Marks, V.P. Chabai. – Liège, ERAUL, 1998. – №. 84. – P. 31–51.

Inizan M.-L., Reduron–Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. – Nanterre: C.R.E.P., 1999. – 191 p.

Kolobova K., Shalagina A., Chistyakov P., Kovalev V., Koliasnikova A., Krivoshapkin A., Rendu W., Baumann M. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to Middle Paleolithic Bone Retouchers from the Altai Mountains, Russia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 89–96.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.K., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartär, 2019. – Vol. 66. – P. 7–31.

References

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya Cave, Altai region, Russia. *Quatern. Intern.*, 2020. Vol. 559. P. 68–88.

Bourguignon L. Le Moustérien de type Quina: nouvelle definition d'une entité technique. PhD dissertation. Paris X–Nanterre, 1997. 672 p.

Chabai V. P., Demidenko Yu. E. The Classification of Flint Artifacts. *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, Liège: ERAUL, 1998. N 84. P. 31–51.

Demidenko Yu. E. Skoly obrabotki orudii, kak indicator osobennostei i intensivnosti processov kremneobrabotki i giznedeyatelnosti kollektivov neandertalcev na stoyankah srednego paleolita v kontekste variabelnosti industrii krymskoi mikokskoi tradicii. *Arheologichesky almanakh,* 2003. N 13. P. 128–157. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Markin S.V. Mustie Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikova). Novosibirsk: Nauka, 1992. 224 p. (In Russ.).

Inizan M.–L., Reduron–Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre: C.R.E.P., 1999. 191 p.

Kolobova K., Shalagina A., Chistyakov P., Kovalev V., Koliasnikova A., Krivoshapkin A., Rendu W., Baumann M. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to Middle Paleolithic Bone Retouchers from the Altai Mountains, Russia. *Quaternary International,* 2020. Vol. 559. P. 89–96.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.K., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai). *Quartär,* 2019. Vol. 66. P. 7–31.

Kolobova K.A., Markin S.V., Shalagina A.V., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. Osnovnye printsipy otbora kamennogo syr'ya pri proizvodstve orudii v industrii Chagyrskoi peshchery. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2019a. Vol. 18. N 3. P. 53–61. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Opredelenie bifasial'nogo komponenta v srednepaleoliticheskikh kompleksakh (po materialam Chagyrskoi peshchery). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2019b. Vol. 18. N 7. P. 53–61. (In Russ.).

Kulik N.A., Markin S.V. Petrografiya industrii peshchery Okladnikova (Severo-Zapadnyi Gornyi Altai). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. 9. P. 148–153. (In Russ.).

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Udarnye tekhniki skola v kamennom veke: obzor anglo- i russkoyazychnoi literatury. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2013. Vol. 12. N 7. P. 28–37. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Experimental modelling of bifacial clipping in the Siberiachikha variant of the Middle Paleolithic in Altai. *Theory and Practice of Archaeological Research.* 2019. N 4. P. 97–108. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Mori S., Bomann M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Rekonstruktsiya tekhnologicheskikh tsepochek proizvodstva bifasial'nykh orudii v industrii Chagyrskoi peshchery. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2020. N 3. P. 130–151. (In Russ.).

Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0359-0364
УДК 902/904

В.М. Харевич[1], Е.Н. Бочарова[1]✉, И.Д. Зольников[2], П.С. Левицкая[2], А.В. Харевич[1], Г.Д. Павленок[1], А.А. Анойкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Новый памятник финального верхнего палеолита на побережье Красноярского водохранилища: стоянка Сидориха

В статье представлены результаты археологических работ на стоянки Сидориха (Хакасия, Красноярское водохранилище) в 2022 г. Стоянка была открыта в 2020 г. во время археологической разведки, проводившейся отрядом ИАЭТ СО РАН в береговой зоне Красноярского водохранилища. Помимо находок, обнаруженных в экспонированном состоянии, в двух шурфах-врезках археологический материал был зафиксирован в положении in situ. Стратиграфическая позиция культурного слоя позволила датировать его в рамках финального сартана. Основными целями работ 2022 г. стали определение степени сохранности памятника после максимального подъема воды в 2021 г., уточнение стратиграфической ситуации и сбор подъемного материала. Коллекция подъемного материала составила 115 экз. Система первичного расщепления характеризуется наличием нуклеусов крупных форм для пластин и отщепов и клиновидными микронуклеусами. Индустрия сколов представлена пластинами, пластинками, отщепами и разнообразными техническими сколами. В орудийном наборе преобладают концевые скребки и скребла на отщепах и пластинах. Типологический облик находок, полученных in situ и в экспонированном состоянии в 2020 и 2022 г., позволяет рассматривать их в рамках одного комплекса. По своим характеристикам: сочетанию в системе первичного расщепления крупных нуклеусов для пластин и клиновидных микронуклеусов; наличию в орудийном наборе концевых скребков на пластинах, ретушированных пластин и резцов, комплекс стоянки Сидориха следует отнести к кокоревской археологической культуре, бытовавшей на территории бассейна Енисея в финальном сартане. Особенностью стоянки Сидориха является ее расположение на высокой террасе р. Енисей, ранее подобное расположение отмечалось у более поздних объектов, датируемых рубежом плестоцена – голоцена.

Ключевые слова: *Верхний палеолит, кокоревская культура, р. Енисей, высокая терраса.*

V.M. Kharevich[1], E.N. Bocharova[1]✉, I.D. Zolnikov[2], P.S. Levitskaya[2], A.V. Kharevich[1], G.D. Pavlenok[1], A.A. Anoikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]V.S.Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

New Final Upper Paleolithic Site on the Krasnoyarsk Reservoir: Sidorikha Site

The article provides the results of archaeological work at the Sidorikha site (Khakassia, Krasnoyarsk Reservoir) in 2022. The site was discovered in 2020 during the archaeological survey conducted by a team of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS on the coast of the Krasnoyarsk Reservoir. Archaeological finds were discovered in an exposed condition and in two test pits in situ. The stratigraphic position of the cultural layer allowed its dating in the post-LGM. The main objectives of the 2022 work included: to determine the degree of conservation of the site after the maximum rise of water in 2021, and to clarify the stratigraphic situation and collection of exposed artifacts. The collection of exposed artifacts is not numerous (115 items). The primary reduction system is characterized by the presence of large cores for blades and flakes

and wedge-shaped microcores. The spalls include blades, flakes, and various technical spalls. The toolkit is dominated by end scrapers and scrapers on flakes and blades. The typology appearance of exposed artifacts and materials from the cultural layer obtained in 2020 and 2022 allows considering them as a part of the same complex. According to its characteristics: the combination of large cores for blades and wedge-shaped microcores; the presence of end scrapers on the blades, retouched blades and burins in the toolkit, the Sidorikha site complex should be attributed to the Kokorevo archaeological culture, which existed in the Yenisei basin in post-LGM. The specific feature of the Sidorikha site is its location on a high terrace of the Yenisei River; a similar location was previously noted for later sites dating to the Pleistocene-Holocene boundary.

Keywords: *Upper Paleolithic, Kokorevo culture, Yenisei River, high terrace.*

Высокие террасы р. Енисей заселялись древним человеком с начальных этапов верхнего палеолита [Лисицын, 2000]. Наиболее активно этот процесс происходил в финале плейстоцена – начале голоцена (стоянки Троицкая, Черемушки, Бюза II, Крутая и др.) [Акимова, Харевич, Попова, 2016; Харевич и др., 2014; Артемьев, Разгильдеева, Прилепская, 2019]. Число объектов развитого финального палеолита, расположенных на высоких террасах, относительно невелико. Одним из них является стоянка Сидориха.

Стоянка Сидориха расположена в Республике Хакасия на левом берегу Красноярского водохранилища. Памятник приурочен к правому борту долины р. Сидорихи, к небольшому заливу, переходящему в овраг и удаленному от устья р. Сидорихи на 0,8 км (рис. 1, *1–3*).

Стоянка Сидориха была открыта в 2020 г. отрядом ИАЭ СО РАН [Харевич и др., 2020]. Эпизодические сборы подъемного материала на приустьевых участках и в устье р. Сидорихи проводились Н.Ф. Лисицыным в 1980-х гг., однако собранная коллекция была малочисленной и невыразительной для выделения в самостоятельное местонахождение (С.Н. Лисицын, личное сообщение).

В 2020 г. с береговой отмели была собрана представительная коллекция археологического материал (110 экз.), включающая нуклеусы, направленные на получение пластин и отщепов, а также клиновидные микронуклеусы, скребла на отщепах, резец, разнообразные галечные орудия, отщепы, пластины и микропластины.

В береговом уступе было заложено три шурфа-врезки, в двух из которых (№ 1 и 2) был найден археологический материал. Культурный горизонт был зафиксирован на глубине 1,4 м в слое палево-бурых алевропесков. Основной материал был получен из шурфа-врезки 2. Коллекция артефактов, найденных *in situ*, включала торцовый микронуклеус, обломки микроядрища, скребло-унифас. Кроме этого, вблизи шурфа, в береговом обнажении найдены два чоппера на гальках. Фаунистический материал был представлен фрагментом трубчатой кости, ребра и позвонком крупного копытного [Харевич и др., 2020].

В июне 2022 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены работы на стоянке Сидориха. Основной целью работ стало определение сохранности культуросодержащих отложений после максимального подъема воды в 2021 г., сбор подъемного материала с разрушенной части стоянки и уточнение стратиграфической позиции культурного слоя. В ходе работ были расконсервированы шурфы 1 и 2 2020 г., углублен шурф 2.

В шурфе 1 был вскрыт следующий стратиграфический разрез (описание дано по юго-западной стенке) (рис. 1, *4*):

0,0–0,25 м. Слой 1. Современная почва. Горизонт «А». Темно-серый гумусированный алеврит. Подошва неровная. Мощность 0,25 м;

0,25–0,7 м. Слой 2. Современная почва. Горизонт «В». Серый с белесоватыми разводами алеврит карбонизированный. Подошва неровная. Кровля подрезана подошвой вышележащего слоя. Мощность 0,45 м;

0,7–1,25 м. Слой 3. Палевый неслоистый алеврит с кротовинами, заполненными серым алевропеском. Подошва ровная, резкая. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,45 м;

1,25–1,5 м. Слой 4. Палево-бурый неслоистый алевропесок с кротовинами. Лёссовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0, 25 м;

1,5–1,55 м. Слой 5. Красновато-бурый алевропесок с линзами и гнездами дресвы. Кровля и подошва малоамплитудно растасканы по вертикали. Горизонт размыва. Мощность до 5 см;

1,55–1,6 м. Слой 6. Культурный слой. Прослеживается по артефактам финала верхнего палеолита. Не имеет литологического выражения, отличающегося от слоя 7, в нескольких см от кровли которого фиксируются находки. Мощность около 10 см;

1,6–2,0 м. Слой 7. Палево-бурый неслоистый алевропесок с темно-серыми кротовинами. Подошва не вскрыта. Лёссовидный субаэральный покров опесчаненный. Видимая мощность 0,4 м.

Отложения, вскрытые в шурфе 2, имеют следующее стратиграфическое строение (описание дано по юго-восточной стенке) (рис. 1, *4*):

0,0–0,8 м. Слой 1. Современная почва. Горизонт «А». Темно-серый гумусированный алевропесок. Подошва неровная. Мощность 0,8 м;

0,8–1,2 м. Слой 2. Современная почва. Горизонт «В». Серый с белесоватыми разводами алевропе-

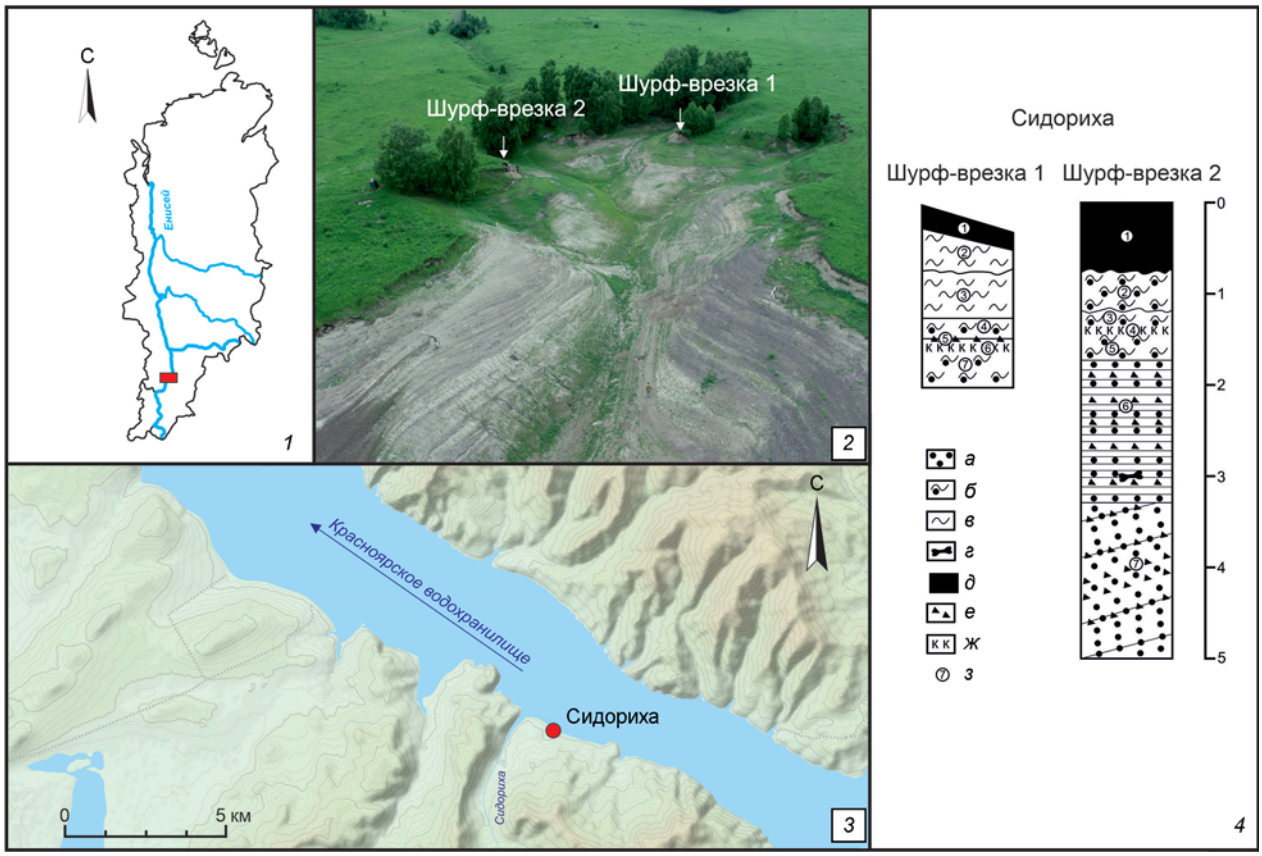


Рис. 1. Стоянка Сидориха.

1, 3 – расположение стоянки Сидориха; *2* – вид на стоянку; *4* – шурф-врезка 1 и 2, стратиграфический разрез.
а – песок; *б* – алевропесок; *в* – алевриты; *г* – прослои дресвяника; *д* – почва; *е* – фаунистические остатки; *ж* – культурный слой; *з* – номер слоя.

сок карбонизированный. Подошва неровная. Мощность 0,4 м;

1,2–1,35 м. Слой 3. Светло-палевый с буроватым оттенком неслоистый алевропесок с кротовинами. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,15 м;

1,35–1,45 м. Слой 4. Культурный горизонт толщиной 5–10 см в алевропеске более темном, чем вмещающие отложения слоев 3 и 5. В слое содержатся артефакты финала верхнего палеолита. Мощность 0,1 м;

1,45–1,75 м. Слой 5. Светло-палевый с буроватым оттенком неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Подошва ровная. Мощность 0,35 м;

1,75–3,3 м. Слой 6. Светло-серый мелкозернистый алевритистый песок с мелкими прослоями среднезернистого, иногда крупнозернистого с дресвой песка. Слоистость субпараллельная субгоризонтальная тонко-мелкая. Флювиал. Мощность 1,55 м;

3,3–5,2 м. Слой 7. Светло-серый хорошо промытый среднезернистый, иногда крупнозернистый с редкими маломощными дресвяными прослоями песок. Слоистость параллельная наклонная под углом около 150° в сторону Енисея. Флювиал. Подошва не вскрыта. Видимая мощность 1,9 м.

Судя по геолого-геоморфологическому контексту, отложения, вскрытые в раскопе, залегают согласно кровле палеозойских пород, полого средненаклонной в сторону Енисея. Об этом свидетельствует облекающая наклонная параллельная слоистость в слое 7, не имеющая ничего общего ни с делювиальными, ни с аллювиальными текстурно-структурными характеристиками. По всей видимости слой 7 сформировался за счет флювиогляциального заплеска в конце эпохи МИС 2 из долины Енисея. На сегодняшний день имеются данные о наличии отложений суперпаводков с возрастом ок. 17 тыс. лет в Южно-Минусинской котловине [Аржанникова и др., 2014]. Кроме того, в долине верхнего и среднего Енисея выделена верхнеенисейская суперпаводковая толща, прослеживающаяся на высоких уровнях над Енисеем [Зольников и др., 2021]. Поэтому наличие в данном разрезе суперпаводковых отложений не является чем-то неординарным.

Слой 6 в отличие от подстилающих отложений сформировался на возвратном движении заплесковых вод с борта долины к руслу Енисея, о чем свидетельствует находка небольшой кости копытного млекопитающего на уровне 3 м от дневной поверх-

ности в слое 6. Судя по всему, при заплеске и возвратном стекании вод в долину происходила сортировка и переотложение из покровного комплекса обломочного материала, в т.ч. и костей крупных млекопитающих. Таким образом, слои 6 и 7 представляют собой «террасу верхнего яруса», который, согласно мнению исследователей [Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005], слагает высоты в среднем от 60 до 170 м и отделен от нижнего яруса, высотой в среднем до 20, реже до 40 м, поясом крутосклонного скалистого рельефа.

Коллекция собранного в ходе работ подъемного материала включает 115 предметов (рис. 2). Нуклеусы немногочисленны: одноплощадочный монофронтальный нуклеус на гальке, оставленный на начальной стадии расщепления (рис. 2, *11*); бипродольный сработанный нуклеус для мелких пластин, на латерали которого оформлено скребковое лезвие (рис. 2, *3*); клиновидные микронуклеусы (2 экз.) (рис. 2, *7*, *8*). Индустрия сколов включает пластины (15 экз.), пластинки (4 экз.), отщепы и технические сколы (76 экз.), в число которых вхо-

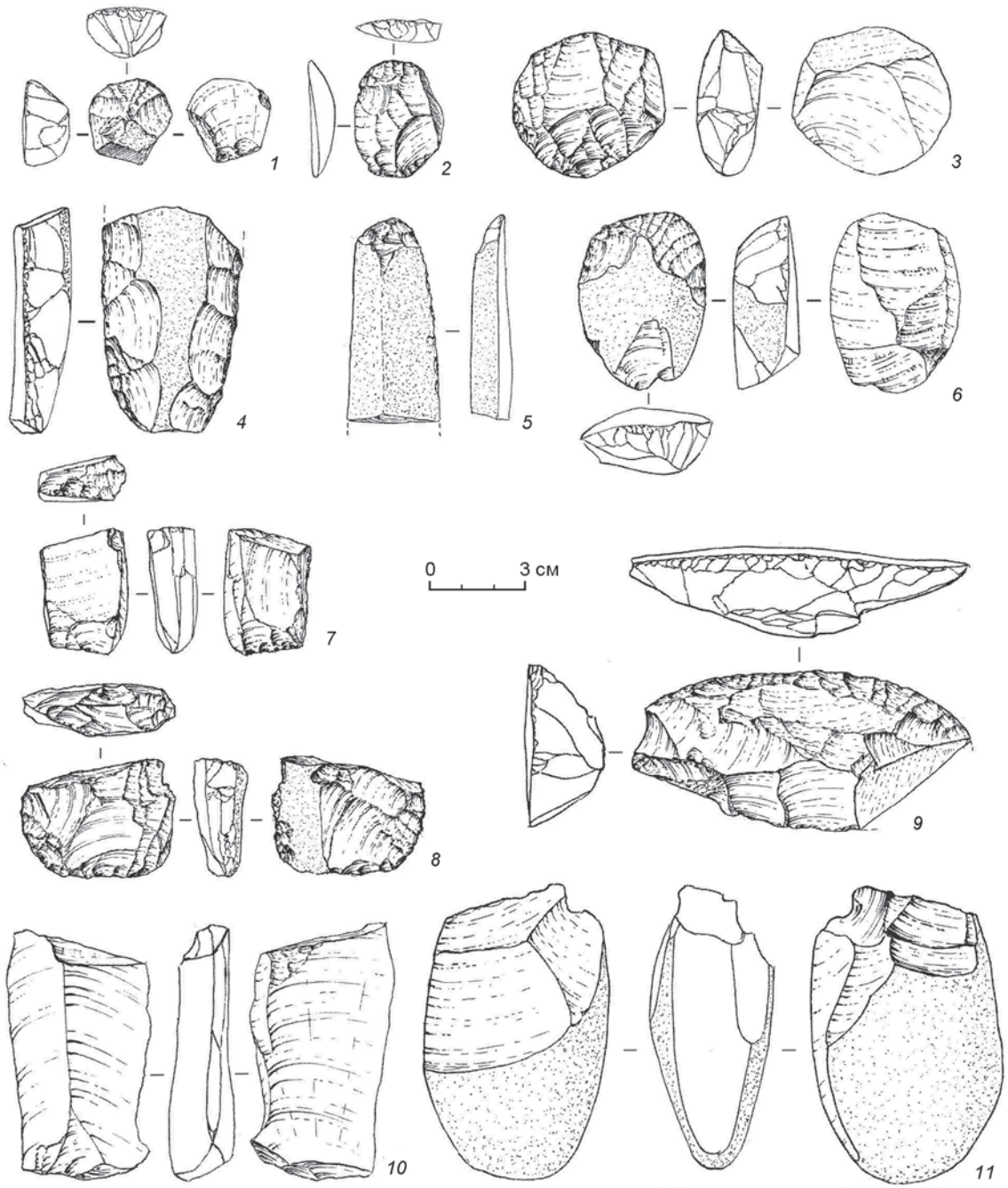


Рис. 2. Стоянка Сидориха. Подъемный материал.
1, *2*, *5*, *6* – скребки; *3*, *7*, *8*, *11* – нуклеусы; *4*, *9* – скребла; *10* – пластина.

дят преимущественно кортикальные и естественно-краевые сколы.

Орудийный набор представлен скребками и скреблами. Скребки в основном выполнены на кварцитовых отщепах: концевой скребок на отщепе (рис. 2, *2*); скребок с выпуклым лезвием по ½ периметра (рис. 2, *1*); концевой скребок на первичном сколе, утонченном по вентральному фасу (рис. 2, *6*). В единственном экземпляре найден фрагмент концевого скребка на первичной пластине (рис. 2, *5*). Скребла найдены в двух экземплярах – скребло-унифас с лезвием по ½ периметра на отщепе (рис. 2, *9*) и фрагмент двойного прямого продольного скребла на первичной пластине (рис. 2, *4*). В единственном экземпляре найден крупный естественно-краевой скол с ретушью.

Типологический облик артефактов указывает на то, что коллекция подъемного материала и находки, полученные *in situ* в 2020 г., принадлежат к одному комплексу. Стратифицированный и экспонированный комплексы содержат клиновидные микронуклеусы, галечные орудия и скребла-унифасы идентичные по морфологии и характеру обработки.

По своей стратиграфической позиции обнаруженный культурный слой относится к периоду сартана. В финальном палеолите бассейна Енисея выделяются три археологические культуры: кокоревская, афонтовская и тарачихинская [Абрамова, 1979а; 1979б; Акимова, 2017]. Морфология артефактов и их типологический состав позволяют отнести комплекс Сидорихи к кокоревскому кругу памятников. В первичном расщеплении сходство с комплексами кокоревской культуры проявляется в сочетании в одной индустрии двух систем расщепления: получение крупных пластин в технике прямого удара и снятие микропластин с клиновидных нуклеусов путем использования отжимной техники [Абрамова, 1979а]. В орудийном наборе общие черты проявляются в наличии орудий на пластинах, прежде всего скребков, и в присутствии резцов [Абрамова 1979а; Лисицын, 2000].

Особенность комплекса Сидорихи заключается в ее расположении на высокой террасе р. Енисей. До настоящего времени на высоких террасах находили стоянки рубежа плейстоцена – голоцена (Троицкая, Крутая, Бюза II) [Акимова, Харевич, Попова, 2016; Харевич, Акимова, Вашков, 2017; Артемьев, Разгильдеева, Прилепская, 2019]. Классические для кокоревской культуры памятники, как правило, располагались на достаточно низких гипсометрических уровнях первой (Новоселово VI, VII) и второй надпойменных террас (Кокорево I) Енисея [Абрамова, 1979а]. Видимо, причина подобного расположения стоянки заключается в особенностях строения долины реки, представляющей собой достаточно узкий каньон с высокими отвесными берегами. Вне зависимости от причины, приведшей к заселению высокой террасы, расположение памятника, видимо, оказало влияние на состав комплекса и его функциональную специфику [Рыбин, Колобова, 2004; Гречкина, 1983]. При сравнении индустрии Сидорихи с синхронными и с более поздними комплексам кокоревской культуры, привлекают внимание две ее особенности – малочисленность коллекции (учитывая площадь размытой части стоянки) и малое число крупных сколов. Наиболее вероятно, что данное явление обусловлено относительной, по сравнению со стоянками, расположенными на более низких гипсометрических уровнях, удаленностью от выходов сырья – енисейского руслового галечника. Вероятным объяснением данных особенностей может быть и относительная кратковременность посещений стоянки, также являющаяся следствием ее расположения.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 200 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 160 с.

Акимова Е.В. Многовариантность культурных проявлений в позднем палеолите Среднего Енисея // V (XXI) Всерос. археологический съезд. Сб. науч. тр. – 2017. – С. 47–48.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Попова Н.Н. Стоянка Бюза 2 – новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище // Stratum «Археология и культурная антропология». – 2016. – № 1. – С. 315–324.

Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55, № 10. – С. 1495–1508.

Артемьев Е.В., Разгильдеева И.И., Прилепская Н.Е. Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 года // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири / под ред. М.В. Константинова. – Иркутск: Изд-во ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. – С. 34–55.

Гречкина Т.Ю. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным пла-

ниграфии и ремонтажа материалов кокоревских стоянок): дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983. – 417 с.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). – Красноярск: Изд-во Красн. гос. педагог. ун-та им. В.П. Астафьева, 2005. – 112 с.

Зольников И.Д., Новиков И.С., Деев Е.В., Шпанский А.В., Михаревич М.В. О фациальном составе и стратиграфическом положении четвертичной верхнеенисейской толщи в Тувинской и Минусинской впадинах // Геология и геофизика. – 2021. – Т. 62, № 10. – С. 137–139.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН. Т. II. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 230 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 418. – С. 182–190.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 91–94.

Харевич В.М., Харевич А.В., А.А. Анойкин, Акимова Е.В. Разведочные работы на Красноярском водохранилище в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд–во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 24 – С. 279–286.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kultura. Novosibirsk: Science, 1979b. 160 p. (In Russ.).

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Science, 1979a. 200 p. (In Russ.).

Akimova E.V. Mnogovariantnost kulturnykh proyavlenii v pozdnem paleolite Srednego Eniseya. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii sezd. Sbornik nauchnykh trudov,* 2017. P. 47–48. (In Russ.).

Akimova E.V., Kharevich V.M., Popova N.N. Byuza II – a New Early Holocene Site in the Krasnoyarsk Reservoir Area. *Stratum*, 2016. N 1. P. 315–324. (In Russ.).

Artemev E.V., Razgildeeva I.I., Prilepskaya N.E. Krutaya site – a new object in the archaeological complex of mount Afontova: preliminary results of surveys in 2017. *Preodolenie vremeni i prostranstva. Stat'i po aktual'nym problemam okhranno-spasatel'nykh rabot na pamyatnikakh arkheologii Srednei Sibiri*, M.V. Konstantinov (ed.). Irkutsk: Institut geografii im. V.B. Sochavy: SB RAS Publ., 2019. P. 34–55. (In Russ.).

Arzhannikova A.V., Arzhannikov S.G., Akulova V.V., Danilova Yu.V., Danilov B.S. O proiskhozhdenii peschanykh otlozhenii v Yuzhno-Minusinskoi kotlovine. *Geologiya i geofizika*, 2014. Vol. 55. N 10. P. 1495–1508. (In Russ.).

Drozdov N.I., Chekha V.P., Khazarts P. Geomorfologiya i chetvertichnye otlozheniya Kurtakskogo geoarkheologicheskogo raiona (Severo-Minusinskaya vpadina). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Univ. Press, 2005. 112 p. (In Russ.).

Grechkina T.Yu. Rekonstruktsiya vidov proizvodstvennoi deyatel'nosti v pozdnem paleolite (po dannym planigrafii i remontazha materialov kokorevskikh stoyanok): cand. sc. (history) dissertation, Leningrad, 1983. 417 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. The surveys in the northern area of Krasnoyarsk water-reservoir. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 91–94. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Vashkov A.A. The problem of the upper chronological border of the kokorevo culture during the Late Paleolithic of the Enisei (Troitskaya site). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017. N 418. P. 182–190. (In Russ.).

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Anoikin A.A., Akimova E.V. Archaeological Exploration at the Krasnoyarsk Reservoir in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 14. P. 279–286. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 230 p. (In Russ.).

Rybin E.P. Kolobova K.A. Structure of stone industries and functional features of paleolithic sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2004. N 4. P. 20–34. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Novikov I.S., Deev E.V., Shpanskii A.V., Mikharevich M.V. Facies composition and stratigraphic position of the quaternary Upper Yenisei sequence in the Tuva and Minusa depression. *Geologiya i geofizika*, 2021. Vol. 62. N 10. P. 137–139. (In Russ.).

Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Левицкая П.С. https://orcid.org/0000-0001-8981-8498
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0365-0372
УДК 902/904

В.М. Харевич[1], Е.Н. Бочарова[1], И.Д. Зольников[2], А.В. Харевич[1]✉, П.С. Левицкая[2], А.А.Гришин[3], А.А. Анойкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Музей геологии Центральной Сибири
Красноярск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Археологические работы на стоянке раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (Средний Енисей)

В статье представлены результаты полевых исследований на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха-3. Работы 2022 г. представляют собой продолжение разведок 2020 г. Основными целями работ стали получение коллекции археологических материалов, залегающих in situ, уточнение стратиграфической ситуации и отбор образцов для абсолютного датирования (OSL, AMS). Раскоп площадью 13 м^2 был заложен в береговом уступе и приурочен к расчистке 2020 г. Культурный слой зафиксирован на глубине 5,6 м над погребенной каргинской палеопочвой. Культурный слой подразделяется на два горизонта обитания. Первый горизонт обитания, приуроченный к кровле и средней части культурного слоя, представляет собой участок, связанный с изготовлением и использованием галечных орудий и с иной орудийной деятельностью. Главным объектом второго горизонта обитания являются остатки кострища, вокруг которого расположены каменные артефакты и фаунистические остатки крупных копытных и хищника из рода псовых. Археологический материал обоих горизонтов относится к одному комплексу. Первичное расщепление данного комплекса направлено на получение пластин с одно-, реже двухплощадочных моно- и бифронтальных нуклеусов. В орудийном наборе преобладают орудия на пластинах – концевые скребки на ретушированных и нересушированных пластинах, остроконечники и интенсивно ретушированные пластины. Помимо орудий найдены два неутилитарных предмета – подвески из камня. Сопоставление каменной индустрии Сабанихи-3 с другими комплексами раннего верхнего палеолита р. Енисей (Малая Сыя, Дербина IV, V, Усть-Малтат II, Покровка II) указывает на их принадлежность к одной культурной традиции, бытовавшей на территории бассейна р. Енисей 35–21 тыс. л.н.

Ключевые слова: *Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище, ранний верхний палеолит, каменная индустрия.*

V.M. Kharevich[1], E.N. Bocharova[1], I.D. Zolnikov[2], A.V. Kharevich[1]✉, P.S. Levitskaya[2], A.A. Grishin[3], A.A. Anoikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]Museum of Geology of Central Siberia
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Archaeological Work at the Early Upper Paleolithic Site of Sabanikha 3 (Middle Yenisei)

The article provides the results of field research at the Sabanikha 3 Upper Paleolithic site. The 2022 field work is a continuation of the 2020 survey. The main objectives of the 2022 field work were to obtain an in situ assemblage of

archaeological materials, to clarify the stratigraphic situation, and to take samples for absolute dating (OSL, AMS). The main pit (13 sq. m) was made in a coastal escarpment, and timed to coincide with the 2020 stripping. The cultural layer was observed at a depth of 5.6 m, above the buried Karginsky paleosol. The cultural layer is subdivided into two habitation horizons. The first habitation horizon confined to the upper and middle parts of the cultural layer is an area associated with the manufacture and use of pebble tools and other tooling activities. The main object of the second habitat horizon are the remains of a fire place, around which lithic artifacts and faunal remains of large ungulates and a predator of the canine genus are located. Archaeological materials from both habitation horizons belong to the same complex. The primary reduction of this complex is aimed at obtaining blades from uni- and bidirectional cores. The toolkit is dominated by the tools on blades, such as end scrapers on retouched and unretouched blades, points and intensely retouched blades. In addition to tools, two non-utilitarian objects, stone pendants, were found. Comparison of the lithic industry of Sabanikha 3 with other complexes of the Early Upper Paleolithic of the Yenisei River (Malaya Syya Derbina IV, V, Ust-Maltat II, Pokrovka II) suggests that they belong to the same cultural tradition, which existed in the Yenisei River basin 35–21 thousand years ago.

Keywords: *Middle Siberia, Krasnoyarsk Reservoir, Early Upper Paleolithic, lithic industry.*

Начальные этапы верхнего палеолита бассейна среднего Енисея представлены относительно небольшим количеством памятников. Это стоянка Малая Сыя, ранняя группа памятников Дербинского залива Красноярского водохранилища [Палеолит..., 2018] и стоянка Сабаниха [Лисицын, 2000]. Каменные индустрии раннего верхнего палеолита (далее РВП) датируются финалом каргинского и началом сартанского времени, в промежутке от 35 до 21 тыс. л.н., и обладают рядом выраженных общих черт. В первую очередь это направленность первичного расщепления на получение пластин путем редукции однонаправленных и бипродольных нуклеусов. Орудийный набор характеризуется использованием пластинчатых заготовок для изготовления концевых скребков, в т.ч. на ретушированных заготовках, остроконечников, широко представлены интенсивно ретушированные пластины [Харевич, 2010; Акимова, Харевич, Стасюк, 2018]. Характерной чертой комплексов Дербинского залива (Дербины V и Усть-Малтата II) является наличие развитой техники двусторонней обработки направленной на изготовление листовидных и овальных бифасов [Палеолит..., 2018]. Обработка кости и рога представлена в индустриях Малой Сыи и Сабанихи [Лисицын, 2000; Холюшкин, 2009; Лбова и др., 2015]. Ключевой особенностью комплексов РВП Енисея, накладывающей определенные ограничения на их изучение, является залегание в переотложенной каргинской палеопочве. Исключение из этого ряда составляет комплекс стоянки Сабаниха.

Стоянка Сабаниха расположена на левом берегу Красноярского водохранилища по левому (западному) борту лога Сабаниха (рис. 1, *1, 3*). Памятник был открыт Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовался им с 1989 по 1991 г. Культурный слой, раскопанный на площади 23 м^2 залегал над каргинской палеопочвой. Н.Ф. Лисициным была получена представительная коллекция, насчитывающая 2 950 предметов в подъемном комплексе и 3 295 из культурного слоя. Возраст стоянки по ^{14}C был в пределах 23–25 тыс. л.н. Типологический облик и возраст находок позволили отнести материалы стоянки к ранним этапам верхнего палеолита [Лисицын, 2000].

Эпизодические сборы в районе стоянки Сабаниха производились в разные периоды [Барков, Мещерин, 2018]. В 2014 г. отрядом ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. Астафьева в 900 м к юго-востоку от стоянки, по правому борту небольшого залива было найдено местонахождение с находками верхнепалеолитического облика, получившее название Сабаниха-2 [Харевич и др., 2014].

Новый этап исследований стоянки Сабаниха начался в 2020 г. Отрядом ИАЭТ СО РАН была собрана коллекция подъемного материала (614 экз.), и заложена расчистка (3 м^2) в береговом обнажении, подтвердившая сохранность культурного слоя. Культурный слой залегал на глубине 5,6 м в светло-серых алевропесках. Коллекция предметов из культурного слоя насчитывала 204 каменных артефакта и 150 фрагментов фаунистических остатков (преимущественно крупных копытных). Типологический облик коллекции подъемного комплекса и артефактов, полученных *in situ*, позволил говорить об их принадлежности к одному комплексу. Коллекция нуклеусов характеризовалась преобладанием одно- и двухплощадочных бифронтальных ядрищ, направленных на производство пластин. В орудийном наборе преобладали скребки на ретушированных пластинах, разнообразные галечные орудия, проколки на пластинах и ретушированные пластины. Костяная индустрия была представлена фрагментом ретушера из трубчатой кости [Харевич и др., 2020б]. Стратиграфическая позиция и типологический облик находок 2020 г. идентичны материалам, полученным Н.Ф. Лисициным в 1989–1991 гг. Однако, учитывая то, что за последние 30 лет береговая линия сместилась не менее чем на 15 м [Мокринец, 2013], установить, как участок работ 2020 г. соотносится с раскопками Н.Ф. Ли-

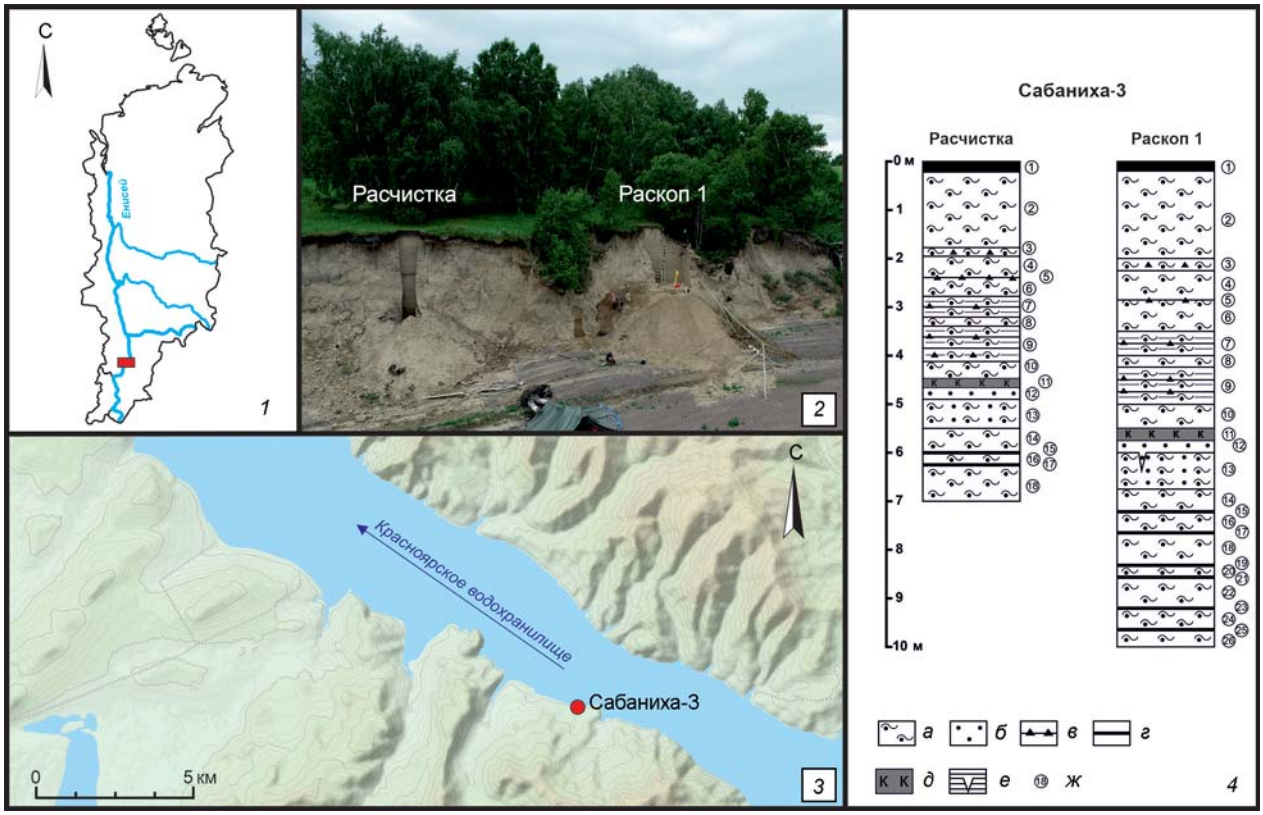


Рис. 1. Стоянка Сабаниха-3.

1, 3 – расположение стоянки Сабаниха-3; *2* – общий вид на стоянку Сабаниха-3; *4* – стратиграфический профиль раскопа 1 и расчистки. *а* – алевропесок; *б* – песок; *в* – прослои дресвяника; *г* – палеопочвы; *д* – культурный слой; *е* – текстуры; *ж* – номер слоя.

сицына, не представлялось возможным. Поэтому участок работ 2020 г. получил отдельное обозначение – стоянка Сабаниха-3.

Полевые работы, проводимые отрядом ИАЭТ СО РАН в 2022 г., являются продолжением исследований 2020 г. В ходе работ был заложен раскоп площадью 13 м^2 (раскоп 1), приуроченный к юго-западному углу зачистки 2020 г. Также в 20 м к юго-востоку от раскопа была заложена зачистка (рис. 1, *2*). Основной целью исследований 2022 г. стало получение коллекции материалов залегающих *in situ*, уточнение стратиграфической ситуации, выявление и изучение планиграфических структур, отбор образцов на AMS- и OSL-датирование.

Стратиграфический разрез раскопа 1 (описание даются по южной стенке) и зачистки берегового обнажения имеет следующее строение (рис. 2):

0,0–0,5 м. Слой 1. Современная лесная почва. Мощность почвенного профиля 0,5 м;

0,5–2,0 м. Слой 2. Светло-серый неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 1,5 м;

2,0–2,25 м. Слой 3. Светло-розовый алевропесок с дресвяником в срединной части толщиной 5 см. Делювий (горизонт размыва). Общая мощность слоя 0,25 м;

2,25–2,8 м. Слой 4. Светло-серый с палевым оттенком алевропесок неслоистый. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,55 м;

2,8–2,9 м. Слой 5. Светло-розовый алевропесок с дресвой. Делювий (горизонт размыва). Мощность 0,1 м;

2,9–3,5 м. Слой 6. Светло-серый с палевым оттенком алевропесок неслоистый. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,6 м;

3,5–4,0 м. Слой 7. Светло-розовый алевропесок с параллельными прослоями дресвяника. Делювий. Мощность 0,5 м;

4,0–4,25 м. Слой 8. Светло-серый с палевым оттенком алевропесок неслоистый. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,25 м;

4,25–5,0 м. Слой 9. Светло-розовый алевропесок с параллельными прослоями дресвяника. Делювий. Мощность 0,75 м;

5,0–5,5 м. Слой 10. Светло-серый с палевым оттенком алевропесок неслоистый. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,5 м;

5,5–5,75 м. Слой 11 содержит археологический материал. Светло-серый с палевым оттенком алевропесок неслоистый. В кровле и подошве (в подошве наиболее явно выражены) наблюдаются углисто-золистые примазки и цепочки мелких угольков.

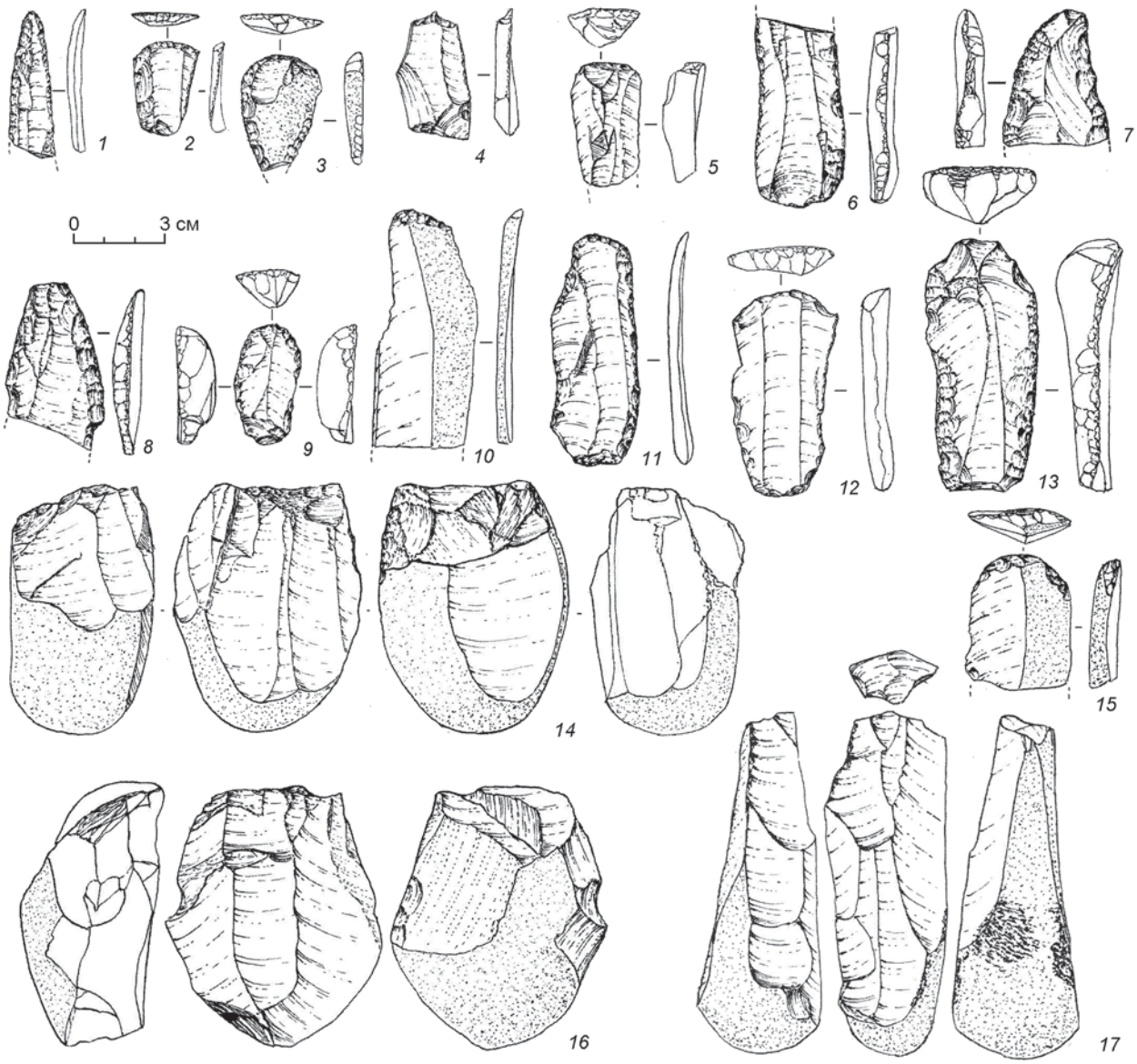


Рис. 2. Стоянка Сабаниха-3. Каменные артефакты.

1, *5–9*, *14–17* – горизонт обитания 1; *2–4*, *10–13* – горизонт обитания 2.
1 – остроконечник; *2*, *3*, *5*, *9–13*, *15* – скребки; *6* – пластина с ретушью; *7*, *8* – скребла; *14*, *16*, *17* – нуклеусы.

Наблюдаются мелкие (размером 2–3 мм) изометричные пятна белесых карбонатов в поперечнике, а также мелкие изометричные рыжие пятнышки ожелезнения. Мощность 0,25 м;

5,75–6,0 м. Слой 12. Светло-серый с палевым оттенком неслоистый алевритовый песок. Солифлюксий. Мощность меняется, иногда сокращаясь до 0,1 м. В среднем мощность составляет 0,25 м. В подошве клинья глубиной до 40 см (псевдоморфозы по повторно жильным льдам), выполненные отложениями этого же слоя;

6,0–6,75 м. Слой 13. Параллельное субгоризонтальное полого волнистое мелкое (толщина слойков 1–3 см) переслаивание серого мелкозернистого алевритового песка и коричневого алевропеска. В приподошвенной части встречаются линзочки и мелкие прерывистые прослои бледно-коричневого гумуса, а также мелкие пятнышки Mn и Fe. Делювий. Мощность 0, 75 м;

6,75–7,2 м. Слой 14. Палево-бурый неслоистый алевропесок в верхней части более светлый за счет опесчаненности, а в нижней более коричневый – более алевритистый. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,45 м;

7,2–7,25 м. Слой 15. Темно-серый гумусированый слой. Эфемерная палеопочва. Мощность 5 см;

7,25–7,6 м. Слой 16. Палево-бурый с розоватым оттенком неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,35 м;

7,6–7,65 м. Слой 17. Темно-серый гумусированный слой. Эфемерная палеопочва. Мощность 5 см;

7,65–8,35 м. Слой 18. Светло-палевый с буроватым оттенком неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,7 м;

8,35–8,4 м. Слой 19. Темно-серый гумусированный слой. Эфемерная палеопочва. Мощность 5 см;

8,4–8,55 м. Слой 20. Палево-бурый с розоватым оттенком неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,15 м;

8,55–8,6 м. Слой 21. Темно-серый гумусированый слой. Эфемерная палеопочва. Мощность 5 см;

8,6–9,2 м Слой 22. Светло палево-бурый неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,6 м;

9,2–9,3 м. Слой 23. Бурый гумусированный алевропесок. Эфемерная палеопочва. Мощность 0,1 м;

9,3–9,6 м. Слой 24. Светло палево-бурый неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Мощность 0,3 м;

9,6–9,7 м. Слой 25. Бурый гумусированный алевропесок. Эфемерная палеопочва. Мощность 0,1 м;

9,7–9,9 м. Слой 26. Светло палево-бурый неслоистый алевропесок. Лессовидный субаэральный покров опесчаненный. Видимая мощность 0,2 м.

В 20 м вверх по течению реки Енисей от раскопа та же последовательность отложений с незначительными изменениями слоев по мощности вскрыта расчисткой на глубину 7 м вплоть до слоя 18. Поэтому приводить почти идентичные описания нецелесообразно (см. рис. 1).

Судя по геолого-геоморфологическому контексту, отложения, вскрытые в раскопе, залегают на склоне, который обусловлен полого наклонной в сторону Енисея кровлей палеозойских литифицированных пород. Об этом свидетельствуют горизонты размыва в субаэральной толще и наличие нескольких маломощных прослоев палеопочв, которые вряд ли могут в данном случае иметь стратиграфическое значение, поскольку на склонах происходит расщепление почв на несколько. Кроме того, не следует ожидать выдержанности слоев по горизонтали из-за неоднократного проявления денудации (плоскостного смыва по склону). Тем не менее, число слоев в раскопе и в расчистке совпадает, несколько различаясь по мощности.

Обращает на себя внимание опесчаненность и светло-палевый цвет лессовидных субаэральных отложений (в отличие от типичных палево-бурых до коричневых лессов с содержанием алевритовой фракции ок. 80 %), что свидетельствует о том, что вся субаэральная толща залегает на песках одной из высоких террас Среднего Енисея, откуда и был позаимствован песчаный материал в ходе перевевания субаквальных отложений. Согласно имеющимся исследованиям [Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005], верхний ярус террас высотой в среднем от 60 до 170 м отделен поясом крутосклонного скалистого рельефа от нижнего яруса террас высотой в среднем до 20, реже до 40 м.

Археологический слой залегает на глубине 5,5 м, его мощность составляет до 25 см. Культурный слой подразделяется на два горизонта обитания, первый приурочен к кровле и средней части слоя, второй – к его подошве. Мощность горизонта обитания 1 (далее ГО 1) составляет ок. 15 см. По всей вскрытой поверхности встречаются отдельные угольки и пятна ожелезнения. Многочисленные каменные артефакты и фаунистические остатки распределены по вскрытой площади относительно равномерно и залегают субгоризонтально. Зафиксировано одно скопление находок, расположенное в юго-восточном углу раскопа. Оно образовано галечными орудиями, крупными кортикальными сколами, фрагментами трубчатых костей и крупными обломками диабаза без следов искусственной обработки. В целом, характер археологического материала ГО 1 свидетельствует о деятельности, связанной с производством и использованием орудий.

Горизонт обитания 2 (ГО 2) отделен от ГО 1 небольшой практически стерильной прослойкой мощностью 3–5 см. По всему вскрытому участку отмечаются сажистые примазки и пятна ожелезнения. Наиболее значимым объектом ГО 2 является кострище, расположенное в южной части вскрытого участка. Кровля кострища состоит из крупных углей и имеет размеры 1,5 м по линии юго-запад – северо-восток и 1,1 м по линии северо-запад – юго-восток. Целостность объекта нарушена трещиной (сбросом), разделившей его в вертикальной проекции по линии юго-запад – северо-восток. Нижняя часть кострища, залегающая под слоем угля, представляет собой пятно прокала округлой формы. Диаметр пятна равен 80 см, мощность в центральной части 17 см, по периметру до 3 см. По сравнению с вышележащим горизонтом ГО 2 менее насыщен археологическим материалом и, в основном, приурочен к кострищу. Несколько артефактов было найдено при разборе пятна прокала: отщепы, фрагменты пластин и концевой скребок на пластине. Фаунистические остатки представлены в основном фрагментами костей крупных копытных, также был найден фрагмент черепа хищника из рода псовых.

Археологические материалы обоих горизонтов обитания демонстрируют общие технико-типологические характеристики и принадлежат к одной культурной традиции. Всего коллекция артефактов насчитывает 4 552 экз. (см. *таблицу*). Нуклевидные изделия представлены несколькими заготовками (4 экз.) и готовыми нуклеусами (13 экз.), преимущественно одноплощадочными однофронтальными (рис. 2, *14*, *16*, *17*) и единичными двухплощадочными однофронтальными. Индустрия сколов сформирована пластинами и отщепами > 3 см, также фиксируется несколько пластинок (16 экз.) и микропластинок (6 экз.) (см. *таблицу*).

В орудийном наборе преобладают скребки (16,2 % без учета отходов производства), в основном, концевые на ретушированных (5 экз.) (рис. 2, *9*, *11*, *13*) и неретушированных пластинах (4 экз.) (рис. 2, *5*, *10*, *12*, *15*). Реже встречаются концевые скребки на ретушированных (2 экз.) (рис. 2, *2*, *3*) и неретушированных отщепах (2 экз.). Найдено 2 экз. угловых скребков на пластинчатой и отщеповой заготовках. Следующая по представительности категория орудий – скребла, в их число входят конвергентные (2 экз.) (рис. 2, *7*) и простые продольные формы (3 экз.), в т.ч. двойные (рис. 2, *8*). Также в орудийном наборе встречаются: срединная проколка на пластине (рис. 2, *4*), угловая проколка на отщепе, остроконечник на пластине (рис. 2, *1*). Остальную часть орудийного набора составляют отщепы (2 экз.) и пластины с ретушью (20 экз.) (рис. 2, *6*), в т.ч. интенсивно ретушированные. Также в коллекции было найдено три галечных орудия (струги) и пять отбойников. Наиболее примечательной частью коллекции являются находки двух подвесок из камня, а также фрагменты двух стержней (наконечников) из рога.

Стратиграфическая позиция находок, их возраст и типологический облик позволяют отнести материалы стоянки Сабаниха-3 к раннему верхнему палеолиту. В первичном расщеплении это проявляется в доминировании одно-, реже бинаправленого пластинчатого раскалывания [Харевич, Стасюк, 2016] и использовании специфического приема подготовки зоны расщепления пикетажем [Славинский и др., 2017; Харевич и др., 2020а]. В орудийном наборе – преобладанием скребков на ретушированных пластинах, наличием остроконечников на пластинах и скребков-остроконечников. Выразительным элементом является наличие подвесок из камня, одна из которых находит прямые аналоги в комплексе Малой Сыи [Лбова и др., 2014]. Данные признаки характерны для РВП индустрий Енисея в целом, что позволяет рассматривать их в рамках единого культурно-хронологического феномена, берущего свои истоки в ранневерхнепалеолитических комплексах Алтая и, возможно, Монголии [Палеолит..., 2018]. Материалы Сабанихи-3 от других РВП комплексов региона отличает непотревоженное положение археологических находок. Это открывает широкие перспективы планиграфических исследований, невозможных на других памятниках РВП Енисея.

Типологический состав коллекции из культурного слоя стоянки Сабаниха-3

Типы артефактов	Кол-во, экз.	Кол-во, %	Кол-во, %*
Нуклевидные	17	0,4	5,1
Сколы-заготовки			
Пластины	69	1,5	20,7
Пластинки	16	0,4	4,8
Микропластинки	6	0,1	1,8
Отщепы > 3 см	202	4,4	60,7
Из них орудий	54	1,2	16,2
Отщепы < 3 см	1 448	31,8	–
Обломки/осколки	809	17,8	–
Чешуйки	1 962	43,1	–
Колотые гальки	15	0,3	4,5
Галечные орудия	3	0,1	0,9
Отбойники/ретушеры	5	0,1	1,5
Всего	4552	100	–

*Без учета отходов производства.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 21-78-10146 «Верхнепалеолитическая мозаика – культурно-технологическая изменчивость каменных индустрий предгорных зон севера Центральной Азии во второй половине позднего плейстоцена».

Список литературы

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Каменные индустрии позднекаргинских – раннесартанских местонахождений Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Stratum plus. – 2018. – № 1. – С. 353–367.

Барков А.В., Мещерин М.Н. Стоянка Сабаниха Боградского района // АО 2016 г. – 2018. – С. 436–438.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2005. – 112 с.

Лбова Л.В., Волков П.В., Долгорукова Н.А., Барков А.В., Ларичев В.Е. Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2014. – Т. 13, вып. 5. – С. 91–100.

Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В. Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сыя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 103–106.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН. Том II. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 230 с.

Мокринец К.С. Определение отступания склонов береговой линии Красноярского водохранилища (Северо-Минусинская впадина) на основе данных дистанционного зондирования за период 1989–2012 гг. // Геоморфология и картография: мат-лы XXXIII Пленума Геоморфологической комиссии РАН. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2013. – С. 323–326.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. – 2017. – № 1. – С. 221–244.

Харевич В.М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 242 с.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 91–94.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К. Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // Stratum plus. – 2020а. – № 1. – С. 239–256.

Харевич В.М., Стасюк И.В. Индустрии крупных пластин в верхнем палеолите Среднего Енисея. Технологический аспект // Stratum plus. – 2016. – № 1. – С. 211–222.

Харевич В.М., Харевич А.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В. Возобновление археологических работ на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха (Средний Енисей) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020б. – Т. 24. – С. 271–278.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

References

Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V. Late Karginian-early Sartanian stone industries in Derbina bay (Krasnoyarsk reservoir). *Stratum plus,* 2018, N 1. P. 353–367. (In Russ.).

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 180 p. (In Russ.).

Barkov A.V., Meshcherin M.N. Stoyanka Sabanikha Bogradskogo raiona. *Arkheologicheskie otkrytiya. 2016 g.*, 2018. P. 436–438. (In Russ.).

Drozdov N.I., Chekha V.P., Khazarts P. Geomorfologiya i chetvertichnye otlozheniya Kurtakskogo geoarkheologicheskogo raiona (Severo-Minusinskaya vpadina). Krasnoyarsk:Krasnoyarsk State Univ. Press, 2005. 112 p. (In Russ.).

Kharevich V.M. Nachal'naya stadiya verkhnego paleolita Srednego Eniseya: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 210. 242 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. Razvedochnye raboty na severe zony Krasnoyarskogo vodokhranilishcha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 91–94. (In Russ.).

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Anoikin A.A., Akimova E.V. Resumption of Archaeological Research at the Upper Paleolithic Site Sabanikha (Middle Yenisei). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 24. P. 271–278. (In Russ.).

Kharevich V.M., Stasyuk I.V. Big blade industries in the Upper Palaeolithic of the Middle Yenisei basin. Technological aspect. *Stratum plus,* 2016. N 1. P. 211–222. (In Russ.).

Kharevich V.M., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K. Auxiliary knapping tools in the initial Upper Paleolithic stone assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site). *Stratum plus,* 2020. N 1. P. 239–256. (In Russ.).

Kholyushkin Yu.P. Poselenie Malaya Syya – rannii etap verkhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniya kultur Homo sapiens v Severnoi Azii). In *Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyi instrument poznaniya protonauk i astral'nykh religii zhrechestva drevnikh kul'tur Khakasii*. Krasnoyarsk: Gorod, 2009. P. 137–145. (In Russ.).

Lbova L.V., Panov V.S., Zenin V.N., Barkov A.V. The new data for the radiocarbon age of the Malaya Syya site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 103–106. (In Russ.).

Lbova L.V., Volkov P.V., Dolgorukova N.A., Barkov A.V., Larichev V.E. Items of the non-utilitarian purpose in the collection of the Upperpaleolitic Malaya Syya Site (technological aspects). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universteta,* 2014. Vol. 5. P. 91–100. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 230 p. (In Russ.).

Mokrinets K.S. Definition of recede of slopes coastline of the Krasnoyarsk sea (the north Minusinsk hollow) on the basis of data of remote sensing during 1989—2012. In *Geomorfologiya i kartografiya: materialy XXXIII Plenuma Geomorfologicheskoi komissii RAN*. Saratov: Saratov State Univ. Press, 2013. P. 323–326. (In Russ.).

Slavinsky V.S., Rybin E.P., Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoikin A.A. Specific technique of core platform preparation in the initial upper palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum plus,* 2017. N 1. P. 221–244. (In Russ.).

Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Гришин А.А. https://orcid.org/0000-0002-6031-9289
Левицкая П.С. https://orcid.org/0000-0001-8981-8498
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0373-0380
УДК 903.01

А.М. Хаценович[1]✉, Д. Базаргур[2], Я. Цэрэндагва[2], Д.В. Марченко[1], Е.П. Рыбин[1], А.М. Клементьев[1, 3], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], А.С. Кравцова[1], П.С. Кравцова[1], А. Керенэ Онфрёй де Бревилль[4], Т. Бурсе[5], Б. Гунчинсурэн[2], А.П. Деревянко[1], Д.У. Олсен[1, 6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[4]Университет Коннектикута
Сторрс, США
[5]Университет Бордо
Бордо, Франция
[6]Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Изучение пещеры Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае в 2022 году

В статье представлены результаты экспедиционных работ на пещерном памятнике палеолита Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае на территории Монголии. Отложения пещеры содержат культурную последовательность среднего и верхнего палеолита, а также материальные остатки времени голоцена. В 2022 г. было заложено два раскопа. Один из них располагался на Предвходовой площадке. Мощность вскрытых отложений составила ок. 1,5 м. Стратиграфия разреза соответствует ситуации, описанной в 1988 г. и 1996 г. на предыдущих циклах исследования пещеры. Слои 4–7 содержали археологический материал и многочисленные костные остатки. Значительное количество микрофауны из отложений Предвходовой площадки позволят реконструировать климатические флуктуации в регионе на протяжении позднего плейстоцена и голоцена. Второй раскоп является продолжением раскопа 2 в Большом гроте. В 2021 г. здесь был заложен раскоп площадью 1 м^2, пройденный до поверхности слоя 6; в 2022 г. он был расширен на 3 м^2. Вскрытые отложения включают последовательность слоев 1–5. Стратиграфическая ситуация претерпела изменения в связи с падением слоев в северо-западном направлении, выявлены новые подразделения. Каменная индустрия представлена малочисленными ассамбляжами в слоях 1–3. Слои 4 и 5 содержали значительное число артефактов по сравнению с раскопом 2021 г. Предварительно эти ассамбляжи можно определить как нелеваллуазскую мустьерскую индустрию. В слоях 2.2–5 фиксируется присутствие костяной индустрии, представленной, преимущественно, неформальными орудиями.

Ключевые слова: *Монголия, Гобийский Алтай, пещера, плейстоцен, палеолит, стратиграфия.*

A.M. Khatsenovich[1]✉, D. Bazargur[2], Y. Tserendagva[2], D.V. Marchenko[1], E.P. Rybin[1], A.M. Klementyev[1, 3], G. Margad-Erdene[2], A.S. Kravtsova[1], P.S. Kravtsova[1], I. Querenet Onfroy de Breville[4], T. Burcet[5], B. Gunchinsuren[2], A.P. Derevianko[1], J.W. Olsen[1, 6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology of the MA
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust of the SB RAS
Irkutsk, Russia

[4]*University of Connecticut*
Storrs, USA
[5]*University of Bordeaux*
Bordeaux, France
[5]*School of Anthropology, University of Arizona*
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

2022 Investigations of Tsagaan Agui Cave in the Gobi Altai

This article discusses the results of field expedition conducted at the Paleolithic site of Tsagaan Agui Cave in the Gobi Altai region in Mongolia. The cave's deposits contain a Middle and Upper Paleolithic archaeological sequence as well as cultural remains dating to the Holocene. Two pits were excavated in 2022, one of them located on the cave's Entrance Terrace where the entire sedimentary sequence is about 1.5 m thick. This stratigraphic profile corresponds to the 1988 and 1996 profiles described during previous investigations of the cave. Layers 4–7 contained both archaeological and numerous osseous remains. A significant number of microfaunal remains found in the Entrance Terrace provides complementary high-resolution data for the Late Pleistocene—Holocene paleoclimatic reconstruction in the region. The second excavation is an extension of Excavation 2 made in 2021 in the Main Chamber of the cave. One square meter of pit 2, uncovered down to layer 6 in 2021, was extended to another 3 sq. m. Deposits uncovered in 2022 include layers 1–5. The stratigraphic situation in pit 2 has changed due to the inclination of strata to the northwest and the appearance of new layers. The lithic assemblages from layers 1–3 are scarce. Layers 4 and 5 contained significant amount of artifacts compared to the collection excavated in 2021. These assemblages can be preliminarily identified as non-Levallois Mousterian industries. A bone industry found in layers 2.2–5 is mostly represented by informal tools.

Keywords: *Mongolia, Gobi Altai, cave, Pleistocene, Paleolithic, stratigraphy.*

Введение

Заселение человеком аридных и высокогорных районов Азии является одним из научных вопросов, которые интенсивно исследуются в последнее десятилетие [Hudson et al., 2015; Zhang et al., 2018]. Расположение пещеры Цагаан-Агуй на территории Гобийского Алтая делает ее единственным памятником закрытого типа с культурной последовательностью от среднего до верхнего палеолита для обширной территории, включающей всю систему Алтайских гор и пустыни Гоби и Алашань на территории Монголии и Китая. Пещера находится на высоте ок. 2000 м, и, несмотря на то, что такая высота не вызывает гипоксии и не требует акклиматизации, она оказывает значительное влияние на климатические условия и биоразнообразие в окрестностях пещеры: это делает окрестности пещеры менее привлекательными для обитания современных кочевников, нежели районы, расположенные на меньших высотах, и плотность населения здесь ниже. В позднем плейстоцене природно-климатические условия были иными, для этого периода нами предварительно реконструирована сухая степь в районе пещеры. Помимо самой пещеры, в Гобийском Алтае обнаружены многочисленные палеолитические памятники с экспонированным материалом [Деревянко и др., 1997].

В 2021 г. Монгольско-Российско-Американской совместной археологической экспедицией был вскрыт продольный разрез пещеры, а также заложено два раскопа с целью получения образцов для датирования и ряда анализов, направленных на реконструкцию палеоклимата. Изучение стратиграфической ситуации на Предвходовой площадке, во Входном и Большом гроте, а также повторное изучение археологических и палеонтологических материалов, полученных в ходе раскопок 1980-х гг., поставили перед нами новые исследовательские вопросы, такие как возможность соотнесения артефактов из ассамбляжей Предвходовой с ее литологическими слоями; выяснение причин высокой плотности находок на Предвходовой площадке и в Нижнем гроте по сравнению с Большим и Входным гротами; оценка инситности слоев на Предвходовой и их хронологического соотнесения со слоями остальной части пещеры; оценка воздействия водных потоков, поступавших из так называемой «органной» трубы в потолке Большого грота, на стратиграфическую ситуацию в северной части пещеры.

Стратиграфическая ситуация в раскопах 2022 г.

В 2022 г. раскоп 2, состоящий из квадрата A'19, был расширен до 4 м^2 в северо-западном направлении по линиям A' и Б', что значительно приблизило его к стене пещеры (рис. 1). В результате стратиграфическая ситуация претерпела значительные

Рис. 1. План расположения раскопов 1987–2022 гг. в пещере Цагаан-Агуй.

изменения, которые не отмечались раньше, а именно – появление новых слоев и их падение и увеличение мощности в направлении северо-западной стены пещеры. Отложения в раскопе были пройдены до слоя 6, и описание стратиграфического разреза раскопа 2, приводимое ниже, носит предварительный характер (рис. 2, *1*).

Слой 1 на участке квадратов В’18 и А’18 практически исчез в результате антропогенного воздействия. На кв. В’19 слой 1 имел значительную мощность, состоя из гор. 1.1 и 1.3; нижняя граница на этом участке неровная, вклинивающаяся в слой 2.1 из-за антропогенных факторов.

Слой 2.1 неоднороден по причине расположенной над раскопом «органной трубы». На относительно непотревоженной части квадратов он, как отмечалось ранее, представляет собой песчаные переслаивающие прослои оранжевого цвета. Прослои косослоистые и падают к северо-западному углу раскопа. На участке кв. В’19 выявлена линза непотревоженного слоя 2, соответствующая описаниям стратиграфии Шурфа 2 1996–1997 гг. в Большом гроте. Непереработанные и неокрашенные, попадающие через трубу

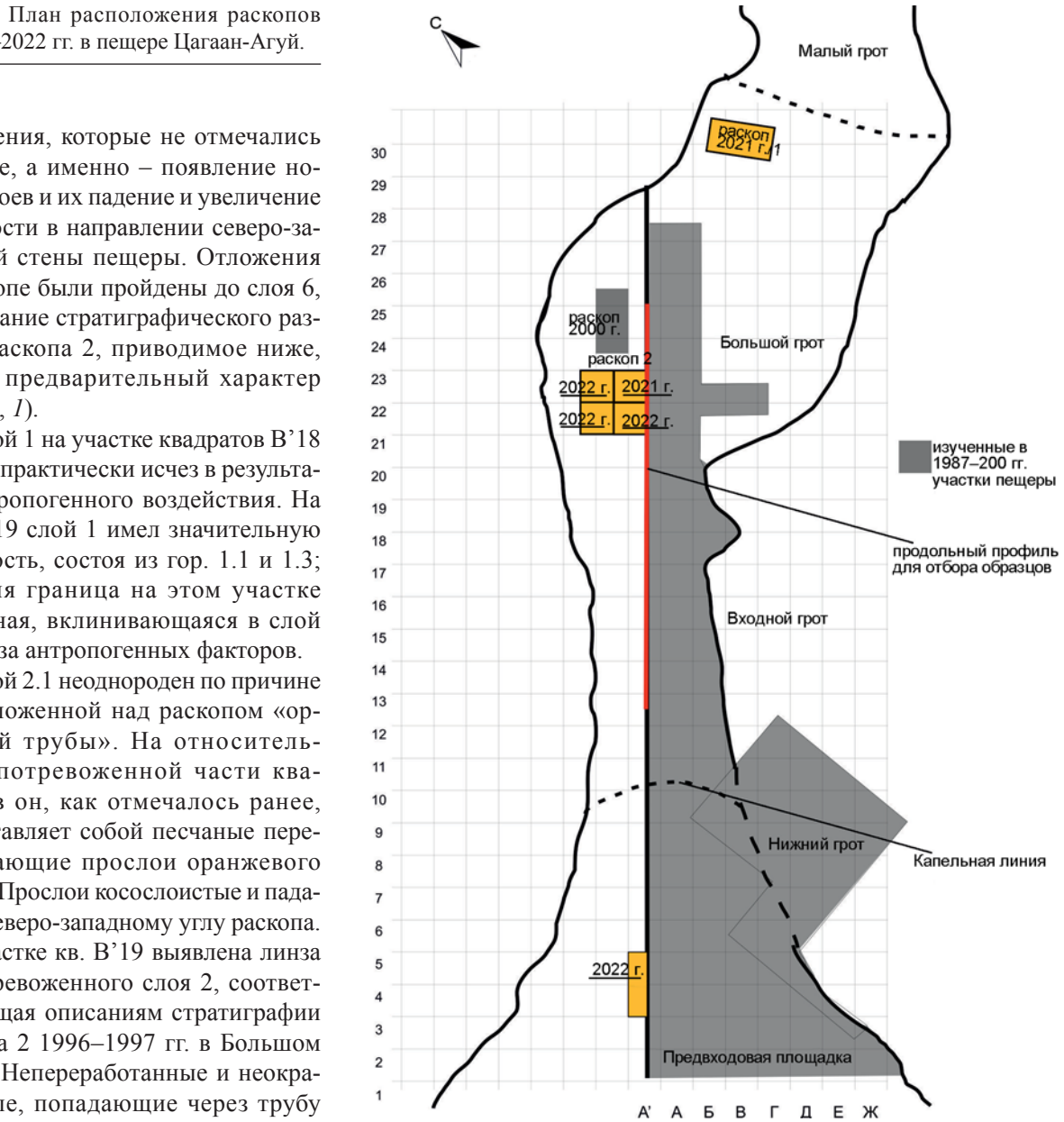


Рис. 2. Стратиграфия раскопов 2022 г.

1 – северный профиль раскопа 2 в Большом гроте, слои 1–5; *2* – 3D-модель западного профиля раскопа Е на Предвходовой площадке (с использованием программы Agisoft Photoscan).

вместе с водой красноцветами, отложения слоя 2 представляют собой серовато-коричневые мелкозернистые полимиктовые карбонатные пески [Деревянко и др., 1997], с включениями некрупных карбонатов, примазками омарганцевания и ожелезнения. На кв. А'18 слой 2.1 представлен линзами хорошо промытого серо-желтого крупнозернистого окатанного песка, и неокатанного – эолового генезиса. На А'18 и кв. В'18 эти пески непосредственно связаны с поступающей водой из трубы, они сцементированы карбонатными прослоями белесого цвета и падают в юго-западном направлении в сторону входа, согласуясь с уклоном пещеры.

Обнаруженная нами промоина на этих квадратах заместила стратиграфическую последовательность слоев 2–4. Край промоины хорошо заметен – это марганцевая линза.

Слой 2.2 – среднезернистый сыпучий, не пылеватый песок, на изученном участке он пропитан марганцем.

Слой 2.3 – новый выявленный слой, супесчаный, косослоистый, пылеватый. Его генезис пока не выяснен. Его мощность возрастает по мере его падения в северо-западном направлении. На кв. А'19 раскопа 2 в 2021 г. он был отмечен в качестве линзы в северо-западном углу.

Слой 3, связанный с кратким эпизодом заселения пещеры человеком и представляющий собой поверхность обитания с кострищем в раскопе 2 2021 г., на новой площади раскопа оказался маломощным, с невысокой плотностью находок и небольшим содержанием угля. Мощность слоя 4, напротив, возросла. Он представлен песчанистым суглинком. Специфика сохранения костных остатков в слое 4 указывает на то, что, скорее всего, они были погребены очень быстро. На кв. А'18 находилась глыба, отмеченная в продольном разрезе пещере еще в 1990-х гг. На уровне слоя 3 она заняла практически весь квадрат, однако, ее стало возможным убрать. Под ней слои 3 и 4 сохранили целостность своей структуры.

Наибольшие изменения в стратиграфии 2022 г. касаются слоя 5: выделенные в нем в 2021 г. линзы выделяются в отдельные слои, пока обозначенные нами как 5.1–5.3. Их структура и текстура указывают на разный генезис. На этом участке также отмечается значительный рост числа находок. Этот уровень пока не был пройден до конца.

Раскоп Е Предвходовой площадки состоял из двух квадратов, А'4 и А'5, общей площадью около 1 м^2. Мощность отложений в раскопе не превышала 1,5 м. Стратиграфия раскопа Е соответствует описаниям, сделанным в 1988 г. и 1995–1996 гг. [Деревянко, Петрин, 1995; Деревянко и др., 1997; Деревянко и др., 2000], и состоит из 13 слоев. Скальное основание имеет сильный уклон с запада на восток и расположено близко к поверхности на изучаемом участке, что обусловило сильное редуцирование стратиграфической последовательности к линии В' (рис. 2, *2*).

Специфические планиграфические структуры раскопа 2

В непотревоженной промоиной части слоя 2 на кв. В'19 была обнаружена антропогенная конструкция, относящаяся к слою 1. Предварительно она интерпретируется как яма, в которой располагался столб. Она имела круглую форму диаметром ок. 25 см, располагалась под углом 50° и была заполнена остатками углей крупного размера, палеофекалиями овец, лошадей и птиц. Наиболее интенсивное горение было на дне ямы – слой угля и различных органических остатков имеет мощность 5 см. Уголь также сосредоточен по круглому контуру ямы по всей ее глубине, когда основное заполнение представлено пылеватыми отложениями (рис. 3, *1*). Подобный объект был обнаружен в гроте Чихэн-Агуй и интерпретирован как остатки навеса [Деревянко и др., 2008].

Другое специфическое явление связано с особенностями стратиграфии, а именно – краями промоины, которые маркируются линзой черного цвета, предположительно – марганцевой. Исходя из расположения костей на кв. А'18 на уровне слоев 3, 4 и 5, они сползали по борту промоины и погребались на границе переработанных и непотревоженных отложений, на марганцевой линзе (рис. 3, *2*).

В слое 5 выявлено скопление костей грызунов мощностью 15–20 см. Оно располагалось в подквадрате В'19/1, под стенкой «органной трубы». Кости были переработаны желудочным соком и интерпретируются как происходящие из погадок крупной птицы. Гнезда крупных хищных птиц могут использоваться десятилетиями. Такое гнездо расположено на скальном уступе в том же каньоне, что и пещера, в 100–120 м от нее. Существование этого гнезда было зафиксировано еще в 1989 г. орнитологом Н.В. Мартыновичем, причем уже тогда им отмечалось, что оно давно обитаемо (личное сообщение). В 2021 г. нами были изучены погадки под этим гнездом, состоящие из костей зайцев и грызунов, а также шерсти и копыт, и, исходя из различной степени их сохранности, сделан вывод, что гнездо посещается с периодичностью раз в несколько лет. Очевидно, такая же ситуация реконструируется для гнезда в «органной» трубе пещеры.

Скопление погадок имело ровную юго-восточную границу. Объяснение этому нашлось

Рис. 3. Планиграфические структуры в раскопе 2 в Большом гроте пещеры Цагаан-Агуй.
1 – конструкция голоценового времени со следами горения в отложениях плейстоценового слоя 2.1; *2* – челюсть *Ovis ammon* на марганцевой линзе.

при дальнейшем разборе слоя 5: здесь выявлена концентрация крупных камней – валунчиков известняка, образующая линию. Именно она сформировала своеобразную лунку, в которой накапливались погадки.

Каменная и костяная индустрии слоев 2–5 раскопа 2

Слой 2.1 содержал всего 3 каменных изделия в силу того, что основная его часть оказалась смыта, а сохранившаяся часть разорвана конструкцией из слоя 1. Здесь присутствует мелкий пластинчатый отщеп, выполненный из сырья, характерного для местонахождений хребта Арц Богд, расположенного в 200 км от пещеры (рис. 4, *1*).

В слое 2.2 найдено 16 каменных изделий, включая единственный кубовидный нуклеус для отщепов из местного девонского кремня, с последовательной реализацией сколов с трех фронтов скалывания (рис. 4, *2*).

В слое 2.3 найдено 5 изделий, среди них также присутствует орудие из неместного сырья – тронкированное изделие. Тронкирование произведено в медиальной части крупного отщепа и оформлено сколами с дорсальной поверхности; дистальная часть и продольные края обработаны краевой ретушью (рис. 4, *3*).

В слое 3 обнаружено 43 изделия. Среди них присутствует проксимальный фрагмент пластинки с ретушью утилизации, а также тронкированно-фасетированное орудие на укороченном отщепе (рис. 4, *4*).

Наиболее представительными являются коллекции слоев 4 и 5. В слое 4 найдены 132 каменных изделия. Орудия в этом ассамбляже представлены несколькими типами, значительная их часть демонстрирует применение вентральной вторичной обработки. Присутствуют два отщепа с вентральной подтеской ударного бугорка, один из которых, возможно, является заготовкой тронкированно-фасетированного орудия (рис. 4, *5, 6*). Также здесь найдено симметричное острие на подтреугольном удлиненном отщепе с краевой ретушью на продольных краях (рис. 4, *7*). Острия также являются транзитным типом для среднепалеолитических комплексов Цагаан-Агуй: в слое 5 найдены симметричное и ассиметричное острия на схожих по морфологии заготовках (рис. 4, *8, 9*). В слое 5 также присутствуют орудие-пик (рис. 4, *10*), тронкированное изделие, проколка, скребок концевой, орудие с вентральной подтеской дистального окончания. Наиболее распространенными приемами вторичной обработки в слоях 4 и 5 являются преднамеренная фрагментация, тронкирование и вентральная подтеска.

На крупных костных остатках идентифицируются два типа антропогенных следов: признаки раскалывания кости для извлечения костного мозга или ее фрагментирования, и непосредственно расщепление кости с целью получения костяных отщепов или оформления орудия. Костяная индустрия фиксируется в слоях 2.2–5. Нередко кости с признаками раскалывания несут на себе последующие следы погрызов гиен.

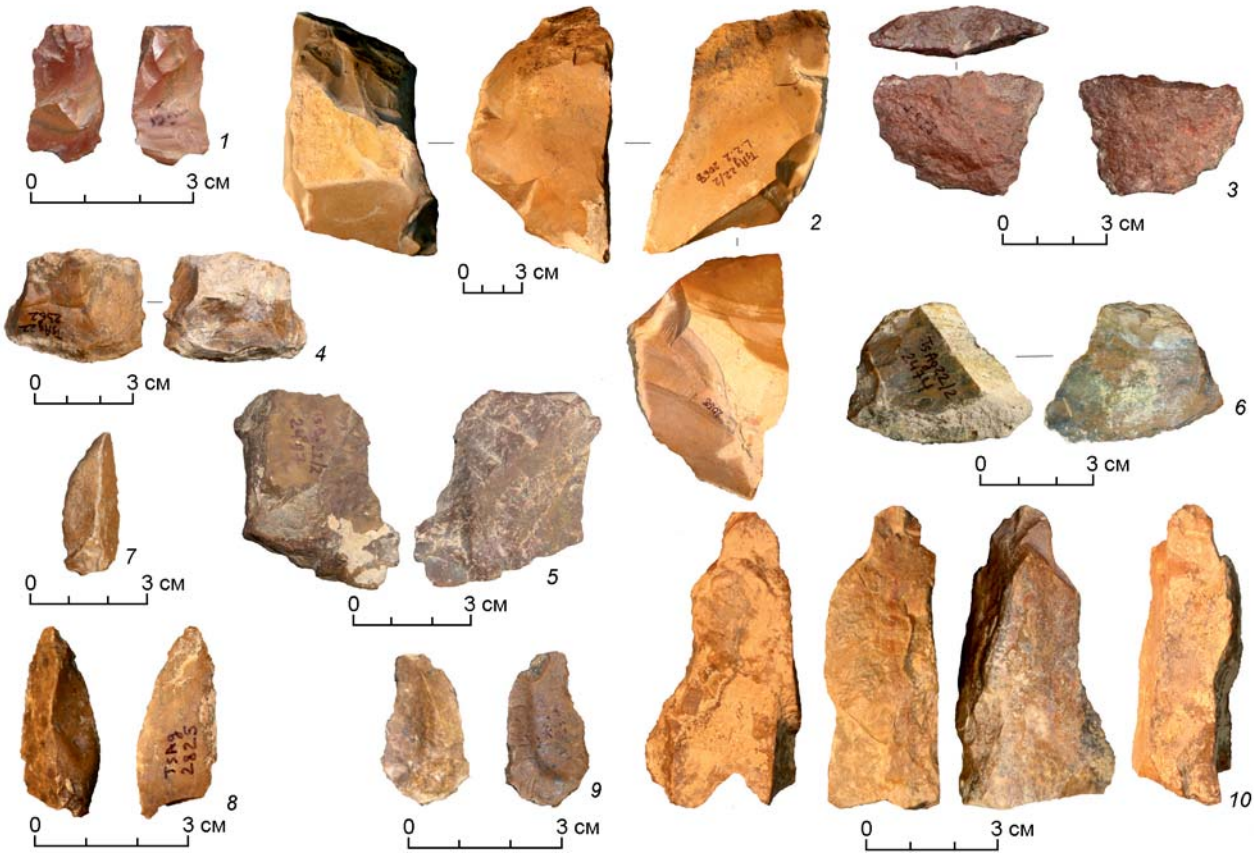


Рис. 4. Каменные артефакты из плейстоценовой пачки слоев раскопа 2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй.

1 – отщеп, слой 2.1; *2* – кубовидный нуклеус, слой 2.2; *3* – тронкированное изделие, слой 2.2; *4* – тронкированно-фасетированное орудие, слой 3; *5, 6* – отщепы с вентральной подтеской ударного бугорка, слой 4; *7* – асимметричное острие, слой 4; *8* – асимметричное ретушированное острие, слой 5; *9* – асимметричное острие, слой 5; *10* – орудие-пик, слой 5.

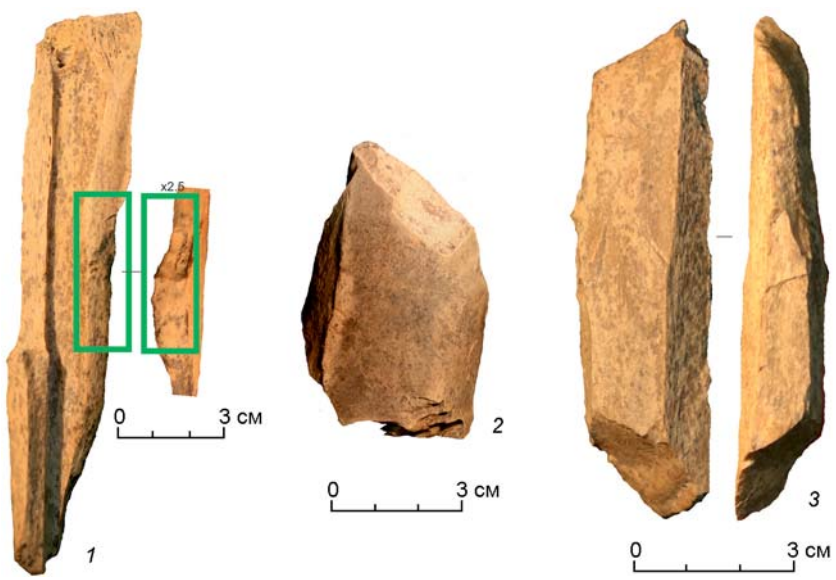


Рис. 5. Костяная индустрия из плейстоценовой пачки слоев раскопа 2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй.

1 – расколотая кость, слой 2.2; *2* – костяное орудие, слой 5; *3* – костяное орудие, слой 4.

Предвходовая площадка

Слои Предвходовой площадки были значительно переработаны грызунами и пищухами. Копролиты и мелкие кости, переработанные в желудочно-кишечном тракте пещерных гиен, встречены в слое 5. На участке квадратов А'4 и А'5 слой 5 оказался не полностью перекрыт глинистыми отложениями слоя 4, что сказалось на его сохранности. Здесь фиксируется присутствие костей тушканчиков, сурков, пищух и сусликов как в плейстоцене, так и в голоцене. В настоящее время сурки и суслики не живут в окрестностях пещеры. По свидетельствам местных кочевников, суслики исчезли в конце 1980-х гг., что скорее подтверждает не общий тренд на аридизацию в Монголии, а существование кратких аридных периодов, к которым чувствительны грызуны. Каменные изделия из отложений Предвходовой немногочисленны, и происходят преимущественно из слоя 5, что отмечалось и при ее раскопках в 1987–1988 гг. Реконструируемый сильный уклон скального основания к юго-восточной части Предвходовой и Нижнему гроту оказывал влияние на характер залегания артефактов, с чем связана их наибольшая плотность на этих двух участках пещеры.

Заключение

Раскопки 2022 г. позволили получить значительное количество остеологических остатков, достаточных для реконструкции тафоценоза и фаунистических комплексов в плейстоцене Гобийского Алтая. Пачка слоев 2.1–2.3 пока разделяется только литологически и, вероятно, имеет различную хронологию, однако технико-типологическая характеристика ассамбляжей не позволяет их разделить по маркирующим типам ввиду малочисленности каменных изделий. Для слоя 2.1 характерно разнообразие каменного сырья, транспортируемого в пещеру, что говорит о ее кратковременном посещении мигрирующей группой людей. Слои 2.2 и 2.3 связаны с интенсивным использованием пещеры гиенами. Несмотря на присутствие в них каменных и костяных орудий, они единичны, при этом основная масса костей представлены мелкими фрагментами из ЖКТ гиен, а копролиты многочисленны. Так же как и в 2021 г., выявлены перерытые гиенами рыхлые отложения, которые затем обживались грызунами. Слой 3 на новом участке раскопа оказался практически пустым. Наибольший интерес представляют слои 4 и 5, где найдена наибольшая концентрация находок.

Предварительно, индустрии слоев 5–7 Предвходовой могут быть связаны со слоями 4–5 раскопа 2 Большого грота и идентифицироваться в качестве среднепалеолитических. Их отличает практически полное отсутствие неместного сырья, идентичные приемы вторичной обработки заготовок – вентральная подтеска, техника комбева, преднамеренная фрагментация. Индустрии обоих участков указывают на применение биполярного раскалывания. Поскольку основная часть орудий относится к неформальным типам, пока только тронкированно-фасетированные орудия являются связующим звеном, однако этот тип является транзитным для слоев 2.2–5 Большого грота в целом. Мустьерские острия и мустьерское транше пока найдены только на Предвходовой, в ассамбляжах 1980-х гг. Наиболее близкие географические аналогии могут быть найдены в комплексах слоев 20, 21 и 12–19 Центрального зала, 14, 15 и 11.3–13 Восточной галереи, 13–16 Южной галереи Денисовой пещеры [Деревянко, 2017; Козликин, 2019; Шуньков, Козликин, Михиенко, 2020], а наиболее близкие хронологически – в слоях 7 и 8 пещеры Джинситай во Внутренней Монголии (Китай) [Li et al., 2018].

Благодарности

Полевые и аналитические исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 19-78-10112 «Адаптация древнего человека к среднегорьям и аридным высокогорьям восточной Центральной Азии в позднем плейстоцене и раннем голоцене». Участие Дж. У. Олсена поддержано эндаументом им. Дже Цонгкапы Аризонского Университета. Участие монгольской стороны поддержано фондом Leakey Foundation, проект «A Levallois refugium in Central Asia: chronology and causes of conservatism».

Список литературы

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 2: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 884 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цагаан-Агуй на Южном фасе Гобийского Алтая в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 80 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 2–12.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р., Гунчинсурэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Рос-

сийско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 383 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.

Козликин М. Б. Ранняя стадия среднего палеолита Алтая: новые данные // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 3: Археология и этнография. – С. 45–52.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А. Среднепалеолитический комплекс из южной галереи Денисовой пещеры: новые материалы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2020. – Т. 26. – С. 322–329.

Hudson A.M., Quade J., Huth T.E., Lei G., Cheng H., Edwards L.R., Olsen J.W., Zhang H. Lake level reconstruction for 12.8 – 2.3 ka of the Ngangla Ring Tso closed-lake system, southwest Tibetan Plateau // Quatern. Research. – 2015. – Vol. 83. – P. 66–79.

Li F., Kuhn S.L., Chen F., Wang Y., Southon J., Peng F., Shan M., Wang C., Ge J., Wang X., Yun T., Gao X. The easternmost Middle Paleolithic (Mousterian) from Jinsitai Cave, north China // J. of Human Evol. – 2018. – Vol. 114. – P. 76–84.

Zhang X., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago // Science. – 2018. – Vol. 362. – P. 1049–1051.

References

Derevianko A.P. Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii. T. 2: Pervonachal'noe zaselenie chelovekom Severnoi, Tsentral'noi i Srednei Azii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. 884 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorj D., Petrin V.T., Zenin A.N., Krivoshapkin A.I., Nikolaev S.V., Myl'nikov V.P., Reeves R., Gunchinsuren B., Tserendagva Ya. Arkheologicheskie issledovaniya Rossiisko-Mongol'sko-Amerikanskoi ekspeditsii v Mongolii v 1996 g. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 383 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tsevendorzh D., Krivoshapkin A.I., Petrin V.T., Brantingham P.D. Mnogosloinaya peshchernaya stoyanka Tsagaan-Agui v Gobiiskom Altae (Mongolia). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. N 1. P. 23–36. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T. Issledovaniya peshchernogo kompleksa Tsagaan-Agui na Yuzhnom fase Gobiiskogo Altaya v Mongolii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995. 80 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Olsen D., Tseveendorzh D., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I., Tabarev A.V. Novoe prochtenie arkheologicheskogo konteksta peshchery Chikhen (Mongoliya) // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2008. N 2. P. 2–12.

Hudson A.M., Quade J., Huth T.E., Lei G., Cheng H., Edwards L.R., Olsen J.W., Zhang H. Lake level reconstruction for 12.8 – 2.3 ka of the Ngangla Ring Tso closed-lake system, southwest Tibetan Plateau // Quatern. Research. – 2015. Vol. 83. P. 66–79.

Kozlikin M.B. The Early Middle Paleolithic in Altai: New Data**.** *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2019. Vol. 18. N 3: Archaeology and Ethnography. P. 45–52. (In Russ.).

Li F., Kuhn S.L., Chen F., Wang Y., Southon J., Peng F., Shan M., Wang C., Ge J., Wang X., Yun T., Gao X. The easternmost Middle Paleolithic (Mousterian) from Jinsitai Cave, north China // J. of Human Evol. 2018. Vol. 114. P. 76–84.

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Mikhienko V.A. The Middle Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 322–329. (In Russ.).

Zhang X., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago // Science. 2018. Vol. 362. P. 1049–1051.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Базаргур Д. https://orcid.org/0000-0003-2183-0591
Цэрэндагва Я. https://orcid.org/0000-0002-8937-6447
Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Маргад-Эрдэнэ Г. https://orcid.org/0000-0002-9416-7922
Кравцова А.С. http://orcid.org/0000-0001-8709-5935
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331
Олсен Дж. У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0381-0388
УДК 902/904

А.М. Хаценович✉, Д.В. Марченко, А.Ю. Федорченко, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ada1985@yandex.ru

Размерность бусин и подвесок из скорлупы яиц страуса как культурный маркер в верхнем палеолите – мезолите Северной и Восточной Азии

Начальный верхний палеолит на территории Евразии выделяется в отдельный культурно-хронологический технокомплекс на основе ряда маркеров, таких как объемная пластинчатая технология расщепления, специфические типы орудий и персональные украшения. На территории Северной и Восточной Азии одним из ведущих типов изделий персональной орнаментации этого времени являлись бусины из скорлупы яиц страуса. Тем не менее, этот тип стал транзитным с точки зрения развития материальной культуры и продолжил свое бытование вплоть до неолита. Представленный на обширной территории, включающей Алтай, Прибайкалье, Забайкалье, Монголию и Китай, этот тип рассматривался как неизменный, за исключением вероятного перехода от ручного сверления к лучковому в финальном верхнем палеолите. В рамках данного исследования мы используем нетривиальный подход к пониманию того, была ли традиция изготовления бусин из скорлупы единой для Северной и Восточной Азии и на всех этапах каменного века. Нами была составлена и проанализирована база данных метрических параметров 119 артефактов. Статистический анализ внешних и внутренних диаметров бусин позволил выявить такие закономерности в технологии изготовления, как соблюдение пропорций перфорации, размерную дифференциацию бусин и подвесок. Основным результатом проведенной работы является выделение двух традиций изготовления украшений из скорлупы: одной – на территории Сибири и Монголии в начальном – позднем верхнем палеолите, другой на территории Северного Китая. Изменения в размерности бусин фиксируются только на этапе финального верхнего палеолита и мезолита.

Ключевые слова: *Сибирь, Монголия, Китай, палеолитическое искусство, скорлупа страуса, персональные украшения, бусины.*

A.M. Khatsenovich✉, D.V. Marchenko, A.Yu. Fedorchenko, E.P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ada1985@yandex.ru

Size of Ostrich Eggshell Beads and Pendants as a Cultural Marker in the Upper Paleolithic–Mesolithic of Northern and Eastern Asia

The Initial Upper Paleolithic in Eurasia is chronologically and culturally separated into a technocomplex that can be identified using markers such as volumetric laminar knapping technology, specific tool types, and personal ornamentations. One of the main types of personal ornamentations in IUP of Northern and Eastern Asia were ostrich eggshell beads. However, this type became transitional from the viewpoint of further evolution of material culture and continued to be produced up to the Neolithic. This type was represented in the vast territory, including Altai, Cis-Baikalia, Transbaikalia, Mongolia, and China and was considered as persistent, excluding probable transition from hand to multi-rotating drilling in the Final Upper Paleolithic. Our study includes a new approach to understanding whether the tradition of ostrich eggshell beads production was homogeneous in the Northern and Eastern Asia at all stages of the Upper Paleolithic–Mesolithic. We have generated and analyzed a database that includes 119 artifacts with known metric parameters. The statistical analysis of external and internal diameters of the beads indicates such trends in the technology as following proportions of perforations, size differentiation

of the beads and the pendants. The main result of this study reveals the existence of two traditions in ostrich eggshell beadmaking: one was discovered in Siberia and Mongolia in the Initial to Late Upper Paleolithic, while the other one was found in Northern China. Changes in the size of the beads were only observed in the Final Upper Paleolithic and Mesolithic.

Keywords: *Siberia, Mongolia, China, Paleolithic art, ostrich eggshell, personal ornamentations, beads.*

Введение

Возникновение палеолитического искусства как проявления символической деятельности человека является дискуссионным вопросом: появляется ли оно вместе с расселением *Homo sapiens* из Африки в Евразию или было характерно уже для неандертальцев [Zilhão, 2012; Leder et al., 2021]. Персональные украшения рассматриваются как неотъемлемая часть культурного набора человека современного анатомического типа [Rybin, 2014; Kuhn, Zwyns, 2014; Kuhn, 2019; Рыбин, 2020]. Одним из наиболее ранних проявлений символической деятельности *Homo sapiens* на территории Северной и Восточной Азии являются бусины, изготовленные из скорлупы яиц страуса *Struthio anderssoni* [Клементьев и др., 2021]. Основная их часть представлена круглыми дисковидными изделиями с перфорацией, выполненной сверлением, по центру заготовки. Подобная форма стала широко распространенной и применялась для украшений из различных материалов уже в комплексах начального верхнего палеолита (далее – НВП) в Евразии: Бачо Киро (кость, бивень, песчаник) в Болгарии [Martisius et al., 2022], Каменка А и Хотык (мягкие поделочные породы камня) в Забайкалье [Zwyns, Lbova, 2019; Lbova, 2021], Денисова пещера (слой 11 южной галереи – бивень, мрамор, талькит) на Алтае [Shunkov et al., 2020]. Этот тип украшений не являлся руководящим в НВП Европы и Сибири, но стал общим для территории Монголии и Северного Китая в начальном и раннем верхнем палеолите, поскольку здесь он реализовывался на скорлупе, чьи качественные и морфологические характеристики диктовали форму. Бусины из скорлупы оставались самым распространенным типом украшений в этих регионах вплоть до неолита, когда происходит вымирание страуса.

В данном исследовании мы анализируем метрические параметры бусин и подвесок из скорлупы яиц страуса, происходящих с территории Северной и Восточной Азии, с целью выявления закономерностей в их производстве в зависимости от географии, хронологии и культурного контекста.

Материалы и методы

Внешний диаметр бусин был принят нами за культурно-хронологически значимый параметр. Для анализа размерности бусин на первом этапе были отобраны все бусины, которые имели законченную форму внешнего кольца, при отборе мы ориентировались: для опубликованных бусин – на описания авторов, фотографии и рисунки; для бусин, проанализированных нами, за законченную форму принимались бусины 9–12 фаз по Kandel&Orton [2005] – почти или полностью законченной формы, целые и сломанные, и несущие на себе следы утилизации (за исключением подвески из Толбор-21, фаза 8). На первом этапе создания базы данных были включены все измерения индивидуальных бусин и подвесок, которые удалось найти, для памятников Алтая (Денисова пещера) [Шуньков и др., 2016; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017; 2019; Shunkov et al., 2020], Забайкалья (Подзвонкая, Восточный и Нижний комплексы, Усть-Кяхта-17) [Ташак, 2002; Зоткина, Павленок, Ташак, 2018], Монголии (Толбор-4, -16, -21, Харганын-Гол-5, Доролж-1, Мойлтын ам, Чихэн-Агуй) [Jaubert et al., 2004; Деревянко и др., 2006; Derevianko et al., 2008; Рыбин и др., 2015; Zwyns et al., 2014; Волков, Гладышев, Нохрина, 2015; Хаценович и др., 2017; новые неопубликованные материалы – Толбор-4, Тобор-21, Мойлтын ам] и Китая (Шуйдунгоу-2, Шизитан-9, -12G, -24, -29) [Wei et al. 2017; Song, Cohen, Shi, 2022]. Для них приводятся средние значения калиброванных датировок (IntCal20, 95,4 %; OxCal 4.4, Bronk Ramsey, 2021), полученные для археологических горизонтов, из которых они происходят. Для ряда памятников, на которых разброс дат для слоя велик, выбиралось среднее значение, если было неизвестно, из какой части слоя происходит бусина или дата. Для слоя 11.2 восточной галереи Денисовой пещеры, где большинство радиоуглеродных дат попадают в промежуток от > 50 тыс. до 40 тыс. л.н. [Derevianko, Shunkov, Kozlikin, 2020], выбрана дата, сделанная по подвеске из зуба Cervus sp. [Douka et al., 2019], как наиболее вероятно относящаяся к комплексу с персональными украшениями. Всего составленная нами база данных включает 119 бусин с известными метрическими параметрами. Статистический анализ данных проводился в программе PAST3: были построены XY графики на основе измерений внешних диаметров и калиброванных значений радиоуглеродных дат; проверка проводилась U-критерием Манна-Уитни и критерием Спирмана с поправкой Бонферрони.

Результаты

Для бусин, происходящих с территории Южной Сибири и Монголии, результаты проверки корреляции критерием Spearman's rs показывают положительную корреляцию между диаметром бусин и увеличением календарного возраста (коэффициент Спирмана = 0.79465, p = 0.000 (с поправкой Бонферрони)). Для бусин, происходящих с территории Южной Сибири, Монголии и Китая результаты проверки корреляции критерием Спирмана показывает слабую положительную корреляцию между диаметром бусин и увеличением календарного возраста (коэффициент Спирмана = 0.34276, p = 0.0019 (с поправкой Бонферрони)).

Диаметр законченных бусин со следами утилизации и незаконченных экземпляров значимо отличаются по U-критерию Манна-Уитни (U-критерий Манна – Уитни: 1162, p = 0.0034), с медианными значениями 7,15 мм для первых и 7,5 мм – для вторых. В целом это указывает на достаточно близкие размеры преформ и бусин на начальной стадии изготовления к законченным изделиям, и применение абразивной обработки для придания бусинам завершенной формы (рис. 1, *1*).

Статистический анализ, направленный на идентификацию изменений размеров диаметров бусин на протяжении НВП – мезолита в Сибири и Монголии, несмотря на небольшую выборку показал, что в финальном верхнем палеолите (далее – ФВП) – мезолите на территории Монголии и Сибири бусины сильно уменьшаются в размере (рис. 1, *2*). Сравнение с помощью U-критерия Манна – Уитни с поправкой Бонферрони обнаружило, что диаметр бусин ФВП – мезолита значительно меньше, чем диаметр бусин НВП (p = 0.00) и позднего верхнего палеолита (ПВП) (p = 0.03). Уменьшение диаметра по сравнению с бусинами раннего верхнего палеолита (далее – РВП) значимо на уровне статистической тенденции (p = 0.08). В Китае на протяжении всего верхнего палеолита размерность бусин сильно варьирует и не обнаруживает каких-либо тенденций (рис. 1, *3*). Соотношение внешнего диаметра бусин и подвесок и диаметра перфорации указывает на то, что существовали определенные пропорции, и внутренний диаметр (диаметр перфорации) увеличивался вместе с ростом внешнего диаметра (p = 0.00) (рис. 1, *4*).

Обсуждение

Распределение бусин согласно их внешнему диаметру и возрасту показало прямую зависимость размера бусин от времени их изготовления (рис. 2). В НВП появляются подвески и крупные бусины из скорлупы. Размеры бусин в РВП хорошо группируются, их размеры близки к размерам бусин НВП. Это идет в согласии с тем, что на территории Южной Сибири и восточной Центральной Азии в РВП развиваются многие традиции, унаследованные от

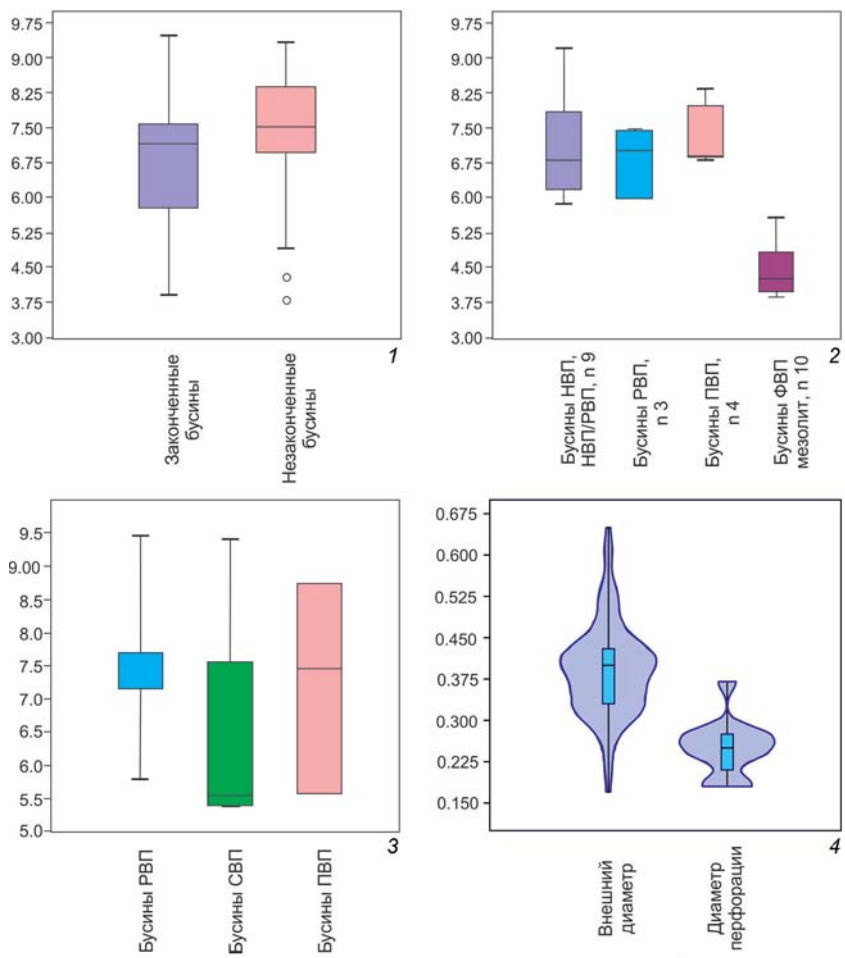


Рис. 1. Статистический анализ размерности и хронологии бусин Сибири, Монголии и Китая.

1 – соотношение внешних диаметров законченных утилизованных и незаконченных бусин; *2* – изменение размеров диаметров бусин на различных этапах каменного века в Сибири и Монголии; *3* – изменение размеров диаметров бусин на различных этапах каменного века в Северном Китае; *4* – соотношение размеров внешнего диаметра бусины и диаметра перфорации.

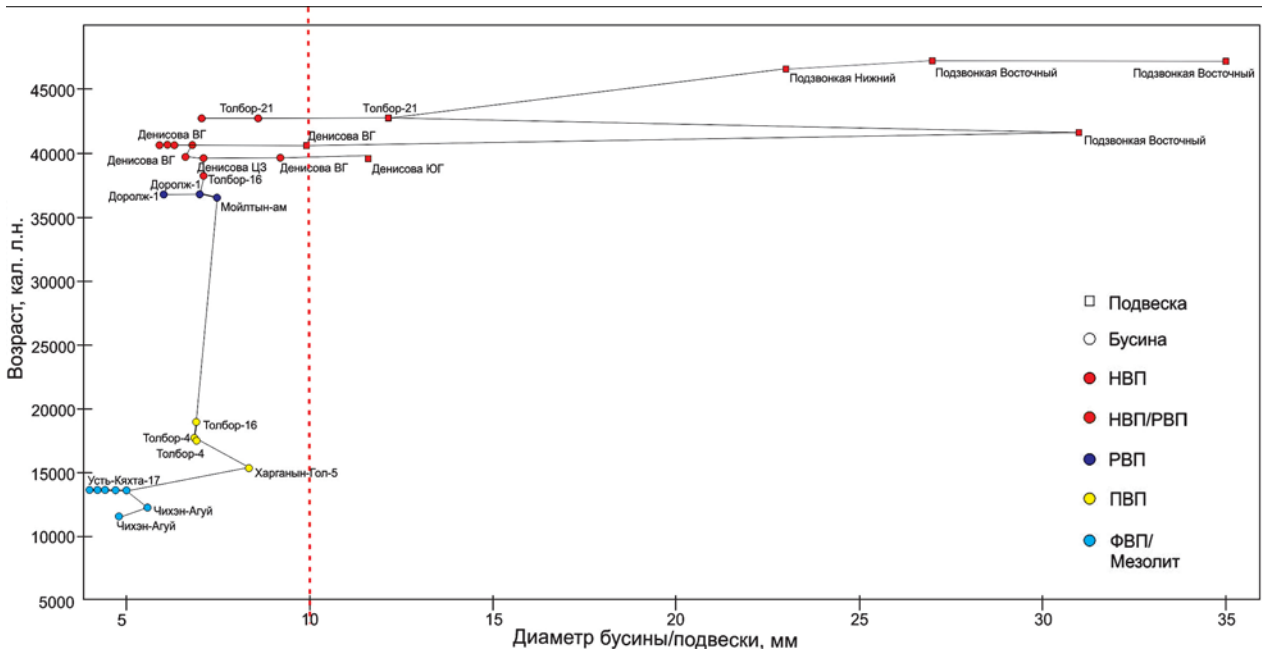


Рис. 2. График распределения бусин Сибири и Монголии согласно размерам их внешних диаметров и хронологии.

НВП, в частности, пластинчатая технология и ряд орудий-маркеров НВП [Rybin, 2014]. От 35 тыс. до 20 тыс. кал. л.н. бусины не были обнаружены в комплексах данных регионов. Эту лакуну частично могут заполнить изделия подобного типа с территории Китая. Они не демонстрируют тренда на уменьшение размерности во времени. Диаметры бусин с Шуйдунгоу совпадают с размерами аналогичных украшений НВП – РВП Монголии и Сибири. Персональные украшения из скорлупы среднего этапа верхнего палеолита (далее – СВП) найдены на памятниках Шизитан, однако преимущественно они представлены подвесками, размерность этого типа изделий варьирует вне зависимости от периода.

Размерность бусин из скорлупы варьирует от 4 до 9,5 мм, при этом основная масса артефактов не превышает 8,7 мм в диаметре, а размер внутреннего диаметра сильно варьирует, от 2,4 до 4,6 мм. Средние значения для соотношения внутреннего и внешнего диаметров бусин – 0,25, включая украшения из Китая. Однако для бусин, происходящих исключительно с территории Сибири и Монголии, это значение существенно больше – 0,40. Крупные размеры бусин в НВП – РВП связаны скорее с их функционалом, чем технологией изготовления. Мелкие экземпляры появляются только на границе плейстоцена – голоцена и связаны с отжимными микропластинчатыми индустриями. Внутренний диаметр становится более стандартизованным и небольшим, не превышая 2 мм. Согласно трасологическим исследованиям, все эти бусины демонстрируют биконическое сверление, когда производилось сверление с одной стороны и последующей развальцовкой с другой [Зоткина, Ташак, Павленок, 2018; Волков, Нохрина, Гладышев, 2015]. Стандартизация внутреннего диаметра может также указывать на лучковое сверление. Внешний диаметр этих украшений продолжает сильно варьировать, что говорит о том, что технология обработки внешней стороны не претерпела изменений. Толщина бусин может варьировать даже в пределах одного слоя, что наиболее ярко демонстрирует коллекция изделий с Шуйдунгоу-2 [Wei et al., 2017]. Это связано не только с вариациями в толщине скорлупы яйца, которая сильно зависела от климатических условий, но, прежде всего, со степенью обработки поверхности абразивом.

Подвески из скорлупы яиц страуса являются наименее морфологически устойчивым типом украшений. Для них характерны эллипсоидная, овальная или каплевидная формы, размерность по наибольшему из измерений около или более 10 мм, исключение составляют фрагментированные подвески из Шизитан-24, -29, диаметр которых не может быть измерен точно. Наибольшие диаметры – от 23 до 35 мм – фиксируются для Подзвонкой, диаметры основной массы подвесок варьируют от 10 до 13 мм. Внутренние диаметры на протяжении всего верхнего палеолита варьируют слабо, по сравнению с бусинами, от 2 до 3,79 мм, их средние значения – ок. 3 мм. Средние значения для соотношения внутреннего диаметра подвесок к внешнему составляет 0,40, как и для бусин Сибири и Монголии. Подвески из НВП комплексов Подзвонкой разительно отличаются от тех, что представлены в НВП Алтая (Денисова пещера) и СВП Китая

(Шизитан-24, -29). По морфологии последние ближе к бусинам – они обладают округлой формой, перфорация заготовки более симметричная. Наиболее близки морфологически сломанная подвеска из НВП комплексов Толбор-21 и Подзвонкая, Нижний комплекс – это крупные фрагменты скорлупы с небольшими перфорированными отверстиями по центру. Подвеска из Толбор-21 сломалась на этапе изготовления.

Разделение персональных украшений из скорлупы на бусины и подвески возможно по нескольким критериям, однако все они являются дискуссионными. Наблюдаемое как умозрительно, так и статистически метрическое определение диаметра в 10 мм оставляет все предметы меньшего диаметра в категории бусин, включая незаконченные изделия, а большего – подвесок. Перфорированное отверстие у всей общности бусин Сибири, Монголии и Китая в среднем занимает около 25 % от площади заготовки, а у подвесок – 40 % и выше, однако этот критерий не работает отдельно для территории Сибири и Монголии, здесь перфорация была более крупной как для бусин, так и для подвесок (однако все они фрагментированы и установить размер диаметра перфорации невозможно). Трасологический анализ позволяет определить следы износа, характерные для бусин и подвесок [Shunkov et al., 2020]. В то же время нерешенным остается вопрос, к какому типу относить персональные украшения, которые пришивались на одежду или другие предметы. Например, основная масса изделий из Шизитан-24 и -29, интерпретируемых в качестве подвесок [Song, Cohen, Shi, 2022], несут следы износа, указывающие на их жесткое крепление в одиночном виде, и нельзя исключать тот факт, что они являлись нашивным декором, а не носились в виде подвесок. Морфология этих украшений несет черты и бусин, и подвесок: медианное значение соотношения внутреннего диаметра к внешнему составляет 0,25, имеют регулярную круглую форму, однако внешний диаметр превышает 10 мм. Еще одним критерием выделения подвесок является нанесение орнамента, однако отмечено это явление только на памятнике НВП Подзвонкая [Ташак, 2002].

Заключение

Таким образом, прослеживаются две традиции изготовления бусин – одна на территории Сибири и Монголии, транслируемая на дальнейшие периоды, вплоть до ФВП, несмотря на лакуну между 35 тыс. до 20 тыс. кал. л.н., которая не может объясняться исключительно депопуляцией регионов; другая традиция характерна для Северного Китая, хотя здесь, скорее всего, она не была гомогенной. Статистический анализ показывает, что наиболее крупные изделия относятся к НВП, при этом предметы, определяемые нами в качестве подвесок, также характерны только для этой эпохи в Сибири и Монголии. В Китае основное производство подвесок приходится на СВП и связано, скорее всего, с локальной традицией в районе памятников Шизитан. Изменение размерности бусин происходит лишь в финальном верхнем палеолите с распространением отжимных микропластинчатых индустрий.

Благодарности

Статистический анализ проведен в рамках выполнения проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009.

Список литературы

Волков П.В., Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Технология изготовления украшений из скорлупы яиц страуса и камня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 41–44.

Деревянко А.П., Цэвээндорж Д., Олсен Дж.У., Гладышев С.А., Рыбин Е.П., Цэрэндагва Я., Чаргынов Т.Т., Болорбат Ц. Археологические исследования многослойного поселения Толбор-4 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12. – № 1. – С. 112–115.

Зоткина Л.В., Павленок Г.Д., Ташак В.И. Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // Stratum Plus. – 2018. – № 1. – С. 181–197.

Клементьев А.М., Долгушин И.Д., Рыбин Е.П., Базаргур Д., Цэрэндагва Я., Болорбат Ц., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У., Хаценович А.М. Морфологический анализ скорлупы страуса из плейстоценовых и голоценовых местонахождений Монголии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 134–141.

Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: автореф. дис. … д-ра ист.наук. – Новосибирск, 2020. – 31 с.

Рыбин Е.П., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Хаценович А.М., Харевич В.М., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Одсурэн Д., Павленок Г.Д., Шелепаев Р.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 152–156.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии: Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / отв. ред. С.В. Алкин. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. II. . – С. 159–164.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Агарагдулгуун Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Человек и Struthio asiaticus: страница палеолитического искусства в восточной части Центральной Азии // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 21. – С. 80–106.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 221–224.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия начала верхнего палеолита из Южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 259–264.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия и персональные украшения начала верхнего палеолита из Южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 306–314.

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorj D., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I., Tabarev A.V. New insights into the archaeological record at Chikhen Agui Rockshelter (Mongolia) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2008. – N 2. – P. 2–12.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Who were the Denisovans? // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2020. – N 3. – P. 3–32.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 640–644.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J. & Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie : Dörölj 1 (Egiïn Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September, 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 225–241.

Kandel A. W., Conard N. J. Production sequences of ostrich eggshell beads and settlement dynamics in the Geelbeck Dunes of the Western Cape, South Africa // J. of Archaeol. Sci. – 2005. – Vol. 32. – P. 1711–1721.

Kuhn S.L. Archaeological Research in Asia Initial Upper Paleolithic : A (near) global problem and a global opportunity // Archaeological Research in Asia. – 2019. – Vol. 17. – P. 2–8.

Kuhn S.L., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary International. – 2014. – Vol. 347. – P. 29–38.

Lbova L.V. Personal ornaments as markers of social behavior, technological development, and cultural phenomena in the Siberian early Upper Paleolithic // Quatern. Intern. – 2021. – Vol. 573. – P. 4–13.

Leder D., Hermann R., Hüls, M., Russo G., Hoelzmann Ph., Nielbock R., Böhner U., Lehmann J., Meier M., Schwalb A., Tröller-Reimer A., Koddenberg T., Terberger T. A 51,000-year-old engraved bone reveals Neanderthals' capacity for symbolic behaviour // Nature Ecology and Evolution. – 2021. – Vol. 5. – P. 1273–1282.

Martisius N.L., Spasov R., Smith G.M., Endarova E., Sinet-Mathiot V., Welker F., Aldeias V., Horta P., Marreiros J., Rezek Z., McPherron Sh.P., Sirakov N., Sirakova S., Tsanova Ts., Hublin J.-J. Initial Upper Paleolithic bone technology and personal ornaments at Bacho Kiro Cave (Bulgaria) // J. of Human Evol. – 2022. – Vol. 167. – 103198.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quatern. Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Y., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.

Song Y., Cohen D.J., Shi J. Diachronic change in the utilization of ostrich eggshell at the Late Paleolithic Shizitan site, North China // Frontiers in Earth Sci. – 2022. – Vol. 9 – 818554.

Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology // Archaeological Research in Asia. – 2019. – Vol. 17. – P. 17–49.

Zwynz N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Dogandzic T., Tabarev A.V., Gillam J.C., Khatsenovich A.M., McPherron S., Odsuren D., Paine C.H., Purevjal K., Stewart J.R. The Open-Air Site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary Results and Perspectives // Quatern. Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 53–65.

Zilhão J. Personal ornaments and symbolism among the neanderthals // Developments in Quatern. Sci. – 2012. – Vol. 16. – P. 35–49.

Wei Y., **d`Errico F., Vanhaeren M., Peng F., Chen F., Gao X.** A technological and morphological study of Late Paleolithic ostrich eggshell beads from Shuidonggou, North China // J. of Archaeol. Sci. – 2017. – Vol. 85. – P. 83–104.

References

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorj D., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I., Tabarev A.V. New insights into the archaeological record at Chikhen Agui Rockshelter (Mongolia). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008. N 2. P. 2–12.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Who were the Denisovans? *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. N 3. P. 3–32.

Derevianko A.P., Tseveendorj D., Olsen J.W., Gladyshev S.A., Rybin E.P., Tserendagva Ya., Chargynov T.T., Bolorbat Ts. Arkheologicheskie issledovaniya mnogosloinogo poseleniya Tolbor-4 v 2006 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2006. Vol. 12. Iss. 1. P. 112–115. (In Russ.).

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019. Vol. 565. P. 640–644.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J. & Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie : Dörölj 1 (Egiïn Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie. In *Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur*. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 225–241.

Kandel A.W., Conard N.J. Production sequences of ostrich eggshell beads and settlement dynamics in the Geelbeck Dunes of the Western Cape, South Africa. *J. of Archaeological Science*. 2005. Vol. 32. P. 1711–1721.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Odsuren D., Agaragdulguun G., Margad-Erdene G. Human ans Struthio asiaticus: one page of Paleolithic art in the eastern part of Central Asia. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropolgy Series,* 2017. Vol. 21. P. 80–106. (In Russ.).

Klementiev A.M., Dolgushin I.D., Rybin E.P., Bazargur D., Tserendagva Ya., Bolorbat Ts., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Khatsenovich A.M. Ostrich Eggshell Morphology Based on Pleistocene and Holocene Samples from Mongolia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 134–141. (In Russ.).

Kuhn S.L. Archaeological Research in Asia Initial Upper Paleolithic : A (near) global problem and a global opportunity. *Archaeological Research in Asia*, 2019. Vol. 17. P. 2–8.

Kuhn S.L., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic. *Quaternary International*, 2014. Vol. 347. P. 29–38.

Lbova L.V. Personal ornaments as markers of social behavior, technological development, and cultural phenomena in the Siberian early Upper Paleolithic. *Quatern. Intern.*, 2021. Vol. 573. P. 4–13.

Leder D., Hermann R., Hüls, M., Russo G., Hoelzmann Ph., Nielbock R., Böhner U., Lehmann J., Meier M., Schwalb A., Tröller-Reimer A., Koddenberg T., Terberger T. A 51,000-year-old engraved bone reveals Neanderthals' capacity for symbolic behaviour. *Nature Ecology and Evolution*, 2021. Vol. 5. P. 1273–1282.

Martisius N.L., Spasov R., Smith G.M., Endarova E., Sinet-Mathiot V., Welker F., Aldeias V., Horta P., Marreiros J., Rezek Z., McPherron Sh.P., Sirakov N., Sirakova S., Tsanova Ts., Hublin J.-J. Initial Upper Paleolithic bone technology and personal ornaments at Bacho Kiro Cave (Bulgaria). // *J. of Human Evol*. 2022. Vol. 167. 103198.

Rybin E.P. Regional'naya variabel'nost' kamennykh industrii nachala verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii: dr. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2020. 31 p. (In Russ.).

Rybin E.P. Tools, beads , and migrations : Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia. *Quatern. Intern.*, 2014. Vol. 347. P. 39–52.

Rybin E.P., Zwyns N., Gunchinsuren B., Khatsenovich A.M., Kharevich V.M., Bolorbat Ts., Anoikin A.A., Odsuren D., Pavlenok G.D., Shelepaev R.A. The investigations of Tolbor 21 multilayered Paleolithic site (Northern Mongolia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 22. P. 152–156. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic objects of bone from the South Chamber of Denisova Cave (collection of 2017). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 23. P. 259–264. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Bone tools and personal adornments of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave (collection of 2019). In *Problems of Archaeology,*

Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 306–314. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D. Bone tools and ornaments from the Early Upper Paleolithic deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: 2016 collection. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 221–224. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quartern. Intern.,* 2020. Vol. 559. P. 47–67.

Song Y., Cohen D.J., Shi J. Diachronic change in the utilization of ostrich eggshell at the Late Paleolithic Shizitan site, North China. *Frontiers in Earth Sci.*, Vol. 9. 818554.

Tashak V.I. Obrabotka skorlupy yaits strausov v verkhnem paleolite Zabaikal'ya. In *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Novosibirsk, 9-11 dekabrya 2002 g.),* 2002. Vol. II. P. 159–164. (In Russ.).

Volkov P.V., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I. Processing technology of the ostrich eggshell and stone ornaments (materials from Chikhen Agui, Mongolia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21 P. 41–44. (In Russ.).

Wei Y., **d`Errico F., Vanhaeren M., Peng F., Chen F., Gao X.** A technological and morphological study of Late Paleolithic ostrich eggshell beads from Shuidonggou, North China. *Journal of Archaeological Science*, 2017. Vol. 85. P. 83–104.

Zilhão J. Personal ornaments and symbolism among the neanderthals. *Developments in Quatern. Sci.*, 2012. Vol. 16. P. 35–49.

Zotkina L.V., Pavlenok G.D., Tashak V.I. Technology of ostrich eggshell bead production in the Final Paleolithic of Western Transbaikalia. *Stratum Plus,* 2018. N 1. P. 181–197. (In Russ.).

Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology. *Archaeological Research in Asia*, 2019. Vol. 17. P. 17–49.

Zwynz N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Dogandzic T., Tabarev A.V., Gillam J.C., Khatsenovich A.M., McPherron S., Odsuren D., Paine C.H., Purevjal K., Stewart J.R. The Open-Air Site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary Results and Perspectives. *Quatern. Intern.* Vol. 347. P. 53–65.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0389-0393
УДК 902.21

А.М. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Археологическая разведка в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2022 году

В статье представлены результаты полевых археологических разведочных работ, направленных на выявление новых археологических объектов на территории Усть-Канского р-на Республики Алтай. Разведочный маршрут осуществлялся по бортам и в долинах рек Ануй, Чарыш, Кырлык, Ябоган. Одной из основных целей разведочных работ являлось выявление палеолитических местонахождений, приуроченных к скальным массивам. Обоснованием данной установки послужили ранее выявленные и хорошо изученные памятники эпохи палеолита на исследуемой территории, такие как Усть-Канская и Каминная пещеры, стоянка открытого типа Усть-Каракол. В связи с этим особое внимание уделялось таким объектам, как пещеры, навесы и гроты. С другой стороны, в рамках изысканий обследовались все археологические структуры, расположенные на территории исследуемого района. Так как разведка предполагала проведение археологического мониторинга без осуществления земляных работ, обнаруженные объекты оценивались визуально на наличие подъемного материала. Так, в районе с. Яконур были описаны курганный могильник, насчитывающий девять насыпей, три пещеры и два грота. Курганы ориентированы по направлению С–Ю. Насыпи курганов каменные. Визуальный осмотр насыпей и прилегающей к ним территории не выявил археологического материала. Среди яконурских пещер и гротов имеется несколько перспективных объектов для дальнейших исследований с проведением локальных земляных работ, для выявления их стратиграфической картины и обнаружения археологического материала. Проведенные разведочные работы, показавшие перспективность открытия на территории Усть-Канского р-на новых археологических местонахождений широкого хронологического диапазона, не являются исчерпывающими и предполагают дальнейшие поисковые исследования.

Ключевые слова: *Республика Алтай, Усть-Канский р-н, археология, разведка, палеолит, пещера, грот, навес, курган.*

A.M. Chekha
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

2022 Archaeological Survey in the Ust-Kan District of the Republic of Altai

The article provides the results of field archaeological exploration aimed at identifying new archaeological sites in the Ust-Kan district in the Republic of Altai. The exploration route was carried out along the sides and in the valleys of the Anui, Charysh, Kirlyk, Yabogan rivers. A key objective of exploration was to identify the Paleolithic sites associated with rock massifs. The rationale behind this idea includes previously identified and well-studied Paleolithic sites in the study area, such as Ust-Kanskaya and Kaminnaya caves, Ust-Karakol open-type location. In this regard, special attention was paid to such objects as caves, canopies, and grottoes. On the other hand, as part of the survey, all archaeological structures located in the territory of the studied area were surveyed. Since the exploration involved archaeological monitoring without excavations, the discovered sites were assessed visually for the presence of artifactual remains. So, in the area of the village of Yakonur, a burial mound was described consisting of nine mounds, three caves, and two grottoes. The mounds are oriented in the north-south direction. Earth fills of the mounds are made of stone. A visual inspection of the fills and the surrounding area did not reveal any archaeological material. Among the Yakonur caves and grottoes, there are several promising objects for further research with local excavation, for identifying their stratigraphic pattern, and discovering the archaeological material. The conducted exploration, which showed the prospects of discovering new archaeological sites of a wide chronological range in the Ust-Kan district, is not exhaustive and suggests further exploratory research.

Keywords: *the Republic of Altai, Ust-Kan District, archeology, exploration, Paleolithic, cave, grotto, canopy, mound.*

В 2022 г. в рамках полевых экспедиционных исследований Алтайского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН были проведены разведочные работы в Усть-Канском р-не Республики Алтай. В этом районе сконцентрированы памятники всех основных археологических эпох – от каменного века до Средневековья. Целью разведочных работ являлось выявление объектов археологического наследия или собственно объектов археологического наследия, без осуществления земляных работ. Особое внимание уделялось скальным объектам – пещерам, навесам, гротам. Разведочный маршрут осуществлялся по бортам и в долинах рек Ануй, Чарыш, Кырлык, Ябоган.

Внутригорные тектонические впадины-котловины представляют собой характерный элемент морфоструктуры Центрального Алтая. Самой большой межгорной котловиной является Чуйская впадина. Остальные котловины среднегорной зоны, куда входит Канская с высотами 1000–1100 м, имеют гораздо меньшие размеры. Они состоят, как правило, из нескольких крупных долин, разделенных низкими горными грядами. Равнинный рельеф котловин образован преимущественно аккумулятивными формами различного генезиса, которые осложнены эрозионной деятельностью рек, а по окраинам – мощными пролювиальными выбросами с гор [Шуньков, 1990].

Речная сеть исследуемого района принадлежит таким крупным рекам, как Чарыш и Ануй, с их небольшими реками-притоками. Это типичные горные водотоки, текущие во врезанных долинах с крутыми скалистыми склонами. В среднем и нижнем течении эти реки имеют пойменные долины с террасами [Цыкин, Цыкина, Черняева, 1979].

Климатические условия Центрального Алтая имеют общий континентальный характер, обусловленный удаленностью от океана, открытым доступом северных ветров и непосредственной близостью сухих остепненных пространств Монголии и Казахстана. Степень континентальности климата усиливается в южном направлении по мере возрастания высоты и массивности горных хребтов.

В пределах Центрального Алтая распространены степные, лесостепные, лесные и высокогорные ландшафты. В межгорных котловинах развиты степные и лесостепные ассоциации. Склоны хребтов покрыты горно-таежными лесами, а выше границы их распространения, лежит зона высокогорных ландшафтов альпийского типа [Шуньков, 1990].

Среднечарышский карстовый район расположен в пределах Чарышского синклинория и занимает левобережную половину бассейна среднего течения р. Чарыш. Большая часть района имеет низкогорный слаборасчлененный рельеф с сохранившимися участками древней денудационной поверхности и абсолютными высотами от 500–600 м на севере до 900 м в центральной части района. Климат здесь характеризуется значительной увлажненностью и смягченной зимой. Максимум осадков выпадает в летние месяцы, минимум приходится на февраль.

Ануйско-Песчанский карстовый район находится в северной части Ануйско-Чуйского синклинория и занимает бассейны среднего течения одноименных рек. Здесь характерен среднегорный расчлененный рельеф с абсолютными высотами 1000–1500 м. К северо-западу местность понижается до 700–500 м, переходя в низкогорный рельеф. По климатическим условиям район сходен со Среднечарышским.

Усть-Канский р-н находится в бассейне верхнего течения р. Чарыш, в западной части Ануйско-Чуйского синклинория. Абсолютные высоты колеблются от 600 м в Канской степи, до 1000–1500 м в окружающих ее массивах. Район характеризуется засушливым континентальным климатом. Здесь карстуются силурийские известняки, выступающие в виде отдельных массивов по окраинам Канской котловины и в долинах Каерлыка и Ябогана. Известные на сегодня пещеры группируются почти исключительно в бортах долин рек Чарыш и Ануй, и их притоков [Цыкин, Цыкина, Черняева, 1979]. В позднем плейстоцене межгорные котловины привлекали первобытного человека благоприятным сочетанием многих природных факторов, создававших условия для охоты и относительно безопасного существования поселений [Шуньков, 1990]. Так, в Усть-Канском р-не были открыты и исследованы такие известные палеолитические памятники, как стоянка Усть-Каракол, Каминная и Усть-Канская пещеры.

Стоянка *Усть-Каракол-1* находится в Усть-Канском р-не Республики Алтай, в 2 км северо-западнее с. Черный Ануй. В плейстоценовых отложениях разреза выделено 20 уровней обитания палеолитического человека: в слоях 2–5, 8, 9.1, 9.2, 9.3, 10, 11.1, 11.2, 11.3 залегал верхнепалеолитический комплекс находок, в слоях 13–17, 18.1,18.2 зафиксирован материал мустьерского облика, с отложениями слоя 19.1 связаны артефакты ранней стадии среднего палеолита [Природная среда…, 2003].

Каминная пещера находится в 28 км юго-западнее пос. Черный Ануй, в долине ручья Пещерского, левого притока р. Каракол, впадающего в р. Ануй. Плейстоценовая толща включает слои 16–10. В эпоху голоцена накапливались осадки слоев 9–1. В пещере зафиксированы материалы от эпохи верхнего палеолита до этнографическо-

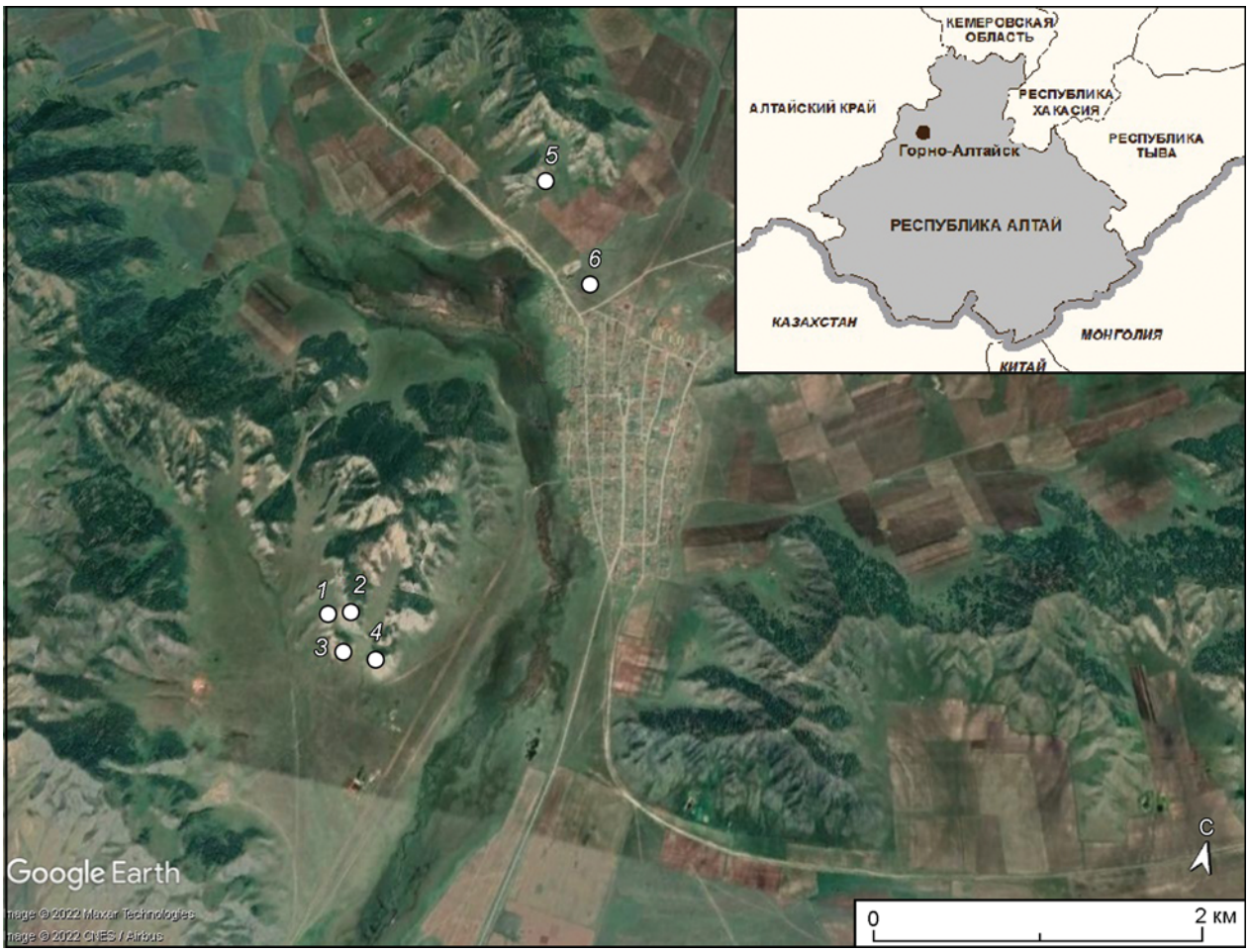
го времени [Деревянко, Гричан, 1990; Проблемы палеоэкологии…, 1998; Маркин, 2000].

Усть-Канская пещера расположена на правом борту долины верхнего течения р. Чарыш, в 3,5 км от с. Усть-Кан. Здесь была выявлена культурная многослойность пещерных отложений, в том числе выделено пять литологических подразделений (слои 10–6) с индустриями среднего палеолита, для которых характерно леваллуазское расщепление [Деревянко, Постнов, Чевалков, 2001].

Также в Усть-Канском районе найдены археологические памятники периода голоцена. *Чарышский навес* расположен в Усть-Канском р-не, в 9 км от юго-восточной окраины районного центра с. Усть-Кан. В гроте зафиксировано три литологических горизонта, содержащих археологический материал [Постнов, Горбунова, 2005]. *Владимировка*, горная выработка, расположена на левом берегу р. Чарыш, недалеко от с. Владимировка. В руднике добывали сульфидные медные руды. В условиях вечной мерзлоты хорошо сохранились орудия древних горняков, изготовленные из дерева, рогов коровы или быка, и изделия из камня [Баженов, Бородаев, Малолетко, 2002; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. Вышеперечисленные местонахождения не исчерпывают археологическую изученность Усть-Канского р-на, о чем говорят нижеследующие предварительные результаты разведочных работ.

Пещера Яконур-1, расположена в 1,7 км к юго-востоку от с. Яконур. Высота входа – 4 м, ширина – 6,55 м, глубина от капельной линии до дальней стенки составляет 9 м. Скальное основание падает по направлению к выходу под углом 15º. Пол усыпан современным мусором, овечьим навозом и обломочным материалом. По предварительной оценке, глубина заполнения не превышает 50–60 см. Поверхностные исследования выявили кости крупной фауны голоцена. Археологический материал не обнаружен. Высота над уровнем моря 1118 м (см. *рисунок*, *1*).

Пещера Яконур-2 находится в том же скальном массиве, что и пещера Яконур-1. Расстояние между ними составляет порядка 20 м. Высота входа –



Карта расположения местонахождений, обнаруженных в ходе археологической разведки у с. Яконур в Усть-Канском р-не.

1 – пещера Яконур-1; *2* – пещера Яконур-2; *3* – грот Яконур-3; *4* – грот Яконур-4; *5* – пещера Яконур-5; *6* – курганный могильник.

6,87 м, ширина – 5,72 м, глубина от капельной линии до дальней стенки составляет 14,63 м. По мере удаления от входа, свод опускается, а пол поднимается. Пол усыпан современным мусором, овечьим навозом и обломочным материалом. Глубина заполнения не превышает 15 см, оно состоит преимущественно из овечьего навоза. Высота над уровнем моря 1123 м (см. *рисунок*, *2*).

Грот Яконур-3. Грот имеет южную экспозицию. Высота входа – 2,08 м, ширина – 4,32 м, глубина – 7,44 м. Падение пола в направлении выхода составляет 10º. Предварительная оценка мощности рыхлых отложений не превышает 1 м. Пол усеян современным мусором, овечьим навозом и обломочным материалом. Также на поверхности были обнаружены кости, которые, вероятно, относятся к позднеплейстоценовому – раннеголоценовому периоду. Высота над уровнем моря 1114 м. Данный грот перспективен для дальнейшего исследования (см. *рисунок*, *3*).

Грот Яконур-4. Грот ориентирован на запад. Вход имеет подтреугольную форму, высота которого – 2,80 м, ширина – 3,95 м. Протяженность до тыльной стены составляет 6,26 м, после чего под углом 90º коридор поворачивает на север еще на 3,50 м, после чего заканчивается обвалом. Пол усеян современным мусором, овечьим навозом и обломочным материалом. Предполагаемая мощность отложений в центральной и северной части грота составляет ок. 1,5 м. Высота над уровнем моря 1090 м. Данный грот перспективен для дальнейшего исследования (см. *рисунок*, *4*).

Пещера Яконур-5. Пещера расположена в одном километре северо-восточнее с. Яконур и имеет южную экспозицию. В пещере имеется два входа: один на юг, другой на юго-восток. Высота входов составляет 3,54 м и 3,89 м соответственно. Протяженность двух соединенных залов не превышает 9 м. Наклон дна пещеры идет по направлению обоих выходов под углом 30–40º. Пол усеян современным мусором, овечьим навозом и обломочным материалом различной фракции. Предположительная мощность имеющегося заполнения не превышает 30 см. Высота над уровнем моря 1159 м (см. *рисунок*, *5*).

Курганный могильник, насчитывающий девять насыпей, расположен в 100 м от северной окраины с. Яконур, в юго-восточной части современного кладбища. Курганы ориентированы по направлению С–Ю. Насыпи курганов каменные. Диаметр самой крупной насыпи приблизительно 9 м, самой меньшей – 5,5 м., высота – 0,4–0,5 м. В центральной части каждого кургана наблюдаются западины. Помимо многочисленного современного мусора, никакой современной антропогенной деятельности на курганах не выявлено. Так как визуальный осмотр насыпей и прилегающей к ним территории не дал результатов в плане нахождения археологического материала, то без дальнейшего изучения датировать памятник не представляется возможным (см. *рисунок*, *6*).

Таким образом, разведочные работы в Усть-Канском р-не Республики Алтай показали перспективность открытия на его территории новых археологических местонахождений широкого археологического диапазона. Это подтверждают как уже известные, ранее открытые археологические памятники палеолита и последующих эпох, так и вновь открытые объекты.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 380 с.

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. – 119 с.

Деревянко А.П., Гричан Ю.В. Исследования пещеры Каминная. Предварительные итоги раскопок в 1983–1988 гг. (плейстоценовая толща). – Новосибирск, 1990. Препринт. – 60 с.

Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М. Комплексные полевые исследования Усть-Канской пещеры в 1999 г. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горноалт. гос. ун-та, 2001. – С. 3–16.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53–64.

Постнов А.В., Горбунова Т.А. Материалы эпохи голоцена памятника Чарышский Навес (Усть-Канский район Республика Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат-лы региональной научно-практической конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. Вып. XIV. – С. 159–163.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 59–80.

Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Черняева К.П. Пещеры Алтае-Саянской горной области. – Красноярск: ВИНИТИ, 1979. – 163 с.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 159 с.

References

Bazhenov A.I., Borodaev V.B., Maloletko A.M. Vladimirovka na Altae – drevnejshij mednyj rudnik Sibiri. Tomsk, 2002. 119 p. (In Russ.).

Cykin R.A., Cykina Zh.L., Chernyaeva K.P. Peshchery Altae-Sayanskoj gornoj oblasti. Krasnoyarsk: VINITI, 1979. 163 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Grichan Yu.V. Issledovaniya peshhery Kaminnaya. Predvaritel'nye itogi raskopok v 1983–1988 gg. (plejstotsenovaya tolshha). Novosibirsk, 1990. 60 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Postnov A.V., Chevalkov L.M. Kompleksnye polevye issledovaniya Ust'-Kanskoj peshhery v 1999 g. *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajsk State Univ. Press, 2001. P. 3–16. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Agadzhanyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Ul'yanov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anojkin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Markin S.V. Neoliticheskoe pogrebenie Severo-Zapadnogo Altaya. *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii.* Novosibirsk, 2000. N 2. P. 53–64. (In Russ.).

Postnov A.V., Gorbunova T.A. Materialy ehpokhi golotsena pamyatnika Charyshskij Naves (Ust'-Kanskij rajon Respublika Altaj). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferentsii.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. Iss XIV. P. 159–163. (In Russ.).

Problemy paleoehkologii, geologii i arkheologii paleolita Altaya. Novosibirsk, 1998. P. 59–80. (In Russ.).

Shun'kov M.V. Must'erskie pamyatniki mezhgornyh kotlovin Central'nogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 159 p. (In Russ.).

Vadetskaya Eh.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury. Barnaul: AZBUKA, 2014. 380 p. (In Russ.).

Чеха А.М. http://orcid.org/0000-0002-2427-7480

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0394-0399
УДК 902.01

А.Н. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Неолитические комплексы Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье (проблемы, особенности, аналогии)

На современном этапе исследований ведется активный анализ археологического материала, полученного в ходе спасательных работ на Богучанской ГЭС и его ввод в научный оборот. В результате проведенных исследований представительные коллекции археологического материала были получены, в том числе, на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный). В силу особенностей формирования отложений и проблематики изучения региона особенно важны детальное изучение археологического материала, планиграфический контекст, сравнительный анализ с одновременными памятниками Приангарья. В результате исследования археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные (с примесью керамики, относящейся к эпохе бронзы, Средневековью). Для более четкого понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку в целом, была произведена выборка и выполнен сравнительный анализ материалов с соседних памятников (Гора Кутарей и Сенькин (Синий) камень). Проведенные исследования позволили выявить на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию производства мелких пластинчатых сколов, а на памятнике Гора Кутарей производства тесел, топоров и веерных скребков, выполнен анализ целевых пластинчатых сколов. В результате удалось, хоть и с долей условности, выделить более ранний (средний) этап неолита (гор. 2 сл. 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (сл. 3. гор. 1, сл. 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей). В данной работе обобщаются результаты полученных ранее данных в контексте проблематики изучения региона, описывается круг основных аналогий.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы.*

A.N. Chekha
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Neolithic Industries of the Ust-Kutarey Area in the North Angara Region: Challenges, Specifics, and Parallels

The current study stage includes dynamic analysis of archeological materials obtained during rescue work at the Boguchanskaya Hydro Power Plant and their inclusion into the scholarly discourse. The archaeological investigations have led to the discovery of numerous archaeological materials, including at the sites located in the estuary of the Kutarey River (Ust-Kutarey, Senkin Kamen, Gora Kutarey, Ruchey Povarny). The formation specifics of sediments and the challenges associated with the research of the archeological materials of the region substantiate the need for detailed research, planigraphic analysis, and comparative studies with the same-age sites located in the Angara Region. As a result of the studies of the archaeological materials from the Ust-Kutarey site, relatively "pure" Neolithic complexes as well as mixed (with an admixture of Bronze Age and Medieval Age ceramics) complexes were discovered. To provide a clearer understanding of the situation in the Ust-Kutarey area in general, a sampling was made for a comparative analysis of the materials from adjacent sites (Gora Kutarey and Senkin Kamen). The research allowed establishing that the territory of the estuary of the Kutarey River housed the concentrated production of laminar flakes, while the Gora Kutarey site accommodated the adzes, axes, and radial side-scrapers production. Moreover, the analysis of target laminar flakes was also carried out. This allowed to identify, although with a certain degree of conditionality, the earlier (middle) stage of the Neolithic (the site in the estuary of the Ust-Kutarey River, horizon 2, layer 3) and the later (horizon 1, layer 3; layer 2 of the Ust-Kutarey, Gora Kutarey site) stage.

Keywords: *North Angara region, Neolithic, Metal Age, stone industry, ceramic complexes, compression-type deposits, rescue archaeological work.*

После окончания спасательных археологических работ в зоне затопления Богучанской ГЭС ведется активная работа по вводу в научный оборот полученных материалов, в том числе с памятников Усть-Кутарейского участка.

Памятники в устье р. Кутарей относятся к Северному Приангарью (Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей; археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма; археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 621 км от ее устья, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от с. Кежма).

Исследователями отмечается географическая, климатическая и орографическая обособленность региона, что создавало благоприятные условия для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне.

Однако изучение археологических памятников региона сопряжено с другими не столь благоприятными факторами: как правило, памятники Северного Приангарья носят преимущественно стояночный характер с отсутствием закрытых комплексов, а большинство местонахождений располагается на краю прибрежных террас, поэтому слабо стратифицированы [Богучанская…, 2015; Гришин и др., 2016].

Характер включения культурных остатков в отложения (археологизация) находится в прямой зависимости от типа, генезиса отложений и геоморфологических особенностей конкретного участка.

Макрослоистость формируется в профиле полноразвитой современной почвы. В данном случае разновременные археологические материалы смешаны и находятся в «компрессионном» состоянии, а неолитические материалы приурочены преимущественно к почвенному горизонту красновато-коричневого или бурого цвета, датировка которого приблизительно соответствует атлантическому периоду голоцена 8–4,6 тыс. л.н. Используя методы сравнительного анализа на основе аналогий и археологической типологии, а также прямое радиоуглеродное датирование керамических сосудов, появилась возможность дать определенную культурно-хронологическую интерпретацию археологических материалов, связанных с данной геоморфологической ситуацией. На некоторых макрослоистых местонахождениях при определенных условиях – в частности, при проведении раскопок на больших площадях в сочетании с локальной концентрацией находок в отложениях – возможно выделение отдельных хронологических групп археологического материала другими способами. Такая ситуация позволяет в полной мере использовать потенциал планиграфического анализа, благодаря которому выявляются отдельные скопления находок, что в свою очередь предоставляет возможности для корректного их датирования, в том числе с использованием радиоуглеродного анализа.

По современным данным время появления гончарства (сетчатая и шнуровая хайтинская керамика) в регионе сегодня определяется датами по костям копытных для слоя 3 стоянки Холмушино 3 на р. Белая в интервале 8510–8380 кал. л.н. [Бердников, Бердникова, Воробьева, 2017]. Указанные типы керамики продолжают бытовать на территории региона вплоть до ~ 7000–6900 кал. л.н. [Горюнова, Новиков, 2018]. Первые немногочисленные погребения фиксируются в интервале ~ 8600–8000 кал. л.н., однако керамика в них отсутствует, а ранненеолитические комплексы с сетчатыми и хайтинскими сосудами коррелируют не с этой группой, а со множеством китойских и близких им по обряду захоронений Южного Приангарья, байкальского побережья и Верхней Лены, которые датируются периодом ~ 7500–7000 кал. л.н. [Weber et al., 2016].

В среднем неолите, после ~ 7000 кал. л.н., культурная ситуация в Байкало-Енисейской Сибири меняется. Это выражено в появлении в материалах стоянок новых типов керамики – посольского и усть-бельского. Техноморфологические особенности посольской керамики сближают ее с хайтинской и свидетельствуют о ее формировании на основе ранненеолитических традиций региона. Усть-бельская керамика, напротив, явно экзогенного происхождения и является, по сути, самым восточным проявлением гребенчато-ямочных традиций Северной Евразии. Наиболее надежные AMS-даты по 7 образцам зубов и костей оленей для комплексов с этой керамикой, полученные в результате раскопок поймы на местонахождении Усть-Белая в Южном Приангарье, демонстрируют ее возраст в интервале 6700–6300 кал. л.н. По нагару с двух сосудов из раскопок Усть-Белой получены более древние определения, но это, видимо, является следствием эффекта пресноводного резервуара [Бердников, 2020].

Возраст усть-бельского комплекса местонахождения Деревня Мартынова в Северном Приангарье, в соответствии с AMS-датированием, определяется возрастом 7400–7000 кал. л.н. [Бердников и др., 2017], но в данном случае корректность этих определений под вопросом.

Для посольской керамики на данный момент достаточно надежные AMS-даты со значениями в диапазоне 6750–6310 кал. л.н. получены для местонахождений байкальского побережья [Горюнова, Новиков, 2018]. Близкий возраст (6539–6353 кал. л.н.) имеют комплексы с сосудами данного типа и в Южном Приангарье [Савельев, Уланов, 2018] наиболее древние проявления посольской керамики отмечены в Канско-Енисейском регионе (Казачка 1, Пещера Еленева).

Погребальные комплексы для среднего этапа неолита до сих пор не были идентифицированы. Позднее, в процессе выполнения Байкальского археологического проекта, этот период получил название хиатуса [Weber, Link, Katzenberg, 2002]. Сначала он рассматривался как реальный биокультурный феномен (подразумевающий в том числе возможное отсутствие населения), затем как перерыв в традиционной погребальной практике местных охотников-собирателей [Weber, Katzenberg, Shurr, 2010]. Исследователями были проанализированы доступные сведения по региону и создана база данных, которая включает 108 погребальных комплексов Приангарья и Канско-Енисейского региона, обладающих рядом признаков, не характерных в своем сочетании для захоронений раннего и позднего неолита. Для некоторых из них уже получены первые радиоуглеродные определения, подтверждающие их средненеолитический возраст, но они пока не опубликованы. Серийное датирование погребений из данной базы позволит, наконец, выделить группу захоронений для среднего неолита [Бердников, 2020].

Материалы могильников позднего неолита исаковской и серовской традиций захоронений (5600–4600 кал. л.н.) [Weber et al., 2016] хорошо коррелируют с комплексами стоянок, особенно байкальского побережья, где примерно в этот же период фиксируется серовская и пунктирногребенчатая керамика [Долганов и др., 2013]

Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. Было выявлено, что для слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей, на уровне обоих его горизонтов, преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа), В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). Для более целостного понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

На памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства.

Среди орудий, соотносящихся с комплексом 1, многофасеточный резец-дриль. Как правило, в ситуации преобладания микропластинчатой технологии орудия такого типа связывают с мезолитической традицией. Как например, в материалах культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова I, где представлена серия типологически близких орудий [Томилова и др., 2014, с. 82, 96]. Также подобные изделия известны на памятниках Якутии, Континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [Слободин, 2001, с. 35, 56]. Для индустрии комплекса также характерны листовидные/овальные бифасы, в большинстве своем представленные заготовками и фрагментами (4 целых экз. (один 10 см длиной), 15 фрагментов, 6 заготовок), а также шлифованные формы (12 экз. тесел, переоформленные и/или оббитые по одному из продольных краев, изготовленные из туфоалевролитов).

Среди орудий, относящихся к смешанному керамическому комплексу, следует отметить остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанную проколку на пластинке; 3 овальных с прямым насадом наконечника, микроскребок на отщепе, оформленный крутой чешуйчатой ретушью, цапфенный топор из плитки сланцевой породы, выполненный в технике фасонажа по всему периметру с выделением цапф и пришлифовкой лезвия. Морфологически наиболее близкие изделия найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и IV уровней отложения культуры) [Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 88, 94].

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннему железному веку и Средневековью (тонкожгутиковая, посуда шилкинского типа 2400–2100 л.н.), а также керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л.н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями и особенностями формирования культурного слоя. Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, распространенными на Северо-Востоке Азии. Подобные изделия присутствуют в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV; Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник; Юбилейный), Камчатки (Ушки I, -II, III–IV слой; Авача-1, -9) и рассматриваются исследователями

в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л.н. [Слободин, 2014]. На памятниках Верхней Колымы (Уи; Агробаза II), Якутии (Уолба), Приохотья (Кухтуй II), Камчатки (Авача I) также отмечаются трех- и четырехгранные наконечники. Пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на р. Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, как правило, относят к раннему голоцену [Слободин, 2014, с. 111], подобные традиции могут служить свидетельством древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Азии и Северной Сибири в более раннее время, и продолжать свое существование позднее.

Важно также отметить, что на стоянке Устье Реки Кутарей не зафиксированно характерной для региона керамики с «жемчужником», распространенной также на территории Канско-Рыбинской котловины, время существования которой оценивается в 4–2,8 тыс. л.н., а уже на стоянке Гора Кутарей данный тип посуды встречается.

Учитывая данные планиграфического анализа стоянки Устье Реки Кутарей, сопоставления с керамикой и статистического анализа пластинчатых заготовок можно предположить, что горизонт 2 (слой 3) относится к более ранней (средней) стадии неолита, характеризующейся большим количеством мелких пластинчатых (целевых) микропластинчатых сколов шириной 5–6 мм. Для более поздней стадии характерно снижение количества мелких пластинчатых заготовок, появляется большее количество листовидных бифасов, тесла, топоры.

На памятнике Гора Кутарей уже фиксируется концентрация производства тесел, топоров и скребков веерного типа. Количество пластинчатых сколов незначительно, не зафиксировано конусовидных и карандашевидных ядрищ. Среди орудий весомую группу составляют наконечники (6 экз.): листовидный с прямым насадом (42,1 мм), треугольный с прямым насадом (25,3 мм), треугольный черешковый (22,5 мм, черешок длиной 5,4 мм.), 2 экз. – треугольные с вогнутым насадом (16 мм и 56 мм), один из них удлиненный, с глубокой выемкой (13 мм). Подобный наконечник был обнаружен на Усть-Кове I пункт 2 (2 культурный горизонт), а так же на памятнике Сосновый Мыс в культурном горизонте 3 [Кузнецов и др., 2020]. Материалы, обнаруженные в отложениях I надпойменной террасы р. Ковы, предположительно отнесены к раннему голоцену [Харевич и др., 2014].

Проведенный технико-типологический и сравнительный анализ показал, что одним из важных показателей неолитической индустрии на территории Усть-Кутарейского участка (при наличии неолитической керамики) является производство пластинчатых заготовок шириной до 12 мм с карандашевидных, конусовидных и призматических нуклеусов путем отжима (компактный ударный бугорок или его отсутствие, прямой/слабовыгнутый профиль, точечные ударные площадки). Нами был проведен статистический анализ, который позволил выявить целевые заготовки. Были проанализированы целые, крупные медиальные, проксимально-медиальные и медиально-дистальные фрагменты заготовок. Так, для неолитического горизонта 2 (слой 3) стоянки Устье Реки Кутарей медиальное значение фиксируется на ширине 5–6 и 7–8 мм, для условно неолитических участков слоя 3 – 7–9 мм; для смешанных участков сл. 3 – 6–7 мм, в более позднем слое 2 при значительном снижении количества пластинчатых заготовок их максимальное количество фиксируется на ширине 7–9 и 5–6 мм. Для памятника Гора Кутарей количество пластинчатых заготовок не показательно. Однако в слое 2 ширина большинства сколов фиксируется в диапазоне 7–10 мм.

Учитывая, что горизонт 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей содержит только неолитическую керамику (по последним данным комплексы с керамикой посольского типа ряд авторов относит к среднему неолиту и датируют 5,5–5 тыс. л.н.) [Долганов и др., 2013] по материалам Саган-Заба II; керамику с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6900–4100 л.н.). Поэтому, с большой долей условности, можно предположить, что эти материалы относятся к более раннему этапу неолита (среднему), а горизонт 1 содержит материалы более поздней развитой стадии неолита.

Безусловно важную для хронологического определения материалов стоянки Устье Реки Кутарей информацию дало датирование погребения, обнаруженного под слоем 3. Получена радиоуглеродная дата 6619 ± 87 л.н. (NSKA-1863). Наиболее близкие аналогии прослеживаются с погребением 12 могильника Усть-Зелинда-2, и погребением 1–3 Усть-Зелинда-1 (датированы промежутком 7157–6555 л.н.). Дата совпадает с периодом формирования ближайшего ранненеолитического некрополя на Сосновом Мысу (7560–7200 л.н.). [Марченко и др., 2022].

В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I [Томилова и др., 2014]. Ближайшие аналогии каменные индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения [Кузнецов и др., 2020], Кежемского р-на (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка 2) [Богучанская..., 2015], а также с материалами Якутии и Континентального Приохотья.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Бердников И.М. Проблемы корреляции неолитических могильников и стоянок Байкало-Енисейской Сибири // Мат-лы VI (XXII) Всерос. археологического съезда в Самаре. – 2020. – Т. 1. – С. 122–123.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, Этнология, Антропология. – 2017. – Т. 21. – С. 5–32.

Бердников И.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Кузнецов А.М., Когай С.А., Липнина ЕА, Бердникова Н.Е., Савельев НА, Соколова Н.Б., Уланов И.В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – Вып. 6. – С. 220–230.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А, Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. Труды Богучанской археологической экспедиции. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т.1. – 564 с.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулев Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кребс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов). Тр. Богучанской археологической экспедиции. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестн. Томск. гос. ун-та.: История. – 2018. – № 51. – С. 98–107.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7. – С. 125–132.

Кузнецов А.М., Дударек С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О, Савельев Н.А., Тимощенко А.А. Баллистические характеристики каменных наконечников Среднего голоцена Северного Приангарья // Изв. лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 35–61.

Липнина Е.А., Лохов Д.А., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1. – С. 71–101.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Кребс Е.А. Неолитические захоронения в устье реки Зелинда (Северное Приангарье): погребальная практика и радиоуглеродная хронология // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – № 3. – С. 16–28.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 26. – С. 46–85.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Слободин С.Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Изв. СВНЦ ДВО РАН, 2014. – № 2. – С. 110–119.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.Н., Горельченкова О.А., Томилова Е.А. Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье // Изв. Ирк. гос. ун-та – 2014. –Т.9. – С. 126–140.

Weber A.W., Link D.W., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // J. of Anthropological Archaeology. – 2002. – Vol. 21. – P. 230–299.

Weber A.W., Katzenberg M.A., Schurr Th.G. Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. – Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – 319 p.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I, Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quatern. Intern. – 2016. – Vol. 419. – P. 74–98.

References

Berdnikov I.M. Problemy korrelyacii neoliticheskikh mogilnikov I stoyanok Baikalo-Eniseiskoi Sibiri. In *Materialy VI (XXII) Vserossiiskogo s'ezda v Samare.* 2020. Vol.1. P. 122–123. (In Russ.).

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorob'yeva G.A. Multilayered Sites as a Basis for Paleogeographic and Cultural

Reconstructions in the Middle Holocene of the Baikal-Yenisei Siberia. In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya.* 2017. Vol. 21. P. 5–32. (In Russ.).

Berdnikov I.M., Rogovskoy E.O., Lokhov D.N., Kuznetsov A.M., Kogai S.A., Lipnina E.A., Berdnikova I.E., Savel'yev N.A., Sokolova N.B., Ulanov I.V. New radiocarbon data for the Neolithic complexes of multilayered sites in Tunka valley and Angara region. In *Eurasia in Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures* 2017. Vol. 6. P. 220–230. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deev E.V. Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. Boguchan archaeological expedition: an essay field – based research (2007–2012). *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeisii,* Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 1. 564 p. (In Russ).

Dolganov V.A., Goruynova O.I., Novikov A.G., Veber A.V. Complexes with Posol'sk type pottery in the Cis-Baikal Neolithic materials from the upper V layer of the Sagan-Zaba II geoarchaeological object. *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History, Philology.* 2013. Vol. 12. N 7. P. 125–132. (In Russ.).

Goryunova O.I., Novikov A.G. Radiocarbon dating of pottery complexes from Neolithic settlements on the Baikal coast. *Tomsk State Univ. J.,* 2018. N 51. P. 98–107. (In Russ.).

Grishin A.E., Marchenko J.V., Garkusha J.N., Gurulyov D.A., Shnaider S.V., Kulik N.A., Vasil'ev S.K., Krebs E.A. Stoyanka Pashina v Severnom Priangar'ye (Issledovaniya 2008–2009 godov). *Trudy Bogushanskoi arkheologisheskoi ekspedicii.* Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 2. 168 p. (In Russ.).

Harevich V.M., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Tomilova E.A. Results of researching Ust'-Kova site (location 2) in North Angara region. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya.* 2014. Vol. 9. P. 126–140. (In Russ.).

Kuznetsov A.M., Dudarek S.P., Lokhov D.N., Rogovskoy E.O., Savel'ev N.A., Timoshenko A.A. Ballistic Features of Lithic Points in the Middle Holocene of North Angara region. In *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies,* 2020. Vol. 16. N 1. P. 35–61. (In Russ.).

Lipnina E.A., Lohov D.A., Medvedev G.I. Stone Axes, Trunnion Axes in Northern Asia. In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*. 2013. N 1. P. 71–101. (In Russ.).

Marchenko J.V., Grishin A.E., Garkusha Y.N., Krebs E.A. Neolithic Burials in the Zelinda River Mouth, Northern Angara: Burial Practices and Radiocarbon Chronology. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2022. N 3. P. 16–28. (In Russ.).

Savel'yev N.A., Ulanov I.V. Neolithic Pottery of the Multilayered Site Gorelyi Les (South Angara Region). In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya.* 2018. Vol. 26. P. 46–85. (In Russ.).

Slobodin S.B. Uolbinskaya traditciya plastinchatykh nakonechnikov (Severo-Vostok Rossii). In *Izvestiya Severo-Vostochnogo nauchnogo tcentra Dal'ne –Vostochnogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk.* 2014. N 2. P. 110–119. (In Russ.).

Slobodin S.B. Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla. – Magadan: SVKNII DVO RAS, 2001. – 202 p.

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Harevich V.M., Oreshnikov I.A. Ust'-Kova multilayer site: the results of researching in 2008–2011. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*. 2014. Vol. 8. P. 82–99. (In Russ.).

Weber A.W., Katzenberg M.A., Schurr Th.G. Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. In *Bioarchaeological Studies of Past Life Ways*. 2010. 319 p.

Weber A.W., Link D.W., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia. *J. of Anthropological Archaeology*. 2002. Vol. 21. P. 230–299.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I, Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quatern. Internl*. 2016. Vol. 419. P. 74–98.

Чеха А.Н. https://orcid.org/0000-0002-6872-9493

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0400-0406
УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1]✉, А. Абдыканова[2], С.В. Баранова[3], Ю.В. Срывкина[1], О.В. Ершова[1], С. Алишер кызы[1], А.А. Черноносов[3]

[1]Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований – Институт археологии и этнографии СО РАН Новосибирск, Россия
[2]Американский университет в Центральной Азии Бишкек, Кыргызстан
[3]Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН Новосибирск, Россия
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Применение ZooMS анализа к материалам стоянки Айгыржал-2 (Нарынская долина, Кыргызстан)

В данном исследовании применяется метод зооархеологии с использованием масс-спектрометрии (Zooarchaeology by Mass Spectrometry, ZooMS), в основе которого лежит анализ пептидной последовательности белка коллагена, используемой для видовой идентификации животных останков. Данный метод анализа в силу хорошей сохранности белка коллагена, относительной простоты пробоподготовки и недорогой стоимости получил широкое применение в археологии. Наиболее известным открытием, сделанным с помощью ZooMS, является идентификация человеческих костей через неидентифицированные кости из Денисовой пещеры, также ZooMS показывает эффективность при идентификации сырья для костяной промышленности и костяных украшений и при анализе плохо сохранившихся палеофаунистических коллекций. В данной статье мы представляем результаты работы новой лаборатории ZooMS ИАЭТ СО РАН, которая работает в тандеме с Центром масс-спектрометрического анализа ИХБФМ СО РАН. Методика ZooMS была применена для анализа 16 неидентифицируемых фрагментов костей со стоянки Айгыржал-2 (г. Нарын, Кыргызстан) из слоев, которые датируются в пределах 13,8–13,4 тыс. л.н. Проведенный анализ показал хорошую сохранность образцов, и, согласно пептидной последовательности, удалось идентифицировать с точностью до рода останки 14 образцов, которые принадлежали родам Capra и Ovis. Полученные результаты полностью согласуются с животным миром региона и позволяют говорить, что в данном регионе охота преимущественно была ориентирована на млекопитающих крупного и среднего размера. В целом проведенное исследование показывает свою эффективность при изучении неидентифицируемых палеофаунистических коллекций.

Ключевые слова: *Центральная Азия, ZooMS-анализ, коллаген, белок, фаунистическая коллекция.*

S.V. Schneider[1]✉, A. Abdykanova[2], S.V. Baranova[3], Y.V. Sryvkina[1], O.V. Ershova[1], S. Alisher kyzy[1], A.A. Chernonosov[3]

[1]ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAn, CNRS – International Research Laboratory, IRL 2013, IAET SB RAS Novosibirsk, Russia
[2]The American University of Central Asia Bishkek, Kyrgyzstan
[3]Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the SB RAS Novosibirsk, Russia
E-mail:sveta.shnayder@gmail.com

ZooMS Analysis with the Aygirzhal-2 Site Materials (Naryn Valley, Kyrgyzstan)

This study employs a zooarcheology by mass spectrometry (ZooMS) method, which is based on the analysis of the collagen peptide sequence and is used for species identification of animal remains. This analysis method has been widely used in archaeology due to good preservation of collagen protein, relatively simple sample preparation, and low cost. The most well-known discovery made using ZooMS is the identification of human bones through unidentified bones from the Denisova Cave. Moreover, ZooMS also shows efficiency of identification of raw materials for bone industry and bone jewelry and in the analysis of poorly preserved paleofaunal collections. This article discusses the results of the new ZooMS laboratory of the IAET SB RAS, which operates in cooperation with the Center for Mass Spectrometry Analysis of the IHBFM SB RAS. This method was used for the analysis of 16 unidentifiable bone fragments from the Aigyrzhal-2 site (Naryn, Kyrgyzstan) from the layers dating back to 13.8–13.4 ka. The analysis has shown good preservation of the samples. Further, using the peptide sequence, we could identify 14 sample remains, which belonged to the Capra and Ovis genera, with an accuracy to a genus. The obtained results are fully consistent with the fauna of the region and allow stating that hunting in the region was predominantly focused on large and medium-sized mammals. The conducted study generally shows its efficiency in the study of unidentifiable paleofaunal collections.

Keywords: *Central Asia, ZooMS analysis, collagen, protein, faunal collection.*

Введение

При проведении раскопок археологических стоянок наиболее массовыми находками являются фаунистические материалы, которые зачастую составляют наибольшую часть коллекций. При этом только малая часть из них может быть определена с использованием традиционного морфометрического метода, поскольку, как правило, кости сильно фрагментированы. В последнее десятилетие среди биоархеологических наук получил широкое распространение метод зооархеологии с использованием масс-спектрометрии (Zooarchaeology by Mass Spectrometry, ZooMS), в основе которого лежит анализ пептидной последовательности белка коллагена и который используется для видовой идентификации костей, зубов, кожи и рогов. Актуальность зоологического анализа с использованием масс-спектрометрии в археологии связана в первую очередь с тем, что определение вида при помощи морфологического анализа костей не всегда возможно. Часто случается так, что отсутствие необходимых морфологических признаков не позволяет специалисту определить, к какому именно виду или таксону принадлежат кости. Морфологические признаки могут отсутствовать из-за сильной раздробленности либо деформации кости. Это особенно актуально для молодых особей, так как у них еще не развиты все кости, а сами по себе они очень хрупки. Также следует отметить, что морфологические различия между видами могут быть минимальными, или же наоборот – различия внутри вида, и даже одной популяции могут быть существенны в связи с сильной половой и возрастной изменчивостью. Например, из-за невозможности определить видовую принадлежность костей в археологических исследованиях часто сообщается, что кость принадлежит к категории, которая включает два таксона: «sheep/goat», «caprines» или, чаще всего, «ovicaprids». В археологических исследованиях метод ZooMS изначально был применен для изучения проблемы раннего скотоводства [Buckley et al., 2010; Buckley, Larkin, Collins, 2011]. Наибольший интерес к методу специалисты проявили после обнаружения костей человека посредством ZooMS в древних отложениях Денисовой пещеры [Brown et al., 2016]. Также ZooMS показывает эффективность при идентификации сырья для костяной промышленности и костяных украшений [Desmond et al., 2018]. Очень важные результаты могут быть получены при анализе ZooMS плохо сохранившихся бедных палеофаунистических коллекций, где большинство костей сохранились сильно фрагментированными [Taylor et al., 2021]. В 2021 г. была открыта международная лаборатория ZooSCAn Института археологии и этнографии СО РАН, одним из направлений работы которой является проведение ZooMS анализа совместно с Центром масс-спектрометрического анализа Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН. В настоящем исследовании мы представляем первые результаты изучения палеофаунистической коллекции со стоянки Айгыржал-2 методом ZooMS.

Исследования памятника Айгыржал-2 проводились в период 2012–2019 гг. Стоянка располагается на западной окраине г. Нарын, в местности Ак-Кыя, по левому берегу р. Нарын (рис. 1), представляет собой вытянутый в восточно-западном направлении останец аллювиального и частично эолового происхождения длиной примерно 250 м и шириной 150 м. Высота возвышенности составляет 36 м над ур. реки и 2026 м над ур. м. Координаты объекта

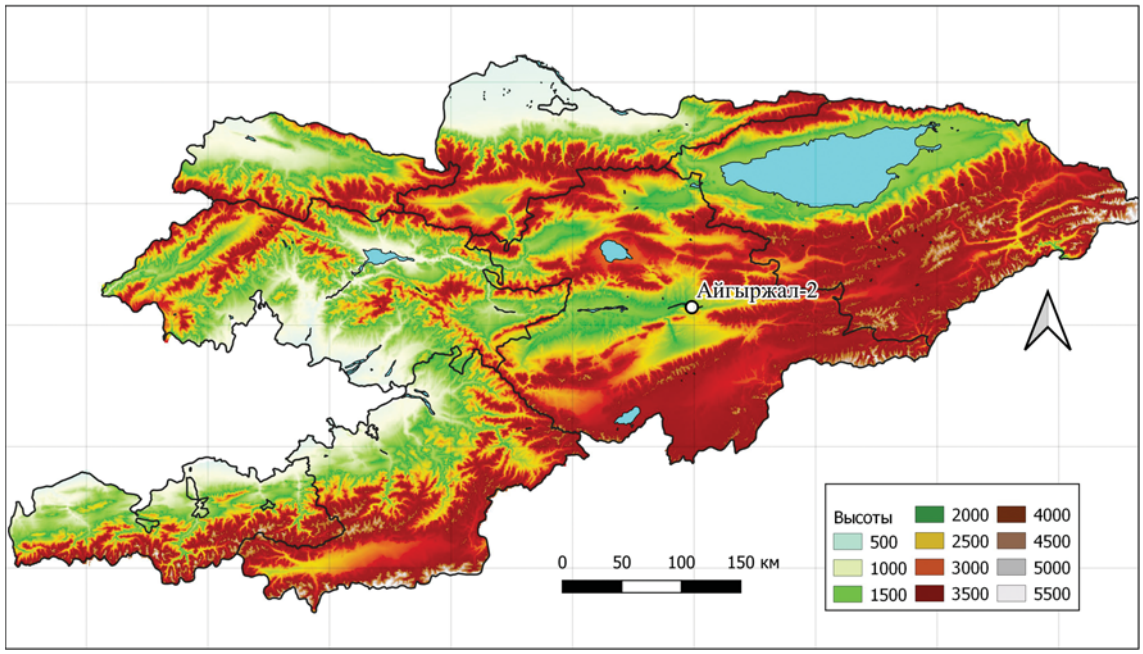


Рис. 1. Расположение памятника Айгыржал-2.

41°25.857 с.ш., 076°53.207 в.д. На возвышенности расположен разновременный курганный могильник Айгыржал-2 (зафиксированы погребения эпохи бронзы, эпохи раннего железа, эпохи великого переселения народов, раннего и позднего Средневековья), который был частично нивелирован в советское время. Также благодаря более 20 шурфам в разных частях памятника был выявлен культурный слой мезолитического поселения, который прослеживается по всей территории памятника. В 2012–2013 гг. раскопки проводились в районе шурфа № 1 на восточной оконечности памятника. В 2014 г. был раскопан сохранившийся островок разрушенного участка в западной части памятника. Площадь сохранившегося участка составила 555 м^2. В целом стратиграфия памятника состоит из трех основных горизонтов: плотного суглинка желтого цвета, супеси с прослойками глины и песка и галечного горизонта. В рамках второго горизонта – супеси – во время раскопок 2014 г. было выявлено 5 археологических слоев.

Имеющиеся радиоуглеродные датировки для памятника укладываются в диапазон от 13 до 13,8 тыс. л.н. [Абдыканова и др., 2014].

Каменная индустрия, представленная здесь, характеризуется объемным расщеплением, направленным на производство пластинок и микропластин, в орудийном наборе отмечаются пластинки с ретушью, концевые скребки, долотовидные изделия. Данная индустрия находит аналогии в более поздних комплексах Ферганской долины (Обишир-1, -5) [Shnaider et al., 2017; Шнайдер и др., 2017]. Палеофаунистические коллекции ранее не подвергались изучению в силу их большой фрагментации, ранее описывалась только подвеска, выполненная из зуба оленя [Абдыканова и др., 2014; Федорченко и др., 2018].

Материалы и методы

Для проведения ZooMS анализа нами отобрано 16 образцов (см. *таблицу*).

Пробоподготовка образцов для ZooMS анализа соответствует протоколу, изложенному в работе М. Бакли [Buckley et al., 2009] и после усовершенствованному С. Браун и коллегами [Brown et al. 2020]. Для каждого образца отобрано 10–20 мг кости с помощью сверлильного станка. Сначала образцы деминерализовали 0,6 М соляной кислоты (HCl; ТК АНТ (Санкт-Петербург)) в течение 18 ч при 4 °С. После центрифугирования в течение 1 мин при 7000 об/мин × g, супернатант удаляли и замораживали при 20 °С. Образец промывали 0,5 мМ бикарбонатом аммония, чтобы восстановить нейтральную pH образца. Затем к образцу добавляли 100 мкл 0,5 мМ бикарбоната аммония (Sigma Aldrich) и инкубировали в течение 1 ч при температуре 65 °С, после чего центрифугировали при 3700 об/мин в течение 1 мин. Затем образец был поделен на две части (около 50 мкл каждая), одну из которых хранили как резервную. Оставшиеся 50 мкл обрабатывали 0,2 мкг трипсина (секвенирующего класса; Promega UK) и инкубировали при 37 °С в течение 12–18 ч.

Затем реакция была остановлена путем добавления к пробам трифторуксусной кислоты (TFA; Sigma-Aldrich, Великобритания), пептиды (фрагменты белка) были очищены и фракционированы с помощью наконечников пипеток C18 (Thermo Fisher). Затем они были разделены на фракцию 0–10 % ацетонитрила (ACN) и фракцию 10–50 % ACN [Van der Sluis et al., 2014, Buckley et al., 2009]. Фракции высушивали, а затем ресуспендировали в 10 мкл 0,1 % TFA. После этого 1 мкл сокристаллизовали с 1 мкл раствора α-циано-4-гидроксикоричной кислоты (Sigma-Aldrich, Великобритания) (10 мг/мл в 50 % ACN), и образцы из каждой фракции наносили на пластину-мишень из нержавеющей стали Bruker для проведения матрично-ассистированной лазерной десорбции – времяпролетной масс-спектрометрии (MALDI-TOF). Анализ MALDI-TOF проводился на приборе Bruker Autoflex Speed, где сигнал регистрировали путем накопления 3000–25000 выстрелов лазера (в зависимости от состояния образца) в положительном отраженном режиме в диапазоне m/z 700–3700. Полученные спектры проверялись вручную с помощью программного обеспечения Bruker Daltonics FlexAnalysis 3.3. MALDI-TOF-MS спектры удалось зарегистрировать для каждой из фракций коллагена 0–10 % ACN и 10–50 % ACN, что указывает на то, что 15 образцов дали жизнеспособные отпечатки коллагена с видимыми пептидными пиками, которые, вероятно, позволят провести таксономическую идентификацию. Мы следовали этому же методу при анализе современных и археологических эталонных таксонов [Welker et al., 2016].

Результаты исследования

В результате проведенного ZooMS анализа, удалось идентифицировать 15 образцов из 16. Все образцы показывают высокую степень таксономической идентификации, для всех удалось зафиксировать более 6 пептидов (см. *таблицу*). Пептиды P1, B, P2, D, F представлены во всех образцах; пептиды C, F', G' в большей части образцов; пептиды A, A' E и G зафиксированы в единичных случаях. Семь из 15 образцов нам удалось идентифицировать до рода. Четыре из них сохранили пептиды с m/z 1105,6; 1196,6; 1427,7; 1580,8; 1648,8; 2131,1; 2883,4; 3017,5; 3033,5 и относятся к роду *Ovis* (рис. 2, *2*). Три из них содержат пептиды с m/z: 1105,6; 1180,6; 1427,7;

Результаты ZooMS анализа

Номер образца	Слой	Определение	Семейство	P1	A	A'	B	C	P2	D	E	F	F'	G	G'
1	2.1–2.2	Goat	*Bovidae*	1105,6	1180,6	–	1427,7	1580,8	1648,8	2131,1	2792,3	2883,4	2899,4	–	3093,5
2	2.3	Deer/ Gazelle/ Saiga	*Cervidae/Bovidae (Saiga)*	1105,6	–	–	1427,7	1550,8	1648,8	2131,1	–	2883,4	2899,4	–	–
3	2.3	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,6	–	–	1427,7	–	1648,8	2131,1	–	2883,5	2899,9	–	3093,7
4	2.3	Sheep	*Bovidae*	1105,6	–	1196,6	1427,7	1580,8	1648,8	2131,1	–	2883,4	–	–	3033,5
5	2.5	Sheep	*Bovidae*	1105,6	–	–	1427,7	1580,7	1648,8	2131,1	–	2883,4	2899,3	3017,4	–
6	2.4	Goat	*Bovidae*	1105,6	1180,6	–	1427,7	–	1648,8	2131,1	2792,3	2883,5	2899,3	–	3093,5
7	2.2–2.3	Sheep	*Bovidae*	1105,6	1180,6	–	1427,7	1580,8	1648,8	2131,1	–	2883,4	2899,4	3017,5	–
8	2.5	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,6	–	–	1427,7	1580,8	1648,8	2131,1	–	2883,4	–	–	3093,5
9	2.1	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,6	–	–	1427,7	1580,8	1648,8	2131,1	2792,3	2883,4	–	–	3093,5
10	2.1	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,6	–	–	1427,7	–	1648,8	2131,1	–	2883,4	–	–	3093,5
11	2.3	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,7	–	–	1427,9	–	1649	2131,3	–	2883,7	–	–	3093,5
12	2.1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
13	2.2–2.3	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,6	–	–	1427,8	1580,8	1648,9	2131,2	–	2883,5	2899,5	–	3093,5
14	2.5	Goat	*Bovidae*	1105,6	1180,6	–	1427,7	1580,7	1648,8	2131	–	2883,4	–	–	3093,5
15	2.2	Goat/ Reindeer	*Bovidae–Cervidae*	1105,5	–	–	1427,7	1580,7	1648,8	2131	–	2883,2	–	–	3093,4
16	2.4–2.5	Sheep	*Bovidae*	1105,6	–	–	1427,7	-	1648,8	2131,1	–	2883,4	2899,3	–	3033,4

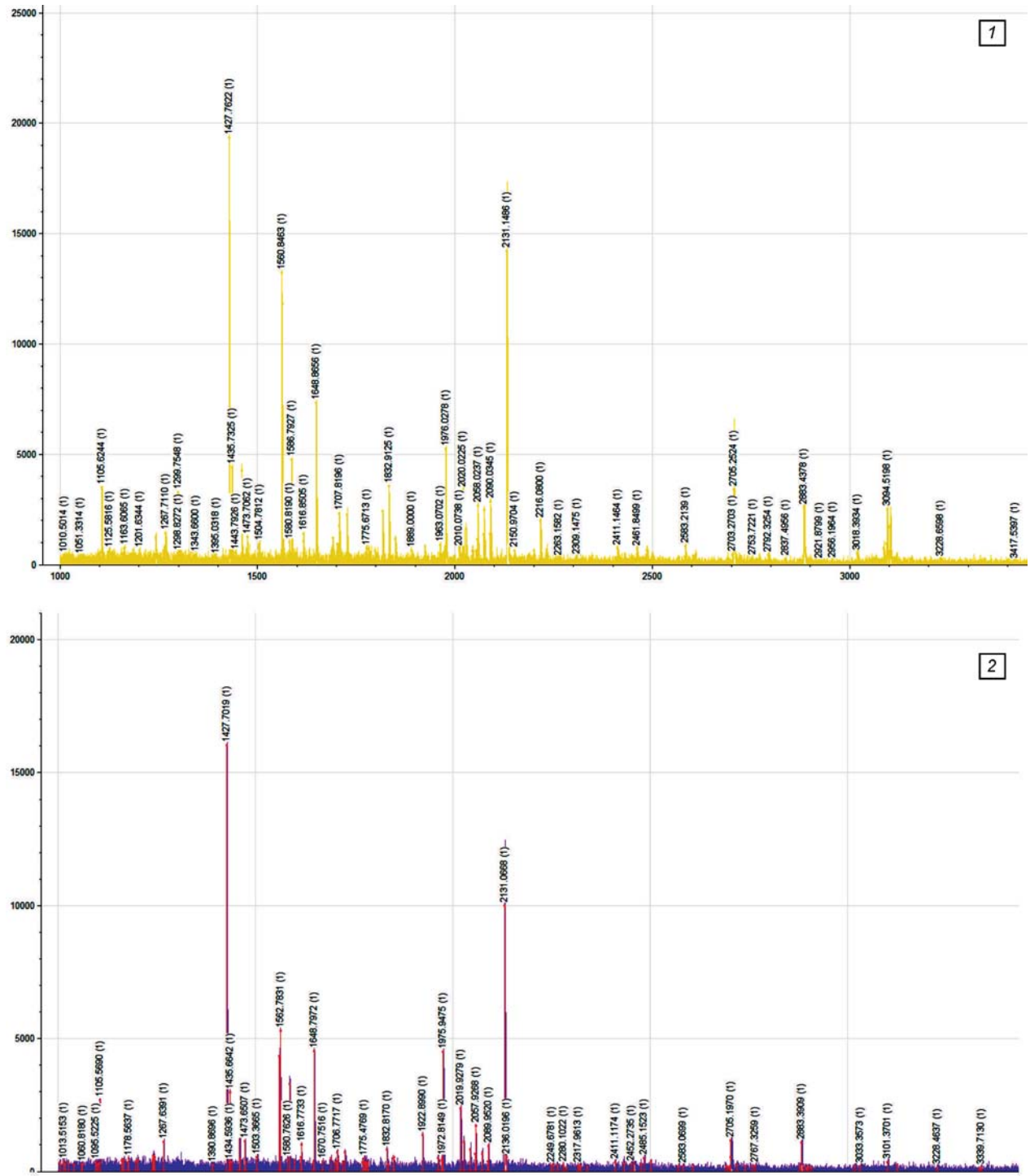


Рис. 2. Спектры образцов 1 (*1*) и 4 (*2*), построенные с использованием программы mMass.

1648,8; 2131,1; 2792,3; 2883,5; 2899,3; 3093,5 и относятся к роду *Capra* (рис. 2, *1*). Семь образцов сохранили пептиды с m/z: 1105,6; 1427,7; 1580,8; 1648,8; 2131,1; 2792,3; 2883,4; 3093,5 и показывают возможную принадлежность к родам *Capra* или *Reindeer*, у данных образцов не были зафиксированы пептиды A и A', благодаря которым их можно было бы подразделить. Беря во внимание район расположения стоянки – высокогорья Тянь-Шаня, можно с уверенностью сказать, что здесь исключено обнаружение костей северного оленя, и можно интерпретировать эти образцы как относящиеся к роду *Capra*. Один образец с пептидами с m/z 1105,6; 1427,7; 1550,8; 1648,8; 2131,1; 2883,4; 2899,4 показывает свою возможную принадлежность к родам *Deer/ Gazelle/ Saiga*. Учитывая физи-

ко-географические условия расположения стоянки, присутствие этих трех видов на памятнике представляется возможным.

Заключение

В результате проведенного ZooMS анализа для финальноплейстоценовых материалов со стоянки Айгыржал-2 удалось определить видовую принадлежность 15 костных фрагментов. Из них 10 образцов относятся к роду *Capra*, 4 образца – к *Ovis*, 1 образец может относиться к *Deer/ Gazelle/ Saiga*. Полученные данные полностью находят соответствие с характеристикой животного состава региона. Учитывая хронологию памятника (13,8–13,4 кал. тыс. л.н.), мы предполагаем, что здесь представлены остатки диких животных. В целом проведенное исследование показало, что методика ZooMS позволяет реконструировать фаунистический состав памятника и, как следствие, использовавшиеся охотничьи стратегии, которые были ориентированы на добычу средних млекопитающих.

Благодарности

Пробоподготовка для ZooMS анализа проведена при поддержке гранта Президента РФ МК-882.2022.2 «Новый алгоритм изучения костяных орудий на примере неолитических комплексов горной части Центральной Азии». Интерпретация результатов проведена при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды» (FWZG-2022-0008).

Список литературы

Абдыканова А., Табалдиев К.Ш., Чаргынов Т., Онума К., Куме Ш., Мотузайте-Мотузавичюте Г. Новый памятник каменного века Айгыржал-2 (Кыргызстан, Нарынская область) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: Сарыарка, 2014. – С. 148–160.

Федорченко А.Ю., Абдыканова А., Шнайдер С.В., Табалдыев К.Ш., Кривошапкин А.И. Новые свидетельства символического поведения эпохи эпипалеолита в Центральном Тянь-Шане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2018. – Вып. 7. – С. 242–251.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Алишер кызы С., Никулина Е.Д., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-1 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 239–244.

Brown S., Hebestreit S., Wang N., Boivin N., Douka K., Korzow Richter K. Zooarchaeology by Mass Spectrometry (ZooMS) for bone material – Acid insoluble protocol. – 2020. P. 8–9.

Brown S., Higham T., Slon V., Pääbo S., Meyer M., Douka K., Brock F., Comeskey D., Procopio N., Shunkov M., Derevianko A., Buckley M. Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen fingerprinting and mitochondrial DNA analysis // Scientific Reports. – 2016. – N 6. – P. 1–8.

Buckley M., Collins M., Thomas-Oaies J., Wilson J.C. Species identification by analysis of bone collagen using matrix-assisted laser desorption/ionisation time-of-flight mass spectrometry // Rapid Communications in Mass Spectrometry. – 2009. – N 23. – P. 3843–3854.

Buckley M., Kansa S.W. Howard S., Campbell S., Thomas-Oates J., Collins M. Distinguishing between archaeological sheep and goat bones using a single collagen peptide // J. of Archaeol. Sci. – 2010. – № 37. – P. 13– 20.

Buckley M., Larkin N., Collins M. Mammoth and Mastodon collagen sequences; survival and utility // Geochimica et Cosmochimica Acta. – 2011. – N 75. – P. 2007–2016.

Desmond A., Barton N., Bouzouggar A., Douka K., Fermandez P., Humphrey L., Morales J., Turner E., Buckley M. ZooMS identification of bone tools from the North African Later Stone Age // J. of Archaeol. Sci. – 2018. – N 98. – P. 149–157.

Taylor W.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature. Human Behavior. – 2021. – P. 1169–1179.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – Vol 91. – Iss. 360. – P. 1–7.

Van der Sluis L., Hollund H., Buckley M., De Louw P., Rijsdijk K., Kars H. Combining histology, stable isotope analysis and ZooMS collagen fingerprinting to investigate the taphonomic history and dietary behaviour of extinct giant tortoises from the Mare aux Songes deposit on Mauritius // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2014. – N 416. – P. 80–91.

Welker F., Hajdinjak M., Talamo S., Jaouen K., Dannemann M., David F., Julien M., Meyer M., Kelso J., Barnes I., Brace S., Kamminga P., Fischer R., Kessler B.M., Stewart J.R., Pääbo S., Collins M.J.,

Hublin J. Palaeoproteomic Evidence Identifies Archaic Hominins Associated with the Châtelperronian at the Grotte Du Renne // PNAS. – 2016. – Iss. 113. – P. 11162–11167.

Reference

Abdykanova A., Tabaldiev K.Sh., Chargynov T., Onuma K., Kume Sh., Motuzaite-Motuzavichyute G. Novyi pamyatnik kamennogo veka Aigyrzhal-2 (Kyrgyzstan, Narynskaya oblast'). In *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arkheologa K. A. Akisheva*. Astana: Saryarka, 2014. P. 148–160. (In Russ.).

Brown S., Hebestreit S., Wang N., Boivin N., Douka K., Korzow Richter K. Zooarchaeology by Mass Spectrometry (ZooMS) for bone material. Acid insoluble protocol, 2020. P. 8–9.

Brown S., Higham T., Slon V., Pääbo S., Meyer M., Douka K., Brock F., Comeskey D., Procopio N., Shunkov M., Derevianko A., Buckley M. Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen fingerprinting and mitochondrial DNA analysis. *Scientific Reports*, 2016. N 6. P. 1–8.

Buckley M., Collins M., Thomas-Oaies J. & Wilson J. C. Species identification by analysis of bone collagen using matrix-assisted laser desorption/ionisation time-of-flight mass spectrometry. *Rapid Communications in Mass Spectrometry*, 2009. N 23. P. 3843–3854.

Buckley M., Kansa S.W. Howard S., Campbell S., Thomas-Oates J., Collins M. Distinguishing between archaeological sheep and goat bones using a single collagen peptide. *Journal of Archaeological Science*, 2010. N 37. P. 13– 20.

Buckley M., Larkin N., Collins M. Mammoth and Mastodon collagen sequences; survival and utility. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 2011. N 75. P. 2007–2016.

Desmond A., Barton N., Bouzouggar A., Douka K., Fermandez P., Humphrey L., Morales J., Turner E., Buckley M. ZooMS identification of bone tools from the North African Later Stone Age. *J.l of Archaeol. Sci.*, 2018. N 98. P. 149–157.

Fedorchenko A.Yu., Abdykanova A., Shnaider S.V., Tabaldyev K.Sh., Krivoshapkin A.I. Novye svidetel'stva simvolicheskogo povedeniya epokhi epipaleolita v Tsentral'nom Tyan'-Shane. *Evraziya v kaĭnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*, 2018. Iss. 7. P. 242–251. (In Russ.).

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017. Vol. 91. Iss. 360. P. 1–7. doi: 10.15184/aqy.2017.208

Shnaider S.V., Abdykanova A., Kraitsarzh M., Alisher kyzy S., Nikulina E.D., Taylor V., Krivoshapkin A.I. Rezul'taty arkheologicheskikh raskopok pamyatnika Obishir-1 v 2017 godu. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 239–244. (In Russ.).

Van der Sluis L., Hollund H., Buckley M., De Louw P., Rijsdijk K., Kars H. Combining histology, stable isotope analysis and ZooMS collagen fingerprinting to investigate the taphonomic history and dietary behaviour of extinct giant tortoises from the Mare aux Songes deposit on Mauritius // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2014. – № 416. – P. 80–91.

Welker F., Hajdinjak M., Talamo S., Jaouen K., Dannemann M., David F., Julien M., Meyer M., Kelso J., Barnes I., Brace S., Kamminga P., Fischer R., Kessler B.M., Stewart J.R., Pääbo S., Collins M.J., Hublin J. Palaeoproteomic Evidence Identifies Archaic Hominins Associated with the Châtelperronian at the Grotte Du Renne. In *PNAS*, 2016. Iss. 113. P. 11162–11167. doi: 10.1073/pnas.1605834113

Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Абдыканова А. https://orcid.org/0000-0002-7238-9065
Баранова С.В. https://orcid.org/0000-0001-9228-3025
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Черноносов А.А. https://orcid.org/0000-0001-8362-2443

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0407-0414
УДК 903.01

М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, А.М. Чеха, А.Ю. Федорченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Палеолитические комплексы южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2022 года

В статье представлены результаты изучения новых археологических материалов среднего и верхнего палеолита из плейстоценовой толщи слоев 11–18 в южной галерее Денисовой пещеры. Наиболее древние находки обнаружены в слоях 18 и 17, которые формировались в период морской изотопной стадии (МИС) 7. Для каменной индустрии ранней стадии среднего палеолита из этих слоев характерно радиальное и параллельное раскалывание, направленное на получение в основном укороченных или коротких заготовок. Изделия с вторичной обработкой представлены вентрально-утонченными и базально-тронкированными сколами, различными типами скребел, зубчатыми и выемчатыми орудиями. В более поздних комплексах среднего палеолита из слоев 16–12, которые накапливались в интервале МИС 6–4, развитие получает пластинчатое производство и различные варианты леваллуазского расщепления. В орудийном наборе преобладают скребла, распространены сколы с базальным тронкированием и вентральным утончением. Появляются тронкированно-фасетированные изделия. В слоях 14 и 13 отмечена серия двусторонне обработанных орудий, в том числе крупный треугольный бифас с галечным основанием, которые близки по своему облику к бифасиальным изделиям из Чагырской пещеры. Костяной инвентарь представлен ретушерами из фрагментов диафизов трубчатых костей крупных животных. Завершают культурно-хронологическую колонку находки раннего верхнего палеолита из нижней части слоя 11, который накапливался в первой половине МИС 3. Наиболее ярким верхнепалеолитическим элементом этого комплекса является набор украшений из зубов животных, бивня мамонта и скорлупы яиц страуса – подвески и бусины.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, средний палеолит, верхний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.*

M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin✉, A.M. Chekha, A.Yu. Fedorchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Paleolithic Complexes of the South Chamber of Denisova Cave: 2022 Materials

The article provides the results of study of the new Middle and Upper Paleolithic archaeological materials from the Pleistocene sequence of layers 11–18 in the South Chamber of the Denisova Cave. The most ancient artifacts were found in layers 18 and 17, which were formed during the marine isotope stage (MIS) 7. The lithic industry of the early stage of the Middle Paleolithic is characterized by radial and parallel knapping technology aimed at obtaining primarily shortened or short blanks. Secondary processed items are represented by ventrally thinned and basally truncated flakes, various types of side-scrapers, and denticulate and notched tools. In the later Middle Paleolithic complexes from layers 16–12, which accumulated in MIS 6–4, laminar production and various Levallois-type variants developed. The toolset mostly includes side-scrapers as well as flakes with basal truncation and ventral thinning. Truncated and faceted products appeared. Layers 14 and 13 contain a series of bifacial tools, including a large triangular biface with a pebble base, which are in appearance similar to the bifacial artifacts from the Chagyrskaya Cave. The bone inventory is represented by retouchers

made of fragments of the large animal's tubular bone diaphyses. The cultural and chronological column is completed by the Early Upper Paleolithic finds from the lower part of layer 11, which accumulated in the first half of MIS-3. The most interesting Upper Paleolithic element from this complex is a set of ornamentations made from animal teeth, mammoth tusk, and ostrich egg shells: pendants and beads.

Keywords: *Denisova Cave, Pleistocene, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, lithic industry, primary knapping, toolkit.*

В 2022 г. в Денисовой пещере были продолжены раскопки плейстоценовых отложений в средней части южной галереи. На площади кв. Ж/2–7 исследованы осадки слоев 11–19. По предварительным результатам ОСЛ и ^{14}С-датирования, данным литологии, биостратиграфии и археологии формирование отложений слоя 19 проходило в эпоху МИС 9 и 8, слоев 18 и 17 – МИС 7, слоев 16–13 – МИС 6–первой половине МИС 4, слоя 12 – во второй половине МИС 4, слоя 11 – в первой половине МИС 3.

Слой 19 не содержал археологического материала.

В пределах слоя 18 обнаружено 98 каменных артефактов. Первичное расщепление характеризуют 77 отщепов. Крупные и средние заготовки (22 экз.) имеют гладкую или естественную остаточную ударную площадку и продольную однонаправленную огранку или неопределимый дорсал, часто с участками галечной поверхности. Отходы производства включают две колотые гальки и 16 обломков и осколков. В числе изделий с вторичной обработкой крупный продольный вентрально-утонченный скол, отщеп с ретушью и неопределимый фрагмент орудия.

Коллекция из слоя 17 включает 281 предмет. Среди 197 отщепов выделяются сколы крупного и среднего размера (63 экз.) с гладкой или естественной площадкой и продольной однонаправленной или ортогональной огранкой дорсала. Более половины сколов сохраняют участки галечной поверхности. Кроме того, в коллекции краевой пластинчатый скол с радиального нуклеуса, три колотые гальки, 60 обломков и осколков. Орудийный набор (20 экз.) включает три скребла – продольное дорсальное выпуклое (рис. 1, *11*), диагональное вентральное выпуклое и поперечное дорсальное прямое; пять крупных вентрально-утонченных сколов – продольный одинарный, продольный с базальным тронкированием (рис. 1, *12*), поперечный и с обработкой на ¾ периметра (2 экз.); три базально-тронкированных скола, у которых остаточная ударная площадка удалена серией крупных вентральных снятий (рис. 1, *1*, *2*). В коллекции также семь отщепов с эпизодической ретушью и два неопределимых фрагмента орудий.

Отложения слоя 16 в разрезе 2022 г. представлены стратиграфическими подразделениями – 16.2 и 16.1.

В состав находок из слоя 16.2 (280 экз.) входят два отбойника в виде крупных галек с интенсивной забитостью на торцах. Единственный морфологически выраженный нуклеус представляет собой радиально обработанное бифронтальное изделие, оформленное на гальке. Другие нуклевидные формы (4 экз.) являются крупными отдельностями галечного сырья с единичными сколами апробации или бессистемными снятиями. Среди отщепов (142 экз.) около половины составляют крупные и средние заготовки укороченных или коротких пропорций с гладкой или естественной площадкой и продольной или ортогональной огранкой дорсала, часто с остатками галечной корки. Пластинчатые заготовки (4 экз., рис. 1, *10*) также имеют гладкую площадку и продольную или ортогональную огранку. К отходам производства относятся пять колотых галек, 100 обломков и осколков. Среди изделий с вторичной обработкой – диагональное выпуклое скребло (рис. 1, *6*), три вентрально-уточенных скола с оббивкой продольного края, семь отщепов с ретушью и неопределимый фрагмент орудия.

В составе коллекции из слоя 16.1 (165 экз.) присутствует крупная гранитная галька с интенсивной забитостью торцов, применявшаяся, скорее всего, для расщепления камня. Типологически выраженные нуклеусы представлены ортогональным монофронтальным ядрищем с гладкой и естественной площадками и радиальным бифронтальным изделием, изготовленными из крупных галек. Кроме того в коллекции три нуклевидных обломка. Среди отщепов (93 экз.) сколы среднего и крупного размера (33 экз.) в основном короткие и укороченные, с естественной или гладкой площадкой и с ортогональной или продольной однонаправленной огранкой дорсала. В числе находок также одна пластина с гладкой площадкой и продольной огранкой и 58 обломков и осколков. Орудия включают поперечный вентрально-утонченный скол и шесть ретушированных отщепов (рис. 1, *5*).

В отложениях слоя 15 найдено 230 каменных предметов: нуклевидный обломок; 100 отщепов, в том числе средние и крупные заготовки (56 экз.) в основном коротких и укороченных про-

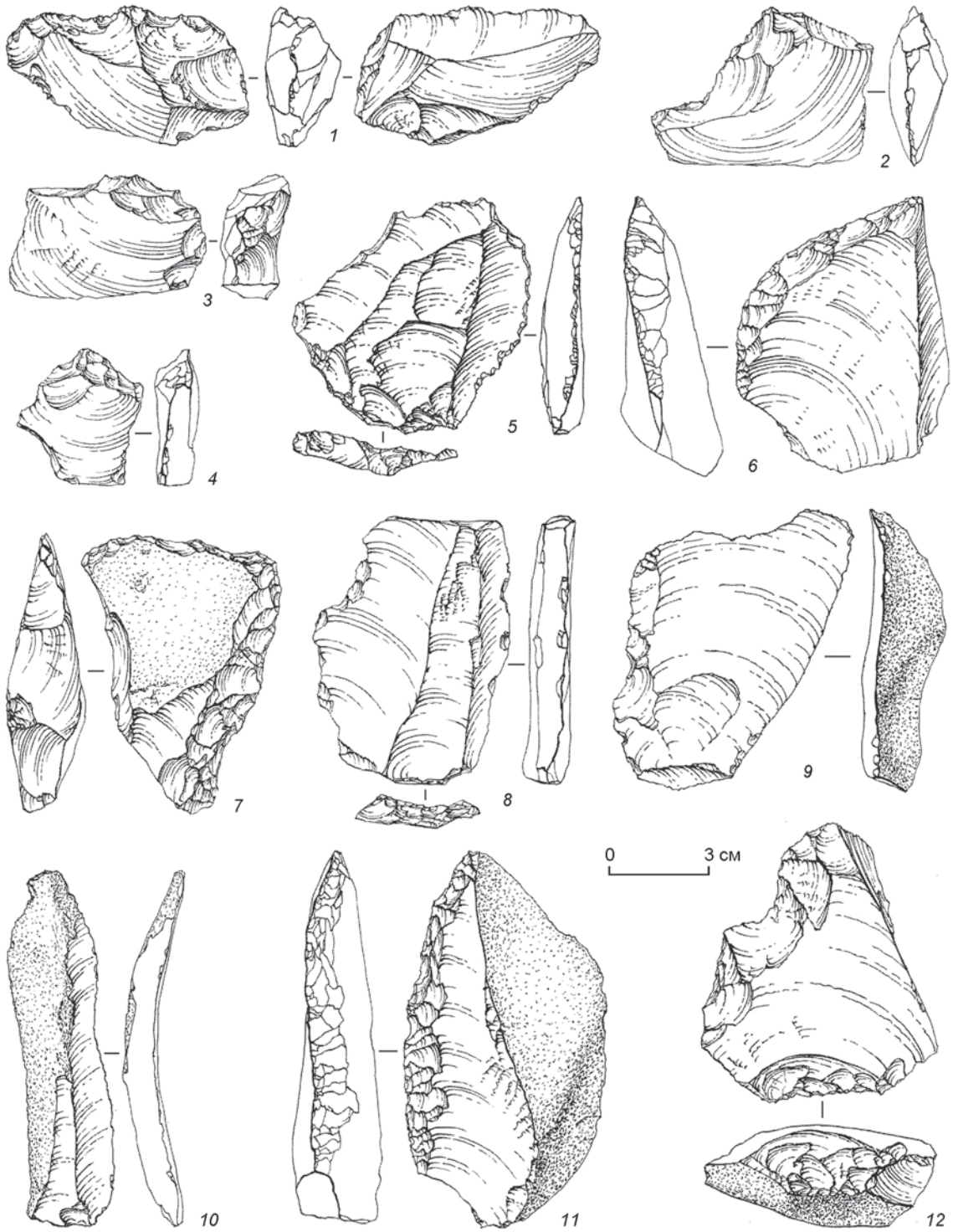


Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 17 (*1*, *2*, *11*, *12*), 16.2 (*6*, *10*), 16.1 (*5*), 15 (*4*, *8*) и 14 (*3*, *7*, *9*) в южной галерее Денисовой пещеры.

1–4 – базально-тронкированные сколы; *5* – отщеп с ретушью; *6*, *7*, *11* – скребла; *8*, *10* – пластины; *9* – вентрально-утонченный скол; *12* – вентрально-уточненный скол с базальным тронкированием.

порций, с гладкими или естественными площадками и с продольной или ортогональной огранкой дорсала; три крупных удлиненных скола, включая пластину леваллуа (рис. 1, *8*); пять колотых галек; 105 обломков и осколков и 16 изделий с вторичной обработкой – поперечное прямое дорсальное скребло с подтеской основания, выемчатое орудие с глубоким ретушированным анкошем на дистальном крае заготовки, продольный вентрально-утонченный скол, два крупных и средний (рис. 1, *4*)

базально-тронкированных скола, шесть отщепов с эпизодической ретушью и четыре неопределимых фрагмента орудий.

Каменная индустрия из слоя 14 включает 110 изделий – нуклевидный обломок, 51 отщеп и две пластины с гладкой площадкой и продольной огранкой, 44 мелких обломка и осколка, 3 чешуйки и 9 орудий. Наиболее выразительным изделием в коллекции является крупный бифас треугольной формы, изготовленный из массивного скола (рис. 2). Длина орудия 184 мм, максимальная ширина – 118 мм. Толщина бифаса составляет от 33 до 30 мм на участке от галечной пятки до медиальной части, затем плавно уменьшается до 1 мм у острия. Плоскости бифаса покрыты негативами крупных удлиненных сколов с более мелкой обработкой по краю, формирующей острое лезвие. Заготовкой орудия служила отдельность качественного тонкозернистого песчаника преимущественно кварцитового состава твердостью 6 по шкале Мооса (определение канд. геол-мин. наук Н.А. Кулик). Другие изделия с вторичной обработкой представлены продольно-поперечным дорсальным скреблом с обушком-обломом (см. рис. 1, *7*), двумя продольными вентрально-утонченными сколами – одинарным (см. рис. 1, *9*) и двойным, базально-тронкированным отщепом (см. рис. 1, *3*), леваллуазским сколом с усеченным отвесной вентральной ретушью дистальным краем, а также отщепом с ретушью и двумя неопределимыми фрагментами орудий.

Коллекция из слоя 13 содержит 713 каменных и два костяных изделия. Инструменты для расщепления камня представлены фрагментом сильно сработанного отбойника из крупной гальки. Среди нуклеусов два изделия относятся к леваллуазским – одно из них небольшое, округлое, обработано по периметру центростремительными снятиями, сформировавшими пирамидальный рельеф фронта, с выпуклой тщательно подготовленной площадкой и негативом крупного отщепа (рис. 3, *4*); второе ядрище также округлой формы, оббито на ¾ периметра сколами, уходящими в заломы, основное снятие на фронте закончилось тоже глубоким заломом. Третий нуклеус представляет собой одноплощадочное монофронтальное, подпрямоугольное ядрище, оформленное на небольшом валуне, с площадкой на одном из его торцов и негативами сколов, снятых вдоль одной из широких плоскостей. Кроме того, в число нуклевидных форм входит шесть бессистемно обколотых обломков. Среди отщепов (350 экз.) отмечены краевые снятия с радиальных нуклеусов и сколы типа комбева. Крупные и средние сколы (151 экз.) в основном короткие или укороченные, с гладкой естественной или двугранной площадкой, с продольной одно- и бинаправленной или ортогональной огранкой дорсала, распространены также сколы с гладким дорсалом и краевые снятия. Для пластинчатых заготовок (4 экз.) характерны гладкая площадка и параллельная или ортогональная огранка. Отходы производства включают

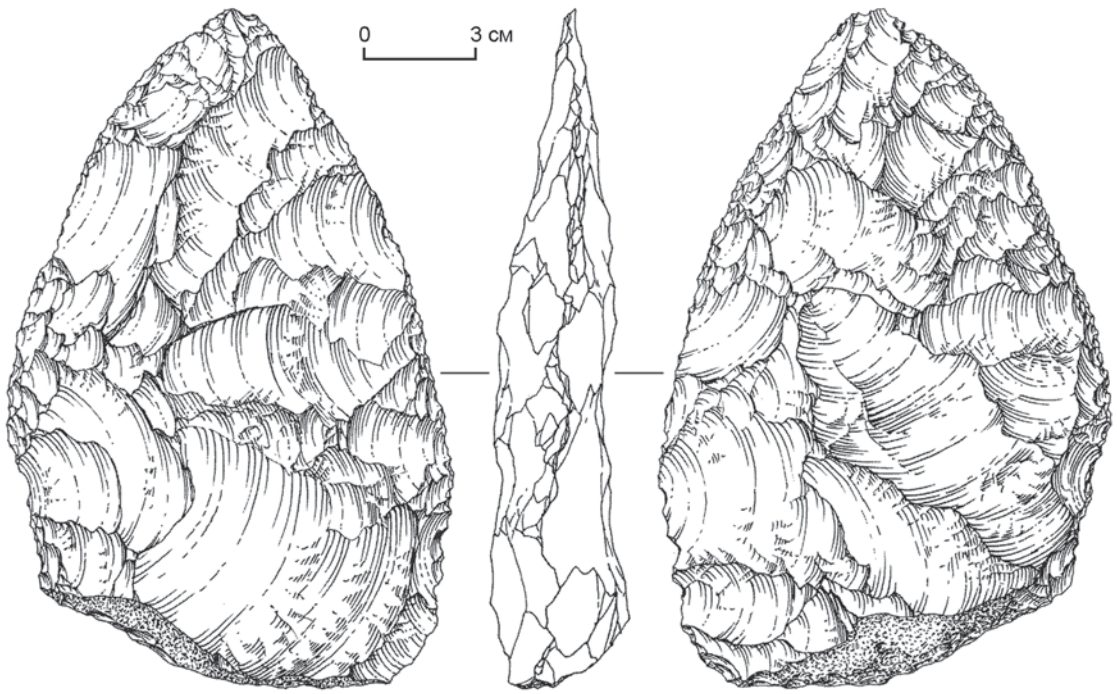


Рис. 2. Бифас из слоя 14 в южной галерее Денисовой пещеры.

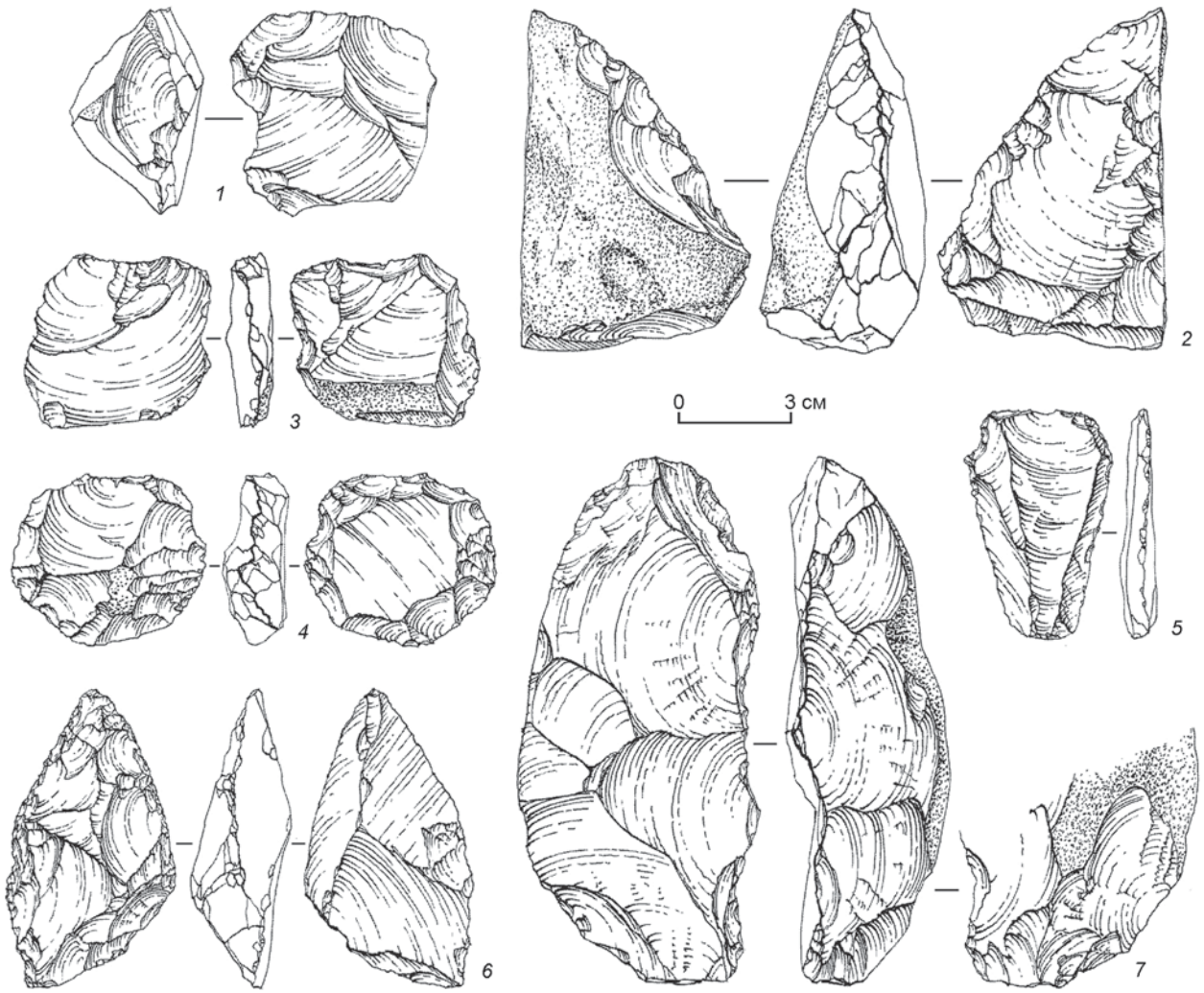


Рис. 3. Каменный инвентарь из слоя 13 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – базально-тронкированный скол; *2*, *7* – бифасиальные орудия; *3* – тронкированно-фасетированное изделие; *4* – нуклеус; *5* – отщеп с ретушью; *6* – скребло.

13 колотых галек, 293 обломка и осколка, 26 чешуек. В составе орудий (17 экз.) выделяется крупное плоско-выпуклое бифасиальное изделие с естественным обушком, оформленное крупными широкими сколами и более мелкими снятиями, выравнивающими и приостряющими лезвие (рис. 3, *7*). Еще два обушковых орудия представлены скреблами – диагональным с двусторонней обработкой лезвия (рис. 3, *2*) и конвергентным с многорядной унифасиальной ретушью (рис. 3, *6*). Среди остальных изделий – орудие с зубчатым продольным лезвием, оформленным дорсальной разнофасеточной ретушью; два тронкированно-фасетированных скола, у которых проксимальный край усечен отвесной дорсальной ретушью, а затем с подготовленной таким образом площадки была снята серия вентральных сколов (рис. 3, *3*); вентрально-утонченные сколы – продольный и с обработкой на ¾ периметра; два базально-тронкированных скола (рис. 3, *1*); пять ретушированных отщепов (рис. 3, *5*) и два неопределимых фрагмента орудий. Костяной инвентарь включает два ретушера удлиненно-подпрямоугольной формы, которыми служили фрагменты диафизов трубчатых костей животных размера лошади или бизона. Вес изделий 59 и 78 г. На этих инструментах отмечено по две рабочие зоны со следами интенсивной утилизации в виде частых плотно наложенных поперечных зарубок.

В пределах слоя 12 обнаружено 513 каменных артефактов и шесть орудий из кости. В качестве отбойников использовались две крупные гранитные гальки со следами интенсивной забитости. Среди типологически выраженных нуклеусов (7 экз.) – одноплощадочные монофронтальные ядрища (3 экз.), изготовленные из крупных галек. Их ударные площадки использовались без специальной подготовки (2 экз.) или были подработаны крупными сколами (рис. 4, *15*). Двуплощадочные нуклеусы оформлены на крупном фрагменте гальки и на массивном сколе. У одного изделия

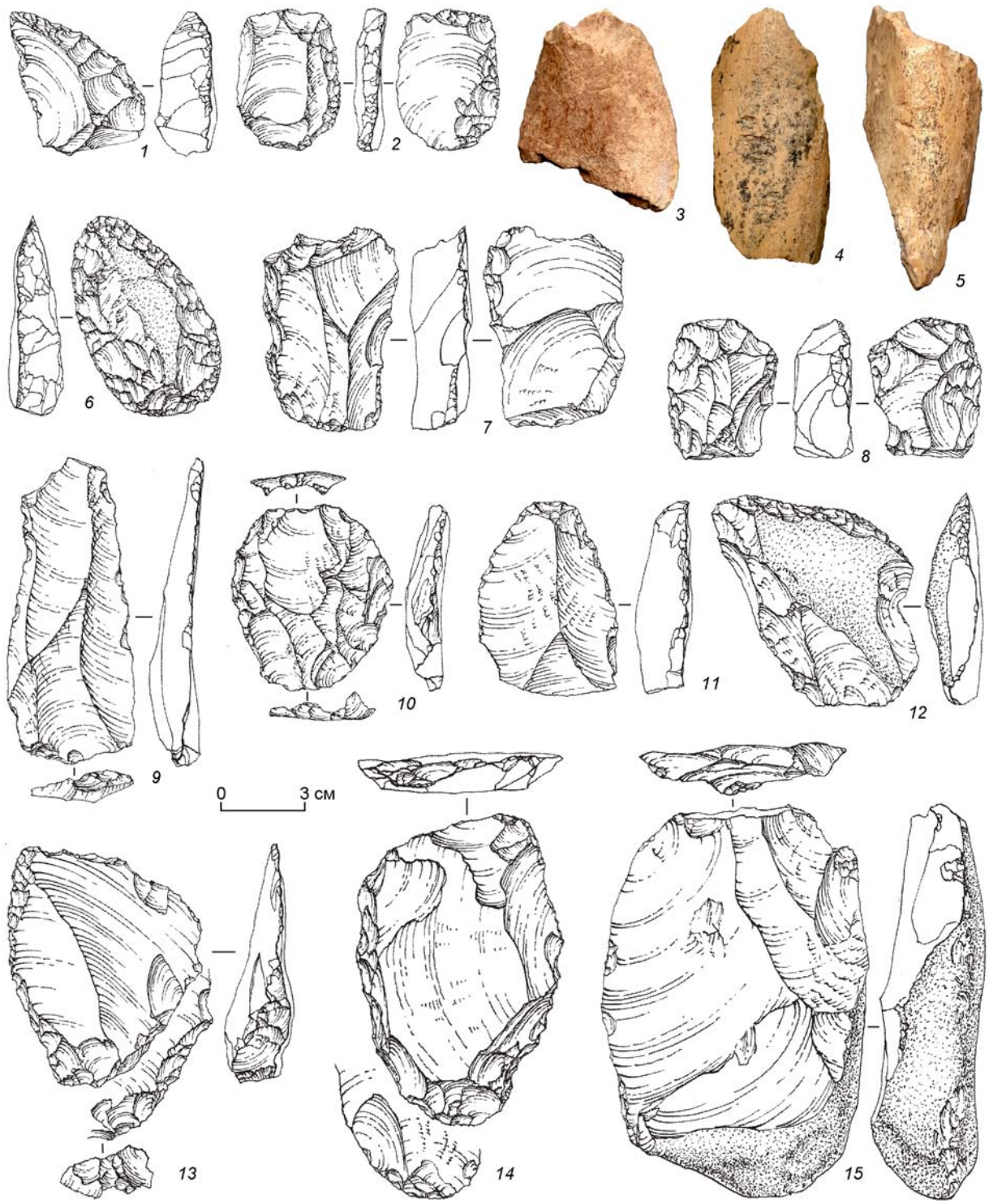


Рис. 4. Каменный (*1*, *2*, *6–15*) и костяной (*3–5*) инвентарь из слоя 12 в южной галерее Денисовой пещеры.
1, *2*, *6*, *8*, *12–14* – скребла; *3–5* – ретушеры; *7* – зубчатое орудие; *9* – пластина; *10*, *15* – нуклеусы; *11* – скребок.

площадки естественные, скалывание производилось во встречном направлении. На втором ядрище площадки подготовлены крутой вентральной ретушью на проксимальном и дистальном краях заготовки, а фронт расположен с дорсальной стороны заготовки (рис. 4, *10*). Радиальное расщепление представляют сработанные монофронтальные нуклеусы (2 экз.) с тщательно оформленным по периметру ребром. К нуклевидным формам относятся также три обломка с негативами нескольких бессистемных снятий. В составе сколов 204 отщепа и 11 пластин. Отщепы среднего и крупного размера (124 экз.), в основном укороченных пропорций, реже – короткие

и удлиненные. Преобладают изделия с гладкой или естественной ударной площадкой, отмечены сколы с двугранной площадкой и с обратной редукцией карниза. Огранка дорсала – продольная однонаправленная, ортогональная или бессистемная. Около половины отщепов сохраняют участки галечной поверхности. Для пластин характерны гладкие или двугранные площадки и продольная одно- или бинаправленная (рис. 4, *9*) огранка. В числе отходов производства – 13 колотых галек, 198 обломков и осколков, 36 чешуек. Среди орудий (38 экз.) преобладают скребла (7 экз.) – продольное дорсальное выпуклое на крупном коротком сколе, оформлено крутой сильномодифицирующей ретушью, проксимальный край заготовки утончен двусторонней подтеской (рис. 4, *14*); диагональные дорсальные выпуклые на крупных коротких отщепах (2 экз.), обработаны крутой сильномодифицирующей ретушью (рис. 4, *1*, *12*); конвергентное дорсальное на крупном коротком отщепе, сформировано распространенной параллельной сильномодифицирующей ретушью (рис. 4, *6*); двойные продольные альтернативные прямые на крупных коротких отщепах (2 экз., рис. 4, *2*, *13*), на одном изделии дистальный край заготовки усечен вентральной ретушью, с подготовленной таким образом площадки на дорсальную сторону изделия снято два скола; продольно-поперечное дорсальное с обработкой на ¾ периметра на крупном медиально-дистальном фрагменте, обработано крупными снятиями, с вентральным утончением, как у плоско-выпуклых бифасов (рис. 4, *8*). Остальной инвентарь включает концевой скребок на медиально-дистальном фрагменте крупного отщепа, оформленный дорсальной крутой параллельной ретушью (рис. 4, *11*); два зубчатых орудия – продольное и с обработкой на ¾ периметра (рис. 4, *7*); изделие с вентральной выемкой на поперечном крае; продольный вентрально-утонченный отщеп; пять крупных базально-тронкированных сколов; 12 отщепов и две пластины с эпизодической ретушью; а также семь неопределимых фрагментов орудий. Костяные инструменты представлены ретушерами (рис. 4, *3–5*) из фрагментов диафизов трубчатых костей крупных животных размера бизона, лошади или благородного оленя. Целые орудия (4 экз.) удлиненно-ромбической или трапециевидной формы имеют на поперечных краях одну или две рабочие зоны. Вес изделий от 52 до 64 г, степень утилизации – от слабой до сильной. На одном изделии отмечены линейные следы, скорее всего, от соскабливания надкостницы. Еще два ретушера сохранились в виде продольно-поперечных фрагментов интенсивно сработанных изделий.

Основная часть отложений слоя 11 по линии Ж в южной галерее была раскопана в 2018 г. [Деревянко и др., 2018]. Исследования 2022 г. включали изучение фрагментов нижней части слоя 11, залегающих узкой полосой вдоль скальных стен. Небольшая коллекция верхнепалеолитических материалов из этого слоя включает 64 каменных артефакта, костяное орудие и пять украшений. Первичное расщепление характеризуют отщепы (19 экз.) с гладкой, точечной или линейной площадкой (в ряде случаев с прямой редукцией карниза) и продольной однонаправленной огранкой дорсала, а также две колотые гальки, 33 обломка и осколка, шесть чешуек. В набор орудий входят медиальный фрагмент бифаса с линзовидным сечением, отщеп и пластина с эпизодической ретушью, а также неопределимый фрагмент с интенсивной вторичной обработкой. Костяной инвентарь представлен продольно-поперечным фрагментом ретушера из обломка диафиза трубчатой кости крупного животного. На кортикальной поверхности изделия отмечены следы использования в виде глубоких перпендикулярных зарубок. Набор украшений включает подвеску размером 19 × 5 × 4 мм из резца сибирского горного козла *Capra sibirica* с биконически просверленным отверстием диаметром 0,8 мм в корневой части и четыре бусины. Две округлые бусины из бивня мамонта сохранились в виде фрагментов, их диаметр составлял около 6 и 13 мм, толщина – 0,5 и 2,0 мм, диаметр отверстия – 2,3 и 5,8 мм. Из бивня также выполнена бусина-бляшка, скорее всего, в виде восьмерки, от которой сохранился продольно-поперечный фрагмент размером 21,9 × 7,0 × 2,4 мм с частью отверстий диаметром ок. 5 мм. Еще одна бусина изготовлена из скорлупы яйца страуса, ее диаметр 5,7 мм, толщина – 1,4 мм, диаметр отверстия – 1,6 мм.

Плейстоценовая толща в южной галерее Денисовой пещеры включает культурные остатки в широком хронологическом диапазоне. Наиболее древние находки из отложений слоев 18 и 17 относятся к ранней стадии среднего палеолита. Для этого комплекса характерны приемы радиального и параллельного скалывания, среди изделий с вторичной обработкой представлены вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы, различные типы скребел, зубчатые и выемчатые орудия. В среднепалеолитических индустриях из слоев 16–12 применялись различные варианты леваллуазского и пластинчатого расщепления, в орудийном наборе преобладали скребла, были широко распространены сколы с базальным тронкированием и вентральным утончением, появились тронкированно-фасетированные изделия. Двусторонне обработанные орудия из слоев 14

и 13, в том числе крупный треугольный бифас, близки по своему облику к бифасиальным изделиям из Чагырской пещеры [Междисциплинарные исследования…, 2018], однако в Денисовой пещере эти орудия имеют более ранний хронологический контекст. Завершают культурно-хронологическую колонку находки ранней стадии верхнего палеолита из нижней части слоя 11. Наиболее выразительным верхнепалеолитическим компонентом этой индустрии является набор украшений из зубов животных, бивня мамонта и скорлупы яиц страуса.

Благодарности

Авторы признательны А.В. Абдульмановой и Н.В. Вавилиной за рисунки каменных изделий. Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-00049, https://rscf.ru/project/22-28-00049.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 82–86.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

References

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabay V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasiliev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Volvakh A.O., Roberts R.G., Jacobs Z., Li Bo Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 468 p. (In Russ.). doi: 10.17746/7803-0288-9.2018

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 82–86. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.082-086

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0417-0424
УДК 902/904 + 550.3

Е.В. Балков[1], О.А. Позднякова[2]✉, Д.А. Ненахов[2], Л.Н. Мыльникова[2]

[1]Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Результаты комплексных археолого-геофизических исследований на памятнике Усть-Тартасские курганы. Отработка новых методов и технологий

Представлены результаты сопоставления археолого-геофизических данных, полученных в ходе работ на кург. 51 памятника Усть-Тартасские курганы (Барабинская лесостепь). До начала раскопок он был исследован комплексом дистанционных методов. Магнитная съемка выполнена методами вертикального и горизонтального градиента. Оценка структуры погребальной площадки осложняется аномалиями, связанными с наличием в грунте железных предметов, колеями полевых дорог и следами распашки. По итогам магнитных съемок курган представлялся как объект с центральным захоронением, окруженным рвом. В ходе раскопок выявлены 22 погребения, из которых девять впущены в насыпь. По данным магнитометрии удалось определить только расположение рва. Обосновано, что причиной этого является гумусированная насыпь кургана высотой 1,5 м. Она создает «экран», что не позволяет дистанционно распознать устройство погребальной площадки. Показано, что аномалия, принятая за центральное погребение, связана с ритуальной конструкцией над центральным погребением, которая длительно горела в процессе ритуальных действий. Цифровая модель рельефа, построенная по данным аэрофотосъемки, отчетливо выделила курганную насыпь, что подтверждает высокую эффективность этого метода при невысоких затратах. Результаты электромагнитного профилирования, как и аэрофотосъемки, позволяют обнаружить и локализовать курганную насыпь. Доказано, что результаты электромагнитного профилирования хорошо коррелируют со слоем сопротивления на глубине около 0,5 м. По всей видимости, высокие значения удельного электрического сопротивления в районе исследования и недостаточный их контраст не позволили выделить захоронения на подкурганной площадке. По итогам 3D инверсии данных электротомографии, выполненной с шагом 0,5 м между электродами и 1,0 м между профилями, получены наиболее представительные результаты. Показано, что такая детальная съемка позволяет выявить отдельные захоронения, оценить их параметры и различия в заполнении. Проведенные работы подтверждают эффективность использованного комплекса дистанционных методов.

Ключевые слова: *курган, саргатская культура, магнитная съемка, аэрофотосъемка, малоглубинное частотное профилирование, электротомография.*

E.V. Balkov [1], O.A. Pozdnyakova[2]✉, D.A. Nenakhov[2], L.N. Mylnikova[2]

[1]Institute of Petroleum Geology and Geophysics of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Integrated Archaeological and Geophysical Studies at the Ust-Tartasskie Kurgany Site: New Methods and Techniques

This article compares archaeological and geophysical data from archaeological works at burial mound No. 51 of the Ust-Tartasskie Kurgany site (south of Western Siberia). Prior to excavation, it was explored using a number of remote methods,

including ground-based magnetic survey, aerial photography, electromagnetic profiling, and electrical tomography. The magnetic survey employed vertical and horizontal gradient methods. Comparison of results has revealed a good correlation of data. Structural assessment of the burial site according to magnetic data was significantly complicated by anomalies associated with presence of iron objects in the soil, ruts of field roads, and traces of plowing. According to magnetic surveys, burial mound consisted of the central burial object surrounded by a moat. During the excavation, 22 burials have been discovered, nine of which were secondary. Comparison of archaeological and geophysical data has revealed that only the location of the moat could be established from magnetometric data, most likely because of the humus layer of the mound reaching 1.5 m in height. In such cases, it creates a kind of "screen" which hampers remote recognition of the mound structure. The anomaly which was identified as the central burial is most likely associated with ritual structure above the central burial, which burned for a long time during ritual activities.The digital elevation model which was built using aerial photography, clearly showed the mound, which confirms high efficiency of this method at low cost.Electromagnetic profiling and aerial photography have made it possible to detect and locate the mound. Comparison with data of electrical tomography has shown that results of electromagnetic profiling well correlated with the resistance layer at a depth of about 0.5 m. Apparently, high values of electrical resistivity in the area under study and their insufficient contrast did not make it possible to identify the burials in the mound. The best results were obtained from 3D inversion of electrotomography data, performed with a step of 0.5 m between the electrodes and 1 m between the profiles. Comparison of the data indicates that such detailed survey makes it possible to identify individual burials, and evaluate their parameters and differences in filling. The study confirms the effectiveness of our set of remote methods and establishes the parameters of the measuring setup, which should be used in studying similar objects in the future.

Keywords: *burial mound, Sargat culture, magnetic survey, aerial photography, shallow frequency profiling, electrotomography.*

Введение

В 2016 г. в рамках совместных российско-германских работ по изучению периферии больших курганов саргатской культуры на участке могильника «Усть-Тартасские курганы», выходящем на надпойменную террасу займища р. Тартас (урочище Таи), была выполнена магнитная съемка методом горизонтального градиента (руководитель – доктор наук Й.В.Е. Фассбиндер) [Парцингер и др., 2016]. Характер и особенности расположения выявленных магнитных аномалий позволили предположить наличие в межкурганном пространстве более раннего грунтового могильника, что было подтверждено в ходе последующих раскопок (см., напр.: [Молодин и др., 2017]). В восточной части участка хорошо фиксировался распаханный кург. 51, который, судя по геомагнитным данным, представлял собой объект с центральным погребением, окруженным рвом, диаметром 14,5 м [Парцингер и др., 2016, с. 403]. В 2017 г. сотрудниками ИНГГ СО РАН под руководством канд. геол.-мин. наук П.Г. Дядькова этот же участок был картирован повторно методом вертикального градиента, при этом была отмечена высокая степень корреляции данных [Дядьков и др., 2017, с. 308].

В полевом сезоне 2022 г. для решения задач научного проекта РНФ № 22-18-00012 были проведены раскопки кург. 51. В результате курган изучен полностью, выявлено 22 погребения и сопутствующие ритуальные комплексы (см. статью: Л.Н. Мыльниковой и др. «Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника...» в этом сборнике). До начала археологических работ сотрудниками ИНГГ СО РАН под руководством доктора техн. наук Е.В. Балкова площадка будущего раскопа была исследована комплексом дистанционных методов, включающим аэрофотосъемку, малоглубинное электромагнитное профилирование и электротомографию. Данная статья посвящена оценке результатов сопоставления итогов археологических и геофизических исследований, что имеет существенное значение для развития методики археогеофизических работ.

Результаты сравнения данных магнитометрии и археологических раскопок

Магнитная съемка, как уже упоминалось выше, была проведена двумя различными методами. Сеть наблюдений была идентичной, с шагом 1 м. Сравнение построенных карт участка, где расположен курган, демонстрирует высокую степень совпадения данных. На карте горизонтального градиента выделяются характерные биполярные аномалии, которые связаны с залеганием в грунте современных железных предметов. Одна из них расположена непосредственно в центре кургана, что создает помеху для оценки его устройства (рис. 1, *1*). К моменту съемки 2017 г. железные предметы были удалены из грунта, что положительно сказалось на ее результате (рис. 1, *2*). Однако в данном случае существенной помехой для выявления полезных аномалий являются колеи полевых дорог и следы распашки (аномалии в виде полос).

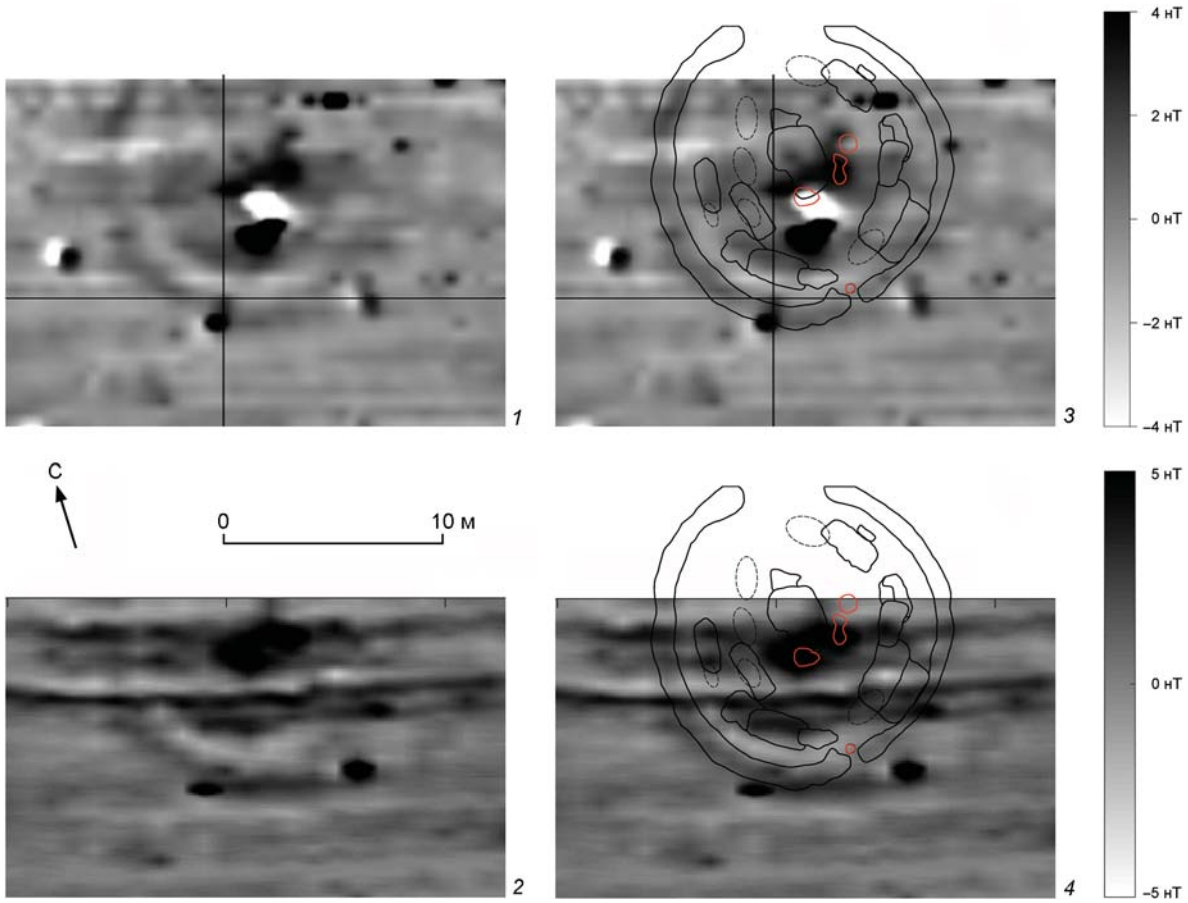


Рис. 1. Результаты магнитной съемки кург. 51 памятника Усть-Тартасские курганы.

1 – магнитограмма кургана по данным измерений горизонтального градиента; *2* – магнитограмма кургана по данным измерений вертикального градиента; *3* – границы вскрытых в раскопе археологических объектов на карте горизонтального градиента; *4* – границы вскрытых в раскопе археологических объектов на карте вертикального градиента.

Корреляция археолого-геофизических данных показывает, что из всех выявленных в раскопе археологических объектов достаточно отчетливо выделяется только ров (рис. 1, *3*, *4*). Его ширина ок. 1 м, глубина в материке – 0,6–0,7 м. Несмотря на то, что ров был заполнен более магнитным (по сравнению с материком) гумусированным грунтом, он формирует очень слабую положительную аномалию, чуть выше фоновых значений. Вероятнее всего, это связано с тем, что стенки рва очень резко и наклонно сужаются ко дну. В результате, общий объем магнитного материала в его заполнении оказался недостаточным для формирования четкой аномалии в магнитном поле.

Еще одним фактором, влияющим на степень выраженности аномалии от рва, может быть распаханная насыпь. Ее размеры, зафиксированные до раскопок, составляли ок. 20 × 30 м, в то время как диаметр кургана по внешнему краю рва – 14–15 м. Таким образом, ров оказался перекрыт грунтом из насыпи, которая содержала большое количество магнитного почвенного вещества. Известно, что даже сравнительно небольшой (0,2–0,3 м) слой почвы над археологическим объектом существенно уменьшает амплитуду фиксируемой от него аномалии. Это очень хорошо показано на примере методических работ в траншее № 135 памятника Тартас-1 [Молодин и др., 2015]. В случае с курганами, гумусированная насыпь может работать как «экран», который не позволяет посредством магнитной съемки определить устройство подкурганной площадки. Так, в ходе раскопок саргатского кург. 8 на памятнике Погорелка-2 под насыпью высотой 0,7 м было выявлено шесть погребений, которые на магнитной карте не проявились. Авторы работ связали это обстоятельство со строением кургана из дерновых кирпичей и предположили, что концентрация более магнитного почвенного вещества в теле насыпи могла помешать их распознаванию [Молодин и др., 2009]. Если насыпь кургана разобрана или сильно распахана, можно получить достаточно подробные сведения об особенностях его устройства. Применительно к курганам той же саргатской культуры в качестве примера можно привести памятники Венгерово-6 [Молодин и др., 2011], Яшкино-1 [Кобелева и др., 2013] и Преображенка-6 [Дядьков и др., 2005]. На кург. 51 памятни-

ка Усть-Тартасские курганы высота сохранившейся насыпи от уровня современной дневной поверхности составляла 1,5 м. На наш взгляд, это является наиболее вероятной причиной того, что выявленные в ходе раскопок захоронения на магнитных картах не проявились, хотя некоторые из них имеют существенную глубину.

Что касается положительной аномалии в центре кургана, первоначально интерпретированной как центральное погребение, то результаты сопоставления показывают, что с центральным погр. 9 она не совпадает. Наиболее вероятно, что ее источником являются достаточно мощные прокалы (до 0,2 м). В ходе раскопок над центральной погребальной камерой удалось проследить остатки подпрямоугольной конструкции из дерева и бересты, которая была подожжена в процессе ритуальных действий. При этом огонь, судя по мощности прокалов, поддерживался длительное время. Интересно отметить, что эта аномалия (более 5 нТл) также имеет подчетырехугольную форму, что особенно хорошо видно на карте вертикального градиента. Известно, что воздействие высоких температур увеличивает степень намагниченности грунта, поэтому прокалы всегда очень отчетливо фиксируются магнитной съемкой. Можно также предположить, что определенный вклад в эту аномалию внесли куски железной руды, найденные при раскопках. На сегодняшний день известно, что один из них характеризуется повышенным содержанием магнетита. Подобные случаи в практике наших предыдущих исследований зафиксированы не были, поэтому данный вопрос требует дополнительной проработки.

Результаты сравнения данных геоэлектрики и археологических раскопок

На размеченном под будущий раскоп участке, размером 36 × 33 м проведены исследования с помощью аэрофотосъемки, электромагнитного профилирования и электротомографии.

Аэрофотосъемка проводилась с использованием малогабаритного дрона DJI Mavic Air (Китай, https://www.dji.com). Для планирования полетов использована программа DroneHarmony Plus (https://droneharmony.com), для обработки данных фотограмметрии применено программное обеспечение Metashape (Agisoft, Россия, https://www.agisoft.com/). Обработка, оформление и визуализация цифровых моделей рельефа проведена в программе Surfer (Golden Software, США, https://www.goldensoftware.com). Съемка производилась с высоты 30 м, перекрытие снимков составляло 85 % в двух направлениях.

В результате обработки данных аэрофотосъемки построены ортофотоплан и цифровая модель рельефа. При построении карты высот за ноль была принята точка, находящаяся на краю склона, таким образом, курганная насыпь отражена превышением высот до 1,5 м относительно периферии (рис. 2, *1*). Курганная насыпь очень ярко выделяется в цифровой модели рельефа, подтверждая наряду с другими примерами [Балков и др., 2021] высокую эффективность аэрофотосъемки при невысоких затратах.

Электромагнитное профилирование проводилось с помощью прототипа аппаратуры малоглубинного электромагнитного профилирования Геовизер [Huang, Won, 2003; Карин и др., 2018], оснащенного дифференциальной системой спутниковой RTK привязки Emlid Reach M2 OEM (https://emlid.com/reachrs/). Профилирование выполнялось в непрерывном режиме измерений по проектной системе профилей, расположенных на расстоянии 1 м, с привязкой по GPS (погрешность не превышала 10 см). Плотность наблюдений вдоль линии съемки составила не более 0,5 м.

Результаты, полученные по реальной компоненте сигнала на частоте 100 кГц в виде карты распределения сигнала, пропорционального проводимости, приведены на рис. 2. Участок съемки по сопротивлению разбивается на несколько горизонтальных сегментов (зон). Верхняя часть, примыкающая к лесополосе (с 25 по 33 м), характеризуется повышенным сопротивлением, в центральной части имеет округлую форму, обусловленную наличием курганной насыпи. Средняя часть (с 10 по 25 м) имеет пониженные значения, наименьшие в районе горизонтали на 15-м метре. И нижняя часть (от 0 до 10 м) имеет, как и верхняя, повышенные значения сопротивления, с переходом на высокие значения, обусловленные резким склоном на краю террасы. Причины описанной зональности исследованного участка по сопротивлению не ясны. Предположительно это может быть связано с наличием старой дороги, проходившей по краю террасы и уплотнившей грунт. Непосредственно на курганной насыпи имеется ряд локальных аномалий повышенного сопротивления, которые, однако, смещены к лесополосе и сосредоточены на участке, где при расчистке площадки были выкорчеваны кусты. Других локальных аномалий, которые могли бы соответствовать археологическим объектам, не выделяется. По результатам предыдущих работ и сопоставления данных с методом электротомографии данные электромагнитного профилирования хорошо коррелируют со слоем сопротивления на глубине около 0,5 м [Балков, Фадеев, Карин, 2021]. По всей видимости, высокие значения удельного электрического сопротивления в районе исследо-

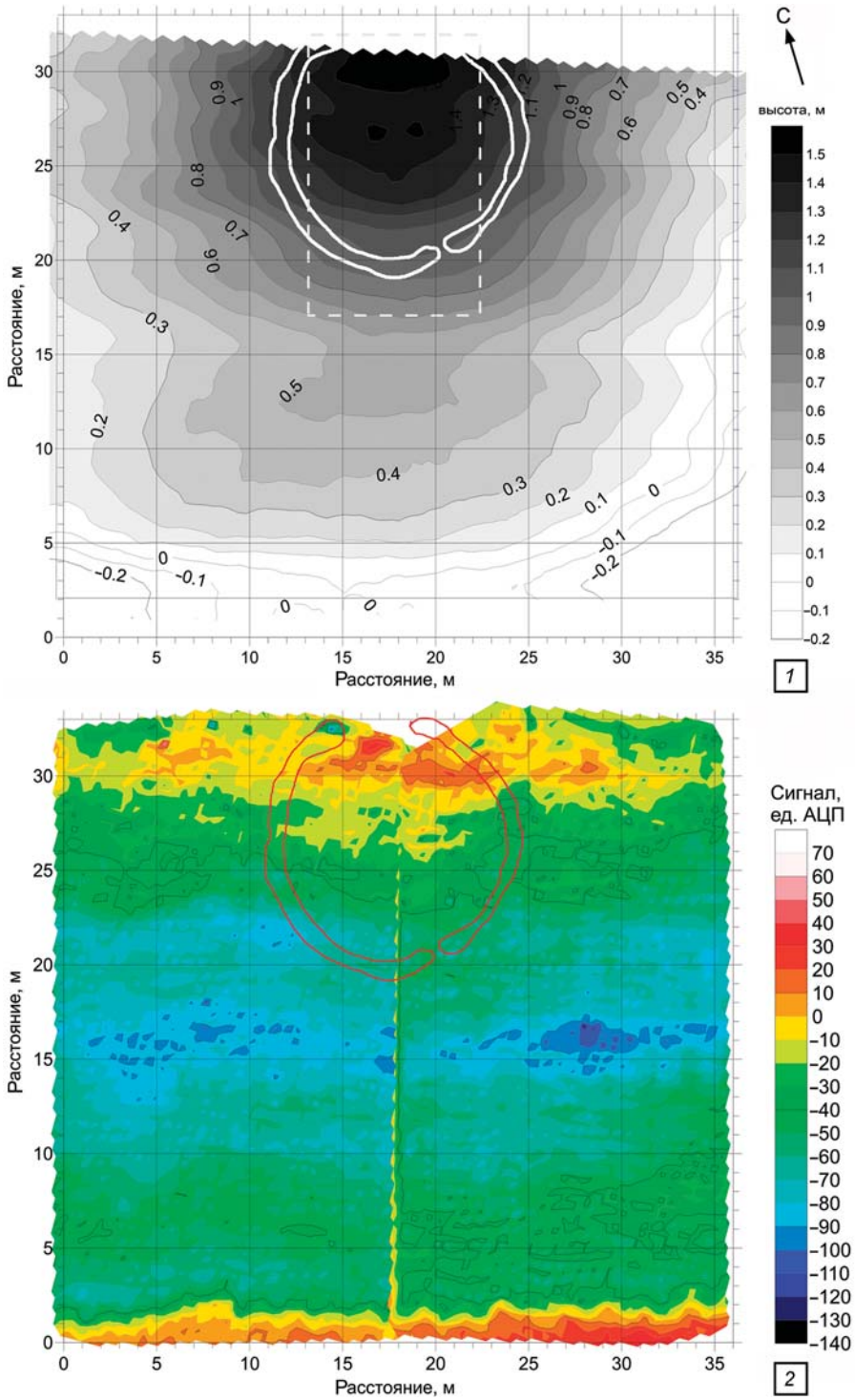


Рис. 2. Результаты аэрофотосъемки и электромагнитного профилирования.

1 – карта относительных высот (белыми линиями показаны контуры рва кургана, белыми пунктирными линиями – площадка детальной съемки методом электротомографии); *2* – карта распределения реальной компоненты сигнала на частоте 110 кГц по данным электромагнитного профилирования (красными линиями показаны контуры рва).

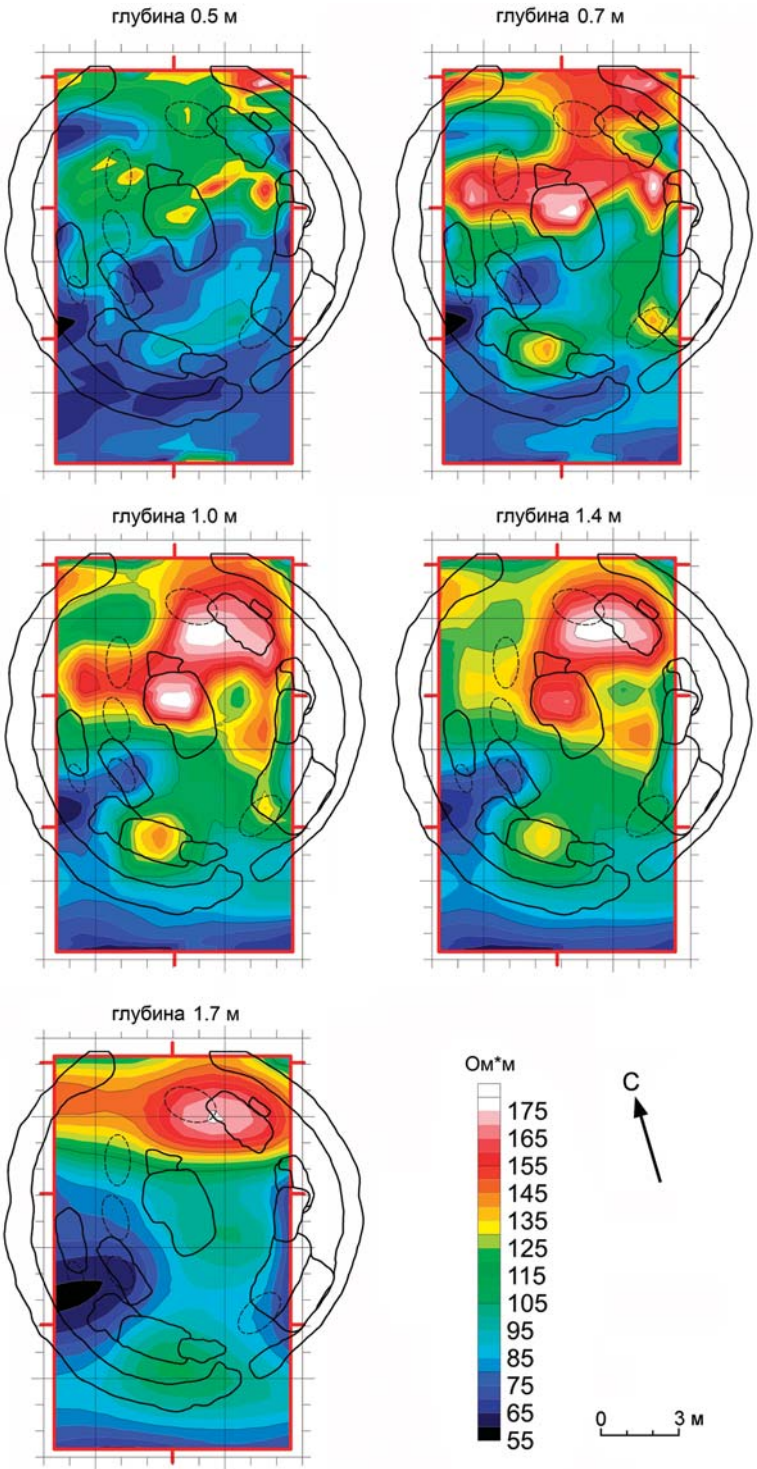
вания и недостаточный их контраст не позволили выделить захоронения.

Трехмерные исследования объекта методом *электротомографии* [Dahlin, 2001; Бобачев и др., 2006] выполнены с помощью компактной аппаратуры Скала 32К4 (КБ Электрометрии, Новосибирск). Инверсия выполнена с использованием программного обеспечения Res3DInv (Малайзия, https://www.geotomosoft.com/).

Работы выполнены на площади 36 × 31 м с шагом 1 м между электродами и 2 м между профилями, а также по уплотненной сетке на курганной насыпи

9,0 × 15,5 м с шагом 0,5 м между электродами и 1 м между профилями (пунктирная линия на рис. 2).

Распределение сопротивления по результатам обработки всей площадки электротомографии согласуется с данными электромагнитного профилирования. Насыпь и прилегающая к лесополосе среда сложены менее проводящим грунтом, так же как и часть среды на краю террасы. В центральной части насыпи наблюдаются локальные аномалии повышенного сопротивления. Среда на глубину до 4 м представлена четырехслойным разрезом с высокоомным изолирующим первым слоем и далее слоями попеременно пониженного и повышенного сопротивления, мощностью около 1 м. При этом на отметке около 15 м подстилающий проводящий слой вклинивается в вышележащие. Этим может быть обусловлена проводящая горизонтальная полоса на карте электромагнитного профилирования. Сопоставление с результатами раскопок показывает, что величина шага в 1 м между электродами и 2 м между профилями не позволяет выделить объекты, горизонтальные размеры которых существенно меньше, чем ячейка измерительной системы.



Достаточно представительные результаты получены по итогам 3D инверсии данных электротомографии на площадке детализации курганной насыпи. На рисунке 3 представлены пять горизонтальных срезов на различных глубинах (от 0,5 до 1,7 м). Карты на глубине меньше 0,5 м оказываются неинформативны и отображают достаточно хаотичное распределение сопротивления вблизи поверхности, что может быть обусловлено распашкой. По всей видимости, это же не позволяет объектам, перекрытым таким слоем, проявляться в данных электромагнитного профилирования. На карте, соответствующей глубине 0,5 м, может быть выделена только аномалия, связанная с центральным захоронением. Это, возможно, объясняется тем, что оно было разграблено. Анализ всех карт показывает, что по сопротивлению отчетливо выделяются только три погребения: № 9, 11 и 15 (см. рис. 1 в статье Л.Н. Мыльниковой и др. «Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника…» в этом сборнике). Захоронения № 9, 11 отнесены к сооружениям т.н. первой очереди. Их основное заполнение представлено плотной темно-серой супесью и геоэлектрические характеристики сходны. Погребение № 15, сооруженное позд-

Рис. 3. Карты распределения удельного электрического сопротивления (горизонтальные срезы) по результатам трехмерной инверсии данных электротомографии (черными линиями показаны контуры вскрытых в раскопе объектов).

нее, отличается от предыдущих, в т.ч. и по сопротивлению. Его заполнение представляло собой более рыхлый, влажный грунт с чередованием слоев желтого суглинка и темно-серой супеси. Установленные по данным электротомографии глубины этих объектов в целом хорошо соотносятся с реальными.

Выводы

По итогам проведенных исследований можно заключить, что использованный комплекс дистанционных методов эффективен для изучения курганных могильников. Аэрофотосъемка и, в меньшей степени, электромагнитное профилирование могут быть успешно использованы для обнаружения насыпей курганов. Магнитометрия позволяет получить более детальную информацию, однако наличие даже частично сохранившейся насыпи очень осложняет или делает невозможным распознавание устройства подкурганной площадки. В этих условиях информацию о расположении и глубине захоронений можно получить с помощью метода электротомографии, при очень плотной сети наблюдения. Шаг между электродами не должен превышать 0,5 м как вдоль профиля, так и между профилями. Площадь съемки должна перекрывать площадь кургана с небольшим запасом на периферийную среду. Перспективными в таких исследованиях являются трехмерные установки метода электротомографии, повышающие разрешающую способность.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

Список литературы

Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Шапаренко И.О., Гоглев Д.А. Аэрофотосъемка с БПЛА в поисковых задачах археологии: обзор и практические примеры // Геофизические технологии. – 2021. – № 3. – С. 38–47. – doi: 10.18303/2619-1563-2020-3-38

Балков Е.В., Фадеев Д.И., Карин Ю.Г. Комплексное применение и сопоставление результатов электромагнитного профилирования и электротомографии при исследовании археологических памятников // Геофизика. – 2021. – № 6. – С. 68–75. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47926021_62897469.pdf

Бобачев А.А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. – 2006. – № 2. – С. 14–17. – URL: http://93.180.18.107/shevnin/publ/189.pdf

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Сумин В.А., Позднякова О.А., Евменов Н.Д., Цибизов Л.В. Результаты геофизических и геодезических работ на территории памятника «Усть-Тартасские курганы» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 307–310.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. I. – С. 304–309.

Карин Ю.Г., Балков Е.В., Фадеев Д.И., Манштейн А.К., Панин Г.Л., Алымов А.О., Романов Д.Б. Электромагнитное профилирование компактной аппаратурой: новый подход и результаты применения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 68–78. – doi: 10.25205/1818-7900-2018-16-4-68-78

Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Демахина М.С., Хансен С., Молодин В.И. Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 216–220.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Сальникова И.В., Борзых К.А. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерово-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 188–194.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 363–367.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Марченко Ж.В., Васильев С.К., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Кулик Н.А., Нестерова М.С., Позднякова О.А. Традиции и инновации культур эпохи неолита – раннего железного века Обь-Иртышского междуречья в контексте использования методов естественных наук // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 68–79.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культу-

ры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 343–349.

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 401–404.

Dahlin T. The development of electrical imaging techniques // Computers and Geosciences. – 2001. – No 27(9). – P. 1019–1029. – doi: 10.1016/S0098-3004(00)00160-6

Huang H., Won I.J. Real-time resistivity sounding using a hand-held broadband electromagnetic sensor // Geophysics. – 2003. – Vol. 68, N 4. – P. 1224–1231. – doi: 10.1190/1.1598114

References

Balkov E.V., Fadeev D.I., Karin Yu.G. Kompleksnoe primenenie i sopostavlenie rezul'tatov elektromagnitnogo profilirovaniya i elektrotomografii pri issledovanii arheologicheskih pamyatnikov. *Geofizika,* 2021. N 6. P. 68–75. (In Russ.).

Balkov E.V., Karin Yu.G., Pozdnyakova O.A., Shaparenko I.O., Goglev D.A. Aerofotos"emka s BPLA v poiskovykh zadachakh arkheologii: obzor i prakticheskie primery. *Geofizicheskie tekhnologii,* 2021. N 3. P. 38–47. (In Russ.). doi: 10.18303/2619-1563-2020-3-38

Bobachev A.A., Gorbunov A.A., Modin I.N., Shevnin V.A. Elektrotomografiya metodom soprotivlenij i vyzvannoj polyarizacii. *Pribory i sistemy razvedochnoj geofiziki,* 2006. N 2. P. 14–17. (In Russ.).

Dahlin T. The development of electrical imaging techniques. *Computers and Geosciences,* 2001. Vol. 27. N 9. P. 1019–1029. doi: 10.1016/S0098-3004(00)00160-6

Dyad'kov P.G., Molodin V.I., Chemyakina M.A., Mikheev O.A. Magnitometricheskie issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Tartas-1 i Preobrazhenka-6 v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. Vol. 11. Pt. I. P. 304–309. (In Russ.).

Dyadkov P.G., Molodin V.I., Sumin V.A., Pozdnyakova O.A., Evmenov N.D., Tsibizov L.V. Results of Geophysical and Geodesic Works at the Site of Ust-Tartasskie Kurgany. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 307–310. (In Russ.).

Huang H., Won I.J. Real-time resistivity sounding using a hand-held broadband electromagnetic sensor. *Geophysics,* 2003. Vol. 68. N 4. P. 1224–1231. doi: 10.1190/1.1598114

Karin Yu.G., Balkov E.V., Fadeev D.I., Manshtejn A.K., Panin G.L., Alymov A.O., Romanov D.B. Electromagnetic profiling by compact apparatus: new approach and results of application. In *Vestnik NSU, seriya Informacionnye tekhnologii,* 2018. Vol. 16. N 4. P. 68–78. (In Russ.). doi: 10.25205/1818-7900-2018-16-4-68-78

Kobeleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Demakhina M.S., Khansen S., Molodin V.I. Sargatskii mogil'nik Yashkino-1 (prodolzhenie issledovanii). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. Vol. 19. P. 216–220. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Sal'nikova I.V., Borzykh K.A. Avariinye raskopki mogil'nika sargatskoi kul'tury Vengerovo-6. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. 17. P.188–194. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Ust-Tartas-2 Burial Ground – New Neolithic, Early and Middle Bronze Age Burial Complex in the Baraba Forest-Steppe Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 363–367. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Marchenko Zh.V., Vasil'ev S.K., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Kulik N.A., Nesterova M.S., Pozdnyakova O.A. Traditsii i innovatsii kul'tur epokhi neolita – rannego zheleznogo veka Ob'–Irtyshskogo mezhdurech'ya v kontekste ispol'zovaniya metodov estestvennykh nauk. In *Estestvennonauchnye metody issledovanii i paradigma sovremennoi arkheologii*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. P. 68–79. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Solov'ev A.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Chemyakina M.A., Dyad'kov P.G. Novyi etap sotrudnichestva Instituta arkheologii i etnografii SO RAN i Germanskogo arkheologicheskogo instituta. Raskopki mogil'nika sargatskoi kul'tury Pogorelka-2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. 15. P. 343–349. (In Russ.).

Parzinger G., Molodin V.I., Fassbinder I., Kobeleva L.S., Gass A., Khofmann I., Nenakhov D.A. Preliminary Results of the Research of the Periphery of the Big Mounds of Sargat Culture in Central Baraba. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 401–404. (In Russ.).

Балков Е.В. https://orcid.org/0000-0002-3712-6585
Позднякова О.А. https://orcid.org/0000-0001-8376-0344
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0425-0430
УДК 902

В.В. Бобров

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: bobrov4545@mail.ru

К проблемам исследования и интерпретации древнего и средневекового наскального искусства Сибири и Центральной Азии

На Евразийском, вероятно, и на мировом пространстве обозначена уникальность страны гор Южной Сибири, которая связана с высочайшей степенью концентрации памятников наскального искусства. Многочисленность хронологически многокомпонентных памятников/святилищ среди них составляет другую особенность этого региона. Используя распространенное сравнение таких памятников с книгой, предложена гипотеза о них как хранителях традиций и их трансляторах. В значительной степени это касается техники и иконографии нанесения изображений. Этот тезис находит подтверждение в рисунках на камне коренных народов Южной Сибири – алтайцев и хакасов. В народном искусстве предпочтение техники гравировки объяснено тем, что она близка манере рисунка на органических материалах (кожа). Искусство нового и новейшего времени имело ритуально-бытовой характер. Обращено внимание на необходимость исследования разновременных палимпсестов с точки зрения изобразительной органичности многофигурной композиции, а также в результате дополнения ее поздними рисунками. В статье предложена версия восприятия и понимания относительно ранних многофигурных композиций на памятниках-святилищах «зрителями» в разные эпохи. В ее подтверждение приведены данные из этнографии народов Сибири. Такой подход потребует корректировки при реконструкции их смыслового содержания. Высказано предположение об изображениях позднебронзового времени на территории Горного Алтая, Западных Саян, Монголии и Китая как результате карасукско-лугавского влияния. Изобразительный стиль этого времени разительно отличается от передачи образа эпохи ранней бронзы и сейминско-турбинского периода. В отличие от горных регионов, в Минусинских котловинах это связано с прерыванием традиции наскального искусства в процессе миграции в лесостепи Среднего Енисея населения андроновской культуры. Наконец, представлена модель тенденции развития наскального искусства от ранних периодов до Средневековья.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, святилища, петроглифоведение, Южная Сибирь, Горный Алтай, Минусинские котловины.*

V.V Bobrov

Institute for Human Ecology of the Federal Research Center
Of Coal and Coal Chemistry of the SB RAS
Kemerovo, Russia
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: bobrov4545@mail.ru

Problems of Studying and Interpreting Ancient and Medieval Art in Siberia and Central Asia

The mountains of Southern Siberia are unique because of the highest concentration of rock art sites known in Eurasia and probably in the whole world. Another distinctive feature of this region is numerous chronologically multilayered sites/sanctuaries. Using a common metaphor of such sites as a book, it is suggested that they performed a similar function of keeping tradition and passing it over. This function is mostly associated with execution techniques and iconographic tradition

of representations. Rock art of Siberian peoples, such as the Altaians and Khakases confirm this approach. Preference for engraving technique in popular art is explained by its proximity to drawing on organic materials (leather). The art of the Modern period and contemporary art of these peoples had a ritualistic-everyday nature. Multi-temporal palimpsests should be studied from the point of view of visual integrity manifested by multi-figured compositions, as well as their enrichment with later drawings. The article proposes perception and understanding of relatively early multi-figured compositions at monuments-sanctuaries by "spectators" at different levels of the time scale. It is supported by the ethnographic data on the peoples of Siberia. This approach needs some corrections in reconstructing the meaning of the images. The Late Bronze Age representations in the Altai Mountains, Western Sayan, Mongolia, and China might have resulted from the Karasuk-Lugovskoe influence. The pictorial style of this time was strikingly different from the manner of rendering images in the Early Bronze Age and Seima-Turbino period. As opposed to mountainous regions, in the Minusinsk Depression this was associated with discontinued tradition of rock art during migration of the Andronovo population to the forest-steppe of the Middle Yenisei region. Finally, a model of rock art development from the early periods to the Middle Ages is presented.

Keywords: *rock art, petroglyphs, sanctuaries, petroglyph studies, Southern Siberia, Altai Mountains, Minusinsk Depression.*

Мировому научному сообществу хорошо известно, что такой вид археологических памятников, как наскальное искусство, распространен на всех континентах, которые были освоены человеком с древнейших времен [Дэвлет, 2002]. Неудивительно, что в мировой археологической науке нет недостатка в публикациях, посвященных результатам исследований древнего наскального творчества. Отечественная археология – не исключение. Хотя можно допустить мысль о более высоком удельном весе в ней изучения этого искусства относительно зарубежных исследований. В пределах территории Российской Федерации особенно высокой концентрацией памятников наскального искусства выделяется ее азиатская часть, которая по площади значительно превосходит европейскую, где особую область распространения петроглифов представляют Карелия и районы Белого моря. На территории азиатской России такие памятники известны практически на всем ее пространстве, невзирая на ландшафтную специфику. Исключение составляет крупнейшая в мире Западно-Сибирская низменность. Не будет ошибкой выделить на азиатском пространстве Южную Сибирь – крупнейшую область сосредоточения древнего и средневекового наскального искусства [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005]. В настоящее время только на территории Алтая насчитывается свыше 300 местонахождений с петроглифами [Дэвлет, Чжан Со Хо, 2014, с. 19]. Южная Сибирь также представляет собой очаг формирования и развития археологических культур, оставивших заметный след в истории Сибири и Центральной Азии. Не случайно с этим регионом связана первая периодизация культур палеометалла [Теплоухов, 1927, 1929]. Уникальность страны гор Южной Сибири – в планетарном масштабе – заключается в высокой степени концентрации петроглифических памятников. Поэтому правомерно называть эту территорию страной наскального искусства. Данная преамбула, которая вряд ли содержит новую информацию для высокопрофессионального специалиста, обусловлена главной задачей предлагаемой статьи. Суть ее сводится к частичному решению проблемы сохранения и передачи культурной традиции, в конкретном случае – изобразительной.

Среди этих памятников немало таких, скальные плоскости которых содержат хронологически разные изображения. Такие многокомпонентные памятники специалистами в области петроглифоведения принято называть святилищами. В этой же научной среде их нередко сравнивают с книгой (например, Е.Г. Дэвлет, Б.Х. Кадиков, В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин и др.), которая передает в иллюстрациях преимущественно религиозно-мифологические сюжеты, реже повествует о батальных подвигах, и еще реже о быте и хозяйственной деятельности. И жизнь такой книги долговечна. В ретроспекции она содержит «записи» от новейшего времени до многих тысячелетий древней истории. Такие объемные по хронологии (времени создания) и по содержанию памятники наскального искусства предполагают особое отношение как с точки зрения процедуры научного исследования, так и историко-археологической интерпретации. Примером может являться предложение хроностратиграфического подхода к исследованию таких памятников [Бобров, Савинов, 2005].

Современное отечественное, да и зарубежное, петроглифоведение накопило значительный опыт в области методики исследования. Особенный прорыв в последние десятилетия сделан в документировании изображений на каменных плоскостях. Небезынтересно, что внедрение достижений в цифровых и информационных технологиях, в оптическом приборостроении, в создании беспилотных летательных аппаратов и других направлениях технических и естественных наук произошло и продолжается в разных научных центрах нашей страны практически одновременно. Важно то, что этот процесс сопровождался обменом ре-

зультатами первых экспериментов как в рамках тематических изданий, так и на научных форумах различного уровня. Несомненно, это укрепляло петроглифоведение как научное направление или субдисциплину. Среди коллективов, работающих в данной сфере, назовем Центр палеоискусства Института археологии РАН, созданный по инициативе Е.Г. Дэвлет, лабораторию мультидисциплинарных исследований первобытного искусства при Новосибирском государственном научно-исследовательском университете, возглавляемую академиком В.И. Молодиным, в состав которой также входят сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН; кафедру археологии Кемеровского госуниверситета (рассчитываю на правильное понимание списка).

Достижения в области петроглифоведения оптимизируют решение некоторых малоисследованных проблем в данном научном направлении. Если обратиться к восприятию «многослойных» петроглифов/святилищ как к книге, то невольно возникают вопросы: была ли она понимаема «читателями» разного времени? И какие оставила у них знания? В прагматическом аспекте ответ на второй вопрос будет содержать знания у зрителей наскального панно о технике нанесения изображений и о средствах воплощения образа (иконография), что в какой-то степени напоминает этап «учимся рисовать». Примеры приобретения первых навыков воспроизведения изображения на камне дают этнографические наблюдения. В частности, А.В. Адрианов неоднократно видел, как хакасский подросток-пастух у наскальной плоскости с петроглифами выбивал на каменной плитке изображение, «то воспроизводил копии с фигур древних писаниц, то импровизировал, но относился к работе с сосредоточенной серьезностью». Это отмечено в полевых дневниках знаменитого томского исследователя древностей Южной Сибири [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 9]. Этот пример также иллюстрирует то, что древняя традиция наскального искусства, а точнее искусства на камне, не утрачена, она продолжает сохраняться у коренных этносов Сибири. Остается неясным ее содержательный характер. Достаточно напомнить, что, по мнению специалистов, древнее наскальное (и не только) искусство имело мифологический, а средневековое – эпический характер. Открывают перспективу в решении этой проблемы искусствоведческий анализ народных рисунков алтайцев Е.А. Окладниковой [1988] и их сюжетное содержание, выявленное Д.В. Черемисиным [2008, 2011]. В связи с этой проблемой небезынтересен тот факт, что материалом для т.н. народных рисунков хакасов и алтайцев являлись преимущественно небольшие каменные плитки или гальки. На мой взгляд, наскальное народное искусство нового и новейшего времени Южной Сибири приобрело ритуально-бытовой характер.

Приводя примеры из этнографии, сознательно употребил фразу «традиция наскального искусства не утрачена», а не «продолжает развиваться непрерывно». На камне использовали технику выбивания, но чаще гравировки, которая ближе к выполнению рисунка и передаче образа на плоскости из органических материалов. Если сравнить народные рисунки на камне, то нельзя не обратить внимания на разительное отличие между изображениями в разных техниках. При этом изображения в технике выбивки оставляют впечатление опыта ее освоения. В древности, вероятно, также были периоды, когда прерывалась традиция наскального искусства даже в таком насыщенном немыми ее носителями (петроглифами) регионе, как Минусинские котловины. Миграция в северные районы и их освоение андроновским пастушеско-скотоводческим населением в начале II тыс. до н.э. на несколько веков прервали традицию наскального творчества, но принесли сложнейший по композиции вид декоративно-прикладного искусства, основу которого составили меандр и геометрические фигуры. Не случайно поиск истоков или региона происхождения карасукского стиля/стилей был обращен к территориям, не входившим в ареал андроновской культуры, в частности Горный Алтай, Западные Саяны, Монголия. Пока оставляем без внимания юг Минусинских котловин. Не касаемся этой проблемы, т.к. ее историография дана в монографии О.В. Ковалевой [2011]. Практически все специалисты отмечают такие особенности наскального искусства поздней бронзы Минусинских котловин, как схематизм и многообразие вариантов стилистического воплощения образов. Не исключено, что это является свидетельством формирования наскальной изобразительной традиции. Если карасукско-лугавский пласт наскальных изображений являл собой возрождение творчества в новой, несвойственной ранним эпохам манере, но соответствующей мировоззренческим и эстетическим потребностям общества, то на сопредельных Минусинским котловинам территориях стиль позднебронзовой эпохи вряд ли можно назвать возрождением. Выскажу гипотезу, доказательство которой потребует поиска новых источников и нового методического и технического арсенала. Вполне вероятно, что регионы, являвшие собой, по мнению специалистов, конкретную точку происхождения позднебронзового стиля в наскальном творчестве, представляют результат карасукско-лугавского влияния или распространения. Примером этого может быть распространение

минусинских позднебронзовых кинжалов, ножей и других предметов. И ареал их совпадает с т.н. прародинами стиля – Горный Алтай, Монголия, Забайкалье, Западный Китай.

Если моделировать тенденцию развития петроглифического искусства, то ее можно представить в следующем виде. В наскальном искусстве эпохи поздней бронзы, представленном лаконичной линейной трактовкой образа или гипертрофированно удлиненной, непропорциональной формой, заметен резкий отход от первобытного реализма, даже от такого его геометризованного варианта, как разливский стиль в искусстве окуневской культуры. В скифское время произошел возврат (своеобразный ренессанс) к реализму, который в древнетюркскую эпоху сменила линейно-схематическая манера воспроизведения образа. Наблюдается своеобразная цикличность развития наскального искусства.

Намного сложнее ответить на вопрос о том, как воспринимали и понимали изображения на скальных плоскостях разные по происхождению народы, осваивая страну гор Южной Сибири и Западной Монголии. На мой взгляд, это тема самостоятельного исследования, требующая значительного искусствоведческого участия. Многофигурные композиции, которыми богаты петроглифические памятники-святилища и которые вызвали у специалистов необходимость систематизации [Советова, 2011], явятся основным источником изучения данной проблемы; преимущественно те из них, которые содержат разновременные изображения, включая палимпсесты. Понимание одновременных палимпсестов, как и их причин [Молодин, Ефремова, 2010, с. 167–168], условное. Оно отражает принадлежность к одной культуре, время существования которой составляло несколько столетий. В одних случаях перекрывание изображений подчеркивает множественность образов или перспективу, в других создает сложную взаимосвязь, которая на первый взгляд нами в XXI в. воспринимается как хаос. Для последнего варианта приведу в качестве примера композицию из Чаганки, на которой, по мнению Д.В. Черемисина, изображения наложены одно на другое по принципу транспарентности [2003, с. 61]. Ясно, что монокультурная композиция, даже если ее создание растянулось во времени, воспринималась иррациональным сознанием однозначно. Разновременные палимпсесты на многофигурных композициях традиционно подвергаются анализу в аспекте выделения хронологических пластов изображений на скальных плоскостях памятника. Но кроме хронологического компонента подобные композиции имели смысловое содержание. Нарушало ли включение позднего изображения/изображений органичность ранней композиции или дополняло ее? Специальные исследования наскального искусства в этом ракурсе мне неизвестны. На VI Всероссийском археологическом съезде в г. Самаре О.С. Советова и О.О. Шишкина представили доклад, посвященный поздним добавлениям к ранним изображениям на петроглифических памятниках Среднего Енисея. Но только один из приведенных случаев связан с многофигурной композицией на горе Бычиха [2020, рис. 1–5]. Важно то, что установлен факт подобных действий в течение разных эпох, начиная с поздней бронзы [Там же, с. 103–105]. В публикациях, посвященных конкретным памятникам наскального искусства Сибири и Центральной Азии, очень редко можно встретить упоминание о дополнении композиции каким-либо персонажем, нанесенным в более позднее время, что, на мой взгляд, свидетельствует о понимании и восприятии содержания ранней композиции. «Язык образов», которым передан «текст» на скальной плоскости, почти не менялся в течение тысячелетий и был доступен традиционному мышлению, основу которого составляли иррациональные представления.

Теоретический сюжет о возможно длительном использовании многофигурных композиций с дополнением идентичными или новыми образами находит подтверждение в этнографических материалах. О.С. Советова и О.О. Шишкина приводят примеры, хотя и немногочисленные, добавления хакасами элементов к отдельным древним наскальным рисункам. Но с точки зрения интерпретации композиций более показателен пример использования современными угорскими народами древних бронзовых предметов мелкой пластики в культовых целях [Бауло, 2004, 2011; Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984]. Особого почитания в этой этнической среде заслуживают предметы импортного характера, происхождение которых связано с ранними государствами Азии и Восточной Европы, в частности Аниковское и Нильдинское серебряные блюда, на которых запечатлены сцены в т.ч. по библейским сюжетам. А.В. Бауло очень точно выявил, что в этих сценах обские угры узнавали или понимали образы сквозь призму местных религиозно-мифологических представлений [2004, с. 115–116]. Узнаваемость происходила из сопоставления изображения и мифологического образа, но не по внешнему сходству, а по его месторасположению и атрибутам. Пример хранения и использования в ритуалах обскими уграми кулайских предметов мелкой пластики – свидетельство длительности существования мифологического сценария и устойчивости его основных персонажей. Вероятно, идентичное или близкое к нему, эстетическое, эмоциональное

и мировоззренческое отношение существовало у разных по происхождению обитателей Южной Сибири к петроглифическим памятникам/святилищам. В соответствии с этим представляется целесообразным при интерпретации многофигурных композиций корректно использовать хронологический принцип.

Таким образом, одной из особенностей недвижимых памятников древнего искусства Южной Сибири и Монголии является трансляция знаний и содержания иррациональной духовной культуры. В данном случае использование применительно к ним слова «книга» не будет метафорой. Не исключаю, что недвижимые памятники искусства являлись хранителями изобразительной традиции и в какой-то степени представлений о материальной культуре. В связи с традицией целесообразно вспомнить, что Южная Сибирь и Центральная Азия являлись территорией, в наскальном искусстве которой получили развитие все технические приемы нанесения изображений на камень.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 160 с.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бобров В.В., Савинов Д.Г. Принципы хроностратиграфии в изучении петроглифов как древних святилищ // Мир наскального искусства. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 35–36.

Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1984. – С. 62–80.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 256 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейа, 2005. – 472 с.

Дэвлет Е.Г., Чжан Со Хо. Каменная летопись Алтая. – М.: Изд-во ИА РАН, 2014. – 144 с.

Ковалева О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 162 с.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 176 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка. Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л., 1988. – С. 140–158.

Советова О.С. Приемы композиционного построения в наскальном искусстве Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 161–185.

Советова О.С., Шишкина О.О. «Соавторство» в создании наскальных композиций (на примере наскального искусства Минусинской котловины) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2020. – Т. III. – С. 103–105.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. – 1927. – Т. 3, вып. 2. – С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. – 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 41–62.

Черемисин Д.В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюк). Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57–63.

Черемисин Д.В. К изучению новейших наскальных изображений Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 269–274.

Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 146–160.

References

Baulo A.V. Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 160 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Drevnyaya bronza iz ehtnograficheskikh kompleksov i sluchainykh sborov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. 260 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Savinov D.G. Printsipy khronostratigrafii v izuchenii petroglifov kak drevnikh svyatilishch. In *Mir naskal'nogo iskusstva*. Moscow: IA RAS Publ., 2005. P. 35–36. (In Russ.).

Cheremisin D.V. K izucheniyu noveishikh naskal'nykh izobrazhenii Gornogo Altaya. In *Problems of Archaeology,*

Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. Vol. 14. P. 269–274. (In Russ.).

Cheremisin D.V. Naskal'naya kompozitsiya s izobrazheniem kolesnitsy i «tantsoroV» iz Chaganki (Kara-Oyuk), Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2003. N 4. P. 57–63. (In Russ.).

Cheremisin D.V. Neskol'ko nablyudenii nad graffiti Gornogo Altaya. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. P. 146–160. (In Russ.).

Dehvlet E.G. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie. Moscow: Nauchnyi mir, 2002. 256 p. (In Russ.).

Dehvlet E.G., Chzhan So Kho. Kamennaya letopis' Altaya. Moscow: IA RAS Publ., 2014. 144 p. (In Russ.).

Dehvlet E.G., Dehvlet M.A. Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. Moscow: AleteiA, 2005. 472 p. (In Russ.).

Gemuev I.N., Molodin V.I., Sagalaev A.M. Drevnyaya bronza v obryadnosti mansi. In *Problemy rekonstruktsii v ehtnografii*. Novosibirsk: IIFIF SB AS USSR Publ., 1984. P. 62–80. (In Russ.).

Kovaleva O.V. Naskal'nye risunki ehpokhi pozdnei bronzy Minusinskoi kotloviny. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. 162 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R., Leont'ev N.V. Narodnye risunki khakasov. Moscow: Nauka, 1980. 176 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. 264 p. (In Russ.).

Okladnikova E.A. Graffiti Kara-Oyuka. Vostochnyi Altai. In *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri*. Leningrad, 1988. P. 140–158. (In Russ.).

Sovetova O.S. Priemy kompozitsionnogo postroeniya v naskal'nom iskusstve Evrazii. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. P. 161–185. (In Russ.).

Sovetova O.S., Shishkina O.O. «Soavtorstvo» v sozdanii naskal'nykh kompozitsii (na primere naskal'nogo iskusstva Minusinskoi kotloviny). In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare*. Samara: Samara State Social Pedagogical Univ. Press, 2020. Vol. III. P. 103–105. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Drevnie pogrebeniya v Minusinskom krae. *Materialy po etnografii*, 1927. Vol. 3. N 2. P. 57–112. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskikh kul'tur Minusinskogo kraya. *Materialy po etnografii*, 1929. Vol. 4. N 2. P. 41–62. (In Russ.).

Бобров В.В. https://orcid.org/0000-0002-3272-0390

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0431-0436
УДК 902

В.В. Бобров[1, 2] Н.Н. Моор[1, 3]✉

[1]Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
[3]Музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия
E-mail: natalyamoor.20@gmail.com

Красноярская лесостепь в аспекте культурно-исторических процессов Сибири в эпоху голоцена

В статье поставлена проблема Красноярской лесостепи как культурно-исторического пространства и ее места в культурогенезе эпохи голоцена на территории Сибири. Современное состояние археологического изучения этого района Среднего Енисея позволяет заключить, что в мезолите тенденция развития здесь была идентична культурно-историческим процессам, проходившим на территории всей Сибири. Можно проследить определенную склонность к восточносибирским особенностям. Это объясняется как географической близостью рассматриваемых территорий к Восточной Сибири, так и наличием сырьевых ресурсов высококачественных пород камня, чем крайне бедна Западная Сибирь. В эпоху неолита лесостепь была центром формирования археологических культур при активном влиянии культур Прибайкалья. Взаимосвязь с культурно-историческими процессами Восточной Сибири, а если точнее Прибайкалья и Приангарья, приобретает уже более выраженный характер. Об этом свидетельствуют в первую очередь материалы стратифицированных археологических памятников Красноярской и Канской лесостепи. Начиная с развитого неолита, наметилась связь обитателей Красноярско-Канской лесостепи с неолитическим населением Западной Сибири. В эпоху палеометалла изменился характер культурно-исторического пространства Красноярской лесостепи. Последующий за неолитом историко-хронологический период представляет собой незаполненные страницы древней истории вплоть до появления на этой территории населения тагарской культуры. Можно полагать, что малочисленность и разнотипность археологических источников этого времени вовсе не случайность. Сложность хронологической дифференциации материалов, разнонаправленность инокультурных компонентов вплоть до эпохи поздней бронзы позволяют высказать гипотезу о маргинальном характере культурно-исторического пространства Красноярской лесостепи в эпоху бронзы.

Ключевые слова: *голоцен, неолит, ранний бронзовый век, поздний бронзовый век, культурно-историческое пространство, Сибирь, Красноярская лесостепь.*

V.V. Bobrov[1, 2], N.N. Moor[1, 3]✉

[1]Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
[2]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of the Institute of Coal and Coal Chemistry of the SB RAS
Kemerovo, Russia
[3]Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve
Kemerovo, Russia
E-mail: natalyamoor.20@gmail.com

Krasnoyarsk Forest-Steppe in the Context of Cultural and Historical Processes in Siberia in the Holocene

This article discusses the Krasnoyarsk forest-steppe as a cultural and historical space, and analyzes its place in the cultural genesis of the Holocene in Siberia. Modern archaeological data from the Middle Yenisei region makes it possible to formulate the conclusion that specific development of the region in the Mesolithic was similar to cultural and historical processes in the entire Siberia with certain affinity to Eastern Siberia. This can be explained by geographical proximity between the region under study and Eastern Siberia, as well as availability of high quality stone raw materials which were very scarce in Western Siberia. In the Neolithic, forest-steppe was the center where archaeological cultures emerged under marked influence of cultures from the Baikal region. This process was associated with cultural and historical developments in Eastern Siberia and more precisely in the Cis-Baikal region and Angara region, which is confirmed by the evidence from stratified archaeological sites of the Krasnoyarsk and Kansk forest-steppe. In the Advanced Neolithic, there was a connection between the inhabitants of the Krasnoyarsk and Kansk forest-steppe and Neolithic population of Western Siberia. Cultural and historical space of the Krasnoyarsk forest-steppe changed in the Paleometal Age. We do not know much about the subsequent historical and chronological period before the appearance of the Tagar population in the region. Small number and diversity of archaeological sources of this period were not accidental. Chronological differentiation of evidence is problematic; foreign cultural influences before the Late Bronze Age were multidirectional, which suggests the marginal nature of cultural and historical space of the Krasnoyarsk forest-steppe in the Bronze Age.

Keywords: *Holocene, Neolithic, Early Bronze Age, Late Bronze Age, cultural and historical space, Siberia, Krasnoyarsk forest-steppe.*

В истории археологической науки достаточно хорошо представлена взаимосвязь культурно-исторического и географического пространства. Возможно, некоторые специалисты сочтут некорректным или даже ошибочным предположение, но, на наш взгляд, не случайно древнейшие памятники Сибири открыты на территории Горного Алтая, который находится вблизи маршрутов освоения Азиатского континента формирующимся человеком в восточном направлении. В археологии также представлены многочисленные географические регионы, которые явились центрами формирования и развития древних этнокультурных образований: например, бассейн Среднего и Нижнего Амура, Прибайкалье или, как сейчас принято называть, Байкальская Сибирь, Минусинские котловины, Барабинская лесостепь и др. Это отражение если не идеальной, то тесной связи культурно-исторического и географического пространства. Но немало примеров, когда происходил «сбой» в этой связи и только со стороны культурно-исторического пространства как явления социально обусловленного.

Пример такого «сбоя» на азиатской части России демонстрируют древности Саяно-Алтайского нагорья. Несмотря на длительный период полевых исследований и их масштабность, знания об эпохе бронзы Западных Саян (от единичных памятников энеолитической афанасьевской культуры до финальной бронзы – монгун-тайгинской культуры) практически отсутствуют. Что собой представляло культурно-историческое пространство в данный период, остается неясным. Возможно, что какие-то события произошли в сейминско-турбинский период, о чем свидетельствуют погребения чаахольской культуры (окуневской – по В.А. Семенову). Но ее единичные памятники не дают даже приблизительной картины уровня содержания культурно-исторического пространства в пределах высокогорных долин Западных Саян. Отметим также то, что между сейминским периодом и финальной бронзой существует значительный хронологический промежуток, археологически пока незаполненный. На этом фоне разительно отличаются эпохи ранних кочевников и раннего Средневековья, в которых было сформировано плотное и содержательное культурно-историческое пространство. Практически идентичная ситуация сложилась на территории Горного Алтая. Исключение составляет период существования афанасьевской культуры, представленной в его районах двумя этапами развития вплоть до возникновения каракольской культуры, которая, на наш взгляд, относится к сейминско-турбинской эпохе. Что же касается последующего историко-хронологического периода, то до настоящего времени затруднительно дать оценку культурно-историческим явлениям в пределах горно-алтайского географического пространства со своеобразной системой многочисленных речных долин. Только, как и в Западных Саянах, культурно-историческое пространство Горного Алтая начиная с I тыс. до н.э. формируют ранние кочевники скифского времени, затем хунно-сяньбийского периода и, наконец, объединения тюркоязычных народов [Тишкин, 2007, с. 79–235].

Если пример из археологии горных систем будет признан некорректным, то можно обратиться к Ачинско-Мариинской лесостепи (она территори-

ально ближе к Красноярской лесостепи). Несмотря на то, что здесь выявлены памятники практически всех основных культур верхнеобского и среднеенисейского регионов, в историческом аспекте эта территория являлась транзитной [Бобров, 1992а; 1992б] до заполнения ее тагарским населением преимущественно в середине I тыс. до н.э. В данном случае культурно-историческое содержание этого географического пространства отличалось от других регионов, представлявших собой центры формирования и развития археологических культур. Примером может являться бассейн Верхней Оби.

В аспекте исторического и социокультурного пространства целесообразно также рассмотреть Красноярскую лесостепь, включающую территорию левобережной части р. Енисея в окрестностях г. Красноярска, и Канско-Рыбинскую котловину (Канская лесостепь). Археологически процессы развития в обоих районах были практически идентичные, что позволило специалистам объединять их термином Красноярско-Канская лесостепь). Отметим, что частичное разделение районов с исторической точки зрения носит очень условный характер, так как склоны Енисейского кряжа не являлись препятствием для древних популяций людей. За выделением двух районов в археологической литературе кроются недостаточная степень изученности конкретного историко-хронологического периода и в некотором роде корпоративность интересов научных центров.

Но вернемся к вопросу о том, какое место занимали Красноярская и Канская лесостепи в культурно-исторических процессах Сибири в древности. За 140 лет археологических исследований в этом крае однозначный ответ на этот вопрос получен для эпохи плейстоцена. Начало познания древностей здесь было заложено открытием и исследованием стоянок эпохи палеолита в черте г. Красноярска. В настоящее время эти знания пополняют материалы комплексов из раскопок Афонтовой Горы. Современные исследования палеолита Енисея – достойное продолжение археологической традиции, заложенной в конце XIX – начале XX в. специалистами Красноярского краевого краеведческого музея. В настоящее время нет сомнения в том, что в позднем плейстоцене бассейн Среднего Енисея являл собой регион объединения древних людей с самобытной традицией в области развития материальной культуры. С другой стороны, эпоха голоцена, а точнее историко-хронологический период от энеолита до поздней бронзы, Красноярской и Канской лесостепи остается малоизученным. Немногим лучше ситуация обстоит с комплексами эпохи поздней бронзы данного региона (см., напр.: [Мандрыка, 2021]). Это актуализирует проблему места Красноярской лесостепи в аспекте культурно-исторических процессов Сибири в период энеолита – поздней бронзы.

Изучение периода раннего голоцена в Красноярской лесостепи и Канско-Рыбинской котловине позволяет сформировать общее представление о культурно-исторических процессах в этом географическом пространстве. Если исследованиями в 1970-х гг. экспедиции Иркутского государственного университета было сформировано представление о мезолите Канской лесостепи [Генералов, 2000, 2001], то мезолитические комплексы Красноярска в стратифицированных условиях исследованы сравнительно недавно, благодаря деятельности Н.П. Макарова. Опубликованные аналитические работы позволяют сделать вывод о том, что в переходный историко-хронологический период от палеолита к неолиту процессы в обозначенных районах были идентичными культурно-историческим процессам, происходившим на территории Сибири. Можно проследить некоторую склонностью к его восточносибирским особенностям. Это объясняется как географической близостью рассматриваемых территорий к Восточной Сибири, так и сырьевыми ресурсами высококачественных пород камня, чем крайне бедна Западная Сибирь.

В эпоху неолита взаимосвязь с культурно-историческими процессами Восточной Сибири, а точнее Прибайкалья и Приангарья, приобретает более выраженный характер. Об этом свидетельствуют материалы стратифицированных памятников Красноярской и Канской лесостепи, анализ которых дан в опубликованных работах Н.П. Макарова [2005], В.В. Боброва, Н.А. Савельева, А.А. Тимощенко [2016], А.Г. Генералова [1979] и др. Во-первых, к настоящему времени в них сформированы практически одинаковые по количеству и качеству фонды археологических источников, в том числе основанные на исследовании стратифицированных памятников. Отметим только более значительный состав таких памятников на территории Канско-Рыбинской котловины. Во-вторых, практически одновременно завершено обобщенное исследование неолита и бронзы на уровне археологической интерпретации. В частности, дана периодизация развития новокаменного века и характеристика материальных комплексов его этапов. В-третьих, исследования неолитических комплексов двух рассматриваемых районов проведены на общем теоретическом, методическом и методологическом уровне с использованием естественнонаучного междисциплинарного подхода. Это одно из непреложных условий сравнения результатов ис-

следования. Изложенные выводы в теоретическом аспекте составляют платформу для объективного сравнения археологических комплексов, в данном случае двух сопредельных районов, относящихся к одной ландшафтной зоне. Особенно эта взаимосвязь выражена в керамических комплексах всех трех этапов развития неолита, в частности, сетчатом и посольском типе керамики. Казачинский тип с его элементами орнаментации западносибирской неолитической традиции не вписывается в предложенную тенденцию.

Приведенные историко-хронологические периоды демонстрируют то, что Красноярская лесостепь была не только освоена, но и входила в ареал культур в качестве одного из районов, составлявших центр их формирования. Созданный к современному столетию качественный фонд источников эпохи неолита позволил обосновать существование в данном регионе трех археологических культур [Бобров, Савельев, Тимощенко, 2016]. Неолит этих районов представляет также значительный интерес в связи с тем, что через эту территорию, на наш взгляд, шло проникновение, вероятно, небольших групп неолитических охотников вверх по течению Енисея к предгорьям, окружающим Минусинские котловины.

Небезынтересно то, что начиная с развитого неолита наметилась связь обитателей Красноярско-Канской лесостепи с неолитическим населением Западной Сибири. А ближайшими к ней являлись территории Кузнецко-Салаирской горной области, лесостепного и отчасти таежного Приобья. На эту связь неоднократно обращали внимание представители иркутской школы археологии, исследуя памятники и материалы Канско-Рыбинской котловины [Генералов, 1979; Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Тимощенко, 2013].

Последующий за неолитом историко-хронологический период представляет собой незаполненные страницы в древней истории Красноярской лесостепи вплоть до появления здесь тагарского населения, причем не на раннем этапе его существования. Соответственно возникает вопрос – что собой представляло культурно-историческое пространство данной территории в течение нескольких тысячелетий? Знания об эпохе бронзы Красноярской лесостепи незначительно изменились со времен первых исследователей древностей этого района – Г. Мерхарта, И.П. Сосновского, В.Г. Кравцова в начале XX в. В этот период Г. Мерхарт предложил объединить бронзы, преимущественно из случайных сборов, в «красноярскую культуру металла» [Merhart, 1926]. В последнее десятилетие некоторые специалисты возродили это понятие, но применительно к периоду поздней бронзы [Мандрыка, 2021]. Из публикации тезисов П.В. Мандрыки невозможно проследить трансформацию культурного комплекса как местного, так и инородного в результате синкретизма традиций. И есть ли этот синкретизм? Понятно, что предлагаемая культура имеет карасукский облик [Там же, с. 86]. Но этот «инородный комплекс» соответствует заключительному этапу карасукской культуры – по М.П. Грязнову или лугавской культуры – по Н.Л. Членовой. Не касаясь анализа аргументации и логики сторонников красноярской культуры, а также теоретических вопросов, выскажем сомнение относительно ее обоснования. Тем более, что в качестве местного компонента предлагается традиция предшествующего времени. А то, что «предшествует», имеет очень аморфное и противоречивое содержание до современного этапа изучения Красноярской лесостепи.

Заметный вклад в решение этой проблемы внес Н.П. Макаров, который, несмотря на малочисленность и разнотипность источников, выделил и наполнил содержанием хронологический период ранней бронзы, существовавший до позднебронзового века [2005, с. 159–168]. Пожалуй, после публикации статьи Г.А. Максименкова [1961] это первая обобщающая работа древностей Красноярской лесостепи, но посвященная более раннему хронологическому периоду. Н.П. Макаров также выражает надежду на создание более реальной, а не условной, периодизации эпохи бронзы в будущем с выделением энеолита и периода развитой бронзы. Не лишен оснований его вывод о местной традиционной линии развития от неолита до поздней бронзы и линии, связанной с культурами Западной и Восточной Сибири, в результате миграций и взаимовлияния [Там же].

Избегая критики некоторых доказательств этой хорошей и очень актуальной работы, отметим следующее. Во-первых, эпоха неолита в Красноярской лесостепи, по мнению многих специалистов, завершается к средине III тыс. до н.э., а ранняя бронза относится ко второй половине III – концу II тыс. до н.э. Приблизительно в это же время в Западной Сибири, в частности в бассейне лесостепного Приобья, формируются культуры сейминско-турбинской эпохи. Энеолит был пройден [Косарев, 1987]. С теоретической и практической точки зрения можно допустить, что в Красноярской лесостепи не было этой археологической стадии и переход к новой эпохе произошел на уровне ранней бронзы. Во-вторых, существующий в настоящее время арсенал источников не позволяет выяснить степень внедрения инокультурного компонента и его воздействия на местную среду. Не менее интересна проблема, связанная с окунев-

ским воздействием на культурогенез рассматриваемой территории. В частности, на каком этапе ее развития происходил контакт с северными соседями. Достоверно известно, что памятники раннего этапа окуневской культуры приурочены к южным районам Минусинских котловин [Поляков, 2022, с. 95–99]. На черновском этапе развития население этой культуры осваивает территории, лежащие в северных пределах Хакасско-Минусинской впадины. В связи с окуневской проблематикой, в частности появлением плоскодонной керамики с орнаментом на дне, нельзя не обратить внимания на культуры Приобья. Например, материалы Томского могильника на малом мысу (новокусковский этап – по М.Ф. Косареву) или игрековской культуры. Что же касается орнаментации плоского дна, то это традиция широко распространена в культурах развитой бронзы Западной Сибири. В связи с обозначенными двумя археологическими сюжетами целесообразно обратиться к хронологии погребений у дач Гороно, Переселенческого пункта, ул. Узенькой, Пещерного лога и др. Соотношение их с глазковской традицией пока выглядит недостаточно убедительным. К тому же в глазковском культурогенезе специалисты выделяют два этапа. В-третьих, требуется выяснить, насколько долго сохранялась неолитическая культурная среда в Красноярской лесостепи.

Исследованные красноярскими специалистами керамические комплексы поселений Дрокино, Ладейки, Борово-2, Усть-Минжуль, Монастырское и др. содержат разнотипные материалы, что достаточно точно обозначено в многочисленных публикациях. Но чаще всего эта разнотипность содержит инокультурные компоненты из сопредельных территорий. Красноярская лесостепь расположена на стыке Западной и Восточной Сибири, а ее северо-западная граница связана с таежной низменностью (Обь-Енисейское междуречье). Такая далеко неполная археологическая характеристика содержания эпохи бронзы Красноярской лесостепи правомерно выдвигает вопрос о стабильности и монолитности традиций ее обитателей, если они перманентно находились под влиянием (возможно, с присутствием) населения сопредельных территорий.

Можно полагать, что малочисленность и разнотипность источников этого времени не случайность. Это обстоятельство, а также сложность хронологической дифференциации материалов, разнонаправленность инокультурных компонентов вплоть до поздней бронзы позволяют высказать гипотезу о маргинальном характере культурно-исторического пространства Красноярской лесостепи в эпоху бронзы.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Бобров В.В. Ачинско-Мариинская лесостепь как своеобразный историко-культурный район // Научная конференция памяти Николая Михайловича Ядринцева (29–30 окт. 1992 г.), г. Омск: тезисы докладов. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1992а. – С. 62–65.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Новосибирск, 1992б. – 45 с.

Бобров В.В., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. О культурной принадлежности неолитических комплексов Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи // Esse quam videri: к 80-летию со дня рождения Германа Ивановича Медведева. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2016. – С. 328–338.

Генералов А.Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. – 1979. – Вып. 157. – С. 43–47.

Генералов А.Г. Геоархеологический объект Стрижовая гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – 153 с.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского района: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Иркутск, 2001. – 42 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Бронзовый век лесной полосы СССР. Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 252–267.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. лаборатории археологических технологий. – 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.

Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 305–315.

Мандрыка П.В. Красноярская археологическая культура //Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2021. – С. 85–87.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 364 с.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии. – Красноярск, 1984. – С. 136–142.

Тимощенко А.А. Неолит и бронзовый век Канско-Рыбинской котловины: автореф. …канд. ист. наук. – Кемерово, 2013. – 22 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-исторических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: A.Schroll & Company, 1926. – 189 s.

References

Bobrov V.V. Achinsko-Mariinskaya lesostep' kak svoeobraznyi istoriko-kul'turnyi raion. In *Nauchnaya konferentsiya pamyati Nikolaya Mikhailovicha Yadrintseva (29-30 okt. 1992 g.), g. Omsk: tezisy dokladov.* Omsk: Omsk State Univ. Press, 1992a. P. 62–65. (In Russ.).

Bobrov V.V. Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' v epokhu bronzy: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1992b. 45 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Savel'ev N.A., Timoshchenko A.A. O kul'turnoi prinadlezhnosti neoliticheskikh kompleksov Kansko-Rybinskoi kotloviny i Krasnoyarskoi lesostepi. In *Esse quam videri: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Germana Ivanovicha Medvedeva.* Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2016. P. 328–338. (In Russ.).

Generalov A.G. Geoarkheologicheskii ob"ekt Strizhovaya gora (stratigrafiya, khronologiya, tipologiya, tekhnologiya). Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2000. 153 p. (In Russ.).

Generalov A.G. Neoliticheskaya keramika mnogosloinogo poseleniya Kazachka. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii,* 1979. Iss. 157. P. 43–47. (In Russ.).

Generalov A.G. Pozdnii paleolit – rannii mezolit Kansko-Eniseiskogo raiona: doct. sc. (history) dissertation abstract. Irkutsk, 2001. 42 p. (In Russ.).

Kosarev M.F. Zapadnaya Sibir' v perekhodnoe vremya ot neolita k bronzovomu veku. In *Bronzovyi vek lesnoi polosy SSSR. Arkheologiya SSSR.* Moscow: Nauka, 1987. P. 252–67. (In Russ.).

Makarov N.P. Khronologiya i periodizatsiya epokhi neolita i bronzy Krasnoyarskoi lesostepi. In *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh tekhnologii,* 2005. Iss. 3. P. 149–171. (In Russ.).

Maksimenkov G.A. Novye dannye po arkheologii raiona Krasnoyarska. In *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Novosibirsk: SB AS USSR Publ., 1961. P. 305–315. (In Russ.).

Mandryka P.V. Krasnoyarskaya arkheologicheskaya kul'tura. In *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya gosudarstvennykh obrazovanii*. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 2021. P. 85–87. (In Russ.).

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A.Schroll & Company, 1926. 189 p. (In Deutsch).

Polyakov A.V. Khronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 2022. 364 p. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Generalov A.G., Abdulov T.A. Mnogosloinoe arkheologicheskoe mestonakhozhdenie Kazachka kak osnova dlya periodizatsii golotsenovykh kul'tur Kansko-Rybinskoi kotloviny. *In Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii.* Krasnoyarsk, 1984. P. 136–142. (In Russ.).

Timoshchenko A.A. Neolit i bronzovyi vek Kansko-Rybinskoi kotloviny: cand. sc. (history) dissertation abstract, Kemerovo, 2013. 22 p. (In Russ.).

Tishkin A.A. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-istoricheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. 356 p. (In Russ.).

Бобров В.В. https:\\orcid.org\0000-0002-3272-0390
Моор Н.Н. https:\\orcid.org\0000-0001-9957-9574

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0437-0442
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Ритуальные сооружения могильника Курайка (Горный Алтай)

В 2022 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены археологические раскопки на могильнике Курайка III–V вв. н.э. (Горный Алтай, Кош-Агачский р-н). Было исследовано 4 погребения, 3 объекта ритуального назначения и один кенотаф. Взяты на анализ образцы древесины из погребальных конструкций, пополнена антропологическая коллекция. Многолетний накопленный материал позволил провести комплексное исследование по выявлению особенностей погребального обряда и планиграфических закономерностей расположения объектов. В составе одного могильника выделено две планиграфических модели: 1 – параллельные цепочки из объектов вдоль террасы и русла реки, по линии СВ – ЮЗ; 2 – цепочки объектов перпендикулярно руслу реки (по линии ЗСЗ – ВЮВ), вниз по склону. В рамках первой модели в состав комплекса включены ритуальные сооружения и кенотафы, что позволяет предположить наличие у населения Курайской котловины идеи об общем строе и композиции элементарной архитектурной группы. По своим конструктивным особенностям ритуальные объекты практически не отличались от погребальных, но не содержали следов культовой деятельности (ям, кострищ, прокалов). В исследованном в 2022 г. кенотафе впервые на территории могильника Курайка был обнаружен наборный пояс из железных пластин, обойм и подвесных колец. Аналогичные изделия известны в материалах из булан-кобинских погребальных комплексов Центрального Алтая. Данный факт свидетельствует о распространении новой моды украшения одежды среди кочевников Алтая, не связанной с военизацией и выделением каст кочевников-воинов.

Ключевые слова: *Курайка, гуннское время, булан-кобинская культура, кенотаф, ритуальные комплексы, наборный пояс.*

E.S. Bogdanov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Ritual Structures at the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains)

In 2022, a team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS continued archaeological excavations at the Kuraika burial ground (Altai Mountains, Kosh-Agach District) of the 3rd–5th centuries AD. Four burials, three objects of ritual purpose, and one cenotaph were explored. Wood samples from the burial structures were taken for analysis and new materials were added to the anthropological collection. Evidence accumulated over the years has made it possible to conduct a comprehensive study aimed at identifying specific features of funeral rite and planigraphic patterns in the location of objects. Two planigraphic models have been identified at the same burial ground: 1 – parallel chains along the terrace and river channel (along NE–SW); 2 – chains of objects perpendicular to the river channel (along WNW–ESE) down the slope. The complex according to the first model included ritual structures and cenotaphs, which suggests that the population of the Kurai Depression had some ideas about general structure and composition of a basic architectural group. In terms of structural features, ritual objects practically did not differ from burial objects, but did not contain traces of cultic activities (pits, hearths, spots of calcination). For the first time at the Kurayka burial ground, a composite belt made of iron plates, clips, and pendant rings was found in the cenotaph studied in 2022. Similar objects are known among the evidence from the Bulan-Koba burial complexes of the Central Altai. This fact testifies to the spread of a new fashion in decorating clothes among the nomads of the Altai, which however was not related to militarization and separation of castes of nomadic warriors.

Keywords: *Kuraika, Hunnic period, Bulan-Koba culture, cenotaph, ritual complexes, composite belt.*

Введение

В 2022 г. при поддержке Фонда «История Отечества» отрядом ИАЭТ СО РАН было продолжено археологическое исследование могильника Курайка, памятника булан-кобинской культурной общности (III–V вв. н.э.). Погребально-ритуальный комплекс располагается на узкой, постепенно обрушающейся террасе, в 1,5 км от с. Курай Кош-Агачского р-на Республики Алтай. Благодаря многолетним раскопкам (с 1994 г.) из 120 объектов было исследовано 65, что позволяет сделать репрезентативную выборку основных данных касательно планиграфии и вариаций погребального обряда в районе межкультурных и межэтнических контактов высокой интенсивности [Соёнов, Эбель, 1998; Богданов, Слюсаренко, 2007; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; Богданов, Новикова, 2017, 2018; Богданов, 2018]. Данная статья посвящена результатам исследования ритуальных сооружений (не содержащих погребений) и кенотафа в составе могильника.

Результаты исследований

Могильник Курайка состоит из двух обособленных групп объектов («архитектурных комплексов»). На территории памятника не фиксируется сооружений других эпох, что в целом характерно для носителей булан-кобинской культурной общности. При этом мы наблюдаем сочетание двух планиграфических моделей. В *группе А* объекты выстроены параллельными цепочками на плоском участке, вдоль террасы и русла реки, по линии СВ – ЮЗ [Богданов, Новикова, 2018, рис. 1]. Шесть объектов (1, 1А, 2, 3, 3А, 3Б), располагающиеся отдельной группой, ориентированы длинной стороной по линии ССВ – ЮЮЗ, остальные – по линии СЗ – ЮВ (иногда с отклонением к западу). Все сооружения в цепочках возводились на расстоянии от 1 до 15 м друг от друга. По каким-то неясным для нас причинам более плотная застройка наблюдается на северном участке террасы. Однако утверждать, что именно из этой точки начался процесс обустройства родового кладбища, было бы преждевременно. Скорее всего, изначально застраивалась терраса от обрыва, с постепенным отступлением по склону вверх.

В *группе Б* две цепочки (по 6–8 объектов) располагаются перпендикулярно руслу реки (по линии ЗСЗ – ВЮВ), вниз по склону [Богданов, Новикова, 2018, рис. 2]. Третья цепочка расположена по линии СЗ – ЮВ. Объект № 1, скорее всего, не является погребальным в силу своего расположения вне террасы, на вершине каменного выступа.

Случаи пристройки наземных конструкций в обеих группах зафиксированы только при планировке детских захоронений. Процесс наплывания каменных структур друг на друга носил естественный характер в силу разрушения стен крепид и сдвига центрального заполнения. Исключение составляют объект № 81 (*группа А*) и объект № 2 (*группа Б*), у которых под едиными каменно-земляными насыпями были обнаружены несколько крепид с отдельными погребениями. К основному сооружению по сотовому принципу пристраивались еще полукольца-крепиды из крупных валунов.

По мнению А.А. Тишкина и С.С. Матренина, компактное размещение булан-кобинских погребений плотными рядами на небольшом участке больше напоминает структуру грунтовых некрополей и в целом не свойственно скотоводам Горного Алтая скифского времени [Тишкин, Матренин, 2007, с. 41]. В этом смысле могильник Курайка занимает промежуточное место между позднескифскими погребальными комплексами и «позднегуннскими» («сотами», аналогичными кокэльским курганам-кладбищам). Н.Н. Серегин и С.С. Матренин на основании анализа 46 булан-кобинских могильников выделили 5 отличных друг от друга планиграфических моделей [Серегин, Матренин, 2016, с. 18–19]. Однако применительно к материалам могильника Курайка эти принципы разделения не работают. А собственно сам основополагающий вывод о том, что «население булан-кобинской культуры возводило цепочки и ряды объектов обычно перпендикулярно долине, урочищу, реке, горным структурам» [Там же, с. 20], является декларативным. В данном случае, это лишь одно из свидетельств существования преемственности скифских традиций у тех или иных этнических групп, поскольку именно пазырыкские цепочки курганов имели такую ориентацию. Однако в *группе А* Курайки большая часть объектов выстроена цепочками вдоль реки (террасы) и при этом нельзя сказать, что мы имеем дело с какой-то сложной планиграфической структурой. Небольшие компактные скопления (группы) не имели явных различий в погребальном обряде и не являлись разновременными комплексами. Интересно, что на Курайке, как и на могильнике Кок-Паш, группы объектов находились на северном и южном участках, разделенных 70-метровой свободной зоной. Но в нашем случае различий между группами по конструктивным особенностям сооружений, погребальному обряду и инвентарю не наблюдается. Более того, планиграфические особенности размещения объектов на Курайке не зависят от пола, возраста и социального статуса погребенных. Захоронения обустраивались на площади могильни-

ка в индивидуальном порядке (по семейному признаку?) и вариативность находилась в зависимости от специфики микрорельефа. Выбор места под некрополь именно на этом участке террасы у реки отражает не только мировоззренческие представления (не ясные нам), но и определенную прагматику. С одной стороны, это возвышенное и укромное место, с другой – площадь, свободная от скифских курганов. Еще в 70-80-е гг. XX в. в геоморфологию было введено и сейчас с успехом применяется ландшафтное понятие – линеаменты (линеары) – прямолинейные структурные компоненты рельефа местности [Чернопицкий, 1980, с. 179]. Ими могут являться некоторые строго организованные геотектонические образования (горные хребты, возвышенности, разломы, русла рек и др.). В случае с *группой А* все цепочки объектов следуют этим линеарам. Не просто находятся на водоразделе и возвышенности, а именно подчиняются их естественным направлениям. Развитие структуры в данном случае шло в двухмерном пространстве в длину за счет наращивания цепочек новыми сооружениями и ввысь за счет укрупнения «оптической доминанты» всего ансамбля. Таким образом, весь «архитектурный комплекс» в своей ориентировке определяется ландшафтом, следует согласно ему и развивает его далее, «оптически» акцентируясь на каких-то особых элементах. Этими «особыми элементами», на наш взгляд, являются ритуальные сооружения, не содержащие погребений. Всего в *группе А* мы исследовали 10 таких объектов из 18. Объекты № 45, 62, 63, 85 находились в центральной части могильника в составе разных, но однотипных цепочек сооружений вдоль обрыва террасы, на достаточном удалении друг от друга (см. топоплан [Богданов, Новикова, 2018, рис. 1]). Все эти сооружения, как и погребальные, имели в основе крепиды из уплощенных валунов, уложенных друг на друга в 2–3 яруса. Нижний слой всегда образован более крупными камнями. Их визуальное отличие заключается в доминантной высоте по сравнению с остальными объектами, в подквадратности формы крепиды и в том, что внутреннее пространство закладывалось на всю высоту крупными валунами. Объекты № 90–95 замыкали собой всю *группу А* с юга. Эти 6 оград, пристроенных дугообразно, были ориентированы по линии С – Ю с поворотом северного края к востоку. Изначально стены объектов были сложены как минимум в два яруса, а внутреннее пространство было аккуратно заложено уплощенными валунами.

Никаких кострищ, следов поминов, ямок на уровне древней дневной поверхности внутри и рядом с ритуальными сооружениями обнаружено не было, поэтому сложно сказать, для каких конкретных целей были построены данные объекты. Конструктивные особенности позволяют нам считать их однокультурными с остальными постройками на могильнике и связывать с отправлением поминальных (?) ритуалов.

Очень интересным оказался исследованный в 2022 г. объект № 63А, пристроенный к двум ритуальным сооружениям в цепочке (рис. 1). У него на уровне древней дневной поверхности внутри ограды было обнаружено двойное каменное перекрытие из плит. Под ними, в подпрямоугольной яме, на глубине 0,4–0,6 м был зачищен каменный ящик (размеры 1,2 × 0,5 м) из плит, поставленных на ребро. На дне ямы, в ее центральной части, был

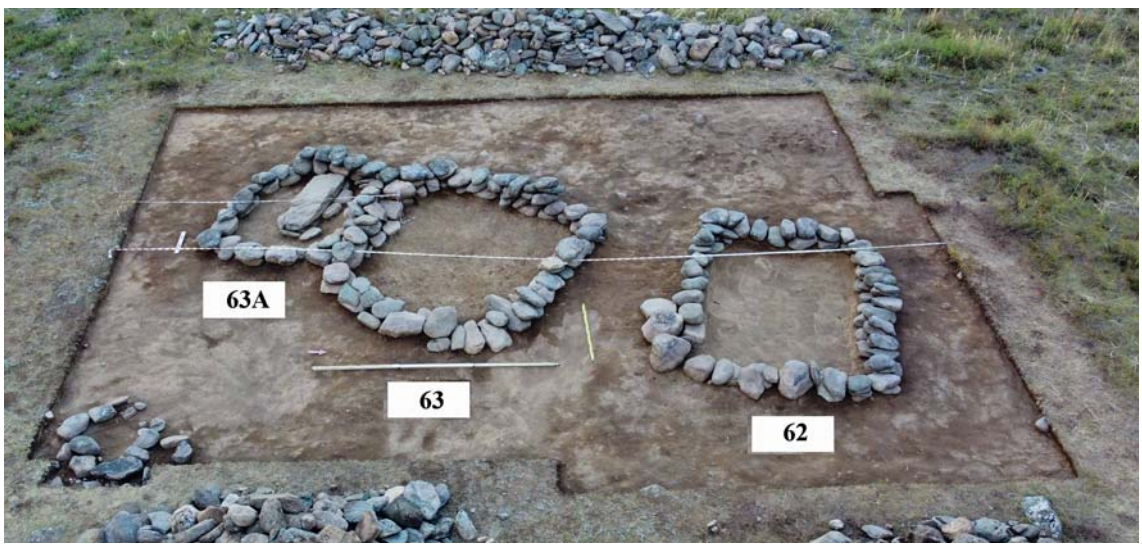


Рис. 1. Могильник Курайка, группа А. Вид на объекты № 62, 63, 63А после расчистки на уровне крепид. Фото с юго-востока.

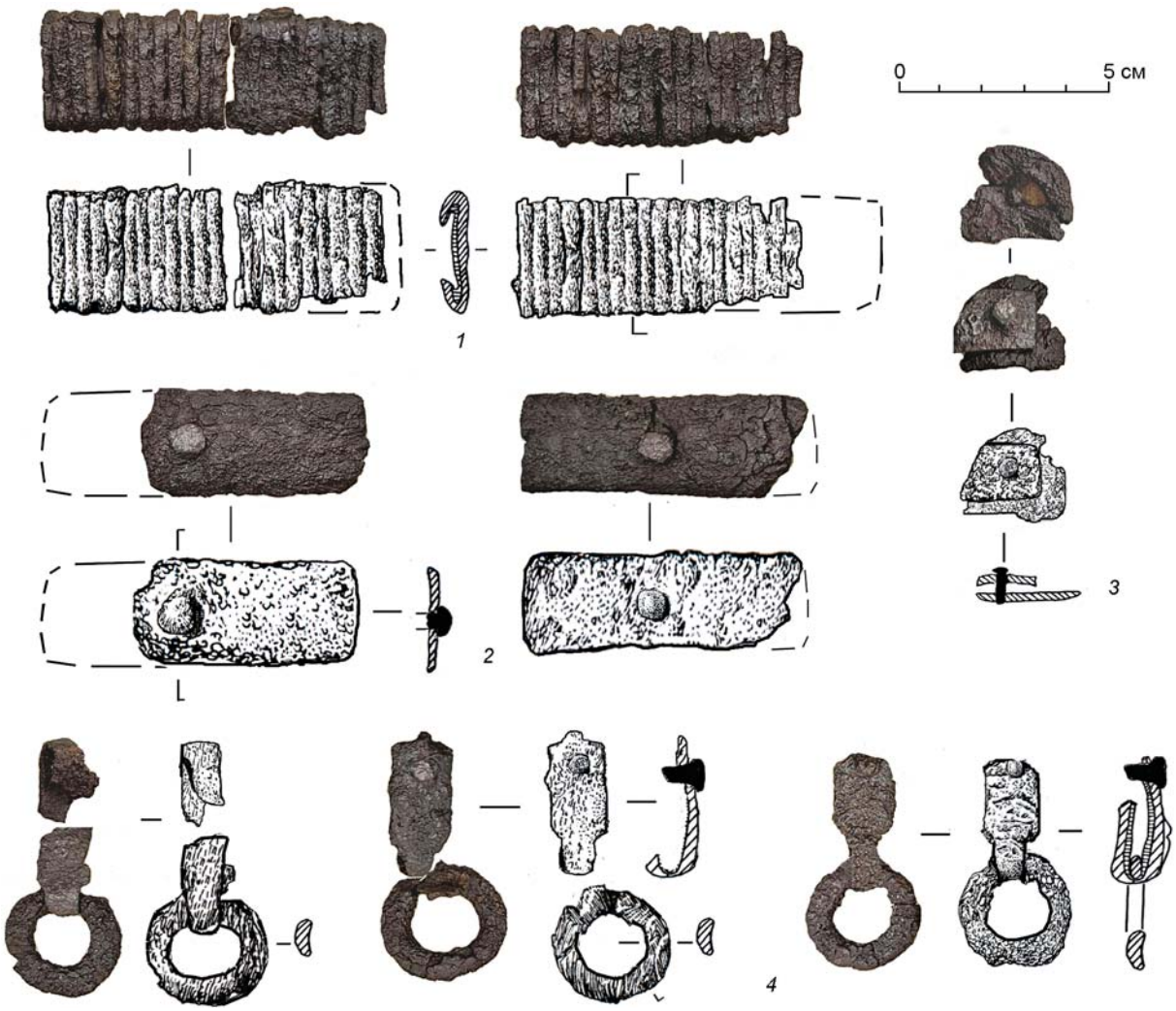


Рис. 2. Могильник Курайка, группа А, объект № 63А. Детали наборного пояса.
1 – зажимы-обоймы; *2* – накладные пластины; *3* – обломок щитка пряжки; *4* – зажимы-обоймы с подвесными колечками. *1–4* – железо.

захоронен пояс, от которого сохранились только отдельные элементы из железа в сильно корродированном состоянии (рис. 2). Благодаря тому, что остатки пояса были взяты монолитом, разобраны и обработаны реставратором*, удалось восстановить форму и порядок расположения всех элементов. Наборный пояс (рис. 3), по всей видимости, был обмотан вокруг какого-то объемного предмета (куклы?), впоследствии полностью истлевшего. На левой стороне располагались два участка сплошных железных зажимов-обойм, образующих 2 полосы (размеры 2,5 × 7,5 см). Между ними была закреплена полуобойма с подвесным колечком диаметром 2 см. Идентичными элементами (2 шт.) были оконтурены две железные прямоугольные бляхи-пластины со шпеньковым креплением на правой стороне ремня. От железной пряжки сохранился лишь фрагмент щитка в виде двух накладных пластинок, скрепленных шпеньком. Наконечник ремня в захоронении не обнаружен, поэтому общую длину пояса сложно реконструировать. Найденный наборный пояс имеет полные аналогии в погребальном материале из кург. 19 могильника Степушка-1 [Тишкин, Матрёнин, Шмидт, 2018, таб. 19, 27, 29] и кург. 8 могильника Степушка-2 [Соёнов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 26] в Центральном Алтае. Барнаульские исследователи данный тип экипировки одежды датируют в пределах IV–V вв. и считают его местной переработкой булан-кобинцами образцов снаряжения хунну и сяньби [Тишкин, Матрёнин, Шмидт, 2018, с. 109; Серегин и др., 2022, с. 82]. В тоже время нельзя сбрасывать со счетов и центральноазиатскую раннескифскую традицию украшения ремней сплошными полосами из близко расположенных обойм [Добжанский, 1990, табл. V, VI].

*Автор выражает огромную признательность за оперативную работу реставратору ИАЭТ СО РАН А.А. Пайзеровой.

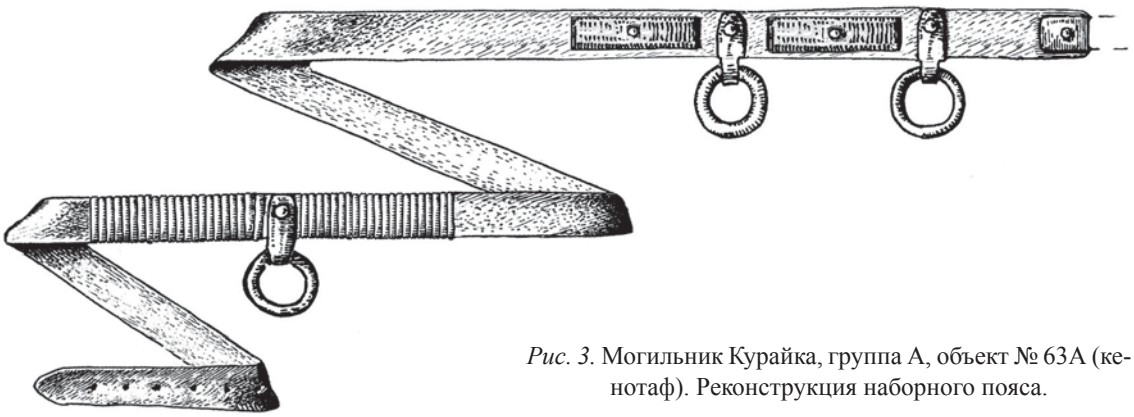


Рис. 3. Могильник Курайка, группа А, объект № 63А (кенотаф). Реконструкция наборного пояса.

Хотя сами прямоугольные пластины со шпеньками, с подвесными кольцами и обоймами, безусловно, являются характерной деталью наборного пояса населения Алтая именно гуннского времени.

Очень интересным фактом является малое количество наборных поясов в мужских захоронениях Курайки. Так, только в 5 могилах найдены детали пояса. В двух случаях – это только поясные пряжки, в трех – кроме пряжек есть еще железные детали: накладные пластины и/или кольца. Учитывая полное отсутствие оружия во всех захоронениях, мы не можем связывать появление наборных поясов у населения, оставившего могильник Курайка, с какой-либо военизацией общества и появлением касты мужчин-воинов.

Заключение

Таким образом, для монокультурных цепочек (*группы А*) могильника Курайка характерно наличие особых, не погребальных сооружений. Их органичное включение в структуру погребального комплекса позволяет предположить наличие у населения Курайской котловины идеи об общем строе и композиции элементарной архитектурной группы, их понимание связи строящихся каменных сооружений с рельефом и ландшафтом в целом при отправлении определенных погребально-поминальных ритуалов на территории могильного поля. Данный факт характеризует в целом всю буланкобинскую культурную общность, поскольку различные каменные сооружения, не содержащие погребений, и кенотафы фиксируются в составе всех могильников гуннского времени. Вещевые комплексы, в частности наборные пояса, найденные в курайских захоронениях, при различиях в некоторых аспектах погребального обряда с комплексами Центрального Алтая (нет подбойных могил, керамики, захоронений лошадей, малый процент каменных ящиков, ориентация погребенных и т.д.) в целом демонстрируют повсеместное распространение новой моды, связанной с хуннскими традициями украшения верхней одежды.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Богданов Е.С. Архаические черты и инновации в культуре кочевников Горного Алтая в гунно-сарматское время (по материалам исследования могильника Курайка) // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. К 70-летию академика В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 222–229.

Богданов Е.С., Новикова О.И. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 275–278.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 229–233.

Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 77–80.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. – 164 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху великого переселения народов (по материалам археологического комплекса

Карбан I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 276 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 5).

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 272 с.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2018. – 242 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1998. – С. 113–135. – (Изв. лаборатории археологии; № 3).

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннуского времени // Теория и практика археологических исследований. – 2007. – Вып. 3. – С. 39–56.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – 368 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 3).

Чернопицкий М.П. Курганная группа как архитектурный ансамбль (Опыт композиционно-художественного подхода) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: мат-лы I Всесоюз. археол. конф. – Кемерово, 1980. – С. 176–186.

References

Bogdanov Ye.S. Arkhaicheskiye cherty i innovatsii v kul'ture kochevnikov Gornogo Altaya v gunno-sarmatskoye vremya (po materialam issledovaniya mogil'nika Kurayka). In. *Mul'tidistsiplinarnyye aspekty izucheniya drevney i srednevekovoy istorii. K 70-letiyu akademika V.I. Molodina*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2018. P. 222–229. (In Russ.).

Bogdanov Ye.S., Novikova O.I. Research Works at the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains) in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 275–278. (In Russ.).

Bogdanov Ye.S., Novikova O.I. To the Cultural Attribution of the Kurayka Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 229–233. (In Russ.).

Bogdanov Ye.S., Slyusarenko I.Yu. Egyptian faience amulets from the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007. N 4. P. 77–80.

Chernopitskiy M.P. Kurgannaya gruppa kak arkhitekturnyy ansambl' (Opyt kompozitsionno-khudozhestvennogo podkhoda). In *Skifo-sibirskoye kul'turno-istoricheskoye yedinstvo*. Materialy I Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii. Kemerovo, 1980. P. 176–186. (In Russ.).

Dobzhanskiy V.N. Nabornyye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1990. 164 p. (In Russ.).

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskiy A.P. Severnyy Altay v epokhu velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 276 p. Arkheologicheskiye pamyatniki Altaya. Iss. 5. (In Russ.).

Seregin, N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016. 272 p. (In Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Bogdanov Ye.S., Soyonov V.I. Novyye materialy gunno-sarmatskoy epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). In. *Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri*. Gorno-Altaysk: AKIN, 2008. Iss. 7. P. 42–57. (In Russ.).

Soyonov V.I., Ebel' A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. State Univ. Press, 1998. N 3. P. 113–135. (In Russ.).

Soyonov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Mogil'nik Stepushka 2 v Tsentral'nom Altaye. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2018. 242 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Sravnitel'nyy analiz pogrebal'nogo obryada naseleniya Gornogo Altaya skifo-sakskogo i khunnuskogo vremeni. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledjvaniy*, 2007. Iss. 3. P. 39–54. (In Russ.).

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoye vremya (po materialam pamyatnika Stepushka). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018. 368 p. Arkheologicheskiye pamyatniki Altaya. Iss. 3. (In Russ.).

Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0443-0450
УДК 902/904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Исследования месторасположения Чаусского острога

Статья посвящена обзору результатов исследования Чаусского острога по данным письменных источников, а также данных геофизических и археологических исследований. В настоящее время известно несколько описаний Чаусского острога, основанного на территории Верхнего Приобья в 1713 г. Среди них челобитная царю Петру I томского дворянина Д. Лаврентьева в 1714 г., путевые заметки иностранных (Джон Белл, 1720) и российских (С.Л. Владиславич-Рагузинский, 1726) дипломатов, а также описания участников академических экспедиций (Д.Г. Мессершмидт, 1721; Г.Ф. Миллер, 1734; И.Г. Гмелин, 1741; И.П. Фальк, 1771 и П.С. Паллас, 1772). Анализ этих письменных данных относительно особенностей укреплений Чаусского острога позволил выявить, что для первой четверти XVIII в. существуют различные характеристики этих сооружений. В частности, в 1714 г. стены острога описаны как срубные – тарасы. Спустя некоторое время, в 1720 г. есть упоминание о том, что они были изготовлены из вертикально вкопанных бревен – тына. Для первой четверти XVIII в. существуют так же разночтения по расположению проездных башен острога. По данным И.Г. Гмелина 1741 г., башни находились на южной и северной стенах острога. Тогда как по ремонтной ведомости острога 1743 г., проездные башни располагались на северной и восточной стенах острога. В конце XVIII столетия, в заключительный период существования острога, остатки стен уже характеризовались как забор. Противоречивость этих данных вполне может быть отражением различных строительных периодов для Чаусского острога. Земляные сооружения вокруг острога (ров) представлены в письменных источниках более однозначно. Проведение рекогносцировочных геофизических исследований позволило выявить юго-западный участок рва, перспективный для археологических раскопок.

Ключевые слова: *раннее Новое время, Верхнее Приобье, Чаусский острог, корреляция письменных источников, локализация оборонительных сооружений, деревянные стены, башни, ров, геофизические исследования, археологические раскопки, строительные периоды.*

A.P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Studies on the Location of Fort Chaussky

This article provides the overview of the written sources on Fort Chaussky, and discusses geophysical and archaeological data on the site. Currently, there are several descriptions of Fort Chaussky, founded in the Upper Ob region in 1713, including the petition of 1714 to Tsar Peter I from the Tomsk nobleman D. Lavrentiev, travel notes by foreign (John Bell, 1720) and Russian (S.L. Vladislavich-Raguzinsky, 1726) diplomats, and descriptions left by the members of scholarly expeditions (D.G. Messerschmidt, 1721; G.F. Miller, 1734, I.G. Gmelin, 1741; I.P. Falk, 1771, and P.S. Pallas, 1772). Information on fortifications of Fort Chaussky from the written sources reveals different features of these structures in the first quarter of the 18th century. Thus, in 1714 the walls of the fort were described as logwork (taras), and in 1720 as vertically dug logs (tyn). There are also discrepancies in the location of fort entrance towers in the first quarter of the 18th century. According to report of I.G. Gmelin from 1741, the towers were located at the southern and northern walls of the fort, whereas according to the list of repairs of the fort from 1743 entrance towers were located at the northern and eastern walls. In the late 18th century, in the final period of the fort, the remains of the walls were already described as fence. Inconsistency of this data may reflect various construction periods of Fort Chaussky. Earthworks (ditch) around the fort were described in the written sources with less contradictions. Geophysical field survey has made it possible to identify the southwestern section of the ditch which is promising for archaeological excavations.

Keywords: *Early Modern period, Upper Ob region, Fort Chaussky, correlation of written sources, localization of fortifications, wooden walls, towers, ditch, geophysical research, archaeological excavations, construction periods.*

Введение

Среди разновидностей археологических памятников русские остроги в Сибири – одни из самых проблемных при их поиске и выявлении. В современной отечественной археологической литературе отмечены сложности локализации острогов как по письменным источникам, так и по данным археологических исследований. Поскольку эти пограничные пункты существовали как правило не долго, часто переносились с места на место и впоследствии потом застраивались долговременными населенными пунктами (деревнями и городами). Одним из таких объектов является Чаусский острог, расположенный на левобережье р. Оби в Колыванском р-не Новосибирской обл. (рис. 1). С первой трети XVIII и начале XIX столетия Чаусский (Чауской) острог представлен на целом ряде картографических материалов 1736, 1771, 1777, 1794, 1802, 1823 гг.. [Генеральная карта..., 1736; Карта расстояний…, 1771; Генеральная карта..., 1776; Карта..., 1794; Генеральная карта…, 1802; Карта…, 1823]. Однако масштаб этих картографических материалов не дает оснований для установления реального места расположения Чаусского острога.

Относительно Чаусского острога по данным письменных источников и косвенным признакам – случайным археологическим находкам, высказалось несколько предположений. Согласно одному из них (по данным краеведа К.П. Зайцева), этот острог располагался в центральной части с. Чаус [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 159, рис. 211]. Здесь до сих пор сохраняется его площадка (акт экспертизы от 16.04.96 г. № 1; № в реестре объектов археологического наследия НСО 794/179) [Перечень..., 2015] (рис. 2). По другой версии, острог находился на южной оконечности села и был смыт за продолжительное время паводками [Лобанов, 2013].

Геофизические исследования

На одной из сохранившихся площадок острога – в центре с. Чаус перед началом рекогносцировочных археологических работ были проведены геофизические исследования. Такой подход был уже неоднократно использован на целом ряде сибирских острогов – Умревинском [Бородовский, Горохов, 2009], Албазинском [Албазинский острог, 2019], Нерчинском [Константинов, Оленченко, 2019], а также Такмыкском [Татаурова, 2014] и Тарханском.

Рис. 1. Расположение Чаусского острога на территории левобережной Обской (Колыванской) поймы (фото С.А. Борисенко).

Рис. 2. Площадка Чаусского острога в центре с. Чаус (фото С.А. Борисенко).

Для решения этой задачи д-ром геол.-мин. наук В.В. Оленченко (ИНГГ СО РАН) были проведены предварительные георадарные исследования с помощью георадара ОКО-2 и антенного блока центральной частоты 250 МГц. Геофизические исследования должны были выявить грунтовые остатки оборонительных объектов (рвов, стен, башен), описанных в исторических источниках XVIII столетия. Сканирование территории Чаусского острога проводилось в перекрестном направлении (С – Ю, З – В) с частотой 1–5 м. Было заложено две серии профилей: 17 – с ВЮВ на ЗСЗ и 16 – с ССВ на ЮЮЗ (рис. 3). Техногенные условия проведения геофизических работ были достаточно непростые. Через территорию проходило несколько ЛЭП, располагалась электроподстанция, проложена асфальтовая дорога и отсыпано несколько грунтовых дорог. На площадке находилось очень много строительного и металлического мусора. В начале нового столетия здесь был проложен газопровод местного значения. В целом визуально никаких границ в рельефе или на местности от исследуемого объекта (острога) не было представлено.

Обзор источников

В настоящее время известно несколько описаний Чаусского острога XVIII в. Среди них челобитная об устройстве острога царю Петру I его основателем – томским дворянином Д. Лаврентьевым в 1714 г., путевые заметки об этом оборонительном пункте иностранными (Джон Белл, 1720) и российскими дипломатами (С.Л. Владиславич-Рагузинский, 1726), а также описания участников академических экспедиций (Д.Г. Мессершмидт, 1721; Г.Ф. Миллер, 1734; И.Г. Гмелин ,1741; И.П. Фальк, 1771 и П.С. Паллас, 1772). Существует также ремонтная ведомость деревянных укреплений Чаусского острога, составленная в 1743 г. (ГАНО, Ф. Д-105, Оп. 1, Д. 6).

Сравнивая все эти письменные источники, следует отметить ряд разночтений в описании деревянных оборонительных сооружений Чаусского острога в различные временные периоды XVIII столетия. Основатель и строитель острога Д. Лаврентьев в 1714 г. пишет царю Петру I о тарасных – срубных стенах, таких как полагалось первым сибирским деревянным городам [Долгова, Резун, 1984, с. 225]. Тогда как, иностранный дипломат Джон Белл в 1720 г. [Русско-китайские отношения…, 1978, с. 502] характеризует эти укрепления как тын – обычные стены для большинства простых пограничных острогов из вкопанных в землю заостренных бревен. Описания Д.Г. Мессершмидта 1721 г. [Messerschmidt, 1962, с. 76] и С.Л. Владиславич-Рагузинского 1726 г. [Русско-китайские отношения…, 1990, с. 195] слишком лаконичны, чтобы судить о том, какие были у Чаусского острога

Рис. 3. Совмещение данных геофизических исследований и планиграфии Чаусского острога по описанию И.Г. Гмелина 1741 г.

1–4 – угловые башни; *5, 6* – проездные башни; *7–12* – пять продовольственных и один соляной амбар; *13* – церковь Ильи Пророка; *14* – склад церковной утвари; *15* – караульное помещение; *16* – изба черная; *17*– сени; *18* – горница с казенкою и подвалом; *19* – сени; *20* – клеть с погребом; *21* – изба для скота; *22* – судная изба; *23* – цейхгауз; *24* – царский винокуренный погреб (по: [Горохов, 2018. 136 с., илл. 2]).

стены – тарасные (рубленные в сруб) или тыновые (вертикально бревенчатые). Зато в описании академика Г.Ф. Миллера от 1734 г. [Элерт, 1988], который сам на остроге не был, есть указание, что Чаусский острог построен «по образцу Томской крепости», в которой были как тарасные – основные стены, так и внешние – тыновые ограждения. Два самых подробных описания Чаусского острога сделаны И.Г. Гмелиным в 1741 г. [Gmelin, 1752, с. 88–90; Долгова, Резун, 1984, с. 225, 226; Горохов, 2018] (рис. 3, *1–21*). Тем не менее, в этом описании стены острога характеризуются как «вытянутый четырехугольник из лежачих бревен». Такая конструктивная особенность может соответствовать и заплоту. Археологически такая разновидность сооружения стены была выявлена при раскопках Саянского острога на Среднем Енисее [Майничева, Скобелев. Береженко, 2018]. На севере Верхнего Приобья заплотом, по письменным данным, был обнесен Бердский острог [Миненко, 1989, с. 90; Резун, Васильевский, 1989, с. 107] и Сузунский медеплавильный завод [Шаповалов, Росляков, 2013]. Тем не менее вопрос о заплотной конструкции стен Чаусского острога в первой четверти XVIII в. остается гипотетическим. Поскольку в ремонтной ведомости от 1743 г. для стен между башнями на стенах указывалось «крыть и починять», что соответствовало наличию крыши у срубных тарасных стен острога [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 159].

Для описания И.Г. Гмелина 1741 г. и ремонтной ведомости 1743 г. существуют также разночтения в расположении двух проездных башен. В описании И.Г. Гмелина они находились на южной и северной стенах острога, а в ремонтной ведомости располагались на севере и востоке [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 159, рис. 211]. В конце XVIII столетия П.С. Паллас (1772) в своей характеристике стен Чаусского острога уже упоминал только о «развалившемся заборе» [Паллас, 1788, с. 7]. Однако в одном из самых последних официальных документов («Росписной список») о Чаусском остроге от 1786 г. упоминалось, что «крепость деревянная, бревенчатая, двустенная, крыта тесом, с шестью башнями о четырех углах, однако от реки Чауса этой стены саженей на десять не имеется…» (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, Л. 280).

Поэтому, исходя из этих данных, рассматривать основания деревянных оборонительных сооружений Чаусского острога вряд ли возможно как реперы для геофизических исследований. В сравнении с ними более надежным основанием для поиска площадки острога является ров вокруг него, который по сути и является внешней границей этого оборонительного сооружения (рис. 3).

Первое описание рвов и надолбов, сооруженных вокруг Чаусского острога, относится к 1714 г. Боярским сыном Д. Лаврентьевым указывалось «около того острогу с трех сторон – выкопан глубокий ров <…> с южной страны к западу поставлены надолбы до Большого озера (Подкаменного)» [Долгова, Резун, 1984, с. 226]. В двадцатые годы XVIII столетия (1720, 1721, 1726 гг.) упоминания о рвах и надолбах вокруг Чауского острога отсутствуют, что можно объяснить крайней лаконичностью этих характеристик. Такая информация появляется снова только в тридцатые и сороковые годы XVIII века. В частности, в «Росписном списке Чаусского острога» за 1731 г. отмечается «кругом острогу крепость надолбы и рогатины» (ГАТО, Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.). Спустя три года в 1734 г. в описании Г.Ф. Миллера, также есть указание: «вокруг острога протянут ров, вокруг которого еще установлены рогатки и надолбы» [Элерт, 1988]. В 1741 г. И.Г. Гмелин, посетив Чаусский острог, также отметил наличие глубокого рва и углублений от надолбов вокруг него [Gmelin, 1752, с. 88–90]. В 1746 г. на основании указа (№ 232) Томской воеводской канцелярии штык-юнкер Красносельцев проводил ремонт Чаусского острога (ГАНО, Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1.). Острог снова окружили рвом, обнесли надолбами и рогатками [Миненко, 1989, с. 86]. Тем не менее, в официальных описаниях Чаусского острога 1755 г. упоминания его оборонительных конструкций, включая земляные, отсутствуют [Романов, 2019].

В связи с вопросом о рве Чаусского острога очень любопытен неатрибутированный план Чаусского острога первой половины XVIII столетия [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 158, рис. 210]. На нем ров вокруг Чаусского острога и его посада представлен значительно больших размеров, чем приведено в описании 1714 и 1741 гг. Он протянулся в виде не подпрямоугольной, а трапециевидной земляной конструкции, ограждающей не только площадку острога, но и всего его обширного посада. Это сооружение показано на карте от протоки из оз. Подкаменное в р. Чаус на севере до восточного берега этого водоема, а на юге снова примыкающим к береговой кромке р. Чаус. Такая конструкция явно больше по своим размерам, чем известные параметры Чаусского острога. Любопытно, что аналогичный контур сохраняется на плане с. Чаусского 1831 г. (ГААК, Ф. 50. № 13, св.10 ед. хр. 100, ед. хр. 105). Это обстоятельство позволяет считать его не рвом, а внешней границей всего поселения.

В конце XVIII столетия упоминания о рвах и надолбах Чаусского острога окончательно исчезают из письменных источников. Например, в 1771 г. И.П. Фальк, [Фальк, 1824, с. 431] и в 1772 г. П.С. Паллас [Паллас, 1788, с. 7], проезжая через Чаусский острог, ничего не сообщают в своих описаниях о рвах и надолбах. В последнем «Росписном списке Чаусского острога» от 1786 г. отмечено, что конструкция острога находилась к этому периоду в очень ветхом состоянии (ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, Л. 280). Возможно, что к этому времени земляные оборонительные сооружения были засыпаны и полностью утратили свои рельефные признаки. Аналогичные процессы в середине XVIII в. нашли отражение в письменных источниках по Белоярской крепости в Верхнем Приобье. Так, в 1750 г. отмечалось, что ров и надолбы «весьма песком обнесло» [Сергеев, 1975, с. 45]. Учитывая расположение Чаусского острога в Обской пойме, периодически подверженной обильным паводкам, подобные процессы также могли иметь место. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что от рельефа участка Обской (Колыванской) поймы, на котором располагался Чаусский острог, существенно зависело распределение паводковых вод и длительность затопления территорий. До возведения плотины на Новосибирском водохранилище в Колыванской пойме происходило как правило два паводка – весной и в начале лета. Именно этот фактор привел в начале XIX столетия к переносу основного пункта (Колывани) со старого Московского тракта на левобережье р. Оби на более возвышенный участок обской террасы.

Археологические исследования

Рекогносцировочные археологические исследования на территории Чаусского острога были начаты на юго-западной части его укреплений. В единой сетке было заложено несколько рекогносцировочных раскопов, общей площадью до 20 м^2. Дерновая поверхность исследованной площадки Чаусского острога была представлена тонким гумусированным слоем толщиной от 5 до 8 см. Условно материковая поверхность представлена плотным крупнозернистым песчаным оранжеватым грунтом с вкраплениями дресвы различного размера. В центре одного из рекогносцировочных раскопов за пределами траншеи газопровода на площадке Ча-

Рис. 4. Разрез участка западного рва Чаусского острога.

усского острога был зафиксирован профиль участка западного рва (рис. 4). Ширина рва составляла до 1 м, глубина до 0,8 м. Заполнение рва было представлено несколькими последовательно залегающими прослойками, толщина которых составляла от 5 до 12 см. Эти отложения чередовались от серого до светло-оранжевого грунта с вкраплениями светло-желтого песка. На дне рва в сером грунте были представлены достаточно крупные фрагменты черного гумусированного грунта. Профиль рва имел уплощенно-овальные очертания. При этом внешний эскарп рва имел больший наклон, чем его внутренний край.

Заключение

В целом размеры рва Чаусского острога, выявленные в ходе археологических исследований, в сравнении с другими острогами (Умревинский) из Новосибирского Приобья достаточно значительны и соответствуют трем аршинам (213,36 см) или одной косой сажени (2,48 м). При этом значительная слоистость заполнения вскрытого участка западного рва этого острога соответствует процессу его постепенного заполнения. Подчеркнем, что выявленные параметры вполне соответствуют тем характеристикам рва, которые были представлены в письменных источниках XVIII столетия по Чаусскому острогу. Таким образом, земляные оборонительные сооружения этого пограничного пункта в отличие от фундаментов (оснований) деревянных конструкций вполне могут быть использованы для определения основных границ Чаусского острога.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-09-42058\20 «Основные особенности развития оборонного зодчества в Сибири в эпоху Петра I».

Список литературы

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.

Генеральная карта Томского уезда 1736 г. РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 140.

Генеральная карта Тобольской губернии 1802 г. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 1. Л. 1.

Генеральная карта канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, составленной в 1777 г. РГИА Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.

Горохов С.В. Сведения в путевом дневнике И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога // Баяндинские чтения. – Новосибирск, 2018. – Т. XIII. – С. 132–136.

Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 224–228.

Карта 1794 г. «Колывановоскресенским заводам и рудникам, лежащим в Колыванском наместничестве сочинённая из разных специальных карт …». РГИА, Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1.

Карта Колывано-Воскресенского Заводского Округа 1823 г. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 3117. Л. 1.

Карта расстояний Колывано-Воскресенских заводов 1771 г. РГИА, Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1(1).

Константинов А.В., Оленченко В.В. Археологическое исследование территории Нерчинского острога. // Записки Забайкальского отделения РГО. – 2019 – Вып. 136. – С. 49–57.

Лобанов М.Ю. Колывань-Чаус на старых картах и чертежах // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.: Мат-лы межрегион. науч.-практич. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2013. – С. 91–95.

Майничева А.Ю., Скобелев С.Г., Береженко Д.Ю. Реконструкция русских деревоземляных внутрикрепостных построек как знаковых сооружений Сибири XVII–XVIII веков (на примере Саянского острога) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – № 4. – С. 100–108.

Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. – Новосибирск: Новосиб. книжн. изд-во, 1989. – С. 80–91.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области // Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Новосибирск: Наука, 1996. – Вып. 2. – 192 с.

Паллас П.С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. – Санктпетербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1788. – 481 с.

Перечень объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области. Ч. 2. Объекты археологического наследия. – Новосибирск, 2015.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Зап. Сиб. книжн. изд-во, 1989. – 304 с.

Романов П.И. Обветшание и ремонт оборонительных конструкций приобских острогов Томского уезда в XVIII веке. // Баландинские чтения. – Новосибирск, 2019. – Т. 14. – С. 258–262.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1978. – 703 с.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. (1725–1727) / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука. Главн. ред. вост. лит-ры, 1990. – 668 с.

Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. – 80 с.

Татаурова Л.В. Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в пределах современных населенных пунктов (на примере Такмыкского острога) // Проблемы сохранения историко-культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. – Екатеринбург, 2014 – С. 194–196.

Шаповалов А.В., Росляков С.Г. Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора // Освоение и развитие Западной Сибири, XVI–XX век. Мат-лы межрег. науч.-практич. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2013. – С. 175–179.

Фальк И.П. Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. Т. 6. Записки Путешествія Академика Фалька. – Санктпетербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1824. – 560 с.

Эллерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 59–101.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. – Wittwe, 1752. – 700 s.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. B. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 380 s.

References

Borodovskii A.P., Gorokhov S.V. Umrevinskii ostrog (arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 242 p. (In Russ.).

Demidova N.F., Myasnikov V.S. (eds.) Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty. Vol. 1. 1700–1725. Moscow: Nauka, 1978. 703 p. (In Russ.).

Demidova N.F., Myasnikov V.S. (eds.) Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty.

Vol. 2. 1725–1727. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990. 668 p. (In Russ.).

Dolgova S.R., Rezun D.Ya. Novoe o Chausskom ostroge XVIII v. issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri). Novosibirsk: Nauka, 1984. P. 224–228. (In Russ.).

Elert A.Kh. Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uezda G.F. Millera (1734 g.). In *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda*. Novosibirsk: Nauka, 1988. P. 59–101. (In Russ.).

Fal'k I.P. Polnoe sobranie uchenykh" puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademieyu Nauk", po predlozheniyu eya prezidenta. Vol. 6. Zapiski Puteshestviya Akademika Fal'ka. Sankt-Peterburg: pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1824. 560 p. (In Russ.).

General'naya karta kantselyarii Kolyvano-Voskresenskogo gornogo nachal'stva, sostavlennoi v 1777 g. RGIA. F. 1399. Op. 1. D. 224. L. 1. (In Russ.).

General'naya karta Tobol'skoi gubernii 1802 g. RGIA. F. 1293. Op. 168. D. 1. L. 1. (In Russ.).

General'naya karta Tomskogo uezda 1736 g. RGADA. F. 271. Op. 3. D. 140. (In Russ.).

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. 700 p.

Gorokhov S.V. Svedeniya v putevom dnevnike I.G. Gmelina o planigrafii Chausskogo ostroga. Bayandinskiye chteniya vol. XIII. Novosibirsk: [s. n.], 2018. P. 132–136. (In Russ.).

Konstantinov A.V., Olenchenko V.V. Arkheologicheskoe issledovanie territorii Nerchinskogo ostroga. In *Zapiski Zabaikal'skogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 2019. P. 49–57. (In Russ.).

Karta 1794 g. «Kolyvanovoskresenskim zavodam i rudnikam, lezhashchim v Kolyvanskom namestnichestve sochinennaya iz raznykh spetsial'nykh kart …». RGIA. F. 485. Op. 5. D. 480. L. 1. (In Russ.).

Karta Kolyvano-Voskresenskogo Zavodskogo Okruga 1823 g. RGIA. F. 515. Op. 71. D. 3117. L. 1. (In Russ.).

Karta rasstoyanii Kolyvano-Voskresenskikh zavodov 1771 g. RGIA. F. 485. Op. 5. D. 478. L. 1(1). (In Russ.).

Lobanov M.Yu. Kolyvan′-Chaus na starykh kartakh i chertezhakh. In *Osvoyeniye i razvitiye Zapadnoy Sibiri v XVI–XX vv.: Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu Chausskogo ostroga*. Novosibirsk: SIBPRINT, 2013. P. 91–95. (In Russ.).

Mainicheva A.Yu., Skobelev S.G., Beryozhenko D. Yu. Reconstruction of Russian wooden-earth inner-fortress buildings as iconic structures of Siberia of the XVII–XVIII centuries (on the example of the Sayan prison). *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia,* 2018. N 4. P. 100–108.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Vol. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 380 p.

Minenko N.A. Russkiye ostrogi i forposty na territorii Novosibirskogo Priob′ya i Baraby. In *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti. Pamyatniki arkheologii. Pamyatniki istorii. Pamyatniki arkhitektury*. Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoye izdatel′stvo, 1989. P. 80–91. (In Russ.).

Molodin V.I., Borodovskii A.P., Troitskaya T.N. Arkheologicheskie pamyatniki Kolyvanskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Materialy «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii». Novosibirsk: Nauka, 1996. Iss. 2. 192 p. (In Russ.).

Pallas P.S. Puteshestvie po raznym" provintsiyam" Rossiiskago gosudarstva. Chast' tret'ya. Polovina vtoraya. 1772 i 1773 godov. Sankt-Peterburg: pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1788. 481 p. (In Russ.).

Perechen′ ob′′yektov kul′turnogo naslediya, raspolozhennykh na territorii Novosibirskoy oblasti. Chast′ 2 Ob′′yekty arkheologicheskogo naslediya. Novosibirsk, 2015. 120 p. (In Russ.).

Rezun D.Ya., Vasil′yevskiy R.S. Letopis′ sibirskikh gorodov. Novosibirsk: Zap. Sib. knizhnoye izd-vo, 1989. 304 p. (In Russ.).

Romanov P.I. Obvetshanie i remont oboronitel'nykh konstruktsii priobskikh ostrogov Tomskogo uezda v XVIII veke. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2019. Vol. 14. P. 258–262. (In Russ.).

Sergeev A.D. Tainy altaiskikh krepostei. Barnaul: Alt. kn. Izd-vo, 1975. 80 p. (In Russ.).

Shapovalov A.V., Roslyakov S.G. Krepostnyye steny Suzunskogo medeplavil′nogo zavoda i monetnogo dvora. In *Osvoyeniye i razvitiye Zapadnoy Sibiri, XVI–XX vek. Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu Chausskogo ostroga*. Novosibirsk: SIBPRINT, 2013. P. 175–179. (In Russ.).

Tataurova L.V. Problemy sokhraneniya i istoricheskoi rekonstruktsii ob"ektov kul'turnogo naslediya v predelakh sovremennykh naselennykh punktov (na primere Takmykskogo ostroga). In *Problemy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovanii*. Ekaterinburg: [s. n.] 2014. P. 194–196. (In Russ.).

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (eds.) Albazhinskii ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamurya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. 348 p. (In Russ.).

Бородовский А.П. https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0451-0458
УДК 904

Д.П. Волков[1]✉, Е.И. Крючко[2], В.А. Мохарь[2], В.Е. Вальченко[2], С.П. Нестеров[1]✉, О.А. Шеломихин[3], А.М. Шиповалов[4], Р.А. Шульмин[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
Благовещенск, Россия
[3]Благовещенский государственный педагогический университет
Благовещенск, Россия
[4]Управление государственной охраны объектов культурного наследия Хабаровского края
Хабаровск, Россия
[5] Амурское областное бюро судебно-медицинской экспертизы
Благовещенск, Россия
E-mail: volk-d@yandex.ru; nesterov@archaeology.nsc.ru

Результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье

В статье рассматриваются результаты раскопок 2021–2022 гг. на городище даурского типа, находящегося в Амуро-Зейском междуречье, в Благовещенском р-не Амурской обл. недалеко от р. Амур. Памятник «Сергеевка, городище-4» состоит из двух отдельно стоящих, схожих по форме конструкций разного размера, соединенных между собой валом. Исследования, начатые на меньшем городище в 2021 г., позволили изучить стратиграфическую ситуацию и установить способ его строительства, заключавшийся в сооружении рвов по прямоугольному контуру с угловыми выступами и отсыпке валов. Раскопки 2022 г. внутренней части городища выявили наличие рядов ям непонятного назначения и грунтового захоронения в середине сооружения, произведенного в деревянном прямоугольном ящике. Краниологическое исследование черепа показало, что здесь была похоронена женщина. В Амурском областном бюро судебно-медицинской экспертизы по черепу выполнена графическая реконструкция ее прижизненного облика. Сопроводительный инвентарь из погребения представлен тремя железными предметами: кресалом и двумя кольцами. Для проверки предположения о принадлежности городища к сооружениям хозяйственной деятельности населения был проведен фосфатный анализ образцов почвы из слоев памятника. Однако он не выявил наличия аномальных изменений подвижных соединений фосфора (P_2O_5) по сравнению с фоновыми пробами, взятыми из шурфов в пойме и на террасе за пределами городища. Немногочисленная археологическая коллекция предметов из погребения и рвов не позволила провести аналогии с другими археологическими материалами, однозначно определить его этнокультурную принадлежность и дату постройки.

Ключевые слова: *Амурская область, городище даурского типа, погребение, фосфатный анализ, краниологические исследования.*

D.P. Volkov[1]✉, E.I. Kryuchko[2], V.A. Mohar[2], V.E. Valchenko[2], S.P. Nesterov[1]✉, O.A. Shelomikhin[3], A.M. Shipovalov[4], R.A. Shulmin[5]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2] Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Amur Region
Blagoveshchensk, Russia
[3]Blagoveshchensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk, Russia
[4]Department for State Protection of Cultural Heritage Objects of Khabarovsk Krai
Khabarovsk, Russia
[5]Amur Regional Bureau of Forensic Medical Examination
Blagoveshchensk, Russia
E-mail: volk-d@yandex.ru; nesterov@archaeology.nsc.ru

Results of Excavations at the Fortress of the Daurian Type in Western Amur Region

The article presents the results of excavations in 2021–2022 at a fortress of the Daurian type located in the Amur-Zeya interfluve in Blagoveshchensk District of Amur Region not far from the Amur River. The "Sergeevka, fortified settlement-4" site consists of two separate structures of different sizes, similar in shape and connected to each other by a rampart. The research at the smaller fortress in 2021 made it possible clarify its stratigraphy and establish the sequence of its construction, which consisted of making ditches along rectangular contour with corner ledges, and placing soil into ramparts. In 2022, excavations of the interior part of the fortress revealed rows of pits of unknown purpose and soil burial in a wooden rectangular box in the middle of the structure. Craniological analysis of the skull has shown that this was a female burial. Reconstruction of the appearance of the woman during her lifetime using the skull was performed in the Amur Regional Bureau of Forensic Medical Examination. The accompanying inventory from the burial included three iron objects – a firesteel and two rings. In order to test the hypothesis that this ancient fortress was a structure associated with economic activities of the population, phosphate analysis of soil samples from the layers of the site was carried out. It did not reveal anomalies in mobile phosphorus compounds (P_2O_5) in comparison with background samples taken from the pits in the floodplain and on the terrace outside the fortress. Small archaeological collection of objects from the burial and ditches did not make it possible to identify any parallels with other archaeological evidence, which would unambiguously establish the ethnic and cultural attribution of the fortress and date of its construction.

Keywords: *Amur Region, foritied settlement of the Daurian type, burial, phosphate analysis, craniological studies.*

Введение

Городища даурского типа – один из самых слабоизученных видов археологических памятников Западного Приамурья, известный пока только в пределах современной Амурской обл. Однозначная интерпретация данных памятников археологии отсутствует. Возросший интерес к этим объектам продиктовал необходимость проведения стационарных исследований.

В 2021–2022 гг. сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской обл., Института археологии и этнографии СО РАН, Благовещенского педагогического университета произведены археологические раскопки городища даурского типа «Сергеевка, городище-4» в окрестностях с. Сергеевки Благовещенского р-на Амурской обл.

Исследуемый объект расположен на ровной поверхности высокой поймы северного берега левобережной протоки Амура на удалении до 3 км от основного русла. Представляет собой памятник, состоящий из двух отдельных разных по размеру асимметричных городищ, соединенных между собой небольшим валом [Волков и др., 2021, с. 378, 380].

Исследования на площади 222 м^2 меньшего по размерам городища 2 в 2021 г. включали угловую башню, обрамляющие ее валы и рвы. В результате работ был получен стратиграфический разрез, позволяющий установить способ строительства городища, который заключался в сооружении первого рва по прямоугольному контуру с угловыми выступами и обваловке основной части городища. Последующие рвы и валы формировались по контуру образовавшейся конструкции.

Дата возведения данного городища даурского типа была определена условно, на основании стратиграфических наблюдений как на самом объекте, так и на террасе, где он расположен. К моменту, когда началось строительство городища, прекратились частые мощные наводнения, после которых едва успевал сформироваться тонкий почвенный слой, и закончилось интенсивное формирование террасы. Такой период наступил в XIV и продолжался до начала XIX в., что было связано с похолоданием в Европе и в Северной Азии (т.н. Малый ледниковый период) с понижением увлажненности в Амуро-Зейском междуречье, особенно в середине XVII в., когда «зафиксирован абсолютный минимум количества осадков за последние 2 000 лет» [Клименко, Климанов, Кожаринов, 2000, с. 47–48].

Скудость коллекции артефактов, отсутствие каких-либо конструкций внутри периметра городища из раскопок 2021 г. оставили под вопросом функциональное назначение подобных памятников, что потребовало продолжения работ в 2022 г.

Материалы исследования внутренней части памятника

Раскоп был заложен на внутренней поверхности городища 2 с учетом изученной ранее части, с продолжением стратиграфических профилей предыдущего сезона. Общая площадь раскопа составила 221 м^2 (рис. 1, *1*). На уровне третьего условного горизонта было выявлено 34 пятна ям, различных по форме и размеру: округлых диаметром от 20 см, овальных и подпрямоугольных размером 2 × 1 м (рис. 1, *2*, *3*). Выборка заполнения этих ям показала отсутствие в них артефактов.

Учитывая отсутствие на исследованной площади каких-либо признаков, связанных с проживанием человека (остатков жилых и хозяйственных

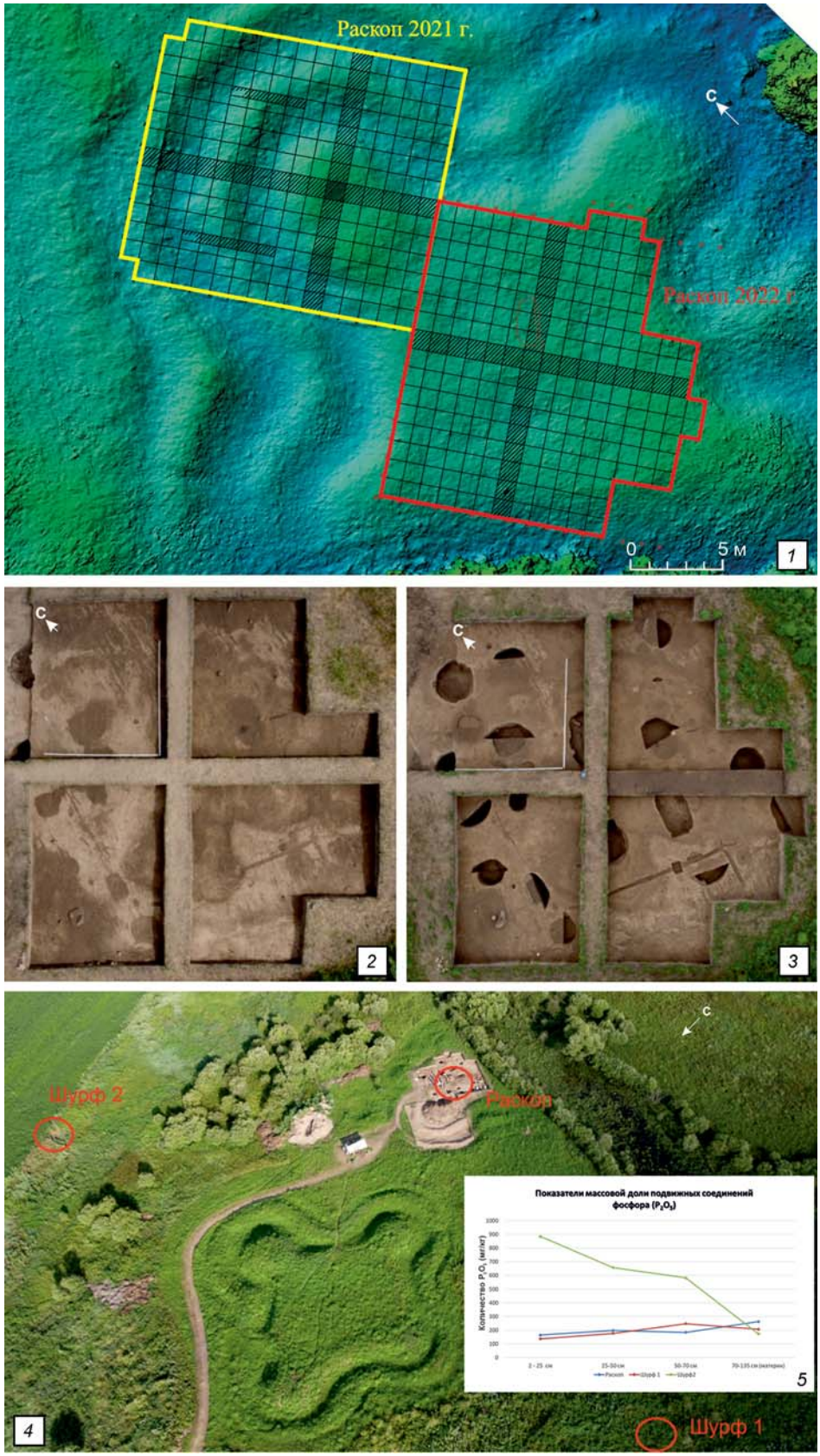


Рис. 1. Ортофотоплан памятника «Сергеевка, городище-4» с указанием раскопов 2021, 2022 гг. (*1*); раскоп 2022 г. на уровне третьего условного горизонта (*2*) и в процессе выборки ям (*3*); места отбора проб (*4*) и результаты фосфатного анализа (*5*).

1–3 – вид с юго-запада; *4* – вид с северо-запада.

построек, ограждений, производственных комплексов), и предметов при наличии большого количества ям, было решено проверить их заполнение с помощью фосфатного анализа. Он является одним из способов определения границ культурного слоя поселений и городищ [Авдусин, 1980, с. 73–74; Кузьмин, 2017, с. 321–322]. Суть метода заключается в определении количества фосфатов в исследованной почве. При естественном протекании природных процессов на земельном участке содержание фосфора с течением времени не изменяется или же изменяется незначительно. При оседлом образе жизни человек вовлекается в фосфатный обмен. В местах достаточно долгого проживания человека происходит накопление фосфатов в почве, превышающее общий средний уровень для данной территории [Детюк, Тараненко, 1997, с. 44]. Большая часть соединений фосфора в почве нерастворима и практически не вымывается из нее. Причем содержание его в илистой фракции почвы всегда выше, нежели в более крупных фракциях. Следовательно, при равенстве других условий в суглинистых и глинистых почвах фосфора содержится больше, чем в почвах легкого гранулометрического состава [Кидин, Торшин, 2016, с. 182]. Таким образом, повышенное содержания фосфора в образцах почвы, взятых из заполнения обнаруженных ям, может свидетельствовать об их использовании в хозяйственном отношении (ямы для хранения продуктов, для квашения рыбы, схроны, ловушки).

Пробы грунта были взяты из заполнения ямы № 1 (выявлена в 2021 г., частично оставлена в бровке раскопа и доисследована в 2022 г.), в двух шурфах за пределами исследуемого памятника. Шурф № 1 поставлен в 100 м к западу от городища в периодически затапливаемой Амуром пойме, покрытой густой луговой растительностью и кустами шиповника. Шурф № 2 располагался в 77 м к северу от городища на краю первой надпойменной террасы высотой 4,5 м. Поверхность террасы субгоризонтальная, ровная, распахана под посевы сои. Между краем соевого поля и краем террасы располагается узкая нераспаханная полоса шириной около 5 м, покрытая высоким разнотравьем и кустами шиповника. Шурф заложен в центре указанной нераспаханной полосы (рис. 1, *4*).

Отбор проб во всех случаях производился по слоям – от материка до дерна из бровки раскопа в пределах ямы № 1 и стенок шурфов колонкой шириной 20 см. Если слой имел значительную мощность, пробы отбирались колонкой по 20 см.

Анализ проб на определение доли подвижных соединений фосфора (P_2O_5) по методу Кирсанова проведен испытательной лабораторией ФГБУ Центр агрохимической службы «Хабаровский» в соответствии с ГОСТ Р 54650-2011 [Почвы…, 2013]. Метод основан на извлечении подвижных соединений фосфора из почвы раствором соляной кислоты и последующем их количественном определении на спектрофотометре В-1200.

Показатели массовой доли подвижных соединений фосфора (P_2O_5) из проб, взятых на территории памятника, и фоновых проб из шурфа № 1 показывают незначительные отклонения. Так, разница содержания оксида фосфора в дерне находится в пределах погрешности, то же можно сказать и об основном слое коричневой супеси (рис. 1, *5*; см. *таблицу*).

Материковый слой на памятнике представлен речным песком с тонкими илистыми прослойками. Такой же слой песка подстилает слой коричневой супеси в шурфах № 1 и 2. В шурфе № 1 также выявлено две песчаные прослойки в слое коричневой супеси, вероятно, маркирующие продолжительный подъем воды в Амуре, возможно, крупные наводнения. Показатели содержания оксида фосфата в песчаных слоях имеют схожие значения, при этом наибольший показатель имеет материковый слой памятника, что в свою очередь, вероятно, связано с наличием в нем тонких илистых прослоек.

Это может свидетельствовать об отсутствии значительного антропогенного воздействия на исследованной территории. Вероятно, территория памятника не использовалась для проживания и хозяйственной деятельности.

В свою очередь пробы в шурфе № 2, по сравнению с пробами из шурфа № 1 и с территории памятника, показывают превышение оксида фосфора в дерне в 5–6 раз, а в слое коричневой супеси в 3 раза. Связано это с современным антропогенным воздействием (соевое поле) и, возможно, с расположением в прошлом на этой территории средневекового поселения (с учетом обнаружения в слое коричневой супеси фрагмента лепной керамики).

Таким образом, назначение выявленных ям на городище остается неопределимым. Исключением стала яма № 9, расположенная практически в центре городища. Ее пятно имело ровный прямоугольный контур со слегка размытыми углами, размером 220 × 95 см, ориентировано длинной осью по направлению север – юг. В южной части пятна с уровня второго условного горизонта фиксировался размытый квадратный контур врезки, размером 50 × 50 см с заполнением в виде темно-серого суглинка, прослеженный в дальнейшем до дна образовавшейся ямы (рис. 2, *5*).

На дне ямы располагалось захоронение, произведенное в деревянном прямоугольном гробу размером 187 × 52 см, выполненном из тонких деревянных досок, поставленных на ребро. Кости

Результаты фосфатного анализа проб грунта

Место отбора проб	Номер пробы	Глубина, см	Слой	Количество P_2O_5 (мг/кг)	Протокол испытаний
Раскоп 1, 2, кв. П-15	8	2–22	Дерн	165,6 ± 33,1	№ 5519 от 11.08.2022
	7	22–47	Светло-коричневая супесь с корнями растений	181,0 ± 36,2	№ 5518 от 11.08.2022
	6	47–70	Коричневая супесь (заполнение ямы)	199,8 ± 40,0	№ 5517 от 11.08.2022
	5	70–90		184,5 ± 36,9	№ 5516 от 11.08.2022
	4	90–110		211,6 ± 42,3	№ 5515 от 11.08.2022
	3	110–115	Темно-коричневый гумусированный суглинок	219,5 ± 43,9	№ 5514 от 11.08.2022
	2	115–135	Темно-коричневый суглинок	151,2 ± 30,2	№ 5513 от 11.08.2022
	1	135–150	Песок с тонкими илистыми прослойками	263,3 ± 52,7	№ 5512 от 11.08.2022
Шурф 1	7	2–24	Дерн	137,2 ± 27,4	№ 5526 от 11.08.2022
	6	24–34	Плотная коричневая супесь	177,0 ± 35,4	№ 5525 от 11.08.2022
	5	34–42	Речной песок	127,1 ± 25,4	№ 5524 от 11.08.2022
	4	42–47	Темно-коричневая гумусированная супесь	189,7 ± 37,9	№ 5523 от 11.08.2022
	3	47–55	Речной песок	156,0 ± 31,2	№ 5522 от 11.08.2022
	2	55–60	Темно-коричневая гумусированная супесь	248,8 ± 49,8	№ 5521 от 11.08.2022
	1	60–65	Речной песок	207,9 ± 41,6	№ 5520 от 11.08.2022
Шурф 2	4	0–15	Дерн	885,4 ± 177,1	№ 5530 от 11.08.2022
	3	15–46	Коричневая супесь	657,6 ± 131,5	№ 5528 от 11.08.2022
	2	46–60		582,4 ± 105,7	№ 5529 от 11.08.2022
	1	60–75	Речной песок	174,8 ± 35,0	№ 5527 от 11.08.2022

плохой сохранности располагались в разрозненном состоянии, преимущественно в южной части погребения (рис. 2, *4*). Из них определяются: череп человека, включая нижнюю челюсть с зубами, кости верхних конечностей (без кистей), две бедренных, фрагменты больше- и малоберцовой (предположительно правой), фрагмент тазовой, восемь ребер, один позвонок шейного отдела.

Артефакты в захоронении представлены одним металлическим кресалом (рис. 2, *1*), двумя металлическими кольцами (рис. 2, *2*, *3*), одно из которых вместе с ключицей находилось в норе животного за пределами погребения. Наличие темного заполнения врезки, проникающей в захоронение с верхних слоев, нарушение анатомии скелетированных останков, практически полное отсутствие сопроводительного погребального инвентаря позволяют сделать предположение о разграблении погребения.

Краниологическое исследование

Краниологическое исследование черепа (рис. 3, *1*), обнаруженного при раскопках, позволило сделать вывод о том, что череп человека из захоронения во втором городище памятника «Сергеевка, городище-4» принадлежит женщине (женских признаков 25, мужских – 12; неопределенных – 3) [Звягин, 1983] большой монголоидной расы (монголоидных признаков – 20 из 26 возможных; смешанных – 3; европеоидных – 0; негроидных – 0; неоцененных, недоступных или разрушенных – 6) [Герасимов, 1949]. Состояние зубного аппарата хорошее. Определено наличие всех зубов, отсутствие следов кариеса и посторонних наложений. Соответствующая «костному возрасту» степень их изношенности указывает на достаточно высокое качество употребляемой пищи. Возраст погребенной женщины по состоянию зубного аппарата и швов костей черепа составляет 35–40 лет.

Выполненные исследования позволили сделать по черепу реконструкцию прижизненного облика женщины, которая проводилась «комбинированным графическим методом», основанным на опыте реконструкции лица по черепу по методу М.М. Герасимова по фотоизображению черепа [1949].

Для этого по изображению черепа с отмеченными на нем константными точками, соответствующими наружным и внутренним углам глаз, углам рта, наружным слуховым проходам, точками, определяющими ширину и высоту крыльев носа, носолобной и подносовой точками (анфас и левый профиль) был выполнен обвод контуров черепа на бумагу с обозначением константных точек (рис. 3, *2*). Далее под контролем изображения и препарата

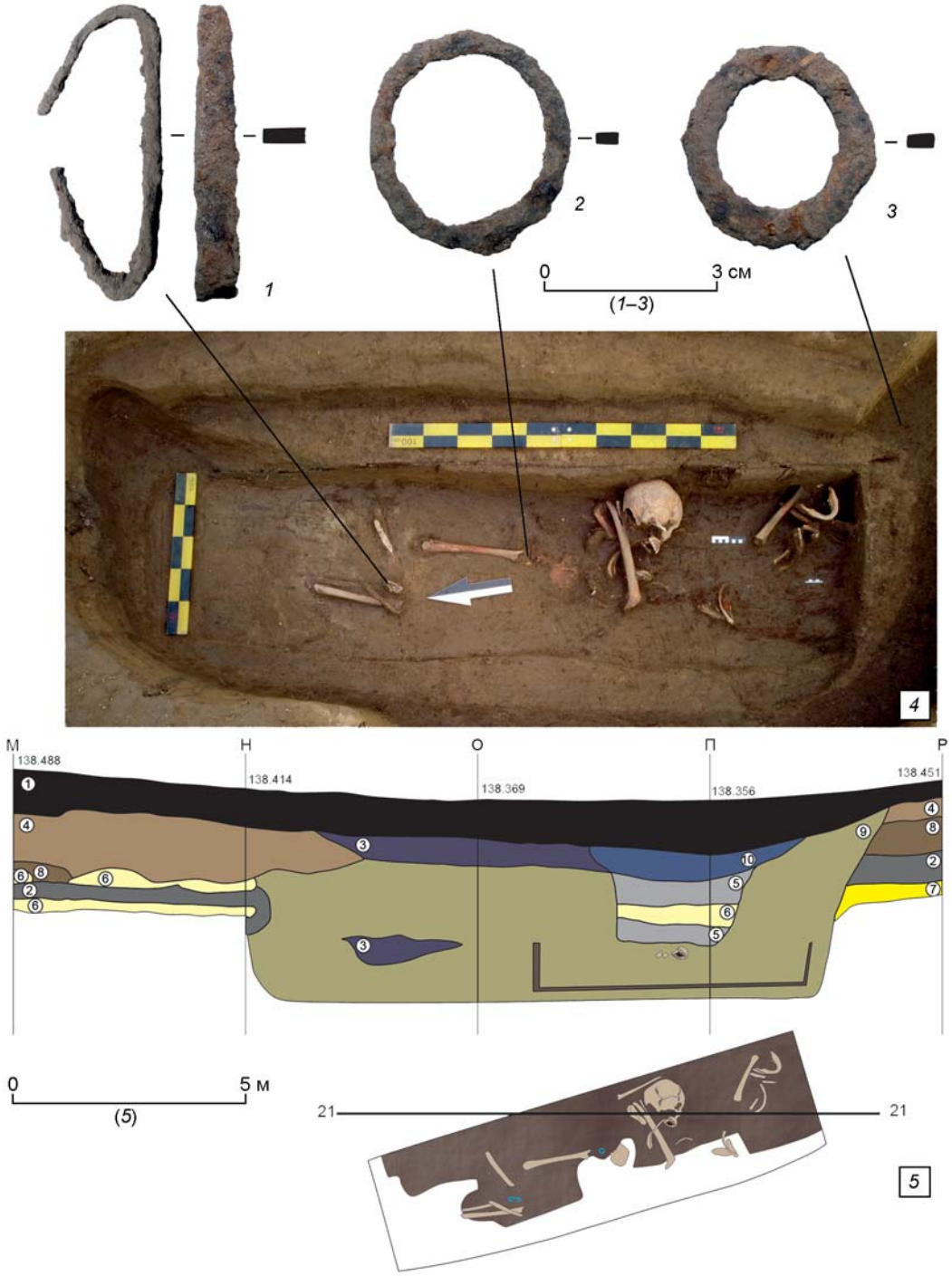


Рис. 2. «Сергеевка, городище-4».

1 – железное кресало; *2*, *3* – железные кольца; *4* – погребение женщины в яме № 9; *5* – разрез по линии 21 и план погребения: 1 – дерновый слой; 2 – легкий темно-серый суглинок (погребенная почва); 3 – темная гумусированная супесь; 4 – серо-коричневый мешаный суглинисто-супесчаный слой; 5 – темно-серый суглинок; 6 – гумусированный песок; 7 – желто-серый песок (наилок); 8 – коричнево-серый мешаный суглинисто-супесчаный слой; 9 – серо-коричневый мешаный легкий суглинок; 10 – черный гумусированный суглинок.

черепа выполнен рисунок лица с учетом пола, возраста, расового типа и признаков внешности, установленных по черепу. На полученной реконструкции достаточно достоверно отображены форма и пропорции головы и лица, асимметрия элементов лица, относительные размеры элементов лица, а также положение бровей, глазных щелей, линии рта, носа. В вероятной (усредненной для данного пола и возраста) форме представлены полнота лица, форма и степень оттопыренности ушей (рис. 3, *3*). Прическа изображена в соответствии с образцами женских причесок жителей бере-

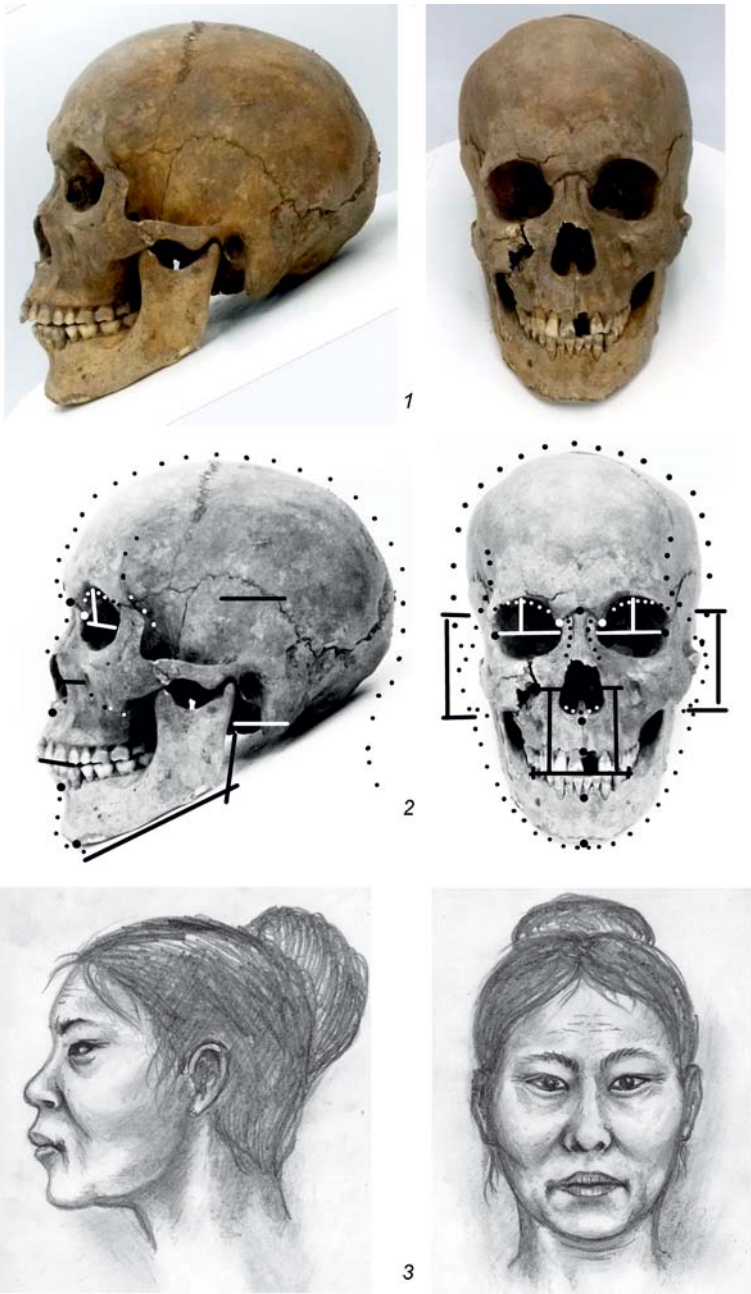


Рис. 3. «Сергеевка, городище-4». Череп женщины из ямы № 9 (*1*); константные точки на изображении черепа (*2*) и графическая реконструкция облика погребенной женщины (*3*).

гов Амура по этнографическим данным исследователей XVIII–XIX вв. [Маак, 2021, с. 496].

Заключение

Таким образом, проведенные в 2021–2022 гг. исследования позволяют сделать вывод о том, что археологический памятник «Сергеевка, городище-4», определяемый как «городище даурского типа», возводился путем копки первого рва на выбранной площадке по намеченному традиционному контуру. Выброс грунта осуществлялся по сторонам, формируя обваловку центральной части с выступающими угловыми башнями и обрамляющий вал № 1. Ввиду производства земляных работ только по контуру, кромка внутренней части и угловые башни имеют возвышение по отношению к внутренней части городища. Грунт из рва № 2 шел на увеличение высоты валов № 1 и 2.

Затем на образовавшейся внутренней площадке для каких-то целей копались ямы, которые потом преднамеренно засыпались, а в центральной части было произведено погребение женщины в деревянном прямоугольном гробу. Время сооружения ям и проведения захоронения достоверно не определяется.

Состояние зубного аппарата погребенной женщины указывает на высокое качество ее пищи и отсутствие пищевого стресса, даже с учетом неблагоприятного минерального состава местной воды с недостатком фтора и избытком железа. Возможно, это может свидетельствовать об ее относительно высоком материальном и социальном положении.

Отсутствие повышенного содержания фосфора в образцах почвы с раскапываемого участка и за его пределами (шурф № 1) может свидетельствовать об отсутствии следов активной хозяйственной деятельности на исследуемом объекте и вокруг него. Это ставит под сомнение высказанные ранее версии о назначении «городищ даурского типа» в качестве усадеб знатных людей, сторожевых постов, ферм, загонов для скота [Волков, 2020].

Таким образом, проведенные исследования не позволяют сделать однозначные выводы ни о времени сооружения данного раскопанного практически полностью «городища даурского типа», ни о его назначении. Пока достоверно зафиксировано только одно погребение в его центральной части. Однако немногочисленный погребальный инвентарь из захоронения не позволяет провести аналогии с другими материалами, отнести его к какой-либо археологической культуре и с достоверностью определить время совершения погребения. Несомненно, необходимо продолжение раскопок памятников данного типа, 37 объектов которого располо-

жены в основном на левобережье верхнего Амура и по берегам р. Зеи, а также их некоторое количество известно ниже устья этой реки.

Благодарности

Статья подготовлена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии» (FWZG-2022-0004).

Список литературы

Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1980. – 335 с.

Волков Д.П. Проблема интерпретации городищ даурского типа в Западном Приамурье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. – Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2020. – Т. II. – С. 329–330.

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Нестеров С.П. Первые результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 377–384.

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. – М.: Советская наука, 1949. – 190 с.

Детюк А.Н., Тараненко Н.П. Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений. Способы извлечения фосфора из почв и методы его анализа // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 43–53.

Звягин В.Н. Методика краниоскопической диагностики пола человека // Судебно-медицинская экспертиза. – 1983. – № 3. – С. 15–17.

Кидин В.В., Торшин С.П. Агрохимия: учебник. – М.: Проспект, 2016. – 604 с.

Клименко В.В., Климанов В.А., Кожаринов А.В. Динамика растительности и климата Амуро-Зейского междуречья в голоцене и прогноз их естественных изменений // Изв. АН. Сер. географическая. – 2000. – № 2. – С. 42–50.

Кузьмин Я.В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – 395 с.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества в 1855 г. Р. Мааком. – Благовещенск: Типография, 2021. – 509 [2] с.

Почвы. Определение подвижных соединений фосфора по методу Кирсанова в модификации ЦИНАО. Издание официальное. – М.: Стандартинформ, 2013. – 7 с.

References

Avdusin D.A. Polevaya arkheologiya SSSR. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Vysshaya shkola, 1980. 335 p. (In Russ.).

Detyuk A.N., Taranenko N.P. Analiz pochv na soderzhanie fosfatov kak metod opredeleniya mest raspolozheniya drevnikh poselenii. Sposoby izvlecheniya fosfora iz pochv i metody ego analiza. In *Estestvenno-nauchnye metody v polevoi arkheologii*. Moscow: IA RAN Publ., 1997. Iss. 1 P. 43–53. (In Russ.).

Gerasimov M.M. Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu. Moscow: Sovetskaya nauka, 1949. 190 p. (In Russ.).

Kidin V.V., Torshin S.P. Agrokhimiya: uchebnik. Moscow: Prospekt, 2016. 604 p. (In Russ.).

Klimenko V.V., Klimanov V.A., Kozharinov A.V. Dinamika rastitel'nosti i klimata Amuro-Zeiskogo mezhdurech'ya v golotsene i prognoz ikh estestvennykh izmenenii. *Izvestiya Academii Nauk. Seriya geograficheskaya*, 2000. N 2. P. 42–50. (In Russ.).

Kuz'min Ya.V. Geoarkheologiya: estestvennonauchnye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2017. 395 p. (In Russ.).

Maak R.K. Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 g., R. Maakom. Blagoveshchensk: Tipografiya, 2021. 509 [2] p. (In Russ.).

Pochvy. Opredelenie podvizhnykh soedinenii fosfora po metodu Kirsanova v modifikatsii TsINAO. Izdanie ofitsial'noe. Moscow: Standartinform, 2013. 7 p. (In Russ.).

Volkov D.P. Problema interpretatsii gorodishch daurskogo tipa v Zapadnom Priamur'e. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare. V 3 t*. Samara: Samara State Univ. of Social Sciences and Education Press, 2020. Vol. II. P. 329–330. (In Russ.).

Volkov D.P., Kryuchko E.I., Mokhar' V.A., Nesterov S.P. First Results of Excavations at a Fortified Settlement of the Daurian Type in the Western Amur. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 377–384. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0377-0384

Zvyagin V.N. Metodika kranioskopicheskoi diagnostiki pola cheloveka. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza*, 1983. N 3. P. 15–17. (In Russ.).

Волков Д.П. https://orcid.org/0000-0001-6064-4981
Вальченко В.Е. https://orcid.org/0000-0003-2258-2980
Крючко Е.И. https://orcid.org/0000-0001-8385-2724
Мохарь В.А. https://orcid.org/0000-0002-3964-1310
Нестеров С.П. https://orcid.org/0000-0003-3629-2730
Шеломихин О.А. https://orcid.org/0000-0002-3766-3524
Шиповалов А.М. https://orcid.org/0000-0003-4876-7975
Шульмин Р.А. https://orcid.org/0000-0002-9200-1179

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0459-0467
УДК 902/903

Ю.Н. Гаркуша

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Дендрохронологическое датирование построек каркасно-столбового типа (на примере постройки 11 Усть-Войкарского городища)

Усть-Войкарское городище – многослойное поселение коренного населения Севера Западной Сибири, существовавшее в эпоху Средневековья – Нового времени. Памятник входит в круг редких в регионе поселенческих комплексов с мерзлым культурным слоем. Наличие мерзлоты обусловило приемлемую сохранность деревянных построек, образующих идентифицируемые архитектурно-планировочные структуры. В этих условиях естественным и перспективным шагом для решения проблем хронологии памятника является применение метода дендрохронологии. В статье рассматриваются особенности дендроанализа жилых построек каркасно-столбового типа на примере одного из строений поселения. Основные черты таких построек – внешние стены из вертикально установленных элементов, закрытое центральное помещение; открытый очаг в центре; проход по периметру центрального помещения; деревянные полы на всей площади постройки. Археологизированные остатки построек такого типа требуют более тщательного подхода при идентификации деталей, служащих источником дендрообразцов. В процессе анализа учитывается археолого-архитектурный контекст происхождения дендрообразцов, видовой и возрастной состав древесины, сезон заготовки деревьев. Для анализа образцы объединены в группы по принадлежности определенным структурным элементам строения. По результатам применения дендрохронологического метода высказано предположение, что постройка была сооружена в 70-х гг. XVII в. Анализ распределения дат показал периодическое обновление деталей в разных элементах постройки. Высокие статистические параметры синхронизации измеренных рядов прироста древесины показали, что ряд деталей изготовлен из одного ствола дерева. По данным дендроанализа приводится обоснование времени появления погребения, обнаруженного на площади постройки.

Ключевые слова: *Усть-Войкарское городище, Север Западной Сибири, дендрохронология, каркасно-столбовые постройки.*

Y.N. Garkusha

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Dendrochronological Dating of Frame-and-Post Type Buildings: Structure 11 at the Ust-Voikar Settlement

The Ust-Voikar site is a multilayered settlement of the indigenous population of the North of Western Siberia, which existed in the Middle Ages – Modern period. This site is one of rare settlement complexes in the region with the frozen cultural layer. The permafrost has ensured relatively good preservation of wooden buildings which form identifiable architectural and space planning structures. A natural and promising step in solving the problems of chronology at the site is using the method of dendrochronology. This article discusses dendroanalysis of residential buildings of the frame-and-post type using the example of one of the buildings from the settlement. Main features of such buildings are external walls of the vertically set elements, closed central room, open hearth in the center, passage along the perimeter of the central room, and wooden floors throughout the entire area of the building. The archaeologized remains of buildings of this type require a more thorough approach in identifying the elements which serve as sources of dendrosamples. The analysis takes into account archaeological and architectural context of dendrosamples' origin, species and age of wood, and season of wood harvesting. For analysis,

the samples are grouped according to their belonging to certain structural elements of the building. The dendrochronological study has revealed that the building was built in the 1670s. The distribution of dates has shown periodic renovation of details in different elements of the structure. High statistical parameters of synchronization manifested by wood growth series indicates that a number of parts were made of a single tree trunk. The time of the burial found in the building area is estimated according to dendrochronological analysis.

Keywords: *Ust-Voikar settlement, North of Western Siberia, dendrochronology, frame-and-post buildings.*

Архитектурная составляющая материальной культуры населения Усть-Войкарского городища (Север Западной Сибири) неоднократно привлекала внимание исследователей [Гаркуша, 2020]. Настоящая работа продолжает серию публикаций, в которых объекты строительства поселения анализируются с учетом данных, полученных методом дендрохронологии. Приведены результаты дендроанализа древесины из постройки 11*, на площади которой обнаружен неординарный археологический объект: парное погребение в очаге [Батанина и др., 2019].

Постройка является типичным примером крупногабаритного стационарного каркасно-столбового жилого строения на «городище». В свою очередь, такие жилые дома имели широкое распространение на Севере Западной Сибири. Близкие аналоги таким строениям известны в архитектуре построек «самоедских» кварталов Надымского и оборонительно-жилого комплекса Полуйского городков [Кардаш, 2009, с. 56–58; 2013, с. 107–115]. Основные черты строений: огороженное центральное помещение; центральное размещение открытой очажной конструкции, представленной в виде прямоугольной рамы; наличие прохода по периметру центрального помещения. К входному проему во внешней стене пристраивался идущий на улицу небольшой коридор.

Как объект дендроархеологического исследования такой тип строений имеет свою специфику, отличную от срубной застройки. Элементы последней сравнительно легко узнаваемы среди остатков археологизированных построек, в отличие от каркасно-столбовых строений, характеризуемых значительным количеством вариантов (см., напр.: [Соколова, 1963]). Тем самым, для реконструкции истории строительства приобретает особое значение идентификация элементов конструкции, тщательная фиксация в описи источника дендрообразца и выбор методики дендроархеологических исследований.

Постройка площадью ок. 50 м^2 размещалась в подготовленном неглубоком котловане. Внешние стены, кроме передней, набирались из вертикально установленных досок шириной 15–20 см. Нижняя часть стенового набора прижималась к стенкам котлована горизонтально уложенными жердями либо досками, зафиксированными колами. Передняя стена формировалась уложенным между столбами полубрусом. В ее середине, между двумя секциями стенового набора, оставлен входной проем шириной ок. 0,7 м. Со стороны проема торцы досок были затесаны для их фиксации «в заплот» (обрамление проема не сохранилось). Каркас внутреннего помещения образован столбами, выполненными из полубруса, полученного из бревен диаметром 18–23 см. Столбы устанавливали по углам и в серединной части намеченного периметра. Стены длиной ок. 4,5 м собирались «в заплот». Полы во внутреннем помещении (покрытие на лагах) состояли из отдельных секций шириной ок. 1,5 м, жестко не связанных ни между собой, ни с другими элементами постройки. В центральной части помещения размещалась очажная конструкция – двухвенцовая рама, стены которой соединены встык. Продольные стенки упирались в противоположную входу стену внутреннего помещения. Зона кострища отделена поперечной стенкой. Размеры очажной конструкции: 3 × 0,9–0,95 м; длина костровой зоны – 2,3 м. По периметру внутреннего помещения был организован проход шириной ок. 1,3 м. Пол в этой части помещения имел покрытие из различного по исполнению древесного материала. В целом уровень настилов в различных частях жилища был сопоставимый.

Основные критерии отбора образцов: происхождение от всех структурных элементов жилища; предполагаемое наличие на детали поверхности с подкоровым кольцом. К постройке был отнесен 21 образец, объединенный для анализа в группы по принадлежности к определенным элементам строения (рис. 1). Внешний стеновой набор (5 обр.): vk388–392. Столбы опорные (элементы каркаса внутреннего помещения) (3 обр.): vk373–374, vk379. Стены внутреннего помещения (3 обр.): vk377, vk380, vk386. Детали настилов в различных частях помещения (9 обр.): vk367–372, vk381–383. Рама очага (1 обр.): vk378.

По видовому составу в выборке древесины доминирует ель (*Picea obovata* Ledeb.); присутствуют единичные образцы кедра, лиственни-

*Открыта в 2016 г. В 2012–2016 гг. памятник исследовался силами сотрудников ИАЭТ СО РАН под рук. А.В. Новикова. В этот период была принята своя нумерация для новых построек.

Рис. 1. План постройки 11 с указанием мест отбора дендрообразцов.

цы*. Проведена оценка возрастного состава деревьев. Древесину принято разделять на 6 возрастных групп: 1) возраст деревьев до 50 лет; 2) деревья возрастом 51–100 лет; 3) 101–150; 4) 151–200; 5) 201–250; 6) свыше 250 лет [Черных, 1996, с. 36–37].

Образцы от внешних стен представлены древесиной разного вида. Для изготовления деталей стенового набора использовались деревья возрастом ок. 100 лет (II и III группы). Столбы выполнены из лиственницы (*Larix Sibirica* Ledeb.), возраст деревьев был близок к верхней границе II возрастной группы. Выделяется один из столбов, выполненный из дерева возрастом ок. 50 лет. Соотношение поперечного размера и количества годичных колец позволяет предположить, что эти деревья происходили из мест с различными условиями произрастания. Для внутренних стен и настилов применена разновозрастная древесина. Для изготовления настилов во внутреннем помещении использованы деревья возрастом от ок. 100 до 130 лет.

Сезон гибели (заготовки) деревьев с достоверно установленными подкоровыми кольцами (50 % от выборки) приходится на осенне-зимний период. Для части образцов с поврежденной поверхностью наличие подкорового кольца установлено предположительно, по косвенным признакам – процедура,

*Породы древесины определены на основе признаков, используемых для ее идентификации [Бенькова, Швайнгрубер, 2004].

широко применяемая в дендроархеологических исследованиях. Основание – совпадение в датах последних колец измеренных радиусов образца.

Измерение ширины годичных колец было выполнено на полуавтоматической установке «LINTAB–6» (с точностью 1/100 мм). Сравнение полученных рядов прироста выполнено методом перекрестного датирования в специализированной программе TSAP-Win Professional [Rinn, 2013]. Программа позволяет параллельно осуществлять в процессе перекрестного датирования визуальный контроль сопоставления графиков прироста и рассчитывать серию статистических параметров для каждого варианта их совмещения. Качество перекрестного датирования устанавливалось на основе стандартных статистических показателей, применяемых в программе TSAP:

– TV (T-Value) – стандартная t-статистика, демонстрирующая статистическую значимость коэффициента корреляции в зависимости от длины общего интервала двух серий;

– коэффициент TBP. Представляет собой t–статистику, адаптированную по алгоритму М. Бейли и Дж. Пильчера, направленному на снижение низкочастотного тренда в исходных данных [Baillie, Pilcher, 1973];

– коэффициент Glk [Schweingruber, 1988, p. 83]. Указывает на степень сходства между двумя хронологиями, определяемую процентом совпадающих увеличений и уменьшений прироста;

– индекс перекрестного датирования CDI (Cross–Dating Index). Интегральный показатель, рассчитываемый на основе комплекса параметров, используемых TSAP.

Для контроля качества абсолютного датирования использовалась программа COFECHA; качество оценивалось по значениям коэффициента корреляции r [Grissino-Mayer, 2001].

Основной инструмент датирования – обобщенная древесно-кольцевая хронология (ДКХ) VKL по лиственнице, полученной в ходе раскопок. Ее календарная привязка была осуществлена при сопоставлении с длительной лиственничной мастер-хронологией «Yamal» [Briffa et al., 2013]. В свою очередь, индивидуальные ряды по хвойным разных видов показали приемлемую согласованность между собой. Это позволило, на основе отбора образцов по определенным критериям, сформировать обобщенные хронологии по хвойным для каждой постройки. Данные ДКХ привлекались для верификации датировок с неоднозначными результатами. Полученные хронологии для удаления трендов, имеющих неклиматическую природу, были стандартизированы методами «smoothing spline» (метод сглаживающего сплайна) и негативной экспоненты в программе ARSTAN [Cook, Krusic, 2005].

Относительное сопоставление рядов прироста по деталям от внешних стен показало наличие двух групп: vk388–389 и vk392, и vk390–391. Внутри каждой группы синхронизация между рядами характеризуется совокупностью высоких значений. В первой: Glk – 74–77 %, TV – 17,1–36,0; TBP – 6,1–8,0; CDI – 57–68. Во второй: Glk – 77 %; TV – 15,1; TBP – 13,5; CDI – 98. Высокие статистические значения, наблюдаемые у рядов второй группы, позволяют предполагать изготовление деталей из одного ствола дерева. Даты периферийных колец внутри групп приходятся на один год. Однако попытка перекрестного датирования рядов из этих групп характеризовалась противоречивыми результатами. Как наиболее возможным был принят вариант, при котором относительные даты первой группы на 35 лет раньше дат второй группы. Сформированные две обобщенные последовательности рядов (107 и 76 лет) при сопоставлении между собой показали тот же результат, но с невысокими значениями показателей (Glk – 62 %, TV – 10,2; TBP – 3,5; CDI – 22).

В группе столбов ряды по образцам vk373 и vk374 показали хорошую графическую синхронизацию; окончания рядов приходятся на один год. Статистические данные (Glk – 80 %, TV – 31,1; TBP – 12,4; CDI – 92) позволяют утверждать, что детали выполнены из одного ствола дерева. Однако попытка сопоставления с ними образца от еще одного столба (vk379), имеющего 44 годичных кольца, показала противоречивые результаты.

Относительные даты деталей настилов из разных частей жилища образуют компактную хронологическую группу. Статистические параметры датирования характеризуются определенной вариабельностью. Интервалы лучших значений: Glk – 63–83 %; TBP – 4,9–14,8; CDI – 34–133. Дата периферийных колец у большинства образцов приходится на один год; дата vk383 на год позже. Для vk367, vk370, vk381, vk382 установлено наличие подкорового кольца. Для других оно допускается с вероятностью. Учитывая хронологическую компактность дат этой группы деталей можно заключить, что древесина могла быть заготовлена в течение 1–2 лет. Из этой серии выбиваются vk371 и vk381, имеющие достаточно низкие статистические значения показателей относительного датирования.

Немногочисленные образцы от внутренних стен и очага (vk377–378, vk380, vk386) также отличаются по качеству относительного сопоставления. Низкими значениями характеризуется позиция для vk386; для vk380 не удалось получить приемлемый результат.

Абсолютное датирование по ДКХ VKL показало распределение индивидуальных рядов по качеству статистических показателей (см. *табли-*

Постройка 11. Описание дендробразцов, статистические показатели датирования по хронологии VKL

№ обр.	Тип м-ла	Местонахождение	Вид древесины	Glk	TV	TBP	CDI	r	R	s	Число колец	Сред. ширина кольца, мм	Макс. ширина кольца, мм	Пр. к.	Пф. к.	Сезон рубки
vk367	бр	лага из прохода	PISI	60	1,1	4,4	26	–	0,335	0,177	146	0,47	1,26	1556	**1701/1702**	WKL
vk368	пб	настил во внутр. помещении	PCOB	67	4,4	7,4	48	0,53	0,765	0,267	115	0,60	1,49	1587	1701	WK?
vk369	пб	настил во внутр. помещении	PCOB	76	4,7	7,8	62	0,56	0,820	0,245	88	0,60	1,30	1614	1701	WK?
vk370	пб	настил во внутр. помещении	PCOB	66	2,4	6,5	46	0,46	0,627	0,226	120	0,43	0,96	1582	**1701/1702**	WKL
vk371	пб	настил во внутр. помещении	PCOB	55	2,7	4,2	21	–	0,495	0,210	103	0,49	1,48	1599	1701	–
vk372	пб	настил во внутр. помещении	PCOB	56	4,5	5,8	31	–	0,507	0,246	121	0,44	0,94	1581	1701	WK?
vk373	пб	столб внутренней стены	LASI	79	2,3	9,0	69	0,72	0,470	0,198	82+	1,10	2,86	1595	**1676/1677**	WKL
vk374	пб	столб внутренней стены	LASI	80	2,3	10,0	85	0,79	0,601	0,218	94+	1,21	2,69	1583	**1676/1677**	WKL
vk377	дк	стенка внутр. помещения	PCOB	64	3,2	3,7	26	–	0,593	0,228	113	0,40	0,94	1571	1683	WK?
vk378	пб	стенка очага	PCOB	66	5,0	5,1	36	0,52	0,562	0,250	113+	0,42	1,22	1564	1676	WK?
vk379	пб	столб внутренней стены	LASI	76	3,8	7,4	60	0,47	0,232	0,212	44+	2,21	3,59	1578	1621	–
vk380	дк	стенка внутр. помещения	LASI	74	3,5	9,8	67	0,70	0,366	0,205	61	1,75	2,76	1541	1601	–
vk381	ж	лага для настила	PCOB						0,567	0,181	37+	1,07	1,57	1658	**1694/1695**	WKL
vk382	бр	настил в проходе	PCOB	65	2,0	4,9	35	0,43	0,614	0,199	67+	0,60	1,52	1635	**1701/1702**	WKL
vk383	пб	настил во внутр. помещении	PCOB	60	1,8	3,3	26	0,51	0,715	0,280	63	0,51	1,24	1640	1702	WK?
vk386	дк	стенка внутр. помещения	PCOB	65	4,1	2,2	21	–	0,450	0,232	66	0,81	1,34	1628	1693	WK?
vk388	дк	внешняя стена	PISI					*0,51*	0,526	0,217	101	0,70	1,85	1576	1676	WK?
vk389	дк	внешняя стена	PISI					*0,54*	0,544	0,183	103	0,51	1,46	1574	**1676/1677**	WKL
vk390	дк	внешняя стена	PCOB	68	2,9	8,3	52	0,54	0,845	0,210	76	0,58	1,26	1644	**1719/1720**	WKL
vk391	дк	внешняя стена	PCOB	62	3,3	7,0	43	0,56	0,738	0,221	74	0,74	1,76	1646	**1719/1720**	WKL
vk392	дк	внешняя стена	PISI	61	0,2	2,9	19	0,50	0,553	0,196	107+	0,60	2,01	1570	**1676/1677**	WKL

Примечание. Тип материала: бр – бревно; ж – жердь; дк – доска; пб – полубрус. Виды древесины: PCOB – ель; LASI – лиственница; PISI – сосна сибирская (кедр). Позиция «число колец» характеризует количество фактически измеренных колец, т.к. может отличаться от реального их количества на образце (знаком «+» помечены образцы, измеренные от сердцевины). R – межсерийный коэффициент корреляции; s – коэффициент чувствительности. Пр. к. – дата первого измеренного кольца; Пф. к. – дата периферийного кольца (жирным шрифтом выделена дата подкорового кольца). Курсивом выделены даты, реконструированные по результатам относительного датирования индивидуальных рядов, с привлечением обобщенных ДКХ по хвойным. В графе «сезон рубки» использованы обозначения, применяемые в TSAP-Win: WKL – осенне-зимний период; WK? – подкоровое кольцо определено как вероятное.

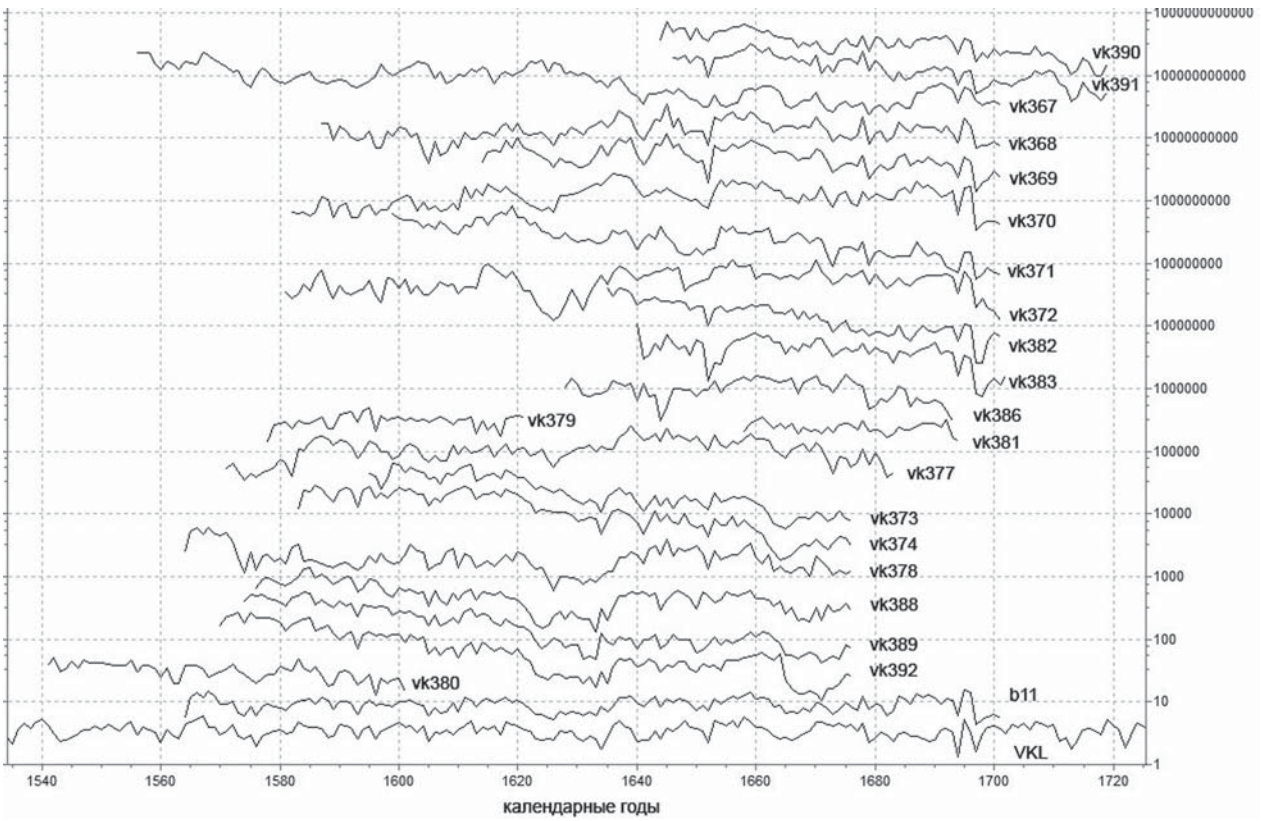


Рис. 2. Перекрестное датирование индивидуальных рядов (vk), обобщенной ДКХ по хвойным (b11), обобщенной хронологии по лиственнице (VKL). Графики представлены в формате полулогарифмических кривых.

цу; рис. 2). Однозначные результаты имеют место для образцов vk368–370, vk373–374, vk378, vk382, vk390–391 (CDI варьирует от 35 до 85; r – 0,43–0,79). Для других рядов наблюдается значительная вариабельность значений отдельных показателей; некоторые из них являются весьма низкими (CDI – от 19 до 31). Тем не менее лучшие рассчитанные варианты календарных дат соответствуют относительным. Проверка в программе COFECHA подтвердила даты для рядов с пониженными значениями TSAP-показателей. В свою очередь, «проблемные» результаты получили уверенное подтверждение более значимыми статистическими данными при сопоставлении с ДКХ по хвойным (CDI – 30–76).

Например, сомнения в результатах датирования образцов из внешних стен первой группы (vk388–389 и vk392) были устранены при сопоставлении рядов с серией обобщенных ДКХ по хвойным, сопровождаемым более высокими статистическими данными (CDI – 32–76): осень-зима 1676/77 гг. Синхронизация обобщенного ряда, сформированного из данных «проблемных» рядов, могла сопровождаться совокупностями наиболее высоких значений (напр., CDI мог достигать значения 103). Напомним, что для vk379 и vk380 относительная хронологическая позиция не была установлена. Однако попытка календарной привязки, несмотря на небольшое количество колец, сопровождалась совокупностями высоких значений (CDI – 60 и 67 соответственно).

Анализируя полученные дендродаты, отметим следующее. Среди деталей внешних стен определены две хронологические группы образцов: время рубки деревьев приходится на осенне-зимние периоды 1676/77 и 1719/20 гг. Два опорных столба заготовлены осенью-зимой 1676/77 гг. Разрыв в 55 лет с датой третьего столба (vk379) объясним потерей у последнего части периферийных колец. С этим периодом согласуется дата vk378 (рама очага; 1676 г.) со статусом вероятного подкорового кольца. Даты периферийных колец от деталей внутренних стеновых наборов образуют компактную группу. Наиболее значительный разрыв (83–92 года) наблюдается с образцом vk380. С учетом возможной потери колец, здесь можно говорить об употреблении изначально переиспользованной древесины. Для трех образцов от деталей настилов установлено подкоровое кольцо, указывающее на осенне-зимний период 1701/02 гг. Учитывая, что даты периферийных колец других деталей из этой подгруппы также соответствуют этому време-

ни, можно допустить, что деревья заготавливались в названные годы. Только дата лаги vk381 попадает на осень-зиму 1694/95 гг.

Ранее образцы из северного участка внешней стены уже являлись объектами датирования. Однако контекст был иной – эта часть строения была интерпретирована как «завалинка» срубной постройки 6* [Гурская, 2008, с. 219]. Тем самым, мы получили возможность дополнить характеристику использованного стройматериала. Сообщается, что количество годичных колец изменялось от 65 до 236, но в среднем составило ок. 100 лет, что соответствует и нашим наблюдениям. Деревья были заготовлены в летний период в 1665–1701 гг. Образцы принадлежат разным видам хвойных.

Отметим, что еще во время раскопок высота «завалинки» соответствовала уровню 2–4 венца постройки 9. Из этого следует, что во время функционирования построек 9 и 9А остатки внешних стен были хорошо заметны и, в силу периодического обновления конструкции, имели удовлетворительный вид. Вероятно, их состояние и натолкнуло строителей на мысль, использовать остатки старых стен в качестве основы для дополнительной теплоизолирующей конструкции срубов, близкой по устройству известным нам «завалинкам». Промежуток между стенами был заполнен мешаным слоем из древесных обломков и щепы. При этом практика замены отдельных деталей бывшей стены продолжалась как минимум до 1719/20 гг.

Учитывая несомненную функциональную связь внешних стен постройки 11 с возникшими позже срубами, отметим, что полученные даты не противоречат гипотетической истории строительства постройки 11. По имеющимся материалам, 1676/77 гг. возможно оценить наиболее вероятным временем ее строительства. В пользу этого свидетельствует время заготовки важных несущих элементов конструкции – опорных столбов каркаса внутреннего помещения. С этим периодом согласуются даты части деталей из внешних стен, а также даты деталей от очага и внутренней стены. Даты деталей настилов явно отражают этапы полного их обновления. Разброс дат образцов из внешних стен демонстрирует периодические замены элементов стенового набора, где допускалось применение и вторичной древесины.

В свою очередь, отсутствуют однозначные маркеры, позволяющие аргументировано предложить относительно узкий период, в течение которого могло быть произведено захоронение на площади жилища. На основании имеющихся сведений, время его появления допустимо определить в пределах второй половины последней трети XVII в. – первого десятилетия XVIII в. (время появления постройки 9А), но не позже начала 40-х гг. XVIII в. (время строительства постройки 9).

Однако вызывает вопрос соотношение дат элементов последующей постройки 9А (в частности, венцов) с датами настилов, отнесенных к постройке 11: основной блок дат постройки 9А приходится на период 1698–1702 гг. Мы видим два возможных объяснения наблюдаемой ситуации. Во-первых, сруб был возведен непосредственно на руинах каркасно-столбового дома, и какие-то участки предыдущей постройки продолжали эксплуатироваться и в новом жилище. Это было возможным после проведения соответствующих ремонтных работ. Во-вторых, нетипичное оформление бревен венцов позволило выдвинуть предположение о том, что сруб был собран из переиспользованных деталей [Гаркуша, 2016], т.е. в реальности сруб постройки 9А мог быть сооружен несколько позже. Вероятно, оба процесса могли быть реализованы в комплексе.

Наблюдаемое соседство остатков стен каркасно-столбовых построек и срубов на примере постройки 11 позволяет предположить, что не все объекты, названные в ходе первых раскопок «частоколами», являются остатками легких ограждений. С большой вероятностью это могут быть остатки стен еще неисследованных построек архаичного типа. В частности, таковым может являться «частокол 4», перекрытый срубной постройкой 8, исследованной в 2004 г. [Федорова, 2006, с. 13]. Он представлен стыкующимися под прямым углом участками. Местоположение этого объекта находится на линии, образованной расположенными вдоль западной бровки холма крупногабаритными постройками.

*Был исследован лишь небольшой участок этой постройки, после чего она была законсервирована. Ее изучение было завершено в ходе последующего этапа полевых исследований, в котором ей был присвоен № 9. Установлено что данная постройка и перекрываемая ею 9А располагались поверх и внутри площади, занимаемой руинами постройки 11.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства» (FWZG-2022-0005).

Список литературы

Батанина О.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Новиков А.В., Поздняков Д.В. Комплексное антропологическое исследование останков из погребения в жилище на городище Усть-Войкарское (приполярная зона Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – № 4. – С. 140–153.

Бенькова В.Е., Швейнгрубер В.Х. Анатомия древесины растений России. – Берн: Хаупт, 2004. – 456 с.

Гаркуша Ю.Н. Об одном из типов «остяцких» жилых строений в Нижнем Приобье (по материалам археологического исследования городища Усть-Войкарское в 2015 г.) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна, искусств, 2016. – Т. XI. – С. 27–34.

Гаркуша Ю.Н. К истории археолого-архитектурного изучения городища Усть-Войкарского (Север Западной Сибири) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна, искусств, 2020. – Т. XV. – С. 133–139.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки конца XVI – первой половины XVIII в. История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 379 с.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Тр. ин-та этнографии. Новая серия. – 1963. – Т. 84. – С. 182–233.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. – М.: Nox, 1996. – 216 с.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. ЯНАО. – 2006. – Вып. 4. – С. 11–17.

Baillie M.G.L., Pilcher J.R. A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bulletin. – 1973. – Vol. 33. – P. 7–14.

Briffa K.R., Melvin T.M., Osborn T.J., Hantemirov R.M., Kirdyanov A.V., Mazepa V.S., Shiyatov S.G., Esper J. Reassessing the evidence for tree-growth and inferred temperature change during the Common Era in Yamalia, northwest Siberia // Quatern. Sci. Rev. – 2013. – Vol. 72. – P. 83–107.

Cook E.R., Krusic P.J. Program ARSTAN (Version 41d). – NY, Palisades: Lamont-Doherty Earth Observatory, Columbia Univ., 2005. – URL: http://www.ldeo.columbia.edu/tree-ring-laboratory/ (дата обращения: 20.12.2021).

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha // Tree-Ring Research. – 2001. – Vol. 57, iss. 2. – P. 205−211.

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. – Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013 – 100 p.

Schweingruber F.H. Tree rings: basics and applications of dendrochronology. – Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1988. – 276 p.

References

Baillie M.G.L., Pilcher J.R. A simple cross-dating program for tree-ring research. *Tree-Ring Bulletin*, 1973. Vol. 33. P. 7–14.

Batanina O.V., Garkusha Y.N., Zubova A.V., Novikov A.V., Pozdnyakov D.V. A Study of Human Bones from a Dwelling at Ust-Voikar, in the Subarctic Zone of Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. N 4. P. 140–153. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.140-153

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomiya drevesiny rasteniy Rossii. Bern: Haupt. 2004. 456 p. (In Russ.).

Briffa K.R., Melvin T.M., Osborn T.J., Hantemirov R.M., Kirdyanov A.V., Mazepa V.S., Shiyatov S.G., Esper J. Reassessing the evidence for tree-growth and inferred temperature change during the Common Era in Yamalia, northwest Siberia. *Quatern. Sci. Rev.*, 2013. Vol. 72. P. 83–107. doi: 10.1016/j.quascirev.2013.04.008

Chernykh N.B. Dendrokhronologiya i arkheologiya. Moscow: Nox Publ., 1996. 216 p. (In Russ.).

Cook E.R., Krusic P.J. Program ARSTAN (Version 41d). NY, Palisades: Lamont-Doherty Earth Observatory, Columbia Univ., 2005. URL: http://www.ldeo.columbia.edu/tree-ring-laboratory/ (Accessed: 20.12.2021).

Fedorova N.V. Voikarskii gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 godov. In *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*, 2006. N 4. P. 11–17. (In Russ.).

Garkusha Yu.N. Ob odnom iz tipov «ostyatskikh» zhilykh stroenii v Nizhnem Priob'e (po materialam arkheologicheskogo issledovaniya gorodishcha Ust'-Voikarskoe v 2015 g.). In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. of Architecture, Design, Arts Press, 2016. Vol. XI. P. 27–34. (In Russ.).

Garkusha Yu.N. On the history of the archaeological and architectural study of the Ust-Voikarsky settlement (the North of Western Siberia). In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. of Architecture, Design, Arts Press, 2020. Vol. XV. P. 133–139. (In Russ.). doi: 10.24411/9999-001A-2020-10017

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha. *Tree-Ring Research*, 2001. Vol. 57. Iss. 2. P. 205−211.

Gurskaya M.A. Dendrochronological dating of archeological wood of Ust-Voykar settlement (North-Western Siberia). In Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe. Ekaterinburg, Chelyabinsk: Rifei, 2008. P. 212–231. (In Russ.).

Kardash O.V. Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura. Yekaterinburg, Nefteyugansk: Magellan Publ., 2009. 360 p. (In Russ.).

Kardash O.V. Poluiskii mysovoi gorodok knyazei Taishinykh. Yekaterinburg, Salekhard: Magellan, 2013. 379 p. (In Russ.).

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013. 100 p.

Schweingruber F.H. Tree rings: basics and applications of dendrochronology. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1988. 276 p.

Sokolova Z.P. Materialy po zhilishchu, khozyaistvennym i kul'tovym postroikam obskikh ugrov. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya*, 1963. Vol. 84. P. 182–233. (In Russ.).

Гаркуша Ю.Н. https://orcid.org/0000-0002-0935-0213

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0468-0473
УДК 325

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Ханьцзяни как источник для изучения торговых отношений на северо-западе Китая в период Западной Хань

В период Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.) в коридоре Хэси (Ганьсуйском коридоре), соединяющем верховья р. Хуанхэ с северо-западом Китая, после победы ханьской армии над хунну были образованы четыре округа – Дуньхуан, Цзюцюань, Чжанъе, Увэй. Их территория примерно соответствует современной провинции Ганьсу, частично захватывает Шэньси и Внутреннюю Монголию. Развитие данного региона и необходимость строительства там укрепленных гарнизонов были связаны с открывшимися перед ханьским Китаем перспективами торговли с неизвестными здесь до тех пор богатыми странами Запада. В ханьское время район стал активно заселяться бедняками и преступниками из южных регионов страны. Численность гарнизонных войск постоянно поддерживалась. Основным источником информации о торговой деятельности и особенностях функционирования приграничных городов являются деревянные дощечки с иероглифами – ханьцзяни, в большом количестве находимые в пограничных крепостях. Всего в районе коридора Хэси найдено несколько десятков тысяч таких дощечек. Наиболее известная коллекция происходит из раскопок руин ханьской стены в Цзюйяне, Внутренняя Монголия, где было обнаружено более 10 тыс. деревянных плашек. В основном эти материалы датируются временем среднего – позднего периодов Западной Хань. Их перевод и соотношение с основными письменными источниками, династийными хрониками эпохи Хань, позволяют реконструировать процессы заселения региона, торговые контакты с кочевыми народами, объемы и видовое разнообразие экспорта и импорта, особенности быта, рацион питания и специфику административного управления на северо-западе Китая на рубеже эр.

Ключевые слова: *Китай, династия Хань, Великий Шелковый путь, приграничная торговля, ханьцзяни, письменные источники, миграционные процессы, межкультурное взаимодействие.*

E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

The Hanjian Wooden Slips as a Source for Investigating Trade Relations in the Northwest China during the Western Han Period

Four new prefectures of Dunhuang, Jiuquan, Zhangye, and Wuwei emerged during the Western Han period (206 BCE – 9 CE) in the Hexi corridor (also known as Gansu corridor) which connects the upper reaches of the Huanghe river and regions of northwest, after the victory of the Han army over the Xiongnu. Their territory roughly corresponds to the present-day Gansu Province and parts of Shaanxi Province and Inner Mongolia. The development of this region and need for building fortified garrisons were related to new opportunities for trading with rich Western countries, which opened up for the Han China. In the Han period, this area began to be actively populated by poor people and criminals from the southern regions of the country. The number of regular army in garrisons was constantly maintained. The main source of information about trading activities and specific functioning of frontier towns are hanjian wooden slips with Chinese characters, which have been discovered in large numbers in border fortresses. In total, several tens of thousands of such slips have been found in the Hexi corridor. The most famous collection comes from the excavation of the ruins of a Han wall in Juyan, Inner Mongolia, where over 10,000 wooden slips were discovered. Generally, they date back to the middle-late periods of the Western Han. Their translation and correlation with the main written sources of that time – dynastic chronicles of the Han period – make it possible to reconstruct the processes of resettlement to this region, trade contacts

with nomadic peoples, amount and diversity of exports and imports in the northwest, daily routine of the border town, as well as local diet and specific features of administrative management in Northwest China at the turn of the Common Era.

Keywords: *China, Han Dynasty, Great Silk Road, border trade, Hanjian wooden slips, written sources, migration processes, intercultural interaction.*

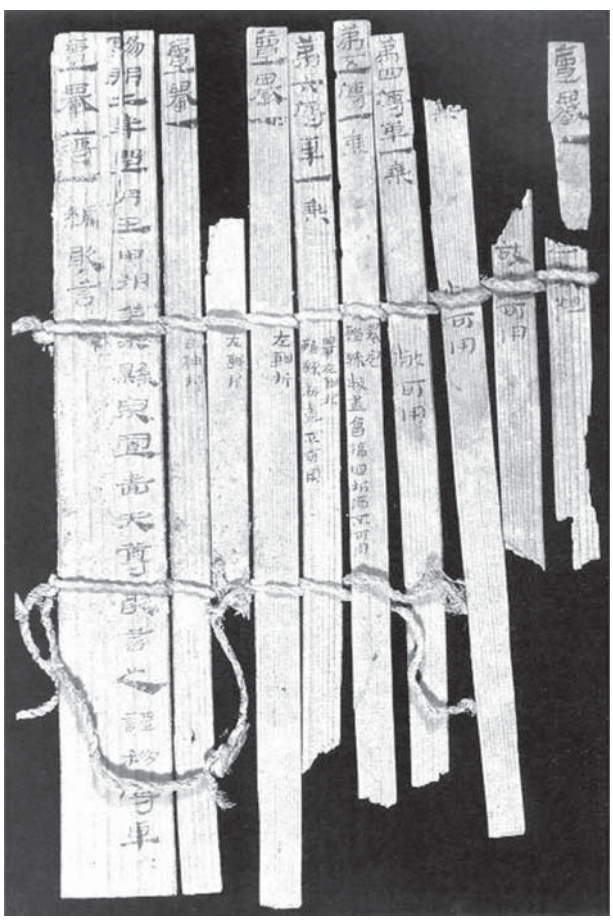
Период Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.) характеризуется значительным увеличением численности населения, ростом городов, развитием промышленности и торговли. Одной из основных внешнеполитических задач ханьского правительства было ограждение империи от постоянных набегов кочевых хуннских племен. Еще при Лю Бане (256 (247) – 195 гг. до н.э.), первом императоре династии Хань, был заключен договор, согласно которому он фактически считался данником гуннских вождей – *шаньюев* [Социально-экономические отношения…, 1956]. Ситуация начала меняться только несколько десятилетий спустя, что было связано с открывшимися перед ханьским Китаем широкими перспективами прибыльной торговли с неизвестными здесь до тех пор богатыми странами Запада. О богатых и неизвестных западных землях стало известно из рассказов Чжан Цяня, путешественника и дипломата при императоре У-ди. С этого времени задача захвата торговых путей, связывающих Китай с западным краем, и установления с ним регулярной торговли получила для империи Хань первостепенное значение.

В 121 г. до н.э. после победы ханьской армии над хуннуским воинством территория так называемого коридора Хэси (или Ганьсуйского коридора), соединяющего восточный и северо-западный Китай, вошла в состав Ханьской империи. Этот горный проход, представляющий собой древний оазис, образованный цепочкой речных долин, имел важное стратегическое значение – тянущийся на протяжении ок. 1 000 км, он связывал верховья р. Хуанхэ (центр провинции Ганьсу) и районы современного Синьцзяна. Ширина прохода составляет от 20 до 100 км. На отвоеванной у хунну территории от современного Цзиньчэна до Дуньхуана была построена мощная линия укреплений, созданы военные и гражданские земледельческие поселения, что стало плацдармом для дальнейшего укрепления ханьцев в этом регионе. На захваченной территории были образованы четыре округа – *Хэси сы цзюнь*, их территория примерно соответствует границам современной провинции Ганьсу, частично захватывая Шэньси и Внутреннюю Монголию. В 111 г. до н.э. произошло их окончательное оформление. Наиболее далеким являлся Дуньхуан, ставший со временем последним рубежом «цивилизованного ханьского мира» и воротами в Китай для торговцев Великого шелкового пути. Наиболее близко к центральным районам располагался округ Увэй, между ними располагались наиболее ранний округ Цзюцюань и Чжанъе. Это были военные логистические центры ханьской армии на западной границе, полностью укомплектованные для того, чтобы дать отпор хунну, сицян и другим кочевым народам. После усиления четырех гарнизонов в Хэси была расширена Великая китайская стена, построенная еще при империи Цинь, от Линцзюй (ныне уезд Юншоу, провинция Ганьсу) до застав Янгуань (в 70 км к западу от Дуньхуана) и Юмэньгуань (в 90 км к северо-западу от Дуньхуана). Ее сигнальные башни уходили глубоко в Луньтай (современный уезд Бугур в Синьцзяне). С целью укрепления власти сюда переселяли бедняков и заключенных из внутренних районов. Эта стратегия получила название *туньтянь* и предполагала освоение окраинных земель руками колонистов. Это позволяло сократить расходы на транспортировку продуктов из внутренних районов и обеспечить постоянный запас продовольствия для нужд армии. Кроме того, поддерживалась большая численность постоянного военного гарнизона во всех четырех округах. Создание четырех укрепленных гарнизонов в коридоре Хэси способствовало объединению западных регионов и контролю над ними.

По данным официальной династийной истории «Хань шу» (раздел «Дили чжи (География)», цзюань 28, нижняя тетрадь), в регионе насчитывалось более 70 тыс. дворов и в общей сложности проживало более 280 тыс. чел. Большинство составляли ханьцы. При этом численность кочевников, «способных натянуть лук», составляла около 300 тыс. чел. Самым густонаселенным округом являлся Чжанъе, где проживало более 88 тыс. чел., в Увэй и Цзюцюане насчитывалось примерно одинаково по 76 тыс. чел., в Дуньхуане, самом дальнем из округов, проживало 38 тыс. чел. [Хань шу. Цзюань эршиба ся]. Там же отмечается, что климат региона является подходящим для развития сельского хозяйства и животноводства: «количество осадков небольшое, зато обильные снега, много воды, травы и достаточно дерева, чтобы строить из него дома» [Мэн Фаньхуэй, 2009, с. 8, 16].

Торговля с Западом благодаря началу стабильного функционирования Великого Шелкового пути развивалась, что дало толчок к созданию многоуровневой административной системы на

местах и диверсификации экономики региона. Рынки *гуаньши* при приграничных заставах стали основным местом взаимодействия с кочевыми народами. Такие рынки существовали и ранее циньского времени, но теперь это были строго регламентированные многофункциональные центры межкультурного взаимодействия. Государственными актами устанавливались критерии качества и цены на товары. Особые чиновники следили за организацией торговых кварталов, контролировали государственные сборы. Особенному контролю подвергалась торговля с кочевыми народами, что представлялось компромиссом в обмен на относительную стабильность в регионе. В ханьских округах закупались «*лэйцзинь чжи у* (золотые товары)»: лошади, крупный рогатый скот, кожи и шерсть. Для кочевников же Ханьская империя представлялась как «страна с земледелием и шелковицей» [Там же, с. 16]. Даже в периоды открытых конфликтов торговля показательно приостанавливалась лишь на время, но никогда не навсегда. В хронике «Хоу Хань шу (История Поздней Хань)» в разделе «Кун Фэнь чжуань (Записи Кун Фэня)» говорится: «В то время, когда Поднебесная была в хаосе, только в Хэси было спокойно» [Хоу Хань шу. Кун Фэнь чжуань].



Деревянные таблички *ханьцзяни* династии Хань из округа Дуньхуан (по: [Чжан Цзюньминь, 2000, с. 42]).

На рубеже нового тысячелетия китайское правительство запустило проект экономического развития западных районов КНР. В числе прочих инициатив предполагалось строительство сети высокоскоростных железных дорог и автомагистралей по территории провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Благодаря активным строительным работам на северо-западе Китая вдоль древнего Шелкового пути открыто множество новых памятников, в особенности на территории коридора Хэси и четырех округов, что позволило обогатить представления о функционировании гарнизонов, развитии транспорта и ведении торговли.

Предметом специального исследования являются деревянные дощечки *ханьцзяни* (см. *рисунок*) с нанесенными на них сведениями о торговой, административной, бытовой жизни городов-крепостей северо-запада Ханьской империи. Всего в районе коридора Хэси обнаружено несколько десятков тысяч таких находок. Большинство подобных дощечек найдены в ямах или колодцах, что говорит о том, что ханьская администрация через определенный период времени таким образом избавлялась от более не нужной документации, но не сжигала ее, что, возможно, связано с риском возникновения пожаров от сжигания большого количества дерева и бамбука. В судебнике эпохи Цинь из Шуйхуди упоминается запрет входить в архивы и хранилища, где содержались *ханьцзяни*, с огнем [Ма Цзэнжун, 2018]. Возможно, этот закон распространялся и на отслужившие документы. Первые находки такого типа, около 40 деревянных табличек, были сделаны еще в 1901 г. Аурелем Стейном в Ния в Синьцзяне. С тех пор насчитывается уже более 200 тыс. документов на бамбуковых или деревянных дощечках, найденных по всему Китаю [Tsang Wing Ma, 2020, p. 531]. Наиболее известная коллекция из коридора Хэси происходит из раскопок 1930–1931 гг. шведского археолога Ф. Бергмана. При исследовании руин ханьской стены в Цзюйяне, Внутренняя Монголия, было обнаружено более 10 тыс. деревянных плашек, получивших название «цзюйяньские таблички». Лишь малая часть из них доступна сейчас в Институте археологии и материальной культуры провинции Ганьсу, основная часть коллекции была вывезена на Тайвань и хранится сейчас в Институте истории и филологии Академии Синика в Тайбэе. В основном эти материалы датируются временем среднего – позднего периодов Западной Хань.

Большая часть документов административного содержания (за редким исключением личных писем солдат и должностных лиц) – это списки личного состава, призывников и осужденных; учетные книги различных видов ежедневных административных и воинских задач; подсчеты финансов или товаров; записи о выдаче одежды, хлебных пайков; официальные документы чиновников разного класса; императорские указы [Giele, 2015]. Соответственно, исходя из содержания доступных текстов на деревянных дощечках, очевидно, что, несмотря на проведение «политики открытости» в торговле и дипломатических связях, осуществлялся строгий государственный контроль за объемами экспорта и закупкой товаров за пределами Великой китайской стены приезжающими иностранными купцами.

Административная система в северо-западных округах была устроена иначе, чем в центральных областях. Командующим войсками округа и главой гарнизона города являлся *дувэй*, назначаемый из центра. Под его началом находились несколько командующих *хоу*, ранг которых соответствовал уездным магистратам *сяньлинам* во внутренних регионах. Каждый из *хоу* отвечал за несколько *бу*, подведомственных районов с определенным отрезком линии сторожевых вышек. Параллельно с военной администрацией существовало и сельскохозяйственное ведомство. За курирование сельскохозяйственных работ в гарнизонах отвечал *нунлин* (или *нунчжан*). Основной рабочей силой сельскохозяйственного ведомства являлись солдаты-земледельцы *тяньцзу*. Стандартная «карточка» такого солдата содержит информацию о его имени, возрасте, ранге (*цзюэ*) и месте происхождения (уезд и деревня), например, планка № 514.31A из Цзюйяня: «Солдат-земледелец Чжан У, ранг *гуншу*, из деревни Фань уезда Фугоу округа Хуайян, двадцати семи лет» [Tsang Wing Ma, 2020, p. 533–534]. Хуайнань находился на территории современной провинции Хэнань, то есть данный солдат являлся переселенцем из внутренних районов империи. На службу призывалось мужское население, достигшее возраста 23 лет, однако можно было передать свое место другому человеку за определенную сумму. В качестве примера можно привести табличку 73EJT26:9, где говорится, что «Гао Цяньцю, солдат-земледелец двадцати шести лет, в ранге *шанцзао*, из деревни Цзин уезда Синьпин округа Хуайян нанимает пройти службу вместо себя Ху Бу в возрасте двадцати четырех лет, в ранге *шанцзао,* из деревни Сы уезда Нинпин» [Цзяньшуй Цзиньгуань…, 2013, рис. 70]. Исходя из этого примера и других похожих, можно сделать вывод, что официальная замена могла быть возможна на солдата такого же ранга, происходящего из того же округа.

В округах существовали контрольно-пропускные пункты, проехать через которые можно было только при наличии специальной подорожной грамоты *чжуань*, также существовала почтовая служба, имевшая четыре основные функции: передача официальных документов; обеспечение жильем и питанием путешественников; предоставление средств перевозки; содержание конюшен почтовых лошадей. Подорожные грамоты, выдаваемые иностранцам, позволяли получать бесплатное питание и проживание на таких специальных почтовых станциях Ханьской империи, но строго в пределах обозначенного в *чжуанях* пути. Например, «Два *доу* и четыре *шэна* проса было выдано для трех посланников царства усуней. Ели два раза, каждый – по четыре *шэна* проса. Направились на Запад» [Ху Пиншэн, Чжан Дэфан, 2001, с. 143]. Наибольшее количество почтовых *ханьцзяней* (около 23 тыс.) обнаружено в районе Сюаньцюаня в округе Дуньхуан, где располагалась почтовая станция на рубеже Ханьской империи и Западного края. Наиболее впечатляющими являются свидетельства об иностранных делегациях. Так, например, «из царства Хотан (кит. Юйтянь) прибыло 1 074 делегата» [Tsang Wing Ma, 2020, p. 538]. В записях на 46 табличках из Цзюйяня упоминаются и иностранцы из Западного края, селившиеся в коридоре Хэси. Например, подорожная грамота, найденная в Цзюйяне (№ 334.33), гласит: «Гуншэн Эрцан из Лицянь-Ваньсуй, тридцати лет от роду, ростом семь *чи* и два *цуня*, [лицом] черен, с собой имеет один меч, который уже занесен [в списки], владеет одним экипажем с мулами» [Линь Мэйцунь, 2017, с. 117]. Эта и другие планки свидетельствуют о том, что чернокожие люди селились не только в четырех округах Ганьсу, но и южнее – в центральных землях. Тем не менее нерегламентированные торговые отношения с представителями неханьского населения за пределами округов строго возбранялись, например, запрещалась торговля оружием, железом и другими стратегически важными товарами, в т.ч. и для пользования внутри города. Нарушение закона, самовольный выход из крепости с целью торговли карался смертью, равно как и самовольный въезд на территорию округа для хунну и других кочевых народов. Некоторые дощечки фиксируют количество покинувших крепости лошадей, что было связано с необходимостью обеспечить безопасность и достаточное функционирование города. Существовал запрет на продажу лошадей «ростом выше 5 *чи* и 9 *цуней* (160–165 см), с ровными зубами, что может тянуть более 10 *данней*» [Мэн Фаньхуэй, 2009, с. 17].

Интересно, что торговля и обмен предметов одежды и быта среди ханьского личного состава гарнизона не ограничивались, особенно личной одежды, привезенной из мест происхождения. Множество *ханьцзяней*, свидетельствующих о продаже личной одежды, говорит о масштабах данного явления. Например, планка № 26.1А: «Во второй год Цзяньчжао (37 г. до н.э.) в день Бинсюй високосного месяца Дун Цзыфан, писарь из Цзяцюй купил меховую одежду за 750 монет у солдата гарнизона Инь Вэя. Они соглашаются произвести полную оплату к весне. Свидетель – Ду Цзюньцзюань» [Цзюйянь ханьцзянь, 2014, рис. 78]. Казенная летняя одежда солдат состояла из *си*, халата с подкладом, *даньи* без подклада, зимнего халата *фупао* с поясом, конопляных сандалий и платка [Мэн Фаньхуэй, 2009, с. 19]. Учитывая климатические условия, существовала действительная необходимость в покупке дополнительных предметов одежды.

Личные торговые операции, записи о которых составляют большую часть *ханьцзяней* коридора Хэси, являются свидетельствами существовавшего ценообразования и условий обмена, например: «Восьмилетний желтый бык обошелся за 75 *даней* зерна, был сторгован до 70 *даней* зерна», «пятилетний черный бык был продан за 100 *даней* зерна, но возвращен по причине малого роста», «5000 рыб были отданы за корову и 27 *даней* зерна», «2 *даня* пшеницы проданы за 6 тысяч монет», «10 *цзиней* мяса проданы за 1 *дань* зерна», «продана овчина за 3 тысячи монет». Встречаются *ханьцзяни,* повествующие о крупных операциях, например, об отправке 727 партий хлопка или 294 мотков ткани в Западный край [Там же, с. 30]. Наиболее часто фигурирующими на *ханьцзянях* и соответственно наиболее распространенными товарами являются просо, пшено, ячмень, рис, фасоль, каштаны, говядина, курица, рыба; домашние животные: лошади, крупный рогатый скот, овцы, собаки и др.; также повозки, отдельно колеса и спицы; орудия труда, оружие (только для ханьцев) и т.д.; клей, конопля, кожа, гребни, ксилографические доски, веревки из бамбукового лыка, посуда, кожаные колчаны, клетки для животных и т.д. [Там же, с. 24].

Таким образом, всестороннее изучение деревянных табличек *ханьцзяней* и их соотношение с основными письменными источниками, династийными хрониками эпохи Хань, позволяют реконструировать процессы заселения региона, торговые контакты с кочевыми народами, объемы и видовое разнообразие экспорта и импорта, особенности быта, рацион питания и специфику административного управления на северо-западе Китая на рубеже эр.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Линь Мэйцунь. 15 лекций об археологии Великого шелкового пути. – М.: Шанс, 2017. – 375 с.

Ма Цзэнжун. Ханьдай дифан синчжэн чжун дэ чжифу чжиду (Система чжифу в системе местного управления династии Хань) // Цзяньбо (Дощечка и шелк). – 2018. – № 16. – С. 253–277 (на кит. яз.).

Мэн Фаньхуэй. Ханьдай сибэй бяньди маои яньтао (Исследование торговли на северо-западной границе в Ханьскую эпоху). – Чанчунь: Дунбэй шифань дасюэ, 2009. – 46 с. (на кит. яз.).

Социально-экономические отношения в Ханьской империи во II – I вв. до н.э. // Всемирная история в 10-ти т. / ред. Е.М. Жуков. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. – Т. 2. – С. 490–501.

Хань шу. Цзюань эршиба ся (История династии Хань. Свиток 28, нижняя тетрадь) [Электронный ресурс] // Го сюэ (Синология). – URL: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/hansu/hsu_039.htm (дата обращения: 05.06.2022) (на кит. яз.).

Хоу Хань шу. Кун Фэнь чжуань (История Поздней Хань. Записи Кун Фэня) [Электронный ресурс] // Лиши синьчжи (Новые знания по истории). – URL: https://www.lishixinzhi.com/qz/1561903.html (дата обращения: 05.06.2022) (на кит. яз.).

Ху Пиншэн, Чжан Дэфан. Дуньхуан Сюаньцюань ханьцзянь шицуй (Разъяснение текстов ханьцзяней из Сюаньцюаня в округе Дуньхуан). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2001. – 250 с. (на кит. яз.).

Цзюйянь ханьцзянь (Ханьцзяни из Цюйяня). – Тайбэй: Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо, 2014. – Т. 1. – 306 с. (на кит. яз.).

Цзяньшуй Цзиньгуань ханьцзянь (Ханьцзяни заставы Цзиньгуань в Цзяньшуй). – Шанхай: Чжунси шуцзюй, 2013. – Т. 3. – 481 с. (на кит. яз.).

Чжан Цзюньминь. Дуньхуан Сюаньцюань ханьцзянь ши вэнь сюань (Интерпретация некоторых записей на ханьцзянях из Сюаньцюаня округа Дуньхуан) // Вэньу. – 2000. – № 5. – С. 27–43. (на кит. яз.).

Giele E. Private letter manuscripts from early imperial China // A history of Chinese letters and epistolary culture / ed. A. Richter. – Leiden: Brill, 2015. – P. 403–474.

Tsang Wing Ma. Excavated Texts // Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies. – Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2020. – Vol. 1: Contexts. – P. 529–555.

References

Giele E. Private letter manuscripts from early imperial China. *In A history of Chinese letters and epistolary culture* / ed. A. Richter. Leiden: Brill, 2015. P. 403–474.

Han shu. Juan ershiba xia [Book of Han Dynasty. Vol. 28, later part]. In *Guo xue [Synology]*. URL: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/hansu/hsu_039.htm (Accessed: 05.06.2022) (In Chin.).

Hou Han shu. Kong Fen zhuan [Book of Later Han. Annals of Kong Fen]. In *Lishi xinzhi [New knowledge in history]*. URL: https://www.lishixinzhi.com/qz/1561903.html (Accessed: 05.06.2022) (In Chin.).

Hu Pingsheng, Zhang Defang. Ху Пиншэн, Чжан Дэфан. Dunhuang Xuanquan hanjian shicui [Interpretation of hanjian from Xuanquan in Dunhuang]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2001. 250 p. (In Chin.).

Jianshui Jinguan hanjian [Hanjian of Jinguan in Jianshui]. Shanghai: Zhongxin shuju, 2013. Vol. 3. 481 p. (In Chin.).

Juyan hanjian [Hanjian from Juyan]. Taibei: Zhongyang yanjiuyuan lishi yuyan yanjiusuo, 2014. Vol. 1. 306 p. (In Chin.).

Lin Meicun. 15 lektsiy ob arkheologii Velikogo shelkovogo puti. Moscow: Shans, 2017. 375 p. (In Russ.).

Ma Zengrong. Ма Цзэнжун. Handai defang xingzheng zhong de zhifu zhidu [Zhidu system in the use of local administration of Han period]. *Jianbo [Slip and Silk],* 2018. N 16. P. 253–277. (In Chin.).

Meng Fanhui. Handai xibei biandi maoyi yantao [Investigation of trade on north-western borders in Han Period]. Changchun: Dongbei shifan daxue, 2009. 46 p. (In Chin.).

Tsang Wing Ma. Excavated Texts. In *Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2020. Vol. 1: Contexts. P. 529–555.

Zhang Junmin. Dunhuang Xuanquan hanjian shi wen xuan [Selected Interpretations of Han Slips from Xuanquan in Dunhuang]. Wenwu, 2000. N 5. P. 27–43. (In Chin.).

Zhukov Ye.M. (ed.) Sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya v Khan'skoy imperii vo II–I vv. do n.e. In *Vsemirnaya istoriya v 10-ti t.* Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. Vol. 2. P. 490–501. (In Russ.).

Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0474-0478
УДК 903.02

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

История изучения комплексов по производству ханива периода кофун

Ханива являются особым типом предметов погребального инвентаря, устанавливаемого на курганах периода кофун (III–VII вв. н.э.). Первые ханива, имеющие сходство с погребальными кувшинами на подставках региона Киби, обнаружены на памятниках III в. н.э. юго-западной части преф. Нара. За достаточно короткий срок местные мастера придумали такую форму цилиндрических ханива, которые получили распространение на всей территории бытования культуры кофун. В рамках статьи рассматриваются ключевые этапы изучения производственных площадок японскими исследователями. Целенаправленное исследование мест производства ханива началось в 30-х гг. XX в. с раскопок печей на территории побережья Токийского залива. Во второй половине 1960-х гг. исследования проводились на разновременных производственных площадках региона Канто. Активные раскопки печей и мастерских по производству ханива на территории региона Кинки производились во второй половине 1980-х гг. На сегодняшний день анализ публикаций японских ученых позволяет реконструировать устройство печей и площадок по производству ханива. Печи сооружались на склоне холмов и были двух типов – подземные и полуподземные. Неподалеку располагались мастерские, где изготавливались ханива, а также места для хранения материалов, жилища ремесленников и хозяйственные постройки. На территории архипелага производственные площадки встречаются практически везде, где рядом есть крупные курганы вождей. Но выделялись два района на территории современных преф. Нара и преф. Ибараки, где концентрация производственных площадок выше. Ханива, производимые здесь, отвозили в другие районы для установки на курганах.

Ключевые слова: *ханива, керамическое производство, период кофун, Японский архипелаг.*

I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

History of Research into Haniwa Production Complexes of the Kofun Period

Haniwa are a special type of burial objects set on the mounds of the Kofun period (3rd–7th centuries AD). The earliest haniwa, similar to burial jars on stands from the Kibi region, were found at the sites of the 3rd century A.D. in the southwestern part of Nara Prefecture. Within a short period of time, local craftsmen invented cylindrical haniwa which became widespread almost throughout the entire Japanese archipelago. This article describes key stages in research of haniwa production sites by Japanese scholars. The study of haniwa production complexes began in the 1930s with excavation of furnaces on the coast of Tokyo Bay. In the second half of the 1960s, research was carried out at production sites in the Kanto region. Furnaces and workshops for haniwa production in the Kinki region were actively excavated in the second half of the 1980s. Furnaces for producing haniwa were built on the hillsides and were of two types – underground and semi-underground. Workshops where haniwa were made, warehouses for storing materials and finished products, artisans' dwellings and utility buildings were located nearby. Furnaces for haniwa production have been discovered almost in all locations of large burial mounds of chiefs, but in two areas – the present-day Nara and Ibaraki Prefectures – the number of production complexes was greater. The haniwa made at one of these production complexes have often been found on burial mounds in other regions of the archipelago.

Keywords*: haniwa, ceramic production, Kofun period, Japanese archipelago.*

На памятниках периода кофун, особенно крупных курганах элиты, традиционно устанавливались предметы из глины – ханива. Использование ханива связано исключительно с погребальным обрядом. Время бытования традиции ограничено периодом кофун (III–VII вв. н.э.). Самый многочисленный и наиболее часто встречающийся на погребальных комплексах тип ханива – цилиндрические. Появление первых ханива отмечено на памятниках центральной части острова Хонсю. Первые такие предметы (прототипы классического варианта цилиндрической ханива) встречаются на курганах, датируемых концом II в. н.э., а наиболее поздние экземпляры находят на памятниках начала VII в. н.э. Другие типы, такие как ханива в форме дома, птицы (курицы) и колчана получают распространение со второй половины III в. н.э. и продолжают существовать до начала VII в. н.э. Позднее, в IV в., появляются антропоморфные ханива.

Самые ранние цилиндрические ханива были обнаружены на курганах, датируемых второй половиной III в. н.э., расположенных в преф. Нара. Это курганы Ниситонодзука и Накаямао:дзука (г. Тэнри). Первые цилиндрические ханива, переходный тип от сосудов яёйского типа, представляли собой большие ритуальные сосуды, устанавливаемые на цилиндрические полые подставки. Затем ханива-подставки с сосудами трансформировались в ханива с раструбами. Наиболее ранние ханива с раструбами обнаружены на кургане Хигаситонодзука (г. Тенри, преф. Нара). Здесь также впервые появляются ханива с плавниками [Ниситонодзука…, 2000, с. 57]. Для ранних курганов юго-восточной части преф. Нара ханива были изготовлены на производственных площадках, расположенных неподалеку. В процессе изготовления цилиндрических ханива формирование изделия происходило при помощи отдельных лент, места соединения которых укреплялись защипами. Особенностью ранних цилиндрических ханива является наличие лент в форме узора из дуг и окружностей. Со временем эта традиция утрачивается.

Таким образом, в конце III в. н.э. формируется новое направление в керамическом производстве, и первым районом, где развивалось это направление, стала юго-восточная часть Ямато (юго-восток современной преф. Нара). Цилиндрические ханива, ханива с раструбом и другие виды ранних ханива были изобретены для установки на поверхности крупных курганов вождей в юго-восточной части Ямато в результате заимствования формы сосудов с подставками, распространенных в районе Киби. В дальнейшем различные типы цилиндрических ханива распространились по всей территории бытования традиции погребения в кофунах.

Изготовление ханива, размеры которых могли достигать двухметровой высоты, а количество на одном памятнике 200 экз., требовало наличия доступных источников сырья, с одной стороны, с другой, мастеров, специализирующихся на создании такого типа изделий. В рамках данной статьи планируется осветить комплекс научных публикаций, посвященных изучению стоянок, связанных с производством, обжигом и хранением ханива; проанализировать имеющиеся на сегодняшний день данные, позволяющие выделить отдельные районы, где было сконцентрировано производство ханива для погребальных комплексов, и установить, каким образом было организовано производство данного типа изделий.

В истории изучения памятников периода кофун японскими археологами активно разрабатывались вопросы типологии курганов, ханива, керамики типов хадзи и суэ, погребального инвентаря, а также вопросы периодизации и региональных особенностей устройства кофунов. В меньшей степени и позже по времени исследователи приступили к изучению технологии изготовления ханива, устройству производственных площадок и поселений мастеров, а также к археологическим исследованиям самих стоянок производства ханива.

Одним из первых исследовал печи для изготовления ханива Моримото Рокудзи в 30-х гг. XX в. Ученым проводились раскопки на территории современного г. Токио. Изучались производственные площадки ханива, включающие печи для обжига и места производства ханива. На территории региона Канто производственные комплексы появились позднее, чем в регионе Кинки, в V–VI вв. н.э. В своей работе Р. Моримото пришел к выводам, что изготовлением ханива занимались небольшие специализированные группы, возможно, кланового или семейного типа, и, как и строители курганов, они относились к отдельной категории ремесленников [Моримото Рокудзи, 1930, с. 239].

В дальнейшем исследования производственных площадок региона Канто продолжились. С 1965 по 1968 г. сотрудниками Университета Мэйдзи проводились раскопки на территории производственных площадок, расположенных в пос. Маватари (г. Хитатинака, преф. Ибараки) [О:цука Хацусигэ, Кобаяси Сабуро, 1981]. В целом, в ходе этих и последующих исследований на четырех стоянках, датируемых VI в. н.э., было обнаружено 19 печей, многочисленные мастерские, карьеры, где добывалась глина, мусорные ямы с фрагментами ханива и места расположения жилищ ремесленников. Эти комплексы впервые позволили реконструировать устройство производственных площадок ханива

и структуру поселений, получивших распространение в регионе Канто в V–VI вв. н.э.

В 60-е гг. XX в. итоги полевых работ на производственных площадках и исследования типологии ханива на курганах разных периодов привели японских ученых к выводам о времени появления первых ханива, развитии технологий и их распространении. В 1967 г. исследователи Ёсиро Кондо и Хидэдзи Харунари выдвинули теорию, не потерявшую своей актуальности и в наше время, согласно которой цилиндрические ханива ведут свое происхождение от сосудов на подставках, распространенных в поздний период яёй в качестве ритуальных сосудов, устанавливаемых на погребениях региона Киби (преф. Окаяма) [Кондо Ёсиро, Харунари Хидэдзи, 1967, с. 64].

В 1978 г. Кавaниси Хироюки опубликовал работу, посвященную хронологии появления типов цилиндрических ханива, где выделил пять этапов в развитии технологии изготовления на основе различий в способе изготовления обода и методах обжига [Кавaниси Хироюки, 1978]. Эта работа стала основополагающей в дальнейшей разработке типологии ханива. Для определения этапов автор выделил отдельные параметры, позволяющие отнести ханива к определенному типу, включая следы обжига, форму отверстий, следы орудия для обработки «тела» ханива, форму «пояса».

В 80-е гг. XX в. продолжились работы по уточнению типологических особенностей ханива на разных этапах, а также определения региональной специфики в производстве. В меньшей степени уделялось внимание раскопкам производственных площадок.

Активные археологические исследования производственных площадок ханива проводились в конце 80-х – 90-х гг. XX в. В это время в регионе Кинки проводились раскопки стоянок с печами Сё:нингахара (г. Кидзугава, преф. Киото), Синъикэ (г. Такацуки, преф. Киото), Сугаварахигаси (г. Нара, преф. Нара) и др.

Исследования печей на территории г. Нара, расположенного на севере преф. Нара, включая стоянку Сугаварахигаси и нижние слои восточного участка дворца Хэйдзё показали, что в IV–V вв. здесь активно развивалась технология производства ханива. Предметы местного изготовления устанавливались на курганах группы Саки, где строились крупные квадратно-круглые курганы для правителей раннего Ямато. Японские исследователи считают, что здесь производством ханива, как и керамики хадзики, занимался клан Хадзи, о котором встречается упоминание в Нихонсёки. Во время среднего и позднего этапа периода кофун на производственных площадках, подконтрольных клану Хадзи, изготавливались ханива, поставляемые в разные регионы Японского архипелага. Кроме того, в канавах неподалеку от печей для ханива вместе с фрагментами изделий были обнаружены также фрагменты глиняных гробов (*то:кан*). Вероятно, на площадке Сугаварахигаси также изготавливались и глиняные гробы. На северо-востоке поселка Сугавара расположен могильник Акода с погребениями в небольшом холме, сделанными в форме туннелей, где были обнаружены в большом количестве глиняные гробы и их фрагменты. Возможно, что производство таких гробов было характерной особенностью клана Хадзи [Мурасэ Рику, 2016, с. 11].

Активные археологические раскопки производственных площадок способствовали появлению аналитических работ и развитию полемики относительно роли отдельных регионов в развитии традиции изготовления ханива. К началу XXI в. исследователи на основе изученных памятников выделили районы, где на разных этапах периода кофун изготавливались ханива. Производственные площадки в меньшей степени представлены на острове Кюсю и отсутствуют на Хоккайдо. Встречаются примеры печей, расположенных непосредственно на территории могильников. Но выделяются два района, где производство ханива продолжалось длительное время. На ранних этапах периода кофун таким районом была равнина Нара, где на северо-западе сформировался центр, поставляющий ханива для установки на курганах других регионов. Возможно, этот центр был под контролем клана Хадзи. Площадки на территории побережья залива Исэ (древний регион Токай) использовались для изготовления ханива для крупных курганов этой территории, но также поставлялись в соседние районы (современные префектуры Нара, Киото, Осака и др.) В конце V в. на территории современной преф. Ибараки началось активное строительство производственных площадок и производство ханива. Этот район во второй половине периода кофун становится одним из основных центров изготовления ханива. Первые ханива здесь производились по технологиям и методам, известным в центральной части о. Хонсю, но со временем появились и свои особенные техники местных мастеров [Морита Кацуюки, 2001; Инуки Цутоми, 2001].

Исследования ханива на самих курганах показывают, что для установки использовались не только предметы, изготовленные в ближайшей «мастерской», но и привезенные с других территорий, иногда достаточно удаленных. Например, среди ханива, установленных на кургане Имасиродзука (г. Такацуки, преф. Осака), были обнаружены предметы, выполненные в технике овари, особенность

которой заключается в способе лепки. В технике овари при производстве цилиндрических ханива, после того как была изготовлена первая треть изделия, ханива переворачивались, а затем изготавливалась верхняя часть изделия. Этот способ получил развитие в районе древней провинции Овари (современная преф. Аити) в начале VI в. н.э. [Морита Кацуюки, 2017, с. 23]. Таким образом, для установки на кургане Имасиродзука использовались ханива, не только произведенные на площадке Синъикэ, расположенной неподалеку, но и привезенные с других производственных площадок.

Специализированные комплексы по производству ханива включают площадки с печами, ремесленные мастерские, жилища мастеров, помещения для хранения готовых изделий и мусорные ямы. Как правило, неподалеку расположен и карьер для добычи глины.

Конструкция печей для обжига ханива совершенствовалась по мере развития технологии. На начальном этапе очень короткое время, вероятно, использовались открытые печи. Со временем для обжига ханива стали использовать закрытые печи, получившие распространение вместе с началом производства керамики *суэки* на территории архипелага (керамика типа *суэки* ввозилась с Корейского полуострова, а с начала периода кофун ее производство было налажено и на местной основе). Постепенно стали создаваться специализированные печи для производства ханива. Однако на некоторых памятниках отмечается совместное использование печей и для производства ханива, и для производства керамики *суэки*.

На исследованных производственных площадках выделяется два основных типа печей. Первый – подземные печи, когда в склоне холма выкапывался туннель. Второй тип – полуподземные печи, для которых в склоне холма выкапывалась канава, а потолок сооружался из глины с растительными примесями. Различие между методами строительства подземного и полуподземного типа можно объяснить местными условиями, характером естественного грунта, в котором была построена печь. Но в некоторых случаях прослеживается последовательность применения определенного типа печей. На стоянке Синъике (г. Такацуки, преф. Осака), где на одном склоне было обнаружено 18 печей, датируемых серединой V – серединой VI в., ранние печи имеют подземную структуру, а более поздние – полуподземную [Сэйдзи Исии, 2016, с. 25].

Как правило, для производственных комплексов и групп мастеров характерны свои особенности в технике изготовления ханива. При этом наличие на памятниках ханива, изготовленных в разных регионах, свидетельствует об активных контактах групп ремесленников. Взаимодействие могло осуществляться под руководством единого центра, что позволяло не «простаивать» производству и развозить при необходимости готовые изделия на удаленные курганы.

В истории изучения памятников периода кофун проблема исследования комплексов по производству ханива не получила столь же активного развития как, например, типология ханива или керамики. Однако известные на сегодняшний день результаты показывают, что в период кофун существовали отдельные специализированные поселения, где мастера могли заниматься созданием предметов для ритуальной и духовной сферы.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии»

Список литературы

Инуки Цутоми. Ханива-но санти (Хигаси Нихон) (Районы производства ханива (восточная Япония)) // Кикан ко:когаку (Квартальная археология). – 2001. – № 77. – С. 69–72 (на яп. яз.).

Каваниси Хироюки. Энто:ханива со:рон (Общие замечания по поводу цилиндрических ханива) // Коко:гаку дзасси (Археологический журнал). – 1978. – Т. 64, № 2. – С. 95–164 (на яп. яз.).

Кондо Ёсиро:, Харунари Хидэдзи. Ханива-но кигэн (Происхождение ханива) // Ко:когаку кэнкю: (Археологические исследования). – 1967. – Т. 13, № 3. – С. 13–36 (на яп. яз.).

Моримото Рокудзи. Ханива но сэйсакудзёси оёби камаато (Археологические памятники печей и мастерских для производства ханива) // Коко:гаку (Археология). – 1930. – Т. 1, № 4. – С. 235–239 (на яп. яз.).

Морита Кацуюки. Ханива-но санти (Ниси Нихон) (Районы производства ханива (западная Япония)) // Кикан ко:когаку (Квартальная археология). – 2001. – № 77. – С. 65–68 (на яп. яз.).

Морита Кацуюки. Ёмигаэру дайо:бо. Имасиродзука кофун (Погребения великих вождей. Курган Имасиродзука). – Токио: Синсэнся, 2017. – 96 с. (на яп. яз.).

Мурасэ Рику. Хадзи удзи то ханива (Клан Хадзи и ханива) // Нара-о хору (Исследуя Нара). – Нара: Нара-си майдзо:бункадзай тё:са сэнта, 2016. – С. 10–11 (на яп. яз.).

Ниситонодзука кофун, Хигаситонодзука кофун (Кофун Ниситонодзука, кофун Хигаситонодзука). – Тэнри: Тэнри-си кё:ику иинкай, 2000. – 148 с. (на яп. яз.).

О:цука Хацусигэ, Кобаяси Сабуро:. Ибараки кэн Маватари ни окэру ханивасэйсанато (Производственная площадка ханива в Маватари преф. Ибараки) // Мэйдзи дайгаку бунгакубу кэнкю: хо:коку ко:когаку (Сообщения гуманитарного факультета Университета Мэйдзи. Археология). – 1981. – Т. 6. – 206 с. (на яп. яз.).

Сэйдзи Исии. Кодай сэйсан исэки-но кэнкю: (Исследования древних производственных стоянок). – Киото: Сансэй сиё:дзи инсацу, 2016. – 307 с. (на яп. яз.).

References

Inuki Tsutomi. Haniwa-no sanchi (Higasi Nihon) [Haniwa production areas (Eastern Japan)]. *Kikan ko:kogaku [Quarterly archaeology],* 2001. N 77. P. 69–72. (In Jap.).

Kavanisi Hiroyuki. Ento:haniva so:ron [Cylindrical Haniwa general theory]. *Koko:gaku dzassi [Archaeological J.],* 1978. Vol. 64. N 2. P. 95–164. (In Jap.).

Kondo Yosiro, Harunari Hideji. Haniwa-no kigen [Origin of Haniwa]. *Ko:kogaku kenkyu: [Archaeological research]*, 1967. Vol. 13. N 3. P. 13–36. (In Jap.).

Morimoto Rokuzy. Haniwa-no seisakudzesi oebi kamaato [Factory site and kiln site of Haniwa*]. Koko:gaku [Archaeology]*, 1930. Vol. 1. N 4. P. 235–239. (In Jap.).

Morita Katsuyuki. Yomigaeru daio:bo. Imasirozuka kofun [The revived of Great Tombs. Imashirozuka kofun]. Tokyo: Sinsensya, 2017. 96 p. (In Jap.).

Morita Katsuyuki. Haniwa-no sanchi (Nishi Nihon) [Haniwa production areas (Western Japan)]. *Kikan ko:kogaku [Quarterly archaeology],* 2001. N 77. P. 65–68. (In Jap.).

Murase Riku. Khaji uji to Haniwa [Haji clan and Haniwa]. Nara-o horu [Digging Nara]. Nara: Nara-si maidzo:bunkadzai te:sa senta: [Nara City Buried Cultural Property Research Center], 2016. P. 10–11. (In Jap.).

Nisitonodzuka kofun, Khigasitonodzuka kofun [Kofun Nisitonodzuka, kofun Khigasitonodzuka]. Tenri: Tenri-si ke:iku iinkai [Tenri City Board of Education], 2000. 148 p. (In Jap.).

O:tsuka Hatsusige, Kobayashi Saburo. Ibaraki ken Mavatari ni okeru khanivaseisanato [Haniwa production site in Umato, Ibaraki Prefecture]. *Meiji daigaku bungakubu kenkyu: ho:koku ko:kogaku [Meiji University Faculty of Letters Research Report Archaeology]*, 1981. Vol. 6. 206 p. (In Jap.).

Seidzi Isii. Kodai seysan iseki no kenkyu: [Research on ancient production sites]. Kioto: Sansei sie:dzi insatsu, 2016. 307 p. (In Jap.).

Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0479-0486
УДК 902/904

А.Е. Гришин✉, Ж.В. Марченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: artem-grishin@mail.ru; afrika_77@mail.ru

Первые объекты типа «курган с “усами”» в Кулундинской степи

Публикуются сведения о новых памятниках типа «курган с “усами”», которые являются крупными ритуальными сооружениями древних кочевых скотоводов степной полосы Евразии. Их изучение продолжается почти 100 лет, за это время выдвинуты разные версии культурно-хронологической принадлежности этих объектов – «раннекочевническая» (М.П. Грязнов, М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов и др.) и «раннесредневековая» (А.Х. Маргулан, С.Г. Боталов, И.Э. Любчанский, И.В. Грудочко и др.). На данный момент происходит накопление и обоснование аргументов сторонниками обоих направлений. Сотрудниками ГАУ НСО НПЦ и ИАЭТ СО РАН в 2020–2022 гг. в ходе разведок были обнаружены два первых кургана с «усами» в Кулундинской степи (Карасукский р-н Новосибирской обл.). Расстояние до ближайших подобных объектов в Центральном Казахстане более 300 км. Обнаруженные объекты значительно расширяют основной ареал распространения курганов с «усами» к северо-востоку. Сооружения принадлежат к типам II и III по типологии И.В. Грудочко. В отличие от большинства известных курганов с «усами», обнаруженные памятники сооружены исключительно из грунта, расположены на участках пойменной, периодически затапливаемой террасы. Их сложно обнаружить при пешем осмотре территории (заболоченность участков, интенсивная растительность, слабовыраженный рельеф сооружений). В исследуемом регионе поиск подобных объектов возможен преимущественно с помощью дешифровки космических снимков и результатов аэрофотосъемки. Кроме того, при дешифровке космоснимков предварительно выявлено еще 18 подобных сооружений в долине рек Карасук и Баган. Предлагается объединить данные объекты в новую территориальную группу курганов с «усами» – Северо-Кулундинскую. Планируется натурное обследование этих объектов в ходе серии разведок.

Ключевые слова: *курган с «усами», Кулундинская степь, ранний железный век, раннее Средневековье, кочевые скотоводы, ритуальное сооружение.*

A.E. Grishin✉, Z.V. Marchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: artem-grishin@mail.ru; afrika_77@mail.ru

First Objects of the “Kurgan with ‘Mustache’” Type in the Kulunda Steppe

This article presents the evidence on new burial mounds “with mustache” –large ritual structures left by the ancient nomads inhabiting the Eurasian steppe belt. This type of structures have been studied for almost a hundred years, and various hypotheses on their cultural and chronological attribution have been proposed, including the “early nomadic” (Gryaznov M.P., Kadyrbaev M.K., Beisenov A.Z., and other scholars) and “Early Medieval” attribution (Margulan A.H., Botalov S.G., Lubchansky I.E., Grudochko I.V., and other scholars). So far, there are many well-founded arguments in support of both hypotheses. First two kurgans with “mustache” in the Kulunda steppe (Karasuk District, Novosibirsk Region) were discovered during archaeological survey by the team from the Department for Protection of Archaeological Sites of Novosibirsk Region and Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2020–2022. The nearest distance to similar objects in Central Kazakhstan is over 300 km. The discovered objects significantly expand the area of kurgans with “mustache” to northeast. These structures have been identified as type II and III according to the typology of I.V. Grudochko. As opposed to majority of the known kurgans with “mustache,” the discovered structures were made of soil; they are located on the floodplain and are occasionally flooded. It is difficult to find kurgans with “mustache”

in the Kulunda steppe by surveying on foot due to marshiness of the sites, thick vegetation, and low relief of the structures. Successful search of such objects in this terrain is possible by interpreting satellite images and aerial photography. Thus, after examining satellite images, 18 more kurgans with "mustache" have been tentatively detected in the Karasuk and Bagan River Valleys. These structures can be united into a new local "Northern Kulunda" group; they will be examined in several planned archaeological surveys.

Keywords: *Kurgan with "mustache," Kulunda steppe, Early Iron Age, Early Middle Ages, nomads, ritual structure.*

Изучение курганов с «усами» продолжается уже почти век, и на настоящий момент в разработке и обсуждении находится широкий спектр связанных с ними проблем: определение ареала распространения и выделение территориальных групп, генезис и развитие этой традиции, культурно-хронологическая принадлежность, реконструкция процесса возведения и семантики основных элементов. Почти по каждому из этих вопросов высказаны весьма различные варианты решения. История изучения курганов с «усами» и степень разработки основных вопросов суммированы И.В. Грудочко [2019; 2020, с. 13–31].

Основные характеристики этих ярких археологических комплексов следующие. Курганы с «усами» представляют собой сложный комплекс с одним или несколькими курганами, от которых к востоку сооружались два «уса» – дугообразные протяженные каменные гряды [Грудочко, 2020, с. 47]. Весь комплекс в плане представляет собой своеобразную «клешнеобразную» фигуру. Количество, морфология и взаимное расположение «центральных» насыпей, к которым привязаны гряды, вариабельны, что лежит в основе типологических схем М.А. Кадырбаева [Маргулан и др., 1966, с. 309], А.З. Бейсенова [2017, с. 32, 33], И.Э. Любчанского [2006, с. 306], С.Г. Боталова [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 91] и И.В. Грудочко [2020, с. 47, 48]. Окончания «усов» оформляются особым образом – выкладками, расширениями и т.п. Длина усов на разных объектах весьма варьирует – от 10 до 280 м [Там же, табл. 1].

Известно уже более 600 курганов с «усами» [Там же, с. 130]. Часть из них в разной степени исследована раскопками. Основной ареал распространения курганов с «усами» весьма обширен – от Южного Зауралья до Иртыша – и приурочен к степной зоне. В рамках основного ареала И.В. Грудочко выделил крупные территориальные группы [Там же, с. 38–46]. За границами основного ареала зафиксированы локальные группы и отдельные сооружения в Причерноморье [Комар, 2013], Крыму [Тихомиров, Бытковский, Мульд, 2020], на Нижней Волге [Шилов, 2009] и в северо-западных областях Китая [Грудочко и др., 2020].

Проблема культурно-хронологической принадлежности комплексов находится в стадии обсуждения и выражена в двух основных направлениях: «раннекочевническом» (М.П. Грязнов, М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов и др.) и «раннесредневековом» (А.Х. Маргулан, С.Г. Боталов, И.Э. Любчанский, И.В. Грудочко и др.) [Грудочко, 2020, с. 27–30]. Невозможность однозначной хронологической идентификации курганов с «усами» на настоящий момент связана с тем, что в большинстве центральных насыпей археологический материал отсутствует или весьма скуден, а редкие погребальные комплексы в курганах или отдельные находки в заполнении объектов могут относиться к разным кочевым традициям от раннего железного века (сакские древности) до раннего Средневековья (раннетюркские образования), т.е. к диапазону от середины I тыс. до н.э. до I тыс. н.э. Поэтому обе культурно-хронологические концепции имеют актуальный корпус аргументов и самостоятельно развиваются.

Цель статьи – введение в научный оборот сведений о новых курганах с «усами». Выявленные памятники расширяют ареал распространения этих уникальных крупных археологических объектов на северо-восток, за Иртыш, в северо-западную часть Кулундинской степи (Карасукский р-н Новосибирской обл.).

Кулундинская степь представляет собой древнеозерные, молодые аллювиальные, аллювиально-озерные и гривные равнины с низкими высотными отметками [Николаев, 1978]. Исследуемый участок относится к бассейну р. Карасук, который имеет здесь разветвленную дельту из проток и стариц. Карасук берет начало в восточной части Приобского плато и имеет снеговое и дождевое питание. В западной части река плавно переходит в цепь заболоченных ложбин (урочище Карасук), не доходя до Иртыша 70 км. На исследуемой территории расположено скопление средних и малых по площади, мелких по глубине, пресных и соленых озер (система Чебачьих озер, оз. Мелкое и др.). Благодаря неглубоко залегающим глинистым слоям, характерно заболачивание и засоление почв [Софейков и др., 2002, с. 9]. Выходов каменного сырья в Кулундинской степи нет. До недавнего времени ресурсы Кулунды активно использовались кочевым казахским населением для разведения и выпаса скота (напр.: [Муканов, 1974, с. 76, 108, 112, 154]).

Рис. 1. Местоположение курганов с «усами» в Кулундинской степи (*а*) и граница ареала памятников этого типа в Центральном Казахстане (*б*).

Данный район сравнительно хорошо исследован разведками, в результате которых выявлены в том числе многочисленные курганные могильники [Софейков и др., 2002, прил. 2]. Но на данный момент раскопками изучены только единичные насыпи, что оставляет значительные лакуны в исторической картине Северной Кулунды в эпоху раннего железного века и Средневековья [Там же, с. 36].

О возможном наличии курганов с «усами» в Карасукском р-не нам сообщили наши коллеги, О.В. Софейков и С.В. Колонцов, проводившие здесь разведки в 1990-х и начале 2000-х гг. Но ландшафтная ситуация и специфика этих объектов не позволили им достоверно идентифицировать сооружения именно как курганы с «усами». В 2019–2022 гг. в ходе разведок ГАУ НСО НПЦ и ИАЭТ СО РАН к югу от оз. Мелкое, на пойменных участках в дельте р. Карасук были выявлены, а затем достоверно зафиксированы два первых кургана с «усами» [Сумин, 2020; Марченко, 2022], расположенных друг от друга на расстоянии 6,5 км (рис. 1).

Курганный могильник *Мелкое-13* первоначально зафиксирован В.А. Понырко в 1985 г. как две близкорасположенные курганные насыпи* [Софейков и др., 2002, с. 95, 96]. В 2017 г. памятник был осмотрен А.О. Князевым и определен как ранее известный «архивный» объект Мелкое-13. Но как курган с «усами» объект впервые идентифицирован В.А. Суминым в 2019 г. [2020]. Новый план памятника включал границы с учетом выявленных «усов». Завершение северного «уса» обнаружить не удалось, т.к. он сильно разрушен грунтовой дорогой.

В 2021 г. авторы статьи зафиксировали остатки окончания разрушенного северного «уса» и уточ-

*Описание памятника и ориентиров, представленные В.А. Понырко, в определенной мере противоречат топографической ситуации. Это не позволило О.В. Софейкову и Д.А. Ануфриеву обнаружить объект при инвентаризации в 1998 г. и 2011 г. В.А. Сумин объясняет неточности первоначального плана влиянием ЛЭП, проходящей по памятнику, на показания магнитного компаса. На наш взгляд, не все неточности первоначального плана можно объяснить этим обстоятельством. Остается вероятность, что «архивный» объект Мелкое-13, выявленный в 1985 г., так пока и не обнаружен вновь.

нили границы объекта [Марченко, 2022]. Это стало возможно, т. к. на момент разведки (октябрь) вся территория была выкошена. Кроме того, шурфом была изучена «фоновая» стратиграфия участка, непосредственно примыкающего к сооружениям, и была проведена аэрофотосъемка с помощью БПЛА.

Объект расположен в 3,8 км к СВ от аула Стеклянный на пойменной террасе правого берега Карасука, в 0,1 км к северу от берега, в 0,8 км к ВЮВ от впадения реки в заболоченное урочище оз. Мелкое.

Сооружения комплекса грунтовые, «усы» вытянуты по линии запад – восток (рис. 2). В западной части расположены две отдельно стоящие насыпи (кург. 1 и 3), и площадка, ограниченная рвом и валом. Эти три объекта образуют основу ансамбля. Можно предположить, что площадка является более поздним сооружением, т.к. «втиснута» между кург. 3 и началом северного «уса» (кург. 4), а также имеет иной характер растительности. Окончания «усов» выглядят как выположенные всхолмления.

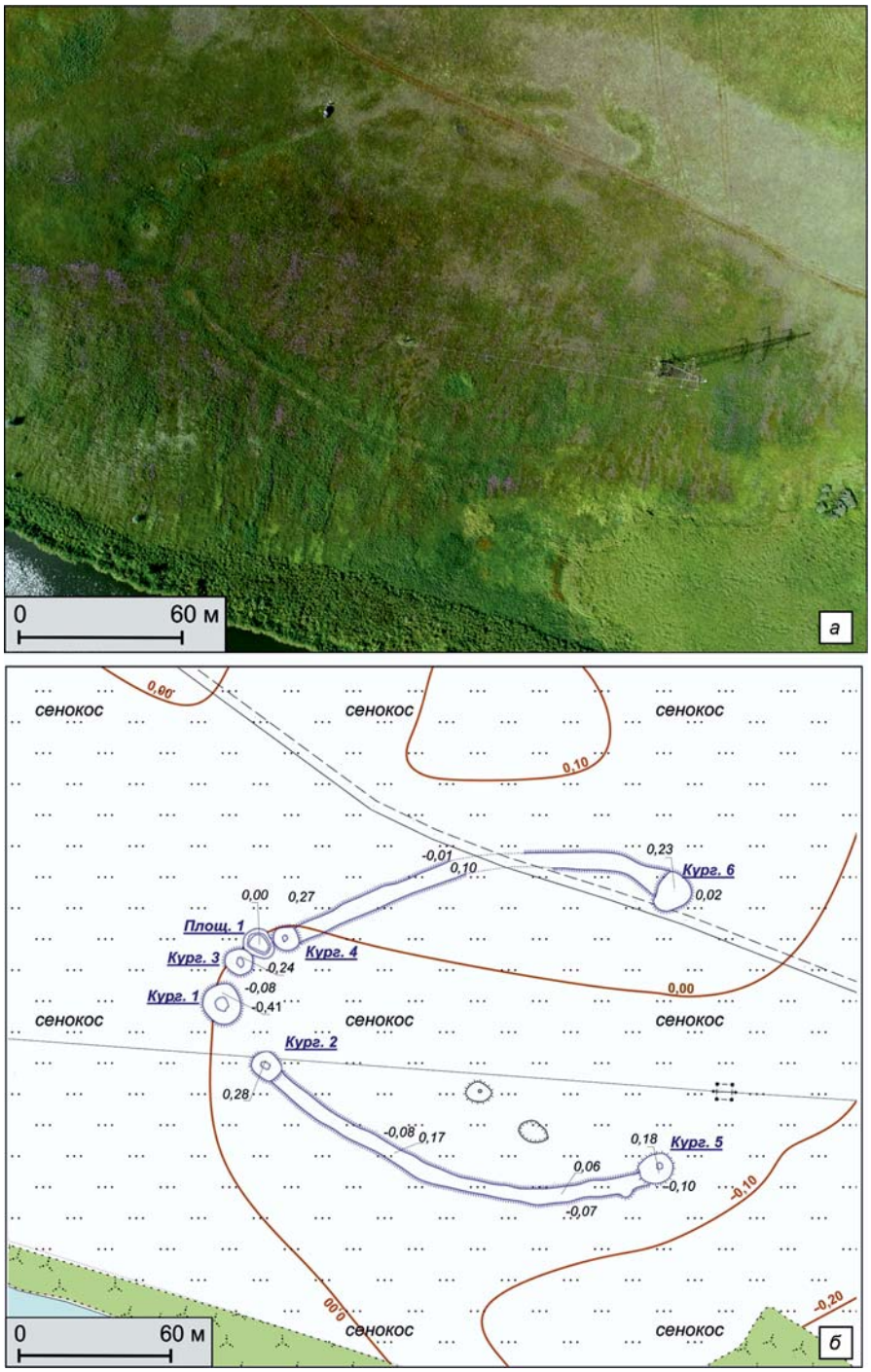


Рис. 2. Съемка с БПЛА (*а*) (июль 2021 г.) и топографический план (*б*) кургана с «усами» Мелкое-13.

Все они (кроме кург. 6) имеют западины по центру (нарушение?). Возможно, кург. 6 также имел подобное понижение в центре, однако его следы были полностью снивелированы грунтовой дорогой. Поверхность покрыта луговой растительностью и регулярно выкашивается. Находок на территории памятника не обнаружено.

Общая длина сооружения – 190–191 м, максимальная ширина – 140 м. Внутреннее пространство между рвами имеет площадь 16 800 м^2.

Курган 1 (большой) имеет овальный контур, размер 16,3 × 14,5 м и высоту 0,57 м. Западина по центру размером 5 × 4,5 м и глубиной 0,29 м.

Курган 3 (малый) имеет округлый контур, размер 10,9 × 10,4 м и высоту 0,33 м. Западина по центру диаметром 3,6 м и глубиной 0,07 м.

Площадка имеет подтрапециевидный контур, ровная, огорожена небольшими рвом и валом, имеет размеры 12,3 × 10,5 м (по внешней стороне рва). Ширина рва 0,7 м, глубина – 0,2 м, высота вала – до 0,1 м.

Северный «ус» оканчивается кург. 4 и 6, имеет длину 161–162 м по гребню вала между центрами этих насыпей и расстояние между этими точками по прямой – 155–156 м. Центральная часть «уса» полностью уничтожена дорогой, и он фиксируется только в виде более однородной разреженной растительности (типчак). *Курган 4* (западное окончание) имеет округлый контур, диаметр 10 м и высоту 0,35 м. Западина по центру размером 2,7 × 1,8 м и глубиной 0,18 м. *Курган 6* (восточное окончание) имеет овальную форму, размер 15,4 × 12,7 м, высоту 0,21 м. Насыпь сильно изменена грунтовой дорогой.

Южный «ус» оканчивается насыпями 2 и 5. Имеет длину 170–171 м по гребню между центрами этих насыпей и расстояние между этими точками по прямой – 159–160 м. *Курган 2* (западное окончание) имеет овальный контур, размер 11,8 × 10 м и высоту 0,38 м. По центру западина размером 3,6 × 4,2 м и глубиной 0,1 м. *Курган 5* (восточное окончание) имеет овальный контур, размер 13,6 × 11,8 м, высоту 0,28 м. Имеет по центру западину диаметром 2,7 м и глубиной 0,18 м.

Высота обоих «усов» уменьшается по направлению запад – восток: северный «ус» – 0,23–0,1 м; южный – 0,28–0,13 м. Переход «усов» в курганы плавный.

Шурф, заложенный к югу от южного «уса», продемонстрировал естественный генезис слоев, характерных для высокой поймы – луговые, влажноватые, засоленные глинистые почвы.

Памятник *Грамотино-1* выявлен авторами статьи в результате расшифровки космоснимков и обследован в ходе разведки в 2022 г. Курган с «усами» расположен на низкой, периодически подтапливаемой площадке, в 0,25 км к СВ от болота Кротово, в 2,1 км к Ю от современного русла Карасука, в 4,5 км к ВСВ от п. Грамотино.

Все сооружения комплекса грунтовые. Общая ориентировка северо-запад – юго-восток. В северо-западной части расположены два сильно выположенных возвышения (курганы – объекты 1 и 2), образующие основу ансамбля. От «усов» сохранились только окончания в виде сильно оплывших возвышений. Средние участки «усов» практически не выделяются на поверхности и распознаются только на космоснимках по неравномерности солевых отложений на поверхности и по перепаду высот при малом «шаге» нивелировки. Западины на большинстве объектов достоверно не прослеживаются, сами возвышения сильно выположены. Находок на памятнике не обнаружено.

Территория покрыта луговой растительностью, характерной для солонцеватых почв, выделяются кочки, используется под пастбище. Памятник пересекают многочисленные тропы животных, хорошо выраженные на увлажненном и пластичном грунте. Они часто «разрезают» валы до основания, а также деформируют поверхность «курганов».

Общая длина сооружения – 145 м, максимальная ширина – 115–116 м. Площадь внутреннего пространства между рвами – более 116 000 м^2.

Объект 1 (*большой курган) имеет округлый контур, размеры 13,5 × 12,5 м и высоту не более 0,3 м.

Объект 2 (малый курган) имеет округлый контур, размер 13 × 11 м и высоту 0,32 м. По центру небольшое округлое углубление, диаметром до 0,3 м глубиной не более 0,1 м.

Северный вал (объект 3) оканчивается округлыми объектами 3-1 и 3-2. Вал имеет длину по гребню (между центрами насыпей) 131–132 м и расстояние между этими точками по прямой – 125–126 м. Максимальная высота вала достигает всего 0,11 м. Центральная часть северного вала полностью снивелирована. *Объект 3-1* (западное окончание) имеет овальный контур, размер 13 × 11 м и высоту до 0,24 м. *Объект 3-2* (восточное окончание) имеет неправильный скругленный контур, размеры 8 × 6 м и высоту до 0,15 м.

Южный вал (объект 4) оканчивается округлыми объектами 4-1 и 4-2. Вал имеет длину по гребню (между центрами этих возвышений) 135–136 м, расстояние между этими точками по прямой – 127–128 м. Максимальная высота – 0,12 м. *Объект 4-1*

---

*При полевой фиксации выявляемые структуры, как нам представляется, целесообразно называть «объектами» чтобы максимально минимизировать интерпретацию (погребальные курганы, ритуальные насыпи, каменные выкладки и т.п.). «Усы» в грунтовом исполнении мы называем валами, а не грядами.

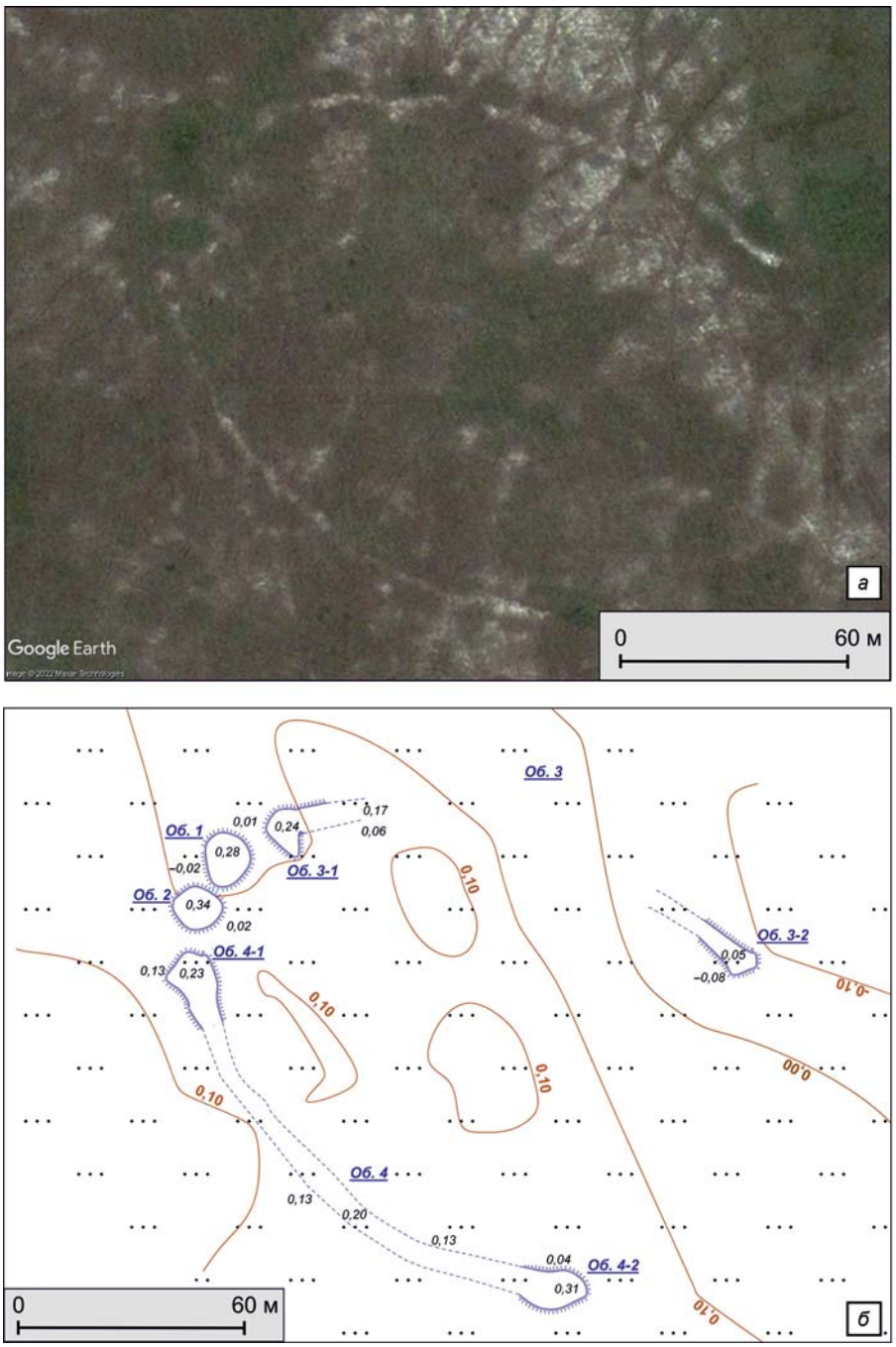


Рис. 3. Космоснимок Google Earth (дата съемки 09.07.2009) (*а*) и топографический план кургана с «усами» Грамотино-1 (*б*).

(западное окончание) имеет овальный контур, размер 11 × 11 м и высоту до 0,19 м. *Объект 4-2* (восточное окончание) имеет неправильный скругленный контур, размер 10 × 10 м и высоту 0,18 м.

Очевидно, что морфология и размеры кулундинских памятников однозначно указывают на их абсолютное сходство с объектами типа «курганы с “усами”» Урало-Казахстанских степей. Как и большинство сооружений основного ареала, оба объекта ориентированы в широтном направлении. Кулундинские объекты весьма удалены (300–320 км) от ближайших концентраций курганов с «усами», расположенных к западу от Иртыша, в Казахстане (см. рис. 1) – на р. Шидерты (Шідерті) и в районе с. Майкаин (Майқайың) (группа памятников Экибастуз-Карагандинской провинции в рамках большой Центрально-Казахстанской группы V [Грудочко, 2020, с. 39]).

По типологии И.В. Грудочко, Грамотино-1 относится к типу II (два центральных кургана), а Мелкое-13 – к типу III (два центральных сооружения и площадка (если ее учитывать). Отметим,

что комплексы типа III являются наиболее сложными и редкими.

Площадку на Мелком-13, обособленную рвом и валом, можно предварительно сопоставить как с центральными сооружениями в виде каменных оград, так и с ровиками, зафиксированными под насыпями некоторых курганов. Разрушенная каменная ограда, по мнению ряда исследователей, присутствует на памятниках Кызыл-Жар, Гордищенское IX, Солончанка IX, Новокондуровский I, Новоактюбинский I, Медес, Атасу-2, Каргалы-II, Селенташ, Султантемировский, Унирек, Суходол, Коктал [Грудочко, 2020, с. 54, 55, 60–62 и др.]. Ровик, но разомкнутый, обнаружен под насыпями комплексов Рымниковский, Новоактюбинский I, Кайнсай, Селенташ [Там же, с. 61–64 и др.]. Может быть, на площадке Мелкого-13 не был проведен весь цикл ритуальных действий, и финальное сооружение не было возведено, а возможно, так выглядят остатки ограды из дерева и грунта, а не из камня.

Основное отличие кулундинских объектов типа «курган с “усами”» – это их возведение из грунта, т.к. выходы камня в регионе отсутствуют. В небольшом количестве грунтовые конструкции с «усами» известны только в Зауралье [Грудочко, 2020, с. 72].

Второе отличие – это расположение памятников на подтапливаемых пойменных участках (высота 1–2 м над урезом воды). С этой особенностью расположения связаны и сложности их выявления. Курганные могильники в Северной Кулунде в целом тяготеют к выраженным террасам и гривам (высота до 8–10 м) [Софейков и др., 2002]. И, следовательно, археологический поиск до последнего времени был направлен на эти возвышенные формы рельефа. Кроме того, периодическое подтопление и заболоченность поймы Карасука не делают данные участки легко и всегда доступными. Выявление в ходе пешей разведки этих объектов в пойме осложнено слабой выраженностью их в рельефе и густым травяным покровом (если растения не выкашиваются или регулярно не поедаются скотом).

Таким образом, в ходе пешей разведки обнаружить курганы с «усами», идентифицировать тип памятника и оценить его протяженность весьма затруднительно. Тем не менее, памятник Мелкое-13 расположен у озера, вокруг которого находится концентрация многочисленных разновременных объектов, что и привело, в конце концов, к его обнаружению в ходе пешей разведки, хотя его верная идентификация затянулась. На наш взгляд, при выявлении таких объектов в дельте Карасука следует ориентироваться на дешифровку космоснимков и аэрофотоснимков с БПЛА. Эти разведочные инструменты сейчас доступны и с успехом применяются исследователями для фиксации курганов с «усами» в границах основного ареала [Грудочко, 2020, с. 130]. Данный подход уже дал хороший результат и в Северной Кулунде. Кроме описанных памятников нами в лабораторных условиях предварительно зафиксированы еще 18 (!) объектов типа «курган с “усами”» в районе дельты Карасука и в долине р. Баган. Авторским коллективом запланировано их натурное обследование и фиксация в ходе серии разведок в ближайшее время.

Третье отличие – кулундинские объекты не находятся на территории курганных могильников, как многие аналогичные памятники в границах основного ареала.

Таким образом, к востоку от Иртыша зафиксированы первые курганы с «усами» и уже в скором времени можно ожидать выделение особой, Северо-Кулундинской группы памятников, достаточно отдаленной от основного ареала распространения объектов такого типа. Можно предполагать, что дальнейшее полевое изучение этой изолированной группы поможет в реконструкции структуры типологического разнообразия этих впечатляющих памятников, свидетельств ритуальной деятельности древних скотоводов.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Благодарим С.В. Колонцова, О.В. Софейкова и В.А. Сумина за устные сведения и за возможность работать с неопубликованными данными. Благодарим С.А. Борисенко за аэрофотосъемку Мелкого-13 с помощью БПЛА.

Список литературы

Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. – Алматы: Науч. центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 31–37.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. филиал ИиИА УрО РАН, 2006. – 232 с.

Грудочко И.В. Курганы с «усами» как ритуальные комплексы кочевников урало-казахстанских степей IV–VII вв. н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2019. – 34. с.

Грудочко И.В. Курганы с «усами». Эпоха поздней Древности и раннего Средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). – Budapest: Pauker Nyomdaipari Kft., 2020. – 356 с.

Грудочко И.В., Минлигареев Н.И., Мотовилов А.М., Станишевская С.С. Курганы с «усами» Синь-

цзян-Уйгурского автономного района КНР // Наука Юж.-Урал. гос. ун-та. – Челябинск: Изд. центр Юж.-Урал. гос. ун-та, 2020. – С. 246–253.

Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: Изд. центр Юж.-Урал. гос. ун-та, 2013. – С. 88–109.

Любчанский И.Э. Курганы с «усами»: типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 386–408.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.

Марченко Ж.В. Научный отчет об археологической разведке в Карасукском районе Новосибирской области в 2021 году / Архив ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2022.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 215 с.

Николаев В.А. Рельеф // Новосибирская область. Природа и ресурсы. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 5–25.

Софейков О.В., Колонцов С.В., Бородовский А.П., Ануфриев Д.Е., Кравцов Ю.В. Археологические памятники Карасукского района Новосибирской области. – Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2002. – 176 с.

Сумин В.А. Отчет об археологических разведках и мониторинге состояния объектов археологического наследия на территории Новосибирской области в 2020 году (Болотнинский, Доволенский, Искитимский, Карасукский, Каргатский, Колыванский, Коченевский, Кочковский, Куйбышевский, Кыштовский, Новосибирский (включая г. Новосибирск), Ордынский, Татарский, Чановский и Чулымский районы) / Архив ГАУ НСО НПЦ. – Новосибирск, 2020.

Тихомиров В.А., Бытковский О.Ф., Мульд С.А. Курган с «усами» Северное-1 в Белогорском районе Республики Крым и поиски аналогий в Зауралье и Казахстане // История и археология Крыма. – 2020. – № 12. – С. 83–100.

Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. – Элиста: Герел, 2009. – 304 с.

References

Beisenov A.Z. Barrows with a “mustache” of Central Kazakhstan. In *Arheologicheskoe nasledie Central’nogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie*. Almaty: Begazy-Tasmola Publ., 2017. Vol. 2. P. 31–37. (In Russ.).

Botalov S.G., Tairov A.D., Lubchansky I.E. Barrows with a “mustache” of the Ural and Kazakhstan steppes. Chelyabinsk: South-Ural branch of IHA UrB RAS Publ., 2006. 232 p. (In Russ.).

Grudochko I.V. Kurgany s “usami” kak ritual’nye kompleksy kochevnikov uralo-kazahstanskih stepej IV–VII vv. n. je.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kazan, 2019. 34. p. (In Russ.).

Grudochko I.V. Kurgans with a “mustache” – The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes (4th–7th AD). Budapest: Pauker Nyomdaipari Kft. Publ., 2020. 356 p. (In Russ.).

Grudochko I.V., Minligareev N.I., Motovilov A.M., Stanishevskaja S.S. Kurgany s “usami” Sin’czjan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona KNR. In *Nauka Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta*. Chelyabinsk: SU State Univ. Press., 2020. P. 246–253. (In Russ.).

Komar A.V. Makartet complex and ritual monuments of the Hun Epoch. In *Hun forum. Origin and identifications Problems of the Eurasion Huns Culture*. Chelyabinsk: SU State Univ Press., 2013. P. 88–109. (In Russ.).

Lubchansky I.E. Kurgany s “usami”: tipologija i hronologija. In *Arhaeology of the South Urals Steppes*. Chelyabinsk: Rifej, 2006. P. 386–408. (In Russ.).

Marchenko Z.V. Nauchnyj otchet ob arheologicheskoj razvedke v Karasukskom rajone Novosibirskoj oblasti v 2021 godu. Arhiv IAET SB RAS. Novosibirsk, 2022. (In Russ.).

Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnjaja kul’tura Central’nogo Kazahstana. Alma-Ata: Nauka, 1966. P. 303–433.

Mukanov M.S. Jetnicheskij sostav i rasselenie kazahov Srednego Zhuza. Alma-Ata: Nauka, 1974. 215 p. (In Russ.).

Nikolaev V.A. Rel’ef. In *Novosibirskaja oblast’. Priroda i resursy.* Novosibirsk: Nauka, 1978. P. 5–25. (In Russ.).

Shilov V.P. Drevnie skotovody kalmyckih stepej. Elista: Gerel, 2009. 304 p. (In Russ.).

Sofejkov O.V., Koloncov S.V., Borodovskij A.P., Anufriev D.E., Kravcov Ju.V. Arheologicheskie pamjatniki Karasukskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Novosibirsk: GAU NSO NPC Publ., 2002. 176 p. (In Russ.).

Sumin V.A. Otchet ob arheologicheskih razvedkah i monitoringe sostojanija objektov arheologicheskogo nasledija na territorii Novosibirskoj oblasti v 2020 godu (Bolotninskij, Dovolenskij, Iskitimskij, Karasukskij, Kargatskij, Kolyvanskij, Kochenjovskij, Kochkovskij, Kujbyshevskij, Kyshtovskij, Novosibirskij (vkljuchaja g. Novosibirsk), Ordynskij, Tatarskij, Chanovskij i Chulymskij rajony). Arhiv GAU NSO NPC. Novosibirsk, 2020. (In Russ.).

Tikhomirov V.A., Bytkovskii O.F., Mul’d S.A. A “Moustached” barrow Severnoe-1 in the Belogorsk district of the Republic of the Crimea and the search for analogies in the Trans-Urals area und Kazakhstan. *History and archaeology of the Crimea,* 2020. N 12. P. 83–100. (In Russ.).

Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-227
Марченко Ж.В. https://orcid.org/0000-0002-4729-8575

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0487-0495
УДК 903.05

Р.В. Давыдов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: puer-viro@mail.ru

Апробация методов статистики для определения авторства в металлообрабатывающем производстве (по материалам торевтики из могильника аскизской культуры Большой Телек)

В статье представлены результаты апробации методики установления авторства в металлообработке на базе методов статистики. Проверена эффективность методики применительно к материалам кочевых культур Южной Сибири. Ее основу составляет концепция микростиля – индивидуальной манеры работы ремесленника, складывающейся из осознанного выбора и автоматизированных (неосознанных) действий. Рассмотрен частный случай анализа признаков автоматизированных действий для железных предметов торевтики малых форм из коллективного погребения в кург. 1 могильника аскизской культуры Большой Телек (42 экз.). Выявлено пять признаков, характеризующих параметры технических и декоративных элементов изделий (размер, густота и наклон технических насечек, размер и форма декоративных выпилов). Для выяснения зависимости признаков от действий исполнителей выполнена серия экспериментов. Они включали базовые операции по изготовлению технических и декоративных элементов, свойства которых учитывались при исследовании. Установлено, что железные предметы торевтики малых форм из кург. 1 включают изделия двух ремесленников. Различия между ними заключаются в манере удержания инструмента, силе удара, скорости работы и выборе технических элементов. Ремесленники работали в одной мастерской, о чем свидетельствует наличие у обоих исполнителей изделий, выполненных одинаковыми штампами. Классификация приемов формообразования и орнаментации по сложности исполнения позволила охарактеризовать уровень квалификации ремесленников как сравнительно одинаковый. При этом оба исполнителя обладали достаточным уровнем мастерства, чтобы выполнять сложные элементы (растительный орнамент, чеканка). В результате проведенного исследования доказана эффективность методики применительно к материалам средневековых кочевников Южной Сибири. Дальнейшее развитие метода должно быть направлено на проверку его эффективности в масштабе сравнения изделий из различных памятников и районов.

Ключевые слова: *аскизская культура, енисейские кыргызы, металлообработка, торевтика, методы статистики, микростиль.*

R.V. Davydov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: puer-viro@mail.ru

Tests of Statistical Methods on Identifying Authorship in Metalworking (Based on Toreutics from the Bolshoi Telek Burial Ground of the Askiz Culture)

This article presents the results of testing the methods for identifying the authorship in metalworking using statistics. Effectiveness of the methodology, which is based on the concept of microstyle – individual style of an artisan, consisting of his conscious choice and automated actions – was tested on the evidence of the nomadic cultures from Southern Siberia. A case of detecting the signs of automated actions for iron toreutics of minor forms from a collective burial in mound 1 at the Bolshoi

Telek burial ground of the Askiz culture (42 items) was analyzed. Five features which distinguish the parameters of technical and decorative elements on the objects (size, density and inclination of technical notches, size and shape of decorative cuts) have been identified. A number of experiments were aimed at establishing dependence of specific features on the actions of the performers. These features included basic operations for manufacturing technical and decorative elements, the properties of which were taken into account in the study. It has been established that objects of iron toreutics of minor forms from burial mound 1 included the products of two artisans differing in the manner of holding the tools, force of impact, speed of work, and choice of technical elements. These artisans worked in the same workshop, which is confirmed by the presence of products made by the same stamps by both artisans. Classification of shaping and decorating techniques according to the complexity of execution has made it possible to evaluate the skill level of the artisans, which was relatively the same. Both artisans had sufficient skills to produce sophisticated elements (vegetative ornamentation, chasing).The study has revealed the effectiveness of the methodology as applied to the evidence left by the Medieval nomads of Southern Siberia. Further development of the methodology should be aimed at testing its effectiveness by comparing the items from different sites and regions.

Keywords: *Askiz culture, Yenisei Kyrgyz, metalworking, toreutics, statistics, microstyle.*

Введение

Реконструкция ремесленной среды является одной из ключевых задач в исследованиях древних производств, в том числе металлообработки. Условия работы, характеристики мастерских, особенности логистики влияют на уровень технологий, формирование и преемственность традиций, технические решения и т.д. Источниками для подобных исследований являются в первую очередь мастерские и производственные площадки [Леньков, 1974]. Однако, в силу специфики культурно-хозяйственного типа, они не всегда фиксируются в археологическом материале в достаточном объеме. Существенные данные о древних мастерах также содержит кузнечный и ювелирный инструментарий, но его информативность существенно снижается вне контекста [Зиняков, 1988, с. 126–128]. Продукция ремесленников является наиболее перспективной категорией источников, содержащей сведения не только о металлообрабатывающих технологиях, но и о характере ремесленной среды, в которой изготовлены вещи. Одним из направлений в данной области выступает определение авторства изделий, что в перспективе позволит определять мобильность продукции, размеры мастерских, преемственность в локальных центрах и пр. [Nørgaard, 2018]. Подобные сведения, ввиду массовости данных, могут быть получены исключительно на основе методов статистики.

Целью данной работы является апробация методики определения авторства в металлообрабатывающем производстве на базе методов статистики и трасологического анализа. В качестве источников использованы средневековые предметы торевтики из могильника аскизской культуры Большой Телек.

Материалы и методы

В основу работы легли методики ряда зарубежных авторов, среди которых следует выделить М.Дж. Куиперса и Х. Норгаард, которыми разработаны способы определения авторства и уровня квалификации ремесленников в области металлообработки бронзового века [Kuijpers, 2017; Nørgaard, 2018].

Ключевым тезисом обоих исследователей является утверждение, что в изделии отражены индивидуальные особенности ремесленника. Так Майкл Куиперс на основе методов классификации выделил исполнителей различной квалификации, учитывая технические решения на разных этапах технологической цепочки и качество их исполнения [Kuijpers, 2017]. Хейне Норгаард с использованием методов статистики разработана детальная концепция микростиля – индивидуального стиля ремесленника, который складывается из культурных (технологической школы, моды, эстетических предпочтений общества) и личных (персональные предпочтения, рабочий опыт, навык, автоматические действия) особенностей [Nørgaard, 2018, p. 253–256].

Подход с выделением микростилей весьма актуален при исследовании металлообработки в средневековых культурах номадов Южной Сибири, где, в силу кочевого хозяйства населения, не выявлены кузнечные и ювелирные мастерские. В то же время, такой массовый материал, как торевтика малых форм, позволяет производить статистическую обработку данных не только на уровне регионов, но и в рамках отдельных закрытых комплексов.

В работе исследованы изделия из коллективного погребения в кург. 1 могильника Большой Телек. Могильник расположен в Идринском р-не Красноярского края. Его предметный комплекс и конструкция изученного кургана позволяют датировать памятник монгольским временем (XII–XIII вв., черновский период по И.Л. Кызласову) [Кызласов, 1983, с. 54; Скобелев и др., 2017]. Всего в погребении обнаружено 110 изделий и фрагментов, которые могут быть отнесены к предметам торевтики малых форм. Из них достаточную сохранность и полноту признаков для статистической обработ-

ки имеют 42 экз. В эту выборку включены: бляхи (двурогие, круглые и галочковидные), ременные наконечники (цельные и шарнирные), обкладки седла, пряжка рамчатая и фалар (рис. 1). Все предметы орнаментированы. Они выполнены из железа и инкрустированы серебряной фольгой, которая фиксировалась на покрытой насечками поверхности [Давыдов, 2021].

Первоначально для каждого изделия измерены ключевые параметры, отражающие стилистические особенности, форму и характеристики технических элементов. Полученные морфометрические характеристики были проанализированы параметрическими и непараметрическими методами статистики. Основным выбран метод главных компонент (PCA) – метод снижения размерности данных путем формирования главных компонент, вычисляемых путем группировки векторов по направлениям максимальных дисперсий [Орлов, 2004, с. 301–302; Шалагина и др., 2020, с. 347–348]. Для проверки значимости разницы отдельных признаков между группами применялись тесты по параметрическому Т-критерию Стьюдента (t-test для нормального распределения данных) и по непарамтерическому

Рис. 1. Основные типы железных предметов торевтики из могильника Большой Телек.
1–3 – бляхи; *4* – пряжка рамчатая; *5* – обкладка седла; *6*, *7* – ременные наконечники; *8* – фалар.

U-критерию Манна – Уитни (Mann–Whitney U-test для ненормального распределения данных). Проверка нормальности распределения значений параметров производилась с помощью теста Шапиро – Уилка (Shapiro-Wilk W). Показания p указаны по методу Монте-Карло (статистических испытаний) [Орлов, 2004, с. 158, 257; Шелонцев, Шелонцева, 2016, с. 16]. Статистически анализ выполнен в специализированном программном обеспечении Past4т (PAleontological STatistics) [Hammer, Harper, Ryan, 2001].

Каждый исследованный методами статистического анализа признак был охарактеризован в плане его зависимости от действий ремесленника. Выполнена серия экспериментов, изготовлено 44 эталона. Эксперименты включали базовые операции по изготовлению технических и декоративных элементов, характеристики которых учитывались при исследовании. В зависимости от типа элемента принимались во внимание: время совершения операции, инструментарий, манера удержания орудия и заготовки, температура заготовки (рис. 2).

Морфометрические характеристики эталонов были проанализированы, в зависимости от нормальности распределения значений, по Т-критерию Стьюдента (t-test) или по U-критерию Манна –Уитни (Mann–Whitney U test). Полученные данные позволили установить зависимость исследуемых признаков от действий исполнителя (скорости работы, манеры удержания орудия – хвата, температуры заготовки).

В результате исследования выявлено и охарактеризовано пять признаков.

Признак 1. Размер насечек, которые наносились на поверхность изделий для крепления серебряной фольги при помощи резца. На каждом из предметов выявлено от 5 до 60 насечек, в зависимости от типа и размера. Измерялась площадь квадра-

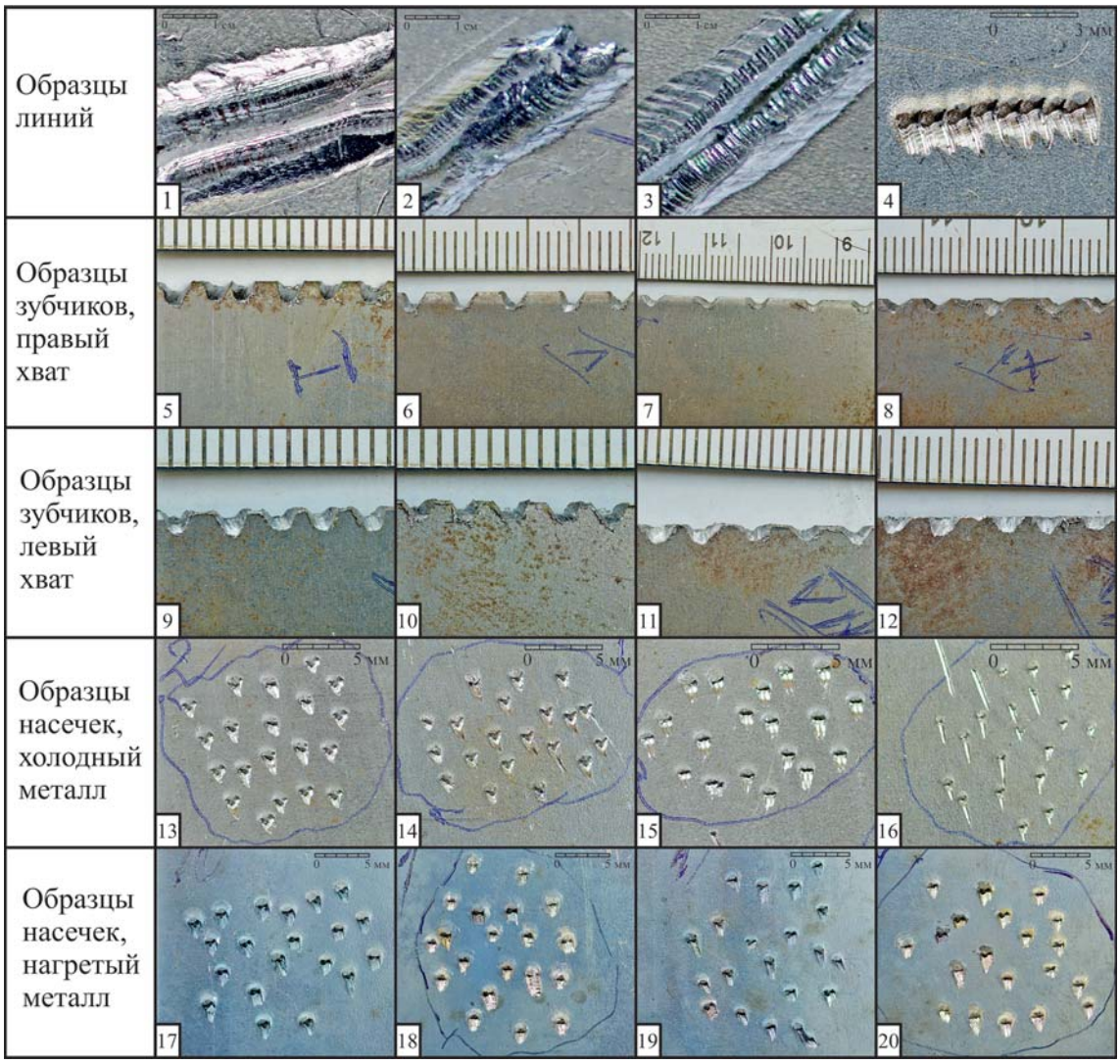


Рис. 2. Экспериментальные эталоны.

та, в который вписана выступающая часть насечки. Для каждого изделия проведено до 10 замеров, после чего высчитано среднее значение (от 0,3 до 1,1 мм^2). Для проверки зависимости размера насечек от действий ремесленника выполнено 14 экспериментальных эталонов (по 20 насечек в каждом) по горячему и холодному металлу, на время и без спешки, с удержанием инструмента левой и правой рукой (рис. 2, *13–20*). Установлено, что размер насечек (как длина, так и ширина) зависит от температуры металла и манеры удержания инструмента (хвата) (рис. 3, *А*). Сравнение проведено по U-критерию Манна – Уитни (в группах данных отсутствует нормальное распределение, по тесту Шапиро – Уилка

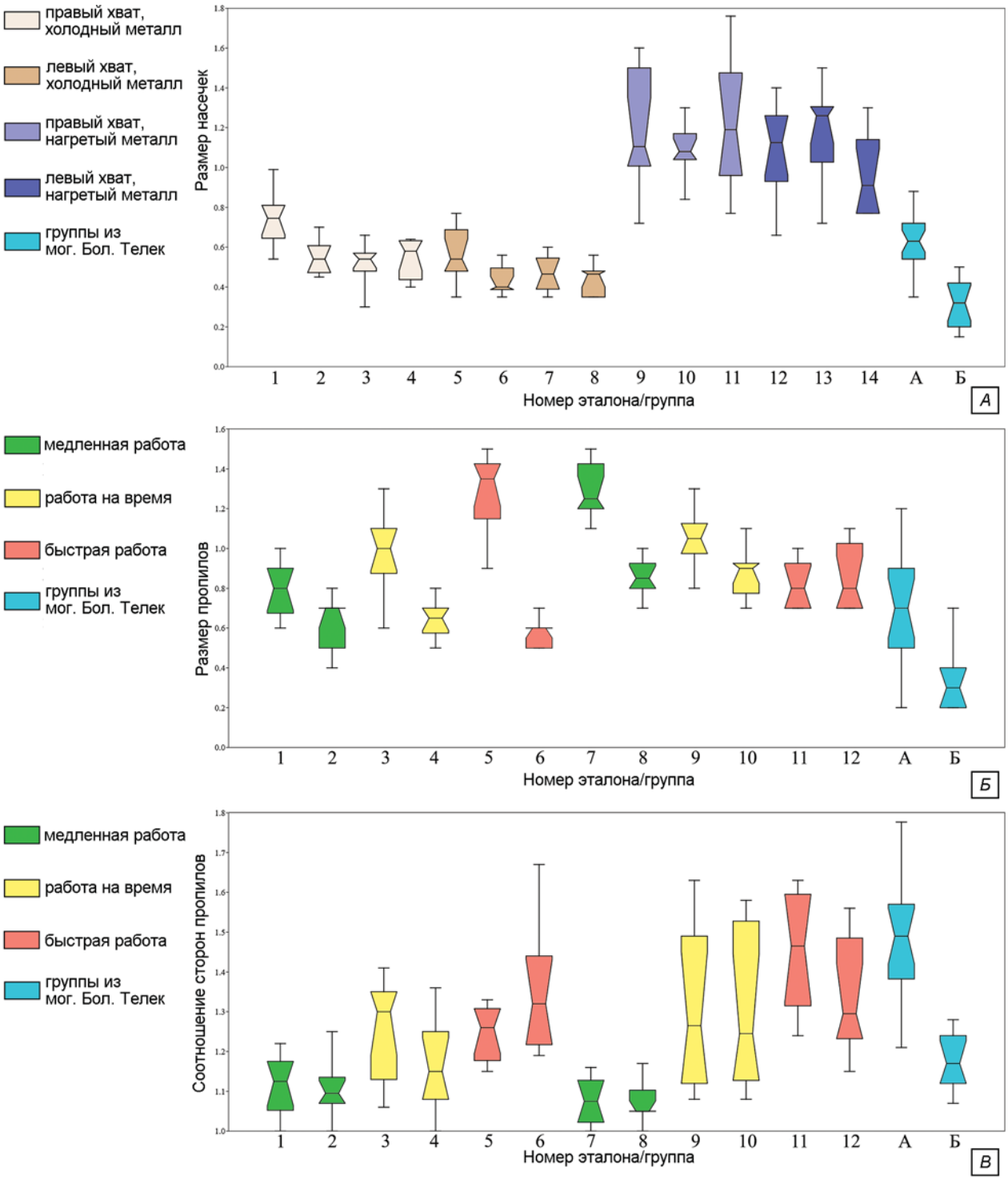


Рис. 3. Изменчивость характеристик экспериментальных эталонов и групп из могильника Большой Телек.

А – размеры насечек; *Б* – размеры пропилов зубчиков; *В* – симметричность пропилов зубчиков.

$p < 0{,}003$). Насечки по горячему металлу существенно больше, в том числе для разных хватов. Значение по U-критерия – 64 для 80 единиц в одной выборке и 60 единиц в другой. Зависимость размеров от хвата существенна при работе по холодному металлу (по критерию Манна – Уитни U = 395 для 40 единиц в каждой группе), но нивелируется при нагреве (U = 374,5 для 30 единиц).

Признак 2. Наклон насечек в линии. Помимо одиночных насечек поверхность для крепления фольги в отдельных случаях оформлялась в виде «сетки» из пересекающихся линий. Кроме того, зоны покрытия серебром на всех изделиях ограничены выступающими бортиками. Линии и бортики формировались сериями вплотную поставленных насечек (рис. 2, *4*). Измерялся угол удара относительно линии (до 10 замеров на предмет), высчитывалось среднее значение (от 43 до 81º). Данный параметр зависит исключительно от индивидуальной манеры удержания инструмента и изделия. В ходе экспериментов учитывались хват, тип орудия (резец, зубило) и температура заготовки. Однако статистически значимая разница наклонов ($p = 0{,}0001$) получена только при группировке эталонов по манере удержания инструмента.

Признак 3. Плотность насечек в линиях «сетки» и бортиков. Измерялось количество насечек на 5 мм линии (от 6 до 14 шт.). Этот признак связан с наклоном насечек и их размером, однако статистически значимой корреляции между данными признаками не выявлено.

Признак 4. Размер декоративных пропилов. Основная часть (28 из 42 экз.) предметов украшена по кромке декоративными зубчиками, сформированными треугольными углублениями, которые выпиливались напильниками. Для каждого изделия с зубчиками измерено значение глубин пропилов (до 10 замеров на предмет) и рассчитано их среднее значение (от 0,2 до 1,2 мм). В ходе экспериментов выполнено 12 эталонов (по 10 пропилов) треугольным и прямоугольным в сечении напильниками, на время и без спешки, с удержанием инструмента левой и правой рукой (рис. 2, *5–12*). Установлено, что размер пропилов зависит от манеры удержания инструмента. Сравнение эталонов, выполненных левой и правой рукой по критерию Манна – Уитни показало существенную разницу (U = 618,5 для 60 значений в каждой группе) (рис. 3, *Б*).

Признак 5. Симметричность пропилов. Она измерена путем вычисления отношения большей стороны пропила к меньшей. У каждого имеющего зубчики изделия данный параметр рассчитан как среднее значение для 10 пропилов (от 1,11 до 1,79). Исследование морфометрических характеристик экспериментальных эталонов показало снижение симметричности пропилов при увеличении скорости работы независимо от хвата (рис. 3, *В*). Выполнено 12 эталонов (по 10 пропилов в каждом, напильниками двух типов, левым и правым хватом). Из них четыре изготовлены без спешки, с фиксацией итогового времени работы (среднее время – 160 сек.). Четыре эталона обрабатывались с условием выполнения всех пропилов за время, аналогичное показателям для эталонов первой группы. Оставшиеся четыре образца изготовлены как можно быстрее (время работы уменьшилось в среднем на

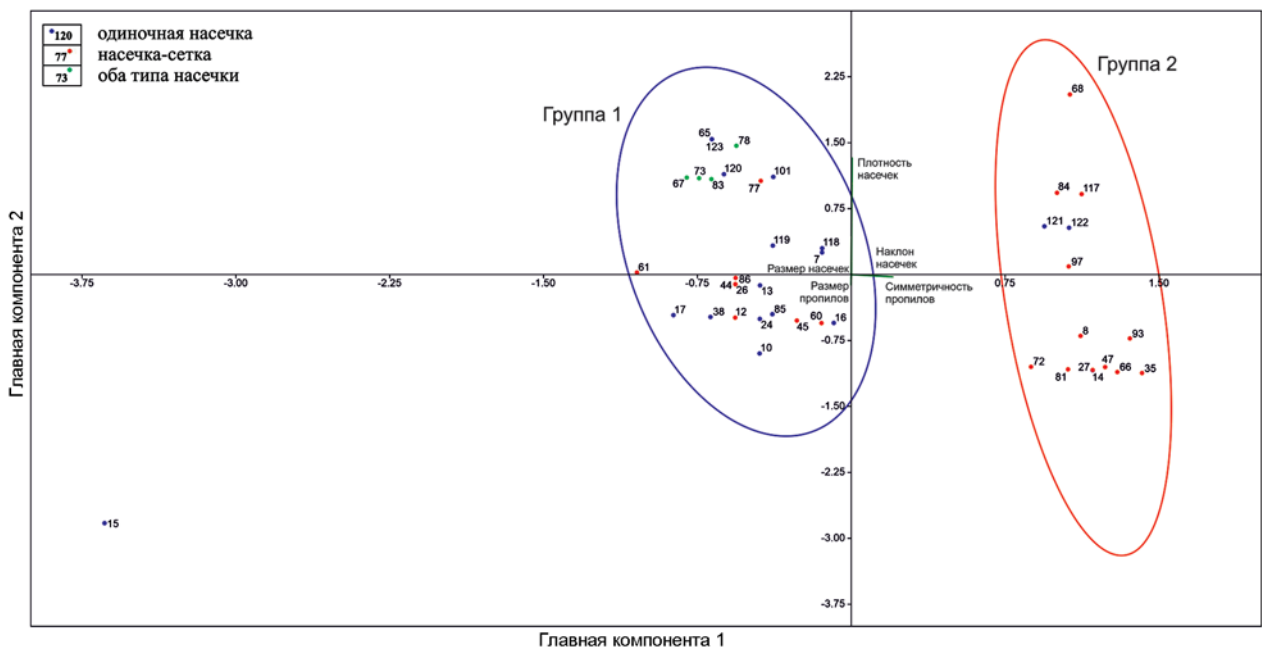


Рис. 4. Результаты анализа изделий из могильника Большой Телек методом главных компонент.

30 %, до 110 сек.). Сравнение симметричности по U-критерию между всеми тремя группами (по 40 значений в каждой) показало существенные различия (для групп 1 и 2 U = 263, групп 2 и 3 U = 535, групп 1 и 3 U = 33).

Рассмотренные пять признаков были проанализированы методом главных компонент (рис. 4). На полученном в результате графике отчетливо фиксируются две группы. Первая включает 26 экз., вторая – 15 экз. Построение эллипсов 95 % достоверности (confidence ellipses) позволило подтвердить, что различие между группами статистически значимо. Две первые компоненты, по которым построен график, охватывают 99,8 % вариабельности значений (первая компонента – 97,2 %; вторая – 2,3 %), что также свидетельствует о достоверности результата.

Таким образом, отобранные 42 изделия из могильника Большой Телек, разделены на 2 группы (рис. 5).

Группа 1 включает 26 предметов, имеющих следующие характеристики: крупные насечки (0,35–0,88 мм^2), сильный наклон насечек в линиях (43–59°), большие асимметричные пропилы (размер до 1,22 мм, соотношение сторон 1,2–1,8).

Группа 2 насчитывает 15 изделий. Признаки данной группы: небольшие насечки (0,15–0,5 мм^2), линии со слабым наклоном насечек (75–84°), небольшие ровные пропилы (размер до 0,7 мм и соотношение сторон 1,07–1,28).

Рис. 5. Изделия двух выявленных групп.

А – характерные элементы (*1*, *2* – группа 1; *3*, *4* – группа 2); *Б* – общий вид предметов различных типов (*1*, *2*, *5*, *6*, *9*, *10*, *12* – группа 1; *3*, *4*, *7*, *8*, *11*, *13* – группа 2).

Интерпретация результатов

Исходя из данных экспериментов, можно сделать вывод, что признаки, учтенные в работе, связаны с автоматизированными действиями, т.е. выражают неосознанную манеру реализации техник [Nørgaard, 2018, p. 256]. Они зависят от манеры удержания инструментов и изделия, температуры заготовки, скорости работы. Данные параметры связаны именно с неосознанным выбором, поскольку качественно не влияют на конечный результат. Таким образом, выделенные группы изделий выполнены двумя исполнителями с различными микростилями.

Показательно сравнение групп по декоративному оформлению изделий и по выбору манеры подготовки фона для инкрустации. Значимых различий в стилистике предметов не установлено. При этом наблюдается разница в насекании фона. В группе 1 в 15 из 26 экз. выявлены одиночные насечки. В группе 2 поверхность 12 из 15 экз. имеет «сетку». Данная закономерность связана с осознанным выбором ремесленниками разных вариантов подготовки фона с учетом типов изделий и индивидуальных предпочтений.

Следует обратить внимание на тот факт, что двурогие бляхи присутствуют в обеих группах. Они сформированы посредством двусторонней чеканки и выполнены одним и тем же приспособлением. Однако манера оформления насечки на них различна. Данный факт вместе со стилистическим единством изделий в целом может свидетельствовать о том, что оба ремесленника работали в одной мастерской.

Метод классификации сложности и качества реализации техник, предложенный в работах М. Куиперса позволяет также дать сравнительную оценку квалификации исполнителей [Kuijpers, 2017]. Учтены сложность формообразования (чеканка, ковка из листа, ковка из дрота, цельное или шарнирное изделие, плоское оно или объемное) и орнаментации (геометрический, растительный орнамент, дополнительные украшения), а также наличие ошибок в реализации техник.

В целом квалификация обоих мастеров находится на одном, достаточно высоком уровне. В обеих выделенных группах присутствуют чеканные изделия, шарнирные предметы, объемные формы. Орнаментация также равной сложности (в основном геометрический орнамент и сплошное заполнение серебром) и зависит от типа изделия.

Таким образом, методика определения авторства на основе методов статистики показала свою работоспособность при исследовании закрытых комплексов с учетов признаков, связанных с автоматизированными действиями.

В данном случае полученные результаты позволяют сделать вывод о существовании достаточно крупной для модели домашнего ремесла мастерской с как минимум двумя квалифицированными исполнителями-мастерами [Зиняков, 1988, с. 122–128; Соенов, Константинова, 2015, с. 11]. Подобные результаты выходят за рамки классического подхода с общей оценкой уровня металлообработки енисейских кыргызов и предположениями о характере их ремесла [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 118; Сунчугашев, 1979, с. 137].

Заключение

Рассмотренный в работе частный случай признаков автоматизированных действий для конкретной категории изделий демонстрирует работоспособность методики определения авторства в металлообработке на материалах средневековых культур номадов Южной Сибири. Уже на данном этапе получены результаты, позволяющие более детально охарактеризовать рабочую среду, в которой выполнены изделия. Дальнейшие исследования включают проверку эффективности метода при сравнении изделий из различных памятников и районов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках научной деятельности ИАЭТ СО РАН проект № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. – Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2000. – 272 с.

Давыдов Р.В. Инкрустация торевтики енисейских кыргызов: технологический аспект // Мат-лы LXI Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2021. – С. 171–172.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988. – 276 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – 196 с.

Орлов А.И. Прикладная статистика. – М.: Экзамен, 2004. – 656 с.

Скобелев С.Г., Митько О.А., Тарасов А.Ю., Поселянин А.И., Половников И.С. Кыргызский могильник Большой Телек в Идринском районе Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 22. – С. 386–389.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2015. – 248 с.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1979. – 193 с.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Чистяков П.В., Кривошапкин А.И. Применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для изучения артефактов каменного века // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – № 1. – С. 343–358.

Шелонцев В.А., Шелонцева Л.Н. Непараметрические методы статистики: Учебное пособие. – Омск: КАН, 2016. – 60 с.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // Palaeontologia Electronica. – 2001. – Vol. 4(1). – P. 1–9.

Kuijpers M.H.G. An Archaeology of Skill: Metalworking Skill and Material Specialization in Early Bronze Age Central Europe (Routledge Studies in Archaeology). – London: Routledge, 2017. – 334 p. – doi: 10.4324/9781315196022

Nørgaard H.W. Bronze Age Metalwork. Techniques and traditions in the Nordic Bronze Age 1500-1100 BC. – Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. – 520 p. – doi: 10.2307/j.ctvndv72s

References

Butanaev V.Ya., Hudyakov Yu.S. Istoriya enisejskih kyrgyzov. Abakan: Katanov Hakas State Univ. Press, 2000. 272 p. (In Russ.).

Davydov R.V. Inkrustaciya torevtiki enisejskih kyrgyzov: tekhnologicheskij aspekt. In *Materialy LHI Rossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) arheologo-etnograficheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh.* Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2021. P. 171–172. (In Russ.).

Zinyakov N.M. Istoriya chernoj metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1988. 276 p. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaya kul'tura Yuzhnoj Sibiri X–XIV vv. M.: Nauka, 1983. 128 p. (In Russ.).

Len'kov V.D. Metallurgiya i metallobrabotka u chzhurchzhenej v XII veke (po materialam issledovanij SHajginskogo gorodishcha). Novosibirsk: Nauka, 1974. 196 p. (In Russ.).

Orlov A.I. Prikladnaya statistika. M.: Ekzamen, 2004. 656 p. (In Russ.).

Skobelev S.G., Mit'ko O.A., Tarasov A.Yu., Poselyanin A.I., Polovnikov I.C. Kyrgyzian Cemetery of Bolshoi Telek in Idrinsky District of the Krasnoyarsk Krai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 22. P. 386–389. (In Russ.).

Soenov V.I., Konstantinova E.A. Remeslennye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.). Gorno-Altajsk: Gorno-Alt. State Univ. Press, 2015. 248 p. (In Russ.).

Sunchugashev Ya.I. Drevnyaya metallurgiya Hakasii: epoha zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1979. 193 p. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kolobova K.A., Chistyakov P.V., Krivoshapkin A.I. Application of 3D Geometric-Morphometric Analysis to the Study of Stone Age Lithic Artifacts. In *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology.* 2020. N 1. P. 343–358. (In Russ.).

Sheloncev V.A., Shelonceva L.N. Neparametricheskie mteody statistiki: Uchebnoe posobie. Omsk: KAN, 2016. 60 p. (In Russ.).

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis. *In Palaeontologia Electronica.* 2001. Vol. 4(1). P. 1–9.

Kuijpers M.H.G. An Archaeology of Skill: Metalworking Skill and Material Specialization in Early Bronze Age Central Europe (Routledge Studies in Archaeology). London: Routledge, 2017. 334 p. doi: 10.4324/9781315196022

Nørgaard H.W. Bronze Age Metalwork. Techniques and traditions in the Nordic Bronze Age 1500-1100 BC. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018. 520 p. doi: 10.2307/j.ctvndv72s

Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0496-0502
УДК 902.01

И.А. Дураков, Л.С. Кобелева✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Бронзолитейное производство андроновской (федоровской) культуры на территории Обь-Иртышской лесостепи

Представлены результаты исследований бронзолитейного производства андроновской (федоровской) культуры на территории Обь-Иртышской лесостепи. В ходе исследования проведен анализ источников, таких как производственные участки на поселениях и захоронения с литейным инвентарем. В настоящее время известно только три памятника со следами бронзолитейной деятельности: Омская стоянка и поселения Куделька-1 и Куделька-2. Наиболее полно следы литейного производства сохранились на поселении Куделька-1. Корреляция расположения теплотехнических сооружений и хозяйственных ям с находками отходов бронзолитейного производства позволила выделить на его территории два производственных участка. Один из них расположен в центральной части жилища 1 и состоит из очага, хозяйственных ям, колодца и ритуального погребения животного. Второй производственный участок располагался на открытой площадке рядом с котлованом жилища. Он включал плавильный очаг и образовавшееся в результате его чистки скопление прокаленной почвы и пепла. Производственная зона была окружена системой столбовых ям, что позволило предположить наличие в этом месте легкой каркасно-столбовой конструкции. Вторым по значению источником по металлообработке андроновской (федоровской) культуры Обь-Иртышской лесостепи являются погребения с литейным инвентарем. К настоящему времени такие захоронения выявлены только на могильнике Тартас-1. Анализ источников позволил сделать вывод, что появление в Обь-Иртышской лесостепи представителей андроновской (федоровской) культуры привело к значительным сдвигам в металлообрабатывающем производстве региона. Новое население принесло иную технологию, появляются новые типы тиглей и очагов. Появляется характерная для культур срубно-андроновского круга организация литейной площадки, сочетающей плавильный горн и колодец.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха бронзы, андроновская (федоровская) культура, бронзолитейное производство.*

I.A. Durakov, L.S. Kobeleva✉

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Bronze Casting of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Ob-Irtysh Forest-Steppe

This article analyzes bronze casting of the Andronovo (Fedorovo) culture in the Ob-Irtysh forest-steppe using the sources such as production areas in the settlements and burials with foundry inventory. Currently, only three sites – the Omsk site, and settlements of Kudelka-1 and Kudelka-2 – with traces of bronze casting have been discovered. The richest traces of foundry production have survived at the Kudelka-1 site. Correlation of places with heat generating devices and utility pits with finds of waste from bronze casting has made it possible to identify two production areas at the site. One of them was located in the central part of dwelling No. 1 and consisted of hearth, utility pits, and ritual burial of an animal. The second production area was located in an open space next to the dwelling pit, and included a smelting hearth, and accumulation of calcined soil and ash from cleaning the hearth. The production area was surrounded by a system of pits from posts, which suggests the presence of a light frame-and-post structure in this location. The second most important source on metalworking of the Andronovo (Fedorovo) culture in the Ob-Irtysh forest-steppe is burials with foundry equipment. By now, such burials have

been found only at the Tartas-1 burial ground. The analysis of the sources has led to conclusion that arrival of the Andronovo (Fedorovo) population to the Ob-Irtysh forest-steppe resulted in significant changes in metal production throughout the region. New population brought different technology; new types of crucibles and hearths appeared along with organization of foundry areas typical of the cultures of the Srubna-Andronovo circle, combining smelting furnace with the well.

Keywords: *Western Siberia, Bronze Age, Andronovo (Fedorovo) culture, bronze foundry.*

Изучение цветной металлообработки андроновской (федоровской) культуры лесостепной зоны Западной Сибири затруднено крайне ограниченным кругом источников, таких как производственные участки на поселениях и захоронения с литейным инвентарем. Вызвано это, в первую очередь, слабой изученностью поселенческих комплексов данной культуры на территории региона. В настоящее время нам известно только три памятника со следами бронзолитейной деятельности: Омская стоянка и поселения Куделька-1 и Куделька-2.

Степень сохранности материала и изученность этих комплексов сильно отличаются. Например, присутствие литейного участка в андроновском слое Омской стоянки зафиксировано находками фрагментов каменных форм и керамического тигля в ходе неоднократных обследований этого памятника в период 1923–1953 гг. [Членова, 1955, рис. 2, 3, 19–24]. Центром участка мог быть выявленный при зачистке берега очаг с андроновской керамикой в заполнении [Там же, с. 38–41].

Наиболее полно следы литейного производства сохранились на поселении Куделька-1, расположенном в пойме левого берега р. Ини, в 1,5–2 км к СВ от г. Тогучин, Тогучинского р-на, Новосибирской обл. [Зах, 1997, с. 13]. Памятник открыт и в 1984 г., частично исследован В.А. Захом. Раскопом площадью 600 м² было вскрыто жилище и две хозяйственные постройки [Зах, 1985, с. 59–70].

Корреляция расположения теплотехнических сооружений и хозяйственных ям с находками отходов бронзолитейного производства позволила выделить на территории поселения два производственных участка (рис. 1). Один из них расположен в центральной части жилища 1 и состоит из очага, хозяйственных ям и ритуального погребения животного. Жилище представляло собой полуземлянку с котлованом в виде вытянутого подпрямоугольника, ориентированного длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Его размеры 10,3 × 7 м, общая площадь 72 м². Глубина от уровня материка 0,1–0,15 м. В ЮЗ стенке котлована прослеживается выход в виде небольшого трапециевидного выступа. В СЗ части котлована, частично перекрывая его стенку, располагался прокал площадью 26 м² и мощностью 0,15 м, связанный, видимо, с уничтожившим жилище пожаром [Там же, с. 61–62]. Центром производственной площадки является очаг углубленного типа (рис. 2, *1*). Он расположен в яме, имеющей форму вытянутой трапеции. Ее размеры – 1,1 × 0,8 м. Стенки отвесные, дно ровное. Глубина от уровня материка – 0,15 м. Заполнение состоит из золы и сажи. В верхней его части прослеживается значительное скопление обожженных камней. Очаги такого типа встречаются по всей территории андроновского ареала [Нестерова, 2019, с. 148]. С очагом, несомненно, связана расположенная в 0,4 м к западу от него округлая яма 184. Ее размеры 0,65 × 0,8 м, глубина – 0,1 м. Стенки отвесные, дно ровное. Заполнение состояло из черного суглинка, на уровне дна прослежено скопление из 7 обожженных камней, видимо, перенесенных из очага. В 1,6 м к западу от очага располагалась подпрямоугольная яма с ритуальным захоронением козы (рис. 3, *1, 2*). Ее размеры 1 × 0,5 м, глубина от уровня пола 0,15 м. Кости животного лежали компактным скоплением, частично сохраняя анатомическое сочленение. Череп прослежен в южной части скопления. Погребения животных на территории бронзолитейных производственных участков явление достаточно распространенное. Можно отметить значительную серию таких объектов в раннебронзовых культурах Сибири [Кирюшин, Мололетко, 1979, с. 37, 169; Молодин, Глушков, 1989, с. 117, рис. 59; Дураков, Мыльникова, 2021, с. 98, 103–106, рис. 85, 90]. Ритуальный характер носила, видимо, и расположенная у восточного угла очага яма 209. Она имела овальную форму и размеры 0,4 × 0,45 м. Стенки отвесные дно ровное, глубина от уровня пола жилища 0,1 м. Заполнение состоит из черного суглинка. На уровне дна обнаружен развал андроновского сосуда и кусок медной руды.

Кроме того, к производственной площадке относится хозяйственная яма 205. Она имела подовальную форму, стенки наклонные, дно неровное и в западной части углубляется уступом. Ее размеры 2,1 × 1 м, максимальная глубина 0,21 м. Яма заполнена черным суглинком. В верхней части заполнения прослеживается образовавшийся при чистке очага слой (0,05–0,1 м), состоящий из пепла и красно-оранжевой прокаленной почвы. На уровне дна найден обработанный рог животного и ошлакованная керамика. С производственным участком, возможно, был связан расположенный на территории жилища колодец. Он находился в 1,1 м к северу от очага и представлял собой яму диаметром 2,7 м и глубиной

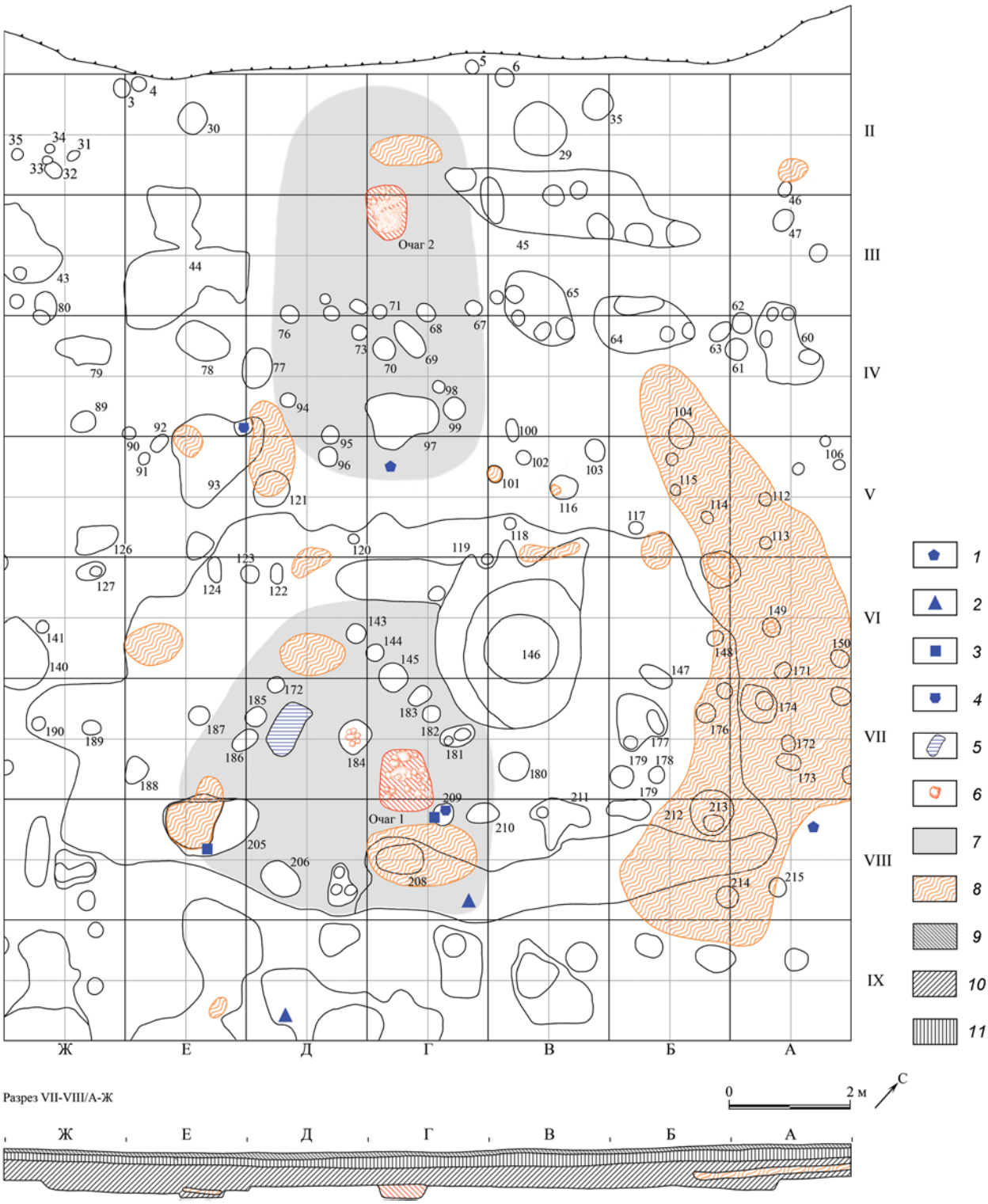


Рис. 1. Бронзолитейные производственные участки на поселении Куделька-1.

1 – литейная форма; *2* – глиняное изделие; *3* – кусок руды; *4* – развал сосуда; *5* – погребение животного; *6* – обожженный камень; *7* – территория производственного участка; *8* – золистая прокаленная почва; *9* – дерн; *10* – черный суглинок; *11* – речные отложения.

свыше 2,4 м [Зах, 1997, с. 41]. Заполнение колодца состояло из углистых и золистых прослоек с обожженными камнями, перемежающихся со слоями материковой глины. Следует отметить, что расположение колодцев в непосредственной близости от металлургических горнов и находки продуктов горения в их заполнении типично для культур срубно-андроновского круга, что, видимо, говорит о единых принципах организации производства [Епимахов, Берсенева, 2012, с. 167]. Второй производственный

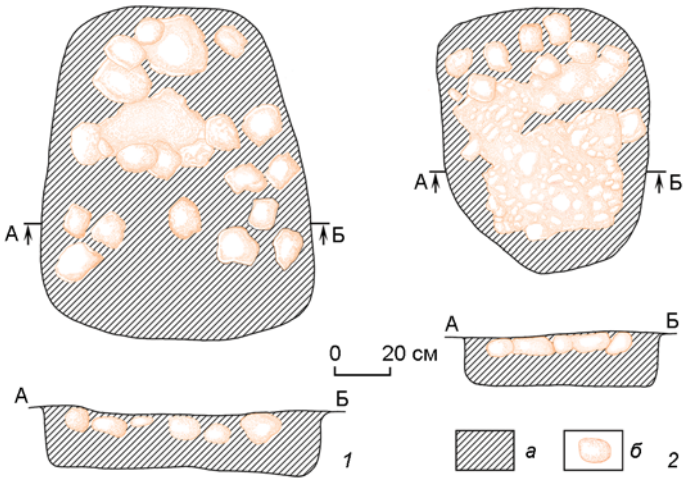


Рис. 2. Очаги производственных участков поселения Куделька-1.

1 – очаг 1; *2* – очаг 2; *а* – золистая прокаленная почва; *б* – обожженный камень.

участок поселения Куделька-1 располагался на открытой площадке в четырех метрах к северу от котлована жилища 1. Он включал плавильный очаг (2) и образовавшееся в результате его чистки скопление прокаленной почвы и пепла. Очаг 2 практически идентичен предыдущему и представляет собой подпрямоугольную яму, заполненную пеплом, прокаленной почвой и камнями (рис. 2, *2*). Ее размеры 0,75 × 1 м. Стенки отвесные, дно ровное. Глубина от уровня пола – 0,15 м. Скопление прокаленной почвы, пепла и производственного мусора расположено в 0,3 м к СЗ от очага и представляло собой овальную линзу размером 1,4 × 0,56 м и мощностью 0,1 м. Производственная зона была окружена системой столбовых ям, что позволило предположить наличие в этом месте легкой каркасно-столбовой конструкции. Подобные сооружения с поддерживающим крышу каркасом без стен возводились над плавильнями в эпоху раннего железа в Индии [Pisipaty, 2020, p. 3440, fig. 10]. К открытой производственной площадке, видимо, относятся два фрагмента глиняных литейных форм. Особый интерес вызывает найденное на территории поселка сопло [Зах, 1997, рис. 19, *29*]. Оно представляет собой фрагмент керамической трубки длинной 2,9 см. Ее внешний диаметр 2,7 см, диаметр отверстия 0,7 см. Изделие изготовлено из куска формовочной массы путем лепки на шаблоне. Аналогичное сопло происходит с Ново-Буринского селища [Сальников, 1959, с. 180, рис. 5, *2*]. Известен также экземпляр с алакульского поселения Ушкатта [Кузьмина, 1962, с. 13–14].

Бронзолитейная производственная площадка андроновской (федоровской) культуры поселения Куделька-2 частично разрушена более поздним ирменским жилищем [Зах, 1985, с. 51–54]. Удалось

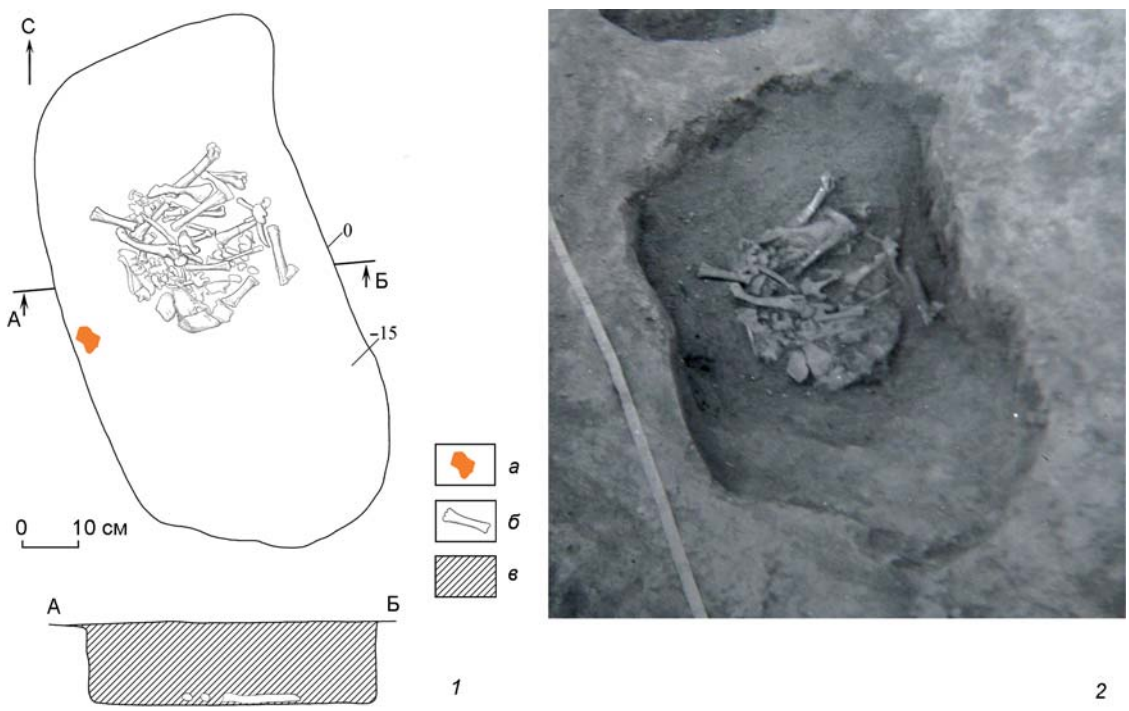


Рис. 3. Погребение животного на поселении Кулелька-1.

1 – план и разрез погребения: *а* – фрагмент керамики; *б* – кости козы; *в* – черный суглинок; *2* – фото погребения, вид с юга (по: [Зах, 1985, рис. 144]).

проследить несколько столбовых ям (1, 2, 9), видимо, от какого-то строения типа легкого навеса и остатки двух очажных конструкций. К этому же комплексу относятся и ямы хозяйственного назначения (10–13, 38).

Очаг 1 расположен в северо-восточной части раскопа (кв. I/Б,В). Он состоит из скопления обожженных камней в линзе золистой прокаленной почвы. Выложенная камнями площадка занимает участок размером 1 × 0,8 м. Размеры подстилающей это сооружение золистой линзы 3,5 × 1,6 м. Ее толщина колеблется в пределах 0,17–0,25 м. Еще один очаг (2) найден в ЮВ части раскопа (кв. VI′/Д). Он, так же как и предыдущий, представляет собой выкладку из обожженных камней. Ее размеры 0,6 × 0,7 м. Данный тип теплотехнических сооружений широко встречается в материалах культур андроновской общности. Например, очаги в виде площадки, выложенной мелкими камешками, отмечены на Кипельском селище [Сальников, 1957, с. 195–196]. Такой же принцип устройства прослежен у части горнов Алексеевского и Садчиковского поселений [Кривцова-Гракова, 1948, с. 86–87; 1951, с. 158, рис. 6]. Подобное теплотехническое сооружение найдено также в жилище поселения Усть-Нарым в Прииртышье [Черников, 1956, с. 47]. Плавильный горн в виде каменной выкладки в золистом слое зафиксирован на Бахтинском поселении [Сальников, 1954, с. 217–218, рис. 5; 1967, с. 337].

Рядом с ямой 10 (кв. I′/Е) найдена створка каменной литейной формы для отливки наконечника стрелы. Вторая створка этой же формы обнаружена в 11,8 м к СЗ, у ямы 39 (кв. IV/И). Оба изделия вырезаны из известняка и плотно пришлифованы друг к другу, на торцевой поверхности заметны риски для их более точного совмещения. Оборотная сторона подрезана так, чтобы она приобрела полукруглую форму. Литейная форма для изготовления близкого по форме наконечника найдена на территории металлургического комплекса поселения Атасу-1 [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 145–146, рис. 9, *5*].

Вторым по значению источником по металлообработке андроновской (федоровской) культуры Обь-Иртышской лесостепи являются погребения с литейным инвентарем. К настоящему времени такие захоронения выявлены только на могильнике Тартас-1, это могилы 144, 153, 314, 478 [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018, с. 129–136].

В погребениях 144 и 314 найдены литейные формы. В мог. 314 – небольшой обломок неразъемной глиняной литейной формы для отливки двух прямоугольных в сечении шильев. В погр. 144 – целая створка каменной литейной формы для изготовления украшений. На трех ее сторонах прослеживаются негативы для отливки четырех предметов: ромбообразной бляшки, изделия в виде круга с крестом внутри, подтреугольной лапчатой подвески и украшения, оформленного в виде круга с тремя «свисающими» лентами. Форма, несомненно, неоднократно использовалась, на это указывают следы термического воздействия и изолирующего сажного напыления, хорошо заметные на литниках и рабочих камерах. Отливаемые в форме предметы имеют широкий круг аналогий в культурах срубно-андроновского мира. Например, такие изделия присутствуют на тальковой форме из поселения Кижакуль-I в Южном Зауралье [Епимахов, 2012, с. 83–84, рис. 2, 3, *3*]. Каменная форма для отливки ромбической подвески найдена на Ильичевском селище [Колев, 2008, табл. 7, *4*]. Отливки таких изделий широко представлены в материалах срубной культуры на Среднем Дону [Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, с. 190–191, рис. 7, 69–75, 78; Корнюшин, 1971, с. 79, рис. 34, *3, 4*]. Подвески с лапчатым щитком известны в материалах срубной культуры Поволжья [Гак, Мимоход, Калмыков, 2012, рис. 1, 27, 31, 7, 67, 68, 78; Смирнов, 1959, рис. 8, *6*]. Таким образом, и найденная в могиле форма, и все отливаемые в ней изделия имеют западные для Обь-Иртышского региона аналогии.

В погребениях 153 и 478 найдены керамические тигли. Наиболее показательным является образец из мог. 478. Он представляет собой округлую круглодонную чашечку, оборудованную сливом и находящейся напротив него вертикальной боковой ручкой, оформленной в виде головы птицы [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018, с. 134–135, рис. 7, *4*]. Его диаметр – 5 см, высота – 4 см, полезный объем – 24,5 см³. Практически такой же тигель с обломанной вертикальной ручкой найден на территории Омской стоянки [Членова, 1955, с. 40–41, рис. 3, *24*]. Вертикальное расположение ручки выводило ее из зоны максимальной температуры, и облегчало извлечение тигля из горна, а расположение ее на одной линии со сливом упрощало разливку металла в формы. Данный тип тигля характерен для андроновской литейной традиции и в значительной степени отличается от всех плавильных емкостей, использовавшихся у народов, обитавших в Обь-Иртышской лесостепи до андроновской миграции (см., напр.: [Дураков, Мыльникова, 2021, с. 173–175, рис. 153]). Наиболее близкими аналогиями вышеописанным образцам являются плавильные емкости из поселений Алексеевское [Кривцова-Гракова, 1948, с. 106–107, рис. 33, *1*] и Камышное-2 [Потемкина, 1985, рис. 34, *4*]. Еще два тигля со сливом и вертикальной ручной найдены на Новоникольском поселении [Дегтярева, 1985, с. 61].

Таким образом, появление в Обь-Иртышской лесостепи представителей андроновской (федоровской) культуры привело к значительным сдвигам

в металлообрабатывающем производстве региона. Новое население принесло иную технологию, появляются новые типы тиглей и очагов. Появляется характерная для культур срубно-андроновского круга организация литейной площадки, сочетающей плавильный горн и колодец. Плавка производилась в незначительно заглубленных в землю или наземных горнах с каменными выкладками, подача воздуха осуществлялась при помощи мехов с керамическими соплами. Металл плавился в круглых или овальных тиглях со сливом и вертикальной ручкой. Андроновские (федоровские) литейщики использовали три типа литейных форм: каменные постоянные, рассчитанные на значительное количество копий; керамические разъемные и одноразовые монолитные. При изготовлении глиняных разъемных форм использовалась техника формовки на подмодельной плите, выработанная в рамках автохтонной одиновско-кротовско-позднекротовской производственной линии развития. Смешение пришлой (андроновской) и местной (позднекротовской) технологий привело к синтезу производственных традиций и идеологических сдвигов, выразившихся в появлении у пришельцев погребений литейщиков и жертвенных ям на производственных участках.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические вести. – 2012. – Вып. 18. – С. 174–203.

Дегтярева А.Д. Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.): дис. канд. ист. наук. – М.: Моск. гос. ун-т., 1985. – 221 с.

Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2021. – 203 с.

Епимахов А.В. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – № 1. – С. 82–87.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с другими цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – Кн. 2. – С. 164–168.

Зах В.А. Отчет о работе Аманадской археологической экспедиции в Тюменской области и на р. Ине в Новосибирской области в 1984 году. – Тюмень. – 1985. – Архив ИА РАН. – Ф. 1, Р.1. – № 10339.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического материала). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 182 с.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Самарск. гос. ун-т, 2008. – С. 208–240.

Корнюшин Г.И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области // КСИИМК. – 1971. – Вып. 127. – С. 78–85.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник. // Археологический сборник. Труды ГИМ. – Вып. XVII. – М.: ГИМ, 1948. – С. 59–172.

Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА. – М.: АН СССР. – 1951. – № 21. – С. 152–181.

Кузьмина Е.Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1962. – Вып. 2. – С. 9–15.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Захоронения с бронзолитейным оборудованием андроновского (Федоровского) могильника Тартас-1 (центральная Бараба) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2018. – № 56. – С. 129–137.

Нестерова М.С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 271с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Сальников К.В. Андроновские поселения Зауралья // СА. – 1954. – № XX. – С. 213–252.

Сальников К.В. Кипельское селище // СА. – 1957. – № XXVII. – С. 193–208.

Сальников К.В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948 год) // СА. – 1959. – № XXIX–XXX. – С. 172–185.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. – М.; Л., 1959. – Т. 1. – С. 206–322.– (МИА; № 60).

Черников С.С. О работах восточно-казахстанской экспедиции // КСИИМК. – М.: АН СССР, 1956. – № 64. – С. 43–60.

Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // СА. – М.: АН СССР, 1955. – Т. XXIII. – С. 38–57.

Pisipaty S.R.K. Early Iron Age India // Encyclopedia of Global Archaeology. – 2020. – P. 3430–3455.

References

Chernikov S.S. O rabotakh vostochno-kazakhstanskoi ekspeditsii. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noi kul'tury*. Moscow: AS USSR Publ., 1956. N 64. P.43–60. (In Russ.).

Chlenova H.L. O kul'turakh bronzovoi epokhi lesostepnoi polosy Zapadnoi Sibiri. *Sovetskaya arkheologiya*. Moscow: AS USSR Publ., 1955. Vol. XXIII. P. 38–57. (In Russ.).

Degtyareva A.D. Metalloobrabatyvayushchee proizvodstvo Kazakhstana i Kirgizii v epokhu pozdnei bronzy (XII–IX vv. do n.e.): cand. sc. (history) dissertation. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1985. 221 p. (In Russ.).

Durakov I.A., Myl'nikova L.N. Na zare metallurgii: Bronzoliteinoe proizvodstvo naseleniya Ob'-Irtyshskoi lesostepi v epokhu rannei bronzy. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. 203 p. (In Russ.).

Epimakhov A.V. New Data on Bronze Age Jewelry in the Southeastern Urals. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. N 1. P. 82–87. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Berseneva N.A. Traditsiya sooruzheniya kolodtsev v aridnoi chasti Severnoi Evrazii v epokhu bronzy. In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drugimi tsivilizatsiyami*. St. Petersburg: IIMK RAN; Periferiya, 2012. N 2. P. 164–168. (In Russ.).

Gak E.I., Mimokhod R.A., Kalmykov A.A. Sur'ma v bronzovom veke Kavkaza i yuga Vostochnoi Evropy. *Arkheologicheskie vesti*, 2012. Iss. 18. P. 174–203. (In Russ.).

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh. Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoi Betpak-Daly). Alma-Ata: Gylym, 1992. 247 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Bronzovyi vek Vasyugan'ya. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1979. 182 p. (In Russ.).

Kolev Yu.I. Ivanovskaya kul'tura pozdnego bronzovogo veka: kharakteristika kul'tury i problemy issledovaniya. In *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ya*. Samara: Samara State Univ. Press, 2008. P. 208–240. (In Russ.).

Kornyushin G.I. Kurgany epokhi pozdnei bronzy u s. Staraya Toida Voronezhskoi oblasti. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noi kul'tury*, 1971. Iss. 127. P. 78–85. (In Russ.).

Krivtsova-Grakova O.A. Alekseevskoe poselenie i mogil'nik. In *Arkheologicheskii sbornik. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, iss. XVII. Moscow: GIM, 1948. P. 59–172. (In Russ.).

Krivtsova-Grakova O.A. Sadchikovskoe poselenie (raskopki 1948 g.). In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow: AS USSR Publ., 1951. N 21. P. 152–181. (In Russ.).

Kuz'mina E.E. Novyi tip andronovskogo zhilishcha v Orenburgskoi oblasti. *Voprosy arkheologii Urala*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1962. Iss. 2. P. 9–15. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Burials with the bronze-casting equipment of the Andronovo (Fedorovo) culture of the Tartas-1 burial ground (Central Baraba). *Tomsk State Univ. J. of History,* 2018. N 56. P. 129–137. (In Russ.). doi: 10.17223/19988613/56/17

Molodin V.I., Glushkov I.G. Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1989. 168 p. (In Russ.).

Nesterova M.S. Ochazhnye ustroistva v epokhu paleometalla (Zapadnaya Sibir'). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. 271 p. (In Russ.).

Pisipaty S.R.K. Early Iron Age India. Encyclopedia of Global Archaeology, 2020. P. 3430–3455.

Potemkina T.M. Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ya. Moscow: Nauka, 1985. 376 p. (In Russ.).

Sal'nikov K.V. Andronovskie poseleniya Zaural'ya. *Sovetskaya arkheologiya*. Moscow: AS USSR Publ., 1954. N XX. P. 213–252. (In Russ.).

Sal'nikov K.V. Kipel'skoe selishche. *Sovetskaya arkheologiya*. Moscow: AS USSR Publ., 1957. N XXVII. P. 193–208. (In Russ.).

Sal'nikov K.V. Raskopki u sela Novo-Burino (1948 god). *Sovetskaya arkheologiya.* Moscow: AS USSR Publ., 1959. N XXIX–XXX. P. 172–185. (In Russ.).

Sal'nikov K.V. Ocherki drevnei istorii Yuzhnogo Urala. Moscow: Nauka, 1967. 408 p. (In Russ.).

Smirnov K.F. Kurgany u sel Ilovatka i Politotdel'skoe Stalingradskoi oblasti. In *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya: Itogi rabot Stalingradskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. No 60. Moscow; Leningrad, 1959. Vol. 1. P. 206–322. (In Russ.).

Zakh V.A. Otchet o rabote Amanadskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Tyumenskoi oblasti i na r. Ine v Novosibirskoi oblasti v 1984 godu. Tyumen', 1985. Arkhiv IA RAS. F. 1. R.1. D. 10339. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo materiala). Novosibirsk: Nauka, 1997. 132 p. (In Russ.).

Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0503-0508
УДК 903.531(1-925.13)"04/14"

В.М. Дьяконов[1, 2]✉, Е.Н. Соловьёва[1, 3], А.Д. Степанов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
[3]Арктический научно-исследовательский центр РС (Я)
Якутск, Россия
E-mail: arkh_muz@mail.ru

Позднесредневековое погребение Диринг (Чурапчинский район, Якутия)

В октябре 2020 г. в с. Диринг (Хоптого) Чурапчинского р-на Республики Саха (Якутия) при рытье траншеи для укладки кабеля было обнаружено древнее погребение, совершенное на 6-метровой террасе северной окраины озерно-аласной котловины. Проведенные раскопки показали, что погребенный мужчина возрастом примерно 25–30 лет был помещен в могильную яму подпрямоугольной формы размерами ~175 × 62 см и глубиной 67–71 см в вытянутом положении на спине, головой на север. Кисти рук погребенного покоились внизу живота. Погребенный был уложен на настил из тонких досок и укрыт таким же настилом из досок, но обернутых прошитым берестяным полотнищем с двух сторон. Между верхним слоем бересты и досками была прослежена совершенно сгнившая обструганная жердь, положенная по диагонали. В заполнении ямы у ног погребенного были обнаружены два железных плоских черешковых наконечника стрел типа срезней и клинок массивного рубяще-колющего орудия – пальмы типа батас. Под скелетом были найдены остатки истлевших кожаных ремешков, кресальный кремень, кремневый отщеп, миниатюрная пирамидка (тетраэдр) из речной гальки, согнутый берестяной футляр, похожий на ножны, и длинный деревянный предмет, по форме напоминающий весло. Был проведен радиоуглеродный анализ образцов угля и кости человека из погребения Диринг методом AMS. Дата по углю указала на калиброванный (для ±2σ) интервал 1284–1435 гг. н.э., а по кости – на интервал 1053–1389 гг. н.э., что в целом указывает на ранний этап кулун-атахской культуры. По характеру погребального ритуала и сопроводительного инвентаря погребение Диринг также отнесено к кулун-атахской позднесредневековой культуре, памятники которой уже были ранее выявлены на территории Чурапчинского р-на.

Ключевые слова: *Якутия, кулун-атахская культура, позднее Средневековье, погребение, сопроводительный инвентарь, якуты.*

V.M. Dyakonov[1, 2]✉, E.N. Solovyova[1, 3], A.D. Stepanov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russia
[3]Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russia

Late Medieval Burial in Diring (Churapcha District, Yakutia)

In October 2020, workers accidentally found a human burial while digging a trench for cable near voltage transforming substation in the village of Diring (Khoptogo) in Churapcha District of the Republic of Sakha (Yakutia). Examination of the place of discovery revealed that the trench affected the upper part of the ancient burial made on a six meter terrace at the northern outskirts of the lake-alas basin in the western part of the village of Diring near the southwestern corner of the residential area located at Kolkhoznaya street 1. Excavation has shown that a buried male of about 25–30 years of age was placed in extended position on his back with his head towards the north, into a grave pit of subrectangular shape measuring

ca. 175 × 62 cm and 67–71 cm deep. The hands of the buried man rested on his lower abdomen. The buried was placed on a flooring of thin boards and was covered with the same flooring of boards which was wrapped around with stitched birch bark sheets on both sides. A completely decayed whittled pole, laid diagonally, was found between the upper layer of birch bark and boards. Two iron arrowheads of the srezen' type and massive batas – a variety of a cutting and piercing tool – were discovered in the filling of the grave pit at the feet of the buried person. The remains of decayed leather straps, flint for making fire, flint flake, miniature triangular pyramid (tetrahedron) made of river pebble, bent knife case (sheath) made of birch bark, and long wooden object shaped like an oar were under the skeleton. Radiocarbon analysis of charcoal and human bone samples from the Diring burial was made using the AMS method. The charcoal date indicated a calibrated (for ±2σ) interval of 1284–1435 AD; bone dates showed the interval of 1053–1389 AD, which, taken together, indicate the early stage of the Kulun-Atakh culture. The nature of the funeral rite and accompanying inventory also reveals that the Diring burial belonged to the Kulun-Atakh Late Medieval culture, the sites of which have already been known in Churapcha District.

Keywords: *Yakutia, Kulun-Atakh culture, Late Middle Ages, burial, accompanying inventory, Yakuts.*

Формирование якутской культуры на средней Лене и на Вилюе происходило во время существования кулун-атахской археологической культуры, относящейся к позднему Средневековью и датируемой концом XIII – XVI в. [Гоголев, 1990, 1993; Алексеев, 1996]. С этой культурой связано появление первых бесспорных следов скотоводства в Якутии, что, безусловно, связывает ее с пришлыми племенами кочевников-скотоводов, ставшими ядром якутского народа, в целом оформившегося к XVII в. в том виде, в каком его встретили прибывшие в 1630-х гг. на берега Лены русские казаки-землепроходцы. Первооткрыватель кулун-атахской культуры А.И. Гоголев отмечал, что она изучена в основном по материалам поселений, а погребения, четко датируемые временем ранее XVII в., единичны и относятся, по-видимому, к ее завершающей стадии. Эти погребения объединяло скорченное трупоположение на боку и западная ориентировка [Гоголев, 2004, с. 81; Бравина и др., 2017].

Археологическое изучение погребений позднего Средневековья и Нового времени (XIV–XIX вв.) в Якутии ведется уже более 100 лет. За это время исследованы сотни захоронений, однако выделение погребальных комплексов кулун-атахской культуры действительно было до последнего времени достаточно условно и проблематично. Четко определялись и массово встречались только погребения XVIII–XIX вв., датировка которых подтверждалась монетами, западноевропейскими счетными жетонами, посудой с клеймами и датами изготовления и другим датирующим материалом. Существовало мнение о том, что до прихода русских у якутов практиковались преимущественно трупосожжения, а также воздушные и надземные погребения (арангасы), самые ранние из которых не сохранились до XX в., а обычай погребения в земле стал распространяться лишь с внедрением в якутскую среду христианства и в результате борьбы русских властей с «варварским обычаем» [Стрелов, 1927]. И.В. Константинов, проанализировав труды ранних исследователей этнографии якутов (Э.И. Идес, Ф.И. Страленберг, Я.И. Линденау, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, И.Э. Фишер, И.Г. Георги), архивные документы и фольклорные сведения, пришел к выводу о том, что обычай зарывать в землю покойников бытовал среди богатых якутов и в дорусскую эпоху, но преобладал арангасный способ погребения [Константинов, 1971, с. 22–23]. Трудность выделения якутских погребений дорусского периода связана была также с отсутствием радиоуглеродных и дендрохронологических датировок погребений [Бравина, Дьяконов, 2015].

В начале нынешнего столетия ситуация несколько изменилась в связи с новыми открытиями, а также с применением междисциплинарных исследований и современных методов датирования, в результате чего стало возможным выделить целый ряд раннеякутских погребений, относящихся к периоду от XIII до XVII в. [Там же; Багашёв и др., 2016; Бравина и др., 2016, 2017; История Якутии, 2020]. Таким образом, за последние годы количество погребальных комплексов кулун-атахской культуры и ареал их распространения значительно увеличились. В данной статье вводятся в научный оборот результаты исследования погребения Диринг, случайно обнаруженного и исследованного в одноименном селе Хоптогинского наслега Чурапчинского улуса Якутии в октябре 2020 г.

Погребение человека было случайно выявлено рабочими в ходе рытья траншеи, предназначенной для укладки кабеля заземления возле трансформаторной подстанции в западной части с. Диринг, неподалеку от юго-западного угла участка по адресу ул. Колхозная, 1. Фотографии траншеи, на дне которой в стенке виднелся череп человека, были отправлены главой наслега в Якутск археологам. Для определения историко-культурной ценности находки Департаментом РС (Я) по охране культурного наследия была организована комиссия, в которую вошли авторы данной статьи. Осмотр места обнаружения черепа человека показал, что прямоугольная траншея глубиной 55–60 см, шириной 20–40 см и размерами 383 × 307 × 283 × 360 см затронула

верхнюю часть погребения, совершенного на 6-метровой террасе северной окраины озерно-аласной котловины в центре с. Диринг. Наземных сооружений и явных признаков данное погребение не имело. На дневной поверхности была видна лишь еле заметная овальная западина глубиной не более 5 см, длиной до 180 см и шириной до 50 см.

Были проведены раскопки погребения, для чего был заложен шурф площадью 3 × 2 м, ориентированный вдоль погребальной западины. На глубине около 25 см стали прослеживаться контуры могильной ямы подпрямоугольной формы, ориентированной в целом с юга на север с отклонением 20° к западу, при этом погребенный был уложен в могилу головой на север (рис. 1). Северная часть погребения была нарушена траншеей для укладки кабеля, поэтому точную длину могильной ямы установить было нельзя. Ее приблизительная длина составляла 175 см до края черепа, максимальная ширина 62 см. В ходе расчистки погребения на глубине 46 см в южном секторе погребения в заполнении могильной ямы, ближе к западному ее краю, был найден плоский черешковый железный наконечник стрелы типа срезня, простой удлиненно-треугольной формы, длиной 13,8 см. Ширина острия с прямым лезвием составляла 1,7 см (рис. 2, *5*). Еще один подобный наконечник был найден на глубине 60 см в средней части погребальной ямы возле западного ее края. Длина 12 см, ширина прямого ударного лезвия 1,3 см (рис. 2, *4*). Такие наконечники относят также к типу томаров [Николаев, 2004, с. 83–85].

Там же, в заполнении ямы, в южном секторе у западного ее края, прямо на погребальной конструкции, на глубине 48–67 см лежал массивный железный клинок якутской пальмы типа «батас» длиной 48 см, шириной клинка 3,7 см (рис. 2, *8*). Клинок цельнокован с черешком, древко не сохранилось, либо вовсе отсутствовало. Оружие было положено острием вниз в районе правой ноги погребенного. Батас является однолезвийным рубяще-колющим оружием ближнего боя. Характерной особенностью батаса, отличающей его от других форм пальм, таких как батыйа и хотокоон, относящихся к орудиям охоты, была ломаная угловатая линия лезвия [Васильев, 1995, с. 91]. В сопроводительном инвентаре якутских погребений батасы встречаются значительно реже охотничьих пальм, что, вероятно, связано с особым отношением к ним. В преданиях сохранилось описание традиции закапывать военное оружие тайно, далеко от жилых мест с соблюдением особого обряда [Бравина, Попов, 2008]. Сохранность железных изделий (батаса и наконечников стрел), пораженных сплошной коррозией, очень плохая.

Погребальная конструкция состояла из дощатого настила, составленного из тонкомерных досок, на который был уложен погребенный, и слоя таких же досок, обернутых прошитым берестяным полотнищем с двух сторон. Между верхним слоем бересты и досками была найдена совершенно сгнившая обструганная жердь, положенная по диагонали. Гробовина со временем истлела и была раздавле-

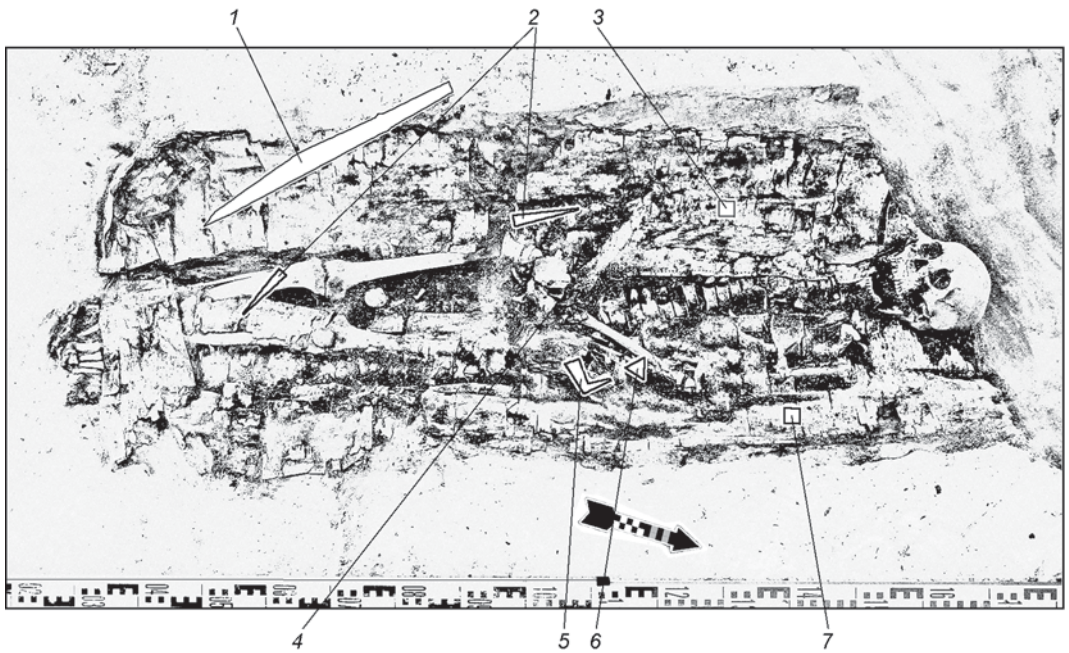


Рис. 1. План погребения Диринг.

1 – батас; *2* – наконечники стрел; *3* – уголь, ^{14}С-дата 588 ± 69 л.н. (GV-03180); *4* – кость, ^{14}С-дата 771 ± 65 л.н. (GV-03181); *5* – берестяные ножны; *6* – пирамидка; *7* – уголь.

на землей, доски пришли в трухлявое состояние.

Судя по швам черепа, в могилу был уложен мужчина в возрасте примерно 25–30 лет. Он был похоронен в яме глубиной 69–71 см в вытянутом положении на спине, головой на север. Кисти рук погребенного покоились внизу живота (см. рис. 1). Под скелетом в районе поясницы были найдены остатки истлевших кожаных ремешков, кресальный камень и кремневый отщеп, видимо, сколотый с какого-то кресала, судя по забитости краев, миниатюрная «пирамидка» (тетраэдр) из речной гальки и берестяные ножны, согнутые пополам.

Небольшой кресальный камень округлой уплощенной формы выполнен из кремнистой породы серого цвета. Его размеры 2 × 1,9 × 0,9 см. По краю камня имеются следы забитости и сохранился небольшой припаявшийся фрагмент окисленного железа (?) (см. рис. 2, *2*). Кремневый отщеп из полосчатого светло-коричневого кремня со следами сработанности также использовался, по-видимому, для высекания огня. Размеры отщепа 1,5 × 0,9 см (см. рис. 2, *1*). Четырехгранная треугольная «пирамидка» изготовлена из яшмовидной породы темно-коричневого цвета с мелкими белесыми сфероидными вкраплениями, ее размеры 1,35 1,45 × × 1,55 см (см. рис. 2, *3*). Все грани «пирамидки» тщательно зашлифованы, одно из ребер изделия слегка притуплено дополнительной пришлифовкой. Берестяные ножны выполнены из цельного куска бересты, свернутого в конусообразную трубку, продольные края соединены внахлест (см. рис. 2, *6*). Устье ножен овальное, с подворотом внутрь, ширина подворота 2,6 см. В верхней части ножен расположены два округлых отверстия диаметром 0,4 см для крепления к поясной гарнитуре. Общая длина ножен ок. 19 см, размеры устья 2,7 × 1,8 см. Расположенные компактной группой артефакты, вероятно, были помещены в сумку, входившую в состав поясной гарнитуры погребенного.

Также в северном секторе погребения, ближе к изголовью, на нижнем слое досок, под скелетом, вдоль правой его стороны, лежало деревянное изделие весловидной формы. Широкой частью («лопастью») оно было ориентировано на север, в сторону головы погребенного. Конец рукояти и края «лопасти» плохо сохранились. Общая длина сохранившейся части изделия составляет 93 см. Изделие имеет округлую в поперечном сечении рукоять диаметром 3,7 см и длиной 66 см, плавно переходящую в «лопасть». Длина сохранившейся части лопасти 27 см, ширина 11 см, ширина целой лопасти могла составлять 16–17 см. Учитывая морфологические характеристики, изделие могло быть веслом либо лопатой (см. рис. 2, *7*).

Погребения в бересте являются одним из маркеров раннеякутских погребений [Бравина, Дьяконов, 2015; Бравина и др., 2021]. Сопроводительный инвентарь погребения Диринг относительно небогатый, включает предметы

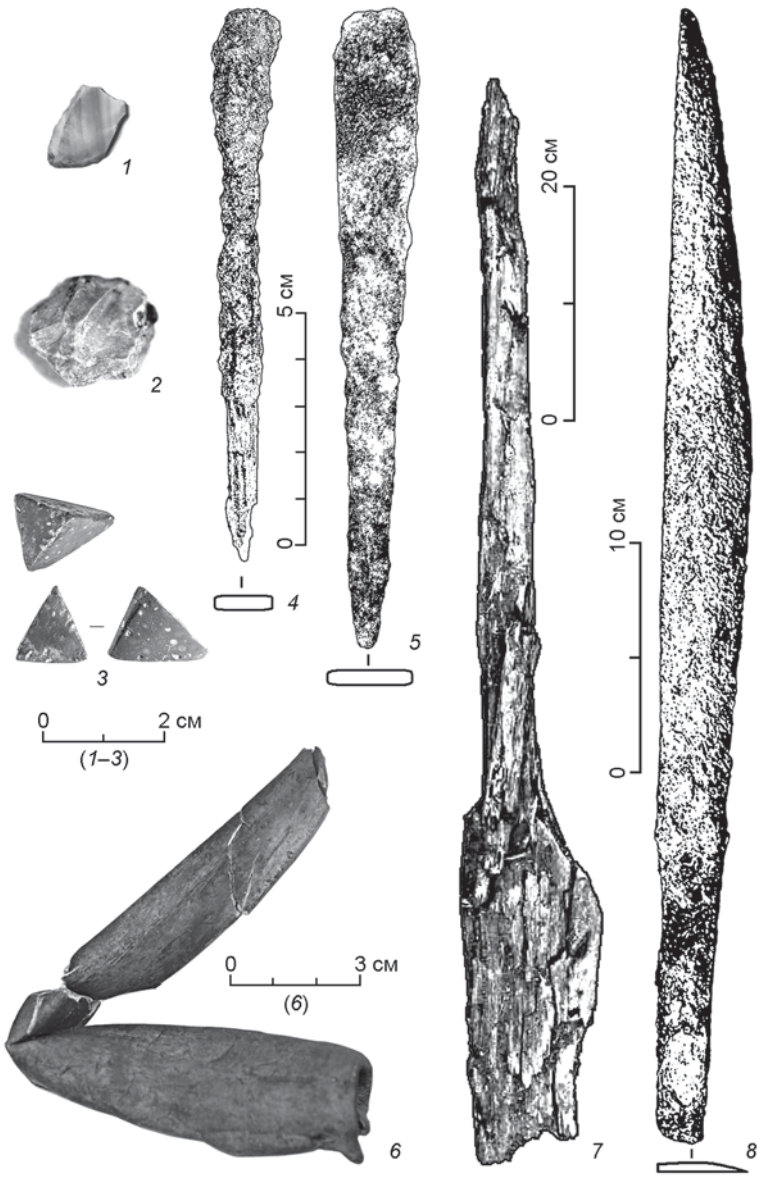


Рис. 2. Сопроводительный материал погребения Диринг.

1 – кремневый отщеп; *2* – кресальный камень; *3* – каменная пирамидка; *4*, *5* – железные наконечники стрел; *6* – берестяные ножны; *7* – деревянное весло или лопата; *8* – железный клинок пальмы (батас).

вооружения и охоты и предметы хозяйства и быта. Наконечники стрел типа срезней являются обычной категорией инвентаря в кулун-атахских погребальных памятниках [Бравина, Дьяконов, 2015]. Наконечники пальм типа батасов ранее встречались в раннеякутских погребениях Сергеляхское, Таралай, Балыктах, Ожулун (Дьёсулен) [Бравина и др., 2016, 2017]. При этом последние два погребения XV–XVI вв. были найдены в Чурапчинском р-не. Берестяные ножны ранее были найдены в раннеякутских погребениях Атласовское-2, Маганское, Куудук-4, Ой-Бэс, Тиит-Баппыт, Улахан Алаас, они также являются индикаторным признаком погребений XV–XVII вв., а в мужские погребения часто помещались пустые ножны без ножей [Сыроватский, 2021].

Крайне редкими находками в якутских погребениях являются каменные предметы. Помимо набора каменного инвентаря, обнаруженного в погребении Диринг, кусок кремня был обнаружен в кошельке, прикрепленном к поясу мужчины, погребенного в местности Харандаайы (Чурапчинский р-н, Ожулунский наслег), также кресальный кремень и плоский ромбовидный камень были обнаружены А.П. Окладниковым в сопроводительном инвентаре женского наземного захоронения в Булунском улусе РС (Я) [Бравина, Попов, 2008].

В ЦКП «Геохронология кайнозоя» в г. Новосибирске был проведен радиоуглеродный анализ образцов угля и кости человека из погребения Диринг методом АМС. Первая дата – 588 ± 69 л.н. (GV-03180) была получена по углю, собранному в заполнении могильной ямы. Эта дата для ±2σ (95,4 % вероятности) указала на калиброванный интервал 1284–1435 гг. н.э., для ±1σ (68,2 % вероятности) – на 1304–1410 гг. н.э.* Вторая дата – 771 ± 65 л.н. (GV-03181) была получена по кости фаланги руки человека (см. рис. 1). Калиброванный интервал даты для ±2σ – 1053–1389 гг. н.э., для ±1σ – 1214–1295 гг. н.э. Обе даты, в целом, указывают на ранний этап (от середины XI до первой четверти XV вв.) кулун-атахской культуры, которую датировали концом XIII – XVI в., а в последние годы в связи с получением ряда новых дат – X–XVI вв. [История Якутии, 2020]. Дата по углю указывает на первую половину XIV в. как наиболее вероятную дату захоронения (47,3 % вероятности). Дата по кости выглядит несколько древнее даты по углю – с вероятностью 68,2 % она указывает на XIII в.

По характеру погребального ритуала и сопроводительного инвентаря погребение Диринг отнесено к кулун-атахской позднесредневековой культуре, памятники которой уже были ранее выявлены на территории Чурапчинского р-на. Описанное погребение в научном плане является одним из редких памятников Якутии раннего этапа периода кулун-атахской культуры и представляет ценность и перспективы для изучения древней истории и происхождения якутского народа.

*Калибровка проводилась при помощи программы Calib.Rev версии 8.1.0.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН. Авторы выражают благодарность администрации Хоптогинского наслега в лице заместителя главы Семена Владимировича Петрова за своевременно предоставленную информацию о находке и жителям с. Диринг Евгению и Лидии Даниловым за содействие в организации полевых исследований.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 96 с.

Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 2. – С. 137–147. – doi: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3(12). – С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. Раннеякутские погребения со скорченным положением на боку как историко-этнографический источник // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 4. – С. 83–90.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 90–109. – doi: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-090-109

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Бравина Р.И., Соловьёва Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Береста в погребальном обряде якутов: по материалам погребения Учугей Юрях (XV–XVII вв.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 3 (54). – С. 95–106. – doi: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-8

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 192 с.

Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1993. – 200 с.

Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2004. – 104 с.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – Т. I. – 536 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 212 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: усть-талькинская культура. – Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. – 306 с.

Стрелов Е.Д. Лук, стрелы и копье древнего якута (Материалы по археологии якутов) // Сб. тр. исследоват. об-ва «Саха Кэскилэ». – Якутск: [б. и.], 1927. – Вып. I. – С. 58–74.

Сыроватский В.В. Берестяные ножны из раннеякутских грунтовых захоронений XV–XVII вв. Центральной Якутии // Эрэл-2021: сб. мат-лов Всеросс. науч.-практ. конф., г. Якутск, 17–19 февраля 2021 г. – Якутск: Издат. дом Сев.-вост. фед. ун-та, 2021. – С. 223–226.

References

Alekseev A.N. Drevnyaya Yakutiya: zheleznyi vek i epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. 96 p. (In Russ.).

Alekseev A.N., Bravina R.I., Romanova E.N. (ed.). Istoriya Yakutii. Vol. I. Novosibirsk: Nauka, 2020. 536 p. (In Russ.).

Bagashev A.N., Razhev D.I., Zubova A.V., Bravina R.I., Dyakonov V.M., Stepanov A.D., Kuzmin Ya.V., Hodgins G.W.L. A Medieval Yakut Burial Near Lake Atlasovskoye of the 14th–15th Centuries: An Anthropological Study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016. N 2. P. 137–147. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147

Bravina R.I., Dyakonov V.M. The Early Yakut medieval burials of the 14–17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2015. N 3 (12). P. 27–32. (In Russ.).

Bravina R.I., Dyakonov V.M., Kolbina E.Yu., Petrov D.M. Early Yakut Burials in the Flexed Position as a Historical and Ethnographic Source. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017. N 4. P. 83–90. (In Russ.).

Bravina R.I., Dyakonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskiy V.V., Bagashev A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Alekseeva E.A., Zubova A.V., Kuzmin Ya.V. The woman's burial of Atlasovskoe-2 of the XVII century in Central Yakutia: results of a complex research. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016. N 4 (35). P. 90–109. (In Russ.). doi: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-090-109

Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii (XV–XIX vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 296 p. (In Russ.).

Bravina R.I., Solovyova E.N., Petrov D.M., Syrovatskiy V.V. Birch bark in the funeral rite of the Yakuts: a case-study of the Uchugei-Yuryakh burial (15th–17th cc.). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2021. N 3 (54). P. 95–106. (In Russ.). doi: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-8

Gogolev A.I. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya (XIV–XVIII vv.). Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1990. 192 p. (In Russ.).

Gogolev A.I. Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury). Yakutsk: Yakut State Univ. Press, 1993. 200 p. (In Russ.).

Gogolev A.I. Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury). Yakutsk: Yakut State Univ. Press, 1993. 200 p. (In Russ.).

Konstantinov I.V. Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii). Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1971. 212 p. (In Russ.).

Nikolaev V.S. Pogrebal'nye kompleksy kochevnikov yuga Srednei Sibiri v XII–XIV vv.: ust'-tal'kinskaya kul'tura. Vladivostok; Irkutsk: Institut geografii SB RAS Publ., 2004. 306 p. (In Russ.).

Strelov E.D. Luk, strely i kop'e drevnego yakuta (Materialy po arkheologii yakutov). In *Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva «Sakha Keskile»*, Yakutsk, 1927. Iss. I. P. 58–74. (In Russ.).

Syrovatskiy V.V. Berestyanye nozhny iz ranneyakutskikh gruntovykh zakhoronenii XV–XVII vv. Tsentral'noi Yakutii. In *Erel-2021*. Yakutsk: NEFU Press, 2021. P. 223–226. (In Russ.).

Vasil'ev F.F. Voennoe delo yakutov. Yakutsk: Bichik, 1995. 224 p. (In Russ.).

Дьяконов В.М. http://orcid.org/0000-0002-4899-6148
Степанов А.Д. https://orcid.org/0000-0003-2178-4919
Соловьёва Е.Н. https://orcid.org/0000-0001-8920-3696

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0509-0515
УДК 902/904; 550.8.056

А.В. Епимахов
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия
E-mail: epimakhovav@susu.ru

Новые данные о радиоуглеродной хронологии финальной части позднего бронзового века (Южное Зауралье)

Хронология финала бронзового века в Южном Зауралье установлена на базе радиоуглеродного датирования. Статья вводит в научный оборот результаты датирования двух погребальных комплексов степной зоны: одиночный курган Соколок и впускное погребение кург. 4 могильника Солнце II. Комплексы объединяет ряд черт погребальной обрядности (ингумация в положении скорченно на правом боку, южная ориентировка покойных); минимальные размеры погребального сооружения и мизерное количество инвентаря. AMS-даты оказались очень близки, несмотря на некоторую разницу в деталях (отсутствие керамической посуды во впускном погребении). Калиброванные значения относятся к концу XV – XIII в. до н.э. (95,4 % вероятности). Изотопные значения не сигнализируют о резервуарном эффекте. Новые результаты точно соотносятся с раннее полученными AMS-датами. Суммирование вероятности 20 датировок иллюстрирует наличие двух пиков, один их которых относится к периоду перехода к раннему железному веку (X–VIII вв. до н.э.). Вопрос о культурной принадлежности публикуемых комплексов остается открытым, т.к. территория является зоной взаимодействия степного саргаринско-алексеевского и лесостепного межовского населения. Новые материалы не подтверждают ранее высказанное предположение об эволюции керамической традиции по линии сокращения орнаментации и исчезновения валиков на посуде. Материалы одиночного кургана Соколок датируются началом финала бронзового века, но содержат неорнаментированную посуду. Возможно, погребальная посуда существенно отличается от посуды поселений, для которых и было сформулировано предположение о направлении эволюции.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, погребальная обрядность, радиоуглеродное датирование.*

A.V. Epimakhov
Institute of History and Archaeology of the UB RAS
Yekaterinburg, Russia
E-mail: epimakhovav@susu.ru

New Data on Radiocarbon Chronology of the Final Part of the Late Bronze Age (Southern Trans-Urals)

Chronology of the Final Bronze Age in the Southern Trans-Urals has been established using radiocarbon dating. This article presents new results of dating two burial complexes from the steppe zone – single burial mound of Sokolok and secondary burial in burial mound 4 at the Solntse II burial ground. These complexes are similar in many features of funeral rite (inhumation in the crouched position on the right side, southern orientation of the deceased) as well as small size of burial structure and scarce inventory. The AMS dates turned out to be very close despite some difference in details (lack of pottery in the secondary burial). The calibrated dates show late 15th–13th century cal BC (95.4% of probability). The isotope values did not indicate the reservoir effect. New results match exactly the earlier AMS dates. The summation of the probabilities of twenty AMS-dates illustrates the presence of two peaks. One of them refers to the period of transition to the Early Iron Age (10th–8th centuries BC). The question on cultural attribution of these complexes remains open, since that area was a zone of interaction between the steppe Sargary-Alekseevka and forest-steppe Mezhovka groups of population. New evidence does not confirm the previous assumption about the evolution of pottery tradition towards reduced ornamentation and disappearance of bands on dishware. The evidence from the Sokolok burial mound was dated to the beginning of the Final Bronze Age but contained undecorated pottery. Burial pottery might have significantly differed from pottery of the settlements for which the assumption on pottery evolution was made.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, funeral rites, radiocarbon dating.*

Введение

Длительная история изучения памятников Южного Урала, относящихся ко второй половине II тыс. до н.э., на данный момент не привела к выработке согласованного мнения об их культурной принадлежности. Обычно выбор делается между межовской и саргаринско-алексеевской культурами [Григорьев, 2000], хотя озвучивались и другие варианты [Малютина, Зданович, Петрова, 2006; Епимахов, 2010]. Вероятно, причина такого состояния дел – малое число хорошо исследованных монокультурных памятников [Vinogradov, Yepimakhov, 2000] либо поселений с ясной стратиграфией. Нередко характерные материалы выделяются в коллекциях только типологически [Генинг, Зданович, Генинг, 1992]. Что касается погребальных объектов, то они не составляют серий в пределах одного могильника, а иногда и вовсе представлены единичными захоронениями. Стабильно пополняется список случайных находок из металла этого периода [Епимахов, 2011; Дегтярева и др., 2019], хотя на поселениях, а особенного в могильниках, они встречаются нечасто [Горбунов, Обыденнов, 1980].

Несмотря на обозначенные трудности, проделана весьма существенная работа в определении хронологической позиции этой группы, а список датировок пополняется едва ли не ежегодно [Поселение Мочище…, 2018; Епимахов, Петров, 2021]. Наша работа призвана ввести в научный оборот новые данные, сопоставив их с ранее озвученными заключениями. Это важно, поскольку наметилось некоторое расхождение в понимании хронологического соотношения основных культурных традиций [Петрова, 2020], да и разделение длительного временного отрезка, видимо, нуждается во введении дополнительных промежуточных рубежей. Предложенный раннее вариант предусматривает вычленение группы погребений, относящихся ко времени перехода к раннему железному веку. Эта группа пополняется крайне медленно, да и число датировок растет незначительно [Купцова, Файзуллин, Крюкова, 2018; Епимахов, Таиров, 2020]. Тем не менее, новые данные должны быть соотнесены с таким вариантом периодизации.

Результаты полевых исследований

Новые аналитические данные получены в отношении ранее исследованных памятников. Если в одном случае результат был прогнозируем, то в другом имела место неопределенность культурной интерпретации.

Одиночный курган Соколок исследован А.Д. Таировым в 1984 г. Курган диаметром 6,5–7 м и высотой ок. 0,4 м располагался на левом берегу р. Аят (Варненский р-н Челябинской обл., 6 км ЮЗ с. Николаевка). Объект был размещен на одном из возвышений гряды (более 20 м от уровня поймы), близ слияния рек Арчаглы-Аят и Караталы-Аят. В связи с тем, что материалы подробно опубликованы [Епимахов, 2009], ограничимся основными деталями.

Земляная насыпь имела каменный панцирь с крупными плитами в центральной части. Возможно, они, как и остальная обкладка, относятся к впускному безынвентарному погребению. Кроме него было обнаружено три округлых ямы, расположенных почти строго по линии З – В в непосредственной близости, параллельно друг другу. Длинные оси ям ориентированы меридианально. Погребения совершены в неглубоких (менее 0,5 м от уровня материка) могилах, размеры которых позволяли разместить тело в скорченном положении. Первоначальное положение установлено по отдельным костям *in situ*. Все покойные были ориентированы головой на юг и были уложены на правый или левый бок. В одном случае погребение парное, в двух – индивидуальные. Положение костей ног одного из погребенных свидетельствует об их фиксации в момент совершения ритуала. Наклон скального основания имел следствием разный уровень дна могил, смещение части костей и их плохую сохранность. Среди негативных факторов и совершение впускного погребения. Последнее содержало индивидуально погребение, видимо, в положении вытянуто на спине головой на запад.

Погребальная посуда установлена в границах ранних могил либо на их краю, но в обоих случаях приурочена к головной части погребений, отдельные фрагменты найдены при разборке насыпи. Фактически это единственная культурно диагностирующая категория. Во всех случаях речь идет о плавно профилированных горшечных формах с зауженным горлом и плоским дном, полностью или почти полностью лишенных орнамента. Такие сосуды массово встречаются в памятниках финала бронзового века, хотя поселенческие коллекции более разнообразны и выразительны. Визуально прослеживаемые в тесте примеси песка, дресвы и шамота также не противоречат культурной идентификации в свете отсутствия типичной для зауральского бронзового века тальковой дресвы. Образец для датирования (зуб) отобран из могильной ямы 1 (скелет 1).

Могильник Солнце II (Варненский р-н Челябинской обл.) хорошо известен специалистам как памятник синташтинской культуры [Епимахов, 1996], где также обнаружен курган гунно-сармат-

ского времени [Любчанский, Епимахов, 1994]. Аналитические исследования позволили дополнить эту картину.

Курганы, сильно разнящиеся в размерах, расположены на высоком мысовидном участке левого берега р. Нижний Тогузак в 6 км к ЮЗ от п. Солнце. Из семи исследованных раскопками насыпей наиболее известен кург. 4, содержавший следы колесницы и псалий. Его центральная могила имела внушительные размеры (более чем 3,5 × 2,5 м). Для изучения ее стратиграфии была оставлена продольная бровка. В процессе ее исследования и было выявлено погребение в заполнении ямы (в 0,15–0,2 м выше уровня деревянного перекрытия и в 1 м от дна). Обнаруженный полный скелет взрослого мужчины (?) располагался в положении скорченно на правом боку с ориентировкой головой на юг (рис. 1). Степень скорченности средняя, но в грудном отделе позвоночник был неестественно изогнут. Инвентарь, обнаруженный в заполнении сильно потревоженной синташтинской могилы, невозможно достоверно связать с описываемым покойным. В момент обнаружения и первой публикации нестандартность погребения хорошо понималась, как и его впускной характер, но для его интерпретации явно не хватало сравнительных данных. Для датирования был использован фрагмент бедренной кости.

Радиоуглеродное датирование

Для анализа использован коллаген – зуб и фрагмент кости человека. Отбор произведен в месте хранения антропологических коллекций (фонды НОЦ евразийских исследований Южно-Уральского гос. ун-та). Выделение коллагена и остальные фазы пробоподготовки проведены в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН, измерения – в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США). Анализ проведен в рамках ускорительных технологий (AMS) с определением количества коллагена, соотношения изотопов азота и углерода. Для калибровки использована программа OxCal 4.4.4 [Bronk Ramsey, 2017], калибровочная кривая IntCal20 для Северного полушария [Reimer et al., 2020].

Итоги датирования кургана Соколок ($IGAN_{AMS}$-9087) и погребения из могильника

Рис. 1. Могильник Солнце II, кург. 4, мог. яма 1. Впускное погребение.

Результаты радиоуглеродного датирования погребений финальной бронзы Южного Зауралья

$IGAN_{AMS}$	Coll., %	C/N_{at}	$\delta^{15}N$, ‰	$\delta^{13}C$, ‰	^{14}C, BP (1σ)	cal BC (95,4%)	Медиана cal BC
9087	15,10	3,14	10,18	–19,37	3080 ± 30	1428–1290	1355
9095	2,42	3,14	11,19	–18,48	3100 ± 25	1421–1263	1341

Солнце II ($IGAN_{AMS}$-9095) весьма близки (см. *таблицу*), даже несмотря на низкое содержание коллагена во втором образце. Соотношение азота и углерода не выходит за пределы нормы, нет серьезных отличий и в показателях ^{1}N и ^{13}C. В отсутствие локальных данных по животным приходится ориентироваться на региональные материалы по эпохе бронзы, которые указывают на попадание в коридор значений, характерных для человека [Епимахов и др., 2021 и др.] В свете отсутствия следов резервуарного эффекта результаты можно считать достоверными.

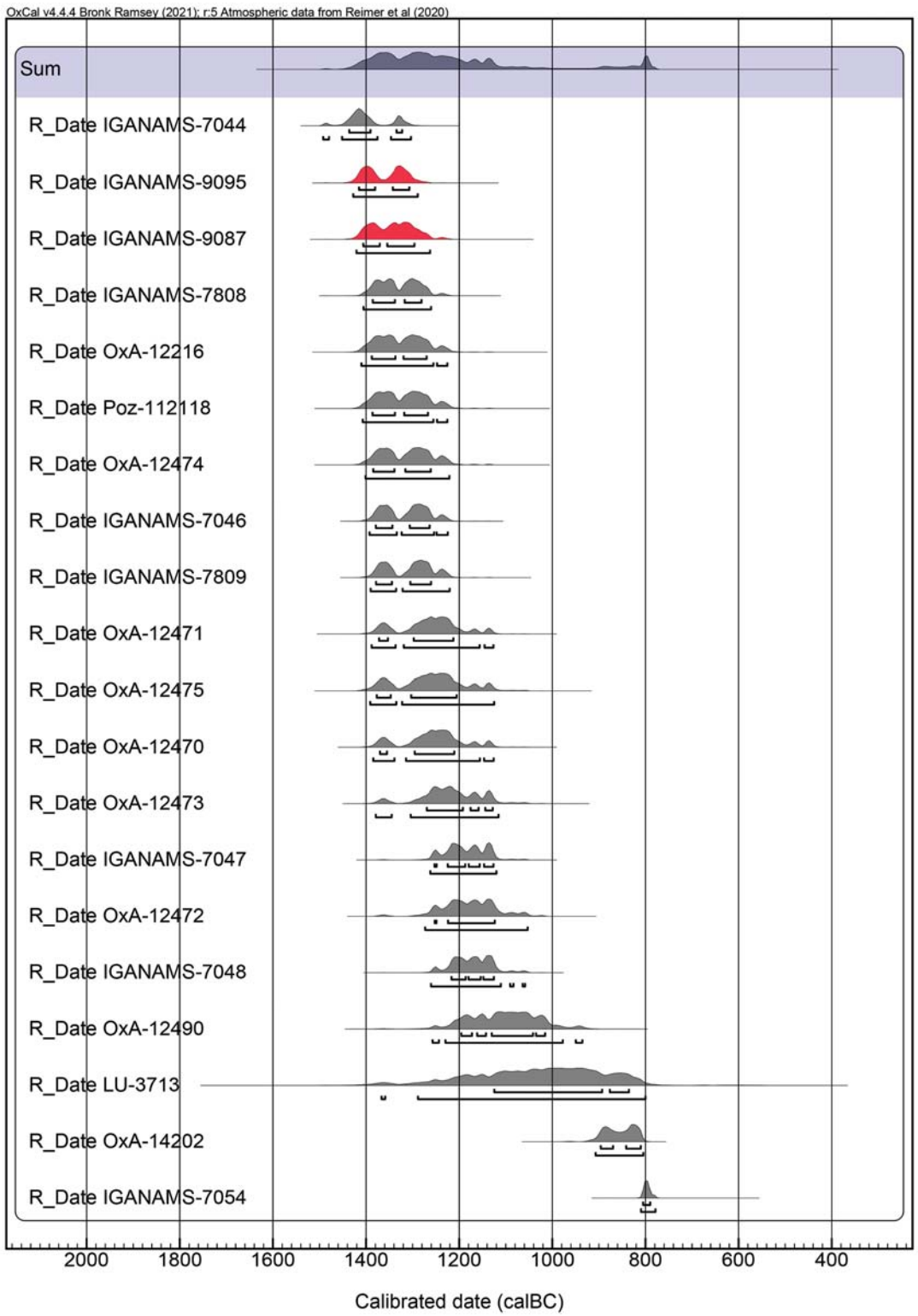


Рис. 2. График результатов калибровки AMS-дат памятников финала бронзового века Южного Урала.

Сравнивая эти итоги с ранее полученными датировками региона, мы предпочитаем использовать только AMS-даты (всего 20). График калибровки (рис. 2) иллюстрирует тот факт, что новые даты попадают в число наиболее ранних. При этом суммирование вероятностей формирует два пика значений, отделяя памятники переходного времени к раннему железному веку.

Выводы

Описанные комплексы по обрядовым чертам уверенно относятся к финальной части местного бронзового века. На это указывают ориентировка в южном секторе, крайне редко встречающаяся в предшествующий период; скорченность погребенных (нередко сильная); правобочное положение покойных. Последнее иногда обнаруживается и среди срубно-алакульских материалов, но составляет небольшой процент и часто обусловлено расположением покойных лицом друг к другу [Рафикова, 2020 и др.]. Должны быть упомянуты также минимальное число инвентаря, включающего обычно исключительно посуду узнаваемого облика, в целом скромные размеры сооружений и небольшое число курганов, наличие впускных погребений, часть которых совершалась на поселениях.

Остается осветить вопрос о культурной принадлежности. Материалы происходят из степной зоны, которая обычно считается саргаринско-алексеевской с оговорками о проникновении лесостепного межовского населения. Поздними признаками в рамках финала бронзового века признаются обеднение орнаментации и исчезновение валиков на сосудах [Петрова, 2020]. Приходится признать, что типологические основания для такой периодизации не работают, во всяком случае для погребальных памятников. Аргументация же в виде сцинтилляционных дат поселений лесостепной зоны нуждается в верификации, продатированные погребения из этой зоны не отличаются от степных ни по хронологии, ни по обрядовым чертам, включая инвентарь.

Список литературы

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Т. 1. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. – 1980. – № 3. – С. 173–182.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. ун-та, 2000. – Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. – С. 241–409.

Дегтярева А.Д., Виноградов Н.Б., Кузьминых С.В., Рассомахин М.А. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 4. – С. 28–44. – doi: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-3

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 22–42.

Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. – 2010. – № 2. – С. 39–50.

Епимахов А.В. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск: АБРис, 2009. – С. 56–66.

Епимахов А.В. Однолезвийные ножи бронзового века из бассейна р. Уй (Южное Зауралье) // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 17, № 30. – С. 15–17.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: Мат-лы I Междунар. междисциплинар. конф. / отв. ред. Е.В. Куприянова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. – С. 7–29.

Епимахов А.В., Петров Ф.Н. Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) // РА. – 2021. – № 3. – С. 67–79. – doi: 10.31857/S086960630012103-2

Епимахов А.В., Таиров А.Д. Между бронзовым веком и железным (могильник Шатмантамак I в Башкортостане) // Поволжская археология. – 2020. – № 3. – С. 171–180.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А. Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганный могильник у с. Каменка) // Поволжская археология. – 2018. – № 3. – С. 299–313. – doi: 10.24852/2018.3.25.299.313

Любчанский И.Э., Епимахов А.В. Новые памятники гунно-сарматского времени Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: Изд-во Магнитог. гос. педагогич. ин-т, 1994. – Вып. I. – С. 13–22.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 148–167.

Петрова Л.Ю. Межовские комплексы Южного Зауралья и вопросы культурного взаимодействия в эпоху финальной бронзы // Тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара: Самар. гос. соц.-педагог. ун-т, 2020. – Т. 1. – С. 321–322.

Поселение Мочище и андроновская проблема / Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л. и др. – Челябинск: Цицеро, 2018. – 398 с.

Рафикова Я.В. Парные погребения эпохи поздней бронзы Средней Азии и Северо-Западного Индостана: свидетельства андроновских миграций? // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – № 2. – С. 199–214.

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon – 2017. – Vol. 59. – P. 1809–1833. – doi: 10.1017/RDC.2017.108

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 CAL kBP) // Radiocarbon. – 2020. – Vol. 62. – P. 725–757. – doi: 10.1017/RDC.2020.41

Vinogradov N.B., Yepimakhov A.V. From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settelments: Eurasian Bronze and Iron Age / Edited by J. Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova, L. T. Yablonssky. – BAR Intern. Series 890. – Oxford: Archaeopress, 2000. – P. 240–246.

References

Degtyareva A.D., Vinogradov N.B., Kuz'minykh S.V., Rassomakhin M.A. Metal products of the Alekseyevka-Sargary culture from the Middle and Upper Tobol areas. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii,* 2019. N 4. P. 28–44. (In Russ.). doi: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-3

Epimakhov A.B. Kurgannyi mogil'nik Solntse II – nekropol' ukreplennogo poseleniya srednei bronzy Ust'e. In *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala. Trudy muzeya–zapovednika Arkaim.* Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 1996. P. 22–42. (In Russ.).

Epimakhov A.V. The "Dark Ages" of the Bronze Age in the South Trans-Urals. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2010. N 2. P. 39–50. (In Russ.).

Epimakhov A.V. Odnolezviinye nozhi bronzovogo veka iz basseina r. Ui (Yuzhnoe Zaural'e). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*, 2011. Iss. 17. N 30. P. 15–17. (In Russ.).

Epimakhov A.V. Zavershayushchie veka epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya: shtrikhi k portretu. In *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Yuzhnogo Urala* / Ed. by N.B. Vinogradov. Chelyabinsk: ABRIS, 2009. P. 56–66. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Kupriyanova E.V., Hommel P., Hanks B.K. Ot predstavlenii o lineinoi evolyutsii k mozaike kul'turnykh traditsii (bronzovyi vek Urala v svete bol'shikh serii radiouglerodnykh dat). In *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniya: problemy istoricheskoi rekonstruktsii: materialy I Mezhdunar. mezhdistsiplinar. konf.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ, Press., 2021. P. 7–29. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Petrov F.N. Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultural traditions in the Trans-Urals: based on the materials of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2021. N 3. P. 67–79. (In Russ.). doi: 10.31857/S086960630012103-2

Epimakhov A.V., Tairov A.D. Between Bronze and Iron Ages (burial ground Shatmantamak I in Bashkortostan). *Povolzhskaya arkheologiya,* 2020. N 3. P. 171–180. (In Russ.).

Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. *Sintashta. Arkheologicheskii pamyatnik ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei,* Vol. 1. Chelyabinsk: South Ural Publ., 1992. 408 p. (In Russ.).

Gorbunov V.S., Obydennov M.F. Kurgannyi mogil'nik epokhi pozdnei bronzy v Yuzhnoi Bashkirii. *Sovetskaya arkheologiya*, 1980. N 3. P. 173–182. (In Russ.).

Grigoriev S.A., Petrova L.Yu., Pleshanov M.L., Gushchina Ye.V., Vasina Yu.V. In *Poselenie Mochishche i andronovskaya problema.* Chelyabinsk: Tsitsero, 2018. 398 p. (In Russ.).

Grigoriev S.A. Bronzovyi vek. In *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. Vol. I: Kamennyi vek. Epokha bronzy.* Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skii State Univ. Press., 2000. P. 241–409. (In Russ.).

Kuptsova L.V., Faizullin I.A., Kryukova E.A. Monument of the Late – Final Bronze Age in West Part of the Orenburg Region (Burial Mound Near the Kamenka Village). *Povolzhskaya arkheologiya*, 2018. N 3. P. 299–313. (In Russ.). doi: 10.24852/2018.3.25.299.313

Lyubchanskii I.E., Epimakhov A.V. Novye pamyatniki gunno-sarmatskogo vremeni Yuzhnogo Zaural'ya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogors State Univ. Press., 1994. Iss. I. P. 13–22. (In Russ.).

Malyutina T.S., Zdanovich G.B., Petrova L.Yu. Poselenie Bersuat XVIII. In *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)*. Chelyabinsk: Rifei, 2006. P. 148–167. (In Russ.).

Petrova L.Yu. Mezhovskie kompleksy Yuzhnogo Zaural'ya i voprosy kul'turnogo vzaimodeistviya v epokhu final'noi bronzy. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo*

arkheologicheskogo s"ezda v Samare. Samara: Samara State Univ. Press, 2020. Vol. 1. P. 321–322. (In Russ.).

Rafikova Ya.V. Late Bronze Age Paired Burials in Central Asia and North-Western Hindustan: Evidence of Andronovo Migration? *Stratum plus,* 2020. N 2. P. 199–214. (In Russ.).

Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*, 2017. Vol. 59. P. 1809–1833. doi: 10.1017/RDC.2017.108

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 CAL kBP). *Radiocarbon*, 2020. Vol. 62. P. 725–757. doi: 10.1017/RDC.2020.41

Vinogradov N.B., Yepimakhov A.V. From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition. In *Kurgans, Ritual Sites, and Settelments: Eurasian Bronze and Iron Age*, BAR Intern. Series 890, Oxford: Archaeopress, 2000. P. 240–246.

Епимахов А.В. https://orcid.org/0000-0002-0141-1026

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0516-0521
УДК 902/904; 550.8.056

А.В. Епимахов✉, М.Г. Епимахова
Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия
E-mail: epimakhovav@susu.ru

Синкретический погребальный комплекс Комсомольский II (поздний бронзовый век в Южном Зауралье)

Андроновская общность является одной из наиболее масштабных феноменов позднего бронзового века (II тыс. до н.э.) в Северной Евразии. Выделение локальных вариантов и культурных традиций в границах этой общности остается проблемой. Это, в свою очередь, затрудняет понимание механизма формирования и функционирования общности в целом. Главным препятствием является интерпретация синкретических памятников, сочетающих черты разных культурных традиций. Статья вводит в научный оборот результаты раскопок могильника Комсомольский II (Южное Зауралье). Памятник является частью комплекса с поселением Левобережное и синхронизируется с одним из его этапов. Курган 5 хорошо иллюстрирует особенности погребальных ритуалов и комплекса керамики, объединяющих черты алакульской и срубной культур. Ингумация покойных в положении скорченно на левом боку в сочетании с ориентировкой головой на север может трактоваться как черта срубной культуры. Значительная часть керамического комплекса также имеет черты данной традиции. Наряду с этим коллекция включает типичные черты алакульской посуды, отдельные алакульские сосуды, фаянсовый бисер и астрагалы. Последние практически не встречаются в срубных памятниках. К настоящему времени, наряду с синкретическими в Зауралье, обнаружены и собственно срубные курганы. Первые результаты датирования указывают на длительное сосуществование двух традиций на одной территории. Для существенного прогресса в понимании процессов требуется существенное расширение источниковой базы и пространственный анализ всей совокупности данных. Особенно остро ощущается дефицит в отношении памятников к востоку и юго-востоку от публикуемого комплекса.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, погребальная обрядность, алакульская и срубная традиции.*

A.V. Epimakhov✉, M.G. Epimakhova
South Ural State University
Chelyabinsk, Russia
E-mail: epimakhovav@susu.ru

Syncretic Burial Complex of Komsomolsky II (Late Bronze Age in the Southern Trans-Urals)

The Andronovo family of archaeological cultures is one of the largest phenomena of the Late Bronze Age (second millennium cal BC) in Northern Eurasia. Identification of local variants and cultural traditions within this family of cultures remains a problem which makes it difficult to understand the mechanism behind the emergence and functioning of the entire Andronovo family. The main obstacle is interpreting syncretic sites which combine features of different cultural traditions. This article presents the results of excavations at the Komsomolsky II burial ground (Southern Trans-Urals). It is a part of the complex with the Levoberezhnoe settlement and can be synchronized with one of its stages. Kurgan 5 well illustrates specific features of funeral rituals and pottery complex which combines the features of the Alakul and Srubnaya cultures. Inhumation of the deceased in the crouched position on the left side combined with orientation of the head to the north can be interpreted as a feature of the Srubnaya culture. A significant part of the pottery complex also shows signs of that tradition. Along with this, the collection manifests some typical features of the Alakul dishware, some Alakul vessels, faience beads, and astragali which are almost never found in the Srubnaya graves. The Srubnaya burial mounds have been discovered in the Trans-Urals along with syncretic burial mounds. First results of dating indicate a long-term coexistence of both traditions in the same territory. Marked progress in understanding the processes requires significant expansion of sources and spatial analysis of the entire set of data. The lack of information is especially noticeable for the sites to the east and southeast of the Komsomolsky II burial ground.

Keywords: *Southern Transurals, Bronze Age, funeral rites, Alalkul and Srubnaya traditions.*

Введение

Со времени открытия первых андроновских памятников в Хакасии прошло почти сто лет, тем не менее, в интерпретации этой культуры (ныне общности) остается немало вопросов. Среди них заметное место занимает выделение на огромной территории типов, этапов и культур, их хронология и соотношение. Не углубляясь в историографический аспект, отметим лишь, что схема периодизации, предложенная К.В. Сальниковым на базе зауральских материалов [Сальников, 1967], критиковалась и пересматривалась многократно [Стоколос, 1972; Матвеев, 1998; и др.], как и схема Г.Б. Здановича [Зданович, 1988; Григорьев, 2002].

При обращении к аргументам сторон приходится признать, что главная трудность заключается в интерпретации многочисленных синкретических памятников, часто сочетающих черты разных культурных традиций. С точки зрения авторов, не в последнюю очередь это связано с тем, что представления об основных культурно дифференцирующих чертах складывались на примере погребальных памятников, в основном посуды как наиболее массовой категории. Логика такого предпочтения не только в фрагментарности поселенческой керамики, но и в том, что устроители похоронной церемонии, вероятно, должны были выбирать атрибуты, связанные с индивидом или его социальной группой [Усманова, 2005, с. 92]. Конечно, это допущение, но вполне реалистичное.

Все перечисленное никак не отменяет необходимости введения в оборот новых материалов и поиска ответов на вопросы, кажущиеся вечными. Данная работа посвящена публикации одного из зауральских памятников бронзового века, эпохальная принадлежность которого ясна в отличие от культурной идентификации. При этом памятник расположен в зоне, уверенно включаемой в алакульскую ойкумену [Кузьмина, 1994, 2008; Алаева, 2015 и др.].

Результаты полевых исследований

Могильник располагается в 0,5 км к северу от СЗ окраины пос. Комсомольский (Брединский р-н Челябинской обл.), левый берег р. Синташта (Тобольский бассейн). Памятник обнаружен в 1989 г. по материалам дешифрирования государственной аэрофотосъемки И.М. Батаниной. Близость к укрепленному поселению Левобережное (другие названия – Синташта II, Комсомольское) подразумевала их принадлежность одному комплексу. Впрочем, стационарные раскопки поселения продемонстрировали достаточно сложную его историю обживания площадки, которая охватила практически все II тыс. до н.э. (калиброванные радиоуглеродные значения) [Епимахов, Петров, 2021].

Курганный могильник представляет из себя широтно вытянутую цепочку курганных насыпей. Изученный кург. 5 располагался в ее центральной части. К моменту изучения курган имел максимальную высоту 0,25 м и нечеткие границы, диаметр – в пределах 14–16 м. Повреждения связаны с интенсивным антропогенным воздействием и длительным существованием колонии сурков. Последнее практически полностью уничтожило центр насыпи вместе с погребальными сооружениями в этой части. Об их наличии приходится судить исключительно по переотложенным костям человека и артефактам. Оставление многочисленных бровок и ручная разборка надмогильного сооружения мало добавили к его характеристике, за исключением наблюдения о сохранении погребенной почвы в центре и снятии на периферии площадки.

Из обрядовых черт, не связанных напрямую с захоронениями, достойны упоминания находки камней среднего размера (до 10 × 15 см) в разных секторах, не образующих никакой системы, а также установленный на основание череп КРС с причленной нижней челюстью и отчетливыми следами способа умерщвления в виде отверстия овальной формы примерно 4 × 3 см в лобной части. Если это жертвоприношение, видимо, было размещено в небольшом углублении, не прорезавшем материк, то череп и кости конечностей МРС явно располагались на более высоких отметках. Этот комплекс локализован близ одного из погребений (7), но их связь достоверно не установлена. Прочие находки в насыпи (кости человека, астрагалы, подвеска из зуба, небольшой фрагмент бронзовой пластины, фрагменты керамики, в некоторых случаях археологически целые сосуды (рис. 1, *1, 2, 6*)), вероятно, являются следами разрушенных погребений центральной части.

Погребальных объектов сохранилось шесть, и они сосредоточены в северо-восточном секторе площадки. В одном случае проследить границы неглубокой ямы не удалось, в других – их размеры оказались очень невелики (максимальная длина – 1,05 м, ширина – 0,7 м). Во всех случаях речь идет о захоронениях детей младших возрастов, обычно индивидуальных. Могильная яма 6 содержала потревоженные норой останки двух человек. Документированные комплексы различаются только в деталях, обычно это ингумация в положении скорченно на левом боку с ориентировкой в северном секторе с незначительными отклонениями. Расхождение касается числа (максимум два) и размещения сосудов (как правило, в районе головы), а также

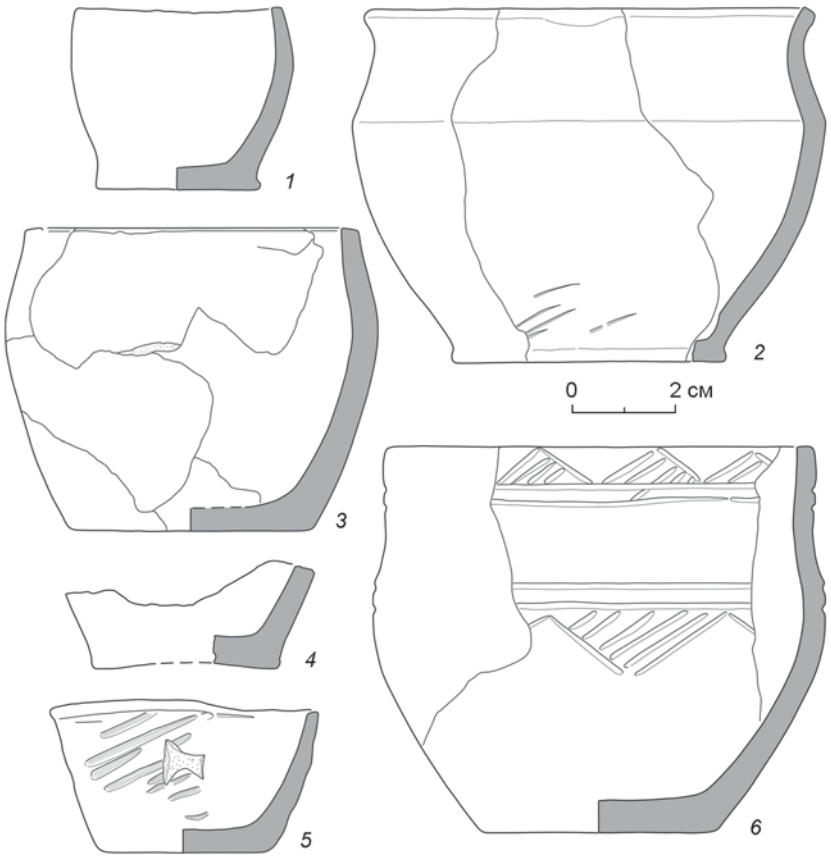


Рис. 1. Могильник Комсомольский II, кург. 5. Керамические сосуды.
1, *2*, *6* – насыпь; *3* – погребение 1; *4*, *5* – мог. яма 2.

дополнительных артефактов. Среди последних – астрагалы, мелкий фаянсовый бисер в районе черепных костей и кристалл кварца.

Вся посуда лепная, плоскодонная, в коллекции представлены горшечные, баночные и баночно-горшечные формы. Наряду с типичной зауральской примесью в глиняном тесте в виде тальковой дресвы (56 %), широко представлен шамот (36 %), единично – слюда. На одном из фрагментов обнаружен отпечаток ткани – довольно распространенная находка для синташтинской и петровской традиций, реже встречающаяся в алакульских сериях [Медведева, Алаева, 2017]. Нужно подчеркнуть еще один момент. В нашей серии есть пример сосуда настолько слабого обжига, что его удалось зафиксировать только на месте обнаружения. Логично предположить, что он был изготовлен специально для ритуала.

Возвращаясь к морфологии посуды, следует отметить, что из всей серии лишь один сосуд (рис. 2, *4*) строго соответствует сложившемуся у исследователей стереотипу алакульской керамики (уступчатое плечо, свободная от орнамента полоса в основании шейки, набор элементов орнамента). Прочие сильно уступают ему в качестве формовки, обработки поверхности, тщательности нанесения орнамента и пр. Часто эти черты наряду с низким расположением максимального расши-

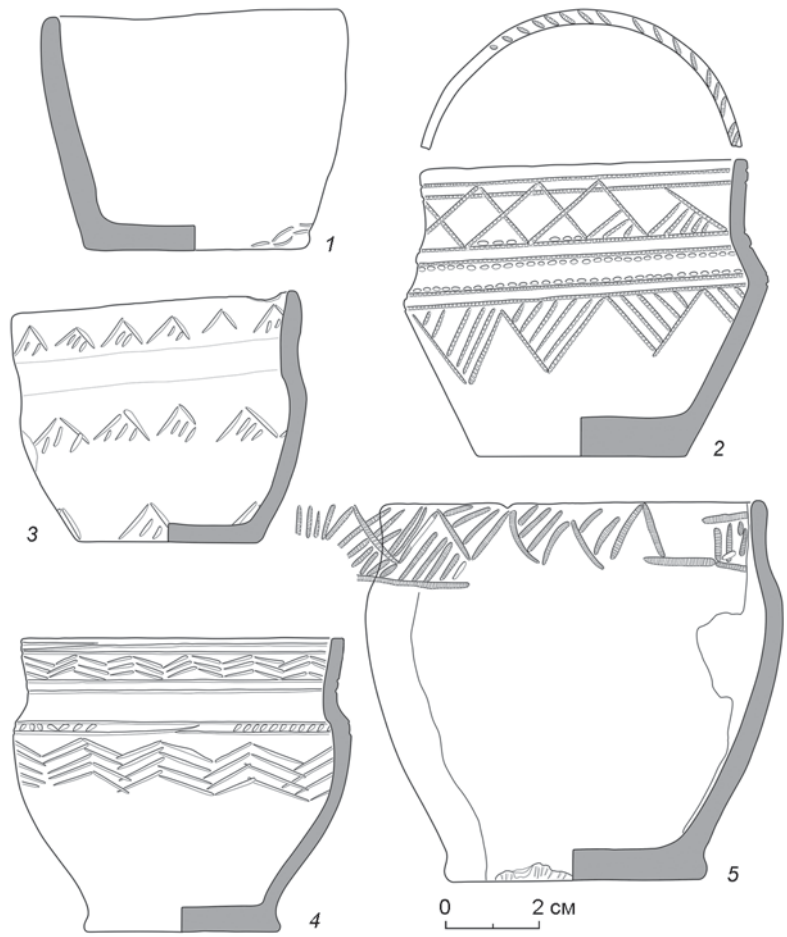


Рис. 2. Могильник Комсомольский II, кург. 5. Керамические сосуды.
1, *2* – мог. яма 7; *3* – мог. яма 4; *4* – мог. яма 3; *5* – мог. яма 6.

рения тулова (рис. 2, *2*) оцениваются как срубные. Такой интерпретации не противоречит и северная ориентировка покойных. Если рассматривать морфологию как хронологический маркер, то серия посуды явно не относится к наиболее ранним алакульским примерам.

Обсуждение

Как уже упомянуто выше, могильник первоначально рассматривался как вероятный некрополь синташтинского укрепленного поселения [Зданович, Батанина, 2007], однако раскопки данное предположение опровергли. Никаких черт синташтинской культурной традиции не просматривается, следовательно, ранний этап стационарного освоения площадки на этом участке пока погребениями не представлен. Не исключено, что синташтинский некрополь был уничтожен при застройке поселка Комсомольский (правый берег р. Синташта). Расположение поселения и могильника на противоположных берегах реки встречается нередко. В исследованной части поселения лучше всего представлен период финала бронзового века, в меньшей степени – синташтинские, черкаскульские и алакульские древности [Носкевич и др., 2021]. Именно с последними, видимо, должен быть синхронизирован раскопанный курган.

Культурная идентификация комплекса менее определенна в свете изложенных соображений об облике керамики и некоторых чертах обрядности. С одной стороны, свой вклад в эту неопределенность внесло доминирование именно детских захоронений с явно упрощенной обрядностью и посудой, часть из которой делалась специально для погребения, а иногда и руками детей [Берсенева, Куприянова, Берсенев, 2014]. В коллекциях поселений также можно вычленить результаты детской работы [Епимахов, Берсенева, Пантелеева, 2012]. Впрочем, керамика из насыпи, вероятно связанная с центральным погребением, также не имеет очевидных отличий. За алакульскую интерпретацию говорит и такая категория, как астрагалы. Они обильно представлены в погребальной традиции синташтинской, петровской и алакульской культур, но почти вовсе отсутствуют в срубных погребениях. С другой стороны, со времен К.В. Сальникова, зауральские памятники степи данного периода рассматриваются как зона широкого взаимопроникновения срубных и алакульских традиций. Эта территория определена И.П. Алаевой как центральная часть зауральской алакульской зоны, тяготеющая к традициям западноалакульской, соль-илецкой культурной группы, ядро срубно-алакульского взаимодействия [Алаева, 2015, с. 13]. Впрочем, в последние годы все увереннее часть из них определяются как собственно срубные [Могильник ..., 2020; Епимахов и др., 2021; и др.]. В условиях не вполне определенной хронологии алакульских древностей вопрос об объяснении данной ситуации не может быть решен однозначно. Наконец, следует держать в уме и то, что культурная идентификация комплексов и групп обычно проводится исключительно с опорой на облик керамики, в то время как реальная картина явно была богаче и разнообразнее, в том числе и за счет внутренней вариативности любой традиции, для которой мы изучаем лишь одну категорию материальной культуры.

Выводы

Публикуемые результаты раскопок кург. 5 могильника Комсомольский II являются примером синкретических памятников Южного Урала и прилегающей части Казахстана, в которых признаки срубной и алакульской культур сочетаются в различных вариантах и пропорциях. Наряду с алакульскими памятниками в Зауралье обнаружены и собственно срубные. Единичные датировки последних [Hanks, Epimakhov, Renfrew, 2007; Епимахов и др., 2021] пока не позволяют сделать окончательные заключения, но очевидно, что мы имеем дело с длительным периодом, начало которого приходится на первые века II тыс. до н.э. (в системе калиброванной радиоуглеродной хронологии). Такая картина предполагает чересполосное сосуществование групп с разными культурными традициями на относительно компактной территории без противопоставления их друг другу. Во всяком случае, поселения этого не демонстрируют, а обнаружение в одном контексте разнокультурных или синкретических материалов вовсе не экзотика. Возможно, расширение базы для выводов и пространственный анализ позволяет выделить микрорайоны и/или экологические ниши, к которым тяготеет та или иная культурная традиция. Пока же приходится констатировать, что к востоку и юго-востоку от публикуемого комплекса мы наблюдаем явный дефицит исходных данных. Исключение – могильники в районе г. Лисаковск [Усманова, 2005], где отчетливо прослеживается взаимодействие алакульских и федоровских традиций, но отсутствуют следы срубных.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021.

Список литературы

Алаева И.П. Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части южного Зауралья // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 14. История, вып. 64. – С. 9–15.

Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенев А.Г. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 88–100.

Григорьев С.А. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. – С. 40–112.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е. Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестн. – 2012. – № 4. – С. 70–77.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы I Междунар. междисциплинар. конф. / отв. ред. Е.В. Куприянова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. – С. 7–29.

Епимахов А.В., Петров Ф.Н. Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) // РА. – 2021. – № 3. – С. 67–79.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 184 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Крокус; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. – 260 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Восточная литература, 1994. – 464 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Медведева П.С., Алаева И.П. Ткани бронзового века в Южном Зауралье и северном Казахстане // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1. – С. 5–12. – doi: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-005-012

Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи / Е.В. Куприянова, В.С. Стоколос, Н.Ф. Петров, Н.С. Батанина; под общ. ред. Е.В. Куприяновой. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. – 155 с.

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Петров Ф.Н., Батанина Н.С. Реконструкция плана поселения эпохи бронзы Левобережное (Южный Урал, Россия) // Поволжская археология. – 2021. – № 3. – С. 142–154. – doi: 10.24852/pa2021.3.37.142.154

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 167 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда – Лисаковск: [б. и]., 2005. – 232 с.

Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity. – Vol. 81, № 312. – 2007. – P. 353–367.

References

Alaeva I.P. Territorial groups of monuments of the Late Bronze Age steppe part of South Transurals. *Vestnik Chelyabinsk State Univ.*, 2015. N 14. Vol. 64. P. 9–15. (In Russ.).

Berseneva N.A., Kupriyanova E.V., Bersenev A.G. Traces of childhood. Search for children in the archaeological record and study of ceramic artefacts (Bronze Age of the South Trans-Urals). *Vestnik Novosibirsk State Univ. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2014. Vol. 13. N 3. P. 88–100. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Berseneva N.A., Panteleeva S.E. Miniatyurnye sosudy poseleniya Kamennyi Ambar. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2012. N 4. P. 70–77. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Kupriyanova E.V., Hommel P., Hanks B.K. Ot predstavlenii o lineinoi evolyutsii k mozaike kul'turnykh traditsii (bronzovyi vek Urala v svete bol'shikh serii radiouglerodnykh dat). In *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniya: problemy istoricheskoi rekonstruktsii: materialy I Mezhdunar. mezhdistsiplinar. konf.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2021. P. 7–29. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Petrov F.N. Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultural traditions in the Trans-Urals: based on the materials of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2021. N 3. P. 67–79. (In Russ.).

Grigor'ev S.A. Istoriya izucheniya epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya. In *Istoriya arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2002. P. 40–112. (In Russ.).

Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. *Antiquity*, 2007. Vol. 81. N 312. P. 353–367.

Kupriyanova E.V., **Stokolos V.S., Petrov N.F., Batanina N.S.** Mogil'nik Stepnoe 25: kul'turnyi sinkretizm na granitse stepi. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2020, 155 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Otkuda prishli indoarii. Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. 464 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kulturnoy obschnosti: monografiya. Aktobe: PrintA, 2008. 358 p. (In Rus.)

Matveev A.V. Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya. Novosibirsk: Nauka, SB RAS Publ., 1998. 417 p. (In Russ.).

Medvedeva P.S., Alaeva I.P. Textile in the Bronze Age of the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2017. N 1. P. 5–12. (In Russ.). doi: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-005-012

Noskevich V.V., Fedorova N.V., Petrov F.N., Batanina N.S. Reconstruction of the Settlement Levoberezhnoe Plan of the Bronze Age (South Ural, Russia). *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2021. N 3. P. 142–154. (In Russ.). doi: 10.24852/pa2021.3.37.142.154

Sal'nikov K.V. Ocherki drevnei istorii Yuzhnogo Urala. Moscow: Nauka, 1967. 408 p. (In Russ.).

Stokolos V.S. Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya (khronologiya i periodizatsiya). Moscow: Nauka, 1972. 167 p. (In Russ.).

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskii I: fakty i paralleli. Karaganda, Lisakovsk: s. n., 2005. 232 p. (In Russ.).

Zdanovich G.B. Bronzovyi vek uralo-kazakhstanskikh stepei (osnovy periodizatsii). Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988. 184 p. (In Russ.).

Zdanovich G.B., Batanina I.M. Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovanii). Chelyabinsk: Krokus Press; South Ural Publ., 2007. 260 p. (In Russ.).

Епимахов А.В. https://orcid.org/0000-0002-0141-1026
Епимахова М.Г. https://orcid.org/0000-0002-8960-7356

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0522-0526
УДК 299.4

Н.С. Ефремова
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

К вопросу о писанице-святилище как отражении производственных культов древности: уральский и алтайский варианты

Статья посвящена сравнительному анализу уникальных сакральных памятников Урала и Горного Алтая. Известные на настоящий момент культовые комплексы такого рода появляются в рассматриваемых регионах в эпоху неолита – раннего металла. Отличительной особенностью данных святилищ можно считать их расположение у скал с петроглифами. Подобные памятники представляют собой культовые комплексы, сочетающие наскальные рисунки с жертвенными прикладами, помещенными в непосредственной близости от плоскостей с изображениями. Образы животных, являвшихся объектами охоты, а также нанесенные на скалы сцены добычи зверя, позволяют связать древние святилища с промысловой деятельностью человека. К выявленным общим чертам, присущим данному типу сакральных памятников, можно отнести иконографию рисунков, большая часть которых представляет собой зооморфные и, реже, антропоморфные изображения; наличие следов использования огня, специфический набор прикладов в жертвенниках (фрагменты керамической посуды, наконечники стрел, орудия из различных материалов, предметы искусства, культовые артефакты и др.). Региональные особенности включали различия в видах изображаемых животных, в количественных и качественных характеристиках оставленных на жертвенниках приношений, в техниках нанесения изображений на скалы, в мощности культурных слоев культовых комплексов. Одним из видов исключительно уральских культовых памятников можно считать святилища, расположенные в пещерах. Таким образом, культовые комплексы отмеченных регионов, несмотря на выявленные региональные варианты промысловых обрядов, обнаруживали в следах отправлений этих действ определенное сходство, основанное на единой идее воспроизводства охотничьей добычи и обеспечения удачи в промыслах.

Ключевые слова*: петроглифы, культовый комплекс, писаница, святилище, жертвенник, промысловые культы, Горный Алтай, Урал.*

N.S. Efremova
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

Rock Art Sanctuary as a Feature of Antique Trade Cults: Altai and Ural Trends

The article presents a comparative analysis of unique sacral sites in the Ural and Altai Mountains. The currently known cult sites of this kind emerged in the considered regions during the Neolithic – Early Metal Period. Such sanctuaries were mainly located close to rocks with petroglyphs. These sacral complexes represent a combination of petroglyphs with offerings placed in immediate proximity to the rocks bearing images. Images of animals and hunting scenes on rocks suggest association of ancient sanctuaries with hunting activity. The common features inherent in this type of sacral site are the iconography of images, the majority of which represent zoomorphic images, anthropomorphic images are less common; traces of fire use, a specific set of offerings on altars (fragments of ceramic ware, arrowheads, tools from various materials, art, cult artifacts, and others). Regional differences are: types of animals depicted, quantitative and qualitative characteristics of offerings on altars, techniques of making rock images, thickness of cultural layers of cult sites. The sanctuaries in caves can be considered an exclusively Uralian feature. Therefore, despite revealed regional trends of hunting ceremonies, cult complexes of these regions show certain similarity in performing worship acts based on the uniform idea of reproduction of game animals and ensuring good luck in hunting.

Keywords*: petroglyphs, cult complex, rock art site, sanctuary, altar, trade cults, Altai Mountains, Urals.*

При реконструкции и изучении духовной культуры человека ушедших эпох большое значение имеют материалы культовых археологических объектов. Именно здесь в максимальном объеме сохраняются следы иррациональной деятельности, которые, по сути, отражают существовавшие в обществе и проявлявшиеся в обрядовых действиях верования и этические нормы, обязательные для исполнения. Часто наиболее сакрализованной, несомненно, являлась сфера мировоззрения, связанная с верой в потусторонний мир и с памятью предков, однако и бытовая сторона жизни не обходилась без обращения к высшим силам, будь то моления о благоденствии рода в целом, забота об урожае или в успехе в промыслах. Примером этому могут служить исследованные в последние десятилетия археологические памятники, относимые к категории узкоспециализированных – «производственных» – святилищ, то есть таких сакральных центров, главным назначением которых являлось обеспечение удачи именно в промысловых и производственных процессах: охоте, рыболовстве, металлообработке и т.д. Подобные культовые объекты широко известны на территории Урала и Сибири, а также за пределами рассматриваемых областей. К сожалению, объем настоящей работы не позволяет привести подробное описание всех обнаруженных здесь сакральных памятников, поэтому в данной статье мы остановимся на самых значительных, в свете рассматриваемой проблемы, широко известных и наиболее детально исследованных культовых объектах.

Задачей настоящей работы является попытка сравнительного анализа культовых мест уральского и алтайского регионов. У многих народов камни и скалы, особенно камни-останцы, скалы необычной формы или с нанесенными на них древними изображениями, становились объектом поклонения, поскольку, согласно архаичным верованиям, они были уже не просто природными объектами, а являлись вместилищем сверхъестественных сил либо духов предков [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 279]. Расположение местонахождений с петроглифами (как правило, на укромных, труднодоступных участках гор), а также мотивы и виды рисунков, где наибольший процент составляли зооморфные изображения, могут свидетельствовать о специфичности сакральной коннотации данных памятников, призванных обеспечить удачу в промысловой деятельности с одной стороны, и воспроизводство животных – с другой; оба эти аспекта, в конечном счете, способствовали благоденствию первобытного коллектива. Так, довольно часто иконография изображений на подобных святилищах включает сюжеты промысла (удачного, поскольку на рисунке обязательно присутствует подстреленная охотником добыча), а также изображения животных с потомством, в которых таким образом отражена идея воспроизводства промысловых зверей.

Поэтому неудивительно, что именно здесь, у скал с рисунками, локализованы жертвенные места, существовавшие порой веками и даже (с перерывами) тысячелетиями, поскольку культурные слои этих памятников содержат приношения, датирующиеся широким хронологическим диапазоном от эпохи камня до этнографической современности. Наиболее полно подобные святилища исследованы в восточной части нашей страны – в Приамурье, Прибайкалье, на территории Якутии и т.д. [Мазин, 1994; Тиваненко, 1989, 1994; Кочмар, 1994], однако и на территории Западной Сибири и на Урале имеют место сакральные объекты, которые на основании определенных морфологических особенностей и обнаруженных здесь артефактов могут быть отнесены к категории т.н. «производственных», промысловых святилищ. Несомненно, нельзя интерпретировать зооморфные изображения писаниц исключительно как отражение промысловой магии, поскольку здесь часто имеют место и мифологические, и космогонические сюжеты, а также изображения тотемов (см.: [Широков, 2010]). Однако присутствие сцен подобной тематики в рисунках на скалах не противоречит общей функциональной направленности культового места – обеспечению преемственности поколений и благоденствия коллектива в целом. Отправление обрядовой деятельности на святилище на протяжении веков может свидетельствовать о его традиционности, устойчивой семантической сущности.

На территории Горного Алтая изучению памятников сакрального характера в последние десятилетия уделялось пристальное внимание (см., напр.: [Алтай сакральный…, 2010; Древние и современные…, 2011; Методика исследования…, 2012]). Археологические исследования показали, что для территории Алтая уникальным можно считать культовый комплекс Куйлю, расположенный в Усть-Коксинском р-не Горного Алтая и полностью изученный академиком В.И. Молодиным [Молодин, Ефремова, 2010]. Здесь под скальной плоскостью с выбитыми рисунками был локализован мощный (более метра) культурный слой, состоящий из горизонтов, хронологически охватывающих период от афанасьевского времени до этнографического. Каждый горизонт содержал большое количество фрагментов керамических сосудов и обломков костей животных, артефакты, в число которых входили наконечники стрел и заготовки для них, орудия, орнаментированные изделия и др., а также участ-

ки прокаленной почвы. Проведенные исследования позволили интерпретировать памятник как эталонное святилище – писаницу-жертвенник, использовавшийся населением региона в разные эпохи. Судя по коллекции прикладов из разновременных горизонтов жертвенника и наскальным изображениям, отправляемые здесь культы носили явно выраженный промысловый характер. Об этом свидетельствует и иконографический ряд изображений: основная часть персонажей памятника включает в себя четко идентифицируемых диких копытных (промысловых) животных. Выявлено также 12 антропоморфных фигур, в том числе «шаманов», всадника и лучника. Присутствие в наскальном искусстве Саяно-Алтая сюжетов с изображениями шаманов и символики шаманизма в сочетании с антропо- и зооморфными изображениями может свидетельствовать о существовании здесь достаточно сложного института верований, связанного как с охотой, так и с пастушеской, кочевой моделью хозяйства [Розвадовский, 2014]. Возможно, сложность отправлявшихся на святилищах ритуалов требовала присутствия лица, имевшего доступ к миру высших сил, в алтайском варианте эту роль мог выполнять шаман, а до развития шаманизма как сложившейся магически-религиозной системы знаний – особые служители культа – «жрецы». При этом интересно, что на Ирбитском Писаном Камне на Среднем Урале антропоморфная фигура изображена в рентгеновском стиле, который А.П. Окладников связывал с «шаманской идеологией» и с «легендами о получении шаманского дара» [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 320]. Не исключено, что в данном случае существование в обществе служителей культа нашло, таким образом, как прямое (изображение), так и косвенное подтверждение.

Как и алтайским культовым объектам, сакральным памятникам Урала в последние десятилетия уделяется значительное внимание (см., напр.: [Культовые памятники…, 2004; Викторова, 2008; Казанцев и др., 2009]). Что касается уральских памятников, то здесь ранние находки и росписи датируются эпохой камня. Так, святилища у озера Большие Аллаки, Каменные Палатки, датируются эпохой палеолита [Сериков, 2007б]. Изображения и артефакты этого периода отмечены не только на писаницах под открытым небом, но и в уральских пещерах, напр. Каповой, Игнатьевской и др. [Широков, Широкова, 2022]. Являлись ли все подобные объекты сакральными – вопрос неоднозначный. Однако, даже если у скалы с петроглифами нет явно выраженных следов почитания, она могла являться культовым местом. Археологические исследования подобных объектов свидетельствуют о том, что практически все памятники наскального искусства были культовыми центрами [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 59–61, 291]. С другой стороны, на Урале известны скальные культовые памятники, представляющие собой только разновременные жертвенники у гранитных валунов (шиханов) без следов росписей на скальных плоскостях – таковыми, напр., являются святилища на берегу Шайтанского озера [Сериков, 2007а] или ряд уральских пещер, обнаруживающих отсутствие петроглифов, но впечатляющее количество принесенных в жертву прикладов, не соотносящееся с бытовой промысловой деятельностью. Так, например, в пещере Камень Дыроватый обнаружено ок. 21,7 тыс. наконечников стрел [Сериков, 2005, с. 74], в Шайтанской (Лобвинской) пещере на Северном Урале – около двух тысяч [Чаиркин, 2004, с. 27–28].

В иконографический ряд уральских писаниц также входят дикие копытные, реже – хищные животные, зато частым персонажем становится изображение птицы, преимущественно водоплавающей. Большое количество орнитоморфных изображений можно отнести к региональным особенностям уральских писаниц и интерпретировать значительным местом этого вида добычи в промысловой деятельности древнего населения Урала. Кроме того, важную роль в мировоззрении современных аборигенных северных народов птица играет как своего рода олицетворение души; возможно, корни этого феномена следует искать в глубокой древности.

Кроме перечисленных, в сюжетном ряду уральских писаниц встречаются также разнообразные знаки и геометрические фигуры. В качестве наиболее яркого примера жертвенника-писаницы можно привести Писаный камень на р. Вишере, выделяющийся многочисленностью образов, разнообразием жертвоприношений и длительностью существования (ок. 3,5 тыс. л.н.) [Бадер, 1954]. В отличие от алтайских святилищ, рассматриваемые памятники Урала и Приуралья отличаются разнообразием и представлены в большем количестве [Изосимов, 2007]. Разнообразны также и варианты интерпретации святилищ такого рода – от родового жертвенника до культового места для обрядов инициации и священной горы как оси мироздания.

К отличительным особенностям относится вариативность техники нанесения изображений: почти все уральские писаницы выполнены краской [Широков, 2004, с. 65, 66], алтайские петроглифы, как правило, нанесены с помощью инструмента и представляют собой выбивки либо граффити, хотя и здесь встречаются рисованные изображения (напр., Турочакская писаница). Сходство же проявляется в том, что часто писаницы рассматриваемых территорий по расположению и оформлению

напоминают алтарные части храма: петроглифы нанесены на наиболее удобные, часто естественным образом визуально обособленные плоскости скалы либо на отдельно стоящие камни, иногда имеющие уникальную форму.

Таким образом, алтайские и уральские культовые памятники, при незначительных различиях, связанных с региональными особенностями, демонстрируют широкий круг аналогий как в иконографии изображений, так и в коллекции прикладов из жертвенников. Сходство природно-ландшафтной среды, характерной для рассматриваемых регионов, предполагало и существование сходных (аналогичных) способов ведения хозяйства и, следовательно, близости обусловленных этими методами верований, которые находили свое выражение в возникавших автохтонно, но имевших много общего обрядовых действиях.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы древних святилищ / отв. ред. А.А. Тишкин, И.А. Жерносенко. – Барнаул: Изд-во Жерносенко С.С., 2010. – 143 с.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – 1954. – Вып. XXI. – С. 241–258.

Викторова В.Д. Проблемы духовной культуры в исследованиях уральских археологов // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Мат-лы конф. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 60–63.

Древние и современные культовые места Алтая / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Артика, 2011. – 124 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейа, 2005. – 472 с.

Изосимов Д.А. Культовые памятники населения горно-лесной полосы Среднего Предуралья: автореф. дис. … канд.ист.наук. – Екатеринбург, 2007. – 26 с.

Казанцев Р.С., Изосимов Д.А., Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф. Комплексы раннего железного века в предгорной части р. Вишеры // Тр. Камской археолого-этногр. экс. – 2009. – Вып. 6. – С. 85–91.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 264 с.

Культовые памятники горно-лесного Урала / ред. А.И. Пономарева. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 430 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 102 с.

Методика исследования культовых комплексов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Пять плюс, 2012. – 144 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Розвадовский А. Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 2 (10). – С. 57–71.

Сериков Ю.Б. Проблемы археологии и древней истории Урала. – Нижний Тагил: Нижне-Тагильск. гос. соц.-педагог. академия, 2005. – 168 с.

Сериков Ю.Б. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007а. – С. 42–49.

Сериков Ю.Б. Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Азбука, 2007б. – Вып. 1. – С. 7–24.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.

Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург, 2004. – С. 24 – 37.

Широков В.Н. Древние образы священных скал // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – С. 63–83.

Широков В.Н. Композиции с рисунками птиц, копытных и змей в наскальных изображениях Урала // Уральский исторический вестн. – 2010. – № 1 (26). – С. 92–99.

Широков В.Н., Широкова Н.А. Пещера – святилище – миф: критерии интерпретации верхнепалеолитических декорированных пещер Урала // Уральский исторический вестн. – 2022. – № 2 (75). – С. 128–138.

References

Bader O.N. Zhertvennoe mesto pod Pisanym kamnem na r. Vishere. *Sovetskaya arkheologiya*, 1954. Iss. XXI. P. 241–258. (In Russ.).

Chairkin S.E. Peshchery Urala: obshchii obzor. In *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala*, Yekaterinburg: UrB RAS Publ., 2004. P. 24–37. (In Russ.).

Devlet E.G., Devlet M.A. Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. Moscow: Aleteia Publ., 2005. 472 p. (In Russ.).

Izosimov D.A. Kul'tovye pamyatniki naseleniya gornolesnoi polosy Srednego Predural'ya: cand.sc. (history) dissertation abstract. Yekaterinburg, 2007. 26 p. (In Russ.).

Kazantsev R.S., Izosimov D.A., Maistrenko D.A., Mel'nichuk A.F. Kompleksy rannego zheleznogo veka v predgornoi chasti r. Vishery. *Trudy KAEE*, 2009. Iss. 6. P. 85–91. (In Russ.).

Kochmar N.N. Pisanitsy Yakutii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1994. 264 p. (In Russ.).

Mazin A.I. Drevnie svyatilishcha Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 102 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. 264 p. (In Russ.).

Ponovareva A.I. (ed.). Kul'tovye pamyatniki gornolesnogo Urala. Yekaterinburg: UrB RAS Publ., 2004. 430 p. (In Russ.).

Rozvadovskii A. Rock Art and Shamanism: Phenomenology, context and ethics. *Theory and practice of archaeological research*, 2014. N 2 (10). P. 57–71. (In Russ.).

Serikov Yu.B. Problemy arkheologii i drevnei istorii Urala. Nizhnii Tagil: NTGSPA Press, 2005. 168 p. (In Russ.).

Serikov Yu.B. Skal'nye kul'tovye pamyatniki Shaitanskogo ozera. In *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaya Sibir' (k 70-letiyu T.M. Potemkinoi)*, Kurgan: Kurgan State Univ. Press, 2007a. P. 42–49. (In Russ.).

Serikov Yu.B. Stanovlenie ritual'no-kul'tovoi praktiki u paleoliticheskogo naseleniya Urala. In *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospective*, iss. 1, Barnaul: Azbuka Publ., 2007b. P. 7–24. (In Russ.).

Shirokov V.N. Drevnie obrazy svyashchennykh skal. In *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala*, Yekaterinburg: UrB RAS Publ., 2004. P. 63–83. (In Russ.).

Shirokov V.N. Kompozitsii s risunkami ptits, kopytnykh i zmei v naskal'nykh izobrazheniyakh Urala. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010. N 1 (26). P. 92–99. (In Russ.).

Shirokov V.N., Shirokova N.A. Cave – sanctuary – myth: interpretation criteria for the Upper Paleolithic decorated caves in the Urals. *Ural Historical Journal*, 2022. N 2 (75). P. 128–138. (In Russ.). doi: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-128−138

TishkinA.A. (ed.). Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya. Barnaul: Artika, 2011. 124 p. (In Russ.).

Tishkin A.A. (ed.). Metodika issledovaniya kul'tovykh kompleksov. Barnaul: Pyat' plyus, 2012. 144 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Zhernosenko I.A. (ed.). Altai sakral'nyi: kul'tovye i arkheoastronomicheskie smysly drevnikh svyatilishch. Barnaul: Zhernosenko S.S. Publ., 2010. 143 p. (In Russ.).

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu kamnya i bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1989. 202 p. (In Russ.).

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 150 p. (In Russ.).

Viktorova V.D. Problemy dukhovnoi kul'tury v issledovaniyakh ural'skikh arkheologov. In *Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiya. Mat-ly konf.,* Yekaterinburg: UrB RAS Publ., 2008. P. 60–63. (In Russ.).

Ефремова Н.С.: https://orcid.org/0000-0002-3053-8755

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0527-0533
УДК 551.59

С.В. Жилич✉, С.Е. Карачурина
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: snezhy@yandex.ru

Причины пожарной активности и ее связь с изменениями растительных сообществ в котловине озера Нижнее Мультинское (Республика Алтай) в позднем голоцене

Изучение в высоком разрешении палеозаписей донных отложений озер Алтая позволяет в деталях реконструировать палеоэкологическую обстановку этого уникального региона, где встречаются несколько климатических зон и большое разнообразие природных обстановок. В данной статье представлены результаты исследования колонки отложений оз. Нижнее Мультинское палинологическим методом и методом анализа макроуглей. По данным анализа макроуглей реконструирована пожарная обстановка в течение последних 3 тысяч лет и тип топлива для огня (дерево или травы). Данные о типе и распределении углей по глубине колонки оз. Нижнее Мультинское сопоставлены с палинологическими данными и реконструированными методом биомизации доминирующими типами растительности. Результаты также сопоставлены с колонкой макроуглей из оз. Малое Яровое. Установлено, что для объектов, расположенных в Республике Алтай и Алтайском крае, периоды интенсификации пожаров имеют схожие временные рамки (3–2 тыс. л.н., около 1,5 тыс. л.н. и последние 200–500 лет) и не зависят от климатических изменений. В районе оз. Нижнее Мультинское реконструировано преобладание лесных пожаров, выявлена связь растительных сообществ с интенсификацией пожаров. Так, при лесном пожаре сокращается доля таежной растительности. Высказана гипотеза о связи лесных пожаров с грозовой активностью в периоды сейсмической активности в районах, прилегающих к озеру, проведено сопоставление полученных данных по палеопожарам с данными о районах и времени палеоземлетрясений в Горном Алтае.

Ключевые слова: *пожары, поздний голоцен, Западная Сибирь, климат, растительность.*

S.V. Zhilich✉, S.E. Karachurina
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: snezhy@yandex.ru

Causes of Fire Activity and Its Relation to Changes in Plant Communities in the Basin of Lake Nizhnee Multinskoe (Altai Republic) in the Late Holocene

High-resolution paleoenvironmental records of the bottom sediments from the lakes of the Altai make it possible to reconstruct the paleoecological situation in this unique region with several climatic zones and great variety of natural environments in detail. This article presents research into sediment column of Lake Nizhnee Multinskoe using palynological and macrocoal analyses. Occurrence of palaeofires for the last three thousand years and type of fire fuel (wood or grass) is reconstructed. Data on the type and distribution of coals in accordance with depth of the column from Lake Nizhnee Multinskoe was compared with palynological evidence and reconstructed dominant vegetation types. The results were also compared with macrocoal column from Lake Maloe Yarovoe. It has been established that periods of fire intensification for the sites of Altai Krai and Altai Republic had similar chronological boundaries (3–2 ka BP, about 1.5 ka BP, and last 200–500 years) and did not depend on climate changes. Forest fires prevailed in the area of Lake Nizhnee Multinskoe; plant communities showed connection with intensification of fires since the percentage of the taiga vegetation decreased during forest fires. The hypothesis on a connection between forest palaeofires and thunderstorms during the periods of seismic activity in the areas adjacent to the lake is proposed. The data on paleofires is compared with data on the areas and time of paleoearthquakes in the Altai Mountains.

Keywords: *fires, Late Holocene, Western Siberia, climate, vegetation.*

Введение

Задача реконструкции условий обитания древнего человека и в целом климата и ландшафтов прошлого имеет значение не только для археологии, но и для большого круга научных направлений, связанных с изучением изменения климата Земли, его динамикой и причинами. Традиционно одним из наиболее благоприятных источников палеоклиматической информации являются палинологические данные из озерных донных отложений. Большая часть территории Российской Федерации является либо неизученной, либо слабоизученной с палеоклиматической точки зрения. Для реконструкции палеоклимата наибольший интерес представляют озера, расположенные в ландшафтах с четко выделенной зональностью, где можно проследить, как в течение тысячелетий сдвигались границы природных зон и изменялся вместе с климатом растительный покров. Алтай является одним из таких мест, где встречаются несколько климатических зон, большое разнообразие природных обстановок, и где изучение в высоком разрешении палеозаписей донных отложений позволяет в деталях реконструировать динамику изменения климата и ландшафтов. Также немаловажным фактором развития ландшафтов на территории Алтая являются лесные пожары, возникающие не только по вине человека, но в 20 % случаев из-за гроз, особенно в летний период, что, вероятно, связано с электромагнитной разгрузкой сейсмически напряженных зон [Кречетова, Кочеева, 2007]. В озерных отложениях наряду с пыльцой и другими органическими остатками хорошо сохраняются частицы угля, образовавшиеся в результате горения. Микрочастицы угля размером от 7 до 100 мкм можно подсчитывать в палинологическом образце, а более крупные (более 150 мкм) подсчитывают в разных размерных классах в рамках анализа макроуглей. Соотношение размерных классов говорит о дальности пожара от озера, его интенсивности, кроме того определяется морфотип угля (древесный, травянистый). Эти данные обрабатывают статистически для реконструкции интенсивности, дальности и вида топлива для пожаров в разные периоды времени. Сопоставляя полученные данные с реконструкцией изменений растительности и климата, можно судить о зависимости интенсивности и частоты пожаров от этих показателей, делать выводы о возможных антропогенных или природных причинах возгорания. Метод макроуглей широко применяется для исследования палеопожаров по всему миру [Hawthorne, Mitchell, 2016; и др.], в том числе и для анализа связи исчезновения лесов с антропогенным воздействием [Asouti, 2003]. На юге Западной Сибири метод был применен к озерным отложениям озера Кучук [Rudaya et al., 2020] и озера Малое Яровое [Жилич, Рудая, 2021]. Результаты анализа макроуглей озера Малого Ярового приведены для сравнения с полученными результатами (рис. 1, *А*, *Б*).

Настоящее исследование посвящено изучению донных отложений оз. Нижнее Мультинское (Республика Алтай) палинологическим методом и методом макроуглей. Озеро Нижнее Мультинское расположено на высоте 1 643 м на северном склоне Катунского хребта в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай. Мультинские озера (Верхнее, Среднее и Нижнее) расположены в долине р. Мульта и соединены ею. Площадь зеркала оз. Нижнее Мультинское 1,7 км² (линейные размеры 2 370 × × 900 м), средняя глубина 21,5 м, водосборная площадь 77 км². Воды озера пресные, слабощелочные. Климатические условия резко континентальные, среднегодовая температура от –2,0 °С до –6,3 °С, среднегодовое количество осадков 628–736 мм. Растительные сообщества в районе исследования соотносятся с бореальным типом высотной поясности, с широкой полосой тайги, развитием ерников и разнотравья в субальпийском поясе, а также тундр и гольцов в высокогорьях [Камелин, 1998].

Методы

Керн донных отложений MN-03 длиной 1,56 м был получен в 2020 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН с плавучей платформы с использованием гравитационного пробоотборника UWITEC. Ненарушенный керн донных отложений получен с глубины 22 м (50,010610° с.ш., 85,831320° в.д.), герметично запечатан и транспортирован в лабораторию, где был вскрыт, описан и опробирован для различных анализов с шагом 1 см. Полученные для керна MN-03 четыре даты откалиброваны, далее в реконструкциях используется только калиброванный возраст; медианные значения календарного возраста образцов использованы для построения возрастной модели с помощью пакета Bacon 2.2 в среде R с учетом резервуарного эффекта.

Палинологическим методом исследовано 75 образцов озерных отложений с шагом отбора проб 1 см. Отбирались навески по 1,0–2,5 г сухого вещества и обрабатывались для палинологического анализа по стандартной методике [Faegri, Iversen, 1989]. Временные препараты подготовленного образца изучались под световым микроскопом (Zeiss AxioImager с увеличением ×400). В образцах подсчитывалась пыльца и споры растений, а так же микроскопические угольные частицы (размер 10–150 мкм). Процентное содержание таксонов рассчитывалось относительно общего количества пыльцы древесных и травянистых растений, принятого за 100 %.

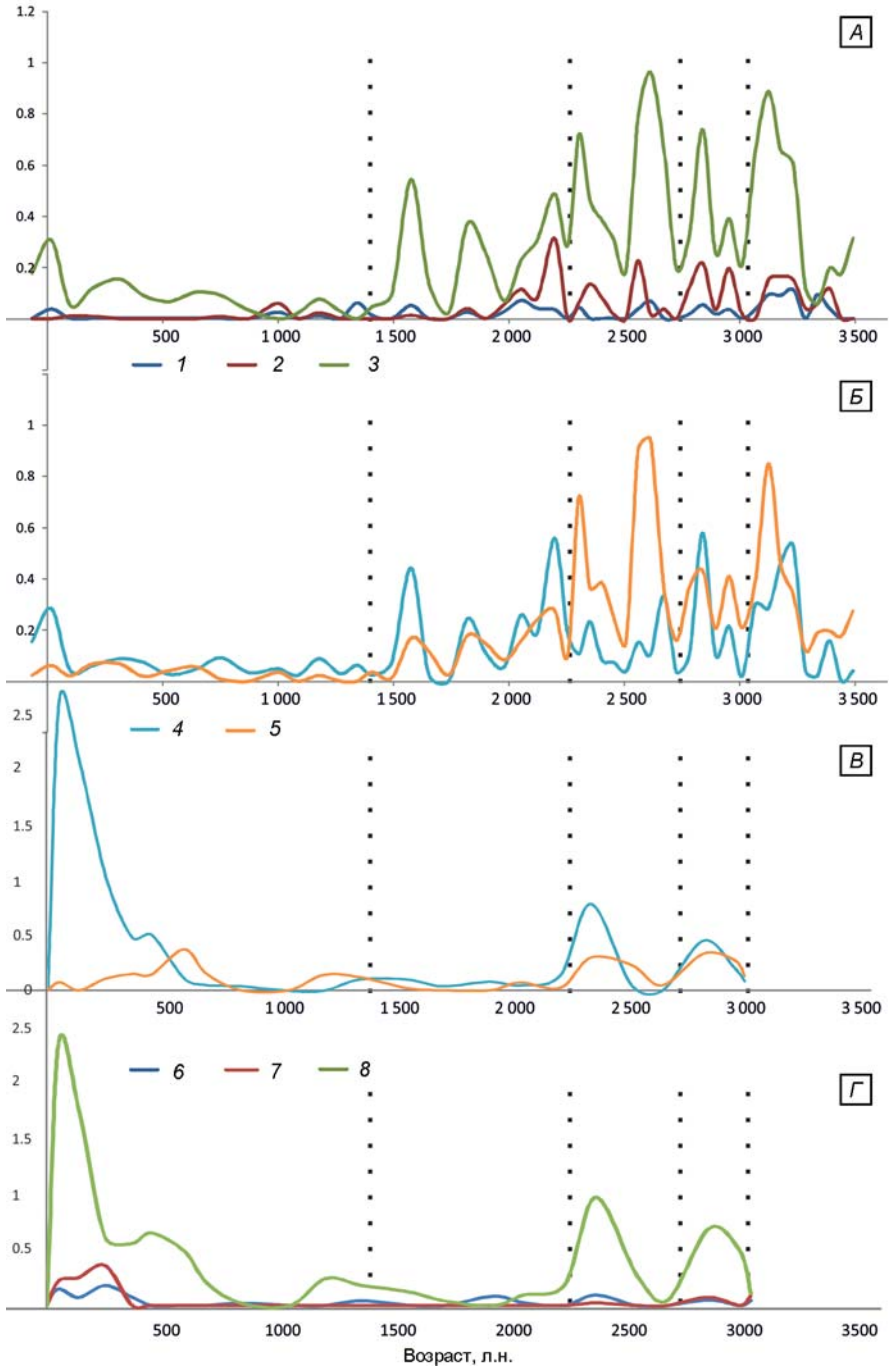


Рис. 1. Диаграмма распределения угольных частиц разного размера (*А* – оз. Малое Яровое, *Г* – оз. Нижнее Мультинское) и разных морфотипов (*Б* – оз. Малое Яровое, *В* – оз. Нижнее Мультинское) по глубине колонок в соответствии с возрастными моделями.

А: *1* – угли более 500 мкм, *2* – угли более 300 мкм, *3* – угли более 150 мкм; *Б*, *В*: *4* – всего древесных углей, *5* – всего травянистых углей; *Г*: *6* – угли более 500 мкм, *7* – угли более 300 мкм, *8* – угли более 150 мкм.

На основе палинологических данных выполнена количественная реконструкция растительности методом биомизации [Tarasov et al., 1998]. Биомы (растительные формации) являются наивысшей категорией растительности (тундра, тайга, степь, широколиственные листопадные леса, пустыни и т.д.). Математически основываясь на положениях нечеткой логики, количественно подсчитывают близость совокупности всех таксонов из палинологического образца к определенному биому (вес биома). В результате реконструкции для каждого образца известны веса каждого биома.

Проведен анализ макроугольков 24 образцов из керна донных отложений оз. Нижнее Мультинское, отобранных с шагом 2–3 см до глубины 75 см. Образцы на анализ отбирались навесками по 1 г, обра-

батывались гипохлоридом натрия (NaClO 15–30 %) в течение 48 часов, затем были последовательно просеяны на ситах с размером ячейки 500, 300 и 150 мкм для разделения на размерные классы, т.к. угли меньшего размера могут переноситься на большие расстояния (вода, ветер и т.д.), а крупные в основном образуются на месте. Уголь определялся до морфотипа (дерево, трава, листья, корни и т.д.) в соответствии с описанной методикой [Courtney-Mustaphi, Pisaric, 2014; Feurdean et al., 2017]. Результаты представлены на диаграмме в единицах измерения инфлюкса шт/год/см^2 (рис. 1, *В*, *Г*).

Результаты

По построенной возрастной модели, в которой был учтен резервуарный эффект ок. 344 лет, нижний образец с глубины 75 см соответствует возрасту 2,9 тыс. л.н. На рис. 2 представлена упрощенная палинологическая диаграмма оз. Нижнее Мультинское (рис. 2, *Б*), на которой отмечается относительная стабильность растительного покрова. На диаграмме приведены результаты подсчета микроугольных частиц, находящихся вместе с пыльцой в палинологическом препарате. Концентрация микрочастиц углей показывает постоянно довольно высокий уровень и не коррелирует с распределением макроуглей (рис. 2, *А*). Таким образом, нами экспериментально подтверждена более высокая эффективность метода анализа макроуглей для реконструкции пожаров по сравнению с учетом микроуглей в рамках палинологического анализа.

По палинологическим данным выполнена количественная реконструкция растительности, установлены преобладающие биомы тайги, степи и пустынных сообществ (рис. 2, *В*). В основании колонки и примерно до 2,5 тыс. л.н. преобладает биом тайги, а биом пустынь имеет низкие значения, что говорит о влажном и теплом климате, затем после 2,5 тыс. л.н. и до 1,8 тыс. л.н. баллы биома тайги становятся ниже, а пустынь выше, доля древесной растительности уменьшается. Особенно низких значений биом тайги достигает около 2 тыс. л.н. Начиная с 1,8 до 1,6 тыс. л.н. баллы тайги увеличиваются, а степь и пустыни сохраняются на прежнем уровне, что говорит о прохладном и сухом климате. Понижение баллов тайги на фоне уменьшения доли древесной растительности происходит около 1,4 и 1 тыс. л.н., а так же около 200–100 л.н.

На рис. 1 представлено распределение угольных частиц (см. рис. 1, *В*, *Г*) по размерным классам, отражающими дальность пожара от озера. Частицы наименьшего размера (150–300 мкм) отражают более дальние пожары, а крупные частицы (более 500 мкм) – пожары в непосредственной близи. На рис. 1, *Г* отражено распределение углей по типу исходного сырья – деревья и травы.

Выделены периоды большей пожарной активности в районе оз. Нижнее Мультинское: 3–2,6, 2,5–2,2, 1,5–1 тыс. л.н. и последние 500 лет. Интенсивные пожары с 3 тыс. л.н. до 500 л.н. происходили вдали от озера. Наиболее интенсивные и близкие к озеру пожары происходят в последние 500 лет, с пиком примерно 100 л.н. Распределение углей по типу топлива (см. рис. 1, *В*) позволяет утверждать, что в период с 3 до 2,7 тыс. л.н. интенсивно горели как тайга, так и степь, а после 2,5 и до 1,5 тыс. л.н. интенсивнее горела тайга. Ок. 1,5–1 тыс. л.н. и ок. 500 л.н. горела только степь. Начиная с 500 л.н. и до примерно 100 л.н. очень интенсивно горела тайга, степных пожаров практически не было.

Дискуссия

Сравнительный анализ интенсивности степных и таежных пожаров в районе оз. Нижнего Мультинского и реконструкции растительности (см. рис. 2) выявил связь пожарной активности с изменениями в растительных сообществах. При этом четко отмечается отрицательная корреляционная связь между типом топлива при пожаре и уменьшением представленности соответствующего биома. Интенсивные пожары с преобладанием древесного топлива (2,5–2 тыс. л.н. и после 500 л.н.) сопровождаются снижением доли древесной растительности, согласно палинологическим данным.

Сопоставление полученных результатов по Нижнему Мультинскому озеру с ранее опубликованными данными палинологического анализа, реконструкциями среднегодового уровня осадков, доминирующих типов растительности и данными анализа макроуглей по оз. Малое Яровое (см. рис. 1, *А*, *Б*) [Rudaya et al., 2020; Жилич, Рудая, 2021] позволило обнаружить временную синхронность пиков пожарной активности для обоих регионов. Пики пожарной активности в районах озер совпадают, но различаются по интенсивности. Так, для периода активных пожаров от 3 до 2 тыс. л.н. характерна скоростью накопления угольных частиц 0,5–1 шт/см^2/год для обоих озер, но в более поздний период от 500 л.н. скорость накопления угольных частиц в осадках оз. Нижнее Мультинское значительно выше, чем в Малом Яровом, и составляет в пике более 2,5 шт/см^2/год. Это указывает на более высокую интенсивность пожарной активности в районе оз. Нижнее Мультинское в этот период.

Для оз. Малого Ярового было показано, что интенсивные пожары приходятся на периоды с высоким уровнем осадков [Жилич, Рудая, 2021] и, напротив, в периоды снижения осадков пожар-

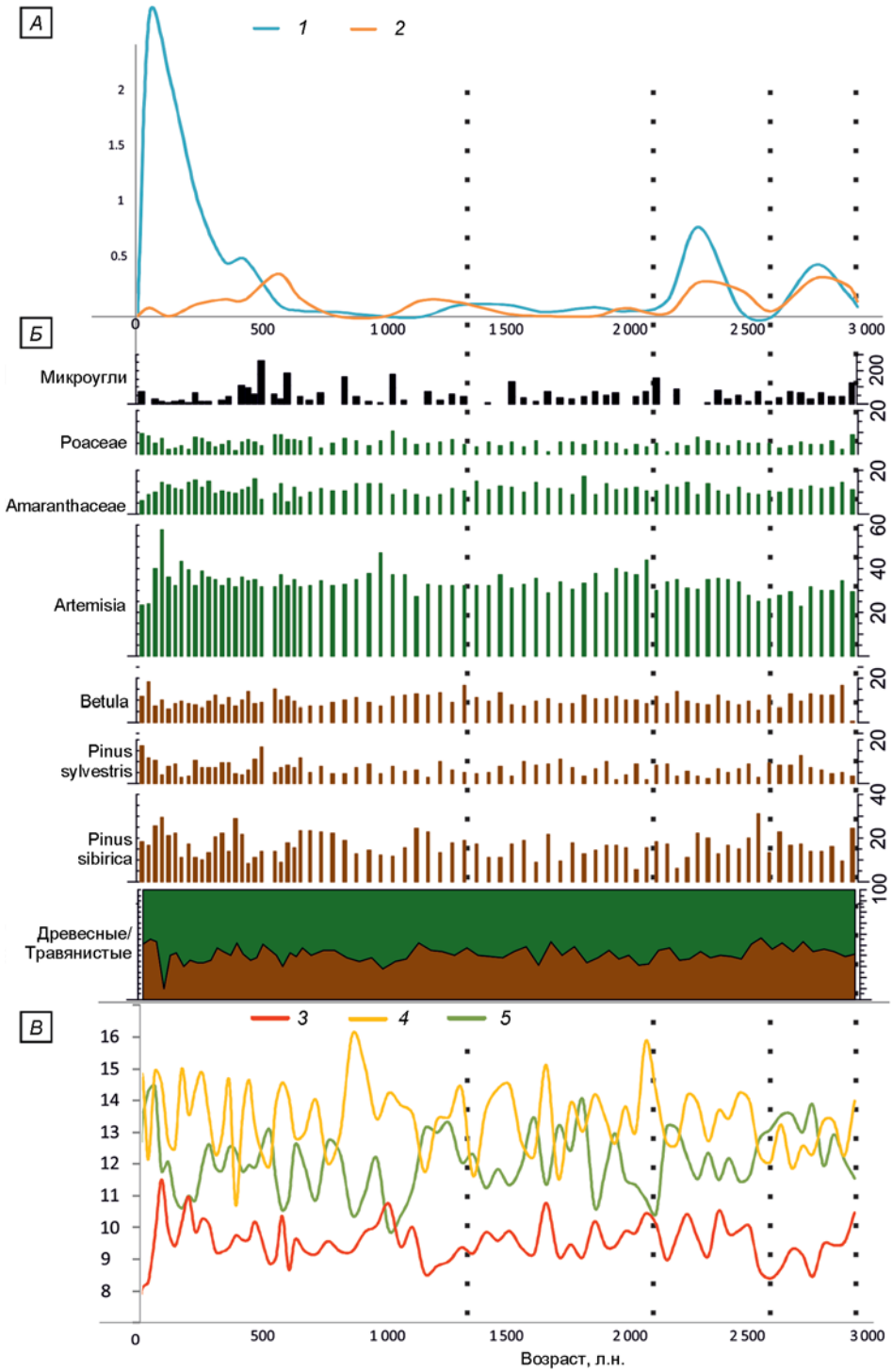


Рис. 2. Сопоставление данных анализа макроуглей (*А*), палинологических данных (*Б*), доминирующих типов растительности (*В*) из отложений озера Нижнее Мультинское.

А: *1* – всего древесных углей, *2* – всего травянистых углей; *В*: *3* – пустыня, *4* – степь, *5* – тайга.

ная активность также снижается, что не согласуется с распространенным мнением, что природные пожары связаны, в основном, с длительными засухами в летние периоды [Беспалов, 2013]. Кроме того, данные об изменениях растительности также не показывают явной корреляции с распределением макроуглей древесного и травянистого типа. Таким образом, для района оз. Малое Яровое, расположенного в степной равнинной части Алтайского края, интенсификация пожаров могла быть связана с хозяйственной деятельностью человека.

Озеро Нижнее Мультинское находится в горной и более труднодоступной местности, где антропогенные факторы не могли иметь такое же значение,

как в районе Малого Ярового озера. Связь интенсивных пожаров в районе Нижнего Мультинского озера с климатическими изменениями также не просматривается, поскольку, по нашим данным и результатам реконструкций из других районов Горного Алтая [Рудая, 2022], период 3,5–1 тыс. л.н. характеризовался относительно теплым и влажным климатом, позднее нарастала аридизация, а в последние 100 лет климат стал влажнее [Там же].

На основе анализа пространственного распределения грозовых лесных пожаров до и после Чуйского землетрясения 27 сентября 2003 г. была высказана гипотеза [Кречетова, Кочеева, 2007] о взаимосвязи возникновения пожаров с электромагнитной разгрузкой сейсмически напряженной зоны в подготовительный период перед землетрясением вдоль разломов. Озеро Нижнее Мультинское находится в одной из зон, где, по данным авторов [Там же], отмечалась повышенная частота пожаров, в т.ч. и грозового происхождения. Также авторы высказывают предположение, что пожары такого рода могут происходить вдоль разломов за какой-то период до землетрясения и после него. Для Горного Алтая есть ряд исследований, посвященных палеоземлетрясениям, реконструированным по геологическим данным с использованием методов датирования. По данным этих исследований, в позднем голоцене было несколько таких интервалов: в Курайской впадине 3,2–2,7 тыс. л.н. [Рогожин, Платонова, 2002], 1,3–1,0 тыс. л.н. [Рогожин, Овсюченко, Мараханов, 2008], 1,3–1,2 тыс. л. н. [Деев, 2019]; в Уймонской впадине, находящейся в непосредственной близи от Нижнего Мультинского озера, 1,2–1,1 тыс. л.н. [Там же]. Обозначенные интервалы совпадают с выявленными нами периодами пожарной активности по данным макроуглей из осадков озера. В рамках данного исследования такая гипотеза происхождения интенсивной пожарной активности кажется наиболее достоверной, т.к. объясняет, почему частота пожаров не зависит от климата и почему горело в основном дерево, поскольку молния попадает в высокие деревья и вызывает именно лесной пожар. Известные по литературным данным палеоземлетрясения не объясняют пик пожарной активности между 2,5 и 2 тыс. л.н., что может быть связано с недостаточной изученностью палеоземлетрясений в части районов Горного Алтая. Наиболее поздний пик пожаров (от 500 л.н. до современности) может быть отнесен к периоду продолжающейся по сей день сейсмической активности, который, по мнению сейсмологов, может быть еще не завершен [Кречетова, Кочеева, 2007].

Заключение

Получена высокоразрешающая реконструкция растительных сообществ и пожарной активности за последние 3 тыс. лет в районе оз. Нижнее Мультинское. Сопоставление полученных данных с ранее опубликованными данными по другим объектам Республики Алтай и Алтайского края выявило схожие тенденции в периодах интенсификации пожаров и подтвердило независимость экстремальной пожарной активности от климатических изменений. В районе оз. Нижнее Мультинское преобладают лесные пожары, усиление которых сказывается на растительных сообществах (при лесном пожаре сокращается представленность таежной растительности). Высказана гипотеза о связи лесных пожаров с грозовой активностью в периоды сейсмической активности в районах, прилегающих к озеру, проведено сопоставление полученных данных по палеопожарам и данными о районах и времени палеоземлетрясений в Горном Алтае.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН.

Список литературы

Беспалов С.В. Оценка влияния осадков на площадную горимость территорий при природных пожарах // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2013. – № 1–2 (2). – С. 14–17.

Деев Е.В. Зоны концентрации древних и исторических землетрясений Горного Алтая // Физика Земли. – 2019. – № 3. – С. 71–96.

Жилич С.В., Рудая Н.А. Реконструкция палеопожаров Кулундинской степи для последних 3500 лет по данным из донных отложений озера Малое Яровое // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 433–440.

Камелин Р.В. Материалы по истории флоры Азии (Алтайская горная страна). – Барнаул, 1998. – 240 с.

Кречетова С.Ю., Кочеева Н.А. К вопросу о связи лесных пожаров, возникших от гроз, с Чуйским землетрясением 2003 года // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – Т. 3 (6). – С. 10–14.

Рогожин Е.А., Овсюченко А.Н., Мараханов А.В. Сильнейшие землетрясения на юге Горного Алтая в голоцене // Физика Земли. – 2008. – № 6. – С. 31–51.

Рогожин Е.А., Платонова С.Г. Очаговые зоны сильных землетрясений Горного Алтая в голоцене. – М.: ИФЗ РАН, 2002. – 130 с.

Рудая Н.А. Изменения климата, растительности и фиторазнообразия Алтайской Горной Страны в конце МИС 2 и голоцене: дис. … докт. географ. наук. – М., 2022. – 98 с.

Asouti E. Woodland vegetation and fuel exploitation at the prehistoric campsite of Pınarbaşı, south-central Anatolia, Turkey: the evidence from the wood charcoal macro-remains // J. of Archaeol. Sci. – 2003. – Vol. 30 (9). – P. 1185–1201.

Courtney-Mustaphi C.J., Pisaric M.F. A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments // Prog. Phys. Geogr. – 2014. – Vol. 38. – P. 734–754.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – Caldwell: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Feurdean A., Veski S., Florescu G., Vannière B., Pfeiffer M., O'Hara R.B., Stivrins N., Amon L., Heinsalu A., Vassiljev J., Hickler T. Broadleaf deciduous forest counterbalanced the direct effect of climate on Holocene fire regime in hemiboreal/boreal region (NE Europe) // Quatern. Sci. Rev. – 2017. – Vol. 169. – P. 378–390.

Hawthorne D., Mitchell F.J.G. Identifying past fire regimes throughout the Holocene in Ireland using new and established methods of charcoal analysis // Quatern. Sci. Rev. – 2016. – Vol. 137. – P. 45–53.

Rudaya N., Krivonogov S., Slowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity // Quatern. Sci. Rev. – 2020. – Vol. 249. – P. 106–616.

Tarasov P.E., Webb III T., Andreev A.A., Afanas'eva N.B., Berezina N.A., Bezusko L.G., Blyakharchuk T.A., Bolikhovskaya N.S., Cheddadi R., Chernavskaya M.M., Chernova G.M., Dorofeyuk N.I., Dirksen V.G., Elina G.A., Filimonova L.V., Glebov F.Z., Guiot J., Gunova V.S., Harrison S.P., Jolly D., Khomutova V.I., Kvavadze E.V., Osipova I.M., Panova N.K., Prentice I.C., Saarse L., Sevastyanov D.V., Volkova V.S., Zernitskaya V.P. Present-day and mid-Holocene biomes reconstructed from pollen and plant macrofossil data from the former Soviet Union and Mongolia // J. of Biogeography. – 1998. – Vol. 25 (6). – P. 1029–1053.

References

Asouti E. Woodland vegetation and fuel exploitation at the prehistoric campsite of Pınarbaşı, south-central Anatolia, Turkey: the evidence from the wood charcoal macro-remains. *J.l of Archaeological Science,* 2003. Vol. 30 (9). P. 1185–1201.

Bespalov S.V. Otsenka vliyaniya osadkov na ploshchadnuyu gorimost' territorii pri prirodnykh pozharakh. *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstvii chrezvychainykh situatsii*, 2013. Vol. 2. P. 14–17. (In Russ.).

Courtney-Mustaphi C.J., Pisaric M.F. A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments. *Prog. Phys. Geogr.*, 2014. Vol. 38. P. 734–754.

Deev E.V. Zony kontsentratsii drevnikh i istoricheskikh zemletryasenii Gornogo Altaya. *Fizika Zemli,* 2019. Vol. 3. P. 71–96. (In Russ.).

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. Caldwell: The Blackburn Press, 1989. 328 p.

Feurdean A., Veski S., Florescu G., Vannière B., Pfeiffer M., O'Hara R.B., Stivrins N., Amon L., Heinsalu A., Vassiljev J., Hickler T. Broadleaf deciduous forest counterbalanced the direct effect of climate on Holocene fire regime in hemiboreal/boreal region (NE Europe). *Quatern. Sci. Rev.*, 2017. Vol. 169. P. 378–390.

Hawthorne D., Mitchell F.J.G. Identifying past fire regimes throughout the Holocene in Ireland using new and established methods of charcoal analysis. *Quatern. Sci. Rev.*, 2016. Vol. 137. – P. 45–53.

Kamelin R.V. Materialy po istorii flory Azii (Altaiskaya gornaya strana). Barnaul, 1998. 240 p. (In Russ.).

Krechetova S.Yu., Kocheeva N.A. K voprosu o svyazi lesnykh pozharov, voznikshikh ot groz, s Chuiskim zemletryaseniem 2003 goda. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya,* 2007. Vol. 3 (6). P. 10–14. (In Russ.).

Rogozhin E.A., Ovsyuchenko A.N., Marakhanov A.V. Sil'neishie zemletryaseniya na yuge Gornogo Altaya v golotsene. *Fizika Zemli*, 2008. Vol. 6. P. 31–51. (In Russ.).

Rogozhin E.A., Platonova S.G. Ochagovye zony sil'nykh zemletryasenii Gornogo Altaya v golotsene. Moskow: IFZ RAS Publ., 2002. 130 p. (In Russ.).

Rudaya N.A. Izmeneniya klimata, rastitel'nosti i fitoraznoobraziya Altaiskoi Gornoi Strany v kontse MIS2 i golotsene: doct. sc. (geogr.) dissertation. Moskow, 2022. 98 p.(In Russ.).

Rudaya N., Krivonogov S., Slowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity. *Quatern. Sci. Rev.*, 2020. Vol. 249. P. 106–616.

Tarasov P.E., Webb III T., Andreev A.A., Afanas'eva N.B., Berezina N.A., Bezusko L.G., Blyakharchuk T.A., Bolikhovskaya N.S., Cheddadi R., Chernavskaya M.M., Chernova G.M., Dorofeyuk N.I., Dirksen V.G., Elina G.A., Filimonova L.V., Glebov F.Z., Guiot J., Gunova V.S., Harrison S.P., Jolly D., Khomutova V.I., Kvavadze E.V., Osipova I.M., Panova N.K., Prentice I.C., Saarse L., Sevastyanov D.V., Volkova V.S., Zernitskaya V.P. Present-day and mid-Holocene biomes reconstructed from pollen and plant macrofossil data from the former Soviet Union and Mongolia. *J. of Biogeography*, 1998. Vol. 25(6). P. 1029– 1053.

Zhilich S.V., Rudaya N.A. Reconstruction of Fire Activity in Kulunda Steppe for the Last 3500 Years Based on Data from Bottom Sediments of Lake Maloe Yarovoe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P.433–440. (In Russ.).

Жилич С.В. https://orcid.org/0000-0002-0365-0602
Карачурина С.Е. https://orcid.org/0000-0002-4955-2872

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0534-0539
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

Использование естественных особенностей скальной поверхности в наскальном искусстве Минусинской котловины

Одной из ярких особенностей классического первобытного искусства является использование естественных природных форм мобильных предметов и скальной поверхности, в которых древний художник распознавал знакомые образы. В некоторых случаях требовалась минимальная искусственная модификация, и изображение создавалось всего из нескольких штрихов. Этот подход к преобразованию субстрата рассматривается как типичный для искусства эпохи палеолита. В наскальном искусстве Минусинской котловины довольно обширный по количеству изображений пласт считается самым ранним. При этом его хронологическая атрибуция остается неопределенной. Возраст рассматриваемой группы наскальных изображений, по мнению разных исследователей, может варьироваться от финала верхнего палеолита до эпохи ранней бронзы. В настоящее время одним из основных направлений установления хронологической атрибуции самых ранних петроглифов на территории Минусинской котловины являются косвенные подходы к датированию изображений. В качестве одного из них может рассматриваться поиск надежно доказанных случаев использования естественных особенностей скальной поверхности, которые древний художник не просто видел, но и вписывал в них создаваемый им образ. В этой статье приводится всего несколько примеров, которые позволяют зафиксировать эту особенность наскального искусства раннего пласта на рассматриваемой территории. Дается описание каждой ситуации и приводятся аргументы, указывающие на намеренное использование той или иной формы естественного рельефа. С одной стороны, полученные результаты позволяют зафиксировать некоторую повторяемость таких ситуаций, однако, с другой – эти немногочисленные примеры дают лишь направление для дальнейшего поиска.

Ключевые слова: *наскальное искусство, открытые памятники, петроглифы, ранний пласт, использование естественного рельефа, Минусинская котловина.*

L.V. Zotkina

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Use of Natural Features of the Rock Surface in the Rock Art of the Minusinsk Basin

One of the striking features of classic prehistoric art is the use of natural forms of portable objects and rock surface, in which an ancient artist recognized familiar images. In some cases, minimal artificial modification was required, and the image was created with just a few strokes. This approach to transformation of raw material is considered typical of Paleolithic art. In the rock art of the Minusinsk basin, quite extensive number of images is considered the earliest. Its chronological attribution remains uncertain. The age of this group of petroglyphs, according to various researchers, may vary from the Late Upper Paleolithic to the Early Bronze Age. Currently, among the main methods in establishing the chronological attribution of the earliest rock art in the Minusinsk basin are indirect approaches to the dating. One of them can be considered the search for reliably proven cases of using the natural features of the rock surface, which an ancient artist not only saw, but inscribed his image therein. This article gives only a few examples, which allow us to document this feature of the earliest rock art in the area under

consideration. Each situation is described, and arguments in favor of the deliberate use of a particular form of natural relief are made. On the one hand, the findings show some repetition of such situations, but on the other hand, these few examples provide only the directions for further research.

Keywords: *Rock art, open-air sites, petroglyphs, earliest imagery, use of natural relief, Minusinsk basin.*

Наскальные изображения на открытых плоскостях широко известны по всему миру. Как и любой объект наскального искусства, они вписаны в природный контекст, что обусловливает специфику как их изучения, так и восприятия. Но, пожалуй, одна из самых удивительных особенностей этой разновидности древнего искусства состоит в том, что художник использовал естественный контекст, в который вписывал образы. Такие примеры хорошо известны в классическим первобытном искусстве, преимущественно в пещерных объектах (Шове, Руффиньяк и многие другие) [Sauvet, Tosello, 1998, p. 59–78; Женест, 2017].

Использование естественного рельефа поверхности субстрата является концептуальной особенностью первобытного искусства. Иногда образы, которые воспроизводил древний художник всего в нескольких линиях, были им распознаны в естественном рельефе и не требовали больших дополнений (например, барельеф лошади из пещеры Коммарк, Дордонь, Франция) [Pigeaud, 1999, p. 589].

На европейских палеолитических памятниках открытого типа, напр., Сьега Верде, Фож Коа, также прослеживается эта особенность – использование естественного рельефа в качестве контуров деталей изображений [Fernandes et al., 2017; Balbín Behrmann, Alcolea-González, 2018, p. 17; Vásquez, 2021, p. 66].

Несмотря на то, что петроглифы раннего пласта в наскальном искусстве Минусинской котловины не имеют надежной хронологической привязки, верхнепалеолитический возраст некоторых из них до сих пор не был опровергнут [Шер, 1980; Советова, Миклашевич, 1999; Миклашевич, 2020]. В связи с этим использование естественного рельефа скальной поверхности может рассматриваться как значимый аргумент в пользу архаичности изображений того или иного стиля.

Приведем несколько случаев, демонстрирующих, как древний художник намеренно вписывал изображения в особенности рельефа выбранной им поверхности. Одним из наиболее выразительных примеров этому является изображение быка с Майдашинской писаницы (рис. 1), рог которого сформирован естественным рельефом – гранями скола песчаника. Его форма повторяет широко распространенный изгиб, типичный для бычьего рога, который можно встретить на многих других изображениях быка, характерных для раннего пласта (см. напр., рис. 2).

Другие два случая, где использование естественного рельефа не вызывает сомнений, известны на Шалаболинской писанице. Первый – это изображение быка, контуры туловища которого расположены на выпуклом участке скальной поверхности (рис. 2). Благодаря этому фигура животного выглядит объемной, напоминающей барельеф. Вто-

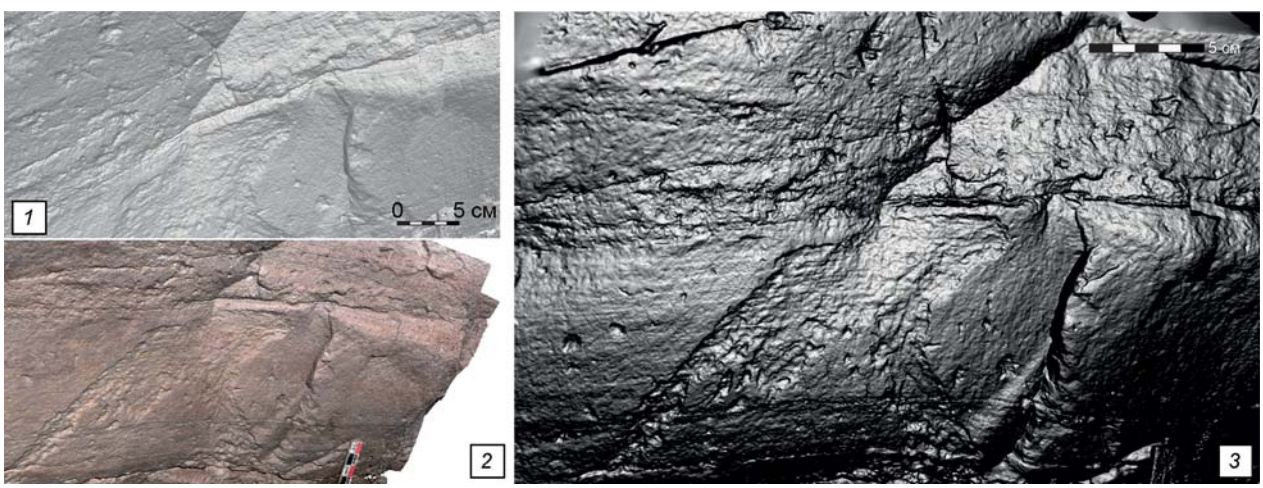


Рис. 1. Изображение быка, ориентированного вправо вверх, Майдашинская писаница (Минусинский р-н, Красноярский край).

1, *2* – общий вид на изображение (3D-модель с текстурой и без); *3* – общий вид на изображение с прорисованным рогом (3D-модель без текстуры).

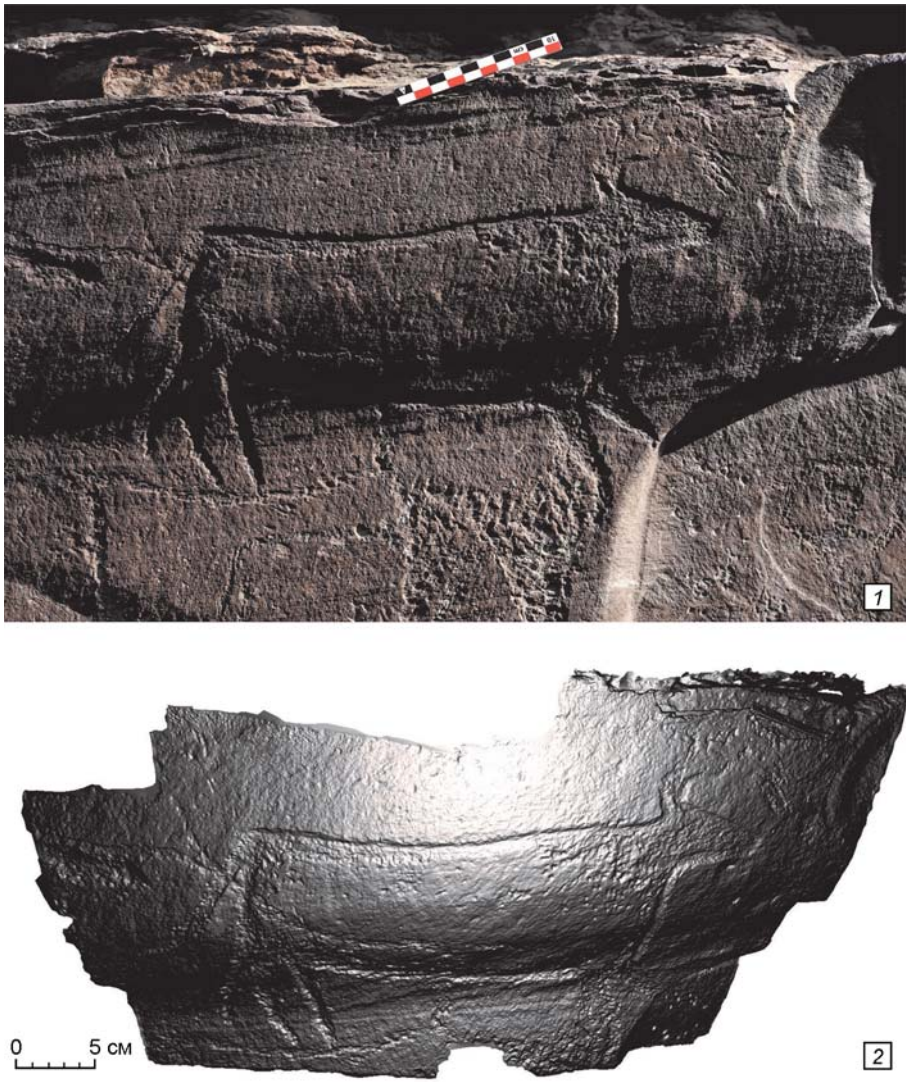


Рис. 2. Изображение быка, ориентированного горизонтально вправо, Шалаболинская писаница (Курагинский р-н, Красноярский край).

1 – фото; *2* – 3D-модель.

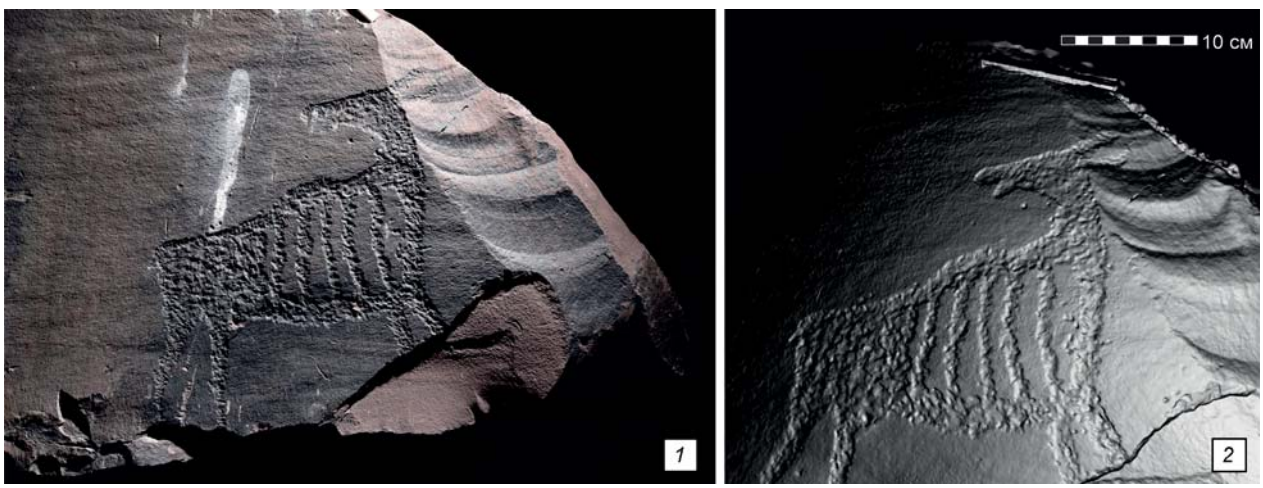


Рис. 3. Зооморфное изображение (олень?) в скелетной манере, Шалаболинская писаница (Курагинский р-н, Красноярский край).

1 – фото; *2* – 3D-модель.

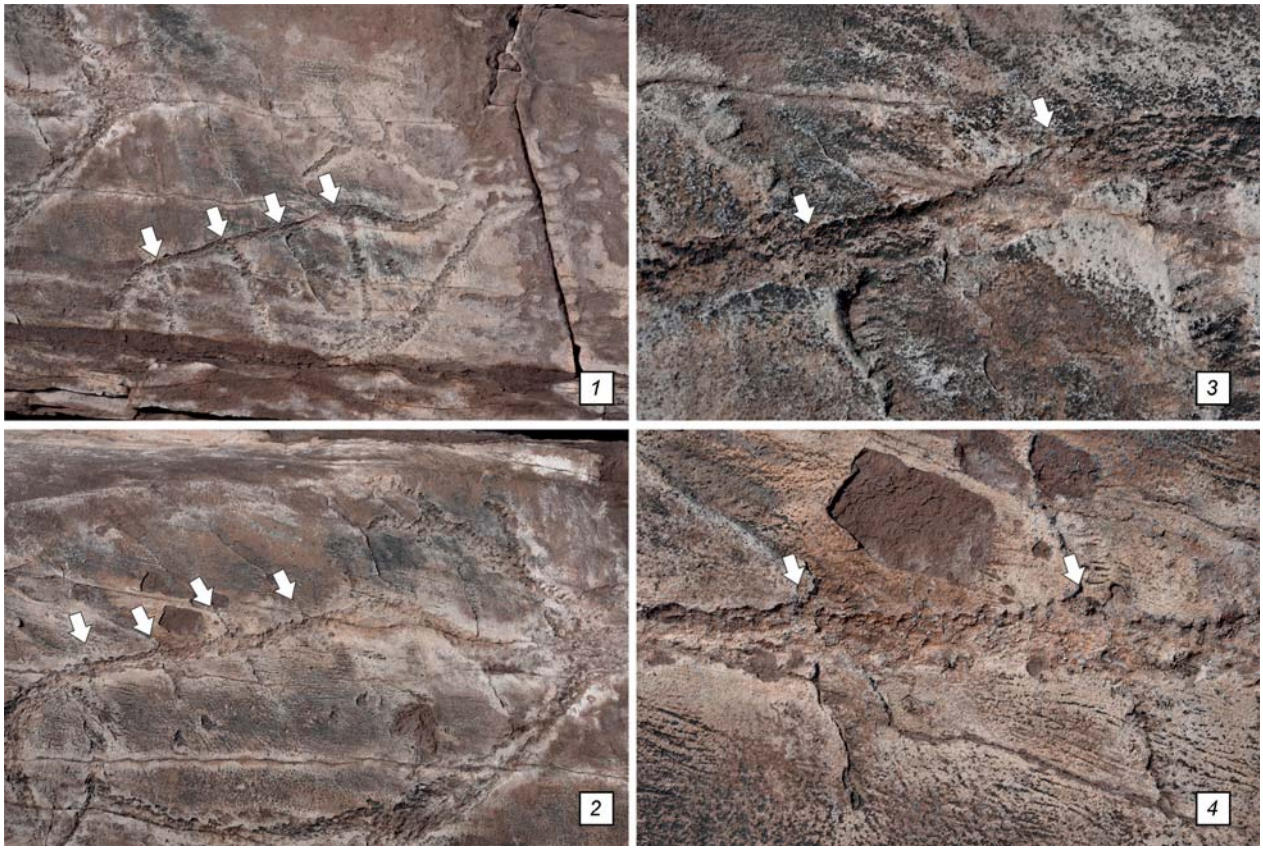


Рис. 4. Изображения двух оленей в «минусинском» стиле, Оглахты, гора «Сорок зубьев» (Боградский р-н, Республика Хакасия).

1, 2 – общие виды изображений (фотографии без масштаба); *3, 4* – макро-фотографии участков спины. Стрелками показано начало и окончание линий пикетажа, образующих спину животного.

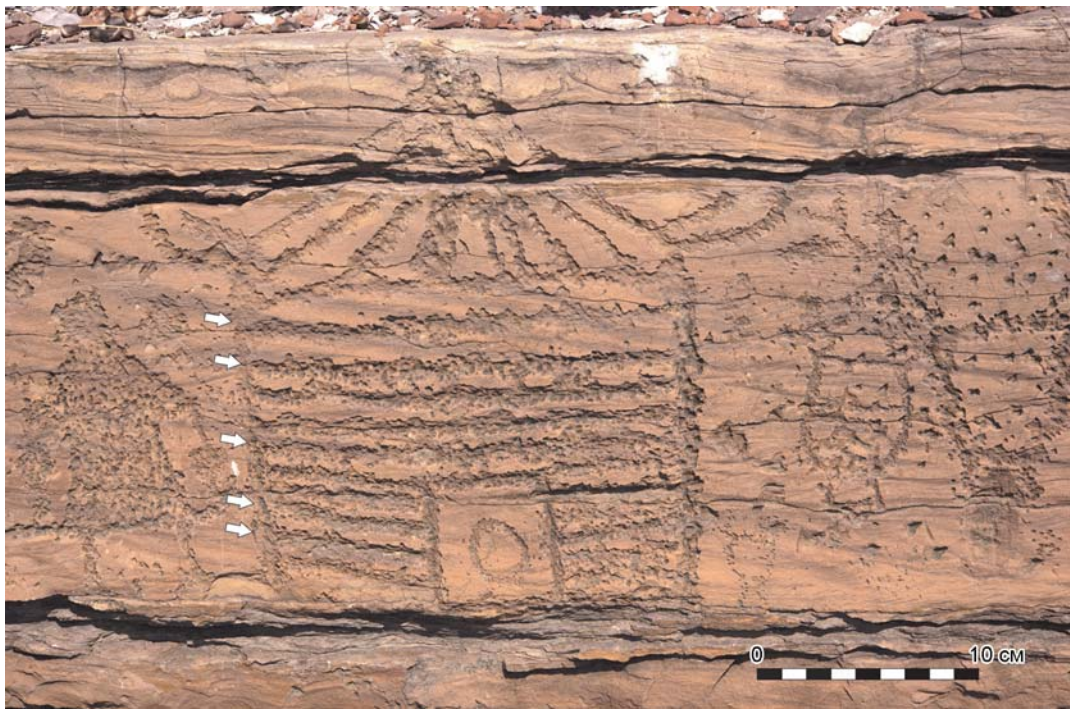


Рис. 5. Изображение постройки тесинского времени, Малая Боярская писаница (Боградский р-н, Республика Хакасия). Стрелками показаны линии выбивки, расположенные на темных слоях песчаника.

рой пример – изображение самки оленя (?), выполненное в скелетной манере, ее уши расположены на поверхности скола с раковистым изломом (рис. 3). Очевидно, что именно этот участок был выбран не случайно, т.к. волнистый рельеф подчеркивает поворот головы, а контур шеи и головы, выполненные непосредственно на границе скола, придают объем образу животного.

Еще один пример требует несколько более пристального рассмотрения. Речь идет о хорошо известной композиции из двух оленей на горе «Сорок Зубьев» комплекса Оглахты (рис. 4). На этих изображениях хорошо фиксируются границы выбитых линий, образующих абрис спины (рис. 4, *1*, *2*, показаны стрелками). На крупной фигуре начало и окончание таких выбитых участков приурочено исключительно к бороздкам на скальной поверхности, которые обусловлены направлением сформировавшего ее естественного скола (рис. 4, *2*, *4*). На изображении поменьше выбитые участки, образующие спину, приурочены к «скелетному» заполнению туловища, но при этом в одном случае все же используется бороздка скола на плоскости (рис. 4, *1*, *3*). Это позволяет сделать заключение о том, что художник использовал линии естественного рельефа в качестве «скелетного» заполнения туловища, и, более того, опирался на них при выполнении контуров спины.

Приведенные случаи показывают, что некоторые архаичные петроглифы выполнены с использованием особенностей естественного рельефа. Что, однако, не исключает возможности применения этих принципов и в поздних пластах. Так, некоторые изображения жилых конструкций Малой Боярской писаницы выполнены с учетом расположения слоев песчаника разного оттенка (рис. 5). Выбитые линии, передающие бревенчатую структуру постройки, часто расположены на темных слоях, а светлые оставлены без изменений. Возможно, даже сама поверхность была выбрана на основании этих особенностей ее естественного окрашивания. Последний пример позволяет продемонстрировать, что факт использования естественных особенностей не может рассматриваться как доказательство древнейшего возраста наскальных изображений.

Здесь приведены всего несколько примеров использования естественных особенностей скальной поверхности: рельефа, цвета. Детальное рассмотрение петроглифов и рисунков на территории Минусинской котловины с этих позиций может открыть новые, ранее неизвестные особенности не только самых ранних, но и поздних наскальных изображений.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Женест Ж.-М. От Шове до Ляско: 15 тысячелетий европейского пещерного искусства (изменение видения, выразительных средств и способов использования пространства) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45. – С. 29–40. – doi: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.029-040

Миклашевич Е.А. О сходстве древнейших наскальных изображений Южной Сибири и Центральной Азии и проблеме их атрибуции // КСИА. – 2020. – Вып. 261. – С. 82–98.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1999. – С. 47–74.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Balbín Behrmann (de) R., Alcolea-González J.J. Siega Verde Rock Art Sites // Encyclopedia of Global Archaeology. – N.-Y.: Springer, 2018. – P. 1–20. – doi: 10.1007/978-3-319-51726-1_577-2

Vásquez M.C. Zoomorphic figures in the open-air Palaeolithic rock art of Spain // ArkeoGazte Aldizkaria: Animals in Prehistoric art. The Euro-Mediterranean region and its surroundings. – 2021. – Vol. 11 – P. 47–73.

Fernandes A.P.B., Reis M., Escudero C.Y, Vásquez M.C. Integration of natural stone features and conservation of the Upper Palaeolithic Côa Valley and Siega Verde open-air rock art // Time and Mind. – 2017. – Vol. 10. – № 3. – P. 293–319.

Pigeaud R. Autour du Cap Blanc: quelques remarques sur la «forme-cheval» // L'Anthropologie. – 1999. – Vol. 103, № 4. – P. 569–616.

Sauvet G., Tosello G. Le mythe paléolithique de la caverne. // Le propre de l'Homme. Psychanalyse et préhistoire. Lausanne: Delachaux et Niestlé Publ., 1998. – P. 55–90.

References

Balbín Behrmann (de) R., Alcolea-González J.J. Siega Verde Rock Art Sites. In *Encyclopedia of Global Archaeology*. N-Y: Springer, 2018. P. 1–20. doi: 10.1007/978-3-319-51726-1_577-2

Fernandes A.P.B., Reis M., Escudero C.Y, Vásquez M.C. Integration of natural stone features and conservation of the Upper Palaeolithic Côa Valley and Siega Verde open-air rock art. *Time and Mind,* 2017. Vol. 10. N 3. P. 293–319.

Geneste J.-M. From Chauvet to Lascaux: 15,000 Years of Cave Art. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2017, Vol. 45. P. 29–40. doi: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.029-040

Miklashevich E.A. Similarity of the earliest rock art in South Siberia and Central Asia and the issue of their attribution. In *Brief communications of the Institute of Archaeology*, 2016. Vol. 261. P. 82–98. (In Russ.).

Pigeaud R. Autour du Cap Blanc: quelques remarques sur la «forme-cheval». *L'Anthropologie,* 1999. Vol. 103. N 4. P. 569–616.

Sauvet G., Tosello G. Le mythe paléolithique de la caverne. // Le propre de l'Homme. Psychanalyse et préhistoire. Lausanne: Delachaux et Niestlé Publ., 1998. P. 55–90.

Sher Ya. A. Petroglify Sredney i Central'noy Azii. Moscow: Nauka, 1980. 328 p. (In Russ).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneyeniseyskikh petroglifov (po itogam raboty petroglificheskogo otryada Yuzhnosibirskoy arheologicheskoy ekspeditsii KemGU). In *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press., 1999. P. 47–74. (In Russ.).

Vásquez M.C. Zoomorphic figures in the open-air Palaeolithic rock art of Spain. In *ArkeoGazte Aldizkaria: Animals in Prehistoric art. The Euro-Mediterranean region and its surroundings*, 2021. Vol. 11. P. 47–73.

Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0540-0547
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина[1]✉, С.В. Сутугин[1], И.В. Аболонкова[2], Р.В. Давыдов[1], А.О. Уткина[3], Л.В. Шашерина[3], Е.А. Миклашевич[2, 4]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия
[3] Институт географии РАН
Москва, Россия
[4] Институт археологии РАН
Москва, Россия
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Некоторые результаты полевых исследований петроглифов древнейшего пласта Минусинской котловины в 2022 году

В статье представлены результаты полевых работ 2022 г. по изучению древнейших изображений на памятниках наскального искусства Минусинской котловины. Основными объектами исследований стали местонахождения Тепсей I, Усть-Туба III и Оглахты I, расположенные в южной части Красноярского водохранилища в месте впадения р. Тубы в р. Енисей. Петроглифы на береговых скалах этих местонахождений, содержащих большое количество ранних изображений, были затоплены водохранилищем более полувека назад, однако в периоды сезонного снижения уровня воды некоторые сохранившиеся плоскости становятся доступны для изучения. Существенное и продолжительное снижение уровня воды в полевом сезоне 2022 г. позволило провести новое документирование нескольких десятков плоскостей с помощью фотографии, фотограмметрии и других современных методов и техник. На некоторых плоскостях проводилась предварительная расчистка от песчано-валунных наносов. В ходе проведения полевых работ было установлено, что некоторые плоскости утрачены навсегда не только по причине затопления, но и вследствие мощных осыпей и обвалов. В результате удалось уточнить технологические, иконографические, стилистические и композиционные характеристики изображений, зафиксирована их локализация и геоморфологический контекст, проведено изучение состояния сохранности и динамики деструкции, взяты образцы породы на ОСЛ-датирование скальных поверхностей. Особое внимание уделялось оценке состояния сохранности петроглифов и сопоставлению с их фотографиями и прорисовками, полученными исследователями в предыдущие годы. Собранные материалы после камеральной обработки и систематизации пополнят базу данных по наскальному искусству древнейшего пласта Минусинской котловины, формируемую с целью решения проблемы его хронологии.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, древнейший пласт, ОСЛ-датирование скальных поверхностей, Минусинская котловина, Тепсей, Усть-Туба, Оглахты.*

L.V. Zotkina[1]✉, S.V. Sutugin[1], I.V. Abolonkova[2], R.V. Davydov[1] , A.O. Utkina[3], L.V. Shasherina[3], E.A. Miklashevich[2, 4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]The Kuzbass Museum-Reserve of "Tomskaya Pisanitsa"
Kemerovo, Russia
[3]Institute of Geography of the RAS
Moscow, Russia
[4]Institute of Archaeology of the RAS
Moscow, Russia
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

Some Results of the 2022 Field Study of the Earliest Petroglyphs in the Minusinsk Basin

The article presents some results of fieldwork in 2022 to study the earliest imagery on the rock art sites in the Minusinsk Basin (South Siberia). The main objects for the research were the Tepsey I, Ust-Tuba III, and Oglakhty I sites located in southern part of the Krasnoyarsk Reservoir, at the confluence of the Tuba and Yenisei rivers. Petroglyphs on the coastal cliffs of these locations, containing a large number of the earliest imagery, were flooded by the reservoir more than half a century ago, but during periods of seasonal water level recession some of the preserved panels become available for study. The significant and prolonged recession of water levels during the 2022 field season made it possible to carry out new documentation of several dozen panels, using photography, photogrammetry, and other modern methods and techniques. Some panels were cleared from sand and boulder deposits. During the field work, it was found that some panels were lost forever not only due to flooding, but also due to powerful rockslides and landfalls. As a result, technological, iconographic, stylistic, and compositional characteristics of the images were significantly revised and specified, their localization and geomorphological context were recorded, the state of preservation and dynamics of destruction were studied, and samples for OSL-dating of the rock surfaces were taken. Special attention was paid to the assessment of the state of preservation of petroglyphs and to the comparison with their photographs and trace-drawings obtained by researchers in previous years. The collected materials, after their laboratory processing and systematization, will be added to the database on the earliest rock art of the Minusinsk Basin, aimed at solving the issue of its chronological attribution.

Keywords: *rock art, petroglyphs, earliest imagery, OSL-dating of rock surfaces, Minusinsk Basin, Tepsey, Ust-Tuba, Oglakhty.*

Наскальное искусство древнейшего пласта на территории Минусинской котловины чаще всего можно встретить на скальных обнажениях по берегам реки Енисей и ее притоков. К наиболее насыщенным ранними изображениями относятся такие местонахождения, как Тепсей I, Усть-Туба III, Оглахты I, Оглахты II, Суханиха I, Моисеиха, Майдашинская и Шалаболинская писаницы, гора Георгиевская [Шер, 1980; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 119–121; Sher et al., 1994; Blednova et al., 1995; Леонтьев, Панкова, 2012, с. 6; Миклашевич, 2015а; 2015б, с. 57–60; Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, с. 47–62].

Многие из этих памятников пострадали при создании Красноярского водохранилища, огромное количество наскальных изображений оказалось под водой. Некоторые полностью утрачены, другие иногда открываются при низком уровне воды в водохранилище; многие плоскости оказались под завалами щебня и крупнообломочного материала, который весьма интенсивно повреждает изобразительные поверхности (рис. 1, *1, 2*), а в некоторых случаях и вовсе делает их недоступными [Миклашевич, 2018, с. 404–406].

В полевом сезоне 2022 г. уровень воды в Красноярском водохранилище был низким не только в течение короткого периода весной (как это обычно бывает), но и на протяжении всего лета и осени (рис. 2). Это позволило реализовать одну из важнейших задач в исследовании наскального искусства древнейшего пласта Минусинской котловины: продолжить документирование и изучение петроглифов береговой линии комплексов Оглахты и Тепсей, большую часть времени находящихся под водой [Советова, Мухарева, Аболонкова, 2012; Миклашевич и др., 2015; и др.].

Расчистка скальных плоскостей с петроглифами на береговой части западного склона горы Тепсей (Тепсей I) из-под обломочного материала является продолжением работ Тепсейского отряда КемГУ под руководством О.С. Советовой [Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, с. 42, 43, 46]. В ходе полевого сезона 2022 г. были расчищены и изучены 15 плоскостей с изображениями, из которых древнейший пласт представлен на 30, 33, 34 и 42 (по нумерации: [Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021]). Проведено документирование: фотофиксация с естественным и искусственным освещением, трехмерная визуализация, а также выполнены прорисовки некоторых изображений, наиболее подверженных разрушению. Для плоскостей 30 и 33 отобраны образцы на датирование методом ОСЛ (rock surface exposure dating – датирование времени экспонирования скальных поверхностей) на участках, где отсутствовали изображения [Sohbati et al., 2012]. Отбирались исключительно небольшие фрагменты породы, которые легко могли быть отделены от скальной поверхности без дополнительного механического воздействия.

На плоскости 30 зафиксированы многочисленные утраты скальной корки и повреждения поверхности преимущественно по горизонтальным трещинам (рис. 3). Наиболее интенсивно разрушаются два крайних изображения на плоскости (кабан в левой части, ориентированный влево, и бык в правой части, ориентированный вправо) (рис. 3, *2, 4*). На ОСЛ-датирование отобран фрагмент, не соединенный в настоящее время с плоскостью с изображе-

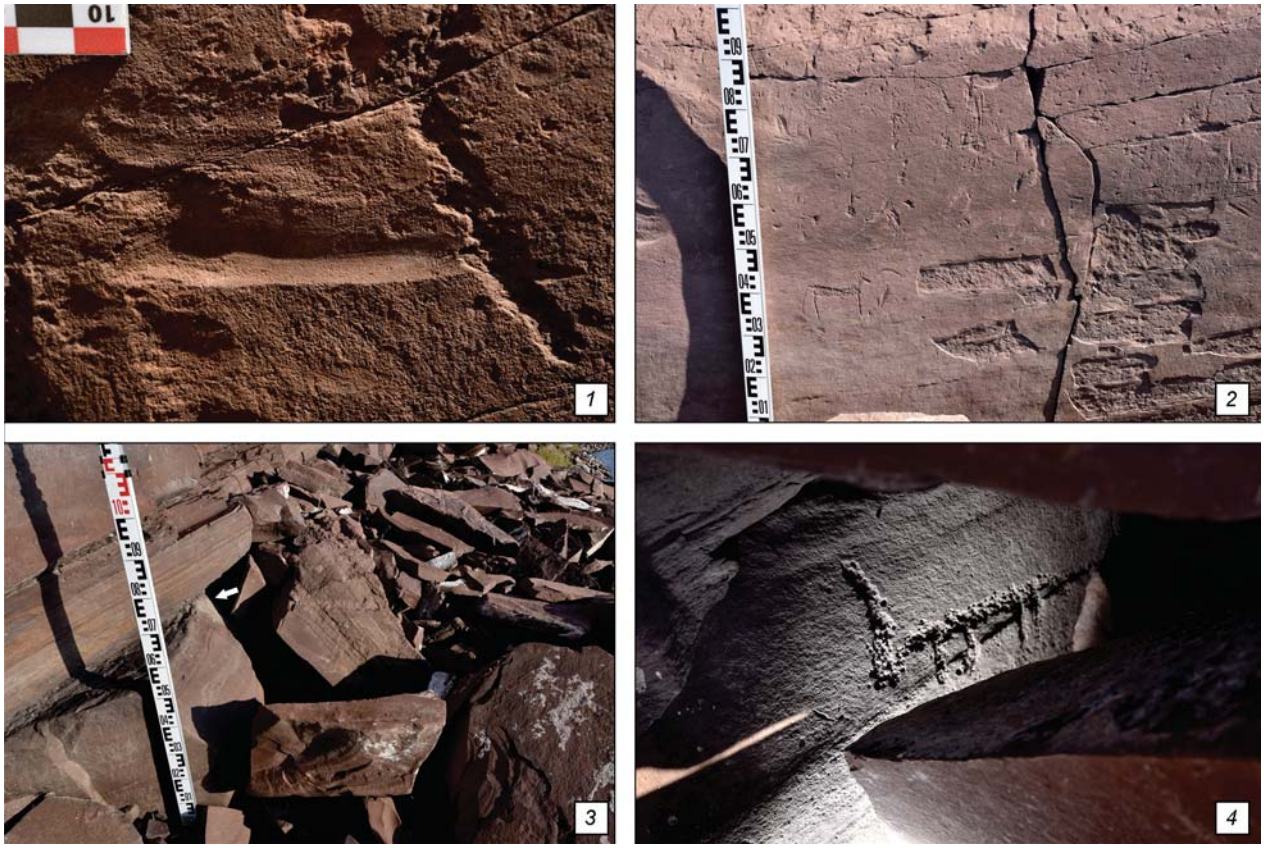


Рис. 1. Повреждения плоскостей с наскальными изображениями в результате воздействия песчано-валунных наносов (Тепсей I).

1 – изображение со следами движения крупных обломков песчаника; *2* – изобразительная поверхность со следами камнепадов и участками с утраченной скальной коркой; *3* – плоскость 41 (стрелкой показано расположение петроглифов), находящаяся под завалами крупных глыб песчаника, расчистка которой не представляется возможной; *4* – изображение на плоскости 41.

Рис. 2. Уровень воды по береговой линии Красноярского водохранилища на местонахождении Тепсей I в 2022 г. Рейка – 5 м. Белый налет показывает обычный уровень воды.

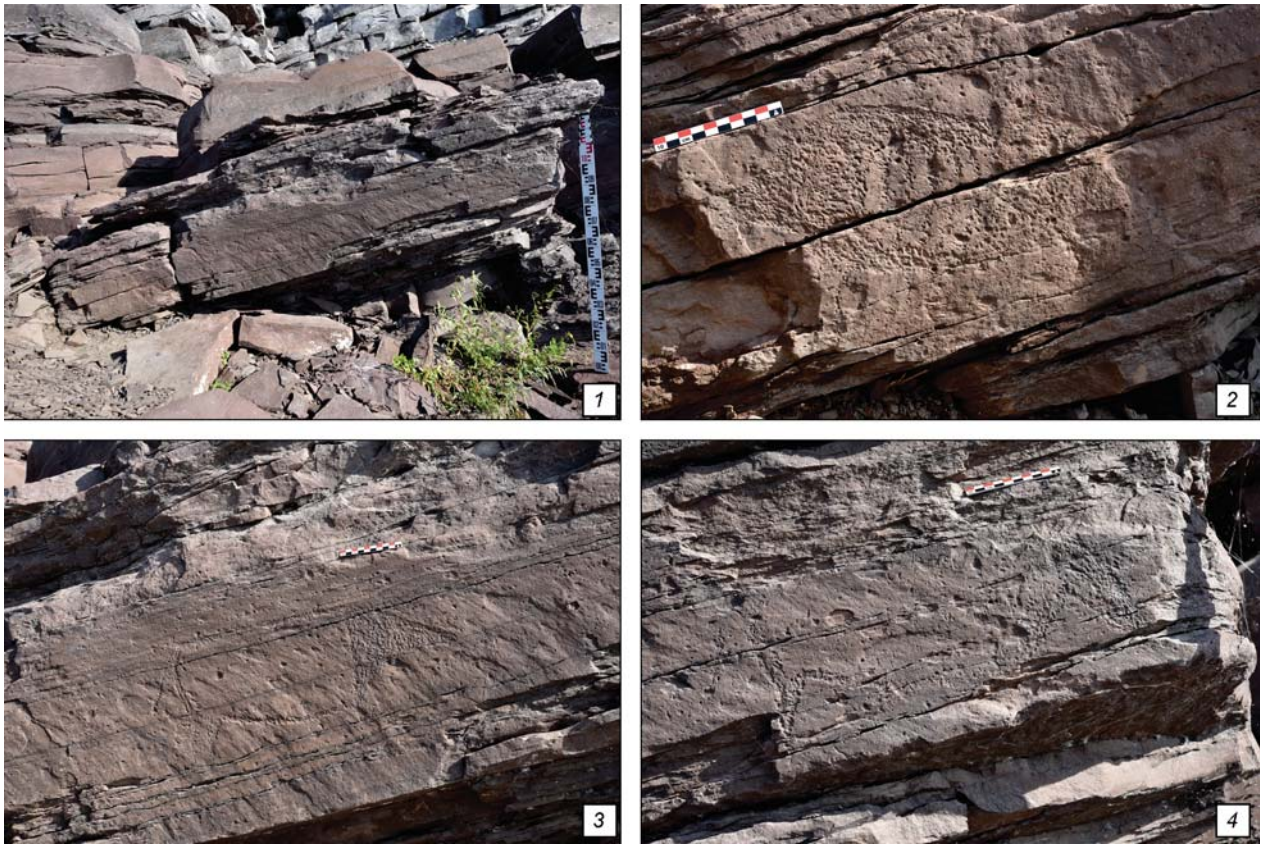


Рис. 3. Тепсей I. Плоскость 30 после расчистки от крупнообломочного материала.

1 – общий вид на плоскость; *2* – изображение кабана, ориентированное влево, в левой части плоскости; *3* – изображение кабана, ориентированное вправо, в центре плоскости; *4* – изображение быка, ориентированного вправо, в правой части.

нием, но, по всей видимости, ранее составлявший с ней единое целое. Также отобран образец с поверхности, обнаженной сколом, произошедшим после нанесения изображения.

После расчистки плоскости 33 были выявлены серьезные повреждения, особенно в левой ее части, наиболее подверженной песчано-валунным наносам. Кроме того, на этом участке зафиксированы отслаивающиеся фрагменты скальной корки, которые в ближайшее время могут быть утрачены. На некоторых из них представлены петроглифы татарского времени. Ранние изображения на настоящий момент имеют относительно хорошую сохранность. На этой плоскости отобраны два образца на ОСЛ-датирование: отошедшие фрагменты скальной корки с крайней левой части плоскости, где отсутствуют изображения.

Плоскости 34 и 35 также обнаруживают весьма значительные утраты скальной корки. В первом случае единственное известное изображение на плоскости демонстрирует весьма динамичное разрушение. Если в 1991 и 1992 гг. исследователи отмечали полную сохранность этого изображения [Blednova et al., 1995, pl. 9, 20.1], то на фотографиях и прорисовке А.Н. Мухаревой 2012 г. видно, что отсутствует задняя нога животного [Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, кат.: 91–93]. На фотографии 2015 г. заметно, как повреждение увеличилось: практически утрачена передняя нога [Там же, кат.: 94], а в настоящее время обе ноги полностью отсутствуют. На соседней плоскости (35) хорошо фиксируются лишь фрагменты практически полностью утраченных изображений. По сравнению с фотографиями и прорисовками 2012 г., где еще улавливались контуры фигур [Там же, кат.: 95–98], также приходится констатировать значительные разрушения [Советова, Мухарева, Аболонкова, 2012].

В целом хорошую сохранность демонстрирует лишь плоскость 42. Обломочный материал ее не перекрывал, и даже беглый анализ состояния скальной корки позволяет сделать вывод об отсутствии на данный момент аварийных участков. Но даже и в этом случае нельзя не отметить большое количество повреждений в результате камнепада и прочих негативных воздействий обломочного материала. Кроме того, как плоскость, так и изображение выглядят несколько сглаженными (окатанными), что является вполне естественным результатом воздействия водной среды, в которой плоскость находится большую часть времени.

На юго-восточном склоне Тепсея на скалах правого берега р. Тубы выше места ее впадения в Енисей при низком уровне воды полностью обнажились все затапливаемые плоскости местонахождения Усть-Туба III (по индексации Я.А. Шера [Шер, 1980, с. 150; Blednova et al., 1995]. Их исследование и редокументирование ведется уже давно, поскольку этот памятник менее других пострадал от затопления и чаще бывает доступен исследователям. В 2022 г. расчищены из-под отложений обломочного материала и от илистого налета плоскости 18–20 (по индексации Я.А. Шера [Blednova et al., 1995]) с изображениями древнейшего пласта (рис. 4), а также некоторые другие, что позволило провести их документирование методом фотофиксации и последующего прорисовывания. Сравнение состояния плоскостей 18–20 с материалами исследований прошлых лет (1960-е, 2002, 2012 гг.) показало значительные по площади утраты скальной корки и фрагментов камня вместе с изображениями.

На скалах комплекса наскального искусства в горах Оглахты исследование петроглифов раннего пласта проводилось на участках, известных по публикациям как Оглахты I, Оглахты II [Sher et al., 1994], Оглахты IV, Оглахты VI [Миклашевич, 2015б, с. 62–64, 68, рис. 7, *1–3*; рис. 11, *1*, *3*; Зоткина, Миклашевич, 2016] и Оглахты IX [Миклашевич и др., 2015]. На незатапливаемых плоскостях выявленные ранее изображения минусинского стиля документировались посредством фотографии при различном освещении и фотограмметрии с целью детальной фиксации изображений, а также контекста, в котором они расположены. На береговых скалах благодаря сильному падению уровня воды в водохранилище стали доступными для редокументирования и изучения состояния сохранности затапливаемые плоскости 3, 7, 25, 26, 36, 50, 50а, 51, 58, 66, 71, 74, 76, 82, 90, 91 местонахождения Оглахты I (по индексации Я.А. Шера [Sher et al., 1994] (рис. 5). На этом участке береговых скал плоскости с петроглифами расположены очень компактно, в несколько ярусов по вертикали, что известно по подробной фотодокументации Я.А. Шера, осуществлявшейся перед затоплением. Самые нижние ярусы сейчас не только затоплены, но и погребены под мощными осыпями и, вероятно, утрачены навсегда. Верхние ярусы периодически возможно увидеть и сфотографировать с лодки при разных уровнях наполнения водохранилища. В 2022 г. доступными для исследования стали обычно затопленные средние ярусы, располагающиеся над уровнем отложений, закрывающих нижние. Некоторые плоскости нижних ярусов удалось откопать и расчистить (рис. 5, *3*). На многих плоскостях в результате обширных отслоений скальной корки сохранились лишь фрагменты изображений (рис. 5, *1*), но даже в таких случаях новое документирование важно: устанавливается местоположение объекта, выявляются все детали сохранившихся фигур, а утраченные фрагменты реконструируются по данным предыдущих иссле-

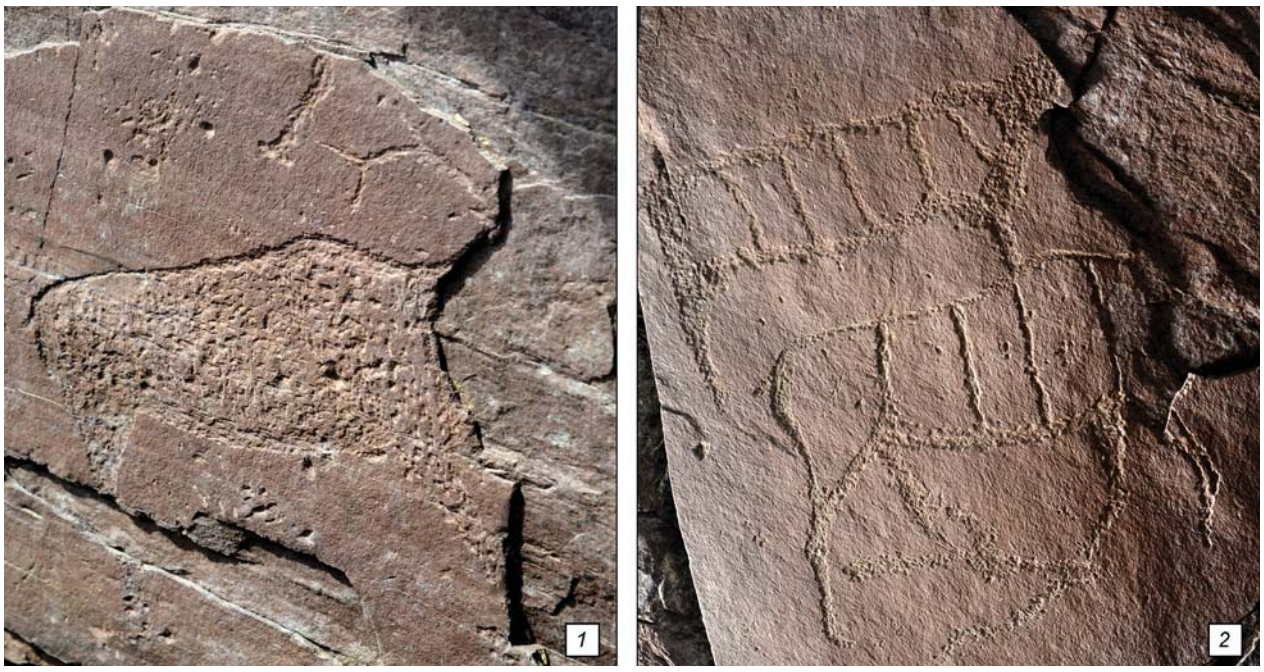


Рис. 4. Усть-Туба III. Современное состояние затапливаемых плоскостей 18 (*1*) и 19 (*2*) (по индексации Я.А. Шера [Blednova et al., 1995]).

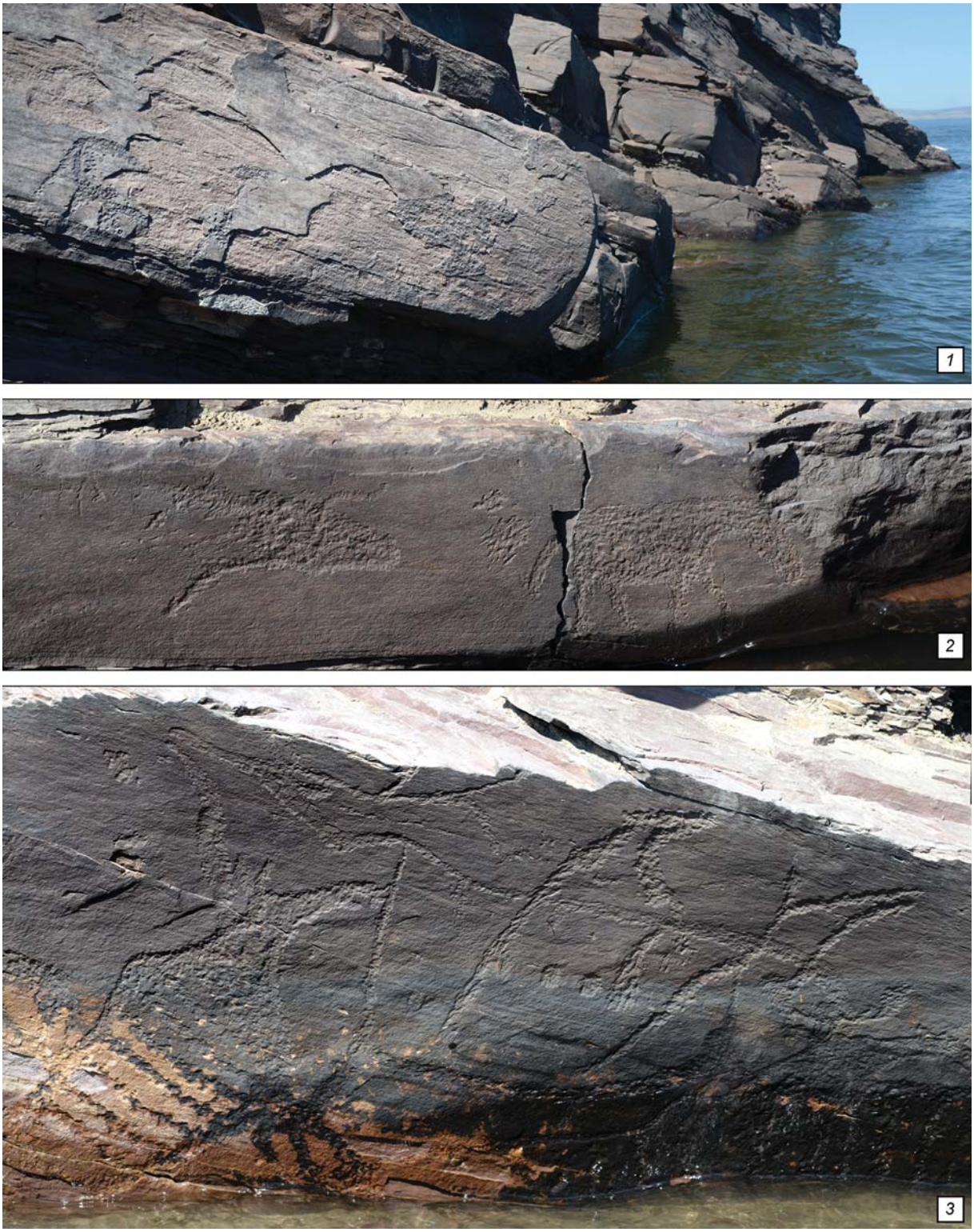


Рис. 5. Оглахты I. Современное состояние затапливаемых плоскостей 7 (*1*), 82 (*2*) и 91 (*3*) (по индексации Я.А. Шера [Sher et al., 1994]).

дований (эстампажи А.В. Адрианова, фотографии и прорисовки экспедиции Я.А. Шера и др.)

Документирование затапливаемых петроглифов Тепсея I, Усть-Тубы III и Оглахты I современными методами со всей возможной точностью – одно из важнейших условий для решения проблемы атрибуции ранних изображений Минусинской котловины. Корпус прорисовок 1960-х гг. [Sher et al., 1994; Blednova et al., 1995] – неоценимый для исследователей источник, но все же он

содержит недостаточно информации по взаиморасположению изображений, последовательности перекрываний в многочисленных палимпсестах, не всегда верно прослежены технологические, иконографические и стилистические детали, не все фигуры тогда были выявлены, идентифицированы, скопированы и сфотографированы. Эта информация и не могла быть зафиксирована средствами, имевшимися в распоряжении исследователей полвека назад. Поэтому так важно сейчас, используя современные технологии, выявлять и тщательно фиксировать те сохранившиеся свидетельства проявлений древнейшего искусства Енисея, которые пока еще не окончательно разрушены временем, природой и техногенной деятельностью человека.

Благодарности

Работа реализована при поддержке РНФ № 22-18-00070 «Древнейший изобразительный пласт в хронологии наскального искусства Минусинской котловины: междисциплинарное исследование по материалам минусинского стиля».

Авторы благодарят О.С. Советову за предоставление координат прибрежных плоскостей с изображениями горы Тепсей, относящихся к раннему изобразительному пласту Минусинской котловины, и Л.Л. Бове за помощь в осуществлении полевых работ на памятниках Оглахты I и Усть-Туба III.

Список литературы

Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А. Трасологический анализ петроглифов минусинского стиля на памятнике Оглахты VI (Хакасия) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2016. – Т. 15, вып. 5. – С. 31–43.

Леонтьев Н.В., Панкова С.В. Петроглифы горы Георгиевская (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Вып. X. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 5–27.

Миклашевич Е.А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». – 2015а. – № 2. – С. 66–78.

Миклашевич Е.А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2015б. – Вып. 1. – С. 54–78.

Миклашевич Е.А. Исследование памятников на берегах южной части Красноярского водохранилища // АО 2016 года. – 2018. – С. 403–407.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л., Зоткина Л.В., Солодейников А.К., Техтереков А.С. Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 году // Кемер. гос. ун-т. – 2015. – № 1, т. 3. – С. 55–65.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1985. – 192 с.

Советова О.С., Мухарева А.Н., Аболонкова И.В. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. – Вып. 26. – С. 77–90.

Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. – Кемерово: Вектор-Принт, 2021. – 288 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. – Paris: Diffusion de Boccard, 1995. – 246 p.

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Siberie du Sud 1. – Paris: Diffusion de Boccard, 1994. – 156 p.

Sohbati R., Murray A.S., Chapot M.S., Jain M., Pederson J. Optically stimulated luminescence (OSL) as a chronometer for surface exposure dating // J. of Geophysical Research. – 2012. – 117. – B09202.

References

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. Paris: Diffusion de Boccard, 1995. 246 p. (In French).

Leont'ev N.V., Pankova S.V. Petroglyphs on the Georgievskaya Mountain (engravings of the Tashtyk culture). In *Rock art sites of the Minusinsk basin: Georgievskaya, Lnishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha. Occasional SAPAR Publications.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. Vol. X. P. 5–27. (In Russ.).

Miklashevich E.A. The earliest rock art imagery of the Minusinsk basin: research problems and perspectives. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednik «Tomskaya pisanitsa»*, 2015a. Iss.2. P. 66–78. (In Russ.).

Miklashevich E.A. The Oglakhty rock art complex: informational potential and research perspectives. In *Sayan-Altay Scientific Review*, 2015b. Vol. 1. Iss. 9. P. 54–78. (In Russ.).

Miklashevich E.A. Issledovanie pamyatnikov na beregah yuzhnoj chasti Krasnoyarskogo vodohranilishcha. In *Archaeological Discoveries in 2016*, 2018. P. 403–407. (In Russ.).

Miklashevich E.A., Bove L.L., Zotkina L.B., Solodeynikov A.K., Tekhterekov A.S. Investigation of the most ancient petroglyphs on the coastal rocks of Oglakhty (Khakasia) in 2014. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015. N 1. Vol. 3. P. 55–65. (In Rus.).

Pyatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinskie petroglify. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagocical Institute, 1985. 192 p. (In Russ.).

Sohbati R., Murray A. S., Chapot M.S., Jain M., Pederson J. Optically stimulated luminescence (OSL) as a chronometer for surface exposure dating. *J. of Geophysical Research*, 2012. 117. B09202.

Sher J.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii. Moscow, 1980. 328 p. (In Russ.).

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Siberie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994. 156 p. (In French).

Sovetova O.S., Mukhareva A.N., Abolonkova I.V. Tepsey I rock art site: history of study and the modern state. In Archaeology of South Siberia. To the 80th anniversary of A.I. Martynov. Vol. 26. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press., 2012. P. 77–90. (In Russ.).

Sovetova O.S., Shiskina O.O., Abolonkova I.V. Naskal'noe iskusstvo Tepsejskogo arheologicheskogo mikrorajona. Kemerovo: Vektor-Print, 2021. 288 p. (In Russ.).

Zotkina L.V., Miklashevich E.A. Traceological analysis of Minusinsk Style petroglyphs at the Oglakhty VI rock art site in Khakasia. *Bulletin of Novosibirsk State Univ. Press.*, 2016. Vol. 15. Iss. 5. P. 31–43. (In Russ.).

Аболонкова И.В. https://orcid.org/0000-0003-2033-7850
Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882
Миклашевич Е.А. https://orcid.org/0000-0003-3190-0311
Сутугин С.В. https://orcid.org/0000-0001-8488-9860
Уткина А.О https://orcid.org/0000-0002-4071-3879
Шашерина Л.В. https://orcid.org/0000-0003-4859-3856

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0548-0554
УДК 902.21 + 550.379

Ю.Г. Карин[1], О.А. Позднякова[2]✉, Е.В. Балков[1], И.О. Шапаренко[1], Г.Л. Панин[1], Д.И. Фадеев[1]

[1] Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Опыт использования дистанционных методов для экспресс-оценки устройства археологических памятников

Территория большинства археологических памятников очень обширна и часто лишена рельефных признаков, что затрудняет оценку их состава и границ. По этой причине разработка и внедрение в археологию высокоточных и высокопроизводительных дистанционных методов весьма актуальна. В последнее время, благодаря разработке на базе ИНГГ СО РАН новой геоэлектрической аппаратуры «Геовизер», совместимой с высокоточными GPS системами для привязки, удалось существенно увеличить производительность и точность малоглубинного частотного профилирования. Монтаж данного оборудования на движущиеся платформы дал возможность сформировать комплекс методов, позволяющих в короткие сроки оценивать строение и состав археологических памятников. Он включает аэрофотосъемку, малоглубинное частотное профилирование (аппаратура «Геовизер») и электротомографию (аппаратура «Скала»). В данной статье представлены результаты апробации данного комплекса методов на поселении эпохи поздней бронзы Гришкина Рыбалка (юг Западной Сибири). Аэрофотосъемка с применением миниатюрных БПЛА позволила в течение одного рабочего дня получить информацию о рельефе дневной поверхности на площади в сотни м^2. Показано, что за счет более высокой плотности точек карта относительных высот, построенная по результатам аэрофотосъемки, демонстрирует более информативную картину рельефа, чем тахеометрический план памятника. Благодаря монтажу аппаратуры «Геовизер» на движущуюся за автомобилем платформу, удалось в короткие сроки картировать территорию распаханного зольника. Установлено, что границы зольника больше определенных ранее по шлейфу из подъемного материала. Кроме того, рядом с ним выявлено два новых объекта с аналогичными характеристиками. Доказано, что метод малоглубинного частотного профилирования в совокупности с высокоточной системой позиционирования приближается по производительности к аэрофотосъемке. Благодаря применению электротомографии удалось получить информацию о глубинных характеристиках жилищ. Таким образом, проведенные исследования показали, что опробованный комплекс методов высокоэффективен и позволяет в короткие сроки определять особенности устройства археологических памятников.

Ключевые слова: *поселение, эпоха поздней бронзы, аэрофотосъемка, малоглубинное частотное профилирование, электротомография.*

Y.G. Karin[1], O.A. Pozdnyakova[2]✉, E.V. Balkov[1], I.O. Shaparenko[1], G.L. Panin[1], D.I. Fadeev[1]

[1] Institute of Petroleum Geology and Geophysics of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Use of Remote Methods for Rapid Assessment of Structure in Archaeological Sites

The majority of archaeological sites has a vast area and often lacks relief, which makes it difficult to assess their composition and boundaries. This required elaboration and implementation of high-precision and high-performance

remote methods in archaeology. Recently, thanks to new geoelectric unit "Geovizer," designed by the Trofimuk Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the SB RAS, it has become possible to significantly increase effectiveness and accuracy of shallow frequency profiling. Placing this equipment on the moving platform ensured the use of methodology for rapid assessment of structure and composition of archaeological sites, which involves aerial photography, shallow frequency profiling ("Geoviser" unit), and electrical tomography ("Skala" unit). This article presents the results of testing this set of methods at the Late Bronze Age settlement of Grishkina Rybalka (south of Western Siberia). Aerial photography from miniature drones provided information on relief of the surface over hundreds of square meters in one working day. Due to higher density of aerial photography points, the map of relative heights demonstrated more informative picture of the relief compared to tacheometric plan of the site. Setting the "Geoviser" unit on the platform moved by the car has made it possible to map the territory of the plowed ash pit in a short time. It has been established that the boundaries of the ash pit were larger than it had been previously established from the trail of surface finds. In addition, two new objects with similar features were found next to it. The method of shallow frequency profiling combined with high-precision positioning system proved to be similar to aerial photography in terms of performance. Electrical tomography provided information on underground features of dwellings. The study has revealed that the tested set of methods was highly effective and fostered rapid detection of structural features of archaeological sites.

Keywords: *settlement, Late Bronze Age, aerial photography, shallow frequency profiling, electrotomography.*

Введение

В настоящее время эффективность применения методических подходов и аппаратных средств геофизики для решения археологических задач не вызывает сомнений. Общепризнанно, что наиболее востребованными геофизическими методами в этой области являются магнитометрия и электроразведка. Не менее очевидно, что объем работ, выполненных методами геоэлектрики, значительно меньше магниторазведочных, поскольку они менее производительны. Однако с учетом того, какую важную информацию мы получаем посредством геоэлектрики (строение, структура, глубинные характеристики археологических объектов), увеличение производительности не требующих заземления методов электроразведки является актуальной задачей. Решение этой проблемы стало возможным, благодаря разработке на базе ИНГГ СО РАН аппаратуры электромагнитного профилирования «Геовизер». Первые испытания на археологических памятниках, верифицированные данными других геофизических методов, показали эффективность и перспективность новой технологии [Балков и др., 2021а]. С развитием высокоточных систем спутниковой привязки, появилась возможность монтажа данного оборудования на движущиеся платформы. Это, в свою очередь, позволило сформировать комплекс дистанционных методов на базе электроразведки, который дает возможность в короткие сроки получать разноплановую информацию об археологических памятниках. Задачей полевых работ 2022 г. была апробация такого комплекса, включающего аэрофотосъемку, малоглубинное профилирование (аппаратура «Геовизер») и электротомографию (аппаратура «Скала»). В качестве объектов для исследований были выбраны разновременные поселения. Данная статья посвящена анализу результатов, полученных по итогам работ на поселении Гришкина Рыбалка.

Характеристика объекта исследования

Поселение Гришкина Рыбалка расположено в 5,1 км к ССВ от окраины с. Заречное Тогучинского р-на Новосибирской обл., на мысовидном выступе террасы левого берега р. Иня. Памятник открыт в 1981 г. В.А. Захом и А.Н. Панфиловым. Поселение неоднократно обследовалось в рамках мониторинга и инвентаризации памятников археологии, при этом самые масштабные работы проведены в 2010 г. сотрудниками ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина. Была сделана топографическая съемка, уточнены границы и пообъектный состав памятника. На пашне собран многочисленный и разнообразный подъемный материал: фрагменты керамических сосудов, орудия труда из камня и кости, а также бронзовые изделия (ножи, наконечник стрелы, бляхи, кольцо, накосник, браслет). По характеру подъемного материала поселение было отнесено к ирменской культуре эпохи поздней бронзы. В 2014 г. памятник был включен в Единый государственный реестр объектов недвижимости в качестве зоны с особыми условиями использования территории.

Поселение занимает территорию ок. 3,5 га, его юго-восточная половина подвергается регулярной распашке. Остальная часть хорошо задернована. На площади памятника выделено 15 западин и два зольника. Зольник 1, размерами ок. 40 × 50 м, расположен на пашне, у основания мыса. Рельефных признаков он не имеет, но хорошо выделяется по характерному шлейфу подъемного материала из фрагментов керамики и костей животных, в том числе обожженных. Зольник 2 находится за пределами пашни, в 35–40 м к северу от зольника 1. Он имеет аналогичные размеры, но представляет собой пологую возвышенность, высотой до 1,5 м. В выкидах из нор фиксируется археологический

материал, аналогичный находкам из зольника 1. Нельзя исключить, что появление данной возвышенности является следствием современной хозяйственной деятельности, в результате которой часть зольника 1 была перемещена. Западины подпрямоугольной и подквадратной формы имеют размеры от 8 × 11 до 23 × 23 м и глубину 0,34–1,63 м. Все они находятся у оконечности мыса, за исключением двух жилищ, выделенных в пространстве между зольниками.

Методы, аппаратура и методика измерений

Аэрофотосъемка. Аэрофотосъемка проводилась с помощью компактного дрона DJI Mavic Air (DJI, Китай). В ходе работ аппаратурой DJI Mavic Air для планирования полетов применялось программное обеспечение (ПО) Drone Harmony Plus (Drone Harmony Infrastructure digitalization, Швейцария). Данные фотограмметрии обрабатывались с помощью ПО Metashape (Agisoft, Россия). Обработка, оформление, визуализация цифровых моделей рельефа и карт относительных высот выполнены в ПО Surfer (Golden Software, США). При обработке данных аэрофотосъемки использован оригинальный подход, заключающийся в построении карты относительных высот [Балков и др., 2021б]. Это снижает влияние естественного рельефа местности и подчеркивает высотные аномалии антропогенного происхождения, что повышает эффективность анализа цифровой модели рельефа. Съемка производилась с высоты 70 м, перекрытие снимков составляло 80 % в двух направлениях.

Электромагнитное профилирование. Малоглубинные аппаратурные реализации электромагнитного профилирования и индукционного зондирования, функционирующие в частотной области, достаточно широко распространены и применяются, в т.ч. на археологических памятниках, особенно за рубежом [Dalan, 1991; Huang, Won, 2003]. В таких приборах используются дипольные генераторная и измерительные катушки, расположенные в одной горизонтальной плоскости. Исследования показывают, что для большинства известных приборов свойственны недостатки, заключающиеся в сложностях калибровки, отсутствии компенсации прямого поля и наличии нескольких экстремумов в сигнале от одного приповерхностного объекта [Балков и др., 2017]. В ИНГГ СО РАН ведется разработка двухкатушечной трехчастотной аппаратуры «Геовизер», имеющей оригинальную компоновку катушек с расположением приемной катушки в области компенсации прямого поля генераторной катушки [Карин и др., 2018]. За счет такой конструкции аппаратура «Геовизер» лишена перечисленных недостатков.

Профилирование выполнялось на частоте 100 кГц, с привязкой по GPS. Для увеличения производительности аппаратуры прибор перемещался на специальных санях за автомобилем. Адаптированная для сопряжения с приборами электромагнитного профилирования система высокоточного GNSS-позиционирования значительно компактнее, легче и проще в эксплуатации, а также более доступна по сравнению с дорогими, громоздкими и сложными профессиональными геодезическими системами спутниковой привязки. При этом испытанная в ходе работ в городских и полевых условиях система вполне обеспечивает точность (3–5 см в плане), требуемую для археолого-геофизических исследований.

Обработка данных аппаратуры «Геовизер» заключалась в трансформации регистрируемых сигналов в кажущееся удельное электрическое сопротивление (УЭС) в модели однородного полупространства [Фадеев и др., 2018] или анализ непосредственно регистрируемого сигнала. Данный подход дает интегральную оценку УЭС и не позволяет строить горизонтальный срез значений по определенной глубине. Тем не менее принято относить значения к определенной эффективной глубине, которую можно определить сравнением полученных данных с данными других методов, например, метода электротомографии.

Электротомография. Метод электротомографии является развитием классического электроразведочного метода сопротивлений, когда аппаратура представляет из себя многоэлектродную систему с возможностью автоматического переключения питающих и измерительных электродов по заранее заданному протоколу [Dahlin, 2001; Бобачев и др., 2006]. Аппаратура и программное обеспечение для инверсии данных метода электротомографии разрабатываются и распространяются многочисленными зарубежными и отечественными компаниями [Балков и др., 2012]. Для измерений методом электротомографии использована компактная 64-электродная, 16-канальная аппаратурная реализация «Скала-64к16». При полевых работах использовалась установка Шлюмберже, шаг между электродами по профилю составлял 1 м. Инверсия данных выполнялась с помощью ПО Res2DInv v.2.22 (Малайзия, https://www.geotomosoft.com).

Результаты аэрофотосъемки

На рисунке 1 представлена карта относительных высот в черно-белой гамме. Общий перепад высот составляет 5 м (от –3 до 2 м), возвышения

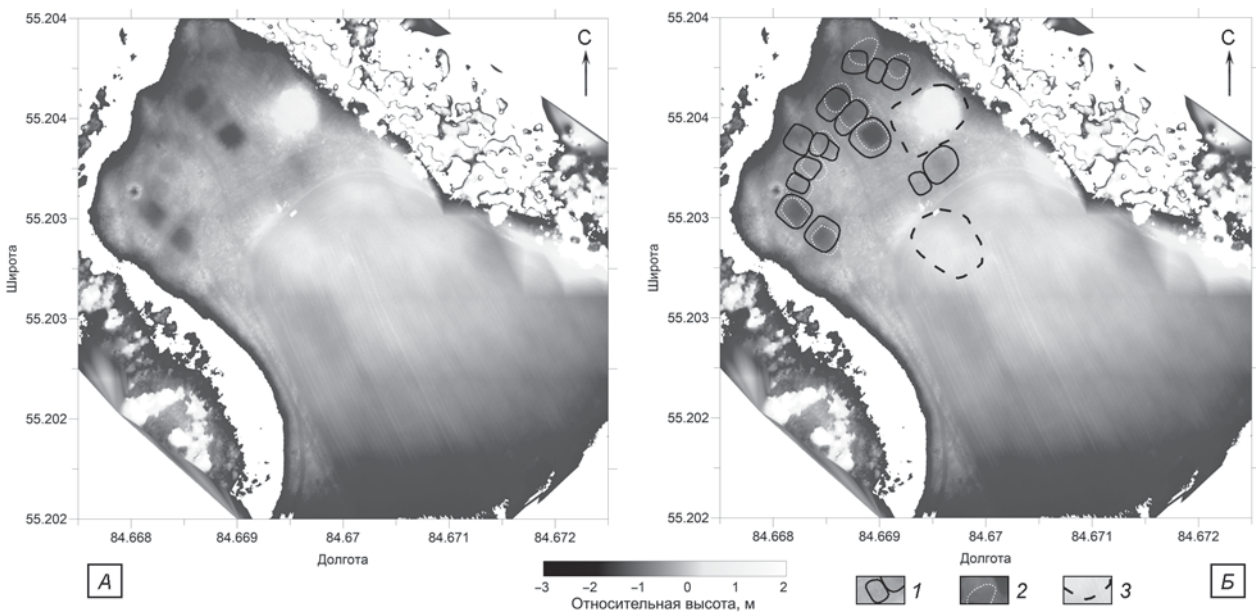


Рис. 1. Карта относительных высот (*А*) и результат ее сопоставления с топопланом памятника (*Б*).
1 – контуры западин; *2* – контуры западин по результатам интерпретации карты относительных высот; *3* – границы зольников.

обозначены белым цветом, понижения – черным. При сопоставлении границ западин с топоплана и контуров, выделенных по результатам интерпретации карты относительных высот, видно, что корреляция данных в целом хорошая. Вместе с тем отчетливо заметны и различия в местоположении и размерах западин, выделенных разными методами. Несмотря на то, что тахеометрическая съемка, выполненная при составлении плана памятника, должна иметь точность выше, чем карта относительных высот по данным аэрофотосъемки, более высокая плотность точек последней позволяет построить более информативную карту рельефа дневной поверхности. Некоторые жилищные западины, зафиксированные на плане памятника ранее, не выделяются в виде высотных аномалий с четкими контурами, поэтому они не отмечены на карте относительных высот как возможные археологические объекты. Кроме того, по сравнению с топопланом, на карте высот более отчетливо прослеживается регулярная группировка жилищ и их подквадратная форма.

Результаты электромагнитного профилирования

Электромагнитное профилирование производилось на распаханной части памятника, в районе локализации зольника 1. На рисунке 2 показана карта относительных высот по данным аэрофото-

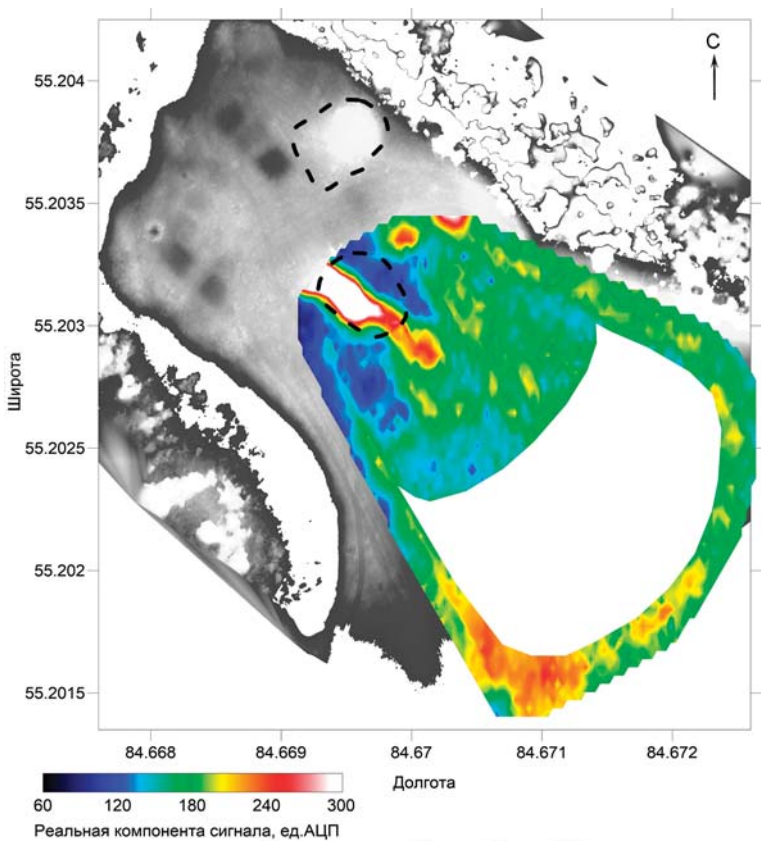


Рис. 2. Результаты электромагнитного профилирования.
Условные обозначения см. рис. 1.

съемки и наложенная поверх нее карта распределения реальной компоненты сигнала аппаратуры «Геовизер», которая буксировалась за автомобилем. Наибольший интерес представляют аномалии повышенного уровня сигнала (более 240 ед. АЦП), которые, судя по всему, связаны с низкоомными, хорошо проводящими электрический ток зольниками. Место расположения самой большой аномалии в целом совпадает с местом локализации зольника 1. Однако контуры зольника по топоплану и форма аномалии существенно отличаются. Наиболее вероятно, что это связано с последствиями растаскивания зольника в юго-восточном направлении распашкой, при этом шлейф из археологического материала здесь уже не фиксируется. Еще две аномалии, близкие по уровню сигнала к зольнику 1, зафиксированы к северу от него. Вероятнее всего, они также связаны с наличием большого количества золы и продуктов горения, а отсутствие на этом месте археологического материала может свидетельствовать об их более глубоком залегании.

Результаты электротомографии

На рисунке 3 представлен геоэлектрический разрез по данным дипольно-осевой установки электротомографии и фрагмент карты относительных высот с рядом западин, расположенных вблизи зольника 2. На геоэлектрическом разрезе только одна жилищная западина (справа) контрастна по УЭС в верхней части разреза, она же самая глубокая (глубина по топоплану 1,6 м). Глубина высокоомной аномалии не превышает 1 м, в то время как предположительная общая глубина данной западины до нижней кромки может достигать 3 м. Два других котлована не выделяются настолько отчетливо. Можно предположить, что их заполнение по своим геоэлектрическим свойствам близко к вмещающей среде. Стоит также отметить, что контуры жилищных западин, выделяемых по рельефу, могут не совпадать с границами котлованов по данным электротомографии (на разрезе, справа). Это может быть связано с особенностями осадконакопления в каждом из котлованов.

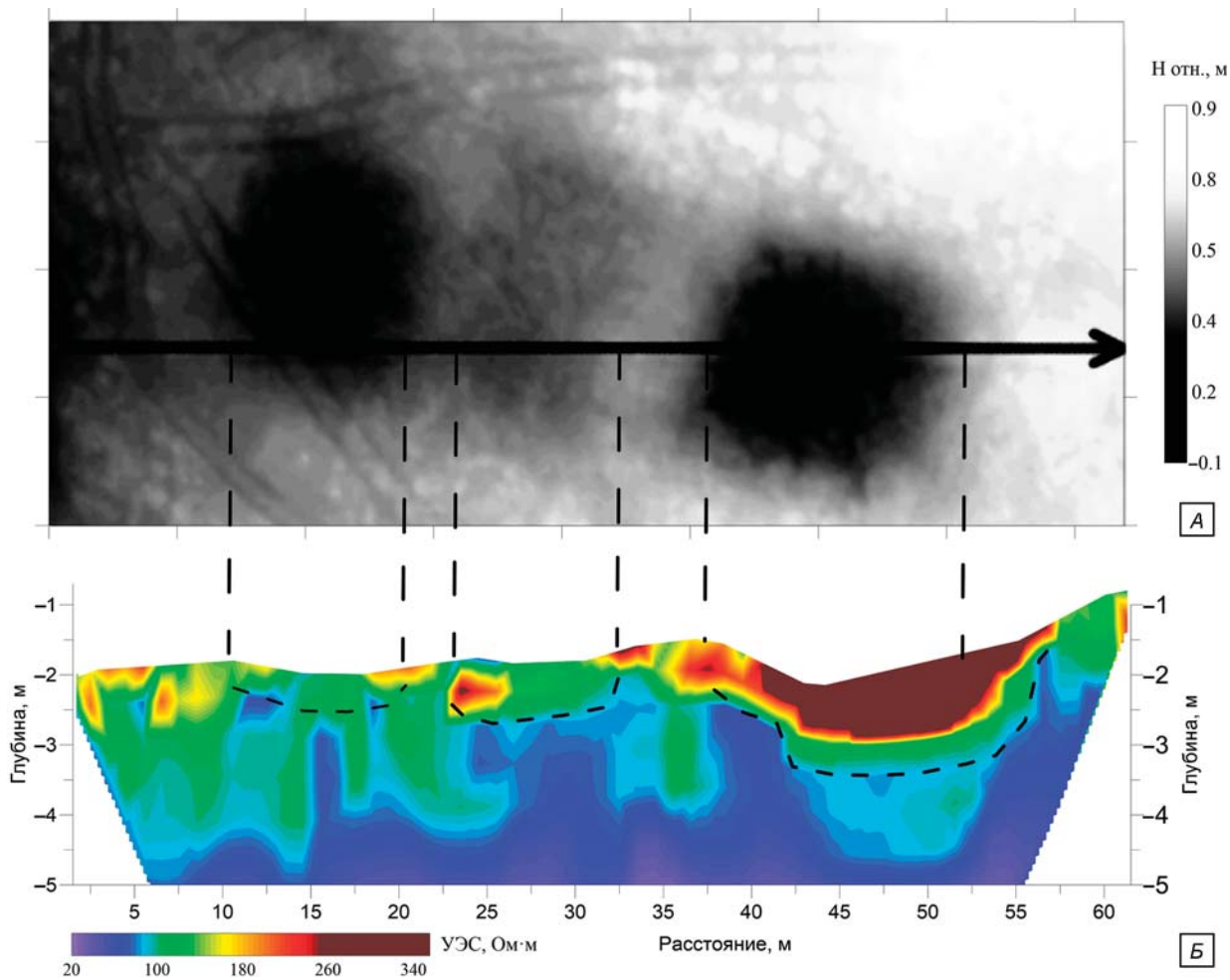


Рис. 3. Фрагмент карты относительных высот (*А*) и геоэлектрический разрез по данным электротомографии (*Б*).
1 – линия профиля; *2* – предполагаемые нижние границы жилищных западин.

Выводы

Поставленные коллективом авторов задачи по апробации комплекса дистанционных методов для экспресс-оценки устройства конкретного археологического памятника были успешно выполнены. По результатам полевых исследований, проведенных за один рабочий день, построены карта относительных высот, карта распределения реальной компоненты сигнала по итогам съемки в зоне пашни и геоэлектрические разрезы нескольких жилищ. В результате интерпретации полученных материалов, удалось скорректировать границы распаханного зольника, оценить глубинные характеристики некоторых жилищ, более четко обозначить регулярную планировку поселка и выявить новые зольники. Таким образом, использованный комплекс методов в полной мере продемонстрировал свою перспективность как для детализации уже известных, так и для поиска новых археологических объектов. Вполне очевидно, что это направление очень перспективно и в дальнейшем его необходимо развивать.

Благодарности

Сбор и анализ археологической информации выполнен в рамках проекта НИР FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи». Геофизические исследования выполнены в рамках проекта НИР FWZZ-2022-0025. Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам ГАУ НСО НПЦ и лично В.А. Сумину за предоставленную информацию об объекте исследования.

Список литературы

Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Шапаренко И.О., Гоглев Д.А. Аэрофотосъемка с БПЛА в поисковых задачах археологии: обзор и практические примеры // Геофизические технологии. – 2021б. – №. 3. – С. 38–47. – doi: 10.18303/2619-1563-2020-3-38

Балков Е.В., Панин Г.Л., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Белобородов В.А. Опыт применения электротомографии в геофизике // Геофизика. – 2012. – № 6. – С. 54–63.

Балков Е.В., Фадеев Д.И., Карин Ю.Г., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Панин Г.Л. Новый подход к малоглубинным электромагнитным зондированиям // Геология и геофизика. – 2017. – Т. 58, №. 5. – С. 783–791. – doi: 10.15372/GiG20170508

Балков Е.В., Фадеев Д.И., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Панин Г.Л., Лехнович А.В. Комплексное применение и сопоставление результатов электромагнитного профилирования и электротомографии при исследовании археологических памятников // Геофизика. – 2021а. – № 6. – С. 68–75.

Бобачев А.А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. – 2006. – № 2. – С. 14–17.

Карин Ю.Г., Балков Е.В., Фадеев Д.И., Манштейн А.К., Панин Г.Л., Алымов А.О., Романов Д.Б. Электромагнитное профилирование компактной аппаратурой: новый подход и результаты применения // Вестн. Новосиб гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. – 2018. – Т. 16, №. 4. – С. 68–78. – doi: 10.25205/1818-7900-2018-16-4-68-78

Фадеев Д.И., Балков Е.В., Панин Г.Л., Карин Ю.Г. Калибровка и экспресс-трансформация сигналов компактной аппаратуры малоглубинного электромагнитного профилирования // Геофизика. – 2018. – №. 2. – С. 52–57.

Dahlin T. The development of electrical imaging techniques // Computers and Geosciences. – 2001. – 27 (9). – P. 1019–1029. – doi: 10.1016/S0098-3004(00)00160-6

Dalan R.A. Defining archaeological features with electromagnetic surveys at the Cahokia Mounds State Historic Site // Geophysics. – 1991. – Vol. 56, № 8. – P. 1280–1287. – doi: 10.1190/1.1443150

Huang H., Won I.J. Real-time resistivity sounding using a hand-held broadband electromagnetic sensor // Geophysics. – 2003. – Vol. 68, № 4. – P. 1224–1231. – doi: 10.1190/1.1598114

References

Balkov E.V., Fadeev D.I., Karin Yu.G., Manshtejn A.K., Manshtejn Yu.A., Panin G.L. A new approach to shallow-depth electromagnetic sounding. *Russian Geology and Geophisics,* 2017. N 5. P. 783–791. doi: 10.15372/GiG20170508

Balkov E.V., Fadeev D.I., Karin Yu.G., Pozdnyakova O.A., Panin G.L., Lehnovich A.V. Kompleksnoe primenenie i sopostavlenie rezul'tatov elektromagnitnogo profilirovaniya i elektrotomografii pri issledovanii arheologicheskih pamyatnikov. *Geofizika,* 2021a. N 6. P. 68–75. (In Russ.).

Balkov E.V., Karin Yu.G., Pozdnyakova O.A., Shaparenko I.O., Goglev D.A. Aerofotos"emka s BPLA v poiskovykh zadachakh arkheologii: obzor i prakticheskie primery. *Geofizicheskie tekhnologii,* 2021b. N 3. P. 38–47. (In Russ.). doi: 10.18303/2619-1563-2020-3-38

Balkov E.V., Panin G.L., Manshtejn A.K., Manshtejn Yu.A., Beloborodov V.A. Opyt primeneniya elektrotomografii v geofizike. *Geofizika,* 2012. N 6. P. 54–63. (In Russ.).

Bobachev A.A., Gorbunov A.A., Modin I.N., Shevnin V.A. Elektrotomografiya metodom soprotivlenij i vyzvannoj polyarizacii. *Pribory i sistemy razvedochnoj geofiziki,* 2006. N 2. P. 14–17. (In Russ.).

Dahlin T. The development of electrical imaging techniques. *Computers and Geosciences,* 2001. Vol. 27. N 9. P. 1019–1029. doi: 10.1016/S0098-3004(00)00160-6

Dalan R. A. Defining archaeological features with electromagnetic surveys at the Cahokia Mounds State Historic Site. *Geophysics,* 1991. Vol. 56. N 8. P. 1280–1287. doi: 10.1190/1.1443150

Fadeev D.I., Balkov E.V., Panin G.L., Karin Yu.G. Kalibrovka i ekspress-transformaciya signalov kompaktnoj apparatury maloglubinnogo elektromagnitnogo profilirovaniya. *Geofizika,* 2018. N 2. P. 52–57. (In Russ.).

Huang H., Won I.J. Real-time resistivity sounding using a hand-held broadband electromagnetic sensor. *Geophysics,* 2003. Vol. 68. N 4. P. 1224–1231.

Karin Yu.G., Balkov E.V., Fadeev D.I., Manshtejn A.K., Panin G.L., Alymov A.O., Romanov D.B. Elektromagnitnoe profilirovanie kompaktnoj apparaturoj: novyj podhod i rezul'taty primeneniya. *Vestnik NSU, seriya Informacionnye tekhnologii,* 2018. Vol. 16. N 4. P. 68–78. (In Russ.). doi: 10.25205/1818-7900-2018-16-4-68-78

Карин Ю.Г. https://orcid.org/0000-0003-1469-5336
Позднякова О.А. https://orcid.org/0000-0001-8376-0344
Балков Е.В. https://orcid.org/0000–0002–3712–6585
Шапаренко И.О. https://orcid.org/ 0000-0002-5460-6505
Панин Г.Л. https://orcid.org/ 0000-0002-4244-1248
Фадеев Д.И. https://orcid.org/ 0000-0002-9925-9658

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0555-0562
УДК 572, 902

М.С. Кишкурно

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Новые данные по краниологии носителей подгорновского этапа тагарской культуры Хакасии

Статья посвящена анализу краниологической серии из могильника Станция Казановская-1, расположенного в республике Хакасия и датированного подгорновским этапом тагарской культуры (VIII–VI вв. до н.э.). Целью исследования стал анализ антропологического состава серии и сопоставление с другими локальными тагарскими группами. В серию вошли черепа, принадлежащие 21 индивиду: 10 мужчинам и 11 женщинам. Краниометрическое обследование проводилось по стандартной программе, разработанной В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебецем. Статистическая обработка данных проводилась при помощи оценки нормальности распределения данных, дисперсионного анализа ANOVA, а также анализа главных компонент в программе STATISTICA version 10. В результате мужская серия из Станции Казановской-1 характеризуется преобладанием европеоидных характеристик, но также на единичных черепах зафиксированы монголоидные черты – значительная уплощенность горизонтального профиля лица. В составе женской части серии заметнее проявляются черты монголоидности, особенно у трех индивидов, горизонтальный профиль которых заметно более уплощен, чем у остальных черепов в серии. Также женская серия выглядит и несколько более гетерогенной. При сопоставлении серии из Станции Казановской-1 с другими тагарскими популяциями, не выявляется их значительного отличия. Зафиксированные различия связаны скорее с локальной внутригрупповой дифференциацией, не описывающей четко определенные морфологические комплексы. При сопоставлении с частью тагарских серий, попавших в одно поле с изучаемой группой при анализе главных компонент, выявлено стабильное отличие по значениям зиго-максиллярного угла. Это связано с заметно бóльшей уплощенностью скулового уровня горизонтальной профилировки в серии из Станции Казановской-1, чем в других сравниваемых тагарских сериях.

Ключевые слова: *Хакасия, тагарская культура, краниометрия, внутригрупповой анализ.*

M.S. Kishkurno

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

New Data on Craniology of the Population at the Podgornovo Stage of the Tagar Culture in Khakassia

This article analyzes craniological series from the Stantsiya Kazanovskaya-1 burial ground, located in the Republic of Khakassia and dated to the Podgornovsky stage of the Tagar culture (8th–6th centuries BC). This study was aimed at establishing anthropological composition of the series as well as differences and similarities with other local Tagar groups. The series included the skulls belonging to 21 individuals (10 male and 11 female). Craniometric examination followed the standard program developed by V.P. Alekseev and G.F. Debets. Statistical data analysis was carried out using evaluation of normality of data distribution, ANOVA analysis of variance, and principal component analysis in the STATISTICA version 10 software. The male series from the Stantsiya Kazanovskaya-1 site was distinguished by predominantly Caucasoid features, but individual skulls showed Mongoloid features in the horizontal face profile. Mongoloid features were more pronounced in the female part of the series, especially in three females whose horizontal profile was obviously more flattened than others' in the series. The female series also looked more heterogeneous. Comparison of the series from Stantsiya Kazanovskaya-1 with other Tagar populations has not revealed significant differences. The detected differences were rather associated with local intragroup differentiation which does not describe clearly defined morphological complexes. Comparison of a part

of the Tagar series which was in the same field with the group under study in terms of principal components has revealed a stable difference in the values of the zygo-maxillary angle, caused by noticeably greater flattening of zygomatic level of horizontal profile in the series from Stantsiya Kazanovskaya-1 compared to other examined Tagar series.

Keywords: *Khakassia, Tagar culture, craniology, within group analysis.*

В основе исследования лежат материалы из могильника Станция Казановская-1, изученного в 2020 г. на территории республики Хакасия и датированного VIII–VI вв. до н.э. [Богданов и др., 2020, с. 862]. Проведенное раннее изучение одонтологических материалов из могильника продемонстрировало преобладание в антропологическом составе серии монголоидных черт, что значительно разошлось с данными по другим сериям тагарской культуры и обособило изучаемую группу от них [Кишкурно, 2021, с. 465]. В настоящей работе проводится анализ той же серии, изученной с использованием другой системы признаков – краниометрии. Наиболее полное исследование краниологических серий тагарской культуры проведено А.Г. Козинцевым [Козинцев, 1977]. Исследователь отметил общую европеоидную конфигурацию групп, но выделил единичные черепа из разных могильников с повышенным удельным весом монголоидных черт [Там же, с. 63–64]. Определить истоки этого монголоидного компонента оказалось затруднительно из-за его несбалансированности. Также следует отметить, что причины неоднородности тагарского населения исследователь видит в механическом смешении нескольких различных компонентов при формировании общности [Там же, с. 67–68].

Целью настоящего исследования является определение антропологического состава группы из Станции Казановской-1, основных его компонентов, а также положения исследуемой группы на фоне других локальных тагарских серий с фиксацией их возможных основных различий.

Материалы и методы

Краниологическая выборка включила в себя 21 череп, из которых 10 принадлежат мужчинам, 11 – женщинам. Определение половой принадлежности погребенных опиралось на особенности строения черепа и тазовых костей [Алексеев, 1966]; определение возраста – на степень закрытия швов черепа и стертости эмали зубной коронки [Meindl, Lovejoy, 1985; Scott, 1979]. Краниометрическое обследование проводилось по отечественной методике [Алексеев, Дебец, 1964]. Для внутригруппового анализа серии была проведена оценка нормальности распределения данных с привлечением F-критерия Фишера и критерия Шапиро – Уилка; сопоставление с другими локальными тагарскими группами [Козинцев, 1977] осуществлялось методами анализа главных компонент и ANOVA. Вся статистическая обработка данных проводилась в программе STATISTICA v. 10.

Морфологическая характеристика серии

В мужской серии (табл. 1) в среднем продольный диаметр характеризуется большим размером, хотя его значения варьируют от средних до очень больших. Поперечный диаметр в среднем малый, но в серии варьирует от очень малых до средних. По черепному указателю серия долихокранная, хотя встречаются разные формы от ультрадолихокранных до мезобрахикранных. Высота мозговой коробки варьирует от невысоких до очень высоких значений, в среднем – высокая. Длина основания черепа в серии находится в области больших или очень больших значений. Лоб в среднем широкий и слабонаклонный, но на индивидуальном уровне значения варьируют. Основание лица средней длины, встречаются варианты от очень малых до больших.

Лицо среднеширокое и средневысокое, но встречаются как малые формы, так и очень большие. В горизонтальной норме лицо умеренно профилировано, но есть индивиды с заметным уплощением; в вертикальной норме в среднем серия характеризуется мезогнатным профилем, а на индивидуальном уровне значения варьируют от мезопрогнатности до мезоортогнатности. Орбиты широкие и невысокие, хамеконхные, у некоторых индивидов мезоконхные. Носовое отверстие среднеширокое и умеренно высокое, по пропорциям лепторинное, но также встречаются мезоринные формы. Переносье высокое на дакриальном и симотическом уровнях. Угол выступания носа значительный, но также в серии встречаются и умеренные варианты.

Таким образом, основу серии составляют индивиды с мезо-долихокранными высокими черепными коробками, высоким и умеренно широким мезо-ортогнатным лицом, заметно профилированным в горизонтальной норме и со значительно выступающими носовыми косточками. Исходя из этого можно заключить, что в целом серия характеризуется преобладанием европеоидных ха-

Таблица 1. **Средние значения, размах и уровень значимости критерия Шапиро – Уилка мужской и женской серий из могильника Станция Казановская-1**

Признак по Р. Мартину	Мужчины				Женщины			
	N	X	Min – max	Критерий Шапиро – Уилка	N	X	Min – max	Критерий Шапиро – Уилка
1	9	187,9	178 – 200	p = 0,37	11	180,7	171 – 187	p = 0,27
8	9	138,7	128 – 144	p = 0,22	9	136,0	127 – 144	p = 0,98
8/1	9	74,0	65,6 – 80,3	p = 0,20	9	75,3	70,9 – 79,5	p = 0,77
17	8	137,8	129 – 143	p = 0,13	8	135,8	130 – 141	p = 0,43
5	8	108,8	102 – 116	p = 0,81	7	101,4	94 – 106	p = 0,07
9	10	99,3	90 – 105	p = 0,46	10	96,1	89 – 108	p = 0,16
40	6	104,0	93 – 113	p = 0,62	8	99,1	94 – 106	p = 0,55
45	6	136,2	130 – 144	p = 0,36	7	129,6	118 – 138	p = 0,88
43	10	110,5	105 – 117	p = 0,24	10	104,8	97 – 111	p = 0,93
48	6	72,2	67 – 77	p = 0,10	10	70,6	65 – 76	p = 0,66
51	7	44,2	41,2 – 47,1	p = 0,70	10	41,6	38,3 – 45,9	p = 0,93
51a	7	40,5	38,3 – 43,4	p = 0,24	9	39,4	36,6 – 41,8	p = 0,97
52	7	32,5	29,5 – 36,1	p = 0,84	10	33,1	30,8 – 39,4	p = 0,004
52/51	7	73,4	68,3 – 77,8	p = 0,92	10	79,8	71,4 – 94,9	p = 0,37
54	7	24,6	22,9 – 27	p = 0,64	10	22,3	18,7 – 25,1	p = 0,63
55	7	53,0	48,7 – 59,3	p = 0,54	10	50,8	45 – 53,7	p = 0,19
54/55	7	46,5	44,2 – 48,8	p = 0,61	10	43,9	37,9 – 49,4	p = 0,92
DS	5	14,0	12,7 – 15,4	p = 0,91	6	13,0	11,5 – 15,6	p = 0,39
DC	5	22,6	20 – 25	p = 0,45	6	21,2	16,5 – 24,3	p = 0,57
DS/DC	5	61,8	57,6 – 63,5	p = 0,05	6	61,6	57,3 – 70,9	p = 0,13
SS	7	5,8	4,4 – 7,7	p = 0,72	10	4,4	3 – 6,2	p = 0,25
SC	8	10,5	7,7 – 15,1	p = 0,62	10	8,7	7,2 – 13	p = 0,01
SS/SC	7	55,8	44,4 – 68,1	p = 0,57	10	51,0	34,4 – 79,5	p = 0,38
32	7	79,0	74 – 83	p = 0,49	8	81,1	71 – 86	p = 0,20
77	9	137,1	131,4 – 144,5	p = 0,61	10	144,0	139 – 148,5	p = 0,04
Zm	7	135,2	128,2 – 140,6	p = 0,71	10	138,5	128 – 149,4	p = 0,18
72	6	83,5	79 – 86	p = 0,27	8	83,5	80 – 89	p = 0,36
75(1)	6	32,0	27 – 39	p = 0,65	8	29,1	24 – 36	p = 0,80

рактеристик, хотя на трех черепах фиксируется заметное уплощение горизонтального профиля. Несмотря на выявленную некоторую вариабельность мужской группы, оценка нормальности распределения методом подсчета критерия Шапиро – Уилка не выявила статистически значимых нарушений распределения. По результатам подсчета F-критерия Фишера было зафиксировано нарушение нормальности распределения только по значениям черепного указателя с уровнем значимости p = 0,05.

В женской серии (табл. 1) в среднем продольный диаметр характеризуется большим размером, но на индивидуальном уровне значения признака варьируют от средних до очень больших. Поперечный диаметр имеет средние размеры, но варьирует от очень малых до больших. По черепному указателю серия мезодолихокранная, но размах описывает вариабельность от долихокранных до мезокранных на границе с брахикранными форм. Высота мозговой коробки варьирует от высоких до очень высоких значений, в среднем – очень высокая. Длина основания черепа в серии находится в размахе от средних до очень больших значений, по среднему значению характеризуется средним размером. Лоб в среднем широкий и слабонаклонный, но на индивидуальном уровне значения заметно варьируют. Основание лица длинное, встречаются варианты от средних до больших.

Лицо широкое и высокое, но встречаются как малые формы, так и очень большие. В горизонтальной норме лицо уплощено, но есть индивиды с умеренно профилированными вариантами; в вертикальной норме в среднем серия характеризуется мезогнатным профилем, а на индивидуальном уровне значения варьируют от мезопрогнатности до ортогнатности. Орбиты широкие и высокие, мезоконхные, у некоторых индивидов встречаются хамеконхные и гипсиконхные пропорции орбит. Носовое отверстие узкое и высокое, по пропорци-

ям лепторинное, но также встречаются мезоринные формы. Переносье высокое на дакриальном и симотическом уровнях. Угол выступания носа значительный, на индивидуальном уровне его значения варьируют от больших до очень больших.

В результате мы видим, что основная часть женских черепов характеризуется долихокранной или мезодолихокранной высокой черепной коробкой, широким и высоким ортогнатным лицом, уплощенным на орбитальном уровне и умеренно уплощенным на скуловом, а также сильным выступанием носа. Таким образом, в женской части серии из Станции Казановской-1 заметнее проявляются черты монголоидности, особенно у трех индивидов, горизонтальный профиль которых значительно более уплощен, чем у остальных черепов в серии. Оценка нормальности распределения женской выборки при помощи подсчета критерия Шапиро – Уилка продемонстрировала нарушения по следующим признакам: высота орбиты, симотическая ширина и назомалярный угол. Результаты подсчета F-критерия Фишера не продемонстрировали отклонения по значениям каких-либо признаков.

Сопоставление с локальными тагарскими группами

Первоначально было проведено сопоставление изучаемой серии с другими тагарскими группами из отдельных могильников. Результат сопоставления мужских серий представлен на рис.1.

Первая и третья главные компоненты (ГК) описывают ок. 31 % изменчивости. Исходя из нагрузок на первую ГК (18,52 %), представленных в таблице 2, она делит группы с большими и малыми значениями следующего сочетания признаков: длина основания черепа, верхняя высота лица, высота носа, размеры переносья от дакриона, симотическая ширина, зигомаксиллярный угол. Третья ГК (12,33 %) дифференцирует серии с крупным переносьем на симотическом и дакриальном уровнях и сильным выступанием носа (положительное поле) от групп с крупными орбитами и уплощенностью на назомалярном уровне (отрицательное поле) (табл. 2).

Серия из Станции Казановской-1 расположилась в области положительных координат обеих компонент (рис. 1). Там также находятся группы из могильников Гришкин Лог I, Барсучиха I, V, VI и VII, Сарагаш, Кичик-Кюзюр I (поздний этап), Самохвал, Туран I (подгорновский этап), Туран III, Тепсей IX. Но изучаемая серия демонстрирует значительное обособление от других групп.

С целью выявления различий исследуемой серии с тагарскими локальными группами, оказавшимися в одном поле с ней, проведен дисперсионный анализ на основе индивидуальных данных, а также взят в рассмотрение показатель нормальности распределения – критерий Шапиро – Уилка (табл. 3).

Несмотря на то, что в анализ были взяты только группы с нормальным распределением данных, при анализе индивидуальных данных всех вместе групп нормальность нарушается (критерий Шапи-

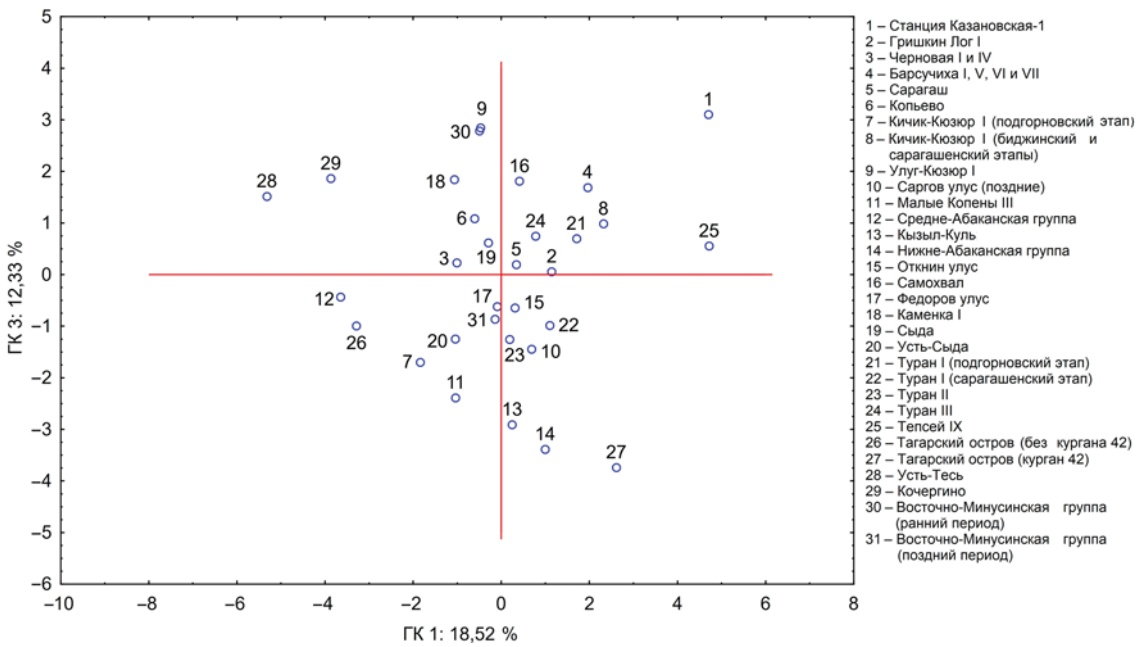


Рис. 1. Распределение тагарских серий в составе первой и третьей главных компонент. Мужчины.

Таблица 2. **Статистические нагрузки на признаки в составе первой и третьей главных компонент. Мужчины**

№ признака	ГК 1	ГК 3	№ признака	ГК 1	ГК 3
1	0,24	–0,01	55	**0,61**	0,03
8	0,18	–0,12	54/55	–0,14	–0,16
8/1	–0,05	–0,06	DS	**0,58**	0,33
17	0,45	0,34	DC	**0,82**	–0,25
5	0,66	0,39	DS/DC	–0,32	**0,51**
9	0,32	–0,16	SS	0,39	**0,56**
40	0,45	0,24	SC	**0,79**	–0,05
45	0,29	0,04	SS/SC	–0,36	**0,68**
48	**0,61**	–0,06	32	–0,35	–0,44
51a	–0,02	0,34	77	0,10	**–0,56**
52	0,23	–0,44	zm	**0,66**	–0,14
52/51a	0,15	**–0,65**	72	–0,44	–0,05
54	0,29	–0,18	75(1)	0,00	**0,56**

Таблица 3. **Результаты дисперсионного анализа индивидуальных данных мужских серий**

№ признака	Критерий Шапиро – Уилка, p	ANOVA, p	№ признака	Критерий Шапиро – Уилка, p	ANOVA, p
1	0,93	0,07	54/55	**0,04**	0,08
8	0,31	0,70	DS	0,61	0,26
17	0,36	0,46	DC	0,49	0,58
9	0,19	0,63	SS	0,89	0,31
45	0,05	**0,01**	SC	0,20	0,21
48	0,18	0,90	32	0,22	**0,03**
51a	0,12	0,48	77	0,12	0,15
52	0,35	**0,03**	Zm	0,61	**0,02**
54	**0,05**	0,24	72	0,34	0,77
55	0,20	0,51	75(1)	0,01	0,09

ро – Уилка) для признаков: ширина носа и носовой указатель. При этом, исходя из нагрузок на первую главную компоненту, группы объединены в том числе значением высоты носа (табл. 2). Результат дисперсионного анализа продемонстрировал различия групп по признакам скулового диаметра, высоты орбиты, угла профиля лба от назиона и зиго-максиллярного угла. Проведенный post-hoc тест Тьюки-HSD с индивидуальными данными по указанным четырем признакам продемонстрировал, что для исследуемой серии отклонение фиксируется только по зиго-максиллярному углу с серией из Турана I с уровнем значимости p = 0,03. Дело в том, что в серии из Станции Казановской-1 зиго-максиллярный угол более уплощен, чем в серии из Турана I, где фиксируется очень сильная профилировка на скуловом уровне.

Сопоставление женских серий продемонстрировало следующие результаты (рис. 2). Первая и вторая главные компоненты (ГК) описывают около 41 % процента общей изменчивости. Исходя из нагрузок (табл. 4), в составе первой ГК противопоставляются черепа с большим продольным диаметром, длинным основанием, широким лбом, широким и высоким лицом, широкими и высокими орбитами (положительное поле) черепам с брахикранным мозговым отделом и уплощенностью на орбитальном уровне (отрицательное поле). По второй ГК мы видим противопоставление индивидов с массивными параметрами мозгового отдела, крупным переносьем и ортогнатным вертикальным профилем лица (положительное поле) индивидам с невысоким переносьем (отрицательное поле) (табл. 4).

Женская серия из могильника Станция Казановская-1 также расположилась в области положительных координат обеих компонент. В этом поле также находятся группы из могильников Подгорное озеро, Барсучиха I, VI и VII, Кичик-Кюзюр I (подгорновский этап), Саргов улус, Сыда, Усть-Сыда, Тепсей VIII. Стоит отметить, что женская серия из могильника Станция Казановская-1 более интегрирована в совокупность с другими тагарскими группами, чем мужская серия.

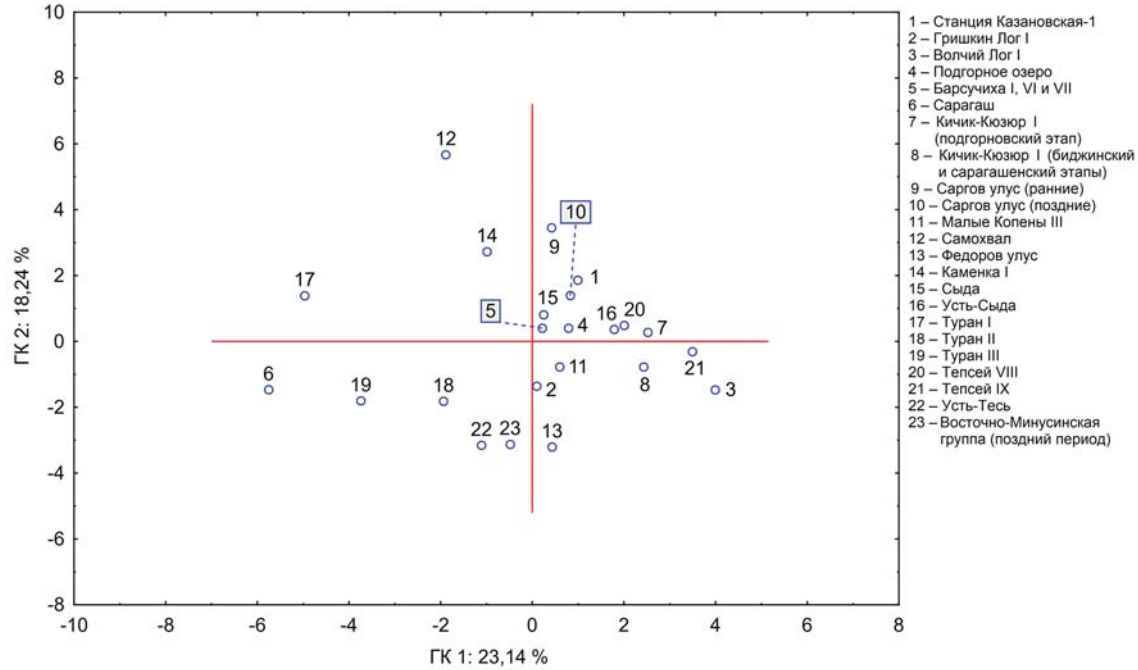


Рис. 2. Распределение тагарских серий в составе первых двух главных компонент. Женщины.

Таблица 4. **Статистические нагрузки на признаки в составе первой и второй главных компонент. Женщины**

№ признака	ГК 1	ГК 2	№ признака	ГК 1	ГК 2
1	**0,71**	–0,24	55	**0,76**	0,46
8	–0,35	**0,63**	54/55	–0,26	–0,33
8/1	–0,73	0,55	DS	0,23	0,40
17	0,03	0,15	DC	0,12	**–0,63**
5	**0,76**	–0,13	DS/DC	0,00	**0,84**
9	**0,59**	–0,20	SS	0,30	0,46
40	0,30	–0,25	SC	0,13	**–0,58**
45	**0,51**	0,39	SS/SC	0,07	**0,84**
48	**0,77**	0,22	32	–0,17	0,43
51a	0,89	0,21	77	**–0,74**	0,24
52	**0,70**	0,08	zm	–0,01	0,06
52/51a	–0,40	–0,15	72	0,20	**0,64**
54	0,27	–0,26	75(1)	0,18	0,13

Таблица 5. **Результаты дисперсионного анализа индивидуальных данных женских серий**

№ признака	Критерий Шапиро – Уилка, p	ANOVA, p	№ признака	Критерий Шапиро – Уилка, p	ANOVA, p
1	0,88	0,45	55	0,20	0,76
8	0,17	0,31	DS	0,26	0,08
17	0,58	**0,02**	DC	0,73	0,24
9	0,12	0,20	SS	0,24	0,40
45	0,91	0,99	32	0,14	0,61
48	0,24	0,48	Zm	**0,01**	**0,00**
51a	0,34	0,36	72	0,72	0,36
54	0,10	0,19	75(1)	0,33	0,75

Здесь также был проведен дисперсионный анализ (табл. 5) с привлечением только тех тагарских групп, которые расположились в одном поле с исследуемой серией. Следует отметить, что в анализ не были взяты данные по признакам высота орбиты, симотическая ширина и назомалярный угол, так как по ним было зафиксировано нарушение нормальности распределения у исследуемой группы (табл. 1).

Исходя из результатов дисперсионного анализа, основные различия групп фиксируются по признакам высотного диаметра черепа и зиго-максиллярного угла. Post-hoc тест Тьюки-HSD показал, что по высотному диаметру различаются исследуемая группа и серия из Подгорного озера с уровнем значимости p = 0,01. По значениям зиго-максиллярного угла женская серия из Станции Казановской отличается от всех, взятых в сравнение тагарских групп: Подгорное озеро – p = 0,002, Барсучиха I, VI, VII – p = 0,007, Кичик-Кюзюр I – p = 0,01, Тепсей VIII – p = 0,0006. Нарушение нормальности распределения данных по зиго-максиллярному углу фиксируется и критерием Шапиро – Уилка. Это связано с довольно монголоидной конфигурацией углов горизонтальной профилировки лица женщин из могильника Станция Казановская-1, в то время как в других выбранных сериях его значение находится во вполне свойственном европеоидам пределах.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, мужская серия в целом европеоидна, за исключением единичных черепов, в морфологии которых фиксируются некоторые монголоидные черты (по углам горизонтального профиля). При этом отчетливо сбалансированный монголоидный морфокомплекс не выявляется. В женской серии сильнее проявляется монголоидная составляющая, но это также фиксируется только по углам горизонтальной профилировки, при этом угол выступания носа в серии достаточно большой. В целом, эта картина свойственна тагарским популяциям, и можно, вслед за А.Г. Козинцевым, лишь предположить, что это распределение стало следствием первичного смешения нескольких групп, а истоки появления монголоидного компонента на данный момент на столь незначительном по объему материале зафиксировать сложно. Можно лишь осторожно предположить, исходя из результатов одонтологического исследования [Кишкурно, 2021], что этот компонент может быть связан с западносибирскими лесостепными группами эпохи раннего железа.

Зафиксированное по данным одонтологии значительное отличие изучаемой группы от других тагарских популяций, не подтверждается в полной мере данными анализа краниологической коллекции. Несмотря на выявленные малочисленные различия при дисперсионном анализе, серия из Станции Казановской-1 вполне лаконично вписывается в поле с тагарскими группами. А их различия связаны скорее с локальной внутригрупповой дифференциацией, а также, возможно, с достаточно высокой вариабельностью значений некоторых признаков тагарских популяций в целом. При этом затруднительно выделить устойчивые комплексы признаков, по которым изучаемая серия отличалась бы от других тагарских локальных групп.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 861–868.

Кишкурно М.С. Одонтоскопическая характеристика серии тагарской культуры из курганного могильника Станция Казановская-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 459–467.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – СПб.: Наука, 1977. – 144 с.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age based on the lateral-anterior sutures // Am. J. of Phys. Anthrop. – 1985. – Vol. 68, iss. 1. – P. 57–66.

Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique // Am. J. of Phys. Anthrop. – 1979. – Vol. 51. – P. 214–217.

References

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1966. 251 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Solod Yu.A., Zakharova I.P., Vybornov A.V. Research at the Barrow Burial Ground Stantsiya Kazanovskaya-1 in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 861–868. (In Russ.).

Kishkurno M.S. Odontoscopy of the Tagar Population Series Based on Materials from Stantsiya Kazanovskaya-1 Burial Mound. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 459–467. (In Russ.).

Kozintsev A.G. Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniya tagarskoi kul'tury. St. Petersburg: Nauka, 1977. 144 p. (In Russ.).

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age based on the lateral-anterior sutures. *Am. J. of Phys. Anthrop,* 1985. Vol. 68. Iss. 1. P. 57–66.

Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique. *Am. J. of Phys. Anthrop,* 1979. Vol. 51. P. 214–217.

Кишкурно М.С. https://orcid.org/0000-0002-0309-7413

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0563-0569
УДК 903.26(5)

С.А. Комиссаров[1, 2]✉, А.И. Соловьев[1], Е.А. Гирченко[1]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

Жертвенники культуры Саньсиндуй (по материалам раскопок 2021–2022 годов)

Статья является продолжением публикации 2021 г., где были представлены самые последние на тот момент сведения по культуре Саньсиндуй. Раскопки т.н. жертвенных ям на базовом городище продолжились в текущем 2022 г. Судя по уровню публикаций полученных материалов, им придается важное государственное значение. Достижения археологов демонстрируют успешную реализацию задач, поставленных в выступлениях Председателя Си Цзиньпина в 2020 г. Впрочем, в данном случае политическая конъюнктура полностью совпадает с научной актуальностью. Саньсиндуй очередной раз демонстрирует находки мирового уровня. Основные работы велись по расчистке ям № 7 и № 8, в которых найдены сотни изделий из бронзы, нефрита и золота, а также слоновые бивни. Среди наиболее примечательных находок бронзовых изделий – небольшой алтарь, фигура «дракона с поросячьим носом», змееподобное существо между двух сосудов, крылатый зверь с зубастой пастью и т.п. Поражает обилие терриоморфных созданий, к которым также относятся многочисленные бронзовые головы и маски. Возможно, их помещение в ямы указывает на связь с нижним, хтоническим миром. Хронология «жертвенных» комплексов опирается на 200 радиоуглеродных дат, которые компактно легли в промежуток с 1131 до 1012 г. до н.э. Прослеживаются тесные контакты Саньсиндуй с культурой развитого и позднего этапа Иньского городища и, вероятно, раннего Чжоу. Дискуссионным остается вопрос о причинах прекращения функционирования жертвенников Саньсиндуя. В качестве возможного объяснения служит концепция, согласно которой произошло крупное землетрясение и оползень, изменившие течение основных рек Чэндуской равнины. Можно предположить, что бронзовые изображения различных духов и богов повредили и зарыли в ямах в наказание, поскольку они не сумели уберечь почитавшее их сообщество от фатального воздействия природных стихий.

Ключевые слова: *Саньсиндуй, эпоха развитой бронзы, жертвенники, бронзовые фигуры, действие природных стихий.*

S.A. Komissarov[1, 2]✉, A.I. Solovyev[1], E.A. Girchenko[1]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

Sacrificial Pits of the Sanxingdui Culture (Evidence of Excavations in 2021–2022)

This article follows the publication of 2021 presenting the latest information on the Sanxingdui culture. Excavations of several pits, usually associated with sacrificial rituals, continued at the fortified settlement in 2022. Judging by the level of publications on the finds, they are considered to be of a great national importance. Achievements of archaeologists demonstrate successful implementation of objectives formulated in speeches of President Xi Jinping in 2020. In this case, political interests completely coincide with scholarly importance. The Sanxingdui site once again demonstrates world-class finds. Main archaeological works were focused on pits No. 7 and No. 8, containing hundreds of items made of bronze, jade, gold, as well as elephant tusks. The most remarkable discoveries of bronze items included a small altar, figurine of "dragon with pig nose," snake-like creature between two vessels, winged beast with toothy mouth, and other exceptional finds. The abundance of teriomorphic creatures and numerous bronze heads and masks is impressive and may indicate a connection to the lower, chtonic world. The chronology of the sacrificial complexes is based on 200 radiocarbon dates which compactly correspond to the chronological interval from

1131 to 1012 BC. Close connections between the Sanxingdui and Yin fortified settlements (middle and late stages), and probable connection with the early Zhou culture have been observed. The reasons why Sanxingdui sacrificial site stopped functioning remain debatable. One of possible explanations links this fact with major earthquake and subsequent landslide which changed the course of main rivers on the Chengdu Plain. Bronze images of various spirits and gods might have been damaged and buried in pits as a punishment, since they failed to protect the community which revered them from fatal impact of nature.

Keywords: *Sanxingdui, Middle Bronze Age, sacrificial pits, bronze figures, nature impact.*

Изучение культуры Саньсиндуй и ее места в древней истории Китая ведется с 1986 г. [Комиссаров, Гирченко, 2016]. Но даже на фоне достигнутых ранее больших успехов исследования последних трех лет отличаются особой интенсивностью. Подобная активность, помимо научного интереса, имела и определенный политический стимул: наглядно доказать всему миру, что китайская наука, как и страна в целом, успешно прошла испытание пандемией ковида и способна выдавать более заметные достижения, чем ранее [Комиссаров, Гирченко, Соловьев, 2021, с. 469].

Но был и еще один важный политический фактор. Весной 2020 г. руководитель партии и государства Си Цзиньпин посетил пещерный храм Юньган, где выступил перед работниками местного музея. После чего были обнародованы «15 тезисов его выступления по теме охраны культурного наследия, значения археологии в культурном и политическом просвещении масс» [Алкин, 2021, с. 16]. Они легли в основу заседания Политбюро ЦК КПК 28 сентября того же года, на котором Председатель Си дал прямую установку партийным и государственным органам оказывать археологам поддержку людьми и материальными ресурсами. Надо ли говорить, насколько важна для науки поддержка на самом высоком уровне?

Но ответить на отеческую заботу лучше всего не повседневной работой, чрезвычайно важной, но мало интересной для неспециалистов. Нужен был прорыв. Поэтому ученые обращаются к памятникам, уже известным в стране и за пределами, полевые работы на которых были временно законсервированы, но их возобновление гарантировало быстрый успех и открытия мирового уровня. Саньсиндуй идеально подходил для такой цели [Ли Хунфэй, 2022]. О важном государственном значении находок свидетельствует уровень их обнародования. Сообщения о раскопках размещены на сайте Госсовета КНР [New Sanxingdui findings.., 2022], их публикуют правительственные информагентства и издания [Hui Xiaoyong et al., 2022; Ji Yuqiao, 2022], о них снимает документальные фильмы центральное телевидение [Live: Latest archaeological discoveries.., 2022]; к этим материалам обращаются ведущие международные СМИ [Magramo, 2022; Smith, 2022], в т.ч. российские [Археологический памятник.., 2022].

В данном случае политическая конъюнктура не противоречила научности, и в итоге раскопок, проведенных во второй половине 2020 г. и, главным образом, в 2021 г., были получены выдающиеся результаты. К двум жертвенным ямам, раскопанным в 1986 г., добавились еще шесть. Хотя полного академического издания результатов этого года пока не обнародовано, но в своей статье мы старались выделить в потоке информационных материалов, в первую очередь, факты и мнения китайских археологов, ведущих раскопки, что позволило создать вполне объективную картину исследований.

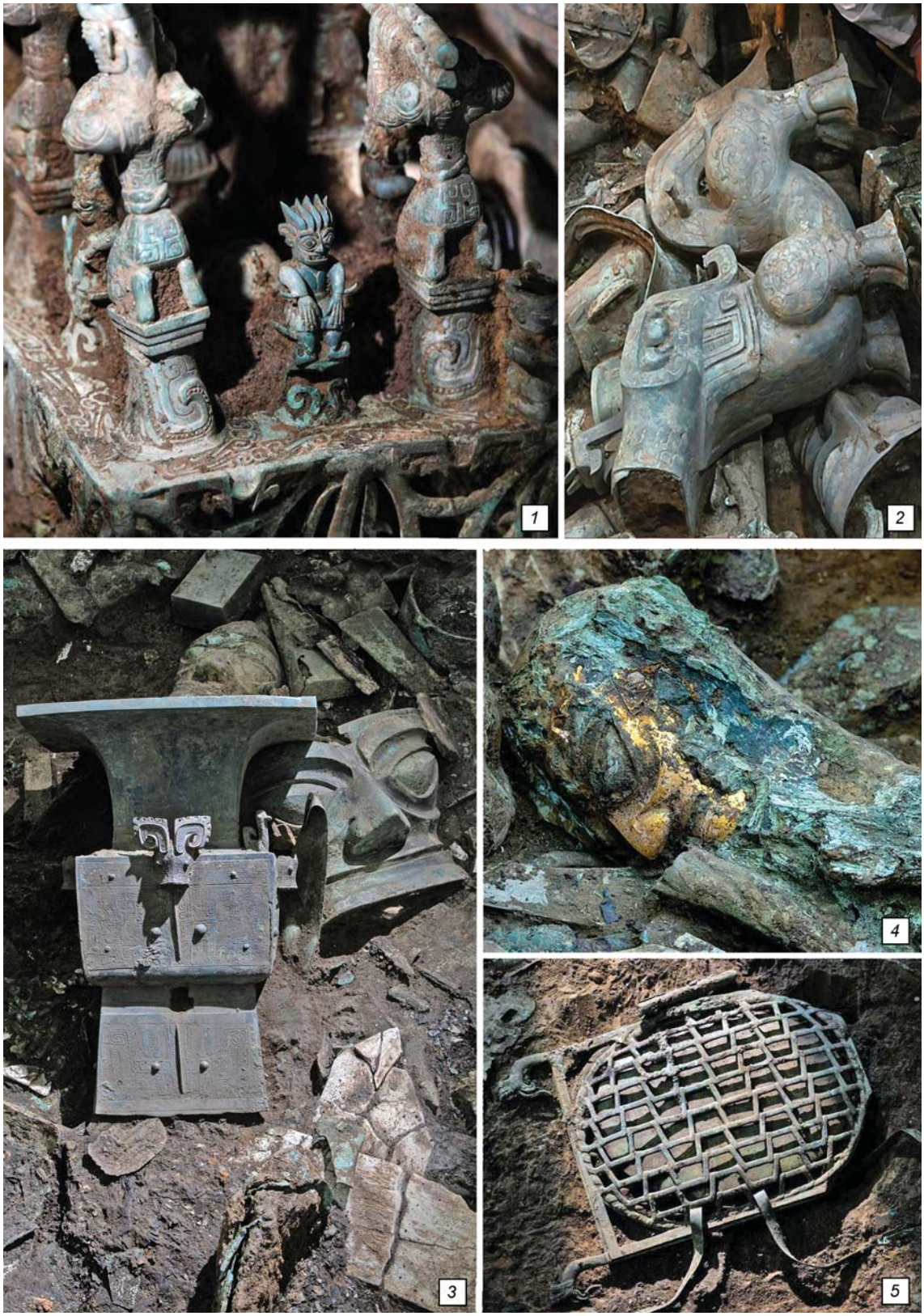
Поскольку над раскопом был возведен ангар из прозрачной пленки на металлических конструкциях, то китайские археологи не зависели от капризов погоды и могли работать круглый год. В 2022 г. интенсивные раскопки велись в летние месяцы, к началу августа их почти закончили, хотя формальное завершение запланировано на начало октября с.г.

Всего за период 2020–2022 гг. вскрыто 1834 м^2 из общей площади «жертвенного поля» примерно 13 тыс. м^2. В СМИ фигурировала цифра 3155 обнаруженных артефактов, в т.ч. более 2 тыс. бронзовых изделий, однако в научной статье о раскопках указаны намного большие цифры – всего 13 тыс. предметов [Жань Хуньлинь и др., 2022]. Вероятно, для прессы выбирались наиболее эффектные и хорошо сохранившиеся вещи, не учитывался массовый материал. Точные цифры можно будет назвать после публикации итогового отчета.

В текущем году удалось существенно пополнить коллекцию прошлого года новыми находками, в первую очередь, из жертвенных ям № 7 и № 8.

Так, в яме № 7 нашли бронзовую шкатулку с решетчатой крышкой и ручками в форме головы дракона; внутри находился большой кусок зеленого нефрита (см. *рисунок*, *5*). По остаткам микрочастиц на поверхности шкатулки удалось установить, что она была завернута в шелковую ткань. К уникальным артефактам относится также фрагмент бронзовой фольги толщиной с бумажный лист, для изготовления которой необходимо было владеть технологией горячей ковки – не самой распространенной в ту эпоху. В то же время золото, как более мягкий металл, хорошо расковывалось холодной ковкой и в этом качестве использовалось для нанесения на бронзовую основу – например, в виде маски (см. *рисунок*, *4*).

Из числа наиболее примечательных находок в яме № 8 следует отметить небольшой («поход-



Новые находки бронзовых изделий в Саньсиндуй (жертвенные ямы № 7 и № 8).

1 – «походный» алтарь из ямы № 8; *2* – мифический зверь из ямы № 8; *3* – кубок *цзунь*, найденный *in situ* с другими бронзами; *4* – голова в позолоченной маске из ямы № 8; *5* – шкатулка с куском нефрита внутри из ямы № 7. Все рисунки даны не в масштабе. Таблица составлена А.И. Соловьевым по материалам, представленными ИА Синьхуа в открытом доступе (по: [Hui Xiaoyong et al., 2022; New Sanxingdui findings.., 2022; и др.]).

ный») бронзовый алтарь с фигурками мифических персонажей на его поверхности (см. *рисунок*, *1*). Неподалеку расчищен бронзовый зверь, который служил навершием для крышки кубка. У него четыре крыла (небесная черта) и зубастая пасть (хтоническая особенность), причем обе характеристики впервые встречены в изображениях саньсиндуйского бестиария. К его голове крепилась фигурка человека в длинном кафтане, который, вероятно, управлял зверем [Largest animal bronze ware.., 2022].

Также обнаружена бронзовая фигура с длинным (ок. 1,3 м) полым туловищем и непропорционально большой мордой, которую авторы раскопок назвали «изделие в форме дракона с поросячьим носом». На его принадлежность к свиньям указывают раздвоенные копыта, а к драконам удивительного зверя относят, очевидно, из-за завитка-гривы и большого, отнюдь не поросячьего хвоста (см. *рисунок*, *2*). По мнению Чжао Хао, участника раскопок из Пекинского университета, бронзовая фигура могла использоваться для укрепления, например, краев крыши или иных элементов конструкции здания [Never-before-seen bronze beast.., 2022].

Еще один персонаж в составе бронзовых изделий в той же яме – человек с телом змеи (или змея с головой человека), опирающийся на сосуд-подставку и, в свою очередь, служащий подставкой для другого сосуда; общая высота достигает 1,6 м. Мифическое существо, возможно, восходит к древним мифам о нагах, а его связь с сосудами имеет сложную семантику. Любопытно, что его нос оформлен в виде свиного пятачка [Pandey, 2022]. Сосуды вполне шанского, с элементами раннечжоуского, облика.

Как подчеркивают китайские археологи, датировки шести жертвенных ям в Саньсиндуй опираются на 200 радиоуглеродных дат, которые в основном компактно легли в промежуток с 1131 г. до н.э. до 1012 г. до н.э. [Сунь Хуа, 2022]. Жертвенные ямы № 5 и № 6, вероятно, несколько позднее остальных, но и они не выходят за пределы периода позднего Шан или самого раннего (вероятно, «додинастического») Чжоу [Ji Yuqiao, 2022]. Эти даты подтверждаются близкими аналогиями для некоторых бронзовых сосудов и нефритовых регалий Саньсиндуя с поздними находками на Иньском городище. Кроме упомянутых выше сосудов в составе бронзовой фигуры «нага», можно указать на кубок *цзунь*, обнаруженный вместе с бронзовой скульптурой головы (см. *рисунок*, *3*), или вазу *лэй* из ямы № 8, аналоги которой находили в окраинных районах позднего Шан – раннего Чжоу. В то же время они хорошо коррелируют с находками бронзовых сосудов из ям № 1 и № 2, которые относят к 1-му и 2-му периодам Иньсюй, датированным XIV–XIII вв. до н.э. [Гирченко, 2010]. Некоторый разнобой в полученных датах можно объяснить тем, что из Центральной равнины были получены не сами бронзовые сосуды, а их образцы и технологии производства (возможно, вместе с мастерами), которые затем прошли определенный период адаптации к местным условиям и требованиям [Варенов, Гирченко, 2014, с. 35; Ли Хунфэй, 2022]. К тому же даты изготовления жертвенной утвари могут существенно отличаться от времени использования/захоронения [Чжу Найчэн, 2022].

В целом, ученым еще предстоит долгая и кропотливая работа по определению функционального предназначения и мифологической сути найденных бронзовых фигур.

К числу дискуссионных относится вопрос о назначении саньсиндуйских ям, который не раз обсуждался в историографии. После открытия первых двух ям преобладала гипотеза об их связи с церемонией сакральной смерти вещей, которая встречается во многих традиционных культах. Нередко заложение подобных жертвенников со множеством ценнейших предметов было вызвано упадком власти прежних правителей. Другая версия опиралась на сведения из чжоуского сочинения «Го юй» (Речи царств), где описывалось, как при нападении врагов храмы разрушались или сжигались, а находящиеся в них вещи разбивались и закапывались [Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган, 1998, с. 17–20].

В свою очередь, проф. Чэнь Шэнь выдвинул гипотезу о том, что ямы представляли собой могилы, в которых помещали кремированные остатки тел (см.: [Smith, 2022]); соответственно, найденные в них изделия были погребальным инвентарем. Однако этой концепции возражали другие китайские ученые, поскольку найденные в ямах следы золы и пепла не соответствовали обряду кремации ни по количеству, ни по составу. Возможно, это остатки древесного топлива, которое использовали для обугливания приносимых в жертву предметов. Однако интенсивность обжига могла существенно варьировать. Например, слоновьи бивни в яме № 3 обожжены минимально – в отличие от бивней из ямы № 4, плохо сохранившихся из-за более длительного термического воздействия [Таньсо – фасянь…, 2022]. Возможно, это говорит о том, что церемонии, связанные с устройством ям, не были одинаковыми.

Поскольку характер и степень обожжения и в целом разрушения предметов различались в разных ямах, то многие ученые стали считать, что следы огня вообще не связаны с ритуалом, а свидетельствуют о какой-то катастрофе, вызвавшей обрушение строительных конструкций (о чем свидетельствуют, например, куски обожженной земли, сбитой способом *ханту*, найденные в яме № 8). Соответственно как минимум большие ямы, к которым относятся

и № 7, 8, представляют собой не жертвенники «в узком смысле слова», а хранилища жертвенных вещей [Жань Хунлинь и др., 2022, с. 31].

Но закономерно возникает вопрос о том, почему гигантский набор ценнейших вещей был частично сломан, обожжен и заброшен в больших ямах? Свое объяснение предложил Фань Няньнянь, специалист по гидрологии из Сычуаньского университета. Он считает, что чуть больше 3 тыс. л.н. (возможно, в 1099 г. до н.э.) в районе произошло землетрясение большой силы. Оно вызвало обширный оползень в горах, который изменил течение р. Миньцзян, главной водной артерии Чэндуской равнины, и еще нескольких ручьев и речек. Они сменили свой ток в сторону Цзиньша, куда вынуждены были перебраться и создатели саньсиндуйских жертвенников (см.: [Weiss, 2015]). Однако заполнение ям с частичным повреждение предметов проходило на протяжении определенного периода, а не было единовременным событием. Так можно ли считать землетрясение и последующее изменение водного баланса причиной оставления богатейшего «жертвенного поля»?

Судя по имеющимся данным, природный катаклизм, о котором идет речь, относился к категории катастрофических. Местное население при мощных толчках испытало психологический шок, к которому прибавились неблагоприятные изменения в окружающем ландшафте и микроклимате. Не исключено, что колебания земли, правда, меньшей силы случались и ранее (как они происходят и в наши дни). И это сказалось на заполнении сакральными артефактами «жертвенных» ям, которое имело ситуативный, но вместе с тем регулярный характер. Можно предположить проведение серии превентивных магических действий, направленных на умиротворение божеств и духов, с действиями которых связаны колебания тверди и прочие бедствия. По данным этнографии известно, что размещение сакральных объектов в ямах (аналогичное находкам Саньсиндуя) связывается с обращением к нижним силам, далеко не дружественным к человеку. В ходе исполнения подобных актов священные объекты временно или окончательно изымаются из сферы доступности коллектива [Фрэзер, 1980, с. 608, 610, 629]. Если признать систематичность и временную протяженность таких действий, то этим можно объяснить постепенное заполнение «жертвенных» ям.

Что же касается общего финала для существования «жертвенного» комплекса Саньсиндуй, то причиной, скорее всего, стали природные потрясения, с фатальными последствиями которых общество не смогло справиться. Разгул стихий в архаическом сознании объяснялся попустительством «своевольных сверхъестественных существ», которые, однако, не представлялись чем-то «неизмеримо высшим»; человек склонялся перед ними не полностью, а иногда даже мог «нагнать на них страху и заставить выполнять свою волю» [Там же, с. 61, 108]. Вероятно, когда сдвинулась земля и ушла вода, саньсиндуйский коллектив оказался «слишком разгневан, чтобы тратить силы на молитвы и заклинания» [Там же, с. 88], и перешел к практике проскрипций в отношении священных покровителей. Они частично утратили свою силу и проявили «преступную халатность», за что подлежали наказанию. Можно полагать, что захоронения «провинившихся» изваяний и присущей им атрибутики, пополнявших содержимое ям, осуществлялись и ранее. Однако они не были столь радикальными, как и мощь вызывавших их потрясений, и не имели последствием окончательное закрытие жертвенников-хранилищ и дальнейшее переселение носителей культуры с забвением некогда почитаемой территории. Разумеется, это лишь одна из гипотез, подтвердить или опровергнуть которые смогут новые материалы, ждать которых, судя по темпам раскопок, осталось недолго.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Алкин С.В. Новая «старая» государственная политика КНР в области археологического наследия // Историческое наследие и кросс-культурные связи на Великом Шелковом пути. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. – С. 15–17.

Археологический памятник Саньсиндуй в Китае подарил ученым новые находки // Полит.Ру (сетевое издание). – 16.06.2022. – URL: https://m.polit.ru/news/2022/06/16/ps_sansingdui (дата обращения: 30.08.2022).

Варенов А.В., **Гирченко Е.А.** Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та: Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 4: Востоковедение. – С. 26–39.

Гирченко Е.А. Периодизация культуры Саньсиндуй по бронзовым материалам жертвенных ям // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 170–175.

Жань Хунлинь, **Лэй Юй**, **Чжао У**, **Се Чжэньу**, **Ли Хайчао**, **Ван Чун**, **Сюй Пэйхун**, **Сюй Даньян**. Сычуань Гуанханьши Саньсиндуй ичжи цзисыцюй (Район жертво-

приношений на памятнике Саньсиндуй, близ г. Гуанхань, пров. Сычуань) // Каогу. – 2022. – № 7. – С. 15–33 (на кит. яз.).

Комиссаров С.А., **Гирченко Е.А.** Культура Саньсиндуй // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. – М.: Вост. лит., 2016. – Т. 1. – С. 729–736. – doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474

Комиссаров С.А., **Гирченко Е.А.**, **Соловьев А.И.** Новейшие данные по культуре Саньсиндуй // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 468–474.

Ли Хунфэй. Цзе «эр» лянь «сань»: саньсиндуй каогу синь фасянь шичжэн хуася вэньмин доюань ити (Одно следует за другим*: новые археологические находки в Саньсиндуй убедительно доказывают, что цивилизация хуася носит многокомпонентный характер) // Сайт Ин-та археологии АОН КНР. – 09.08.2022. – URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/kgyd/kgsb/202208/t20220809_5470146.shtml (дата обращения : 30.08.2022) (на кит. яз.)

Сунь Хуа. Саньсиндуй майцанкэн: синь фасянь юй синь жэньши (Ямы с заполнением в Саньсиндуй: новые открытия и новое понимание) // Сайт Ин-та археологии АОН КНР. – 07.04.2022. – URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/kgyd/kgsb/202207/t20220704_5415491.shtml (дата обращения: 30.08.2022) (на кит. яз.).

Таньсо – фасянь: Таньми Саньсиндуй. Ди 10 цзи (Исследования и открытия: Разгадывая тайны Саньсиндуй. Вып. 10) // Сайт Центр. телевидения Китая. – 01.07.2022. – URL: http://tv.cctv.com/2022/07/01/VIDEhrRE34P4ca8yyvT5PWLj220701.shtml (дата обращения: 30.08.2022) (на кит. яз.)

Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

Чжу Найчэн. Цун няньдайсюэ кань саньсиндуй вэньмин (С позиций хронологии рассмотрим цивилизацию Саньсиндуй) // Сайт Ин-та археологии АОН КНР. – 23.02.2022. – URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/kgyd/kgsb/ 202202/t20220223_5395229.shtml (дата обращения: 30.08.2022) (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, **Вэй Сюэфэн**, **Ли Вэйган**. Саньсиндуй: Чанцзян шанъю вэньмин чжунсинь таньсо (Саньсиндуй: Исследования центра цивилизации в верховьях Янцзы). – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. – 71 с. (на кит. яз.).

Hui Xiaoyong, **Xiao Lin**, **Tong Fang**, **Xia Xiao**. New Sanxingdui findings tell story of exchange, integration in Chinese culture // Сайт ИА Xinhua. – 13.06.2022. – URL: https://english.news.cn/20220613/ 7e39e5b386ab419c8472ca34f55a08d9/c.html (дата обращения: 30.08.2022).

Ji Yuqiao. Archaeologists find more cultural relics at Sanxingdui Ruins, presenting splendid ancient Shu culture // Global Times. – 13.06.2022. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268014.shtml?id=11 (дата обращения: 30.08.2022).

Largest animal bronze ware ever seen unearthed at Sanxingdui Ruins // Global Times. – 27.08.2022. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202208/ 1273976.shtml (дата обращения: 30.08.2022).

Live: Latest archaeological discoveries at SW China's Sanxingdui ruins site // Сайт CGTN (China Global Television Network). – 13.06.2022. – URL: https://news.cgtn.com/news/2022-06-12/Live-Latest-discoveries-at-SW-China-s-Sanxingdui-ruins-site-1aOei2B96HS/index.html l (дата обращения: 30.08.2022).

Magramo K. Sacrificial altar among 13,000 relics unearthed at Sanxingdui archaeological site in China // Сайт CNN. – 14.06.2022. – URL: https://edition.cnn.com/style/article/sanxingdui-china-archaeology-relics-discovery-intl-hnk/index.html (дата обращения: 30.08.2022).

Never-before-seen bronze beast with four wings found at Sanxingdui Ruins // Global Times. – 16.08.2022. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/ 202208/1273094.shtml (дата обращения: 30.08.2022).

New Sanxingdui findings tell story of exchange, integration in Chinese culture // Site of the State Council Information Office, PRC. – 1406.2022. – URL: http://english.scio.gov.cn/m/in-depth/2022-06/14/content_78268909.htm (дата обращения: 30.08.2022).

Pandey S. Sanxingdui Excavation Pits Reveal Sophisticated Ancient Civilization // Ancient Origins. – 14.06.2022. – URL: https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/sanxingdui-0016894 (дата обращения: 30.08.2022).

Smith P. Newly found Chinese artifacts illuminate mysterious ancient kingdom // Сайт NBCNews. – 15.06.2022. – URL: https://www.nbcnews.com/news/world/sanxingdui-china-archaeology-artifacts-sacrificial-pits-shu-kingdom-rcna33643 (дата обращения: 30.08.2022).

Weiss D. Seismic Shift // Archaeology (online). – 2015 March/April. – URL: https://www.archaeology.org/issues/169-1503/trenches/2986-trenches-china-sanxingdui-civilization (дата обращения: 30.08.2022).

References

Alkin S.V. Novaya «staraya» gosudarstvennaya politika KNR v oblasti arkheologicheskogo naslediya. In *Istoricheskoe nasledie i krosskul'turnye svyazi na Velikom Shelkovom puti*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2021. P. 15–17. (In Russ.).

Arkheologicheskii pamyatnik San'sindui v Kitae podaril uchenym novye nakhodki. *Polit.Ru (online edition)*, 16.06.2022. URL: https://m.polit.ru/news/2022/06/16/ps_sansingdui (Accessed: 30.08.2022). (In Russ.).

Chen Dean, **Wei Xuefeng**, **Li Weigang**. Sanxingdui: Changjiang shangyou wenming zhongxin tansuo

*Автор обыгрывает звучание чэнъюя и пишет, что его можно применительно к археологии расшифровать как «вступать в контакт с Эрлитоу, связываться с Саньсиндуй».

[Sanxingdui: Studies of the civilization centre in the Upper Yangzi]. Chengdu: Sichuan renmin chubanshe, 1998. 71 p. (In Chin.).

Frezer Dzh. [Frazer J.G.] Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [The Golden Bough: a Study in Magic and Religion], Moscow: Politizdat, 1980. 831 p. (In Russ.).

Girchenko E.A. Periodizatsiya kul'tury San'sindui po bronzovym materialam zhertvennykh yam. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. Vol. 16. P. 170–175. (In Russ.).

Hui Xiaoyong, **Xiao Lin**, **Tong Fang**, **Xia Xiao**. New Sanxingdui findings tell story of exchange, integration in Chinese culture. *Site of IA (Information Agency) Xinhua*, 13.06.2022. URL: https://english.news.cn/20220613/ 7e39e5b386ab419c8472ca34f55a08d9/c.html (Accessed: 30.08.2022).

Ji Yuqiao. Archaeologists find more cultural relics at Sanxingdui Ruins, presenting splendid ancient Shu culture. *Global Times*, 13.06.2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268014.shtml?id=11 (Accessed: 30.08.2022).

Komissarov S.A., **Girchenko E.A.** Kul'tury pozdnei bronzy za predelami istoricheskogo regiona Vostochnaya Aziya: Verkhnyaya Yantszy: Kul'tura San'sindui. In Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. Moscow: Vost. lit., 2016. Vol. 1. P. 729–736. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474

Komissarov S.A., **Girchenko E.A.**, **Solov'ev A.I.** The Latest Data on Sanxingdui Culture. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 468–474. (In Russ.).

Largest animal bronze ware ever seen unearthed at Sanxingdui Ruins // *Global Times*, 27.08.2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202208/ 1273976.shtml (Accessed: 30.08.2022).

Li Hongfei. Jie «er» lian «san»: sanxingdui kaogu xin faxian shizheng huaxia wenming duoyuan yiti [One after another: new archaeological finds at Sanxingdui convincingly prove that the Huaxia civilization had a multicomponent character]. *Site of the Institute of Archaeology, CASS*, 09.08.2022. URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/kgyd/kgsb/202208/t20220809_5470146.shtml (Accessed: 30.08.2022) (In Chin.).

Live: Latest archaeological discoveries at SW China's Sanxingdui ruins site. Site of CGTN (China Global Television Network), 13.06.2022. URL: https://news.cgtn.com/news/2022-06-12/Live-Latest-discoveries-at-SW-China-s-Sanxingdui-ruins-site-1aOei2B96HS/index.html l (Accessed: 30.08.2022).

Magramo K. Sacrificial altar among 13,000 relics unearthed at Sanxingdui archaeological site in China. *Site of CNN*, 14.06.2022. URL: https://edition.cnn.com/style/article/sanxingdui-china-archaeology-relics-discovery-intl-hnk/index.html (Accessed: 30.08.2022).

Never-before-seen bronze beast with four wings found at Sanxingdui Ruins. *Global Times*, 16.08.2022. URL: https://www.globaltimes.cn/page/ 202208/1273094.shtml (Accessed: 30.08.2022).

New Sanxingdui findings tell story of exchange, integration in Chinese culture. *Site of the State Council Information Office, PRC*, 14.06.2022. URL: http://english.scio.gov.cn/m/in-depth/2022-06/14/content_78268909.htm (Accessed: 30.08.2022).

Pandey S. Sanxingdui Excavation Pits Reveal Sophisticated Ancient Civilization. *Ancient Origins*, 14.06.2022. URL: https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/sanxingdui-0016894 (Accessed: 30.08.2022).

Ran Honglin, **Lei Yu**, **Zhao Wu**, **Xie Zhenwu**, **Li Haichao**, **Wang Chong**, **Xu Peihong**, **Xu Danyang**. Sichuan Guanghanshi Sanxingdui yizhi jisiqu [Sacrificial region at Sanxingdui site near Guanghan, Sichuan Proviince]. *Kaogu [Archaeology]*, 2022, N 7. P. 15–33. (In Chin.).

Smith P. Newly found Chinese artifacts illuminate mysterious ancient kingdom. *Site of NBCNews*, 15.06.2022. URL: https://www.nbcnews.com/news/world/sanxingdui-china-archaeology-artifacts-sacrificial-pits-shu-kingdom-rcna33643 (Accessed: 30.08.2022).

Sun Hua. Sanxingdui maicangkeng: xin faxian yu xin renshi [Ямы с заполнением в Саньсиндуй: новые открытия и новое понимание]. *Site of the Institute of Archaeology, CASS*, 07.04.2022. URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/kgyd/kgsb/202207/t20220704_5415491.shtml (Accessed: 30.08.2022) (In Chin.).

Tansuo – faxian: Tanmi sanxingdui: Di 10 ji [Investigations and discoveries: Reveal the secrets of Sanxindui: Tenth issue]. *Site of China Central Television*, 01.07.2022. URL: http://tv.cctv.com/2022/07/01/VIDEhrRE34P4ca8yyvT5PWLj220701.shtml (Accessed: 30.08.2022) (In Chin.).

Varenov A.V., **Girchenko E.A.** Bronzovye sosudy iz zhertvennykh yam San'sinduya. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*: *Ser.: ,Istoriya, filologiya*, 2014. Vol. 13. Iss. 4: Vostokovedenie. P. 26–39. (In Russ.).

Weiss D. Seismic Shift. *Archaeology (online)*, 2015 March/April. URL: https://www.archaeology.org/issues/169-1503/trenches/2986-trenches-china-sanxingdui-civilization (Accessed: 30.08.2022).

Zhu Naicheng. Cong niandaixue kan sanxingdui wenming [Sanxingdui civilization from the chronological point of view]. *Site of the Institute of Archaeology, CASS*, 23.02.2022. URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/kgyd/kgsb/ 202202/t20220223_5395229.shtml (Accessed: 30.08.2022) (In Chin.).

Комиссаров С.А. https://orcid.org/0000-0002-7657-054x
Соловьев А.И. https://orcid.org/0000-0003-3891-8944
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0570-0574
УДК 903.53(571.150)

П.А. Косинцев[1]✉, Н.В. Полосьмак[2], П.И. Шульга[2]

[1]Институт экологии растений и животных УрО РАН
Екатеринбург, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Половой и возрастной состав лошадей из могильников раннего железного века Алтая

Проведен анализ зубной системы лошадей из погребений скифского времени северо-западного (18 особей) и юго-восточного (20 особей) Алтая. В могильниках обоих регионов есть «элитные» и «рядовые» погребения. Пол лошадей определен по наличию (самцы) или отсутствию (самки) клыков. Возраст определен по степени стертости резцов. Установлено, что в погребальном обряде использовали только самцов. Определить наличие меринов среди самцов не удалось. В могильниках представлены 3 возрастные группы: полувзрослые (2–5 лет), взрослые (от 5 до примерно 15 лет) и старые (старше 15 лет) особи. Возрастной состав лошадей из могильников северо-западного и юго-восточного Алтая различается. В могильниках юго-восточного Алтая отсутствуют полувзрослые особи, есть взрослые и старые особи; преобладают старые особи. В могильниках северо-западного Алтая есть полувзрослые особи, взрослые и старые особи; преобладают взрослые особи. Возрастной состав лошадей в погребениях разных социальных групп («элитные» и «рядовые») различается в разных регионах. В «элитном» погребении из северо-западного Алтая представлены только полувзрослые особи, тогда как в «рядовых» погребениях есть все возрастные группы. Возрастной состав лошадей из «элитных» и «рядовых» погребений могильников юго-восточного Алтая не различается. «Разнообразие» возрастного состава лошадей в могильниках северо-западного Алтая выше, чем в могильниках юго-восточного Алтая. Выявленные различия возрастного состава лошадей в могильниках двух регионов пока не имеют объяснения. Во всех могильниках раннего железного века Алтая найдены скелеты самцов.

Ключевые слова: *скифская культура, лошадь, пол, возраст, Алтай.*

P.A. Kosintsev[1]✉, N.V. Polosmak[2], P.I. Shulga[2]

[1]Institute of Plant and Animal Ecology of the UB RAS
Yekaterinburg, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Sex and Age Composition of Horses from Burial Grounds of the Early Iron Age in the Altai

This article analyzes the dental system of horses from the "elite" and "ordinary" burials of the Scythian period which were found in the northwestern (18 animals) and southeastern (20 animals) Altai. The sex of the horses was identified by the presence (in male animals) or absence (in female animals) of canine teeth. The age of the animals was established from the degree of wear in the incisors. It was discovered that only male horses were used in the funeral rite. It was not possible to determine the presence of geldings among male horses. Three age groups occurred at burial grounds: semi-adult horses (2-5 years of age), adult horses (from 5 to about 15 years of age), and old horses (over 15 years of age). Their age composition differed at the burial grounds of the northwestern and southeastern Altai. There were no semi-adult horses at the burial grounds of the southeastern Altai, but only adults and predominantly old animals. The burial grounds of the northwestern Altai included semi-adult, predominantly adult, and old horses. Age composition of horses in the burials of different social groups ("elite" and "ordinary") varied in both regions. Only semi-adult horses were present in the "elite" burial in the

northwestern Altai, whereas all age groups occurred in "ordinary" burials. Age composition of horses from the "elite" and "ordinary" burials at burial grounds of the southeastern Altai did not differ. The "diversity" of age composition of horses at the burial grounds of the northwestern Altai was higher than in the southeastern Altai. These differences in age composition of horses at the burial grounds of two regions do not yet have an explanation. Skeletons of male animals have been found at all burial grounds of the Scythian culture in the Altai.

Keywords: *Scythian culture*, *horse*, *gender*, *age*, *Altai.*

В состав погребальных комплексов разных археологических культур входят остатки животных. Значение включения животных в состав погребального обряда может быть интерпретировано на основании анализа характеристик остатков животных. Эти характеристики могут включать: видовой состав, состав элементов скелета, возрастной состав, половой состав, экстерьер, масть, патологии и модификации и др. Очевидно, что полнота интерпретации напрямую зависит от полноты характеристик. Последнее напрямую связано, с одной стороны, с полнотой сбора остатков животных, а с другой стороны – с полнотой методов, использованных при их описании.

В погребальном обряде населения Алтая в раннем железном веке широко использовались лошади. Первые данные о характеристиках лошадей из могильников этого региона были опубликованы в середине XX в. [Витт, 1952; Цалкин, 1952]. После этого наступил большой перерыв, и новые данные о лошадях из могильников были опубликованы уже в конце XX в. [Васильев, Гребнев, 1994, с. 185; Гребнев, Васильев, 1994, с. 108–109; Васильев, 2000, с. 241]. Во всех публикациях приведены характеристики экстерьера лошадей. В одной работе указано, что все лошади из могильников Ак-Алаха I и Кутургунтас были жеребцами [Гребнев, Васильев, 1994, с. 107]. В работах последних лет кроме данных об экстерьере приводятся сведения о половом и возрастном составе лошадей из ряда могильников раннего железного века Алтая [Косинцев, Самашев, 2014, с. 123; Лукерина, 2018, с. 153; Пластеева, Тишкин, 2018, с. 358; Пластеева, Тишкин, Саблин, 2018, с. 108; Пластеева, Дашковский, Тишкин, 2020, с. 123; Тишкин, Пластеева, 2020, с. 68; Тишкин, Пластеева, Косинцев, 2021, с. 160: Тишкин, Пластеева, Саблин, 2021, с. 319]. Но для значительной части могильников, исследованных в прошлом, этих данных нет. Целью данной работы является публикация таких материалов.

Определение пола и возраста наиболее точно можно провести по состоянию зубной системы. В работе использованы черепа или нижние челюсти лошадей. Определение пола проводилось по наличию (жеребец) или отсутствию (кобыла) клыков [Дюрст, 1936, с. 234]. Определение возраста проводилось по степени стертости резцов [Там же, с. 226–236]. В случае, когда резцы отсутствовали, возраст определялся по состоянию смены щечных зубов и степени стертости их коронки. Выделены следующие возрастные группы: молодые (до 2 лет), полувзрослые (2–5 лет), взрослые (от 5 до примерно 15 лет) и старые (старше 15 лет).

Исследованы материалы из могильников Ак-Алаха I, III, V [Полосьмак, 1994, с. 16–66], Кутургунтас [Там же, с. 66–90], Бертек-27 [Молодин, Соловьев, 1994], Покровский Лог-4 [Шульга, Дёмин, 2021, с. 18–31], Покровский Лог-5 [Там же, с. 31–41], Локоть-4а [Шульга, 2003], Гилёво-10 [Шульга, 2016]. Представлены могильники, различающиеся по хронологии и культурной принадлежности: раннескифского времени VII – начала VI в. до н.э. майэмирской культуры (Гилёво-10), бийкенской культуры (Покровский Лог-4, кург. 5) и группы населения, связанной с сакской культурой (Покровский Лог-4, кург. 27); пазырыкской культуры IV–III вв. до н.э.; каменской культуры IV в. до н.э. (Локоть-4а) в ее широком понимании. Выборки по отдельным вариантам небольшие (табл. 1). Географически могильники расположены в противоположных регионах Алтая: Ак-Алаха I, III, V, Кутургунтас, Бертек-27 – в юго-восточном Алтае; Покровский Лог-4, -5 в северо-западном Алтае; Локоть-4а и Гилёво-10 – на предгорной равнине Северо-Западного Алтая. В выборках представлены погребения разных социальных групп населения. К погребениям условно среднего ранга («элитным») можно отнести могильники Ак-Алаха I, III; Кутургунтас и Покровский Лог-4 (кург. 27). Остальные относятся к «рядовым» погребениям.

Анализ полового состава показывает, что все костяки принадлежат самцам (табл. 1). Есть ли среди них мерины и какое соотношение жеребцов и меринов, определить не представляется возможным. Самцов использовали во всех других изученных могильниках раннего железного века Алтая [Косинцев, Самашев, 2014, с. 123; Лукерина, 2018, с. 153; Пластеева, Тишкин, 2018, с. 358; Пластеева, Тишкин, Саблин, 2018, с. 108; Пластеева, Дашковский, Тишкин, 2020, с. 123; Тишкин, Пластеева, 2020, с. 68; Тишкин, Пластеева, Косинцев, 2021, с. 160; Тишкин, Пластеева, Саблин, 2021, с. 319].

Возрастной состав более разнообразен (табл. 1). В могильниках представлены 3 возрастные груп-

Таблица 1. **Пол и возраст лошадей из могильников раннего железного века Алтая**

Курган, могила, особь	Пол	Возраст лет	Культура
Ак-Алаха I			
Курган 1, особь 1	Жеребец	10–12	Пазырыкская
Курган 1, особь 2	»	12–14	»
Курган 1, особь 3	»	25–30	»
Курган 2	»	25–30	»
Ак-Алаха III			
Курган 1, могила 1	»	16–20	Кара-кобинская
Курган 1, могила 2, особь 1	»	16–18	Пазырыкская
Курган 1, могила 2, особь 3	»	16–18	»
Курган 1, могила 2, особь 5	»	20–25	»
Курган 2, особь 1	»	6–7	»
Курган 2, особь 2	»	16–18	»
?	»	25–30	»
Ак-Алаха V			
Курган 1, особь 3	»	16–20	»
Курган 1, особь 4	»	10–12	»
Курган 3, особь 1	»	20–25	»
Курган 3, особь 3	»	16–20	»
Курган 4, особь 2	»	16–20	»
Бертек-27			
Курган 1, особь 1	»	25–30	»
Курган 1, особь 2	»	20–25	»
Курган 1, особь 3	»	16–20	»
Кутургунтас			
Восточная часть, правая	»	16–18	»
Покровский-Лог 4			
Курган 5	»	4	Бийкенская
Курган 27, особь 1	»	2,5	Сакская
Курган 27, особь 2	»	2,5	»
Курган 27, особь 3	»	2,5	»
Курган 27, особь 4	»	3,5	»
Покровский Лог-5			
Курган 23	»	18–20	Пазырыкская
Локоть-4а			
Курган 2, могила 1	»	7–8	Каменская
Курган 6, могила 2	»	10–12	»
Курган 7, могила 1	»	10–12	»
Курган 7, могила 2	»	7–8	»
Курган 7, могила 3, особь 1	»	16–18	»
Курган 8, могила 2	»	7–8	»
Курган 14, могила 1	»	4	»
Гилёво-10			
Курган 5, могила 9	»	10–12	Майэмирская
Курган 5, могила 15, особь 1	»	20–22	»
Курган 5, могила 15, особь 2	»	10–12	»
Курган 5, могила 16, особь 1	»	10–12	»
Курган 5, могила 16, особь 2	»	20–22	»

пы: полувзрослые, взрослые и старые особи. Анализ возрастной структуры лошадей из могильников разных регионов показывает их существенное различие (табл. 2). В могильниках юго-восточного Алтая отсутствуют полувзрослые особи и преобладают старые, а в могильниках северо-западного Алтая и прилегающей равнинной территории есть полувзрослые и преобладают взрослые особи. Если рассматривать возрастной состав для обоих регионов, то в погребениях разных социальных

Таблица 2. **Возрастная структура лошадей**

Возраст	Выборки			
	Регион		Статус	
	ЮВ Алтай	СЗ Алтай	«элитные»	«рядовые»
Старые	16	4	9	11
Взрослые	4	8	3	9
Полувзрослые	0	6	4	2
Всего особей	20	18	16	22

групп («элитные» и «рядовые») он принципиально не различается. В обеих группах есть лошади всех возрастов и больше всего старых особей (табл. 2). Но если рассматривать возрастной состав лошадей в социальных группах по регионам, то различия имеются. В «элитном» погребении из северо-западного Алтая (Покровский Лог-4, кург. 27) представлены только полувзрослые особи, тогда как в «рядовых» погребениях есть все возрастные группы. Возрастной состав лошадей из «элитных» и «рядовых» погребений могильников Юго-Восточного Алтая не различается. В целом, разнообразие возрастного состава лошадей в могильниках северо-западного Алтая выше, чем в могильниках юго-восточного Алтая.

Выявленные различия возрастного состава лошадей в могильниках двух регионов могут иметь разные объяснения. В частности, все полувзрослые особи происходят из одного кургана раннескифского времени (Покровский Лог-4, кург. 27). Для более точного понимания причин этих различий необходимо расширить источниковую базу как по этим регионам, так и по соседним. Общим для погребальной практики населения Алтая в раннем железном веке было использование самцов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 21-59-23003.

Список литературы

Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 237–242.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Остеологическая характеристика лошадей из курганов Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 183–186.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Вып. XVI. – С. 163–205.

Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 106–111.

Дюрст У. Экстерьер лошади. – М.; Л.: Сельхозгиз, 1936. – 344 с.

Косинцев П.А., Самашев З.С. Берелские лошади. Морфологическое исследование. – Астана: Издат. группа фил. Института археологии, 2014. – 368 с.

Лукерина Я.Е. Лошади из памятника Степушка-2 в Горном Алтае // Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2018. – С. 150–153.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 88–94.

Пластеева Н.А., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Морфологическая характеристика лошадей из памятников пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 4. – С. 123–130.

Пластеева Н.А., Тишкин А.А. Лошади из курганной группы Степушка-1 // Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – С. 357–364.

Пластеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В. Лошади из Большого Катандинского кургана (Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 107–109.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Тишкин А.А., Пластеева Н.А. Лошади из курганов, раскопанных около г. Бийска в 1925 г. (Верхнее Приобье): историографический аспект и археозоологические определения // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2020. – № 68. – С. 65–71.

Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Косинцев П.А. Лошади из курганов хуннуского времени памятника Яломан II (Алтай): археологический контекст и археозоологические определения // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: мат-лы XI Между-

нар. науч. конф., 8–11 сентября 2021 г., г. Абакан. – Абакан: ИИМК РАН, 2021. – С. 157–161.

Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Саблин М.В. Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятниках Катанда II и Арагол (по материалам Зоологического института РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. – Вып. XXVII. – С. 316–321.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – Т. 1. – С. 147–156.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2016. – 258 с.

Шульга П.И., Дёмин М.А. Курганы Сентелека. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 188 с.

References

Durst U. Ekster'er loshadi. Moscow; Leningrad: Sel'khozgiz Publ., 1936. 344 p. (In Russ.).

Grebnev I.E., Vasil'ev S.K. Loshadi iz pamyatnikov pazyrykskoj kul'tury Yuzhnogo Altaya. In *"Steregushchie zoloto grify" (ak-alahinskie kurgany)*. Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 106–111. (In Russ.).

Kosincev P.A., Samashev Z.S. Berelskie loshadi. Morfologicheskoe issledovanie. Astana: Izdat. gruppa fil. Instituta arheologii, 2014. 368 p. (In Russ. & Engl.).

Lukerina Ya.E. Loshadi iz pamyatnika Stepushka-2 v Gornom Altae. In *Mogil'nik Stepushka-2 v Central'nom Altae*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajsk Univ. Press, 2018. P. 150–153. (In Russ.).

Molodin V.I., Soloviov A.I. Mogilnik Bertek-27. In *Drevnie kultury Bertekskoj doliny (Gornyj Altai, ploskogorie Ukok)*. Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 88–94. (In Russ.).

Plasteeva N.A., Dashkovskiy P.K., Tishkin A.A. Morphological description of horses from the Pazyryk burials in North-Western Altai. *Theory and practice of archaeological research*, 2020. N 4. P. 123–130. (In Russ.).

Plasteeva N.A., Tishkin A.A. Loshadi iz kurgannoj gruppy Stepushka-1. In *Altaj v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya* (*po materialam pamyatnika Stepushka*). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018. P. 357–364. (In Russ.).

Plasteeva N.A., Tishkin A.A., Sablin M.V. Loshadi iz Bol'shogo Katandinskogo kurgana (Altai). *Sovremennye resheniya aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018. Iss. 2. P. 107–109. (In Russ.).

Polosmak N.V. "Stereguschie zoloto grify" (ak-alakhinskle kurgany). Novosibirsk: Nauka, 1994. 125 p. (In Russ.).

Shulga P.I. Mogilnik skiphskogo vremeni Lokot-4a. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. 204 p. (In Russ.).

Shulga P.I. Mogilnik ranneskiphskogo vremeni Gilevo-10 v predgoriyakh Altaya. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2016. 258 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Demin M.A. Kurgany Senteleka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. 188 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Plasteeva N.A. Horses from the mounds excavated near Biysk in 1925 (Upper Ob region): historiographic aspect and archaeozoological definitions. *Tomsk State Univ. J. of History*, 2020. N 68. P. 65–71. (In Russ.).

Tishkin A.A., Plasteeva N.A., Kosintsev P.A. Loshadi iz kurganiv khunnskogo vremeni pamyatnika Yaloman II (Altai): arkheologicheskij kontekst i arkheozoologicheskie opredeleniya. In *Drevnie kultury Mongolii, Yuzhnoj Sibiri I Severnogo Kitaya.* Abakan: IIMK RAN, 2021. P.157–161. (In Russ.).

Tishkin A.A., Plasteeva N.A., Sablin M.V. Osteologicheskie ostatki loshadej, obnaruzhennukh na Altae pri raskopkakh pazyrykskikh kurganov na pamyatnikakh Katanda-II i Aragol (po materialam Zoologicheskogo Instituta RAN). In *Sokhranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altajskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2021. Iss. XXVII. P. 316–321. (In Russ.).

Tsalkin V.I. K izucheniyu loshadei lz kurganov Altaya. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri/* Moscow: AS USSR Publ., 1952. Vol. 1. P. 147–156. (In Russ.).

Vasiliev S.K. Loshadi iz pogrebeniy skifskogo vremeni Gornogo Altaya. In *Phenomenon of Altai mummies*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. P. 237–242. (In Russ.).

Vasil'ev S.K., Grebnev I.E. Osteologicheskaya harakteristika loshadej iz kurganov Bertekskoj doliny. In *Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny* (*Gornyj Altai, ploskogor'e Ukok*). Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 183–186. (In Russ.).

Vitt V.O. Loshadi Pazyrykskih kurganov. *Sovetskaya arheologiya*. 1952. Iss. XVI. P. 163–205. (In Russ.).

Косинцев П.А. https://orcid.org/0000-0002-0973-7426
Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-1986-5876
Шульга П.И https://orcid.org/0000-0002-6217-8256

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0575-0582
УДК 904

Е.П. Крупочкин[1], Д.В. Папин[2]✉

[1]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: papindv@mail.ru

Аэрокосмическая съемка в археологии: опыт применения и новые возможности

Работа посвящена теоретико-методологическим вопросам использования аэрокосмической съемки в археологических изысканиях, в частности ее подвида – мультиспектральной съемки. Авторами подчеркивается целесообразность применения естественно-научных методов в археологии, среди которых важная и неотъемлемая часть отводится бесконтактным методам и технологиям (дистанционное зондирование). Несмотря на широкое распространение данной технологии, особенно методов космической съемки, существует такой сегмент, как беспилотная съемка (БПЛА-съемка). Данный сегмент стремительно развивается и постепенно вытесняет первый вид съемки ввиду явных преимуществ. В данной статье приводятся обзорно-аналитические материалы, полученные преимущественно на собственном опыте с использованием передовых технологий в области БПЛА. Авторами предложено использование мультиспектральной БПЛА-съемки для целей картографирования археологических памятников, определения и корректировки их границ, поиска новых объектов и мониторинга известных (установленных ранее) объектов и комплексов. При апробации комбинированной съемки археологических памятников (на примере модельных площадок Горного Алтая) авторами (Крупочкин Е.П., Папин Д.В., Суханов С.И., Федорук А.С.) была апробирована технология наземной и воздушной БПЛА-съемки с фотограмметрической обработкой и постобработкой в программе Agisoft Metashape, CredoTonoплан. С использованием данной технологии можно рекомендовать создание крупномасштабных археологических карт в рамках проводимой инвентаризации памятников на всей территории РФ. Кроме того, необходимость постановки всех учтенных археологических объектов на кадастровый учет предполагает производство таких съемок с высокой точностью (прежде всего, в плане). В заключение приводятся сравнительные характеристики съемки и условия, оптимальные для решения поставленных задач.

Ключевые слова: *аэрокосмическая съемка, картографирование археологических памятников, БПЛА-съемка.*

E.P. Krupochkin[1], D.V. Papin[2]✉

[1]Altai State University
Barnaul, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: papindv@mail.ru

Aerial and Satellite Survey in Archaeology: Application and New Opportunities

This article discusses theoretical and methodological applications of aerial and satellite survey, including multispectral survey, in archaeological research. It is advisable to apply natural scientific methods, including non-contact methods and techniques (remote sensing) in archaeology. The field of drone survey has been rapidly developing in addition to satellite survey, and is gradually replacing the latter due to some obvious advantages. This article provides an overview and analytical materials mainly obtained from the authors' own experience in using advanced techniques in the field of drone survey. The authors propose multispectral drone imaging for mapping archaeological sites, establishing and correcting their boundaries, searching for new objects, and monitoring the known objects and complexes. While conducting combined survey of archaeological sites (using the referential sites of the Altai Mountains as an example), the authors (Krupochkin E.P.,

Papin D.V., Sukhanov S.I., Fedoruk A.S.) tested techniques of ground and drone surveys with photogrammetric processing and post-processing in the Agisoft Metashape and CredoTopoplan software. This technique can be recommended for creating large-scale archaeological maps as a part of ongoing cataloguing of sites throughout the entire Russia. The need to cadastrally register all archaeological objects requires high accuracy (primarily in terms of ground plan). In conclusion, comparative features of shooting and best conditions for reaching the tasks are provided.

Keywords: *aerial and satellite survey, mapping of archaeological sites, drone survey.*

Введение

В современной археологии большое значение имеет использование естественно-научных методов и подходов, причем на разных этапах – как на этапе разведки, так и на последующих: полевом, камеральном, аналитическом и др. Характерной особенностью таких исследований является тесное сочетание с методами археологической разведки. К ним относятся, наряду с традиционными (рекогносцировкой и инструментальной съемкой), авиаразведка и аэрокосмическая съемка (рис. 1).

Первые успехи в области использования аэрокосмической съемки и данных дистанционного зондирования (ДДЗ) относят, как правило, к периоду первой мировой войны. Начиная с конца 20-х, начала 30-х гг. прошлого столетия аэрофотосъемка стала применяться в археологической разведке древних памятников Европы, Азии, Америки и др. [Deuel, 1969; Дойель, 1979]. Стоит отметить большой интерес к аэросъемке в Европе (Германия, Австрия, Бельгия и др. страны), рассматриваемой в качестве полезного нового источника информации при поиске и картировании археологических памятников и любых объектов антропогенного происхождения. После второй мировой войны за рубежом и Великой Отечественной войны в Советском Союзе стал накапливаться опыт подобных исследований. В СССР, как в ведущей космической державе, многие конструкторские бюро занимались разработкой (наряду с космическими аппаратами) новых аппаратов, способных вести съемку из космоса в оптическом диапазоне. Впечатляющие результаты использования аэрофотосъемки в археологических исследованиях наглядно демонстрирует работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР под руководством С.П. Толстова при исследовании археологических памятников Среднеазиатского Междуречья. С.П. Толстов, в отличие от зарубежных археологов, с первых же опытов применил методику комплексного археологического авиаобследования изучаемой территории, включающую в себя: 1) авиавизуальные наблюдения с высадкой десанта для предварительных наземных наблюдений; 2) перспективную аэрофотосъемку и составление топографического плана для планирования раскопок. В дальнейших исследованиях С.П. Толстовым применялась преимущественно крупномасштабная плановая аэрофотосъемка с последующим составлением по аэрофотоснимкам фотопланов с широким привлечением их при раскопках, а также при составлении топографических планов крупных археологических комплексов [Игонин, 1968].

Впоследствии Н.И. Игонин, при изучении памятников античного периода, выделил ключевые демаскирующие свойства археологических комплексов, к которым отнес укрепленные предвратные сооружения и мощные стены с характерной системой выступающих оборонительных башен и др. В плане дистанционного обследования ирригационных систем автором было рекомендовано дешифрировать только магистральные каналы, при этом отмечалась слабая возможность дешифрирования полей и площадных объектов. На основе анализа обширных данных по результатам экспедиционных обследований, в рамках Хорезмской экспедиции, Н.И. Игонин установил

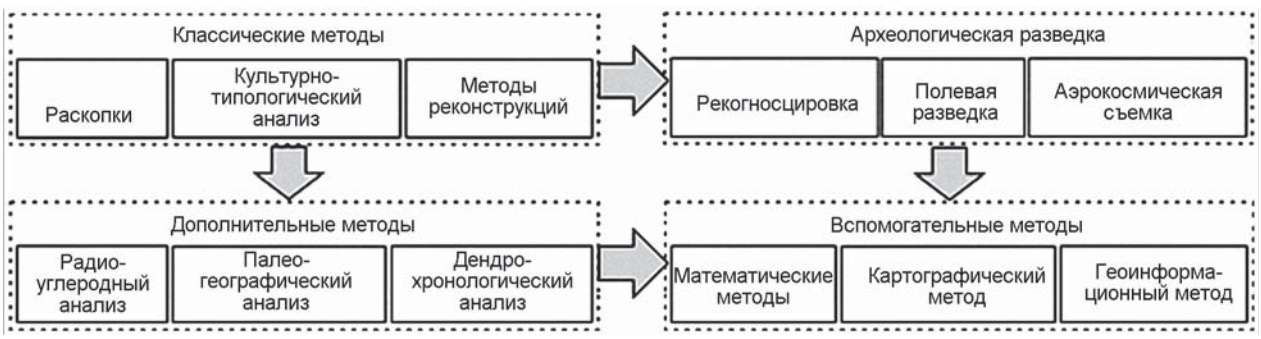


Рис. 1. Методологическая основа естественно-географических исследований в археологии.

Рис. 2. Следы планировки сгоревшего города Куня-Ургенч. Съемки с высоты 600 м [Игонин, 1968].

возможность исследований крупных городов и поселений. Так на плановом аэрофотоснимке древнего города Куня-Ургенч, уничтоженного в 1388 г. Тамерланом, видны направления всех главных улиц, хорошо заметна взаимосвязь второстепенных улиц и переулков с главными улицами, в ряде случаев ясно прослеживается планировка отдельных домов, их внутренняя застройка (рис. 2). Для памятников средневекового периода характерно, помимо крепостных оборонительных сооружений с башнями и рвом, наличие больших и глубоких каналов и многочисленных жилых построек, расположенных около крепости и образующих «пригород». Визуальный анализ окрестностей памятников средневекового времени показывает хорошо развитую ирригационную сеть с полями и сельскими поселениями.

Методика и технология исследований

В космической съемке начиная с 70-х гг. XX в. следует отметить тенденцию заметного наращивания отрасли качественно новыми технологическими возможностями. При этом особенно интересные результаты были получены при сочетании дистанционных (космических) методов с методами наземных геодезических съемок и измерений, что сыграло не последнюю роль в планировании крупных археологических экспедиций и археологических исследований на рассматриваемом отрезке времени.

Однако, при всех достоинствах космической съемки в XX в., для них есть один общий недостаток – непостоянные значения ошибок по всей

области снимков ввиду высокой дисторсии (искажений) аналоговых камер используемых съемочных систем. Для исправления ситуации, т.е. устранения искажений, существуют различные методы геометрической коррекции. Но для их применения требуется, в большинстве случаев, система опорных точек с эталонными значениями координат, а в некоторых случаях – и высот. Кроме того, опорные точки необходимы и в случае привязки изображений, когда в наличии есть электронная копия аналогового снимка и требуется его дальнейшая загрузка в ГИС или пакетах обработки ДДЗ.

Конечно, наиболее приемлемым способам решения проблемы сегодня можно было бы назвать использование приборов спутниковой навигации геодезического класса. Однако во времена реализации космической программы такой системы еще не было, поэтому единственными доступными способами были: 1) ввод поправок орбитальных спутниковых данных для пересчета координат снимка в геодезические с использованием топографических планов и карт; 2) использование местных систем координат, относящихся к плановым; 3) географическая привязка и трансформирование снимков по уже известным или найденным (идентифицированным) в полевых условиях объектам и их координатам. В качестве последних зачастую стали применять непосредственно сами археологические объекты. В современных условиях такой подход стали в массовом порядке применять коллеги из Гентского университета (Бельгия) при изучении и ГИС-картографировании археологических памятников Алтая и ряд других ученых [Plets et al., 2012; Goossens et al., 2006; Gheyle, 2009].

Обратим внимание на особый подвид съемки – мультиспектральный. Это съемка в разных спектрах электромагнитного излучения, включающего в себя комбинацию каналов спектральных диапазонов, среди которых обязательно наличие ближнего инфракрасного и видимого диапазона.

Опыт применения технологии мультиспектральной съемки показал целесообразность ее использования при решении таких задач, как: 1) поиск новых археологических объектов; 2) уточнение границ и местоположения археологических памятников; 3) крупномасштабное археологическое картографирование; 4) оценка состояния, выделение памятников в аварийном состоянии и др.

Приведем несколько примеров использования ДДЗ (мультиспектральных аэро- и космических снимков) для решения вышеобозначенных задач. В статье «Дешифрирование мультиспектральных космических снимков для решения задач поиска и идентификации археологических памятников» мы приводили примеры использования алгоритмов автоматизированного поиска и идентификации археологических памятников [Крупочкин, Батуев, 2013].

Рассмотренные способы и технические приемы дешифрирования космических снимков реализованы при сплошном обследовании территории долины р. Курайка в районе расположения с. Курай (Республика Алтай). Для решения задачи поиска и идентификации памятников предложена технология алгоритмизированного дешифрирования, основанная на двух подходах. Первый базируется на математическом описании пространственного распределения и корреляции яркостей элементов космических снимков; для реализации второго предложен алгоритм многоступенчатой классификации. В ходе экспериментов выявлены факторы, ограничивающие возможности использования разработанных алгоритмов и модулей: сезонность съемки и высокая дифференциация спектральной кривой по индексным изображениям, невысокое пространственное разрешение при сравнительно малых размерах объектов поиска, отсутствие спектральных библиотек заданных районов поиска и др. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют о целесообразности применения разработанных подходов и алгоритмов, что подтверждается стабильным результатом при значительной вариации параметров и условий поиска (рис. 3). В результате анализа снимка (верхняя часть долины р. Курайка) обнаружилось, что наибольшее число археологических объектов сосредоточено в интервале NDVI от 0,16 до 0,3. Как видно из фрагмента снимка, большая часть объектов сосредоточена в классе 1 (зеленый цвет), что объясняется близкими физико-географическими условиями. Таким образом, объекты распределены на границе между участками почвы (без сосудистых растений) и разреженной растительностью. Классы, не попавшие в данный интервал или превышающие его, обнулились до фоновых. В сравнении с методами кластеризации, это более стабильный результат, учитывающий физико-географические особенности района поиска.

Детальный анализ изображения позволил также выявить ряд объектов, относящихся к классу 0. Как выяснилось, для последних характерно расположение в лесных колках, что затрудняет процесс индикационного дешифрирования. При этом необходимо учитывать средние размеры археологических объектов (3–5 м). В совокупности ряд негативных факторов (незначительные размеры объектов поиска, плохая выраженность в рельефе, высокая лесистость отдельных участков района исследований и др.) понижают достоверность результатов дешифрирования на отдельных участках до 10 % [Крупочкин, Батуев, 2013, с. 121–122].

Рис. 3. Результат обработки классифицированного индексного NDVI-изображения алгоритмом «Decision Tree» (дерево решений); предобработка выполнялась алгоритмом Isodata.

При апробации комбинированной съемки археологических памятников (на примере модельных площадок Горного Алтая) авторами (Крупочкин Е.П., Папин Д.В., Суханов С.И., Федорук А.С. и др.) была апробирована технология наземной и воздушной БПЛА-съемки с фотограмметрической обработкой и постобработкой в программе Agisoft Metashape, CredoТопоплан. Технология предусматривает помимо традиционных методов (археологической разведки и GNSS-съемки) использование аэрофотосъемки. Использование GNSS на полевом этапе заключалось в фиксации опорных точек-маркеров, а также характерных точек рельефа. При планировании полетного задания для дрона обращалось внимание на рельеф и наличие строений и инженерно-технических сооружений. Вся последовательность камеральной обработки представлена операциями – от ввода и уравнивания геодезических данных и до оформления готовых топографических планов, которые создавались в программе Credo Топоплан (рис. 4). С использованием данной технологии можно рекомендовать создание крупномасштабных археологических карт в рамках проводимой инвентаризации памятников на всей территории РФ. Кроме того, необходимость постановки всех учтенных археологических объектов на кадастровый учет предполагает производство таких съемок с высокой точностью (прежде всего, в плане).

Относительно точности следует упомянуть о том, что средняя квадратическая ошибка в плане не превышала 0,2 м, точность по высоте варьирует значительно больше – от 0,15 до 0,35 м. Это можно объяснить низкой точностью определения высот бортовым компьютером дрона, проецирующим значения на точки местности.

Также следует отметить апробацию такой съемки не только в видимом, но и в инфракрасном диапазоне, что позволяет создавать целую систему спектрозональных изображений в псевдоцвете, это дает возможность значительно улучшать дешифровочные характеристики мелких объектов на ортофотоплане и на цифровых моделях местности. Так, например, при выполнении беспилотной мультиспектральной съемки с помощью камеры PARROT SEQUOIA (адаптирована для платформы DJI Inspire-1) в 2019 и 2021 гг. авторами были разработана серия индексных карт, построенных путем численной обработки на основе картографической (растровой) алгебры. Некоторые наиболее полезные, по мнению авторов, индексы отражены в таблице (см. *таблицу*).

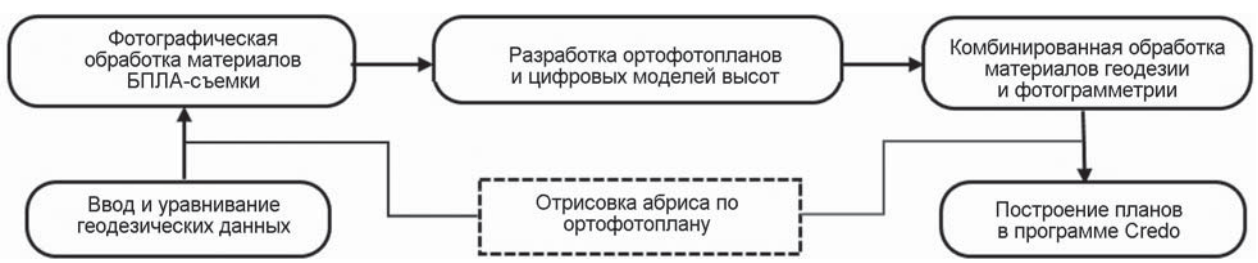


Рис. 4. Технологическая схема картографического производства на основе данных, полученных на более ранних этапах работы [Крупочкин, Папин, 2021].

Краткая характеристика тематических индексов, вычисленных для дешифрирования элементов археологического комплекса «Урочище Балчикова-3» (по данным: [Крупочкин, Папин, Фролов, 2019])

Наименование индекса	Краткая характеристика	Формула расчета	Распознаваемые типы археологических объектов/структур
Индекс хлорофилла – MCARI/OSAVI	Характеризует фотосинтетическую активность растительности, учитывает содержание хлорофилла a и b в листьях растений. Преимущество данного индекса заключается в минимизации влияния подстилающей поверхности без растительности на значение индекса	**MCARI = 1.2 * (2.5 * (NIR - RED) - 1.3 * (NIR - GREEN)) / (normalized to the maximum value of RED, GREEN, and NIR bands),** где NIR – значения сигнала в ближней инфракрасной зоне спектра, Red – значения сигнала в красной зоне спектра, Green – значения сигнала в зеленой зоне спектра	Курганные могильники, оградки, херексуры и др. типы археологических объектов, выраженные как в рельефе, так и в морфотекстурных образований в плане. Детектирует наличие «аномалий», содержащих с большой вероятностью культурные слои
Нормализованный разностный индекс (Normalized Difference Red Edge Index) – NDRE	Характеризует фотосинтетическую активность растительности, учитывая концентрацию азота в листьях растений на основе отраженного сигнала в ближнем инфракрасном (0,75-1,0 мкм) и крайнем красном (0,69-0,73 мкм) каналах. Может использоваться для определения угнетенной и стареющей растительности. При оценке учитывает содержание азота в листьях растений на основе информации мультиспектральных датчиков (крайнего красного и ближнего инфракрасного спектральных диапазонов)	**NDRE = (NIR – RedEdge) / (NIR + RedEdge),** где NIR – значения сигнала в ближней инфракрасной зоне спектра, RedEdge – значения сигнала в крайней красной зоне	Детектирует антропогенные и природные образования, выраженные морфологически в почвогрунтах и растительном покрове
Нормализованный относительный индекс биомассы (Normalized Difference Vegetation Index) – NDVI	Характеризует количество фотосинтетически активной биомассы на земной поверхности. Может применяться для обнаружения, оценки и картографирования интенсивности вегетации. В вычислении индекса используются значения спектральной яркости красного (0,55-0,75 мкм) и ближнего инфракрасного (0,75-1,0 мкм) каналов	**NDVI = (NIR – RED) / (NIR + RED),** где NIR – значения сигнала в ближней инфракрасной зоне спектра, RED – значения сигнала в красной области спектра	Курганные могильники, оградки, херексуры. Детектирует наличие «аномалий», содержащих с большой вероятностью культурные слои. В отдельных случаях позволяет установить размеры и границы археологических памятников
Индекс пигмента, нечувствительного к структуре (Structure Insensitive Pigment Index) – SIPI	Характеризует здоровую растительность, количественно выражается в соотношении каротиноидов, антонцианов и хлорофилла. Чем больше красных и жёлтых (и меньше зелёных) пигментов в листьях растений, тем выше значение индекса. Это свидетельствует об усыхании растительности. Высокие значения индекса также являются показателем болезни растений, которая связана с потерей хлорофилла	**Первоначальный вариант индекса вычислялся как: SIPI = (NIR - синий) / (NIR - красный). Модифицированный индекс вычисляется по формуле: (NIR − GREEN) / (NIR − RED),** где NIR – значения сигнала в ближней инфракрасной зоне спектра, RED – значения сигнала в красной области спектра, GREEN – значения сигнала в зеленой области спектра	Детектирует отдельные и группы археологических объектов при отсутствии многоярусной растительности. Результаты обнаружения средние между MCARI и NDVI

Обсуждение результатов и выводы

Мультиспектральная съемка, основанная на использовании портативных камер для БПЛА, представляет собой сегодня важнейшую часть поисковых и разведочных работ. Полученные при этом материалы содержат весьма ценные и зачастую новые сведения о территории и объектах археологии, содержащих артефакты. Вместе с тем такие данные не представляют самостоятельный вид источника, они не должны быть оторваны от ландшафта и природно-географических условий. Соответственно, их изучение и интерпретация целесообразны только при сочетании наземных исследований с мультиспектральной съемкой либо при условии использования актуальных топографических планов в комплексе с тахеометрической съемкой.

Практически во всех случаях результатом мультиспектральной съемки является большое многообразие тематических индексов, среди которых можно рекомендовать – MCARI, NDVI, SIPI (см. *таблицу*). Их общей чертой является возможность обнаружения скрытых морфологических характеристик, практически не обнаруживаемых на ортофотоплане. Распознавание таких характеристик становится возможным благодаря четкой регистрации состояния растительного покрова или почво-грунтов. Данный метод не является универсальным решением для любых видов археологических разведок, но неплохо подходит для поиска новых или фиксации вновь обнаруженных объектов в условиях открытой местности (прежде всего – в условиях отсутствия леса).

Авторы успешно апробировали технологию БПЛА-съемки в видимом и инфракрасном диапазонах на платформе БПЛА DJI Inspire-1 с универсальной камерой PARROT SEQUOIA. В ходе тестовых полетов и испытаний на модельных площадках отработан алгоритм действий при комбинированной съемке в разных природно-географических условиях. Для расширения возможностей, в силу технических ограничений камеры PARROT SEQUOIA, полезную нагрузку рекомендовано усилить портативным магнитометром, однако это задача следующего года. Между тем предлагаемая технология и алгоритмы индикационного дешифрирования, реализованные нами с использованием различного программного обеспечения, могут использоваться для поиска и картографирования археологических объектов разного типа, в том числе и для определения границ памятников и оценки их состояния.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Дойель Л. Полет в прошлое. – М.: Наука, 1979. – 296 с.

Игонин Н.И. Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С. 257–267.

Крупочкин Е.П., Батуев А.Р. Дешифрирование мультиспектральных космических снимков для решения задач поиска и идентификации археологических памятников // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: Науки о Земле. – 2013. – Т. 6, № 2. – С. 114–124.

Крупочкин Е.П., Папин Д.В Херексуры Юстыда: мультиспектральная съемка, опыт использования БПЛА для комплексного изучения // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33, № 4.– С. 209–220. – doi: 10.14258/tpai(2021)33(4).-12

Крупочкин Е.П., Папин Д.В., Фролов Я.В., Редников А.А., Шульга П.И. О результатах мультиспектральной БПЛА-съемки археологических объектов могильника урочище Бальчикова-3 с использованием камеры PARROT SeQUOIA // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 109–121. – doi: 10.14258/tpai(2019)4(28).-07

Deuel L. Flight into Yesterday. The story of aerial archaeology. – N.-Y.: St. Martin's Press, 1969. – 332 p.

Plets G., Gheyle W., Verhoeven G., De Reu J., Bourgeois J., Verhegge J., Stichelbaut B. Three-Dimensional Recording of Archaeological Remains in the Altai Mountains // Antiquity. – 2012. – Vol. 86, № 333. – P. 884–897.

Goossens R., De Wulf A., Bourgeois J., Gheyle W., Willems T. Satellite imagery and archaeology: the example of CORONA in the Altai Mountains // Journal of Archaeological Science. – 2006. – № 33. – P. 745–755.

Gheyle W. Highlands and Steppes. An Analysis of the Changing Archaeological Landscape of the Altay Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period. – Ghent : Ghent Univ., 2009. – 380 p.

References

Deuel L. Flight into Yesterday. The story of aerial archaeology. New York: St. Martin's Press, 1969. 332 p.

Doiel' L. Polet v proshloe. M.: Nauka, 1979. 296 p. (In Russ.).

Gheyle W. Highlands and Steppes. An Analysis of the Changing Archaeological Landscape of the Altay Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period. Ghent: Ghent Univ., 2009. 380 p.

Goossens R., De Wulf A., Bourgeois J., Gheyle W., Willems T. Satellite imagery and archaeology: the example of CORONA in the Altai Mountains. *J. of Archaeological Sci.,* 2006. N 33. P. 745–755.

Igonin N.I. Issledovanie archeologicheskih pamyatnikov po materialam krupnomshtabnoi aerophotos'emki In *Istoria, archeologiya I etnographiya Srednei Asii.* Moscow, 1968. P. 257–267. (In Russ.).

Krupochkin E., Papin D. Khirgisuurs of Yustyd: Multispectral Imagery, Experience of Using UAVs for Complex Study. *Theory and practice of archaeological research,* 2021, Vol. 33, N 4. P. 209–220. doi: 10.14258/tpai(2021)33(4).-12. (In Russ.).

Krupochkin E., Papin D., Frolov Y., Rednikov A., Sulga P. The results of multi-spectral UAV-survey of archaeological objects Balchikova 3 burial using the Parrot Sequoia camera. *Theory and practice of archaeological research,* 2019. Vol. 28. N 4. P. 109–121. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2019)4(28).-07

Krupochkin E.P., Batuev A.R. Deshifrirovanie multispectralnyh kosmicheskih snimkov dlya reshenia zadach poiska I idendifikacii archeologicheskih pamyatnikov. *Izvestia Irkutskogo gosudarsvennogo universiteta. Ser.: Nauki o Zemle,* 2013. Vol. 6. N 2. P. 114–124. (In Russ.).

Plets G., Gheyle W., Verhoeven G., De Reu J., Bourgeois J., Verhegge J., Stichelbaut B. Three-Dimensional Recording of Archaeological Remains in the Altai Mountains. *Antiquity,* 2012. Vol. 86. N 333. P. 884–897.

Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092
Крупочкин Е.П. https://orcid.org/0000-0002-9652-4655

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0583-0590
УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Некоторые итоги исследований в центральном и южном Алтае в 2022 году

Статья посвящена результатам работ автора по поиску новых наскальных изображений и тамг на территории Онгудайского и Кош-Агачского районов Республики Алтай, обработке и вводу в научный оборот раннесредневековых каменных изваяний из долины р. Елангаш, а также из фондов краеведческого музея в с. Алтайском. Документирование новых и уже известных гравированных изображений на местонахождении петроглифов Калбак-Таш I также являлось важным направлением исследований автора. Среди прочих обработанных на местонахождении Калбак-Таш I гравированных сцен необходимо отметить неизвестную ранее композицию животных, выполненную в т.н. аржано-майэмирском стиле. Характерными стилистическими особенностями этих изображений являются поджарая фигура животных, крупная «лосеподобная» голова с округлой челюстью, круглым глазом на линии лба, ухом, примыкающим к линии глаза, открытым ртом и длинными тонкими ногами. Изображения в таком стиле довольно редко встречаются на Алтае, имеют аналогии с эталонными образами из царских курганов Аржан-1 и Аржан-2 в Туве и могут быть датированы VIII–VII вв. до н.э. Еще одним направлением проведенных исследований была обработка раннесредневековых каменных изваяний Алтая. Две подобные скульптуры были зафиксированы в Чуйской степи, в нижнем течении р. Елангаш. Они установлены с восточной стороны двух близко расположенных друг к другу поминальных сооружений – оградок. Еще одно изваяние было обработано автором в фондах Алтайского районного краеведческого музея в с. Алтайском Алтайского края. Оно было обнаружено в предгорной зоне Алтая – у истока ручья Большая Поперечка. Рассматриваемые изваяния принадлежат к двум наиболее многочисленным группам подобных памятников на Алтае: скульптурам мужчины-воина в канонической позе и т.н. лицевым изваяниям. Предварительно все три скульптуры и поминальные оградки могут быть отнесены к VII–IX вв. и приписаны карлукам.

Ключевые слова: *Алтай, петроглифы, гравировки, аржано-майэмирский стиль, раннесредневековые каменные изваяния, Калбак-Таш, Елангаш.*

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Some Results of Research in Central and Southern Altai in 2022

This article presents the results of author's work on searching new petroglyphs and tamgas in Ongudai and Kosh-Agach Districts of the Altai Republic as well as studying and publishing Early Medieval stone sculptures from the Elangash River valley and from the collection of the Museum of Local History in the village of Altaiskoe. Documenting new and already known engraved images at the Kalbak-Tash I petroglyphic site was also an important part of author's research. Previously unknown composition of animals made in the so-called Arzhan-Maiemir style should be added to carved compositions at Kalbak-Tash I. Distinctive stylistic features of these images are slender animal figures, large "elk-like" heads with the rounded jaw, round eye on the line of the forehead, ear adjacent to the line of the eye, open mouth, and long thin legs. Images in this style occur quite rarely in the Altai. They have parallels with referential images from the royal burial mounds of Arzhan-1 and Arzhan-2 in Tuva and can be dated to the 8th– 7th centuries BC. Another part of research was Early Medieval Altai stone sculptures. Two of such sculptures were found in the Chuya Steppe in the lower reaches of the Elangash River. They were set on the eastern side of two commemorative structures (enclosures) located close to each other. Another sculpture was examined in the collection of the Museum of Local History in the village of Altaiskoe in Altai

Krai. That statue was discovered in the Altai foothills at the source of the Bolshaya Poperechka stream. These sculptures belong to two most numerous groups of such monuments in the Altai – sculptures of male warrior in canonical posture and the so-called "facial" sculptures. Tentatively, all three sculptures and commemorative enclosures can be dated to the 7th–9th centuries and are attributed to the Karluks.

Keywords: *Altai, petroglyphs, engravings, Arzhan-Maiemir style, Early Medieval stone sculptures, Kalbak-Tash, Elangash.*

В полевом сезоне 2022 г. автором были продолжены археологические разведочные работы по поиску новых наскальных изображений, тамг и эпиграфики на территории Онгудайского и Кош-Агачского р-нов Республики Алтай. В долине р. Чаганузун изучены компактные местонахождения петроглифов, которые включали в себя в том числе раннесредневековые тамги. Кроме того, были зафиксированы и обработаны новые монументальные памятники – каменные изваяния эпохи раннего Средневековья Алтая, сведения об обнаружении которых были получены накануне. Еще одной из целей предпринятых работ было уточнение уже известных и опубликованных гравированных сцен на памятнике Калбак-Таш I.

Так, в частности, на указанном местонахождении петроглифов была заново обработана и детализирована уникальная раннесредневековая сцена 598 (по В.Д. Кубареву), частью которой является финальная стадия охоты на медведя или, что более вероятно, разделка его туши охотниками сразу после охоты [Кубарев В.Д., 2011, с. 313] (рис. 1). В ней принимают участие не два, а три охотника – два сидят (?) на медведе или стоят за ним, а еще один – спереди склонился к голове животного. Все три охотника протянули руки к медведю и, вероятно, держат его. В публикации также не воспроизведены, по меньшей мере, три стрелы, которыми пронзен хищник (рис. 1).

Новая сцена граффити была обнаружена на скале III местонахождения петроглифов Калбак-Таш I вблизи композиций 237, 239–241 [Там же, с. 195–197]. Она нанесена на горизонтальную, с наклоном к северу, скальную поверхность размерами ок. 80 × 65 см. На ней в технике гравировки вырезано десять фигур животных: по одной фигуре оленя, лося (?) и козерога, остальные семь воспроизводят фигуры коней (рис. 2). Они выполнены в одном и том же стиле: животные изображены в статичной позе и ориентированы

Рис. 1. Фрагмент раннесредневековой композиции 598 скалы XII со сценой разделки туши медведя охотниками. Калбак-Таш I.

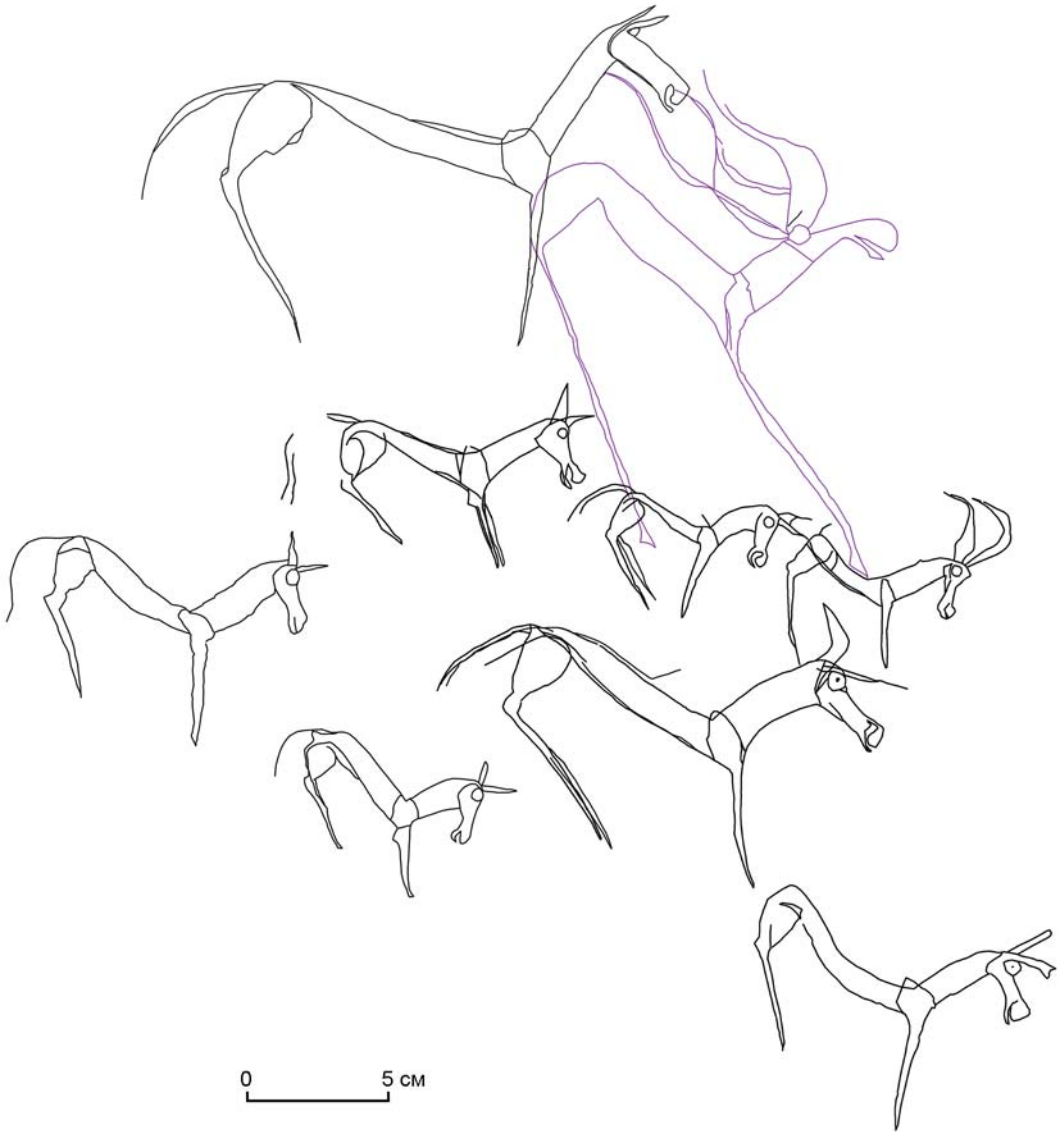


Рис. 2. Фрагмент гравированной сцены с животными в аржано-майэмирском стиле близ плоскостей 239 и 240 скалы III. Калбак-Таш I.

направо, имеют довольно изящные очертания. Их головы, лопатки передних ног и бедра выделены дополнительными линиями. Они имеют крупные глаза и массивные челюсти, пасть приоткрыта (рис. 2). И все-таки одна фигура заметно отличается от других (выделена на рисунке фиолетовым цветом) – это фигура оленя с длинными ногами «на цыпочках» и прогнутым телом (рис. 2). Вероятно, именно она появилась на этой поверхности первой, а остальные фигуры в подражание к ней были нанесены позже. Кроме того, они не изображены «на цыпочках», на их ногах, в отличие от оленя, не воспроизведены копыта, а три ближайшие к оленю фигуры животных слегка налегают на него. Две верхние фигуры коня и лося (?) крупные (примерно 20 × 20 см) и по размеру сопоставимы с оленем, остальные весьма миниатюрны (в среднем – 8–10 см) (рис. 2). Лось (?) перекрыт крестообразной штриховкой, слева от него имеются гравировки в виде заштрихованных треугольников и пересекающихся линий.

Необходимо отметить, что на весьма компактном участке скалы III местонахождения Калбак-Таш I – буквально на нескольких, примыкающих друг к другу, горизонтальных плоскостях (237, 239–241) – концентрируются выбитые и гравированные изображения раннескифского времени. Представляемая в этой статье еще одна гравированная композиция (рис. 2) примыкает к ним и, вероятно, создана без большого хронологического перерыва с этими сценами. Так, Е.А. Миклашевич удалось прорисовать уникальные гравировки раннескифского периода на плоскостях 239 и 240 (по В.Д. Кубареву), которые включали в себя изо-

бражение свернувшейся пантеры, кошачьих хищников с кольчатыми окончаниями лап, оленей с прогнутой спиной-животом и высоко задранным крупом и др. [Миклашевич, 2012, с. 167–168, рис. 3, *4*]. Один из наиболее четких и глубоко выгравированных оленей (рис. 241) стал одним из символов Калбак-Таша и был представлен в альбоме В.Д. Кубарева [2011, с. 197]. Позднее автором этой статьи была скопирована и опубликована большая гравированная фигура раннескифского кабана на плоскости 237 [Кубарев Г.В., 2019, с. 428–430, рис. 3, *1*].

Изображения в аржано-майэмирском стиле встречаются на Алтае не так уж часто. Кроме перечисленных композиций и образов Калбак-Таша I, необходимо указать на раннескифские изображения животных в петроглифах Бичикту-Бома, Туэкты, Тёргӱна [Миклашевич, 2012, рис. 5, 6, 8–15, 18] и Калбак-Таша II. Можно упомянуть выразительную сцену из нескольких выбитых фигур лосей раннескифской эпохи из долины р. Бураты [Кубарев В.Д., 2007, рис. 1б]. Композиция из фигур козлов, оленей и верблюдов в подобном стиле как гравированных, так и выполненных сплошной выбивкой известна в петроглифах Джурамала на р. Карагем [Черемисин, 1995, рис. 6].

Характерной стилистической особенностью рассматриваемых изображений Калбак-Таша и их аналогов является массивная, «лосеподобная» или «каплевидная» морда с приоткрытой пастью и четко прорисованной нижней челюстью (рис. 2). Часто голова отделена от туловища дополнительной линией, линиями выделялись передняя лопатка и круп животного. Такая «лосеподобная» голова в аржано-майэмирском стиле была характерна для изображений разных животных, преимущественно, копытных: лося, оленя, коня, козла и даже быка. Я.А. Шер совершенно справедливо писал об изображениях Ур-Марала: «Если у этого рисунка мысленно «убрать» рога, то получится изображение лошади, хорошо знакомое по саянско-минусинской торевтике и писаницам» [Шер, 1980, с. 245, рис. 120,121]. Поэтому, когда Е.А. Миклашевич пишет о трех крупных *безрогих оленях с длинными ушами* (курсив мой – **Г.К.**) на композиции 240 петроглифов Калбак-Таша [Миклашевич, 2012, с. 168, рис. 3], то, на мой взгляд, речь здесь должна идти об изображениях лошадей. Кроме длинных ушей, у этих фигур различимы довольно длинные хвосты [Там же, рис. 3], что также свидетельствует в пользу этого заключения. Таким образом, отличить оленуху от лошади можно по наличию длинного хвоста [Чугунов, 2008, с. 55, 60; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, рис. 113, *4*; 114, *2*; 115, *3*; 116, *1*]. О популярности и распространенности образа лошади в раннескифском искусстве в том числе может говорить тот факт, что на найденной композиции из десяти фигур только три представлены оленем, лосем (?) и козлом, все остальные воспроизводят лошадей (рис. 2).

Как раз именно эти «безрогие олени с длинными ушами» своими большими размерами, длинными ногами и глубоко прогнутым телом (но при отсутствии рогов) близки крупной фигуре оленя на представляемой композиции (рис. 2). По-видимому, она была выгравирована на этой поверхности первой. Остальные как будто подражают ей и частично налегают на нее, уступая по размеру (за исключением двух верхних фигур). При сохранении поджарой фигуры, стилистических особенностей изображения крупной головы с округлой челюстью (круглого глаза на линии лба, уха, примыкающего к линии глаза, открытого рта и пр.) и длинных тонких ног они более статичны, имеют две, а не четыре ноги, у них отсутствует воспроизведение копыт и выступа на холке. Этим они отличаются и от «классических» изображений аржано-майэмирского стиля, выделенного впервые Я.А. Шером [1980, с. 243–247, рис. 120, 121], и представленного, прежде всего, образцами из курганов Аржан-1 [Грязнов, 1980, рис. 29, *2*] и Аржан-2 [Чугунов, 2008, с. 55, 58–60; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, рис. 113, *4*; 114, *2*; 115, *3*; 116, *1*].

И все же, несмотря на определенные стилистические отличия в изображении оленя от других животных на рассматриваемой сцене, по-видимому, она была создана в раннескифский период. Ориентируясь на датировку образцов аржано-майэмирского стиля из курганов Аржан-1 и Аржан-2 [Чугунов, 2008, с. 68], публикуемая здесь калбак-ташская композиция может быть предварительно датирована VIII–VII вв. до н.э.

Еще одним направлением проведенных исследований была обработка раннесредневековых каменных изваяний. Две подобные скульптуры были зафиксированы в Чуйской степи, в нижнем течении р. Елангаш, на ее правом берегу – примерно в 300 м от русла реки и в 7 км к западу от с. Мухор-Тархата. Русло реки в этом месте уже сухое – вода, пущенная по оросительным каналам, не доходит до р. Чуи. Изваяния были установлены у восточных стенок двух поминальных оградок, стороны которых ориентированы почти строго по сторонам света (рис. 3, *4*). Оградки устроены относительно друг друга по линии С – Ю.

Северная оградка имеет прямоугольную форму и размеры 1,96 × 1,62 м, сложена из вертикально вкопанных сланцевых плит (как правило, по две плиты с каждой стороны). Внутри содержит каменное заполнение из мелких валунов и галек

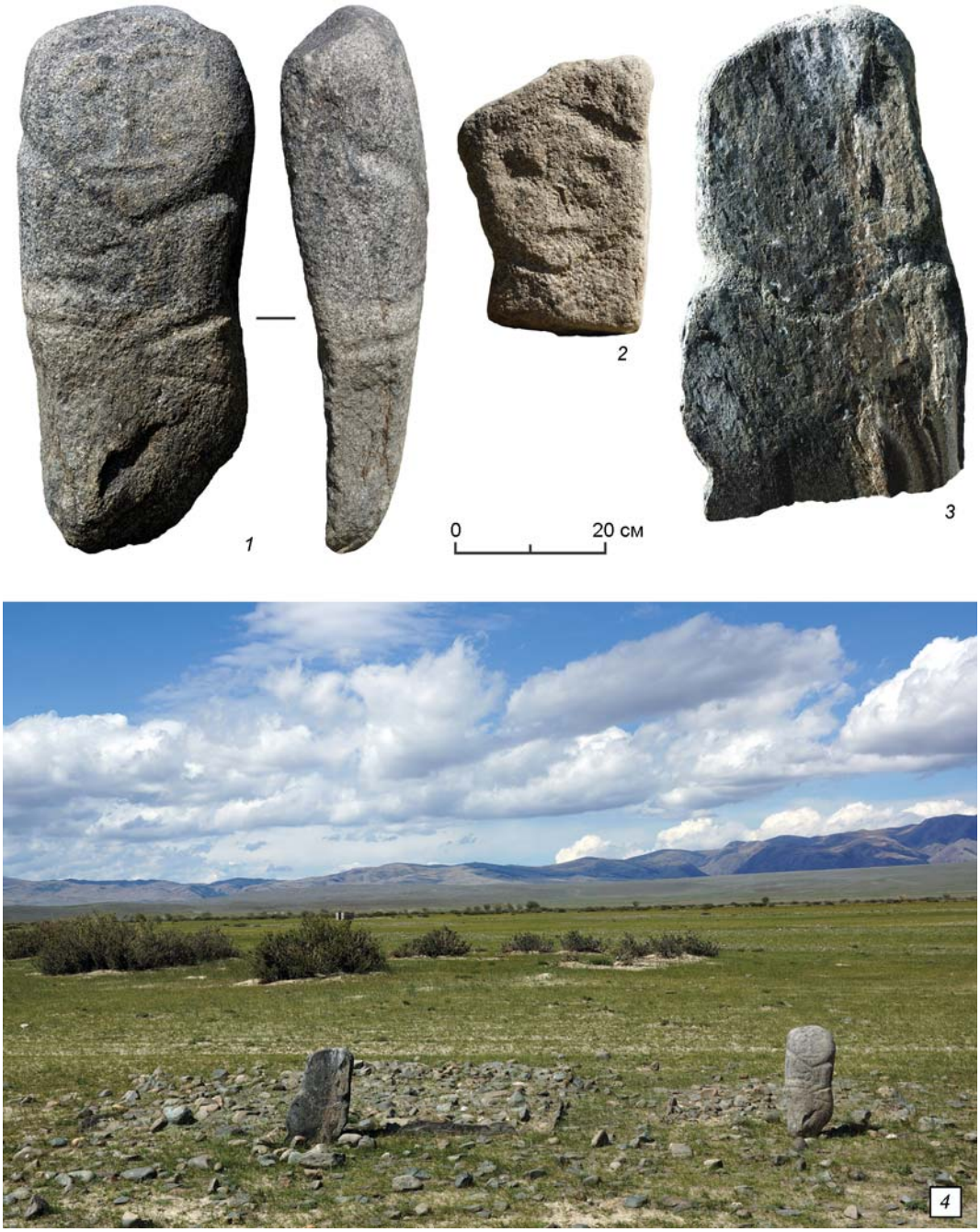


Рис. 3. Раннесредневековые каменные изваяния Алтая (*1–3*) и вид на их местонахождение у поминальных оградок в низовьях р. Елангаш (*4*).

1, 3 – Елангаш; *2* – Большая Поперечка.

в 2–3 слоя, высотой 10–15 см. У восточной стенки оградки обнаружено каменное изваяние размером 74 × 29 × 16 см. Для него был использован камень, имеющий естественную, природную форму: массивный в верхней части и заостряющийся и узкий – в нижней. Оно воспроизводит мужчину-воина в канонической позе: правой рукой на уровне груди он держит небольшой сосуд, левая – опущена на пояс либо сжимает рукоять клинкового оружия (рис. 3, *1*). Последнее изображено предельно схематично – в виде выбитой полосы. Плечи, руки, сосуд и пояс под правой рукой показаны барельефом. Этим же приемом на широком, монголоидном лице выделены его черты: глаза, нос, брови, рот и широкие скулы (рис. 3, *1*).

Южная оградка расположена в 70 см от уже описанного сооружения. Она имеет квадратную форму и размеры 3,3 × 3,4 м, сложена из вертикально вкопанных сланцевых плит (в среднем по три плиты с каждой стороны). Внутри содержит каменное за-

полнение из мелких валунов и галек в 3–4 слоя, высотой 15–20 см. У восточной стенки оградки вкопано каменное изваяние, наземные размеры которого составляют 63 × 37 × 19 см. Это схематичное изваяние является лицевым, т.к. на нем подтесыванием воспроизведен контур головы, шеи-плеч и выбивкой намечены рот, нос, глаза (рис. 3, *3*). Значительная часть галек и валунов, вероятно, еще в древности выброшена из заполнения оградок за их пределы, что можно интерпретировать как осквернение поминальных сооружений.

Еще одно каменное раннесредневековое изваяние было обработано автором в фондах Алтайского районного краеведческого музея в с. Алтайском Алтайского края (рис. 3, *2*). Оно было обнаружено в предгорной зоне Алтая – у вершины г. Лиственная, близ истока ручья Большая Поперечка, в 5–6 км от с. Макарьевка (Алтайский р-н Алтайского края). Оно представляет собой лицевое изваяние размером 38 × 26 × 10 см. На небольшом камне со скошенной верхней частью глубокой выбивкой воспроизведено схематичное лицо человека: овал лица, глаза, нос и рот (рис. 3, *2*).

Целенаправленным поиском и исследованием раннесредневековых каменных изваяний Алтая в свое время занимался В.Д. Кубарев, что нашло отражение в его книге [1984]. Ему удалось обнаружить и обработать более половины из известных на тот момент 256 изваяний. С тех пор количество новых монументальных памятников древнетюркской эпохи заметно увеличилось [Кубарев, Кочеев, 1988; Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д., 2003; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009; Полосьмак, Богданов, Кубарев, 2010; Кирюшин и др., 2013, с. 41, 95–97, рис. 20 и др.]. С учетом публикуемых в этой статье трех изваяний на сегодняшний день на Алтае насчитывается, по меньшей мере, 319 раннесредневековых скульптур. Это выдвигает Алтай в число одного из наиболее изученных регионов в отношении раннесредневековых памятников (каменных изваяний, поминальных оградок, погребений, руноподобных надписей и пр.).

Все три, представляемые в настоящей статье, образца раннесредневекового монументального искусства принадлежат к двум, наиболее многочисленным, группам изваяний на Алтае: скульптурам мужчины-воина в канонической позе (рис. 3, *1*) и т.н. лицевым изваяниям – имеющим изображение только лица или силуэта головы человека (рис. 3, *2,3*). Предварительно все три изваяния и поминальные оградки могут быть отнесены к VII–IX вв. Первоначальные условия установки лицевого изваяния в местности Большая Поперечка нам неизвестны. Представляется, что это изваяние входит в круг памятников Алтая тюркской эпохи и вполне могло быть установлено у поминальной оградки. Во всяком случае, еще одно раннесредневековое изваяние в Алтайском р-не Алтайского края на памятнике «Бирюзовая Катунь-1» было обнаружено именно у поминального сооружения [Кирюшин и др., 2013, с. 41, 95–97, рис. 20].

Рядом стоящие поминальные оградки с изваяниями и антропоморфными стелами принадлежат к одному из наиболее распространенных типов на Алтае – яконурскому. Они, как правило, имеют квадратную форму, стенки длиной 3–4 м ориентированы по сторонам света, их основа сложена из нескольких сланцевых плит. Бóльшая часть поминальных комплексов в виде оградок с изваяниями может быть приписана карлукским племенам, которые по сведениям китайских письменных источников длительное время обитали на территории географического Алтая [Кубарев Г.В., 2021].

Проведенные автором в 2022 г. исследования на Алтае явились логическим продолжением его работ в предшествующие сезоны и существенным образом пополнили собрание разновременных гравировок Калбак-Таша I. Это позволило уточнить как уже известные гравированные композиции, так и обнаружить и прорисовать новые, яркие образцы наскального искусства. Три новых каменных изваяния эпохи раннего Средневековья, зафиксированных и обработанных в Кош-Агачском р-не Республики Алтай и в фондах Алтайского районного краеведческого музея (с. Алтайское Алтайского края), значимо пополнили собрание образцов монументальных памятников этого времени на территории Алтая. На нескольких местонахождениях петроглифов Кош-Агачского р-на были обнаружены и скопированы раннесредневековые тамги. Эти и другие материалы в дальнейшем будут использованы в обобщающих исследованиях по истории и археологии Алтая.

Благодарности

Автор благодарен сотруднику и проводнику юрточного кемпинга «Тыдтуярык» А.В. Фролову, обнаружившему и показавшему поминальные раннесредневековые памятники с изваяниями в долине р. Елангаш, сотруднику ИВЭП СО РАН Е.Е. Мельниковой за информацию об обнаружении лицевого изваяния у ручья Большая Поперечка и хранителю Алтайского районного краеведческого музея (с. Алтайское Алтайского края) В.А. Злобину за возможность обработать и ввести в научный оборот это изваяние.

Статья подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 63 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуни» (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – 222 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.

Кубарев В.Д. «Случайная» находка в логу Бураты (Восточный Алтай) // Nota Bene: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб гос. ун-т, 2007. – Вып. 1: Случайная находка. – С. 92–94.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 206–222.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 307–311.

Кубарев Г.В. Гравировки скифского времени из Калбак-Таша I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 425–431. – doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.425-431

Кубарев Г.В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова. – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 305–323. – (Тр. ИИМК РАН. Т. LVII).

Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. I. – С. 373–376.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 289–293.

Черемисин Д.В. Наскальные изображения Джурамала (Горный Алтай) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1995. – С. 75–81.

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропою тысячелетий. Сб. науч. тр., посвящ. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 53–69.. – (Тр. САИПИ; вып. IV).

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 500 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

References

Cheremisin D.V. Naskal'nye izobrazheniya Dzhuramala (Gornyi Altai). In: *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1995. P. 75–81. (In Russ.).

Chugunov K.V. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-maiemirskogo stilya) In *Tropoyu tysyacheletii. Sbornik nauch. trudov, posvyashchennyi yubileyu Marianny Artashirovny Devlet. Trudy SAIPI*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. Iss. 4. P. 53–69. (In Russ.).

Chugunov K.V., Partsinger G., Nagler A. Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. 500 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni. Leningrad: Nauka, 1980. 63 p. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu., Kiryushina Yu.V., Semibratov V.P., Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie «Biryuzovoi Katuni» (opyt integratsii v sferu turizma). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013. 222 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Engravings of the Scythian Period from Kalbak-Tash I. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 425–431. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.425-431

Kubarev G.V. Altay Karluks after the documentary and archaeological evidence. In: *The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80-th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2021. Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII. P. 305–323. (In Russ.). doi: 10.31600/978-5-907298-22-4.305-323

Kubarev G.V., Rozvadovski A., Kubarev V.D. O novykh drevnetyurkskikh izvayaniyakh Altaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. 9. Pt. 1. P. 373–376. (In Russ.).

Kubarev V.D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1984. 232 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. «Sluchainaya» nakhodka v logu Buraty (Vostochnyi Altai). In: *Nota Bene: Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2007. Iss. 1: Sluchainaya nakhodka. P. 92–94. (In Russ.).

Kubarev V.D. The petroglyphs Kalbak-Tash I (Russian Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. 444 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Kocheev V.A. Novaya seriya kamennykh izvayanii Altaya. In: Arkheologiya Gornogo Altaya. Gorno-Altaisk: GANIIIYaL Publ., 1988. P. 206–222. (In Russ.).

Kubarev V.D., Kubarev G.V. Novye drevnetyurkskie izvayaniya Altaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. 15. P. 307–311. (In Russ.).

Miklashevich E.A. The technique of engraving in rock art of the Scythian period. In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Moscow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. P. 157–202. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Kubarev G.V. Drevnetyurkskie izvayaniya Chaganburgazy (Yugo-Vostochnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. Vol. 16. P. 289–293. (In Russ.).

Sher Ya.A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii. Moscow: Nauka, 1980. 328 p. (In Russ.).

Кубарев Г.В. https://orcid.org/0000-0001-6376-4153

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0591-0598
УДК 904.5(510)

М.А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

Погребения эпохи Шестнадцати варварских государств в районе города Сиань, провинция Шэньси, КНР: краткий обзор

В статье приводится обзор важнейших погребальных памятников эпохи Шестнадцати варварских государств (304–439), исследованных в районе г. Сиань, пров. Шэньси, КНР: погребения у дер. Цаочанпо в южном пригороде г. Сиань, родового кладбища семьи Чжу периода правления государства Ранняя Цинь (351–395) в микрорайоне Вэньлинь г. Сяньян, погребения М1 в волости Пинлин г. Сяньян и могильника Шаолинъюань в южном пригороде г. Сиань. Выделены основные конструктивные особенности погребальных памятников этого периода и региона: это вырезанные в толще грунта погребения с одной или несколькими камерами с куполообразным сводом и длинным наклонным дромосом, ориентированные по линии север – юг. Устойчивый набор сопроводительного инвентаря включает керамические светильники-канделябры, бронзовые и железные зеркала, а также многочисленные и разнообразные предметы мелкой погребальной пластики: изображения воинов, слуг и музыкантов, боевых коней, домашних животных, модели колесниц, зернохранилищ, колодцев. Специфическими маркерами погребений эпохи Шестнадцати варварских государств на территории пров. Шэньси можно считать комплекты расписных керамических фигурок, образующих «конный военный оркестр», и вырезанные из грунта в верхней части дромоса и расписанные краской модели зданий. Несмотря на значительное число исследованных памятников, в настоящее время еще не выделены комплексы, которые можно было бы соотнести с представителями т.н. пяти варварских племен: хунну, цзе, ди, цянами и сяньби. Наиболее перспективным направлением дальнейших исследований представляется детальное изучение мелкой погребальной пластики.

Ключевые слова: *Северный Китай, Шестнадцать государств, пять варваров, раннее Средневековье, погребальные комплексы, мелкая погребальная пластика.*

M.A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibibrsk, Russia
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

Tombs of the Sixteen Kingdoms Period near Xi'an, Shaanxi Province, China: Brief Overview

The article provides an overview of the most important burial sites of the Sixteen Barbarian States period (304–439), explored in the area of Xi'an City, Shaanxi Province, China, including the tomb near the village of Caochangpo in the southern suburbs of Xi'an, cemetery of the Zhu family clan dated back to the period of the Former Qin (351–395) in Wenlin Community of Xianyang City, tomb M1 in Pinling Township, Xianyang City, and Shaolingyuan cemetery in the southern suburbs of Xi'an. Main structural features of burial complexes of this period and region have been identified. These tombs were cut in the ground with one or more chambers with the domed vault and long sloping dromos, and were oriented along north-south. Stable set of burial inventory includes ceramic candelabra lamps, bronze and iron mirrors, and numerous and varied items of funerary small statuary: figurines of warriors, servants and musicians, combat horses, domestic animals, as well as replicas of chariots, granaries and wells. Sets of painted ceramic figurines forming a "mounted military band" and painted models of buildings carved from the soil in the upper part of the dromos can be considered to be specific markers of burials of the Sixteen Barbarian States period in Shaanxi Province. Despite a significant number of studied tombs, the complexes which could be correlated with representatives of the so-called five barbarian tribes: the Xiongnu, Jie, Di, Qiangs, and Xianbei have not yet been identified. The most promising alley for further research is detailed study of ceramic funerary figurines.

Keywords: *North China, Sixteen Kingdoms, Five Barbarians, Early Middle Ages, burial complexes, tomb figurines*.

Введение

Эпоха Шестнадцати варварских государств (304–439) – сравнительно короткий, но яркий период в истории Восточной и Центральной Азии, когда на территории северных районов Китая сменилось более двадцати царств, основанных, преимущественно, некитайскими народами – *хунну*, *цзе*, *ди*, *цянами* и *сяньби*, известными в традиционной китайской историографии под общим наименованием *у ху* – «пять варваров». Крупный японский историк, специалист по данному периоду Мисаки Ёсиаки озаглавил свою монографию «Шестнадцать государств Пяти варваров – эпоха Великого переселения народов в истории Китая» (см.: [Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь, 2022, с. 36, прим. 1]). По-видимому, для Северного Китая именно этот период служит водоразделом между Древностью и Средневековьем так же, как Великое переселение народов в европейской истории.

Вследствие постоянных войн и междоусобиц, не утихавших на протяжении всего периода Шестнадцати варварских государств, памятники материальной культуры этого времени дошли до нас крайне фрагментарно. Погребения эпохи Шестнадцати государств в основном сконцентрированы в трех регионах: Ляоси (в западной части современной пров. Ляонин), Гуаньчжуне (в центральной части пров. Шэньси) и в Хэсийском коридоре и Турфане (на территории пров. Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного р-на) [Там же, с. 25–32]. Изучение этих погребальных памятников затрудняется не только их малочисленностью, но и сложностью этнокультурной атрибуции, обусловленной этнической пестротой, политической и социальной нестабильностью, характерными для данного исторического периода.

Так, территория современной пров. Шэньси в IV – начале V в. находилась под властью государств Ранняя Чжао (Хань-Чжао) (304–329), Поздняя Чжао (319–351), Ранняя Цинь (351–395), Поздняя Цинь (385–417) и Ся (407–431), из которых Ранняя Чжао и Ся были основаны *хунну*, Поздняя Чжао – *цзе*, Ранняя Цинь – *ди*, а Поздняя Цинь – *цянами*. В то же время наряду с кочевниками на этих землях продолжали жить и *ханьцы*, составлявшие значительную долю населения. Столица трех из этих царств – Ранней Чжао, Ранней и Поздней Цинь – находилась в городе Чанъань (современный г. Сиань – административный центр пров. Шэньси). В связи с этим, обнаруженные в окрестностях г. Сиань погребальные комплексы Шестнадцати варварских государств представляют особую ценность для исследования кросс-культурных контактов населения Северного Китая и сопредельных территорий в эпоху поздней Древности раннего Средневековья.

Материалы

Погребения эпохи Шестнадцати варварских государств в районе г. Сиань известны с 1950-х гг. В 1953 г. в южном пригороде Сианя у дер. Цаочанпо была обнаружена вырезанная в толще грунта многокамерная могила с дромосом. Погребение было разграблено и серьезно разрушено, от него осталась лишь нижняя часть глубиной ок. 1 м, поэтому конструкцию можно восстановить лишь частично. Погребение ориентировано строго по линии север – юг. С юга на север в него вел наклонный дромос длиной не менее 13,4 м, шириной 1,37 м, по обе стороны от дромоса симметрично расположены две боковые камеры прямоугольной в плане формы длиной 3,5–3,9 м, шириной – 0,9 м. Передняя и задняя камеры почти одного размера, подквадратные в плане, соединены небольшим коридором. Передняя камера длиной 3 м (с севера на юг), шириной 3,2 м (с запада на восток); задняя – длиной 3 м, шириной 3,1 м. Стены камер были покрыты известью. Сопроводительный инвентарь включал керамическую посуду (ковши, блюда, чаши для вина с ручками), керамические светильники-канделябры, бронзовые украшения и поясной крючок, но большую часть (более ста предметов) составляли разнообразные предметы мелкой погребальной пластики: модели очага и колодца, фигурки домашних животных, колесниц, запряженных быками, музыкантов, слуг, тяжело вооруженных воинов-кавалеристов и т.д. [Янь Лэй, 1959, с. 285–287]. В отчете о раскопках могила датирована начальным периодом эпохи Северных династий [Там же, с. 287], однако позднее, после обнаружения других погребений эпохи Шестнадцати варварских государств, эта датировка была уточнена [Фу Лунтэн, 2019, с. 127].

Долгое время погребение в Цаочанпо было единственным памятником эпохи Шестнадцати варварских государств в регионе, однако с конца 1980-х гг. археологические раскопки в окрестностях г. Сиань значительно интенсифицировались, и были раскопаны более десятка одиночных погребений и могильников (обзор см.: [Там же, с. 126–127]). Среди них наибольшую ценность представляет родовое кладбище клана Чжу. Оно было обнаружено в 1999 г. во время строительства микрорайона Вэньлинь в г. Сяньяне, пров. Шэньси и включало девять крупных могил, расположенных в ряд по линии восток – запад. Конструкция всех погребений схожа: это вырезанные в грунте склепы, состоящие из погребальной камеры, небольшого входного тамбура и наклонного дромоса, ориентированные по линии север – юг (168–175º). Погребальная камера в основном подквадратной формы с куполообразным сводом. В ряде случаев

с основной камерой соединена боковая камера меньших размеров (рис. 1). Дно дромоса ровное, стенки оформлены двумя ступеньками. Вход в погребальную камеру был замурован несколькими рядами кладки обожженного кирпича или кирпича-сырца. Погребенные были захоронены в деревянных гробах трапециевидной формы, в одной могиле могло быть похоронено от одного до трех человек. Набор сопроводительного инвентаря во всех погребениях также достаточно единообразен, включал керамическую и бронзовую посуду, бронзовые и железные зеркала, украшения из золота, серебра, бронзы, монеты, многочисленные предметы погребальной пластики: фигурки слуг, лошадей под седлом, повозки, запряженные быками и лошадьми, модели зернохранилищ, жерновов, колодцев и очагов, фигурки домашних животных. В четырех могилах были найдены надписи на кирпичах, позволившие установить, что погребения принадлежали носителям фамилии Чжу, а супруга одного из них происходила из клана Чжан. Таким образом, могильник представляет собой родовое кладбище китайской (ханьской) семьи. Одна из надписей указывает точную дату постройки гробницы – 12-й день 2-го месяца 14-го года правления под девизом *цзяньюань*. Именно под этим девизом правил основатель Ранней Цинь Фу Цзянь, следовательно, погребение можно датировать 378 г., а все кладбище временем правления этой династии – 351–395 гг. [Се Гаовэнь, 2005, с. 41–62]. Благодаря тому, что погребения были точно и надежно датированы, а кроме того установлена их этническая принадлежность и связь с определенным государственным образованием, кладбище семьи Чжу в Вэньлинь стало одним из эталонных памятников для эпохи Шестнадцати государств на территории пров. Шэньси.

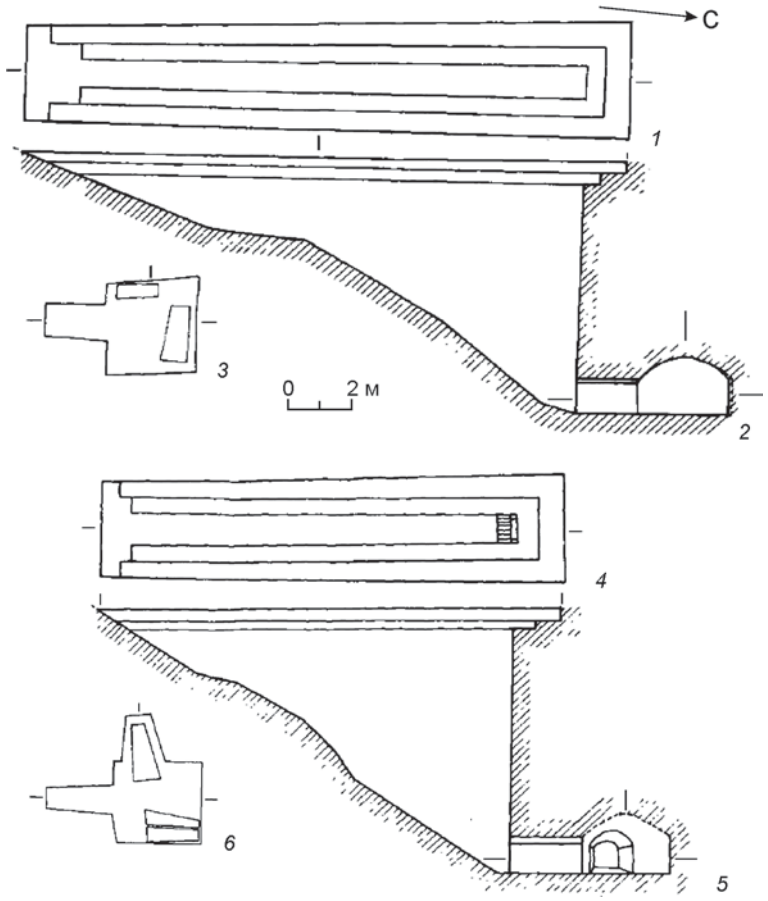


Рис. 1. Конструкция погребений кладбища семьи Чжу М69 и М44.
1 – план дромоса погр. М69; *2* – разрез погр. М69; *3* – план погребальной камеры погр. М69; *4* – план дромоса погр. М 44; *5* – разрез погр. М44; *6* – план погребальной камеры погр. М44. По: [Се Гаовэнь, 2005, с. 41, 43].

Другим важным открытием является погребение М1 в волости Пинлин района Циньду г. Сяньян, раскопанное в 2001 г. Оно было обнаружено при проведении дорожностроительных работ. Верхняя часть погребения была повреждена строительной техникой, а часть сопроводительного инвентаря пострадала при обрушении свода погребальной камеры, однако, как показали раскопки, могила не была ограблена, и все содержимое гробницы располагалось *in situ*, что является уникальным случаем для памятников Шестнадцати варварских государств в пров. Шэньси. Конструкция погребения типична для данного периода и региона: это врезанная в грунт могила с подквадратной в плане погребальной камерой с куполообразным потолком, в которую ведет длинный наклонный дромос. Погребение ориентировано по линии север – юг (185°). Длина сохранившейся части дромоса составляет 3,92 м, ширина – 0,8–0,9 м, в центральной его части имеется вертикальная воздушная шахта, выходившая к поверхности земли («небесный колодец»). Длина погребальной камеры с севера на юг 2,28–2,70 м, ширина с запада на восток – 2,44–2,60 м, максимальная высота – 1,76 м. Вход в погребальную камеру был замурован кирпичной кладкой. Деревянный гроб трапециевидной формы был установлен вдоль северной стены погребальной камеры. Внутри гроба находился скелет, ориентированный головой на восток, степень его сохранности не позволяет установить пол и возраст покойного. На дне гроба обнаружен слой растительного тлена – вероятно, остатки циновки, а также россыпь бронзовых монет. Кроме того, внутри гроба найдены личные

украшения покойного: серебряная шпилька и браслеты, бронзовые кольца и бубенчик. Основная часть сопроводительного инвентаря, насчитывающего более 60 предметов, располагалась перед гробом, преимущественно вдоль восточной и западной стен погребальной камеры. В восточной части гробницы были установлены расписные керамические статуэтки всадников-музыкантов, составлявшие целый военный оркестр (всего 16 экз., установлены в два ряда по восемь фигурок в каждом), а также фигурки боевых коней в тяжелых доспехах, с седлами и стременами. Кроме того, в этой же части погребения был найден железный наконечник копья. В западной части камеры также размещались керамические фигурки: повозка, запряженная лошадью, и две повозки, запряженные быками, изображения служанок и оркестра, состоящего из женщин-музыкантов, модели зернохранилищ, очага и колодца, фигурки домашних животных, а также различная керамическая и бронзовая утварь. В центральной части могилы стояли бронзовый и керамический светильники [Лю Вэйпэн, Юэ Ци, 2004, с. 4–6]. Таким образом, в организации внутреннего пространства усыпальницы наблюдается разделение на «военную» и «гражданскую», бытовую половины. Подобная оппозиция «военного» и «гражданского» (*у* и *вэнь*) типична для традиционной китайской культуры [Юркевич, 2010, с. 472–473]. На основании особенностей конструкции могилы и состава сопроводительного инвентаря погребение в Пинлине было датировано периодом правления государств Ранняя Цинь (351–395) или Поздняя Цинь (385–417). Авторы отчета о раскопках предполагают, что гробница могла принадлежать некоему высокопоставленному военному [Лю Вэйпин, Юэ Ци, 2004, с. 26–28].

Наиболее крупным достижением в археологии эпохи Шестнадцати варварских государств за последние годы стало открытие и исследование в 2019–2020 гг. могильника Шаолинъюань в южном пригороде г. Сиань. Памятник не только вызвал интерес специалистов-археологов, но и стал широко известен за пределами профессионального сообщества, информация о раскопках публиковалась и в России [Николаева, 2020]. Этому способствовало его включение в список десяти крупнейших археологических открытий в Китае за 2020 г. Отчет о раскопках на данный момент не опубликован, но сообщения в информационных и специализированных изданиях предоставляют основную информацию о памятнике.

В местности Шаолинъюань исследованы три крупных погребения эпохи Шестнадцати государств, два из них (M25 и M26) находятся на территории дер. Цзяоцунь на расстоянии 32 м друг от друга, еще одно (M100) – к северу от дер. Чжунчжаоцунь, на расстоянии 5,6 км от них. Все три могилы представляют собой многокамерные склепы с длинными наклонными дромосами, вырезанные в толще грунта, ориентированные строго по линии север – юг. Все три погребения были ограблены, однако часть инвентаря сохранилась.

Погребение M25 состоит из дромоса со ступенчатыми стенками и двумя вертикальными воздушными шахтами, входного тамбура и трех камер: передней, средней и задней. Крыша гробницы не сохранилась. Общая длина могилы составляет 80,7 м, глубина – ок. 18 м. В верхней части дромоса находятся три вырезанные из грунта и раскрашенные модели зданий, одна из них сохранилась лишь частично. Стены камер гробницы были покрыты росписями, которые также сохранились лишь фрагментарно: различимы отдельные фигуры людей, изображение почетного караула, иероглифические надписи. Сопроводительный инвентарь включает 68 предметов: керамические сосуды, модели очага и зернохранилища, светильники-канделябры, фигурки воинов и служанок, лошадей и т.п.

Погребение M26 состоит из дромоса со ступенчатыми стенками, входного тамбура, передней камеры с отходящей от ее восточной стороны боковой камерой, небольшого коридора и задней камеры. Общая длина – 66,7 м, глубина – 13,5 м. Могила практически полностью разграблена, в ней сохранилось лишь 12 предметов: фигурки всадников, светильники-канделябры, керамические сосуды и др. [Ван Яньпэн, Нин Янь, Синь Лун, 2021].

Конструкция могилы M100 включает следующие элементы: наклонный дромос со ступенчатыми стенками, двумя вертикальными воздушными шахтами и четырьмя вырезанными в стенках нишами, входной тамбур, переднюю камеру, боковую камеру, расположенную с восточной стороны от передней камеры, проход между камерами, заднюю камеру. Общая длина погребения составляет 80,74 м, глубина – 11,86 м. Так же, как и в погребении M25, в верхней части дромоса находятся три модели зданий, вырезанные из грунта и раскрашенные красной краской (рис. 2). На стенах второй воздушной шахты сохранились росписи с изображением различных архитектурных сооружений [Ван Яньпэн, 2021, с. 81–82]. Передняя камера практически квадратная в плане, потолок и верхняя часть стен не сохранились, на полу имеются следы прокала. Задняя камера также практически квадратная, вдоль ее восточной и западной стен из кирпича сложены два погребальных ложа в форме параллелепипедов высотой 0,5–0,6 м, их поверхность покрыта белой известью, а на боковых сторонах черной краской нарисованы ножки,

придающие этим конструкциям отдаленное сходство с погребальным ложем из могилы «согдийца» Ань Цзя [Сиань…, 2003]. С трех сторон вокруг ложа, стоящего в восточной части камеры, из кирпича сооружено подобие ширмы. Высокие погребальные ложа и ширма не типичны для китайской (ханьской) традиции и могут указывать на иную культурную и/или этническую принадлежность данного погребения. Погребальный инвентарь насчитывает 198 предметов, включая керамические сосуды, модели зернохранилищ и колодцев, фигурки запряженных быками колесниц, лошадей, кур и собак, воинов, военных музыкантов-всадников и т.д. (рис. 3) [Ван Яньпэн, 2021; Ван Яньпэн, Нин Янь, Синь Лун, 2021; Синь Лун, Нин Янь. Ван Яньпэн, 2020].

Обсуждение

Таким образом, известные к настоящему времени погребальные комплексы эпохи Шестнадцати варварских государств на территории пров. Шэньси характеризуются следующими особенностями. В конструктивном плане они представляют собой склепы, вырезанные в толще грунта, включающие одну или несколько камер, к которым с юга на север ведет наклонный коридор-дромос, часто со ступенчатыми стенками. Погребальные камеры, как правило, подквадратной формы с куполообразной крышей. Для всех погребений характерна ориентация по линии север – юг с незначительными отклонениями. В этом отношении они продолжают традиции, заложенные еще в эпоху Восточной Хань (25–220). Специфика погребальной практики эпохи Шестнадцати государств проявляется в составе сопроводительного инвентаря, а именно в присутствии таких предметов, как керамические светильники-канделябры и набор разнообразных керамических статуэток.

Именно погребальная пластика является наиболее информативным источником в составе погребальных комплексов Шестнадцати государств, заслуживающим отдельного подробного исследования. Расписанные красками фигурки во всех подробностях передают облик людей той эпохи, включая особенности прически и макияжа, одежды, головных уборов. Детально показаны упряжь и панцири боевых коней, устройство и убранство повозок. Весьма многочисленны и разнообразны фигурки, изображающие певцов и музыкантов, как правило, они составляют целые ансамбли.

Рис. 2. Земляные модели построек в дромосе погр. М100 в Чжунчжаоцунь. По: [Ван Яньпэн, 2021, с. 80].

Специфической чертой именно погребений эпохи Шестнадцати варварских государств служат фигурки музыкантов-всадников, трубящих в горн, бьющих в барабаны или играющих на многоствольных флейтах *пайсяо*. Черты лица этих персонажей в большинстве случае передают антропологические особенности европеоидной расы: миндалевидные глаза, высокие носы, усы и бороды. Возможно, так изображались выходцы из Западного Края, откуда, согласно китайским историческим сочинениям, на территорию Китая пришли многие виды музыкальных инструментов.

Согласно материалам раскопок последних лет, к числу маркеров погребений эпохи Шестнадцати государств могут добавиться также вырезанные из грунта и частично раскрашенные модели постро-

Рис. 3. Погребальная пластика погр. М100 в Чжунчжаоцунь.

1 – фигурки всадников-горнистов; *2* – фигурки всадников-барабанщиков; *3* – модель повозки, запряженной быком; *4* – модель крупорушки. По: [Ван Яньпэн, 2021, с. 82–83].

ек. До находок в Шаолинъюань подобные объекты уже были найдены в двух погребениях этого периода в районе г. Сиань, а также в одной могиле в волости Синьцзи уезда Пэнъян в Гуюане, Нинся, датируемой начальным периодом эпохи Северная Вэй (430-е гг.), и еще в одном северовэйском погребении в Датуне, пров. Шаньси (см.: [Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь, 2022, с. 32–34, 36, прим. 43]).

Заключение

Погребения эпохи Шестнадцати варварских государств, исследованные в районе г. Сиань, дают ценный материал для изучения материальной и духовной культуры населения северных районов Китая и его контактов с сопредельными территориями в эпоху перехода от Древности к Средневековью. Несмотря на существенное расширение источниковой базы за последние десятилетия, пока не обнаружены памятники, которые можно было бы надежно связать с представителями пяти варварских племен, действовавших в данном регионе. Наиболее перспективным направлением дальнейшего изучения памятников этого периода и региона представляется детальный анализ мелкой погребальной пластики как наиболее информативной категории находок.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-78-10121, https://rscf.ru/project/22-78-10121/.

Список литературы

Ван Яньпэн. Шэньси Сиань Чжунчжаоцунь Шилюго му (Погребение эпохи Шестнадцати государств в Чжунчжаоцунь, Сиань, Шэньси) // Ишу пиньцзянь (Экспертиза произведений искусства). – 2021. – № 7. – С. 80–83 (на кит. яз.).

Ван Яньпэн, Нин Янь, Синь Лун. Шилюго шици гаодэнцзи муцзан – Шэньси Сиань Шаолинъюань Шилюго да му (Выскоранговые погребения периода Шестнадцати государств – крупные погребения эпохи Шестнадцати государств в Шаолинъюань, Сиань, Шэньси) [Электронный ресурс] // Вэньбо Чжунго (Культурные и музейные ценности Китая). 05.04.2021. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/lsWJ2a1OQskXpCh5Rzz3Fg (дата обращения: 31.08.2022) (на кит. яз.).

Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь. Миньцзу цзяожун шиесядэ Шилюго муцзан (Погребения Шестнадцати государств с точки зрения межэтнических переплетений) // Чжунъюань вэньу (Памятники культуры Центральной равнины). – 2022. – № 4. – С. 24–37 (на кит. яз.).

Лю Вэйпэн, Юэ Ци. Сяньян Пинлин Шилюго му цинли цзяньбао (Краткий отчет о расчистке погребения эпохи Шестнадцати государств в Пинлине, Сяньян) // Вэньу (Памятники культуры). – 2004. – № 8. – С. 4–28 (на кит. яз.).

Николаева Н.Ш. Раннесредневековое погребение, найденное в Цзяоцунь (г. Сиань, КНР) // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие: Мат-лы науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 31 октября - 1 ноября 2020 г.). – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. – С. 58–59.

Се Гаовэнь. Шэньси Сяньян ши Вэньлинь сяоцюй Цянь Цинь Чжу ши цзяцзу мудэ фацзюэ (Раскопки родового кладбища клана Чжу периода Ранней Цинь в микрорайоне Вэньлинь г. Сяньян, Шэньси) // Каогу (Археология). – 2005. – № 4. – С. 40–63 (на кит. яз.).

Сиань Бэй Чжоу Ань Цзя му (Могила Ань Цзя периода Северной Чжоу в г. Сиань). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. – 113 с., 72 ил. (на кит. яз.).

Синь Лун, Нин Янь, Ван Яньпэн. Цзуйсинь каогу: Сиань фасянь цицзинь гуймо цзуйда Шилюго шици гаодэнцзи муцзан (Новейшая археология: в Сиане обнаружено крупнейшее на сегодняшний день высокоранговое погребение периода Шестнадцати государств) [Электронный ресурс] // Пэнпай синьвэнь (The Paper). 30.12.2020. – URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_10598028 (дата обращения: 31.08.2022) (на кит. яз.).

Фу Лунтэн. Гуаньчжун Шилюго муцзан соцзянь миньцзу гуаньси яньцзю (Исследование межэтнических связей по данным погребений Шестнадцати государств в Гуаньчжуне) // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао (Вестн. Юньнаньского ун-та национальностей). – 2019. – № 5. – С. 126–133 (на кит. яз.).

Юркевич А.Г. Вэнь – у // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – С. 472–473.

Янь Лэй. Сиань наньцзяо Цаочанпо цунь Бэйчао мудэ фацзюэ (Раскопки погребения эпохи Северных династий у дер. Цаочанпо в южном пригороде Сианя) // Каогу (Археология). – 1959. – № 6. – С. 285–287, вкл. 3, 4 (на кит. яз.).

References

Fu Longteng. Guanzhong Shiliuguo muzang suojian minzu guanxi yanjiu [Ethnic relations revealed in the tombs of the Sixteen Kingdoms in Guanzhong Plains]. In *Yunnan minzu daxue xuebao [Journal of Yunnan Minzu University]*, 2019. N 5. P. 126–133. (In Chin.).

Liu Weipeng, Yue Qi. Xianyang Pingling Shiliuguo mu qingli jianbao [Excavation of a Tomb of the Sixteen Kingdoms Period at Pingling, Xianyang]. In *Wenwu [Cultural Relics]*, 2004. N 8. P. 4–28. (In Chin.).

Nikolaeva N.Sh. Rannesrednevekovoe pogrbenie, naidennoe v Tszyaotsun' (g. Sian', KNR). In *Silk Road: Historical heritage and modern development: Materials of scientific and practical conference (Novosibirsk, October 31 - November 1, 2020)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2020. P. 58–59. (In Russ.).

Wang Yanpeng. Shanxi Xi'an Zhongzhaocun Shiliuguo mu [The Tomb of the Sixteen Kingdoms in Zhongzhao Village, Xi'an, Shaanxi Province]. In *Yishu pingjian [Appreciation]*, 2021. N 7. P. 80–83. (In Chin.).

Wang Yanpeng, Ning Yan, Xin Long. Shiliuguo shiqi gaodengji muzang – Shanxi Xi'an Shaolingyuan Shiliuguo da mu [High-level Tombs of the Sixteen Kingdoms

Period – The Tomb of the Sixteen Kingdoms in Shaolingyuan, Xi'an, Shaanxi Province]. In *Wenbo Zhongguo (Wenbo China)*. 05.04.2021. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/lsWJ2a1OQskXpCh5Rzz3Fg (Accessed: 31.08.2022). (In Chin.).

Wei Zheng, Xin Long, Ning Yan. Minzu jiaorong shiye xiade Shiliuguo muzang [Tombs of the Sixteen Kingdoms from the Perspective of Ethnic Blending]. In *Zhongyuan wenwu [Cultural Relics of Central China]*, 2022. N 4. P. 24–37. (In Chin.).

Xi'an Bei Zhou An Jia mu [Bei Zhou An Jia Tomb in Xi'an]. Beijing: Cultural Relics Publ., 2003. 113 p., 72 pl. (In Chin.).

Xie Gaowen. Shanxi Xianyang shi Wenlin xiaoqu Qian Qin Zhu shi jiazu mude fajue [Excavation of the tombs of the Former Qin Zhu Family in Wenlin Community, Xianyang City, Shaanxi Province]. *Kaogu [Archaeology]*, 2005. N 4. P. 40–63. (In Chin.).

Xin Long, Ning Yan, Wang Yanpeng. Zuixin kaogu: Xi'an faxian qiji guimo zuida Shiliuguo gaodengji muzang [The latest archaeology: Xi'an found the largest high-level tomb of the Sixteen Kingdoms period so far]. In *Pengpai (The Paper)*. 30.12.2020. URL:https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_10598028 (Accessed: 31.08.2022). (In Chin.).

Yan Lei. Xi'an nanjiao Caochangpo cun Beichao mude fajue [The Excavation of the Northern Dynasty Tomb in Caochangpo Village in the Southern Suburb of Xi'an]. *Kaogu [Archaeology]*, 1959. N 6. P. 285–287. Pl. 3–4. (In Chin.).

Yurkevich A.G. Wen – wu. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moscow: Mysl' Publ., 2010. P. 472–473. (In Russ.).

Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0599-0605
УДК 902/904

А.И. Лебединцев[1], А.А. Прут[2], П.С. Гребенюк[1], А.Ю. Федорченко[3]✉, И.В. Макаров[2], С.П. Гребенюк[4]

[1] Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
[2] ООО «Геокорд»
Москва, Россия
[3] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[4] Тверской государственный университет
Тверь, Россия
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com; winteralex2008@gmail.com

Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье) в 2022 году

В полевом сезоне 2022 г. были продолжены археологические исследования Ольского поселения – одного из опорных памятников токаревской культуры Северного Приохотья. К раскопу предыдущих лет были прирезаны два участка общей площадью 24 м^2. В результате проведенных работ была получена коллекция каменных и костяных артефактов, дополняющая материальный комплекс этого поселения. Комплекс орудий из минерального сырья токаревской культуры, выявленный по итогам работ 2022 г., включает орудия охоты, обработки мяса, кожи, кости и дерева: наконечники копий и стрел, ножи, скребки, тесла, долота и др. Костяной инструментарий, выявленный по итогам исследований нового полевого сезона, представлен наконечниками гарпунов и острог, копий, дротиков и стрел, иглами, игольниками и проколками, лощилами, теслами, мотыгами и т.д. В рамках нового этапа работ была расширена коллекция орнаментированных костяных изделий и украшений, получены первые убедительные свидетельства производства деревянных изделий носителями токаревской культуры. Уникальной находкой полевого сезона 2022 г. стала нижняя челюсть человека. По итогам полевых работ в верхней части культурного слоя на Ольском поселении были отмечены отдельные находки древнекорякской культуры: тесло и мотыга из китовой кости, зубчатый наконечник гарпуна, трехгранный наконечник стрел и наконечник копья с уплощенным насадом, концевая накладка лука, гребень, фрагменты украшений и т.д. Полученные данные позволили существенно расширить имеющиеся представления о культуре первых приморских обитателей Северного Приохотья в конце эпохи голоцена.

Ключевые слова*: Северное Приохотье, стоянка Ольская, палеометалл, токаревская культура, древнекорякская культура.*

A.I. Lebedintsev[1], A.A. Prut[2], P.S. Grebenyuk[1], A.Y. Fedorchenko[3]✉, I.V. Makarov[2], S.P. Grebenyuk[4]

[1] Northeastern Interdisciplinary Research Institute of the FEB RAS
Magadan, Russia
[2] LLC «Geokord»
Moscow, Russia
[3] Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[4] Tver State University
Tver, Russia
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com; winteralex2008@gmail.com

Field Research at the Olskaya Site (Northern Sea of Okhotsk Region) in 2022

In the field season of 2022, archaeological research at the Olskaya site – one of the key sites of the Tokarev culture in the Northern Sea of Okhotsk region – was continued. Two sections with the total area of 24 m^2 were added to the excavation area of the previous years, yielding a collection of stone and bone artifacts which enriches our knowledge on the material complex of the settlement. The assemblage of the Tokarev tools made of mineral raw materials, which were obtained in 2022, includes tools for hunting and processing meat, leather, bone, and wood, such as spearheads and arrowheads, knives, scrapers, adzes, chisels, etc. Bone toolkit discovered in new field season was represented by harpoon heads, spearheads, dart heads, and arrowheads, needles and needle cases, piercing tools, polishers, adzes, hoes, etc. The collection of decorated bone objects and adornments was expanded; first definitive evidence on production of wooden artifacts by the carriers of the Tokarev culture was obtained. A unique find from the 2022 field season was a human lower jaw. Fieldworks in the upper part of the cultural layer at the Olskaya settlement resulted in some finds of the Old Koryak culture, such as adze and hoe made of whale bone, serrated harpoon head, trihedral arrowhead, and spearhead with the flattened base, bow endplate, comb, fragments of personal adornments, etc. The data obtained has made it possible to significantly expand the ideas about the culture of the first coastal inhabitants of the Northern Okhotsk region at the end of the Holocene.

Keywords: *Northern Sea of Okhotsk region, Olskaya site, Paleometal Age, Tokarev culture, Old Koryak culture.*

Ольское поселение (59°28’57” с.ш., 150°57’29” в.д.) является одним из опорных памятников токаревской археологической культуры Северного Приохотья. Памятник расположен на м. Восточный на морской береговой террасе в 10 км от г. Магадан. Стоянка открыта Североохотским археологическим отрядом СВКНИИ ДВО РАН под руководством А.И. Лебединцева в 1982 г., исследовалась в течение нескольких полевых сезонов. На памятнике было выявлено 26 округлых жилищных впадин диаметром 5–9 м и глубиной котлованов 0,4–0,7 м [Лебединцев, 1990]. В календарном исчислении хронология существования этого поселения определяется в границах 2443–1629 л.н. (485 г. до н.э. – 322 г. н.э.).

В полевом сезоне 2022 г. были вскрыты два участка, прирезанные к раскопам предыдущих лет; их площадь составила 24 м^2. Методика раскопок подразумевала проведение следующих работ: снятие дерна по всей площади раскапываемого участка, последовательную расчистку культурного слоя до галечно-валунной поверхности террасы, консервацию стенок раскопа. Все обнаруженные археологические находки фиксировались в процессе раскопок на плане и по глубине залегания. Культурный слой токаревской культуры залегает на памятнике под дерном в слое бурой супеси, лежащей на галечно-валунной поверхности террасы. В процессе раскопок в культуросодержащих отложениях стоянки массово фиксировался фаунистический материал: костные останки ластоногих, китовых, рыб и птиц, раковины моллюсков. Полученная археологическая коллекция характеризуется большим разнообразием каменных и костяных изделий.

Материалы из раскопа Ольского поселения 2022 г. представлены различными каменными и костяными изделиями. Для изготовления каменных орудий использовались различные окремнелые породы и халцедон (табл. 1). Встречаются изделия из горного хрусталя. Наиболее массовой категорией каменных артефактов коллекции являются отщепы и сколы (n = 2 177), большинство из них халцедоновые. Широкое присутствие продуктов дебитажа, наличие отдельностей сырья и отбойников позволяют судить, что часть производственных процессов по расщеплению каменного сырья и оформлению орудий осуществлялась непосредственно на изученном участке памятника.

Орудийный набор включает 213 изделий (табл. 2; рис. 1). К характерным каменным орудий-

Таблица 1. **Состав каменной индустрии стоянки Ольская, раскоп 2022 г.**

Категории	Сырье				Всего
	Халцедон	Окремнелые породы	Кварц	Горный хрусталь	
Отщепы	725	229	–	–	954
Сколы	1204	17	–	2	1223
Осколки	–	–	7	–	7
Сколы оформления орудий	–	51	–	–	51
Ядрища	–	1	–	–	1
Гальки	17	1	–	–	18
Всего	1946	299	7	2	2254

Таблица 2. **Состав орудийного набора из камня стоянки Ольская, раскоп 2022 г.**

Категории	Сырье			Всего
	Окремнелые породы	Халцедон	Горный хрусталь	
Ножи				
листовидные	13	3	–	16
фрагменты неопределимого типа	6	2	–	8
неопределенной формы	5	2	–	7
на отщепе	2	5	–	7
черешковые	3	–	–	3
овальные	–	3	–	3
с выделенным перехватом и шипами	2	–	–	2
миниатюрные с рукоятью	–	1	–	1
с выделенной рукоятью	1	–	–	1
трапециевидные	–	1	–	1
листовидно-черешковые	1	–	–	1
овальные с треугольным насадом	1	–	–	1
горбатые	1	–	–	1
Скребки				
на отщепе	6	41	–	47
трапециевидные	7	–	–	7
неопределенной формы	–	2	–	2
подтреугольные	2	4	–	6
с выделенной рукоятью	–	6	–	6
овальные	–	3	–	3
на сколе	1	–	–	1
Наконечники				
треугольные с выемчатым основанием	6	8	–	14
листовидные с прямым основанием	10	1	–	11
треугольные с прямым основанием	–	6	–	6
фрагменты	5	1	–	6
листовидные с выемчатым основанием	2	2	1	5
листовидные	3	2	–	5
подтреугольные	–	4	–	4
черешковые	3	–	–	3
на отщепе	–	1	–	1
Тесла				
фрагменты	6	–	–	6
миндалевидные	5	–	–	5
подпрямоугольные	2	–	–	2
трапециевидные	2	–	–	2
со шлифованным лезвием	2	–	–	2
на гальке	1	–	–	1
миндалевидные со шлифовкой поверхности	1	–	–	1
Долота на гальке	3	–	–	3
Ударные орудия				
молотки	1	–	–	1
чопперовидные	1	–	–	1
Отбойники	4	–		4
Наковальни	1	–	–	1
Сверла	–	2	–	2
Изделия неясного назначения	2	1	–	3
Всего	111	101	1	213

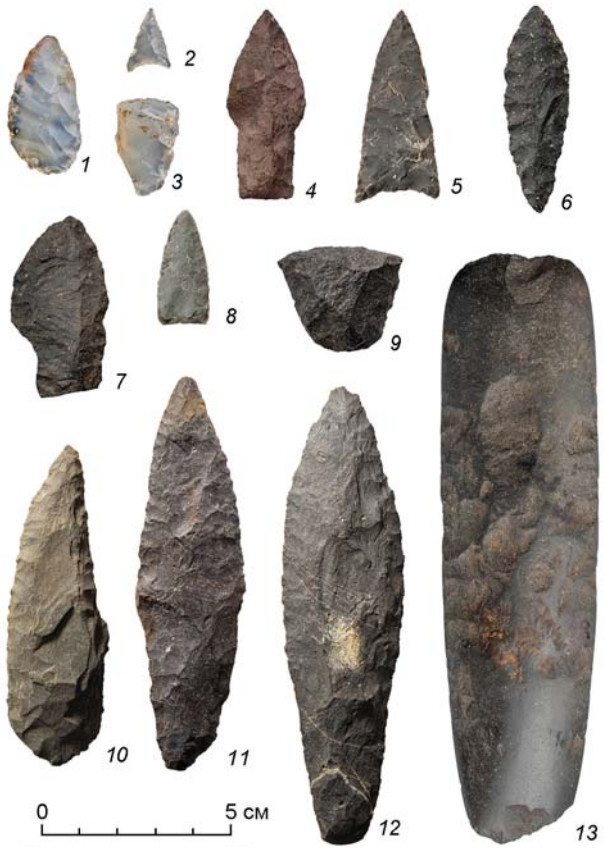


Рис. 1. Каменные изделия токаревской культуры.

1 – нож листовидной формы; *2* – миниатюрный треугольный наконечник; *3* – треугольный скребок на отщепе; *4* – черешковый наконечник с прямоугольным насадом; *5* – треугольный наконечник с выемчатым основанием; *6* – листовидный наконечник; *7* – ширококлинковый нож с выделенной узкой рукоятью («горбатый»); *8* – листовидный наконечник с прямым основанием; *9* – скребок на отщепе трапециевидной формы; *10* – узкоклинковый нож с широкой рукоятью; *11* – нож с выделенной узкой рукоятью; *12* – листовидный наконечник копья; *13* – шлифованное тесло подпрямоугольной формы.

ям токаревской культуры относятся крупный бифасиальный листовидный наконечник копья (рис. 1, *12*), листовидный наконечник с прямым основанием (рис. 1, *8*), треугольный наконечник с выемчатым основанием (рис. 1, *5*), листовидный наконечник (рис. 1, *6*), скребок на отщепе трапециевидной формы (рис. 1, *9*), шлифованное тесло подпрямоугольной формы (рис. 1, *13*), нож с выделенной узкой рукоятью (рис. 1, *11*), узкоклинковый нож с широкой рукоятью (рис. 1, *10*). Комплекс дополняют черешковый наконечник с прямоугольным насадом (рис. 1, *4*), ширококлинковый нож с выделенной узкой рукоятью («горбатый») (рис. 1, *7*), а также мелкие орудийные формы из халцедона, в т.ч. миниатюрный треугольный наконечник с выемчатым основанием (рис. 1, *2*), треугольный скребок на отщепе (рис. 1, *3*), нож листовидной формы (рис. 1, *1*).

Костяная индустрия памятника представлена 277 артефактами, большая часть которых находит прямые аналогии в материалах стоянок на о. Завьялова, Спафарьева и Недоразумения (табл. 3). Среди характерных костяных изделий токаревской культуры можно отметить наконечники гарпунов поворотного типа (рис. 2, *1*, *2*, *5–7*), зубчатые наконечники гарпунов (рис. 2, *3*, *14*), наконечники острог (рис. 2, *17*, *18*, *23*), посредник для наконечников острог (рис. 2, *19*), наконечники стрел (рис. 2, *21*, *22*). В материалах раскопок выделяются наконечник гарпуна поворотного типа с двумя симметричными зубцами, полузакрытым гнездом и двумя отверстиями для линя (рис. 2, *2*); зубчатый наконечник гарпуна с двумя парами симметричных зубцов, уплощенным широким насадом с отверстием для линя (рис. 2, *3*); зубчатый наконечник стрелы с двумя парами симметричных зубцов, с продольными пазами на обоих концах, один из которых предназначен для оснащения каменным вкладышем, другой для насада на древко (рис. 2, *4*); наконечник остроги с тремя боковыми зубцами и специальным боковым вырезом и срезанным

Таблица 3. **Костяной инвентарь стоянки Ольская, раскоп 2022 г.**

Категории	Кол-во (экз.)
Орудийный набор	
Проколки	39
Наконечники острог	31
Наконечники копий, дротиков и стрел	29
Острия	27
Наконечники гарпунов	23
Заготовки орудий	10
Лощила	6
Концевые пластины луков	5
Гребни	4
Части составных рыболовных крючков	3
Колки гарпунные	3
Иглы	2
Игольники	3
Тесла	2
Крюки	2
Рукояти ножей	2
Посредники составных острог	1
Затычки для ран	1
Мотыги	1
Украшения	
Подвески из акульего позвонка	3
Фрагменты орнаментированных изделий	2
Подвески из рога оленя	1
Кость со следами обработки	
Функционально неопределимые изделия	51
Резаная кость	25
Кость с желобком	1
Всего	277

Рис. 2. Костяные изделия токаревской культуры.

1, *2*, *5–7* – наконечники гарпунов поворотного типа; *3*, *14* – зубчатые наконечники гарпунов; *4* – зубчатый наконечник стрелы; *8* – игла; *9* – стержень рыболовного крючка; *10* – подвеска из тонкой костяной пластины; *11* – украшение из позвонков акулы; *12* – изогнутое изделие с зауженными концами с вырезами для фиксации; *13* – фрагмент игольника из трубчатой кости птицы; *15* – концевая пластина лука; *16* – гребень из тонкой пластины рога оленя; *17*, *18*, *23* – наконечники острог; *19* – посредник для наконечников острог; *20* – проколка; *21*, *22* – наконечники стрел; *24* – изделие с крюком на конце и отверстием на противоположном крае.

наискось основанием для привязывания к древку, с выступом на конце основания (рис. 2, *17*). Среди находок имеется наконечник стрелы с продольными пазами на обоих концах (рис. 2, *22*). Другой наконечник стрелы с двумя боковыми зубцами с притупленным насадом и прорезью в верхней части для копьеца (рис. 2, *21*).

Среди находок имеется костяное изделие в виде стержня, на одном конце которого вырезан крюк, а на противоположном – округлое отверстие (рис. 2,

24). В раскопе обнаружены игла с овальным отверстием в нижней части (рис. 2, *8*), стержень рыболовного крючка с округлым отверстием в верхней части и с выступом в нижней части (рис. 2, *9*).

Отдельную категорию в коллекции представляют орнаментированные костяные изделия, среди которых гребни, наконечники гарпунов, проколка, украшения и фрагмент игольника. Найдены два гребня, изготовленные из тонкой пластины рога оленя, подпрямоугольной формы с шестью и пятью зубцами, орнаментированные прямыми линиями и линиями с насечками. В верхней части гребней имеются узкие овальные отверстия для подвешивания (рис. 2, *16*). Имеются проколка с продольными линиями и насечками (рис. 2, *20*), концевая пластина лука с косыми разнонаправленными линиями с заостренной нижней частью (рис. 2, *15*).

Наиболее примечательным является наконечник гарпуна поворотного типа с симметричными зубцами с раздвоенными концами и с двумя шпорами (рис. 2, *1*). В нижней части насада имеются две пары узких отверстий для линя. Наконечник орнаментирован зигзагообразным рисунком двойными линиями и точечным узором. Среди находок имеется зубчатый наконечник гарпуна с двумя симметричными зубцами и уплощенным насадом, с округлым отверстием для линя, орнаментированный резными линиями (рис. 2, *14*). Уникальным артефактом является фрагмент обожженного деревянного черпака с рукоятью, имеющей округлое отверстие на конце.

В культурном слое также обнаружены украшения из крупных акульих позвонков с отверстиями (рис. 2, *11*). Обнаружен фрагмент игольника из трубчатой кости птицы (рис. 2, *13*), орнаментированный чередующимся ромбовидным узором, выполненным двойными линиями. Найдена подвеска из тонкой костяной пластины листовидной формы с выступом в верхней части (рис. 2, *10*), изогнутое изделие с зауженными концами с вырезами для фиксации (рис. 2, *12*). Также обнаружены два фрагмента керамики: один орнаментирован гребенчатыми оттисками и горизонтальным рядом круглых углублений, другой – только гребенчатыми штампами и горизонтальными оттисками.

В верхней части культурного слоя найдены отдельные костяные изделия, которые могут быть отнесены к древнекорякской культуре: мотыга из китовой кости с изогнутым профилем и вырезанной головкой для привязывания (рис. 3, *8*); тесло с зауженным лезвием и расширенным обушком из китовой кости (рис. 3, *9*); зубчатый наконечник гарпуна с двумя парами симметричных зубцов и выделенным прямоугольным насадом с округлым отверстием по центру (рис. 3, *5*); трехгранный наконечник с уплощенным насадом (рис. 3, *10*); наконечник копья с уплощенным насадом и круглым отверстием по его центру (рис. 3, *7*); фрагменты дисковидных украшений, один из которых орнаментирован желобчатыми линиями (рис. 3, *3*), другой – зигзагообразным орнаментом и треугольными выемками (рис. 3, *2*); концевая накладка для лука с уплощенным срезом и выемчатым углублением на торцевой части из рога оленя (рис. 3, *4*); гребень с зауженной приостренной рукоятью с семью зубцами (рис. 3, *6*); затычка, применявшаяся в гарпунном комплексе для затыка-

Рис. 3. Костяные изделия древнекорякской культуры в верхнем слое раскопа 2022 г.

1 – затычка для ран; *2*, *3* – фрагменты дисковидных украшений; *4* – концевая накладка для лука; *5* – зубчатый наконечник гарпуна; *6* – гребень с зауженной приостренной рукоятью с семью зубцами; *7* – наконечник копья с уплощенным насадом; *8* – мотыга изогнутая в профиле с вырезанной головкой; *9* – тесло с зауженным лезвием и расширенным обушком; *10* – трехгранный наконечник с уплощенным насадом.

ния отверстий ран тюленей, чтобы они не тонули при попадании морской воды внутрь животного во время транспортировки (рис. 3, *1*).

Среди артефактов в квадрате О-28 на глубине 40 см от поверхности обнаружена нижняя челюсть человека с сохранившимися тремя зубами. По определению антрополога канд. ист. наук А.В. Зубовой, челюсть принадлежала пожилому мужчине. В рамках дальнейших исследований планируется проведение палеогенетического анализа полученных антропологических материалов. Ранее палеогенетический анализ костных останков индивидов стоянки Ольская продемонстрировал их принадлежность к гаплогруппам D2a1 и G1b мтДНК [Sikora et al., 2019].

Анализ полученной археологической коллекции с Ольского поселения позволил отметить серию новых типов изделий, дополняющих материальный комплекс памятника. В верхней части культурного слоя обнаружены отдельные находки древнекорякской культуры. Дальнейшие полевые исследования Ольской стоянки и детальный анализ археологического материала позволит расширить представления о носителях токаревской культуры. Актуальной проблемой является установление времени первоначального появления токаревцев в бухте Гертнера и на самой стоянке Ольской, а также выявление культурных традиций, повлиявших на формирование орудийных комплексов токаревской культуры, ее связей с сопредельными приморскими и континентальными древними общностями. Важной задачей является выяснение хронологии формирования древнекорякской культуры и определение культурных составляющих этого процесса.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00319, https://rscf.ru/project/22-18-00319/ (А.И. Лебединцев, А.А. Прут, П.С. Гребенюк, С.П. Гребенюк), анализ археологического материала – за счет проекта РНФ № 22-28-02036 (А.Ю. Федорченко).

Список литературы

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 258 с.

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – N 570. – P. 182–188.

References

Lebedintsev A.I. Drevnie primorskie kul'tury Severo-Zapadnogo Priohotja. Leningrad: Nauka, 1990. 258 p. (In Russ.).

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*, 2019. N 570. P. 182–188.

Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116
Прут А.А. https://orcid.org/0000-0002-6621-9078
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Гребенюк С.П. https://orcid.org/0000-0002-2003-5417

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0606-0612
УДК 902.2

Е.С. Леванова[1]✉, Ю.М. Свойский[1, 2], А.А. Зиганшина[1, 2], Е.В. Романенко[2], Л.Л. Бове[1]

[1]Институт археологии РАН
Москва, Россия
[2]Лаборатория дистанционного зондирования и анализа пространственных данных
Москва, Россия
E-mail: maraveriza@gmail.com

Исследование петроглифов на реке Пегтымель в 2022 году

Петроглифы на реке Пегтымель – памятник наскального искусства, самый северный на территории Азии, расположенный за Полярным кругом на правом берегу одноименной реки на северо-западе Чукотки, в 40–50 км от побережья Восточно-Сибирского моря, открытый в 1965 г. геологом Н.М. Саморуковым. Научное открытие и первая публикация памятника связана с именем археолога Н.Н. Дикова. Также на памятнике работали экспедиции в 1990–2000-е годы. Начало работ по документированию и мониторингу памятника после длительного перерыва было положено в 2021 г. В 2022 г. Петроглифический отряд ИА РАН продолжил обследование и редокументирование памятника. В ходе полевых работ применялось сплошное картографирование основного скопления петроглифов, осуществленное по методике, предполагающей документирование как непосредственно поверхностей с петроглифами, так и их ландшафтного контекста с объединением данных в единую систему геодезическими методами. Одновременно с картографированием ландшафтного контекста выполнялось цифровое документирование поверхностей с петроглифами методом трехмерного моделирования. Кроме сбора материала для трехмерного документирования, выполнялась фотосъемка для мониторинга, в том числе разрушающихся поверхностей. В результате удалось провести сопоставление с опубликованными ранее данными о состоянии сохранности памятника и установить некоторые повреждения и утраты фрагментов плоскостей. Кроме того, были обнаружены и зафиксированы ранее неизвестные изображения. Благодаря применению современных подходов к документированию (трехмерное моделирование, аэрофотосъемка, геодезические измерения) авторам настоящей работы удалось по-новому взглянуть на уже достаточно изученный памятник. Опыт исследований местонахождения Пегтымельских петроглифов еще раз показывает необходимость редокументирования памятников наскального искусства.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, трехмерное моделирование, Чукотка, Пегтымель.*

E.S. Levanova[1]✉, Y.M. Svoysky[1, 2], A.A. Ziganshina[1, 2], E.V. Romanenko[2], L.L. Bove[1]

[1]Institute of Archaeology of the RAS
Moscow, Russia
[2]Laboratory Remote Sensing and Spatial Data Analysis
Moscow, Russia
E-mail: maraveriza@gmail.com

Study of Petroglyphs on the Pegtymel River in 2022

The Pegtymel petroglyphs are Asian northernmost rock art site located beyond the Arctic Circle on the right bank of the Pegtymel River in Northwestern Chukotka 40–50 km from the coast of the East Siberian Sea. The site was discovered in 1965 by geologist N. M. Samorukov. The scholarly discovery and first publication of the site is associated with the name of the archaeologist N.N. Dikov. Expeditions also worked on the petroglyphs of Pegtymel in the 1990–2000s. Documentation and monitoring of this site resumed in 2021 after a decade-long break. In 2022, the Petroglyphic Team of the Institute of Archaeology of the RAS continued to inspect and redocument the site. Works at the site involved mapping its vicinity and digital documenting of surfaces with petroglyphs using the 3D modeling method. In addition to acquiring data for 3D documentation, the petroglyphs were photographed for monitoring with special focus on endangered surfaces. As a result, it is

now possible to make comparisons with the previously published data on the state of preservation, and identify deterioration, damage, and fragment loss of the petroglyphs. During the expedition, some previously unknown petroglyphs were discovered and recorded. Thanks to the use of modern approaches in documentation (three-dimensional modeling, aerial photography, geodetic measurements), the authors of this work have managed to take a fresh look at the already sufficiently well-studied site. The experience of studying the location of the Pegtymel petroglyphs once again shows the need for redocumentation of the rock art sites.

Keywords: *rock art, petroglyphs, 3D modeling, Chukotka, Pegtymel.*

Петроглифы на реке Пегтымель – памятник наскального искусства, самый северный на территории Азии, расположенный за Полярным кругом на правом берегу одноименной реки на северо-западе Чукотки, в 40–50 км от побережья Восточно-Сибирского моря (рис. 1).

Пегтымельская группа местонахождений петроглифов состоит из основного и двух сателлитных местонахождений. Основное местонахождение – Кээнейкууль расположено на интервале 0,8–1,9 км вниз по течению от устья руч. Кээнейкууль. Традиционно оно именовалось в литературе «петроглифами Кайкуульского обрыва», однако изучение доступных топографических карт показало ошибочность этого названия. Ручей как на топографических картах, так и в официальной документации Росреестра, составленной на основе крупномасштабных топографических карт*, носит название Кээнейкууль. Более того, название Кайкууль не удалось обнаружить ни на каких картографических материалах. Впервые это название встречается в отчете первого исследователя Н.Н. Дикова в 1968 г. и, вероятно, присвоено ошибочно. Расстояние от современного устья руч. Кээнейкууль до восточного края зоны распространения петроглифов – 770 м по прямой или 860 по берегу р. Пегтымель, что в целом соответствует описаниям предшественников (у Дикова 1000–1200 м [Диков, 1971, с. 6], у Дэвлет 1 км [Дэвлет, Миклашевич, Мухарева, 2012, с. 203]).

Сателлитные местонахождения Кэйныней и Анкапаграт расположены ниже по течению р. Пегтымель. Местонахождение Кэйныней находится в 3,2 км к юго-западу от отм. 613 (г. Кэйныней), по материалам предшественников оно описывается как «петроглиф в районе устья руч. Двурогий, в 2 км ниже от основного местонахождения» [Диков, 1992, с. 44]. Фактически местонахождение расположено в 1,2 км выше устья руч. Двурогий и в 3,2 км ниже устья руч. Прямой, в 4,2 км от западного края местонахождения Кээнейкууль. Положение местонахождения уточнено в 2022 г. прямыми GNSS-измерениями.

Местонахождение Анкапаграт находится в 5,3 км к юго-западу от отм. 616 (сопки Анкапаграт), в 7 км от западного края основного скопления. Предшественниками оно описывалось как «петроглифы в 8 км ниже от основного местонахождения», «петроглиф 104» или «петроглифы возле третьей стоянки» по Н.Н. Дикову [Диков, 1971, с. 90].

В пределах исследованного в 2021–2022 гг. участка Кээнейкуульского обрыва протяженностью ок. 1600 м его высота от уреза воды до бровки составляет от 29 до 47 м, крутизна склона от 29 до 43°; высота и крутизна склона в целом возрастают вниз по течению р. Пегтымель (рис. 2). Петроглифы наблюдаются как на скальных останцах, так и на отколовшихся от останцов глыбах, наблюдающихся в склоновом коллювии по всему интервалу высот, вплоть до уреза воды.

Изображения на скалах Кээнейкуульского обрыва были обнаружены геологом Н.М. Саморуковым в 1965 г. Он информировал о находке Лабораторию археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. В 1967 и 1968 гг. экспедицией под руководством Н.Н. Дикова за два полевых сезона было зафиксировано 103 композиции на одиннадцати скальных останцах, условно названных «камнями», исследованы стоянки, и в 10 км ниже по течению р. Пегтымель была обнаружена композиция 104, расположенная на одиночной скале, на вершине которой зафиксированы следы позднепалеолитической стоянки. В дальнейшем углубляли и расширяли исследования чукотских петроглифов экспедиции В.В. Питулько, А.В. Головнева, С.Л. Вартаняна, М.Б. Слободзяна и, в 2005–2008 гг., экспедиция Петроглифического отряда ИА РАН под руководством Е.Г. Дэвлет.

В 2021 г. Петроглифический отряд ИА РАН под руководством Е.С. Левановой вернулся к изучению памятника, что стало возможным благодаря грантовой поддержке Фонда социального развития «Купол» и финансированию со стороны Правительства Чукотского автономного округа. Экспедиции предшествовала огромная работа по изучению, оцифровке и упорядочению материалов 2005–2008 гг., которая продолжается до сих пор.

*См., в частности https://pkk.rosreestr.ru/#/search/69.54924166641214,174.64285506805933/13/@1b4ulz5wep (дата обращения 26.10.2022).

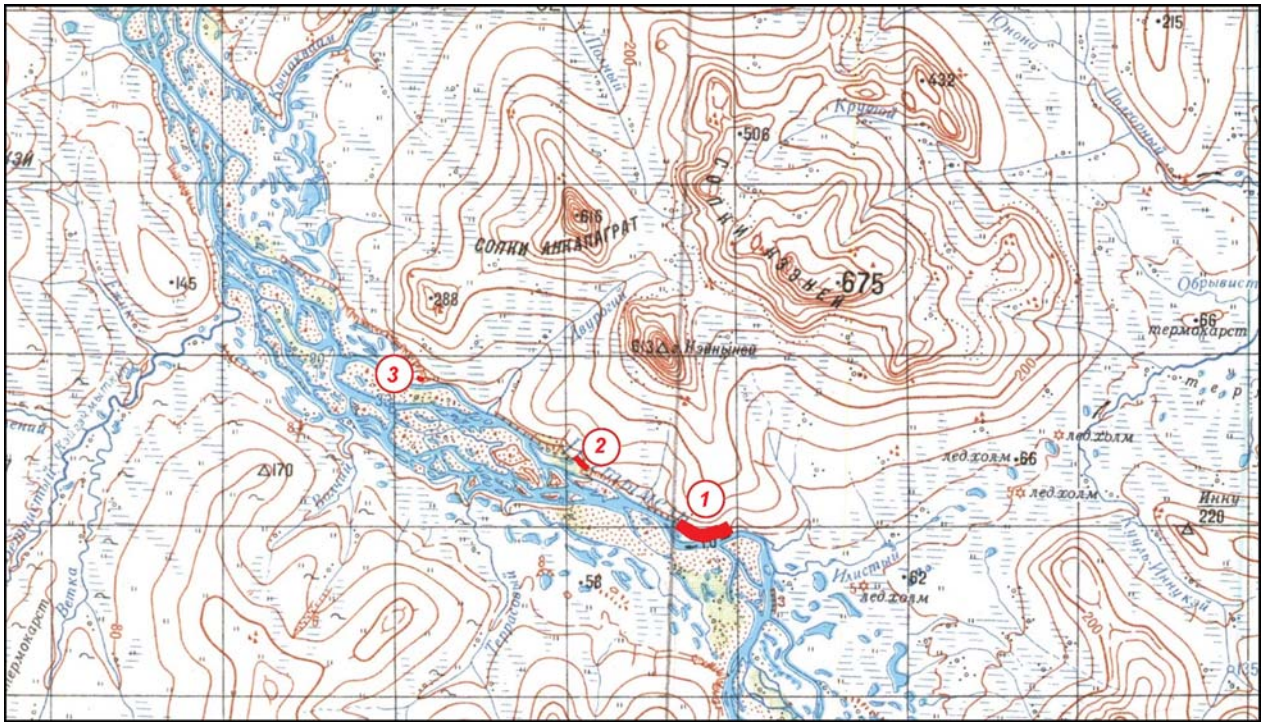


Рис. 1. Топографический контекст Пегтымельской группы местонахождений петроглифов (фрагмент листа карты 1:200 000 R–60–XIX, XX Биллингс, 1975).

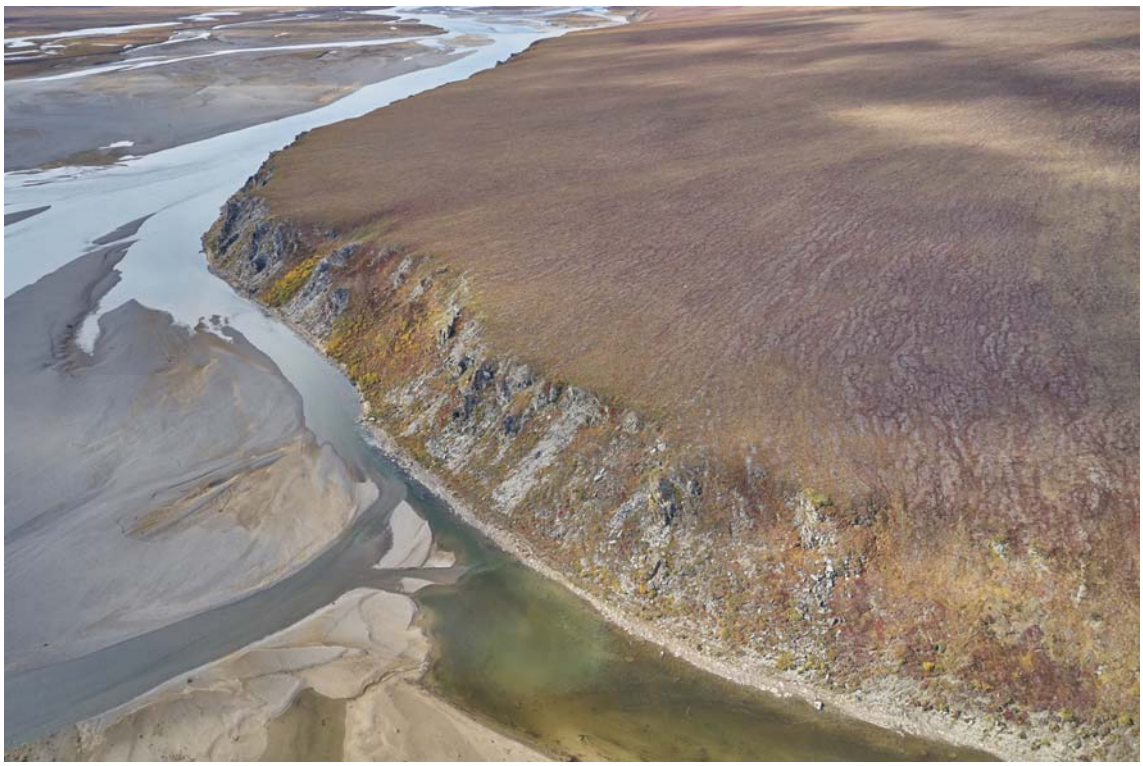


Рис. 2. Скальные утесы с петроглифами на правом берегу р. Пегтымель, вид с запада. Фото А.А. Зиганшиной.

В 2022 г. Петроглифический отряд ИА РАН вновь обследовал памятник на р. Пегтымель при поддержке Комитета по охране объектов культурного наследия Чукотского автономного округа и горнодобывающей компании «Баимская». В работах принимали участие сотрудники Лаборатории дистанционного зондирования и анализа пространственных данных и Кемеровского государственного

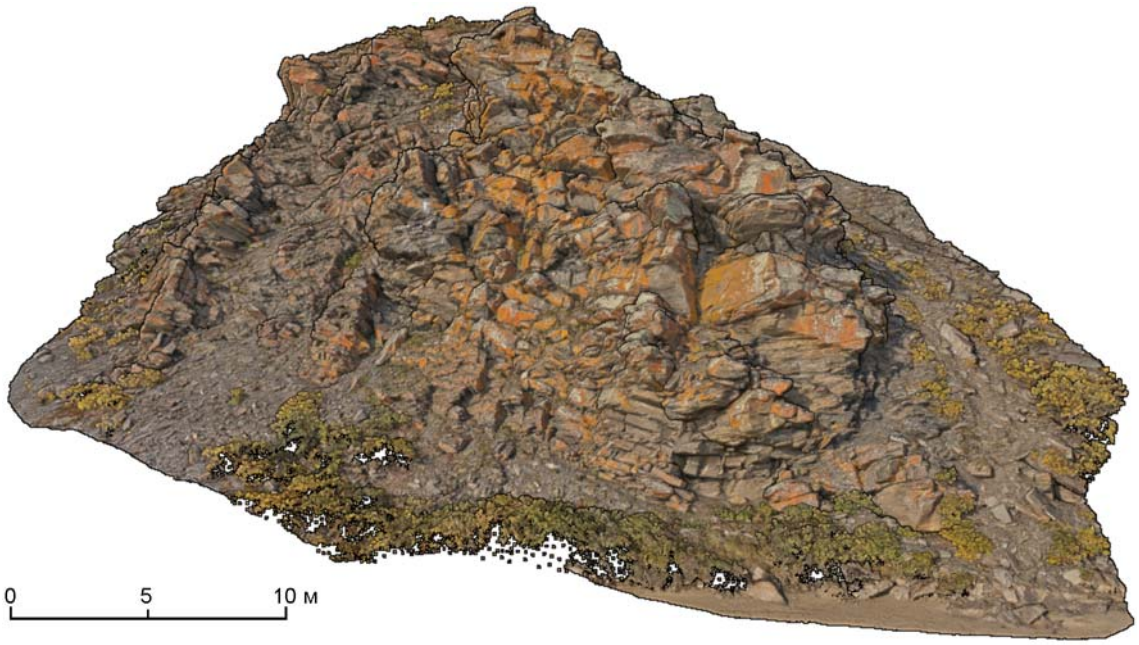


Рис. 3. Скопление X (камень X по Н.Н. Дикову). Облако точек.

университета.* Полевые работы проводились в период с 11 по 29 августа 2022 г.

Целью работ Петроглифического отряда на р. Пегтымель является создание цифрового образа местонахождения как инструмента исследования разрушающегося памятника. Трехмерные модели и данные геодезических измерений позволят обоснованно судить о сохранности комплекса, проследить этапы его формирования, детализировать прорисовки, получить новые данные о технике выполнения петроглифов. Для достижения этих целей во время полевого сезона 2022 г. выполнялся сбор материалов для формирования трехмерных моделей поверхностей с петроглифами и участков склона со скальными останцами, наземные геодезические наблюдения и воздушное обследование.

Создание цифрового образа основного скопления петроглифов – Кээнейкуульского обрыва осуществлялось по методике, предполагающей документирование как непосредственно поверхностей с петроглифами, так и их ландшафтного контекста с объединением данных в единую систему геодезическими методами. Район распространения петроглифов был картографирован автоматизированной плановой и перспективной съемкой с беспилотного летательного аппарата. При этом плановая съемка была применена для картографирования памятника в целом (включая буферную зону), а перспективная – для поверхности Кээнейкуульского обрыва. На участках детализации – отдельных останцах сложной конфигурации, представляющих собой места концентрации поверхностей с петроглифами – дополнительно была выполнена перспективная съемка в ручном режиме пилотирования, что обеспечило надежное картографирование поверхностей западной и восточной экспозиции.

На основе собранных фотографий были сформированы ортофотоплан и цифровая модель поверхности на всю площадь памятника и буферной зоны (ок. 1 км^2), впоследствии послужившая основой для создания топографического плана. Для полосы склона обрыва и отдельных останцов с петроглифами создавались облака точек и трехмерные полигональные модели (рис. 3). Все выявленные предыдущими экспедициями петроглифы были идентифицированы на местности, для каждой из поверхностей с изображениями методами спутниковой геодезии были определены пространственные координаты, которые затем были уточнены по трехмерным моделям. Комбинирование этих данных в единой системе позволило решить ряд практических задач – уточнить границы памятника, облегчить ориентирование на местности и существенно упростить последующее нахождение поверхностей с изображениями. Если в 2021 г. у исследователей, ранее неоднократно работавших на памятнике, локализация поверхностей с изображениями потребовала 10 дней поисков, то в 2022 г. ориентироваться на памятнике стало значительно

*В полевых работах на памятники участвовали Л.Л. Бове, А.Н. Мухарева, А.А. Зиганшина, Д.М. Павлов, Ю.М. Свойский. В обработке собранных данных принимают участие А.А. Зиганшина, Д.М. Павлов, А. Чернухина под общим руководством Е.В. Романенко и Ю.М. Свойского.

проще. Трехмерные карты, подготовленные технической группой в течение прошедшего года, позволили локализовать большую часть известных поверхностей на цифровых моделях местонахождений, определить план дальнейших работ и приступить к реиндексации поверхностей с петроглифами.

Документирование поверхностей с петроглифами выполнялось по методике, включающей три компонента – описание поверхности с петроглифами по стандартному формуляру, определение нормализованных цветов методом спектроколориметрии и цифровое документирование поверхности методом трехмерного моделирования.

При описании поверхности учитывались следующие параметры: положение в рельефе (на скальном массиве, смещенном или перемещенном блоке), параметры залегания (падение и простирание поверхности определяются по трехмерной модели), подверженность паводкам, горная порода и ее особенности, характер наблюдаемых экзогенных процессов и явлений, степень поражения биогенными процессами. Определение нормализованного цвета выполнялось с применением активного сенсора – спектроколориметра RM200, выполняющего измерение спектрального коэффициента отражения, коэффициента пропускания и относительную освещенность и вычисляющего трехцветные значения посредством численного интегрирования. Необходимость определения нормализованных цветов обусловлена принципиальной невозможностью сколько-нибудь надежного глазомерного определения цвета в условиях меняющегося естественного освещения. Спектроколориметрия позволяет получать стандартизированные значения цветов, которые могут быть численно выражены в различных цифровых пространствах (RGB, CMYK и т.д.). Для практического применения в рамках настоящего проекта была избрана колориметрическая система Манселла, широко применяемая в геологии и почвоведении и более других систем оптимизированная под цветовое восприятие человеческого глаза.

Для каждой поверхности с петроглифами в базе данных фиксировались 2 или 3 значения. Первое значение – усредненный цвет поверхности, на которой нанесены наскальные изображения, определенный на большой апертуре (8 мм). Второе значение – цвет выбивки или гравировки, определенный на малой апертуре (2 мм). Третье дополнительное значение фиксировалось в специфических случаях, как правило, при наличии перекрывающих друг друга выбивок или гравировок, а также для свежих сколов, гипергенных минеральных пленок и иных образований. Обычно для определения каждого из значений выполнялось несколько измерений. В случаях, когда результаты их отличались (как правило, незначительно), фиксировался цвет, который встречался в большем количестве измерений.

Определение нормализованного цвета было выполнено для 388 поверхностей, всего зафиксировано 812 результатов измерений. В дальнейшем корреляционный анализ результатов спектроколориметрии позволит решить ряд практических задач исследования и мониторинга петроглифов.

Цифровое документирование поверхностей с петроглифами методом трехмерного моделирования выполнялось по методике, отработанной в ходе полевых работ 2021 г., с рядом усовершенствований, направленных на увеличение детальности моделей. Перед документированием поверхность очищается от пыли, биогенных остатков, лишайников, при необходимости отмывается. Моделирование выполняется на основе цифровых фотоснимков высокого разрешения фотограмметрическим способом с детальностью (размером полигона модели) порядка 0,05 мм, обеспечивается корректная масштабность моделирования и корректное воспроизведение цвета поверхности. Результатом документирования является текстурированная и колорированная масштабная мастер-модель, на основе которой формируются аналитические и визуализационные деривативы (частные полигональные модели, матрицы высот, карты кривизны и рендеры названных видов данных), которые в дальнейшем используются для изучения петроглифов и их воспроизведения в публикациях, в том числе электронных. Работами 2022 г. собран материал для моделирования 276 поверхностей с петроглифами, для чего выполнено 197 съемок и сделано 46 695 фотоснимков. Таким образом, в результате полевых работ 2021–2022 гг. документировано 402 поверхности с петроглифами, что составляет ок. 65–70 % от предполагаемого общего количества (по новой системе индексации).

Одной из приоритетных задач полевых работ 2021–2022 гг. был мониторинг состояния памятника, т.к. научные исследования на нем прекратились 13 лет назад и более он специалистами не посещался. В порядке выполнения мониторинга было осмотрено не менее 90 % поверхностей с петроглифами, выполнена их фотосъемка и предварительно определен комплекс методов, необходимый для количественной и качественной оценки изменений, происходящих на памятнике.

Основным фактором разрушения Пегтымельских петроглифов является комплекс денудационных процессов, обусловленный в первую очередь морозобойным растрескиванием аргиллитов и морозобойным выдавливанием отдельных блоков, который постоянно воздействует на поверхности

Рис. 4. Местонахождение Кэйнынэй. Фото А.А. Зиганшиной.

Рис. 5. Новая поверхность с изображением сцены охоты. Фото Л.Л. Бове.

с петроглифами. В периоды околонулевых температур периодическое замерзание воды в трещинах приводит к их дальнейшему расширению и тем самым – к отрыву от скального массива блоков горной породы. На отдельных участках наблюдается десквамация (отшелушивание поверхностной корки), также в большой степени обусловленная периодическим замерзанием воды под коркой в осенний

и весенний периоды. Биогенные процессы также воздействуют на поверхности с петроглифами. Корневые системы кустарников и кустарничков способствуют расширению трещин с отрывом от скалы небольших блоков, лишайники и в меньшей степени мхи, постепенно разрушают скальные поверхности.

Задача по выявлению новых петроглифов планом экспедиции не ставилась, т.к. гораздо более важными были признаны незавершенные задачи картографирования памятника и сплошного документирования известных петроглифов. Тем не менее в ходе работ был выявлен ряд ранее неизвестных изображений. Наиболее ярким открытием является великолепная по исполнению сцена охоты на оленей с одноместных лодок, обнаруженная на перемещенном скальном блоке на береговой линии (рис. 5). Кроме того, на горизонтальной поверхности камня с петроглифами, открытого в 2021 г., было обнаружено неизвестное ранее изображение оленя, стилистически отличающееся от других рисунков. Предположительно это изображение (на настоящий момент это единственная известная выбивка на горизонтальной поверхности), сделано уже после перемещения камня из его первоначального положения к подножию обрыва.

Помимо работ на Кээнейкуульском обрыве в 2022 г. были предприняты усилия по обследованию местонахождений петроглифов, известных ниже по течению р. Пегтымель. В частности было выполнено комплексное документирование местонахождения петроглифов Кэйнынэй («петроглиф в районе устья руч. Двурогий» по Н.Н. Дикову). На местонахождении была выполнена плановая и перспективная аэросъемка для формирования ортофотоплана и трехмерной модели, составления топографического плана, собраны аэроснимки для создания сферических панорам, документирована единственная известная поверхность с петроглифами (рис. 4), определены ее координаты, уточнены границы объекта культурного наследия.

Задачами дальнейших полевых работ являются завершение обследования и фотограмметрического документирования поверхностей с петроглифами, в том числе на наиболее труднодоступных участках, требующих применения техник промышленного альпинизма. Предполагается полностью документировать и наиболее отдаленное из известных на данный момент местонахождений петроглифов – на участке юго-западнее сопок Анкапаграт и, при благоприятных условиях, предпринять работы по поиску новых местонахождений петроглифов Чукотки.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Наскальное искусство Дальнего Востока России: методы исследования и проблемы интерпретации» (№ НИОКТР 122011100061-5).

Список литературы

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 131 с.

Диков Н.Н. Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 44–49.

Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 203–283. – (Тр. САИПИ; вып. IX).

References

Devlet E.G., Miklashevich E.A., Mukhareva A.N. Materialy k svodu petroglifov Chukotki (izobrazheniya v skopleniyakh I–III na Kaikuul'skom obryve). In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. P. 203–283. (Trudy SAIPI; iss. IX). (In Russ.).

Dikov N.N. Naskal'nye zagadki drevnei Chukotki. Petroglify Pegtymelya. Moscow: Nauka, 1971. 131 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Pegtymel'skie petroglify – unikal'nyi arkheologicheskii pamyatnik Zapolyarnoi Chukotki. In *Naskal'nye risunki Evrazii*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 44–49. (In Russ.).

Леванова Е.С. https://orcid.org/0000-0003-3984-1950
Свойский Ю.М. https://orcid.org/0000-0001-6256-4299
Зиганшина А.А. https://orcid.org/0000-0003-4871-5913
Романенко Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5138-9202
Бове Л.Л. https://orcid.org/0000-0002-7677-2627

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0613-0620
УДК 902/904

Е.А. Миклашевич
Институт археологии РАН
Москва, Россия
Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Апкашевская писаница в комплексе памятников наскального искусства в горах Оглахты (полевые исследования в 2022 году)

В статье представлены результаты полевых исследований 2022 г., проведенных автором на одном из местонахождений наскального искусства на береговых скалах горного массива Оглахты в Хакасии в зоне периодического затопления Красноярским водохранилищем. Оно известно как Апкашевская писаница, впервые исследовано Н.Л. Членовой в 1958 г., некоторые петроглифы (кони с орнаментированными туловищами и изображения котлов) позже были ею опубликованы, вызвав большой интерес специалистов. Локализация памятника оставалась неизвестной; исследователи, включая автора, время от времени предпринимали попытки его найти. Постепенно выяснилось, что Апкашевская писаница находится именно на береговых скалах, и весной 2019 г. во время сезонного снижения уровня воды удалось увидеть некоторые плоскости, в том числе с опубликованными рисунками. Так было установлено точное место расположения писаницы, и получено представление о том, что она состоит не только из опубликованных Н.Л. Членовой сцен. Памятник логично вошел в систему индексации, разработанную как для хорошо известных (по работам А.В. Адрианова и Я.А. Шера до затопления), так и недавно выявленных местонахождений наскального искусства на береговых скалах Оглахты. Им присвоены индексы Оглахты Берег I–IV, а Апкашевская писаница, расположенная ниже по течению, получила индекс Оглахты Берег V. В 2022 г. низкий уровень воды в водохранилище держался не только весной, как обычно, но и летом и осенью. Это позволило провести документирование той части памятника, которая находилась над водой. Всего скопировано методом фотофиксации 23 поверхности (около 80 фигур). Полученные материалы позволяют сделать предварительное заключение, что петроглифы этого местонахождения относятся к тагарской культуре и хунно-сяньбийскому времени.

Ключевые слова: *наскальное искусство, затопленные петроглифы, Оглахты, Минусинская котловина, ранний железный век.*

E.A. Miklashevich
Institute of Archaeology of the RAS
Moscow, Russia
"Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass Museum-Reserve
Kemerovo, Russia
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

The Apkashev Site in the Oglakhty Complex of Rock Art Sites (Field Research of 2022)

This article presents some results of field research by the author done in 2022 at a rock art site at the coastal rocks of the Oglakhty Mountain Range in Khakassia, in the area of periodic flooding by the Krasnoyarsk Reservoir. The site is known as the Apkashev rock art site (from the name of the settlement). For the first time, it was studied by N.L. Chlenova in 1958. She later published some of the petroglyphs (horses with decorated bodies and depictions of cauldrons), which caused great interest among scholars. Unfortunately, the location of the site remained unknown; some scholars including the author of this article have made occasional attempts to find it. It gradually became clear that the Apkashev petroglyphs were at the coastal cliffs and were probably underwater. In the spring of 2019, during the seasonal recession of the water level, some panels became visible,

including those with the images published by N.L. Chlenova. This established the exact location of the site which contained not only the compositions published by N.L. Chlenova. The site logically fit our new indexing system developed both for well-known (due to the work by A.V. Adrianov and Y.A. Sher before the flooding) and recently discovered rock art sites at the coastal cliffs of Oglakhty. They were indexed as Oglakhty Bereg I–IV, while the Apkashev site, as located downstream, was indexed as Oglakhty Bereg V. In 2022, the water level in the reservoir was low not only in the spring, as usual, but also in the summer and autumn. This made it possible to thoroughly document the part of the site which was above water. In total, 23 surfaces (about 80 figures) were photographed in this field season. The materials obtained make it possible to formulate a preliminary conclusion that the petroglyphs of this site belong to the Tagar culture (Scythian period) and the Xiongnu-Xianbei period.

Keywords: *rock art, flooded petroglyphs, Oglakhty, Minusinsk Basin, Early Iron Age.*

В 2022 г. продолжалось обследование территории горного массива Оглахты в Боградском р-не Республики Хакасия с целью поиска и документирования памятников наскального искусства. Особое внимание уделялось фиксации наскальных изображений на затапливаемых Красноярским водохранилищем береговых скалах в южной части массива. В связи с тем, что в этом году уровень воды в водохранилище был довольно низким не только в короткий весенний период (как это обычно бывает), но и на протяжении всего лета и осени, удалось обнаружить и документировать значительное количество петроглифов, уцелевших в условиях многолетнего пребывания в воде и разрушительного воздействия сезонных колебаний ее уровня. Плоскости с затапливаемыми петроглифами, ставшие доступными для изучения, были зафиксированы на разных местонахождениях береговой линии, как хорошо известных (Оглахты I по индексации Я.А. Шера [1980, с. 154–158; Sher et al., 1994]; по новой индексации это Оглахты Берег II, III, IV), так и недавно выявленных (Оглахты Берег I [Miklashevich, 2022]). Настоящей удачей стала представившаяся нам возможность документирования петроглифов так называемой Апкашевской писаницы, которая, как выяснилось, тоже входит в систему местонахождений на береговых скалах Оглахты, благодаря чему получила индекс Оглахты Берег V (рис. 1); она практически всегда находится глубоко под водой, но, несмотря на это, частично сохранилась.

Писаница в окрестностях улуса Апкашев (он находился на левом берегу Енисея, затоплен при наполнении Красноярского водохранилища) была осмотрена и скопирована Н.Л. Членовой в 1958 г., о чем стало известно позже, когда она опубликовала три сцены с фигурами лошадей с орнаментированными туловищами [Членова, 1981, рис. 6] и сцену с изображениями антропоморфных фигур и трех котлов на поддонах и с грибовидными выступами на ручках [Членова, 1992, табл. 88, *3*]. В публикациях ничего не сообщалось о самой писанице как памятнике и не приводились никакие сведения о месте ее нахождения, кроме того, что упоминался улус Апкашев. Из контекста упоминаний в статье следовало, что Н.Л. Членова разделяет «оглахтинские и апкашевские изображения лошадей» по локализации, но рассматривает их как единые по стилю и иконографии, относя «к концу VI–V в. до н.э.» [Членова, 1981, с. 87]. Апкашевские лошади, изображенные с орнаментированными зигзагами туловищами, со знаками в виде колеса на крупах, в характерных позах «внезапной остановки» и с другими признаками скифо-сибирского стиля, несомненно вписывались и дополняли хорошо известную серию изображений «отмеченных» коней, встречавшихся на многих местонахождениях наскального искусства в горах Оглахты [Шер, 1980, рис. 87, 88, 91, 120; Советова, 2005, с. 36–44, рис. 12–15, табл. 8, 9; Miklashevich, 2020, fig. 3–5, p. 304–308], и конечно сразу же после опубликования привлекли внимание исследователей, занимавшихся этой тематикой [Советова, 1987; и др.]. Не меньший интерес вызвали и изображения котлов, хорошо известные по Боярским писаницам и значительно реже встречавшиеся на других памятниках [Дэвлет, 1976, табл. XI, XII, XIV]. С тех пор многие исследователи, включая автора, предпринимали попытки найти Апкашевскую писаницу в горах Оглахты, предполагая, что Н.Л. Членова опубликовала лишь небольшую часть изображений.

Весной 2019 г. мы с Л.Л. Бове, осматривая с лодки участок за участком береговые скалы Оглахты, обнажившиеся при низком уровне воды в водохранилище, заметили петроглифы в 2,3 км выше по течению от бывшего улуса Апкашев и в 1,5 км ниже основной концентрации знаменитого местонахождения Оглахты I [Sher et al., 1994]. Среди них мы сразу увидели все четыре опубликованные Н.Л. Членовой сцены с фигурами орнаментированных лошадей и котлами, что не оставляло сомнений, что перед нами Апкашевская писаница, которую мы безуспешно искали до этого несколько лет и на береговых скалах, и во внутренних логах Оглахты в разных направлениях от улуса Апкашев. Сразу же стало понятно, что кроме известных, здесь еще много других интересных изображений, в том числе отличающихся по стилю и сюжетам, а скопированные Н.Л. Членовой фигуры являются частями многофигурных композиций. К сожалению, в тот год подъем воды произошел настолько стремительно, что до-

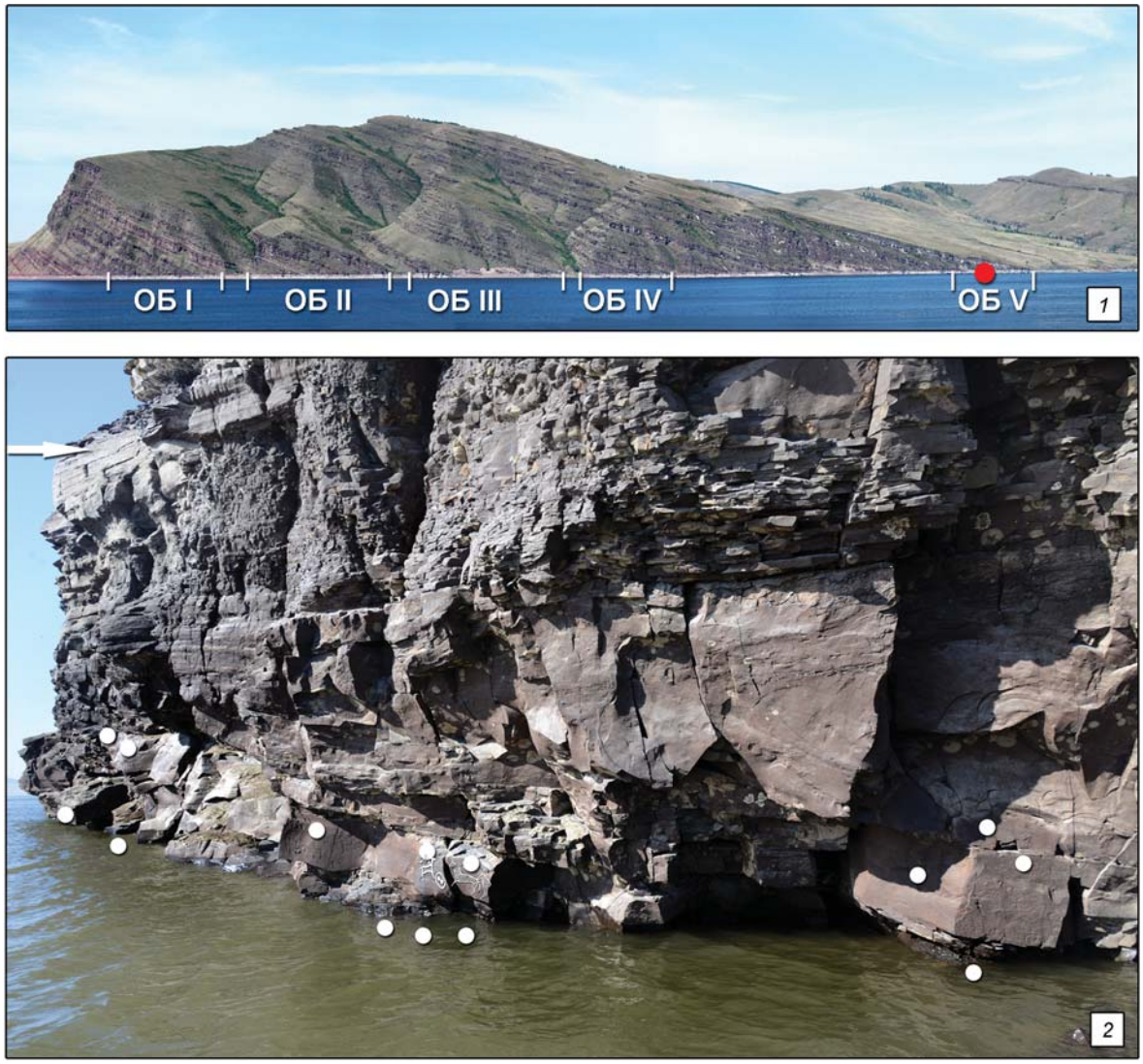


Рис. 1. Апкашевская писаница в системе местонахождений наскальных рисунков на береговых скалах горного массива Оглахты (вид с юго-востока).

1 – расположение местонахождений Оглахты Берег I–V, где ОБ V – Апкашевская писаница (отмечено красной точкой); *2* – общий вид одного из участков Апкашевской писаницы (вид с востока, май 2022 г.); белыми точками отмечено расположение поверхностей с изображениями на трех высотных уровнях (нижний уровень просматривается сквозь воду), стрелка показывает обычный уровень воды при наполнении водохранилища.

кументированием найденных петроглифов полноценно заняться не получилось, отмытые от илистого налета поверхности буквально на глазах опять скрывались под прибывающей водой.

В полевой сезон 2022 г. уровень воды в верхней части Красноярского водохранилища оставался почти стабильно низким очень продолжительное время, что позволило провести более тщательный поиск петроглифов на этом местонахождении, расчистить выявленные поверхности от налета, ила и осыпей, снять фотопанораму всего участка и отметить взаиморасположение плоскостей, сделать необходимые замеры и осуществить детальную фотофиксацию. В результате выявлено в целом более 30-ти поверхностей с изображениями, концентрирующихся на протяжении 30–40 м на трех высотных уровнях в пределах ок. 3 м. Поверхности нижнего уровня пока остаются не документированными, так как они были частично скрыты водой или просматривались сквозь нее. Пригодный для выявления всех деталей изображений и создания цифровых масштабированных прорисовок фотоматериал удалось получить для 23-х поверхностей второго и третьего уровней. Высота обнажившихся в 2022 г. затапливаемых скал составляла ок. 8 м. Насколько глубоко под водой находятся плоскости с изображениями и естественный уровень береговой линии, нам неизвестно, но сравнивая фотографии Я.А. Шера, сделанные на местонахождении Оглахты I перед затоплением с расположением открывшихся

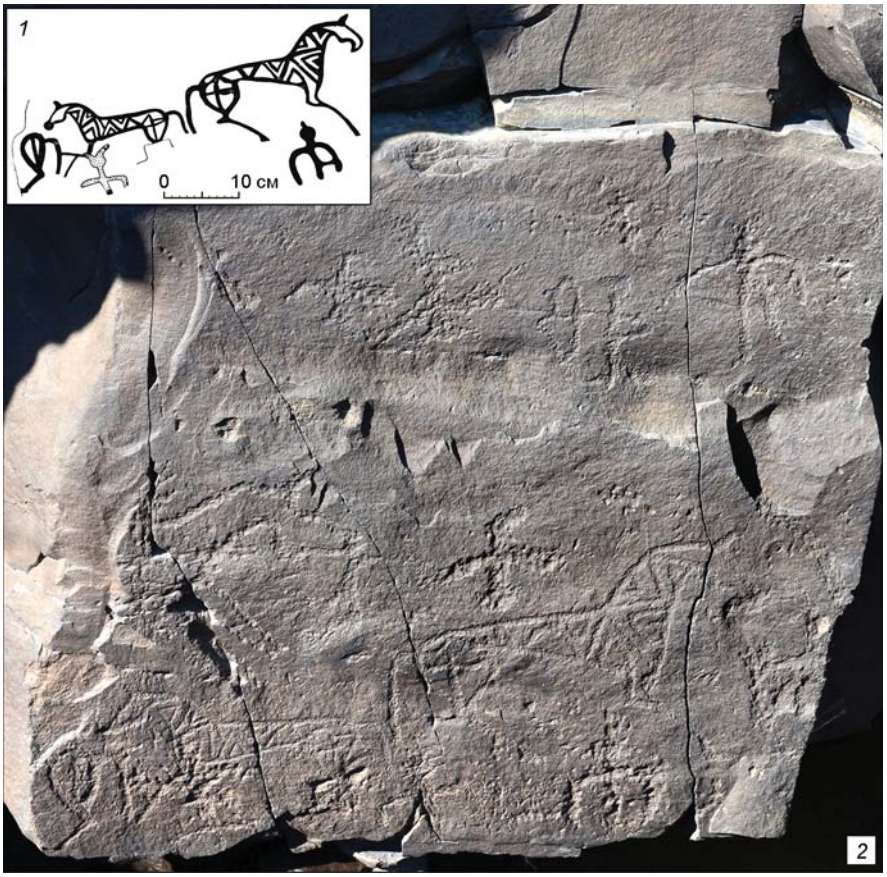


Рис. 2. Апкашевская писаница. Композиция с орнаментированными конями, птицами и антропоморфными фигурами.
1 – прорисовка Н.Л. Членовой [Членова, 1981]; *2* – фото 2022 г.

Рис. 3. Апкашевская писаница. Фрагмент многофигурной многослойной композиции, нижняя часть находится под водой.
1 – прорисовка Н.Л. Членовой [Членова, 1981]; *2* – фото 2022 г.

там сейчас плоскостей, можно предполагать, что затоплено ок. 5 м. Таким образом, вполне возможно, что в воде могут находиться и другие ярусы скальных выходов с петроглифами. Поскольку Оглахты находятся почти в самой верхней части водохранилища, существует вероятность понижения здесь уровня воды до естественного, и соответственно, появляется надежда на дальнейшее пополнение фонда источников по данному местонахождению.

По результатам работ 2022 г. методом фотофиксации задокументированы 23 поверхности, содержащие ок. 80-ти фигур. Большинство поверхностей небольшие по размеру (многие из них – сохранившиеся фрагменты скальных блоков большего размера) и содержат 1–3 изображения, зачастую тоже фрагментарных из-за утраты скальной корки и массива камня. Однако есть и плоскости с большим количеством фигур, с перекрываниями, разновременными дополнениями, сюжетными композициями. Все четыре сцены, опубликованные Н.Л. Членовой, сохранились полностью или частично (две из них с утратами больших и значимых фрагментов), и все, как оказалось, являются результатом выборочного копирования (или выборочной публикации), хотя на самом деле включены в многослойные композиции с бóльшим количеством фигур (рис. 2–5).

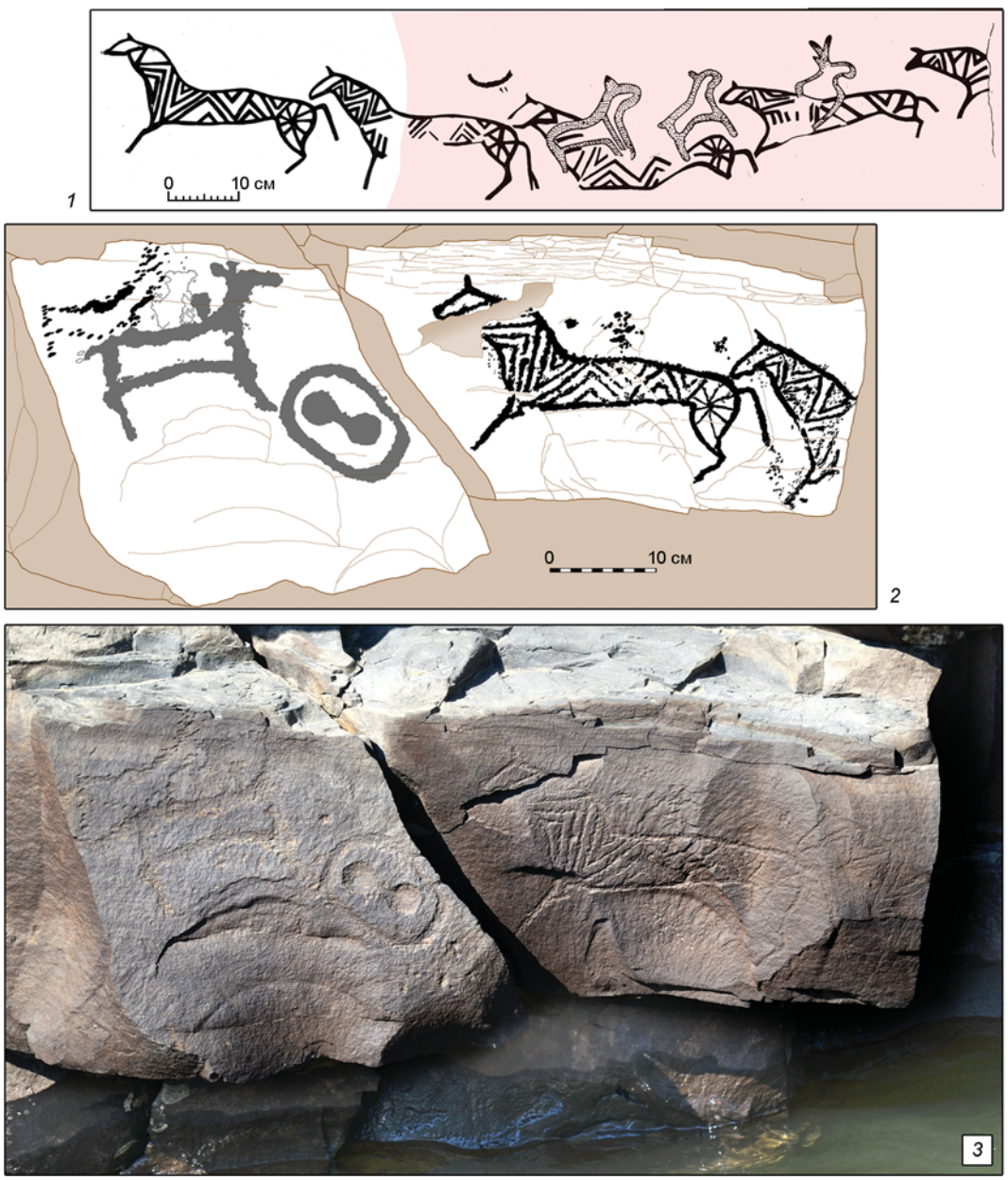


Рис. 4. Апкашевская писаница. Фриз с изображениями орнаментированных коней.

1 – прорисовка Н.Л. Членовой [Членова, 1981], заливкой показана утраченная часть; *2, 3* – прорисовка и фото 2022 г., сохранившийся фрагмент фриза и грань слева.

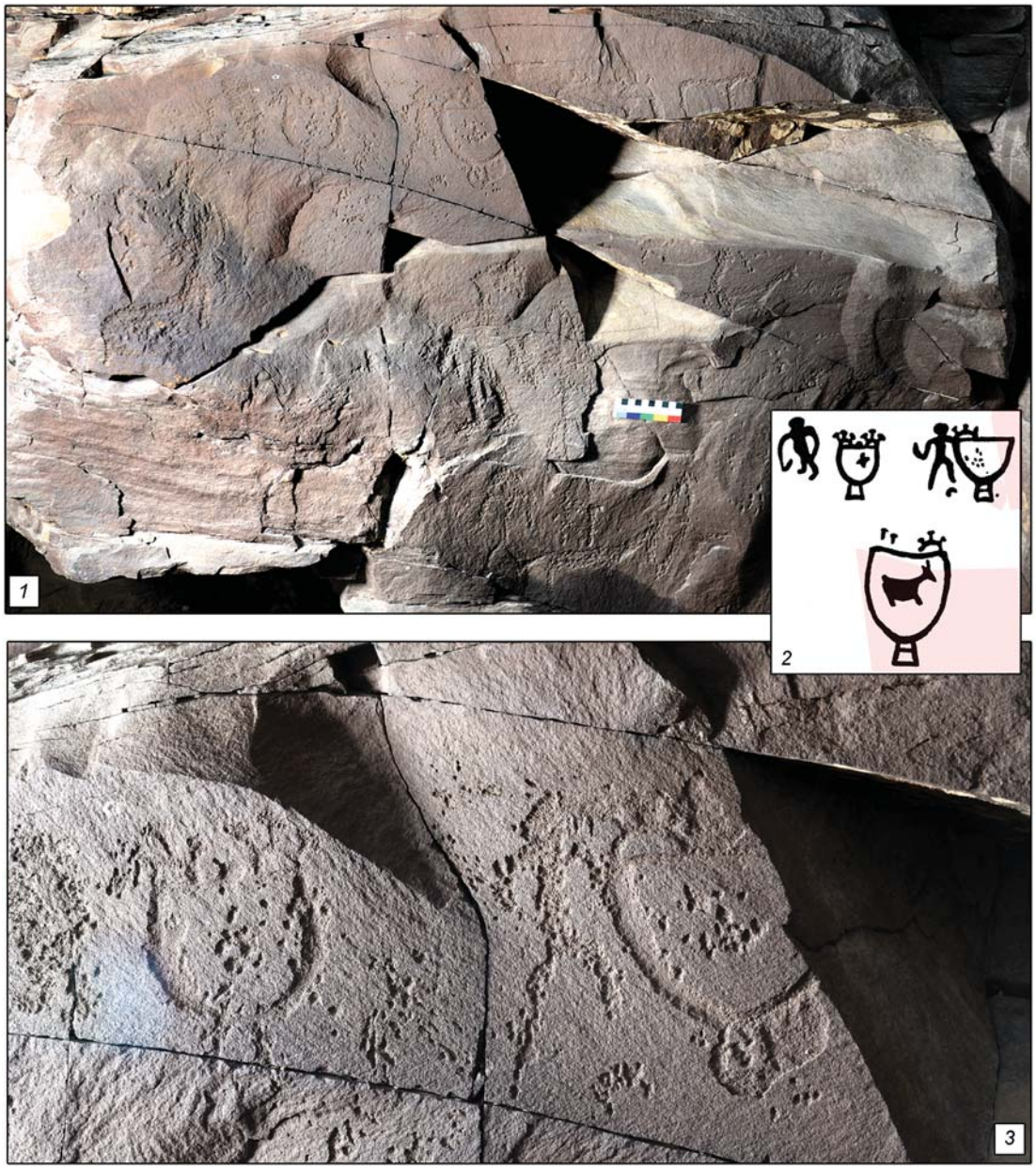


Рис. 5. Апкашевская писаница. Композиция с изображениями котлов.

1 – общий вид поверхности, фото 2022 г.; *2* – прорисовка Н.Л. Членовой [Членова, 1981], заливкой показаны утраченные части; *3* – фрагмент с изображениями двух котлов и антропоморфных фигур, фото 2022 г.

Сцена, на которой по публикации Н.Л. Членовой [1981, рис. 6, *1*] изображены две разнонаправленные полные контурные фигуры коней, орнаментированных зигзагами и треугольниками, с прямым крестом на округлом бедре, с ногами в «позе внезапной остановки», фрагмент еще одного такого же коня и неполные антропоморфные фигуры (рис. 2, *1*), оказалась лишь частью композиции, в которой прослеживаются еще одна фрагментарная контурная фигура «скифского» коня, а также отличающиеся по выбивке, очевидно более поздние, силуэтные изображения птиц и антропоморфных фигур, одна из которых – с луком (рис. 2, *2*).

Одиночная фигура коня с зигзагами и треугольниками на туловище и знаком в виде колеса со спицами на бедре [Членова, 1981, рис. 6, *2*] (рис. 3, *1*), также оказалась частью большой многофигурной многослойной композиции. Это самая крупная из обнаруженных поверхностей с петроглифами, при том что нижняя ее часть была скрыта под водой (рис. 3, *2*). На поверхности выбито ок. 15 фигур коней, оленей, хищников и неопределенных животных, а также всадников. Все они отличаются по манере передачи образа и характеру выбивки от «скифского» коня и различаются между собой. На коне выбит всадник,

но не совсем понятно, дополнение ли это или часть первоначального образа.

От длинного фриза с пятью фигурами орнаментированных коней [Членова, 1981, рис. 6, *3*] (рис. 4, *1*) сохранился лишь фрагмент левой части с одной полной и одной неполной фигурами (рис. 4, *1*, *2*). Очевидно, что откололся и упал в воду целый блок камня. Зато слева еще сохраняется другой откалывающийся по диагональной трещине блок, на котором изображена контурная фигура животного, аналогичная тем утраченным, которые перекрывают «скифских» коней на прорисовке Н.Л. Членовой. Животных, выполненных в этом стиле, вообще довольно много на других поверхностях Апкашевской писаницы, а также на других местонахождениях в горах Оглахты. Вероятно, к этому пласту относится и необычное изображение в виде контурного овала, внутри которого глубокими ямками выбиты и вышлифованы «глаза», соединенные перемычкой.

Изображения котлов на поддонах, с грибовидными выступами на ручках, и антропоморфные фигуры рядом с ними [Членова, 1992, табл. 88, *3*] (рис. 5, *2*) также оказались лишь частью большой композиции (рис. 5, *1, 3*), в которую входят другие антропоморфные и зооморфные фигуры. Котлы расположены не так, как в опубликованной прорисовке, а все три в одну линию. К сожалению, утрачен фрагмент камня, на котором располагалась бóльшая часть третьего котла, внутри которого было выбито изображение животного, и уже невозможно установить по характеру выбивки, было ли оно дополнением или частью оригинального сюжета. Изображения этой композиции, даже если они сами по себе разновременные, приводят к мысли, что апкашевские котлы не соотносятся со «скифскими» конями других сцен (как предполагала Н.Л. Членова), а относятся к более поздней эпохе, так же, как и на тех писаницах (Боярские, Кызыл-Хая), где есть изображения котлов. Кстати, и некоторые изображения животных Апкашевской писаницы находят аналогии на упомянутых памятниках.

На остальных поверхностях выявлены изображения оленей, лошадей, неопределенных животных, антропоморфных фигур, лучников, всадников, трехточечные личины, кольцо, тамга. Бóльшая часть петроглифов памятника выполнена в том стиле, который предположительно можно отнести к пласту изображений хунно-сяньбийского времени по аналогии с изображениями других памятников, где они имеют привязки к датирующим деталям. На Апкашевской писанице это подтверждается тем, что изображения этого стиля перекрывали фигуры орнаментированных коней скифского времени, как это было зафиксировано в прорисовках Н.Л. Членовой. Изображения котлов, скорее всего, тоже входят в этот более поздний пласт. В целом это интереснейшее местонахождение, исследование которого планируется продолжать, логично вписывается в систему местонахождений наскального искусства на береговых скалах комплекса Оглахты, документировавшихся А.В. Адриановым, Я.А. Шером и другими исследователями до затопления.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21-78-10121. Автор выражает благодарность Л.Л. Бове за помощь в поиске и документировании памятника.

Список литературы

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 36 с.

Советова О.С. О своеобразных изображениях коней со скал Оглахты // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука. 1987. – С. 139–143.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.

Членова Н.Л. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1981. – С. 80–94.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время – М.: Наука, 1992. – С. 206–223. – (Сер. «Археология СССР». Т. 10).

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Miklashevich E.A. Petroglyphs of the Scythian Period in the Oglakhty Mountains (Republic of Khakassia, Russia): new materials and problems of attribution // Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Editors: St J. Simpson, S. Pankova. – Oxford: Archaeopress, 2020. – P. 302–319.

Miklashevich E.A. New rock art site at the coastal rocks in the Oglakhty mountains (Khakassia) // Theory and Practice of Archaeological Research. – 2022. – № 36 (3). – P. 39–53. – doi: 10.14258/tpai(2022)34(3).-03

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Siberie du Sud 1. – Paris: Diffusion de Boccard, 1994. – 156 p.

References

Chlenova N.L. Tagarskie loshadi (o svyazyah plemen Yuzhnoj Sibiri i Srednej Azii v skifskuyu epohu). In *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)*. Moscow.: Nauka, 1981. P. 80–94. (In Russ.).

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura. In *Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* («Arheologiya SSSR». Vol. 10). Moscow: Nauka, 1992. P. 206–223. (In Russ.).

Devlet M.A. Bol'shaya Boyarskaya pisanica. Moscow: Nauka, 1976. 36 p. (In Russ.).

Miklashevich E.A. Petroglyphs of the Scythian Period in the Oglakhty Mountains (Republic of Khakassia, Russia): new materials and problems of attribution In *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia*. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 302–319.

Miklashevich E.A. New rock art site at the coastal rocks in the Oglakhty mountains (Khakassia). *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. N 36 (3). P. 39–53. doi: 10.14258/tpai(2022)34(3).-03

Sher J.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii. Moscow: Nauka, 1980. 328 p. (In Russ.).

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Siberie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994. 156 p. (In French).

Sovetova O.S. O svoeobraznyh izobrazheniyah konej so skal Oglakhty. In *Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologiya*. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 139–143. (In Russ.).

Sovetova O.S. Petroglify tagarskoj epohi na Enisee (syuzhety i obrazy). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 140 p. (In Russ.).

Миклашевич Е.А. https://orcid.org/0000-0003-3190-0311

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0621-0629
УДК 903.5

В.И. Молодин, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева✉,
Ю.Н. Ненахова, Д.В. Селин, Н.С. Ефремова,
Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; lilyakobeleva@yandex.ru

Раскопки северной части могильника Тартас-1

Статья посвящена результатам работ полевых сезонов 2021–2022 гг., проходивших на разновременном памятнике Тартас-1. К настоящему моменту здесь изучены более 810 погребений и многочисленные объекты, связанные с погребальной практикой различных эпох и культур; культовый комплекс пахомовской культуры и стоянка неолитического времени. Последние два полевых сезона исследования проводились преимущественно в северном направлении. Большую часть данного участка памятника занимают погребально-поминальные комплексы андроновской (федоровской) культуры, имеющие отличительные особенности организации сакрального пространства: могильная яма окружена разомкнутым рвом и сопровождается ритуальными ямами. Два комплекса (47 и 50) оказались взаимосвязаны: согласно стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, сначала был сооружен один комплекс (47), затем к нему пристроен другой (50). Особенности конструкции данных объектов, а также погребальный инвентарь из захоронения в комплексе 50 (бронзовые бусины и серьга, фрагменты керамического сосуда) позволяют отнести данные объекты к андроновской (федоровской) культуре. К этой же культуре отнесены два захоронения (798, 800), располагавшиеся вне погребально-поминальных комплексов. Удалось проследить динамику в формировании более четкой планиграфии комплексов по мере продвижения от центральной части могильника к его северо-западной периферии (увеличивается диаметр рвов, уточняется форма, усложняются конструктивные особенности). Здесь же удалось зафиксировать остатки земляных насыпей, снивелированных распашкой на остальной площади памятника. Здесь же обнаружена серия орнаментированных андроновских сосудов, имеющих на тулове специфические ряды крупных ямочных наколов. Последние характерны для таежного круга культур (например, на посуде кульеганского типа и на раннесузгунской), ранее встречались на керамике одиновской культуры. Проявление данного орнаментального мотива в андроновской (федоровской) культуре следует связывать с контактами местных андроновцев (федоровцев) с северными соседями.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, андроновская (федоровская) культура, могильник, погребальный обряд, керамика.*

V.I. Molodin, I.A. Durakov, L.S. Kobeleva✉,
Y.N. Nenakhova, D.V. Selin, N.S. Efremova,
L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; lilyakobeleva@yandex.ru

Excavations at the Northern Part of the Tartas-1 Burial Ground

This article presents the results of the 2021–2022 field seasons at the Tartas-1 site of different chronological periods. By now, over 810 burials and numerous objects associated with burial practices of various periods and cultures, cultic complexes of the Pakhomovo culture, and Neolithic site have been studied there. Two most recent field seasons mainly focused on the northern area of the site predominantly occupied by burial and commemorative complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture. Some distinctive features in organization of sacred space have been identified. The grave pits were surrounded by open ditches and were accompanied by ritual pits. Two complexes (47 and 50) turned out to be interconnected. According to stratigraphic and planigraphic observations, first, complex 47 was built and complex 50 was subsequently added to it. Structural features of these objects and burial inventory from a grave in complex 50 (bronze beads and earring, fragments

of a ceramic vessel) make it possible to attribute these objects to the Andronovo (Fedorovo) culture. Burials 798 and 800, located outside the funeral and ritual complexes, were attributed to the same culture. A clearer planigraphy of complexes can be observed as one moves from the central part of the burial ground to its northwestern periphery (increased diameter of ditches, more regular shapes, and more sophisticated structural features). It was also possible to identify the remains of earth embankments leveled by plowing in the rest of the site. A series of decorated Andronovo vessels with specific rows of large pit stamps on the body was also discovered there. This decoration is common for the taiga circle of cultures (for example, it appears on the pottery of the Kulegan type and on the early Suzgun vessels), and was found on the pottery of the Odino culture. The occurrence of this ornamental motif in the Andronovo (Fedorovo) culture should be associated with contacts of the local Andronovo (Fedorovo) population with its northern neighbors.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Andronovo (Fedorovo) culture, burial ground, funeral rite, pottery.*

Изучение памятника Тартас-1, расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл., продолжается уже почти 20 лет. Грандиозный некрополь был открыт О.Ф. Софейковым при проведении разведочных работ в зоне прокладки тонковолоконного кабеля в 2003 г. [Молодин и др., 2003].

Геофизический мониторинг объекта показал его огромные масштабы. Отсутствие рельефных признаков погребальных комплексов, а также многолетняя распашка поверхности и длительное функционирование дороги Венгерово–Чаны привели к практически полной нивелировке площади, занимаемой памятником. В силу данных обстоятельств, а также имеющегося позитивного опыта масштабных исследований погребально-поминального комплекса Сопка-2, расположенного в пределах видимости (см.: [Молодин, 1992]), было решено проводить археологические исследования путем полного вскрытия всей поверхности памятника, включая и свободные от видимых аномалий участки. Такая практика полностью оправдала себя. Невзирая на серьезные трудозатраты, от исследователей не ускользнула ни одна аномалия, что позволило не только исследовать на сегодняшний день более 810 захоронений различных эпох и культур, но и выявить многочисленные структуры, связанные с погребальной практикой, а также огромный ритуальный комплекс пахомовской культуры эпохи поздней бронзы [Молодин и др., 2012] и стоянку со своеобразными ямами-хранилищами эпохи раннего неолита [Molodin et al., 2021]. На сегодняшний день на памятнике в общей сложности вскрыто 37 060,6 м^2 площади. Подготовлена и сдана в печать коллективная монография, характеризующая первые 400 погребальных комплексов [Молодин и др., 2022]. Готовится к изданию вторая часть работы.

Последние два полевых сезона исследования проводились преимущественно в северном направлении, раскопы удалялись от края террасы на 172 м. Ориентиром были результаты геофизического мониторинга, которые периодически дополнялись и совершенствовались с использованием новых методов [Эпов и др., 2017].

За два полевых сезона 2021–2022 гг. на памятнике была вскрыта площадь 2 164,6 м^2. Впрочем, масштабные по объему раскопки открыли для науки не так уж много погребальных комплексов – всего 20, а также ранненеолитическую яму для квашения рыбы [Молодин и др., 2021], несколько культурно-хозяйственных комплексов, содержащих керамику барабинских татар, и пока не датированное захоронение лошади.

Большую часть исследованного участка памятника занимают погребально-поминальные комплексы (ППК) андроновской (федоровской) культуры, имеющие отличительные особенности организации сакрального пространства [Молодин и др., 2013]. Могильная яма в данных погребальных конструкциях окружена разомкнутым рвом, здесь же зафиксировано наличие ритуальных ям. На настоящий момент на могильнике насчитывается в общей сложности 57 подобных объектов.

Ранее было отмечено, что эти конструкции имитируют каменные ограды вокруг могил, которые использовались носителями данной культуры там, где имелись доступные выходы камня (например, современная территория Казахстана [Кузьмина, 2008; Ткачев, 2002] или Минусинской котловины [Максименков, 1978]).

Отдельно стоит выделить наиболее внушительные по размерам ППК 47, 50 (рис. 1), практически полностью изученные нами в 2021–2022 гг. По стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям в процессе работ стало очевидно, что комплексы взаимосвязаны. Сначала был сооружен ППК 47, затем к нему был пристроен ППК 50.

ППК 47 представлял собой конструкцию, включающую сложную систему кольцевых рвов (в некоторых на дне имеются ритуальные ямы), состоящую из двух концентрических колец с разрывами-выходами, направленными на восток и на запад. Рвы располагались вокруг объекта четырехугольной формы размерами 3,5 × 3,3 м, условно обозначенного как погр. 788. На дне ямы в юго-восточном углу обнаружена часть стенки крупного керамического сосуда андроновской (федоровской) культуры. Какой-либо антропологический матери-

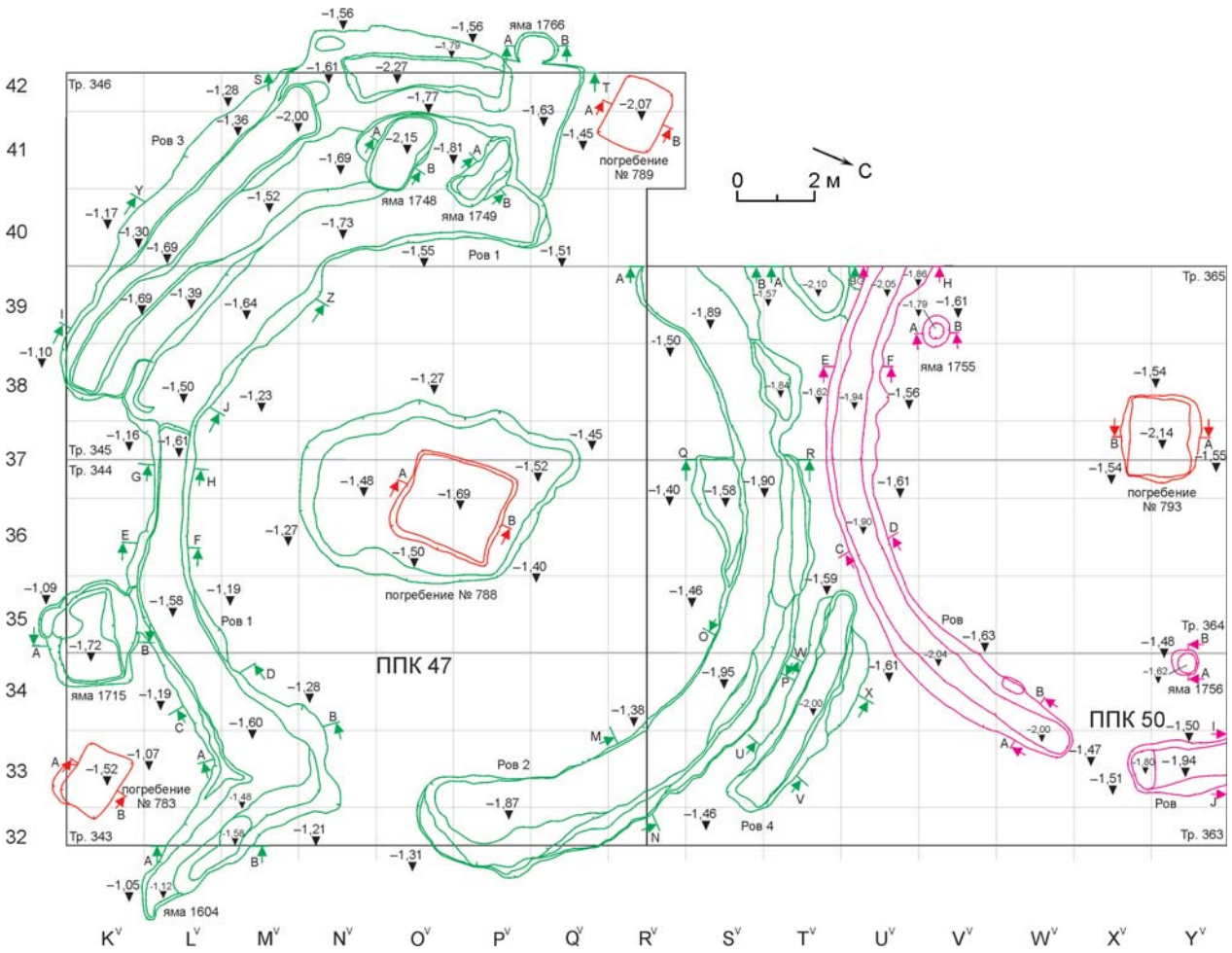


Рис. 1. Могильник Тартас-1. Погребально-поминальные комплексы 47 и 50. План.

ал отсутствовал. В западной части конструкции, в разрыве между рвами, обнаружено еще одно захоронение –789, совершенное по обряду кремации без инвентаря. В заполнении рвов найдены зубы лошади и коровы, а также археологически целый керамический сосуд, определить культурную принадлежность которого пока затруднительно. Диаметр комплекса по внешнему абрису составляет 22,5 м. Диаметр внутренней площадки – 14,5 м. Общая площадь ППК 47 около 450 м^2.

С северной стороны к нему примыкал практически полностью исследованный ППК 50, включающий погр. 793, ямы 1755, 1756 и ров в виде разомкнутого кольца с разрывами-выходами, направленными на восток и на запад, окружающий центральное захоронение. Диаметр комплекса по внешнему краю рва составляет около 20 м.

Несомненный интерес представляет погр. 793 (рис. 2). Несмотря на то, что оно было ограблено, в нем обнаружены останки двух взрослых людей, располагавшихся в могильной яме, по-видимому, в скорченном положении на боку, головой на восток. Из сопроводительного инвентаря сохранились бронзовые бусины бочковидной формы (рис. 2, *7*), бронзовая серьга с раструбом на конце, обернутая золотой фольгой (рис. 2, *3*), бронзовая игла (рис. 2, *6*), фрагмент еще одной бронзовой серьги (рис. 2, *4*) и разрозненные фрагменты керамического сосуда горшковидной формы. Сосуд орнаментирован меандрами и заштрихованными треугольниками (рис. 2, *5*).

Эти предметы типичны как для захоронений андроновской (федоровской) культуры могильника Тартас-1 и других андроновских объектов Барабинской лесостепи [Молодин, 1985], так и для памятников сопредельных территорий [Аванесова, 1991, с. 52–53; Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 48–50; Зах, 1997; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015; Максименков, 1978].

Таким образом, особенности погребального обряда и сопроводительный инвентарь указывают на несомненную принадлежность ППК 47, 50 к андроновской (федоровской) культуре.

Еще одним ярким объектом, исследованным в 2022 г., является захоронение 800 андроновской (федоровской) культуры (рис. 3) с сопутствующим

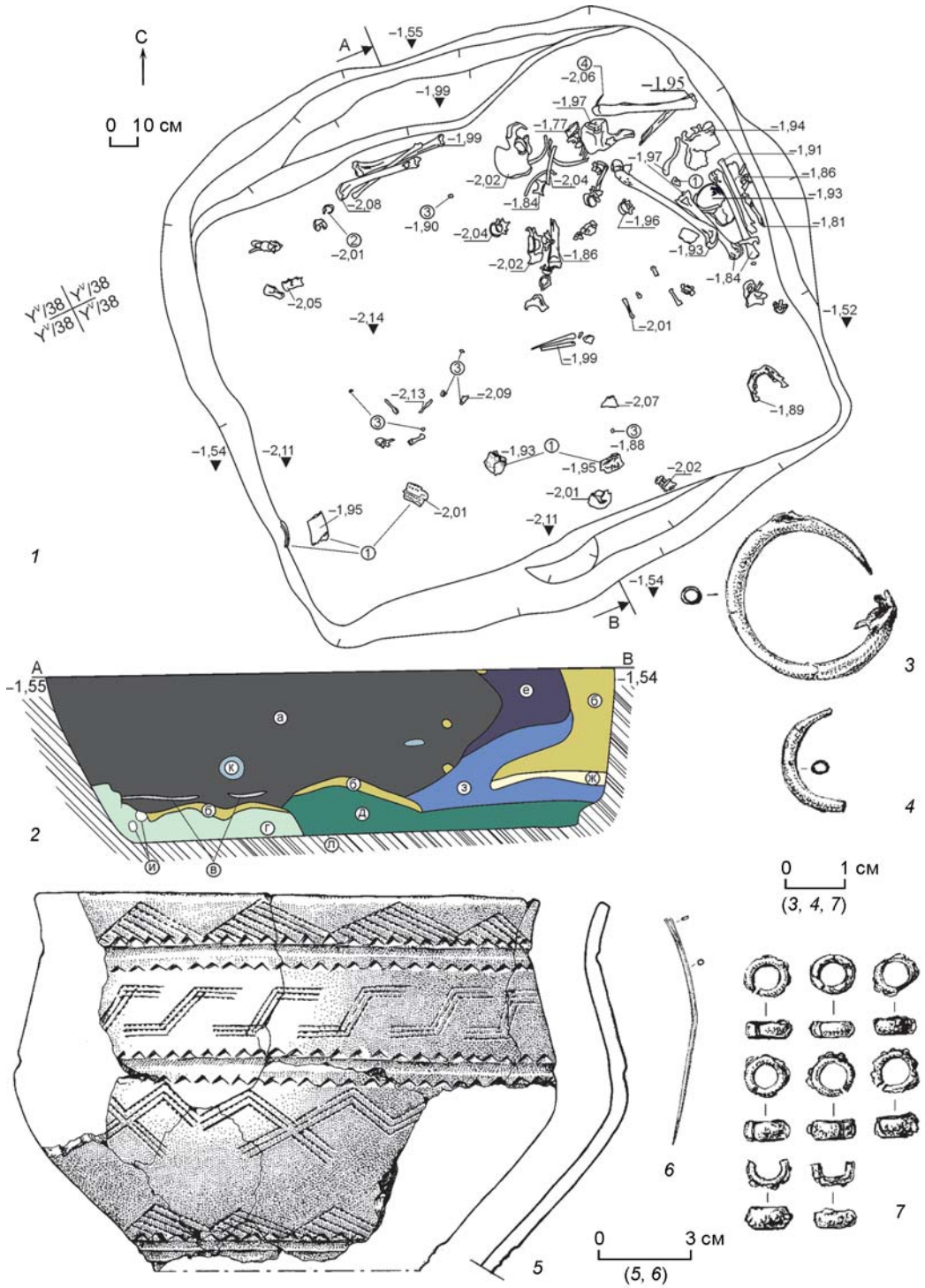


Рис. 2. Могильник Тартас-1. Погр. 793.

1 – план; *2* – стратиграфический разрез: а – черная супесь; б – мешаная желто-серая супесь; в – серая супесь; г – мешаная серо-желтая супесь; д – мешаная темно-серая супесь с желтыми включениями; е – темно-серая супесь со светло-желтыми включениями; ж – светло-желтая супесь с серыми включениями; з – серая мешаная супесь с белесыми включениями; и – кости человека; к – рыхлая черная супесь; л – желтый суглинок (материк); *3* – бронзовая серьга в золотой фольге; *4* – бронзовая серьга; *5* – керамический сосуд; *6* – бронзовая игла; *7* – бронзовые бусины.

ровиком в виде вытянутой ямы. Оно совершено по обряду ингумации. Захоронен мужчина, помещенный на дно могильной ямы в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. В изголовье обнаружен керамический сосуд с характерным для андроновской (федоровской) культуры орнаментом (рис. 3, *12*). С правой стороны от сосуда найдены три костяных предмета в виде аморфных пластинок (рис. 3, *13–15*). У одного из них на конце имеются зубчики. Назначение пред-

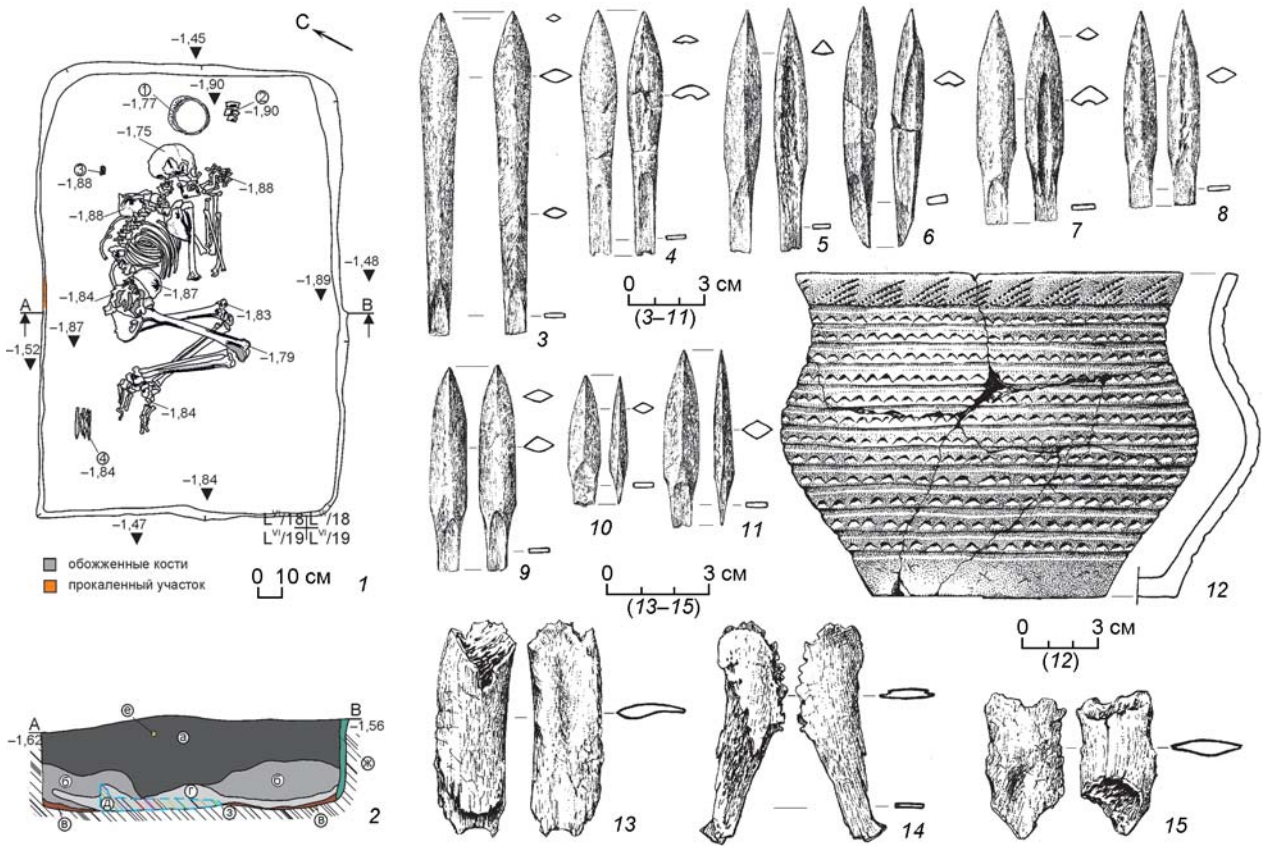


Рис. 3. Могильник Тартас-1. Погр. 800.

1 – план: 1 – керамический сосуд, 2 – изделия из кости, 3 – кости животного, 4 – наконечники стрел из кости; *2* – стратиграфический разрез: а – темно-серая (черная) с желтыми вкраплениями, плотная супесь, б – мешаная желто-светло-серая супесь, в – мешаная, плотная желтая с черными вкраплениями супесь, г – черно-бурая, сажистая с оранжевыми вкраплениями супесь, д – область распространения костей человека, е – желто-черная супесь (ход грызуна), ж – темно-серая, рыхлая супесь (ход грызуна), з – желтый суглинок (материк); *3–11* – наконечники стрел из кости; *12* – керамический сосуд; *13–15* – изделия из кости.

метов установить пока не представляется возможным.

С правой стороны от черепа выявлены пять костей мелкого животного.

В непосредственной близи от ступней погребенного, вдоль северной стенки могильной ямы, компактным скоплением располагались десять костяных черешковых наконечников стрел (рис. 3, *3–11*). Шесть из них – четырехгранные в сечении, два – трехгранные, еще два – двухгранные, уплощенные. Помещение наконечников стрел в качестве сопроводительного инвентаря не было для носителей культуры характерным явлением.

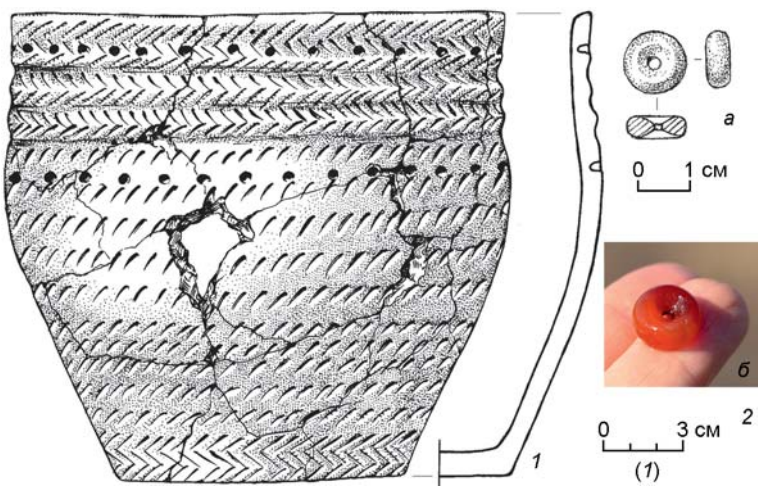


Рис. 4. Могильник Тартас-1. Погр. 798.

1 – керамический сосуд; *2* – каменная бусина: *а* – прорисовка, *б* – фото.

В северо-западной части памятника выявлено ограбленное захоронение 798. На дне могильной ямы обнаружен керамический сосуд с характерным для андроновской (федоровской) культуры орнаментом, поверх которого нанесены два ряда ямочных наколов (рис. 4, *1*). Кроме того, в заполнении обнаружена каменная бусина из сердолика округлой формы (рис. 4, *2*). Сопутствующий инвентарь встречается в андроновских (федоровских) захоронениях, за исключением, пожалуй, костяных пластин неизвестного пока назначения и каменной бусины из сердолика.

В целом погребальные объекты, исследованные в 2021–2022 гг., являются оригинальными, но в то же время типичными для андроновской (федоровской) культуры в северной части могильника Тартас-1.

Вместе с тем удалось выявить некоторые особенности и закономерности, касающиеся, прежде всего, погребальных комплексов, по сути продолжающих могильник.

Думается, что эти наблюдения уже сегодня представляют определенный интерес и будут полезны для научного сообщества, занимающегося, прежде всего, проблемами бронзового века Западной Сибири.

Первая особенность некрополя заключается в том, что все исследованные захоронения, выявленные на данном участке некрополя, относятся исключительно к андроновской (федоровской) культуре. Захоронения других эпох (более ранних или более поздних), которые отмечены на его площади, здесь не выявлены.

Второй особенностью является непременное оформление практически каждого погребального комплекса круглым глубоким ровиком. В отличие от предшествующей площади некрополя ровики становятся геометрически более правильной формы и имеют разрыв (по-видимому, вход на территорию сакрального пространства) в восточной части. В северо-западной части памятника диаметр ровиков резко увеличивается, а в одном случае еще и усложняется дополнительным кольцом и ямами. Все это, несомненно, свидетельствует о формировании ярко выраженного нюанса погребальной практики, который сначала вообще отсутствовал, затем претерпел длительный период становления и, в конечном итоге, отчетливо проявился в формировании более четкой планиграфии погребально-поминальных комплексов.

Еще одной особенностью было сохранение в этой части памятника остатков земляных насыпей, которые хотя и сильно снивелированы глубокой вспашкой, тем не менее, все-таки прослеживаются. Можно уверенно говорить, что по крайней мере на этом участке памятника погребальные комплексы сопровождались земляными, рельефно выраженными структурами, именуемыми курганами. Возвращаясь к уже зафиксированной планиграфии памятника, можно сказать, что земляные конструкции существовали далеко не на всей площади распространения андроновского некрополя, о чем наглядно свидетельствует выявленная планиграфия исследованных объектов, где могилы были сгруппированы рядами.

На сегодняшний день очевидно, что наиболее крупные по размерам земляные структуры, а также усложнение архитектуры комплекса, концентрируются в северо-западной части андроновского некрополя.

Последней, но весьма значимой особенностью следует считать некоторые нюансы, проявляющиеся в погребальном инвентаре. Речь идет о небольшой, но отчетливо выраженной серии сосудов, насчитывающей ок. 10 экз., найденных именно в рассматриваемой части исследуемого памятника. Они встречаются как индивидуально в погребальных комплексах, так и вместе с другими андроновскими (федоровскими) сосудами без каких-либо особенностей. Специфика сосудов, о которых идет речь, заключается в наличии рядов крупных ямочных наколов, нанесенных по тулову, украшенному традиционными для андроновской (федоровской) керамики орнаментами. В то же время на нарядных сосудах данной культуры такие наколы не встречены ни разу. Подобные ряды круглых ямочных наколов характерны для северного таежного круга культур. Речь идет о посуде кульеганского типа, известной на территории Сургутского Приобья [Чемякин, 1989], а также раннесузгунской посуде [Косарев, 1983; Молодин, Чемякина, 1984].

В свое время подобный элемент декора в Обь-Иртышском междуречье был характерен для керамики одиновской культуры [Молодин, 2012], носители которой были вытеснены на север представителями кротовской культуры. Как бы то ни было, но проявление данного орнаментального мотива в андроновской (федоровской) культуре следует, несомненно, связывать с северными культурными импульсами.

Уместно отметить, что, вероятно, с этим же явлением связана и сделанная ранее на данном участке памятника находка – бронзовая фигурка птицы (вороны?) со специальной емкостью на спине, вероятно для помещения там благовоний [Молодин и др., 2016]. Подобные предметы могли появиться в андроновской (федоровской) среде западносибирской лесостепи только из таежной зоны.

В творческие планы нашего авторского коллектива входят максимально полные раскопки на памятнике. Для этой цели планируется проведение дополнительных геофизических исследований, уточняющих территорию распространения погребальных сооружений. Не исключено, что территория кладбища была особо огорожена либо деревянными, либо земляными конструкциями, наличие которых еще предстоит выявить.

О возможном наличии в древности специальных оград, оконтуривающих некрополь, ярко свидетельствует могильник культуры сяохэ на озере Лобнор,

где благодаря крайне сухому климату отлично сохранились деревянные конструкции ограды, оконтуривающие древнее кладбище [Baumer, 2011].

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на устойчивую культурную принадлежность огромного некрополя андроновской (федоровской) культуры, изучаемого на памятнике Тартас-1, удается выявить отдельные нюансы как хронологического, так и культурного характера, свидетельствующие о динамике погребальной практики, зафиксированные как в пространственном, так и временном отношении.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. – Барнаул: Алт. гос. пед. академия, 2011. – 128 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья: (По материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 129 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Учебн. пособие – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 108 с.

Косарев М.Ф. Андроноидные культуры Зауралья и Западной Сибири // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Уфа: Башкир. ун-т, 1983. – С. 4–8.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принт А, 2008. – 358 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 16–17.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 260–264.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 231–236.

Молодин В.И., Ненахова Ю.Н., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А. Яма-хранилище для квашения рыбы № 1741 Барабинской неолитической культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 195–200. – doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0195-0200

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Наглер А., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В. Тартас-1 – перекресток культур и эпох. – Новосибирск, 2022. (В печати).

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 357–361.

Молодин В.И., Софейков О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 441–446.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Ткачев В.В. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. – Ч. 1. – 288 с.; Ч. 2. – 242 с.

Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 60–74.

Эпов М.И., Молодин В.И., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Савлук А.В., Позднякова О.А. Применение высокочастотного аэромагнитного комплекса на базе БПЛА для поиска археологических объектов // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. 1. – С. 1197–1198.

Baumer Ch. The Ayala Mazar – Xiaohe Culture: New Archaeological Discoveries in the Taklamakan Desert, China // Asian Affairs. – 2011. – Vol. 52. – N 1. – P. 49–69.

Molodin V.I., Hansen S., Myl´nikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova Ju.N. Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland) // Eurasia Antiqua. 2017. – Bonn: Rudoff Habelt Rerlag, 2021. – B. 23. – S. 27–87.

References

Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam). Tashkent: Fan, 1991. 200 p. (In Russ.).

Baumer Ch. The Ayala Mazar – Xiaohe Culture: New Archaeological Discoveries in the Taklamakan Desert, China. *Asian Affairs*, 2011. Vol. 52. N 1. P. 49–69.

Chemyakin Yu.P. Surgutskoe Priob'e v epokhu bronzy i rannego zheleza. In *Kul'turnye i khozyaistvennye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk, 1989. P. 60–74. (In Russ.).

Demin M.A., Zaprudskii S.S., Sitnikov S.M. Andronovskie ukrasheniya Gilevskogo arkheologicheskogo mikroraiona. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Press, 2011. 128 p. (In Russ.).

Epov M.I., Molodin V.I., Firsov A.P., Zlygostev I.N., Savluk A.V., Pozdnyakova O.A. Primenenie vysokochastotnogo aeromagnitnogo kompleksa na baze BPLA dlya poiska arkheologicheskikh ob"ektov. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule–Belokurikhe*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. Vol. 1. P. 1197–1198. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov). Uchebnoe posobie. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015. 108 p. (In Russ.).

Kosarev M.F. Andronoidnye kul'tury Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri. In *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya*. Ufa: Bashkir State Univ. Press, 1983. P. 4–8. (In Russ.).

Kuz'mina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti. Aktobe: Print A, 2008. 358 p. (In Russ.).

Maksimenkov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978, 190 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka. 1985. 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Metodika issledovaniya kurgannykh mogil'nikov sploshnymi ploshchadyami. In *Teoriya i metodika issledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov lesostepnoi zony*. Lipetsk, 1992. P. 16–17. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 3. 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A. Poselenie Novochekino-3 – pamyatnik epokhi pozdnei bronzy na severe Barabinskoi lesostepi. In *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1984. P. 40–62. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Kovyrshina Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Nagler A., Myl'nikova L.N., Khansen S. Variativnost' pogrebal'nogo obryada andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. Vol. 19. P. 260–264. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Myl´nikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova Ju.N. Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland). *Eurasia Antiqua*, 2017, Bonn. Rudoff Habelt Rerlag, 2021. Band 23. S. 27–87.

Molodin V.I., Khansen S., Durakov I.A., Rainkhol'd S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Recent Archaeological Discoveries in the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 357–361. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Khansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Vasil'eva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Sal'nikova I.V. Ritual'nye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 18. P. 231–236. (In Russ.).

Molodin V.I., Nenakhova Yu.N., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A. Storage Pit for Fish Fermentation at the Tartas-1 Site, the Baraba Neolithic Culture. In *Problems of Ar-chaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 195–200. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0195-0200

Molodin V.I., Partsinger G., Myl'nikova L.N., Khansen S., Durakov I.A., Rainkhol'd S., Efremova N.S., Nagler A., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Selin D.V. Tartas-1 – perekrestok kul'tur i epokh. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. (In press).

Molodin V.I., Sofeikov O.V., Deich B.A., Grishin A.E., Chemyakina M.A., Manshtein A.K., Balkov E.V., Shatov A.G. Novyi pamyatnik epokhi bronzy v Barabinskoi lesostepi (mogil'nik Tartas-1). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. 9. P. 441–446. (In Russ.). URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2003_1.pdf (дата обращения: 25.10.2022).

Tkachev V.V. Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy. Tyumen': Tyumen State Oil and Gas Univ. Press, 2002. Pt. 1. 288 p.; Pt. 2. 242 p. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya: (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikroraiona). Novosibirsk: Nauka, 1997. 129 p. (In Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Дураков И.А.: https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Ефремова Н.С.: https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0630-0637
УДК 903.05(510)

В.И. Молодин✉, М.А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Клад наконечников копий сейминско-турбинского типа на памятнике Сяванган, провинция Хэнань, Китай

В статье представлены новые данные о находках бронз сейминско-турбинского типа на территории центрального Китая. Клад бронзовых наконечников копий (4 экз.) обнаружен на многослойном памятнике Сяванган вблизи дер. Хэбацунь пос. Шэнвань уезда Сичуань городского округа Наньян пров. Хэнань. Выявлено, что найденные изделия представляли собой полуфабрикаты с нераскованной боевой частью. По своим характеристикам наконечники близки к сейминско-турбинским копьям с крюком, принадлежащим к разряду КД-10 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых. По данным авторов раскопок, яма, в которой найден клад, относится к позднему этапу позднего периода культуры хэнаньского варианта луншаньской культурной общности. В других объектах на памятнике, отнесенных к этому же этапу, обнаружены типичная луншаньская керамика и костяные наконечники стрел с упором, представленные на территории Западной Сибири в тех же комплексах, что и сейминско-турбинские предметы. Приводятся данные о результатах естественнонаучных анализов наконечников копий. В частности, рентгенографическое исследование показало, что на поверхности одного из изделий имеется сложный геометрический орнамент, его семантика и техника нанесения требуют дальнейшего изучения. Предполагается, что происхождение сейминско-турбинского феномена можно связать с территорией Синьцзяна, откуда миграционные волны направились в разных направлениях: на север по р. Иртыш в лесостепной пояс, а затем на запад и восток, а также в восточном направлении до региона Центральной равнины в Китае.

Ключевые слова: *Китай, бронзовый век, сейминско-турбинский феномен, бронзовые наконечники копий, костяные наконечники стрел.*

V.I. Molodin✉, M.A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Hoard of the Seima-Turbino Type Spearheads at the Xiawanggang Site, Henan Province, China

The article presents new information on the finds of the Seima-Turbino type bronzes in Central China. A hoard of bronze spearheads (4 items) was discovered at the multilayered site of Xiawanggang near the village of Hebacun (Shengwan Township, Xichuan County, Nanyang Municipality, Henan Province). These items were semi-finished, without the forged striking point. In terms of their features, the spearheads were similar to the Seima-Turbino spearheads with the hook (category KD-10 according to classification of E.N. Chernykh and S.V. Kuzminykh). According to the authors of the excavations, the pit where the hoard was found, belonged to the late stage of the late period in the Henan variant of the Longshan cultural community. Typical Longshan pottery and bone arrowheads with the stop, similar to those appearing in Western Siberia in the same assemblages with the Seima-Turbino objects, were found in other objects at the site, dated to the same stage. Data on the results of natural scientific analyzes of spearheads is provided. X-ray examination has shown that sophisticated geometric ornamentation was on the surface of one of the items. Its semantics and technique require further study. It is assumed that the origin of the Seima-Turbino phenomenon can be associated with Xinjiang from where migration waves spread in different directions – to the north along the Irtysh River into the forest-steppe belt, and then to the west and east, as well as eastward to the Central Plain in China.

Keywords: *China, Bronze Age, Seima-Turbino phenomenon, bronze spearheads, bone arrowheads.*

Введение

Проблема генезиса и развития сейминско-турбинского культурного феномена до сих пор остается одной из важнейших в археологии бронзового века Евразии. Появление на территории Китая ряда случайных находок предметов сейминско-турбинского облика привлекло пристальное внимание как китайских, так и зарубежных (в т.ч. российских) специалистов; этой проблеме посвящен значительный массив научных трудов [Wagner, 2001; Молодин, Комиссаров, 2001; Mei Jianjun, 2003a; 2003b; Гао Цзянтао, 2015; Линь Мэйцунь, 2015; 2016; Лю Жуй, Гао Цзянтао, Кун Дэмин, 2015; Лю Сян, 2021; 2022; Lin Meicun, Liu Xiang, 2017; Молодин, Комиссаров, Ван Пэн, 2017; Молодин, 2019; Сайима-туэрбиньно…, 2019; Кузьминых, 2019; и др.]. Однако в силу языкового барьера, многие работы, изданные в Китае, пока недоступны отечественным исследователям. Поэтому особенно актуальным представляется введение в научный оборот новейших источников по сейминско-турбинским бронзам, полученным на территории Китая, в том числе клада наконечников копий сейминско-турбинского типа, обнаруженного на памятнике Сяванган в центральном Китае.

Материалы

Сяванган – многослойный археологический памятник, расположенный на южном берегу излучины р. Даньцзян к северо-востоку от дер. Хэбацунь пос. Шэнвань уезда Сичуань городского округа Наньян пров. Хэнань. Памятник исследуется с 1971 г. и включает разновременные поселенческие, погребальные и культовые комплексы, датируемые в диапазоне от среднего неолита (яншаоская культурная общность, ок. 5000 л. до н.э.) до раннего железного века (эпоха Хань, 206 до н.э. – 220 н.э.), а также отдельные погребения и хозяйственные ямы эпох Сун (960–1279) и Мин (1368–1644). Общая площадь памятника составляет ок. 6000 м^2, из них раскопано 5300 м^2 [Сичуань…, 2020, с. 3–4].

На памятнике ярко представлены материалы луншаньской культурной общности (финальный неолит, ок. 2100–1800 л. до н.э.). К их числу принадлежит исследованное в 2008–2009 гг. поселение, располагавшееся на возвышенности у реки, что типично для луншаньских поселенческих памятников. В составе данного комплекса изучена яма T2H181 округлой формы, диаметр – 115 см, максимальная глубина – 50 см. В заполнении отчетливо выделяются два слоя: нижний представляет собой однородную пепельно-серую почву, верхний – смесь комков твердого грунта, обожженной почвы и камней. На дне ямы найдены четыре бронзовых наконечника копий, в силу неких обстоятельств оказавшихся соединенными друг с другом. Из них три остриями ориентированы на запад, одно – на восток (рис. 1, *1*). Кроме того, в яме обнаружено незначительное количество фрагментированной яншаоской и луншаньской керамики. Размеры фрагментов не позволяют установить формы сосудов, к которым они принадлежали, однако их положение в яме свидетельствует о том, что яма была врезана в культурные слои более ранних эпох. По-видимому, клад был преднамеренно помещен в яму, а затем надежно «запечатан» с помощью комков жженой почвы и камней [Сичуань…, 2020, с. 195–196].

Все четыре изделия сходны по размерам и внешнему облику. Это длинные наконечники копий с широким пером и закругленным острием, в центральной части пера выделен ромбический в сечении стержень, «вилка» отсутствует. Под пером находится крюк, с противоположной стороны от крюка на втулке имеется боковое ушко. Устье втулки украшено пояском из трех выпуклых линий, еще две линии опоясывают втулку у основания пера (рис. 1, *2*, *3*). Поскольку наконечники были обнаружены как бы склеившимися между собой, удалось установить точные размеры только для двух экземпляров. Копье 1: общая длина составляет 36,6 см, максимальная ширина пера – 12,7 см, максимальная толщина пера – 2 мм, диаметр втулки – 3,7 см, максимальная ширина крюка – 1,8 см; перо согнуто (рис. 1, *3*). Копье 2: общая длина изделия – 37 см, максимальная ширина пера – 12,7 см, максимальная толщина пера – 2 мм, диаметр втулки – 3,6 см, максимальная ширина крюка – 1,8 см [Там же, с. 324–327]. Предметы, несомненно, представляют собой полуфабрикаты с нераскованной боевой частью. По своим морфологическим характеристикам сяванганские наконечники близки к сейминско-турбинскими копьям с крюком, принадлежащим к разряду КД-10 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 67]. Основные отличия заключаются в отсутствии вильчатого стержня, а также в расположении крюка и бокового ушка на втулке: на классических сейминско-турбинских образцах крюк всегда расположен на той же стороне, что и ушко, а на копьях из Сявангана крюк и ушко находятся на разных сторонах втулки. По этим признакам данные образцы сходны с большинством наконечников копий сейминско-турбинского облика, найденных на территории Китая (см.: [Гао Цзянтао, 2015; Lin Meicun, Liu Xiang, 2017]).

Яма T2H181 относится к позднему этапу позднего периода культуры хэнаньского варианта луншаньской культурной общности, для которого на

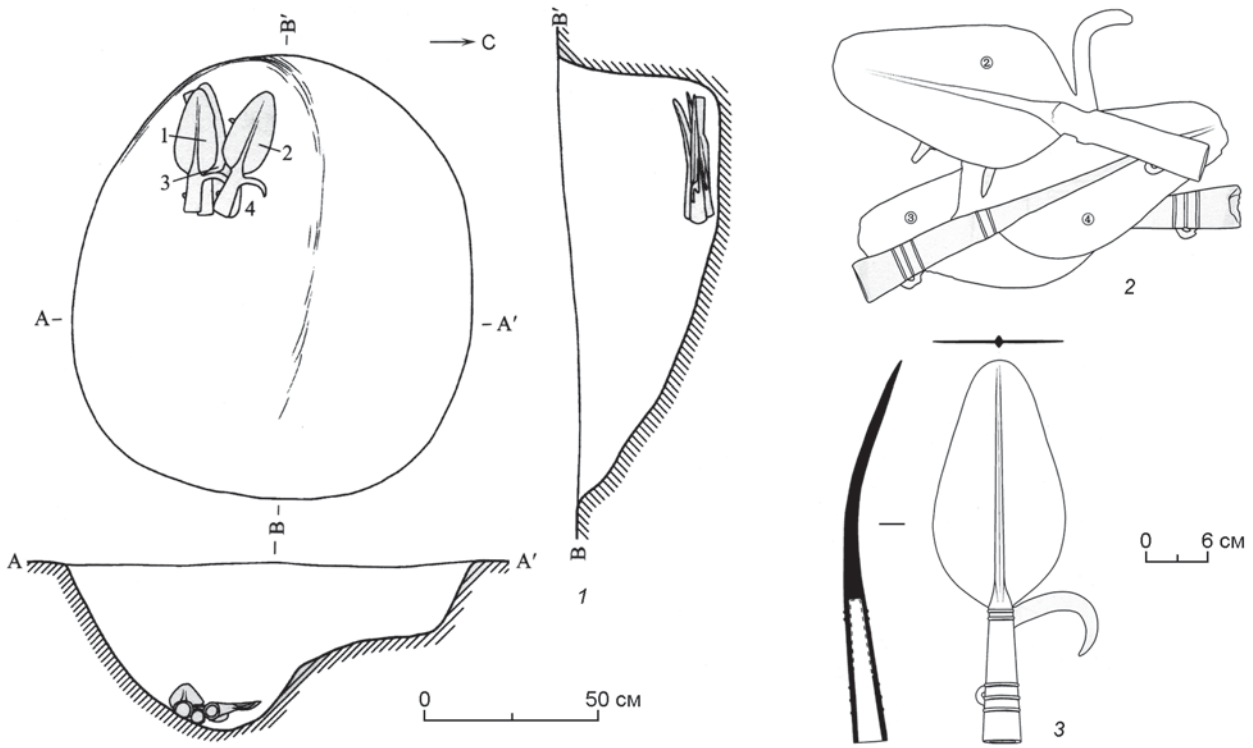


Рис. 1. Наконечники копий сейминско-турбинского типа, найденные на памятнике Сяванган.

1 – яма T2H181 (план и разрезы); *2* – соединенные друг с другом наконечники 2–4; *3* – наконечник копья 1 (по: [Сичуань…, 2020, с. 196, 325, 326]).

памятнике было получено две радиоуглеродные даты (по костям человека): 3556 ± 26 л.н. (1945–1881 кал. л. до н.э.) и 3629 ± 27 л.н. (2027–1954 кал. л. до н.э.) [Сичуань…, 2020, с. 325, 353]. Соответственно клад с копьями также предлагается датировать приблизительно 1800 л. до н.э. [Лю Юй и др., 2020, с. 599].

Рядом с ямой, в которой был найден клад, расположены два луншаньских жилища (одно из них (T3FJ2) относится к раннему этапу среднего периода, другое (T2FJ1) – к раннему этапу позднего периода хэнаньского луншаня); а также несколько возможно синхронных кладу безынвентарных погребений детей и младенцев в урнах и несколько хозяйственных ям, датируемых тем же этапом, что и яма T2H181. В этих ямах найдена типичная луншаньская керамическая посуда: триподы, круглодонные горшки, чаши с крышками, миски. Кроме того, наряду с характерной луншаньской керамикой, в объектах представлена серия предметов, имеющих параллели в культурах ранней развитой бронзы Западной Сибири (в елунинской и кротовской культурах), а именно, костяные наконечники стрел с упором. Подобные наконечники стрел на территории Западной Сибири встречаются в тех же комплексах, что и сейминско-турбинские предметы [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 559, рис. 4; Молодин, Гришин, 2016, с. 267, рис. 421, *8–11*].

Наконечники копий, обнаруженные в Сявангане, были тщательно изучены китайскими специалистами с применением различных естественнонаучных методов и технических средств. Была предпринята попытка датировать предметы радиокарбонным методом (по остаткам древесного тлена, сохранившегося на поверхности пера и втулки), однако ее нельзя признать удачной, так как из-за плохой сохранности и загрязнения образцов полученные даты значительно расходятся как между собой, так и с имеющимися типологической, стратиграфической и радиоуглеродной датировками объектов данного культурного слоя. Значительно более интересные результаты дало рентгенографическое исследование трех склеившихся наконечников копий, благодаря которому выяснилось, что поверхность одного из изделий была украшена сложным геометрическим орнаментом (рис. 2). Для определения химического состава сплава и технологии изготовления предметов были проведены металлографический, рентгенофлуоресцентный анализ, рентгеноспектральный микроанализ и элементный анализ методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии, показавшие, что наконечники отлиты из меди с примесями мышьяка, сурьмы, олова, висмута, свинца, цинка, железа и других элементов в малых и микродозах, что свидетельствует об их естественном происхождении. Аналогичный

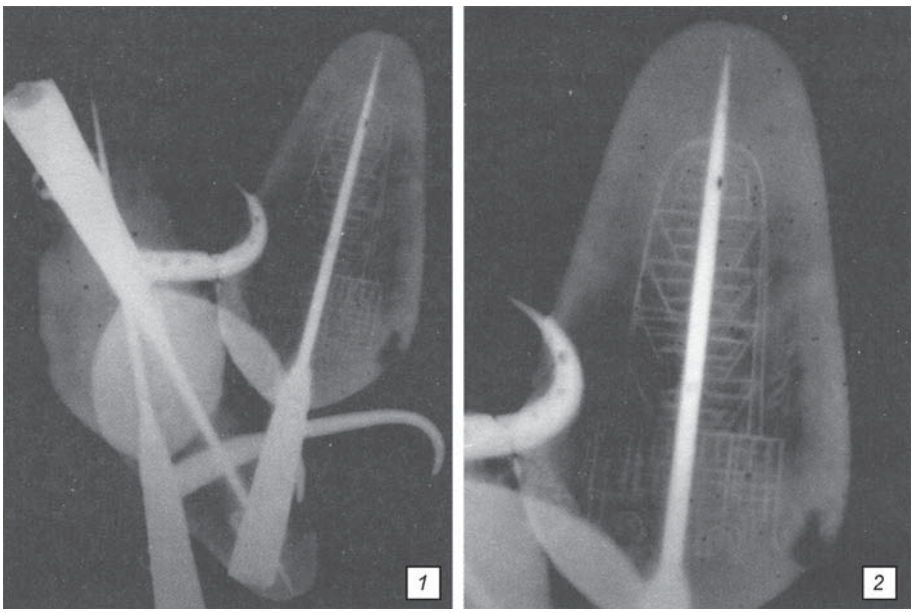


Рис. 2. Рентгенограмма наконечников копий.
1 – общий вид трех наконечников; *2* – деталь (по: [Лю Юй и др., 2020, с. 596]).

состав характерен для большинства сейминско-турбинских наконечников копий, найденных на территории Китая [Лю Юй и др., 2020, с. 589–600; Лю Жуй, Гао Цзянтао, Кун Дэмин, 2015].

Обсуждение

Ранее происхождение сейминско-турбинского феномена связывали с территорией Рудного Алтая или Забайкалья [Черных, Кузьминых, 1989]. В настоящее время происхождение сейминско-турбинских бронз связывается Е.Н. Черных и В.И. Молодиным с территорией Синьцзяна [Черных, 2013; Молодин, 2015; Молоцзинь, 2019]. За последние годы там найдены не только наконечники копий, но и бронзовые кельты, кельты-лопатки, специфические ножи-кинжалы с металлической рукоятью (см.: [Молодин, 2015, 2019]). По-видимому, носители сейминско-турбинского феномена следовали по Иртышу на север, в лесостепную зону Прииртышья, оставив здесь серию ярких памятников, включающих Ростовку [Матющенко, Синицына, 1988] и могильник в районе Омска [Молодин, Нескоров, 2010], часть из них ушли на запад, где оставили такие памятники, как Сейма, Турбино, а часть направились на восток, о чем свидетельствуют находки классических кельтов сейминско-турбинского типа в Минусинской котловине [Леонтьев, Леонтьев, 2006].*

Можно предположить, что из Синьцзяна выплеснулась еще одна волна носителей этих бронз (копий, кельтов и кинжалов), а также, возможно, каменных жезлов, которые двинулись не только на север по р. Иртыш, но также и на восток, где осели в культурах луншаньской общности на Центральной равнине.

В настоящее время на территории Китая известно 17 бронзовых наконечников копий сейминско-турбинского типа. Из них только шесть предметов получены в ходе научных раскопок: кроме четырех наконечников из Сявангана, это копье, обнаруженное на поселении Шэньна, пров. Цинхай, а также еще один более поздний наконечник копья, имеющий отдаленное сходство с сейминско-турбинскими, найденный в позднешанском погребении М33 на могильнике Люцзячжуан (северный) в Аньяне, пров. Хэнань. Помимо этого, на том же памятнике Сяванган в ходе раскопок 1970-х гг. в слое, относимом к 3–4 периодам сяванганского типа культуры эрлитоу (сер. XVII – сер. XVI в. до н.э.), найден фрагмент бронзового крюка, а в слое, датированном ранним периодом эпохи Западного Чжоу (XI–X вв. до н.э.) – втулка бронзового наконечника копья с обломленным боковым ушком. Впрочем, эти находки едва ли представляют собой фрагменты сейминско-турбинских копий. Остальные изделия относятся к числу случайных находок и хранятся в Национальном музее Китая (1 экз.), Музее провинции Ганьсу (2 экз.), Музее провинции Шаньси (1 экз.), Музее декоративно-прикладного искусства провинции Шаньси (1 экз.), Историческом музее провинции Шэньси

*Картография сейминско-турбинских проявлений выполнена в целом ряде работ (см., напр.: [Кузьминых, 2019]).

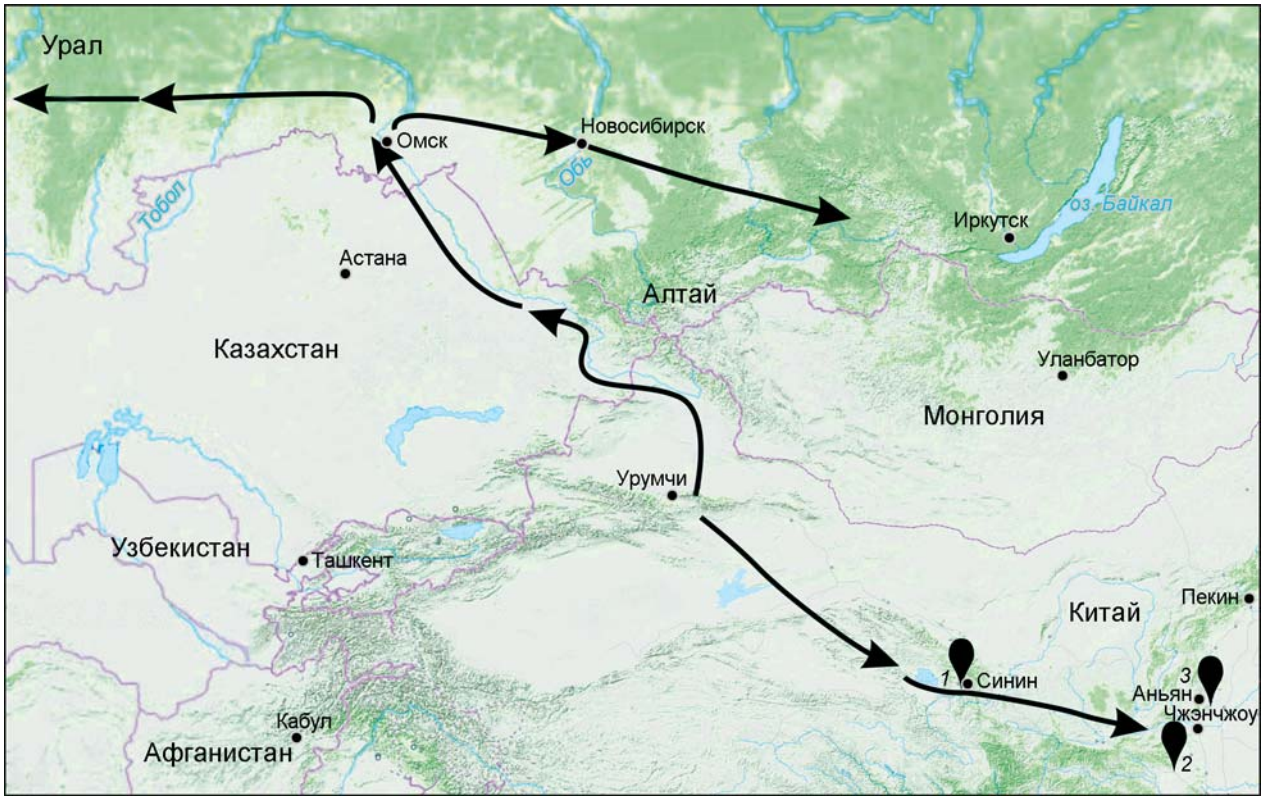


Рис. 3. Карта-схема распространения сейминско-турбинского транскультурного феномена.
1–3 – археологические памятники с находками наконечников копий сейминско-турбинского типа в Китае: *1* – Шэньна; *2* – Сяванган; *3* – Люцзячжуан (северный).

(1 экз.), Музее уезда Датун, пров. Цинхай (1 экз.), Музее Наньяна (3 экз.), Музее Чаояна (1 экз.) [Гао Цзянтао, 2015, с. 161–162; Lin Meicun, Liu Xiang, 2017; Лю Юй и др., 2020, с. 596–599]. Таким образом, на данный момент наконечники копий из Сявангана – самое дальнее надежное археологическое свидетельство распространения сейминско-турбинской традиции в юго-восточном от Синьцзяна направлении (рис. 3).

Заключение

Находка серии копий сейминско-турбинского типа на памятнике Сяванган имеет чрезвычайно важное значение. Перед нами очевидные полуфабрикаты, свидетельствующие, возможно, что их дооформление должно было совершиться здесь же представителями культуры хэнаньского варианта луншаньской общности. Таким образом, бронзы сейминско-турбинского типа встречались у носителей различных культур, как и на севере Евразии периода ранней – развитой бронзы.

По-видимому, есть все основания предполагать, что центром формирования бронз сейминско-турбинского типа являлся Синьцзян, откуда носители феномена под действием каких-то серьезных причин (вероятно, аридизации?) были вынуждены совершать миграции в двух направлениях. Во-первых, на север вниз по Иртышу; во-вторых, на восток, оставляя в различных культурах на территории Китая бронзовые наконечники копий и кельты сейминско-турбинского типа, цельнолитые бронзовые кинжалы и каменные скипетры.

В заключение уместно отметить, что особый интерес представляет наконечник с выявленным в результате рентгенографии орнаментом. Однако его анализ требует специального подхода в рамках будущих исследований.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Гао Цзянтао. Шилунь Чжунго цзиннэй чутудэ сайима-туэрбиньо ши даогоу тунмао (Предварительное обсуждение бронзовых копий с перевернутым крюком сейминско-турбинского типа, найденных в пределах Ки-

тая) // Наньфан вэньу (Памятники культуры Южного Китая). – 2015. – № 4. – С. 160–168 (на кит. яз.).

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. Сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди. Тр. Маргианской археологической экспедиции. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 552–566.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинский транскультурный феномен: формирование, развитие и исторические судьбы // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: мат-лы V Междунар. симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты» (Денисова пещера (Алтай, Россия), 19–24 августа 2019 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 89–103.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2006. – С. 228–234.

Линь Мэйцунь. Сайима-туэрбиньно вэньхуа цзай Чжунго (Сейминско-турбинская культура в Китае) // Каогу юй вэньу (Археология и памятники культуры). – 2016. – № 2. – С. 94–101 (на кит. яз.).

Линь Мэйцунь. Сайима-туэрбиньно вэньхуа юй шицянь Сыоучжилу (Сейминско-турбинская культура и доисторический Шелковый путь) // Вэнь (Памятники культуры). – 2015. – № 10. – С. 49–63 (на кит. яз.).

Лю Жуй, Гао Цзянтао, Кун Дэмин. Чжунго соцзянь сайима-туэрбиньно ши даогоу тунмаодэ хэцзинь чэнфэнь (Состав сплавов бронзовых наконечников копий с крюками сейминско-турбинского типа, найденных в Китае) // Вэньу (Памятники культуры). – 2015. – № 10. – С. 77–85 (на кит. яз.).

Лю Сян. Оуя цаоюань шуцюн тунци чжуцзао цзишу циюань юй чуаньбо (Возникновение и распространения технологии литья бронзовых втульчатых изделий в степях Евразии) // Каогу (Археология). – 2022. – № 3. – С. 83–91 (на кит. яз.).

Лю Сян. Сайима-туэрбиньно ицунь фасянь юй яньцзю (Открытие и исследование сейминско-турбинских памятников) // Сиюй яньцзю (Исследования Западного края). – 2021. – № 1. – С. 129–140 (на кит. яз.).

Лю Юй, Гао Цзянтао, Лю Цзяньюй, Чэнь Куньлун, Ли Яньсян, Чэнь Цзяньли, Хэ Ну, Чжоу Вэй. Сичунь Сяванган ичжи чуту сайима-туэрбиньно ши даогоу тунмаодэ кэсюэ фэньси (Научный анализ бронзовых наконечников копий с крюком сейминско-турбинского типа, найденных на памятнике Сяванган в уезде Сичуань) // Сичуань Сяванган: 2008–2010 нянь каогу фацзюэ баогао (Памятник Сяванган в уезде Сичуань: отчет об археологических раскопках 2008–2010 гг.). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2020. – Т. 2. – С. 589–602 (на кит. яз.).

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988. – 135 с.

Молодин В.И. Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы») // Вестн. Новосиб гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019, Т. 18, № 3: Археология и этнография. – С. 9–16.

Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория, истоки) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2015. –Т. 6. – № 2. – С. 97–107.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Сейминское копье из Цинхая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 374–381.

Молодин В.И., Комиссаров С.А., Ван Пэн. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст.: в 3 т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. I. – С. 304–307.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 58–71.

Молоцзинь V.I. /Молодин В.И./ Сайима-туэрбиньно сяньсян цзи ци цзай Чжунъядэ бяосянь (Сейминско-турбинский феномен и его проявления в Центральной Азии) // Сайима-туэрбиньно вэньхуа юй шицянь Сычоучжилу (Сейминско-турбинская культура и доисторческий Шелковый путь). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2019. – С. 303–333 (на кит. яз.).

Сайима-туэрбиньно вэньхуа юй шицянь Сычоучжилу / Линь Мэйцунь чжубянь (Сейминско-турбинская культура и доисторческий Шелковый путь / гл. ред. Линь Мэйцунь). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2019. – 336 с. (на кит. яз.).

Сичуань Сяванган: 2008–2010 нянь каогу фацзюэ баогао (цюань сань цэ) / Гао Цзянтао чжубянь (Памятник Сяванган в уезде Сичуань: отчет об археологических раскопках 2008–2010 гг.. В 3 т. / гл. ред. Гао Цзянтао). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2020. – Т. 1. – 356 с. (на кит. яз.).

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – Т. 1. – 369 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Lin Meicun, Liu Xiang. The origins of metallurgy in China // Antiquity. – 2017. – Vol. 91, iss. 359. – E6.

Mei Jianjun. Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age // Proceedings of the British Academy. – 2003a. – N 121. – P. 1–39.

Mei Jianjun. Qijia and Seima-Turbino: The Question of Early Contacts Between Northwest China and the Eurasian Steppe // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. – 2003b. – N 75. – P. 31–54.

Wagner M. Kayue – ein Fundkomplex des 2. Jahrtausends v. Chr. am Nordwestrand des chinesischen Zentralreiches // Migration und Kulturtransfer: der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend: Akten des Internationalen Kolloquiums, Berlin, 23. bis 26. November 1999. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Band 6. – Bonn: Habelt, 2001. – S. 37–56. Abb. 15–3.

References

Chernykh E.N. Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013. Vol. 1. 368 p. (In Russ.).

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii. Moscow, Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.).

Gao Jiangtao. Shilun Zhongguo jingnei chutude saiyima-tuerbinnuo shi daogou tongmao [Discussion on the Copper Spears with Barb like Seima-Turbino Type Unearthed in China]. *Nanfang wenwu [Cultural Relics in Southern China]*, 2015. N 4. P. 160–168. (In Chin.).

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Eluninskaya kul'tura bronzovogo veka v Ob'-Irtyshskom mezhdurech'e. In *Na puti otkrytiya tsivilizatsii. Sbornik statei k 80-letiyu V.I. Sarianidi. Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. St. Petersburg: Aletheia, 2010. P. 552–566. (In Russ.).

Kuz'minykh S.V. The Seima-Turbino Transcultural Phenomenon: Its Formation, Development and Historical fate. In *Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results. Materials of the V international Symposium "Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results" (Denisova Cave (Altai, Russia), 19–24 August 2019*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 89–103. (In Russ.).

Leont'ev N.V., Leont'ev S.N. Materialy epokhi bronzy Kazyro-Kizirskogo mezhdurech'ya. In *Okunevskii sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2006. P. 228–234. (In Russ.).

Lin Meicun. Saiyima-tuerbinnuo wenhua zai Zhongguo [Seima-Turbino Culture in China]. *Kaogu yu wenwu [Archaeology and Cultural Relics]*, 2016. N 2. P. 94–101. (In Chin.).

Lin Meicun. Saiyima-Tuerbinnuo wenhua yu shiqian Sichouzhilu [Seima-Turbino Culture and the Prehistoric Silk Road]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 2015. N 10. P. 49–63. (In Chin.).

Lin Meicun, Liu Xiang. The origins of metallurgy in China. *Antiquity*, 2017. Vol. 91. Iss. 359. E6.

Liu Rui, Gao Jiangtao, Kong Deming. Zhongguo suojian saiyima-tuerbinnuo shi daogou tongmaode hejin chengfen [The Alloy Compositions of Seima-Turbino Socketed Spearheads With Single Side Hooks Discovered in China]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 2015. N 10. P. 77–85. (In Chin.).

Liu Xiang. Ouya caoyuan shuqiong tongqi zhuzao jishu qiyuan yu chuanbo [Origin and Dispersal of the Eurasian Steppe Socketed Bronze Objects Casting Technology]. *Kaogu [Archaeology]*, 2022. N 3. P. 83–91. (In Chin.).

Liu Xiang. Saiyima-tuerbinnuo yicun faxian yu yanjiu [Discovery and Research on Seima-Turbino Remains]. *Xiyu yanjiu [The Western Regions Studies]*, 2021. N 1. P. 129–140. (In Chin.).

Liu Yu, Gao Jiangtao, Liu Jianyu, Chen Kunlong, Li Yanxiang, Chen Jianli, He Nu, Zhou Wei. Xichuan Xiawanggang yizhi chutu saiyima-tuerbinnuo shi daogou tongmaode kexue fenxi [Scientific analysis of bronze spearheads with downwards hooks unearthed at the Xiawanggang site in Xichuan County]. In *Xichuan Xiawanggang: 2008–2010 nian kaogu fajue baogao [Xiawanggang Site in Xichuan. Report on Archaeological Excavations in 2008–2010]*. Beijing: Science Press, 2020. Vol. 2. P. 589–602. (In Chin.).

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1988. 135 p. (In Russ.).

Mei Jianjun. Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age. *Proceedings of the British Academy,* 2003a. N 121. P. 1–39.

Mei Jianjun. Qijia and Seima-Turbino: The Question of Early Contacts Between Northwest China and the Eurasian Steppe. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*, 2003b. N 75. P. 31–54.

Molodin V.I. The phenomenon of bronze knives from the burial complexes of the Krotovo culture (chronology, territory, origins). *Vestnik of Kemerovo State University*, 2015. N 2. Vol. 6. P. 97–107. (In Russ.).

Molodin V.I. Seima-Turbino Celts from Xinjiang (Materials for the Academic Course "Archaeology of Siberia in the Bronze Age"). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019. Vol. 18. N 3: Archaeology and Ethnography. P. 9–16. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury. 452 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Komissarov S.A. Seiminskoe kop'e iz Tsinkhaya. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*: *Proceedings of the Annual Anniversary Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. December, 2001*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 7. P. 374–381. (In Russ.).

Molodin V.I., Komissarov S.A., Wang Peng. Bronzovye nakonechniki kopii seiminsko-turbinskogo tipa iz Kitaya. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*

v Barnaule – Belokurikhe. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. Vol. 1. P. 304–307. (In Russ.).

Molodin V.I., Neskorov A.V. Private collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh: the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010. N 3. P. 58–71. (In Russ.).

Moluojin V.I. Molodin V.I. Saiyima-tuerbinnuo xianxiang ji qi zai Zhongyade biaoxian [Seima-Turbino Phenomenon and Its Manifestations in Central Asia]. In *Saiyima-tuerbinnuo wenhua yu shiqian Sichouzhilu [Seima-Turbino culture and Prehistoric Silk Road]*. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2019. P. 303–333. (In Chin.).

Saiyima-tuerbinnuo wenhua yu shiqian Sichouzhilu / Lin Meicun zhubian [Lin Meicun (ed.) Seima-Turbino culture and Prehistoric Silk Road]. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2019. 336 p. (In Chin.).

Wagner M. Kayue – ein Fundkomplex des 2. Jahrtausends v. Chr. am Nordwestrand des chinesischen Zentralreiches. In *Migration und Kulturtransfer: der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend: Akten des Internationalen Kolloquiums, Berlin, 23. bis 26. November 1999. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Band 6.* Bonn: Habelt, 2001. S. 37–56. Abb. 15–3.

Xichuan Xiawanggang: 2008–2010 nian kaogu fajue baogao (quan san ce) / Gao Jiangtao zhubian [Gao Jiangtao (ed.) Xiawanggang Site in Xichuan. Report on Archaeological Excavations in 2008–2010]. Beijing: Science Press, 2020. Vol. 1. 356 p. (In Chin.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0638-0646
УДК 903.074

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Музыкальные инструменты из дерева раннего железного века (Алтай)

Музыка, как вид аудио (звукового) искусства, судя по археологическим источникам, появилась в верхнем палеолите, об этом свидетельствуют находки духовых инструментов – дудочек и свирелей, изготовленных из кости и рога. Щипковые музыкальные инструменты появились позже – в раннем железном веке. Они изготавливались из дерева, поэтому очень редки по причине плохой сохранности органического материала. В этом заключается их уникальность и ценность. Их изучение и функциональная атрибуция начались в середине прошлого века. Технология изготовления деревянных музыкальных предметов эпохи раннего железного века впервые рассматривалась в специальных статьях в самом начале текущего тысячелетия. В настоящей статье представлены результаты сравнительно-типологического и технико-технологического анализов деревянных музыкальных инструментов трех исторических эпох: скифской, гунно-сарматской и древнетюркской. Подробно рассматриваются и восстанавливаются (реконструируются) приемы и способы изготовления щипковых музыкальных инструментов типа арф в кочевых культурах раннего железного века в Горном Алтае. На основании результатов комплексного технико-технологического анализа делается вывод о продолжительности времени бытования деревянных щипковых музыкальных инструментов «лютня» и особенностях их изготовления. Наиболее близкие аналоги деревянных щипковых музыкальных инструментов Древнего Алтая по морфологии и технологии изготовления являются древнеегипетские лютни. Современные китайские лютни представляют собой усовершенствованные временем и современными технологиями аналоги этих музыкальных инструментов. Сравнительно-типологический анализ с самыми древними инструментами Древнего Египта показывает, что за столь продолжительное время основные элементы технологии изготовления их звуковых резонаторов и грифов не претерпели существенных изменений. Однако, в разных культурах в зависимости от качества материала и культурных предпочтений, изменялись и совершенствовались форма резонатора и гриф, количество и качество струн, расположение и способы их натяжения на деке и грифе.

Ключевые слова: *Алтай, ранний железный век, музыкальные инструменты из дерева, технология изготовления, конструктивные особенности.*

V.P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Wooden Musical Instruments of the Early Iron Age (the Altai)

Archaeological finds of wind instruments such as flutes and pan-pipes made of bone and horn show that music as the art of sound appeared in the Upper Paleolithic. Plucked musical instruments were invented later, in the Early Iron Age. They were made of wood and therefore are very rarely discovered due to poor preservation of organic material. Their study and functional attribution started in the mid 20th century. The technology of making wooden musical objects of the Early Iron Age was first discussed in specialized articles at the very beginning of the 21st century. This article presents the results of comparative typological, technical, and technological analysis of wooden musical instruments of the Scythian, Hunno-Sarmatian, and Ancient Turkic periods. Techniques and methods of making plucked musical instruments such as harps in the nomadic cultures of the Early Iron Age in the Altai Mountains are reconstructed and discussed in detail. Comprehensive technical and technological analysis has revealed the functioning time of wooden lute-like plucked musical instruments and specific features of their manufacturing. The closest parallels to wooden plucked

musical instruments of the Ancient Altai in terms of morphology and manufacturing techniques are Ancient Egyptian lutes. Modern Chinese lutes are counterparts of these musical instruments improved by time and modern technologies. Comparative typological analysis of the earliest instruments of Ancient Egypt shows that main technological components of manufacturing their sound resonators and necks have not undergone significant changes over such a long period of time. However, shapes of resonator and neck, quantity and quality of strings, location and methods of their tightening on the sounding board and neck changed and improved in different cultures depending on the quality of materials and cultural preferences.

Keywords: *Altai, Early Iron Age, wooden musical instruments, manufacturing technique, design features.*

Введение

Звук – физическое явление, невидимые глазом упругие механические колебания различных частот, так называемые волны, воспринимаемые органами живого существа, в первую очередь органами слуха. Источником звука на заре истории человечества были звуки окружающей природы (механические колебания), голоса живых существ.

Анализ археологических источников показывает, что человек научился извлекать звуки различных частот в эпоху каменного века при помощи примитивных приспособлений, изготовленных из подручного материала. Эти искусственные звуки различных частот отдельные талантливые люди складывали, объединяли в стройную мелодичную систему – музыку, создававшую определенное душевное состояние человека. Видимо в то время и возникли зачатки музыкальной культуры, которая с течением времени стала в разных вариациях, присущих конкретной группе носителей материальной культуры, достоянием всего человечества.

По мнению современных исследователей, появление первых музыкальных инструментов, изготовленных из кости и рога, со времен верхнего палеолита и дальнейшее развитие музыкальных традиций связано «с контекстом широкого спектра инноваций в культуре…» [Лбова, Волков, Кожевникова, 2010; Лбова, Кожевникова, Волков, 2011; Лбова, Кожевникова, 2016]. По их общему убеждению «музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего комплекс культуры и поведения человека современного физического типа» [Лбова, Волков, Кожевникова, 2010; Лбова, Кожевникова, Волков, 2011; Лбова, Кожевникова, 2016, с. 4–5]. Как свидетельствуют иностранные источники, устойчивые музыкальные традиции существовали, по крайней мере, уже в самом начале верхнего палеолита на рубеже 40 тыс. л.н. [Bolus, Conard, 2009; Conard, Malina M, Münzel, 2009; D'Errico et al., 2003; Лбова, Кожевникова, 2016, с. 4].

Музыкальные предметы, изготовленные из дерева, появились в раннем железном веке. Самые ранние датированы скифским временем, более поздние – гунно-сарматским и древнетюркским. Найдены они на Алтае. По классификации Л.В. Лбовой и Д.В. Кожевниковой, предложенной в монументальной монографии, посвященной музыкальной деятельности людей палеолита, их можно отнести к *струнным, щипковым* инструментам [2016, с. 45]. Этот класс инструментов получил название в археологической литературе *струнный музыкальный инструмент типа арфы* [Руденко, 1953, с. 52]. Они находят аналоги среди предметов подобного типа в Древнем Египте на фресках и рельефах из развалин дворца ассирийского царя Ашшурнасирпала II, сына царя Тукулти-Нинурта II, правившего в IX в. до н.э., и в современном Китае. Этот факт может свидетельствовать о существовании устойчивых музыкальных традиций в раннем железном веке не только в регионах существования центров мировой культуры, но и в местах значительно удаленных от этих колыбелей мировых цивилизаций.

Технико-технологический анализ музыкальных инструментов, изготовленных из дерева в скифскую и гунно-сарматскую эпохи на Алтае, подтверждает эти выводы.

Результаты исследования

Деревянные музыкальные инструменты *скифского времени* типа *арфа* были найдены во время раскопок 2-го Пазырыкского кургана в 1946 г. в Центральном Алтае. В первой монографии, в разделе «Предметы искусства ритуально-культового значения» С.И. Руденко писал, что «резонансные корпусы струнных инструментов по типу совершенно одинаковы и выдолблены из куска цельного дерева». Они представляли собой два больших корпуса, у каждого из которых отсутствовал один торец [1948, с. 44–46, табл. XXIV, *10, 11*], (рис. 1, *1, 2*). Позже, во время исследования 2-го Башадарского кургана в могильной яме им же было обнаружено множество мелких фрагментов музыкального инструмента «типа арфа» – стенки, дно корпуса, фрагмент грифа с лопастями для крепления, остатки струнодержателя, фрагменты ко-

Рис. 1. Музыкальные предмет «типа арфа» из кург. 2 могильника Пазырык скифского времени на Алтае.
1, 2 – найденный С.И. Руденко в 1946 г. [Руденко, 1948, табл. XXIV, *10, 11*]; *3* – он же в экспозиции Государственного Эрмитажа (фото В.П. Мыльникова).

жаной деки-мембраны [Руденко, 1960, с. 62–63]. В монографии 1953 г. он опубликовал таблицу с единственным «абсолютно целым» музыкальным инструментом из кург. 2 могильника Пазырык, который в настоящее время выставлен в экспозиции Государственного Эрмитажа [Руденко, 1953, с. 52, табл. LXXXVI, *1*].

Технико-технологический анализ этого артефакта подтверждает предположение о том, что он является продуктом реставрации, получившимся в результате объединения двух частей одного корпуса, опубликованных в монографии 1948 г. Следы реставрации видны даже без увеличительного стекла (рис. 1, *3*). Овально-удлиненный корпус-резонатор музыкального инструмента с длинным тонким грифом «типа арфы» по внешнему виду и по конструкции напоминает маленькую колоду или лодочку. Корпус сверху покрыт лоскутом тонко выделанной кожи, закрепленной по периметру бортиков маленькими деревянными коническими гвоздиками, вбитыми в просверленные отверстия диаметром 2–3 мм. Кожаное покрытие с семью круглыми резонирующими отверстиями, вероятно, служило мембраной-резонатором, как деки у современных струнных инструментов. Круглые резонансные отверстия диаметром 10 мм расположены симметрично по два у бортиков возле торцов корпуса и три по центру между торцами инструмента. На одном торце корпуса по центру вырезан узкий прямоугольный выступ с закругленными краями – струнодержатель. На другом торце, также по центру, вырезан прямоугольный шип для крепления грифа для струн, который представляет собой вырезанную из одной заготовки круглую палочку с широкой прямоугольной реечкой-площадкой на одном конце, которая крепилась к корпусу при помощи пазово-шипового соединения.

С.И. Руденко предположил, что инструмент имел до шести струн, крепившихся одним концом к струнодержателю, другим – на головке к вращающимся колкам для ее натяжения. Он считал, что музыкальные инструменты пазырыкцев относятся к той же категории, что и индийская *саринга*, казахский *кобыз*, марокканский *ребаб*. Известный советский музыковед К.А. Вертков, сделавший по просьбе С.И. Руденко подробное описание и анализ музыкальных инструментов [Руденко, 1948, с. 45–46], утверждал, что они имеют много общего

с известными экземплярами древнеегипетских лютен и арф. Осмотрев оба корпуса из пазырыкских курганов, он высказал предположение о том, что они вместе могли быть частями сложного «парного» инструмента, «имеющего одну общую головку и два обособленных резонансных корпуса, над которыми проходили струны». Им же найдены и аналогии с корпусами древнеассирийских арф [Там же, 1948, с. 45–46; Perrot, Chipiez, 1884, p. 205]. Музыкальные инструменты из дерева, бытовавшие в Древней Ассирии, представлены на барельефах дворца Ашурнасирпала в Кальху (Нимруд, Ирак). Некоторые из них внешне удивительным образом похожи на пазырыкские и дают общее представление о способах крепления грифа к деке и расположению на них струн.

Технико-технологический анализ корпусов пазырыкских арф позволил понять особенности их изготовления, определить отдельные стадии и операции, выделить инструментарий. Можно сказать, что принцип производства музыкального щипкового инструмента «типа арфа» пазырыкской культуры тот же, что и у тела погребального ложа-колоды, с небольшой разницей, которая объясняется его малыми размерами. Вместо крупного инструментария в виде тесел и топора, применявшихся деревообработчиками при производстве погребальных лож-колод, для выборки древесины из полости корпуса будущего музыкального инструмента, использовались стамески с полукруглым и прямоугольным лезвием и нож**,** отдельные следы лезвий которых фиксируются на внутренних поверхностях корпусов «арф». Внешние поверхности стенок корпуса и торцов тщательно остругивались ножом и заглаживались. На обоих торцах корпуса музыкального инструмента выстругивались уплощенные прямоугольные выступы. На малом конце деки выступ служил в качестве струнодержателя (подгрифка); к другому, большему по диаметру торцу деки, под небольшим углом к корпусу крепился при помощи пазово-шипового соединения длинный круглый в сечении стержень-гриф с двумя плоскими выступами-лопастями и прямоугольной прорезью по центру. Возможно, гриф в верхней части (сохранилась только его нижняя половина) имел простейшее устройство

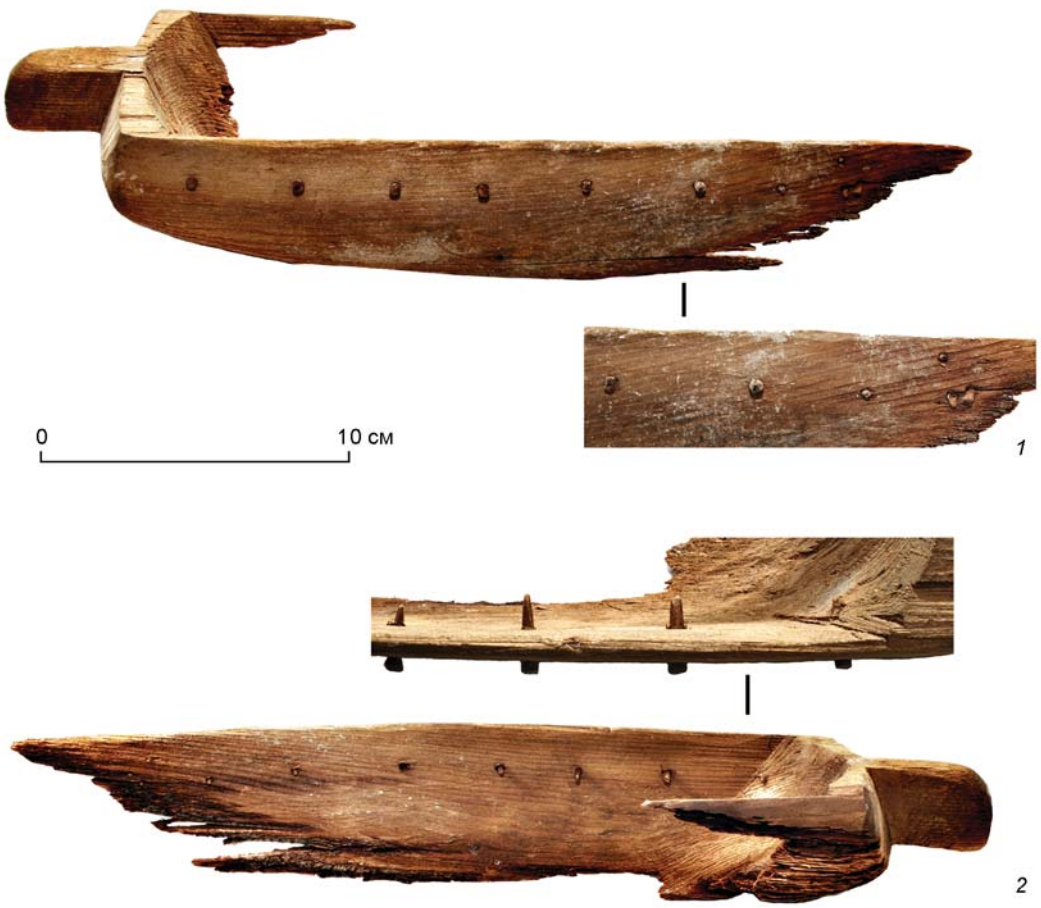


Рис. 2. Фрагменты боковин корпуса со струнодержателем музыкального инструмента «типа арфа» из кург. 62 могильника Яломан II гунно-сарматского времени на Алтае (фото В.П. Мыльникова).

1 – внешняя поверхность боковины корпуса; *2* – внутренняя поверхность боковины корпуса.

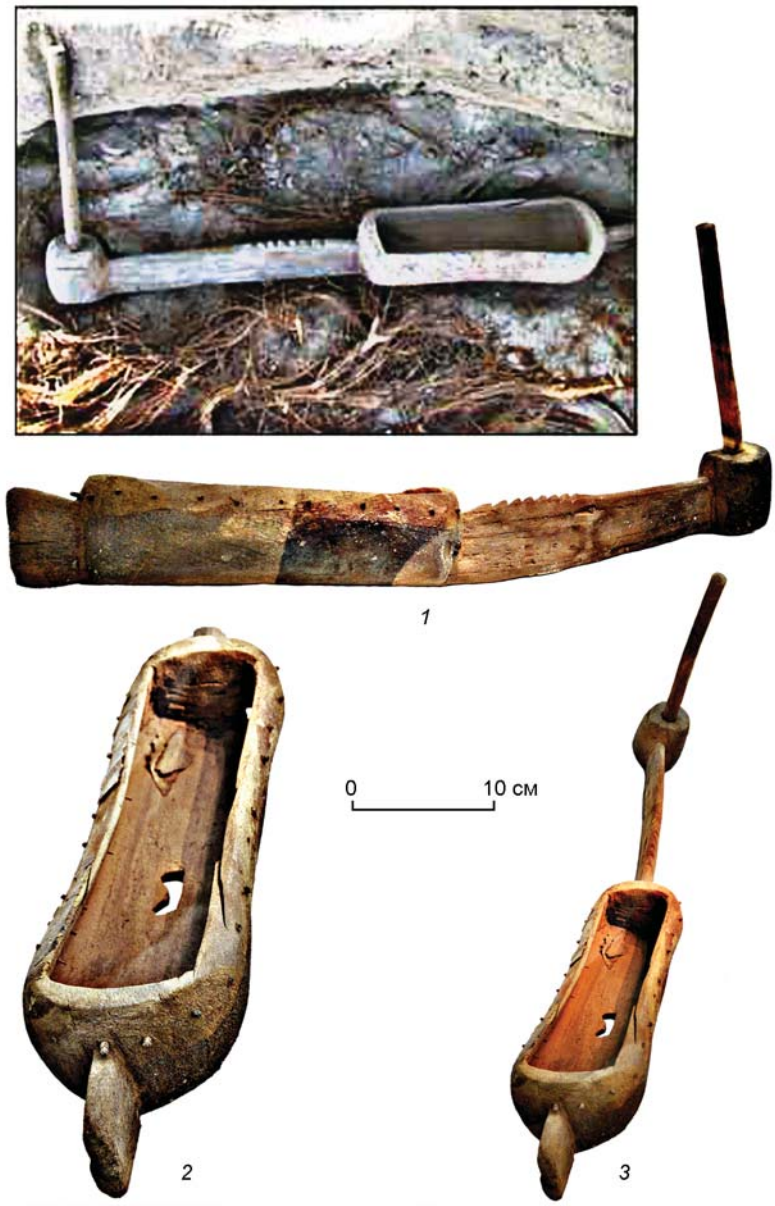


Рис. 3. Музыкальный инструмент «типа арфа» гуннского времени, найденный в Синьцзяне (Китай) и хранящийся в музее Института изучения культурного наследия (г. Урумчи) (фото по: [Тишкин, Mylnikov, 2016]).
1 – музыкальный инструмент *in situ*; *2, 3* – музыкальный инструмент в экспозиции музея.

для натяжения струн – колки. Не исключено и применение пластины-подставки под струны возле струнодержателя для регулировки изменения строя инструмента за счет изменения мензуры – длины рабочей, звучащей части струны на музыкальных инструментах. Изменение положения подставки влияло на изменение тембра звучания струн: при сдвиге к подгрифку звук становится глуше, дальше от него – громче, ярче.

Полость корпуса полностью закрывалась прямоугольным лоскутом тонко выделанной кожи, в которой вырезалась комбинация из круглых отверстий – звукорезонаторов. Кожаная дека крепилась к краям бортиков корпуса маленькими острыми деревянными гвоздиками-шплинтами, которые с большой тщательностью вколачивались деревянным молотком-киянкой на одинаковую глубину.

Видимо, струны были изготовлены из овечьих жил или кишок – их производство с глубокой древности и до современности остается традиционным. Инструменты могли иметь до шести струн из тонких сухожилий, фрагменты которых сохранились на одном экземпляре [Руденко, 1948, с. 45–46]. В наши дни для производства струн используют комбинацию кишок, нейлона и стали, хотя большинство мастеров-музыкантов по-прежнему уверены, что струна, сделанная из чистой кишки, издает наиболее теплый тон. Струны пазырыкской арфы протягивались от струнодержателя – выступа на одном торце корпуса – над кожаной мембраной-декой, через маленькую пластинку-подставку (порожек) к грифу и на нем закреплялись.

Натяжение струн, их регулировка до нужной тональности могла осуществляться двумя способами: при помощи простейших приспособлений – колков, как на древнеегипетских арфах, или простым натяжением и закреплением струн. Поскольку гриф был наклонен к корпусу под тупым углом, длина струн получалась разной, и в результате у каждой струны был свой звук. Принцип игры на такой арфе, очевидно, тот же, что и у современных щипковых струнных инструментов. Каждую струну музыкант натягивал, регулируя ее звучание до нужной тональности (ноты). Игра заключалась в мелодичном подборе звучания перебираемых пальцами струн.

Музыкальный предмет *гунно-сарматского времени* на Алтае найден в кург. 62 могильника Яломан II [Тишкин, Мыльников, 2016, с. 53–54]**.** Предположительно – боковины корпуса музыкального инструмента (арфа) с торцом для крепления струн. Внешне похож на фрагмент коробочки, похожей на пенал для хранения инструментов, только в отличие от нее имеет закругленный снизу наклонный торец с ручкой (рис. 2). На расстоянии 1,5–2 см от края бортиков с двух сторон коробочку

опоясывает ряд выступающих за края деревянных штифтов-гвоздиков, предположительно по 10–12 с каждой стороны. Длина фрагмента корпуса без ручки – 28,5 см, с ручкой – 33 см. Уплощенная ручка с овальным торцом – 4,2 × 1,8 × 2,5 см. Максимальная ширина корпуса – 10 см, высота – 5,7 см. Толщина стенок – 3–4 см. Стенки ровные отвесные. На лицевой стороне сохранившейся стенки, ниже кромки бортика на 14–16 мм, на расстоянии 3 см друг от друга просверлены около десяти сквозных отверстий диаметром 3 мм, в которые вставлены (вбиты) квадратные в сечении конические шпильки (деревянные гвоздики) длиной 16–18 мм с заостренными концами. Снаружи они выступают за края бортиков на 2,5–3 мм, изнутри – на 6–7 мм. У обломанного края бортика просверлены два дополнительных отверстия: одно рядом, другое на 1 см выше. В них тоже вставлены гвоздики. Сохранившийся торец неровный: снаружи наклонен вовнутрь на 15–17°, внутри – плавный пологий наклон к днищу на 25–30°. На наружной поверхности торца «пенала» фиксируются следы строгания лезвием ножа, изнутри – нешироким лезвием малого тесла (долото, стамеска). Материал – пихта.

Анализ предмета позволяет высказать предположение о том, что это остатки музыкального предмета типа «арфа». Предположительно 10–12 гвоздиков, вбитых по каждому бортику, служили для тугой натяжки резонатора-деки из тонко выделанной кожи. Сохранившийся торец с выступом, очевидно, предназначался для крепления 3–5, которые проходили над резонатором-декой и закреплялись на простейшем небольшом грифе, приделанном к противоположному несохранившемуся торцу. Приблизительные аналоги этого инструмента – «арфа» из кург. 2 могильника Пазырык из экспозиции Государственного Эрмитажа. Есть подобные находки в соседнем Китае. Музыкальный инструмент типа «арфы», найденный в Синьцзяне (Китай) и хранящийся в музее Института изучения культурного наследия г. Урумчи может быть самой близкой аналогией «арфы» из кург. 62 (рис. 3).

Традиции изготовления музыкальных инструментов «типа арф» продолжилась в *древнетюркское время*. На Монгольском Алтае исследовано погребение человека с конем восьмого века нашей эры [Мыльников, Ульзийбаяр, 2017]. По антропологическим и одонтологическим данным было установлено, что погребенный был молодой мужчина 20–25 лет 167 см роста. В районе черепа мужчины обнаружен музыкальный инструмент, изготовленный из дерева (рис. 4, *1*). Небольшой изящный, утонченных форм инструмент лежал на боку. Концом изогнутого, овального в сечении грифа с на-

Рис. 4. Музыкальный инструмент «типа арфа» с навершием в виде головы коня на окончании грифа из могилы древнетюркского времени в расщелине горы Жаргалант Хайрхан. Сомон Ховд, Монголия (фото по: [Tsagaan Törbat et al., 2009]).

1 – музыкальный инструмент *in situ*; *2* – музыкальный инструмент в фотопавильоне; *3* – знаки рунической надписи на грифе; *4* – днище корпуса с резной сценой охоты на диких животных.

вершием в виде головы коня, он был ориентирован на восход солнца. Исследователи утверждают, что при его обнаружении не было видимых признаков того, что прибор до раскопок менял исходное положение. Несмотря на столь продолжительное время нахождения в могиле, сохранность древесины была очень хорошей [Tsagaan Törbat et al., 2009, S. 373–374, рис. 4, *2*].

Фотоаналитический метод позволяет определить морфологию предмета и выделить некоторые технологические особенности его изготовления. Плавно изогнутый гриф оканчивается маленькой, искусно вырезанной ножом скульптурной головкой коня или верблюда. Гриф плотно оклеен хорошо выделанной тонкой берестой. По бересте вдоль грифа острым лезвием ножа с обеих сторон нанесены (тонко прорезаны) знаки рунической надписи (рис. 4, *3*). На днище корпуса (деке) изображена сцена охоты человека на диких животных. Животные, числом около десятка, друг над другом попарно в технике прорезной граффити (скобчато-выемчатая резьба) вырезаны тонким лезвием остро отточенного ножа. Среди них четко читаются фигуры пяти оленей с роскошными ветвистыми рогами и одного козла с длинными изогнутыми к спине рогами и маленькая фигура коровы или быка. Одно изображение оленя перевернутое. Оно отличается от остальных светлым цветом и формой рогов, и выглядит заметно новее. Этот факт может свидетельствовать о том, что перевернутая фигура оленя нанесена значительно позже остальных. Точно по центру плоскости днища с рисунками вырезан небольшой крестообразный резонатор звука в виде симметричных сквозных прорезей размерами 20 × 3 мм на 25 × 3 мм (рис. 4, *4*). Сверху емкость инструмента закрыта овальной пластиной, изготовленной из очень тонкой березовой дощечки.

Рис. 5. Музыкальные струнные щипковые инструменты.

1 – древнеегипетский музыкальный инструмент – арфа; *2* – современный китайский инструмент – арфа.

Заключение

Музыка – величайшее достижение человеческой культуры. Ее появление связано с изобретением человеком музыкальных инструментов. Археологические находки свидетельствуют о том, что первые музыкальные инструменты были духовые из кости и рога. Они появились в эпоху палеолита. Щипковые музыкальные инструменты с резонаторами, изготовленными из дерева, появились в раннем железном веке.

Время бытования деревянных щипковых музыкальных инструментов «лютня» насчитывает несколько тысячелетий. Самыми древними считаются древнеегипетские лютни (рис. 5, *1*). На них разительно, буквально до всех тонкостей формы и технологии изготовления похожи современные китайские (рис. 5, *2*). Сравнительно-типологический анализ разных по времени и месту бытования предметов одной классификационной категории

показывает, что за столь продолжительное время основные элементы технологии изготовления их звуковых резонаторов и грифов не претерпели существенных изменений. Однако, в разных культурах в зависимости от качества материала и культурных предпочтений, изменялись и совершенствовались форма резонатора и гриф, количество и качество струн, расположение и способы их натяжения на деке и грифе.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Лбова Л.В., Волков П.В., Кожевникова Д.В. Свидетельства древнейших музыкальных традиций в археологии Сибири (начальная стадия верхнего палеолита) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. – С. 124–131.

Лбова Л.В., Кожевникова Д.В., Волков П.В. Музыкальные инструменты ранней стадии верхнего палеолита в контексте знакового поведения (материалы Забайкалья) // Тр. III (XIX) Всерос. археолог. съезда. – Т.I. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – С. 63–64.

Лбова Л.В., Кожевникова Д.В. Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2016. – 180 с.

Мыльников В.П., Ульзийбаяр С. Деревянные погребальные ложа закрытого типа гуннского времени в Монголии: по материалам могильника Салхитын Ам // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 2. – С. 37–41.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 73 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 192 с.

Bolus M., Conard N.J. What Can We Say about the Spatial-Temporal Distribution of Early Aurignacian innovations // Eurasian Prehistory. – 2009. – № 5. – P. 19–29.

Conard N., Malina M., Münzel S. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany // Nature, 2009. № 460 (7256). – P. 737–740.

D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism and Music – an Alternative Multidisciplinary Perspective // J. of World Prehistory. – 2003. – № 17. – P. 1–70.

Perrot G., Chipiez. Histoire de l`art dans l`antiquite: Chardee et Assyrie. Tome II. – Paris: Librairie Hachette et C-ie, 1884. – 452 gravures, 825 p.

Tsagaan Törbat, Dunbüree Batsükh, Jan Bemmann, Thomas O. Höllmann, Peter Zieme. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd aimag, with the oldest preserved Horsehead Fiddle in Mongolia – A preliminary Report // Current archaeological research in Mongolia Papers from the First International Conference on «Archaeological Research in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007. – Ed. Jan Bemmann, Hermann Parzinger, Ernst Pohl, Damdinsuren Tseveendorzh. – Vor- und Fruhgeschichtliche Archaologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Univ. – Bonn, 2009. – S. 365–384.

References

Bolus M., Conard N.J. What Can We Say about the Spatial-Temporal Distribution of Early Aurignacian innovations. *Eurasian Prehistory*, 2009. N 5. P. 19–29.

Conard N., Malina M., Münzel S. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany. *Nature*, 2009. N 460 (7256). P. 737–740.

D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism and Music – an Alternative Multidisciplinary Perspective. *J. of World Prehistory,* 2003. N 17. P. 1–70.

Lbova L.V., Kozhevnikova D.V. Formy znakovogo povedeniya v paleolite: muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2016. 180 p. (In Russ.).

Lbova L.V., Kozhevnikova D.V., Volkov P.V. Muzykal'nye instrumenty rannei stadii verkhnego paleolita v kontekste znakovogo povedeniya (materialy Zabaikal'ya). In *Trudy III (XIX) All–Russian Archaeological Congress. T.I.* St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, 2011. P. 63–64. (In Russ.).

Lbova L.V., Volkov P.V., Kozhevnikova D.V. Evidence of Ancient Musical Tradition in Archaeology of Siberia (Early Upper Paleolithic Stage). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History, Philology,*

2010. Vol. 9. Iss. 5: Archeology and Ethnography. P. 124–131. (In Russ.).

Mylnikov V.P., Ulziibayar S. Hunnic Enclosed-type Wooden Funeral Beds in Mongolia: A Case Study of Salhityn Am Burial Site. *Humanitarian Sciences in Siberia,* 2017. Vol. 24. N 2. P. 37–41. (In Russ.).

Perrot G., Chipiez. Histoire de l`art dans l`antiquite: Chardee et Assyrie. In *Tome II. Paris: Librairie Hachette et C-ie,* 1884. 452 gravures, 825 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 402 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960. 359 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Vtoroi Pazyrykskii kurgan. Leningrad: State Hermitage Museum Publ., 1948. 73 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Mylnikov V.P. Derevoobrabotka na Altae vo II v. do n.eh. – V v. n.eh. (po materialam pamyatnikov Yaloman-II i Bosh-Tuu-I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016. 192 p. (In Russ.).

Tsagaan Törbat, Dunbüree Batsükh, Jan Bemmann, Thomas O. Höllmann, Peter Zieme. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd aimag, with the oldest preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – A preliminary Report. In *Current archaeological research in Mongolia Papers from the First International Conference on «Archaeological Research in Mongolia» held in Ulaanbaatar*, August 19th–23rd, 2007. Edited by Jan Bemmann, Hermann Parzinger, Ernst Pohl, Damdinsuren Tseveendorzh. Vor- und Fruhgeschichtliche Archaologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat. Bonn, 2009. P. 365–384.

Мыльников В.П. https://orcid.org/0000-0002-7532-9607

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0647-0655
УДК 903.21; 903. 26

**Л.Н. Мыльникова✉, В.И. Молодин, И.А. Дураков,
Н.С. Ефремова, Л.С. Кобелева, М.А. Кудинова,
Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ненахова, М.С. Нестерова,
Д.В. Селин, К.А. Борзых, Д.Н. Бобин,
А.С. Кравцова, А.А. Некраш, Б.С. Попова,
А.А. Титова, Р.М. Харитонов, Е.С. Швецова**

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: l.mylnikova@yandex.ru*

Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения

В работе представлены краткие результаты исследования кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы саргатской культуры. Памятник расположен на террасе займища Урочище Таи в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Насыпь кургана представляла собой земляную конструкцию овальной формы, высотой над уровнем современной дневной поверхности 1,5 м, размерами 20 × 30 м на момент начала раскопок. Раскоп составил 916 м^2. Выявлено, что на площади сакрального пространства, окруженного ровиком, сооружены 22 погребения. Внутренняя периодизация погребений прослежена по планиграфии и стратиграфии могил. Центральное погребение взрослого мужчины ограблено. Синхронно с центральным погребением (до сооружения насыпи кургана) кольцом по периметру были возведены еще семь могил. Общей чертой захоронений является их незначительная глубина (до 0,4 м). Несмотря на разграбление, выявлено, что практически в каждой камере в качестве перекрытия использовалась береста. Следующие сооружения (4 могилы) были встроены в ряды выше перечисленных. Самое позднее сооружение перерезало предыдущие. Все погребения данной серии содержат наборы сопроводительного инвентаря: женские в большинстве случаев – три сосуда, мужские – два. И те и другие имели однолезвийный железный нож. У мужчин встречались железные и костяные наконечники стрел, у женщин – глиняные пряслица, в нескольких захоронениях – расшитые головные уборы. В насыпи кургана обнаружены девять впускных погребений, совершенные, скорее всего, по обряду вторичного захоронения. Общей чертой всех погребений является сопровождение практически каждого из них инвентарем, который типичен для саргатской культуры, что позволяет отнести все захоронения к единой культуре, а рассматриваемый комплекс кург. № 51 – к разряду элитных погребальных сооружений саргатского общества.

Ключевые слова: *Новосибирская обл., элитные курганы, саргатская культура, погребальный набор.*

**L.N. Mylnikova✉, V.I. Molodin, I.A. Durakov,
N.S. Efremova, L.S. Kobeleva, M.A. Kudinova,
D.A. Nenakhov, Y.N. Nenakhova, M.S. Nesterova,
D.V. Selin, K.A. Borzykh, D.N. Bobin,
A.S. Kravtsova, A.A. Nekrash, B.S. Popova,
A.A. Titova, R.M. Kharitonov, E.S. Shvetsova**

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: L.mylnikova@yandex.ru*

Elite Burial Mound No. 51 at the Ust-Tartas Burial Ground: General Information

This article briefly describes the study of burial mound No. 51 of the Sargat culture at the Ust-Tartas burial ground. That site is located at floodplain terrace in Urochishche Tai (Vengerovo District, Novosibirsk Region). The mound measuring

20 × 30 m by the beginning of excavation, was an oval-shaped earthen structure rising 1.5 m high above the present-day surface. The excavation area was 916 m^2. Twenty two burials were discovered in the sacred area surrounded by a ditch. Internal periodization of these burials was established using planigraphy and stratigraphy of the graves. The main burial of an adult male was robbed. Six more graves were made around the perimeter simultaneously with central burial before construction of the mound. A common feature of burials is their small depth (up to 0.4 m). Despite the robbery, birch bark used as a cover was found in almost every chamber. Next four structures were built into the rows of the structures mentioned above, and the last structure from those made in sterile soil, cut through the previous structures. All burials of this set were accompanied by burial inventory. Female burials had three vessels; male burials had two vessels. Both male and female burials contained a single-edged iron knife. Male burials had iron and bone arrowheads; female burials had clay spindle whorls. Women from several burials were dressed in embroidered headwear. Nine secondary burials were found in the mound. A common feature of all burials is that almost each one was accompanied by goods typical of the Sargat culture, which makes it possible to attribute all burials to a single culture, and the entire complex of burial mound No. 51 to the category of elite burial structures of the Sargat society.

Keywords: *Novosibirsk Region, elite burial mounds, Sargat culture, burial inventory.*

Тогучинский и Западно-сибирский отряды Северо-Азиатской экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2022 г. исследовали курган № 51 Усть-Тартасского могильника в рамках научного проекта РНФ № 22-18-00012, посвященного изучению элитных курганов эпохи раннего железного века Новосибирской обл.

Курганный могильник Усть-Тартасские курганы впервые описан И.П. Фальком в 1771–1772 гг. [Академические экспедиции…; Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, 1824]. В.М. Флоринский писал о могильнике как «о настоящем некрополисе со множеством курганных могил» [1889, с. 46]. По данным прозектора Томского университета С.М. Чугунова название «Усть-Тартасский могильник» было присвоено В.М. Флоринским «курганной области» из 256 объектов, «раскинутых вокруг села Спасского» [Чугунов, 1900, кн. XVI, с. 11]. Сам С.М. Чугунов писал о расположении 122 курганов [Там же, с. 18]. Ему же принадлежит первенство в раскопках: 13 сооружений были исследованы им в 1895–1896 гг. Несмотря на несовершенство методики раскопок с современной точки зрения, исследованные им курганы дали весьма представительный вещевой комплекс, содержащий немало разнообразных предметов, относящихся преимущественно к саргатской культуре эпохи раннего железного века [Полосьмак, 1987, с. 132–135; Троицкая, Автушкова, 2010, с. 51]. Один курган был датирован тюркским временем [Бараба в тюркское время, 1988, с. 10–12]. Сведения о могильнике есть в работах А. Молотилова [1912, с. 225], И.А. Талицкой [1953, с. 334]. В Отчете о разведке по р. Оми 1966 г. Т.Н. Троицкая отметила, что из 122 курганов, отмеченных С.М. Чугуновым, большая часть распахивается, от пяти больших курганов остались три [1966].

В 1971 г. в зоне строительства оросительной системы в Урочище Таи проводил разведку В.А. Борзунов. На могильнике Усть-Тартасские (Венгеровские) курганы был снят план, где отмечены 54 объекта. Он зафиксировал, что общая протяженность могильника составляет более 9 км, и что «…большинство курганов распахивается, грабленые, в распашке между курганами встречается подъемный материал эпохи раннего железа – эпохи средневековья» [Борзунов, 1971].

В.И. Молодин в 1979 г. на могильнике раскопал 2 кургана, датировал их саргатской культурой раннего железного века [Молодин, 1979]. В 80-е годы XX в. Д.Г. Савинов и Н.В. Полосьмак исследовали еще один курган данного могильника, имеющий оригинальную архитектуру (три рва), но с целиком разграбленной центральной погребальной камерой [Савинов, Полосьмак, 1985; Полосьмак, 1987; Молодин, Новиков, 1998, с. 62].

Серьезным этапом в деле сохранения историко-культурного наследия региона стало проведение Новосибирским НПЦ фотофиксации, привязки к карте М 1 : 5 000 000, геодезической съемки этого памятника [Молодин и др., 2017; Софейков, 2007; Князев, 2010–2011, 2018; Кошман, 2009], констатации его аварийного состояния [Князев, 2010–2011], снятия инженерно-топографического плана [Князев, 2018].

Усть-Тартасский могильник расположен на правой надпойменной террасе р. Оми (займище Урочище Таи), по обе стороны от автодороги Венгерово – Куйбышев (Старый Московский тракт) в Венгеровском р-не Новосибирской обл. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. К сожалению, длительный период на могильнике проводились ежегодные работы по возделыванию полей, в том числе с использованием мощных тракторов, в результате некоторые насыпи были полностью снивелированы и даже крупные объекты сильно подпаханы по периметру. Часть курганов уничтожена в результате частых ремонтов Московского тракта. Частично подрезаны и земляные конструкции, расположенные рядом с дорожным полотном. По юго-западной части могильника (слева от трассы), расположен-

ной на краю надпойменной террасы, проходят лесополоса и грунтовая автомобильная дорога, здесь фиксируются многочисленные карьеры и ямы – следы забора грунта. Юго-восточная, северо-восточная, северная и северо-западная части памятника (справа от трассы) распахиваются и сегодня [Князев, 2018; Молодин и др., 2017]. По сведениям А.О. Князева, в 2018 г. на памятнике визуально фиксировались 54 насыпи [2018].

В 2016 г. кург. 51 и прилегающая к нему площадка были подвергнуты геофизическому мониторингу, в результате чего зафиксированы сопутствующие кургану аномалии, а также наличие ровика, что позволило отнести его к разряду элитных [Парцингер и др., 2016], позже геофизические работы на памятнике были продолжены [Дядьков и др., 2017; Молодин и др., 2017; Эпов и др., 2017], в т.ч. и в 2022 г.

До раскопок насыпь кург. 51 представляла собой земляную конструкцию овальной формы, ее полы сильно распаханы, а северная – покрыта лесопосадками. Высота насыпи над уровнем современной дневной поверхности составляла 1,5 м. Ее центральная часть представляла собой неровную, изрытую многократными внедрениями, полностью задернованную поверхность. К тому же, как оказалось, верхняя часть дернового слоя склонов насыпи была нарушена распашкой. По этой же причине конструкция насыпи растянута по направлению вдоль края террасы. Ее размеры на момент начала раскопок составляли 20 × 30 м.

Поскольку геофизический мониторинг показал наличие нескольких образующих систему аномалий, насыпь кургана и эти аномалии были вписаны в общий раскоп площадью 916 м^2. Следует отметить, что все ямы, расположенные с юго-западной стороны от кургана, относились к поселенческим комплексам. В них зафиксированы, преимущественно, скопления чешуи рыбы, мелких обломков костей животных и птиц, а также фрагменты керамики, относящиеся к эпохе раннего неолита – поздней бронзы. О поселенческом характере объектов этого участка раскопа свидетельствуют еще и находки каменных орудий, которые попали в насыпь кургана при ее сооружении, поскольку землю во время этих работ брали, вероятнее всего, с близлежащей территории.

Раскопки насыпи кургана, включая прилегающий участок, проводились вручную, что полностью оправдало себя. Насыпь кургана примерно по центру была поделена двумя пересекающимися контрольными бровками, на которых зафиксированы стратиграфические разрезы.

Характеристика обнаруженных в архитектурном сооружении объектов в данной обзорной статье представлена, начиная с момента освоения сакрального пространства человеком, чтобы продемонстрировать выявленные этапы этого сложного и многофакторного процесса. Завершающей стадией было обнесение земляной конструкции круглым в плане ровиком, выкид из которого стал ее составляющей частью. Его (выкида) следы отчетливо прослеживались по внешнему периметру насыпи. Ровик был довольно глубок, от уровня материка его глубина составляет 0,6–0,75 м, с учетом мощности погребенной почвы, она, вероятно, достигала 0,8–0,95 м, ширина – 0,7–0,92 м. Диаметр по внешнему краю 14–15,5 м (рис. 1).

Ровик имел два прохода на сакральную территорию в виде материковых перемычек в южной и северной частях. Рядом с южным проходом выявлен объект 11, представленный черепом лошади, а в оконечности ровика было оставлено жертвоприношение, состоящее из рубленых костей крупного животного, бронзовых иглы и ножа (объект 10). Приклад помещался в ровик, скорее всего, на заключительной стадии всей процедуры, когда все захоронения, совершенные в пределах сакрального пространства, засыпались землей, вероятно, вместе с ровиком, и конструкции придавалась законченная форма, близкая к полусфере. Еще одной специфической особенностью ровика является наличие в нем рыбьих костей и чешуи, которые встречались скоплениями в восточном крыле на разной глубине, и костей животных, сконцентрированных в западном крыле. Вероятно, это были периодические жертвоприношения, помещаемые в ровик.

При исследовании конструкции были обнаружены 22 захоронения (рис. 1), совершенные эпохально в одно время, но с определенными временными промежутками. Внутреннюю хронологию погребений удалось отчетливо проследить благодаря планиграфии могил, а также стратиграфическим наблюдениям, произведенным при вскрытии комплексов.

Изучение дошедшего до нашего времени достаточно представительного инвентаря и, прежде всего, значительного керамического комплекса (более 20 сосудов) позволяет отнести исследованный кург. 51 Усть-Тартасского могильника к саргатской культуре [Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Полосьмак, 1987; Мыльникова, Чемякина, 2002; Кобелева, 2009].

Анализ стратиграфии и планиграфии показывает, что самым первым и, по-видимому, основным захоронением кургана следует считать центральное погр. 9. Оно превышало остальные погребения по габаритам. Сохранившиеся параметры позволяют судить о его размерах: 1,85 × 3,15 м. Глубина – 0,9–1,02 м. Могила нарушена, по крайней мере, двумя грабительскими ямами и практически полностью

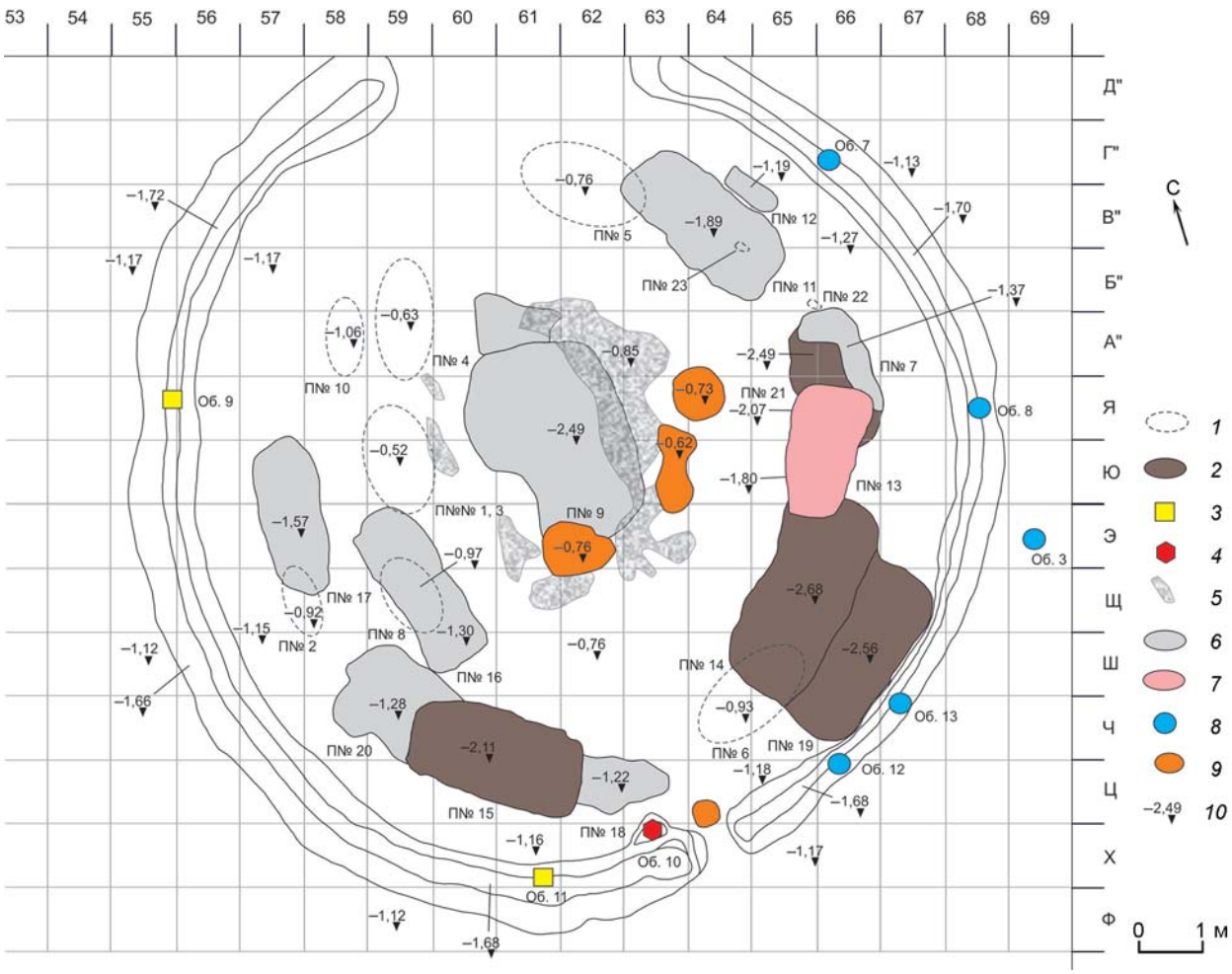


Рис. 1. План кург. 51.

1 – погребения в насыпи; *2* – погребения второй очереди; *3* – кости животных; *4* – приклад во рву; *5* – береста; *6* – центральная могила (П№ 9) и погребения, синхронные центральной могиле; *7* – погребение, крайнее по очереди захоронения из углубленных в материк; *8* – останки рыбы; *9* – прокалы; *10* – нивелировочные отметки.

ограблена. По сохранившимся останкам скелета зафиксировано, что похоронен был взрослый мужчина. Его положение в могиле установить не удалось. Однако сохранившийся инвентарь свидетельствует, что в могилу был помещен воин. Об этом говорят бронзовые, железные и костяные наконечники стрел, накладки на лук т.н. гуннского типа, обломки железных предметов (вероятно, тоже оружия), крупная роговая подпружная пряжка, костяные разделители ремней узды и сосуд классического саргатского облика. По результатам анализа инвентаря комплекс датируется в пределах III–I вв. до н.э.

Над центральной погребальной камерой, на уровне древней дневной поверхности зафиксировано подчетырехугольное сооружение, представлявшее собой деревянную раму из березовых неошкуренных бревен, перекрытую несколькими слоями бересты и подожженную в процессе ритуальных действий. Судя по мощному прокалу, огонь в этом, скорее всего, поминальнике, поддерживался длительное время. Очевидно, что данное ритуальное сооружение относилось, во-первых, к центральной погребальной камере, во-вторых, функционировало уже после того, как могила была закопана.

По-видимому, синхронно с центральным погребением (до сооружения насыпи кургана) кольцом по периметру, охватывая центр, были возведены еще семь могил: четыре (16, 17, 20, 18) – в западной половине кургана и три (11, 12, 7) – в восточной. Захоронения образуют своего рода разомкнутую дугу между центральной могилой и кольцевым ровиком, оставляя свободное пространство перед его разрывами с севера и юга. Все эти могилы оказались сильно потревоженными, хотя в них сохранилось немало атрибутов. Все, кроме мог. 7, где покоились останки двух человек, были индивидуальными. Два погребения (12 и 18) – детские, остальные – взрослые. Все могильные ямы имели подпрямоугольную форму, их размеры диктовались индивидуальными особенностями похороненных в них людей. Общей

характерной чертой захоронений данной группы была их незначительная глубина от 0,1 до 0,4 м. Несмотря на ограбление, можно сказать, что практически в каждой погребальной камере в качестве перекрытия использовалась береста, которая резко отрицательно повлияла на сохранность костей скелетов – порой они просто не сохранились или же читались как костный тлен. Все рассматриваемые захоронения этой группы изначально содержали достаточно представительный погребальный инвентарь. Даже лишь частично сохранившиеся предметы от разграбленных комплексов свидетельствуют о помещении в захоронения по несколько сосудов, серии украшений женских головных уборов, бронзового зеркала, блюда-алтарика, железных орудий, оружия и других предметов. Все захоронения этой группы однозначно относятся к саргатской культуре.

После сооружения представленной группы могил в юго-западной и юго-восточной частях кургана сооружены еще четыре захоронения, которые были встроены в выше перечисленные ряды. В ЮЗ части это была мог. 15, а в ЮВ – захоронения 14, 19 и 21. Погребение 13, вероятно, самое позднее среди грунтовых. Могильные ямы были сооружены в то время, когда мягкие ткани в устроенных здесь ранее захоронениях еще окончательно не разложились. Например, мог. 15 нарушила мог. 18, а мог. 21 – мог. 7. Все могильные ямы этой серии отличались, прежде всего, своей глубиной, достигавшей почти двух метров. Их заполнение представляло собой пестроцвет – чередующиеся горизонтальные прослои желтого суглинка и темно-серой супеси.

Как отмечено выше, последним из всех этих захоронений была мог. 13 (непотревоженная), явно внедренная в уже засыпанные могильные ямы 7, 21 и 14. Неравномерность оседания заполнения грунта этих могил привела к тому, что труп похороненной взрослой женщины осел вместе с почвой, при этом из-за естественной неравномерности уплотнения грунта верхняя его часть вместе с черепом сместилась значительно ниже, чем нижняя. Вместе с тем отсутствие здесь берестяных конструкций и перекрытия способствовали лучшей сохранности костей погребенной, а также и остального инвентаря. Наличие в погребальном инвентаре, помимо трех сосудов и железного ножа, еще и бронзовой шейной гривны, импортной серебряной серьги, а также фигурки из рога в виде головы кабана (рис. 2), выполненной по канонам скифо-сибирского звериного стиля, свидетельствует, по-видимому, о достаточно высоком статусе погребенной. Прямые аналогии последнего изделия в регионе не известны, однако по стилю исполнения можно привести несколько схожих предметов с территории Алтая и Поволжья [Кирюшин, 1997, с. 183, рис. 64, 4; с. 211, рис. 36, 4; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 175, 205].

Остальные три захоронения этой группы тоже были не потревоженными. Погребальные камеры могил 14, 15, 19 имели достаточно большие размеры и глубину. На дне каждой из них сооружалась конструкция из бревенчатой обкладки по периметру могильной ямы, берестяной подстилки на дне, а сверху – перекрытия из листов бересты и деревянных плах, хаотично набросанных вдоль могилы. В погр. 15 такие плахи лежали поперек деревянно-берестяного сооружения, а в погр. 21 плахи перекрытия носили следы воздействия огня. Умерший человек помещался внутри этого деревянно-берестяного саркофага, что, как уже указывалось выше, крайне негативно сказалось на сохранности костей, да и в целом инвентаря.

Захоронения представлены двумя мужскими (14 и 21) и двумя женскими (15 и 19) погребениями. Как у всех охарактеризованных выше, их ориентация имела основной северный вектор с отклонениями к западу и востоку. В обоих мужских и одном женском (15) умершие были положены на спину, в вытянутом положении. В мог. 19 женщина располагалась на правом боку в слабо скорченном положении.

Все погребения данной серии были снабжены достаточно представительными стандартными наборами сопроводительного инвентаря, явно демон-

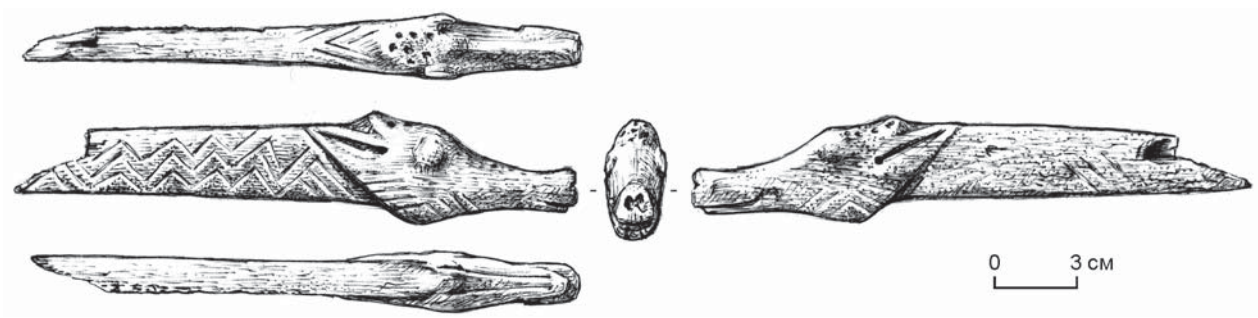


Рис. 2. Изделие из рога.

стирующими устойчивые традиции погребальной практики. Так женщины сопровождались в иной мир тремя сосудами (два – в изголовье и один – в ногах), а мужчины – двумя (в изголовье и в ногах). И те, и другие имели однолезвийный железный нож. У мужчин встречались предметы вооружения в виде железных и костяных наконечников стрел, женщинам помещали в могилу глиняные пряслица.

Кроме того, погребенные женщины из захоронений 19, 15 и 7 были похоронены в меховых или матерчатых шапочках, расшитых разноцветными бусинами и бисером. В отдельных случаях удалось выявить тончайшие нити и шнурочки, на которых эти изящные подвески крепились к головным уборам. Еще одной интересной особенностью данных головных уборов явились ряды фигурных бронзовых бляшек, горизонтально нашитых в один ряд на лобной части головного убора. Бляшки изготовлены штамповкой и имели индивидуальную форму для каждой женщины. В погр. 19 помимо двух крупных округлых бронзовых бляшек находились еще две золотые, украшенные выдавленным пуансоном декором. В женских, а иногда и в мужских захоронениях обнаружены по одной или по две серьги, выполненные из бронзовой либо серебряной проволоки. Их формы различны и требуют особого анализа. В захоронении 21 на предплечье умершего мужчины обнаружены железные кольчатые удила с костяными псалиями.

Разумеется, полученный материал потребует сначала реставрационной обработки, а затем углубленного корреляционного анализа в рамках материалов огромной саргатской общности, аккумулированных в монографиях Н.П. Матвеевой [1993], Л.Н. Коряковой [1988], Н.В. Полосьмак [1987], В.А. Могильникова [1997] и др., а затем и всего скифо-сибирского мира.

Однако на этом анализ элитного кург. 51 еще не заканчивается. После начала разборки насыпи, которая проводилась исключительно вручную, в ее теле обнаружены девять впускных погребений (1–5, 6, 8, 10, 22, 23), совершенных, скорее всего, по обряду вторичного захоронения (при этом погр. 1 и 3, вероятнее всего, представляют одно потревоженное захоронение; погр. 2 может оказаться выкидом антропологических материалов из погр. 17).

Все погребения из насыпи представлены неполными наборами костяков, которые лежали без определенного порядка. Сохранность костей очень плохая, набор костного материала каждого захоронения различен, однако это, несомненно, особые захоронения, совершенные, в силу каких-то обстоятельств именно таким образом. Все впускные погребения объединяет их общее положение в насыпи, а так же их планиграфическая позиция, практически дублирующая кольцо уже охарактеризованных выше грунтовых могил. Они не занимали ни центральной части кургана, ни периферии, близкой к сакральному ровику. Еще одной весьма существенной общей чертой является сопровождение практически каждого из этих погребений инвентарем в виде сосудов, железных ножей и двух колчанных наборов, состоящих из костяных наконечников стрел, пряслица. Весь этот набор типичен для саргатской культуры, что позволяет все эти захоронения отнести к единой культуре, а весь рассматриваемый комплекс кург. 51 к разряду элитных погребальных сооружений саргатского общества.

Добавим, что в погр. 17, в насыпи кургана и за пределами сакрального пространства (как результат распашки) обнаружены фрагменты железной руды и шлака. По внешнему виду и по необычно тяжелому весу предметы выпадают из набора находок, характерных для саргатской культуры. Это дает возможность получить новые сведения для ее характеристики.

Следующим этапом предстоящих работ будет углубленное осмысление полученных источников и введение их в научный оборот.

В заключении следует отметить, что с привлечением естественных наук, прежде всего – геофизики и палеогенетики, удастся получить новые научные результаты принципиально значимого характера, тем более что позитивный опыт получения реконструкций наличия родственных связей на саргатском материале имеется [Пилипенко и др., 2017].

Добавим, что раскопкам кургана предшествовала апробация новых геофизических методов, результаты которых будут введены в научный оборот в ближайшее время.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

Список литературы

Академические экспедиции 1768–1774. И.П. Фальк, И.Г. Георги и И.И. Лепехин [Электронный ресурс]. – URL: http://vseprostrany.ru/index.php/2011-12-03-17-28-44/-----18-/404---1768-1774--------.html (дата обращения: 17.10.2022).

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Е.А. Сидоров, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, Н.В. Полосьмак, П.И. Беланов, А.И. Соловьев, Т.А. Чикишева, А.Р. Ким. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Борзунов В.А. Отчет об археологической разведке в зоне строительства оросительной системы в урочище Таи (Венгеровский район Новосибирской области) летом 1971 г. // Архив ИА РАН. Арх. № 4471. – Екатеринбург, 1971.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Сумин В.А., Позднякова О.А., Евменов Н.Д., Цибизов Л.В. Результаты геофизических и геодезических работ на территории памятника «Усть-Тартасские курганы» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 307–311.

Кирюшин Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин; отв. ред. В.И. Молодин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.

Князев А.О. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Венгеровском, Доволенском, Кочковском, Колыванском, Ордынском районах Новосибирской области в 2010–2011 годах // Архив ИА РАН. Архив НПЦ. – Новосибирск, 2010–2011.

Князев А.О. Отчет о проведении археологических работ на территории Барабинского, Венгеровского, Новосибирского, Карасукского, Кочковского, Чулымского районов Новосибирской области в 2017 году // Архив НПЦ. – Новосибирск, 2018. – Т. 1. – 200 с.; Т. 2. – 146 с.; Т. 3. – 133 с.

Кобелева Л.С. Технология изготовления керамики саргатской культуры: Восточный ареал: автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 27 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – 243 с.

Кошман И.В. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Венгеровском, Куйбышевском, Усть-Таркском районах Новосибирской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Арх. № 914. – 2009.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.; Пущино: Пущинский научный центр РАН, 1997. – 196 с.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири в 1979 г. // Архив ИА РАН. Арх. № 7464. – Новосибирск, 1979.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 138 с. – (Материалы Свода памятников истории и культуры народов России; вып. 3).

Молодин В.И., Парцингер Г., Кобелева Л.С., Гасс А., Фассбиндер Й. Исследования межкурганного пространства могильников саргатской культуры Центральной Барабы с применением магнитометрии // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. – Барнаул, 2017. – С. 44–49.

Молотилов А.М. К вопросу о географическом распределении археологических памятников в Северной и Средней Барабе // Тр. Томского общества изучения Сибири. – М., 1912 (1913). – Т. II, вып. 1. – 234 с.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 401–404.

Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Молодин В.И., Кобелева Л.С., Поздняков Д.В., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование родства погребенных из курганов саргатской культуры в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – № 4. – С. 132–142. – doi:10.17746/1563-0102.2017.45.4.132-142

Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. Томъ шестый. Записки Путешествія Академика Фалька. – СПб.: Изд-во Имп. Акад. Наук, 1824. – 560 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Савинов Д.Г., Полосьмак Н.В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 75–103.

Софейков О.В. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Барабинском, Болотнинском, Венгеровском, Здвинском, Искитимском, Каргатском, Коченевском, Краснозерском, Куйбышевском, Купинском, Мошковском, Новосибирском, Ордынском, Сузунском, Татарском, Тогучинском, Убинском, Усть-Таркском, Чановском и Чулымском районах Новосибирской области в 2007 году (в 6 томах) // Архив ИА РАН. Архив НПЦ. – 2007. (электр. версия).

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 242–357.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1966 году // Архив ИА РАН. Арх. № Р-1 3322.

Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 51–61.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири // Из известий Императорского-Томского Университета за 1888/9 год. – Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1889. – 72 с.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем Средневековье // Археология евразийских степей. – 2020 – № 2. – 277 с.

Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири. – X. Курганы Каинского округа Томской губернии // Известия Императорского Томского университета. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. – Кн. XVI. – С. 1–70.

Эпов М.И., Молодин В.И., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Вайсман П.А., Евменов Н.Д., Егоров В.Е., Карин Ю.Г., Колесов А.С., Кулешов Д.А., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Позднякова О.А., Савлук А.В., Селезнев Д.С., Фадеев Д.И., Цибизов Л.В., Шапаренко И.О., Шеремет А.С. Археогеофизические исследования в СО РАН, 2013–2015 годы // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 405–413.

References

Akademicheskie ekspeditsii 1768–1774. I.P. Fal'k, I.G. Georgi i I.I. Lepekhin. URL: http://vseprostrany.ru/index.php/2011-12-03-17-28-44/-----18-/404---1768-1774--------.html (Accessed: 17.10.2022). (In Russ.).

Borzunov V.A. Otchet ob archaeologicheskoj razvedke v zone stroitel`stva orositel`noj sistemy v urochishhe Tai Vengerovskij rajon Novosibirskoj oblasti letom 1971 g. In *Arkhiv IA RAN. Arkh. N 4471,* Ekaterinburg, 1971. (In Russ.).

Chizhevskij A.A., Hisyametdinova A.A. Defensive structures of the forts on promontories of the Volga-Kama region in the Early Iron. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei,* 2020. N 2. 277 p. (In Russ.).

Chugunov S.M. Materialy dlya antropologii Sibiri. X. Kurgany` Kainskogo okruga Tomskoj gubernii. In: *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. Tomsk, Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina, 1900, T. XVI. P. 1–70. (In Russ.).

Dyadkov P.G., Molodin V.I., Sumin V.A., Pozdnyakova O.A., Evmenov N.D., Tsibizov L.V. Results of Geophysical and Geodesic Works at the Site of Ust-Tartasskie Kurgany. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 307–311. (In Russ.).

Epov M.I., Molodin V.I., Balkov E.V., Dyad`kov P.G., Firsov A.P., Zlygostev I.N., Vajsman P.A., Evmenov N.D., Egorov V.E., Karin Yu.G., Kolesov A.S., Kuleshov D.A., Manshtejn A.K., Manshtejn Yu.A., Pozdnyakova O.A., Savluk A.V., Seleznev D.S., Fadeev D.I., Cibizov L.V., Shaparenko I.O., Sheremet A.S. Archegeophysics in SB RAS, 2013–2015. In M*ultidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects: Proceedings of the International Symposium*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. P. 405–413. (In Russ.).

Florinskij V.M. Topograficheskie svedeniya o kurganax Zapadnoj Sibiri. In *Iz izvestij ImperatorskogoTomskogo Universiteta za 1888/9 god.* Tomsk, Tipo-Litografiya Mihajlova i Makushina, 1889. 72 p. (In Russ.).

Kiryushin, Yu.F. Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Ch. 1: Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1997. P. 232 (In Russ.).

Knyazev A.O. Otchet o provedenii archaeologicheskih rabot na territorii Barabinskogo, Vengerovskogo, Novosibirskogo, Karasukskogo, Kochkovskogo, Chuly`mskogo rajonov Novosibirskoj oblasti v 2017 godu. In *Arhiv NPCz.* Novosibirsk, 2018, Vol. 1. 200 p.; Vol. 2. 146 p.; Vol. 3. 133 p. (In Russ.).

Knyazev A.O. Otchet ob archaeologicheskih izy`skaniyah (razvedkah) v Vengerovskom, Dovolenskom, Kochkovskom, Koly`vanskom, Ordy`nskom rajonah Novosibirskoj oblasti v 2010–2011 godah. In *Arkhiv IA RAS. Arkhiv NPCz,* Novosibirsk, 2010–2011. (In Russ.).

Kobeleva L.S. Tehnologiya izgotovleniya keramiki sargatskoj kul`tury: Vostochnyj areal: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2009. 27 p. (In Russ.).

Koryakova L.N. Rannij zheleznyj vek Zaural`ya i Zapadnoj Sibiri (sargatskaya kul`tura). Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988. 243 p. (In Russ.).

Koshman I.V. Otchet ob archaeologicheskih izy`skaniyah (razvedkah) v Vengerovskom, Kujby`shevskom, Ust`-Tarkskom rajonah Novosibirskoj oblasti v 2009 godu. In *Arkhiv IA RAS. Arkhiv GAU NSO NPCz, Arkh. № 914,* 2009. (In Russ.).

Matveeva N.P. Sargatskaya kul`tura na srednem Tobole. Novosibirsk: Nauka, 1993. 175 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Naselenie Verhnego Priob`ya v seredine-vtoroj polovine I ty`syacheletiya do n.e. Moscow, Pushhino, Pushhinskij nauchny`j centr RAS, 1997. 196 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob archaeologicheskih issledovaniyah v Zapadnoj Sibiri v 1979 g. In *Arkhiv IA RAS, Arkh. № 7464,* Novosibirsk, 1979. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Archaeologicheskie pamyatniki Vengerovskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Materialy` «Svoda pamyatnikov istorii i kul`tury` narodov Rossii». Iss. 3. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvenny`j centr po sohraneniyu istoriko-kul`turnogo naslediya, 1998. 138 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Parcinger G., Kobeleva L.S., Gass A., Fassbinder J. Issledovaniya mezhkurgannogo prostranstva mogil`nikov sargatskoj kul`tury` Central`noj Baraby` s primeneniem magnitometrii In *Trudy` V (XXI) Vserossijskogo*

archaeologicheskogo s`ezda v Barnaule-Belokurihe. Barnaul, 2017. P. 44–49. (In Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S., Sobolev V.I., Sidorov E.A., Borodovskij A.P., Novikov A.V., Polos`mak N.V., Belanov P.I., Solov`ev A.I., Chikisheva T.A., Kim A.R. Baraba v tyurkskoe vremya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 176 p. (In Russ.).

Molotilov A.M. K voprosu o geograficheskom raspredelenii archaeologicheskih pamyatnikov v Severnoj i Srednej Barabe. In *Trudy` Tomskogo obschestva izucheniya Sibiri.* Moscow, 1912 (1913). Vol. II. Iss. 1. 234 p. (In Russ.).

**Myl`nikova L.N., Chemyakina M.A.** Tradicii i novacii v goncharstve drevnih plemen Baraby` (po materialam poselencheskogo kompleksa Om`-1). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 200 p. (In Russ.).

Parzinger G., Molodin V.I., Fassbinder J., Kobeleva L.S., Gass A., Hofmann I., Nenakhov D.A. Preliminary Results of the Research of the Periphery of the Big Mounds of Sargat Culture in Central Baraba. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*.. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 401–404. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Molodin V.I., Kobeleva L.S., Pozdnyakov D.V., Polosmak N.V. Kinship Analysis of Human Remains from the Sargat Mounds, Baraba Forest-Steppe, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2017. N 4. P. 132–142. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2017.45.4.132-142

Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademieyu Nauk, po predlozheniyu eya prezidenta. Tom` shestyj. Zapiski Puteshestviya Akademika Fal`ka. St. Petersburg, Izdatel`stvo Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1824. 560 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Baraba v e`pohu rannego zheleza. Novosibirsk, Nauka, 1987. 144 p. (In Russ.).

Savinov D.G., Polosmak N.V. Novye materialy po e`poham bronzy i rannego zheleza v Central`noj Barabe. In *Archeologicheskie issledovaniya v rajonax novostroek Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1985. P. 75–103. (In Russ.).

Sofejkov O.V. Otchyot ob archeologicheskikh izyskaniyah (razvedkah) v Barabinskom, Bolotninskom, Vengerovskom, Zdvinskom, Iskitimskom, Kargatskom. Kochenevskom, Krasnozerskom, Kujby`shevskom, Kupinskom, Moshkovskom, Novosibirskom, Ordy`nskom, Suzunskom, Tatarskom, Toguchinskom, Ubinskom, Ust`-Tarkskom, Chanovskom i Chuly`mskom rajonah Novosibirskoj oblasti v 2007 godu (v 6 tomah). In *Arkhiv IA RAN. Arkhiv NPCz*, 2007. (In Russ.).

Talitskaya I.A. Materialy` k archeologicheskoj karte Nizhnego i Srednego Priob`ya. *MIA*, 1953. N 35. P. 242–357. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Otchet o rabote Novosibirskoj arxeologicheskoj e`kspedicii v 1966 godu. In *Arkhiv IA RAG. Arkh. № R-1 3322.* (In Russ.).

Troitskaya T.N., Avtushkova A.L. The Ust'-Tartas Burial Ground (after excavation data by S.M. Chugunov). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii,* 2010. N 2 (13). P. 51–61. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Archaeologicheskaya karta Novosibirskoj oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980. 184 p. (In Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-845
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089
Харитонов Р.М. https://orcid.org/0000-0003-1699-046X
Кравцова А.С. http://orcid.org/0000-0001-8709-5935
Бобин Д.Н. https://orcid.org/0000-0002-8180-7425

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0656-0663
УДК 902.01

Д.А. Ненахов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

К вопросу определения признаков эксплуатации кельтов эпохи бронзы и раннего железного века с территории Сибири

Представленное исследование посвящено выявлению признаков введения носителями культур эпохи бронзы и раннего железного века в эксплуатацию такого типа орудия как «кельт». По итогам выявлены признаки, которые указывают на использования орудия и на то, какое утилитарное назначение оно выполняло. Проанализирована серия бронзовых литых кельтов эпохи бронзы и раннего железного века, найденных на территории Сибири. С точки зрения морфологии предмета можно говорить о трех зонах на кельте, на которых в наибольшей степени читаются следы износа: втулка, тулово, лезвие. Так, на втулке отмечаются следы замятия металла от соприкосновения с рукоятко, при условии, если рукоятка прилегает плотно к устью втулки. Металл, как правило, заминается равномерно по области всего устья втулки при использовании бойка в качестве топора, или же со стороны рукоятки, если изделие использовали в качестве тесла. Рукоятка, со вкладышем-переходником выраженных следов не оставляет. Тулово кельта также подвергается изменениям при использовании – сгибается, деформируется, «рвется». Самым показательным является износ лезвия кельта. Лезвие в процессе работы приобретает характерную форму. Если удар приходился по всей площади лезвия (как у тесла), то такое лезвие будет иметь «серповидную» форму. Если удары приходятся только на часть лезвия, то оно срабатывается неравномерно и образуется так называемая «пяточка». Из-за патинизации предмета реже фиксируются следы проковки и заточки.

Ключевые слова: *эпоха бронзы, ранний железный век, бронзовый кельт, Сибирь, морфология, следы эксплуатации.*

D.A. Nenakhov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Identification of Traces of Use on the Celts of the Bronze and Early Iron Age from Siberia

This study identified the traces of operation and functional purpose of celts used by the carriers of the Bronze Age and Early Iron Age cultures. A series of Bronze and Early Iron Age celts found in Siberia were analyzed. In the context of celt's morphology, there are three zones where wear marks are most conspicuous: socket, body, and blade. Thus, traces of metal deformation from contact with the handle may appear on the socket provided that handle fits the mouth of the socket tightly. As a rule, the metal is crumpled evenly over the entire socket mouth if the striking part was used as an axe, or on the handle side if the tool was used as adze. Handles with inserted bushing do not leave visible marks. The body of the celt also undergoes modification: metal gets bent, deformed, or "torn." The wear of celt's blade is the most indicative since it acquires a distinct shape in the process of work. If blows were distributed over the entire area of the blade as it is the case with adzes, such blade would have a "crescent" shape. If blows fall on a part of the edge, only a part of the blade becomes worn and the so-called "heel" is formed. Traces of forging or sharpening are visible more rarely due to patination.

Keywords: *Bronze Age, Early Iron Age, bronze celt, Siberia, morphology, traces of use.*

Предметный комплекс бронзовых втульчатых кельтов в последнее время все чаще обращает на себя внимание исследователей, при этом в литературе закрепилось мнение о бифункциональном использовании этого инструмента [Грязнов, 1947; Патрушев, 1971; Гусев, 2013]. Следует отметить, что число случайных находок пока превалирует над предметами, обнаруженными в закрытых комплексах. Один из важнейших вопросов – был ли предмет введен в эксплуатацию, и каково было функциональное назначение орудия. В представленной работе мы попытались выделить признаки, которые бы помогли ответить на эти вопросы. Целесообразно указать основные зоны, где фиксируются следы использования – втулка, тулово, лезвие [Ненахов, 2016].

Втулка кельта содержит информацию о способе насада орудия на рукоять. В исключительных случаях об этом свидетельствуют оставшиеся в ней фрагменты древесины [Бадер, 1964, с. 76, рис. 50; Молодин и др., 2012, с. 227, рис. 1]. Зачастую у кельтов раннего железного века на широких гранях, в отверстиях от шпенька-упора фиксируются металлические или деревянные «гвоздики», служившие для усиления насада рукоятки [Ненахов, 2014]. Данная технология крепления охарактеризована в трудах В.Н. Чернецова [1947, с. 66–77], Ю.С. Гришина [1960, с. 153], И.А. Дуракова [1995] и др. В зависимости от типа рукоятки и ее насада на устье втулки можно зафиксировать ряд признаков использования кельта. В большинстве случаев благодаря ретроспективному анализу – по следам, оставленным на устье втулки кельта, мы реконструируем тип рукоятки. На сегодняшний день можно выделить несколько концептуальных подходов к реконструкции способа насада и типам рукояток кельтов.

Первым вопрос о рукоятках кельтов поднял М.П. Грязнов. На основании анализа остатков дерева во втулках бронзовых (турбинских) кельтов М.П. Грязновым [1947] была предложена методика определения типа рубящего орудия – топор или тесло. Основой этого предположения явилось то, что рукоять кельта изготавливалась из цельной части дерева Г-образной формы, где ветка служила рукоятью, а часть ствола всаживалась в боек кельта. Анализ расположения годовых колец на сохранившихся остатках дерева во втулке позволяет определить тип рубящего орудия. У кельтов-тесел остатки древесины во втулке имеют параллельные лезвию следы годичных колец, а у кельтов-топоров они перпендикулярны лезвию орудия [Грязнов, 1947, с. 171].

Со временем представление о форме рукоятки кельта меняется в связи с находками на Старшем Ахмыловском могильнике (VI–III вв. до н.э.) [Патрушев, 1971; 1975]. В.С. Патрушев показал, что топорище могло составляться из двух частей – вкладыша, на который насаживался бронзовый боек, и рукоятки со специальным отверстием на конце, в которую вставлялась эта конструкция. Форма вкладыша зависит от формы внутреннего объема втулки (ананьинская или меларско-акозинская разновидности). Таким образом, независимо от расположения годичных колец внутренний вкладыш мог разворачиваться по потребности мастера [Патрушев, 1971, с. 37, 38].

Другое интересное решение крепления бойка к рукояти с помощью «переходника-вкладыша» было обнаружено на памятнике Усть-Полуй (I в. до н.э. – I в. н.э.). Конструкция инструмента изначально предполагала его универсальный характер – легкий перевод орудия из позиции «топор» в «тесло» и обратно [Гусев, 2013, с. 63]. Совершенно иной способ крепления рукояток кельтов зафиксирован в материалах тагарских курганов Березовского и Косогольского могильников в Красноярском крае. Во втулку кельта забивался вкладыш с проушиной, а сквозь него пробивали и закрепляли рукоять [Бобков, 1985]. Нельзя не отметить уникальную находку – «таборинскую миниатюру». Миниатюрная копия кельта-топора отражает форму рукоятки, способ насада, тип бойка. Предмет представляет собой цельнолитое изделие, отлитое в двухсторонней глиняной литейной форме, которое, вероятнее всего, использовалась в качестве подвески, о чем свидетельствует характерное отверстие на конце рукоятки [Стефанов и др., 2014]. Соотнесение имеющейся информации о формах рукояток и способов их насада с предметным комплексом позволяет судить о следующем. Если орудие крепится сразу на цельную рукоять, без вкладыша, то на устье втулки будут прослеживаться следы уминания металла (см. *рисунок*, *1а*, *3а*, *4а*, *6а*). При использовании кельта в качестве топора, это замятие преимущественно распределяется равномерно по периметру устья, при работе в качестве тесла – заминается край со стороны рукоятки. У некоторых тагарских кельтов конструктивно был предусмотрен специальный, более глубокий «вырез» на устье втулки именно со стороны рукоятки для снижения деформации [Грязнов, 1941, с. 261, табл. VII, *6*, *9–11*]. Во втором случае, когда имеется «вкладыш-переходник», рукоятка не касается устья, следы воздействия на втулке не читаются. Особенно это видно на примерах западносибирских кельтов с «ушками». Выступающие за край втулки литники также являются неплохим индикатором типа насада. Порой, несмотря на явные признаки использования орудия, литники не замяты и не сбиты (см. *рисунок*, *2*).

Признаки эксплуатации кельтов.

1–7 – кельты из фонда Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Случайные находки. Ранний железный век; *1* – МКМ А 425; *2* – А 415; *3* –А 427; *4* – МКМ А 267; *5* – А 292; *6* –А 390; *7* – МКМ А 38. *а* – замятие втулки от рукоятки; *б* – разрыв втулки кельта; *в* – деформация тулова; *г* – край лезвия с «пяточкой»; *д* – край лезвия «серповидной» формы; *е* – следы проковывания.

Еще одним признаком эксплуатации кельтов является разрыв на втулке (см. *рисунок*, *3б*, *4б*, *5б*, *6б*, *7б*). Вероятно, клин в верхней части плотно упирался в стенки орудия, при этом не доставая дна втулки. Во время работы деревянный вкладыш все глубже продавливался во втулку, разрывая металл в ее верхней части. Интересен пример, указанный на *рисунке*, *3* – тесло со сквозной втулкой и усиленным валиком в верхней части (кельт А 427). Изделие имеет следы замятия по устью и лопнувшую втулку со стороны лицевой фаски. Вероятно, во время эксплуатации сердечник рукоятки стал проваливаться из «пещерки», после чего его дополнительно закрепили «гвоздиком», который оставил характерный след на широкой грани с лицевой стороны кельта. Возможно и то, что потребовалось закрепление «гвоздиком» втулки к элементу рукояти вследствие ее разрыва. Похожие следы от разрыва металла встречаются на многих изделиях эпохи бронзы и раннего железного века [Грязнов, 1941, с. 255, табл. IV, *5*].

Тулово. Следующий набор признаков эксплуатации предмета связан с деформацией стенок корпуса бронзового бойка и сгибании предмета в области тулова (см. *рисунок*, *2в*, *5в*, *6в*). Так, например, кельт А 292 (см. *рисунок*, *5*) из коллекции фондов МБУК МКМ (Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова), судя по следам на втулке, был насажен на цельную рукоятку Г-образного типа. Но также появились и другие следы деформации. Если деревянный сердечник рукоятки был выточен несколько шире втулки бойка и при насаде рукоятки тонкостенное литье приняло его форму. Этот признак (деформация тулова) присущ небольшим изделиям с тонкими стенками и прослеживается только в том случае, когда сердечник рукоятки шире внутреннего объема металлического бойка. Крупные изделия с толстыми стенками («носатые» кельты по Ю.С. Гришину [1960]), с «муфточками» и валиками по устью втулки такого признака не имеют. У толстостенных изделий во время эксплуатации происходит деформация иного плана. Прежде всего, речь идет о кельтах-теслах. Кинематика движения орудия при использовании его в качестве тесла такова, что в средней части бойка концентрируется импульс, образованный ударной силой, массой рукоятки и сопротивлением. При таком импульсе орудие сгибается в самой слабой точке изделия (см. *рисунок*, *2в*, *6в*). Изгиб предмета или утраты на лезвии трактуются рядом исследователей как «умерщвление». Например, кельты из Юринского (Усть-Ветлужского) клада и Сутырской дюны, по мнению Е.Г. Шалахова, намеренно испорчены – сбита кромка лезвия о твердый предмет. Исследователь отмечает, что подобные вещи помещаются с умершим [Шалахов, 2021, с. 108].

Однако, нахождение кельтов и литейных форм для их изготовления в погребальном контексте как в эпоху бронзы, так и в раннем железном веке, весьма редкий случай. Безусловно, помещение в могилу формы отражает некую специализацию погребенного: отношение к бронзолитейному производству [Дураков, 2020; Корочкова, 2022.], к военному делу [Кулемзин, 1982] и пр. Пока с осторожностью можно утверждать, что кельты, помимо случайных находок, чаше встречаются в кладах, на ритуальных комплексах и поселениях (здесь речь больше о литейных формах) [Молодин и др., 2013; Корочкова, Стефанов, Спиридонов, 2020; Корочкова, Федорова, 2019]. Однако, все изделия, обнаруженные в этих комплексах, не несут следов ритуального «умерщвления» вещи. На наш взгляд, предмет после его порчи должен потерять свою функцию, прежде всего – рубить или тесать. Так, например, разрыв втулки, как на *рисунке*, *3,* больше подходит для примера «умерщвления» кельта, чем тезис о сработанной кромки лезвия. Отметим, что все предметы со следами, похожими на порчу, это случайные находки и требуют отдельного рассмотрения. Согнутые бойки, разрыв втулок, корпусов, куски металлических бойков без следов сработанности лезвия и замятия устья втулки относятся, как правило, к современному воздействию и не связанны с обрядовыми действиям.

Лезвие. По следам орудия на деревянных остатках можно определить вид инструмента, конфигурацию лезвия, ширину и толщину его рабочей поверхности, угол заточки, а также выявить какую функцию выполняло орудие – топор или тесло [Семенов, 1956, с. 205; Мыльников, 2011, с. 100]. Следовательно, и на лезвии остаются признаки износа и деформации разного рода. Так, М. П. Завитухиной с помощью трасологического анализа удалось зафиксировать на симметричном кельте из могилы Барсучиха V следы работы им в качестве тесла [1966, с. 228. рис. 1, *1*]. Само изделие было отлито симметрично, как топор, однако использовано в качестве тесла. Длительная работа кельтом в качестве топора (лезвие параллельно рукоятке) придает лезвию специфическую форму. Оно сильно расширяется относительно тулова, при этом больше сточено и со стороны рукоятки образуется так называемая «пяточка» (см. *рисунок*, *7г*). При работе орудием в качестве тесла сминается широкая грань изделия со стороны рукоятки, а лезвие слегка загибается вовнутрь (см. *рисунок*, *2в, 6в*) [Соловьев, 1983].

Серия экспериментов с кельтами сейминского и западносибирского типов по работе с древеси-

ной показала, что орудие из бронзы очень быстро тупится. Кельты приходилось затачивать после каждого срубленного дерева. Вероятно, это может объяснять обилие каменных орудий типа абразивов, оселков, отбойников и пр. из песчаника и сланца различных размеров, встречающиеся на многих памятниках [Глушков, Васильев, 1994, с. 122; Васильев, 2000, с. 22]. На некоторых кельтах удается проследить следы заточки лезвия. Заточка проводилась преимущественно на мелкозернистом каменном абразиве [Ковтун, Марочкин. 2011, с. 71, рис. 3; Березуцкий, Килейников, 2019, с. 200, рис. 3, *2–5*]. Порой на кромке лезвия читаются следы проковывания [Дураков, 1995, с. 110–111, рис. 2, 5].

Интересен кельт МКМ А 267 из коллекции фондов МБУК МКМ, на лезвии которого прослеживаются следы от серии систематичных ударов об очень плотный предмет (см. *рисунок*, *4*). Замятины, сколы, царапины, резные линии – все покрыто однородным слоем патины, что позволяет предполагать об оставлении следов в древности в процессе эксплуатации. Этим кельтом могли скалывать, например руду (?) или работать в каменистом грунте (?). Подновлялось затупленное лезвие путем расплющивания его камнем-отбойником (см. *рисунок*, *4е*), возможно, с предварительным нагревом бойка или кромки лезвия. При этом рукоятка утопала все глубже во втулку и гвоздик, укрепляющий ее, выломал устье бойка, усиленное небольшим валиком (см. *рисунок*, *4б*). Кельт МКМ А 267 вполне может быть боевым инструментом, предназначенным для нанесения дробящих и раскалывающих ударов. Возможно, именно следы боевых действий отпечатались на лезвии кельта [Кулемзин, 1982; Кожин, 1993, с. 25; Горелик, 2003; Худяков, 1993, с. 68; Шатов, 2005, с. 11; и др.]. Встречается еще одна форма лезвия, которая свидетельствует о том, что орудие использовали либо подготовили к эксплуатации. Лезвие сильно расширяется, выходя за границу широкой грани, приобретая «серповидную» форму (см. *рисунок*, *1д, 2д, 4д*). При этом не всегда читаются следы заточки или проковывания. В большинстве случаев они не видны из-за патины.

Приведенные выше наблюдения о деформации металла при эксплуатации кельтов позволяют прийти к следующим выводам. Возможно, именно «мягкость» бронзы вынуждала мастеров эпохи раннего железного века применять некоторые технологические приемы, способствующие сохранению бронзовых топоров от износа и частого затачивания. Например, на брусьях, плахах и бревнах срубов в погребальных комплексах алдыбельской (Саглы-Бажи II, IV, VI, Улуг-Оймак I и II, Урбюн III, Хемчик-Бом I, IV, Мажалык-Ховузу I, II и др.) и саглынской (уюкско-саглынской) (Туран II) культур перед обработкой выжигали сучки [Грач, 1980, с. 42]. Исследования древесных остатков пазырыкской культуры позволили С.А. Семенову и В.П. Мыльникову сделать выводы о том, что кельт типа «топор», обладающий небольшой шириной лезвия, позволяет производить только черновую работу – рубка деревьев, обрубание ветвей (сучкование), ошкуривание, раскалывание древесины, выдалбливание мелких гнезд в бревнах [Семенов, 1956, с. 210; Мыльников, 2008, с. 28–30].

В данной работе мы не рассматриваем признаки деформаций на ушках кельтов от подвязывания – потертости от кожаного ремешка. Обилие патины не позволяет проследить, была ли это плотная обмотка рукоятки через ушко или просто обмотка втулки, или вовсе шнурок-подвязка для украшения [Бочкарев, 2004]. На ушках кельтов (как и на тулове) прослеживаются в основном следы сбития остатков металла, вытекшего сквозь щели литейной формы. Но это действие подтверждает лишь то, что предмет обработали после отливки, но не то, что его использовали.

Подводя итоги, обозначим, что кельты эпохи бронзы и раннего железного века, происходящие с территории Сибири, бывшие в эксплуатации в качестве топора или тесла, несут ряд признаков износа металла. Прежде всего, это замятия на устье втулки, однако, их наличие и характер зависят от типа насада рукоятки. Те кельты, что насажены через переходник, зачастую не имеют отмеченных выше признаков повреждений. В то же время может отмечаться деформирование тулова бойка при работе. Эта особенность прослежена преимущественно у тонкостенных кельтов и кельтов-тесел. Порой при работе лопалась втулка кельта. Отмечаются и следы разрыва металла на отверстиях от шпеньков-упоров, их выворачивало от давления рукоятки в процессе работы на гвоздик. Самой показательной частью для анализа следов использования кельта является лезвие. Именно его форма позволяет определить в качестве топора или тесла он был использован.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: 1964. – 176 с.

Березуцкий В.Д., Килейников В.В. Новые находки металлических орудий эпохи бронзы на территории лесостепного Подонья // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2019. – № 59. – С. 195–202. – doi: 10.17223/19988613/59/26

Бобков В.А. Способы крепления кельтов-топоров в скифское время // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1985. – С. 51–58.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель: сб. ст., посвящ. 77-летию Л.С. Клейна. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 384–408.

Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ (по материалам памятников неолита-бронзы таежной зоны Среднего Приобья): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2000. – 23 с.

Глушков И.Г., Васильев В.Г. Экспериментальные бронзовые кельты // Экспериментальная археология. Изв. лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. – Тобольск: Изд-во Тобольск. гос. педагог. ун-та, 1994. – Вып. 3. – С. 119–125.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. – М.: Атлант, 2003. – 336 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – 256 с.

Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. – М.: АН СССР, 1960. – № 90. – С. 116–207.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей // Тр. отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1941. – Т. 1. – С. 237–271.

Грязнов М.П. К методике определения типа рубящего орудия: (топор, тесло) // КСИИМК. – М.; Л.: 1947. – Вып. XVI. – С. 170–173.

Гусев А.В. Деревянная рукоятка кельта с древнего святилища Усть-Полуй // Переходные эпохи в археологии: материалы Всерос. археологической конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. 2013. – С. 60–64.

Дураков И.А. Бронзолитейное производство эпохи раннего металла юга Западной Сибири // Тр. VI (XXII) всерос. археологического съезда в Самаре, 10–12 февраля 2020 года. – Самара: Самарск. гос. соц. педагог. ун-т, 2020. – С. 268–269.

Дураков И.А. К вопросу о технологии производства полого литья кулайской культуры // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. – С. 107–112.

Завитухина М.П. Два бронзовых кельта из могилы VI–V вв. до н.э. на Енисее // СА. – 1966. – № 3. – С. 228–230.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 69–76.

Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело Юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1993. – С. 16–41.

Корочкова О.Н. Погребения литейщиков Урала и Западной Сибири // Stratum Plus. – 2022. – Вып. 2. – С. 63–81.

Корочкова О.Н., Федорова Н.В. Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы – раннего железного века: состав, контексты, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии, – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – 2019. – № 3 (46). – С. 17–28. – doi: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028

Кулемзин А.М. Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 71–75.

Молодин В.И., Дураков И.А., Софейков О.В., Ненахов Д.А. Бронзовый кельт турбинского типа из центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 226–230.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 265–269.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху полиметалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 188 с.

Ненахов Д.А. Морфологические признаки кельтов эпохи бронзы и раннего железного века Сибири (методический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 4. – С. 67–76. – doi: 10.17746/1563-0102.2016.44.4.067-075

Ненахов Д.А. Тагарские кельты с «гвоздиками» // Арии степной Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 409–411.

Патрушев В.С. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья // СА. – 1975. – № 3. – С. 28–43.

Патрушев В.С. Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение // КСИА. – 1971. – Вып. 128. – С. 37–43.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2020. – 214 с.

Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. XXVI. – С. 204–230.

Соловьев А.И. О назначении «кельтов» // Археология эпохи камня и металла Сибири. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1983. – С. 132–142.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Ханов С.А. Таборинская миниатюра (к вопросу о конструкции кельтов эпохи бронзы и раннего железа) // КСИА. – 2014. – № 236. – С. 61–69.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 65–72.

Чернецов В.Н. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. – 1947. – Вып. 17. – С. 65–78.

Шалахов Е.Г. Ритуальная порча оружия в погребальной практике номадов позднего бронзового века северной Евразии // III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Регионы России в военной истории страны», г. Йошкар-Ола, 17 – 18 ноября 2021 года. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. – С. 106–111.

Шатов А.Г. Военное дело населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху ранней и развитой бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 18 с.

References

Bader O.N. Drevneishie metallurgi Priural'ya. Moscow: 1964. 176 p. (In Russ.).

Berezutskii V.D., Kileinikov V.V. New metal tools findings of the bronze age on the territory of forest-steppe along the Don. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019. N 59. P. 195–202. (In Russ.).

Bobkov V.A. Sposoby krepleniya kel'tov-toporov v skifskoe vremya. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1985. P. 51–58. (In Russ.).

Bochkarev V.S. O funktsional'nom naznachenii petel'ushek u nakonechnikov kopii epokhi bronzy Vostochnoi Evropy i Sibiri. In *Arkheolog: detektiv i myslitel': sb. st., posvyashch. 77-letiyu L.S. Kleina*. St Petersburg State Univ. Press, 2004. P. 384–408. (In Russ.).

Chernetsov V.N. Opyt tipologii zapadnosibirskikh kel'tov. In *Kratkie soobshcheniya instituta material'noi kul'tury*. Moscow: AS USSR Publ., 1947. Iss. 17. P. 65–78. (In Russ.).

Durakov I.A. Bronzoliteinoe proizvodstvo epokhi rannego metalla yuga Zapadnoi Sibiri. In *Trudy VI (XXII) vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare Samara, 10–12 fevralya 2020 goda*. Samara: Samara State Socio-Pedagogical Univ. Press, 2020. P. 268–269. (In Russ.).

Durakov I.A. K voprosu o tekhnologii proizvodstva pologo lit'ya kulaiskoi kul'tury. In *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1995. P. 107–112. (In Russ.).

Glushkov I.G., Vasilev V.G. Eksperimental'nye bronzovye kel'ty. In *Eksperimental'naya arkheologiya. Izvestiya laboratorii eksperimental'noi arkheologii Tobol'skogo pedinstituta*. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Univ. Press, 1994. Iss. 3. P. 119–125. (In Russ.).

Gorelik M.V. Oruzhie Drevnego Vostoka. Moscow: Atlant, 2003. 336 p. (In Russ.).

Grach A.D. Drevnie kochevniki v tsentre Azii. Moscow: Nauka, GRVL, 1980. 256 p. (In Russ.).

Grishin Yu.S. Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu. Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoi Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow: AS USSR Publ., 1960. N 90. P. 116–207. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Drevnyaya bronza Minusinskikh stepei. In *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, State Ermitazh Publ., 1941. Vol. 1. P. 237–271. (In Russ.).

Gryaznov M.P. K metodike opredeleniya tipa rubyashchego orudiya: (topor, teslo). In *Kratkie soobshcheniya instituta material'noi kul'tury*. Moscow; Leningrad, 1947. Iss. XVI. P. 170–173. (In Russ.).

Gusev A.V. Derevyannaya rukoyatka kel'ta s drevnego svyatilishcha Ust'-Polui. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii: materialy Vseros. arkheologicheskoi konf. s mezhdunar. uchastiem «XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie»*. Syktyvkar: IYaLI KNTs UrB RAS Publ., 2013. P. 60–64. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu bronzy. In *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1993. 233 p. (In Russ.).

Korochkova O.N. Burials of Moulders in the Urals and Western Siberia. In *Source: Stratum Plus*. 2022. Iss. 2. P. 63–81. (In Russ.).

Korochkova O.N., Fedorova N.V. Klady Urala i Zapadnoi Sibiri epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka: sostav, konteksty, interpretatsii. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografi*. Tyumen: Institute of the problems of Norehern development SB RAS Publ., 2019. N 3. P. 17–28. (In Russ.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Spiridonov I.A. Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala. Ekaterinburg: Ural Federal Univ. Press, 2020. 214 p. (In Russ.).

Kovtun I.V., Marochkin A.G. The Archekas Celt and the Issue of the Seima-Turbino Period in the Kuznetsk Basin and in the Achinsk-Mariinsk Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011. N 1. P. 69–76. (In Russ.).

Kozhin P.M. Sibirskaya falanga epokhi bronzy. In *Voennoe delo Yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1993. P. 16–41. (In Russ.).

Kulemzin A.M. Voiny drevnego tagarskogo obshchestva. In *Arkheologiya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1982. P. 71–75. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Sofeikov O.V., Nenakhov D.A. Bronzovyi kel't turbinskogo tipa iz tsentral'noi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 18. P. 226–230. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Myl'nikova L.N., Khansen S. Kul'tovye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na mnogosloinom pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. Vol. 19. P. 265–269. (In Russ.).

Myl'nikov V.P. Derevoobrabotka v epokhu polimetalla (Severnaya i Tsentral'naya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. 364 p. (In Russ.).

Myl'nikov, V.P. Rez'ba po derevu v skifskoe vremya (Severnaya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. 188 p. (In Russ.).

Nenakhov D.A. Tagarskie kel'ty s «gvozdikami». In *Arii stepnoi Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: sb. pamyati E.E. Kuz'minoi*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014. P. 409–411. (In Russ.).

Nenakhov D.A. The Morphology of Bronze and Early Iron Age Celts from Siberia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 44 (4). P. 67–76. (In Russ.).

Patrushev V.S. Akozinsko-melarskie kel'ty Mariiskogo Povolzh'ya. In *Sovetskaya arkheologiya,* 1975. N 3. P. 28–43, (In Russ.).

Patrushev V.S. Kel'ty Starshego Akhmylovskogo mogil'nika i ikh funktsional'noe naznachenie. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii.* Moscow, 1971. Iss. 128. P. 37–43. (In Russ.).

Semenov S.A. Obrabotka dereva na drevnem Altae. In *Sovetskaya arkheologiya,* 1956. Vol. 26. P. 204–230. (In Russ.).

Shalakhov E.G. Ritual'naya porcha oruzhiya v pogrebal'noi praktike nomadov pozdnego bronzovogo veka severnoi Evrazii. In *III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «regiony rossii v voennoi istorii strany» 17–18 noyabrya 2021 goda*, Ioshkar-Ola, 2021. P. 106–111. (In Russ.).

Shatov A.G. Voennoe delo naseleniya lesostepnoi polosy zapadnoi sibiri v epokhu rannei i razvitoi bronzy. cand. sc. (histo-ry) dissertation abstract, Novosibirsk, 2005. 18 p. (In Russ.).

Solov'ev A.I. O naznachenii «kel'tov». In *Arkheologiya epokhi kamnya i metalla Sibiri*. Novosibirsk: IIFiF SB AS USSR, 1983. P. 132–142. (In Russ.).

Stefanov V.I., Kuz'minykh S.V., Khanov S.A. Taborinskaya miniatyura (k voprosu o konstruktsii kel'tov epokhi bronzy i rannego zheleza). In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2014. N 236. P. 61–69. (In Russ.).

Vasil'ev V.G. Eksperimental'noe modelirovanie arkheologicheskikh zhilishch (po materialam pamyatnikov neolita-bronzy taezhnoi zony Srednego Priob'ya): cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2000. 23 p. (In Russ.).

Zavitukhina M.P. Dva bronzovykh kel'ta iz mogily VI–V vv. do n.e. na Enisee. In *Sovetskaya arkheologiya*, 1966. N 3. P. 228–230. (In Russ.).

Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0664-0669
УДК 903.5

А.Л. Нестеркина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Новые данные о погребальном обряде населения южной части Корейского полуострова в период раннего железного века: по материалам захоронения Сонджери

В 2015 г. отрядом Института изучения культурных ценностей Чхунбук (г. Чхонджу, Республика Корея) в окрестностях г. Кунсан, пров. Чолла-пукто исследовано одиночное захоронение Сонджери раннего железного века (IV в. до н.э. – I в. н.э.). В отличие от известных ранее аналогичных комплексов данный объект характеризуется хорошей сохранностью. Цель работы – всесторонний анализ материалов захоронения Сонджери, сопоставление их с аналогичными и синхронными комплексами, как на территории Кореи, так и за ее пределами. Установлено, что одиночное погребение Сонджери представляет собой сооружение в неглубокой грунтовой яме с прямыми стенками и каменным ящиком, без следов использования деревянного гроба, аналогичное известному по материалам раскопок 2005 г. одиночному погребению Хёджа-4 (г. Чонджу, пров. Чхунчхон-намдо). Инвентарный комплекс захоронения Сонджери, включающий ритуальные бронзовые предметы, в т.ч. и предметы в форме накладки на рукоять кинжалов, украшения, вазовидный чернолощеный сосуд и горшок с округлым налепным валиком на венчике, находит аналогии в материалах памятников Кведжондон, Намсонни и Тонсори, при этом демонстрируя некоторые отличия в конструкции захоронения. Предполагается, что для сооружений обоих типов характерен идентичный погребальный обряд – трупоположение вытянутое на спине. Допускается, что эти погребения принадлежали взрослым индивидуумам, при жизни обладавшим высоким социальным статусом ритуальных лидеров общины. Корейские погребения в грунтовых ямах с каменным ящиком раннего железного века находят аналогии в комплексах, подобных обнаруженному в 1959 г. на Сопке Известковой (Голубиной) в Приморье. Исследование погребального обряда населения Корейского п-ва в раннем железном веке является перспективным для решения ряда актуальных проблем археологии Кореи, Российского Приморья и Восточной Азии в целом.

Ключевые слова: *Корейский п-ов, Сонджери, захоронение, каменный ящик, инвентарный комплекс, ритуальные бронзовые предметы, погребальный обряд, Российское Приморье.*

A.L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

New Evidence on the Funeral Rite of the Population Living in the Southern Part of the Korean Peninsula in the Early Iron Age: Excavations in Seonje-ri

In 2015, a single burial of the Early Iron Age (4th century BC – 1st century AD) was researched by the team from the Chungbuk Research Institute of Cultural Heritage (Cheongju, Republic of Korea) in Seonje-ri, in the vicinity of Gunsan, Jeollabuk-do Province. As opposed to known similar complexes, this object was distinguished by its good state of preservation. This article provides a comprehensive analysis of evidence from the Seonje-ri burial and compares it with similar and synchronous complexes both in Korea and beyond its borders. The single burial of Seonje-ri is a structure in a shallow earth pit with straight walls and stone cist, without traces of a wooden coffin. It is similar to the single burial of Hyoja-4 known from the excavations of 2005 (city of Jeonju, Jeollabuk-do Province). The inventory complex of the Seonje-ri burial includes

ritual bronze implements, such as onlays on dagger handle, personal adornments as well as vase-like black-polished vessel and pot with a round molded rim. The Seonje-ri inventory finds parallels in the evidence from the Goejeong-dong, Namseong-ri and Dongseo-ri sites while demonstrating some structural differences of the burial. It can be assumed that both types of structures were associated with identical funeral rite when the body was stretched out on the back, and that these burials belonged to adult individuals who had high social status as ritual leaders of the community during their lifetime. Korean burials of the Early Iron Age in ground pits with a stone cist have parallels in the complexes similar to those discovered in 1959 at the Sopka Izvestkovaya (Golubina) site in Russian Primorye. The study of the funeral rite of the population inhabiting the Korean Peninsula in the Early Iron Age may solve a number of problems in archaeology of Korea, Russian Primorye, and East Asia as in general.

Keywords: *Korean Peninsula, Seonje-ri, burial, stone cist, inventory complex, ritual bronze objects, funeral rite, Russian Primorye.*

Находки не разрушенных в результате воздействия антропогенных и природных факторов погребальных комплексов периода раннего железного века (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на территории Корейского полуострова относительно редки. В связи с этим, многие аспекты погребального обряда этого времени изучены недостаточно. Благодаря недавним археологическим полевым работам на памятнике Сонджери получены новые данные о погребальном обряде населения южной части Корейского п-ва в период раннего железного века, которые существенно дополняют сведения более ранних источников и ставят целый ряд актуальных для корейской и отечественной археологии вопросов изучения погребальных практик в древности.

Памятник Сонджери расположен в границах одноименного сельского поседения в окрестностях г. Кунсан пров. Чолла-пукто на юго-западе Корейского п-ва (рис. 1, *1*). Рельеф здесь представлен невысокими холмистыми возвышенностями и обширными равнинами. В топографическом отношении памятник приурочен к верхней части склона одиночного холма высотой 17,5 м над ур. м. К моменту проведения работ поверхность склона была покрыта кустарниковой и молодой древесной растительностью, территория у подножия склона занята под сельскохозяйственные угодья и современные кладбища. Данные палеоклиматических исследований свидетельствуют о том, что во время формирования памятника вмещающая его возвышенность представляла собой небольшой островок у морского побережья. Последующие мелиоративные работы 1910–1930-х гг. привели к осушению территории и положили начало активному использованию ее для нужд сельского хозяйства.

Территория в окрестностях памятника достаточно богата в археологическом отношении. Здесь зафиксировано 18 разновременных археологических объектов: местонахождение дольменов периода бронзового века, средневековый курганный могильник (III–VI вв.), 12 местонахождений археологического материала и 4 раковинных кучи периода раннего Средневековья – эпохи Чосон. Памятник Сонджери выявлен в границах местонахождения

Рис. 1. Карта распространения погребальных памятников раннего железного века.

1 – Сонджери; *2* – Хёджа-4; *3* – Кведжондон; *4* – Намсонни; *5* – Тонсори; *6* – Хапсонни; *7* – Чхонсонни; *8* – Сопка Известковая (Голубиная).

археологического материала «С». В непосредственной близости к нему расположены ранее известные объекты – дольмены и две раковинные кучи.

Памятник Сонджери открыт и исследован в 2015 г. сотрудниками Института изучения культурных ценностей Чхунбук (г. Чхонджу). В результате работ на изучаемой территории выявлено погребение периода бронзового века, грунтовая могила периода Чосон (XIV–XIX вв.) и ровик неопределенного времени. Стратиграфическая колонка участка обследования включает следующие слои (сверху вниз): современный почвенно-растительный горизонт, слой красно-коричневой гумусированной супеси, слой эоловых отложений светло-серых и красно-коричневых оттенков мощностью 0,2–0,6 м, ниже которого залегают коренные породы [Ким Кюджон, Пак Тогджэ, 2016, с. 153–154].

Погребение периода раннего железного века выявлено на уровне слоя эоловых отложений. Это одиночное захоронение в грунтовой яме подовальной в плане формы, ориентированное продольной осью перпендикулярно линии склона по линии С – Ю. Размеры ямы – 2,16 × 0,58 м, глубина – 0,3 м. Южная торцевая стенка, обе длинные стенки и пол могильной ямы выложены аморфными каменными плитками. Каменные обломки зафиксированы также и в верхней части заполнения могильной ямы, что указывает на существование надмогильной конструкции – каменной насыпи (рис. 2). Корейские исследователи допускают также существование деревянного гроба, хотя никаких следов его не зафиксировано [Ким Кюджон, Пак Тогджэ, 2016, с. 156].

Рис. 2. Одиночное погребение Сонджери (по: [Ким Кюджон, 2015, с. 39]).

Погребальный инвентарь выявлен на каменном полу захоронения. Инвентарный комплекс погребения включает бронзовые изделия (3 предмета в форме декоративных накладок на рукоять кинжала, 8 узколезвийных кинжалов, миниатюрный кельт, стамеску), 113 амазонитовых бусин и 2 керамических сосуда (рис. 3). Первый сосуд представляет собой вазовидное изделие с округлым туловом, выделенной высокой горловиной и черной лощеной поверхностью. Второй сосуд горшковидный с яйцевидным туловом, без горловины. Венчик изделия оформлен округлым налепным валиком [Ким Кюджон, 2015, с. 39–41]. Кинжалы и накладки на рукоять залегали в средней части захоронения возле его западной длинной стенки. Обнаруженные накладки сломаны пополам, вероятно, преднамеренно. Кельт, стамеска и керамические сосуды располагались возле северной короткой стенки погребения. Бусины же были рассредоточены по всей площади захоронения [Ким Кюджон, Пак Тогджэ, 2016, с. 156].

Отсутствие антропологических материалов не позволяет определить способ захоронения. Тем не менее, размеры погребального пространства могут косвенно свидетельствовать в пользу того, что погребение совершалось по обряду трупоположения на спине и, скорее всего, принадлежало взрослому индивидууму.

Таким образом, в результате работ 2015 г. впервые изучено не разрушенное захоронение в каменном ящике раннего железного века на юге Корейского полуострова. К текущему моменту накоплен уже достаточно представительный объем материала по аналогичным погребальным комплексам данного периода. Впервые подобный погребальный комплекс выявлен в 1967 г. в черте г. Тэджон. Это одиночное захоронение Кведжондон. В дальнейшем было открыто еще несколько захоронений, расположенных преимущественно, в бассейне р. Кымган: Намсонни в окрестностях г. Асан, Тонсори в окрестностях г. Йесан, Хёджа-4 в г. Чонджу, Хапсонни и Чхонсонни в у. Пуё и др. [Нестеркина, Соловьева, Гнездилова, 2019, с. 69–71; Ким Джонмун, Ким Кюджон, Ким Тэсон, 2007а; 2007б] (см. рис. 1, *2–8*). Однако во всех ранее известных случаях, исследователи имели дело с уже разрушенными в ходе хозяйственной деятельности объектами. Изучение неразрушенного памятника археологии данного типа позволяет существенно расширить источниковую базу для анализа погре-

Рис. 3. Инвентарный комплекс погребения Сонджери (по: [Ким Санун, 2017]).

бального обряда населения южной Кореи в период раннего железного века.

Для большинства захоронений этого периода характерна конструкция в виде достаточно глубокой (иногда до 1,75 м) ступенчатой в профиле грунтовой ямы, в нижней части которой сооружался каменный ящик и помещался деревянный гроб. Самые близкие погребению Сонджери аналогии по конструкции захоронения демонстрирует погребение памятника Хёджа-4 (см. рис. 1, *2*). Этот объект исследован в 2005 г. сотрудниками Института изучения культурных ценностей Чхунбук [Ким Джонмун, Ким Кюджон, Ким Тэсон, 2007а, с. 17]. Здесь в ходе работ также исследовано одиночное захоронение периода раннего железного века. Оно расположено на вершине холма, на высоте 61 м над ур. м., на самой высокой точке окружающей местности. До начала работ на сложенной преимущественно эоловыми отложениями земной поверхности фиксировалась каменная кладка подовальной в плане формы. Под каменной кладкой выявлены контуры ориентированной по линии С – Ю грунтовой ямы, вмещающей каменный ящик размерами 2 × 0,7 × 0,45 м. Длинные стенки ящика составлены из каменных плиток, короткие стенки и пол не имеют дополнительных каменных конструкций. Остатки деревянного гроба не зафиксированы. Инвентарь захоронения представлен бронзовым зеркалом с двумя петельками и тонким геометрическим орнаментом, бронзовым узколезвийным кинжалом, нефритовыми украшениями (пятью пронизками и дисковидной подвеской) [Ким Джонмун,

Ким Кюджон, Ким Тэсон, 2007а, с. 203–206; 2007б, с. 121–123, 168–169].

Ближайшие аналогии инвентарному комплексу погребения Сонджери демонстрируют захоронения памятников Кведжондон, Намсонни и Тонсори. На всех памятниках присутствуют такие предметы, как узколезвийные бронзовые кинжалы (от 1 до 9 экз.), изготовленные из бронзы предметы в форме декоративных накладок на рукоять (по 3 экз.), в керамических комплексах – вазовидный сосуд с черной лощеной поверхностью и горшковидный сосуд с круглым налепным валиком на венчике. В захоронении Намсонни находки керамических сосудов отсутствовали, что могло быть обусловлено тем, что к моменту раскопок захоронение уже было сильно разрушено [Нестеркина, Соловьева, Гнездилова, 2019, с. 69–70].

Уникальными находками являются такие предметы, как бронзовые изделия в форме декоративных накладок на рукоять кинжала. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всех захоронениях, где найдены подобные «накладки», их всегда по 3. Названия изделиям дано условно, поскольку из контекста захоронений достоверно определить их назначение не представляется возможным. Предметы представляют собой выпуклые удлиненные пластины, по своей форме имитирующие соединенные между собой 2 колена бамбука. На лицевой стороне изделий имеются колечки для крепления к основе. Предметы украшены геометрическим орнаментом, на двух имеются поддающиеся идентификации изображения. На «накладке» из погребения Намсонни присутствует рисунок оленя или косули, на аналогичном предмете из погребения Тонсори – символ, напоминающий ладонь [Хангукса, 1997, с. 83–88]. Таким образом, судя по декоративным особенностям предметов и контексту их обнаружения в инвентарных комплексах с ритуальными бронзовыми изделиями, такими как колокольчики, бубенчики и зеркала, можно также прийти к выводу о ритуальном назначении изделий в форме накладок на рукояти. Вероятно, эти предметы и связанные с ними комплексы принадлежали общинным лидерам, игравшим ведущую роль в коллективных ритуалах [Ли Джинмин].

Судя по имеющимся в нашем расположении материалам, можно заключить, что для населения южной части Корейского п-ва в раннем железном веке характерны захоронения двух типов. К первому типу можно отнести погребения в относительно глубоких ступенчатых в профиле грунтовых ямах с каменным ящиком и деревянным гробом. Ко второму типу принадлежат конструкции в неглубоких грунтовых ямах с прямыми стенками и каменными ящиками, без следов использования деревянного гроба. Второй тип захоронений удалось выделить по материалам раскопок на памятнике Сонджери. Инвентарные комплексы захоронений включают разнообразные ритуальные бронзовые изделия, как с относительно определенной функционально-типологической принадлежностью (узколезвийные кинжалы, зеркала, колокольчики, бубенчики), так и предметы неизвестного назначения (изделия в форме накладок на рукоять). Керамический комплекс также относительно устойчив. Это стабильное сочетание в захоронениях вазовидных сосудов с очень качественным черным лощением поверхности и горшковидных изделий с округлым налепным валиком на венчике. Захоронения, вероятно, совершались по обряду трупоположения и принадлежали взрослым индивидуумам, при жизни обладавшим высоким социальным статусом ритуальных лидеров общины.

Отдельным вопросом является корреляция корейских материалов с соседними регионами. На территории Российского Приморья известен пока единственный комплекс с узколезвийными бронзовыми кинжалами, случайно обнаруженный в 1959 г. во время проведения карьерных работ на Сопке Известковой (Голубиной). Со слов очевидцев исследователями установлено, что находки происходят из разрушенного строительной техникой каменного ящика, располагавшегося на глубине 1–1,5 м от поверхности. В ящике, помимо узколезвийных бронзовых кинжалов, содержалось бронзовое зеркало, бронзовый втульчатый наконечник копья, миниатюрная бронзовая стамеска, каменное тесло и дугообразный предмет из яшмовидной породы [Окладников, Шавкунов, 1960, с. 283]. Результаты детального анализа погребальных комплексов с аналогичным набором предметов сопровождающего инвентаря, позволяет предположить, что на Сопке Известковой было выявлено захоронение по своей конструкции и инвентарному комплексу аналогичное корейским погребениям в грунтовой яме (возможно, со ступенчатыми стенками) и каменным ящиком.

Обозначенные в статье актуальные проблемы изучения погребального обряда населения Корейского п-ва и сопредельных территорий в период раннего железного века поможет решить дальнейшее накопление и анализ материалов новейших археологических раскопок.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии» (FWZG-2022-0004).

Список литературы

Ким Джонмун, Ким Кюджон, Ким Тэсон. Чонжу Хёджа 4 тхэгджи кэбаль саоп чосон пуджи нэ Чонджу Хёджа 4 юджок: понмун (Памятник Хёджа-4 на участке строительства жилого комплекса в г. Чонджу: текст). – Чхонджу: Чхунбук мунхваджэ ёнгувон (Институт изучения культурных ценностей Чхунбук), 2007а. – 280 с. (на кор. яз.).

Ким Джонмун, Ким Кюджон, Ким Тэсон. Чонжу Хёджа 4 тхэгджи кэбаль саоп чосон пуджи нэ Чонджу Хёджа 4 юджок: томён, саджин (Памятник Хёджа-4 на участке строительства жилого комплекса в г. Чонджу: иллюстрации, фотографии). – Чхонджу: Чхунбук мунхваджэ ёнгувон (Институт изучения культурных ценностей Чхунбук), 2007б. – 245 с. (на кор. яз.).

Ким Кюджон, Пак Тогджэ. Кунсан Сонджери чомтхотэ тхоги мунхваги пунмё комтхо (Исследование материалов погребения периода керамики с налепным валиком Сонджери в окрестностях г. Кунсан) // Хангук чхондонги хагбо (Журн. «Бронзовы век Кореи»). – 2016. – № 19. – С. 152–160 (на кор. яз.).

Ким Кюджон. Компхахён тонги чхультхо санхван-ыль мёнхвакки паакхаль су ин-нын чхоги чхольги сидэ чоксок моккванмё Кунсан Сонджери юджок (Погребение с каменным ящиком и деревянным гробом Сонджери в окрестностях г. Кунсан, проясняющее контекст находок бронзовых предметов в форме накладок на рукоять кинжалов) // Хангук когохак чоноль (Журн. «Археология Кореи»). – Тэджон: Куннип мунхваджэ ёнгувон (Нац. ин-т культурного наследия Республики Корея), 2015. – С. 38–43 (на кор. яз.).

Ким Санун. Ханбандо кою-ый «компхахён тонги» чхот пальгуль (Уникальные находки «накладок на рукоять кинжалов» сделаны на территории Корейского полуострова) // Тона ильбо (Газета «Тона»): сайт, 13.03.2017. – URL: https://m.news.zum.com/articles/36609966 (дата обращения: 22.07.2022) (на кор. яз.).

Ли Джинмин. Компхахён тонги – кхаль сонджабирыль тальм-ын чхондонги (Предметы в форме накладок на рукоять кинжалов). – URL: https://www.museum.go.kr/site/main/relic/recommend/view?relicRecommendId=254454 (дата обращения: 22.07.2022) (на кор. яз.).

Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А., Гнездилова И.С. Направления культурного взаимодействия в эпоху палеометалла (на примере бронзовых ритуальных предметов с территорий Кореи и Японии) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – № 3. – С. 68–73.

Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на реке Майхэ (Приморье) // СА. – 1960. – № 3. – С. 282–288.

Хангукса: чхондонги мунхва-ва чхольги мунхва (История Кореи: бронзовый и железный век). – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве (Нац. ин-т истории Кореи), 1997. – 584 с. (на кор. яз.).

References

Hanguksa: cheongdonggi munhwa-wa cheolgi munhwa [History of Korea: Bronze and Iron Ages]. Seoul: Guksa pyeonchan wiwonhoe [Nat. inst. of Korean history], 1997. 584 p. (In Kor.).

Kim Gyujeong, Park Deokjae. Gunsan Seonje-ri jeomtodae togi munhwagi bunmyo geomto [Investigation of burial of the round molded rim pottery period in Songjeri in the vicinity of the city of Gunsan]. In *Hanguk cheongdonggi hakbo [Korean bronze culture society journal]*, 2016. N 19. P. 152–160. (In Kor.).

Kim Gyujeong. Early Iron Age wooden coffin tomb with stone cover containing dagger handle-shaped bronze objects Seonje-ri site in Gunsan. In *J. of Korean archaeology.* Daejeon: Nat. research inst. of cultural heritage, 2015. P. 38–43.

Kim Jongmun, Kim Gyujeong, Kim Daeseong. Jeonju Hyoja 4 taekji gaebal saeop joseong buji nae Jeonju Hyoja 4 yujeok: bomun [Hyoja-4 site at the construction area of a residential complex in Jeonju: text]. Cheongju: Chungbuk munhwajae yeonguwon [Chungbuk Research Inst. of Cultural Heritage], 2007a. 280 p. (In Kor.).

Kim Jongmun, Kim Gyujeong, Kim Daeseong. Jeonju Hyoja 4 taekji gaebal saeop joseong buji nae Jeonju Hyoja 4 yujeok: domyeon, sajin [Hyoja-4 site at the construction area of a residential complex in Jeonju: illustrations, photos]. Cheongju: Chungbuk munhwajae yeonguwon [Chungbuk Research Inst. of Cultural Heritage], 2007b. 245 p. (In Kor.).

Kim Sangun. Hanbando goyu-ui ‘geompahyeong donggi’ cheot balgul [The first discovery of the Korean peninsula’s unique ‘dagger handle-shaped bronze objects’]. In *Dong-A Ilbo*, 13.03.2017. – ULR: https://m.news.zum.com/articles/36609966 (Accessed: 22.07.2022). (In Kor.).

Lee Jinmin. Geompahyeong donggi – kal sonjabi-reul talm-eun cheongdonggi [Dagger handle-shaped bronze objects]. ULR: https://www.museum.go.kr/site/main/relic/recommend/view?relicRecommendId=254454 (Accessed: 22.07.2022). (In Kor.).

Nesterkina A.L., Solovieva E.A., Gnezdilova I.S. Cultural Interaction Patterns in the Bronze Age: Ritual Bronze Artifacts from Korea and Japan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2019. Vol. 47. N 3. P. 68–73. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Shavkunov E.V. Pogrebenie s bronzovymi kinzhalami na reke Maikhe (Primor’e). In *Sovetskaya arkheologiya*, 1960. N 3. P. 282–288. (In Russ.).

Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0670-0676
УДК 903.5

А.Л. Нестеркина✉, Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Каменные ящики как внутримогильные сооружения в культуре ситуаньшань в Китае и в дольменах Кореи: вероятные связи и аналогии

Период I тыс. до н.э. характеризуется активными миграционными процессами в бассейне Японского моря – движением групп земледельческого населения из континентальной зоны в прибрежные районы. Эти события наиболее ярко прослеживаются по материалам культуры бронзового века ситуаньшань современной китайской пров. Цзилинь. Одновременно на Корейском п-ве, а также на части территории китайских пров. Ляонин и Цзилинь, складывается уникальная мегалитическая культура. Цель работы – поиск вероятных связей и аналогий между культурой ситуаньшань и синхронной культурой бронзового века Корейского п-ва, представленной мегалитическими сооружениями, преимущественно дольменами различных типов. К характерным особенностям культуры ситуаньшань относятся погребальные сооружения в виде каменных ящиков, преобладание захоронений по обряду трупоположения на спине, в инвентарных комплексах – гладкостенная керамика, шлифованные каменные орудия, в том числе жатвенные ножи, бронзовые предметы вооружения. Каменный ящик является достаточно распространенным типом внутримогильной конструкции дольменов южного типа и сооружений без опорных камней типа кэсоксик. Инвентарные комплексы дольменов обычно представлены гладкостенной керамической посудой и шлифованными каменными орудиями, среди которых довольно многочисленны жатвенные ножи, наконечники стрел и кинжалы. В небольшом количестве присутствуют и бронзовые предметы вооружения. Детальное сравнение материалов культуры ситуаньшань и культуры дольменов выявило сходства в конструкции погребальных сооружений, погребальном обряде и инвентарных комплексах, свидетельствующие о культурных контактах или определенной этнической близости населения. Дальнейшее изучение этих культур представляется перспективным для решения проблемы происхождения мегалитической традиции и культуры бронзы Восточной Азии в целом.

Ключевые слова: *Восточная Азия, Китай, Цзилинь, ситуаньшань, Корея, мегалиты, дольмены, каменный ящик, бронзовый век.*

A.L. Nesterkina✉, E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Stone Boxes as Inner Grave Structures in the Xituanshan Culture in China and Megalithic Tradition of Korea: Possible Connections and Parallels

First millennium BC is distinguished by active migration processes when groups of agricultural population moved from inland to coastal regions in the Sea of Japan region. These events can be most clearly seen in the evidence of the Bronze Age Xituanshan culture in the present-day Jilin Province of China. In the same period, a unique megalithic culture emerged on the Korean Peninsula and a part of Liaoning and Jilin Provinces of China. This study was aimed at establishing possible connections and parallels between the Xituanshan culture and synchronous culture of the Bronze Age on the Korean Peninsula, represented by megalithic structures – mainly dolmens of various types. The main features of the Xituanshan culture include burial structures of stone cists, predominantly primary burials with body stretched on the back, and inventory complexes with undecorated pottery, polished stone tools including reaping knives, and bronze weaponry. Stone cist is a relatively common type

of inner grave structure in dolmens of the southern type and structures without supporting stones such as gaeseok type dolmens. Inventory complexes of dolmens usually included undecorated ceramic pots and polished stone tools including reaping knives; arrowheads and daggers were quite numerous. Some bronze weapons have been discovered. A detailed comparison of the Xituanshan culture and culture of dolmens has shown similarities in construction of burial structures, funeral rites, and inventory complexes, probably indicating cultural contacts or some ethnic proximity of the population. Further study of these cultures seems promising in a search for the origins of the megalithic tradition and bronze culture of East Asia in general.

Keywords: *East Asia, China, Jilin, Xituanshan, Korea, megaliths, dolmens, stone cist, Bronze Age.*

В I тыс. до н.э. в континентальной части бассейна Японского моря наблюдаются масштабные перемещения различных групп земледельческого населения в прибрежные районы. Эти события связаны в первую очередь с распространенной в китайской пров. Цзилинь культурой бронзового века *ситуаньшань*. Причинами этому явлению выступали как растущее население региона в целом, так и похолодание климата, которое продолжалось до VI в. до н.э., а соответственно, вело к сокращению земледельческой ресурсной базы.

Изучение культуры *ситуаньшань* (X–III вв. до н.э.) представляет чрезвычайную важность для исследования этнокультурных процессов в Восточной Азии, поскольку с ней связан окончательный переход к бронзовому веку на территории Северо-Восточного Китая.

На Корейском п-ве аналогичные процессы связаны с мегалитической культурой (X–III вв. до н.э.). Принимая во внимание близкие хронологические рамки, а также сходства природно-климатических условий и культурно-исторического контекста формирования и развития культур мегалитов и *ситуаньшань*, необходимо рассмотреть возможные аналогии в их материалах.

Культура *ситуаньшань* локализуется преимущественно на территории современной пров. Цзилинь и на севере пров. Ляонин КНР. Центр приходится на верхнее течение Второго истока р. Сунгари, где находится эпонимный памятник и концентрированно расположены другие поселения и могильники этой культуры. На данный момент выделено более 700 объектов [Чжао Биньфу, 2009, с. 469–470]. Традиционно выделяются три этапа культуры: ранний (примерно начало – середина Зап. Чжоу, наиболее знаковые памятники Ситуаньшань, Синсиншао), средний (конец Зап. Чжоу – Чуньцю, наиболее знаковый памятник Хоушишань) и поздний (Чжаньго, наиболее знаковый памятник Тучэнцзы) [Дун Сюэцзэн, 2009, с. 33] (рис. 1, *1–5*). Могильники в основном располагались на склонах невысоких холмов высотой от 40 до 80 м (только на позднем этапе они могут быть расположены также по берегам рек). На ранних этапах могильник устраивался недалеко от поселения, на поздних – расстояние между могильником и поселением могло достигать 1 км. Захоронения на холмах выше 100 м не встречаются. Расположение могил почти всегда совпадало с контурными линиями холма, а голова погребенного была направлена в сторону вершины возвышенности [Чжао Биньфу, 2009, с. 470–471].

Типы погребальных конструкций выделяются в зависимости от формы используемого камня, преимущественно гранита – встречаются ящики из специально изготовленных плит и каменная кладка из колотых плиток гранита (как естественного, так и искусственно расколотого). Их соотношение среди захоронений эпонимного могильника примерно равно. Большинство имеют также внутреннюю перегородку, создающую отдельный отсек, соединяющийся с основной камерой, для помещения сопроводительного инвентаря, но есть и без таковых. В основном могилы прямоугольные в плане, но встречаются и квадратные. Глубина могилы составляла не более 0,9 м, сначала выкапывалась яма, затем в нее устанавливались плиты ящика. Длина варьирует от 1,5 до 2,6 м, ширина – от 0,3 до 0,9 м. Сверху могила перекрывалась плитами и большими камнями разной длины, сама «крышка», как правило, получалась длиннее внутреннего ящика (в отдельных случаях более 3 м). На поверхности каменная кладка не устраивалась. Погребальный обряд представляет собой трупоположение вытянутое на спине, но встречаются и положение на боку с согнутыми конечностями. Незначительное количество могил составляют захоронения в урнах и грунтовые могилы (ок. 5%). Большинство тел укладывали в могилу сразу после смерти (первичные захоронения), но в некоторых случаях хоронили только кости после того, как плоть сгнила или тело было кремировано (вторичные захоронения) [Ли Гуанжи, 2006].

Плиточные могилы делятся на 3 типа.

Для типа «А» характерно отсутствие плит на полу, иногда пол отсыпали песком, дополнительных отсеков нет.

Для типа «В» характерно наличие дополнительного отсека для глиняных сосудов, есть плиты на полу (рис. 2).

Для типа «С» характерно наличие плит на полу, но отсутствуют дополнительные отсеки.

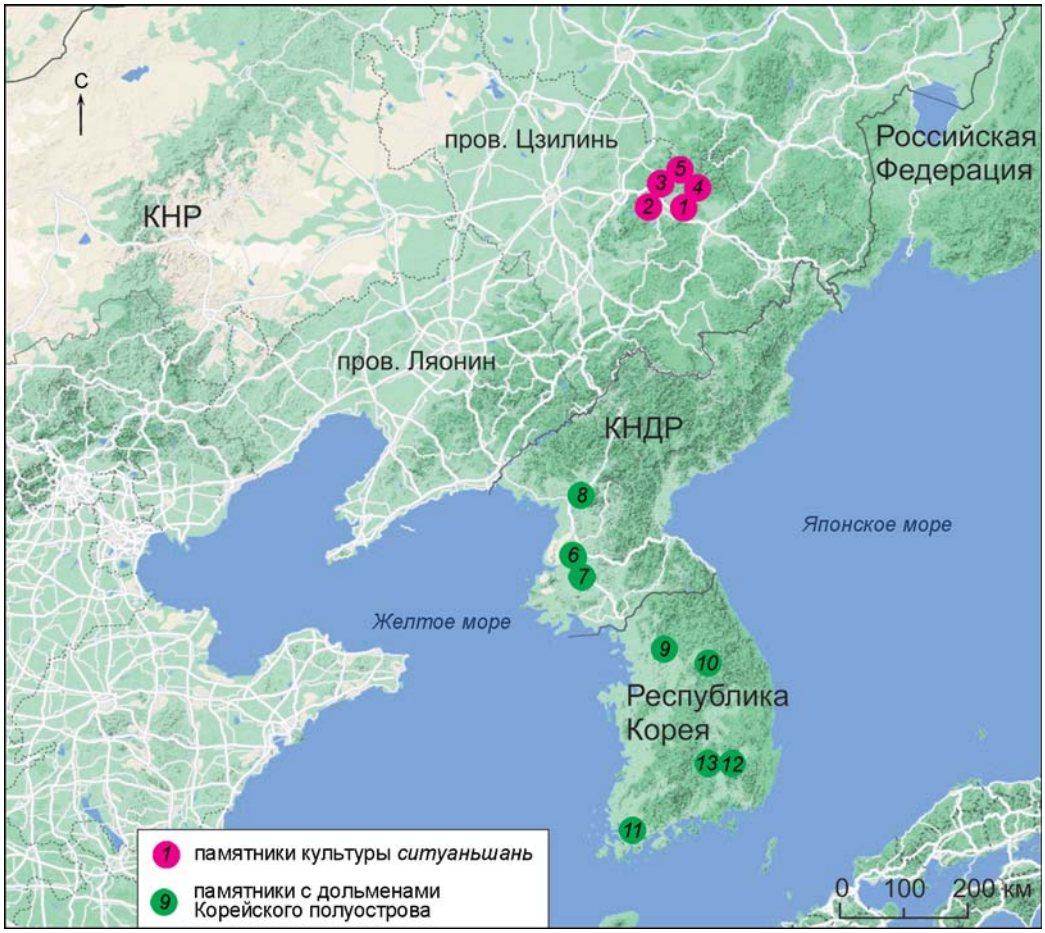


Рис. 1. Карта распространения памятников культуры *ситуаньшань* и дольменов Кореи.

1 – Ситуаньшань; *2* – Дунлинган; *3* – Хоушишань; *4* – Синсиншао; *5* – Чаншэхань; *6* – Симчхонни; *7* – Гвансондон; *8* – Мугбанни; *9* – Санджапхори; *10* – Хвансонни; *11* – Манбонни; *12* – Тэбондон-4; *13* – Понпхённи.

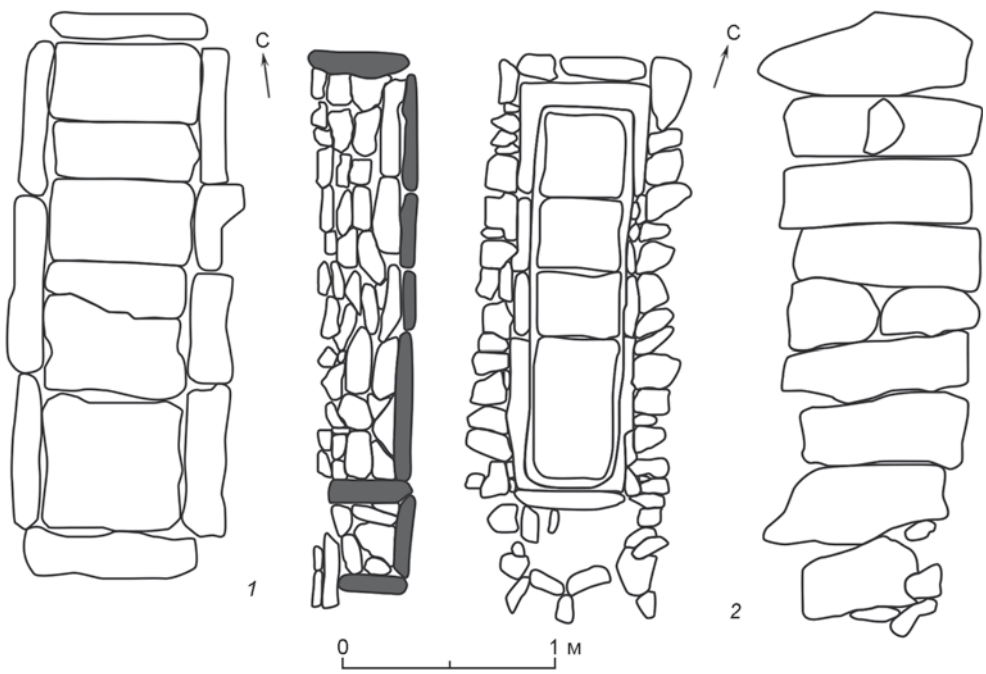


Рис. 2. Погребения культуры *ситуаньшань*, тип В (по: [Ли Гуанжи, 2006, с. 32-33]).

1 – Сяонаньгоу, погр. М1; *2* – Хоушишань, погр. 79М19.

Сопровождающий инвентарь включает в себя керамику, изделия из камня и бронзы. Каменные и бронзовые вещи во многом копируют друг друга, керамика вариативна. Глиняная посуда представлена в основном кувшинами, широкими горшками и мисками, треножниками, редкими грузилами, веретенами, чашами на поддоне. Предметы из камня – белые трубчатые бусины, полулунные ножи с отверстиями, длинные иволистные наконечники стрел. Бронзовые предметы – наконечники копий, ножи, тесла, долота и топоры, а также бляшки, пуговицы, рыболовные крючки и пластины. Примечательными являются находки костей и зубов кабана в составе погребального инвентаря.

Выделяются определенные правила помещения предметов в могилу. Так например, белые каменные трубчатые бусины, нефритовые подвески и украшения из зубов кабана чаще всего располагаются возле головы и груди, а каменные топоры, ножи и наконечники стрел или бронзовые орудия клали в районе пояса сбоку от тела человека, глиняные горшки, кувшины и миски чаще всего ставили у ног, во вспомогательный отсек сбоку или в ногах погребенного. Наиболее распространенные сочетания: 1) пряслице, каменные наконечники стрел, кувшины и горшки; 2) каменные наконечники стрел, тесло, топорик, кувшины и горшки [Тун Чжучэнь, 1964, с. 29–49].

Что касается происхождения традиции каменных ящиков, то их можно связать с культурой *мачэнцзы*, самой ранней культурой бронзы региона, локализованной в верховьях р. Тайцзыхэ (современная пров. Ляонин). Между двумя культурами определенно существовала корреляция: в *мачэнцзы* встречаются прототипы каменных ящиков; практиковались первичные захоронения; тела были захоронены лежащими на спине с выпрямленными руками и ногами; аналогичные комбинации и расположение инвентаря; наличие свиных костей; похожи выделенные категории глиняной посуды и каменные полулунные ножи.

Таким образом, к характерным особенностям культуры *ситуаньшань* относятся погребальные сооружения в виде каменных ящиков. В инвентарных комплексах преобладает гладкостенная керамика, шлифованные каменные орудия, в том числе и полулунные жатвенные ножи, бронзовые предметы вооружения [Лю Цзинвэнь, 1991].

Одновременно на территории Северо-Восточного Китая и Корейского п-ва складывается уникальная мегалитическая культура, представленная преимущественно дольменами. В Северо-Восточном Китае выявлены дольмены двух типов: северного типа (классические) и типа *кэсоксик* (без опорных камней). Большая часть китайских дольменов сосредоточена на территории пров. Ляонин. Здесь преобладают дольмены северного типа (из 136 известных здесь дольменов к нему отнесено 105 сооружений) [Ха Мунсик, 1999, с. 218]. Они представляют собой массивные каменные конструкции с наземной камерой, состоящей из двух опорных и двух торцевых стенок, перекрытых гигантской каменной плитой – крышкой. Что касается пров. Цзилинь, то на ее территории соотношение дольменов северного типа и дольменов типа *кэсоксик* (без опорных камней) примерно одинаково (66 сооружений северного типа и 44 конструкции без опорных камней) [Там же]. Внутримогильной конструкцией дольменов типа *кэсоксик* служил каменный ящик, сложенный из каменных плит или блоков. Дольмены обоих типов сосредоточены на одних и тех же памятниках преимущественно в пров. Цзилинь. Указанные обстоятельства косвенно свидетельствуют о формировании устойчивой традиции захоронений в каменных ящиках на территории региона. Вероятно, что это произошло под влиянием погребальной традиции синхронной мегалитам культуры *ситуаньшань*.

На территории Корейского п-ва каменный ящик является достаточно распространенным типом внутримогильной конструкции дольменов южного типа и сооружений без опорных камней типа *кэсоксик*. Примером может служить целый ряд памятников как северной, так и южной части Корейского п-ва: комплекс Симчхонни в у. Хванджу и Квансондон в г. Саривон, пров. Хванхэ-пукто, памятник Мугбанни в у. Кэчхон пров. Пхёнан-намдо КНДР; дольмен 1 Санджапхори в у. Йанпхён пров. Кёнгидо, памятник Хансонни в у. Чечхон пров. Чхунчхонпукто; Манбонни в у. Наджу, пров. Чолла-намдо, Тэбондон-4 в г. Тэгу (рис. 3), Понпхённи в у. Корён пров. Кёнсан-пукто и т.д. [Ха Мунсик, 1999, с. 131–148; Пукхан…, 1991, с. 174–176, 368–369, 402–405; Хан Бёнсам, Ким Джончхоль, 1974, с. 19–20; Ким Джэвон, Юн Мубён, 1967, с. 108–127; Хангук…, 1999, с. 681–682, 695–696, 799–800, 828–832, 941] (см. рис. 1, *6–13*). Каменные ящики корейских дольменов сооружались из поставленных на ребро каменных плит или уложенных слоями по типу кладки плиток. Наличие внутримогильных конструкций в виде каменных ящиков в дольменах Кореи ставит вопрос об опосредованной преемственности традиции их сооружения и связях с культурой *ситуаньшань*.

Погребальный обряд дольменов Кореи изучен недостаточно ввиду отсутствия массового антропологического материала. Есть основания полагать, что для дольменов без опорных камней с каменными ящиками Северной Кореи характерны захоронения по обряду трупосожжения (Квансондон 4,

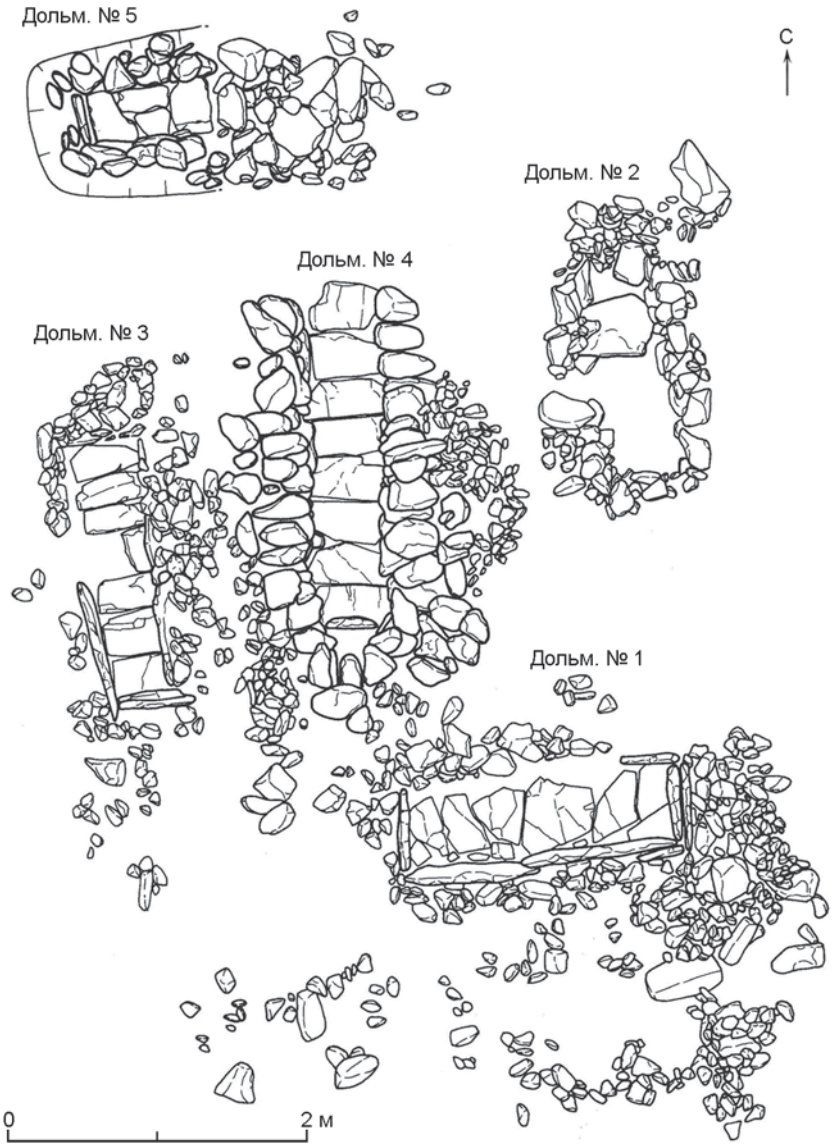


Рис. 3. Каменные ящики дольменов Тэбондон-4 (по: [Ю Ёнджин, 1991, с. 23]).

5). Аналогичную картину демонстрируют дольмены, расположенные в уезде Дунфэн пров. Цзилинь КНР. Для дольменов с каменными ящиками Южной Кореи, вероятно, были более типичны захоронения по обряду трупоположения на спине, чему можно найти подтверждение в материалах дольменов Хвансонни 6, 7, 17 (из раскопок Университета Чхунбук) и 13 (из раскопок Национального музея Республики Корея) [Ким Джэвон, Юн Мубён, 1967, с. 108–127]. Как было отмечено ранее, для культуры *ситуаньшань* характерны, главным образом, захоронения по обряду трупоположения, хотя в редких случаях практиковалась и кремация [Ли Джонсу, 2008, с. 231].

Инвентарные комплексы корейских дольменов обычно представлены гладкостенной керамической посудой и шлифованными каменными орудиями, среди которых довольно многочисленны жатвенные ножи, наконечники стрел и кинжалы. В небольшом количестве присутствуют и бронзовые предметы вооружения. Корейские исследователи отмечают, что прямых аналогий в инвентаре корейских дольменов с культурой *ситуаньшань* не прослеживается. Для мегалитической культуры Корейского п-ва не характерны треножники и веерообразные бронзовые кельты, являющиеся типичными предметами инвентарного комплекса культуры *ситуаньшань* [Ха Мунсик, 1999, с. 267–268]. Несмотря на отсутствие явного сходства в инвентаре двух культур, обращают на себя внимание некоторые общие черты. Во-первых, это присутствие в керамическом комплексе культуры *ситуаньшань* лепных сосудов с округлым туловом, высокой выделенной горловиной и 2 ручками по бокам средней части тулова [О Дэян, 2019, с. 193–194; Ли Джонсу, 2008, с. 233]. Подобные сосу-

ды находят аналогии в керамике типа *мисонни* и ее позднем варианте – керамике типа *мугбанни*. Сосуд типа *мисонни* найден в камере дольмена Тэпхённи 5 в у. Пукчхан пров. Пхёнан-намдо, а керамика типа *мугбанни* – в дольмене Мугбанни 24 на северо-западе Корейского п-ва [Ха Мунсик, 1999, с. 143–145]. Во-вторых, в дольменах пров. Ляонин керамика типа *мисонни* обнаружена в комплексе со скрипковидными бронзовыми кинжалами – изделиями специфической формы, которые наряду с керамической посудой типа *мисонни* считаются индикаторами культуры Древнего Чосона [Бутин, 1982, с. 186–187]. Такие кинжалы являются самой многочисленной категорией бронзовых изделий в инвентарных комплексах дольменов Кореи и Маньчжурии. Скрипковидные кинжалы найдены исключительно в дольменах южных районов Корейского п-ва, главным образом, в пров. Чолла-намдо – 16 экз. Принято считать, что территория распространения скрипковидных кинжалов ограничивалась районами современной пров. Ляонин и северо-западной частью Корейского п-ва, совпадая с ареалом керамики типа *мисонни*. Тем не менее, на могильнике культуры *ситуаньшань* Синсиншао-3 в погр. AM16 выявлен бронзовый скрипковидный кинжал, а в погр. DM13 – скрипковидный наконечник копья [Ли Джонсу, 2008, с. 23–26]. Таким образом, наличие отдельных предметов культуры Древнего Чосона в материалах могильников культуры *ситуаньшань* и на крайнем юго-западе Корейского п-ва позволяет сделать вывод о том, что влияние культуры Древнего Чосона распространялось на север вплоть до пров. Цзилинь, а на юг – до современной южнокорейской пров. Чолланамдо. В-третьих, типичным для каменного инвентаря культуры *ситуаньшань* считаются шлифованные полулунные ножи, тесла и наконечники стрел. Все эти материалы находят самые широкие аналогии и в культуре дольменов Корейского п-ва на всей территории ее распространения. С культурой *ситуаньшань* их объединяет, прежде всего, широкое применение техники шлифования для обработки камня. Полулунные ножи в обеих культурах указывают на сходный тип хозяйства, основу которого составляло земледелие.

Таким образом, детальное сравнение материалов культуры *ситуаньшань* Китая и мегалитической культуры Кореи выявило некоторые сходства между ними. Это использование сооружений типа каменных ящиков в качестве погребальной конструкции; совершение захоронений преимущественно по обряду трупоположения; погребальный инвентарь с преобладанием гладкостенной керамической посуды и шлифованного каменного инвентаря; присутствие в инвентарных комплексах полностью аналогичных керамических и бронзовых изделий, имеющих четкую культурную атрибуцию (бронзовых скрипковидных кинжалов и наконечников копий, керамики типа *мисонни* и *мугбанни*). Все эти сходства, помимо стадиального характера, маркирующие постепенное становление культуры бронзы на Востоке Азии, могут также являться свидетельством культурных контактов или определенной этнической близости – принадлежности к тунгусо-маньчжурской общности. Дальнейшее более детальное изучение означенной проблемы представляется перспективным для решения проблемы происхождения мегалитической традиции и культуры бронзы Восточной Азии в целом.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00566 «Мегалитические комплексы Корейского полуострова – от локального феномена к общерегиональной традиции монументальных сооружений».

Список литературы

Бутин Ю.М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.

Дун Сюэцзэн. Цзилинь Ситуаньшань вэньхуа люши нянь яньцзю чэнго гайшу (Результаты 60 лет исследований культуры Ситуаньшань в Цзилине) // Боугуань яньцзю. – 2009. – № 1. – С. 28–37 (на кит. яз.).

Ким Джэвон, Юн Мубён. Хвансонни юджок (Памятник Хвансонни) // Хангук чисонмё ёнгу (Исследования дольменов Кореи). – Сеул: Куннип чунан панмульгван (Нац. муз. Республики Корея), 1967. – С. 99–125 (на кор. яз.).

Ли Гуанжи. Цун Дунлянган муцзан кань ситуаньшань вэньхуа муцзан дэ фэньци юй дуаньдай (Датировка и периодизация могильных комплексов культуры *ситуаньшань* на основе материалов могильника Дунлянган). Чанчунь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 2006. – 36 с. (на кит. яз.).

Ли Джонсу. Содансан мунхва соккванмё-ый тхыгджин-гва кивон-э тэхаё (Характеристики и происхождение захоронений в каменных ящиках культуры *ситуаньшань*) // Йокса-ва мунхва (История и культура). – 2008. – № 28. – С. 220–254 (на кор. яз.).

Лю Цзинвэнь. Ситуаньшань вэньхуа дэ нунмуе фачжань таньсо (Исследование развития земледелия и скотоводства культуры *ситуаньшань*) // Бэйфан вэньу. – 1991. – № 2. – С. 13–17 (на кит. яз.).

О Дэян. Йодон-гва Киллим, Собукхан чиёк чхондонги сидэ мёдже-ый чонгэ янсан комтхо (Исследование эволюции погребений периода бронзового века на п-ове Ляодун, в пров. Цзилинь и в северо-западной Корее) // Пэксан хакпо. – 2019. – № 115. – С. 173–216 (на кор. яз.).

Пукхан мунхва юджок пальгуль кэбо (Собрание отчетов об археологических раскопках памятников культуры Северной Кореи). – Сеул: Мунхваджэ кваллигук мунхваджэ ёнгусо (Нац. ин-т культурного наследия при Управлении культурного наследия Республики Корея), 1991. – 643 с. (на кор. яз.).

Тун Чжучэнь. Цзилинь Ситуаньшань шигуаньму фацзюэ цзяньбао (Отчет о раскопках могил в каменных ящиках на горе Ситуаньшань в Цзилине) // Каогу сюэбао. – 1964. – № 1. – С. 29–49 (на кит. яз.).

Ха Мунсик. Кочосон чиёг-ый коиндоль ёнгу (Исследование дольменов на территории Древнего Чосона). – Сеул: Пэксан чарёвон, 1999. – 380 с. (на кор. яз.).

Хан Бёнсам, Ким Джончхоль. Йанпхён гун Санджапхори чисонмё (соккванмё) пальгуль пого (Отчет о раскопках дольменов (каменных ящиков) Санджапхори в у. Йанпхён) // Пхальдан, Сояндэм сумоль чигу юджок пальгуль чонхап чоса погосо (Сводный отчет о раскопках археологических памятников в зоне затопления водохранилищ Пхальдан и Соян). – Сеул: Мунхва конбобу мунхваджэ кваллигук (Управление культурного наследия Республики Корея при Министерстве культуры и информации Республики Корея), 1974. – С. 7–113 (на кор. яз.).

Хангук чисонмё (коиндоль) юджок чонхап чоса ёнгу – пунпхо, хёнсик, кивон, чонпха мит сахве погвон (Комплексное изучение дольменов Кореи – распространение, типология, происхождение, взаимосвязи и социальная реконструкция). – Сеул: Мунхваджэ кваллигук, Соуль тэхаккё панмульгван (Управление культурного наследия Республики Корея, Муз. Сеульского нац. ун-та), 1999. – 1251 с. (на кор. яз.).

Чжао Биньфу. Ситуаньшань вэньхуа фэньци яньцзю (Периодизация культуры *ситуаньшань*) // Каогу сюэбао. – 2009. – № 4. – С. 469–496 (на кит. яз.).

Ю Ёнджин. Тэгу Тэбондон чисонмё: чебальгуль чоса пого (Дольмены Тэбондон в г. Тэгу: отчет о повторных раскопках). – Тэгу: Кёнбук тэхаккё панмульгван (Муз. ун-та Кёнбук), 1991. – 129 с. (на кор. яз.).

References

Bukhan munhwa yujeok balgul gaebo [Collection of reports on archaeological excavations of cultural monuments of North Korea]. Seoul: Munhwajae gwanriguk munhwajae yeonguso [Nat. research institute of cultural heritage, Cultural heritage administration], 1991. 643 p. (In Kor.).

Butin Yu.M. Drevnii Choson. (istoriko-arkheologicheskii ocherk). Novosibirsk: Nauka, 1982. 330 p. (In Russ.).

Dong Xuezeng. Jilin Xituanshan wenhua liushi nian yanjiu chengguo gaishu [The results of 60 years of Xituanshan culture research in Jilin]. *In Bowuguan yanjiu [Museum Investigations],* 2009. N 1. P. 28–37. (In Chin.).

Ha Mun-sik. Gojoseon jiyeogui goindol yeongu [Exploring Dolmens in Ancient Joseon]. Seoul: Baeksan jaryowon, 1999. 380 p. (In Kor.).

Han Byeongsam, Kim Jongcheol. Yangpyeong gun Sangjapo-ri jiseokmyo (seokgwanmyo) balgul bogo [Report on the excavation of the dolmens (stone cists) of Sanjaphori in Yangpyeong County]. In *Paldang, Soyang daem sumol jigu yujeok balgul jonghap bogoseo [Collected reports on the excavations of archaeological sites in the flood zone of the Phaldan and Soyan reservoirs]*. Seoul: Munhwa gongbobu Munhwajae gwanriguk [Cultural heritage administration, Ministry of culture and information of the Republic of Korea], 1974. P. 7–113. (In Kor.).

Hanguk jiseonmyo (goindol) yujeok jonghap josa yeongu: Bunpo, hyeongsik, giwon, jeonpa mit sahoebogwon [A Comprehensive Study of Korean Dolmens: Distribution, Typology, Origins, Relationships and Social Reconstruction]. Seoul, Munhwajaecheong [Cultural Heritage Administration of Republic of Korea], Seoul daehakkyo banmulgwan [Seoul nat. university mus.], 1999. 1251 p. (In Kor.).

Kim Chewon, Youn Moo-byong. Hwangseok-ri yujeok. In *Hanguk jiseokmyo yeongu [Studies of dolmens in Korea]*. Seoul: Gukrip jungang bakmulgwan [Nat. mus. of Korea], 1967. P. 99–125. (In Kor.).

Lee Jong-Su. Seodansan munhwa seokgwanmyoui-ui teukjing-gwa giwon-e daehayeo [A Study of the characteristics and origins of the stone-coffin tombs of the Xituanshan culture]. *Yeoksa-wa munhwa [History and culture]*, 2008. N 28. P. 220–254. (In Kor.).

Li Guangri. Cong Donglianggang muzang kan Xituanshan wenhua muzang de fenqi yu duandai [The Stage and Age of the Xituanshan Culture based on the Study on the Donglianggang Tomb]. Changchun: Jilin daxue publ., 2006. 36 p. (In Chin.).

Liu Jingwen. Xituanshan wenhua de nongmuye fazhan tansuo [The Investigation of Agriculture Development in Xituanshan Culture]. In *Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]*, 1991. N 2. P. 13–17. (In Chin.).

Oh Daeyang. Yodong-gwa Gillim, Seobukhan jiyeok cheongdonggi sidae myoje-ui jeongae yangsang geomto [A study on the development of burial systems of the bronze age in Liaodong-Northwest Korea region]. In *Baeksan hakbo*, 2019. N 115. P. 173–216. (In Kor.).

Tong Zhuchen. Jilin Xituanshan shi guanmu fajue jianbao [A report of the excavations of the stone box graves on Xituanshan mountain in Jilin]. In *Kaogu xuebao [Acta Archaeological Sinica]*, 1964. N 1. P. 29–49. (In Chin.).

Yoo Yongjin. Daegu Daebong-dong jiseokmyo: jaebalgul josa bogo [Daegu Daebong-dong dolmens: report on reexcavation]. Daegu: Kyungpook daehakgyo bakmulgwan [Kyungpook nat. university mus.], 1991. 129 p. (In Kor.).

Zhao Binfu. Xituanshan wenhua fenqi yanjiu [The periodization of Xituanshan culture]. In *Kaogu xuebao [Acta Archaeological Sinica]*, 2009. N 4. P. 469–496. (In Chin.).

Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0677-0682
УДК 904

Д.В. Папин[1, 2]✉, М.А. Демин[3], И.А. Савко[1, 2, 3], А.С. Федорук [1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: papindv@mail.ru

Особенности погребальной практики населения предгорного Алтая раннего железного века по материалам могильника Усть-Иша-5

В статье рассматриваются результаты исследования курганного могильника Усть-Иша 5 в полевом сезоне 2022 г. Были изучены три курганные насыпи, расположенные в различных частях могильного пространства. Установлено, что помимо объектов, относимых к раннескифскому времени, на памятнике выявлены курганы быстрянской археологической культуры раннего железного века. Они сконцентрированы в южной части памятника и выделяются по слою каменной «наброски» на земляной насыпи. В отчетном году было исследовано два кургана раннескифского периода, они расположены в центральном и северном секторе могильника. Текущие раскопки подтвердили наблюдения прошлых лет о дислокации по периметру курганной насыпи и за ее пределами детских погребений, представляющие собой небольшие ямы прямоугольной формы, ориентированные по линии запад – восток. Центральные погребения были потревожены в древности, но в их заполнении (курганы 33 и 55) сохранились предметы. Захоронения содержали останки одного субъекта, in situ сохранились только отдельные части погребенных, позволяющие реконструировать обряд как трупоположение, скорченно на правом боку головой в западный сектор. Предметы инвентаря и особенности ритуальной практики позволяют отнести раскопанные объекты к раннескифскому времени Алтая (IX–VIII вв. до н.э.). В южном секторе некрополя был исследован курган с каменной наброской на насыпь, центральное погребение было ограблено в древности, прослежено несколько случаев грабительского проникновения, но боковое детское погребение было не потревожено. По деталям погребального костюма, украшений и фрагментов керамики захоронения принадлежат быстрянской культуре Алтая.

Ключевые слова: *предгорья Алтая, курганный могильник, раннескифское время, Усть-Иша 5.*

D.V. Papin[1, 2]✉, M.A. Demin[3], I.A. Savko[1, 2, 3], A.S. Fedoruk[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Altai State University
Barnaul, Russia
[3] Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia
E-mail: papindv@mail.ru

Specific Features of Burial Practice among the Population of the Altai Foothills in the Early Iron Age Based on the Evidence from the Ust-Isha-5 Burial Ground

The article discusses the results of studying the burial mound of Ust-Isha 5 in the field season of 2022. Three burial mounds located in different parts of the funeral space were studied. In addition to the objects of the Early Scythian period, barrows of

the Bystryanskaya archaeological culture of the Early Iron Age were found. They were concentrated in the southern part of the site and were distinguished by the layer of stones placed on earthen embankment. Two burial mounds of the Early Scythian period, located in the central and northern parts of the burial ground, were explored in 2022. Excavation has confirmed the observations of the previous years about the location of children's burials – small rectangular pits oriented along west-east – along the perimeter of the mound and outside of it. The central burials were robbed in ancient times, but some objects have remained in the filling of the grave. The burials contained the remains of one person; only individual parts of other buried were preserved in situ making it possible to reconstruct the funeral rite as inhumation in a crouched position on the right side with the head to the western sector of the necropolis. The inventory and ritual practice make it possible to attribute the excavated objects to the Early Scythian period of the Altai (9th–7th centuries BC). A burial mound with stones in the embankment was explored in the southern sector of the necropolis. The central burial was robbed in ancient times; several cases of robbery were discovered, but the side children's burial has survived intact. According to the elements of the funeral outfit, adornments, and pottery fragments, the burials belonged to the Bystryanka culture of the Altai.

Keywords: *Altai foothills, burial mound, Early Scythian period, Ust-Isha 5.*

Введение

В полевом сезоне 2022 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета, Барнаульской лаборатории археологии ИАЭТ СО РАН и Алтайского государственного педагогического университета были продолжены исследования курганного могильника Усть-Иша 5, возобновленные в 2021 г. [Папин и др., 2021]. Некрополь известен с 30-х гг. XX в. и исследовался Г.В. Масленниковой и С.М. Сергеевым [Скопинцева, 1998а, с. 120; 1998б]. Памятник расположен в Красногорском р-не Алтайского края на высокой террасе правого берега р. Иша (высота от уреза воды 70–90 м). С востока и юга территория памятника ограничена крутым склоном, спускающимся к реке, восточная часть опахивается, и используется под посевы.

Задачами работ 2022 г. было установление культурной однородности могильного пространства некрополя, для чего были изучены три кургана, соответственно в южной, центральной и северной частях могильника.

Описание погребальных сооружений и сопроводительного инвентаря

В северном секторе могильника был раскопан кург. 8. Объект представлял собой земляную насыпь округлой формы, диаметром 8,5 м, высотой до 0,6 м, поверхность которого покрыта травой и кустарником. С целью исследования кургана был размечен раскоп размером 9 × 9,5 м, ориентированный ССВ–ЮЮЗ, общей площадью 85,5 м^2. Объект исследовался с учетом полного изучения земляной насыпи и прилегающей к ней пространства (рис. 1).

После снятия первого условного горизонта в центральной части раскопа была зафиксирована прослойка коричневого суглинка, аналогичный горизонт мощностью до 0,3 м наблюдался в разрезе бровок, что позволило зафиксировать размеры насыпи кургана, диаметр которого уменьшился до 6,8–7,85 м. В северной стенке сектора 4 на глубине 0,15–0,20 м (все глубины здесь и далее даны от уровня современной дневной поверхности) обнаружена прослойка перемешанного, рыхлого желтого суглинка, являющаяся отвалом, раскопанного Г.В. Скопинцевой в 1997 г. кург. 6. Во время разбора насыпи, в юго-восточной части могильного пространства, на уровне третьего условного горизонта в секторе 1 было встречено детское погребение *(мог. 1)* (рис. 1, *1*). Могильная яма овальной формы, размерами 0,47 × 0,45 м, глубиной от 0,66 до 0,76 м. Ориентирована длинной стороной по линии З–В. Заполнение могилы – темно-серый суглинок. Погребение содержало останки одного погребенного (новорожденный младенец), расположенные на глубине 0,66–0,73 м. Сохранность костей плохая. Умерший был уложен скорченно, на правом боку. Скелет был ориентирован головой на запад. Находок в могиле не обнаружено. После фиксации и разбора бровок было изучено центральное погребение (*мог. 2*) (рис. 1*, 1*). Могила была потревожена в древности, пятно зафиксировано на уровне материкового слоя на глубине 0,75–0,85 м от дневной поверхности в центре кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 0,85 × 1,38 м. Ориентирована длинной стороной по линии З–В. В западной части могилы фиксировался грабительский лаз подпрямоугольной формы размерами 0,49 × 0,67 м, отличающийся более темным заполнением, дно могильной ямы достигало глубины 1,29–1,48 м. В западной части могильной ямы на глубине 1,13 м обнаружен камень (крупная окатанная галька), рядом с которым на глубине 1,21 м находился позвонок. Захоронение содержало останки одного субъекта, анатомический порядок костей нарушен, кости торсальной части и черепа отсутствовали. В сочленении зафиксированы только фаланги пальцев ног, находящиеся в восточной части могилы на глубине 1,37 м.

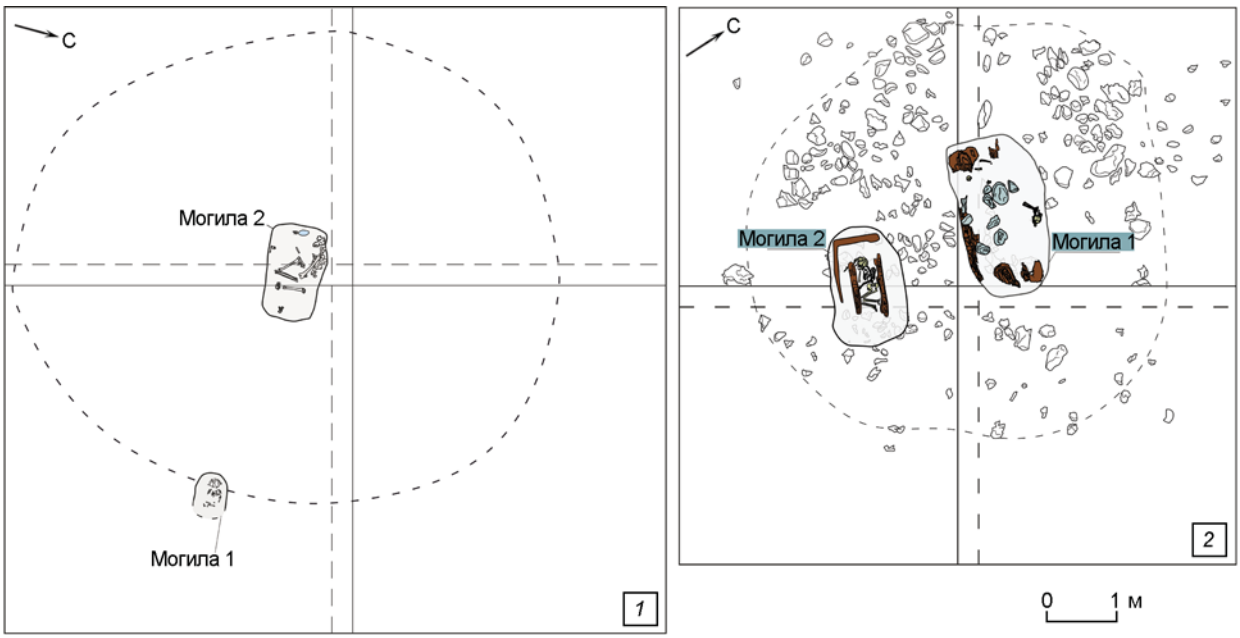


Рис. 1. Общий план курганов 8 (*1*) и 55 (*2*) могильника Усть-Иша 5.

Судя по анатомическому расположению костей в детском погребении, а также *in situ* сохранившимся фалангами пальцев нижних конечностей в центральном захоронении, все погребенные в кургане были ориентированы головой на запад. Подтверждением ориентации центрального погребения в западный сектор, является наличие крупной окатанной гальки, которая, предположительно, может интерпретироваться как каменная «подушка», которая была подложена под голову погребенному. Традиция положения каменной «подушки» фиксируется в захоронениях бийкенской культуры раннескифского времени (Бийке, кург. 1) [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 53.].

В центральном секторе памятника объектом исследования был выбран кург. 33, к моменту начала полевых работ поверхность участка раскопа и насыпь кургана заросли высокой травой. После скоса травы, четко проявилась курганная насыпь размерами 9,5 (по линии ЗЮЗ – ВСВ) × 8 м (ССЗ – ЮЮВ), высотой в центральной части до 35 см. Вытянутая форма насыпи, вероятно, связана со склоновыми процессами на участке. В центре насыпи слабо прослеживалась западина округлой формы диаметром 1,5 м и глубиной до 5 см. С целью полноценного исследования кургана и прилегающего к нему пространства памятника, был заложен раскоп размерами 18 × 14 м (общая площадь 252 м^2).

Вскрытие площади раскопа осуществлялось на глубину от 60 см (периферийная часть раскопа) до 100 см (центральная часть насыпи). В результате раскопом был полностью исследован как сам курган, так и непосредственно прилегающая к нему площадь (околокурганное пространство) памятника. В ходе работ в центральной части кургана исследовано одно ограбленное в древности погребение (*мог. 1*). Размеры могильной ямы в центральной части 1,87 × 0,86 м. Длинной осью захоронение ориентировано по линии ЮЗ–СВ. Центральная часть могилы была прорезана грабительским шурфом (черный гумусированный суглинок), фиксирующимся с уровня современной дернины. Не затронутыми грабителями остались лишь ЮЗ и СВ края могильной ямы (серый суглинок). Глубина погребения достигала отметки 1,25 м от современной дневной поверхности (врезана в материк на глубину до 0,35 м). В ходе выборки заполнения могильной ямы на участке грабительского шурфа были обнаружены бронзовые нож и серьга, а также немногочисленные и беспорядочно лежащие фрагменты костей человеческого скелета. Обнаруженный нож имеет длину 14,5 см, лезвие оформлено проковкой заготовки и изделию придана вогнутообушковая форма. Кончик лезвийной части округлой формы, рукоять заканчивается навершием в виде «арки на кронштейне» (рис. 2, *1*). Серьга бронзовая, литая, с каплевидным окончанием имеет размеры 6 × 2,5 см (рис. 2, *2*).

Под северо-восточным краем насыпи кургана обнаружено археологизированное сооружение – яма (объект 5 – яма трапециевидной в плане формы размерами 0,66 × 0,55 м и глубиной до 0,24 м), находок в котором обнаружено не было. На примыкающем к юго-восточному краю насыпи участке около курганного пространства обнаружено два детских погребения (*объекты 1, 2*). *Объект 1* – размерами

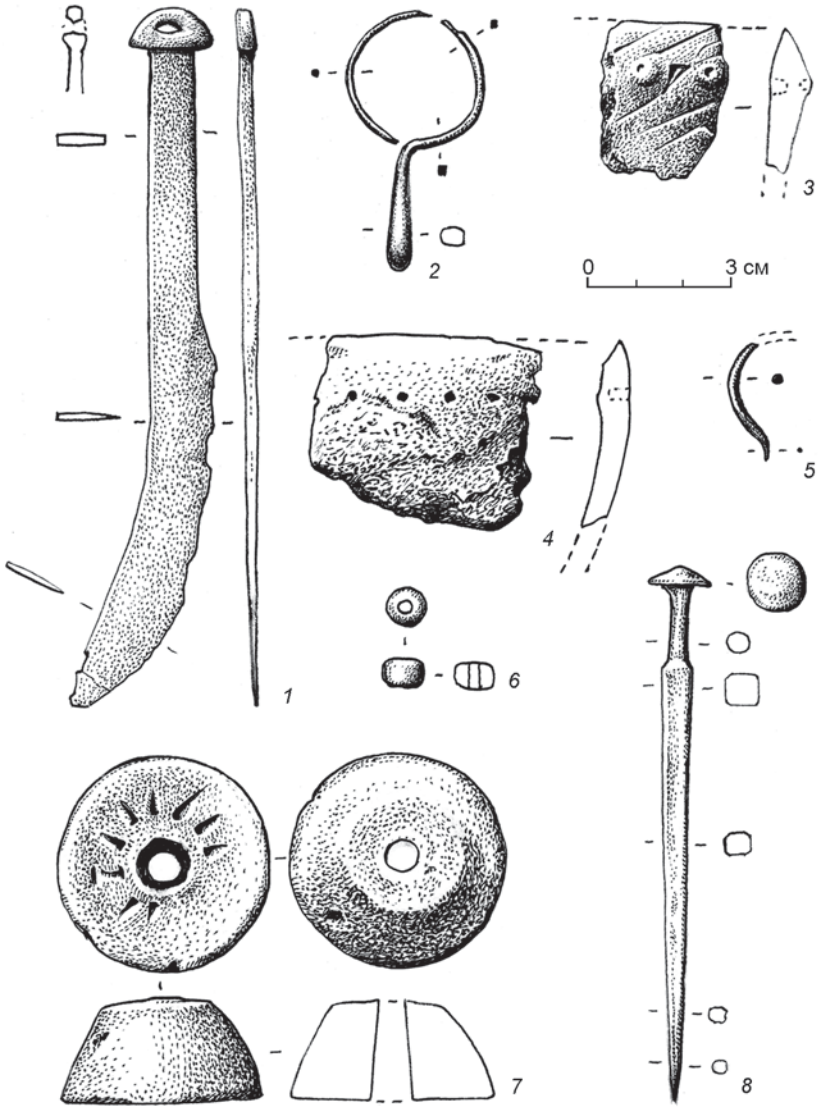


Рис. 2. Находки из курганов 33 (*1–3*) и 55 (*4–8*) могильника Усть-Иша 5.

1 – бронзовый нож; *2* – бронзовая серьга; *3* – фрагмент венчика сосуда; *4* – керамическое пряслице; *5* – фрагмент бронзовой проволочной серьги; *6* – фрагмент венчика сосуда; *7* – стеклянная (пастовая) бусина; *8* – бронзовая гвоздевидная заколка.

0,64 × 0,4 м, глубиной до 1,2 м от современной поверхности (31 см от уровня материковой поверхности). Ориентирован длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ. Заполнение – серый суглинок. В центральной части обнаружены фрагменты ребер и отдельные зубы младенца (?). *Объект 2* – размерами в центральной части 0,6 × 0,43 м, глубиной до 1,21 м от современной поверхности (0,32 м от уровня материковой поверхности). Ориентирован длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Заполнение – серый суглинок. В центральной части обнаружены зуб младенца (?) и фрагмент бронзового изделия (пронизки?). Кроме того, раскопом изучено три ямы расположенных к северо-востоку от насыпи кург. 33, находок в этих объектах не обнаружено.

Юго-западным углом раскопа был выявлен край участка перекопа, заполненный перемешанным суглинком. Перекоп прослеживался на глубину до 0,4 м от современной дневной поверхности, имел ровное дно и вертикальные стенки, наиболее вероятно, что это край раскопа 1997 г. Г.В. Скопинцевой (кург. 39).

В южной части могильника для раскопок был выбран кург. 55, до исследования он представлял земляную сильно задернованную насыпь размерами 6,18 м по линии З – В на 6,53 м по линии С – Ю. После снятия и зачистки верхнего горизонта, было выявлено, что насыпь покрывает слой крупной окатанной гальки (возможно, катунский аллювий) (рис. 1, *2*). В северо-западном секторе был зафиксирован грабительский прокоп, по контуру центральной могилы (*мог. 1*). Могила имела размеры на верхнем контуре 2,3 × 1,27 м, а нижний 2,41 × 1,10 м, глубина от дневной поверхности

1,94–1,98 м, ориентирована по линии ЗСЗ – ВЮВ. Погребение было многократно ограблено в древности, зафиксировано несколько случаев проникновения, но сохранились остатки трех (?) венцов деревянного перекрытия. Значительная часть скелета отсутствовала и свалена в кучу у края стены. На разных уровнях, не *in situ*, были обнаружены детали погребального набора: пряслице, бусина, бронзовая заколка (находившаяся в западном секторе могилы), фрагмент бронзовой серьги и керамика (рис. 2, *4–8)*. *Могила 2* располагалась южнее центрального погребения, размеры могильного пятна 1,74–1,07 м, глубина от дневной поверхности 1,18–1,23 м (рис. 1*, 2*). На дне, в обкладке деревянной рамы, был захоронен ребенок, головой на ЗСЗ, на правом боку с подогнутыми ногами. Погребение было не потревожено, и сохранило многочисленные детали погребального костюма: бусы, серьги, перстень, на поясе находился кожаный мешочек с набором бронзовых солярных предметов.

Обсуждение результатов и выводы

В результате проведенных исследований в 2022 г. на могильнике Усть-Иша 5, было изучено три кургана: 8, 33, 55. Объекты 8 и 33, располагавшиеся в центральной и северной частях могильника, полностью соответствуют материалам кург. 7, изученного на этом памятнике в 2021 г. [Папин и др., 2022]. Судя по анатомическому расположению костей в могильных ямах, все погребенные в курганах 7, 8 и 33 были ориентированы головой в западный сектор. Детские могилы были зафиксированы на краю или за пределами насыпи, что указывает на то, что погребения совершались после сооружения кургана. Центральные погребения были ограблены еще в древности, грабители ориентировались на ту часть могилы, где располагалась верхняя часть и череп скелета. Непотревоженными остались лишь кости нижних конечностей, по которым можно предположить, что погребенный лежал на правом боку в сильно скорченном положении.

Традиция скорченного положения, погребенного головой в западный сектор на Алтае была распространена в переходное время от поздней бронзы к раннему железному веку [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52–53; Абдулганеев, Папин, 1999, с. 7; Фролов, 2008, с. 146]. По обряду захоронения и инвентарю рассматриваемый погребальный комплекс соотносится с захоронениями могильников – Березовка-1, Суртайка-1, 2 раннескифского времени [Абдулганеев, Папин, 1999, с. 6–7].

Найденный инвентарь в *мог. 1* кург. 33 является надежным хронологическим маркером, указывающим на раннескифскую хронологию данного некрополя. Вогнутообушковый однолезвийный нож с рукоятью, с острым краем лезвия, верхняя часть которого отогнута вверх, навершие у изделия оформлено в виде «арки на кронштейне» (рис. 2, *1*). Не вдаваясь в подробное рассмотрение географии предмета, отметим, что он распространен на юге Западной Сибири от казахстанского Прииртышья на западе и до Минусинской котловины на востоке, где он хорошо атрибутируется заключительным этапом эпохи бронзы Среднего Енисея (баиновский этап, горизонт IV-б) [Поляков, 2022, с. 285, 295, 312]. В барабинской лесостепи на городище Чича 1 он связан с позднеирменским пластом [Молодин, Парцингер, 2009, с. 58]. Хорошо дополняет нож бронзовая серьга с цельнолитой, конусовидной подвеской (рис. 2, *2*), типологически данный вид изделия не известен в предшествующем периоде поздней бронзы Алтая, но представлен в кругу баиновских древностей Минусинской котловины [Лазаретов, 2007, рис. 5, 11, 12]. Раскопанные нами в 2022 г. погребальные сооружения соответствуют изученным в 1997 и 2021 гг. курганам, в насыпях которых также встречались отдельные камни, положение костяков в погребениях скорчено на боку, головой в западный сектор, внутримогильные конструкции преимущественно отсутствовали, лишь в трех прослежены деревянные обкладки стен [Папин и др., 2021; Скопинцева, 1998а, с. 120–123]. Таким образом, данный комплекс датируется IX–VIII вв. до н.э., что соответствует раннему этапу формирования могильника.

Курган 55, исследованный в южном секторе по погребальному обряду, сооружению каменно-земляной насыпи, формам и размеру могильных ям, а также инвентарю, находит многочисленные аналогии в быстрянской культуре раннего железного века Алтая [Радовский, Серегин, 2020]. Не противоречит этому и хронология предметов из его погребений. Прежде всего, это бронзовая прокованная, четырехгранная заколка со шляпкой (рис. 2, *8*), которая широко известна в раннетагарских древностях Минусинской котловины [Вадецкая, 1986, табл. VIа, 5; VIб, 3].

Таким образом, в результате проведенных работ установлено, что некрополь Усть-Иша-5 сформировался в раннескифское время (не позднее IX–VIII вв. до н.э.), к этому периоду его функционирования относится центральная и северная части, когда сформировались курганные цепочки. Кладбище носителей традиций быстрянской культуры расположилось на южной периферии могильника, продолжая погребальное поле в этом направление.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и Средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуни // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 5–13.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 180 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 232 с.

Лазаретов И. П Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. – 2007. – Т. 14. – С. 93–105.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 2. – С. 51–77.

Папин Д.В., Савко И.А., Анойкин А.А., Демин М.А. Исследование кургана раннескифского времени на могильнике Усть-Иша-5 в предгорьях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 588–593.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 364 с.

Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрянской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 20–37.

Скопинцева Г.В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998а. – Вып. IX. – С. 120–124.

Скопинцева Г.В. Отчет об археологической разведке и раскопках экспедиции БГПИ в июне-июле 1997 г. в Красногорском районе Алтайского края // Архив ИА РАН. – 1998б. – Ф.1/Р. 1. – № 21386. – 55 л.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э.: по данным грунтовых могильников. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 479 с.

References

Abdulganeev M.T., Papin D.V. Pamjatniki ranneskifskogo vremeni v mezhdurech'e Bii i Katuni. In *Itogi izuchenija skifskoj jepohi Altaja i sopredel'nyh territorij*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1999. P. 5–13. (In Russ.).

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e.: po dannym gruntovykh mogil'nikov. Barnaul: Barnaul State Univ. Press, 2008. 479 p. (In Russ.).

Kirjushin Ju.F., Tishkin A.A. Skifskaja jepoha Gornogo Altaja. Chast' I. Kul'tura naselenija v ranneskifskoe vremja. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1997. 232 p. (In Russ.).

Lazaretov I. P Pamyatniki bainovskogo tipa i tagarskaya kul'tura. *Arkheologicheskie vesti,* 2007. Vol. 14. P. 93–105. (In Russ.).

Molodin V.I., Partsinger G. Khronologiya pamyatnika Chicha-1. In *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. 2. P. 51–77. (In Russ.).

Papin D.V., Savko I.A., Anoykin A.A., Demin M.A. Study of the mound of the early Scythian time at the Ust-Isha-5 burial ground in the foothills of Altai In *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 588–593. (In Russ.).

Polyakov A.V. Khronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin. Sankt-Peterburg: IIMK RAS, 2022. 364 p. (In Russ.).

Radovskij S.S., Seregin N.N. Pogrebal'nye sooruzhenija naselenija bystrjanskoj kul'tury skifo-sakskogo vremeni (severnye predgor'ja Altaja). *Severnye Arhivy i Jekspedicii*, 2020. Vol. 4. N 1. P. 20–37. (In Russ.).

Skopintseva G.V. Novyj mogil'nik ranneskifskogo vremeni v predgor'jah Altaja. In *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1998. P. 120–124. (In Russ.).

Skopintseva G.V. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke i raskopkakh ekspeditsii BGPI v iyune-iyule 1997 g. v Krasnogorskom raione Altaiskogo kraya // Arkhiv IA RAS. – 1998b. – F.1/R. 1. – № 21386. – 55 l. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad, 1986. 180 p. (In Russ.).

Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092
Демин М.А. https://orcid.org/0000-0003-0954-9297
Савко И.А. https://orcid.org/0000-0002-7463-7333
Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0683-0689
УДК 902. 22

Н.В. Полосьмак

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Рекогносцировочные исследования на могильном поле Катанда-3

В 2022 г. были проведены рекогносцировочные исследования на объекте, расположенном на могильном поле Катанда-3 (Усть-Коксинский р-н республики Алтай). Малозаметная плоская круглая задернованная площадка из камня диаметром ок. 50 м и высотой ок. полуметра была выявлена в ходе картографирования археологических объектов в Катандинской долине в 2021 г. Этот оригинальный памятник ранее не был известен. Каменное сооружение заметно повреждено в середине восьмидесятых годов при строительстве мелиоративной системы – через него проходит ответвление канала. В центре сооружения находится большая воронка 0,8 м глубиной, происхождение которой проблематично: это могли быть как следы древнего грабежа, так и хорошо задерновавшиеся следы не столь давнего проникновения. Главной задачей этого сезона было определить вид памятника, степень его разрушенности, по возможности – время его сооружения и подготовить объект к полномасштабным раскопкам. С этой целью были проведены тахеометрическая съемка сооружения и зачистка западины в его центральной части. На глубине ок. 1,5 м от уровня материка были обнаружены разрозненные кости лошади и бронзовые детали конской сбруи, наличие которых позволяет предварительно отнести данное сооружение ко второй половине VI – началу V в. до н.э. Этим же периодом времени датируется бронзовая бляха с изображением свернувшегося в кольцо хищника с мордой повернутой анфас – случайная находка на территории могильника. Можно полагать, что на территории Катандинской долины есть ранее неизвестные погребальные комплексы, относящиеся к указанному периоду времени. Основные работы по исследованию этого памятника планируется произвести и завершить в 2023 г.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Катандинская долина, могильник Катанда-3, геодезический план, бронзовые предметы конского снаряжения.*

N.V. Polosmak

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Reconnaissance Studies at the Katanda-3 Burial Field

In 2022, reconnaissance studies were carried out at an object located on the Katanda-3 burial field (Ust-Koksa District, Altai Republic, Russia). Inconspicuous flat and round grassed stone area about 50 m in diameter and half a meter in height was discovered during mapping archaeological objects in the Katanda Valley in 2021. This distinctive monument was unknown before. The stone structure was noticeably damaged in the mid 1980s during the construction of a land-reclamation system by a canal branch passing through it. Large conical depression 0.8 m deep was at the center of the structure; its origin is problematic since it could both testify to ancient looting episode or well-turfed traces of a more recent robbery. The main task of this season was to determine the layout, degree of disintegration, and, if possible, time of construction of the monument, and to prepare it for full-scale excavation. For this purpose, a tachometric survey of the structure was conducted and depression in its central part was cleaned out. Scattered horse bones and bronze details of horse harness were found at a depth of about 1.5 m from the level of sterile soil. Their presence makes it possible to date the structure to second half of the 6th–early 5th century BC. A bronze plaque, cast in the shape of a coiled predator with its muzzle facing the viewer, was dated to the same period (this plaque is an accidental find at the burial ground). It is assumed that previously unknown burial complexes dating back to this period may exist in the Katanda Valley. It is planned to carry out and complete the main studies of the site in 2023.

Keywords: *Altai Mountains, Katanda Valley, Katanda-3 burial site, geodetic plan, bronze details of horse harness.*

В 2022 г. Катандинским отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены рекогносцировочные исследования одного из сооружений на могильном поле Катанда-3, в Усть-Коксинском р-не республики Алтай. Катандинские курганные могильники (всего 4), как известно, были открыты В.В. Радловым в 1865 г. В этом же году он провел раскопки на двух из них – 1 и 2 [1989]. Выделенный им третий могильник, расположенный на правом берегу Верхней Катанды, В.В. Радлов не исследовал, отметив только, что он имеет довольно большое сходство с первым кладбищем [Там же, с. 442–443]. Работавшие в первой половине XX в. в Катандинской долине археологи также не проводили исследований на могильном поле Катанда-3. С.И. Руденко в 1925 г. раскопал цепочку курганов раннего железного века на могильнике Катанда-4, расположенном на правом а берегу р. Катуни и два средневековых кургана на могильнике Катанда-2 [Гаврилова, 1957, с. 251], а у экспедиции под руководством А.А. Гавриловой (1954 г.) были вполне определенные цели – доисследовать Большой Катандинский курган [Там же, с. 250–268]. Работы на памятнике Катанда-3 начались в связи с сооружением в долине в 80-е гг. прошлого века мелиоративной системы. В 1984 г. аварийные раскопки в Катанде-3 проводил Ю.Т. Мамадаков. В выделенной им южной группе курганов он раскопал три разрушенных кургана пазырыкской культуры, один курган тюркского времени и четыре каменных сооружения без погребений [1993, с. 125–131]. Тогда же им были исследованы 10 тюркских курганов, компактно расположенных в центральной части могильного поля рядом с большим курганом скифского времени, потревоженным древним грабежом [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 115–129]. В 2020 г. на этом памятнике нами был исследован курган афанасьевской культуры, который находился в 1,5 км южнее группы тюркских курганов [Полосьмак, Чикишева, 2020, с. 579–586; Полосьмак, 2020, с. 88–103]. А в 2021 г. была проведена работа по созданию карты археологических памятников долины, составленной путем координирования археологических объектов с помощью навигатора GARMIN 62 stc в системе координат WGS-84 и осуществлены геофизические исследования одного из курганов на могильном поле Катанда-2 [Полосьмак, Дядьков, 2021, с. 600–608].

Выбранный для изучения в 2022 г. объект расположен в 2 км южнее исследованного кургана афанасьевской культуры и ранее был неизвестен. Он представляет собой плоскую, низкую задернованную платформу. Когда долина покрыта густой травой, это сооружение совершенно незаметно. Оно было зафиксировано в октябре 2021 г., во время разведки, которая проводилась с целью составления планов могильных полей долины Катанды. Этому способствовало отсутствие растительности в это время года, а также снимки с дрона. Объект отмечен на плане под номером 242 (нумерация археологических памятников Катандинской долины на всех трех участках сквозная) (рис. 1). Осенняя съемка не выявила вокруг него никаких дополнительных сооружений. Если и были когда-то какие-либо сопутствующие каменные выкладки, то они давно полностью снесены. В настоящее время площадь вокруг этой конструкции распахивается и засевается кормовыми культурами. Для подготовки памятника к дальнейшим исследованиям и точной фиксации всех видимых нарушений конструкции был снят его тахеометрический план (рис. 2). Снимки с дрона и план позволили ясно увидеть конфигурацию, размеры и повреждения на этом объекте. Это круглое сооружение – курган, не менее 50 м в диаметре и около полуметра высотой. С запада почти вплотную к нему подходит забетонированный магистральный канал мелиоративной системы, протянувшийся по направлению ССВ–ЮЮЗ. Одно из его ответвлений насквозь прошло через северную часть древнего каменного сооружения, значительно повредив его. Другим заметным нарушением целостности археологического памятника являлась неглубокая – 0,8 м, но обширная – ок. 11,5 м в диаметре, задернованная воронка в центре. По визуальным наблюдениям можно было предположить, что объект относится к раннему железному веку. Но к какой именно культуре и что это за вид памятника сказать однозначно без раскопок невозможно. Раннескифские курганы Алтая, также как и пазырыкские, имеют иное строение насыпи. Пазырыкские курганы известны на памятнике Катанда-3 и на других могильниках Катандинской долины (1, 2, 4) и, несмотря на сильную задернованность, они сохраняют свои характерные черты. Так, описывая курганы Южного Алтая, В.В. Радлов отмечал, что «ветер заполнил пространство между камнями землей и пылью лишь до половины высоты курганов, и только эта, покрытая землей часть, прорастает травой. Благодаря этому, более высокие курганы этого времени приобрели характерный, своеобразный вид. Верхняя часть кургана состоит из камней и выступает как скалистая горная вершина из травянистого кольца, образующего нижнюю часть этого кургана» [1989, с. 442]. Как это часто бывает, на современном внешнем облике наземных погребальных сооружений могильника сказалось антропогенное воздействие. По рассказам местных жителей, курганные насыпи, сложенные из крупной русловой гальки и валунов, долгое время являлись источником камня при всевозможных строительных работах, как общественных, так и частных, камни

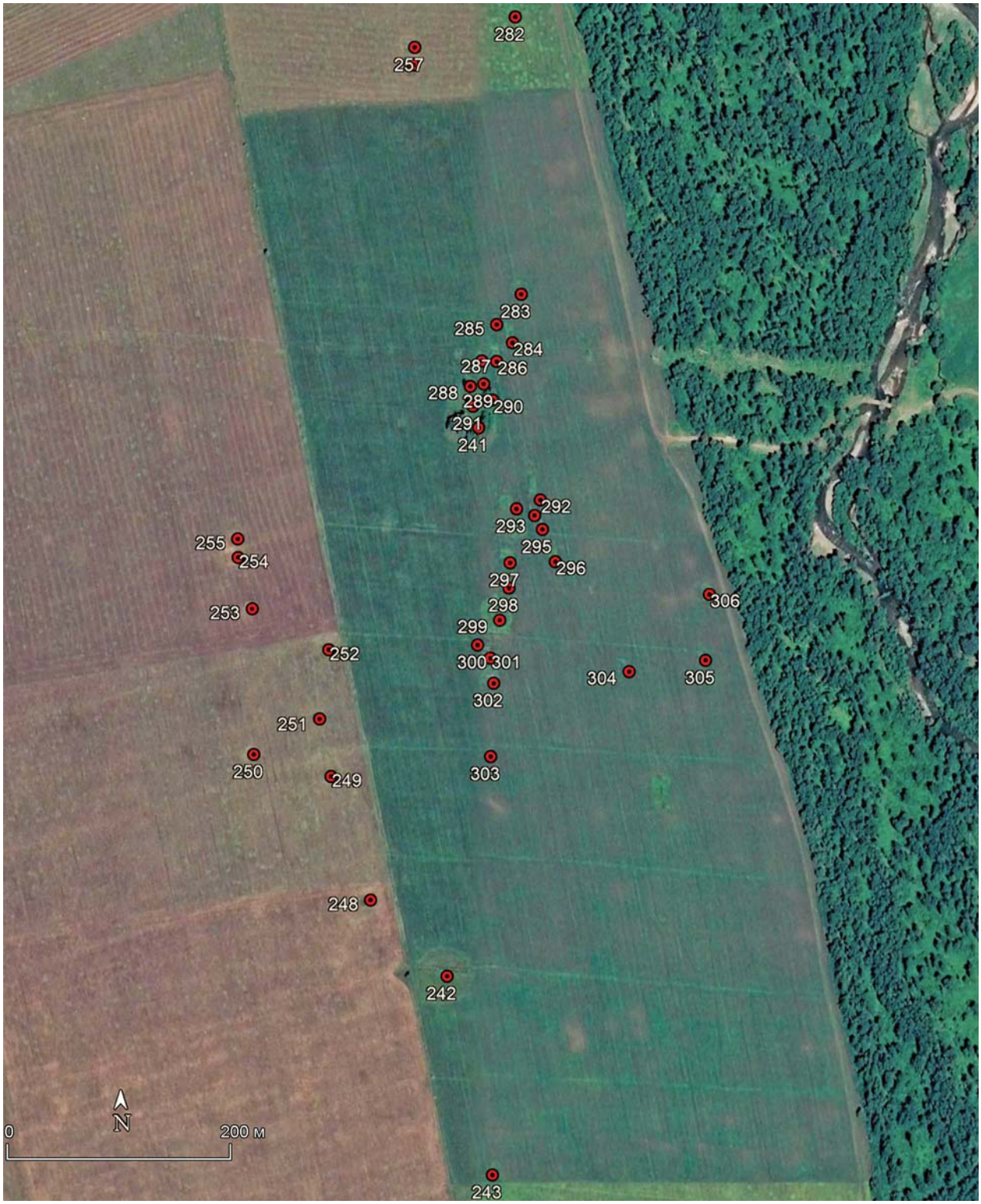


Рис. 1. Карта распространения археологических объектов на могильном поле Катанда-3 (центральная часть), созданная в результате координирования археологических объектов с помощью навигатора GARMIN 62 stc в системе координат WGS-84.

увозились грузовиками и телегами. От таких «заготовок» очень пострадала цепочка пазырыкских курганов на могильном поле Катанда-1 (ныне там расположен маральник) и полностью исчез Большой Катандинский курган. Можно было бы предположить, что заинтересовавший нас памятник – это задернованная часть разобранной в 80-е гг. насыпи большого пазырыкского кургана, но для этого он

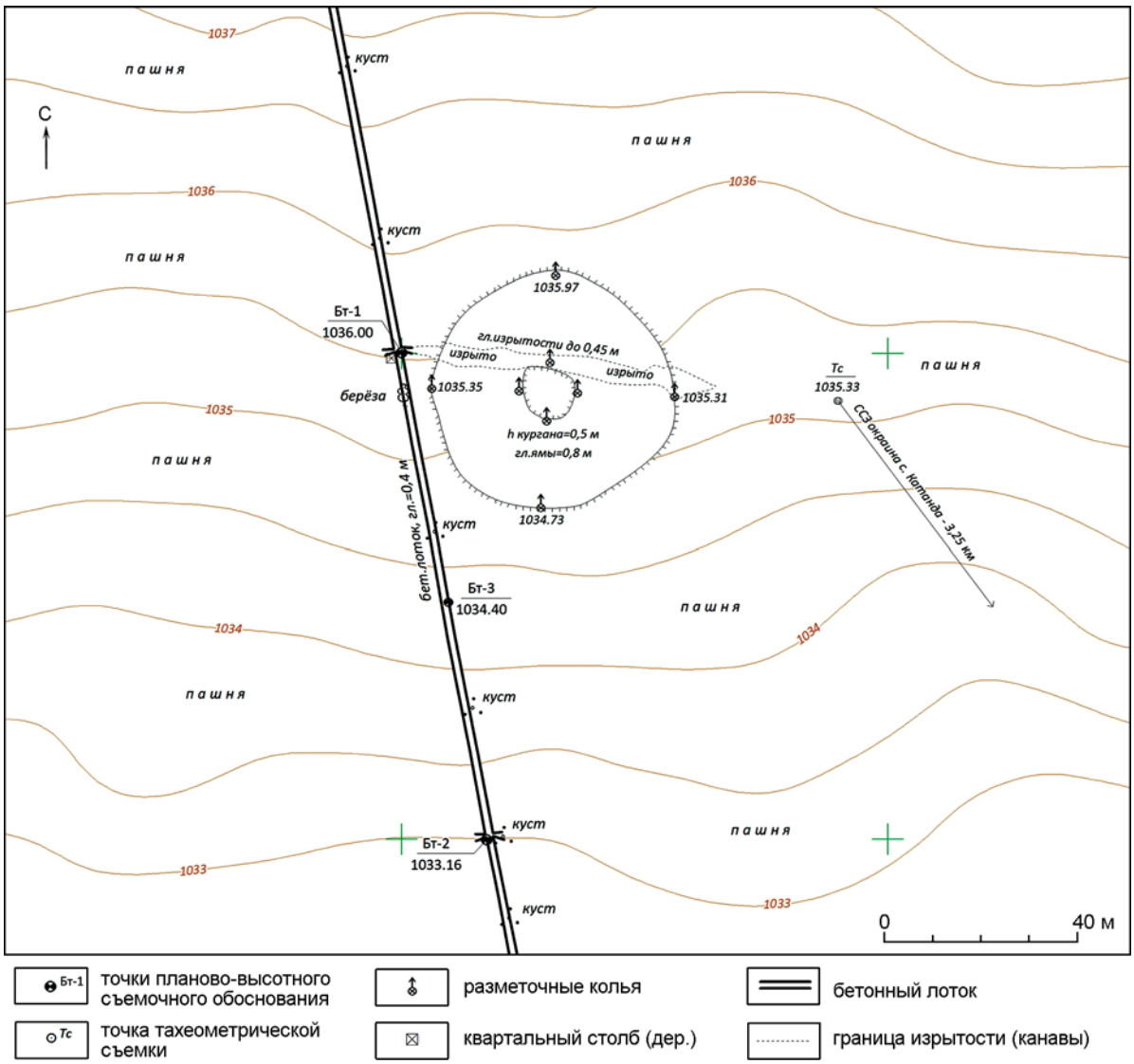


Рис. 2. Тахеометрический план кург. 242 (Катанда-3).

сохранил слишком ровную поверхность и правильные очертания. По другому предположению объект мог быть керексуром.

Учитывая большие размеры сооружения, было принято решение первоначально определиться с видом памятника и, по возможности, с его культурной принадлежностью, чтобы наметить план дальнейших работ. С этой целью была исследована предположительно грабительская яма. В отличие от типичной грабительской воронки, у этой не наблюдалось задернованного отвала грунта по краям и камней. Также не было в ней древесно-кустарниковой растительности, которая чаще всего маркирует работу грабителей. На дне воронки лежали большие валуны. Но они могли быть как выброшенными из могилы, так и собранными при распашке и сооружении мелиоративных каналов и затем сложенные в яму, как это происходило повсеместно. Раскопом 11,5 м в диаметре, соответствующим краям западины, было исследовано пространство в центре. Зачистка всей площади выявила каменную выкладку из небольших валунов и гальки, сползающую по центру в воронку. Заполнение воронки состояло из гумусированной влажной почвы, перемешенной с русловой крупной галькой. Никаких находок до глубины почти 1,5 м от уровня материка обнаружено не было, и только на указанной глубине был найден череп, а затем некоторые кости конечностей и ребра лошади, разбросанные в беспорядке. Это явилось доказательством того, что воронка не была результатом хозяйственных работ, а в центральной части сооружения находилось разграбленное погребение. Среди костей и грунта сохранилось шесть бронзовых деталей – принадлежностей конской сбруи. Это, вероятно, переходник для подхвостных ремней (рис. 3, *1*, *1а*), подвеска (рис. 3, *2*), распределитель на два пересекающихся ремня (рис. 3, *3*) и два двоителя

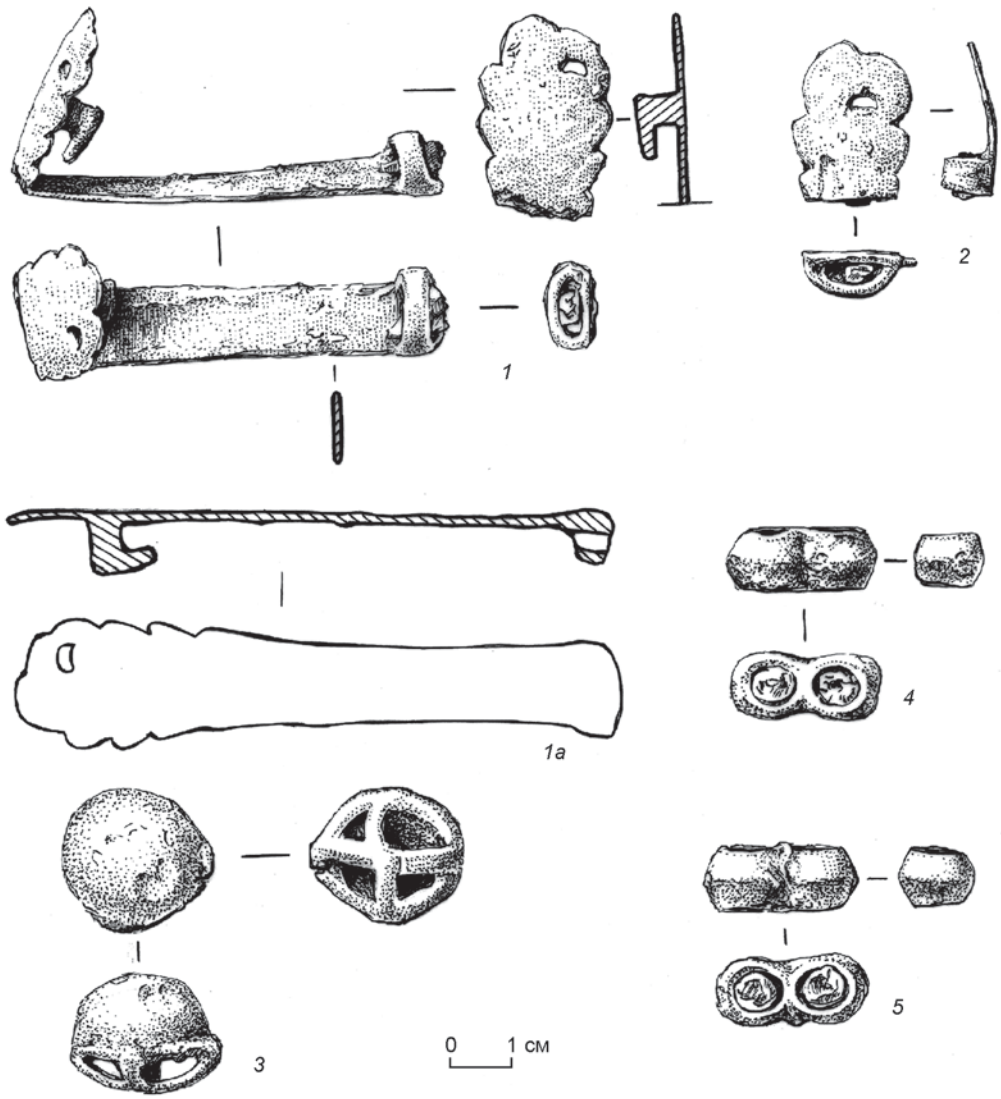


Рис. 3. Предметы конской упряжи из грабительской воронки кург. 242 (Катанда-3). Бронза.

(рис. 3, *4*, *5*). Очевидно, что эти предметы, выполненные в одно стиле, являлись принадлежностью упряжи одного коня. На двух изделиях есть элементы украшения в виде стилизованных головок орла или грифона. Ближайшие аналоги этому элементу декора можно увидеть на многочисленных золотых и бронзовых изделиях из погребений кургана Аржан-2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, табл. 30, *3*, *5–7*; 54, *4*; табл. 104, *3*]. А они, в свою очередь, близки «волютообразным» наконечникам ремней раннего этапа тасмолинской культуры [Там же, с. 114]. Подобная степень стилизации птичьих голов характерна и для некоторых изделий из погребений Горного Алтая, например, так оформлена вырубленная из серебряной пластины поясная обойма из кург. 27 могильника Балык-Соок-1 [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 13, *1*, *1а*], датируемого автором первой половиной VI в. до н.э. [Там же, с. 108–197]. Двоители, довольно редкая находка, и по заключению П.И. Шульги, они присутствовали на сбруе Саяно-Алтая только в VI в. до н.э. [Шульга, 2010, с. 64]. При общей узнаваемости, ни один из предметов, кроме, пожалуй, двоителей, не имеет прямых аналогов, все они достаточно оригинальны.

Судя по этим материалам, весь комплекс или только центральное ограбленное погребение могут относиться к VI–V вв. до н.э. Большую ясность могли бы внести находки удил и псалиев, но ни того ни другого обнаружено не было, хотя зубы лошади сохранили отпечатки бронзовых окислов, что позволяет полагать, что удила были бронзовыми. Конечно, до полного исследования этого памятника все выводы носят исключительно предварительный характер.

В связи с открытием этого погребального комплекса в Катанде-3, может найти свое место и оригинальная случайная находка на пашне [Полосьмак, Дядьков, 2021, с. 600–608]. Это бронзовое

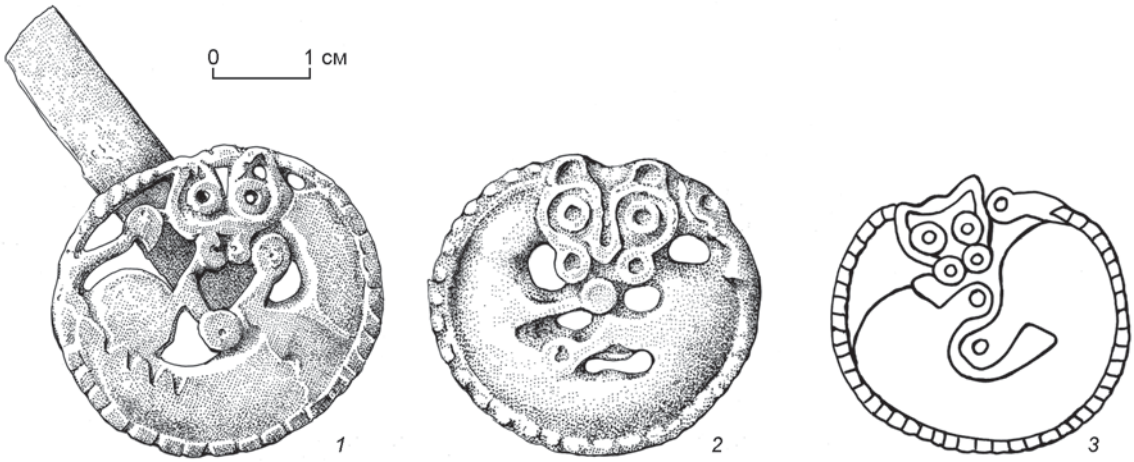


Рис. 4. Бляхи с изображением свернувшихся кошачьих хищников.

1 – Катанда, случайная находка; *2* – случайная находка, провинция Хэбэй или Ляонин, коллекция А. Саклера; *3* – север провинция Хэбэй (раскопки Wu En).

изделие, похожее на обломок рукояти с навершием в виде бляхи, представляющей собой свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. От множества подобных изделий она отличается тем, что морда животного показана в анфас (рис. 4, *1*). Таких изображений известно очень мало и почти все они происходят из районов на северо-востоке Китая и юго-востоке Внутренней Монголии*. Это, например, бляха, найденная при раскопках возле Чжанцзякоу (Zhangjiakou) на севере провинции Хэбэй (рис. 4, *3*) [Wu En, 1984, fig. 5 : 12], навершие меча из погребения M101, Nanshan'gen, уезд Нинчэн (Ningcheng County) на юго-востоке Внутренней Монголии [Wu En, 1984, p. 49, fig. 3, *1*], бляха из коллекции А. Саклера из Северного Хэбэя или западного Ляонина (рис. 4, *2*) [Bunker, 1997, p. 194, fig. 123] и еще несколько блях – случайных находок с этой же территории, приведенных Н.Л. Членовой в сравнительной таблице распространения мотива свернувшегося хищника [1967, табл. 27, 37, 39, 40, табл. 31, *18*]. В китайских комплексах эти вещи датируются достаточно широко – VI–V вв. до н.э. [Bunker, 1997, p. 123]. Наиболее близкой территориально к Катандинской долине находкой является бляха со свернувшимся в кольцо хищником с мордой анфас из Восточного Казахстана [Арсланова, 1974, рис. 22]. Она обнаружена в разрушенном захоронение, датируемом автором публикации второй половиной VI в. до н.э. [Там же, с. 81]. Иконографически катандинской бляхе ближе северокитайские, хотя надо отметить, что и среди них нет двух абсолютно похожих.

*Подборка всех известных блях с изображением свернувшегося кошачьего хищника с мордой анфас приведена в статье Ю.Б. Полидовича [2008, с. 41, рис. 4].

В заключении следует добавить, что по имеющемуся на сегодняшний день набору предметов конского снаряжения, в который входят уздечный распределитель и двоители, выбранный для изучения в 2023 г. памятник на могильном поле Катанда-3 можно отнести к раннепазырыкскому времени, когда сбруйные наборы еще соответствуют классическим раннескифским [Кубарев, Шульга, 2007, с. 113–119].

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-78-10121, http://rscf.ru/project/22-78-10121.

Тахеометрическая съемка памятника проведена руководителем группы геодезии и картографии отдела археологии ГАУ НСО НПЦ Кравченко Е.В.

Автор выражает глубокую признательность П.И. Шульге за консультацию по поводу идентификации предметов конского снаряжения.

Список литературы

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Мат-лы по истории Сибири. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4. – С. 77–83.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // СА. – 1957. – Вып. XXVII. – С. 250–268.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. ун-та, 2007. – 282 с.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны изучения и использования культурного наследия Алтая. Тезисы научно-практической конференции. – Барнаул, 1993. – С. 128–131.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. – С. 115–129.

Полидович Ю.Б. Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 39–59.

Полосьмак Н.В. Братство кольца // Наука из первых рук. 2020. – № 3. – С. 88–103.

Полосьмак Н.В., Дядьков П.Г. Археологические исследования Катандинской долины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Том. 27. – С. 600–608.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. Исследование кургана на памятнике Катанда-2 // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Том 26. – С. 579–586.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы из дневника. – М. Наука: 1989. – С. 442–449.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 253 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени в Аржан-2 в Туве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 500 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. – 238 с.

Bunker E. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from Arthur M. Sackler Collections. – N.-Y., 1997. – 401 p.

Wu En. On the origin of the ancient zoomorphic design in the Northern Part of China // Kaogu yu wenwu. – 1984. – № 4. – P. 46–60 (на кит. яз.).

References

Arslanova F.H. New materials of the VII–VI centuries BC from Eastern Kazakhstan. In *Bronze and Iron Age of Siberia. Materials on the history of Siberia. Ancient Siberia,* Novosibirsk, 1974. Vol. 4. P. 77–83. (In Russ.).

Bunker E. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from Arthur M. Sackler Collections. New York, 1997. 401 p.

Chlenova N.L. Origin and early history of the tribes of Tagar culture. Moscow: Nauka, 1967. 253 p. (In Russ.).

Chugunov K.V., Parzinger G., Nagler A. The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. 500 p. (In Russ.).

Gavrilova A.A. Raskopki vtorogo Katandinskogo mogil'nika. In *Sovetskaya arkheologiya,* 1957. Vol. XXVII. P. 250–268. (In Russ.).

Kubarev V.D., Shulga P.I. Pazyryk culture (Chui and Ursula mounds). Barnaul: Barnaul State Univ. Press, 2007. 282 p. (In Russ.).

Mamadakov Yu.T. Avarijnye raskopki mogil'nika Katanda 3. In *Problemy ohrany izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya. Tezisy nauchno-prakticheskoj konferencii*, Barnaul, 1993. P.128–131. (In Russ.).

Mamadakov Yu.T., **Gorbunov V.V.** Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda 3. In *Izvestiya laboratorii arheologii*, Gorno-Altaysk, 1997. N 2. P. 115–129. (In Russ.).

Polidovich Yu.B. On one pictorial tradition in the art of the peoples of the Scythian world. In *Nomads of the Kazakh steppes: ethnosociocultural processes and contacts in Eurasia of the Scythian-Saka epoch*. Astana, 2008. P. 39–59. (In Russ.).

Polosmak N.V. The Brotherhood of the Ring\\ Science at first hand. 2020. N 3. 88–103. (In Russ.).

Polosmak N.V., Chikisheva T.A. The study of the mound on the monument Katanda 2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 579–586. (In Russ.).

Polosmak N.V., Dyadkov P.G. Archaeological research of the Katandinskaya valley. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 600–608. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy iz dnevnika. Moscow: Nauka, 1989. P. 442–449. (In Russ.).

Shulga P.I. Xinjiang in the VIII–III centuries BC (Burial complexes. Chronology and periodization). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2010. 238 p. (In Russ.).

Wu En. On the origin of the ancient zoomorphic design in the Northern Part of China. *Kaogu yu wenwu,* 1984. N 4. P. 46–60.

Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3760-265X

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0690-0697
УДК 902/904

**А.С. Савельева✉, С.Н. Леонтьев, П.В. Герман,
С.Е. Егорченко, И.А. Плац, А.В. Калинская**

*Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: antverpen@maill.ru*

Первые результаты исследований средневекового могильника Арчекасские курганы II на реке Кия

В статье рассматриваются результаты раскопок кург. 2 могильника Арчекасские курганы II. Могильник примечателен наличием системы околокурганных и межкурганных ям у подножий земляных насыпей. Небольшие размеры курганов (диаметром от 4 до 5,5 м и высотой от 0,5 до 0,8 м) и их сконцентрированность в залесенной местности выделяют памятник в ряду погребальных комплексов Мариинской лесостепи. Исследованное погребение совершено по обряду сожжения на стороне с вещами, сопроводительный инвентарь датируется XI–XII вв., а в совокупности погребальный комплекс соотносится с памятниками среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов. Выявлено, что подобные арчекасскому погребальные комплексы известны в местах впадения рек Яя и Кия в Чулым (курганы Змеинкинского и Калмакского могильников). Приведены полученные при раскопках находки, имеющие широкую хронологию (глиняное пряслице, бронзовая полусферическая бляшка), а также предметы I – первой половины II тыс. н.э., не дающие четкой культурной атрибуции (железные черешковый нож, кольчатые распределители ремней, тесло с несомкнутой втулкой). Отмечено сходство таких категорий сопроводительного инвентаря, как железные колчанный крюк, ременные накладки (наконечники), булавка с лировидным навершием и ложка с материалами памятников аскизской и басандайской археологических культур эпохи развитого Средневековья. Показано соответствие арчекасской керамики с отогнутым наружу орнаментированным венчиком и керамических комплексов типа I варианта 1, выделенных О.Б. Беликовой по материалам Среднего Причулымья. Полученные результаты актуализируют вопрос о соотношении аскизских и басандайских древностей на западной периферии Мариинской лесостепи.

Ключевые слова: *могильник Арчекасские курганы II, развитое Средневековье, среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов, аскизская культура, басандайская культура, Мариинская лесостепь, Западная Сибирь.*

**A.S. Savelyeva✉, S.N. Leontiev, P.V. German,
S.E. Egorchenko, I.A. Plats, A.V. Kalinskaya**

*Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the SB RAS
Kemerovo, Russia
E-mail: antverpen@maill.ru*

First Results of Research at the Medieval Burial Ground of Archekasskie Kurgany II on the Kiya River

This article discusses excavation of burial mound No. 2 at the Archekasskie Kurgany II burial ground which is distinguished by a system of pits near burial mounds and between them at the foot of earth mound. This site differs from other burial complexes of Mariinsk forest-steppe by small size of burial mounds (4–5.5 m in diameter and 0.5–0.8 m in height) and their concentration in a forested area. The investigated burial was made according to the rite of cremation on the side with things. The accompanying inventory dates back to the 11th–12th centuries AD. Taken together, this burial complex correlates with sites of the Middle Chulym variant of the culture of the Yenisei Kyrgyz. It has been established that burial complexes similar to those in Archekas are known from the area around the confluence of the Yaya and Kiya Rivers, and Chulym River (barrows at the Zmeinkinsky and Kalmaksky burial grounds). Excavation finds (ceramic whorl, bronze hemispherical plaque) manifest a wide chronological range. The objects of the first–first half of the second millennium AD (iron tanged knife, ringed belt dispensers, adze with open socket) do not make it possible to make a clear cultural attribution. Iron quiver hook, belt onlays (tips), pin with a lyre-shaped pommel, and spoon show similarities with evidence from the sites of the Askiz and Basandaika

archaeological cultures of the Advanced Middle Ages. The Archekas pottery with the bent out and ornamented rim correlates with pottery complexes of type I, variant 1, identified by O.B. Belikova in the evidence from the Middle Chulym area. These results pose the question on the correlation of the Askiz and Basandaika antiquities in the western periphery of the Mariinsk forest-steppe.

Keywords: *burial ground of Archekasskie Kurgany II, Advanced Middle Ages, Middle Chulym variant of culture of the Yenisei Kyrgyz, Askiz culture, Basandaika culture, Mariinsky forest-steppe, Western Siberia.*

Введение

В 2022 г. Мариинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН проводились раскопки средневекового могильника Арчекасские курганы II на правом берегу р. Кия в березовом лесу урочища Арчекас. Ранее погребальные комплексы эпохи Средневековья исследовались на Средней Кие дважды – в 1863 г. В.В. Радловым на могильнике Уколь (погребения чулымских тюрков XVI–XVII вв.) [Радлов, 1896] и в 1968 г. А.И. Мартыновым на могильнике Шестаково I (древнетюркские погребения в насыпи кургана тагарской культуры) [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971].

Могильник Арчекасские курганы II зафиксирован А.В. Веретенниковым в 2019 г. Семь курганов (три одиночных и четыре сгруппированных по два) диаметром 4,0–5,5 м, высотой 0,5–0,8 м занимают площадь около 9 га и сопровождаются околокурганными и межкурганными ямами. Могильник является пока единственным погребальным памятником с курганами такого типа в Мариинской лесостепи. В 2022 г. работы были сосредоточены в околокурганном пространстве кург. 4 и на кург. 2.

Описание материалов

Кург. 2 имел округлую земляную задернованную насыпь размером 4,8 × 4,1 м, высотой 0,55 м. В центре насыпи находилась грабительская яма. У подножия кургана с юго-восточной стороны – одиночная околокурганная яма. Кург. 2 образовывал ряд с кург. 1, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. В межкурганном пространстве находились две ямы. В процессе работ на площади 90 м^2 изучены: насыпь кург. 2, прилегающая площадь на расстоянии 3–5 м от полы насыпи, околокурганная и межкурганные ямы.

Под насыпью на глубине 0,31 м зафиксированы остатки погребения. Местоположение погребения смещено от центра к юго-востоку – по этой причине оно не затронуто грабительской ямой. Захоронение располагалось на уровне древней дневной поверхности, представляло собой скопление жженых костей мощностью до 0,08 м, размером 1,03 × 0,18 м, вытянутое с север-северо-востока на юг-юго-запад. Среди костей находились железные предметы с корродированной, покрытой окалиной поверхностью. В 1,8 м к северо-востоку от погребения, на одном с ним уровне, обнаружено скопление фрагментов одного керамического сосуда.

Находки в насыпи

Серьга бронзовая, кольчатая, из гладкого, круглого в сечении прута с несомкнутыми концами (рис. 1, *1*). По диаметру, равному 2,6 см, условно относится к типу малых (по классификации: [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 127]). Простые кольчатые серьги распространены в материалах памятников I тыс. – первой половины II тыс. н.э. на юге Западной и в Средней Сибири [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 128; Илюшин, 2011, с. 121; Сенотрусова, 2013, с. 287].

Крючок железный, разноплоскостной; основание из узкой пластины; язычок без поперечной планки; щиток выделенный, грибовидной формы, без шпеньков (рис. 1, *2*). Отличается лучшей сохранностью поверхности. Относится к предметам снаряжения воина, необходимым для закрепления колчана во время верховой езды (см.: [Владимиров, 2016, с. 47]), или использовался в качестве пряжки-застежки стрелкового пояса [Кубарев, 1998, с. 190, рис. 2, *2*, с. 196].

Нож железный, черешковый, с плоским остроугольным черенком и прямой спинкой, двууступчатый (рис. 1, *5*). По длине лезвия, равной 5,1 см, относится к подвиду средних (по классификации: [Беликова, 1996, с. 66, 67]). Ножи такого типа широко распространены в Средневековье [Беликова, 1996, с. 67; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 138].

Пряслице керамическое, лепное, дисковидное; с торцов украшено частыми ногтевыми (?) вдавлениями; на поверхности одной из сторон прочерчена окружность, внутри нее – радиально расходящиеся от центрального отверстия прямые линии; между краем и окружностью несистематически нанесены короткие прямые линии, формирующие местами мотив елочки. Поверхность другой стороны не целиком заполнена «лучами», край украшен штрихами не повсеместно (рис. 1, *8*). Пряслица –

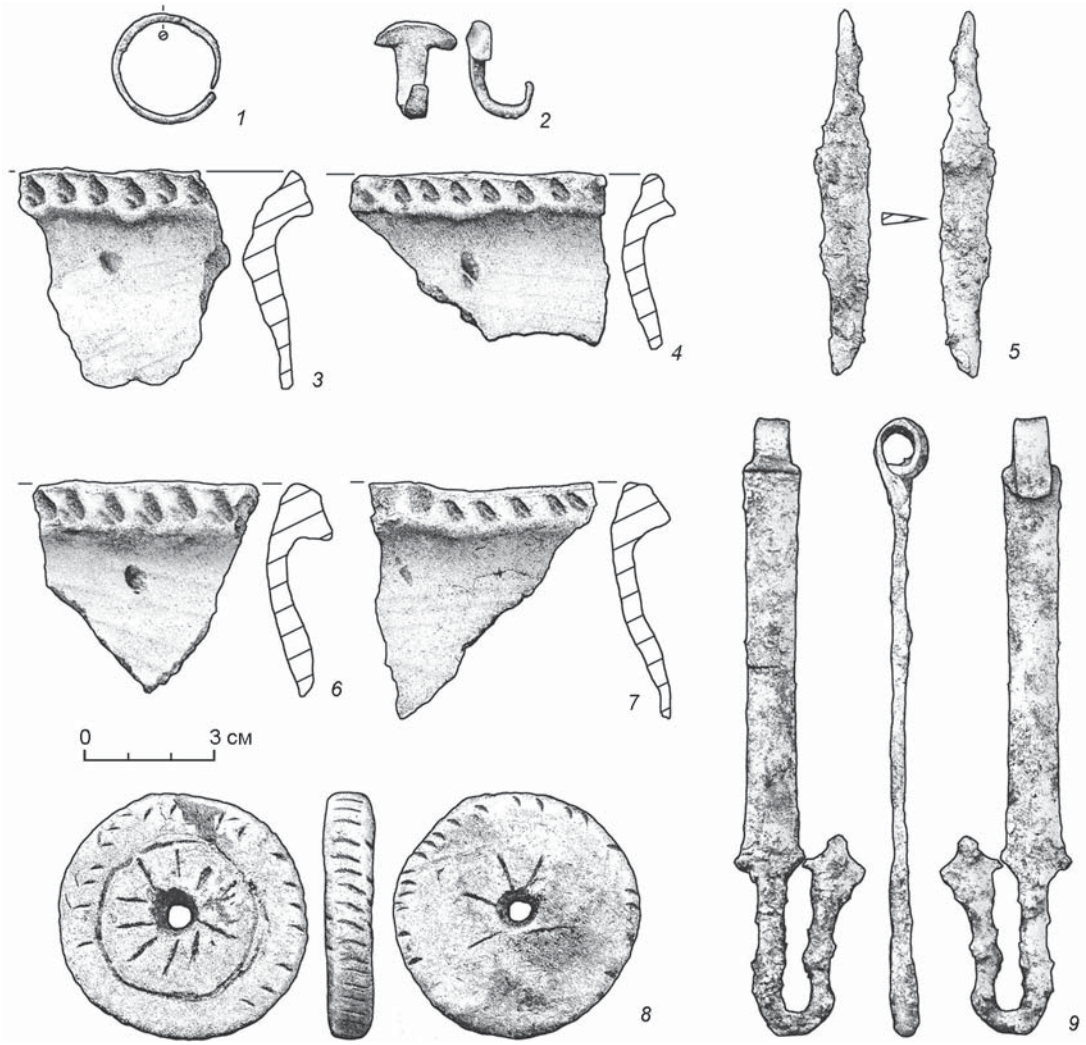


Рис. 1. Могильник Арчекасские курганы II. Раскопки 2022 г. Курган 2. Находки в насыпи и фрагменты сосуда из скопления. Здесь и далее рисунки выполнены С.Н. Леонтьевым.

1 – серьга; *2* – крючок; *3*, *4*, *6*, *7* – фрагменты сосуда; *5* – нож; *8* – пряслице; *9* – крюк. *1* – бронза; *2*, *5*, *9* – железо; *3*, *4*, *6*, *7*, *8* – глина.

категория хозяйственного инвентаря, известная от неолита до позднего Средневековья [Плетнева, 1990, с. 92].

Крюк железный, одноплоскостной, на пластине с петлей (рис. 1, *9*). Относится к типу 1 (по классификации: [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 116]). Трактовки подобных предметов разнятся – колчанные крюки, детали конструкции набедренных ремней или крепления длинных голенищ сапог [Беликова, 1996, с. 84; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 117]. Распространены в степной и лесостепной полосе Евразии в эпоху развитого Средневековья [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 117]. Аналогичный крюк происходит из Калмакского могильника среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов [Беликова, 1996, рис. 73, *23*; с. 98]. Известны по материалам басандайской (могильник Санаторный-1) [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 23, *6*; рис. 24, *3*; рис. 48, *3*] и аскизской культур (Абаканский чаатас, могильники Оглахты III, Эйлиг-Хем III, Уюк-Тарлык) [Кызласов, 1983, табл. XXII, *13*, табл. XXII, *14*, табл. XXII, *15*, табл. XXVII, *14*, *15*, *24*].

Находки в погребении

Кольца из круглых в сечении железных прутьев (3 экз.). Являлись распределителями ремней типа кольчатых (рис. 2, *8, 12г, 13*). Отличаются от прочих типов переменным углом соединения [Кызласов, 1983, с. 11]. Железные кольца различного назначения на юге Западной Сибири и на сопредельных территориях распространены в погребениях конца I тыс. – первой половины II тыс. н.э. [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 118].

Бусины каменные бипирамидальные (три шестигранных, три семигранных и одна восьмигранная) (рис. 2, *1–7*). Изготовлены из минерала крем-

нистых пород – кварца, группы халцедона или опала. Каменные (опаловые и полуопаловые) бусины такой формы известны в материалах Змеинкинского и Калмакского могильников [Беликова, 1996, рис. 100, *3, 6*].

Накладки (наконечники) ременные из прямоугольных железных пластин с остроугольным концом. Для крепления на ремне применялось расплющивание шпенька (рис. 2, *9–11*). Схожие предметы снаряжения коня (узды, подпруги) или одежды (поясного ремня, портупеи) происходят из могильников Змеинкинского [Там же, рис. 17, *1*, *4*, *5*, *9*, *13*, *15*; рис. 48, *1*, *2*, *3*, *4*] и Калмакского [Там же, рис. 62, *4*, *5*; рис. 67, *2*; рис. 69, *12*; рис. 87, *12*].

Три накладки (наконечника) найдены в соединении с кольцом (рис. 2, *12*). По ним прослеживаются два типа накладок, выделенные по материалам могильника Санаторный-1 [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 117, рис. 75, *9*, *3*; рис. 125, *9*; рис. 180, *8–10*]. У двух экземпляров конец сужается и загибается поперек пластины (рис. 2, *12а, 12в*). Аналогично устроены накладки культуры кыргызов

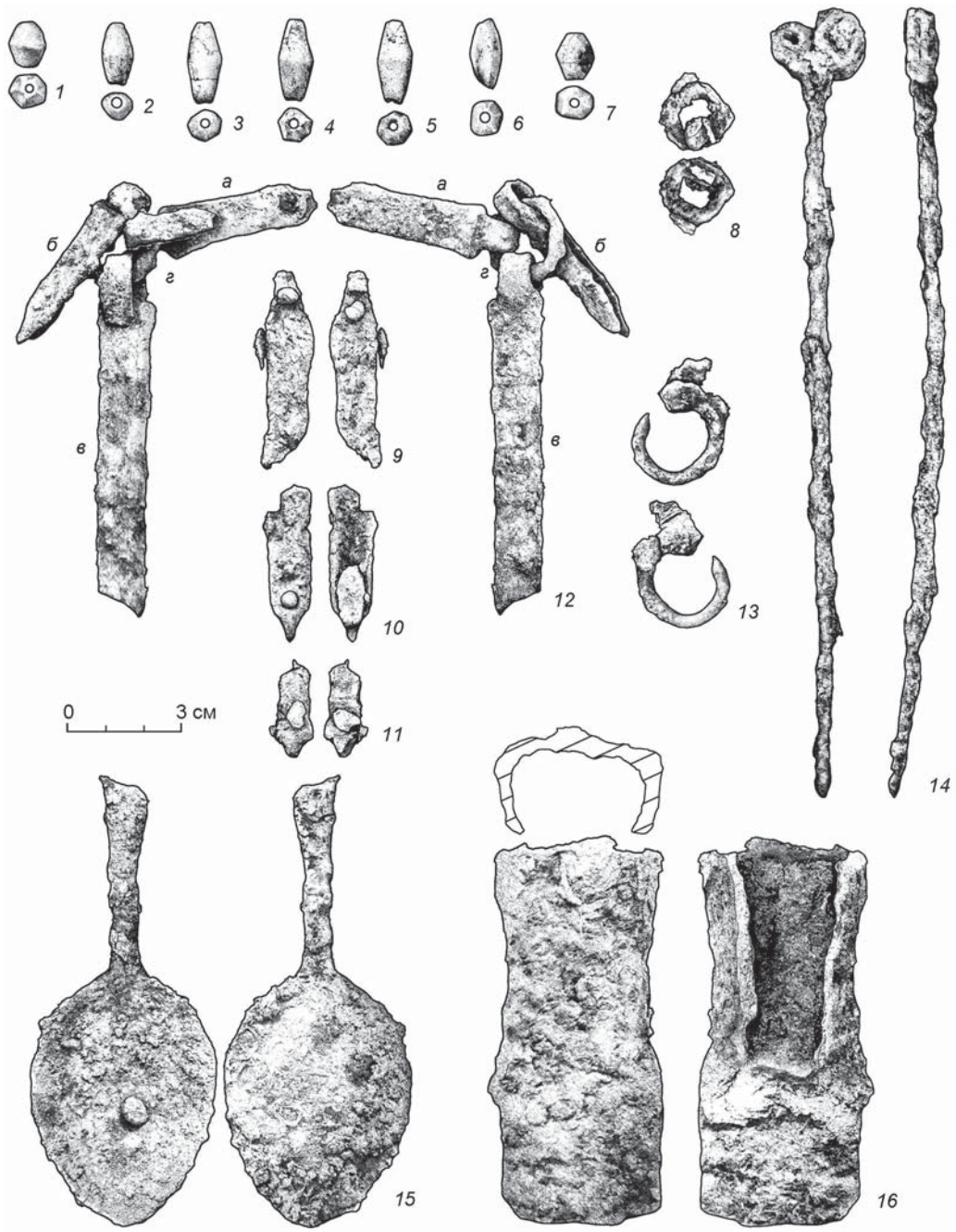


Рис. 2. Могильник Арчекасские курганы II. Раскопки 2022 г. Курган 2. Находки в погребении.

1–7 – бусины; *8*, *13* – кольца-распределители; *9–11* – ременные накладки (наконечники); *12* – ременные накладки (наконечники) на кольце-распределителе; *14* – булавка; *15* – ложка; *16* – тесло. *1–7* – камень; *8–16* – железо.

Среднего Причулымья, аскизской и басандайской культур [Гриневич, 1948, табл. 30–101; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 117]. Один наконечник – из согнутой вдвое пластины, со шпеньком (рис. 2, *12б*). Техника характеризуется как архаичная, имеющая аналогии в верхнеобской культуре, однако подобное изделие из могильника Гилево II датировано X–XI вв. [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 117, 118].

Г.В. Кубарев, рассматривая материалы памятников древних тюрок Алтая, так объясняет специфику морфологии ременных наконечников: их пара с петлями подвижно соединяла (посредством кольца) кожаную основу пояса, а одиночный экземпляр (из согнутой пластины) выступал наконечником портупейного ремня [1998, с. 190, 191].

Булавка из длинного железного стержня округлого в сечении; навершие из двух (разновеликих) разделенных прутов, спирально завернутых вовнутрь (рис. 2, *14*). В классификации булавок аскизской культуры, предложенной И.Л. Кызласовым, в разряд гладких, раздел круглых, отдел разделенных, тип лировидных выделены похожие изделия с касающимися завитками [Кызласов, 1977, с. 88]. Приводятся три таких экземпляра – из могильника Оглахты II и из числа случайных находок в Хакасско-Минусинской котловине [Там же, рис. 1, 2] и в Семипалатинской обл. Булавки датированы XI–XII вв. и связываются с женскими погребениями [Кызласов, 1977, с. 87, 96; 1983, с. 41]. Следует отметить отличия аскизских экземпляров от арчекасского – у первых завитки направлены вовне, а навершие от стержня отделяется уступом.

Ложка из цельной железной пластины, черпак яйцевидный, изогнутый в продольном сечении; гладкая рукоять сохранилась частично, сужается при переходе к черпаку; к поверхности черпака «прикипел» железный шарик диаметром до 0,7 см (рис. 2, *15*). Железные ложки известны по материалам басандайской культуры – Басандайка [Гриневич, 1948, табл. 32, *81*], Санаторный-1 [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 158, 159, рис. 16, *14*; рис. 23, *2*]. В Кузнецкой котловине – на городище Городок X–XII вв. [Ширин, 2004, рис. 13, *1*] и на могильнике Саратовка [Илюшин, 1999, рис. 58, *17*].

Тесло железное с несомкнутой втулкой подпрямоугольного сечения, переход к лезвию без плечиков, лезвийная часть подпрямоугольная (рис. 2, *16*). По длине, равной 9,2 см, относится к подвиду нормативных/больших (по классификации: [Беликова, 1996, с. 64]). Специалистами признается универсальность применения тесел для боевых и хозяйственных нужд [Худяков, 1997, с. 40, 87; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 136]. О.Б. Беликовой предложены три варианта их использования в хозяйстве: для тесания по дереву, для обработки земли и для обеих этих производственных операций [Беликова, 1996, с. 66, 67].

В качестве составляющей напутственного инвентаря у народов Южной Сибири железные тесла с несомкнутой втулкой фигурируют с гунно-сарматской эпохи [Соёнов, Константинова, 2013, с. 50]. Наибольшее же распространение получают в предмонгольское время. В этот период они широко представлены в материалах могильников Южной Сибири, Центральной Азии и Байкало-Енисейского региона [Беликова, 1996, с. 66; Худяков, 1997, с. 87; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 25; Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. Орудия без плечиков И.Л. Кызласовым датируются X–XII вв. [Кызласов, 1983, с. 41].

Бляшка полусферическая из тонкого бронзового листа. Сохранилась в двух фрагментах. Диаметр восстанавливается до 0,8 см. В Средневековье, как и в раннем железном веке, полусферками украшали головные уборы и повязки. Подобные бляшки известны в погребениях верхнеобской культуры могильника Осинкинского [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 9, *5*]. В Томском Приобье – в погребениях могильника Рёлка [Чиндина, 1991, с. 95, рис. 32, *14*] и Тимирязевского [Беликова, Плетнева, 1983, с. 84, рис. 17, *8*, *9*; рис. 42, *4*].

Скопление фрагментов керамики

Фрагменты одного лепного сосуда. Венчик отогнут наружу; верхний срез уплощен, украшен наклонными влево вдавлениями гребенчатого орнаментира, нанесенными под небольшим углом к поверхности. По шейке – поясок из неглубоких ямок с неровными краями. По тулову заметны следы заглаживания внешней стенки (см. рис. 1, *3*, *4*, *6*, *7*). Неполное число фрагментов не позволяет однозначно судить о характере дна сосуда. Можно говорить об отсутствии фрагментов дна и придонной части, характерных для плоскодонной посуды.

Единичные обломки стенок глиняных горшков встречаются чаще, чем целые сосуды, в погребениях аскизской культуры [Кызласов, 1983, с. 39]. Скопления фрагментов одного сосуда на одном уровне с погребением, но в стороне от него встречены в курганах Змеинкинского и Калмакского могильников [Беликова, 1996, с. 29, 47].

Скошенность среза венчика наружу, его утолщенность и отогнутость, украшенный верхний срез, бедный поясок оттисков на шейке характерны для керамических комплексов конца I – начала II тыс. н.э. [Васютин и др., 2004, с. 403, 404]. По отдельным признакам арчекасский сосуд сходен, например, с керамикой могильника Змеинкинского

в Среднем Причулымье [Беликова, 1996, рис. 10, *1*; 16, *4*; 53, *1*], могильника Осинкинского в Верхнем Приобье [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 22], могильника Басандайка [Гриневич, 1948, табл. 26–28] и городища Усть-Шайтанское I [Приступа, 1998, с. 128] в Томском Приобье, могильника Калтышино II [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2006, рис. V, *4*], поселений Гурьевского [Елькин, 1974, рис. 3, *1*, *2*; 4, *1*, *2*] и Торопово-4 [Илюшин, Ковалевский, 2012, рис. 12, *11*; 37, *346*; 46, *1*; 55, *3*, *10*, *44*, *56*)] в Кузнецкой котловине, могильника Шумиха [Васютин и др., 2004, рис. 9, *4*], городища Городок [Ширин, 2004, рис. 5], поселений Долгая-1 [Марочкин, 2009, рис. 2, *2*, *3*], Курья-4 [Окунева, 1987, рис. 4, *6*] и Казанково V [Ширин, 1999, рис. 3, *24*] в Среднем и Нижнем Притомье.

Арчекасский сосуд и аналогии ему соответствуют керамике, выделенной О.Б. Беликовой в тип I вариант 1 [Беликова, 1996, рис. 94, *1–8*, с. 132], послуживший основой формулирования проблемы «керамического ареала» юга Западной Сибири начала II тыс. н.э. [Васютин, 2003; Васютин и др., 2004; Бобров, Васютин, 2007]. В ее рамках отогнутые и срезанные наружу утолщенные венчики с обедненным орнаментом по венчику и шейке, с мотивом поясков из ямочных и ногтевых вдавлений понимаются как инновации верхнеобской культуры, связанные с новым компонентом, «ориентированным на басандайскую культуру Нижнего Притомья» [Бобров, Васютин, 2007, с. 173, 174]. Сам «керамический ареал», согласно наблюдениям А.С. Васютина, свидетельствует об этнокультурном единстве, основанном на некочевнической керамике басандайской культуры [2003, с. 184].

Заключение

Материалы кург. 2 могильника Арчекасские курганы II находят комплексные аналогии в курганах среднего периода среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов, датированного О.Б. Беликовой XI–XII вв., расположенных в 130 км ниже по р. Кия.

Исследованный в 2022 г. курган со среднечулымскими объединяют: наличие околокурганных ям; погребальный обряд (трупосожжение с вещами на стороне, захоронение на дневной поверхности под земляной насыпью); скопление керамики (горшок, орнаментированный простыми рядными композициями); сопроводительный инвентарь (крюк, тесло, бусы, кольчатые распределители ремней, ременные накладки (наконечники), нож).

Предлагаемой датировке не противоречат аналогии инвентарю, обнаруживаемые в материалах памятников Новосибирского и Томского Приобья (басандайская культура) и Среднего Енисея (аскизская культура). Их наличие связано с многокомпонентностью арчекасского комплекса, в свою очередь обусловленной трансформациями этнокультурной ситуации на юге Западной Сибири в начале II тыс. н.э. [Васютин, 2003, с. 186, 187].

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Авторы признательны сотруднику кабинета истории угольной промышленности Кузбасса ФИЦ УУХ СО РАН Л.А. Дементьевой за определение сырья каменных бусин.

Список литературы

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Бобров В.В., Васютин А.С. Некоторые проблемы интерпретации керамических материалов конца I – начала II тыс. н.э. на Верхней Оби // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 173–177.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Материалы кургана № 3 могильника Калтышино II и вопросы этнокультурного взаимодействия в степном микроареале Кузнецкой котловины в середине X в. // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2006. – Вып. 24. – С. 51–62.

Васютин А.С. Культурно-хронологические особенности курганных могильников Среднего и Нижнего Притомья в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н.э. // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и Средневековье). – Кемерово: [Б. и.], 2003. – С. 181–187.

Васютин А.С., Заушинцева А.В., Онищенко С.С., Фомина Н.А. Культурно-хронологические особенности курганного могильника Шумиха на Нижней Томи в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н.э. // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2004. – Т. 1. – С. 393–424.

Владимиров С.И. Колчанные крюки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 1 (63). – С. 46–49.

Гриневич К.Э. Археологическое исследование урочища Басандайка близ гор. Томска, проведенное в 1944–46 гг. Объединенной экспедицией Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева и Томского государственного педагогического института // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: [Б. и.], 1948. – С. 7–50. – (Тр. ТГУ им. В.В. Куйбышева и ТГПИ; т. 98).

Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1974. – Вып. 5. – С. 119–129.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во Кузбасс. гос. тех. ун-та, 1999. – 160 с.

Илюшин А.М. Серьги у средневекового населения Кузнецкой котловины. // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 119–122.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. – Кемерово: Изд-во Кузбасс. гос. тех. ун-та, 2012. – 212 с.

Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 190–197. – (Изв. лаборатории археологии; № 3).

Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1977. – Вып. 9. – С. 87–104.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X– XIV вв. // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1983. – Вып. Е3-18. – 128 с.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого Средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // РА. – № 2. – С. 98–112.

Марочкин А.Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Мат-лы науч. конф. – Омск: Апельсин, 2009. – С. 86–91.

Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – 250 с.

Окунева И.В. Керамика поселения Курья-4 // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1987. – С. 78–85.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 134 с.

Приступа О.И. К истории исследования городища Усть-Шайтан I // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: Мат-лы док. XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – С. 126–129.

Радлов В.В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. – СПб.: [Б. и.], 1896. – 70 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Сенотрусова П.О. Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера IV на Ангаре // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2013. – № 3 (23). – С. 285–288.

Соёнов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – № 2. – С. 42–57.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково V // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 4. – С. 25–44.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. – Вып. 6. – С. 69–112.

References

Belikova O.B. Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1996. 272 p. (In Russ.).

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamiatniki Tomskogo Priob'ia v V–VIII vv. n.e. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1983. 244 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Vasyutin A.S. Nekotorye problemy interpretatsii keramicheskikh materialov kontsa I – nachala II tys. n.e. na Verkhnei Obi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007. Vol. 13. P. 173–177. (In Russ.).

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Materialy kurgana № 3 mogil'nika Kaltyshino II i voprosy etnokul'turnogo vzaimodeistviya v stepnom mikroareale Kuznetskoi kotloviny v seredine X v. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 2006. Iss. 24. P. 51–62. (In Russ.).

Chindina L.A. Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura). Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1991. 184 p. (In Russ.).

El'kin M.G. Poselenie pozdnego zheleznogo veka u g. Gur'evska. In *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh*

issledovanii. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1974. Iss. 5. P. 119–129. (In Russ.).

Grinevich K.E. Arkheologicheskoe issledovanie urochishcha Basandaika bliz gor. Tomska, provedennoe v 1944–46 gg. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. V. Kuibysheva i Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Basandaika. Sbornik materialov i issledovanii po arkheologii Tomskoi oblasti*. Tomsk, 1948. Vol. 98. P. 7–50. (In Russ.).

Ilyushin A.M. Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya. Kemerovo: Kuzbass State Technical Univ. Press, 1999. 160 p. (In Russ.).

Ilyushin A.M. Ser'gi u srednevekovogo naseleniya Kuznetskoi kotloviny. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. Iss. III. P. 119–122. (In Russ.).

Ilyushin A.M., Kovalevskii S.A. Kompleks drevnikh poselenii v doline reki Kas'my. Kemerovo: Kuzbass State Technical Univ. Press, 2012. 212 p. (In Russ.).

Khudiakov Iu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 160 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. K voprosu o saadachnom ili «strelkovom» poyase u drevnikh tyurok Altaya. In *Drevnosti Altaya (izvestiya laboratorii arkheologii №3)*. – Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1998. P. 190–197. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Bulavki drevnikh khakasov. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. Izvestiya kafedry arkheologii*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1977. Iss. 9. P. 87–104. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri X–XIV vv. In *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Moscow: Nauka, 1983. Iss. E3-18. 128 p. (In Russ.).

Mandryka P.V., Senotrusova P.O. Cultural Attribution of the High Middle Ages Sites in the Southern Taiga Zone of Central Siberia. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2018. N 2. P. 98–112. (In Russ.).

Marochkin A.G. O svyazi petroglificheskikh kompleksov Nizhnego Pritom'ya s blizlezhashchimi arkheologicheskimi pamyatnikami. In *Arkheologicheskie mikroraiony Severnoi Evrazii: Materialy nauchnoi konferentsii*. Omsk: Apel'sin, 2009. P. 86–91. (In Russ.).

Martynov A.I., Martynova G.S., Kulemzin A.M. Shestakovskiye kurgany. Kemerovo, 1971. 250 p. (In Russ.).

Okuneva I.V. Keramika poseleniya Kur'ya-4. In *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepei Evrazii*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1987. P. 78–85. (In Russ.).

Pletneva L.M. Tomskoye Priob'ye v pozdnem srednevekov'ye (po arkheologicheskim istochnikam). Tomsk: Tomsk Univ. Press, 1990.134 p. (In Russ.).

Pristupa O.I. K istorii issledovaniya gorodishcha Ust'-Shaitan I. In *Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika: Materialy dokladov XI Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1998. P. 126–129. (In Russ.).

Radlov V.V. Sibirskie drevnosti: iz putevykh zapisok po Sibiri. St. Petersburg, 1896. 70 p. (In Russ.).

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. 424 p. (In Russ.).

Senotrusova P.O. Ser'gi iz srednevekovogo mogil'nika Prospikhinskaya Shivera-IV na Angare. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2013. N 3 (23). P. 285–288. (In Russ.).

Shirin Iu.V. Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost', 2004. Iss. 6. P. 69–112. (In Russ.).

Shirin Iu.V. Mnogosloinoe poselenie Kazankovo V. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost', 1999, Iss. 4. P. 25–44. (In Russ.).

Soenov V.I., Konstantinova E.A. Wood-Working Tools from Verkh-Uimon Barrow (Altai) *Theory and Practice of Archaeological Research*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013. N 2. P. 42–57. (In Russ.).

Vasyutin A.S. Kul'turno-khronologicheskie osobennosti kurgannykh mogil'nikov Srednego i Nizhnego Pritom'ya v svyazi s etnokul'turnoi situatsiei na yuge Zapadnoi Sibiri nachala II tys. n.e. In *Sotsial'no-demograficheskie protsessy na territorii Zapadnoi Sibiri (drevnost' i srednevekov'e)*. Kemerovo: [s. n.], 2003. P. 181–187. (In Russ.).

Vasyutin A.S., Zaushintseva A.V., Onishchenko S.S., Fomina N.A. Kul'turno-khronologicheskie osobennosti kurgannogo mogil'nika Shumikha na Nizhnei Tomi v svyazi s etnokul'turnoi situatsiei na yuge Zapadnoi Sibiri nachala II tys. n.e. In *Trudy Kuzbasskoi kompleksnoi ekspeditsii*. Kemerovo: ICC SB RAS Publ., 2004. Vol. I. P. 393–424. (In Russ.).

Vladimirov S.I. Kolchannye kryuki lesostepnogo varianta saltovo-mayatskoi kul'tury. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. N 1 (63). P. 46–49. (In Russ.).

Савельева А.С. https://orcid.org/0000-0002-4804-5932
Леонтьев С.Н. https://orcid.org/0000-0002-6231-4043
Герман П.В. https://orcid.org/0000-0002-8123-6992
Егорченко С.Е. https://orcid.org/0000-0003-2242-857X
Плац И.А. https://orcid.org/0000-0002-3039-9310
Калинская А.В. https://orcid.org/0000-0002-3644-5111

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0698-0705
УДК 902.01

И.В. Сальникова[1]✉, А.В. Наберухина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологии и минералогии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Уникальный крест из Каинского некрополя: иконография, семантика, технология изготовления

В 2019–2020 гг.Отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН был исследован культурный слой Спасского собора в Каинске (Куйбышев, Новосибирская обл.). На его территории был обнаружен некрополь более раннего времени, часть которого была нарушена в ходе строительства каменного храма. Особенностью погребального обряда является наличие кирпичных склепов внутри здания церкви, что свидетельствует о высоком статусе погребенных. В первом кирпичном склепе закрытого типа был захоронен один человек. Инвентарь погребения представлен уникальным нательным крестом, прямых аналогий которому не выявлено. Крест двусторонний, с большим количеством сюжетов, расположенных по всему полю изделия. На лицевой стороне центральным образом является «Распятие Христа», на обороте внизу сюжет «Бичевания Христа», по обеим сторон помещены изображения святых. В статье представлены результаты спектрографического анализа, дана морфологическая и иконографическая характеристика креста. РФА-исследование проведено в двух лабораториях (ЦКП «Геохронология кайнозоя» и в музее Института геологии и минералогии СО РАН), получен элементный состав изделия на десяти выделенных участках. Определен основной состав сплава, сделаны предположения об главных приемах декорирования. Выяснено, что сам крест выполнен из серебра порядка 800 пробы, центральный сюжет – распятие из сплава, содержащего до 68 % меди и серебро. Вероятно, он декорирован методом меднения – покрытие металла тонким слоем меди. Крест украшен серебряной фольгой, на которую амальгамой нанесено золотое покрытие, на что указывает присутствие ртути на этих участках. Датировать крест можно второй половиной XVIII в., поскольку сам склеп перекрыт более поздними погребениями и фундаментом каменного храма, строительство которого начато в 80-е гг. XVIII в. Само изделие и обряд захоронения указывают на высокий социальный и имущественный статус погребенного. Очевидно, что данный нательный крест изготовлен в центральной России профессиональным ювелиром.

Ключевые слова*: крест нательный, погребальный обряд, склеп, Спасский храм, Каинск (Куйбышев, Новосибирская область), РФА-анализ сплава.*

I.V. Salnikova[1]✉, A.V. Naberukhina[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: salnikovair52@gmail.com

A Unique Cross from Kainsk Necropolis: Iconography, Semantics, and Manufacturing Technique

In 2019–2020, the Department of Rescue Archaeological Works at IAE of the SB RAS investigated the cultural layer in the Spassky Cathedral in Kainsk (presently Kuibyshev in Novosibirsk Region). A necropolis of an earlier period was discovered on its territory. A part of it was damaged during construction works of the stone cathedral. A distinctive feature of the funeral rite was presence of brick crypts inside the building of the cathedral, which indicates high status of the buried persons. One person was buried in the first brick crypt of the closed type. The burial inventory included a unique pectoral cross with no direct parallels. The cross is two-sided; it has a large number of scenes located on the entire surface. The central image on

the front side is the Crucifixion of Christ. The scene of the Flagellation of Christ is on the back below. Images of saints are on both sides of the cross. This article presents the results of spectrographic analysis of the cross and provides its morphological and iconographic description. The XRF analysis was done in two laboratories (Equipment Sharing Center "Cenozoic Geochronology" and museum at the Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS). The elemental composition of the object was obtained from ten selected points. Basic composition of the alloy has been established; assumptions have been proposed concerning main methods of decoration. It has been discovered that the cross was made of about 80% of silver; the central scene of the Crucifixion was made of alloy containing silver and up to 68% of copper. It could have been decorated using the method of copper plating – coating metal with a thin layer of copper. The cross was decorated with silver foil, on which gold coating was applied as an amalgam, which is indicated by the presence of mercury in these areas. The cross can be dated to the second half of the 18th century, since the crypt is blocked by later burials and foundations of the stone cathedral whose construction began in the 1780s. The cross and funeral rite indicate high social and property status of the buried person. It is clear that the cross was made in Central Russia by a professional jeweler.

Keywords: *pectoral cross, funeral rite, crypt, Spassky Cathedral, Kainsk (Kuibyshev, Novosibirsk Region), XRF alloy analysis*.

Введение

В 2019 г. Отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН было начато исследование культурного слоя церкви во имя Спаса Нерукотворного – Спасского собора в г. Куйбышев (Каинск) Новосибирской обл.

История строительства православного храма в Каинске раскрыта и подробно аргументирована историческими документами в статье сотрудников Куйбышевского краеведческого музея [Павлова, Гайер, 2015, с. 256–260]. Из нее следует, что первая деревянная православная церковь построена на территории острога в 1751 г. В 1755 г. она была перенесена на другой берег р. Каинки в связи с переносом самого острога. Третий этап в истории церкви – постройка нового деревянного здания в 1773 г., и в том же году церковь освящена. Четвертый этап связан со строительством каменного храма, постройка которого продолжалась с 1787 по 1836 гг. Он был задуман двухпрестольным, но в итоге почти пятидесятилетнего строительства был возведен трехпрестольный собор. Первая часть церкви – «придельный храм Николая Чудотворца освящен в 1804 г., настоящая Спасская церковь освящена в 1829 г., а северный придел Покрова Пресвятой Богородицы, строительство которого начато в 1823, освящен в 1836 году» [Ведомость..., 1909]. Возле церквей по православной традиции всегда находились кладбища. Фундамент каменного собора, как и предыдущей деревянной церкви, занял территорию более раннего погоста, частично поглотив его.

В 2019 г. работы велись в западной части раскопа. Был открыт фундамент каменной церкви и обнаружено более 200 погребений, часть из которых находилось под фундаментом храма. «Все захоронения имеют ориентацию по оси запад – восток (головой на запад) с различным отклонением к северу или югу; руки погребенных согнуты в локтях и соединены на груди. Точно определить тип внутримогильной конструкции из-за плохой сохранности дерева удавалось не всегда, но во всех зафиксированных случаях это были колоды» [Тимощенко и др., 2019, с. 812].

Кроме грунтовых захоронений, был обнаружен каменный склеп, расположенный в северном приделе. Он обозначен в научном отчете как объект № 44. Его размеры 2,2 × 1,2 × 1 м (рис. 1). По конструктивным особенностям данный склеп следует отнести к закрытому типу [Боброва, 2017, 388]. Склеп имел арочный свод. Кирпичная кладка скреплялась глиняным раствором, кирпичи, из которых построен свод, подтесывались, пол выстлан досками [Морозов, Тимощенко, Митько, 2021, с. 48]. В склепе обнаружено одно погребение, перекрытое досками, по углам склепа – четыре кованые железные ручки, вероятно, от гроба. [Там же, с. 50]. Костяк сохранился не полностью, смещены левая ключица, плечевая кость левой руки. Погребенный был уложен вдоль длинной оси могильной ямы – вытянуто, головой к западу. Правая рука была согнута в локте и лежала на животе. Голова повернута вправо и прижата к груди. Инвентарь представлен крестом, он находился на нижней части груди.

По наблюдению авторов, склеп был перекрыт другим объектом, содержащим 12 индивидов, пять из которых перекрывают склеп, а дном могильных ям является свод арочного перекрытия. Эти погребения тоже были разрушены фундаментом каменного собора [Там же]. Следовательно, можно сделать вывод, что склеп был сооружен во время существования деревянной церкви.

Нахождение склепов в приалтарной части храма или на его территории – явление достаточно редкое и характерно только для крупных церквей. После постройки центрального придела церковь получила статус собора. Собор в честь Образа Спаса Нерукотворного был освящен с благословения Архиепископа Евгения Тобольского и Си-

Рис. 1. Вид склепа.

бирского в 1829 г. [Гайер, 2021] и вошел в список шести соборов Томской Епархии.

Подобные склепы в археологических памятниках Нового времени в Сибири зафиксированы в Восточной Сибири – в Богоявленском соборе и Спасском мужском монастыре в Енисейске [Тарасов, 2006, с. 244; Лысенко, Тарасов, 2015, с. 116], Крестовоздвиженской церкви в Иркутске [Бердников, 2012, с. 11]; в Западной Сибири в некрополе Томского мужского Богородице-Алексиевского монастыря [Боброва, 2017, с. 387].

Известно, что такой способ захоронения свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных, поскольку после сенатских указов XVIII в. был «внесен запрет на погребение внутри городов всех лиц, кроме знатных персон» [Сахаров, 2012, с. 159], и рекомендовано организовывать кладбища вдали от населенных пунктов.

Описание источника и методы исследования

Крест наперсный, четырехконечный, двусторонний, его размеры: 5,58 × 3,78 × 0,28 см, массивный, его вес 9,26 г, тогда как вес самых крупных по размерам нательных крестов из этой коллекции не превышает 6 г.

Форма креста близка к седьмому типу по классификации В.И. Молодина, но не соответствует ни одному подтипу и варианту. Сближает его с данным типом форма лопастей, которые плавно расширяются от средокрестия [Молодин, 2007, с. 69]. Они выполнены в форме лепестков, их оконечности закруглены и по краям украшены круглыми жемчужинами. Оглавие массивное, имеет овальную форму, уплощено, с небольшим фигурным выступом. Крест декорирован позолотой, обе стороны украшены изображениями, на лицевой стороне помещено Распятие Христово, выполненное высоким рельефом.

Сохранность предмета неполная: потертости позолоты, следы обильной патины на центральном изображении, неясные изображения. Но макрофотографии, любезно предоставленные канд. геол. наук, директором Центрального геологического музея ИГМ СО РАН А.В. Вишневским, позволили сделать иконографический анализ изделия. Снимки выполнялись на фотоаппаратуре Canon 90D с объективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM.

Элементный состав сплава креста был исследован методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) – одним из современных спектроскопических методов исследования вещества с целью получения элементного состава изделия неразрушающим методом. Первые результаты были получены в ЦКП «Геохронология кайнозоя» М.М. Игнатовым на электронном микроскопе Hitachi TM-3000 с приставкой энергодисперсионного анализа Bruker Quantax 70. В связи с тем, что визуально было выявлено золочение на отдельных участках, исследован состав металла на оглавии и на поверхности с золочением.

Металлографическое исследование было продолжено в Центральном Сибирском геологическом музее ИГМ СО РАН. Его провел канд. геол. наук А.В. Вишневский на портативном РФ-спектрометре Olympus Vanta M, время набора спектра 30 сек., область возбуждения диаметром 2 мм и 3,5 мм. Замеры производились на девяти точках, четыре из которых находятся на поверхности центрального сюжета Распятия Христова, три – на местах золочения, по одной точке – на оглавии (ушке) и на обороте, в правой части, под средокрестием (рельеф и место утраченного золочения) (рис. 2). Результаты анализа компонентов сплавов на от-

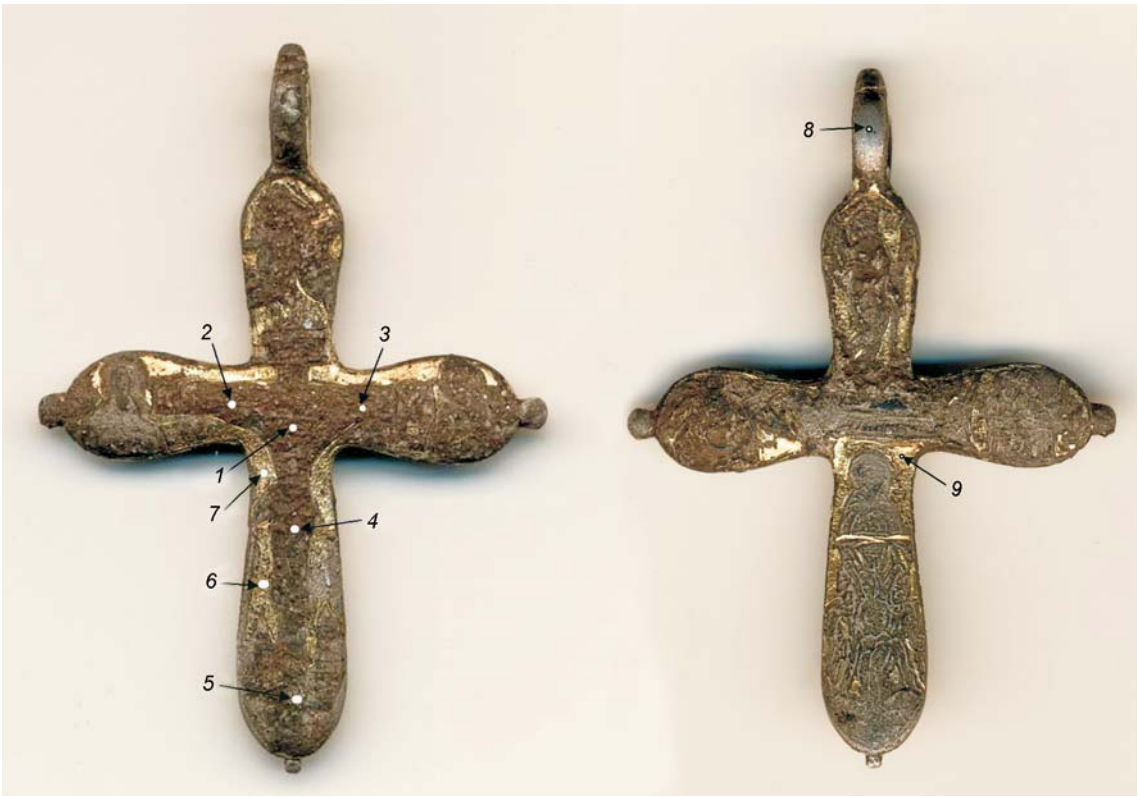


Рис. 2. Точки замеров РФА-анализа.

дельных участках креста были использованы для возможной реконструкции способа изготовления и декорирования изделия.

Цель статьи – представить иконографическую характеристику, состав сплава и предположить технологию изготовления уникального изделия.

Результаты и обсуждения

По типологии крестов данное изделие можно отнести к крестам наперсным, они отличаются от нательных крестов большими размерами, всегда изготовлены из серебра: «В 1797 году императором Павлом установлен, как знак отличия, и выдавался протоиереям и священникам, наперсный крест четырехконечный, серебряный позолоченный, с изображением Распятия» [Наперсный крест, 2014]. Действительно, на лицевой стороне креста на средокрестии помещен центральный образ – Распятие Христово. Аналогичное изображение Распятия нанесено на кресте-мощевике (из частной коллекции): «Крест четырехконечной формы, с округлыми окончаниями ветвей, полый, с черневым изображением «Распятия Христова» и главы Адама» [Братко, Гусаков, 2016, с. 170]. Изделия сближает не только аналогичная иконография, но и материал (серебро 840 пробы), и подобная техника изготовления (чернь, чеканка, резьба, золочение). Они фактически одинаковы по размерам (5,1 × 3,7 см).

На лицевой стороне, кроме центрального барельефного сюжета «Распятие Христово», различимы другие композиции, они худшей сохранности, но по иконографическим признакам можно предположить отдельные образы и сюжеты (рис. 3) В верхней части, под оглавием, вероятно, помещен Образ Господа Саваофа. По канону, он должен быть изображен в виде поясной фигуры старца, обе руки которого подняты в осеняющем жесте, ниже изображение Святого духа в виде птицы. Нижняя фигура четко видна на кресте, поэтому мы и делаем такое предположение, тем более что в верхней части креста всегда помещены или Образ Нерукотворный или Образ господа Саваофа [Островский, 1995, с. 64]. На оконечностях боковых лопастей размещены фигуры предстоящих – поясные изображения Богоматери и апостола Иоанна Богослова, повернутые к центральному образу распятия. Аналогичные сюжеты чаще всего встречаются на нательных и наперсных крестах с изображением распятия [Островский, Федоров, 2007, с. 105]. Неясные рельефы на верхней перекладине голгофского креста можно трактовать как буквы церковнославянской аббревиатуры «И.Н.Ц.И». На концах голгофского восьмиконечного креста заметны буквы «ІС» и «ХС», помещенные в прямоугольники.

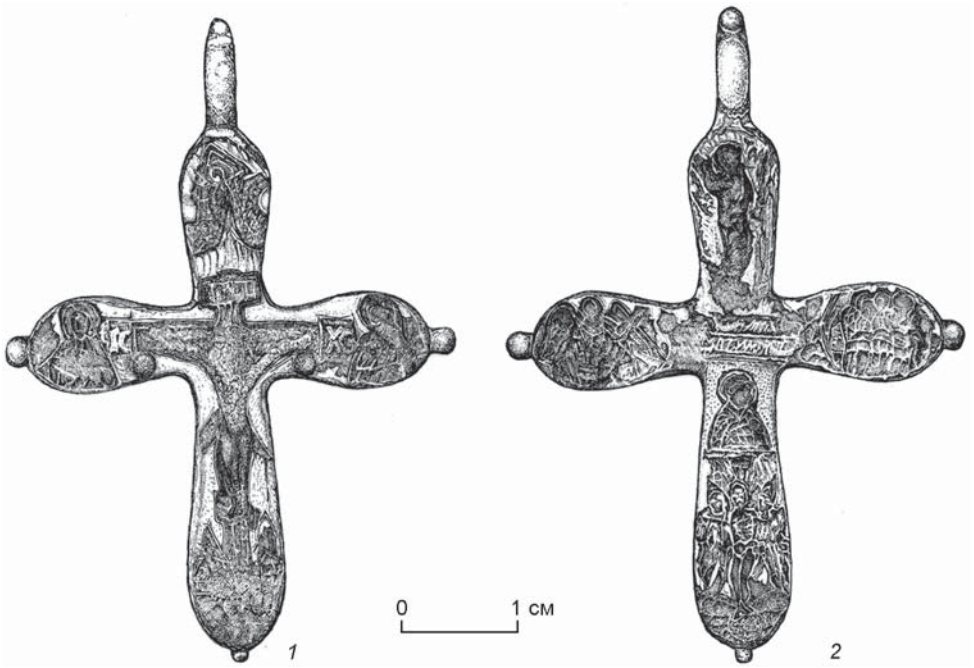


Рис. 3. Прорисовка композиций и сюжетов на наперсном кресте. *Художник Н.В. Ходакова.*
1 – лицевая сторона; *2* – оборотная сторона.

На оборотной стороне креста, под оглавием, видна ростовая фигура святого с поднятой правой рукой, что предполагает образ Воскресение Христово. Под средокрестием изображена погрудная фигура святого, вероятно, святителя Николая Чудотворца. Образ святого соответствует иконографической традиции: правая рука святого поднята в осеняющем жесте, в левой руке он держит евангелие. В нижней части вертикальной перекладины помещен сюжет Бичевания Христа. Этот сюжет редко встречается на крестах, его иконография очень схожа с композицией Снятия с креста, там тоже изображены две фигуры, обращенные к Христу. Но в последнем сюжете всегда присутствует лестница [Костина, 2003, с. 94]. На рассматриваемом изделии на фигурах, стоящих рядом с Христом, видны остроконечные шапки, похожие на головные уборы римских воинов, поэтому мы склоняемся к выводу, что это композиция Бичевания Христа. Она сходна с изображением, помещенным на напрестольном кресте из фондов Музеев Кремля [Коварская, 2017, с. 65]. На левой оконечности помещен образ архистратига Михаила в виде скачущего крылатого всадника. На правой изображена Троица Ветхозаветная – три ангела с посохами, сидящие за столом. Так, по нашему мнению, можно трактовать сюжеты, нанесенные гравировкой на поверхность креста. Все композиции символичны и могут являться аргументами в пользу доказательств основных функций наперсного креста: «принадлежность к конфессии, информация о главном сакральном событии в христианском мировоззрении – о распятии Богочеловека; прославление искупительного подвига Христа и его Воскресения; прославление христианского учения и апостольской церкви» [Островский, 1995, с. 56]

Следующим этапом исследования наперсного креста было изучение материала и технологии его изготовления, для этого проведен спектральный анализ изделия, в результате которого выявлены основные компоненты сплавов.

Полученные данные в ЦКП и ИГМ СО РАН по количеству металлов в сплаве разнятся. Это объясняется тем, что использована разная аппаратура, разная глубина проникновения спектра, а также имелся ли вакуум при снятии показаний; но тем не менее они не противоречат друг другу и свидетельствуют об основных компонентах сплава изделия.

Анализ, проведенный в ЦКП, показал, что в составе изделия имеется серебро (55,85 %), медь (41,02 %), цинк (1,99 %), свинец (1,14 %). В местах золочения – золото (65,71 %), серебро (23,31 %), медь (10,98 %).

Результаты анализа состава сплава, полученного сотрудниками ИГМ СО РАН, представлены в таблице. В ней показано распределение основных элементов сплава как результат полуколичественного спектрального анализа состава на разных участках изделия (см. *таблицу*).

Оба результата верифицировали вывод о полиметаллической структуре креста. Основными компонентами сплава являются серебро, медь, золото.

В сплаве присутствует свинец, цинк, сера, фосфор, калий и ртуть в малых количествах или на отдельных участках. Состав сплава на разных участках изделия неоднороден, что свидетельствует о сложной технологии его изготовления. Основой креста является серебро порядка 800 пробы, как показал анализ на восьмой точке – оглавии креста, в качестве легирующей добавки использована медь. Техника изготовления – литье.

На поверхности креста нанесена гравировка по холодному металлу, этим способом нанесены отдельные изображения и композиции, для придания четкости рисунка, вероятно, использована чернь. «Чернь, сплав серебра, свинца, серы и других варьирующихся компонентов, с помощью которого украшают изделия из металлов, главным образом из серебра. Измельченная чернь наносится на гравированную поверхность металла, предмет подвергается обжигу, после чего на нем выявляют черный или темно-серый рисунок» [Чернь]. «В результате такой обработки черный сплав остается только в вырезанных мастером углублениях» [Постникова-Лосева, 1974, с. 206]. Следовательно, изображения на кресте были созданы при помощи гравировки и черни. На этот вывод указывает наличие в сплаве серы и свинца.

На поверхности креста иконографические рельефы имеют золотистую окантовку, этот прием декорирования подчеркивает сюжеты и придает нарядность всему изделию. Для этого были созданы углубления, куда вставлялась серебряная фольга. Такой способ украшения изделия называется плакированием – покрытие серебряной фольгой металлических или деревянных изделий [Минасян, 2014, с. 263]. На точках 6, 7, 9 в сплаве присутствует серебро от 41 до 50 %, но при этом визуально и инструментально фиксируется наличие от 10 до 13 % золота, что свидетельствует о золочении серебряной фольги. Наличие от 4 до 6 % ртути в сплаве говорит об амальгамировании как способе золочения. Это метод горячего золочения – «способ нанесения на металлическую поверхность покрытия инородного металла, растворенного в ртути с последующим ее выпариванием» [Там же, с. 319].

Интересен состав сплава на центральном образе Распятие Христово. В его составе основным компонентом является медь, но присутствует до 28 % серебра (точки 1–4). Вероятно, автор хотел подчеркнуть основной сюжет, крест-распятие был красного цвета и выделялся на фоне изделия. Этот способ декоративной обработки металлических изделий называется «меднением – покрытие металла тонким слоем меди» [Там же, с. 332].

Таким образом, элементный анализ сплавов на различных участках изделия позволил предполо-

Распределение основных элементов сплавов, %

Образец	Cu	Ag	Au	Mg	Al	Si	P	S	K	Ti	Cr	Mn	Fe	Zn	Ba	Pt	Hg	Pb	Bi
Точка 1	68,01	22,82	0,16	1,09	0,25	0,26	0,12	0,58	1,15	0,00	0,47	0,06	0,15	0,20	1,10	0,00	0,07	1,11	1,99
Точка 2	56,41	29,09	2,20	2,55	0,29	0,25	0,56	1,16	1,10	0,00	0,48	0,04	0,12	0,24	0,88	0,00	1,12	1,04	1,16
Точка 3	64,27	25,98	0,97	1,37	0,23	0,19	0,21	0,54	1,06	0,00	0,44	0,05	0,12	0,09	0,99	0,00	0,47	0,71	1,70
Точка 4	63,55	28,75	0,68	0,00	0,13	0,22	0,19	0,58	0,95	0,00	0,49	0,03	0,09	0,17	0,89	0,00	0,26	1,15	1,56
Точка 5	30,02	32,05	0,77	1,56	0,49	0,30	0,68	1,56	3,37	0,09	0,47	0,00	0,12	0,46	0,00	0,00	0,20	1,07	0,00
Точка 6	13,05	50,99	10,28	1,71	0,34	0,42	1,48	3,89	3,01	0,00	0,61	0,10	0,15	0,03	0,35	0,10	4,42	0,65	0,00
Точка 7	30,37	41,11	13,43	0,00	0,21	0,35	1,18	2,83	1,70	0,00	0,40	0,03	0,10	0,00	0,56	0,17	6,22	0,95	0,00
Точка 8	8,24	80,60	0,56	0,00	0,00	0,28	0,11	0,69	7,39	0,00	0,26	0,04	0,16	0,42	0,57	0,00	0,04	0,22	0,02
Точка 9	14,87	49,92	10,62	0,00	0,37	0,53	1,86	4,70	1,86	1,65	0,31	0,09	0,12	0,00	0,76	0,13	5,05	0,41	0,00

жить возможные технологию изготовления и декорирования наперсного креста.

Интерпретация данных результатов анализа осуществлялась на основе известных технологических приемов, используемых в ювелирном деле на сегодняшний день. Часть выявленных закономерностей в распределении элементов, присутствующих в очень малых количествах, таких как висмут, магний, титан, алюминий и др., их присутствие или отсутствие в различных точках изделия требует дополнительного детального изучения.

Выводы

Представленный предмет необходимо отнести к категории наперсных крестов. Он выполнен из серебра с использованием сложной ювелирной технологии: литья, чеканки, гравировки, черни, плакирования, золочения, меднения. Его можно датировать второй половиной XVIII в. Место изготовления, вероятно, – московские ювелирные мастерские, точнее трудно определить, поскольку отсутствует клеймо пробирной палаты, но аналогичный крест из частной коллекции авторы относят к московской художественной школе.

С большой долей вероятности можно предположить, что данный наперсный крест принадлежал священнику, который служил в середине XVIII в. в деревянной церкви, существовавшей до начала строительства каменного собора. Поэтому его захоронили в каменном саркофаге в знак уважения за службу с наградным наперсным крестом.

Благодарности

Статья выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как исторический источник (по материалам исследований в Иркутске): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2012. – 22 с.

Боброва А.И. Некрополь Томского мужского Богородице-Алексиевского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Наука, 2017. – С. 387–389.

Братко С.В., Гусаков Г.В. Древние иконы и прикладное искусство в частных коллекциях Украины. – Харьков: НТМТ, 2016. – 176 с.

Ведомость церкви Томской Епархии во имя Спаса Нерукотворного образа за 1909 год. ККМ № 7896 НФ // Куйбышевский краеведческий музей.

Гайер И.Н. История Спасского собора в Куйбышеве (Каинске) [Электронный ресурс]. – URL: http://museumcomplexnso.ru/index.php/586-istoriya-spasskogo-sobora-v-kujbysheve-kainske (дата обращения: 30.09.2022).

Коварская С.Я. Произведения мастеров Москвы в первой половине IX века. – М.: Азбука, 2017. – 475 с.

Костина И.Д. Произведения московских серебряников первой половины XVIII века. Каталог. – М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский кремль», 2003. – 520 с.

Лысенко Д.Н., Тарасов А.Ю. Исторические некрополи города Енисейска (по данным археологических исследований 2004–2014 гг.) // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 114–126.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и в средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 471 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Морозов А.А., Тимощенко А.А., Митько О.А. Этапы формирования культурного слоя Спасского собора в Каинске (Куйбышеве) (по результатам работ 2019–2020 годов) // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера Сибири. – Омск; Сургут: Институт археологии Севера, 2021. – Т. 2. – С. 47–53.

Наперсный крест [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/napersnyj-krest (дата обращения: 30.09.2022).

Островский А.Б. Православные нагрудные кресты (Зримые черты символов) // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб., 1995. – Вып. 8–9. – С. 54–74.

Островский А.Б., Федоров Ю.А. Русский православный крест в собраниях Российского этнографического музея. – СПб.: Арт-Палас, 2007. – 348 с.

Павлова Н.И., Гайер И.Н. Особенности застройки города Куйбышева (Каинска) // Баландинские чтения: сб. ст. X научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–17 апреля 2015 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. арх.-худож. акад., 2015. – Т. 10. – С. 256–260.

Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI–XIX вв. – М.: Наука, 1974. – 372 с.

Сахаров А.В. Организация кладбищ Российской Империи в свете официального законодательства второй половины XVII – начала XX века // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 5–6 апреля 2012 года. – Пенза; Баку, 2012. – С. 153–161.

Тарасов А.Ю. Археологические исследования в г. Енисейске // Современные проблемы археологии Рос-

сии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 244–246.

Тимощенко А.А., Морозов А.А., Кравцова А.С., Селин Д.В., Бычков Д.А., Колонцов С.В. Предварительные результаты историко-археологического исследования Спасского собора (город Куйбышев) в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 808–814.

Чернь // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/122/079.htm (дата обращения: 30.09.2022).

References

Berdnikov I.M. Sibirskii pravoslavnyi nekropol' XVIII–XIX vekov kak istoricheskii istochnik (po materialam issledovanii v Irkutske): cand. sc. (history) dissertaition abstract. Irkutsk, 2012. 22 p. (In Russ.).

Bobrova A.I. Necropolis of Bogoroditse-Alekseeskiy monastery of Tomsk. In *Culture of Russians in archaeological researches*. Omsk: Nauka, 2017. P. 387–389. (In Russ.).

Bratko S.V, Gusakov G.V. Drevnie ikony i prikladnoe iskusstvo v chastnykh kollektsiyakh Ukrainy. Khar'kov: NTMT, 2016. 176 p. (In Russ.).

Chern'. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/122/079. htm (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Gayer I.N. Istoriya Spasskogo sobora v Kuibysheve (Kainske*)*. URL: http://museumcomplexnso.ru/index.php/586-istoriya-spasskogo-sobora-v-kujbysheve-kainske. (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Kostina I.D. Proizvedeniya moskovskikh serebryanikov pervoi poloviny XVIII veka. Katalog. Moscow: Moscow Kremlin museum, 2003. 520 p. (In Russ.).

Kovarskaya S.Ya. Proizvedeniya masterov Moskvy v pervoi polovine IX veka. Moscow: Azbuka, 2017. 475 p. (In Russ.).

Lysenko D.N., Tarasov A.Yu. Istoricheskie nekropoli goroda Eniseiska po dannym arkheologicheskikh issledovanii 2004-2014 gg. In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*, Krasnoyarsk: Sibirion Federal Univ. Press, 2015. Iss. VII. P. 114–126. (In Russ.).

Minasyan R.S. Metalloobrabotka v drevnosti i v srednevekov'e. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2014. 471 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: INFOLIO, 2007. 248 p. (In Russ.).

Morozov A.A., Timoshchenko A.A., Mit'ko O.A. Cultural layer formation stages of the sevior Cathedral in Kuibyshev (Kainsk) (based on the excavation results of 2019–2020). In *Culture of Russians in archaeological researches: archaeology of the north of Russia.* Omsk; Surgut: Archaeology of the north of Russia, 2021. Vol. 2. P. 47–53. (In Russ.). doi 10.31630/978–57-2021-2-47-54

Napersnyi krest. In: *The abc of faith*. URL: https://azbyka.ru/napersnyj-krest (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Ostrovskii A.B. Pravoslavnye nagrudnye kresty (Zrimye cherty simvolov). *Etnograficheskie tetradi*, St. Petersburg: Kunstkamera, 1995. Iss. 8–9. P. 54–74. (In Russ.).

Ostrovskii A.B., Fedorov Yu.A. Russkii pravoslavnyi krest v sobraniyakh Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya. St. Petersburg: Art-Palas, 2007. 348 p. (In Russ.).

Pavlova N.I., Gajer I.N. Osobennosti zhastrojki goroda Kujbysheva (Kainska). In: *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk: Novosibirsk State Arkhitekturno-Akademy of Architecture and Arts, 2015. Vol. 10. P. 256–260. (In Russ.).

Postnikova-Loseva M.M. Russkoe yuvelirnoe iskusstvo, ego tsentry i mastera XVI – XIX vv. Moskow: Nauka, 1974. 372 p. (In Russ.).

Sakharov A.V. Organizatsiya kladbishch Rossiiskoi Imperii v svete ofitsial'nogo zakonodatel'stva vtoroi poloviny XVII – nachala XX veka. In *Narody Evrazii. Istoriya, kul'tura i problemy vzaimodeistviya: materialy mezhdunar. nauch.- prakt. konf.* 5–6 aprelya 2012 g. Penza; Baku, 2012. P. 153–161. (In Russ.).

Tarasov A.Yu. Arkheologicheskie issledovaniya v g. Eniseiske. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. P. 244–246. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Morozov A.A., Kravtsova A.S., Selin D.V., Bychkov D.A., Kolontsov S.V. Preliminary Results of Historical and Archaeological Research of the Spassky Cathedral in the City of Kuibyshev in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 808–814. (In Russ.).

Vedomost' tserkvi Tomskoi Eparkhii vo imya Spasa Nerukotvornogo obraza za 1909 god. In *KKM N 7896 F.NV.* Kuibyshevskii kraevedcheskii muzei. (In Russ.).

Сальникова И.В. https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0706-0713
УДК 903.2

Д.В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru

Особенности гончарного производства носителей сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (по материалам городища Барсов городок I/20)

Выполнен технико-технологический анализ керамики сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (КИО) с городища Барсов городок I/20 (29 сосудов) и из погребения, обнаруженного на этом памятнике (два сосуда). Определено, что по представлениям гончаров отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины. Выявлено пять подвидов глин, различающихся по степени запесоченности и составу естественных примесей. Определено семь рецептов формовочных масс, включая три несмешанных и четыре смешанных. Выделается несмешанный рецепт глина + песок, который не характерен для гончарства сургутского варианта кулайской КИО. Полое тело изготавливалось преимущественно при помощи лоскутного налепа, на двух сосудах обнаружены признаки ленточного налепа. Поверхности посуды обрабатывались при помощи механического заглаживания, установлено 13 вариантов комбинирования разных инструментов. Обжиг сосудов мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде. Сосуды из погребения могли быть изготовлены одним мастером. Гончарные традиции населения городища Барсов городок I/20 вписываются в общие тенденции, характерные для гончарного производства носителей сургутского варианта кулайской КИО Барсовой Горы. Это проявляется в схожести субстратных и приспособительных навыков. Традиция добавки песка может быть связана с более восточными кулайскими группами или являться результатом смешения с более ранней гончарной традицией. Наибольшее сходство в традициях керамического производства Барсов городок I/20 обнаруживает с Барсов городок I/5. Для керамики обоих городищ характерно разнообразие рецептов формовочной массы, использование песка как искусственной примеси, наличие сосудов, изготовленных при помощи ленточного налепа. Возможно, посуда обоих городищ отражает процессы взаимодействия и смешения на этих городищах населения с разными гончарными традициями, связанными с другими локальными вариантами кулайской КИО, или свидетельствует о влиянии более ранних гончарных традиций предшествующих культур, известных на Барсовой Горе.

Ключевые слова: *Сургутское Приобье, Барсова Гора, ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность, керамика, технико-технологический анализ.*

D.V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru

Pottery Production among the Carriers of the Surgut Variant of the Kulaika Cultural and Historical Community (Evidence from the Settlement of Barsov Gorodok I/20)

This article presents the technical and technological analysis of pottery from the settlement of Barsov gorodok I/20 (29 vessels), belonging to the Surgut variant of the Kulaika cultural-historical community and from a burial found at this site (two vessels). One type of basic raw material (iron clay matrix), five subtypes of clays differing in the degree of sand content and composition of natural impurities, and seven clay fabrics were identified, including three unmixed and four mixed compounds. Unmixed compound of clay and sand stands out, which is not typical for the pottery of the Surgut variant of the Kulaika

cultural-historical community. Vessels were mainly produced by patching together pieces of clay; two vessels showed signs of coil molding. Surfaces of dishes were processed using mechanical smoothing; 13 combinations of different tools have been identified. Vessels could have been fired in a reducing or semi-reducing environment. Vessels from the burial could have been made by a single potter. Pottery traditions of the population from the settlement Bg I/20 demonstrate the similarity of substrate and adaptive skills, and correspond to common traditions of pottery production among the carriers of the Surgut variant of the Kulaika cultural and historical community of Barsova Gora. The technique of adding sand may be associated with more eastern Kulaika groups or might have resulted from mixture with an earlier pottery tradition. Pottery production at the settlement Bg I/20 finds the greatest similarity with settlement Bg I/5. Pottery at both settlements is distinguished by a variety of compounds of clay fabric, use of sand as artificial admixture, and coil molding. It is possible that vessels at both settlements reflect the processes of interaction and mixing among the populations with different pottery traditions associated with other local variants of the Kulaika cultural and historical community, or indicates the influence of the earlier pottery traditions of previous cultures in Barsova Gora.

Keywords: *Surgut Ob region, Barsova Gora, Early Iron Age, Kulaika culture, pottery, technical and technological analysis*.

Введение

Урочище Барсова Гора – уникальный археолого-ландшафтный объект, где на площади в 6 км^2 к настоящему моменту обнаружено более 400 памятников от эпохи неолита до Нового времени. Оно расположено на высоком правом берегу р. Оби между речками Барцевка и Калинка (Калинина) в непосредственной близи от г. Сургута в Ханты-Мансийском АО Тюменской обл. [Чемякин, Зыков, 2004]. Огромный объем обнаруженных материалов, в первую очередь керамической посуды, позволяет проследить особенности гончарной технологии на разновременных объектах в пределах одного замкнутого ландшафта. Одним из наиболее значительных по объему и по степени изученности культурных образований на Барсовой Горе является сургутский вариант кулайской КИО [Чемякин, 2008].

Городище Барсов городок I/20 (далее – Бг) расположено на высоком краю берега протоки Утоплая. Общая площадь памятника составляет ок. 1620 м^2, размеры – 70 × 33 м. В плане городище трапециевидной формы, с двумя выступами – остатками бастионов или башен. Периметр памятника окружает вал шириной до 3 м и высотой до 1,3 м и внешний ров шириной 2,5–3 м и глубиной 1,2–1,5 м. Подпрямоугольные выступы-бастионы располагаются с северной и северо-западной сторон оборонительной системы. На внутренней площадке городища выявлено 12–13 впадин, в т.ч. с обваловкой. С западной стороны памятник перекрывает более раннее городище Барсов городок I/20а. С северо-восточной стороны рядом с городищем расположено селище Барсова гора I/20. В разные годы на Бг I/20 проводили раскопки Н.В. Федорова, Г.В. Бельтикова, В.А. Борзунов, исследователями была получена представительная коллекция различных артефактов, включая клад [Чемякин, Зыков, 2004; Бельтикова, Борзунов, 2017].

Кроме того, в 1986 г. Г.В. Бельтиковой при раскопках на Бг I/20 обнаружено и исследовано одиночное захоронение, расположенное на площади городища. Погребальный инвентарь представлен двумя глиняными сосудами, бронзовыми личиной, крестовидной подвеской и пластинчатыми нашивками на пояс, сплетенными из конского (?) волоса. По предположениям исследователей, изученное погребение может маркировать окончание функционирования городища [Чемякин, Зыков, 2004, с. 158; Борзунов, Бельтикова, 1989; Бельтикова, 2008].

Источниковой базой работы послужила керамика, обнаруженная в жилище в раскопе 2 (раскопки Г.В. Бельтиковой, 1986 г.) (29 сосудов), и посуда, выявленная в погребении в этом же раскопе (2 сосуда)*.

Целью является реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей сургутского варианта культуры с Бг I/20.

Для всей посуды с городища и погребения выполнен технико-технологический анализ по методике, предложенной А.А. Бобринским, в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999]. Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. Выделяя технологическую информацию, автор опирался на специализированную научную литературу и «Каталог эталонов по керамической трасологии» (см., напр.: [Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020] и др.).

*Автор выражает искреннюю благодарность директору Сургутского краеведческого музея Селяниной Марине Юрьевне за уникальную возможность работы с коллекциями.

Результаты исследования керамики

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления керамики гончарами отбирались ожелезненные глины как исходное пластичное сырье. Можно выделить пять подвидов глины.

Глина 1 (1 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 12 включений на 1 см^2). Зафиксированы мелкие единичные обрывки растительности и единичные включения мелких фрагментов раковин моллюсков и фракции мелкого окатанного бурого железняка (до 2 включений на 1 см^2).

Глина 2 (18 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 5 включений на 1 см^2). В 16 изделиях зафиксированы включения фракций только мелкого (7 изд.) или разноразмерного (9 изд.) окатанного бурого железняка (до 3 включений на 1 см^2). В одном сосуде выявлены мелкие пластинки слюды.

Глина 3 (3 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 2 включений на 1 см^2). Зафиксированы мелкие единичные обрывки растительности и единичные включения мелких фрагментов раковин моллюсков и фракций мелкого окатанного бурого железняка (до 9 включений на 1 см^2).

Глина 4 (4 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 16 включений на 1 см^2). Выявлены фракции разноразмерного окатанного бурого железняка (до 2 включений на 1 см^2).

Глина 5 (3 изд.) – высокозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (концентрация песка составляет до 1 : 4–5). Обнаружены фракции мелкого (1 изд.) и разноразмерного (2 изд.) окатанного бурого железняка (до 2 включений на 1 см^2).

Сосуды из погребения изготовлены из глины, близкой выделенному подвиду 2 – это слабозапесоченное сырье с естественной примесью окатанного разноразмерного бурого железняка. Разница в сырье между двумя сосудами проявляется в концентрации бурого железняк. Так, в сосуде № 1 установлено одно включение на 1 см^2, а в сосуде № 2 – 17 фракций на 1 см^2. Возможно, глины, использованные для изготовления этих сосудов, добывались на разных глинищах, расположенных поблизости друг от друга.

Составление формовочных масс. На городище Бг I/20 зафиксировано семь рецептов формовочной массы: однокомпонентные – 1) глина + дресва (11 изд.); 2) глина + шамот (6 изд.); 3) глина + песок (2 изд.); и многокомпонентные – 4) глина + дресва + шамот (5 изд.); 5) глина + шамот + органический раствор (2 изд.); 6) глина + дресва + песок (2 изд.); 7) глина + шамот + песок (1 изд.). Концентрация разных минеральных примесей представлена на рис. 1 и в табл. 1.

Минеральные примеси обнаружены во всех сосудах в составе одно- и многокомпонентных рецептов (рис. 2). Фракции дресвы и шамота не калибровались при введении в формовочную массу, песок калибровался по верхней границе (≤ 0,9 мм). Дресва преимущественно добавлялась в концентрации 1 : 4–6 (15 изд.), шамот в двух пропорциях – 1 : 3–5 (5 изд.) и 1 : 5–8 (9 изд.). Это может

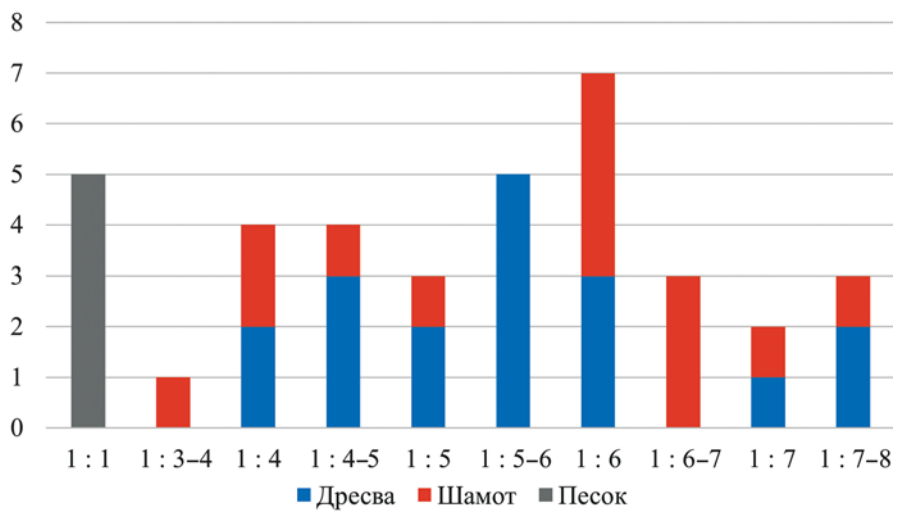


Рис. 1. График соотношения концентрации разных минеральных примесей в керамике сургутского варианта кулайской КИО городища Барсов городок I/20.

свидетельствовать о наличии у гончаров городища двух традиций пропорциональности введения шамота в формовочную массу. Песок во всех выявленных случаях вводился 1 : 1. В двух сосудах, изготовленных по смешанному рецепту, глина + дресва + шамот, выявлена дресва в шамоте, что свидетельствует об устойчивости добавки этой примеси в формовочную массу.

Искусственная примесь органики (рис. 2, *б*) представлена органическим раствором в виде аморфных разноразмерных пустот, заполненных изнутри черным глянцевым веществом и очень мелкими тонкими обрывками растительности (2 изд.).

Корреляция подвидов глин и рецептов формовочной массы показала, что в наиболее распространенную глину 2 вводились все выделенные рецепты формовочной массы (табл. 2). С глиной 3 использовался несмешанный и смешанный рецепт с дресвой. В глину 4 добавлялись четыре разных состава. С глиной 5 употреблялись два несмешанных рецепта. Установлено, что рецепты с искусственной примесью песка, как смешанные, так и несмешанные, использовались с глиной 2.

Сосуды из погребения изготовлены по одному рецепту глина + шамот. Шамот не калибровался и вводился в концентрации 1 : 5–6 и 1 : 6–7.

Конструирование полого тела. Определения способов конструирования начина и полого тела осуществлялись по венчикам и стенкам посуды. Полое тело наращивалось при помощи лоскутов (23 изд.). На двух сосудах зафиксированы следы ленточного налепа. На одном изделии на внутренней поверхности зафиксированы отпечатки, предположительно, формы-основы.

Сосуд № 1 из погребения изготовлен при помощи лоскутного налепа, определить способ конструирования сосуда № 2 не представлялось возможным, т.к. отсутствовали свежие изломы.

Обработка поверхностей сосудов. Поверхности сосудов обрабатывались механическим заглаживанием, выполнявшимся различными инструментами в разнообразных сочетаниях (табл. 3).

Таблица 1. **Соотношение концентраций минеральных примесей в керамике сургутского варианта кулайской КИО городища Барсов городок I/20**

Концентрация	Дресва, изд.	Шамот, изд.	Песок, изд.
1 : 1	–	–	5
1 : 3–4	–	1	–
1 : 4	2	2	–
1 : 4–5	3	1	–
1 : 5	2	1	–
1 : 5–6	5	–	–
1 : 6	3	4	–
1 : 6–7	–	3	–
1 : 7	1	1	–
1 : 7–8	2	1	–
Всего	18	14	5

Внешняя поверхность сосудов заглаживалась твердым гладким (22 изд.), зубчатым орудиями (5 изд.) или мягким материалом (1 изд.). На одном сосуде зафиксировано совместное заглаживание твердым гладким и зубчатым орудиями.

Внутренняя поверхность заглаживалась пальцами (5 изд.), твердым гладким (15 изд.), зубчатым (8 изд.) орудиями. На внутренней поверхности одного изделия также зафиксировано совместное заглаживание твердым гладким и зубчатым орудиями. На 15 изделиях зафиксировано специфическое заглаживание перехода от венчика к плечу зубчатым орудием. Венчик с внутренней стороны мог дополнительно заглаживаться пальцами (2 изд.) или мягким материалом (1 изд.).

Выявлено 13 вариантов комбинирования разных инструментов при обработке внешней и внутренней поверхности (табл. 3).

Сосуд № 1 из погребения заглажен с обеих сторон зубчатым орудием, сосуд № 2 обработан с внешней поверхности травой, с внутренней – пальцами.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Изделия с городища обжигались при

Таблица 2. **Корреляция подвидов глин и рецептов формовочной массы керамики сургутского варианта кулайской КИО городища Барсов городок I/20**

Подтип	Г + Д, изд.	Г + Ш, изд.	Г + П, изд.	Г + Д +Ш, изд.	Г + Ш + ОР, изд.	Г + Д + П, изд.	Г + Ш + П, изд.
Глина 1	–	–	–	1	–	–	–
Глина 2	7	4	2	1	1	2	1
Глина 3	1	–	–	2	–	–	–
Глина 4	1	1	–	1	1	–	–
Глина 5	2	1	–	–	–	–	–
Всего	11	6	2	5	2	2	1

Примечание. Г – глина; Д – дресва; Ш – Шамот; П – песок; ОР – органический раствор.

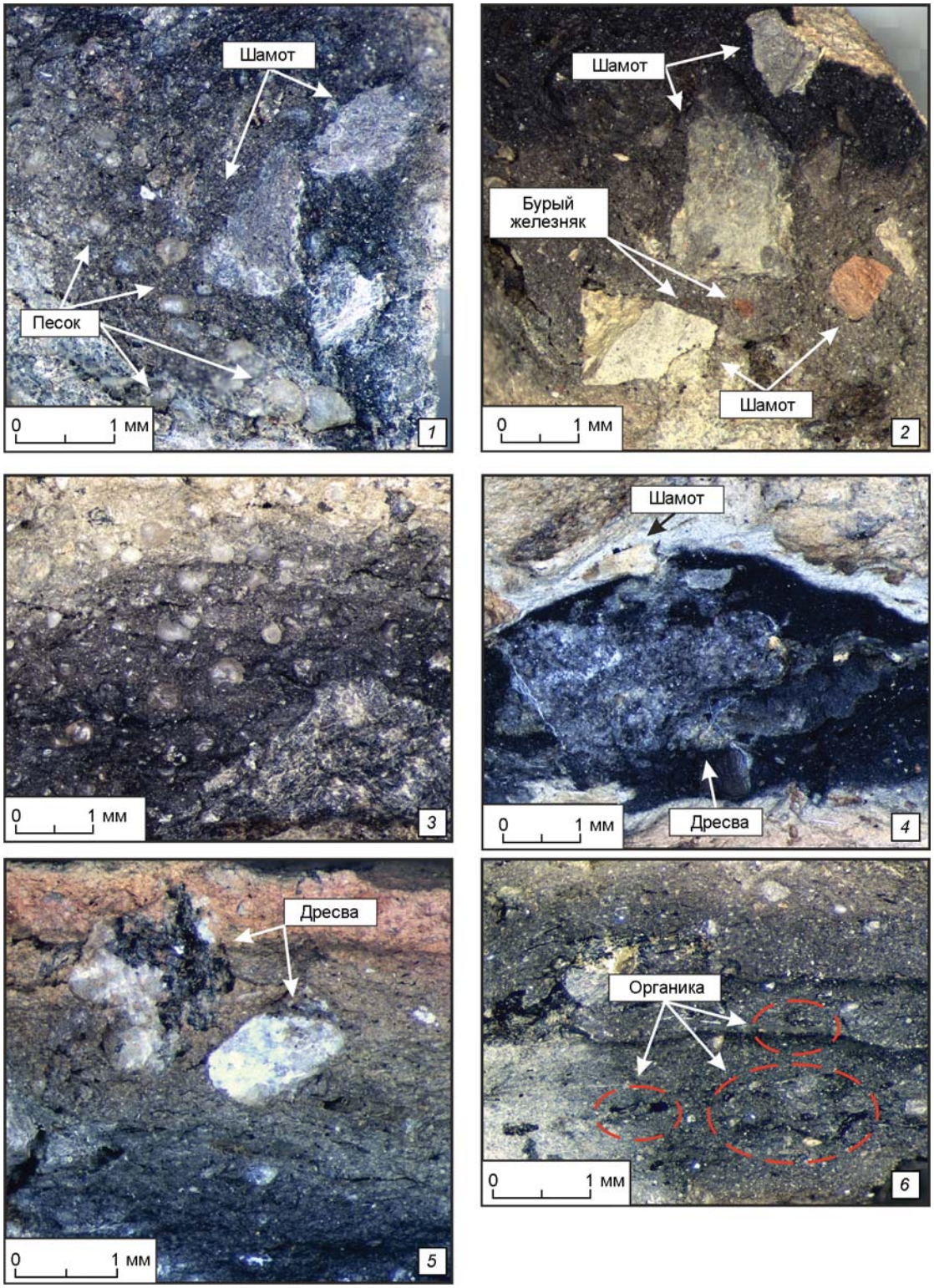


Рис. 2. Микрофотографии изломов керамики сургутского варианта кулайской КИО городища Барсов городок I/20.

1 – шамот и искусственно добавленный песок; *2* – шамот и естественный бурый железняк; *3* – искусственно добавленный песок; *4* – дресва и шамот; *5* – дресва; *6* – искусственно добавленная органика.

температурах выше каления глины (от 550–650º до 900–1100º), что подтверждается отсутствием явления остаточной пластичности, характерного для низкотемпературного обжига, и следов спекания глины до стекловидного состояния, типичных для температур выше 900–1200º. Изломы одноцветные коричневые (1 изд.), черные (6 изд.); светло-коричневые (5 изд.), серые (2 изд.); двухцветные (8 изд.);

Таблица 3. **Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхности сосудов сургутского варианта кулайской КИО на городище Барсов городок I/20**

Внешняя поверхность	Внутренняя поверхность	Кол-во изделий, шт.
Заглажена твердым орудием	Заглажена пальцами	2
Заглажена зубчатым орудием	Заглажена пальцами, переход от венчика к плечу заглажен зубчатым орудием	1
Заглажена твердым орудием	То же	2
То же	Заглажена зубчатым орудием	4
»	Заглажена зубчатым орудием, венчик заглажен мягким материалом	1
Заглажена зубчатым орудием	Заглажена твердым орудием	1
Заглажена твердым орудием	Заглажена твердым орудием, переход от венчика к плечу заглажен зубчатым орудием	10
Заглажена зубчатым орудием	Заглажена зубчатым орудием	1
То же	Заглажена зубчатым орудием, венчик заглажен пальцами	2
Заглажена мягким материалом	Заглажена твердым орудием, переход от венчика к плечу заглажен зубчатым орудием	1
Заглажена твердым орудием	Заглажена твердым орудием	2
Заглажена твердым и зубчатым орудиями	Заглажена твердым орудием, переход от венчика к плечу заглажен зубчатым орудием	1
Заглажена твердым орудием	Заглажена твердым и зубчатым орудиями	1
	Всего	29

трехцветные (1 изд.); со светло-коричневыми краями и темно-серым центром (5 изд.). Обжиг сосудов мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде.

Заключение

По результатам технико-технологического анализа определено, что гончарами городища Бг I/20 отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные природные глины. Выделено пять подвидов глин, различающихся по степени запесоченности и наличию включений раковин и обрывков растительности. Установлено семь рецептов формовочной массы, включая три несмешанных и четыре смешанных. Полое тело изготавливалось преимущественно при помощи лоскутов, на двух изделиях выявлены признаки ленточного налепа. Поверхности посуды обрабатывались при помощи механического заглаживания, определено 13 вариантов комбинирования разных инструментов. Обжиг сосудов мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде.

Сосуды из погребения были изготовлены из схожего пластичного сырья (подвид 2), по одинаковому рецепту формовочной массы (глина + шамот). Похожи они между собой и по форме, оба имеют поддон. Указанные сходства в технологии изготовления посуды и морфологии позволяют предположить, что оба изделия могли быть изготовлены одним мастером для помещения в погребальную камеру.

Ранее были проведены технико-технологические исследования керамики сургутского варианта кулайской КИО на других памятниках Барсовой Горы, таких как: городища Бг I/4, I/5, I/7, I/32, III/6, селище Барсова Гора III/2 [Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021; Селин, Чемякин, 2021; Селин, Чемякин, 2022а; 2022б; Селин, Чемякин, в печати]. На всех памятниках керамика проанализирована по единой методике, что дает возможность корректно сопоставить результаты.

Гончарные традиции мастеров городища Бг I/20 вписываются в общие традиции, характерные для гончарного производства носителей сургутского варианта кулайской КИО Барсовой Горы. Это проявляется в схожести используемого исходного пластичного сырья, ассортименте искусственных примесей и рецептов формовочных масс, вариативности в обработке поверхностей и наличии специфической обработки внутренней поверхности заглаживанием зубчатым орудием перехода от венчика к тулову. При этом выделяется тот факт, что на Бг I/20 определено семь рецептов формовочных масс. Это указывает на смешанность гончарных традиций мастеров, проживавших на этом городище. Кроме того, на Бг I/20 установлены сосуды, изготовленные по несмешанному рецепту, глина + песок, что не характерно для посуды сургутского варианта кулайской КИО. Возможно, традиция добавки песка может быть связана с более восточными кулайскими группами в бассейне р. Аган (селища Нёхурий 4.1 и Нёхурий 3.2; руково-

дитель работ К.Г. Карачаров), для которых эта примесь типична, или являться результатом смешения с более ранней гончарной традицией.

Из всех проанализированных ранее памятников сургутского варианта кулайской КИО наибольшее сходство Бг I/20 обнаруживает с Бг I/5 [Селин, Чемякин, 2022б]. Для керамики обоих городищ характерно разнообразие рецептов формовочной массы (семь и девять соответственно), использование песка как искусственной примеси, наличие сосудов, изготовленных при помощи ленточного налепа. Возможно, посуда обоих городищ отражает процессы взаимодействия и смешения на этих городищ населения с разными гончарными традициями, связанными с другими локальными вариантами кулайской КИО, или свидетельствует о влиянии более ранних гончарных традиций предшествующих культур, известных на Барсовой Горе.

Продолжение комплексного технико-технологического анализа керамики эпохи палеометалла Сургутского Приобья позволит реконструировать гончарную технологию населения, определить особенности ее происхождения и развития, даст возможность выявить локальные особенности и создаст источниковую базу для реконструкции историко-культурных процессов, происходивших на этой территории в анализируемый период.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Бельтикова Г.В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 24–27.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад в Сургутском Приобье // РА. – 2017. – № 4. – С. 124–141.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Раскопки городищ Барсов Городок 1/3 и 1/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО АН СССР, 1989 – С. 136–139.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии: эл. ресурс. – Самара, 2020. – URL: http://archsamara.ru/katalog (дата обращения: 26.04.2022).

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Керамика населения кулайской культуры (сургутский вариант) селища Барсова гора III/2: технология и традиции // Вестн. археологии, антропологии и этнографии – 2022а. – № 2. – С. 44–57. – doi: 10.20874/2071-0437-2022-57-2-4

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 5: Археология и этнография. – С. 116–128. – doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2022б. – Т. 21. – № 5: Археология и этнография. – С. 71–88. – doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-5- 71-88

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технология керамического производства населения кулайской культурно-исторической общности (сургутский вариант) городища Барсов городок I/4 // РА (в печати).

Селин Д.В., Чемякин Ю.П., Мыльникова Л.Н. Керамика городища эпохи раннего железа Барсов городок III/6 в Сургутском Приобье: Технико-технологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 2. – С. 72–84. – doi: 10.17746/1563-0102.2021.49.2.072-083

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2017. – 346 с.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность – Сургут; Омск: Ом. дом печати, 2008. – 224 с.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: Ом. дом печати, 2004. – 208 с.

References

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istorikokul’turnogo izucheniya. In *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow, Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Bel'tikova G.V. Pogrebenie kulaiskoi kul'tury na gorodishche Barsov gorodok I/20. In *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya.* Ekaterinburg-Surgut: Ural Publ., 2008. P. 24–27. (In Russ.).

Bel'tikova G.V., Borzunov V.A. A unique kulayka hoard in the Surgut Ob area. *Russian archaeology*, 2017. N 4. P. 124–141. (In Russ.).

Borzunov V.A., Bel'tikova G.V. Raskopki gorodishh Barsov Gorodok 1/3 i 1/20. In *Arheologicheskie otkrytija Urala i Povolzh'ja*. Syktyvkar: Komi NC UrB AS USSR Publ., 1989. P. 136–139. (In Russ.).

Chemyakin Yu.P. Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut, Omsk: Omskii dom pechati Publ., 2008. 224 p. (In Russ.).

Chemyakin Yu.P., Zykov A.P. Barsova Gora: arkheologicheskaya karta. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati Publ., 2004. 208 p. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Technological Traditions in Pottery of the Kulay Cultural-Historical Community on Barsova Gora (Based on the Materials of the Sites Barsov Gorodok I/5 and I/7). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022b. Vol. 21 N 5: Archaeology and Ethnography. P. 71–88. (In Russ.). doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Features of Ceramics of the Kulai Culture (Surgut Variant) of the Barsov gorodok I/32 Site (Surgut-Ob Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20. N 5: Archaeology and Ethnography. P. 116–128. (In Russ.). doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Pottery from the Barsov Gorodok III/6 Early Iron Age Fortifi ed Settlement in the Surgut Stretch of the Ob: A Technological Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021. N 2. P. 72–83. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Pottery of the population of the Kulayka Culture (Surgut variant) in the settlement of Barsova Gora III/2: technology and traditions. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2022a. N 2. P. 44–57. (In Russ.) doi: 10.20874/2071-0437-2022-57-2-4

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Technology of pottery production of the kulayka cultural and historical community population (surgut version) of the Barsov gorodok I/4 fortified settlement. *Russian archaeology*. (In press).

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istorikokul'turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS Publ., 2012. 379 p. (In Russ.).

Tsetlin Yu.B. Keramika. Ponyatiya i terminy istorikokul'turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS Publ, 2017. 346 p. (In Russ.).

Vasil'eva I.N., Salugina N.P. Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (Elektronnyy resurs). Samara, 2020. URL: http://archsamara.ru/katalog. (In Russ.).

Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0714-0720
УДК 902.2

Н.Н. Серегин[1]✉, Н.Ф. Степанова[1, 2]

[1]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Погребение эпохи Тюркских каганатов с набором китайских монет: к хронологии объектов некрополя Горный-10 (Северный Алтай)

Статья посвящена введению в научный оборот и хронологической интерпретации материалов раскопок мог. 18 некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском р-не Алтайского края, исследовался в 2000–2003 гг. и в настоящее время может рассматриваться как базовый комплекс для изучения различных аспектов истории населения юга Западной Сибири начала раннего Средневековья. Публикуемый объект представляет собой сильно разрушенное захоронение взрослой женщины с довольно представительным инвентарем, включавшим главным образом украшения и элементы костюма. Наиболее показательной частью предметного комплекса являются пять китайских монет. Они относятся к четырем типам изделий, выпуск которых осуществлялся в различное время на протяжении нескольких столетий. При этом наряду с довольно часто встречающимися экземплярами зафиксирована монета чан-пин у-чжу, аналогии которой в памятниках Северной и Центральной Азии единичны. Установлено, что для датировки мог. 18 ключевое значение имеет обнаружение монеты кай-юань тун-бао, определяющей «terminus post quem» данного объекта. Рассматриваемая находка, судя по зафиксированным характеристикам, датируется не ранее 627 г. С учетом времени появления монеты на территории Лесостепного Алтая, захоронение в мог. 18 было совершено, наиболее вероятно, после 630-х гг. При этом анализ предметного комплекса позволяет ограничить верхнюю дату данного объекта концом VII – началом VIII в. Установленное время сооружения мог. 18, локализованной на южной периферии некрополя Горный-10, показывает ориентировочный период освоения этой части комплекса и демонстрирует возможности дальнейшей работы по детализации хронологии всего памятника.

Ключевые слова: *Лесостепной Алтай, раннее Средневековье, китайские монеты, погребение, хронология, предметный комплекс.*

N.N. Seregin[1]✉, N.F. Stepanova[1, 2]

[1]Altai State University
Barnaul, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Burial of the Turkic Khaganates Period with a Set of Chinese Coins: On the Chronology of Objects at the Gorny-10 Necropolis (the Northern Altai)

The article publishes the evidence from excavation of grave 18 of the Gorny-10 necropolis and gives its chronological interpretation. This site, located in Krasnogorsk District of the Altai Krai, was researched in 2000–2003, and presently can be considered a basic complex for studying various aspects of history of the population living in Southwestern Siberia in the Early Middle Ages. This object is a heavily destroyed burial of an adult woman with a fairly representative inventory, which included mainly jewelry and elements of outfit. The most important part of material complex is five Chinese coins. They belong to four types which were minted at different times over several centuries. Along with fairly common specimens, a chang-

pin u-zhu coin was discovered; its analogies occur rarely at the sites of North and Central Asia. It has been established that the discovery of the kai-yuan tong-bao coin which defines the terminus post quem for this object, is of key importance for dating grave 18. This find, judging by its features, dates back to a period of not earlier than 627. Taking into account the time needed for the coin to reach the forest-steppe Altai, the burial in grave 18 was most likely made after the 630s. The analysis of the material complex has made it possible to limit the upper date of this object to the late 7th – early 8th century. The time when grave 18, located on the southern periphery of the Gorny-10 necropolis, was made, shows the approximate period of development in this part of the complex and demonstrates the opportunities for clarifying chronology at the entire site.

Keywords: *forest-steppe Altai, Early Middle Ages, Chinese coins, burial, chronology, inventory.*

Введение

Одной из ключевых задач раннесредневековой археологии юга Западной Сибири и сопредельных территорий остается разработка детальной хронологии памятников. Важным фактором, осложняющим исследования в этом направлении, наряду с фрагментарностью опыта радиоуглеродного датирования материалов из объектов данного периода, является исключительная редкость полноценных хроноиндикаторов из раскопанных захоронений, т.е. предметов, имеющих достоверно установленную начальную дату их изготовления, обнаружение которых надежно маркирует «terminus post quem» закрытых археологических комплексов. Обычно к ним относятся импортные изделия (монеты, зеркала, шелковые ткани и др.). Особое значение в этом плане имеют нумизматические находки, для которых возможно определение даты выпуска и ориентировочного периода использования.

Довольно широкие возможности для детализации различных аспектов хронологической интерпретации объектов начала раннего Средневековья предоставляют материалы раскопок некрополя Горный-10. Даже отдельные разрушенные погребения данного памятника оказались информативны для установления времени их сооружения, а также решения вопросов датировки всего некрополя. Примером такой ситуации выступает мог. 18 обозначенного комплекса, отличительной особенностью которой, несмотря на высокую степень разрушенности, является присутствие довольно показательной серии предметов, наиболее важную часть которой составляет набор китайских монет.

Характеристика результатов раскопок

Могильник Горный-10 расположен на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к ЗСЗ от устья р. Карагуж, в 0,6 км к СЗ от пос. Горный Красногорского р-на Алтайского края (рис. 1, *1*). Сведения о наличии памятника появились еще в 1960-е гг., а в 1970 г. отдельные находки из погребений некрополя, разрушенных силосными ямами и скотомогильником, поступили в Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки. В 2000–2003 гг. на площади данного комплекса экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой раскопаны 75 погребений. Материалы могильника Горный-10, на сегодняшний день являющегося одним из базовых памятников юга Западной Сибири начала раннего Средневековья, опубликованы лишь частично [Абдулганеев, 2001; Серегин, Степанова, 2021; Серегин, Тишин, Степанова, 2021; и др.]. В том числе поэтому вопросы датировки данного памятника, важные для хронологической интерпретации других объектов рассматриваемого региона и сопредельных территорий эпохи Тюркских каганатов, остаются открытыми.

Могила 18 была среди объектов, сильно разрушенных силосной ямой и раскопанных в первый год исследований (рис. 1, *2*, *3*). Данный объект маркирует южную границу изученной части некрополя Горный-10. Захоронение, прослеженное с глубины 0,27 м, практически полностью уничтожено; сохранился лишь его северо-восточный край, размеры которого составили 0,4 × 0,7 м. В этой части погребения, на глубине 0,31 м найдены обломки черепа человека, на которых зафиксированы нашитые на ткань бронзовые бляшки и три пастовые бусины. Ниже уровня дна могилы, в современном перекопе, в 0,4 м к югу от черепа обнаружены фрагменты длинных костей и ребер человека, а также бронзовый перстень, шесть пастовых бусин, куски ткани и фрагменты бронзовых бляшек. Еще южнее, на глубине 0,8 м в перекопе зафиксированы отдельные фрагменты костей умершего, а также комплекс бронзовых изделий: пять китайских монет, две ажурные лапчатые пластины и перстень. В отвале котлована ямы, рядом с мог. 18 найдена бронзовая серьга с каменной бусиной-подвеской, пастовые бусы и фрагменты бронзовых бляшек.

Судя по зафиксированной ситуации, раскопанный объект представлял собой одиночное погребение человека, ориентированного головой в северо-западный сектор горизонта. В могиле находилась женщина, возраст которой, в силу плохой сохранности антропологических материалов, установлен в широких границах 35–55 лет (определения канд. ист. наук С.С. Тур). Несмотря на значительную сте-

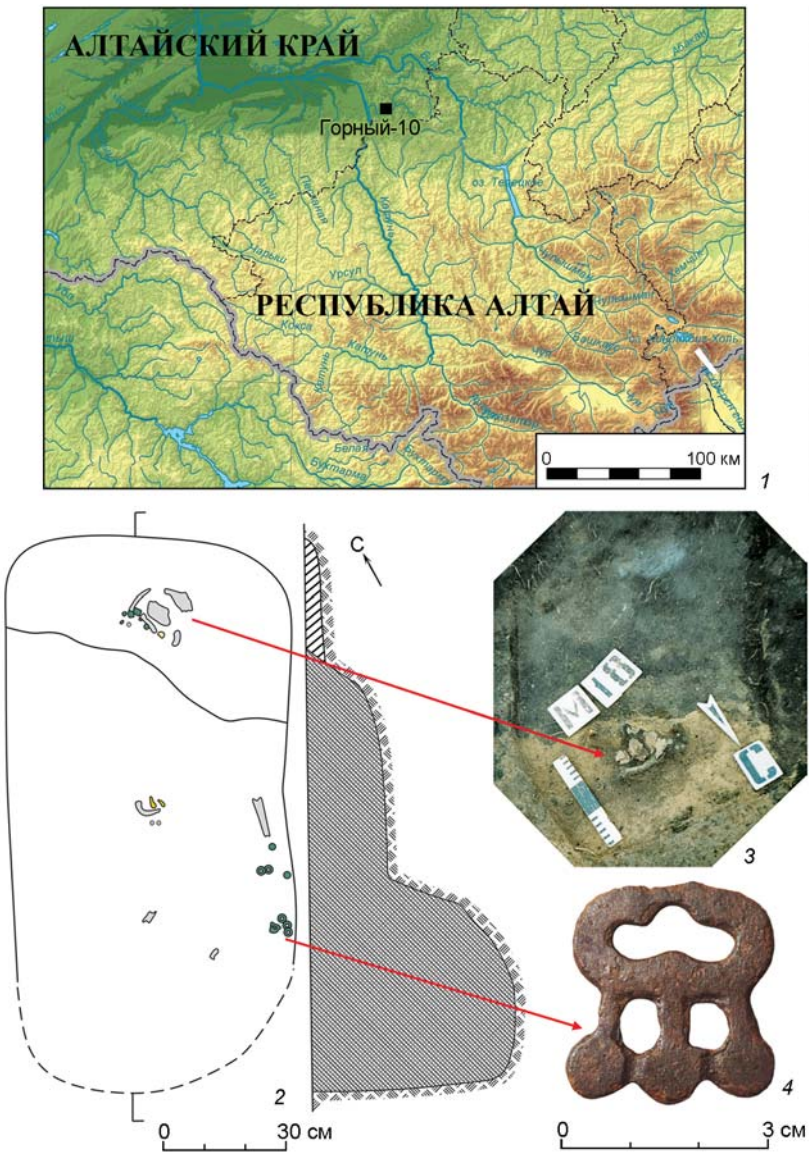


Рис. 1. Горный-10.

1 – место расположения некрополя; *2* – план и разрез мог. 18; *3* – фото фрагмента разрушенного захоронения; *4* – ажурная лапчатая пластина из могилы.

пень разрушенности захоронения, в ходе раскопок зафиксирован показательный сопроводительный инвентарь (рис. 1, *4*; 2), включавший несколько весьма редких изделий, в том числе находки, важные для установления времени сооружения объекта.

Анализ сопроводительного инвентаря

В состав обнаруженного предметного комплекса входили, главным образом, украшения и элементы костюма. Представим краткую характеристику выявленных изделий с акцентом на возможности их хронологической интерпретации.

Весьма редкими находками являются бронзовые ажурные лапчатые пластины с общим прямоугольным контуром (рис. 2, *1*, *2*). Единственная известная нам полная аналогия такому изделию из памятников, расположенных на сопредельных территориях, происходит из комплекса Релка в Томском Приобье [Чиндина, 1991, рис. 29, *13*], большая часть объектов которого датируется в рамках второй половины VI–VII в. н.э. Судя по особенностям расположения схожего, но не идентичного, изделия, зафиксированного в мог. 4 некрополя Горный-10 [Абдулганеев, 2001, рис. 1, *9*], такие предметы использовались в качестве нагрудного украшения костюма.

Из могилы 18 происходят два бронзовых перстня с разным оформлением щитков (рис. 2, *3*, *4*). Такие изделия весьма редко находят в памятниках эпохи Тюркских каганатов на юге Западной Сибири (за исключением коллекции из некрополя Горный-10, нам известны только предметы из неопубликованных материалов комплекса Чумыш-Перекат) и в соседних регионах [Чиндина, 1991, рис. 32, *33*; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 15, *7*], однако они получили довольно широкое распространение в раннесредневековых объектах Прикамья [Голдина, 1985, табл. II; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXIII; и др.]. Другим нательным украшением из публикуемого захоронения является серьга с несомкнутым кольцом, выступом в нижней части и длинной подвеской из камня (рис. 2, *5*). Подобные изделия, отличающиеся некоторыми нюансами в оформлении, происходят из объектов раннего Средневековья на сопредельных территориях [Бараба…, 1988, рис. 39, *3, 6*; Чиндина, 1991, рис. 32, *6*, *7*; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16, *14*; и др.]. Широкий круг аналогий в памятниках различных хронологических периодов имеют пастовые бусы (рис. 2, *6*), полноценная характеристика которых требует проведения отдельного исследования.

Отдельную группу находок из мог. 18 составляют бронзовые изделия, связанные с оформлением различных элементов одежды. С точки зрения хронологии показательными являются бляхи-на-

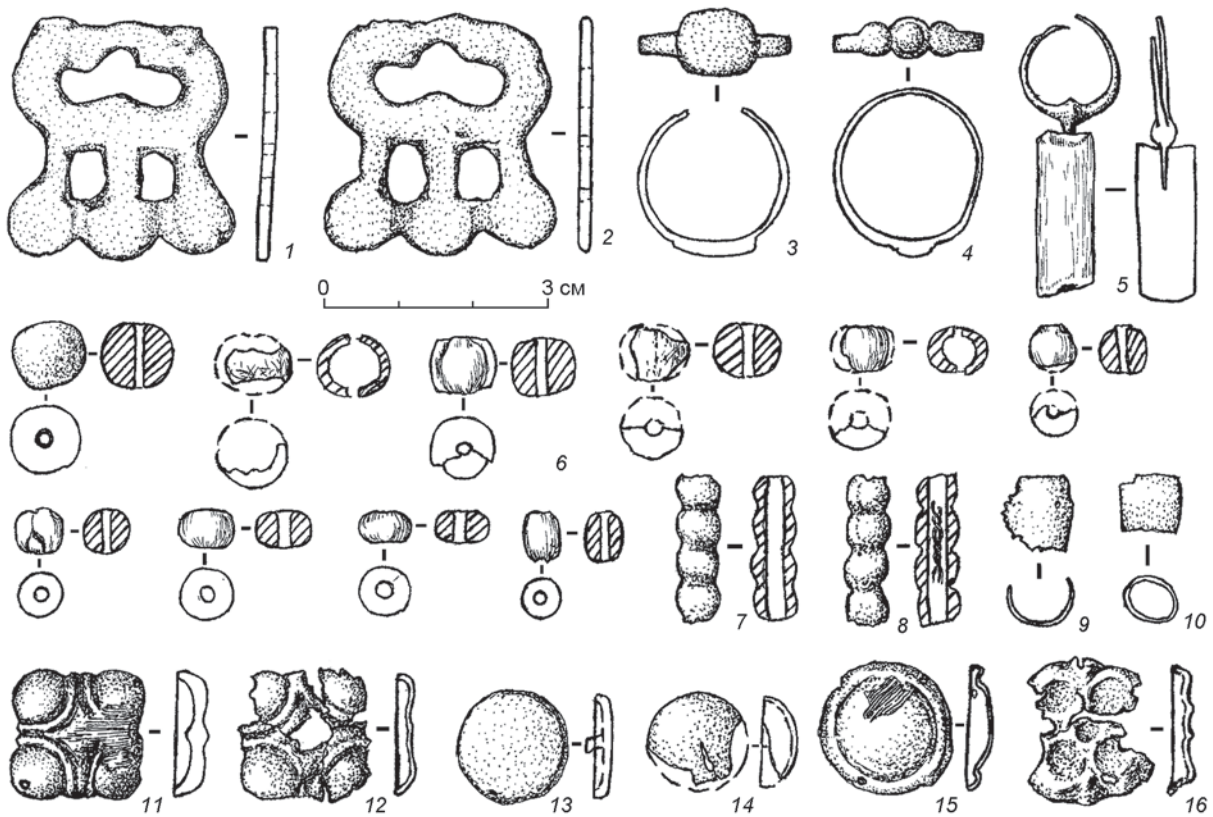


Рис. 2. Горный-10, мог. 18. Украшения и элементы костюма.
1–4, 7–16 – цветной металл; *5* – цветной металл, камень; *6* – паста.

шивки четырехлепестковой формы с ромбическим делением центральной части (рис. 2, *11*, *12*). Схожие изделия происходят из памятников второй половины VI–VII в., исследованных на сопредельных территориях [Гаврилова, 1965, табл. XX, *34*, XXIV, *5*; Чиндина, 1991, рис. 29, *1*; Илюшин, 1999, рис. 69, *12*; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26, *23*; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 17, *16*; и др.]. Из объектов этого же периода происходят круглые бляхи-накладки со шпеньком [Горбунов, Рудометов, 2003, рис. 1, *20*; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXI, *18–22*; Чиндина, 1991, рис. 29, *5*; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26, *17*, *30*; Илюшин, 1999, рис. 61, *6–7*; 63, *37–39*; и др.], подобные одной из публикуемых находок (рис. 2, *13*). Схожий круг аналогий в памятниках VI–VIII вв. н.э. имеют бронзовые пронизки и округлые сферические нашивные бляхи с различными нюансами в оформлении (рис. 2, *7–10*, *14–16*) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 68, *12–14*; 74, *12*; Голдина, 1985, табл. XLVIII, *3*; Чиндина, 1991, рис. 29, *12*; 32, *25*; Илюшин, 1999, рис. 27, *12–19*; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. XI, *3*; и др.].

Наиболее надежными хронологическими маркерами обнаруженного предметного комплекса являются китайские монеты (рис. 3). Подробный анализ всей коллекции нумизматических находок, зафиксированных в ходе раскопок погребений некрополя Горный-10, представлен в отдельных статьях [Серегин, Тишин, Степанова, 2021; 2022]. Поэтому далее обозначим лишь ключевые характеристики китайских монет из мог. 18, важные для установления датировки объекта.

Самые ранние китайские монеты из публикуемого комплекса представлены экземплярами *у-чжу*. Судя по ряду признаков (тонкий внешний ободок, толстый штрих надписи, особенности начертания иероглифов), первая из рассматриваемых находок (рис. 3, *1*) относится к изделиям, которые отливал Лю Сюань 劉玄, правитель Хуай-ян 淮陽, он же Гэн-ши-ди 更始帝 (23–25 гг. н.э.) Западной Хань, во второй год своего правления (24 г. н.э.) [Thierry, 1989, p. 231, 237–238]. Вторая монета (рис. 3, *2*) отличается от нее по ряду характеристик и может быть уверенно включена в хорошо известную группу экземпляров *у-чжу* образца империи Суй, производство которых началось в эру правления *кай-хуан* 开皇 (581–600) и продолжалось вплоть до 621 г.

К гораздо более редким за пределами Китая находкам относятся две монеты *чан-пин у-чжу* (рис. 3, *3*, *4*). Такие изделия выпускались в царстве Северное Ци, начиная с 4-го года эры правления *тянь-бао* 天保 (553 г.) [Peng Xinwei, 1994, p. 194, 200, pl. XXXVIII, fig. 10]. Судя по имеющимся све-

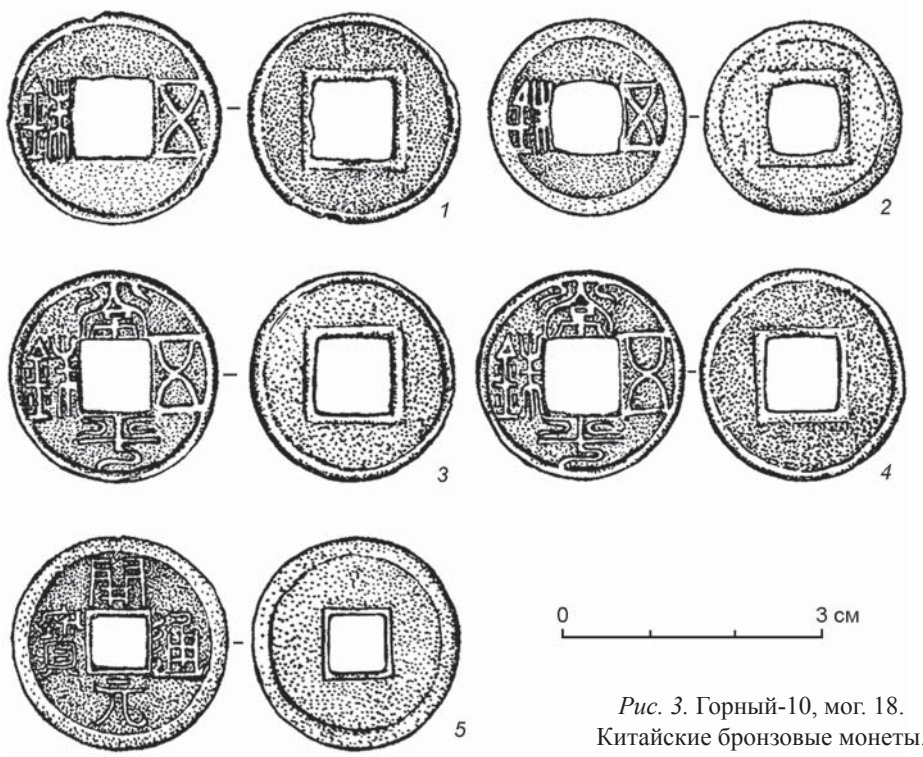


Рис. 3. Горный-10, мог. 18.
Китайские бронзовые монеты.

дениям, их обращение было запрещено в 585 г. [Материалы…, 1980, с. 119].

Пятая монета из мог. 18 представлена экземпляром *кай-юань тун-бао* (рис. 3, *5*). По совокупности характеристик (прежде всего, немного трапециевидная форма иероглифа *кай* 開, расположение и длина его внутренних вертикальных линий (элемент *цзин* 井), не касающихся обода внутреннего отверстия; средняя длина первой линии иероглифа *юань* 元 и форма изгиба его правой ноги, не образующей крюк; полукруглые очертания верхнего элемента иероглифа *тун* 通, формы его трех точек слева, небольшой крючок на конце его горизонтального основания; закругленные ступни иероглифа *бао* 寶) рассматриваемая находка может быть отнесена к типу I B (по Ф. Тьерри) [1991, p. 220, № 5–16, p. 221]. Производство таких изделий в целом соотносится с периодом 621–718 гг. Судя по имеющимся данным, изготовление экземпляров такого типа осуществлялось в период правления императора Тай-цзуна (626–649) [Jen, 2000, p. 300, № 5; Thierry, 1991, p. 238 ff.].

Таким образом, в ходе раскопок мог. 18 некрополя Горный-10 обнаружены четыре типа монет, выпуск которых осуществлялся в различное время на протяжении нескольких столетий. Отметим, что данное погребение характеризуется наибольшим разнообразием нумизматических находок китайского происхождения из известных объектов Северной и Центральной Азии начала раннего Средневековья. Кроме того, наряду с довольно часто встречающимися изделиями в могиле зафиксирован экземпляр *чан-пин у-чжу*, аналогии которому в рассматриваемом регионе единичны, и еще более редко они встречены в закрытых комплексах [Илюшин, 1999, рис. 18, *13*; Масумото, 2001, с. 49; Леус, 2018, рис. 1].

Очевидно, что для датировки мог. 18 ключевое значение имеет обнаружение монеты *кай-юань тун-бао*, определяющей «terminus post quem» данного объекта. Рассматриваемая находка может быть датирована не ранее, по крайней мере, 627 г., но, скорее всего, эта нижняя хронологическая отметка должна падать на более позднюю дату: вряд ли Тай-цзун, пришедший к власти в сентябре 626 г., во время нападения тюрок, сразу стал заниматься выпуском монет. Известно, что экземпляры данного типа обнаружены в гробницах, соотносимых с деятелями династии Тан и относящихся к 635 и 637 гг. [Thierry, 1991, p. 238–239]. С учетом времени появления монеты на территории Лесостепного Алтая, представляется возможным предположить, что захоронение в мог. 18 совершено не ранее 630-х гг. или даже середины VII в. н.э. При этом анализ предметного комплекса позволяет с известной степенью условности ограничить верхнюю дату данного объекта концом VII – началом VIII в. с учетом имеющихся представлений о времени бытования конкретных типов изделий, а также принимая во внимание отсутствие более поздних вещей.

Заключение

Материалы, полученные в ходе раскопок мог. 18, несмотря на высокую степень разрушенности данного объекта, оказались важны не только для изучения отдельных аспектов материальной культуры раннесредневекового населения юга Западной Сибири, но и для уточнения времени сооружения некрополя Горный-10. Ключевым хроноиндикатором сопроводительного инвентаря из захоронения выступает монета *кай-юань тун-бао*, которая не могла попасть к населению Лесостепного Алтая ранее 630–640-х гг. Остальной обнаруженный предметный комплекс характерен для памятников рассматриваемого региона и сопредельных территорий конца VI–VII в. н.э.

Принимая во внимание довольно большое количество захоронений, исследованных на площади памятника Горный-10, имеются основания для предположения о том, что данный некрополь функционировал на протяжении довольно длительного периода. Установленная датировка мог. 18, локализованной на южной периферии памятника, показывает ориентировочное время освоения этой части комплекса. Полученные предварительные выводы имеют большое значение для дальнейшей работы, в рамках которой должна быть осуществлена последовательная корреляция результатов анализа сопроводительного инвентаря из погребений – прежде всего, предметов с более или менее точно установленным периодом бытования и хроноиндикаторов (главным образом, китайских монет) с имеющимися данными радиоуглеродного датирования, которые требуют отдельного рассмотрения и интерпретации.

Благодарности

Культурно-хронологическая и социальная интерпретация публикуемого комплекса осуществлена в рамках реализации проекта РНФ № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование». Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. – С. 128–131.

Бараба в тюркское время / Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Кир А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1985. – 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та. 1990. – 176 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Барнаул. гос. педагог. ун-т, 2003. – Вып. XIII. – С. 52–57.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во Куз. гос. ун-та, 1999. – 160 с.

Леус П.М. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). – СПб.: ИИМК РАН, 2018. – С. 145–148.

Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. – С. 49–52.

Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье (разделы «Ши хо чжи» из династийных историй) / пер. с кит. А.А. Бокщанина, Лин Кюнъи. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – Вып. 2. – С. 88–116.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. – 2021. – № 5. – С. 335–344.

Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. Коллекция китайских монет из погребений раннесредневекового некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – № 3. – С. 103–112.

Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Гор-

ный-10 (Северный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 4. – С. 100–108.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Jen D. Chinese Cash Identification and Price Guide. – Iola: Krause Publ., 2000. – 341 p.

Peng Xinwei. A Monetary History of China (Zhongguo Huobi Shi). – Bellingham: Western Washington Univ., 1994. – XLIX. – 929 p. (East Asian Research Aids and Translations. Vol. 5).

Thierry F. La chronologie des wuzhu, étude, analyse et propositions // Revue Numismatique. Ge sér. – 1989. – T. 31. – P. 223–247.

Thierry F. Typologie et chronologie des kai yuan tong bao des Tang // Revue Numismatique. Ge sér. – 1991. – T. 33. – P. 209–249.

References

Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyi 10 – pamyatnik drevnetyurkskoi epokhi v severnykh predgor'yakh Altaya. In *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii.* Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001. P. 128–131. (In Russ.).

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1983. 244 p. (In Russ.).

Bokshchanin A.A., Kyun"i Lin (ed.). *Materialy po ekonomicheskoi istorii Kitaya v rannee srednevekov'e (razdely «Shi kho chzhi» iz dinastiinykh istorii)*. Moscow: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.).

Chindina L.A. Mogil'nik Relka na Srednei Obi. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1977. 192 p. (In Russ.).

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 146 p. (In Russ.).

Goldina R.D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1985. 280 p. (In Russ.).

Goldina R.D., Vodolago N.V. Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1990. 176 p. (In Russ.).

Gorbunov V.V., Rudometov P.L. Srednevekovye pamyatniki v okrestnostyakh s. Kiprino. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Barnaul State Univ. Press, 2003. Iss. XIII. P. 52–57. (In Russ.).

Ilyushin A.M. Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya. Kemerovo: Kuzbass State Univ. Press, 1999. 160 p. (In Russ.).

Jen D. Chinese Cash Identification and Price Guide. Iola: Krause Publ., 2000. 341 p.

Leus P.M. Moneta «chan pin u shu» 553 goda iz mogil'nika Terezin v Tuve. In *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoi)*. Saint Petersburg: IIMK RAS Publ., 2018. P. 145–148. (In Russ.).

Masumoto T. Kitaiskie monety iz srednevekovykh pogrebenii Zapadnoi Sibiri. In *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001. P. 49–52. (In Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S., Sobolev V.I., Polos'mak N.V., Sidorov E.A., Solov'ev A.I., Borodovskii A.P., Novikov A.V., Kir A.R., Chikisheva T.A., Belanov P.I. Baraba v tyurkskoe vremya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 176 p. (In Russ.).

Peng Xinwei. A Monetary History of China (Zhongguo Huobi Shi). Bellingham: Western Washington University, 1994. XLIX. 929 p. (East Asian Research Aids and Translations. Vol. 5).

Poselyanin A.I., Kirginekov E.N., Tarakanov V.V. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Belyi Yar-II. In *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii*. Novosibirsk: Novisibirsk State Univ. Press, 1999. Iss. 2. P. 88–116. (In Russ.).

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. 424 p. (In Russ.).

Seregin N.N., Stepanova N.F. "Elite" Children's Burial of Turkic Khaganates Period from the Northern Altai. *Stratum Plus*, 2021. N 5. P. 335–344. (In Russ.).

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2022. N 3. P. 103–112. (In Russ.).

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Hephthalite Coin from an Early Medieval Burial at Gorny-10, Northern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. N 4. P. 100–108. (In Russ.).

Thierry F. La chronologie des wuzhu, étude, analyse et propositions. *Revue Numismatique. Ge sér*, 1989. T. 31. P. 223–247.

Thierry F. Typologie et chronologie des kai yuan tong bao des Tang. *Revue Numismatique. Ge sér*, 1991. T. 33. P. 209–249.

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 152 p. (In Russ.).

Серегин Н.Н. https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0721-0728
УДК 903.7

А.И. Соловьев
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Лица на грани (взгляд со стороны)

Самое большее, чего можно достичь при нынешнем состоянии наших знаний, – это выдвижение более или менее правдоподобной гипотезы.

Дж. Фрэзер

В статье рассматриваются статуарные изображения древнетюркского времени, выполненные особым образом, отличным от стандартных приемов средневековых мастеров, использовавших для создания портретной галереи плоскости каменных плит или четырехугольных в сечении стел. В данном случае для размещения портрета выбиралась одна из граней каменного блока. Такой подход позволял достичь особой реалистичности, в том числе выделить профиль. В настоящее время выделяется некоторая галерея таких скульптур, которые встречаются не только не территории Синьцзяна, но и Казахстана, и Российского Алтая. Одной из особенностей облика такой статуарной традиции является попытка изображения пышной растительности на лице – густой бороды и закрученные вверх усов. Обращение к материалам Китая, где в скульптуре и мелкой пластике сильна изобразительная традиция, отражающая палеоэтнографический колорит, в том числе облика населения сопредельных территорий, и существует богатое письменное наследие, позволяющее связать такие изображения с конкретным этносом. Сравнение этих материалов с портретами, выбитыми на ребре четырехугольных каменных стел, позволяет видеть в них вероятные изображения согдийцев. Торговцы и караванщики именно этой группы взяли под контроль экономические связи северокитайских государств с Западным краем, что нашло отражение в многочисленных полихромных образцах танской погребальной пластики, образцы которой и лежат в основе предлагаемой диагностики. Обращение к портретным образцам скульптуры древнетюркского времени, традиционно выполненным на плоскости каменных плит, позволяет и в некоторых из них усмотреть черты согдийского облика. Дальнейший поиск в данном направлении позволит получить новые материалы к палеоэтнографической карте мультикультурных взаимодействий древнего мира.

Ключевые слова: *древнетюркское время, каменная скульптура, подпризматические стелы, глиняная погребальная пластика, метод аппликирования, согдийцы, портрет, Алтай, Синьцзян, Казахстан, Монголия.*

A.I. Solovyev
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Faces on the Edge (Side View)

The most that can be achieved, with the present state of our knowledge is the development of a more or less plausible hypothesis.

James George Frazer

This article discusses statuary images of the Ancient Turkic period, which were made in a special way different from the standard methods of Medieval artisans who used the planes of stone slabs or quadrangular steles to create a portrait gallery. In this case, one of the faces of the stone block was chosen for placing the portrait. This approach made it possible to achieve particular realism, including the emphasis on the profile. At present, a whole gallery of such sculptures has been found not only in Xinjiang, but also in Kazakhstan and the Russian Altai Mountains. One of specific features of such statuary tradition is an attempt to depict lush facial hair with thick beard and handlebar mustache. Strong pictorial tradition in sculpture

and small plastic arts of China reflects paleoethnographic features in its imagery, including appearance of the population from the adjacent territories. Rich written heritage makes it possible to correlate such images with a specific ethnic group. Comparison of this evidence with portraits carved on the edge of quadrangular stone steles makes it possible to discern the probable images of the Sogdians. Merchants and caravaners from this particular group took control of economic ties between the North Chinese states and Western Territory, which was reflected in numerous polychrome objects of Tang funerary plastic art and gives grounds to our assumption. It is possible to see the Sogdian features in some of portrait sculptures of the Ancient Turkic period, traditionally made on the plane of stone slabs. Further search in this direction will provide new evidence for the paleoethnographic map of multicultural interactions in the ancient world.

Keywords: *Ancient Turkic period, stone sculpture, subprismatic steles, clay funeral plastic art, applique method, Sogdians, portrait, Altai, Xinjiang, Kazakhstan, Mongolia.*

Каменные изваяния, с древних времен разбросанные по просторам Великого Евразийского степного пояса, – практически везде, где присутствуют выходы дикого камня, – ярко определяющие исторический колорит ландшафта, едва ли могут считаться обойденными вниманием исследователей. Число и разнообразие посвященных им публикаций, включающих статьи, монографии и красочные альбомы, если и уступает гончарно- и оружиеведческим трудам, то совсем немного. Яркие, заметные предметы нашли свое место в трудах Л.А. Евтюховой, В.И. Молодина, В.В. Волкова, Д.Г. Савинова, Н.Л. Членовой, Я.А. Шера, А.Д. Грача, Л.Р. Кызласова, С.А. Плетневой, Ю.С. Худякова, Ю.А. Плотникова, В.Д. и Г.В. Кубаревых, В.С. Ольховского, А.Д. Цыбиктарова, Л.Н. Ермоленко и др. В них поставлены и разрешены проблемы хронологии; интерпретированы выбитые на поверхности камня реалии; подняты проблемы сакрально-функционального плана; составлены классификации, в том числе по степени полноты воспроизводимого образа и присущей ему атрибутики. В целом можно сказать, что трудами когорты отечественных специалистов создана прочная научная база, необходимая для дальнейших работ в сфере изучения каменных изваяний. На фоне итогов капитальных работ монографического плана по изваяниям Семиречья, Алтая, Тувы, Монголии в трудах отечественных исследователей, районы Восточного Туркестана до самого недавнего времени выглядели как *terra incognita*. Следует признать, что произведения средневековых номадов находятся на глубокой периферии научных интересов китайских специалистов и лишний раз не демонстрируются. Правда, отечественные исследователи постепенно получают возможность непосредственного знакомства с интересующими их объектами каменной пластики. И это оказывается крайне важным фактором для реконструкции исторического прошлого кочевого населения Северной и Центральной Азии.

В 1990 г. по результатам работ экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь» Ю.С. Худяковым были введены в научный оборот 6 каменных изваяний. По степени детализации образа они были разделены исследователем на пять типов [1998]. Через 10 лет он вернулся к этой теме в совместной с К.Ш. Табалдиевым работе, посвященной древним тюркам на Тянь-Шане [2009, рис. 107, *1–3*; 108, *1–3, 5*], дополнив прежние материалы прорисовкой фигур с тыла. В обеих публикациях при всем сходстве иллюстраций заметны различия деталировки, особенно у статуи бородача из Чунчанбяньнюй, облик которой отличен от привычного стандарта древнетюркской скульптуры.

В первой версии изделие отнесено к типу «с сосудом в обеих руках» [Худяков, 1998, с. 218, рис. 1, *5*], во второй емкость осталась в правой руке, а левая исчезла, как и вертикальные линии на корпусе [Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 108, *5*], которыми по данным Ван Бо и Ван Лишаня, упоминаемым автором, обозначался посох [Худяков, 1998, с. 218]. Причиной расхождения в иллюстративном материале явились, скорее всего, непроработанные участки фотографии в китайской публикации, которой пользовался исследователь. По вопросу о месте происхождения данной скульптуры, как отметил Ю.С. Худяков, в китайских источниках нет единого мнения; разнится и описание объектов, что привело его к предположению, что речь может идти о разных изделиях [Там же].

В 2013 г. нам довелось посетить небольшой уездный городок Алтай – центр одноименного административного округа, и ознакомиться с серией каменных изваяний, среди которых оказалась, похоже, и упомянутая статуя. Место ее происхождения, правда, отмечено как Цзяоати (Алтай). Надо сказать, что при «живом» осмотре она производит иное впечатление, что было ожидаемо. Сосуд оказался только в правой руке каменного персонажа. Пальцы левой охватывают рельефный посох с круглым набалдашником. На голове пышная шевелюра с зачесанными назад волосами и нет «округлого головного убора». К физиономическим чертам каменной парсуны мы еще вернемся, а пока сдвинем наше внимание в сторону некоторых принципиальных технических аспектов формовки образа.

Не секрет, что первой стадией создания будущей фигуры является выбор сырья. Важным критери-

ем служат форма и параметры заготовки, которые должны соответствовать задуманному облику изделия и упростить труд мастера, а следовательно, примерно соответствовать антропометрии человеческой фигуры. В первом, и самом редком случае, это могли быть вытянутые овальные валуны; во втором – призматические, стелообразные камни подпрямоугольного сечения; в третьем – аналогичные камни, но подквадратные в плане; в четвертом – плоские плиты. Исходя из особенностей материала, в конечном итоге из-под рук мастера могли выйти округлые детализированные изваяния, выполненные в полурельефе, близкие к обводам человеческого тела, либо более угловатые изделия, сохранившие исходное подчетырехугольное сечение. И те и другие предполагали возможность кругового обзора и, судя по всему, раскраску. Во втором случае – уплощенные двусторонние рельефные скульптуры тоже, вероятно, с раскраской. В третьем, получались плоские односторонние изваяния на плитах или подпризматических стелах. Замыкают ряд самые простые, антропоморфные фигуры, выполненные, как правило, на плоских плитах, на боковых сторонах которых сделаны углубления, обозначающие шею и моделирующие голову и, в конечном итоге, драпированные одеждой. В этой условной схеме мы намеренно исключаем из числа типологических характеристик такие значимые для последующего восприятия моменты, как полнота изображения и степень рельефной проработки самого портрета. Во всех этих случаях для его создания мастер выбирал одну из приглянувшихся ему плоскостей. Такой подход один из самых простых, логичных и базовых принципов создания древнетюркской скульптуры. Но наряду с ним можно выявить еще один, резко отличный, прием создания образа, за которым, похоже, скрываются культурообразующие моменты.

Речь идет об особой категории изваяний, в основе которой лежит целенаправленный выбор стелообразного подквадратного в плане сырья. В целом такой каменный блок может мало отличаться от глыбы, использованной для изготовления прочих изваяний. Радикальное же различие заключается в том, что для формовки фронтальной части скульптуры выбиралась не плоскость, а одно из ребер-граней. Такой прием придавал особый рельеф и выразительность конечному результату, позволяя, хотя и слабо, выделять профиль лица.

Яркий образец такого приема дает упомянутая каменная баба из Цзяоати в музее г. Алтай. (рис. 1, *1*), которая демонстрирует очень рельефные реалистичные формы лица и туловища. Но это далеко не уникальный случай. Скульптурные материалы позволяют выделить некоторую серию изделий, выполненных на гранях подпризматических стел. Полноценное изваяние с аналогичным принципом компоновки происходит из окрестностей г. Бурчун Синьцзян-Уйгурского автономного округа. Скульптура изрядно пострадала – у нее повреждена правая часть лица и корпуса. Насколько можно судить, фигура держала в обеих руках сосуд (рис. 1, *3*). Еще одно изваяние с нарушенной целостностью головы выставлено в провинциальном парке-музее каменных скульптур, собранных во время строительства дороги в заповедник Канас, в селе близ оного (рис. 1, *6*). Две стелы с портретами на гранях происходят с территории Российского Алтая из Кош-Агачского и Онгудайского р-нов (рис. 1, *5, 7, 8*) [Кубарев, Кубарев, 2013, рис. 8, 24]. Известны они в Туве в долине Ак-Карасуг-Аксы-Шöль [Грач, 1961, рис. 64, 65, с. 38]; в степях Казахстана – близ зимовки Шонтак (рис. 1, *4*) и на перевале Кенасу (рис. 1, *2*). Очевидно, к этой же категории можно отнести фигуры, обнаруженные у горы Кызыл-Адыр [Курманкулов, Ермоленко, 2014, рис. 91, 128, 95] и урочище Борили (рис. 1, *9*). У последней опять-таки сильно пострадала отколотая от туловища голова. Разбитое лицо сохранило лишь слабые очертания носа и широких усов [Ермоленко, Соловьев, Курманкулов, 2016]. Однако, судя по основанию скульптуры, сохранившей заметный участок необработанного материала, фронтальная поверхность изваяния формировалась со стороны одной из граней.

Таким образом, намечается целая галерея изделий выполненных по одному формовочному принципу – на ребре-грани подпризматических каменных блоков. С точки зрения общей типологической схемы изваяний можно говорить о существовании в ней практически всех разновидностей скульптуры, исключая разве что полярные позиции – полноростовую детализированную фигуру с обозначением ног и самую простую антропоморфную версию без каких либо портретных характеристик. Что касается первой, она, вообще, достаточно редка в изобразительной традиции Северной и Центральной Азии. Возможно, по весьма прозаической причине. Судя по положению ног, такие скульптуры передают образ сидящего человека, а этого эффекта можно было достичь с меньшими затратами. Например, методом аппликирования, который был, судя по ряду данных, широко распространен в обрядовой практике как средневекового тюркоязычного населения степей [Ермоленко, 2007, с. 127, 128], территории Китая, так и отдаленного от кочевых «империй» таежного мира, где он сохранился до этнографической современности. В частности, посредством установки столика с подношениями у подножия закопанной в землю каменной бабы. И тогда довольно пропорциональные фигуры, у ко-

Рис. 1. Скульптурные изваяния с лицами на грани.

1 – Цзяоати; *2* – перевал Кенасу; *3* – окрестности г. Бурчун; *4* – зимовка Шонтак; *5* – Курайская степь; *6* – заповедник Канас; *7*, *8* – Онгудай; *9* – урочище Борили. *1*, *3*, *6* – Синьцзян. *2*, *4*, *9* – Казахстан (по: [Курманкулов, Ермоленко, 2014, рис. 91, 95, 128; Ермоленко, Соловьев, Курманкулов, 2016, рис. 1]); *5*, *7*, *8* – Горный Алтай (по: [Кубарев В., Кубарев Г., 2013, рис. 8, 24; Кубарев, 1997, с. 113]). *1*, *3*, *6* – экспозиции музеев г. Алтай, Бурчун, заповедника Канас. Фото автора.

торых пояс и свисающее с него оружие, располагаются чуть выше земли, сразу же утрачивают визуальную дисгармонию, превращаясь из вросшего в землю богатыря или его спутницы, в сидящего хозяина церемонии, у которого и пояс, и оружие оказывались в самом естественном положении. Компоновка изваяний такова, что если они держат сосуд двумя руками, то визуальная проекция их на

поверхность столика дает любопытный зрительный эффект. Статуя как будто церемониально берет или, наоборот, в зависимости от момента сакрального действия, ставит сосуд на «праздничную» мебель с явствами. Аналогичным образом выглядит ситуация и в случае с наиболее распространенной композицией – с сосудом с одной руке, – которую можно трактовать как воспроизведение принимающе-передающего или даже застольно-провозглашающего жеста. Высекать же изображение ног у статуарного изделия, тем более на его боковых гранях, так, чтобы они были видны во фронтальной проекции, в этом случае становится излишним. Аналогично, на плоской поверхности простой антропоморфной стелы, облаченной в одежды усопшего, нарисовать лицо проще, нежели сделать это краской на ребре и «щеках» каменного блока, избежав искажений придающих лицу уродливо-комический эффект.

Возникает вопрос, для кого же создавались эти портреты или кого они могли изображать? Для его решения обратимся к району, где изобразительная традиция наиболее развита и отражает этнопоказательные, культурообразующие черты внешности населения сопредельных территорий. И что особенно важно, идентифицируемые благодаря указаниям письменной традиции, – т.е. материалам Китая. Ответ находится сразу, стоит только взглянуть на скульптуру с посохом из музея г. Алтай и танскую терракотовую погребальную пластику, среди которой обычным сюжетом являются многочисленные изображения конных музыкантов, охотников, караванщиков, погонщиков верблюдов, воинов. Их внешность и облачение столь характерны и одновременно отличны от облика жителей поднебесной и представителей кочевых империй, что не требуется особых доказательств для признания их иранской, точнее, согдийской принадлежности. Неповторимый этноколорит этих скульптурных персонажей, помимо одежд, передают широкие пышные бороды, могучие, закрученные вверх усы, густые брови, резкий, выступающий вперед профиль носа, т. е. черты, которые легко усматриваются на каменной скульптуре из Цзяоати (рис. 1, *2*; 2, *4*). Посох в руке, словно музыкальный инструмент, указывает на занятия своего обладателя. Его можно рассматривать как статусный предмет и недвусмысленное указание на связь хозяина с дорогой и странствиями. К такому выводу несложно прийти, если учесть специфику занятий этой этнической группы в Китае, связанной с маршрутами Шелкового пути. В значительной степени благодаря ее деятельности шел интенсивный культурный обмен с местным населением, в который втягивались и представители кочевых народов, с которыми согдийцы также вели

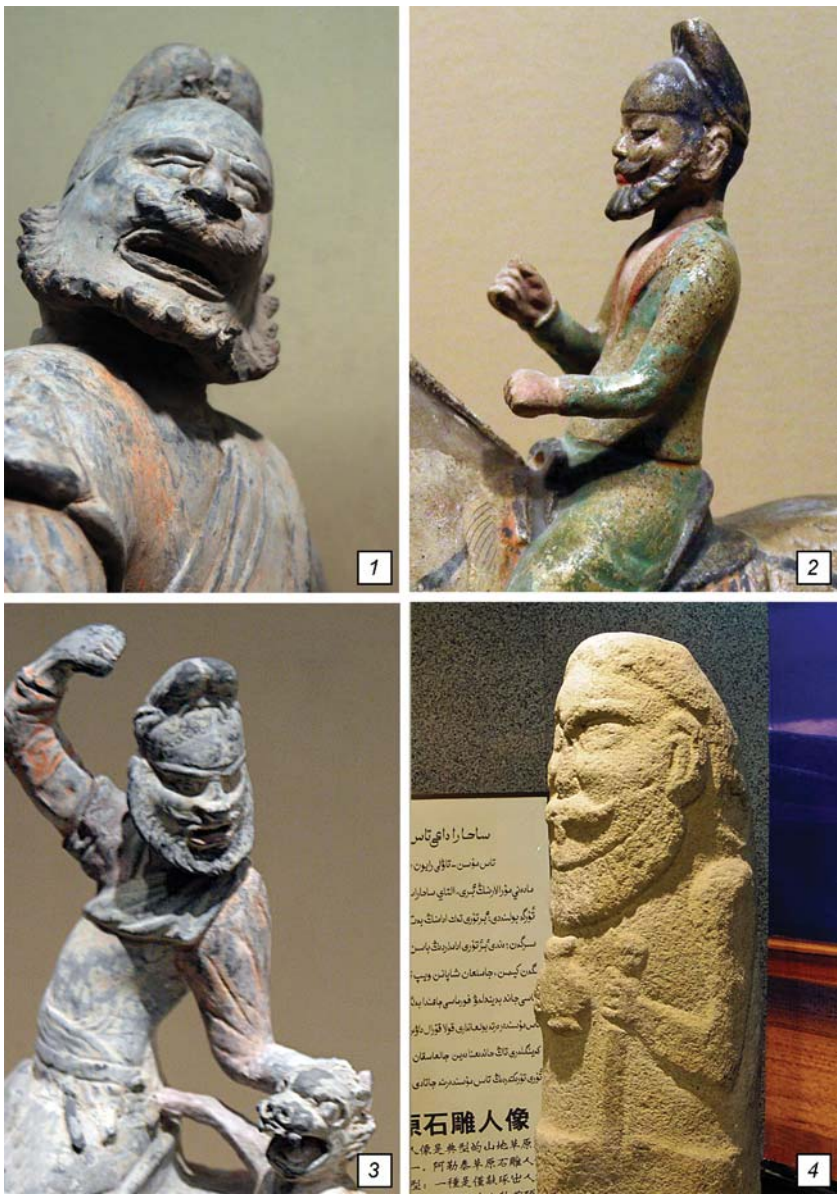


Рис. 2. Скульптура из Цзяоати и изображения согдийцев в танской глиняной пластике.

1–3 – Исторический музей провинции Шэньси г. Сиань (погребение принцессы Юн Тай); *4* – музей г. Алтай. Фото автора.

оживленную торговлю. Торговцы и караванщики именно этой группы взяли под контроль экономические связи северокитайских государств с Западным краем, что ярко отразилось в серии исследованных погребальных комплексов [Кудинова, Комиссаров, Соловьев, 2022], а также многочисленных персоналиях танской глиняной погребальной пластики. Посох или жезл в данном случае может служить дополнительным ключом к восприятию изваянного образа не только как согдийца, возможного проводника караванов, но и указывать на его определенный, не рядовой, статус в местной общине. Отметим, что если обе отсылки к месту происхождения «бородатой» скульптуры (Цзяоати г. Алтай и Чунчанбяньнюй по Ю.С. Худякову) верны, то мы имеем дело уже с парой похожих изваяний на ребре каменного блока.

Нелишне обратить внимание и на гробницы китайских согдийцев, в частности, человека, носившего имя Ань Цзя, предки которого по отцовской линии были, по-видимому, согдийцами из государства Ань, т.е. из Бухары, занимавшего должность *сабао* – чиновника управляющего делами иностранной общины [Там же]. Больший интерес для нас представляют рельефы стенок его погребального ложа, в частности, изображение стоящей фигуры в канонической (принимающе-передающей) позе в нижней части плиты 7 над небольшим складным столиком, сюжетно и композиционно похожей на каменные изваяния у оградок, на территории Саяно-Алтая (рис. 3, *1*). Она высится внутри павильона, «крыша которого украшена изображениями солнца и полумесяца, а опоры и перекладина – орнаментом в виде цепи жемчужин». Последние элементы на рельефе больше всего напоминают торцы бревенчатой конструкции, воспроизведенной резчиком без передней стенки, чтобы зрителю было видно происходящее внутри. Впрочем, в реалии такой навес-павильон мог ее и не иметь. Установленные над поминальными оградками древнетюркского времени без заглубления в землю, подобные конструкции не оставляли археологически фиксируемых следов [Там же], что соответствует реалиям раскопок. Впрочем, смысл изображенной сцены еще предстоит осмыслить.

По мнению А.Н. Бернштама и Я.А. Шера, в массиве древнетюркского статуарного искусства выделяется целый пласт, стилистически объединенный рядом деталей (в частности, спецификой манеры передачи рук и способов держания предметов обихода), связанный с миром согдийской изобразительной школы, сферой буддийского искусства и заимствованием художественных приемов у мастеров Китая, Восточного Туркестана и даже Индии [Бернштам, 1952, с. 81, 144; Шер, 1966, с. 66–69].

Если перенести внимание с технической стороны на стилистический аспект передачи образа на грани, не сложно убедиться, что упомянутые персонажи объединяет изображение широких усов с загнутыми вверх концами, массивного подбородка, в форме которого угадывается попытка передачи абриса солидной бороды. Последняя становится особо заметной в раскраске изваяний, следы которой нам довелось наблюдать на аутентичной скульптуре в парке-музее, заповедника Канас. Все эти черты вместе с особым акцентом на выступающую спинку носа, посредством приема размещения его на грани-ребре, на наш взгляд, вполне соответствуют попыткам передачи согдийского облика.

Вряд ли будет ошибочным считать, что согдийцы, к которым могли примыкать через родственные, деловые и/или религиозные связи представители других этносов (прежде всего, иранцы) с их крепкими торговыми контактами с северокитайскими государствами, имплантированные в среду «северных варваров», могли быть удостоены поминальных комплексов, выполненных, возможно, в знак особого уважения, по нормам своего иноязычного окружения.

Думается, древние тюрки неплохо знали погребальные традиции своих юго-восточных соседей и в немалой степени восприняли зрелищный аспект их культуры. Не исключено, что в ряде случаев они даже использовали чужие мастерство и опыт. И наверное, в совокупности характерных черт «портретов на грани» можно увидеть изображение конкретного народа в особой художественной форме.

Обратимся с этих позиций к стандартным – выполненным на плоскости – образцам древнетюркской скульптуры. Среди них мы тоже обнаружим образцы физиогномических характеристик, близких описанным выше. Например, у изваяния, выполненного на сланцевой плите и происходящего с правобережья р. Коксу (Макажан), обнаруживаются лихо закрученные вверх усы, массивный округлый подбородок, как бы очерчивающий внешний контур большой бороды и конический колпак на макушке (рис. 3, *4,*) [Кубарев, 1997, с. 136]. Все эти черты легко отыскиваются среди китайских образцов глиняной пластики, воспроизводящей облик согдийца (рис. 2, *1–3*; 3, *2*, *5*). Аналогичный головной убор реконструирован Г.В. Кубаревым [2015, рис. 7б] для своеобразного изваяния из Хар-Ямаатын-Гола (Монголия), имеющего такие же усы с закрученными концами, но более скромную, правда, старательно выделенную глубокой штриховкой заостренную бородку (рис. 3, *6*). Хотя она и отличается от привычной лопатообразной формы, ей тоже легко отыскивается аналог в реалиях терракоты (рис. 3, *3*). Интересное изваяние со старательно выгравированной солидной полукруглой бородой

Рис. 3. Изображения согдийцев и каменные изваяния с лицами на плоскости.

1 – плита 7 погребального ложа Ань Цзя; *2*, *3*, *5* – глиняная танская погребальная пластика; *4* – Макажан; *7* – Сал-Кечу; *6* – комплекс на р. Хар-Яма; *8* – музей-заповедник Бурана – Тянь-Шань; *9* – Ак-Карасуг-Аксы-Шöль. *1* – Исторический музей провинции Шэньси г. Сиань; *2* – Шанхайский музей древнего искусства; *3* – Музей г. Сиань; *4*, *7* – Горный Алтай; *6* – Монгольский Алтай; *8* – Тянь-Шань; *9* – Тува. *1*, *2* – фото автора; *3*, *5* – фото М.А. Кудиновой; *4* – фото В.Д. Кубарева; *7* – по: [Кубарев, 1997, с. 146]; *6* – по: [Кубарев, 2015, рис. 7]; *9* – по: [Грач, 1961, рис. 65].

отмечено среди пластики Тянь-Шаня (рис. 3, *8*). Труд, затраченный на воспроизведение волосяного покрова нижней части лица, явно не случаен. Не исключено, что и в этих случаях мы имеем дело с согдийскими прообразами. Хотя, разумеется, все означенные детали можно свети и к особенностям сложения стиля. Все же, думается, при направленном поиске и внимательном отношении к материалу, плеяда таких персонажей может заметно расшириться. В итоге мы получим новые материалы к палеоэтнографической карте мультикультурных взаимодействий древнего мира.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Автор выражает признательность С.А.Комиссарову и М.А. Кудиновой за перевод китайских названий и терминов.

Список литературы

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с.

Грач А.Д. Древне-тюркские изваяния Тувы.– М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961. – 192 с.

Ермоленко Л.Н. Еще раз к вопросу о первоначальном виде каменных кочевниковческих изваяний // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 126–129.

Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И., Курманкулов Ж. К. Древнетюркское изваяние из урочища Борили (Улытау, Центральный Казахстан): предметный комплекс // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 4. – С. 102–113.

Кубарев В.Д, Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 79 с.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая (краткий каталог). – Новосибирск; Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1997. – 183 с.

Кубарев Г.В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) //Вестн. Новосиб гос. ун-та. – 2015. – Т. 4. – Вып. 7. – С. 136 – 150.

Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Эпиграфические и изобразительные материалы из могилы Ань Цзя (предварительное сообщение) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022. – № 6: Нумизматика и эпиграфика (в печати).

Курманкулов Ж., Ермоленко Л. Древности Сарыаки. Каменные изваяния. – Караганды: Credos Ltd, 2014.– 168 с. (на рус., каз. и англ. яз.).

Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: – СПб, 1998. – С. 215–219.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – Л. Наука, 1966. – 138 с.

References

Bernshtam A.N. Istoriko-arheologicheskie ocherki Central'nogo Tjan'-Shanja i Pamiro-Altaja. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1952. 346 p. (In Russ.).

Grach A.D. Drevne-tjurkskie izvajanija Tuvy . Moscow: Izd-vo Vost. lit-ry, 1961. 192 p. (In Russ.).

Ermolenko L.N., Solovyev A.I., Kurmankulov Zh.K. Old Turkic Statue at Borili, Ulytau Hills, Central Kazakhstan: Cultural Realia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2016. N 4. P. 102–113. (In Russ.).

Ermolenko L.N. Eshhe raz k voprosu o pervonachal'nom vide kamennyh kochevnikovcheskih izvajanij . *Kamennaja skul'ptura i melkaja plastika drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii.* Barnaul: Azbuka, 2007. P. 126–129. (In Russ.).

Kurmankulov Zh., Ermolenko L. Drevnosti Saryaki. Kamennye izvajanija. Karagandy: Credos Ltd, 2014. 168 p. (In Russ., Kaz.,Eng.).

Kubarev V.D. Kamennye izvajanija Altaja (kratkij katalog). Novosibirsk; Gorno-Altajsk: Chechek, 1997. 183 p. (In Russ.).

Kubarev V.D, Kubarev G.V. Kamennye izvajanija drevnih tjurok Juzhnoj Sibiri. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. 79 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. A memorial complex of antirnt turkic aristocrat on the Khar-Iamaatyn-Gol (Mongolian Altai). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2015. Vol.4. Iss. 7. P.136–150. (In Russ.).

Kudinova M.A., Komissarov S.A., Solovyev A.I. Epigraphic and pictoral materials from the tomb of An Jia (preliminary report). *Stratum plus. Arheologija i kul'turnaja antropologija №6. Numizmatika i jepigrafika.* (In press). (In Russ.).

Hudjakov Ju.S. Drevnetjurkskie izvajanija iz Vostochnogo Turkestana. *Drevnie kul'tury Central'noj Azii*. Sankt-Peterburg, 1998. P. 215–219. (In Russ.).

Hudjakov Ju.S., Tabaldiev K.Sh. Drevnie tjurki na Tjan'-Shane. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 292 p. (In Russ.).

Sher Ya.A. Kamennye izvajanija Semirech'ja. Leningrad: Nauka, 1966. 138 p. (In Russ.).

Соловьев А.И. https://orcid.org/ 0000-0003-3891-8944

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0729-0733
УДК 902

Е.А. Соловьева
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

К вопросу об изучении глиняных фигур фундогата периода яёи, Япония

В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения глиняной пластики фундогата. Глиняные фигурки фундогата относятся к периоду яёи в Японии. Фигурки появились на среднем этапе периода яёи и были распространены в Западной Японии, преимущественно в районе побережья Внутреннего моря Сэто. Чаще всего фигурки были найдены в поселенческих комплексах, известен один случай обнаружения в раковинной куче. Фундогата представляют собой антропоморфные изображения, иногда содержат изображение черт лица, орнамент, отверстия. Фигурки довольно типичны в размерах, обычно 10–15 см, изобразительных деталях. История изучения фигурок фундогата относительно непродолжительна, название «фундогата» вошло в научный оборот в 1950-х гг. В статье представлены точки зрения японских ученых по вопросу происхождения фигурок фундогата. Часть исследователей связывает их происхождение с глиняными фигурками догу периода дзёмон. Данная точка зрения основана на наличии аналогий в формах и орнаментах догу типа нагахара, типа гэимэн и «согнутых» догу. Несмотря на наличие общих черт подтвердить непосредственное происхождение фигурок фундогата от догу на сегодняшний день не удалось. По вопросу назначения фундогата также существует несколько мнений. Фигурки однозначно являлись частью ритуальной практики периода яёи, при этом конкретные варианты использования могли различаться: амулет, украшение, помощь при родах. Фигурки фундогата характерны для провинции Киби (современная префектура Окаяма), где они, по всей видимости, и появились, затем получили распространение на соседних территориях. Фигурки являются уникальными, не имеют аналогов на континенте, поэтому считаются отличительной чертой культуры яёи для современных районов Тюгоку –Сикоку.

Ключевые слова: *период яёи, период дзёмон, Японские острова, глиняная пластика, фундогата, догу.*

E.A. Solovyeva
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Studying the Fundogata Clay Figurines of the Yayoi Period, Japan

This article discusses some problems of studying the fundogata clay figurines. Clay figurines named "fundogata" date back to the Yayoi period in Japan. The figurines appeared in the Middle Yayoi period and became common in Western Japan, mainly in the area of the Seto Inland Sea coast. Most often, the figurines were found in settlement complexes, and, on one occasion, in a shell mound. The fundogata are anthropomorphic images; sometimes they have facial features, ornamentation, or holes. The figurines are quite typical in size, usually measuring 10–15 cm, and in visually observed details. The research history of the fundogata figurines is relatively short; the name "fundogata" became a part of scholarly discourse in the 1950s. This article overviews the theories on the origin of the fundogata figurines proposed by the Japanese scholars. Some scholars link their origins with clay dogu figurines of the Jomon period. This point of view is based on parallels in shapes and decoration on the dogu of the Nagahara type, Geimen type, and "bent" dogu. Despite the presence of common features, it has not been possible so far to confirm the direct origination of the fundogata figurines from dogu. There are several opinions on the function of fundogata. Figurines were clearly a part of ritual practices in the Yayoi period, while their specific uses could vary from amulet to adornment or assistance in childbirth. The fundogata figurines are typical for the Kibi Province (the present-day Okayama Prefecture), where they might have appeared and subsequently spread to the neighboring territories. Since the figurines are unique and have no parallels on the continent, they are considered to be a hallmark of the Yayoi culture for the modern areas of Chugoku-Shikoku.

Keywords: *Yayoi period, Jomon period, Japanese islands, clay figurines, fundogata, dogu*.

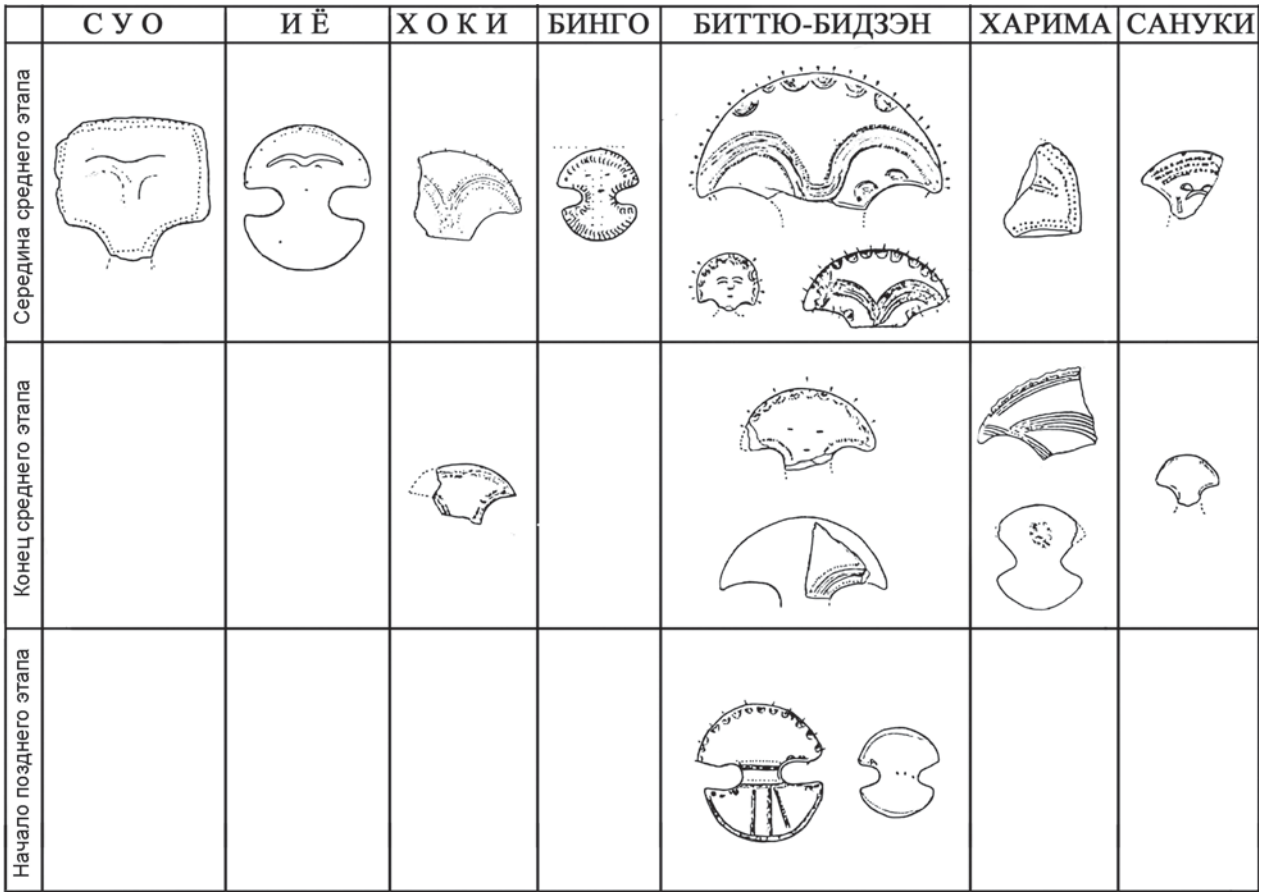
Древнейшая история Японских островов богата на яркие категории предметов из глины – это фигурки *догу* и керамические сосуды периода *дзёмон*, скульптура *ханива* периода *кофун*. Менее известными являются фигурки *фундогата*, относящиеся к периоду *яёи**. В дословном переводе «*фундогата досэихин*» означает «глиняное изделие в форме гири для весов», упоминаемые гири были широко распространены в Японии в период Эдо. Фигурки представляют собой плоские глиняные изделия близкой к овальной или прямоугольной формы с вдавлениями с двух сторон. Размер обычно не превышает 10–15 см, на фигурках встречается орнаментация. На поверхности верхней части фигурок часто изображаются черты лица. Самая мелкая фигурка *фундогата* достигает 3,4 см (памятник Горё, префектура Хиросима), самая большая – 20 см (памятник Ёгияма, префектура Окаяма). На сегодняшний день найдено около тысячи фигурок, большинство – на территории поселений или без явного контекста. Все находки территориально относятся к западной Японии, хронологически соответствуют среднему-позднему этапам периода *яёи*. Первые упоминания о фигурах *фундогата* в археологической литературе относятся к 1930-м гг., когда материалы раскопок в префектуре Окаяма были опубликованы в журнале «Археология Киби» (Киби – древнее название современной территории префектуры Окаяма). Первая попытка систематизации подобных находок была предпринята в 1952 г. Кондо Ёсиро, который описал 12 известных фигурок, с учетом времени и места нахождения. В 1970-х гг. фигурки *фундогата* были найдены на 47 памятниках, их количество достигло 148 шт. [Ситара, Исикава, 2017, с.85].

Распространение фигурок *фундогата* ограничено территорией западной Японии – на западе о. Хонсю это провинция Суо (современная префектура Ямагути), далее провинция Иё (западная часть о. Сикоку), провинция Сануки (северная часть о. Сикоку), провинции Бидзэн, Биттю и Бинго (современная префектура Окаяма), провинция Харима (юго-западная часть современной префектуры Хёго), провинция Хоки (западная часть современной префектуры Тоттори) на востоке (см. *рисунок*). При этом максимальное количество фигурок найдено на территории современной префектуры Окаяма, что позволяет сделать вывод о происхождении *фундогата* именно из этой местности, и относятся они преимущественно к среднему этапу периода *яёи*.

Самая ранняя из известных на сегодня *фундогата* найдена в раковинной куче Синтэй, префектура Окаяма, относящейся к первой половине среднего этапа периода *яёи*. На поверхности верхней части фигурки изображены брови и глаза, по контуру нанесен орнамент в виде линий. Изображение лица можно считать, скорее, абстрактным, нежели имеющим черты конкретного реального человека. В целом данный вопрос остается предметом дискуссий. Кобаяси Ю. и Сахара М. обращают внимание на тот факт, что среди фигурок *фундогата*, изображающих лицо, можно выделить группу с более конкретными чертами лица, в том случае, когда изображение расположено в центре. Кроме того, при смещении деталей лица от центра, они становятся более схематичными. Многочисленная часть фигурок не имеет изображения деталей лица. Возможно, в связи с распространением фигурок на достаточно большой территории, смысловое содержание было отчасти утеряно, что вызвало изменения в характере изображений. [Кобаяси, Сахара, 1964]. Фигурки *фундогата* среднего этапа периода яёи имеют конкретное выражение лица, примером тому служат находки в таких памятниках как Тэнно, преф. Ямагути, Иноуэяма, преф. Окаяма, Горё и Аиката, преф. Хиросима, Тодзэн, преф. Симанэ, Иваидани, Танида, Бункё, преф. Эхиме, Сиундэ, преф. Кагава [Ситара, Исикава, 2017, с. 88]. В целом же среди находок в пределах одного и того же археологического памятника встречаются фигурки как с абстрактными чертами лица, так и с вполне реальными.

Хигаси У. занимался изучением фигурок *фундогата* из памятника Ёгияма и пришел к выводу, что трудно проследить переход от реального к абстрактному изображению лица. Большая часть фигурок середины среднего этапа из Ёгияма являются относительно большими, и можно сказать, что модели и формы достаточно стандартизированы. Этот вывод можно отнести ко всем *фундогата*, известным на данный момент в регионе Бидзэн. Исключением может считаться одна фигурка размером 4 см, которая выбивается из общего ряда [Хигаси, 1977, с. 217]. По мнению Кобаяси Ю. и Сахара М., фигурки *фундогата* из региона Киби, считающегося центром происхождения фигурок, в момент их появления характеризовались абстрактным изображением лица, в процессе же распространения на соседние территории *фундогата* претерпели изменения и приобрели черты, помогающие легче понять назначение фигурок. *Фундогата*, найденные на памятниках префектуры Ямагути, значительно отличаются по форме и стилистике изобра-

*Современные датировки памятников периода *яёи* позволяют выделить следующие этапы: начальный этап – X–VIII вв. до н.э., ранний этап – VII–IV вв. до н.э., средний этап – IV в. до н.э. – I в. н.э., поздний этап – I – середина III в. н.э. (см. напр.: [An Illustrated Companion…, 2016, p. 83]).



Распространение фигурок фундогата.

жения, что типично для предметов, изготовленных далеко от места происхождения [Кобаяси, Сахара, 1964, с. 51].

Одним из самых обсуждаемых вопросов, связанных с глиняной пластикой периода *яёи*, является происхождение фигурок *фундогата,* прежде всего, их соотношение с глиняными фигурками *догу* периода *дзёмон*. Кобаяси Ю. в «Обзоре японской археологии» назвал глиняные фигурки как «глиняные пластины в форме листьев гинкго», считая, что фигурки, найденные при раскопках региона Тюгоку, выглядят не просто как украшение, а скорее как амулет [Кобаяси, 1951, с. 120]. Позже Кондо Ё. использовал уже название *фундогата*, анализируя содержательные характеристики среднего этапа периода *яёи*, такие как бронзовые колокола *дотаку*, бронзовые мечи, бронзовые копья, производившиеся на Японских островах. Поскольку общеизвестно, что во второй половине периода зародилось государство, вполне естественно, что эти глиняные фигуры отличались от глиняных статуэток периода *дзёмон*. Глиняные фигурки *догу* и глиняные пластины *добан* периода *дзёмон* и фигурки *фундогата* периода *яёи* неизбежно имели различный социальный смысл, поэтому и требовали самостоятельного названия [Кондо, 1957, с. 23].

Эсака Т. считал, что *фундогата* являются логическим продолжением глиняных статуэток периода *дзёмон*. Обращая внимание на сходства фигур *фундогата* и *догу*-пластин и сосудов позднего этапа периода *дзёмон* из р.к. Хатиодзи, префектура Айти, он считал, что *фундогата* следует называть одним из видов глиняных статуэток *догу*, характерных для Западной Японии [Эсака, 1960]. Вероятно, такая идея возникла потому, что *фундогата* имеют достаточно простые формы и черты. Период *яёи* считается переходным периодом от первобытности к цивилизации, и особенно на первых этапах периода *яёи* многие характеристики периода *дзёмон*, такие как удаление зубов и элементы погребального обряда, были все еще широко распространены. Тем не менее, *фундогата* встречаются на среднем этапе периода *яёи* и не обнаруживаются в памятниках начального и раннего этапов, что требует объяснения. Кобаяси Ю. и Сахара М. отмечают существенные различия в формах и сходства в изображении черт лица *догу* и *фундогата*, делая вывод, что *фундогата* имеют прямое происхождение от глиняных фигур периода *дзёмон*. В силу того, что фигурки распространены преимущественно на ограниченной территории, их можно считать разновидностью фигурок *догу* [Кобаяси, Сахара, 1964, с. 49]. Ис-

следования последних лет и, в частности, корректировка датировок границ периодов *дзёмон** и *яёи*, указывают на достаточно продолжительный промежуток времени, в пределах которого обе культуры сосуществовали. Известно большое количество памятников, содержащих синхронные материалы, характерные как для культуры *дзёмон*, так и для культуры *яёи*. Данный промежуток времени активно изучается в настоящее время и получил название переходного этапа от *дзёмон* к *яёи*. Главными дискуссионными вопросами изучения переходного этапа остаются проблемы взаимодействия людей *дзёмон* и *яёи*, взаимовлияние культурных традиций, сложение государственных образований на территории Японских островов.

В последние годы проблема происхождения фигурок *фундогата* рассматривается в контексте сравнения их с *догу* типа *нагахара*. Данный тип *догу* характерен для заключительного этапа периода *дзёмон* в регионе Кинки.

Изучая материалы памятников переходного периода от *дзёмон* к *яёи* префектуры Хёго и Эхимэ (район Внутреннего моря Сэто), Исикава Х. выделил плоские глиняные фигурки, которые имеют перевернутую треугольную верхнюю часть тела с перетянутой талией и небольшое плоское основание внизу [Исикава, 1987, с. 70]. Наиболее близкими по деталям изготовления оказались глиняные фигурки *догу* из памятника Нагахара, Осака. Аналогичные фигурки были найдены и на других памятниках, но получили название как типологически близких по первым находкам. Фигурки типа *нагахара* представляют собой плоские антропоморфные изображения, включающие верхнюю часть тела с руками по бокам. Руки «поставлены» на талию и отделяются от тела отверстиями. Контуры тела имеют сходство с фигурами *фундогата*, при этом *фундогата* изображают голову, плечи и верхнюю часть тела без конечностей [Сунами, 2000, с. 80].

Еще одна из близких аналогий из предшествующего периода – это *догу* с татуировкой на лице – *гэимэн догу*. Первоначально термин применялся к глиняным фигуркам периода *дзёмон* с изображением татуировки на лице, позже с учетом находок фигурок *фундогата* с орнаментом из точек на лице, они так же сравнивались с *гэимэн догу*. Близкими к ним являются так же фигурки догу с прическами на голове, характерные для р-на Тохоку на севере о. Хонсю. Орнамент на этих статуэтках не ограничивается зоной лица, обычно они практически полностью покрыты точками, поэтому они также известны как «*догу* с точечным орнаментом». Большая группа глиняных фигурок позднего этапа периода *дзёмон* получила название «*догу* в различных позах», к ним относят как подгруппу «согнутые» *догу*. Они изображают человеческую фигуру, наклоненную вперед и опирающуюся на руки. Ситара Х. и Исикава Т. склонны считать данную позу изображением сидячих родов. Если прообразом *фундогата* является «согнутые» *догу*, то возможно предположить использование *фундогата* как части ритуала для благополучных родов [Ситара, Исикава, 2017, с. 92].

Для фигур *фундогата* характерно наличие мелких отверстий в верхней части, интерпретируемой как голова. Вероятно, эти отверстия могли использоваться для крепления головного убора или деталей из перьев, волос и других органических материалов, что позволяет предполагать ритуальное назначение фигурок [Там же, с. 95]. Большинство фигурок найдено на территории современной префектуры Окаяма, при этом в тех случаях, когда контекст находок известен, это памятники, являющиеся поселениями. Фигурки были обнаружены иногда в жилищах, чаще просто на территории поселений. Единственный случай нахождения *фундогата* в раковинной куче – раковинная куча Синтэи. На данный момент не известно случаев нахождения фигурок в погребальных комплексах [Там же, с. 96].

Контекст обнаружения *фундогата* в таком случае значительно отличается от контекста *догу*, соответственно и ритуальная практика должна была быть иной. По мнению Хигаси У., образцы *фундогата* различаются по деталям изображения в зависимости от региона, и, поскольку они сходны в одном и том же регионе, предполагается, что *фундогата* изготавливались на месте, а не привозились из единого центра [Хигаси, 1977, с. 354]. Таким образом, можно сказать, что фигурки *фундогата* изготавливались и использовались в ритуалах непосредственно на каждом памятнике. Считается, что данные ритуалы имели важное значение для жителей поселения, в отличие от ритуальной практики догу, которая часто была связана с индивидуальными действиями [Догу-но сэкаи, 2011, с. 48]. Практика использования фигурок *фундогата* продолжала существовать в регионе Внутреннего моря Сэто, отражая определенную консервативность культуры того времени. *Фундогата* считаются одной из категорий находок, символизирующих уникальную культуру, которая сформировалась в регионе Тюгоку – Сикоку в середине периода *яёи*, наряду с каменными ножами с отвер-

*Изначальный этап периода дзёмон – 13000–9200 гг. до н.э., начальный этап – 9200–5300 гг. до н.э., ранний этап – 5300–3600 гг. до н.э., средний этап – 3600–2550 гг. до н.э., поздний этап – 2550–1300 гг. до н.э., заключительный этап –1300–500 гг. до н.э. (см. напр.: [An Illustrated Companion…, 2016, p. 21]).

стиями. Во второй половине позднего этапа периода яёи фигурки *фундогата* постепенно исчезают на памятниках провинции Киби [Киби-но яёидзидаи, 2016, с. 132].

Как уже говорилось выше, верхняя временная граница существования фигурок *фундогата* – первая половина среднего этапа периода *яёи*, центр распространения – провинция Киби. Принимая во внимание, что фигурок, относящихся к началу периода *яёи* обнаружено не было, *фундогата* сложно непосредственно связать с глиняными фигурками *догу* периода *дзёмон*. Поскольку на континенте подобных изображений не существует, появление и характер фигур *фундогата* следует считать характерной чертой региона Тюгоку – Сикоку периода *яёи*.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Догу-но сэкаи. Дзёмондзин-но кокоро (Мир догу. Сердце людей дзёмон). – Тотиги: Тотигикэн хакубуцукан, 2011. – 94 с. (на яп.яз.).

Исикава Х. Дзиммэнцуки доки (Керамика с лицом) // Кикан кокогаку (Ежеквартальная археология). – 1987. – № 19. – С. 70–74 (на яп. яз.).

Киби-но яёидзидаи (Период яёи в Киби). – Окаяма: Кибито, 2016. – 137 с. (на яп. яз.).

Кобаяси Ю. Нихонкокогаку гаисэцу (Обзор японской археологии). – Токио, 1951. – 138 с. (на яп. яз.).

Кобаяси Ю., Сахара М. Мурасаки кумоидэ. Такуматё бункадзаи хого иинкаи (Фиолетовые облака. Комитет по защите культурных ценностей г. Такума). – Такума, 1964. – 76 с. (на яп. яз.).

Кондо Ё. Яёидогу-ни цуйтэ (О догу периода яёи) // Ватаситати-но кокогаку. – 1957. – № 3. – Вып. 4. – С. 22–24 (на яп. яз.).

Ситара Х., Исикава Т. Яёидзидай дзимбуцудзокэйхин-но кэнкю (Изучение антропоморфных изделий периода яёи). – Токио: Досэйся, 2017. – 294 с. (на яп. яз.).

Сунами С. Яёидзидаи-но догу-о сюсэи-но иги-о кангаэта (Рассуждения о значении догу периода яёи) // Саиси кокогакукаи (Ритуальная археология). – 2000. – № 2. – С. 75–84 (на яп. яз.).

Хигаси У. Хигаситакагэцу каидзука исэкигунсюцудоно фундогатадосэихин (Фигуры фундогата найденные в группе памятников раковинная куча Хигаситакагэцу каидзука). Окаямакэн бункадзаихаккуцуро (Отчет о раскопках отдела погребенных ценностей префектуры Окаяма). – Окаяма, 1977. – 517 с. (на яп.яз.).

Эсака Т. Догу. – Токио: Адзэкура, 1960. – 352 с. (на яп. яз.).

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Edited by W. Steinhaus and S. Kaner. – Oxford: Archaeopress, 2016. – 342 p.

References

Dogu-no sekai. Jomonjin-no kokoro (The World of Dogu. Jomon Heart). Tochigi: Tochigiken hakubutsukan, 2011. 94 p. (In Jap.).

Esaka T. Dogu (Dogu). Tokyo: Azekura, 1960. 352 p. (In Jap.).

Higashi U. Higashitakagetsu kaizuka isekigunshutsudono fundogatadoseihin (Fundogata figurines found in the siteof Higashitakagetsu shell mound). Okayamaken bunkazaihakkutsuro. Okayama, 1977. 517 p. (In Jap.).

Ishikawa H. Jinmentsuki doki (Faced vessels). *Kikan kokogaku*, 1987. N 19. P.70–74. (In Jap.).

Kibi-no yayoijidai (Yayoi period in Kibi). Okayama: Kibito, 2016. 137 p. (In Jap.).

Kobayashi Yu. Nihonkokogaku gaisetsu (Japanese archaeology review). Tokyo, 1951. 138 p. (In Jap.).

Kobayashi Yu., Sahara M. Murasaki kumoide. Takumacho bunkazai hogo iinkai (Purple clouds. The committee for cultural properties conservation of Takuma sity). Takuma, 1964. 76 p. (In Jap.).

Kondo Yo. Yayoidogu-ni tsuite (On the Yayoi period dogu). *Watashitachi-no kokogaku*. 1957. N 3. Iss. 4. P. 22–24. (In Jap.).

Shitara H., Ishikawa T. Yayoijidai jimbutsuzokeihin-no kenkyu (Studying the anthropomorphous products of Yayoi period). Tokyo: Doseisha, 2017. 294 p. (In Jap.).

Steinhaus W. and Kaner S. (eds.) An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Oxford: Archaeopress, 2016. 342 p.

Sunami S. Yayoijidai-no dogu-o shusei-no bgi-o kangaeta (Thoughts on dogu of Yayoi period). *Saishi kokogakukai*, 2000. N 2. P. 75–84. (In Jap.).

Соловьева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-3481-7292

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0734-0737
УДК 902.2

С.Ф. Татауров [1]✉, С.С. Тихонов[1], М.П. Чёрная[1, 2]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: tatsf2008@rambler.ru; semchi957@gmail.com; mariakreml@mail.ru

Археологические исследования в городе Таре в 2022 году

В статье рассмотрены результаты раскопок в историческом центре Тары – первого русского города в Среднем Прииртышье. Основанный князем Андреем Елецким в 1594 г., он почти на два века стал опорным пунктом освоения русскими лесостепи и степи Западной Сибири по Иртышу, а также в Обь-Иртышском междуречье. Археологические работы пятнадцатого сезона были сосредоточены в северо-восточной части исторического центра города. Совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН (руководитель С.Ф. Татауров) и Национального исследовательского Томского государственного университета (руководитель М.П. Черная) была исследована площадь вокруг фортификационного объекта, раскопанного нами в 2010–2011 гг., и определен его характер, найдено место расположения деревянной Успенской церкви и построенного на этом месте каменного храма, изучено прихрамовое кладбище. План раскопок был выполнен полностью. На одном из первых городских кладбищ конца XVI – XVII в. изучено 33 захоронения и получены материалы по планиграфии некрополя и погребальному обряду первых жителей Тары. В процессе работ была зафиксирована каменная ограда храма, что позволило установить его точное расположение и определить порядок раскопок на последующие годы. Проведенные в текущем году археологические исследования г. Тары позволили существенно дополнить планиграфию города начала XVII в., поставить вопрос о динамике ее развития в XVIII–XX вв. Также были получены материалы, дополняющие наши представления о материальной и духовной культуре тарчан конца XVI–XVIII вв. Это керамическая посуда, изделия из дерева, кожи, кости, а также монеты.

Ключевые слова: *город, Тара, археология, история, планиграфия, культурный слой.*

S.F. Tataurov[1]✉, S.S. Tikhonov[1], M.P. Chernaya[1, 2]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: tatsf2008@rambler.ru; semchi957@gmail.com; mariakreml@mail.ru

Research in the Historic Center of the Town of Tara in 2022

The article presents the results of excavations in the historic center of Tara – the first Russian town in the Middle Irtysh region. Founded by Prince Andrei Yeletsky in 1594, it became a stronghold for Russian expansion in the forest-steppe and steppe of Western Siberia along the Irtysh River, and in the Ob-Irtysh interfluve for almost two centuries. Archaeological works of the fifteenth season were focused on the northeastern part of the historic center of the town. The joint expedition of IAE SB RAS (headed by S.F. Tataurov) and National Research Tomsk State University (headed by M.P. Chernaya) explored the area around one of fortification objects excavated in 2010–2011. The nature of this structure was identified; location of wooden Church of Dormition and stone church built on its place was found; church cemetery was explored. Thirty three burials were studied at one of the first town cemeteries of the late 17th–18th centuries. The evidence on planigraphy of the necropolis and funeral rite of the first inhabitants of Tara was obtained. In the process of work, stone fence of the church was discovered, which made it possible to establish its exact location and determine the order of excavations for the following years. Archaeological research in the town of Tara, which was done in 2022, significantly enriched our knowledge on planigraphy of the town in the early 17th century and dynamics of its development in the 18th–20th centuries. The evidence on the material and spiritual culture of the Tara dwellers in the late 16th–18th centuries included pottery, objects of wood, leather, and bone, as well as coins.

Keywords*: town of Tara, archaeology, history, planigraphy, cultural layer.*

Введение

В ходе археологических исследований, проведенных совместной экспедицией Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН и Национального исследовательского Томского государственного университета в 2022 г. в г. Тара, были получены данные по трем объектам, что позволило проанализировать планиграфию северо-восточной части центра Тарской крепости.

Результаты раскопок

Раскопанное в 2010–2011 гг. укрепление в виде восьмигранного сруба с земляной забутовкой первоначально было интерпретировано как Княжья башня. Однако никаких следов оборонительных сооружений вокруг сруба и между ним и террасой тогда зафиксировано не было. Это дало основание квалифицировать отдельно стоявший фортификационный объект как «бык»/«раскат» деревоземляной конструкции, на который выкатывалась пушка. Такие «быки»/«раскаты» с пушечным «боем» ставились перед стенами, что позволяло контролировать значительную территорию и увеличить зону обстрела [Татауров, 2011, с. 245; Чёрная, 2016, с. 116]. Последний не вскрытый ранее участок, примыкавший к «быку»/«раскату» с юга, был раскопан в 2022 г., остатков стен здесь также не выявлено, что подтверждает характер этого укрепления. Прямое свидетельство находим в описании, сделанном в 1624 г. В. Тырковым: «В крепости же раскат круглый о 8 углах, а на раскате медная полуторная пушка» [Буцинский, 1999, с. 150].

Церковь Успения Пресвятой Богородицы, освященная 15 августа 1595 г., т.е. спустя год с момента высадки князя Андрея Елецкого на месте будущего города, была одним из объектов археологического поиска. Известно, что первоначально ее срубили из дерева, а в последней четверти XVIII в. на месте деревянной церкви было поставлено каменное здание. Местоположение Успенской церкви к началу текущего археологического сезона было известно только предположительно со слов местных жителей. В 1928 г. по решению тарского городского совета храм был разрушен, и считалось, что на его месте находится построенное во второй половине XX в. здание «Северных энергетических сетей» и что в коммунальном колодце близ этого здания одна из его стенок проходит через кладку церкви. В ходе раскопок зафиксирована каменная ограда, окружавшая здание. Сооруженная в конце XVIII в., она сама по себе является интересным архитектурным объектом. Как известно, в центре Тары наблюдается очень высокий уровень грунтовых вод, вследствие чего почвы пластичны и подвижны. Поэтому для устойчивости тяжелой кирпичной ограды был сделан фундамент. Для этого была выкопана траншея глубиной 0,5 м и шириной около 1 м, в которую повдоль были уложены плахи длиной чуть больше 2 м (1 сажень), шириной 0,4–0,5 и толщиной около 0,1 м. Плахи были забутованы (мощность слоя 0,3 м) битым кирпичом и залиты раствором на основе извести. На это основание поставлена кирпичная кладка, которая была большей частью разобрана после сноса собора. После анализа фотографий конца XIX – начала XX в. стало ясно, что алтарная часть храма находится за пределами современного здания, скорее всего, на парковке машин сотрудников «Северных энергетических сетей».

В процессе раскопок подтвердилось мнение о том, что каменное здание храма было построено на месте деревянной церковной постройки. На это указывает планиграфия могил, намного более ранних, чем каменный храм, и образовывающих полукруг вокруг церкви. Сама же ограда ограничивает погребальное поле, прилегавшее к церкви.

Работы в районе расположения Успенской церкви позволили сделать начальные шаги в изучении, возможно, самого первого в Таре кладбища. До этого сезона археологические исследования не были направлены на широкое изучение тарских некрополей. Все исследованные захоронения были обнаружены либо в ходе выполнения работ, сопутствующих аварийно-ремонтным мероприятиям, например, при капитальном ремонте Спасской церкви [Тихонов, 2015], либо при изучении фортификационных комплексов, когда захоронения были совершены в непосредственной близи от крепостной башни [Тихонов, 2013].

В 2022 г. были открыты 33 погребения, относящиеся к первым годам функционирования Тары, т.е. к первой половине XVII в., и расположенные близ Успенской церкви. Погребения были совершены в деревянных колодах с крышками, умершие размещены вытянуто на спине, с расположенными на груди руками, т.е. по христианскому обряду. В целом, колоды соответствовали размерам костяков, но в нескольких случаях было видно, что умерших «втискивали» в колоду, т.к. она была мала. Отметим, что на изучаемом некрополе в могилах отсутствовала обувь, известная по другим русским могильникам Среднего Прииртышья. Это можно объяснить плохой сохранностью кожи, хотя вне могил на других раскопах в мокром культурном слое известны многочисленные предметы из кожи и их детали. Отсутствие же нательных крестов заставляет предполагать, что на ранних этапах освоения Сибири их не хватало, и, возможно,

крестики передавали живым родственникам умерших. Только в одном женском погребении был найден крест-тельник и золотая серьга в виде колечка диаметром 0,7 см, изображающая змею, которая кусает себя за хвост.

Могилы были расположены очень плотно, практически вплотную друг к другу, и в 2-3 яруса. Скорее всего это свидетельство нехватки площади для кладбища. Интересна группа из восьми могил. Это ярусное групповое погребение, причем над 4 колодами, ориентированными по линии запад-восток (как и принято в православии), были расположены 4 могилы, ориентированные по линии север-юг, т.е. перпендикулярно более ранним погребениям, с нарушением ориентации колод.

Предварительный осмотр черепов погребенных показал сильные повреждения зубочелюстной системы. Так, у более 70 % погребенных наблюдались значительные воспалительные процессы моляров, а у некоторых индивидов в возрасте 30–40 лет они отсутствовали. Состояние зубочелюстной системы, возможно, свидетельствует о серьезных проблемах с обеспечением питания тарчан, видимо, из-за пограничного положения Тары, особенно в первые годы после основания города. Конечно, для окончательных выводов необходимы антропологические исследования.

Интерпретация материалов

Материалы, полученные как в 2022 г., так и в предыдущие 15 лет раскопок комплекса, позволяют делать некоторые выводы о планиграфии Тары. Мы убедились, что есть комплексы, которые являются реперными и существуют на всем протяжении истории города, а есть здания, иллюстрирующие отдельные эпизоды его жизни. К сохранявшим на протяжении нескольких веков свое местоположение объектам следует отнести православные храмы. К настоящему времени раскопками выявлены фундаменты Никольского собора, Пятницкой и Тихвинской церквей, а Спасская стоит на своем историческом месте. В Таре сначала деревянные, а затем поставленные на этом месте или в непосредственной близи каменные здания определяли уличную застройку – направление улиц и положение соседних зданий. Анализ письменных источников позволил сделать вывод о том, что каменных храмы строили рядом или прямо на месте их предшественников – деревянных церквей. Так произошло со Спасской и Никольской церквями. «Что касается ветхой деревянной церкви (Никольской – **Авт.**), в которой еще оставались престолы, в то время как в алтаре мог обрушиться потолок, было велено оную церковь за опасностью разобрать, престолы старые ежели не гнилы, сделать из под них под престолы светлые кресты, а ветхое строение употребить на топление церковных печей или на обжиг кирпича вновь строящейся каменной церкви» [Храмы…, 2014, с. 60–61]. При строительстве каменной церкви Параскевы Пятницы было сделано исключение и ее отнесли на двести сажен к югу-юго-востоку от ее предшественницы – деревянной церкви, что было связано с перепланированием данной части центра города. Отметим также, что первое загородное кладбище, Тихвинское, было организовано в XVIII в., а до этого времени погребения совершались в черте города на прихрамовых кладбищах. Поэтому погребения, которые время от времени находят в Таре при ведении земляных работ, указывают на близость одной из тарских церквей.

К реперным объектам отнесем и фортификационные сооружения – крепостные стены, городни и башни. Крепостные сооружения в конце XVI – XVII в. являлись гарантом безопасности города, например, в 1634 г. выдержали двойной штурм калмыков и кучумовичей. Город вкладывал немалые средства и ресурсы в поддержание оборонительных сооружений в порядке, ремонтировал и отстраивал стены и башни. Изученные в ходе раскопок фортификационные сооружения – остатки двух башен и часть городней показывают неизменность их положения с момента строительства первоначальной крепости. Следует отметить, что часть башен, сгоревших при пожаре 1669 г., уничтожившем весь город, так и не была заново отстроена – военная угроза отодвинулась к югу и тарские воеводы сочли возможным уменьшить количество башен.

К реперным объектам мы относим и такие важные для жизнедеятельности города бытовые сооружения, как городские общественные бани. Пока предполагаемое место расположения бани раскопкам не подвергалось. Судя по картографическим, топонимическим данным и устным сообщениям, одна из бань находилась на левом берегу р. Аркарка близ моста через нее, ведущего на Старую Екатерининскую дорогу.

После перепланирования центра города в начале XVIII в. появилась, как и во многих городах Российского государства, строгая прямоугольная сетка, с прямыми улицами и квадратными кварталами. На картах XVIII в. и более позднего времени она легко определяется, и эта сетка улиц сохраняется до сих пор. Интересно, что усадьбы застройки XVIII–XIX вв. превосходят по площади усадьбы, появившиеся в советское время.

Заключение

Археологические исследования пятнадцатого сезона в Таре завершились целой серией небольших открытий, которые позволили дополнить наши представления о ранней истории города. Постепенно с расширением изучаемой территории и выявлением благодаря этому планиграфии исторического центра для определенных этапов развития города в XVI–XIX вв., связанных как с государственными преобразованиями, так и с масштабными пожарами, уничтожавшими чуть не полностью всю застройку, сформировалась «пространственно-послойная» история Тары.

Список литературы

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – 328 с.

Татауров С.Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Омск. институт (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 242–247.

Тихонов С.С. Отчет о проведении археологических работ на объекте археологического наследия «Городище «Тарская крепость». Омск, 2013 // Архив Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. Ф. VII. Д. 41-1.

Тихонов С.С. Отчет о проведенных в 2015 году археологических работах на территории выявленных археологических объектов археологического наследия «Тарская крепость – Спасская церковь» в городе Тара Омской области. Омск, 2015 // Архив Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. Ф. VII. Д. 61-1.

Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары / С.А. Алферов, О.Ю. Алферова, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. – Омск: Наука, 2014. – 230 с.

Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 1. – С. 114–122.

References

Alferov S.A., Alferova O.Yu., Kudryashova E.I., Tataurov S.F. Khramy v krepostnykh stenakh: konfessional'naya istoriya goroda Tary. Omsk: Nauka, 2014. 230 p. (In Russ.).

Butsinskiy P.N. Zaseleniye Sibiri i byt pervykh yeye nasel'nikov. Tyumen: Yu. Mandrika, 1999. Vol. 1. 328 p. (In Russ.).

Chernaya M.P. What History Says Versus What Archaeology Shows: Sources and Methods in the Study of Russian Culture in Siberia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016. Iss. 1. P. 114–122. (In Russ.).

Tataurov S.F. Gorod Tara – s chistogo lista. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnyye metody i tekhnologii.* Omsk: Omsk Publishing House of Institute (branch) RGTEU, 2011. P. 242–247. (In Russ.).

Tikhonov S.S. Otchet o provedenii arkheologicheskikh rabot na ob"ekte arkheologicheskogo naslediya «Gorodishche «'Tarskaya krepost'». Archive of the Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museum Studies of the IAET SB RAS. F. VII. C. 41-1. Omsk, 2013. (In Russ.).

Tikhonov S.S. Otchet o provedennykh v 2015 godu arkheologicheskikh rabotakh na territorii vyyavlennykh arkheologicheskikh ob"ektov arkheologicheskogo naslediya «Tarskaya krepost - 'Spasskaya tserkov'» v gorode Tara Omskoi oblasti. Archive of the Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museum Studies of the IAET SB RAS. F. VII. C. 61-1. Omsk, 2015. (In Russ.).

Татауров С.Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294
Тихонов С.С. https://orcid.org/0000-0001-6909-0727
Чёрная М.П. https://orcid.org/0000-0003-2885-0229

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0738-0743
УДК 903.26

Л.В. Татаурова✉, И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Нательные кресты из культурного слоя поселения Ананьино I

В результате археологического изучения русского поселения XVII–XVIII вв. Ананьино I в Тарском р-не Омской обл. получена коллекция крестов-тельников, которая в сезоне 2022 г. пополнилась 36 экземплярами. Такая концентрация культового медного литья не характерна для жилого комплекса памятника. Авторами была высказана версия, что в ходе строительства избы, раскопанной в прошедшем полевом сезоне, была разрушена часть раннего кладбища, устроенного первопоселенцами после основания деревни Ананьино на одноименном озере. Предметы в полученной коллекции разной сохранности, поэтому систематизация материала выполнена до уровней типа, в некоторых случаях – до подтипов и вариантов. За основу взята типологическая схема В.И. Молодина, разработанная для крестов из погребального комплекса Илимского острога. В результате для материалов Ананьино выявлено пять типов: 1, 4 с четырьмя подтипами, 5, 8 и 14. Последний выделен И.Д. Кромм по материалам Омского Прииртышья. Он является по времени бытования самым ранним в коллекции и относится к XVI–XVII вв. Для всех описанных типов приведены аналогии и хронологические привязки. Имеющиеся в коллекции кресты 4, 5 и 1 типа; 1 подтип считаются старообрядческими, что подтверждает информацию из письменных источников о наличии старообрядцев среди деревенского населения. Кресты 4 типа, которые преобладают в коллекции 2022 г., могли использовать как элемент женского праздничного костюма. Кресты-тельники были важной составляющей русской культуры – это объединяющее звено этнической идентичности, веры, российской государственности и традиций русского мира.

Ключевые слова: *русские, Новое время, археология, поселения, нательные кресты, типология, интерпретация.*

L.V. Tataurova✉, I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Pectoral Crosses from the Cultural Layer of the Ananyino I Settlement

A collection of crosses was obtained in archaeological works at the Russian settlement of Ananyino I (Tara District of Omsk Region) of the 16th–18th centuries. During the excavations in 2022, 36 new crosses were added to the collection. Since such concentration of religious objects of copper casting is not typical of residential complex of the site, the authors suggested that early cemetery might have been destroyed when building the log house excavated during the last field season. Crosses of the collection have different preservation degree. The evidence was systematized according to types and, in some cases, to subtypes and variants. The typological model of V.I. Molodin, elaborated for the crosses from the burial complex of Fort Ilim, was taken as a basis. Five types of crosses were identified from the Ananyino evidence: 1st, 4th with four subtypes, 5th, 8th, and 14th type which I.D. Kromm proposed using the evidence from the Omsk Irtysh region. This type was the earliest in the collection in terms of its time, and was dated to the 16th–17th centuries. Parallels and chronological links were given to all types of crosses. Crosses of the 4th, 5th, and 1st type, as well as 1st subtype, available in the collection, are considered to have belonged to Old Believers. This confirms the information from the written sources about the presence of Old Believers among the village population of Ananyino. Crosses of 4th type, which were predominant in the assemblage of 2022, could have been a part of female festive outfit. Pectoral crosses were an important component of Russian culture serving as a unifying link of ethnic identity, faith, Russian statehood and traditions of the Russian world.

Keywords: *Russians, Modern period, archaeology, settlements, crosses, typology, interpretation.*

Введение

История археологического исследования русской деревни Ананьино (памятник Ананьино I, XVII–XVIII вв., Тарский р-н Омской обл.) отметила 14 сезон. За это время накоплены представительные коллекции артефактов различного назначения, в т.ч. собрание крестов-тельников из погребального (38 экземпляров из 83 захоронений) и поселенческого комплекса, всего 110 предметов. Как видно из данных, в деревенском культурном слое крестов почти в два раза больше, чем найденных в могилах.

Только в полевом сезоне 2022 г. их зафиксировано 36 экз. Сохранность изделий неполная, их поверхность крайне патинирована, 13 единиц найдены во фрагментах, четыре предмета настолько ветхой сохранности, что их форма не поддается идентификации.

Цель статьи – выявить причины попадания в поселенческий культурный слой большого количества крестов. Задачи исследования: проанализировать их типовое разнообразие, представить круг аналогий, хронологию бытования и некоторые культурные традиции, связанные с крестом.

Материалы и методы

Комплекс Ананьино I включает поселение и кладбище. На поселенческой части исследовано, включая 2022 г., 2740 м^2 площади, раскопано 9 жилых объектов и 19 погребений. Территория кладбища за границами жилой среды к юго-западу, за ручьем, где изучено 64 захоронения [Татаурова, 2019, с. 623, 624], что, безусловно, очень мало для трехсотлетнего существования деревни. Поэтому обнаружение в 2019–2020 гг. захоронений в границах жилых построек позволило локализовать территорию раннего погребального комплекса.

Развитие деревни шло вдоль берега оз. Ананьино с ЮЗ на СВ. До обнаружения в 2019 г. погоста, устроенного первопоселенцами, на раскопанной части памятника крестов в культурном слое было немного: по два в 2005, 2012, 2013 и 2017 г., в остальные годы – по одному. Начиная с 2019 г. количество крестов в поселенческом слое значительно увеличивается: в 2019 – 7 экз.; 2020 – 12 (5 из слоя и 7 в могилах); 2021 – 14; в 2022 – 36!

Вряд ли это было случайностью. Скорее всего, в процессе расширения жилой среды, население деревни со временем стало застраивать территорию кладбища, разрушая при этом погребения, а нательные кресты в переотложенном состоянии остались в культурном слое. Частично кладбище сохранилось на участке раскопа 2020 г. [Татаурова, 2020, с. 658–661], захоронения образовывали три условных ряда по линии С – Ю. Сами погребения ориентированы по линии З – В.

Такая планиграфия, вероятно, продолжалась к востоку от исследованного участка, т.к. с запада было озеро. Жилище, изученное в 2019 г., частично попало на погребальный комплекс, а строительство избы, раскопанной в 2022 г., разрушило восточный участок кладбища. Этим можно объяснить концентрацию крестов в двух верхних горизонтах культурного слоя раскопа 2022 г. – только над попавшим в него жилищем зафиксировано 14 экз.

К самому жилищу могли относиться 7 единиц, найденных на 3 и последнем, 4 горизонте, в т.ч. под половицей, у бревен ЮЗ и ЮВ стен, но они также могли быть переотложены. Под половицами, например, лежали без определенной системы и другие предметы: пуговицы, кочедык, китайская курительная трубка, керамика (см. статьи Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. «Археология русской деревни Ананьино: новые открытия»; Татаурова Л.В., Сопова К.О. «Комплекс глиняной утвари из раскопок поселения Ананьино I: типы, морфология, технология» в этом сборнике).

В восьми исследованных ранее жилых постройках такой концентрации крестов не наблюдалось, кроме избы-связи, изученной в 2019 г. Клеть с печью отстояла от избы, раскопанной в 2022 г., на 2–3 м к юго-западу. В культурном слое над ней и в нижних горизонтах найдено семь крестов.

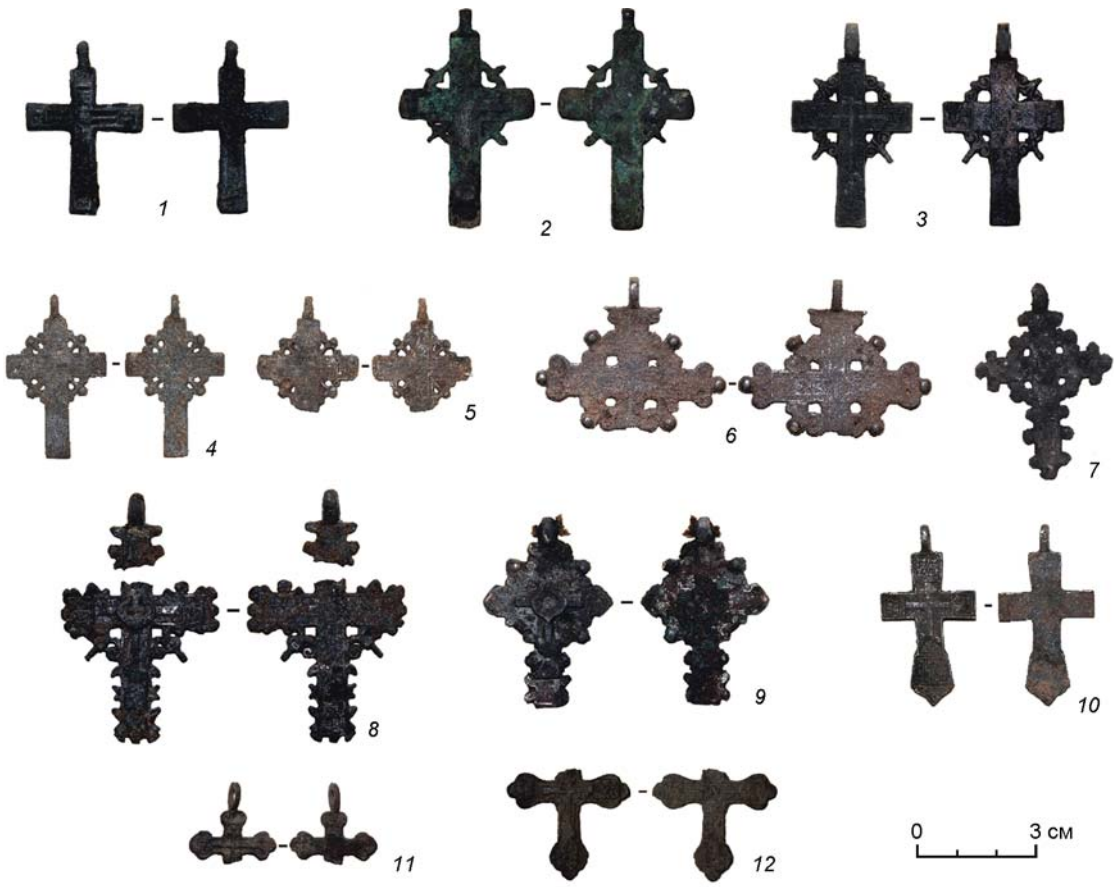
Типовое разнообразие коллекции крестов и их хронология

Для полной характеристики собрания 2022 г. проведена систематизация предметов по морфологическим критериям с использованием типологии, предложенной В.И. Молодиным [2007]. Иконографический анализ до проведения реставрации предметов на данный момент затруднен.

Вся коллекция крестов распадается на пять типов, самый многочисленный – 4 тип, к нему относятся 19 единиц. Вторую по количеству изделий группу составляет 1 тип – 8 единиц, третью – 8 тип, 3 предмета. Один крест можно отнести к 5 типу, один – к 14, который выделен И.Д. Кромм по материалам поселения Изюк I (Омская обл.) [Кромм, Бердников, 2012, с. 225]. У четырех крестов форма не определима.

По причине разной сохранности материала мы охарактеризуем и частично проиллюстрируем предметы, поддающиеся систематизации.

1 тип (см. *рисунок*, *1*). Крест четырехконечной формы, прямоугольные лопасти равны по ширине, вертикальная – длиннее горизонтальной. Лопасти под прямым углом расходятся от средокрестия.



Типы крестов-тельников из раскопа 2022 г.

1 – тип 1; *2, 3* – тип 4, подтип 2; *4, 5* – тип 4, подтип 3; *6, 7* – тип 4, подтип 4; *8, 9* – тип 4, подтип 5; *10* – тип 14; *11, 12* – тип 8. Фото Л.В. Татауровой, 2022 г.

На лицевой стороне помещено изображение Голгофского креста. Такие кресты встречаются повсеместно, в остальной части коллекции из Ананьино их еще 21 экз. (1 и 2 подтипы). Датировка данного типа широкая с XVII в. до конца XIX в.

4 тип (см. *рисунок*, *2–9*). Группа этих нательных крестов неоднородна и включает несколько подтипов и вариантов. На текущем этапе исследования мы можем выделить подтипы, в некоторых случаях – варианты [Молодин, 2007, с. 55, 57–59]. Кресты этого типа четырехугольной формы, лопасти с прямыми окончаниями или волютами, средокрестие, в двух случаях с цатой, обрамлено кругом, с четырьмя выступами или растительным орнаментом. Два креста отнесены к подтипу 2; 12 – к 3-му подтипу, три – к 4-му, два – к 5-му.

Подтип 2. Кресты с выступами в обрамлении вокруг средокрестия, выполненными в форме лучей (см. *рисунок*, *2, 3*).

Подтип 3, вариант 1, подвариант 2 [Молодин, 2007, с. 55, рис. 68]. Оформление средокрестия – рельефная волнистая линия, создающая ажурную рамку, с внешней стороны которой лучи в виде жемчужин (рис. 1, *4, 5*).

Подтип 4 [Молодин, 2007, с. 57, рис. 75; с. 58, рис. 77] лопасти украшены по периметру дополнительными волютами, что придает им ажурный, праздничный вид (см. *рисунок*, *6, 7*).

Подтип 5, вариант 1 [Молодин, 2007, с. 59, рис. 79]. Средокрестие с цатой на лицевой стороне обрамлено кругом из волют с выступающими жемчужинами, нижняя лопасть декорирована пламевидными выступами. Оконечности горизонтальной лопасти фигурной подтреугольной формы (см. *рисунок*, *8, 9*).

Нательные кресты 4 типа и подтипы 2–5 часто встречаются в археологических памятниках Сибири Нового времени и не только в Илимском остроге, подобные изделия есть в коллекции некрополя Кривощеково в Новосибирской обл. [Сальникова, 2020, с. 71]. Они зафиксированы в поселении Кулаково III [Сизев, Ермоленко, Соловьев, 2018, с. 52, 55], на памятнике Изюк I [Татаурова, Кромм, 2010, с. 284], в г. Иркутске [Бердников, 2012, с. 167, рис. 3–10], в могильниках Путяка и Волковский [Боброва, 2014, с. 217]. Аналогия кресту с цатой на лицевой стороне найдена на Тискинском могильнике [Боброва, 2004, с. 9, рис.16]. Широко известны они и в европейской части России.

В типологии Э.П. Винокуровой такие кресты относятся к 4 подтипу типа 1 и к XVII в. [1999, с. 336–338]. Подтип 2 и подтип 4 представлены в каталоге Российского этнографического музея [Островский, Федоров, 2007, с. 435] и датированы XVIII в.

Небольшую группу составляют кресты *8 типа*. Изделия отличает расширение лопастей от средокрестия к краям и фигурное оформление их концов в виде трилистника (см. *рисунок*, *11*, *12*).

Этот тип имеет аналогии в материалах Саянского острога, Березовского городища, Ново-Тихвинского монастыря, Кузнецка, Барнаула, в Восточной Сибири, а также ряд аналогий в Центральной России [Макаров, 2003, с. 230; Скобелев, 2005, с. 241, 244; Пархимович, 2008, с. 256, 421; Ширин, 2011, с. 422; и др.]. Датируются XVII–XIX вв.

В коллекции 2022 г. обращает на себя внимание нательный крест *14 типа* (см. *рисунок*, *10*), выделенный И.Д. Кромм в продолжение типологии В.И. Молодина. В материалах памятника Изюк I (Большереченский р-н Омской обл., раскопки Л.В. Татауровой 1999–2004 гг.) имеется два экземпляра из детских могил [Татаурова, 2012, с. 159–161]. Экземпляр из Ананьино четырехконечный, верхний конец расширяется от средокрестия к оглавию, левый и правый концы – прямые. Нижний конец выполнен в виде щита. На лицевой стороне видно изображение восьмиконечного Голгофского креста. Такая форма креста по типологии Э.П. Винокуровой относится к типу IV и датируется XVII в. [1999, с. 340]. Подобные изделия известны в материалах памятников Камско-Вятского междуречья, в коллекциях поселений на Кубенском озере, где они датированы XVI–XVII вв., в Мангазее [Макаров, 1996; 2003, с. 230; Археология…, 2008, с. 63, 64; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 284]. Аналогичный крест опубликован в каталоге Русского этнографического музея под № 49. Он датируется XVI–XVII вв. [Островский, Федоров, 2007, с. 174–175].

Заключение

Кресты-тельники, как символ веры, были важной составляющей русской культуры. В процессе заселения и освоения Сибири в XVII–XVIII вв. переселенцы, оказавшись в инородческой, часто враждебной среде, воспринимали крест как символ русского мира и принадлежности к Российскому государству. Ведь в первых русских городах и острогах сразу после возведения крепостных стен строили храмы. Поэтому крест стал объединяющим звеном не только по вере, но и по этнической идентичности, культурным традициям. Формирование субэтнической группы русских сибиряков шло на этой основе.

Деревня Ананьино на одноименном озере была включена в систему расселения тарских татар, ее местоположение описано Г.Ф. Миллером, отмечено на карте С.У. Ремезова, и еще в XX в. местные татары вспоминают, что на озере находилась русская деревня, которую они называли Рус-аул [Тихонов, 2005, с. 363–367].

У нательных крестов, по мнению исследователей, были функции не только христианские, такие как принадлежность к конфессии, но и «не специфичные для христианства, но обусловленные крестоношением в повседневной народной жизни вообще. Крест воспринимался как оберег верующего, его жизни, здоровья» [Островский, 1995, с. 56].

Вероятно поэтому в праздничном девичьем наряде Тамбовской, Тульской, Орловской, Калужской губерний второй половины XIX в., по мнению А. К. Станюковича, использовали кресты 4 типа [2000, с. 13]. Их крепили на «хрестовку» – женское нагрудное украшение, широко известное в южных губерниях России в конце XIX – начале XX в. [Русский традиционный костюм, 2006, с. 338]. Правда мы пока не знаем, было ли это характерно для Сибири.

Следует добавить, что кресты 4 типа многие исследователи связывают со старообрядческой традицией, как и изделия 5 и 1 типа, 1 подтипа [Молодин, 2001]. Аргументом в пользу этого является и тот факт, что опубликованы формы для отливки крестов 4 типа с местом их нахождения – «Архангельский погост Онежской губернии» [Островский, Федоров, 2007, с. 329], следовательно, кресты этого типа были широко распространены в раскольнической среде. Все это подтверждает информацию из письменных источников по поводу присутствия старообрядческого компонента в структуре населения Ананьино [Tataurova, Krikh, 2015, p. 482].

Изучение коллекции нательных крестов, полученной в 2022 г., углубило наши знания по вопросам планиграфии памятника, типологии культового литья и некоторым аспектам традиционной культуры населения деревни Ананьино.

Благодарности

Исследование выполнено по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. – М.: Наука, 2008. – Т. 2: Материальная культура и хронология. – 365 с.

Боброва А.И. Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 107–115.

Боброва А.И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 215–219.

Бердников И.М. Кресты–тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 164–178.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Винокурова Э.П. Металлические литые крестытельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.

Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестн. Ом. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 222–226.

Макаров Л.Д. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. – 1996. – № 2. – С. 23–49.

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – С.192–232.

Молодин В.И. Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Специальный выпуск посвящ. 60-лет. проф. Николая Аркадьевича Томилова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. – С. 20–30.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Островский А.Б., Федоров Ю.Ф. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. – СПб.: Арт-Палас, 2007. – 437 с.

Островский А.Б. Православные нагрудные кресты (зримые черты символики) // Кунсткамера. Этнографические тетради. – Вып. 8–9. – СПб.: [б.и.], 1995. – С. 54–74.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Берёзовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 251–262, 421.

Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Искусство, 2006. – 400 с.

Сальникова И.В. Ставрографическая коллекция Кривощековского некрополя (типология, семантика) // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2020. – Т. 22. – С. 67–77. – doi:10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Сизев А.С., Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2018 – № 2 – С. 50–59. – doi: 10.21603/2078-8975-2018-2-50-59

Скобелев С.Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. – С. 235–260.

Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики из округи Звенигорода (новые открытия) // Вестн. клуба «Раритет». – 2000. – № 1. – С. 3–19.

Татаурова Л.В. Характеристика ставрографических материалов комплекса Изюк I // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума – Омск: Наука, 2012 – Т. 12. – С. 158–162.

Татаурова Л.В. Русский комплекс XVII–XVIII веков Ананьино I в Тарском Прииртышье и уникальные находки полевого сезона 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 619–625. – doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.619-625

Татаурова Л.В. Археологические исследования русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино I (Тарский район Омской области) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 657–663. – doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.657-663

Татаурова Л.В., Кромм И.Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Агро-Пресс, 2010. – С. 284–285.

Тихонов С.С. Ананьино: этнографо-археологический комплекс // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. – С. 361–368.

Ширин Ю.В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Омск. ин-т (филиал) РГТУ, 2011. – С. 416–422.

Tataurova L.V., Krikh A.A. The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources) // Bylye Gody. – 2015 – Vol. 37. – Iss. 3. – P. 479–490.

References

Arkheologiya severnorusskoi derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere. Moscow: Nauka, 2008. Vol. 2: Material'naya kul'tura i khronologiya. 365 p. (In Russ.).

Bobrova A.I. Natel'nye kresty s Tiskinskogo mogil'nika. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2004. N 4. P. 107–115. (In Russ.).

Bobrova A.I. Natel'nye kresty iz mogil'nikov Priket'ya. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh,* Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014. Vol. I. P. 215–219. (In Russ.).

Berdnikov I.M. The Pectoral Crosses found during theexcavation of the church of Savior's necropolis in Irkutsk. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2012. N 3. P. 164–178. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.). Ekaterinburg, Nefteyugansk: Magellan, 2008. 296 p. (In Russ.).

Vinokurova E.P. Metallicheskie litye kresty-tel'niki XVII v. In *Kul'tura srednevekovoi.* Moscow: Nauka, 1999. P. 326–360. (In Russ.).

Kromm I.D., Berdnikov I.M. Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoi kollektsii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropolei g. Irkutska. In *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012. Iss. 4. P. 222–226. (In Russ.).

Makarov L.D. Yazychestvo I khristianstvo v dukhovnoi zhizni naseleniya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya v period razvitogo I pozdnego srednevekov'ya. *Finno-ugrovedenie*, 1996. Vol. 2. P. 23–49. (In Russ.).

Makarov L.D. Pogrebal'nyi obryad slavyano-russkogo naseleniya Vyatskogo kraya. In *Etnografo-arkheologicheskiekompleksy: Problemykul'turyisotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, 2003. P. 192–232. (In Russ.).

Molodin V.I. Staroobryadcheskie natel'nye kresty iz Ilimskoi kollektsii. In *Istoricheskii ezhegodnik. Spetsial'nyi vypusk. Posvyashchaetsya 60-letiyu professora Nikolaya Arkad'evicha Tomilova*. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2001. P. 20–30. (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogoostroga. Novosibirsk: INFOLIO, 2007. 248 p. (In Russ.).

Ostrovskii A.B, FedorovYu.F. Russkii pravoslavnyi krest v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya. St. Petersburg: Art-Palas, 2007. 437 p. (In Russ.).

Ostrovskii A.B. Pravoslavnye nagrudnye kresty (zrimye cherty simvoliki) In *Etnograficheskie tetradi*, St. Petersburg: Kunstkamera, 1995. Iss. 8–9. P. 54–74. (In Russ.).

Parkhimovich S.G. Kollektsiya artefaktov iz raskopok Berezovskogo gorodishcha. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*, Omsk: Apel'sin, 2008. P. 251–262, 421. (In Russ.).

Russkii traditsionnyi kostyum: Illyustrirovannaya entsiklopediya, St. Petersburg: Iskusstvo, 2006, 400 p. (In Russ.).

Sal'nikova I.V. Staurographic Collection of the Krivoshchyokovo Necropolis (Typology, Semantics). In *Vestnik Kem GU*, 2020. Vol. 22. P. 67–77. (In Russ.). doi: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-67-77

Sizev A.S., Ermolenko L.N., Solov'ev A.I. Collection of bartismal crosses from the archeological site of Kulakovo III in the lower Tom'vaiiey. In *Vestnik Kemerovskogo universiteta,* 2018. Iss. 2. P. 50–59. (In Russ.). doi: 10.21603/2078-8975-2018-2-50-59

Skobelev S.G. Osobennosti otnosheniya k predmetam religioznogo kul'ta u russkikh pervoprokhodtsev Yuzhnoi Sibiri XVIII v. (po materialam Sayanskogo ostroga).In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2005. P. 235–260. (In Russ.).

Stanyukovich A.K. Proizvedeniya russkoi srednevekovoi metalloplastiki iz okrugi Zvenigoroda (novye otkrytiya). In *Vestnik kluba «Raritet»,* 2000. N 1. P. 3–19. (In Russ.).

Tataurova L.V. Kharakteristika stavrograficheskikh materialov kompleksa Izyuk I.In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problem kul'tury I sotsiuma*, Omsk, Nauka, 2012. Vol. 12. P. 158–162. (In Russ.).

Tataurova L.V. Russian Complex of Ananyino I of the 17th–18th Centuriesfrom the Tara Irtysh Region: Discoveries and Unique Finds in the Field Season of 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 619–625. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.619-625

Tataurova L.V. Archaeological research of Russiansettlements of the 17th-18th centuries in Ananyino I (Tarsky district of Omsk region) in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 657–663. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.657-663

Tataurova L.V., Krikh A.A. The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources). *Bylye Gody*, 2015. Vol. 37. Iss. 3. P. 479–490. (In Russ.).

Taturova L.V., Kromm I.D. K voprosu o tipologii krestov – tel'nikov iz russkikh pamyatnikov Sibiri. In *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii,* Tomsk: Agro-Press, 2010. P. 284–285. (In Russ.).

Tikhonov S.S. Anan'ino: etnografo-arkheologicheskii kompleks. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*, Omsk: Omsk State Univ. Press, 2005. P. 361–368. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Pogrebal'nyi obryad khristianskikh kladbishch Pritom'ya XVII–XVIII vv. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody I tekhnologii*. Omsk: Omskii institut (filial) RGTU, 2011. P. 416–422. (In Russ.).

Татаурова Л.В. https://orcid.org/0000-0003-4829-7619
Сальникова И.В. https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0744-0749
УДК 903.2

Л.В. Татаурова✉, К.О. Сопова
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Комплекс глиняной утвари из раскопок поселения Ананьино I: типы, морфология и технология

Изучение керамики как археологического источника позволяет выйти на понимание культурных традиций русского населения Сибири Нового времени, а кроме того, выявить хронологические маркеры на основе морфологических и технологических признаков. Базой для таких исследований стали коллекции из поселенческого слоя памятника Ананьино I в Тарском Прииртышье, который планомерно исследуется более 10 лет. На основе полученных материалов выявлены типы используемой глиняной посуды. Основной и самый распространенный из них – горшок. Для этой формы выделены эталонные серии по размерным, морфологическим и технологическим признакам. Глиняная утварь, найденная в 2022 г. в ходе раскопок жилого комплекса, где зафиксированы многочисленные и многослойные развалы и целые сосуды, изучена по типовому и морфологическому разнообразию, дана характеристика технологии ее изготовления. Предварительный анализ показал, что большая часть материала укладывается в выделенные эталонные группы как по морфологии, так и по технологическим показателям. Описано несколько сосудов нетрадиционных форм, один, приземистой формы с широким горлом, находит аналогии в керамическом собрании г. Мангазеи, что позволяет предположить синхронность бытования таких горшков. В коллекции 2022 г. большой процент занимает чернолощеная посуда, найденная в жилище и на остальной площади раскопа. К ней относятся миски, маленькие горшочки-сливочники и небольшое количество горшков больших размеров, что позволяет поставить вопрос об отнесении такой посуды к разным категориям – кухонной и столовой. Типовое разнообразие керамики, кроме горшков, представлено латками, мисками, сковородами, блинницами. Дальнейший анализ коллекции позволит выйти на реконструкции в разных сферах жизнедеятельности населения д. Ананьино.

Ключевые слова: *керамика, морфология, технология, Новое время.*

L.V. Tataurova✉, K.O. Sopova
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Pottery from the Excavations at the Settlement of Ananyino I: Types, Morphology, and Technology

Study of archaeological pottery elucidates cultural traditions of the Russian population living in Siberia in the Modern period and establishes the chronological markers based on morphological and technological features. The collections from the settlement layer of the Ananyino I site in the Tara Irtysh region became the basis for such studies. The site has been systematically investigated for over ten years. Pots are the main and most common type of pottery. The referential series have been selected according to morphological and technological features for this variety of pottery. During the excavations of a dwelling complex in 2022, numerous and multi-layered assemblages of pottery fragments and intact vessels were found; the collection was subsequently studied for type and morphological diversity of the vessels, as well as their manufacturing technique. The preliminary analysis has shown that most of the evidence fits the selected referential groups in terms of morphology and technological features. Several vessels of atypical forms included a low pot with wide neck, which finds parallels in pottery collection from Mangazeya. This makes it possible to suggest synchronous existence of such pots. Black-polishing dishes discovered in a dwelling and in the remaining excavation area constitute a large percentage of pottery found in 2022. They include bowls, small creamer pots, and some large pots. This suggests classifying such dishes as different categories of kitchen and dining utensils. In addition to pots, typical varieties of pottery included bowls, frying pans, and pans for making crepes. Further analysis of the collection would make it possible to reconstruct various aspects of daily life among the population of the village of Ananyino.

Keyword: *pottery, morphology, technology, Modern period.*

Введение

Изучение керамических комплексов Нового времени, как и в дописьменной археологии, важный аспект в исследовании культурных традиций. Прежде всего, в анализе такой жизненно важной части бытия, как культура питания, которая напрямую связана с использованием разнообразной утвари, в том числе и сделанной из глины. Кроме того, керамика может быть хронологическим маркером на основе изучения ее морфологии и технологии. Археологическое изучение русских поселений XVII–XVIII вв. в Тарском Прииртышье способствовало формированию представительного керамического собрания, значение которого трудно переоценить.

Керамическая коллекция из раскопок д. Ананьино (памятник Ананьино I) получена в процессе многолетних планомерных раскопок и частично введена в научный оборот [Татаурова, 2015; Сопова, Татаурова, 2017; Сопова, 2020]. В результате полевых работ 2022 г. изучен жилой комплекс (см. статью Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. «Археология русской деревни Ананьино: новые открытия» в данном сборнике), в котором проживал, судя по разнообразию и богатству находок, служилый младшего командного звена с семьей. Статус хозяина отразился, кроме найденных вещей, и в ассортименте керамической посуды, ее количестве и качестве.

Цель публикации – представить комплекс глиняной утвари, дать характеристику типового разнообразия, морфологических и технологических признаков.

Планиграфия керамических комплексов в раскопе и жилище, типы сосудов, их морфология и технология

В раскоп 2022 г., площадью 212 м^2 попало одно жилище, расположенное в южной части вскрытой площади. Как и в любом культурном слое керамика в разном объеме найдена во всех горизонтах памятника, но в основном в виде разрозненных фрагментов. В заполнении жилища, наоборот, зафиксированы многочисленные и многослойные развалы и целые сосуды, располагавшиеся во всех частях избы на уровне третьего и четвертого (последнего) горизонтов (рис. 1).

Проведенные ранее исследования керамического материала показывают, что самый распространенный из всего разнообразия тип посуды на этом памятнике – горшок. На основании анализа целых форм выделены три размерные группы горшков [Татаурова, Сопова, 2020], которые можно считать эталонными при дальнейшем изучении керамических коллекций с этого поселения:

1) малые горшочки диаметром по венчику 8–10 см, дна 5,3–7,8 см, высота от 5,5 до 9 см;

2) горшки средних размеров с диаметром по венчику 14–16 см, по дну 10–12,5 см, высотой 12–16 см;

3) большие горшки делятся на две подгруппы: а) крупные, с диаметром по венчику от 17 до 22 см, дна 11,4–17 см, высотой от 18 до 21 см; б) корчаги – диаметр по венчику от 20 до 26 см, дна – 22 см, высота – 34 см.

Для унификации описания морфологии верхней части сосуда использованы термины, предложенные В.Ю. Ковалем [2014]. Венчиком предлагается называть верхнюю профилированную часть сосуда, отделенную от тулова (плечика) в той точке, где уклон плечиков сосудов внутрь заметным образом меняется на вертикальное или близкое к нему положение (т.е. в точке перегиба линии контура). Венчик состоит из двух конструктивных элементов: шейки – нижней его части, и устья – верхней части, которая в большей степени подвергается разнообразным деформациям [Там же, с. 516]. Среди целых форм и фрагментов горшков из Ананьино I выделяются четыре конструктивные схемы венчиков:

1) вертикальные венчики, состоящие из цилиндрического устья;

2) дугообразно изогнутые венчики, не разделяющиеся морфологически с устьем;

3) загнутые внутрь сосуда венчики, состоящие из наклонной шейки и отогнутого наружу небольшого устья;

4) наклоненные внутрь сосуда венчики, имеющие вид усеченного конуса.

Горшки всех трех групп сформованы методом скульптурной лепки с доработкой на гончарном круге, обожжены, как правило, в восстановительной среде. Большинство не имеют дополнительной обработки поверхности.

Предварительный анализ керамической коллекции 2022 г. показал, что большая часть материала укладывается в выделенные эталонные группы как по морфологии, так и по технологическим показателям. Однако новые материалы внесли некоторые коррективы в известные морфологические конструктивные схемы горшков. Зафиксированы венчики, наклоненные внутрь сосуда с резким переходом к плечу (рис. 2, *1*); вертикальные венчики с ложбинкой от фигурного среза по краю (рис. 2, *2*), вертикальные, округлой формы или дугообразно изогнутые, не разделяющиеся морфологически с устьем. Зафиксированы формы горшков с раздутым туловом (рис. 2, *3*, *4*).

Рис. 1. Планиграфия керамических комплексов в раскопанном жилище.

1 – общий вид с севера избы на уровне третьего горизонта с развалами керамических форм; *2* – скопление керамики между СВ стеной наружного и внутреннего срубов в северной части жилища; *3*, *4* – скопление керамики в северном углу внутреннего сруба на разных уровнях заполнения (второй и третий горизонт); *5* – скопление в западном углу внутреннего сруба; *6* – скопление между СЗ стенами наружного и внутреннего сруба жилища; *7*, *9* – скопление в южном углу у крыльца; *8* – в восточном углу жилища. Фото Л.В. Татауровой.

Технологические особенности отмечены на фрагментах днищ горшков с монолитным поддоном, что не является типичной находкой среди посудного комплекса памятника. Найдено большое количество фрагментов днищ с явными технологическими признаками их изготовления методом скульптурной лепки с донным начином (рис. 2, *5*, *6*).

В целом для горшков из коллекции 2022 г. (рис. 3, *1*) характерна формовка методом скульптурной лепки с последующей доработкой на гон-

Рис. 2. Морфологические особенности керамики из раскопа 2022 г. Ананьино I.

1–4 – профили горшков; *5* – фрагмент дна с монолитным поддоном; *6* – фрагмент дна сосуда, изготовленный методом скульптурной лепки донным начином. Фото и реконструкции К.О. Соповой.

Рис. 3. Разнообразие форм керамики Ананьино I.

1 – горшок; 2 – сосуд горшковидной формы полностью лепного производства; *3* – приземистый горшок со сливом; *4* – приземистый горшок из раскопа 2019 г.; *5* – латка; *6* – сковорода; *7* – верхняя часть лощеного горшочка; *8* – лощеная миска; *9* – блинница. Фото и реконструкции К.О. Соповой.

чарном круге, обжиг в восстановительной среде, дающий цвет черепка от темно-серого до черного, отсутствие дополнительной обработки поверхности. Это типично для керамического производства памятника Ананьино I.

Особо остановимся на некоторых необычных формах. Морфологически выделяется приземистый горшок (см. рис. 1, *3* – он слева, радом с белой стрелкой; рис. 3, *2*) с диаметром по венчику равным диаметру днища – 16 см, высотой 12 см. Сосуд изготовлен методом скульптурной лепки, без следов доработки на круге, толщина стенок 1,7 см. Венчик отогнут наружу, округлой формы. В формовочной массе большое количество органики, обожжен в восстановительной среде.

Интересен приземистый, раздутый в тулове экземпляр со сливом (рис. 3, *3*). Его диаметр по венчику 26 см, диаметр днища 18 см, а высота 15 см. Венчик вертикально поставлен, округлой формы. Выполнен методом скульптурной лепки – фиксируются следы стыков лент, заглаженных с наружной стороны на гончарном круге. Обожжен в окислительно-восстановительной среде, вследствие чего имеет неравномерный цвет поверхности – от светло-коричневого до черного. Эти особенности формы редкие в общей массе керамики Ананьино. Подобный горшок был зафиксирован в избе-связи, изученной в 2019 г. и располагавшейся в 2–3 м к ЮЗ от избы из раскопа 2022 г. Отличием сосуда, найденного в 2019 г., является более высокая шейка относительно общей пропорциональности сосуда, а также небольшая разница между максимальным диаметром тулова и дна (рис. 3, *4*). Такие горшки находят аналогии в керамическом комплексе Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 254].

Кроме доминирующей формы – горшка, в изученном жилище наблюдалось большое типовое разнообразие глиняной посуды. Обнаружены: сковороды, латки, миски, маленькие горшочки со сливом, блинницы. В технологическом плане в коллекции других форм сосудов увеличилось количество лощеных изделий.

Латки – это широкодонные с практически одинаковым диаметром дна и венчика и вертикальными стенками сосуды. Выполнены методом скульптурной лепки, обожжены в восстановительной среде. Большей частью зафиксированы верхние части латок, их диаметр варьирует от 16 до 20 см. Высота реконструированных форм – 7 см (рис. 3, *5*).

Сковороды изготовлены методом скульптурной лепки с доработкой на гончарном круге, без дополнительной обработки поверхности. Обожжены в восстановительной среде. Диаметр 20–22 см, высота 5–6 см (рис. 3, *6*).

Представительна коллекция чернолощеной посуды, к которой относится серия небольших горшочков-сливочников с наклоненными внутрь сосуда или вертикальными венчиками, диаметром 14–16 см (рис. 3, *7*). В рамках этой публикации они представлены в группе чернолощеных изделий, т.е. по технологическому, а не по функциональному или формообразующему признаку. В жилище и частично в раскопе найдено большое количество фрагментов чернолощеных мисок с вертикальными или отогнутыми наружу округлыми венчиками. Есть фрагмент миски со сливом. Все они изготовлены на гончарном круге, обожжены в восстановительной среде. Их размерные характеристики по венчику варьируются от 11 до 17 см в диаметре (рис. 3, *8*), высота – 5–8 см.

Интересна находка лепной блинницы. Она полностью сформована методом скульптурной лепки, фиксируются следы пальцев гончара. Обожжена в окислительной среде – цвет поверхности и излома светло-коричневый. Диаметр по венчику и диаметр дна – 15 см, ее высота – 2 см (рис. 3, *9*).

Заключение

Полученная в ходе раскопок 2022 г. поселенческого комплекса Ананьино I коллекция керамики при несомненной схожести с собраниями предыдущих лет исследования памятника, в том числе с эталонными группами горшков, отличается по некоторым морфологическим и технологическим позициям.

Анализ морфологического разнообразия горшков позволил найти аналогии с керамикой Мангазеи – первого русского заполярного города в Сибири. Учитывая тот факт, что типология форм отражает принятые в традиционной культуре нормы, характеризующиеся стабильностью для определенного и достаточно короткого (в пределах века) периода, Мангазейская коллекция может использоваться в качестве эталонной при датировке смешанных и широко датирующихся коллекций, зачастую представленных фрагментами венчиков и днищ. Сопоставление морфологии горшков из коллекции керамики Мангазеи, которую К.О. Сопова имела возможность изучить в 2022 г., с материалами Ананьино позволило выявить сходства. В Мангазее заметно преобладание приземистых горшков, преимущественно широкогорлых, с короткими венчиками, едва намеченными шейками, высокими плечиками и раздутыми туловами. Подобная форма и профилировка встречается и среди материалов, полученных в ходе раскопок Ананьино I в новом полевом сезоне.

Заметным в раскопе 2022 г. было насыщение слоя лощеной керамикой, что само по себе не ти-

пично для сельского памятника. Большая часть ее находок связана с изученным жилищем и, вероятно, маркирует социальный статус его обитателей. Ее типологическое разнообразие еще предстоит изучить, что позволит создать эталонную коллекцию в рамках одного жилищного комплекса и понять, к какой категории посуды – столовой или кухонной она относится – в материалах 2022 г. есть фрагменты лощеных/частично лощеных горшков 2 и 3 групп.

Анализ имеющего керамического материала выведет нас на новый уровень понимания многих вопросов, связанных как с теоретическими позициями в науке – типология, технология, морфология, так и с историческими реконструкциями систем жизнеобеспечения, развития ремесла, культурных контактов и торговых отношений русского населения Сибири в Новое время.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Авторы признательны Г.П. Визгалову – автору раскопок Мангазеи, а также сотрудникам Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского и лично Н.В. Перцеву за возможность работы с коллекциями и публикации материалов.

Список литературы

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. – 360 с.

Коваль В.Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М.: ИА РАН, 2014. – Вып. 10. – С. 489–572.

Сопова К.О. Гончарство русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XX в. по этнографическим и археологическим источникам // Мат-лы LX Российской археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых с междунар. участием. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2020. – С. 257–258.

Сопова К.О., Татаурова Л.В. Современные подходы и методы в изучении русской керамики Нового времени // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Наука, 2017. – С. 133–141.

Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. – М.: Изд. ИА РАН, 2015. – С. 142–154.

Татаурова Л.В., Сопова К.О. Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты // Былые годы. – 2020. – Т. 58, вып. 4. – С. 2396–2408. – doi: 10.13187/bg.2020.4.2396

References

Koval' V.Yu. Pervichnaya statisticheskaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya (X-XVII veka) i rannego zheleznogo veka lesnoi zony Vostochnoi Evropy (metolicheskie rekomendatsii). In *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara*. Moscow: IA RAS Publ., 2014. Iss. 10. P. 489–572. (In Russ.).

Sopova K.O. Goncharstvo russkogo naseleniya Zapadnoi Sibiri v 18th – nachale 20th v. po etnograficheskim i arkheologicheskim istochnikam. In *Materialy Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2020. P. 257–258. (In Russ.).

Sopova K.O., Tataurova L.V. Sovremennye podkhody i metody v izuchenii russkoi keramiki Novogo vremeni. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk : Nauka, 2017. P. 133–141. (In Russ.).

Tataurova L.V. O tipologii russkoi keramicheskoi posudy XVIII v. In *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki*. Moscow: IA RAS Publ., 2015. P. 142–154. (In Russ.).

Tataurova L.V., Sopova K.O. Russkaya keramika Zapadnoi Sibiri – ot nastoyashchego k proshlomu: metodicheskie aspekty. In *Bylye gody*, 2020. Vol. 58. Iss. 4. P. 2396–2408. (In Russ.). doi: 10.13187/bg.2020.4.2396

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Karavan, 2017. 360 p. (In Russ.).

Татаурова Л.В. https://orcid.org/0000-0003-4829-7619
Сопова К.О. https://orcid.org/0000-0001-8563-1319

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0750-0756
УДК 904

Л.В. Татаурова✉, С.Ф. Татауров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Археология русской деревни Ананьино: новые открытия

Планомерное археологическое изучение русской деревни Ананьино, основанной в XVII в., продолжается уже 14 лет. За этот период на памятнике изучено 2 740 м^2, раскопано 8 жилищных комплексов, получена представительная коллекция разнообразных находок. Полевые исследования 2022 г. включили в планиграфию поселения еще одно жилище, в котором зафиксировано большое количество находок, в т.ч. уникальных, неизвестных в деревенской археологии Тарского Прииртышья. Традиционный набор инвентаря характеризует основные элементы системы жизнеобеспечения населения деревни: жилые комплексы и домостроительство; систему питания и костюм. К жилому комплексу относится изученная в 2022 г. одностопная изба с развалом печи, крыльцом, остатками пола, под которым найдена китайская курительная трубка. С домостроительством связаны находки инструментов. О системе питания свидетельствует многочисленный остеологический и керамический материал, находки рыболовного и охотничьего снаряжения. К столовой утвари, связанной с питанием, кроме керамики, относится железная ложка – статусный предмет для XVII–XVIII вв. Части костюма представлены кожаной обувью, пуговицами, застежками-запонками, фрагментом серебряной портупейной пряжки. К украшениям тела принадлежат перстни, бусы, детали подвесок и сережек. Ряд предметов, прежде всего игры и игрушки, характеризует духовную культуру, а также некоторые привычки жителей деревни. Уникальной стала впервые обнаруженная на сельском памятнике находка костяной шахматной фигуры оригинальной формы. К редким игрушкам можно отнести стеклянные шары. К традиционным – кости-бабки, глиняные креймешки. Привычки жителей характеризуют курительные трубки – керамическая, вероятно, XVII в. и уникальная китайская фаянсовая. Обнаруженные монеты, чешуйки петровского времени и денги, датируют раскопанную избу концом XVII – серединой XVIII в. Полученный вещевой материал позволил представить уровень жизни и социальный статус представителей сельского населения.

Ключевые слова: *русская деревня, археология, система жизнеобеспечения, металлическая ложка, шахматы, китайская трубка.*

L.V. Tataurova✉, S.F. Tataurov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Archaeology of the Russian Village of Ananyino: New Discoveries

Systematic archaeological study of the Russian village of Ananyino, founded in the early 17th century, has been continuing for fourteen years. During this period, 2740 m^2 were studied at the settlement; eight dwelling complexes were excavated, and a representative collection of various finds was obtained. Field research in 2022 involved another dwelling which was a part of planigraphy at the site and provided a large number of finds, including unique objects unknown from the village archeology of the Tara Irtysh region. Traditional inventory complex is associated with main aspects of life support system of the village population, and includes dwelling complexes, house building, food system, and clothing. The dwelling complex studied in 2022 was a single-storey log house with collapsed stove, porch, and remains of flooring inside. Chinese smoking pipe of faience was found under the floor. The discovered tools were associated with house building. Numerous osteological evidence, pottery, and fishing and hunting equipment testify to food procurement system. In addition to pottery as a part of dining utensils, an iron spoon – high status object for the 17th–18th centuries – was discovered. Clothing finds were represented by details of leather shoes, buttons of different varieties, cufflinks, and part of silver belt buckle. Jewelry finds included rings, beads, details of pendants, and earrings. A number of finds, such as games and toys was related to everyday culture and customs among the villagers. A unique find was a bone chess piece of distinctive shape, which was the first find related to chess at a rural site.

Rare toys included glass balls; traditional toys included knucklebones and clay game tokens. Some habits of the inhabitants were revealed by smoking pipes of ceramic, probably of the 17th century, and unique pipe of Chinese faience. Different types of coins date the excavated house to the late 17th– mid 18th century. The material evidence has made it possible to reconstruct the living standards and social status among the representatives of the rural population.

Keywords: *Russian village, archaeology, life support system, metal spoon, chess, Chinese pipe.*

Введение

Раскопки нового участка на поселении Ананьино I (XVII–XVIII вв., Тарский р-н Омской обл.), кроме разнопланового традиционного инвентаря, представлявшего различные стороны системы жизнеобеспечения, привели к формированию коллекции вещей, ранее неизвестных или редко встречавшихся на этом памятнике.

Общая изученная за 14 сезонов площадь поселения составила 2 740 м^2. На этой территории зафиксировано восемь жилых комплексов различной планиграфии: избы, избы-связи, выстроенные вдоль берега оз. Ананьино, на котором расположилась деревня. В ходе раскопок зафиксирован участок раннего кладбища, устроенного первопоселенцами [Татаурова, 2020]. В 2022 г. исследовано 212 м^2 культурного слоя памятника, зафиксированы 742 индивидуальные находки, коллекции керамики, палеозоологическая и ихтиологическая.

В организации и проведении работ участвовали учащиеся и преподаватели Предуниверсария Московского авиационного института и студенты московских вузов под руководством А.И. Жигулина.

Цель статьи – представить на основе полученных вещевых комплексов, в т.ч. уникальных для деревенского слоя, систему жизнеобеспечения и социальный статус владельцев изученного жилища.

Планиграфия жилища и зафиксированных находок

Участок раскопа 2022 г. стал продолжением исследованной в 2019, 2020 и 2021 гг. территории памятника. Его северо-восточная часть оказалась свободной от построек и объектов, в юго-западной зафиксирована одностопная изба с крыльцом и развалом печи (рис. 1).

Изба состояла из двух срубов – наружного и внутреннего. Размеры наружного по внешнему контуру 574 × 584 см (рис. 1, *1*). Сохранилось два венца, с толщина бревен 30–35 см, внутренняя, жилая площадь (наружный сруб) составила почти 27 (26,93) м^2. Под СЗ и ЮВ стены сруба для его выравнивания на поверхности (к СЗ начинается уклон берега озера), поперек были положены метровые, толщиной 20–30 см фрагменты бревен, выполнявших роль «стульев»: 9 под СЗ и 7 под ЮВ стеной (рис. 1, *3*, *4*).

Внутренний сруб располагался в центре наружного, в 50 см от каждой из стен. От него остался один венец из нетолстых, 15–20 см в диаметре, бревен (рис. 1, *1*, *3*, *4*). Его размеры (СЗ – ЮВ) 370 × 380–390 см. С СЗ под стены внутреннего сруба поперек (СВ – ЮЗ) положен горбыль толщиной 10 см, вероятно, исполнявший роль «стульев», выравнивавших горизонтальную плоскость сруба.

В северо-восточной части внутреннего сруба сохранилось четыре половицы (рис. 1, *1*, *3*, *4*), каждая длиной 370 см (СЗ – ЮВ), шириной 26–28, толщиной 6–8 см. В ширину (СВ – ЮЗ) пол занял 130 см. В слое на уровне половиц и на них в северном углу внутреннего сруба зафиксировано множество развалов керамической посуды, они локализуются и в других частях жилища. Заполнение под полом представлено строительным мусором (щепой), перемесом из коричневой органики и черного гумуса, в ЮВ части – глины с золой, с включениями керамики, костей животных, птиц и рыб, индивидуальных предметов. В остальной части – черный гумус с прослойками щепы, почти без находок.

У южного угла наружного сруба сохранилось крыльцо на уровне второго венца (рис. 1, *4*). Снаружи жилища у СЗ стены располагался развал желтой, с вкраплениями кирпича, глины, вероятно, от печи (рис. 1, *2*), размерами (СЗ – ЮВ) 42,0 × 35,0 см. Аналогичная планиграфия жилища с развалом глины у СЗ стены зафиксирована в 2019 г. [Татаурова, 2019, с. 620]. Оба жилища расположены в 2–3 м друг от друга.

Вещевой комплекс из раскопа и жилища: новые открытия

Коллекция вещей, полученная в ходе раскопок, количественно и качественно отличается от материалов предыдущих сезонов, а кроме того характеризует большую часть системы жизнеобеспечения, включающую жилище, костюмный комплекс и систему питания.

К представленной выше характеристике жилищного комплекса можно добавить набор инструментов, применяемых в строительстве: скобель для ошкуривания бревен, тесло (рис. 2, *1*, *2*), строительно-крепежный инвентарь, в т.ч. гвозди, используемые в организации интерьера, а также запорные крючки, замочные скважины, ключ, металлические детали сундуков.

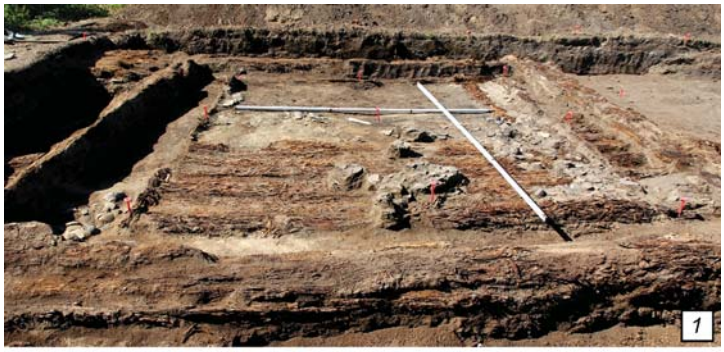


Рис. 1. Ананьино I. Раскопанная в 2022 г. одностопная изба. *Фото Л.В. Татауровой*.

1 – вид с СВ на наружный и внутренний срубы жилища на уровне третьего горизонта; *2* – вид СЗ части избы с развалом печи у наружной стены сруба; *3* – изба на уровне материковой поверхности, на переднем плане бревна-стулья под ЮВ стеной наружного сруба и половицы у СВ стены внутреннего сруба. Вид с В; *4* – изба на уровне материковой поверхности, на переднем плане крыльцо.

Информацию по системе питания дают обширные ихтиологические, орнитологические, зоологические коллекции. В заполнении культурного слоя жилища встречено большое количество остатков рыб, преимущественно осетровых. Соответственно, для их добычи использовали разнообразный инвентарь, который представлен более чем 20 глиняными грузилами различных видов, 55 рыболовными крючками от различных снастей (рис. 2, *3*, *4*) – удочек, самоловов как озерного, так и речного типа. К предметам, связанным с рыболовством, относится костяной кочедык для ремонта сетей.

В рационе питания, судя по многочисленным костям в слое, большое значение имело мясо птиц. Снарядами для охоты являются семь глиняных шариков от пращи различного веса и размера для разных видов птиц (рис. 2, *5–7*) и ок. 60 ед. припасов для огнестрельного оружия: пуль, дроби, картечи и свинцовых заготовок для их производства.

Большое количество костей домашних животных свидетельствует о развитом животноводстве и охоте на млекопитающих, что подтверждается письменными источниками. На то, что служилое население деревни содержало лошадей, указывают найденные подковы разных типов (рис. 2, *12*) и огромное количество ухналей.

К охотничьему промыслу относятся находки четырех (два железных, два костяных) наконечников стрел (рис. 2, *8–11*), три из них традиционны [Татаурова, Мыльников, 2021]. Один железный трехгранный наконечник стрелы (рис. 2, *11*) ранее не встречался на русских памятниках Тарского Прииртышья. По типологии А.И. Соловьева его можно отнести к группе трехлопастные, типу 2 – килевидные, варианту 2 – «со слабым остроугольным обрезом пера и прямой шейкой» [Соловьев, 1987, с. 35]. Размеры экземпляра из Ананьино: длина 9 см, перо 6, ширина пера 1,5, диаметр черешка 0,5 см.

Утварь для приготовления, хранения и употребления пищи характеризует большая коллекция керамических сосудов (см. статью Татаурова Л.В., Сопова К.О. «Комплекс глиняной утвари из раскопок поселения Ананьино I: типы, морфология и технология» в этом сборнике).

Рис. 2. Ананьино I. Орудийный комплекс, характеризующий элементы системы жизнеобеспечения. *Фото Л.В. Татауровой*.

1 – тесло (железо); *2* – скобель (железо); *3* – рыболовные крючковые снасти из железа; *4* – глиняное грузило; *5–7* – глиняные шарики для пращи; *8*, *9* – костяные наконечники стрел; *10*, *11* – железные наконечники стрел; *12* – железная подкова; *13* – железная ложка.

С глубокой древности на Руси пользовались деревянными ложками. На изучаемом поселении, в силу особенностей культурного слоя, их пока не найдено, но они известны в Таре [Татауров С.Ф., 2022]. Поэтому настоящим открытием было обнаружение в Ананьино в северном углу жилища под скоплением керамики железной ложки (рис. 2, *13*). Ее размеры: длина 17 см, овальный черпак 4,5 × 6,4 см, ручка округлая под углом к черпаку. Обнаруженный железный экземпляр по форме близок деревянным. В XVIII в. обладание металлической (чаще серебряной) ложкой указывало на высокий статус ее владельца. Статус людей, проживавших в этом доме, подчеркивает и большое количество китайского фарфора периодов правления династий Цин и Канси [Татауров Ф.С., 2017, с. 837, 838].

Представительная коллекция вещей относится к костюмному комплексу. В культурном слое поселения, но более всего в жилище, зафиксированы детали кожаной обуви нескольких фасонов, железные супинаторы и подковки к каблукам разных типов. Но преобладают находки металлических пуговиц и застежек-запонок. Пуговицы двух видов – мундирные и костюмные гирьковидные разных вариантов и размеров, последних 24 шт. (рис. 3, *1*, *2*). Деталью женской одежды являются запонки, их обнаружено 9 шт. (рис. 3, *3*), все металлические, две с инкрустацией. «Запонки вставлялись в прорези на вороте или воротнике рубахи. Были распространены по всей территории России» [Русский традиционный костюм, 2006, с. 90].

К украшениям тела относятся разные типы вещей. Бусы синие и белые – 11 шт., одна большая голубая (рис. 3, *4*). Две сережки с бусинами, представленные обломками (рис. 3, *5*), части подвесок (рис. 3, *6–9*), фрагмент портупейной орнаментированной пряжки из серебра (рис. 3, *10*). Перстни раз-

Рис. 3. Ананьино I. Предметы костюмных комплексов, трубки, игрушки, деньги. *Фото Л.В. Татауровой*.

1, *2* – гирьковидные металлические пуговицы; *3* – запонка с инкрустацией; *4* – голубая большая бусина; *5* – фрагмент сережки с бусиной; *6–9* – фрагменты украшений; *10* – часть серебряной портупейной пряжки; *11*, *12* – перстни с орнаментированным и инкрустированным щитком; *13* – костяной гребень; *14* – глиняная головка курительной трубки; *15* – китайская фаянсовая курительная трубка; *16*, *17* – стеклянные шары-игрушки; *18* – шахматная фигурка «слон» из кости; *19*, *20* – монеты-чешуйки; *21* – монета-полушка 1739 г.; *22* – монета-денга 1749 г.

ных размеров (9 шт.) с орнаментированными и инкрустированными щитками (рис. 3, *11*, *12*) и одно колечко. К аксессуарам костюма относятся три костяных гребня традиционных форм (рис. 3, *13*), железные калачевидные кресала и кремни к ним. Для изготовления одежды и обуви использовали швейные иглы (найдены в большом количестве), напер-сток, ножницы, сапожные шилья – все они представлены в культурном слое.

Две вещи характеризуют мужские привычки деревенских жителей – это глиняная головка курительной трубки (рис. 3, *14*) и китайская фаянсовая трубка (рис. 3, *15*). Трубка из глины, вероятно, допетровского времени, таких на поселении зафиксиро-

вано несколько [Татаурова, Татауров, 2018, с. 313]. Китайская фаянсовая найдена под половицей внутреннего сруба, аналоги нам пока неизвестны.

Целый ряд предметов отражает духовную культуру населения. Прежде всего это принадлежности для игр. Открытием сезона стала находка шахматной фигуры, слона, выполненной из кости (рис. 3, *18*). Впервые на поселении найдены два целых стеклянных шара (рис. 3, *16, 17*), ранее их фиксировали только в обломках [Довгалюк, Татаурова, 2010]. Такие предметы известны в Таре [Черная, Татауров, 2019]. К традиционным игрушкам относятся многочисленные «бабки», креймешки (их более 20) – этих предметов было особенно много в заполнении жилища.

В раскопе на всех горизонтах найдено 36 нательных крестов разных типов (см. статью Татаурова Л.В., Сальникова И.В. «Нательные кресты из культурного слоя поселения Ананьино I» в этом сборнике).

Жилище, как и весь описанный выше предметный ряд, функционировало в период с конца XVII по середину – третью четверть XVIII в. На это указывает коллекция монет: всего обнаружено 19 чешуек петровского времени, 2 полушки и 10 «денег» (рис. 3, *19–22*). Планиграфически они распределены весьма интересно – в СЗ части жилища найдены, в основном, монеты «денги» и полушки, датированные от 1739 до 1749 гг. Чешуйки зафиксированы в ЮВ части избы, в т.ч. две под досками крыльца. Четыре «денги» и пять чешуек найдены вне жилища в других частях раскопа.

Заключение

Культура населения сибирских деревень XVII–XVIII вв. изучена крайне мало, поэтому многолетние раскопки одного из первых сельских поселений Тарского Прииртышья дают уникальные материалы по планиграфии населенного пункта в целом и жилых комплексов в частности, представляют систему жизнеобеспечения, промыслы, ремесла, различные аспекты духовной культуры.

Полученная коллекция артефактов характеризует высокий социальный статус жителей изученного жилища, что прослеживается в разнообразии и богатстве инвентаря. Находка шахматной фигурки, металлической ложки, китайского фарфора и трубки, стеклянных шаров-игрушек, разнообразных украшений, в т.ч. из серебра, и большого количества монет позволяет сопоставить этот комплекс, по уровню благосостояния его владельцев, с городским. В избе мог проживать представитель младшего командного звена с семьей. Изученный в 2022 г. участок жилой среды дал уникальный вещевой материал, позволивший представить уровень жизни сельского населения в конце XVII – первой половине XVIII в.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Торговые связи русских переселенцев XVII–XVIII вв. (по находкам стеклянных бус из слоев сельских поселений) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 37–45.

Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Н. Соснина, И. Шангина. – СПб.: Искусство, 2006. – 400 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.

Татауров С.Ф. Деревянная посуда и кухонная утварь у населения г. Тары в XVII–XVIII вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2022. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 192–199. doi: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).200-207

Татауров Ф.С. Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. – Т. 2. – С. 835–841.

Татаурова Л.В. Русский комплекс XVII–XVIII веков Ананьино I в Тарском Прииртышье и уникальные находки полевого сезона 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 619–625. doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.619-625

Татаурова Л.В. Археологические исследования русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино-I (Тарский район Омской области) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 657–663. doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.657-663

Татаурова Л.В., Мыльников В.П. Охотничье-промысловый инвентарь русского населения Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 3. – С. 83–92. doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.083-092

Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Социальные маркеры русского служилого населения Западной Сибири

XVII–XVIII вв. по археологическим материалам. Табак и трубки // Stratum plus. – 2018. – № 6. – С. 309–317.

Черная М.П., Татауров С.Ф. Игры детей и игрушки в социокультурном пространстве сибирского города: историко-археологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – № 2. – С. 84–92. doi: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.084-092

References

Chernaya M.P., Tataurov S.F. Children's games in the sociocultural space of a siberian town: historical and archaeological context. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. N 2. P. 84–92. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.084-092

Dovgalyuk N.P., Tataurova L.V. Glass Beads from Russian Villages in the Middle Irtysh Area with Reference to the Trade Links of Russian Settlers in 17th–18th Century Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010. N 2. P. 37–45. (In Russ.).

Russkii traditsionnyi kostyum: Illyustrirovannaya entsiklopediya. Avt.: N. Sosnina, I. Shangina. Saint-Petersburg: Iskusstvo, 2006, 400 p. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoj Sibiri. Epoha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 192 p. (In Russ.).

Tataurov F.S. Chinese Porcelain from Russian Sites of the Middle Irtysh in 17th – First Half of the 18th Centuries. In *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv*. Kazan'; Kishinev: Stratum Plus, 2017. Vol. 2. P. 835–841. (In Russ.).

Tataurov S.F. Wooden Dishes and Kitchen Utensils Among the Population of Tara in the 17th–18th Centuries. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, Vol. 9. N 1 (33). P. 200–207. (In Russ.). doi: 10.24147/2312-1300.2022.9(1). 200-207

Tataurova L.V. Archaeological research of Russian settlements of the 17th–18th centuries in Ananyino I (Tarsky district of Omsk region) in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 657–663. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.657-663)

Tataurova L.V. Russian Complex of Ananyino I of the 17th–18th Centuries from the Tara Irtysh Region: Discoveries and Unique Finds in the Field Season of 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 619–625 (In Russ). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.619-625)

Tataurova L.V., Mylnikov V.P. Hunting and fishing equipment of the Russian population of the Tarsky Priirtyshye of the XVII–XVIII centuries. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. N 3. P. 83–92. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0102.2021.49.3.083-092

Tataurova L.V., Tataurov Ph.S. Social Markers of the Russian Servicemen in Western Siberia in 17th–18th Centuries by Archaeological Materials. Tobacco and Pipes. *Stratum plus*, 2018. N 6. P. 309–317. (In Russ.).

Татаурова Л. В. https://orcid.org/0000-0003-4829-7619
Татауров С. Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0757-0765
УДК 903.2+911.373.2(571.13)

К.Н. Тихомиров✉, М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com; marinat24@mail.ru

Археологический инвентарь с поселений татар Среднего Прииртышья Нового и Новейшего времени (по материалам полевых исследований)

В статье представлено описание инвентаря, полученного в результате сборов и шурфовок в 2019–2022 гг. культурных слоев шести поселений западносибирских татар, расположенных в Большереченском, Тарском, Тевризском р-нах Омской обл. Описаны следующие категории инвентаря: керамика, глиняные, костяные, металлические изделия. Сделаны выводы, что в коллекциях фрагменты из фаянса значительно превалируют над обломками лепных и станковых сосудов. Среди этой посуды декорированных образцов встречается в два раза меньше. В способах декора преобладает ручная роспись. Преобладает растительный орнамент, из простейших узоров – отводка (лента). Согласно датирующим признакам, образцы фаянса относятся к XIX и второй половине XX в. Большое количество черепков подобных сосудов можно объяснить тем, что фаянс является хрупким материалом, в отличие, к примеру, от металлических предметов, которые могут служить долгое время. Также во второй половине XX в. с улучшением быта в обиход все больше входил более дорогой фаянс. Среди интересных, но не уникальных, находок отметим также острогу, ложку из рога, запятники из бересты, бусину из непрозрачного стекла. Они имеют широкие культурно-хронологические параллели. В нашем случае наиболее близкие аналогии находятся на памятниках эпохи позднего Средневековья на территории Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи. Наличие в одних культурных слоях инвентаря довольно позднего происхождения (фаянса, судя по клеймам XIX в.) и предметов (ложечка-лопатка из рога, проколки из грифельных костей лошади, глиняное неорнаментированное пряслице, бусина из синего стекла, берестяные детали обуви и др.), согласно аналогиям, использовавшихся с эпохи позднего Средневековья до этнографической современности, свидетельствует о том, что эти предметы, довольно архаичные для культуры татар, показывают преемственность их материальной культуры.

Ключевые слова: *инвентарь, фаянс, татары, сельские поселения, Новое и Новейшее время, Омская обл.*

K.N. Tikhomirov✉, M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com; marinat24@mail.ru

Archaeological Inventory from the Settlements of the Tatars in the Middle Irtysh Region of the Early Modern and Modern Periods Based on Field Research

This article describes the finds obtained from surface collection and test drilling of cultural layers in six settlements of Western Siberian Tatars, located in Bolsherechie, Tara, and Tevriz Districts of Omsk Region, in 2019–2022. This inventory included pottery and objects of clay, bone, and metal. Faience fragments dominated in the collections compared to fragments of pottery made by hand and on potter's wheel. There were half as many decorated specimens with the prevailing painting by hand in this pottery. Floral ornamentation was dominant; the simplest patterns consisted of edge band. According to dating signs, faience samples belong to the 19th and second half of the 20th centuries. Large number of fragments of such vessels can be explained by fragility of faience as opposed to metal objects which serve for a long time. In the second half of the 20th century, with improvement of life, more expensive faience came into use more and more often. Interesting, although not

unique, finds include a fish fork, spoon made of horn, birch bark back parts of footwear, and a bead made of opaque glass. They have broad cultural and chronological parallels. In our case, the closest parallels appear at the sites of the Late Middle Ages in the Middle Irtysh region and Baraba forest-steppe. Presence of inventory of a relatively late origin (faience with stamps of the 19th century) and objects in some cultural layers (spoon made of horn, piercing tools made of horse splints, undecorated clay spindle whorl, blue glass bead, birch bark elements of footwear, etc.) which, as parallels show, were used from the Late Middle Ages to ethnographic modern times, indicates that these objects, which were archaic for the culture of the Tatars, manifest the continuity of their material culture.

Keywords: *inventory, faience, Tatars, rural settlements, Early Modern and Modern periods, Omsk Region.*

Введение

Актуальность изучения инвентаря в классической археологии обусловлена его значением для культурно-хронологического датирования, определения социального статуса группы и пр. Но в последние годы появляются все больше работ, в которых проводятся археологические исследования комплексов Нового и Новейшего времени, где изучаются археологизирующиеся объекты и культурные слои ныне функционирующих поселений. Отчасти это объясняется тем, что классическими историческими источниками, – письменными, изучение прошлого Сибири невозможно, т.к. их количество, хранящееся в архивах, незначительно, в особенности по темам, связанным с неофициальной, негосударственной историей. Реконструкция хозяйства, быта и культуры локальных групп возможна лишь с привлечением комплекса данных, важнейшими из которых являются артефакты, полученные археологическими методами.

По причине специфичности хронологического периода, местом, где может быть получен инвентарь, являются сельские поселения западносибирских татар. Вообще, населенные пункты данного этноса являются важной темой изучения для разных исторических дисциплин, т.к. его жизненное пространство формировалось на сельских территориях.

За годы исследования западносибирских татар накопилось много работ, освещающих разные аспекты истории населенных пунктов. Однако изучению археологическими методами культурных слоев поселений татар конца XVIII – первой половины XX в., ныне действующих или недавно разъехавшихся, уделялось мало внимания. Это вызвано во многом тем, что этот период не входит в сферу интересов классической археологии. Отметим лишь единичные исследования на этих комплексах В.А. Ерохина, Б.В. Мельникова, К.Н. Тихомирова и др. [Бережнова и др., 2014, с. 139; Мельников, 1996; Тихомиров, 2009; Тихомиров, Тихомирова, 2021].

Целью данной работы является введение в научный оборот и описание материалов, полученных в 2019–2022 гг. при изучении культурных слоев поселений западносибирских татар в Омской обл.: д. Большемурлы и почти разъехавшейся д. Казатово (в 2021 г. в ней проживали 2 чел.) (Большереченский р-н), с. Большие Туралы (Тарский р-н), д. Малые Кулары (Тевризский р-н), а также ныне не существующих деревень, располагавшихся на территории Тевризского р-на: Большие Кулары (Луговая/Олтус) и Агыз аул (рис. 1).

Нет сведений о датах их основания, но большая часть из них известны по довольно раннему пись-

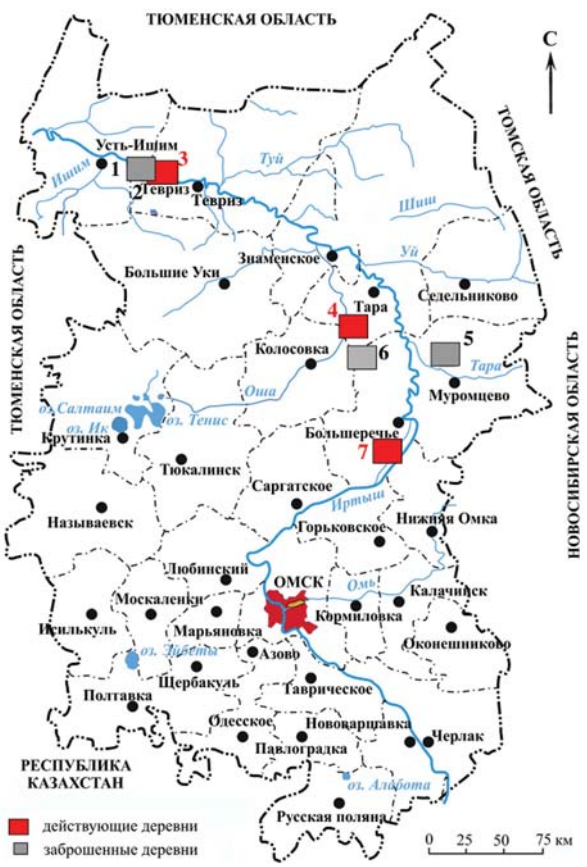


Рис. 1. Расположение на карте Омской обл. существующих и разъехавшаяся татарских деревень, где были получены коллекции.

1 – разъехавшаяся д. Большие Кулары; *2* – разъехавшаяся д. Агыз аул; *3* – д. Малые Кулары; *4* – с. Большие Туралы; *5* – Бергамак XXVIII, поселение; *6* –находящаяся в процессе разъезда д. Казатово; *7* – д. Большемурлы.

менному источнику – Дозорной книге Тарского уезда 1701 г., а также некоторые из них упоминаются у Г.Ф. Миллера при его путешествии по Иртышу в 1734 г. [Дозорная книга…, 2021, с. 577, 618–619; Сибирь XVIII века, 1996, с. 85–86].

Инвентарь на поселенческих комплексах татар Нового и Новейшего времени

В д. Малые Кулары Тевризского р-на Омской обл. в результате сборов на распаханных огородах в окрестностях д. 35 по ул. Малые Кулары и в обнажениях террасы, на которой она расположена, была получена коллекция предметов: полушка 1746 г., обломки глиняного грузила, также станковой и лепной керамики (7 шт.), костяное изделие.

Также в 2021 г. были обследованы два разъехавшихся поселения, которые в прошлом, видимо, были основаны как летники татар, потомки которых сейчас проживают в деревнях Малые Кулары, Комаровка, Кипо-Кулары и с. Кип Тевризского р-на Омской обл. Они именовались д. Агыз аул (Г.Ф. Миллер сообщал, что она названа по озеру, на берегу которого находилась [Сибирь XVIII века, 1996, с. 86]. – **Авт**.) и д. Большие Кулары (Луговые

Рис. 2. Изделия из тонкой керамики.

1, *9* – с. Большие Туралы; *2*, *3*, *8* – разъехавшаяся д. Большие Кулары; *4–7*, *11–14* – находящаяся в процессе разъезда д. Казатово.

или Автуз/Аутыс; переводится «тяни сеть») (подробнее об их истории см.: [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 686–687]).

Д. Большие Кулары Тевризского р-на Омской обл. была расположена в левобережной пойме р. Иртыш на небольшом останце, разрезанном р. Кимерсы в ее приустьевой части. Она разъехалась в период с 1941 г. по 1953 г. [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 687]. При обследовании было зафиксировано, что местами бульдозерами срыт культурный слой и видны многочисленные ямы – следы работы «черных археологов».

Инвентарь собран на участке разрушенной дневной поверхности. Коллекцию составили железный ковш без ручки, 14 фрагментов керамических сосудов, осколок оконного стекла. Также местные жители показали нам коллекцию монет, найденных здесь. Самой ранней из них явилась денга 1737 г., отчеканенная при Анне Иоанновне, самая поздняя – 15 коп. 1954 г. Таким образом, согласно найденным монетам, памятник предварительно датируется первой половиной XVIII в. – первой половиной XX в. [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 687].

Деревня Агыз аул, располагалась недалеко от д. Малые Кулары. При ее обследовании на берегу оз. Агыз выяснилось, что практически по всей площади бывшего аула культурный слой сдвинут землеройной техникой, а на обнажившейся поверхности повсюду зафиксированы многочисленные ямы – следы разграбления памятника. Инвентарь собран на разрушенном участке и из шурфа (площадью 1 м^2). Коллекция представлена фрагментами сосудов станковой и лепной керамики (10 шт.), обломком чугунного сосуда, костяной проколкой (рис. 3, *7*).

Село Большие Туралы Тарского р-на Омской обл. расположено на правом берегу р. Оша, левого притока р. Иртыш. В поселении в нескольких местах произведены шурфовка и зондирова-

Рис. 3. Инвентарь из бересты, металла, кости, глины, камня.

1, *2* – находящаяся в процессе разъезда д. Казатово; *3*, *4*, *6*, *8*–*11* – д. Большемурлы; *5* – Бергамак XXVIII, поселение; *7*, *12* – д. Малые Кулары; *1*, *2* – береста, *3*, *5*, *7*, *9*, *10* – кость; *4* – стекло; *6* – камень; *8*, *11* – железо, *12* – глина.

ние. В старой части – на ул. Туралинская в районе д. 22, недалеко от бровки правобережной террасы р. Оша была произведена шурфовка. По сведениям местных жителей в этом месте в прошлом располагалась старая мечеть, а потом в этом здании была школа.

В результате шурфовки (площадь 1 м^2) была получена небольшая, но представительная коллекция предметов: 14 фрагментов керамических сосудов, 2 археологически целых сосуда и 25 металлических предметов (стремя; лезвие стамески с обоймой; кернер, выполненный из металлического прута диам. 10 мм, рабочий конец раскован; и кернер, выполненный из тарельчатого клапана ДВС диам. 10 мм, рабочий конец обточен; гвозди проволочные 100–150 мм – 10 шт., клещи слесарные и т.д.) и др.

Наиболее интересный из металлических предметов – наконечник восьмизубой «гребешковой» остроги, т.к. это традиционное орудие рыбной ловли, используемое для острожения щуки и налима в настоящее время (Тихомирова М.Н. Полевая опись. Т-124. Л. 21 об.).

В результате сборов подъемного материала и шурфовки культурного слоя в старой части д. Большемурлы Большереченского р-на Омской обл. на нежилом участке деревни, который местные жители называют «Рахман тун» (ближайший к нему д. 8 по ул. Лесная), была получена коллекция металлических изделий: 2 ключа от замков, костяные изделия, обрезки бересты и мелкие фрагменты керамических изделий (80 шт.), круглая бусина из стекла непрозрачного синего цвета, кости животных, предмет из кости с приостренным краем (рис. 3, *10*), обломок глинного неорнаментированного биконического пряслица (рис. 3, *12*), часть бронзового бубенчика и т.д. Наиболее интересными среди изделий из кости и рога являются остатки лопатки-ложечки и проколка. В целом следует отметить, что культурный слой был насыщен костями домашних животных, строительным мусором (щепками, битым кирпичом), берестой со следами порезов. Также жители показывали нам собранную ими на территории старой части деревни коллекцию монет, самые ранние из которых датировались серединой XVIII в.

При шурфовке почти разъехавшейся д. Казатово Большереченского р-на Омской обл. была получена коллекция из фрагментов керамических сосудов (19 шт.), изделие из проволочного гвоздя, кусок проволоки, частично расплющенной, части прошитой бересты (двойной шов), возможно, детали обуви. Шурф площадью 1 м^2 был заложен между бывшими домами 28 (где жили Назыровы Абдулла и Навига) и 29 (принадлежал Назырову Мавлетдину и Сание) по улице, которая в просторечье называлась *Сарт урам* – «Сартовская улица», потому что там проживали первопоселенцы – бухарцы. Она шла по краю озерной чаши оз. Казатово*.

Атрибуция археологического инвентаря

1. Характеристика изделий из тонкой, лепной и станковой керамики

Тонкая керамика

Эта группа инвентаря, полученная при обследовании культурного слоя д. Большие Кулары, представлена 10 фрагментами (здесь и далее их характеристику см. *таблицу*).

Село Большие Туралы – 10 фрагментов и 2 археологически целых сосуда: одна десертная тарелка (склеенная из нескольких частей) и одна чашка. Деревня Большемурлы – 76 фрагментов. На одном донышке сохранилась часть клейма Кузнецова. Деревня Казатово – 16 фрагментов. Из них на одном донышке видно неполное клеймо Кузнецова (см. рис. 2, *4*), еще одно донышко с придонной частью, судя по толщине, обломок заварочного чайника/сахарницы/чайницы.

Предваряя характеристику декоров посуды, нужно сказать, что она, видимо, вся фаянсовая. Большая часть черепков мелкие, крупных мало. Поверхность большинства из них гладкая, покрыта белой глухой глазурью. Количество неорнаментированных фрагментов – 70 шт. и еще на двух неорнаментированных черепках сохранились остатками клейм, 40 шт. – орнаментированных. Также обнаружено два археологически целых орнаментированных сосуда с фрагментами клейм. Помимо черепков, покрытых белой глазурью, есть несколько штук, покрытых цветной глухой глазурью (оранжевой и др.). Есть несколько образцов с рельефной поверхностью. На них можно увидеть орнамент, который часто для четкости еще обозначается или прорисовывается краской (см. рис. 2, *1*, *3*, *9*). Так как большая часть черепков тонкой керамики мелкие, то декора на них сохранилось мало. Среди них больше всего тех, на которых узор выполнен ручной росписью. Как правило, орнамент растительный, нарисованный одним-тремя цветами краски. Сохранились примитивные цветки и листья со стеблями (см. рис. 2, *1*, *7*, *10*, *13*, и др.). В декоре нескольких фрагментов использованы: кобальт (см. рис. 2, *1*, *14*), позолота (см. рис. 2, *9* и др.), люстр (см. рис. 2, *1*). Обычно их применяли для

*Благодарим уроженца д. Казатово Г.А. Хусаинова, 1951 г.р., за помощь в локализации старой части поселения и выбора места шурфовки.

Тонкая керамика из культурных слоев поселений татар Среднего Прииртышья

Части сосудов, фрагменты	орнаментированные	неорнаментированные	Всего
д. Большие Кулары			
Стенки	0	3	3
Дно	0	1	1
Венчики	4	1	5
Крышка(от заварочного чайника / сахарницы /чайницы)	1	0	1
с. Большие Туралы			
Стенки	3	1	4
Дно и придонная часть	1	3	4
Венчики	2	0	2
Археологически целые сосуды	2	0	2
д. Большемурлы			
Стенки	10	15	25
Дно и придонная часть	2	31	33
Венчики	7	6	13
Крышка	1	3	4
Ручка (от заварочного чайника)	0	1	1
д. Казатово			
Стенки	1	5	6
Дно и придонная часть	5	2	7
Венчики	3	0	3
	42*	72	114

*В это число входят два археологически целых орнаментированных сосуда.

украшения недешевой посуды. Кроме растительного орнамента, на черепках встречается еще один распространенный способ декора сосуда – отводка по краю венчика или крышки сосуда, или краю придонной части, также по торцевой части венчика (рис. 2, *1*, *6*, *8*).

Опишем археологически целую чашку (высотой ок. 5 см) из с. Большие Туралы (рис. 2, *1*). Она богаче всего декорирована ручной росписью. Сначала кобальтовой краской был нанесен подглазурным способом рисунок отдаленно похожий на гроздья винограда, затем надглазурным способом тонкой кистью нанесены мазки красного и изумрудного цвета, напоминающие лепестки растения, люстром также сделаны мазки подобные лепесткам, выполненные краской. Внизу у придонной части сделана отводка также люстром.

Также среди предметов есть тарелка, судя по размерам (15 см), видимо, десертная, у которой по краю нанесены две золоченые ленты (широкая и узкая). Она, судя по марке, поздняя – второй половины XX в.

В коллекции, полученной из с. Большие Туралы, были также обнаружены два фрагмента одного сосуда с гжельской росписью. На них сохранились характерные для гжели элементы – «шашечный» орнамент, образованный из прямоугольников белого и синего цвета. На одном из них в белом прямоугольнике нарисованы четыре точки. Полное совпадение им было обнаружено на тарелках из раскопок в г. Киеве, на которых были клейма фабрики Мордашева 1830–1861 гг. [Левченко, 2014, с. 65, 67, рис. 2, *1–4*]. На этом основании мы можем предварительно датировать наши образцы также этим периодом.

Кроме ручной росписи, встречаются очень мелкие фрагменты, предположительно, украшенные с помощи деколи, выполненные черной и голубой краской.

На двух донышках есть датирующие признаки – фрагменты клейм. На черепке из шурфа в д. Казатово сохранилась часть надглазурной голубой печати. Фиксируются следы имперского орла (часть хвоста и левой лапы со скипетром) и надписи «фабрики Кузнецова». Наиболее близкие аналогии композиции, манеры изображения орла, шрифта надписи присутствуют на изделиях фабрики семьи Кузнецовых в Дулеве. Здесь керамика таким образом маркировалась с 1872–1889 гг. [Марки…, 2003, с. 178, № 649]. На осколке донышка из культурного слоя д. Большемурлы видна плохо сохранившаяся часть синей печати «М С КУ», над буквами фамилии угадывается буква «В». Судя по исполнению надписи, это поздняя марка семьи Кузнецовых времен Товарищества М.С. Кузнецова – от 1872 по 1890-ые гг. И она могла принадлежать заводам в Твери, Риге или Дулеве [Там же, 2003, с. 178, № 649; с. 179, № 654; 192, № 714, 716 и др.].

На археологически целой тарелке из с. Большие Туралы частично видна марка советского периода, принадлежавшая Октябрьскому фарфорово-фаянсовому заводу в г. Октябрьск, используемая в 1964–1991 гг., выполненная красной краской [Клеймо…].

На дне чашки из с. Большие Туралы (рис. 2, *1*), на донышке фиксируется фрагмент печати «...ныхЪ» (возможно, Барминых/Речкиных или др.). К сожалению, не удается установить, какой фабрике принадлежит эта печать, но судя по последней букве, это марка дореволюционного периода.

Лепная и станковая керамика

При обследовании культурного слоя д. Большие Кулары было получено 4 фрагмента лепной керамики. Они представлены неорнаментированными стенками сосудов – 2 шт., придонной частью станкового сосуда, с внешней стороны которого нанесена коричневая полива и неорнаментированным венчиком блюдца, у которого внутренняя часть и частично внешняя сторона покрыта зеленой, а дно – коричневой поливой.

Деревня Агыз аул – 10 фрагментов керамики, из которых 1 шт. – станковая, остальные – лепная. Среди них встречаются: неорнаментированные стенки сосудов – 7 шт., плоское дно – 2 шт., неорнаментированный фрагмент венчика с округлым срезом, отогнутым наружу. Деревня Малые Кулары – 7 фрагментов. Станковая керамика представлена 3 шт. (венчик с округлым срезом и короткой шейкой, обломок плечика чернолощеной керамики, придонная часть плоскодонного сосуда). Лепная керамика представлена 4 шт. (фрагмент орнаментированной стенки сосуда, придонная часть, стенка сосуда с прямым венчиком, срез которого округлый, венчик с округлым срезом, отогнутым наружу). Их орнаментация может быть описана лишь предварительно, так как у одного из них утрачена практически вся лицевая сторона. Вероятно, это были два горизонтальных ряда узкого гребенчатого орнаментира, образующего «елочку». Село Большие Туралы – 4 фрагмента, которые можно охарактеризовать как грубая неорнаментированная станковая керамика, в числе которых придонная часть, покрытая светло-коричневой поливой, плоское дно и две стенки сосудов. Деревня Большемурлинская – 4 неорнаментированных фрагмента, среди них плечико лепного сосуда, три обломка стенок сосудов. Деревня Казатово – 3 фрагмента лепной и станковой неорнаментированной керамики. Найден слабопрофилированный венчик с округлым срезом, покрытый коричнево-красной поливой, фрагмент стенки сосуда, часть плечика и шейки лепного сосуда.

Таким образом, всего было получено 32 фрагмента станковой и лепной керамики. Среди них больше всего стенок сосудов – 16 шт., венчиков – 5 шт., придонной части – 4 шт., дно – 3 шт., плечиков – 2 шт., плечико с шейкой – 1 шт., стенка с венчиком – 1 шт. Почти все фрагменты неорнаментированные, часть из них покрыта поливой.

2. Характеристика изделий из кости и рога

Представлены двумя изделиями неопределенного назначения (см. рис. 3, *5*, *10*), двумя проколками (см. рис. 3, *3*, *7*) и ложкой-лопаточкой из рога (см. рис. 3, *9*). Среди них наибольший интерес представляют три последние. Проколки выполнены из грифельных костей лошади. Одна длиной 134 мм, шириной в средней части 8 мм и толщиной 6 мм. Ее профиль ромбический. Эпифиз частично сточен (см. рис. 3, *3*). Вторая обломанная. Сохранившиеся размеры: длина – 90 мм, ширина – 6 мм, толщина – 5 мм. Профиль ромбический. Эпифиз кости сточен до плоской площадки (см. рис. 3, *7*). Подобные изделия широко распространены на территории Западной Сибири на протяжении развитого – позднего Средневековья. Ложка из рога округлая с выделенной ручкой (см. рис. 3, *9*). Заметны следы обработки заготовки. Ее размеры составили: 77 мм в длину, 54 мм в ширину, 1–3 мм в толщину. Изделие является редким для территории Среднего Прииртышья, но не единственным. Подобные предметы обнаружены в Омской и Томской областях [Коников, 2007, с. 405, рис. 178, *8, 9*; 181, *1, 2,* 7; Плетнева, 1990, рис. 12, *4, 9–12*; 48, *7;* 49, *1*], Ямало-Ненецком автономном округе [Гусев, 2017, с. 54–74, 97– 103, рис. 42–44; 51, *5–10*; 70] и на европейской территории России (в Башкирии) [Мажитов и др., 2007, с. 89, рис. 46, *2, 3, 5*; с. 90, рис. 7, 8, 10]; есть аналоги ложке из Павлодарского Прииртышья [Тушева, 2018].

3. Характеристика изделий из металла

Железные ключи от замков – 2 шт. Оба из д. Большемурлы. Один из них (см. рис. 3, *11*) длиной 81,7 мм, с овальной головкой из раскованного в полосу прута, приваренной к шейке, общей шириной 64,1 мм, состоящей из стержня двух частей усеченного конуса (в самой широкой части диаметр 15,9 мм), часть которого раскована в четырехгранный прут в торце которой четырехугольное отверстие (4,7 × 4,5 мм). К указанной трубке приварена бородка со сложным профилем. Второй (см. рис. 3, *8*) – длиной 61,6 мм с прямоугольной головкой, приваренной к овальной в сечении шейке 9,4 × 11,4 мм. Ее профиль сформирован путем сгибания полосы вдоль длинной оси и проковки. К ней приварена бородка и в торце конический носик длиной 8,7 мм, диаметром в самой широкой части 5,4 мм. Бытование таких изделий имеет широкий культурно-хронологический диапазон. Но обращает на себя внимание тот факт, что подобные ключи были

встречены на городище Искер [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 116, *11*].

4. Характеристика изделия из камня

Представлено небольшим мелкозернистым обломанным оселком из песчаника со следами стачивания. Его сохранившаяся длина равняется 48 мм, ширина – 37 мм, толщина – 20 мм. (см. рис. 3, *6*). Такие предметы имеют широкое культурно-хронологическое существование на территории Западной Сибири [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 92].

5. Характеристика изделий из бересты

Два куска бересты из д. Казатово. От первого (см. рис. 3, *1*) остался лишь фрагмент в форме трапеции размерами 53 × 22 × 39 мм. На нем заметны следы двойного шва. Второй (см. рис 3, *2*) – трапециевидной формы со следами двойных швов (118 × 49 × 36 мм). Оба они выполнены из однослойных заготовок. Вероятно, это детали обуви (запятники). Подобные изделия встречаются на памятниках (чаще всего могильниках) сибирских татар позднего Средневековья [Там же, с. 100]. По информации нашего информатора Г.А. Хусаинова, 1951 г.р., такие запятники он видел в детстве у старой обуви жителей д. Казатово.

6. Характеристика изделия из стекла

Круглая бусина из непрозрачного стекла голубого цвета, диметром 8 мм (см. рис. 3, *4*) была обнаружена в культурном слое д. Большемурлы. Подобные бусины широко распространены на памятниках предков татар Западной Сибири с эпохи развитого Средневековья [Там же, с. 84].

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели материал, полученный при изучении культурного слоя сельских поселений западносибирских татар Нового и Новейшего времени. Больше всего встречается фрагментов тонкой керамики (112 шт.) и два археологически целых сосуда, меньше – лепной и станковой керамики (32 шт.). Это можно объяснить тем, что в этот период происходит изменение состава посуды. Глиняной утвари становится меньше. По этнографическим материалам мы знаем, что в рассматриваемый период большинство западносибирских татар, за исключением бухарцев, мало пользовались фаянсовой посудой, так как это было характерно для зажиточных слоев и было чертой городского образа жизни, а он стал больше распространятся среди групп татар Западной Сибири только с 1960–1970-х гг. До этого времени в быту было много металлической и деревянной утвари. Мы допускаем, что обилие фаянса может свидетельствовать о поздних слоях, в которых проводилась шурфовка.

Большое количество фаянса в культурном слое еще может быть связано с хрупкостью материала, из которого она сделана. По данным этнографии, известно, что вещи из прочных материалов – метала, керамики, дерева, долго применяли в быту, еще они переделывались и вторично использовались. Возможно поэтому инвентарь из твердых, прочных, материалов мало встречается в культурных слоях деревень.

Наличие в одних культурных слоях инвентаря довольно позднего происхождения (фаянса, судя по клеймам – XIX в.) и предметов (ложечка-лопатка из рога, проколки из грифельных костей лошади, глиняное неорнаментированное пряслице, бусина из синего стекла, берестяные детали обуви и др.), согласно аналогиям, использовавшихся с эпохи позднего Средневековья до этнографической современности, свидетельствует о том, что эти предметы, довольно архаичные для культуры татар, также показывают преемственность материальной культуры.

Список литературы

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: Природная среда, этносы, источники. – Омск : Наука, 2014. – 192 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; т. 13).

Гусев А.В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 // Археология Арктики. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. – 232 с. – (Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2).

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. / подгот. к изданию М.Л. Бережнова, Н.В. Кабакова, С.Н. Корусенко и др. – Омск : Наука, 2021. – 656 с.

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). – М.: Наука; Вост. лит-ра, 2017. – 559 с.

Клеймо на фарфоре СССР // Советский фарфор. – URL: https://farfor.club/kleima/index.php?zavod_id=oktyabrsk# (Дата обращения: 19.10.2022).

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. – Омск: Изд-во Омск. гос. педагог. ун-та; Наука, 2007. – 466 с.

Левченко Т.И. Гжельский фаянс из раскопок в Киеве // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. тр. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. 2. – С. 64–67.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А, Иванов В.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н., Иванова Е.В. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006. – Уфа: Башкортостан, 2007. – Т. 1. – 160 с.

Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Составитель Т.И. Дулькина. – М., 2003. – 421 с.

Мельников Б.В. Поселение Бергамак III (предварительное сообщение) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 84–91.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднее Средневековье (по археологическим материалам). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1990. – 134 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Изд. подг. А.Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники; вып. VI).

Тихомиров К.Н. Поселения XIX–XX веков в Среднем Прииртышье как объект этнографо-археологических исследований // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 9. – С 256–264.

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Освоения территорий Среднего Прииртышья татарами в XVIII – начале XX века (по материалам археологических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 685–689.

Тушева Е.К. Новые материалы к изучению приемов обработки кости и рога у номадов степного Прииртышья // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск: Наука, 2018. – С. 133–135.

References

Berezhnova M.L., Kabakova N.V., Korusenko S.N. (ed.). Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 goda. Omsk: Nauka, 2021. 656 p. (In Russ.).

Berezhnova M.L., Korusenko S.N., Matveev A. V., Tataurov S.F., Tataurova L.V., Tihomirov K.N., Tihonov S.S., Tomilov N.A. Etnografo-arheologicheskie kompleksy narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnaya sreda, etnosy, istochniki. Omsk: Nauka, 2014. 192 p. (Etnografo-arheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sociuma , vol. 13). (In Russ.).

Dul'kina T.I. (ed.). Marki rossijskogo farfora i fayansa. 1750–1960. Moscow, 2003. 421 p. (In Russ.).

Elert A.H. (ed.) Sibir' XVIII veka v putevyh opisaniyah G.F. Millera. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1996. 310 p. (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki, iss. VI). (In Russ.).

Gusev A.V. Kollekciya izdelij iz kosti i roga po materialam raskopok 1993–1995, 2006–2015 In *Arheologiya Arktiki*. Ekaterinburg: Delovaya pressa, 2017. 232 p. (Iss.. 4: «Ust'-Poluj: materialy i issledovaniya». Vol. 2.) (In Russ.).

Klejmo na farfore SSSR In *Sovetskij farfor*. URL: https://farfor.club/kleima/index.php?zavod_id=oktyabrsk# (Accessed: 19.10.2022). (In Russ.).

Konikov B.A. Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom Srednevekov'e. Omsk, Omsk State Univ. Press; Nauka, 2007. 466 p. (In Russ.).

Levchenko T.I. Gzhel'skij fayans iz raskopok v Kieve In *Kul'tura russkih v arheologicheskih issledovaniyah*: sb. nauch. tr. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg, 2014. Vol. 2. P. 64–67. (In Russ.).

Mazhitov N. A., Sungatov F. A, Ivanov V.A., Sattarov T.R., Sultanova A.N., Ivanova E.V. Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2006. Ufa: Bashkortostan, 2007. Vol. 1. 160 p. (In Russ.).

Mel'nikov B.V. Poselenie Bergamak III (predvaritel'noe soobshchenie) In *Etnografo-arheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sociuma*. Novosibirsk, 1996. Vol. 1: Kul'tura tarskih tatar. P. 84–91. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epohu pozdnego Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.).

Pletneva L.M. Tomskoe Priob'e v pozdnee Srednevekov'e (po arheologicheskim materialam). Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1990. 134 p. (In Russ.).

Tihomirov K.N. Poseleniya XIX–XX vekov v Srednem Priirtysh'e kak ob"ekt etnografo-arheologicheskih issledovanij In *Etnografo-arheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sociuma*. Omsk, 2009. Vol. 9. P. 256–264. (In Russ.).

Tihomirov K.N., Tihomirova M.N. The Colonisation of the Territories of the Middle Irtysh Region by the Tatars in the 18th – early 20th Centuries (Based on Archaeological Research) In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB PAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 685–689. (In Russ.).

Tusheva E.K. Novye materialy k izucheniyu priemov obrabotki kosti i roga u nomadov stepnogo Priirtysh'ya In *Integraciya arheologicheskih i etnograficheskih issledovanij*: sb. nauch. tr. Omsk: Nauka, 2018. P. 133–135. (In Russ.).

Zykov A.P., Kosincev P.A., Trepavlov V.V. Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2017. 559 p. (In Russ.).

Тихомиров К.Н. https://orcid.org/0000-0003-1159-1603
Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0766-0769
УДК 903.223

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: semchi957@gmail.com

Концевые накладки на лук Еловского поселения (поздний бронзовый век)

В статье рассматриваются результаты исследования костяных концевых накладок на лук, найденных при раскопках Еловского поселения эпохи поздней бронзы (Кожевниковский р-н Томской обл.) экспедицией В.И. Матющенко в 1982 г. Особенностями этих предметов являются четыре шипа, расположенные попарно в их верхней и нижней частях. Другие накладки на лук были обычные – с «зарубкой». Целью работы являлась реконструкция способа завязывания тетивы и выявление особенностей использования луков с такими накладками. В ходе анализа было установлено, что для двух типов концевых накладок (с «зарубкой» и «шипами») требовались разные способы крепления тетивы. На деревянной модели накладки были опробованы разные способы ее закрепления. Было выявлено, что оптимальный вариант узла – полуштык с последующим обводом накладки между шипами. Узел можно выполнять как в левую, так и в правую сторону. Судя по практически одинаковым размерам накладок с шипами, можно предположить, что была своего рода «стандартизация» оружия. Часть наконечников стрел имеет длину 8–12 см. Они могли быть использованы при подвижной охоте, либо при ведении боевых действий. На последнее обстоятельство указывает наличие опущенных шипов на некоторых наконечниках стрел. Наличие наконечников стрел размерами 15–18 и более см свидетельствует, что их использовали в стационарных устройствах типа самострелов.

Ключевые слова: *концевые накладки на лук, поздний бронзовый век, Верхнее Приобье.*

S.S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: semchi957@gmail.com

Bow End Plates from the Elovka Settlement (the Late Bronze Age)

This article discusses the results of studying bone end plates of bows found during the excavations at the Elovka settlement of the Late Bronze Age (Kozhevnikovo District of Tomsk Region) in 1982 by the expedition of V.I. Matyushchenko. These items are distinguished by four spikes located in pairs in their upper and lower parts. Other onlays on the bow were ordinary, with the "notch". This study was aimed at reconstructing the method of tying a bowstring and identifying specific aspects of using bows with such onlays. In the course of analysis, it has been discovered that two types of end plates (notched and spiked) required different ways of fastening the bowstring. Various methods of attaching the bowstring were tested on a wooden model of the onlay. It was established that the most optimal variant of the knot was half-bayonet with subsequent reeling around the onlay between the spikes. The knot can be made both to the left and to the right. Judging by almost identical sizes of spiked onlays, it can be assumed that there was a kind of "standardization" of weapons. When comparing the sizes of arrowheads, it turned out that some of them had a length of 8–12 cm. They could have been used in mobile hunting or combat. The latter option is indicated by the presence of lowered spikes on some arrowheads. The presence of arrowheads measuring 15-18 cm or more indicates that they were used in stationary devices such as crossbows. The author of this study agrees with opinion of E.A. Sidorov who discovered this pattern.

Keywords: *Bow end plates, Late Bronze Age, Upper Ob region*.

Введение

Еловский археологический комплекс позднего бронзового века (Кожевниковский р-н Томской обл.), состоящий из поселения и двух могильников, В.И. Матющенко исследовал в течение почти двух десятков лет. Обобщив и опубликовав данные раскопок могильников, полученные за все годы работ [Матющенко, 2001, 2004, 2006], он не успел это же сделать с поселенческими материалами. Поэтому исследователи эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья вынуждены довольствоваться ранней публикацией [Матющенко, 1974]. Коллекции раскопок поселения 1982 г., значительные по объему, в научный оборот практически не введены.

Цель работы – введение в научный оборот сведений о некоторых находках на поселении, а именно костяных концевых накладках на лук, и анализ их особенностей.

Памятник и материалы

Еловское поселение расположено на левобережной надпойменной террасе обской протоки Симан в 200 м севернее д. Еловка. Памятник занимает мыс высотой около 20 м, образованный террасой и прорезающим ее логом. Берег со стороны Симана размывается, а его прилегающая к логу часть оползает. На поселении растут березы и незначительное количество сосен, но его большая часть покрыта луговой растительностью. Всего в 1982 г. было раскопано 1 360 м^2 площади памятника с культурным слоем около 1 м. Материалы поступили на хранение в Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (полевые материалы и полевой отчет – Ф. II, Д. 34-1 – 34-11, коллекции – Ф. III, № 3–2).

Среди находок (керамика, костяные, бронзовые, каменные орудия труда, оружие, предметы быта, украшения и т.д.) были обнаружены концевые накладки на лук, сделанные из кости. Одна из них представляла собой слегка изогнутую пластину со скругленными углами длиной 16, а шириной 2,3 см, в которой была сделана зарубка для крепления тетивы (см. *рисунок*, *1*). Такие изделия обычны для археологических памятников Западной Сибири от бронзового века до Средневековья включительно.

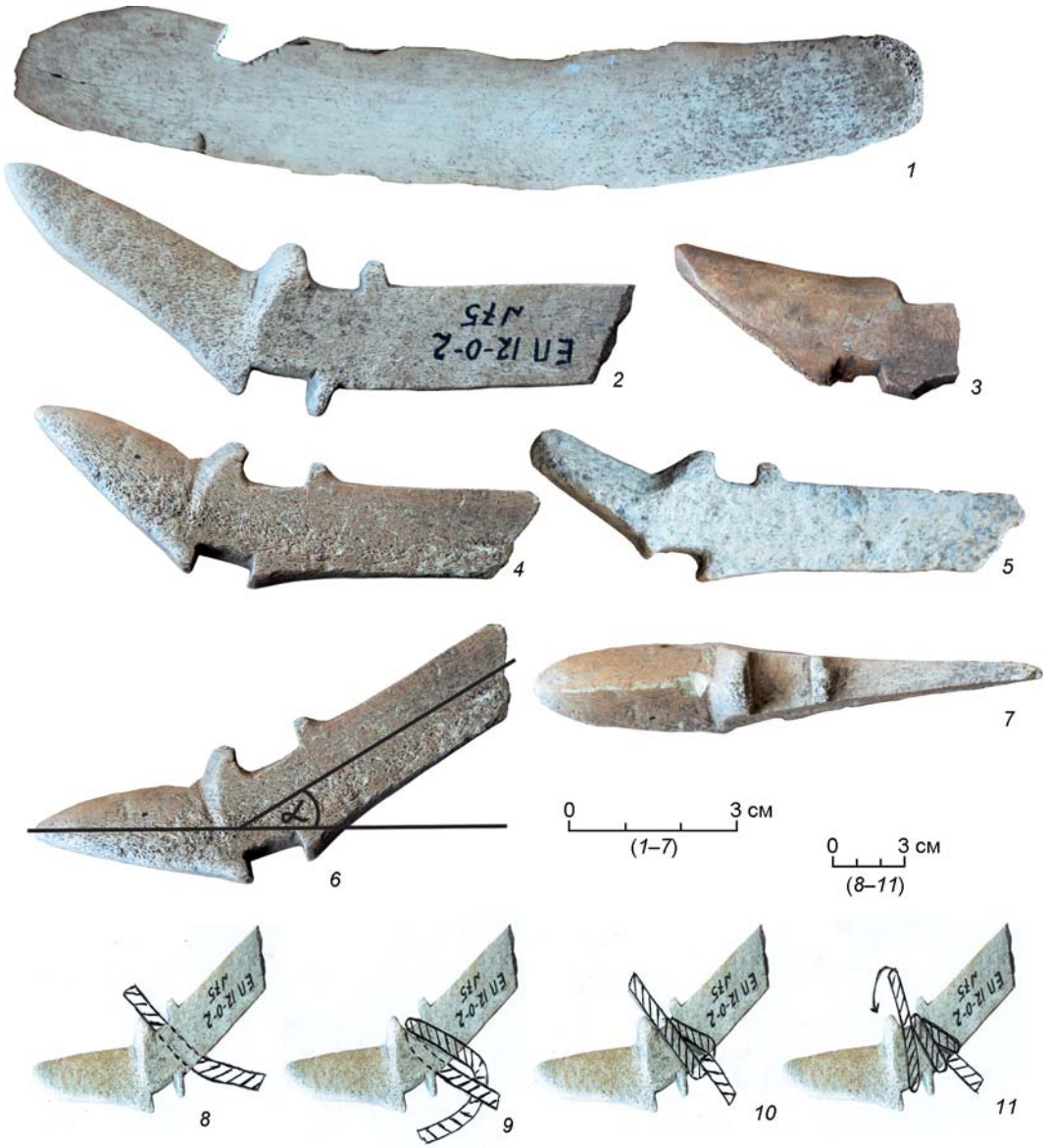
Другие концевые накладки имели иную форму (см. *рисунок*, *2–5*) и состояли как бы из двух частей. Первая представляет собой прямую пластину, один из концов которой был заострен (см. *рисунок*, *7*), а на другом сверху и снизу было по два «шипа». К этой части под углом около 30° примыкал остроконечный «хвостовик» (см. *рисунок*, *6*). Размеры накладок были примерно одинаковы: общая длина до 12 см, ширина – 1,8 см, максимальная толщина (в районе «хвостовика») около 1, высота «шипов» – до 0,7 см, расстояние между ними – до 1 см.

Обсуждение

Судя по сходным размерам накладок с шипами, можно предположить, что и луки населения Еловского поселения были примерно одинаковы, т.е. существовал своего рода «стандарт» (?) на такие изделия. Полагаю, что для крепления накладки в плечо лука необходимо было предварительно его расщепить. На мысль об этом наводит заостренная часть, составляющая около 40–45 % всей длины, отсутствие следов от забивающих ударов на другом конце накладки и сама ее искривленная форма, не способствующая ровному вхождению в тело плеча лука.

При натягивании тетивы обычным способом, т.е. с накидыванием в «зарубку» уже готовой петли, задний (ближе к «хвостовику) верхний и нижние шипы совершенно не нужны. Поэтому напрашивается вывод о каком-то другом способе крепления тетивы, связанном с обмоткой «паза», образованного шипами. Этот вопрос я обсудил с В.М. Мининым, лидером военно-исторического клуба «Служилые люди Сибири», который занимается историческими реконструкциями. Он обратил внимание на то, что, во-первых, тетива испытывает сильное напряжение в месте соприкосновения с «зарубкой», и она быстро (в течение месяца) становится непригодной для применения. Во-вторых, если не использовать завязанную заранее петлю на тетиве, то снаряжение лука займет определенное время, и, возможно, луки с такими накладками применяли в тех случаях, где это можно делать не торопясь.

На макете накладки, сделанной в натуральную величину из дерева и прикрепленной к обычной строганой палке, были опробованы различные варианты узлов, где бы были «использованы» шипы, а нагрузка бы не приходилась только на верхний передний шип. Оптимальным оказался следующий вариант: лук держим вертикально, упирая его в землю, в левой руке сжимаем «хвостовик» и сгибаем лук, нажимая на него сверху. Правой рукой оборачиваем ходовой конец тетивы (т.е. тот, который свободен, а не закреплен) вокруг накладки (см. *рисунок*, *8*), обводим ходовой конец тетивы вокруг ее натягивающейся части (см. *рисунок*, *9*) и вытягиваем ходовой конец к верхнему переднему шипу (см. *рисунок*, *10*). Тем самым образуется нестягивающийся прочный узел, похожий на полуштык. Затем несколько раз (достаточно двух-трех) обводим ходовой конец тетивы в «пазу» накладки, образо-



Концевые накладки на лук и один из вариантов завязывания тетивы.

1 – концевая накладка с «зарубкой»; *2–5* – концевые накладки с «шипами»; *6* – угол между «хвостовиком» и прямоугольной пластиной накладки; *7* – концевая накладка и заостренная часть пластины; *8–11* – последовательность завязывания тетивы.

ванном шипами (см. *рисунок*, *11*). Далее необходимо закрепить ходовой конец вокруг «хвостовика» (фактически, привязать шнур к палке), для чего существует множество вариантов. Отмечу, что этот способ крепления тетивы может выполняться в левую и правую сторону, с обводом тетивы снизу или сверху ее натягивающейся части.

Вопрос скорости изготовления лука к бою сам по себе интересен, поэтому a priori предполагается ответ, что это было жизненно необходимо в моменты опасности. Подкреплением этому могут служить находки на Еловском поселении ромбических в сечении черешковых наконечников стрел с опущенными лопастями, т.е. фактически шипами, что затрудняет удаление их из тела. Они отличаются от двух других групп наконечников стрел и могут быть предназначены для поражения человека. Такие проникатели были широко распространены в раннем железном веке и Средневековье. Еловские наконечники с опущенными лопастями имеют примерно одинаковые размеры (напомню о величине концевых накладок), что может привести к выводам об оружии с заданными параметрами [Tikhonov, in press].

Но, с другой стороны, луки с такими накладками могли быть использованы в качестве стационарных самострелов на крупную дичь. О подобном и других вариантах применения стрел писал Е.А. Сидоров [1989]. Известно также, что охотники Еловского поселения добывали много лосей [Тихонов,

1993, с. 14]. Среди известных на памятнике наконечников стрел есть крупные экземпляры, почти в два раза превосходящие размерами обычные, что не противоречит мнению о наличии самострелов в древности.

Заключение

Охотники, жившие в XII–X вв. до н.э. на поселении, называемом ныне Еловское, использовали разные концевые накладки на лук. Одну, бесспорно, использовали для накидывания тетивы с уже завязанной петлей на конце. Слабым местом лука было то, что тетива могла быстро изнашиваться. Другие концевые накладки с «шипами», возможно, были «стандартизированы», они не были предназначены для использования тетивы с петлей, поскольку в этом случае не нужны три из четырех «шипов». Полагаю, что мог существовать узел, в котором были бы использованы все «шипы» и «хвостовик». Несколько возможных вариантов были опробованы на макете концевой накладки, и самым удобным автору показался публикуемый вариант узла. Судя по размерам стрел и их форме, они, как и луки, могли быть использованы при активной охоте, в ходе боевых действий, либо же в стационарных устройствах.

Список литературы

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. – Ч. 4. Еловско-ирменская культура. – 196 с. – (Из истории Сибири; вып. 12).

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – Ч. 1. Еловский I курганный могильник. – 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2006. – Ч. 3. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. – 120 с.

Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 16–41.

Тихонов С.С. Анализ структуры населения Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 19 с.

Tikhonov S.S. Groups of bone arrowheads of the Elovka settlement of late bronze epoch (Tomsk region) // Теория и практика археологических исследований (в печати).

References

Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyi vek). Tomsk: Tomsk State University Publ., 1974, pt. 4, Elovsko-irmenskaya kul'tura, 196 p. (Iz istorii Sibiri. Iss. 12). (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Elovskii arkheologicheskii kompleks. Omsk: Omsk State University Publ., 2001. pt. 1: Elovskii I kurgannyi mogil'nik,.62 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Elovskii arkheologicheskii kompleks. Omsk: Omsk State University Publ., 2004, pt. 2: Elovskii II mogil'nik. Doirmenskie kompleksy. 468 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Elovskii arkheologicheskii kompleks. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2006. Pt. 3: Elovskii II mogil'nik. Kompleksy irmeni i rannego zheleznogo veka. 120 p. (In Russ.).

Sidorov E.A. Prisvaivayushchie vidy khozyaistvennoi deyatel'nosti naseleniya lesostepnogo Priob'ya v I tys. do n.e. In *Ekonomika i obshchestvennyi stroi drevnikh i srednevekovykh plemen Zapadnoi Sibiri.* Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute Press, 1989. P. 16–41. (In Russ.).

Tikhonov S.S. Analiz struktury naseleniya Verkhnego Priob'ya v epokhu pozdnei bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1993. 19 p. (In Russ.).

Tikhonov S.S. Groups of bone arrowheads of the Elovka settlement of late bronze epoch (Tomsk region) // In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii* (in press).

Тихонов С.С. https://orcid.org/0000-0001-6909-0727

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0770-0777
УДК 902.659

М.В. Уткин✉, М.О. Филатова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: fftrrls@gmail.com

Использование изотопов кислорода в дендрохронологии для межвидовой датировки исторической древесины: зарубежный опыт

Дендрохронология является достаточно эффективным методом датирования древесины, но у нее существует несколько ограничений, из-за которых календарные даты установить удается не всегда. При быстром и неограниченном росте деревьев у них формируются «благодушные» древесные кольца (постоянной и практически неизменной ширины), которые не имеют значимой взаимной корреляции и, следовательно, не могут быть датированы дендрохронологически. Эффективным способом точного датирования подобных деревьев, растущих в осадкочувствительных регионах умеренного климатического пояса, является недавно разработанный метод датирования древесины с использованием стабильных изотопов кислорода. Он основан на измерении соотношений изотопов в целлюлозе поздней древесины годичных колец и их сравнении с мастерской хронологией изотопов кислорода известного возраста. В 2021 г. на территории Великобритании было проведено исследование, целью которого было установить межвидовую изотопную когерентность недубовых пород деревьев с особым акцентом на ее применение для датирования исторических строений и артефактов Северо-Западной Европы. Учеными сравнивались образцы живой и исторической древесины известного и неизвестного возраста с мастерской хронологией дуба, построенной по южно-центральной части Великобритании, а их когерентность и потенциал датирования оценивался с использованием мастерской изотопной хронологии. В результате было успешно датировано 14 из 16 образцов, что в свою очередь указывает на значительный потенциал в дальнейшем применении и развитии метода. Несмотря на то, что на данный момент эффективность применения изотопного анализа в дендрохронологии была доказана только для широколиственных лесов умеренно-морской климатической зоны, судя по всему, данный метод должен работать и в зоне континентального климата, в т.ч. и на территории Западной Сибири.

Ключевые слова: *дендрохронология, изотопный анализ, стабильные изотопы кислорода, историческая древесина, межвидовой анализ древесины.*

M.V. Utkin✉, M.O. Phylatova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: fftrrls@gmail.com

Use of Oxygen Isotopes in Dendrochronology for Interspecies Dating of Historical Wood: International Experience

Although dendrochronology is a relatively effective dating method, it has several limitations which sometimes hamper establishing reliable dates. Rapid or unrestricted tree growth may lead to invariant time series which do not have significant cross-correlation and thus cannot be dated dendrochronologically. An effective way to accurately date the growth of such trees in humid temperate regions (where growth is not controlled by climate) is the recently developed method of dating wood by stable oxygen isotopes. It is based on measuring isotope ratios in the cellulose of late tree-ring wood and their objective comparison with master oxygen isotope chronology of the already known age. Research aimed at establishing cross-species isotope coherence in non-oak trees with a particular focus on its application to dating historic buildings and artefacts in Northwest Europe was conducted in the UK in 2021. Scientists compared samples of living and historic wood of known and unknown ages with master oak chronology built across the south-

central UK; their coherence and dating capacity was assessed by using master isotope chronology. As a result, 14 out of 16 samples were successfully dated, which in turn indicates a great capacity for further application and development of that method. Despite the fact that effectiveness of isotope analysis in dendrochronology has been presently proven only for broad-leaved forests of the temperate-marine climatic zone, apparently, this method should also work in the continental climate zone including Western Siberia.

Key words: *dendrochronology, isotopic analysis, stable oxygen isotopes, historical wood, interspecies analysis of wood.*

Введение

Во многих регионах мира до наших дней сохранилось большое количество архитектурной исторической древесины, которая может быть использована в т.ч. и для дендроархеологических исследований (а именно – для создания древесно-кольцевых хронологий, по которым могут быть датированы археологические объекты). Породы деревьев, которые использовались для строительства исторических зданий, различаются в зависимости от региона, а также зачастую от их функционального значения.

В Великобритании, Ирландии и почти на всех равнинных территориях континентальной Европы доминирующей породой в строительстве являлся дуб (*Quercus petraea/Querus robur*) [Loader et al., 2021, p. 1]. Он применялся практически во всех структурных элементах, контактирующих с почвой, а также при создании деревянных каркасов и кровельных конструкций. Долговечность дуба, его устойчивость к разложению, а также достоверность информации, которую можно получить, анализируя его кольца, и относительная его распространенность на территории Европы позволили ученым разработать большое число региональных и локальных древесно-кольцевых хронологий, охватывающих от нескольких сотен до тысяч лет [Hollstein, 1980; Baillie, 1990; Wilson, Miles, Loader, 2013]. При наличии в этих регионах подходящего археологического материала, эти мастерские хронологии успешно применялись и продолжают применяться для его абсолютного датирования. Кроме того, изобилие и широкое распространение в пространстве дубовой древесины на протяжении большей части последних двух тысячелетий позволило разработать сети хронологий, позволяющие при анализе пространственной корреляции исследовать торговые и транспортные связи Европы, а также географическое происхождение строительной древесины [Bridge, 2000; Domínguez-Delmás et al., 2013].

Другими распространенными видами древесины, регулярно используемыми в строительстве исторических знаний Европы, являются: пихта серебристая (*Abies alba*), ель (*Picea abies*), сосна (*Pinus sylvestris*) и лиственница (*Larix decidua*). Кроме того, иногда встречаются материалы из родов Castanea (каштан), Alnus (ольха), Ulmus (вяз), Fraxinus (ясень) и Fagus (бук). Их использование варьируется в зависимости от географической и хронологической принадлежности постройки, а также предпочтений в местных стилях строительства [Tegel et al., 2022, p. 14–15].

На данный момент, для некоторых регионов центральной континентальной Европы уже построено несколько продолжительных древесно-кольцевых хронологий по некоторым из вышеперечисленных видов деревьев. Однако из-за того, что их хронологический и географический охват является далеко не полным, довольно часто ученые, датирующие древесину не дубовых пород деревьев, сталкиваются с серьезными трудностями [Loader et al., 2021, p. 2]. И как следствие, участки и элементы исторических сооружений, состоящих в значительной части из материала, отличного от дуба, зачастую могут просто не быть отобраны с памятника в связи с высоким риском неудачи и ограничений бюджета исследования. В результате довольно значительная и важная часть исторических зданий Великобритании и Северо-Западной Европы остается в большой степени неизученной или изученной только частично.

В попытке пополнить базы данных хронологиями, построенными по менее представленным видам деревьев региона, некоторые исследователи предпринимали попытки межвидового датирования древесины при помощи анализа ширины древесных колец. Несмотря на то, что существует несколько заявлений об успешном межвидовом датировании пород [Hillam et al., 1990; Шиятов и Хантемиров, 2000; Billamboz, 2008], полученные результаты часто считаются ориентировочными или предварительными, т.к. хронология, необходимая для убедительной хронологической привязки древесины по каждому отдельному виду, просто недоступна. В некоторых исследованиях межвидовое датирование подтверждалось с помощью метода wiggle-matching по радиоуглероду [Bridge et al., 2019], а также по Событиям Мияке [Barret, Brown, Plunkett, 2019]. Однако в данной статье особое внимание будет уделено недавно разработанному методу использования стабильных изотопов кислорода, продемонстрировавшему довольно существенный потенциал в межвидовом датировании.

Ограничения метода измерения ширины годичных колец для умеренной климатической зоны и способы их решения

Дендрохронология является достаточно эффективным методом датирования, но у него существует несколько ограничений, из-за которых метод не всегда может установить календарные даты древесных колец. Для большинства деревьев, произрастающих в умеренном климате, ширина годичных колец зависит далеко не только от температуры [Loader et al., 2008; Wilson et al., 2013]. Формирование большого количества благодушных колец у деревьев может привести к инвариантным временным рядам, которые не будут иметь значимой взаимной корреляции и, следовательно, не смогут датироваться дендрохронологически. Кроме того, ширина колец некоторых пород древесины может резко меняться из-за различных нарушений роста, таких как болезни, дефолиация, а также из-за некоторых методов ведения лесного хозяйства (вроде опыления, прореживания и т.п.). Подобные отклонения также могут сделать невозможным датирование образцов с помощью ширины годичных колец [Haneca et al., 2009].

При работе в таких регионах для безопасного датирования обычно требуются образцы, которые имеют непрерывные последовательности из не менее чем 80, а чаще и более 100 колец. Такие длинные ряды встречаются далеко не на всех исторических постройках и деревянных артефактах. Строения, возведенные из быстрорастущих молодых бревен с практически неизменной шириной колец, обычно считаются непригодными для дендрохронологии, поэтому образцы с них берутся редко, а их хронологическая атрибуция остается неизвестной [Loader et al., 2019, p. 478].

Первым способом, позволяющим выйти из сложившейся ситуации и датировать подобного рода древесину, является привлечение других, более чувствительных к изменению окружающей среды параметров годичного кольца, которые позволяют обойти существующие ограничения. Исходя из оценки эффективности, довольно широкие перспективы открывает метод blue intensity (BI), основанный на измерении оптической плотности древесины [Larsson, 2013; Rydval et al., 2014]. Суть метода состоит в измерении интенсивности отраженного годичными кольцами синего света. Чем плотнее древесина, тем она темнее и тем меньше величина отраженного света. Исследователями установлено, что корреляция между максимальной плотностью и отражением выше в голубом спектре, поэтому метод получил название «интенсивность голубого» (blue intensity) [Долгова, 2017, с. 209–210].

В России данный метод активно применяется сотрудниками «Сибирской дендрохронологической лаборатории» (Красноярск) под руководством В.С. Мыглана: при помощи метода «blue intensity» ими было датировано несколько архитектурных построек г. Енисейска [Мыглан и др., 2018]. В своем исследовании авторы наглядно показали, что данный метод открывает новые возможности для датировки архитектурных построек умеренной климатической зоны Сибири.

Еще одним способом точного датирования быстрорастущих, инвариантных годичных колец и деревьев осадкочувствительных регионов умеренного климатического пояса является недавно разработанный метод датирования древесины с использованием стабильных изотопов кислорода. Он основан на измерении соотношений изотопов в целлюлозе поздней древесины годичных колец и их объективном сравнении с мастерской хронологией изотопов кислорода уже известного возраста. В условиях, где невозможно применить хронологию, построенную по ширине годичного кольца, данный метод продолжает работать, потому что деревья сохраняют сильный общий изотопный сигнал от летних осадков, из-за чего им не нужно подвергаться физиологическому стрессу для регистрации сигнала датирования.

Сигнал изотопов кислорода в поздней древесине, используемый для датирования, в первую очередь отражает изменения соотношения изотопов в осадках, отобранных деревом в течение вегетационного периода [Loader et al., 2019, p. 480]. Для того, чтобы отразить межгодовую изменчивость в сигнале изотопов, деревьям не нужно подвергаться физиологическому стрессу. Это в свою очередь означает, что данный метод будет работать даже там, где у деревьев наблюдается благодушный рост древесных колец (т.е. рисунок ширины годичных колец остается почти неизменным). Подобного рода быстрорастущие деревья с широкими кольцами распространены на большей части умеренного климатического пояса [Ibid.].

В последние годы этот метод уже применялся для исследования древесины, которую не удалось датировать при помощи хронологии по ширине годичных колец, а также древесины, считавшейся непригодной для подобной датировки. Н.Дж. Лоадер и В.Р. Свитсур [Loader and Switsur, 1996] использовали изотопы углерода для датировки событий, вызвавших нарушения роста у сосен обыкновенных, а Дж. Роден [Roden, 2008] в своей работе продемонстрировал, что изотопы кислорода и углерода могут дополнять дендрохронологию, исполь-

зуя специализированную программу для дендрохронологических исследований COFECHA с целью изучить силу корреляции в живых деревьях.

В последующих исследованиях когерентность изотопов кислорода с разной степенью успеха использовалась как вспомогательный метод для подтверждения построенных хронологий в реконструкциях палеоклимата, а также с целью продемонстрировать высокую корреляцию между деревьями [Xu, Sano, Nakatsuka, 2013; Baker, Hunt, Clerici, 2015].

Например, в 2018 г. в Японии было успешно проведено исследование по сопоставлению изотопов кислорода из образцов хвойных пород, погребенных под оползнями в Японии, с хронологией, разработанной на основе долгоживущих деревьев известного возраста [Yamada, Kariya, Kimura, 2018]. Кроме того, японскими учеными была предпринята попытка использовать изотопы кислорода в сочетании с радиоуглеродным датированием высокого разрешения для определения даты образцов, извлеченных из японского храма [Sakamoto, Hakozaki, Nakao, 2017].

Межвидовая датировка исторической древесины при помощи изотопов кислорода

Модели, отражающие особенности изотопного фракционирования показывают, что в условиях одной и той же среды и общего источника воды деревья будут регистрировать одинаковый изотопный сигнал в своих кольцах [Roden et al., 2008]. Однако различия в фенологии, морфологии листьев, анатомии древесины, глубине укоренения, физиологии и реакции на климат изменяют изотопный сигнал, сохраняющийся в целлюлозе годичных колец [Ibid.]. Несмотря на это, там, где все вышеперечисленные факторы будут достаточно схожими, химический состав древесины в годичных кольцах должен демонстрировать высокую степень межгодовой изотопной когерентности, что в свою очередь даст возможность точно датировать древесину различных видов с использованием мастерской хронологии, построенной по изотопам кислорода всего одного вида деревьев.

Для подтверждения данной гипотезы в 2021 г. на территории Великобритании было проведено исследование [Loader et al., 2021], целью которого было установить межвидовую изотопную когерентность недубовых пород деревьев с особым акцентом на ее применение для датирования исторических строений и артефактов Северо-Западной Европы. Учеными сравнивались образцы живой и исторической древесины известного и неизвестного возраста с мастерской хронологией дуба, построенной по южно-центральной части Великобритании, а их когерентность и потенциал датирования оценивался с использованием мастерской изотопной хронологии.

В рамках работы исследователями были отобраны образцы шести разных пород деревьев (ольха, ясень, бук, черный тополь, каштан, вяз). Образцы были отобраны с живых деревьев и из исторических образцов древесины со всего юга и запада Великобритании. Временные ряды изотопов были датированы относительно мастерской хронологии изотопов кислорода (1200–2000 гг. н.э.) [Loader et al., 2019], а для того, чтобы учитывать современные керны, образцы которых были отобраны совсем недавно, хронология была расширена с использованием живых деревьев.

Датирование проводилось путем пошагового сравнения изотопных серий (индексов) отфильтрованных образцов со всеми возможными позициями полного перекрытия в стандартизованной мастерской хронологии. Коэффициенты корреляции Пирсона рассчитывались для каждой позиции со степенями свободы, с поправкой на автокорреляцию и влияние фильтра. Полученные вероятности были скорректированы для множественного тестирования с использованием «поправки Бонферрони» [Dunn, 1961].

В результате из 16 образцов шести разных видов деревьев, рассмотренных в рамках исследования, только 2 образца показали недостаточно значимые коэффициенты корреляции с мастерской хронологией. Исследователи связывают это с тем фактом, что оба образца были отобраны на западе Великобритании, во влажной и заболоченной среде далеко за пределами исходного региона мастерской хронологии, из-за чего керны не смогли датировать. Датирование же оставшихся 14 образцов прошло довольно успешно: все коэффициенты корреляции Пирсона были в диапазоне от 0.545 до 0.758. Наблюдаемая изменчивость в полученных данных, скорее всего, отражает физические различия деревьев, их микроокружение, а также хронологическое положение образцов внутри хронологии.

На примере данной работы авторами было показано, что метод датирования изотопов кислорода может успешно применяться для сравнения древесины разных видов деревьев (в данном случае – на примере территории Великобритании) и быть довольно полезным инструментом в руках дендроархеологов. Отсутствие изменчивости в ширине колец, по всей видимости, никак не влияет на изотопный сигнал, и вполне вероятно, что многие деревянные конструкции, вырезанные из молодых быстрорастущих деревьев, в будущем будут пригодны для изотопного датирования.

Проанализировав работы, посвященные применению изотопов кислорода в дендрохронологии, можно сформулировать несколько фундаментальных выводов о его потенциале. Во-первых, данные, полученные при анализе изотопов кислорода из годичных колец деревьев, довольно точны и даже в необработанном, нефильтрованном виде подходят для корреляционного анализа (т.к. они почти не искажены и, в отличие от данных, полученных по ширине годичных колец, не показывают сильную положительную автокорреляцию). В результате даты обычно получаются путем сравнения необработанных данных по изотопам образца с мастерской хронологией, что в свою очередь довольно существенно уменьшает временные затраты на статистическую обработку данных.

Во-вторых, еще одним следствием очень сильной изотопной корреляции между деревьями является то, что можно получить надежные даты, используя гораздо меньше колец, чем в случае с измерением ширины годичных колец. Исследуя равнинные области Центральной и Южной Англии с умеренным климатом, исследователи пришли к выводу, что многие из образцов можно будет датировать, используя только первые 35 колец.

К сожалению, главным недостатком метода, не позволяющим ему в полной мере заменить собой дендрохронологическое датирование по ширине годичных колец, является его довольно существенная ресурсоемкость (процедуры пробоподготовки образцов, химической обработки и выделения целлюлозы из древесины колец, а также непосредственно самого анализа на ускорительном масс-спектрометре делает данный метод довольно затратным как по времени, так и материально). В целом стоимость проведения данного анализа довольно сопоставима со стоимостью проведения радиоуглеродного анализа. Однако, в отличие от радиоуглеродного датирования, дендрохронология вместе с анализом изотопов кислорода в годичных кольцах может дать точную дату (дату вырубки дерева) с объективно определенной вероятностью ошибки.

Еще одним ограничением данного метода является достаточно сложная (по сравнению с методом измерения ширины годичных колец) процедура отбора образцов древесины, требующая специализированного оборудования (а именно – бура Преслера с диаметром 10–12 мм), или же отбора нескольких кернов с каждого исследуемого дерева. Кроме того, при дальнейшей обработке и пробоподготовке для проведения изотопного анализа фактом, дополнительно осложняющим работу, является погодичное фракционирование проб (при котором каждый керн нужно разделить по кольцам, чтобы получить независимые друг от друга данные). Тем более далеко не у всех видов деревьев границы колец видны отчетливо, поэтому процесс отбора проб и дальнейшая их датировка может быть существенно затруднена.

Кроме того, не до конца ясными остаются территориальные рамки применения метода. Принимая во внимание тот факт, что для успешной датировки древесины по изотопам кислорода для этого региона уже должна быть построена относительная хронология, на данном этапе пока остается неизвестным, на каком расстоянии от места ее создания изотопный анализ перестанет показывать значимые коэффициенты корреляции (т.к. степень сохранения сигнала у древесных родов на данный момент остается в значительной степени неизученной). Помимо этого, не до конца изученным остается и вопрос того, какие именно факторы окружающей среды будут в большей мере искажать изотопный сигнал, содержащийся в целлюлозе годичных колец.

Несмотря на то, что на данный момент эффективность применения изотопного анализа в дендрохронологии была доказана только для широколиственных лесов умеренно-морской климатической зоны [Loader et al., 2019; 2021], судя по всему, данный метод должен работать и в зоне континентального климата, в т.ч. и на территории Западной Сибири. Это возможно благодаря тому, что ключевым условием для регистрации одинакового изотопного сигнала в древесных кольцах является общий источник воды, питающий деревья, а также их схожая среда обитания.

На основной территории юга Западной Сибири, как и в Великобритании, климатические условия довольно схожи между собой (с возрастанием континентальности по мере удаления от льдов Северного Ледовитого океана вглубь континента). Работа циклонов и высокая облачность на территории равнины наблюдаются редко, а арктические воздушные массы на климат Западной Сибири влияние практически не оказывают (открытость территории с севера и юга дает возможности меридиональным переносам), в результате температурные колебания незначительны. Кроме того, климат большей части Западной Сибири влажный, а большое количество заболоченных лесных массивов, рек и озер дают в летний период охлаждающий эффект всей территории Западно-Сибирской равнины [Архипов, Волкова, 1994, с. 7–15]. Все эти факторы делают условия произрастания деревьев достаточно схожими для того, чтобы химический состав целлюлозы в годичных кольцах продемонстрировал достаточно высокую изотопную когерентность.

Заключение

В целом возможность датировать ранее непригодные для классической дендрохронологии виды деревьев означает довольно существенный прогресс в изучении исторического наследия регионов с умеренным климатом. Кроме того, возможность получить надежные даты, используя гораздо меньше колец, чем в случае с измерением ширины годичных колец, а также связать и датировать разные породы древесины открывает для научной археологии новые, далеко идущие перспективы. Благодаря данному методу наконец сможет быть датировано огромное число ранее непригодных для датировки деревянных артефактов, накопленных в музейных коллекциях и архивах, которые выполнены из лиственных пород [Дерево…, 2018].

В прошлом дендрохронологи, проводившие оценку потенциала датирования исторического объекта, могли отклонить его как непригодный на основании наличия древесины разных видов, не коррелирующих между собой, или же отсутствия региональной древесно-кольцевой хронологии необходимого вида. Теперь же у нас есть возможность применить еще один, совершенно новый метод дендрохронологии стабильных изотопов, который вполне может решить эти проблемы. В условиях, где невозможно применить хронологию, построенную по ширине годичного кольца, метод датирования по изотопам кислорода продолжает работать.

Несмотря на то, что данное направление находится еще на довольно ранней стадии исследований, исходя из уже имеющихся данных, можно сделать вывод, что метод датирования при помощи изотопов кислорода демонстрирует значительный потенциал.

Благодарности

М.В. Уткин и М.О. Филатова работали в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0010.

Список литературы

Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири // Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН. – 1994. – С. 7–15.

Дерево и мебель. Электронный каталог музейных предметов Государственного исторического музея. – 2018 – URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT?fund_ier=647756753 (дата обращения: 25.08.2022).

Долгова Е.А. Связь с засушливостью ширины кольца ранней и поздней древесины и оптической плотности колец сосны (на примере Калужской области) // Засухи Восточно-Европейской равнины по гидрометеорологическим и дендрохронологическим данным. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 208–222.

Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Сидорова М.О., Баринов В.В.,Тайник А.В. Применение метода blue intensity для датирования памятников деревянного зодчества Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 4. – С. 109–113.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 112–122.

Bailie M.G.L. Tree-ring Dating and Archaeology. – Univ. of Chicago Press, 1990.

Baker J.C.A., Hunt S.F.P., Clerici S.J. Oxygen isotopes in tree rings show good coherence between species and sites in Bolivia // Global and Planetary Change. – 2015. – Vol. 133. – P. 298–308.

Barrett M.T., Brown D., Plunkett G. Refining the statistical parameters for constructing tree-ring chronologies using short-lived species: Alder (Alnus glutinosa Gaertn) // Dendrochronologia. – 2019. – Vol. 55. – P. 16–24. – doi: 10.1016/j.dendro.2019.03.004

Billamboz A. Dealing with heteroconnections and short tree-ring series at different levels of dating in the dendrochronology of the Southwest German pile-dwellings // Dendrochronologia. – 2008. – Vol. 26. – P. 145–155. – doi: 10.1016/j.dendro.2008.07.001

Bridge M. Can dendrochronology be used to indicate the source of oak within Britain? // Vernacular Architecture. – 2000. – Vol. 31. – P. 67–72.

Bridge M., Tyers C., Bayliss A., Bollhadler S., Wacker L., Loader N.J., McCarroll D., Davies D., Young G., Miles D. Twilly Springs, manor lane, West hendred, oxfordshire: tree-ring analysis, radiocarbon wiggle-matching, and oxygen isotope dendrochronology of elm and oak timbers // Historic England Research Report. – 2019. – Series 2019-97.

Dominguez-Delmaz M., Alejano-Monge R., Wazny T., Garcia-Gonzalez I. Radial growth variations of black pine along an elevation gradient in the Cazorla Mountains (South of Spain) and their relevance for historical and environmental studies // European J. of Forest Research. – 2013. – Vol. 132. – P. 635–652.

Dunn O.J. Multiple Comparisons among Means // J. of the American Statistical Association. – 1961. – Vol. 56. – P. 52–64.

Haneca K., Cufar K., Beeckman H. Oaks, tree rings and wooden cultural heritage: a review of the main characteristics and applications of oak dendrochronology in Europe // J. of Archaeol. Sci. – 2009. – Vol. 36. – P. 1–11.

Hillam J., Groves C., Brown M., Baillie M., Coles J., Coles B. Dendrochronology of the English neolithic // Antiquity. – 1990. – Vol. 64. – P. 210–220. – doi: 10.1017/S0003598X00077826

Hollstein E. Mitteleuropäische Eichenchronologie // Trierer Grabungen und Forschungen 11. – 1980. – 273 p.

Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6. – 2013. – URL: http://www.cybis.se/forfun/ dendro/ (дата обращения: 01.08.2022 г.).

Loader N. J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B. Tree ring dating using oxygen isotopes: a master chronology for central England // J. of Quatern. Sci. – 2019. – Vol. 34. – P. 475–490. – doi: 10.1002/jqs.3115

Loader N. J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B., Williams M., Fudge M. Dating of non-oak species in the United Kingdom historical buildings archive using stable oxygen isotopes // Dendrochronologia. – 2021. – Vol. 69. – doi: 10.1016/j.dendro.2021.125862

Loader N.J., Santillo P.M, Woodman-Ralph J.P. Multiple stable isotopes from oak trees in southwestern Scotland and the potential for stable isotope dendroclimatology in maritime climatic regions // Chemical Geology. – 2008. – Vol. 252. – P. 62–71.

Loader N.J., Switsur V.R. Reconstructing past environmental change using stable isotopes in tree-rings // Botanical J. of Scotland. – 1996. – Vol. 48. – P. 65–78.

Roden J. Cross-dating of tree ring delta O-18 and delta C-13 time series // Chemical Geology. – 2008. – Vol. 252 (1–2). – P. 72–79.

Rydval M., Larsson L.-Å., McGlynn L., Gunnarson B.E., Loader N.J., Young G.H.F., Wilson R. Blue intensity for dendroclimatology: should we have the blues? Experiments from Scotland // Dendrochronologia. – 2014. – Vol. 32. – Iss. 3. – P. 191–204.

Sakamoto M., Hakozaki M., Nakao N. Fine structure and reproducibility of radiocarbon ages of middle to early modern Japanese tree rings // Radiocarbon. – 2017. – Vol. 59. – P. 1907–1917.

Tegel W., Muigg B., Skiadaresis G., Vanmoerkerke J., Seim A. Dendroarchaeology in Europe // Frontiers in Ecology and Evolution. – 2022. – P. 14–15. – doi: 10.3389/fevo.2022.823622

Wilson R., Miles D., Loader N.J. A millennial long March July precipitation reconstruction for southern central England // Climate Dynamics. – 2013. – Vol. 40. – P. 997–1017.

Xu C., Sano M., Nakatsuka T. A 400-year record of hydroclimate variability and local ENSO history in northern Southeast Asia inferred from tree-ring δ18O // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2013. – Vol. 386. – P. 588–598.

Yamada R., Kariya Y., Kimura T. Age determination on a catastrophic rock avalanche using tree-ring oxygen isotope ratios-the scar of a historical gigantic earthquake in the Southern Alps, central Japan // Quaternary Geochronology. – 2018. – Vol. 44. – P. 47–54.

References

Arkhipov S.A., Volkova V.S. Geological history, landscapes and climates of the Pleistocene of Western Siberia**.** *NRC OIGGM SB RAS*, Novosibirsk, 1994. P. 7–15 (In Russ.).

Bailie M.G.L. Tree-ring Dating and Archaeology. *Univ. of Chicago Press*, Chicago, 1990.

Baker J.C.A., Hunt S.F.P., Clerici S.J. Oxygen isotopes in tree rings show good coherence between species and sites in Bolivia. *Global and Planetary Change*, 2015. Vol. 133. P. 298–308.

Barrett M.T., Brown D., Plunkett G. Refining the statistical parameters for constructing tree-ring chronologies using short-lived species: Alder (Alnus glutinosa Gaertn). *Dendrochronologia*, 2019. Vol. 55. P. 16–24. doi: 10.1016/j.dendro.2019.03.004

Billamboz A. Dealing with heteroconnections and short tree-ring series at different levels of dating in the dendrochronology of the Southwest German pile-dwellings. *Dendrochronologia*, 2008. Vol. 26. P. 145–155. doi: 10.1016/j.dendro.2008.07.001

Bridge M. Can dendrochronology be used to indicate the source of oak within Britain? *Vernacular Architecture*, 2000. Vol. 31. P. 67–72.

Bridge M., Tyers C., Bayliss A., Bollhadler S., Wacker L., Loader N.J., McCarroll D., Davies D., Young G., Miles D. Twilly Springs, manor lane, West hendred, oxfordshire: tree-ring analysis, radiocarbon wiggle-matching, and oxygen isotope dendrochronology of elm and oak timbers. *Historic England Research Report*, 2019. Series 2019-97.

Dolgova E.A. Svyaz' s zasushlivost'yu shiriny kol'tsa ranney i pozdney drevesiny i opticheskoy plotnosti kolets sosny (na primere Kaluzhskoy oblasti). In *Droughts of the East European Plain according to hydrometeorological and dendrochronological data.* St. Petersburg, 2017. P. 208–222. (In Russ.).

Dominguez-Delmaz M., Alejano-Monge R., Wazny T., Garcia-Gonzalez I. Radial growth variations of black pine along an elevation gradient in the Cazorla Mountains (South of Spain) and their relevance for historical and environmental studies. *European Journal of Forest Research*, 2013. Vol.132. P. 635–652.

Dunn O.J. Multiple Comparisons among Means. *Journal of the American Statistical Association*, 1961. Vol. 56. Iss. 293. P. 52–64.

Haneca K., Cufar K., Beeckman H. Oaks, tree rings and wooden cultural heritage: a review of the main characteristics and applications of oak dendrochronology in Europe. *Journal of Archaeological Science*, 2009. Vol. 36. P. 1–11.

Hillam J., Groves C., Brown M., Baillie M., Coles J., Coles B. Dendrochronology of the English neolithic.

Antiquity, 1990. Vol. 64. P. 210–220. doi: 10.1017/S0003598X00077826

Hollstein E. Mitteleuropäische Eichenchronologie. *Trierer Grabungen und Forschungen 11*, 1980. 273 p.

Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6, 2013. URL: http://www.cybis.se/forfun/ dendro/ (Accessed: 01.08.2022).

Loader N.J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B. Tree ring dating using oxygen isotopes: a master chronology for central England. *Journal of Quaternary Science*, 2019. Vol. 34. P. 475–490. doi: 10.1002/jqs.3115

Loader N.J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B., Williams M., Fudge M. Dating of non-oak species in the United Kingdom historical buildings archive using stable oxygen isotopes. *Dendrochronologia*, 2021. Vol. 69. doi: 10.1016/j.dendro.2021.125862

Loader N.J., Santillo P.M, Woodman-Ralph J.P. Multiple stable isotopes from oak trees in southwestern Scotland and the potential for stable isotope dendroclimatology in maritime climatic regions. *Chemical Geology*, 2008. Vol. 252. P. 62–71.

Loader N.J., Switsur V.R. Reconstructing past environmental change using stable isotopes in tree-rings. *Botanical J. of Scotland*, 1996. Vol. 48. P. 65–78.

Myglan V.S., Zharnikov Z.Yu., Sidorova M.O., Barinov V.V., Taynik A.V. Primeneniye metoda blue intensity dlya datirovaniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva Sibiri. In *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia.* Novosibirsk: IAET SB RAS, 2018. N 4. P. 109–113. (In Russ.).

Roden J. Cross-dating of tree ring delta O-18 and delta C-13 time series. *Chemical Geology*, 2008. Vol. 252 (1–2). P. 72–79.

Rydval M., Larsson L.-Å., McGlynn L., Gunnarson B.E., Loader N.J., Young G.H.F., Wilson R. Blue intensity for dendroclimatology: should we have the blues? Experiments from Scotland. *Dendrochronologia*, 2014. Vol. 32. Iss. 3. P. 191–204.

Sakamoto M., Hakozaki M., Nakao N. Fine structure and reproducibility of radiocarbon ages of middle to early modern Japanese tree rings. *Radiocarbon*, 2017. Vol. 59. P. 1907–1917.

Shiyatov S.G., Khantemirov R.M. Dendrokhronologicheskaya datirovka drevesiny kustarnikov iz arkheologicheskogo poseleniya Yarte VI na poluostrove Yamal. *Drevnosti Yamala*, Yekaterinburg – Salekhard: UrO RAS, 2000. Vol. 1. P. 112–122. (In Russ.).

Tegel W., Muigg B., Skiadaresis G., Vanmoerkerke J., Seim A. Dendroarchaeology in Europe. *Frontiers in Ecology and Evolution*, 2022. P. 14–15. doi: 10.3389/fevo.2022.823622

Wilson R., Miles D., Loader N.J. A millennial long March July precipitation reconstruction for southern central England. *Climate Dynamics*, 2013. Vol. 40. P. 997–1017.

Xu C., Sano M., Nakatsuka T. A 400-year record of hydroclimate variability and local ENSO history in northern Southeast Asia inferred from tree-ring δ18O. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2013. Vol. 386. P. 588–598.

Yamada R., Kariya Y., Kimura T. Age determination on a catastrophic rock avalanche using tree-ring oxygen isotope ratios-the scar of a historical gigantic earthquake in the Southern Alps, central Japan. *Quatern. Geochronology*, 2018. Vol. 44. P. 47–54.

Уткин М.В. https://orcid.org/0000-0003-2603-7728
Филатова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0778-0786
УДК 903.02

А.С. Федорук[1], Г.Е. Иванов[2], Н.Ф. Степанова[1]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Барнаул, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Керамика донгальского типа поселения Калиновка II (лесостепной Алтай)

В статье рассматриваются результаты изучения керамики донгальского типа заключительного этапа бронзового века поселения Калиновка II. В ходе исследования выполнялся анализ форм сосудов, техники орнаментации, орнаментальных схем, исходного сырья и формовочных масс. Большинство сосудов относится к сильнопрофилированным горшкам, значительно реже встречаются средне- и слабопрофилированные горшки, а также сосуды баночного типа. Орнаментировалась только верхняя треть сосуда, преимущественно верхняя зона шейки. На фрагментах коллекции зафиксировано использование семи приемов нанесения орнамента: налеп, насечка, штампование, пальцевая техника, прочерчивание, вдавления и выдавливания. Отмечено 22 разновидности мотивов орнамента. Наиболее часто встречаются горизонтальный валик с пояском из наклонных насечек, оттисков гладкого штампа или оттисков пальцев, горизонтальный валик без дополнительного декора. Среди орнаментальных композиций преобладают узоры, состоящие из одного, реже двух различных мотивов. Анализ исходного сырья показал, что преобладают сосуды, изготовленные из среднеожелезненной глины низкой пластичности. Выявлено три рецепта составления формовочных масс: глина + шамот + органика, глина + дресва + органика; глина + дресва + шамот + органика. Преобладает традиция добавления шамота, зафиксировано смешение навыков в использовании минеральных примесей, к необычным относится рецепт глина + дресва + органика. Сравнение донгальской керамики поселения Калиновка II с материалами поселений степного и лесостепного Алтая (Жарково-3, Рублево-6) показывает значительное сходство по технологии изготовления, формам сосудов, орнаменту. С однотипной керамикой Центрального Казахстана, в первую очередь поселения Донгал, сближает сходство орнамента, а также наличие рецепта, отражающего смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей. В целом донгальская керамика поселения Калиновка II, как и других памятников Алтая и Казахстана, отражает единые процессы, происходившие на этих территориях, взаимопроникновение и контакты населения.

Ключевые слова: *Бронзовый век, донгальский тип керамики, степной и лесостепной Алтай, поселение, керамика, орнамент, историко-культурный подход, исходное сырье, формовочные массы.*

A.S. Fedoruk[1], G.E. Ivanov[2], N.F. Stepanova[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Independent researcher
Barnaul, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Pottery of the Dongal Type from the Kalinovka II Settlement (Forest-Steppe Altai)

The article discusses research into the Dongal type pottery of the Final Bronze Age from the Kalinovka II settlement, including vessel shapes, ornamentation techniques, ornamental programs, raw materials, and clay fabrics. Most of the vessels were sharply profiled pots; medium and slightly profiled pots as well as jar-type vessels were much less common. Only the upper third of the vessel, mainly the upper zone of the neck, had ornamental decoration. Seven ornamentation methods have been identified on the fragments from the collection, including molding, notching, stamping, finger technique, drawing, impression,

and extrusion. Twenty two varieties of ornamental motifs have been observed. The most common was a horizontal band with the belt of oblique notches, impressions of a smooth stamp or fingers, or horizontal band without additional decoration. Patterns consisting of one, less often two different motifs prevailed in ornamental compositions. Analysis of raw materials has shown that vessels were mostly made of medium-ferruginous clay of low plasticity. Three compounds of clay fabric have been identified: clay + chamotte + organics, clay + gruss + organics; clay + gruss + chamotte + organic. The tradition of adding chamotte prevailed; mixture of skills in using mineral additives has been observed; compound of clay + gruss + organics was unusual. Comparison of the Dongal pottery from the Kalinovka II settlement with evidence from the sites in the steppe and forest-steppe Altai (Zharkovo-3, Rublevo-6) shows marked similarity in manufacturing techniques, vessel shapes, and ornamentation. The pottery from Kalinovka-II is similar to the same pottery type from Central Kazakhstan, primarily from the Dongal settlement, in ornamentation and presence of clay fabrics which reflect mixed cultural traditions in using mineral additives. The Dongal pottery from the Kalinovka II settlement, as well as other sites of the Altai and Kazakhstan, reflects the common processes in these territories, interpenetration of the populations, and contacts between them.

Keywords: *Bronze Age, pottery of the Dongal type, steppe and forest-steppe Altai, ancient settlements, pottery, ornamentation, historical and cultural approach, raw material, pottery fabric.*

Введение

Настоящая работа является продолжением публикации результатов исследования материалов поселения Калиновка II [Иванов, 1988; 2000а; 2000б; 2016; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990; Кирюшин и др., 2004; 2005; 2006; 2007а; 2007б; Иванов, Федорук, 2005; Вальков, Иванов, Федорук, 2022].

В общей сложности коллекция керамики памятника состоит из 6 308 фрагментов и 15 развалов сосудов, 19,8 % (1 240 фрагментов и 10 развалов) из которых орнаментировано. Фрагментов венчиков в коллекции 799 единиц, из них орнаментировано 549 единиц (8,7 % коллекции фрагментов, без развалов сосудов), не орнаментировано – 250 (4,0 %). Фрагментов тулов насчитывается 5 153 единицы, в том числе с орнаментом 660 (10,5 %), без орнамента 4 493 (71,2 %). Придонных частей в коллекции 285 единиц, в том числе орнаментированных 31 (0,5 %) и без орнамента 254 (4,0 %). Днищ сосудов в коллекции – 71 единица (1,1 %), все они без орнамента.

В комплексе выделяются группы посуды андроновской, черкаскульской и саргаринско-алексеевской культур, а также фрагменты сосудов донгальского типа.

Целью настоящей работы является представление результатов исследования группы посуды донгальского типа. Данная серия представлена 127 фрагментами, не менее чем от 100 сосудов, а также одним развалом сосуда, что составляет 2,0 % от общего количества фрагментов в коллекции. Основная часть керамики данного типа происходит из больших, с глубокими котлованами, двухкамерных жилищ 1 и 3, располагавшихся на самой высокой части мыса, вдоль кромки леса (ЮЗ и СЗ часть раскопа) и из межжилищного пространства между ними. На остальной части раскопа встречены мелкие фрагменты, не образующие скоплений.

Методика исследования

Изучение керамической коллекции проведено по ранее отработанной авторами методике, включающей в себя исследование форм, техники орнаментации, орнаментальных схем, а также исходного сырья и формовочных масс сосудов. При анализе формы и орнаментации керамики использовалась методика В.Ф. Генинга [1973, с. 115–116]: подсчеты велись по отдельным элементам орнамента, а поверхность сосуда рассматривалась как совокупность отдельных зон, что позволило более детально отразить специфику орнаментации комплекса. Технико-технологический анализ выполнен в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012]. Исследованы образцы от 50 сосудов. Основная задача в исследовании сводилась к выявлению специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций; выявления местных и неместных традиций и определение признаков их смешения. Исследования изломов и поверхностей образцов проводились с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850°C.

Результаты исследования

Формы и орнаментация

В 106 случаях, когда размеры фрагментов позволяют, можно определить форму сосудов: основная часть фрагментов относится к горшкам. При этом

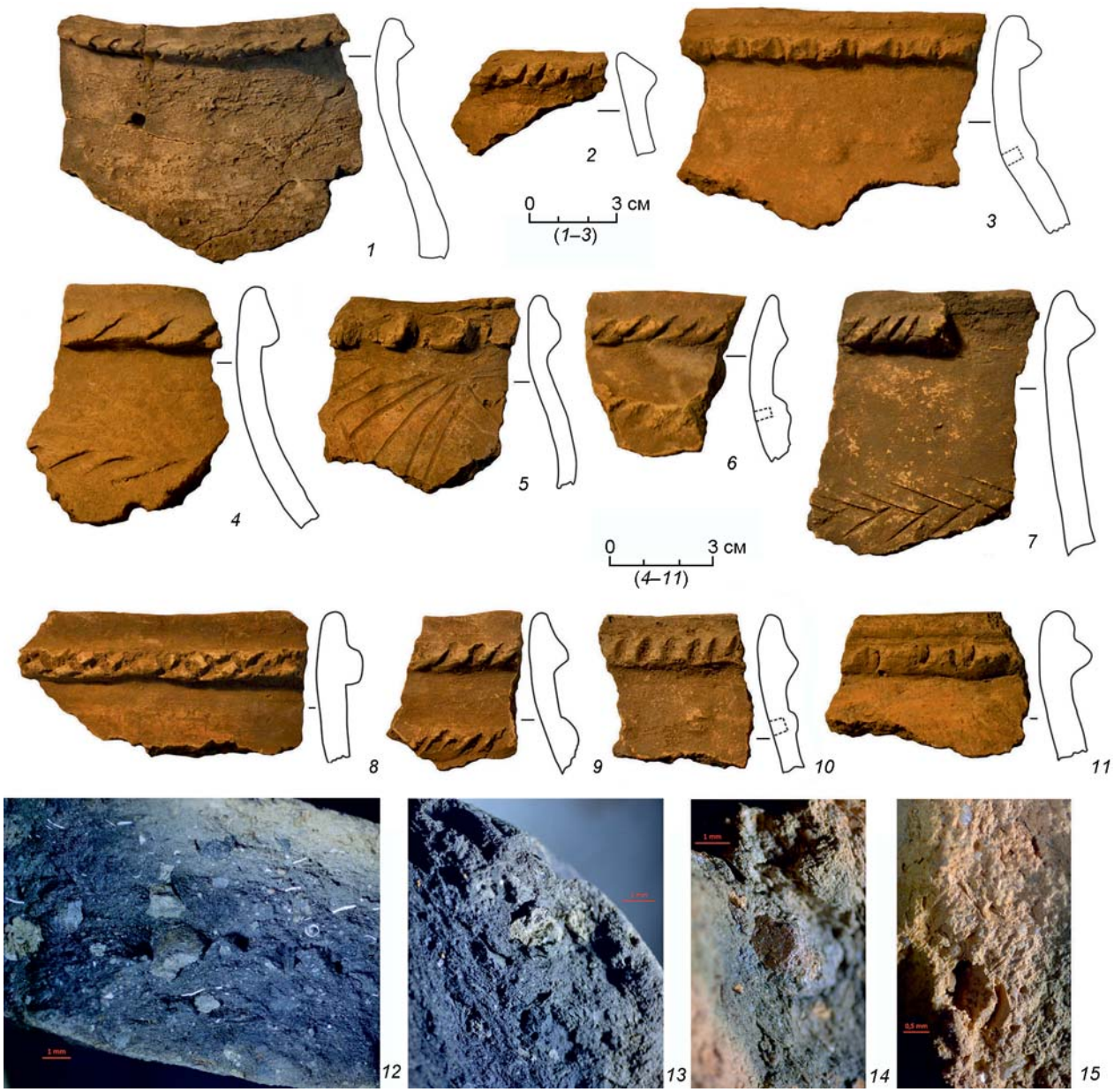


Рис. 1. Донгальская керамика с шамотом поселения Калиновка II.
1–11 – фото образцов; *12–15* – микросъемка образцов с помощью микроскопа Stemi-2000-C.

по степени профилировки к варианту сильнопрофилированных горшков относится 67,9 % сосудов (рис. 1, *1*, *3*, *6*, *9*; 2, *1*, *3*, *5*, *6*, *10*, *11*, *13*), к среднепрофилированным – 11,3 % (рис. 1, *5*; 2, *2*, *4*, *12*), к слабопрофилированным – 9,5 % (рис. 1, *4*, *7*, *10*, *11*; 2, *8*, *9*). Двенадцать черепков происходит от баночных сосудов закрытого типа (11,3 %) (рис. 1, *2*, *8*; 2, *7*).

Основной зоной орнаментации является верхняя зона шейки (55,9 %). Реже украшалась область перехода от шейки к плечикам (28,7 %) и плечики (14,7 %). Орнамент на тулове зафиксирован только в одном случае. Отмечается использование семи приемов нанесения орнамента: налеп (присутствует на всех фрагментах – доля среди всех техник орнаментации в группе – 44,2 %), насечка (22,8 %), штампование (17,8 %), пальцевая техника (9,9 %), выдавливание (4,1 %). Кроме того, дважды встречено прочерчивание и один раз вдавления. На посуде группы отмечено 22 разновидности мотивов орнамента. Наиболее часто встречаются горизонтальный валик с пояском из наклонных насечек (33,4 %), оттисков гладкого штампа (10,7 %) или оттисков пальцев (10,7 %), горизонтальный валик без дополнительного декора (10 %). Относительно часто в орнаменте использован горизонтальный ряд жемчужника (6,7 %), горизонтальные валики (4 %) или воротнички (4,7 %) с поясками из наклонных оттисков гребенчатого штампа, го-

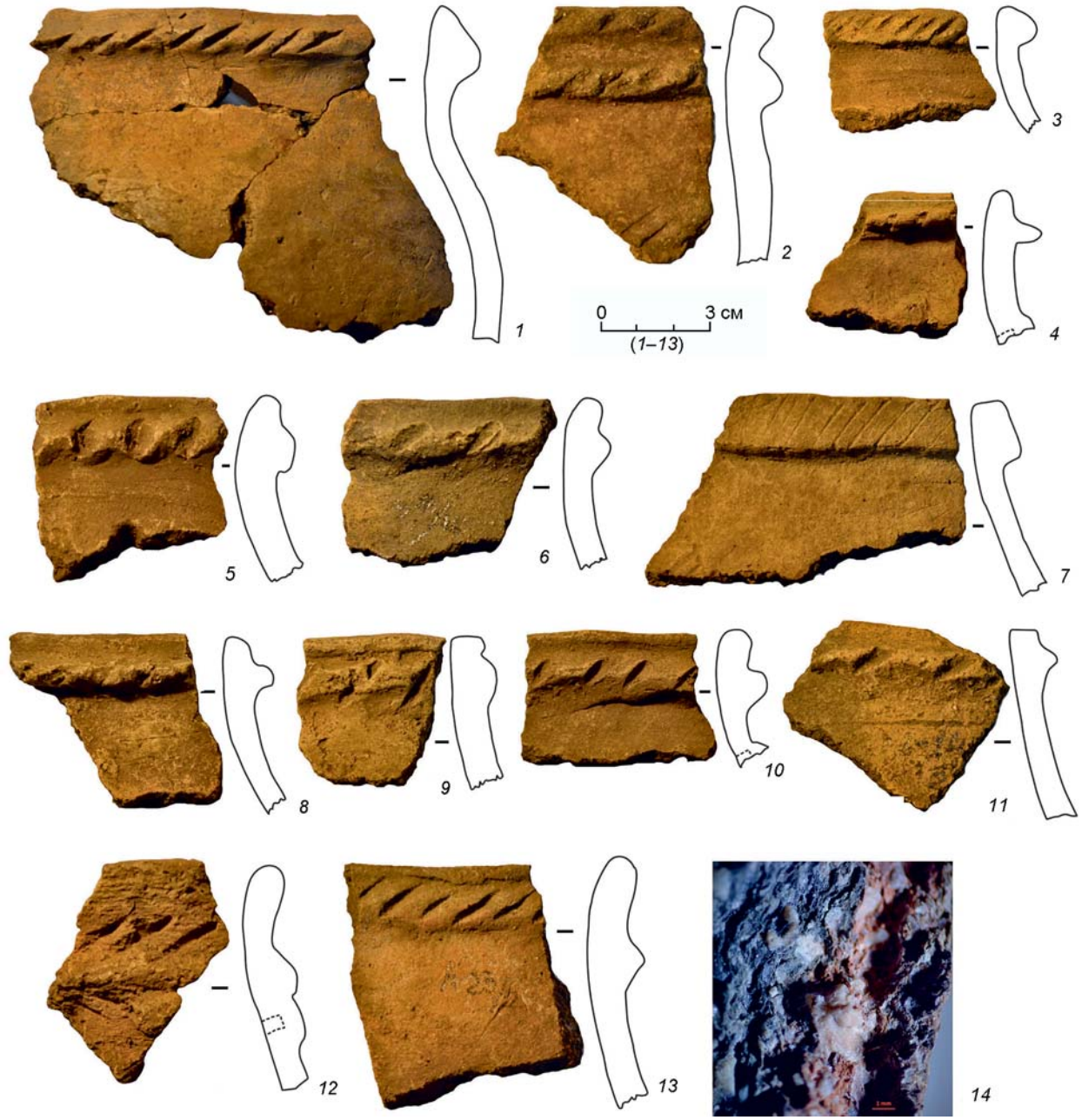


Рис. 2. Донгальская керамика поселения Калиновка II.

1–11 – с дресвой и шамотом; *12* – с шамотом; *13*, *14* – с дресвой; *1–13* – фото образцов; *14* – микросъемка образца с помощью микроскопа Stemi-2000-C.

ризонтальные валики с пальцевыми защипами (4 %). Остальные мотивы зафиксированы не более одного-двух раз.

В связи с высокой степенью фрагментации керамики группы говорить об орнаментальных композициях достаточно сложно. Однако на имеющихся в коллекции крупных фрагментах верхних частей сосудов преобладают узоры, состоящие только из одного (65,6 %), реже двух различных мотивов (29,5 %). Кроме того, дважды отмечено использование трех различных мотивов и единожды одного мотива, повторенного два раза.

Исходное сырье

Для изготовления керамики использовались ожелезненные глины: среднеожелезненные (86 %) и слабоожелезненные (14 %). Среднеожелезненные глины имеют незначительные отличия по цвету. Исходное сырье различается по пластичности: пластичное (26 %), среднепластичное (12 %) и низкопластичное (62 %). Особенность коллекции состоит в наличии в исходном сырье очень мелкого кварцевого песка в большой концентрации (рис. 1, *15*). Частицы диаметром около 0,1 мм и меньше, иногда немного крупнее и как исключение встреча-

ются отдельные включения диаметром 0,5 и 1 мм. Концентрация песка от 1:4–5 до 1:3 и 1:2. Из других естественных примесей в 36 % образцов зафиксированы единичные включения бурого железняка, изредка встречаются серые мягкие включения. В девяти образцах (18 %) встречены обломки раковины мелкой улитки. Особенно много их в трех сосудах (рис. 1, *12*; 2, *12*). Большое сходство состава и размерности песка свидетельствует о похожих источниках. Однако различия по ожелезненности и количеству песка говорят о том, что сырье брали неодновременно и из разных мест, возможно, расположенных поблизости, на берегу водоема. К числу необычных относятся сосуды с обломками раковины улитки и из слабоожелезненных глин (рис. 1, *8*, *12–14*; 2, *12*). Два сосуда имеют по два необычных признака. Присутствие в исходном сырье значительного количества обломков раковины улитки и мелкого песка указывает на сходство этого сырья с илистыми глинами [Цетлин, 2012, с. 88].

Формовочные массы

Зафиксировано три рецепта: 1) глина + шамот + + органика – 54 % (рис. 1; 2, *12*), 2) глина + дресва + + органика – 2 % (рис. 2, *13*, *14*), 3) глина + дресва + шамот + органика – 44 % (рис. 2, *1–11*). Размер частиц шамота от 1 до 3 мм, преимущественно около 1 мм. Размер частиц дресвы также от 1 до 3 мм, обычно ок. 1 мм. В ряде случаев в формовочную массу одного сосуда добавляли шамот от разных сосудов, о чем свидетельствуют различия по ожелезненности (наряду со среднеожелезненным шамотом есть и слабоожелезненный) и составу естественных примесей. Достаточно часто использовался шамот из низкопластичного сырья с очень мелким кварцевым песком аналогичным тому, из которого изготовлена большая часть сосудов донгальского типа с поселения Калиновка II. Иногда в шамоте фиксировался шамот или дресва.

Рецепт 3 разделен на три подвида по концентрации дресвы и шамота: 1) глина + шамот + дресва + органика (10 %), который объединяет сосуды с концентрацией дресвы и шамота от 1:4–5 до 1:5–6; 2) объединяет образцы с концентрацией шамота 1:4–5 и дресвы 1: 6–8 (20 %); 3) объединяет образцы с концентрацией дресвы 1:3–4, 1:4–6 и концентрацией шамота 1:7 (14 %).

Обсуждение результатов

Анализируя полученные данные, отметим, что низкая концентрация дресвы (1:6–8) может быть объяснена двумя причинами: отмиранием традиции или попаданием частиц дресвы из шамота. Сложнее объяснить низкую концентрацию шамота в рецептах, включающих одновременно шамот и дресву. Вероятнее всего, это связано с новым населением, добавлявшим в формовочные массы дробленый камень, которое осваивало новые территории и вступало в контакты с местным населением, применявшим шамот. Изучение технологии изготовления древней керамики с территории Алтая выявило зависимость в выборе минеральных примесей от ландшафтных зон и удаленности от горной местности [Степанова, 2015; 2017]. Материалы поселения Калиновка II не являются исключением. Для территории, где расположен памятник, характерно использование шамота, что и подтверждается результатами изучения донгальской коллекции (шамот выявлен в 98 % сосудов исследованной серии). Фиксируется смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей. Отметим, что рецепты с одной дресвой (без шамота) составляют всего 2 %, а смешение навыков (шамот + дресва) фиксируется в 44 %. Однако в 20 % этих образцов, дресвы выявлено минимальное количество, которое не могло повлиять на качество сосудов. Это позволяет утверждать, что имелось как смешение населения из разных ландшафтных зон через контакты, так и вытеснение принесенной традиции местной, т.е. заменой дресвы на шамот. Наличие в ряде случаев шамота из такой же низкопластичной глины, из которой изготовлено большинство сосудов, говорит о местной устойчивой традиции в выборе исходного сырья.

Сравнивая коллекции донгальской керамики с поселений Калиновки II, Жарково-3 и Рублево-6, отметим различия в выборе сырья: на Жарково-3 и Рублево-6 предпочитали пластичные глины в отличие от Калиновки II. Вероятнее всего, это связано с местными особенностями глин. К общим чертам для всех трех коллекций относится использование преимущественно среднеожелезненного сырья, отсутствие изделий из неожелезненных глин. На всех трех поселениях отмечено незначительное количество рецептов с использованием одной дресвы, но на Калиновке II их совсем мало (см. *таблицу*). Сосуды с добавлением только шамота преобладают на Калиновке II и Жарково-3, а количество рецептов с шамотом и дресвой в коллекции Калиновки II больше, чем на Жарково-3, но меньше, чем на Рублево-6 (см. *таблицу*).

Анализируемая серия керамики чрезвычайно близка донгальской, происходящей с других единовременных памятников региона. При этом сходство проявляется как по технологии изготовления, формам сосудов, так и по декору. Например, в сравнении с одной из наиболее представительных в регионе донгальской коллекцией керамики поселения Жарково-3 [Папин и др., 2016], сходство проявляется по большинству анализируемых

Сравнительная характеристика керамических коллекций донгальских комплексов степного и лесостепного Алтая

		Калиновка II	Жарково-3 (по: [Папин и др., 2016])	Рублево VI (по: [Папин и др., 2015])
Кол–во фрагментов		127	54	19
Форма сосудов	Горшки сильнопрофилированные	67,9 %	71,7 %	66,67 %
	Горшки среднепрофилированные	11,3 %	15,1 %	1 случай (8,33 %)
	Горшки слабопрофилированные	9,5 %	11,3 %	3 случая (25,0 %)
	Банки закрытые	11,3 %	1 случай (1,9 %)	–
Зона орнаментации	Шейка	55,9 %	58,2 %	59,1 %
	Переход от шейки в плечико	28,7 %		
	Плечико	14,7 %	40,3 % (включает и зону перехода от шейки к плечикам)	40,9 % (включает и зону перехода от шейки к плечикам)
	Тулово	1 случай (0,7 %)	1 случай (1,5 %)	–
Техника орнаментации	Налеп	44,2 %	47,5 %	35,7 %
	Насечка	22,8 %	22,9 %	25,0 %
	Штампование	17,8 %	15,3 %	–
	Пальцевая техника	9,9 %	4,2 %	–
	Выдавливание	4,1 %	5,9 %	21,4 %
	Прочерчивание	2 случая (0,8 %)	2 случая (1,7 %)	–
	Вдавления	1 случай (0,4 %)	3 случая (2,5 %)	17,9 %
Мотивы орнамента	Горизонтальный валик с пояском из наклонных насечек	33,8 %	16,9 %	8,7 %
	Горизонтальный валик с пояском из наклонных оттисков гладкого штампа	10,7 %	10,8 %	–
	Горизонтальный валик с пояском из оттисков пальцев	10,7 %	1 случай (1,2 %)	8,7 %
	Горизонтальный валик без дополнительного декора	10,00 %	21,7 %	13,0 %
	Горизонтальный ряд жемчужника	6,7 %	8,5 %	26,2 %
	Воротнички с поясками из наклонных оттисков гребенчатого штампа	4,7 %	1 случай (1,2 %)	–
	Горизонтальные валики с поясками из наклонных оттисков гребенчатого штампа	4,00 %	1 случай (1,2 %)	–
	Горизонтальные валики с пальцевыми защипами	4,00 %	–	–
Сложность композиций орнамента	Один мотив	65,6 %	57,1 %	35,3 %
	Два различных мотива	29,5 %	28,6 %	35,3 %
	Три различных мотива	2 случая (3,3 %)	9,5 %	17,6 %
	Один мотив, повторенный дважды	1 случай (1,6 %)	4,8 %	11,8 %
Кол-во фрагментов		52	36	9
Исходное сырье	Среднеожелезненное	86 %	89 %	78 %
	Слабоожелезненное	14 %	11 %	2 экз. (22 %)
	Пластичное	26 %	61 %	7 экз.(78 %)
	Среднепластичное	12 %	39 %	2 экз. (22 %)
	Низкопластичное	62 %	–	–
Формовочные массы	Глина + шамот + органика	54 %	57 %	22 %
	Глина + дресва + органика	2 %	11 %	11 %
	Глина + дресва + шамот + органика	44 %	32 %	67 %

параметров: формам, зонам орнаментации, приемам нанесения декора, используемым мотивам, степени сложности узоров сосудов. При этом зачастую близки и процентные соотношения всех показателей (см. *таблицу*). По ряду анализируемых признаков (форма сосудов, зоны орнаментации, техника нанесения орнамента) донгальская керамика Калиновки II близка аналогичной, но относительно немногочисленной, группе, происходящей с поселения Рублево-6 [Папин и др., 2015] (см. *таблицу*).

Значительна степень сходства изученной серии керамики Калиновки II с материалами поселения Донгал (Центральный Казахстан), по материалам которого В.Г. Ломаном и был выделен т.н. «донгальский тип» керамики, датирующийся VIII в. до н.э. и относящийся к заключительному этапу существования саргаринско-алексеевской культуры [Ломан, 1987]. Это проявляется в первую очередь в орнаментации сосудов – наличие специфических, маркирующих донгальскую керамику валиков (узких, остроребердных, подтреугольных в сечении, зачастую расположенных под самым венчиком сосуда), а также присутствие сосудов, орнаментированных двумя валиками. При этом в составлении рецептов формовочных масс фиксируется сходство в выборе минеральных примесей (преобладание в коллекции поселения Донгал сосудов, изготовленных по рецепту, отражающему смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей «дресва + шамот + навоз» – 55,2 %) [Ломан, 1991].

Сопоставляя результаты анализа донгальской керамики поселения Калиновка II с материалами поселений Бакыбулак, Каратал-1, -2, Едрей-2 (Центральный Казахстан) (с определенной долей условности, поскольку опубликованные данные этих памятников содержат обобщенные сведения по результатам технико-технологического исследования совокупности керамики периода поздней бронзы, а иногда и раннего железного века) можно отметить, что на поселениях Казахстана преобладает традиция использования дресвы в качестве минеральной примеси (от 49 до 74,4 %) и навоза как органической добавки [Бейсенов, Ломан, 2009]. При этом отмечаются схожие предпочтения гончаров в отборе исходного сырья (преобладание изделий из ожелезненных глин).

Заключение

Исследованная серия керамики поселения Калиновка II по всем анализируемым направлениям (морфология, орнаментация, технология изготовления) близка донгальской посуде других крупных поселений лесостепного и степного Алтая (Жарково-3, Рублево-6). Наибольшее сходство прослеживается с керамикой поселения Жарково-3, вплоть до близких количественных соотношений исследованных параметров. Значительное сходство морфологии и орнаментации сосудов отмечается и с материалами памятников Центрального Казахстана. По технологии изготовления наибольшее сходство отмечаются с керамикой поселения Донгал: преимущественное использование ожелезненных глин, значительная доля сосудов, изготовленных по рецептам, отражающим смешение культурных традиций (дресва + шамот). В то же время на поселениях Бакыбулак, Каратал-1, -2, Едрей-2 отмечается преобладание традиции использования дресвы в качестве минеральной примеси.

Подводя итог, отметим, что результаты исследования донгальских серий керамики поселений степного и лесостепного Алтая показывают наличие процесса смешения населения с разными традициями гончарного производства и вытеснение принесенной традиции использования дресвы местной, шамотной. Преимущественное использование шамота на алтайских памятниках и дресвы на казахстанских, вероятно, связано с локальными традициями. Отмечаемое как на Алтае, так и в Казахстане наличие донгальских сосудов, изготовленных с применением одновременно дресвы и шамота, указывает на единые процессы, происходившие на этих территориях в рассматриваемый период, взаимопроникновение и контакты населения.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Інжу-Маржан, 2009. – 264 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Вальков И.А., Иванов Г.Е., Федорук А.С. Изделия из кости и рога с поселения бронзового века Калиновка II // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – Т. 35, № 2. – С. 37–49.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Иванов Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд. ИИФиФ; Алтайск. гос. ун-т, 1988. – С. 101–104.

Иванов Г.Е. Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000а. – Вып. XI. – С. 146–149.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). – Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000б. – 160 с.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. – Барнаул: Азбука, 2016. – 516 с.

Иванов Г.Е., Федорук А.С. Керамический комплекс поселения Калиновка II // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2005. – Т. 2. – С. 59–67.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 104–128.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С. Продолжение исследований на поселении Калиновка II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12. – №1. – С. 350–352.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка II // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10. – С. 269–273.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11. – С. 329–332.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Раиткин С.С., Тырышкина Ю.Ю. Новые материалы эпохи бронзы с поселения Калиновка II в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007а. – Т. 13. – С. 260–263.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Некоторые итоги исследования поселения Калиновка II // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Барнаул. гос. педагог. ун-т, 2007б. – Вып. 3. – С. 26–33.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115–129.

Ломан В.Г. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // КСИА. – 1991. – Вып. 203. – С. 47–53.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – Вып. 2 (12). – С. 115–143.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – Вып. 3 (15). – С. 102–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научн. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита - раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 401–404.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

References

Bejsenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poselenija Central'nogo Kazahstana. Almaty: Inzhu-Marzhan, 2009. 264 p. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kol. monografiya*. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. *Sovetskaya arkheologiya,* 1973. N 1. P. 114–135. (In Russ.).

Ivanov G.E. Altaiskaya derevnya na perekrestkakh istorii: letopis' Mamontovskogo raiona. Barnaul: Azbuka, 2016. 516 p. (In Russ.).

Ivanov G.E. K voprosu ob absolyutnoi i otnositel'noi khronologii pamyatnikov s valikovoi keramikoi stepnogo Altaya. In *Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost'*

pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoi Sibiri. Barnaul: Barnaul State Univ. Press, 1988. P. 101–104. (In Russ.).

Ivanov G.E. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Mamontovskogo raiona (k 220-letiyu s. Mamontovo). Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2000b. 160 p. (In Russ.).

Ivanov G.E. Zhilishche epokhi bronzy s poseleniya Kalinovka II. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2000a. Iss. XI. P. 146–149. (In Russ.).

Ivanov G.E., Fedoruk A.S. Keramicheskii kompleks poseleniya Kalinovka II. *Aktual'nye problemy arkheologii, istorii i kul'tury*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2005. Vol. 2. P. 59–67. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S. Predvaritel'nye itogi issledovaniya poseleniya Kalinovka II. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. Vol. 10. P. 269–273. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S. Issledovaniya v Vostochnoi Kulunde. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. Vol. 11. P. 329–332. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S., Raitkin S.S., Tyryshkina Yu.Yu. Novye materialy epokhi bronzy s poseleniya Kalinovka II v Kulundinskoi stepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007a. Vol. 13. P. 260–263. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A. Nekotorye itogi issledovaniya poseleniya Kalinovka-2. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2006.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007b. Iss. 3. P. 26–33. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S. Prodolzhenie issledovanii na poselenii Kalinovka II. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. Vol. 12. N 1. P. 350–352. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Udodov V.S. Novye materialy epokhi pozdnei bronzy lesostepnogo Altaya. In *Problemy arkheologii i etnografii Yuzhnoi Sibiri.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1990. P. 104–128. (In Russ.).

Loman V.G. Dongal'skii tip keramiki. In *Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana.* Karaganda, 1987. P. 115–129. (In Russ.).

Loman V.G. Osobennosti goncharnoi tekhnologii epokhi pozdnei bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii,* 1991. Vol. 203. P. 47–53. (In Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Ceramic complex of the late bronze age settlement Zharkovo-3. *Theory and practice of archeological research*, 2016. Iss. 3 (15). P. 102–125. (In Russ.).

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Results of technical and technological analysis of the ceramic complex of the late Bronze age settlement Rublevo VI. *Theory and practice of archeological research*, 2015. Iss. 2(12). P. 115–143. (In Russ.).

Stepanova N.F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 401–404. (In Russ.).

Stepanova N.F. Kul'turnye traditsii v vybore iskhodnogo syr'ya i mineral'nykh primesei pri izgotovlenii keramiki po materialam gornykh, predgornykh, stepnykh i lesostepnykh raionov Altaya. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015. N 4 (13). P. 90–95. (In Russ.).

Tsetlin Y.B. Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAS, 2012. 384 p. (In Russ).

Val'kov I.A., Ivanov G.E., Fedoruk A.S. Bone and horn artefacts from the Bronze age settlement Kalinovka II. *Theory and practice of archeological research*, 2022. Vol. 35. N 2. P. 37–49. (In Russ.).

Иванов Г.Е. https://orcid.org/0000-0003-3410-7378
Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822
Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0787-0794
УДК 903.02

А.С. Федорук[1]✉, Г.Е. Иванов[2], О.А. Федорук[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Независимый исследователь
Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: fedorukas@mail.ru

Керамика развитого этапа бронзового века поселения Калиновка II (Восточная Кулунда)

В работе отражены результаты комплексного изучения керамики эпохи развитой бронзы поселения Калиновка II. Был проведен анализ форм, техники орнаментации, орнаментальных схем, а также исходного сырья и формовочных масс сосудов. Установлено, что на памятнике преобладали сосуды баночных форм. Отмечено использование трех приемов нанесения орнамента: штампование, прочерчивание и вдавление. Зафиксировано 17 различных мотивов. Наиболее часто встречаются горизонтально прочерченная узкая каннелюра, горизонтальный зигзаг, горизонтальная елочка. Среди орнаментальных композиций преобладают узоры, состоящие из трех различных мотивов, реже встречаются композиции из одного или двух. Анализ исходного сырья и формовочных масс показал, что в коллекции преобладают сосуды, изготовленные из среднеожелезненной пластичной глины. Выявлено пять различных рецептов составления формовочных масс. На памятнике преобладала шамотная традиция добавления минеральных примесей. Органические добавки чаще всего использовались в виде растворов. Полученные в результате исследования данные позволяют говорить о том, что местное население достигло определенного единства культурных традиций гончарного производства, что проявилось в навыках отбора исходного сырья и составления формовочных масс. Сопоставление исследованной серии керамики памятника Калиновка II с материалами других единовременных поселений региона показало, что морфология, орнаментация и технология изготовления изученной керамики в целом типичны для андроновских коллекций, происходящих с территории степного и лесостепного Алтая. В то же время выявлены и некоторые специфические черты керамического комплекса, которые заключаются в преобладании изделий из пластичных глин, а также частом использовании орнаментального мотива «горизонтальная елочка». Подобная ситуация может быть связана как с хронологической позицией памятника, так и с его культурными особенностями.

Ключевые слова: *бронзовый век, степной и лесостепной Алтай, древние поселения, керамика, орнаментация, формы, технология.*

A.S. Fedoruk[1]✉, G.E. Ivanov[2], O.A. Fedoruk[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Independent researcher
Barnaul, Russia
[3]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: fedorukas@mail.ru

Pottery of the Advanced Bronze Age from the Kalinovka II Settlement (Eastern Kulunda)

This article presents a comprehensive study of pottery of the Advanced Bronze Age from the Kalinovka II settlement, including its forms, ornamentation techniques, ornamental programs, as well as raw materials and clay fabrics. It has been established that jar-shaped vessels dominated at the site. Three ornamentation methods – stamping, engraving, and

imprinting – were applied; seventeen different motifs have been identified. The most common motifs were horizontally drawn narrow flute, horizontal zigzag, and horizontal herringbone. Patterns consisting of three different motifs were predominant in ornamental compositions; patterns of one or two different motifs were less common. Analysis of raw materials and clay fabrics has shown that vessels in the collection were mostly made of medium-ferruginous clay with good plasticity. Five different compounds of clay fabrics have been identified. The chamotte tradition of mineral additives prevailed at the site. Organic additives were most often used in a form of solutions. The data obtained from the study indicates that local population achieved a certain unity of cultural traditions in pottery production, which manifested itself in the skills of selecting raw materials and making clay fabrics. Comparison of pottery collection from the Kalinovka-II site with evidence from other synchronous settlements of the region has revealed that morphology, ornamentation, and manufacturing techniques of pottery under study were generally typical of the Andronovo collections originating from the steppe and forest-steppe Altai. Some specific features of pottery complex included predominance of vessels made of plastic clay as well as active use of the "horizontal herringbone" ornamental motif.

Keywords: *Bronze Age, steppe and forest-steppe Altai, ancient settlements, pottery, ornamentation, forms, technology.*

Введение

Поселение Калиновка II находится в окрестностях с. Черная Курья Мамонтовского р-на Алтайского края на берегу оз. Котлово, отделяющего Касмалинский бор от степи. Памятник обнаружен и изучался Г.Е. Ивановым в 1983, 1987–1988 гг. С 2004 по 2008 гг. работы на поселении проводились им совместно с Алтайским госуниверситетом (руководители А.Б. Шамшин, А.С. Федорук, А.А. Редников). В результате раскопано более 2 000 м^2 площади памятника, на которой полностью или частично исследованы остатки шести сооружений периодов развитой и поздней бронзы, теплотехническое сооружение, получена значительная коллекция бронзовых, каменных, костяных и глиняных изделий, обширный остеологический материал. В настоящее время поселение является одним из наиболее изученных комплексов эпохи бронзы в регионе.

Отдельные результаты полевых и камеральных исследований ранее отражены в научной литературе [Иванов, 1988, 2000а, б, 2016; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990; Кирюшин и др., 2004, 2005, 2006, 2007а, б; Иванов, Федорук, 2005; Вальков, Иванов, Федорук, 2022], при этом в полной мере материалы памятника до настоящего времени не опубликованы, а отдельные категории находок не становились предметом специальных исследований.

Керамическая коллекция поселения насчитывает 6 308 фрагментов и 15 развалов сосудов. Орнамент присутствует на 19,77 % коллекции (1 240 фрагментов и 10 развалов).

В комплексе выделяются группы посуды андроновской, черкаскульской и саргаринско-алексеевской культур, а также фрагменты сосудов донгальского типа.

Настоящая статья отражает результаты исследования андроновской серии керамики из коллекции памятника. Она представлена 22 обломками не менее чем от 19 сосудов, а также двумя развалами сосудов (0,38 % общей коллекции). Керамика этой группы сосредоточена в северной части поселения и приурочена к сгоревшему жилищу № 6, в котором и найдены развалы и наиболее крупные фрагменты.

Методика исследования

Изучение керамической коллекции проведено по методике, включающей в себя исследование форм, техники орнаментации, орнаментальных схем, а также исходного сырья и формовочных масс сосудов.

На первом этапе работы анализировались формы и орнаментация керамики. Использовалась методика В.Ф. Генинга [1973, с. 115–116]: подсчеты велись по отдельным элементам орнамента, а поверхность сосуда рассматривалась как совокупность зон, что позволило более детально отразить специфику орнаментации комплекса.

На втором этапе был выполнен технико-технологический анализ, для которого было отобрано 18 фрагментов от различных сосудов (девять венчиков, одна придонная часть, две целых формы, шесть стенок). Толщина стенок сосудов варьирует от 0,6 до 1,2 см. Исследование проводилось с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978, 1999]. Изучению были подвергнуты свежие изломы и поверхности фрагментов. Для определения степени ожелезненности исходного сырья, а также характера искусственных и естественных примесей образцы дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи, при температуре 850 °С. Пластичность исходного сырья определялась по методике О.А. Лопатиной [2005, с. 95].

Результаты

Формы и орнаментация

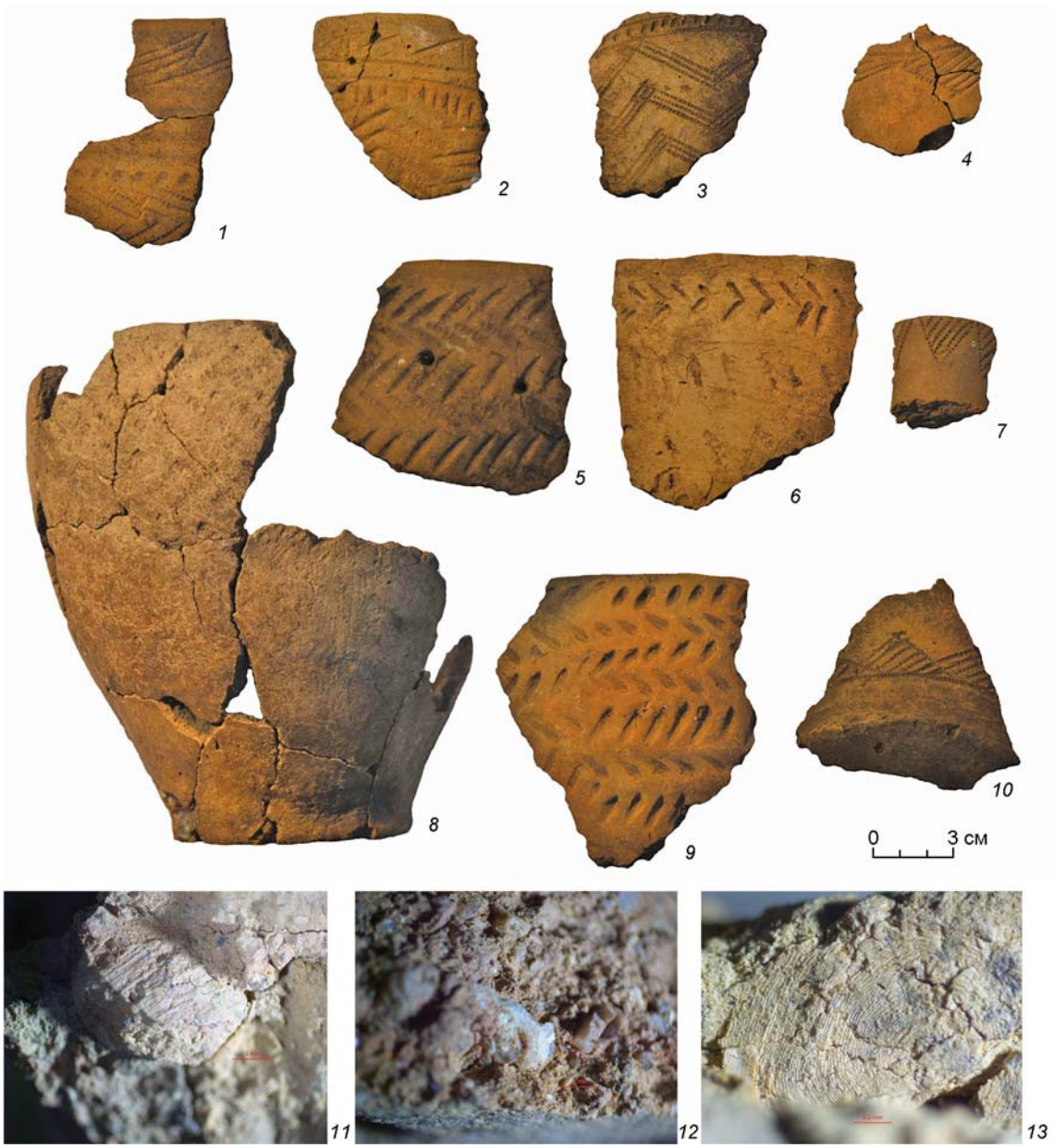
В 14 случаях, когда размеры фрагментов позволяют, можно определить форму сосудов: основная

часть фрагментов относится к банкам (78,6 %). При этом семь обломков происходит от баночных сосудов закрытого типа (50 %) (см. *рисунок*, *2, 5, 6, 8, 9*), четыре – открытого типа (28,6 %). Фрагментов горшков всего два: один от среднепрофилированного горшка (7,1 %), второй от слабопрофилированного (7,1 %) (см. *рисунок*, *1*). Один черепок от пиаловидного (?) сосуда (см. *рисунок*, *7*).

Банки орнаментированы по верхней половине, горшки – по шейке, плечикам, тулову, в одном случае и по придонной части.

Отмечается использование трех приемов нанесения орнамента: штампование (72,9 %), прочерчивание (16,7 %) и вдавление (10,4 %).

На посуде отмечено 17 разновидностей мотивов орнамента. Наиболее часто встречаются узкая каннелюра (20,3 %), горизонтальные зигзаг из оттисков гребенчатого штампа (18,8 %) и елочка из оттисков гребенчатого (10,9 %) или гладкого (9,4 %) штампа. Относительно часто в орнаменте использованы горизонтально ориентированные ряды разнообразных треугольников из гребенчатого штампа (9,4 %), ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа (7,8 %), линии, сформированные оттисками гребенчатого штампа (6,25 %), и ряды наклонных каплевидных вдавлений (4,7 %). Остальные мотивы зафиксированы не более одного-двух раз.



Керамика периода развитой бронзы поселения Калиновка II.

1–10 – фото образцов, *11–13* – микросъемка образцов с помощью микроскопа Stemi-2000-C.

В связи с высокой степенью фрагментации керамики группы говорить об орнаментальных композициях достаточно сложно. Однако на имеющихся в коллекции крупных фрагментах верхних частей сосудов преобладают узоры, состоящие из трех различных мотивов (45,4 %), реже одного или двух (по 18,2 %). Кроме того, трижды отмечено присутствие на сосуде четырех различных мотивов (13,6 %) и единожды одного мотива, повторенного три раза.

Исходное сырье

Анализ первых трех технологических ступеней показал, что все исследованные сосуды были изготовлены из среднеожелезненного сырья. В четырех случаях было использовано среднепластичное сырье, в остальных – пластичное.

В исходном сырье были зафиксированы следующие естественные примеси: песок окатанный размерами 0,1–0,2 мм, также встречается песок размерностью от 0,3 до 1 мм; бурый железняк оолитовой формы размерами 0,5–1 мм. В изломах трех сосудов встречены белые или светло-серые рыхлые включения округлой формы. В одном случае в изломе зафиксированы единичные фрагменты и отпечатки чешуи рыб размером 5–7 мм (см. *рисунок*, *6*, *13*), в изломе еще одного сосуда – единичные включения раковины размерами 0,6–0,7 мм, а также включения неокатанных минералов белого цвета размерами 2–3 мм в небольшой концентрации.

Исходя из анализа состава естественных примесей, можно предположить, что в последних двух случаях источники исходного сырья, использованного при изготовлении сосудов, находились в непосредственной близости к водоему.

Формовочные массы

Изучение состава формовочных масс позволило выявить, что в качестве искусственных добавок использовались как минеральные, так и органические примеси.

В качестве минеральной примеси использовался в основном шамот, также в нескольких образцах зафиксирована дресва.

Шамот, используемый при изготовлении керамики, имел размеры от 0,3–0,5 до 3–4 мм, в отдельных случаях до 7–10 мм (см. *рисунок*, *11*). Во всех случаях использовался некалиброванный шамот. Концентрация шамота в формовочной массе в основном 1 : 3 – 1 : 4. В одном случае зафиксирована концентрация 1 : 6, в двух случаях – 1 : 5. Пошедшие на шамот сосуды также были изготовлены из среднеожелезненного сырья. В двух случаях в шамоте зафиксирован песок размерами до 1,5 мм.

Дресва кварцевая встречена в трех экземплярах. Размер частиц от 0,5 до 3–3,5 мм, концентрация 1 : 3 (см. *рисунок*, *12*). В одном случае в качестве дресвы был использован остроугольный песок, предварительно раздробленный.

Органические примеси представлены растворами и навозом. Раствор фиксируется по наличию аморфных пустот, покрытых углистыми или прозрачными пленками с жирным блеском. Также в большинстве случаев фиксируется рыжеватый налет и небольшое количество отпечатков измельченной растительности. Можно предположить, что в качестве раствора в большинстве случаев использовались выжимки навоза.

Навоз определяется по наличию в изломах большого количества отпечатков и остатков растительности размером от 0,3 до 4–5 мм в длину, а также наличию пустот, покрытых налетом или имеющих глянцевый блеск.

Анализ компонентов формовочной массы показал, что исследованные сосуды были изготовлены по пяти различным рецептам. При изготовлении большинства сосудов был использован рецепт исходное сырье + шамот + органический раствор (12 экз.) (см. *рисунок*, *1–6, 8, 10*). Три сосуда были изготовлены по рецепту исходное сырье + шамот + + навоз (см. *рисунок*, *9*). Также были зафиксированы рецепты исходное сырье + шамот + дресва + + органический раствор, исходное сырье + шамот + + дресва + навоз, исходное сырье + дресва + органический раствор (см. *рисунок*, *7*) (по одному экз.).

Таким образом, в андроновском комплексе поселения Калиновка II преобладали сосуды, изготовленные из среднеожелезненной пластичной глины. В качестве искусственных примесей использовались в основном шамот и органика. Присутствие нескольких сосудов, содержащих дресву, может быть объяснено процессами взаимодействия местного населения с другими андроновскими общинами. Так, в предгорных районах Алтая преобладала смешанная традиция добавления минеральных примесей, а для Центрального Казахстана дресва была традиционным компонентом формовочных масс [Леонтьева, 2016, с. 13–14; Ломан, 1993, с. 27].

Обсуждение результатов

Сопоставление керамического комплекса памятника Калиновка II с материалами других андроновских поселений региона демонстрирует большую степень сходства данной керамики как по технологии изготовления, формам, так и по декору с керамическими комплексами большей части исследованных поселений.

При изготовлении сосудов андроновское население степного и лесостепного Алтая отдавало предпочтение среднеожелезненным глинам различной степени пластичности. Ведущей традици-

Сравнительная характеристика керамических коллекций андроновских поселений степного и лесостепного Алтая

	Калиновка II	Жарково-3 (по: [Папин и др., 2021])	Рублево VI (по: [Папин и др., 2015])	Ляпустин Мыс (по: [Леонтьева 2015; 2016])
Кол-во фрагментов	24	74	19	304
Форма сосудов				
Горшки слабопрофилированные	7,1 %	20,0 %	33,33 %	26,4 %
Горшки среднепрофилированные	7,1 %	17,8 %	25,0 %	
Банки открытые	28,6 %	17,8 %	41,67 %	73,6 %
Банки закрытые	50,0 %	44,4 %		
Зона орнаментации				
Шейка	5,5 %	23,5 %	63,16 %	–
Плечико	38,9 %	32,9 %		–
Тулово	52,8 %	40,0 %	36,84 %	–
Придонная часть	1 случай (2,8 %)	Три случая	–	–
Техника орнаментации				
Штампование	72,9 %	78,0 %	57,2 %	63,3 %
Вдавления	10,4 %	5,0 %	7,1 %	16 %
Прочерчивание	16,7 %	15,0 %	35,7 %	20,8 %
Мотивы орнамента				
Узкий каннелюр	20,3 %	5,0 %	25,0 %	20,1 %
Горизонтальный зигзаг	18,8 %	–	10,7 %	–
Горизонтальная елочка	20,3 %	3,9 %	–	22,2 %
Горизонтальный ряд (поясок) наклонных оттисков штампа	7,8 %	9,9 %	7,2 %	–
Горизонтальная линия из гребенчатого штампа	6,3 %	1,3 %	3,5 %	–
Горизонтальный ряд наклонных каплевидных вдавлений	4,7 %	6,49 %	7,2 %	16,4 %
Горизонтальные ряды треугольников	9,4 %	20,78 %	14,3 %	–
Сложность композиций орнамента				
Один мотив	18,2 %	–	13,3 %	–
Два различных мотива	18,2 %	–	6,7 %	–
Три различных мотива	45,4 %	–	13,3 %	–
Четыре и более различных мотива	13,6 %	–	53,4 %	–
Один мотив, повторенный три и более раз	4,6 %	–	13,3 %	–
Кол-во фрагментов	18	47	5	Нет инф.
Исходное сырье				
Среднеожелезненное	100 %	88 %	–	41, 2%
Слабоожелезненное	–	8 %	80 %	–
Сильноожелезненное	–	2 %	20 %	35,3 %
Пластичное	77,7 %	36 %	40 %	64,7 %
Среднепластичное	22,3 %	45 %	20 %	–
Низкопластичное	–	19 %	40 %	–
Формовочные массы				
Исходное сырье + шамот + органический раствор	66,6 %	75 %	40 %	52,9 %
Исходное сырье + шамот + навоз	16,6 %	–	–	–
Исходное сырье + дресва + шамот + навоз	5,5 %	–	–	–
Исходное сырье + шамот + дресва + органический раствор	5,5 %	2 %	60 %	26,5 %
Исходное сырье + дресва + органика	5,5 %	–	–	2,9 %
Исходное сырье + шамот	–	2 %	–	–
Исходное сырье + шамот + органический раствор + кость	–	21 %	–	–

ей составления формовочных масс на памятниках региона была традиция использования шамота в качестве минеральной примеси. В качестве органических примесей использовались различные растворы и навоз. В поселенческих комплексах, как и на Калиновке II, преобладали сосуды баночных форм. Ведущей техникой нанесения орнамента была техника штампования (63,8 %), при этом соотношение гладкого и гребенчатого штампа практически одинаково [Леонтьева, 2016, с. 11–16].

Более детальный сравнительный анализ андроновского керамического комплекса Калиновки II можно провести с материалами одного из наиболее территориально близко расположенных поселений – Жарково-3. При сопоставлении данных проявляется сходство по большинству анализируемых параметров: составу формовочных масс, формам, зонам орнаментации, приемам нанесения декора, степени сложности узоров сосудов [Папин и др., 2021]. При этом зачастую близки и процентные соотношения всех параметров (см. *таблицу*).

По ряду анализируемых показателей (форма сосудов, зоны орнаментации, техника нанесения орнамента) андроновская керамика Калиновки II близка аналогичной, но относительно немногочисленной группе, происходящей с поселения Рублево VI [Папин и др., 2015].

В то же время прослеживаются и некоторые различия. Так, большая часть сосудов Калиновки II была изготовлена из пластичной глины, в то время как на Жарково-3 чаще применялось среднепластичное сырье, на Рублево VI – низко- и среднепластичное. Подобная ситуация могла быть связана с особенностями конкретной местности и доступностью мест добычи сырья. В целом, на поселенческих комплексах Алтая преобладает керамика из среднепластичного сырья, однако на некоторых памятниках, как и на Калиновке II, большая часть сосудов была изготовлена из пластичной глины [Леонтьева, 2016, с. 12–14].

Некоторые отличия прослеживаются и в орнаментации керамических изделий. Один из наиболее часто используемых мотивов на керамике из Калиновки II – горизонтальная елочка, тогда как на абсолютном большинстве андроновских комплексов Алтая данный вид бордюра встречается довольно редко (не более 5–6 %). Высокая частота мотива «горизонтальная елочка» зафиксирована лишь на поселении Ляпустин Мыс и могильнике Кытманово [Леонтьева, 2015; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007]. Здесь подобный орнамент присутствовал на 22,2 % и 27,6 % сосудов соответственно, что сопоставимо с результатами Калиновки II (см. *таблицу*). Подобная ситуация может быть связана с более поздней хронологической позицией данных памятников, либо их культурными особенностями. Широкое использование мотива «горизонтальная елочка» также встречается в андроновских комплексах Минусинской котловины и памятниках кызылтасского типа Верхнего Приртышья [Максименков, 1978, с. 66–68; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 249].

Заключение

Полученные в результате исследования андроновского керамического комплекса поселения Калиновка II данные позволяют говорить о том, что местное население достигло определенного единства культурных традиций гончарного производства, что проявилось в навыках отбора исходного сырья и составления формовочных масс.

Морфология, орнаментация и технология изготовления андроновской керамики исследуемого поселения в целом типичны для территории степного и лесостепного Алтая. В то же время выявлены и некоторые специфические черты керамического комплекса Калиновки II, проявившиеся прежде всего в преобладании такого орнаментального мотива, как горизонтальная елочка. Однако поскольку андроновская керамика на памятнике представлена небольшим количеством экземпляров, говорить о причинах возникновения данных особенностей пока преждевременно.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006), а также при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Вальков И.А., Иванов Г.Е., Федорук А.С. Изделия из кости и рога с поселения бронзового века Калиновка II // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – Т. 35. – № 2. – С. 37–49.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Иванов Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд. ИИФиФ СО РАН; Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 101–104.

Иванов Г.Е. Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000а. – Вып. XI. – С. 146–149.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). – Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000б. – 160 с.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. – Барнаул: Азбука, 2016. – 516 с.

Иванов Г.Е., Федорук А.С. Керамический комплекс поселения Калиновка II // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 2. – С. 59–67.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 104–128.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С. Продолжение исследований на поселении Калиновка II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12. – Ч. 1. – С. 350–352.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка II // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10. – Ч. I. – С. 269–273.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11. – Ч. I. – С. 329–332.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Раиткин С.С., Тырышкина Ю.Ю. Новые материалы эпохи бронзы с поселения Калиновка II в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007а. – Т. 13. – С. 260–263.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Некоторые итоги исследования поселения Калиновка II // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007б. – Вып. 3. – С. 26–33.

Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс поселения Ляпустин Мыс на оз. Иткуль // Научный Альманах. – 2015. – Вып. 10/4 (12). – С. 247–251.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2016. – 24 с.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Лопатина О.А. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // РА. – 2005. – № 3. – С. 93–99.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука; 1978. – 292 с.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево VI // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – Вып. 2 (12). – С. 115–143.

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С., Федорук О.А., Ломан В.Г. Керамика андроновской (федоровской) культуры поселения Жарково-3 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 2 (53). – С. 40–51.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007 – 132 с.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istoriko-kul’turnogo izucheniya. In *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kol. monografiya*. Samara: Samara Pedagogical Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. *Sovetskaya arkheologiya,* 1973. N 1. P. 114–135. (In Russ.).

Ivanov G.E. K voprosu ob absolyutnoi i otnositel’noi khronologii pamyatnikov s valikovoi keramikoi stepnogo Altaya. In *Khronologiya i kul’turnaya prinadlezhnost’ pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoi Sibiri.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1988. P. 101–104. (In Russ.).

Ivanov G.E. Zhilishche epokhi bronzy s poseleniya Kalinovka II. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2000a. Iss. XI. P. 146–149. (In Russ.).

Ivanov G.E. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Mamontovskogo raiona (k 220-letiyu s. Mamontovo). Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2000b. 160 p. (In Russ.).

Ivanov G.E. Altaiskaya derevnya na perekrestkakh istorii: letopis' Mamontovskogo raiona. Barnaul: Azbuka, 2016. 516 p. (In Russ.).

Ivanov G.E., Fedoruk A.S. Keramicheskii kompleks poseleniya Kalinovka II. *Aktual'nye problemy arkheologii, istorii i kul'tury*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Univ. Press, 2005. Vol. 2. P. 59–67. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S. Predvaritel'nye itogi issledovaniya poseleniya Kalinovka II. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. Vol. 10. Pt. 1. P. 269–273. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S. Issledovaniya v Vostochnoi Kulunde. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. Vol. 11. Pt. 1. P. 329–332. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S., Raitkin S.S., Tyryshkina Yu.Yu. Novye materialy epokhi bronzy s poseleniya Kalinovka II v Kulundinskoi stepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007a. Vol. 13. P. 260–263. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A. Nekotorye itogi issledovaniya poseleniya Kalinovka II. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2006.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Univ. Press, 2007b. Iss. 3. P. 26–33. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Shamshin A.B., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S. Prodolzhenie issledovanii na poselenii Kalinovka II. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. Vol. 12. N 1. P. 350–352. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Udodov V.S. Novye materialy epokhi pozdnei bronzy lesostepnogo Altaya. In *Problemy arkheologii i etnografii Yuzhnoi Sibiri.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1990. P. 104–128. (In Russ.).

Leont'eva D.S. Andronovskii keramicheskii kompleks poseleniya Lyapustin Mys na oz. Itkul'. In *Science almanac*, 2015. Iss. 10/4 (12). P. 247–251. (In Russ.).

Leont'eva D.S. Keramika andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaya (po materialam poselenii): cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2016. 24 p. (In Russ.).

Loman V.G. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroi poloviny II-go tysyacheletiya do n. e.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1993. 31 p. (In Russ.).

Lopatina O.A. Tekhnologicheskie osobennosti drevneishei keramiki Kashirskikh gorodishch rannego zheleznogo veka. *Russian Archeology,* 2005. N 3. P. 93–99. (In Russ.).

Maksimenkov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978. 292 p. (In Russ.).

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Results of technical and technological analysis of the ceramic complex of the late Bronze age settlement Rublevo VI. *Teory and practice of archeological research*, 2015. Iss. 2 (12). P. 115–143. (In Russ.).

Papin D.V., Stepanova N.F., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A., Loman V.G. Pottery traditions of the Andronovo (Fedorovo) population of the steppe Altai (based on materials from the settlement of Zharkovo-3). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii,* 2021. N 2. P. 40–51. (In Russ.).

Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 2008. 304 p. (In Russ.).

Umanskii A.P., Kiryushin Yu.F., Grushin S.P. Pogrebal'nyi obryad naseleniya andronovskoi kul'tury Prichumysh'ya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. 132 p. (In Russ.).

Val'kov I.A., Ivanov G.E., Fedoruk A.S. Bone and horn artefacts from the Bronze age settlement Kalinovka II. *Theory and practice of archeological research*, 2022. Vol. 35. N 2. P. 37–49. (In Russ.).

Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822
Иванов Г.Е. https://orcid.org/0000-0003-3410-7378
Федорук О.А. https://orcid.org/0000-0002-1861-6781

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0795-0799
УДК 902/904

Д.В. Черемисин
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: topsya@bk.ru

Птицы на скалах (еще раз об изображения птиц в петроглифах Алтая)

В статье публикуются петроглифы, недавно исследованные автором на юге Российского Алтая, на которых представлены изображения птиц. Представители орнитофауны, в отличие от других диких и домашних животных (горных козлов, быков, оленей и хищников), в наскальном искусстве региона изображались достаточно редко. При этом птица – доминантный образ, игравший важную роль в архаической мифологии многих народов, обитатель «верхнего мира» и посредник между мирами людей и богов. Контакты человека с фантастическими птицами описаны в ряде древнейших письменных памятников. Семантика петроглифов с орнитоморфными персонажами реконструируется в свете мифологии древних обитателей Евразии как графическое изображение ее основных сюжетов. На территории Российского и Монгольского Алтая зафиксированы различные сцены с участием водоплавающих, хищных, голенастых птиц, в том числе сцена нападения хищных птиц на копытных животных. Несмотря на небольшую серию изображений птиц, можно выделить главный, неоднократно повторяющийся сюжет наскального искусства – охота антропоморфного персонажа на птицу. Этот сюжет, в котором человек стреляет в птицу из лука, представлен в петроглифах разных эпох от бронзового века до Средневековья (древнетюркская эпоха). Очевидно, сцены с изображением охоты лучника на различных птиц (хищных – орла, коршуна или грифа, журавля, уларов) воспроизводят мифологический сюжет, игравший важную роль в мифологических представлениях древнего населения Алтая. Изображение сцен охоты на водоплавающих птиц или куропаток могло быть связано с промысловой ролью этих птиц как источника пищи и сырья для оперения стрел.

Ключевые слова: *петроглифы, Алтай, орнитофауна, сцены охоты на птицу, наскальное искусство и миф.*

D.V. Cheremisin
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: topsyat@bk.ru

Birds on the Rocks: Once Again about the Images of Birds in the Petroglyphs of the Altai

The article publishes some petroglyphs with images of birds, recently examined by the author in the south of the Russian Altai. Unlike other wild and domestic animals (mountain goats, bulls, deer, and predators), representatives of avifauna appear quite rarely in rock art of the region despite the fact that the bird was a dominant protagonist playing an important role in the archaic mythology of many peoples, inhabitant of the "upper world," and mediator between the worlds of people and gods. Human contacts with fantastic birds were described in a number of ancient written sources. The semantics of petroglyphs with ornithomorphic characters can be reconstructed using mythology of the ancient inhabitants of Eurasia as visual representation of its main plots. Various compositions with waterfowl, birds of prey, and legged birds, including the scene of attacking ungulates by birds of prey have been found in the Russian and Mongolian Altai. Despite a small number of images of birds, the main scene, repeatedly appearing in rock art, is a bird hunt of anthropomorphic character. The scene in which a man with the bow is shooting at a bird, appears on petroglyphs of different periods from the Bronze Age to the Middle Ages (Old Turkic period). Obviously, the scenes depicting an archer hunting various birds (birds of prey, such as eagle, kite, or vulture, as well as cranes or snowcocks) reproduce a mythological plot which played an important role in mythological beliefs of the ancient population of the Altai. The depiction of waterfowl or partridge hunting scenes could be associated with the role of these birds as a source of food and raw material for arrow fletching.

Keywords: *petroglyphs, Altai, avifauna, bird hunting scenes, rock art and myth.*

Исследователями петроглифов Евразии не раз отмечалось, что сюжеты и образы наскального искусства, воспроизведенные в различных стилях и техниках и в разное время, распространенные повсеместно или локально, всегда отражают «культурную экологию» создателей рисунков на скалах. Анализируя эти изображения, можно в определенной мере представить черты природной среды, характер хозяйства и, конечно, отражение мировоззренческих представлений древних обществ. Одна из самых удачных дефиниций наскального искусства определяет этот яркий культурный феномен как «мифы в камне» [Дэвлет, Дэвлет, 2005]. Семантика основных сюжетов петроглифов может быть реконструирована в свете мифологии древних обитателей Евразии как графическое изображение этих сюжетов, доминирующих персонажей и образов.

Публикации последних десятилетий позволяют достаточно полно представить репертуар петроглифических памятников Евразии, образный ряд, в котором тотально превалируют изображения диких животных, а также выделяется ряд сюжетных тем с одними и теми же персонажами и повторяющимися сценами. Совершенно очевидно, что некоторые наскальные образы количественно преобладают и распространены очень широко, другие встречаются гораздо реже и распространены локально, как и художественные «стили», выработанные в той или иной культурной традиции.

Орнитофауна или «образ птицы» в петроглифах Алтая уже привлекали внимание исследователей. В искусстве пазырыкской культуры доминантным персонажем был фантастический грифон, при этом в многочисленных петроглифических памятниках региона изображения птиц по сравнению с фигурами горных козлов, быков, оленей и хищников встречаются редко [Кубарев, Черемисин, 1984; Кубарев, 2002; Кубарев, Забелин, 2006].

В.Д. Кубарев посвятил коллекции фигур птиц на памятниках наскального искусства Монгольского Алтая (Арал-Толгой, Цагаан-Салаа, Хойт-Цэнкерагуй) отдельную статью, а позднее, совместно с орнитологом В.И. Забелиным, рассмотрел изображения птиц в гораздо более широком археологическом и географическом контексте. Опираясь на орнитологические определения, соавторы предложили аргументы в пользу определения «самых древнейших орнитоморфных рисунков в Центральной Азии» как страусов, датировав их «финальным неолитом и эпохой ранней бронзы» [Кубарев, Забелин, 2006, с. 90], отметив при этом дискуссионность вопроса о возрасте данных фигур.

В петроглифах Монгольского Алтая бронзового и железного веков, по определению соавторов, преобладают изображения орлов, лебедей, уток и гусей. Наибольший интерес вызывает серия фигур «парящих» с распластанными крыльями хищных птиц, а также композиция из Цагаан-Салаа III, в которой видится «возможно, обычная охота на лебедя», причем птица показана размерами больше охотника [Там же, с. 95, рис. 10, *а*]. Сцена с лучником и птицей, на наш взгляд – это главный мифологический сюжет, представленный также в петроглифах юга Российского Алтая. Участниками данного сюжета, как показывают алтайские петроглифы, в разные эпохи представали птицы различной видовой принадлежности.

На памятнике Джурамал в низовьях р. Карагем (бассейн р. Аргут) в данном сюжете участвует лучник и хищная птица, орел или коршун (рис. 1). Композицию можно датировать эпохой бронзового или раннего железного века, принимая во внимание соседние наскальные фигуры, частично разрушенные временем. Полную аналогию в плане семантики – лучник, направляющий стрелу в и хищную птицу – мы находим в петроглифах гор Бэйшань (Нинся-Хуэйский автономный район Китая) [Zhou Xinghua, 1991, p. 320, fig. 92], хотя по манере воспроизведения птиц изображения существенно различаются (рис. 2). В Джурамале сцена динамична, птица показана летящей, в крутом пике, а китайский петроглиф отличается статичностью изображенных персонажей. В сцене из Бэйшань хищность птицы обозначают загнутый клюв и гипертрофированные когти.

Совершенно оригинальной представляется композиция из долины р. Елангаш с двумя лучниками, направляющими стрелы в стаю птиц (рис. 3). На наш взгляд, здесь показаны редкие птицы высокогорья – алтайские улары. Этих птиц трудно увидеть летящими, так как, по наблюдениям орнитологов, считающих уларов «удивительной редкой птицей», они перелетают «только с понижением траектории, а высоту набирают пешком» [Воробьев, 2018, с. 4969]. Очевидно, этих быстро бегущих по горному склону птиц и преследуют лучники. В Елангаше трижды зафиксированы подобные изображения нескольких птиц, как бы небольшой стайкой (рис. 4), но лишь в одной композиции представлены охотники с луками.

Еще одна сцена, в которой воспроизведен сюжет охоты на птицу, открыта Е.А. Миклашевич в долине р. Туэкта. В многофигурной композиции, нанесенной на скалу тончайшими резными линиями, изображена «сцена эпической охоты эпохи древних тюрок» [Миклашевич, 2006, с. 222, 227, рис. 5]. Всадник на полном скаку выпускает стрелу в летящего журавля, показана и стрела на тетиве лука, и стрела, поразившая птицу. Очевидно, здесь представлен обитатель алтайских долин журавль-красавка, изображения которого также известны в петроглифах долины р. Чаган. Возможно, образ журавля-красавки также воплощен в форме головных уборов пазырыкцев. Еще

Рис. 1. Петроглифы Джурамала, Российский Алтай. Фото автора.

Рис. 2. Петроглифы гор Бэйшань, Китай. Без масштаба (по: [Zhou Xinghua, 1991]).

одна композиция из Чагана, выполненная в технике тонкой гравировки и относящаяся к древнетюркской эпохе, изображает хищных птиц, преследующих и нападающих на копытных. В сцене представлены разные птицы – одна с длинным, а две с короткими загнутыми клювами, с раздвоенным хвостом (рис. 5).

В семантических интерпретациях традиционно принимается во внимание, что птицы в архаической мифологии – один из доминантных образов, они участники

Рис. 3. Петроглифы Елангаша, Российский Алтай (эстампаж).

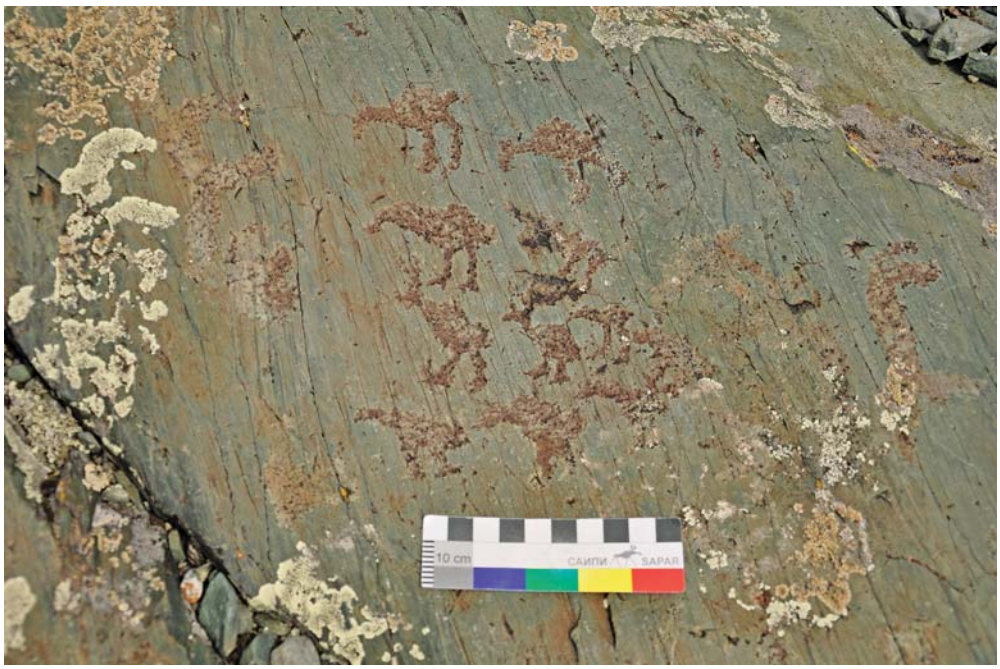


Рис. 4. Петроглифы Елангаша. Фото автора.

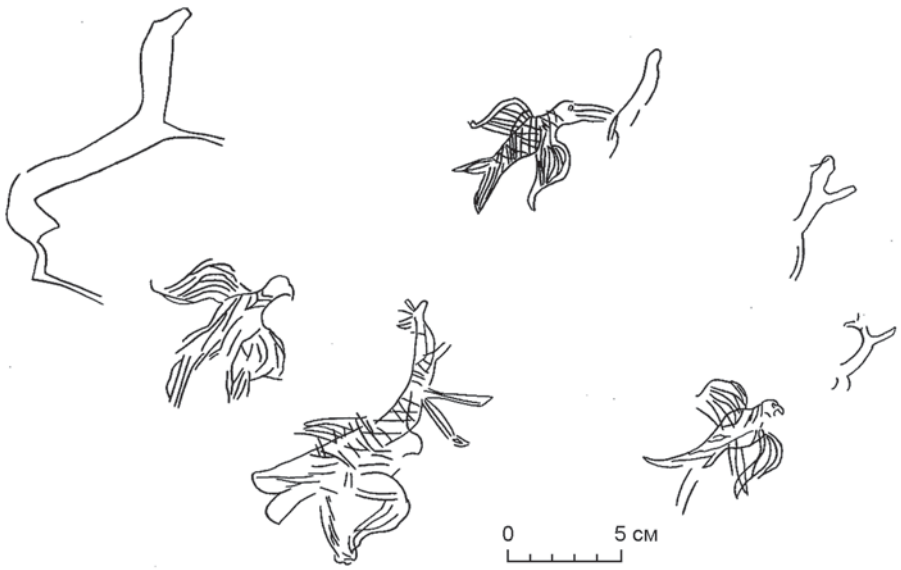


Рис. 5. Петроглифы Елангаша. Прорисовка автора.

космогонических актов, творцы мироздания, вершители судеб, тотемные предки древних коллективов и покровители эпических героев, обитатели рая – и в то же время могучие и безжалостные противники-антагонисты героев мифов и легенд. Это персонажи повествовательной традиции – птица, творящая мир в древнейшей евразийской мифологии, мифический орел Анзуд или птица Инмугуд в Шумере, Феникс в Китае, Сэнмурв/Симург в Иране, Гаруда в Индии. А еще чудесные Финист, Гамаюн и Алконост древнерусской сказочно-эпической традиции, Анка и Рух восточных чудес, «громовая птица» аборигенов Нового Света, Турул финно-угров, ужасная птица Кьюн тибетцев, собака-птица Кумай тюрков. Словарь мифологической картины мира оперирует столь детально разработанной классификацией обитателей верхнего, горнего и потустороннего для человека мира, что постижение его – хотя бы и в каком-то одном фрагменте – никогда не будет полным.

Изучение мифа о разорителях орлиных гнезд или прауральского космогонического мифа стало частью впечатляющей реконструкции древнейшей истории народов Евразии (работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова, К. Леви-Стросса, В.В. Напольских, Ю.Е. Березкина и других исследователей). Орнитоморфные образы петроглифов, такие как

ворон и водоплавающие птицы, интерпретированы в качестве участников мифов о первотворении, для интерпретации петроглифов привлечены космогонические сюжеты архаичных евразийских мифологий [Дэвлет, 1990; Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 87–100, 180–181]. Наскальные сюжеты Алтая с охотой лучников на хищных птиц можно гипотетически сопоставить с сибирско-американским мифом о разорителях орлиных гнезд или со «скифским» сюжетом о борьбе аримаспов с грифами.

При этом охота на водоплавающую птицу или куропаток, конечно же, имела и промысловое значение. Сцены противостояния героя-лучика хищным птицам, видимо, отражают сюжеты мифов. Известно, что перья хищных птиц использовались для изготовления стрел, а магия, связанная с птичьим пером, вероятно, основанная на метонимической связи полета стрелы и полета птицы, восходит к глубокой древности, что зафиксировано в древнеиранских языках [Benveniste, 1960, p. 194].

Таким образом, образ птицы и сюжеты с участием орнитоморфных персонажей играли важную роль в наскальных традициях древнего населения Алтая. Очевидно, они отражают развитую мифологию, а также позволяют увидеть экологические аспекты древних культур региона. Остаются дискуссионными вопросы, связанные с интерпретацией «древнейших» орнитоморфных изображений региона, а также предложенные определения видовой принадлежности птиц Алтая, сделанные на основании интерпретации единичных наскальных фигур или схематичных и мало детализированных изображений.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

Воробьев В.М. Птицы высокогорья хребта Сарымсакты (Южный Алтай) // Русский орнитологический журнал. – 2018. – Т. 27. – Экспресс-выпуск, 1679. – С. 4967–4997.

Дэвлет М.А. О космогонических представлениях древних жителей Среднего Енисея. Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 83–90.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетейа, 2005. – 471 с.

Кубарев В.Д. Образ птицы в петроглифах Монгольского Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. – 2002. – С. 77–81.

Кубарев В.Д., Забелин В.И. Авиафауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 87–103.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 87–99.

Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3–4. – С. 219–235.

Benveniste E. Les noms de «l'oiseau» en Iranien // Paideuma: Mitteilungen zur Kulturkunde. – 1960. – Bd. 7, H. 4/6 (Jul., 1960). – P. 193–199.

Zhou Xinghua. Zhongwei yanhua. The Rock Arts in Zhongwei. – Yinchuan, Ningxia People's Publ., 1991. – 442 p. (In Chin.).

References

Benveniste E. Les noms de «l'oiseau» en Iranien. *Paideuma: Mitteilungen zur Kulturkunde*, 1960. Bd. 7, H. 4/6 (Jul., 1960). P. 193–199.

Devlet E.G., Devlet M.A. Myths in stone. World of Rock Art in Russia. Moscow: Aletheia, 2005. 471 p. (In Russ.).

Devlet M.A. O kosmogonicheskikh predstavleniyakh drevnikh zhitelei Srednego Eniseya. Izobrazheniya na Beiskoi stele iz Khakasii. In *Semantika drevnikh obrazov. Pervobytnoe iskusstvo*. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 83–90. (In Russ.).

Kubarev V.D. Obraz ptitsy v petroglifakh Mongol'skogo Altaya. In *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2002. P. 77–81. (In Russ.).

Kubarev V.D., Cheremisin D.V. Obraz ptitsy v iskusstve rannikh kochevnikov Altaya. In *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1984. P. 87–99. (In Russ.).

Kubarev V.D., Zabelin V.I. Avian Fauna in Central Asian Rock Art: Archaeological and Ethnological Evidence. *Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia,* 2006. N 2. P. 87–103. (In Russ.).

Miklashevich E.A. Risunki na skalakh u derevni Tuekta (Gornyi Altai). In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri*. Gorno-Altaisk: AKIN, 2006. Iss. 3–4. P. 219–235. (In Russ.).

Vorob'ev V.M. Ptitsy vysokogor'ya khrebta Sarymsakty (Yuzhnyi Altai). In *Russkii ornitologicheskii zhurnal,* 2018. Vol. 27, Ekspress-vypusk, 1679. P. 4967–4997. (In Russ.).

Zhou Xinghua. Zhongwei yanhua. The Rock Arts in Zhongwei. Yinchuan, Ningxia People's Publ., 1991. 442 p. (In Chin.)

Черемисин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-1184-4044

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0800-0804
УДК 671.412.1

Д.П. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
Сибирский институт управления РАНХиГС
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Монеты Восточной Римской империи из коллекции Китайского музея нумизматики

Этнокультурные процессы в Евразии на рубеже древности и Средневековья имели свое отражение в различных видах артефактов. Монеты относятся к одной из наиболее точно датируемых категорий инвентаря. Несмотря на то, что на территории Китайской Народной Республики было найдено около сотни монет Восточной Римской империи (включая копии и имитации различного качества, т.н. «брактеаты» и «индикации»), до сих пор под вопросом хронологические рамки, в которые укладывается византийская нумизматика в Китае. Преимущественно монеты обнаружены в северо-западной части страны (Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский автономные районы), есть находки в центральной части Китая и даже в юго-восточной провинции Чжэцзян. По результатам раскопок, ведущихся с конца XIX в., уверенно можно говорить о том, что в Западный Край и долину Хуанхэ поступали подлинные солиды императоров Восточной Римской империи от Флавия Феодосия II Каллиграфа (402–450) до Константина V Копронима (741–775). Монеты затем могли служить основой для многочисленных копий и имитаций (они обнаруживаются в КНР и Монголии). Однако значительное количество музейных экспонатов, контекст обнаружения которых уже невозможно восстановить, расширяют вышеуказанный промежуток времени примерно в два раза – от Флавия Грациана (367–383) до Михаила VII Дуки Парапинака (1071–1078). В настоящей статье впервые в отечественной науке предварительно сведены воедино данные по двадцати трем ромейским монетам, представленным в Китайском музее нумизматики (г. Пекин).

Ключевые слова: *Шелковый путь, Синьцзян, Восточная Римская империя, музейные коллекции, нумизматика, Северный Китай, Центральная Азия, поздняя Античность, раннее Средневековье.*

D.P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Siberian Institute of Management – the branch of RANEPA
Novosibirsk, Russia
Email: alkaddafa@gmail.com

Coins of the Eastern Roman Empire from the Collection of the Chinese Numismatic Museum

Ethnic and cultural processes in Eurasia at the turn of Antiquity and Middle Ages are reflected in various types of artifacts. Coins belong to one of the most accurately dated varieties of inventory. Despite the fact that about a hundred coins of the Eastern Roman Empire have been found in the People's Republic of China (including copies and imitations of various qualities, the so-called "bracteates" and "indications"), the chronological framework of Byzantine coins in China is still unclear. Coins have been primarily found in Northwest China (Xinjiang-Uighur and Ningxia-Hui Autonomous Regions), as well as Central China, and even in the southeastern Zhejiang Province. According to the results of excavations since the late 19th century, it can be confidently established that genuine solidi of emperors from Theodosius II (402–450 AD) to Constantine V (741–775 AD) reached the Western Regions (Xiyu) and Huanghe Valley, and subsequently served as models for numerous copies and imitations which have been discovered in China and Mongolia. However, a significant number of museum exhibits with the unknown context of discovery expand the period

mentioned above twice to the time from Emperor Flavius Gratianus (367–383 AD) to Michael VII Doukas (1071–1078 AD). For the first time in Russian scholarship, the data on twenty-three Eastern Roman coins from the Chinese Museum of Numismatics (Beijing) is presented in this article.

Keywords: *Silk Road, Xinjiang, Eastern Roman Empire, museum collections, numismatics, North China, Central Asia, Late Antiquity, Early Middle Ages.*

Этнокультурные процессы в Центральной Азии (т.е. Монголии, северо-западном Китае (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия, Цинхай, северо-запад Сычуани и север Ганьсу), а также районах Сибири южнее таежной зоны), приведшие к формированию Великого Шелкового пути, к счастью для исследователей, представлены многочисленными археологическими источниками [Ло Фэн, 2004, с. 34–43]. При этом драматические события (в т.ч. гражданские и межгосударственные войны), происходившие на территории Северного Китая (и в меньшей степени Монголии) в первой половине XX в., делали невозможным планомерное исследование археологических памятников в этом регионе. Впрочем, часть обнаруженных артефактов была сохранена в пределах КНР и попала в музеи страны (при этом контекст обнаружения, место и время находок уже невосстановимы, поскольку часть изделий может и вовсе происходить из сопредельных Китаю государств, попав в Поднебесную с миссионерами, исследователями и путешественниками новейшего времени).

Весьма показательной в этом контексте категорией находок являются монеты Восточной Римской империи [Го Юньянь, 2006, с. 89–122]. Помимо территории КНР (прежде всего, северо-запада страны) [Ма Цзяньцзюнь, 2016; Чэнь Вэй, 2012], монеты Восточной Римской империи и их имитации обнаруживаются, например, в Северной Монголии. На территории Сибири подобных находок пока автору не известно, однако они вполне возможны, учитывая интерес знати номадов к солидам [Линь Ин, 2004] и существование в ранем Средневековье «кочевых империй», которые объединяли Северный Китай, Монголию и Сибирь. На данный момент рассматриваемые монеты известны как в археологических комплексах (рис. 1), так и в музейных коллекциях (см. *таблицу*, рис. 2–4). К сожалению, в мировой науке тема «солидов в Поднебесной» поднимается достаточно редко. В нашей стране обобщающие работы по данной тематике отсутствуют. И если сообщения о находках из погребений иной раз попадают в русскоязычные публикации при описании погребений средневеково-

Рис. 1. Карта КНР с указанием количества найденных на территории каждого региона ромейских монет.

Монеты Западной и Восточной Римской империи из коллекций Китайского музея нумизматики

№	Тип монеты	Диаметр и масса	Принадлежность к императору Восточной Римской империи
1	Солид	21 мм, 4 г	Фока (602–610)
2	Солид	21,3 мм, 4,45 г	Грациан (378–383)
3	Солид	21,1 мм, 4,46 г	Гонорий (395–423)
4	Тремисс	12,6 мм, 1,44 г	Майориан (457–461)
5	Солид (?)	16,5 мм, 2,59 г	Феодосий II
6	Солид	20 мм, 3,89 г	Феодосий II
7	Качественная копия солида	16,5 мм, 2,76 г	Анастасий I (491–518)
8	Качественная копия солида	17 мм, 2,61 г.	Анастасий I
9	Качественная копия солида	16 мм, 2,67 г	Юстиниан I (527–565)
10	Солид	20,5 мм, 4,42 г	Юстиниан I
11	Солид	20 мм, 4 г	Ираклий I (610–641)
12	Солид	20,14 мм, 4,36 г	Констант II (641–668) (рис. 2, *1*)
13	Солид	18,85 мм, 4,22 г	Констант II (641–668) (рис. 2, *2*)
14	Солид	19,79 мм, 4,39 г	Феофил (829–842) (рис. 3, *1*)
15	Солид	25 мм, 4,38 г	Роман III (1028–1034) (рис. 3, *2*)
16	Солид	27,5 мм, 4,3 г	Константин IX (1042–1055) (рис. 4, *1*)
17	Солид	29 мм, 4,22 г	Михаил VII (1071–1078) (рис. 4, *2*)
18	Копия низкого качества, «брактеат»	18 мм, 0,67 г	–
19	Копия низкого качества, «брактеат»	16 мм, 0,58	–
20	Копия низкого качества, «брактеат»	17,5 мм, 0,3 г	Просматривается грубая имитация крылатой фигуры (Ники/Ангела)
22	Копия низкого качества, «брактеат»	21 мм, 0,71 г	Просматривается подобие изображения Ираклия I
23	Копия низкого качества, «брактеат»	18 мм, 0,7 г	Просматривается подобие изображения Ираклия I

Рис. 2. Ромейские монеты Константа II, вероятно, найденные на территории КНР, из музейных коллекций.

Рис. 3. Ромейские монеты из музейных коллекций КНР, найденные, вероятно, в Китае.

1 – монета императора Феофила; *2* – монета императора Романа III.

Рис. 4. Ромейские монеты из музейных коллекций КНР, найденные, вероятно, в Китае.

1 – монета императора Константина; *2* – монета императора Михаила VII.

го Китая и Монголии, музейные экземпляры (без четкой истории обнаружения) совершенно обойдены вниманием. Между тем, последние имеют ряд важных особенностей*. В настоящей работе мы рассмотрим коллекцию ромейских монет из Китайского музея нумизматики, контекст обнаружения которых научному сообществу неизвестен.

Во-первых, внимание привлекает тремисс Флавия Юлия Валерия Майориана (457–461). Монеты данной категории очень редки в Китае и их находки в погребениях неизвестны. Хотя тремисс и изготавливался из золота, сравнительно малая масса (изначально 1,5 г, во втор. пол. IV в.) не позволяла ему играть важную роль в торговле и накоплении богатств либо стать статусным предметом (как это было с солидами: производство копий ромейских монет различного качества было налажено непосредственно на территории раннесредневекового Китая [Ло Фэн, 1993, 2005]). К сожалению, на данный момент мы не можем реконструировать, каким образом монета оказалась в Китае и даже однозначно утверждать, что она была обнаружена именно на территории КНР (а не была привезена, скажем, каким-то коллекционером).

Во-вторых, следует признать, что музейные коллекции являют нам вдвое больший (ок. 700 лет, IV–XI вв. н.э.) период бытования римской (ромейской) нумизматики в Поднебесной, чем данные археологии (ок. 350 лет, V–VIII вв. н.э.) [Гэ Чэнъюн, 2015]. Интересно, что находки из Монголии вполне вписываются в хронологические рамки, характерные для монет, обнаруженных на территории Китая в археологических комплексах. Если при раскопках погребений исследователи обнаруживают лишь солиды (и их имитации), относящиеся к Восточной Римской империи (пусть даже и до периода между переворотом Одоакра и смертью Юлия Непота, когда Западная Римская империя была фактически ликвидирована, 476–480 гг.), то в Китайском музее нумизматики имеются монеты Флавия Грациана (367–383) и Флавия Гонория Августа (395–423), правивших на Западе. С другой стороны, в музее есть и солиды ромейских василевсов XI в., что примерно на триста лет превосходит позднейшие находки из памятников археологии. Отрицать саму возможность проникновения на территорию Китая «нехарактерных» монет мы не можем. Ранние экземпляры могли сохраняться весьма долго в Средиземноморье и потом, с усилением торговли по Великому Шелковому пути попадать в Поднебесную. Поздние образцы могли быть доставлены в империю Сун предполагаемым посольством в Китай из Константинополя или, в позднейшее время, попасть в процессе торговли или войн в монгольский период (когда государства Чингизидов раскинулись от рубежей Ромейской империи до Тихого океана).

Исследование музейных коллекций значительно расширяет наши представления об этнокультурных процессах в Евразии (прежде всего, в Сибири, Монголии и Северном Китае). С одной стороны, мы видим, что взаимодействие различных государств и обществ могло происходить даже в большем масштабе (и иметь бóльшую продолжительность), чем свидетельствуют данные археологических раскопок. С другой – неясность происхождения музейных артефактов формирует целый ряд новых вопросов, разрешение которых требует совместных усилий археологов, востоковедов и специалистов по поздней античности.

*Публикация византийских монет, найденных в погребениях на территории Китая, готовится автором в ближайшем выпуске журнала «Византийских временник» (ориентировочное время выхода – конец 2022 г.). Настоящая работа, кратко обобщающая «вырванные из контекста» артефакты, является логическим продолжением данного направления исследований.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-78-10121 «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего Средневековья по данным археологии».

Список литературы

Го Юньянь. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю (Исследование обнаружен-

ных в Китае византийских монет и их имитаций). – Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай. – 2006. – 286 с. (на кит. яз.).

Гэ Чэнъюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь (Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан) // Гугун боуюанькань (Бюллетень музея Гугун). – 2015. – № 3. – С. 111–125 (на кит. яз.).

Линь Ин. Цзюсинху юй Чжунъюнань дицюй чуту дэ фанчжи байчжаньтин цзиньби (Варвары и имитации византийских золотых монет, обнаруженных на Центральной равнине) // Оуя сюэкань (Евразийский академический журнал). – 2004. – Вып. 4. – С. 119–129 (на кит. яз.).

Ло Фэн. Гуаньюй сиань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь (Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане) // Чжунго цяньби (Китайская нумизматика). – 1993. – № 4. – С. 17–19 (на кит. яз.).

Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу (Между иноземцами и ханьцами: «Шелковый путь» и историко-археологические исследования Северо-Запада). – Пекин: Вэньу чубаньшэ. – 2004. – 515 с. (на кит. яз.).

Ло Фэн. Бэйчжоу Ши Цзюнь мучуту дэ байчжаньтин цзиньби фанчжи пиньси (Анализ имитаций византийских золотых монет, обнаруженных в гробнице Шицзюня эпохи Северная Чжоу) // Вэньу (Культурное наследие). – 2005. – № 3. – С. 57–65 (на кит. яз.).

Ма Цзяньцзюнь. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао (Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся) // Чжунго цяньби (Китайская нумизматика). – 2016. – № 6. – С. 31–35 (на кит. яз.).

Чэнь Вэй. Нинся Гуюань Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуюань, Нинся) // Вэньу (Культурное наследие). – 2012. – № 10. – С. 58–65 (на кит. яз.).

References

Chen Wei. Ningxia Guyuan julongshan sui mu faju jianbao [A Brief Report on the Excavation of the Sui Tomb in Jiulongshan]. *Wenwu [Cultural relics],* 2012. N 10. P. 58–65. (In Chin.).

Ge Chengyong. Cong chutu han zhi tang wenwu kan ouya wenhua jiaoliu yi hen [Cultural ties between Europe and Asia according to heritage sites from Han to Tang]. *Gugun boujuan'kan' [J. of Gugong Palace Museum],* 2015. N 3. P. 111–125. (In Chin.).

Guo Yunyan. Zhongguo faxiande baizhanting jinbi ji qi fangzhi pin yanjiu [Research of Byzantine coins and their imitations discovered in China]. Tianjin: Nankai daxue yanjiusheng yuan, 2006. 286 p. (In Chin.).

Lin Ying. Jiuxinghu yu Zhongyuan diqu chutude fangzhi fanchzhi baizhanting jinbi [Barbarians and imitations of Byzantine gold coins found in the Central Plains]. *Ouyaxue kan [Eurasian J.],* 2004. N 4. P. 119–129. (In Chin.).

Luo Feng. Beizhou Shi jun muchutu baizhanting jinbi fangzhi pinxi [Analysis of imitations of Byzantine gold coins found in the Shijun tomb of the Northern Zhou era]. *Wenwu [Cultural relics],* 2005. N 3. P. 57–65. (In Chin.).

Luo Feng. Guanyu Xi an suo chu Dongloma jinbi fang zhi pin de taolun [Discussion of imitations of East Roman gold coins produced in Xi'an]. *Zhongguo qianbi [China Numismatics],* 1993. N 4. P. 17–19. (In Chin.).

Luo Feng. Huhan zhijia': «Sichou zhilu» yu xibei lishi kaogu [Between Foreigners and Hans: The Silk Road and Historical and Archaeological Research of the Northwest]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2004. 515 p. (In Chin.).

Ma Janjun. Ningxia jingnei kaogu fasxian de sichou zhilu guguo jin yin bi jiankao [A Brief Study of Ancient Silk Road Gold and Silver Coins Found in Ningxia]. *Zhongguo qianbi [China Numismatics],* 2016. N 6. P. 31–35. (In Chin.).

Шульга Д.П. https://orcid.org/0000-0001-8022-2954

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0805-0810
УДК 392.81

Д.П. Шульга[1]✉, П.И. Шульга[2]

[1]Сибирский институт управления РАНХиГС
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Погребения М8002 и М8004 как пример ранних чжуншаньских захоронений

В ходе археологического исследования городища Линшоу, столицы царства Чжуншань в IV – начале III в. до н.э., были получены представительные материалы по данному периоду. Особое значение имеют находки из гробницы Цована, содержавшей большое количество инвентаря, предметов искусства и надписей. Существенные данные были получены из гробницы его предшественника Чэн-гуна и погребений элиты. Вместе с тем, история становления царства Чжуншань в VII–V вв. до н.э. изучена крайне слабо. Племена ди, из которых вышли ранние предки Чжуншань, не относились к «хуася», а потому в исторических книгах Китая сведений о них почти нет. Соответственно, каждый относящийся к Чжуншань ранний памятник представляет несомненный интерес. В статье вводятся в научный оборот материалы ранних чжуншаньских погребений М8002 и М8004. Данные захоронения содержат значительное количество артефактов, включая кольчатые удила и чеку от колеса повозки (однозначная атрибуция которой как боевой колесницы затруднена из-за отсутствия других деталей). Последние помещались непосредственно в погребения. Данная особенность характерна для культур номадов, но встречается даже в Шан, в погребениях с ними связанных (гробница Фу Хао, датируемая ок. 1250 г.). В VII–VI вв. до н.э. детали конского снаряжения и колесниц встречаются в культуре юйхуанмяо, а в V–III вв. до н.э. – в культуре янлан, имеющей сходство с Чжуншань. «Полуварварская» культура Чжуншань также испытывала заметное влияние «хуася» – носителей традиций земледельческой культуры, сложившейся в восточной части бассейна Хуанхэ в периоды Шан (XV–XI вв. до н.э.) и Чжоу. Материалы могил М8002 и М8004 показывают, что в Линшоу степные традиции сохранялись в VI–V вв. до н.э. Аналогии с культурой янлан позволяют предполагать, что «генетически» связанные со скифо-сибирским миром чжуншаньцы наравне с колесницами сохраняли и конницу.

Ключевые слова: *Китай, Чжуншань, межкультурная коммуникация, доместикация лошади, погребальный обряд, колесницы.*

D.P. Shulga[1]✉, P.I. Shulga[2]

[1]Siberian Institute of Management RANEPA
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Graves M8002 and M8004 as Examples of the Early Zhongshan Burials

Archaeological research at the fortified settlement of Lingshou (capital of Zhongshan Kingdom in the 4th – early 3rd century BC) yielded rich evidence on the period. Particularly important was Cuo-wang's tomb which contained a large amount of inventory, objects of art, and inscriptions. Substantial data was obtained from the tomb of his predecessor Cheng-gong and from the elite burials. The emergence of the Zhongshan Kingdom in the 7th–5th centuries BC is still understudied. The Di tribes, which were the predecessors of the early Zhongshan population, did not belong to "Huaxia," and therefore there is almost no information about them in Chinese historical sources. Therefore, every early site of Zhongshan is of crucial importance. This article presents the evidence from the early Zhongshan burials M8002 and M8004, which contained large number of artifacts including ringed bridle bit and pin from a carriage wheel. The carriage cannot be undoubtedly interpreted as a combat chariot due to the absence of other details. The artifacts were placed directly into the burials. This feature is

typical of the nomad cultures but has been observed among the Shang and in the associated burials (tomb of Fu Hao of ca. 1250 BC). Elements of horse and chariot equipment have been discovered at the sites of the Yuhuangmiao culture (7th–6th centuries BC) and Yanglang culture (5th–3rd centuries BC) which was similar to Zhongshan. "Semi-barbarian" Zhongshan culture also experienced marked influence of "Huaxia» – agricultural culture which emerged in the eastern part of the Huanghe basin during the Shang period (15th–11th centuries BC), and carriers of the Zhou traditions. Burials M8002 and M8004 have revealed that steppe traditions in Linshou survived in the 6th–5th centuries BC. Parallels with the Yanglang culture suggest that the Zhongshan people who were "genetically" connected with the Scythian-Siberian world had cavalry along with chariots.

Keywords: China, Zhongshan, intercultural communication, horse domestication, funeral rite, chariots.

Царство Чжуншань располагалось восточнее гор Тайханшань, в центральной части современной провинции Хэбэй Китайской Народной Республики. Долгое время история этого «полуварварского» государства была известна лишь по отрывочным сведениям из китайских хроник. Ситуация изменилась после обнаружения и раскопок городища Линшоу, расположенного на северном берегу водохранилища Хуанбичжуан, в 25 км к северу от г. Шицзячжуан (пров. Хэбэй). В ходе начатых в 1970-х гг. исследований установлено, что этот памятник является руинами последней столицы Линшоу царства Чжуншань. Линшоу просуществовала менее ста лет (ок. 380–296 гг. до н.э.), но за это время превратилась в крупный политико-экономический центр. На устроенных в Линшоу могильниках правителей Чжуншань выявлена гробница основателя столицы Хуань-гуна (М1), исследованы погребально-поминальные комплексы Чэн-гуна (М6) и его приемника – Цо-вана (М1) (правил в 327–309 гг. до н.э.) [Хэбэйский исследовательский…, 2005]. Среди прочего, здесь были обнаружены детали колесниц и скелеты лошадей [Horse in Pre-Imperial China, 2013, p. 199]. Примечательно, что по количеству таковых погребение Цо-вана заметно уступает синхронным гробницам правителей других царств (рис. 1, *А*) при равном количестве других категорий артефактов. Возможно, это объясняется скорее церемониальным характером использования колесниц в условиях постепенного внедрения в Китае конницы (напр., реформы Улин-вана, правившего в Чжао с 325 по 299 гг. до н.э.). Наибольшее внимание российских исследователей привлекли находки из гробницы Цо-вана, в т.ч. массивные (ок. 25 кг) скульптуры крылатых хищников [Wu Xiaolong, 2004], сочетающих скифо-сибирские и китайские черты [Шульга Д.П., 2017].

Помимо этого, в Линшоу обнаружены свидетельства освоения данной территории царством Чжуншань еще в VI–V в. до н.э. История становления Чжуншань в VII–V вв. до н.э. изучена слабо, а потому каждый памятник этого времени представляет несомненный интерес. Рассмотрим погребения М8002 и М8004, выявленные в северной части села Фанцзячжуан. Они располагались в рамках могильника, протянувшегося примерно на 300 м в широтном направлении и на 200 м – в меридиональном. Погребения распределены неравномерно, встречаются случаи наложения одного на другое. Некрополь связан с городищем Линшоу, на что указывает как хронология, так и культурная принадлежность захоронений. Однако ряд погребений может быть датирован периодом, предшествовавшим созданию столицы Линшоу. Относительно хорошо сохранилось четыре захоронения периода Чуньцю. В двух из них обнаружены предметы конского снаряжения и детали колесниц.

Погребение М8002 выполнено в виде ямы с отвесными стенками длиной 4,35 м, шириной 2,9 м и глубиной 3,8 м (рис. 1, *Б*). Заполнение могилы состояло из утрамбованного грунта. В верхней части ямы по всем четырем сторонам имелись уступы шириной от 0,6 до 1,5 м. На северном, западном и южном уступах зафиксированы сопроводительные захоронения людей, уложенных на спину вытянуто, головами на ВСВ (северное и южное) и С (западное). При двух костяках инвентарь отсутствовал, лишь в южном обнаружено кольцо из агата в районе шеи. Сохранность костей плохая, но есть основания полагать что усопшие были молодыми женщинами ок. 20 лет. В заполнении могилы у дна прослеживались остатки деревянной конструкции, вероятно, гроба. Судя по следам тлена, длина гроба 2,2 м, ширина 1,4, высота 0,8 м. Основная погребальная камера подверглась ограблению еще в древности, так что большая часть инвентаря до нас не дошла. В северо-восточном углу была сложена груда раковин (270 шт.). Кроме этого, в погребении были обнаружены кольчатые удила (рис. 2, *1*) и бронзовая чека (рис. 2, *2*) от колеса колесницы (?). Авторы раскопок датируют М8002 серединой периода Чуньцю. В основном погребении умерший, вероятно, был захоронен на спине, вытянуто, головой в восточный сектор, как и в М8004.

Гораздо лучше сохранилось погребение М8004 в яме с отвесными стенками длиной 2,74 м, шириной 1,3, глубиной 2,18 м (рис. 3, *1*). Вдоль стен зафиксирован заклад из камней. У дна могилы имелся тлен деревянного гроба длиной 2,1 м, шириной 0,6, высотой 0,65 м. В гробу находились останки муж-

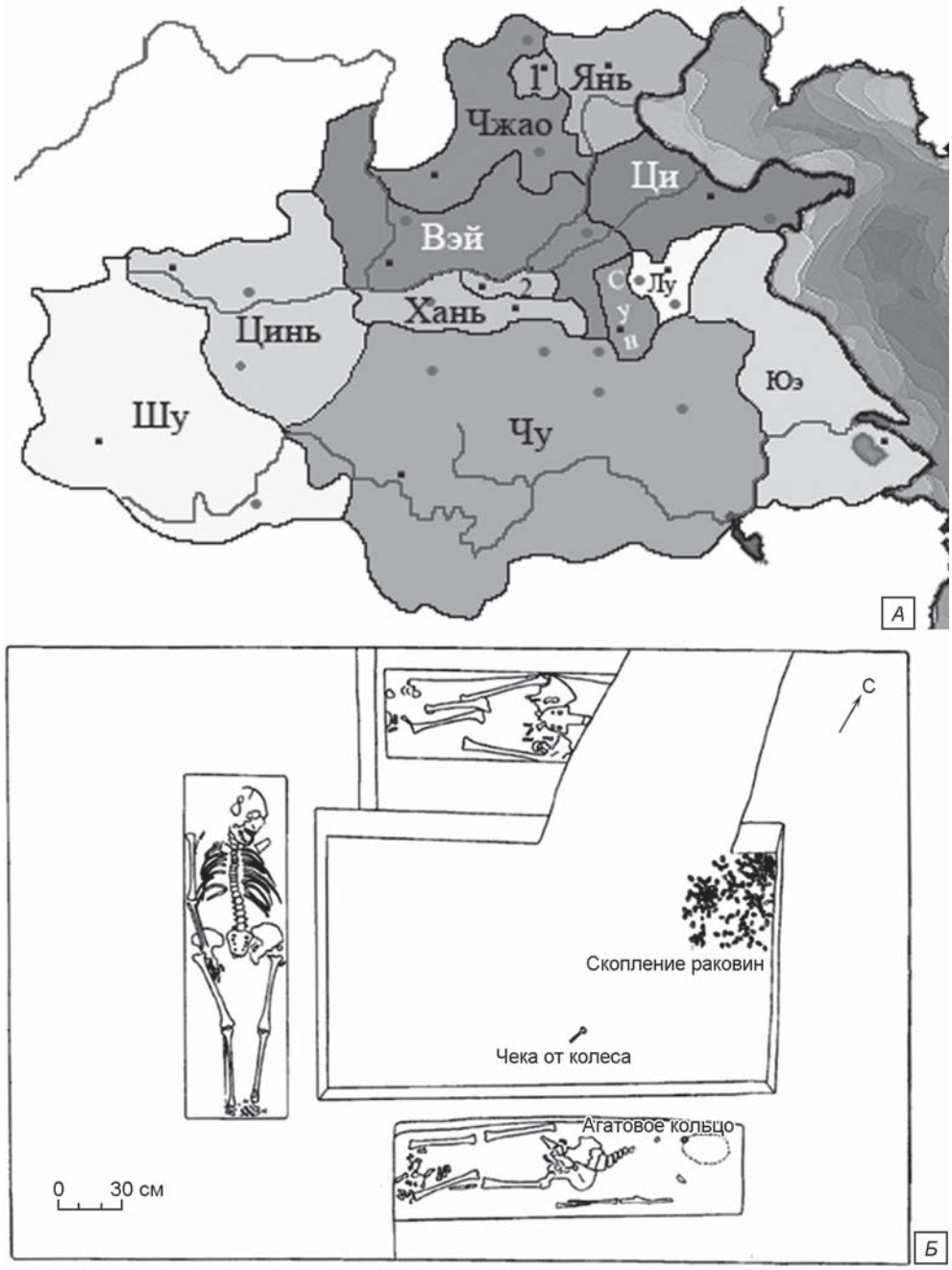


Рис. 1. Царство Чжуншань среди соседей в кон. V в. до н.э. (*А*, *1*) и план погребения М8002 (*Б*) (по: [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005, с. 254]).

чины в возрасте 40–45 лет. Сохранность костяка неудовлетворительная, но оружие в инвентаре указывает на мужской пол. Рядом с умершим обнаружено значительное количество артефактов. Около черепа найдены кольчатые серьги из золотой проволоки, а в районе шеи – ожерелье из бирюзовых плоских бусин и костяных украшений. В районе спины умершего находился бронзовый кельт с валиком (?) у основания втулки (см. рис. 2, *6*) (еще одно подобное изделие (см. рис. 2, *8*) без валика найдено в той же могиле) и «долото» (см. рис. 2, *7*). Аналогичные пары из кельтов и «долот» характерны для воинских погребений в Северном Китае. В районе головы найдена бронзовая заколка (см. рис. 3, *5*), на поясе – кольчатый бронзовый нож (см. рис. 2, *5*) с выгнутой спинкой и небольшое бронзовое зеркало с ручкой (см. рис. 3, *3*). В ногах обнаружено 22 бронзовые бляшки с перемычками на обороте (см. рис. 3, *4*). За пределами гроба в северо-западном углу находился бронзовый треножник с бронзовой ложкой внутри (см. рис. 3, *2*). В заполнении могилы над гробом располагалось 12 наконечни-

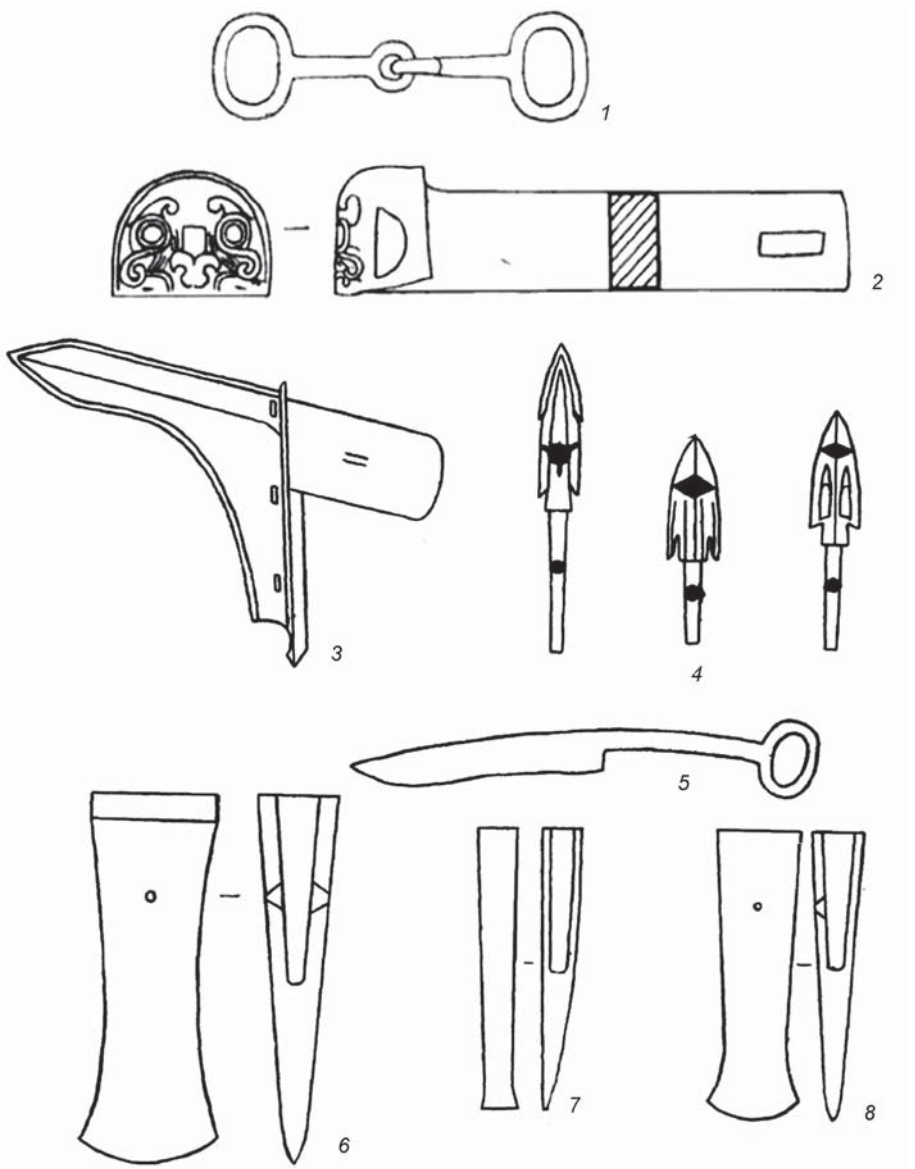


Рис. 2. Материалы погребения M8002 и M8004.

1 – бронзовые удила из погребения M8002; *2* – чека от колеса повозки (колесницы?) из погребения M8002; *3* – клевец *гэ* из погребения M8004; *4* – наконечники стрел из погребения M8004; *5* – бронзовый кольчатый нож из погребения M8004; *6* – бронзовый кельт из погребения M8004; *7* – бронзовое тесло из погребения M8004; *8* – бронзовый кельт (авторами раскопок трактуется как долото) из погребения M8004 (по: [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005, с. 261–262]).

ков стрел (см. рис. 2, *4*) и бронзовые удила с кольчатыми внешними окончаниями овальной формы. Еще одни бронзовые удила вместе с клевцом *гэ* (см. рис. 2, *3*) найдены в южной части погребения среди камней. Авторы раскопок датируют M8004 серединой периода Чуньцю [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005, с. 254–255], т.е. примерно VII – началом VI в. до н.э. Если же исходить из материалов могильника Юйхуанмяо – эталонного для «варваров» Северного Китая (середина VII – конец VI в. до н.э.), то комплекс M8004 по инвентарю ближе к середине – концу VI в. до н.э. Согласно некоторым данным, носители культуры юйхуанмяо на поздней стадии контактировали с царством Чжуншань. В это время они также использовали преимущественно китайские изделия, а умерших начали ориентировать головой с отклонением в северо-восточный сектор.

Погребения M8002 и M8004 весьма важны для понимания этнокультурной ситуации в период становления государства «белых ди» [Комиссаров, 2016] в Северном Китае. С одной стороны, учитывая сохранение «скифо-сибирских» черт в поздних элитных погребениях вроде гробницы Цована, было бы логично предполагать, что в период Чуньцю «варварский» компонент будет еще более выраженным. Постепенная «китаизация» «полуварварских царств» на данный момент сомнений

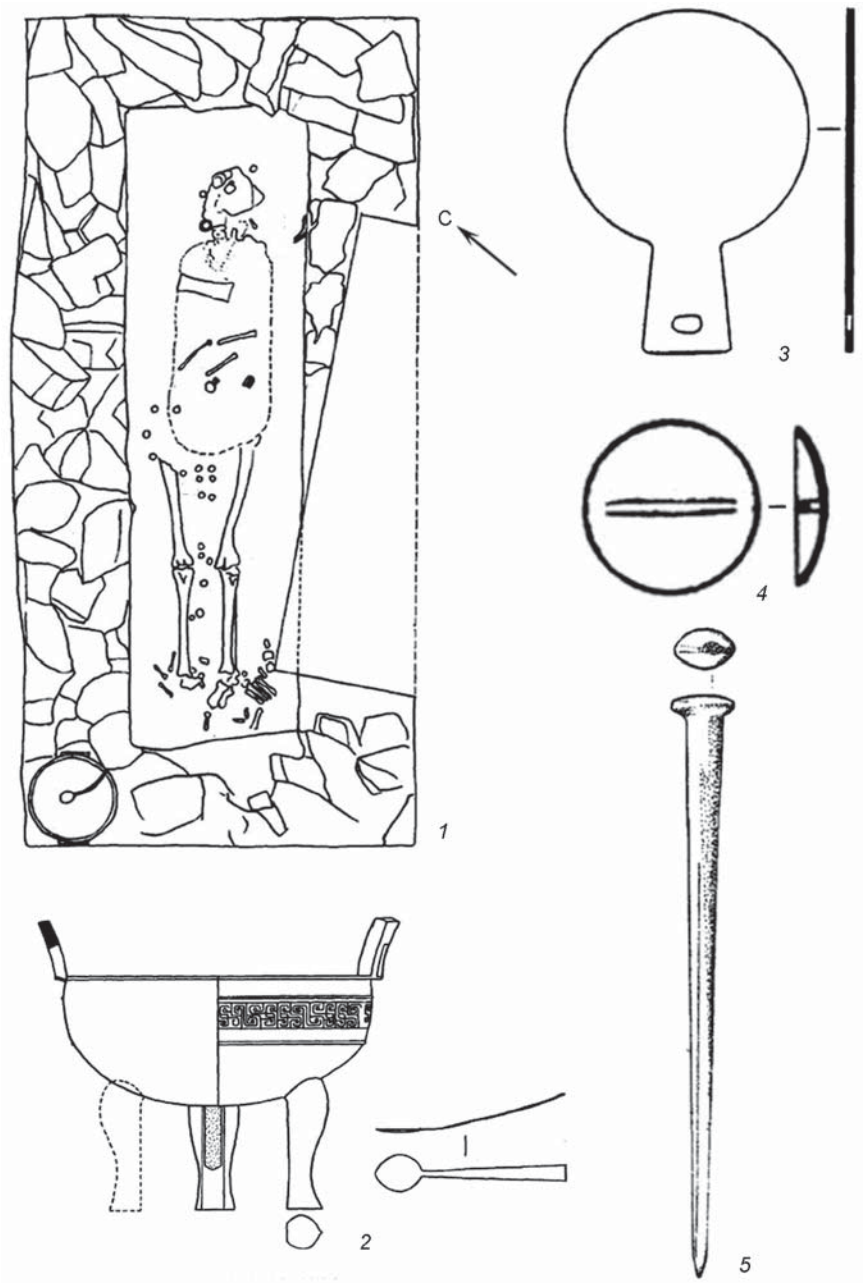


Рис. 3. Погребение М8004.

1 – план погребения М8004; *2* – бронзовый треножник и ложка из погребения М8004; *3* – бронзовое зеркало из погребения М8004; *4* – бронзовая бляшка из погребения М8004; *5* – бронзовая заколка из погребения М8004 (по: [Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры, 2005, с. 255, 261]).

не вызывает [Комиссаров, 2014], однако определенная дискуссия есть касательно темпов и характера (взаимного или однонаправленного) культурных контактов [Шульга Д.П., Шульга А.А., 2017]. Однако на практике мы видим, что в раннем погребении М8002 уже присутствуют детали колесницы (что для ранних кочевников Евразии не свойственно). В могиле М8004 оружейный комплекс также содержит только изделия китайского типа. В этом нет ничего удивительного, поскольку в Юйхуанмяо китайское влияние в виде характерного комплекса из клевца, кельта, «долота», выгнутообушкового кольчатого ножа, черешкового двухлопастного наконечника стрелы с упором и собственно китайского сосуда прослеживается уже в начале VI в. до н.э. [Шульга П.И., 2015, рис. 27, 28]. По всей видимости, «северные ди», как и носители культуры юйхуанмяо, уже в конце VII в. до н.э. были сильно китаизированы. Однако, периферийное положение позволяло царству Чжуншань сохранять отдельные элементы «кочевого прошлого» [Комиссаров, Хачатурян, 2016] на протяжении всего периода су-

ществования. В обычае помещать детали конского снаряжения непосредственно в «рядовые» могилы Линшоу (M8002, M8004, M8008) видятся степные реминисценции. Выявленные аналогии с культурой янлан, в которой колесничество сочеталось с развитым всадничеством, являются косвенным подтверждением предположения, что «генетически» связанные со скифо-сибирским миром чжуншаньцы наравне с колесницами могли сохранять и конницу.

Список литературы

Комиссаров С.А. Самое раннее археологическое свидетельство об игре в любо в древнем Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. 20. – С. 191–193.

Комиссаров С.А. Архитекторы и виноделы из племени белых ди // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 10: Востоковедение. – С. 9–18.

Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Царство Чжуншань // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. в 10 т. – М.: Наука; Вост. лит., 2016. – Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). – С. 826–830.

Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоу чэн **(**Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. – 393 с.

Шульга Д.П. Особенности развития погребальной скульптуры и архитектуры ранних кочевников Центральной Азии в условиях китайской культурной среды (на примере царства Чжуншань) // Баландинские чтения. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та архитектуры, дизайна и искусств. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 59–62.

Шульга Д.П., Шульга А.А. Северокитайские порубежные царства периода Восточного Чжоу как зона межкультурных контактов // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь, 2017. – № 7. – С. 34–37.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

Horse in Pre-Imperial China. Philadelphia: University of Pennsylvania. – 2013. – 265 p.

Wu Xiaolong. Exotica in the Funerary Debris in the State of Zhongshan: Migration, Trade, and Cultural Contact // Sino-Platonic Papers. – 2004. – № 142. – P. 6–12.

References

Horse in Pre-Imperial China. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2013. 265 p.

Khebeiskii issledovatel'skii institut material'noi kul'tury. Chzhan'go Chzhunshan'go linshou chen (Gorod Linshou tsarstva Chzhunshan' epokhi srazhayushchikhsya tsarstv). Beijing: Ven'u chuban'she, 2005. 393 p. (In Chin.).

Komissarov S.A. Samoe rannee arkheologicheskoe svidetel'stvo ob igre v lyubo v drevnem Kitae. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. 20. P. 191–193. (In Russ.).

Komissarov S.A. Architects And Winemakers From The White Di's Tribe. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2016. Vol. 15. N 10: Vostokovedenie. P. 9–18. (In Russ.).

Komissarov S.A., Khachaturyan O.A. Tsarstvo Chzhunshan'. In *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka.* In 10 v. – M.: Nauka; Vost. lit., 2016. – Vol. 1: Drevneishaya i drevnyaya istoriya (po arkheologicheskim dannym). – P. 826–830. (In Russ.).

Shul'ga D.P. Osobennosti razvitiya pogrebal'noi skul'ptury i arkhitektury rannikh kochevnikov Tsentral'noi Azii v usloviyakh kitaiskoi kul'turnoi sredy (na primere tsarstva Chzhunshan'). In *Balandinskie chteniya.* Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts Publ., 2017. Vol. 12. N 1. P. 59–62. (In Russ.).

Shul'ga D.P., Shul'ga A.A. Severokitaiskie porubezhnye tsarstva perioda Vostochnogo Chzhou kak zona mezhkul'turnykh kontaktov. In *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya.* Perm', 2017. N 7. P. 34–37. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Mogil'nik Yuikhuanmyao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashei ery). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. 304 p. (In Russ.).

Wu Xiaolong. Exotica in the Funerary Debris in the State of Zhongshan: Migration, Trade, and Cultural Contact. *Sino-Platonic Papers,* 2004. N 142. P. 6–12.

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0003-4684-8456
Шульга Д.П. https://orcid.org/0000-0001-8022-2954

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0811-0816
УДК 392.81

П.И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Погребения раннескифского времени из могильника Чесноково-1 как вероятный результат миграций из Северо-Восточного Синьцзяна (Китай)

Раскопки 1998 г. выявили на могильнике Чесноково-1 в западных низкогорьях Алтая группу из семи захоронений с особым погребальным обрядом. Надмогильные сооружения представляли собой кольцевидные выкладки, по центру которых находилось по одной могиле. На дне большинства могил находился костяк умершего, погребенного на спине вытянуто головой на ССЗ или СЗ. Сопроводительный инвентарь беден или отсутствовал, но по конскому снаряжению, а также керамике из «жертвенника» данная группа захоронений датирована VII – началом VI в. до н.э. Наиболее важной особенностью погребений в Чесноково-1 является наличие в заполнении могил «жертвенников», включавших отдельные кости или полные скелеты людей, а также домашних животных и изделия из камня, рога и кости. На прилегающей территории Саяно-Алтая и Казахстана подобные захоронения не известны. Однако недавно в китайских публикациях автором обнаружена информация о многочисленных погребениях с подобным обрядом на северо-востоке Синьцзяна (Китай) в районе Хами на могильниках Дунхэйгоу и Хэйгоулян. Основное количество исследованных там погребений относится к V–III вв. до н.э., но в Дунхэйгоу зафиксированы и более ранние захоронения VIII–VII вв. до н.э. При этом во многих объектах с VII по III в. до н.э. в значительном количестве представлены изделия, выполненные в скифо-сибирском стиле. Все это позволяет рассматривать данный район как специфический культурный центр, тесно контактировавший со скифоидными культурами Сибири. В VII в. до н.э. район Хами становится источником миграций на Алтай, примерно за 100–150 лет до появления захоронений коргантасского типа, оставленных выходцами из восточной части Монголии и Северного Китая.

Ключевые слова: *Саяно-Алтай, Синьцзян, скифоидные культуры, могильники, погребальный обряд, «жертвенники», инвентарь, миграции.*

P.I. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Burials of the Early Scythian Period from the Chesnokovo-1 Burial Ground as a Probable Result of Migrations from the Northeastern Xinjiang (China)

Excavations at the Chesnokovo-1 burial site in the western low hills of the Altai in 1998 revealed a group of seven graves with unusual funeral rite. Grave structures were ring-shaped stone placements with one grave in the middle. Skeletons of persons on the back with the heads to north-northwest or northwest were at the bottom of the most of the graves. Grave goods were not numerous or were absent, but judging by horse harness and pottery from the sacrificial pit, this group of burials can be dated to the 7th – early 6th century BC. The most important feature of the Chesnokovo-1 burial ground was presence of sacrificial pits containing bones or complete human skeletons, domestic animals, as well as stone, bone, and horn tools. The remains of the pits could be clearly seen in the filling of the graves. Such burials are yet unknown from the adjacent territory of the Altai-Sayan and Kazakhstan. However, the author of this article has recently found some information in Chinese scholarly publications about numerous burials with similar funeral rite at the burial

sites of Dongheigou and Heigouliang in Hami region in Northeast Xinjiang (China). Most of these burials belonged to the 5th – 3rd century BC, but some earlier burials at the Dongheigou site could be dated to the 8th – 7th centuries BC. A relatively large amount of burial inventory from these sites, which can be dated to 7th – 3rd centuries BC, was made in the Scythian-Siberian style. It is possible to conclude that this area was a specific cultural center which had close contacts with the Scythian cultures of Siberia. In the 7th century BC, the Hami region was the place from where migration to the Altai originated about 100–150 years before the first occurrence of the Korgantas burials left by the people from the eastern part of Mongolia and North China.

Keywords: *Altai-Sayan, Xinjiang, Scythian cultures, burial grounds, funeral rites, sacrificial pits, inventory, migrations.*

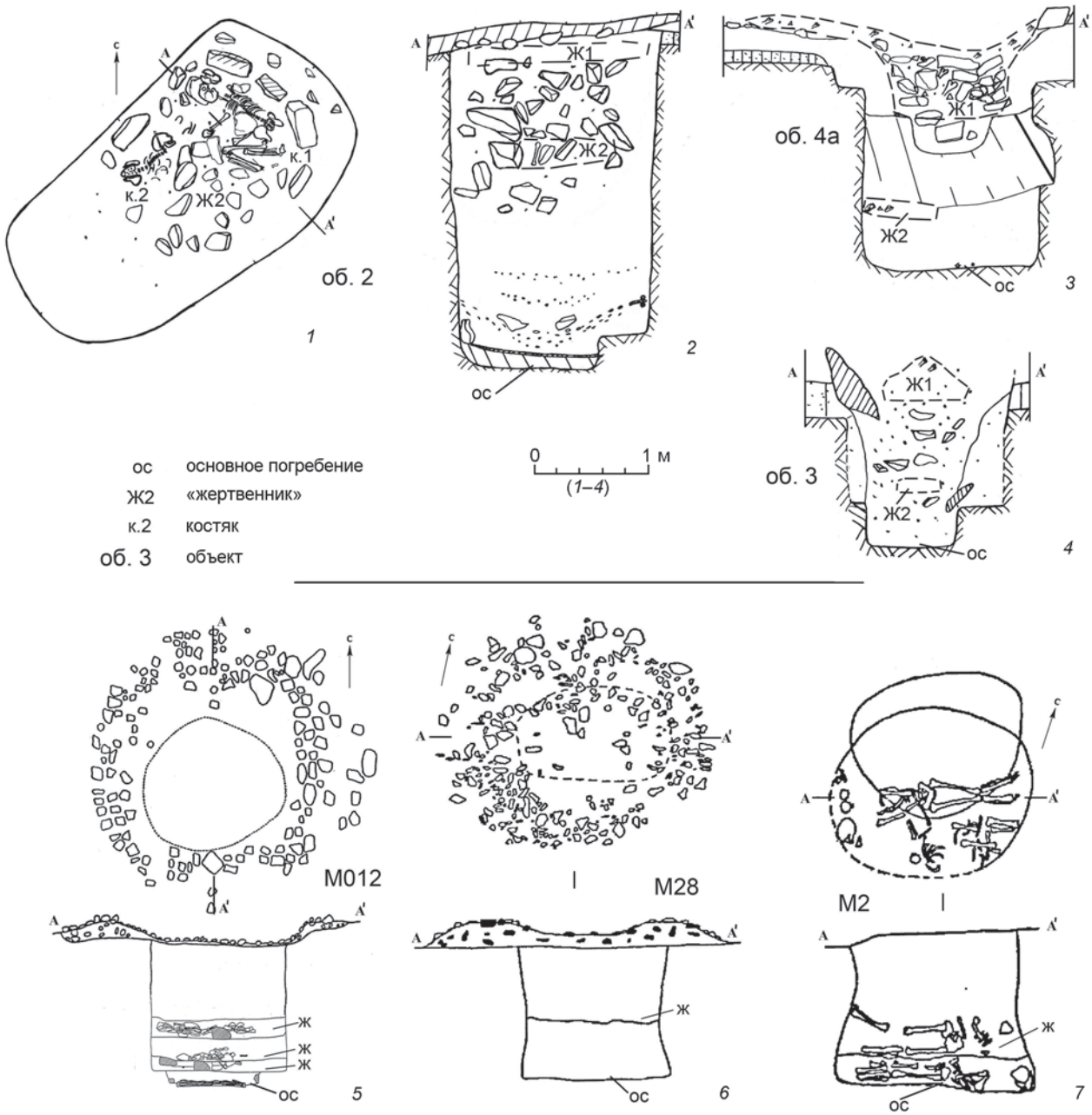
Могильник Чесноково-1 расположен на высокой правобережной террасе р. Чарыш, в 6,5 км к юго-западу от с. Куйбышево Краснощековского р-на Алтайского края. Памятник необычен для Горного Алтая культурным разнообразием исследованных там в 1996 и 1998 гг. аварийных археологических объектов: андроновское погребение в каменном ящике, поселение и три погребения ирменской культуры, стела (оленный камень?) у объекта 4а, семь погребений раннескифского времени (объекты 2, 3, 4а, 7, 8 в группе 1 и объект 3 в группе 2), два кургана каракобинского типа, два средневековых погребения [Кирюшин, Шульга, 1996; Шульга, 1998а, 1998б].

Для темы данной статьи особый интерес представляют объекты раннескифского времени. Три из них (2, 3, 7) располагались на краю карьера, почти примыкая друг к другу. Остальные обнаружены к северо-востоку от объекта 7 на расстоянии 20 м (8), 50 м (4а) и 120 м (3 в группе 2). Несмотря на столь значительный территориальный разброс, во всех указанных объектах прослежены одинаковые черты погребальной обрядности. Надмогильные сооружения представляли собой кольцевидные выкладки диаметром ок. 4–6 м из уложенных в один-два слоя набольших рваных камней. В сохранившейся части выкладки 8 отмечено наличие крепиды, но внешние границы других объектов были менее упорядочены. В центре выкладок камни почти отсутствовали. Во всех объектах, кроме 7 (там было две могилы), находилось по одной могиле в центре выкладки. Большинство могил имели в плане форму овала, вытянутого по линии ЮЮВ–ССЗ. Глубина могил составляла 1–2 м от уровня древней поверхности. Края могил отвесные, но в объекте 8 имелся подбой. На дне могилы погребался один умерший в положении на спине вытянуто головой на ССЗ или СЗ. Керамические сосуды в погребения не ставились, инвентарь беден или отсутствовал. Исключение представляло лишь захоронение воина в объекте 2. Рядом с умершим были помещены шкуры двух лошадей со сбруйным набором [Шульга, 1998а]. В заполнении могилы находились не отдельные кости человека, а костяки двух женщин (см. *рисунок*, *1*). Наиболее важной особенностью раннескифских погребений в Чесноково-1 является наличие в заполнении могил «жертвенников», включавших кости различных домашних животных, людей, иногда изделия.

Группа 1. Объект 2. В северо-восточной части могилы на глубине 30–45 см найдено два черепа МРС, установленных на основания. Один из них был обращен резцами на ЮЗ, второй – в обратную сторону, на СВ. Между черепами МРС и несколько западнее находились ребра и кости крупных копытных животных. Метром ниже под мощным слоем камней обнаружен костяк женщины 1, 30–35 лет, уложенной на живот, скорченно с подогнутыми ногами, головой на СЗ. На месте нижней челюсти находился небольшой керамический сосуд, а сама челюсть – в 25 см южнее на том же уровне. Умершая находилась на ложе из песка, и была обложена продолговатыми камнями (см. *рисунок*, *1, 2*). В 20 см ниже обнаружен костяк второй женщины (2), уложенной головой на СВ на живот в обкладке из крупных камней. Кости ног отсутствовали, т. к. они уже осыпались в карьер. Со всех сторон костяка также находился песок. На дне могилы был погребен воин, вытянуто на спине, головой на СВ.

Группа 1. Объект 3. В заполнении могилы встречались угли, а в 30–40 см и в 1,2 м ниже древней поверхности расчищено два скопления костей лошади, МРС и КРС (см. *рисунок*, *4*). До просадки перекрытия погребальной камеры верхнее скопление костей находилось несколько выше, а нижнее – на ее перекрытии. На дне могилы находился костяк взрослого человека, уложенного на спину, вытянуто, головой на ЗСЗ. Инвентарь отсутствовал.

Группа 1. Объект 4а. В центральной части кольцевидной выкладки и в верхней части могилы находилось большое количество костей ног лошади, МРС (челюсти, остатки черепов) и КРС, целых в сочленении и колотых на мелкие фрагменты (см. *рисунок*, *3*). Среди костей найдены мелкие фрагменты керамики, мелкие угли, разбитый надвое курант зернотерки, обломки нижних камней зернотерок, костяная трубочка и обработанная роговая пластина. В 50 см выше дна могилы обнару-



План «жертвенника» и разрезы могил и курганов.

1–4 – план «жертвенника» 2 с костяками двух женщин и разрезы могил из Чесноково-1; *5* – планы и разрезы курганов из могильников Дунхэйгоу; *6*, *7* – планы и разрезы курганов из могильников Хэйгоулян (по: [Синьцзянский институт …, 2007, рис. 28, 29; Мо Чжаньсюн, 2008, рис. 7, 11]).

жен еще один курант, обломки костей животных и часть плоскодонного керамического сосуда зернотерки. На дне могилы находился костяк женщины, уложенной на спину, вытянуто, головой на ССЗ. В районе шейных и грудных позвонков найдены бусы.

Группа 1. Объект 7. Под кольцевидной выкладкой находились две могилы раннескифского времени. Заполнение находившейся в северо-восточной части могилы ребенка (1а) было сильно разрушено средневековым захоронением. Соответственно, наличие «жертвенника» не установлено. В верхней части почти не пострадавшей основной могилы (2) среди камней забутовки обнаружены кости и череп МРС без нижней челюсти, кости лошади, несколько фрагментов керамики и угли. На дне находился костяк взрослого человека, уложенного на спину, вытянуто, головой на СЗ. В районе шейных позвонков найдены бусы.

Группа 1. Объект 8. В северной части заполнения могилы и по ее краям найдено большое количество костей МРС (в том числе черепа и нижние

челюсти), лошади и КРС (?), а также два изделия из кости. Там же находились фрагменты шести–семи керамических сосудов, два из которых по профилировке и орнаментации относятся к эпохе поздней бронзы. До просадки погребальной камеры и заполнения могилы основной «жертвенник» располагался на плитах и плоских камнях, горизонтально уложенных на уровне древней поверхности. Чуть ниже этого скопления расчищены два поясничных позвонка взрослого человека в сочленении. На дне могилы находился костяк мужчины, погребенного на спине вытянуто, головой на ССЗ. Инвентарь отсутствовал. Помимо этого, в пристройке к выкладке обнаружена глубокая яма (2,9 м от древней поверхности) в форме могилы, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, но без погребения человека (кенотаф?). В верхней части ее заполнения встречались кости животных и керамика. Под несколькими углистыми слоями на дне найден крупный камень без следов обработки и обломок трубчатой кости МРС.

Группа 2. Объект 3. В верхней части заполнения могильной ямы найдены обломки костей лошади и МРС, неорнаментированные фрагменты керамики и плохо сохранившиеся останки младенца. На дне могилы находился костяк женщины, уложенной на спину, вытянуто, головой на ЗСЗ. Инвентарь отсутствовал.

Несмотря на малое количество инвентаря, захоронения датируются достаточно уверенно. Наиболее ранним выглядит объект 8 с керамикой, датируемой по профилировке и орнаментации эпохой поздней бронзы. Теоретически она могла датироваться и IX–VIII вв. до н.э. Однако, подобная керамика в Измайловке, по-видимому, существовала до VII в. до н.э. [Ермолаева, 2012, с. 122], что подтверждается нахождением в ограде 17-ти сбруйных наборов второй половины VII – начала VI в. до н.э. [Шульга, 2008, с. 168, рис. 33]. Сбруйный набор и наконечники стрел из объекта 2 также близки во времени и не позже начала VI в. до н.э. Справедливости ради следует упомянуть, что объект 3 в группе 2, как бы завершает с севера звено из двух курганов каракобинского типа IV–III вв. до н.э. По всей видимости это случайное наложение, поскольку крайне маловероятно сохранение уникальной в своем роде небольшой культурной группы на одном месте в течение 3–4 веков.

На прилегающей территории Саяно-Алтая и Казахстана подобные захоронения неизвестны, а потому указанные захоронения с «жертвенниками» из Чесноково-1 долгое время не вписывались в общую этнокультурную картину. Между тем, погребения с подобным обрядом в значительном количестве выявлены на северо-востоке Синьцзяна (Китай) в районе Хами на могильниках Дунхэйгоу и Хэйгоулян (см.: [Мо Чжаньсюн, 2008; Шульга, 2010, с. 57–61; Шульга, 2021]). Основное количество исследованных там и опубликованных погребений относится к V–III вв. до н.э. Наиболее однородным и представительным является могильник Хэйгоулян. Надмогильные сооружения представляли там располагавшиеся цепочками небольшие курганы диаметром ок. 5 м из камня и грунта. По центру находилась одна округлая в плане могила глубиной ок. 2 м с отвесными стенками или с подбоем в южной стенке. На дне могилы обычно находилось основное захоронение человека, погребенного на спине, вытянуто, головой в западный сектор (см. *рисунок*, *7*). Характерной особенностью погребального обряда является наличие в заполнении могил своеобразных «жертвенников». В состав «жертвенников», как правило, входили части человеческих костяков, кости лошади, овцы и крупного рогатого скота, а также фрагменты керамики и угли. Кости людей часто находились в сочленении, что указывает на помещение в засыпку могилы частей тел или еще не полностью разложившихся трупов. Как правило, рядом с костями «принесенных в жертву» людей нет инвентаря, или он представлен одиночными небольшими керамическими сосудами со следами использования. Находки металлических и костяных изделий единичны. Все эти предметы отличны от помещаемых с умершими на дне могил [Мо Чжаньсюн, 2008, с. 12, рис. 17–51; Шульга, 2021].

Подобные захоронения V–III вв. до н.э. с «жертвенниками» в заполнении выявлены и на могильнике Дунхэйгоу. Так, опубликованный объект М012 представлял собой кольцевидную насыпь диаметром около 9,7 м из камней в 1–2 слоя (см. *рисунок*, *5*). В центре находилась могильная яма, в заполнении которой отмечено 4 слоя камней. Под первым слоем камней на северной стороне обнаружены кости человека и разрозненные кости животных. Под вторым слоем находился цельный костяк жертвенной лошади и отдельные имеющие повреждения кости человека. Там же найдены кости барана и других животных. Под третьим слоем обнаружены кости человека, а также фрагменты керамики, изделия из железа, изделия из золота и другие предметы. На дне могилы в срубе располагалось основное захоронение человека, погребенного головой на СВ, по-видимому, вытянуто, на спине. Судя по инвентарю, основное погребение датируется IV–III вв. до н.э.

Важно отметить, что в Дунхэйгоу выявлены и захоронения раннескифского времени с подобным обрядом. Из них показательно погр. М015, датируемое в рамках VII – начала VI в. до н.э.

Курган представлял собой округлую насыпь в два слоя камней, по центру которой также имелась западина. На периферии кургана найдено два заполированных изделия из ребер животных с зубцами на концах, по-видимому, использовавшихся как вилки (колотушки) в ручном ткачестве. Под первым слоем камней в насыпи находилось два одиночных погребения людей, уложенных в скорченной позе головой на СЗ. Там был найден самый представительный инвентарный комплекс, включавший характерные для Саяно-Алтая изделия: каменный оселок; бронзовые нож, поясная пряжка, маленькое зеркало диаметром 5,6 см и шило [Шульга, 2010, рис. 54]. Под вторым слоем насыпи находилось три захоронения. В двух из них умершие также ориентированы на СЗ. Из инвентаря обнаружено два каменных бытовых изделия: крупная зернотерка и «инструмент для шлифования». В заполнении центральной могилы обнаружено еще 3 фрагмента зернотерок. На дне могилы в срубе находились потревоженные останки человека, по-видимому, ориентированного головой в западный сектор.

Таким образом, материалы могильников Дунхэйгоу и Хэйгоулян демонстрируют существование специфической традиции захоронений с «жертвенниками» в заполнении могил в районе Хами-Баликунь на северо-востоке Синьцзяна с VII по II в. до н.э. Как и в Чесноково-1 в заполнении могилы над захоронением основного умершего находились полные костяки людей или их части. В некоторых дополнительно имелись «жертвенники» с фрагментами керамики, зернотерками и изделиями из кости. Там же находилось большое количество костей лошади, КРС и МРС. При этом зачастую располагались они несколькими слоями. По всем данным, предки погребенных в Чесноково-1 мигрировали на Алтай из района Хами на востоке Синьцзяна. В пользу этого говорит и сходство инвентаря между указанными регионами, существовавшее с VII по III в. до н.э. Почти в то же время (начиная с VI в. до н.э.) в Туве и на Алтае появляются погребения *коргантасского* типа, оставленные населением Монголии и Северного Китая, продвинувшимся к IV в. до н.э. до Центрального Казахстана. В сравнении с этим достаточно мощным миграционным потоком, приход в долину Чарыша на Алтае скотоводов из Хами на расстояние ок. 1200 км выглядит незначительным эпизодом. Однако этот факт служит еще одним подтверждением ранних культурных контактов между указанными территориями.

Список литературы

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. – 238 с.

Кирюшин Ю.Ф., **Шульга П.И**. Андроновское погребение на реке Чарыш // Изв. Алт. гос. ун-та. – 1996. – № 2. – С. 33–38.

Синьцзянский институт культурных реликвий и археологии, Исследовательский центр культурного наследия и археологии Северо-Западного университета. 2006 нянь Баликунь Дунхэйгоу ичжи фацзюэ (Раскопки в 2006 году на археологическом объекте Дунхэйгоу, Баликунь) // Синьцзян вэньу (Материальная культура Синьцзяна). – 2007. – № 2. – С. 32–60 (на кит. яз.).

Мо Чжаньсюн. Хэйгоулян муди юй Дунхэйгоу муди дэ каогу лэйсин сюэ бицзяо яньцзю (Сравнительное археологическое исследование могильников Хэйгоулян и Дунхэйгоу: магистерская диссертация). – Сиань: Сибэй дасюэ, 2008. – 70 с. (на кит. яз.).

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. I: Раннескифское время. – 276 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1998а. – Вып. 3. – С. 58–69.

Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – Т. 4. – С. 379–385.

Шульга П.И. Могильники Дунхэйгоу и Хэйгоулян на северо-востоке Синьцзяна (Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 742–746.

References

Kiryushin YU.F., Shul′ga P.I. Andronovskoye pogrebeniye na reke Charysh. *Izvestiya Altayskogo gosuniversiteta*, 1996. N 2. P. 33–38. (In Russ.).

Muo Zhanxiong. Heigouliang mudi yu Dongheigou mudi de kaogu leixing xue bijiao yanjiu [Comparative Archaeological Study of Heigouliang and Dongheigou Burials: Master's Thesis]. Xi'an: Xibei daxue, 2008. 70 p. (In Chin.).

Shul'ga P.I. Dongheigou and Heigouliang Burial Grounds in Northeastern Xinjiang (China). In *Problems of*

Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 742–746. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Gruppa ranneskifskikh zakhoronenii na reke Charysh. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998b. Vol. 4. P. 379–385. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Ranneskifskoe pogrebenie na r. Charysh iz mogil'nika Chesnokovo-I. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Alt. State Univ. Press, 1998a. Iss. 3. P. 58–69. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Sin'tszyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye kompleksy. Khronologiya i periodizatsiya). Barnaul: Altai State Technical Univ. Press, 2010. 238 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Snaryazheniye verkhovoy loshadi i voinskiye poyasa na Altaye. Barnaul: Azbuka, 2008. Vol. I: Ranneskifskoye vremya. 276 p. (In Russ.).

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Northwest University Cultural Heritage and Archaeology Research Center. 2006 nian Balikun Dongheigou yizhi fajue [2006 Excavation at Dongheigou Archaeological Site, Balikun]. *Xinjiang wenwu [Xinjiang Material Culture],* 2007. Vol. 2. P. 32–60. (In Chin.).

Yermolayeva A.S. Pamyatniki predgornoy zony Kazakhskogo Altaya (epokha bronzy – ranneye zhelezo). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 2012. 238 p. (In Russ.).

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0003-4684-8456

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0817-0822
УДК 392.81

П.И. Шульга[1]✉, Е.А. Гирченко[1], В. Хорват[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Научно-исследовательский институт истории и культуры Венгрии
Будапешт, Венгрия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

О верховой езде, всадничестве и колесничестве в Северном Китае во II–I тыс. до н.э.

На востоке степной Евразии начальный этап освоения лошади не фиксируется, а потому внезапно появившиеся в царстве Шан (XIII в. до н.э.) лошади и колесничный комплекс представляют особый интерес. Процесс оформления конского снаряжения и его эволюция прослеживается там на протяжении трех тысячелетий, о чем в Китае с эпохи поздней бронзы сохранилось большое количество письменных источников. В значительном количестве на севере Китая представлены и захоронения скотоводов. В последние годы на территории Северного Китая и Синьцзяна выполняются археозоологические исследования. Комплексный анализ разноплановых источников позволяет внести существенные коррективы в традиционные представления об освоении лошади в Китае: 1) судя по письменным источникам и археологическим данным, у некоторых групп «кочевников-варваров» на границах Китая колесницы появились даже раньше, чем в царстве Шан, и сохранялись до II в. до н.э. Наиболее ярко это проявилось в погребальном обряде западных жунов (культура янлан); 2) в Китае, как и в Передней Азии, верховая езда была известна уже на начальном этапе, и, как правило, практиковалась только в исключительных ситуациях. Вплоть до V в. до н.э. верховая езда в Китае не была распространена и в китайских царствах не использовалась при ведении войн. Переход к коннице произошел лишь перед лицом непосредственной угрозы от конных кочевников. В Китае этот процесс реформации начался в северных царствах Китая в конце IV в. до н.э., однако, в процентном отношении конница долгое время составляла лишь малую часть китайской армии. Число всадников в армии Китая в разы выросло лишь во II в. до н.э., когда появилась реальная угроза со стороны почти одновременно возникшей кочевой империи хунну.

Ключевые слова: *Степная Евразия, Северный Китай, верховая езда, кавалерия, колесничество, конское снаряжение, царство Шан, кочевники, культура янлан.*

P.I. Shulga[1]✉, E.A. Girchenko[1], V. Horvath[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Research Institute of History and Culture of Hungary
Budapest, Hungary
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Horseback Riding, Horsemanship and Chariotry in Northern China in the II–I millennium BC

The initial stage of mastering horse riding has not been archaeologically recorded in eastern steppes of Eurasia, however, horse and chariot complexes which suddenly appeared during the Shang Kingdom period (approximately the 13th century BC) are of special interest. Evolution of horse equipment continued for over three millennia. Many written sources surviving in China since the Late Bronze Age can be used for research along with large number of burials remaining from cattle breeders in North China and Xinjiang. In recent years, many archaezoological studies have been carried out in these regions. Comprehensive analysis of these diverse sources has made it possible to formulate some clarifications to the traditional view on the origins of horsemanship in China. 1) According to written sources and archaeological evidence, some groups of "barbarian nomads" on the borders of China started using chariots even earlier than this happened in Shang Kingdom, and used them until the 2nd century BC. The most interesting examples refer to the funerary rite of the Xirong tribes (Yanglang

culture). 2) In China, just as in Western Asia, horseback riding was already known at the initial stages, but was used rarely, only in extreme situations. Up to the 5th century BC, horseback riding in China was not common and was not a part of combat. Cavalry became to be used only after facing immediate threat from mounted nomads. In China, this reform began from the northern kingdoms in the late 4th century BC. However, in terms of its share, for a long time, cavalry was only a small part of Chinese army. The number of horsemen in the army increased exponentially only in the 2nd century BC when there was a real threat from almost immediate emergence of the nomadic Xiongnu empire.

Keywords: *steppe Eurasia, Northern China, horseback riding, cavalry, chariotry, horse equipment, Shang Kingdom, nomads, Yanglang culture.*

Вопросы появления верховой езды и всадничества в Евразии относятся к разряду дискуссионных. Одна группа исследователей полагает верховую езду достаточно простой инновацией, возникшей в V–III тыс. до н.э. естественным путем в ходе одомашнивания лошади для пастьбы табунов и перевозки грузов на волокушах или во вьюках. Вероятность такого сценария как будто подтверждается логичным заключением о невозможности контроля табунов лошадей без верхового коня. Весомым аргументом выглядит легкость и простота, с которой североамериканские индейцы стали хорошими наездниками, управляя лошадьми при помощи ременной (веревочной) петли, затянутой на беззубом участке нижней челюсти животного [Ewers, 1955]. Проблема в том, что все эти предположения не подкреплены реальными фактами. Убедительные свидетельства одомашнивания лошади в V–IV тыс. до н.э. отсутствуют, в том числе и в ботайской культуре [Taylor, Barrón-Ortiz, 2021].

Согласно последним исследованиям, лошадь была одомашнена в районе Волги и Дона в III тыс. до н.э. Однако совершенно не ясно, как лошади в это время использовались и содержались, даже если они разводились только ради получения конины [Drews, 2004, с. 8–25]. Детали снаряжения лошади появляются в степной Евразии только в первой половине II тыс. до н.э., и представлены они лишь роговыми псалиями (с шипами и без шипов). Они могли равнозначно использоваться в уздечках упряжной и верховой лошади. Перспективные археозоологические исследования по костякам лошадей II тыс. до н.э. пока не стали достаточно масштабными, чтобы говорить о соотношении в эпоху бронзы реально существовавших упряжных и предполагаемых верховых лошадей [Бози, Сабо, 2020]. Соответственно, имеющиеся научные данные и методики пока не позволяют однозначно ответить на вопрос о времени появления верховой езды на раннем этапе освоения лошади в III–II тыс. до н.э. Более того, традиционный анализ деталей конского снаряжения оказывается бессилен и для VIII–III вв. до н.э., если в сбруйные наборы не входят детали седел и седельных ремней.

Позиция сторонников изначального освоения лошади как тяглового животного в двуосной или одноосной повозке выглядит более аргументированной. Действительно, этот процесс достаточно убедительно прослеживается на материалах передней Азии, где одомашненная лошадь до конца II тыс. до н.э. являлась тягловым животным, подобно традиционно использовавшимся быкам и ослам. Прослеживается там и процесс становления всадничества. Отдельные случаи верховой езды в Передней Азии фиксируются уже в первой половине II тыс. до н.э., но по ряду причин широкое распространение у земледельцев Передней Азии, Египта и Греции она получает только в IX–VIII вв. до н.э. [Littauer, Crouwel, 1979, с. 142–143]. Между тем, материалы с указанной территории не позволяют ответить на вопрос об обстоятельствах использования верховых и упряжных лошадей в степях. Не случайно указанные авторы допускали для степей более раннее, чем в Передней Азии, появление верховой езды.

Как видим, вопрос об использовании во II тыс. до н.э. лошади в степях под верх или в упряжке пока однозначно не решается. На этот счет имеются лишь более или менее обоснованные предположения. Если исходить из конкретных археологических данных, то можно лишь констатировать, что во II тыс. до н.э. в степях Евразии от Дуная до Центрального Казахстана использовались уздечки с роговыми псалиями, иногда встречаемыми со следами одноосных повозок (см.: [Чечушков, 2013]). К востоку от Казахстана – в Синьцзяне, на Саяно-Алтае и Монголии до последних веков II тыс. до н.э. вообще нет данных о существовании конского снаряжения (в том числе щитковых псалиев) за исключением петроглифов с изображениями колесниц и единичных архаичных бронзовых удил и псалиев из случайных находок в Минусинской котловине [Новоженов, 1994; Шульга, 2013]. Реальные свидетельства наличия уздечки в виде простых роговых стержневидных псалиев на востоке Степи появляются только в последних веках II тыс. до н.э. Датируемые бронзовые псалии и удила там распространяются не ранее IX в. до н.э. в Туве (Аржан-1) и Синьцзяне (Мохучахань) [Грязнов, 1980; Шульга, Шульга Д.П., 2020]. Как и раньше, сбруйные наборы здесь включают только детали уздечек, а потому не ясно их отношение к верховой или упряжной

лошади. Достоверные верховые сбруйные наборы с седельными ремнями (индикатор наличия седла или подобного устройства) на востоке Евразии имеются только в комплексах VIII–VII вв. до н.э.

В этой ситуации особый интерес представляют материалы из Северного Китая, где, согласно принятым датам, домашние лошади, колесницы и конское снаряжение представлены начиная с XIII в. до н.э. По всем данным, весь этот колесничный комплекс появился внезапно и был привнесен с севера через территорию Монголии. Примерно к 1250 г. до н.э. рядом с погребениями элиты государства Шан начинали хоронить домашних лошадей с колесницами. Отдельные детали снаряжения лошадей и колесниц могли помещать и непосредственно в захоронения знати. При этом в ранних комплексах из Аньяна XIII–XI вв. до н.э. еще отсутствуют стержневидные псалии. Там представлены ранние бронзовые псалии с шипами или шипастыми накладками и боковой петелькой, во многом подобные псалиям из Микен XIII–XII вв. до н.э. [Нефёдкин, 2001, с. 129]. Первоначально использовались они также с мягкими (ременными) удилами.

Никаких достоверных данных о верховых лошадях и верховой сбруе в Китае для раннего этапа (XIII–XI вв. до н.э.) нет, хотя некоторые китайские исследователи и предполагают наличие захоронений всадников, а также специфических деталей верховой уздечки. На фоне замечательных колесничных комплексов вопросы появления в Китае верховой езды и становления всадничества долгое время не рассматривались. Традиционно считалось, что в отличие от «варваров» собственно китайцы до IV в. до н.э. на войне и в быту использовали колесницы. Лишь к 307 г. в северном царстве Чжао была впервые сформирована конница по подобию пограничных с ними кочевников. При этом предполагалось, что у последних колесниц не было, и основу войска составляли конные лучники уже в начале I тыс. до н.э.

В последнее время данные вопросы привлекают все больше внимания. Более тщательно изучаются исторические источники, проводятся крупные археологические исследования могильников «варваров», обитавших в I тыс. до н.э. на границах царств древнего Китая. Все чаще выполняются и подробно публикуются археозоологические исследования костей лошадей на территории Северного Китая и Синьцзяна. Комплексный анализ этих источников позволяет внести существенные коррективы в традиционные представления: 1) о колесничестве у «кочевников», наиболее ярко проявившимся в погребальном обряде западных жунов (культура янлан); 2) о верховой езде и всадничестве у древних китайцев.

1. По имеющимся данным, у «варваров» на границах Древнего Китая также превалировали колесницы. Самые ранние достоверные указания на верховую езду у кочевников и земледельцев на границах Древнего Китая обнаружены во Внутренней Монголии только в захоронениях IX–VIII вв. до н.э. культуры верхнего слоя Сяцзядянь. Оттуда происходят две пряжки с изображениями всадников, охотящихся на зайца. Во многих объединениях «кочевых варваров» широко использовали двуколки и боевые колесницы с IX по III–II вв. до н.э. и даже раньше, чем они появились в Шан. Первые колесницы с лошадьми и ранней сбруйной фурнитурой были привнесены в XIII–XII вв. до н.э. в царство Шан представителями неких групп населения, обитавшего от Шан к северу (во Внутренней Монголии?) [Linduff, 2003; Shelach-Lavi, 2014; Rawson et al., 2020] или к западу и северо-западу [Mair, 2003]. Что из себя представляла эта загадочная культура пока неясно. Учитывая многочисленные петроглифы с изображениями колесниц на Саяно-Алтае и в Монголии, следует полагать, что одноосные повозки широко использовали за пределами Шан и Западной Чжоу и в X–IX вв. до н.э. Так, согласно надписи на треножнике из Чанъани, в IX в. до н.э. колесницы в значительном количестве были на вооружении северных варваров *сяньюнь*. С последними связана военная экспедиция отряда Западной Чжоу, состоявшаяся ок. 816 г. до н.э. Только в одном эпизоде у *сяньюнь* было захвачено 117 колесниц. Наличие или участие конницы у *сяньюнь* там не упоминается [Mair, 2003, с. 165]. Показательным примером готовности «варваров» к оседлой жизни, созданию государства с колесничным войском является царство Чжуншань, созданное осевшими в VII в. до н.э. северными *ди* у юго-западных границ царства Янь. Оно могло выставить тысячу колесниц, но имело и конницу. В VII в. до н.э. у северной границы царства Янь оседают шаньжуны. Они также использовали колесницы, а у воинов шаньжунов из Юйхуанмяо даже зафиксирован уникальный костюм колесничего в виде передника и свисавших сзади от пояса до икр ремешков с бронзовыми подвесками. Такой костюм непригоден для всадника, но был хорошо виден у колесничего [Шульга, 2015, с. 60].

На широкое распространение колесниц у скотоводов в VII–III вв. до н.э. указывают могильники культуры янлан, оставленные западными жунами, обитавшими на западных границах царства Цинь. Согласно археологическим материалам, конское снаряжение и детали колесниц достоверно фиксируются уже в наиболее ранних погребениях культуры янлан, предположительно датируемых с VII в. до н.э. Так, на могильнике Мачжуан в могиле IM11 бронзовый наосник колесницы найден

в комплекте с бронзовыми «восточными» удилами, датируемыми VII – началом VI в. до н.э. [Сюй Чэн и др., 1993: рис. 20, *18*; 21, *18*]. Последующий период культуры янлан V–III вв. до н.э. хорошо прослеживается по полностью опубликованным материалам могильника Вандаху (V–III вв. до н.э.) [Институт археологии…, 2016] и Мацзяюань (около III в. до н.э.) [Институт археологии…, 2014]. На материалах «рядовых» погребений из Вандаху установлен обряд погребения вооруженных воинов-колесничих с черепами и снаряжением четверки упряжных лошадей. В элитном могильнике Мацзяюань центральное положение во входных ямах занимали не черепа домашних животных, а изготовленные из дерева и кожи колесницы, украшенные изделиями из золота, серебра и бронзы В наиболее крупных захоронениях у дышла колесниц находились не черепа, а полные костяки лошадей. Зафиксированы и усиленные грузовые колесницы с черепами быков [Чжао Учэн, 2018].

Полученные данные из оставленных западными жунами могильников Вандаху и Мацзяюань демонстрируют только использование колесниц. Верховые лошади там не зафиксированы. Однако исторические источники позволяют уверенно говорить о раннем существовании кавалерии у населения культуры янлан. Уже в IX в. до н.э. западные жуны были известными коневодами. В последующее время (до III в. до н.э. включительно) из них набирались всадники в армию соседнего царства Цинь. Подобная практика существовала и в других царствах. Вплоть до династии Хань основными воинами-конниками в китайских армиях по-прежнему являлись этнические меньшинства [Ань Чжунъи, 2002, с. 35]. Очевидно, что в реальной жизни среди скотоводов культуры янлан имелось значительное количество всадников. Однако, согласно сложившемуся в VII–VI вв. до н.э. погребальному обряду, в захоронения предполагалось помещать реальные или условные колесницы и колесничные упряжки. В элитные погребения ставили колесницы, иногда с полными тушами лошадей, а в рядовые – части колесниц, отдельные их детали, а также конское снаряжение и черепа лошадей. Формирование данного погребального обряда могло происходить как на основе местных традиций, так и под влиянием китайской культуры, все более усиливавшимся в V–III вв. до н.э.

2. В Китае сбруйные наборы конца II – начала I тыс. до н.э. не содержат деталей седел и седельных ремней, а известные там уздечки могли принадлежать как верховым, так и упряжным лошадям. Между тем, в исторических источниках содержатся намеки или прямые свидетельства о верховой езде в Китае в период Чуньцю (VIII – начало V в. до н.э.). Как и в Передней Азии, возможность перемещения верхом на лошади в Китае была известна уже на начальном этапе. В частности, верхом на лошади могли спасаться от преследования колесничие, как и в других экстренных ситуациях. Вероятно, присутствовал и спортивный интерес. В работе Ань Чжунъи приводятся тексты, согласно которым «в период Чуньцю цзиньский дафу Цзы Чжань предоставил пару прекрасных лошадей дяде и брату, предлагая спасаться верхом на лошади», а в 517 г. до н.э. «дафу царства Чжэн Цзы Чань услышал, что дафу царства Чжу хочет убить Цзы Си и поспособствовал тому, чтобы тот верхом на лошади быстрее возвратился домой из далеких земель. Луский дафу Цзо Шичжань тоже возвращался домой верхом на лошади из царства Ци» [Ань Чжунъи, 2002, с. 34]. Такое отношение к верховой езде подтверждается анализом сложного иероглифа ци (qí) 骑 «ездить верхом». Он состоит из двух частей: иероглифа ци 奇 «необычный» и иероглифа ма (mǎ) 马«лошадь». Первоначально они писались раздельно, и получалось – «дело необычное, связанное с лошадью». Впоследствии, когда езда верхом стала явлением распространенным, два иероглифа слились воедино и стали ци 骑 «ездить верхом». В период Чуньцю среди шести искусств, которыми должно было владеть служилое сословие, есть иероглиф юй (yù) 御, то есть «езда на колесницах», но нет «езды верхом», что значит, что верховая езда у китайцев еще не была распространена. Подчеркивается, что в исторических и военных книгах периода Чуньцю «Чуньцю», «Цзочжуань», «Го юй», «Суньцзы бинфа» и «Сыма фа» нет иероглифа 骑, что еще раз подтверждает, что в то время верховая езда в Китае не была распространена и не использовалась при ведении войн [Ibid.]. Можно было бы ожидать в этом деле довольно быстрого прогресса, поскольку уже в XIII–XI вв. до н.э. в Китае (как и на западе) существовала совершенная уздечка с бронзовыми удилами и со всеми основными ремнями оголовья. Однако, земледельческие государства Евразии предпочитали колесницы и начали создавать конницу только через тысячу лет – примерно в IX в. до н.э. в Передней Азии, и в IV–II вв. до н.э. в Китае. Причин тому несколько. Долгое время сказывалась недооценка всадничества и некоторое презрение к этому способу перемещения «варваров». Помимо этого, в Китае традиционная одежда (длинные халаты с широкими рукавами) была неудобна для верховой езды, и существовало предубеждение против использования штанов. Однако, для широкого введения конницы не хватало главного – насущной необходимости реформировать армию перед лицом неуловимых конных лучников противника. В Китае этот процесс реформа-

ции начался в северных царствах Китая. Наиболее известна реформа Улин-вана в царстве Чжао, осуществленная около 307 г. до н.э. Она предполагала введение нового обмундирования, а также верховой езды со стрельбой из лука по варварскому обычаю. Несмотря на объективные трудности и неприятие китайской знатью одежды кочевников, предполагающей ношение штанов, Улин-вану удалось создать в Чжао конное войско числом до 10 тыс. всадников. Через несколько лет соседние кочевые объединения были разбиты и захвачено полуварварское царство Чжуншань. Примерно такое же число всадников появилось и в царстве Цинь, в 221 г. до н.э. объединившем Китай [Ань Чжунъи, 2002, с. 35]. Однако и тогда в процентном отношении конница составляла лишь малую долю китайской армии. Число всадников в армии Китая выросло в разы лишь во II в. до н.э., когда появилась реальная угроза со стороны почти одновременно возникшей кочевой империи хунну.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-59-23003/21 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н.э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Список литературы

Ань Чжунъи. Сянь Цинь цибин дэ даньшэн цзи яньбянь (Появление и развитие кавалерии в доциньский период) // Каогу юй вэньу (Археология и материальная культура). – 2002. – № 4. – С. 34–39 (на кит. яз.).

Бози Р., Сабо Г. Отображение труда и образа жизни на плюсневых костях (metatarsal) лошадей археологического возраста и определение их с использованием остеометрического метода // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: Материалы VIII Междунар. науч. конф. – Челябинск: Гос. ист. музей Южного Урала, 2020. – С. 170–180.

Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управление по делам культурного наследия уезда Пэнъян. Вандаху юй Цзюлуншань – бэйфан цинтун вэньхуа муди **(**Вандаху и Цзюлуншань – могильники культуры северных бронз). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016. – 842 с. (в 2-х частях) (на кит. яз.).

Институт археологии и материальной культуры пров. Ганьсу. Сижун ичжэнь Мацзяюань Чжаньго муди чуту вэньу (Археологическое наследие западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. – 247 с. (на кит. яз.).

Нефёдкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 528 с.

Новоженов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). – Алматы: Аргументы и факты Казахстан, 1994. – 260 с.

Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Янлан цинтун вэньхуа муди (Могильник культуры бронзы Янлан в у. Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао. – 1993. – № 3. – С. 13–56 (на кит. яз.).

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2013. – 495 с.

Чжао Учэн. Ганьсу Мацзяюань Чжаньго му мачэ дэ фуюань (сюй эр) (Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу (продолжение, часть два) // Вэньу. – 2018. – № 6. – С. 44–57 (на кит. яз.).

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 149 с.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 259 с.

Drews R. Early Riders. The Beginnings of Mounted Warfare in Asia and Europe. – N.Y.; L.: Routledge, 2004. – 232 p.

Ewers J.C. The horse in Blackfoot Indian culture, with comparative material from other western tribes // Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin. – 1955. – Vol. 159. – 374 p.

Linduff K.M. A Walk on the Wild Side: Late Shang Appropriation of Horses in China // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. – P. 139–162.

Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient near east. – Leiden/Köln: E.J. Brill, 1979. – 185 p.

Mair V. The Horse in Late Prehistoric China: Wresting Culture and Control from the “Barbarians.” In: Levine M, Renfrew C., Boyle K. (eds.) Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research, Univ. of Cambridge, 2003. – P. 163–187.

Rawson J., Chugunov K., Grebnev Ye., Limin Huan. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China’s Relationship with Its Northern Neighbours // Journal of World Prehistory. – 2020. – P. 135–168.

Shelach-Lavi G. Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE // Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors. – Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 2014. – P. 10–31.

Taylor W.T.T., Barrón-Ortiz C.I. Rethinking the evidence for early horse domestication at Botai // Scientific Reports. – 2021. – № 11. – URL: https://www.nature.com/articles/s41598-021-86832-9 (дата обращения: 05.06.2022).

References

An Zhongyi. Xian Qin qibing de dansheng ji yanbian [The Beginning and the Development of Cavarly in Pre-Qin Period]. In *Kaogu yu wenwu [Archaeology and Material Culture],* 2002. N 4. P. 34–39. (In Chin.).

Bozi R., Сабо G. Otobrazheniye truda I obraza zhizni na plyusnevyh kostyah (metatarsal) loshadei arheologicheskogo vozrasta I opredeleniye ih s ispol'zovaniem osteometricheskogo metoda. In *Etnicheskiye vzainodeistviya na Yuzhnom Urale. Velikoye peresepeniye narodov: dialog kul'tur: Materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf.* Chelyabinsk: Gos. ist. muzey Yuzhnogo Urala, 2020. P. 170–180. (In Russ.).

Chechushkov I.V. Kolesnichny kompleks epohi pozdnei bronzy stepnoi I lesostepnoi Evrazii (ot Dnepra do Irtysha): cand. sc. (history) dissertation. Yekaterinburg, 2013. 495 p. (In Russ.).

Drews R. Early Riders. The Beginnings of Mounted Warfare in Asia and Europe. N.Y.; L.: Routledge, 2004. 232 p.

Ewers J.C. The horse in Blackfoot Indian culture, with comparative material from other western tribes. In *Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin,* 1955. Vol. 159. 374 p.

Gryaznov M.P. Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni. Leningrad: Nauka, 1980. 62 p. (In Russ.).

Institute of Archaeology and Material Culture of Gansu Province. Xirong yizhen Majiayuan Zhanguo mudi chutu wenwu [Archaeological Findings of Western Rong People of Zhanguo Period from Majiayuan burial site]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2014. 247 p. (In Chin.).

Institute of Archaeology and Material Culture of Ningxia – Huizu Autonomous Region, Cultural Heritage Office of Pengyang County. Wangdahu yu Jiulongshan – beifang qingtong wenhua mudi [Wangdahu and Jiulongshan – burial sites of northern bronze culture]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2016. 842 p. (In 2 volumes) (In Chin.).

Linduff K.M. A Walk on the Wild Side: Late Shang Appropriation of Horses in China. In *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse.* Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. P. 139–162.

Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient near east. Leiden/Köln: E.J. Brill, 1979. 185 p.

Mair V. The Horse in Late Prehistoric China: Wresting Culture and Control from the "Barbarians." In: Levine M, Renfrew C., Boyle K. (eds.) Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, 2003. P. 163–187.

Nephedkin A.K. Boyevyye kolesnitsy I kolesnichiye drevnih grekov (XVI-I vv. do n. e.). Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2001. 528 p. (In Russ.).

Novozhenov B.A. Naskal'nyye izobrazheniya povozok Srednei I Tsentralnoi Azii (k probleme migratsii naseleniya stepnoi Evrazii v epohu eneolita i bronzy). Almaty: Argumenty i fakty Kazahstan, 1994. 260 p. (In Russ.).

Rawson J., Chugunov K., Grebnev Ye., Limin Huan. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China's Relationship with Its Northern Neighbours. *J. of World Prehistory*, 2020. P. 135–168.

Shelach-Lavi G. Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE. In *Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors*. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 2014. P. 10–31.

Shulga P.I. Konskoye snaryazheniye rannih kochevnikov Minusinskoi kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. 149 p. (In Russ.).

Shulga P.I. Mogil'nik Yuhuangmiao v Severnom Kitaye (VII–VI veka do nashei ery). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. 304 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Shulga D.P. Mogil'nik Mohuchahan kultury chawuhu v predgor'yah Tyan'-Shanya (Xinjiang, Kitai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. 259 p. (In Russ.).

Taylor W.T.T., Barrón-Ortiz C.I. Rethinking the evidence for early horse domestication at Botai. In *Scientific Reports*, 2021. N 11. URL: https://www.nature.com/articles/s41598-021-86832-9 (Accessed: 05.06.2022). (In Russ.).

Xu Cheng, Li Jinzeng, Wei Zhong, Han Xiaomang, Yan Shizhong. Ningxia Guyuan Yanglang qingtong wenhua mudi [Yanglang bronze culture burial site in Guyuan County, Ningxia]. *Kaogu xuebao,* 1993. N 3. P. 13–56 (In Chin.).

Zhao Wucheng. Gansu Majiayuan Zhanguo mu mache de fuyuan (xu er) [Restoration of chariot found on Zhanguo Period Majiayuan burial site in Gansu Province (continuation, part two)]. *Wenwu,* 2018. N 6. P. 44–57. (In Chin.).

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0003-4684-8456
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595
Хорват В. https://orcid.org/0000-0003-3397-3178

ЭТНОГРАФИЯ

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0825-0830
УДК 39.394.2

И.Ю. Аксенова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a_history@mail.ru

Обычаи и традиции Петрова дня у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края в XX–XXI вв. (по материалам этнографических экспедиций 2013–2022 гг.)

В результате этнографических экспедиций в 2013–2022 гг. автором был собран значительный пласт полевых материалов, что позволило выявить специфику традиций и обычаев Петрова дня у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края. В статье рассмотрены такие традиции, как сбор ягод и целебных трав с 12 июля, обычай начинать сенокос ранним утром Петрова дня, а также праздничные традиции, связанные с началом сенокоса у старожилов и курских переселенцев, обычай приготовления борща из «нового урожая» и вареников с ягодой, картофелем у украинских и южнорусских переселенцев Алтайского края. Прослеживаются трансформации обычаев и традиций Петрова дня в XX вв., когда появляются сдвиги в сроках начала и окончания сенокоса, сроках сбора ягоды в различных районах края. Доказано, что традиции Петрова дня сохраняются среди старшего поколения и продолжают бытовать в результате естественной преемственности, что говорит о сохранении этнокультурной идентичности на лично-семейном уровне. Вопросы сохранения и поддержания собственной этнокультурной идентичности посредством сохранения праздничных традиций особенно актуализируются сегодня в связи с явлениями неотрадиционализма, когда традиции в той или иной форме возвращаются в современном обществе. В научный оборот введены такие источники по данной проблеме, как интервью с жителями Алтайского края, материалы из личного архива А.В. Головина, фотоматериалы из районного архива, материалы районной периодики. Проблема впервые рассмотрена на узкорегиональном уровне (район, село).

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, праздничные традиции, календарь, Алтай, старожилы, переселенцы, трансформации.*

I.Y. Aksenova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a_history@mail.ru

The Customs and Traditions of St. Peter's Day of the Old-Settlers and South Russian Migrants in the Altai Region in the 20th–21st Centuries (Based on Materials from 2013–2022 Ethnographic Expeditions)

In the course of ethnographic expeditions in 2013–2022, a significant amount of field materials were collected illustrating the specifics of the traditions and customs observed on St. Peter's Day by the descendants of the old-settlers and South Russian migrants in the Altai. The author discusses such traditions as the start of picking berries and medicinal herbs on July 12, start of haymaking in the early morning of St. Peter's Day, as well as holiday traditions associated with the start of haymaking among old-settlers and Kursk migrants, the custom of cooking the red beet soup "borsch" from the new harvest and dumplings stuffed with berries and potato of Ukrainian and South Russian migrants in the Altai. It was noted that the customs and traditions of St. Peter's Day underwent certain changes in the 20th century; shifts were traced in the timing of the beginning and end of haymaking and the timing of picking berries in various parts of the region. It is proved that the traditions of St. Peter's Day are still observed among the senior citizens due to traditional continuity, which indicates the preservation of ethno-cultural identity at the personal and family level. Conservation and maintaining personal ethno-cultural identity through the preservation of holiday traditions are important nowadays in connection with the phenomenon of neotraditionalism, when traditions are

revived in various forms in modern society. The author introduces into scientific circulation interviews with citizens of the Altai region, materials from the personal archive of A.V. Golovin, photographic materials from the regional archive, and materials from regional periodicals. The topic is considered at the regional level (district, village) for the first time.

Keywords: *ethno-cultural identity, holiday traditions, calendar, Altai, old-settlers, migrants, transformations.*

Важную роль в формировании и поддержании этнокультурной, региональной идентичности играет сохранение обычаев и традиций праздничного календаря у жителей Алтайского края. Наряду с сохранением распространенных обычаев и обрядов летнего цикла (празднование Троицы, поминовение умерших в Родительскую субботу, обливание на Ивана Купалу), до сих пор малоизученным остается праздник Петров день – день святых апостолов Петра и Павла, который праздновался 12 июля (29 июня по ст. ст.)*.

В народном праздничном календаре старожилов и переселенцев Алтайского края это день именовался как «Петров день», «Петровки», «Петровка», «Петров» и являлся значимой датой. В полевых опросах, проведенных автором в 2013–2022 гг., Петров день обозначался как «большой праздник», «грозовой праздник», «грозный праздник», в который категорически запрещалось работать. Запрещена была домашняя работа, действия, связанные с обработкой земли: «Не стирали, не пололи на огороде, ничего не делали, отдыхали» (Козлова З.Н., 1931 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский р-н, *старожилы*). Среди сельских жителей бытовали различные истории, когда за нарушения запрета не работать в этот день, убивало молнией людей или скот. «Вот в войну это дело было. У нас Федуловка, 4 км была от нас. И вот как идти нам в Молотово. Был сильно крутой лог по правой стороне. А женщина там и две девочки соседских пошли за ягодами после работы. На Петров день же всегда ягоды рвут. Они пошли по ту сторону лога, а гроза-то как ударила их прям сразу! И женщину эту убило и девочку убило» (Бирюкова М.И., 1932 г.р., с. Шипуново, Шипуновский р-н, *воронежские переселенцы*). Петрову дню предшествовал пост, один из значимых постов в календаре, обозначенный информантами по названию самого праздника «Петровка», «Петров»: «Есть Мясоед, Филипповка, Петровка и Великий пост. У нас молоко собирали в погреб, квасили. Когда разрешено, тогда ели, а так вообще не давали» (Рытвина А.С., 1924 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский р-н, *воронежские переселенцы*). «Великий, Петров, Ноябрьский есть посты» (Крикунова А.Ф., 1941 г.р., с. Гуселетово, Романовский р-н, *курские переселенцы*).

По мнению информантов, к Петрову дню лето подходило к самому жаркому периоду. Считалось, что в праздничный день обязательно должна была быть хорошая, теплая погода, чему свидетельствует сохранившаяся до сегодняшнего дня поговорка среди сельских жителей: «Паршивому поросенку у Петров холодно», – т.е. на Петров день всегда стояла жара (Путилина П.Ф., 1932 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *рязанские переселенцы*).

С Петрова дня начинался сбор трав и ягод*: «Травы лечебные начинали собирать с Петрова дня, это чабрец, светлая как полынь еще <…> светлая, от простуды» (Рытвина А.С., 1924 г.р. Коробейниково, Усть-Пристанский р-н, *воронежские переселенцы*). Обычай рвать клубнику с Петрова дня был широко распространен у жителей Алтайского края. «Бабушка скажет: вот Петров день подойдет и за ягодами пойдем! Вот ягода пойдет, мы все собираемся, внуки с бабушкой, она нас ведет на ягодное место, нарываем, приходим, всё» (Жилинкова З.С., 1937 г.р., с. Новошипуново, Краснощековский р-н, *старожилы*).

Повсеместно бытовавший обычай сбора ягоды с Петрова дня все же имел локальные вариации. Так, к примеру, в с. Гилев-Лог Романовского р-на считалось обязательным выдержать неделю после Петрова дня, затем возможно было проводить сбор ягод и употреблять их: «Петров день праздновали. Вот седня Петров день, от этого дня неделя проходит, тада ягоды начинаешь рвать. Например, от воскресенья до воскресенья ждешь, тада рвешь. До Петрова дня ягоды нельзя есть» (Свидовская А.А., 1937 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *старожилы*). Таким образом, в связи с особенностями периода созревания ягоды вносятся локальные корректировки для периода их сбора в некоторых селах.

На Алтае был распространен обычай «встречать Петров день уже с новым урожаем» [Аксено-

*Петры-Павлы «доржуть число» [Макаренко, 1913, с. 24].

*Под «ягодой», в первую очередь, подразумевается полевая клубника («глубеника»), созревавшая к этому времени практически повсеместно по опушкам, вдоль лесных просек, дорог, на склонах гор. «Вот коров проводют, и сразу всех тянут ягоды рвать (Путилина П.Ф., 1932 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *рязанские переселенцы*). «Клубнику рвали с Петрова дня, уже можно было» (Прощенко М.А., 1947 г.р., с. Боровое, Крутихинский р-н, *украинские переселенцы*). «Раньше с Петрова дня ягоды собирать нужно было (клубнику)» (Зырянова Е.Ф., 1943, с. Маловолчанка, Крутихинский р-н, *старожилы*).

ва, 2015, с. 478]. Готовили борщ* «из листочков» созревающих овощей и корнеплодов, подкапывали картошку: «А на Петров день встречают праздник уже с новым урожаем. Уже борщ варят с зелеными листочками, вот свекольный листочек, капустный листочек <…> Еще вилков-то нету, а листочки все варили. Это праздник назывался. Обязательно свежие овощи. Картошечку подкапывали. Маленькую, но все равно, чтоб на Петров день был борщ со свежими овощами» (Глущенко А.А., 1925 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *российские переселенцы*). «С Петрова дня начинали подкапывать картошку новую» (Свидовская А.А., 1937 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *старожилы*). По мнению местных жителей, к Петрову дню созревали первые огурцы, которые нужно было обязательно сорвать к праздничному столу «На Петров день огурцы всегда рвут, первые огурцы. Говорят: вот, на Петровку!» (Козлова З.Н., 1931 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский р-н, *старожилы*). У украинских переселенцев считалось обязательным сварить вареники с ягодой и картофелем: «На Петров день делали вареники с ягодами. Ставили на стол с самогонкой. Огурцы, картошечку чтоб сварили» (Власенко О.Н., 1933 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *украинские переселенцы*).

Самым значимым сельскохозяйственным обычаем Петрова дня у жителей Алтайского края являлось начало сенокоса. Сохранилось ценное воспоминание старожила Марии Анофриевны Костиной о делении покосов, т.н. «закашивании» наделов праздничным утром Петрова дня в с. Сентелек, относящееся к 1920-м гг.: «По речке Чесноковке, что в Сентелек впадает, были сельские сенокосы. Когда еще жили единолично, утром, на Петров день, ходили делить на каждого хозяина покосы, наделяли каждого наделом. Собирались у храма после службы, и вместе с батюшкой, с иконами, празднично одетые, шли с литовками «закашивать» каждый свой надел. Работали недолго, по одному покосу, чтобы обозначить свой надел. После окончания, возвращались уже с песнями и балалайкой. Днем не работали – праздник» (Костина М.А., 1917 г.р., с. Сентелек, Чарышский р-н, *старожилы*)**. Считалось необходимым закончить сенокос до Ильина дня в связи с тем, чтобы качественно просушить сено, подготовить его к хранению в зимний период: «Раньше до 2 августа нужно было покос закончить, оно сохнет до 2 августа хорошо, сено. А со второго плохо уже сохнуть будет. Сильно земля насакалася – набралась влаги уже» (Подколзин П.Ф., 1928 г.р., с. Масляха, Крутихинский р-н, *орловские переселенцы*).

В с. Комариха, где проживают потомки курских переселенцев, утро сенокосного дня начиналось с установления праздничного стола на телегу, исполнением песен, игре на косах* (а также на других предметах быта**). При этом отмечается, что косу, главный инструмент в работе, украшали лентами для «богатого сенокоса»: «Едешь на лошади, на лошади стол стоит! И косу наряжают, что с «Петрова дня» начинается сенокос! Чтоб богатый сенокос был! Вот косить-то траву <…> Ленточку привязывали, наряжали. Идут, она возьмё косу, а она же отдае (бьет по ней – **Авт.**), а сами песни поют!» (Ивлева М.С., 1935 г.р., с. Комариха, Шипуновский р-н, *курские переселенцы*). Данные воспоминания информанты относили к 1950-м гг., когда некоторые элементы обычаев Петрова дня исполнялись старшим поколением, преимущественно женщинами: «Раньше, теть Даша когда была, они собирались на лошадь, ставили стол <…> и по деревни, Танечка Голова да бабка твоя (указывает на свою собеседницу, М.С. Ивлеву – **Авт.**)» (Труфанова Л.И., 1947 г.р., с. Комариха, Шипуновский р-н, *курские переселенцы*).

В 1920–1930-е гг. происходили трансформационные процессы в отношении сельскохозяйственных обычаев данного праздника. Так, в 1939 г. к празднику Петрова дня (10 июля) в газете Курьинского р-на «Сталинское слово» вышла публикация, где говорится о все еще сохраняющихся «дедовских обычаях» начинать сенокос с Петрова дня. Тех, кто придерживается старых обычаев, называли «врагами народа» и призывали «покончить с дедовскими обычаями прошлого»: «Победа Октябрьской социалистической революции, построение социализма, огромная просветительная работа подорвали влияние церкви и религии в массах. Однако среди отсталого населения религиозные предрассудки еще сохранились. Их используют враги народа для своих вредительских махинаций. Попы до сего времени нередко нашеп-

*Приготовление борща – традиция Петрова дна, фиксируемая преимущественно у южнорусских переселенцев «На Петров день должна сорвать огурчик, подкопать молодую картошечку, посмотреть капусточку, все-все-все! Должна борщ сварить со свежего! Ну такое было, Петров день. Все должно быть на столе. Уже должны и помидорчики спеть» (Сычева Р.Д., 1927 г.р., с. Гуселетово, Романовский р-н, *воронежские переселенцы*).

** Материалы из личного архива А.В. Головина, руководителя Чарышского народного дома, с. Красный Партизан, Чарышский р-н.

*«Косы бяруть, косами бьют, на косах играют, кто на ведре, кто на чем!» (Ивлева М.С., 1935 г.р., с. Комариха, Шипуновский р-н, *курские переселенцы*).

**«Ишо пила-то двухрядная, а у нее звук знаете какой! А стол на лошади стоит, на брищке, на телеги! Там кто в ведро бьё!» (Труфанова Л.И., 1947 г.р. с. Комариха, Шипуновский р-н, *курские переселенцы*)

тывают верующим колхозникам, что покос нужно начинать с Петрова дня, тогда как нередко к этому сроку трава уже перестаивает. «На этот вред в свое время указывал товарищ Киров: «Нужно <…> раз навсегда покончить с дедовскими обычаями прошлого, когда сроки сельскохозяйственных работ приноравливали к небу <…> Если нужно было начать косить, то говорили, что сено косить следует примерно, около Петрова дня, не раньше, не позже <...> если мы будем действовать только от Петра, от Павла, от Ильина дня, то это ни к чему хорошему не поведет» [Искринский, 1939, с. 4].

Нередко информантами разграничивается «та и эта» жизнь, где происходит слом традиционных устоев, устанавливается жесткий график работы: «Запрещалось работать на Петров день? (**Авт.**). – Ну як. Пока одну жизнь жила, не работали. А як уже в колхозах сталы, – работали. – Мама не ругалась, что работали на Петров? (**Авт.**). – Маму заставляли работать. Она молилась, а все равно работала. Лягала, молилась и вставала, молилась. А в колхозах, несмотря на праздники, все работали (Василенко М.С., 1927 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *украинские переселенцы*).

Вместе с тем, выбор традиционных праздников и обрядов как главного направления работы по преобразованию мировоззрения и бытового уклада крестьян объяснялся прежде всего тем, что они были связаны с православием – главным врагом коммунистической идеологии. <…> Большевики считали их (праздники – **Авт.**) ярким выражением бескультурья и невежества крестьян [Шангина, 2016, с. 455]. В результате нарушались запреты, связанные с православным праздником, это нередко порождало межличностные конфликты внутри семьи: «Уперёд-то колхозы, совхозы, – самый покос пошел! Начинали, как сено подойдет. Старики говорили: Вот тебе и Бог наказал, – неправильно делаешь! Вот так всегда говорили. Ты не послушался! Вот тебе Бог наказал. Так от говорили сразу! Ты знаешь вот этот праздник – работать нельзя, ниче. – А молодые не слушались стариков? (**Авт.**). – А кого слушаться, када все общее было! Сказал бригадир выезжать на покос – всё! Все уехали!» (Бочарова Л.С., 1933 г.р., с. Маралиха, Чарышский р-н, *воронежские переселенцы*).

Вследствие этого, поколения 1930-х г.р. (и позже) отмечают, что по их воспоминаниям, на Пе-

Рис. 1. Ручная метка сена. Фотоархив Чарышского р-на, Алтайского края.

тров день всегда проводились полевые работы, а сам праздник не праздновался: «Я не помню, как праздновали Петров, при мне уже не праздновали. Кто их раньше праздновал? Работа, бригада, душили как… – А праздновали в бригаде? (**Авт.**). – Да никто никого, работа, работа…» (Кузьменко М.Е., 1929 г.р., с. Усть-Порозиха, Шипуновский р-н, *старожилы*). Относительно второй половины 1950-х гг. встречаются высказывания информантов уже о «традиционном» сенокошении до Петрова дня, метки сена вручную в день праздника (рис. 1): «До Петрова дня всегда косили сена <…>

Рис. 2. Лепка вареников с малиной и картофелем нового урожая на Петров день Екатериной Филипповной, Николаем Емельяновичем Сединым. Село Гилев-Лог, Романовский р-н, Алтайский край. Фото автора.

Рис. 3. Порция вареников с малиной (слева), порция вареников с картофелем (справа). Село Гилев-Лог, Романовский р-н, Алтайский край. Фото автора.

не знаю, с какого дня начинали <…> совхозы косили, нам готовы привозили. Фуру сена, фуру соломы <…> Там после Петрова дня дожди пойдут. И надо до Петрова дня убрать сено, чтоб сухое было. Это 1955–1957 гг. Их же сразу метают, там же стога стоят. Работали на большие праздники. Все работали» (Хорошилова М.А., 1938 г.р., с. Боровое, Крутихинский р-н, *саратовские переселенцы)*.

Что касается традиций сбора ягоды с Петрова дня, то она продолжалась еще в 1960-х гг.: «Я и маленькая ходила с мамой и замуж вышла, – ходила. Это 1953 год» (Путилина П.Ф., 1932 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *рязанские переселенцы*). Вместе с тем, интервью с представителями поколения 1960-х г.р. показывают, что дети могли самостоятельно ходить за ягодой, когда она поспевала: «В горах некоторые ягоды спели на южных склонах раньше, чем, скажем, на равнине. Помню сам, когда поспевала, тогда начинали собирать. Неважно, когда – до или после Петровок», – вспоминает Александр Валентинович Головин, житель с. Красный Партизан, Чарышского р-на. Традиция же варить борщ со свежей зелени, срывать огурцы, подкапывать молодую картошку, варить вареники с ягодой и картофелем фиксируется и сегодня у потомков украинских и воронежских переселенцев (рис. 2, 3). «Это мама учила так делать на Петров, картошку подкапывать. Его и сейчас празднуют, Петров день» (Свидовская А.А., 1937 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, *старожилы*).

Летние экспедиции автора не раз выпадали на 12 июля, что естественным образом позволяло наблюдать сохранение рассматриваемых традиций Петровок у жителей Алтайского края. «Я и сегодня встала сварила борщ со всего свежего, вон стоит. На Перов, как и раньше», – рассказывала и показывала борщ, приготовленный утром Петрова дня, Раиса Дмитриевна Сычева (Сычева Р.Д., 1927 г.р., с. Гуселетово, Романовский р-н, *воронежские переселенцы*).

Поверья, обряды, наблюдения и ограничения Петрова дня дают представление о значимости обычаев и традиций Петрова дня для всего сельскохозяйственного года в трудовой жизни старожилов и переселенцев Алтая в первой половине XX в. Установлено, что некоторые обычаи, такие как сбор «первых овощей», приготовление блюд (борщ, вареники с ягодой и картофелем нового урожая) на Петров день, запреты на работу сохранились до настоящего времени среди старожилов села и продолжают бытовать в результате естественной преемственности на лично-семейном уровне. Вместе с тем, произошла значительная трансформация обычаев Петрова дня в XX веке, большинство из опрошенный людей среднего возраста уже не помнят этих традиций.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Список литературы

Аксенова И.Ю. Летние праздники у потомков южнорусских переселенцев Алтая в 1950–1970-х годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 477–479.

Искринский М. Петров день // Сталинское слово. – 1939. – № 33 (324).– С. 4.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. – СПб: Государственная Типография, 1913. – 292 с.

Шангина И.И. Традиционные и новые праздники и обряды в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920-х–1930-х годов: трансформация и развитие. – М: Индрик, 2016. – С. 453–482.

References

Aksenova I.Yu. Summer Ceremonies among the Descendants of South Russian Settlers at the Altai in 1950–1970s. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 477–479. (In Russ.).

Iskrinskii M. Petrov den'. *Stalinskoe slovo*, 1939. N 33 (324), P. 4. (In Russ.).

Makarenko A.A. Sibirskii narodnyi kalendar' v etnograficheskom otnoshenii: Vostochnaya Sibir'. Eniseiskaya guberniya. St. Petersburg: Gosudarstvennaya Tipografiya, 1913. 292 p. (In Russ.).

Shangina I.I. Tradicionnye i novye prazdniki i obryady v 1920-e gody. In *Tradicionnaya kul'tura russkogo naroda v period 1920-h–1930-h godov: transformaciya i razvitie*. Moskow: Indrik, 2016. P. 453–482. (In Russ.).

Аксенова И.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7831-7815

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0831-0836
УДК 393.05

Ш.К. Ахметова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Реликты древних верований в погребальном обряде казахов Среднего Прииртышья

В статье рассматриваются языческие элементы в погребально-поминальной обрядности казахов Омской обл. и приграничных территорий Павлодарской и Северо-Казахстанской областей на основе использования историко-сравнительного метода, методов полевой этнографии и включенного наблюдения. Установлено, что их сохранность обусловлена устойчивостью культа предков в мировоззрении исследуемого населения. Наиболее сильно он проявляется в погребально-поминальной обрядности, обрядах жертвоприношения – құрмалдық в семье, вызывании дождя при засухе – тасаттық, дұға предкам рода и поклонении святым – аулие. Анализ собранных материалов выявил тесную взаимосвязь живых и духов предков, наделение их посреднической функцией перед Аллахом. По словам аксакалов, во время молебна при проведении обрядов жертвоприношений аруақи вместе с живыми принимают участие в общей молитве. Установлено, что большая часть языческих обрядов приходится на погребально-поминальную обрядность. Во всех обследованных регионах продолжают проводить похороны и годовые поминки с жертвоприношением лошадей и баранов. В отличие от Павлодарской обл. и приграничных территорий Новосибирской обл. и Алтайского края, в Омской обл. и Валихановском р-не Северо-Казахстанской обл. придерживаются обычая раздачи тканей, ковров и других вещей. Традиция восходит к древнетюркскому времени. Выяснено, что вещи и скот будут служить покойнику в потустороннем мире, а поминальные угощения будут на его столе. Эти обычаи могут быть трансформацией обряда захоронения с погребальным инвентарем и конем. Установлено взаимопроникновение языческих форм с исламом, характерное для всей культуры казахов исследуемого региона.

Ключевые слова: *казахи, погребальный обряд, поминки, культ предков, древнетюркские верования, языческие элементы.*

S.K. Akhmetova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Remnants of Ancient Beliefs in the Funeral Rite of the Kazakhs Living in the Middle Irtysh Region

This article analyzes pagan elements in funeral and commemorative rituals of the Kazakhs living in Omsk Region (Russia) and border areas of Pavlodar and North Kazakhstan Regions (Kazakhstan) using historical-comparative method, methods of field ethnography, and participant observation. These elements have been preserved due to the stable cult of ancestors surviving in the worldview of the population. They are most vividly manifested in funeral and commemorative rites and sacrificial rituals, such as "kurmaldyk" family ritual, "tasattyk" invocation of rain during a drought, "dua" ritual dedicated to family ancestors, and "aulie" worship of saints. Evidence has revealed close relationship between the living persons and ancestor spirits who have an intercessory function before Allah. According to the words of the elders, the aruaks pray together with the living persons during the prayer part of the sacrificial ritual. Most of the pagan rituals are associated with funeral and commemorative rites. In all regions under study, funerals and annual commemorations are accompanied by sacrifices of horses and sheep. People follow the custom of distributing fabrics, carpets, and other things in Omsk Region and Ualikhanov District of the North Kazakhstan region as opposed to Pavlodar Region and border areas of Novosibirsk Region and Altai Krai. That tradition goes back to the ancient

Turkic times. It is intended to supply the deceased with things and cattle, which would serve them in the other world, and funeral meal would appear on their tables. These customs may be a transformation of the burial rite with grave goods and a horse. It has been established that pagan elements are fused with the Islam, which is typical of the entire culture of the Kazakhs in the regions under study.

Keywords: *Kazakhs, funeral rite, commemoration, ancestor cult, ancient Turkic beliefs, pagan elements.*

Традиционная духовная культура казахов базируется на мировоззрении, которое представляет собой синкретизм ислама и религиозно-мифологической системы тюрко-монгольских народов, лежащей в основе тенгрианства. Начало такому развитию было положено процессами исламизации в веротерпимом Улусе Джучи, в состав которого входили тюркоязычные народы, вошедшие после распада Золотой Орды в состав Казанского, Казахского, Ногайского, Сибирского и других ханств. Погребальный обряд этого периода характеризуется наряду с возведением монументальных семейных усыпальниц мусульманской аристократии с языческими обрядами в виде наличия в погребениях одежды, украшений [Васильев, 2007; Измайлов, 2016; Смагулов, 2012]. Археологические исследования мусульманских погребений XVIII–XIX вв. на комплексе Калбасунская башня в Степном Прииртышье (Майский р-н Павлодарской обл.) также выявили в погребальном обряде соединение канонических мусульманских норм с элементами доисламских верований [Смагулов, 2012, с. 92]. Несмотря на широкое распространение ислама и внедрение его норм в традиционно-бытовую культуру, казахское население Среднего Прииртышья до настоящего времени продолжает придерживаться основных постулатов древних верований. Целью данной работы является анализ этих явлений в погребально-поминальном обряде казахов Омской обл. и приграничных территорий Павлодарской и Северо-Казахстанской областей. Исследование базируется на материалах Международных казахских археолого-этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2010–2019 гг. и этнографических исследований, проведенных автором в 2022 г. в рамках проекта «Некрополь Кызылоба – уникальный памятник кочевой государственности Северной Сарыарки» Маргулан-Центра Павлодарского государственного педагогического университета. Основными методами являются историко-сравнительный, полевой этнографии и включенного наблюдения.

Уход из жизни людей старших поколений, сознание которых еще хранило мифологические представления древних религиозных систем, предопределил их постепенное изживание из мировоззрения и культуры казахского населения исследуемых регионов России и Казахстана. Тем не менее, устойчиво держится культ духов предков – *аруаков*, местами слившийся с мусульманскими нормами. Особенно ярко он проявляется в погребально-поминальной обрядности, обрядах жертвоприношения – *құрмалдық* в связи с различными семейными проблемами, вызывании дождя при засухе – *тасаттық*, *дұға* предкам рода и поклонении святым – *аулие*. Анализ собранных данных выявил веру в тесную взаимосвязь между миром живых и мертвых. Информанты говорили о том, что духи предков охраняют и защищают род, потому что они находятся ближе к Богу. В данном случае прослеживается наделение *аруақов* посреднической функцией перед *Құдаем* или Аллахом. Возможно, это является более поздней или современной интерпретацией, связанной с укреплением позиций монотеизма. Как выяснилось, *Құдай* для информантов является синонимом Аллаха и к древнетюркской мифологии отношения не имеет. Однако жертвоприношения в исламе положено приносить только в курбан байрам. А казахи проводят *құрмалдық* по случаям избежания смерти после аварии или другой трагической ситуации, выздоровления после операции или затяжного тяжелого заболевания, при проводах в армию и демобилизации, завершении учебы и других событий в жизни членов семьи. Однако большая часть языческих обрядов приходится на погребально-поминальную обрядность.

Согласно мусульманским требованиям, умершего с утра или днем человека положено хоронить в этот же день, почившего вечером или ночью – утром. Но казахи не соблюдают предписание шариата, потому что умерший, согласно древним воззрениям, должен переночевать дома. К тому же похороны часто затягиваются до трех дней из-за ожидания приезда дальних родственников, что распространено во всех регионах проживания казахов в России, Казахстане, Китае [Аджигалиев, 1992, с. 98; Бекбалак, 2001, с. 296; Бельгибаев, 2002, с. 118; Галимова, 2003, с. 48; Ерназаров, 2001, с. 328; Коновалов, 1983, с. 112–113; Сыроежкин, 1994]. Подтверждением тому, что к умершему относятся как к гостю, является обычай вечером дня смерти резать барана и готовить для него ночное угощение – *қонақ ас*. Это противоречит нормам ислама, запрещающим первые три дня после смерти забивать животное и есть в доме умершего. Обычай

қонақ ас по мнению А.Т. Толеубаева отражает суть обрядового угощения и является древним представлением [Толеубаев, 1991, с. 112]. По данным А.В. Коновалова, периоду ожидания, противоречащему номам шариата, казахи Южного Алтая дали такое объяснение: «… в первый день покойник – гость живых, во второй – пленник, на третий день начинаются похороны» [Коновалов, 1986, с. 113]. Однако атеистическое воспитание дало свои результаты, и первоначальный смысл обычая *қонақ ас* начал утрачиваться уже в советский период истории. Люди стали более прагматично его интерпретировать, о чем свидетельствуют этнографические публикации по материалам различных казахстанских и российских территорий, в том числе и Западной Сибири [Аджигалиев, 1992, с. 98; Бекбалак, 2001, с. 296; Бельгибаев, 2002, с. 118; Галимова, 2003, с. 48; Ерназаров, 2001, с. 328].

Обычай *құзет* является одним из элементов погребального обряда с охранительной и защищающей функцией. Умершего нельзя оставлять одного и без света, чтобы его душу не украли злые духи. Несмотря на свою архаичность, *құзет* не идет вразрез с исламом. В настоящее время он подвергся некоторой трансформации. Умерший изолирован в отдельной комнате, освещенной в темное время суток. Возле тела обычно не сидят, но имам со стариками периодически заходят в комнату, смотрят не изменилось ли положение тела и читают молитвы.

В некоторых случаях перед отпеванием – *жаназой* проводят выкуп и передачу грехов покойника – *дәуір, ысқат, пидия*. Обряд восходит к языческим верованиям с защищающей функцией, слившийся с мусульманским искуплением пропущенного поста в месяц рамадан – *фидией*. После принятия ислама казахи воспринимали *дәуір* как выкуп грехов покойника, не соблюдавшего в течение жизни пятикратного намаза и *ораза* в месяц рамадан. Поэтому они заставляли мулл проводить обряд со словами «принимаю грех умершего» [Алтынсарин, 1870, с. 117]. Он широко распространен в погребальной обрядности мусульманских народов Средней Азии, России и Казахстана. В постсоветский период многие семьи отказались от него из-за запрета новых имамов. Однако по просьбе умирающего человека *дәуір* совершают и в настоящее время в Омской обл., Валихановском р-не Северо-Казахстанской обл. (СКО). Два или четыре человека садились слева и справа от умершего и со словами «взял – отдал» передавали поверх него друг другу сверток с деньгами столько раз, сколько лет умерший не держал намаз с 13 лет. Сибирские казахи его называют еще айналдыру – вращать, кружить или *жүргізу* от глагола *жүр* – ходить, ездить [Казахско-русский словарь, 2002, с. 29, 323], потому что движение идет по кругу [Ахметова, 2015, с. 160–161]. Круговые движения вокруг святых объектов известны с глубокой древности и продолжаются во многих религиях и культурных традициях. Отголоски старинного обычая обойти вокруг человека, чтобы принять на себя его болезни и несчастья, дошли до настоящего времени в ласкательном выражении *айналайын*. В чем и состоит смысл обряда *дәуір*.

В Омской обл. также сохранились еще реликты древних представлений и страхи, что покойник может унести с собой *ризық* и *құт-береке*. Поэтому родные и все желающие при выносе кладут на тело, умершего в преклонном возрасте, деньги с пожеланием, чтобы счастье и долголетие старика передались им. Вся сумма передается имаму. До недавнего времени в отдельных регионах Западной Сибири при выносе трижды проводили над головой *мәйіта*, завернутыми в белую ткань бауырсақами, чтобы ризық (доля в судьбе) и *құт-береке* (достаток) не ушли из семьи вместе с покойником. Эти *бауырсақи* должны после окончания похорон съесть дети и внуки. Такой же обряд был описан А.К. Галимовой в Центральном Казахстане, где его называют *дәуір айналдыру* [Галимова, 2003, с. 54]. Самоназвание и круговые движения свидетельствуют об общей основе и функции этих обрядов.

Как и древние тюрки сибирские казахи относятся с уважением к могилам предков. Проезжая мимо кладбища, люди останавливаются для чтения молитвы. Самым безопасным местом в безлюдной степи до сих пор считается одинокая могила или кладбище, где можно переночевать, попросив молитвой разрешения у *аруақов.* Таким образом, кладбище у казахов продолжает быть сакральным местом, где можно пообщаться с духами предков – выказать им свое уважение, попросить о помощи (например, провести обряд вызывания дождя). На территорию некрополя нельзя входить без молитвы за всех его обитателей.

Сопровождающие похороны имамы на кладбище читают по очереди молитвы. После них четыре заранее выбранных пожилых человека садятся по четырем углам могилы и тоже читают аяты из Корана. Этот обряд в основе своей не имеет прямого отношения к исламу. Продвинутые имамы запрещают его проводить. Семантика этого обряда, называемого *төрт бұрыш* – 4 угла или стороны света, относится к древнетюркским представлениям о Земле, как о четырехугольном квадратном пространстве. В рунических тестах для обозначения границ мира употреблялись термины *buluŋ* – угол и *juŋaq* – сторона, направление. Из центра мира тюрки ходили в походы «вперед», «назад», «налево», «направо»

для покорения «четырех углов света», населенных враждебными им народами [Кляшторный, 2006, с. 245]. Обряд *төрт бұрыш* через молитвы защищает похороненного от негативных воздействий, которые могут прийти с любой из четырех сторон. Видимо, с этим связано и возведение самых распространенных надмогильных сооружений – торткулаков на казахских кладбищах России и Казахстана. В Валихановском р-не СКО называют этот обряд *төрт құлақ* по четырем возвышениям на углах. Сам обряд не отличается от такового в Омской обл.

В день похорон варят мясо лошади, которую режут накануне. Если прибыло много народа, режут еще баранов. Для людей старшего поколения с мифологическим мышлением важно въехать в потусторонний мир верхом на лошади. Считается, что бараны тоже сопровождают в пути умершего. Для остальных это просто вопрос престижности. Это трансформация древнетюркского обряда жертвоприношения, совершавшегося на могиле. В XIX в. судя по материалам, собранными офицерами генерального штаба, его еще придерживались: «Одни заканчивают день похорон колотьем баранов, у богатых лошади, на могиле покойника, другие возвращаются для угощения присутствовавших в аул» [Материалы…, 1868, с. 56]. Мясо жертвенных животных потом варили в общем котле и съедали. По наблюдениям Я.П. Гавердовского, состоятельные люди приносили в жертву белого коня. Баксы проводили ритуал приглашения умершего на пир, устроенный в честь него [История Казахстана…, 2007, с. 228]. При жертвоприношении кости не трогали, а резали по суставам. Казахи до настоящего времени продолжают так резать животных. Пока мужчины были заняты погребением тела, угощали женщин, которые успевали уйти до возвращения с кладбища мужчин. Таким образом соблюдается раздельное угощение полов.

Следует отметить, что в исламе ограничиваются похоронами. Поминки восходят к древней традиции, ставшие с принятием ислама дополнительными источниками дохода мечетей. Их проводят на третий, седьмой, сороковой дни смерти и в годовщину. По желанию проводят в кругу родственников пятидесятый и сотый дни. Поминки на третий день часто совпадают с похоронами. Седьмой и сороковой дни проходят скромнее, чем через год. На последние съезжаются все, в том числе далеко живущие родственники и друзья. На них также принято резать лошадь. Погребальный обряд в своей основе сохранил почти все элементы древних верований, предшествовавших исламу. Пышные похороны и поминки с жертвоприношением лошадей и баранов, с раздачей мужских костюмов, тканей, полотенец, платков, тюбетеек, ковров и жайнамазов дорого обходятся казахскому населению Омской обл. и Валихановского р-на Северо-Казахстанской обл., но не характерны для Павлодарской обл. и приграничных территорий Новосибирской обл. и Алтайского края. Причем, еще в середине прошлого века дарили наряду с тканями и носовыми платками, вещи умершего. Позже их стали раздавать вместе с накопленными тканями отдельно во время поминок на сороковой день. Обычай раздачи вещей восходит к древнетюркскому периоду и, возможно, является трансформацией обряда захоронения с погребальным инвентарем, о чем свидетельствуют наши этнографические данные о том, что розданные вещи будут служить покойнику на том свете так же, как зарезанные лошади и овцы. Автору пришлось быть свидетелем, как женщины преклонного возраста говорили хозяевам на похоронах, что в потустороннем мире покойник угощает своих гостей тем же, что было на столе. Если угощение было богатым, там все довольны. Но новые имамы, получившие образование за рубежом, запрещают, наряду с раздачей подарков в виде вещей, богато накрывать столы на похороны и поминки. В Омской обл. даже распространяли через WhatsApp список разрешенных блюд. Под запрет попали торты и другая сладкая выпечка, фрукты, салаты, потому что похороны и поминки – это не праздник. Как выяснилось, рекомендации были разработаны в Казахстане.

Непременными элементами ритуальной пищи на поминках являются коровье масло, *бауырсақи* и *шелпек* – круглые лепешки, заведенные на воде, соли и муке. *Шелпек и бауырсақи* жарят в большом количестве животного или, смешанного с постным маслом, жира. Казахи верят, что в дни поминок и по четвергам запах, издаваемый при их приготовлении, привлекает духов предков. Этот древний обряд кочевников органично вошел в ислам. Лепешки должны быть ровной плотности, без дыр, геометрически правильной круглой формы. Пожилые информанты это объясняют тем, что в конце света солнце будет находиться прямо над головой и сильно печь. Лепешки как зонтики будут защищать умершего. Следует отметить, что в XXI в. появилась тенденция в Омске заказывать выпечку ритуальной пищи на стороне или покупать в специализированных кафе в Павлодаре. Это является серьезным нарушением обряда, так как души покойных родственников приходят на запах раскаленного масла.

После годовых поминок – *жылы* в течение трех лет проводят *шекτык* – жертвоприношение барана за день до наступления мусульманского поста – *ораза.* Этот обычай не относится к исламу, несмотря на участие имама. Согласно вероучению, требуется только одно жертвоприношение в год

на курбан-байрам. В Казахстане существует традиция каждую пятницу в доме умершего обжаривать в масле семь тонких лепешек – *жеті нан*, из которых шесть раздавали соседям как *садақа* – подаяние для поминовения [Шаханова, 1998, с. 109]. У казахов есть поговорка «пока мертвые не насытятся, живые не будут счастливы».

Исторически сложилось так, что казахи не отличались ортодоксальной приверженностью к исламу, о чем много свидетельств в этнографической литературе [Броневский, 1830, с. 95–96; Аргынбаев, 1975, с. 55; и др.]. В мировоззрении и традиционной культуре казахов региона продолжает сохраняться значительный комплекс элементов религиозно-мифологической системы тюрко-монгольских народов, предшествовавших исламу. Установлено, что основой их долговечности является устойчивость культа предков в мировоззрении исследуемого населения. В настоящее время культ предков проявляется в основном в похоронно-поминальной обрядности и в обрядах жертвоприношения – *құрмалдық и тасаттық, дұға*. Многие языческие обряды направлены на защиту покойника. Родственники руководствуются желанием уменьшить, накопленные им при жизни, материальные и духовные долги через пышные похороны и поминки с жертвоприношением лошадей и баранов, с раздачей подарков от его имени. У определенной части населения сохраняется еще языческая вера, что принесенный в жертву скот, пища на поминках и подаренные вещи будут сопровождать покойника в загробной жизни. Имамы молодого поколения пытаются бороться с реликтами древних верований, но добились пока частичного исчезновения обряда искупления грехов. В заключение следует отметить слияние языческих верований с мусульманскими молитвами и каноном.

Список литературы

Аджигалиев С.И. Основные особенности погребально-поминальной обрядности казахов Жетысу // Жетысу тарихы мен мадениеті. – Кн. 2. –Талдыкорган, 1992. – С. 95–109 (на казах. яз.).

Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства // Записки Оренбургского отдела ИРГО. – 1870. – Вып.1. – С. 101–122 (на казах. яз.).

Аргынбаев Х.А. Семья и брак у казахов: автореф. дисс. … д-ра. ист. наук. – Алма-Ата, 1975. – 129 с. (на казах. яз.).

Ахметова Ш.К. Передача грехов в похоронном обряде казахов Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Барнаул; Омск: Наука, 2015. – С. 158–162.

Бекбалак К.А. Похоронно-поминальная обрядность казахов Южного Казахстана // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. – Алматы: Гылым, 2001. – С. 294–317 (на казах. яз.).

Бельгибаев Е.А. Погребальная обрядность казахов Барнаула // Исторический ежегодник. – 2002. – Спецвыпуск. – С. 118–123.

Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. – 1830. – № 123. – С. 70–96.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (Историко-археологическое исследование). – Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-т, 2007. – 191 с.

Галимова А.К. Семейные обряды сельских казахов Северного Казахстана в современный период. Учебное пособие. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2003. – 91 с.

Ерназаров Ж. Особенности погребально-поминальной обрядности казахов Западного Казахстана // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. – Алматы: Гылым, 2001. – С. 324–345 (на казах. яз.).

Измайлов И.Л. Соотношение ислама и язычества в Улусе Джучи: проблемы историографии и современные дискуссии // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). – Алматы: Изд-во ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 601–627.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т.5. – Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / отв. ред., сост. и предисл. М.Х. Абусеитовой. – Алматы: Дайк-пресс, 2007. – 620 с. (на казах. яз.).

Казахско-русский словарь / ред. Р.Г. Сыздыкова, К.Ш. Хусаин. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 1008 с. (на казах. яз.).

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. Восток: Общество, культура, религия. – СПб.: Наука, 2006. – 591 с.

Коновалов А.В. Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ин-та, 1983. – С. 112–122.

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 149 с. (на казах. яз.).

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Составил Генерального штаба подполковник Красовский. – СПб, 1868. – Ч. 3. – 267 с.

Смагулов Т.Н. Калбасунская башня. – Алматы: Изд-во ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. – 158 с. (на казах. яз.).

Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития [Электронный ресурс] – Алматы: Изд-во ин-та развития Казахстана, 1994. – URL: http://turklib.ru/general_history/kazahi_v_

knr_ocherki_socialno-ekonomicheskogo_i_kulturnogo_razvitiya_-_1994.html (дата обращения: 28.08.2022). (на казах. яз.).

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 215 с. (на казах. яз.).

Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки) Алматы: Казахстан, 1998. – 184 с. (на казах. яз.).

References

Abuseitova M.Kh. (ed.). *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XYI–XX vekov. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka*. Almaty: Daik-press, 2007. Vol. 5. 620 p. (In Kaz.).

Adzhigaliev S.I. Osnovnye osobennosti pogrebal'no-pominal'noi obryadnosti kazakhov Zhetysu. In *Zhetysu tarikhy men madenieti*. Taldykorgan, 1992. Pt. 2. P. 95–109. (In Kaz.).

Akhmetova Sh.K. Peredacha grekhov v pokhoronnom obryade kazakhov Zapadnoi Sibiri. In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov.* Barnaul; Omsk: Nauka, 2015. P. 158–162. (In Russ.).

Altynsarin I. Ocherk obychaev pri pokhoronakh i pominkakh u kirgizov Orenburgskogo vedomstva. In *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1870. Iss.1. P. 101–122. (In Kaz.).

Argynbaev Kh.A. Sem'ya i brak u kazakhov. Avtoref. diss. … doc.ist.nauk. Alma-Ata, 1975. 129 p. (In Kaz.).

Bekbalak K.A. Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' kazakhov Yuzhnogo Kazakhstana. In *Obychai i obryady kazakhov v proshlom i nastoyashchem*. Almaty: Gylym, 2001. P. 294–317. (In Kaz.).

Bel'gibaev E.A. Pogrebal'naya obryadnost' kazakhov Barnaula. *Istoricheskii ezhegodnik*, 2002, special iss. P. 118–123. (In Russ.).

Bronevskii S.B. Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy. In *Otechestvennye zapiski,* 1830. N 123. P. 70–96. (In Russ.).

Galimova A.K. Semeinye obryady sel'skikh kazakhov Severnogo Kazakhstana v sovremennyi period. Uchebnoe posobie. Astana: ENU im. L.N. Gumileva, 2003. 91 p. (In Kaz.).

Ernazarov Zh. Osobennosti pogrebal'no-pominal'noi obryadnosti kazakhov Zapadnogo Kazakhstana. In *Obychai i obryady kazakhov v proshlom i nastoyashchem.* Almaty: Gylym, 2001. P. 324–345. (In Kaz.).

Izmailov I.L. Sootnoshenie islama i yazychestva v Uluse Dzhuchi: problemy istoriografii i sovremennye diskussii. In *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dnei)*. Almaty: Inst. arkheologii im. A. X. Margulana, 2016. P. 601–627. (In Kaz.).

Klyashtornyi S.G. Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Tsentral'noi Azii. Vostok: Obshchestvo, kul'tura, religiya. St. Petersburg: Nauka, 2006. 591 p. (In Russ.).

Konovalov A.V. Kazakhi Yuzhnogo Altaya. Alma-Ata: Nauka, 1986. 149 p. (In Kaz.).

Konovalov A.V. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' kazakhov Yuzhnogo Altaya. In *Arkheologicheskie pamyatniki lesostepnoi polosy Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press, 1983. P. 112–122. (In Russ.).

Krasovskii M. (ed.). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov. Sostavil General'nogo shtaba podpolkovnik Krasovskii. St. Petersburg: 1868. Pt. 3. 267 p. (In Russ.).

Shakhanova N. Mir traditsionnoi kul'tury kazakhov (etnograficheskie ocherki). Almaty: Kazakhstan, 1998. 184 p. (In Kaz.).

Smagulov T.N. Kalbasunskaya bashnya. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 2012. 158 p. (In Kaz.).

Syroezhkin K.L. Kazakhi v KNR: ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya. Almaty: Institut razvitiya Kazakhstana, 1994. URL: http://turklib.ru/general_history/kazahi_v_knr_ocherki_socialno-ekonomicheskogo_i_kulturnogo_razvitiya_-_1994.html (Accessed: 28.08.2022). (In Kaz.).

Syzdykova R.G., Khusain K.Sh. (ed.). *Kazakhsko-russkii slovar'*. Almaty: Daik-press, 2002. 1008 p. (In Kaz.).

Toleubaev A.T. Relikty doislamskikh verovanii v semeinoi obryadnosti kazakhov (XIX – nach. XX v.). Alma-Ata: Gylym, 1991. 215 p. (In Kaz.).

Vasil'ev D.V. Islam v Zolotoi Orde (Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie). Astrakhan': Astrakhan State Univ. Press, 2007. 191 p. (In Russ.).

Ахметова Ш.К. https://orcid.org/0000-0002-8925-0772

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0837-0844
УДК 726.82+393.05

Ш.К. Ахметова[1]✉, И.В. Толпеко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru; itolpeko@yandex.ru

Торткулаки Среднего Прииртышья

В статье рассматриваются результаты исследования традиционных и наиболее массовых надмогильных сооружений казахов Среднего Прииртышья – торткулаков. Такое название носят прямоугольные невысокие ограды с выступами по углам. На материалах экспедиционных исследований авторов проведен сравнительный анализ торткулаков южных р-нов Омской обл. (Россия) и северных р-нов Павлодарской и Северо-Казахстанской обл. (Казахстан). Ограды такого типа появляются на рассматриваемой территории не позднее XVIII–XIX вв. Первоначально торткулаки сооружали из дерновых и саманных кирпичей. Последние в дальнейшем стали использоваться повсеместно. Позднее их заменяют на кирпич промышленного производства. Выступы по углам являются характерным признаком торткулаков. Ранее они напоминали ушки и выполнялись простым наращиванием кладки, приводившим к треугольным возвышениям на углах. На современном этапе появились ограды с кирпичными столбиками по углам. Такое оформление встречается как в Казахстане, так и в России. Между столбиками возводят стены из кирпича или устанавливают металлическое ограждение. В плане торткулаки бывают прямоугольные и квадратные. Стандартные размеры составляют в ширину 2–3 м и в длину 3–4 м. Стены подняты на высоту около 1,2–1,4 м. По расположению относительно друг друга различаются отдельно стоящие и соединенные друг с другом торткулаки. Соединенные ограды можно считать характерной чертой кладбищ юга Омской обл. В Казахстане они встречаются редко. В настоящее время торткулаки остаются общераспространенной формой надмогильных сооружений у казахского населения Среднего Прииртышья как на территории Омской обл., так и в приграничных р-нах Казахстана. На российской территории прослеживается их постепенное замещение на комбинированные (кирпич и металл) и металлические ограды.

Ключевые слова: *казахи, кладбище, надмогильные сооружения, ограда, торткулак, Среднее Прииртышье, Омская обл., Казахстан.*

S.K. Akhmetova[1]✉, I.V. Tolpeko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru; itolpeko@yandex.ru

Tortkulaks of the Middle Irtysh Region

Tortkulaks – rectangular low fences with protrusions at the corners – are traditional and most numerous structures built above burials among the Kazakhs of the Middle Irtysh region. This article presents comparative analysis of tortkulaks from the southern areas of Omsk Region (Russia) and northern areas of Pavlodar and North Kazakhstan regions (Kazakhstan) using the evidences of field research by the authors. Fences of this type appeared there no later than the 18th–19th centuries. Initially, tortkulaks were built of sod blocks and adobe bricks. Adobe was subsequently used everywhere and was later replaced by industrially manufactured bricks. Protrusions at the corners are a distinctive feature of tortkulaks. In the past, they resembled ears and were made by simple adding of brickwork, which resulted in triangular elevations at the corners. Presently, fences with brick posts at the corners are common both in Kazakhstan and Russia. Brick walls or metal fence are made between the posts. Tortkulaks are rectangular or square in ground plan. Their standard size is 2–3 m wide and 3–4 m long. The walls are raised to a height of about 1.2–1.4 m. Tortulaks can be individually standing or interconnected. The latter

type typically occurs at the cemeteries in the south of Omsk Region and is rare in Kazakhstan. At present, tortkulaks remain a common form of grave structures among the Kazakhs of the Middle Irtysh region both in Omsk Region and in the border areas of Kazakhstan. Their gradual replacement by combined (brick and metal) and metal fences can be observed in Russia.

Keywords: *Kazakhs, cemetery, tomb structures, fence, tortkulak, Middle Irtysh region, Omsk Region, Kazakhstan.*

Наиболее массовым типом надмогильных сооружений казахов Среднего Прииртышья на протяжении длительного времени являлись прямоугольные невысокие ограды с выступами по углам – *торткулаки*. Сохранение традиции их сооружения шло параллельно с рядом изменений в использовании строительных материалов, изменении размеров, внесении новых архитектурных элементов в оформление сооружений такого типа и деталей оформления. Природные условия, местные традиции, влияние ислама и другие факторы в разной степени формировали локальные территориальные особенности торткулаков. Следует учитывать и то, что Среднее Прииртышье на протяжении нескольких последних десятилетий разделено государственной границей. Это обстоятельство, особенно в свете событий последних лет, не могло не оказать влияния на погребальный обряд населяющих эти места казахов.

Среднее Прииртышье, в интересующих нас границах, включает в себя Омскую обл. России, а также Актогайский, Иртышский, Железинский, Качирский р-ны Павлодарской и Валихановский р-н Северо-Казахстанской обл. Казахстана. Районы Павлодарской обл. расположены по правому и левому берегам р. Иртыш. Валихановский р-н Северо-Казахстанской обл. граничит на востоке с Иртышским р-ном Павлодарской обл., на северо-востоке – с Русско-Полянским р-ном Омской обл. Выявленные на этой территории наиболее ранние сохранившиеся торткулаки датируются приблизительно XVIII–XIX вв. На сегодняшний день сооружения этого времени полностью или в большей степени утратили свои внешние архитектурные признаки. Практически все они являются безымянными, сохранилась лишь небольшая часть персонифицированных (рис. 1) и датированных надмогильных памятников.

Различные аспекты изучения торткулаков Омской обл. неоднократно анализировались в наших публикациях. По материалам более чем двух десятилетий экспедиционных работ были рассмотрены их основные размерные характеристики, архитектурные особенности, использовавшиеся строительные материалы [Ахметова, Толпеко, 2008, с. 293–295; 2010б, с. 72–75; и др.]. Отдельным аспектом

Рис. 1. Разрушающийся торткулак из саманного кирпича с мемориальной доской. Казахстан, Качирский р-н Павлодарской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2022 г.

изучения явились этапы разрушения этих сооружений, выполненных из дерна или саманного кирпича [Ахметова, Толпеко, 2008, с. 294–295; 2017, с. 19–20].

Целью настоящего исследования стал сравнительный анализ торткулаков Среднего Прииртышья юга Омской обл. (Россия) с подобными сооружениями Железинского, Качирского р-нов Павлодарской обл. и Валихановского р-на Северо-Казахстанской обл. (Казахстан). Экспедиционные работы в указанных районах Казахстана проводились в 2017 и 2022 гг.

Общераспространенной формой надмогильных сооружений в рассматриваемых регионах до настоящего времени являются прямоугольные ограды с выступами по четырем углам – *төрт құлақ* (*төрт* – четыре, *құлақ* – ушки), семантика которых восходит к древнетюркскому мировоззрению. Но более широкое содержание понятия, согласно древнетюркской лексике, подразумевает четырехугольное сооружение (*törtkil, törtkül* – четырехугольный) [Древнетюркский словарь, 1969, с. 581]. Вслед за С.Е. Ажигали в отношении термина «*торткулак*» мы придерживаемся трактовки такого типа надмогильного сооружения как четырехугольной ограды с элементами архитектурности. Их следует отличать от простых и невысоких ограждений, называемых *қорған* [Ажигали, 2014, с. 227].

Торткулаки отличаются разнообразием форм, размеров и строительных материалов. Для ранних этапов существования таких оград характерно использование дерновых и саманных кирпичей (рис. 1–3). К сожалению, такие ограды быстро разрушаются под воздействием природных факторов. Стремительная археологизация, особенно ввиду отсутствия новых построек из такого материала, через непродолжительное время может лишить нас возможности их визуальной фиксации и изучения. От многих уже сейчас остались только незначительные остатки стен с характерными выступами по углам (рис. 1; 3). С появлением широкодоступных обожженных кирпичей они становятся основным материалом для строительства торткулаков. На казахских кладбищах юга Омской обл. нами были встречены такие надмогильные сооружения даже со стенами, отлитыми в опалубке из бетона. В настоящее время в Омской обл. в качестве строительного материала для торткулаков чаще всего выбирается красный и желтый облицовочный кирпич. Иногда их комбинируют друг с другом. Белый используется редко. В Казахстане он, напротив, пользуется популярностью (рис. 4). Сначала ограды воз-

Рис. 2. Торткулак из саманного кирпича на кладбище Бузан. Россия, Русско-Полянский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2008 г.

Рис. 3. Разрушающийся торткулак из саманного кирпича. Казахстан, Железинский р-н Павлодарской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2022 г.

Рис. 4. Монументальное надмогильное сооружение (задний план) и торткулаки из белого кирпича (передний план). Казахстан, Качирский р-н Павлодарской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2022 г.

водились из обычного промышленного кладочного кирпича, иногда очень плохого качества. Он оказался неустойчив к воздействию внешней среды без защиты перекрытием. Многие из таких оград начали интенсивно разрушаться. Некоторые уже находятся на разных этапах археологизации. На рассматриваемой территории Казахстана также на ранних этапах существования торткулаки строили из дерновых и саманных кирпичей. Последние в дальнейшем получили очень широкое распространение. Затем появляются ограды из кирпича промышленного производства. Анализ надмогильных сооружений обследованных некрополей показал, что этой территории свойственны те же процессы, что и в соседних административных районах областей России. И также идет стремительная археологизация сооружений из саманного кирпича (рис. 1; 3). Визуально фиксируемых торткулаков из дерновых кирпичей практически уже нет.

Выступы по углам торткулака являются его характерным признаком. Первоначально такие архитектурные детали выполнялись простым продолжением кладки по углам, с постепенным нарастанием в центре (рис. 4, 5). Они поднимались в среднем на 4–6 кирпичей. В настоящее время широкое распространение получила технология строительства торткулаков методом выкладывания по углам столбиков с дальнейшим заполнением пространства между ними невысокими стенками. Такие ограды зафиксированы нами как на некрополях в Казахстане (рис. 4), так и в России. Часто встречается современная «имитация» торткулака: основание ограды в несколько рядов и высокие столбики по углам традиционно выполняются из кирпича, а по периметру между ними идет металлическое ограждение, как правило, невысокое. В последнее время такие сооружения получили широкое распространение на мусульманских кладбищах Омской обл.

Первоначально треугольные выступы были действительно похожи на ушки. Торткулаки с такими элементами большого размера характерны в основном для Павлодарской обл. Казахстана и приграничных регионов Западной Сибири Российской Федерации. В результате работы экспедиций ОИИФФ СО РАН 2003 г., ИАЭТ СО РАН 2007–2009 гг., 2017 г. они зафиксированы на некрополях аула Керей Кулундинского р-на Алтайского края, Бузан, Коянды, Каратал Русско-Полянского р-на, Караозек Нововаршавского р-на Омской обл., Купино, Таганы Здвинского р-на Новосибирской обл.

Угловые выступы в виде столбиков выкладывают как целиком со стеной ограды, так и отдельно сверху. И те и другие могут быть простой или слож-

Рис. 5. Семь соединенных торткулаков на кладбище Бузан. Россия, Русско-Полянский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2008 г.

ной декоративной формы. Размеры варьируются от низких до средних и высоких. Они заканчиваются плоским, округлым, конусообразным или пирамидальным верхом и часто украшены полумесяцами.

Выделяются прямоугольные или квадратные в плане торткулаки. Длина и ширина сторон у прямоугольных варьирует незначительно. Обычны сооружения шириной 2–3 м и длиной 3–4 м. Однако длина сторон некоторых торткулаков, предназначенных для нескольких захоронений, могла составлять от 6 до 10 м. Стены сооружений по высоте, как правило, поднимают на высоту около 1,2–1,4 м. Они могут быть ровными и однотонными или украшены узором. Часто присутствуют мемориальная плита (чаще снаружи, реже изнутри), дверной проем, сквозные окна или имитация окон, выступы в стене в виде *михрабов* (Русско-Полянский р-н Омской обл.). Встречаются ограды с перекрытиями сверху в виде *кумбезов*.

В Казахстане, также как и в Омской обл., по расположению относительно друг друга различаются две разновидности торткулаков: отдельно стоящие и соединенные друг с другом [Ажигали, 2002, с. 284; Ахметова, Толпеко, 2010а, с. 42]. Первые устанавливают на одну, значительно реже на две и более могилы. Иногда это одномоментные захоронения, например людей, погибших в результате несчастного случая. На современном этапе нами часто фиксируется преднамеренное оставление свободного пространства внутри для следующего захоронения. Такое резервирование земли для будущей могилы, ранее не свойственное казахам, стало характерной чертой для современного населения.

Соединенные торткулаки состоят из пристроенных друг к другу двух и более оград с одиночными могилами. Это семейные захоронения. Формируются они следующим образом: рядом с уже существующей оградой хоронят следующего умершего родственника, при этом три стены его надмогильного сооружения пристраиваются к одной из уже имеющихся и т.д. Обычно таким образом формируется сплошной ряд из нескольких (от 2 до 7) надмогильных сооружений (рис. 5). Если места для следующей могилы в ряду не хватает, то захоронение с оградой могут расположить перпендикулярно (по принципу кроссворда). Построенных одновременно соединенных торткулаков практически не бывает. Для них характерен вариант именно последовательного возведения. В Казахстане композиции из соединенных оград, особенно в количестве нескольких штук, по данным крупнейшего исследователя архитектуры кочевников Евразии С.Е. Ажигали, встречаются редко. По его мнению, «значение “торткулака”, как архитектурного памятника, в них теряется» [Ажигали, 2002, с. 284]. Однако в Омской обл., в пограничных с Казахстаном Русско-Полянском и Нововаршавском р-нах, композиции из пристроенных по очереди к друг другу 4–5 оград редкостью не являются [Ахметова, Толпеко, 2010а, с. 42]. На наш взгляд, их можно считать торткулаками, так как при рассмотрении каждого надмогильного сооружения в отдельности фиксируются все характерные черты для оград этого типа. Их же расположение просто формирует архитектурный ансамбль, своеобразную пространственную композицию, в которой каждый элемент может рассматриваться отдельно.

Следует отметить, что для планиграфии казахских кладбищ всегда было характерно очень близкое расположение оград (особенно хорошо это фиксируется на старых некрополях). При этом могилы находятся на достаточном расстоянии друг от друга. Однако торткулаки соседних захоронений могут иметь дистанцию между стенами всего около 15–20 см, что не подразумевает даже прохода между ними. Такое близкое расположение стен логично могло привести к идее о возможности оформления общей стены между сооружениями. С одной стороны это примерно на 25 % уменьшало затраты на строительство ограды, с другой стороны умерший, находясь рядом с родственниками (что очень важно для казахов), сохранял за собой индивидуальное пространство. Можно предположить, что эта традиция зародилась на юге Омской обл., где самые ранние такие ансамбли представлены уже сильно разрушенными оградами из самана и выявлено максимально известное нам количество оград, объединенных в один блок. Примером может служить кладбище Бузан Русско-Полянского р-на Омской обл. (рис. 5). Более точно выяснить время начала формирования этой традиции не представляется возможным. После полного разрушения оград из саманных кирпичей определить разницу между близко стоявшими или имевшими единую стену торткулаками практически невозможно. Не способствует этому и традиция казахского населения формировать ровные ряды из могил и оконтуривавших их надмогильных сооружений. В рядом расположенных районах Казахстана пристроенные друг к другу торткулаки также зафиксированы, однако в меньшем количестве и, как правило, очень редко более двух. Казахи приграничных районов России и Казахстана, связанные родственными отношениями, продолжают активно взаимодействовать. Люди съезжаются на свадьбы, похороны и другие значимые семейные мероприятия. Все это способствует обмену информацией и распространению ряда новаций. Хотя вполне вероятно и формирование традиции присоединения оград самостоятельно

в разных местах проживания казахов. Этот вопрос требует дальнейшего изучения, в первую очередь на материалах погребальных памятников Республики Казахстан.

Определенные сложности в ходе изучения погребального обряда казахов, в том числе торткулаков, создает разница в названиях погребальных сооружений. Терминология отличается не только у казахов России и Казахстана, но порой и в соседних районах Омской обл.. Невысокие ограды из дернового, саманного, обожженного или силикатного кирпича в Омской обл. часто называют *мазарами*. В ходе наших экспедиционных исследований было выяснено, что информанты (теперь уже практически ушедшего старшего поколения) мазарами называли *торткулаки с кумбезами*. Ограды из сырцового и дернового кирпича в Москаленском и Полтавском р-нах Омской обл. называют *қорған*. По данным Р.А. Бекназарова в Шалкарском р-не Актюбинской обл. *коргана* называют семейные склепы с несколькими захоронениями [Бекназаров, 2007, с. 42].

Согласно материалам экспедиции 2022 г. в Валихановском р-не Северо-Казахстанской обл. мазаром называют только высокое сооружение с куполом. Это не противоречит определению мавзолея, данному С.Е Ажигали. Однако он оговаривает, что не все формы традиционных казахских мавзолеев имели купольно-сводчатое перекрытие, например, это могли быть деревянные сооружения с четырехскатной крышей и др. [Ажигали, 2002, с. 220]. Торткулаки следует отличать от прямоугольных монументальных сооружений типа мавзолеев без перекрытия. Их также, по мнению С.Е. Ажигали, можно отнести к мавзолеям, несмотря на то что стержневое оригинальное содержание классификации последних связано с типологизацией купольных мемориальных форм [Там же]. Он указывает на то, что становление монументального (архитектурного) «торткулака» относится еще к XIV–XVI вв. и связано с исчезновением в регионе курганов [Ажигали, 2014, с. 227, 231]. Монументальные сооружения являются малочисленными объектами на обследованных некрополях Среднего Прииртышья как со стороны России, так и Казахстана. Таким образом, торткулаки, в их традиционном понимании как прямоугольных или квадратных невысоких оград с выступами по углам, могут в разных районах именоваться следующим образом: собственно «торткулаки», «мазары», «*қорған»,* наконец, просто «ограда». Всегда надо выяснять у информантов о каких собственно сооружениях идет речь.

Сравнительный анализ торткулаков юга Омской обл. и прилегающих районов Казахстана в целом выявил, что на всей этой территории они являлись доминирующим видом надмогильных сооружений. Их эволюция тоже в целом не имела значительных отличий. Идентично шел процесс смены строительного материала от дерновых и сырцовых кирпичей к преобладающему использованию кирпича промышленного производства. В целом совпадают размерные характеристики сооружений. Локальные территориальные особенности также имеют место, однако выражены значительно слабее, чем черты сходства. Например, преимущественное использование на российской территории красного и желтого кирпича, а на казахстанской – белого. Изучение торткулаков позволило нам прийти к выводу, что отдельные специфические детали их оформления, как правило, очень локализованы – в пределах одного или близко расположенных кладбищ. Анализ показывает, что при возведении ограды ее строители традиционно ориентируются на архитектуру представленных на некрополе надмогильных сооружений. В последнее время на территории Омской обл. явно прослеживается тенденция к переходу от традиционных торткулаков к комбинированным оградам из кирпича и металла или только из металла. В Казахстане же строительство традиционных оград с выступами по углам пока сохраняется.

Список литературы

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Гылым, 2002. – 654 с.

Ажигали С.Е. Памятники Манкыстау и Устюрта: Книга-альбом. – Алматы: Өнер, 2014. – 504 с.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Казахские мемориальные комплексы юга Омской области // Казахи России: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции (20–22 мая 2009 г., Омск): в 2 т. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010а. – Т. 2. – С. 36–44.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Казахские надмогильные сооружения юга Омской области из дерна и сырцового кирпича // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та; Наука, 2010б. – С. 72–75.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. К вопросу о периодизации казахских кладбищ Среднего Прииртышья // Социосфера. – Самара: Социосфера, 2017. – № 4. – С. 18–23.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Погребальные и поселенческие комплексы казахов юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 292–295.

Бекназаров Р.А. Народы Казахстана: некоторые проблемы современных этнологических исследований // Лав-

ровский сборник. Мат-лы Среднеазиатско-Кавказских исследований. 2006–2007 гг. – СПб., 2007. – С. 39–43.

Древнетюркский словарь / ред. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э. Р., Щербак А.М. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.

References

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Kazakhskie memorial'nye kompleksy yuga Omskoi oblasti. In *Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost'*. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2010 a. Vol. 2, P. 36–44. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Kazakhskie nadmogil'nye sooruzheniya yuga Omskoi oblasti iz derna i syrtsovogo kirpicha. In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov*. Omsk: Omsk State Univ. Press; Nauka, 2010. P. 72–75. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. K voprosu o periodizatsii kazakhskikh kladbishch Srednego Priirtysh'ya. *Sotsiosfera,* N 4. 2017. P. 18–23. (In Russ.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Pogrebal'nye i poselencheskie kompleksy kazakhov yuga Zapadnoi Sibiri. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. Vol. 14. P. 292–295. (In Russ.).

Azhigali S.E. Arkhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona). Almaty: Fylym, 2002. 654 p. (In Kaz.).

Azhigali S.E. Pamyatniki Mankystau i Ustyurta: Kniga-al'bom. Almaty: Өner, 2014. 504 p. (In Kaz.).

Beknazarov R.A. Narody Kazakhstana: nekotorye problemy sovremennykh etnologicheskikh issledovanii. In *Lavrovskii sbornik. Materialy Sredneaziatsko-Kavkazskikh issledovanii. 2006–2007 gg*. St. Petersburg, 2007. P. 39–43. (In Russ.).

Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E. R., Shcherbak A.M. (eds.). Drevnetyurkskii slovar'. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Russ.).

Ахметова Ш.К. https://orcid.org/0000-0002-8925-0772
Толпеко И.В. https://orcid.org/0000-0002-3085-2330

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0845-0848
УДК 069

Э.Р. Ахунова

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: aehlfira@yandex.ru

Этнографические выставки и коллекции сибирских татар в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике

Статья рассматривает результаты изучения количественного и качественного состава этнографической коллекции сибирских татар и использование предметов этой коллекции в выставочных проектах. Сибирские татары – это коренное население Западной Сибири, а Тобольский район Тюменской области – основная территория расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар. Цель статьи – проанализировать последнюю экспозицию в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике (ТИАМЗ) по истории и культуре сибирских татар, рассмотреть пополнение этнографической коллекции, показать использование этой коллекции в научно-фондовой и научно-просветительской работе в ТИАМЗ за последние несколько лет. В статье использованы следующие методы: историко-сравнительный метод, метод классификации и метод количественного анализа. Рассмотрены поступления новых этнографических материалов в музей за последние пять лет. Впервые вводятся в научный оборот статистические данные из годовых отчетов ТИАМЗ за последние пять лет и сведения из архивных материалов музея. Установлено, что культура, быт и традиции тоболо-иртышских татар в Тюменском регионе востребованы не только среди местного населения, но и среди многих тысяч гостей и посетителей музея, которые приезжают из других городов России и ближнего зарубежья. Выявлено, что основной этнографический фонд сибирских татар уже сформирован. В последние десятилетия в музей поступают только отдельные экземпляры по материальной и духовной культуре этой этнической группы. Все материалы этнографической коллекции сибирских татар постоянно используются в работе ТИАМЗ на выставках, лекциях, экскурсиях и мастер-классах по народным промыслам в музейной мастерской. Это значит, что есть огромный интерес к культуре этого древнего народа Тобольской земли.

Ключевые слова: *Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, этнографические коллекции, сибирские татары, этнографическая выставка, экскурсия, сбор материалов, культура и быт сибирских татар.*

E.R. Akhunova

Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: aehlfira@yandex.ru

Ethnographic Exhibitions and Siberian Tatar Collections in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

The article presents the results of studying the quantitative and qualitative composition of the ethnographic collection of Siberian Tatars and the use of objects from this collection in exhibition projects. Siberian Tatars are the indigenous population of Western Siberia, and the Tobolsk District of the Tyumen Region is the main settlement area of the Tobol-Irtysh group of Siberian Tatars. The purpose of the article is to analyze the recent exhibition in the Tobolsk Historical and Architectural Museum–Reserve (TIAMZ) on the history and culture of Siberian Tatars, consider the replenishment of the ethnographic collection, and describe the use of this collection in the research and educational projects in TIAMZ over the few recent years. The methods of research are the historical-comparative method, the method of classification and the method of quantitative analysis. The article considers the new ethnographic arrivals to the museum over the five years. For the first time, statistical data from the annual reports of TIAMZ for the latest five years and the museum

archival data are introduced into scientific circulation. It has been established that the culture, way of life, and traditions of the Tobol-Irtysh Tatars in the Tyumen region present interest not only for the local population, but also for many thousands of guests and visitors of the museum who come from other cities of Russia and neighboring countries. It is revealed that the main ethnographic collection of the Siberian Tatars has already been formed. In recent decades, the museum has received only solitary items of the material and spiritual culture of this ethnic group. All materials of the ethnographic collection of Siberian Tatars are used in TIAMZ exhibitions, lectures, excursions and workshops on folk crafts in the museum studio. This means that there is a great interest in the culture of this ancient people of the Tobolsk Province.

Keywords: *Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve, ethnographic collections, Siberian Tatars, ethnographic exhibition, excursion, collection of materials, culture and life of Siberian Tatars.*

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ) – один из старейших музеев Сибири, был основан 8 апреля 1870 г. Сибирские татары – это коренное население Западной Сибири, и основная территория их расселения – это Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области.

Тобольск является основным местом проживания тоболо-иртышских татар – одной из самых больших этнических групп татар Западной Сибири. Этнографические коллекции ТИАМЗ можно отнести к одному из самых лучших в стране собраний предметов, связанных с жизненным укладом коренных народов Сибири (ханты и манси, самодийцы – ненцы и селькупы, коми-зыряне, сибирские татары, бухарцы). На сегодняшний день этнографическое собрание ТИАМЗ насчитывает более 10 тыс. экспонатов, а полностью объем музейного фонда на 2021 г. составляет 454 032 предмета [Отчет…, 2021, с. 3].

Коллекция по сибирским татарам формировалась в основном в первой половине XX в., хотя отдельные поступления одежды, предметов быта и украшений имеются с конца XIX в. Формирование коллекции по этнографии сибирских татар проходило в несколько этапов. Наибольший поток предметов по культуре сибирских татар и бухарцев приходится на 1921 и 1936 г., когда музеем были приобретены предметы быта, украшения, оружие, орудия промысла у местного населения. Следующий этап – это 1970–1980-е гг., когда в ходе этнографических экспедиций к заболотным итобольскимтатарамсотрудникамимузеяИ.А.Сыркиной и И.В. Беличем собраны сведения и материалы по культуре сибирских татар. Экспедиция И.А. Сыркиной в 1974 г. собрала ок. 50 предметов, в 1978 г. – 68 предметов культуры и быта сибирских татар. В 2000-х гг. многие традиционно-бытовые предметы по культуре татар быстро исчезали из современной жизни, в разы сократилось проведение этнографических экспедиций, поэтому коллекция по культуре татар незначительно пополнялась единичными поступлениями. Всего коллекция по культуре сибирских татар насчитывает, по данным КАМИС (Комплексная автоматизированная музейная информационная система), ок. 400 предметов.

В системе КАМИС Тобольского музея этнографическая коллекция сибирских татар распределена по нескольким разделам: одежда (119), утварь и игрушки (149), ремесло (40), украшения (46), предметы культа сибирских татар (16), охота (7), рыболовство (7), транспорт (9), животноводство (2). Подробнее сведения об этнографических коллекциях сибирских татар в ТИАМЗ можно найти в монографии «Материальная культура татар Западной Сибири в этнографических коллекциях музеев России» [Ахунова, 2014].

За последние годы в ТИАМЗ произошли значительные изменения. С весны 2017 г. произошла реорганизация автономных учреждений культуры Тюменской области музейного типа путем слияния в единое областное учреждение «Тюменское музейно-просветительское объединение», в состав которого вошли Музейный комплекс им. Н.Я. Словцова, Ялуторовский музейный комплекс, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник и Исторический парк «Россия – моя история».

В августе 2014 г. во Дворце Наместника, здание которого входит в основной комплекс ТИАМЗ, открылась постоянно действующая выставка «Культура и быт сибирских татар», состоящая из 361 предмета этнографии татар и в которой всесторонне представлены все сферы жизнедеятельности этого народа [Охранная топографическая опись…, 2015].

Перечислим только некоторые из них. На выставке находятся многочисленные предметы из разных разделов, и количество их различно. Некоторые разделы состоят из нескольких десятков предметов, такие как одежда (15), головные уборы (12), обувь (10). Очень много предметов из раздела «Украшения» – это различные пуговицы, бусы, подвески, пряжки, многочисленные перстни, серьги, накосники и др. (66). В раздел «Домашняя утварь» входят фарфоровая посуда, жернова, кувшины, кум-

ганы, казаны, точильные камни, маслобойка, деревянная лопатка для хлеба и т.д. (всего 35). В раздел «Вооружение» входят различные предметы орудий охоты и военного дела, таких как сабли, многочисленные деревянные стрелы, металлические наконечники стрел, колчан для стрел, железные кольчуга и шлем, копья и т.д. (24). На выставке имеются и детские предметы, 2 детские колыбели, 4 детские куклы, шаровары детские, чепчик, кофточка, покрывало лоскутное, 2 пары детской обуви, 4 куклы – всего 16 предметов.

Небольшое количество экспонатов входят в раздел «Предметы культа» – это одежда мусульманского священнослужителя конца XX в., рубаха мужская из белой ткани, Коран на арабском языке начала XXI в., чалма мусульманского священнослужителя конца XX в., амулет мусульманский, четки – лестовка из кожи, бархата, бумаги (всего 6 пр.). В раздел «Средства передвижения» – две пары болотных лыж и одна долбленая лодка.

Новые предметы по этнографии сибирских татар в последние годы в ТИАМЗ практически не поступали. Только за 2016 г. в основной фонд музея поступило 23 предмета этнографии народов Севера и сибирских татар. Среди них имеются несколько предметов материальной культуры сибирских татар. Это два женских платья, женские выходные кожаные туфли, женское шейно-нагрудное украшение, состоящее из двух рядов старинных монет, которые датируются концом XIX – началом XX в.; женские кожаные сапоги (читек) с узором, датируемые второй половиной XX в., и металлическое женское накосное украшение, относящееся к XVIII в. [Годовой отчет…, 2016, с. 8.]. Все вышеназванные предметы находятся в хорошей сохранности и имеют значительную историческую ценность.

История, культура, традиции и обычаи сибирских татар, которые составляют второе по численности население после русских в Тюменской области, вызывают неизменный интерес как у коренного населения, так и у многочисленных гостей, приезжающих в Тобольск со всех городов России, и поэтому постоянно действующая этнографическая выставка «Культура и быт сибирских татар» уже много лет пользуется большой популярностью у населения. Если посмотреть посещаемость этой выставки за три последних года, то мы можем увидеть динамику в сторону ее увеличения практически в два раза. Если в 2019 г. посещаемость выставок во Дворце наместника была 60 550 человек, то в 2021 г. уже составила 146 402 человек. Количество экскурсий, прошедших в Доме наместника говорит само за себя: в 2019 г. – 1 214 экскурсии, а в 2021 г. уже 2 453 экскурсии [Отчет…, 2021, с. 10], посещаемость же новой выставки, посвященной сибирским татарам, «В гостях у татар» составила в 2021 г. 1 442 человек [Там же, с. 26].

В сентябре 2021 г. в ТИАМЗ был представлен новый экскурсионный маршрут, посвященный наследию сибирских татар «Себер Татар Тур» [Там же, с. 31]. Этот маршрут открывает удивительную книгу истории сибирских татар: от древней столицы Сибирского ханства – Искер до наших дней. Участники тура узнают легенды и сказания о сибирской земле, проедут по звучным местам Базарной площади, Заабрамовской слободы, побывают в исторической мечети, познакомятся с историей и традициями сибирских татар. В программу этого маршрута входит, помимо экскурсии по выставочному проекту «Культура и быт сибирских татар», и мастер-класс «Национальная пиала».

В рамках этого тура в 2021 г. в помещении Музея сибирских промыслов и ремесел «Дом мастеров» состоялась презентация мастер-класса «Национальная пиала», на котором дети разрисовывали и украшали пиалы национальным орнаментом. Испокон веков сибирские татары сохраняли передаваемое предками наследие. Итогом творчества многих поколений народных умельцев стало декоративно-прикладное искусство, созданное на основе преемственности традиций. Мастера украшали красочными узорами не только свою одежду, обувь и жилище, но также домашнюю утварь и посуду. На мастер-классе в гончарной мастерской гости узнают о тонкостях и секретах национального орнамента, могут расписать пиалу и вложить в свое изделие особый смысл.

Таким образом, мы видим, что история, материальная и духовная культура сибирских татар продолжает жить в современном мире. Это и многочисленные этнографические (и не только) выставки, экскурсии по местам исторической памяти, сохранение многих народных традиций в быту и в искусстве – оставляет нам надежду, что самобытная культура сибирских татар не будет забыта и станет фундаментом для продолжения новых исследований, экспедиций по сбору новых исторических и этнографических знаний.

Список литературы

Ахунова Э.Р. Материальная культура татар Западной Сибири в этнографических коллекциях музеев. – Омск: Наука, 2014. – 114 с.

Годовой отчет ГАУК Тюменской области «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» за 2016 год. – Архив ТИАМЗ. – С. 8.

Отчет о деятельности Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника за 2021 год. ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение». – Архив ТИАМЗ.

Охранная топографическая опись экспозиции «Традиционная культура и быт сибирский татар» музейного комплекса «Дворец Наместника». – Архив ТИАМЗ, 2015. – 24 с.

References

Akhunova E.R. Material'naya kul'tura tatar Zapadnoi Sibiri v ehtnograficheskikh kollektsiyakh muzeev Rossii. Omsk: Nauka, 2014. 114 p. (In Russ.).

Godovoi otchet GAUK Tyumenskoi oblasti «Tobol'skii istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovedniK» za 2016 god. Tobolsk, 2017. Arkhiv TIAMZ P. 8. (In Russ.).

Otchet o deyatel'nosti Tobol'skogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika za 2021 god. Tobolsk, 2022. Arkhiv TIAMZ. (In Russ.).

Okhrannaya topograficheskaya opis' ehkspozitsii «Traditsionnaya kul'tura i byt sibirskii tataR» muzeinogo kompleksa «Dvorets NamestnikA». 2021 god. GAUK TO «Tyumenskoe muzeino-prosvetitel'skoe ob»edineniE», Tobolsk, 2015. Arkhiv TIAMZ. 24 p. (In Russ.).

Ахунова Э.Р. https://orcid.org/0000-0001-6487-627X

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0849-0855
УДК 398’54

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Сорока в традиционном мировоззрении бурят

Сорока представляет один из распространенных персонажей в традиционном фольклоре народов Евразии. В бурятской этнографии этот орнитоморфный образ еще не получил специального рассмотрения. Исследование посвящается выявлению комплекса традиционных бурятских воззрений о сороке. Задачами работы являются: дать общую характеристику сороки в традиционной культуре бурят; выявить образ сороки в мифологических воззрениях бурят. Источниковую базу исследования составляют лингвистические, фольклорные и этнографические материалы. В статье используется структурно-семиотический метод, предполагающий выделение символики сороки. Определено, что в языке и малых жанрах фольклора бурят нашли отражение основные биологические признаки сороки (ее окраска, наличие длинного хвоста, характерное для этой птицы передвижение, ее стрекотание, ловкость и хитрость). Отмечено особое распространение в традиционной культуре бурят образа сорочьей лапки. Выяснено, что буряты относили сороку к категории птиц, якобы способных излечить человека. В то же время эта хищная птица ими рассматривалась как нечистая. Показывается, что образ сороки в традиционных представлениях бурят является многозначным: с ним увязываются тотемные воззрения; он олицетворяет зиму, имеет женское начало и играет роль вестника; с ним связаны мотив покровительства, идея души и оборотничества, вместе с тем он наделяется нечистой природой, в том числе, потому что считается вестником смерти. Выделено, что ряд народных воззрений бурят о данной птице имеет параллели в традиционном сознании у разных этнических групп Евразии, что указывает на их универсальный характер.

Ключевые слова: *буряты, традиционное мировоззрение, сорока, фольклор, лексика.*

A.A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Magpie in the Traditional Worldview of the Buryats

The magpie is one of the most common characters in the folklore of the peoples of Eurasia. In Buryat ethnography, this ornithomorphic image has not yet been analyzed specifically. The study is devoted to the identification of the Buryat traditional ideas about the magpie. The objectives of the work are: to give a general characteristic of the magpie in the traditional culture of the Buryats; to reveal the image of the magpie in the mythological views of the Buryats. The research was based on the linguistic, folklore, and ethnographic materials. The study has been executed through the structural-semiotic method involving identification of the magpie symbolism. It has been determined that the language and small genres of Buryat folklore reflect the main biological characteristics of the magpie (its color, the long tail, movement characteristic of this bird, the bird’s chirping, dexterity and cunning). It has been noted that the image of the magpie’s foot is particularly widespread in the traditional culture of the Buryats. It has been found out that the Buryats attributed the magpie to the category of birds allegedly capable of healing. At the same time, this bird of prey was considered as an evil spirit. It is shown that the image of the magpie in the traditional ideology of the Buryats is ambiguous: totemic views are linked to it; it personifies winter, has a feminine origin and plays the role of a messenger; the motive of patronage, the idea of the soul and werewolf are associated with it, at the same time it is an evil spirit partially because it is considered a messenger of death. It is highlighted that some Buryat folk views about this bird have parallels in the traditional consciousness of different ethnic groups of Eurasia, which indicates their universal character.

Keywords: *Buryats, traditional worldview, magpie, folklore, vocabulary.*

Введение

Тема восприятия человеком окружающей природы в традиционной картине мира остается актуальной для современной этнографической науки. В особенности интерес вызывает комплекс представлений о дикой фауне, характерный для любой этнической культуры. Одним из распространенных персонажей в традиционном фольклоре народов Евразии является сорока, образ которой, как правило, имеет неоднозначную коннотацию. В мифологических представлениях у разных народов эта хищная птица семейства вороновых наделяется ловкостью, хитростью, склонностью к воровству и распространению молвы [Мифы народов мира, 1980, с. 839]. Ее образ также вписан в культуру бурят и представлен прежде всего в их устном народном творчестве. При этом он не инкорпорирован в традиционную, в том числе шаманскую обрядность бурят.

Целью настоящей работы является выявление комплекса традиционных бурятских воззрений о данной птице.

Источниковую базу исследования составляют этнографо-фольклорные и лексические материалы. Особое место среди них занимают бурятская эпика и произведения малого жанра фольклора, записанные и опубликованные дореволюционными и советскими исследователями (М.Н. Хангаловым, Ш.Л. Базаровым, Ц.Ж. Жамцарано, Н.О. Шаракшиновой и др.). Языковый материал в основном представлен сведениями из двуязычных словарей монгольских и тюркских народов.

Общая характеристика сороки в традиционной культуре бурят

В дикую орнитофауну Юго-Восточной Сибири входит сорока (*Pica pica*), по-бурятски называемая *алаг шаазгай* букв. ‘пестрая сорока, биолог. обыкновенная сорока’.

Бурятское название данной птицы находит параллели в других монгольских языках: ср.-монг. *šajiγai* ‘сорока’ [Поппе, 1938, с. 17], *šaγaǰaγai* [Этимологический словарь…, 2018, с. 138], монг. *шаазгай* ‘сорока’ [Большой академический…, 2001–2002 с. 1592], калм. *шаазга* ‘сорока’ [Хальмгорс толь, 1977, с. 657], хамниган. *шаадзагай* [Хамниганско-русский…, 2015, с. 345], дагур. *саажиг* ‘сорока’ [Краткий дагурско-русский…, 2014, с. 138]. Между тем происхождение этого слова в языке средневековых монголов, вероятно, следует связывать с древнетюркским влиянием: ср. др.-тюрк. *sayizγan* ‘сорока’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 481], кирг. *сагызган* [Киргизско-русский словарь, 1985, с. 121], хакас. *саасхан* [Русско-хакасский.., 1961, с. 814] и др.

В лексике и малых жанрах фольклора бурят отмечаются ее основные физические черты. При этом буряты обращали внимание на окраску птицы, прежде всего присутствие в ней черного и белого цветов, что нашло отражение в следующей загадке:

«*Сahанһаа сагаан*,
Хооһоо хара,
Тэмээнһээ ундэр,
Ямаанһаа набтар.
Светлее снега,
Чернее угля,
Выше верблюда,
Ниже козы»
[Оньһон угэнууд…, 1956, с. 22].

Из биологических признаков птицы выделяли в целом пестроту окраски оперения, а также наличие у нее длинного хвоста:

«*Алтан ургатай*,
Алаг морьтой.
С золотым шестом,
С пестрым конем»
[Жамцарано, 2006, с. 52].

Последняя строчка, вероятно, служит намеком на характерное для нее передвижение по земле прыжками или шагом, отдаленно напоминающее бег и ходьбу лошади.

Следует указать на то, что в традиционной культуре бурят получил распространение образ сорочьей лапки. Несомненно, данное обстоятельство нужно рассматривать в контексте того значения, которое имел образ сороки в традиционном сознании бурят. Напр., в числе их родовых тамг было известно клеймо, называемое *шаазгайн һабар* ‘сорочья лапка’, в виде трех прочерченных из одной точки под разным углом прямых отрезков. Ассоциация этого древнего знака собственности с известной геометрической фигурой – крестом, демонстрирует монгольская лексика: *шаазгайн савар* букв. ‘сорочья лапка, перен. крестики’ [Большой академический…, 2001–2002, с. 1592]. Кроме этого, буряты образно обозначали старомонгольскую (вертикальную) скоропись как *шаазгайн һабар*. Вероятно, с переходом на кириллицу у них появилось такое выражение, применяемое в отношении человека с неразборчивым почерком: *шаазгай һабар табижа бэшэхэ* (букв. писать, ставя сорочью лапку, перен. написать каракулями). Одну из мер глубины они также называли сорочьей лапкой: *шаазгайн һабарсаа сахан* ‘снег глубиной по сорочью лапку’ [Буряад-ород толи, 2010, с. 595].

Среди морфологических признаков сороки буряты отмечали ее стрекотание и связывали с ним различные приметы. Полагали, что крики, производимые данной птицей, свидетельствуют о ее болтливости, и поэтому считали ее разносчицей слухов и новостей. Неслучайно в бурятском языке про болтливого человека используется устойчивое выражение: *Шаазгайшалжа шаханаха* ‘стрекотать как сорока’.

В фольклоре бурят сорока, как правило, изображается проворной и ловкой. Для примера приведем поговорку, в которой подчеркивается вездесущность этой птицы: *Шарайдай байгаагүй нютаг үгы*. *Шаазгайн һуугаагүй модон үгы* ‘Нет родины у шарайдайцев. Нет дерева, на которое не садится сорока’ [Перевод автора].

Кроме этого, в бурятской эпике сорока рисуется как хитрое существо:

> «Призывает он к себе сороку чернохвостую,
> Призывает он к себе сороку пеструю,
> Сороку ловкую, сороку хитрую,
> Все умеющую повсюду высмотреть…»
> [Гэсэр, 1986, с. 201].

Очевидно, такое представление о ней сложилось в результате длительного наблюдения за ее поведением в природе: как известно, ее не без основания считают одной из умных птиц.

Положительная характеристика сороки проявляется, в частности, в том, что ее относили к категории птиц, будто бы способных излечить человека. При возникновении болей в шее (цервикалгии) буряты обычно совершали моление этой птице [Баторов, Хороших, 1926, с. 8; Зеленин, 1936, с. 214].

Согласно Г.Ф. Миллеру, буряты не использовали в пищу мясо врановых, в том числе сороки [2009, с. 254, 256]. Показательно, что в одной из бурятских загадок, записанных Ц.Ж. Жамцарано, слово *шаазгай* употребляется в значении кала [2001, с. 255], что, вероятно, косвенно указывает на восприятие птицы как нечистой. Отнесение данного пернатого к поганым животным, очевидно, диктовалось его пищевыми предпочтениями: в частности, привычкой питаться падалью.

Аналогичные суждения о сороке как нечистой птице сложились у различных народов Евразии: западноевропейских [Тресиддер, 1999, с. 354], славянских [Гура, 1997, с. 556–557], чувашей [Чувашская мифология, 2018, с. 132], вепсов [Винокурова, 2007, с. 106] и др.

Любопытно, что истоки негативного восприятия сороки обнаруживаются еще в древнетюркской лексике: *qus javuzi sayizyan* / *jiyac javuzi azyan* ‘самая плохая из птиц – сорока, / самое плохое из деревьев – шиповник’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 481]. Эта традиция получила продолжение в поговорках современных тюркских и монгольских народов, в них, в частности, особо выделяется природная жадность данного пернатого: ср. калм. *Шаазһа шовун кеду цадхлн болв чиги*, *нудньморнэ дээрэ* ‘Как ни сыта сорока, она все смотрит на потертость конской спины’ [Хальмг-орс толь, 1977, с. 657]; кирг. *Сагызган сактыгынан олбойт*, *суктугунан олот* ‘Сорока умирает не от осторожности, а от жадности’ [Киргизско-русский словарь, 1985, с. 121].

Теперь непосредственно коснемся мифологических воззрений бурят об этой птице.

Традиционные воззрения бурят о сороке

С сорокой связывается мотив спасительницы будущих основателей отдельных родов у присаянских и предбайкальских родов [Badmaev, 2020, p. 111]. Но в традиционном мировоззрении бурят образ этого пернатого соотносится еще и с представлениями о тотеме. Этнографические материалы указывают на локальное распространение культа сороки у предбайкальских бурят: данная птица считалась прародительницей одного из родов балаганских бурят [Косоков, 1930, с. 30; Зеленин, 1936, с. 187]. Заметим, что у монголов тоже обнаруживаются единичные примеры ее тотемного почитания: у них имеются роды *шаазгай* ‘сорока’ и *шаазгад* ‘сороки’, названия которых, как полагают, даны по тотемному животному [Очир, 2016, с. 251].

Тотемистические воззрения о сороке у монгольских народов впервые упоминаются в сочинении Н. Витсена, чей труд, посвященный Северной Тартарии, был написан в конце XVII в. В нем приводится следующая легенда: «Правили мугальской и ниужской Тартарией, до тех пор, пока эти потомки однажды не были убиты жителями страны, кроме одного, который убежал и уцелел, потому что сорока села ему на голову и враги приняли его за дерево, почему тартары, как те, что из ниужи, так и из Мугалии, когда они пришли в Китай, под страхом большого наказания запретили трогать гнезда сорок, почему они и сейчас держат эту птицу в большом почете» [Хамарханов, 1988, с. 151]. Вероятно, последние строки цитируемого фрагмента отсылают нас к завоеванию Китая сначала монголами в XIII в., а затем маньчжурами в XVII в.: здесь монголы именуются мугалами, а под ниужи Н. Витсен, скорее всего, понимает маньчжур (*нюйчжи*, *нюйчжэнь* ‘золотой’ – китайское название маньчжур).

Примечательно, что, как и в бурятских легендах, в данном тексте в сюжете о чудесном спасении мифического первопредка монголов и маньчжуров

прослеживается мотив покровительства сороки. Отсюда осторожно предположим, что наличие его в фольклоре бурят следует рассматривать как признак былого тотемного культа.

У маньчжуров существовало глубокое почитание этой птицы, согласно их летописи: «… волшебная сорока принесла в клюве ягоды боярышника и положила на одежду самой юной небожительницы <…> Впоследствии она родила малыша, который стал прародителем маньчжур» [Чжао, 2013, с. 28]. Между тем, приведенная выше легенда из работы Н. Витсена во многом повторяет предание именно маньчжуров (ср.: [Кычанов, 2004, с. 433–434]), поэтому, вероятно, им и принадлежит. Тем более что у монголов подобные легенды не зафиксированы. Хотя нельзя исключать, что Н. Витсен записал легенду, зародившуюся еще в древности, в период соседского проживания предков маньчжуров и монголов, и по какой-то причине забытой монголами.

В фольклоре бурят данное пернатое имеет ярко выраженную женскую символику. Так, в загадке тункинских бурят ее сравнивают с девицей: *Хонгодори басагат хунжилэ саган* ‘Хонгодорские девицы – белые одеяла’ (сороки) [Материалы для изучения…, 1911, с. 124]. Согласно поверьям, душа женщины, спасаясь от злых духов, оборачивается в сороку [Хангалов, 1958, с. 398]. Вообще идея души в виде такой хищной птицы фиксируется в традиционном мировоззрении у некоторых народов, в частности, у обских угров [Мифы народов мира, 1980, с. 838].

Сорока принадлежит к числу птиц, чьи образы олицетворяют природные ритмы. Конкретно в бурятской эпике ее соотносили с зимой:

«Не замечая ни лета, ни зимы –
Лишь услышав сороки стрекотанье,
Покрываясь инеем, узнает,
Что зима настала,
А когда услышит пенье гургалдая –
Поймет, что летняя пора настала»

[Шаракшинова, 2000, с. 118].

Причина, по которой она стала символизировать самый холодный сезон в году, заключается в том, что сорока, подобно некоторым птицам, не улетает на юг, а остается на зимовку. Эта ее особенность передается в бурятской загадке: «Царские коровы все пошли на пастбище, только две остались: чернуха и пеструха» (после перелета птиц оставшиеся ворона и сорока) [Базаров, 1902, с. 26].

Кроме того, ее, как и жаворонка, считали ранней пташкой, возвещающей восход солнца. Такое представление, в частности, закрепилось в традиционном пожелании бурят невестке:

«Горячий саломат вари,
Крепкий архи кури,
Со стрекотом сороки утром вставай»

[Фольклор…, 1999, с. 101].

В эпических произведениях и народных приметах бурят сорока выступает в роли вестницы. Так, в сказании «Хатуу хара хан» она приносит герою известия от его невесты:

«В это самое время
Со столь далекой стороны
Суженая его – невеста
С сорокой – пестрой птицей
Весточку отправила»

[Там же, с. 28].

В зависимости от времени суток стрекотание сороки воспринималось в положительном или негативном ключе, более того, у разных групп бурят имелась прямо противоположная трактовка такого события [Badmaev, 2020, p. 111]. Помимо примет о связи стрекотанья сороки с получением вести, были приметы, в которых оно увязывалось с приходом гостя. Напр., буряты полагали: «Стрекочет сорока – к гостям» [Осокин, 1906, с. 223].

Заметим, что оба вида этих примет присутствуют в фольклоре у разных народов Евразии (китайцев [Чжао, 2013, с. 74], монгольских [Ванькаева, Лиджиев, 2018, с. 72; Эрдэнэболд, 2012, с. 73], славянских [Гура, 1997, с. 561–562], тюркских и финно-угорских [Винокурова, 2007, с. 109–110] этнических групп), что свидетельствует об их универсальности.

Дурным предзнаменованием у бурят считалось появление сорочьего гнезда вблизи дома, что, конечно, было вызвано негативной коннотацией этой птицы. Нечистая природа сороки прослеживается в бурятской эпике. В частности, в этой птице заключается душа и жизненная сила представителя темного мира – многоголового мангадхая [Бурчина, 2007, с. 142].

В мифологических суждениях бурят сороку связывают с другим представителем семейства вороновых – вороном, также воспринимаемым как поганое животное. Проиллюстрировать это можно фрагментом эпического произведения «Сагадай Мэргэн»:

«С новой силой закипает
Неоконченная битва,
Реки крови, горы мяса
Черных воронов питают,
Белобокие сороки
Тут же роются, стрекочут»

[Намсараев, 1990, с. 122].

В традиционных представлениях других народов также имеет место тесная привязка этих птиц.

Например, в алтайской эпике их голосами кричит злое порождение потустороннего мира:

«Кровоглазый возмущен,
Закаркал он, как сто ворон,
Зубами зло заскрежетал,
Как сто сорок, застрекотал»

[Маадай-кара, 1979, с. 43].

У бурят действовал запрет на убийство хищных птиц (ворона, коршуна), якобы покровительствуемых черными небожителями, а также сороки. Верили, что мистические хозяева этих пернатых способны жестоко наказать убийцу. Аналогичные воззрения были известны, в частности, у ойратов Синьцзяна [Ванькаева, Лиджиев, 2018, с. 72].

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что сорока является значимым персонажем в бурятском традиционном мировоззрении. Образ сороки в традиционных представлениях бурят является полисемантичным: с ним увязываются тотемные воззрения; он олицетворяет зиму, имеет женское начало и играет роль вестника; с ним связаны мотив покровительства, идея души и оборотничества, вместе с тем он наделяется нечистой природой в том числе потому, что считается вестником смерти. Выяснено, что ряд народных воззрений бурят о данной птице имеет параллели в традиционном сознании разных этнических групп Евразии, что указывает на их универсальный характер.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Базаров Ш.Л. Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПОИРГО. – 1902. – Т. 5, вып. 1. – С. 22–34.

Баторов П.П., Хороших П.П. Народная медицина бурят. – Иркутск: [б. и.], 1926. – 18 с.

Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. Г.Ц. Пурбеева. – М.: Academia, 2001–2002. – 2198 с.

Бурчина Д.А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука, 2007. – 544 с.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова. В 2 т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. – Т. 2. – 708 с.

Ванькаева Е.В., Лиджиев А.Б. Животные в приметах монгольских народов // Монголоведение (Монгол судлал). – 2018. – № 15. – С. 67–80.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): дис. … докт. ист. наук. – Петрозаводск, 2007. – 565 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – Т. II. – 288 с.

Древнетюркский словарь / отв. ред. В.М. Наделяев. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевой дневник 1908–1909 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 119 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 436 с. (Тр. ИААЭ; т. XIV: Этнографическая серия, вып. 3).

Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. В 2 кн. – Фрунзе: Гл. ред. Киргизской Советской энциклопедии, 1985. – Кн. 2. – 480 с.

Косоков И. К вопросу о шаманстве в Северной Азии. – М.: Безбожник, 1930. – 78 с.

Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б.Д. Цыбенов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 236 с.

Кычанов Е.И. Властители Азии. – М.: Вост. лит-ра, 2004. – 631 с.

Маадай-кара. Алтайский героический эпос. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд., 1979. – 271 с.

Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. – 1911. – Т. 42. – С. 111–136.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1147 с.

Намсараев Х. Сагадай Мэргэн: Эпическая поэма. – М.: Современник, 1990. – 128 с.

Оньһон угэнууд, таабаринууд / сост. Д. Мадасон. – Улан-Удэ: Бурят-монголой номой хэблэл, 1956. – 40 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1906. – 304 с.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 286 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 566 с. (Тр. ИВ АН СССР. Т. XIV).

Русско-хакасский словарь / под ред. Д.И. Чанкова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 968 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

Фольклор Курумчинской долины. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 137 с.

Хальмг-орс толь. Русско-калмыцкий словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

Хамарханов А.З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Сб. ст. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – С. 143–161.

Хамниганско-русский словарь / отв. ред. Д.Г. Дамдинов. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 364 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

Чжао Ц. Звери и птицы как символы в китайской культуре // Культура и история Китая: Символика китайской культуры. – Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. – 236 с.

Чувашская мифология: этнографический справочник / отв. редакторы: Д.В. Егоров и др. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 591 с.

Шаракшинова Н.О. Улигеры бурят. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 153 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С.Б. Миягашева, Ж.Б. Бадагаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 196 с.

Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г.Д. Санжеев, ред.-сост. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. – Том III. – 2018. – 240 с.

Badmaev A.A. Traditional buryat beliefs about birds // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2020. –N 2. – P. 106–113.

References

Badmaev A.A. Traditional buryat beliefs about birds. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2020. N 2. P. 106–113. doi: 10.17746/1563-0110.2020.48.2.106-113

Bardakhanova S.S. (ed.). Fol'klor Kurumchinskoi doliny. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 1999. 137 p. (In Buryat., Russ.).

Batorov P.P., Khoroshikh P.P. Narodnaya meditsina buryat. Irkutsk: [s. n.], 1926. 18 p. (In Russ.).

Bazarov Sh.L. Poslovitsy aginskikh buryat. In *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1903. Vol. 6. Iss. 1. P. 21–39. (In Russ.).

Burchina D.A. Geroicheskii epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov. Novosibirsk: Nauka, 2007. 544 p. (In Russ.).

Chankova D.I. (ed.). Russko-khakasskii slovar'. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1961. 968 p. (In Khakas., Russ.).

Chzhao Ts. Zveri i ptitsy kak simvoly v kitaiskoi kul'ture. Pekin: Shans; St. Petersburg: KARO, 2013. 236 p. (In Russ.).

Damdinov D.G. (ed.). Khamnigansko-russkii slovar'. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Khamnigan., Russ.).

Egorov D.V. et al. (ed.). Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik. Cheboksary: Chuvash. book Publ., 2018. 591 p. (In Russ.).

Erdenebold L. Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.). Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2012. 196 p. (In Russ.).

Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1986. Vol. II. 288 p. (In Russ.).

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.).

Khamarkhanov A.Z. O kul'ture i byte mongol'skikh narodov v trude N. Vitsena «Severnaya i Vostochnaya Tartariya». In *Kul'turno-bytovye traditsii buryat i mongolov*. Ulan-Ude: BF SB AS USSR Publ., 1988. P. 143–161. (In Russ.).

Khangalov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1958. Vol. I. 551 p. (In Russ.).

Kosokov I. K voprosu o shamanstve v Severnoi Azii. Moscow: Bezbozhnik, 1930. 78 p. (In Russ.).

Kychanov E.I. Vlastiteli Azii. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 631 p. (In Russ.).

Maadai-kara. Altaiskii geroicheskii epos. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskoe otdelenie, 1979. 271 p. (In Russ.).

Madason D. (ed.). On'hon ygenuud, taabarinuud. Ulan-Ude: Buryat-mongoloi nomoi kheblel, 1956. 40 p. (In Buryat.).

Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009. 456 p. (In Russ.).

Muniev B.D. (ed.). Khal'mg-ors tol'. Russko-kalmytskii slovar'. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1977. 768 p. (In Kalm., Russ.).

Nadelyaev V.M. (ed.). Drevnetyurkskii slovar'. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Ancient Turk., Russ.).

Namsaraev Kh. Sagadai Mergen: Epicheskaya poema. Moscow: Sovremennik, 1990. 128 p. (In Russ.).

Ochir A. Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov. Elista: KIGI RAS Publ., 2016. 286 p. (In Russ.).

Osokin G.M. Na granitse Mongolii: Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya. St. Petersburg: Suvorin Publ., 1906. 304 p. (In Russ.).

Podgorbunskii I.A. (ed.). Materialy dlya izucheniya buryatskoi narodnoi slovesnosti i yazyka. In *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1911. Vol. 42. P. 111–136. (In Buryat., Russ.).

Poppe N.N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adaba. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1938, 566 p. (Works of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. XIV). (In Mong., Russ.).

Purbeev G.Ts. (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p. (In Mong., Russ.).

Sanzheev G.D., Kontsevich L.R., Rassadin V.I., Leman Ya.D. (ed.). Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: In three vol. Moscow: IV RAS Publ., 2018. Vol. III. 240 p. (In Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar'. In two vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010. Vol. II, 708 p. (In Buryat., Russ.).

Sharakshinova N.O. Uligery buryat. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2000. 153 p. (In Russ.).

Tokarev S.A. (ed.). Mify narodov mira: Entsiklopediya. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1147 p. (In Russ.).

Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (In Russ.).

Tumurdei G., Tsybenov B.D. (ed.). Kratkii dagursko-russkii slovar'. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2014. 236 p. (In Dagur., Russ.).

Van'kaeva E.V., Lidzhiev A.B. Zhivotnye v primetakh mongol'skikh narodov. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*, 2018. N 15. P. 67–80. (In Russ.).

Vinokurova I.Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii): dokt. sc. (history) dissertation. Petrozavodsk, 2007. 565 p. (In Russ.).

Yudakhin K.K. (ed.). Kirgizsko-russkii slovar'. In two books. Frunze: Glavnaya redaktsiya Kirgizskoi Sovetskoi entsiklopedii, 1985. B. 2. 480 p. (In Kirgiz., Russ.).

Zelenin D.K. Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1936. 436 p. (Works of the Institute of anthropology, archaeology and ethnography. Vol. XIV: Ethnographic series. Iss. 3). (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevoi dnevnik 1908–1909 gg. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2006. 119 p. (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevye dnevniki 1903-1907 gg. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2001. 382 p. (In Russ.).

Бадмаев А.А. https://orcid.org/ 0000-0002-9525-4366

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0856-0862
УДК 069/39

А.Н. Блинова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: anblinova@mail.ru

Изучение и введение в научный оборот этнографических коллекций российских немцев

Целью исследования является анализ процесса и результатов изучения этнографических коллекций российских немцев в музеях страны. Географически исследование определено традиционными районами проживания немцев на территории страны – Поволжье (Центральный музей Республики немцев Поволжья, Саратовский музей краеведения) и Сибирь (Омский государственный историко-краеведческий музей, Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Алтайский государственный краеведческий музей, Историко-краеведческий музеи Алтайского государственного педагогического университета). Автором выделены этапы музейного строительства, условия развития музейной этнографии и этнографического музееведения в обозначенных регионах, определены основные направления в изучении этнографических коллекций музеев. Все этапы музейного строительства тесно связаны с этнической историей группы: создание Автономной Республики немцев Поволжья – появление первого национального музея; депортация – перенесение музеев в «новые» регионы проживания, эмиграция – музейный бум как попытка сохранить исчезающее. Показано значение личности в организации процесса этнографического изучения народа на примере деятельности Г.Г. Дингеса. Под его руководством, несмотря на идеологическое давление, в 1920–1930-е гг. была собрана уникальная коллекция предметов, некоторые из которых сегодня являются единственным источником по изучению поволжских немцев и основой вокруг которой построены современные экспозиции в музеях Саратова, Энгельса и Маркса. В Сибири музейные центры сложились в Омске и Барнауле, в них идет целенаправленная работа по формированию этнографических коллекций и их изучению. Однако при анализе совокупности работ по музейной тематике можно сделать вывод, что большинство работ посвящены истории музеев и формированию этнографических коллекций в нем; особую группу работ составляют каталоги и описание конкретных коллекций; специальных диссертационных или монографических исследований по этой теме на сегодняшний день нет.

Ключевые слова: *российские немцы, музей, этнографическая коллекция, историография, Поволжье, Сибирь.*

A.N. Blinova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: anblinova@mail.ru

Research and Presentation of Scholarly Ethnographic Collections of the Russian Germans

This article discusses research into ethnographic collections of the Russian Germans in Russian museums, focusing on traditional areas where Germans lived in Russia – the Volga region (Central Museum of the Republic of the Volga Germans, Saratov Museum of the Local History) and Siberia (Omsk State Museum of the Local History, Museum of Archaeology and Ethnography of Dostoevsky Omsk State University, Altai State Museum of the Local History, and Museum of the Local History at Altai State Pedagogical University). Stages in museum organization, conditions for the development of museum ethnography and ethnographic museology in these regions, and main areas in studying ethnographic museum collections have been identified. All stages of museum organization were closely related to ethnic history of that ethnic group. Thus, creation of the Autonomous Republic of the Volga Germans corresponded to the emergence of the first ethnic museum; deportation resulted in transferring museums to "new" regions of residence, and emigration led to museum boom in attempts to preserve the disappearing memory. G.G. Dinges is an example of the role of individual persons in organizing the process of ethnographic

study of the Russian Germans. Despite ideological pressure, a unique collection of objects was assembled in the 1920–1930s under his leadership. Today some of these objects are the only source for studying the Volga Germans and core objects for creating exhibitions in the museums of Saratov, Engels, and Marx. In Siberia, purposeful work on enriching and studying ethnographic collections has been carried out in museum centers established in Omsk and Barnaul. After analyzing the totality of publications on museum topics, it can be concluded that most of the works discuss the history of museums and emergence of their ethnographic collections; a special group of publications are catalogs and descriptions of specific collections, yet no targeted dissertations or monographic studies on this topic are available today.

Keywords: *Russian Germans, museum, ethnographic collection, historiography, Volga region, Siberia.*

Музеи для российских немцев стали важным инструментом в процессе сохранения культурного наследия народа, формирования и поддержания этнической идентичности. В истории этномузеев российских немцев можно выделить два периода активного музейного строительства. Первый связан с образованием Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП; Немреспублика) и созданием в 1920–1930-е гг. музейной сети на ее территории. Второй период приходится на вторую половину 1990-х гг. Главным побудительным мотивом для создания музеев, выставок, активизации экспедиционной работы в этот период было желание сохранить культуру в условиях массовой эмиграции народа на историческую родину. Больше всего таких музеев сегодня существует в Омской обл. и Алтайском крае, что не удивительно, так как здесь проживает больше всего российских немцев, существуют национальные районы. Всего на территории Российской Федерации насчитывается более 150 музеев, в которых представлены материалы по истории и этнографии российских немцев [Карта, 2020]. При наличии довольно продолжительной истории и немалом количестве этномузеи российских немцев не часто становились объектом и предметом отечественных исследований. Ученые обратились к этой теме сравнительно недавно – во второй половине 1990-х гг. после снятия ограничений на подобные темы.

Первый музей в республике был создан в Марксштадте (совр. г. Маркс) в 1919 г., а в 1925 г. в Покровске (совр. г. Энгельс) появился Центральный музей АССР НП. Довольно скоро, с изменением национальной и музейной политики, музейная работа стала сворачиваться, а эти музеи были расформированы. Музей в Марксштадте был закрыт в 1937 г., часть его коллекций была передана в Центральный музей Республики немцев Поволжья, который просуществовал до 1941 г. Кроме того, с 1919 по 1931 гг. в Поволжье существовал Саратовский этнографический музей, сотрудники которого изучали и немецкое население региона. История и деятельность этих музеев стала основой для целого ряда научных работ [Вардугин, 2000; Ерина, Малова, 1997; Флейман, 1994; 1995].

Первые исследования по музейной тематике связаны наследием Георга Генриховича Дингеса – директора Центрального музея АССР НП. Он был выдающимся лингвистом, диалектологом, многое сделал для развития этнографических и краеведческих исследований в регионе. В 2005 г. к 80-летию Центрального музея АССР НП и 115-летию со дня рождения Г.Г. Дингеса сотрудниками Энгельского краеведческого музея был подготовлен сборник «Наследие и региональные исследования». Первая его часть состоит из научных статей Г.Г. Дингеса (некоторые из них ранее не издавались на русском языке), а во второй части представлен анализ и переосмысление научного наследия Георга Генриховича и его соратников, несколько статей этого сборника посвящены музейной тематике [Наследие и региональные исследования, 2005]. В 1925 г. Г.Г. Дингес опубликовал статью в газете «Nachrichten» (Известия), в которой рассказывает о создании музея, его целях и задачах. Отдельный раздел экспозиции планировалось посвятить этнографии, в нем должна была быть представлена материальная культура немецкого населения республики, причем сбор материалов должен был проходить только в ее границах. Музей по замыслу его создателей должен был стать важным научным центром региона, это подняло бы культурное значение и авторитет Немреспублики [Дингес, 2005а]. Практически сразу же им была подготовлена программа этнографического изучения региона для соответствующего отдела музея, ее положения были опубликованы в еженедельном приложении к газете «Nachrichten» – «Maistube» (Майская гостиная). Главной задачей этнографической работы, по мнению автора статьи, должно было стать достоверное отражение культуры немцев Поволжья, собранные материалы – это «краеугольный камень научно обоснованной этнографии», которая служит целям «сравнительной этнографии и этнологии в целом». Г.Г. Дингес, отмечает, что культура поволжских немцев состоит из нескольких компонентов: «элементы, вывезенные из Германии; элементы русского влияния и самостоятельная деятельность в новых экономических условиях, в условиях нового климата и новой сре-

ды» [Дингес, 2005б], поэтому исследователь должен стремиться отобразить их все в музейной коллекции и этнографическом материале.

В том же 1925 г., в год открытия музея, состоялась первая экспедиция, возглавляемая Г.Г. Дингесом и его супругой Эммой. Экспедиция носила комплексный характер; собирался археологический, диалектологический, фольклорный, этнографический материал и предметы для будущей экспозиции. За два года участники экспедиции объехали 101 немецкое село, приобрели 459 экспонатов [Вардугин, 2000, с. 28]. Затем экспедиции проводились ежегодно, вплоть до ареста в Г.Г. Дингеса в 1930 г.

После этого музей изменяет направления работы, усиливая «пропагандистскую» составляющую. Петр Гергардович Пеннер, инспектируя работу музеев АССР отметил, что до 1931 г. «в работе центрального музея была выражена кулацкая тенденция» [Пеннер, 1933, с. 100]. Выражалось это в наличии в экспозиции «комнаты кулацкого быта», так как основана она была на предметах, собранных у зажиточного немецкого населения. Новое руководство музея усилило политико-просветительскую работу, в экспозицию включен раздел по освещению «угнетательной политики царизма в отношении немцев» и организован «антирелигиозный отдел». Пеннер отметил успешную практику организации культповозки на время посевной кампании. Культповозка включала в себя: «кинопередвижку, фонарь-“избач”, радио-передвижку, патефон, библиотеку и газеты, тир, фотоаппарат, аптечку и музейные предметы» [Пеннер, 1933, с. 101]. Обслуживалась она двумя работниками музея и пользовалась большой популярностью у работников МТС. Главной проблемой, которая затормаживала работу музея в целом, Пеннер отметил отсутствие специалистов-музееведов.

Как уже было отмечено, Центральный музей АССР НП просуществовал до 1941 г. и прекратил свое существование вместе с республикой. В результате деятельности Г.Г. Дингеса и его коллег была собрана уникальная этнографическая коллекция, которая является основным источником по этнографии поволжских немцев в додепортационный период [Карпова, 2005; Малова, 1997; Горобцова, 1997]. После ликвидации Центрального музея АССР НП часть этой коллекции была передана в Саратовский музей краеведения, где экспонируется, ее предметы введены в научный оборот [Хозяйство…, 1998]. Например, на материалах этой коллекции построена единственная, не раз переиздававшаяся монография по национальному костюму поволжских немцев [Арндт, 1997; 2015]. Информация об одежде поволжских колонистов представлена в других музейных собраниях страны, в том числе в Российском этнографическом музее [Бучатская, 2015; Лойко, 1998; Лойко, Томазова, 2003]. Здесь стоит упоминать научную деятельность Е.Г. Кагарова и его аспиранта П.Г. Пеннера [Черказьянова, 2013]. Оба они проводили этнографические исследования в Поволжье. Е.Г. Кагаров привез в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) коллекцию глиняных изделий из села Куккус, которая сегодня является уникальным этнографическим источником [Иванова-Бучатская, 2003].

В Сибири центрами формирования и изучения этнографических коллекций российских немцев стали Омский историко-краеведческий музей (далее ОГИКМ) и Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (далее МАЭ ОмГУ). Немецкая этнографическая коллекция ОГИКМ насчитывает более двух тысяч единиц хранения. Целенаправленное комплектование коллекций по истории сибирских немцев началось в конце 1980-х гг. в преддверии выставки «О времени, о судьбах, о себе», посвященной истории российских немцев. Наиболее активная работа по формированию фонда музея по этноистории немцев приходится на 1993–1995 гг. Именно с этого времени начинаются комплексные экспедиции сотрудников и нового директора музея П.П. Вибе в места компактного проживания немцев. В 1993–1994 гг. была создана выставка «Немцы в Сибири», затем в 2000 г. «Депортация»; в целом немецкая тема с этого времени постоянно присутствует в экспозиции музея. Практически сразу сотрудники музея стали публиковать результаты своей работы [Баах, Вибе, Пьянова, 2001; Вибе, Черказьянова, 1996; Черказьянова, 1993].

Все собранные материалы за время экспедиций явились основой для составления альбома-каталога, изданного музеем в 2017 г. [История…, 2017]. Альбом демонстрирует 1000 наиболее интересных музейных предметов по истории и культуре немцев России, сосредоточенных в трех разделах книги: изобразительные, письменные и вещевые источники. Самая внушительная часть альбома посвящена изобразительным источникам, она включает в себя 439 единиц хранения, 230 единиц представлены в разделе «Письменные источники» и 331 – в разделе «Вещевые источники». Это не первый каталог коллекции [Каталог…, 1997], но последнее издание дополнено новыми описаниями и богато иллюстрировано.

Примерно в одно время с ОГИКМ начался сбор этнографического материала по культуре российских немцев в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ). С 1989 г. кафедрой этнографии и музееведения стали проводиться этнографические экспедиции в места

компактного проживания немцев Омской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края. До недавнего времени экспедициями руководила Т.Б. Смирнова. Всего было обследовано 139 населенных пунктов. Ежегодные экспедиции позволили пополнить фонд Музея археологии и этнографии ОмГУ [Смирнова, 2020], в настоящее время все экспонаты материальной и духовной культуры российских немцев научно описаны, издан каталог немецкой коллекции МАЭ ОмГУ [Блинова, Смирнова, 2012]. Каталог стал 15 томом в научной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев». В МАЭ действует постоянная экспозиция по этнографии сибирских немцев и выставка декоративно-прикладного искусства народа.

Изучение этнографической коллекции Алтайского государственного краеведческого музея было начато в 1990-е гг. И.В. Поповой, ведущей активную этнографическую собирательскую и научно-исследовательскую работу в музее. Ею подготовлен ряд публикаций об этнографическом собрании в целом и отдельных его коллекциях, в том числе и о коллекции российских немцев [Попова, 2011]. На Алтае подготовлено единственное диссертационное исследование в отечественной историографии, в котором упоминаются музеи региона. В.В. Бармин, разрабатывая тему культурного наследия российских немцев в Западной Сибири, отдельную главу посвящает музеям как центрам сохранения культурного наследия – дает краткую характеристику музеям, выделяет основные этапы их истории и основные направления работы [Бармин, 2010].

Коллекция Историко-краеведческого музея АлтГПУ, формируемая со второй половины 1970-х гг., является одной из крупнейших в Алтайском крае (более 900 ед.) и отражает трудовые традиции, культуру и быт русских, немцев, мордвы, чувашей, украинцев, телеутов и других народов региона. Многие предметы немецкого населения экспонируются и научно описаны [Грибанова, 2019, с. 186].

В последние годы учеными стали разрабатываться вопросы включенности музеев в процессы коммеморации и формирования этнической идентичности российских немцев [Блинова, 2020; 2021; Блинова, Шлегель, 2020; Блинова, Смирнова, Шлегель, 2021а; 2021б; Kisser, 2022].

Подводя итоги можно сказать, что российские немцы обладают богатыми музейными собраниями, отражающими историю и культуру народа. Этнографические материалы сосредоточены не только в крупных региональных музеях, но и в многочисленных краеведческих музеях городских и сельских поселений (муниципальных, вузовских, школьных). К сожалению, последние редко становились объектом исследования ученых. В комплектовании этнографических коллекций можно выделить два основных этапа: 1920–1930 гг. и 1990–2000 гг., на втором этапе одновременно с формированием коллекций началось и их изучение. Выделяется три направления в изучении этнографических собраний российских немцев: изучение истории формирования и состава этнографических коллекций; каталогизация этнографических предметов и коллекций; использование этнографических источников из музейных собраний в научных исследованиях. Ведущая роль в инициировании и организации исследований, публикации результатов изучения музейных этнографических собраний принадлежит в основном сотрудникам музеев.

Список литературы

Арндт Е.А. Материалы архивов и музеев как источник в реконструкции крестьянского костюма немцев Поволжья (конец XVIII – начало XX века) // Российские немцы. Историография и источниковедение. Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1997. – С. 217–224.

Арндт Е.А. Национальный костюм немцев Поволжья (конец XVIII – начало XX века). – Москва: МСНК-пресс, 2015. – 95 с.

Баах С.В., Вибе П.П., Пьянова О. Формирование коллекции и создание выставки «Депортация» в Омском государственном историко-краеведческом музее // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, 1941–1955 гг.: Мат-лы 7-й междунар. науч. конф. – М., 2001. – С. 548–555.

Бармин В.В. Культурное наследие российских немцев в Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Барнаул, 2010. – 22 с.

Блинова А.Н. «Народ в пути»: память о миграциях в экспозициях музеев российских немцев // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2021. – С. 314–116.

Блинова А.Н. Музейные коллекции российских немцев как фактор формирования и сохранения идентичности // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. – Симферополь: Ариал, 2020. – С. 12–16.

Блинова А.Н., Смирнова Т.Б. Культура немцев, латышей, эстонцев Западной Сибири: в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. – Омск: Наука, 2012. –166 с.

Блинова А.Н., Смирнова Т.Б., Шлегель Е.А. Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: этнонимы, язык, символы // Этнография. – 2021а. – № 4. – С. 249–271.

Блинова А.Н., Смирнова Т.Б., Шлегель Е.А. Влияние депортации на идентичность немцев России и Казахстана // Журн. фронтирных исследований. – 2021б. – № 4. – С. 91–116.

Блинова А.Н., Шлегель Е.А. Идентичность через музей: трансляция культурного наследия немцев Омского региона // Кунсткамера. – 2020. – № 2. – С. 7–12.

Бучатская Ю.В. «Немецкий национальный костюм»: стилизации, стереотипы, подлоги. Размышления над одним «даром Кунсткамере» // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2015. – С. 231–241.

Вардугин В.В. Хранители времени. Музеи Саратова и Саратовской области. – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 2000. – 207 с.

Вибе П.П., Черказьянова И.В. Выставка «Немцы в Сибири» в Омском государственном историко-краеведческом музее // Изв. ОГИК музея. – Омск: ОГИК музей, 1996. – № 4. – С. 84–98.

Горобцова Е.А. Э.Г. Дингес и Саратовский областной музей краеведения // Сообщения Энгельского краеведческого музея. – Саратов, 1997. – Вып. 5: Немцы в Саратовском Поволжье. – С. 129–131.

Грибанова Н.С. Экспедиции как форма комплектования этнографической коллекции историко-краеведческого музея АлтГПУ // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае, 2018 год: археология, этнография, устная история и музееведение: мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Алт. гос. педагог. ун-т, 2019. – С. 186–195.

Дингес Г.Г. О создании Центрального музея республики немцев Поволжья // Наследие и региональные исследования: сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской обл., 2005а. – С. 6–10.

Дингес Г.Г. Задачи этнографического отдела Центрального музея // Наследие и региональные исследования: сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской обл., 2005б. – С. 11–12.

Ерина Е.М., Малова Н.А. К истории Центрального музея АССР НП // Феникс: Лит.-худ. и общ.-полит. альманах. – Алматы, 1997. – № 20. – С. 219–235.

Иванова-Бучатская Ю.В. Гончарное ремесло поволжских немецких колоний // Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга: сводный каталог. – СПб: Наука, 2003. – С. 123–143.

История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея: альбом-каталог / сост. и науч. ред. П.П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2017. – 307 с.

Карпова О.В. Этнографические исследования Центрального музея республики немцев Поволжья // Наследие и региональные исследования: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской обл., 2005. – С. 78–108.

Карта // Виртуальный музей российских немцев [Электронный ресурс]. – URL: https://museum.rusdeutsch.ru/ (дата обращения: 10.09.2020).

Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. И.В. Черказьянова. – Омск: ОГИК музей, 1997. – 98 с.

Лойко Л.М. Коллекция одежды немцев-колонистов в РЭМ // Живая старина. – 1998. – № 3. – С. 25–27.

Лойко Л.М., Томазова О.В. Коллекции немцев-колонистов // Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга: сводный каталог. – СПб.: Наука, 2003. – С. 83–123.

Малова Н.А. Музейные экспозиции по истории и культуре поволжских немцев как исторический источник // Российские немцы. Историография и источниковедение: мат-лы междунар. науч. конф. – М: Готика, 1997. – С. 225–234.

Наследие и региональные исследования: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской обл., 2005. – 187 с.

Пеннер П.Г. О состоянии музеев АССР ПН // СЭ. – 1933. – № 5–6. – С. 100–102.

Попова И.В. Историко-этнографическая коллекция российских немцев в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Память. Ответственность. Будущее: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: АБВГДейка, 2011. – С. 225–231.

Смирнова Т.Б. Материалы этнографических экспедиций в немецкие села Алтайского края в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Алт. гос. педагог. ун-т, 2020. – № 10 – С. 293–298.

Флейман Е.А. Государственные музеи в Республике немцев Поволжья // Немецкий этнос: вехи истории: Мат-лы науч. конф. – М., 1994. – С. 110–115.

Флейман Е.А. Из истории краеведения в автономной республике немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Мат-лы Российско-Германской науч. конф. – М: Готика, 1995. – С. 223–232.

Хозяйство и быт немцев Поволжья XIX–XX вв.: Каталог / сост., автор вступ. статьи Е.А. Горобцова. – М.: Mass media, 1998. – 119 с.

Черказьянова И.В. Проблемы советских немцев в музейной экспозиции (из опыта работы) // Немцы Сибири: история и культура: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: [б. и.], 1993. – С. 68–70.

Черказьянова И.В. Историко-этнографическое исследование советских немцев в Академии наук СССР в 1920–1930-е годы // Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук: сб. научных статей по материалам Межд. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 494–500.

Kisser T.S. Museum and the Russian Germans Identity [Музей и идентичность российских немцев] // Ежегодник Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М., 2022. – № 1. – С. 102–114.

References

Arndt E.A. Materialy arkhivov i muzeev kak istochnik v rekonstruktsii krest'yanskogo kostyuma nemtsev Povolzh'ya (konets XVIII – nachalo XX veka). In *Rossiiskie nemtsy. Istoriografiya i istochnikovedenie. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Gotika, 1997. P. 217–224. (In Russ.).

Arndt E.A. Natsional'nyi kostyum nemtsev Povolzh'ya (konets XVIII - nachalo XX veka). Moscow: MSNK-press, 2015. 95 p. (In Russ.).

Baakh S.V., Vibe P.P., P'yanova O. Formirovanie kollektsii i sozdanie vystavki «Deportatsiya» v Omskom gosudarstvennom istoriko-kraevedcheskom muzee. In *Nemtsy SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v pervoe poslevoennoe desyatiletie, 1941–1955 gg.* Moscow, 2001. P. 548–555. (In Russ.).

Barmin V.V. Kul'turnoe nasledie rossiiskikh nemtsev v Zapadnoi Sibiri: cand. sc. dissertation abstract. Barnaul, 2010. 22 p. (In Russ.).

Blinova A.N. "Narod v puti": pamyat' o migratsiyakh v ekspozitsiyakh muzeev rossiiskikh nemtsev. In *Lyudi imperii – imperiya lyudei: personal'naya i institutsional'naya istoriya Aziatskikh okrain Rossii*. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2021. P. 314–116. (In Russ.).

Blinova A.N. Muzeinye kollektsii rossiiskikh nemtsev kak faktor formirovaniya i sokhraneniya identichnosti. In *Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma:* materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Simferopol': Arial, 2020. P. 12–16. (In Russ.).

Blinova A.N., Shlegel E.A. Identity through the museum: transmission of the cultural heritage of Russian Germans. *Kunstkamera*, 2020. N 2. P. 7–12. (In Russ.).

Blinova A.N., Smirnova T.B. Kul'tura nemtsev, latyshei, estontsev Zapadnoi Sibiri: v kollektsiyakh Muzeya arkheologii i etnografii Dostoevsky Omsk state university. Omsk: Nauka, 2012. 166 p. (In Russ.).

Blinova A.N., Smirnova T.B., Shlegel E.A. Post-Soviet Identities of the Germans of Russia, Kazakhstan, and Ukraine: Ethnonyms, Language, Symbols. *Etnografiya*, 2021a, N 4. P. 249–271. (In Russ.).

Blinova A.N., Smirnova T.B., Shlegel E.A. Vliyanie deportatsii na identichnost' nemtsev Rossii i Kazakhstana. *J. of Frontier Studies*, 2021b. N 4. P. 91–116. (In Russ.).

Buchatskaya Yu.V. «Nemetskii natsional'nyi kostyum»: stilizatsii, stereotipy, podlogi. Razmyshleniya nad odnim «darom Kunstkamere». In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty Muzeja antropologii i jetnografii Rossijskoj akademii nauk v 2014 g.* St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2015. P. 231–241. (In Russ.).

Cherkaz'yanova I.V. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie sovetskikh nemtsev v Akademii nauk SSSR v 1920–1930-e gody. In *Millerovskie chteniya: k 285-letiyu Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk: Sbornik nauchnykh statei*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. P. 494–500. (In Russ.).

Cherkaz'yanova I.V. Problemy sovetskikh nemtsev v muzeinoi ekspozitsii (iz opyta raboty). In *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura*. Omsk, 1993. P. 68–70. (In Russ.).

Dinges G.G. O sozdanii Central'nogo muzeja respubliki nemcev Povolzh'ja In*Nasledie i regional'nye issledovanija: sbornik nauchnyh trudov.* Saratov: Izdatel'stvo Torgovo-promyshlennoj palaty Saratovskoj oblasti, 2005a. P. 6–10. (In Russ.).

Dinges G.G. Zadachi jetnograficheskogo otdela Central'nogo muzeja. In *Nasledie i regional'nye issledovanija: sbornik nauchnyh trudov.* Saratov: Izdatel'stvo Torgovo-promyshlennoj palaty Saratovskoj oblasti, 2005b. P. 11–12. (In Russ.).

Erina E. M., Malova N. A. K istorii Tsentral'nogo muzeya ASSR NP. In *Feniks*. Almaty, 1997. N 20. P. 219–235. (In Russ.).

Fleiman E.A. Gosudarstvennye muzei v Respublike nemtsev Povolzh'ya. In *Nemetskii etnos: vekhi istorii*. Moscow, 1994. P. 110–115. (In Russ.).

Fleiman E.A. Iz istorii kraevedeniya v avtonomnoi respublike nemtsev Povolzh'ya (1918–1941 gg.). In *Rossiiskie nemtsy na Donu, Kavkaze i Volge: materialy Rossiisko-Germanskoi nauchnoi konferentsii.* Moscow: Gotika, 1995. P. 223–232. (In Russ.).

Gorobtsova E.A. E.G. Dinges i Saratovskii oblastnoi muzei kraevedeniya. In *Soobshcheniya Engel'skogo kraevedcheskogo muzeya*. Saratov, 1997. Iss. 5. P. 129–131. (In Russ.).

Gribanova N.S. Ekspeditsii kak forma komplektovaniya etnograficheskoi kollektsii istoriko-kraevedcheskogo muzeya AltSPU. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae, 2018 god: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2019. P. 186–195. (In Russ.).

Istoriya rossiiskikh nemtsev v sobranii Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya: al'bom-katalog. Ed. P.P. Vibe. Omsk: OSLH muzei, 2017. 307 p. (In Russ.).

Ivanova-Buchatskaya Yu.V. Goncharnoe remeslo povolzhskikh nemetskikh kolonii. In *Byt i kul'tura rossiiskikh nemtsev v muzeyakh Sankt-Peter6urga: svodnyi katalog.* Eds. A.S. Myl'nikov, T.A. Shrader. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 123–143. (In Russ.).

Karpova O.V. Etnograficheskie issledovaniya Tsentral'nogo muzeya respubliki nemtsev Povolzh'ya. In *Nasledie i regional'nye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov.* Saratov, 2005. P. 78–108. (In Russ.).

Katalog jetnograficheskoj kollekcii rossijskih nemcev v sobranii Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja. Ed. I.V. Cherkaz'janova. Omsk: OSLH muzei, 1997. 98 p. (In Russ.).

Khozyaistvo i byt nemtsev Povolzh'ya XIX–XX vv.: Katalog. Ed. E.A. Gorobtsova. Moscow: Mass media, 1998, 119 p. (In Russ.).

Kisser T.S. Museum and the Russian Germans Identity. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev*. Moscow, 2022. N 1. P. 102–114.

Loiko L.M. Kollektsiya odezhdy nemtsev-kolonistov v Rossijskom jetnograficheskom muzee. *Zhivaya starina*, 1998. N 3. P. 25–27. (In Russ.).

Loiko L.M., Tomazova O.V. Kollektsii nemtsev-kolonistov. In *Byt i kul'tura rossiiskikh nemtsev v muzeyakh Sankt-Peterburga: Svodnyi katalog*. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 83–123. (In Russ.).

Malova N.A. Muzeinye ekspozitsii po istorii i kul'ture povolzhskikh nemtsev kak istoricheskii istochnik. In *Rossiiskie nemtsy. Istoriografiya i istochnikovedenie*. Moscow: Gotika, 1997. P. 225–234. (In Russ.).

Map // Virtual Museum of Russian Germans [Electronic resource]. URL: https://museum.rusdeutsch.ru/ (date of access: 09/10/2020). (In Russ.).

Nasledie i regional'nye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Izdatel'stvo Torgovo-promyshlennoi palaty Saratovskoi oblasti, 2005. 187 p. (In Russ.).

Penner P.G. O sostoyanii muzeev ASSR PN. *Sovetskaya etnografiya*, 1933. N 5–6. P. 100–102. (In Russ.).

Popova I.V. Istoriko-etnograficheskaya kollektsiya rossiiskikh nemtsev v sobranii Altaiskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeya. In *Pamyat'. Otvetstvennost'. Budushchee.* Barnaul: ABVGDeika, 2011. P. 225–231. (In Russ.).

Smirnova T.B. Materialy etnograficheskikh ekspeditsii v nemetskie sela Altaiskogo kraya v Muzee arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2020. N 10. P. 293–298. (In Russ.).

Vardugin V.V. Khraniteli vremeni. Muzei Saratova i Saratovskoi oblasti – Saratov: Privolzhskoe knizhnoe Publ., 2000. 207 p. (In Russ.).

Vibe P.P., Cherkaz'yanova I.V. Vystavka «Nemtsy v Sibiri» v Omskom gosudarstvennom istoriko-kraevedcheskom muzee. In *Izvestija Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja*. Omsk: OSLH muzei, 1996. N 4. P. 84–98. (In Russ.).

Блинова А.Н. https://orcid.org/0000-0001-8284-7042

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0863-0871
УДК 397+398

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Лебедь и его образ в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX века)

В мировоззрении и обрядности хакасов большое значение придавалось лебедю и его образу. Он входил в категорию культовых птиц. Мифо-ритуальные функции этого видного представителя орнитофауны многогранны. Их истоки уходят в глубокую архаику и насчитывают не одно столетие. Вместе с тем следует констатировать тот факт, что в хакасской этнографии образ этого пернатого все еще остается малоизученным. Указанное обстоятельство свидетельствует о новизне представленной работы. В связи с этим, целью данной статьи является характеристика образа лебедя в традиционных представлениях хакасов. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ обусловлен состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают этнографические, лингвистические и фольклорные материалы, в том числе – отрывки из героических сказаний (алыптыг нымахтар) в авторском переводе на русский язык. Работа основывается на методологическом принципе историзма. Используются историко-этнографические методы – реликта и семантического анализа. В ходе исследования определено, что лебедю и его образу отводилось одно из важных мест в мифоритуальном комплексе хакасов. Выявлено, что орнитохроматическая символика, в частности, белый цвет оперенья послужил основой для наименования лебедя. Показано, что его отдельные зоологические особенности, главным образом характеризующие его как водоплавающую птицу, наряду с соответствующим окрасом послужили причиной причисления к разряду священных птиц. В религиозно-мифологическом сознании этот представитель орнитофауны воспринимался в качестве небесного существа, обладающего огромной мистической силой и несущей в себе благодать. Доказано, что образ лебедя ассоциировался с женским началом и идеей материнства. Выявлена семиотическая связь с небесной богиней Умай. Показана роль этой птицы в дарообменных процессах свадебной обрядности.

Ключевые слова: *хакасы, традиционная культура, мировоззрение, лебедь, небесная птица, женское начало, богиня Умай, дарообмен, обрядность.*

V.A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

The Swan and its Image in the Traditional Khakass Culture (Late 19th – Mid 20th Century)

In the worldview and rituals of the Khakass, great importance was attached to the swan and its image. The swan was perceived as a cult bird. The mytho-ritual functions of this prominent representative of the avifauna are multifaceted. Their origins go back to the deep archaic and number more than one century. At the same time, the complex perception of this bird is still studied insufficiently in the Khakass ethnography. This circumstance indicates the novelty of the presented work. In this connection, the purpose of this article is to characterize the image of the swan in the traditional perception of the Khakass people. The chronological framework of the work covers the late 19th – mid 20th century. This chronological range has been chosen due to availability of the database of sources on the subject of the study. The main sources are ethnographic, linguistic and folklore materials, including excerpts from heroic tales (alyptyg nymakhtar) in the author's translation into Russian. The work is based on the methodological principle of historicism. Historical and ethnographic methods are used – relict and semantic analysis. In the course of the study, it was determined that the swan and its image played an important role in the mytho-ritual complex of the Khakass. It is revealed that ornithochromatic symbolism, in particular, the white color of the

operculum served as the basis for the name of the swan. It is shown that its individual zoological features characterizing it as a waterfowl, along with the white color caused the classification of swan as a sacred bird. In the religious and mythological consciousness, this representative of the avifauna was perceived as a celestial being with great mystical power and carrying grace in itself. It is proved that the image of the swan was associated with the feminine principle and the idea of motherhood. A semiotic connection with the celestial goddess Umai has been revealed. The role of this bird in the gift-exchange rituals of wedding ceremony is shown.

Keywords: *Khakass, traditional culture, worldview, swan, heavenly bird, feminine, goddess Umai, gift exchange, ritual.*

Птицы занимают важное место в культуре многих народов мира. Орнитоморфные образы широко представлены как в ее материальной, так и духовной сферах. Пернатые являются одними из ключевых персонажей в народном искусстве, религиозно-мифологических представлениях, обрядовой практике, фольклоре и пр. В мифологическом сознании птицы наделяются разнообразными функциями. Нередко они выступают в качестве демиургов либо их помощников, тотемов, олицетворения души человека, воплощения всевозможных божеств и духов, культурных героев, ездовых животных, вестников и т.д. Одним из таковых является лебедь. Во многих культурах эта птица имеет сакральный статус и в отношении нее есть множество специальных обрядов. Не стали исключением и хакасы. Необходимо отметить, что в хакасской этнографии образ лебедя малоизучен. Цель данной статьи – охарактеризовать традиционные представления хакасов о лебеде.

Природный ландшафт Хакасии выделяется своей неповторимостью и разнообразием. Высокогорная тайга и возвышенности, переходящие в обширные лесостепи и степи, многочисленные реки и озера, встречающиеся на всей ее территории – все это неизбежно привлекает сюда мигрирующих животных и птиц, в том числе и лебедей. В весенне-осенний миграционный период указанная птица обычно останавливается в степной зоне этого региона, чтобы отдохнуть и восстановить силы после длительного перелета. Данный этап их жизни вместе со всеми жителями региона имел возможность наблюдать и енисейский губернатор А.С. Степанов, отмечавший, что «нередко случается видеть, как стая величественных лебедей носится на раздольных волнах Енисея» [1835, с. 95]. Как известно, лебеди предпочитают селиться в водно-болотных угодьях, где имеются водоемы с берегами, заросшими камышом и тростником. Их пребывание в Хакасии обычно имеет непродолжительный период, хотя некоторые из них все же остаются здесь на гнездование. Длительное и внимательное наблюдение хакасов за лебедем, тщательное изучение его повадок и иных особенностей его биологии способствовали накоплению народных знаний о нем и формированию мировоззренческих установок и обрядовой практики по отношению к этой птице.

Хакасы называют лебедя *хуу* [Хакасско-русский…, 2006, с. 870]. Согласно исследованиям лингвистов указанная лексема соответствует общетюркскому *kogy* – ‘лебедь’ и исторически восходит к древнетюркскому *Quyu* [Сравнительно-историческая…, 1997, с. 171; Древнетюркский…, 1969, с. 464]. Среди тюркологов отсутствует единое мнение по вопросу этимологии рассматриваемого термина. Одни из них придерживаются гипотезы о происхождении данной номинации из звукоподражательной практики, а именно – из лебединого курлыканья. Другие же убеждены, что основополагающей причиной конкретного обозначения птицы все же явился соответствующий цвет ее оперенья – *кугу* (хак. *хуу*) – ‘светло-серый, бледный, белый’ [Базарова, 1975, с. 12–13; Чебодаева, 2019, с. 180]. Тюрколог Б.И. Татаринцев, изучая этот вопрос, приходит к выводу, что «звукоподражательный элемент здесь также может быть реальностью, хотя он определенно не первичен, а мог возникнуть, в частности, как результат соответствующего переосмысления первоначального наименования в народно-подражательном духе» [2004, с. 327]. На наш взгляд, наиболее приемлемой является вторая точка зрения. Полагаем, что характерный цвет лебедя уже априори обусловил его наименование. В подтверждении данной мысли следует привести факт того, что в некоторых тюркских языках орнитоним лебедь, помимо уже сказанного, имеет отличное по форме, но идентичное по значению название. И оно недвусмысленно указывает на соответствующее цветообозначение – «*ак куш*» – букв. ‘белая птица’ [Ибрагимов, 1974, с. 37]. Добавим и то, что и в русском языке все первопризнаки концепта лебедь сводятся к колоративному признаку ‘белый’ [Бекмурзаева, 2022, с. 58].

В традиционном сознании хакасов белое оперенье лебедя, как и в целом белый цвет, устойчиво ассоциируется с понятием чистоты, сакральности и причастности к верхнему миру. В народе бытует убеждение, сформированное в результате многовековых наблюдений за образом жизни лебедя, что ему, как и некоторым другим водоплавающим птицам, подвластны три стихии: воздух, земля и вода.

Добавим и то, что на фоне остальных пернатых он выделяется яркой красотой и изяществом. Очевидно, что совокупность всех этих зоологических особенностей, в том числе и чрезвычайно привлекательные внешние данные, способствовали сакрализации образа этой птицы. Поэтому совершенно не случайно то, что финский исследователь М.А. Кастрен, в процессе изучения верований хакасов, обратил внимание на сакральный статус этого видного представителя орнитофауны. Ученый сообщал о том, что «вместе со многими народами они чтут змею и медведя, почитают также священными и разных птиц, и из них больше всех лебедя» [Кастрен, 1999, с. 221].

В традиционных представлениях хакасов лебедь устойчиво ассоциировался с небом и воспринимался в качестве небесного существа. В фольклоре представлен сюжет, согласно которому герой попадает в верхний мир именно благодаря этой птице. Представим соответствующий отрывок: «Так как я не выпускал лебедя. Лебедь поднял меня и полетел. Полетевши, он залетел на небо. Когда я поднялся на небо, там так же, как и на этой земле» [Катанов, 1907, с. 380].

В мифологическом сознании народа тесная связь лебедя с небом не ограничивается лишь подвластностью ему воздушной стихии, выражаемой в возможности длительных и свободных полетов в ней. Нередко образ этого пернатого отождествляется еще и с главными небесными светилами. Подобного рода воззрения получили отражение в следующей загадке: «*көк талайның үстүнде ікі хуу хус сүріс чөрче, чир дее чидіс полбинҷалар* (*күн, ай*)» – ‘на синем море плавают два лебедя, никак не могут догнать друг друга (солнце и луна)’ [Мудрое…, 1976, с. 120]. Реликты подобных представлений выявляются и в хакасской эпике. Так, в одном из героических сказаний дочери царя солнца *Күн Хан’а* носят соответствующие имена – *Ай Арыг* – ‘Чистая Луна’, *Күн Арыг* – ‘Чистое Солнце’ и *Хан Арыг* – ‘Чистая Царица’. По сюжету они периодически перевоплощаются в лебедей, чтобы посетить землю и искупаться в молочном/золотом озере [Хан позырах…, 1969, с. 22–43]. Согласно мифам, именно благодаря деве-лебедю среди хакасов распространился свадебный обычай *айға-күнге пазыртханы* – поклонение солнцу и луне [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 106].

В народе была распространена вера в то, что сам полет лебедя как сакрального существа оказывал позитивное магическое воздействие на все окружающее пространство. Он не только освящает небеса, делает их наиболее яркими и одухотворенными, но и несет живым существам благоденствие и процветание. И поэтому в мифопоэтической традиции хакасов совершенно не случайно дается описание того, что в процессе воздушного перемещения этой птицы само небо предстает уже в абсолютно ином виде – оно кристально чистое и светлое:

«Алтын хууның чарығына
Аран-чула ах хуланның
Ала харағы чалтантыр.
Ханат саап, оң ханады
Отыс тахпах ырлап парир.
Ханат саап, сол ханады
Читон көг көглеп парир.
Көглеп париған кööне
Ханаттыг хус кööленіп,
Хуу сүріп, ханат тудып алған
Турып, чат хончадырлар,
Чир үстүндегі харсахтыг аң
Ырлап париған ырына,
Кööленіп, ылғап халчадыр».

‘От света золотого лебедя
У аран-чула белого жеребенка
Серые глаза ослепли.
Крыльями взмахнул, его правое крыло
Тридцать тахпахов поет,
Опять крыльями взмахнул, его левое крыло
Семьдесят мелодий играет.
Крылатые птицы, в исполняемую им
мелодию влюбившись,
За лебедем погнавшись, от восторга
замирая, отстают.
Со всей земли когтистые звери,
В его песню влюбившись, плача, остаются’.

[Ай Мирген…, 2018, с. 275–276] (Перевод автора).

«Сах ол туста ах пулуттар үстүнең
Ах айастың алтынаң
Ах хуу табызы
Оң хулағында сыңыри түскен
Аалып-чахсының.
Ах хардаң арыг азыр ханатнаң
Анымҷох пиріп öртінең
Ах айаста чіде халған ах хуу хус».

‘В то время выше белых облаков
[И] ниже белого неба
Белого лебедя [прощальный] крик
В правом ухе раздался
[У] лучшего из богатырей.
Двумя крылами [что] белого снега белее
Прощание [свое] послав с высоты
В белом небе исчезла птица белый лебедь’.

[Хан-Тонис…, 2007, с. 291] (Перевод автора).

Следует добавить, что ассоциация лебедя с небесной благодатью встречалась и среди других сибирских народов. В частности, буряты полагали, что белая лебедь *Хун шубун* на своих крыльях приносит счастье, богатство и процветание верующим [Дашиева, 2021, с. 97].

В мировоззрении хакасов образ лебедя, как правило, ассоциируется с женским началом, и при этом он часто отождествляется с идеей материнства. Представления о высшей силе, манифестируемой в образе лебедя, чрезвычайно сближает эту птицу с образом известной и весьма почитаемой хакасами и другими тюркскими народами богини-небожительницы *Умай* (*ЫмайинеIіҷе*). В традиционных воззрениях народа она выступает в роли божества плодородия и защитницы материнства и детства. Верили, что с целью свершения благодеяний она словно птица спускается с небес. Ее представляли в виде красивой белокожей женщины со светлыми волосами. В этой связи представляется вполне убедительной мысль тюрколога М.И. Боргоякова об изначальной природе богини *Умай*, представляемой в орнитоморфном образе, и ее последующей эволюции. Согласно его исследованию, образ рассматриваемого божества восходит к водоплавающей птице, очевидно, к лебедю. Ученый сделал вывод о том, что «в тюркоязычном мире он продолжал бытовать в образе хума/хумай, хубай/к, убай/к, уба/к, уман/коман/хуу/к, уу со значением ‘мифическая или сказочная птица’, а также ‘лебедь’, ‘лебедь-девица’. С другой стороны, в последующем развитии этот образ превратился в Умай (ЫмайМай-Ине) ‘Мать-Умай’» [Боргояков, 1984, с. 139]. К сказанному добавим, что в тюркских языках слово *хубай/куба* имеет значение лебедь и в своей основе опять-таки восходит к цветообозначению этого пернатого – «бледный, светлый» [Сравнительно-историческая…, 1997, с. 172]. Признаки былой орнитоморфности богини *ЫмайУмай* обнаруживаются и в шаманских молитвенных обращениях к ней, записанных у северных алтайцев, в частности, у кумандинцев:

«Ак ајастан, кайн, тӱш
Умай-эне, куш-эне!»

‘С ясного неба, паря, спустись,
Мать Умай, птица-мать!’

[Потапов, 1973, с. 276].

Исследования Л.П. Потапова показали, что среди тюркских народов культ данной богини получил широкое распространение с древнетюркского времени. В этот период *Умай* наряду с такими верховными божествами, как *Тенгри* и *Йер-Суб* выступала в качестве верховной покровительницы воинов и участников военных походов [Там же, с. 269]. Представления о богине *Умай*, как о носительнице священной благодати и одновременно – непримиримой воительнице, в дальнейшем подверглись трансформации. Вместе с тем, реликты архаических воззрений сохранились в эпическом творчестве хакасов. На наш взгляд, один из аспектов многогранного образа *Умай* проявляется в образе героической женщины или девы-богатырки, принимающей облик лебедя. Во многих богатырских сказаниях функцию чудесных помощниц и мудрых советчиц героя обычно выполняют его мать или родные сестры. И в самый критический для него момент они, перевоплотившись в лебедей, приходят на помощь – исцеляют, спасают от неминуемой смерти или даже оживляют богатыря [Овичев, 1905, с. 8; Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 130; Субракова, 2007, с. 65]. В отдельных эпических произведениях встречается сюжет, по которому главным героиням для свершения ратных дел предопределено свыше оборачиваться в лебедя. К числу таких персонажей относится дева-богатырка по имени *Хызыл Тӱлгӱ* – ‘Красная Лисица’:

«Иб ээзі ипчі Хара Торғы
Алты пастығ ах сундуғын
Сала маңзыри аза тартхан
Харысча халыны, кичім улиинча
Хағас пічікті ол хығырча.
Алтон листті асханда
Анда полтыр пазылғаны.
Аттығ чӧрерге чаялбиндыр
Ал-позы ол хысха.
Хуу кибі полтыр
Хыс кізі аны кизіп,
Учух чӧрер полтыр.
Ады адалып пазылтыр:
Тӱбен чонның пазы,
Тӱлгӱ Хызыл полтыр.
Хуу киптіг хыс позы
Хан тигірче учуғар полтыр»
Тӱлгӱ-Хызыл хуу кибін кизіп,
Тиксі тигірче учух-парча».

‘[Этого] дома хозяйка женщина
[по имени] Хара Торгы
С шестью отделениями [свой] белый сундук
В спешке [великой] дернув [за ручку] открыла.
[В] пядень толщиной, [и] размером [с] чепрак
Бумажное письмо она читает.
[Лишь] шестидесятый лист открыв –
[Увидела она, что] запись там была.
[Что для] езды [на] лошади [она] не создана
Лично эта дева.
[Из] лебединого [пера] одежда [ее] была–
Деве [этой] надев ее,
[По небу] летать суждено.
[И] имя [ее] написали [там]:
Многочисленного народа глава,
Тюлгю Хызыл, оказывается [она].
[В] одежде [из] лебединого [пера], дева [она]
[По] царственному небу летать
предназначена [она] <…>
Тюлгю Хызыл [свою] одежду лебедя надев,
[По] всему [бескрайнему] небу летает’.

[Хызыл Тӱлгӱ…, 1951, с. 129, 132] (Перевод автора).

Среди некоторых тюрко-монгольских народов Сибири были распространены представления о лебеде как о тотемном животном. Так, например, челканцы – одна из групп северных алтайцев, проживающие в долине р. Лебедь, традиционно называют себя «*куу-кижи*» – ‘лебеди-люди’ и считают себя потомками «белого лебедя» [Шерстова, 1984, с. 142]. Отдельные бурятские этнические группы, главным образом хори-буряты и хонгодоры также воспринимают лебедя в качестве своего тотема [Бадмаев, 2020, с. 108]. Подобных же тотемистических воззрений придерживались и некоторые якутские рода [Золотарев, 1934, с. 33]. Заметим, что в основу тотемистических верований лег известный мифологический сюжет о метаморфозе лебедя в девицу и наоборот. Согласно сюжету, лебедь снимает свою волшебную птичью одежду на берегу озера/моря и, преобразившись в девицу, отправляется купаться. Молодой богатырь похищает ее одежду. Девица не имеет возможности вернуть свой прежний облик, вынужденно становится супругой героя и дает жизнь роду [Лебедь, 1988, с. 40].

У хакасов не были зафиксированы представления о лебеде, как тотемном животном какого-то конкретного *сөөк’а* – рода. Вместе с тем указанный мифологический сюжет о брачном союзе человека и лебедя широко распространен в их фольклоре. Он довольно часто встречается и в эпических произведениях. Так, в одном из них имеется следующее повествование:

«Алып төреен Хан Мирген
От арали чыл парып,
Алтын көлнің азаандағы
Суға кірчеткен хыстың
Хуу кибін алып алды,
Азах үстүне турыбысты.
Хыстар, Хан Миргенні көрбинең,
Көлдең сығара ойласханнар,
Ікі хызы, хуу киптерін кизіп,
Учуғыбысханнар.
Үзінчі хызы көлдең сых килген,
Хуу кибінзер парза, орында чоғыл.
Хан Мирген алып кізі,
Хуу кипті тудынып, чүгүр парир.
Ол хыс, хысхырып ала,
Ай соонаңох ойлапчадыр:
– Хуу кибімні хайдар апаризың? – тіп,
Алып төреен Хан Мирген,
Хан позырах адының хырина парып,
Хуу кипті тудын салған турчадыр.
Ол хыс андох чит килген,
Хуу кибін кілепчедір,
Хан Мирген пирбинчедір.
Хан Мирген чоохтапчадыр:
– Минің ипчім полар ползаң,
Хуу кибің анаң пирем».

‘Богатырем рожденный Хан Мирген
Среди травы ползком пробравшись,
[У] нижнего края [этого] золотого озера
[У] девы, входившей в воду,
Лебяжью одежду [крадучись] забрал,
[И тут же] на ноги поднялся.
Девы [его] Хан Миргена, проглядевшие,
[Из] озера [в страхе] выбегали,
Две девы, лебяжьи одежды, одев,
Улетели.
[А] третья дева [из] озера выйдя,
[К] лебяжьей одежде [своей] подойдя,
[на] месте [ее] не застала.
Хан Мирген богатырь,
Лебяжью одежду схватив, убегает.
Та дева, крича [ему] вслед,
За ним [же] бежит:
– Лебяжью одежду [мою] куда [ты]
несешь? – говорит,
Богатырем рожденный Хан Мирген,
[К своему] кроваво-рыжему коню подбежав,
Лебяжью одежду держа [так и], стоит.
[И] та дева туда же подбежала,
Лебяжью одежду [свою] просит отдать,
Хан Мирген [же, одеяние ее] не отдает.
[И мало того], Хан Мирген говорит:
– Моей женой если станешь,
Лебяжью одежду тогда отдам’.

[Хан позырах…, 1969, с. 26–27] (Перевод автора).

Ввиду сакральной природы лебедя охота на него запрещалась [Кузнецова, Кулаков, 1898, с. 192]. Так, например, Н.Ф. Катанов сообщал, что «бельтирское племя не стреляет лебедя – это грешно» [1897, с. 60]. Следует заметить, что табу на промысел этой птицы среди хакасов, помимо того, объяснялся еще и тем, что она относилась к категории «*харғысчыл хус*» – ‘проклинающих птиц’. В народе про нее говорили: «*хуу хус – толығлыг хус, харғысчыл хус*» – ‘лебедь – птица проклинающая, требующая жертву’ [Бутанаев, 1999, с. 197]. Согласно народной классификации в группу «*харғысчыл хус*» помимо лебедя входили такие пернатые, как: фламинго, дрофа, журавль и некоторые другие. При этом все они, несмотря на видовое разнообразие, из-за обозначенной способности имели общее наименование «*хуулар*» – ‘лебеди’ [Бутанаев, 2003, с. 74]. Мотив традиционного проклятья, косвенно связанный с образом лебедя, встречается и в эпическом творчестве:

«Хас килгенче – харала хурупчат,
Хуу килгенче – хубара хурупчат!»

[До] прилета гусей – [до] черноты засохни,
[До] прилета лебедей – [до] белизны засохни!’

[Ай Мирген…, 1959, с. 51] (Перевод автора).

Вместе с тем, в традиционном хакасском обществе в ритуальных целях убийство этой птицы все же допускалось. Право на это действие давал обычай *хуу ӱлгӱзі*. Его суть сводилась к тому, что человек, подстреливший лебедя, отправлялся к состоятельным сородичам, чтобы получить за него подарок. При этом каждый лебедь в зависимости от вида, размера и красоты имел соответствующую символическую ценность. Хакасы выделяли три его вида: 1) *ат хуузы* (‘конский лебедь’) – за него дарили коня, 2) *інек хуузы* (‘коровий лебедь’) – в обмен получали годовалого теленка, 3) *хой хуузы* (‘овечий лебедь’) – за него давали овцу [Потапов, 1959, с. 24; Бутанаев, 1999, с. 197]. Можем предположить, что данным птицам соответствовали: лебедь-шипун (cygnus olor), лебедь-кликун (cygnus cygnus) и малый/тундровый лебедь (cygnus columbianus bewickii). Все эти пернатые в процессе циклических миграций посещают Хакасию. Заметим, что подобный обычай встречался и среди других народов Сибири, в т.ч. и у бурят [Бадмаев, 2020, с. 108].

Охота на лебедя регламентировалась определенными правилами, в основе которых лежали традиционные верования. Так, для того, чтобы минимизировать возможные негативные последствия от добычи сакральной птицы, охотник подбирал подходящее время. Так, например, по материалам Н. Попова, «осенью его нельзя стрелять, – случится несчастье; а весною и летом можно» [1884, с. 650]. Помимо того, при обнаружении лебединой пары рекомендовалось сразу подстрелить обоих. В противном случае, как полагали, уцелевшая птица предаст проклятью стрелка и его семью, отчего на них неминуемо обрушатся всевозможные несчастья и беды (ПМА). Не исключено, что именно эта идея, а не простое бахвальство меткостью легла в основу эпизода охоты эпического героя Тасха Матыра на лебедей:

«Тасха Матыр ухчазын хабынған.
Ікі ух сыырсахти тудыбысхан
Ӱзінҷі уғын киске тастабысхан,
Оң азағын тӧзене одыра тӱскен,
Сол азағын чӱгӱрте тастабысхан.
Кирбейте тартып позытханда,
Чаачах саплап, ух көглебіскен,
Пастағы хууның харах хаста ӱзе атабысхан,
Ханат хағынып пазы суға тӱс парған.
Ікінҷі хуузы сӧртеп тур килгенде,
Ікінҷі уғы көглебіскен,
Мойнынаң кизе атхан.
Ӱзінҷі хуузы ханат хағып турыбысханда
Ӱзінҷі уғы көглебіскен,
Ханадын хағып турабас,
Көксін орты тӱбінең ӱзе ат тӱзірібіскен».

‘Тасха Матыр лук схватил.
Две стрелы вместе взяв
Третью стрелу [ее] ушком (пятой) [на]
тетиву наложил,
[На] правое колено, опускаясь, присел,
Левую ногу вперед выставил.
[До] предела натянул [он тетиву, и когда]
спустил [ее],
Лук забился [в руках, а] стрела запела,
Первому лебедю [чуть] выше глаз [все]
отстрелил,
[Лебедь] крыльями забил, [а] голова
[его в] воду упала.
[Когда] вторая птица разбежалась [для] взлета,
Вторая стрела запела,
Шею [ее] насквозь прострелил.
Третья птица [когда] поднявшись
крыльями [своими] забила,
Третья стрела запела,
[Пока] крыльями [лебедь] взмахивал
Грудь [ее в] центре [у] основания
насквозь прострелила’.

[Тасха Матыр, 1962, с. 44–45] (Перевод автора).

Первым из исследователей, кто дал краткое описание данной обрядовой практики, был М.А. Кастрен. Он обратил внимание на то, что она имела широкое распространение среди хакасов. Ученый сообщал о том, что охотник, добывший лебедя, относил его в качестве подарка соседу. Тот обязан был принять его, угостить гостя айраном – кисломолочным напитком и в качестве отдарка дать ему свою лучшую лошадь. В свою очередь новый владелец лебедя передаривал его ближайшему соседу. Причем обменивал его так же выгодно. Как отмечал исследователь: «Таким образом, лебедь переходил из юрты в юрту, пока придется, наконец, кому-нибудь поплатиться лучшим конем за полусгнившую птицу» [Кастрен, 1999, с. 221]. Другой автор – Н. Попов внес некоторые дополнения к сведениям об этом обычае. Он привел новые детали, связанные с внешним оформлением дарственной птицы, а также конкретизировал список отдариваемых объектов. Помимо того указал на обязательность проведения праздничного пиршества – *хуу тойы* в честь этого события. Так, в его материалах встречаем информацию о том, что «если бедняк убьет лебедя, то надевает ему на шею платок и везет дарить богатому татарину. Тот, принявши подарок, отдаривает конем, бычком, или бараном, а лебедя сохраняет до какого-нибудь праздника; – тогда созывает гостей и угощаете их лебединым мясом, как самым лакомым кушаньем» [Попов, 1884, с. 650].

Упоминание о рассматриваемой традиционной дарообменной практике с фиксацией перечня соответствующих объектов встречается и в этно-

графических записях Н.Ф. Катанова: «В прежние времена были такие обычаи: если застрелить лебедя и, взявши (его и) вина с собой, поехать в гости, давали лошадь; если застрелить кыскылака [фламинго] и (взявши его с собой) поехать сватать, то давали дочь; если драхву (тодак) и, взявши (ее и) вина с собой, поехать, то давали, кажется, теленка; если везти журавля, то давали стельку (для обуви)» [1897, с. 59–60]. Лаконичные сведения об этом культурном явлении у хакасов предоставил В. Серебряков. Он сообщал о том, что добычей лебедя занимались преимущественно пожилые мужчины. Внутренности птицы вынимались, после чего она была готова для дарообменных актов [Серебряков, 1928, с. 32].

Наиболее полное и детальное описание данного мировоззренческого феномена с учетом материалов предшественников представлено в работах Л.П. Потапова [1959] и В.Я. Бутанаева [2003, с. 74–76]. Не имеет смысла приводить все новые сведения по этому вопросу, полученные в ходе полевых этнографических работ. Вместе с тем, большой интерес для нас вызывает выявленный Л.П. Потаповым факт участия определенного вида лебедя в свадебной обрядности. В народе он назывался «*хыс хуу*» – ‘девичий лебедь’. Когда привозили в гости лебедя с целью посватать девушку, отказа никогда не было [Потапов, 1959, с. 28]. Ученый в ходе своего исследования пришел к мысли о том, что «хакасский обычай привозить убитого лебедя в гости имеет древнее происхождение, возникшее в эпоху материнского рода на почве специфической формы кузенного брака и тотемистических представлений далеких исторических предков современных хакасов» [Там же, с. 30]. К сказанному следует добавить то, что в дарообменных ритуалах свадебного цикла лебедь наравне с фламинго был равноценен невесте и имел соответствующее семиотическое значение. Образ лебедя не только отождествлялся с невестой, ее сакральной сущностью, но и выступал ярким символом будущего благополучия семейной пары.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной культуре хакасов лебедь и его образ занимали важное место. Он входил в категорию наиболее почитаемых птиц и имел положительную коннотацию. Исходя из соответствующей орнитохроматической символики, лебедь воспринимался в качестве небесной птицы, связанной с солярно-лунарным культом и идеей благодати. В религиозно-мифологическом сознании народа он отождествлялся с женским началом и материнством, выступая в качестве олицетворения богини Умай. Являлся важнейшим элементом дарообмена в свадебной обрядности.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Ай Мирген и Алтын Хус // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). Журналист, 2018.– С. 262–335.

Ай Мирген. Героическое сказание, записанное от П.И. Сулекова (на хак. яз.). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. – 135 с.

Бадмаев А.А. Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 2. – С. 106–113.

Базарова Д.Х. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология. – 1975. – № 4. – С. 11–22.

Бекмурзаева Ф.Ш. Национальная ментальность в зеркале происхождения репрезентантов орнитологических концептов в русском языке // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Лингвистика. – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 53–62.

Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 135–141.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.

Дашиева Л.Д. Культ лебедя в традиционной культуре бурят // Междунар. научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12 (114). – Ч. 5. – С. 97–100.

Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.

Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. – Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1934. – 52 с.

Ибрагимов К. Некоторые древнетюркские названия птиц и их параллели в современных тюркских языках // Советская тюркология. – 1974. – № 6. – С. 37–47.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисей-

ской губернии. – Казань: Типо-Лит-я Импер-го Казанского ун-та, 1897. – 104 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. – 298 с.

Лебедь // Мифы народов мира. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 40–41.

Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок / состав. У.Н. Кирбижекова. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. – 128 с.

Овичев. Богатырские поэмы Минусинских татар // Сибирский наблюдатель, 1905. – Кн. 3. – С. 1–9.

Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. – СПб., 1884. – Т. 20, вып. 6. – С. 645–659.

Потапов Л.П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебедя у хакасов) // СЭ. – 1959. – № 2. – С. 18–30.

Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник-1972. – М.: Наука, 1973. – С. 265–286.

Серебряков В. К вопросу о проазиатских элементах у хакасов // Этнограф-исследователь. – 1928. – № 2–3. – С. 28–35.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов и др. – М.: Наука, 1997. – 799 с.

Степанов А.С. Енисейская губерния. Ч. 1. – СПб: Тип. Конрада Вингебера, 1835. – 280 с.

Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 164 с.

Тасха Матыр. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1962. – 108 с. (на хак. яз.).

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 3. – 440 с.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. – 312 с.

Хакасско-русский словарь / отв. ред. О.В. Субракова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Хан позырах аттыг Хан Мирген // Хан Мирген. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. – С. 9–114. (на хак. яз.).

Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М.Р. Баинова / отв. ред. М.Р. Баинов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 384 с.

Хызыл Тӱлгӱ (алыптыг нымах) // Алыптыг нымахтар (Богатырские сказания на хак. яз.). – Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. – С. 101–156.

Чебодаева Л.И. Названия водоплавающих и околоводных птиц в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 10. – С. 179–183.

Шерстова Л.И. Легенды о Шуну у народов Южной Сибири (Мифы и реальность в традиционных сюжетах) // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 141–147.

References

Ai Mirgen i Altyn Hus. In *Obrazcy narodnoi literatury tyurkskih plemen, zhivushchih v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi. Sobrany V.V. Radlovym*. Vol. 2: Podnarechiya abakanskie (sagajskoe, kojbal'skoe, kachinskoe), kyzyl'skoe i chulymskoe (kyuerik). Abakan: Zhurnalist, 2018. P. 262–335. (In Khakas., In Russ.).

Ai Mirgen. Geroicheskoe skazanie, zapisannoe ot P.I. Sulekova. Abakan: Khakass. knizh. izd-vo, 1959. 135 p. (In Khakas.).

Badmaev A.A. Traditional ideas of the Buryats about birds. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. N 2. P. 106–113. (In Russ.).

Bainov M.R. (ed.) Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrskoe skazanie M.R. Bainova. Novosibirsk: Novosibirsk. knizh. izd-vo, 2007. 384 p. (In Khakas.).

Bazarova D.Kh. K etimologii nekotoryh drevnetyurksih nazvanii ptic. In *Sovetskaya tyurkologiya*, 1975. Vol. 4. P. 11–22. (In Russ.).

Bekmurzaeva F.Sh. Nacional'naya mental'nost' v zerkale proiskhozhdeniya reprezentantov ornitologicheskih konceptov v russkom yazyke. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Lingvistika*, 2022. Vol. 22. N 3. P. 53–62. (In Russ.).

Borgoyakov M.I. Ob odnom drevnejshem mifologicheskom syuzhete, ego evolyucii i otrazhenii v fol'klore narodov Evrazii. *Voprosy drevnej istorii Yuzhnoj Sibiri*. Abakan, 1984. P. 135–141. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Burhanizm tyurkov Sayano-Altaya. Abakan: Khakas State Univ. Press, 2003. 260 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Hakassko-russkij istoriko-etnograficheskij slovar'. Abakan: Khakasiya, 1999. 240 p. (In Khakas., In Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir hongorskogo fol'klora. Abakan: Khakas State Univ. Press, 2008. 376 p. (In Russ.).

Chebodaeva L.I. Nazvaniya vodoplavayushchih i okolovodnyh ptic v khakasskom yazyke. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019. Vol. 12. N 10. P. 179–183. (In Russ.).

Dashieva L.D. Kul't lebedya v tradicionnoj kul'ture buryat. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'ski' zhurnal*, 2021. Vol. 12 (114). N 5. P. 97–100. (In Russ.).

Hyzyl Tulgu (alyptyg nymah). In *Alyptyg nymahtar* (*Bogatyrskie skazaniya na khak. yaz.*). Abakan: Khakass Publ., 1951. P. 101–156. (In Khakas.).

Ibragimov K. Nekotorye drevnetyurkskie nazvaniya ptic i ih paralleli v sovremennyh tyurkskih yazykah. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1974. Vol. 6. P. 37–47. (In Russ.).

Kastren M.A. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). Tyumen': Yu. Mandriki Publ., 1999. 352 p. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg: Imp. AS, 1907. Vol. 9. 640 p. (In Russ.).

Katanov N.F. Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sent. 1896 g. v Minusinskii okrug Enisejskoi gubernii. Kazan': Imper. Kazan. Univ., 1897. 104 p. (In Russ.).

Khan pozyrah attyg Khan Mirgen. In *Khan Mirgen*. Abakan: Khakass. otd-e Krasnoyarsk. knizh. izd-va, 1969. P. 9–114. (In Khakas.).

Kirbizhekova U.N. (ed.) Mudroe slovo. Sbornik hakasskih narodnyh poslovic i pogovorok i zagadok. Abakan: Khakass. Otd-ie Krasnoyarsk. knizh. izd-va, 1976. 128 p. (In Khakas., in Russ.).

Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinskie i achinskie inorodtsy. Krasnoyarsk: Enis. gub. upr-ie, 1898. 298 p. (In Russ.).

Lebed'. *Mify narodov mira*. Moscow: Sov. ents, 1988. Vol. 2. P. 40–41. (In Russ.).

Nadeljaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev Je.R., Shherbak A.M. (eds.) Drevnetyurkskii slovar'. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Tyurk., In Russ.).

Ovichev. Bogatyrskie poemy Minusinskih tatar. *Sibirskii nablyudatel'*, 1905. Vol. 3. P. 1–9. (In Russ.).

Popov N. Pover'ya i nekotorye obychai kachinskih tatar. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. – Sankt-Peterburg, 1884. Vol. 20. N 6. P. 645–659. (In Russ.).

Potapov L.P. Iz istorii rannih form sem'i i religioznyh predstavlenij (obychaj dareniya lebedya u khakasov). *Sovetskaya etnografiya*, 1959. Vol. 2. P. 18–30. (In Russ.).

Potapov L.P. Umaj – bozhestvo drevnih tyurkov v svete etnograficheskih dannyh. In *Tyurkologicheskij sbornik-1972*. Moscow: Nauka, 1973. P. 265–286. (In Russ.).

Serebryakov V. K voprosu o proaziatskih elementah u hakasov. *Etnograf-issledovatel'*, 1928. Vol. 2–3. P. 28–35. (In Russ.).

Sherstova L.I. Legendy o Shunu u narodov Yuzhnoi Sibiri (Mify i real'nost' v tradicionnyh syuzhetah). *Voprosy drevnei istorii Yuzhnoi Sibiri*. Abakan, 1984. P. 141–147. (In Russ.).

Stepanov A.S. Enisejskaya guberniya. Sankt-Peterburg: Konrad Vingeber. 1835. Vol. 1. 280 p. (In Russ.).

Subrakova O.V. (ed.) Khakassko-russkii slovar'. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p. (In Khakas., In Russ.).

Subrakova O.V. Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa. Abakan: Khakass. knizh. izd-vo, 2007. 164 p. (In Russ.).

Taskha Matyr. Abakan: Khakass. knizh. izd-vo, 1962. 108 p. (In Khakas.).

Tatarincev B.I. Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 2004. Vol. 3. 440 p. (In Tyv., in Russ.).

Tenishev Je.R., Blagova G.F., Dobrodomov I.G. et al. (eds.) Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika. Moscow: Nauka, 1997. 799 p. (In Russ.).

Ungvitskaya M.A., Mainagasheva V.E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Abakan, 1972, Khakass. otd-e Krasnoyarsk. knizh. izd-va. 312 p. (In Russ.).

Zolotarev A.M. Perezhitki totemizma u narodov Sibiri. – Leningrad: INS CIK USSR Publ., 1934. 52 p. (In Russ.).

Бурнаков В.А. https://orcid.org/0000-0001-9636-3081

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0872-0877
УДК 398.4

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Звуки иного мира в нарративах восточных славян и финно-угров в Западной Сибири

В статье рассмотрены представления о звуках и голосах персонажей иного мира восточнославянских и финно-угорских народов Западной Сибири. «Тот свет» представлялся зазеркальем, во многом повторяющим земной мир. Духи виделись в облике людей, птиц, животных, но чаще оставались невидимыми и вступали в контакт с людьми при помощи звуков. Услышать голос инфернального персонажа считалось знаком, предвещавшим перемену в судьбе, чаще всего известие о смерти. За голоса домашних духов принимали звуки, которые слышали в переходное время (ночью, в полдень, на закате солнца, во время календарных праздников) или при особых обстоятельствах. Встреча людей и духов считалась возможной, когда соприкасались границы миров – во времени, пространстве, накануне смерти. Те же самые звуки, воспроизводимые человеком, могли привлекать нечистую силу, поэтому существовали табу, связанные с некоторыми видами шума в определенное (пороговое) время. К звукам демонической природы относили стук, свист, хохот, пение, тихую музыку, завывание ветра, голоса животных и птиц, необычные звуки. Пение русалок коррелировало с представлениями о музыке, выманивающей душу и сопровождающей ее в иной мир. Способностью чувствовать смерть обладали животные, птицы и сообщали о ней нетипичными для них голосами. Одним из признаков иномира была тишина, а его обитателей называли «немыми». Немота (так же, как невидимость) мифологических персонажей была символом, подчеркивающим демоническую природу, принадлежность к другому миру – невидимому, неосязаемому, неслышному для людей. Одни звуки ассоциировались с голосами демонических персонажей и привлекали их (свист, стук по дереву, пение около воды), другие их отгоняли. Отпугивающими нечистую силу звуками были звон металла, колокольный звон, голоса и смех людей, матерная брань, громкая музыка. Для изгнания нечистой силы практиковали шумные обряды.

Ключевые слова: *звуки, голоса, мифология, иной мир, нежить, нечистая сила, шум, звон, свист, немота, тишина.*

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Sounds of Other World in the Beliefs of the Eastern Slavs and Finno-Ugric Peoples in Western Siberia

The article presents the beliefs about the sounds and voices of the characters of the other world of the Slavic and Finno-Ugric peoples of Western Siberia. The other world seemed to be a reflection of the real world. Ghosts could appear in the form of people, birds, animals, or they could be invisible. The sound of the infernal character's voice was a sign portending a change in fate, most often it was a warning of death. The voices of hobgoblins were ordinary sounds that could be heard at border times (at night, noon, at sunset, and during calendar holidays) and under special circumstances. The meeting of ghosts and people was considered possible when the bound of their "worlds" in time, space, or not long before death touched. The same "special" sounds reproduced by a living being may attract otherworldly characters. Therefore, there were taboos for certain types of noise at border times. The demonic sounds included knocking, whistling, laughter, singing, music, wind noise, voices of animals and birds and any unusual sounds. The mermaid's singing is associated with ideas about music that lures the soul and accompanies it to other world. Death could be felt by animals, birds, and they reported it with voices atypical for them. Silence was perceived as a sign of the other world, and its inhabitants were called dumb. "Muteness" of

mythological characters (as well as "invisibility") was a sign of their demonic nature and their belonging to other world, not visible, tangible, or audible for people. Some sounds were associated with the voices of demonic characters and attracted them (whistling, knocking on wood, singing near a pond), other sounds drove them away. The sounds that frightened away demonic characters and ghosts were the ringing of metal, bell ringing, loud voices and laughter of people, filthy language, and loud music. Noisy rites were practiced to exorcise ghosts and demonic characters.

Keywords: *sounds, voices, mythology, underworld, demonic characters, the walking dead, power, noise, ringing, whistling, silence.*

За двадцать лет полевых исследований, посвященных изучению мифоритуального комплекса восточнославянских и финно-угорских (преимущественно коми) народов России, были собраны материалы, раскрывающие различные аспекты народных верований. Отдельную группу представляют нарративы о звуках иного мира, голосах *нежити.*

Объединение материалов по сюжету, независимо от этнической принадлежности информантов, обусловлено гипотезой о целостности славяно-финно-угорского мифоритуального комплекса, сложившегося на территории ряда регионов России (Северо-Запад России, Приуралье, Западная Сибирь) в силу исторических причин. Взаимовлияние культур славянских (в первую очередь русских) и финно-угорских народов в процессе формирования этносов, их расселения на территории Европейской России и дальнейшего продвижения на север и восток, происходило на различных уровнях: бытовом, мировоззренческом, обрядовом, конфессиональном и т.д. Растянувшиеся на несколько веков процессы этнокультурного взаимодействия (начиная с XI–XII вв. – времени формирования древнерусской народности на основе слияния восточнославянских, финно-угорских и балтских племен [Седов, 2005, с 218; Горский, 2008, с. 5]), продолжаются до наших дней. Огромная территория и пестрый, дисперсный этнический состав населения многократно усиливали локальные различия верований и обрядов, которые в ряде случаев дифференцировались в большей степени по региональной принадлежности, чем по этнической, образуя относительно единые мифоритуальные комплексы, характерные для той или иной территории. Поэтому региональный принцип в исследовании традиционной культуры восточнославянских и финно-угорских народов в ряде регионов России (включая Западную Сибирь) представляется наиболее продуктивным. На примере представлений о звуках, соотносимых с голосами *нежити*, выявляя сходства и различия локальных верований, можно проследить эволюцию и реконструировать исходные образы некоторых мифологических персонажей.

Иной мир в верованиях русских, белорусов, украинцев, коми представлялся зазеркальем, в котором по ту сторону бытия повторялась жизнь, во многом похожая на жизнь людей. Духи, населявшие тот параллельный мир, виделись в облике людей, птиц, животных, от смертных их отличали магические способности. Обитателей иномира можно было встретить при определенных обстоятельствах – в пограничное время (ночью, в полдень, на закате солнца, во время календарных праздников), в особом месте, но, как правило, для людей они были невидимы. Зато их можно было услышать. Звуки иного мира, во многом повторяющие голоса людей, животных, птиц, завывание ветра, треск огня, деревянный стук или же, напротив – полное отсутствие звуков, тишина – осмысливались как знаки, предсказания о грядущих переменах в судьбе услышавшего или его родных.

Домашние духи (домовой, кикимора) топали, стучали, стонали, плакали, завывали, звенели посудой, скрипели половицами, трещали веретеном, стучали прялкой, коклюшками, воспроизводили звуки, похожие на человеческую речь. *«В каждом доме живет суседко. Что-то делает, может разговаривать. Только слова его непонятные, бормочет невнятно. <…> Часто кто-то стучит по три раза, то в окно, то в стенку, но не в дверь. А спрашивать* "*кто там?*" *нельзя, тогда что-то плохое будет»* (ПМА, с. Мереть, Сузунский р-н НСО, 2019). *«Положила конфеты домовому в его место, а сын их нашел и съел. Домовой всю ночь не давал спать, топал, психовал»* (ПМА, д. Петропавловка, Маслянинский р-н НСО, 2016). *«Как сына схоронила, на девятый день ночью в доме всё гремело. В окно стучало, посудой кто-то гремел. А кто это? То ли домовой бесился, то ли сын приходил»* (ПМА, там же). *«Когда умер дед, до сорока дней домовой беспокоил. На кухне гремело, кастрюли падали, погреб обвалился. Через сорок дней душа на тот свет уходит, тогда тихо стало»* (ПМА, с. Довольное НСО, 2015). В «мычании» домового многие информанты пытались расслышать слова «добро» или «худо» – в ответ на вопрос, какое событие предвещает его появление. В то же время, распространено мнение, что нельзя вступать в контакт с духами, даже с домовым (который не считается нечистой силой), поскольку сам вопрос может спровоцировать («притянуть»)

несчастье. *«Домовой ночью по хате ходит. Увидел, молчи. Нельзя его спрашивать, к худу или к добру. Заговорит с тобой, значит быть беде»* (ПМА, д. Кукарка, Карасукский р-н НСО, 2004).

Более пугающими были звуки, которые связывали с кикиморой, ее появление в доме предвещало беду. *«В войну у нас в подполе кикимора завелась. Никто не видел, только слышали. Ночью, как спать ляжем, слышно шаги под полом: тук, тук. Страшно было. Потом слышу, как будто свистит внизу. То ли свистит, то ли плачет. Бабушка старенькая была, я ее спрашиваю: – Ты слышишь? это чё? Она говорит: – Слышу, это кикимора у нас плачет, жди беды. На следующий день принесли похоронку, брата убили. Мужики все на фронте были. Потом еще два раза слышали. А следом похоронки приносили»* (ПМА, с. Зыряновка, Заринский р-н, Алтайский край, 2009). *«У соседей завелась кикимора. Каждую ночь по чердаку у них как на телеге по всей хате каталась, грохот стоял»* (ПМА, с. Светлое Краснозерский р-н НСО, 2004). *«Худые люди гвозди под крыльцо подкапывают <…> кикимора придёт, будет пакостить, стучать и греметь. От этого кто-нибудь заболеет или умрет»* (ПМА, с. Мереть НСО, 2019). «*Заглянула я в баню, а там кикимора сидит, коноплю тюпает. Тюпает и тюпает, стукоток стоит»* (ПМА, д. Барлакуль Здвинский р-н НСО, 2001).

Согласно приведенным текстам, за голоса домашних духов информанты принимали обычные звуки. Нетипичны время и обстоятельства, при которых слышали эти звуки.

Персонажи «дикого» пространства (лес, поле, водоем), часто оставаясь невидимками, распознавались по голосам. «Леший поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет» [Даль, 2008, с. 530]. «Они умеют и хохотать, и аукаться, свистеть и плакать по-людски, и если делаются бессловесными, то только при встрече с настоящими, живыми людьми» [Там же, с. 536]. «Настоящий леший нем, но голосист. <…> Поет он иногда голосом во все горло (с такой же силой, как лес шумит в бурю) почти с вечера до полуночи» [Там же, с. 536]. «Немоту» мифологических персонажей, также как «невидимость», можно считать признаком, подчеркивающим демоническую природу, принадлежность к иному миру – невидимому, неосязаемому, неслышному для людей. Встреча представителей разных миров (духов и людей) возможна, когда соприкасаются границы этих миров – во времени, пространстве, на грани жизни и смерти. Появление лешего могло считаться предзнаменованием, а иногда и причиной смерти. *«Дед ходил в лес, однажды рубил дрова. Вдруг поднялся сильный вихрь, кружит столбом вокруг него, мешает работать, а вокруг все тихо. Дед разозлился и кинул топором прямо в центр ветряного столба. Ему оттуда обратно топор выбросили, топор был в крови. Все прекратилось, вихрь рассыпался и кто-то рядом захохотал, но никого не видно. Дед понял, что это был леший. Вернулся домой и слег, а на следующий день умер»* (ПМА, с. Болотное НСО, 2013). У коми связь леса с иным миром еще более тесная: «Лес в мифопоэтической концепции мира является одной из метафор мира предков» [Лимеров, 1998, с. 15].

Свист, соотносимый с ветром, считался звуком демонической природы. В ряде мест существовали запреты на свист: с одной стороны, потому что свистит нечистая сила, а с другой – полагали, что свист привлекает нежить: лешего, заложных покойников. Свист в доме мог прогнать домового и тем самым оставить семью без домашнего духа-покровителя. Свист во время поминальных обрядов в честь заложных покойников («вятская свистопляска»), по мнению Д.К. Зеленина, не был местным вятским явлением; подобные обряды-праздники сопровождались свистом и в других местах России [1995, с. 134–137]. «Свист – языческий оберег от нечистой силы; недаром же древнерусские поучения так часто восстают против «сопелий» и «гудцев»» [Зеленин, 1995, с. 135]. В данном контексте, вероятно, свист можно рассматривать как прием симпатической магии.

Представителям иномира были присущи пение и любовь к музыке. Ряд фольклорных сюжетов повествует о музыкантах, приглашенных или похищенных нечистой силой. *«Жил у нас музыкант, играл на гармошке. Пригласили его в Борково на свадьбе поиграть. Приехали вечером, посадили в бричку, увезли. Он всю ночь играл. А как только петухи запели, он видит, что сидит на кочке посреди болота»* (ПМА, д. Петропавловка НСО, 2016).

Русалки пели песни, звонко смеялись, манили чарующими голосами. *«Трактористы работали в поле в ночную смену, видели русалок. Едет на тракторе, на борону ему сядут русалки и катаются, песни поют. По три штуки садились и ехали»* (ПМА, с. Прямское, Маслянинский р-н НСО, 2018). *«Умерла молодая девочка. Потом её многие в поле видели. Работают ночью трактористы в полях, а она садилась им на плуг и каталась, песни пела. Называли её певунья. В белом одеянии, в венке, как похоронили»* (ПМА, там же, 2016). Кроме песен и смеха, русалкам приписывали особые звуки. *«Русалки ихкают. Кричат так* “*их, их*”. *Бегут, подскакивают и ихкают. По полю ходили, цветы рвали. С цветочками, с букетами бегали»* (ПМА, с. Морозовка, Карасукский р-н НСО, 2019).

Подобно тому, как свистом можно вызвать лешего или иную нечистую силу, пением можно привлечь русалок. *«Около воды нельзя песни петь. На песни русалки выходят, могут утопить. <…> Была девочка Шуронька, она утонула. Ее потом русалкой видели. Вечером на берегу песни пела, прохожих в воду заманивала»* (ПМА, с. Нижняя Омка, Омская обл., 2002). Появление русалки могло рассматриваться как предзнаменование большой беды – смерти, войны, эпидемии, голода. *«Русалка в белом саване по улице шла, потом сразу война началась. Все, кто видел, говорили, страшно было на нее взглянуть, мороз по коже. Сразу поняли, что недобрый знак, что-то страшное случится»* (ПМА, с. Зыряновка, Алтайский край, 2009).

Одна из гипотез связывает происхождение русалок с сиренами, которых, в свою очередь, соотносит с культами Аполлона Дельфийского и Диониса, а производимую ими «музыку смерти» выводит из булькающих звуков варящейся плоти в котле Пифии. «Первобытная омофагия с ее “бульканьем плоти” заменилась “песней сирен” <…> “музыку смерти” стала представлять флейта – духовой инструмент, сделанный из тростника или опустошенных от мозга костей животных. Думали, что она исторгает из тела дух, вызывая разрушение и гниение плоти» [Акимова, Кифишин, 2000, с. 204]. «Эвфемистическая “песня” сменила собой брутальный акт “пожирания” птицей-богиней мертвой, загнивающей плоти мужского паредра» [Там же, с. 201]. Таким образом, музыкальность, пение, мелодичный голос персонажей иномира могли быть связаны как с представлениями о музыке, выманивающей душу и сопровождающей ее в иной мир, так и с древнейшими погребальными обрядами, в т.ч., первобытной омофагией.

Необычным голосом обладали мифологические персонажи, увлекающие душу на «тот свет» или предвещающие скорую кончину. Такими вестниками могли считать животных или птиц: им приписывали способность чувствовать смерть и сообщать о ней нетипичным поведением, звуками: вой собаки, пение курицы петухом, крик совы, стук дятла, карканье ворона или кукование кукушки вблизи жилья. *«Дятел в стену дома с улицы стучит – к покойнику. Задолбит в стену, на третий день кто-нибудь умрет»* (ПМА, пос. Овгорт ЯНАО, 2004). «Кулик, бродя по берегам рек, скликает утопленников», а «сойка своим криком выкликает, выманивает душу из тяжело больного человека» [Гура, 1998, с. 97].

У обских коми (этнолокальной группы комижемцев, проживающих в бассейне Нижней Оби) были выявлены представления о мифической птице *вычкан*, сведения о которой не зафиксированы в других местах. Все, без исключения, информанты называли *вычкана* «птицей», однако «птичьим» признаком этого персонажа является только голос – птичий крик или писк. Остальные характеристики не орнитоморфны: невидимка, имеет голое тело (без шерсти), маленький, бегает, не умеет летать. *«Есть птица такая вычкан. Вещунья недоброго. Кричит так: «выч», «выч». Прямо так ярко. Сильно громкая птица. Это тоже урэс. <…> она маленькая птичка. Шерсти на ней нет, голая вся. Живет, может быть, в лесу, а может, в поселке. Днем ее нет, только ночью. Она не летает, а ходит. Кому она провычкает, у того беда случится, умрет кто-нибудь в доме»* (ПМА, пос. Овгорт, 2004). *«Птичка у нас водится. Маленькая и вся голая. Нет на ней ни пера, ни шерсти. Юркая очень, не успеешь разглядеть. А голос у ней громкий. Вичкан называется, потому что кричит: «вич», «вич». Говорят, она беду чувствует и предсказывает, и все правда»* (ПМА, пос. Восяхово, 2006). *«У вычкана тело голое, поэтому на глаза не показывается. У него клюв как у птицы, ноги, а крыльев нету. Он бегает, не летает. Может плавать по воде. Дает знак перед несчастьем: шипит как змея»* (ПМА, пос. Ямгорт, 2004). *«Вычкан – птичка. Ее не видать, а услышать можно. Она свистит в темноте. Бегает под окнами, не летает. Сама вся голая. Плохая птичка, беду предвещает. Кричит: «вжить», «вжить» неприятным голосом. К беде, к покойнику»* (ПМА, пос. Овгорт, 2004). *«Птичка вичкан мучила целый год перед смертью мужа. Летом под окном вичкала: «вич», «вич». А зимой дома ходит – пол скрипит, жутко! Урэс – это жуткое чувство. Вот если просто что-то послышалось – ничего не почувствуешь, а если жутко – значит урэс»* (ПМА, пос. Восяхово, 2006).

Глагол «вычать» (фонетически соотносимый с персонажем *вычкан*) был распространен в северо-западных областях России в XIX – начале XX в., он употреблялся в значении «скучать, выражая это всхлипыванием и стонами» [Словарь…, 1970, с. 358]. В Симбирской губернии слово «вичать» означало «кричать, визжать как ребенок или как щенок» [Даль, 1880, с. 259]. Возможно, наименование персонажа *вычкан* могло быть не просто звукоподражательным, как это может показаться на первый взгляд. Глагол «вычать» («вичать») в значении «кричать», «стонать» мог быть известен зырянам как слово, заимствованное из русского языка, исчезнувшее из употребления в обыденной речи. Но оно могло сохраниться в качестве обозначения голоса мифического существа, основной характеристикой которого является крик, сопоставимый со стенанием или плачем, зовущим душу в иной мир. Далее это слово могло стать ло-

кальным наименованием гибридного персонажа *вычкан*, вероятно, сформировавшегося на территории Нижнего Приобья в результате влияния мифологии обских угров (подробнее см.: [Голубкова, 2007, с. 130–133]).

Голосом инфернальных персонажей также считался деревянный стук. Таким голосом, например, обладала *Лон-вэрт-ими* – женщина, скручивающая сухожилия (известна хантам Белоярского р-на ХМАО–Югры: д. Ванзеват и др.): «Если жилы после захода солнца будешь скручивать, то Лон-вэрт-ими придет и будет на улице стучать, словно молотком – так она ругается» [Бауло, Голубкова, 2020, с. 126, 130]. У ижемских коми существовали табу, связанные с «деревянным шумом» в святочный период. Запрещалось стучать веретеном, щепить, ломать лучину, бросать дрова, поскольку считалось, что такого рода шум может пробудить нечистую силу (святочных духов). «Деревянный стук интерпретируется как вызов, как некий язык вхождения в контакт с самими святочными духами» [Панюков, 2012, с. 91]. Услышать деревянный стук в лесу предвещало скорую кончину. *«Когда в лесу услышишь стук, будто кто-то дерево рубит, а вокруг никого нет, значит, скоро умрешь. Это лесные люди показали, что тебе уже гроб готовят»* (ПМА, с. Шурышкары ЯНАО, 2011). Представления о деревянном стуке в лесу как о знаке – предсказании смерти были широко распространены также у русских.

Одни звуки ассоциировались с голосами представителей иномира и привлекали их (свист, стук по дереву, пение около водоема), другие их отгоняли. Отпугивающими нечистую силу звуками считались звон металла, колокольный звон (как церковный, так и перезвон бубенцов, колокольчиков), громкая музыка, смех, матерная брань, громкий крик, лай собаки, пение петуха.

Для изгнания нечистой силы практиковали шумные обряды. Например, обряд «топтания чудов» (которые в новогоднюю ночь вылезали из-под земли и из воды) у северных коми. На Ижме в день Богоявления, после освящения воды, с криками катались на лошадях и оленях вокруг села и по улицам, прогоняя злых духов [Максимов, 1984, с. 421]. На Сибирском Севере «топтали чудов» в первый день нового года (Васильев лун). Собираясь большими группами, ездили по селу на лошадях и оленях, громко кричали, смеялись, топали, стучали металлическими предметами, звенели бубенцами и колокольчиками. *«В Васильев лун народ на лошадях ездил, а кто без лошади, так ногами снег топтали. Всем селом выходили топтать чудов. Все смеются, ребятишки толкаются в снег»* (ПМА, пос. Овгорт, 2004). *«В новый год выходили шуметь на улицу. Кричали, стучали пустыми кастрюлями, ложками. Всем селом вселились, чудов пугали»* (ПМА, там же, 2004).

В одном из нарративов о заколдованном месте (Провалье, где теряются люди, попадая в иной мир) женщина нашла путь домой, ориентируясь на звуки: колокольный звон, церковное песнопение, голоса людей. *«Пошла вперед, а куда идти, в какой стороне деревня, я не знаю. Иду и слышу, будто голоса меня зовут, а слов, не разобрать. И мелодично так, будто в церкви поют. Я на эти голоса иду, и вышла к деревне»* (ПМА, д. Петропавловка НСО, 2016).

Итак, определенные звуки (стук, свист, хохот, пение, тихая музыка, шум ветра, голоса животных и птиц) считались способом коммуникации людей и духов. Те же самые звуки, воспроизводимые человеком, могли привлекать нечистую силу, поэтому существовали табу, связанные с некоторыми видами шума в определенное (пороговое) время. Чаще всего звуки иного мира рассматривались как знаки смерти. Контакты представителей «того» и «этого» света были возможны, когда соприкасались границы миров во времени и пространстве. Для изгнания нечистой силы практиковали шумные обряды, сопровождаемые громкими криками, смехом, металлическим звоном.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Акимова Л.И., Кифишин А.Г. Аполлон и сирены (о ритуальной специфике Дельф) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древностей до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 199–212.

Бауло А.В., Голубкова О.В. Легенда о Тан-варпэкве // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 2 (49). – С. 123–134.

Голубкова О.В. Орнитоморфные представления о душе у коми-зырян // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 125–134.

Горский А.А. История России с древнейших времен до 1914 года: учебное пособие для вузов. – М.: АСТ – Астрель, 2008. – 286 с.

Гура А.В. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. – М.: Индрик, 1998. – Т. II. – С. 95–101.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 (А–З). – М.; СПб.: Гостиный двор, Кузнецкий мост, 1880. – 814 с.

Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Максимов С.В. Год на Севере. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 605 с.

Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. – 128 с.

Панюков А.В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян // Изв. Коми НЦ УрО РАН. – Вып. 1 (19). – Сыктывкар, 2012. – С. 89–92.

Седов В.В. Избранные труды: Славяне. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М.: Знак, 2005. – 944 с.

Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука ЛО, 1970. – Вып. 6. – 358 с.

References

Akimova L.I., Kifishin A.G. Apollon i sireny (o ritual'noi spetsifike Del'f). In *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnostei do nashikh dnei*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P. 199–212. (In Russ.).

Baulo A.V., Golubkova O.V. The Legend of Tan-varpekva. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii.* 2020. N 2 (49). P. 123–134. (In Russ.). doi: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-11

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Vol. 2 (A–Z). Moscow, St. Petersburg: Gostinyi dvor, Kuznetskii most, 1880. 814 p. (In Russ.).

Dal' V.I. Beliefs, superstition and preconceptions Russian people. Moscow: E'ksmo Publ., 2008. 736 p. (In Russ.).

Golubkova O.V. Ornithomophic perceptions of the soul in Komi-Zyryan belefs. *Archaeology. Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2007. N 3 P. 125–134. (In Russ., Eng.). doi: 10.1134/S1563011007030140

Gorskii A.A. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1914 goda: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: AST – Astrel' Publ., 2008. 286 p. (In Russ.).

Gura A.V. Zvuki i golosa zhivotnykh v traditsionnykh narodnykh predstavleniyakh. In *Slovo i kul'tura. Pamyati N.I. Tolstogo*. Moscow. Indrik, 1998. Vol. II. P. 95–101. (In Russ.).

Limerov P.F. Mifologiya zagrobnogo mira. Syktyvkar: Ural Federal Agrarian Research Centre, UrB RAS Publ., 1998. 128 p. (In Russ.).

Maksimov S.V. God na Severe. Arkhangel'sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1984. 605 p. (In Russ.).

Panyukov A.V. The image of frost in Calendar Mythology of the Komi-Zyryans. In *Proceedings KSC UrB RAS*, 2012. Iss. 1(19). P. 89–92. (In Russ.).

Sedov V.V. Slavyane. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Selected Works. Moscow: Znak, 2005. 944 p. (In Russ.).

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Leningrad: Nauka, 1970. Iss. 6. 358 p. (In Russ.).

Zelenin D.K. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki. Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russ.).

Голубкова О.В.: https://orcid.org/0000-0002-9936-8555

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0878-0883
УДК 304.2+394

А.А. Ильина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Национально-культурные объединения сибирских татар Тюменской области (1980-е – начало 2020-х годов)

Представлена история основных национально-культурных объединений сибирских татар Тюменской обл. – региона, являющегося лидером по количеству проживающих в нем сибирских татар. Национально-культурное движение сибирских татар Тюменской обл. развивается наиболее активно в сравнении с другими регионами Западной Сибири, где проживают представители данного этноса. Хронологические рамки исследования – конец 1980-х – начало 2020-х гг., где нижняя граница определяется временем создания первого национально-культурного объединения сибирских татар, а верхняя связана с активной деятельностью национально-культурных объединений в наши дни. Источниками статьи являются интервью с активистами и лидерами национально-культурных объединений сибирских татар Тюменской обл., документы сибирско-татарских национально-культурных объединений региона, материалы местной прессы, данные официальных сайтов сибирско-татарских национально-культурных объединений и их официальных групп в социальных сетях, а также данные научной литературы. Рассмотрены основные направления деятельности национально-культурных объединений данного этноса в этот период, в числе которых Комитет национального возрождения сибирских татар, Ассоциация татар Тюменской обл., Национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской обл., Региональная татарская общественная организация «Мирас» («Наследие»), Национально-культурная автономия сибирских татар Тюменской обл. Особое внимание уделено инициативе сибирско-татарской общественности Тюменской обл. по приданию сибирско-татарскому языку официального статуса и по созданию его письменной формы в стремлении приостановить ассимиляцию сибирско-татарского языка литературным поволжско-татарским языком. На данном направлении национально-культурные объединения сибирских татар Тюменской обл. достигли большого успеха, добившись присвоения сибирско-татарскому языку кода самостоятельного языка.

Ключевые слова: *национально-культурные объединения, сибирские татары, Тюменская обл., сибирско-татарский язык, национально-культурная автономия.*

A.A. Ilina

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Ethnic and Cultural Associations of the Siberian Tatars Living in Tyumen Region (the 1980s – Early 2020s)

This article presents the history of main ethnic and cultural associations of the Siberian Tatars living in Tyumen Region – the main region of the Siberian Tatar population. Ethnic and cultural movement of the Siberian Tatars in that region has been developing most actively compared to other regions of Western Siberia where the Siberian Tatars live. The study covers the period from the late 1980s to early 2020s. The lower boundary is the time when the first ethnic and cultural association of the Siberian Tatars was created; the upper boundary corresponds to the present-day activities of such associations. This study was based on interviews with activists and leaders of ethnic and cultural associations of the Siberian Tatars from Tyumen Region, documents of the regional Siberian Tatar ethnic and cultural associations, publications of the local media, statements from the official websites of the Siberian Tatar ethnic and cultural associations and their official groups in social networks as well as information from scholarly literature. Main activities of ethnic and cultural associations of the Siberian Tatars during this period are discussed. These organizations include the Committee for the Ethnic Revival of the Siberian Tatars,

Association of Tatars of Tyumen Region, Ethnic and Cultural Autonomy of the Siberian Tatars and Tatars living in Tyumen Region, "Miras" ("Heritage") Regional Tatar Public Organization, and Ethnic and Cultural Autonomy of the Siberian Tatars of Tyumen Region. Special attention was given to the initiative of the Siberian-Tatar community of Tyumen Region to give the Siberian-Tatar language an official status and create its written language. Ethnic and cultural associations of the Siberian Tatars of Tyumen Region were successful in obtaining the code of independent language for the Siberian-Tatar language.

Keywords: *ethnic and cultural associations, Siberian Tatars, Tyumen Region, Siberian Tatar language, ethnic and cultural autonomy.*

Национально-культурные объединения (НКО) в современной Российской Федерации выступают в качестве весьма эффективного механизма сохранения этнокультурной идентичности, что, в свою очередь, является актуальным запросом этносов нашей многонациональной страны. Первые национально-культурные объединения начали образовываться в СССР в период перестройки. Данный процесс затронул и сибирских татар – представителей коренного тюркоязычного населения Западной Сибири.

Сибирские татары – этнос, обладающий богатой историей, культурой и уникальным языком. Большинство сибирских татар сосредоточено в местах исторического проживания. Исконные села сибирских татар расположены преимущественно в Тюменской, Омской, Новосибирской и Томской областях. Численность сибирских татар, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., составляла 9 611 чел. [Национальный состав…, 2002], по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. – 6 779 чел. [Национальный состав…, 2010]. Лидером по количеству проживающих в ней сибирских татар является Тюменская обл.: 7 890 чел. по данным 2002 г. и 6 676 чел. по данным 2010 г. [Национальный состав…, 2002; 2010].

В конце 1980-х гг. сибирские татары Тюменской обл. активно включились в этнокультурные и социально-политические процессы, повсеместно происходившие в стране. У представителей данного этноса наблюдается рост национального самосознания, пробуждается интерес к своему происхождению, к национальной культуре и родному языку, к деятелям науки и культуры из числа сибирских татар. С этого времени сибирскими татарами был создан ряд НКО. Следует специально заметить, что в своей национально-культурной деятельности сибирские татары Тюменской обл. сознательно дистанцируются от татар Поволжья, стремясь замедлить процесс ассимиляции сибирско-татарской культуры и языка, что проявляется, в первую очередь, в самих названиях данных организаций. О серьезности намерений первых НКО сибирских татар Тюменской обл. говорит выдвигаемое ими требование национально-территориальной автономии для своего этноса, что стало вызовом для официальной власти. При этом деятельность НКО сибирских татар остается весьма активной и в последнее десятилетие: сохраняется острота этнической и особенно языковой проблематики, продолжается институционализация национального движения сибирских татар, значимые события в этнокультурной среде сибирских татар Тюменской обл. происходят и в течение текущего года.

Цель статьи – проследить историю основных НКО сибирских татар Тюменской обл. Хронологические рамки исследования – конец 1980-х – начало 2020-х гг., где нижняя граница определяется временем создания первого НКО сибирских татар, а верхняя связана с активной деятельностью НКО в наши дни. Источниками статьи являются интервью с активистами и лидерами НКО сибирских татар Тюменской обл., документы сибирско-татарских НКО региона, материалы местной прессы, данные официальных сайтов сибирско-татарских НКО и их официальных групп в социальных сетях, а также данные научной литературы.

В мае 1988 г. в Тюменской обл. был создан Комитет национального возрождения сибирских татар (КНВСТ) во главе с поэтом Б.В. Сулеймановым и его соратником, единомышленником и заместителем А.Г. Гаитовым, выходцами из сибирских татар. Изначально КНВСТ действовал как неформальное объединение, т.к. закон об общественных объединениях появился только в 1990 г. Комитет сразу поднял вопросы о создании национально-территориальной автономии сибирских татар, о признании сибирских татар отдельным самостоятельным народом, а также о статусе языка сибирских татар как самостоятельного и создании письменности на народно-разговорном языке сибирских татар. Б.В. Сулейманов считал, что сибирские татары – самостоятельный народ, со своим самобытным языком, который отличается от всех тюркских языков [Сулейманов, 1990, с. 41], а А.Г. Гаитов озвучил мысль о создании национально-территориальной автономии для сибирских татар в восьми районах юга Тюменской обл., а также в пяти прилегающих районах Омской обл. и национально-территориальной автономии для барабинских татар Новосибирской обл. [Гаитов, 1990, с. 47–48]. Благодаря активной деятельности КНВСТ вышеозначенные

проблемы получили широкий резонанс в Тюменской обл., а затем в других областях Западной Сибири и Татарстане.

По инициативе КНВСТ и ряда других сибирско-татарских активистов были достигнуты следующие успехи. В Тюмени стала выходить газета «Янарыш» («Обновление») на литературном татарском и русском языках (выпускается по настоящее время). В Тобольске начал работать Татарский культурно-образовательный центр «Досуг» (с 1996 г. – Муниципальное учреждение культуры «Центр сибирско-татарской культуры»; ведет работу по настоящее время, имеет помещение, бюджетные ставки, однако, по мнению сибирско-татарской общественности, данный центр с конца 2000-х гг. отходит от сибирско-татарской специфики). В 1990 г. в г. Тюмени на базе дома культуры «Строитель» был открыт областной Центр татарской культуры. Центр проводил большую организационно-методическую работу в регионе, организовывал многочисленные мероприятия для татарского населения Тюмени (с 2000-х гг. по настоящее время он действует как отдел татарской культуры).

Члены КНВСТ стремились получить научное обоснование интересующих их вопросов и обращались к ученым-этнографам, тюркологам, лингвистам. Так, из Института этнографии АН СССР было получено заключение, что сибирские татары представляют собой самостоятельное этническое образование с выраженными признаками этнической самобытной культуры, языка, самосознания, а потому создание для них собственной письменности и грамматики можно считать целесообразным [Исхакова, Валеев, 1996, с. 25].

КНВСТ дважды организовывал крупные научные мероприятия. Летом 1989 г. в Тюмени прошел круглый стол «Сибирские татары: между прошлым и будущим» [Сибирские татары…, 1989], на котором присутствовали ученые из Москвы, Казани, Тюмени, Тобольска, работники культуры, просвещения, журналисты, партийные работники. На нем развернулась дискуссия по поводу статьи Б.В. Сулейманова «Сибирские татары – кто мы?», активно обсуждался вопрос о предоставлении сибирским татарам статуса коренного народа Сибири и о территориальной автономии сибирских татар. В июне 1990 г. в Тобольске состоялась научно-практическая конференция «Сибирские татары: история и современность», имевшая большое значение для дальнейшего развития татарского национального движения. Резолюция конференции отмечала необходимость подготовки проекта программы этнического самоопределения и развития сибирских татар, для чего была создана координационная группа под руководством Б.В. Сулейманова и А.Г. Гаитова. Данная программа была завершена в том же году, после создания Ассоциации татар Тюменской обл., совместными усилиями представителей татарских НКО Тюменской обл. и Тюменского Севера. Главное же заключение конференции было связано с претензией сибирских татар на национально-территориальную автономию: «Образование сибирско-татарской автономии видится, прежде всего, как фактор, исключающий возможность межнациональных конфликтов» [Резолюция…, 1990].

14–15 декабря 1990 г. прошел учредительный съезд Ассоциации татар Тюменской обл. (в некоторых источниках – Ассоциации «Сыбыр») – организации, объединившей все татарские НКО региона (Тюменской обл. и двух автономных округов) и представлявшей интересы татар в целом, а не только сибирских. На съезде развернулись острые споры по поводу внимания к очагам культуры всех татар области (выходцы из Поволжья и Зауралья опасались ущемления своих прав в случае признания статуса сибирских татар). КНВСТ в лице Б.В. Сулейманова выразил радикальную позицию, настаивая на признании учредительного съезда съездом сибирских татар, а также на том, что голосовать за решения съезда могут только сибирские татары, а остальные присутствующие на нем татары могут выступать лишь в качестве наблюдателей.

На съезде были приняты Программа и Устав Ассоциации татар Тюменской обл. Программа определяла Ассоциацию как «добровольное объединение, включающее представителей татар, проживающих в Тюменской обл., и лиц иных национальностей, способствующих сохранению и возрождению языка, культуры, национальных обычаев, традиций и веры» [Исхакова, Валеев, 1996, с. 22]. Таким образом, претензии КНВСТ не были удовлетворены. Кандидатуру Б.В. Сулейманова на пост председателя Ассоциации поддерживали многие делегаты съезда, но по итогам голосования председателем был избран И.К. Рафиков. На съезде Б.В. Сулейманов не получил возможности и времени на выражение своей позиции. На следующий день он заявил, что КНВСТ отказывается входить в состав Ассоциации, а спустя несколько месяцев скончался.

Первоочередной задачей Программы Ассоциации было признание статуса коренной национальности сибирских татар. Съезд обратился к населению области, Верховным Советам РСФСР и СССР с призывом признать статус сибирских татар как коренного населения региона и самостоятельного этноса с отличными от других татар языком, культурой и историей. В качестве гарантии национального самоопределения сибирских татар предусматривалось создание национально-территориальной

автономии в виде образования национальных сельских Советов и районов. В Программе Ассоциации поднимались также вопросы духовного возрождения сибирско-татарского этноса, развития национальной культуры. Планировалось, что Ассоциация будет содействовать открытию татарских школ, клубов, учреждений просвещения и культуры в местах массового проживания татар, что с ее подачи начнется издание учебников татарского языка, в области появятся собственные татарские СМИ.

Намеченные в Программе задачи планомерно претворялись в жизнь. Благодаря усилиям Ассоциации была открыта русско-татарская группа в Тюменском государственном университете для подготовки учителей татарского языка, начато изучение татарского языка в нескольких школах Тюмени, ученые-лингвисты приступили к разработке алфавита сибирско-татарского языка, были изданы монографии по сибирско-татарской проблематике [Валеев, 1992; Томилов, 1992; Тумашева, 1992], велась переписка с ведущими научными учреждениями страны и правительственными структурами по поводу признания сибирско-татарского этноса и сибирско-татарского языка самостоятельными. Частью работы по возрождению родного языка, проводимой с подачи Ассоциации, стало открытие татарских групп в Тобольском государственном педагогическом университете им. Д.И. Менделеева и Тобольском педагогическом училище, начато изучения татарского языка в ряде школ области, создание отдела татарской (впоследствии – национальной) литературы Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева. Ассоциация татар Тюменской обл. сыграла значительную роль в национальной жизни сибирских татар не только данного региона, но и других областей Западной Сибири, где проблемы сибирских татар имели определенную остроту.

В 1996 г. был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», встреченный с воодушевлением, в том числе и сибирскими татарами Тюменской обл., поскольку он предусматривал финансирование вновь создаваемых НКО (финансирование в итоге не производилось, однако созданные национально-культурные автономии остались). После повсеместного создания в Тюменской обл. татарских национально-культурных автономий (НКА) Ассоциация татар Тюменской обл. постепенно прекратила свое существование.

18 сентября 1998 г. по инициативе местных НКА на учредительном съезде татар Тюменской обл. была создана НКА сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской обл. (в настоящее время – НКА сибирских татар и татар Тюменской обл.). Уже в самом названии НКА было заложено характерное позиционирование сибирских татар в данном регионе, не встречающееся в такой степени более нигде в Западной Сибири (хотя не все татары Тюменской обл. оказались согласны с этим).

В первые годы деятельности НКА сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской обл., сохраняла требование национально-территориальной автономии для своего этноса («…почему мы не имеем право малого народа и свою государственность на территории проживания своих предков? Почему мы не имеем право представительства в органах государственного управления? Почему бы юг Тюменской обл. не превратить в Сибирско-татарский автономный округ…?»; «Целенаправленная, полномасштабная работа по возрождению национальных ценностей возможна только при наличии территориально-национальной автономии» [Садыков, 2000, с. 73, 74]). Однако приоритеты национального движения сибирских татар постепенно смещаются в сторону национально-культурной деятельности.

Основной целью НКА сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской обл., согласно Уставу, явилось содействие возрождению, сохранению самобытности, развитию родного языка, образования, национальной культуры, традиций и обычаев татар Тюменской обл. Повседневная деятельность НКА, как правило, сводилась и сводится к участию в культурно-массовых мероприятиях: в областном фестивале «Мост дружбы», областных Днях татарской культуры, народных праздниках Сабантуй и Амаль, детских фестивалях «Радуга» и «Утренняя звезда» и др. За это НКА получала и получает регулярную критику от сибирско-татарской общественности, несмотря на то, что культурно-массовая работа – это всего лишь часть деятельности НКА, зато наиболее наглядная, в то время как повседневная текущая работа оказывается не столь заметной. Большую порцию критики от сибирских татар региона НКА получает также за то, что она транслирует культуру поволжских татар, особенно за повсеместное внедрение празднования Сабантуя.

Разногласия в среде сибирско-татарской общественности Тюменской обл. стали основанием для создания новых НКО, позиционирующих себя отдельно от национально-культурной автономии. Так, в 2005 г. в Тобольске была создана Региональная татарская общественная организация «Мирас» («Наследие»). Организация действует по настоящее время, ее бессменным руководителем является Л.А. Шамсутдинова. Основной целью деятельности данного татарского НКО является возрождение интереса к историческому наследию и национальной культуре сибирских татар. В 2006 г. органи-

зация начала выпуск одноименной газеты, размещающей материалы на литературном татарском и русском языках. «Мирас» выступает за восстановление национальных татарских школ в сельской местности в районах компактного проживания татар, за увеличение количества школ с преподаванием литературного татарского языка, а также за создание системы полного цикла обучения в средней школе на родном языке в Тюмени и Тобольске, стремится повысить значение религии в жизни татар Тюменской обл. Важнейшее направление деятельности, на котором НКО «Мирас» добилось несомненного успеха – восстановление исторического и культурного статуса находящегося близ г. Тобольска городища Искер – бывшей столицы Сибирского ханства. Благодаря усилиям данного НКО территория бывшего Искера была благоустроена, на этом месте «Мирас» регулярно проводит Международный фестиваль историко-культурного наследия сибирских татар «Искер – джиен».

Наконец, в 2015 г. в Тюменской обл. было создано еще одно НКО сибирских татар. Некоторые из неравнодушных жителей региона оказались недовольны результатами деятельности НКА сибирских татар и татар Тюменской обл., которая, несмотря на свое название, постепенно отошла от сибирско-татарской проблематики в сторону общетатарской. Поэтому в 2015 г. в регионе была создана новая Национально-культурная автономия сибирских татар Тюменской обл (Тюменская областная общественная организация «Национально-культурная автономия сибирских татар»), противопоставляющая себя первой НКА. Ее деятельность в основном направлена на восстановление интереса сибирских татар к религии, к исторической памяти, к памяти предков, а также в значительной степени на развитие сибирско-татарского языка. Данное НКО существенно активизировало разработку языковой проблемы сибирских татар, регулярно организует празднование дня сибирско-татарского языка, который отмечается с 2013 г.

Сохранение родного языка сибирских татар долгое время было ограничено только разговорной средой, а в школах Тюменской обл. с 1990-х гг. изучался литературный татарский язык. Однако, как отмечал в 2007 г. А.Г. Гаитов, «сибирские татары хотят отойти от обслуживающего языка поволжских татар, не отрицая его при этом и придерживаясь трехъязычия (сибирско-татарский, поволжско-татарский, русский)» [Ильина, 2017, с. 475].

Несмотря на все трудности, сибирско-татарский язык сохранился в среде его носителей. В 2000–2010-е гг. канд. филол. наук, доцент Тюменского государственного университета М.А. Сагидуллин, возглавлявший в свое время молодежные подразделения различных татарских НКО Тюменской обл., провел работу по стандартизации сибирско-татарского языка: разработал сначала его фонетическую систему, затем лексическую систему, затем грамматику [Сагидуллин, 2008; 2010; 2014]. Канд. ист. наук, доцент Г.Т. Бакиева выпустила в свет ряд словарей сибирско-татарского языка (словарь имен, словарь народно-разговорной лексики, тематический словарь) [Словарь имен…, 2016; Словарь народно-разговорной лексики…, 2016; Тематический словарь…, 2017]. Параллельно началась публикация сборников стихов, прозы, фольклора, пословиц и поговорок, а также газеты на сибирско-татарском языке. НКА сибирских татар Тюменской обл. активно поддерживала эти инициативы.

7 декабря 2019 г. в Тюмени прошло отчетно-выборное собрание НКА сибирских татар Тюменской обл. Важным вопросом в числе прочих было избрание нового председателя Совета НКА сибирских татар, и большинством голосов им был избран Д.М. Абукин, обойдя действующего на тот момент председателя НКА Ф.Ф. Марганову. Однако Ф.Ф. Марганова и ее сторонники не признали факта избрания Д.М. Абукина. Среди лидеров НКА сибирских татар Тюменской обл. возникла ситуация двоевластия. До настоящего времени прежнее руководство, считающее себя народным, не передало вновь избранному председателю печать автономии. На протяжении последних лет эскалация конфликта усиливается, ведя к дальнейшему расколу в среде сибирских татар Тюменской обл., при этом в 2022 г. ситуация не изменилась.

Список литературы

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1992. – 208 с.

Гаитов А.Г. Об автономии сибирских татар // Сибирские татары: история и современность: Мат-лы науч.-практич. конф. – Тобольск, 1990. – С. 47–54.

Ильина А.А. Проблемы этнокультурной идентичности сибирских татар юга Тюменской области в представлении лидера сибирско-татарского национального движения (1980–2000-е гг.) // Вест. Омск. гос. ун-та. Сер.: Ист. науки. – 2017. – № 3. – С. 472–478.

Исхакова С.М., Валеев Ф.Т. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения. Сер. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» ИЭА РАН. – М., 1996. – 32 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 года. – Т. 4. – URL: www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: 05.09.2022).

Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Всероссийская пере-

пись населения 2010. – Т. 4. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.09.20022).

Резолюция научно-практической конференции «Сибирские татары: история и современность» // Сибирские татары: история и современность: Мат-лы науч.-практ. конф. – Тобольск: [б.и.], 1990. – С. 62–64.

Садыков К.С. Возможности национально-культурной автономии в возрождении сибирских татар // Сулеймановские чтения–99: Мат-лы науч.-практ. конф. – Тюмень: ТОНБ, 2000. – С. 71–74.

Сагидуллин М.А. Грамматика современного сибирскотатарского языка. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2014. – 152 с.

Сагидуллин М.А. Русскосибирскотатарский словарь (Урысцасебертатарца сүслек): ок. 15 000 слов. – Тюмень: Мандр и К^{а}, 2010. – 216 с.

Сагидуллин М.А. Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка. – Тюмень: Искер, 2008. – 64 с.

Сибирские татары: между прошлым и будущим // Тюменская правда. – 1989. – № 168. – 22 июля.

Словарь имен сибирских татар / ред.-сост. Г.Т. Бакиева. – Тобольск: Полиграфист, 2016. – 235 с.

Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар / сост. и ред. Г.Т. Бакиева. – Тобольск: Полиграфист, 2016. – 279 с.

Сулейманов Б.В. Язык – культура – автономия // Сибирские татары: история и современность: Мат-лы науч.-практ. конф. – Тобольск, 1990. – С. 41–46.

Тематический словарь сибирскотатарского языка / авт.-сост. Г.Т. Бакиева. – Тобольск: Полиграфист, 2017. – 291 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. – 271 с.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1992. – 255 с.

References

Bakieva G.T. Slovar’ imen sibirskikh tatar. Tobol’sk: Poligrafist, 2016. 235 p. (In Russ.).

Bakieva G.T. Slovar’ narodno-razgovornoi leksiki sibirskikh tatar. Tobol’sk: Poligrafist, 2016. 279 p. (In Russ.).

Bakieva G.T. Tematicheskii slovar’ sibirskotatarskogo iazyka. Tobol’sk: Poligrafist, 2017. 291 p. (In Russ.).

Gaitov A.G. Ob avtonomii sibirskikh tatar. In *Sibirskie tatary: istoriya i sovremennost’: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tobol’sk, [s.n.], 1990. P. 47–54. (In Russ.).

Il’ina A.A. Problemy etnokul’turnoi identichnosti sibirskikh tatar iuga Tiumenskoi oblasti v predstavlenii lidera sibirsko-tatarskogo natsional’nogo dvizheniia (1980-2000-e gg.). In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Istoricheskie nauki*, 2017. N 3. P. 472–478. (In Russ.).

Iskhakova S.M., Valeev F.T. Sibirskie tatary: etnokul’turnye i politicheskie problemy vozrozhdeniya. Seriya «Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii». Moscow, IEA RAS Publ., 1996. 32 p. (In Russ.).

Rezolyutsiya nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sibirskie tatary: istoriya i sovremennost’». In *Sibirskie tatary: istoriya i sovremennost’: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tobol’sk, [s.n.], 1990. P. 62–64. (In Russ.).

Sadykov K.S. Vozmozhnosti natsional’no-kul’turnoi avtonomii v vozrozhdenii sibirskikh tatar. In *Suleimanovskie chteniya–99*: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tyumen’: TONB., 2000. P. 71–74. (In Russ.).

Sagidullin M.A. Grammatika sovremennogo sibirskotatarskogo iazyka. Tiumen’: Tiumenskii dom pechati Press, 2014. 152 p. (In Russ.).

Sagidullin M.A. Fonetika i grafika sovremennogo sibirskotatarskogo iazyka. Tiumen’: Isker, 2008. 64 p. (In Russ.).

Sagidullin M.A. Russkosibirskotatarskii slovar’ (Urystsasebertatartsa sүslek): okolo 15000 slov. Tiumen’: Mandr i K^{a}, 2010. 216 p. (In Russ.).

Sibirskie tatary: mezhdu proshlym i budushchim. In *Tyumenskaya Pravda*, 1989. N 168. July 22rd. (In Russ.).

Suleimanov B.V. Yazyk – kul’tura – avtonomiya. In *Sibirskie tatary: istoriya i sovremennost’: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tobol’sk, [s.n.], 1990. P. 41–46. (In Russ.).

Natsional’nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Elektronnyi resurs]. In *Vserossiiskaya perepis’ naseleniya 2002 goda*. URL: www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (data obrashcheniya: 05.09.2022). (In Russ.).

Natsional’nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Elektronnyi resurs]. In *Vserossiiskaya perepis’ naseleniya 2010*. Tom 4. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 05.09.20022). (In Russ.).

Tomilov N.A. Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – nachale XX vv. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1992. 271 p. (In Russ.).

Tumasheva D.G. Slovar’ dialektov sibirskikh tatar. Kazan’: Kazan State Univ. Press., 1992. 255 p. (In Russ.).

Valeev F.T. Sibirskie tatary: kul’tura i byt. Kazan’: tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1992. 208 p. (In Russ.).

Ильина А.А. https://orcid.org/0000-0002-8267-3908

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0884-0888
УДК 394.21

В.В. Лыгденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Баргузинская долина: Соодой-лама, современные культовые места и буддийские ступы (по результатам полевых экспедиций в Курумканский район Республики Бурятия 2012–2022 годы)

Актуальность данной статьи связана с возрождением интереса к восстановлению буддийских святынь, а также необходимостью их описания для наиболее точной характеристики этнокультурной и религиозной ситуации в регионе. В статье впервые рассматриваются все современные культовые места, посвященные известному в Баргузинской долине и в Республике Бурятия буддийскому ламе и настоятелю Баргузинского дацана Цыдену Содоеву (1846–1916). Представлены и описаны следующие культовые места: ступы Соодой-ламы возле с. Элэсун, в местности Хара-Хушун (Шинагальжин) и рядом с Барагханским Аршаном, восстановленный молельный домик, камень с его самопроявленной мантрой в с. Алла и буддийский дуган, посвященный Соодой-ламе в с. Курумкан. В статье используются собранные в ходе экспедиций 2012–2022 гг. полевые материалы, включающие интервью с местными жителями. В результате бесед с информантами выявлено, что изображения Соодой-ламы присутствуют на алтаре практически у каждого местного жителя, для которых он является защитником и легендарным святым Баргузинской долины. Замечено, что в регионе ведется последовательная работа буддийских лам по сакрализации их предшественника – настоятеля Баргузинского дацана Цыдена Содоева. Для этого устанавливаются новые ступы, посвященные легендарному настоятелю, также освящаются культовые предметы, связанные с его памятью. Таким образом, популяризация буддизма в Баргузинском и Курумканском р-нах связана, в первую очередь, с установкой ступ и сакрализацией мест, где выявляются памятные предметы буддийских святых. Описанные в статье места приобретают большую популярность среди буддийских паломников.

Ключевые слова: *буддизм Бурятии, Соодой-лама, баргузинские буряты, религиозные традиции, народы Сибири, этнография.*

V.V. Lygdenova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

The Barguzin Valley: Soodoy-Lama, Contemporary Cultic Places, and Buddhist Stupas (the Results of Field Expeditions to Kurumkan District of the Republic of Buryatia in 2012–2022)

The scope of this article is associated with revived interest in restoring Buddhist sacred objects in Buryatia and a need to provide more accurate description of ethnic, cultural, and religious situation in the region. All contemporary cultic places, dedicated to Buddhist lama and head of the Barguzin Datsan Tsyden Sodoyev (1846–1916) who is well-known in the Barguzin Valley and in the Republic of Buryatia, have been analyzed for the first time. The following cultic places are mentioned and described: Soodoy-lama's stupas near the village of Elesun, in the Khara-Khushun (Shinagaljin) place, and near Baragkhan Arshan, his restored prayer house and stone with his self-manifested mantra in the village of Alla, and

Buddhist dugan (temple) dedicated to Soodoy-lama in the village of Kurumkan. Interviews with informants have revealed that images of Soodoy-lama are present on the altars of many local inhabitants and he is perceived as their defender and legendary saint of the Barguzin Valley. Local Buddhist lamas carry out consistent activities aimed at sacralization of Soodoy-lama who was their predecessor and head of the Barguzin Dastan. New stupas dedicated to Soodoy-lama have been built and cultic objects related to his memory are sanctified. Thus, popularization of Buddhism in Barguzin and Kurmkan Districts is primarily associated with building new stupas and sacralizing the places where memorial objects of Buddhist saints were found. In contemporary Buryatia, cultic places described in the article enjoy great popularity among the Buddhist pilgrims.

Keywords: *Buddhism of Buryatia, Soodoy-lama, Barguzin Buryats, religious traditions, peoples of Siberia, ethnography.*

В современной Бурятии у буддийских паломников все больший интерес приобретают святые места, связанные с бурятскими духовными деятелями. В Баргузинской долине одним из наиболее почитаемых буддийских священнослужителей является Цыден Содоев, известный как Соодой-лама. В 2012–2022 гг. ежегодно в ИАЭТ СО РАН проводились экспедиции в Курумканский и Баргузинский р-ны Республики Бурятия, в ходе которых были собраны полевые материалы по культовым местам, связанным с Соодой-ламой. Актуальность данной статьи связана с возрождением интереса к восстановлению буддийских святынь и необходимостью их описания для наиболее точной характеристики этнокультурной и религиозной ситуации в регионе. В статье впервые описываются все наиболее значимые культовые места, связанные с влиятельным в Баргузинской долине духовным деятелем Соодой-ламой.

Имеется подробная биография Цыдена Содоева (1846–1916). Известно, что он происходит из эхиритского рода хэнгэлдэр, родился в 1846 г. в местности Элэсун. В семь лет начал свое обучение в Баргузинском дацане (дасан – бур. монастырский комплекс), являлся учеником у ламы hангүүнайн Шагжи. С 1861 г. обучался в резиденции хамбо-ламы, а в 1889–1892 гг., согласно архивным данным, становится учеником факультета тибетской медицины в Гусиноозерском дацане [Очирова, 2006, с. 30]. После этого он избирается настоятелем (бур. шэрэтээ ламой) Баргузинского дацана (1894–1901 гг.). Присутствовал на коронации Николая II и был награжден многочисленными медалями и орденами за работу. В апреле 1916 г. Соодой- лама умер и, согласно информантам, перед смертью провел буддийский обряд «джа-лю» – «превращение тела в радугу» (рис. 1).

С Соодой-ламой связаны несколько известных среди населения культовых мест. Так, например, священным для паломников местом является ступа (бур. субурган), установленная на месте рождения Соодой-ламы на самой высокой возвышенности северо-восточной части Куйтунов (в 5 км от с. Элэсун Курумканского р-на) вблизи места, где родился великий йогин Соодой-лама в местности Нижний Куйтун. Строят эти культовые сооружения для накопления хорошей энергетики и защиты от всего плохого. Субурганы сооружаются согласно определенным требованиям, но мастерство местных строителей заключается в том, чтобы придать им особенности, присущие данному региону. По канонам буддийской религии прах йогина закладывается внутри субургана [Урбанаева, 2010, с. 51]. Надгробную чугунную плиту в буддийском стиле отлили и доставили из Санкт-Петербурга после смерти Соодой-ламы. В 1930-е гг. ступа была разрушена, но в 1970-е годы субурган был восстановлен. В 1990-х гг. силами лам из Курумканского дацана и местных жителей субурган был отремонтирован. Ежегодно там проводятся молебны, связанные с почитанием Соодой-ламы и спортивные мероприятия (рис. 2).

Рис. 1. Соодой-лама.

Рис. 2. Ступа Соодой-ламы, возле с. Элэсун, июнь 2019 г. (Фото автора).

Рис. 3. Фото медитационного домика Соодой-ламы в местности Хара-Хушун (Шинагальжин), лето 1970 г. Из семейного архива Т.Б. Лубсановой (публикуется с разрешения владельца).

В последнее время начали проводиться ритуальные обходы «горoo» от ступы с места рождения священника к Шинагальжину – месту, где Соодой-лама медитировал.

В местности Хара Хушун (Шинагальжин) на одной из вершин Икатского хребта в десяти километрах от с. Баянгол в Куйтунской степи в 2015–2016 гг. на месте, где ранее стоял медитационный домик Соодой-ламы и где он в процессе медитации ушел в Нирвану были установлены медитационная келья и статуя Соодой-ламы. На фотографии 1970 г., принадлежащей семье

Борбоновой Евдокии Бубошкиевны, изображена медитационная келья Соодой-ламы (рис. 3). По словам ее дочери Туяны Лубсановой: «Моя мама, Борбонова Евдокия Бубошкиновна, работала чабанкой в колхозе им. Ленина, и мы долгое время летом жили в местности Хара-Хушуун. Каждое лето мама собирала народ с ближних замок и проводила обоо (бур. религиозный обряд) сначала внизу возле берез: забивали барана, готовили вкусности, тогооной архи и проводили обряд почитания. Вешали на деревья сэмэлгэ (ленточки), затем поднимались прямо в гору Мунхан-хада. Там и стояла избушка. Заранее взрослые там все прибирали, чистили лампадки. Мы обходили дом три раза по кругу, молились, затем садились кушать и проводились разные игры и соревнования среди детишек, борьба». Теперь на этом месте стоит новая медитационная келья, внутри которой находятся фотографии Соодой-ламы, и ежегодно весной местными ламами проводится обряд «Сольдеп», посвященный памяти досточтимого ламы (ПМА: интервью с Борбоновой Туяной Бубошкиновной).

Самопроявленная мантра Арья Баалы в с. Алла является другой местной достопримечательностью и также олицетворяет собой память о великом йогине, покровителе Баргузинской долины Соодой-ламе. В центре Аллинского ущелья установлен памятник с барельефом святого и камень с его самопроявленной мантрой – «Маниин шулуун». Согласно предсказанию Соодой-ламы, «большая вода пройдет через Аллинское ущелье», и этот камень призван остановить стихию. Рядом с камнем летом 2016 г. была установлена и освящена ступа Чудес (бур. шэди үзүүлһэн субарга) и была открыта гранитная плита «Маниин шулун» с бронзовым барельефом Соодой-ламы.

Наиболее известное место в Баргузинской долине – Барагханский аршан (бур. источник), который находится в 10 км на юго-запад от с. Барагхан у подножия горы Бархан-Уула (бур. Бурханай гунгарбаа). Недалеко от главной трассы по пути к аршану находится ступа, построенная в честь Соодой-ламы. В 2006 г. на частные пожертвования на месте разрушенного в 1930-е гг. Баргузинского дацана, возле священной горы Бархаан-Уула, была возведена ступа. В основание ступы, помимо священных реликвий, заложена земля со всех мест, где в XIX–XX вв. располагался Баргузинский дацан. Она называется «Лхабаб» (бур. тэнгэриһээ бууһан бурханай субурга), что олицетворяет удачу. Рядом расположен алтарь, внутри которого находится изображение Соодой-ламы. Каждый, кто проезжает мимо этого места, должен остановиться рядом со ступой, оказать почтение и набрать воды из источника и обойти ступу для благоприятного дальнейшего пути.

В 2020 г. на территории Курумканского дацана силами его настоятеля и местных жителей построен отдельный дуган Соодой-ламы (бур. сүмэ, храм на территории дацана), внутри установлена его статуя. По словам внучатой племянницы Соодой-ламы Аюшиной Бальжимы Новиковны, до сих пор, по завещанию Соодой-ламы, в семье Новикова Сабая Жигмы-Доржиевича (1900–1987), проживающей в с. Аргада, хранят священные одежды великого йогина: буддийский халат (бур. дэгэл), ритуальный шарф (бур. хадак) и головной убор. Согласно просьбе ламы, они должны хранить эти вещи до следующего его перевоплощения [Аюшина, 2006, с. 11].

В результате проведенных интервью с местными жителями по поводу личности Соодой-ламы замечено, что практически у всех на алтаре неизменно присутствует фотография Соодой-ламы. Согласно сведениям, взятым у местных старожилов, Соодой-лама был известен и в советское время, и некоторые жители даже тайно проводили религиозный обряд обоо возле его молельного домика в 1970–80-е гг. Восстановление культовых мест, связанных с ним, начинается в 1990-е гг. и продолжается в настоящее время. Ежегодно многие жители, в том числе и те, кто уже уехал из Курумканского р-на, стараются попасть на молебен Соодой-ламы, который, согласно их представлениям, благоприятно влияет на их семью, будущее и здоровье. Многие приезжают со своими семьями или с близкими людьми. Начиная с 2000-х гг., судя по количеству появившихся новых сакральных мест, посвященных Соодой-ламе, он становится для жителей Баргузинской долины духовным покровителем. Более того, на каждом культовом месте, связанном с Соодой-ламой, ежегодно проводятся молебны, на которых присутствуют как местные жители, так и приезжие. Необходимо отметить, что организуются ежегодные паломнические туры с посещением перечисленных мест.

Таким образом, анализ всех сакральных мест, связанных с Соодой-ламой и полученных полевых материалов показал, что с начала XXI в. по настоящее время буддийскими священнослужителями в Баргузинской долине ведется последовательная работа по распространению влияния буддизма, в том числе посредством открытия новых дуганов и субурганов, посвященных местному буддийскому духовному деятелю Соодой-ламе. Многие места, которые являлись в прошлом сакральными местами для шаманизма, становятся также и сакральными местами для буддизма, обретая буддийские названия. В этих местах устанавливаются буддийские ступы и проводятся ежегодные молебны.

Список информантов

Аюрова Бутидма Тыхеевна, 1957 г.р., род баяндай, с. Аргада, Курумканский р-н, Республика Бурятия.

Борбонова Туяна Бубошкиновна. 1966 г.р., род булагат, с. Хара-Хушуун, Курумканский р-н, Республика Бурятия.

Ширеторова Мария Ширеторовна, 1937 г.р., род хэнгэлдэр, с. Аргада, Курумканский р-н, Республика Бурятия.

Список литературы

Аюшина Б.Н. Родословная Цэдэна Соодоева // Соодой-лама. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2006. – с. 38.

Очирова Г.Н. О жизни и деятельности Цэдэна Соодоева (из материалов Национального архива Республики Бурятия) // Соодой-лама. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2006. – С. 30–37.

Урбанаева И.С. Цыден Содоев (1846–1916) // Выдающиеся бурятские деятели: в 2 т. – Улан-Удэ, 2010. – Т. 2 (вып. 5–8). – 51 с.

References

Ayushina B.N. Rodoslovnaya Tsydena Soodoeva. In *Soodoi-Lama*. Ulan-Ude: Belig, 2006. p. 38. (In Russ.).

Ochirova G.N. O zhizni i deyatel'nosti Tsydena Soodoeva (iz materialov Natsional'nogo arkhiva Respubliki Buryatiya). In *Soodoi-Lama.* Ulan-Ude: Belig, 2006. P. 30–37. (In Russ.).

Urbanaeva I.S. Tsyden Sodoev (1846–1916). *Vydayushchiesya buryatskie deyateli*. Ulan-Ude, 2010. Vol. 2. Iss. 5–8. 51 p. (In Russ.).

Лыгденова В.В. https://orcid.org/0000-0003-4277-8155

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0889-0894
УДК 394+930.2

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

У истоков русской сибирской этнографии (штрихи к научному портрету А.А. Макаренко)

На основе анализа сочинений и опубликованных фрагментов полевых дневников Алексея Алексеевича Макаренко рассматривается траектория профессионального становления ученого, определившая его место в истории отечественного народоведения и роль в развитии русской сибирской этнографии. Дана характеристика типичного для той эпохи творческого пути исследователя, вехами которого были участие в деятельности революционеров-народников и политическая ссылка в Восточную Сибирь. Отмечены различия между российским народоведческим дискурсом позднеимперского периода и сложившимся к тому времени европейским колониальным дискурсом. С учетом концепции Александра Эткинда о «внутренней колонизации» России показаны особенности производства знаний о народах Российской империи в конце XIX – начале XX в., связанные с действием такой группы акторов, как разночинная интеллигенция, ярким представителем которой был Макаренко. Выявлено значение таких факторов, как длительное проживание среди локальных групп сибирского населения и деятельное участие в их жизни, для формирования взглядов Макаренко на проблемы «осибирячивания» русских старожилов и «русификации» сибирских инородцев. Раскрыты причины духовного кризиса автора после его экспедиционных поездок в бассейн р. Катанги (Подкаменной Тунгуски), предпринятых для сбора материалов по этнографии эвенков. Затрагивается вопрос о профессиональной идентификации самого этнографа, практически никогда не подчеркивавшего своего украинского происхождения. Делается вывод, что относительно коренного сибирского населения Макаренко придерживался концепции «имперского многообразия», тогда как в отношении славянского населения Сибири скорее всего разделял идеи его «унификации и русификации».

Ключевые слова: *колониальный дискурс, российское народоведение, позднеимперский период, профессиональное становление ученого-этнографа, Алексей Макаренко, русские сибиряки-старожилы.*

G.V. Lyubimova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

At the Origins of Russian Siberian Ethnography (Some Points to the Scholarly Portrait of A.A. Makarenko)

Using Alexey Makarenko's writings and published fragments of field diaries, this article examines his scholarly path which determined his role in the history of Russian ethnology as a founder of Russian Siberian ethnography. The scholar's biography, typical of his time, is described, including his participation in revolutionary activities and political exile to Eastern Siberia. Differences between Russian ethnological discourse of the Late Imperial period and colonial discourse which was common in European ethnology are mentioned. Considering the concept of "internal colonization" of Russia, proposed by Alexander Etkind, specific aspects of knowledge production related to the peoples of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries are shown. This process was associated with activities of intelligentsia whose prominent representative was A. Makarenko. His prolonged residence among local groups of Siberian population and active involvement in their lives influenced Makarenko's views on "Siberization" of Russian old-timers and "Russification" of Siberian indigenous people. The causes of A. Makarenko's spiritual crisis after his expeditions to the Katanga River basin (Podkamennaya Tunguska) for collecting information on ethnography of the Evenks as well as A. Makarenko's self-

identification, who almost never mentioned his Ukrainian origins, are discussed. It is concluded that in relation to the indigenous Siberian population, Makarenko adhered to the concept of "Imperial diversity," while in relation to the Slavic population of Siberia he shared the ideas of its "unification / Russification."

Keywords: *colonial discourse, Russian ethnology, Late Imperial period, professional development of ethnographer, Alexey Makarenko, Russian Siberian old-timers.*

Стоявший у истоков русской сибирской этнографии Алексей Макаренко прошел типичный для своего времени путь в науку о народах России. Вехами этого пути были революционная деятельность и политическая ссылка, включавшая «продолжительный период вынужденного пребывания» в крае в качестве «невольника» [Макаренко, 1913, с. V]. Подобная траектория профессионального становления, как сказано в одном из посвященных ему очерков, была «свойственна, кажется, исключительно русской науке» конца XIX – начала XX в. [Иванова, 2015, с. 247].

Причины отмеченной специфики, как представляется, были связаны с особенностями производства знаний о народах Российской империи. На этапе ее масштабной модернизации эти особенности, считает А.Б. Панченко, определялись наличием не двух, а как минимум трех групп акторов [Панченко, 2018, с. 122]. Если в европейской этнологии сложившийся к тому времени колониальный дискурс предполагал, что исследователь выступает как агент власти по отношению к изучаемым народам («белый европеец изучает туземное общество за пределами своего мира») [Арзютов, Кан, 2013, с. 46], то в российском народоведении сложилась несколько иная ситуация, выводящая ее за пределы «чистого ориентализма». С учетом концепции Александра Эткинда о «внутренней колонизации» («расширяясь и охватывая огромные пространства, Россия колонизовала свой народ») [Эткинд, 2014, с. 9–10; Адоньева, 2019, с. 160], специфику российского народоведческого дискурса современные авторы видят в том, что помимо власти и академической науки в нем действовал еще и третий актор, а именно – интеллигенция, включавшая в себя не только представителей революционного крыла, но и мощный пласт неофициальной этнографии, представленной интеллигентами-разночинцами, не прошедшими системы университетского образования и уже в силу этого не являвшимися представителями академической науки [Панченко, 2018, с. 122–123].

Рассмотрим место, которое занимал Макаренко в российском народоведении, и его взгляды о «русском старожилом населении Сибири» в контексте народоведческого дискурса России.

Украинский народник, этнограф-революционер Алексей Алексеевич Макаренко родился в 1860 г. в Харькове, в семье чиновника. Будучи седьмым ребенком в семье и рано лишившись матери, Макаренко испытал на себе все тяготы безнадзорного детства. По некоторым данным, он не смог получить не только высшего, но и среднего образования, так и не закончив Харьковского реального училища. Подлинным интеллигентом его, без сомнения, сделало самообразование [Политическая каторга…, 1934, с. 380; Иванова, 2015, с. 248–249; Федорова, 2014, с. 114].

Познакомившись с идеями народников, Макаренко погрузился в водоворот революционной борьбы. Сочетавший в себе «черты и рабочего, и интеллигента», Макаренко занимался пропагандой революционных идей не только в рабочей, но и в крестьянской среде (в т.ч., в Тамбовской и Полтавской губ.). Его первый арест в 1881 г. был связан с распространением нелегальных изданий, которые печатались в подпольной типографии. После второго ареста он был выслан в 1886 г. в Восточную Сибирь [Иванова, 2015, с. 249, 250].

Оказавшись в ссылке, многие революционеры-народники рано или поздно обращались к изучению сибирских народов. По словам участника польского освободительного движения Феликса Кона, отбывавшего ссылку в Якутии, вначале ему с товарищами казалось, что они, «оторванные от живой жизни <…> погребены заживо», а между тем, рядом с ними «была жизнь <…> своеобразная <…> но тоже подлинная». Помочь местным беднякам «отстоять <…> права, какими они по закону обладали!» – таков был первый побудительный мотив многих ссыльных, пытавшихся выйти из замкнутого круга, в котором они оказались. Но, чтобы помогать, нужно было детально изучить жизнь местного населения, понять его нужды и стремления. К тому же стационарный метод работы, добавляет С.А. Токарев, имел неоспоримые преимущества по сравнению с методом кратковременных экспедиций, поскольку «ссыльные революционеры, стремившиеся <…> оказать практическую помощь туземному населению <…> лучше и глубже могли понять условия его жизни, чем приезжие ученые, для которых якуты были только предметом <…> научной любознательности» [Токарев, 1966, с. 378–379]. Таким образом, вся народническая идеология, как пишут Д.В. Арзютов и С.А. Кан, подталкивала политических ссыльных

к изучению быта местного «угнетенного народа» [Арзютов, Кан, 2013, с. 50].

Как и все народники, Макаренко верил, что крестьянская община является исходной точкой социалистического развития, поскольку «торжество высшего принципа имущественных отношений» возможно лишь при условии коллективного владения землей. Оказавшись на поселении в Ачинском у. Енисейской губ. (с. Ужур), он и шестеро его соратников организовали земледельческую общину – «Ужурскую трудовую коммуну» (1887–1893 гг.). Наравне с товарищами Макаренко занимался хлебопашеством, работал на золотых приисках, выступал ходатаем по крестьянским судебным делам. Полученный в общине опыт оказался едва ли не решающим для его дальнейшего профессионального становления. Организация земледельческой коммуны, по его собственным словам, открыла «политическим изгнанникам» «широкий доступ в крестьянскую массу», облегчила «пути взаимного понимания и тесного сближения (с народом)» [Азадовский, 1928, с. 102; Иванова, 2015, с. 250–252]. «Всегда и везде» встречая «самое благожелательное отношение» со стороны не только «сибирско-русского», но и «сибирско-инородческого» населения, он смог получить «полезные и научно-ценные знания» о сибирской народной жизни «в ее реальной, повседневной обстановке» [Макаренко, 1913, с. V; Федорова, 2014, с. 114, 115].

Новые впечатления не смогли изменить «народническую оптику» Макаренко и заслонить от него факты социальной несправедливости. Его попрежнему продолжали волновать вопросы освободительной борьбы. За участие в протесте против жестокой расправы властей над политическими ссыльными в Якутии (1889 г.) срок пребывания Макаренко в ссылке был увеличен с четырех до семи лет [Иванова, 2015, с. 253]. В 1894 г. за поддержку крестьянских выступлений против увеличения податей («вмешательство в дела крестьянского мира») он был переведен в Енисейский у. Енисейской губ. (с. Казачинское), где оставался до окончания срока ссылки [Федорова, 2014, с. 115].

По возвращении из Сибири Макаренко при содействии Д.А. Клеменца устроился в 1902 г. в этнографический отдел Русского музея, где проработал вплоть до своей кончины в блокадном Ленинграде в 1942 г. Бурные дискуссии, сотрясавшие советскую этнографию на рубеже 1920–1930-х гг., проходили уже без его участия.

География экспедиционных поездок Макаренко, много раз бывавшего в Сибири и после ссылки («по доброй охоте»), охватывает ее восточные регионы – в основном территории Енисейской и Иркутской губ. [Макаренко, 1913, с. IV, V]. Материалы, собранные в этих губерниях, легли в основу «Сибирского народного календаря» (1913 г.) – самой знаменитой и «совершенно исключительной», по словам М.К. Азадовского, работы, равной которой «вообще мало в сибирской этнографии, а в литературе, посвященной русскому населению Сибири, и совсем нет» [Азадовский, 1928, с. 106]. Именно это сочинение стало для современников настоящим открытием многогранной и духовно богатой жизни сибирского крестьянства [Федорова, 2014, с. 115].

Вопрос о степени изученности русского населения в различных регионах Российской империи стоял к началу XX в. достаточно остро. Практически сразу после учреждения Русского Географического общества в качестве одной из важнейших задач отечественного народоведения, как следует из программной речи Н.И. Надеждина («Об этнографическом изучении народности русской», 1846 г.), было заявлено изучение «человека русского» – во всей «совокупности (его) отличительных черт, теней и оттенков». Почти сорок лет спустя о малоисследованных «оттенках и вариациях» «великорусского племени» писал в своей статье А.Н. Пыпин («О задачах русской этнографии», 1885 г.). В числе особых типов «господствующей народности» автор назвал и «сибирский… вариант великорусского народного типа», отдалившийся под влиянием природных и исторических условий от «старых корней» и вобравший в себя «целую массу инородческих элементов» [Анучин, 2019, с. 16, 17, 20]. Десятилетием ранее, на материале своих путешествий по Восточной Сибири П. Ровинский представил свою классификацию русского населения края, включавшую несколько групп – потомков «первых вольных поселенцев», «ясачных», «семейских» и «малороссиян». Однако в целом, как отмечал Г.С. Виноградов, «русские этнографы и бытописатели» этого периода «занимаются преимущественно <…> изучением туземного населения; русско-сибирская ветвь славянства пользуется вниманием сравнительно немногих наблюдателей» [Виноградов, 2009, с. 21, 34, 35]. Макаренко, по сути, стал первым, кто поставил научное изучение русских сибиряков на систематическую основу [Федорова, 2014, с. 115].

В отличие от идеологов областничества, считавших сибиряков отдельным от русских народом, вернувшийся из ссылки Макаренко выступил с критикой «культурного сепаратизма». В написанной им совместно с Д.А. Клеменцем рецензии на новый сборник статей о Сибири (1908 г.) подчеркивалось, что «Сибирь <…> (непременно) будет разрабатывать местную жизнь, изучать местную природу (и) <…> брать оригинальные местные темы для соз-

дания искусства, но это будет культура не сибирская, а европейская, нераздельная с общерусской. Стремление отмежеваться от русской культуры будет невозможно» [Миненко, 1993, с. 6].

Не отрицая влияния коренного населения на русских крестьян, Макаренко не рассматривал его как угрозу неизбежной «утраты исконных национальных культурных традиций» [Федорова, 2014, с. 115; Шиловский, 2019, с. 321, 322]. «Осибиряче(ва)ние <…> русских насельников», писал он о жителях Ангарского края, происходит путем незаметного «туземного влияния», когда «старожилые крестьяне» перенимают у «инородцев» образцы построек, технику охоты, способы рыбной ловли, обычаи, традиции, язык и верования. Но, несмотря на дальнейшее сближение с «туземцами» и даже «взаимные брачные союзы», русское население Ангарского края, констатирует автор, «в основных чертах своего духовного и материального быта осталось “руссаками”» [Макаренко, 1913, с. 8–9, 11].

Редкое для Макаренко проявление колониальной риторики можно увидеть в его высказывании о том, что свое господствующее положение в Ангарской долине, как и в Сибири в целом, русские занимают благодаря «расовой устойчивости», «склонности к оседлой жизни» и «в силу покровительства русским законам» [Макаренко, 1913, с. 8]. Вместе с тем, весь опыт его общения с «сибиряками-инородцами» – прежде всего, экспедиции 1907 и 1908 гг. в бассейн р. Катанги (Подкаменной Тунгуски) для сбора материалов по этнографии эвенков – свидетельствует о критическом отношении автора к способам выстраивания экономических отношений и насаждения православия среди тунгусов, с помощью которых русские торговцы «завязывали с ними торжища и спаивали» коренное население. «Чисто русский триумвират кулака, духовенства и полиции, – писал исследователь, – является главным оплотом русификации наших инородцев» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 131).

Постигшие Макаренко несчастья по завершении экспедиционных поездок на Катангу (потеря при отправке железной дорогой собранных для музея экспонатов, а главное – смерть «горячо любимой дочери – незабвенной дочурки Верочки Макаренко») стали, по всей видимости, причиной глубокого духовного кризиса ученого. Расценивая «эти факты <…> как простое, хотя (и) далеко незаурядное совпадение», он, тем не менее, выражал глубокое сожаление по поводу собственных «святотатственных деяний», которые ему приходилось совершать, разоряя «тунгусские мольбища» и доставляя их останки в музей, поскольку в то время он считал, что «подобные экспонаты будут особенно ценны в научном отношении и надолго сохранятся как подлинные памятники первобытной духовной культуры» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 185). Подводя итоги катангских экспедиций, Макаренко, по словам Ю. Клиценко, счел своим «нравственным долгом извиниться перед эвенками за свои действия в интересах науки, которые ошибочно могли восприниматься как неуважение к священным местам и могилам» [Клиценко, 2013, с. 9–12].

Бескомпромиссный к себе, автор был далек от идеализации «сибирско-русского населения». Главным объектом его исследования стали жители обширного Ангарского края, расположенного на юго-востоке Енисейского уезда, в долине р. Ангары. «Русские насельники, – пишет Макаренко, – сравнительно легко завладели естественными богатствами» края, который отличается изобилием гор, болот и дремучих лесов («таежных дебрей»), первоначально находившихся «во владении бурят и тунгусов». Плохое качество земли, суровый климат и ограниченная транспортная доступность стали «серьезным затруднением <…> для всех культурных начинаний (проживающих там) русских» [Макаренко, 1913, с. 8].

Отмечая «до удивления архаичный» характер «нравов и обычаев» жителей края, Макаренко вынужден был признать, что их деятельность «словно закостенела в первичных формах отсталой земледельческой культуры». Ставшая благодаря ему широко известной фраза (*«Живем в лесу, молимся колесу!»*) являлась, по мнению ученого, выражением «глубокой иронии и затаенной обиды» ангарцев на «порядки, обрекающие их на умственный застой и невежество». Причины подобной ситуации автор, верный народнической идеологии, видел в тяжелых условиях жизни, продолжительной изолированности местного населения («полуземледельцев-полузвероловов»), а также – в отсутствии «здоровых просветительных начал» и «слабом развитии школьного дела». В то же время считая самих ангарцев «гостеприимными, добродушными (и) любознательными», Макаренко не мог не отметить их «удивительную выносливость и необыкновенную настойчивость <…> по насаждению (в крае) земледельческой культуры» [Макаренко, 1913, с. 11, 12, 18, 19].

Соотношение сибирского и общерусского вариантов народного календаря Макаренко рассматривает как своего рода проекцию отношений русских сибиряков и их «сородичей (в) метрополии». И если «календарь русского народа Европейской России» выступает у него в качестве «родоначальника» иных его разновидностей, то «простонародный календарь Сибири» расценивается им как «ближайший осколок» или всего лишь «перепев великорус-

ского народного календаря», занесенный в Сибирь «выходцами-славянами из России» [Макаренко, 1913, с. 4, 190].

Довольно существенным в данном контексте представляется вопрос о профессиональной идентификации самого Макаренко-этнографа, который практические никогда не подчеркивал своего украинского происхождения (тогда как в одном только Ачинском уезде, где он прожил почти восемь лет, доля украинских переселенцев, по данным Переписи 1897 г., составляла 5,7 %). Не исключено, что в данном вопросе Макаренко следовал за Г.Н. Потаниным, который полагал, что «все разнохарактерные переселенцы» (в первую очередь, представители славянских народов – великорусы, малороссы, поляки и др.) принимают в Сибири «общий, смешанный тип сибиряка», образуя «новый этнографический тип русского переселенца» [Шиловский, 2019, с. 321]. Сам автор неоднократно высказывал мнение, что современное ему «русское население» Ангарского края, как и везде в Сибири, образовалось из «смешения разных народностей» [Макаренко, 1913, с. 6].

В целом, перефразируя вывод о направлениях развития академического народоведения в Российской империи [Панченко, 2018, с. 123], можно заключить, что относительно коренного сибирского населения Макаренко придерживался «либеральной концепции имперского многообразия», тогда как в отношении славянского населения Сибири – разделял идеи его «унификации/русификации». Наряду с этим, близкое знакомство Макаренко с объектом исследований (со многими своими информантами он находился в дружеских отношениях), длительное проживание среди локальных групп русских сибиряков и деятельное участие в их жизни – все это позволяет говорить о нем как одном из первых отечественных этнографов-фольклористов, сумевших, по словам С.Б. Адоньевой, стать «частью того жизненного мира, того уклада, того порядка практик и отношений, которые он исследовал» [Адоньева, 2019, с. 160]. Именно эти качества обеспечили ученому особое место в истории отечественного народоведения и роль основоположника русской сибирской этнографической школы, о своеобразии которой писал Б.Н. Путилов. Ссылаясь на работы М.К. Азадовского, Г.С. Виноградова, а также публикации в периодическом альманахе «Сибирская живая старина», автор подчеркивал, что комплексный подход к пониманию традиционной культуры, отсутствие искусственных ограничений в предметном поле исследований обусловили цельность и полноту работ сибирских этнографов-фольклористов. Пронизанные «идеями единства народной культуры в основных ее составляющих», их труды вскрывали «глубинные процессы жизни и творчества» русского крестьянства Сибири [Путилов, 1994, с. 4, 5].

Список литературы

Адоньева С.Б. Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 159–172.

Азадовский М.К. А.А. Макаренко. К сорокалетию его научно-общественной деятельности. 1887–1927 // Сибирская живая старина. – Иркутск. – 1928. – Вып. 7. – С. 101–114.

Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии (1889 г.) // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 6. – С. 11–28.

Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 3. – С. 45–68.

Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. – М.: Восточная литература, 2009. – 896 с.

Иванова Т.Г. Алексей Алексеевич Макаренко – революционер, этнограф, фольклорист // Неизвестные страницы русской фольклористики. – М.: Индрик, 2015. – С. 247–275.

Клиценко Ю. Об экспедициях А.А. Макаренко к эвенкам Подкаменной Тунгуски // Сибирская заимка. – 2013. – № 6. – С. 8–13.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении – Восточная Сибирь, Енисейская губерния // Записки ИРГО по отделению этнографии. – СПб., 1913. – Т. 36. – 292 с.

Миненко Н.А. Предисловие // Макаренко А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 3–7.

Панченко А.Б. Д.А. Клеменц и производство знания о народах в Российской империи // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 2. – С.122–136.

Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. – М.: Всесоюзное об-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – 878 с.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 238 с.

Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1966. – 454 с.

Федорова В.И. 155 лет со дня рождения участника народнического движения Алексея Алексеевича Макаренко (1860–1942?), этнографа, сибиреведа, отбывавшего ссылку в Енисейской губернии // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2015 год. – Красноярск: ГУНБ, 2014. – С. 114–116.

Шиловский М.В. Г.Н. Потанин о формировании идентичности русских старожилов Сибири к началу XX века // Этнокультурная идентичность народов Сиби-

ри и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 320–324.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 444 с.

References

Adon'yeva S.B. Rossiyskaya nauka o narode: ot evolyutsii k fenomenologii. *Traditsionnaya kul'tura,* 2019. Vol. 20. N 4. P. 159–172. (In Russ.).

Anuchin D.N. On the Goals of Russian Ethnography. *Etnograficheskoye obozreniye,* 2019. N 6. P. 11–28. (In Russ.).

Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography. *Etnograficheskoye obozreniye,* 2013. N 3. P. 45–68. (In Russ.).

Azadovskii M.K. A.A. Makarenko. K sorokaletiyu yego nauchno-obshchestvennoy deyatel'nosti. 1887–1927. In *Sibirskaya zhivaya starina*. Irkutsk. 1928. Iss. 7. P. 101–114. (In Russ.).

Etkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 444 p. (In Russ.).

Fedorova V.I. 155 let so dnya rozhdeniya uchastnika narodnicheskogo dvizheniya Alekseya Alekseyevicha Makarenko (1860–1942?), etnografa, sibireveda, otbyvavshego ssylku v Yeniseyskoy gubernii. In *Kray nash Krasnoyarskiy: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat na 2015 god*. Krasnoyarsk: GUNB, 2014. P. 114–116. (In Russ.).

Ivanova T.G. Aleksey Alekseyevich Makarenko – revolyutsioner, etnograf, fol'klorist. In *Neizvestnyye stranitsy russkoy fol'kloristiki.* Moscow: Indrik, 2015. P. 247–275. (In Russ.).

Klitsenko Yu. Ob ekspeditsiyakh A.A. Makarenko k evenkam Podkamennoy Tunguski. *Sibirskaya zaimka,* 2013. N 6. P. 8–13. (In Russ.).

Makarenko A.A. Sibirskiy narodnyy kalendar' v etnograficheskom otnoshenii – Vostochnaya Sibir', Yeniseyskaya guberniya. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii.* St. Petersburg. 1913. Vol. 36. 292 p. (In Russ.).

Minenko N.A. Predisloviye. In *Makarenko A. Sibirskiy narodnyy kalendar'.* Novosibirsk: Nauka, 1993. P. 3–7. (In Russ.).

Panchenko A.B. D.A. Klementz and the Production of Knowledge about Peoples in the Russian Empire. *Etnograficheskoe obozrenie,* 2018. N 2. P. 122–136. (In Russ.).

Politicheskaya katorga i ssylka. Biograficheskiy spravochnik chlenov obshchestv politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. Moscow: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1934. 878 p. (In Russ.).

Putilov B.N. Fol'klor i narodnaya kul'tura. St. Petersburg: Nauka, 1994. 238 p. (In Russ.).

Shilovskii M.V. G.N. Potanin o formirovanii identichnosti russkikh starozhilov Sibiri k nachalu XX veka. In *Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh regionov.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 320–324. (In Russ.).

Tokarev S.A. Istoriya russkoy etnografii. Dooktyabr'skiy period. Moscow: Nauka, 1966. 454 p. (In Russ.).

Vinogradov G.S. Etnografiya detstva i russkaya narodnaya kul'tura v Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. 896 p. (In Russ.).

Любимова Г.В. https://orcid.org/0000-0003-3538-2806

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0895-0898
УДК 39+729

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: annmaini@gmail.com

Православные мемориальные храмы как нейрооснова коллективной памяти

В статье впервые выделены мемориальные соборы, церкви и часовни, построенные к настоящему времени в г. Новосибирске и являющиеся маркерами, передающими историческую, духовно-назидательную информацию, формируя основу этно-социальной идентичности людей. Проведен сплошной просмотр всех новосибирских храмов – девяносто пяти зданий. Установлено, что мемориальные храмы составляют около четверти всех храмов, среди них два собора – Михаила Архангела в монастыре Иоанна Предтечи, св. благоверного князя Александра Невского, двенадцать церквей – Михаила Архангела, Успения Пресвятой Богородицы, Покрова Пресвятой Богородицы, Николая II Царя-страстотерпца, св. Александра Невского при Штабе 41-й общевойсковой армии, Варвары Великомученицы в пос. Гвардейском, св. Евгения Мученика, св. Владимира равноапостольного, св. Олега Брянского, св. Евфросинии Полоцкой, Спаса Нерукотворного Образа в МЖК Восточный, Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска, восьми часовен – Иконы Божией Матери Тихвинской, св. Георгия Победоносца в Сквере Славы, св. Димитрия Донского, Иконы Божией Матери Владимирской, Иконы Божией Матери Казанской, Иконы Божией Матери Иверской, Сергия Радонежского, свт. Николая Чудотворца. Соответствуя традициям православия, коммеморативными поводами их создания являются память о ранее существовавших церквях, фиксация мест памяти, увековечивание исторических деятелей, памятных дат, благодарность за финансовую помощь в возведение храма, призывание защиты небесных покровителей, создание мемориалов, музеефикация, что соответствует меморативным традициям православия, отсутствуют только храмы-усыпальницы. В ряде случаев в одном здании наблюдается несколько поводов коммеморации. Мемориальные храмы, вследствие особенностей мышления человека, входят в набор средств и механизмов нейропсихологического характера, базовых в коллективной памяти.

Ключевые слова: *мемориальные храмы, коллективная память, нейроярлыки, коммеморации, идентичность, православие, Новосибирск.*

A.Y. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: annmaini@gmail.com

Orthodox Memorial Churches as Neural Basis of Collective Memory

The article describes memorial cathedrals, churches, and chapels which exist in Novosibirsk and serve as markers conveying historical, spiritual, and edifying information, and fostering ethnic and social identity of the people. A comprehensive overview of all ninety-five Novosibirsk churches has revealed that memorial churches constitute about a quarter of all buildings. They include two cathedrals dedicated to Michael the Archangel in the monastery of St. John the Baptist and Holy Prince Alexander Nevsky; twelve churches dedicated to Michael the Archangel, Assumption of the Mother of God, Intercession of the Mother of God, Royal Martyr Nicholas II, Holy Prince Alexander Nevsky at the Headquarters of the 41st General Army, Great Martyr Barbara in the village of Gvardeyskiy, Holy Martyr Eugene, Holy Prince Vladimir Equal-to-the-Apostles, St. Oleg of Bryansk, St. Euphrosyne of Polotsk, Icon of the Saviur Not-Made-by-Hands in the Vostochnyi Residential Complex, Icon of the Saviur Not-Made-by-Hands from Zashiversk, and eight chapels dedicated to the Tikhvin Icon of the Mother of God, Holy Martyr George in the Park of Glory, Holy Prince Dimitry Donskoy, Vladimir Icon of the Mother of God, Kazan Icon of the Mother of God, Iveron Icon of the Mother of God, St. Sergius of Radonezh, and St. Nicholas the Wonderworker. The commemorative reasons for their creation include the revival of memory about the churches which existed in their places, fixation of memorial places, perpetuation of personalities and memorable dates, gratitude for funding construction of a church,

appeal for protection from the heavenly patrons, creation of memorials, and museumification. These reasons correspond to commemorative traditions of Orthodoxy with the only exception of burial churches. In some cases, there were several reasons for commemoration in a single building. Due to specific features of human thinking process, memorial churches can be considered to be a set of instruments and mechanisms of neuropsychological nature, fundamental for collective memory.

Keywords: *memorial churches, collective memory, neurotags, commemoration, identity, Orthodoxy, Novosibirsk.*

Одной из задач коллективной памяти выступает передача культурного опыта, который может обеспечить функционирование этноса и социума без деструктивных трансформаций. Коммеморация как сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации увековечиванием персон и событий является инструментом для мобилизации сведений о прошлом, обеспечивая основы формирования идентичности. Одной из форм коммеморации в православии выступают храмовые сооружения, которые можно рассматривать как специфические материальные нейроярлыки (см.: [Mainicheva, 2021]), присущие формированию коллективной памяти. Строго говоря, все православные культовые здания обращены в прошлое и связывают его с настоящим и будущим, поскольку и посвящения престолов, и литургические действия каждодневно обращены к определенным событиям и лицам из Священного Писания и истории Церкви во время христианских праздников, памятных дней. Вместе с тем существует и специфическая категория коммеморций – мемориальные храмовые здания, включая соборы, церкви и часовни, о которых кроме общих посвящений известны конкретные историко- и социальнозначимые поводы для их создания. В статье на примере современного Новосибирска поставлена задача выделить мемориальные соборы, церкви и часовни, обрисовать спектр коммеморативных поводов в церковном строительстве. Источниками послужили полевые материалы автора 2012–2022 гг. и база данных Храмы России [Храмы России], созданная для систематизации документальных сведений о храмах.

В настоящее время в г. Новосибирске находятся 95 храмов, в т.ч. 5 соборов, 30 часовен, 2 монастыря с 6 церквями и 2 часовнями. Из них к мемориальным можно отнести 2 собора, 12 церквей и 8 часовен.

В память о ранее существовавших церквях и утраченных посвящениях престолов построен собор и три церкви. Собор Михаила Архангела в монастыре Иоанна Предтечи (арх. П.А. Чернобровцев, А.Н. Панин) был построен в 1999–2003 гг. Посвящение выбрано в память снесенной церкви с. Нижние Чемы, где возвели новое здание собора. Кирпичный храм выполнен в русском стиле, состоит из основного восьмигранного объема, завершенного главой, окруженного галереями, колокольни под луковичным куполом.

Посвящение еще одного храма Михаила Архангела также выбрано в память бывшей ранее в этой части города Михаило-Архангельской церкви. В 1994–1996 гг. под храм перестроено кирпичное здание дома культуры «Заря», над которым поставлены купола.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Березовой Роще (1995–1999 гг.) в недостроенном павильоне парка культуры и отдыха «Березовая Роща» освящена в память стоявшей рядом кладбищенской Успенской церкви. Представляет собой кирпичное здание с тремя главками на двускатной кровле.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1895 г., 1998–2006 г., арх. С.Н. Богомазова, реставрация) представляет собой яркий пример подчеркнутой коммеморации с несколькими поводами. Деревянная церковь-школа была построена в 1901 г. на месте первого в Новониколаевске молитвенного дома, выстроенного в 1895 г. Здание было завершено шатровым куполом, достроено шатровой же колокольней в 1906 г. на средства купцов Маштаковых. Закрыта в 1939 г. и перестроена, помещения занимали учреждения. Возвращена верующим в 1994 г. В 2002–2004 гг. сруб был переложен с восстановлением шатровой части. На храме установлена мемориальная доска о крещении 13 марта 1913 г. в этом храме А.И. Покрышкина, трижды героя Советского Союза, маршала авиации, почетного гражданина г. Новосибирска.

Две постройки возведены *в местах памяти*. Временное здание церкви Николая II Царя-страстотерпца освящено в 2007 г. Предполагается постройка кирпичного храма по образцу собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Церковь строится на месте Закаменского кладбища, ликвидированного в середине XX в.

Часовня Иконы Божией Матери Тихвинской в Тихвинском квартале – мраморная часовня-сень с ажурными металлическими стенами. Построена в 2021 г. за счет компании «Nord-Азия». Посвящение выбрано по названию квартала, названного в честь эвакуированных во время Великой Отечественной войны жителей г. Тихвина.

Храм в память исторических деятелей. Собор святого благоверного князя Александра Невского,

одно из первых каменных зданий Новониколаевска, построен как памятник устроителю Великого Сибирского пути императору Александру III при помощи фонда его имени (1897–1899 гг. арх. К.К. Лыгин [Баландин, Залесов, 1989], после 2007 г. инженер Н.М. Тихомиров, интерьеры художника П.А. Милованова). Массивный кирпичный храм в неовизантийском стиле, повторяющий проект храма Богоматери Милующая в г. Санкт-Петербурге. Возвращен верующим в 1989 г., отреставрирован.

В честь небесных покровителей и в связи с финансовой помощью (шесть церквей)**.** Церковь св. Александра Невского при Штабе 41-й общевойсковой армии (2016 г.). Домовая церковь в честь святого благоверного князя Александра Невского, покровителя российского воинства при штабе силовых структур РФ в Новосибирске.

Церковь Варвары Великомученицы в пос. Гвардейском в честь покровительницы военно-космических сил России (1990-е гг.) (подробнее см.: [Mainicheva, 2021]).

Церковь св. Евгения Мученика у Заельцовского кладбища (1992–1995 гг., арх. И.И. Руденко), небольшой кирпичный однокупольный храм в виде неправильного восьмигранника с алтарем и притвором со звонницей. Сооружен при Заельцовском кладбище на средства благотворительницы в память о ее трагически погибшем сыне Евгении, с именем которого связано посвящение престола св. мученику Евгению. Воспроизводит формы церкви XVII в. в подмосковном с. Далматово.

Церковь св. Владимира равноапостольного при Новосибирском военном институте войск национальной гвардии РФ (1997–1998 гг.). Домовый храм при Новосибирском военном институте устроен при поддержке генерал-майора Владимира Васильевича Попкова, руководителя регионального отделения Общероссийской общественной организации «Военно-спортивного союза М.Т. Калашникова», председателя Регионального координационного совета сторонников партии Единая Россия в Новосибирской обл.

Церковь св. Олега Брянского освящена в 2013 г. Кирпичная однопрестольная церковь с шатровым куполом. Возведена к 120-летию города, что позволяет отнести ее к коммеморациям и в честь памятных дат. Построена на участке, пожертвованном уроженцем Новосибирска Олегом Васильевичем Шабуневичем, вице-президентом Центрального спортивного клуба государственной службы и директором Центрального спортивного клуба налоговых органов.

Церковь св. Евфросинии Полоцкой, особо почитаемой в белорусской земле святой, в МЖК Восточный (2002 г., арх. К.Н. Ощепков, Д.А. Убель). Небольшая деревянная клетская церковь с шатровой колокольней, воспроизводящая объемную структуру часовен Заонежья. Сооружена при помощи белорусского землячества Новосибирска. Планируется постройка большого храма. Церковь является местом духовного окормления новосибирского белорусского землячества и новосибирских казаков.

Храмы-памятники (пять построек). Церковь Спаса Нерукотворного Образа в МЖК Восточный (начало строительства 2012 г., арх. Т. Гармс, А.Н. Лаптяйкин, В.К. Рымаренко). Деревянная шатровая одноглавая трехпрестольная церковь на каменном фундаменте, в формах церкви Спаса Нерукотворного образа из Зашиверска, Историко-архитектурный музей ИАЭТ СО РАН. Позиционируется как храм-памятник сибирским первопроходцам, коммеморация усиливается сходством архитектурных форм.

Часовня св. Георгия Победоносца в Сквере Славы (2002 г.), кирпичная восьмигранная однокупольная часовня-памятник. Сооружена на средства бывших участников локальных конфликтов в память воинов-сибиряков, погибших за Отечество в войнах XX в.

Часовня свт. Димитрия Донского при Центре профессиональной подготовки ГУ МВД России по Новосибирской обл. (2007 г.), каменная часовня-сень при Школе милиции (при Центре профессиональной подготовки Главного управления МВД России по Новосибирской обл.), в память о ее выпускниках, погибших при исполнении служебных обязанностей.

Часовня Иконы Божией Матери Владимирской (2001–2002 гг., арх. П.А. Чернобровцев) – кирпичная восьмигранная сень под луковичной главкой в неорусском стиле. Построена фирмой «Релан-Зеро» как памятник погибшим за веру и Отечество в середине XX в.

Часовня Иконы Божией Матери Казанской (2012 г.), кирпичная восьмигранная часовня под луковичной главкой с притвором. Сооружена на территории бывшего санатория «Березка» в память о работниках Новосибирского вакуумного завода, воевавших на фронте и работавших в цехах для победы в Великой Отечественной войне.

Часовни в честь памятных дат (три часовни). Часовня Иконы Божией Матери Иверской, каменная часовня-сень на Клещихинском кладбище Новосибирска. Решение о строительстве было принято в 2013 г. в рамках празднования 120-летия города, освящена 26 августа 2015 г.

Часовня Сергия Радонежского при музее Рериха (2012–2014 гг., арх. А. Коровина), каменная часовня с позакомарным покрытием сводов, стилиза-

ция новгородских храмов XII–XIV вв. Построена в честь 700-летия прп. Сергия Радонежского по инициативе и на средства Сибирского Рериховского общества.

Часовня св. Николая Чудотворца – пример возврата коммеморации. Кирпичная кубическая однокупольная часовня в неорусском стиле. Была сооружена в 1914 г. в память 300-летия дома Романовых обществом приюта «Ясли». Закрыта в 1929 г., снесена в 1930 г. Вновь выстроена в 1991–1993 гг. к 100-летию Новосибирска с измененными пропорциями. Стала одним из символов города.

Музеефицированный храм. Церковь Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска (1700 г., г. Зашиверск, 1970-е гг. ИАМ ИАЭТ СО РАН). Памятник деревянного зодчества периода освоения Сибири. Шатровая постройка на подклете с трапезной, обходными галереями и отдельно стоящей шатровой колокольней. В 1970-е гг. вывезена в г. Новосибирск, в создаваемый музей. В 1980-х реставрирована. Экспонирована в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН.

По отношению ко всем православным храмам г. Новосибирска мемориальные соборы, церкви и часовни составляют 23 %, т.е. почти четверть. Коммеморативными поводами выступают память о ранее существовавших и разрушенных церквях, фиксация мест памяти, увековечивание исторических деятелей, памятных дат, благодарность за финансовую помощь в строительстве храма, призывание защиты небесных покровителей, создание мемориалов, музеефикация, причем в одном храмовом здании может быть воплощено несколько поводов увековечивания, что коррелирует с описанными в литературе коммеморациям в православной культуре (см.: [Святославский, 2004]), в Новосибирске отсутствуют лишь храмы-усыпальницы. Мемориальные храмы играют роль своеобразных маркеров, важной функцией которых является передача исторической, духовно-назидательной информации через обращенность к Богу и молитвенность, образуя основу этно-социальной идентичности людей. Мемориальные храмы, вследствие особенностей мышления человека, входят в комплекс средств и механизмов, обеспечивающих мнемическую деятельность этно-социальных сообществ и формированию традиций. Благодаря мемориальным храмам принимаются, обрабатываются и хранятся культурные смыслы, которые передаются из прошлого в настоящее, формируя нейроярлыки в культуре настоящего для трансляции в будущее.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Баландин С.Н., Залесов В.Г. Творческое наследие архитектора К.К. Лыгина в Томске // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 154–167.

Святославский А.В. Традиция памяти в Православии. – М.: Древлехранилище, 2004. – 224 с.

Храмы России. – URL: https://temples.ru (дата обращения: 22.08. 2022).

Mainicheva A.Y. The Consecration of altars in 17th–21st century Siberian Orthodox churches: the neurosymbolic aspect // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2021. – Iss. 1. – P. 126–132. – doi: 10.17746/1563-0102.2021.49.1.126-132

References

Balandin, S.N., Zalesov V.G. Tvorcheskoe nasledie arkhitektora K.K. Lygina v Tomske. In *Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri.* Novosibirsk: Nauka, 1989. P. 154–167. (In Russ.).

Mainicheva A.Y. The Consecration of altars in 17th–21st century Siberian Orthodox churches: the neurosymbolic aspect. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2021. Iss. 1. P. 126–132. doi: 10.17746/1563-0102.2021.49.1.126-132

Svyatoslavskii A.V. Traditsiya pamyati v Pravoslavii. Moskva, Drevlekhranilishche, 2004. 224 p. (In Russ.).

Temples of Russia. – URL: https://temples.ru (Accessed: 22.08.2022). (In Russ.).

Майничева А.Ю. https://orcid.org/0000-0002-0784-4252

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0899-0905
УДК 397

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Северный Алтай: динамика идентичностей коренного населения сквозь призму науки и политики

Статья посвящена изменению идентичностей коренного населения Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) вследствие политических решений и научных исследований. Выявлено, что после принятия законодательных мер (в 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев») и административно-территориальных преобразований исследователи стали выделять этнические сообщества Северного Алтая среди коренного населения Южной Сибири. В.В. Радлов стал первым исследователем, описавшим кумандинцев, черневых татар (тубаларов) и «лебединских татар» (челканцев). Показано, что большая часть исследователей обращали внимание на кумандинцев. Кумандинцы в этническом плане были более четко выражены. Рассмотрены результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., указывающие на популярность среди коренного населения Северного Алтая таких наименований, как «алтаец», «татарин», «кумандинец» и «инородец». Административный фактор обуславливал четкую градацию этнонимов по границам волостей. Дана характеристика изменения определений кумандинцев, тубаларов и челканцев на протяжении XX – начала XXI в. Выявлено сохранение этих этнонимов во всех советских переписях. Продолжались этнографические исследования коренного населения Северного Алтая. В 1990–2000-е гг. кумандинцы, тубалары и челканцы были признаны коренными малочисленными народами. Они получили гарантии на государственном уровне в сфере защиты их культуры и среды проживания. В 2010 г. был предложен самый обширный перечень национальностей за всю историю отечественных статистических наблюдений. Появились идентичности алтаец-кумандинец, -тубалар и -челканец, что стало следствием общественно-политических процессов в регионе. В научных исследованиях кумандинцы, тубалары и челканцы вновь стали определяться как самостоятельные народы. Идентичность кумандинцев, тубаларов и челканцев менялась под влиянием политических решений, принятия законов, административных практик. Исследователи двигались в фарватере политических решений.

Ключевые слова: *кумандинцы, тубалары, челканцы, Северный Алтай, идентичность, наука, политика*.

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

The Northern Altai: Dynamics of Indigenous Identities through the Lens of Science and Politics

This article discusses changing identities of the indigenous population of the Northern Altai (the Kumandins, Tubalars, and Chelkans), resulting from political decisions and scholarly research. After enactment of the Charter on the Administration of Ethnic Monorities in 1822 as well as administrative and territorial transformations, scholars began to distinguish ethnic communities of the Northern Altai from other indigenous peoples of Southern Siberia. V.V. Radlov was the first scholar to describe the Kumandins, Black Tatars (Tubalars), and "Lebedinsky Tatars" (Chelkans). The majority of scholars focused their studies on the Kumandins who were more clearly distinguished from the ethnic point of view. The results of the All-Russian Agricultural Census of 1917 indicate the popularity of such designations as "Altaian," "Tatar," "Kumandin," and "member of ethnic minority" ("inorodets") among the indigenous population of the Northern Altai. The administrative factor stipulated a

clear gradation of ethnic names along the boundaries of municipalities. Changes in the definitions of the Kumandins, Tubalars, and Chelkans in the 20th – early 21st century are described. These ethnic names survived in all Soviet censuses. In the 1990s – 2000s, the Kumandins, Tubalars, and Chelkans were recognized as indigenous minorities; they received state guarantees on protection of their culture and living environment. In 2010, the most extensive list of ethnicities in the entire history of statistical observations in Russia was proposed. New ethnic identities of the Altaian Kumandins, Altaian Tubalars and Altaian Chelkans emerged from social and political processes in the region. In scholarly studies, the Kumandins, Tubalars, and Chelkans began to be identified again as independent ethnicities. The identity of the Kumandins, Tubalars and Chelkans changed under the influence of political decisions, adoption of laws, and administrative practices, while scholars followed political decisions.

Keywords: *Kumandins, Tubalars, Chelkans, Northern Altai, identity, science, politics*.

Кумандинцы, тубалары и челканцы – небольшие по численности коренные народы, традиционная территория расселения которых охватывает Республику Алтай, Алтайский край и Кемеровскую обл. В настоящее время на законодательном уровне за ними закреплен статус коренных малочисленных народов. В работе будет рассмотрена динамичность североалтайских идентичностей вследствие политических и академических коллизий.

Идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе. Для данной работы важно замечание Л.М. Дробижевой «об этничности как о гибком разноуровневом и зависимом от социального, политического контекста явлении» [Дробижева, 2018, с. 81–82]. В 1610–1620-х гг. жители Северного Алтая были объясачены представителями российской администрации. Длительное время они находились в положении двоеданцев. Кумандинские татары до начала XVIII в., а черневые до середины XVIII в. имели статус троеданцев. В середине XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства, население Северного Алтая было включено в состав России [Потапов, 1953, с. 118–119]. Встраивание новых этнических сообществ в российскую социально-политическую реальность было обеспечено принятием в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», разработанного М.М. Сперанским. Длинный список преференций, сопряженный с социальным таксоном «инородец», способствовал широкому бытованию данного квазиэтнонима и его закреплению в самосознании коренного населения Северного Алтая. Введение в 1824 г. поразрядной системы М.М. Сперанского, согласно которой предполагалось, с одной стороны, постепенное нивелирование сословных границ, а с другой, выделение этнических сообществ Сибири. Так, права «оседлых инородцев» и крестьянского сословия были приравнены (кроме рекрутской повинности), а кочевые составили особую сословную группу [Сатлаев, 1994, с. 5; Шерстова, 2005, с. 131].

Большая часть коренного населения региона была определена как «кочевые инородцы» с родовым управлением – инородной управой. «Оседлыми инородцами» было маркировано то население, которое в значительной степени испытало ассимиляционное и аккультурационное влияние пришлого населения. Именно среди подвергшихся ассимиляции «быстрянцев» и других сообществ квазиэтноним «инородец» получил широкое распространение и отчасти сохранялся вплоть до середины XX в. В похозяйственных книгах некоторых сельских советов в границах предгорий Северного Алтая (например, Сузопский с/с) вплоть до 1940-х гг. в графе национальность часто указывалось – «инородец». Неудивительно, что после принятия законодательных мер и административно-территориальных преобразований, исследователи стали выделять этнические сообщества Северного Алтая среди коренного населения Южной Сибири. В.В. Радлов стал первым исследователем, описавшим кумандинцев, черневых татар (тубаларов) и «лебединских татар» (челканцев) [Радлов, 1989, С. 92–93]. В.И. Вербицкий выделял «северных алтайцев», противопоставленных в этнокультурном, лингвистическом и антропологическом аспектах южным алтайцам [Вербицкий, 1993, с. 21]. В первой половине XIX в. исследователи испытывали трудности с этнической характеристикой коренного населения, напр., Г.П. Гельмерсен, назвавший их телеутами [Гельмерсен, 1840].

В начале XX в. количество работ в первую очередь о кумандинцах заметно увеличилось. Были изданы статьи Н.Б. Шерра [Шерр, 1903] и Н. Богатырева [Богатырев, 1908], специально посвященные кумандинцам. Столь пристальный интерес к данному сообществу, с одной стороны, был связан с их территориальной близостью к г. Бийску и сравнительно большей доступностью их поселений. С другой стороны, кумандинцы в этническом плане были более четко выражены. Неслучайно по итогам статистического обследования Алтая и сопредельных территорий, проведенного на рубеже XIX–XX вв. С.П. Швецовым, только один из томов был посвящен конкретному этническому сообществу, этноним которого был вынесен в название работы, – кумандинцам [Горный Алтай…, 1903]. Ряд других томов был посвящен «черневым инородцам Кузнецкого уезда», «кочевникам Бийского уезда», «оседлым инородцам», «кочевникам Горного Алтая».

В ходе администрирования и землеустройства на Алтае в начале XX в., в частности, 28 кумандинских аилов рассматривались как единая общность. Коренным жителям с их согласия был выделен общий надел [Николаев, 2012, с. 31]. В то же время в ходе административно-территориальных и иных изменений 1912–1914 гг. коренное население фактически оказалось на одном правовом и экономическом уровне с крестьянами. Из названия административных образований был убран этнический подтекст. Исключением оказалась лишь Нижне-Кумандинская волость [Сатлаев, 1974, с. 29; Шерстова, 2005, с. 230–231, 239–243].

Таким образом, административные практики XIX в. вкупе с законодательными мероприятиями («Устав об управлении инородцев»), направленными на этносоциальное конструирование нового инородческого сословия, обуславливали дробление, в том числе сопровождавшееся включением маргинальных групп в состав крестьянских волостей, этнической карты Алтая и во многом способствовали консолидации этнических сообществ. Администрирование начала XX в., землеустройство и сопутствующая ему крестьянская колонизация, а также миссионерские практики (открытие Алтайской духовной миссии в 1828 г.) были нацелены, напротив, на размежевание коренного населения, его ассимиляцию и аккультурацию и последующее их включение в крестьянское сословие. В реальности подобные меры имели неоднозначные последствия, активируя этническое противопоставление как в отношении пришлого населения, так и южноалтайского. Отмеченные этнополитические, этносоциальные и этнокультурные процессы приводили к трансформации структуры идентичностей коренного населения Северного Алтая. В последней трети XIX в. исследователи отчетливо стали выделять этнические сообщества региона. В то же время их идентичность еще была неустойчивой. Под влиянием законодательных мероприятий среди автохтонов получил широкое распространение квазиэтноним «инородец». Параллельно в XIX в. происходило закрепление самоназваний: тадар-кижи, тадарлар (кумандинцы); йыш-кижи (тубалары); куу-кижи (челканцы).

В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в ходе которой со слов главы домохозяйства фиксировалось самоопределение, отразился ход этнических процессов. Сеоковые наименования и экзоэтнонимы, в том числе закрепленные в административных названиях в прошлые столетия, практически не упоминались респондентами. Наиболее популярными среди аборигенов Северного Алтая были наименования «алтаец» (841 чел. или 37,7 %), «татарин» (691 чел. или 31 %), «кумандинец» (305 чел. или 13,7 %) и «инородец» (116 чел. или 5,2 %). На территории расселения кумандинцев сравнительно широко были представлены этноним «кумандинец», «татарин», «алтаец», «инородец» и «инородец-татарин». В материалах переписи были зафиксированы самоназвания «чалган» и «чалканец», «шелканский инородец», представленные в рамках Лебедской волости. Среди тубаларов были распространены этнонимы «алтаец» и «калмык» [Николаев, 2018, с. 82–96]. Аналогичные этнические наименования были широко представлены в Центральном и Южном Алтае. Стоит отметить отсутствие этнонима «тубалар» в материалах переписи. Административный фактор обуславливал четкую градацию этнонимов по границам волостей. Вследствие комплекса причин, способствовавших ассимиляции и аккультурации, происходило размывание этнического самосознания, выражавшееся в том числе в причислении себя к крестьянскому сословию и т.д.

В 1920-е гг. началось формирование советской модели патернализма. Продолжились практики этнополитического и этнотерриториального районирования, началась «коренизация» управленческого аппарата, а также культурно-просветительских и образовательных структур. Образование Каракорумского уезда 30 декабря 1918 г., в последующем переименованного в Горно-Алтайский уезд, а 1 июня 1922 г. преобразованного в Ойротскую автономию (совр. Республика Алтай), определило направленность этнических процессов в регионе. В состав Ойротской автономии были включены территории традиционного проживания тубаларов, челканцев и, частично, кумандинцев. В то же время большинство кумандинцев оказались за пределами нового административного образования, наименование которого на протяжении XX в. неоднократно менялось, в то время как его границы оставались неизменны. В ходе подготовки Всесоюзной переписи населения 1926 г. были определены следующие наименования: в отношении кумандинцев, в составе которых предлагалось учитывать челканцев: «кумандинцы», «кукиши», «лебединцы», а применительно к тубаларам: «черневые татары», «тубакииш», «тубалар» [Программы и пособия…, 1927, с. 4].

В 1930-е гг. началось активное изучение культуры коренных народов Алтая. Появились публикации Н.П. Дыренковой [Дыренкова, 1936; и др.], в том числе посвященные кумандинскому фольклору, а также Л.П. Потапова [Потапов, 1937; и др.]. В одной из работ Н.П. Дыренковой [1936, с. 70] кумандинцы были обозначены как «этнографическая группа» наряду с телеутами. Схожую позицию занимал Л.П. Потапов [1937, с. 3], выделяя в одной

из своих первых работ в составе алтайцев «четыре племенные группы»: «тубаларов, челканцев, кумандинцев и ойротов». В одной из последующих своих работ Л.П. Потапов [1969, с. 14] резюмировал, что «под влиянием новых общественно-экономических процессов ныне исчезло практически деление алтайцев на родоплеменные или территориальные группы».

Утверждение Л.П. Потапова скорее соответствовало веяниям времени, чем этнополитической реальности в регионе. Несмотря на включение кумандинцев, тубаларов и челканцев в состав алтайской социалистической народности, этнонимы продолжали сохраняться в научном и общественно-политическом дискурсе. В большей степени это касалось кумандинцев, которые были отделены от алтайцев административными границами. Так, в паспортах кумандинцев Алтайского края в графе национальность продолжали указывать «кумандинец» [Николаев, 2012, с. 90–91]. Сохранялось обособленное проживание тубаларов и особенно челканцев, значительная часть которых до середины XX в. проживала в бассейне р. Лебедь. Присутствие «родоплеменных» этнонимов во всех советских переписях также указывает на их устойчивость в этнической памяти автохтонов. В словарях национальностей СССР, составлявшихся перед проведением переписи, продолжали бытовать этнонимы «кумандинцы», «тубалары», «челканцы» или их вариации.

Более того, во второй половине XX в. появляются публикации о кумандинцах. В 1953 г. выходит в свет публикация первого этнографа-кумандинца П.И. Каралькина о культуре своих соплеменников, который в отличие от остальных исследователей уклонился от отождествления родного этнического сообщества с алтайцами, ограничившись формулировками «так называемые северные алтайцы» и «малая народность» [Каралькин, 1953, с. 29, 35]. Важной вехой в изучении традиционной культуры кумандинцев стало издание монографии этнографа-кумандинца Ф.А. Сатлаева «Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.)» [Сатлаев, 1974]. Собственно сам Л.П. Потапов [Потапов, 1968; 1972; 1974] посвятил ряд работ теме этногенеза кумандинцев, тубаларов и челканцев.

В конце 1980-х гг. этнополитическая ситуация в регионе и в целом в стране резко изменилась. Во многих регионах в это время формируется общественное движение, призванное защищать интересы небольших этнических сообществ и сохранять их культуру и язык. В частности, на Алтае одним из первых было организовано общество «Эне Тил», созданное в 1989–1990 гг. для решения вопросов, связанных с этнокультурным развитием коренного населения региона. Определения кумандинцев, тубаларов и челканцев в редких научных публикациях 1990-х гг. сдержанные, аналогичные тем, что были предложены П.И. Каралькиным в середине столетия: «в понятие “северные алтайцы”, наряду с челканцами и тубаларами, обычно включают и кумандинцев» [Славнин, 1990, с. 132], «челканцы – небольшая тюркоязычная сообщность, которую в научной литературе в советское время было принято считать одной из этнографических групп северных алтайцев, наряду с кумандинцами и тубаларами» [Функ, 2000, с. 3]. Как видно из состава «северных алтайцев» исследователи исключили шорцев, а их отношение к алтайцам не упоминается. В то же время в работах целого ряда исследователей сохраняется историографическая традиция прошлых лет, согласно которой алтайцы представляют собой единый народ [Екеева, 2003; и др.]. Как отмечала Н.М. Екеева [2003, с. 238–239], «негативно сказывается на единстве и национальных отношениях разделение алтайского этноса на коренные малочисленные народы», а «алтайцы северных районов: кумандинцы, тубалары, чалканцы» стремятся быть включенными в «реестр малочисленных народов России» в надежде, что «их проблемы будут разрешены за счет дополнительного финансирования из федерального и местного бюджетов, разработки и принятия специальных программ развития».

В то время, как в научных публикациях сохранялась риторика прошлых десятилетий, в 1990–2000-е гг. происходили значительные законодательные преобразования, связанные с признанием коренных малочисленных народов на государственном уровне и защите их культуры и среды проживания: Постановление Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации за № 4538-1 от 24.02.1993 г., согласно которому кумандинцы были отнесены к малочисленным народам Севера, Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г. «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» и т.д.

В рамках подготовки Всероссийской переписи населения 2002 г. набор этнонимов был существенно расширен. По итогам статистического обследования были зафиксированы кумандинцы (3 072 чел.), а также кубанды (3 чел.), куманды (25 чел.), орё куманды (6 чел.), тадары (6 чел.), тадар-кижи (6 чел.), тюбере куманды (3 чел.), а также туба (105 чел.) и тубалары (1 460 чел.), чалканцы (259 чел.) и челканцы (596 чел.) [Перечень…, 2002]. В 2010 г. был предложен самый обширный перечень национальностей за всю историю отечественных статистических наблюдений.

Актуальными для автохтонов Северного Алтая оказались лишь кумандинцы, алтайцы-кумандинцы, карга, куманды, тадар, шабат, тубалары, алтай-туба, алтайцы-тубалары, туба, челканцы, ак паш, аксак, алтайцы-чалканцы, алтайцы-челканцы, алыйан, бардыйак, кара тювен, кертен, кѐрюкейлер, колчач, коргунак, кызыл кѐс, кюзен с языком челканским, ньондукой, тьеткыр, чалканду, чалканцы [Национальный состав…, 2012]. На смену экзоэтнонимам пришли сеоковые наименования. Появление идентичностей алтаец-кумандинец, -тубалар и -челканец стало следствием общественно-политических процессов в регионе, направленных на возвращение в лоно «единого алтайского народа» кумандинцев, тубаларов и челканцев на правах этнотерриториальных и этнолокальных групп (напр.: [Блюм, Филиппова, 2003]).

Вслед за изменением политических трендов формулировки в отношении коренного населения Северного Алтая были также переосмыслены: «малочисленная этническая группа Сибири» [Бельгибаев, 2004, с. 5]; «коренной тюркский этнос Северного Алтая» [Назаров, 2013, с. 3]. Неоднозначно представлены кумандинцы, тубалары и челканцы в томе «Тюркские народы Сибири» академической серии «Народы и культуры». Кумандинцы выделены в структуре тома как отдельный народ, в отличие от тубаларов и челканцев, расположенных в разделе «Алтайцы». Кумандинцам дана четкая характеристика: «тюркский народ», как и тубаларам: «малочисленный тюркский народ», челканцы – «группа», «современное этническое развитие челканцев тесно связано с общими процессами самоопределения малочисленных народов России» [Тюркские народы…, 2006, с. 324, 463, 489, 491]. Параллельно началось осмысление истории и современного положения кумандинского народа собственно кумандинской интеллигенцией [Тукмачев-Соболеков, 2001; и др.].

Кумандинцы, тубалары и челканцы формировались на протяжении нескольких столетий. Их идентичность неоднократно претерпевала изменения под влиянием тех или иных политических решений, принятия законов, затрагивающих жизнь коренного населения Северного Алтая, и административных практик. Исследователи двигались в фарватере политических решений.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Бельгибаев Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 300 с.

Блюм А., Филиппова Е. Республика Алтай, Алтайский край. Перепись на Алтае // Этнография переписи – 2002 г. – М.: Авиаиздат, 2003. – URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/etnografiy5/etnografiy/perepis200.html (дата обращения: 21.08.2022).

Богатырев Н. Об ореховом и зверовом промысле кумандинских инородцев Бийского уезда // Алтайский сборник. – Барнаул, 1908. – Т. IX. – С. 1–31.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с.

Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. 1, кн. 1–2. – С. 40–61, 238–261, 420–446.

Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. – Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1903. – Т. 3, вып. 4. Экономические таблицы. – 253 с.

Дробижева Л.М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 74–100.

Дыренкова Н.П. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // СЭ. – 1936. – № 6. – С. 70–84.

Екеева Н.М. Современное состояние национальных отношений в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сб. Мат-лы VI междунар. семинара. – Новосибирск, 2003. – С. 236–239.

Каралькин П.И. Кумандинцы // КСИЭ. – Л., 1953. – Вып. 18. – С. 29–38.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – М.: Статистика России, 2012. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 21.08.2022).

Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2013. – 192 с.

Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.

Николаев В.В. Этнодемографическая и этносоциальная характеристика коренного населения предгорий Северного Алтая: по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 143 с.

Перечень встретившихся в переписных листах вариантов самоопределения населения по вопросу «Ваша национальная принадлежность» Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html (дата обращения: 21.08.2022).

Потапов Л.П. Пережитки родового строя у северных алтайцев (по материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.). – Л.: Изд-во Гос. музея этнографии, 1937. – 18 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Потапов Л.П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 316–323.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Наука, 1969. – 196 с.

Потапов Л.П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 52–66.

Потапов Л.П. Заметки о происхождении челканцев-лебединцев // Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. – С. 304–314.

Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. – М.: Изд-е ЦСУ СССР, 1927. – Вып. 7: Перечень и словарь народностей. – 12 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд., 1974. – 199 с.

Сатлаев Ф.А. Предисловие // Законодательные акты Российской империи («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири в XVII–XX вв.). – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – С. 3–6.

Славнин В.Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 132–146.

Тукмачев-Соболеков Л.М. У истоков древнего Алтая. – Бийск, 2001. – 195 с.

Тюркские народы Сибири / Э.Л. Львова, И.И. Назаров, Н.А. Томилов и др. – М., 2006. – 678 с.

Функ Д.А. Предисловие ответственного редактора // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. Алтаистические исследования. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т.3. – С. 3–6.

Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. – Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1903. – T.V. – С. 81–114.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.

References

Bel'gibaev E.A. Traditsionnaya material'naya kul'tura chelkantsev basseina r. Lebed' (vtoraya polovina XIX–XX v.). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004. 300 p. (In Russ.).

Blyum A., Filippova E. Respublika Altai, Altaiskii krai. Perepis' na Altae. In *Etnografiya perepisi – 2002*. Moscow: Aviaizdat Publ., 2003. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/etnografiy5/etnografiy/perepis200.html (Accessed: 21.08.2022). (In Russ.).

Bogatyrev N. Ob orekhovom i zverovom promysle kumandinskikh inorodtsev Biiskogo uezda. In *Altaiskii sbornik*, Barnaul, 1908. Vol. IX. P. 1–31. (In Russ.).

Drobizheva L.M. Izuchenie etnichnosti i mezhnatsional'nykh otnoshenii v sotsiologii. In *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nykh otnoshenii i istorii natsional'noi politiki*. Moscow: IEA RAS Publ., 2018. P. 74–100. (In Russ.).

Dyrenkova N.P. Otrazhenie bor'by materinskogo i ottsovskogo nachala v fol'klore teleutov i kumandintsev. *Sovetskiya etnografiya*, 1936. N 6. P. 70–84. (In Russ.).

Ekeeva N.M. Sovremennoe sostoyanie natsional'nykh otnoshenii v Respublike Altai. In *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Tematicheskii sbornik. Materialy VI mezhdunarodnogo seminara*. Novosibirsk, 2003. P. 236–239. (In Russ.).

Funk D.A. Predislovie otvetstvennogo redaktora. In *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka. Altaisticheskie issledovaniya*. Moscow: IEA RAS Publ., 2000. Vol. 3. P. 3–6. (In Russ.).

Gel'mersen G.P. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya. *Gornyi zhurnal*. St. Petersburg, 1840. Pt. 1. Book 1–2. P. 40–61, 238–261, 420–446. (In Russ.).

Gornyi Altai i ego naselenie. Kochevniki Biiskogo uezda. Kumandintsy. Barnaul: Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altaiskogo okruga, 1903. Vol. 3. Iss. 4: Ekonomicheskie tablitsy. 253 p. (In Russ.).

Karal'kin P.I. Kumandintsy. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*. Leningrad, 1953. Iss. 18. P. 29–38. (In Russ.).

L'vova E.L., Nazarov I.I., Tomilov N.A. et al. (eds.) Tyurkskie narody Sibiri. Moscow, 2006. 678 p. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo: itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. Moscow: Statistika Rossii Publ., 2012. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (Accessed: 21.08.2022). (In Russ.).

Nazarov I.I. Kumandintsy: traditsionnoe khozyaistvo i material'naya kul'tura. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013. 192 p. (In Russ.).

Nikolaev V.V. Etnodemograficheskoe razvitie korennogo naseleniya predgorii Severnogo Altaya (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 312 p. (In Russ.).

Nikolaev V.V. Ethnographic and ethnosocial characteristics of the indigenous population of the Northern Altai foothills: according to the All-russian agricultural census in 1917. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 143 p. (In Russ.). doi: 10.17746/78030283-4.2018

Perechen' vstretivshikhsya v perepisnykh listakh variantov samoopredeleniya naseleniya po voprosu «Vasha natsional'naya prinadlezhnost'» Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 goda. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html (Accessed: 21.08.2022). (In Russ.).

Potapov L.P. Perezhitki rodovogo stroya u severnykh altaitsev (po materialam ekspeditsii v Oirotiyu v 1936 g.). Leningrad: Gosudarstvennogo muzeya etnografii Publ., 1937. 18 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 444 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Iz etnicheskoi istorii kumandintsev. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Srednei Azii*. Moscow: Nauka, 1968. P. 316–323. (In Russ.).

Potapov L.P. Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk. Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Tubalary Gornogo Altaya. In *Etnicheskaya istoriya narodov Azii*. Moscow: Nauka, 1972. P. 52–66. (In Russ.).

Potapov L.P. Zametki o proiskhozhdenii chelkantsev-lebedintsev. In *Drevnyaya Sibir'*. Novosibirsk: Nauka, 1974. Iss. 4: Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri. P. 304–314. (In Russ.).

Programmy i posobiya k razrabotke Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 goda. Moscow: TsSU USSR Publ., 1927. Iss. 7: Perechen' i slovar' narodnostei. 12 p. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (In Russ.).

Satlaev F.A. Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.). Gorno-Altaisk: Alt. kn. Publ., 1974. 199 p. (In Russ.).

Satlaev F.A. Predislovie. In *Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii («Ustav ob inorodtsakh» M.M. Speranskogo i zemel'naya politika Rossiiskoi imperii v Sibiri v XVII–XX vv.)*. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek , 1994. P. 3–6. (In Russ.).

Sherr N.B. Iz poezdki k kumandintsam v 1898 godu. In *Altaiskii sbornik*. Barnaul: Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altaiskogo okruga, 1903. Vol. V. P. 81–114. (In Russ.).

Sherstova L.I. Tyurki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 312 p. (In Russ.).

Slavnin V.D. Pogrebal'nyi obryad kumandintsev. In *Obryady narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1990. P. 132–146. (In Russ.).

Tukmachev-Sobolekov L.M. U istokov drevnego Altaya. Biisk, 2001. 195 p.

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993. 268 p. (In Russ.).

Николаев В.В. https://orcid.org/0000-0001-6834-2961

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0906-0914
УДК 39

А.В. Новиков[1]✉, Г. Капитини[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Итальянская ассоциация этноархеологии
Рим, Италия
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

«Ветка» – традиционная лодка северных селькупов. Вопросы технологии изготовления

В статье изложены результаты изучения технологии изготовления традиционной деревянной долбленой лодки северных селькупов, проживающих в бассейне р. Таз, в среднем течении р. Покольки. Долбленые лодки селькупов являются одним из важных элементов традиционного природопользования. Именно северные селькупы в этом регионе проживания в максимальной степени сохранили традиционные способы их изготовления, что делает наблюдения за традиционными технологиями и их трансформациями чрезвычайно актуальными. Каких-либо данных по изготовлению долбленых лодок северными селькупами в научной этнографической литературе нами не встречено. Селькупы свои долбленые лодки называют «ветка». Все исследователи (лингвисты и этнографы) отмечают, что «ветка» относится к русскому лексическому материалу и, таким образом, употребление этого слова в языках народов Сибири является заимствованием. В статье рассмотрены мифо-ритуальные аспекты у селькупов, связанные с лодками, а также все этапы изготовления долбленой лодки с использованием традиционного инструментария и технологии. Установлены формы трансформации традиционной технологии под влиянием современной индустриальной культуры. К ним относятся: 1) использование бензопилы при спиле дерева и первичных продольных запилах; 2) использование современной моторной лодки при транспортировке первичной заготовки лодки от места спила дерева до стойбища; 3) использование электрического шуруповерта при просверливании отверстий для шкантов; 4) использование алюминиевой проволоки при закреплении в носовой и кормовой частях лодки во время ее обжига и расширения (которая впоследствии была заменена на традиционную плетеную веревку из кедрового корня).

Ключевые слова: *северные селькупы, технология изготовления традиционной деревянной долбленой лодки.*

A.V. Novikov[1]✉, G. Capitini[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Italian Association of Ethnoarchaeology
Rome, Italy
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

«Vetka» is a Traditional Boat of the Northern Selkups. Manufacturing Technology Issues

The article presents the results of studying the technology of manufacturing a traditional wooden dugout boat of the Northern Selkups living in the Taz River basin, in the middle reaches of the Pokolka River. Selkup dugout boats are among the important elements of traditional economic activities. The northern Selkups preserved the traditional technique of boat manufacturing in this region of residence, which makes observations of traditional technologies and their transformations extremely relevant. We have not come across any data on manufacturing dugout boats by the Northern Selkups in the scientific ethnographic literature. The Selkups call their dugout boats "Vetka". All researchers (linguists and ethnographers) note that "Vetka " refers to the Russian vocabulary and the use of this word in the languages of the Siberia peoples is a borrowing. The article deals with the mythological and ritual aspects associated with boats among the Selkups, as well as all the stages of making a dugout boat using traditional tools and technology. The types of transformation of traditional technology under the influence of modern industrial culture are established. These include: 1. The use of a chainsaw when cutting wood and

primary longitudinal cuts; 2. The use of a modern motor boat in transporting the primary blank of the boat from the place where the tree was cut down to the camp; 3. Using an electric screwdriver when drilling holes for dowels; 4. The use of aluminum wire to secure the bow and stern of the boat during its firing and expansion (which was later replaced by traditional cedar root braided rope).

Keywords: *Northern Selkups, traditional wooden dugout boat manufacturing technology.*

В статье изложены результаты изучения технологии изготовления традиционной долбленой лодки северных селькупов, проживающих в бассейне р. Таз. Полевые исследования проводились в августе 2021 г. в составе комплексного этно-археологического отряда Верхнетазовской экспедиции под руководством канд. ист. наук А.В. Кенига на летнем стойбище братьев С.Ю. и Ю.Ю. Боякиных. Стойбище расположено в Красноселькупском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа, в среднем течении р. Поскольки (левый приток р. Таз в среднем течении). Название р. Поскольки с селькупского языка переводится как «Перевальная речка» [Вальгамова и др., 2012, с. 368]. Название реки связано с тем, что на протяжении своего течения она имеет несколько крупных завалов русла из упавших деревьев, затрудняющих продвижение по реке и предполагающих периодические большие работы по расчистке завалов. Место основного проживания братьев Боякиных является с. Ратта. При этом из всех сел Красноселькупского района именно в с. Ратта и на близлежащих угодьях лучше всего сохранилась традиционная культура и язык северных селькупов [Степанова, 2013, с. 19], что делает наблюдения за традиционными технологиями и их трансформациями в этом регионе чрезвычайно актуальными.

В научной этнографической литературе процесс изготовления долбленой лодки у нарымских селькупов (южная группа) описан Г.И. Пелих [Пелих, 1972, с. 15]. В. Лебедев в своей краткой популярной заметке не конкретизировал, о селькупах какой группы идет речь [Лебедев, 1988, с. 43]. Каких-либо данных по изготовлению долбленых лодок селькупами северной группы в этнографической литературе нами не встречено.

Тазовские селькупы называют свои долбленые лодки «*анты, ант, анд*», но наиболее распространено использование названия «*ветка*». Лексема «*ветка*», обозначающая небольшие лодки (причем различных типов и изготовленных с использованием различных технологических приемов), широко используется в языках народов Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока [Аникин, 2017, с. 145–146]. В.И. Даль обозначал «*ветку*» как «маленькая одиночная лодчёнка, особенно берестяная, сшитый на деревянном остове из бересты челнок» [Даль, 1880, с. 190]. В.В. Антропова указывала, что «ветка – русское название, применяемое к небольшому челноку, долбленому или сшитому из трех досок; восточнее Енисея применяется к обоим типам, в Северо-Восточной Сибири – обычно к сшитому челноку. В некоторых районах Сибири веткой называют также берестяную лодку» [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 107]. При этом все исследователи (лингвисты и этнографы) отмечают, что слово «*ветка*» относится к русскому лексическому материалу и, таким образом, его употребление в языках народов Сибири является заимствованием.

Водный транспорт имеет исключительное значение в системе жизнеобеспечения селькупов. В летнее время в данном регионе реки являются, по сути, единственными транспортными артериями, а рыбная ловля является одним из основных видов традиционных промыслов. При этом практически все взрослые мужчины имеют современные моторные лодки заводского изготовления, используя их для передвижения по относительно крупным рекам. Однако для озер (озерной рыбалки и охоты) и передвижению по мелководным речкам селькупами используются традиционные деревянные долбленые лодки.

Подобные лодки имеют ряд преимуществ перед металлическими моторными лодками заводского изготовления, которые связаны с их конструктивными особенностями, полностью адаптированными к традиционным видам природопользования селькупов. Прежде всего, это их небольшой вес (вес сухой одноместной долбленой лодки ок. 20 кг), что позволяет переносить их в одиночку при преодолении завалов на реках или продвижению к лесным озерам, удаленным от русел рек. Подобные лодки имеют исключительно малую осадку, что позволяет передвигаться на них по мелководью. При этом грузоподъемность лодок вполне достаточная для человека и перевозки необходимых грузов. У одноместных лодок грузоподъемность примерно 120 кг, у двух- и трехместных лодок – значительно больше. К тому же для транспортировки большого количества грузов вполне возможно связать бортами две или три лодки, что значительно увеличивает грузоподъемность подобной конструкции. Поскольку долбленые лодки не имеют киля, то они очень маневренны, что также значительно облегчает рыбалку с использованием сетей.

Кроме своего исключительного значения в качестве основного транспортного средства при летней промысловой деятельности селькупов, традиционные лодки имеют большое значение в их мифологических представлениях. По представлениями селькупов, «весь мир, его начало и конец связаны с реальной рекой, берущей начало где-то на юге, текущей на север и впадающей в холодное море» [Прокофьева, 1961, с. 54]. В связи с подобными представлениями о структуре мира, лодки имеют большое значение и в представлениях селькупов о смерти и погребальной обрядности, что неоднократно зафиксировано этнографами и археологами при исследовании могильников палеоселькупов. «В нижнем мире, в мире мертвых… имеется город мертвых…, где живут умершие. Души их (а в более ранних представлениях – сами покойники) в долбленых из кедра колодах плывут по течению реки в этот город. С появлением представлений о нижнем (подземном) мире, в тех же колодах, а позднее в челноках-ветках стали хоронить умерших в земле» [Прокофьева, 1976, с. 113; 1977, с. 70, 71, рис. 1]. При погребении лодку распиливали пополам [Прокофьева, 1977, с. 70], что также является отражением представлений селькупов о мире умерших. Факт преднамеренной порчи сопровождающих умершего вещей при погребении также неоднократно зафиксирован этнографами (см., напр.: [Прокофьева, 1977, с. 73]). Погребенные – «жители» нижнего мира, как и все предметы, которые их окружают, ущербны, и поэтому вещи также должны «умереть». «До сих пор у северных селькупов все личные вещи, которыми сопровождают их покойного хозяина на тот свет при погребении, намеренно портятся – одежду и постель подпарывают, надрывают, вещи продырявлявают, надламывают» [Степанова, 2007, с. 182].

Остановимся на вопросах технологии изготовления традиционной лодки северных селькупов. Нами зафиксирован процесс изготовления лодки С.Ю. Боякиным (1971 г.р.), который является одним из уже немногих мастеров, владеющих навыками этой технологии и поэтому часто изготавливает их на заказ, для местного населения.

Изготовление лодки состоит из нескольких этапов.

1 этап. Выбор дерева.

Для изготовления лодок используется преимущественно осина (*Pópulus trémula*), хотя, по словам С.Ю. Боякина, может быть использован и кедр (*Pínus sibírica*). Это связано с тем, что, во-первых, для изготовления лодки необходим идеально ровный ствол дерева, а во-вторых, необходимо, чтобы в нижней части ствола на необходимую высоту (длину будущей лодки) на стволе не было веток (сучков) и каких-либо наростов, изменяющих структуру дерева. Кроме того, у осины «мягкая» древесина и ее легко обрабатывать.

Выбор в лесу подходящего дерева может продолжаться очень долго и часто бывает случайным. При посещении тайги для других целей (например, при охоте) селькупы всегда отмечали подходящие для изготовления лодок деревья, запоминали их расположение и, при необходимости, уже в летнее время возвращались к ним для использования при создании лодки.

Кроме вышеперечисленных условий, необходимо также выбрать дерево со стволом соответствующего диаметра. Диаметр ствола определен размером (грузоподъемностью) будущей лодки. Лодки бывают одно-, двух- и трехместные и, соответственно, различных размеров (длины). При выборе дерева для соответствующей лодки по грузоподъемности (соответственно, размеру) используют следующий критерий: дерево «обнимают» руками (на высоте ствола от уровня земли примерно 1,5–1,6 м). Если диаметр ствола меньше кольца, образованного руками человека (пальцы рук при этом полностью накладываются друг на друга), то из такого дерева можно сделать одноместную лодку. Если при «объятии» дерева пальцы рук только соприкасаются друг с другом, то из этого дерева можно сделать двухместную лодку, а если пальцы не могут соприкоснуться, то из такого дерева можно сделать большую, трехместную лодку. В данном случае С.Ю. Боякин выбрал подходящий осинник заранее. Он был расположен в нескольких км вверх по течению р. Поколики от стойбища, на небольшом удалении от реки.

2 этап. Изготовление заготовки лодки на месте спила дерева.

Диаметр ствола выбранного дерева был 1,25 м. Дерево было спилено бензопилой, после чего от него с комлевой части был отпилен отрезок бревна длиной 4,32 м. Затем бензопилой были сделаны запилы с «боков» ствола у кормовой и носовой частей лодки, с последующим обрубанием топором фрагментов ствола, приводящим к его сужению в этих местах. В кормовой части запилы были сделаны на расстоянии 1,05 м от поперечного среза бревна, а в противоположной (будущей носовой части лодки) запилы были сделаны на расстоянии 1,37 м от поперечного среза бревна (рис. 1).

Затем у лежащего бревна, в его верхней части, бензопилой было сделано два надреза вдоль продольной оси, отступая от его поперечных срезов по 0,37 м с каждой стороны. Расстояние между этими пропилами около 0,10 м, глубина пропилов около 0,15 м. После этого непосредственно на месте спила дерева, в лесу, топором была сделана черно-

Рис. 1. Обрубание запилов в носовой и кормовой части будущей лодки (2 этап).

вая выемка древесины из будущей внутренней части лодки и снятие коры (рис. 2). Заготовка была доставлена на моторной лодке по реке на пристань стойбища С.Ю. Боякина, где и осуществлялись дальнейшие технологические процедуры изготовления лодки.

На реализацию 1 и 2 этапов и доставку заготовки лодки на стойбище ушел один рабочий день (примерно 8 часов).

3 этап. Изготовление шкантов.

Перед тем, как приступить непосредственно к изготовлению лодки («выбиранию» дерева из внутренней части заготовки), С.Ю. Боякин заранее изготовил (выстрогал ножом) деревянные шканты (он называл их «гвоздики»). Для этого мастером был использован специальный нож, лезвие которого он сделал из напильника, а рукоять из капа. По словам С.Ю. Боякина, этот нож «очень острый и хорошо держит заточку, а охотничьими покупными ножами для этой работы не пользуются».

Шканты изготавливаются исключительно из сухого кедра (заранее заготовленного). Они представляют собой тщательно выструганные, круглые в разрезе стержни диаметром 6 мм, длиной 5 см. После выстругивания шканты были вставлены в отверстия специально подготовленной для этого доски. Эта доска называется «*андыйтый тиби поо*» (как перевел С.Ю. Боякин – «ветка гвоздики доска»). Это узкоспециализированный, заранее изготовленный, многоразовый по своему применению

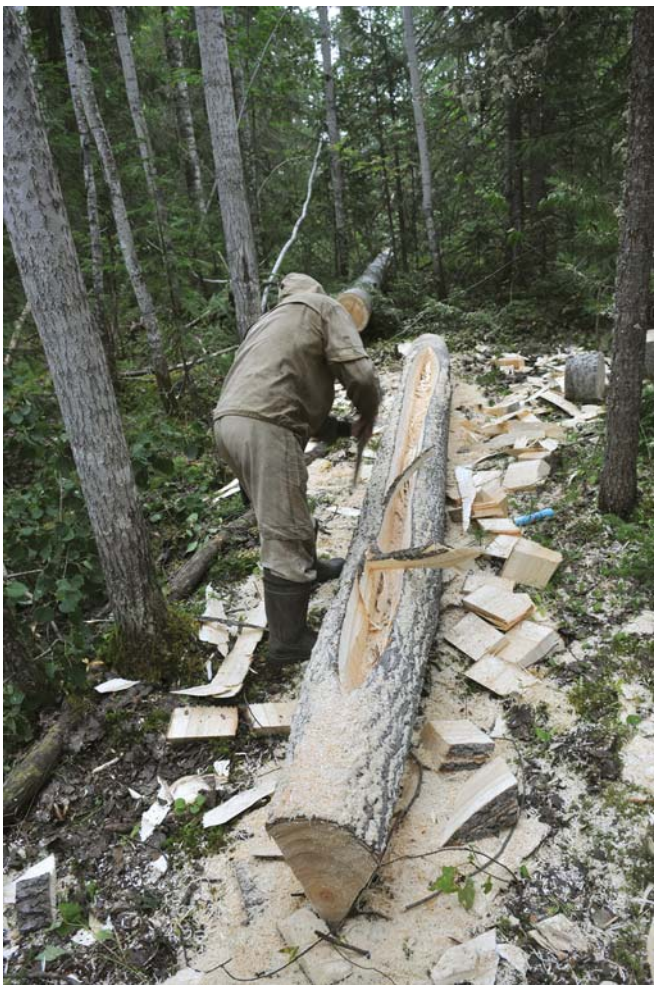


Рис. 2. Черновая выемка древесины из будущей внутренней части лодки и снятие коры (2 этап).

инструмент, предназначенный исключительно для приготовления шкантов для лодок. Доска изготавливается также из кедра. В этой доске было высверлено 84 отверстия для вставления шкантов, но С.Ю. Боякин вставил шканты не во все отверстия, отметив, что их должно быть нечетное количество. Затем поверхность доски со вставленными в нее шкантами была окрашена в красный цвет (хотя, по словам С.Ю. Боякина, цвет шкантов значения не имеет, можно было бы выкрасить их в черный цвет обыкновенной сажей или углем).

Шканты – исключительно важная деталь при изготовлении лодки, поскольку они являются маркерами толщины древесины на бортах и дне будущей лодки. При изготовлении лодки чрезвычайно важно, чтобы толщина дерева на бортах и на дне, на всех ее участках, была одинаковая (примерно 2,5 см), иначе (при неравномерной толщине) дерево при высыхании треснет. Для того чтобы следить за толщиной дерева на различных участках будущих бортов и дне лодки, высверливаются отверстия диаметром 6–6,5 мм и глубиной отверстия 5 см.

4 этап. Установка шкантов.

На данном этапе перпендикулярно продольной оси лодки, на участках дна и бортов, но при этом не затрагивая обводы, рядами высверливаются отверстия для шкантов. Этих рядов обязательно должно быть нечетное количество, также как и обязательным является нечетное количество самих шкантов (как суммарное, так и в каждом ряду). Причину этого С.Ю. Боякин не объяснил. Отверстия С.Ю. Боякин высверливал шуруповертом современной модели с аккумулятором, хотя в его распоряжении было и традиционное лучковое сверло (он его не использовал, но, по его словам, вполне мог бы им воспользоваться, если бы на стойбище не было электричества для зарядки аккумулятора шуруповерта). В высверленные отверстия вставляются окрашенные шканты. Как только при выборе древесины во внутренней части лодки мастер «дойдет» до вставленного шканта, то он будет знать, что толщина дерева на данном участке 5 см. Шканты в процессе выборки дерева также постепенно стесываются (но не более, чем до половины своей длины), но мастер уже внимательно следит и, главное, знает какая толщина стенки лодки на данном участке борта или дна лодки.

Шканты вставляются поперечными по отношению к продольной оси лодки рядами по всей ее длине за исключением обводов, только на участках бортов и дна. Всего при длине лодки 514 см было вставлено 11 поперечных рядов шкантов с расстоянием между рядами 26–33 см. В середине (наиболее широкой части будущей лодки) было вставлено по 7 шкантов в ряду, по мере сужения к носу и корме количество шкантов в ряду уменьшалось и вставлялось по 5 или 3 шканта.

5 этап. Изготовление (вырубание) лодки в черновом варианте.

Еще на втором этапе вырубания лодки С.Ю. Боякин обычным топором стесал на концах бревна с внешней стороны сужения до 4 см для будущего носа и кормы. От носа лодки до начала формирования внутренней выборки расстояние 28 см (длина сужения), корма лодки оформлялась таким же сужением, длина которого до начала внутренней выборки 29 см. (длина сужения). Кормовая часть лодки при этом всегда изготавливалась непременно из комлевой части дерева, но причины этого С.Ю. Боякин не объяснил – «так принято». После оформления сужений на носу и корме С.Ю. Боякин с двух концов лодки на ее дне сделал вырезы одинаковые с двух сторон, оформив нос лодки и кормовую часть. На корме вырез был такой же, как и на носу, для того, чтобы лодка была маневренная. Если оставить корму без выреза, то за нее будут цепляться сети. Таким образом, нос и корма лодки оформлены совершенно одинаково.

На данном этапе вырубание дерева из внутренней части лодки осуществлялось специальным инструментом, который по-селькупски называется «*карша*». Выборку внутренней части лодки можно проводить как от носовой части, так и от кормовой, но главное при этом – наносить очень точные удары каршой вдоль волокон дерева. Важно отметить, что вырубание внутренней емкости лодки связано с оформлением ее бортов с учетом ее будущего расширения. Поэтому в середине лодки на этапе выборки сужение между будущими бортами было минимальным – всего 12 см, а к носу и корме максимальным – на корме – 22 см, а на носу 21 см. Это связано с тем, что после расширения лодки края борта должны быть на одном горизонтальном уровне, а расширение в средней части будет максимальным. Именно с учетом этого в середине лодки было сделано максимальное сужение бортов, чтобы после «разворачивания», расширения лодки, уровень бортов выровнялся. Учитывая, что образовавшаяся в ходе выборки щель была незначительной (от 12 см в середине до 22 см у кормы и носа), выборка внутренней части представляет собой довольно сложный и трудоемкий процесс. Лодку нужно было постоянно укладывать на тот или другой борт, чтобы дерево на будущих бортах вырубалось равномерно. Вырубка лодки требует специальных навыков во владении каршой, поскольку необходима точность наносимых ударов вдоль волокон дерева и правильного угла нанесения удара. При этом задействованы как средняя часть карши, так и боковые ее стороны. Выборка производится постепенно

на всей внутренней площади лодки до той степени, пока возможно работать каршой в узкой щели.

На осуществление 3–5 этапов ушел второй полный рабочий день (ок. 8 часов).

6 этап. Прогрев («обжиг») лодки и ее расширение.

В небольшой ложбинке рядом с местом чернового изготовления был сложен костер для обжига лодки. Сначала было положено два поперечных бревна диаметром примерно 0,5 м на расстоянии ок. 3,5 м друг от друга. Между этими бревнами был сложен костер из сухого ивняка. При этом довольно длинные стволы (2,5–3 м) укладывались «вдоль», между поперечными бревнами. На поперечные бревна была положена лодка (на донную часть). Костер имеет удлиненную форму и горит под всем дном лодки (не слишком интенсивно). На горящем костре лодка нагревается, и вследствие этого дерево становится более мягким, в результате чего появляется возможность расширения лодки.

В носовой и кормовой частях бортов лодки были просверлены сквозные отверстия, в которые на данном этапе была вставлена алюминиевая проволока и туго закручена. Это необходимо для того, чтобы предотвратить растрескивание лодки при расширении на костре.

В ходе нагревания лодки С.Ю. Боякин постоянно вставлял между бортами палочки – распорки, благодаря которым и происходит расширение лодки (рис. 3). Эти распорки делают исключительно из сырой, «живой» ивы. Для распорок ива подходит лучше всего, поскольку она «мягкая, пружинистая, сырая». При обжиге главное сначала прогреть лодку у носа и кормы, «а середина сама расходится». Хотя под серединой лодки также горит костер и она нагревается. Вставлять распорки начинают с участков кормы и носа лодки. Длина этих палочек-распорок различная, в зависимости от ширины лодки на том участке, где вставляется распорка. При этом с одной стороны палочку заостряют и острым концом упирают в борт лодки. Противоположный конец палочки обрубают по внешнему краю противоположного борта, а затем, прилагая определенные усилия, упирают ее в борт. Таким образом, получается, что каждый раз длина палочек-распорок увеличивается примерно на 3 см (толщина борта). В ходе распирания лодки (расширения ее бортов) палочки периодически меняют для того, чтобы на борта было постоянное давление распорок по всей длине лодки.

Рис. 3. Процесс нагрева лодки над костром и ее расширения с помощью распорок (6 этап).

Процесс прогрева лодки над костром – очень ответственный этап, который прерывать нельзя, при этом его продолжительность составляет несколько часов. В ходе обжига необходимо постоянно следить, чтобы лодка не загорелась (в том случае, если лодка загорелась, огонь на этом участке сбивают ветками). Необходимо постоянно поддерживать огонь (но при этом не допускать слишком интенсивного возгорания), следить за давлением распорок на борта лодки и в случае, когда давление ослабевает (распорка выпадает), то нужно ее заменить на более длинную. Заранее были изготовлены ивовые распорки различной длины, чтобы борта постоянно находились под их давлением. Всего в ходе нагревания и распирания лодки было изготовлено около трех десятков палочек-распорок. Одновременно в лодку был вставлено 10–12 распорок по всей ее длине, на расстоянии примерно 30–40 см друг от друга. После того,

как борта лодки из «свернутого» внутрь лодки положения в начале прогрева разошлись под углом примерно в 45°, нагревание и распирание были закончены.

Иногда, по словам С.Ю Боякина, при «жарке» лодки внутрь заливают горячую «уху» из рыбы, точнее из внутренностей рыб и «всякой мелочи» не имеющей пищевой ценности. В процессе «жарки» лодку поворачивают и эта «уха» распространяется по всей внутренней поверхности бортов, что их также размягчает и они лучше раскрываются. Кроме того, внутренние поверхности бортов пропитываются рыбьим жиром. Однако в данном случае С.Ю. Боякин в лодку ничего не заливал.

7 этап. Чистовая обработка лодки.

После снятия лодки с костра была произведена окончательная обработка ее бортов и дна специальным рубанком (*мирцан*), изготовленным по традиционной селькупской технологии. Причем, по представлениям селькупов, мирцан может сделать только холостой, неженатый мужчина, а если не успел сделать мирцан неженатым, то после женитьбы его делать уже нельзя. Причину такого поверья С.Ю. Боякин не объяснил.

С внешней стороны бортов и дна лодки были счищены небольшие нагары, образовавшиеся в ходе нагрева лодки на костре. Внутри лодки была произведена чистовая обработка каршой. В конце обработки С.Ю. Баякин каршой сделал небольшие желобки вдоль бортов, примерно в 2,5 см ниже среза борта. Эти желобки необходимы для того, чтобы быть упором для будущих распорок. Лодка осталась остывать и высыхать (соответственно, осина станет твердой). После полного высыхания лодки она будет весить примерно 15–20 кг. Алюминиевая проволока (петли из которой предохраняли лодку от растрескивания при ее расширении распорками во время «обжига») была заменена на петли, сплетенные из тонкого корня кедра.

8 этап. Вставка распорок.

Эти распорки на селькупском языке называются «*таты*». Их изготавливают исключительно из кедра. Для вставки распорок в верхней части бортов лодки предварительно делаются небольшие отверстия прямоугольной формы, а краям распорок (круглым в сечении), соответственно, придается прямоугольная форма для вставки в эти отверстия (рис. 4). Единственная распорка, которая имеет выраженное овальное сечение, расположена в месте расположения седока, для удобства опоры на нее спиной. Седок располагается в лодке непосредственно на дне, а спиной опирается на уплощенную распорку. Таты сначала вставляются по левому борту (по часовой стрелке, начиная с кормовой части). В данном случае, в лодку было вставлено 7 распорок.

На осуществление 6–8 этапов ушел третий полный рабочий день (ок. 8 часов).

Рис. 4. Вставка распорок (*«таты»*) (8 этап).

Рис. 5. С.Ю. Боякин в лодке на воде.

Эксплуатация лодки.

Перед началом эксплуатации дно лодки ничем не покрывают (например, сосновой смолой или гудроном). С.Ю. Боякин отметил, что этого никогда не делают, потому что в этом случае она быстро треснет. Срок эксплуатации лодки, в случае аккуратного ее использования и хранения, может быть довольно продолжительным (до 15 лет). После использования лодку обязательно выносят из воды и укладывают дном вверх на сухом месте. В таком виде она равномерно просыхает. При этом лодку кладут в тени, чтобы на нее не было воздействия прямых солнечных лучей.

Эксплуатация на воде лодки-долбленки предполагает владение навыками ее управления. Во-первых, поскольку у этих лодок нет киля, то на воде они очень верткие и неумелому человеку перевернуться в ней очень легко. Во-вторых, при эксплуатации лодки на воде всегда используют только одно весло. Лопасть весла имеет удлиненную листовидную (как листья ивы) форму с ребром жесткости вдоль лопасти. Для того чтобы лодка передвигалась на воде по прямой, а не разворачивалась, при использовании одного весла необходимы также специальные навыки гребли (рис. 5).

Таким образом, от момента спила дерева в лесу до полного изготовления лодки по традиционной технологии у С.Ю. Боякина ушло три полных рабочих дня. Правда, при этом он использовал заранее изготовленный инструментарий (доску для изготовления шкантов) и кедровые распорки. Также заранее было изготовлено весло.

Зафиксированные нами технологические новации заключались в следующем:

1) использование бензопилы при спиле дерева и первичных продольных запилах;

2) использование современной моторной лодки при транспортировке первичной заготовки лодки от места спила дерева до стойбища;

3) использование электрического шуруповерта при просверливании отверстий для шкантов;

4) использование алюминиевой проволоки при закреплении в носовой и кормовой частях лодки во время ее обжига и расширения (впоследствии проволока была заменена на традиционную плетеную веревку из кедрового корня).

Однако перечисленные новации в области инструментария если и повлияли на скорость изготовления лодки, то крайне незначительно. Базовые технологические принципы изготовления традиционной лодки-долбленки были полностью соблюдены.

Список литературы

Аникин А.Е. О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры. 1. Водный транспорт: «коч», «бат», «ветка» // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 140–150.

Вальгамова С.И., Янгасова Н.М., Вануйто Г.И., Хэно И.С., Ириков С.И. Словарь гидронимов Ямало-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург: Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», 2012. – 390 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 (А–З). – СПб.; Москва, 1880. – 723 с.

Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. – М.; Л. Изд-во АН СССР, 1961. – 498 с.

Лебедев В. Ветка – долбленая лодка // Северные просторы. – М. Агропромиздат, 1988. – № 1. – С. 43.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: ТГУ, 1972. – 424 с.

Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. XX. – С. 54–74.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 106–128.

Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX–XX в.). Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1977. – Т. XXXIII. – С. 66–79.

Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. – СПб., 2007. – С. 182–198.

Степанова О.Б. Традиционное хозяйство северных селькупов: итоги реанимационных процессов первого десятилетия XXI в. (по материалам полевых исследований 2004–2012 гг.) // Мат-лы полевых исследований МАЭ РАН. – СПб., 2013. – Вып. 13. – С. 6–22.

References

Anikin A.Ye. O proiskhozhdenii nekotorykh russkikh slov iz sfery material'noy kul'tury. 1. Vodnyy transport: «koch», «bat», «vetka». In *Sibirskiy filologicheskiy J.,* 2017. N 3. P. 140–150. (In Russ.).

Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T.1: A – Z. St. Peterburg; Moscow, 1880. 723 p. (In Russ.).

Lebedev V. Vetka – dolblenaya lodka. In *Severnyye prostory.* Moscow: Vsesoyuznoye ob"yedineniye «Agropromizdat», 1988, No 1, p. 43. (In Russ.).

Levin M.G., Potapova L.P. (ed.) Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1961. 498 p. (In Russ.).

Pelikh G.I. Proiskhozhdeniye sel'kupov. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1972. 424 p. (In Russ.).

Prokof'yeva Ye.D. Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov. In Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – XX v.). *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography,* Leningrad: Nauka, 1977. Vol. XXXIII. P. 66–79. (In Russ.).

Prokof'yeva Ye.D. Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov. In *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*, Moscow; Leningrad, 1961. Vol. XX. P. 54–74. (In Russ.).

Prokof'yeva Ye.D. Staryye predstavleniya sel'kupov o mire. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Leningrad: Nauka, 1976. P. 106–128. (In Russ.).

Stepanova O.B. Mir mertvykh i pogrebal'nyy obryad sel'kupov. In *Mifologiya smerti. Struktura, funktsiya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri*. St. Peterburg, 2007. P. 182–198. (In Russ.).

Stepanova O.B. Traditsionnoye khozyaystvo severnykh sel'kupov: itogi reanimatsionnykh protsessov pervogo desyatiletiya XXI v. (po materialam polevykh issledovaniy 2004–2012 gg.). In *Field research materials of the Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences.* St. Peterburg, 2013. Iss. 13. P. 6–22. (In Russ.).

Val'gamova S.I., Yangasova N.M., Vanuyto G.I., Kheno I.S., Irikov S.I. Slovar' gidronimov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga «Nauchnyy tsentr izucheniya Arktiki», 2012. 390 p. (In Russ.).

Новиков А.В. https://orcid.org/0000-0002-6418-1061

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0915-0920
УДК 39, 394, 259

И.В. Октябрьская✉, С.В. Анцифиров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: siem405@yandex.ru

Старожильческое село Кошкуль: этноконфессиональная история

Данное исследование реализовано в рамках долговременной программы подготовки серии изданий, посвященных истории и культуре полиэтничного сообщества Новосибирской обл. в процессе его становления и развития. Программа поддержана министерством региональной политики Новосибирской обл. и осуществляется на основе взаимодействия с муниципальными музеями, архивами и краеведческими структурами. Содержание работ определяют архивные и экспедиционные этнографические практики. В фокусе исследований 2022 г. находится старожильческое с. Кошкуль (Троицкий сельский совет Чистоозерного р-на Новосибирской обл.), основанное в 1700 г. На примере истории села XVIII–XXI вв. прослеживаются механизмы формирования и трансформации локальных этноконфессиональных сообществ Западной Сибири. Рассматривается феномен «чалдонов». С опорой на системный подход, с использованием методов устной истории предпринимается анализ состава старожилов микрорайона. В ходе исследования делается вывод о том, что старожильческое сообщество изначально имело сложный многокомпонентный характер. «Чалдонами» в с. Кошкуль обозначали представителей сообщества, имеющего старожильческую основу и полиэтничный состав, сформированный переселениями XVIII–XIX вв. Квазиэтноним «чалдоны» являлся формой презентации локального самосознания, которое не исключало этнической, региональной и национальной идентичности. Одним из факторов формирования локального самосознания являлась конкуренция по поводу ресурсов (свободных земель), участниками которого изначально были старожилы – чалдоны, кержаки (старообрядцы), позднее – российские переселенцы. Интеграция сибирских сельских сообществ в региональную, имперскую административную инфраструктуру и в сферу влияния Русской православной церкви на протяжении XIX в. нивелировало локальную идентичность. История XX в. – советская эпоха – актуализировала этнические и национальные ценности. За время своего существования Кошкуль переживал периоды расцвета и упадка. Сейчас это маленькая деревня с населением чуть более 100 человек и многовековым опытом адаптации к меняющимся условиям.

Ключевые слова: *этноконфессиональная история Новосибирской обл., старожилы и переселенцы, Русская православная церковь, старообрядцы.*

I.V. Oktyabrskaya✉, S.V. Anzifirov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: siem405@yandex.ru

The Old-Settler Village of Koshkul: An Ethnoconfessional History

This research was implemented as part of a long-term project aimed at preparation of a series of publications devoted to the history and culture of the multi-ethnic community of the Novosibirsk region in the process of its formation and development. The program is supported by the Ministry of Regional Policy of the Novosibirsk Region and is implemented on the basis of interaction with municipal museums, archives and local history structures. The content of the works is determined by archival and expeditionary ethnographic practices. The focus of research in 2022 was the old-settler village of Koshkul (Troitsky Village Council of the Chistoozerny district of the Novosibirsk region) founded in 1700. On the example of the history of the village of the 18th–21th centuries, the mechanisms of formation and transformation of local ethno-confessional communities of Western Siberia have been defined. The phenomenon of «chaldons» is considered. Based on a systematic approach and the methods of oral history, an analysis of the composition of the old-timer population of the studied region is undertaken. The study has shown

that the old-time community was complex and multicomponent initially. «Chaldons» in Koshkul denoted representatives of a community with an old–time basis and a multi-ethnic composition formed by the migrations of the 18th–19th centuries. The quasi-ethnonym «chaldons» was a form of presentation of local identity, which did not exclude ethnic, regional and national identity. One of the factors of the formation of local self–consciousness was the competition over resources (free lands), the participants of which were initially old-timers - chaldons, kerzhaks (old believers), later – Russian immigrants. The integration of Siberian rural communities into the regional, imperial administrative infrastructure and the sphere of influence of the Russian Orthodox Church during the 19th century leveled local identity. The history of the 20th century actualized ethnic and national values. Koshkul experienced periods of prosperity and decline throughout its history. At present, it is a small village with a population of just over 100 people, and centuries-old history of adapting to changing conditions.

Keywords: *ethnoconfessional history of the Novosibirsk region, old-timers and settlers, Russian Orthodox Church, old believers*.

В современной российской гуманитарной науке в особое направление выделяются региональные исследования. Данная работа выполнена в рамках программы изучения этноконфессиональной истории Новосибирской обл. Ее цель – воссоздать судьбу с. Кошкуль (Троицкий сельский совет Чистоозерного р-на Новосибирской обл.), выявив особенности самоопределения сибиряков-старожилов. Работа опирается на полевые изыскания авторов с использованием методов устной (повседневной) истории.

В ходе исследования удалось установить, что деревня Кошкуль возникла на берегу одноименного озера в 1700 г. и стала четвертой по старшинству после поселений Юдино, Канавы и Редкого. По преданию, они были основаны в конце XVII в. ссыльными казаками на землях, входивших в зону расселения барабинских татар. Полагают, что сюда были высланы из России участники первого стрелецкого восстания 1682 г. [Вялкова, 2017].

Издавна земли вокруг оз. Кошкуль были пригодны для животноводства, которое дополняли огородничество, охота и рыбалка. Когда-то в этих местах появились русские казаки: «Был такой первопроходец – казак Кошка, к нему-то и стали подселяться остальные» (ПМА, 2022). С именем казака Кошки народная традиция связала название озера – вслед за гидронимом «присвоив» право на территорию. Существовали и другие истории, обыгрывающие название деревни. По одной из версий, в обозначении озера и поселения было использовано слово «кош», широко известное в южнорусских землях. Вероятно, восходящее к тюркской первооснове, в казачьей русской среде оно обозначало «общину, стан, поселение, угодья, пастбища» и проч. Перенос слова на сибирский ландшафт, вероятно, был частью стратегии адаптации пришлого населения к пространству, маркированному тюркскими гидронимами. В ходе освоения происходила реинтерпретация иноэничной карты. Местные жители переводили название озера «Кошкуль» как «Овечье озеро», имея ввиду овечьи пастбища. В аутентичной татарской (тюркской) версии оно означало «Птичье». Именно эта версия утвердилась, когда к 300-летию деревни был изготовлен юбилейный стенд. На нем значилось: Кошкуль («Птичье (Куш) озеро (куль)») 1700 г. основания (ПМА, 2022).

На рубеже XVII–XVIII вв. первопоселенцы Кошкуля осваивали ресурсы неизведанного края. Со временем линия домов, которую теперь называют «Старый Кошкуль», протянулась по краю озера, обогнув его дугой. Когда-то за ней располагалась еще одна улица; но следы ее поросли травой и память о былой застройке стерлась. Со временем на южном конце деревни, почти в полутора километрах от нее возник отдельный выселок – «Новый Кошкуль». Сохранилось предание, по которому Новый Кошкуль был основан сыном крепкого крестьянина, пожелавшим жениться на батрачке. В благословение от разгневанного отца он получил лишь топор. Этим топором стал рубить избу из дуба и в его дупле нашел клад, которого хватило на дом, работников, на скот и прочее обзаведение. К нему стали подселяться другие жители – «Вот и получилось, что в Старом Кошкуле – чалдоны, а в Новом Кошкуле – богачи» (ПМА, 2022).

В легендарной истории Кошкуля реальность корректировалась фольклорными мотивами. Документов, подтверждающих древность села, по мнению местных краеведов, не сохранилось. Возможно, это было связано с тем, что поселение неоднократно меняло административную принадлежность. Известно, что во второй половине XIX в. деревня (с постройкой церкви в 1881–1887 гг. – село) входила в Юдинскую вол., которая до 1876 г. относилась к Омскому, а с 1876 – к Тюкалинскому окр. Тобольской губ.; с 1887 г. – к Каинскому окр. Томской губ.

В 1887 г. Юдинская вол. насчитывала 49 деревень и 16 523 душ обоего пола. В 1895 г. в ее пределах переселенцами из Харьковской и Курской губ. была основана д. Троицк/Троицкое. С 1896 г. (в период массовых переселений) волость была разделена на две. Собственно, в Юдинской осталось Кошкульское сельское общество. В 1918 г. был организован Татарский у. Омской губ., куда вошла

Юдинская вол. В 1921 г. в составе уже Каинского у. она была переведена во вновь созданную Новониколаевскую губ. В 1923 г. административный центр Юдинской вол. был переведен в пос. Чистоозерное. Преобразования продолжались с созданием Сибирского края, затем в 1937 г. – Новосибирской обл.

Архив Юдинской вол., к которой долгое время относилась деревня/село, был, по рассказам старожилов, вывезен в г. Омск в 1920-е гг. Он занял «примерно два десятка саней». Грузившие архив мальчишки (ставшие к моменту рассказа стариками), якобы, своими глазами видели грамоты за подписью Петра I и другие бумаги, в которых за местными жителями закреплялись земля, право рыбной ловли и торговли. В дальнейшем следы этого архива, как полагают, затерялись (ПМА, 2022).

В результате часть событий из истории Кошкуля восстанавливается лишь на материалах устной традиции. Местные жители рассказывают, что первопоселенцами в здешних местах были казаки – выходцы с Дона. Это отразилось в их самоназвании: «Мы – чалдоны, а через поле в Троицком – хохлы». В объяснении этого имени жители Кошкуля предлагают разные версии: «челдон – человек с Дона», «чалдоны – люди с Чала и Дона» (ПМА, 2022).

В Западной Сибири были известны и другие «народные этимологии» этого имени: чалдоны/челдоны пили много чая; приехали на чалых лошадях; плыли на челнах/чалах/чалдонках; говорили, «чёкая» и т.д. При расхождениях во взглядах сибиряков на происхождение квазиэтнонима «чалдоны» им обозначали «старинных людей». Однако некоторые сельчане – из тех, кто называл себя чалдонами, – приехали в Кошкуль уже в начале XX в. В документах они значились украинцами, что не мешало им называть себя «чалдонами»: «Старики говорили, что здесь мы чалдоны больше любим чай, а там, в Троицком – хохлы, они любят борщ» (ПМА, 2022). Для специалистов этимология слова «чалдоны» до настоящего времени оставалась неясной. Ее обсуждали с конца XIX в.: не исключали связи с гидронимами или топонимами; рассматривали монгольские и калмыцкие параллели (оценивали их как случайные); обсуждали исторические сюжеты и т. д. [Аникин, 2000; Бардина, 1995; Бережнова, 2008; Фурсова, 2002; и др.].

В развитии дискурса о чалдонах-старожилах заслуживают внимания исследования, посвященные отдельным группам населения Сибири XVI–XVII вв., среди которых выделяли челядников (от др. русс. «челядь» – рабы, слуги, домочадцы и проч.) – тех, кто находился в услужении и сопровождал местную знать. Согласно царским указам, на службу в сибирские города начала XVII в., кроме прочего, отправляли литву и шляхту, которых на местах верстали в дети боярские. С ними были челядники и гайдуки – их велено было верстать в конные казаки. Челядников еще в 1660-е гг. как особую группу упоминали в окладных книгах Енисейска, Томска, Мангазеи [Соколовский, 2000; Бережнова, 2008].

В XVIII в. после петровских реформ структура сибирского общества менялась; вслед за этим менялись таксоны, обозначающие его социальные страты. Исследователи полагают, что со временем слово «челядник» могло трансформироваться. Единичное существительное от «челеди» (один из них), по мнению М.Л. Бережновой, могло звучать как челедон – челдон/чалдон. Постепенно слово обрастало дополнительными смыслами, подчеркивающими обособленность чалдонов. Так стали называть старожилов Сибири [Бережнова, 2008].

Безусловно, эта версия (как и другие) имеет гипотетический характер. Но на материалах истории с. Кошкуль именно она представляет наибольший интерес. Здесь к чалдонам себя относят первопоселенцы Куликовские – возможно, выходцы из польско-литовской служилой знати. Подтверждением является история, которая передается в семье из поколения в поколение: «Дед Матей имел три сына, – рассказывает Ф.П. Куликовская. – Один сын правил в Молдавии, другой в Восточной Польше, в Литве и Латвии имел земли; а третьего сына дед отправил к русскому царю. И русский царь за непослушание сослал то ли самого этого сына, то ли уже его сына в Сибирь. В Кошкуле ему понравилось, тут он и остался. Жена у него была полячка, от нее было десять детей – пять выжило. Она умерла, и тут в Сибири Куликовский взял сибирячку, от той тоже было десять детей. И мы все знаем, что у нас две ветви – одна от польской жены, а другая – от русской. Я от русской ветви. И мы всегда знали про свой род, но при советской власти это не слишком удобно было». Подтверждением этой легендарной истории является родовой герб, якобы, присланный семье из Польши (ПМА, 2022).

Известно, что с чалдонами в Кошкуле соседствовали кержаки. Специалисты считают, что этот этноконфессиональный таксон возник от названия р. Керженец (левый приток Волги), где было много старообрядческих скитов. Кержаками старообрядцев называли на Русском Севере, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Вероятно, в Кошкуле когда-то проживали старообрядцы поморского согласия.

По рассказам стариков, за улицей Старого Кошкуля в давние времена тянулась цепочка заброшенных кержацких кладбищ. В настоящее время известен лишь один из таких участков – на северной оконечности села. Старожилы помнят, что еще в 1970-е гг. там отчетливо были видны несколько

могил, которые опахивали при сельхозработах; другие оказались под огородами. «Деревенские мальчишки, играя по окраинам, натыкались на черепа и приносили их домой. Мама увидела на колу череп и как закричит: “Быстро унесите и положите где взяли!” А те оправдывались тем, что черепа-то кержацкие; не осознавали, что это их собственные предки» (ПМА, 2022).

Можно предположить, что кержаки первыми пришли в окрестности Кошкуля; с появлением казаков составили обособленную часть поселения; а позже переселились на новое место – в 1851 г. недалеко от Кошкуля появилась д. Заячья, до начала XX в. известная как поселение старообрядцев – поморов. Оба эти селения входила в Кошкульское сельское общество Юдинской вол.

Будучи едины на административном уровне, в повседневных практиках чалдоны и кержаки существовали обособлено. И сегодня жители Кошкуля, уже не вкладывая в слово «кержак» конфессиональные смыслы, используют его для обозначения скаредного человека, живущего особняком. Чалдонами они обозначают представителей местного локального сообщества, имеющего старожильческую основу и полиэтничный состав, сформированный переселениями XVIII–XIX вв. (ПМА, 2022).

Известно, что до 1880-х гг. в Кошкуле не было церкви. И это, вероятно, соответствовало старообрядческим и, отчасти, казачьим традициям, в которых общинная жизнь и богослужебные практики могли реализоваться вне храмов. Во второй половине XIX в. (в пореформенный период) с появлением переселенцев религиозная жизнь в Кошкуле и окрестностях активизировалась. В 1881 г. здесь началась постройка православного храма. Он был заложен на возвышенности между Старым и Новым Кошкулем. В 1887 г. церковь во имя Казанской иконы Божьей матери была освящена. Ее описание, как и описание села, сохранилось благодаря трудам священника И. Голошубина. В справке, подготовленной для Омской епархии Русской православной церкви в 1914 г., он привел сведения о с. Кошкульском Томской губ. Каинского у. Юдинской вол., расположенном в 281 верстах от епархиального центра в г. Омске и в 25 верстах от волостного правления. Однопрестольная деревянная на каменном фундаменте церковь (с колокольней) была построена в нем усердием прихожан. К содержанию храма они относились заботливо. Особо чтимых икон в нем не было [Справочная книга, 1914, с. 498–500]. Приход объединял 7 селений; его население составляло 2 279 душ мужского пола и 2 317 душ женского пола и из них: в Кошкульском – 970 душ общего пола; в деревнях Заячьей (в 8 верстах) – 228 душ общего пола и в Троицкой (в 4 верстах) – 1 132 душ общего пола и т.д. Население в основном относилось к старожилам; в Троицкой жили переселенцы из разных губерний России. Старообрядцы поморской секты были известны в 3 деревнях (включая Заячью) в количестве 280 чел. [Там же].

Зажиточные крестьяне Кошкуля сеяли хлеб от 20 до 40 дес., бедняки – от 1–5 дес. Молочное хозяйство велось удовлетворительно. Ярмарок в селе не было. В д. Заячьей имелись два кирпичных завода и две лавки. В Кошкуле – три мелочных лавки и казенная винная. За медицинской помощью прихожане обращались в Юдинское. В селе находилось министерское училище; в нем ежегодно обучали до 30 мальчиков и 10 девочек. По приходу в среднем за год совершали: 347 крещений, 73 брака и 193 погребения. Пасхальное хождение с иконами бывало в Кошкуле практически по всем домам. Крестные ходы на полях с молебнами проходили повсеместно. Съезжие праздники отмечали: в Троицкой – 8 ноября, в Кошкульском – 1 января, в Заячьей – 2 февраля и т.д. [Там же].

Информацию И. Голошубина подтверждают данные переписи 1916 г., согласно которым, Кошкуль состоял из 194 дворов и имел 920 чел. населения. Существенное влияние на его структуру оказало переселенческое движение в Сибири, усилившееся в 1890-е гг. с постройкой железной дороги. Накануне политических перемен Кошкуль был значительным по численности, многонародным и социально стратифицированным поселением.

События революции и гражданской войны изменили привычный ход бытия. Окрестности Кошкуля стали зоной противостояния Красной армии и колчаковских частей. После установления Советской власти крестьянская жизнь в Кошкуле возвращалась в прежнее русло. По переписи 1926 г. здесь имелось 207 хозяйств и проживало 975 чел. В селе работали школа, маслозавод и торговая лавка; действовала ферма, основанная в 1924 г. в составе 30 хозяйств с населением в 90 чел.

Во времена коллективизации в этих местах были созданы два хозяйства – Новокошкульский колхоз «Веселое поле», в котором развивали овцеводство, и Старокошкульская с/х артель «Великий Октябрь», где разводили крупный рогатый скот. В 1930 г. был образован Троицкий сельский совет. В 1940 г. в него включили Кошкульский сельский совет с деревнями Старый и Новый Кошкуль*.

В 1920–1930-е гг. проводилась активная советизация сибирской деревни. Но несмотря на социальные и культурные перемены до 1941 г. в Кошкуле

*Эта структура сохранилась до настоящего времени – сегодня это муниципальное образование Троицкий сельсовет.

сохранялась церковь, и жители пытались восстановить ее деятельность. В 1938 г. местный церковный староста М.М. Беляев написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину с требованием вернуть храм, превращенный в склад для зерна, и исправить все разрушения. Переписка продолжилась на уровне Новосибирского областного и районного партийного и советского руководства. В итоге инициатор протеста не пострадал (М.М. Беляев дожил до глубокой старости); но и церковь не была спасена (ГАНО, ф. Р-1418, оп. 1, д. 2). Ее разрушили в 1941 г. с началом войны. «Помню хорошо, как церковь ломали, – рассказывала Ф.П. Куликовская (1933 г.р.). – Нас не спрашивали. Пришли машины из райцентра. Ломали деревянные стены, грузили на машины и сразу же увозили в район, или еще куда. Дядя Тузов пришел с фронта на костылях, ему выдали те иконы, которые на материи были написаны, он их взял, отнес домой, там тетя Лена их вываривала, чтобы краска с них сошла и делала из них портки ребятишкам – девять детей у них было» (ПМА, 2022).

В 1930–1940-е гг. сибирская деревня, как и вся страна, переживала тяжелые времена. Похозяйственные книги с. Кошкуль 1940–1943 гг. (сохранившиеся в местном архиве) зафиксировали значительные потери, связанные с репрессиями и мобилизацией. В них были указаны 126 хозяйств и 461 жителей в Старом Кошкуле. Сократилось население Нового Кошкуля. Многие были арестованы, или переселены. К 1943 г. из Старого Кошкуля выбыло до четверти зарегистрированных хозяйств. К 1945 г. на фронтах Великой Отечественной войны погибли более 100 сельчан. Их фамилии скорбным списком были запечатлены на Монументе Памяти в районном центре Чистоозерное: Гостевы, Беляевы, Чардынцевы, Куликовские, Тихомандрицкий и др. (ПМА, 2022).

Накануне и в годы войны существенно изменился национальный состав села: из 461 чел. русских было 385, немцев – 39, украинцев – 37. По воспоминаниям стариков, здесь также проживала семья Имагава – из сахалинских японцев. Как рассказала Л.И. Гостева (1952 г.р.): «Всяких наций было много. Куликовские – поляки, они хоть и писались как русские, но мы все знали, что поляки, что выслали их сюда из Польши еще при царе. Дмитриевы – эстонцы, Гостевы – русские сибиряки, Райские и Бойкины – украинцы, Куцы тоже приехали с Украины, но уже позже в 1939-м. А вот Савельевы – те казаки. Еще были татары – шесть семей жило татарских. Но это уже попозже. Дружно жили очень. Когда наши соседи Кулагины в середине 1960-х уезжали на Кубань, мы все рыдали. И до сих пор с ними общаемся» (ПМА, 2022).

Общие беды, как и общие радости, сближали людей. Хотя представления о различиях сохранялись, окказионально принимая характер противостояния, которое актуализировало когда-то значимое разделение на старожилов и переселенцев, на чалдонов и «рассейских». «Дружно жили в самом селе, – объяснял ситуацию С.И. Клюкович (1964 г.р.), – а между селами драки были, что ты! Я из Ново-Песчаного, а жену здесь взял (в Кошкуле – **Авт.**). Вот она стоит – так я за нее и под нож ходил, и под топор, и не одно ребро у меня сломано, и прозвище-погоняло у меня самое первое было «Лом», потому что мне ломом зуб выбили. На машинах собирались – это 1976–1978 гг. Помню, дрались – так, что стенка на стенку на берегу озера. А кто побеждал? В конце побеждала всегда бутылка. И все-таки знали совесть в драке, если упадешь, пинать тебя никто не будет» (ПМА, 2022).

И хотя рецидивы социальной архаики периодически случались в с. Кошкуль на протяжении 1950–1970-х гг., оно развивалась, как и все сельские сообщества, по законам плановой экономики, ориентируясь на социалистические ценности советского государства. В 1950 г. хозяйства «Веселое поле» и «Великий Октябрь» объединились в колхоз им. Н.С. Хрущева, который позже был переименован в «Рассвет». В 1958 г. он вошел в колхоз им. С.М. Кирова, который существовал на протяжении многих десятилетий и, пережив сложные 1990-е гг., к настоящему времени превратился в ЗАО «Троицкое».

С 2000-х гг. началось возрождение традиций; но церковь в Кошкуле так и не была восстановлена. Хотя практически в каждом доме хранились иконы; и многие молились – кто ежедневно, а кто при случае; но никто не сожалел об отсутствии церкви. В других же селах Чистоозерного р-на храмы были восстановлены, или построены заново в 1990–2000-е гг. (ПМА, 2022).

Сегодня в Старом и Новом Кошкуле насчитывается уже совсем немного домов и 119 жителей. Сокращается население окрестных мест. В связи с этим в 2006 г. была упразднена д. Заячья. В Троицком сельсовете теперь числятся 3 поселения и 461 чел. Но за плечами этого сообщества более 300 лет существования, огромный опыт адаптации и межкультурных взаимодействий.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск: Наука, 2000. – 772 с.

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 224 с.

Бережнова М.Л. Вот повести минувших лет, или откуда пошли челдоны в земле сибирской. 2008 г. – URL: http://ethnography.omsu.ru/page.php?id=1077 (дата обращения 30.09.2022).

Вялкова О. История деревень Чистоозерки // Народная летопись Новосибирской области. 2017 г. – URL: http://www.letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=1039 (дата обращения 30.09.2022).

Соколовский И.Р. Некоторые источники формирования и численность «литвы» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: [б. и.], 2000. – Вып. 2. – С. 16–53.

Справочная книга Омской епархии. – Омск: Иртыш, 1914. – 1248 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск: Агро, 2002. – Ч. 1. – 288 с.

References

Anikin A.E. Ehtimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. Moskow, Novosibirsk, Nauka, 2000. 772 p. (In Russ.).

Bardina P.E. Byt russkih sibiryakov Tomskogo kraya. Tomsk, Tomsk State Univ. Press, 1995. 224 p. (In Russ.).

Berezhnova M.L. Vot povesti minuvshikh let, ili otkuda poshli cheldony v zemle sibirskoi, 2008. URL: http://ethnography.omsu.ru/page.php?id=1077 (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavyanskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhehtnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX–XX cc.). Novosibirsk: Agro, 2002. Pt. 1. 288 p. (In Russ.).

Sokolovskij I. R. Nekotorye istochniki formirovaniya i chislennost' «litvy» v Sibiri XVII c. In *Belorusy v Sibiri*, Novosibirsk, 2000. Iss. 2. P. 16–53 (In Russ.).

Spravochnaya kniga Omskoi eparkhii. Omsk: Irtysh, 1914. 1248 p. (In Russ.).

Vyalkova O. Istoriya dereven' Chistoozerki. In *Narodnaya letopis' Novosibirskoi oblasti,* 2017. URL: http://www.letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=1039 (Accessed: 30.09.2022). (In Russ.).

Октябрьская И.В. https://orcid.org/0000-0002-4190-9478

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0921-0926
УДК 392.9

А.А. Рублева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Потомки старообрядцев деревни Макурино: практика сохранения идентичности (по материалам полевых исследований 2022 года)

В статье поднимается вопрос о причинах сохранения этнокультурной идентичности потомками старообрядцев д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл., с которыми были проведены ряд глубинных интервью в ходе этнографической экспедиции 2022 г. по населенным пунктам Юргинского р-на Кемеровской обл. Основным источником выступили интервью с представителями двух старообрядческих семей 1930–1970-х годов рождения. Потомки старообрядцев, рожденные в 1930–1970-е гг., не сохранив главных религиозных маркеров старообрядчества, до сих пор демонстрируют устойчивую этнокультурную идентичность, называя себя кержаками, на уровне бытовой и духовной культуры транслируют некоторые элементы старообрядческой культуры (двоеперстие, ситуативное чашничество и др.) и сохраняют память об истории своих семей, своей деревни и о предках-старообрядцах. Причиной трансляции и сохранения фрагментов бытовой и духовной культуры староверов их потомками стала культурная среда, в которой выросли информанты. Не имея возможности в полной мере приобщиться к старообрядческим канонам в советское время, в силу запрета религиозного воспитания со стороны советской власти, потомки старообрядцев-кержаков, будучи детьми, наблюдали за поведением своих старших родственников и частично перенимали транслируемые культурные нормы. Важным фактором сохранения этнокультурной идентичности потомками староверов д. Макурино стал образ предков-кержаков, который являлся для информантов морально-нравственным ориентиром, соответствие которому через культурные нормы в среде информантов до сих пор является позитивной практикой. Именно поэтому «быть кержаком» и сохранять элементы старообрядческой культуры для информантов является «почетным».

Ключевые слова: *Притомье, вторая половина XX в., старообрядцы, кержаки, этнокультурная идентичность.*

A.A. Rubleva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Descendants of the Old Believers from the Village of Makurino: Practice of Preserving Identity (Evidence of 2022 Field Research)

This article discusses the reasons for preservation of ethnic and cultural identity among the descendants of Old Believers from the village of Makurino in Yurga District of Kemerovo Region. A number of in-depth interviews with these people were conducted during the 2022 ethnographic expedition to the settlements of Yurga District of Kemerovo Region. The main source was interviews with representatives of two Old Believer families, born in the 1930s–1970s. Although the descendants of Old Believers, born in the 1930s–1970s, have not preserved main religious markers of their denomination, they still demonstrated a stable ethnic and cultural identity by calling themselves "the Kerzhaks." At the level of everyday and spiritual culture, they manifest some elements of Old Believers' culture (making the sign of the cross using two fingers, ban on sharing dishware with those who are not Old Believers or the so-called "chashnichestvo," etc.) and preserve the memory of the history of their families, their village, and their Old Believer ancestors. The reason for broadcasting and preserving some fragments of everyday and spiritual culture of the Old Believers by their descendants was cultural

environment in which the informants grew up. Unable to fully follow the Old Believer canons in the Soviet times due to the prohibition of religious education by the Soviet government, the descendants of the Kerzhak Old Believers in their childhood observed the behavior of their older relatives and partially adopted the transmitted cultural norms. An important factor in preserving ethnic and cultural identity by the descendants of Old Believers from the village of Makurino was the image of the Kerzhak ancestors, which was a moral guideline for the informants. Complying with that image through shared cultural norms is still a positive practice among the informants. This is why "being a Kerzhak" and preserving elements of the Old Believer culture is "honorable" for the informants.

Keywords: *Tom region, second half of the 20th century, Old Believers, Kerzhaks, ethnic and cultural identity.*

В ходе полевой этнографической экспедиции 2022 г. автору статьи удалось работать с потомками кержаков-старообрядцев д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл. Кержаки – группа старообрядцев, получивших свое название по реке Керженец и в процессе переселений оказавшихся на территории Западной Сибири [Фурсова, 2006, с. 433]. Изначально, начиная с XVII в. старообрядцы являлись конфессиональной группой, чье отличие от других проявляло себя в первую очередь в религиозных расхождениях с русской православной церковью. В дальнейшем, с расселением по просторам России и близлежащих территорий, у кержаков и других групп старообрядцев сформировались культурные различия, которые проявили себя в замкнутости, чистоте быта, особом костюме и чашничестве [Липинская, 1992, с. 217]. Современные потомки кержаков-старообрядцев д. Макурино не сохранили в полной мере особенности старообрядческой культуры, перечисленные выше. Живут потомки старообрядцев в открытой местности, носят современную одежду, и лишь единицы из них соблюдают религиозные запреты, крестятся двоеперстно и посещают старообрядческие приходы в ближайшем городе. Несмотря на потерю основных культурных маркеров, потомки старообрядцев продолжают считать себя кержаками. В этой связи цель данного исследования – выявить причину сохранения старообрядческой идентичности среди потомков старообрядцев-кержаков д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл. Основным источником исследования выступили полевые материалы автора, собранные в ходе этнографической экспедиции 2022 г. по селам и деревням Юргинского р-на Кемеровской обл. В основу методологии лег этнический (этнокультурный) подход к пониманию идентичности, где самоназвание и самоосознание группы являются устойчивыми признаками ее существования как этнической (этнокультурной) общности [Копаков, 1995, с. 18]. На стадии полевых сборов использовался метод интервьюирования (глубинного интервью) и аудиофиксация материалов. Также автором исследования применялся дескриптивный и сравнительно-исторический методы исследования.

Во время полевого исследования были проведены глубинные интервью с потомками двух старообрядческих семей – Потеряевых (Георгий Архипович 1954 г.р., Зинаида Архиповна 1939 г.р., Анна Архиповна 1951 г.р.) и семьей Ирины Кирилловны Андреевой (Поповой) 1973 г.р. Для того, чтобы понять причину сохранения этнокультурной идентичности потомками староверов-кержаков д. Макурино, обратимся к культурным условиям, в которых были воспитаны информанты и была сформирована их идентичность.

Все информанты в ходе интервью отмечали, что деревня у них была кержацкая. Точной даты основания д. Макурино жители деревни назвать не смогли, но, согласно статистическим данным, время основания д. Макурино варьируется между 1860–1870-х гг. Кроме того, в «Списках населенных мест Томской губернии за 1899 г.» упоминается д. Макурина и д. Ново-Макурина Ояшкинской волости Томского уезда Томской губернии, где рядом с наименованием д. Ново-Макурина в скобках указано, что в деревне проживают кержаки [Список…, 1868; Список…, 1899, с. 54–55; Список…, 1929, с. 20]. О существовании отдельной новой деревни в своих рассказах упоминали информанты, отмечая, что старообрядцы жили изначально там. Название деревня получила по имени ее основателя Макурина, чьи потомки живут в деревне до сих пор. Первые старообрядцы, согласно полевым данным, приехали в Сибирь из Пензенской губернии, а их потомки до сих пор сохраняют память о своей исторической родине. В ходе интервью информанты, называя себя кержаками, связывали свое происхождение с рекой «*Керженъ*» (имеется в виду р. Керженец): «*Мама говорит, что в Пензенской области протекает река Керженъ. И по той местности* [кержаки] *назывались*». По рассказам местных жителей, у макуринских старообрядцев была своя старообрядческая церковь, где совершались службы старообрядческим священником. С началом коллективизации и последующим за ней раскулачиванием, часть старообрядцев покинули д. Макурино и церковь была разрушена. По рассказам местных жителей, со второй половины XX в. в д. Макурино стали приезжать переселенцы из европейской части России – татары, по-

волжские немцы, российские переселенцы и др. В результате чего в д. Макурино даже появилась улица «Интернациональная». Впоследствии переселенцев старообрядцы стали называть «мирскими». Такое разделение жителей деревни на старообрядцев и «мирских» нашло отражение и в традициях погребения – в деревне появилось два кладбища – мирское и старообрядческое. Кроме того, в ходе беседы потомки старообрядцев с гордостью сообщали, что незнающий человек старообрядческое кладбище просто так не найдет.

Большое внимание в ходе беседы информанты уделяли историям своих семей, члены которых были «коренными» кержаками. Рассказывая о своей семье, Ирина Константиновна Андреева начала с истории прапрадеда, старообрядческого священника, отца Иоанна Телепова, приехавшего в д. Макурино в статусе вдовца. Отец Иоанн повторно женился на макуринской старообрядке, и в результате брака родилась прабабушка информанта – Авдотья Иоанновна Затеева (Телепова). Именно она в рассказах Ирины Константиновны выступает в роли духовного лидера для жителей своей деревни и членов ее семьи. Причиной этого стало то, что отца Иоанна в 1930-е гг. репрессировали, и Авдотья Иоанновна стала хранительницей икон и богослужебных книг из разрушенного старообрядческого храма. В дом к Авдотье Иоанновне приходили молиться остальные кержаки. Детей и внуков кержачка учила церковнославянскому языку. Кроме того, причиной авторитета прабабушки в глазах односельчан, по мнению Ирины Кирилловны, стало происхождение ее из священнической семьи. Позднее, после смерти Авдотьи Иоанновны, ее книги и иконы стали передаваться из поколения в поколение по женской линии. Следующее поколение старообрядцев семьи Ирины Кирилловны представлено ее бабушкой Поповой (Затеевой) Настасьей Севастьяновной и дедушкой Поповым Григорием Поликарповичем. Если Настасья Севастьяновна была макуринской кержачкой, то Григорий Поликарпович был «неместным» кержаком. По своему происхождению он был из пермских кержаков, переехавшим в Западную Сибирь (г. Болотное), где и познакомился с Настасьей Севастьяновной. Про это поколение Ирина Кирилловна рассказала лишь то, что дед воевал в Первую Мировую войну, попал в плен в Австрию, где получил знания в области медицины, что позволило ему после возвращения из плена работать фельдшером. Если в каждом предыдущем поколении семьи Ирины Кирилловны все были кержаками, то поколение родителей информантки стало исключением. Мама Ирины Кирилловны была родом из п. Итат Тяжинского р-на Кемеровской обл., где получила профессию учительницы и приехала по распределению в Макурино. В Макурино мама Ирины Кирилловны познакомилась с будущим мужем. Имея богатую старообрядческую родословную, отец Ирины Кирилловны, Кирилл Григорьевич Попов 1931 г.р., во взрослом возрасте не придерживался старообрядческих канонов. Кирилл Григорьевич рассказывал своей дочери, что из него веру «выбила» его бабушка, Авдотья Иоанновна, которая заставляла маленького Кирилла вечерами читать псалтыри «старым кержачкам». В силу юного возраста, Кириллу хотелось играть на улице с детьми, поэтому, читая псалтыри, он их специально сокращал, за что получал подзатыльники от строгой бабушки. Сама Ирина Кирилловна отмечала, что не была воспитана в старообрядческой вере, и даже крестилась она в православной церкви в возрасте тридцати лет. Но постепенно, в ходе интервью информантка рассказывала, что, будучи ребенком, имела свободный доступ к богослужебным книгам в доме и умела их читать. Вспоминала, что ее бабушка носила лестовку – кожаный ремешок с цветными «палочками», где каждая «палочка» обозначала определенную молитву. Также Ирина Кирилловна показала нательный старообрядческий крест, который, как известно, у старообрядцев разделяется на мужской и женский. В своей речи информант нестарообрядцев называла «мирскими». Рассказала, что во время похорон старообрядцев покойному на глаза клали монеты, а сопровождая гроб на кладбище, родственники могли бросать на дорогу цветные нити, чтобы душа покойного нашла дорогу домой. Повзрослев, Ирина Константиновна вышла замуж за потомка старообрядцев д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл.

Второй семьей, с которой удалось поработать в ходе полевого исследования, стала семья Потеряевых – Георгия Архиповича 1954 г.р., Зинаиды Архиповны (Никифоровой) 1939 г.р., Анны Архиповны (Балахиной) 1951 г.р. В своей родословной по материнской линии Потеряевы имеют основателя деревни Макурина. Родители информантов 1911 г.р. принадлежали к кержацким родам, но мама была из «местных» кержаков, а отец родился и вырос в соседней д. Черной. В 1930-е гг. деда по линии матери репрессировали, но позднее он вернулся в Макурино и тайно учил своих старших внуков читать старообрядческие книги, которые сам переписывал. Деда же по линии отца расстреляли по доносу как врага народа. Поколение дедушек и бабушек семьи Потеряевых предстает в их рассказах как поколение, строго следовавшее канонам старообрядчества в бытовой и духовной жизни. Среди кержаков старого поколения сохра-

нялось чашничество: «*Ну вот среди кержаков есть еще дурнее кержаки. У них хрен стакан воды выпросишь*». Если «мирской» пользовался посудой старовера, то кержак должен был эту посуду выкинуть или окропить святой водой. Отмечали информанты бытовую чистоту в доме кержаков. Предметы быта делились у кержаков на «чистые» и «поганые». Однажды жена Григория Архиповича, дочь российских переселенцев из соседней деревни, помыла окна из «чистого» таза: «*Мы поженились с ним, и я помыла окна с чистого тазика. А оказалось, что у них окна поганые. Окна надо было с поганого ведра мыть. И она* [свекровь-кержачка] *ходила на речку, тазик этот мыла-мыла, потом святой водичкой его, чтобы тазик не выбросить*». «Поганым» местом считалась баня, после посещения которой обязательно нужно было вымыть руки в доме. Также возбранялось пить воду в бане и мыться в ней после полуночи. Яркой чертой старшего поколения кержаков, запомнившейся информантам, была дисциплина в духовной и трудовой жизни. У кержаков был строгий распорядок дня. Так, летом в поле уходили работать рано, но по воскресеньям не работали. Строго кержаки относились к исполнению молитв. Но старшее поколение в советское время не заставляло молодежь соблюдать каноны. Дети лишь наблюдали за тем, как взрослые следовали религиозным предписаниям. Так, на Пасху, будучи детьми, информанты залазили на печку и смотрели, как бабушки-кержачки читали псалтыри. В XX в. среди старых макуринских кержаков сохранялось негативное отношение к бракам между «мирскими» и староверами. Если же брак между «мирским» и старообрядцем заключался, то один из супругов должен был принять веру другого. Зинаида Архиповна отмечала, что в их поколении, в 1950–1970-е гг. такие запреты уже не действовали, но жена Георгия Архиповича, которая не была старообрядкой по происхождению, рассказала, что ее свекровь-кержачка была против их брака. Семьи у старших поколений кержаков были большие, от восьми до двенадцати детей, и имена детям давали по святцам – Лука, Калина, Феофан, Акулина, Евлампия, Олимпиада. Сохраняли в XX в. «закоренелые» кержаки традиционный стиль в одежде. Бабушки-кержачки носили сарафаны-горбачи из коричневой или серой домотканой ткани, рубахи с длинными рукавами, фартуки. Обязательным элементом традиционной одежды был тканый пояс, на котором иногда могли ткать буквы: «*Пояс обязательно носили, он был какой-то как оберег*». Замужние женщины носили шашмуру, под которую прятали две косы. Мужчины носили косоворотки и не брили бороды: «*Мамины родители так ходили, все бабушки так ходили. А потом какие горбачи-то? Тут уже советская власть*».

Согласно рассказам Зинаиды Архиповны, поколение родителей семьи Потеряевых также, как и более старшее поколение кержаков, сохраняли приверженность старой вере. Но как отмечал Георгий Архипович, мама их была более религиозной, нежели отец: «*Мать молилась, а отец больше матерился, чем молился <…> Ночью проснешься, смотришь,* [мама] *наяривает это* [крестится]». Причиной меньшей религиозности отца, как считает Георгий Архипович, стала его руководящая должность при МТС, которая не позволяла ему быть религиозным: «*Он* [отец] *начальник был, ему не до этого было*». В сравнении со старшим поколением кержаков, информанты считают себя «безбожниками», ссылаясь на отсутствие религиозного воспитания: «*Мы то уже безбожники были. И мы то ничего уже не знали. Вот только слышали, что от них* [старших]». Причиной «нестарообрядческого» воспитания, по мнению информантов, был запрет на религию в советское время, контроль за которым осуществлялся на уровне школы: «*В школе бы попало*». Но не соблюдая канонов и запретов культуры своих бабушек и дедушек, Потеряевы детьми наблюдали эту культуру изнутри и усваивали некоторые ее черты. Так, Зинаида Архиповна до сих пор крестится двумя перстами: «*Я как так научилась крест держать с пеленок, так я его и держу*».

Как можно видеть, потомки кержаков, рожденные в советскую эпоху, уже не перенимали религиозного поведения своих родственников старшего поколения в полной мере. Но на вопрос о том, считают ли они себя кержаками, отвечали утвердительно: «*Я не говорю, что я привержена такой вот веры. Но я все время говорю, что я кержачка…*». «*Я считаю себя* [кержачкой]*, хотя хожу в православную церковь*». Поэтому для потомков староверов кержацкая идентичность проявлялась не в религиозных отличиях с православием, а заключалась в наборе определенных морально-волевых качеств, среди которых информанты называли трудолюбие, честность, «упертость» (в смысле стойкость?), чистоплотность, запасливость, дисциплинированность: «*Вы знаете, вот такая вот должна быть порядочность, сказал – должен сделать, не кривить душой <…> ты должен быть честным. Вот как мама говорила – не укради <…>Это душевное мое состояние* [быть кержаком]». «*Кержаки трудолюбивые. Вот щас они из-за границы едут, они все трудолюбивые*». Такие качества настоящего кержака информанты связывали с непростой судьбой сторонников старообрядчества: «*Их всю жизнь гнобили-гнобили, они*

прятались. Всегда скрытничали, всегда втихаря старались [жить]. *Жить старались обособленно, в плане, что чужих-пришлых людей не любили. Потому что боялись подвоха, предательства, воровства*». Именно такой образ жизни, по мнению информантов, сформировал особый характер старообрядцев. Причем в мироощущении потомков старообрядцев этот характер наследовался следующими поколениями староверов: «*Им* [старообрядцам] *трудно жилось, они рассчитывали на себя. Я свою семью смотрю, теток. Есть стержень какой-то*».

Очевидно, что в рассказах информантов вырисовывается идеальный образ предков-кержаков. Кержаки в их рассказах – народ, претерпевший лишения и гонения за веру. Кроме того, эти гонения продолжились в советское время. Но эти лишения и суровый край, по мнению информантов, закалили кержаков, сделав их народом честным, трудолюбивым, чистоплотным, чтившим религиозные законы. Сравнивая своих предков-кержаков с представителями других этнокультурных групп, информанты отмечали различия в бытовой жизни, указывали в ходе беседы на сохранение этих отличающих черт в своем быте, тем самым подчеркивая преемственность культуры от предков-кержаков: «*Вот как говорят, кержаки вредные-противные, кружку не дадут. Не дадут! У нас до сих пор. У меня у мужа своя кружка <…> Это на уровне генов, понимаешь?»* Понимая, что некоторые стереотипные черты «коренных» старообрядцев для представителей других этнокультурных групп носят негативный окрас, соответствие этим стереотипам является для информантов позитивной практикой: «*Постройки у кержаков были основательные и крепкие. Как у меня примерно. Я ж тоже, как вы говорите, кержак*». «*Я считаю себя* [кержачкой] *<…> Я вот тоже не буду из общей бутылки пить*». «*Кержаки бороды не брили. У меня муж тоже не любит бороду брить лишний раз*». «*У меня корова, я смеюсь, всегда отдельно ходит. Я ей говорю, кержацкая морда, единоличница*». Также важным фактором преемственности стало непосредственное родство со старообрядцами и проживание в старообрядческой среде: «*Я знала, что я живу в кержацкой деревне. Я гордилась этим*».

Заключение

Анализ полевого материала, собранного в ходе этнографической экспедиции в д. Макурино Юргинского р-на Кемеровской обл. показал, что потомки старообрядцев, рожденные в 1930–1970-е гг., не сохранив главных религиозных маркеров старообрядчества, до сих пор сохраняют этнокультурную идентичность, называя себя кержаками, на уровне бытовой и духовной культуры транслируют некоторые элементы старообрядческой культуры (двоеперстие, ситуативное чашничество и др.) и сохраняют память об истории своих семей, своей деревни и предках-старообрядцах. Причиной трансляции и сохранения элементов бытовой и духовной культуры староверов их потомками стала среда, в которой выросли информанты. Не имея возможности в полной мере приобщиться к старообрядческим канонам в советское время, информанты, будучи детьми, наблюдали за поведением своих старших родственников и частично перенимали эти нормы – крестились двоеперстно, не пили воду в бане, сохраняли «кержацкую» планировку двора и дома. Важным фактором сохранения этнокультурной идентичности потомками староверов д. Макурино стал образ предков-кержаков, который являлся для информантов морально-нравственным ориентиром и проявлялся в таких качествах, как честность, трудолюбие, чистоплотность, стойкость в убеждениях и др. Соответствие данному идеалу через культурные нормы в среде информантов до сих пор является позитивной практикой. Именно поэтому «быть кержаком» и сохранять элементы старообрядческой культуры и для современных информантов является «почетным».

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Список литературы

Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 13–23.

Липинская В.А. Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 213–217.

Список населенных мест Российский империи. Вып. 60: Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1868. – 148 с.

Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. – Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1899. – 781 с.

Список населенных мест Сибирского края // Сибирский Краевой Исполнительный Комитет, Краевой финансовый отдел. – Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири, 1929. – 952 с.

Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – С. 427–441.

References

Kolpakov E.M. Etnos i etnichnost'. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995. N 5. P. 13–23. (In Russ.).

Lipinskaya V.A. Ob ustojchivosti malyh konfessional'nyh grupp v odnonacional'noj srede (po materialam yuga Zapadnoj Sibiri). In *Tradicionnaya i duhovnaya material'naya kul'tura russkih staroobryadcheskih poselenij v stranah Evropy, Azii i Ameriki.* Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 213–217. (In Russ.).

Spisok naselennyh mest Rossijskij imperii. Vol. 60: Tomskaya guberniya: spisok naselennyh mest po svedeniyam 1859 goda. St. Petersburg, 1868. 148 p. (In Russ.).

Spisok naselennyh mest Tomskoj gubernii na 1899 god. Tomsk: Tovarishchestvo "Pechatnya S. P. YAkovleva" (Gubernskaya tipografiya), 1899. 781 p. (In Russ.).

Spisok naselennyh mest Sibirskogo kraya. Sibirskij Kraevoj Ispolnitel'nyj Komitet, Kraevoj finansovyj otdel. T. 2: Okruga Severo-Vostochnoj Sibiri. 1929. 952 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Etnograficheskie gruppy vostochnyh slavyan v Zapadnoj Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodejstviya. In *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie v Evrazii.* Moscow: Nauka, 2006. Vol. 1. P. 427–441. (In Russ.).

Рублева А.А. https://orcid.org/0000-0003-4967-6311

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0927-0932
УДК 316.733

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Khakassie@yahoo.com

Нематериальное культурное наследие Республики Тыва: практики сохранения и популяризации

В данном исследовании проанализированы практики сохранения и воспроизводства элементов нематериального культурного наследия тувинцев. На основе рассмотрения законов, программ, документов, представляющих деятельность республиканских органов управления, учреждений культуры, общественных организаций, представлены инструменты в области сбережения и трансляции неосязаемого культурного наследия. Выявлено, что актуализация живого творческого процесса традиционной культуры, защита передачи знаний и умений, принятие законов по охране, восстановлению и популяризации знаний и навыков в области неосязаемого достояния, фиксация практик, находящихся под угрозой уничтожения, представляется гарантией устойчивого развития местного сообщества. Показано, что оригинальной формой трансляции нематериального культурного наследия тувинцев становятся современные фестивали (Республиканский фестиваль «Монгункержек» / «Серебряное тесло»), на которых демонстрируют как традиционные практики и умения, так и современное состояние развития неосязаемого наследия, таким образом подтверждая тезис о динамичном характере наследия. Сохранение практик традиционной культуры соотносится с российскими и международными стандартами. Можно констатировать, что в Туве реализована модель наследования, популярная в Восточной Азии. В центре внимания таких патримониальных режимов – сбережение в первую очередь навыков и знаний индивидов как носителей технологий, а не материальных объектов и уникальных образцов архитектуры. Одним из эффективных способов приобретения информации о нематериальных ценностях в Туве обозначено постоянное совершенствование навыков и умений носителей наследия, а также их передача последующим поколениям. Показано, что нормативные документы ЮНЕСКО оказали влияние на форму перечней неосязаемого достояния. Несмотря на декларацию в республиканских документах намерений следовать нормам международного и российского права в области поощрения культурного многообразия, все охранительные законы, программы, перечни посвящены охране нематериальных ценностей титульной этнической группы.

Ключевые слова: *этническая идентичность, культурная память, нематериальное культурное наследие, декоративно-прикладное искусство, современная праздничная культура.*

E.V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Khakassie@yahoo.com

Intangible Cultural Heritage of the Republic of Tyva: Conservation and Popularization Practices

This study analyzes the practices of preserving and reproducing features of the intangible cultural heritage of Tuvinians. Based on the analyses of laws, programs, documents representing the activities of republican governing bodies, cultural institutions, and public organizations, the techniques of conservation and dissemination of intangible cultural heritage are presented. It has been shown that a guarantee of the sustainable development of the local community should be based on the up-to-date development of creative processes in the traditional culture, the protection of the transfer of knowledge and skills, the adoption of laws for the protection, restoration and popularization of knowledge and skills in the field of intangible heritage, and recognition of practices under threat of destruction. The modern festivals (the Republican Festival "MongunKerzhek" / Silver Adze), which demonstrate both traditional practices and skills, and the current state of development of intangible heritage, are the techniques of dissemination of the intangible cultural heritage of Tuvinians. This confirms the

thesis about the dynamic nature of heritage. The preservation of traditional culture practices correlates with Russian and international standards. It can be stated that the inheritance model popular in East Asia is implemented in Tuva. The focus of such patrimonial regimes is primarily on the preservation of skills and knowledge, individuals as bearers of technology, rather than on the material objects and unique architectural constructions. The continuous improvement of the skills and abilities of heritage bearers, and sharing the knowledge with the subsequent generations are among the most effective ways to disseminate the information about intangible values in Tuva. It is shown that UNESCO normative documents have influenced the forms of lists of intangible cultural heritage. Despite the declaration of intentions to follow the norms of international and Russian law in the field of promoting cultural diversity in the republican documents, all protective laws, programs, lists are devoted to the protection of intangible values of the titular ethnic group.

Keywords: *ethnic identity, cultural memory, intangible cultural heritage, decorative and applied art, modern festive culture.*

Понятие «культурное наследие» было сформулировано в первой половине XX в., однако широко стало использоваться начиная с 1950-х гг. Если ранее термин был связан с экономикой, с правом, в т.ч. семейным, то в середине XX в. в научных и общественных дискурсах его стали применять в сфере культуры. Параллельно шел процесс расширения области его использования: оно меняет форму от материального к нематериальному, меняет символическое значение, отсылает к различным эпохам и к постоянно обновляемым символам [LeHégarat].

Внастоящий момент делается акцент на динамическую составляющую культурного наследия и идентичностей. Наследие можно определить как то, что считается достойным сохранения, познания, даже прославления и передачи другому поколению. Некоторые исследователи предлагают рассматривать не объект наследия, а совокупность действий по наделению объектов патримониальным статусом, вводят понятие «патримонизация». Выбранные элементы культуры должны быть сохранены и переданы своим преемникам в этом же качестве [Davallon, 2014].

Обсуждение проблемы сохранения и передачи традиционной/народной культуры, определения «нематериального культурного наследия» явилось реакцией на европоцентристский подход, зафиксированный во Всемирной конвенции 1972 г. На становление концепта «нематериальное наследие» большое влияние оказали режимы наследования, существующие в Японии и Корее [Bortolotto, 2013].

В Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой в 2003 г. в контексте Рекомендации о сохранении фольклора (1989), Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), Стамбульской декларации (2000), акцент был сделан на важности сохранения культурного многообразия, в т.ч. как гарантии устойчивого развития сообществ. С одной стороны, проводилась идея о том, что процессы глобализации содействуют диалогу между представителями различных социальных групп, с другой – была обозначена проблема нетерпимости, исчезновения, разрушения и забвения объектов нематериального наследия, традиционной культуры. В качестве объектов неосязаемого достояния был выделен достаточно широкий круг культурных практик, а также связанные с ними материальные объекты и культурные ландшафты: устные традиции и формы выражения, включая язык, исполнительское искусство; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и Вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. Целями конвенции формулировались достаточно стандартные для законодательных актов, посвященных наследию мероприятия: сохранение, уважение, привлечение внимания, организация международного сотрудничества касательно элементов нематериального культурного наследия [Основные тексты…, 2016, с. 3–6].

Важным нововведениям явилось признание за самими группами, а также в редких случаях за индивидами права формировать реестры. Государствам-участникам вменялось поощрять низовую инициативу по включению в перечень объектов нематериального наследия, активно привлекать членов сообществ в программы по популяризации и сохранению, препятствие отрыву наследия от его контекста или естественной среды, гарантировать должную защиту прав сообществ, групп и отдельных лиц, которые являются создателями, носителями этого наследия и обеспечивают его [Там же, с. 3–6, 81–82]. В руководстве по управлению была сформулирована мысль о трансформационном характере наследия в городской и сельской среде, о взаимосвязи с исторической памятью сообществ.

ЮНЕСКО было рекомендовано составлять списки культурных практик, в т.ч. выраженных в материальной форме, на национальном и международном уровнях. В различных странах принципы наделения статусом объекта не совпадали с международной практикой [Там же, с. 10]. Отдельный раздел руководства по управлению нематериаль-

ным культурным наследием был посвящен туризму. Государственные органы, общественные организации, частные лица должны демонстрировать уважение к охране нематериального культурного наследия, находящегося на территории отдельных групп и лиц. Группы, за которыми закреплено обладание культурной практикой, объявляются бенефициарами, имеющими в т.ч. голос в управлении туристическими объектами в местах расположения нематериального наследия. Нематериальное культурное наследие должно быть сохранено от влияния со стороны въездного туризма, замены смыслов, вырывания из контекста в угоду зрелищности и в расчете на экзотизацию культурной практики [Там же, с. 90–91].

В 2016 г. на X сессии Межправительственным комитетом по охране нематериального культурного наследия были приняты этические принципы его охраны. За группами было закреплено право сохранять и передавать обычаи, технологии. Сообществам была отведена главная роль в обозначении угроз, к которым прежде всего отнесли деконтекстуализацию и коммодификацию, искажение информации об объектах. При этом отмечалось, что необходимо уделять особое внимание уважению этнической самобытности. [Там же, с. 139–140]. Доступ к памятным местам, документам, природным и культурным пространствам не должен быть ограничен. Каждая группа определяет степень значимости практик, относящихся к неосязаемому достоянию вне зависимости от внешних ценностных суждений. Создатели нематериального наследия должны находиться под защитой.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. в РФ не ратифицирована. На национальном уровне были приняты следующие документы: Закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2015 гг. 2022 г. был объявлен Годом культурного наследия России. В РФ функцию составления реестра выполняет Государственный Дом народного творчества имени В.Д. Поленова.

Объекты неосязаемого достояния, представляющие Республику Тыва, распределены по четырем категориям: мифологические представления и верования, этнографические комплексы; конфессиональные практики в народной культуре; народное исполнительство и традиционные технологии. Описание объектов нематериального наследия приводится в свободной форме, представлено описание культурных практик, прилагаются тексты, звуковые записи и видеофайлы с места сбора источников, зафиксированы как элементы неосязаемого наследия этнической группы (тувинцев), представителей коренных малочисленных групп (тувинцы-тоджинцы), так и отдельные носители наследия.

Главным республиканским законодательным документом, определяющим положение в области культуры и охраны исторического, культурного и духовного наследия, стала Конституция Республики Тыва. «Республика Тыва, – говорится в документе, – обеспечивает возрождение национальной культуры, художественного наследия, поддерживает национальные традиции и обычаи, гарантирует право на сохранение языков населяющих ее народов, создает условия для развития их национальной и культурной самобытности» [Конституция…]. В субъекте РФ гарантируют сохранность памятников истории, культуры и религии, принимают меры к «возвращению в установленном порядке исторических, культурных и духовных ценностей из-за ее пределов».

На региональном уровне закон, посвященный нематериальному культурному наследию Республики Тыва, вступил в силу 25 декабря 2012 г., с дальнейшей редакцией в 2016 г. В нем дается следующее определение нематериального культурного наследия: это «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» [Закон…, 2012].

В обозначении охраны нематериального культурного наследия Республики Тыва использовано словосочетание «обеспечение жизнеспособности», под которым подразумевается его идентификация, документирование, исследование, сохранение, защита, популяризация, повышение его роли, передача институтами образования. Так же, как и в законодательстве международного уровня, описаны представления о носителях материального наследия, к которым относят индивидов или группы, вносящие решающий вклад в воплощение, сохранение и передачу нематериального культурного наследия Тувы. Как и в Конвенции по сохранению нематериального наследия, разработанной ЮНЕСКО, в законе выделяют пять областей его бытования. Критериями для отнесения объекта к списку является историческая и культурная значимость для населения, проживающего на территории субъекта; уникальность, художественная ценность; востребованность элемента культуры с точки зрения репрезентации сообщества; взаимосвязь через объект нематериальной культуры с предками, демонстра-

ция культурного разнообразия региона и уважение к культурной самобытности групп, проживающих в Туве. Передача нематериального культурного наследия возлагается на учреждения образования, культуры и науки.

В Туве сформулирован свой список объектов нематериального культурного наследия. В перечень были выбраны знания, связанные с астрологией, экологией, воспитательные практики, кулинарные традиции, технологии, связанные с обработкой различных материалов, приемы изготовления предметов обихода и хозяйства, ювелирное искусство и т.д. Составлен список объектов нематериального культурного наследия, нуждающихся в первоочередной охране. Тувинское камнерезное искусство планируется представить в ЮНЕСКО.

В 2010 г. в республиканском правительстве обсуждался проект закона об охране сакральных объектов (священных мест), который должен был стать логичным дополнением к законодательству онематериальном культурном наследии. Закон должен был регулировать использование значимых для населения республики территорий, способствовать восстановлению традиций и верований, содействовать охране сакральных мест. Под сакральными объектами в настоящем законе предлагалось понимать элементы природного и историко-культурного ландшафта, используемые для отправления обрядов и являющиеся значимыми в смысле взаимодействия с природой. Однако по причине несоответствия с федеральным законодательством, закон не был одобрен и не вошел в силу.

В 2015 г., в год народных традиций в Туве, Глава РТ предложил проект по созданию этнокультурных заповедников в целях сохранения кочевого скотоводства, а значит и традиций коренного тюркоязычного населения региона. По мысли Главы, только таким образом можно сохранить «древнее занятие народа», оградить кочевников от надвигающихся изменений. Это необходимо сделать для того, чтобы потомки изучали историю и обычаи не по данным архивов, а сами были частью этого мира, передавали живую традицию от поколения к поколению.

Важной частью нематериального культурного наследия для субъекта федерации являются народные художественные промыслы. В 1999 г. был принят Закон Республики Тыва «О народных художественных промыслах» [1999]. На базе этого документа в 2013 г. был разработан новый Закон Республики Тыва «О народных художественных промыслах в Республике Тыва», с последующей редакцией в 2016 г. Его целью является кодификация процессов, связанных с «сохранением, возрождением и развитием народных художественных промыслов в Республике Тыва». Соответствие изделий категории народных художественных промыслов, как типовых образцов, так и уникальных предметов, осуществляется членами художественно-экспертного совета. Согласно девятой статье документа, было введено такое определение как «места традиционного бытования народных художественных промыслов» [Закон…, 2013]. В 2019 г. эти локусы были установлены, и вышло соответствующее постановление с их перечнем [Постановление…, 2019].

По данным, переданным Министерством культуры и информационной политики РТ, в Туве сохраняются традиционные центры художественных промыслов, особенно на локальном уровне. Согласно мнению сотрудников профильного министерства, в перечень традиционных промыслов, имеющих высокую степень сохранности и широкий круг мастеров, обладающих знаниями и умениями в области технологий, были отнесены: кузнечное ремесло (ковка, литье, чеканка, в основном при изготовлении предметов конской упряжи), ювелирное ремесло (женские серебряные украшения гравировкой и инкрустацией из полудрагоценных камней), обработка кожи (аппликация и тиснение, сосуды для кумыса, седельные чепраки и т.д.), резьба по дереву и камню.Отмечалось, что техники производства передаются молодому поколению, в т.ч. через сеть профессионально-технических училищ и художественных школ. Сотрудниками Министерства было отмечен высокий художественный уровень ремесленных изделий, востребованность на рынке. Несмотря на наличие высокого спроса, изделия в основном изготавливают не на продажу. В рамках деятельности по восстановлению и популяризации технологий народных промыслов стали открывать предприятия, на которых производят юрты и их внутреннее убранство, традиционные музыкальные инструменты, конскую упряжь, этническую одежду и украшения, сувениры.

В 2008 г. Правительством РТ был учрежден «Центр развития традиционной культуры и ремесел». В рамках деятельности данной организации большое внимание было уделено работе с носителями нематериального культурного наследия, сохранению и восстановлению знаний и технологий традиционного производства. Знаковым мероприятием в сфере сохранения и популяризации нематериального культурного наследия стал Республиканский фестиваль «Монгункержек» / «Серебряное тесло», учрежденный сотрудниками центра в 2018 г. Местом проведения фестиваля было выбрано с. Кызыл-Даг, рассматриваемое в качестве родины тувинского камнерезного искусства и включенное в список мест традиционного бы-

тования народных художественных промыслов. По мысли его организаторов, проведение мероприятия в Кызыл-Даге должно было содействовать закреплению его статуса ведущего центра тувинского декоративно-прикладного искусства, способствовать включению изделий местных мастеров в ассортимент туристического рынка Республики Тыва, а самого мероприятия в пространство событийного этнотуризма.

Программа фестиваля состоит из персональной экспозиции уже титулованного мастера или мастерицы, конкурса-выставки промыслов и образцов декоративно-прикладного искусства, где зрителей знакомят с современными ремесленными технологиями, мастер-класса по изготовлению традиционной утвари, проведения обрядов «дагылда» по освящению священных мест (целебного источника «Бел» и «Оваа мастеров Тувы»), концертов с презентацией традиционных концертных жанров и музыкальных инструментов, ярмарки изделий народных промыслов.

В тесном сотрудничестве с «Центром развития традиционной культуры и ремесел» работает учрежденная в 2020 г. Региональная общественная организация «Культурное наследие», ставящая перед собой цель изучение, сбережение, восстановление, популяризацию достояния тувинцев. Ее члены призваны разрабатывать «методики интеграции традиционной культуры в современную жизнь», проводить мероприятия, популяризирующие традиционные культурные практики, принимать участие в национальных и региональных проектах по сбережению достояния; изготавливать предметы декоративно-прикладного искусства, осуществлять консультации по проведению семейных обрядов и праздников, налаживать связи с международными неправительственными организациями, исследовательскими институтами и фольклорными центрами по профилю своей деятельности.

Понятие наследия в Республике Тыва на уровне административных практик, деятельности общественных организаций трактуется широко. Оно охватывает нематериальные ценности (язык, праздники, традиции, произведения фольклора, ремесленные умения и навыки и проч.), связанные с памятниками и объектами, которые вписываются в социальный и культурный контекст, в котором они были созданы. Вокруг объектов нематериального достояния формируется современная идентичность тувинцев. Культурные практики представляются в качестве ресурса экономического развития, прежде всего туристического бизнеса. Списки, подготовленные специалистами федерального учреждения, отличаются от реестра, сформированного в регионе. В Туве стала популярна модель наследования, распространенная в странах Юго-Восточной Азии, где неосязаемое наследие, сохранение и передача знаний и умений, мастерства являются одними из центральных патримониальных мероприятий.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Закон Республики Тыва «О народных художественных промыслах». – 1999. – URL: https://docs.cntd.ru/document/802048839 (дата обращения: 19.10.2020).

Закон Республики Тыва «О народных художественных промыслах в Республике Тыва». – 2013, ред. 2016. – URL: https://docs.cntd.ru/document/460122404 (дата обращения: 19.10.2020).

Закон Республики Тыва «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва». – 2012, ред. 2016. – URL: https://docs.cntd.ru/document/453363273 (дата обращения: 07.10.2020).

Конституция Российской Федерации. Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/DOC_28600271.htm/. (дата обращения: 03.04.09).

Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. – Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2016. – URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2016_version-RU.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

Постановление «О местах традиционного бытования народных художественных промыслов в Республике Тыва. – URL: https://docs.cntd.ru/document/561696104 (дата обращения: 12.09.2022).

Рекомендация о сохранении фольклора от 15 ноября 1989 года. – URL : https://docs.cntd.ru/document/902084650 (дата обращения: 27.07.2021).

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. – URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 27.08.2021).

Bortolotto Ch. L'Unesco comme arène de traduction La fabrique globale du patrimoine immatériel // Gradhiva. – 2013. – № 18. – URL: http://journals.openedition.org/gradhiva/2708 (дата обращения: 19.01.2018).

Davallon J. À propos des régimes de patrimonialisation : enjeux et questions. Patrimonialização e sustentabilidade do património: reflexão e prospectiva. – Lisboa, 2014. – URL : https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01123906 (дата обращения: 18.04.2021)

Le Hégarat T. Un historique de la notion de patrimoine. – URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01232019/document (дата обращения 14.09.2013).

References

Bortolotto Ch. L'Unesco comme arène de traduction. La fabrique globale du patrimoine immatériel. *Gradhiva*, 2013. N. 18. P. 50–73. doi: 10.4000/gradhiva.2708

Davallon J. À propos des régimes de patrimonialisation : enjeux et questions. Patrimonialização e sustentabilidade do património: reflexão e prospectiva. Lisboa, 2014. URL :https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01123906 (Accessed: 18.04.2021).

Heinich N. The Making of Cultural Heritage. *Neprikosnovennyizapas*, 2017, No. 4. (In Russ.). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovleniekulturnogo-naslediya.html (Accessed: 12.09.2018).

Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. Konstitutsii i Ustavy sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (In Russ.). URL: http://constitution.garant.ru/DOC_28600271.htm/. (Accessed: 03.04.09).

Le Hégarat T. Un historique de la notion de patrimoine. URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01232019/document (Accessed: 14.09.2013).

Osnovnye teksty Mezhdunarodnoi konventsii ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya 2003 g. Parizh: Izd-voYuNESKO, 2016. (In Russ.). URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2016_version-RU.pdf (Accessed: 22.10.2020).

Postanovlenie «O mestakh traditsionnogo bytovaniya narodnykh khudozhestvennykh promyslov v Respublike Tyva. (In Russ.). URL: https://docs.cntd.ru/document/561696104 (Accessed: 12.09.2022).

Rekomendatsiya o sokhranenii fol'klora ot 15 noyabrya 1989 goda. (In Russ.). URL: https://docs.cntd.ru/document/902084650 (Accessed: 27.07.2021).

Strategiya gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda (In Russ.). URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (Accessed: 27.08.2021).

Zakon Respubliki Tyva «O narodnykh khudozhestvennykh promyslakh» (1999) (In Russ.). URL: URL: https://docs.cntd.ru/document/802048839 (Accessed: 19.10.2020).

Zakon Respubliki Tyva «O narodnykh khudozhestvennykh promyslakh v Respublike Tyva» (2013, ed. 2016) (In Russ.). URL: https://docs.cntd.ru/document/460122404 (Accessed: 19.10.2020).

Zakon Respubliki Tyva «Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Respubliki Tyva» (2012, ed. 2016) (In Russ.). URL: https://docs.cntd.ru/document/453363273 (Accessed: 07.10.2020).

Самушкина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5481-3822

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0933-0939
УДК 316.723

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: seleznev@myttk.ru

Полевое этнографическое изучение экопоселений: кейс поселения Азъ Градъ Омской области

Полевое этнографическое изучение экопоселения Азъ Градъ осуществлялось на протяжении 7 лет. Поселение расположено в 30 км от г. Омска. Азъ Градъ (поселение, иногородок, город, экодеревня) – это в основном личная инициатива омского предпринимателя Андрея Алексеевича Никитенко. Замысел проекта возник в 2008 г., активное строительство началось в 2012 г. В настоящее время Азъ Градъ – самое масштабное в Омской обл. предприятие, направленное на создание экологического поселения. Поселение не имеет выхода к водным источникам, однако на нем создана обширная сеть прудов и каналов в соответствии с учением о пермакультуре известного австрийского фермера Зеппа Хольцера. Основное предназначение и миссия поселения – преобразование окружающего пространства и создание среды гармоничного взаимодействия с природой. Идеология поселенцев строится на неотрадиционалистских ценностях возврата к родовым истокам и природе. Планы развития поселения продуцируют идеальную модель комфортного проживания и экологически бережного взаимодействия с природой: открытые участки, системы природного земледелия и канализации, свободный контакт с животными. Название экопоселения ассоциировано с известным мифом о древнем великом городе Асгарде Ирийском, якобы существовавшем на месте г. Омска в течение многих тысячелетий. Спецификой Азъ Града является образовательный туризм, регулярно проводятся семинары и школы по плотницкому, печному, кузнечному делу. Праздники приурочены к календарным датам – дням солнцестояния и равноденствия. Также ежегодно отмечается годовщина основания поселения – День города. Новая обрядность имеет ярко выраженный инвенциональный характер.

Ключевые слова: *экопоселение, Омская обл., этнографическое изучение.*

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: seleznev@myttk.ru

Field Ethnographic Study of Eco-Villages: The Case of Az Grad, Omsk Region

During the recent seven years the field ethnographic study of the Az Grad ecovillage has been carried out. It is located 30 km from the city of Omsk. Az Grad (ino-town, town, ecovillage) is basically a personal initiative of Omsk businessman Andrey A. Nikitenko. The idea of the project arose in 2008; construction began in 2012. Today, Az Grad is the greatest project of ecovillage construction in the Omsk Region. There is no access to natural water sources in the ecovillage, but an extensive network of ponds and canals has been created in accordance with the permaculture doctrine of the well-known Austrian farmer Sepp Holzer. The main purpose and mission of the ecovillage is to transform the surrounding landscape and create conditions for harmonious interaction with the environment. The ideology is based on neotraditionalistic values of conversion to nature and ancestral heritage. Ecovillage development plans generate an ideal model of comfortable living and environmentally friendly interaction with nature: open areas, natural farming and sewerage systems, free contact with animals. The ecovillage name is associated with the well-known myth about the ancient great city of Asgard Iriyskiy, which ostensibly existed on the site of Omsk for many millennia. The specifics of Az Grad are educational tourism; seminars and workshops on carpentry, furnace, blacksmithing are regularly practices. Holidays are timed to calendar dates – solstice and equinox days. The anniversary of the ecovillage foundation – the Town Day - is also celebrated annually. The new rituals have a pronounced inventive character.

Keywords: *ecovillage, Omsk region, ethnographic study.*

Семь лет назад группой исследователей было инициировано изучение экопоселений Омской обл. Специфика проекта заключалась в том, что сбор информации осуществлялся посредством применения полевой этнографической методики. Методология и обзор исследований по экопоселениям изложены в работах [Селезнев, Селезнева, 2017; 2019а]. В последнее время опубликованы работы по экопоселениям Западной Сибири, в том числе Омской и Новосибирской областей [Октябрьская, Чиркина, 2019; 2020].

По критерию идейного основания, экопоселения Омской обл. подразделятся на три вида: 1) основанные на идеологии родноверия (см.: [Aitamurto, 2016]), романтических представлениях о возврате к родовым корням, природе, «древнеславянской» религии и экологической этике (экопоселение на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на, поселение Азъ Градъ Омского р-на, экологическая община в д. Тимшиняково Тарского р-на Омской обл.); 2) анастасиевские поселения родовых поместий (ПРП), в основу которых положена идеология широко распространенного в России нового религиозного движения (НРД) «Звенящие кедры России», или «Анастасия», основанного на контенте книг Вл. Мегре (поселения Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на, Колобово (Малинкино) Муромцевского р-на, Березовка (Обережное) Горьковского р-на); 3) поселения, созданные на идейных принципах кришнаизма-вайшнавизма (экопоселение «Северная столица» рядом с с. Сосновка Азовского немецкого национального р-на и экоферма «Планета коров» (рядом с с. Усть-Заостровка Омского р-на).

Материалы настоящей работы были собраны в экопоселении Азъ Градъ, расположенном в 30 км от г. Омска. Первая наша экспедиция в поселение состоялась в 2015 г., а затем этнографические исследования стали проводиться здесь каждый год. Особо ценную информацию удалось получить во время посещения регулярных праздников, устраивавшихся в поселении. Несколько раз мы совершили выезды в Азъ Градъ и в текущем 2022 г.

Поселение (иногородок, город, экодеревня) Азъ Градъ – это в основном личная инициатива омского предпринимателя Андрея Алексеевича Никитенко (он был нашим основным информантом, все последующие цитаты, выделенные курсивом, если это специально не оговорено, представляют собой расшифровку его прямой речи). Замысел проекта возник в 2008 г., активное строительство началось в 2012 г. В настоящее время, Азъ Градъ, пожалуй, самое масштабное в Омской обл. предприятие, направленное на создание гармоничного экологического поселения. Площадь, занятая постройками – ок. 100 га, вместе с окружающими лесными угодьями площадь поселения составляет ок. 1000 га.

Поселение располагается совершенно отдельно, вне какой-либо привязки к существующим населенным пунктам. Построено большое количество жилых и общественных сооружений: гостиница, общественная кузница, общие мастерские, баня по белому, баня по-черному, углежогная яма, трапезная, храм Огня, зоопарк, музеи: сначала Топора, затем Музей Эмоциональных вещей, игровые и спортивные площадки. Запущен деревянный мост без металлических креплений, сделанный по проекту Леонардо. На праздновании 9-й годовщины образования поселения («Дне города») 5 июня 2021 г. усилиями жителей и многочисленных гостей был заложен Народный фруктовый сад. В настоящее время ведется строительство школы. При строительстве жилых и хозяйственных сооружений применены разнообразные архитектурные приемы, напр., дома выполнены в сферической и призматической формах, построена избушка на «курьих ножках» (на свайных опорах) и т.д. Использованы оригинальные строительные технологии сооружения стен и мебели из прессованной соломы (правда, поселенцы признавали, что такая технология не совсем себя оправдала в условиях суровой сибирской зимы). Применяются новые технологии кладки печей и выпечки бездрожжевого хлеба. Информационное обеспечение осуществляется через специальный сайт.

Поселение не имеет выхода к водным источникам, однако на нем создана обширная сеть прудов и каналов в соответствии с учением о пермакультуре известного австрийского фермера Зеппа Хольцера. Последний несколько раз лично посещал поселение для разработки идеологии проекта: «*…он (*Зепп Хольцер. – **А.С.**) *поставил одно условие: у тебя не менее 15 % территории должны уйти под воду, тогда я возьмусь. Все: мужик слово дал, мужик слово держит. Вот мы <…> купили экскаватор, потихонечку копаем. Я вот сейчас уже, по истечению 10 лет понимаю, что Хольцер закладывает. Эта тема пермакультура называется. На любой отдельно взятой территории он может сделать свой климат, свой оазис. Причем уход за этой территорией будет минимальным. Перманентность – это взаимодействие всего живого и неживого, чтобы они помогали друг другу, а не конфликтовали. И соответственно, я эту тему его взял и на отношения наши здесь с людьми внутри перенес*».

Основное предназначение и миссия поселения – преобразование окружающего пространства и создание среды гармоничного взаимодействия с природой: «*Если мы куда-то входим, мой принцип: не навреди. <…> Будет вырыт канал шириной порядка 100 м. Соответственно грунт, который оттуда вынется, это будет высотой с 9–12-этажный дом. Получается, территория бу-*

дет полностью находиться в кольце. Для чего это нужно? Ветер, ветер – самый главный враг почвы. Если мы загораживаемся от ветра, плюс большое количество воды, все начинает жить по-другому. <…> Мы только семь водоемов выкопали, построили. А уже климат поменялся. То с чем мы сюда пришли, и что сейчас – это небо и земля. Другие животные, другие растения, все другое. А прошлое "всего ничего", то есть природа очень быстро реагирует на все эти вещи».

Идеология поселенцев строится на неотрадиционалистских ценностях возврата к родовым истокам и природе. Сразу при въезде в поселение установлен информационный стенд с изложением миссии Азъ Града. Согласно этому документу, она «*…в том, чтобы содействовать появлению мужчин и женщин, способных сознательно создавать себя на истинной основе, одновременно создавая новый мир, в котором они выбрали жить вместе со всеми*». Азъ Градъ проявляется как пространство возможностей, школа жизни, туристический комплекс, град мастеров.

А.А. Никитенко прокомментировал свой путь к нынешнему образу жизни: «*У меня четверо детей, живу в городе, квартире, но что-то мне неудобно, тесно. Я по жизни предприниматель, занимался бизнесами <…> . Встал вопрос зачем ты вообще живешь там на земле. И начал я себя искать. <…> И тогда возник вопрос даже ни где жить, а с кем жить. Это самый главный вопрос: с кем жить. И тогда я принял решение найти землю, пустую, заброшенную и начать там что-то строить. Живу, спасибо семье, поддержала меня. Потому что первый год, у меня еще дети маленькие были, мы жили в палатке, потом баню построили, в бане три года жили, но сейчас у меня дом постоянный. Вот так и получилось. <…> Можно настроить все что угодно. А смысл, смысл в чем? Когда вы найдете ответ на вопрос этот, когда вы найдете свой путь зачем вы на эту землю пришли, вот тогда все вокруг начнет для вас работать, земля начнет моделировать, и все начнет возникать. <…> На самом деле все просто, легко, природообразно*».

Личный друг Никитенко народный артист России Александр Михайлов имеет в поселении Азъ Градъ поместье и дом и заявляет о намерении поселиться в нем на постоянной основе (рис. 1). В своем

Рис. 1. Народный артист России Александр Яковлевич Михайлов (слева) и Андрей Алексеевич Никитенко (справа) на праздновании девятой годовщины образования Азъ Града, 5 июня 2021 г. Фото А.Г. Селезнева.

выступлении на празднике Дня города в 2021 г. актер поделился воспоминаниями и рассказал о своих планах: «*10 лет назад была удивительная встреча с этим человеком, с Андреем. Это бизнесмен, и вдруг он говорит фразу: я хочу быть в гармонии с природой, я хочу посвятить свою жизнь, и чтобы дети были здоровые, духом здоровые, физически здоровые. Здесь достаточно водного пространства, можно пойти порыбачить замечательно. <…> Хочу основательно, надолго, если не навсегда поселиться здесь. Здесь какое-то такое ощущение, что ты действительно одно целое вот с этой природой и красотой.<…> Лечит вот эта красота, лечит очень сильно*».

В связи с вопросом об идейной платформе, лежащей в основе жизнедеятельности поселения, отметим существенную ошибку, которая содержится в одной из немногих сторонних научных публикаций, упоминающих Азъ Градъ. Некритично восприняв информацию, почерпнутую из интернет-источников, авторы статьи некорректно отнесли поселение Азъ Градъ в Омской обл. к числу анастасиевских (т.е. базирующихся на идеях известного НРД «Звенящие кедры России») [Октябрьская, Чиркина, 2020, с. 796]. Это тем более досадно, что на протяжении нескольких последних лет мы публиковали объективную, основанную на полевых источниках, информацию по данной теме (см., например, [Селезнев, 2015; Селезнев, Селезнева, 2019б]). Между тем, сам А.А. Никитенко весьма скептически относится к идее ПРП, лежащей в основе мировоззрения анастасиевских общин: «*…что такое родовое поместье? В моем понимании – это когда уже три-четыре рода прожили. Родовым оно станет через три-четыре поколения. <…> Как роды будут (жить) это зависит уже от тех, кто закладывает, что дальше будет продолжаться, вот тогда они будут настоящие. Родовые поместья там они будут, или усадьбы, какая разница*».

Планы развития поселения продуцируют идеальную модель комфортного проживания и экологически бережного взаимодействия с природой: «*Участки где-то в среднем около одного гектара. Не для того чтобы на нем пахать, а для того чтобы у человека была территория, чтобы соседний забор ему не маячил. Заборов нет и не будет вообще никогда. <…> Большой процент отхода жизнедеятельности, это неизбежно. Сейчас здесь у нас порядка шести систем природного земледелия. В них входит природная канализация. И сколько чистой воды мы взяли, столько чистой воды и возвращаем за счет камыша, колодцев переливных и т.д. <…> Идея какая? Чтобы животные жили на природе, свободно двигались. Ну и чтобы можно было там погулять по тропинкам, посмотреть, как они там живут. <…> Ну вот такой примерно внешний план. Ну а внутреннее содержание – это, конечно, люди. Которые захотят не просто жить, потому что жить на земле многие хотят, а именно делать и двигаться вместе*».

Название экопоселения ассоциировано с известным мифом о древнем великом городе Асгарде Ирийском, якобы существовавшем на месте г. Омска в течение многих тысячелетий. Данные представления широко распространены в родноверческой среде Омского региона. В частности, они излагаются в «Славяно-Арийских ведах», положенных в основу идеологии одного из наиболее известных и радикальных неорелигиозных объединений – Церкви православных староверов-инглингов.

Происхождение названия поселения объясняется так: «*Ну а почему Азъ Градъ? Ну, во-первых,* “*град*”*, надо было дать какое-то основание, чтобы это городок был. Второе, Аз – первая буква алфавита. По буквице Аз – это человек ведающий путь, или проявление творца на Земле, это человек-творец или мастер. Ас, например, это летчик-ас. Смысловая нагрузка очень хорошая. И еще, очень сакральная штука. По легенде, на месте города Омска была столица славянского государства Асгард Ирийский. Был он или не был – это уже вопрос каждого, но легенда есть, а легенды на пустом месте не возникают. В Индии об этом знают, в Тибете об этом знают, как про Омск узнают, да, знают про Омск. Асгард, Азъ Градъ — это созвучие*».

Активным популяризатором данного мифа является Александр Михайлов. В своих публичных выступлениях он не раз утверждал, что место слияния Ирия-Иртыша и Оми это мощный энергетический центр, что доказывается археологическими раскопками, открывшими на этом месте множество ценных артефактов. Выступая на творческой встрече в Азъ Граде, актер еще раз призвал, несмотря на свою принадлежность к православию, изучать и не забывать древнюю дохристианскую историю ариев и славян и подчеркнул, что один из центров мировой истории находится именно в Омском регионе, на берегах Ирия, Тары и Оми [Селезнев, 2021].

Спецификой Азъ Града является образовательный туризм, регулярно проводятся семинары и школы по плотницкому, печному, кузнечному делу. При поселении создана Русская Академия Знаний Умений Мастерства (РАЗУМ), в которой приглашенные учителя («профессора») учат «студентов» различным ремеслам. Изделия из металла ручной ковки пользуются большим спросом. Специалисты по кладке печей (т.н. «Кузнецовских»), столяры, плотники, которые обучаются или повы-

шают свою квалификацию на семинарах в Азъ Граде, широко востребованы на рынке труда.

С 2019 г. здесь организуют летний детский клубный лагерь «Академия мечты», где городские ребята могут пообщаться с природой, научиться мастерить своими руками, отвлечься от гаджетов. Дальнейшее развитие образовательных программ предполагает воплощение новых педагогических идей. Существуют планы: «… *учить детей, поэтому мы уже поставили (там вот увидите) здоровая из толстого кедра двухэтажная школа, школа-пансион, где дети пять дней здесь будут жить, учиться, и на субботу-воскресенье – домой. А на следующий год мы будем строить для, не люблю слово пенсионеры, а для мудрецов. Такой же пансионат, где 5 дней они могут здесь жить, для чего? Чтобы шел обмен энергиями, потому что маленькие хотят принять, а взрослые хотят отдать*». Образование предполагается строить на основе программ известных педагогов, напр., М.П. Щетинина. На их реализацию возлагаются большие надежды: «…*есть другие миры, которые мы не знаем. Когда погрузился я туда, я понял: там за год десятилетнее образование и еще за полтора года два высших. Мозг это принять не может, но я все это видел своими глазами, своими ушами. Ну кое-что я оттуда, конечно, взял. Интересные технологические процессы и отработал на своих детях, все работает. Именно по этим технологиям у нас школа и будет здесь работать*».

Праздники в Азъ Граде приурочены к календарным датам – дням солнцестояния и равноденствия (рис. 2). В организации праздничных мероприятий проявляется своеобразный мировоззренческий синкретизм. В один день может отмечаться сразу несколько событий. Например, в 2021 г. летнее солнцестояние праздновали 20 июня, совместив сразу три праздника: непосредственно солнцестояние, Троицу и Ивана Купалу. В этом же ряду стоит и празднование Крещения 19 января, которое в поселении называют также Водокрес, праздник Живой Воды. Обязательно приглашают священника из соседнего села, который проводит православный обряд освящения воды. Это единственный праздник в поселении, когда за участие взимается плата. В качестве праздничных мероприятий предлагают окунуться в прорубь, попариться в настоящей русской бане, выпить горячего «Иван-чая на святой воде», покататься с горки.

Важным моментом праздников являются эффектные огненные церемонии. В течение нескольких лет мы их наблюдали на Масленицу, на Осе-

Рис. 2. Масленица. Взятие снежного городка. Азъ Градъ, март 2022 г. Фото А.Г. Селезнева.

нинах и на Купалу. Ритуал начинался с возжигания факелов в кузнице или в специальном сооружении, именующемся *Храмом огня*. Огонь в храме горел на специальном постаменте. Затем происходило факельное шествие, которое завершалось большим костром на площади для гуляний и прыжками через стелющееся низко над землей пламя. Четко обозначается инвенциональный характер новой обрядности: «*Повторять смысла нет. Вот те же праздники народные. Восстанавливать, например, традиционные. <…> Да мы уже не восстановим. Мы их потеряли, как оно раньше было. Так давайте сами сделаем, то что мы сделаем, то и будет наше. Тут вопрос опять-таки только наших эмоциональных сердец, эмоций. Хотим праздник провести, ну давайте веселиться вместе. Ключевые события, они также взяты из Вед. Потому что солнечные праздники были всегда. Наш мир – это мир солнца, соответственно: день весеннего и осеннего равноденствия, день зимнего и летнего солнцестояния. Мы запустили эти праздники. Они сохранились в народе: Масленица, Коляда, Купала. Они были есть и будут. Тут они немножко переменены. Осенины вообще мало кто знал, что есть такой праздник. Он назывался Радогожд, где-то Новолетие в разных культурах. У кого-то это Новый год был. На праздники у нас вход свободный: это 4 солнечных праздника и пятый это день Аз Града. Первая суббота июня, когда мы скосили травку*».

День города отмечается с особым размахом. Нам удалось побывать на праздновании 9-й в 2021, и 10-й, юбилейной, годовщины Азъ Града в 2022 г. Присутствовало большое число гостей – несколько сотен человек. Люди приезжали на личных автомобилях или на автобусах. Организованно автобусами прибыли группы детей из соседних деревень. В программе праздника – хороводы, игры, концерты самодеятельных и профессиональных артистов. Вечером и ночью проводились традиционные огненные церемонии, песни у костра. Главным событием дня, конечно, становились творческие встречи с жителем Азъ Града народным артистом России Александром Михайловым. Все приведенные выше высказывания актера извлечены нами из этих встреч.

Рассредоточение городов, дезурбанизация, создание инновационных параметров сельского образа жизни – заметные тенденции социокультурного развития современной России. В этом контексте особое место занимают современные экологические движения и экопоселения. При этом с методологической точки зрения следует учитывать, что данные феномены не могут быть адекватно описаны в рамках зонтичных концептов *лайф-стайл* миграций или *секонд хоум* туризма, широко обсуждаемых в социологической литературе [Cretton, 2018; Hall, 2014]. В изучаемых нами случаях основной упор делается не на банальные рекреационные функции или изменение стиля жизни, а на идейные основания социальных трансформаций. Основанная на идеологии возврата к природе практика создания экопоселений может выступать в качестве альтернативной стратегии смягчения текущих социальных потрясений.

Список литературы

Октябрьская И.В., Чиркина Е.М. Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 726–730.

Октябрьская И.В., Чиркина Е.М. Анастасиевцы Западной Сибири: этнодемографическая и социальная характеристика // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 795–799.

Селезнев А.Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 553–557.

Селезнев А.Г. Миф, растянувшийся на века: древний великий город Сибири в средневековом сказании и современной идеологии родноверия // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2021. – Т. 8, № 4 (32). – С. 163–173.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. «Жить по совести и в ладу с природой»: новые экологические поселения в современном социокультурном пространстве (Западная Сибирь, Омская область) // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2017. – № 4 (16). – С. 264–274.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Современные экологические движения: идеологическая основа, принципы классификации, исследовательские подходы (по материалам Омской области) // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2019а. – № 4 (24). – С. 240– 250.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Идейные и ландшафтные основы организации экопоселений (по материалам полевых этнографических работ в Омской области в 2019 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019б. – Т. 25. – С. 736–743.

Aitamurto Kaarina. Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian Rodnoverie. – N.Y.; L.: Routledge, 2016. – 222 p.

Cretton Viviane. In search of a better world in the Swiss Alps. Lifestyle migration, quality of life, gentrification // Utopia and Neoliberalism: Ethnographies of Rural Spaces. – Berlin: Lit–Verlag, 2018. – P. 105–125.

Hall Colin M. Second Home Tourism: An International Review // Tourism Rev. Intern. – 2014. – Vol. 18, N 3. – P. 115–135.

References

Aitamurto Kaarina. Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian Rodnoverie, New York; London: Routledge, 2016. 222 p.

Cretton Viviane. In search of a better world in the Swiss Alps. Lifestyle migration, quality of life, gentrification. *Utopia and Neoliberalism: Ethnographies of Rural Spaces*, Berlin: Lit-Verlag, 2018. P. 105–125.

Hall Colin M. Second Home Tourism: An International Review. *Tourism Rev. Intern.*, 2014. Vol. 18. N 3. P. 115–135.

Oktyabrskaya I.V., Chirkina E.M. The Anastasians of Novosibirsk Region: Culture of the Settlement. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 726–730. (In Russ.).

Oktyabrskaya I.V., Chirkina E.M. The Ethnodemographic and Social Characteristics of the Anastasians of Western Siberia. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 795–799. (In Russ.).

Seleznev A.G. City People out the City: Ethnographic Study of The New Ecovillages at the Territory of Omsk Region (2015 expedition campaign). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 26. P. 553–557. (in Russ.).

Seleznev A.G. A Myth Lasting for Centuries: The Ancient Great Siberian City in the Medieval Story and in the Modern Rodnoverie Ideology. *Herald of Omsk Univ. Ser.: Historical Studies*, 2021. Vol. 8. N 4 (32). P. 163–173. (In Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. "To Live According to Conscience and in Harmony with Nature": New Ecovillages in The Modern Socio-Cultural Space (Western Siberia, Omsk Region). *Herald of Omsk Univ.. Ser. Historical Studies*, 2017. N 4 (16). P. 264–274. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Modern Ecological Movements: Ideological Basis, Principles of Classification, Research Approaches (Based on Materials from the Omsk Region). *Herald of Omsk University. Ser. Historical Studies*, 2019a. N 4 (24). P. 240–250. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Ideological and Landscape-Oriented Roots of Organizing Ecovillages (Ethnographic Field Evidence of 2019 from Omsk Region). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019b. Vol. 26. P. 736–743. (In Russ.).

Селезнев А.Г. https://orcid.org/0000-0001-6096-7190

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0940-0946
УДК 39(=521.145)

М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: marinat24@mail.ru

Традиции и новации в системе жизнеобеспечения и духовной культуре татар в зоне межэтнического и этнокультурного взаимодействия

Статья написана на основе сборов полевых материалов летом 2022 г. в с. Качуково и д. Усть-Тамак Знаменского р-на Омской обл. В качестве сравнительных материалов были использованы сведения, собранные в этих поселениях в 2002 г. Проведен анализ изменений за двадцать лет: в хозяйственных занятиях, направленных на производство продуктов питания, в пище. Также описаны локальные особенности и трансформации на примере национальной кухни. В работе рассмотрены примеры этнокультурных связей татар, русских и белорусов. В заключении сделаны следующие выводы: 1) в настоящее время этот куст представляет собой микрогруппу и своеобразный анклав среди не татарского, в основном, славянского населения; 2) происходит сокращение личного подсобного хозяйства (животноводства и огородничества), уменьшение значения рыболовства; 3) в повседневных и обрядовых блюдах сохраняется костяк из традиционных технологий и блюд. Сохраняется набор обрядовых блюд, который был здесь зафиксирован в 2002 г. Происходит увеличение доли покупных продуктов питания, снижение роли домашних молочных продуктов, уменьшение количества потребляемой рыбы, консервированных овощей, уменьшение использования баранины для обрядовых блюд, что являются примерами трансформации с момента первого обследования; 4) спецификой микрогруппы являются межбрачные связи и этнокультурные контакты со славянским населением, проживающим в этих поселениях, в результате которых у татар сформировались новые обычаи и привычки (празднование Пасхи, участие в обрядах погребального и поминального цикла и др.).

Ключевые слова: *татары, микрогруппа, взаимодействие культур, славянское население, изменения, традиции, Омская область, XX в.*

M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: marinat24@mail.ru

Traditions and Innovations in the Life Support System and Spiritual Culture of the Tatars in the Zone of Interethnic and Ethnocultural Interaction

The article presents the field materials of the 2022 summer ethnographic works in the Kachukovo and the Ust-Tamak villages in the Znamensky District, Omsk Region. Information collected in these villages in 2002 was used as comparative materials. The changes over twenty years have been analyzed: in economic activities aimed at food production and in rations. Local features and transformations are also described on the example of national cuisine. The paper considers examples of ethno-cultural ties between Tatars, Russians and Belarusians. The following conclusions were made: 1) at present, the population of these villages is a microgroup and a kind of enclave among the non-Tatar, mainly Slavic population; 2) there is a reduction in personal subsidiary farming (animal husbandry and gardening), a decrease in the importance of fishing; 3) in everyday and ceremonial dishes, the backbone of traditional technologies and dishes is preserved. The set of ritual dishes recorded in 2002 survives. There is an increase in the share of purchased food, a decrease in the role of homemade dairy products, a decrease in the amount of fish consumed, canned vegetables, a decrease in the use of lamb for ritual dishes; all these are examples of transformation since the first survey; 4) The specificity of the

microgroup is the intermarital relations and ethno-cultural contacts with the Slavic residents of these villages, as a result of which new customs and habits were formed among the Tatars (celebration of the Easter holiday, participation in the rites of the funeral and memorial cycle, and others).

Keywords: *Tatars, microgroup, interaction of cultures, Slavic population, changes, traditions, Omsk region, 20th century.*

На правобережье Иртыша в междуречье его притоков Уя и Шиша издавна проживало тюркоязычное население. Сведения о его поселениях (Качуцкие юрты, Усть-Тамацкие и др.) встречаются в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. [Корусенко, 2010, с. 126]. В первой половине XX в. важнейшим событием для татар в междуречье Уя и Шиша было расселение в их поселениях славянского населения. Коренные жители и новопоселенцы стали вступать в межбрачные связи, поэтому в населенных пунктах Качуковского сельского поселении сформировался довольно высокий процент выходцев из смешанных семей (согласно генеалогическим данным, собранным и проанализированным участниками этнографической экспедиции 2002 г. – 23,7 %) [Корусенко, 2010, с. 128; Сибирские татары].

Летом 2022 г. были собраны материалы в двух поселениях этой локальной группы – в с. Качуково, где прописано, по информации из сельской администрации, 437 чел.* и в д. Усть-Тамак, где официально числится 147 чел. Почти прекратило свое существование еще одно старое татарское поселение – д. Малая Кова, в которой прописано 39 чел. (но реально люди живут в 1-м – 3-х дворах) (Тихомирова, П. О. Т-126, л. 24 об.).

Отметим, еще два фактора, играющие важную роль в функционировании данного куста поселений в первые два десятилетия XXI в.: во-первых, существуют сложности в их коммуникации с внешним миром из-за отсутствия устойчивого транспортного сообщения. В этом месте нет моста через р. Иртыш. В теплое время года работает паромная переправа. Также здесь нет хорошего автобусного сообщения. Во-вторых, все окружающие их поселения на правобережье Иртыша не являются татарскими. Поэтому этот куст представляет собой подобие анклава, в котором произошел симбиоз двух разных миров: тюркского и славянского, коренного населения и поздних переселенцев, мусульманского и православного.

Впервые сборы этнографической информации проводились здесь в 2002 г. экспедицией ОмГУ и Омского филиала ОИИФФ СО РАН, возглавляемой С.Н. Корусенко и М.А. Корусенко. Были собраны обширные материалы по этнической истории, культуре татар (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 158-1–158-9). Некоторые итоги исследования были опубликованы в сети Интернет [Сибирские татары]. Результаты изучения этнической истории данного населения проанализировала С.Н. Корусенко в ряде статей [2010; и др.]. Хозяйственным занятиям жителей посвящены работы И.Я. Требтау [2002] (Требтау И.Я. Основные хозяйственные занятия тарских татар в конце XX – начале XXI вв.: Вып. квалиф. работа. – Омск, 2004. – 126 л. // МАЭ ОмГУ. Научный архив. Ф. XIII. № 244). Автор данной публикации была участницей экспедиции 2002 г., и некоторые сведения по системе питания нами были опубликованы (см. напр.: [Тихомирова, 2006]). Летом 2022 г. мы провели повторные сборы материалов по системе питания, а также хозяйству, материальной и духовной культуре.

Цель этой статьи заключается в том, чтобы рассмотреть изменения в системе питания за последние двадцать лет и специфические элементы в пище и других сферах культуры (локальные черты, примеры межэтнических и этнокультурных связей татар, русских и белорусов).

Общая характеристика хозяйственных занятий, производящих продукты питания, видов пищи и повседневных блюд

В настоящее время у данного населения прослеживается несколько общих для всех западносибирских татар тенденций в хозяйстве и питании: снижение доли продуктов, производимых в домашних условиях, увеличение доли покупных продуктов питания. Следовательно, здесь так же, как и в других местах, сокращается значение личного подсобного хозяйства (животноводства, огородничества) для производства продуктов питания. Присваивающие отрасли хозяйства, такие как рыболовство и собирательство дикоросов, для питания носят вспомогательный характер. Также наблюдается снижение сезонного фактора в питании из-за увеличения доли покупных продуктов. Все это обусловлено экономическими улучшениями быта, которое происходило до недавнего времени, по сравнению с 1990-ми – началом 2000-х гг. Теперь рассмотрим подробнее перечисленные тенденции.

В обследованных поселениях, как и повсеместно у татар Омской обл., прослеживается тенденция на сокращение количества коров молочных пород,

*Во всех перечисленных поселениях на настоящий момент проживает меньше людей.

что связано со старением жителей, большими финансовыми затратами на содержание животных. По данным статистических отчетов администрации Качуковского сельского поселения, в 2008 г. здесь было ориентировочно* 140 голов коров, в 2009 г. – 160. Согласно документам, снижение произошло в 2015 г. Если в 2014 г. было 190 голов, то в 2015 г. – 85, а в 2022 г. – 64. Часть населения покупают продукты молочной промышленности в магазинах. Часть жителей приобретают молоко, сметану, масло у соседей, которые держат коров (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 3, 24).

В отличие от жителей сел и деревень, проживающих вблизи районных центров Омской обл.: Тевриз, Знаменское, Тара, Большеречье, большинство владельцев молочных коров с. Качуково и д. Усть-Тамак не возят свою продукцию на продажу в районный центр, хотя они расположены недалеко (ок. 10 км), так как мешает естественная преграда – р. Иртыш. Затраты на паромную переправу и на время поездки не способствует выгодности продажи молочных продуктов. Единственный продукт, который выгодно реализовывать жителям – это коровье масло, так как его стоимость постоянно возрастает. Летом 2022 г. в с. Качуково оно продавалось от 600 до 800 руб. Как отметила наш респондент из с. Качуково, в этом году у нее спрос на домашнее сливочное масло был настолько велик, что оно не успевало накапливаться (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 32).

В семьях жителей с. Качуково и д. Усть-Тамак, содержащих коров, уменьшается количество потребляемой молочной пищи и изменяется видовой состав производимых продуктов. В основном употребляют молоко, сметану, творог, масло. В марте-апреле, когда корова начинает доиться, еще готовят *катык* (кисломолочный продукт типа варенца, получаемый путем сквашивания предварительно нагретого цельного молока), но, по словам женщин, он быстро надоедает, и летом его не готовят. Здесь его употребляют без добавления других продуктов. Также весной изредка могут сделать домашний сыр из творога, яиц, маргарина и соды (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 3–3 об.). Судя по опросам, здесь перестали готовить лепешки из молозива (*овызлык*). Их стряпали двадцать лет назад [Тихомирова, 2006, с. 32].

Жители обследованных поселений выращивают крупный рогатый скот для личного употребления. В с. Качуково для продажи держат от 40 до 60 голов лошадей (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 31). В этом селе мало держат мелкого рогатого скота, хотя овцы необходимы для обрядовых трапез. Теперь их покупают у нескольких семей в д. Усть-Тамак или в поселениях, расположенных на левобережье Иртыша. В настоящее время в с. Качуково всего две семьи держат свиней. К сожалению, не удалось уточнить татарские или русские это семьи. Двадцать лет назад жители этих деревень свиней разводили в разы больше. Сейчас их перестали держать из-за дорогих кормов (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 42; Т-125, л. 13 об.; 126-1, л. 1 об., 24). Отметим, что в обследованных поселениях сохраняется знание о том, что резчику крупного рогатого скота нужно давать кусок шеи, однако, как мы поняли, эта традиция не воспроизводится, так как часто режет хозяин дома (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 32 об.; Т-125, л. 17 об.).

Из интересных особенностей отметим, что здесь сохраняется использование в пищу субпродуктов так называемой «второй категории» – желудок, кишки. В части поселений на севере Омской обл. их перестали обрабатывать и употреблять в пищу. Здесь желудок и кишки пережаривают и добавляют картофель (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 17 об. – 18). Местной спецификой можно считать приготовление сложносоставного блюда *бишбармак* из жирного мяса (конина, гусь, утка), теста, лука, иногда картофеля (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 5). Его также готовили в начале 2000-х гг. (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 158-7, к. 729–730). Также нужно отметить, что в настоящее время меньше жителей делают сыровяленую конскую колбасу в сравнении с началом 2000-х гг. (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 30), что можно объяснить тем, что здесь традиция ее изготовления была не настолько распространена в сравнении с поселениями на юге – в Большереченском р-не Омской обл. (Яланкуль, Уленкуль, Кошкуль, Куйгалы), где коневодство до сих пор является важной отраслью хозяйства.

Блюда, приготовляемые из злаковых, овощей, наряду с мясной пищей, являются основой питания татар данных поселений. В начале 2000-х гг. многие женщины пекли собственный хлеб (*икмак*) из покупной муки (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 158-7, к. 732–734, 741–742, 756–757). В домах были русские печи. За двадцать лет материальное обеспечение стало лучше. Теперь нет необходимости самим печь хлеб, и печи с духовой камерой убираются. Это, кстати, тоже общая тенденция, которая прослеживается во всех поселениях западносибирских татар. В с. Качуково уже несколько лет работает пекарня. Она снабжает жителей, школу, детский садик хлебом

*Мы использовали общие данные по количеству голов коров у всех жителей сельского поселения, так как для иллюстрации падения молочного животноводства этническая принадлежность не играет роли. К тому же численность русских и других национальностей скорее невелика. В 2002 г. их было около 20 % [Сибирские татары]. В данное сельское поселение входят изначально татарские населенные пункты: с. Качуково, деревни Усть-Тамак, М. Кова, а также не татарская д. Максим Горький.

и хлебобулочными изделиями. Сейчас хлеб и другие изделия в печи хозяйки пекут по желанию.

Татары помнят, а в некоторых семьях готовят традиционные сложносоставные блюда, например, затируху (*умач*) на мясо-костном бульоне, либо на молоке, изделия из теста с начинкой типа пирожков (*кыстыбый, очпочмак* и др.). Правда, способ изготовления *кыстыбыя* здесь изменен и упрощен. Сейчас сочень раскатывается и на него кладется пюре, формируется пирожок, который обжаривается в масле. А в послевоенные десятилетия XX в. его готовили следующим способом: сочень выпекался на железной печи и только потом он начинялся пюре (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 39 об.).

Зимой татары готовят *бәлеш* – закрытый пирог с жирным мясом (из утятины, гусятины, конины) и картофелем/рисом. Интересно, что некоторые жители его могут называть *иштяк бәлеш*, то есть здесь слово «иштяк» используется не только для обозначения этноса (устаревшее название народа ханты), но и пирога, что означает «бестолковый», так как в начинке перемешаны разные продукты. Любопытно, что в начинке, вместо картофеля или риса, некоторые хозяйки используют покупную дробленую пшеничную крупу, морковь. Этот пирог женщины могут готовить для повседневного питания и на праздничные мероприятия (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 45 об. – 47; Т-125, л. 3 об.; Т-126, л. 3). Также отметим, что в этих поселениях татары помнят и вроде бы соблюдают обычай, согласно которому хлеб и выпечку дают собаке (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 11). Это считается *хайер* – в исламе это все (вещь, поступок, еда и др.), чем мусульманин добровольно жертвует во имя Бога.

В огородничестве здесь также, как и везде в Омской обл., наблюдается сокращение площадей выращиваемых овощей. Хотя в начале 2000-х гг., согласно полевым сборам И.Я. Требтау, главной овощной культурой в поселениях татар был картофель (Требтау И.Я. Основные хозяйственные занятия тарских татар в конце XX – начале XXI вв. : Вып. квалиф. работа. – Омск, 2004 // МАЭ ОмГУ. Научный архив. Ф. XIII. № 244. л. 38). Сейчас в большинстве семей меньше заготавливают овощей впрок. Женщины стали меньше консервировать домашних салатов, овощи маринуют в таре меньшего объема. Это объясняется тем, что размеры семей стали небольшими (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 10). Кроме того, у жителей появилась возможность покупать овощи зимой в сетевых магазинах.

Обследованные поселения расположены вблизи рек и озер, поэтому раньше рыбная пища здесь занимала важное место в питании. Информаторы рассказывают, что в послевоенные годы XX в. было различие в видовом составе употребляемой рыбы между с. Качуково и д. Усть-Тамак. Д. Усть-Тамак расположена ближе к р. Иртыш, где находятся две зимовальные ямы, поэтому жители раньше стали использовать в пищу стерлядь. Но в последние годы добыча стерляди сильно уменьшилась из-за высоких штрафов и контроля рыбнадзора. В настоящее время количество потребляемой рыбы сокращается из-за разнообразия покупной пищи. Ее первичной обработкой нередко занимаются сами рыбаки: делят на группы (на заготовку или употребить рыбу в пищу в ближайшее время), чистят, заготовляют впрок. Женщины готовят рыбные блюда. В этих поселениях сохраняется традиция раздавать рыбу соседям, однако, опрошенные респонденты не считаются это *хаейром*. Интересно, что за рыбу одариваемый может что-то дать, чтобы даритель не уходил с пустыми руками (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 30). Здесь так же, как двадцать лет назад, используют сметану для улучшения вкуса рыбы (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 35 об., 47 об.). Жители любят томленую со сметаной мелкую щуку, называемую *сметаница*. Карасей здесь тоже томят и для вкуса добавляют сметану или майонез.

Уху (*балык шулпасы*) варят с луком в сковороде. Могут добавить икры с яйцом. Рыбу также готовят способом обжаривания, предварительно обмакнув в муку или кляр. Если рыба крупная, от 1 кг, то удаляют голову, позвоночник. Здесь, как и двадцать лет назад готовят рыбные котлеты из больших щук (МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 158-7, к. 769–770). Филе перекручивается и добавляется один батон, размоченный в молоке (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 5 об.). Впрок рыбу сушат или консервируют в банках в автоклаве (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 35–36).

Традиции и новации в обрядовых блюдах и трапезах, а также при проведении обрядов и праздников

У татар обследованных населенных пунктах есть набор блюд, которые постоянно готовят на обрядовые трапезы. Из горячих блюд подают суп с домашней лапшой на мясо-костном бульоне без картофеля. При этом, по словам одного из респондентов, хозяйки стараются резать лапшу тонко, так как она оценивается бабушками во время трапезы. Еще, как правило, делается плов из мяса, моркови, лука и риса. Причем отметим, что суп и плов были также главными обрядовыми блюдами двадцать лет назад (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 24–25 об.; Т-11, л. 2 об.; Т-124, л. 11; Т-125, л. 13 об.).

Для татарского обрядового стола характерной чертой является обилие традиционных изделий из

теста. В с. Качуково и д. Усть-Тамак – это *баурсаки* (*яйма* или *урама* или *урама баурсак*) – типа хвороста (виде полосок теста, свернутых кольцами), *пәрәмечи* (полуоткрытые круглые изделия из теста с начинкой из фарша), открытые пироги со сладкой начинкой (например, из повидла или брусники), покрытые сверху жгутами теста как решеткой, пирожки, блины (*коймак*) (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 40–43 об., респондент – З.С. Мотовилова, 1959 г.р., с. Качуково; Т-125, л. 4 об., 11).

Любопытный момент, что здесь на все обрядовые трапезы готовят блины. Сейчас блины сворачивают трубочкой и поливают топленым сливочным маслом. Отметим, что их так же готовили двадцать лет назад. А раньше, вместо блинов, стряпали оладьи на опаре (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 25 об., 40; Т-11, л. 4; Т-124, л. 42; Т-125, л. 4, 39).

При устройстве обрядовых трапез наблюдаются элементы трансформации. К примеру, в момент чтения молитвы пищу на столе, как правило, закрывали тканью, но сейчас этот обычай нарушается (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 39). На поминки полагается пустить кровь, поэтому режется мелкий рогатый скот, но, как мы писали, сейчас мало держат баранов, поэтому в зависимости от состоятельности для приготовления горячих блюд могут купить халяльную курицу в магазине, либо заколоть домашнюю курицу. Хотя считается, что домашнюю курицу нельзя резать на поминки, так как у нее есть клюв и когти. Она будет клевать и царапать умершего [Тихомирова, 2006, с. 142–143]. Для обрядового стола сейчас также готовят нетрадиционные горячие блюда (капусту с мясом, филе рыбы (напр., судака), тефтели, голубцы, доламу из мяса, картофеля, капусты, моркови, уложенных послойно), покупают готовые кондитерские изделия и овощи, фрукты. Это объясняется, тем что стараются угостить как можно лучше: *«Сейчас бабушек фруктами не купишь. Чернику сами поедят. Они любят пироги с абрикосами. Арбузы алтайские, мед, сухофрукты на столе»* (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 11).

Раньше, в 2002 г., здесь в качестве *гүр садака* отдавали курицу (Тихомирова, П. О. Р/Т-9, л. 24 об., 40), сейчас – деньги. Жительница с. Качукова Ф.Х. Аппасова, 1961 г.р. с детства знала, что курицу желательно было давать черного цвета. Давали именно эту птицу, т.к. она гребет лапами назад. Таким образом пытались добиться, чтобы не было еще покойников (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 12). С.З. Мидигулова, 1949 г.р. и З.С. Мотовилова, 1959 г.р. вспоминали, что курице мыли лапки, клюв и отдавали человеку, который первый начинал копать могилу, либо мулле, либо обмывальщику (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 41; Т-126, л. 4, 24).

На праздники и свадьбы татары с. Качуково и д. Усть-Тамак готовили чак-чак лапшеобразной формы. Сейчас его могут заливать не сиропом из меда, а сгущенным молоком (Тихомирова, П. О. Т-126, л. 20). Его любят дети, поэтому теперь мамы и бабушки его стряпают еще и для повседневного стола.

В обследованных населенных пунктах наблюдаются черты, чаще всего встречаемые в свадебном обряде у татар Тевризского р-на Омской обл. К примеру, когда невесту перевозили в дом жениха, ее ставили на подушку. Мать жениха кормила молодую маслом и медом (Тихомирова, П. О. Т-126, л. 2) [Тихомирова, 2006, с. 134].

В настоящее время немногие жители с. Качукова и д. Усть-Томак отмечают мусульманские религиозные праздники. Например, здесь нет такого ажиотажа и большой подготовки к Курбан-байраму, как мы наблюдали в д. Байбы Тевризского р-на Омской обл. летом 2022 г. В какой-то степени это связано с тем, что мулла находится в районном центре – с. Знаменское на другом берегу Иртыша. По нашим наблюдениям, активный мулла может способствовать приобщению жителей к религиозным традициям. В этих поселениях построены мечети, но в них ходит мало народу (Тихомирова, Т-125, л. 12 об.). Летом 2022 г. на праздник Курбан-байрам мечеть в с. Качуково посетило ок. 10–12 чел., в большинстве женщины. Они в складчину купили барана и отмечали праздник в мечети. По рассказам жителей, в этом году, вроде бы, никто из жителей индивидуально барана не резал на Курбан-байрам и гостей на угощение не звал. Но все же, к религиозным праздникам (Курбан-байраму, Уразе-байраму) немолодые женщины готовятся – пекут перечисленные выше традиционные изделия из теста, если есть мясо, то могут приготовить шурпу и плов. Религиозные праздники здесь отмечаются больше в кругу семьи (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 37–37 об.).

Еще из локальных особенностей укажем, что жители не помнят, чтобы раньше в засуху читали молитву, делали жертвоприношение или варили кашу. В период засухи здесь только обливались водой (*янгыр явсын/янгыр яусы*) (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 29 об. 46; Т-126, л. 4).

Примеры межэтнических и этнокультурных связей татар, русских и белорусов

Как мы писали, особенностью этнического развития этого населения в XX в. было то, что здесь были браки между татарами и белорусами, русскими. Поэтому были тесные межкультурные контак-

ты и элементы взаимовлияний. Проиллюстрируем данное утверждение примером из жизни нашего информатора С.З. Мидигуловой, 1949 г.р.: *«Старшая сестра была замужем за белорусом, но он был как татарин. Понимал, говорил на татарском. Он был выходцем то ли с Витебской области. А вот его сестра Марфа Ивановна* (она была золовкой старшей сестры информатора – **Авт.**) *говорила, что ей тяжело говорить по-русски».* То есть ей проще было разговаривать на татарском языке. *«Мальчики со мной росли, они все разговаривали по-татарски. А сейчас все поменялось. Татары говорят по-русски»* (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 36 об. – 37).

Как мы выше писали, татары в смешанных и татарских семьях ранее держали свиней. Сейчас также покупают сало, если мужчины работают на Севере, т.к. это хорошо сохраняющийся продукт, когда человек едет в дороге, и дешевый, питательный, когда человек много работает на вахте.

По словам информаторов, в послевоенные десятилетия татары свиней не держали. Потом молодые татары стали разводить свиней. Это не одобряли старшие родственники. Одна из наших респондентов Ф.Х. Аппасова, 1961 г.р. поделилась своими воспоминаниями: *«…. мама и дядька мужа ругались:* "*Чай пить не будем у вас*". *У нас была отдельная посуда для свинины. <…> Старые люди ругались на свиней, которые паслись по деревне»* (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 13). В настоящее время здесь тоже есть пожилые люди, которые придерживаются старых традиций и порядков. Эти бабушки не употребляют свинину и не позволяют ее хранить в своих холодильниках (Тихомирова, П. О. Т-126, л. 24).

Мы наблюдали, что в смешанных татарско-русских семьях, когда жена русская, она владеет знаниями и навыками татарской кухни. Случаются интересные случаи в ходе узнавания этими женщинами татарских обычаев. Одна из русских жительниц с. Качуково рассказала нам случай, когда ее мужа не было дома, она попросила пожилого соседа зарубить курицу и принесла топор, чтобы он отрубил ей голову. Сосед посмотрел с удивление и сказал: *«Зачем мучать птицу? Неси нож».* Татары режут, а не рубят голову животным и птице, как это делают русские (Тихомирова, П. О. Т-126, л. 25).

Одним из ярчайших проявлений взаимовлияния двух разных культур является отмечание татарами праздника Пасхи. С.З. Мидигулова, 1949 г.р. вспоминает, что татары Пасху отмечали в смешанных семьях в послевоенные годы. *«Я с племянницей ходила к сестре и Марфе Ивановне* (золовка сестры информатора. – **Авт.**)*».* (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 37–37 об.). Сейчас на Пасху татары красят только яйца, может быть кто-то еще стряпает пасхальные куличи, но о таких нам не рассказывали. Большинство жителей их покупают в магазине. Их пекут в сельской пекарне, кстати, ее владелица – татарка. В отличие от русских, татары на Пасху не собираются, не отмечают праздничной трапезой (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 10). Обязательным атрибутом Пасхи являются пасхальные хождения детей с поздравлениями. Ходят поздравлять все дети, как русские, так и татары, как мальчики, так и девочки. Обычно ходят младшие школьники, но могут и старшие – до 7-го класса. Интересно, что в этих поселениях есть примета, что год будет хорошим и плодородным, если первым поздравлять заходит мальчик или мужчина. Иногда учителя напоминают о данной примете детям и советуют заходить первому мальчику. Эта примета относится не только к Пасхе, но и к Новому году (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 38). Пасхальные хождения происходят рано утром. Те жители, кто отмечает Пасху, заранее готовят пасхальные кулечки. В них складывают яйца, конфеты, печенье. Когда дети заходят в татарские семьи, они все равно могут сказать: «Христос воскрес!». Однако известны редкие случаи, когда татары могут попросить поздравить иначе – просто поприветствовать хозяев, так как они мусульмане (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 10; Т-125, л. 14 об., 29 об., 37 об.).

Жительница д. Усть-Тамак М.К. Фаткулина, 1947 г.р. сообщила, что раньше была еще одна примета на Пасху. Хозяйке нужно было, пока солнце не встанет, выйти во двор и в подоле одежды принести сколько влезет щепок. Это делалось для того, чтобы у хозяев велась птица (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 29 об.). А жительница с. Качукова Ф.Х. Аппасова, 1961 г.р. рассказала, что тетка мужа советовала на Пасху, пока никто не зашел в гости, занести и сжечь 4–5 полешек осиновых дров: *«Как труба вытягивают ноги* "*тяжелые*"*, болезни. Люди говорят:* "*Вот на Пасху зашел кто-то и весь год хозяин проболел*"*»* (Тихомирова, П. О. Т-125, л. 14).

В Вербное воскресенье татары, как и русские, рвали веточки вербы (7 штук или другое количество). Их ставили дома, еще помещали в сарае над входом, где держали скот. Когда первый раз животных выгоняли на пастбище, то их подгоняли этими ветками вербы. Сейчас некоторые жители обоих поселений соблюдают эту традицию. Раньше, еще 2002 г., когда выгоняли первый раз скотину на пастбище, пастуху давали яйцо. Теперь дают деньгами (Тихомирова, П. О. Т-124, л. 32). Это был довольно распространенный обычай у западносибирских татар [Тихомирова, 2006, с. 145].

В смешанных семьях татары и русские принимают участие в обрядах, связанных с погребением и поминовением родственников, хотя принадлежат

разным религиям; также хоронят на своих кладбищах – татарских и русских. Однако, в копке могилы, проводах умершего, поминовении участвуют все, несмотря на этническую принадлежность и вероисповедание (Тихомирова, П. О.Т-124, л. 9; Т-125, л. 46). Интересно, что татары в смешанных семьях ухаживают за могилами родственников на русском кладбище. При этом, если это женщина, на татарское кладбище она не ходит, соблюдая обычаи своего народа. К примеру, семья бабушки по материнской линии жительницы с. Качуково М.А. Айткуловой, 1960 г.р. были белорусы из окрестностей г. Минска. Она рассказала нам, что с внуками ходит на Троицу на русское кладбище, где похоронены ее белорусские родственники. Она смотрит за семью могилами, потому что других родственников нет. Примечательно, что ее «*дядюшки»,* которые считают себя татарами по фамилии Муртазины (являются выходцами из смешанных семей. – **Авт.**), накануне праздника ходят на русское кладбище и чистят эти могилы.

Итак, мы рассмотрели некоторые аспекты хозяйства и культуры татар, проживающих на территории Знаменского р-на Омской обл. в поселениях с. Качуково и д. Усть-Тамак. Фактически сейчас этот куст представляет собой микрогруппу на правобережье Иртыша в междуречье Уя и Шиша и своеобразный анклав среди не татарского, в основном, славянского населения. В хозяйственных занятиях, направленных на производство продуктов питания, мы наблюдаем общие с другими поселениями татар тенденции (сокращение личного подсобного хозяйства; уменьшение значения присваивающих отраслей, увеличение доли покупных продуктов питания). Вкратце рассмотрев повседневные и обрядовые блюда, и сравнив с материалами 2002 г., мы видим, что сохраняется костяк бытовавших в то время технологий и блюд (*шурпа*, плов, томление рыбы в сметане, варка ухи в сковороде, изделия типа хвороста, *пәрәмечи, бәлеш* и др.). Сильные изменения коснулись молочных продуктов. Их роль в питании снизилась. Меньше стали употреблять рыбы, дичи, добываемой на охоте. Спецификой данной микрогруппы является межэтническое и этнокультурное взаимодействие со славянским населением (она рассмотрена на примере праздника Пасхи, участия в обрядах погребального и поминального цикла и др.).

Список литературы

Корусенко С.Н. Граница между группами: этническая история населения микрорегиона // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Казань, 2010. – Ч. 1. – С. 126–129.

Сибирские татары. Результаты экспедиций 2002 г. Знаменский отряд. Научные результаты // Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета [Электронный ресурс]. – URL: http://ethnography.omsu.ru/page.php?id=808 (дата обращения: 21.09.2022).

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск: Наука, 2006. – 232 с.

Требтау И.Я. Хозяйственные занятия населения с. Качуково Омской области (по материалам экспедиции 2002 г.) // Диалог культур и цивилизаций: тез. IV науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. – Тобольск, 2002. – С. 49–51.

References

Korusenko S.N. Granica mezhdu gruppami: etnicheskaya istoriya naseleniya mikroregiona. In *Integraciya arheologicheskih i etnograficheskih issledovanij*. Kazan’, 2010. Vol. 1. P. 126–129. (In Russ.).

Sibirskie tatary. Rezul’taty ekspedicij 2002 g. Znamenskij otryad. Nauchnye rezul’taty. In *Kafedra etnografii i muzeevedeniya Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. URL: http://ethnography.omsu.ru/page.php?id=808 (Accessed: 21.09.2022). (In Russ.).

Tihomirova M.N. Kul’tura pitaniya tatar Srednego Priirtysh’ya: problemy formirovaniya i etnokul’turnyh svyazej. Omsk: Nauka, 2006. 232 p. (In Russ.).

Trebtau I.Ya. Hozyajstvennye zanyatiya naseleniya s. Kachukovo Omskoj oblasti (po materialam ekspedicii 2002 g.). In *Dialog kul’tur i civilizacij*. Tobol’sk, 2002. P. 49–51. (In Russ.).

Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0947-0954
УДК 39 + 392.5, 398.3

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

Особенности этнокультурной памяти и свадебной обрядности русских «пензяков» в Барабинской лесостепи

В статье рассматриваются вопросы этнокультурной идентичности и самобытной культуры селян – потомков переселенцев конца XIX – начала XX в. из д. Ночка Пензенской губернии (сейчас это Никольский р-н Пензенской обл.). Название пензенского села продублировалось и на новых землях в Барабинской лесостепи (Венгеровского р-на Новосибирской обл.) с целью не только сохранить память о малой родине, но и передать эту память своим потомкам. В данной конкретной ситуации этнограф имел возможность беседовать не только с представителями третьего-четвертого поколений людей, рожденных в Сибири, т.е. имеющих право называться сибиряками, но и с привезенными в Сибирь в детстве. В основу статьи легли материалы Восточнославянской этнографической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, работы проводились в Барабинской лесостепи в 1993–1996, 2015, 2018 г., в Пензенской области в 2022 г. (рук. экспедиции – автор). Пензенский край всегда был обособленной территорией России, длительное время мало заселенной, весьма опасной для жизни из-за частых набегов кочевников. Это послужило причиной уникального сохранения многих элементов традиционной культуры и на территории Среднего Поволжья, и, впоследствии, в Барабинской лесостепи, что в данной работе раскрывается на материалах обрядов жизненного цикла, в частности, свадебного. В ходе анализа свадебных обрядов, обрядового фольклора обнаруживается близкое сходство с северно-среднерусскими традициями, что свидетельствует о переселенцах как носителях этих черт русской культуры. Свою этнокультурную идентичность «пензяки», как называли переселенцев старожилы, обозначают словом «простые». В их понимании это означает «русские, православные», не принадлежащие ни к какой отдельной (культурной, конфессиональной) группе. Существование одномерной идентификации на фоне многочисленных примеров многоуровневого самосознания в других группах российских переселенцев выделяет «пензяков» и обогащает наши знания о феномене этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, пензенские переселенцы, Среднее Поволжье, Сибирь, свадебные обряды.*

E.F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

Features of Ethno-Cultural Tradition and Wedding Rituals of Russian “Penzyaks” in the Baraba Forest-steppe

The article deals with the issues of ethno-cultural identity and original culture of the villagers-descendants of the migrants from the village of Nochka, Penza Province (currently, Nikolsky District of the Penza Region) in the late 19th – early 20th centuries. The name of the Penza village was duplicated at a new place in the Baraba forest-steppe (Vengerovo District of the Novosibirsk Region) in order to preserve the memory of a small homeland and pass this memory on to the descendants. In this particular situation, the ethnographer had the opportunity to talk not only with representatives of the third and fourth generations of people born in Siberia, i.e. having the right to be called Siberians, but also with the first generation brought in their childhood to Siberia. The article is based on the materials of the East Slavic ethnographic expedition of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; the work was carried out in the Baraba forest-steppe in 1993–1996, 2003, 2015, 2018, in the Penza Region in 2022 (the head of the expedition is the author of the article). The Penza Region has always been a detached region in Russia, sparsely populated for a long time, dangerous

because of the frequent raids of nomads. This was the reason for the unique survival of many features of traditional culture both in the Middle Volga region and, subsequently, in the Baraba forest-steppe, which is revealed in this work on the materials of the rituals of the life cycle, in particular, the wedding ceremony. The analysis of wedding ceremonies and ritual folklore has shown a close resemblance to the Northern and Central Russian traditions indicating the migrants as bearers of these features of Russian culture. The people who received the name "Penzyaks" from the old-timers designate their ethnocultural identity by the word "commoner", which means "Russian, Orthodox", not belonging to any separate (cultural and confessional) group in their understanding. This one-dimensional identification compared with numerous examples of multi-level self-awareness in other groups of Russian settlers singles out the "Penzyaks" and enriches our knowledge about the phenomenon of ethnocultural identity.

Keywords: *ethnocultural identity, Penza settlers, Middle Volga region, Siberia, wedding ceremonies.*

Введение

Вопрос о необходимости исследования традиционных культур, привезенных в Сибирь разными группами переселенцев Европейской России, давно ставится отечественными учеными, занимающимися славянскими и неславянскими народами Азиатской России [Фурсова, 2006; Щеглова, 2015; и др.]. Такой подход помогает выявить разнообразие вариантов границ между этнокультурными общностями (группами), уйти от не имеющих ничего общего с реальностью обобщений, а также разделить «подлинные обычаи и фальшивые традиции», навязываемые и поддерживаемые государством, культуртрегерами [Хаттон, 2003, с. 41].

Автор обращается к понятию *этнокультурной памяти*, которое в значительно меньшей степени, чем историческая память, политически ангажировано и под которой нами понимается совокупность многообразных представлений/знаний людей о прошлом своего народа/группы, традициях и обычаях родного края. Этнокультурная память, таким образом, включает представления и знания о своей традиционной культуре, индивидуальные или коллективные, по сути – символическую репрезентацию реального прошлого [Репина, 2004, с. 42].

Переселенцы из Пензенской губернии

Пензенские переселенцы Барабинской лесостепи, проживающие компактно в д. Ночка Венгеровского р-на Новосибирской обл. более 100 лет, интересны в плане хорошего сохранения своей этнокультурной памяти и потому представляют особый интерес для этнографического исследования. В данной конкретной ситуации этнограф имел возможность беседовать не только с третьим-четвертым поколениями людей, рожденных в Сибири, т.е. имеющих право называться сибиряками, но и с привезенными в Сибирь в детстве. Социальное конструирование в Ночке практически не ощущалось даже в период существования колхозов, а формы существования традиций из праздничной и обрядовой сферы переходили в предания, фольклор, рассказы-были от дедов. Кроме того, соседство со старожильческим сибирским населением, а также литовцами и латышами способствовало определенной изоляции «пензяков». Восточнославянская этнографическая экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН проводила работы среди жителей Ночки в 1993–1996, 2003, 2015, 2018 г. (рук. экспедиции – автор).

По количеству прибывших с 1852 по 1863 г. в Сибирь пензенские переселенцы стояли на третьем месте [Ядринцев, 1880, с. 125], а в последующие 1870–1879 гг. Пензенская губерния входила в десятку наиболее массовых [Там же, с. 129] (рис. 1). В этническом отношении пензенцы, или, как их называли старожилы, «пензяки», считали себя русскими и отделялись от старообрядческого населения, которое также прибывало «из Пензы», но проживало в других местностях под коллективным названием «курганы» [Фурсова, 2015, с. 101]. Интересно отметить еще один вариант идентификации, который не встречался нам в других этнокультурных группах, а именно: «простые». «Мы простые – не российские и не сибиряки…» (рис. 2, 3). В данном контексте «простые» звучало синонимично «русским», т.е. без принадлежности к какой-то особой культурной или конфессиональной общности. Парадоксально, но факт, что в д. Ночка эти сибирские жители как раз выделялись рядом особенных черт материальной и духовной культуры, прежде всего, утраченных в других группах населения. Сохранению многих традиций «пензяков» способствовала изоляция как на своей прежней прародине в Пензенской губернии [Саляев, 2014, с. 9–10], так и на новом местожительстве в Барабе, а также заключение браков преимущественно внутри сельского коллектива.

Информаторы самокритично оценивали особенность своей речи как «поволжскую» или «казанскую» на фоне «культурной сибирской». «*Говорим* "*оне*" *вместо сибирского* "*они*", *окаем, как в Казани…Наши предки говорили* "*цаво*", *а надо* "*чаво*", "*чё*", *а уж мы здешние не говорим так*» (О.М. Репина, 1910 г.р.). Собственно разделение

Рис. 1. Русские Пензенской губ. на раскрашенных фотографиях 1862 г.

Рис. 2. Современные жители д. Ночка Венгеровского р-на Новосибирской обл. Фото автора, 2003 г.

Рис. 3. Т.В. Федоршина во все времена выпекала свой хлеб в печи. Фото автора, 2003 г.

Рис. 4. Старинные дома первых пензенских переселенцев.

на две близстоящие деревни (Ночка и Аннушка*) произошло по признакам «говора», несмотря на то, что те и другие жители являлись потомками выходцев из Пензенской губернии конца XIX – начала XX в.

Собеседники обычно обращали наше внимание, что названия пензенского села продублировалось и на новых землях (Ночка Никольского р-на Пензенской обл. и Венгеровского р-на Новосибирской обл. и пр.). Как сообщали информанты, сделано это было не только в память о малой родине, но и в надежде сохранить эту память для своих потомков. Вели информанты и отсчет лет существования своей деревни на основе переданных им от дедов сведений: «*Наша деревня Ночка сто лет стоит*», – убежденно говорили пожилые ночкинцы в 1993 г.

Иван Иванович Федоршин смог полностью восстановить семейные группы, которые первыми «приехали с Пензы»: «Федоршины, Малышевы, Цыпцыны, Чолбаевы, Турутины, Суховы, Саулины». «*Мои родители переехали из Пензы, и мать и отец оттуда же. Меня ещё не было, отец приехал молодым парнем и мама такая же дивчина была. Ходоки сначала пришли, выбрали место, потом сообщили туда, на родину:* "*Тут богатство – рыбы, лес, всё, что хочешь*". *И оттэда, из Пензы переехали. У них земли не было, им сказали:* "*Уезжайте осваивать Сибирь*"» (И.И. Федоршин, 1916 г.р.). Встречались потомки переселенцев, которые приехали по новому Транссибу, который, однако, испугал крестьян ничего подобного в жизни не видевших: «*Ехали в Сибирь по железной дороге. Они* (предки – Е.Ф.) *впервые тогда увидели* "*железку*"*, были неграмотными крестьянами. Дед говорил:* "*Если б я знал, что дорога такая, то век бы сюда не поехал*"» (О.М. Репина, 1910 г.р.).

На новом месте все приходилось начинать с нуля, корчевать лес под поля, заводить скотину, заниматься строительством домов и хозяйственных построек. До недавнего времени жители пофамильно помнили о народных строителях и мастерах-резчиках наличников и пр. (рис. 4). В 1990-х гг. информанты были хорошо осведомлены о своих семейно-свадебных и календарных обычаях и обрядах, традиционной одежде, кухне, народной медицине, фольклоре и пр. Во время полевых работ 1993 г. были живы многие селянки, которые помнили структуру и последовательность обрядов традиционной ночкинской свадьбы и сопровождавший обряды фольклор. Еще в 1960–1970-х гг. пожилые женщины ходили на местные свадьбы, куда их приглашали, и могли исполнять для каждого момента свадебного действа подходящую песню.

*Ныне деревня не существует.

Свадебные обряды и обрядовый фольклор

Приведем описание свадебного обряда ночкинцев со слов песельницы Прасковьи Ивановны Федоршиной (по мужу-литовцу Секша) (1918 г.р.). Начинался свадебный обряд с предсватовства, когда свашка заходила в дом невесты и, получив утвердительный ответ ее родителей или воспитателей, договаривалась о дне сватовства (при отрицательном ответе сватать не ходили). При сватовстве обе семьи договаривались о дне свадьбы, размерах финансовых расходов, кто кому сколько должен «поднести». Так как сватали и заключали браки в основном среди своих односельчан, разногласий относительно общепринятых традиций не наблюдалось, все решалось «по-хорошему». Всю структуру свадебного обряда пронизывали «плачи» и причитания, что являлось характерным для севернорусской свадьбы, для которой была свойственна вербальная активность невесты, жанровая специализация, когда кроме свадебных песен исполнялись причитания, величальные, корильные, шуточные песни [Этнография…, 1987, с. 402]. Утром свадебного дня невеста со слезами и причитаниями поднимала отца и мать, братьев и сестер, в последнюю очередь девок – «подружек», которые со слезами помогали невесте одеться и приготовиться к отъезду. Невеста будила подружек, причитая «Вставайте, мои милые подруженьки…» П.И. Федоршина вспоминала, что при таких всеобщих слезах и причитаниях «аж мороз по коже шел».

Обряд расплетания косы, который совершала «хрёстная», назывался «чешит».

Вставайте, мои подруженьки,
Расчешите вы мою русу косу,
По конец-то моей косыньки,
Вы повесьте большой замок,
Чтоб к тому замку никто не подошел,
Расчешите мои милые подруженьки,
Да хорошеничко…

Если невеста была сиротой, то она исполняла причитания иные, настолько затрагивавшие душу, что «все ухлюпаются»: «*Вы ударьте в большой колокол, чтобы отец с матерью услышали…*»

Когда жених с дружкой ехали за невестой, то исполнялась песня «Что-то во поле…». Когда подъезжал поезд с жениховыми родственниками, подруги закрывали ворота и не пускали, а исполнительницы пели:

Не от ветра да не от ветра воротички
да растворилися, (везде повтор 2 раза)
Ой, воротишки да спошалитися.
Ой, как бояры да во двор взъехали,

Ой, молодые да во терем зашли.
Ой, как Маша (невеста – Е.Ф.) *да испужалася,*
Закидалася, забросалася.
Ой, за девушек, ой, схоронилася.
Ой, схороните да меня девушки,
Схороните да меня, красные.
От злодеев, от разлушников,
Разлучают с отцом, с матерью,
Ой, со всем родом, со всем племенем.
Со любезными со подруженьками.

Из текста песни следует, что злых «разлушников», как бы со слов невесты, уважительно именуют «боярами». Наиболее убедительное объяснение этому то, что свадьба уподоблялась «княжескому пиру», почему свадебные чины могли именоваться «боярами» (в песнях бояре, князья – родственники и гости со стороны жениха). Иной песней сопровождалось вхождение в дом, с борьбой и потасовками, дружки и жениха, а затем и продажа невестиной «косы». Когда приехавшие входили в избу, то девушки пели:

Ой, не было гостей, ой, не было
*гостей, (*везде повторы по 2 раза*)*
Гости съехалися, слетелися.
Ой, полыны, ды вой, сад золотых коней,
Ой, полны, ды, сад вороных коней,
Ой, полные сени добрых людей.
Ой, полна горница все князей да бояр.
Ой, подломили сени, новые сени.
Ой, раздавили ту-то чару золотую.

Далее подружки пели как бы передавая слова жениха, который утешает невесту:

Ой, не плачь, не тужи сени новые.
Ой, сени новые, переставить велю.
Ой, золоту чару перелити прикажу.
Ой, вместо соловия, вместо соловия,
Сам разбужу.

Еще в конце XX в., когда все усаживались за стол, можно было увидеть старинный обряд продажи косы невесты. Надетую за петельку на руку косу продавал младший брат девушки или, за его отсутствием, другой родственник («сродный брат»). Продажа косы, которая в песнях, считается, служит символом невесты, являлась весьма распространенным обрядом не только у русских, но и белорусов, украинцев. Присутствие на свадьбе мальчика считалось необходимым не только на славянской свадьбе, но и в целом индоевропейской, т.к. это способствовало рождению у будущей пары детей мужского пола и, считалось, способствовало чадородию [Сумцов, 1996, с. 155].

Приехавшие «бояре» старались перетянуть лежащую на столе косу к себе, но брат говорил: «Давайте плату». Как только гости выкупали косу, брат передавал ее жениху. За столом в присутствии жениховых друзей девушки со стороны невесты «обыгрывали» дружку, «подружку» (вариант «подружье»), «хрёстню», в последнюю очередь жениха. Родственники жениха деньгами и подарками откупались от подружек, в число которых могла входить и сестра жениха. В первую очередь пели «друженьке»:

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой.
Как на друженьке штаны
Черно-плисовые,
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой
Как на друженьке пальто черный бархатный.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой.
Как на друженьке-то картуз
Черный бархатный.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой.

Как видим, «обыгрыванием» называлось шутливое величание главных действующих лиц со стороны жениха. Характерно, что при описании костюмов действующих лиц, первыми упоминались штаны, которые, как известно, символизируют мужскую зрелость и достоинство [Фурсова, 2015, с. 47].

Песней «Летела кукушечка…» сопровождалось выведение молодых во двор, благословение и посадка невесты в повозку или сани.

Летела кукушечка через сад,
Ой, рота-ротынька, ой, через сад.
Сломала березоньку со верха,
Ой, рота-ротынька, ой, со верха.
Стой, моя березонька, без верха,
Ой, рота-ротынька, ой, без верха,
Живи, моя мамонька, без меня,
Ой, рота-ротынька, ой, без меня.

В трагический момент расставания с домом невеста и ее родственники плакали, подружки причитали.

Сохранился «с Пензы» интересный обычай «ворочаться» обратно в дом невесты дружки с «подружьем», т.е. с помощниками. Этот обычай назывался «тюрю хлебать». «*Уедут за зады недалеко, высаживаются дружка с подружьем тюрю хлебать. Им тюрю наведут – воды нальют, угля пустят… А он приглашает родителей и всех родственников. Молодые стоят на дороге дожидают… Закон такой ворочаться дружке с подружьем, чтоб пригласить родителей. Дружка похлебал, возвращается к молодым. Вот уж эти годы не стало у нас…*» (П.И. Федоршина, 1925 г.р.). Приглашен-

ные таким необычным способом родители невесты вместе с остальными родственниками собирались ехать в церковь на венчание. Таким образом, ехать в церковь собиралось пять-шесть подвод, причем жених с «подружьем» и крестным, а также невеста с крестной усаживались по разным повозкам: на первой – жених, во второй – невеста, далее остальные. По воспоминаниям Фёклы Осиповны Малышевой, невесте надо было задобрить извозчика («возницу») подарками, чтобы тот согласился ее отвести в церковь. «*Как только невесте садиться в карету* (в рассказе информант так называла повозку – Е.Ф.), *подружки одаривают возницу кисетом или носовым платком. Не одаришь – не повезет. Выбросит*» (Ф.О. Малышева, 1913 г.р.).

Хорошо сохранились в памяти людей ситуации «порчи» свадебных поездов, которые случались в далеком или недалеком прошлом, информант П.И. Секша знала об этом не понаслышке. «*Шел прохожий, милостиньку собирал, старик. Как раз вот тут. Хотел остановить поезд, они не остановились. Он подделал все так, что разошлась пара коней под невестой …Крутил, да крутил их тут, да свалил обоих хрёстных, оглоблю переломил. Им бы надо остановиться, рюмку налить, рублишка дать…Они не подумали, вон собирун идет. Это няньку* (здесь – сестру мужа, которая нянчилась с информантом – Е.Ф.) *выдавали замуж*». После венца поезжане ехали в дом жениха, где совершались обряды первого свадебного дня, почему типологически их в целом можно охарактеризовать как вирилокальные, т.е. сосредоточенные на территории будущего мужа [Этнография…, 1987, с. 405]. Вместе с тем, у ночкинцев наблюдались и устойчиво сохраняемые пережитки уксорилокальности обрядов, например, предвенчального этапа, фиксируемые на территории будущей жены.

Некоторые обряды второго дня уже в первой трети XX в. выглядели упрощенными или ушли из обихода, например, «поиски ярки», ряженье гостей и пр. Как и во многих других локальных группах, соблюдение свадебных обрядов имело место только при бракосочетании невинной девушки.

Заключение

Анализ текстов (расшифровки глубинных интервью) позволил прийти к выводу о том, что пензенские переселенцы привезли в Сибирь северно-среднерусские в своей основе свадебные обряды, обрядовый фольклор, эмоционально-зрелищный настрой свадьбы с плачами, причитаниями, слезным прощанием и пр. Это подтверждает русскую идентичность ночкинцев, которую они называли как «простая», несмотря на факт существования «мордовских земель» на прародине, в Среднем Поволжье [Саляев, 2014, с. 118], и утверждение некоторых авторов о «пензяках» как обрусевшей мордве-мокши. Кроме того, существование одномерной идентификации на фоне многочисленных примеров многоуровневого самосознания в других группах российских переселенцев выделяет «пензяков» и обогащает наши знания о феномене этнокультурной идентичности.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.

Саляев Е.И. Пензенский край: уезды, провинция, наместничество, губерния, область. Административно-территориальное, церковное деление и демография края в XVI – начале XXI века. – М.: Юриспруденция, 2014. – 704 с.

Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 296 с.

Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – С. 427–441.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 296 с.

Щеглова Т.К. Русские Алтая во второй половине XIX – XX столетиях: культурное многообразие и история формирования научных представлений о локальных группах (к проблеме создания классификации) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Алт. гос. педагог. ун-т, 2015. – С. 175–185.

Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 423 с.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – 557 с.

Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСО РГО. – Кн. II. – 1880. – 144 с.

References

Etnografiya vostochnyh slavyan. Ocherki tradicionnoj kul'tury. Moscow: Nauka, 1987. 557 p.

Fursova E.F. Etnograficheskie gruppy vostochnyh slavyan v Zapadnoj Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodejstviya. In *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie v Evrazii.* Moscow, Nauka. 2006. Pt. I. P. 427–441. (In Russ.).

Fursova E.F. Tradicionnaya odezhda russkogo i drugih vostochnoslavyanskih narodov yuga Zapadnoj Sibiri (konec XIX – pervaya tret' XX veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. 296 p. (In Russ.).

Hatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. St.-Petersburg: Vladimir Dal', 2003. 423 p. (In Russ.).

Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya. In *Novaya i novejshaya istoriya*, 2004. Iss. 5. P. 39–51. (In Russ.).

Salyaev E.I. Penzenskij kraj: uezdy, provinciya, namestnichestvo, guberniya, oblast'. Administrativno-territorial'noe, cerkovnoe delenie i demografiya kraya v XVI – nachale XXI veka. Moscow: Yurisprudenciya, 2014. 704 p. (In Russ.).

Shcheglova T.K. Russkie Altaya vo vtoroj polovine XIX – XX stoletiyah: kul'turnoe mnogoobrazie i istoriya formirovaniya nauchnyh predstavlenij o lokal'nyh gruppah (k probleme sozdaniya klassifikacii). In *Etnografiya Altaya i sopredel'nyh territorij*. Barnaul: AltGPU, 2015, pp. 175–185. (In Russ.).

Sumcov N.F. Simvolika slavyanskih obryadov. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAS, 1996. 296 p. (In Russ.).

Yadrincev N.M. Poezdka po Zapadnoj Sibiri i v Gornyj Altajskij okrug. In *Zapiski ZSO RGO (West Siberian Department of the Russian Geographical Society)*, 1880. Iss. II P. 1–144. (In Russ.).

Фурсова Е.Ф. https://orcid.org/ 0000-0002-9459-7033

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0955-0961
УДК 903.223

Р.М. Харитонов, В.А. Михиенко✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: volnavvv@mail.ru

Бурятский лук из фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (Новосибирск)

В публикации приведены результаты морфологического анализа, дана культурно-хронологическая оценка традиционного лука из коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), хранящегося под инвентарным номером МИКНС ОФ 4256. Реконструирован его внешний облик, представленный в конце процесса изготовления. Предмет происходит с территории проживания западных бурят (Боханского р-на Иркутской обл.), в фонды музея был передан ученым-монголоведом, доктором филол. наук Н.О. Шаракшиновой. Несмотря на отсутствие сведений о месте его изготовления, определено, что он представляет собой оригинальный сложный композитный лук бурятского производства, отличающийся от описанных исследователями изделий, изготавливаемых в соседних регионах. Предмет, скорее всего, был предназначен для промысловой деятельности, на что указывают его морфометрические характеристики. На основе выявленной совокупности конструктивных и морфологических свойств были отмечены аналогии, происходящие с территории проживания бурят, на дореволюционных изображениях с почтовых открыток, в коллекциях из семейных архивов, из Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Национального музея Республики Бурятия (Улан-Удэ). Установлено, что для изготовления последних применялись иные технические приемы, однако они имеют одинаковые функциональные характеристики и близкую конечную геометрию. Данное обстоятельство указывает на то, что рассмотренный в публикации лук представляет один из вариантов конструкции бурятского традиционного лука. На основе результатов анализа предмета, приведенных аналогий, хронологические рамки бытования лука определены серединой XIX – началом XX в.

Ключевые слова: *Предбайкалье, буряты, традиционный лук, охота, оружие.*

R.M. Kharitonov, V.A. Mikhienko✉
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: volnavvv@mail.ru

Buryat Bow from the Funds of the Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East of IAET SB RAS (Novosibirsk)

The publication presents the results of the morphological analysis and provides the cultural and chronological assessment of the traditional bow (catalogue code МИКНС ОФ 4256) from the collection of the Museum the History and Culture of the Peoples of Siberia and the Russian Far East of IAET SB RAS (Novosibirsk). The original look of the bow at the finish stage of its manufacturing process has been reconstructed. The object originates from the area of residence of the Western Buryats (Bokhansky District of Irkutsk region) and was donated to the museum by a Mongolia specialist, Doctor of Philological Sciences N.O. Sharakshinova. Despite the lack of information about the place of manufacture, the specimen has been identified as an original compound and composite bow of the Buryat production, which differs from the products made in neighboring regions and described by other researchers. The bow was likely intended for hunting activity, as indicated by its morphometric characteristics. The identified set of constructive and morphological features suggests certain parallels originating from the Buryat settlement areas: on pre-revolutionary postcards, in family collections, and collections of the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg) and the National Museum of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude). It has been established that the museum specimens were manufactured through other techniques but they showed the similar functional characteristics and close outlines with the bow under analysis. This indicates that the bow represents one of the versions of the design of the Buryat traditional bow. Based on the results of the analysis of the subject and established parallels, the chronological range for the existence of the bow has been determined as the mid-19th– early 20th century.

Keywords: *Cis-Baikalia, Buryats, traditional bow, hunting, weapons.*

Введение

Введение в научный оборот образцов ручного метательного оружия, остававшихся ранее без внимания, актуализирует проблемные моменты, связанные с вопросами его генезиса и бытования. Если конкретный предмет не связан напрямую с военной деятельностью, он по-прежнему отражает определенный этап эволюции и не может рассматриваться вне связи с ранними боевыми аналогами.

К вопросам традиционных бурятских луков (изделий, изготавливаемых бурятами в рамках местной самобытной традиции) ранее неоднократно обращались отечественные специалисты, несмотря на это, до сих пор остаются неясны все конструктивные особенности предметов, нельзя четко сформулировать и, тем более, говорить определенно о локальных разновидностях и приемах оформления. Чаще всего в поле зрения исследователей попадал общий процесс изготовления (основные проводимые операции и используемые материалы). Некоторые данные о локальных вариантах, четко фиксируемые на вещественном материале, представлены А.Г. Гомбожаповым [2016] и А.А. Бадмаевым [1997, с. 74–76] для поздней спортивной агинской традиции, Е.И. Тугутовым для луков селенгинских бурят [1958, с. 39–41]. Также А.А. Бадмаев предложил разделение бурятских луков по группам декора [1997, с. 75].

Наиболее информативным описанием луков предбайкальских бурят в отечественной науке являются краткие заметки М.Н. Хангалова, опубликованные в собрании его сочинений в разделе «Несколько данных для характеристики быта северных бурят» [Хангалов, 2004, с. 169]. Важным наблюдением в контексте заявленной темы является то, что «луки делались двух сортов: один был плоский и широкий; он бывал очень упруг и далеко бросал стрелу» [Там же, с. 171]. Плоский и широкий лук автор называет «*манза номо*», ассоциирует его с «*бухар шара номо*» из эпической традиции и утверждает, что такие предметы доставлялись из Монголии [Там же]. «Другого сорта луки буряты делали сами; они были почти круглые, снаружи берестяные, изнутри оклеенные жилами» [Там же].

Приведенные данные отражают некоторые особенности используемых предметов и источники их поступления, однако их недостаточно для формирования четких представлений о внешнем облике, морфологии и конкретных технологических особенностях конструкции. К решению заявленной проблематики может приблизить обращение к вещественным источникам – к материалам из музейных коллекций. Один из традиционных луков с территории проживания западных бурят хранится в фондах Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (Новосибирск).

Материалы и методы

Предмет под инвентарным номером МИКНС ОФ 4256 происходит из Боханского р-на Иркутской обл. и был доставлен в фонды музея известным ученым-монголоведом, д-ром филол. наук Шаракшиновой Надеждой Осиповной (рис. 1–3). Для характеристики изделия были применены морфологический, морфометрический и типологический методы исследования. Целью работы является определение культурно-хронологического облика приведенного традиционного лука.

Лук сложный (корпус разделен на пять основных функциональных частей: три зоны жесткости (рукоять и концы) и две зоны упругости (упругие плечи)). На настоящий момент хранится в положении с надетой тетивой (см. рис. 1, *2*; 2, *1–3*). В таком виде геометрию можно охарактеризовать следующим образом: прямая рукоять, продолжающие ее плавно изогнутые назад упругие плечи, приблизительно в третьей четверти длины плеч от рукояти просматриваются короткие угловатые участки (разделяющие упругие плечи и переходные зоны), в которых меняется направление изгиба корпуса: далее корпус не изгибается назад, а располагается параллельно линии тетивы (этот участок представлен почти прямыми переходными зонами), после чего просматриваются небольшие концы, слегка направленные вперед.

Предмет сравнительно хорошо сохранился, за исключением отдельных элементов: отсутствует одна подпорка для тетивы (из-за чего изгиб корпуса неравномерный), на одном конце поврежден вырез для тетивы, другой же конец на 2,5 см короче первого (вероятно, он был поврежден и специально укорочен), в некоторых местах деформирована берестяная оклейка. Кроме прочего присутствуют незначительные потертости и мелкие повреждения, подтверждающие, что лук использовался в течение некоторого времени.

Лук симметричный, длина корпуса составляет 140,5 см (ранее с целым концом был ок. 142–143 см). Предмет композитный, укреплен накладками: срединной фронтальной составной из рога оленевых, плечевыми фронтальными составными из полого рога; оклеен сухожильными волокнами со стороны спинки по всей длине кибити (см. рис. 1, *4*). Ось лука по спинке прямая. Расстояние от рукояти до тетивы (в профессиональной спортивной терминологии «база лука») на настоя-

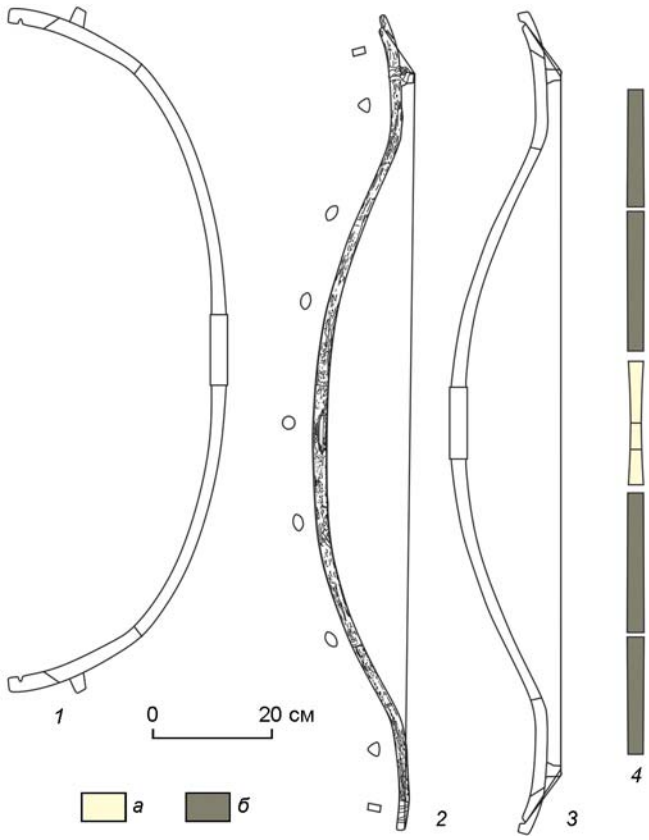


Рис. 1. Бурятский лук МИКНС ОФ 4256.

1 – реконструкция облика лука без тетивы; *2* – прорисовка боковой поверхности лука; *3* – реконструкция облика лука в его рабочем состоянии с двумя подпорками; *4* – схема расположения роговых фронтальных накладок.

а – накладки из рога оленевых; *б* – накладки из полого рога.

щий момент 15 см, со второй подпоркой должна была быть приближена к 16–17 см.

Рукоять лука (срединная зона жесткости) можно ограничить срединной фронтальной накладкой, составляющей в длину 22 см и изготовленной из светлого материала, предположительно рога оленевых (см. рис. 2, *8*). В центральной части рукоять имеет округлое сечение шириной 2,3 см и толщиной 2,2 см, от центра к окончаниям рукояти корпус расширяется до 2,7 см и утончается до 2 см. Срединная составная накладка, повторяющая форму и размеры корпуса в этом месте (плавно расширяется к окончаниям с 2 см до 2,7 см), состоит из трех пластин, длиной 6, 6 и 12 см. Центральная часть рукояти длиной ок. 14 см скрыта сплошной берестяной оклейкой (вероятно, этой длиной ограничивается область хвата), оставшаяся расширяющаяся часть выделена трапециевидными вырезами в бересте. Места стыков срединной пластины с плечевыми скрыты тонкими берестяными полосками. На боковой поверхности рукояти берестяная оклейка повреждена, просматривается соотношение материалов в этом месте (см. рис. 2, *7*). Толщина видимой части срединной накладки составляет 0,8 см, светлого-серого дерева 0,6 см и сухожилий 0,8 см. Важно, что данные размеры не отражают соотношение материалов, поскольку точное сечение деталей установить не удалось (с большой вероятностью дерево со стороны

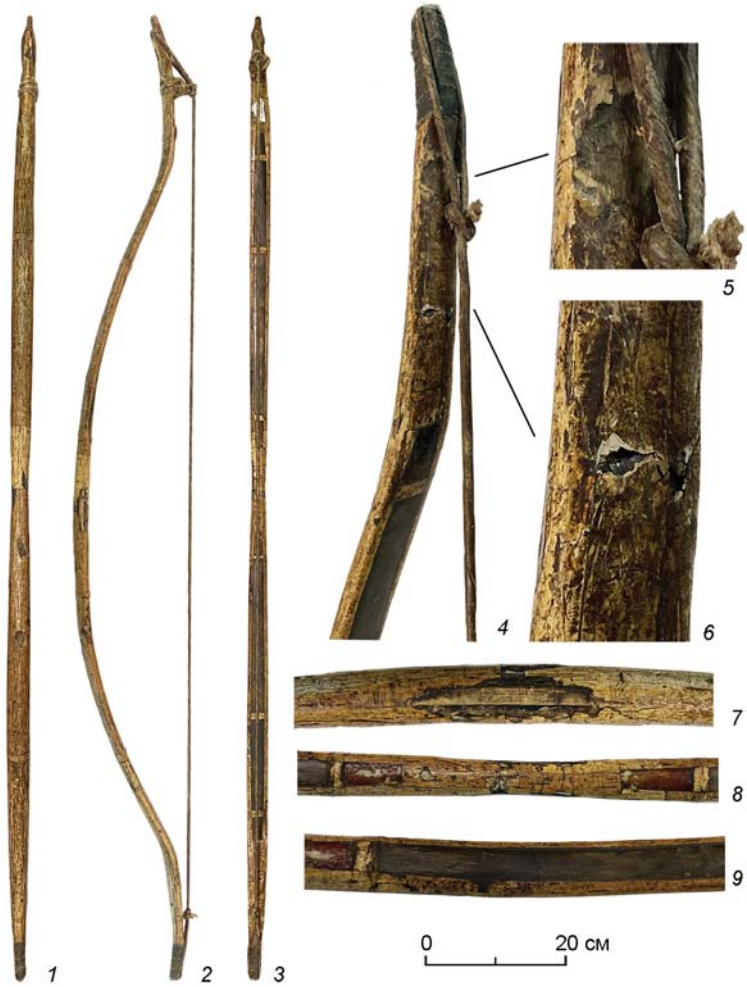


Рис. 2. Бурятский лук МИКНС ОФ 4256 (фото).

1 – внешняя поверхность корпуса (спинка); *2* – боковая поверхность; *3* – внутренняя поверхность; *4* – внутренняя поверхность конца и переходной зоны; *5* – площадка на кибити для подпорки; *6* – место повреждения берестяной оклейки, соответствующее окончанию накладки; *7* – боковая поверхность рукояти; *8* – внутренняя поверхность рукояти со срединной фронтальной составной накладкой; *9* – внутренняя поверхность упругого плеча, усиленная роговой пластиной.

спинки было округлым, а со стороны живота плоским для крепления накладок).

Рукоять продолжают изогнутые упругие плечи – эластичные рабочие зоны лука длиной 38 см (от окончаний срединной накладки до области выраженного изменения сечения в переходных зонах). В этих участках сечение меняется на уплощенное эллипсовидное. На протяжении участков в 25 см от рукояти ширина корпуса плавно увеличивается с 2,7 см до 3,1 см (максимальное значение) и далее уменьшается к переходным зонам до 2,9 см. Толщина вдоль всей длины упругих плеч уменьшается с 2 см до 1,6 см (минимальное значение). Внутренняя поверхность упругих плеч усилена накладками из полого рога черного цвета (см. рис. 1, *4*; 2, *9*). Уверено просматриваются по две трапециевидные накладки на каждом плече. Первые, длиной 24 см и 25 см, стыкуются с рукоятью и расширяются к противоположным краям с 2,8 см до 3,1 см, тем самым охватывая участок расширения корпуса до максимального значения. Их продолжают пластины, постепенно сужающиеся к концам. Стык между плечевыми накладками скрыт берестяными полосками, однако четко видно, что это разные роговые пластины. На расстоянии 13 см от стыков этих пластин в направлении концов и до окончаний корпус оклеен берестой со всех сторон, что не позволяет четко проследить количество пластин в этой области, однако четко фиксируется окончание накладок в 21 см от отмеченного стыка (есть основание полагать, что это расстояние и есть длина накладки), таким образом, плечевые фронтальные накладки охватывали ок. 7 см переходных зон (см. рис. 2, *4*). В этом месте ширина накладок составляет 2,7 см. В месте окончания накладок наблюдается небольшой надлом на бересте, за счет чего становится возможным определение окончаний накладок (см. рис. 2, *6*). Окончания накладок, вероятно, были скруглены.

Рис. 3. Сохранившийся конец и переходная зона.
1 – внешняя поверхность; *2* – боковая поверхность; *3* – внутренняя поверхность.

Между упругими плечами и негнущимися концами располагаются переходные зоны – это протяженные участки, в которых постепенно меняется сечение в направлении форм, препятствующих эластичности корпуса, а также достигается необходимый угол между упругими плечами и негнущимися концами (рис. 3). У данного предмета эти области составляют ок. 15 см. Они хорошо читаются на общей морфологии: первые 3 см от упругих плеч, после точек, в которых начинается утолщение сечения, переходные зоны продолжают изгиб упругих плеч, далее следуют видимые короткие угловатые участки (отмеченные выше области формирования угла между зонами), после чего до концов корпус остается почти прямым. Ширина корпуса плавно уменьшается в направлении окончаний с 2,9 см до 1,9 см, толщина увеличивается (главным образом за счет утолщения округлой части внешней поверхности корпуса) в месте видимого угловатого участка с 1,6 см до 1,9 см и далее остается без изменений. Как отмечалось ранее, около половины внутренней поверхности переходных зон усиливались описанными плечевыми накладками из полого рога. На расстоянии 2,5 см от концов с этой же стороны имеется эллипсовидный вырез в бересте, в котором просматривается деревянная основа без накладок – фиксированное место крепления подпорок для тетивы (см. рис. 2, *5*).

Переходные зоны с небольшим видимым изгибом переходят в прямые негнущиеся концы, таким образом, с надетой тетивой (в том положении, в котором сейчас хранится лук) при расположении переходных зон параллельно линии тетивы, концы остаются слегка направленными вперед (рис. 3). Длина концов составляет 7,5 и 5 см (поврежден, обмотан черной изоляционной лентой, вероятно, ранее также составляла 7,5 см), сечение от переходных зон резко меняется на подпрямоугольное. Ширина в этих участках от переходных зон к окончаниям плавно уменьшается с 1,9 см до 1 см, толщина практически не меняется (1,9–1,8 см). Концы лука со всех сторон оклеены берестой, несмотря на это, основываясь на форме и просматриваемых участках с торцов и местах повреждения берестяной оклейки, можно уверено утверждать, что они накладками не укреплялись.

На настоящий момент на целом конце имеется небольшая ступенька, за которую закреплена тетива (рис. 3, *2*). Вероятнее всего, изначально арочные вырезы располагались со стороны спинки, однако со временем были повреждены, поскольку дерево в этом месте ничем не укреплялось (накладками, металлическими колпачками или же вкладышами).

На расстоянии 10 см от окончания корпуса целого конца (рис. 3) кожаным шнуром закреплена деревянная подпорка для тетивы с изогнутой ромбической площадкой. Исходя из наличия отмеченных ранее вырезанных в бересте на внутренней поверхности переходных зон площадок, подпорки фиксировались в конкретных местах прямо на деревянную основу.

Корпус лука оклеен берестой: внешняя и боковая поверхности полностью (рукоять, переходные зоны и концы), внутренняя практически полностью, за исключением области упругих плеч, в них берестой покрыты небольшие полоски по краям вдоль накладок, таким образом, что сплошная оклейка внешней и боковой поверхности переходит на внутреннюю (см. рис. 2, *1–3*). В качестве декора можно рассматривать трапециевидные вырезы на бересте со стороны живота на рукояти и в областях сужения в переходных зонах (см. рис. 2, *4, 8*). Иные элементы декора отсутствуют.

Вместе с луком сохранилась оригинальная цельная тетива, изготовленная из скрученной кожи длиной 137 см. Узлы располагались в 10 см от окончаний тетивы и четко попадали на подборки.

Деревянная основа лука скрыта. Схожие по морфологии, метрике и сохранившимся конструктивным элементам поврежденные предметы из фондов Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) имеют четко различимую цельнодеревянную основу (инвентарные номера РЭМ 1165-17, РЭМ 1457-1). Упругие части кибити слабоизогнутые, имеют уплощенное подпрямоугольное со слабовыпуклой внешней поверхностью сечение, которое в переходных зонах резко меняется на подтреугольное, при этом между этими областями кибить меняет угол на коротком участке (что и отделяет визуально переходные зоны от упругих плеч). С большой вероятностью деревянная основа МИКНС ОФ 4256 была аналогичной, что характерно для сложных композитных луков бурятского производства.

Несмотря на настоящее положение лука, на основе данных о морфологии, изгибе и протяженности разных участков, а также форме отмеченных аналогичных предметов (например, у лука РЭМ 1165-17 одно плечо сохранило изгиб упругого плеча с сухожилиями) можно представить вариант его изначальной реконструкции со снятой тетивой (как бы выглядело изделие мастера в конце процесса изготовления). Рукоять была прямой и не выделялась на общей геометрии. Упругие плечи были плавно изогнуты в сторону спинки. Далее следовали короткие различимые угловатые участки (что еще более резко изгибало корпус в направлении спинки), продолжающие почти прямые или слабоизогнутые переходные зоны, которые в свою очередь с небольшим изгибом перетекали в негнущиеся концы (см. рис. 1, *1*). Важно понимать, что без тетивы переходные области могли быть слабоизогнутыми и под нагрузкой надетой тетивы могли незначительно спрямляться.

Обсуждение

Представленный предмет является оригинальным изделием, выполненным в самобытной бурятской технологической традиции. Несмотря на отсутствие четкой информации о месте и времени изготовления (музейные данные содержат информацию только о месте сборов и авторе), о культурной привязке можно говорить уверенно на основании ряда наблюдений.

Лук МИКНС ОФ 4256 нельзя считать предметом импорта, поскольку он отличается от изделий, изготавливаемых в соседних регионах: описанные отечественными специалистами конструкции таежных народов не укреплялись роговыми накладками и сухожильными волокнами (по этому признаку МИКНС ОФ 4256 относится к семье центральноазиатских луков кочевников); на территории Тувы, Монголии и Китая были широко распространены конструкции и их варианты маньчжурской традиции, характерными особенностями которой являются широкие плечи, сравнительно длинные концы и резко выраженные переходные зоны с четко выраженным ребром со стороны спинки.

Как уже отмечалось ранее, прямыми аналогами по совокупности конструктивных и морфологических свойств являются предметы из Российского этнографического музея (РЭМ 1165-17 – Аларское ведомство, сборы начала XX в.; РЭМ 1457-1 – Забайкальская область, сборы начала XX в.), а также изделие из семейного архива: аналогичный предмет был зафиксирован в с. Ранжурово Республики Бурятия и использовался в воссоздании обряда инициации мальчика в воина, отраженного в фильме «Огонь на острие стрелы» [Годлиин узуурэй гал…]. Обозначенные вещи происходят с территории проживания бурят.

Между тем МИКНС ОФ 4256 отличается от серии традиционных луков бурятского производства, выделенных по материалам фондов Национально-

го музея Республики Бурятия (Улан-Удэ) и зафиксированных в частных коллекциях. Один из этих предметов был детально опубликован (лук конца XIX в. мастера из улуса Тамча (из селенгинских бурят), инвентарный номер МИБ ОФ 17848 [Харитонов, Бутуханова, 2017]), остальные практически полностью повторяют его конструкцию, за исключением отдельных вариаций оформления накладок и декора. Главным отличием этой группы предметов является наличие в переходных зонах длинных накладок из рога оленевых, что позволяло достичь плавных очертаний корпуса без видимых угловатых участков. При этом, несмотря на описанные отличия, метрика и пропорции основных участков корпуса (длина предмета и соотношение длины функциональных зон, максимальная ширина, минимальная толщина), а также форма лука с надетой тетивой были близки. Это говорит о том, что бурятские мастера имели единые представления о необходимых пропорциях, конечной геометрии и желаемых характеристиках, однако использовали для достижения этих целей различные технические приемы. Так, необходимый эффект в переходных зонах мог достигаться благодаря использованию накладок из рога оленевых (как на группе предметов из Национального Музея Республики Бурятия) или же посредством коротких угловатых участков с последующим изменением сечения без укрепления пластинами такого рода (как на МИКНС 4256 и описанных аналогах из Российского этнографического музея). Концы лука могли укрепляться полным набором накладок, только фронтальными пластинами или не укрепляется вообще. Это позволяет говорить о том, что в рамках бурятской технологической традиции можно выделить несколько вариантов конструкции, имеющих конкретную общую геометрию и метрику, но различающихся морфологией и способом оформления отдельных зон и набором накладок.

Важно отметить, что луки, аналогичные МИКНС ОФ 4256, просматриваются на дореволюционных изображениях. Так, на сюжете с почтовой открытки «Бурят-охотник» предмет практически полностью повторяет морфологию описанного лука (ранее считалось, что на открытке изображен предмет, аналогичный изделиям селенгинских мастеров, угловатая область между упругим плечом и переходной зоной являлась местом повреждения или ненадежного стыка накладок) [Харитонов, Харитонов, 2021, с. 148–150]. Исходя из приведенных сведений, при повторном детальном осмотре дореволюционных изображений с почтовых открыток, на некоторых из них также просматриваются короткие угловатые участки перед переходными зонами. Между тем качество снимков не позволяет с полной уверенностью соотнести изображенные луки с конкретным вариантом конструкции, однако во всех случаях изображены луки бурятской традиции.

Исходя из приведенных данных (время сборов аналогичных предметов, а также датировка изображений), представленный лук можно датировать серединой XIX – началом XX в. В это время луки уже не использовались как боевое оружие, однако применялись в промысловой деятельности, в т.ч. и в ходе облавных охот [Жамбалова, 1991, с. 52–53]. В пользу этого свидетельствуют сравнительно небольшие размеры лука (главным образом ширина и толщина рабочей части плеч), не позволяющие говорить о нем как об оружии с высокой убойной силой, способной нанести смертельный урон защищенному противнику, но достаточному для поражения дичи.

Важно отметить, что то, что аналогичные предметы зафиксированы как в Предбайкалье, так и Забайкалье, не позволяет уверенно говорить о данном варианте конструкции как о локальном и четко связать с определенной территорией.

Заключение

Описанный предмет под инвентарным номером МИКНС 4256 представляет один из вариантов конструкции бурятского традиционного лука. Лук сложный, композитный, усилен сухожилиями и накладками: срединной фронтальной составной из рога оленевых и плечевыми фронтальными составными из полого рога. Геометрия в положении с тетивой (так лук хранится на настоящий момент) представлена прямой рукоятью, изогнутыми назад плечами, небольшим угловатым участком между плечами и переходными зонами, почти прямыми расположенными вдоль линии тетивы переходными зонами и короткими направленными вперед концами. Несмотря на отсутствие точных данных о месте изготовления, данный лук можно уверенно связывать с бурятскими мастерами. Аналогии и изобразительные источники позволяют датировать предмет серединой XIX – началом XX в. Лук отличается от изделий таежных народов, а также предметов широко распространенной маньчжурской традиции. Между тем данный лук и его аналоги отличаются от предметов, зафиксированных у мастеров селенгинских бурят, по способу оформления отдельных функциональных зон и набору накладок, при том что основные геометрические и метрические показатели практически одинаковы.

Существование различной морфологии и наборов накладок, в границах зафиксированной в народном опыте метрики и внешней геометрии, свиде-

тельствует о существовании нескольких вариантов конструкции бурятского традиционного лука. Для того, чтобы говорить о формировании и распространении таких вариантов, в настоящий момент данных недостаточно. Это определяет перспективы дальнейшей работы по поиску и вводу в научный оборот новых предметов для определения иных вариантов и способов оформления конструкции, а также создания четких представлений о границах и времени распространения уже выделенных вариантов бурятского традиционного лука.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи». Авторы выражают признательность ведущему специалисту отдела музейных практик и технологий ИАЭТ СО РАН Н.И. Гладковой за содействие в подготовке публикации.

Список литературы

Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

Годлиин узуурэй гал. Огонь на острие стрелы. Фильм. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=cIuUi9C0fls (дата обращения: 15.10.2022).

Гомбожапов А.Г. Традиции изготовления лука и лучные состязания бурят // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23, вып. 3. – С. 123–126.

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. –175 с.

Тугутов И.Е. Материальная культура бурят: Этнографическое исследование. – Улан-Удэ: Типография Министерства культуры Бур. АССР, 1958. – 215 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений в 3 т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. – Т. 1. – 508 с.

Харитонов Р.М., Бутуханова И.М. Бурятский лук конца XIX в. из улуса Тамча // Вестн. Восточно-Сибирского гос. ин-та культуры. – 2017. – № 4 (4) – С. 30–37.

Харитонов Р.М., Харитонов М.А. Почтовая открытка начала XX века как источник для изучения лучного комплекса бурят // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 7: Археология и этнография. – С. 144–156.

References

Badmaev A.A. Remesla aginskikh buryat (k probleme etnokul'turnykh kontaktov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 160 p. (In Russ.).

Godliin uzuurei gal. Ogon' na ostrie strely. Fil'm – obryad. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cIuUi9C0fls (Accessed: 15.10.2022). (In Russ.).

Gombozhapov A.G. The tradition of making bows and archery competitions of buryats. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2016. Vol. 23. Iss. 3. P. 123–126. (In Russ.). doi:10.15372/HSS20160322

Khangalov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2004. Vol. 1. 508 p. (In Russ.).

Kharitonov R.M., Butukhanova I.M. The buryat bow of the end of the XIXth Century from Tamcha Ulus. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2017. N 4 (4). P. 30–37. (In Russ.).

Kharitonov R.M., Kharitonov M.A. Early 20th Century Postcards as a Source for Studying the Buryats' Archery Complex. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology.* 2021. Vol. 20. N 7: Archaeology and Ethnography. P. 144–156. (In Russ.). doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-7-144-156

Tugutov I.E. Material'naya kul'tura buryat: Etnograficheskoe issledovanie. Ulan-Ude: Tipografiya Ministerstva kul'tury Bur. ASSR, 1958. 215 p. (In Russ.).

Zhambalova S.G. Traditsionnaya okhota buryat. Novosibirsk: Nauka, 1991. 175 p. (In Russ.).

Харитонов Р.М. https://orcid.org/0000-0003-1699-046X
Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0962-0967
УДК 299.4

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chemchieva@gmail.com

«Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи» (К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер): новое прочтение источника

В статье рассматриваются результаты критического обзора представленного труда как научного источника XIX в. по религиозным практикам южных алтайцев. Показано, что этот труд ценен материалами этнографического характера, и на него опираются многие современные исследователи. Представлена полемика исследователей по вопросу признания бурханизма локальным вариантом северного буддизма (ламаизма). Показано обращение исследователей к научному источнику за подтверждением факта бытования ламаизма в среде южных алтайцев в начале XIX в. Выявлено, что в работах исследователей имеются проблемы с использованием данных научного источника – недостоверное цитирование текста источника; нарушение правил цитирования; приписывание авторам научного источника ложного утверждения; осознанный ввод читателей в заблуждение. Выяснено, что исследователи не имели прямого доступа к научному источнику, и цитировали данные из вторичного текста. Искажение фактической информации в работах исследователей было вызвано заблуждением либо осознанным намерением подогнать информацию под определенную концепцию. Для устранения искажений в истолковании научного источника и для раскрытия реальных исторических данных о религиозных практиках алтайцев осуществлен анализ содержания научного источника. Выявлено, что практически все описанные формы религиозной жизни алтайцев относились к шаманизму. Установлено, что шаманские практики и шаманские жертвенные сооружения были зафиксированы учеными на всем пути их следования по Алтаю. Сведения о том, что значительная часть алтайского населения в долине реки Чуи во главе с зайсанами придерживалась ламаистского культа, не подтвердились.

Ключевые слова: *южные алтайцы, теленгиты, шаманизм, бурханизм, буддизм, ламаизм, Алтай.*

A.P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: chemchieva@gmail.com

“Journey through the Altai Mountains and Dzungar Kyrgyz Steppe” (K.F. Ledebour, A.A. Bunge, C.A. Meyer): New Interpretation of the Source

This article presents a critical analysis of “Journey through the Altai Mountains and Dzungar Kyrgyz Steppe” as a 19th century academic source on religious practices of the inhabitants of the Southern Altai. This work contains important ethnographic information and is widely used by modern scholars. There is a scholarly debate regarding the recognition of Burkhanism as a local variant of Northern Buddhism (Lamaism). Scholars use the evidence of the source to prove the presence of Lamaism among the Southern Altaians in the early 19th century. It is shown that this source is often incorrectly quoted in many works; wrong statements are sometimes attributed to its authors, and in some cases readers are deliberately misled. It has been discovered that scholars had no direct access to this source and were forced to quote secondary texts. Distortion of facts was caused either erroneously or on purpose, in order to present data in a specific preconceived way. For correcting these errors and presenting authentic historical information regarding the religious practices of the Altaians, the original academic work has been analyzed. It has been proven that almost all forms of religious life among the Altaians

were Shamanistic. Shamanistic practices and sacrificial structures were observed by the authors of the source along their path all over the Altai. The statement that the Altai population in the valley of the Chuya River, including the Zaysans, was overwhelmingly Lamaist, has not been confirmed.

Keywords: *Southern Altaians, Telengits, Shamanism, Burkhanism, Buddhism, Lamaism, Altai.*

Введение

Традиционной религией, исповедуемой алтайцами с древнейших времен, является шаманизм. В начале XX в. из шаманизма, вследствие религиозной реформы, выделилось новое вероучение – бурханизм («Ак Јан» – белая вера). Бурханизм представляет собой синкретическую религию, которая, будучи основанной на опыте шаманских обрядов и культов, одновременно испытала влияние мировых религий, прежде всего буддизма и в меньшей степени христианства. Наличие таких влияний приводит к полемике: одни считают, что бурханизм является локальным вариантом северного буддизма (ламаизма), другие с этим мнением не согласны.

С позиции несогласных, «заимствованные элементы чужих религий, в том числе и буддизма, искусно видоизменялись и приспосабливались к алтайскому дуализму, поэтому ни одно из заимствований не оказало существенного влияния на древнее традиционное мировоззрение населения Горного Алтая» [Муйтуева, 2004, с. 44]. Иными словами, связи Алтая с Центральной Азией не привели к укоренению буддизма среди алтайцев – бурханисты восприняли лишь некоторые внешние черты ламаистских культов, но не усвоили их догматики [Сагалаев, 1984, с. 103].

С точки зрения оппонирующей стороны, бурханизм – это модифицированная форма буддизма на Алтае [Бедюров, 2004]. Предки современных алтайцев, согласно этой концепции, еще с древности соприкасались с буддийскими центрами Средней Азии, Тибета и Монголии, а в период пребывания в составе Джунгарского ханства (середина XVII – середина XVIII в.) глубже познакомились с буддийским учением. После присоединения Алтая к России влияние буддизма ослабло ввиду изоляции региона от буддийского мира Монголии и Тибета, и религия алтайцев стала принимать черты синкретизма (шаманизм, христианство, буддизм). Тем не менее буддийское учение на Алтае продолжало существовать и возродилось в начале XX в., получив новое идеологическое оформление в бурханизме [Тобоева, 2014, с. 11–12, 15].

Для обоснования своей позиции каждая из полемизирующих сторон, помимо проведения религиоведческого анализа, обращается за примерами к истории, к историческим источникам, порой за одними и теми же. Прежде всего, их внимание привлекают труды известных ученых-исследователей, путешествовавших по Алтаю и воочию наблюдавших повседневную и религиозную жизнь алтайцев. Среди таких работ выделяется коллективный труд трех известных ученых-естествоиспытателей – К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера, посетивших Алтай и Восточный Казахстан в составе научной экспедиции, организованной Дерптским университетом летом 1826 г. в целях изучения местной флоры [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993].

Работа К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера ценна как ботаническими сведениями, так и материалами этнографического характера, на которые до сих пор опираются современные исследователи. Безусловно, этот труд не был обойден и моим вниманием. Я обратилась к нему с желанием найти углубленную, более подробную информацию о религиозных практиках алтайцев в начале XIX в. Мои ожидания были вознаграждены, я почерпнула много интересных и важных фактов по предмету своего интереса. В то же время, изучение содержания работы привело к удручающим открытиям. Обнаружилось, что в ряде современных научных работ, использовавших этот труд в качестве первоисточника, имеются проблемы с достоверностью цитируемого текста, с приписыванием авторам ложного утверждения, с осознанным вводом читателей в заблуждение. Удивительно, но эти искажения фактической информации первоисточника до настоящего времени не оспорены, более того, исходя из них продолжают обосновываться значимые научные выводы.

Вскрывшиеся обстоятельства побудили меня написать эту статью, целью которой является выявление и устранение искажений в истолковании научного источника – коллективного труда К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи». В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи: 1) осуществить критический анализ источника и современных исследовательских работ, ссылающихся на его материалы; 2) выявить примеры недостоверного цитирования текста источника и нарушения правил цитирования; 3) установить факт приписывания авторам ложного утверждения; 4) представить примеры сознательного ввода целевой аудитории в заблуждение; 5) прокомментировать содержание источника для раскрытия реальных исторических данных о религиозных практиках алтайцев.

Результаты

Под титулом коллективного труда «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи» объединены три автономные работы: «Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая» К.Ф. Ледебура; «Путешествие по восточной части Алтайских гор. Дневник путешествия по восточной части Алтайских гор летом 1826 года» А.А. Бунге; «Путешествие по джунгарской Киргизской степи. Дневник путешествия по Киргизской степи к Нор-Зайсану и Алтын-Тюбе в 1826 году» К.А. Мейера. Первоначально эти дневники были изданы в Берлине в 1829–1830 гг. на немецком языке. В нашей стране они долгое время были доступны только узкому кругу специалистов, поскольку полностью на русском языке были изданы в 1993 г. [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 3].

В каждой из этих трех работ содержатся важные исторические сведения о религиозных воззрениях алтайцев. Однако наиболее подробные и обстоятельные наблюдения представлены в работе А.А. Бунге. В этой связи его работа чаще, чем работы соавторов, попадает в поле зрения специалистов в области религиоведения. Особый интерес у исследователей вызывает свидетельство А.А. Бунге о бытовании ламаизма у южных алтайцев. Вот что по этому поводу писал А.М. Сагалаев: «Одним из первых зафиксировал ламаизм у южных алтайцев доктор Бунге, путешествовавший по Восточному и Южному Алтаю в 1826 г.: “В долине реки Чуи значительная часть алтайского населения во главе с зайсанами придерживается ламаистского культа”» [Сагалаев, 1984, с. 81]. При этом А.М. Сагалаев обращал внимание на то, что данные Бунге относятся, очевидно, к теленгитам, которые в указанное время населяли долину Чуи, и на то, что ламаизм у чуйских теленгитов не был единственной религией, он сосуществовал с шаманизмом [Сагалаев, 1984, с. 81].

Идейные оппоненты А.М. Сагалаева, исследовательницы Е. Ямаева и Е.Н. Тобоева, опираясь на материалы А.А. Бунге, пришли к своим выводам. В статье Е. Ямаевой находим следующее: «Нениҥ учун 19 чактыҥ учында – 20 чактыҥ бажында Алтайда «ак-јаҥ» (буркан, јарлык-јаҥ) деп јаҥды јаҥдап баштаган. Ак-јаҥды алтайларга кенетейин, јок јерден келди деп айдарга болбос. 1826 јылда Алтайла јорыктап јүрген Бунге деп атту эмчи кижи бичиген: «Чуй ичинде јуртаган алтайлар ла олордыҥ јайзаҥдары ламаизм јаҥды јаҥдап јат» (Почему в конце 19 – начале 20 веков на Алтае начали исповедовать «белую веру» (буркан, јарлык-јаҥ). Нельзя сказать, что белая вера пришла к алтайцам из ниоткуда. Путешествовавший по Алтаю в 1826 г. доктор Бунге писал: «Проживающие в долине Чуи алтайцы и их зайсаны исповедуют ламаизм» [Ямаева, 1991].

В работе Е.Н. Тобоевой читаем: «Несмотря на ограничение связей Алтая с Монголией, буддийское Учение продолжало существовать. Ламы периодически появлялись на Алтае и тайно помогали местному населению. В записках дневника А. Бунге, сделанных им во время путешествия по Алтаю, пишется: «В долине реки Чуи значительная часть алтайского населения во главе с зайсанами придерживаются ламаистского культа» [Тобоева, 2014, с. 135].

Как видно, каждая из оппонирующих сторон убеждена, что А.А. Бунге непосредственно наблюдал существование ламаистской веры у южных алтайцев в начале XIX в. Более того, исследователи цитируют один и тот же тезис А.А. Бунге. Тем не менее такая единодушная точка зрения не выдерживает никакой критики. Проблема в том, что в работе А. А. Бунге мы не обнаружим ни процитированного тезиса, ни подобного рода утверждений. Но как это возможно?

Разгадка этого научного конфуза кроется в том, что ни один из представленных авторов не работал непосредственно с текстом сочинения А.А. Бунге. Все авторы в своих работах процитировали тезис якобы А.А. Бунге не по первоисточнику, а по труду историка П.Е. Тадыева «Реакционная сущность шаманизма и бурханизма» (1955 г.). Вот оригинальная цитата из работы П.Е. Тадыева: «Впервые зафиксировал ламаизм на Алтае врач Колывано-Воскресенских заводов доктор Бунге, путешествовавший в 1826 году по Южному и Восточному Алтаю. Он отметил, что в долине реки Чуи значительная часть алтайского населения во главе с зайсанами придерживается ламаистского культа» [Тадыев, 1955, с. 31].

Обратим внимание на то, что П.Е. Тадыев не приводит из работы А.А. Бунге дословной цитаты, заключенной в кавычки, а лишь пересказывает его довод. И этот довод, вопреки правилам научной работы, не был подтвержден библиографической ссылкой. В работах же других авторов мы обнаруживаем цитату якобы из сочинения А.А. Бунге, уже заключенную в кавычки. По всей видимости, фрагмент текста из работы П.Е. Тадыева первым заключил в кавычки А.М. Сагалаев. Впоследствии другие авторы (Е. Ямаева, Е.Н. Тобоева), под влиянием научного авторитета П.Е. Тадыева и А.М. Сагалаева, не стали подвергать сомнению приведенную А.М. Сагалаевым цитату, приняли ее как достоверный научный факт и цитировали уже работу самого А.М. Сагалаева, но при этом ссылались на работу П.Е. Тадыева.

Вероятно, П.Е. Тадыев тоже не имел прямого доступа к первоисточнику и почерпнул информацию из неназванного труда. Таким трудом, пожалуй, могла быть работа Л.П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» [1953]. Л.П. Потапов в своей работе, ссылаясь на первое немецкоязычное издание дневника А.А. Бунге, писал: «Ламаистского культа придерживались отдельные алтайские зайсаны и рядовые скотоводы еще в первой половине XIX в. в долине р. Чуи. Бунге отметил это в 1826 г., описывая жилище зайсана Монгола» [Потапов, 1953, с. 352].

Еще одним доказательством того, что приведенная А.М. Сагалаевым и другими исследователями цитата не могла принадлежать перу А.А. Бунге, является тот факт, что в процитированном тезисе речь идет об алтайском населении. Тем временем известно, что в работах К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера коренное население именовалось не алтайцами, а калмыками. Очевидно, что исследователи, неоправданно ссылавшиеся на труд А.А. Бунге, оказались в невольном заблуждении вследствие некритического подхода к выводам научных авторитетов. В их работах отсутствует злой умысел, но тем не менее они способствовали искаженному восприятию публикой смысла текста первоисточника.

В то же время имеются и противоположные примеры сознательного ввода своих читателей в заблуждение по содержанию труда К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера. Так, историк В.А. Клешев, анализируя записи К.Ф. Ледебура и А.А. Бунге, неправомерно утверждает, что шаманские практики и шаманские жертвенные сооружения встречались ученым не на всем пути их следования по Алтаю. К примеру, по его уверению, они не встретились им в долинах Абая, Кырлыка, Кана, Ябогана и Чарыша. На этом основании В.А. Клешев предполагает, что уже в начале XIX в. существовали различия в культовой практике населения юга Горного Алтая [Клешев, 2011, с. 12–13].

Научно несостоятельным суждениям современных исследователей можно противопоставить лишь изучение самого научного источника. Поэтому, чтобы не оставлять никаких спорных моментов, вкратце прокомментируем текст труда К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера с точки зрения представленных в нем сведений о религиозных практиках алтайцев. Напомним, что наиболее обстоятельные сведения о религиозных верованиях алтайцев содержатся в работе А.А. Бунге. В дневниковых записях К.Ф. Ледебура таких сведений меньше, а в работе К.А. Мейера их почти нет.

Первое описание, сделанное К.Ф. Ледебуром в долине р. Чарыш, касается жертвенных сооружений: «Видели мы и калмыцкие жертвенники (майран) либо возле юрт, либо в тех местах, где недавно стояли юрты. На простом сооружении из жердей висят шкуры зайцев, овец или лошадей вместе с лентами, пестрыми лоскутьями и другими подобными вещами, которые калмыки приносят в жертву своим божествам» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 75]. А.А. Бунге встретил похожие жертвенные сооружения в долине р. Урсул: «… множество каркасов с лошадиными шкурами – здесь больше, чем где-либо, – которые видели мы и раньше. Эти каркасы остаются после жертвоприношений добрым или злым духам. Они представляют собой несколько палок, подпирающих длинную жердь, на которую навешена лошадиная шкура, а иногда и шкура другого животного, с головой. Перед этими сооружениями, если они не так давно поставлены, можно заметить два шеста, между которыми натянута веревка с ленточками и тряпицами» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 176].

Довольно часто в пути ученые видели на гребнях горных хребтов обо, хотя так его не именовали. К.Ф. Ледебур описывал обо на хребтах, разделяющих долины Чарыша и Коксы, Кырлыка и Ябогана. Он писал: «На этой высоте у самой дороги лежала куча хвороста, и я видел, как мои калмыки слезали со своих лошадей и подкладывали понемногу хвороста к этой куче» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 87]. А.А. Бунге тоже не раз встречал обо и описывал его так: «Берегом Ябагана мы поднимались сначала незаметно, потом все круче, и, наконец, достигли гребня горного хребта, где мое внимание привлекли большие кучи сухого хвороста. Это была жертва за благополучный подъем на гору, которую здесь приносит каждый проезжающий калмык. Там и сям этот хворост был увешан маленькими лентами и тряпочками. Никто не отваживается прикоснуться к этому хворосту ради костра или прочего. Этот обычай проявлялся всюду, где дорога шла через высокую гору, и даже столь высоко, где уже не было ни леса, ни кустарника. Тогда вместо хвороста была куча камней» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 175–176]. К.А. Мейер видел обо на берегу Иртыша: «Примечателен холм на правом берегу, около лагеря калмыков, возникший потому, что каждый калмык, совершая утреннюю молитву, бросает свой камень на уже накиданную кучу» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 237].

В своих дневниках ученые приводят описания деревянных изображений божеств и духов. К.Ф. Ледебур, побывав в одной из юрт в долине р. Кырлык, отмечал: «Напротив входа висел идол, грубо вырезанный из куска дерева, к верхней части которого обычно присоединяют голову со вставленны-

ми стеклянными или коралловыми глазами. Возле него подвешивают различные жертвы, например белочку или шкурку суслика и особенно часто – орлиную ногу» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 80]. А.А. Бунге посетил юрту в долине р. Чарыш, у впадения в него р. Талицы, и оставил запись: «Над этим местом висят идолы – грубо вырезанные из дерева или кремня человеческие фигурки, украшенные кораллами. Как раз надо мной висели останки орла – лапы с когтями и на мой вопрос, что это значит, калмык ответил мне русским словом: «бог». <…> Рот маленького деревянного божка был помазан жиром» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 164].

Сведения о встречах с шаманами содержатся в работе А.А. Бунге. Вначале в одной из юрт в долине р. Чарыш А.А. Бунге увидел шаманский бубен: «В последней юрте я впервые увидел бубен шамана, который представлял собой обруч около полуфута в высоту и двух футов в поперечнике, с одной стороны обтянутый кожей» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 169]. Позже А.А. Бунге стал свидетелем камлания шамана близ р. Кан: «Юрта была битком набита народом: заболела жена владельца юрты, и абыс колдовал (камлал) около нее. <…> В некотором отдалении от юрты была прикреплена на двух жердях веревка с привязанной посередине заячьей шкуркой <…> Перед этим стояла лошадь, привязанная к столбу, посвященная, как мне сказали, тому богу, от которого зависело исцеление больной. В некотором отдалении на небольшой огороженной жердями площадке горели кости, и кое-какие внутренности овцы, заколотой в качестве жертвоприношения…» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 174]. Также А.А. Бунге описал камлание шамана близ устья Каракола, свои встречи с шаманами на р. Чибит, на р. Ильгумень [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 183, 203, 205].

В обзоре работы А.А. Бунге, пожалуй, главным является вопрос о том, что ученый увидел в долине реки Чуи. По дневниковым записям А.А. Бунге видно, что увидел он, как жители Чуйской степи придерживались шаманизма. Так, ученый описал местные похоронные обряды, проводившиеся под руководством шамана, обряды принесения в жертву мелкого рогатого скота для излечения ребенка, обо на перевале [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 189, 206, 210].

В то же время, в работе А.А. Бунге имеется небольшое описание юрты местного зайсана Монгола, которое дало повод современным исследователям считать, что значительная часть алтайского населения в долине р. Чуи во главе с зайсанами придерживалась ламаистского культа. Приведем этот примечательный текст целиком: «Перед маленьким ящичком, который стоял на чемодане, покрытом богатым ковром, я заметил небольшой латунный сосуд с жиром, а рядом в маленьком подсвечнике – тлеющую палочку около фута длиной и толщиной с тонкий карандаш; то и другое было жертвой богу, спрятанному в ящике. Настойчивой просьбой я вынудил, наконец, зайсана показать мне этого бога. С выражением огромного почтения он открыл ящичек, в котором среди множества шелковых тряпочек явилось для лицезрения маленькое искаженное латунное человеческое лицо. Зайсан не позволил мне приподнять тряпки и осмотреть всего идола. Палочку, тлеющую в подсвечнике, он назвал китайской свечкой и утверждал, что эти свечи, являющиеся большой редкостью, он приобрел лишь благодаря знакомству с одним знатным китайцем. Он дал мне пару таких свечей, которые, по-видимому состояли из растительного вещества, смешанного с землей, были очень ломкими и долго тлели без пламени, с очень небольшим количеством дыма» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 190, 191].

Заключение

Проведенный анализ научного источника – коллективного труда К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи» выявил актуальную проблему достоверности и проверяемости научной информации. К сожалению, обнаружилось, что даже в работах авторитетных ученых имеют место непроверенные факты и сомнительные утверждения. Проблема искажения фактической информации в большинстве случаев вызвана заблуждением либо осознанным намерением подогнать информацию под определенную концепцию. В рассмотренном нами примере научного источника это особенно наглядно видно. Единственный способ противостоять ей – осознание своей ответственности перед наукой.

Список литературы

Бедюров Б.Я. Мой Алтай – это вся Россия [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Банкфакс»: сайт. – 9 февраля 2004. – URL: https://www.bankfax.ru/news/22855/ (дата обращения 01.10.2022).

Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. – Горно-Алтайск: Высоцкая Г.Г., 2011. – 246 с.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи – Новосибирск: Наука, 1993. – 415 с.

Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск: Высоцкая Г.Г., 2004. – 166 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 445 с.

Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. – Новосибирск: Наука, 1984. – 121 с.

Тадыев П.Е. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1955. – 46 с.

Тобоева Е.Н. Учение из глубины веков – Горно-Алтайск: Высоцкая Г.Г., 2014. – 226 с.

Ямаева Е. Кайыш курлу кайран калыгым (Кожаным ремнем опоясанный мой родной народ) // Алтайдың Чолмоны. – 1991. – 29 марта. (На алт. яз.).

References

Bedyurov B.Ya. Moi Altai – eto vsya Rossiya. In *Informatsionnoe agentstvo «Bankfaks».* URL: https://www.bankfax.ru/news/22855/ (Accessed: 01.10.2022). (In Russ.).

Kleshev V.A. Narodnaya religiya altaitsev: vchera, segodnya. Gorno-Altaisk: Vysotskaya G.G., 2011. 246 p. (In Russ.).

Ledebour K.F., Bunge A.A., Meyer C.A. Puteshestvie po Altaiskim goram i dzhungarskoi Kirgizskoi stepi. Novosibirsk: Nauka, 1993. 415 p. (In Russ.).

Muitueva V.A. Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altaitsev. Gorno-Altaisk: Tipografiya ChP Vysotskoi G.G., 2004, 166 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 445 p. (In Russ.).

Sagalaev A.M. Mifologiya i verovaniya altaitsev. Tsentral'no-aziatskie vliyaniya. Novosibirsk: Nauka, 1984. 121 p. (In Russ.).

Tadyev P.E. Reaktsionnaya sushchnost' shamanizma i burkhanizma. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. 46 p. (In Russ.).

Toboeva E.N. Uchenie iz glubiny vekov. Gorno-Altaisk: Vysotskaya G.G., 2014. 226 p. (In Russ.).

Yamaeva E. Kaiysh kurlu kairan kalygym [Kozhanym remnem opoyasannyi moi rodnoi narod]. *Altaidyn Cholmony,* 29.03.1991. (In Alt.).

Чемчиева А.П. https://orcid.org/0000-0003-3090-859X

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0968-0974
УДК 391.98

Н.И. Шитова
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Email: natalja.sni2011@yandex.ru

Освоение природных ландшафтов и этнокультурная идентичность (по материалам русских Горного Алтая)

По материалам Горного Алтая автор рассматривает проблему взаимосвязи процессов освоения русским этносом новых территорий и особенностей этнокультурной идентичности. Анализируются сведения о культуре представителей группы старожилов Горного Алтая, старообрядцев Уймонской долины и православных переселенцев, осваивающих территорию в ходе столыпинских переселений. Этнокультурная адаптация русских старожилов и переселенцев к ландшафтам Горного Алтая включала в себя не только хозяйственное освоение территорий, но и процессы мировоззренческого освоения пространства. Возникает русская топонимика, у уймонских старообрядцев бытуют представления, свидетельствующие о сакрализации территории проживания. Уймонским старообрядцам удается основать изолированные поселения в условиях горно-долинного ландшафта и сформировать устойчивую, бытующую вплоть до настоящего времени конфессиональную этнографическую группу. Важнейшей составляющей этнокультурной идентичности группы становятся представления, связанные с сакрализацией места проживания, района г. Белухи и р. Катуни. Столыпинские переселенцы, осваивающие горно-таежную местность, в новых природно-ландшафтных условиях основывают небольшие населенные пункты. Население таких поселков неоднородно по признаку губернии выхода, их небольшие размеры не позволяют выходцам из отдельных губерний образовывать свои части поселения, «концы». Переселенцы сознательно ориентируются на ассимиляцию и образование новых региональных локальных общностей. Таким образом, освоение русским этносом различных природных ландшафтов Горного Алтая могло способствовать как формированию и длительному сохранению локальной этнокультурной идентичности, как это произошло в случае с группой уймонских старообрядцев, так и нивелированию культурных различий, что мы наблюдаем на примере столыпинских переселенцев.

Ключевые слова: *русские, старожилы, переселенцы, старообрядцы, Беловодье, Горный Алтай, Уймонская долина.*

N.I. Shietova
Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
Email: natalja.sni2011@yandex.ru

Assimilation of Natural Terrains and Ethnocultural Identity (Evidence of the Russians Living in the Altai Mountains)

The relationship between the settlement of Russians on new territories and specific aspects of their ethnic and cultural identity are analyzed using the evidence from the Altai Mountains. The study presents information on the culture of the so-called old-timers of the Altai Mountains, Old Believers of the Uymon Valley, and Orthodox migrants who settled on new territories during the Stolypin's resettlement. Ethnic and cultural adaptation of Russian old-timers and new settlers to the terrains of the Altai Mountains included not only agricultural cultivation of the available lands, but also adaptation of the worldview to new space and emergence of Russian place names. Some aspects in the worldview of the Uymon Old Believers reveal the perception of the territories where they lived as sacred. They founded secluded settlements in mountains and valleys and formed a stable ethnic and confessional group which still exists until now. The most important components of ethnic and cultural identity of this group were beliefs associated with sacralization of their dwelling area around Mount Belukha and Katun River. The Stolypin's migrants, who arrived and started to cultivate this land with mountains and taiga, built small villages with highly diverse population in terms of places of origin. Small sizes of settlements did not make it possible for new settlers who came from different regions to organize their own parts or "ends" as they called them, in these settlements. The migrants were consciously prepared for assimilation and development of new local communities of the region. Thus, cultivating various

natural terrains of the Altai Mountains by the Russians could have facilitated both emergence and prolonged preservation of local ethnic and cultural identity as it happened to the group of the Uymon Old Believers. The process of land cultivation also led to leveling off cultural differences as it was the case with the Stolypin's settlers.

Keywords: *ethnic and cultural identity, Russians, old-timers, Stolypin migrants, Old Believers, agricultural development, Altai Mountains, Uymon Valley (Uymon steppe), Belovodie.*

Вопросы взаимосвязи природно-ландшафтных характеристик и особенностей этнокультурной идентичности представляют особый интерес как явление отражения природы в культуре. Некоторые исследователи рассматривают священные места как маркеры идентичности [Винокурова, 2017; Теребихин, Мелютина, 2014]. По отношению к восточнославянскому населению Сибири изучение подобных взаимосвязей позволило бы соотнести влияние адаптации этноса к новым, отличным от мест первоначального проживания, условиям на состояние базовой составляющей культуры – этнокультурной идентичности. На примере изучения белорусских переселенцев в Сибири Р.Ю. Фёдоров и А.А. Богордаева выявляют основные модели корреляции принципов расселения и этнокультурной идентичности [Фёдоров, Богордаева, 2014]. Как отмечает Е.Ф. Фурсова, одной из форм выражения этнокультурной идентичности русских в Сибири явилась система предпочтительности расселений групп. Одним из решающих факторов, на базе которого формируется идентичность на уровне группы, стал культурно-ландшафтный, то есть духовная связь с природой, ландшафтом [Фурсова, 2019].

В настоящей работе взаимосвязь хозяйственного и мировоззренческого освоения территории и этнокультурной идентичности рассматривается на примере старожилов Горного Алтая, старообрядцев Уймонской долины и православных переселенцев, осваивающих территорию в ходе столыпинских переселений. В исследовании применен метод интеграции архивных и полевых этнографических источников, привлечены некоторые опубликованные данные. В качестве архивных использованы материалы Государственного архива Алтайского края: фонд 233 (Анкеты всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.), Государственного архива социально-правовой документации Республики Алтай. В качестве полевых – этнографические материалы, собранные автором в 2000–2010-е гг. в районах Республики Алтай.

Горный Алтай заселялся русскими значительно позже, чем равнинные территории соседнего Алтайского края. И процесс этот начинался не с территорий, находящихся ближе к уже освоенным, а, наоборот, с отдаленных горно-долинных ландшафтов высокогорной зоны (конец XVIII в.). Затем русскими заселялось среднегорье и в более поздние сроки – низкогорье. Во всех ландшафтных зонах региона старообрядцы являлись первыми представителями русского этноса, адаптирующимися к новым условиям. И вплоть до середины – конца XX в. различные старообрядческие группы бытовали на территории современной Республики Алтай [Шитова, 2018а]. В высокогорной зоне уймонская старообрядческая группа пополнялась старообрядческими переселенцами и продолжала развиваться до потрясений 1920–1930-х гг.

На всей территории Горного Алтая в результате адаптации к новым природно-географическим условиям произошло изменение традиционного для русских Европейской части России соотношения хозяйственных занятий (земледелие – основное, скотоводство, лесные промыслы – вспомогательное). Основой хозяйства в высокогорной и среднегорной зонах стало скотоводство, земледелие отошло на второе место. При этом наибольших успехов в земледелии добились жители Уймонской (высокогорье) и Чарышской (среднегорье) долин. Особенности землепользования нашли отражение в топонимике, в т.ч. в народных названиях различных сельхозугодий. Создание русскими своей топонимической системы является свидетельством мировоззренческого освоения природного пространства [Шитова, 2018б].

Материалы по группе уймонских старообрядцев дают возможность проанализировать адаптацию к природно-ландшафтным условиям Горного Алтая с позиций хозяйственного и мировоззренческого освоения территории и отражения этого процесса в особенностях этнокультурной идентичности представителей группы. Как отмечает Д.Н. Лухманов, рельеф Уймонской долины способствовал почти полной изолированности населения, поскольку расселение в этих местах следовало направлению и рельефу практически замкнутых горных рек. Этими особенностями объясняется хорошо выраженная анклавность местного населения и сама система расселения [Лухманов, 1990, с. 135]. Хозяйственную деятельность уймонцы вписывали в окружающий ландшафт [Шитова, 2017].

Уймонские старообрядцы знамениты своим религиозно-мифологическим наследием, связанным с Беловодьем, широко известно внимание Н.К. Рериха к этим представлениям [Рерих, 1994]. Считается, что старообрядцы пришли в горы в поисках

Беловодья, историкам известны документы, в которых описывался путь в это место [Липинская, 1996]. Наши полевые материалы свидетельствуют о бытовании беловодской легенды в течение всего XX в., отчасти вплоть до современности. «Беловодье» понималось уймонцами по-разному: как район Белухи и Катуни, Уймонская долина как удаленная за пределы Российского государства территория, но также и как духовная реальность, существующая, но недоступная для обычных, грешных людей. На основе анализа старообрядческих нарративов (рукописей Т.Ф. Бочкарева) нами установлено, что переселению старообрядцев-первопоселенцев Уймонской долины Бочкаревых, Атамановых и др. с Европейской части России предшествовало некое религиозно-мифологическое обоснование, легенда, географической привязкой которой, исходя из текста нарратива, являлись Катунь и Белуха [Шитова, 2013].

Некую исключительность освоенной территории, то, что их поселения находятся вблизи высочайшей вершины Сибири, уймонские старообрядцы продолжали осознавать и в трудные годы XX в. Например, в воспоминаниях старообрядца Т.Ф. Бочкарева мы находим свидетельства об осознании географической особенности Белухи как самой высокой вершины Сибири [Там же, с. 59] (рис. 1). В конце XX – начале XXI в. местные старожилы все еще рассказывали нам о том, что, если подняться высоко в горы, вода там течет белая, а потому Уймонская долина и есть Беловодье. Также в ряде бесед фиксировалась и искренняя вера в существование этой страны святости, которую невозможно достичь физически, поскольку вход в нее доступен только безгрешным.

Столыпинские аграрные переселения в Сибири стали источником для образования целого ряда переселенческих групп, сохранявших и развивавших традиции своих метрополий. Так, на территории Алтайского края исследователями выделяется переселенческая историко-этнографическая область [Щеглова, 2011]. Переселенческий поток в Горный Алтай нельзя вписать в закономерности, выявляемые для территории рудного (степного) Алтая [см., напр.: Пожарская, 2009]. Он являлся лишь малой долей общего потока переселенцев на Алтай. Районы, которые были предназначены для заселения столыпинскими переселенцами в Горном Алтае – это территории Лебедской, Озеро-Кураевской и Успенской волостей Бийского уезда Томской губернии (позже Успенский и Лебедский аймаки Ойратской автономной области) [Карта…, 1914].

Существенное отличие от условий рудного Алтая определялось особенностями алтайской черни или черневой тайги, в условиях которой возможно основать лишь небольшие поселения вдоль узких речных долин, или заимки, хутора в отдельных, зачастую «глухих» логах в условиях непривычных, трудных для земледельца (рис. 2). Наибольшее количество поселений в регионе в первой четверти XX в. фиксируется в переселенческих районах: 104 – в Лебедском (население 9 195 чел.), 121 – в Успенском аймаке (население 11 709 чел.). При

Рис. 1. Старообрядец Т.Ф. Бочкарев с сыном. 1970-е гг. Фото из семейного альбома, с. Мульта, Усть-Коксинский р-н Республики Алтай. ПМА, 2007.

Рис. 2. Раздьяконова заимка. Переселенцы из Уфимской губернии. 1910-е гг. Фото из семейного альбома. ПМА, 2012.

этом в более развитых в отношении земледелия Майминском и Уймонском аймаках – соответственно 61 и 60 населенных пунктов (население соответственно 11 770 и 10 135 чел.) [Хозяйство…, 1924].

Большинство переселенцев в Горный Алтай направлялось не непосредственно из Европейской России, а прожив некоторое время на территории Томской губернии. При этом состав населения переселенческих поселков, основанных столыпинскими переселенцами, по признаку губернии выхода был разнообразным. Также была характерна пестрота фамильного состава. Это свидетельствует преимущественно об отсутствии фамильных гнезд во многих переселенческих поселках Горного Алтая.

В Горный Алтай наряду с русскими переселялись также украинцы (например, Курская, Харьковская, Киевская, Полтавская как первая губерния выхода, вторая – Томская), белорусы (например, Курская, Минская губернии), также представители других народов. В результате анализа архивных материалов (анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) на изучаемой территории выявляются поселения с отчетливой локализацией украинских переселенцев, при этом они не были однонациональными. Например, это поселки Ново-Дмитриевский Успенской волости, Алемчирский, Бийский, Средний Салазан Озеро-Куреевской волости Бийского уезда (обозначенные населенные пункты в настоящее время не существуют) [Анкеты с/х переписи поселков Югала…, Анкеты с/х переписи поселка Алемчирский… , Анкеты с/х переписи поселка Бийский… , Анкеты с/х переписи поселка Средний Салазан…]. Упоминания о переселенцах белорусах также можно встретить в архивных документах, но значительно реже, чем об украинцах. Отдельные семьи белорусов, переселенцев из Псковской, Пензенской, Курской, Минской губерний проживали, например, в поселках Кутерьба, Канагачи, Чоя Успенской волости [Анкеты с/х переписи заимок Югалы…, Анкеты с/х переписи поселков: Канагачи…, Анкеты с/х переписи поселка Чоя…], поселке Знаменский Озеро-Куреевской волости [Анкеты с/х переписи поселка Знаменское…] и т.д.

По материалам переписи 1917 г. можно проследить стремление украинских и белорусских переселенцев «слиться» с общей массой русского населения. Это проявляется в том, что идущие подряд одинаковые фамилии с одной губернией выхода и датой прихода в Сибирь, в одном населенном пункте и даже подряд размещенных анкетах (это, скорее всего, свидетельствует о том, что перечисляемые находятся в родстве), могут сопровождаться чередующимися указаниями национальности. Рассказы наших информантов повествуют о том, что украинские и белорусские переселенцы сознательно стремились ассимилироваться с русским населением, в т.ч. видоизменяли фамилии, на национальном языке больше старались говорить между собой, дома.

Трансформация идентичности происходит и у русских переселенцев, выходцев из различных губерний Европейской России. Так, например, выявляемая по архивным документам локализация воронежских переселенцев в отдельных селах, крупнейшим из которых вплоть да настоящего времени является с. Майма, в настоящее время не оставила о себе каких-либо ощутимых культурных следов. Осталась только память о названии губернии выхода дедов, выходцы из Воронежской губернии подверглись ассимиляции, сглаживанию региональных особенностей культуры губернии выхода. По нашим материалам пока не удалось проследить наличие групповой самоидентификации переселенцев по губернии выхода, память о последней осознается исключительно в контексте истории отдельной семьи.

На предмет выражения идентичности в фольклоре нами просмотрен большой массив текстовых фольклорных записей из архива собирательницы русского фольклора в Горном Алтае И.П. Федотовой. По материалам, собранным в 1960–1980 гг. на территории Горного Алтая, наблюдается отсутствие прозвищ, дразнилок, указывающих на этнокультурные различия жителей различных населенных пунктов или их концов. Напротив, по отношению к территории Алтайского края такие записи есть, они отражают классическую картину формирования этнокультурных локальных групп. В текстах частушек преобладает регионально-локальная идентичность, указывающая на конкретное место жительства («манжерокские», «турочакские», «улаганские» и т.д.) и регион проживания (Алтай, Сибирь) [Шитова, 2020]. Данные анализа фольклорных материалов соотносятся, таким образом, с выводами, полученными на основе анализа архивных и полевых источников об активных процессах ассимиляции и интеграции переселенческого населения.

В заключении отметим, что сакрализация территории проживания в алтайских горах фактически совпала с выбором оптимального места для проживания старообрядческой группы с точки зрения природопользования и налаживания системы жизнеобеспечения. По нашему мнению, мистические поиски и духовные потребности уймонские старообрядцы умело соотнесли с практической целесообразностью. Если сопоставить сакрализацию территории проживания, обусловленную горным ландшафтом, изолированность поселений и возможности природопользования – можно сказать, что в горах Алтая старообрядцы в каком-то смысле нашли, создали или построили некое свое Беловодье. Ведь они основали свой, достаточно успешный и развивающийся как духовно, так и материально старообрядческий социум, естественное развитие которого было пресечено репрессиями и государственной политикой 1930-х гг.

В бытовании беловодской легенды у уймонцев проявляется выражение присущего старообрядцам духовного стремления к сохранению основ веры и идеалов святости, изначальной сакрализации уймонцами территории своего проживания, также интерпретации некоторых локальных историко-культурных событий. Все перечисленные аспекты являются важнейшими основами этнокультурной идентичности уймонских старообрядцев.

В природно-ландшафтных условиях переселенческих районов Горного Алтая основать поселения, или «концы» в поселениях, в которых были бы сгруппированы русские переселенцы по признаку губернии выхода, также украинские или белорусские переселенцы, оказалось невозможно. По нашему мнению, специфические особенности освоения территории низкогорья Горного Алтая столыпинскими переселенцами, также преобладание переселенцев из Томской губернии (т.е. уже поживших некоторое время в других районах Сибири), неоднородность населения переселенческих поселков по признаку губернии выхода, преобладание отсутствия семейных гнезд, особенность расположения небольших переселенческих поселков в условиях горно-таежной местности и необходимость хозяйственной адаптации к новым условиям способствовали тому, что Горный Алтай стал территорией сглаживания региональных отличий русских и ассимиляции украинских и белорусских столыпинских переселенцев.

Среди восточнославянского переселенческого населения Горного Алтая в первые десятилетия XX в. происходит процесс складывания некой единой гражданской общности. Нивелирование региональных особенностей русских, украинских и белорусских переселенцев происходит, судя по нашим материалам, сознательно, предположительно, с целью интеграции пестрой массы переселенцев в единый социум, который воспринимается как русский.

В целом, можно говорить о том, что освоение русским этносом территорий в условиях различных ландшафтных зон Горного Алтая могло способствовать как формированию и длительному сохранению локальной этнокультурной идентичности, как это произошло в случае с группой уймонских старообрядцев, так и отказу от региональных особенностей и формированию новых локальных региональных общностей на фоне складывающейся общерусской идентичности, что мы наблюдаем на примере столыпинских переселенцев.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Анкеты с/х переписи заимок Югалы, Воробьева, хутора Дрейберга № 12, Красно-Калинского, деревни Кутерба, Бирюля, поселка Верхний Узлек Успенской волости Бийского уезда // ГААК (Государственный архив Алтайского края). – Ф. 233. Оп. 1а. Д. 765. 61 л.

Анкеты с/х переписи поселка Алемчирский Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 53. 24 л.

Анкеты с/х переписи поселка Бийский Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 357. 14 л.

Анкеты с/х переписи поселка Знаменское Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 362. 24 л.

Анкеты с/х переписи поселков: Канагачи, Казанцевского, Холодный ключ, Михайловского Успенской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 754. 67 л.

Анкеты с/х переписи поселка Средний Салазан Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 376. 12 л.

Анкеты с/х переписи поселка Чоя Успенской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 762. 44 л.

Анкеты с/х переписи поселков Югала, В-Саразон, Ново-Дмитриевский Успенской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 763. 82 л.

Винокурова У.А. Священные места Сибири как маркеры этнической идентичности // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 2А. – С. 533–545.

Карта Томской губернии // Азиатская Россия: атлас. – СПб.: Т-во «А.Ф. Маркс», 1914. – № 29 – URL:http//akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/pereselencheskoe-dvizhenie-na-altae (дата обращения: 02.02.22).

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

Лухманов Д.Н. Географическое положение ареала расселения и социальные проблемы его населения (на примере Усть-Коксинского района ГААО) // Проблемы горного хозяйства и расселения. – М.: Госкомстат СССР, 1990. – С. 131–153.

Пожарская К.А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2009. – 23 с.

Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. – Рига: Виеда, 1994. – 336 с.

Теребихин Н.М., Мелютина М.Н. Священные места Лекшмозерья как маркеры региональной и локальной идентичности // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. – Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 132–140.

Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. – № 3 (30). – С. 67–80.

Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX – XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 30–34.

Хозяйство и население по аймакам на 1 ноября 1924 г. / по данным статбюро // Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 42.

Шитова Н.И. Рукописи старообрядца Т.Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII–XXI вв.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. – 360 с.

Шитова Н.И. Этнокультурные аспекты землепользования в Уймонской долине Горного Алтая (конец XIX – начало XXI вв.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 1 (15). – С. 101–107.

Шитова Н.И. Старообрядческие группы в горах Алтая (по полевым материалам) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2018а. – С. 312–317.

Шитова Н.И. Топонимы и традиционное природопользование русских в Горном Алтае) // Вестн. Томск. гос. педагог. ун-та. – 2018б. – № 2 (191). – С. 34–40.

Шитова Н.И. Этнокультурная идентичность столыпинских переселенцев в условиях Горного Алтая // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 278–283.

Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы 8-й междунар. конф. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 72–83.

References

Ankety s/kh perepisi poselka Alemchirskii Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 53, 24 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Biiskii Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 357, 14 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Choya Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 762, 44 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Srednii Salazan Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 376, 12 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Znamenskoe Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 362, 24 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselkov Yugala, V-Sarazon, Novo-Dmitrievskii Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 763, 82 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselkov: Kanagachi, Kazantsevskogo, Kholodnyi klyuch, Mikhailovskogo Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 754, 67 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi zaimok Yugaly, Vorob'eva, khutora Dreiberga No12, Krasno-Kalinskogo, derevni Kuterba, Biryulya, poselka Verkhnii Uzlek Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya, F. 233, Inv. 1a, D. 765, 61 fol. (In Russ.).

Fursova E.F. Ethno cultural Identity of the Russians of Siberia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Trends and Factors of Formation. In *Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 30–34 pp. (In Russ.). doi: 10.17746/0295-7.2019.030-034

Fyodorov R.Yu., Bogordaeva A.A. Peasant resettlements of Belorussians in the Asian Russia: geography and myths of identity. In *Regionovedcheskie issledovaniya,* 2014, No 3 (30). 67–80 pp. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskie-pereseleniya-belorusov-v-aziatskuyu-rossiyu-geografiya-i-mify-identichnosti (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Karta Tomskoi gubernii. *Aziatskaya Rossiya: atlas*. St. Petersburg: T-vo «A. F. Marks», 1914, No 29. URL: http://akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/pereselencheskoe-dvizhenie-na-altae (Accessed: 08.02.22). (In Russ.).

Khozyaistvo i naselenie po aimakam na 1 noyabrya 1924 g. po dannym statbyuro. Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai, F. 42, Inv.1, D. 168, Fol. 42. (In Russ.).

Lipinskaya V.A. Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae XVIII – nachalo XX v. Moscow: Nauka, 1996, 269 pp. (in Russian).

Lukhmanov D.N. Geograficheskoe polozhenie areala rasseleniya i sotsial'nye problemy ego naseleniya (na primere Ust'-Koksinskogo raiona GAAO). In *Problemy gornogo khozyaistva i rasseleniya.* Moscow: Goskomstat SSSR, 1990, 131–153 pp. (In Russ.).

Pozharskaya K.A. Stolypinskie pereselentsy na Altae: khozyaistvennoe obustroistvo i sotsiokul'turnaya adaptatsiya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2009, 23 pp. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004633713.pdf (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Rerikh N.K. Altai – Gimalai. Putevoi dnevnik. Riga: Vieda, 1994, 336 pp. (In Russ.).

Shcheglova T.K. Russkie, ukraintsy, nemtsy, kazakhi stepnogo zapada Altaiskogo kraya: formirovanie pereselencheskoi istoriko-etnograficheskoi oblasti i sel'skogo kul'turnogo landshafta (materialy k Istoriko-etnograficheskomu atlasu Altaiskogo kraya. In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: materialy 8-i mezhdunarodnoi konferentsii*, Barnaul: AltGPA, 2011, 72–83 pp. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21664827 (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Shietova N.I. Ethno-cultural aspects of land use in the Uymon valley (late 19th – early 21st centuries). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, No 1 (15), 101–107 pp. (In Russ.). doi: 10.23951/2307-6119-2017-1-101-107

Shietova N.I. Etnokul'turnaya identichnost' stolypinskikh pereselentsev v usloviyakh Gornogo Altaya. In *Problemy vysshego obrazovaniya i sovremennye tendentsii sotsiogumanitarnogo znaniya (VIII Arsent'evskie chteniya)*, Cheboksary: Sreda, 2020, 278–283 pp. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42175122 (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Shietova N.I. Old believer groups in Altai mountains (on field materials). In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae*, Gorno-Altaisk: RIO GAGU, 2018a, 312–317. pp. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34875878 (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Shietova N.I. Rukopisi staroobryadtsa T.F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobryadtsev Uimona (XVIII–XXI vv.). Gorno-Altaisk: RIO GAGU, 2013, 360 pp. (In Russ.).

Shietova N.I. Toponyms and traditional natural resources management of the Russians at Gorny Altai. *TSPU Bulletin*, 2018b, No 2 (191), 34– 40 pp. (In Russ.). doi: 10.23951/1609-624X-2018-2-34-40

Terebikhin N. M., Melyutina M. N. Sacred natural sites of Lekshmozero as markers of regional and local identity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universitet,* Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2014, No 4, 132–140 pp. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennye-prirodnye-mesta-lekshmozerya-kak-markery-regionalnoy-i-lokalnoy-identichnosti (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Vinokurova U.A. Sacred places of Siberia as markers of ethnic identity. *Culture and Civilization*, 2017, Vol. 7, No 2A, 533–545 pp. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-2/51-vinokurova.pdf (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Шитова Н.И. https://orcid.org/0000-0003-1325-255X

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0977-0981
УДК 902.03+902.24+903.42

Д.А. Бычков[1]✉, Е.Д. Боровская[2], А.А. Идимешев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru; asap.i@mail.ru

Новые сведения об освоении в финале каменного века окрестностей п. Самусь в Томской области

Окрестности поселка Самусь известны исследователям древностей уже более полувека. На протяжении этого времени здесь были открыты и исследованы поселенческие и погребальные комплексы, которые датируются от неолита до Средневековья. Наиболее широкую известность получили древние культуры эпохи неолита и бронзы, прежде всего самусьская культура эпохи бронзы. В настоящее время хозяйство этих древних коллективов представляется присваивающим, в основе которого лежат охота и рыболовство. На это указывает расположение поселенческих комплексов вблизи водотоков и наличие в материалах рыболовных приспособлений, прежде всего грузил. Если ареал ведения рыбной ловли ограничивается ближайшим к поселению водоемом, то очертить границу охотничьих угодий древнего человека намного сложнее. В ходе осмотра прибрежной полосы оз. Круглое, расположенного на восточной окраине п. Самусь, были обнаружены фрагменты утилизированных орудий из камня и продукты его расщепления. Закладка шурфов в прибрежной части и на прилегающих к ней гривах эолового происхождения позволила установить, что ареал распространения данных предметов ограничен пляжем озера. Технико-типологические характеристики обнаруженных сколов и фрагментов утилизированных изделий позволяют определить время их использования в пределах позднего неолита – ранней бронзы. На этот временной диапазон указывает наличие в коллекции фрагмента шлифованного тесловидного изделия, аналогии которому обнаруживаются в поселенческих комплексах от позднего неолита и до появления самусьской культуры эпохи бронзы. Обнаруженные факты объясняются с позиции теории ресурсных зон, которая описывает закономерности в использовании ландшафтов древними коллективами при ведении хозяйства разных типов. Перспективы дальнейшего поиска и изучения таких объектов видятся в корректировке имеющихся представлений о расположении поселенческих комплексов этого периода.

Ключевые слова: *Томь, Самусь, неолит, бронза, стоянка, камень, озеро.*

D.A. Bychkov[1]✉, E.D. Borovskaya[2], A.A. Idimeshev[2]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru; asap.i@mail.ru

Recent Data on the Terminal Stone Age History of the Samus Area in the Tomsk Region

The surroundings of the village of Samus have been known to researchers of antiquities for more than half a century. Settlement and burial sites ranging from the Neolithic to the medieval period were discovered and explored in this area. The Neolithic and Bronze Age cultures, primarily the Samus Bronze culture, are most widely known. At present, the economy of these ancient communities is considered appropriating. It is based on hunting and fishing. This is indicated by the location of the settlement sites near watercourses and occurrences of fishing equipment, primarily sinkers, in the archaeological assemblages. The nearest reservoir to the settlement was the fishing area; but it is more difficult to outline the boundary of the hunting grounds of an ancient population. During the inspection of the coastal strip of Lake Krugloye in the eastern outskirts

of the village of Samus, fragments of utilized stone tools and stone splitting products were found. The test pits in the coastal part and on the adjoining ridges of the aeoline origin have shown that the area of distribution of these objects is limited to the lake beach. The technical characteristics of the discovered spalls and fragments of the used tools suggest their attribution to the Late Neolithic – Early Bronze Age. This time range is indicated by the occurrence in the collection of a fragment of a polished adze-shaped tool, parallels to it can be found in artifact collections dating from the late Neolithic to the emergence of the Samus culture in the Bronze Age. The discovered facts have been interpreted from the point of view of the theory of resource zones, which describes the regularities in the use of various landscapes by ancient collectives practicing various types of economy. Prospects for further search and study of such objects are seen in the correction of existing ideas about the location of the settlement sites of this period.

Keywords: *Tom, Samus, Neolithic, Bronze Age, site, stone, lake.*

Древности из окрестностей п. Самусь, расположенного в приустьевой части правобережной террасы р. Самуськи, правого притока р. Томи, известны с середины XX в. Несколько поколений исследователей изучали эти поселения и могильники, включающие материалы каменного века, эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья. На основе результатов исследований были выделены отдельные культуры, наиболее известная из которых – самусьская культура эпохи бронзы (напр.: [Матющенко, 1973; Васильев, 2001]).

За десятилетия изучения этой территории сформировалась определенная парадигма, объясняющая хозяйство и выбор мест для обитания этих древних сообществ. Согласно этим представлениям, наиболее древними обитателями низовий р. Томи стали носители культур эпохи неолита, а с течением времени к ним на смену пришли коллективы, овладевшие ранним металлом и ознаменовавшие своим приходом начало эпохи бронзы. Судя по инвентарю этих групп древнего населения, их основными занятиями было рыболовство, охота и другие присваивающие виды хозяйства [Васильев, 2004]. Анализ расположения поселений этих эпох позволил установить, что для их обитателей предпочтительными были бровки и останцы надпойменных террас, выходящих в широкую высокую пойму р. Томи. В настоящее время известны поселения не только у современного русла, но и на берегах старичных озер (рис. 1). Выявленная закономерность применима не только к Нижнему Притомью, но и к другим территориям со схожей ландшафтно-топографической обстановкой [Бычков, 2022, с. 188].

В полевом сезоне этого года авторским коллективом проводились поисковые работы в окрестностях п. Самусь. При обследовании южной части побережья оз. Круглое был обнаружен подъемный материал: фрагменты утилизированных изделий из камня и продукты его расщепления. Артефакты залегали на поверхности песчаного пляжа, размытого водами озера. Пляж сложен наносами песка, промытого и отсортированного в ходе сезонных колебаний уровня воды в озере. Прибрежная полоса имеет пологий уклон к береговой линии. Тыловая часть прилегает к подножию грив, окольцовывающих всю прибрежную часть озера. Гривы, составляющие основу современного рельефа, сложены перевеянными песками и поросли сосновым лесом с мелким кустарником и подростом сосны в подлеске.

Для выяснения стратиграфического контекста залегания артефактов в данных ландшафтно-топографических условиях, на всех наблюдаемых геоморфологических элементах были заложены шурфы: 3 по прибрежной полосе, 1 в подножии гривы и 3 на вершинах гривы. Шурфы на прибрежной полосе показали однородные отложения – серый промытый и сортированный песок с невыраженной псевдослоистостью. Шурфами на гриве была изучена толща перевеянных песков, перекрытая современными почвами. В шурфе в подножии гривы изучена аналогичная толща, в подошве которой наблюдались включения ортзанда. А на глубине 1,65 м ее подстилала толща серого промытого песка, аналогичного тому, что был выявлен в шурфах на прибрежной полосе. Артефакты, аналогичные собранным в качестве подъемного материала, были обнаружены только в одном шурфе на прибрежной полосе (рис. 2). Тем самым было установлено, что на изученной части побережья оз. Круглое отсутствуют культурные седименты, а обнаруженные артефакты происходят из береговых отложений, сформированных, вероятнее всего, в результате размыва берегового уступа.

Полученные в ходе сборов и шурфовки археологические предметы изготовлены из однотипного сырья, насчитывают 72 экз. и характеризуются как фрагменты изделий из камня, нуклевидные обломки и продукты их расщепления. Определимые сколы и их фрагменты имеют продольную огранку и в большинстве случаев следы подготовки ударной площадки. Нуклевидные обломки представлены бесформенными конкрециями кремнистого песчаника серого цвета с минимально подготовленной ударной площадкой и негативами нескольких снятий (рис. 2, *в*). Из орудий в коллекции присутствует фрагмент рабочего края тесловидного изделия, оформленного шлифовкой (рис. 2, *г*). Этот фрагмент является

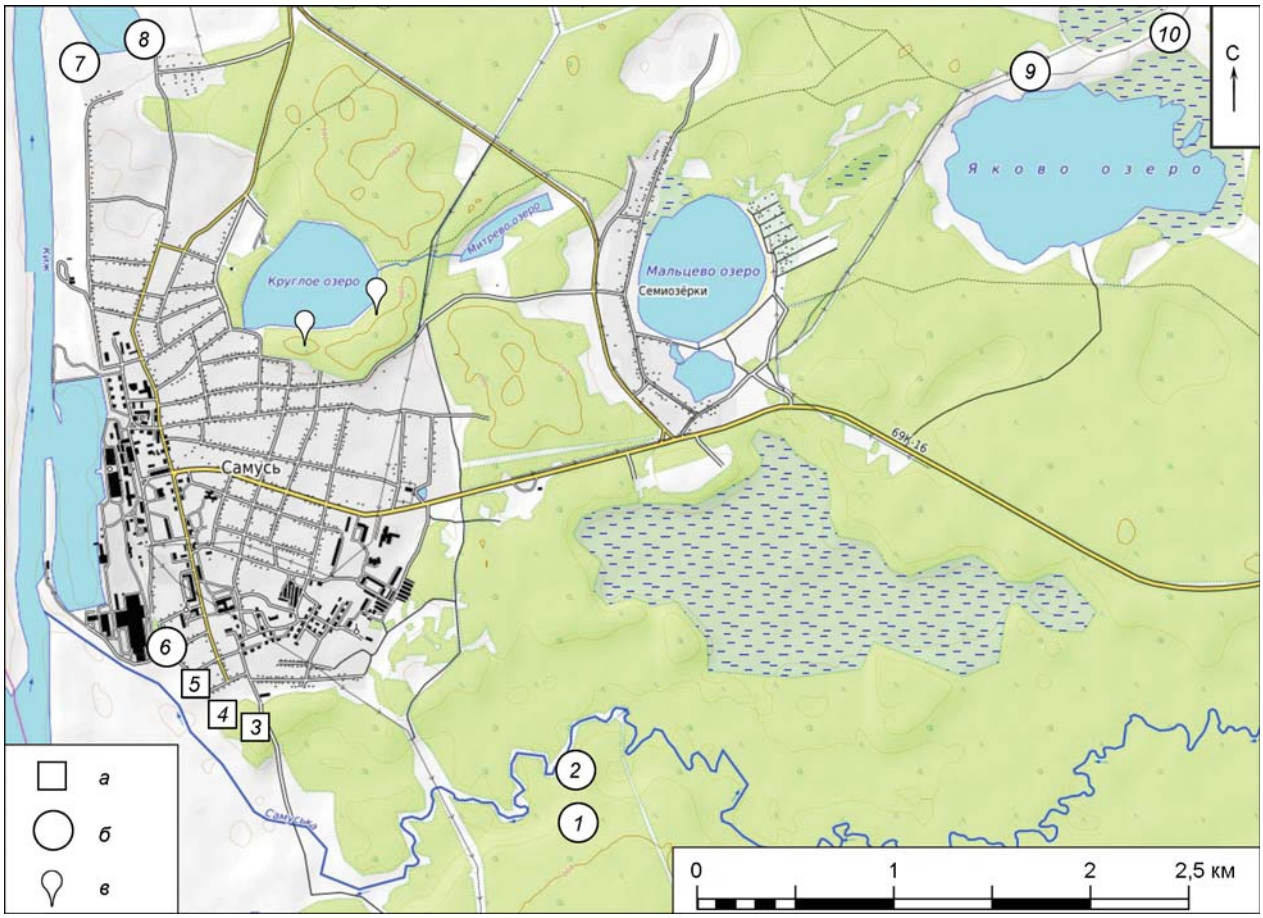


Рис. 1. Карта-схема окрестностей п. Самусь с обозначением археологических памятников и мест сборов подъемного материала на основе фрагмента цифровой карты OpenTopoMap.

1 – Поселение Самуська I; *2* – Поселение Самуська II; *3* – Самуськинский могильник; *4* – Поселение Самусь I; *5* – Поселение Самусь II; *6* – Поселение Самусь III; *7* – Поселение Самусь IV; *8* – Поселение Камышка; *9* – Поселение Яково озеро I; *10* – Поселение Яково озеро II.

а – обнаруженные памятники археологии; *б* – выявленные памятники археологии; *в* – места сбора подъемного материала.

также единственным культурно-диагностирующим предметом, который по своим технико-типологическим характеристикам позволяет отнести данный предметный ряд к периоду позднего неолита – ранней бронзы на основе прямых аналогий с материалами этого времени, которые достаточно широко известны и подробно описаны [Матющенко, 1973, с. 57–58]. Стоит отметить, что данный предмет был обнаружен в аналогичном контексте на некотором удалении от основной группы находок. Датировка подобного рода изделий проведена В.И. Матющенко на основании общего контекста обнаружения подобных изделий и орнаментированных фрагментов керамики, которые по особенностям декора были отнесены к данному периоду.

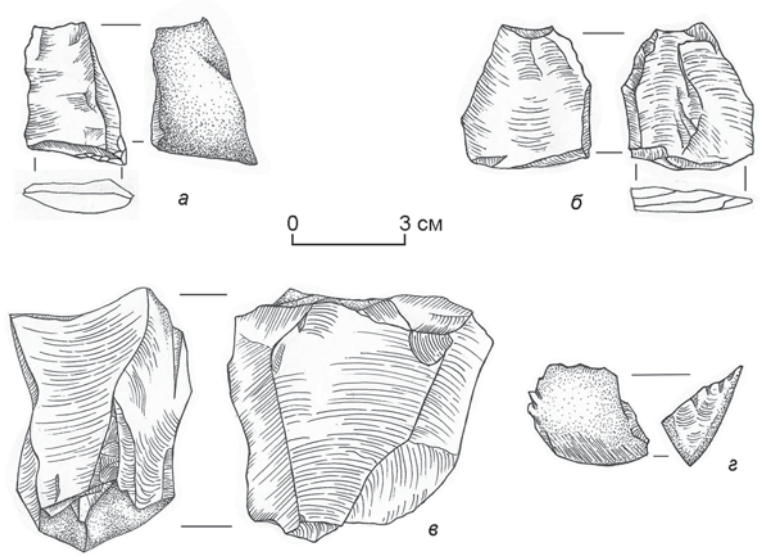


Рис. 2. Предметы из сборов на берегу оз. Круглое.

а – скол со вторичной обработкой; *б* – отщеп; *в* – нуклевидный обломок; *г* – фрагмент тесловидного изделия.

Обнаруженные находки указывают на освоение древними коллективами прибрежной полосы оз. Круглое уже в среднем голоцене. Тем не менее неоднозначной является оценка характера их жизнедеятельности на данном участке местности. Обнаруженные фрагменты изделий из камня и продукты его расщепления не указывают прямо на использование озера для рыболовства. В то же время среди обнаруженных предметов отсутствуют сколы, продуцируемые при обновлении или оформлении обрабатывающих орудий или наконечников, которые свидетельствовали об использовании прилегающей к озеру территории в качестве охотугодий. Следовательно, на данном этапе изучения этого памятника невозможно однозначно определить, на что была направлена деятельность человека на этом месте.

Для объяснения полученных фактов предлагается обратиться к теории ресурсных зон, которая последнее десятилетие используется для формулирования закономерностей распространения поселенческих объектов в зависимости от типа хозяйства древнего населения [Arroyo, 2009; Byrd, Garrard, Brandy, 2016; Коробов, 2014]. Согласно данной теории, коллективы охотников и рыболовов могут осваивать территорию в радиусе до нескольких километров от стационарных поселений. Определяющим фактором здесь является пешая доступность от крайней точки до поселения и «проходимость» ландшафта из расчета «туда-обратно» за световой день. Место обнаружения настоящих материалов находится на расстоянии порядка 1,5–2 км от ближайших памятников эпохи неолита и бронзы, расположенных на террасе р. Томи в окрестностях п. Самусь (см. рис. 1, *а*, *б*). Данное обстоятельство позволяет определить выявленный памятник как разрушенный пункт временного пребывания древних охотников. Пешая доступность от ближайших памятников этого времени, неизменность ландшафта, наличие источника воды позволяют предположить, что данное место использовалось древним населением как некие угодья для охоты, рыболовства и собирательства.

Ближайшие к выявленному памятнику поселения (см. рис. 1, *4*, *6*, *7*) неоднократно изучались разными поколениями исследователей. К настоящему времени можно констатировать, что эти поселения являлись стационарными местами обитания древних коллективов на протяжении эпохи неолита – ранней бронзы. Обнаруженные на этих поселениях предметные комплексы позволяют охарактеризовать их население как охотников-рыболовов, ведущих присваивающее хозяйство. Сопоставимый с артефактами с оз. Круглое предметный ряд с этих поселений характеризуется значительной долей топоров и тесел, рабочий край которых оформлен шлифовкой, обрабатывающими орудиями и наконечниками с оформлением рабочего края ретушью. При этом глубина, крутизна, способ организации ретуши может быть различен от орудия к орудию и никак не коррелировать с их типологической принадлежностью. В материалах эпохи бронзы, прежде всего самусьской культуры, нередко отмечается переоформление утилизированных орудий. Таким образом, можно заключить, что ближайшие к выявленному памятнику поселения являются некими «центрами ресурсных зон», в которых аккумулировались присваиваемые ресурсы и разнообразные предметы материальной культуры.

Продолжительность функционирования изучаемого объекта установить в настоящее время крайне затруднительно ввиду малочисленности вещественных источников, отсутствия следов каких-либо конструкций (кострищ, жилищ и т.п.). Сейчас наличие этого памятника указывает на то, что древнее население осваивало не только долину р. Томи, но и территорию далеко от края береговой террасы. Это, в свою очередь, актуализирует поиск аналогичных объектов на периферии и в глубине террасовых комплексов.

Вариант интерпретации выявленного памятника как «поселения» исключается по причине однородности полученного материала и отсутствия предметного комплекса, характерного для поселений этого периода, расположенных поблизости, а именно фрагментов керамической посуды, следов металлургии, утилизированных изделий из камня, кости, металла, кострищ, остатков конструкций. По тем же самым причинам данный объект, как и оз. Круглое, не может быть «центром ресурсной зоны», поскольку, согласно приводимой теории, древние общества с присваивающим хозяйством аккумулируют в этих «центрах» присвоенные и добытые ресурсы, чего в контексте изучаемого памятника не наблюдается.

Результатом проведенной работы является не только получение новых источников о материальной культуре населения Нижнего Притомья в период позднего неолита – ранней бронзы, но и фактов, подтверждающих жизнеспособность теории ресурсных зон для объяснения разнообразия памятников этой эпохи и особенностей их распространения на изучаемой территории. Применение теоретических основ так называемой «ландшафтной археологии» позволит доказательно интерпретировать факты обнаружения случайных находок этого времени на неперспективных для длительного обитания участках местности. На основе данного подхода могут быть выработаны основы для построения прогнозных моделей, которые позволят подходить к выявлению новых поселенческих объектов более предикативно.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Авторы выражают благодарность студентам ТГУ Деманову И.А., Сергиенко А.Р. и студенту ТГПУ Литвину Е.О. за помощь в проведении полевых работ.

Список литературы

Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2022. – № 76. – С. 180–191. – doi: 10.17223/19988613/76/21

Васильев Е.А. Самусьская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. – С. 127–129.

Васильев Е.А. Культура древнейших обитателей низовий Томи // По реке времени. Путеводитель к экспозиции. – Северск: Ветер, 2004. – С. 5–18.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины): дис. … д-ра ист. наук. Т. 1. – М., 2014. – 610 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. I. Верхнеобская неолитическая культура. // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1973. – Вып. 9. – 182 с.

Arroyo A.M. The use of optimal foraging theory to estimate Late Glacial site catchment areas from a central place: The case study of eastern Cantabria, Spain // Journal of Anthropological Archaeology. – 2009. – Vol. 28, iss. 1. – P. 27–36.

Byrd B.F., Garrard A.N., Brandy P. Modelling foraging ranges and spatial organization of Late Pleistocene hunter – gatherers in the southern Levant. A leastcost GIS approach // Quatern. Intern. – 2016. – Vol. 396. – P. 62–78.

References

Arroyo A.M. The use of optimal foraging theory to estimate Late Glacial site catchment areas from a central place: The case study of eastern Cantabria, Spain. *J. of Anthropological Archaeology*. 2009. Vol. 28. Iss. 1. P. 27–36.

Bychkov D.A. Landscape-topographical features of the location of archaeological sites in the Tomsk-Narym Ob Region. *Tomsk State Univ. J. of History*, 2022. N 76. P. 180–191. (In Russ.). doi: 10.17223/19988613/76/21

Byrd B.F., Garrard A.N., Brandy P. Modelling foraging ranges and spatial organization of Late Pleistocene hunter – gatherers in the southern Levant. A leastcost GIS approach. *Quatern. Intern*. 2016. Vol. 396. P. 62–78.

Korobov D.S. Sistema rasseleniya alan Centralnogo Predkavkazya v I ts. n.e. (landshaftnaya arheologiya Kislovodskoj kotloviny): doc. sc. (history) dissertation. Moscow, 2014. Vol. 1. 610 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya. Chap. I. Verhneobskaya neoliticheskaya kultura. In *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1973. Vol. 9. 182 p. (In Russ.).

Vasilev E.A. Samuskaya kultura. In *Narody i kultury Tomsko-Narymskogo Priobya: Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001. P. 127–129. (In Russ.).

Vasilev E.A. Kultura drevneishih obitatelei nizovii Tomi. In *Po reke vremeni. Putevoditel k ekspozitsii*. Seversk: Veter, 2004. P. 5–18. (In Russ.).

Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Боровская Е.Д. https://orcid.org/0000-0002-0317-1951
Идимешев А.А. https://orcid.org/0000-0002-6151-4625

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0982-0985
УДК 902.03+902.24+903.42

Д.А. Бычков✉, А.А. Морозов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Новые сведения о поселенческом комплексе Красный Яр на р. Уень в Новосибирском Приобье

Археологические древности у с. Красный Яр известны с середины XX в. Исследовательская парадигма полевого поиска того времени ограничивала возможный ареал распространения поселенческих объектов в пределах террасовых комплексов р. Оби и ее притоков. В последние десятилетия полевых исследований в Новосибирском Приобье были получены факты, указывающие на существование иных закономерностей в расположении данных объектов. Так, в 1993 г. в окрестностях с. Красный Яр, на левом берегу р. Уень, левого притока р. Оби, было обнаружено поселение Красный Яр-6, расположенное в глубине террасы, поперек эоловой гряды. При первичном обследовании в котлованах жилищных западин были заложены шурфы. В результате был обнаружен орнаментированный фрагмент керамического сосуда, отнесенный к эпохе бронзы. В 2022 г. при обследовании трассы проектируемой автодороги это поселение было повторно обследовано. Были получены новые сведения о поселении: количество, формы и расположение жилищных западин были уточнены. Было выяснено, что сооружения располагаются на склонах грив, проходящих повдоль гряды. При этом западины располагаются группами по 4–7 вокруг западин четырехугольной формы с размерами более 10 м по одной стороне. Поиск археологических материалов путем закладки шурфов позволил установить сезонный характер этого поселения. На основе применения этноархеологического подхода и анализа аналогичных по контексту поселений было предположено, что это поселение функционировало в зимний период времени. Перспектива исследования подобных поселений видится в рамках уточнения региональных схем историко-культурного развития территорий.

Ключевые слова*: поселение, эпоха бронзы, дорога, жилище, сезонность, Красный Яр, Уень.*

D.A. Bychkov✉, A.A. Morozov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

New Data about Settlement Complex of Krasnyi Yar on the Uen River in Novosibirsk Ob Region

Archaeological sites near the village of Krasny Yar have been known since the mid-20th century. The field research paradigm of that time limited the possible distribution area of settlement sites within the terraces of the Ob River and its tributaries. During the latest decades of field research in the Novosibirsk Ob region, new data indicating other patterns in the arrangement of habitation sites have been derived. In 1993, the settlement site Krasny Yar-6 was discovered in the vicinity of Krasny Yar on the left bank of the Uen River, the left tributary of the Ob. It was located in the terrace rear part, across the aeolian ridge. Testing trenches were made in housing depressions. The test excavations yielded an ornamented fragment of a Bronze Age ceramic vessel. In 2022, the site was re-examined in the course of rescue archaeological works under the road construction project. New information was derived: the number, shape and location of housing depressions were specified. It was found that ancient constructions were located on the slopes of the ridge. From 4 to 7 smaller hollows are located around quadrangular depressions with the side over 10 m long. Testing pits yielded archaeological materials suggesting seasonal habitation of the site. Based on the application of the ethnoarchaeological approach and analyses of settlements with context, it was assumed that this settlement was a winter station. The prospect of studying such settlements is seen as part of the elaboration of regional patterns of the historical and cultural development of region.

Keywords: *settlement, Bronze Age, road, dwelling, seasonally, Krasnyi Yar, Uen.*

Первые сведения о древностях Новосибирского Приобья известны из сообщений Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина и ряда авторов XIX в. Систематические исследования в регионе начались в 1950-е гг. и были связаны с подготовкой ложа Новосибирского водохранилища к затоплению. Поскольку в регионе существует несколько ландшафтных зон – лесостепь, боровые гривы и реликты южной тайги – то его обследование специалистами было неравномерным и на первых этапах определялось парадигмой поиска в тех или иных ландшафтных условиях [Новосибирская…, 2010, с. 10–11].

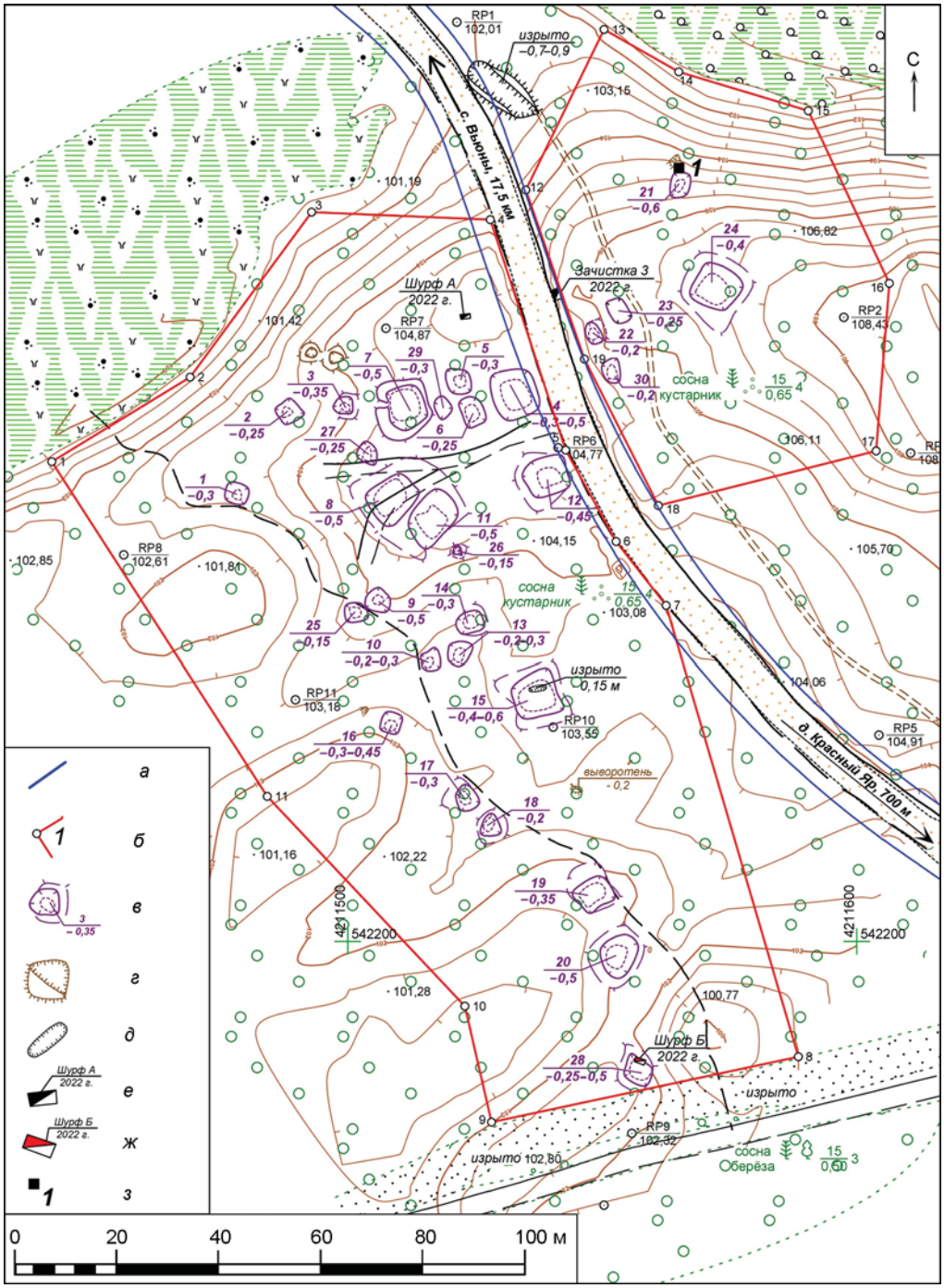
Одним из первых обследований в зоне расположения боровых грив были работы у с. Красный Яр. В 1959 г. поступили сведения, что группа школьников во время похода под руководством их учителя Матасовой обнаружили у села курганную группу. В этом же году Т.Н. Троицкой был обследован этот район. На выявленном памятнике заложен раскоп 40 м^2, а на его периферии пройдено 8 шурфов. По ближайшему населенному пункту выявленный комплекс получил наименование Красный Яр-1. В это же время группой под руководством В.А. Дремова, была проведена разведка по террасе от с. Вьюны до д. Крутоборка протяженностью 5 км на восток. А также на террасе близ д. Черный Мыс. В результате было обнаружено 4 объекта. С этого времени комплекс памятников у с. Красный Яр периодически исследовался – закладывались раскопы, проводилась шурфовка для уточнения его границ [Ковалевский, Автушкова, 2019, с. 73–75].

Приведенная история исследований в данном районе достаточно полно отражает поисковую парадигму того времени, которая заключалась в том, что в подобных ландшафтных условиях археологические объекты разыскивались преимущественно по террасовым формам рельефа в непосредственной близости от водоемов. Первые, не вписывающиеся в эту картину факты, начали выявляться к 1990-м гг. В 1993 г. этим фактом стало обнаружение А.П. Бородовским в окрестностях с. Красный Яр поселения, пересекаемого лесовозной дорогой из с. Красный Яр и получившего название Красный Яр-6. Исследователем было выявлено 20 выраженных в современном рельефе археологизированных сооружений, представляющих собой впадины округлых очертаний и одно «всхолмленние». Шурфы, заложенные исследователем в нескольких котлованах сооружений, позволили получить датирующий материал – фрагмент керамического сосуда, отнесенного к эпохе бронзы [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 103, рис. 151, *1*]. Поселение расположено за пределами типовой ландшафтной ситуации – его окружают заболоченные низины, поблизости отсутствуют водоемы.

В 2022 г. возникла необходимость проведения изысканий по проекту автомобильной дороги, связывающей с. Вьюны и д. Черный Мыс. При обследовании трассы проектируемой автодороги было установлено, что она проходит через поселение Красный Яр-6. Для планирования мероприятий по обеспечению его сохранности было проведено обследование поселения с фотофиксацией его современного состояния, поиском подъемного материала на участках разрушения почвенного покрова, закладкой стратиграфических разрезов и топографической съемкой его территории. В результате проведенных мероприятий было установлено, что поселение занимает гряду с шириной до 160 м в поперечнике, вытянутую с СВ на ЮЗ и состоящую из трех грив, соединяющихся в одну. Территория поселения поросла высокоствольным сосновым лесом с отдельными кустарниками и подростом сосны в подлеске. Дерново-почвенный покров выстлан моховой и кустарничковой растительностью (см. *рисунок*).

Визуально определимых сооружений обнаружено в количестве 30 западин округлой и четырехугольной формы, различно расположенных относительно сторон света. Вне зависимости от формы некоторые западины имеют такой конструктивный элемент как обваловка – полностью замыкающаяся или частично расположенная по периметру. Несколько четырехугольных западин с обваловкой имеют четко выраженную предвходовую площадку с западной стороны (см. *рисунок*, *в*). Крупные, четырехугольные западины расположены на уступе грив, а округлые, более мелкие западины, расположены поодаль от них таким образом, что все они располагаются небольшими «кустами», занимая склоны грив и совсем не затрагивая их вершин. Сравнивая метрические параметры западин, можно сделать вывод, что большинство западин имеют четырехугольную форму и они крупнее и глубже западин округлой формы.

Стратиграфическими разрезами были изучены покровные отложения в разных частях поселения. Было установлено, что современный почвенный горизонт сложен гумусированной супесью с включениями углей и корней растений. Ниже залегают пески разной цветности с субвертикальными линзами ортзандов и затеков по ним. Ни в одном разрезе предметов материальной культуры обнаружено не было. По этой причине поиск подъемного материала производился в том числе и на участках нарушения почвенного покрова – вывернутых корневищах деревьев. При осмотре выворотня в северо-восточной части поселения у западины 21 были обнаружены продукты расщепления сероватого кремнистого песчаника в виде нескольких сколов



Топографический план поселения Красный Яр-6 в масштабе 1:1000.
а – граница землеотвода под проектируемую автодорогу; *б* – граница территории поселения; *в* – визуально определимые археологизированные сооружения (западины); *г* – выворотни; *д* – техногенные и антропогенные нарушения почвенного покрова; *е* – стратиграфические разрезы без выявленного культурного слоя; *ж* – стратиграфические разрезы с выявленным культурным слоем; *з* – места сбора подъемного материала.

со следами термической обработки* (см. *рисунок*, *з*). На других обследованных участках поселения артефактов обнаружено не было.

Установленные факты могут быть объяснены в рамках этноархеологического подхода, позволяющего коррелировать археологические данные с этнографическими материалами. Согласно имеющимся наблюдениям за сезонными циклами жизнедеятельности коренных народов севера Западной Сибири, которые проживают в сходных ландшафт-

* Полученные археологические материалы были переданы на постоянное хранение в фонды Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока.

ных условиях, на сезонность поселений указывает целый ряд признаков. Главным отличием «зимних» поселений является расположение вдали от водоемов и отсутствие культурного слоя в межжилищном пространстве [Кениг, 2010, с. 53, 63–65]. Это объясняется тем, что в зимнее время года рыболовство уходит на второй план, в лесу меньше ветра, а вода могла добываться путем растапливания снега. Вся деятельность происходит внутри построек, и поэтому культурные отложения не формируются за их пределами. В археологическом контексте эта теория находит свое подтверждение в материалах поселенческих комплексов эпохи бронзы, изученных в Васюганье, где исследователями также выделяются летние и зимние поселения. Характерной чертой последних является общая «бедность» культурного слоя на артефакты и полное их отсутствие за пределами жилищ [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 122–123]. Таким образом, полученные в ходе натурного обследования сведения указывают на явный сезонный характер поселения Красный Яр-6. Особенности расположения, характер культурных отложений на поселении указывают на функционирование в зимний период.

В результате проведенного исследования были получены новые сведенья о жизнедеятельности населения эпохи бронзы в окрестностях с. Красный Яр. Определение фактов, указывающих на «сезонность» их поселений, позволяет сформулировать новые направления будущих исследований. В таком ключе перспективными видятся изучение отдельных сооружений для определения их функциональной нагрузки и последующей корреляции с визуально определимыми признаками аналогичных сооружений, палеоэкологические и почвоведческие исследования для определения природных условий в период возникновения данных поселенческих объектов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1979. – 183 с.

Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: АМБ, 2010. – 128 с.

Ковалевский С.А., Автушкова А.Л. История изучения комплекса археологических памятников Красный Яр-1 // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2. – С. 73–82.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1996. – Вып. 2. – 192 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»).

Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995) / Л.Ю. Китова, Ю.Н. Ненахова, Т.Н. Троицкая, А.Л. Автушкова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 152 с.

References

Kenig A.V. Etnoarheologiya kak metod arheologicheskih rekonstrukcij (na primere tazovskih sel'kupov). Ekatinburg–Hanty-Mansijsk: AMB, 2010. 128 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Bronzovyj vek Vasyugan'ya. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1979. 183 p. (In Russ.).

Kitova L.Yu., Nenakhova Yu.N., Troitskaya T.N., Avtushkova A.L. Novosibirskaya arheologicheskaya ekspediciya (1957–1995). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. 152 p. (In Russ.).

Kovalevskii S.A., Avtushkova A.L. The history of the study of the Krasny Yar-1 archaeological complex. *Theory and practice of archaeological research*, 2019. N 2. P. 73 – 82. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2019)2(26).-06

Molodin V.I., Borodovskii A.P., Troitskaya T.N. Arheologicheskie pamyatniki Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti.. Novosibirsk: Nauka, 1996. Vol. 2. 192 p. (In Russ.). Materialy «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii»

Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0986-0992
УДК 903.42+903.59+902.21

Ю.А. Васильева✉, А.А. Дудко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: jvsl @mail.ru

Результаты спасательных археологических раскопок на поселении Сырой Аган-28 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2022 году

В статье представлены результаты спасательных археологических раскопок на выявленном объекте археологического наследия поселение Сырой Аган-28. В ходе раскопок были полностью исследованы три археологизированные сооружения с внешними ямами, а также культурный слой между объектами. Сооружение 1 в современном рельефе читалось как двухкамерное, в ходе раскопок установлено, что оно представляло собой квадратную каркасно-столбовую конструкцию с пристройкой – «сенями» – с северной стороны. Первоначально сооружение имело конусовидную крышу. В центре основной постройки располагался очаг открытого типа, оконтуренный деревянной рамой. В юго-западном углу «сеней» располагалось закрытое теплотехническое устройство. Сооружение 2 (жилище) первоначально имело шестиугольную каркасно-столбовую конструкцию с конусовидной крышей, в центре располагался очаг открытого типа, с южной стороны зафиксирован тамбур. С западной стороны жилища зафиксированы следы пристройки из жердей с наземным очагом открытого типа. Внутри жилой конструкции, справа и слева от входа, располагались земляные нары с деревянной рамой-каркасом. Сооружение 3 первоначально было выполнено в виде квадратной каркасно-столбовой конструкции с конусовидной крышей, в центре был расположен очаг открытого типа. Все конструкции обоих сооружений горели, вероятно, единовременно. Археологические предметы представлены изделиями бытового и промыслового назначения, а также фаунистическими остатками. Поселение отличается вариабельностью форм и конструктивных элементов сооружений. Среди найденных археологических предметов почти нет фрагментов керамической посуды, те, что есть – невыразительны. Учитывая всю совокупность полученных в ходе спасательных археологических раскопок данных, считаем возможным датировать поселение Сырой Аган-28 периодом XIII–XVI вв. н.э. и отнести к сайгатинской археологической культуре. Дальнейшая работа с археологическим материалом и результаты радиоуглеродного датирования позволят внести ясность в возникшие в процессе исследований вопросы.

Ключевые слова: *Нефтеюганский р-н, урочище Городской Остров, протока Кривая, поселение, теплотехническое устройство, очаг открытого типа, металлическое орудие, украшение, Средневековье, сайгатинская археологическая культура.*

Y.A. Vasileva✉, A.A. Dudko

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: jvsl @mail.ru

Results of Rescue Archaeological Excavations at the Settlement of Syroy Agan-28 in the Nefteyugansk District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2022

The article presents the results of rescue archaeological excavations at the archaeological heritage site – the settlement of Syroy Agan-28. During the excavations, three archaeologized structures with external pits and the cultural layer between the objects were excavated. Originally, archaeological structure 1 looked like a two-chamber structure; excavations revealed a square frame and pillar structure with an extension – an inner porch – at the north side. The building had a conical roof. In the center of the main building there was an open hearth contoured with a wooden frame. In the south-western corner

of the porch there was a closed heating device. Archaeological structure 2 (dwelling) represented a hexagonal frame-pillar construction with a cone-shaped roof; an open-type hearth was located in the center, and a tambour at the south side. At the western side of the dwelling there was an extension made of poles with an open ground hearth. Inside the residential structure, there were earthen bunks with wooden frames to the right and left of the entrance. Archaeological structure 3 shows a square frame-pillar structure with a cone-shaped roof; an open hearth is located in the center. All constructions of the archeological structures burned probably at the same time. Archaeological materials are comprised of household, hunting, and fishing tools, as well as faunal remains. The settlement showed various forms and structural elements of buildings. Among the found archaeological objects there are almost no pottery fragments, the available potsherds are inexpressive. Based on the totality of the derived data, we consider it possible to date the settlement of Syroy Agan-28 to the period of the 13th–16th centuries AD and attribute it to the Saigatinskaya archaeological culture. Further work on the archaeological materials and the results of radiocarbon dating allow us to clarify the issues that have arisen in the course of research.

Keywords: *Nefteyugansk district, the tract of the Gorodskoy Ostrov, Krivaya Channel***,** *settlement, thermal engineering device, an open hearth, metal weapon, decoration, Medieval period, Saigatinskaya archaeological culture.*

Объект археологического наследия «Поселение Сырой Аган-28» был выявлен сотрудниками ООО «НПО «Северная археология-1» в 2021 г. в ходе археологической разведки на земельных участках, отводимых для промысловых объектов ООО «Юганскнефтегаз» [Акт…, 2021].

Памятник расположен в Нефтеюганском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на территории Южно-Сургутского месторождения, в 21 км к северо-востоку от г. Нефтеюганск, в 24 км к юго-западу от г. Сургут, в 10 м к северу от автомобильной дороги. Участок, на котором расположено поселение Сырой Аган-28, занимает северную оконечность узкой гривы, на восточном краю крупной котловины, в глубине останца коренной низкой полого-наклонной террасы р. Оби – урочища Городской Остров. Котловина, которая в древности была озером, сегодня покрыта болотом. Она овальной формы, вытянута в направлении ССЗ – ЮЮВ, соединена с руслом протоки Сырой Аган. Поверхность гривы имеет небольшой уклон к северу, склоны очень пологие, с превышением над уровнем болота до 1–1,5 м, бровка не выражена. Территория памятника с запада, севера и востока окружена болотом, с юга – автомобильной дорогой. Растительный покров на территории поселения Сырой Аган-28 представлен сосново-кедровым лесом с березовым, осиновым и сосново-еловым подростом. В нижнем ярусе преобладают кустарниковые – багульник, брусничник и мхово-лишайниковые. На территории поселения Сырой Аган-28 визуально выражены три археологизированных сооружения – впадины с обваловкой, оконтуренные внешними ямами – остатки жилищ 1–3 (рис. 1–3).

В июле – сентябре 2022 г. под руководством Ю.А. Васильевой в рамках реализации мероприятий по сохранению памятника археологии перед проведением строительных работ на части территории поселения Сырой Аган-28 проведены спасательные раскопки. Тремя раскопами, общей площадью 3 605 м^2, изучены южная и центральная часть поселения, полностью исследованы три выраженных в рельефе археологизированных сооружения, находившихся под угрозой разрушения. В южной части памятника, судя по данным, полученным из раскопов 2 и 3, культурный слой отсутствует. Северная часть объекта не будет затронута строительными работами и в план работ не входила. При этом выраженных в рельефе археологизированных сооружений в северной части памятника нет.

В ходе осмотра и на основании инструментальной съемки проведено изучение микрорельефа поверхности территории поселения и в результате уточнено месторасположение сооружений, а также их морфометрические характеристики (см. рис. 1).

Сооружение 1 (см. рис. 1; 2, *1–3*) в виде двухкамерной впадины с обваловкой, расположено в северной части поселения. Имеет овальную форму со слабовыраженным входом, ориентированным на запад. Впадина окружена четырьмя внешними ямами. На современной дневной поверхности в западной части сооружения фиксируется крупный муравейник. Размеры археологизированного сооружения по внешнему краю обваловки 6,4 × 10,9 м, по внутреннему краю – 4,2 × 8,7 м. Глубина впадины от верхних нивелировочных отметок обваловки – 0,2 м. Высота обваловки – 0,2–0,3 м. Внешние ямы размерами от 1 × 1,1 м (глубиной до 0,2 м) до 2,0 × 2,2 м (глубиной до 0,55 м).

Сооружение 2 (см. рис. 1; 2, *4–6*) в виде впадины с обваловкой, расположено в центральной части поселения. Имеет округлую форму, с выраженным входом, ориентированным на юг. Впадина окружена восемью внешними ямами. На современной дневной поверхности в восточной части сооружения фиксируется крупный муравейник. Размеры археологизированного сооружения по внешнему краю обваловки 8,35 × 9,15 м, по внутреннему краю – 5,15 × 6,6 м. Глубина впадины от верхних нивелировочных отметок обваловки – 0,3–0,4 м. Высота обваловки – 0,25–0,3 м. Внешние

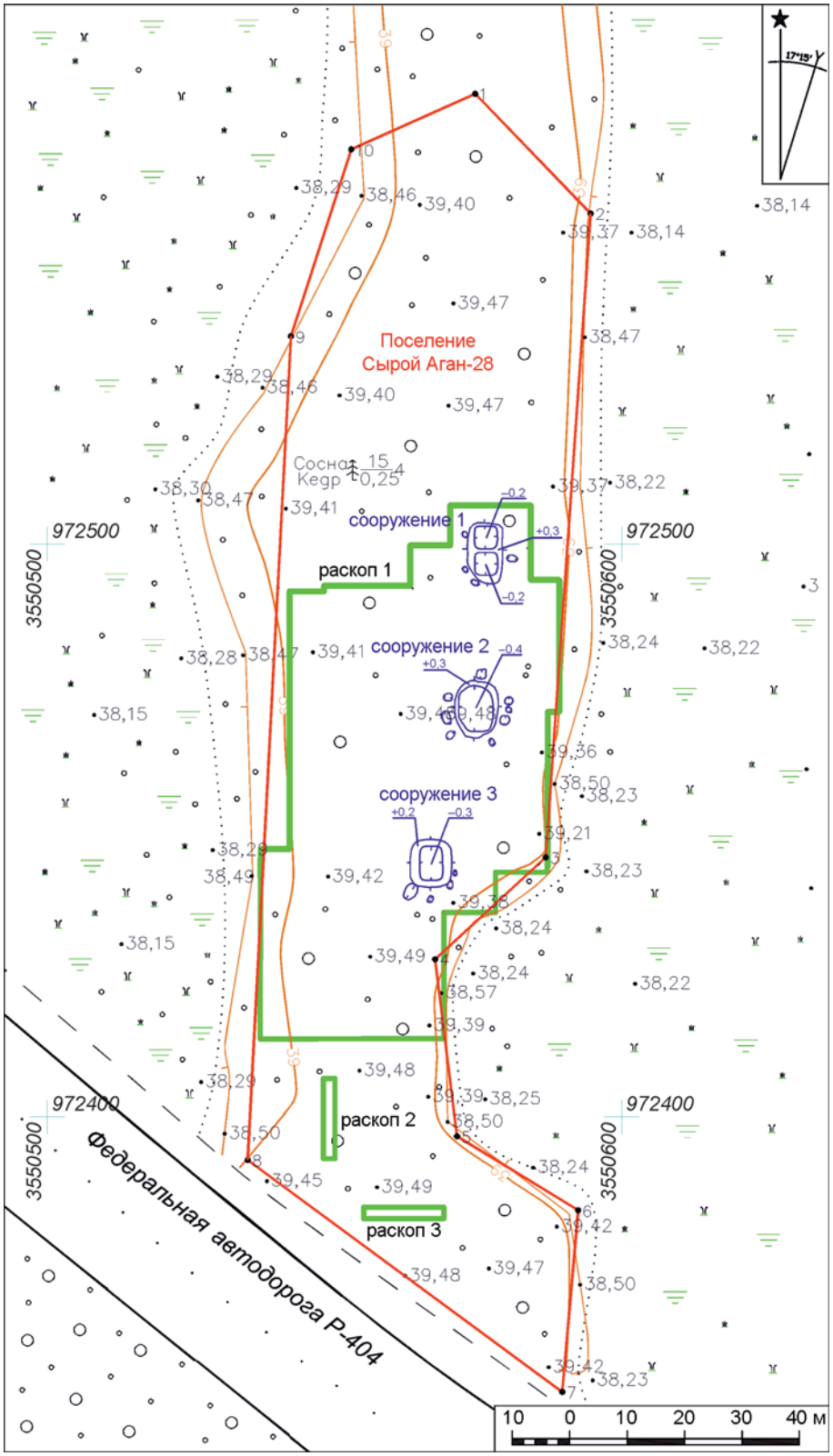


Рис. 1. Топографический план поселения Сырой Аган-28.

ямы размерами от 1 × 1,1 м (глубиной до 0,2 м) до 1,7 × 2,2 м (глубиной до 0,7 м).

Сооружение 3 (см. рис. 1; 3, *1–3*) в виде впадины с обваловкой, расположено в южной части поселения. Имеет округлую форму со слабовыраженным входом, ориентированным на север. Впадина окружена четырьмя внешними ямами с южной стороны. Диаметр археологизированного сооружения

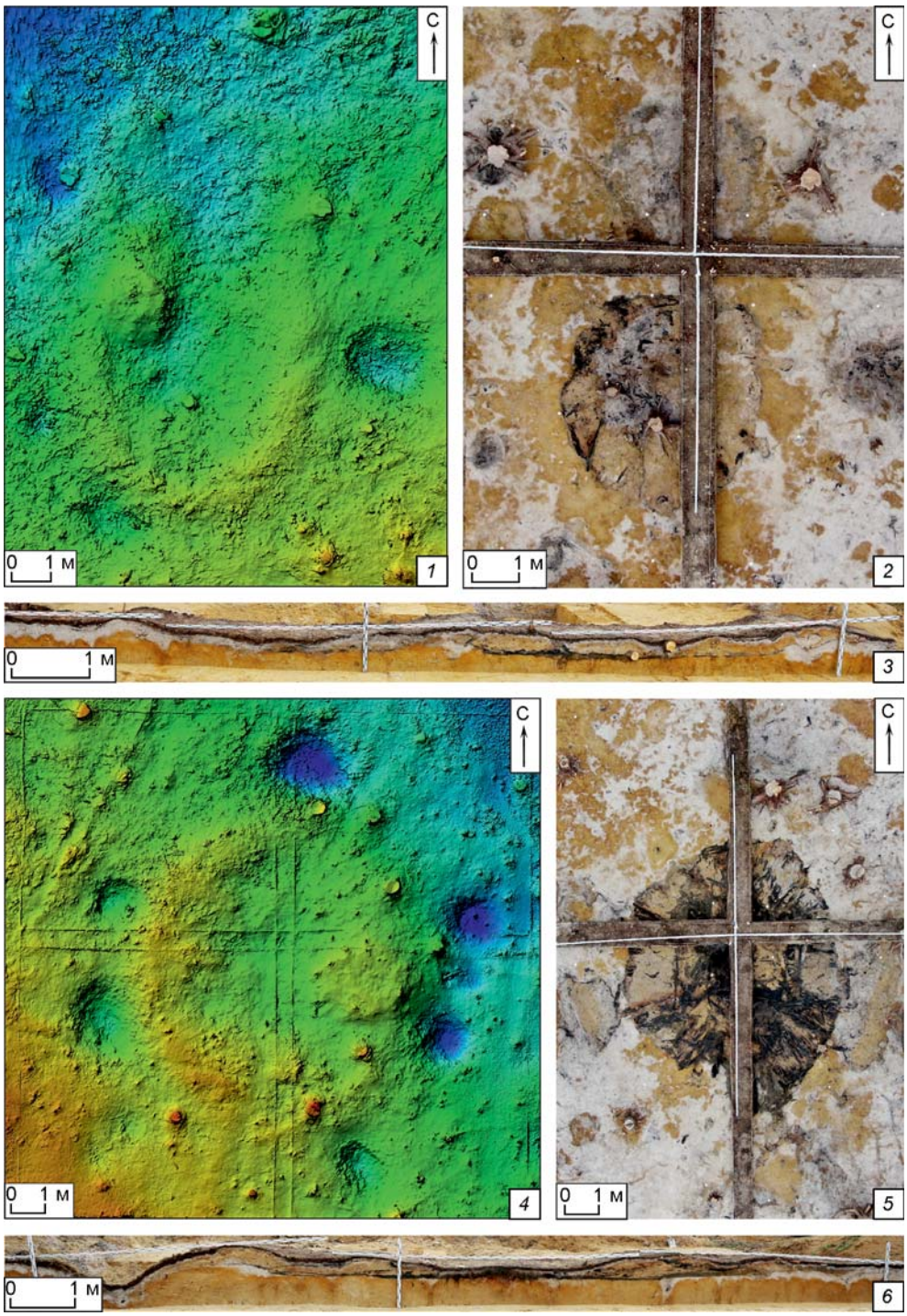


Рис. 2. Сооружения 1 и 2 поселения Сырой Аган-28.

1 – цифровая модель современной дневной поверхности сооружения 1; *2* – общий вид сооружения 1 после зачистки на уровне 38,55 м (по БСВ); *3* – центральный разрез сооружения 1 (по линии С – Ю, вид с запада); *4* – цифровая модель современной дневной поверхности сооружения 2; *5* – общий вид сооружения 2 после зачистки на уровне 38,55 м (по БСВ); *6* – центральный разрез сооружения 2 (по линии С – Ю, вид с запада).

по внешнему краю обваловки 8 м, по внутреннему краю – 5,8 × 6,2 м. Глубина впадины от верхних нивелировочных отметок обваловки – 0,3 м. Высота обваловки – 0,1–0,2 м. Внешние ямы размерами от 1,1 × 1,3 м (глубиной до 0,2 м) до 2,3 × 2,5 м (глубиной до 0,5 м).

Естественная стратиграфическая колонка на поселении Сырой Аган-28 выглядит следующим образом (рис. 2, *3, 6*):

1) дерн / лесная подстилка – слой, состоящий из хвойно-лиственного опада, перегнивающей травы, густо переплетенных корней травянистых расте-

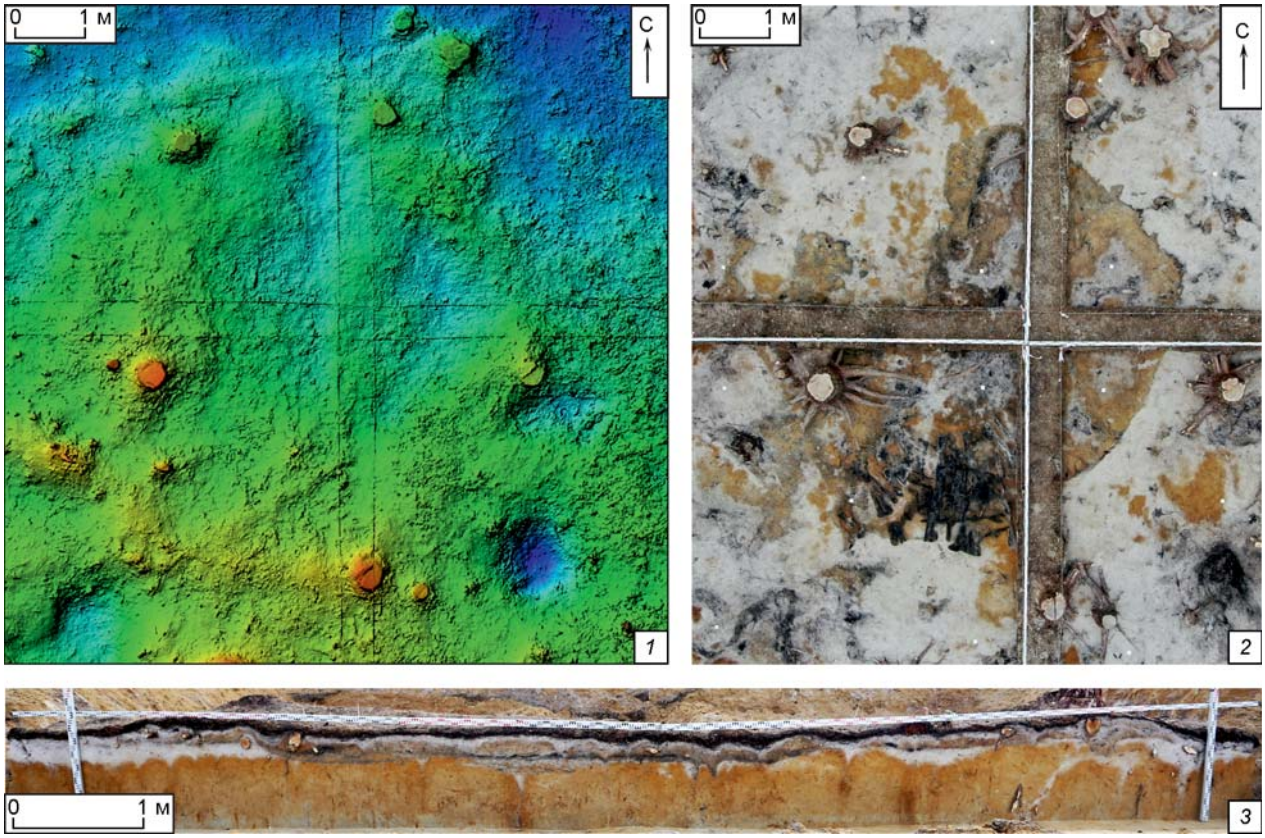


Рис. 3. Сооружение 3 поселения Сырой Аган-28.

1 – цифровая модель современной дневной поверхности; *2* – общий вид после зачистки на уровне 38,55 м (по БСВ); *3* – центральный разрез (по линии С – Ю, вид с запада).

ний – толщина в большинстве случаев не превышает 0,12 м;

2) подзол – светло-серый или почти белый выщелоченный песок. Горизонт вымывания (элювиальный). Уходит в нижние слои в виде карманов и языков. Мощность до 0,3 м;

3) иллювиальный слой – коричневая и светло-коричневая легкая супесь, подстилает подзол. Горизонт вымывания. Повторяет контур вышележащего подзола. Мощность до 0,4 м;

4) материк – желтый и светло-желтый песок, в нем встречаются ожелезненные прослойки темно-коричневого цвета, псевдофибры. С понижением материковый песок светлеет, приобретает сероватый оттенок и слоистую структуру.

Культурный слой в раскопе в основном расположен непосредственно под лесной подстилкой, над и в слое подзола, представлен темно-серым мешаным гумусированным слоем. Помимо указанных слоев, к культурным напластованиям относятся слои заполнения жилых сооружений и внешних ям – светло-серые, темно-серые и ярко-оранжевые прокаленные, темно-коричневые очажные пески с большим количеством углистых остатков древесины.

В ходе раскопок были полностью исследованы три археологизированных сооружения с внешними ямами, а также культурный слой между объектами. Сооружение 1 в современном рельефе читалось как двухкамерное. В ходе раскопок установлено, что оно представляло собой квадратную каркасно-столбовую конструкцию с пристройкой – «сенями» – с северной стороны. Сооружение первоначально имело конусовидную крышу. В центре основной постройки располагался очаг открытого типа, оконтуренный деревянной рамой. В юго-западном углу «сеней» располагалось закрытое теплотехническое устройство. Сооружение 2 (жилище) имело первоначально шестиугольную каркасно-столбовую конструкцию с конусовидной крышей, в центре располагался очаг открытого типа, с южной стороны зафиксирован тамбур входа. С западной стороны жилища зафиксирована пристройка из жердей с наземным очагом открытого типа. Внутри жилой конструкции, справа и слева от входа, располагались земляные нары с деревянной рамой-каркасом. Сооружение 3 первоначально было выполнено в виде квадратной каркасно-столбовой конструкции с конусовидной крышей, в центре расположен очаг открытого типа.

Исследованные постройки выполнены в неглубоких котлованах – площадках, которые выполнялись с целью выравнивания пола. Основными несущими элементами конструкции являлись вкопанные наклонные столбы, соединенные продольными наклонными плахами и поперечными жердями. Очаги открытого типа во всех трех постройках находились на уровне пола.

Все три конструкции сооружений горели, вероятно одновременно.

Археологические предметы, обнаруженные в ходе раскопок, представлены железными изделиями бытового и промыслового назначения (нож, проколка-шило, игла, пластины, держатель фитиля для лампы, ромбовидный наконечник, рыболовный крючок и пр.), украшениями (стеклянные бусины, металлические серьги, кольца, подвески и пр.), костяным лощилом, металлургическими шлаками, колотыми гальками, каменными абразивами и отбойником. Кроме того, найдены фаунистические остатки, среди определимых – кости лося и северного оленя.

Постройки подобного типа (каркасно-столбовая конструкция с конусовидной крышей и очагом открытого типа в центре), относящиеся к одному хронологическому этапу, на территории урочища Городской Остров зафиксированы на поселениях Городской остров-1 и Сырой Аган-11, которые исследовались в начале 2000-х гг. [Баранов, 2004, 2005; Гнатив, 2020; Пархимович, 2003, 2005, 2006а; б].

Более широкое рассмотрение аналогий с памятниками Сургутского Приобья – как исследованных сооружений, так и предметного комплекса (железный черешковый универсальный нож, железный ромбовидный наконечник, лапчатая и плоские зооморфные бронзовые подвески, бронзовая серьга) – позволяет отнести исследованное поселение Сырой Аган-28 к сайгатинской археологической культуре обских угров позднего Средневековья [Зыков, 2012]. Дополнительным фактором в пользу такой культурной атрибуции является почти полное отсутствие керамической посуды на территории поселения.

Учитывая всю совокупность полученных в ходе спасательных раскопок данных, считаем возможным датировать поселение Сырой Аган-28 периодом XIII–XVI вв. н.э. Более точная датировка археологизированных сооружений и поселения в целом будет предложена после получения результатов радиоуглеродного датирования. Дальнейшая обработка археологического материала и графическая реконструкция исследованных построек позволят всесторонне охарактеризовать хозяйственно-бытовые аспекты жизни коренного средневекового населения урочища.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене –голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Акт № 81-21/Ч ГИКЭ документации, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на землях, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проекту «Обустройство куста скважин № 237 Южно-Сургутского месторождения» (шифр 6483), общей площадью 88,4936 га. – Нефтеюганск, 2021. – https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/9b5/Akt-GIKE-_81_21CH_Otch_k.237-YUS_sign.pdf (дата обращения 25.10.2022).

Баранов М.Ю. Отчет о НИР по раскопкам памятника археологии Сырой Аган-11 в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2003 году. – Екатеринбург, 2004. – Архив НПО СА. Ф.1. Д.100/2.

Баранов М.Ю. Отчет о НИР. Археологические раскопки памятника археологии Сырой Аган-11, объект 2 в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2004 г. – Нефтеюганск, 2005. – Архив НПО СА. Ф.1. Д.137.

Гнатив В.О. Отчет о НИР по теме: Проведение археологических работ по сохранению выявленного объекта культурного наследия поселение Городской остров-1 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 г. – Екатеринбург, 2020.

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с. – http://www.ihist.uran.ru/files/zykov_tip.pdf (дата обращения: 25.10.2022).

Пархимович С.Ю. Отчет о НИР. Раскопки поселения Городской остров-1 в 2003 году. – Нефтеюганск, 2003. – Архив НПО СА. Ф.1. Д.97.

Пархимович С.Ю. Отчет о НИР. Раскопки поселения Городской остров-1 в 2004 году. – Нефтеюганск, 2005. – Архив НПО СА. Ф.1. Д.128.

Пархимович С.Ю. Отчет о НИР. «Аварийные раскопки поселения Городской остров-1 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2005 года». – Нефтеюганск, 2006а. – Архив НПО СА. Ф.1. Д.160.

Пархимович С.Ю. Отчет о НИР. Аварийно-спасательные раскопки поселения Городской остров-1 в 2006 году. – Нефтеюганск, 2006б. – Архив НПО СА. Ф.1. Д.184.

References

Akt № 81-21/Ch gosudarstvennoi istoriko-kul'turnoi ekspertizy dokumentatsii, za isklyucheniem nauchnykh otchetov o vypolnennykh arkheologicheskikh polevykh rabotakh, soderzhashchei rezul'taty issledovanii, v sootvetstvii s kotorymi opredelyaetsya nalichie ili otsutstvie ob"ektov, obladayushchikh priznakami ob"ekta kul'turnogo naslediya, na zemlyakh, podlezhashchikh vozdeistviyu zemlyanykh, stroitel'nykh, meliorativnykh, khozyaistvennykh rabot, predusmotrennykh stat'ei 25 Lesnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii rabot po ispol'zovaniyu lesov (za isklyucheniem rabot, ukazannykh v punktakh 3, 4 i 7 chasti 1 stat'i 25 Lesnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii) i inykh rabot, po proektu «Obustroistvo kusta skvazhin No. 237 Yuzhno-Surgutskogo mestorozhdeniya» (shifr 6483), obshchei ploshchad'yu 88,4936 ga. Nefteyugansk, 2021. (In Russ.). https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/9b5/Akt-GIKE-_81_21CH_Otch_k.237-YUS_sign.pdf.

Baranov M.Yu. Otchet o NIR po raskopkam pamyatnika arkheologii Syroi Agan-11 v Nefteyuganskom raione KhMAO Tyumenskoi oblasti v 2003 godu. – Ekaterinburg, 2004. Arkhiv NPO SA. F.1. D.100/2. (In Russ.).

Baranov M.Yu. Otchet o NIR. Arkheologicheskie raskopki pamyatnika arkheologii Syroi Agan 11, ob"ekt 2 v Nefteyuganskom raione KhMAO Tyumenskoi oblasti v 2004 g. Nefteyugansk, 2005 (b). Arkhiv NPO SA. F.1. D.137. (In Russ.).

Gnativ V.O. Otchet o NIR po teme: Provedenie arkheologicheskikh rabot po sokhraneniyu vyyavlennogo ob"ekta kul'turnogo naslediya poselenie Gorodskoi ostrov 1 v Nefteyuganskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga-Yugry v 2016 g. Ekaterinburg, 2020. (In Russ.).

Parkhimovich S.Yu. Otchet o NIR. Raskopki poseleniya Gorodskoi ostrov-1 v 2003 godu. Nefteyugansk, 2003. Arkhiv NPO SA. F.1. D.97. (In Russ.).

Parkhimovich S.Yu. Otchet o NIR. Raskopki poseleniya Gorodskoi ostrov-1 v 2004 godu. Nefteyugansk, 2005. Arkhiv NPO SA. F.1. D.128. (In Russ.).

Parkhimovich S.Yu. Otchet o NIR. «Avariinye raskopki poseleniya Gorodskoi ostrov 1 v Nefteyuganskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga letom 2005 goda». Nefteyugansk, 2006 (a). Arkhiv NPO SA. F.1. D.160. (In Russ.).

Parkhimovich S.Yu. Otchet o NIR. Avariino-spasatel'nye raskopki poseleniya Gorodskoi ostrov-1 v 2006 godu. Nefteyugansk, 2006 (b). Arkhiv NPO SA. F.1. D.184. (In Russ.).

Zykov A.P. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekov'e i Novoe vremya. Yekaterinburg: Ural'skii rabochii Publ, 2012. 232 p. (In Russ.). http://www.ihist.uran.ru/files/zykov_tip.pdf.

Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658
Васильева Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-4955-2749

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.0993-1000
УДК 902.2

А.В. Выборнов[1]✉, Е.А. Гирченко[1], Д.А. Бычков[1], О.А. Горельченкова[4], А.С. Иванова[1], М.В. Селецкий[1], К.О. Сопова[1], И.В. Стасюк[2], И.В. Толпеко[3], К.К. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия
[3]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
[4]Красноярский кадетский корпус им. А.И. Лебедя
Красноярск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Средневековые могильники у озер Аялвач и Таштагол в Барабинской лесостепи

В статье представлены первые сведения об исследованных спасательными раскопами курганных могильниках Озеро Аялвач-1 и Озеро Таштагол-1, расположенных в центральной части Барабинской низменности (Чановский р-н Новосибирской обл.). Могильники расположены вблизи небольших пресных озер, на ровных поверхностях лесостепного ландшафта. По территории могильников проложен коридор коммуникаций нефтепроводного транспорта, реконструкция которого обусловила проведение археологических раскопок. У оз. Аялвач выявлены три кургана, два из которых представлены лишь фрагментами сохранившегося рва, а также два грунтовых погребения за пределами курганов. У оз. Таштагол изучены четыре кургана со рвами и центральными погребениями, а также одно грунтовое погребение. Курганы представляют собой земляные сооружения, состоящие из насыпи высотой от 0,1 до 1 м, диаметром от 5 до 13 м и окружающего насыпи подпрямоугольного рва, шириной 0,6–1,3 м, глубиной 0,3–0,7 м со входом с восточной стороны. Под насыпью, на уровне древней дневной поверхности либо в небольшом углублении располагаются трупоположения одного и трех человек, с использованием берестяных покрытий, в сопровождении шкуры коня либо без таковой. Во всех случаях в курганах фиксируются следы использования огня – при сооружении погребальной конструкции либо постингумационных вмешательствах. В составе сопроводительного инвентаря – предметы вооружения, быта, конского снаряжения, украшения, посуда. В насыпи самого большого кургана обнаружено впускное погребение новорожденного и керамические сосуды. За пределами курганов, на расстоянии до 20 м, преимущественно с восточной стороны, выявлены грунтовые погребения – парное, одиночные, детские и взрослые, выполненные в небольших углублениях, с берестяным покрытием и без, без использования огня, с сопроводительным инвентарем. На основании известных аналогий инвентарю и погребальным конструкциям могильники датируются началом II тыс. н.э. и связаны с носителями венгеровской культуры, частью кимако-кипчакской культурной общности развитого Средневековья.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, Средневековье, венгеровская культура, кимако-кипчакская общность, курганные могильники, курганы, грунтовые могилы.*

A.V. Vybornov[1]✉, E.A. Girchenko[1], D.A. Bychkov[1], O.A. Gorelchenkova[4], A.S. Ivanova[1], M.V. Seletsky[1], K.O. Sopova[1], I.V. Stasyuk[2], I.V. Tolpeko[3], K.K. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russia

[3]Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
[4]Lebed Krasnoyarsk Cadet Corps
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Medieval Burial Grounds near Lakes Ayalvach and Tashtagol in Baraba Forrest-steppe

The article presents the first results of rescue excavations of the Ozero Ayalvach-1 and Ozero Tashtagol-1 burial mounds located in the central part of the Baraba lowland (Chanovsky district, Novosibirsk region). The burial grounds are located near small freshwater lakes in the plain forest-steppe landscape. The burial grounds are situated in a reconstructed oil pipeline transport communication corridor. Three kurgans, two of which are represented only by surviving fragments of the ditch, and two other ground burials outside the kurgans were revealed near Lake Ayalvach. Near Lake Tashtagol, four kurgans with ditches and central burials, as well as one ground burial were excavated. Kurgans are earthen constructions with a mound from 0,1 to 1 m high, from 5 to 13 m in diameter and a subrectangular ditch surrounding mound, 0,6–1,3m wide and 0,3–0,7 m deep with a gate from east side. Under the mound, one and three corpses with birch bark covers with or without a horse skin were found at the level of the ancient surface or in a small depression. In all cases, traces of the use of fire are recorded in the kurgans, either during the construction of the funerary structure or postinhumation penetrations. The grave inventory includes items of armament, everyday life, horse harness, jewelry and pottery. The inlet burial of a newborn baby and ceramic vessels were discovered in the largest mound. Ground burials - paired, individual, child and adult, were made in small depressions, with and without birch bark covering, without fire traces, with grave goods, outside the kurgans, mainly in the eastern side at a distance of 20 m. Based on known parallels of the tools and funerary constructions, the burials were dated to the early 2nd millennium A.D. and associated with the bearers of the Vengerovo culture of the Kimek-Kipchak medieval cultural community.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Middle Ages, Vengerovo culture, Kimek-Kipchak community, kurgan burial mounds, burial mounds, ground graves.*

Введение

Источники по истории населения Барабинской лесостепи в эпоху Средневековья группируются в материалы серии археологических культур – потчевашская, усть-ишимская, сростинская, кыштовская [История Сибири, 2019]. Этими конструктами описывается полиязычное население, в разной степени оказавшее влияние на этногенез современных народов юга Западной Сибири. Представительность и насыщенность источниковой базы чрезвычайно неравномерна, памятники Средневековья Барабы в значительной степени были опубликованы и проанализированы в фундаментальных монографиях 1980–1990-хх гг. [Молодин и др., 1988; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Молодин, Соловьев, 2004]. В этих трудах представлены концепции появления тюрок в лесостепи Западной Сибири, их взаимодействие с местным самодийским и угроязычным населением и соответствующее проявление социальных процессов в сфере материальной культуры, погребальной практики. Крайне редко появляются новые источники по средневековой истории Барабы, еще реже они публикуются. Тем важнее появление новых материалов, особенно таких, которые можно связать со средневековой венгеровской археологической культурой, лишь несколько раз отраженной в научных публикациях [Молодин и др., 1988; Троицкая, Новиков, 2004].

Курганы, которые можно связывать с венгеровской культурой, попали в зону производства работ по реконструкции нефтепродуктопровода в Чановском р-не Новосибирской обл. Спасательные археологические раскопки должны были охватить всю площадь пересечения отводимых земель и территории курганных могильников Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1 в окрестностях аула Тебис. Значительная часть изучаемой территории была нарушена при прокладке трубопроводов и соответствующих коммуникаций. Однако сохранившиеся участки могильника и отдельные следы от курганов у проложенных труб позволили уверенно атрибутировать материалы раскопок и пополнить представления по истории населения венгеровской культуры.

Материалы полевых работ

Курганные могильники Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1 были открыты в 1992 г. работами Е.Г. Фаламеевой и В.А. Сумина, позднее посещались и описывались С.В. Колонцовым, Д.Е. Ануфриевым, А.О. Князевым, Е.А. Кузнецовой. Раскопки на могильниках ранее не проводились. На основании наличия в насыпи прокаленного суглинка объекты датировались эпохой Средневековья.

Курганный могильник Озеро Таштагол-1 вытянут примерно на 250 м с юга на север у юго-восточного берега оз. Таштагол. Поверхность ровная, слегка поднятая над окружающей местностью и хорошо заметна на контрасте с котлованом озера, которое плавно, но ясно выделяется бровкой котловины. В ландшафте и обнажениях 1992 г. выделялось 9 курганных насыпей. Явной планиграфической закономерности не определяется. Можно лишь предполагать, что пять наиболее крупных насыпей южной группы располагаются по неровной линии с севера на юг.

В рамках раскопа на Озере Таштагол-1 изучены курганы 3, 4, 9, 10 и одно погребение вне кургана. На курганах 3 и 4 относительно хорошо читалась насыпь (диаметром 11–13 м, высотой 0,2 и 1 м соответственно) и ров (подпрямоугольный контур ок. 15 и 13 м, шириной 1–1,3 и 1 м, глубиной 0,7 и 0,5 м соответственно), на курганах 9 и 10 насыпи сохранились фрагментарно. Все насыпи были окружены рвом подпрямоугольной формы со входом с восточной стороны (шириной от 0,8 до 1,4 м) (рис. 1, *1–2*). Под насыпью располагались могилы разной степени сохранности. Как правило, содержали ингумацию человека (в кург. 3 – трех человек), ориентированного головой на запад, лежащего на спине (рис. 1, *3*). У северного края погребений в насыпи на

Рис. 1. Курганный могильник Озеро Таштагол-1.

1 – кург. 3 с выбранным рвом; *2* – кург. 4 с выбранным рвом; *3* – погр. 1 кург. 3 (вид с востока); *4, 5* – керамические сосуды из жертвенника кург. 4; *6* – бронзовые серьги из кург. 3; *7* – металлический перстень из кург. 9; *8* – биметаллическая пряжка из кург. 9; *9* – железное навершие рукояти плети из части 28.

курганах 3, 4, 9 – остатки шкуры коня. Мощное воздействие огня на насыпь фиксируется в курганах 3 и 4, обожженная насыпь и могильное покрытие – в кург. 10, следы воздействия наиболее высокой температуры, приведшей к кальцинированию костей, зафиксированы в погребении кург. 9. Огонь разводился внутри «грабительского» шурфа и на поверхности насыпи. Древние антропогенные нарушения явно присутствуют в насыпях и погребениях курганов 3, 4, 9. На южной стороне насыпи кург. 4 зафиксирован жертвенник в виде небольшого углубления с двумя керамическими сосудами (рис. 1, *4*, *5*). Южнее центральной могилы в насыпи кург. 4 находилось впускное погребение новорожденного в берестяной обкладке. В составе погребального инвентаря – предметы украшения, оружие, конское снаряжение. Среди погребального инвентаря в курганах особый интерес представляют: находки на одной шкуре лошади стремян с прямой подножкой и с разными типами оформления ушек для путлища – восьмерковидная петля и отверстие в расширении дужек (кург. 4); стержневидные псалии (курганы 4, 9); бронзовые серьги со сферической подвеской (кург. 3) (рис. 1, *6*); украшения с мелкими бронзовыми бусинами и бисером (кург. 3); металлические и костяные наконечники стрел (курганы 3, 10); металлические кольца прямоугольной формы со схематичным изображением дерева (кург. 9) (рис. 1, *7*) и без орнамента, но на фаланге (кург. 4); биметаллическая пряжка (рис. 1, *8*) и др. Предметы были обнаружены и вблизи курганов, вне погребального пространства – напр., навершие плети – массивный железный сферический предмет с «клювом» (рис. 1, *9*).

Внекурганное погребение (грунтовая мог. 1) располагалось на расстоянии 16 м к северо-востоку от кург. 4, не имело никаких следов на современной поверхности и было замечено только после снятия первого слоя гумусированного суглинка, нарушенного пахотой. В подпрямоугольной могиле размерами 1,14 × 1,45 м глубиной до 15 см от уровня фиксации на дно был уложен лист бересты, нижний контур ямы обложен деревянными жердями. Остатки двух детских скелетов располагались на спине, головой на запад. Дети разного возраста. У младшего ребенка (северный скелет) на правом запястье широкий браслет из трех рядов крупных бусин, в ногах керамический сосуд – толстостенный, лепной, плоскодонный, широкое открытое устье, вдоль венчика ряд ямочек, венчик отогнутый с оттисками круглой палочки перпендикулярными краю, размеры – диаметр ок. 14 см, высота 12 см. У левого плеча старшего ребенка (южный скелет) железный черешковый нож, семена растений на зубах и нижней челюсти. Оба погребенных имели берестяное покрытие.

Курганный могильник Озеро Аялвач-1 вытянут на 330 м с запада на восток у северо-восточного берега оз. Аялвач на плавном, практически незаметном повышении местности. При первоначальном обследовании в 1992 г. были отмечены 13 насыпей курганов, в том числе разрушенные участки концентрации спекшегося суглинка. Выделяются южная и северная группы курганов. Раскопом была изучена центральная и часть южной территории памятника. В 2022 г., после свежей распашки, большая часть курганов на современной дневной поверхности не выделяется, в полосе раскопа не был виден ни один курган.

На Озере Аялвач-1 в рамках раскопа изучены курганы, часть из которых можно соотносить с ранее выделенными насыпями, иные не выделялись на современной поверхности – курганы 7, 13, 14 и два погребения вне курганов. На курганах 13 (рис. 2, *3*) и 14 обнаружены остатки рвов со входом с восточной стороны, все остатки погребений и насыпи уничтожены и не обнаружены. На кург. 7 выявлены остатки сгоревшей деревянной конструкции под насыпью (подпрямоугольная рама) и одиночное погребение женщины (рис. 2, *2*) с богатым набором украшений – парная застежка (рис. 2, *7*), металлические бусины и кольца головного украшения, бронзовые бубенчик, зеркало (рис. 2, *5*), сердцевидная подвеска. Отдельные могилы вне курганов представляют собой углубления без дополнительных конструкций и содержат остатки взрослого мужчины с фрагментом железного ножа (грунтовая мог. 1), ребенка (рис. 2, *4*) с крупной бронзовой сердцевидной бляхой на кожаной основе (рис. 2, *6*) (грунтовая мог. 2).

Специфика и вариант реконструкции погребального обряда

Курганные насыпи по-разному сохранились до археологических раскопок. Наиболее показательны для понимания конструкции и диапазона размеров хорошо сохранившаяся самая большая насыпь кург. 4 на Озере Таштагол-1, прилегающий к нему наименее нарушенный кург. 10 без явно выделяющейся насыпи и кург. 3 с практически уничтоженной насыпью, но с самым большим по размерам рвом.

Судя по полевым наблюдениям, конструкция и погребальный обряд на всех курганах однотипны. Высота насыпи кургана, по-видимому, зависела от площади подкурганной поверхности. Предполагаемая реконструкция строительства кургана следующая. Вначале сооружается ров, грунт из него складируется, по-видимому, с наружной ча-

Рис. 2. Курганный могильник Озеро Аялвач-1.

1 – кург. 7 с выбранным рвом; *2* – могила в кург. 7 (вид с юга); *3* – кург. 13 с выбранным рвом; *4* – грунтовая мог. 2 (вид с востока); *5* – зеркало из кург. 7; *6* – сердцевидная бляха из грунтовой мог. 2; *7* – бронзовая парная застежка из кург. 7.

сти рва, либо на отдельной площадке, возможно, располагавшейся с западной стороны (у кург. 4 на расстоянии до семи метров здесь зафиксированы возвышенности из рыхлого грунта). Внутри рва подготавливается площадка, снимается верхний почвенный горизонт, но не полностью (на отдельных участках с внутренней стороны рва фиксируется погребенная древняя дневная поверхность). На внутренней площадке сооружается одновенцовая рама, обозначающая внутреннюю часть кургана. В случае кург. 4 внутри этого периметра, у его границы выкапывается небольшая яма, в которую устанавливается керамический сосуд. Далее выкапывается могильная яма – небольшое углубление на древней поверхности. Дно могилы покрывается берестой или иным органическим материалом, укладывается покойный. На уступ с северной стороны укладывается шкура взнузданной лошади со стременами. Могила и шкура покрываются листами бересты. Далее возводится четырехугольная платформа из дерновых блоков размерами ок. 20 см и грунта из рва. Блоки укладываются один на другой горизонтальными слоями в пределах сооруженной рамы. Деревянная рама сжигается. На этом заканчивается этап строительства кургана. После возведения насыпи проходит время, достаточное для естественного заплывания насыпи, закрытия сгоревшей рамы и частичного заполнения рва. Позднее в насыпи кургана копается яма над могилой с настолько высокой точностью, что затраги-

вается только погребение человека, шкура лошади остается ненарушенной. Выкид из шурфа остается на поверхности насыпи. Потревожив кости и сопроводительный инвентарь в пределах «грабительского шурфа», нарушители сооружают костры – внутри ямы и на поверхности насыпи. В результате образуется прокал, который отчетливо фиксируется в теле насыпи. После сожжения яма закапывается, в том числе прокаленным грунтом.

Описанным способом формировались изученные курганы могильников Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1. Отличия фиксируются в относительных категориях: размерах рва и насыпи, степени прокаленности грунта, нарушения и сохранности костей погребенных. Эти различия могут быть обусловлены сезоном захоронения, степенью позднейшего вмешательства, активностью землероев. Общим остается наличие перемычки во рву с восточной стороны; небольших (в пределах 0,05–0,2 м от древней дневной поверхности) углублений могильных ям в центре подкурганной поверхности; расположение костяков вытянуто на спине, ориентированных головой на запад. Наличие шкуры лошади с удилами и стременами у северного внешнего края могильной ямы, а также состав и количество погребального инвентаря отличаются и отражают социальный статус погребенного. Не везде сохраняются и следы поминальных тризн – кости барана обнаружены во рвах курганов 9, 10.

Примечательно, что захоронения детей отличались. В одном случае (кург. 4 Озеро Таштагол-1, младенец 9–12 месяцев) впущен в насыпь кургана в берестяной обкладке. В двух других (мог. 1 Озеро Таштагол-1, мог. 2 Озеро Аялвач-1) расположены в отдельных подпрямоугольных ямах с представительным инвентарем, на расстоянии 10–16 м к востоку от «материнских» курганов. В третьем случае (кург. 10 Озеро Таштагол-1, ребенок 9–14 лет) в 7 м к востоку от большого кург. 4 возведен отдельный курган существенно меньших размеров по описанным выше правилам, без шкуры лошади. В то же время и взрослые могли захораниваться за пределами кургана – мог. 1 на Озере Аялвач-1 расположена на расстоянии ок. 20 м к востоку от кург. 9 (находится за границами раскопа) и содержала останки взрослого мужчины с фрагментом железного ножа.

Культурно-хронологическая атрибуция могильников

Курганные могильники Озеро Аялвач-1 и Озеро Таштагол-1 относятся к одной культуре и синхронны либо незначительно разнесены во времени, и связаны с людьми, кочевавшими в окрестностях этих озер.

Курганные конструкции и черты погребальной обрядности, а также сопроводительный инвентарь имеют аналогии в материалах культур, связываемых с тюркским населением Южной Сибири и Северного Казахстана конца I – начала II тыс. н.э. Более всего совпадений в принципах организации погребального сооружения и морфологии погребального инвентаря мы находим с предметами венгеровской культуры, выделенной Д.Г. Савиновым на основе раскопок могильников Осинцево IV и Венгерово VII [Молодин и др., 1988]. Общими чертами являются: рвы с перемычками; насыпи в форме уплощенных платформ; деревянные детали рам в подкурганном пространстве; следы обожжения в насыпи и под курганом; трупоположения в небольших углублениях с преимущественной ориентацией головы на запад. Обращает на себя внимание совпадение в нарушении скелетов – Д.Г. Савинов также отмечал на осинцевских и венгеровских курганах изменение положения костей, связанное с вмешательством в курган вскоре после захоронения и сокрытие следов такового [Молодин и др., 1988, с. 106].

Погребальный инвентарь в курганах у озер Таштагол и Аялвач находит обширные аналогии среди материалов тюркских культур рубежа тысячелетий. Ромбовидный вытянутый костяной наконечник стрелы, железные ножи с коротким черешком и прямым обушком, а также керамические сосуды с оттисками по краю венчика и рядом ямочек обнаружены в курганах Осинцево IV и Венгерово VII [Молодин и др., 1988, рис. 46]. Сердцевидные бляхи широко распространены в материалах сросткинской культуры [История…, 2019, рис. 118] и кимаков Верхнего Иртыша [Археологические памятники…, 1987, рис. 81, 97]. Аналоги украшениям – бусинам из стекла и бронзы, парной застежке («якоревидные бляхи»), несомкнутым кольцам из цветных металлов, серьгам со сферическими подвесками, бронзовым бубенчикам – обнаруживаются в большом количестве в кимакских курганах долины Верхнего Иртыша, например Белокаменка, Карашат I [Там же, рис. 74, 97, 102] и др. Массивные стремена с прямой подножкой и ребром жесткости, арочным проемом и восьмерковидной петлей широко распространены на рубеже тысячелетий по всему лесостепному поясу Евразии, и встречаются в т.ч. в кимакских комплексах [Там же, рис. 73 и др.], где известны и стремена с расположением отверстия для путлища в расширяющихся дужках, например, могильник Джартас [Там же, рис. 66].

Предшественники носителей венгеровской культуры связаны с населением более южных районов – Кулундинской степи. На могильнике Новая

Курья был исследован курган, который несет значительно больше черт тюркской основы, главная из которых – глубокая могильная яма для человека и коня [Марченко и др., 2019]. Датировка средневекового кургана из Нижней Курьи – конец X – первая треть XI в. [Кишкурно, Марченко, Гришин, 2020].

Таким образом, круг аналогий позволяет относить изученные курганы к эпохе развитого Средневековья и датировать в пределах XI–XII вв. Более точный возраст может быть установлен при условии серии непротиворечивых абсолютных датировок и при дополнительных исследованиях соотношения материалов таштагольских-аялвачских курганов с предметами из подобных памятников, раскопанных ранее – Олтарь, Венгерово VII, Осинцево IV, Лопушное Озеро I, II. На наш взгляд, таштагольские и аялвачские курганы предшествуют по времени курганам из-под Венгерово и из-под Осинцево, отражая период нескольких более ранних поколений носителей венгеровской культуры. На это указывает более разнообразный набор украшений, связанный с верхнеиртышским ядром формирования культуры кимакской общности.

На основании имеющихся сведений, мы предполагаем, что создатели курганов у озер Аялвач и Таштагол – это население с явным кимако-кипчакским происхождением престижной части материальной культуры (украшения). Носители венгеровской культуры имеют своеобразие бытовой составляющей, но обладают универсальным комплексом кочевнического снаряжения в части оружия и конского снаряжения, а украшения стараются сохранять традиционного облика. Многокомпонентный характер погребальной обрядности в курганах венгеровской культуры отражает и процессы аккультурации местного населения в процессе тюркизации, и адаптацию собственно тюрок к условиям лесостепной Барабы и сосуществования с предшествующим инокультурным населением.

Заключение

В результате спасательных археологических раскопок на могильниках у озер Аялвач и Таштагол на севере Чановского р-на Новосибирской обл. получен археологический материал для исследования средневекового населения Барабы. Судя по составу инвентаря и погребальному обряду, изученные курганы относятся к венгеровской культуре, выделенной Д.Г. Савиновым. Погребальные объекты венгеровской культуры отражают сложные процессы тюркизации населения Барабинской лесостепи в начале II тыс. н.э. Отдельные компоненты погребальной обрядности (возведение ограды и выделенной насыпи, использование шкуры коня) ярко демонстрируют сохранение традиций устройства и состава кургана тюрков-кочевников приалтайских степей, иные – показывают адаптацию обрядности к условиям Барабинской низменности (древесно-земляные насыпи, сооружение рва, небольшие углубления). Вероятно, изученные курганы являются региональным вариантом государственной культуры населения Кимакского каганата XI–XII вв. н.э.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Авторы благодарят АО «Транснефть-Западная Сибирь» за ответственный подход к сохранению археологических объектов на обширных землях нефтепроводных коммуникаций.

Список литературы

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 280 с.

История Сибири: в 4 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2: Железный век и Средневековье. – 643 с.

Кишкурно М.С., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Биоархеологические аспекты изучения средневековых материалов курганного могильника Новая Курья (Северная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26 – С. 453–461. – doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.453-461

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Кокорев Ф.В., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 449–456. – doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.448-456

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т.2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2004. – 136 с.

References

Akishev K.A. (ed.) Arkheologicheskiye pamyatniki v zone nablyudeniya zatopleniya Shul'binskoy GES. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1987. 280 p. (In Russ.).

Kishkurno M.S., Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Bioarkheologicheskie aspekty izucheniya srednevekovykh materialov kurgannogo mogil'nika Novaya Kur'ya (Severnaya Kulunda). *In* Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 453–461. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.453-461

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyad'kov P.G., Evmenov N.D., Kokorev F.V., Gnezdilova I.S., Ponedel'chenko L.O. Novyi kurgannyi mogil'nik Novaya Kur'ya-1 v Severnoi Kulunde *In* Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 449–456. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.448–456

Molodin V.I. (ed.) Istoriya Sibiri: in 4 vol. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 2: Zheleznyy vek i Srednevekov'ye. 643 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Yelagin V.S., Sobolev V.I., Polos'mak N.V., Sidorov Ye.A., Solov'yov A.I., Borodovskiy A.P., Novikov A.V., Kim A.R., Chikisheva T.A., Belanov P.I. Baraba v tyurkskoye vremya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 176 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'yov A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Solov'yov A.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. Vol. 2: Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ya. 182 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press, 2004. 136 p. (In Russ.).

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595
Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Горельченкова О.А. https://orcid.org/0000-0002-3054-8515
Иванова А.С. https://orcid.org/0000-0003-4452-7544
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Сопова К.О. https://orcid.org/0000-0001-8563-1319
Стасюк И.В. https://orcid.org/0000-0002-3054-8515
Толпеко И.В. https://orcid.org/0000-0002-3085-2330
Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1001-1007
УДК 902/904

А.В. Выборнов[1]✉, А.М. Чеха[1], А.А. Анойкин[1], Ж.К. Таймагамбетов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Разведочные работы в районе Шульбинского водохранилища (Восточный Казахстан) в 2022 году

Шульбинское водохранилище в верхнем течении Иртыша было образовано в конце 1980-х гг. Затоплению предшествовали археологические работы по поиску и изучению поселенческих и погребальных комплексов. Материалы исследований 1970–1980-х гг. были опубликованы и стали основой многочисленных культурно-хронологических построений по истории населения бассейна Верхнего Иртыша от палеолита до позднего Средневековья. В дальнейшем систематические археологические исследования на Шульбинском водохранилище не проводились. В статье показано, как процессы берегопереработки и периодические изменения уровня воды позволяют открывать новые сведения о памятниках на водохранилище, притоках и берегах Иртыша ниже по течению. В ходе археологического мониторинга берегов водохранилища обнаружены материалы верхнепалеолитического облика на берегах заливов у р. Осиха, которые представлены отщепами и орудиями на отщепах. Вероятно, неолитические артефакты зафиксированы у залива р. Шульбинка. Памятники бронзового века выявлены у пункта Азовка, р. Ковалевка, в районе аула Беткудук – здесь обнаружены остатки могильников, в том числе изученные ранее. Среди экспонированных предметов показательными являются фрагменты керамического сосуда андроновского облика и каменное тесло. Объекты средневекового и этнографического времени представлены многочисленными погребальными структурами, ныне являющимися переотложенными скоплениями камней от бывших курганных кладок (устье р. Кызылсу). Кроме того, описаны отдельные погребальные и поминальные комплексы на притоках водохранилища и стояночный комплекс ниже плотины ГЭС у устья р. Чар. Проведенные полевые наблюдения не только расширили представления об источниках по древней истории населения Верхнего Иртыша, но и обосновывают необходимость регулярного мониторинга берегов водохранилища с целью поиска археологических предметов и планирования мероприятий по их сохранению.

Ключевые слова: *Верхнее Прииртышье, Шульбинское водохранилище, каменный век, эпоха бронзы, Средневековье, курганные могильники, стоянки.*

A.V. Vybornov[1]✉, A.M. Chekha[1], A.A. Anoikin[1], Z.K. Taimagambetov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Exploration Works in the Area of the Shulba Reservoir (East Kazakhstan) in 2022

The Shulba reservoir in the upper reaches of the Irtysh River was formed in the late 1980s. Flooding was preceded by rescue archaeological works. The research data of the 1970-1980s were published and gave rise to numerous cultural and chronological constructions on the history of Upper Irtysh population from the Paleolithic till the late medieval period. No systematic archaeological research on the Shulba reservoir has been conducted subsequently. We describe new information about sites at the banks of the reservoir, tributaries and river banks downstream the Irtysh revealed through the shoreline

processes and periodic changes in water level. In the course of archaeological monitoring of the reservoir shores, materials attributable to the Upper Paleolithic were found on the banks of the bays near the Osikha River. The assemblages contain flakes and flake tools. The artifacts probably attributable to the Neolithic were found near the Shulbinka River bay. Bronze Age sites were found near Azovka point, the Kovalevka River, near Betkuduk aul: remains of burial grounds including those studied earlier. Among the surface collected artifacts, fragments of a ceramic vessel of the Andronovo appearance and a stone chisel are noteworthy. The artifacts of medieval and recent ethnographic period are represented by numerous funerary structures; these are redeposited accumulations of stones from former mounds (the mouth of the Kyzylsu River). In addition, separate funeral and memorial complexes at the tributaries of the reservoir and a set of sites at the mouth of the Char River downstream the hydropower dam were described. The field survey not only expanded the information on the ancient history of the Upper Irtysh population, but also substantiates the necessity of regular monitoring of the reservoir shores in order to find archaeological objects and plan the measures for their preservation.

Keywords: *Upper Irtysh, Shulba Reservoir, Stone Age, Bronze Age, Middle Ages, kurgan burial mounds, sites.*

Шульбинское водохранилище расположено в Верхнем Прииртышье, на территории Абайской и Восточно-Казахстанской областей Республики Казахстан и занимает площадь ~ 250 км^2, вытянувшись с востока на запад на 50 км, достигая при этом ширины до 6 км, нормальный подпорный уровень – 240 м (по БСВ). Согласно физико-географическому районированию ландшафты северного побережья Шульбинского водохранилища относятся к двум районам Юго-Западного Алтая: северное побережье – к Рудному Алтаю, южное – к Калбинскому нагорью (Колбинской возвышенности) [Поздний кайнозой…, 1973, рис. 1]. Для этой территории отмечается поверхностное выравнивание и террасовидный облик рельефа, сочетание молодых и древних форм рельефа [Там же, с. 14]. Долина Иртыша в этом районе состоит из поймы и трех надпойменных террас. В естественном состоянии (до затопления водохранилища) пойма возвышалась над урезом воды на высоту до 5–6 м, высота первой надпойменной террасы в среднем была 10–15 м, ширина – 3–4 км. Первая терраса выделяется в рельефе четко, сложена аллювием из супеси, суглинков и песков, покрывающих аральские и павлодарские глины. Вторая терраса шириной от 5 до 25 км, высотой от 14 до 28 м. [Там же, с. 18–19].

Основными притоками являются с южной стороны – реки Кызылсу и Ковалевка, с северной – Шульбинка, Осиха и Уба. При этом устье р. Убы – широкая дельта, долина выше – широкая пойма, а в долинах Кызылсу, Ковалевки, Шульбинки и Осихи в результате затопления образованы продолжительные и достаточно широкие заливы. В обнажениях вертикальных обрывов и на бечевнике, как правило, читаются степные каштановые почвы, покрывающие коренные породы, представленные сланцами, кварцами, песчаником.

Археологами не раз отмечалось большое значение Верхнего Прииртышья как контактной зоны горных, степных и полупустынных ландшафтов с насыщенной ресурсной базой и наличием великой водной магистрали. Географические условия определяли постоянное и достаточно плотное заселение региона и прохождение активных миграционных путей [Археологические памятники…, 1987, с. 5].

В сентябре – октябре 2022 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены рекогносцировочные работы в районе водохранилища с целью выявления археологических объектов в его береговой зоне при минимальном уровне воды и оценки воздействия берегопереработки на сохранение ОАН.

Место расположения большинства известных археологических памятников устанавливалось приблизительно – географические координаты были неизвестны, а условные ориентиры уже потеряли актуальность. В связи с этим было принято решение не концентрировать внимание на выявлении ранее исследованных объектов, а распределить поиск по возможно большей территории. В рамках мониторинга разведка велась по обоим берегам водохранилища пешими маршрутами. Они проходили по периметру водоема: по южному берегу – от окраин п. Шульбинск до скал напротив устья р. Убы; по северному берегу – от долины р. Шульбинка до устья р. Убы. Кроме того, были обследованы участки на берегу р. Кызылсу, выше залива водохранилища и на правобережье приустьевого участка р. Чар, ниже плотины Шульбинской ГЭС (рис. 1). Проводился поиск экспонированного материала на бечевнике, осмотр обнажения береговых обрывов, оценивалось состояние выраженных в рельефе археологических объектов в береговой зоне. Отдельные археологические объекты были соотнесены с номенклатурой известных по архивным и опубликованным данным, для некоторых дано только предварительное обозначение, которое требует проверки в дальнейшем.

В ходе работ на правобережье водохранилища, в приустьевых участках заливов рек Осиха (Карашат) и Шульбинка, было обнаружено несколько пунктов с подъемными материалами каменного века.

Местонахождение Осиха (рис. 1, *1*). Расположено у восточной части залива на обширном (до

300 м) бечевнике вплоть до невысокого (до 1 м) берегового обрыва. Находки представлены скоплениями каменных артефактов и фрагментами костей животных (крупные позвонки, в том числе *Bison p. priscus*). Экспонированные предметы выделяются полосой с севера на юг вдоль бывшего русла р. Осихи.

В коллекции (8 экз.) представлены отщепы различных размеров (рис. 2, *4–7*) и крупный технический скол (рис. 2, *2*). Артефакты выполнены из кремня и окремненной осадочной породы, источником которых, видимо, являлся аллювий Иртыша. Ударные площадки сколов: гладкая – 4 экз., двугранная – 2 экз., поврежденная – 2 экз. Огранка дорсала: субпараллельная, в том числе бипродольная, – 6 экз., радиальная – 2 экз. Два предмета имеют признаки вторичной обработки. Это отщеп с ретушью (рис. 2, *1*) и боковой скребок (рис. 2, *3*). Скребок выполнен на крупном удлиненном сколе. Размеры: 7,3 × 3 × 1,7 см. Заготовка частично сохраняет галечную корку, занимающую ее левый край. Противоположный слабовыпуклый край полностью подработан средней и мелкой, крутой и полукрутой многорядной дорсальной ретушью. В проксимальной и дистальной частях заготовки наблюдаются сколы вентрального утоньшения.

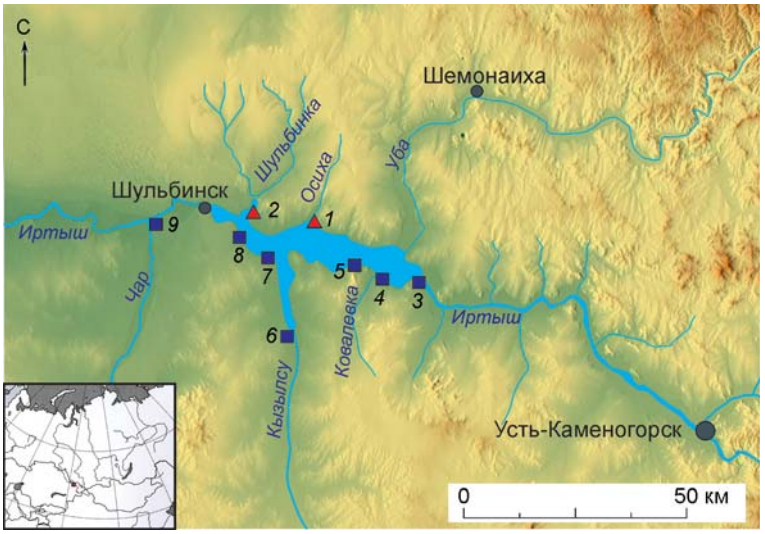


Рис. 1. Схема расположения пунктов археологического обследования на берегах Шульбинского водохранилища.

1 – Осиха; *2* – Шульбинка левобережная; *3* – Азовка; *4* – Ковалевка; *5* – Беткудук–Измайловский; *6* – Летник Шыгыс; *7* – Устье Кызылсу; *8* – Нижняя Ермаковка: *9* – Устье Чар.

Кроме того, выше по течению р. Осиха (севернее по заливу) на берегу был обнаружен единичный отщеп. Размеры 4,1 × 4,5 × 0,7 см. Ударная площадка гладкая, огранка дорсала – радиальная. Имеется небольшой фрагмент галечной корки. Дополнительная подработка отсутствует.

Технико-типологический облик этих подъемных материалов позволяет относить их к поздним этапам каменного века, без более четкой культурно-хронологической атрибуции. Возможно, зафиксированное местонахождение соответствует пункту сборов каменных материалов в районе старицы Осиха на второй надпойменной террасе Иртыша в 1981 г. Тогда здесь были обнаружено несколько предметов палеолитического облика – нуклеус и отщепы из речной гальки [Таймагамбетов, 1983, с. 446].

Местонахождение Шульбинка левобережное (см. рис. 1, *2*). Зафиксировано на левом берегу широкого залива р. Шульбинки, в 1 км выше его устья, в 8,7 км к ВЮВ (109°) от створа плотины ГЭС. Предметы обнаружены на нешироком песочном бечевнике у берегового обрыва высотой 1–2 м, в котором обнажены типичные светло-каштановые почвы. Всего собрано 5 предметов, в том числе три отщепа и два фрагмента керамических изделий, среди которых один фрагмент орнаментированной керамики и один, предположительно, фрагмент обмазки очага. Отщепы (рис. 2, *10*, *11*) средних размеров, фрагментированы. Выполнены из среднезернистого песчаника. Ударные площадки: две – линейные, одна – гладкая. Огранка дорсала: две – радиальные, одна – двугранная. Фрагмент стенки орнаментированного керамического сосуда прямой, размерами 3,8 × 2,6 × 1,1 см (рис. 2, *8*). Внутренняя сторона черная, внешняя – коричневая. Орнамент представлен в виде горизонтальных и вертикальных линий оттисков штампа округлой формы различной глубины (рис. 2, 9). Собранный материал, вероятно, относится к неолитическому времени и может ассоциироваться со сборами, проведенными Шульбинской экспедицией на левом приустьевом участке р. Шульбинки. Тогда в небольшом овраге здесь был обнаружен каменный наконечник стрелы [Археологические памятники…, 1987, с. 21–22].

Материалы различных исторических периодов второй половины голоцена представлены на исследуемой территории выраженными в рельефе каменными или земляными конструкциями, переносом каменных конструкций курганов в результате размыва берега, экспонированными артефактами и костными останками. Находки этого времени были обнаружены вблизи береговой линии на шести пунктах мониторинга (все на левом берегу водохранилища).

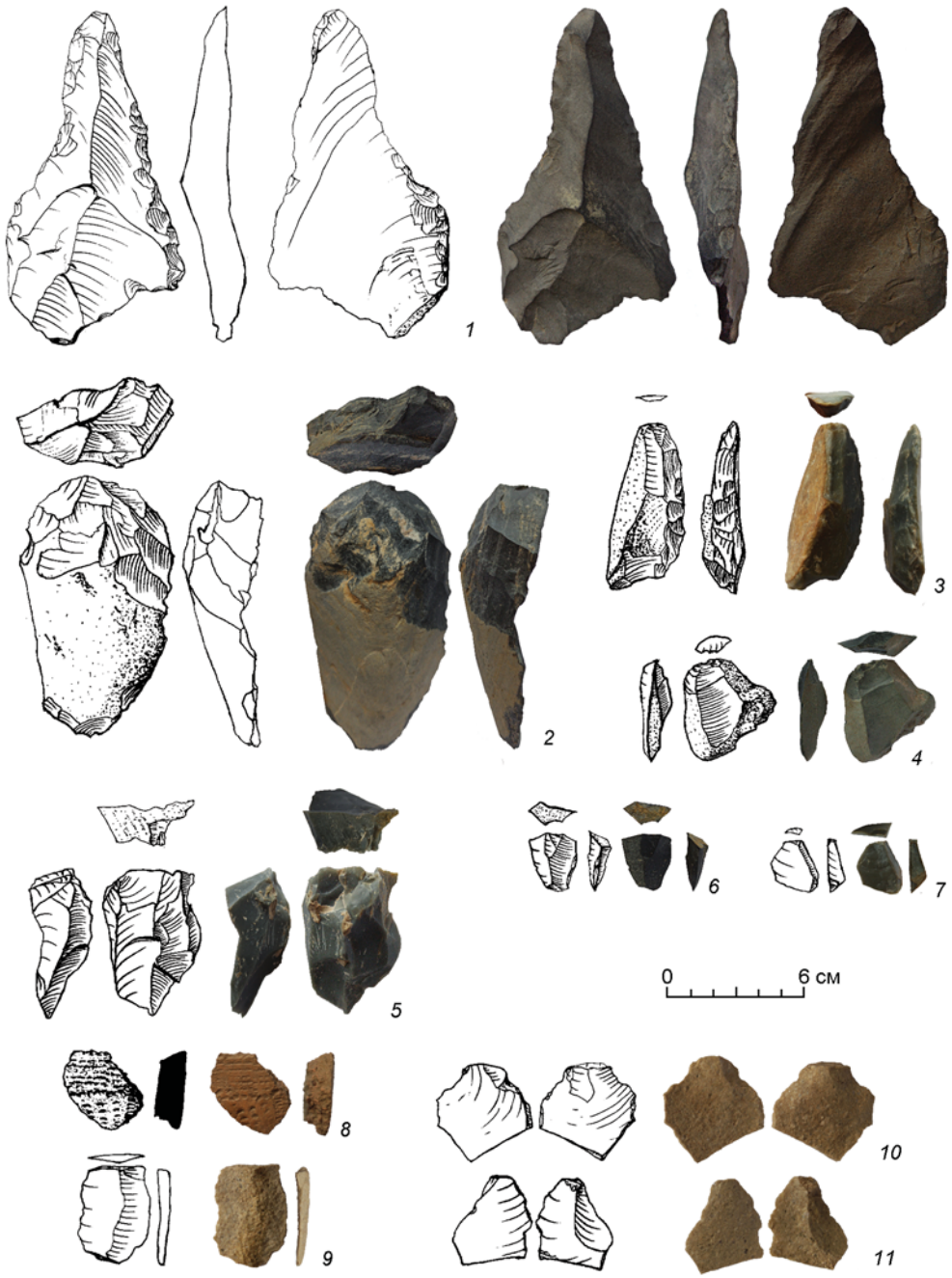


Рис. 2. Артефакты из сборов на правом берегу водохранилища.

1–7 – каменные артефакты из местонахождения Осиха; *8–10* – каменные артефакты из местонахождения Шульбинка левобережная; *11* – фрагмент керамического сосуда из местонахождения Шульбинка левобережная.

Местонахождение Азовка (см. рис. 1, *3*). Расположено напротив бывшего пос. Убаредмет, восточнее бывшей паромной переправы. Связано с полосой бечевника шириной ок. 60 м, песчаным, с узкой галечной полоской и невысоким (1–1,7 м) береговым обрывом со светло-каштановыми почвами. Представляет собой обнажения каменных погребальных конструкций в обрыве, каменные скопления на бечевнике, экспонированные человеческие кости. Один из очень ярких примеров того, как подпрямоугольные упорядоченные могильные конструкции из слоя превращаются в аморфные скопления камней на пляже (своеобразный курганный перлювий). В обрыве (рис. 3, *1*) на глубине ок. 1 м от современной дневной поверхности обнажены крупные плиты, фрагменты человеческих костей и фрагмент керамического сосуда с округлым, слегка наклоненным вовнутрь венчиком и рядами наклонных оттисков круглой палочки, образующих горизонтальный поясок «елочки». Судя по условиям залегания, слабой выраженности в рельефе, остаткам округлых плит каменных конструкций,

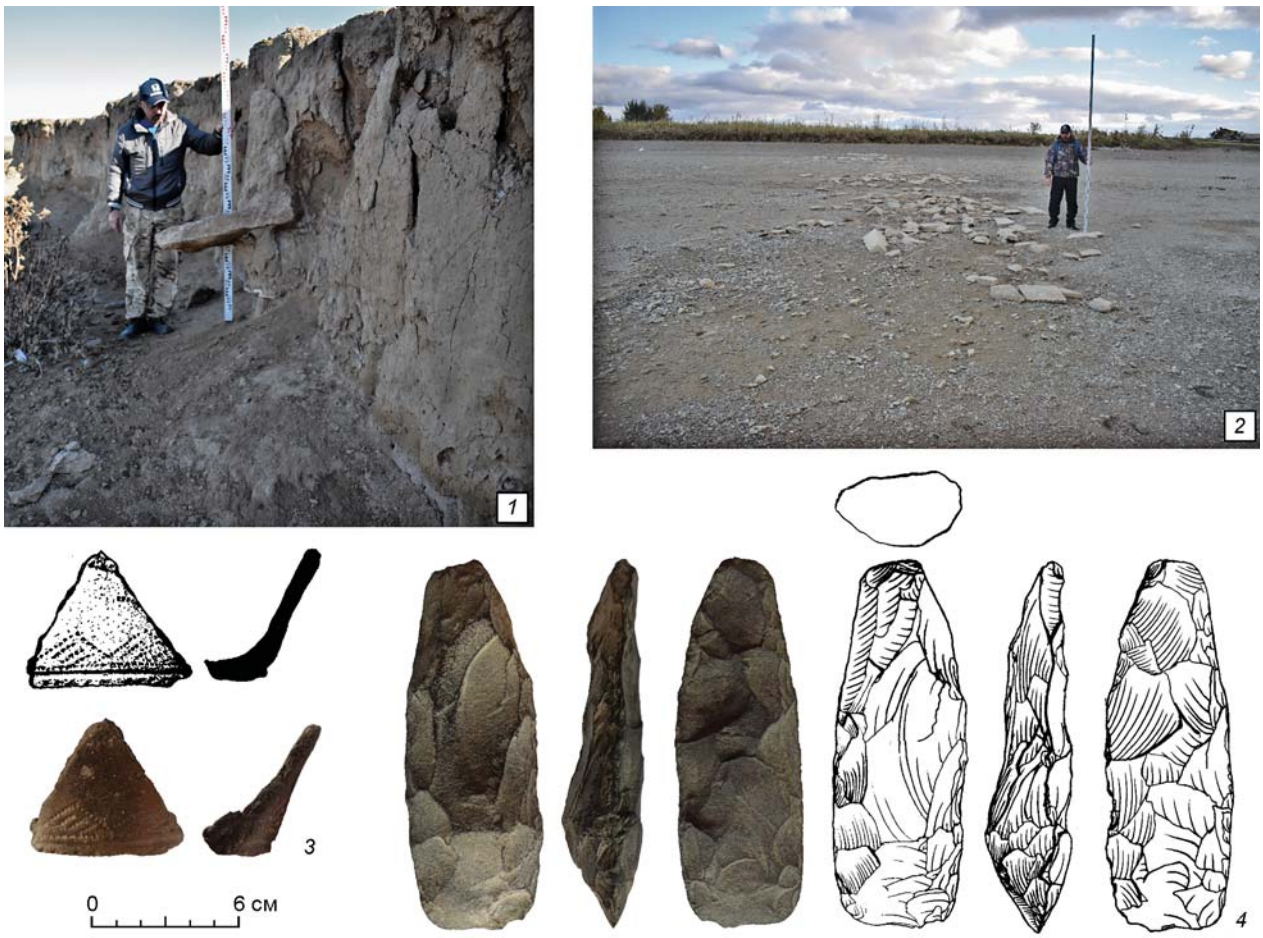


Рис. 3. Археологические материалы левобережья Шульбинского водохранилища.

1 – местонахождение Азовка, обнажение могильной конструкции; *2* – обнажения каменных конструкций в устье р. Кызылсу; *3* – местонахождение Ковалевка, фрагмент керамического сосуда; *4* – местонахождение Ковалевка, каменное тесло.

могильник относится к этапу развитой бронзы. В частности, аналоги сосудов и могил прослеживаются в материалах могильника Малый Койтас [Археологические памятники…, 1987, с. 38–41, рис. 19]. Топографическое соответствие местонахождения каким-либо известным археологическим объектам не установлено.

Местонахождение Ковалевка (см. рис. 1, *4*). Расположено вдоль берега водохранилища у подножия возвышенности, вытянутой перпендикулярно Иртышу с севера на юг, от правобережья приустьевого участка залива р. Ковалевка (Курук). Связано с обнажениями постепенно снижающегося к юго-востоку берегового обрыва (от 10–13 м до 1,5–2,5 м). На высоком сохранившемся берегу ближе к устью р. Ковалевки – раскопы могильника эпохи бронзы [Археологические памятники…, 1987, с. 52–53], а далее на слабом склоне вдоль современной береговой линии – сохранившиеся курганы Средневековья и погребально-поминальные объекты этнографического времени. На бечевнике обнаружены скопления каменей – переотложенные с более высоких уровней каменные кладки, человеческие кости. Среди находок керамики выделяется фрагмент дна керамического сосуда – плоского, толстого (обнаружен в состоянии отслоившейся нижней половины) (рис. 3, *3*). Размеры 6,3 × 6,2 × × 0,7 см. Внутренняя часть темно-коричневая, внешняя – от коричневого до темно-коричневого. Орнамент у основания донышка представлен треугольниками, сформированными гребенкой с тонкими зубьями. Фрагмент соотносится с сосудами андроновской культурной общности и относится к этапу развитой бронзы. Вблизи от керамического сосуда обнаружено каменное тесло, размеры 14,9 × 5,3 × 3,3 см (рис. 3, *4*). Форма, сужающаяся к обушку, лезвие прямое. Изделие изготовлено на крупной удлиненной гальке окремненной осадочной породы. Сколы наносились методом оббивки от краев к центру. Одна сторона предмета плоская, другая выпуклая у рабочего края. Первоначальные сколы оформления крупные. По краям наблюдается локальная ретушная подработка. Тесло, по-видимому, также связано с населением эпохи развитой бронзы.

Участок обследования *Беткудук-Измайловский* располагается в районе бывшей дер. Измайловский, в 3 км севернее современного аула Беткудук (см. рис. 1, *5*). На протяжении ~ 6 км вдоль береговой линии выявлено несколько пунктов концентрации каменных скоплений, которые сопровождались экспонированными человеческими костями и фрагментами керамических сосудов. Крайний восточный пункт осмотра иллюстрирует процесс разрушения при размыве берега могильника эпохи бронзы. Объект расположен на относительно ровной поверхности плавного склона на пятиметровой высоте над бечевником. Состоит из группы подпрямоугольных и округлых оградок из крупных плит различной породы. На пляже они превращаются в ряды и скопления камней и разнесенные по отмелям кости. Такие скопления в ассоциации с костями и фрагментами керамических сосудов протянуты на расстоянии ок. 700 м к западу и примерно соответствуют размерам могильника на поверхности террасы. Далее на запад на протяжении около километра отмечены еще два пункта концентрации находок керамических сосудов (возможно, остатки стояночного комплекса) и скоплений камней с керамикой и костями (остатки могильника). Расстояние между описанными пунктами примерно по 300 м.

Большая часть фрагментов керамических сосудов, обнаруженных здесь, не орнаментированы, представляют собой части стенок лепных сосудов, толщиной около 1 см, с нагаром. В одном случае на внешней стороне фрагмента наблюдаются две слабо читаемые бороздки.

На расстоянии около 1,4 и 3,9 км к западу от крайнего пункта с керамикой, на широких (около 300 м) пляжах без обрывистых уступов зафиксированы скопления камней. Эти объекты, возможно, являются остатками Измайловских могильников в значительной мере раскопанных Шульбинской экспедицией [Археологические памятники…, 1987, с. 55, 65].

Пункт обследования *Устье Кызылсу* связан с левобережной частью устья залива в бывшей долине р. Кызылсу (см. рис. 1, *7*). Севернее места поиска располагались развалины Кызылкургана. В период осмотра это бечевник шириной ок. 100 м со стороны водохранилища и ок. 50 м со стороны залива Кызылсу. Здесь особый интерес представляют два ряда скопления камней (рис. 3, *2*), среди которых возможно прочитать подпрямоугольные кладки размерами 1,5 × 2–2,5 м из горизонтально уложенных плит, ориентированные по линии С – Ю. На надпойменной возвышенности здесь расположен могильник из девяти видимых курганов. Курганы округлые, с явными ровиками и западинами по центру, насыпи земляные с проявляющимися отдельными камнями, высотой до 1,5 м. По-видимому, обнажения камней на пляже связаны с этим могильником и относятся к эпохе Средневековья. Ясных сопоставлений с раскопанными могильниками установить не удалось.

Пункт обследования *Летник Шыгыс* расположен выше по течению Кызылсу, примерно в 600–800 м выше расширения залива Кызылсу у действующего летника, отмеченного на картматериалах как Шыгыс (см. рис. 1, *6*). Здесь, в условиях отсутствия постоянной берегопереработки на плотных скальных основаниях расположено несколько погребально-поминальных объектов, относящихся к эпохе Средневековья – округлая каменно-земляная низкая насыпь с явными границами каменных ящиков внутри и выносными камнями с запада и юга; округлая каменная насыпь с вертикально установленной каменной стелой ок. 1 м высотой, ряды камней и другие объекты. С памятниками, известными по архивным и опубликованным сведениям, объекты не соотносятся. Деятельность водохранилища непосредственно не распространяется на эти объекты, но степень современной антропогенной нагрузки достаточно высока.

Местонахождение *Нижняя Ермаковка* располагается восточнее широкого лога примерно между бывшей дер. Ермаковка и устьем р. Шульбинки, напротив бывшего места расположения о. Нижний Дедушкин (см. рис. 1, *8*). Здесь, в обнажении берегового обрыва высотой 1,5–1,8 м обнаружены фрагменты обожженных камней на глубине ок. 0,15 м. На поверхности террасы, на расстоянии ок. 3 м от края обнаружен одиночный курган, представленный округлой каменно-земляной насыпью диаметром ок. 6 м, высотой ок. 0,2 м. Предположительная датировка – Средневековье, соотнесение с известными памятниками затруднительно.

Признаки стояночного комплекса обнаружены ниже плотины ГЭС на правобережном приустьевом участке р. Чар (см. рис. 1, *9*). Абсолютные высоты уреза на момент осмотра составляли 209–210 м (по БСВ). В трехметровом обнажении обрывистого берега Иртыша, на глубинах 1,2–1,5 м в слое погребенной почвы (темная гумусированная супесь) были обнаружены фрагменты костей животных, в т.ч. колотые, и фрагменты керамических сосудов (плоскодонных, без орнамента). Предположительно, здесь размывается стояночный комплекс эпохи раннего железа – Средневековья. С известными памятниками не соотносится.

Обобщая полученные сведения о сохранности обнаруженных археологических объектов, следует подчеркнуть значительную угрозу еще сохранившимся и не полностью раскопанным ранее погребальным объектам на местонахождении Азовка,

Беткудук, Устье Кызылсу, Нижняя Ермаковка. На этих пунктах процесс разрушения берега водохранилища достаточно интенсивен. Памятники находятся в быстроразрушающихся субаэральных отложениях и либо уже обнажены (Азовка, Беткудук), либо в ближайшее десятилетие будет размываться (Нижняя Ермаковка). При анализе материалов местонахождений с артефактами палеолитического облика, при отсутствии в коллекции каких-либо «руководящих» форм, для понимания точной культурно-хронологической позиции требуется определить их возможную стратиграфическую позицию. По-видимому, это еще возможно для местонахождения Осиха. Стояночный комплекс в устье р. Чар требует внимания в связи с не столь активной, как на водохранилище, но также неизбежной, берегопереработкой местонахождения водами Иртыша.

В ходе работ 2022 г. были обнаружены археологические объекты погребального и стояночного типа, представляющие различные культурно-хронологические этапы истории заселения Верхнего Прииртышья (каменный век, эпоха бронзы, Средневековье) и расположенные в различных ландшафтных условиях, с разной степенью нарушения. По результатам работ актуализированы сведения о характере и интенсивности воздействия водохранилища на состояние археологических объектов. Во-первых, субаэральный покров прибрежной территории, содержащий следы древней человеческой деятельности, неизбежно подвергается воздействию. В зависимости от форм рельефа образуются береговые обрывы либо широкие прибрежные отмели. Интенсивность разрушения естественного комплекса отложений в первом случае значительно выше. Во-вторых, на широком бечевнике возможно обнаружение размываемых комплексов с относительно полным сохранением набора предметов, но радикальным изменением порядка и стратиграфической позиции. В-третьих, в береговых обрывах фиксируется относительно точная стратиграфическая позиция археологических структур. При этом в ходе размыва берега каменные структуры различных конструкций переносятся на береговую отмель с относительно точным сохранением планиграфической позиции и состава каменных деталей, но с изменением конструкции и стратиграфической позиции, нарушением анатомического сочленения и разрушением артефактов.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов» и соглашения о сотрудничестве между Национальным музеем Республики Казахстан и ИАЭТ СО РАН от 10.01.2018 г. Авторы благодарят канд биол. наук С.К. Васильева за палеонтологические определения.

Список литературы

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 280 с.

Поздний кайнозой Казахстанского Прииртышья. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – 144 с.

Таймагамбетов Ж. Поиски памятников каменного века в Семипалатинской области // АО 1981 года. – М., 1983. – С. 445–446.

References

Akishev K.A. (ed.) Arkheologicheskiye pamyatniki v zone nablyudeniya zatopleniya Shul'binskoy GES. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1987. 278 p. (In Russ.).

Mukhamedzhanov S.M. (ed.) Pozdnii kainozoi Kazakhstanskogo Priirtysh'ya. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1973. 144 p. (In Russ.).

Taimagambetov Zh. Poiski pamyatnikov kamennogo veka v Semipalatinskoi oblasti. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1981 goda*. M., 1983. P. 445–446. (In Russ.).

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1008-1014
УДК 902.03+902.64+902/904

А.В. Кениг[1], Д.А. Бычков[1]✉, А.А. Морозов[1], И.Е. Дедов[1], И.А. Деманов[2], О.В. Андреев[3], И.С. Половников[1], К.О. Сопова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Предварительные результаты изучения поселенческого и промыслового комплексов в долине р. Ингу-Ягун в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2022 году

Спасательные археологические раскопки проведены сотрудниками ИАЭТ СО РАН осенью 2022 г. по исследованию группы западин Ингу-Ягун 17 и одиночной впадины Юльвуимлор в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. На территории Ингу-Ягун 17 были исследованы сооружения 4 и 5. В результате анализа их размерных характеристик и морфологии с учетом закономерности уменьшения глубины археологизированных сооружений в процессе руинирования их несущих элементов, был сделан вывод о создании этих объектов в эпоху Средневековья для ведения пассивной охоты. Однако вопрос интерпретации и хронологической атрибуции данных объектов остается открытым по причине отсутствия артефактов. В ходе раскопок одиночной впадины Юльвуимлор, в реконструируемом межжилищном пространстве обнаружены фрагменты керамических сосудов, в том числе с орнаментом. Все фрагменты изготовлены из глины с примесью песка, методом скульптурной лепки, обожжены в окислительной среде с доступом кислорода – цвет фрагментов бежевый, светло-коричневый. Для орнаментации керамики характерен штампованный декор: орнамент штампом круглой формы, штампованный зигзаг, выполненный орнаментиром с вытянутым гладким краем, равноудаленные элементы декора в технике накола. Аналогичны способы декорирования посуды штампованным орнаментом и техникой накола с похожими орнаментальными мотивами были обнаружены среди коллекции керамики из энеолитического комплекса селищ Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган. Полученные сведения позволили отнести время возникновения одиночной впадины Юльвуимлор к эпохе энеолита – ранней бронзы. Полномасштабные археологические полевые работы на данной территории ранее не проводились. Археологические раскопки в районе р. Ингу-Ягун подтверждают факт наличия следов жизнедеятельности человека на данной территории в определяемый период времени. В результате проведенных исследований предполагается развитие пассивной охоты в долине реки Ингу-Ягун с эпохи энеолита.

Ключевые слова: *археология, энеолит, ХМАО, ямы-ловушки, жилище, Ингу-Ягун, керамика.*

A.V. Kenig[1], D.A. Bychkov[1]✉, A.A. Morozov[1], I.E. Dedov[1], I.A. Demanov[2], O.V. Andreev[3], I.S. Polovnikov[1], K.O. Sopova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Preliminary Results of the Study of the Settlement and Hunting Complexes in the Valley of the Ingu-Yagun River in the Surgut Region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2022

Rescue archaeological excavations of Ingu-Yagun 17 and a Yulvuimlor in the Surgut Region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra were carried out by the IAET SB RAS in the fall of 2022. Structures 4 and 5 were studied at Ingu-Yagun 17. Based on their dimensional characteristics and morphology, deepening of archaeological structures in the process of ruining their load-bearing elements, it was concluded that these structures were constructed in the medieval period for passive hunting. However, the issues of interpretation and chronological attribution of these objects remain open due to the lack of artefacts.Potsherds with and without ornament were found in the reconstructed interdwelling area at Yulvuimlor. Ceramics are made of clay with an admixture of sand by sculptural modelling. Ceramics are fired in an oxidizing environment with oxygen access (the colour of the fragments is beige or light brown). The ceramic fragments typically bear stamped motifs: a round stamp motif, a zigzag made with a stamp with an elongated smooth edge, and equidistant pricked motifs. Parallels to decorations with stamped motifs made though similar pricking technique are the pottery from the Eneolithic complex of Nekh-Urii 3.2 on the Agan River. Based on the derived analytical data, we attribute the Yulvuimlor solitary depression to the Eneolithic – early Bronze Age. Formerly, full-scale archaeological field works have not been carried out in this area. Archaeological excavations on the Ingu-Yagun River have shown traces of human activity in this area. It is assumed that passive hunting has been developed on the Ingu-Yagun River since the Eneolithic era.

Keywords: *archaeology, Eneolithic, KhMAO, hunting pits, housing, Ingu-Yagun, ceramics.*

Интерес широкого круга исследователей к древностям Сургутского Приобья имеет давнюю историю, насчитывающую уже более века. Как и во время первых находок в XIX в., в настоящее время внимание исследователей сконцентрировано вокруг уникального культурного явления – Барсовой горы. Располагаясь почти в центре субширотного течения р. Оби, это урочище «притягивало» к себе все культурные процессы, протекавшие на этой территории начиная с эпохи неолита и по сегодняшний день [Барсова гора…, 2008, с. 6–23]. Но за пределами этой «колыбели археологических культур» тоже происходили культурные процессы – общности возникали и растворялись, традиции формировались и исчезали. Настоящая работа затрагивает северную периферию этого «культурного котла».

Район проведения работ находится в долине р. Ингу-Ягун, которая является правым притоком р. Обь третьего порядка. Ко времени проведения настоящих полевых работ в научном обороте находились только обрывочные сведения о выявленных в долине археологических древностях. Культурно-хронологическая принадлежность, детали хозяйства древних коллективов не были определены. В связи с чем определяется проблема включения археологических памятников, известных в долине р. Ингу-Ягун, в существующую схему историко-культурного развития Сургутского Приобья, построенную на материалах исследований Барсовой горы.

Осенью 2022 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН проводились спасательные археологические раскопки группы впадин Ингу-Ягун 17 и одиночной впадины Юльвуимлор. Объекты расположены в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, к югу от населенного пункта Когалым, в правобережье реки Ингу-Ягун и неподалеку от оз. Юльвуимлор (рис. 1). Целью проводимых исследований было получение информации о времени возникновения и назначении выраженных в современном рельефе сооружений, которые попадали в зону строительства нефтепровода.

Группа впадин Ингу-Ягун 17 расположена на правом берегу р. Ингу-Ягун (левого притока р. Тромъеган) в ее среднем течении (рис. 1, *1*). Объект выявлен в 2017 г. группой под руководством С.А. Крузимента в рамках археологической разведки по трассе проектируемого объекта [Акт…, 2017]. Всего было выявлено 8 впадин, а на их обваловках заложены шурфы, но археологического материала обнаружено не было. Позднее, в 2020 г. проводилось повторное обследование [Акт…, 2020] под руководством П.Р. Сташкина, в ходе которого состояние памятника было признано неудовлетворительным из-за пролегания через его территорию зимника.

Одиночная впадина Юльвуимлор выявлена на мысовидной оконечности гривы, к югу от оз. Юльвуимлор (рис. 1, *2*) в 2006 г. в ходе проведения разведочной группой под руководством А.А. Рудя комплексной археолого-этнографической экспедиции [Рудь, 2007]. В ходе разведки зафиксирована впадина размерами 5 × 6 м, глубиной 0,4 м, ориентированная по линии ССЗ – ЮЮВ. Кроме этого, с поверхности современных почвенных разрушений собран подъемный материал – фрагменты неорна-

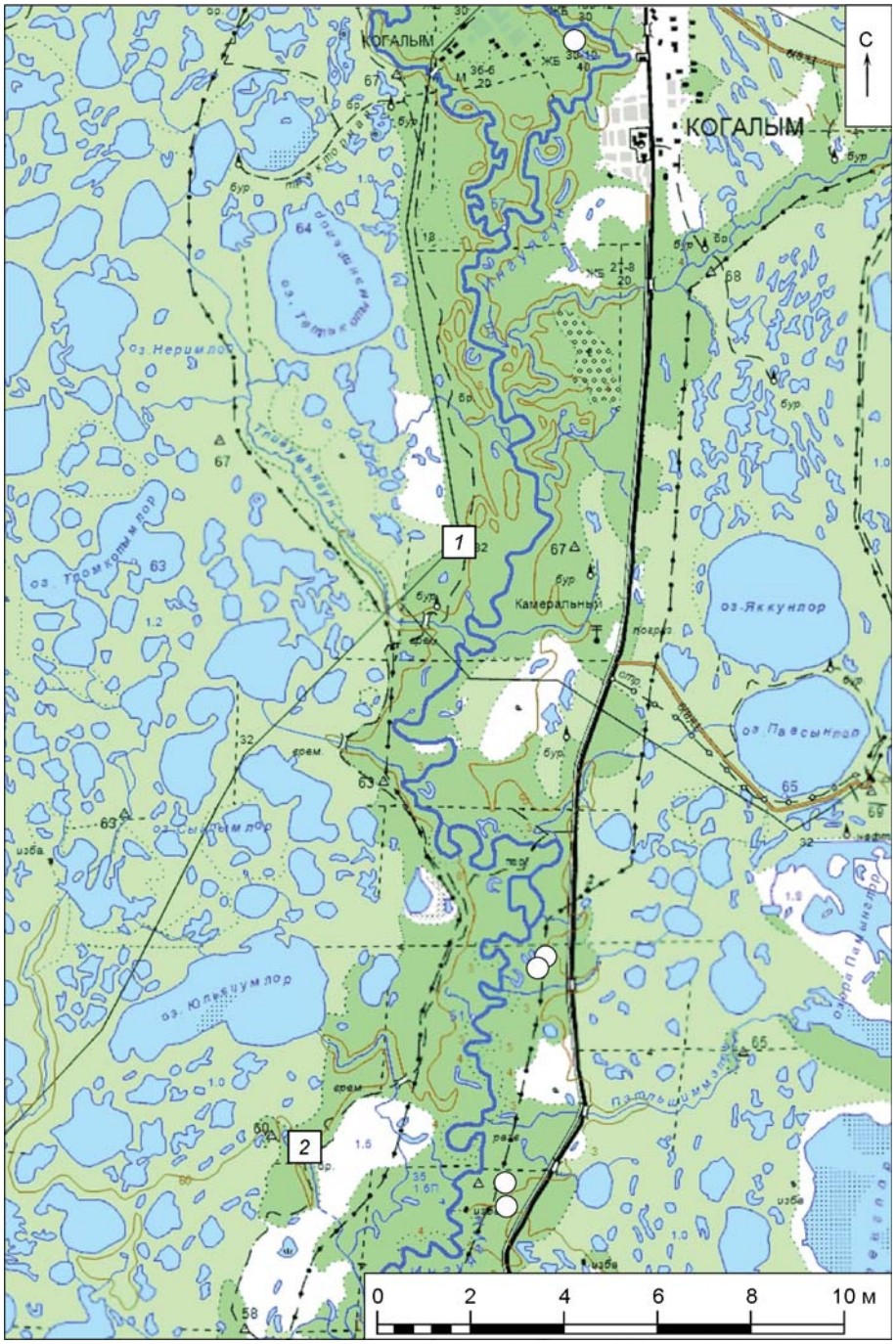


Рис. 1. Карта-схема района проведения исследований с обозначением изучаемых археологических памятников.
1 – группа впадин Ингу-Ягун 17; *2* – одиночная впадина Юльвуимлор.

ментированной керамики. В 2014 г. объект был осмотрен повторно под руководством Г.П. Ведмидя [Ведмидь, 2014]. В 2020 г. разведочной группой под руководством П.Р. Сташкина выполнена инструментальная топографическая съемка территории одиночной впадины Юльвуимлор. Заложено четыре стратиграфических разреза для определения границ его территории. Собран подъемный материал – фрагменты керамических сосудов, которые датировались IX–VIII вв. до н.э. [Акт…, 2020, с. 32, 78]. Отмечается тенденция постепенного разрушения памятника. Археологизированное сооружение во время проведения разведки в октябре 2020 г. визуально не определялось.

Для фиксации и систематизации информации об изучаемом пространстве использовалась технология ортогональной фотограмметрии, реализуемая фотосъемкой с БПЛА, фиксацией опорных точек посредством электронного тахеометра. Раскопки велись горизонтальными зачистками с обязательной фик-

сацией планиграфической ситуации через каждые 0,1 м. Данный методический прием позволял наблюдать изменения контура сооружения, отбирать образцы остатков конструкции синхронно с ее исследованием и не подвергать разрушению нижележащие, еще неисследованные напластования.

Ко времени начала раскопок в 2022 г. группа впадин Ингу Ягун 17 визуально представляла собой 8 выраженных в рельефе западин, локализованных на участке гривы между безымянным озером и старицей р. Ингу-Ягун. Территорию памятника пересекает грунтовая дорога, проходящая с севера на юг. На севере и юге от объекта расположена просека от грунтовой дороги, а на западе и востоке находится сосново-березовый лес, ограниченный озером и старицей р. Ингу-Ягун.

Двумя раскопами накрывались сооружения 4 и 5 таким образом, чтобы в их границы попали все визуально определимые конструктивные элементы. Ввиду пересечения территории памятника зимником, исследуемые части памятника претерпевали значительную техногенную нагрузку – дорожные выемки, навалы грунта, нарушение почвенного покрова. В связи с этим некоторая часть изучаемого пространства была представлена техногенными отложениями. На остальной площади были зафиксированы детали изучаемых сооружений в плане и их стратиграфические профили. Проведенные наблюдения позволили выделить конструктивные особенности исследованных сооружений и периоды их руинирования. Было установлено, что сооружение 4 глубиной 1,3 м, длиной 2,1 м. Сооружение 5 отличается глубиной в 1,5 м и длиной котлована в 4,5 м. Археологического материала в заполнении не найдено (рис. 2).

Раскоп на одиночной впадине Юльвуимлор заложен на сохранившейся части гривы, которая ограничена с северо-запада и юго-востока полевой дорогой (зимником), а с юго-запада – болотом. В результате функционирования зимника и постоянной антропогенной нагрузки на ландшафт памятника, к моменту проведения раскопочных работ сооружение визуально не определялось в рельефе. Поэтому решение о расположении, конфигурации и разметке раскопа было принято на основе анализа материалов, полученных предшествующими исследователями в 2006, 2014 и 2020 гг. В центральной части раскопа, приходящейся на сохранившуюся часть гривы, было обнаружено 22 фрагмента керамической посуды, 4 из которых – орнаменти-

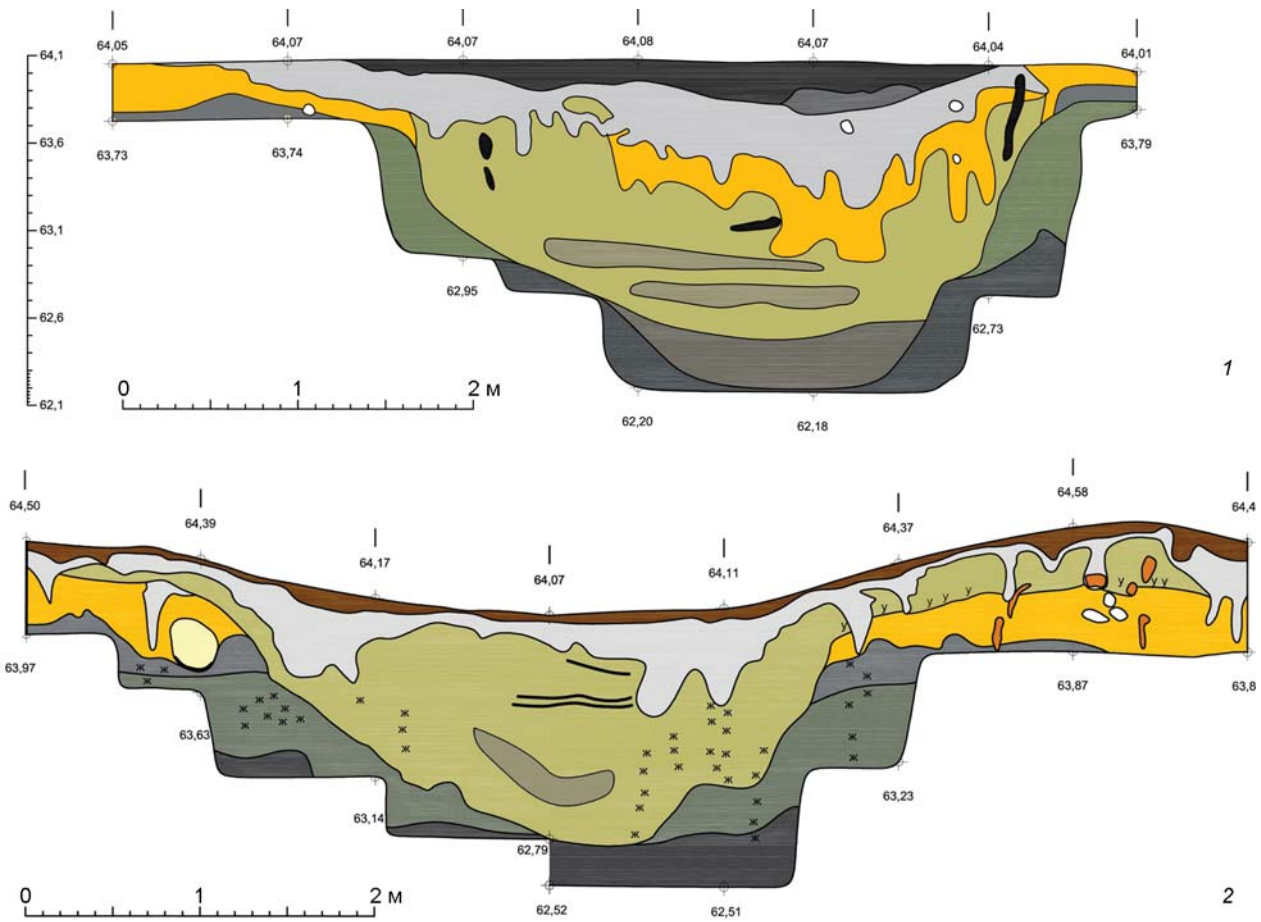


Рис. 2. Стратиграфические профили сооружений 5 (*1*) и 4 (*2*), исследованных на памятнике Ингу-Ягун 17.

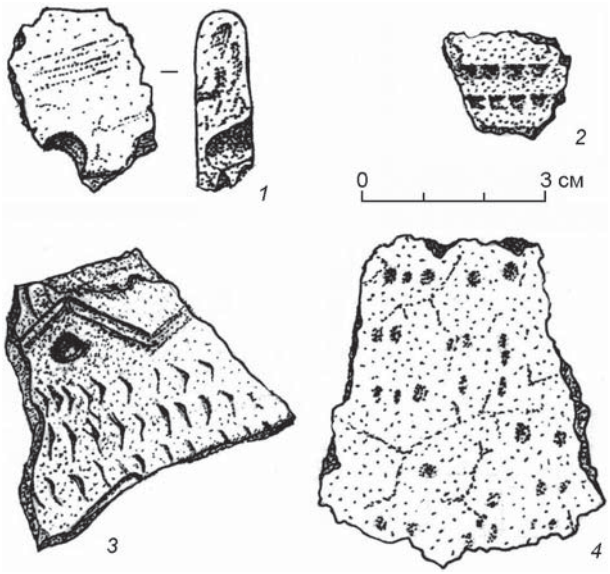


Рис. 3. Фрагменты керамических сосудов, обнаруженных на памятнике Юльвуимлор.

1 – фрагмент венчика, декорированный штампованным орнаментом; *2* – фрагмент стенки, декорированный гребенчатым штампом; *3* – фрагмент стенки, декорированный серией штампованных элементов; *4* – фрагмент стенки, декорированный штампованным орнаментом.

рованные. Все фрагменты изготовлены из глины с примесью песка, методом скульптурной лепки, обожжены в окислительной среде с доступом кислорода – цвет фрагментов бежевый, светло-коричневый. Толщина стенок фрагментов 6–7 мм. Венчик имеет срез округлой формы, вертикально поставлен. Из-за небольших размеров фрагментов, диаметр сосуда неопределим. Судя по форме, один из них принадлежал сосуду открытой (баночной) формы (рис. 3, *1*).

Фрагменты посуды декорированы по внешнему краю глубокими вдавлениями штампованным орнаментом, выполненным инструментом с круглой рабочей частью и глубиной вдавления – 5 мм (рис. 3, *1*), горизонтально расположенными равноудаленными гребенчатыми штампами (рис. 3, *2*), серией элементов расположенных по горизонтальной схеме: штампованный зигзаг, выполненный орнаментиром с вытянутым гладким краем. Под ним, вписанный в угол зигзага, расположен элемент, выполненный вдавлением орнаментира с круглой рабочей частью. Ниже идут плотные ряды равноудаленных друг от друга элементов декора в технике накола (рис. 3, *3*). Другой фрагмент стенки сосуда декорирован штампованным орнаментом – овальными равноудаленными вдавлениями (рис. 3, *4*). Таким образом, раскопом было изучено межжилищное пространство одиночной впадины Юльвуимлор, которое включало в себя предметы материальной культуры.

Аналогичное декорирование посуды штампованным орнаментом и техникой накола с похожими орнаментальными мотивами обнаруживается в коллекции керамики из энеолитического комплекса селищ Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган [Стефанов, Косинская, Карачарова, 2014, с. 52]. На основании приведенных аналогий, имеющихся сведений об атрибуции подъемного материала, собранного в 2020 г., и полученных в ходе настоящих раскопок фактов, следует сделать вывод о том, что одиночная впадина Юльвуимлор возникла в эпоху энеолита – ранней бронзы.

В процессе исследования сооружений 4 и 5 на Ингу-Ягун 17 складывалось двоякое представление об этих объектах – как о ямах-ловушках или жилищных западинах. В пользу первой версии выступало количество и пространственное расположение западин четко выраженной цепочкой, которая перегораживает узкую часть гривы между болотами, образующими удобный для сезонной миграции животных коридор. А в пользу второй версии – размеры и подквадратная форма западин в плане.

С точки зрения стратегии освоения ландшафта, размещение одиночной охотничьей землянки на сухопутном коридоре, стесненном с двух сторон болотом, как и в случае с группой впадин Ингу-Ягун 17, оправдано с позиции ведения пассивной охоты. Размещение ловчих сооружений на сухопутном перешейке с удобными для животных и человека подходами к воде является логичным решением в практике пассивной охоты [Кассал, 2018; Белавин, Крыласова, 2017].

Получение абсолютных дат на данный момент не представляется возможным. Накопленные на сегодняшний день сведения о подобных археологических объектах позволяют проводить их верификацию в хронологическом отношении по морфологии. Так сооружения, относящиеся к эпохе Средневековья, имеют глубину порядка 1,8 м, округлую форму в плане и диаметр котлована порядка 1,5 м. Одним из наиболее проиллюстрированных исследований таких объектов являются раскопки ловчих ям на р. Кедровой [Рудковская, 2016]. Подобные промысловые сооружения, которые исследователи относят к периоду мезолита – неолита, наоборот, отличаются глубиной свыше 2 м, четырехугольной формой в плане и более узким котлованом [Косинская, 2014]. Сопоставляя приведенные аналогии и имеющиеся факты, следует сделать вывод, что, вероятнее всего, изученные промысловые комплексы были созданы не раньше Средневековья.

Проведенные раскопки в долине р. Ингу-Ягун подтверждают освоение человеком этой территории в эпоху палеометалла. Нами зафиксированы

свидетельства пассивной охоты древнего населения. Отсутствие более масштабных поселенческих комплексов, при одновременном наличии одиночных сооружений, на изучаемой территории позволяет отнести этот край к периферии ойкумены на обозначенном отрезке времени. Установленные обстоятельства актуализируют исследования, направленные на выделение закономерностей в изменении древних культур по мере отдаления ее носителей от «центра» к периферии. Развитие данной перспективы позволит выстроить более доказательную схему историко-культурного развития Сургутского Приобья в разные исторические периоды.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Авторы благодарят Л.В. Стрельцову за подготовку чертежей.

Список литературы

Акт № 192-20/Ч ГИКЭ документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности выявленных объектов культурного (археологического) наследия – группа впадин Ингуягун 17 и одиночная впадина Юльвиумлор, находящихся на территории, непосредственно связанной с участком, подлежащим воздействию хозяйственных работ в ходе строительства объекта «Обустройство куста скважин № 69 и скважин № 292Р, № 293П Кустового месторождения, в границах кустового лицензионного участка», в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». – Нефтеюганск, 2020. – URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/064/Akt-GIKE-_192_20CH_Razd_ING-17_YUL-1_sign.pdf.

Акт № 519 ГИКЭ земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проекту: «Переиспытание разведочной скважины 256Р Южно-Кустовой лицензионный участок Кустового месторождения». – Нефтеюганск, 2017. – URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/2cc/akt-gike-_519_skv.256r_yuzhno_kustovoy_signed.pdf.

Барсова гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. – 300 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Орудия охоты Средневекового Предуралья (археологический очерк) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2017. – № 3 (6). – С. 66–80.

Ведмидь Г.П. Отчет о НИР. Историко-культурные изыскания на участках расположения объектов бурения и обустройства в границах лицензионных участков ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» ТПП. Том 2. Историко-культурные изыскания на участках расположения объектов бурения и обустройства в границах лицензионных участков ТПП «Когалымнефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь». – Сургут, 2014. – БИИКФ. Ф. Р-4. Д. 564.

Кассал Б.Ю. Эволюция способов охоты на лося от неолита до сего дня // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): материалы XIII международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алт. гос. ун-та, 2018. – С. 17–24.

Косинская Л.Л. Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе // Археология Арктики. – 2014. – Вып. 2. – С. 58–79.

Рудковская М.А. Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2016. – Вып. 14. – С. 304–316.

Рудь А.А. Отчет о НИР. Археологические исследования в среднем течении р. Ингу Ягун в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2006 г. – Сургут, 2007. – БИИКФ. Ф. Р-4. Д. 334.

Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Карачарова Л.В. Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган // Ханты-Манскийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 48–84.

References

Akt № 192-20/Ch GIKE dokumentacii, obosnovyvajushhej mery po obespecheniju sohrannosti vyjavlennyh ob#ektov kul'turnogo (arheologicheskogo) nasledija – gruppa vpadin Ingujagun 17 i odinochnaja vpadina Jul'viumlor, nahodjashhihsja na territorii, neposredstvenno svjazannoj s uchastkom, podlezhashhim vozdejstviju hozjajstvennyh rabot v hode stroitel'stva ob#ekta «Obustrojstvo kusta skvazhin № 69 i skvazhin № 292R, № 293P Kustovogo mestorozhdenija, v granicah kustovogo licenzionnogo uchastka», v Surgutskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry». Neftejugansk, 2020. (In Russ.). URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/2cc/akt-gike-_519_skv.256r_yuzhno_kustovoy_signed.pdf.

Akt № 519 GIKE zemel', podlezhashhih vozdejstviju zemljanyh, stroitel'nyh, meliorativnyh, hozjajstvennyh rabot, predusmotrennyh stat'ej 25 Lesnogo kodeksa Rossijskoj Federacii rabot po ispol'zovaniju lesov (za iskljucheniem rabot, ukazannyh v punktah 3, 4 i 7 chasti

1 stat'i 25 Lesnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) i inyh rabot, po proektu: «Pereispytanie razvedochnoj skvazhiny 256R Juzhno-Kustovoj licenzionnyj uchastok Kustovogo mestorozhdenija». Neftejugansk, 2017. (In Russ.). URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/064/Akt-GIKE-_192_20CH_Razd_ING-17_YUL-1_sign.pdf.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Medieval Cis-Urals hunting tools (archaeological sketch). In *Gumanitarnye aspekty ohoty i ohotnich'ego hozjajstva*, 2017. N 3 (6). P. 66–80. (In Russ.).

Kassal B.Ju. Evoljucija sposobov ohoty na losja ot neolita do sego dnja. In *Polevye issledovanija na Altae, v Priirtysh'e i Verhnem Priob'e (arheologija, jetnografija, ustnaja istorija):* materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2018. P. 17–24. (In Russ.).

Kosinskaja L.L. Arheologicheskie issledovanija UrFU v Purovskom rajone. In *Arheologija Arktiki*, 2014. Iss. 2. P. 58–79. (In Russ.).

Rud' A.A. Otchet o NIR. Arheologicheskie issledovanija v srednem techenii r. Ingu Jagun v Surgutskom rajone HMAO-Jugry v 2006 g. Surgut, 2007. BIIKF, f. R-4, d. 334. (In Russ.).

Rudkovskaja M.A. Lovchie zverolovnye jamy na r. Kedrovoj (Hanty-Mansijskij rajon HMAO – Jugry). In *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*: sb. statej. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State Univ. Press, 2016. Iss. 14. P. 304–316. (In Russ.).

Stefanov V.I., Kosinskaja L.L., Karacharova L.V. Jeneoliticheskij kompleks selishha Njoh-Urij 3.2 v bassejne r. Agan. In *Hanty-Manskijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*: sb. st. – Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State Univ. Press, 2014. Iss. 12. P. 48–84. (In Russ.).

Trufanov A.Ya. (ed.). *Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priobya* Ekaterinburg–Surgut: Ural Publ., 2008. 300 p. (In Russ.).

Vedmid' G.P. Otchjot o NIR. Istoriko-kul'turnye izyskanija na uchastkah raspolozhenija ob#ektov burenija i obustrojstva v granicah licenzionnyh uchastkov OOO «LUKOJL – Zapadnaja Sibir'» TPP. Tom 2. Istoriko-kul'turnye izyskanija na uchastkah raspolozhenija ob#ektov burenija i obustrojstva v granicah licenzionnyh uchastkov TPP «Kogalymneftegaz» OOO «LUKOJL – Zapadnaja Sibir'». Surgut, 2014. BIIKF, f. R-4, d. 564. (In Russ.).

Кениг А.В. https://orcid.org/0000-0002-4083-1920
Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356
Дедов И.Е. https://orcid.org/0000-0001-6164-4094
Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283
Деманов И.А. https://orcid.org/0000-0002-1311-3544
Сопова К.О. https://orcid.org/0000-0001-8563-1319

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1015-1020
УДК 902.2

К.О. Сопова[1]✉, Д.А. Бычков[1], А.А. Морозов[1], И.А. Деманов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: sopova.kr@gmail.com

Обследование курганных могильников в Барабинском и Чановском районах Новосибирской области в 2022 году

В ходе археологической разведки, проведенной в октябре 2022 г. были актуализированы данные о памятниках археологического наследия – курганных могильниках Лопушное Озеро-3 и Лопушные Озера-4 в Барабинском р-не и Гогол-1, Гогол-2 в Чановском р-не Новосибирской обл. В публикации представлены результаты разведочных работ и введены в научный оборот актуальные данные о локализации памятников и их состоянии на сегодняшний день. Географическое расположение участка проведения археологических изысканий находится в пределах Барабинской низменности. В связи с проведением масштабных работ по реконструкции магистрального нефтепровода «Омск – Сокур» для натурного обследования были выбраны курганные могильники в районе озер Лопушное и Гогол в Барабинском и Чановском р-нах Новосибирской обл. соответственно. В ходе археологической разведки применялись как классические методы: пешее обследование местности, фотофиксация общих видов курганных насыпей и их деталей, так и фиксация рельефа с помощью методики ортогональной фотограмметрии, поиск отдельных курганных насыпей с воздуха с помощью БПЛА. В результате получены новые сведения о количестве и локализации курганов. Определено актуальное состояние памятников. Исследованные памятники находятся в зоне активного антропогенного влияния и несут следы разрушений – насыпи разбиты колеями от тяжелой техники, т.к. в непосредственной близости от курганов ведутся работы по реконструкции нефтепровода. Результаты разведки актуализируют обсуждение вопросов, связанных с определением границ курганных могильников.

Ключевые слова: *Бараба, археологическая разведка, курган, могильник, Средневековье, озеро, Гогол, Лопушное, Новосибирская область, Барабинский р-н, Чановский р-н.*

K.O. Sopova[1]✉, D.A. Bychkov[1], A.A. Morozov[1], I.A. Demanov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: sopova.kr@gmail.com

Survey of Burial Mounds in the Barabinsky and Chanovsky Districts of the Novosibirsk Region in 2022

Available information on the sites of archaeological heritage– burial mounds Lopushnoe Ozero-3and Lopushnye Ozera-4in the Barabinsky District and Gogol-1and -2 in the Chanovsky District was updated during the archaeological survey conducted in the Barabinsky and Chanovsky Districts of the Novosibirsk Region. We present the results of survey and introduce into scientific circulation the up-to-date information on the localization of the sites. The archaeological survey was executed in the Baraba lowland. Burial mounds in the vicinity to Lopushnoye and Gogol Lakes in the Barabinsky and Chanovsky Districts of the Novosibirsk Region were selected for a rescue archaeological survey carried out under the project of the large-scale

reconstruction of the Omsk-Sokur oil trunk pipeline. In the course of archaeological survey, classical methods were used: a walking survey of the area, photo recording of general types of burial mounds and their elements. The topographic features were recorded through the orthogonal photogrammetric technique and the aerial recording of individual mounds through UAVs was made. New information about the amount and localization of mounds was collected. The current state of the mound preservation was determined. The sites are located in the zone of active anthropogenic impact and show traces of destruction – the mounds are damaged by heavy machinery, reconstruction of oil pipelines is underway in the immediate vicinity of the mounds. The survey data actualize the discussion of issues related to the establishment of the boundaries of burial mounds.

Keywords: Baraba, *archaeological survey, barrow, mound, Middle Ages, Lake, Gogol, Lopushnoe, Novosibirsk region, Barabinsky district, Chanovsky district.*

В октябре 2022 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН была проведена разведка в Барабинском и Чановском р-нах Новосибирской обл. с целью поиска и актуализации сведений об объектах культурного наследия – курганных могильников средневекового населения Барабинской лесостепи.

На территории Барабинского р-на Новосибирской обл. в настоящее время на государственном учете и охране состоит 40 выявленных объектов археологического наследия [Перечень…, 2019]. В типологическом отношении археологические памятники Барабинского р-на представлены поселениями, городищами, стоянками, курганными могильниками. На территории Чановского р-на Новосибирской обл. на государственном учете и охране состоит 73 объекта археологического наследия. Данные объекты имеют хронологическую атрибуцию от неолита до позднего Средневековья [Там же].

В полевом сезоне 2022 года для натурного обследования были выбраны курганные могильники в районе Лопушного озера на западной окраине Барабинского р-на и курганные могильники близ озера Гогол в Чановском р-не Новосибирской обл. Выбор данных объектов для обследования был обусловлен тем обстоятельством, что вблизи от них начались масштабные работы по реконструкции магистрального нефтепровода «Омск – Сокур». В целях недопущения случайного разрушения курганных могильников было принято решение провести их натурное обследование на предмет фиксации современного состояния, поиска подъемного материала для возможной атрибуции и уточнения сведений о границах их территорий.

Методика проведения натурного обследования сочетала в себе классические приемы и некоторые инновации. Обследование объектов проводилось пешим способом с фиксацией общих видов и отдельных деталей на зеркальный фотоаппарат. Поиск подъемного материала осуществлялся на участках с нарушенным дерновым слоем – норы в насыпях, обнажения в колеях, рытвины от распашки и т.п. Наблюдения за ландшафтной ситуацией, фотофиксация общих видов курганного могильника, поиск отдельных курганных насыпей и фиксация рельефа осуществлялись с воздуха посредством БПЛА. Для фиксации рельефа использовалась методика ортогональной фотограмметрии земной поверхности (рис. 1). Ее применение позволило выделить на полученной гипсометрической схеме рельефа курганные насыпи, которые были незаметны при обследовании с земли. Тем самым были получены новые сведения о количестве, форме и расположении курганов на обследуемых могильниках и уточнены границы их территорий.

Применение БПЛА для выявления курганных насыпей в данных условиях показало определенную эффективность. Сопоставляя трудозатраты на облет исследуемой территории и ее пеший обход, следует учесть следующие обстоятельства, а именно: полет совершается по заданному маршруту, при котором равномерно снимками накрывается вся территория, пешее обследование ведется с опорой на визуально различимые неровности, изменения растительности и т.п. При пешем обследовании основанием для выделения курганных насыпей может быть ощутимая при ходьбе разница в перепаде высоты, анализ ортофотоплана включает в себя выделение перепадов высот, которые выделяются в зависимости от длины тени и т.п. При пешем обследовании исследователь больше опирается на опыт и «виденье», а в случае с ортофотометрией на площадную фиксацию и анализ измеряемых данных. Данные обстоятельства не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга. Поэтому говорить о сокращении трудозатрат при применении данных технологий не приходится. Следует отметить большую объективизацию выводов путем включения в анализ большего объема фактических, измеряемых данных, которые обрабатываются с помощью программно-аппаратных средств. Также применяемые технологии упрощают решение задач по визуализации и презентации полученных результатов.

На территории Барабинского р-на, согласно архивным данным, в 1990-х гг. были проведены раскопки средневековых могильников, а также открыты памятники, обозначенные как курганные могильники Лопушное Озеро-3 и Лопушные Озера-4. Д.Е. Ануфриев датирует вышеописан-

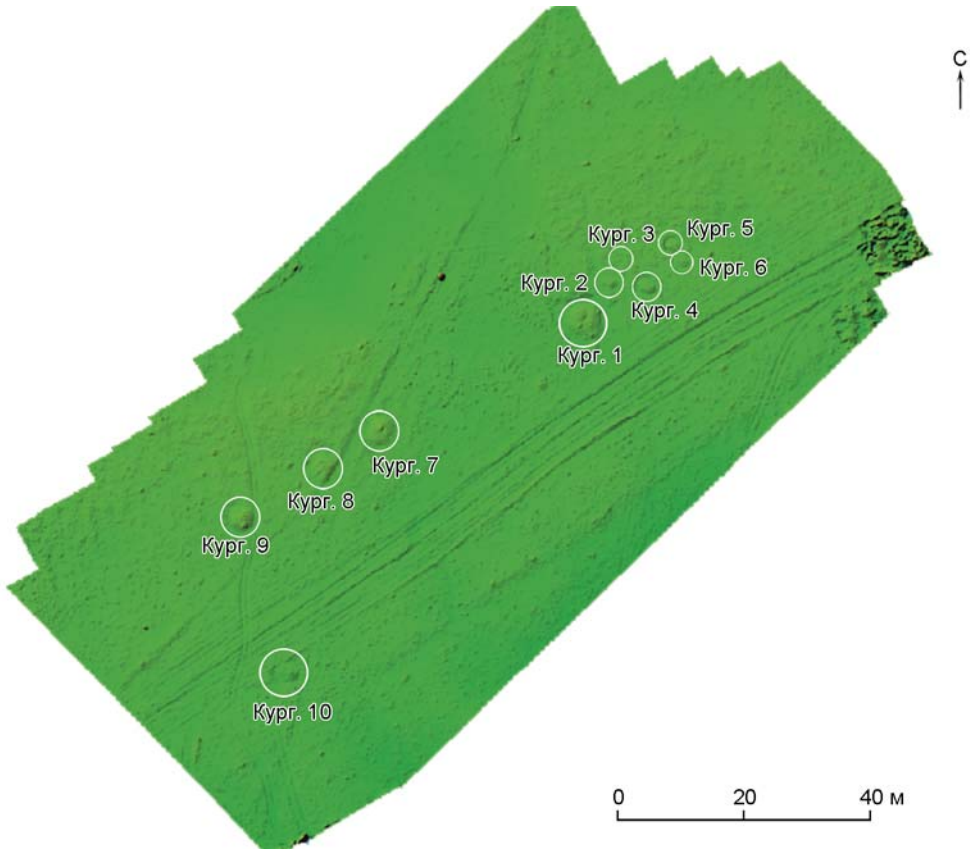


Рис. 1. Цифровая модель рельефа курганного могильника Лопушное Озеро-3.

ные курганные могильники эпохой Средневековья (VIII–X вв.), определяя их принадлежность к сростинской культуре. Свои выводы о культурно-хронологической принадлежности памятников он обосновывает внешним сходством курганов с исследованными в 1994 г. курганными могильниками Лопушные Озера-1, -2 (раскопки С.Г. Рослякова). Курганный могильник Лопупушное Озеро-1 состоял из двух курганов. Диаметр насыпи кург. 1 – 6,5 м, высота насыпи – 0, 29 м. Размеры насыпи кург. 2 – 8 × 9 м, высота 0,44 м. Могильник Лопушное Озеро-2 состоял из 7 курганов. Размеры насыпи варьировались от 6 до 14 м. Курганы 4 и 5 окружены подпрямоугольными рвами, остальные курганы без рвов (по устному сообщению С.Г. Рослякова).

Памятник Лопушное Озеро-3 впервые открыт Е.Г. Фаламеевой в 1992 г. [Фаламеева, 1992]. Могильник расположен в 9 км к западу от с. Песчанка на северо-западной окраине массива болот Щучьи Озера. Курганный могильник занимает территорию небольшой гривной возвышенности. На момент открытия могильник представлял собой группу из 10 курганов округлой формы, вытянутую по линии с юго-запада на северо-восток на 0,193 км и расположенную на высоте 0,5–0,75 м от уровня воды оз. Лопушное. В группе выделяются два типа курганов: с кольцевыми рвами и без рвов. Все курганы задернованы. В 2009 г. памятник был повторно обследован А.О. Князевым в рамках проведения инвентаризации и мониторинга объектов археологического наследия Новосибирской области. А.О. Князев зафиксировал, что на момент проведения работ в 2009 г. рельефно прослеживались 9 курганных насыпей [Князев, 2009].

В ходе разведочных работ в октябре 2022 г. в границах памятника Лопушное Озеро-3 было обнаружено 16 курганных насыпей вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. Съемка с БПЛА, ортогональная фотограмметрия земной поверхности в совокупности с пешим обходом местности и сравнительным анализом плана памятника 2009 г. А.О. Князева позволили выявить новые курганы на памятнике Лопушное Озеро-3 (рис. 2). Неизвестные ранее курганы фиксируются в восточной части памятника Лопушное Озеро-3: это кург. 13 и 14. В западной части зафиксированы кург. 11 и 12. Курган 10 отмечен на плане 2002 г., однако на плане 2009 г. отсутствует, в ходе разведки 2022 г. кург. 10 фиксируется в 40 м к югу от кург. 9. Курганы 15 и 16 расположены в 80 м на северо-запад от кург. 9.

Отличительной чертой, разделяющей курганы на две группы, является наличие внешне фиксируемого рва. Курганы 1, 2, 4–7, 9–11 имеют кольцевой ров. У кург. 3, 8, 12–16 ров не фиксируется.

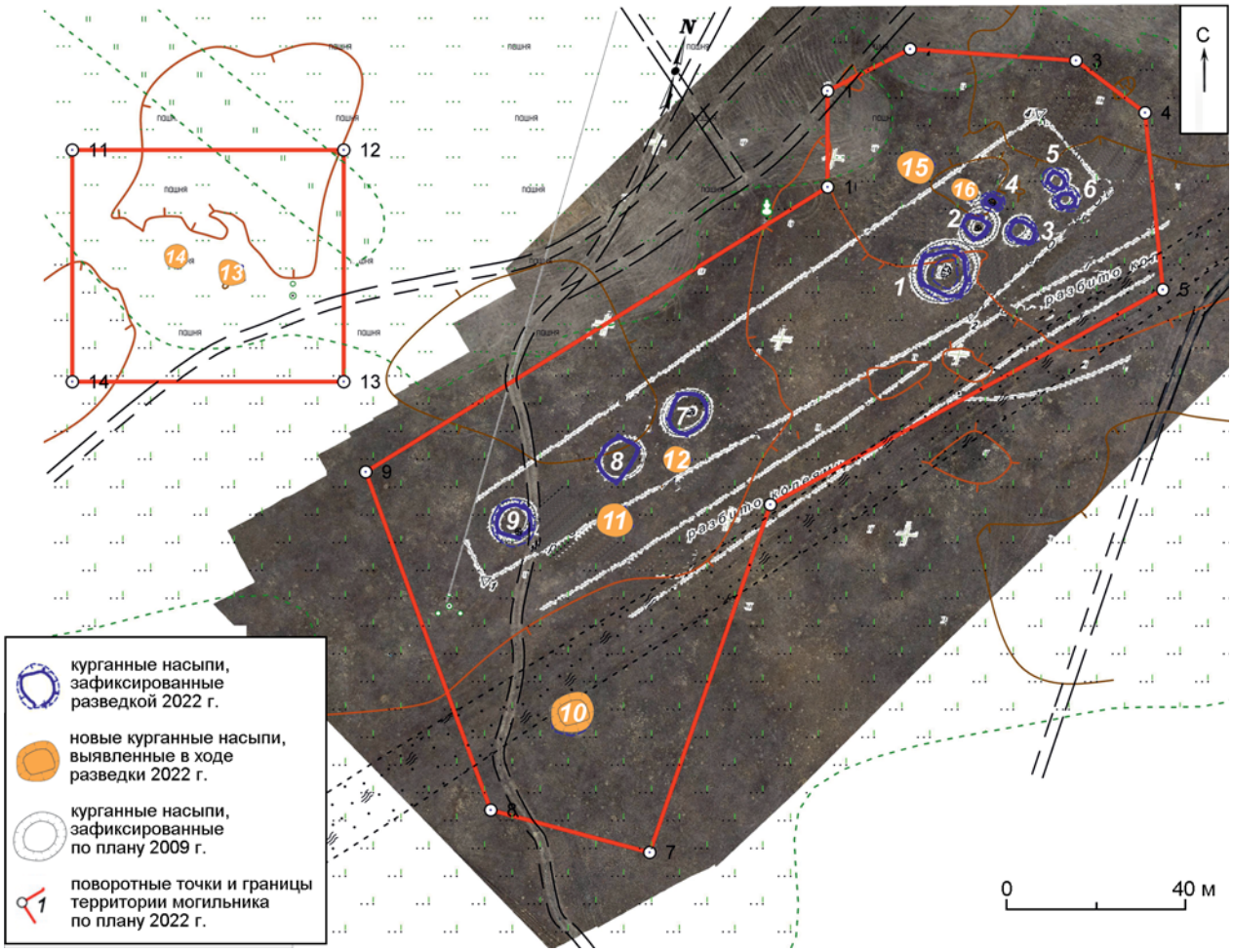


Рис. 2. Пример наложения ортофотоснимка, топографического плана 2009 г. и актуальной топографической съемки для курганного могильника Лопушное Озеро-3.

Рвы кург. 5 и 6 смыкаются между собой. Насыпи курганов задернованы, однако часть насыпи и рва кург. 9 разрушена с восточной и юго-восточной сторон дорожной колеей. Насыпи кург. 15 и 16 распаханы и уже практически не прослеживаются в рельефе.

Памятник Лопушные Озера-4 впервые открыт Д.Е. Ануфриевым в 2002 г. [Ануфриев, 2002]. Могильник расположен в 6,5 км к западу от с. Песчанка, в 12,5 км к северо-востоку от с. Тебис, к северу от оз. Лопушное и большого заболоченного займища Лопушные озера. На момент открытия могильник представлял собой группу из 11 курганов, вытянутых цепочкой по линии восток – запад (рис. 3, *1*). В 2009 г. могильник повторно обследован А.О. Князевым в рамках проведения инвентаризации и мониторинга объектов археологического наследия Новосибирской области [Князев, 2009].

К моменту проведения разведки в октябре 2022 г. в границах памятника Лопушные Озера-4 прослежены в рельефе только 8 курганов, курганные насыпи 1, 8, 9 уже не фиксируются в рельефе памятника. На плане памятника 2002 г. у кург. 3, 4 и 6, 7 зафиксированы отдельные насыпи. В ходе техногенного воздействия насыпи разрушаются и на момент разведки в рельефе видны слившиеся друг с другом насыпи 3–4, 6–7 (рис 3, *2*).

Состояние памятника Лопушные Озера-4 аварийное. В непосредственной близости к курганным насыпям 6–7 проводятся земляные работы по реконструкции магистрального нефтепровода Омск – Сокур. Курган 2 находится на пути прокладываемой траншеи (рис. 3, *2*). Часть территории могильника разрушена колеями от прохода тяжелой техники – повреждены насыпи кург. 3–4, 5, 6–7, 11. Дальнейшее проведение работ по реконструкции магистрального нефтепровода грозит исчезновением части курганного могильника Лопушные Озера-4, в частности кург. 2.

На территории Чановского р-на Новосибирской обл. обследованы курганные могильники близ озера Гогол. Курганный могильник Гогол-1 выявлен в 2002 г. О.В. Софейковым. Это одиночный курган,

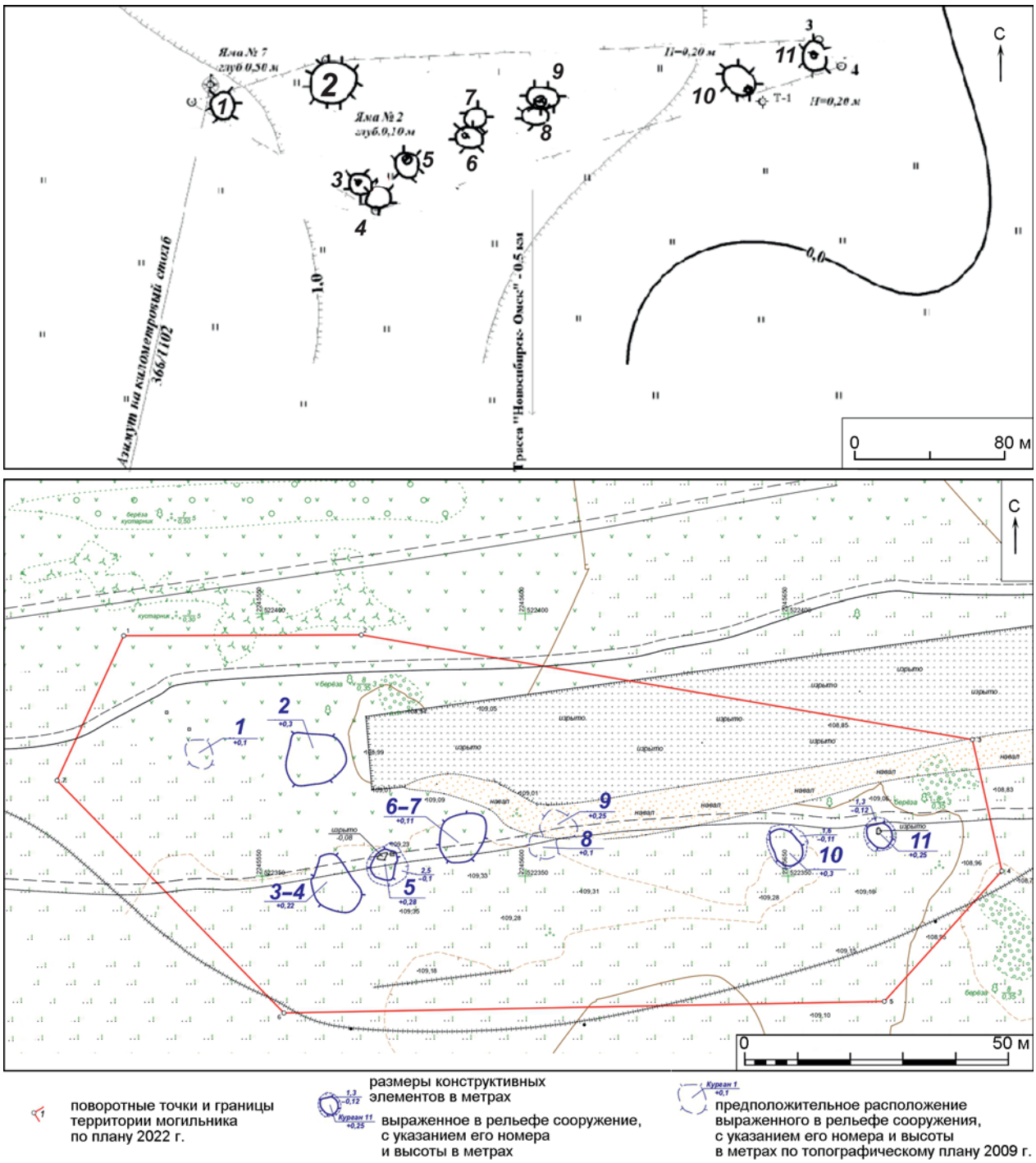


Рис. 3. Топографические планы памятника Лопушные Озера-4.

1 – план памятника с результатами обследования 2009 г. [Князев, 2009]; *2* – план памятника по результатам разведки 2022 г. (выполнил Д.А. Бычков).

у которого насыпь и прилегающее пространство задернованно. С западной стороны кургана, по краю насыпи проходит дорожная колея. Ров отсутствует.

Курганный могильник Гогол-2 расположен в 4 км к югу от памятника Гогол-1. Диаметр кургана по границам рва – 14 м. Насыпь представляет собой вид усеченного конуса, хорошо задернована. Фиксируется кольцевой ров.

В результате разведочных работ в Барабинском р-не Новосибирской обл. получены актуальные сведения о локализации курганов и их состоянии на курганных могильниках Лопушное Озеро-3 и Лопушные Озера-4. Часть памятника Лопушные Озера-4 находится под угрозой уничтожения. Курган 2 расположен в зоне проведения работ по реконструкции магистрального нефте-

провода «Омск – Сокур». В Чановском р-не Новосибирской обл. выявлен объект археологического наследия – курганный могильник Гогол-2. Данные объекты представляют собой историко-культурную и научную ценность как погребальные памятники, оставленные средневековым населением территории Барабинской лесостепи.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Авторы благодарят С.Г. Рослякова и В.А. Сумина за предоставленную информацию о памятниках.

Список литературы

Ануфриев Д.Е. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Баганском, Барабинском, Здвинском, Каргатском, Колыванском, Коченевском, Кочковском, Куйбышевском, Новосибирском (сельском), Ордынском, Сузунском, Татарском, Тогучинском, Чановском, Чулымском районах Новосибирской области и в черте города Новосибирска в 2002 году (в 4 т.) // Архив ИА РАН, Дата поступления в ОПИ ИА РАН 31.03.03. Архив НПЦ. Арх. № А-557–560, 2002.

Князев А.О. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Барабинском и Краснозерском районах Новосибирской области в 2009 году. Т. I (Текст) // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ, 2009.

Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области. Ч. 2. – Новосибирск, 2019. – 243 с.

Фаламеева Е.Г. Отчет о разведках Барабинско-Чулымского отряда археологической экспедиции ДЭАЦ «КАРАКАН» в 1992 г. // Архив ГАУ НСО НПЦ, 1992.

References

Anufriev D.E. Otchet ob arkheologicheskikh izyskaniyakh (razvedkakh) v Baganskom, Barabinskom, Zdvinskom, Kargatskom, Kolyvanskom, Kochenevskom, Kochkovskom, Kuibyshevskom, Novosibirskom (sel'skom), Ordynskom, Suzunskom, Tatarskom, Toguchinskom, Chanovskom, Chulymskom raionakh Novosibirskoi oblasti i v cherte goroda Novosibirska v 2002 godu (v 4 tomakh). Arkhiv IA RAN, Data postupleniya v OPI IA RAN 31.03.03. Arkhiv NPTs. Arkh. № A-557–560, 2002.

Falameeva E.G. Otchet o razvedkakh Barabinsko-Chulymskogo otryada arkheologicheskoi ekspeditsii DEATs «KARAKAN» v 1992 g. Arkhiv GAU NSO NPTs, 1992.

Knyazev A.O. Otchet ob arkheologicheskikh izyskaniyakh (razvedkakh) v Barabinskom i Krasnozerskom raionakh Novosibirskoi oblasti v 2009 godu. Vol. I. Arkhiv IA RAN. Arkhiv GAU NSO NPTs, 2009. (In Russ.).

Perechen' vyyavlennykh ob"ektov kul'turnogo naslediya, raspolozhennykh na territorii Novosibirskoi oblasti. Chast' 2. Novosibirsk, 2019. 243 p. (In Russ.).

Сопова К.О. https://orcid.org/0000-0001-8563-1319
Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356
Деманов И.А. https://orcid.org/0000-0002-1311-3544

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1021-1028
УДК 902.01

Ю.В. Тетерин[1], В.А. Чертыков[2], А.А. Тимощенко[2]✉, Е.В. Акимова[2]

[1]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Раскопки тагарских курганов на могильнике Доможаков-6 в 2022 году в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия

В публикации представлены результаты исследования двух тагарских курганов в раскопе I на могильнике Доможаков-6 в Усть-Абаканском р-не Республики Хакасия. Они располагались на краю первой надпойменной террасы р. Абакан в 2,3 км к северо-западу от с. Доможаков и являлись частью большого курганного могильника. Курганы отличались друг от друга размерами и сложностью устройства. Под насыпью кургана 9 раскопаны две встроенные друг в друга разновременные ограды, три пристроенные оградки меньших размеров и семь каменных надмогильных сооружений. В кургане 10 располагались одна небольшая, разрушенная ограда и две пристроенных оградки, в которых размещались 3 могилы. Все раскопанные археологические объекты в курганах можно разделить на три хронологических периода. Самые ранние ограды и могилы относятся к баиновскому этапу тагарской культуры (VII в. до н.э.) или по другой культурно-хронологической схеме к завершающему этапу эпохи поздней бронзы (VIII в. до н.э). В кургане 9 баиновские могилы размещались в оградках, пристроенных к первой квадратной ограде, сооруженной из высоких тонких плит, укрепленных перпендикулярными контрфорсами. К этому же периоду относятся и все могилы в кургане 10. Вторая внешняя ограда, сооруженная из массивных плит, укрепленных скальными обломками и речной галькой, и центральная могила в этой ограде относятся к биджинскому этапу тагарской культуры (V в. до н.э.). Три детских могилы в каменных ящиках, впущенные в насыпь курган 9, относятся к тесинскому этапу тагарской культуры или тесинской культуре (I в. до н.э. – I в. н.э.).

Ключевые слова: *Республика Хакасия, тагарская культура, баиновский этап, биджинский этап, курган, каменная ограда, могила, каменный ящик.*

Y.V. Teterin[1], V.A. Chertukov[2], A.A. Timoshchenko[2]✉, E.V. Akimova[2]

[1]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Excavations of Tagar Barrows at Domozhakov-6 Burial Ground in Ust-Abakan District of Khakassia Republic in 2022

The article presents the results of excavations of two Tagar burial mounds (trench I) at the Domozhakov-6 burial ground in the Ust-Abakan District of the Khakassia Republic. The barrows were located at the edge of floodplain terrace 1 of the Abakan at 2.3 km northwest of the Domozhakov village. The burial mounds were part of a large burial site. The burial mounds differed from one another in size and complexity. Under the mound of barrow 9, two chronologically diverse fences built into one another, three attached fences of smaller sizes and seven stone grave structures were found. In barrow 10, there was one small, destroyed fence and two attached fences containing three graves. All noted archaeological features from the burial mounds can be classified into three chronological periods. The earliest fences and graves belong to the Bain stage of the Tagar culture (7th century BC) or, according to another cultural and chronological scheme, to the terminal stage of the

Late Bronze Age (8th century BC). In barrow 9, the Bain graves were placed in enclosures attached to square enclosure 1, which was built of high thin slabs reinforced with perpendicular buttresses. All the graves in barrow 10 belong to the same period. The exterior fence 2 was built of massive slabs reinforced with rock fragments and river pebbles; the central grave in this fence belongs to the Bidzha stage of the Tagar culture (V century BC). Three children's graves in stone cists placed in the mound of barrow 9 belong to the Tesin stage of the Tagar culture or the Tesin culture (1st century BC – 1st century AD).

Keywords: *Republic Khakassia, Tagar culture, Bain stage, Bidzha stage, barrow, stone fences, tomb, cist.*

Введение

В полевом сезоне 2022 г. ИАЭТ СО РАН проводил полевые исследования в рамках реализации проекта «Строительство железнодорожной инфраструктуры Бейского угольного месторождения. Строительство пути необщего пользования» (этап 2) в Усть-Абаканском р-не Республики Хакасия на разновременном могильнике Доможаков-6.

Курганный могильник Доможаков-6 находится в Усть-Абаканском р-не, в 2,3 км к северо-западу от аала Доможаков, в 2,0 км к юго-западу от станции Кирба и вытянут в меридиональном направлении на расстоянии ок. 0,1 км к юго-востоку от полотна автодороги Абакан – Ак-Довурак. Всего в составе могильника выявлено 43 погребальных объекта, локализующихся отдельными компактными группами. В зону археологических работ входит не менее 16 курганов тагарской культуры. На участке землеотвода работ, закрепленных за отрядом Отдела аварийно-спасательных работ ИАЭТ СО РАН, находилось 4 отдельных раннетагарских погребальных комплекса, расположенных в южной части памятника (кург. 9–12) [Выборнов, Чертыков, 2020, с. 69, рис. 83]. Указанная группа курганов располагалась на ровной площадке в 0,91 км к северу от края первой надпойменной террасы р. Абакан. Территория площадки могильника подверглась сильному антропогенному воздействию в результате интенсивной многолетней распашки и строительства оросительных каналов.

Исследованные курганы располагались цепочкой, ориентированной с юго-востока на северо-запад, и существенно отличались по внешнему виду друг от друга. Курганы 10 и 11 представляли собой крупные земляные уплощенные насыпи, в которых фиксировались остатки каменных конструкций. Курганы 9 и 12 сохранились в виде небольших, едва заметных всохлмлений неправильно-овальной формы с минимальным количеством задернованных камней. С южной стороны в непосредственной близости от курганов проложен оросительный канал. Спасательные археологические раскопки проводились на определенной проектом площади 2-х раскопов. В данной публикации приводятся результаты раскопок кург. 9 и 10, исследованных в первом раскопе.

Результаты исследования

Курган 9

До раскопок курган представлял собой компактную округлую интенсивно задернованную насыпь с уплощенной вершиной и пологими оплывшими полами, диаметром 18 м и высотой 0,5 м. По периметру уплощеной части насыпи на высоту 0,15–0,45 м выступали верхние края четырех угловых и четырех простеночных плит ограды кургана.

Под земляной насыпью выявилось сложное каменное архитектурное сооружение, состоящее из двух встроенных друг в друга разновременных оград, трех пристроенных малых оградок и семи надмогильных сооружений. Первая ранняя ограда прямоугольной формы, размерами 7,5 × 8,3 м, ориентирована длинной осью по линии юго-запад – северо-восток и сооружена из тонких обработанных плит девонского песчаника, установленных на ребро в вертикальном положении. Способы соединения плит комбинированные. Преобладает соединение внахлест. Отдельные плиты вкопаны торцами вплотную друг к другу или напротив друг друга на некотором расстоянии. Как правило, в этом случае снаружи они дополнены плитой-замком. Большинство плит ограды укреплены перпендикулярно поставленными плитами-контрфорсами прямоугольной и треугольной формы. В середине северо-восточной стенки двумя плитами-стелами оформлен своеобразный «вход» в ограду.

К северо-восточной стенке первой ограды пристроены еще три оградки меньших размеров, сооруженные из таких же тонких плит, укрепленных такими же контрфорсами.

Вторая более поздняя ограда сооружена с внешней стороны первой. Ограда имеет неправильно-квадратную форму со сторонами размерами 10,5 × 10,2 × 9,7 × 10,6 м и устроена из более массивных, но меньших по размеру плит. Соединение плит комбинированное, часть плит соединена внахлест, другая встык, дополненное иногда плитами-замками. С внешней стороны плиты ограды забутованы мелким плитняком, крупными окатанными валунами и скальными обломками.

По углам и в середине всех четырех стенок ограды установлены угловые и промежуточные стелы. Семь из них изготовлены из обработанного гранита, одна в южном углу из плитняка. Все они имеют

неправильно-прямоугольную или трапециевидную в плане форму (рис. 1).

На двух плитах второй ограды обнаружены рисунки. На одной из плит северо-западной стенки сплошной выбивкой изображено животное с длинным туловищем, с выделенным передним и задним крупом, длинным хвостом, тремя ногами и опущенной головой (лошади?). На плите у восточного угла северо-восточной стенки выбито изображение повозки с дышлом и тремя тягловыми животными (рис. 2).

В пределах обнаруженных оград выявлено семь могил.

Могила 1 располагалась в центре первой ограды. Каменное перекрытие могилы овальной формы, размерами 3,7 × 5,0 м, ориентированное длинной осью с юго-запада на северо-восток, сложено из плитняка с добавлением окатанной речной гальки и редких скальных обломков в 3–4 слоя. В центре могилы перекрытие нарушено грабительской ямой. Под каменным сооружением, в северном углу, на юго-западном и северо-восточном бортах могильной ямы расчищены раздавленные фрагменты бревен деревянного перекрытия. Среди камней найден переброшенный из могилы бронзовый нож и фрагменты двух глиняных сосудов (рис. 3, *1*−*3*).

Могила, размерами 3,2 × 2,5 × 1,0 м, полностью разграблена. Следов какой-либо внутримогильной конструкции не прослеживалось. На дне могилы зафиксированы разрозненные кости человеческих скелетов, фрагменты керамики, бронзовая игла, фрагменты бронзового шила и бронзовых полусферических бляшек. Большая часть костей погребенных, костей коровы и барана из состава заупокойной пищи, фрагментов глиняных сосудов найдена среди камней перекрытия и в заполнении могильной ямы. Судя по длинным костям рук и ног, человеческие останки принадлежали

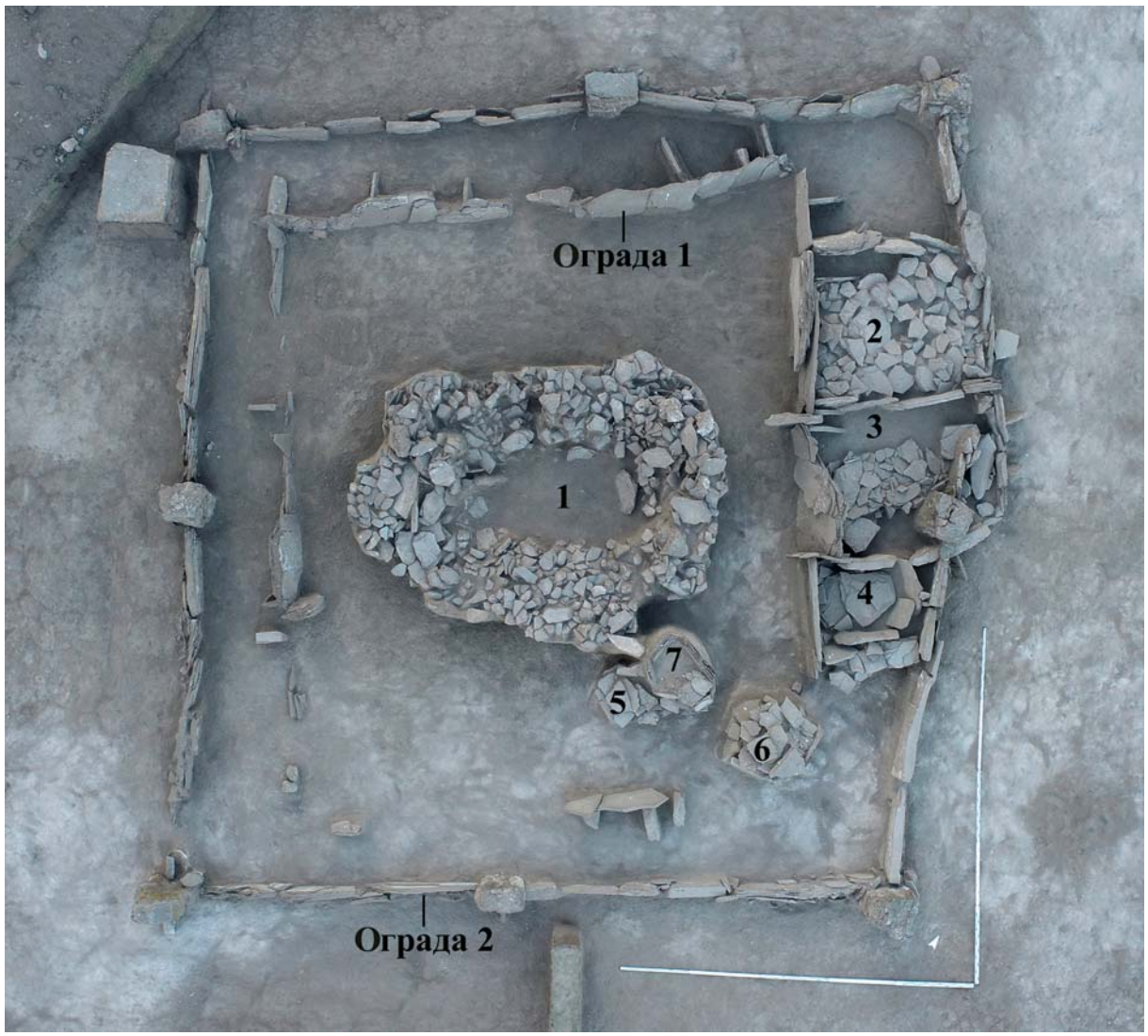


Рис. 1. Могильник Доможаков-6, кург. 9, конструкция ограды (вид сверху).

Рис. 2. Могильник Доможаков-6, кург. 9, рисунок на плите ограды.

четырем индивидам: трем взрослым и одному ребенку. Исследованная могила устроена во второй ограде. Вероятно, в процессе ее сооружения была полностью разрушена могила, располагавшаяся в центре ранней оградки. Поэтому часть найденных костей погребенных и предметов погребального инвентаря относится ко времени сооружения первой могилы.

Могила 2 исследована в первой пристроенной оградке. Все пространство внутри оградки было заложено плитняком в 3–4 слоя, перекрывавшим могильную яму размерами 1,2 × 0,6 × 0,25 м. Небольшая плита фиксируется и на северо-западной стенке. Дно могилы полностью выложено плитняком. На дне обнаружен скелет ребенка, первоначально уложенного на спину, головой на северо-запад. Руки были широко расставлены в локтях, череп отклонился влево. Левая половина грудной клетки, левая локтевая и лучевая кости перемещены грызунами и найдены в заполнении могилы. Слева от черепа в восточном углу поставлен небольшой глиняный баночный сосуд. В ногах в западном углу находится еще один такой же сосуд чуть меньших размеров (рис. 4).

Могила 3 исследована во второй пристроенной оградке. В заполнении ограды на разной глубине встречались разрозненные кости подростка: череп, нижняя челюсть, две бедренные, две берцовые, плечевая и локтевая, две лопатки, ключица, ребра, позвонки. Вероятно, кости данного скелета относятся к более позднему впускному (тесинскому?) погребению.

На уровне погребенной почвы расчищено непотревоженное каменное надмогильное сооружение размерами 1,6 × 0,9 м, сложенное из плитняка в 3–4 слоя. В нижней части перекрытия фиксировались две крупные плиты. Под плитами перекрытия выступали верхние края плит каменного ящика. За се-

Рис. 3. Погребальный инвентарь кург. 9 и 10.

1 – бронзовый нож; *2–5, 7–9* – фрагменты глиняных сосудов; *6* – глиняный сосуд.
1–3, 6–9 – кург. 9; *4, 5* – кург. 10

веро-восточной плитой ящика находился перемещенный череп ребенка, лежащий основанием вверх.

Под перекрытием выявился развалившийся наружу каменный ящик, сооруженный из шести плит, размерами 1,7 × 1,1 × 0,25 м. На дне могилы – потревоженный грызунами скелет ребенка, первоначально уложенного на спину, головой на северо-восток. На месте сохранились череп, левая лопатка, левое плечо, тазовые и бедренные кости. Череп отклонился влево. Кости рук, берцовые, позвонки, ребра, фаланги найдены в заполнении ящика. За черепом с левой стороны лежал на боку глиняный сосуд на высоком поддоне с обломанным в древности туловом. Между черепом и юго-восточной стенкой – курдючные кости барана.

Могила 4 исследована в третьей пристроенной оградке. Внутри оградки расчищено надмогильное сооружение из двух крупных плит, под которыми фиксировалось еще два слоя плитняка. Под перекрытием выявилась грунтовая могильная яма размерами 0,9 × 0,7 × 0,3 м. На дне могилы – развалившийся череп ребенка. В заполнении ямы найдены фрагменты тазовых и длинных костей рук и ног, несколько ребер. Других костей нет.

Могилы 5–7, впускные в насыпь кургана, располагались между восточным углом каменного перекрытия мог. 1 и восточным углом второй ограды. Могила 7 перекрывала мог. 5.

Могила 5 исследована у восточного угла каменного перекрытия могилы 1. Надмогильное сооружение прямоугольной формы, размерами 1,1 × × 0,8 м, сложено из плитняка в три слоя. Под перекрытием выявился аккуратный каменный ящик, сооруженный из четырех плит, размерами 1,3 × × 1,0 × 0,4 м. На дне ящика, у северной стенки – поставленный на основание череп ребенка, рядом с ним – бедренная кость. Справа от черепа у западной стенки – плечевая кость. За черепом в северном углу поставлен маленький глиняный баночный сосудик.

Могила 6 исследована над восточным углом ранней ограды в 1 м к востоку от мог. 5. Надмогильное сооружение размерами 1 × 1 м, ориентированное сторонами по сторонам света, сложено из плитняка в 4 слоя. Рядом с перекрытием могилы с восточной стороны на уровне погребенной почвы расчищен поставленный вверх дном раздавленный глиняный сосудик с небольшим поддоном. Под перекрытием выявился каменный ящик размерами 1,0 × 0,8 × 0,3 м. На дне ящика – два детских черепа, лежащие основанием вниз.

Могила 7 располагалась над мог. 5. Представляет собой развалившийся каменный ящик, сооруженный из шести плит, размерами 1,2 × 0,8 × 0,3 м. Над восточной половиной ящика фиксировалась одна расслоившаяся плита каменного перекрытия. На дне

Рис. 4. Могильник Доможаков-6, кург. 9, мог. 2, детское погребение.

ящика у западной стенки – компактное скопление костей ребенка: череп, лежащий на левом боку, бедренная, большая и малая берцовые, плечевая, локтевая кости, четыре ребра. Возможно, в этой могиле захоронены кости ребенка в какой-то упаковке.

Курган 10

До раскопок курган представлял собой едва заметную интенсивно задернованную пологую насыпь с нечеткими границами неправильно-округлой формы диаметром 11 м и высотой 0,15 м. В насыпи прослеживался верхний край вертикально врытой плиты длиной 0,9 м, выступающей на поверхности на высоту 0,03 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток.

Под насыпью кургана выявились остатки трех пристроенных друг к другу каменных оградок из тонких плит песчаника. Основная ограда, размерами 5,2 × 5,0 м, ориентированная углами по сторонам света, сохранилась очень фрагментарно. Все сохранившиеся плиты вкопаны в древнюю погребенную почву и частично в материк очень неглубоко, не более чем на 0,2–0,25 м. Плиты соединены встык, верхние их края обломаны и расслоились, снаружи укреплены перпендикулярными контрфорсами и скальными обломками.

К северо-восточной стенке основной ограды пристроены еще две оградки меньших размеров. Они сохранились лучше. С восточной стороны сооружена прямоугольная оградка из таких же тонких вертикально вкопанных плит, размерами 2,6 × 2,2 м. Вторая оградка, полукруглой формы, размерами 1,6 × 1,4 м, примыкает к первой с западной стороны. Она сооружена из горизонтально уложенных плит в 2–3 слоя. В каждой ограде размещалось по одной могиле (рис. 5).

Могила 1 располагалась в центре ограды. На уровне древней погребенной почвы выявились верхние края каменного ящика, ориентированного длинной осью с юго-запада на северо-восток. Каменное надмогильное сооружение разрушено, несколько плит перекрытия сохранилось в северо-восточной половине ящика. Под перекрытием расчищен трапециевидный каменный ящик размерами 2,2 × 1,0 × 0,7 м, глубиной 0,7 м. Северо-западная и юго-восточная продольные стенки составлены из двух плит. В северо-восточной и юго-западной стенке фиксируется по одной плите. Могила ограблена. На дне ящика у северо-восточной стенки – фрагменты черепа погребенного, в юго-западной половине ящика – обломанная бедренная кость. Здесь же находилась бронзовая пронизка. Большая часть остальных костей скелета найдена на разной глубине в разрозненном состоянии в заполнении ящика. Остатки погребальной тризны представлены двумя лопатками и костями передней ноги барана. Вместе с костями в заполнении ящика найдены фрагменты двух крупных глиняных баночных сосудов (см. рис. 3, *4, 5*).

Могила 2 исследована в первой пристроенной оградке. Внутри оградки фиксировалась массивная, горизонтально лежащая плита прямоугольной формы размерами 1,2 × 0,7 × 0,05 м, перекрывавшая могильную яму. Под плитой выявилась грунтовая яма размерами 0,7 × 0,5 × 0,35 м. На дне обнаружен скелет ребенка, первоначально уложенного на спину, вытянуто, головой на северо-восток. На месте сохранились череп, смещенная нижняя челюсть, плечевые кости, часть ребер и кости ног. Часть костей перемещена грызунами и найдена в заполнении, среди них тазовая, несколько ребер и позвонки.

Могила 3 исследована во второй пристроенной оградке. Внутри оградки фиксировались две крупные плиты, перекрывавшие могильную яму. Под плитами выявился трапециевидный каменный ящик размерами 1,1 × 0,6 × 0,4 × 0,6 м. На дне и в заполнении – перемещенные грызунами разрозненные кости ребенка. У северо-восточной стенки – распавшийся на куски череп, смещенный со своего

Рис. 5. Могильник Доможаков-6, кург. 10, конструкция ограды (вид сверху).

первоначального места. У северо-западной стенки – бедро, несколько позвонков и ребер. В заполнении – фрагмент второго бедра, позвонки, ребра. Многих костей скелета нет. В заполнении ящика найден фрагмент стенки глиняного сосуда, а за пределами ящика с северо-восточной стороны маленький обломок лезвия бронзового ножа.

Заключение

Все исследованные в раскопе I археологические объекты можно отнести к трем хронологическим периодам. К раннему периоду относится первая оградка с пристройками кург. 9 (мог. 2–4) и кург. 10. Ограды курганов небольших размеров, сооружены из высоких и тонких плит, соединены чаще всего внахлест или встык с замком и укреплены перпендикулярными контрфорсами. Угловые камни отсутствуют. Ограда кург. 10 практически не имела насыпи. С северо-восточной стороны располагаются пристроенные оградки с детскими могилами. С этой же стороны в стенке ограды вертикальными стелами оформляется «вход» в курган. Внутримогильные конструкции представлены в основном неглубокими каменными ящиками, перекрытыми крупными плитами. В ящиках захоронено по одному человеку. Все вышеперечисленные особенности устройства оград и могил позволяют отнести их к баиновскому этапу тагарской культуры [Грязнов, 1968, с. 193; Вадецкая, 1986, с. 79]. Не противоречит предложенной датировке и немногочисленный погребальный инвентарь из могил этого периода. Вероятно, из разрушенной баиновской могилы в ранней ограде кург. 9 происходит полноразмерный изогнутый бронзовый нож с кольцевым навершием (см. рис. 3, *1*) [Максименков, 1975, с. 51, рис. 1, *6*]. Керамический комплекс этого периода представлен небольшими неорнаментированными баночными сосудами с прямо срезанными и слегка закругленными венчиками из мог. 2 кург. 9. К этому же времени можно отнести фрагменты сосудов с прямым венчиком, украшенным пояском из округлых налепов, сосуды с закругленным венчиком и орнаментальным пояском из косых прочерченных линий и вдавлений ромбического штампа (см. рис 3, *2*), сосуды с высоким, прямо срезанным и скошенным наружу венчиком и одним широким или несколькими узкими желобками (см. рис. 3, *2–5*) [Максименков, 1975, с. 51, рис. 1, *6*; Вадецкая, табл. VI, *17*].

Первоначально баиновский этап, выделенный М.П. Грязновым в рамках культурно-хронологического деления тагарской культуры, датировался VII–VI вв. до н.э. [Грязнов, 1968, с. 186]. Позже он был удревнен до VIII до н.э. [Комплекс…, 1979, с. 4]. В настоящее время А.В. Поляковым и И.П. Лазаретовым предложена новая культурно-хронологическая атрибуция баиновских памятников. Они относят их к завершающему этапу бронзового века Минусинской котловины и датируют рубежом IX–VIII вв. до н.э. [Поляков, 2020, с. 43].

Размеры и конструкция второй ограды кург. 9 (невысокие массивные плиты, соединенные встык, забутовка скальными обломками, плитняком, речной галькой, наличие восьми угловых и простеночных стел), земляная уплощенная насыпь кургана, многослойное каменное надмогильное сооружение, наличие деревянного перекрытия, большая могильная яма, коллективное захоронение позволяют отнести данное сооружение к биджинскому этапу тагарской культуры. Данный вывод подтверждает и погребальный инвентарь из мог. 1. Бронзовые шило, игла и полусферические бляшки раннетагарских типов имеют уменьшенные размеры. Керамика также характерна для биджинских памятников. Один целый сосуд небольшого размера, красного цвета с раздутым в верхней части туловом и небольшим поддоном. Венчик прямой, слегка закругленный, скошенный внутрь. В верхней части сосуда, вплотную к венчику – полукруглое ушко с отверстием (см. рис. 3, *6*). Второй сосуд, сохранившийся во фрагментах, похож на первый, но дно у него округлой формы и ушко расположено чуть ниже венчика (см. рис. 3, *7*). Третий небольшой сосудик представлен фрагментом части дна и тулова, с обломанным в древности туловом, черного цвета, цилиндрической формы с прямыми слегка расширяющимися к венчику стенками (см. рис. 3, *8*). От четвертого сосуда сохранились тонкостенные фрагменты придонной части и раздутого тулова (см. рис. 3, *9*).

Биджинский этап в рамках дробной периодизации тагарской культуры датируется V в. до н.э [Комплекс…, 1979, с. 4]. Учитывая тенденцию удревнения раннетагарских памятников, можно предполагать появление памятников биджинского типа и в более раннее время.

К позднему хронологическому периоду относятся детские мог. 5–7 в каменных ящиках и впускное захоронение разрозненных костей подростка в заполнении второй пристроенной оградки (мог. 3). Стратиграфические наблюдения показывают, что они были впущены в насыпь кургана. Они отличаются также от более ранних могил ориентацией надмогильных и внутримогильных сооружений. Практика впускных захоронений в насыпях тагарских курганов получила широкое распространение в Минусинской котловине с приходом многочисленного инокультурного населения в тесинское

время (I в. до н.э – I в. н.э.). Датировку впускных погребений данным периодом подтверждает и находка маленького глиняного кубковидного сосуда рядом с мог. 6. [Кузьмин, 2011, с.112]. Дальнейший анализ полученных материалов позволит уточнить датировку исследованных объектов.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Раздел об обеспечении сохранности объектов археологического наследия в проекте по объекту «Строительство железнодорожной инфраструктуры Бейского угольного месторождения. Строительство пути необщего пользования» (этап 2). – Новосибирск, 2020 г.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. I.: Древняя Сибирь − Л.: Наука, 1968. − С. 187–196.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницина, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. − СПб.: Айсинг, 2011. − 456 с.

Максименков Г.Д. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. − Л.: Наука, 1975. – С. 48−58.

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. … д-р ист. наук. – СПб., 2020. – 54 с.

References

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura. In *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Drevnyaya Sibir'*. Leningrad: Nauka, 1968, Vol. I, chap 2. P. 187–196. (In Russ.).

Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei. Novosibirsk: Nauka, 1979. 167 p. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunnosarmatskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura. St.-Petersburg: St.-Petersburg State Univ., Aising Publ., 2011. 456 p. (In Russ.).

Maksimenkov G.D. Sovrenennoe sostoyanie voprosa o periodizatsii eporhi bronzy Minusinskoi kotloviny. *In Pervobytnaay arkheologiay Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1975. P. 48−58. (In Russ.).

Polyakov A.V. Problemy khronologii i kul'turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin: doc. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2020. 54 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 179 p. (In Russ.).

Vybornov A.V, Chertykov V.A. Razdel ob obespechenii sokhrannosti ob"ektov arkheologicheskogo naslediya v proekte po ob"ektu «Stroitel'stvo zheleznodorozhnoi infrastruktury Beiskogo ugol'nogo mestorozhdeniya. Stroitel'stvo puti neobshchego pol'zovaniya» (etap 2). Novosibirsk, 2020.

Тетерин Ю.В. https://orcid.org/0000-0001-8248-6689
Чертыков В.А. https://orcid.org/0000-0002-3240-0311
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1029-1037
УДК 903.5

А.А. Тимощенко✉, Р.В. Давыдов, Е.В. Акимова, А.К. Мамаева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Исследования могильника Уйтаг-15 в Республике Хакасия в 2022 году

В ходе проведения спасательных археологических раскопок на площади курганного могильника Уйтаг-15 в Аскизском р-не Республики Хакасия был изучен мультикультурный погребальный комплекс, который сформировался в период эпохи бронзы и раннего железного века. Всего в рамках одного раскопа исследовано 35 объектов. Ранний этап функционирования могильника связан с сооружением окуневской культуры (конец III – начало II тыс. до н.э.) в северной части раскопа (объекты 18–23, 31–33). Затем к югу от них были построены примыкающие друг к другу оградки могильника карасукской культуры (XIII–XI вв. до н.э., объекты 7 и 27). Со временем, на финальном этапе поздней бронзы (лугавский горизонт, IX–VIII вв. до н.э.), вокруг карасукских оград сформировался крупный могильник из одиночных и сдвоенных оград с погребениями в каменных ящиках (объекты 6, 9, 12–14, 24, 26, 28, 29, 35). Следующий этап функционирования могильника связан с сооружением в его центральной части кургана тагарской культуры (объекты 8, 11, 25, 30, 34). Юго-восточная часть комплекса образована грунтовым могильником тесинской культуры (объекты 1–4, 15–17). В ходе исследования площади раскопа было установлено, что площадь памятника после формирования погребального комплекса использовалась как стоянка носителями таштыкской археологической культуры (II в. до н.э. – V в. н.э.). Изученный памятник демонстрирует сложную культурную стратиграфию и процессы влияния носителей археологических культур на погребальные комплексы предшествующих эпох. По своей сложности и времени функционирования он близок к могильникам у горы Тепсей.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, Уйтаг, эпоха бронзы, ранний железный век, окуневская культура, карасукская культура, тагарская культура, тесиснкая культура, грунтовые могильники.*

A.A. Timoshchenko✉, R.V. Davydov, E.V. Akimova, A.K. Mamaeva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Studies at the Uytag-15 Burial Ground in the Republic of Khakassia in 2022

During the rescue archaeological excavations of the burial ground Uytag-15 in the Askiz District of the Republic of Khakassia, a multicultural burial complex dated to the Bronze and the Early Iron Ages was studied. A total of 35 objects were uncovered within one excavation. The early stage of using the burial ground is associated with the feature of the Okunevo culture (late 3rd – early 2nd millennium BC) in the northern part of the excavation (objects 18–23, 31–33). Later, adjacent enclosures of the burial ground of the Karasuk culture (13th–11th centuries BC, objects 7 and 27) were built southwards. Over time, at the final stage of the Late Bronze Age (Lugavian horizon, 9th–8th centuries BC), a large burial ground containing single and double fences with burials in cists (objects 6, 9, 12–14, 24, 26, 28, 29, 35) was formed surrounding the Karasuk enclosures. The next stage of the using the burial ground is associated with the construction of a mound of the Tagar culture in its central part (objects 8, 11, 25, 30, 34). The southeastern part of the complex contains the ground burial of the Tesin culture (objects 1–4, 15–17). In the course of the excavations, it was found that the area was used as a habitation site by bearers of the Tashtyk archaeological culture (2nd century BC –

5th century AD) well after the funeral complex. The site demonstrates a complex cultural stratigraphy and the traces of influence of the bearers of archaeological cultures on the burial complexes of previous eras. In terms of its complexity and the existence period, Uytag-15 is close to the burial grounds near Mount Tepsei.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Depression, Uytag, Bronze Age, Early Iron Age, Okunevo culture, Karasuk culture, Tagar culture, Tesin culture, ground burials.*

Введение

В июне – июле 2022 г. Аскизской экспедицией ИАЭТ СО РАН в ходе проведения спасательных археологических работ в Аскизском р-не Республики Хакасия был исследован могильник Уйтаг-15.

Памятник был обнаружен в ходе археологической разведки, которая была проведена Аскизским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А.А. Тимощенко и А.В. Выборнова в 2021 г. Первоначально объект интерпретирован как могильник финала поздней бронзы.

Работы велись одним сплошным раскопом октаэдрической формы, обусловленной границами ОАН и границами территории хозяйственного освоения. Его площадь составила 1082,44 м^2. Первоначально на уровне современной дневной поверхности в центральной и южной частях раскопа фиксировались отдельные элементы каменных конструкций, представлявшие собой вертикально поставленные или смещенные плиты оград.

В ходе проведения раскопочных работ было выявлено и изучено 35 объектов различной культурно-хронологической принадлежности. Их атрибуция позволяет охарактеризовать могильник Уйтаг-15 как мультикультурный комплекс, который формировался на компактной территории начиная с окуневской культуры (конец III – нач. II тыс. до н.э.) и заканчивая таштыкской (II в. до н.э. – V в. н.э.) (рис. 1, 2).

Целью данной статьи является предварительная публикация материалов полевых исследований могильника Уйтаг-15 с обзором этапов формирования данного погребального комплекса.

Результаты полевых исследований

Ранний этап функционирования могильника связан с сооружением группы окуневских комплексов (конец III – начало II тыс. до н.э.) в северной части раскопа (объекты 18–22, 31–34) (рис. 2).

Ближе к центру раскопа располагалась округлая грунтовая яма с каменными валунами на дне (объект 18). В заполнении обнаружена костяная булавка.

К северу от объекта 18 полукругом расположены небольшие (0,8–0,9 × 0,6–0,7 м) каменные ящики из вертикально поставленных разноразмерных плит песчаника без читаемых перекрытий, глубиной 0,3–0,5 м (объекты 19, 21, 22, 31, 34) (рис. 3, *1*). Доминирует западная ориентация, с отклонениями на юго- и северо-запад. Дно было оформлено выкладкой из плиток. В заполнении выявлены многочисленные фрагменты жженых костей и золы. Внутри ящиков объектов 19, 21, 22 и 31 зафиксированы следы горения. Объект 34 разрушен сооружением объекта 30. Антропологический материал и погребальный инвентарь не обнаружены.

Остальные объекты (20, 23, 32, 33) представляют собой каменные выкладки разных размеров и конфигураций, без инвентаря и костного материала.

Объекты данной группы расположены в нижней части стратиграфической колонки раскопа, под остальными сооружениями (глубина залегания до 0,8 м). На их уровне, на площади раскопа в его северной и центральной частях, а также под объектом 7 зафиксированы находки мелких фрагментов сосудов, скопления фрагментированной керамики и каменный инвентарь в виде скребков, отщепов и одного нуклеуса.

Аналогичные каменные кладки встречаются как часть погребальных памятников окуневской культуры [Лазаретов, 1997, с. 21]. Каменный и костяной инвентарь также соответствует данной датировке [Готлиб, 1997, табл. II, IV, V]. Конструкции ящиков (небольшие размеры, ориентация и вымостка дна плитами) позволяют отнести их к могилам типа V окуневской культуры (стандартные укороченные каменные ящики) [Лазаретов, 2019, с. 20–21]. Судя по их состоянию, они были разграблены в последующие эпохи.

На втором этапе формирования могильника в его центральной части был сооружен комплекс оград карасукской культуры (XIII–XI вв. до н.э., объекты 7 и 27) (см. рис. 2). Выявлено три ограды – сдвоенная (объект 7) и одиночная, в 0,3 м к северу (объект 27). Ограды составлены из тонких вертикально поставленных плит песчаника. Они имеют подпрямоугольную форму и ориентированы по оси юго-запад – северо-восток. Внутри оград расположены остатки разрушенных каменных ящиков из тонких плит песчаника в один ряд. Погребения разграблены, в последующем в них выполнены более поздние впускные захоронения.

Сохранились отдельные фрагменты костяков и единичные находки (костяные наконечники

Рис. 1. Раскоп могильника Уйтаг-15.
1 – сектор 4; *2* – сектор 1; *3* – сектора 2 и 3 (вид с юго-востока).

стрел, мелкие фрагменты керамики и два бронзовых изделия).

Наиболее яркими находками являются изогнутый нож с грибовидным навершием и петелькой (рис. 3, *2*) и ярусная бляшка. Они были обнаружены в заполнении погребений.

Конструкция погребений наиболее характерна для классического этапа карасукской культуры (этапы I-а или I-б поздней бронзы) [Вадецкая, 1986, с. 55; Поляков, 2022, с. 261]. Однако бронзовые изделия находят параллели в инвентаре карасук-лугавского этапа (этап II) [Поляков, 2022, с. 270, рис. 138]. При этом необходимо учитывать наличие более поздних захоронений на объектах, вплоть до тесинского времени.

Третий этап освоения площади могильника связан с сооружением вокруг погребений начала позднего бронзового века могильника лугавского этапа (объекты 6, 9, 12–14, 24, 26, 28, 29, 35). Он расположен в западной, юго-западной и центральной частях раскопа (см. рис. 2).

Погребения совершены в одиночных каменных ящиках прямоугольной формы, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток. Ящики сложены из плит песчаника. Фиксируется использование обломочного камня.

Встречены захоронения детей (в вытянутом положении) (рис. 4, *1*) и взрослых (скорчено на боку). Все погребенные лежали головой на юго-запад.

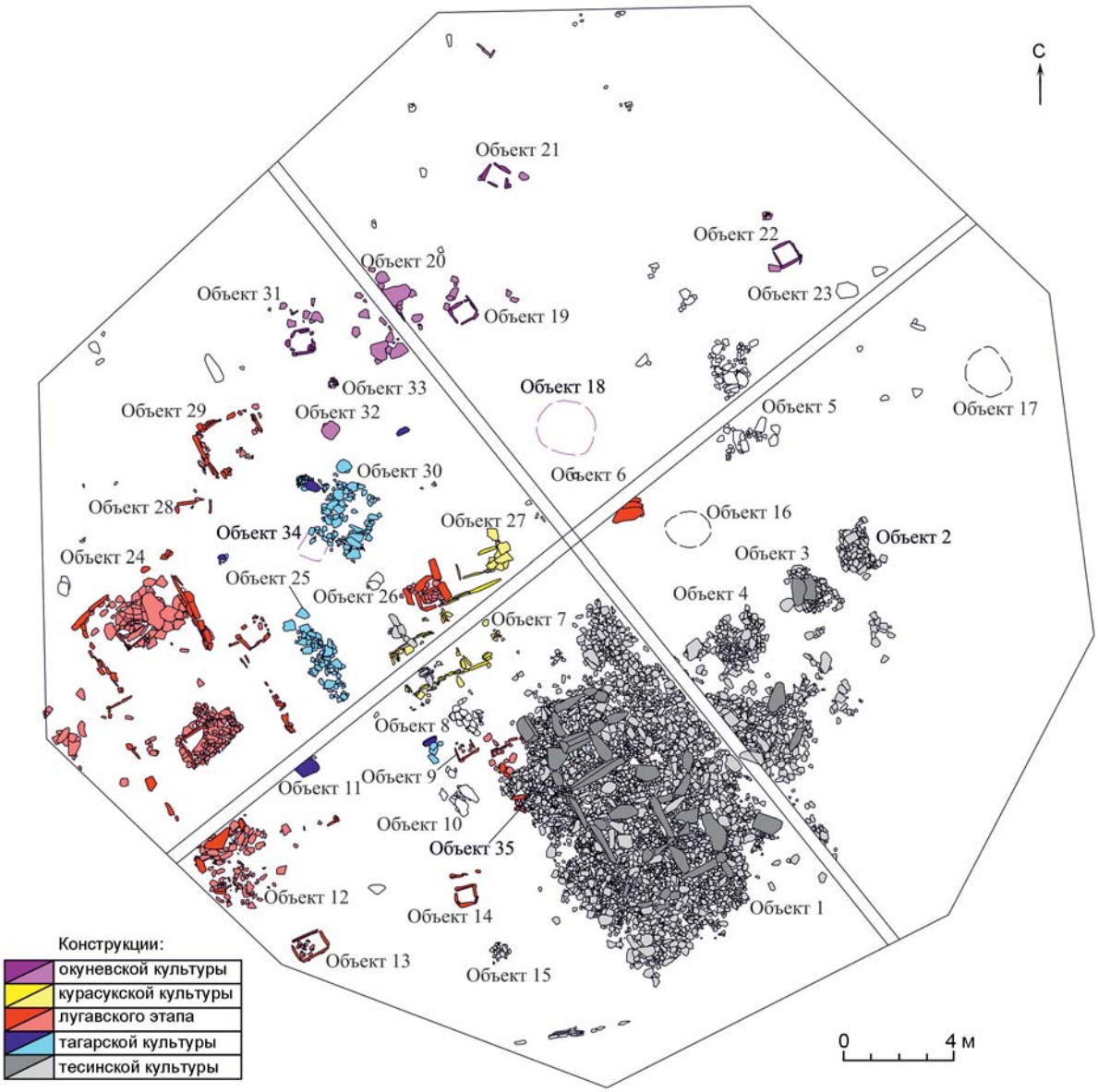


Рис. 2. План раскопа могильника Уйтаг-15 с указанием объектов и их культурно-хронологической принадлежности.

Конструктивно выделяется объект 24, представляющий собой парную ограду, ориентированную по линии юго-восток – северо-запад. В каждой ограде – мужское погребение. Также выявлено впускное погребение в карасукской (карасук-лугавской) ограде (объект 26). В погребении 2 объекта 24 зафиксирован факт захоронения собаки после полного разграбления могилы (рис. 4, *2*).

Погребальный инвентарь представлен бронзовой серьгой, полусферической бляшкой и круглодонными керамическими сосудами шаровидной формы с вертикальным венчиком. Сосуды орнаментированы по тулову различными вариациями наклонных оттисков штампа. Венчики декорированы поясами параллельных линий и оттисками штампа. В одном случае обнаружен сосуд с ручкой.

Конструкция погребений, металлические изделия и керамический комплекс характерны для лугавского этапа поздней бронзы Минусинской котловины [Вадецкая, 1986, с. 56, табл. V; Поляков, 2022, с. 274, рис. 141, 143].

Об использовании могильника в тагарскую эпоху свидетельствуют остатки курганной конструкции в центральной части раскопа (объекты 8, 11, 25, 30). Они расположены на одном уровне. Сохранилось пять стел, как просто вкопанных в землю, так и забутованных мелким обломочным камнем. Они образуют подпрямоугольный периметр, с одного края которого сохранились остатки забутовки ограды (объект 25). В северной части периметра фиксируются остатки прямоугольного перекрытия из плитняка и обломочного камня (объект 30). Вероятно, данные сооруже-

Рис. 3. Элементы погребального комплекса.

1 – объект 19 (окуневская культура); *2* – бронзовый нож из объекта 7 (карасукская культура).

ния – остатки разрушенного кургана подгорновского этапа тагарской культуры, на что указывают расположение и количество стел [Комплекс…, 1979, рис. 25, 27; Вадецкая, 1986, с. 79–80; Худяков, 2019, с. 103].

С деятельностью носителей тагарской культуры также связано изменение объекта 7, где располагались разграбленные карасукские погребения в парной ограде. В западной части, сразу над разрушенным каменным ящиком найдены остатки захоронения с небольшим сосудом шаровидной формы, окрашенным охрой в красный цвет. Подобное впускное погребение в карасукской ограде с аналогичным керамическим сосудом известно по материалам могильника Сухое Озеро II [Максименков, Вадецкая, 2022, с. 76, 158]. Проводя дальнейшие параллели с указанным комплексом, можно предположить, что разграбление карасукского и лугавского могильников произошло вместе с сооружением тагарского кургана [Там же, с. 21, 27].

Рис. 4. Элементы погребального комплекса.

1 – объект 6 (лугавский этап эпохи поздней бронзы); *2* – объект 24, захоронение собаки в разрушенном погребении лугавского этапа.

Большие изменения в планиграфию могильника Уйтаг-15 внесло формирование в его южной части погребального комплекса тесинской культуры (объекты 1–4, 7, 15, 16) (см. рис. 2). В ходе его возведения были разрушены конструкции тагарского кургана и близлежащих погребений могильника эпохи поздней бронзы.

Основная часть могильника представляет собой каменную кладку из обломочного камня и плитняка размерами 15 × 12 м, вытянутую по оси юго-запад – северо-восток (объект 1). В границах кладки выявлено 11 могил. Четыре основных погребения располагались в ее юго-западной половине (могилы 1–4). Они совершены в крупных ящиках-оградах из массивных плит и глыб, которые выстроились в линию по оси юго-восток – северо-запад. Костяки располагались в грунтовых ямах или небольших каменных ящиках в 1–3 уровня. Погребения были перекрыты сверху плитняком и обломочным камнем (рис. 5, *1*)

Рис. 5. Элементы погребального комплекса тесинской культуры.
1 – погребение 3, уровень 1 (объект 1); *2* – поминальник (объект 16).

Остальные погребения (могилы 5–11) были пристроены к основному ряду с северо-востока и северо-запада. Покойные находились в перекрытых плитами и обломочным камнем грунтовых могилах, без дополнительных конструкций или с обкладками из обломочного камня. Захоронения также располагались в 1–2 яруса.

К северо-востоку от объекта 1 расположены два погребения в грунтовых ямах под каменными перекрытиями (объекты 2 и 3) и поминальное сооружение с костями собаки под выкладкой (объект 4).

В комплексе с погребениями находятся три отдельно стоящих поминальника. Два из них (объекты 15 и 16) имеют вид компактных каменных выкладок с костями мелкого рогатого скота под ними, в случае объекта 16 они располагались в небольшом углублении (рис. 5, *2*). Третья поминальная конструкция впущена в карасукскую ограду в западной части объекта 7. Под вытяну-

той кладкой в виде приземистой ограды находились две грунтовые ямы. В западной найдены кости ног и череп овцы в анатомическом порядке (вероятно, захоронение шкуры с костями) [Комплекс…, 1979, с. 77, 84]. В восточной располагалось скопление костей ног, лопатки и ребра мелкого рогатого скота.

Погребальный обряд разнообразен, что характерно для тесинской культуры. Погребенные располагались вытянуто на спине или на боку, скорчено, с подогнутыми ногами на спине. В большинстве захоронений найдены черепа овец и баранов, которые лежали либо отдельно от костяков, как мясная пища, либо заменяли подушки под головами. В одном случае вместо черепа ребенка находился череп овцы. Встречены также парциальные погребения.

Погребальный инвентарь включает костяные наконечники стрел, керамические сосуды без орнамента, фрагменты железных предметов (ножи, пряжки).

Могильник по своим морфологическим признакам близок к могильнику Есино III в Аскизском р-не Республики Хакасия [Савинов, 2009, с. 38, 143]. Погребальный обряд и инвентарь типичны для тесинских грунтовых захоронений [Вадецкая, 1986, с. 100–101, табл. VIII; Кузьмин, 2008; 2011; Савинов, 2009, табл. XXXIII]. Также для тесинского периода характерны поминальники с костями животных [Комплекс…, 1979, с. 71, 72].

В ходе исследования площади раскопа было обнаружено, что территория могильника в последующем была использована как стоянка таштыкской культуры. Культуросодержащий слой стоянки располагался непосредственно под современным дерново-почвенным горизонтом на уровне кровли тесинских сооружений. Среди инвентаря стоянки выявлены костяные наконечники стрел, керамическое пряслице, фрагменты хозяйственной керамики и остатки металлообрабатывающего производства в виде фрагментов шлаков.

Часть находок была обнаружена в контексте выкладок объектов 1, 5, 10 и 15. Вероятно, они использовались как элемент стояночного комплекса. Выкладки на уровне дерна (объекты 5, 8, 10) были специально сооружены в ходе освоения площади стоянки.

Заключение

Таким образом, в истории формирования могильника Уйтаг-15 можно выделить пять хронологических этапов: окуневский, карасукский, лугавский, тагарский, тесинский. Формирование могильника сопровождалось разграблением погребений предшествующих эпох и использованием элементов их конструкций для строительства. Возникший в результате комплекс по своей сложности и насыщенности объектами близок к погребальным памятникам у горы Тепсей [Там же, 1979].

Материалы могильника Уйтаг-15 демонстрируют примеры межкультурного влияния в аспекте сооружения погребальных комплексов и отношения к захоронениям предшествующих эпох. По результатам работ отобраны образцы для AMS-датирования, что позволит создать более дробную культурно-хронологическую шкалу археологических культур.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С. 134–152.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Минаев, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Кузьмин Н.Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 187–204.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб., 2011. – 211 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С. 19–64.

Лазаретов И.П. Хронологи и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 15–50. – doi 10.14258/tpai(2019)4(28).-02

Максименков Г.А., Вадецкая Э.Б. Могильник Сухое Озеро II как отражение эволюции раннего этапа карасукской культуры. – СПб.; Вологда: Древности Севера, 2022. – 383 с.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 364 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2009. – 226 с.

Худяков Ю.С. Тесинский этап тагарской культуры // История Сибири: в 4 т. Т. 2. Железный век и Средневековье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 189–191.

References

Gotlib A.I. Gornye arhitekturno-fortifikacionnye sooruzheniya okunevskoj epohi v Hakasii. *Okunevskij sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya*. St.-Petersburg, 1997. P. 134–152. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye. Novosibirsk: Nauka, 1979. 167 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Tesinskiy etap tagarskoy kul'tury. *Istoriya Sibiri: v 4 tomah. T. 2. Zhelezny vek i Srednevekov'e.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 189–191.

Kuz'min N.Yu. Etapy slozheniya i razvitiya tesinskoy kul'tury (po pogrebal'nym pamyatnikam stepey Minusinskoy kotloviny). Nomady kazahskih stepey: etnosociokul'turnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoy epohi. Astana, 2008. P. 187–204. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nyye pamyatniki khunnosyan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Yeniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Peterburg, 2011. 456 p. (In Russ.).

Lazaretov I.P. Okunevskie mogil'niki v doline reki Uybat. *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya.* St. Peterburg, 1997. P. 19–64. (In Russ.).

Lazaretov I.P. Chronology and periodization of the okunevo culture: current state and prospects. *Theory and practice of archaeological research*, 2019. Vol. 28. N 4. P. 15–50. (In Russ.). doi:10.14258/ tpai(2019)4(28).-02

Maksimenkov G.A., Vadeckaya E.B. Mogil'nik Suhoe Ozero II kak otrazhenie evolyucii rannego etapa karasukskoy kul'tury. St. Peterburg; Vologda: Drevnosti Severa, 2022. 383 p. (In Russ.).

Polyakov A.V. Hronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epohi paleometalla Minusinskih kotlovin. St. Peterburg: IIMK RAS, 2022. 364 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Minusinskaya provintsiya khunnu. St.-Petersburg: Elexis, 2009. 226 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p. (In Russ.).

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026
Мамаева А.К. https://orcid.org/0000-0003-4829-5832

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1038-1045
УДК 903.59

А.А. Тимощенко✉, Р.В. Давыдов, Е.В. Акимова, А.К. Мамаева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Мелкий рогатый скот в погребальном обряде тесинской культуры (по материалам могильника Уйтаг-15)

В ходе проведения спасательных археологических раскопок на площади курганного могильника Уйтаг-15 в Аскизском р-не Республики Хакасия был исследован погребальный комплекс тесинской археологической культуры, состоящий из 13 погребений и четырех поминальных сооружений. Материалы погребального комплекса позволили выделить два варианта традиции захоронения костей мелкого рогатого скота с останками человека. Первый вариант зафиксирован в погребениях 1, 9 (уровень 2), 11 объекта 1, объекте 2 (погребение), заполнении 2 объекта 7 (поминальник), объектах 15 и 16 (поминальники). Он подразумевает роль костей животных как мясной пищи (остатки заупокойных тризн, погребальная пища). Они обособлены от человеческих костяков, черепа животных повернуты от скелетов людей. Остеологический материал включает черепа, кости ног, ребра, лопатки. Как правило, подобные комплексы интерпретируются как остатки погребальной пищи или шкур с костями животного, наряду с костями крупного рогатого скота и лошадей. Второй вариант представлен материалами погребений 2, 3, 7–9 (уровень 1) объекта 1, заполнения 1 объекта 7 (поминальник). В нем шкуры овец или баранов в тесном контакте с костяками погребенных. В трех случаях отдельные черепа играли роль «подушек» под головами покойных. В двух они связаны с ритуалом совершения частичных и парциальных погребений. Обращает на себя внимание факт замены головы человека в одном случае на череп овцы. Материалы могильника Уйтаг-15 демонстрируют сложную погребальную обрядность носителей тесинской культуры. Ее важной составляющей было захоронение в поминах или с останками человека костей животных, в первую очередь мелкого рогатого скота. Рассмотренные варианты не являются локальными и имеют аналогии в погребениях на других грунтовых могильниках тесинской культуры.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, Уйтаг, ранний железный век, грунтовые могильники, поминальники, животные в погребальном обряде.*

A.A. Timoshchenko✉, R.V. Davydov, E.V. Akimova, A.K. Mamaeva

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Small Cattle in the Funeral Rite of the Tesin Culture (Based on the Materials from the Uytag-15 Burial Ground)

During the rescue archaeological excavations of the Uytag-15 burial mound in the Askiz District of the Republic of Khakassia, the burial complex of the Tesin archaeological culture consisting of 13 burials and four funeral structures was investigated. The materials of the burial complex made it possible to identify two trends in the tradition of burying the bones of small cattle with human remains. Trend 1 was recorded in burials 1, 9 (level 2), and 11 of unit 1, unit 2 (burial), filling 2 at unit 7 (funeral structure), units 15 and 16 (funeral structures). Trend 1 implies the use of animal bones as meat food (remains of funeral feasts, funeral food). The animal bones are separated from the human remains; the skulls are turned away from the human skeletons. Osteological material includes skulls, extremity bones, ribs, and shoulder blades. As a rule, such complexes are interpreted as remains of funeral food or skins with animal bones along with bones of cattle and horses. Trend 2 is represented in burials 2, 3, 7– 9 (level 1) of unit 1, filling 1 of unit 7 (funeral structure). It contains the skins of sheep or rams in close contact with the bones of the buried human. In three cases, the skulls were used as "pillows" under the heads

of the buried humans. In two cases, they are associated with the ritual of performing partial burials. Noteworthy is the case when the human head was replaced with a sheep skull. The materials of the Uytag-15 burial ground demonstrate the complex burial rites of the bearers of the Tesin culture. Its important component was the interment in funeral structure or with human remains of the bones of animals, primarily small ruminants. The trends considered are not local and have parallels in other ground burials of the Tesin culture.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Depression, Uytag, early Iron Age, ground burials, funeral structures, funeral rite.*

Введение

Одной из характерных черт грунтовых могильников тесинской археологической культуры является большая вариативность погребальной обрядности. Она выражается в бессистемной ориентации погребенных, различных положениях тел, разной глубине захоронений и проч. [Вадецкая, 1986, с. 87–88; Савинов, 2009; Худяков, 2019; Членова, 1992, с. 229]. При этом присутствуют и признаки, отличающие тесинские захоронения. В том числе в погребениях и поминальных конструкциях фиксируются остатки крупного и мелкого рогатого скота, которые наделялись особым смыслом сверх роли заупокойной пищи [Комплекс…, 1979, с. 84].

В июне – июле 2022 г. Аскизской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН в ходе проведения спасательных археологических работ в Аскизском р-не Республики Хакасия был исследован могильник Уйтаг-15. Памятник представлял собой мультикультурный комплекс из 35 объектов окуневской культуры (конец III – нач. II тыс. до н.э.), карасукской культуры (XIII–XI вв. до н.э.), лугавского этапа поздней бронзы (IX–VIII вв. до н.э.), тагарской культуры (IX–III вв. до н.э.), тесинской культуры (II в. до н.э. – II в. н.э.) и культуросодержащего слоя стоянки развитого этапа таштыкской культуры (II–V вв. н.э.) (см. статью авторов «Исследования могильника Уйтаг-15 …» в этом сборнике).

Материалы раскопок

Поздний этап формирования комплекса был связан с сооружением в его юго-восточной части грунтового могильника тесинской культуры из 13 погребений (объекты 1–3) и четырех поминальных конструкций (объекты 4, 15, 16 и часть объекта 7) (рис. 1).

Основная часть могильника объединена сплошной каменной выкладкой (объект 1). Выкладка сооружена из обломочного камня и плитняка в 2–4 слоя, имеет мощность до 0,4 м. Размеры кладки составляли 15 × 12 м, она была вытянута по линии юго-запад – северо-восток.

В юго-западной половине выкладки над основной массой камней выступали крупные ящики основных погребений. Они были сложены из массивных плит и глыб и установлены в одну линию с северо-запада на юго-восток. В ней насчитывается четыре погребения (погребения 1–4) в 1–3 уровня.

С северо-востока к основному ряду пристроена вторая, параллельная первой, цепочка могил (погребения 5, 7, 8, 11). С северо-востока и северо-запада выявлены дополнительные захоронения, пристроенные к основной группе позднее (погребения 6, 9, 10).

К северо-востоку от сплошной кладки объекта 1 расположены два отдельных погребения в грунтовых ямах под каменными перекрытиями (объекты 2 и 3). В целом комплекс весьма близок по морфологическим признакам к могильнику Есино III в Аскизском р-не Республики Хакасия [Савинов, 2009, с. 38, 143].

Между объектом 1 и погребениями в объектах 2 и 3 находилось поминальное сооружение с костями конечностей и нижней челюстью собаки под каменной кладкой (объект 4).

В 3 м к северу от объекта 4 выявлен поминальник (объект 16) в виде грунтовой ямы, заполненной камнями и костями животных. Еще одна поминальная конструкция в виде каменной выкладки располагалась в 2 м к юго-западу от объекта 1. Под выкладкой также были кости животных.

Четвертый поминальник был впущен в остатки ограды карасукской культуры (объект 7) и находился в 3,5 м к северо-западу от западного угла объекта 1. Под вытянутой кладкой, напоминающей приземистую ограду, находились две грунтовые ямы с костями животных.

Из упомянутых 13 погребений и четырех поминальных конструкций кости баранов и овец зафиксированы в восьми погребениях (погребения 1–3, 7–9, 11 объекта 1 и объект 2) и в трех поминальниках (объекты 7, 15, 16).

Погребение 1, уровень 2 (нижний). Представляло собой захоронение взрослого индивида в разрушенном небольшом каменном ящике. Тело было уложено вытянуто на спине, головой на юго-запад. У головы справа в 0,1 м находился керамический сосуд. В ногах, среди плит северо-восточной стенки ящика, лежали череп и часть костей ног овцы. Они залегали на уровне человеческих останков, череп повернут лицевой частью на север, от погребенного.

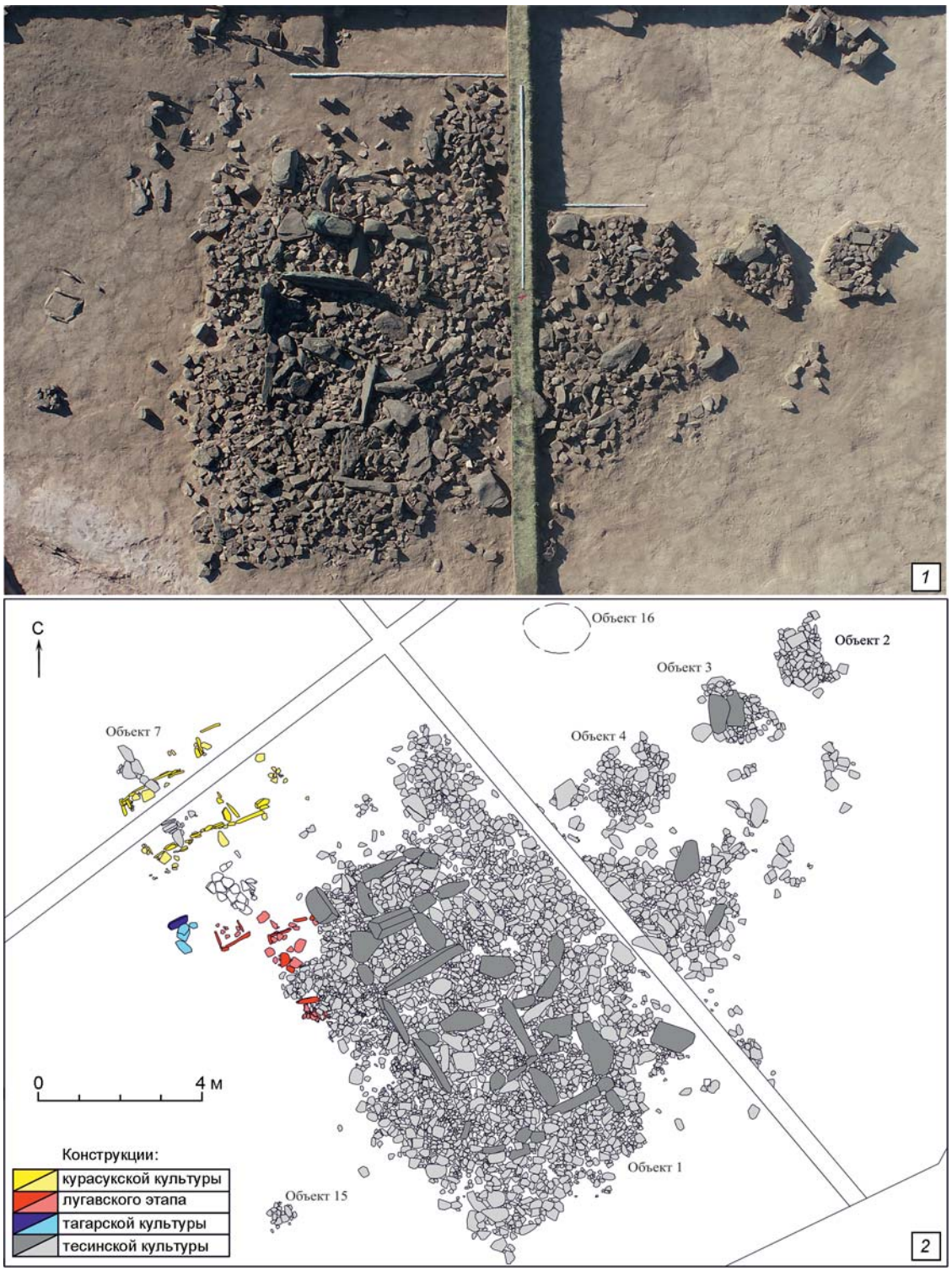


Рис. 1. Комплекс тесинской культуры на могильнике Уйтаг-15.
1 – общий вид с юго-востока; *2* – схема с указанием объектов тесинской культуры.

Погребение 2, уровень 2 (нижний). Было совершено в небольшом каменном ящике, составленном из одного слоя плит, ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. В центральной части лежали остатки парциального погребения (грудина и коленные чашечки). К северу от них располагался керамический сосуд. Дальше в юго-западную сторону найден череп овцы и скопление костей конечностей животного и человека. Останки смещены и перемешаны.

Погребение 3, уровень 2 (средний). Парное погребение взрослого и ребенка в общем ящике из

массивных плит. Взрослый индивид располагался лежа на спине, с подогнутыми и наклоненными вправо ногами, головой на юго-запад. Вплотную к голове лежал керамический сосуд.

Ребенок был помещен в 0,1 м слева от взрослого, вытянуто на спине, по линии юго-запад – северо-восток. Череп и верхняя часть шейных позвонков отсутствовали. Выше спины был помещен череп овцы. Судя по положению, он был приставлен к шее, затем завалился вперед, к человеческому скелету. Шейные позвонки у черепа овцы отсутствовали.

Вероятно, голова погребенного была отделена в процессе захоронения, при этом утрачены и верхние позвонки шейного отдела (это может указывать на то, что к моменту отделения головы сохранились мягкие ткани). Затем на ее место поставлен череп овцы.

Погребение 7, уровень 2 (нижний). В небольшом каменном ящике из вертикально поставленных плит песчаника располагался погребенный подросток. Он был похоронен вытянуто на спине, черепом на северо-запад. Голова опиралась на стенку ящика, немного завалилась вперед и вправо. Вплотную у головы обнаружены череп овцы и керамический сосуд. Череп овцы был помещен в угол ящика и повернут к голове человека. Судя по положению черепа погребенного, изначального его голова лежала частично на черепе овцы. Как и в погребении 3, шейные позвонки животного отсутствовали, что может свидетельствовать об использовании именно черепа.

Погребение 8, одноярусное. Расположено в грунтовой яме, перекрытой плитами песчаника. Погребенный (взрослый индивид) лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Справа от головы был уложен череп барана (сохранились места крепления рогов, шейные позвонки отсутствуют), повернутый так, чтобы покойный лежал затылком на его крае.

Погребение 9, уровни 1 и 2 (вплотную друг к другу). Представляет собой захоронение двух взрослых индивидов, помещенных друг на друга вплотную. Оба тела были помещены вытянуто на спине, по линии юго-запад – северо-восток, головой на юго-запад. Останки верхнего погребенного не потревожены. В ногах слева найден керамический сосуд. У правой ноги, выше нее, была помещена голова нижнего индивида с остатками шейных позвонков. Он был помещен на раздавленный череп овцы, рядом с которым найдены также отдельные мелкие фрагментированные кости животного.

Второй погребенный располагался сразу под верхним. Его голова была отделена от тела и перемещена в ноги. Можно предположить, что изначально индивид был захоронен с черепом и костями овцы в ногах (как в погребениях 1 и 2). После, в процессе погребения второго человека, его голова была отделена от тела и поставлена на череп овцы, в соответствии с ритуалом, аналогичным тому, что был проведен при захоронении ребенка в погребении 3.

Погребение 11, уровень 1 (верхний). Расположено в каменном ящике из плит, поставленных в 2–3 слоя. В ящике обнаружено погребение ребенка, который был похоронен вытянуто на спине, головой на юго-запад. На некотором удалении (в 0,15 м) за головой лежали керамический сосуд (справа), череп без шейных позвонков и кость ноги овцы (слева). Череп животного на одном уровне с человеческими останками, повернут от тела.

Объект 2. Представляет собой погребение подростка в грунтовой яме под каменной выкладкой. Тело было расположено вытянуто на спине, головой на юго-восток. Голова лежала на плитке-подушке. Слева и выше головы горизонтально помещена плитка песчаника, на которой обнаружены отдельные кости ног и лопатка овцы.

Объект 7. Поминальное сооружение. Под вытянутой каменной выкладкой в виде приземистой оградки длиной 2,5 м, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад, находились две небольшие грунтовые ямки. Они были впущены в ограду карасукской культуры. В первой, более глубокой, ямке (заполнение 1) располагались в анатомическом порядке кости конечностей и череп овцы. Во второй ямке (заполнение 2) находилось компактное скопление костей ног, лопатки и ребра овцы.

Объект 15. Поминальник в виде небольшой округлой каменной выкладки, под которой располагались ребра, позвонки и мелкие кости овцы.

Объект 16. Округлая грунтовая яма, заполненная небольшим обломочным камнем и отдельными костями и зубами овцы.

Интерпретация материалов

По материалам рассмотренных погребений и поминальных конструкций можно выделить две традиции, связанные с разной ролью мелкого рогатого скота в ритуальной деятельности.

Первая представлена погребениями 1, 9 (уровень 2), 11 объекта 1, объектом 2. В ней кости овцы не имеют тесной связи с телом погребенного (рис. 2). В двух случаях в могилах обнаружены череп и кости ног без анатомического порядка, в одном случае – только череп, еще в одном – только отдельные кости. Кости на одном уровне с костяками людей, не вплотную к ним. В погребениях взрослых они помещены в район ног, в могилах ребенка

Рис. 2. Погребения с костями барана, обособленными от человеческих костяков.
1 – погр. 1, уровень 2; *2* – погр. 11, уровень 1.

и подростка – за головой. При этом черепа животных были отвернуты от тел людей. В погребении подростка (объект 2) имелась специальная подставка из плитки песчаника, на которую останки животного были сложены, как на блюдо.

В данном случае кости животных можно интерпретировать как вариант заупокойной пищи. Отсутствует стандарт в наборе останков, нет прямой связи с телом покойного.

К этой традиции можно отнести также поминальные конструкции из объектов 15 и 16 и заполнение 2 из объекта 7. Кости овцы в них не имеют анатомического порядка. Подобные поминальники с заупокойной мясной пищей встречаются на тесинском памятнике Тепсей I, [Комплекс…, 1979, с. 71, 72]. Они станут широко распространены в таштыкскую эпоху. При этом как тесинские, так и таштыкские поминальные конструкции не содержат

черепов мелкого рогатого скота [Вадецкая, 1999, с. 116–118; Поселянин, 2009, с. 170].

Вторая традиция фиксируется по материалам погребений 2, 3, 7–9 (уровень 1) объекта 1. Она подразумевает тесную связь черепов овец и баранов с головами погребенных (рис. 3). В трех случаях головы людей уложены на черепа баранов или овец. В одном случае (погребение 9) более раннее захоронение было преобразовано – череп человека помещен сверху на череп овцы. Еще в одном случае (погребение 3) голова ребенка была полностью заменена на череп овцы. Обращает на себя внимание, что были использованы именно черепа животных, без шейных позвонков, которые могли бы указывать на то, что были взяты целые головы. При этом головы людей из погребений 3 и 9 были отделены от тел, когда мягкие ткани еще сохранялись.

С данной традицией связано заполнение 1 объекта 7, где, вероятно, была захоронена шкура овцы с черепом и костями ног (рис. 4).

Рис. 3. Погребения с костями барана, расположенными вплотную к человеческим костякам.
1 – погр. 3, уровень 2; *2* – погр. 8.

Рис. 4. Захоронение шкуры барана с костями ног и черепом в объекте 7.

Можно предположить, что погребенные помещались на (или под) шкуру овцы или барана, при этом череп выступал в качестве подушки, по аналогии с каменными плитками или «подушками» из органического материала [Савинов, 2009, с. 29].

Обращает на себя внимание факт замены головы человека в одном случае на череп овцы. Можно предположить частичную связь этого ритуального действия с парциальными и неполными погребениями [Комплекс…, 1979, с. 74]. Так, в погребении 2 объекта 1 останки овцы располагались в парциальном захоронении, а в погребении 11 голова покойного была отделена от тела.

Разделить рассмотренные традиции по времени совершения захоронений в комплексе не представляется возможным, оба варианта присутствуют как в центральных, так и в периферийных погребениях.

В целом остатки различных костей скелета и черепа овец или баранов отдельно от костяков людей встречаются в погребениях тесинской культуры достаточно часто. Как правило, они интерпретируются как остатки погребальной пищи, наряду с костями крупного рогатого скота и лошадей [Вадецкая, 1986, с. 88; Савинов, 2009; Тимощенко и др., 2021, с. 1022, 1024].

Также в погребениях тесинской культуры фиксируются и случаи, аналогичные второй рассмотренной традиции. Так, черепа овец под головами погребенных или около и ниже них выявлены в погребениях 24А и 24В могильника Тепсей III, погребении 4 кургана «Ближний», [Комплекс…, 1979, с. 74; Савинов, 2009, с. 142]. При исследовании могильников Тепсей III и Тепсей VII были обнаружены погребения с костями ног и черепами животных, интерпретированных как остатки шкур жертвенных животных [Комплекс…, 1979, с. 77, 84].

Таким образом, материалы тесинских погребений могильника Уйтаг-15 наглядно демонстрируют сложную роль останков мелкого рогатого скота в погребальном обряде тесинской культуры. Эта роль выходит за рамки мясной пищи и связана также с посмертными трансформациями тела (заменой головы на череп овцы или барана) и приданием ему специфического положения (под покровом или на шкуре, с черепом животного под головой). Наличие подобной ритуальной практики можно проследить и на других тесинских памятниках, что исключает интерпретацию выявленных особенностей как локальной традиции.

Заключение

Материалы могильника Уйтаг-15 демонстрируют сложную погребальную обрядность носителей тесинской культуры. Ее важной составляющей было захоронение в поминах или с останками человека костей животных, в первую очередь мелкого рогатого скота.

В одном случае кости в различной комплектации (возможно, с мясом) помещали в могилу как заупокойную пищу. Второй вариант подразумевал более сложное отношение к останкам овцы. Они подкладывались под погребенного наподобие каменных подушек, выступали частью ритуала при совершении частичных и парциальных захоронений. Эти варианты не являются локальными и имеют аналогии в погребениях на других грунтовых могильниках тесинской культуры.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Минаев, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Поселянин А.И. Поминальный обряд таштыкской культуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. – С. 168–173.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2009. – 226 с.

Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Фролов Я.В., Поселянин А.И., Тетерин Ю.В., Половников И.С., Давыдов Р.В. Раскопки тесинских и таштыкских памятников на могильниках Сагайская протока 2, 5 и 8 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 1020–1027.

Худяков Ю.С. Тесинский этап тагарской культуры // История Сибири: в 4 т. Т. 2. Железный век и Средневековье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 189–191.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–229.

References

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura. In *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya.* Moscow: Nauka, 1992. 493 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yenisee. Novosibirsk: Nauka, 1979. 167 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Tesinskiy etap tagarskoy kul'tury. *Istoriya Sibiri: v 4 tomah. T. 2. Zhelezny vek i Srednevekov'e.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 189–191. (In Russ.).

Savinov D.G. Minusinskaya provintsiya khunnu. St.-Petersburg: St.-Petersburg State Univ. Press, 2009. 226 p. (In Russ.).

Poselyanin A.I. Pominal'ny obryad tashtykskoy kul'tury. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. *Seriya: Istoriya, filologiya*. 2009, Vol. 8. Iss. 3: Arheologiya i etnografiya. P. 168–173. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Mit'ko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Frolov Ya.V., Poselyanin A.I., Teterin Yu.V., Polovnikov I.S., Davydov R.V. Excavations of the Tesin and Tashtyk Graves at the Sagayskaya Protoka 2, 5 and 8 Burial Yards. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 1020–1027. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.1020-1027

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 1999. 440 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p. (In Russ.).

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026
Мамаева А.К. https://orcid.org/0000-0003-4829-5832

doi: 10.17746/2658-6193.2022.28.1046-1051
УДК 902/904; 902.3

В.А. Чертыков✉, А.А. Тимощенко, Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sala_hazah@mail.ru

Изучение одиночного кургана Скальная-11 у горы Уйтаг в Хакасии

В статье публикуются предварительные сведения об изученном в ходе спасательных археологических работ одиночном кургане Скальная-11 на юго-западе Хакасско-Минусинского края. Памятник расположен в Аскизском р-не Республики Хакасия на северо-западной подошве горы Уйтаг недалеко от устья р. Камышта. В ходе работ установлено, что насыпь кургана отсутствовала, т.к. не возводилась при строительстве, погребальные конструкции были впущены в небольшое естественное всхолмление, площадка, на которой устроены захоронения, предварительно была искусственно выровнена. После снятия грунта кургана была зачищена ограда прямоугольной формы, изготовленная из тонких плит красноцветного девонского песчаника, установленных встык, с наружной стороны ограды плиты опирались на контрфорсы, стенки ограды незначительно наклонены внутрь. Вертикальные угловые либо простеночные стелы отсутствовали. Внутри ограды располагалось две могилы. Мог. 1 основная, мог. 2 дополнительная, детская. Оба захоронения совершены под каменными перекрытиями из красноцветного песчаника в грунтовых ямах. Стены основной могилы облицованы плитняком. Мог. 2 сохранилась in situ. Погребенный ребенок располагался в центре могильной ямы, уложен на спине вдоль длинной оси могилы, головой на восток, руки погребенного вытянуты вдоль тела, ноги выпрямлены. Мог. 1 и 2 характерны для раннего этапа тагарской культуры. Артефакты в могилах также типичны – это плоскодонные сосуды баночной формы с прямым плоским венчиком, сердоликовая цилиндрическая бусина и массивная полусферическая бронзовая пуговица с петлей на обороте.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, гора Уйтаг, одиночный курган Скальная-11, эпоха раннего железного века, тагарская культура.*

V.A. Chertykov✉, A.A. Timoshchenko, E.V. Akimova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: sala_hazah@mail.ru

Studies of Solitary Skalnaya-11 Mound near Uytag Mountain, Khakassia

The article presents preliminary data of the rescue archaeological works at the solitary Skalnaya-11Mound located in the southwest of Khakas-Minusinsk Region. The site is situated in the Askiz District of Khakassia Republic, on the northwestern foot of Uytag Mount in close proximity to the mouth of the river Kamyshta. It was found out during the excavation that no earthen mound was constructed over the grave; the burial constructions were integrated into the natural hilly surface, the ground where the tombs were established had been factitiously levelled beforehand. Upon the removal of the ground level of the mound, the rectangular hedge made of thin Devonian red sandstone plates was revealed. The plates were settled end-to-end and based upon piers on the outside of the hedge, the walls were slightly inclined inwards. No vertical corner or pillar stelas were detected. Two entombments were found inside the hedge. Tomb1 was considered the main one' tomb 2 of an infant was additional. Both earthen graves were covered by the roofs of red sandstone. The walls of the main tomb were coated with flagstone. Tomb 2 was intact. The buried infant was situated supinely in the center of the bone chamber along the long axis of the tomb with the head eastward; the arms of the buried were straightened along the body, the legs were straightened likewise. Tombs 1 and 2 are typical for the early phase of Tagar culture. The artefacts in the tombs are typical including flat-bottomed jar-shaped vessels with straight flat rim, a carnelian cylindrical bead and a massive half-spherical bronze button with a loop on the backside.

Keywords: *Khakassia Republic, Askiz District, Uytag Mount, solitary Skalnaya-11 Mound, early Iron age, Tagar culture.*

Гора Уйтаг расположена в Аскизском р-не Республики Хакасия на левом берегу р. Абакан при впадении в него р. Камышта. Гора Уйтаг является естественной географической границей между Уйбатской и Аскизской степью Южно-Минусинской котловины, а к северо-востоку от указанной горы, по долине р. Камышта, проходит путь в северные районы котловины – Камызякскую и Салбыкскую степи.

Удачное географическое положение на перекрестке миграционных путей, достаточно хорошая кормовая база, красивый и выразительный окружающий ландшафт с древнейших времен делали это место выгодным для заселения людьми. Поэтому в районе горы Уйтаг в обилии присутствуют различного рода памятники истории и культуры, относящиеся к разным периодам от эпохи энеолита до современности. Памятники археологии представлены большим количеством могильников и петроглифов, присутствует одна крепость све. Данные памятники создают в этом месте особый археологический микрорайон.

Расширение хозяйственной деятельности благотворно влияет на экономическое развитие региона и страны в целом, однако не всегда положительно сказывается на сохранности археологических памятников. Поэтому чрезвычайно важно проведение обследований земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, на предмет наличия объектов археологии с целью их выявления и обеспечения сохранности.

В 2019 г. в окрестностях горы Уйтаг были описаны десятки археологических объектов в зоне проектирования второго пути на перегоне Камышта – Уйтак Красноярской железной дороги. Работы проводились сотрудником ИАЭТ СО РАН Н.В. Басовой [Басова и др., 2019].

У горы Уйтаг в 2021 г. проводил работы Скальный отряд Аскизской экспедиции ИАЭТ СО РАН. В ходе работ исследованы могильники тагарской культуры: курганный могильник Уйтаг-3, курганы 3–5; курганный могильник Скальная-4, курган 1; одиночные курганы Скальная-5–7. Работы проводились на основании мероприятий по сохранению объектов археологического наследия по объекту строительства «Второй путь на перегоне Камышта – Уйтак Красноярской железной дороги» [Выборнов, Кравцова, Тимощенко, 2021]. В рамках данного проекта Саянской археологической экспедицией ИИМК РАН проведены раскопки курганного могильника Усть-Камышта-1 под руководством А.В. Полякова. В результате этих археологических работ было исследовано 35 курганов, относящихся к разным периодам от энеолита до рубежа эр [Лурье, 2021].

Также в 2021 г. Аскизским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А.А. Тимощенко и А.В. Выборнова вдоль железной дороги от станции Уйтак до станции Чартыковский описаны 14 объектов археологического наследия, часть из этих объектов расположены в районе горы Уйтаг.

Аскизским отрядом ИАЭТ СО РАН в 2022 г. проведены спасательные археологические полевые работы в виде раскопок на одиночном кургане Скальная-11. Работы 2022 г. являются продолжением мероприятий по сохранению объектов археологического наследия по объекту строительства «Второй путь на перегоне Камышта – Уйтак Красноярской железной дороги». Исследования проводились на участке раскопа общей площадью 814,02 м^2.

Одиночный курган Скальная-11 открыт разведочным отрядом ИАЭТ СО РАН в июне 2021 г. Памятник описан, сфотографирован, установлены его границы, снят топографический план.

Археологический объект находится на северо-западной подошве склона горы Уйтаг, в 5 км к востоку от с. Усть-Камышта в 720 м к северо-востоку от о.п. Скальная Красноярской железной дороги, между курганными могильниками Скальная-7 и Скальная-6, в 150–180 м от них, в 70 м к западу от откоса железнодорожных путей, на участке железной дороги Камышта – Уйтак.

Памятник является частью большого могильного поля раннего железного века, протянувшегося по северо-западному склону горы Уйтаг до края высокой поймы р. Камышта. С площади данного памятника в северном и западном направлениях открываются удивительные панорамные виды на долину р. Камышта, хребет Сахсар и горы Сараж.

Участок местонахождения памятника приходится на остепненную местность, лишь по обе стороны вдоль железной дороги тянутся лесозащитные полосы, имеющие искусственное происхождение.

Целью данной статьи является предварительная публикация материалов вышеупомянутых полевых работ, что дополнит источниковедческую базу Уйтагского археологического микрорайона.

До раскопок одиночный курган Скальная-11 представлял собой небольшое всхолмление, вытянутое по линии север – юг, высотой до 0,5 м от современной поверхности. Площадь, на которой располагался курган, распахана, западная сторона насыпи повреждена грунтовой дорогой. Какие-либо конструктивные особенности (стелы, элементы ограды и надмогильные перекрытия) не прослеживались. В западной и северной частях курганной насыпи располагались две современные кучи слегка задернованных камней.

После уборки травяной и кустарниковой растительности была проведена нивелировка поверхности раскопа. Ввиду того, что насыпь кургана имела незначительную высоту, для проведения стратиграфических наблюдений использовалась одна контрольная бровка шириной 0,3 м по центральной оси кургана.

В ходе работ установлено, что насыпь кургана отсутствовала, т.к. не возводилась при строительстве, погребальные конструкции были впущены в небольшое естественное всхолмление. Площадка, на которой устроены захоронения, предварительно была искусственно выровнена. Верхний стратиграфический слой представлял собой темно-серую мешаную супесь (пахотный горизонт), нижний слой – бурая супесь (материк). В центральной части всхолмления по границам этих двух слоев незначительно прослеживался выкид из могилы 1 (темно-бурая супесь). Заполнение могильных ям – мешаная серо-бурая супесь.

В центральной части кургана на разных глубинах находились: древесные угольки, антропологический и палеонтологический материал, фрагменты керамики (от трех сосудов), вероятно, происходящие из нарушенной грабителями могилы.

После снятия грунта выявились сильно разрушенные распашкой каменные конструкции кургана (рис. 1).

Ограда имела квадратную форму (7,2 × 7,2 м), сторонами ориентирована по линии север – юг с незначительным отклонением (345°). Сложена ограда из вертикально врытых плит красного девонского песчаника (выделяется одна массивная плита по центру западной стороны ограды из серо-зеленого силурийского песчаника). Плиты ограды очень тонкие (их ширина не превышает 0,05 м), установлены встык. С наружной стороны ограды установлены контрфорсы. Стенки ограды незначительно наклонены внутрь. Ограда сильно повреждена плугом в процессе опашки. Угловые либо простеночные стелы отсутствуют. В юго-восточном углу ограды зафиксирована яма 1 размерами 0,7 × 0,4 м. Был выполнен разрез ямы 1 и разбор заполнения, состоящего из мешаного грунта и камней небольших размеров. Предположительно, яма находится на месте расположения угловой стелы.

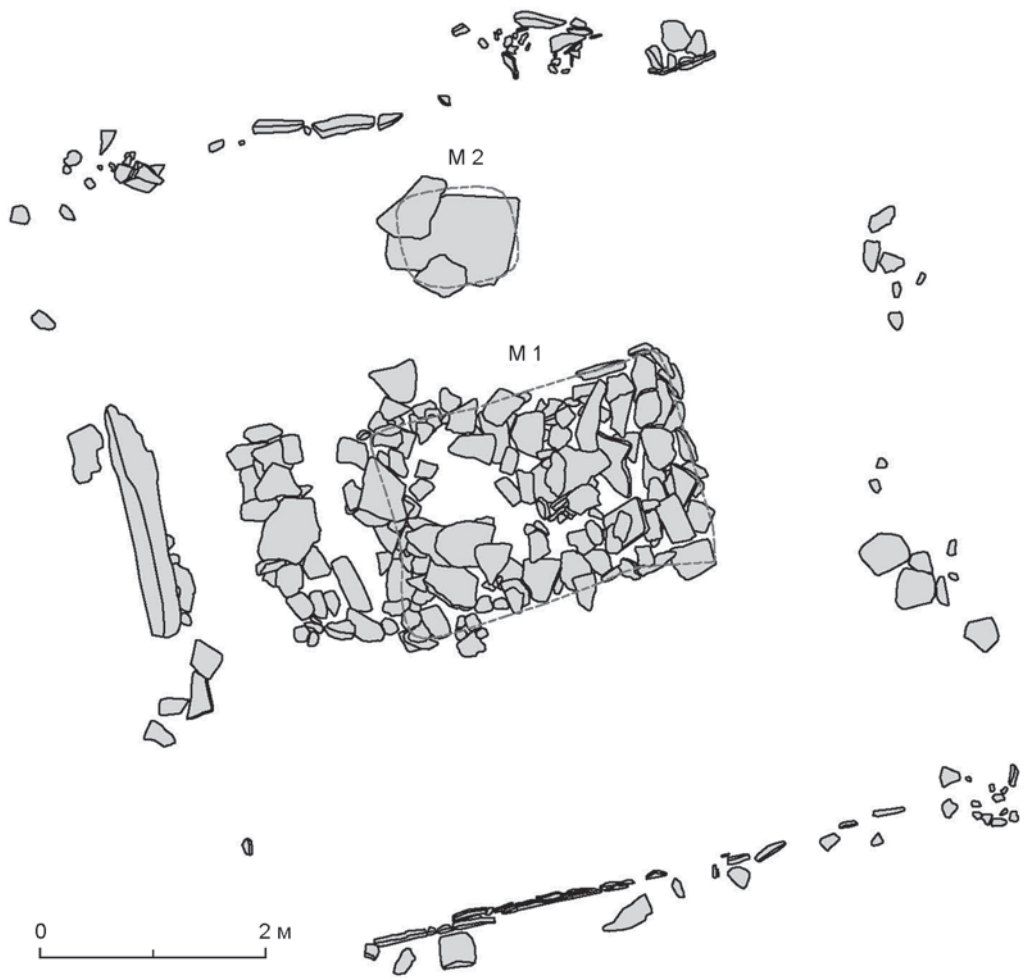


Рис. 1. План каменных конструкций.

Объект 1. Примерно в 4,5 м к юго-западу от западного края юго-восточной стенки ограды был зафиксирован камень размерами 1 × 0,7 м. Контрольный прокоп почвы после снятия камня не показал признаков археологического объекта. Предположительно, камень является вывороченной стелой.

Скопление камней 1. В 5,5 м к северо-северо-западу от западного угла ограды было зафиксировано незначительно задернованное скопление камней размерами 2,0 × 1,1 м. Среди камней находилась корродированная металлическая деталь современного механизма. Разрез и разбор заполнения под камнями не обнаружили признаков археологического объекта.

Скопление камней 2. В западном углу ограды было зафиксировано скопление камней размерами 2,3 × 2,0 м. В процессе оформления разреза скопления в северной его части была обнаружена металлическая пластина прямоугольной формы. Разрез и разбор заполнения под камнями не показал археологического контекста.

Очевидно, что эти два скопления камней сформировались во второй половине XX в. в процессе сельскохозяйственной опашки кургана и прилегающей территории.

Объект 2. На линии северо-западной стенки ограды в 3 м к северо-востоку от скопления камней 2 была зафиксирована кровля ямы размерами 0,5 × 0,4 м, на поверхности которой находились камни мелкого и среднего размера, уходящие в заполнение ямы. Разрез и разбор заполнения объекта показали отсутствие археологического материала.

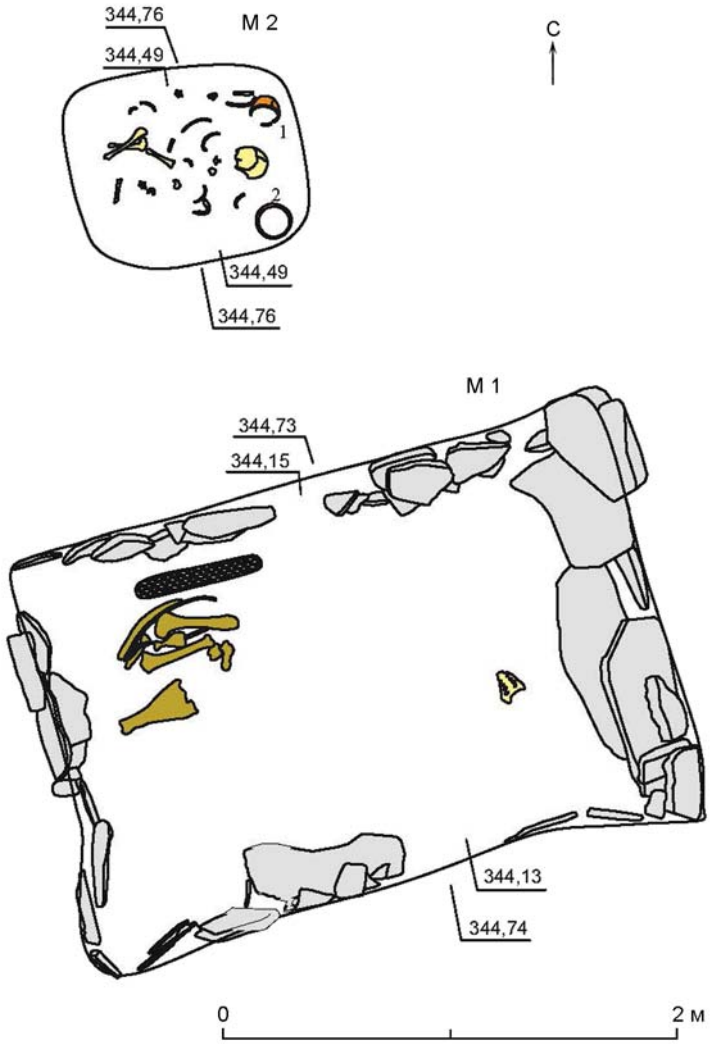


Рис. 2. План могил.

В центре ограды располагалась мог. 1 (центральная). К северу от мог. 1 устроена детская мог. 2 (рис. 2).

Могила 1, центральная. Могильная яма прямоугольной формы, с относительно вертикальными стенками и ровным дном. Длинной осью ориентирована по линии запад – восток. Размеры 2,8 × 1,9 м. Глубина от уровня каменного перекрытия – 0,7 м. Выкид (мощностью до 0,1 м) уложен с западной стороны. Сверху могильная яма была перекрыта вдоль деревянным настилом из жердей очень плохой сохранности (уцелел лишь небольшой фрагмент в северо-западной части могильной ямы). Каменное покрытие могилы состояло из песчаниковых плит, в его центре фиксировался грабительский пробой. Размеры каменного перекрытия 3,7 × 2,2 м, мощность до 0,2 м. Стены могильной ямы облицованы плитами песчаника.

В заполнении обнаружены фрагменты каменного и деревянного перекрытий, человеческие кости (от одного индивидуума) и кости животных, фрагменты керамических сосудов (рис. 3, *2*), сердоликовая цилиндрическая бусина (рис. 3, *3*) и массивная полусферическая бронзовая пуговица (зеркало?) с петлей на обороте (рис. 3, *1*).

Могила 1 сильно потревожена грабителями. На дне могилы *in situ* предметов не обнаружено. В северо-западном углу находилось скопление костей коровы и барана (лопатки, кости передних конечностей и ребра).

Могила 2, детская. Мог. 2 находилась к северу от мог. 1. Каменное покрытие могилы состояло из массивной плиты песчаника, расколовшейся на несколько частей. Размеры каменного перекрытия 1,3 × 1,0 м.

Под плитами прослеживалась кровля могильной ямы подпрямоугольной формы, размерами пример-

Рис. 3. Погребальный инвентарь из мог. 1.
1 – бронза; *2* – керамика; *3* – сердолик.

но 1,1 × 0,8 м. Могильная яма имела прямоугольную форму со слегка скругленными углами. Размеры 1,1 × 0,85 м. Глубина от уровня каменного перекрытия – 0,3 м. Погребение частично нарушено грызунами. Погребенный ребенок располагался в центре могильной ямы, уложен на спине вдоль длинной оси могилы, головой на восток. Руки погребенного вытянуты вдоль тела, ноги выпрямлены.

У левой ноги покойного находилось скопление костей барана (лопатка, кости передних конечностей и пара ребер).

Справа от головы погребенного помещен сосуд 1 (рис. 4, *1*). Сосуд плоскодонный, баночной формы с плоским прямым венчиком. Сосуд 2 (также плоскодонный, баночной формы с плоским прямым венчиком) находился слева от головы (рис. 4, *2*).

При исследовании кургана зафиксировано несколько интересных особенностей. Во-первых, насыпь кургана отсутствовала, погребальные конструкции были впущены в небольшое естественное всхолмление. Во-вторых, площадка, на которой было устроено захоронение, предварительно была искусственно выровнена, подобного рода особенность эпизодически фиксируется на схожих памятниках. В частности, на могильнике Печище-1 у кург. 1 часть погребенной почвы была срезана перед возведением ограды и сооружением мог. 2 [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014, с. 10].

Данный памятник по своей архитектуре, устройству, характеру внутримогильных и надмогильных конструкций, положению умершего в могиле и сопроводительному инвентарю (керамические сосуды, бронзовые предметы) в культурно-хронологическом плане можно отнести к начальному этапу тагарской археологической культуры (IX–VII вв. до н.э.) [Комплекс…, 1979; Вадецкая, 1986].

Представленная культурно-хронологическая атрибуция кургана Скальная-11 является предва-

Рис. 4. Керамическая посуда из мог 2.

рительной. Дальнейший, более детальный анализ полученных материалов позволит уточнить датировку исследованных объектов.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Александров С.В., Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники Черного Июса на севере Хакасии. – СПб.: ЭлекСис, 2014. – 154 с.

Басова Н.В., Ломов П.К., Селецкий М.В., Половников И.С., Митько О.А. Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия // Проблемы, археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 761–765.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986 – 179 с.

Выборнов А.В., Кравцова А.С., Тимощенко А.А. Погребения тагарской и тесинской культур в кургане 1 курганного могильника Скальная-4 // Проблемы, археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 921–927.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницина, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Лурье В.М. Предварительные итоги исследования кургана андроновской культуры на юге Минусинских котловин // Бюллетень ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2021. – Т. 11. – С. 179–182.

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Smirnov Yu.A. Arkheologicheskiye pamyatniki doliny Chernogo Iyusa na severe Khakasii. St. Petersburg: ElekSis, 2014. 152 p. (In Russ.).

Basova N.V., Lomov P.K., Seletskii M.V., Polovnikov I.S., Mitko O.A. The results of reconnaissance work in the Khakassia Republic in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P.761–765. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye. Novosibirsk: Nauka, 1979. 167 p. (In Russ.).

Lurie V. M. Preliminary results of the survey of Andronian culture courgan in the south of Minusinsk basins. *Institute of Material Culture RAS bulletin*. St. Petersburg: IMC RAS Publ., 2021. Vol. 11. P. 179–182. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 179 p. (In Russ.).

Vybornov A.V., Kravtsova A.S., Timoshchenko A.A. Burials of the Tagar and Tesin Cultures in Kurgan 1 of the Skalnaya-4. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 921–927. (In Russ.).

Чертыков В.А. https://orcid.org/0000-0002-3240-0311
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИКЭ – Археология и историко-культурная экспертиза
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АРЭМ – Архив Российского этнографического музея
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИИКФ – Библиотечно-информационный историко-культурный фонд
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
БПЛА – Беспилотный летательный аппарат
БСВ – Балтийская система высот
БФ СО АН СССР – Бурятский филиал СО АН СССР
ВИНИТИ – Всероссийский институт научной и технической информации
ВСОИРГО – Восточно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАУ НСО НПЦ – Государственное автономное учреждение Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
ГИКЭ – Государственная историко-культурная экспертиза
ГИМ – Государственный исторический музей
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ЕНУ – Евразийский национальный университет
ИААЭ АН СССР – Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭА НАНА – Институт археологии, этнографии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ АН СССР – Институт востоковедения АН СССР
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИВЭП СО РАН – Институт водных и археологических проблем СО РАН
ИГиГ СО АН СССР – Институт геологии и геофизики СО АН СССР
ИИиАУрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО РАН – Институт истории, филологии и философии СО РАН

ИНГГ СО РАН – Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
ИРГО – Императорское русское географическое общество
ИФЗ РАН – Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КИГИ РАН – Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
КИЧП – Комиссия по изучению четвертичного периода
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИЭ – Краткие сообщения института этнографии
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
МИА – Материалы и исследования по археологии
НАН РТ – Национальная академия наук Республики Таджикистан
НОЦ – Научно-образовательный центр
НПО СА – Научно-производственное объединение «Северная археология-1»
ОАН – Объект археологического наследия
ОСЛ – Оптически стимулированная люминесценция
ПИН РАН – Палеонтологический институт РАН
ПМА – Полевые материалы автора
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Русское географическое общество
РИЦ – Редакционно-издательский центр
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация по изучению первобытного искусства
СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр ДВО РАН
СЭ – Советская этнография
ТКОПОИРГО – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела ИРГО
ФИЦ УУХ – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
BAR – British Archaeological Reports
OSL – Оптически стимулируемое люминесцентное датирование
PNAS – The Proceedings of the National Academy of Sciences
SAPAR – Siberian Association of Prehistoric Art Researchers

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Агаджанян А.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Динамика сообществ мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры 7

Алишер кызы С., Рахманов З., Хошимов Х., Шнайдер С.В. Степень сохранности памятников неолита на территории Центральной Ферганы (результаты археологической разведки в 2022 году) 13

Анойкин А.А., Зейналов А.А., Кулаков С.А., Очередной А.К., Идрисов И.А., Курбанов Р.Н., Эйбатов Т.М. Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2022 году 21

Анойкин А.А., Филатов Е.А., Чистяков П.В., Сосин П.М., Шарипов А.Ф., Мещерякова О.А., Токарева О.А., Курбанов Р.Н. Исследование педокомплекса 5 стоянки Лахути IV (Южный Таджикистан) в 2022 году 29

Анойкин А.А., Филатов Е.А., Чистяков П.В., Сосин П.М., Шарипов А.Ф., Мещерякова О.А., Токарева О.А., Павленок Г.Д., Курбанов Р.Н. Исследование раннепалеолитических комплексов времени МИС 14–15 в долине р. Оби-Мазар (Таджикистан) в 2022 году 36

Анойкин А.А., Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Макаров С.С., Папин А.Д., Таймагамбетов Ж.К., Дуванбеков Р.С., Манскова Е.А. Исследование верхнепалеолитической стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2022 году. 43

Белоусова Н.Е. Мелкопластинчатое расщепление в индустрии горизонта *B* стоянки Ануй-2: отдельные акты производственной деятельности 51

Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Постнов А.В., Шуньков М.В. Функции каменных ударно-абразивных орудий памятника Ануй-2: предварительные результаты 58

Бобров В.В., Вальков И.А. Костяные предметы неолитического курганного могильника Автодром-1А 66

Васильев С.К., Милютин К.И., Середнёв М.А. Новые находки остатков плейстоценовой мегафауны на аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья (Бибиха, Чумыш, Чик) в 2022 году 74

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Новые данные по мегафауне позднего плейстоцена из Денисовой пещеры 82

Гладышев С.А. Эволюция нуклеусов на памятниках северного побережья Долины Озер (Монголия) 89

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Макаров С.С., Левицкая П.С., Бордюгова Е.А., Перфильев С.С., Джуманов А.Т., Выборнов А.В. Разведочные работы на Кушеватской протоке (правобережье Большой Оби) в 2022 году 97

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Макаров С.С., Левицкая П.С., Бордюгова Е.А., Перфильев С.С., Джуманов А.Т., Выборнов А.В., Кулик Н.А. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2022 году 104

Зольников И.Д., Харевич В.М., Левицкая П.С., Анойкин А.А. Особенности геолого-геоморфологического строения четвертичных отложений в береговых обрывах левобережья Красноярского водохранилища в окрестностях стоянок Сабаниха-3 и Сидориха 110

Кандыба А.В., Павлов И.С., Павлова Н.И., Протопопов А.В. Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2022 году 116

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Каменные индустрии ранних этапов среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-4 (исследования 2022 года) 122

Колобова К.А., Тюгашев И.Е., Харевич А.В., Селецкий М.В., Чистяков П.В., Маркин С.В., Деревянко А.П. Индустрия слоя 1 пещеры Окладникова в свете новых данных 127

Колобова К.А., Харевич А.В., Бочарова Е.Н., Мухтаров Г.А., Кривошапкин А.И. Новые данные о кареноидных нуклеусах-скребках в западной части Центральной Азии 136

Колясникова А.С., Чистяков П.В., Колясникова А.С., Медведев С.П. Новые данные по костяной индустрии стоянки Староселье (раскопки А.А. Формозова) 143

Кулик Н.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Каменное сырье индустрий раннего среднего палеолита из Денисовой пещеры 152

Курбанов Р.Н., Анойкин А.А., Филимонова Т.Г., Караев А.Ч., Мещерякова О.А., Кулакова Е.П., Филатов Е.А., Чистяков П.В., Шарипов А.Ф. Геоархеологические исследования на памятнике Хонако III в Южном Таджикистане в 2022 году 157

Маркин С.В. Стоянки ньяпанской стадии верхнего плейстоцена Северо-Западного Алтая 164

Марковский Г.И., Алишер кызы С., Абдыканова А., Шнайдер С.В. Использование трехмерных моделей в ходе морфометрического анализа нуклеусов стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан) 169

Марченко Д.В., Болорбат Ц., Хаценович А.М., Клементьев А.М., Кравцова П.С., Маргад-Эрдэнэ Г., Гунчинсурэн Б., Рыбин Е.П. Исследование углубления под археологическим горизонтом начального верхнего палеолита на стоянке Толбор-21 (Северная Монголия) в 2021–2022 годах 175

Марченко Д.В., Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Пространственная организация стоянок у выходов каменного сырья: исследование с помощью кластерного анализа (на примере нижних археологических горизонтов памятника Толбор-4, Северная Монголия) 181

Медведев В.Е., Гирченко Е.А. Керамика раннего неолита памятника Шуанта (провинция Цзилинь, КНР) в контексте связей с материалами сопредельных территорий 192

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С. Костяное орудие из раннеголитической стоянки памятника Тартас-1 200

Новосельцева В.М. Новые данные по палеолиту Осинско-Унгинского геоархеологического района в Южном Приангарье 208

Очередной А.К., Янина Т.А., Романис Т.В., Курбанов Р.Н., Таратунина Н.В., Ельцов М.В., Лаврентьев Н.В., Казаков Е.В., Иванов Я.Д., Куприянова М.Д., Клименко П.Г., Ремизов С.О. Работы по обнаружению культурного слоя на среднепалеолитическом памятнике Сухая Мечётка в 2022 году 214

Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Харевич В.М., Макаров С.С., Папин А.Д., Таймагамбетов Ж.К., Дуванбеков Р.С., Манскова Е.А., Анойкин А.А. Разведочные работы в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан) в 2022 году 222

Павленок К.К., Когай С.А., Сосин П.М., Деревнина А.С., Таратунина Н.А., Петржик Н.М., Юдин И.А., Мухтаров Г.А., Турсунов С.С., Харевич В.М., Чистяков П.В. Открытие индустрии с сельунгурскими чертами на Западном Тянь-Шане: стоянка Куксарай-2 (раскоп 1) 229

Павленок К.К., Когай С.А., Сосин П.М., Деревнина А.С., Таратунина Н.А., Петржик Н.М., Юдин И.А., Мухтаров Г.А., Турсунов С.С. Стоянка Куксарай-2 (раскоп 2): новые данные об индустрии с сельунгурскими чертами в Западном Тянь-Шане 238

Росина В.В., Агаджанян А.К., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Рукокрылые (Chiroptera, Mammalia) из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры 246

Рудая Н.А. Природные условия раннего голоцена Алтая (по данным из палеозаписей озер) 251

Рыбалко А.Г. Каменные индустрии позднего этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана 257

Рыбалко А.Г., Зенин В.Н. Начальный средний палеолит Юго-Восточного Дагестана. 264

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования раннепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2022 году 271

Рыбин Е.П., Болорбат Ц., Марченко Д.В., Хаценович А.М., Кравцова П.С., Клементьев А.М., Маргад-Эрдэнэ Г., Харевич В.М., Гунчинсурэн Б. Исследование стоянки начального верхнего палеолита Харганын-гол-13 (Монголия) в 2022 году 276

Рыбин Е.П., Кравцова П.С., Харевич В.М., Хаценович А.М., Марченко Д.В. Подготовка и транспортировка каменного сырья в комплексах начального верхнего палеолита стоянки Толбор-4 (Монголия) 282

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Болорбат Ц., Хаценович А.М., Кравцова П.С., Маргад-Эрдэнэ Г., Харевич В.М., Клементьев А.М., Гунчинсурэн Б. Археологическое изучение стоянки Толбор-21 (Монголия) в 2022 году 291

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю. Трехмерное моделирование экспериментальных эталонов каменных ударно-абразивных орудий: возможности и ограничения. 298

Табарев А.В. История изучения каменного века Индонезии: раннеголоценовая микроиндустрия тоала (Toalean), Сулавеси 305

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Нижний комплекс Подзвонкой: новые исследования начального верхнего палеолита на юге Западного Забайкалья 311

Ульянов В.А., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Исследование плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2022 году. 317

Федорченко А.Ю. Планиграфический контекст каменных украшений из культурного слоя VI стоянки Ушки I. 322

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Плотников Д.Р., Левина Е.В., Вишневский А.В. Мастерская им. Б.Х. Кадикова – новый памятник каменного века в Горном Алтае 330

Харевич А.В., Маркин С.В., Деревянко А.П. Бифасиальные орудия из пещеры Окладникова: технико-типологический анализ 337

Харевич А.В., Рыбалко А.Г., Колобова К.А. Развитие форм и технологий изготовления ручных рубил в позднем ашеле на территории Юго-Восточного Дагестана. 345

Харевич А.В., Харевич В.М., Колобова К.А. Сравнение экспериментальных коллекций нуклеусного и бифасиального дебитажа в контексте сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая 351

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Зольников И.Д., Левицкая П.С., Харевич А.В., Павленок Г.Д., Анойкин А.А. Новый памятник финального верхнего палеолита на побережье Красноярского водохранилища: стоянка Сидориха 359

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Зольников И.Д., Харевич А.В., Левицкая П.С., Гришин А.А., Анойкин А.А. Археологические работы на стоянке раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (Средний Енисей). 365

Хаценович А.М., Базаргур Д., Цэрэндагва Я., Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Маргад-Эрдэнэ Г., Кравцова А.С., Кравцова П.С., Керенэ Онфрёй де Бревилль А., Бурсе Т., Гунчинсурэн Б., Деревянко А.П., Олсен Д.У. Изучение пещеры Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае в 2022 году 373

Хаценович А.М., Марченко Д.В., Федорченко А.Ю., Рыбин Е.П. Размерность бусин и подвесок из скорлупы яиц страуса как культурный маркер в верхнем палеолите – мезолите Северной и Восточной Азии 381

Чеха А.М. Археологическая разведка в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2022 году 389

Чеха А.Н. Неолитические комплексы Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье (проблемы, особенности, аналогии). 394

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Баранова С.В., Срывкина Ю.В., Ершова О.В., Алишер кызы С., Черноносов А.А. Применение ZooMS анализа к материалам стоянки Айгыржал-2 (Нарынская долина, Кыргызстан). 400

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Чеха А.М., Федорченко А.Ю. Палеолитические комплексы южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2022 года 407

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Балков Е.В., Позднякова О.А., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н. Результаты комплексных археолого-геофизических исследований на памятнике Усть-Тартасские курганы. Отработка новых методов и технологий 417

Бобров В.В. К проблемам исследования и интерпретации древнего и средневекового наскального искусства Сибири и Центральной Азии 425

Бобров В.В., Моор Н.Н. Красноярская лесостепь в аспекте культурно-исторических процессов Сибири в эпоху голоцена 431

Богданов Е.С. Ритуальные сооружения могильника Курайка (Горный Алтай) 437

Бородовский А.П. Исследования месторасположения Чаусского острога 443

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Вальченко В.Е., Нестеров С.П., Шеломихин О.А., Шиповалов А.М., Шульмин Р.А. Результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье 451

Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое датирование построек каркасно-столбового типа (на примере постройки 11 Усть-Войкарского городища) 459

Гирченко Е.А. Ханьцзяни как источник для изучения торговых отношений на северо-западе Китая в период Западной Хань 468

Гнездилова И.С. История изучения комплексов по производству ханива периода кофун 474

Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Первые объекты типа «курган с “усами”» в Кулундинской степи 479

Давыдов Р.В. Апробация методов статистики для определения авторства в металлообрабатывающем производстве (по материалам торевтики из могильника аскизской культуры Большой Телек) 487

Дураков И.А., Кобелева Л.С. Бронзолитейное производство андроновской (федоровской) культуры на территории Обь-Иртышской лесостепи 496

Дьяконов В.М., Соловьёва Е.Н., Степанов А.Д. Позднесредневековое погребение Диринг (Чурапчинский район, Якутия) 503

Епимахов А.В. Новые данные о радиоуглеродной хронологии финальной части позднего бронзового века (Южное Зауралье) 509

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Синкретический погребальный комплекс Комсомольский II (поздний бронзовый век в Южном Зауралье) 516

Ефремова Н.С. К вопросу о писанице-святилище как отражении производственных культов древности: уральский и алтайский варианты 522

Жилич С.В., Карачурина С.Е. Причины пожарной активности и ее связь с изменениями растительных сообществ в котловине озера Нижнее Мультинское (Республика Алтай) в позднем голоцене 527

Зоткина Л.В. Использование естественных особенностей скальной поверхности в наскальном искусстве Минусинской котловины 534

Зоткина Л.В., Сутугин С.В., Аболонкова И.В., Давыдов Р.В., Уткина А.О., Шашерина Л.В., Миклашевич Е.А. Некоторые результаты полевых исследований петроглифов древнейшего пласта Минусинской котловины в 2022 году 540

Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Балков Е.В., Шапаренко И.О., Панин Г.Л., Фадеев Д.И. Опыт использования дистанционных методов для экспресс-оценки устройства археологических памятников 548

Кишкурно М.С. Новые данные по краниологии носителей подгорновского этапа тагарской культуры Хакасии 555

Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Гирченко Е.А. Жертвенники культуры Саньсиндуй (по материалам раскопок 2021–2022 годов) 563

Косинцев П.А., Полосьмак Н.В., Шульга П.И. Половой и возрастной состав лошадей из могильников раннего железного века Алтая 570

Крупочкин Е.П., Папин Д.В. Аэрокосмическая съемка в археологии: опыт применения и новые возможности 575

Кубарев Г.В. Некоторые итоги исследований в центральном и южном Алтае в 2022 году. 583

Кудинова М.А. Погребения эпохи Шестнадцати варварских государств в районе города Сиань, провинция Шэньси, КНР: краткий обзор 591

Лебединцев А.И., Прут А.А., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Макаров И.В., Гребенюк С.П. Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье) в 2022 году 599

Леванова Е.С., Свойский Ю.М., Зиганшина А.А., Романенко Е.В., Бове Л.Л. Исследование петроглифов на реке Пегтымель в 2022 году. 606

Миклашевич Е.А. Апкашевская писаница в комплексе памятников наскального искусства в горах Оглахты (полевые исследования в 2022 году) 613

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Раскопки северной части могильника Тартас-1. 621

Молодин В.И., Кудинова М.А. Клад наконечников копий сейминско-турбинского типа на памятнике Сяванган, провинция Хэнань, Китай 630

Мыльников В.П. Музыкальные инструменты из дерева раннего железного века (Алтай) 638

Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Кудинова М.А., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В., Борзых К.А., Бобин Д.Н., Кравцова А.С., Некраш А.А., Попова Б.С., Титова А.А., Харитонов Р.М., Швецова Е.С. Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения 647

Ненахов Д.А. К вопросу определения признаков эксплуатации кельтов эпохи бронзы и раннего железного века с территории Сибири. 656

Нестеркина А.Л. Новые данные о погребальном обряде населения южной части Корейского полуострова в период раннего железного века: по материалам захоронения Сонджери 664

Нестеркина А.Л., Гирченко Е.А. Каменные ящики как внутримогильные сооружения в культуре ситуаньшань в Китае и в дольменах Кореи: вероятные связи и аналогии. 670

Папин Д.В., Демин М.А., Савко И.А., Федорук А.С. Особенности погребальной практики населения предгорного Алтая раннего железного века по материалам могильника Усть-Иша-5 677

Полосьмак Н.В. Рекогносцировочные исследования на могильном поле Катанда-3 683

Савельева А.С., Леонтьев С.Н., Герман П.В., Егорченко С.Е., Плац И.А., Калинская А.В. Первые результаты исследований средневекового могильника Арчекасские курганы II на реке Кия 690

Сальникова И.В., Наберухина А.В. Уникальный крест из Каинского некрополя: иконография, семантика, технология изготовления. 698

Селин Д.В. Особенности гончарного производства носителей сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (по материалам городища Барсов городок I/20) 706

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Погребение эпохи Тюркских каганатов с набором китайских монет: к хронологии объектов некрополя Горный-10 (Северный Алтай) 714

Соловьев А.И. Лица на грани (взгляд со стороны) 721

Соловьева Е.А. К вопросу об изучении глиняных фигур фундогата периода яёи, Япония 729

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Археологические исследования в городе Таре в 2022 году 734

Татаурова Л.В., Сальникова И.В. Нательные кресты из культурного слоя поселения Ананьино I 738

Татаурова Л.В., Сопова К.О. Комплекс глиняной утвари из раскопок поселения Ананьино I: типы, морфология и технология 744

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Археология русской деревни Ананьино: новые открытия. 750

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Археологический инвентарь с поселений татар Среднего Прииртышья Нового и Новейшего времени (по материалам полевых исследований) 757

Тихонов С.С. Концевые накладки на лук Еловского поселения (поздний бронзовый век). 766

Уткин М.В., Филатова М.О. Использование изотопов кислорода в дендрохронологии для межвидовой датировки исторической древесины: зарубежный опыт 770

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Керамика донгальского типа поселения Калиновка II (лесостепной Алтай) 778

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика развитого этапа бронзового века поселения Калиновка II (Восточная Кулунда) 787

Черемисин Д.В. Птицы на скалах (еще раз об изображения птиц в петроглифах Алтая). 795

Шульга Д.П. Монеты Восточной Римской империи из коллекции Китайского музея нумизматики 800

Шульга Д.П., Шульга П.И. Погребения M8002 и M8004 как пример ранних чжуншаньских захоронений 805

Шульга П.И. Погребения раннескифского времени из могильника Чесноково-1 как вероятный результат миграций из Северо-Восточного Синьцзяна (Китай). 811

Шульга П.И., Гирченко Е.А., Хорват В. О верховой езде, всадничестве и колесничестве в Северном Китае во II–I тыс. до н.э. 817

ЭТНОГРАФИЯ

Аксенова И.Ю. Обычаи и традиции Петрова дня у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края в XX–XXI вв. (по материалам этнографических экспедиций 2013–2022 гг.) 825

Ахметова Ш.К. Реликты древних верований в погребальном обряде казахов Среднего Прииртышья 831

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Торткулаки Среднего Прииртышья 837

Ахунова Э.Р. Этнографические выставки и коллекции сибирских татар в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике 845

Бадмаев А.А. Сорока в традиционном мировоззрении бурят 849

Блинова А.Н. Изучение и введение в научный оборот этнографических коллекций российских немцев. 856

Бурнаков В.А. Лебедь и его образ в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX века) 863

Голубкова О.В. Звуки иного мира в нарративах восточных славян и финно-угров в Западной Сибири 872

Ильина А.А. Национально-культурные объединения сибирских татар Тюменской области (1980-е – начало 2020-х годов) 878

Лыгденова В.В. Баргузинская долина: Соодой-лама, современные культовые места и буддийские ступы (по результатам полевых экспедиций в Курумканский район Республики Бурятия 2012–2022 годы) 884

Любимова Г.В. У истоков русской сибирской этнографии (штрихи к научному портрету А.А. Макаренко) 889

Майничева А.Ю. Православные мемориальные храмы как нейрооснова коллективной памяти 895

Николаев В.В. Северный Алтай: динамика идентичностей коренного населения сквозь призму науки и политики 899

Новиков А.В., Капитини Г. «Ветка» – традиционная лодка северных селькупов. Вопросы технологии изготовления 906

Октябрьская И.В., Анцифиров С.В. Старожильческое село Кошкуль: этноконфессиональная история . . . 915

Рублева А.А. Потомки старообрядцев деревни Макурино: практика сохранения идентичности (по материалам полевых исследований 2022 года) . . . 921

Самушкина Е.В. Нематериальное культурное наследие Республики Тыва: практики сохранения и популяризации . . . 927

Селезнев А.Г. Полевое этнографическое изучение экопоселений: кейс поселения Азъ Градъ Омской области . . . 933

Тихомирова М.Н. Традиции и новации в системе жизнеобеспечения и духовной культуре татар в зоне межэтнического и этнокультурного взаимодействия . . . 940

Фурсова Е.Ф. Особенности этнокультурной памяти и свадебной обрядности русских «пензяков» в Барабинской лесостепи . . . 947

Харитонов Р.М., Михиенко В.А. Бурятский лук из фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (Новосибирск) . . . 955

Чемчиева А.П. «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи» (К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер): новое прочтение источника . . . 962

Шитова Н.И. Освоение природных ландшафтов и этнокультурная идентичность (по материалам русских Горного Алтая) . . . 968

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Бычков Д.А., Боровская Е.Д., Идимешев А.А. Новые сведения об освоении в финале каменного века окрестностей п. Самусь в Томской области . . . 977

Бычков Д.А., Морозов А.А. Новые сведения о поселенческом комплексе Красный Яр на р. Уень в Новосибирском Приобье . . . 982

Васильева Ю.А., Дудко А.А. Результаты спасательных археологических раскопок на поселении Сырой Аган-28 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2022 году 986

Выборнов А.В., Гирченко Е.А., Бычков Д.А., Горельченкова О.А., Иванова А.С., Селецкий М.В., Сопова К.О., Стасюк И.В., Толпеко И.В., Павленок К.К. Средневековые могильники у озер Аялвач и Таштагол в Барабинской лесостепи . . . 993

Выборнов А.В., Чеха А.М., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К. Разведочные работы в районе Шульбинского водохранилища (Восточный Казахстан) в 2022 году . . . 1001

Кениг А.В., Бычков Д.А., Морозов А.А., Дедов И.Е., Деманов И.А., Андреев О.В., Половников И.С., Сопова К.О. Предварительные результаты изучения поселенческого и промыслового комплексов в долине р. Ингу-Ягун в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2022 году . . . 1008

Сопова К.О., Бычков Д.А., Морозов А.А., Деманов И.А. Обследование курганных могильников в Барабинском и Чановском районах Новосибирской области в 2022 году . . . 1015

Тетерин Ю.В., Чертыков В.А., Тимощенко А.А., Акимова Е.В. Раскопки тагарских курганов на могильнике Доможаков-6 в 2022 году в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия . . . 1021

Тимощенко А.А., Давыдов Р.В., Акимова Е.В., Мамаева А.К. Исследования могильника Уйтаг-15 в Республике Хакасия в 2022 году . . . 1029

Тимощенко А.А., Давыдов Р.В., Акимова Е.В., Мамаева А.К. Мелкий рогатый скот в погребальном обряде тесинской культуры (по материалам могильника Уйтаг-15) . . . 1038

Чертыков В.А., Тимощенко А.А., Акимова Е.В. Изучение одиночного кургана Скальная-11 у горы Уйтаг в Хакасии . . . 1046

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ . . . 1052

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE
PALEOECOLOGY

Agadjanian A.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Dynamics of Small Vertebrate Communities from the Pleistocene Deposits of the Denisova Cave South Chamber 7

Alisher kyzy S., Rakhmanov Z., Khoshimov K., Schneider S.V. Preservation of Neolithic Sites in Central Fergana: Results of Archaeological Survey 2022 13

Anoikin A.A., Zeynalov A.A., Kulakov S.A., Ocherednoy A.K., Idrisov I.A., Kurbanov R.N., Eibatov T.M. Geoarchaeological Survey in Azerbaijan in 2022 21

Anoikin A.A., Filatov E.A., Chistiakov P.V., Sosin P.M., Sharipov A.F., Meshcheryakova O.A., Tokareva O.A., Kurbanov R.N. Investigation of Pedocomplex 5 of Lakhuti IV Site (Southern Tajikistan) in 2022. 29

Anoikin A.A., Filatov E.A., Chistyakov P.V., Sosin P.M., Sharipov A.F., Meshcheryakova O.A., Tokareva O.A., Pavlenok G.D., Kurbanov R.N. Study of Early Paleolithic Assemblages of MIS 14–15 in the Obi-Mazar River Valley (Tajikistan) in 2022. 36

Anoikin A.A., Kharevich V.M., Bocharova E.N., Makarov S.S., Papin A.D., Taimagambetov Z.K., Duvanbekov R.S., Manskova E.A. Study of the Ushbulak Upper Paleolithic Site, Eastern Kazakhstan, in 2022. 43

Belousova N.E. Bladelet Knapping in the Industry of Anui-2 Site, Horizon *B*: Individual Acts of Production Activity 51

Belousova N.E., Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y., Postnov A.V., Shunkov M.V. Functions of Stone Percussion and Abrasive Tools from the Anui-2 Site: Preliminary Results 58

Bobrov V.V., Valkov I.A. Bone Items from the Neolithic Burial Site Autodrom-1A 66

Vasiliev S.K., Milyutin K.I., Serednyov M.A. New Findings of Pleistocene Megafauna Remains at Alluvial Locations of the Upper Ob Region (Bibikha, Chumysh, Chik) in 2022. 74

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. New Data on Late Pleistocene Megafauna from Denisova Cave. 82

Gladyshev S.A. Evolution of Cores at the Sites along the Northern Coast of the Valley of Lakes (Mongolia). 89

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Makarov S.S., Levitskaya P.S., Bordyugova E.A., Perfiliev S.S., Dzhumanov A.T., Vybornov A.V. Archaeological Survey on the Kushevatskaya Channel (Right Bank of the Great Ob) in 2022 97

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Makarov S.S., Levitskaya P.S., Bordyugova E.A., Perfiliev S.S., Dzhumanov A.T., Vybornov A.V., Kulik N.A. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2022 104

Zolnikov I.D., Kharevich V.M., Levitskaya P.S., Anoikin A.A. Specific Features of Geological and Geomorphological Structure of Quaternary Deposits in the Coastal Bluffs of the Left Bank of the Krasnoyarsk Reservoir Near the Sabanikha-3 and Sidorikha Sites. 110

Kandyba A.V., Pavlov I.S., Pavlova N.I., Protopopov A.V. Field Research in the Bulunsky District (the Republic of Sakha (Yakutia)) in 2022. 116

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Stone Industries of the Early Stages of the Middle Paleolithic at the Darvagchay-Zaliv-4 Site (2022 Research) . . . 122

Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich A.V., Seletsky M.V., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Industry of Okladnikov Cave Layer 1 in the Context of New Findings . . . 127

Kolobova K.A., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Mukhtarov G.A., Krivoshapkin A.I. New Data on Carinated Cores/End-scrapers in West Central Asia . . . 136

Kolyasnikova A.S., Chistiakov P.V., Kolyasnikova A.S., Medvedev S.P. New Data on Bone Industry from Staroselye Site (Formozov's Excavations) . . . 143

Kulik N.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Raw Materials of the Early Middle Paleolithic Industries from Denisova Cave . . . 152

Kurbanov R.N., Anoikin A.A., Filimonova T.G., Karaev A.C., Meshcheryakova O.A., Kulakova E.P., Filatov E.A., Chistyakov P.V., Sharipov A.F. 2022 Geoarchaeological Study at Khonako III Site in Southern Tajikistan . . . 157

Markin S.V. Nyapan Upper Pleistocene Sites in the Northwestern Altai . . . 164

Markovsky G.I., Alisher kyzy S., Abdykanova A., Schneider S.V. Three-Dimensional Models in Morphometric Analysis of Cores from the Obishir-5 Site (Fergana Valley, Kyrgyzstan) . . . 169

Marchenko D.V., Bolorbat T., Khatsenovich A.M., Klementiev A.M., Kravtsova P.S., Margad-Erdene G., Gunchinsuren B., Rybin E.P. Investigation of a Depression Under Initial Upper Paleolithic Archaeological Horizon at the Tolbor 21 Site (Northern Mongolia) in 2021-2022 . . . 175

Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Rybin E.P. Spatial Arrangement of Sites Located Near Raw Material Outcrops: A Cluster Analysis Using Materials from Lower Archaeological Horizons at the Tolbor-4 Site, Northern Mongolia . . . 181

Medvedev V.E., Girchenko E.A. Early Neolithic Ceramics from the Shuangta Site (Jilin Province, China) and Its Relations with Materials from Adjacent Territories . . . 192

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S. Bone Tool from an Early Neolithic Site of Tartas-1 . . . 200

Novoseltseva V.M. New Data on the Paleolithic of the Osa-Unga Geoarchaeological Region . . . 208

Ocherednoy A.K., Yanina T.A., Romanis T.V., Kurbanov R.N., Taratunina N.V., Yeltsov M.V., Lavrentiev N.V., Kazakov E.V., Ivanov Y.D., Kupriyanova M.D., Klimenko P.G., Remizov S.O. Discovery of a Cultural Layer at the Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic Site in 2022 . . . 214

Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Kharevich V.M., Makarov S.S., Papin A.D., Taimagambetov Z.K., Duvanbekov R.S., Manskova E.A., Anoikin A.A. 2022 Archaeological Survey at Shylikty Valley (Eastern Kazakhstan) . . . 222

Pavlenok K.K., Kogai S.A., Sosin P.M., Derevnina A.S., Taratunina N.A., Petrzhik N.M., Yudin I.A., Mukhtarov G.A., Tursunov S.S., Kharevich V.M., Chistyakov P.V. Discovery of the Sel'Ungur-Like Industry in Western Tien Shan: Kuksaray-2 Site (Excavation 1) . . . 229

Pavlenok K.K., Kogai S.A., Sosin P.M., Derevnina A.S., Taratunina N.A., Petrzhik N.M., Yudin I.A., Mukhtarov G.A., Tursunov S.S. Kuksaray-2 Site (Excavation 2): New Data on Sel'Ungur-Like Industry in Western Tien Shan . . . 238

Rosina V.V., Agadzhanian A.K., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Bats (Chiroptera, Mammalia) from the Pleistocene Deposits of the East Chamber of the Denisova Cave . . . 246

Rudaya N.A. Early Holocene Environments in Altai (Based on the Paleodata from Lake Sediments) . . . 251

Rybalko A.G. Lithic Industries of the Late Middle Paleolithic in Southeast Dagestan . . . 257

Rybalko A.G., Zenin V.N. Early Middle Paleolithic of Southeastern Dagestan . . . 264

Rybalko A.G., Kandyba A.V. 2022 Studies of the Early Paleolithic Complexes at the Darvagchay-Zaliv-4 Site . . . 271

Rybin E.P., Bolorbat T., Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Kravtsova P.S., Klementyev A.M., Margad-Erdene G., Kharevich V.M., Gunchinsuren B. 2022 Archaeological Investigation of Kharganyn-Gol-13 Initial Upper Paleolithic Site (Mongolia). 276

Rybin E.P., Kravtsova P.S., Kharevich V.M., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V. Preparation and Transportation of Stone Raw Materials in the Initial Upper Paleolithic in Mongolia: Tolbor-4 Site 282

Rybin E.P., Marchenko D.V., Bolorbat T., Khatsenovich A.M., Kravtsova P.S., Margad-Erdene G., Kharevich V.M., Klementyev A.M., Gunchinsuren B. 2022 Archaeological Investigation of Tolbor-21 Paleolithic Site (Mongolia) 291

Seletskiy M.V., Fedorchenko A.Yu. 3D-modelling of Experimental Percussive-abrasive Stone Tools: Opportunities and Limitations 298

Tabarev A.V. History of the Study of the Stone Age of Indonesia: Early Holocene Toalean Microindustry, Sulawesi Island 305

Tashak V.I., Antonova Y.E. Podzvonkaya Lower Complex: New Studies of the Initial Upper Paleolithic in the Southwestern Transbaikalia 311

Ulyanov V.A., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. 2022 Study of Pleistocene Deposits in the South Chamber of the Denisova Cave. 317

Fedorchenko A.Yu. Spatial Context of the Stone Personal Ornaments from Cultural Layer VI at the Ushki I Site 322

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Plotnikov D.R., Levina E.V., Vishnevsky A.V. B.K. Kadikov's Workshop: New Stone Age Site in Gorny Altai 330

Kharevich A.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Bifacial Tools from Okladnikov Cave: Technical and Typological Analysis 337

Kharevich A.V., Rybalko A.G., Kolobova K.A. Development of Shapes and Production Technology for Hand Axes from the Late Acheulean in Southeastern Dagestan. 345

Kharevich A.V., Kharevich V.M., Kolobova K.A. Comparing Experimental Core and Bifacial Debitage in the Context of Sibiryachikha Middle Paleolithic Variant in Altai 351

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Zolnikov I.D., Levitskaya P.S., Kharevich A.V., Pavlenok G.D., Anoikin A.A. New Final Upper Paleolithic Site on the Krasnoyarsk Reservoir: Sidorikha Site 359

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Zolnikov I.D., Kharevich A.V., Levitskaya P.S., Grishin A.A., Anoikin A.A. Archaeological Work at the Early Upper Paleolithic Site of Sabanikha 3 (Middle Yenisei) 365

Khatsenovich A.M., Bazargur D., Tserendagva Y., Marchenko D.V., Rybin E.P., Klementyev A.M., Margad-Erdene G., Kravtsova A.S., Kravtsova P.S., Querenet Onfroy de Breville I., Burcet T., Gunchinsuren B., Derevianko A.P., Olsen J.W. 2022 Investigations of Tsagaan Agui Cave in the Gobi Altai 373

Khatsenovich A.M., Marchenko D.V., Fedorchenko A.Yu., Rybin E.P. Size of Ostrich Eggshell Beads and Pendants as a Cultural Marker in the Upper Paleolithic–Mesolithic of Northern and Eastern Asia 381

Chekha A.M. 2022 Archaeological Survey in the Ust-Kan District of the Republic of Altai 389

Chekha A.N. Neolithic Industries of the Ust-Kutarey Area in the North Angara Region: Challenges, Specifics, and Parallels 394

Schneider S.V., Abdykanova A., Baranova S.V., Sryvkina Y.V., Ershova O.V., Alisher kyzy S., Chernonosov A.A. ZooMS Analysis with the Aygirzhal-2 Site Materials (Naryn Valley, Kyrgyzstan). 400

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Chekha A.M., Fedorchenko A.Yu. Paleolithic Complexes of the South Chamber of Denisova Cave: 2022 Materials 407

ARCHAEOLOGY FROM THE BRONZE AGE TO THE MODERN AGE

Balkov E.V., Pozdnyakova O.A., Nenakhov D.A., Mylnikova L.N. Integrated Archaeological and Geophysical Studies at the Ust-Tartasskie Kurgany Site: New Methods and Techniques 417

Bobrov V.V. Problems of Studying and Interpreting Ancient and Medieval Art in Siberia and Central Asia 425

Bobrov V.V., Moor N.N. Krasnoyarsk Forest-Steppe in the Context of Cultural and Historical Processes in Siberia in the Holocene 431

Bogdanov E.S. Ritual Structures at the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains) 437

Borodovskiy A.P. Studies on the Location of Fort Chaussky 443

Volkov D.P., Kryuchko E.I., Mohar V.A., Valchenko V.E., Nesterov S.P., Shelomikhin O.A., Shipovalov A.M., Shulmin R.A. Results of Excavations at the Fortress of the Daurian Type in Western Amur Region 451

Garkusha Y.N. Dendrochronological Dating of Frame-and-Post Type Buildings: Structure 11 at the Ust-Voikar Settlement 459

Girchenko E.A. The Hanjian Wooden Slips as a Source for Investigating Trade Relations in the Northwest China during the Western Han Period 468

Gnezdilova I.S. History of Research into Haniwa Production Complexes of the Kofun Period 474

Grishin A.E., Marchenko Z.V. First Objects of the "Kurgan with 'Mustache'" Type in the Kulunda Steppe 479

Davydov R.V. Tests of Statistical Methods on Identifying Authorship in Metalworking (Based on Toreutics from the Bolshoi Telek Burial Ground of the Askiz Culture). 487

Durakov I.A., Kobeleva L.S. Bronze Casting of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Ob-Irtysh Forest-Steppe 496

Dyakonov V.M., Solovyova E.N., Stepanov A.D. Late Medieval Burial in Diring (Churapcha District, Yakutia) 503

Epimakhov A.V. New Data on Radiocarbon Chronology of the Final Part of the Late Bronze Age (Southern Trans-Urals). 509

Epimakhov A.V., Epimakhova M.G. Syncretic Burial Complex of Komsomolsky II (Late Bronze Age in the Southern Trans-Urals) 516

Efremova N.S. Rock Art Sanctuary as a Feature of Antique Trade Cults: Altai and Ural Trends 522

Zhilich S.V., Karachurina S.E. Causes of Fire Activity and Its Relation to Changes in Plant Communities in the Basin of Lake Nizhnee Multinskoe (Altai Republic) in the Late Holocene 527

Zotkina L.V. Use of Natural Features of the Rock Surface in the Rock Art of the Minusinsk Basin 534

Zotkina L.V., Sutugin S.V., Abolonkova I.V., Davydov R.V., Utkina A.O., Shasherina L.V., Miklashevich E.A. Some Results of the 2022 Field Study of the Earliest Petroglyphs in the Minusinsk Basin 540

Karin Y.G., Pozdnyakova O.A., Balkov E.V., Shaparenko I.O., Panin G.L., Fadeev D.I. Use of Remote Methods for Rapid Assessment of Structure in Archaeological Sites. 548

Kishkurno M.S. New Data on Craniology of the Population at the Podgornovo Stage of the Tagar Culture in Khakassia 555

Komissarov S.A., Solovyev A.I., Girchenko E.A. Sacrificial Pits of the Sanxingdui Culture (Evidence of Excavations in 2021–2022) 563

Kosintsev P.A., Polosmak N.V., Shulga P.I. Sex and Age Composition of Horses from Burial Grounds of the Early Iron Age in the Altai 570

Krupochkin E.P., Papin D.V. Aerial and Satellite Survey in Archaeology: Application and New Opportunities . . . 575

Kubarev G.V. Some Results of Research in Central and Southern Altai in 2022 . . . 583

Kudinova M.A. Tombs of the Sixteen Kingdoms Period near Xi'an, Shaanxi Province, China: Brief Overview . . . 591

Lebedintsev A.I., Prut A.A., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Y., Makarov I.V., Grebenyuk S.P. Field Research at the Olskaya Site (Northern Sea of Okhotsk Region) in 2022 . . . 599

Levanova E.S., Svoysky Y.M., Ziganshina A.A., Romanenko E.V., Bove L.L. Study of Petroglyphs on the Pegtymel River in 2022 . . . 606

Miklashevich E.A. The Apkashev Site in the Oglakhty Complex of Rock Art Sites (Field Research of 2022) . . . 613

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenakhova Y.N., Selin D.V., Efremova N.S., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Excavations at the Northern Part of the Tartas-1 Burial Ground . . . 621

Molodin V.I., Kudinova M.A. Hoard of the Seima-Turbino Type Spearheads at the Xiawanggang Site, Henan Province, China . . . 630

Mylnikov V.P. Wooden Musical Instruments of the Early Iron Age (the Altai) . . . 638

Mylnikova L.N., Molodin V.I., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Kudinova M.A., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V., Borzykh K.A., Bobin D.N., Kravtsova A.S., Nekrash A.A., Popova B.S., Titova A.A., Kharitonov R.M., Shvetsova E.S. Elite Burial Mound No. 51 at the Ust-Tartas Burial Ground: General Information . . . 647

Nenakhov D.A. Identification of Traces of Use on the Celts of the Bronze and Early Iron Age from Siberia . . . 656

Nesterkina A.L. New Evidence on the Funeral Rite of the Population Living in the Southern Part of the Korean Peninsula in the Early Iron Age: Excavations in Seonje-ri . . . 664

Nesterkina A.L., Girchenko E.A. Stone Boxes as Inner Grave Structures in the Xituanshan Culture in China and Megalithic Tradition of Korea: Possible Connections and Parallels . . . 670

Papin D.V., Demin M.A., Savko I.A., Fedoruk A.S. Specific Features of Burial Practice among the Population of the Altai Foothills in the Early Iron Age Based on the Evidence from the Ust-Isha-5 Burial Ground . . . 677

Polosmak N.V. Reconnaissance Studies at the Katanda-3 Burial Field . . . 683

Savelyeva A.S., Leontiev S.N., German P.V., Egorchenko S.E., Plats I.A., Kalinskaya A.V. First Results of Research at the Medieval Burial Ground of Archekasskie Kurgany II on the Kiya River . . . 690

Salnikova I.V., Naberukhina A.V. A Unique Cross from Kainsk Necropolis: Iconography, Semantics, and Manufacturing Technique . . . 698

Selin D.V. Pottery Production among the Carriers of the Surgut Variant of the Kulaika Cultural and Historical Community (Evidence from the Settlement of Barsov Gorodok I/20) . . . 706

Seregin N.N., Stepanova N.F. Burial of the Turkic Khaganates Period with a Set of Chinese Coins: On the Chronology of Objects at the Gorny-10 Necropolis (the Northern Altai) . . . 714

Solovyev A.I. Faces on the Edge (Side View) . . . 721

Solovyeva E.A. Studying the Fundogata Clay Figurines of the Yayoi Period, Japan . . . 729

Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Research in the Historic Center of the Town of Tara in 2022 . . . 734

Tataurova L.V., Salnikova I.V. Pectoral Crosses from the Cultural Layer of the Ananyino I Settlement . . . 738

Tataurova L.V., Sopova K.O. Pottery from the Excavations at the Settlement of Ananyino I: Types, Morphology, and Technology . . . 744

Tataurova L.V., Tataurov S.F. Archaeology of the Russian Village of Ananyino: New Discoveries . . . 750

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Archaeological Inventory from the Settlements of the Tatars in the Middle Irtysh Region of the Early Modern and Modern Periods Based on Field Research 757

Tikhonov S.S. Bow End Plates from the Elovka Settlement (the Late Bronze Age) 766

Utkin M.V., Phylatova M.O. Use of Oxygen Isotopes in Dendrochronology for Interspecies Dating of Historical Wood: International Experience 770

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Pottery of the Dongal Type from the Kalinovka II Settlement (Forest-Steppe Altai) 778

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Pottery of the Advanced Bronze Age from the Kalinovka II Settlement (Eastern Kulunda) 787

Cheremisin D.V. Birds on the Rocks: Once Again about the Images of Birds in the Petroglyphs of the Altai 795

Shulga D.P. Coins of the Eastern Roman Empire from the Collection of the Chinese Numismatic Museum 800

Shulga D.P., Shulga P.I. Graves M8002 and M8004 as Examples of the Early Zhongshan Burials 805

Shulga P.I. Burials of the Early Scythian Period from the Chesnokovo-1 Burial Ground as a Probable Result of Migrations from the Northeastern Xinjiang (China) 811

Shulga P.I., Girchenko E.A., Horvath V. Horseback Riding, Horsemanship and Chariotry in Northern China in the II–I millennium BC 817

ETHNOGRAPHY

Aksenova I.Y. The Customs and Traditions of St. Peter's Day of the Old-Settlers and South Russian Migrants in the Altai Region in the 20th–21st Centuries (Based on Materials from 2013–2022 Ethnographic Expeditions) 825

Akhmetova S.K. Remnants of Ancient Beliefs in the Funeral Rite of the Kazakhs Living in the Middle Irtysh Region 831

Akhmetova S.K., Tolpeko I.V. Tortkulaks of the Middle Irtysh Region 837

Akhunova E.R. Ethnographic Exhibitions and Siberian Tatar Collections in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve 845

Badmaev A.A. Magpie in the Traditional Worldview of the Buryats 849

Blinova A.N. Research and Presentation of Scholarly Ethnographic Collections of the Russian Germans 856

Burnakov V.A. The Swan and its Image in the Traditional Khakass Culture (Late 19th – Mid 20th Century) 863

Golubkova O.V. Sounds of Other World in the Beliefs of the Eastern Slavs and Finno-Ugric Peoples in Western Siberia 872

Ilina A.A. Ethnic and Cultural Associations of the Siberian Tatars Living in Tyumen Region (the 1980s – Early 2020s) 878

Lygdenova V.V. The Barguzin Valley: Soodoy-Lama, Contemporary Cultic Places, and Buddhist Stupas (the Results of Field Expeditions to Kurumkan District of the Republic of Buryatia in 2012–2022) 884

Lyubimova G.V. At the Origins of Russian Siberian Ethnography (Some Points to the Scholarly Portrait of A.A. Makarenko) 889

Mainicheva A.Y. Orthodox Memorial Churches as Neural Basis of Collective Memory 895

Nikolaev V.V. The Northern Altai: Dynamics of Indigenous Identities through the Lens of Science and Politics 899

Novikov A.V., Capitini G. «Vetka» is a Traditional Boat of the Northern Selkups. Manufacturing Technology Issues 906

Oktyabrskaya I.V., Anzifirov S.V. The Old-Settler Village of Koshkul: An Ethnoconfessional History 915

Rubleva A.A. Descendants of the Old Believers from the Village of Makurino: Practice of Preserving Identity (Evidence of 2022 Field Research) 921

Samushkina E.V. Intangible Cultural Heritage of the Republic of Tyva: Conservation and Popularization Practices 927

Seleznev A.G. Field Ethnographic Study of Eco-Villages: The Case of Az Grad, Omsk Region 933

Tikhomirova M.N. Traditions and Innovations in the Life Support System and Spiritual Culture of the Tatars in the Zone of Interethnic and Ethnocultural Interaction 940

Fursova E.F. Features of Ethno-Cultural Tradition and Wedding Rituals of Russian "Penzyaks" in the Baraba Forest-steppe 947

Kharitonov R.M., Mikhienko V.A. Buryat Bow from the Funds of the Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East of IAET SB RAS (Novosibirsk). 955

Chemchieva A.P. "Journey through the Altai Mountains and Dzungar Kyrgyz Steppe" (K.F. Ledebour, A.A. Bunge, C.A. Meyer): New Interpretation of the Source 962

Shietova N.I. Assimilation of Natural Terrains and Ethnocultural Identity (Evidence of the Russians Living in the Altai Mountains) 968

RESCUE ARCHAEOLOGY

Bychkov D.A., Borovskaya E.D., Idimeshev A.A. Recent Data on the Terminal Stone Age History of the Samus Area in the Tomsk Region 977

Bychkov D.A., Morozov A.A. New Data about Settlement Complex of Krasnyi Yar on the Uen River in Novosibirsk Ob Region 982

Vasileva Y.A., Dudko A.A. Results of Rescue Archaeological Excavations at the Settlement of Syroy Agan-28 in the Nefteyugansk District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2022 986

Vybornov A.V., Girchenko E.A., Bychkov D.A., Gorelchenkova O.A., Ivanova A.S., Seletsky M.V., Sopova K.O., Stasyuk I.V., Tolpeko I.V., Pavlenok K.K. Medieval Burial Grounds near Lakes Ayalvach and Tashtagol in Baraba Forrest-steppe 993

Vybornov A.V., Chekha A.M., Anoikin A.A., Taimagambetov Z.K. Exploration Works in the Area of the Shulba Reservoir (East Kazakhstan) in 2022 1001

Kenig A.V., Bychkov D.A., Morozov A.A., Dedov I.E., Demanov I.A., Andreev O.V., Polovnikov I.S., Sopova K.O. Preliminary Results of the Study of the Settlement and Hunting Complexes in the Valley of the Ingu-Yagun River in the Surgut Region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2022 1008

Sopova K.O., Bychkov D.A., Morozov A.A., Demanov I.A. Survey of Burial Mounds in the Barabinsky and Chanovsky Districts of the Novosibirsk Region in 2022. 1015

Teterin Y.V., Chertukov V.A., Timoshchenko A.A., Akimova E.V., Excavations of Tagar Barrows at Domozhakov-6 Burial Ground in Ust-Abakan District of Khakassia Republic in 2022 1021

Timoshchenko A.A., Davydov R.V., Akimova E.V., Mamaeva A.K. Studies at the Uytag-15 Burial Ground in the Republic of Khakassia in 2022 1029

Timoshchenko A.A., Davydov R.V., Akimova E.V., Mamaeva A.K. Small Cattle in the Funeral Rite of the Tesin Culture (Based on the Materials from the Uytag-15 Burial Ground) 1038

Chertykov V.A., Timoshchenko A.A., Akimova E.V. Studies of Solitary Skalnaya-11 Mound near Uytag Mountain, Khakassia 1046

Научное издание

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXVIII
2022

Корректоры *А.В. Благовидова*, *А.В. Коненко*, *М.Н. Петрова*
Технический секретарь *А.С. Кравцова*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 21.12.2022 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 124,2. Уч.-изд. л. 114,8. Тираж 50 экз. Заказ № 571.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru